

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 05929161 1

INDEXED

Allen

15 B8

* QCA

INDEXED

Allen

1538

* QQA

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ПОЛИТИКИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. В. ДРУЖИНИНА.

Ohne Hast, ohne Rast.
Goethe.

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

СЕНТЯБРЬ.

ТОМЪ СТО-ШЕСТДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ.

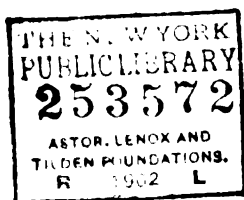

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ :

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляров. С.-Петербургъ, 1 сентября 1860 года.

Цензоры *А. Ярославцевъ.*
Ф. Рагманиновъ.

ИЮНЬ
ОДНО
УДАЛО

ОСЕННІЯ ДУМЫ.

I.

Туманной жизненной дорогой
Иду, иду... А для чего?
Передо мной—куда немного;
За мною—ровно ничего
И надъ могилой одинокой
Пропишутъ четко, что моля воть
Родные въ горести глубокой,
А дальше—мѣсяцъ, день и годъ.
Пропишутъ кстати, что родился
Въ такомъ-то мѣстѣ, тамъ-то росъ,
И нынѣ къ предкамъ возвратился
Все такъ... Но жилъ-ли? воть вопросъ!

II.

Смеркается. Тучи
Нависли кругомъ.
Печальной пустыней,
Сыпучимъ пескомъ
Я ѣду и ѣду
Съ тоскою вдвоемъ.
И такъ же безбрежно,
Какъ эти пески,
Въ душѣ моей царство
Холодной тоски.

III.

Конецъ! Мнѣ призракъ смерти глянулъ въ очи.
О, слышу я призывный шопотъ твой!
И бездны черныя загробной ночи
Растутъ, растутъ все шире предо мной.

О да, конецъ! Для мертвыхъ нѣтъ возврата.
 Да и пора ужъ: право, я усталъ!
 Вѣдь столько лѣтъ стремился я куда-то,
 Надѣялся и страстно ожидалъ.

Во мнѣ кипѣла жизненная сила,
 Я неуклонно дѣлалъ все, что могъ.
 И вотъ зияетъ вскрытая могила,
 И вотъ пора подписывать итогъ.

Но... Боже мой! выходить, что въ итогъ
 Я ничего не сдѣлалъ, не рѣшилъ.
 И въ изумленіи, ужъ на порогѣ,
 Мнѣ хочется спросить: зачѣмъ я жилъ?

IV.

Послѣдняя буря,
 Осенняя буря
 Мятетъ и волнуетъ
 Усталое сердце.
 Какъ по морю волны
 Въ душѣ расходились
 Угрюмыя страсти.
 Надолго-ли хватить
 Предсмертной ихъ оилы?
 Гроза пронесется,
 И бурныя страсти
 Навѣки умчатся,
 Оставивъ на память
 Душѣ опустѣвшей
 Обломки, осколки
 Застывшаго чувства.
 И въ этой пустынѣ
 Тогда не уловишь
 Внимательнымъ ухомъ
 Ни звука, ни вѣха...

Θ. Ромеръ.

НЕ ВЫТАНЦОВАЛОСЬ.

ПОВѢСТЬ.

(Изъ записокъ о послѣднемъ изъ рода гетманскихъ потомковъ.)

Часть вторая.

I.

Крѣпость, взятая безъ вѣдома коменданта.

Начались осенніе дни. Лѣнивый малорось, собравъ кое-какъ годовой запасъ хлѣба, сидѣлъ въ чистой, выметенной хатѣ и, подѣ влияніемъ дешеваго довольства, думалъ, идти ли ему уже пахать подѣ яровое, для будущаго лѣта, или нѣтъ? На землѣ Щебегковскаго также кое-какъ копошились, сняли и молотили хлѣбъ. Подѣ вечеръ еще песлись съ поля, вмѣстѣ съ пылью, ржаніе и глухой гулъ бѣжавшаго къ водопою конскаго табуна. Надѣ мельницей, огромнымъ, ветхимъ домомъ и похоронною часовней въ саду, кружились огромныя стаи грачей. На деревушкѣ, спавшей въ разсыпку по кособору, скрипѣли дружно, утро и вечеръ, деревянные журавли на колодцахъ. Между крестьянскихъ избъ выростала новая деревня, тѣснившая старую, деревня изъ золотистыхъ скирдъ молодаго хлѣба. Мелкіе барышники уже шныряли по окружности, выбирая пробы: то проса, то пшеницы, то льну, то гречихи. «Эге-ге! думалъ Иванъ Ильичъ: да какой же тутъ богатый околотокъ! Наслѣдникъ Балабанъ, хоть бы и эта хозяйственная помѣщица Дженджериха, и Гончаренко! Все тузы!» Случилось какъ-то такъ, что Иванъ Ильичъ не видѣлся съ своимъ сосѣдомъ черезъ рѣчку довольно долго, ни у себя дома, ни въ собственномъ монашескомъ фольваркѣ Антона

Степаныча, и на дружески соединявшей их усадьбы плотинѣ, съ знакомою уже мельницей. За педѣлю передъ тѣмъ встрѣтилъ онъ его, идучи въ поле, гдѣ-то подъ оврагомъ, кислаго, съ покраснѣвшими глазками и съ одышкой. «Куда вы, Антонъ Степанычъ?»—«А вотъ поразмяться немного; какъ-будто расклеился, занедужилъ! Съ собачкой на перенеловъ захотѣлось; вонъ какого песика прикормилъ!» Щебетковскій глянулъ: собаченка шла тоже, поджавши хвостъ. Вскорѣ потомъ узналъ онъ, что изъ усадьбы Антона Степаныча ѣздили въ казенное село Колтуны за фельдшеромъ. Пришелъ къ нему и уже засталъ его въ сильнѣйшей горячкѣ. Болѣзнь была захвачена, старикъ спасенъ; но уже не оправлялся во всю зиму, и проскрипывалъ вплоть до весны.

Между тѣмъ, незадолго до первыхъ заморозковъ, наступили охотничьи времена. Окрестность, издревлѣ еще богатая лѣсами, вызвала нѣсколько знаменитыхъ травлей. Старозаймочныя дебри огласились звуками роговъ и атуканья доѣзжачихъ. У Гончаренка, въ лѣсной дачѣ, высмотрѣно было стадо дикихъ козъ и два-три кабана. Щебетковскій не упустилъ случая и поѣхалъ къ нему. Видѣлъ онъ съѣздъ отчаянныхъ охотниковъ, ближнихъ и дальнихъ, любителей лошадей и псовой травли, въ полу-польскихихъ, полу-шотландскихихъ охотничьихъ нарядахъ. Видѣлъ начальную церемонію охоты, выводку своръ, роздыхъ въ лѣсу подъ столѣтнимъ яворомъ, причемъ серебряные стаканчики переходили изъ рукъ въ руки. Видѣлъ разставленныхъ, по кабаньему пути, на ипяхъ, стрѣлковъ, слышалъ трескъ валежника, видѣлъ дымъ выстрѣловъ и выбѣжавшаго изъ кустовъ, въ крови и въ пѣнѣ обезумѣвшаго отъ ярости и боли, сѣренькаго вепря. Видѣлъ наконецъ этого вепря, съ торжествомъ положеннаго на серебряное блюдо. и лучшаго конюха Акима Захарыча, бѣлокураго Герасима, на посліахъ, смертельно раненаго этимъ кабаномъ, въ то время, какъ гончіе, открывъ слѣдъ его, залаяли и кинулись по мелкосрубью и кочковатымъ оврагамъ, а звѣрь пошелъ на людей. Въ лѣсу снова былъ роздыхъ. Турій рогъ ходилъ между гостями. А за позднимъ обѣдомъ Александръ Акимовиъ и Марѣй Захаровиъ, по обычаю старины, отрѣзанные съ общаго блюда старѣйшимъ изъ участниковъ охоты, толстымъ паномъ Жмайловскимъ, за двѣсти верстъ нарочно прѣхавшимъ сюда на охоту, были поданы съ особою церемонією на золоченыхъ блюдцахъ филейный кусокъ козы, смоченной въ

укусѣ, и ребрушки кабана, жаренаго съ кашей. Передъ разѣздомъ, какъ заведено было, гости опять пили изъ серебряныхъ чарочекъ и турьяго рога, распѣвая пѣсни старобытной Украины, и, выйдя со двора, лицомъ къ лѣсу, стрѣляли, чтобъ водился звѣрь, по обычаю холостыми выстрѣлами изъ своихъ ружей и винтовокъ, все работы Кухенрейтера, Лазаря Лазарини и лучшихъ венгерскихъ заводчиковъ. Щебетковскій при этомъ тоже, поддерживая обычай, попаливалъ изъ какого-то саженаго шведа, даннаго ему щедростью заботливаго хозяина.

Держалъ себя вообще Щебетковскій осторожно и вѣжливо. У Гончаренка же сталъ бывать чаще и чаще, особенно когда легъ отличный зимній путь. О Петербургѣ онъ скоро забылъ. Пріѣзжая то въ будни, то въ праздникъ въ Катериновку, а иначе въ Надеждино-Прекрасное, какъ романтически именовалось имѣніе Акимомъ Захарычемъ, онъ привозилъ съ собою то новую пріобрѣтенную книжку, то желаніе въ чемъ нибудь посовѣтоваться съ Акимомъ Захарычемъ, то новый пріобрѣтенный гдѣ-нибудь рассказъ о какомъ-либо занимательномъ современномъ событіи въ Европѣ или въ столицѣ. Иногда онъ по прежнему пѣлъ, иногда читалъ до поздней ночи, иногда заводилъ любопытное разсужденіе о какомъ-нибудь явленіи въ исторіи міра, или въ астрономіи, сообщая увлекательныя свѣдѣнія о новѣйшихъ открытіяхъ древностей. На души, жившія въ мирномъ безлюдьѣ и въ совершенномъ удаленіи отъ шумнаго коловорота совершенныхъ обществъ, эти слова производили глубокое впечатлѣніе. «Да вы намъ, сегодня, Иванъ Ильичъ, экспромтомъ цѣлую лекцію прочли!» говорилъ иногда Акимъ Захарычъ, просидѣвши съ трубкою въ кругу семьи нѣсколько часовъ сряду, и думая: «Какой однако это милый и образованный молодой человекъ и какъ много подаетъ надеждъ!» Но если-бы болѣе строгій и внимательный слушатель въ это время наблюдалъ за Иваномъ Ильичемъ, онъ подсмотрѣлъ бы, что пожалуй, чего добраго, увлекательный рассказчикъ передъ тѣмъ, какъ произносилъ экспромтомъ цѣлыя лекціи, копался надъ довольно-увѣсительными книжками, найденными въ дѣдовской бібліотекѣ. Въ теплые, нѣсколько сыроватыя зимніе дни, по льдистому снѣгу, Акимъ Захарычъ и Иванъ Ильичъ, въ маленькихъ, какъ орѣховая скорлупка, крытыхъ алымъ коврикомъ санкахъ, обѣзжали заводскихъ рысаковъ. Одинъ разъ Иванъ Ильичъ даже неожиданно слеталъ съ Акимомъ Захарычемъ на легкѣ, въ простыхъ пошевняхъ на

одну конную ярмарку, гдѣ-то верстѣ за двѣсти, куда случайно пригнали для распродажи чей-то не слишкомъ казистый, но довольно крѣпкой рабочей породы, табунъ, и гдѣ Гончаренко, купивши его дешево, взялъ порядочный барышъ. Акимъ Захарычъ уже окончательно освоился съ нимъ, и въ мысляхъ своихъ къ даровитости, ловкости и образованности Щебетковскаго, придавалъ еще качества сметливости, умѣнья обдѣлывать дѣла и опытной житейской мудрости, такъ что, особенно при послѣдней покупкѣ табуна, гдѣ онъ умѣлъ подѣлать и къ продавцу и другимъ покупателямъ косвенно, какъ-бы постороннее лицо, онъ уже шутя говорилъ: «Вы Иванъ Ильичъ, хотя и молодой человѣкъ, а старшій тугъ!»

Въ разлѣзды свои Ивану Ильичу удалось самому повѣрить слова Фабриціуса о состояніи Гончаренка. Знакомый Акима Захарыча священникъ, встрѣченный на обѣдѣ у исправника, на вопросъ Щебетковскаго: «дѣйствительно-ли Гончаренко на откупѣхъ нажилъ четыреста тысячъ?» отвѣчалъ, что это дѣйствительно такъ, и что по его мнѣнію онъ нажилъ еще болѣе, потому что у одного Малышевскаго винокура, въ ростѣ, его пять тысячъ серебромъ было два года назадъ, да порядочный кушъ загрѣбъ у него для оборотовъ Петръ Васильичъ Замуруевъ, сгонщикъ, который впрочемъ слишкомъ уже забираетъ рыси и путается. Другой короткій пріятель Акима Захарыча, геморроидальный страдалецъ, съ разстроеннымъ до крайности желудкомъ и облытыми волосами, почему постоянно возилъ въ брычкѣ, подъ ногами, въ ящичкѣ, паричокъ табачнаго цвѣта, когда къ нему адресовался Щебетковскій, еще болѣе подтвердилъ его мнѣніе о состояніи Гончаренка. Это было въ домѣ послѣдняго, гдѣ постоянно клали спать и его, и этого господина въ одной комнатѣ. Чистя зубы щеткой, этотъ страдалецъ, тѣмъ не менѣе лукавый человѣкъ, на вопросъ Щебетковскаго о состояніи Акима Захарыча, только замоталъ головою, не говоря ни слова, такъ какъ у него былъ полонъ ротъ воды, и уже выпустивши воду, сказалъ: «О-о! состояніе Акима Захарыча. Это цѣлая Ротшильдская компанія!»

Любила ли Александра Акимовна Ивана Ильича? вправдѣ спросить теперь меня всякая читательница, очень вѣрно и основательно зная, что эта дѣвица и этотъ молодой человѣкъ для того и сведены въ этой повѣсти, чтобы занять мѣста героини и героя. Положительнѣе можно было бы отвѣтить, что скорѣе она

не любила его, но видаясь не безъ удовольствія довольно часто съ нимъ, она начинала къ нему привыкать. Еслибы его кто въ ея присутствіи ловко ругнулъ, или вѣжливо осудилъ бы его за какойнибудь общественный проступокъ, она защищала бы его и охотно привела нѣсколько смягчительныхъ свѣдѣній въ его оправданіе. Зная она, что модныя барышни любятъ поминать своихъ обожаемыхъ въ молитвахъ, она непремѣнно и охотно помянула бы и его въ вечерней и утренней молитвѣ, вслѣдъ за покойною матерью своею, отцемъ и теткой. Уѣзжай изъ ихъ мѣста Иванъ Ильичъ, она простилась бы съ нимъ степенно и задумчиво, хотя бы три дня потомъ не принималась съ обычною свѣжестью ни за какую работу; а узнай она потомъ неожиданно, такъ черезъ годъ, или черезъ два, что положимъ такой-то Иванъ Ильичъ Шебетковский, который, помните, тогда-то бывалъ у нихъ, умеръ въ Костромѣ, отъ холеры, или подстрѣленъ на войнѣ на Кавказѣ, она встревожилась бы и, вскрикнувъ: «Ахъ! Боже мой, какая жалость! Вотъ бѣдный! Такой молодой еще былъ!» упростила бы рассказать, какъ это случилось, что онъ умеръ, и прилежно выслушала бы все повѣствованіе.

Зима кончалась. Въ воздухъ повеселѣло. Дороги обстоялись и казались уже черными полосами. Прошелъ великій постъ; прошла и Пасха. Мало по малу поля обнажились. Окна выставлены. Явилась зелень. Акимъ Захарычъ рано открылъ покосы, и уже почти не сходилъ съ своей зеленой степи. На всѣхъ окнахъ его висѣли въ витринахъ кѣтъкахъ перепела. Табунъ ходилъ, верстъ за двадцать, въ другомъ участкѣ его, по полю косякомъ, съ верховыми сторожами. Ивану Ильичу нравилась роль влюбленнаго. Въ Петербургѣ любовь онъ видѣлъ только на сценѣ въ водевиляхъ, и со всѣмъ новымъ поколѣніемъ своихъ сверстниковъ охотно ей не вѣрилъ. Здѣсь же на свободѣ отъраднo предаться ея живописнымъ картинамъ. Онъ вставалъ рано по утру, садился на осѣдланную лошадь и ѣхалъ на поля. Тамъ онъ въ волю мечталъ—мечталъ и о свѣжемъ личикѣ Шурочки, и о ея плечахъ, и о толстенныхъ ручкахъ—«Боже! какъ она меня любитъ!» думалъ онъ иногда ни съ того, ни съ сего, и прибавлялъ, спохватясь: «и полюбить крѣпко!» На немъ былъ коротенькій сюртукъ, въ рукахъ нагайка. Конь рысью бѣжалъ по зеленѣющимъ полямъ. Романтическія увлеченія захватили еще дальше. Иногда Иванъ Ильичъ, запоздавши въ полѣ, оставлялъ лошадь въ шинкѣ, подъ селомъ Гончаренка, а самъ

шелъ къ нему въ рошу, и садомъ, уже въ потьмахъ, пробирался къ дому. Онъ отыскивалъ угълную комнату, уборную Шурочки, гдѣ та работала всегда съ теткой, прислонялся къ окну и по цѣлымъ часамъ, до полуночи глядѣлъ за ея движеніями, когда она болгала, шутила съ горничными и наконецъ, зѣвая, уходила спать. Уходя, Щебетковскій иногда на окно клалъ кленовый листь, полный ягодъ, или книжку, съ закладкой на какой-нибудь страстной сценѣ, и послѣ не спрашивалъ ее о нихъ, стараясь угадать по лицу, что о немъ думали. Шурочка стала замѣчать его страстные взоры, тетка напряженно молчала. Такъ прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Щебетковскій самъ себя не могъ понять: любилъ ли онъ самъ? Ему все хотѣлось чего-то рѣзкаго, смѣлаго, какъ-будто у него отнимали лучшее сокровище. Онъ медлил и боялся посовѣтоваться съ своею совѣстью. Дни становились душнѣй и душнѣй. Шурочка уже собиралась съ Марѳой Захаровной варить варенье, и даже имѣла поползновеніе улепетнуть въ лѣсъ, версты за четыре, за глубокимъ оврагомъ, собирать тамъ дикую землянику...

Въ это время какъ-то завернулъ къ нимъ послѣ обѣда Щебетковскій, какъ обыкновенно, почитать, поболтать, и погулять по саду. Вошелъ въ переднюю, нѣтъ никого; въ кабинетъ и въ залу—тоже, въ гостинную—тоже никого нѣтъ. Оправившись, онъ собрался было идти на дальнѣйшіе поиски, какъ раздалися шаги съ садоваго крыльца, и Шурочка, съ руками въ вишневомъ сокѣ, раскраснѣвшаяся у желѣзнаго таганка, въ коричневомъ платьѣ и такой же ситцевой пелериночкѣ, на скрипѣвшихъ каблучкахъ козловыхъ башмаковъ, вбѣжала въ гостинную.—«Ахъ, мои батюшки!» крикнула она, увидѣвши Щебетковского, и стала трясти замаранными руками. «Дома папенька?»—«Нѣтъ-съ въ полѣ; тамъ и корни пустилъ у косарей!»—«А скоро будетъ?»—«Да говорю же вамъ, что засиживается тамъ, иногда и ночуетъ!»—«Но я же его подожду!»—Шурочка, встряхивая руками, побѣжала далѣе. «Куда-же вы?»—«А вотъ руки вымою; ишь какъ, и-и-Боже мой, какъ вымазалась!» И, разсматривая линнувшіе пальцы, надъ которыми роились мухи, она побѣжала въ корридоръ.

Акимъ Захарычъ не пріѣхалъ къ чаю. Но хозяйки распорядились и безъ него. Угостивши чаемъ Ивана Ильича, Шурочка полѣзла въ гостинной въ столъ, достала оттуда замасленныхъ картъ и сказала:

— Давайте, тетенька, обыграемъ Ивана Ильича въ дураки! Сѣли за столъ. Щебетовскій много ихъ смѣшилъ на этотъ разъ, подтасовывалъ и кралъ карты, ходилъ не въ очередь и билъ короля дамой, а все-таки кончилъ тѣмъ, что обыгралъ и Александру Акимовну и Марѳу Захаровну. Вечеръ прошелъ незаметно. Къ ужину опять ждали Акима Захарыча и не дождались. Ужинали безъ него. Послѣ ужина еще подождали нѣсколько Акима Захарыча и, убѣдившись, что онъ остался ночевать въ полѣ, вѣроятно въ куренѣ, близъ табуна, въ другомъ своемъ участкѣ, предложили Ивану Ильичу переночевать. Посидѣли еще немного и разошлись.

Комната, гдѣ отвели ночлегъ Щебетковскому, была рядомъ съ залой и стѣна объ стѣну съ кабинетомъ хозяина. Въ ней, подъ стать охотническимъ наклонностямъ хозяина, по стѣнамъ на подставкахъ были укрѣплены очень изрядно-сдѣланные домашними средствами, чучела животныхъ и птицъ, водившихся въ тѣхъ мѣстахъ и большею частію убитыхъ рукою самого хозяина. Постель нашелъ Иванъ Ильичъ чистую, свѣжую, на мягкомъ зеленомъ сафьянномъ диванѣ, съ пружинами, который и нѣжилъ, и вмѣстѣ прохлаждалъ тѣло. Улегшись и отпустивъ слугу, онъ еще нѣсколько времени читалъ какую-то старинную книжку разрозненнаго журнала, съ повѣстью изъ американскаго быта. Потомъ потушилъ свѣчу и перевернулся на другой бокъ, съ цѣлью заснуть. Но сонъ не бралъ его. Ночь была душистая и теплая. Въ растворенное для свѣжести окно доносился шорохъ слегка задѣваемыхъ легкимъ вѣтромъ древесныхъ вершинъ. Передъ самымъ окномъ стоялъ исполинскій берестъ, совершенно заслоняя его отъ лучей и безъ того въ эту ночь заслоненнаго облаками мѣсяца, почему чучела звѣрей и птицъ едва видѣлись по стѣнамъ и простѣнкамъ комнаты. Въ дальней комнатѣ пробило два часа ночи. Тишина въ окрестности была полная. Только въ самой комнатѣ Ивана Ильича, должно быть забытая прислугою раскрылась, съ вечера еще, маленькая особая заслонка въ печкѣ, для освѣщенія воздуха зимою, и, вертась безъ устали подъ теченіемъ воздуха, тихо звенѣла въ общей тишинѣ комнатъ на разные лады. Вѣроятно звуки ея долетали и до другихъ покоевъ, потому что на противоположной почти сторонѣ дома, какъ бы въ комнатѣ хозяекъ, Щебетковскому слышались слова: «Марья, Марья»; черезъ нѣсколько минутъ шопотливый зовъ усилился и опять замолкъ. Видно

было, что особа, звавшая служанку, убѣдилась въ отсутствіи послѣдней. И не мудрено: кто могъ, въ эту ночь, вырваться изъ-подъ душевной кровли и спать, разметаившись на открытомъ воздухѣ. Скрипнула отдаленная дверь и опять отворилась, какъ будто отпиравшая ее убѣдилась, что въ другихъ сосѣднихъ комнатахъ нѣтъ ни одного лица, которое бы прошло въ комнату гостя и закрыло бы назойливую вьюшку. Вдругъ Щебетковскому почудилось, и ознобъ пробѣжалъ по его спинѣ, что по дубовому полу залы беззвучно шли чьи-то шаги, и къ самой его двери тихо близилась чья-то едва шелестѣвшая нога. «*Неужели это она?*» подумалъ онъ и въ порывѣ какого-то неопредѣленнаго движенія, сперва вскочилъ, какъ есть, а потомъ опять упалъ въ постель. Все на минуту замолкло. Какъ ни напрягалъ зрѣнія Щебетковскій, никакъ нельзя было рѣшить, отворяется, или не отворяется ея дверь. Однако онъ, не долго думая оставилъ кушетку и, какъ видѣніе, какъ безплотный духъ, началъ красться къ двери, и ни одинъ ловкій воръ такъ бесшумно не крался къ шкатулкѣ, полной золота. На полупути онъ остановился и твердо спросилъ: «Александра Акимовна! Это вы?» Шурочка въ это время, также осторожно, какъ призракъ, рукою едва успѣла закрыть заслонку надъ вьюшкой, очутившись поэтому совершенно всѣмъ тѣломъ въ комнатѣ гостя и, готовясь уже также тихо уйти отъ него, думала: «Вотъ и отлично; я таки закрыла» а онъ спитъ и не слышитъ! Что за бѣда! Зато дѣло сдѣлано!» Вопросъ Щебетковского ее поразилъ. «Да, это я!» отвѣчала она, окаменѣвъ отъ неожиданности, и не знала даже испугаться ли ей и крикнуть, или просто опрометью бѣжать изъ чужой спальни, гдѣ она такъ безсовѣстно поймалась. «Не бойтесь, умоляю васъ, не бойтесь!» зашепталъ скороговоркою Щебетковскій: «ангелъ мой, Александра Акимовна, не бойтесь.» «Что вамъ?!» спросила тихо Шурочка, все еще держась за ручку двери и не переступая черезъ порогъ. Ей даже казалось сперва, не заболѣлъ ли сильно гость или не требуетъ ли онъ помощи. «Александра Акимовна не бойтесь, не бойтесь, умоляю васъ—оставьте дверь, никто не услышитъ! Я сейчасъ свѣчку зажгу!» Щебетковскій чувствовалъ, какъ прерывалось у него дыханіе.

— Что вамъ?! еще разъ спросила Шурочка. Щебетковскій поймалъ ея руку, нѣжно привлекъ къ себѣ и, повторяя:

— Спасите меня, я васъ люблю, будьте моей женой, и онъ

сжалъ Шурочку въ своихъ объятіяхъ. Въ это время начинало разсвѣтать. Она посмотрѣла ему только въ лицо.

— Вы будете моей женой? повторилъ онъ.

— Буду.

— Поклянитесь мнѣ въ томъ.

— Клянусь вамъ Богомъ, отвѣчала Шурочка очень наивно и выпорхнула въ темный еще залъ...

— Дѣло сдѣлано! Теперь она наша! подумалъ Щебетковскій, легъ и еще успѣлъ заснуть до выхода къ чаю.

Торжественно-степенный вышелъ на другой день Иванъ Ильичъ въ залъ, гдѣ уже суетливо раздавалъ по хозяйству приказанія подъѣхавшій не задолго утромъ Акимъ Захарычъ, поклонился хозяйкамъ, поболталъ съ хозяиномъ, напился чаю и велѣлъ запрягать лошадей, торопливо увѣряя, что пора ѣхать и что надо еще повидаться съ однимъ барышникомъ, который торгуетъ у него ленъ. Въ это время подкатила таратайка, съ двумя веселыми сосѣдями Акима Захарыча. Всѣ снова разговорились и Щебетковскій просидѣлъ еще до обѣда. Шурочка при этомъ сидѣла какъ-то сама не своя, перешептываясь изрѣдка о незначущихъ вещахъ съ теткой и почти не поднимая глазъ. Послѣ обѣда Щебетковскій сухо взялся за фуражку и, простившись съ Акимомъ Захарычемъ, который особенно какъ-то на этотъ разъ тепло пожалъ ему руку, уѣхалъ. Шурочка коридоромъ выскочила въ сѣни и сунула ему записку. Садясь въ экипажъ, Щебетковскій прочелъ: «Я твоя... на вѣки... Будемъ потихоньку переписываться... Твоя, милый Ваня!.. Mon ange! — Жду! А. Г.» Послѣ отъѣзда его она еще слушала продолжавшійся общій разговоръ. Потомъ встала, безсознательно дошла до спальни, глянула искоса въ зеркало, сѣла бокомъ къ окну, на край стула, взяла въ ротъ какой-то листокъ, медленно вдохнула, губа и уголокъ брови ея дрогнули, крупныя слезы выступили изъ ея глазъ и, громко рыдая, упала она широкимъ и добрымъ лицомъ въ измятую подушку...

Между тѣмъ, невѣдомо для Антопа Степаныча и самаго Щебетковского и всѣхъ дѣствующихъ лицъ этого разсказа, сосѣдніе и болѣе отдаленные языки уже усердно работали. Двородныя сестры, троюродныя сестры, крестницы, кумушки и экономки не жалѣли ни догадокъ, ни соображеній. Самые ядовитые пересуды шли уже на счетъ новаго гостя. Сплетались небывалыя происшествія на счетъ его дѣшней, Петербургской

и даже Тифлисской жизни, хотя въ послѣднемъ краѣ онъ даже и не бывалъ.

Всѣ уже прямо толковали объ очевидно близкой помолвкѣ Щебетковскаго съ дочкой Гончаренка. Одинъ Антонъ Степанычъ ничего не зналъ.

Едва оправившись отъ болѣзни, онъ былъ еще слабъ и какъ-то дѣтски робокъ ко всему окружающему. Съ первымъ весеннимъ тепломъ онъ сталъ опять прогуливаться въ своемъ зеленомъ халатѣ, подпоясанномъ платкомъ, и въ картузѣ, съ утинымъ козырькомъ. Первый визитъ былъ, разумѣется, къ сосѣду за рѣку. Щебетковскій принялъ его радушно, и Антонъ Степанычъ замѣтилъ, что онъ уже кое-что смыслить въ хозяйствѣ, копается въ саду и знакомится съ приемами и веденіемъ полевыхъ работъ.

Вдругъ, совершенно неожиданно произошли два слѣдующихъ случая. Была въ Колтунахъ ярмарка. Антонъ Степанычъ чопорно рассказывалъ между мѣщанствомъ и мужичьемъ, которое онъ въ глубинѣ своихъ дворянскихъ убѣжденій отъ всей души презиралъ, и прицѣплялся то къ новымъ ульямъ, то къ стану готовыхъ колесъ, то къ связкѣ луку, готовясь кутнуть и утереть носъ цѣлой десяти-рублевой ассигнаціи, какъ услышалъ свое имя. По площади, между палатокъ, ѣхала въ крытой бричкѣ грузная и исполинская особа, въ которой тотчасъ Антонъ Степанычъ узналъ Прасковью Кондратьевну. Но пани Дженджериха, навьючивъ весь свой экипажъ покупками, такъ что даже дѣвка ея, сидѣвшая на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, держала на колѣняхъ какую-то завязанную кладь, узнала его еще прежде. «А, чортовъ сынъ!» кричала она довольно громко, высунувшись изъ брики. Антону Степанычу при этой выходкѣ показалось сперва, что она пьяна или говорить кому-нибудь другому. И онъ, смѣшавшись, сталъ оглядываться по сторонамъ. «Нѣтъ, тебѣ, тебѣ я говорю!» подхватила опять во всю глотку толстая помѣщица, махая зонтикомъ и подѣзжая къ нему. Онъ открылъ ротъ и даже въ изумленіи картузъ снялъ.

— Такъ это ты надъ добрыми людьми смѣяться думаешь? кричала сердитая помѣщица: и такъ ты ѣздишь сватать всякую шупсваль, всякую дрянь, а самъ потомъ насмѣхаешься, да и носа не показываешь? Слава Богу, есть чѣмъ жить и безъ васъ! Рאיчка моя не такого еще жениха найдетъ, какъ эта прохвостница Гончаренкова. Да и скоро найдетъ, вотъ что тебѣ; полковникъ

одинъ сватается! И еще богатый, и Станиславъ на шеѣ есть, и не такой шибеникъ, какъ твой юноя; да и ты самъ съ нимъ выѣденнаго яйца не стоишь! Вотъ тебѣ что! Да! Пошелъ, Доридионка! И, плюнувъ чуть не въ самый носъ Антона Степановича, свирѣлая пани поѣхала съ площади, въ кругу разступившагося и глазѣвшаго на нее народа. «Что за притча!» думалъ старикъ, оставшись среди ярмарки и озадаченный такъ, что долго не могъ собраться съ мыслями: что Прасковья Кондратьевна, хотя и почтенная дама, крупна на выраженія и любить такъ покричать и показать себя, это всякъ знаетъ! Однако-же, за что такое неуважительное обхожденіе? Чѣмъ виновать я, и чѣмъ виновать Иванъ Ильичъ?

Не успѣлъ объяснитьсь съ сосѣдомъ Фабриціусъ на счетъ этой встрѣчи, какъ подоспѣлъ другой случай. Откладывая свое вѣщеніе къ Щебетковскому, Антонъ Степановичъ однажды пошелъ съ дудочкой. Была отличная перепелиная охота. Сидя какъ-то въ молодомъ просѣ, поглядывалъ онъ по сторонамъ, и, задумавшись, почти безсознательно сюсюркалъ въ свистокъ. Вдругъ, шагахъ въ пятидесяти отъ него, у дороги, поднялся изъ ржи незнакомый какъ будто дворовый мальчишка, и осторожно глянувъ по сторонамъ, опять опустился въ рожъ.

— Эй, ты! Кто ты такой? крикнулъ старикъ, поднимаясь въ свой чередъ изъ проса. Отвѣта не было.—Говори-же, отвѣчай! крикнулъ еще громче Фабриціусъ, начиная видѣть въ этомъ мальчикѣ и въ этомъ упорствѣ что-то недоброе, и голосъ его резко откликнулся по полю, уже захваченному началомъ сумерекъ. Отвѣта снова не было. Бросивъ свѣтъ, Фабриціусъ пошелъ къ замѣченному мѣсту, сдѣлавъ шаговъ десять въ одну сторону, и потомъ на-крестъ въ другую. Мальчикъ, открытый въ располхѣ, выскочилъ, какъ заяцъ, изъ подъ его ногъ, и пустился бѣжать. Подъ мышкой его была какая-то книжка. Подбравъ полы халата, старикъ кинулся вслѣдъ за нимъ. Кочки и бурьянъ мѣшали бѣжать, но мальчикъ былъ скоро нагнанъ.

— Ну, что вамъ? ну? спросилъ онъ довольно дерзко, остановившись передъ старикомъ.

— Какъ ты смѣешь, дрянй! прикрикнулъ на него старикъ и ухватилъ его за вихоръ.

— Я не дрянй, а драться чужимъ нельзя! И хвативъ довольно локко по рукѣ старика, мальчишка снова пустился бѣжать.

— А, такъ ты такъ? защищаешь уже съ яростью преслѣдователь:—теперь-же ужъ не убѣдишь!—Скинулъ сапогъ съ ноги и пустилъ имъ въ голыя пятки бѣглеца. Сапогъ сбилъ послѣдняго; мальчишка запнулся, упалъ и выронилъ книжку.

— Ну, ее-то мнѣ и нужно! сказалъ Антонъ Степанычъ, а ты можешь себѣ идти!

— Нѣтъ, вы отдайте книжку! заговорилъ покоренный, всхлипывая:—а вы драться не смѣете! я барину скажу!

— Кто твой баринъ? спросилъ старикъ, не отошедши еще отъ злости, и трепетавшими руками раскрывая книжку, непонятнаго языка и содержанія, въ которую однако была вложена записочка.

— Акима Захарыча барина; изъ ученья взять! отдайте книжку! За спиной у старика точно что-то полилось или забѣгали муравьи. Онъ взломалъ печать на запискѣ и прочелъ слѣдующее: «Желанье твое, милый Ваничка, исполняю. Папеньки послѣ-завтра опять дома не будетъ. Онъ на три дня уѣзжаетъ въ Побывинде. Пріѣзжай; безъ тебя мнѣ жизнь не въ жизнь. Письма твои я прячу. Марѳа Захаровна тоже собирается въ лѣсъ идти за ягодами. Я, значитъ, буду одна. Не томи меня, покажи себя—пріѣзжай! Твоя на вѣки, любящая—Александра Гончаренко.» Руки старика сами собой осунулись по туловищу. Лицо вытянулось и глаза затмились, точно ихъ кто-нибудь задулъ. Давно ушелъ и разобиженный, пойманный мальчикъ; давно и солнце опустилось за склонъ зеленѣющаго холма. А Фабриціусъ все еще стоялъ, среди поля, и огненными строками мелькало передъ его глазами извѣстіе: «Иванъ Ильичъ Щетковскій женится на Александрѣ Акимовнѣ Гончаренко.»

— Какъ? повторялъ на другой день Фабриціусъ, осматривая свою нетечанку и шныряя торопливо то въ домикъ, то на конюшню:—Этотъ молокососъ, этотъ вертопрахъ, эта, можно сказать, сволочь, голь,—женится на Шурочкѣ? Да куда же отецъ глядѣлъ?

И кто-же, самъ онъ, какъ не Антонъ Степанычъ, лично, своею особою, хотя и случайно, но все же таки дѣйствительно самъ привезъ его и ввелъ въ домъ Акима Захарыча. Какова же судьба? Семнадцать лѣтъ обдумываетъ дѣло и попасться въ просакъ. Нѣтъ! Дѣло еще не потеряно! Скорѣй, скорѣе лошадей! Вѣду къ самому отцу; все открою, все разоблачу! Выведу его на свѣжую воду. Да и ее, сударушку распеку порядкомъ!

И Антонъ Степанычъ, торжественно нарядившись, покати́лъ къ Гончаренкѣ.

Въ то-же почти время, изъ уѣзднаго города почта повезла къ Петербургъ отъ Ивана Ильича письмо слѣдующаго содержания: На конвертѣ: его Высокоблагородію Карлу Богдановичу Шмерцу, экзекутору такого-то департамента. Милостивый Государь, любезный другъ и бывший когда-то мой начальникъ, Карлъ Богдановичъ. Пишу къ вамъ изъ собственнаго моего, лѣзовскаго помѣстья. Край очень живописный и благодатный; страна лѣни, черешень и варениковъ. Отставку я получилъ отъ его превосходительства, Васи́лія Емельяновича. Передайте ему мой поклонъ, равно какъ и всему его семейству. Карьера бумагъ кончена. Ремесло пахаря и чумака теперь смѣнило ихъ. Помните, какъ мы, уходя изъ присутствія и покуривая у васъ трубочки, подтрунивали надъ этимъ чернильнымъ міромъ. О! вижу васъ теперь отсюда: хромые и слѣпые, толстые и плѣшивые, въ потертыхъ и въ новыхъ вицмундирахъ, чающіе движенія чиновъ и орденовъ, какъ подборъ калѣкъ у Силоамской купели, со страстишкой понюхать у сосѣда щепотку табачку и прочесть, между двумя отношеніями, новый листокъ Пчелки. Больше я съ вами уже не буду переводить канцелярскихъ принадлежностей. Живу теперь привольно, ѣмъ, пью, сплю, веселюсь, разѣзжаю, волочусь за дочками сосѣднихъ помѣщиковъ. Кстати, мой другъ, Карлъ Богдановичъ. Я женюсь, женюсь на пышкѣ, такой крупичатой, аппетитной, русой и здоровой, только немножко тяжелой на подъемъ, двушкѣ. Отецъ ея образецъ старыхъ нравовъ; но богатъ и съ умѣньемъ жить. Скоро вѣроятно и покончимъ дѣло и присосѣдимъ ее, голубушку, къ своему домашнему обиходу. А теперь, пока, прошу васъ убѣдительно, въ ожиданіи моего брака, отыскать на Выборгской сторонѣ извѣстную уже вамъ мою былую пріятельницу, Мину Антоновну, по прилагаемому адресу. Она, говорятъ, проживаетъ теперь въ бѣдности. Прошу на посылаемую сумму расчестъся съ нею, да загладятся старые грѣхи; а на остальное купить мнѣ ящикъ лучшихъ сигаръ. Кстати сообщаю вамъ еще забавный здѣшній случай.»

Тутъ приводился довольно-гразненькій рассказъ о происшествіи съ исправницей и однимъ отставнымъ ротмистромъ.

II.

Маневръ.

Въ бѣломъ жилетѣ и въ бѣломъ жабо , съ самой суровой и торжественной фizioноміей , покатиъ Антонъ Степанычъ къ Гончаренкѣ. Лошади были заняты у сосѣдняго священника , страстнаго любителя пчелъ и обладателя прехорошенькой молодой жены. Въѣхалъ онъ во дворъ съ громомъ и съ шумомъ. Акима Захарыча еще издали замѣтилъ онъ на крыльцѣ, въ разговорѣ съ павлоградскимъ жидкомъ, покупщикомъ мѣстной пшеницы и льну.

— А, Антонъ , ласково сказалъ Гончаренко:—ты уже выздоровѣлъ? Очень радъ! И не оборачиваясь, сталъ пересчитывать поданныя купцомъ деньги. Вообрази, продалъ пшеницу по осьми цѣлковыхъ за четверть! Какова цѣна выпала! Собиралъ долго, да все и спустилъ теперь ; а вотъ онъ еще кланяется , и просить, думая, что я задерживаю запасъ! — Антонъ Степанычъ, чопорно осадивъ лѣзшій на уши галстухъ, глянулъ изъ-подъ лобья и видѣлъ, что жидокъ дѣйствительно кланялся.

— Да что, братецъ, продолжалъ Гончаренко: это только, смѣхъ ради, можно ѡхать у насъ на хозяйство! каковы куши другіе наши-то украинскіе тузы взяли, кто счумѣлъ выдержать лѣтъ пять и семь цѣны, не давая много воли своимъ женамъ-модицамъ, да дочкамъ. Вонъ Хрисанфъ Михайлычъ Прозовъ продалъ шестнадцать тысячъ пятьсотъ четвертей пшеницы, по восьми цѣлковыхъ, и получилъ въ одинъ разъ сто двадцать восемь тысячъ рублей серебромъ, а на ассигнаціи четыреста-шестьдесятъ двѣ тысячи. Ну, что твой сосѣдъ, потомокъ блаженной памяти гетмана Щербетковскаго ? Что въ самомъ дѣлѣ онъ насъ забылъ?... Да и ты, братъ, что такимъ сычомъ смотришь?...

— Я - съ , Акимъ Захарычъ-съ... я-съ къ вамъ одно дѣло имѣю-съ; важное, — не угодно-ли — одно дѣло.... переговорить-съ...

— Что такое, что такое; фу, какая у тебя офиціальная фizioномія! Пойдемъ, впрочемъ, говори!—

Друзья усѣлись въ знакомомъ уже кабинетѣ. Фабриціусъ положилъ на колѣни шапку , стиснутыя въ трубочку замшевыя перчатки , помолчалъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ началъ:

— Акимъ Захарычъ! Извѣстно-ли вамъ, что на имя, честь и руку вашей дочери посягаетъ ничтожный, мало-извѣстный человекъ?—

Гончаренко поднялъ брови и въ груди его послышалось хрипѣе...

— Повтори!

— Извѣстно ли вамъ, что Шурочку сгубили, околдовали; она нѣжничаетъ, влюбляется, записочки пишетъ, можетъ быть на шею цѣпляется уже всѣмъ встрѣчнымъ мужчинамъ...

— Ну, кому-же первому? Говори безъ обиняковъ!

— Мальчишка, пройдоха, галантерѣ, полотерѣ, кровопійца, этотъ-то мой!.. Какъ его? душегубъ, какъ его? — да вы знаете...

— Чортъ тебя, братецъ, разберетъ! Говори порядкомъ крикнулъ Гончаренко: ну! что слюни развѣсилъ, хныкать собираешься? говори порядкомъ!

Антонъ Степанычъ перемаялся на стулѣ, оправилъ галстухъ и брякнулъ:

— Иванъ Ильичъ Щебетковскій, этотъ-то самый Щебетковскій, этотъ-то самый потомокъ гетмана, какъ вы говорите... Охъ, онъ бестія — я же его на мою бѣду и привезъ сюда! Я же и отогрѣлъ на груди у себя змѣю эту! Акимъ Захарычъ, другъ! благодѣтель! Позвольте! Александра Акимовна пусть позволяетъ, — саблю отточу, кирасу надѣну, бумаги дестъ на грудь запрячу, чтобъ не опасно было, вызову его на поединокъ и убью!.. Убью, клянусь, убью!

Акимъ Захарычъ всталъ, набилъ трубку, отеръ капли пота на лбу, сѣлъ опять рядомъ съ другомъ, нагнулся ему къ уху и сказалъ:

— Добрякъ ты мой, Антонъ, спасибо тебѣ; только я все это уже знаю, и самъ не прочь! Подождемъ! Открытаго предложенія еще не было; а каша давно заварилась...

— Да помилуйте, да какъ же это; пройдоха, мальчишка, галантерѣ, полотерѣ, губитель! вскрикнулъ Фабриціусъ и даже отскочилъ.

— Ну, ты не бѣсись на него, Антонъ, а то мы поссоримся! Охъ, по моему, добрый малый, умной и имѣньишко есть, хоть не большое, а все таки есть! какого жѣ еще намъ князя искать?..

Фабриціусъ поникъ головой, вздохнулъ и замолчалъ.

Черезъ полъ-часа онъ уже сидѣлъ на любимомъ мѣстеч-

кѣ, въ горенкѣ Александры Акимовны, отпускалъ шуточки и намеки на сердечныя склонности рода человѣческаго, комнатныя дѣвки работали вокругъ большаго стола новое бѣлье барышнѣ и тоже посмѣивались между собою. «Вотъ, тутъ бы поскорѣ гербики изшить *изъ и шал*!» сказалъ Антонъ Степанычъ, ткнувъ пальцомъ въ воротникъ скромной сорочки. Шурочка такъ и сгорѣла. Казачокъ внесъ на поднось фляжку съ водкой и закуску. Старикъ выпилъ, хотѣлъ что-то сказать особенно сладкое, улынулся, носъ его сморщился, вѣки дрогнули и на губу его сбѣжала крупная слеза. Надъ кроватью Шурочки висѣла подержанная, желто-фіолетовая гитарка Мары Захаровны. На этой гитарѣ съ-молоду еще тетенька любила играть въ часы печали. Антонъ Степанычъ проворно сдернулъ ее съ гвоздя, обтеръ обшлагомъ пыль, откашлялся и дребезжащимъ голосомъ заплѣл сочиненный имъ когда-то при рожденіи Шурочки извѣстный кантъ:

«Въ честь росіянки прекрасной,

«Пойте, пойте гимнъ согласной!»

Пѣсня до того разстроила старика, что онъ разрыдался, всталъ, сказалъ: «Дочь моя, Александра Акимовна, Шурочка! поздравляю васъ... тебя..., а впрочемъ выходи за него замужъ! онъ добрый человѣкъ!» и убѣжалъ изъ ея комнаты.

По уходѣ его Шурочка сѣла къ столу, медленно склонилась къ шитью, медленно вздохнула, и мысль ея понеслась далеко—далеко. А фрейлины ея затянули свадебную деревенскую пѣсню.

Перекусивши и еще выпивши не одну рюмку знаменитой наливки—«попадѣи» съ самимъ Акимомъ Захарычемъ, Фабриціусъ козыремъ взобрался на нетечанку и снова помчался къ Калуновской усадьбѣ. Пара пѣгашекъ священника только пофыркивала. «Эхъ, тузъ ты, стрѣла, проноза! Эхъ, молодой же ты человѣкъ! говорилъ про Щебетковского самъ съ собой Фабриціусъ: вѣдь вотъ, пойдѣ же ты съ нимъ; возмуть, да и завоюють съ разу!»

Лошадки въ пѣнѣ и въ мылѣ примчали Антона Степаныча къ крыльцу Ивана Ильича.

— Дома баринъ?

— Никакъ нѣтъ...

— Гдѣ же онъ?

— Только что уѣхали.

— Куда? быть не можетъ?!

— Въ городъ-съ. Въ городѣ ярмарка. Должно быть платѣ

заказывать; говорятъ, новый портной изъ Кіева пріѣхалъ; или деньги въ казначейство вносить!

Старикъ тревожно взглянулъ на лошадей. «Что, братъ Ваня, довезуть? а? «Куда?!» — «Въ городъ-то, въ догонку?» — Верзило кучеръ, озадаченный непривычнымъ наѣздничествомъ Фабриціуса изъ-кося посмотрѣлъ ему въ носъ, потомъ на ноги, и переложилъ возжи изъ рукъ въ руки. «Какъ не довезти! Довезуть, чай, не обывательскія! — Ну, такъ жаръ же, братъ Ваня, откалывай во всѣ лопатки; я тебѣ пяти-алтынный дамъ на водку!» — Запалилъ долговязый священниковъ кучеръ во-всю Ивановскую и полетѣлъ старикъ въ городъ, въ догонку за Щebetковскимъ. До города было опять безъ малаго верстъ семнадцать. Солнце садилось уже, когда онъ догналъ сосѣда, почти у городскихъ воротъ. Бойко выскочилъ Антонъ Степанычъ изъ таратайки, обмахнулъ платочкомъ пыль съ сапоговъ, подбѣжалъ къ Щebetковскому, умильно потрепалъ его по колену, и сладко-пресладко сталъ смотрѣть ему въ глаза. «Радуйтесь и веселитесь!» хотѣлъ онъ уже сказать на прямикъ. Но какъ выразиться такъ откровенно и еще при двухъ кучерахъ; а французскаго языка на этотъ случай не хватало «Вене, же-ву-занъ...» только и вертѣлось въ умѣ. — «Что вы, Антонъ Степанычъ, куда это вы?» — «Я тоже, почтеннѣйшій Иванъ Ильичъ, я тоже — портной новый изъ Кіева — обносился — надо и брючки, и сюртучокъ — и еще кое-чего!» — «Да вы что-то особенно радостно смотрите и жилеть на васъ бѣлый, и жабо; фу, ты пропасть! Эхъ, берегитесь — ужъ не шашни-ли съ какою нибудь горожанкою завели?» — «Э — э! помиуйте-сь, какія шашни-сь! Такъ, въ городъ захотѣлось побыть! Не хотите-ли въ одномъ номерѣ для экономіи остановиться?» — Щebetковский принялъ это предложеніе. Старикъ уѣхалъ въ свою таратайку, Ваня стегнулъ лошадей и пріатели потащились, утопая въ пескѣ городскихъ улицъ. На лицѣ старика играла улыбка. «Постой, погоди, думалъ онъ: объявлю ему всю правду въ городѣ; вотъ, я полагаю, обрадуется, отцомъ роднымъ будетъ звать, десять десятинъ лугу и пасѣку всю подарить за труды! Что ему въ ней тогда, какъ тысячникомъ сдѣлается!» — На лугъ и пасѣку, какъ видно, онъ сильно рассчитывалъ. Отъ взятокъ онъ, тоже, какъ видно, былъ не прочь.

Остановились пріатели въ городѣ, въ одномъ номерѣ. Съ пути Щebetковскому захотѣлось чаю. Отъ чего же не напитокъ

съ сосѣдомъ чаю? И дуетъ старикъ чуть не пятый стаканъ. «Ну, какъ же ваше здоровье теперь, Антонъ Степанычъ?» — «Слава тебѣ Господи, слава тебѣ! Малый рому, или французской водки! Не хотите-ли ромку.» — «Да вы кутите, Антонъ Степанычъ.» — «Ничего-съ, ни-и-и-чего-съ; для друга, для дружка дашь и сережку изъ ушка! Малый рому!» и накрывъ дрожащею морщиноватою рукою чашку, старикъ самъ отправился въ буфетъ искать сердце-бѣснующаго напитка. Копался онъ долго. Сосѣду его, какъ видно, надобно ожидать. — «Гдѣ Иванъ Ильичъ?» спросилъ Фабриціусъ, возвратясь изъ буфета съ какою-то мутно-бурою флягой. Вопросъ адресовался къ половому, который, яростно дуя и плюя, чистилъ чей-то сапогъ со шпорой. «Изъ этого номера?» — «Да!» — Половой глянулъ противъ свѣта на сапогъ и, прищурясь, отвѣтилъ: «Пошли на бильярдъ къ Каплуновичу играть!» — «Ишь ты, а меня и не подождать!» подумалъ съ досадою старикъ. Зная, что Каплуновичъ такое уже мѣсто, откуда пріѣзжему, а особенно холостяку, трудно вырваться скоро, онъ со вздохомъ взглянулъ на припасенную флягу, отправился одинъ въ свой номеръ, смастерилъ себѣ въ отместку порцію забирательнаго пуншу, закурилъ трубочку, сѣлъ съ ногами на окно и сталъ дожидать пріятеля. А на душѣ-то такъ весело, что и не сказать словами. «Боже ты мой правый и единый, думалъ Антонъ Степанычъ, — сидя на окнѣ: покрой ее святымъ покровомъ твоей Небесной Матери; отгони отъ нея горе злыхъ и печаль лукавыхъ! Дай счастье ей, вѣрной рабѣ дома твоего! Господи, Господи!» — И онъ почти вслухъ молился.

Трактиръ Каплуновича, куда между тѣмъ ушелъ Щебетковский, кипѣлъ народомъ. Это былъ аристократическій трактиръ, содержимый вдовою Шкловскаго негоціанта изъ іерусалимскихъ помѣщиковъ, носившей имя Хайки Абрамовны. Притонъ всѣхъ ремонтеровъ, проѣзжихъ гусаровъ и туземныхъ гулякъ изъ дворянъ и купцовъ, этотъ пріютъ закопченныхъ трубочнымъ дымомъ залъ и корридоровъ, во время армарки, особенно оживлялся. Иногда отсюда выходилъ съ разбитымъ носомъ самъ мѣстный городничій. А когда проходили черезъ городъ уланы, то отсюда въ окно, къ счастью только втораго этажа, обыкновенно вылеталъ на улицу безъ галстуха, съ колодою смятыхъ картъ въ рукахъ, либо весьма почтенной наружности членъ уѣзднаго суда, либо, вслѣдствіе какого нибудь карточного фокуса за

шесомъ, кто нибудь изъ самихъ господъ улановъ. Выпивши у буфета рюмку балзему, Щебетковский закурилъ огурцомъ и вошелъ въ общій залъ, изъ котораго три двери вели въ три отдѣльныхъ бильярдныя комнаты. По всѣмъ угламъ были кучи посетителей, табачный дымъ стоялъ столбомъ. Лампы только-что начинали зажигать. Пробравшись за купеческими и дворянскими окнами поближе къ одному изъ бильярдныхъ, Иванъ Ильичъ задумчиво сталъ раскуривать папироску, сравнивая мысленно это грязное и бѣдное мѣсто наслажденій съ зеркальными ресторанами Невского проспекта. — «Ба! Щебетковский! Говоруха! Говори-щебечи, банкъ мечи! какими судьбами?» — «Силентьевъ, Вася!» И пріатели соученики обнялись дружески, на время прервавши общую игру въ аля-геръ. Щебетковский, опомнившись отъ первой встрѣчи, сталъ смотрѣть на бываго товарища, тщетно стараясь угадать въ потертомъ зеленомъ вицмундирѣ его, въ небритомъ подбородкѣ и въ красно-багровыхъ глазахъ, памятную голубую курточку съ бѣлымъ воротникомъ, дѣтски-нѣжныя щеки и свѣтло-синіе глазки нѣкогда близкаго ему соученика Васи. Дѣло непостижимое! Отставной и недоученный лицеистъ Василій Силентьевъ, когда-то дѣйствительно пользовался особымъ расположеніемъ другаго мальчика Ивана Щебетковского, слылъ въ лицѣ за отличнаго товарища и лихаго малца, отличался необыкновенною памятью, страшною лѣнью и сонливостью на урокахъ, и дикою страстью къ самымъ буйнымъ, отчаяннымъ похождениямъ, въ ущербъ добропорядочному поведенію. Изломанные столы и скамейки, изрѣзанные переплеты книгъ и платье, разбитыя стекла въ окнахъ директора и надзирателей, подожженные волосы у сонныхъ сторожей, чернила, опрокинутыя на платье особенно щегольского учителя географіи и лязгонецъ цѣлый ребяческій бунтъ, устроенный въ наказаніе учителя латинскаго языка за то, что послѣдній настоялъ передъ директоромъ высѣчь ученика старшаго класса, были слабыми памятниками пребыванія въ лицѣ этого Силентьева. Многіе изъ болѣе впечатлительныхъ товарищей его, бывшіе потомъ либо въ полкахъ, либо въ канцеляріяхъ, долго еще отыскивали имя его въ газетахъ, дѣтски-преданно ожидая, что вотъ безпримѣрный другъ ихъ отличится гдѣ-нибудь на войнѣ, при взятіи штурмомъ недоступнѣйшей батареи, или прославится въ литературѣ, или затмѣитъ всю предшествующую извѣстность ихъ школы какимъ нибудь проектомъ или рѣшеннымъ труднымъ дѣ-

ломъ на гражданской службѣ. Но имени *Силентьева* не попадалось въ газетахъ и самъ онъ совершенно исчезъ изъ глазъ горсти бывлыхъ друзей дѣтства, разсѣянныхъ по свѣту. Щebetковский глядѣлъ на него и не узнавалъ его. Что значать семь-восемь лѣтъ разлуки! Знаменитый коноводъ школьных энергическихъ предпріятій стоялъ теперь передъ нимъ, оборванный, неумытый и нечесанный. Воротъ грязной рубашки выбивался изъ подъ бурога шелковаго платка на красноватой шеѣ. Сапоги съ загнутыми длиннѣйшими носками, работы уѣзднаго мастера Васюка-Васюченка, выказывали, въ объемистыя дырки, тѣло безъ чулковъ. Онъ свирѣпо косился на шаръ, ёрзая кіемъ по рукѣ и кашляя тѣмъ кашлемъ здоровенныхъ дѣтнѣй, изъ отставныхъ кавалерійскихъ офицеровъ, который называется «*какъ-изъ-бочки*» — вообще былъ, кажется, не прочь убить муху, втѣсаться въ прихвостни къ богатенькому барину, лишь бы пообѣдать на чужой счетъ, смотрѣлъ непріязненнымъ тономъ на все, что отзывалось порядочнымъ обществомъ, и водился уже нѣсколько лѣтъ съ ряду съ одними самыми темными и отпѣтыми забулдыгами. «Мы, браэцъ, простяки, батраки, чумаки; мы, браэцъ, черррнорррабочіе!» говорилъ онъ, дерзко глядя въ глаза всякому новичку, на уѣздныхъ пирушкахъ и попойкахъ. Въ этомъ самоуничиженіи, впрочемъ, укрывался имъ особый ухарскій оттѣнокъ: «де-скать, сволочь ты, барчонокъ, а вотъ мы, по пословицѣ, и неумыты, да веселы и сыты!» — Окончательно сказать, Силентьевъ, изгнанный нѣкогда, при общемъ полусожалѣніи, полуторжествѣ товарищей, изъ лица, потомъ юнкеръ и съ грѣхомъ пополамъ офицеръ какого-то пограничнаго полка, наконецъ судейскій протоколистъ, изгнанный вскорѣ и тутъ изъ общества смиренной канцеляріи, былъ уже просто грязноватый уѣздный побродяга и дармоѣдъ, еще добрый сердцемъ, но окончательно растлѣнный провинціальною тиной, нечистый на руку и неофициально, подъ угломъ, не разъ битый, за кое-какія черезъ чуръ уже крупныя, кляузническія продѣлки.

— «Такъ ты, дружище, здѣсь служишь?» спросилъ его Щebetковский, не безъ тяжелаго, грустнаго чувства продолжая осматривать жалкую ветошь его мутно-сѣраго наряда и измѣненныя черты его лица. — «Да, братъ, кобелишко, здѣсь! Что, небось, забылъ, какъ тебя звали въ лицѣ кобелишкою; прытокъ ты былъ и больно трусливъ! А? Каковъ шаръ? Смотри! Аррръ... А мы такъ, братъ, тянемъ ляжку, въ чернилахъ ку-

паемся; а ты, значить, все на высшихъ точкахъ, суперфлю-вассерфлю пробиваешься?» И, перекосясь лицомъ и вѣсьмъ туловищемъ, онъ стукнулъ громко по полу кѣмъ и сталъ въ дерзкую драматическую позу. Два сидѣвшіе пѣхотные офицеры переглянулись при этомъ между собою и ушли, а одинъ купецъ вдругъ разсмѣялся, точно изъ ружья выстрѣлилъ, и также пошелъ, махая рукою, въ буфетъ. «Фи нельзя! съ фами нельзя, у насъ шуллерскій кій и подъ руку говоришь!» сказалъ съ сердцемъ партнеръ Силентьева, низенькій человѣчекъ, съ огромной головой и съ кривыми ногами, бросая на бильярдъ кій и уходя: «меня предупреждалъ, да я не поферишь; шуллерскій кій, шуллерскій кій, и самъ фи шуллеръ! Господа, это шуллеры! партія не въ-счетъ!» — «Ха-ха-ха! у-у-у!» затрубилъ въ-сладъ уходящему нѣмцу Силентьевъ, которому очевидно такіе отзывы были не-въ-дикуминку. — «Хочешь, Щебетковскій, сыиграемъ по червонцу въ алягеръ, въ-двоемъ; да закусить вели подать!» — «Я въ бильярдъ не играю, а закусить закусимъ!» — И онъ заказалъ довольно отборную закуску. «Ну, по два цѣлковыхъ сыиграемъ!» — «Нѣтъ, не могу!» — «Ну, по гривеннику!» — «Да не могу-же!» — «Ну, я буду и за тебя и за себя играть!» — Силентьевъ выставилъ и ловко пустилъ по красному въ-догонку бѣлаго. Пошли разспросы о старинѣ и о старыхъ товарищахъ. «Ну, а ты, чѣмъ тутъ служишь?» — «Я? Служилъ въ судѣ, да, уже теперь не служу; по маслу, браецъ, спустили! Въ дѣлѣ Южакова съ Сысоевымъ покривилъ душою! Знаешь, любвишко завелась; ну, и прихапнулъ, знаешь, самъ-вентъ-сенъ-рубль анъ-аржанъ,; а секретарь Масловъ и донесъ Борису Карпычу, судѣть, — ну и спустили по маслу, этакъ, знаешь — юить!» и наставивши ладонь, Силентьевъ свиснулъ на вѣтеръ; у Ивана Ильича даже ознобъ пошелъ по спинѣ отъ такой безцеремонности былого товарища...

— «А что, душа, скажи ты мнѣ, по чистой правдѣ, служа здѣсь въ судѣ, узналъ ты здѣшнихъ помѣщиковъ?» — «Какъ свои пять пальцевъ!» — Щебетковскій подумалъ, взялъ кій и сталъ играть съ Силентьевымъ, при чемъ изъ ударовъ его видно было, что бильярдъ не совсѣмъ ему незнакомъ. — «Хорошо, коли ты знаешь окружающихъ помѣщиковъ, скажи, знаешь ли ты Гончаренка?» — «Акима-то Захарыча?» — «Да!» — Силентьевъ съ громомъ посадилъ желтый шаръ въ среднюю и остановился: маленько знаешь, проговорилъ онъ. — «А что, какъ велико умѣ-

ніе этого Гончаренка?» спросил Щебетковскій опять. — «Фю фю фю!» засвисталъ Силентьевъ, цѣлясь опять въ желтаго и поднимая ногу при этомъ въ уровень съ ухомъ. — «А что?» — «Да было имѣніе значительное, спроси хоть кого хочешь!» — «Какъ было? А теперь?» — «Теперь не совсѣмъ! не совсѣмъ!» Иванъ Ильичъ почувствовалъ, какъ-бы кто нибудь стадъ ему отъ затылка вдоль спины лить холодную воду. — «Что ты за вздоръ несешь?.. Вѣдь онъ былъ же откупщикомъ и страшные куши нажилъ?» — «Такъ, дружище, такъ; былъ и нажилъ! На откупахъ нажилъ, а на подрядахъ все спустилъ, да еще чуть ли и не приплатился; селитру вздумалъ поставлать, а послѣ хдѣбъ и дрова! Его и вкатили въ полторы сотни тысячъ убытку!» — «Да какъ-же это такъ?! Полно тебѣ!! Вѣдь у него четыреста тысячъ чистаго капитала лежить въ ломбардѣ!» Кій въ рукахъ Щебетковскаго, отставленный отъ бильярда, дрожалъ. Самъ онъ былъ бѣлѣе стѣны. «Четыреста тысячъ?!» Съ этими словами Силентьевъ тоже оставилъ кій. «Ну, уже, братъ, извини; я уже дѣло-то это почище тебя знаю; я, а послѣ Прокопѣнко, и просьбу ему писали, какъ тянули его съ залогами къ расчету. Кромѣ деревни у него ничего не осталось; да и та принадлежит не ему одному, а съ сестрой—тамъ дѣва безволосая такая—кислая живетъ, Марфа или Мавра прозывается.. Ну, а кромѣ ея—кромѣ этой деревни—вотъ еще что у этого-то Гончаренка есть, коли хочешь знать: на сто десятицъ соловьиного свисту, да на двѣсти десятицъ заячьего бѣгу, да на четыреста—или и больше тысячъ спѣтковъ въ Зундѣ и въ Бельтѣ, съ нѣмецкими осетрами торговлю ведутъ!... Человѣкъ, что же закуску? человѣкъ!.... Вотъ тебѣ и состояніе его!» Щебетковскій очутился въ положеніи преступника, которому прочли приговоръ. Силентьевъ между тѣмъ подъ его ухомъ билъ по шарамъ, сердился на половаго, что тотъ не несетъ закуски и въ-добавокъ ни-съ -сего ни-съ-того пропѣлъ пѣтухомъ, при чемъ изъ со-сѣдней залы, снова раздосадованные его выходками выглянули два сердитые пѣхотные офицера и нѣмецъ, звавшій его шудлеромъ. Закуску принесли. Силентьевъ осушилъ сразу пять рюмокъ настойки, заѣдая ее сеledками и икрой, потомъ принялся за котлеты, потомъ за соусъ, тамъ за жаркое, а наконецъ опять за икру и за настойку. Щебетковскій же, какъ замолчалъ, и замолчалъ. Водки не пилъ, ничего не ѣлъ; разсѣянно отвѣчалъ на слова Силентьева, разсѣянно расплатился съ половымъ.

И когда, прощаясь съ Силентьевымъ, почувствовалъ на губахъ своихъ прикосновеніе жирныхъ и грязныхъ губъ его, и услышалъ шопотливую просьбу его: «же-ву-при, Говоруха, дай мнѣ въ займы депозитку! просто, пароль-донерь, не на что табакъ купить!» тотъ не отказалъ, и далъ ему пяти-рублевую бумажку. Щебетковскій давно шелъ по темной уже улицѣ города, а Силентьевъ все еще стоялъ у бильярда, потупивъ голову и разсматривая безсознательно бумажку. Такой суммы давно уже, очень давно не было разомъ въ рукахъ загулявшаго бѣдняка...

— Какъ? Закабалить себя за такой пустакъ? думалъ между тѣмъ Иванъ Ильичъ, шибче и шибче шагая въ потьмахъ: деревня одна, да и то не вся его, а часть! Ахъ, я дуракъ, дуракъ! Ахъ, ослиная голова! Что-же я думалъ; гдѣ же глаза были? Знакомый Гончаренка священникъ подтвердилъ слова Фабриціуса о богатствѣ Акима Захарыча, упомянувши, что и у Мамышевскаго винокура его деньги были и порядочный кушъ взялъ у него для оборотовъ еще сгончикъ Замуруевъ, Петръ Васильичъ. Да и тотъ геморроидальный тоже коротко-знавшій Акима Захарыча, сказалъ: о-о-о! это цѣлая Ротшильдовская компанія! И другіе подтверждали мои разспросы! Прямо же нельзя было разспрашивать и производить справки! Неужели же они всѣ сговорились и надули? И Щебетковскій не зналъ, что дѣлать.

Безсознательно вошелъ онъ въ номеръ темной гостиницы, бросилъ судорожно шапку и перчатки, потянулся, зѣвнулъ, услыся передъ самымъ носомъ Фабриціуса, положилъ ногу на ногу и нервически спросилъ: «Ну-съ? что же вы, мой несравненный, безъ меня дѣлали, а?» Антонъ Степанычъ въ свой чередъ, только того и ожидавшій, быстро подмахнулъ стулъ еще ближе къ Щебетковскому, взялъ его за колѣни и необыкновенно сладкимъ голосомъ сказалъ: «И такъ, Иванъ Ильичъ, часъ насталъ; радуйтесь и веселитесь: не всегда ходятъ тучи по небу, бываетъ...» Съ этими словами Щебетковскій неожиданно захохоталъ въ самое лицо старика, судорожно скрестилъ руки на груди и, глядя на него лихорадочно блестящими глазами, перебилъ:

— Бываетъ все на свѣтѣ, почтеннѣйшій Антонъ Степанычъ, а досадиѣ всего то, что иногда черепахи надуваютъ орловъ, а лягушки журавлей. Баба бабой и останется...—«Что вы говорите; я васъ не понимаю?»—«То... что портной испортилъ мнѣ цѣлую штуку сукна! Но утро вечера мудренѣе. У меня голова что-то болитъ! Оставимъ бесѣду до-завтра!» Съ этими сло-

вами Щебетковскій раздѣлся, легъ, повозился еще на постелѣ, дождался, пока раздѣлся и его соквартирантъ, и погасилъ свѣчку. «У-у! да какой же ты зубатый: должно быть на кіяхъ проигрался! Что-же? Время не уйдетъ, расскажемъ и завтра!» На утро, послѣ пуншу-ли или послѣ тревогъ предъидущаго дня, старикъ проснулся поздно.

— Гдѣ Иванъ Ильичъ? было его первымъ вопросомъ священникову кучеру, который, какъ видно, давно уже вертѣлъ носомъ въ передней, ворча надъ его чемоданомъ. Кровать Щебетковского была пуста. «Гдѣ Иванъ Ильичъ?» повторилъ снова Фабриціусъ, поднимаясь на постелѣ, съ перекошеннымъ отъ сна лицомъ и странно-охрипшимъ голосомъ. «Уѣхали!» отвѣтилъ сурово кучеръ: велѣли вамъ сказать, чтобъ вы за нимъ не ѣздили; а то, говоритъ, надоѣдаете!» — «Какъ, что? Что ты врешь?» и негодованію старика не было границъ. Щебетковскій однако расплатился за номеръ, чай, пищу людей и даже за пуншъ и за кормъ лошадей Антона Степановича. Старикъ уѣхалъ въ таратайку и, повѣся носъ, направился обратно во-сво-яся, въ какомъ-то неопредѣленно грустномъ состояніи духа. Старикъ впервые, своимъ дѣйствио-непорочнымъ сердцемъ, чувствовалъ что-то затаенное-недоброе въ поступкахъ Щебетковского. Но что это было, онъ еще не зналъ...

А между тѣмъ въ домѣ новаго лица, дальняго сосѣда Говорухи, Тентеръ-Отребинскаго, въ тотъ-же день сидѣлъ неожиданный гость. Этотъ гость былъ Иванъ Ильичъ Щебетковскій. Но прежде, нежели мы скажемъ, зачѣмъ онъ сидѣлъ у него, объяснимъ кто былъ Матвѣй Леонтьевичъ Тентеръ-Отребинскій.

III.

ТЕНТЕРЪ-ОТРЕБИНСКІЙ.

Далекій сосѣдъ Щебетковского, онъ проживалъ отъ него верстахъ въ двадцати, и они почти не знали другъ друга. «Кто такой тамъ живетъ?» спрашивали проѣзжіе у окрестныхъ мужиковъ, указывая на темную чащу Суходольскаго лѣса, откуда глядѣла красная верхушка его дома. «А Богъ его знаетъ, кто онъ такой; панъ живетъ, да и только!» — Болѣе ничего не узнавали проѣзжающіе, хотя Матвѣй Леонтьевичъ Тентеръ-Отребинскій вообще былъ человѣкъ простой и по своему гостепри-

имный. Судьба его была долго притчею въ околodкѣ.—Въ дѣтствѣ онъ учился отлично, безпрестанно привозилъ своему крестному отцу и благодѣтелю похвальные листы; платье содержалъ въ чистотѣ, говорилъ тихо, сидѣлъ тихо, сморкался тихо, и вообще былъ не глупый и смѣтливый мальчикъ. Крестный папенька, принявшій его и воспитавшій сиротою, постоянно удостоивался ото всѣхъ почти вслухъ при немъ произносимой похвалы: «Вотъ благодѣтель, такъ благодѣтель; что онъ ему? а между тѣмъ, какія заботы, какія попеченія!»—Сперва благодѣтель готовилъ его просто для какого-то служебнаго мѣста, изрѣдка только заставляя его на-бѣло переписывать бумаги, то частное письмо къ кому-нибудь покрасивѣе, то форменное прошеніе. Потомъ, возмѣтивши мысль, что коммерція болѣе даетъ выгодъ въ жизни, сталъ готовить его къ себѣ въ прикащики, думая про себя, а еще чаще толкуя своимъ пріятелямъ: «Вотъ, бѣдный сирота, голышъ; къ чему онъ будетъ увеличивать только собою толпу взяточниковъ? У меня же ему будетъ поприще приловчиться къ житейскому, меня успокоить и себѣ скорѣе нажить кусокъ!» Университетъ, куда пріемышъ опредѣлился было изучать медицину и гдѣ съ успѣхомъ уже разбиралъ тычинки и пестики, по настоянію крестнаго отца, былъ оставленъ. Новый прикащикъ горячо принялся за конторскіе счета, поспѣвы и покосы, и на новомъ пути рѣшительно сталъ пожинать лавры. «Э-ге-ге! да это просто находка; трудолюбивъ, честенъ, крeтoкъ, смиренъ и исполненъ страха Божія и уваженія къ старшимъ. Не женить ли его на Агаѣвѣ Семеновнѣ?» — И добросердечный благодѣтель въ третій разъ задумалъ измѣнить жизненный путь своего питомца. Онъ положилъ женить его на весьма сдобной, но уже не первой красоты особѣ, проживавшей двадцать лѣтъ въ его усадьбѣ, во флигелѣ, въ качествѣ домоправительницы, а для большей вѣрности мужа къ женѣ и обратно, мимо всѣхъ своихъ родныхъ, положилъ зачислить за питомцемъ передъ свадьбою, при жизни своей, посредствомъ дарственной записи, все свое имѣніе, бывшее у него благопріобрѣтеннымъ. Питомецъ согласился. Послѣ kolejнаго семейнаго пира, чета была помолвлена; помолвка, по настоянію заботливаго благодѣтеля, скрѣплена была торжественнымъ поцѣлуемъ. Черезъ мѣсяцъ имѣніе было зачислено законною дарственною записью за женихомъ, и послѣдній введенъ, въ глазахъ растроганнаго благодѣтеля, во владѣніе. «Ну, Матюша, ты

теперь богатъ; все твое, что было мое! Корми же только меня до гроба! Кормите дѣти! Будете кормить?»—Дѣти, то есть двадцати-лѣтній женихъ и тридцати-лѣтняя невѣста, объявили, что будутъ... Да впрочемъ крестный папенька толковалъ о прокормленіи только такъ, ради красоты слова. Билъ же онъ на-вѣрняка и зналъ, что рыцарски-стойкаго Матюшу не подкупить ничемъ и что честь его, въ денежныхъ и всякихъ дѣлахъ, несокрушима. Перешелъ Матюша въ домъ благодѣтеля (прежде онъ жилъ тоже во флигелѣ) и пока готовились къ свадьбѣ, сталъ хлопотать и суетиться еще болѣе. Но вышелъ непредвидѣнный случай. Сердобольный крестный папенька въ молодости буянъ и кутила, но вообще скупаго и тугаго характера, черезъ полъ-года послѣ совершенія дарственной записи какъ-то въ пылу заносчивой перебранки, шумной бури самовластиа, каковою онъ иногда имѣлъ обычай угощать своихъ домашнихъ, ни съ того, ни съ сего, не пожалѣвши прежде цѣлой кучи оскорбительныхъ упрековъ и угрозъ, развернулся, да и далъ полновѣсную пощечину своему крестнику. Даже Агаея Семеновна при этомъ привскочила и сказала кислыми своимъ голосомъ и въ носъ: «Прокопій Пароёнычъ, какъ тебѣ не совѣстно!»—Матюши не узнали. Въ одно мгновеніе онъ помертвѣлъ. Въ первомъ безсознательномъ движеніи онъ хотѣлъ было куда-то бѣжать. Потомъ обратился къ Прокофію Пароёнычу и, моргая воспаленными глазами и всхлипывая, сказалъ: «Я благородный человѣкъ, и имѣнія вашего до смерти вашей не возьму. А вы, папенька, послѣ этого подлець! Такъ за даровой хлѣбъ не помахиваютъ; подавитесь имъ сами, а не я,—а ко мнѣ теперь и не подходите!» — «Что ты, что ты, Матюшка, съ ума сошелъ?» вскрикнулъ было опомнившійся благодѣтель. Но Матюша, какъ нѣкая кара высшая, явился неумолимымъ. Мѣрными, быстрыми шагами отправился онъ въ старую баню въ саду; растворилъ ветхую дверь, на посланнаго за нимъ лакея крикнулъ: «Вонъ отсюда, знай, что это мѣсто теперь мое, и вы сами мои!» Заперся, да ровно семнадцать лѣтъ и не выходилъ оттуда. Обросъ волосами, пожелтѣлъ и высохъ, какъ пергаментъ; корни, какъ говорится, пустилъ въ своей конурѣ, и не вышелъ оттуда ни разу, въ то время, какъ все имѣніе и превосходный домъ принадлежали уже ему, по праву. «Мнѣ твоего куска не нужно», говорилъ онъ крестному отцу и сдержалъ слово. Семнадцать лѣтъ принималъ, говорятъ, въ окно, спалъ на барань-

емъ тулупѣ, читалъ однѣ святцы и въ болѣзняхъ отвергалъ лекарства. Обидчикъ черезъ день уже одумался окончательно и страшно перепугался. «Что, какъ онъ возьметъ, да и выгонитъ меня отсюда? Теперь вѣдь онъ полновластный хозяинъ: въ торопяхъ—то я прежде и забылъ его женить! Какъ быть?» Пошли совѣщанія. Прокофій Пареевичъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ къ мѣстнымъ юристамъ и властямъ. Происшествіе въ его усадьбѣ огласилось. Его утѣшали; но роковая баня не давала ему покоя. Оно и дѣйствительно, крестникъ пожалуй и не требовалъ отъ него ничего. Да вѣдь онъ *могъ* потребовать, *могъ* каждую минуту вышвырнуть его изъ имѣнія, со всею его челядью. А тогда одно оставалось на старости лѣтъ: ходить по міру съ сумою. На Агаею Семеновну мало было надежды. Наступилъ какой-то праздникъ и съ нимъ какой-то торжественный день въ былой жизни его усадьбы. Прокофій Пареевичъ одѣлся по нарядѣ, пригласилъ мѣстнаго духовника и, оросивши лицо слезами, съ причтомъ отправился къ банѣ. Дверь отперли. «Крестникъ, Матюша! Матвѣй Леонтьевичъ! Я къ тебѣ пришелъ; прости меня, виноватъ я передъ тобою!» Такъ сказалъ старикъ и опустился передъ затворникомъ на колѣни. Крестникъ, желтый и страшно-исхудалый, какъ мумія, всталъ медленно, съ сырой подгнившей кровати, покрытой полуистлѣвшимъ тулупомъ, поклонился передъ образами, тоже заплакалъ однако же отвѣтилъ: «Богъ васъ проститъ, Прокофій Пареевичъ; имѣнія вашего я не возьму, пока вы живы; живите въ немъ мирно и счастливо! Но меня уже вы не увидите; намъ вдвоемъ не житье на свѣтѣ,—и нѣтъ между нами отнынѣ ничего общаго, хоть и пропаду я въ этой клѣткѣ, какъ собака, не сойти мнѣ съ этого мѣста!»—Дѣйствительно. Прокофій Пареевичъ прожилъ послѣ того еще, какъ сказано, почти семнадцать лѣтъ, не безъ тревоги однако поглядывая на баню, откуда могъ ежечасно выйти настоящій владѣлецъ, только черезъ первыя десять лѣтъ своего заточенія однажды законно напомнившій о своей личности суду, чтобы не пропустить десятилѣтней давности. Прокофій Пареевичъ скончался. Незадолго до него скончалась и Агаея Семеновна, оставшаяся безбрачною. Едва старый помѣщикъ испустилъ духъ, Матвѣй Леонтьевичъ узналъ объ этомъ, вышелъ на воздухъ, шатаясь, въ полуобморокѣ, дошелъ до кабинета, дрыгалъ ключи отъ столовъ и сундуковъ, и гонцы полетѣли отъ него во всѣ концы. Намека на прошлое какъ не бывало. Всѣ

думали, что въ странномъ наслѣдникѣ давно уже наглухо вымерли всѣ чувства, всѣ способности ощущать радости, счастье, желанія, всѣ средства обонять, осязать, видѣть, слышать, вкушать, словомъ жить. И всѣ ошиблись. Гонимы привезли цирюльниковъ, портныхъ, сапожниковъ, цѣлую кучу лекарей и чиновниковъ. Деревня была не малая, а скупой покойникъ оставилъ еще подъ спудомъ не одинъ мѣшокъ съ цѣлковыми. Было чѣмъ выплатить за свое преобразование. Мигомъ выбрали Матвія Леонтьевича, причесали, умыли, одѣли по послѣдней модѣ съ ногъ до головы, написали ему цѣлую кучу рецептовъ для поправленія здоровья и прошеній для пріема имѣнія во владѣніе, которыми наслѣдникъ, какъ сказано въ прошеніи, не владѣлъ лично по болѣзни, и надавали всякихъ свидѣтельствъ, съ печатами и рукоприкладствами. Гости съѣзжались, дверь растворилась, и въ залъ вошелъ новый владѣтель села Голенищева-Червоннаго Матвій Леонтьевичъ Тентеръ-Отребинскій, настоящая фамилія бѣднаго пріемыша, родъ котораго вообще былъ изъ старинныхъ родовъ того околodka. Лица гостей были въ недоумѣніи, какъ встрѣтить его: улыбками или слезами? Покойникъ, подъ богатымъ парчевымъ покровомъ, лежалъ въ столовой галлерей, гдѣ надъ нимъ читали и плакали, кому слѣдовало читать и плакать. Стройный, черноволосый, нѣсколько смуглый, новый хозяинъ, хотя былъ слегка слабъ и мало говорилъ, обворожилъ всѣхъ пріятностью своихъ манеръ, бѣлизною бѣлья, съ брилліантовыми запонками, и баснословно-роскошнымъ поминальнымъ обѣдомъ. Старика-покойника похоронилъ онъ съ большимъ почтомъ, роздалъ богатую милостыню на погребеніи, одарилъ духовенство бѣлое и черное, и старыхъ слугъ покойника, которыхъ впрочемъ тутъ-же счелъ долгомъ спроводить во всѣ концы посредствомъ пачпортовъ и отпускныхъ. Но самъ онъ не проронилъ ни одной слезы ни въ церкви, ни на могилѣ, ни на прощальномъ обѣдѣ. Гости разъѣхались. И только подслѣпovатый дьячекъ церкви Голенищева-Червоннаго увѣрялъ впослѣдствіи, что слышалъ, подъ вечеръ похороннаго дня, когда гостей уже не было, какъ кто-то во ржи, за садомъ, жалобно и ревма ревѣлъ, а потомъ оттуда поднялся будто-бы новый баринъ Матвій Леонтьевичъ.

Нельзя сказать, чтобы Тентеръ-Отребинскій былъ вноліи хоміакъ и сидень. Ни онъ ни къ кому, дѣйствительно, не напрашивался, ни у него не толкалась съ утра до вечера уѣздная че-

ладъ. За то уже, если онъ давалъ званые обѣды и вечера, то послѣдніе на долго оставались въ умахъ окрестныхъ жителей. Хозяйство и всѣ дѣла шли у него отлично. Онъ не суетился и не метался ни въ полѣ, ни за кабинетнымъ столомъ. А тысячи отлагались къ тысячамъ, и ни онъ, ни кто другой не зналъ, кому достанутся всѣ эти тысячи, потому что Тентеръ-Отребинскій былъ совершенно безроденъ и жениться не располагалъ. Богачемъ его назвать—было мало, потому что богачей и безъ него довольно считалось въ окрестности. У одного было несчетное количество десятинъ земли, у другаго крестьянъ, у третьяго лѣсу. У него же и того, и другаго и третьяго было множество, и въ добавокъ ко всему, уже не мнимыхъ, какъ у Гончаренка, а настоящихъ было у него, какъ говорили знающіе, ровно пятьсотъ шестьдесятъ тысячъ серебромъ. Увы! въ уѣздахъ суждено большую частію прославляться однимъ такимъ состояніемъ, каковы состоянія добраго, но неосмотрительнаго Гончаренка и ему подобныхъ. Отребинскій держалъ отличнаго повара, котораго сперва обучилъ на кухнѣ мѣстнаго генераль-губернатора, потомъ даже на кухнѣ какого-то министра, отличавшагося гастрономическимъ вкусомъ, и наконецъ при одномъ гениальномъ парижскомъ ресторатёрѣ. Блъ онъ умѣренно, но изящно, въ высшемъ смыслѣ этого слова, и всегда почти одинъ. Гостей сзывалъ онъ разомъ уже на большіе званые обѣды. Пилъ отборнѣйшія вина. Носилъ самое тонкое бѣлье и первѣйшаго вкуса и моды платье. Годъ самовольнаго заточенія и поста, казалось, должны были убить въ немъ органы гастрономическихъ чувствъ. Но было наоборотъ. Въ ѣдѣ и питьѣ онъ былъ также молодъ и артистиченъ, какъ самый даровитый юноша, и, не смотря на свои почти сорокъ пять лѣтъ, когда гастронимы уже теряютъ драгоцѣнную свѣжесть позыва къ пищѣ и къ питью и становятся, въ большей или меньшей степени, обжорами, находилъ еще, что въ числѣ здравыхъ и положительныхъ благъ житейскихъ онъ ничего не знаетъ выше хорошаго аппетита. Дамы нѣсколько его боялись и мысленно, хотя совершенно напрасно, считали просто грязнымъ человѣкомъ.

Дѣлъ спорныхъ всякаго рода онъ вообще избѣгалъ: отъ своихъ отплачивался, а другимъ говорилъ: «Господа! слезы, вздохи, изліянія родства и дружбы, — все это вздоръ. И вамъ хочется мнѣніе получить, и вамъ. Богъ васъ знаетъ, кто изъ васъ правъ, кто виноватъ по совѣсти; ну, а на дѣлѣ вы обла-

даете правомъ законной вѣнчѣности, а вынѣтъ; ну, и концы в воду! Счастье счастливому и горе дураку!» — Рѣзкія сужденія ему прощались. Соперниковъ по силѣ свободы слова и независимости положенія въ уѣздѣ у него не было. Уважая долгъ общественный, онъ не подпадалъ ни единой пенѣ, ни единому взысканію. Въ добавокъ ко всему, самъ онъ ничего особеннаго не искалъ, потому что почти все имѣлъ. — «Я не ищу, говорилъ онъ, у ближняго—ни осла его, ни скота его, ни рабы, ни рабыни его; не ищу, наконецъ, и жены чужьей, не потому, чтобы принадлежалъ къ глупѣйшей сектѣ холостяковъ, а просто потому, что не люблю женщинъ!» «Вездѣ, говорилъ онъ, во всѣхъ чувствахъ и лакомствахъ, нужны только двѣ вещи: здоровье и вкусъ. А здѣсь я отсталъ: подъ пятьдесятъ лѣтъ трудно влюбляться! Въ карантинѣ моемъ состарѣлось же у меня и сердце. А коли умъ бодръ, да сердце немощно, то брака быть не можетъ!» — И онъ мирно проживалъ въ лѣсной глуши, въ своемъ зажиточномъ Голенищевѣ-Червонномъ. Мужики его благоденствовали, почти не видя его, до того, что окрестные чужіе мужики, какъ сказано уже, даже не знали его и по фамиліи. Дѣла его текли, какъ по маслу. Капиталы его обращались и росли въ конторахъ столичныхъ откупщиковъ, въ двухъ или въ трехъ акціонерныхъ обществахъ и дома, кое у кого, совершенно незримые. И никто не мѣшалъ ни наслаждаться свободою, ни со вкусомъ ѣсть и пить Матвѣю Леонтьевичу Тентеръ-Отребивскому, сколько его душѣ было угодно. У него-то сидѣлъ роковой день, по отъѣздѣ изъ города, гдѣ узналъ о ложномъ минимого приданого Шурочки Гончаренко, Иванъ Ильичъ Щебетковскій.

Матвѣй Леонтьевичъ принялъ его сухо, но вѣжливо. На яркомъ отполированномъ палисандровомъ столѣ обѣденной комнаты, съ дѣланной подъ лѣпной лакированный дубъ, съ большимъ позолоченно горѣвшимъ каминомъ, стоялъ сервизъ съ закуской и винами, пробки которыхъ украшались серебряными куколками Иполеона и Петра Великаго. Красивые лакеи въ ливреяхъ и заки стояли у дверей.

— Вы изволите знать Акима Захарыча Гончаренко? спросилъ Щебетковскій.

— Какъ же-съ. Какъ не знать. Я мало съ нимъ знакомъ, видѣлъ его раза два и жалѣю, потому что, какъ слышалъ,

предобрый человек! Говорятъ, онъ большой поклонникъ Украин-
ны и всѣми силами старается поддержать ея старинные обычаи?

— Да, это правда, дѣйствительно правда... но...

— Говорятъ, еще наливки у него необыкновенныя?

— Истинная правда, и превкусныя. Только родъ его не слиш-
комъ древній, далѣе Екатерининскихъ времянь не восходитъ.
А вотъ мой родъ,—если, Матвѣй Леонтьевичъ, вамъ любопыт-
но знать, идетъ отъ прямой линіи отъ знаменитаго гетмана
украинскаго Полуботка, который погибъ въ Петербургъ...

— Можетъ ли быть? Какъ это любопытно! Это вашъ пре-
докъ! И хозяинъ съ увлеченіемъ пожалъ руку Щебетковскаго.
— Я въ последнее время очень много читалъ старую исторію
Малороссіи и, не скрою отъ васъ, очень уважаю память ваше-
го предка. Вы должны имъ гордиться. Такъ, точно такъ! Онъ
умеръ на чужбинѣ!

— Да; но его прахъ послѣдующіе потомки перенесли въ те-
перешнее мое село, гдѣ я живу и единственно имъ владѣю...

— Очень пріятно, очень пріятно. Я самъ хотя бѣднаго про-
исхожденія, но также украинскій дворянинъ, и высоко чту это
достоинство! Жалѣю очень, что не женатъ. Первымъ дѣломъ
моимъ были бы хлопоты объ устройствѣ майората, для поддер-
жанія нашего рода въ моемъ лицѣ!

Бесѣда на минуту прекратилась. Слуги приняли закуску и
ушли.

— У меня къ вамъ, Матвѣй Леонтьевичъ, есть просьба! про-
изнесъ, помолчавъ, Щебетковскій.

— А! вы меня ловите на словѣ? Извольте, согласенъ и не
отказываюсь отъ обѣщанія. При нашей встрѣчѣ у предводите-
ля, въ прошлую осень, я точно самъ вызвался вамъ на одо-
лженіе. Но помните ли вы... Иванъ Ильичъ, кажется?

— Такъ точно, Иванъ Ильичъ.

— Помните ли мои слова? Я говорилъ: мое одолженіе вамъ
будетъ первое и послѣднее!

Съ этимъ словомъ, странный хозяинъ Щебетковскаго нѣсколь-
ко задумался и еще разъ прервалъ общее теченіе рѣчи такими
словами:

— Въ дни моего бѣдствія, ничтожный и скованный собствен-
ною прихотью, я много страдалъ. Я вамъ покажусь страннымъ;
но то, что я выработалъ въ себѣ, я никому не отдамъ. Я вы-
работалъ слѣдующую мысль: лучше свободы я не знаю ничего!

Говоря безъ тонкостей, я живу, какъ знаю и какъ хочу. Ни въ комъ не нуждаюсь и никому, по правдѣ, не нуженъ. Откровенностей и исповѣдей въ преданности, а особенно въ чувствѣ дружбы никому не дѣлаю, потому что думаю такъ: иногда откроешь душу, а туда возьмутъ, да и нацлюютъ. Разумѣется, выше денегъ, то есть выше средства имѣть желаемое и при этомъ никому не кланяться и не пѣть Лазаря, повторяю, нѣтъ ничего на свѣтѣ. Однако же, я понимаю комфортъ еще и съ такой стороны, что еслибы, вмѣсто этого дома, судьба кинула меня въ лужу мутной воды, то я и тамъ постарался бы найти своего рода лягушечій комфортъ и спокойствіе. Изъ-за этого желанія спокойствія я ни передъ кѣмъ и не одолжаю: иначе еще придется разсчитываться. Не одолжаю я и самъ никого. Вотъ хоть бы, напримѣръ, кинулся бы, положимъ, въ воду мой родной братъ, котораго впрочемъ у меня нѣтъ; спасать его я не сталъ бы. Во-первыхъ, замочишься, а во-вторыхъ, можетъ быть этого ему и не надо. Да что и скрывать? Одни дураки не подлецы, извините меня! Какой братъ на землѣ не обрадовался бы скорописной, какъ говорится, смерти брата, еслибы послѣ него осталось наследство? — Да-съ... Однако же, позвольте; въ чемъ ваша просьба? Я вашъ должникъ. Вотъ вашу только, да этого еще, пожалуй, Гончаренка просьбу я бы и исполнилъ. Его просьбу, особенно, еслибы онъ пріѣхалъ просить денегъ въ-займы, исполнилъ бы потому, что тогда, не выѣзжая изъ дома, кстати, могъ бы съ нимъ познакомиться. А вашу, я уже говорилъ почему? — Ваша покойная бабушка, не дай ей Богъ царствія небеснаго, за то, что она сдѣлала меня должникомъ вашимъ, въ дни тягостнѣйшаго моего недуга, невѣдомо для меня, присылала ко мнѣ лекаря и денегъ. Говорятъ, она была помѣшанная. Это только и мирить меня съ нею... Въ чемъ же, однако, еще разъ позвольте мнѣ спросить, состоитъ ваша просьба?

Иванъ Ильичъ уже зналъ нѣсколько странности господина Отребинскаго, и потому, нимало не потерявшись, рѣшился стать на его же точку зрѣнія и пойти на прямики.

— Дѣло мое, Матвѣй Леонтьевичъ, вотъ въ чемъ состоитъ. Съ вами, вижу, должно отбросить всякіе обряды и говорить откровенно. Спасите меня, Матвѣй Леонтьевичъ; я несчастнѣйшій человекъ!

Тентерь-Отребинскій глянулъ на собесѣдника и даже сдѣлалъ

движеніе, какъ бы думалъ ухватиться за ручку звонка, желая приказать принести одёколону.

— Говорите, говорите откровенно! Я слушаю!

— Надо вамъ разсказать съ начала. Выпало мнѣ наслѣдство, котораго я никакъ не ожидалъ. Наслѣдство пустое, всего пятьдесятъ душъ и шестьсотъ десятинъ земли...

— Что же, это еще ничего! Кусокъ изрядный, и можно бы прожить вѣкъ независимо.

— Да дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ я имѣлъ уже обезнеченное мѣсто. Жалованья, правда, немного, около семи сотъ рублей серебромъ; но зато впереди была карьера. Тетка моя близка въ Варшавѣ къ одному значительному лицу, и я самъ вхожъ былъ къ министру, которому даже...

— Э-э! послушайте, мой милый, вы заноситесь! Петербургъ это все-таки зависимость, а деревня сущее благо для человѣка нашихъ дней. Приволье ничего не дѣлать, ѣсть вкусно, спать безъ тѣни хандры, и сидѣть по цѣлымъ днямъ, сложя руки и созерцая собственное свое достоинство... Какъ хотите, это завидная участь!

— Да, Матвѣй Леонтьевичъ, вамъ хорошо трунить! А между тѣмъ согласитесь, Петербургъ, балы, театры, общество полное высшихъ стремленій, литература. Среди этой горячечной дѣятельности и самъ становишься трудолюбивъ, честолюбивъ и ретивъ къ общему благу, къ всемірнымъ цѣлямъ...

— Петербургъ, началъ задумчиво хозяинъ: Петербургъ—это невыносимая вещь для всякаго человѣка, любящаго болѣе всѣхъ самого себя, вотъ какъ я, напримѣръ, то есть, любящаго достойное любви! Я тамъ не былъ; но думаю, что это сущая гадость—весь этотъ жизненный шумъ и гамъ, который вы перевозите. Ну, кто меня дернетъ быть, положимъ, чиновникомъ, хоть бы и начальникомъ отдѣленія, или департамента? Ну за что я буду рыться съ утра до вечера въ пыльных и кляузныхъ дѣлахъ, отыскивая въ этомъ навозѣ гнусную падаля людскихъ ошибокъ и злодѣйствъ всякаго рода; да у меня и груди не достанетъ для подобныхъ меонитическихъ изверженій! Даже изъ любопытства скверно. Это, какъ думаю, не городъ, а обширный вустой гробъ, гдѣ ползають во фракахъ и въ мундирахъ тощіе черви и съ голоду грызутъ другъ друга...

— Такъ какой же исходъ всему этому! Ну, я бросилъ Петербургъ, пріѣхалъ сюда, сѣлъ на хозяйство, даже увлекся за-

пашками и умодами. Скука же однако сидѣть одному въ четырехъ стѣнахъ!

— Вы любите читать?

— Да... Но согласитесь, въ четырехъ стѣнахъ одному?

— Искусство васъ ни одно не занимаетъ?

— Люблю искусства, но самъ не художникъ...

— Сойдитесь съ какойнибудь артисткой, пьянисткой, что-ли, да помоложе; составьте условія, перевезите ее къ себѣ, вотъ вамъ и лакомство—особенно въ этомъ случаѣ музыка хороша! Не шутя; я бы самъ договорилъ себѣ такую поставщицу фортепьянныхъ благъ, да тугъ нѣсколько на ухо, и не различаю лучшей пьесы отъ коровьяго мычанья...

— Вспало мнѣ, дѣйствительно Матвѣй Леонтьевичъ на мысль пополнить недостатокъ деревенской холостой жизни по закону. «Не добро человѣку быти едину» какъ сказано...

— Вы захотѣли обабиться?

— Да, и нашелъ милое созданіе, здоровое, молоденькое существо...

— Поэзія пеленокъ! Не понимаю и этой страсти; но думаю, извините, что хотя семейныя добродѣтели и картинны и трогательны, а жена съ флюсомъ на губѣхъ и крикъ груднаго мальчишки, когда спать хочется, все-таки плохая вещь. Такъ и навостришь лыжи изъ той-же деревни, либо къ сосѣду, либо къ сосѣдкѣ, либо въ тотъ-же вашъ сквернѣйшій Петербургъ... Не совѣтую вамъ, мой милый, и жениться! Право, это пустыя бредни. Развѣ только уже увлекся, да чтонибудь плохое сдѣлалъ, и нужно расчестъся бракомъ...

— Матвѣй Леонтьевичъ! Вы меня не выдадите? спросилъ Щебетковскій торжественно и стиснувъ ему руку.

— Нѣтъ! Только, если нужно кого вызывать на дуэль, я не иду въ секунданты и беру назадъ свое слово.

— Матвѣй Леонтьевичъ, тутъ дѣло не въ томъ. Въ Петербургъ нѣтъ уже мнѣ возврата! Но злость меня беретъ, когда подумаю, за что я его оставилъ. Мы всѣ люди современные; надѣюсь, вы не удивитесь при моихъ словахъ. Я встрѣтилъ здѣсь дѣвушку, не красивую по правдѣ, и даже черезъ-чуръ не красивую...

— Это-то милое, чудное созданіе, что-ли?

— Да, подхватилъ, нѣсколько смѣшавшись, Иванъ Ильичъ, здоровое, молоденькое существо, богатое, какъ мнѣ сказа-

ли, и очень богатое, Матвѣй Леонтьевичъ, ослѣпительно — богатое...

— А!!

— Я увлекся! Приударилъ, сильно приударилъ, и увлекъ и ее. Барышня сперва глазки стала дѣлать, кошельки мнѣ вязать, ленточки на память и волоски дарить, а потомъ и на свиданіе пришла... Мы вступили въ дѣятельную переписку, хоть сегодня увози...

— Поздравляю васъ, монъ-шеръ; отъ души поздравляю! Что же? Зовете шаферомъ или въ посаженные?

И Тентеръ-Отребинскій съ увлеченіемъ пожалъ ему руку.

— Но вотъ мое горе, меня надули!..

— Быть не можетъ; такъ таки и надули?

— Надули! Я узналъ, что они просто нищіе, хотя и были недавно еще богаты...

— Жаль; очень жаль! Это дѣло дѣйствительно гадкое.

Иванъ Ильичъ примостился къ самому носу Матвѣя Леонтьевича.

— Поѣзжайте, откажитесь за меня, Матвѣй, Леонтьевичъ! Вотъ моя просьба!

— Какъ такъ?!

— Откажитесь за меня передъ отцомъ, а дочкѣ даже можете не говорить; они уже тамъ сами устроятъ дѣло. Главное отецъ; а она повздыхаетъ и утѣшится послѣ.

— Да вы-то что-же сами?

— Да я боюсь...

— Какъ такъ??

И Отребинскій глянулъ не безъ удивленія на собесѣдника. Но Иванъ Ильичъ очень мирно сидѣлъ противъ него, смотря ему въ глаза и только пощипывая конецъ перчатки.

— Именно боюсь. Вы вообразите одно. Дѣвушка точно достойная, милая даже, и такая еще аппетитная, огурчикъ точно; увѣренъ, и вамъ понравится. Но если я съ одной стороны не нацѣренъ нищихъ плодить и раздѣлять съ ней брака; то съ другой стороны, вѣроятно, какъ я уже обдумалъ, и отецъ не захочетъ шутить! Предложенія-то я изъ предосторожности не сдѣлалъ, и прямо придратъся нельзя; мало ли кто можетъ изъ молодежи ѣздить въ каждый домъ и волочиться... Да однакоже есть причина...

Отребинскій всталъ, прошелся по комнатѣ и позвонилъ. Во-

шелъ слуга въ сѣромъ полуфрактѣ, съ бронзовыми пуговицами, и въ красномъ жилетѣ, съ гербами.

— Вы хотите, чтобъ я ѣхалъ непременно? спросилъ онъ Щебетковского.

— Да, прошу васъ; на васъ одна надежда... Вы такъ смѣлы... самостоятельны...

— А барышни этой вамъ не жаль?

— Да посудите сами, подхватилъ Иванъ Ильичъ, вскочивъ со стула: молодость моя, мечты, счастье—все погибнетъ! А она и милая дѣвушка, и могла бы подарить своею любовью... да что-же дѣлать? бѣдна...

— Сколько же вамъ нужно приданого?

— Мнѣ сказали, что за нею около четырехсотъ тысячъ, а оказалось ничего. Справки плохо были сдѣланы прежде. Да я бы и на сто тысячахъ серебромъ помирился; я ужъ, вѣра, вламусь, осчастливилъ бы свою жену!

— Запречь шестерикъ въ карету! обратился Тентеръ-Отребинскій къ лакею: Маликъ поѣдетъ! Хомуты надѣть наборные. Сступай!

Слуга пошелъ къ двери.

— Да, я и забылъ васъ спросить: къ кому же это ѣхать?

— У этого самаго, что я вамъ говорилъ Акима Захарыча Гончаренка случилось это дѣло; а дочку его зовутъ Шурочкою, Александра Акимовна.

Сборы были недолги. У Отребинскаго все дома шло, какъ по маслу. Слегка перекусивъ, онъ вышелъ и тутъ-же сѣлъ въ карету, объемистую, крѣпкую и спокойную. Ему туда подали только-что привезенную съ почты книжку французскаго журнала. Шестерикъ вороно-пѣгихъ, громаднаго роста, почти въ девять вершковъ лошадей, среди которыхъ искусный Маликъ, самъ гигантъ по стану, ходилъ, какъ карликъ, стояли, какъ вкопанные, блестя бляхами наборовъ и распустивъ до копытъ черные гладкіе хвосты.

— Страненъ не много я покажусь этимъ господамъ, сказалъ Тентеръ-Отребинскій изъ кареты: ну, да это ничего; мнѣ давно тамъ хотѣлось быть! Только что-же, если они не повѣрятъ моему отказу, и скажутъ: быть не можетъ, это достойный и благородный человѣкъ?

Иванъ Ильичъ, опершись о балюстраду крыльца, кивнулъ головой и шепнулъ:

— Не бойтесь, повѣрять. Лишь бы мнѣ развязать руки для другихъ исканій. Да вы, впрочемъ, можете, нисколько меня не жалѣть въ этомъ разговорѣ; скажите имъ, что хотите! Скажите, что это сущій негодяй и эгоистъ; что вы даже не соглашались ѣхать съ такимъ порученіемъ, а онъ просилъ и послалъ. Лишь бы отказаться.. Вѣдь мы современные люди, Матвѣй Леонтьевичъ; не правда-ли?—И онъ засмѣялся...

IV.

Посольство.

Но карета двинулась, подхваченная плотнымъ шестерикомъ воронопѣгихъ, и Иванъ Ильичъ не слышалъ, что отвѣтилъ на его слова Тентеръ. Да онъ, кажется, и ничего не отвѣтилъ; а тутъ же вынулъ французскій журналъ и принялся читать.

Тентеръ выѣхалъ уже передъ вечеромъ, и потому по пути къ Гончаренкѣ пришлось ему переночевать у знакомаго содержателя постоялаго двора, забравшаго у него овесъ и хлѣбъ. Отъ Гончаренка онъ тоже вернулся уже поздно на другой день. Шестерня воронопѣгихъ подкатила его къ крыльцу, на стемнѣвшемъ уже дворѣ, вся въ мылѣ. Слуги выскочили изъ дверей; за ними на порогѣ показался встревоженный Щебетковскій, безъ сомнѣнія дожидавшійся возвращенія своего посла. Послѣ уже Тентеръ узналъ, что его гость весь день не находилъ покоя; то сновалъ передъ окнами, то уходилъ въ садъ, то писалъ и рвалъ какія-то письма; даже плохо пообедалъ, не смотря на гастрономическія дарованія повара Матвѣя Леонтьевича. Въведенный на крыльцо, Тентеръ сбросилъ въ передней шинель, протянулъ руку гостю и велѣлъ тотчасъ подавать свѣчи и закуску въ гостинную. Лицо его, смуглое и блѣдно-худощавое, было замѣтно изнурено. Непривычная поѣздка его утомила.

— Вотъ, мой несравненный, сказалъ онъ, усѣвшись въ гостинной въ мягкія кресла и наливая въ гранѣный стаканъ тончайшаго сорта лафиту, между тѣмъ, какъ свѣчи и лампа подъ экраномъ разливали нѣжный свѣтъ по бархату и золоту, картинамъ и фарфору, коврамъ и цвѣтами убранной, съ замѣчательнымъ вкусомъ, гостинной: толкуйте послѣ этого о трудахъ и усиліяхъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Да я бы теперь ни за какія блага не поѣхалъ даже вотъ за пять верстъ. Все-го разломало...

— А я полагалъ, что у васъ очень спокойный экипажъ! сказалъ какъ-то особенно тихо и подобострастно, сидѣвшій передъ нимъ на кончикѣ дивана Иванъ Ильичъ.

— Какое, мой милѣйшій! экипажъ, какъ экипажъ. То ли дѣло сидѣть дома да пить вотъ этакой лафитъ; не хотите - ли, монъ-шеръ?—Гей! человѣкъ! Сигару!

Человѣкъ явился, подалъ на серебряномъ подносѣ сигару и неслышными шагами опять скрылся.

— Да, если такъ жить, какъ вы живете, возразилъ Иванъ Ильичъ, тоже наливая лафиту и закусывая сардинкой, такъ ни Петербургъ, никакая въ мірѣ забота не прійдетъ въ голову!

— Ошибаетесь, ошибаетесь. Вотъ видите-ли, даю опять вамъ честное слово: все отъ насъ зависитъ. Коли человѣкъ одаренъ порядочнымъ запасомъ желанія быть спокойнымъ и довольствоваться одною возможностью безнаказанно и привольно сидѣть, сложа руки и созерцая собственное свое достоинство, то и въ лужѣ, не только въ этомъ домѣ, можно отлично произвести всѣ эти занятія.

— Но неужели же никакого особенно завѣтнаго желанія у васъ, Матвѣй Леонтьевичъ, нѣтъ? Ни мысли о бракѣ, о большемъ богатствѣ, о всеобщемъ уваженіи, славѣ, или хоть долговѣчности?

— Есть одно, сознаюсь: довести свои доходы до того, чтобы наконецъ представилась возможность, не вѣзая никому въ карманъ, имѣть на жаловань француза-повара, прямо изъ Парижа, хоть бы, положимъ, самого Сойе...

— А бракъ? Молоденькая, свѣжая, здоровая барышня, которую отдають со слезами и воплями, невинность въ батистовой сорочкѣ и бумажной юпкѣ...

— Вы циникъ, а я цинизма не люблю! рѣзко перебилъ Тентеръ: это какъ-то дурно дѣйствуетъ на мои нервы и на пищевареніе. Не хотите-ли шампанскаго?

— Помилуйте, подхватилъ Щебетковскій: гдѣ же тутъ пить шампанское, хотя, быть можетъ, мнѣ суждено услышать отъ васъ... не совсѣмъ—пріятный разговоръ о моей судьбѣ?...

— Да... о вашей судьбѣ? Вотъ какъ было дѣло.

Матвѣй Леонтьевичъ еще выпилъ лафиту и началъ:

— Пріѣзжаю я, мой несравненный, къ этимъ Гончаренкамъ. Докладываютъ. Хозяинъ самъ выскочилъ въ переднюю. Очень радъ, говоритъ, очень радъ! Давно слышался и

желалъ познакомиться. Вошелъ я въ домъ. Тамъ закуска стоитъ. Попы около прохаживаются. Какой-то гость съ фуражкой у печки прислонился и задумчиво смотритъ на графинчики. Меня въ гостиницу. Тамъ дама въ шляпкѣ сидитъ и наряжена. Другіе тоже, смотрю, въ нарядѣ. Поговорили мы съ отцомъ. Входитъ дочка, вся въ розовомъ и съ лентами. Присѣла и такъ, съ улыбкою, знаете, на меня поглядѣла. Думаю, что бы это значило? Ужъ не на праздникъ ли семейный какой подоспѣлъ?...

Щебетковскій при этомъ сказалъ: «а постоите!» и ударилъ себя по лбу. «Ахъ, вѣдь точно; вѣдь вы въ день рожденія Александры Акимовны попали! Вотъ случай!»

— Да, вѣрно случай. Слушайте-же. Сижу я. Входятъ еще двѣ дамы, изъ суда кое-кто, еще пятеро. Словомъ, набралось гостей. Шурочка, или какъ тамъ вы ее зовете, курочка что-ли, такая живая, подвижная, ходитъ передъ всѣми, на меня поглядываетъ — нельзя же, въ первый разъ въ домъ. Поглядываетъ, глазенки такъ бѣгаютъ. Въ румянецъ скоро вошла. Тутъ подымаетъ ее какая-то дама, оправила на ней косыночку, обдѣрнула рукавчики и что-то сказала ей, глядя на меня. Подходитъ дочка ко мнѣ, и, не смотря мнѣ въ глаза, спрашиваетъ: «вы не на милодѣдовскую плотину вѣхали?» — «На милодѣдовскую.» — «Иванъ Ильичъ не будетъ?» — «Не знаю, сударыня!»...

— Такъ и спросила? перебилъ Щебетковскій.

— Да, спросила. Постояла она, ножкою повернула и говорить опять: «Странно; Иванъ Ильичъ съ папенькою очень друженъ, а сегодня не пріѣхалъ, и уже болѣе недѣли не былъ у насъ! Вы съ нимъ знакомы?» — «Да, такъ — кланяемся только.» — «Тутъ съ нимъ очень хочетъ свидѣться одна наша знакомая.» — И ушла, думая тѣмъ скрыть себя. Ну-съ, а я жду, помня ваше порученіе. Приходило мнѣ при этомъ въ голову, за чѣмъ собственно открыто отказываться вамъ, когда явно ничего еще не было между вами; не лучше ли было бы такъ дѣло оставить...

— Охъ, и мнѣ уже это приходило въ голову; да съ горяча рѣшилъ такъ. Нечего дѣлать... трусилъ, чтобъ не принудили жениться!

— И я такъ подумалъ, и я. Набралось гостей довольно. Отслужили молебень. Изъ столовой загрели тарелки и ножи. Скоро обѣдать пойдутъ. А послѣ обѣда, дѣло понятное, за наливки садутъ. Когда тутъ на единѣ объясняться? Сильно не

хотѣлось откладывать до новаго визита. Смотрю, хозяинъ бесѣдуетъ съ однимъ духовнымъ лицомъ. Всталъ я и подхожу. «Извините, Акимъ Захарычъ; имѣю къ вамъ одно дѣло.» — «А, милости просимъ, милости просимъ. Пожалуйста въ кабинетъ; тамъ намъ будетъ просторнѣе, не лошадокъ ли покупать? Есть у меня чудный шестеричокъ, сѣрый въ яблокахъ. Все по шести вершковъ.» — «Нѣтъ-съ, не о лошадяхъ дѣло.» — Вошли мы въ кабинетъ, сѣли у окна. Какъ начать? — «Извините меня, Акимъ Захарычъ, началъ я: въ первый разъ къ вамъ пріѣхалъ я, быть можетъ, сообщу не совсѣмъ пріятное для васъ.» — «Не стѣсняйтесь!» отвѣтилъ онъ и сталъ крутить усы. Молодецъ молодцомъ, усища по грудь. «Могу ли?» спросилъ я и началъ теряться. — «Не стѣсняйтесь, милостивый государь!» повторилъ онъ и еще бойчѣе сталъ крутить усы. Я началъ: «изволите ли вы знать господина Щебетковскаго?» — Онъ видно не ожидалъ такого вопроса и сперва неопредѣленно глянулъ внизъ. «Знаю.» — «Какого вы мнѣнія о немъ?» — «Для чего вамъ?» — «Такъ, это идетъ къ дѣлу.» — Онъ выкинулъ пепель изъ трубки и отвѣтилъ: «Не знаю, для чего это вамъ, только полагаю его за честнаго и благороднаго человѣка.» — «Онъ отъявленный мерзавецъ и негодяй!» отвѣтилъ я...

— «Какъ? Это вы сказали?» спросилъ Щебетковский, привскочивъ на стулъ.

— Вы сами, наипочтеннѣйшій мой, поручили мнѣ это, и это входило въ планъ мой! отвѣтилъ спокойно Тентеръ. Не хотите ли хересу? у меня отличный.

— Благодарю васъ; не хочется. Продолжайте.

— Отъявленный, говорю, мерзавецъ и негодяй! На это Гончаренко, ошеломленный и никакъ этого не ожидавшій, сдѣлалъ тоже почти, что и вы. Онъ поблѣднѣлъ, брови его заходили, а рука стала судорожно ловить упавшій чубукъ, какъ будто въ намѣреніи поблагодарить меня за откровенность. «Что вы, милостивый государь?» зашипѣлъ онъ хриплымъ голосомъ и не смотря на меня. Что же мнѣ дѣлать? упросили меня, послали, долженъ былъ ѣхать и похвалъ! — «Да какъ вы смѣете забываться?» кричить. «Успокойтесь говорю, Акимъ Захарычъ, сядьте, вотъ такъ! Не горячитесь; я и расскажу! Сядьте.» — Сѣлъ онъ опять; слушаетъ, а въ груди, какъ мѣха кузнечные, такъ и хрипитъ. «Видите ли, говорю, въ чемъ дѣло: можетъ быть отъ васъ укрылось; только этотъ господинъ

Щебетковскій сталъ ухаживать за вашею дочерью. Онъ придумывалъ для этого всѣ средства. Онъ успѣлъ въ этомъ... и... она его сильно полюбила!» — «Ну?!» — «Онъ показалъ ей, что отвѣчаетъ пламенно и безкорыстно.» — «Ну?! — «Они вступили въ переписку.» — «Ну, ну?! — «Стали имѣть тайныя свиданія.» — «Да ну-те, наконецъ, что-же изъ всего этого?» — «Онъ искалъ не ея, а ея состоянія... Ему сказали, что она богата...» — «Ну, да» перебилъ старикъ: «и имѣетъ таки, чѣмъ, прожить; слава Богу; она у меня одна!» «Эхъ, Акимъ Захарычъ, долго вамъ объяснять это. Человѣкъ этотъ — человѣкъ новаго поколѣнія. Что вамъ довольно, ему мало. Съ чѣмъ вы проживете вѣкъ, припѣваючи, среди мирныхъ благъ укромнаго уголка, съ тѣмъ онъ сочтетъ себя нищимъ, и, еслибы не полиція нашего отечества, я думаю — пошелъ бы еще грабить.» — Понурилъ старикъ голову и уже ничего не возражалъ. «Ему сказали на вѣтеръ, что за нею четыреста тысячъ, нажитыхъ вами на откупѣхъ; онъ и повелъ преслѣдованія, съ тончайшимъ расчетомъ людей, подобныхъ ему. Теперь узналъ, что за нею очень мало, или почти ничего, по его планамъ и видамъ, и поручилъ мнѣ, мнѣ, вашему покорнѣйшему слугѣ, ѣхать къ вамъ и предупредить васъ—что онъ считаетъ долгомъ, *какъ честный человекъ*, именно кажется онъ такъ сказалъ, какъ честный человекъ — отказаться заранѣе и навсегда отъ руки вашей дочери, каковыя мысли просить осторожно сообщить ей!» — «Зачѣмъ же такъ обижать?» спросилъ опять тихо Акимъ Захарычъ, принимаясь дрожащими руками чистить и набивать трубку. Я удивился его словамъ, тѣмъ болѣе, что ожидалъ другаго при этомъ; ожидалъ, что онъ ухватитъ что ни попало и пуститъ въ голову посла. Оставилъ потомъ трубку и всталъ. «Понимаю, говорить, а самъ силится улыбнуться: изъ этого видно, что онъ очень... очень ловкій человекъ!» — И сталъ ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ. «Очень ловкій, весьма, весьма ловкій человекъ!» — И подошелъ къ окну. «Очень, весьма ловокъ... А вы какъ думаете?» спрашиваетъ, барабана по стеклу. «Думаю тоже, что не безъ ловкости, хотя и простоватъ...» — «Гдѣ вамъ простоватъ?» закричалъ старикъ, быстро оборотаясь, при чемъ лицо его все—все было въ слезахъ. «Удивительно лукавъ! повелъ дѣло удивительно! Ха - ха! Да и отдѣлалъ же, вотъ отдѣлалъ. Вообразите, вѣдь зналъ, что смѣшно же отцу вызывать на дуэль человѣка за то, что не хочетъ быть женихомъ

его дочери, когда тотъ и предложенія не сдѣлалъ! Ай, да молодые люди! ай, да молодое поколѣніе! Какіе же подлецы!» — И, обтерѣвъ слезы, сталъ онъ еще быстрее ходить по комнатѣ. Но не выдержалъ и расхохотался, хватаясь за бока и повторяя: «дрянь, ей Богу дрянь; не вѣрьте вы этой молодежи! все дрянь и мелочь! подлость; подлецы! безъ сердца! Охъ-хо-хо!» — Прошибъ ознобомъ и меня этотъ смѣхъ старика...

— Что-же послѣ этого? спросилъ Щебетковскій.

— Послѣ этого еще случилась оказія. Упалъ онъ на диванъ. Я его успокоилъ и оставилъ окончательно прійти въ себя. «Чортъ съ нимъ! рѣшился онъ о васъ: пропадай онъ! я и знать его собаку и преслѣдовать не хочу.» Вышелъ я, а самъ сталъ у двери; думаю, что-то будетъ, не посягнувъ бы еще на жизнь. Смотрю въ щель изъ-за двери, всталъ онъ, вздохнулъ, подошелъ къ зеркалу надъ столомъ, оправился и сталъ чесаться. Волненіе не унималось еще; лицо то багровѣло, то блѣднѣло. Вдругъ щетка надъ головой его остановилась; онъ повернулся и сталъ вслушиваться... шагнулъ къ двери въ ширмѣ и распахнулъ ее. За дверью, войдя туда потихоньку, началась еще нашего объясненія, корридормъ, стояла блѣдная и полу-живая Шурочка. Должно быть инстинктивно угадала она мой пріѣздъ и приглашеніе отца въ кабинетъ, и все подслушала...

Щебетковскій передернулся на стулѣ и сталъ кусать до крови ногти...

— Это ни на что не похоже, началъ онъ, жалобнымъ и плаксивымъ голосомъ: вѣчно такъ; перессорятъ людей, обнесутъ сплетнями, совѣстно послѣ и въ свѣтъ показаться! Наплели мнѣ о ея состояніи, а теперь еще охудать будутъ. Ну, чѣмъ же я виноватъ тутъ? Просто мученіе!!..

Тентеръ взглянулъ на часы. Лампа и свѣчи сильно уже нагорѣли. Было за полночь.

— Ну, Иванъ Ильичъ, завтра наплачетесь и надумаетесь, а теперь еще я кончю мою исторію. Человѣкъ! готовить постель Ивану Ильичу, а на завтра они утромъ пойдутъ рано; дать лошадямъ овса!

— Читали ли вы, мой милѣйшій, спросилъ уже, шутливо и весело мигая собесѣдникъ его: романы Поля-Феваля?

— Читалъ; а что?

— Тамъ много есть такихъ патетическихъ сценъ, какую я

видѣлъ у Гончаренка въ заключеніе спектакля. Вообрази-те, монъ-шеръ, послѣ всякихъ передрагъ, и я, и батюшка, да и сама кажется дочка, какъ и слѣдуетъ, очень плотно закусилъ за обѣдомъ. Выпито было тоже изрядно. Старикъ разболтался въ горячкѣ увлеченія о былой службѣ и лошадяхъ. Встали изъ-за стола поздно и всѣ гурьбой отправились спать, по флигелямъ и по амбарамъ. Думаю себѣ: прикорну, пойду, и я гдѣ-нибудь на свѣжести подъ кустикомъ въ саду. И пошелъ. Иду себѣ съ палочкой по дорожкѣ, да поглядываю по сторонамъ. Вдругъ на одной повороткѣ, какъ изъ-подъ земли, выросла, является передъ мною эта барышня, Шурочка. Сначала было даже я ее и не узналъ. Гдѣ тамъ различать; мало ли этого фрукта было тамъ на праздникъ въ ту пору. Смотрю: батюшки вы мои! Что это такое! Вся въ огнѣ; коса у височка распустилась; даже красива-то мнѣ она въ то время показалась... Стала поперекъ дороги да и глядитъ прямо въ лицо. «Что вамъ, говорю, угодно, Александра Акимовна?»—Оглянула она меня съ ногъ до головы и говоритъ, а губы какъ мѣлы: «Странно мнѣ очень ваше поведеніе. Какъ вы смѣли давеча дѣлать такія низости и говорить папенькѣ такія вещи? Я все слышала.» — «Можетъ быть вы, сударыня, и слышали; только говорилъ я не отъ себя, а по порученію — мнѣ все отъ слова до слова это поручилъ передать вашему папенькѣ Иванъ Ильичъ!» — «Вы лжете!» говоритъ, и такъ странно, улыбаясь, на меня глядитъ: «вы его задумали очернить, а тамъ сами за меня и посвтааетесь... Только не бывать этому, хоть вы и богаты! Лучше утоплюсь, а за васъ не пойду!» — «Напрасно, отвѣчаю, затрудняетесь, сударыня. Обо мнѣ весь околodoкъ знаетъ. Брачнымъ дѣломъ заняться я не намѣренъ и умру холостякомъ, а попалъ въ это дѣло по добротѣ характера и чтобъ расквитаться на счетъ обоюдныхъ одолженій. Спросите хоть кого угодно. Сватали за меня Свинчуткину барышню, съ хорошимъ состояніемъ; не послушался сватьевъ. Предлагалъ тоже откупищикъ Духоблаговскій свою дочку и сто тысячъ чистогану,—тоже убоился премудрости.»—Тутъ она задумалась и, промливъ руку, какъ будто про себя сказала: «Знаете-ли; еслибы даже Щебетковскій и захотѣлъ меня обидѣть, я бы и тогда, кажется, выпустила бы изъ этой руки кровь до послѣдней капли за него.»—Сказала и ушла. Да что? я вамъ замѣчу: не то удивительно, что она это сказала. А то вѣдь диковинная вещь,

что она въ эту минуту вѣрила тому, что говорила, и какъ разъ выполнила бы слова. Дай ланцетъ, такъ живу бы и пересѣкла! Ажно, грѣха нечего таить, заглядѣлся на нее, какъ пошла опять по дорожкѣ, плывя лодочкою, мелькая полными, круглыми, раскраснѣвшими локотками.—Ну, что вы задумались, Иванъ Ильичъ?»

— Я? Ничего...

— То-то ничего. Читали вы когда нибудь американскія сценны или про охоту въ Африкѣ?»

— Читаль...

— Гдѣ вамъ читать! Охотникомъ быть вы не умѣете. До охотничьей души надо дослужиться у Бога. Охотникъ, вѣдь это тоже дитя, или поэтъ. А вы чистѣйшая проза. Да и я съ вами! Ну-съ; такъ вы читали?

— Читаль.

— Помните описанія, какъ тигровая самка дѣтей защищаетъ?

— Помню...

— Ну, это все равно какъ барышня эта Гончаренкова любовь свою въ саду защищала! Славная барышня; право, такой комочекъ, кругленькая — и съ сердцемъ...

Щебетковскій кисло улыбнулся.

— Пора спать, сказалъ онъ, принужденно желая придать лицу холодно-спокойное выраженіе.

— Да, пора. Не хотите-ли на ночь наливки, или чего нибудь другаго. А, монъ-шеръ; не стѣсняйтесь!

— Нѣтъ, не хочу.

— А вотъ я такъ выпью. Хочется пожуировать.

Гость и хозяйинъ разстались. Скоро въ двухъ разныхъ концахъ дома они расположились на пуховикахъ, выслали слугъ, укрылись одѣялами, а свѣчъ еще не тушили. Хозяинъ легъ, выпилъ стаканъ сливки, попробовалъ, спустя немного времени, рябиновки съ подноса, уставленнаго бутылками и флягами, и рябиновки выпилъ сряду двѣ рюмки, досталъ съ этажерки книгу французскаго журнала, и сталъ читать. Такъ онъ дѣлалъ частенько. Непривычные люди въ Малороссіи могутъ назвать это запоемъ. Ему однако же не читалось. Онъ сѣлъ на постель и сталъ разбирать, отъ чего слова: «Славная однако барышня эта Гончаренко!» какъ врѣзались въ умъ, такъ тамъ и остались. — Немного погода, на другомъ концѣ дома поднялся на

постелѣ и Щебетковскій. Онъ также сѣлъ на пуховикъ, поджавъ ноги и сталъ размышлять: «Странное дѣло, какъ пятки чешутся! думалъ онъ. Съ Осипа лѣсничаго, тоже, деньги надо будетъ получить... Сто да семьдесятъ два съ полтиной отъ Бугаева, итого сто семьдесятъ два съ полтиной... Да пшеницы можно продать! Не худо бы и на овсѣ тоже перехватить копѣйку. У Швецова давно не былъ. Надо съѣздить. Тарантасъ тоже вотъ бы заказать...» Вдругъ дыханье Ивана Ильича замерло. Нежданная мысль прервала его обычныя увлекательныя грезы. «А что, если я, олухъ Царя небеснаго, да и тутъ сдѣлалъ промахъ? Что, если въ этомъ-то собственно мнѣ палгали, то есть, что Гончаренко бѣденъ, а онъ вдругъ дѣйствительно капиталистъ? Батюшки, батюшки! Вотъ убилъ-то бобра, вотъ разодолжилъ!» — И онъ почувствовалъ, какъ холодная капля пота проступила у него на лбу и сбѣжала на носъ.

V.

ШУРОЧКА ВЪ ГОСТЯХЪ У ФАБРИЦІУСА.

На утро Щебетковскій прощался съ Тентеръ-Отребинскимъ нѣсколько сумрачно и кисло.

— Теперь мы съ вами квиты за бабушку! сказалъ полушутливо хозяинъ, провожая гостя.

— Что за счеты, помилуйте; я всегда къ вашимъ услугамъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Вы меня не знаете. Что сказано, то уже свято. Въ васъ я, надѣюсь, не буду нуждаться. Для собственнаго же спокойствія и вамъ не совѣтую склоняться на одолженія съ моей стороны.

— Экъ, медвѣдь какой! думалъ Щебетковскій, садясь въ экипажъ.

— Совѣтую вамъ ѣхать напрямикомъ, черезъ Бувандѣвскую усадьбу. Скорѣе доѣдете; да кетати можете и къ хозяину захватить. Онъ, кажется, сегодня свадьбу справляетъ. Молодой челоуѣкъ; всего двадцати трехъ лѣтъ. Только что курсъ въ университетѣ кончилъ, и имѣетъ восемьсотъ душъ. Сирота; и по любви на красавицѣ первѣйшей женится, на Яснопольской, если слышали....

— Да, хорошо имъ жениться на красавицахъ, коли восемь-

сотъ душъ! думалъ Щебетковскій, выѣхавшій за деревню: и какіе однако тутъ по околodку и вблизи все тузы живутъ, а мнѣ ее удастся! И всю дорогу спрашивалъ кучера о владѣльцѣ Бувандѣевской усадьбы. Даже въ трактирѣ по дорогѣ, не доѣзжая до нея, остановился нарочно и спросилъ о томъ же трактирщика. Оказалось, что дѣйствительно молодой помѣщикъ Бувандѣевъ двадцати-трехъ лѣтъ, сирота, пріѣхалъ изъ ученья, живетъ съ дядею и женится на Яснопольской. — Чортъ ихъ возьми! даже съ сердцемъ подумалъ Щебетковскій: и зачѣмъ я буду къ нимъ заѣзжать! Точно навязываюсь. Провались они и съ свадьбою, и съ имѣніемъ! — Приближаясь, однако, къ названному помѣстью, Щебетковскій измѣнилъ настроеніе мыслей. Онъ поминутно выглядывалъ изъ коляски. Усадьба, съ флюгеромъ на красной крышѣ господскаго дома, показалась среди садовъ, издали, на отлогомъ косогорѣ. За двѣ версты еще стали попадаться поминутно пьяные мужики и бабы, спѣшшіе въ Бувандѣевскую-балку, или шедшіе уже оттуда. Кое-гдѣ подъ стогами, у дороги, сидѣли съ улыбками, покачиваясь, тоже охмѣлѣвшіе слобожане. Праздничныя лица сіяли. — Что это такое? спросилъ Иванъ Ильичъ у двухъ бабъ, цѣловавшихся у дороги. — Панъ Буванди женится! — Была свадьба? — Была! Да и свадьба же, вотъ свадьба; съ роду такой и не бывало еще. А сегодня пиръ, и всѣхъ угощаютъ. Кто ни приди, такъ и угощаютъ! Спѣшите и вы, люди добрые. И вамъ дадутъ горѣлки; а не захотите, такъ пива, или варенухи, или меду, или чего захотите! Идите только. Славный панъ, и его всѣ любятъ! — И совѣтамъ цѣлующейся бабы не было конца. Подъѣхалъ къ усадьбѣ Щебетковскій ближе и увидѣлъ, что помѣщика дѣйствительно всѣ любили. По улицѣ не было возможности проѣхать. Почти на версту пространства, безъ движенія, лежали распластавшіеся на землѣ, испившіе чашу угощеній. Поровнялся онъ съ трудомъ съ кухней, у воротъ стояли двѣ, выкрашенныхъ голубою краскою, исполинскихъ бочки съ водкою. На бочкахъ, подмостивъ шаткія доски, стоялъ съ флягами какой-то не то писарь, не то ключникъ, раскрасившійся и уже съ одною улыбкою, въ замѣнъ всѣхъ силъ, языка и голоса. Всякъ, свой и чужой, пѣшій и конный, тамошній и проѣзжій, трезвый и уже пьяный, имѣлъ право подходить къ бочкамъ и, вступая на барскій дворъ или ѣдучи далѣе, выпивать, изъ рукъ улыбающагося виночерпія, водки, сколько душъ было угодно. А во дво-

рѣ, что оказалось сквозь ворота, передь окнами господскаго дома, подъ звонъ и громъ нѣсколькихъ бродячихъ скрипокъ, цымбалъ и контробасовъ, съ поднятыми руками, безъ шапокъ и въ разнообразныхъ положеніяхъ, веселая толпа тѣхъ же мужиковъ и бабъ отплясывала «метѣлицу» и «журавля».

— А ты кто? спросилъ не впадѣь Щебетковскій у виночерпій, глядя изъ коляски съ тѣмъ же приторно-кислымъ взглядомъ. Виночерпій поклонился, хотѣлъ что-то сказать, но только еще медовѣе и обязательнѣе улыбнулся, зѣвнулъ и сталъ опять усердно и яростно черпать изъ бочекъ. «То князь! усердіе!» замѣтили за него мужики, толковавшіе у бочекъ, въ заднихъ рядахъ, и не успѣвшіе еще добратъся до щедраго ковшика. «А гдѣ же самъ баринъ?» спросилъ Щебетковскій. — «Гдѣ! извѣстно гдѣ, съ женою...» Отвѣтъ былъ приправленъ выходкою, отъ которой въ-чужѣ зависть такъ и разлилась по каждой жилкѣ Ивана Ильича. «Эхъ, чортъ возьми!» подумалъ онъ, поѣхавши мимо веселаго двора далѣе: молодъ, богатъ и такую, говорятъ, подхватилъ! — Да что, прибавилъ онъ мысленно уже въ полѣ, когда усадьба, дворъ и брачный пиръ Бувандѣя остались за его спиною: что сѣтовать объ этихъ событіяхъ, о вступающихъ въ бракъ богачахъ, о Гончаренкахъ и обо всемъ въ мірѣ? Что любовь, что дружба, что чувства — сущій вздоръ! Комфортъ и довольство — вотъ счастье!

Подъѣзжая къ своему хутору, Щебетковскій уже пѣсвистывалъ какую-то пѣсенку.

Такъ собственно дешево и обошлось это событіе Ивану Ильичу. Вся зажили по прежнему мирно и спокойно. Мстить тутъ было некому, да и не за что. Все тутъ носило видъ благонастроенности и осторожности. Акимъ Захарычъ Гончаренко могъ бы, разумѣется, погорячиться болѣе, да не захотѣлъ видно слишкомъ оглашать дѣла. Притомъ же очевиднаго права на это онъ и не имѣлъ. Мало ли на свѣтѣ, особенно въ деревенскомъ быту, случается подобныхъ исторій. Иные сватаются и женятся, другіе только ухаживаютъ, третіе даже и не ухаживаютъ, а уже просто по одному виду и положенію въ жизни вездѣ считаются за жениховъ. Были когда-то въ одномъ мѣстѣ три офицера, которые походомъ считали долгомъ на каждомъ почти раздѣхѣ, иногда даже на простыхъ дневкахъ, выдавать себя за жениховъ, свататься и получать согласіе дочерей и родителей.

Положеніе жениха имъ давало болѣе или менѣе хорошія выгоды: лучшую квартиру, перины, вкусный обѣдъ, випную порцію для команды, иногда болѣе или менѣе грѣшное или невинное свиданіе при лунѣ, поцѣлуи невинности, слезы растроганной матушки, иногда на прокатъ тарантасъ и тройку лошадей, а подъ часъ и денежную ссуду отъ батюшки, и тому подобныя одолженія. Певѣста, разумеется, забывалась на первомъ же дальнѣйшемъ перевалѣ, гдѣ тарантасъ и тройка закладывались общему кассиру и банкиру полка, маіору Дряздамордову, а деньги проигрывались въ дьябелку или въ штосъ. Словомъ, поступокъ Ивана Ильича, хотя и огласился, никого собственно не удивилъ.

Пастушила осень. Моросилъ мелкій сѣрый дождикъ, пазываемый тамъ «мжичкою». Среди обмокшихъ и пожелтѣлыхъ полей, по сырой напухшей дорогѣ, тащилась торопливо простая кибитка. Сидѣвшія въ ней прятались, при встрѣчѣ съ другими проезжими. Это были дѣвица Гончаренко и ея тетушка, Марѣа Захаровна. Воспользовавшись отъѣздомъ Акіма Захарыча на какую-то конную ярмарку за полтораста верстъ, послѣ долгихъ и горячихъ обсужденій, онѣ понадѣвали на голову теплые капоры на ватѣ, въ видѣ утиныхъ носовъ, обмотались платками, наскоро одѣлись въ салопы, смастерили подводку и покатили въ ночь къ Антону Степановичу. Возница ихъ составленной на-скоро, импровизованной тройки, юлил на козлахъ бойко и вертѣлся, понукая лошадей и посвистывая, какъ юла. Дорогою тетушка сидѣла сурово, отпуская только краткія, но вразумительныя поученія. Племянница же то и дѣло высовывала изъ кибитки носнитое отъ холоду, какъ сізая слива, застигнутая морозами, личико, опушенное оборкой старомоднаго капора.

— Ахъ, тетенька; ахъ, Василій! повторила она, ломая руки: мы, кажется, никогда не пріѣдемъ къ этому Антону Степановичу. Онѣ однако же пріѣхали, съ грѣхомъ пополамъ, на другой день. Фабриціусъ вытянулъ лицо, когда, стоя на крыльцѣ, увидѣлъ влѣхавшую на свой фольваркъ, съ двумя дамами, кибитку, и въ нихъ узналъ Александру Акимовну и Марѣу Захаровну.

— Что имѣете ко мнѣ? спросилъ онѣ при этомъ рѣзко, и даже вопреки всякимъ приличіямъ, забывши подать руку дамамъ и вывести ихъ изъ кибитки, и въ то же время, очень хорошо, хотя и смутно сознавая причину ихъ появленія. Онѣ уже, хо-

тя отдаленно, стороною, былъ извѣщенъ касательно отказа своего сосѣда черезъ рѣку. Именно, это произошло такъ. Вскорѣ послѣ необъяснимаго отъѣзда Щебетковского изъ города, изъ номера, гдѣ они остановились вмѣстѣ, Фабриціусъ подождалъ—подождалъ, и рѣшился все таки первый навѣстить пріятеля. Въ обычномъ зеленомъ халатѣ своемъ и съ платкомъ въ рукахъ, пошелъ онъ изъ своего жилья къ плотинѣ, въ намѣреніи перейти въ Калиновый хуторъ. На плотинѣ встрѣтился онъ съ дворовою дѣвчою, дочкою старой ключницы и домоправительницы Щебетковского, Улиты. Дѣвочка какъ-то особенно бойко посмотрѣла на Фабриціуса и быстро пошла мимо, чуть поклонившись.

— Эй, ты, шилохвостая, эй! куда бѣжишь? Чай къ женихамъ? окликнулъ ее Антонъ Степанычъ, спускаясь къ другому уже берегу и не думая ее особенно задѣть. Дѣвочка однако пріостановилась.

— Можетъ быть вамъ женихи нужны, а намъ нѣтъ! звонко выкрикнула она и опять пошла впередъ, бойко размахивая смуглыми руками.

— Эге; да какая же ты юркая, обидчивая; подите, пожалуйте—точно ее испугалися! Постой, эй, ты, постой! — Дѣвочка остановилась на пригоркѣ и откинула съ красиваго личика космы густыхъ, русыхъ волосъ. Эй, ты, послушай.

— Ну, чего вамъ?

— Баринъ дома?

— Дома.

— Можно видѣть его?

— Можно; только скажу вамъ, что онъ уже не поѣдетъ къ тѣмъ панамъ Гончаренкамъ, куда вы его возили! прибавила она неожиданно, какъ видно, сочтя долгомъ пригвоздить къ стати въ рѣчь слухъ, перешедшій уже изъ барскаго дома и на кухню.

— Какъ не поѣдетъ? Кто тебѣ сказалъ это? Ахъ, ты дура! Вотъ погоди, я объявлю все Ивану Ильичу! крикнулъ Антонъ Степанычъ, даже привскочивши отъ негодованія на мѣстѣ.

— Кто сказалъ, уже знаемъ! А баринъ не поѣдетъ, и вы не ругайтесь; много у васъ такихъ дуръ найдется,—много! А онъ не поѣдетъ, не поѣдетъ!—Дѣвочка съ этими словами ускорила шаги и скрылась за мельницей.

— Тыфу! произнесъ на все, помолчавъ, Фабриціусъ. Постоялъ, постоялъ и, положивъ, что рѣшительно тутъ самъ чортъ въ догадкахъ погу сломаеть, ушелъ домой. Неразрѣшимое поведеніе сосѣда начинало его обижать и наконецъ просто по стариковски разбѣсило. Онъ положилъ не церемониться болѣе съ этимъ молокососомъ за рѣкою и при встрѣчѣ такъ отбрить, чтобъ долго помнить. Онъ думаетъ, что я его побоюсь! размышлялъ самъ съ собою Фабриціусъ: ого-го! не на таковского напалъ! Еще молоко не обсохло на губахъ: вотъ что! Такъ отбѣлаю, присрамлю, усовѣщу, что и своихъ не найдетъ! Надо ихъ учить, сорванцовъ! Кому же и учить, какъ не намъ!—Съ этими словами онъ рѣшился показать характеръ и выждать самому, чтобъ Щебетковскій первый къ нему явился и просилъ извиненія. Наступила мокрая погода; листъ началъ опадать. На плотинѣ была слякоть. Сосѣдъ не думалъ приходить, и, казалось, двѣ усадьбы начинаютъ, кромѣ рѣки, раздѣляться навсегда еще другою, болѣе недосыгаемою преградою, черезъ которую уже не построишь ни плотины, ни моста. По цѣлымъ днямъ Антонъ Степанычъ стоялъ на крыльцѣ, поджидая Ивана Ильича. Къ Гончаренкамъ же онъ, послѣ своей послѣдней поѣздки, не рѣшался уже такъ скоро ѣхать. Фабриціусъ поджидаль сосѣда напрасно. Въ одинъ изъ такихъ-то дней въѣхала къ нему во дворъ съ сѣдоками извѣстная уже кибитка.

— Что вы имѣете ко мнѣ? повторилъ старикъ, слѣдя глазами всходившихъ на крыльцо посѣтительницъ. Шурочка, не отвѣтивъ ни слова, сдвигнула ему головой, хотѣла развязать застѣжку у капора, заплакала и быстро прошла изъ сѣней въ комнаты. Марѳа Захаровна, печальнымъ взоромъ указавъ ей во слѣдъ, также молча прошла за нею. Что-то роковое увидѣлось во всемъ этомъ старику.

Успокоившись, Шурочка выпила воды, сняла съ вспотѣвшей груди платокъ, сняла бережно капоръ, посадила близъ себя старика, который былъ какъ опаренный и только безъ причины ерошилъ себѣ паричокъ, улыбнулась и стала говорить:

— Душенька, Антонъ Степанычъ, голубчикъ! идите къ Ивану Ильичу!

— Зачѣмъ??...

Шурочка вздохнула, подержала руку надъ сильно—дышавшею грудью и отвѣтила, указавъ на тетку:

— Папеньки нѣтъ; онъ въ Тутолминѣ. Мы съ тетенькой уѣхали потихоньку. Идите къ Ивану Ильичу!

— Да зачѣмъ-же? Право не понимаю!

Шурочка опять перевела духъ.

— Какъ вамъ сказать? Вотъ видите ли, къ намъ пріѣзжалъ одинъ помѣщикъ, такой смуглый, препротивный, и, говорятъ, очень богатый, Тентеръ-Отребинскій...

— Знаю...

— Онъ, вообразите, привезъ отказъ отъ Ивана Ильича. Можете себѣ представить!

И Шурочка передала все, какъ было въ день ея рожденія.

— Ахъ, ты Господи! Да что-же это они, съ ума сошли что ли! промзнесъ на ея рассказъ старикъ и торопливо сталъ собираться. Надѣлъ сюртукъ и желтые нанковые брючки, которые столько разъ на своемъ вѣку самъ онъ мылъ; бросилъ ихъ и началъ примѣрять фракъ. За фракомъ и пикейнымъ жилетомъ, также отброшенными опять, вниманіе его заняли почему-то вышитые гарусные подтяжки, и онъ стоялъ, повертывая и пощелкивая ихъ на ладони.

— Да вы вотъ что, Антонъ Степанычъ, сказала заботливо Марѳа Захаровна: теперь уже поздно; напоите насъ чаемъ, а завтра поутру и отправитесь къ нему!

— И въ самомъ дѣлѣ, матушка! старикъ какъ-будто очнулся, засуетился съ бабой кухаркой надъ самоваромъ, вздулъ угли, внесъ въ отведенную гостямъ комнату свѣчу, потому что было уже темно, и рѣшилъ съ ними, послать предварительно кого-нибудь узнать, дома ли Щебетковскій и что дѣлаетъ. Выборъ идти дозоромъ палъ на кучера гостей, Василия, и Шурочка взялась сама сдѣлать ему наставленія.

— Иди въ кухню ихнюю, какъ будто такъ, чужой; и скажи, что присланъ хлѣбъ покупать, и просишь о себѣ доложить. Какъ введутъ тебя, ты и скажи: нѣтъ ли, баринъ, хлѣба продажнаго? Да послѣ и скажи, чтобъ завтра были дома, что твой баринъ къ нимъ будетъ; у Антона Степаныча, молъ, остановились—по фамиліи зовутся, если спросить, скажи, Тюфякинъ; такъ и скажи Тюфякинъ. Слышишь, Василій?

— Слушаю.

— Какъ придешь, прямо ко мнѣ, и все Расскажи. Василій ушелъ, встряхнувши головой. Баба кухарка Фабриціуса показывала ему дорогу.

Между тѣмъ, въ ожиданіи возврата посланнаго, гости сѣли за чай. Тихо и тревожно бесѣдуя, напились чаю. Баба сняла самоваръ и чашки, и ушла. Аптонъ Степанычъ, кряхтя, все ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ; потомъ сидѣлъ, раскинувшись и понуривъ голову на диванъ. Наконецъ сталъ дремать. Гости снимали нагаръ со свѣчи, шушукали и гадали на картахъ. Карты въ десятый разъ раскладывались на столѣ. Червонный король въ десятый разъ падалъ близъ червонной дамы. Узенькія губы тетушки не умолкали шептать, а розовыя ушки племянницы слушать. Только посланный все еще не возвращался. Наконецъ и тетушка стала дремать. Фабриціусъ просто храпѣлъ. Шурочка тихо встала и неслышно вышла освѣжиться воздухомъ ночи въ сѣни и на крыльцо. Дождь пересталъ. Мѣсяцъ не былъ видѣнъ; но тепло и какъ-то не по осеннему кротко дышала ночь. Опершись ножкой о боковую перекладину крыльца, стала она и задумалась. Съ недавняго времени она себя не узнавала: откуда взялась у нея сила воли. Кровь какъ-то ходѣе и смѣлѣе переливалась въ жилахъ. Голосъ измѣнился. Сердце жаждало сильныхъ движеній. Вдругъ за угломъ домика хруснули щепки и послышались шаги...

— Ты это, Василий?

— Я, барышня...

— Ну, что? былъ?

— Ничего... былъ...

— Говори-же, говори, рассказывай, да тише...

Василій сталъ у крыльца.

— Прихожу я на кухню.

— Ну?

— Говорю, господиъ Тюхвакинскій прислалъ. Хлѣбъ есть, говорю, продажный?

— Что-же они?

— Баба старая какая-то сидѣла въ кухнѣ и чулокъ штопала. Сейчасъ пошла и доложила. Провели меня до него.

— Ну, ну?

— Привели въ переднюю. Потребовалъ къ себѣ прямо въ залу. Смотрю, лежитъ на диванѣ и съ котенкомъ играетъ; а тутъ же, возлѣ него чай на подносѣ стоитъ и книжка на подушкѣ лежить. У стола чай распиваетъ ихняя ключница; а тутъ же какая-то черномазенькая дѣвчонка, лѣтъ такъ пятнадцати, чулокъ вяжетъ и смѣется; должно быть дочка ключницы, какъ полагаю.

Сейчасъ подозвалъ къ себѣ говорить: здравствуй; чей ты? — Тихомаковского, говорю; баринъ у Антона Степаныча остановился и хлѣбъ покупаетъ — а завтра хотѣть быть у васъ утромъ! — «Хлѣбъ, говорить, продажный есть; а только странно говорить, какъ это твой баринъ, должно быть и помѣщикъ еще, знаетъ съ этою жужелицею Фабриціусомъ. Такъ и сказалъ — жужелицею. — Стало мнѣ жалко. Я и говорю: какъ вамъ не стыдно баринъ лаяться; Антонъ Степанычъ, говорю, человѣкъ усердный и господамъ нашимъ очень нравится! — Ну, уже по усердствовалъ онъ мнѣ!» добавляетъ, и засмѣялся, посмотрѣвши на ключницу; та тоже засмѣялась, и дѣвченка эта за нею: «посваталъ было, говорить, меня за нищую, да еще и харахорится! Дрянъ, говорить, и принимать его я не намѣренъ! Просто, говорить, осрамилъ меня съ этимъ сватовствомъ. а еще сосѣдомъ называется! — Оченно бранить сталъ, лаяться на Антона Степаныча, прибавилъ Василій. — Шурочка на это ничего не сказала. Только слышно было, какъ прерывисто дышала она, ухватясь въ потьмахъ за верхушку перилъ. — «Ну, Василій, больше ничего не было?» — «Что было? харцизъ онъ проклятый!» даже вскрикнулъ посолъ, тряхнувъ волосами. «Какъ ты смѣешь такъ говорить? — «А также; я проговорился, значить въ сердцахъ за Антона Степаныча, что человѣкъ, молъ, крѣпостной Акима Захарыча, и барину служу вѣрою и правдою, и баринъ его любитъ.» — «Онъ и вскинулся. Шпіоны, говорить уже подсылаются. Вонъ отсюда!» Да какъ крикнетъ, да съ чубукомъ; да гравилъ еще антихристъ собакою своею...

Александра Акимовна отпустила Василя спать, велѣвши рано-рано вставать и запрягать, до зари. Сама вошла въ комнату, разбудила Фабриціуса и тетку, весело разболталась, объявила, что Щебетковского нѣтъ дома, да и къ стати, потому что она уже раздумала сноситься съ нимъ и прекращаетъ всякое знакомство. Собесѣдники потолковали еще, разошлись спать, и рано на зарѣ домикъ Фабриціуса опять опустѣлъ. Василій сурово сидѣлъ на козлахъ, помахивая возжами. Лошади еле шелись; на дворѣ опять было пасмурно и морозило. А сидѣвшіе въ кибиткѣ такъ и катались отъ смѣху. Смѣшила тетку Шурочка. Все ей доставляло пищу заливаться самымъ искреннимъ хохотомъ: и ея ваточный капоръ, въ видѣ утиного носа, на который она прежде не обращала вниманія, салопъ и печальная кибитка, и Василій на козлахъ съ озлобленнымъ ли-

цомъ, и погода, и грязная дорога, и вчерашній вечеръ.» Вотъ потѣха, тетенька, говорила она: вообразите! Вчера Василию нашему чуть собаки погъ не обкусили! Противный этотъ Щебетковский, да и Тештеръ тоже порядкомъ препротивный, смуглый такой, глазища такъ и смотрятъ — я думаю, злой, и много объ себѣ думаетъ!»—Проѣхали онѣ еще далѣе. Тетка уже дремала. «Да, я полагаю, прибавила опять Шурочка: что и Щебетковский тоже сильно много о себѣ думаетъ! И чѣмъ гордятся эти мушчины!»—«Это все такъ, замѣтила тетка, зѣвнувши и перекрестя ротъ: только жаль мнѣ Антона Стенаныча! Старикъ, какъ куръ во щи, попалъ въ эту исторію и какъ — то странно смотрѣлъ, когда мы прощались!»

И дѣйствительно. Не успѣли гости уѣхать отъ Фабриціуса, какъ онъ пришелъ въ сильное волненіе, одѣлся въ парадное платье, гдѣ въ карманахъ такъ часто лежали дѣлаемые имъ за обѣдомъ катышки для собакъ, напялилъ картузь и ворча пошелъ прямо черезъ плотину, съ цѣлю крупно объясниться съ соседомъ. Но тутъ случилось бѣдствіе. Щебетковский видно ожидалъ его, или увидѣлъ издали въ окно, только распорядился съ быстротою молніи, и старика къ нему не допустилъ. Онъ былъ просто вытолканъ, съ совѣтомъ впередъ лучше вовсе не переступать плотины, раздѣляющей двѣ усадьбы, для собственной его безопасности. Ошеломленный и оскорбленный до глубины души старикъ ушелъ къ себѣ обратно.

Вечеромъ, черезъ два или три дня послѣ того, прибѣжалъ во дворъ Щебетковского мальчикъ-пастухъ, съ поля, и перепуганнымъ голосомъ объявилъ:

— Тамъ на полѣ, за оврагомъ, съ наномъ, что за рѣкою живетъ, приключилось что-то совсѣмъ не доброе. Сидитъ въ халатѣ на кочкѣ, да бьетъ въ дудочку, хотя уже перепеловъ вовсе нѣтъ, и самъ тутъ же вававкаетъ перепеломъ!

Иванъ Ильичъ, подъ шумокъ осенней непогоды, сталъ обдумывать, какъ ему увеличить доходъ съ имѣнія. Оказалось, что изъ запаса дѣла его можно продать десятины полтораста, рублей по сту серебромъ за десятину, и того составляетъ кушъ почти въ пятьдесятъ тысячъ ассигнаціями. Задумалъ, перекинулъ на счетахъ, и рѣшилъ ѣхать отыскивать покупателей.

На сѣздѣ дворянъ въ городъ, для раскладки земскихъ повинностей, въ лавкѣ купца, торговавшего хлѣбомъ, овцами,

чаемъ, табакомъ и что перепало, встрѣтился онъ съ Тентеръ-Отребинскимъ, котораго едва узналъ въ огромной, черно-бурой, медвѣжьей шубѣ.

— А! госводинъ Щебетковскій!

— Матвѣй Леонтьевичъ!..

— Что вы здѣсь?

— Лѣсъ хлопочу продать.

— Жениться опять затѣваете?

— Нельзя-же. Надо исполнить долгъ жизни.

— И есть невѣста?

— Да; есть! И Щебетковскій сталъ высчитывать: Хлопкова, Бутеньина, Шандрина дочь... Мало-ли ихъ!

Все молоденькихъ и самыхъ богатыхъ считалъ.—Тентеръ запахнулся шубой, такъ что носъ едва торчалъ и перебилъ:

— А Гончаренко?

— Э! Я объ нихъ и думать забылъ.

— А вотъ я такъ думаю къ нимъ опять съѣздить; жалко, полъ-года пропустилъ! замѣтилъ Тентеръ-Отребинскій.

— Что-же? лошадей покупать?

— Да... лошадей!

И, нешного помолчавши, Тентеръ прибавилъ:

— Какъ-то право скучно наконецъ становится дома одному, безъ особенныхъ занятій и страсти. Поваръ поваромъ; помните, я вамъ говорилъ, что француза хочу имѣть. Только хорошо бы къ этому и увлеченіе какое-нибудь, хоть бы напимѣръ страсть къ охотѣ, или лошадямъ! Мнѣ кажется, еслибы я женщину какую нашелъ, просто бы кажется въ кабалу къ ней пошелъ. Есть у меня чудакъ одинъ сосѣдъ докторъ и другой сосѣдъ, тоже пріятель. Докторъ живетъ сущимъ Франклиномъ, все о человѣчествѣ и благѣ толкуетъ и разводитъ у себя подъ хатою виноградъ, на солнечной сторонѣ. Этотъ говоритъ: коли у тебя будутъ дѣти, я ихъ все въ холодной водѣ стану купать и спартапцевъ изъ нихъ сдѣлаю. А сосѣдъ винограда не садить, и дѣтей не предлагаетъ купать въ морозной водѣ; а совѣтуетъ, когда женюсь, майорать сдѣлать. Сущіе чудаки. Да нѣтъ, врядъ ли мнѣ не избѣгнуть вѣковать холостякомъ. Какъ-то женщины мнѣ кажутся такими странными существами, что право смѣшно даже подумать о волокитствѣ, а еще тѣмъ паче о такъ-называемой страсти. Только впрочемъ: эта Шурочка исключеніе... Прелесть дѣвочка!

Щебетковскій слушалъ молча и думалъ:

— Хорошо бы его самого захватить въ покупщики лѣса; онъ съ капиталами, бестія и, кажется, уже черезъ-чуръ размечтался.

Черезъ полтара года Щебетковскій получилъ письмо отъ Тен-теръ-Отребинскаго: «Извѣщаю васъ; я женюсь на Шурочкѣ Гончаренко. Не послѣдняя глупость. Впрочемъ, отецъ ея не пожалѣлъ приданаго, и даетъ за нею чистоганомъ четыреста тысячъ!»

VI.

ТѢНЬ ПРАДѢДА.

«Не умѣла песья нога на блюдѣ лежать, такъ ступай подъ столъ».

Пословица.

«Господа! Не вызывайте напрасно уроковъ исторіи, поучительныхъ дѣлъ прошлаго: и для нихъ нужны силы и сердце. Нашъ вѣкъ имъ не внемлетъ. Онъ вяло идетъ мимо. Горбатаго излечить одна могила.»

Лекція всякаго русскаго публициста.

Прошло еще пять лѣтъ, еще десять, и еще пять. Двадцать лѣтъ прошло. Ивану Ильичу Говорухѣ-Щебетковскому исполнилось сорокъ девять лѣтъ. Много утекло въ рѣкѣ Калиновкѣ воды и много совершилось событій, съ тѣхъ поръ, вокругъ тихаго хутора Ивана Ильича. Какія же перемѣны произошли въ немъ самомъ съ тѣхъ поръ? Большія перемѣны.

Чинъ статскаго совѣтника, столько льстившій въ молодости, остался, разумѣется, тотъ-же самый. Имѣніе не уменьшилось и не увеличилось. Наружность была почти столько-же привлекательна и даже моложава. Но измѣнилась и значительно измѣнилась внутренняя, душевная его сторона. Зарывшись въ хозяйство, гдѣ впрочемъ онъ не рисковалъ, Иванъ Ильичъ велъ знакомство съ немногими. Исторія съ Гончаренками заставила его поудержаться въ выѣздахъ на первыя времена. А потомъ произошло дѣло, попадающее на каждомъ шагѣ.

Иванъ Ильичъ обзавелся молоденькою ключницей. Черезъ два года эта госпожа уступила мѣсто другой. За этою появились новыя, и жизнь его потекла мирно, тихо, сухо, себялюбиво, и совершенно однообразно. Одинъ день напоминалъ сотню дру-

гихъ. Не опомнился Иванъ Ильичъ, какъ бездна молодыхъ и редушмыхъ надеждъ и увлеченій оставили его душу. Будничный сѣроушій цвѣтъ легъ на всѣ его мечты почти мгновенно. Сытый обѣдъ, лежанье въ хилатѣ за книгой, а потомъ и вовсе безъ книги; сборы по цѣлымъ днямъ сдѣлать какой-нибудь пу-стакъ: написать письмо въ городъ, приказать починить задвижку у дзери,—все это скоро принесло ожидаемый плодъ. Иванъ Ильичъ, недавно еще мечтавшій жениться не иначе, какъ на миллионеркѣ, мирился съ радостью получить лишніе сто рублей за арендуемый шинокъ на большой сосѣдней дорогѣ. Иванъ Ильичъ, гордо отзывавшійся о своей петербургской карьерѣ по службѣ въ одной изъ модно-властныхъ министерскихъ канцелярій, робѣлъ при мысли о дворянскихъ выборахъ въ уѣздѣ, жалъ руку становому и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на своего уѣзднаго предводителя, тысяче-душнаго отставнаго гусарскаго буяна и картежника. Робость стала главною чертою во всемъ его характерѣ. Несмѣлый и въ хозяйствѣ, онъ былъ далеко оставленъ на всѣхъ его путяхъ своими сосѣдами-помѣщиками изъ молодыхъ, изъ которыхъ въ эти годы у одного явилась винокурня, у другаго сахарный заводъ, у третьяго новыя машины, замѣнившія прежнія сельско-хозяйственныя орудія. Не видя въ сильной конкуренціи съ людьми капиталными способовъ самому пуститься въ обороты, онъ отъ скуки вдался въ старинный родъ хозяйства, дѣлавшій и до нынѣ дѣлающій изъ помѣщика старосту: началъ безостановочно, съ утра до вечера, стоять надъ душою работающаго мужика, въ то время, какъ вся работа въ день, надъ которою онъ назаябся и намучился отъ скуки, стояла иногда гривенникъ. Служба болѣе не влекла. Въ карты онъ не игралъ. Жениться, или лучше сказать посвататься, не рѣшался. И сталъ онъ квадратомъ, въ два обхвата толщиной. Сшилъ себѣ широкіе штаны, широкій какой-то балахонъ. Сталъ пить, ѣсть и спать. И не было въ его исторіи ни одного эпизода, который бы могъ напомнить скучающему ученику заманчивую картину въ родѣ открытія Америки, появленія Могаммеда или событій первой французской революціи...

Нѣтъ, впрочемъ, было одно яркое событіе, и его-то я намѣренъ теперь передать читателю.

Проснулся однажды Иванъ Ильичъ и самъ пришелъ въ удивленіе, отъ чего онъ такъ рано проснулся. Дѣло въ томъ, что его пощекотала за пятки смазливая бабенка, Акулина XIV, какъ

титоловали себя инныя высокія особы въ Европѣ, исправлявшая у него должность домоправительницы.

Утро едва занялось и смотрѣло, свѣжее и розовое, изъ фруктоваго садика въ окна и стеклянныя полураскрытыя двери съ балкона въ гостинную.

— Вставайте, срамники, безсапожники! произнесла веселая домоправительница: вставайте, безстыдники! Обозъ вернулся съ рыбою и съ солью!

— Ну, дай-те мнѣ, душечка, карпетки, и все другое; *оныхъ* не нужно! Застегни вотъ тутъ пряжечку; теперь завяжи вотъ это, а теперь вотъ это, а теперь уже позови Прошку...

Пришелъ Прошка, новый слуга, изъ дворовыхъ парней, въ синей чунаркѣ, какую носятъ сгонщики скота и мѣщане, весь въ репейникахъ и клочкахъ сѣна, обличителяхъ его долгаго странствія по степнымъ пустырямъ. Иванъ Ильичъ ласково окинулъ его взоромъ и, какъ бы любясь вѣрнымъ слугою, продолжалъ молчать и улыбаться. Улыбнулся при этомъ и Прошка.

— Ну, Прохоръ Тимофѣичъ! Расскажи же ты мнѣ, какъ ты ѣздилъ, продалъ ли пшеницу, купилъ ли соли и рыбы, что такое видѣлъ и не нападали ли на васъ разбойники?

Прошка крикнулъ.

— Ёздилъ я, пане, хорошо, пшеницу продалъ, соли и рыбы купилъ, не видѣлъ ничего особаго; разбойники тоже не нападали, и все какъ слѣдуетъ. А вотъ и остальные отъ пшеницы деньги.

Онъ подалъ пачку ассигнацій.

— Дать Прошкѣ водки! крикнулъ баринъ.

— Извѣстно вашей милости, замѣтилъ Прошка: я не пьющъ!

— Да врешь ты, братецъ; не меня тебѣ увѣрять. Любишь ты кокнуть преизрядно, не увѣрай!

Прошка точно любилъ выпить. И теперь даже лѣвый глазъ его былъ меньше праваго и готовился прикрыться неугомонною вѣлкой, которая всегда, какъ штора на окнѣ, опускалась сама собою, едва Прошка убивалъ муху.

Пока Прошку угощали и онъ клалъ за пазуху чунарки остальной кусокъ вкусной булки отъ хлѣба, поданнаго для закусыванья рюмки водки, Иванъ Ильичъ бросилъ взглядъ изъ окна залы во дворъ, гдѣ изъ-подъ рогожъ съ возовъ выкладывали привезенную рыбу и соль, и увидѣлъ, что на одномъ возу поднялся въ трехъ-угольной шляпѣ какой-то незнакомецъ, очевид-

ю спавній до-того на возу, и натягивалъ на себя темнозеленый, съ красными выпушками, мундиръ и шпагу.

— Кто это такой? спросилъ Иванъ Ильичъ у Прошки.

— А Богъ его знаетъ, кто такой! отвѣтилъ Прошка тихо и даже для большей таинственности переступилъ отъ порога къ серединѣ комнаты: попался на дорогѣ, подошелъ; возьмите да возьмите, говорить, къ своему пану. Мы и взяли. Всю дорогу пѣсни пѣлъ, свистѣлъ на какой-то дудкѣ да спалъ. Должно быть засѣдатель, а можетъ и не засѣдатель, а что нибудь другое!

Не успѣлъ этого кончить Прошка, въ дверяхъ показался незнакомецъ. Это былъ высокаго, громаднаго роста юноша, русый, съ атлетическими членами, голубоокій и съ русыми кудрявыми волосами, которые львиною гривой окаймляли его голову и лѣзли на глаза. Онъ вошелъ, весело расшаркался, и еще веселѣе и развязнѣе отрокомендовался. Оказалось, что онъ: Феликсъ Францовичъ Подгурскій, помѣщикъ изъ-подъ Умани, нѣтъ домъ въ Бердичевѣ, ѣдетъ къ роднымъ въ Смоленскъ, но на дорогѣ ограбленъ, потерялъ шкатулку съ деньгами, помалъ объ этомъ кому-слѣдуетъ объявленіе и, пока найдется его достоиніе, просить покровъ и гостепріимства Ивана Ильича, какъ помѣщика и дворянина, значить товарища ему по сану и крови.

Иванъ Ильичъ, одичавшій до невозможности въ своемъ хуторѣ, принималъ было сперва эту рѣчь сурово и даже невѣжливо—негостепріимно. Онъ сталъ извиняться отрывочно и сухо въ невыгодности помѣщенія своего дома, обветшавшаго и разваливавшегося до-того, что самъ онъ жилъ только въ двухъ комнатахъ, въ гостинной и въ угольной. Взявшись за подбородокъ, не бритый уже двѣ недѣли, онъ даже хотѣлъ сослаться и на него, что вотъ, дескать, какой у него небритый и не привлекательный подбородокъ. Словомъ, жутко и дико было ему на первыхъ порахъ это посѣщеніе. Но посѣтитель не церемонился. Услѣся на стулѣ, закинулъ ножку за ножку, шляпу взялъ подъ локоть, оправился, взглянулъ съ улыбкой на хозяина, и эта улыбка уже не покидала его.

Иванъ Ильичъ еще разъ потеръ подбородокъ, постоялъ, пощелкалъ и дѣлать нечего пошелъ въ свою спальню. Тамъ онъ скинулъ балахонъ, въ который одѣла его Акулина, облачился въ какую-то верблюжью куртку и снова явился къ гостю.

Чай подали въ розовыхъ чашечкахъ, на зеленыхъ блюдцахъ, такъ походившихъ на освѣщавшее ихъ утро, тонувшее въ зелени душистаго сада. Хозяинъ и гость разговорились.

— Пріятныя мѣста, пріятныя у васъ мѣста! говорилъ гость.

— Да, Феликсъ Францовичъ! не могу пожаловаться на судьбу! Вотъ я и въ Петербургѣ служилъ, и министру былъ извѣстенъ, и о громкой карьерѣ мечталъ; а какъ попалъ сюда, какъ вкусилъ благъ тихой природы и свободной лѣни,—то все забылъ и считаю... считаю себя... счас... спокойнѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ!

— Такъ-съ, совершенно такъ; и нельзя не считать. Вы какъ бы анахоретъ, или пустынный! Вотъ и я, какой силы и геркулесовскаго объема человѣкъ; а выше тихаго пріюта дружбы и меланхоліи ничего не люблю!

— Такъ и вы любите меланхолію?

— И я...

— Оставляйтесь же со мною подольше раздѣлить это счастье! сказалъ Иванъ Ильичъ, блеснувши жирными, пострѣвшими отъ лѣни и скуки глазами, и ухвативши гостя за руку:—оставайтесь у меня! заживемъ! Знаете, покой, тишина, сады, женщины!.. Я васъ познакомлю съ одною прелестною сосѣдкою—изъ простыхъ! Я эту масть предпочитаю другимъ. А вы? А?

Феликсъ Францычъ Подгурскій на это осклабился по уши и только замоталъ головою. Грива его какъ-то задвигалась при этомъ и будто ошетибилась сама собою, а затылокъ и толстые пальцы пухлыхъ рукъ налились кровью.

— Феликсъ Францычъ, у меня къ вамъ просьба!

— Что такое!

— Скиньте вашъ мундиръ и надѣньте мой халатъ или просторный сюртукъ!

— Съ удовольствіемъ.

— Откуда у васъ этотъ мундиръ? гдѣ вы служите?

— По комиссаріату служилъ и теперь съ мундиромъ въ отставку.

Мундиръ снятъ въ особо-очищенной комнатѣ, одной изъ давно-забытыхъ на глухо въ верхнемъ этажѣ, и Подгурскій явился въ какой-то просторной полосатой курткѣ. Веселая домоправительница, Акулина XIV-я, проводившая гостя на верхъ, укрывшись въ корридоръ подъ развѣшенною перепелиною сѣтью, подглядѣла, какъ онъ переодѣвался и, быстро войдя въ кухню, объ-

авшла во всеуслышаніе:—Ну, сударики-молодчики мои! Поселилась у насъ фря! И когда вслѣдъ за тѣмъ ее стали допрашивать — какая же фря? она залилась истерическимъ хохотомъ, упала на лавку и рассказала, какъ гость снималъ мундиръ и какъ у него подъ мундиромъ не оказалось, кромѣ флейты въ сапогѣ, ничего болѣе, ни жилета, ни бѣлья. Флейта была любимую забавою Феликса Францыча.

Итакъ Подгурскій поселился у Говорухи-Щебетковскаго.

Первое время Иванъ Ильичъ очень деликатничалъ съ своимъ гостемъ:—Феликсъ Фрапцычъ, да Феликсъ Францычъ! Самъ ему даже перины ощупывалъ передъ ночлегомъ, спрашивалъ, что онъ любитъ кушать и угощалъ его разными невинными деревенскими удовольствіями—ходилъ съ нимъ по саду, по выгону, а тамъ и на хutorянскія вечерницы, гдѣ мощный Ловласъ самъ онъ вкушалъ отъ всякихъ запрещенныхъ и незапрещенныхъ плодовъ. Потомъ они свыклись, ѣздили нѣсколько разъ въ церковь, обѣдали у попа, бывали раза два по дѣламъ хозяйства въ городѣ, и наконецъ уже не разлучались. По цѣлымъ днямъ сидѣли они на крыльцѣ, молча или бесѣдуя другъ съ другомъ. После веселаго разговора, то одинъ вздохнетъ, то другой. — О, Клеменція, Клеменція! взывалъ иногда при этомъ Подгурскій:—славная была женщина! Щебетковскій женщинъ не вспоминалъ и не жалѣлъ; но не разъ заводилъ рѣчь о какомъ-то старикѣ—Субботѣ Иванычѣ, истинномъ своемъ другѣ, смятомъ бурями судьбы и не кончалъ разговора. И странное дѣло! Судьбѣ наконецъ угодно было въ лицѣ Щебетковскаго сыграть роль этого самаго Субботы Иваныча...

Какъ нѣкогда, двадцать лѣтъ назадъ, щегольской Иванъ Ильичъ сидѣлъ съ смиреннымъ Вахненкою, и послѣднему пришло на мысль женить своего сосѣда; такъ и теперь самому Ивану Ильичу, уже маститому, квадратному со всѣхъ сторонъ, помѣщику и холостяку, пришло въ голову женить Подгурскаго. И все то, что нѣкогда онъ самъ питалъ въ душѣ, обращалось имъ теперь въ судьбѣ гостя. Онъ хотѣлъ жениться на богатой, и того давай, дескать, женю на зажиточной. Какъ знатокъ по призванію и ремеслу, онъ повелъ это дѣло еще осмотрительнѣе, чѣмъ самъ. Но это впереди. Мы еще на разсказѣ въ іюнѣ, а дѣло было въ августѣ.

Какъ сказано, Иванъ Ильичъ ни съ того, ни съ сего, чисто полюбилъ своего гостя. Разъ какъ-то спросилъ:—А что же ва-

ше дѣло о пропавшей шкатулкѣ? и когда получилъ въ отвѣтъ: —А Богъ знаетъ! подождемъ! болѣе уже не спрашивалъ. Пущены были въ ходъ всѣ деревенскія увеселенія. Иногда даже хозяинъ и гость, запершись, бражничали. Иванъ Ильичъ былъ на волосъ отъ запоя въ одиночку. Бывали вечера, когда и тѣнь грусти осѣняла ихъ своимъ покровомъ. Наохлившись, какъ воробыи передъ дождемъ, просиживали они тогда цѣлые часы, не говоря ни слова другъ съ другомъ. Было ли это отъ несваренія желудка, или такъ отъ чего нибудь, только въ это время Феликсъ Францычъ прибѣгалъ къ своей флейтѣ, вынималъ ее и игралъ на ней до поту лица. Эта игра производила на Ивана Ильича горькое впечатлѣніе. Иногда онъ даже при этомъ плакалъ. Желая развеселить хозяина, Подгурскій подсаживался ближе.

— Это кто у васъ написанъ на портретѣ? спрашивалъ иной разъ въ такую минуту Феликсъ Францычъ, указывая на изображеніе, во весь ростъ, надъ диваномъ, молодцоватаго мужчины на конѣ, въ красномъ долгополомъ кунтушѣ, въ усахъ и при саблѣ.

— Это мой предокъ одинъ написанъ, прадѣдъ! отвѣчалъ задумчиво Иванъ Ильичъ: — говорятъ, онъ иногда ходитъ здѣсь по саду и по дому; тѣнь его ходитъ! Впрочемъ, я не боюсь!

И печально вздохнувши, какъ бы сравнивая свою неказистую фигуру, гороховый балахонъ и кудрявый хохолокъ, съ значительною уже просѣдою, съ краснымъ кунтушомъ, черными бровями и съ заливчатскими усами прадѣда, Щебетковскій прибавлялъ:

— Великой силы и сана былъ человѣкъ! Гетманомъ былъ и цѣлымъ краемъ правилъ. Нашъ родъ имъ и славится. Вонъ и булава его и бердышъ висятъ на стѣнѣ! Неописанной знатности былъ человѣкъ, и еще, куда бы ни шло, въ гости или даже такъ куда нибудь, вездѣ передъ нимъ играли трубачи — иначе и не ходилъ. И кого бы ни поискать по сосѣдству, ни у кого нѣтъ такого знаменитаго рода!

На эти геральдическія сказанія, гость обыкновенно отмалчивался, зѣвалъ въ руку, глядя въ землю, незамѣтно вставалъ, какъ-будто за чѣмъ нибудь важнымъ, шелъ къ домоправительницѣ въ чуланъ или въ кладовую, и говорилъ:—Тамъ, Акулина Парфентьевна, Иванъ Ильичъ опять все такое говоритъ! Вы, душечка, дайте мнѣ грушъ или меду, что привезли съ пасѣки!

Хочется, душечка! Домоправительница на это, не смотря на то, что была уже очевидно не прочь побаловать гостя своего барина, сердито фыркала, однако же давала желаемого, прибавляя: — У! Сахаръ медовичи! все бы ямъ лакомиться! На-те, да только, чтобъ Иванъ Ильичъ не узнали!

Подгурскій садился въ уголъ и, мурлыкая, какъ котъ, ѣлъ въ-тихомолку груши и медъ...

Въ такихъ-то событіяхъ пришелъ роковой августъ.

Иванъ Ильичъ однажды ходилъ-ходилъ по комнатѣ, потиралъ руки и лобъ, судилъ, усмѣхался про себя, бормоталъ что-то въ слухъ, наконецъ остановился посреди комнаты, разставилъ врозь руки, склонилъ голову, расхохотался почти во все горло и сѣлъ писать. Черезъ часъ былъ послано письмо къ помѣщицѣ, знакомой уже намъ пани, Прасковѣ Кондратьевнѣ Дженджерихѣ, такого содержания:

«Милостивая государыня, и къ сожалѣнію не маменька

Прасковья Кондратьевна!

Везу къ вамъ отличнаго жениха. Согласны?»

И получилъ на это отвѣтъ:

«Государь мой, Иванъ Ильичъ, и къ-сожалѣнію не сынъ— мой, — ваше высокородіе! Вы имѣете на примѣтѣ жениха, а мнѣ сына. Везите. Отчего-же; я не прочь, и посмотрю. Можетъ мы и сойдемся, и вы станете сватомъ, коли не стали сами когда-то сыномъ. А впрочемъ остаюсь, ко услугамъ, доброжелателька ваша

Прасковія Кондратьева дочь

Дженджеръ».

У пани Дженджерихи въ это время уже не было ни одной незамужней дочки. Къ чему же суровой пани были нужны женихи? Отвѣтъ простой. Въ это время у старшей дочери ея, вышедшей за мужъ двадцать лѣтъ назадъ, родились двѣ дочки, Маврикія и Капитолина, бывшія теперь уже невѣстами. Бабушка обѣихъ ихъ приняла на воспитаніе, а значить и обязалась выдать ихъ за мужъ. Это были, не смотря на годы, двѣ дебелыя грузныя дѣвы, и назывались, вмѣсто Маврикіи и Капитолины, одна Маночкою, а другая Цаночкою.

Эти барышни не имѣли рѣшительно никакого понятія о трудѣ и весь день, съ утра до ночи, сидѣли, сложа руки и только помышляя, какъ бы получше принарядиться. Бабушка была къ

нимъ очень слаба и поминутно думала, какъ бы скорѣе ихъ выдать за мужъ. Еще на десятомъ году старшей, а младшей на девятомъ стала она дѣлать приданое. Теперь же особенно она торопилась. Ее сильно пугало сосѣдство Головковскаго уѣзда, гдѣ тогда былъ разсадникъ лучшихъ невѣстъ. Въ одномъ мѣстѣ, на пространствѣ двадцати верстъ, ихъ насчитывалось тогда около двадцати семи, какъ иногда весною, подъ ветхимъ дупломъ липы, встрѣчается цѣлая семья груздей и сыровѣжекъ. Разумѣется, были между этими невѣстами и застарѣлые березовики, и скромныя дожжанки, и даже мухоморы. Но вообще ихъ поколѣніе славилось и только ждало избранника, который бы явился, мелькнулъ и погубилъ ихъ цѣлую кучу. Избранникъ пока не являлся, и Прасковья Кондратьевна стала ежегодно задавать пиры въ день рожденія своего, въ концѣ августа, чтобы заранѣе завербовать вниманіе свѣта на Мапочку и Цапочку. Въ этотъ день, въ мирный домикъ пани Дженджерихи, началъ съѣзжаться цѣлый уѣздъ. Такъ случилось и теперь, когда Иванъ Ильичъ, въ такой праздникъ, рѣшился ей представить своего гостя...

Съ самаго утра штатъ хуторянской кухни былъ усиленъ сосѣднимъ полковничьимъ поваромъ, изъ литовскихъ губерній, Казимиржемъ Праскундзицкимъ, который, являсь сюда, счелъ долгомъ прежде всего напиться пьянымъ до омертвѣнія, почему и отнесенъ былъ въ погребъ проспаться, и приглашенною же на время женою его, экономкой полковника, Кастулей Кантидьевой. Кастуля Кантидьевна была шляхетскаго достоинства, до выхода въ замужество за полковничьего повара, носила постоянно на головѣ желтый шелковый платокъ и, являясь на хуторянскіе съѣзды съ предложеніемъ услугъ экономки, нализывалась еще прежде супруга и начинала, съ пылающими щеками, увѣрять во всеуслышаніе, что печеніе блиновъ, приготовленіе водокъ и закусокъ, а равно и весь остальной парадъ, это уже извините, это уже ея дѣло, и никто до него не коснется. На этотъ разъ собственная ключница пани Дженджерихи, должно быть, угощая повара и его супругу, сама хватилась черезъ край и съ утра усѣлась на дѣвичьемъ крыльцѣ съ ключами, тоже въ нарядномъ платкѣ и безъ ногъ, сложа руки и поминутно улыбаясь всѣмъ мимо-идущимъ...

Наконецъ стали являться и гости. Коляска Говорухи-Щебетковскаго подкатила изъ послѣднихъ. Иванъ Ильичъ, собствен-

норучно обрившій по утру своего сожителя и на помадившій его жасминною помадой, вошелъ свѣтлѣ майскаго утра. Сожитель выпрыгнулъ за нимъ тоже въ духѣ, принаряженный въ лѣтнюю пикейную пару, съ плеча гостепріимнаго хозяина.

— Да, сказалъ, входя въ переднюю Иванъ Ильичъ: я васъ, Феликсъ Францычъ, и не спросилъ — говорите вы по французски?

— О, ке-ле-монъ-шеръ, да съ гейстъ, ми-не ки-не иси! отвѣтилъ безъ запинки атлетическій Подгурскій, трахнувши бѣлокурыми кудрями и усмѣхнувшись во весь объемъ румяныхъ и круглыхъ щекъ: разумѣется говорю!

Иванъ Ильичъ такъ и помертвѣлъ. Нерѣшительно ступилъ онъ за порогъ, неловко вошелъ въ гостиную, все обдумывая лѣкую рѣчь, отпущенную пріелемъ, и войдя въ кругъ дамъ, гдѣ ласково приняла его все—таже величественная и бойкая, хотя уже совсѣмъ сѣдая пани Дженджериха, сказалъ, махнувши рукой:

— Феликсъ Францычъ Подгурскій, помѣщикъ изъ-подъ Умани, имѣетъ домъ въ Бердичевѣ; ѣхалъ въ Смоленскъ къ роднымъ, но ограбленъ на дорогѣ и пока гоститъ у меня...

— Очень рада, очень, Хвеликсъ Хравцовичъ! заговорила величественная хозяйка: а на васъ, Иванъ Ильичъ, я даже сердила. Отчего вы насъ забыли и такъ рѣдко бываете?

— Что дѣлать? Занялся по имѣнію, Прасковья Кондратьевна!

— Ну, милости же просимъ!

Гости окружили Говоруху-Щебетковскаго. Подгурскій покрутилъ усы, глянулъ козыремъ вправо, тянулъ влѣво, и пошелъ знакомиться съ кавалерами и съ дамами.

Пока готовился столъ къ обѣду, Подгурскій былъ въ этомъ домѣ уже свой. Дамы и дѣвицы сразу рѣшили, что онъ душка и похожъ на Геркулеса. Вслѣдъ за тѣмъ какъ-то найдено, что имя Феликсъ—значить счастливецъ, и пріатель Ивана Ильича мгновенно сталъ львомъ собранія...

Повертываясь на каблукахъ, Подгурскій юлил волчкомъ. Таля его была перетянута куколкой. Словомъ, онъ былъ вполнѣ амурчикъ. За обѣдомъ и послѣ обѣда, нѣкоторыя дамы поспѣшили тотчасъ пріобрѣсти его въ свое расположеніе, и онъ, побрякивая цѣпочкой, занятой у Ивана Ильича, подсаживался то къ одной, то къ другой. Посчастливилось ему у многихъ. Во-первыхъ у одной маменьки, у которой было три дочки, такъ

себѣ, «и-донки», слывшія у мѣстныхъ жениховъ за особѣ въ черномъ тѣлѣ, хотя онѣ и пріѣхали на праздникъ Прасковьи Кондратьевны въ нарядныхъ кисейныхъ платицахъ, въ пинжуркахъ и газовыхъ галстучкахъ, причесанныя болопками. Вторыхъ Подгурскому повезло счастье у другой маменьки, имѣвшей всего одну дочь, которая была зато разбитная, смуглая дѣва, гусарь-барышня, съ усами въ полъ-вершка и съ глазами, изъ которыхъ такъ и глядѣло по купидону. Наконецъ поспасливалось ему и у третьей маменьки, у одной несчастной и горемычной винокурши, подарившей мужа, въ продолженіе девяти лѣтъ женитьбы, тремя двойными дѣтей женскаго пола, и какъ нарочно похожихъ, какъ двѣ капли воды, на печальную маменьку, о которой мужъ со злобой говорилъ: «Да-съ, жена моя еще такъ себѣ, Богъ съ ней, ничего; да лицо-то у нея, батюшка мой, мордецъ, вотъ что!» — Но больше всѣхъ, разиѣтся, ухаживала за Подгурскимъ сама, величественная Прасковья Кондратьевна. Феликсъ Францычъ развернулся, сталъ отпускать комплименты и просто всѣхъ очаровалъ.

Всѣ пошли за столъ. Обѣдъ шелъ, какъ вездѣ, сперва тихо, потомъ шумно, наконецъ уже никто никого не слушалъ, всѣ говорили разомъ и шумѣли изъ всѣхъ силъ посудой. Подъ конецъ стола экономка Кастуля Кантидьева, съ бантомъ чепца уже на затылкѣ, внесла дымящуюся чашу варепухи и тутъ — уже дамы оставили столъ, а мужчины принялись пить на всей волѣ. Кастуля Кондратьевна при этомъ тоже развернулася, и стала рассказывать такія вещи, что пирующие сначала фыркали, и хохотали до упаду, а потомъ должны были просто вывести ее подъ руки. Немного погодя послѣ обѣда, загремѣлъ изъ саду хоръ трубачей, и начались танцы. Тутъ общая веселость превзошла всѣ мѣры. Мужчины выходили изъ силъ, танцуя до упаду. И не смотря на то, что у многа плѣшь свѣтилась, какъ вычищенный мѣдный тазъ, а за животомъ невидно было ногъ, онѣ носились и юлили, легче вѣтру. Другой былъ, кажется, не толще чубука и съ жиденькимъ хохолкомъ походилъ на воробья, а тоже прыгалъ и косился по комнатѣ фертомъ. Наконецъ третій, который еще вчера ходилъ падишахомъ у себя по загонамъ и огородамъ, обращая къ рабочимъ лицо, полное торжественности, теперь вертѣлся, какъ бѣшеный дервишъ. Просто чудеса! Но всѣхъ превзошелъ Подгурскій.

Послѣ какого-то танца, не смотря на то, что въ немъ путалъ страшно всё на и не имѣлъ рѣшительно никакого понятія о кадавсѣ, онъ привелъ всѣхъ въ неописанный восторгъ своею любезностью и нашептывая разныя милыя вещи. Три разбитыя дѣвицы, изъ застарѣлыхъ романтическихъ душъ, три сосѣдки, жившія въ большой дружбѣ, взяли его подѣ руки, увели въ дальнюю диванную и тамъ на потребованной бумагѣ, общимъ приговоромъ, написали ему нѣжный аттестатъ сердца, бывшій въ модѣ нѣкогда у ихъ бабушекъ. Въ аттестатѣ онѣ шаловливо изобразили достоинства амурчика Подгурскаго, сказавъ, что онъ кавалеръ, достойный общаго участія, и подписались вымышленными именами: *Сирель, привязанность и вздохъ*.

Подали десертъ. Въ залѣ между тѣмъ опять зашумѣли. Феликсъ Францычъ принесъ свою флейту и сталъ играть. Тутъ уже ввучки хозяйки, бывшія до той минуты совершенно въ тѣни, не вытерпѣли и высказались также рѣшительно въ его пользу. Но что дѣвицы? Ихъ всегда легко совратить съ пути истины и завладѣть ихъ неопытнымъ сердцемъ. Даже мужчины, и тѣ ахали отъ удовольствія при звукахъ флейты Подгурскаго. Такъ, одинъ подслѣповатый и разслабленный князь, загулявшій черезъ чуръ надъ варенухою, до того при этомъ растрогался, что когда замолкли одобренія, увелъ Подгурскаго къ окну, долго не могъ сказать ему ни слова, снялъ очки, протеръ ихъ, надѣлъ, и наконецъ, пожавши руки Подгурскаго, сказалъ ему: — Душечка, будемъ говорить другъ другу ты! Феликсъ Францычъ отступилъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, за что-же? Я не достоинъ; хотя мой слабый талантъ...

— Ну, такъ поѣдемъ къ нашему предводителю! Я съ нимъ знакомъ: онъ за васъ отдастъ дочку!

— Нѣтъ, я къ предводителю не поѣду-съ... Есть причина! Благодарю...

— Такъ уже, душечка, вотъ что! подхватилъ опьянѣвшій князь: поѣдемъ, шерчикъ, къ одиѣмъ барышнямъ въ городъ! Онѣ споятъ намъ Катку...

Подгурскій надъ городскими барышнями было придумался. Князь до того разфамиллярничался, что сталъ тыкать ему въ животъ пальцемъ. Все кругомъ тоже шумѣло. Барышни трещали, какъ сороки. А на стулѣ среди двухъ ненаглядныхъ внучекъ, Маночки и Цапочки, величественно возсѣдала пани Дженд-

жериха, отирая потъ съ лица и грустно поглядывая на нихъ, какъ бы обдумывая, что вотъ скоро придется проститься съ одною изъ нихъ. Вечеръ близился и солнце ярко освѣщало низенькія комнаты счастливаго хуторянскаго домика. Карьера Феликса Францыча Подгурскаго, помѣщика ихъ—подъ Умани и друга Ивана Ильича Говорухи — Щебетковскаго, готова была составить...

Вдругъ на улицѣ деревушки раздался колокольчикъ и къ крыльцу кто-то подкатилъ на обывательскихъ. Грянули и затихли бубенчики. Въ лакейской забѣгали слуги. Дверь въ залъ растворилась и вошелъ всѣмъ извѣстный знакомый исправникъ.

— А! Богданъ Богданычъ! Богданъ Богданычъ! Какими судьбами? вотъ разодолжили!

Богданъ Богданычъ, самъ хуторяпинъ и потому избранный помѣщиками въ исправники, имѣлъ ротъ, устроенный такъ, что подбородка и нижней губы какъ-будто и не бывало и будто онъ каждую минуту собирался свиснуть въ ключъ, какое сравненіе даже поддерживалось самимъ выговоромъ его, въ видѣ птичьяго присвистыванья. Обмахнувшись платкомъ, исправникъ мелкимъ шагомъ, какъ говорится, дребеденью, обкатилъ весь залъ, подошелъ къ ручкѣ каждой дамы, а съ хозяйкой поцѣловался кромѣ того еще на-крестъ три раза.

— Водочки Богдану Богданычу, водочки! крикнула хозяйка.

Исправникъ, выпивши водки, сѣлъ передъ полукружіемъ гостей, устремившихся къ нему съ добродушными улыбками и взорами, самъ улыбнулся, надѣлъ очки, досталъ изъ боковаго кармана бумагу, развернулъ ее, шелкнулъ указательнымъ пальцемъ, и сказалъ, при чемъ, разумѣется, ротъ его какъ-бы свиснулъ въ ключъ: «Ая-съ, господа-съ, къ вамъ-съ съ новостью-сссъ!»! Кружокъ сдвинулся тѣснѣе, и онъ началъ читать бумагу въ слухъ: «Симъ имѣю честь извѣстить наискорѣйше такого-то предводителя уѣзда, съ просьбою передать секретно таковое же сообщеніе исправнику онаго же уѣзда, что въ такомъ-то хуторѣ Калиновъ-Ключъ, принадлежащемъ помѣщику Говорухѣ-Щебетковскому, проживаетъ одинъ предосудительный человѣкъ. Особаго преступленія онъ не сдѣлалъ, а выдаетъ себя также за помѣщика и порядочнаго человѣка, въ то время, какъ онъ... (гм!) ничто иное, какъ вольноотпущенный человѣкъ генерала Стерлитамацкаго, разгуливающій въ похищенномъ вицъ-мундирѣ одного изъ комисаріатскихъ чиновниковъ. Почему, захва-

тить его и немедленно препроводить ко мнѣ для дальнѣйшихъ распоряженій. Имя его Феликсъ Подгурскій. Такой-то губерна-торъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Махрабатовъ».

Исправникъ сложилъ въ четверо бумагу, всунулъ ее въ карманъ, снялъ очки, окинулъ взоромъ собраніе и прибавилъ: «А сей предосудительный человѣкъ, господа, никто иной, какъ вогъ кто!»

И, привставши, онъ торжественно указалъ на спутника Ивана Ильича. Дамы разъехались, мужчины разомъ заговорили, а бѣдный Феликсъ Подгурскій какъ былъ, такъ и окаменѣлъ.

Зашумѣли стулья, задвигались ноги и руки, расходились языки. Исправникъ сказалъ: «Ну, братъ Феликсъ, поѣдемъ, нечего дѣлать; да бери уже кстати и свою флейту—по дорогѣ сыграешь что-нибудь съ горя!» И, уводя Феликса, онъ сталъ прощаться со всѣми на-скоро, говоря, что къ вечеру спѣшить еще представить арестанта въ городъ къ предводителю.

— Ишь, какой вы, Богданъ Богданычъ, говорили ему на это нѣкоторые изъ гостей: всегда вы такъ! водки не бойсь выпьете, а тамъ и отколите такую штуку!

— Э! господа-господа! Да въ томъ-то и дѣло! Я люблю, чтобъ все по душѣ было сдѣлано, и дворянству обиды бы не причинило! А тутъ, господа, кому какая обида? Развѣ то, что не отличили лакея отъ помѣщика? Ну, да теперь по костюму какъ-разъ собьешься. Всѣ прилично одѣты! Прощайте!

И онъ уѣхалъ, усадивши между двухъ понятыхъ оробѣвшаго Феликса.

Едва замолкъ исправницкій колокольчикъ, едва гости стали приходить въ себя отъ ошеломившаго ихъ событія, а дамы стали собираться уѣзжать, Иванъ Ильичъ Говоруха-Щебетковскій, на котораго было не обратили особаго вниманія, стоялъ съ поникнушею головой, какъ вдругъ, въ виду всѣхъ гостей, изъ залы появилась величественная фигура пани Дженджерихи. Она шла, колыхаясь и тряся сѣдою головой, въ гигантскомъ чепцѣ, шла грозѣ зимнихъ вѣтровъ и осенней непогоды, съ длинною палкою отъ комнатной щетки въ рукахъ.

— Пошелъ вонъ, дуракъ! сказала она гнѣвно, глядя прямо въ глаза Ивану Ильичу: пошелъ вонъ, свинья, и не показывай больше на мои глаза никогда, отныпѣ и во-вѣки!

Иванъ Ильичъ было улыбнулся, даже робко глянулъ въ сторону, какъ бы отыскивая, къ кому это такъ крупно обратилась

гнѣвная пани. Но у Прасковьи Кондратьевны уже лицо сводилось конвульсіями и на побѣлѣвшихъ губахъ выступила пѣна.

— Что смотришь? Тебѣ-то, тебѣ и говорю! крикнула она уже не будучи въ силахъ удержать своего порыва: ты двадцать лѣтъ назадъ насмѣялся надъ моими дочками, а теперь ввучекъ моихъ пріѣхалъ позорить! Такъ не бывать же тому, сакоей-такой сынъ! Хлопцы, а ну-те его въ три шен! И сама нанесла палкою первый ударъ по его благородной спинѣ. Холопы dokonчили грустную сцену. Прощка хотѣлъ защищать барина, а улепетнулъ при первомъ звукѣ ея голоса. Обществу же помѣщиковъ и безъ него было много дѣла: четыре дамы и пять дѣвицъ упали при этомъ въ обморокъ и требовали ихъ помощи.

Трепещущій, блѣдный, какъ стѣна, и въ изорванномъ сюртукѣ выскочилъ Иванъ Ильичъ, на крыльцо, а оттуда за ворота, гдѣ уже ждалъ его экипажъ. Иные говорятъ, что черезъ дворъ еще по приказу хозяйки, гнала его мокрою тряпкой судомойка, въ околѣхъ поручено его было въ слухъ бранить тремъ зубатымъ бабамъ изъ штата задняго двора Прасковьи Кондратьевны.

Какъ бы то ни было, велика была со стороны Ивана Ильича обида, нанесенная мирной сходкѣ помѣщиковъ. Но и возмездіе переходило всѣ границы.

Обезумѣвшій отъ оскорбленія, онъ пріѣхалъ домой и на плевкахъ порахъ, какъ баба, расплакался.

— Какъ! говорилъ онъ, судорожно всхлипывая и расхаживая у себя по гостиной: побить помѣщика и дворянина, еще такого знатнаго рода! Да я статскій совѣтникъ; а въ это выше полковника! Постой-же, постой-же, подлая баба, тебя упеку! Да и ихъ всѣхъ; всѣхъ подъ судъ, всѣхъ! О! имъ задамъ!..

И утирая слезы негодованія, онъ часа два ходилъ взадъ впередъ, мимо портрета молодцоватаго своего прадѣда, не зная что предпринять. Хотѣлъ онъ скакать прямо къ губернатору, потомъ къ губернскому предводителю. Хотѣлъ и короче покончить дѣло: убить изъ пистолета Прасковью Кондратьевну, и зазававши ее подъ видомъ перемирія къ себѣ, высѣчь ее на кнути. Мелькнула у него даже мысль пригласить ее со всѣми гостями и даже съ исправникомъ къ себѣ на обѣдъ и всѣхъ отравить.

Къ ночи онъ успокоился. Усталый, сѣлъ онъ въ кресло, и пока постлали ему постель на диванѣ, подъ портретомъ прадеда

Онъ легъ; но долго еще двигался и рѣшительно не могъ заснуть. Шумъ рѣчей и звонъ посуды, гуденье трубъ и танцы долго отдавались въ его ушахъ. Наконецъ, еще поворочавшись, онъ зѣвнулъ, подумалъ: «А, черти ихъ однако поberi! Только я омою кровью это глубокое оскорбленіе, оскорбленіе моей чести, чести гражданина, чести всего моего знатнаго рода!» и сталъ забиваться легкой дремотою...

Садъ, надъ которымъ чернѣла маковка старой семейной часовни гетмана Полуботка и его потомства, былъ весь освѣщенъ золотымъ сіяніемъ мѣсяца; и тихая, бѣлая, дремотливая ночь глядѣла въ окна и въ стеклянныя, полурастворенныя двери съ балкона въ гостиницу. Ни одинъ звукъ не долеталъ ни съ поля, ни изъ деревушки.

— Эка досада, однако! подумалъ про себя Иванъ Ильичъ: лѣнь встать, запереть двери; а то вѣдь говорятъ, что прадѣдъ-то мой гетманъ Щебетковскій, коли онъ не весь сгнилъ, любитъ иногда прохаживаться, по саду и даже по комнатамъ!

И вдругъ Щебетковскому показалось, что въ глубинѣ залитаго бѣлымъ, мерцающимъ сіяніемъ сада, мелькнуло надъ деревьями что-то прозрачное и высокое, какъ будто кто шелъ надъ землею. Дверь на балконѣ въ тоже время сама собою еще болѣе растворилась и на крыльцѣ скрипнула половица. И въ тоже мгновение на порогѣ, во весь ростъ, показался въ красномъ, знакомомъ кунтушѣ, съ саблею и въ усахъ страшилищный гигантскій прадѣдъ.

— Здоровъ былъ, правнукъ! сказалъ прадѣдъ, неслышно подходя къ дивану, и Щебетковскому показалось, что подъ ослабительное и какое-то опьяняющее мерцанье ночи посѣтитель совершенно-темными глазами, скрытыми подъ парой кустоватыхъ бровей, разсматривалъ на стѣнахъ знакомое оружіе, саблю и свой заветный бердышъ.

Гетманъ поднялъ руку, въ шитомъ золотомъ рукавѣ, повернулся и указалъ ею въ садъ. А тамъ, надъ вершинами деревьевъ, какъ-будто взошла темная туча, показались другія головы и туловища: это остальные покойники тоже высунулись и смотрѣли, что скажетъ панъ гетманъ.

— Видишь? сказалъ прадѣдъ: не я одинъ, то все твои родичи! Всѣ мы, за тебя бились и головы несли на съѣденіе собакамъ, да воронамъ! Одинъ ты, одинъ ты, поганый выродокъ, пакостишь весь нашъ родъ!

И суровая тѣнь прадѣда въ потьмахъ на время поникла головою.

«Что ты дѣлаешь?» сказалъ опять со стономъ и грозно, топнувши ногою, прадѣдъ: «что ты дѣлаешь, говори?! Ну, слушай же ты меня, и не пророни ни единого слова! не даромъ я тревожилъ свои старыя кости...

«Такъ ли жили въ старину? то ли дѣлали дворянскіе потомки, рыцарскія души?...

«Нѣтъ! Мы били Татаръ, да Ляховъ, служили отчизнѣ вѣрою и правдой, а не валялись, какъ кабаны, въ грязи! И не за то я пришелъ покарать тебя, что ты не носишь сабли, даже не гарцуешь на конѣ. Всякому своя доля и не тѣ у васъ теперь времена. Также и не за то, что тебя, моего потомка, поколотили, какъ послѣдняго щенка, свои же братья, дворяне. Нѣтъ въ тебѣ болѣе дворянской крови, хоть и носишь ты чинъ статскаго совѣтника...

«Когда-то держалъ меня за чубъ своею царскою рукою Петръ Первый, и въ цѣпи меня заковалъ и въ темницу ко мнѣ приходилъ. А я все ему говорилъ правду! такъ и теперь тебѣ ее всю скажу до чиста!

«Нѣтъ въ тебѣ болѣе дворянской крови, нѣтъ ни капли! И не узнать въ тебѣ болѣе нашего потомка! Какъ-же ты смѣешь, какъ ты можешь гордиться и хвастать своими родичами и дѣдами, ты, что самъ старой бабьей юбки не стоишь! Какъ ты жилъ и живешь? на что похожи твои дѣла? куда ты свои силы растратилъ? какую пользу принесъ людямъ? Мы завоевали тебѣ землю; а вспахалъ ли ты ее, какъ слѣдуетъ? Мы срубили тебѣ хуторъ; а хорошо ли живутъ на этомъ хуторѣ твои мужики? мы служили родинѣ; а ты ее продалъ, продалъ, какъ измѣнникъ, дармоѣдству, своей утробѣ и лѣни! Свистунъ ты, братъ Иванъ Ильичъ, свистунъ и свистуномъ останешься! всюду ты посовался, понюхалъ и ничего у тебя не вытанцовалось.»

Красный великанъ кончилъ, повернулся и, колышась въ своемъ долгополомъ кунтушѣ и звеня саблею, медленно двинулся и вышелъ въ раскрытыя, прозрачныя двери гостиной. Тамъ въ саду тѣнь его мелькнула снова надъ мерцающими вершинами деревьевъ и слилась съ сумерками дремотливой ночи.

Иванъ Ильичъ въ ужасѣ раскрылъ глаза. Ночь была тиха и точно прислушивалась, какую тревогу било сердце Щетковскаго.

— Покаюсь, ей Богу покаюсь! подумалъ про себя Иванъ Ильичъ, едва переведя дыханіе: съ завтрашняго же дня покаюсь и начну новую жизнь!

И, перевернувшись на другой бокъ на мягкой перинѣ, онъ сталъ строить планы, что какъ перемѣнится не только онъ, но и хуторъ; какъ его совсѣмъ не узнаютъ и всѣ будутъ хвалить! Сталъ онъ въ мысляхъ сооружать мужикамъ новыя хаты, разводить табуны, отдавать въ наемъ сосѣдямъ пустопорожни, праздныя земли, и дошелъ до того, что началъ помышлять уже о службѣ по выборамъ, о попечительствѣ надъ уѣзднымъ училищемъ, о сельской больницѣ и, въ видѣ памятника себѣ въ потомствѣ, о вольной для всего хутора...

Утромъ онъ проснулся очень поздно, и долго лежалъ въ ту-помя, бессмысленномъ настроеніи духа, какъ послѣ пьянства или долгой головной боли. Напрасно домоправительница, по обычаю, щекотала его за пятки и дергала его за одеяло, повторяя свои любимыя поговорки: «у! безстыдники, срамники! Вставайте; уже обѣдать скоро пора!»—Суровый и безъ отвѣтныхъ шутокъ всталъ съ постели Иванъ Ильичъ. Но его скоро развеселилъ видъ полунагаго ребенка, который былъ похожъ на него самого и, бѣжавши черезъ дворъ, расквасилъ себѣ носъ. Иванъ Ильичъ, какъ былъ въ халатѣ, вышелъ на крыльцо, поздравилъ его къ себѣ, посадилъ на колѣни и долго — долго такъ сидѣлъ.

День прошелъ своимъ чередомъ. Баринъ обѣдалъ, баринъ отдыхалъ, баринъ чай кушалъ, ходилъ, ужиналъ и спать легъ. Вслѣдъ за нимъ также прошли и другіе дни. Касательно же намѣреній страшной ночи кончилось тѣмъ, что увидавши какъ-то, мимоходомъ, въ гостиной портретъ прадѣда, Иванъ Ильичъ позвалъ домоправительницу, посоветовался съ ней и принялся за дѣло. Онъ подставилъ къ стѣнѣ столъ, на столъ помѣстилъ стулъ, на стулъ табуретку, велѣлъ повернуть портретъ лицомъ къ стѣнѣ, подъ предлогомъ бессонницъ и дурныхъ мыслей по ночамъ, и не остался въ накладѣ. На задней сторонѣ портрета былъ написанъ затѣйливымъ пресмникомъ стариннаго художника, вѣроятно въ минуту отдохновенія или по волѣ какого-нибудь причудливаго потомка знатнаго прадѣда, очень красивый бѣлый пудель. Иванъ Ильичъ остался имъ очень доволенъ и больше уже не переворачивалъ портрета.

Зажил по прежнему Иванъ Ильичъ Говоруха-Щебетковскій,

спокойно и привольно. Иногда только выпадали ему хлопоты: либо крестить новаго обитателя земнаго міра, рожденнаго въ поварской, либо купить рубашонку и игрушекъ другимъ ребятишкамъ уже на подросткѣ. Прежде прачки и экономки у него мѣнялись часто. Но когда, года два спустя, хотѣлъ онъ смѣнить Акулину XIV, то эта особа пагнала на него самого такой копоти, что онъ боялся, какъ бы не онъ ее, а она его самого не выпроводила изъ Калиноваго хутора.

Здоровьемъ онъ не изсякалъ. Съ лѣтами только прибавлялось въ немъ тѣло. И никогда болѣе онъ уже не вспоминалъ, ни о проказахъ своей молодости, ни о событіи у пани Дженджерихи. И только разъ, въ пріятельскомъ кругу у исправника, все у того же неизмѣннаго Богдана Богданыча, гдѣ какъ-то зашелъ разговоръ о Петербургѣ, о Европѣ, о выборахъ и о прочемъ, онъ осяпился внезапною, несповѣдимою, раздрающею грустью, и когда замолкъ присяжный уѣздный острякъ Петръ Матвѣичъ Тентеръ-Отребинскій, сынъ известнаго Матвія Леонтьевича и Шурочки Гончаренко, служившій въ предводительской канцеляріи и выписавшій оттуда разные анекдоты, большею частію таинственнаго содержанія, Иванъ Ильичъ вдругъ перебилъ общій разговоръ замѣчаніемъ: «А вотъ я вамъ, господа, расскажу, какой скверный сонъ про моего прадѣда я видѣлъ одинъ разъ!» и повѣдалъ неровнымъ, робкимъ голосомъ, какъ однажды посѣтила его безпокойная тѣнь его прадѣда.

А. Сказронскій.

ОДНОДВОРЕЦЪ

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

(Посвящается другу и товарищу М. А. Балакиреву).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣйствующія лица:

БОРИСЪ ПЕТРОВИЧЪ СКАЛОВЪ, 40-лѣтній вояка, 42 лѣтъ. АРИНА ЛУКИНИШНА, его жена, 57 лѣтъ.
ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ПУЗОВОКЪ, незаконнородный изъ однодворцевъ, 62 лѣтъ. ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ, сынъ его, гарнизонный офицеръ, 25 лѣтъ.
МАХОРКА, дѣвка *.

Дѣйствіе—въ домѣ Пузовка, въ деревнѣ, на большой дорогѣ.

Небольшая комната, оклеенная старыми газетами; на задней стѣнѣ одна дверь, нѣсколько въ боку, съ лѣвой стороны, окна и дверь; у окна скамейка и столъ изъ простаго дерева; на право два-три соломенныхъ стула и диванъ съ высокой спинкой. На стѣнѣ висятъ лубочныя картины и дворянская грамота въ рамкѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Арина Лукинишна (*кричитъ въ окно*).

Махорка-а, Махорка!...

(*Голосъ дѣвки изъ за сцены*).

Чаво изволите?

Арина Лукинишна.

Телушку-то загони, телушку-то, да куда ты бѣжишь, шальная?... (*нѣкоторое время молчаніе*) кто это подѣхалъ?... никакъ кудрявинскій баринъ?... Махорка-а, Махорка, гдѣ Иванъ Яковличъ!.... ахъ, батюшки, и взаправду кудрявинскій баринъ въ ворота идетъ (*отходитъ отъ окна*) а я словно чумичка кама, (*опускается на скоро подолъ юбки*) хоть платчишко на-

* Уменьшительное отъ Маремъ.

дѣтъ; а то совсѣмъ срамно! да Иванъ-то Яковличъ куда запропастился?... Махорка-а, Махорка! *(бѣжитъ къ двери)*.

ЯВЛЕНИЕ II.

Скаловъ и Пузовокъ *(входятъ)*.

Пузовокъ.

Сюда пожалуйста, батюшка, Борисъ Патровичъ; не взыщите, что ходъ-то у насъ грязноватъ, вотъ на диванчикъ, сюда-съ.

Скаловъ.

Да у тебя, братъ, парадная гостиная съ разноцвѣтными обоями; Арипъ Лукинишнѣ мое почтеніе *(идетъ къ ней, та ежится на одномъ мѣстѣ)* что это вы безъ галстука, а?

Арина Лукинишна.

Извините, батюшко, по домашнему-съ; наше дѣло старушечье, не успѣла платка надѣтъ...

Скаловъ.

Вы этакъ гораздо милѣе... право... я очень радъ, что засталъ васъ въ такомъ неглиже...

Пузовокъ.

За что конфузите, батюшко, мою старушонку... поди-ка, Арина Лукинишна, самоварчикъ вели паставить. *(Скалову)* Чапечку чайку не выкупаєте-ли?

Скаловъ.

Нѣтъ, братъ, спасибо; лучше дай-ка мнѣ кислаго молока; водится?

Арина Лукинишна.

Какже не водится, сейчасъ, сейчасъ *(кланяется и быстро уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ III.

Скаловъ.

У тебя жена-то ничего еще.... молодецъ-баба....

Пузовокъ.

Куда-ужъ-совсѣмъ старуха... подъ стать мнѣ.

Скаловъ.

Ну, ты вѣдь старый грѣховодникъ — я тебя знаю; ни одной дѣвки не пропустишь...

Пузовокъ.

Нѣтъ, батюшко, насъ этимъ не корите; а то, пожалуй, и притчу скажемъ-съ....

Скаловъ.

Какую?

Пузовокъ.

А такую басню читалъ я однажды... что стоитъ молъ на себя оглянуться... хэ, хэ, хэ...

Скаловъ (*улыбаясь*).

Такъ что же?

Пузовокъ.

Такъ и оно въ эвтомъ разговорѣ нашемъ выходитъ-съ...

Скаловъ.

Ахъ ты, старый шутъ, туда же притчи прибираетъ...

Пузовокъ.

Всякому свое, батюшка: кто съ хитростью и умышленіемъ, а я отъ простоты скажу... Вы не взыщите.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Арина Лукинишна и Махорка (*въ поневь*).

(*Вносятъ торшокъ, тарелки и скатерть, — накрываютъ и ставятъ на столъ.*)

Арина Лукинишна.

Не побрезгайте, откушайте на здоровье... (*становится подлѣ мужа, противъ Скалова*) да не прикажете ли наложить...

Скаловъ.

Нѣтъ, я самъ. Зачѣмъ же вы это платокъ надѣли, Арина Лукинишна? откройте вашу шейку...

Арина Лукинишна.

Ужъ извините, Борисъ Пятровичъ, не успѣлась; стою это у окна, да Махоркѣ кричу, чтобъ буренушку загнала, анъ глядь, подкатилъ кто-то къ воротамъ, я только собралась бѣжать да прикрыться, а вы и въ дверь; такого дорогаго гостя не ждали... Не обезсудьте...

Пузовокъ.

Да и я съ перва-наперво не узналъ васъ, батюшка, экипажецъ-то новенькій—такого не видывалъ у васъ; кабрилетъ-не кабрилетъ... и въ толкъ не возьму; чай, у Авдѣи Васильича извоили быть?..

Скаловъ.

Нѣтъ, поля объѣзжалъ; да и вздумалъ заѣхать къ вамъ въ гости... У тебя, Иванъ Яковлевичъ, хлѣба лучше моихъ: овесъ такой, какого и въ прошломъ году не было.

Пузовокъ.

Какой овесъ, Борисъ Пятровичъ... только полнивки, у хуторей получше... ес-то вы, видно, и извоили запримѣтить; а то очень плохъ, очень плохъ...

Скаловъ (*передразнивая его*).

Очень плохъ; вѣчно плачешь да клячишь.

Пузовокъ.

Чего кланчить-то, Борисъ Патровичъ; сами изволите знать, какіе достатки имѣемъ.

Скаловъ.

Потому-то и говоримъ, что знаемъ: богаче меня, а пособій просить. Ты вотъ скажи-ка мнѣ, какъ ты просьбу-то подавалъ, о вспомошествованіи: написалъ, что обремененъ, дескать, многочисленнымъ семействомъ, имѣю восемь человѣкъ дѣтей, малъ мала меньше, и самъ разбитъ параличемъ; молодець, ха, ха, ха... расскажи-ка, расскажи-ка попорядку, какъ было дѣло...

Пузовокъ.

Да что тутъ рассказывать, батюшка... Вы скажете: врешь.... не такъ... смѣяться будете...

Скаловъ.

Нѣтъ, говори, говори...

Пузовокъ.

Оно точно, просьбу я подавалъ, по той причинѣ, что годъ тогда плохой былъ, ну и здоровьемъ расклеился; Петрушѣ тоже послать надо было... гдѣ взять — сами изволите знать... Опять тоже пенсіей я обиженъ; а служить-то служилъ не хуже другихъ. Ну, я въ тѣ поры точно и написалъ всеподданнѣйшее прошеніе, изложилъ мои тяжкія нужды; конечно сказалъ, что отягченъ семействомъ, да вѣдь ужъ это такъ пишется, безъ этого нельзя-же-съ; а чтобъ, примѣромъ, высчитывалъ я сколько у меня дѣтей, восемь-ли человѣкъ или больше, такъ ни Божемой, и въ помыслахъ не было; и о параличѣ тоже ничего не было, только и упоминалось, что, молъ, въ преклонной старости и о слабленъ недугами... такъ вѣдь, батюшка, седьмой десятокъ пошелъ; день ходишь, а недѣлю кряхтишь ..

Скаловъ.

Рассказывай; а довольно таки выкланчилъ?

Арина Лукинишна.

И-я, Борисъ Патровичъ... чаяли нивѣсть что получимъ; а всего-то тридцать пять рублей бумажку прислали.

Пузовокъ.

И за то благодареніе Богу; (*къ Аринѣ Лукинишнѣ*) чего тебѣ еще... тридцати пяти рублей на найдешь на дорогѣ... такъ-то.

Скаловъ.

Ну, жалко, что не зналъ я объ этомъ; я бы далъ отъ себя отзывъ, какъ предводитель... уличилъ бы тебя въ ложныхъ показаніяхъ...

Пузовокъ.

Меня-то грѣшно обижать, Борисъ Патровичъ; есть не мнѣ чета—по достаткамъ-то, по сту душъ имѣютъ; даи то для дѣтей свидѣтельства выхлопатываютъ; чтобъ въ гимназію, али не-

верситеть не платить; вы же имъ и свидѣтельства даете, не отказываете...

Арина Лукинишна.

О-охъ, плохое времячко, Борисъ Пятровичъ; вотъ какъ отъ васъ отошли да своимъ домишкомъ зажили... еле, еле концы съ концами сводимъ... вѣрьте слову...

Скаловъ.

А что не жилось тебѣ у меня, старый хрычъ? На хорошемъ жалованьи былъ,—да и доходишки таки перепадали, а? дѣло прошлое...

Пузовокъ.

Какіе доходишки, Борисъ Пятровичъ... не учили вѣтъ поры, такъ и теперь нечего старое поминать-ся. Хозяйство шло своимъ порядкомъ, сами изволите знать; какимъ ни есть управителемъ былъ у васъ, да отслужилъ десять лѣтъ безъ малаго; а больше не могъ, слабъ сталъ; запашка большая, не усмотрѣть; ну, и отошелъ...

Скаловъ.

Отошелъ; да и сколотилъ капиталъ... знаемъ мы васъ.

Пузовокъ.

Капиталъ—отъ видень, батюшка: избенку срубилъ, прикупилъ земляны... вотъ и все тутъ.

Скаловъ.

На что тебѣ еще больше... обремененъ семействомъ? восемь человѣкъ дѣтей?... а? всего вѣдь одинъ сынъ...

Арина Лукинишна.

Одинъ-то, одинъ; да и ему тоже надо уголокъ оставить... Опять же Патруша у насъ въ охвицеры вышелъ, посылаемъ ему на то, на другое; дѣтище одно родное; человѣкъ молодой, гдѣ-жъ ему и взять, какъ не у отца съ матерью...

Пузовокъ.

Ну, теперь и самъ пробиваться будетъ, жалованье получать, на линію вышелъ...

Скаловъ.

А давно онъ произведенъ?

Пузовокъ.

Съ полгода ужъ будетъ; къ Николину дню... его было въ армию хотѣли; да я подавалъ просьбу, чтобы въ гарнизонъ, въ здѣшній... все поближе, пусть хоть до моей смерти побудетъ тутъ... да ему по всему въ гарнизонѣ сообразнѣе, куда лѣзть-ю... былъ бы кусокъ хлѣба...

Арина Лукинишна.

Вотъ теперь и ждемъ его, батюшка, на побывку; у начальства отпросился, съ часу на часъ поджидаемъ, ужъ такая-то радость будетъ... десять годочковъ не видала его, мово голубчика...

Скаловъ.

Я его забылъ совсѣмъ..

Арина Лукинишна.

Гдѣ вамъ, батюшка, помнить, давно ужъ отвезли его... въ солдатки...

Скаловъ (*Пузовку*).

Онъ въ карабинерномъ былъ?

Пузовокъ.

Въ учебномъ, батюшка, въ учебномъ; изъ унтеръ-офицеровъ произвели.

Скаловъ.

Ну ты, обремененный семействомъ, привези его ко мнѣ, покажи... вѣдь онъ офицеръ тоже... надо ему стараться бывать въ порядочномъ обществѣ; не въ дыръ же съ вами сидѣть.

Арина Лукинишна.

Покорнѣйше благодаримъ, первымъ долгомъ почтемъ, батюшка, Борисъ Пятровичъ.

Пузовокъ.

Только ужъ не взыщите, ученъ онъ у насъ на мѣдныя деньги, все промежъ солдатами жилъ, такъ супротивъ вашего образованія не имѣтъ; не больно ему мѣсто въ вашей компаніи, и то сказать... мы свою позицію знаемъ, Борисъ Пятровичъ; лѣзть-то впередъ не очень приходится...

Скаловъ.

Такъ нужно его отшлифовать; ты долженъ стараться о томъ, радоваться, когда онъ въ хорошемъ обществѣ будетъ...

Арина Лукинишна.

Извѣстное дѣло, Борисъ Пятровичъ; благодаримъ на добромъ словѣ; а ты, Иванъ Яковличъ, не дѣло говоришь: Пятруша охвицеръ, такъ и линія ему теперь другая...

Пузовокъ.

И я, матушка, офицеръ. Что изъ этого... Мы Борису Пятровичу очень благодарны за память; а только я, батюшка, не забываю пословицы: знай сверчокъ, свой шестокъ.... такъ-то и это....

Скаловъ (*вставая изъ-за стола*).

Ну, наѣлся, благодарю васъ, Арина Лукинишна.

Арина Лукинишна.

Да еще бы тарелку откушали?

Скаловъ.

Нѣтъ, довольно, велите мнѣ огня, забылъ спички...

Арина Лукинишна (*въ дверь*).

Махорка! раздуй уголекъ, да поскорѣе.

Пузовокъ.

По какой дорогѣ изволите ѣхать домой?

Скаловъ.

Оврагомъ, а что?

Пузовокъ.

Дорога-то тутъ поразмыта, а экипажець-то больно нѣженъ.

Скаловъ.

Ну, братъ, на этакихъ рессорахъ по какой хочешь дорогѣ.

Пузовокъ.

Да, позвольте спросить, батюшка, что за телѣжка такая? какъ называется?

Скаловъ.

Тильбюри.

Пузовокъ.

Ишь ты, какихъ нынче названій не дадутъ...

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣже и Махорка (съ уюлькомъ въ жаровнѣ).

Арина Лукинишна.

Пожалуйте, батюшка, закурите... а ты держи ловчѣй, разиня.

(Скаловъ раскуриваетъ сигару).

Пузовокъ (Скалову).

Анна Николаевна, какъ въ своемъ здоровьѣ, Лизавета Борисовна? давно не видалъ ихъ; чай, ужъ большая барышня... ангельская душа!..

Арина Лукинишна.

Да, батюшка, Борисъ Петровичъ, наградилъ васъ Господь-Богъ дочушкой... то-то дѣвочкой-то была тихая, да послушливая, да жалостливая, а лицомъ-то, лицомъ-то какъ картина; бывало, въ контору забѣжитъ, все что нибудь да принесетъ; али письмо отъ Петруши прочитать — сейчасъ, съ великимъ удовольствіемъ...

Пузовокъ.

А Матильда Ивановна, все у васъ проживаютъ? али, свое дѣло покончивши, отошла; вѣдь, чай, ужъ Лизавета Борисовна больше не учится, годочки вышли...

Скаловъ (беретъ фуражку; скороговоркой).

Нѣтъ, Матильда Ивановна еще у насъ; но скоро ѣдетъ; ну, прощайте...

Пузовокъ.

Прощайте, батюшка, супругъ и дочкѣ нижайшее почтеніе, за посѣщеніе благодаримъ покорно.

Арина Лукинишна.

Не добрезговали, хлѣба-соли откушали, прощайте, батюшка Борисъ Петровичъ.

Скаловъ *(на ходу беретъ за щеку Махорку)*.

Зачѣмъ, Арина Лукинишна, такихъ молодыхъ дѣвокъ держите, мужъ-то у васъ бѣдовый...

Арина Лукинишна.

Куда ужъ ему; мышей ужъ не топчетъ! *(Всѣ провожаютъ Скалова въ среднюю дверь; сцена нѣсколько минутъ пуста)*.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Пузовокъ и Арина Лукинишна *(входятъ вмѣстѣ)*.

Арина Лукинишна.

Славный баринъ, добрый человѣкъ *(подходитъ къ столу)*. Махорка, а Махорка, приберика отсюда.

Пузовокъ *(садится на диванъ, звѣкаетъ и креститъ ротъ)*.

Да, матушка Арина Лукинишна, добрый человѣкъ; салныхъ свѣчей не ѣстъ, толченымъ стекломъ не закусываетъ.

Арина Лукинишна.

Ну, ты вотъ всегда такъ-то... путнаго слова не дожدهшься, — а извѣсто, добрый человѣкъ; нами не гнушается, даромъ что большой баринъ.

Пузовокъ.

Что мы, прокаженные что-ли? Чего насъ гнушаться — тоже люди *(помолчавъ)*. Ты на то смотришь, что вотъ, молъ, большой баринъ, Борисъ Патровичъ, взялъ, да и заѣхалъ къ намъ, червямъ ничтожнымъ... осласливилъ... какъ ему не кланяться, молъ, не благодарить за такую честь!...

Арина Лукинишна *(перебивая его)*.

Такъ по твоему что же? Фордыбачить, что-ли, фу ты, ну ты, мы-де сами съ усами... Не дѣло ты все говоришь, Иванъ Яковличъ...

Пузовокъ.

Фордыбачить зачѣмъ: посѣщенію мы рады, угостить, чѣмъ Богъ послалъ, угостимъ...

Арина Лукинишна.

Ну, такъ что-же, объ чемъ же ты толкуешь... Борисъ Патровичъ къ тебѣ съ лаской завсегда, шутитъ, какъ съ ровней обращается...

Пузовокъ.

Охъ, ты простота, простота! Лучше бы онъ не шутилъ, право слово, лучше... А ты вотъ куды смотри: это все для близору дѣлается, пойми ты; всѣ эти тары, да бары, чтобъ только въ издѣвку надъ нашимъ братомъ. Эхъ, Арина Лукинишна; тяжело такъ-то на бѣломъ свѣтѣ жить; до старости дотянешь, а все ты у людей, какъ чучело гороховое... Ты говоришь: какъ съ

ровной обращается... хуже, нечѣмъ съ простымъ мужикомъ; будь я мужикъ, былъ бы другой оборотъ: и онъ-то бы не такъ корчился, да и я-то не такъ бы принималъ... Вѣдь прѣхалъ онъ зачѣмъ? поломаться, показать, что мы-де вотъ никого не оставаломъ безъ прихвѣнія, а между прочимъ можно, скуки ради, надъ Иванъ Яковлевичемъ Пузовкомъ потѣшиться...

Арина Лукинишна.

Ну ужъ ты, начнешь причитывать, очень ему нужно...

Пузовокъ.

Я, матушка, дѣло говорю... Разумѣется, нужда насъ заѣла... что я? Управителемъ былъ, такъ со мной церемониться нечего, да и ему-то отпору не дамъ; ужъ какъ тебѣ линія выпала, такъ ты и маячь... Да вотъ тутъ (*ударяя въ грудь*) иной разъ больно, куды какъ больно. Кабы у насъ никакого понятія не было, все бы какъ объ стѣну горохъ (*указываетъ на грамоту*). Вотъ это что висить? Не я себя дворяниномъ сдѣлалъ? Тоже чувствую, понимаю, да что ты будешь дѣлать? Гдѣ намъ себя соблюсти по званію, только тягость, да обида пущая. А этимъ, большимъ-то барамъ, что? Имъ бы только себя тѣшить (*встаетъ и качинаетъ ходить по комнатѣ*). Ровня я ему? какъ бы не такъ; да онъ и за человѣка-то меня не считаетъ; такъ я для него, скотина неосмысленная; и званіе-то мое только пуще подмываетъ его: вотъ-де, рожа неумытая, тоже дворяниномъ себя считаетъ; мы-де ему покажемъ, какую онъ супротивъ насъ фигуру изображать долженъ; чтобъ восчувствовалъ, кто мы и кто онъ; все-де онъ халуй предъ нами, хоть и грамоту себѣ на стѣнку повѣсилъ... Вѣдь только что въ глаза этого не говорить; а то такъ и тычетъ тебя рыломъ въ гризъ, путнаго слова не лождешься; все какъ съ шутомъ, аль съ малолѣтнимъ какимъ; бранно не бранно, а хуже ругательства, ей-Богу; и ужъ вертишься, вертишься, прибаутками отбояриваешься, индо гадко станетъ, плюнулъ бы, да убѣжалъ, куды глаза глядятъ...

Арина Лукинишна.

Ишь его, какъ взѣлся? Что онъ тебѣ сдѣлалъ; самъ не знаешь, что городишь... прости Господи! — Махорка, да гдѣ ты тамъ засѣла?

Пузовокъ.

Да и не онъ одинъ; всѣ они таковы; нашему брату ото всѣхъ одинъ почетъ... А онъ мнѣ пуще другихъ прѣлся, не лежитъ мое сердце къ нему...

Арина Лукинишна.

Это отчего? Вотъ тебѣ здравствуй...

Пузовокъ.

Такой ужъ человѣкъ, матушка, Арина Лукинишна... Онъ все ми близиру дѣлаетъ, чтобъ видъ имѣло, показывало изъ себя, а что у него на душѣ? гордость одна, да жесточество... Ви-

дывали мы виды; недаромъ восемь годовъ выжили у ихъ милости въ услуженіи; всего насмотрѣлись... знаемъ, кто крякитъ да поетъ... а на видъ все шито да крыто... (*Помолчавъ, — съ большимъ жаромъ*). Ему все ни по чемъ, пусть другіе мрутъ, онъ бы жилъ!.. Жену-то заѣлъ, живуя въ гробъ уложили... да что тебѣ рассказывать-то, сама, чай, знаешь... эхъ, въ тѣ поры, какъ Анна Николаевна убивалась, сердешная, до сихъ поръ за сердце хватаетъ, какъ вспомнишь!..

Арина Лукинишна.

Ну, ужъ это не наше дѣло; Богъ имъ судья... ишь, что вздумалъ—мужа съ женой судить?! пожалѣть, какъ не пожалѣть, а всѣхъ не передѣлаешь, Иванъ Яковличъ...

Пузовокъ (*продолжаетъ въ томъ же тонѣ*).

Какъ бы не нужно, не жилъ бы я никогда у него въ управителяхъ; во всѣ восемь лѣтъ добраго слова не слыжалъ, окромя издѣвки да попрековъ... Все шутивно, да ласково, а самъ наровить задѣть тебя, да ошельмовать... Слышала давича: доходишки, говорить, перепадали... на дѣлѣ не ловилъ, и сумѣнія никогда не было, чтобъ я чѣмъ нибудь польстился; а вѣрить, онъ все мнѣ не повѣритъ, хоть я забожись! у него ничего не заслужишь—такой ужъ человѣкъ; коль нечего сказать, такъ онъ надсмѣется надъ тобой; а про себя думаетъ: надуваешь, подлець!! Не въ терпежъ стало! провалился онъ совсѣмъ и съ жалованьемъ!...

Арина Лукинишна.

Вотъ и бьемся теперь, а все твоя блажь. Что возьмешь себѣ въ голову, ужъ ничѣмъ оттуда не выбьешь; кто тебя обиждалъ? все тебѣ чудится, всякую лиху болѣсть принимаешь къ сердцу... лучше, что-ли, такъ-то, какъ мы съ тобой сдѣлали, промѣняли ремешокъ на лычко!...

Пузовокъ.

По крайности я здѣсь у себя, дома; самъ хозяинъ; свой уголокъ, на кровныя денежки купленъ; нѣтъ у меня барина, не ругаются надо мной изъ-за чужой копѣйки...

Арина Лукинишна.

Ты, вотъ, ни съ того, ни съ сего взѣлся на Бориса Пятровича; а онъ всячески насъ почитаетъ... объ Пятрушѣ тоже навѣдался, какъ и что... Чѣмъ бы тутъ безъ толку прибираться, ты бы порадовался; Борисъ Пятровичъ баринъ большой; съ разными енарами знакомство водить; онъ для Пятруши такую линію выведетъ, что намъ съ тобой и не приснится... попроси только его...

Пузовокъ.

Какъ бы не такъ! такой онъ человѣкъ... да хоть бы и въ моготу ему было, такъ я просить-то у него ничего съ него не

возьму.... (съ одушевленіемъ). Я лучше побираться милостинкой пойду, не чѣмъ грошъ мѣдный у него выпрошу...

Арина Лукинишна.

Вотъ такъ-то ты всегда лаешься; а онъ, небось, самъ заговорилъ: привези, дескать, Иванъ Яковличъ, Пятрушу ко мнѣ, я хоту его видѣть; надо ему, говорить, промежъ хорошими людьми компанію держать, потому на немъ чинъ, говорить, и ему, говорить, въ домѣ моемъ всякое уваженіе...

Пузовокъ.

Разнеслась, матушка, разнеслась...

Арина Лукинишна.

Такъ не говорилъ онъ этого?

Пузовокъ.

Прибавъ, не все досказала...

Арина Лукинишна.

Что тебѣ еще?

Пузовокъ.

Что еще-то онъ говорилъ, а? иль запоматовала?

Арина Лукинишна.

Нѣтъ, не запоматовала.

Пузовокъ.

Ахъ, видно, запоматовала. Нечего ему, говорить, въ дырѣ-то съ вами сидѣть; вы-де, молъ, дурачье неотесанное, за счастье, молъ, онъ долженъ почестъ, что я его удостою въ гостинной у себя постоять...

Арина Лукинишна.

Такъ что-жъ? Развѣ не правда? извѣстное дѣло, мы люди темные; чему онъ отъ насъ научится; живемъ по-мужицки и говорить-то не умѣемъ, не токма что ему компанію держать...

Пузовокъ (съ силой).

Онъ сюда, матушка, не для компаніи ѣдетъ; какіе ни на есть, а мы ему отецъ съ матерью; такъ не стать Борису Пятровичу попрекать насъ тѣмъ, что въ дырѣ живемъ, и что сыну-де бѣгать насъ нужно (помолчавъ). Есть ему дѣло до нашего Пятруши! Такъ только, для форсу сболтнулъ: приведи, молъ, ко мнѣ, а-де тебѣ благодѣтель. Да онъ первый издѣваться надъ нимъ станетъ!.. Нѣтъ, ужъ лучше пусть Пятруша съ нами макинусть, въ дырѣ сидѣть, да на своемъ, значить, мѣстѣ: ни пересудъ... ни ехидства... ни издевокъ .. ничего!...

Арина Лукинишна.

Ты ему добра не желаешь; чѣмъ-бы похлопотать; да поплакаться, а ты все артачишься... вотъ тебя-то гордость обуяла.

Пузовокъ.

Не люблю я подличать-то, матушка; доброму человѣку поклонюсь; а Борисъ Пятровиу—не прогнѣвайся.

Арина Лукинишна.

Вотъ Патрушъ-то и не будетъ ходу никакова ; у тебя, что есть сынъ, что нѣтъ, все равно...

Пузовокъ.

Не все равно, а добра ему желаютъ, чтобъ не зазорно было смотрѣть на него добрымъ людямъ, чтобъ честный человекъ былъ.

Арина Лукинишна.

Ишь ты, какъ размазываетъ ; только слушай , ничего ты не жалася и вѣрить не хочу (*Пузовокъ, махнувъ рукой, отходитъ въ сторону ; Арина Лукинишна подступаетъ къ нему*) Кабы ты жалалъ, такъ не то бы отъ тебя видно было, не сталъ бы ты у сына линію отбивать, перечить ему, отъ добрыхъ людей отваживать, изъ за гордости своей не пошелъ бы черствый хлѣбъ жевать....

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣже и Махорка.

Махорка (*вбѣгаетъ*).

Матушка, Арина Лукинишна, Иванъ Яковличъ! кой-то подѣхалъ, охвицеръ какой-то; никакъ Петръ Иванычъ....

Арина Лукинишна (*быстро оборачиваясь*).

Ахти: не врешь-ты. Вотъ, батюшки, радость; Иванъ Яковличъ, дождались мы сердешнаго! (*мечется по комнатѣ*) Гдѣ онъ голубчикъ... слава тебѣ Господи... что-жъ я мечусь, какъ угорѣлая... побѣжать: повстрѣчать его, родного...

Пузовокъ.

Пойдемъ, матушка, пойдемъ. Вотъ легокъ на помини-то.

(*За сценой слышенъ колокольчикъ и стукъ подбѣжавшей телятъ*).

Арина Лукинишна (*вдругъ останавливается*).

Что-жъ ты стоишь, Махорка? бѣги, бѣги, дура, высаживай, отворяй ворота... (*Махорка убѣгаетъ*) Ахъ, Господи, чтой-то такъ и подкатило къ сердцу... ноженьки отнялись....

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣже и Петръ Иванычъ.

Петръ Иванычъ (*входитъ въ военномъ пальто изъ солдатскаго сукна и фуражкѣ*).

Арина Лукинишна.

Патрушенька!... (*бросается къ нему*). (*Нѣмая сцена*).

Петръ Иванычъ (*обнимая мать*).

Маменька, здравствуйте-съ...

Арина Лукинишна *(плачетъ)*.

Не чаяла я видѣть тебя, голубчикъ ты мой... Господи, Господи... Наградилъ Господь... велика его милость... дождались мы грѣшныя... такой радости...

Пузовокъ.

Да дай-ты мнѣ съ нимъ поцѣловаться-то...

Петръ Ивановичъ *(переходя къ отцу)*.

Папенька, здравствуйте-съ..

Пузовокъ *(обнимая его)*.

Здорово, здорово, сынишко... угостилъ, братъ... спасибо Пятруша, спасибо... да какъ тебя вытянуло... ишь, молодецъ какой... меня переросъ...

Арина Лукинишна *(подходя къ сыну съ другой стороны)*.

Взглянуть-то, взглянуть-то на моего сердешнаго дай, я и не взвидѣла свѣту Божьяго отъ радости... Пятрушенько... какой ты у насъ пригожій сталъ... глазыньки-то какіе свѣтлые *(разсматривая его)* охвицеръ... совсѣмъ какъ есть кавалеръ... намъ, темнымъ людямъ, такого и видывать не приводилось. Господи, Господи... *(плачетъ и бросается его обнимать)*.

Пузовокъ.

Ты совсѣмъ затормошила его, Арина Лукинишна.

Арина Лукинишна *(продолжая плакать)*.

Ахъ, Пятрушенька, Пятрушенька... Господи!..

Петръ Ивановичъ.

Ужъ вы, маменька-съ, точно надъ покойникомъ плачете, а вотъ позвольте я свое пальтецо сыму; у васъ здѣсь точно въ банѣ, вспотѣлъшибко-съ...

Арина Лукинишна.

Ахъ, Пятрушенька... ужъ и не поплакать мнѣ, голубчикъ... больно ужъ сладко... ужъ такъ сладко...

Пузовокъ.

Сымаи, сымаи сермягу-то; да что это у васъ за мѣшки такіе заведены?

Петръ Ивановичъ *(снимая пальто)*.

Это, папенька, пальто-съ...

Арина Лукинишна.

Пятрушенька! присядь родной; тебя, куды поди, ратрясло... Ахъ я безтолковая.., Махорка, Махорка!.. Самоваръ наставить надо.

Петръ Ивановичъ.

Да я таки выпью, съ дорожки-то пораспариться... прикажите, маменька, поставить.

Арина Лукинишна.

Сейчасъ, голубчикъ, сейчасъ... да гдѣ это Махорка... я вотъ

сама пойду, наставлю. Съ тобой чай котомочка какая есть—взять втащить сюда?

Петръ Ивановичъ.

Какая котомочка-съ — чемоданъ со мной...

Арина Лукинишна.

Ну чемоданъ, да извощику-то водочки поднести, сейчасъ... *(убываетъ)*

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣже безъ Арины Лукинишны.

Пузовокъ *(сидясь съ сыномъ на диванѣ)*.

Ну, поразскажи-ка, Пятрушенька какъ ты доѣхалъ. Давненько не видались мы, родной... вотъ ужъ и я; видишь какой странный хрычъ, скоро и косточки сложу... хоть проститься пришлось съ тобой, и за то благодареніе Богу.

Петръ Ивановичъ.

Да я пичево-съ, папенька, доѣхалъ благополучно, на сдаторы пыхъ ѣхалъ... да только ракалиі плохо везуть... я ужъ ихъ базумъ... въ Лебедяни переночевалъ... житье тамъ лихое топерь... ярманка... въ трактиръ зашелъ, цыгане поють...

Пузовокъ.

Ну, какже ты обжился на новомъ мѣстѣ, служить-то каково вѣдь я пичего хорошенько не знаю, ты писать толкомъ, не пишешь.... Вотъ теперича и хочется послушать тебя, Пятруша ты вонъ ужъ какой; въ возрастъ вошелъ, въ полный: долже понятіе имѣть и въ правилъ своемъ жить; мнѣ все это знаменитъ послушать... мы и свидѣлись съ тобой за тѣмъ: какія нуды имѣешь, то-ли, другое ли; что на сердцѣ, а въ умѣ думай-все отцу скажи... отецъ для тебя только и живетъ...

Петръ Ивановичъ.

Собственно теперь вы, папенька, жизнь мою знаете: въ ученичьемъ состоялъ восемь лѣтъ, тянулъ лямку-съ... Ну, извѣстно дѣло проферансъ невеликъ, промежду солдатъ... уже обхождение нѣтъ никакого; даромъ что изъ дворянъ числился...

Пузовокъ.

Что-жъ дѣлать-то, Пятруша? учиться не гораздъ былъ; собственному желанію пошелъ; я и самъ, любезный другъ, солдатомъ былъ...

Петръ Ивановичъ.

Ну вы-то, папенька, совсѣмъ другой оборотъ-съ, тогда, можно сказать, въ человѣкѣ такого чувства не было, амбициозно значить, все равно, что изъ отдаточныхъ шли; такъ ужъ на себя и смотрѣли.

Пузовокъ.

Ну, ты этого не говори, Пятруша; тоже понятіе имѣли...

Петръ Ивановичъ.

Все ужъ не то; какже можно, другое время было-съ; я, извѣстное дѣло, зналъ куда мнѣ дорога идетъ, возьму молъ офицерскій чинъ, такъ тогда я плевать на все хотѣлъ; ну а вышло, что и теперь служба-то такая... гарнизонная...

Пузовокъ.

Такъ что-жь что гарнизонная?

Петръ Ивановичъ.

Да то, что ходу никакого нѣту; одно слово: гарнизона-цузатая, возись съ арестантами да съ разпой швелью.... воѣ-те и все отличіе (*сплевываетъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже и Арина Лукинишна.

Петръ Ивановичъ (*продолжая въ обиходномъ тонѣ*).

Нѣтъ-съ, маменька, самое это послѣднее дѣло—въ гарнизонѣ служить... какъ есть никакого уваженія тебѣ ни отъ кого.

Арина Лукинишна (*сидясь подлѣ Петра Ивановича и обнимая его*).

Сейчасъ и чайку попьешь, Пятрушенька. О чемъ ты это рассказываешь, голубчикъ?

Петръ Ивановичъ.

Да вотъ говорю, маменька, что самая плевая вещь служить тамъ, гдѣ я служу-съ.

Арина Лукинишна.

Какже это, я въ толкъ не возьму, Пятрушенька; рай ты не въ хорошемъ мѣстѣ служишь!

Петръ Ивановичъ.

Я себя, маменька, не на то готовилъ-съ, хотѣлъ выдти въ полкъ: тогда сталъ бы какъ ость человѣкъ, жись лихая, офицера переходятъ съ мѣста на мѣсто; все на тебя другими глазами смотритъ (*одушевляясь*). Вездѣ тебя принимаютъ; по пощичкамъ развѣзжай, на пирушки, а захотѣлъ жениться, такъ подцѣпишь кралю съ приданнымъ; вѣкъ будешь жить припѣваючи. А тамъ войну объявятъ, въ походъ, идешь по разнымъ губерніямъ, встрѣчаютъ въ городахъ съ хлѣбомъ-съ солью, а музыка гремѣть... Вышелъ за границу—двойное жалованье, а въ дѣло—схватишь чинъ—другой, производство такъ и махаетъ; домой вернешься—всего увѣшаютъ!...

Арина Лукинишна (*смотрит на него съ удивленіем*).

Такъ-бы все тебя и слушала, Пятрушенька, всего-бы тебѣ посулила... енаральскаго чина, чтобъ въ звѣздахъ весь былъ...

Петръ Ивановичъ.

Въ томъ толку мало-съ, маменька, что вы сулить будете, все это отъ меня ушло...

Арина Лукинишна.

Какъ ушло, рай тебѣ не задалось? Что-ты хуже другихъ что-ли, Пятрушенька? Будешь служить—енаральскаго чина добьешься...

Петръ Ивановичъ.

Эхъ, маменька-съ. Вы поймите то, что я вамъ сказывалъ—добился-бы я генеральскаго чина, кабы по другой, значить, дороге пошелъ, кабы въ полкъ поступилъ-съ и все-бы пошелъ какъ по маслу... а теперь закинешь въ дырѣ, въ тухлой гарнизонъ; прокоптишь вѣкъ на четырехъ-стахъ рубляхъ жалованья вѣкъ свой проваландаешься съ паршивой компаніей... Въ конто вѣки партію сведешь; ну, перепадетъ копѣйка... а ходу-то нѣтъ. Теперь вѣдь я тоже дворянинъ-съ; ну вы съ папенькой положимъ, живете просто въ избенкѣ, одно званіе только, что дворяне, а по прочему какъ есть простые люди; ну, а я другой карьеръ долженъ сдѣлать-съ, мнѣ стало быть нужно, чтобъ служба меня возвышала, подостоинству была-съ, а тутъ какъ возвышеніе; извѣстно говорится: гарнизонный, молъ, офицеръ, деньщицкій паекъ заѣдаетъ-съ (*слезывается*).

Арина Лукинишна (*слезливо*).

Да какже это, Пятрушенька,—стало, тебѣ житья нѣтъ на этой службѣ; съ какой же радости ты загубилъ свою долю?

Петръ Ивановичъ.

Ахъ, маменька, съ какой радости? еще спрашиваете?... папенька пожелали; иди, говорятъ, въ гарнизонъ, да и кончено у я и пошелъ; (*обиженнымъ тономъ*) чтожъ, мнѣ нельзя сопротивляться...

Арина Лукинишна.

Слышишь, Иванъ Яковличъ, что Пятрушенька-то говоритъ. ты его судьбу заѣлъ... что-жъ ты молчишь; скажи-ка ты это что нибудь?

Пузовокъ.

Не ждалъ я, Пятрушенька, отъ тебя такихъ словъ—утѣшил отца на старости лѣтъ... Ты во всемъ, значить, меня винишь Дороги тебѣ, видите-ли, нѣтъ?... Полно, такъ-ли? Вотъ что тебѣ скажу, Пятруша, а ты прослушай: Ты хоть и думаешь о себѣ высоко, а на дѣлѣ-то мало показалъ. Тебѣ хочется въ полкъ отличіе схватить, генераломъ быть; анъ выходитъ, что самое твое мѣсто—въ гарнизонѣ... учился ты: азъ—Ангелскій, Арха

гетъ-архангельскій;—и вѣкъ свой проживешь недоученымъ; все кантовистомъ отшибать будешь! Нынче, Пятруша, вотъ что нужно, (*показываетъ на лобъ*) умныхъ да ученыхъ вездѣ выводятъ въ люди. Потому-то я и просилъ, чтобъ тебя въ гарнизонъ прозвели... Вотъ посмотри на меня... какъ я живу... я не лѣзу; у меня курная избенка... а могъ бы тоже стать на дыбы... Коль ты этого не понимаешь да думаешь, что мнѣ изъ одного близира пришла блажь перебивать тебѣ линію, такъ ступай куда знаешь, я тебѣ не помѣха...

Петръ Ивановичъ.

Вы, папенька, потому такъ разсуждаете, что живете вы въ глуши, значить, не знаете, какъ и что мнѣ было бы авантажнѣе-сь.

Пузовокъ (*встаетъ*).

Ну да, сынокъ, мы изъ ума выжили. Что мы? мужики, самъ же ты сказалъ: только званіе одно что дворяне, а то и на людѣ-то не похожи!... Ты вотъ въ благородные лѣзешь, объ чувствѣхъ толкуешь, Пятруша; а только порогъ переступилъ—отца съ матерью обаялъ; точно дѣло сдѣлалъ; какъ въ егерялы-то выдешь—такъ ты насъ тогда, пожалуй, бить будешь; въ тѣ поры намъ живымъ въ гробъ ложиться... право... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Петръ Ивановичъ и Арина Лукинишна

(*вся сцена въ помолоса*).

Арина Лукинишна.

Осерчалъ... а за што, прошто, самъ не знаетъ... Ахъ, Пятрушенька, ты не сокрушайся, голубчикъ... онъ все такой... придерется ни вѣсть къ чему и ну пилить: индо одурь возьметъ...

Петръ Ивановичъ.

Да я, маменька, ничево-сь... извѣстное дѣло: необразованіе... кабы папенька понималъ, какъ и что, такъ тутъ нечего въ претензію входить. Даже смѣшно-сь...

Арина Лукинишна.

Такъ вотъ, взъѣстся и прибираетъ, что въ голову войдетъ... а мнѣ тебя-то, моего голубчика, жаль... экой ты безталанный; линію-то тебѣ всю перебилъ... мое дѣло женское, темное, я вѣдь не могла Иванъ Яковличу пересчитать... Ну, говорить: по близости къ намъ будетъ, по крайности хоть до нашей смерти... а мнѣ поближе-то извѣстно лучше; вѣдь ты одинъ у меня, Пятрушенька; а я никакихъ этихъ дѣловъ не знала, гдѣ тебѣ слѣдуетъ служить—гдѣ нѣтъ...

Петръ Ивановичъ.

Что-жъ что по близости? не вѣкъ же около васъ прохлаждаться....

Арина Лукинишна.

Ахъ, не удержишь тебя, дитятко—извѣстное дѣло; кому же и знать, какъ не самому, что въ жизни происходитъ слѣдуетъ... Да что-жъ, Пятрушенька, ужъ коли тебѣ совѣмъ претитъ въ аринзонѣ—то, въ эвтомъ, рай нельзя куда въ другое мѣсто, куда твое жаланіе было?

Петръ Ивановичъ.

Нѣтъ ужъ, теперь аттанде-съ; теперь не такой ужъ ходъ совѣмъ, оно разнища-съ прямо въ полкъ опредѣлиться али изъ гарнизны переходить, это самое послѣднее дѣло... а папенька еще просили, что по обстоятельствамъ-де и по преклоннымъ лѣтамъ желаю, чтобъ сыпъ мой продолжалъ служеніе въ гарнизонѣ... Точно милость какую выпрашивалъ... куда теперь сунешься!

Арина Лукинишна.

Пятрушенька... ты не убивайся... Чтой ты станешь дѣлать съ отцомъ-то, ужъ такой идравъ имѣеть... вотъ нынче тоже, безъ тебя, какъ расходился: былъ у насъ тутъ Борисъ Пятровичъ, чай знаешь, Кудрявинскій баринъ... ну заѣхалъ, просто-квашки покушалъ съ нами, говорилъ такъ-то ласково и спрашиваетъ: а что, молъ, Иванъ Яковличъ, гдѣ твой сынъ? Такъ и такъ говорить: служить; на побывку поджидаемъ... привези, говорить, его ко мнѣ, я, говорить, хочу съ нимъ знакомство имѣть... а онъ ему на это: не очень, говорить, мому Пятрушѣ мѣсто въ вашей компаніи; да какъ тотъ уѣхалъ, онъ и почалъ прибирать: все, говорить, это для близиру дѣлается; зачѣмъ, говорить, я повезу его туда, тамъ ему не стать, только, говорить, они въ издевку надъ нами, и пошолъ и пошолъ...

Петръ Ивановичъ *(съ презрительной миной)*.

Папенька не думаетъ-ли, что мы олухами живемъ, не знаемъ, какъ себя въ компаніи показать? Такъ это они напрасно-съ. Мундиръ-то хоть и поганый; да и то мы куражу не теряемъ; поокуратнѣ другаго поведемъ себя—да-съ...

Арина Лукинишна.

Я ему—и говорю: нечѣмъ бы ты старался, сухоту имѣлъ бы, чтобъ Пятруша съ добрыми людьми былъ; а ты вотъ фордыбачишь... Борисъ Пятровичъ—баринъ большой, можетъ Пятрушу на линію вывести... Ну онъ и закудахталъ: что-бы я сталъ кланяться? да, говорить, гроша мѣднаго—околѣвать буду—не попрошу у Бориса Пятровича... гордость какая!...

Петръ Ивановичъ.

Невѣжество-съ *(сидевываетъ)*.

Арина Лукинишна.

Ужъ такой чудной... злость беретъ; а то и жалко... вѣдь онъ вотъ этакъ-то разайдется; а потомъ весь расклется... ни рукой ни ногой... ну и сердца долго не держитъ, сердце у него отходчивое... хмуриться долго не станетъ; а свое въ умѣ все ужъ держитъ, это завсегда... *(помолчавъ)* Пятрушенька, не спросила я тебя, дитятко, на долго-ли въ побывку-то?

Петръ Ивановичъ.

На 28 дней взялъ отпускъ-съ *(закуриваетъ трубку)*.

Арина Лукинишна.

Мѣсяцъ не будетъ; а я чаяла на все лѣто. Ну, нечего дѣлать, и за то Господа Бога благодаримъ... вотъ только жисть-то у насъ видишь самъ какая... мужицкая... опротивѣетъ тебѣ, голубчикъ, съ нами въ избѣ-то коптѣть...

Петръ Ивановичъ.

Да-съ, маменька... вы ужъ не по званію содержите себя... тоже дворяне, не ниже другихъ, а живете точно послѣдніе вахляки; надо тоже помнить, что разница есть между вами и лапотникомъ какимъ нибудь.

Арина Лукинишна.

Ахъ, Пятрушенька, на все деньги нужны — тогда содержать себя по людски можно; самъ знаешь, какіе наши достатки!

Петръ Ивановичъ *(улымаясь)*.

Ну, у папеньки деньжонки водятся; только видъ дѣлаетъ, что бѣденъ... да все ужъ не такъ надо жить, хотя бы и въ самомъ дѣлѣ бѣдность крайняя... Вы то возьмите, а теперь вашъ сынъ, на дворянской линіи, такъ чтобъ мнѣ не стыдно было отца съ матерью, какъ они передъ людьми себя показываютъ...

Арина Лукинишна.

Охъ, знаю, знаю, Пятрушенька... ужъ не говори, голубчикъ... Что мы для тебя? только срашимъ ей-и-Богу, ужъ ты насъ не обезсудь, поживи, да дай на себя наглядѣться передъ смертью... Извѣстное дѣло, сидѣть съ нами, стариками, скучно, позанятно, глухи мы для тебя... *(помолчавъ)* вотъ тебѣ по всему и слѣдуетъ къ Борису Патровичу съѣздить; тамъ компанія, барышни молодыя, на фортуныахъ и все такое. Мы ужъ отца-то улошаемъ; чтой-то въ самомъ дѣлѣ привередничаетъ, только изъ одной блажи артачится... *(останавливается, увидя входящую Пузовку)*.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣже и Пузовокъ.

Пузовокъ *(весело)*.

Ну, что же остановилась, матушка Арина Лукинишна, вѣрно мои косточки перемывали—а? вѣдь обо мнѣ, небось, говорили?

Арина Лукинишна.

А хоть бы и о тебѣ, такъ чтожъ за диковина?

Пузовокъ.

Диковина никакой нѣтъ; на что другое, а на это мы съ тобой горазды. Вѣдь поди, чай, объ давнишнемъ рассказывала? всю подноготную вывела?...

Арина Лукинишна.

А чтожъ; вонъ и Петруша тоже говоритъ; ему бы очень желательно у Бориса Пятровича побывать въ хорошей компаніи...

Петръ Иванычъ.

Да-съ, папенька... Я завсегда старался, чтобъ мнѣ попадать въ общество-съ... вѣдь не съ мужиками мнѣ возиться... вы напрасно думаете, что я вотъ такъ носомъ въ лужу и ударюсь; мы себя знаемъ, тоже въ конфузъ не взойдемъ-съ... *(сплевываетъ)*.

Пузовокъ.

Компанія компаніи рознь, Патруша; который человекъ въ одномъ мѣстѣ хорошъ, а въ другое явится, чучело чучелой.... такъ-то...

Петръ Иванычъ.

То есть это вы на счетъ чего-же-съ говорите?

Пузовокъ.

А на счетъ того, что все на своемъ мѣстѣ хорошо...

Арина Лукинишна.

Такъ чтожъ это, Иванъ Яковличъ, такъ Патрушѣ и сидѣть день деньской съ нами въ избенкѣ...

Пузовокъ.

Захочетъ посидѣть, такъ посидитъ, не побрезгуетъ нами: а нѣтъ, такъ его воля; найдетъ себѣ другую компанію...

Петръ Иванычъ *(встаетъ)*.

Нѣтъ, вы ужъ свезите меня, папенька-съ.

Пузовокъ.

Свезу, сынокъ, свезу, коли такъ загорѣлось у тебя, только ужъ сегодня не могу, ты, пожалуй, и сейчасъ захочешь...

Арина Лукинишна.

Ну ужъ, ты опять начнешь, Иванъ Яковличъ, тебѣ дѣло говорить, а ты все блажишь.

Пузовокъ.

Все одно дѣло зпать, матушка Арина Лукинишна, такъ скоро высохнешь... такъ-ли, сынокъ? а первое дѣло за другихъ не старайся, спасибо не скажутъ...

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Тѣже и Махорка.

Махорка.

Кипитъ самоваръ-то, куда тащить?

Арина Лукинишна.

Да куда? Патрушенька, здѣсь что-ли напиться, али ко мнѣ въ свѣтелку пойдѣмъ, тамъ все припасено?

Петръ Иванычъ.

Какъ хотите, маменька, хотъ туда-съ...

Арина Лукинишна.

Ну, пойдѣмъ, голубчикъ, а ты Иванъ Яковличъ?

Пузовокъ.

Приду, приду, ступайте.

Арина Лукинишна.

Махорка, сливокъ-то принесла, шальная? Ты со сливками, Патрушенька?

Петръ Иванычъ.

Со сливками-съ.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Пузовка.)

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Пузовокъ одинъ.

Пузовокъ *(дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается на авансценѣ).*

Э-хе-хе... не задался молодецъ... Нѣтъ, не то, не то... ужъ коли здѣсь нѣтъ *(указываетъ на грудь)*, такъ и ждать нечего... Эхъ ма! Иванъ Яковличъ, тебѣ, братъ, пора и со свѣту долой! *(махаетъ рукой и уходитъ).*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

БОРИСЪ ПЕТРОВИЧЪ СКАЛОВЪ.
АННА НИКОЛАЕВНА, жена его, 36 л.
ЛИЗАБЕТА БОРИСОВНА, его дочь, 17 л.
МАТИЛЬДА ИВАНОВНА, гувернантка,
27 лѣтъ.
ВАЛЕРЬЯНЪ ВАЛЕРЬЯНОВИЧЪ ЖА-
БИНЪ, помѣщикъ, 45 л., близкій со-
седъ Скалова.

ВАРВАРА СЕРГѢЕВНА БРУСНИГИ-
НА, вдова, 32 лѣтъ, помѣщица, близ-
кая сосѣдка Скалова.
ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ПУЗОВОКЪ.
ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ, его сынъ.
СЛУГА Скаловыхъ.

Дѣйствіе — въ деревнѣ Скалова.

Гостиная. Въ срединѣ дверь на террасу. На право и на лѣво по двер-
ри. На первомъ планѣ съ правой стороны диванъ, съ лѣвой—пальцы.

ЯВЛЕНІЕ I.

СКАЛОВЪ и МАТИЛЬДА (*выходятъ изъ правой двери, откуда слыш-
ны звуки фортепьяно*).

СКАЛОВЪ.

Это черезъ чуръ глупо! Позволить себѣ подобную выходку!

МАТИЛЬДА (*въ молодоса*).

Оставь, развѣ я обращаю вниманіе на такія вещи...

СКАЛОВЪ.

Какъ смѣть сказать... при мнѣ... (*со злостью*) Нѣтъ, Анна
Николаевна, я васъ очень распустилъ, пора и подобрать; вы
многое успѣли ужъ позабыть!

МАТИЛЬДА.

Что же дѣлать, когда она до сихъ поръ ревнуетъ?

СКАЛОВЪ.

Ревнуетъ!... Вотъ прекрасно! Кто ей позволилъ ревновать?
Я, кажется, довольно отучалъ ее отъ этихъ нѣжностей... Рев-
нуетъ!... Пускай она себѣ бѣсится, да не смѣй дѣлать дерзо-
стей. Еслибъ тутъ не было Лизы, я показалъ бы ей какъ нуж-
но себя держать!... При дочери!... Этакая нелѣпость! Этакое
сумасшествіе!...

МАТИЛЬДА (*громко*).

Полно, я ей прощаю, она увлеклась...

СКАЛОВЪ.

Прекрасно! увлеклась! Нѣтъ, я ей не прощаю; этакія вещи
не прощаются!... Я ее заставляю просить у тебя извиненія...

МАТИЛЬДА (*съ болью въ лицѣ*).

Къ чему это? Пожалуйста, безъ сценъ!...

Скаловъ.

Я знаю, что дѣлаю. Мы ее отучимъ отъ... сердечныхъ изліяній!...

Матильда.

Прошу тебя, не нужно, я не хочу этого...

Скаловъ.

Да я хочу... Я подобныхъ вещей выносить не намѣренъ. Пожалуйста, не мѣшай мнѣ; поди туда, продолжай урокъ, и попроси ко мнѣ Анну Николавну...

Матильда.

Борись!... (*стоитъ въ раздумьи*).

Скаловъ (*съ досадой*).

Ты хочешь еще больше взбѣсить меня? Ну, я самъ пойду, и...

Матильда.

Нѣтъ, ради Бога! Ужъ лучше я! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Скаловъ (*одинъ*).

Вотъ женщины! Рады въ волосы другъ другу вцѣпиться, а великодушничаютъ! Не понимаю, какъ она смѣла сказать подобную вещь при мнѣ... Должно быть, я слабъ становлюсь... Надо напомнить ей былия времена! что за наказаніе держать ненужную мебель, ревнивую жену, которую не любишь! Давно бы надобно было бросить! Да какъ бросишь? Компрометировать себя?... Отправить въ Москву, на жительство?. Захочетъ дочь взять съ собой.. Выгнать одну? ничѣмъ не выживешь!... А Матильдѣ оставаться дольше... тоже неловко!.. Надо на что-нибудь рѣшиться, а главное, хорошенько прикрутить, чтобъ ни-кнуть не смѣла!..

ЯВЛЕНИЕ III.

Скаловъ и Скалова.

Скалова (*подходитъ тихо, довольно спокойнымъ голосомъ*).

Что вамъ угодно, Борисъ Петровичъ?

Скаловъ (*быстро оборачиваясь, рѣзкимъ тономъ*).

Мнѣ угодно, Анна Николавна, чтобъ вы не говорили глупостей и дерзостей, потому что это меня выводитъ изъ терпѣнія.

Скалова.

Что же я такое сказала?..

Скаловъ.

Пожалуйста, безъ нелѣпыхъ оправданій! Что вы сказали?! Вы сказали Матильдѣ, при мнѣ и при дочери, чтобъ она отправля-

лась вонъ, что безсовѣстно ей жить у насъ, когда Лиза уже большая и нечему ее учить... вотъ что вы сказали!...

Скалова.

Развѣ это не правда!...

Скаловъ (*выходя изъ себя*).

Какъ вы смѣете разсуждать правда-ли это или нѣтъ? Говорить дерзости Матильдѣ?... Вы забылись, вы съ ума сошли!...

Скалова.

Борисъ Петровичъ... присутствіе Матильды Ивановны...

Скаловъ.

Молчите! безъ правоученій! Извольте просить у нея извиненіе сейчасъ-же!

Скалова (*твердо*).

Нѣтъ, я не стану.

Скаловъ (*ближе подходитъ къ ней*).

Вы не станете? — посмотримъ... (*тише, съ разстановкой*) Если вы, сейчасъ-же, не извинитесь предъ Матильдой, я завтра оставляю васъ одну въ Кудрявинѣ, уѣду и возьму съ собой дочь; какъ честный человѣкъ говорю вамъ, что я это сдѣлаю..

Скалова (*съ плачемъ въ слезы*).

Вы не смѣете это сдѣлать, Борисъ Петровичъ, вы не смѣете...

Скаловъ.

Я сдѣлаю это, Анна Николаевна, вы, кажется, меня давно знаете... ну-съ, рѣшились вы? Надѣюсь, что да (*подходитъ къ двери и кричитъ*) Матильда Ивановна, подите сюда на минуточку; (*возвращается*) и чтобъ это было въ послѣдній разъ, а то вы меня вынудите поступить съ вами покруче; (*съ удареніемъ*) женщина, которую не любишь и по неволѣ держишь при себѣ, должна терпѣть и молчать, вотъ ея удѣлъ...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Матильда.

Матильда (*съ легкимъ смущеніемъ*).

Вы меня звали, Борисъ Петровичъ?..

Скаловъ.

Подите сюда поближе. (*Смотритъ на жену*) Анна Николаевна желаетъ извиниться передъ вами въ неумѣстной выходкѣ.

Скалова (*приближается къ Матильдѣ*).

Матильда Ивановна... извините меня ..

Матильда.

Помилуйте, Анна Николаевна... я нисколько не... (*останавливается, взявша на Скалова*).

Скаловъ.

Я надѣюсь, что впредь ничего подобнаго не случится, и Анна Николаевна будетъ осторожнѣе въ своихъ изліяніяхъ...

МАТИЛЬДА И СКАЛОВЪ *(стоятъ другъ передъ другомъ потупившись).*

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣже и Лиза *(вбѣгаетъ и останавливается).*

Лиза.

Куда же вы всѣ ушли *(подходитъ къ матери)* что ты это, папан? *(смотритъ на отца и на Матильду)* Вы всѣ какіе-то нахмуренные...

Скаловъ.

Ничего, мой другъ, мы говорили объ одномъ очень серьезномъ дѣлѣ...

Лиза.

Мнѣ нельзя его сказать, рара?

Скаловъ *(съ улыбкой).*

Нельзя, мой дружокъ...

Лиза.

Такъ я уйду?

Скаловъ.

Мы ужъ переговорили.

Лиза *(ласкается къ матери, въ пол-юлоса).*

Вѣрно, рара, сердился, скажи душка, ты ужъ не плакала-ли?...

Скалова *(также въ пол-юлоса).*

Нѣтъ, Лиза, съ чего-же ты взяла?...

Скаловъ.

Лиза, ты кажется еще не доиграла пьесы?...

Лиза.

Нѣтъ еще, рара; да вы всѣ ушли, мнѣ скучно стало...

Скаловъ.

Надо доиграть, мы пойдемъ въ залу...

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣже и Слуга.

Слуга.

Валерьянъ Валерьянычъ и Варвара Сергѣевна!

Скаловъ.

Неразлучные друзья!...

Лиза.

Ахъ, Жабинъ; нужно ему показать мою работу...

Скаловъ *(случ).*

Чай приготовить въ саду. Пойдемте ихъ встрѣчать... *(идетъ съ Матильдой къ дверямъ).*

Лиза (*восторону*).

Я ужъ узнаю, что тутъ было. (*Къ матери*) Я на тебя разсержусь, мамап, ты мнѣ ничего никогда не скажешь!...

Скалова (*цѣлуя ее въ лобъ*).

Ахъ, мой другъ, мнѣ нечего тебѣ говорить. Пойдемъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣже, Жабинъ и Бруснигина (*встрѣчаются въ дверяхъ со Скаловымъ и Матильдой*).

Бруснигина.

Bonjour, мы къ вамъ налегкѣ, возвращаемся отъ Татьяны Павловны... Анна Николаевна, m-me Lise!... (*здоровается съ дамами*).

Жабинъ.

Заѣхали на минуточку (*подаетъ руку Скалову*).

Скаловъ.

Останьтесь хоть на чашку чаю... Ну, какъ вы, Валерьянъ Валерьянычъ; вѣрно съ подарочкомъ ѣздили къ Татьянѣ Павловнѣ; подушечку какую-нибудь, а?..

Жабинъ.

Не угадали, самъ получилъ. (*Подходитъ къ дамамъ*) Анна Николаевна, позвольте мнѣ передать вамъ поклонъ отъ Татьяны Павловны.. Я-бы вамъ показалъ и узоръ, который она мнѣ подарила, да вы вѣдь не охотница до этого...

Скалова.

Не большая (*садится съ Бруснигиной на диванъ*).

Бруснигина.

Повѣрите-ли, Анна Николаевна: Валерьянъ Валерьянычъ давалъ намъ всѣмъ уроки вышиванья...

Лиза (*Жабину*).

Покажите мнѣ узоръ, Валерьянъ Валерьянычъ.

Жабинъ,

Съ величайшимъ удовольствіемъ, m-me Lise.. (*сладко*) Матильда Ивановна, вы все еще въ нашихъ краяхъ. Какъ мнѣ пріятно васъ видѣть...

Матильда (*насмѣшливо*).

И мнѣ также, Валерьянъ Валерьянычъ...

Скаловъ (*Жабину*).

Лиза отѣла вамъ показать свою работу...

Лиза (*подходитъ съ Матильдой къ нянцѣмъ*).

Да, посмотрите: какова моя подушка?

ЖАБИНЪ (*смотритъ на работу*).

Очень мило, очень мило, тутъ бы еще стеклярусу... и гирляндочка такая нѣжная и все *petit point*...

МАТИЛЬДА.

Это не въ нашемъ вкусѣ...

ЖАБИНЪ.

Почему-же? Подушка прекрасная... Мелко немножко, нѣтъ игры красокъ... вотъ эти букетцы слишкомъ суетливы...

ЛИЗА.

А вы теперь что работаете, Валерьянъ Валерьянычъ?...

МАТИЛЬДА.

Вѣрно, что-нибудь церковное?...

ЖАБИНЪ.

Да-съ, маленькіе воздушы, тоже съ стеклярусомъ и коверъ по черному фону большими букетами, въ срединѣ подсолнечникъ... очень красиво-съ...

БРУСНИГИНА.

Ахъ, Валерьянъ Валерьянычъ, я видѣла вашу работу, подушку у Софьи Николаевны, съ бусами... гдѣ вы такихъ достали?

ЖАБИНЪ.

На ярманкѣ покупаю, очень хорошія видъ даютъ; особенно въ кружныхъ вещахъ...

СКАЛОВЪ (*указывая Бруснигиной на Жабина*).

Великій мастеръ!

БРУСНИГИНА.

Просто не вѣришь, какъ это мужчина можетъ такъ работать (*оборачиваясь къ Скаловой*) Ахъ, та сѣбе Анна Николаевна, а пророки, поѣдете вы въ нынѣшнемъ году на ярманку?

СКАЛОВА.

Не знаю, какъ Борисъ...

СКАЛОВЪ.

Не думаю, Варвара Сергѣевна, не стоитъ ѣхать... тащиться вѣсти версты... мы все выписываемъ изъ Москвы...

БРУСНИГИНА.

На дняхъ была я у Софьи Николаевны, пріѣзжалъ туда Жабовъ, знаете Nicolas, такой милый, и рассказывалъ, что въ эту ярманку готовится много веселостей: большой балъ 22 Августа въ главномъ домѣ...

СКАЛОВА.

На этихъ балахъ никого не бываетъ, кажется...

БРУСНИГИНА.

Ахъ нѣтъ, въ этотъ разъ многіе собираются... въ городѣ столько дѣвицъ... я тоже ѣду... Чтобы вамъ не поѣхать? Мlle Lise могла-бы потанцевать еще до зимы.

Скаловъ.

Слышишь, Лиза, тебѣ развѣ очень хочется танцовать?

Лиза.

Разумѣется, хочется, рара, а ты думалъ, нѣтъ?

Бруснигина (*Скаловой*).

Charmant enfant!

Скаловъ.

Ma chère amie, потерпи до зимы, ты выйдешь въ первый разъ въ Москвѣ, а не на ярмарочный балъ.

Жабинъ.

Да-съ, m-lle Lise, поравася и вывозить-съ. (*Матильда*) Вамъ, Матильда Ивановна, придется скоро разстаться съ вашей милой ученицей (*Лизъ*). Вамъ жалко проститься съ Матильдой Ивановной?

Лиза.

Да я еще не прощаюсь съ ней.

Жабинъ.

Но скоро разстанетесь; не правда-ли, Матильда Ивановна?

Матильда.

Не знаю, это не отъ меня зависитъ.

Жабинъ.

Да, конечно-съ. Вы такъ привязались къ m-lle Lise, что желали бы вѣкъ не разставаться съ ней; о! я понимаю-съ... но Лизавета Борисовна кончила ужъ свое образованіе... теперь столько маленькихъ дѣтей ждутъ вашихъ попеченій (*Матильда смущается, Бруснигина вытягиваетъ шею, Скаловъ и Скалова смотрятъ вопросительно*). Когда вы собираетесь въ Москву, Борисъ Петровичъ?

Скаловъ.

Въ ноябрѣ...

Жабинъ (*смотря на Матильду*).

Такъ, вѣроятно, до того времени вамъ можно будетъ пробыть здѣсь...

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣже и Слуга.

Слуга.

Иванъ Яковличъ съ сыномъ.

Скаловъ (*весело*).

Проси, проси; ну, mesdames, вы увидите кавалера; я думаю, курьезная личность (*Матильда Ивановна оправилась, всѣ обращаются глазами къ двери*).

Лизавета Борисовна.

Ахъ, рара, это нашъ Иванъ Яковличъ; а сынъ вѣрно Петруша, о которомъ онъ такъ часто говорилъ.

Анна Николавна (*Брусничной*).

Славный старикъ, бывший нашъ управляющій...

Жабинъ.

Иванъ Яковличъ долженъ быть въ умиленіи, что сынъ его офицеръ.

Матильда Ивановна.

Онъ офицеръ?

Скаловъ.

Гарнизонный.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже, Иванъ Яковличъ и Петръ Ивановичъ (*входятъ и кланяются у дверей; Иванъ Яковличъ въ черномъ длинноватомъ сюртукъ, Петръ Ивановичъ въ мундиръ и при шпалъ*).
Скаловъ (*не двигаясь съ мѣста*).

А, здравствуй, Иванъ Яковлевичъ, очень радъ тебя видѣть... сына дождался...

Иванъ Яковлевичъ.

Да, Борисъ Петровичъ, вотъ и Пятруша мой (*Петръ Ивановичъ кланяется, сибая голову на бокъ*). Привезъ къ вамъ на поклонъ, прошу любить да жаловать...

Скаловъ (*не протягивая руки Петру Ивановичу*).

Весьма пріятно познакомиться.

Анна Николавна.

Здравствуйте, Иванъ Яковличъ... давно мы съ вами не видались...

Иванъ Яковлевичъ (*подходя и цѣлуя ей руку*).

Больше году будетъ, матушка Анна Николавна. Какъ изволили себя чувствовать?

Анна Николавна.

Благодарю, теперь хорошо.

Лизавета Борисовна (*подходитъ къ Пузовку*).

Иванъ Яковличъ, здравствуйте...

Иванъ Яковлевичъ.

Ахъ, матушка Лизавета Борисовна, да какія вы большія выросли, не узналъ бы...

Скаловъ (*къ Петру Ивановичу*).

Прошу покорно садиться...

Петръ Ивановичъ.

Не беспокойтесь-съ (*беретъ стулъ и ставитъ его съ трюмомъ*).

Иванъ Яковлевичъ.

Валерьяну Валерьяновичу мое почтеніе, Матильдѣ Ивановѣ...
(садится, нѣсколько минутъ молчаніе, Петръ Ивановичъ те-
реминается и крутитъ усы).

Скаловъ.

Чаю не хотите-ли, господа?

Пузовокъ.

Покорно благодаримъ, Борисъ Петровичъ: мы ужъ попили
дома.

Анна Николавна (къ Петру Ивано-
вичу).

На долго вы сюда, къ вашему папенькѣ?

Петръ Ивановичъ.

На 28 дней-съ.

Анна Николавна.

И давно вы не видались?

Петръ Ивановичъ.

Восемь лѣтъ будетъ.

Скаловъ.

Ну, Иванъ Яковличъ, теперь тебѣ бѣда.

Пузовокъ.

А что, Борисъ Петровичъ?

Скаловъ.

Да нельзя будетъ больше подавать прошеній... о малолѣт-
нихъ дѣтяхъ, а? ха, ха, ха. Видишь какой сынъ-то у тебя вы-
ростъ.

Жабинъ.

Какихъ прошеній; развѣ Иванъ Яковлевичъ подавалъ кому
нибудь!

Скаловъ.

А вы не знаете ничего про это?

Жабинъ.

Нѣтъ ничего.

Скаловъ.

Это преинтересная исторія...

Пузовокъ.

Вы опять за свое, Борисъ Петровичъ; далось вамъ прошеніе.

Скаловъ.

Вотъ ты и разсердился, Иванъ Яковлевичъ...

Жабинъ.

Отчего же вы не дадите рассказать, Иванъ Яковлевичъ...

Скаловъ.

Иванъ Яковлевичъ, позвольте рассказать?

Пузовокъ.

Мнѣ что-жъ до того, Борисъ Петровичъ... коли охота есть...
извольте потѣшиться... у языка-то костей вѣдь нѣтъ-съ...

Скаловъ.

Да развѣ я выдумываю, а?

Пузовокъ.

Нѣтъ не выдумываете, батюшка, Борисъ Патровичъ, а такъ, былъ съ небылицей мѣшасте...

Анна Николаевна.

О чемъ это васъ допрашиваютъ, Иванъ Яковлевичъ?..

Пузовокъ.

Да такъ, матушка, Анна Николаевна... потѣшаются только... прослышали гдѣ-то, что я, видите ли, прошеніе подавалъ о вспомошествованіи... что-жъ тутъ?.. Ничего такого нѣтъ; намъ гдѣ же взять? а они тутъ присочинили, что якобы я написалъ въ прошеніи: имѣю, молъ, многочисленное семейство, состоящее изъ 8 человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей...

Скаловъ.

Ха, ха, ха!...

Жабинъ.

Подбавили, навѣрно подбавили, Иванъ Яковличъ...

Пузовокъ.

А, хошь-бы и подбавилъ, Валерьянъ Валерьяновичъ, такъ мнѣ простительно; а вы вотъ богатый человѣкъ; а казну-то обманываете; у васъ въ прошломъ году двѣ десятины грѣчи выбило градомъ; а вы взяли свидѣтельство, что, молъ, все яровое погибло... такъ-то, батюшка... такъ тутъ нечего на нашего брата голяка небылицы взводить...

Жабинъ *(смущается, общее молчаніе)*.

Скаловъ.

Осерчалъ, осерчалъ, братъ, Иванъ Яковличъ... какой ты злой сталъ на старости лѣтъ...

Пузовокъ *(къ Аннѣ Николаевнѣ)*.

Вотъ какую напраслину говорятъ, матушка Анна Николаевна; имъ все поддакивать нужно, а перечить никакъ нельзя... обидно будетъ *(нѣсколько секундъ молчаніе)*.

Скаловъ.

Не пойти-ли намъ въ садъ, намъ туда подадутъ чай...

Бруснигина.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ; вечеръ прекрасный.

Скаловъ.

Allons mesdames. Вашу руку, Варвара Сергѣевна *(беретъ Бруснигину подъ руку и уходитъ)*.

Жабинъ.

Анна Николаевна! *(идетъ съ ней подъ руку, за ними Лиза и Матильда Ивановна)*.

Матильда Ивановна *(къ Лизѣ)*.

Я схожу за зонтикомъ *(уходитъ)*.

Лизазета Борисовна.

Такъ и мнѣ нужно (*уходитъ въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНИЕ X.

Пузовокъ и Петръ Ивановичъ.

Пузовокъ.

Ну, что я тебѣ говорилъ, Патруша?

Петръ Ивановичъ.

А что-съ?

Пузовокъ.

Видишь, какъ насъ принимаютъ...

Петръ Ивановичъ.

Принимаютъ, какъ слѣдуетъ-съ.

Пузовокъ.

Да, какъ слѣдуетъ... только смѣются, какъ надъ шутами...

Петръ Ивановичъ.

Это вы все, папенька, такъ къ сердцу принимаете... они шутили...

Пузовокъ (*показывая на затылокъ*).

Вотъ у меня гдѣ сидятъ эти шутки-то... Нечего, братъ, туда соваться, гдѣ тебя шельмуютъ...

Петръ Ивановичъ.

Пойдемте въ садъ-съ, всѣ ушли...

Пузовокъ.

А намъ бы съ тобой тоже пора уйти ; хорошаго не дождемся...

Лиза (*выходя изъ боковой двери*).

Пойдемте въ садъ...

Петръ Ивановичъ.

Покорно благодарю-съ... мы шли-съ (*всѣ трое уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

Матильда (*одна*) (*входитъ съ зонтикомъ и останавливается*).

Кажется, я покраснѣла, когда Жабинъ началъ говорить со мной такимъ страннымъ тономъ. Ясно, что онъ дѣлалъ намекъ... Значить—всѣ знаютъ! (*помолчавъ*) Право я точно ребенокъ; думаю, что если забиться въ темный уголъ, такъ никто и не найдетъ! Разумѣется, всѣ знаютъ и давнымъ давно!.. Вся эта маскировка ни къ чему не повела... (*воодушевляется*). За эту постоянную борьбу, страхи, волненія... хоть бы одна хорошая минута; а то и того нѣтъ... дома: сцены въ родѣ давишней... иногда мнѣ кажется даже, что Борисъ вовсе не любитъ

меня... по крайней мѣрѣ не дорожить моею привязанностью... у него то холодный расчетъ, эгоизмъ, то порывы; онъ заставлялъ дѣвчичу Анну Николаевну просить прощенія больше у себя, нежели у меня... и потомъ... часто онъ обходится со мной такъ странно... рѣзительно, какъ съ любовницей, которую онъ держитъ оттого, что жена стара!.. Какія я гадости говорю... Ей Богу, я сама не знаю, что во мнѣ происходитъ: передъ нимъ теряюсь... люблю его, какъ божество какое нибудь... (*поднимая юлову*). Да вѣдь и онъ все таки меня любитъ... больше дружить.

ЯВЛЕНИЕ XII.

Матильда и Лиза (*вбѣгаетъ*).

Лиза (*Матильдѣ Ивановнѣ*).

Вы еще здѣсь, я ѣду провожать т-те Бруснигину въ тюль-бюри хотите вы со мной; а то я татап попрошу...

Матильда.

Потѣжайте съ татап, я останусь...

Лиза (*приближается къ ней*).

Послушайте, Матильда Ивановна, что у васъ такое было-дѣвчича... Татап очень огорчилась... скажите мнѣ, пожалуйста...

Матильда Ивановна.

Ничего, та сѣре, не было особеннаго.

Лиза.

Нѣтъ, вы скрываете (*съ неудовольствіемъ*). Никогда отъ васъ ничего не добьетесь; вы со мной, какъ съ двухъ-лѣтней дѣвчичкой обращаетесь.

Матильда (*съ укоромъ*).

Лиза!.. не стыдно вамъ... чего вы отъ меня хотите; я съ вами всегда откровенна, но вы еще слишкомъ молоды. Я не могу всего говорить вамъ.

Лиза (*съ наивной досадой*).

Молоды... всегда одна отговорка.., что-жъ, что я молода? отъ меня все скрываютъ—я и буду дуручка...

Матильда (*съ улыбкой*).

Вы будете очень умная дѣвушка, только не волнуйтесь попустому; повѣрьте, я васъ не стану обманывать.

Лиза (*грустно*).

Нѣтъ, я знаю, татап расстроилась... не попустому:—вѣрно сама что нибудь наговорилъ ей... вы мнѣ, разумѣется, не скажете... вы всегда на сторонѣ рара... (*быстро уходитъ*).

Матильда (*глядитъ ей въ слѣдъ*).

Много я виновата передъ этимъ ребенкомъ! Она меня не любитъ, да я ничего и требовать не могу! Какъ я воспитывала ее?.. Сколько лжи... обмана! Слава Богу, кончилось!..

Я говорю: слава Богу... а что со мной теперь будетъ: куда я дѣнусь... Вѣдь мнѣ нельзя оставаться здѣсь больше! Оставить Бориса... а тамъ!.. (*закрываетъ лицо руками*)... лучше не доживать до этого времени!..

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Петръ Ивановичъ (*входитъ съ террасы: снимаетъ фуражку и отираетъ лицо*).

Жарко... (*увидавъ Матильду Ивановну*). Извините-съ...

Матильда (*оправляясь*).

Вы мнѣ нисколько не помѣшали...

Петръ Ивановичъ (*развязно*).

Вы о чемъ-то такъ задумались?..

Матильда.

У меня заболѣла голова отъ жару...

Петръ Ивановичъ.

Да-съ, сильно печетъ; въ саду хоть и тѣнь, а все душно...

Матильда.

Садитесь, пожалуйста...

Петръ Ивановичъ.

Постоймъ-съ.

Матильда.

Вамъ здѣсь не весело, въ деревнѣ?

Петръ Ивановичъ.

Конечно-съ, вотъ первый разъ, по сосѣдству у васъ.

Матильда.

Прїѣзжайте чаще, мы всѣ любимъ вашего папеньку.

Петръ Ивановичъ.

Я съ большимъ удовольствіемъ, да папенька не очень охотникъ; извѣстное дѣло, человѣкъ стараго покроя-съ; а позволяте спросить: вы здѣсь родственница или мамзелью живете?

Матильда.

Да... я гувернантка...

Петръ Ивановичъ.

При комъ же вы состоите; Лизавета Борисовна, кажется, уже въ совершенныхъ лѣтахъ...

Матильда (*въ сторону*).

И онъ тоже хочетъ намекать (*вслушъ*). Я скоро ѣду... въ Москву...

Петръ Ивановичъ.

Разгулять тоску-съ... хе, хе, хе! Мамзелью, я думаю, тоже не больно весело жить?..

Матильда (*въ сторону*).

Какъ онъ неспособенъ (*вслухъ весело*). Отчего же вы думаете, что мамзелью не весело жить?

Петръ Ивановичъ.

Извѣстно, дѣло подначальное, своей воли не имѣютъ... а всегда занятіе такое: все на счетъ маленькихъ дѣтей...

Матильда.

Видите, какая у меня большая ученица...

Петръ Ивановичъ.

Да не всегда же такъ-съ бываетъ. Вы бы, чай, давно бросили, кабы можно было?

Матильда.

Нѣтъ, я люблю свою обязанность...

Петръ Ивановичъ.

Пристрастіе, стало быть, имѣете...

Матильда (*въ сторону*).

Онъ невыносимъ!..

Петръ Ивановичъ.

А позвольте спросить, какое больше общество вы любите: военное или штатское?

Матильда (*улыбаясь*).

Я думаю всякое общество хорошо, если оно состоитъ изъ порядочныхъ людей...

Петръ Ивановичъ.

А я собственно потому спрашиваю, что барышни вообще склонны больше къ военнымъ-съ? Вы на счетъ этого какъ-съ?

Матильда.

Я на счетъ этого совершенно равнодушна.

Петръ Ивановичъ.

Не можетъ быть-съ; изволите скрывать, не хотите объявить настоящихъ мыслей... (*Голосъ Лизы съ террасы: Матильда Ивановна!*)

Матильда.

Извините, меня зовутъ. (*Въ сторону*) Вотъ уродъ-то.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Петръ Ивановичъ (*одинъ*).

Мамзель... не дурна... такая заботливая... и все на тонкой деликатности... глазенки такъ и прыгаютъ. Оно бы и попридурить можно... вѣдь это народъ безпардонный; онъ ужъ на томъ стоять... хорошо бы, канальство... Сюда почаще... мы, говорить, мамзельку любимъ; а вы полюбите сына, такъ-то, хе, хе, хе.

ЯВЛЕНИЕ XV.

Петръ Ивановичъ и Иванъ Яковлевичъ (*входитъ съ террасы*).

Иванъ Яковлевичъ.

Что ты тутъ, сынокъ, проклажаешься? пора, братъ, домой; всѣ собираются.

Петръ Ивановичъ.

Сейчасъ съ мамзелью разговоры вели... Подпустилъ пѣтушка ей...

Иванъ Яковлевичъ.

Ну, братъ, тутъ намъ съ тобой пожива плохая.

Петръ Ивановичъ.

Напрасно-съ, папенька, мы тоже обойтись умѣемъ.

Иванъ Яковлевичъ.

Да тутъ ужъ, братъ, давно обойдено. На чужой коровой ротъ не разѣвай.

Петръ Ивановичъ.

Вы всегда что нибудь приберете.

Иванъ Яковлевичъ.

Поживешь съ мое, такъ и узнаешь кузкинину мать. Отецъ твой даромъ что мышей топчетъ, а все видитъ, что вокругъ его творится...

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Тѣже; *входятъ*: Скаловъ, Анна Николаевна, Бруснигина, Жабинъ, Матильда.

Скаловъ.

Куда же вы торопитесь, т-те Бруснигина?

Бруснигина.

Пора, Борисъ Петровичъ... вы вѣдь со мной по одной дорожѣ, Валерьянъ Валерьяновичъ.

Жабинъ.

До поворота на большую...

Иванъ Яковлевичъ (*подходя къ Скалову*).

Прощайте, батюшка Борисъ Петровичъ.

Скаловъ.

Прощай, братъ Иванъ Яковличъ (*къ Петру Ивановичу*). Милости прошу почаще, я буду очень радъ васъ видѣть (*подаетъ ему руку*).

Петръ Ивановичъ (*съ чувствомъ уваженія пожимая ее*).

За честь почту! имѣю честь кланяться...

Иванъ Яковлевичъ (*подходя къ рукъ Анны Николаевны*).

Матушка, Анна Николаевна, когда-то придется увидеть васъ.

Анна Николавна.

Я сама какъ нибудь заѣду къ вамъ, Иванъ Яковличъ...

Иванъ Яковлевичъ.

Вотъ бы утѣшили... Ну, пойдемъ, Пятруша... (*Уходятъ*).

Бруснигина.

Насъ провожаютъ m-lle Lise съ Анной Николавной?

Скаловъ.

Да, онѣ поѣдутъ въ тильбюри, до лѣсу...

Жабинъ (*указывая на дверь*).

Оригинальный офицеръ.

Скаловъ.

Для гарнизоннаго еще очень хорошъ.

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Тѣже и Лиза.

Лиза.

Я готова...

Бруснигина.

Поѣдьте. adieu, chère Анна Николавна, Борисъ Петровичъ
à revoir, venez donc me voir, васъ не дожدهшься...

(*Всѣ выходятъ, сцена пуста.*)

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Скаловъ и Матильда (*возвращаются*).

Скаловъ (*садится на диванъ*).

Ты куда, Матильда? сядь-ка... поговоримъ (*Матильда садится подлѣ него*). Ты, кажется, очень взволнована... а? Будь покойна: это больше не повторится (*какъ бы опомнившись*). Послушай, отчего Жабинъ такъ сладко говорилъ съ тобой, строилъ такія кудрявыя фразы... какое ему дѣло до того, жалко ли тебѣ разставаться съ Лизой, или нѣтъ. Вѣдь онъ дѣлалъ намеки... какъ ты думаешь?

Матильда (*живо*).

Разумѣется, намеки... Я такъ покраснѣла, что всѣ должны были замѣтить.

Скаловъ.

И замѣтили... (*съ неудовольствіемъ*). Что ты, дѣвочка, что-ли, маленькая; не имѣть на столько присутствія духа, чтобы скрыть...

Матильда.

Какъ мы не скрывали, а все кончилось тѣмъ, что въ глаза говорить правду... разумѣется, мнѣ потомъ досадно было, что я не нашлась; но право, Борисъ, такъ трудно не измѣнить се-

бѣ... да я никакъ и не ожидала такого явнаго намека (*зруст-но*). Ты не повѣришь, какъ мнѣ тяжело бываетъ иногда... Вѣдь три года живу я такъ... только какъ остаемся вдвоемъ, — отдохнешь немного, а то всю душу вытянешь отъ постоянной мас-кировки, отъ натянутыхъ отношеній съ твоей женой, съ Лизой... со всѣмъ свѣтомъ...

Скаловъ (*почти не слушая ее*).

Очень непріятно! Коли Жабинъ позволилъ себѣ, такъ послѣ того всѣ будутъ тыкать прямо въ глаза...

Матильда.

А ты боишься этого?

Скаловъ (*обращаясь къ ней довольно нѣжно*).

Я ничего не боюсь, Матильда.. Но я не хочу, чтобъ всякій смѣлъ нахально задѣвать тебя и нашу любовь, потому только, что она незаконная (*привлекаетъ ее къ себѣ*). Я давно напле-валъ бы на все это; но долженъ щадить себя... Потому семей-ство! Куда дѣвать его... бросить? готовъ сейчасъ, да вѣдь ихъ насильно не выгонишь... и выходитъ, что нужно какъ нибудь изворачиваться.... (*воодушевляется*). Но эта выходка Жабина показываетъ, что мы можемъ услышать еще много подобнаго; надо взять мѣры.

Матильда.

Зачѣмъ ты безпокоишься, Борисъ... Я не могу долѣе оста-ваться въ твоёмъ домѣ... Чтожъ я буду такое? компаньонка твоей жены?... воспитаніе Лизы кончено... ты слышалъ, что Жабинъ говорилъ: столько маленькихъ дѣтей ждутъ моихъ по-печеній...

Скаловъ (*обнимаетъ и цѣлуетъ ее съ чувствомъ*).

Полно! Ну развѣ ты способна оставить меня, жить безъ меня?

Матильда.

Ахъ, Борисъ... Я готова на все, чтобы быть съ тобою вмѣ-стѣ; но я не знаю, что мнѣ дѣлать?.. (*кладетъ голову на его грудь въ сильномъ волненіи*). Ты знаешь... я опять въ такомъ положеніи... (*закрываетъ лицо руками*). Куда я убѣгу? какъ я возвращусь опять сюда... (*плачетъ*). Научи меня... ради Бога, научи меня.

Скаловъ (*продолжаетъ ее ласкать*).

Скажи мнѣ, на все ты способна, чтобы только жить со мною?..

Матильда.

На все, на все...

Скаловъ (*тихо и вкрадчиво*).

Душа моя.. ты знаешь, я люблю только тебя... но для то-го, чтобы мы остались здѣсь, нужна уступка обстоятельствамъ... Я не могу еще прямо указать тебѣ на средство, которое помо-

летъ намъ въ этомъ; но если я найду его, ты согласишься на маленькую жертву, чтобъ жить подлѣ меня?

МАТИЛЬДА.

Это невозможно!

СКАЛОВЪ (*продолжая въ томъ же тонѣ*).

Возможно, Матильда... (*останавливается, какъ будто при-
думываетъ*). Еслибъ нужно было тебѣ выйти, напимѣрь, за-
мужъ... ты согласилась бы?

МАТИЛЬДА (*съ силою отшатнувшись*).

Замужъ?.. какъ замужъ!

СКАЛОВЪ.

Ты способна на такую жертву?

МАТИЛЬДА.

Но я тебя не понимаю, Борисъ: если я выйду замужъ... на-
ши отношенія отъ этого не выиграютъ.

СКАЛОВЪ (*увлекательно*).

Скажи мнѣ только: да, я согласна выйти, и я ужъ сдѣлаю
такъ, что мы никогда не разстанемся... Я куплю тебѣ мужа;
ты будешь свободна; станешь прямо смотрѣть всякому въ гла-
за. Это единственное средство... Матильда, если ты любишь
меня, ты не можешь колебаться (*цѣлуетъ ее*). Ты уже сказа-
ла, что способна на все; скажи же мнѣ: да, я выйду замужъ,
когда ты пожелаешь...

МАТИЛЬДА.

Дѣлай со мной, что хочешь....

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Дѣйствующие лица:

БОРИСЪ ПЕТРОВИЧЪ СКАЛОВЪ.	МАТИЛЬДА ИВАНОВНА.
АННА НИКОЛАЕВНА.	ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ПУЗОВОКЪ.
ЕЛЗАВЕТА БОРИСОВНА.	МАТРЕНА. горничная.

Дѣйствіе—въ деревнѣ Скалова.

Часть густаго сада; съ лѣва виденъ домъ и терраса, на право
гротъ и въ гротѣ скамейка; въ срединѣ бесѣдка изъ липъ съ выхо-
домъ въ аллею. Въ домѣ огни; лунный вечеръ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

СКАЛОВЪ и ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ, *сходятъ съ террасы;
изъ оконъ слышится пѣніе.*

СКАЛОВЪ.

Каковъ голосокъ-то, а? что скажете?..

Петръ Ивановичъ.

Восхитительно-съ... просто, такъ за душу и беретъ.
Скаловъ.

А вы не поете?

Петръ Ивановичъ.

Большое пристрастіе имѣю-съ, да голосъ у меня не первый сортъ... ну опять по нотамъ не могу съ... а такъ, что схватишь по слуху... съ гитарой наигрываешь... Вотъ недавно въ Лебедяни у цыганъ подслушалъ романсъ... ловко поють.

(Начинаетъ напѣвать.)

Полюби ты меня,

Не скажу я про то...

Я этакого голоса отродясь не слыхивалъ, какъ у Матильды Ивановны...

Скаловъ.

Да такой голосокъ — капиталъ въ горлѣ...

(Слышится романсъ):

«Не отходи отъ меня,

Другъ мой, останься со мной...»

Петръ Ивановичъ (прислушиваясь).

Другое начали...

Скаловъ.

Слышите слова? (съ улыбкой.) Кому это она поетъ?

Петръ Ивановичъ.

Не знаю-съ... такія ужъ слова...

Скаловъ.

Вѣдь это она вамъ поетъ, зачѣмъ ушли въ садъ...

Петръ Ивановичъ (самодовольно).

Помилуйте-съ, это просто романсъ такой...

Скаловъ.

Знаю, что романсъ, да почемужъ Матильда Ивановна его-то именно и выбрала...

Петръ Ивановичъ.

Не знаю-съ...

Скаловъ.

Ужъ будто и не знаете. А самъ, я думаю, радъ радешенекъ... Что скрывать: сердечушко-то сильно бьется; Матильда Ивановна задѣла за живое?..

Петръ Ивановичъ.

Такая ужъ дѣвица, что всякаго въ чувство приведетъ-съ... Я тоже могу понимать ихъ пріятность...

Скаловъ.

Да вы посмѣлѣй бы дѣйствовали; видите, вѣдь она къ вамъ не равнодушна.

Петръ Ивановичъ (самодовольно).

Помилуйте-съ...

СКАЛОВЪ.

Да чего тутъ, ужъ если я вамъ говорю, такъ стало быть такъ... замѣчайте, какъ она на васъ смотритъ...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Конечно-съ, оно трудно увидать склонность въ дѣвицѣ...

СКАЛОВЪ.

Вы съ ней наединѣ не оставались; не заводили рѣчь... объ чувствахъ...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Конечно-съ... былъ тоже разговоръ...

СКАЛОВЪ.

Ну, что-жъ она?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Разумѣется... сразу ни одна барышня не покажетъ.

СКАЛОВЪ.

Однако, все таки видите, что вы ей нравитесь...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*крутитъ усъ*).

Кажется, не противень-съ...

СКАЛОВЪ.

Что-же вы плошаете?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*улымаясь*).

Нужно тоже съ подходцемъ (*значительно*). Это дѣло такое-съ...

СКАЛОВЪ (*перемѣняя тонъ*).

Да Матильда Ивановна на такое дѣло никогда не пойдетъ.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*струсилъ*).

Извѣстно-съ... дѣвица... съ достоинствомъ; нельзя и смѣть-съ; а не въ томъ смыслѣ говорю-съ.

СКАЛОВЪ (*мяко*).

А если вамъ дѣйствительно нравится Матильда Ивановна... и вы желали бы узнать ея мнѣнiе о себѣ, съ честными намѣренiями... что-жъ тутъ пѣтъ ничего предосудительнаго... попробуйте, поговорите съ ней.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да-съ... трудно знать, какое мнѣнiе будетъ... чужая душа потешки-съ.

СКАЛОВЪ.

Да ужъ это другой вопросъ; а вы мнѣ скажите прямо: вѣдь вы не прочь бы жениться на Матильдѣ Ивановнѣ? (*беретъ его за руку*). Видите, я принимаю участiе въ вашей судьбѣ. Вашъ отецъ долго служилъ мнѣ, и хорошо служилъ. Очень радъ былъ-бы устроить вашу судьбу и помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ... я вполне понимаю: Матильда Ивановна такая дѣвушка, которая всакому понравится; это дѣлаетъ вамъ честь, что вы оцѣнили ея достоинства... Начинайте дѣйствовать, сдѣлайте ей предложенiе, я вамъ отвѣчаю, что вы будете имѣть успѣхъ...

Петръ Ивановичъ (*съ жаромъ*).

Много благодаренъ-съ, Борисъ Петровичъ... я съ своей стороны радъ душой-съ: потому... имѣю влеченіе къ Матильдѣ Ивановнѣ. Она—дѣвица съ достоинствомъ и все у нихъ есть, что только желать можно... я хоть сейчасъ готовъ законнымъ бракомъ... да вѣдь знаете... это дѣло такое... его вокругъ кольца не обведешь-съ... надо, чтобъ было что нибудь за собой-съ... достатокъ какой нибудь... Я, какъ вамъ извѣстно... службой существованіе имѣю... Въ гарнизонѣ, по милости папеньки-съ, ну жалованье какое-же, самое бездѣльное... теперь тоже... если такъ взять и Матильду Ивановну, за ними интересу большаго быть не можетъ; мамзелью живутъ, слѣдственно бѣдность заставляетъ...

Скаловъ.

Разумѣется, съ тѣми средствами къ жизни, какія вы теперь имѣете, вамъ нечего и думать о женитьбѣ; но можно будетъ измѣнить ваше положеніе къ лучшему.

Петръ Ивановичъ.

Я, Борисъ Петровичъ, былъ бы въ полномъ благоденствіи... такая дѣвица, какъ Матильда Ивановна... одинъ видъ-то какой... и умомъ и учестью... всѣмъ взяла... да вѣдь отъ кого же ожидать помощи... въ армію перейти, линія конечно другая пойдетъ; а все женатому человѣку въ прапорщичьемъ чинѣ, никакъ невозможно-съ...

Скаловъ (*перебывая его*).

Вотъ видите, мой милый: я сдѣлаю для васъ двѣ вещи: дамъ вамъ средства жениться на Матильдѣ Ивановнѣ и навсегда обезпечу вашу будущность.

Петръ Ивановичъ (*сіаетъ*).

Это слишкомъ-съ; если милость ваша будетъ хоть на счетъ мѣстечка или какого вспомошествованія...

Скаловъ.

Я слово свое держу: но для этого нужно поговорить обстоятельно. Вѣдь вамъ, мой милый, я думаю служба ваша успѣла ужъ падоѣсть?..

Петръ Ивановичъ.

Конечно-съ, преферансу никакого... вотъ еслибъ въ полку...

Скаловъ.

Да и въ полку тоже самое. Вы человѣкъ бѣдный, кромѣ жалованья ничего не имѣете; лѣтъ вы ужъ порядочныхъ; въ 60 лѣтъ до маіора не дотянете. Нынче, знаете кто ходъ-то имѣетъ? Кому полки даютъ? Изъ гвардіи, изъ флигель-адъютантовъ; людами, получившимъ образованіе; прошло времечко, когда фрунтовики добивались чиновъ и денегъ...

Петръ Ивановичъ.

Да оно точно-съ, ужъ теперь все гимнастика да фехтованіе...

Скаловъ.

Вы вѣдь не изъ корпуса?

Петръ Ивановичъ.

Въ карабинерномъ былъ-съ, изъ кантонистовъ...

Скаловъ.

Ну вотъ видите; вамъ уже ходу не имѣть никогда... вы вѣдь это сами должны понимать, мой милый...

Петръ Ивановичъ.

Извѣстное дѣло... жизнь не красная... все биться будешь... въ ничтожество...

Скаловъ.

Стало быть, оставить военную службу — не будетъ для васъ никакой потери...

Петръ Ивановичъ.

Да-съ; но вѣдь куда же дѣться? моя такая дорога: больше мнѣ и ходу нѣтъ.

Скаловъ.

Конечно не куда, но я къ тому это говорю, что еслибъ Матильда Ивановна пошла за васъ, то вамъ въ военной службѣ оставаться нельзя... Мы бы вамъ нашли тогда другое занятіе, другой родъ жизни...

Петръ Ивановичъ.

Я на все готовъ-съ.

Скаловъ (*значительно*).

Вы знаете, мой любезный, что я богатъ. У меня большое имѣніе; имъ управлялъ когда-то вашъ отецъ... Онъ сталъ старъ и отказался отъ своей должности... Теперь, я готовъ былъ-бы поручить его вамъ; какъ вы объ этомъ думаете?

Петръ Ивановичъ.

Да-съ... это мѣсто конечно хорошо.

Скаловъ.

Вашему отцу я платилъ полторы тысячи ассигнаціями, вамъ я буду платить вдвое; но это только на первый разъ; когда вы поприглядитесь къ хозяйству, вы можете сами завести маленькую запашку; я уступлю вамъ съ удовольствіемъ нѣскольکو десятинъ земли... кромѣ того вы знаете, что Матильда Ивановна такъ расположена къ нашему семейству и мы такъ ее любимъ, что остаться здѣсь — для нея большое счастье. Видите-ли, мой любезный: я даю вамъ средство жениться на прекрасной дѣвушкѣ и улучшить судьбу свою.

Петръ Ивановичъ (*тиетъ*).

Я, Борисъ Петровичъ... много доволенъ... для меня достаточно...

Скаловъ.

Но это еще не все; за Матильдой Ивановной вы получите капиталъ, въ двадцать тысячъ.

Петръ Ивановичъ *(не удержившись.)*

Серебромъ-съ?

Скаловъ *(съ улыбкой).*

Ужъ конечно не ассигнаціями... вы обезпечены на всю вашу жизнь...

Петръ Ивановичъ *(внѣ себя).*

Борисъ Петровичъ... я не знаю какъ выразить-съ...

Скаловъ.

Вотъ, мой милый то, что я для васъ сдѣлаю. Теперь дѣйствуйте; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; поговорите съ Матильдой Ивановной и, получивши ея согласіе, выйдите въ отставку; обвѣнчайтесь и поселитесь у меня.... Будете поживать да дѣтей наживать.

Петръ Ивановичъ.

Не знаю какъ Матильда Ивановна-съ?..

Скаловъ.

Ужъ это ваше дѣло, да не бойтесь, если я вамъ говорю...

Петръ Ивановичъ.

На счетъ службы-съ, я готовъ съ полнымъ удовольствіемъ сейчасъ бросить; но папенька... не знаю согласится-ли; чело-вѣкъ старый—его не вдругъ урезонишь.

Скаловъ.

Ну, объ этомъ не беспокойтесь, мой милый, я беру на себя переговорить съ нимъ. Онъ долженъ радоваться тому, что вы дѣлаете такую прекрасную партію.

Петръ Ивановичъ.

Ужъ вы, пожалуйста-съ. Онъ характерный... хошь и не можетъ очень-то противъ меня; а все лучше, коли обойдется благополучно.

Скаловъ.

Хорошо, хорошо, *(смотря на дождь)* пѣніе кончилось... *(въ сторону)* Что она пойдетъ *(Петру Ивановичу)*. Вамъ, можетъ быть, неловко объясниться съ Матильдой Ивановной въ комнатахъ; а здѣсь въ саду лучше?

Петръ Ивановичъ *(ухмыляясь).*

Въ саду будетъ... повольготнѣе-съ...

Скаловъ.

Подождите... Матильда Ивановна выйдетъ гулять .. не теряйте времени... знаете: женское сердце переменчиво... желаю вамъ успѣха, мой милый.

(Уходитъ)

ЯВЛЕНИЕ II.

Петръ Ивановичъ (*одинъ*).

Петръ Ивановичъ (*по уходѣ Скалова стоитъ нѣкоторое время задумавшись, потомъ начинаетъ ходить скорыми шагами.*)

Вотъ оно что... какой оборотъ; выходить, я подиѣлю кушъ въ двадцать тысячъ... деньги большія... да и барышня, даромъ что мамзель, а ужъ деликатесъ, что такъ слюнки текутъ, какъ посмотришь на телѣса... Мѣсто тоже съ первоначалу идетъ... три тысячи рублей; ну а тамъ, коли что не тово, такъ мы махнемъ и почище куда... Вотъ только батька... заартачится... ужъ я знаю; не терпитъ Бориса Петровича, закричитъ: ты въ управители хочешь закабалить себя; тебя, дурака, ловятъ на уду; онъ ужъ и то меня допрашивалъ, какъ и что, и почему часто бываешь здѣсь. Ну да Борисъ Петровичъ уломаетъ; не свой братъ; хотъ и не терпитъ; а все супротивъ его не больно пойдеть... А ну, какъ не позволить? А чтожъ... мы не вольны развѣ въ своихъ дѣлахъ? Взялъ да безъ позволенія женился... (*осматривается*). А се все пѣтъ... хотъ бы выщда поскорѣй; такъ все и выложу ей; не даромъ Борисъ Петровичъ увѣряетъ; Матильда Ивановна я, молъ, такъ и такъ люблю — пылаю. Обнадеженъ значить; такъ миѣ чтожъ сумнѣваться. Выйди она только, такъ я прямо пойду въ атаку... (*Матильда Иванковна показывается на террасъ; Петръ Ивановичъ смолкаетъ и оправляется*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Матильда Ивановна и Петръ Ивановичъ.

Матильда Ивановна (*сходитъ съ террасы*).

Ахъ вы тутъ Петръ Ивановичъ, одни гуляете?

Петръ Ивановичъ.

Гуляю-съ; слушалъ ваше пѣніе... совершенство-съ (*съ самодовольствіемъ*) особенно романсъ послѣдній...

Матильда Ивановна.

Очень пріятно, что онъ вамъ поправился (*въ сторону, съ юрькой усмѣшкой*). Онъ принимаетъ его на свой счетъ...

Петръ Ивановичъ (*пережидаясь*).

Какая ночь!.. прелесть...

Матильда Ивановна.

Прекрасная ночь (*въ сторону*). Тамъ смотрятъ на насъ въ окошко... я должна поскорѣй кончить сцену... это пытка...

Петръ Ивановичъ.

Я, Матильда Ивановна, имѣлъ желаніе изъясниться объ одномъ очень важномъ предметѣ... *(пауза)*.

Матильда Ивановна *(въ сторону)*.

Онъ какъ нарочно тянетъ... невыносимо... *(вслухъ)* я васъ слушаю.

Петръ Ивановичъ.

Не знаю, какъ будетъ ваше на то желаніе... потому вещь такого сорта...

Матильда Ивановна.

Какого бы она ни была сорта, говорите.

Петръ Ивановичъ.

Я, Матильда Ивановна... *(помолчавъ)*. Вамъ, можетъ быть, говорили что нибудь Борисъ Петровичъ?

Матильда Ивановна.

Нѣтъ, ничего не говорилъ *(въ сторону)*. Этого еще не доставало... онъ торговалъ меня.

Петръ Ивановичъ.

Вы вѣрно замѣтили, Матильда Ивановна, что я имѣю къ вамъ склонность... Вы такая дѣвица... съ такимъ достоинствомъ; *(одушевляясь)* я къ вамъ всей душой-съ, подлинно скажу, такую горячность имѣю, что не могу вамъ не изъясниться... рѣшите, какъ мнѣ: жить или умереть *(становится въ комическую позу)*.

Матильда Ивановна *(въ сторону)*.

Боже, какъ онъ смѣшонъ, неужели онъ любить? *(вслухъ)*. Скажите мнѣ попросе, Петръ Ивановичъ.

Петръ Ивановичъ.

Не могу-съ, Матильда Ивановна, не могу-съ... удержаться... забрало за живое... любите меня или нѣтъ?

Матильда Ивановна *(въ сторону)*.

Люблю ли я его? *(вслухъ, строю)*. Зачѣмъ хотите вы это знать?...

Петръ Ивановичъ.

Коли любите... я буду просить васъ осчастливить... вступить со мной въ законный бракъ...

Матильда Ивановна *(стоитъ нѣсколько секундъ молча)*.

Идти за васъ замужъ? *(скороговоркой)*. Видите-ли, Петръ Ивановичъ, я согласна была бы отдать вамъ руку; но вы-то сообразили ли... можете-ли быть счастливы со мной?

Петръ Ивановичъ.

Если вы на счетъ службы, такъ не извольте беспокоиться... я готовъ переимѣнить-съ, и мы ужъ съ Борисъ Петровичемъ...

Матильда Ивановна.

Что съ Борисъ Петровичемъ? (*въ сторону*). Они ужъ сторговались (*вслухъ*). Зачѣмъ вы упоминали о Борисъ Петровичѣ?

Петръ Ивановичъ (*смѣшавшись*).

Я собственно къ тому, что за мной препятствія не будетъ... какъ они предлагали мнѣ, такъ я на все согласенъ.

Матильда Ивановна (*въ волненіи*).

А что онъ вамъ предлагалъ?

Петръ Ивановичъ.

Мѣсто-съ управителя, говорили, что и вамъ оно пріятнѣе будетъ-съ.

Матильда Ивановна.

Да, пріятнѣе, пріятнѣе. Что еще онъ вамъ обѣщалъ, говорите?

Петръ Ивановичъ (*чуть слышно*).

Двадцать тысячъ-съ...

Матильда Ивановна (*въ сторону*).

Какъ за вещь! (*вслухъ*) Петръ Ивановичъ, вы дешево продали себя... но вы довольны? скажите; вы довольны?

Петръ Ивановичъ.

Я, конечно-съ, много благодаренъ.

Матильда Ивановна.

И прекрасно... я согласна, я выхожу за васъ. (*чуть-чуть удерживаясь отъ слезъ*) Вы довольны?

Петръ Ивановичъ.

Помилюте-съ, Матильда Ивановна... я блаженствую, позволюте руку-съ, въ знакъ согласія (*подходитъ къ ней*).

Матильда Ивановна.

Петръ Ивановичъ! (*въ сторону*) я не могу, это выше силъ моихъ (*вслухъ, почти съ рыданіемъ*) Петръ Ивановичъ, завтра; уходите, уйдите, ради Бога... (*отходитъ въ сторону и рыдаетъ*).

Петръ Ивановичъ (*стоитъ въ недоумѣніи, въ сторону*).

Что за притча, отъ чувствъ должно быть (*вслухъ*). Прощайте, Матильда Ивановна, я завтра-съ. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Матильда Ивановна (*входитъ въ протъ и на-
баетъ на скамейку*).

(*Сцена пуста*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Складовъ (*выходитъ изъ липовой бесѣдки*).

Никого, куда она ушла... объясненіе вѣрно кончилось... Кажется, немудрено было согласиться... (*увидавъ Петра Ивановича*).

ча, сходящаго съ террасы). Ахъ, это вы, мой милый... я васьищу...

Петръ Ивановичъ (*сойдя*).

Ходилъ прощаться въ домъ... да никого нѣтъ-съ въ гостиной.
Скаловъ.

Ну что-жъ, было дѣло?

Петръ Ивановичъ.

Было-съ.

(*Матильда Ивановна въ тропѣ прислушивается*).

Скаловъ.

Чѣмъ же кончилось?

Петръ Ивановичъ (*съ улыбкой*).

Благополучно-съ.

Скаловъ.

Дала согласіе?

Петръ Ивановичъ.

Какъ же-съ... препятствія не оказалось никакого.

Матильда Ивановна (*въ тропѣ*).

Онъ имѣетъ духъ распрашивать...

Скаловъ.

Однако она спросила объ вашихъ средствахъ?..

Петръ Ивановичъ.

Я изъяснилъ. Что вы такъ милостивы... на счетъ мѣста и капитала-съ...

Скаловъ.

Вы ей это сказали? Чтожъ она?

Петръ Ивановичъ.

Въ большое чувство вошли... прослезилась... уйдите, говорить, Петръ Ивановичъ, я въ сильномъ волненіи; завтра, говорить, пріѣзжайте... я былъ тронутъ съ.

Матильда Ивановна.

Боже! что за униженіе!

Скаловъ.

Ну и прекрасно, пріѣзжайте завтра, мы переговоримъ, что дѣлать.

Петръ Ивановичъ.

А ужъ на счетъ тятеньки... я буду благонадеженъ.

Скаловъ.

Что я сказалъ, то я исполняю, мой милый; послѣ завтра буду самъ у вашего батюшки; прощайте...

Петръ Ивановичъ.

Не нахожу словъ-съ... (*изгибаясь*) Имѣю честь кланяться, Борисъ Петровичъ.

Скаловъ.

До свиданія, мой милый.

(*Петръ Ивановичъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Скаловъ и Матильда Ивановна.

Матильда Ивановна (*выскакивая изъ грота*).
 Это ужасно, Борисъ, это ужасно!

Скаловъ (*быстро оборачиваясь*).
 Ты была тутъ, Матильда!

Матильда Ивановна.

Да, я была тутъ и слышала, какъ ты торговалъ меня... покупщику...

Скаловъ.

Какому покупщику?

Матильда Ивановна.

Какъ какому? моему жениху—Петру Иванычу... ты не пощадишь меня; ты предложишь ему цѣну!.

Скаловъ.

О чемъ же тутъ толковать... вѣдь ты знала, какъ я буду дѣйствовать.

Матильда Ивановна.

Я дала согласіе... но я чувствую, что не могу его выполнить... это свыше силъ моихъ.

Скаловъ.

Теперь нельзя идти назадъ.

Матильда Ивановна.

Я всѣмъ тебѣ пожертвовала; но это такое униженіе, какого я никогда не испытала... (*становится на колѣни*) Борисъ, я люблю во всемъ свѣтѣ только тебя, я не имѣю силъ противиться, но умоляю тебя... пощади... Твоя Матильда погибаетъ... вѣдь ты купилъ теперь ея ласки, ея любовь (*плачетъ*).

Скаловъ.

Какой ты ребенокъ, Матильда... взволновалась Богъ знаетъ чѣмъ... Дѣло рѣшено и иначе быть не можетъ; это тебѣ прекрасно извѣстно. Встань, встань (*поднимаетъ ее*). Ты мнѣ приносишь вовсе не большую жертву... меньше ея нельзя и выбрать, идешь за человѣка, который продалъ себя; слѣдовательно, ты ничѣмъ не обязываешься... ты свободна...

Матильда Ивановна (*стоитъ съ опущенной головой*).

Да, я свободна... я свободна, Борисъ... (*бросаясь къ нему*). Я все потеряла, и свободу и честь, и скоро потеряю любовь твою...

Скаловъ (*беретъ ее подъ руку*).

Полно, полно, расплакалась... здѣсь не мѣсто... пойдемъ... (*уводитъ ее въ аллею*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Матреша (*показываясь изъ за куста*).

Ушли... вотъ каторга: сидѣть, духу не перевести да слушать какъ они между собой проклаждаются... И такъ-то каждый день... Что-это у насъ за барыня?. вотъ ужъ подлинно жалостно достойно... Вѣдь пуще убиваетъ себя этимъ, двадцать лѣтъ то же живутъ; знаетъ ужъ его, каковъ онъ соколъ; до сихъ поръ ревнуетъ да и баста... Третій годъ онъ живетъ съ мамзелью а барыня все изводится, ночей не спитъ; каждый день подымаетъ насъ: подсмотрѣть, разслушать; да потомъ и почнетъ спрашивать; а сама послѣ горькими слезами заливается. Прово, тошно смотрѣть; такъ бы вотъ убѣжала отъ всѣхъ этихъ офронтовъ... Пойти, чай дожидается, рассказать? А что рассказывать я сама не понимаю, что здѣсь толковать (*увидя Скалову, сходящую съ террасы*) А да вотъ и она сама...

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Скалова (*въ полубоюса*).

Матреша, ну что?

Матреша.

Да я, матушка барыня хорошенько въ толкъ не возьму-съ.

Скалова.

О чемъ говорили?

Матреша.

Спервоначалу, баринъ сошелъ съ Петромъ Иванычемъ и рѣвели объ ней; это-то я слышала; ну а что доподлинно говорили, не могу знать; далеко была, не разобрала...

-Скалова.

А потомъ?

Матреша.

Тутъ баринъ ушли въ комнаты; должно быть, ее позвать: она и вышла и начали они съ фидеромъ говорить... онъ-то къ ней подступалъ, все подступалъ, видно, на счетъ сватовства-то; она стоитъ, опустила голову... отвѣчать-отвѣчаетъ; а настоящаго не говоритъ... да вдругъ какъ кинется къ нему, замахала руками да въ слезы; а онъ постоялъ да и ушелъ... Она въ гротѣ на скамейку, тамъ плачетъ... а потомъ и баринъ пришелъ...

Скалова.

Они въ гротѣ сидѣли?..

Матреша.

Нѣтъ-съ, баринъ-то еще что-то съ фидеромъ переговоры простился и сказалъ—завтра приѣзжайте. Тутъ она изъ грота и выскочила и начала съ нимъ... плачетъ, заливается

тамъ на колѣнки, ползаетъ... Опъ ее поднялъ и долго говорилъ; а она, какъ шальная, стоитъ, такъ потерянная совѣмъ... Баринъ взялъ да и увелъ ее въ аллею съ...

Скалова.

Ты должна же все-таки слышать что нибудь...

Матреша.

Порѣшить, они на чемъ нибудь порѣшили; потому и фицеръ кланялся барину, да и она-то ужъ сильно убивалась; должно быть, не больно по волю идетъ... ну, да Богъ съ ней... вамъ-то, матушка барыня, сухоты не будетъ-съ...

Скалова (*стоитъ задумавшись; въ сторону*).

Знаю я, что это какая нибудь ужасная западня...

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣже и Скаловъ (*показывается изъ аллеи*).

Матреша.

Матушка, барыня... баринъ идутъ-съ (*отходитъ въ сторону*).

Скаловъ (*подходя*).

Ты здѣсь гуляешь, Annette... (*увидя Матрешу*) а ты зачѣмъ?

Матреша.

Я... такъ-съ.

Скаловъ.

Ступай (*Матреша уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ X.

Скаловъ и Скалова.

Скаловъ.

Что это такое, Анна Николавна! Постыдитесь, опять старое: лазутчики, шпионы!..

Скалова.

Борисъ Петровичъ, выслушайте меня...

Скаловъ.

Перестаньте, мнѣ васъ нечего слушать; подсылать подслушивать дѣвокъ! Развѣ вы заслуживаете какого нибудь уваженія?... и это длится двадцать лѣтъ... двадцать лѣтъ бѣснуетесь вы и дѣлаете мнѣ жизнь отвратительной...

Скалова.

Я?... я отравила вашу жизнь? Чѣмъ же? Не тѣмъ ли, что я молчала и терпѣла...

Скаловъ.

Вы молчали? нѣтъ, вы не молчали: а постоянно выводили меня изъ терпѣнья... Наконецъ, вы считаете это подслушиваніе и подсматриваніе ни за что? Вы думаете, мнѣ это такъ пріятно, что я опять приду въ ваши объятія. Вы дѣйствовали противъ себя, раздражали меня, сдѣлались мнѣ гадки... Чего-жъ вы отъ меня

хотите?... Я васъ не люблю, давно не люблю... воротить прежняго времени нельзя, а вы бѣснуетесь... Вѣдь согласитесь, что я дѣлалъ для васъ все, что могъ! но вы знаете, что я люблю Матильду; безъ нея я не соглашусь остаться ни минуты здѣсь... Вы приставали ко мнѣ, что ей нельзя больше быть при Лизѣ... вы дѣлали ей сцены. Прекрасно, я общалъ вамъ, что я сдѣлаю благовиднымъ то, что можетъ шокировать постороннихъ... и я это выполняю...

Скалова.

Развѣ это можно сдѣлать иначе, какъ удаливъ ее?

Скаловъ.

Вы спрашиваете? Вы должны знать, какимъ образомъ! у васъ вѣдь вездѣ лазутчики; они вѣрно пересказали вамъ все, что я только говорилъ и думалъ.

Скалова.

Я ничего не знаю...

Скаловъ.

Заведите шпионовъ лучше... я вамъ скажу только одно... я не буду васъ компрометировать... все будетъ прилично; но какъ! въ этомъ я не намѣренъ отдавать вамъ отчета...

Скалова.

Позвольте, Борисъ Петровичъ... Я молчала; но дайте и мнѣ сказать слово. Да, я безумно ревную, я унижаю себя тѣмъ, что до сихъ поръ люблю васъ; но вы презираете меня такъ, какъ нельзя презирать женщину... Какихъ оскорбленій не вынесла я? Мало того, что вы унижали во мнѣ мать, женщину... за себя я все вамъ простила, но, Борисъ Петровичъ, у васъ есть дочь... пощадите хоть сколько нибудь ее, вѣдь она будетъ принимать то, что вокругъ нея дѣлается (*съ силой*). Я незнаю вашихъ замысловъ; но если Матильда останется здѣсь, я возьму дочь... я не оставляю ее въ такой ужасной жизни... я убѣгу!..

Скаловъ.

Куда! Ну, куда вы убѣжите?... это все вздоръ, сцены, криканы! Матильда будетъ замужемъ!... Довольно вамъ этого? Больше я не въ состояніи уступить. Я не дамъ вамъ дочери, я не хочу компрометировать себя изъ-за вашихъ пустыхъ волненій!... Но объявляю вамъ, что отнынь я не желаю никакихъ сценъ и моленій. Довольно. Это мнѣ надобно... И если вы не бросите вашего безумія, подслушиваній, шпионства, я приму другую манеру... Поймите, что этимъ вы скандализуете себя... Вы боитесь за дочь? Да развѣ это не вѣрное средство, чтобъ она все знала, чтобъ она потеряла всякое уваженіе къ намъ обоимъ... Безумная женщина! Вы сами казните себя, вашимъ сумасбродствомъ! Но помните, что, при первой выходкѣ, я покажу вамъ, какъ я умѣю обращаться съ женщиной, которая не заслуживаетъ снисхожденія!... (*уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дѣйствующія лица :

БОРИСЪ ПЕТРОВИЧЪ СКАЛОВЪ.

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ	}	ПУЗОВОКЪ.
ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ		
АРИНА ЛУКИНИШНА		
МАХОРКА ДѢВКА		

(Дѣйствіе въ домѣ Пузовка).

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*сидитъ на диванѣ*) АРИНА ЛУКИНИШНА (*стоитъ передъ нимъ*).

Арина Лукинишна.

Да, Пятрушенька... такое ты дѣло задумалъ, важное... я ужъ и не смогу какъ тебѣ сказать...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да тутъ, маменька, и толковать нечего... первый сортъ... какъ не оберни.

Арина Лукинишна.

Вотъ видишь, Пятрушенька, про нее слухъ такой песется... я сама тамъ жила восемь лѣтъ... шуры муры, говорятъ, были... съ баринномъ-то...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Кто это видѣлъ-съ, маменька? сплетки—бабьи пересуды одни, уличить никто не уличилъ; такъ наплевать на все это.

Арина Лукинишна.

Оно и то сказать; мало ли кто Богу не грѣшенъ... опять, значить, въ законъ вступить хочеть.. да и кто ихъ знаетъ, какъ у нихъ было: люди-то осудать, да Богъ не осудить.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ.

На всякій чихъ не наздравствуешься... Миѣ не терять же изъ за этого невѣсты-съ...

Арина Лукинишна.

Я къ тому и говорю, Пятрушенька, что уже коли ты своимъ умомъ дѣйствуешь и оба вы склонность имѣете, такъ, значить, на то воля Божія... я, голубчикъ, рада радешенька, что Господь такой таланъ посылаетъ.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*самодовольно*).

Да, ужъ могу сказать, что подцѣпилъ... дѣвица такая, что ному во снѣ не приснится. Повѣрите-ли, маменька, какъ запоетъ, поджилки затрясутся... и все по иностранному, не то что

одни русскіе романсы... на разныхъ языкахъ... ну да и кушкѣ порядочный!...

Арина Лукинишна.

Деньги большія, Пятрушенька, большія деньги... хоть бы и не за мамзелью... Борисъ Пятровичъ баринъ добрый, старается, значить, устроить васъ, чтобъ вы его добрымъ словомъ поминали... только вотъ что, Пятрушенька, женишься ты на такой мамзели, на ученой-то; она насъ знать и не захочетъ, пожалуй: скажетъ, что, у тебя мать-то? мужичка неотесанная, я, дескать, уважать ей не стану....! Ужъ тутъ куда мнѣ горько будетъ, Пятрушенька...

Петръ Ивановичъ (*ломается*).

Зачѣмъ же, маменька; она тоже увидитъ, чай, что вы мнѣ мать. А конечно, на счетъ образованія... вы къ ней не подойдете; ей держать себя надо повыше, потому она совсѣмъ другаго разбору... Ужъ этимъ обижаться нечего...

Арина Лукинишна.

Извѣстное дѣло, Пятрушенька, мнѣ куда старухѣ неразумной тянуться за вами... мнѣ бы только на тебя-то смотрѣть было вольготно; твоя жепушка меня не выгоняла бы вонъ, какъ я приду полюбоваться на васъ... Вотъ теперь, если устроишься управителемъ по близости; ужъ такъ—то хорошо будетъ; кажный день провѣдаю тебя, голубчика...

Петръ Ивановичъ (*холодно*).

Мѣсто недурно-съ...ну да я вѣдь это на первый разъ только; потому удовольствіе надо сдѣлать... Борисъ Пятровичу; а тамъ мы съ деньжонками и въ полкъ хватимъ; оно почище будетъ. .

Арина Лукинишна.

Лучше бы здѣсь, Пятрушенька... отъ добра добро не ищутъ.

Петръ Ивановичъ (*съ гримасой*).

Ну, мы это сами увидимъ-съ, послѣ... А вы вотъ скажите, что батяй-то толкуетъ, не ожидаетъ чай, какъ къ нему нагрѣнуть сегодня?

Арина Лукинишна.

Ты, Пятруша, извѣстно своимъ умомъ живешь, я тебѣ не укажица... скрывалъ ты отъ него все дѣло, а какъ бы отъ этого хуже не вышло.

Петръ Ивановичъ.

Сильно заартачится?

Арина Лукинишна.

Ты сумлѣвался, что станеть онъ тебѣ перечить... на счетъ сватовства...

Петръ Ивановичъ.

А вы думаете не сталъ бы?

Арина Лукинишна.

Ворчать, ворчалъ бы безпремѣнно; безъ этого ему нельзя

обойтись; а все таки надо бы заявить... Онъ и то меня все-допрашиваетъ: а что это Пятруша повадился въ Кудрино? Что это за пріязнь, говорить, такая. Ужъ шуры—муры, говорить, не заѣваются-ли?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Ну да онъ себѣ толкуй—не толкуй; а вотъ сегодня Борисъ Патровичъ пріѣдетъ; такъ, небось, уломаешь... да что онъ все спитъ-съ? Вы бы побудить сходили, маменька... вѣдь не хорошо, какъ тотъ нагрѣнетъ...

АРИНА ЛУКИНИШНА.

И то разбудить, что онъ прокладывается (*помолчавъ*). Барина-то онъ не терпитъ... право, ужъ лучше бы тебѣ первому начать...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*съ увѣренностью*).

Знаемъ, что дѣлаемъ, дѣло важнецъ будетъ, не безпокойтесь. (*Слышится кашель изъ другой комнаты*).

АРИНА ЛУКИНИШНА.

Ишь ты, проснулся, сейчасъ выдетъ...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*поспѣшно вставая*).

Я уйду на это время, маменька; если спросить, скажете въ саду—могъ спать; а какъ тотъ пріѣдетъ, я увижу-съ...

АРИНА ЛУКИНИШНА (*цѣлуя его*).

Голубчикъ ты мой...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

АРИНА ЛУКИНИШНА и ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ (*входитъ и зѣваетъ*).

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Вотъ заспался-то... Никогда со мной этого не было.. который часъ Арина Лукинишна?

АРИНА ЛУКИНИШНА.

Часъ ужъ шестой въ доходѣ...

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Вепъ оно какъ... жара!.. такъ тебя и распарить всего, стало; прежде такъ не сыпалъ...

АРИНА ЛУКИНИШНА.

Пора и чайку...

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Мы съ тобой, матушка, знай отдуваемся чайкомъ...

АРИНА ЛУКИНИШНА.

Такъ не пить, что-ли?

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Почти на то и приходитъ, что не пить... года плохіе, да и грудь сушить... намъ, молодымъ людямъ, вредно...

Арина Лукинишна.

Кабы не чаекъ, такъ и на свѣтѣ не мило жить... Махорка!
Пузовокъ.

А Пятруша гдѣ?

Арина Лукинишна.

Въ садъ пошелъ, знать заснулъ...

Пузовокъ.

Что тамъ въ жаръ за спанье... я его совсѣмъ не вижу.. къ отцу съ матерью въ побывку пріѣхалъ, а съ семью собаками не отыщешь, право...

Арина Лукинишна.

Чтой-ты, Иванъ Яковлевичъ, да сегодня цѣлый день былъ дома и на охоту не ходилъ...

Пузовокъ.

Въ кои-то вѣки выдался денекъ... да и то толкомъ слова не скажешь... эхъ братъ, Арина Лукинишна, глупы мы стали; куда намъ ждать уваженія отъ дѣтей, умомъ мы до нихъ не доросли...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и (Махорка).

Махорка (вбѣгаетъ).

Кудрявинскій баринъ пріѣхалъ.

Арина Лукинишна.

Что-ты вбѣжала, какъ угорѣлая! (оправляется).

Пузовокъ.

Экъ, въ какую я честь взошелъ; должно быть не спроста; пойти сертуку надѣть.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Скаловъ.

Скаловъ (входя).

Здравствуй, Иванъ Яковличъ, Аринъ Лукинишнѣ мое почтеніе. Что ко мнѣ не заглянешь... я вотъ пріѣхалъ навѣстить тебя.

Пузовокъ (кланяется).

Много благодарны за честь... извините, батюшка .. въ халатѣ застали... сертука не успѣлъ надѣть...

Скаловъ.

Оставайся въ халатѣ, что за вздоръ...

Арина Лукинишна (кланяется).

Очень вами довольны, Борисъ Пятровичъ; не оставляете насъ своею милостью... И Пятрушу нашего ласкаете...

Скаловъ.

А гдѣ сынокъ-то?

Пузовокъ.

Говорятъ, въ саду спать залегся.

Арина Лукинишна.

Я схожу за нимъ... чайку чашечку-то удостоите откушать...

Скаловъ.

Извольте, матушка...

Арина Лукинишна.

Сию минутую *(съ поклономъ уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ V.

Скаловъ и Пузовокъ.

Пузовокъ.

Милости прошу садиться... *(показываетъ на диванъ)*.Скаловъ *(садится)*.

Я къ тебѣ братъ, Иванъ Яковличъ, за дѣломъ...

Пузовокъ.

Что прикажете, батюшка? готовъ служить.

Скаловъ.

Ты, старый хрычъ, сидишь тутъ въ своей берлогѣ, носу не покажешь, не придешь поклониться... зарылся очень.

Пузовокъ.

И-и, батюшка, на силу ноги волочишь, куда ужъ мнѣ разъ-
ѣзжать... въ этомъ меня извините.Скаловъ *(помолчавъ, съ удареніемъ)*.Скажи-ка мнѣ, что ты за своимъ молодцомъ замѣчаешь что
нибудь?...Пузовокъ *(смотритъ на него)*.

За Патрушей?

Скаловъ.

Да, за Петрушей...

Пузовокъ.

Цѣлый день шляется... батюшка, Борисъ Петровичъ, совсѣмъ
его не вижу... Онъ у васъ тамъ чего не надѣлалъ ли?... При-
знаться вамъ сказать, ужъ больно онъ зачастилъ; вы бы его и
пугнули, коли надобно. *(одумываясь)* Замѣчать я, дѣйстви-
тельно замѣчаю : какъ внѣ себя бываетъ... толкомъ не допро-
сился у него ничего... Если что, батюшка, случилось, такъ вы
не скройте отъ меня.

Скаловъ.

Случилась, братъ, простая вещь, сынокъ-то твой втюрился въ
губернантку.

Пузовокъ.

Въ Матильду Ивановну?

Скаловъ.

Да, въ нее... И сильно втюрился, такъ что дѣло-то выходить

серьезное... Я, братъ, Иванъ Яковличъ, пріѣхалъ поговорить съ тобой объ этомъ, потому что принимаю участіе въ тебѣ и твоёмъ семействѣ.

Пузовокъ (*съ недоумѣніемъ*).

Много благодарны.. да какъ же это такъ случилось, батюшка?

Скаловъ (*перебивая его*).

Дай, я договорю... Твой сынъ малый хорошій и онъ мнѣ понравился. Я его просилъ бывать у меня... Вотъ, во время этихъ посѣщеній онъ и сошелся съ Матильдой Ивановной... ну, понимаешь.... молодые люди.... долго-ли полюбить другъ друга. Я все это замѣтилъ и вижу, что такъ это добромъ не кончится, лучше тутъ помочь дѣлу... Соображая всѣ обстоятельства, я нашелъ, что сыну твоему очень можно жениться...

Пузовокъ (*измѣняющимся голосомъ*).

На комъ это, батюшка? на мамзели-то вашей?

Скаловъ.

Конечно, эта партія для него самая приличная. Онъ человѣкъ бѣдный, безъ имени, по службѣ многого не возьметъ...

Пузовокъ (*съ волненіемъ*).

Такъ по этому-то самому, батюшка, ему и объ женитьбѣ нечего думать... Куда ему жениться, когда онъ еще въ первомъ чинѣ состоитъ, жалованье пятьсотъ рублей.

Скаловъ.

Ты выслушай меня, а не перебивай... Разумѣется, теперь онъ шагу ступить не можетъ; но женитьба можетъ дать ему средства къ жизни, понимаешь ли ты?...

Пузовокъ (*нѣсколько насмысливымъ тономъ*).

Какъ же это, батюшка, растолкуйте пожалуйста! Приданное, что-ли, онъ за пей большое возьметъ?

Скаловъ (*съ увѣренностью*).

Онъ возьметъ за ней двадцать тысячъ рублей; я хочу обезпечить ихъ будущность и даю эту сумму отъ себя, вдобавокъ предоставляю ему мѣсто управляющаго въ моемъ имѣніи. Онъ будетъ получать три тысячи ассигнаціями и жить на всемъ готовомъ. (*Помолчавъ, съ большимъ одушевленіемъ*). Я видѣлъ, что для твоего сына жениться на Матильдѣ Ивановнѣ значитъ поднять себя, облагородить, я не могъ не помочь ему въ этомъ и не сомнѣваюсь, что ты будешь благодаренъ мнѣ за то, что я во время хочу дать дѣлу такой выгодный оборотъ. Противъ подобной партіи ты ничего не можешь имѣть (*останавливается и смотритъ вопросительно на Пузовку*). Вотъ зачѣмъ я пріѣхалъ къ тебѣ, Иванъ Яковличъ... что ты мнѣ на это скажешь?

Пузовокъ.

Позвольте вамъ доложить, Борисъ Петровичъ, что стыдно меня морочить на старости лѣтъ.

Скаловъ.

Кто же тебя морочить, я дѣло говорю...

Пузовокъ (*начинаетъ нестердо, но потомъ все больше и больше одушевляется*).

Хоша Пятрушѣ, можетъ, и приглянулась ваша мамзель, да все таки не слѣдъ ему жениться на ней, да и вамъ не слѣдъ мнѣ все дѣло въ такомъ видѣ представлять... Полноте, батюшка Борисъ Петровичъ, зачѣмъ насъ бѣдныхъ людей задѣвать? Что вамъ въ моемъ Пятрушѣ; за что такая милость къ нему, за что капиталъ-то ему даете въ двадцать тысячъ? Ужъ извѣстно не по одному тому, что полюбился онъ вамъ; (*дрожащимъ голосомъ*) я вамъ, Борисъ Петровичъ, восемь лѣтъ служилъ, честно служилъ, а за это вы вотъ чѣмъ хотите отплатить мнѣ! Вы сына у меня подкупаете, опутали его да пріѣхали съ отцемъ совѣтываться, какъ бы половчѣе смастерить дѣло. Онъ, молъ, старый дуракъ, долженъ въ ноги кланяться, что я ему благодѣтельству... Грѣшно, сударь, грѣшно! И напрасно вы думали, что я пойду на такую сдѣлку...

Скаловъ (*перебивая его*).

Что ты раскудахтался?.. Какая тутъ сдѣлка! Что за вранье. Ты братъ, Иванъ Яковличъ, со старости тронулся, право. Кто у тебя сына подкупаетъ? Съ какой стати? что мнѣ въ томъ, что женится на моей гувернанткѣ! Вѣдь сынъ твой не такъ же глупъ, чтобъ не видѣть, правится онъ дѣвушкамъ или нѣтъ!

Пузовокъ (*приближаясь къ Скалову*).

А коли онъ ей такъ полюбился, такъ нечего намъ съ вами въ это дѣло вмѣшиваться. Сами найдутъ дорогу. Нечего тогда и двадцать тысячъ сулить и при себѣ управляющимъ держать; мамзель-то ваша, батюшка, совѣсть-бы имѣла, сама не осталась!

Скаловъ (*встаетъ съ дивана*).

Говори да не заговаривайся! Ты отъ старости Богъ знаетъ что городишь!.. Куда ужъ тебѣ заноситься съ своей честностью? Ты долженъ быть радъ, что сыну удастся сдѣлать хорошую партію, что онъ весь свой вѣкъ не будетъ коптѣть въ гарнизонѣ; и можетъ въ люди выйти; а ты тутъ толкуешь объ томъ, что тебя подкупаютъ!

Пузовокъ.

Такъ вамъ желательно завѣрить меня, что мамзель любитъ Пятрушу! Борисъ Петровичъ, надо на чистоту говорить: я вѣдь, батюшка, знаю изъ за чего вы бьетесь! Вамъ Пятрушу моего обвести, плевое дѣло! Да мнѣ, старику, грѣшно будетъ, какъ я ему не открою глазъ (*съ жаромъ*). Всего одинъ сынъ, да и

того, въ кабалу вамъ отдать, полюбовницѣ вашей въ услуженье, прикрывать ея беззаконія.

Скаловъ (*подходитъ къ нему*).

Молчать! какъ ты осмѣлился, старый дуракъ!

Пузовокъ (*отводя его рукой*).

Полегче, батюшка, полегче; я вѣдь не халуй вашъ! Какъ я осмѣлился? Вы мерзостей-то натворите, а замазывать потомъ нашему брату; далъ намъ рубль цѣлковый въ зубы, да и поѣзжай верхомъ; а коли отказываемся, такъ ругать насъ, бить! Вы къ отцу пришли, сына покупать къ себѣ въ лакеи; хотите, чтобъ онъ совѣсть свою продалъ, а отецъ вамъ кланяйся!..

Скаловъ (*съ трудомъ сдерживая себя*).

Старый хрычъ, будешь раскаяваться; я тебѣ покажу, какъ со мной такъ объясняться (*уходитъ*).

Пузовокъ.

Ничего вы мнѣ не покажите, не боюсь я васъ...

ЯВЛЕНИЕ VI.

Пузовокъ (*одинъ послѣ домашня молчанія*).

Вотъ оно что! Вотъ до какого сраму дожилъ... хоть со свѣту бѣги!.. Пришелъ, наругался и ушелъ! А Пятруша? Ни слова отцу, все скрываетъ, все таитъ; допустилъ отца до такого пострамленія. Обошли молодца!.. А ну, какъ онъ снюхался съ ними, какъ у нихъ дѣло совсѣмъ смазано? Господи, Господи! (*стоитъ съ поникшей головой*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Арина Лукинишна и Петръ Ивановичъ (*быстро входятъ*).

Пузовокъ (*оборачиваясь*).

Пятруша! Не стыдно тебѣ такъ поступать!

Петръ Ивановичъ.

Что такое, папенька?

Пузовокъ.

Что ты затѣялъ; на какое ты дѣло идешь?

Петръ Ивановичъ.

Вы о чемъ спрашиваете-съ?

Пузовокъ.

Ты знаешь о чемъ! Отъ отца, какъ отъ лютаго врага, все хоронишь... Порадуйся... вотъ пришелъ большой баринъ, да и обругалъ меня; а за что? за то, что я стоялъ за тебя, не поддавался на подлость... Осмотрись, въ какой омутъ ты идешь!

Петръ Ивановичъ.

Я не знаю-съ, о какомъ вы оумѣ говорите...

Пузовокъ.

Съ кѣмъ ты связался, на комъ ты хочешь жениться?.. чтожъ молчишь...

Петръ Ивановичъ (*съ нахальнымъ видомъ*).

Нечего мнѣ молчать. Коли хотите знать, желаю вступить въ супружество съ Матильдой Ивановной!

Пузовокъ.

Со Скаловской мамзелью? (*подходитъ къ нему*). Послушай, Патруша! неужели ты думаешь, я тебѣ добра не желаю. Я только тобой и дышу, а ты все отъ меня въ тайнѣ держишь! Вѣдь тебя обвести хотѣтъ, наругаться надъ нами!

Петръ Ивановичъ (*съ натянутой уверенностью*).

Ну ужъ нѣтъ-съ, папенька; вы этого не говорите; никто насъ не обведетъ.

Пузовокъ.

Такъ ты думаешь, что ты мамзели полюбился, что она за тебя охотой замужъ пойдетъ?..

Петръ Ивановичъ.

Извѣстное дѣло-съ...

Пузовокъ.

Да вѣдь она съ Скаловымъ живетъ... Такъ ты на полюбившца его женишься, хочешь грѣхъ прикрывать.

Петръ Ивановичъ.

Кто это доказалъ-съ, что онъ съ ней живетъ; это только одинъ сплетни-съ; никто этого доподлинно не знаетъ...

Арина Лукинишна.

Разумѣется, Иванъ Яковличъ, что ты напалъ на Патрушу! Коли ему полюбилась она, да дѣвушка хорошая, такъ что тутъ перечить... Ты всегда радъ поартачиться...

Пузовокъ (*съ торечью*).

Арина Лукинишна, матушка, не болтай языкомъ! Говоришь ты противъ совѣсти.. что ты не знаешь, что-ли, какія дѣла дѣлаются въ Кудринѣ? Ты не знаешь, что мамзель третій годъ съ нимъ беззаконничаетъ; не знаешь ты, что она два раза въ Москву ѣздила; да вотъ теперь въ третій зазорно, такъ тутъ для прикрытія понадобился (*къ Петру Ивановичу*). Зачѣмъ-же самъ-то онъ хлопочетъ объ этомъ дѣлѣ, а?.. Ну, ты скажи-ка мнѣ, ты ее такъ берешь, безъ всего? безъ приданого?

Петръ Ивановичъ (*заминаясь*).

Нѣтъ-съ, папенька... я за ней возьму-съ...

Пузовокъ (*быстро*).

Говори... отъ кого ты возьмешь, ну говори-же?

Петръ Ивановичъ (*смѣлье*).

Двадцать тысячъ рублей, мѣсто управительское общалъ... Будеть чѣмъ жить-съ.

Пузовокъ (*съ жаромъ*).

Такъ вотъ что-съ?! Онъ тебѣ двадцать тысячъ дастъ! такъ отъ доброты сердечной?! И ты скажешь, что онъ не подкупилъ тебя, что онъ не хочетъ всучить тебѣ свою любезную. А при себѣ-то оставляетъ зачѣмъ? чтобъ ему вольготнѣе было незаконничать, чтобъ глаза ему не кололи! (*останавливается* и ты на такое дѣло пошелъ?

Петръ Ивановичъ.

Да что-же, папенька... мнѣ Матильда Ивановна очень нравится; опять деньги хорошія, мѣсто тоже; я по службѣ что возьму... лучше мнѣ основаться на мѣстѣ (*скороговоркой*) а не считать того-съ... если что и было; такъ кто-же Богу не грѣшенъ; опять на меня это не падаетъ, мнѣ что за дѣло-съ. (*измѣняя тонъ*). Вамъ, папенька, грѣшно-съ отнимать у меня счастье, не вѣкъ же мнѣ биться; теперь я карьеръ дѣлаю; вы опять-съ перебивать у меня дорогу хотите. (*плаксиво*) Какъ вамъ угодно будетъ, а я отъ этой партіи не откажусь... мнѣ лучше хлѣбъ есть, чѣмъ мякину жевать... стыдно вамъ будетъ не дать мнѣ позволенія...

Арина Лукинишна.

Иванъ Яковличъ, дѣтище свое пожалѣй, что онъ за безталанный такой...

Пузовокъ (*перебивая*).

Полно вамъ, не мучьте меня Христа ради! — Бога ты боишься, Пятруша! позволенія тебѣ надо жениться на безпудрой дѣвкѣ?! Зачѣмъ? вѣдь тебя подкупили... ужъ взялъ позоръ на себя; такъ зачѣмъ же ты къ отцу идешь? Что онъ тебѣ можетъ сказать! ты не пожалѣлъ его; прислалъ барина торговаться, уламывать, страху задать... а онъ за тебя же стоялъ (*голосомъ, въ которомъ слышны слезы*). За чѣмъ тебѣ позволеніе? Ты вѣдь, Пятруша, партію дѣлаешь; такъ что мнѣ твою судьбу загублять, поперегъ дороги становиться? Съ Богомъ, женись... вѣдь мое благословеніе не нужно, и безъ него прожвешь вѣкъ свой припѣваячи... съ деньгами да съ молодой женой... я вѣдь тебя не могу выкупить, капиталовъ нѣтъ... (*сильнаго волненія опускается на диванъ*) женись, женись Богомъ!...

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Дѣйствующие лица:

БОРИСЪ ПЕТРОВИЧЪ СКАЛОВЪ.	ВАРВАРА СЕРГѢВНА БРУСНИГИ-
АННА НИКОЛАВНА.	НА.
МАТИЛЬДА БОРИСОВНА.	АНПОЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СЛА-
ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ПУЗОВОКЪ.	СТЕПОВЪ 39 л. помѣщикъ.
ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ПУЗОВОКЪ.	ЛИДИЯ ЯКОВЛЕВНА, жена его 27 л.
ВАЛЕРЬЯНЪ ВАЛЕРЬЯНОВИЧЪ.	Гости {
ЖАБИНЪ.	Лакеи } безъ рѣчей.

Дѣйствіе — въ деревнѣ Скалова.

Гостинная второго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Жабинъ и Бруснигина (*входятъ съ террасы*).

Жабинъ.

Напригласить столько гостей! къ чему это? такія интимныя вещи дѣлаются потихоньку; какъ вы думаете, Варвара Сергѣвна?

Бруснигина.

Насъ хотятъ заставить молчать.

Жабинъ.

Не достигнуть цѣли.

Бруснигина.

Матильда точно приговоренная къ смерти, а онъ такъ и сіяетъ, настоящій женихъ...

Жабинъ.

Какъ вы думаете Варвара Сергѣвна, пустить онъ ее отъ себя?

Бруснигина.

О нѣтъ! Это только одинъ предлогъ; я вѣрно знаю, что онъ даетъ офицеру мѣсто управляющаго.

Жабинъ.

Хорошо обрабатываетъ свои дѣла...

Бруснигина.

Такой дебошъ...

Жабинъ.

Вещи житейскія; надо же хоронить концы... Матильдѣ Ивановнѣ понадобилось мужа; ну, и сыскали ей мужа.

Бруснигина.

Отецъ семейства!.. и позволять себѣ подобныя вещи. А знаете что, Валерьянъ Валерьяновичъ, помните мы были съ вами здѣсь, и вы сдѣлали такой явный намекъ Матильдѣ Ивановнѣ, послѣ котораго ей трудно бы оставаться въ домѣ: вы тогда цѣлили не въ бровь, а ужъ прямо въ глазъ...

Жабинъ.

Хе, хе, хе... можетъ быть-съ, можетъ быть-съ, не помню хорошенько. Да гдѣ такимъ дѣвушкамъ поддерживать свои достоинства... Всѣ эти импровизованныя свадьбы ничего не заглагоживаютъ... нечего тутъ чинить заплатъ, ихъ ужъ слишкомъ много-съ, хе, хе, хе...

Бруснигина.

И замѣйте, старика нѣтъ...

Жабинъ.

Отца?

Бруснигина.

Да, отца... видно, это дѣлается безъ его согласія...

Жабинъ.

Помилуйте, онъ, я думаю, былъ радъ радешенекъ... просто Борисъ Петровичъ нашелъ, что его фигура неприлична въ барскихъ хоромахъ...

Бруснигина.

Замѣчайте за Анной Николавной... она какая-то растерянная—глядитъ безсмысленно и все молчитъ...

Жабинъ.

Что-жъ ей больше дѣлать? Ужъ семейка—ничего сказать, куда не ткни, вездѣ романъ, да еще какой!.. Не хотите-ли пойти въ садъ; тамъ еще все общество.

Бруснигина.

Нѣтъ останьтесь здѣсь... они сейчасъ должны прійти въ комнаты (*смотритъ на террасу*) да вотъ ужъ идетъ кто-то...

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣже и Сластеновъ съ женой.

Жабинъ.

Апполонъ Николаичъ! это вы? мы вотъ съ Варварой Сергѣевной удалились... каковъ банкетъ?

Сластеновъ.

На славу...

Сластенова.

А всего лучше женихъ!

Бруснигина.

Не правда-ли, Лидія Яковлевна, онъ похожъ на бубноваго короля! (*общій хохотъ*.)

Сластеновъ.

Курьезная свадьба...

Жабинъ.

Тонкій расчетъ, Апполонъ Николаичъ, тонкій расчетъ.

Сластеновъ.

Борису Петровичу такаія дѣла только и дѣлать... нечего сказать.

Сластенова.

Ахъ, chère Варвара Сергѣевна, какія женихъ вещи говорилъ за столомъ... какъ расходился, слышали?...

Бруснигина.

Слышала... гарнизонныя любезности, хя, хя, хя! (*общій хохотъ*).

Жабинъ.

И что за идея: пригласить столько народу; такая дерзость.

Сластеновъ.

Пушай его; денегъ много; на то онъ и богатъ, чтобъ кормить.

Сластенова.

Ахъ, Апполонъ; какъ ты разсуждаешь...

Сластеновъ.

Да чтожъ такое, матушка? Разумѣется, на то онъ и богатъ, чтобъ поить да кормить. Какая же больше польза отъ него; ну придрался къ случаю, гувернантку отдастъ за офицера; обѣдъ со всѣми удовольствіями, въ саду, подъ липками и съ шампанскимъ... недурно! Поѣсть онъ любить и угостить умѣетъ; ужъ это надо ему отдать справедливость... а вообще человѣкъ дрянъ...

Сластенова.

Ахъ, Апполонъ, ты только объ ѣдѣ...

Сластеновъ.

Да объ чемъ же, матушка? Сегодня самое лучшее было... обѣдъ.

Бруснигина.

А я нахожу все таки, что насъ хотятъ заставить восхищаться и молчать...

Сластенова.

Зажать намъ ротъ ѣдой...

Бруснигина.

А мы таки будемъ говорить...

Сластенова.

Конечно, будемъ не очень громко.

Бруснигина.

Такъ, какъ намъ захочется...

Сластенова.

Покажемъ, что мы имѣемъ мнѣніе.

Бруснигина.

И обмануть насъ нельзя.

Жабинъ.

Говорите, говорите, mesdames, и чѣмъ громче, тѣмъ лучше...

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣже; (*входятъ*) Скаловъ, жена его, дочь, Петръ Ивановичъ, Матильда Ивановна, гости.

Скаловъ.

А, вы ужъ здѣсь! Въ саду такъ хорошо... (*Пузовку*). Петръ Ивановичъ, садитесь съ невестой на диванъ... *Messieurs et mes dames*, надо еще выпить за здоровье обрученныхъ... не такъ ли Апполонъ Николаичъ?

Сластеновъ.

Разумѣется, спрыснуть, спрыснуть...

Скаловъ.

Человѣкъ, шампанскаго! я хочу, чтобъ на свадьбѣ Матильды Ивановны было весело и шумно! Чтожъ мы всѣ стоимъ; точнѣе ждемъ чего нибудь... (*Разсаживаются: на авансценѣ и на диванѣ женихъ съ невестой; на право Анна Николаевна, на заветѣ Борисовна и дамы; по срединѣ комнаты Скаловъ и мужчины стоятъ кружкомъ*).

Петръ Ивановичъ (*привставая*).

Позвольте ужъ и за ваше здоровье-съ, Борисъ Патровичъ пожелать вамъ многія лѣта!

Скаловъ.

Благодарю, благодарю... выпьемъ и за мое...

Жабинъ (*къ Пузовку*).

Вы, Петръ Ивановичъ, теперь блаженствуете; лицо ваше такъ и блещетъ...

Петръ Ивановичъ.

Какъ же можно-съ иначе-съ (*смотритъ съ умиленіемъ Матильду Ивановну*). Я въ зенитѣ-съ... такъ сказать...

Жабинъ.

Ха, ха, ха... пустился въ поэзію... вотъ что значитъ любовь.

Матильда Ивановна (*въ полмолоса Петру Ивановичу*).

Ради Бога, не говорите вздору, вы меня мучите.

Петръ Ивановичъ (*сconfуженный*).

Я не такъ выразился, Борисъ Патровичъ, извините-съ...

Скаловъ.

Отчего же не такъ? Напротивъ, очень хорошо...

Жабинъ.

Когда человѣкъ счастливъ, онъ можетъ говорить все, есть на душѣ... (*Дама пересаживаются. Анна Николаевна Лизавета Борисовна сидитъ молча и смотритъ то на Скалова, то на обрученныхъ. Входятъ два лакея: одинъ несетъ подносъ съ бокалами; другой бутылки*).

Скаловъ.

А, вотъ и шампанское *(беретъ бокалъ; люди разбѣгаются)*.
Я предлагаю тостъ за здоровье жениха и невѣсты... желаю имъ
сто лѣтъ жизни, побольше денегъ и дѣтей.

Жабинъ *(къ публикѣ)*.

Двое ужъ есть!...

Сластеновъ.

Ура!.. *(все кричатъ, пьютъ и чокаются)*.Петръ Ивановичъ *(приподнимаясь съ мѣста)*.

Борисъ Пятровичъ, я отъ всей души съ выпью-съ...

(Слышенъ шумъ въ залѣ. Петръ Ивановичъ останавливается).

Скаловъ.

Спасибо... мой милый...

Петръ Ивановичъ.

Выпью я... потому вы мнѣ отецъ и благодѣтель... *(не доканчиваетъ фразы, увидя входящаго Пузовка)*.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣже и Пузовокъ *(быстро входитъ и останавливается у дверей; все оглядываются; Скаловъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ нему)*.

Пузовокъ *(съ поклономъ и насмѣливой улыбкой, въ голосъ легкая дрожь)*.

Не пущаютъ, батюшка Борисъ Пятровичъ, не пущаютъ меня... ваши людишки, чуть не за шиворотъ: куда, говорятъ, ты лѣзешь, гнать, говорятъ, тебя велѣно въ три шеи. Ваше было на то распоряженіе?

Скаловъ *(сдерживается)*.

Что ты за вздоръ говоришь, Иванъ Яковличъ, никто и не думалъ гнать тебя.

Пузовокъ *(обводитъ глазами востикомъ)*.

Гнали, батюшка, гнали! А я на сговоръ пришелъ... Просить меня на него не просили; а я вотъ, видите, взялъ, да и пришелъ. Известное дѣло, меня зачѣмъ пущать? Куда мнѣ мужику неотесанному въ компанію вламываться?! Да взглянуть хочется на жениха съ невѣстой, какъ сынокъ партію дѣлаетъ... Бояться меня нечего... вѣдь онъ своимъ разумомъ дѣйствуетъ... я ему сказалъ... женись съ Богомъ, Пятруша! перечить не стану, коли ты такой кладъ нашелъ... *(общее смятеніе. Скаловъ пытается замѣять разговоръ. Пузовокъ идетъ къ челоуьку съ бо-*

калами). Позвольте и мнѣ выпить, батюшка Борисъ Пятровичъ (*беретъ бокалъ и подходитъ къ дивану, на которомъ сидятъ женихъ съ невестой*). Ну сынокъ, выпью я за твое здоровье. Спасибо тебѣ, Пятруша, ты отца не оставляешь на старости лѣтъ. Мнѣ въ пожки поклониться надо (*кланяется ему низко*). Значить, теперь, какъ женишься, въ такую гору полезешь, что и меня въ люди выведешь... что я такое былъ: однодворецъ, неумытое рыло, вотъ и на сговоръ къ себѣ, такъ и то застыдился позвать; а тутъ какъ ты капиталъ-то возьмешь, да къ сильнымъ людямъ въ милость попадешь; такъ и я по тебѣ въ бары, въ знатные люди, произойду... я это очень цѣню, Пятруша...

Петръ Ивановичъ (*робко озираясь, но со злостью въ олость*).

Я-съ, тятенька... не знаю... о чемъ вы толкуете... совсѣмъ-неприлично такъ-съ...

Пузовокъ.

Что неприлично, сынокъ? Что я такое сказалъ? (*обращаясь къ Скаловой*). Вотъ матушка, Анна Николаевна, нынче дѣтки какія! Я тебѣ, Пятруша, по душѣ говорю, мнѣ какъ не цѣнить, что ты за Матильду Ивановну присватался; я вѣдь смекаю маленько въ чемъ дѣло... вотъ и пришелъ поблагодарить тебя, всякаго благополучія пожелать.. я знаю: ты отца съ матерью обругалъ, въ грязь втопталъ; за то на линію выведешь, они благородными будутъ; всякое уваженіе имъ будетъ по той причинѣ, что ты теперь карьеръ сдѣлалъ... такъ вѣдь ты говорилъ? (*низко кланяется*). Спасибо, спасибо, Пятруша...

Скаловъ (*съ сердцемъ, въ помолоса*).

Послушай, Иванъ Яковлевичъ! ты самъ не знаешь, что говоришь (*хочетъ его отвести въ сторону*).

Пузовокъ (*громко*).

Знаю, батюшка, знаю (*обращается къ нему лицомъ*). И васъ много нужно поблагодарить, Борисъ Пятровичъ, (*низко кланяется*). Вотъ при всемъ честномъ помѣщичествѣ, принести вамъ чувствительнѣйшую благодарность... отыскали Петрушѣ сожителя, какой лучше не надо... Какъ же намъ, ничтожнымъ тварямъ, не чувствовать этого, когда вы, значить, какъ отецъ родной... Кто Петрушѣ невесту доставилъ?—Вы! Кто ему кушъ въ двадцать тысячъ да мѣсто управителя за него посулилъ? Вы же! Кто все полюбовно устроилъ, все вы же, батюшка! Такъ, и поступать должно, чтобъ въ семейныя дѣла, значить, входить.

Скаловъ (*едва удерживаясь*).

Ты пьянъ, Иванъ Яковлевичъ, несешь дичь! Какъ ты могъ явиться ко мнѣ въ такомъ видѣ?

Пузовокъ.

Я пьянъ?... Это вы почему знаете? Или я небылицы вамъ рассказываю? (*обращаясь къ присутствующимъ*). Вотъ, милостивые государи, какъ съ нашимъ братомъ обходятся... Сказалъ слово—время, и говоритъ—то это дворянинъ дворянину (*къ Скалову*). Что я вамъ такое небывалое сказалъ, батюшка?... Вы развѣ не изволили пожаловать ко мнѣ на той недѣлѣ, не говорили вы мнѣ объ томъ, что Пятрушу нужно жепить на вашей мамзели, не сулили вы ему денегъ да мѣста; не обругали вы меня за то, что я не поддался на ваше прельщеніе?...

Скаловъ (*съ яростію бросааясь къ нему*).

Замолчишь ли ты, старичишка; ты съ ума сошелъ!

Пузовокъ (*отводя рукой*).

Вотъ вы теперь при всѣхъ лезете драться; такъ съ глазу-то на глазъ и подавно хорохорились... Нѣтъ, не вру я, правду говорю, вотъ при цѣлой компаніи здѣсь заявлю, что подкупали вы меня, выжимали отъ меня согласіе, паругались надо-мною! (*показываетъ на Петра Ивановича*). А его вамъ удалось опутать; не совладавъ онъ съ прельщеніемъ... продалъ себя, отъ отца отказался!.... сожителямъ себѣ беретъ для вашего удовольствія!...

Матильда Ивановна.

Боже!... Что я слышу! (*падаетъ въ обморокъ; всѣ суетятся около нея. Петръ Ивановичъ вскакиваетъ и не знаетъ что дѣлать*).

Пузовокъ.

Вонъ мамзель-то не вытерпѣла, зазрѣніе взяло (*Петру Ивановичу*). А ты что стоишь, помогай, ухаживай, пожалуй отойдешь... двадцать-то тысячъ и свиснутъ (*дамы уводятъ Матильду Ивановну*).

Скаловъ.

Молчать... ни слова болѣе... Ступай вонъ! (*общее смятеніе. Петръ Ивановичъ стоитъ, какъ вкопанный*).

Пузовокъ.

Нѣтъ не пойду, Борисъ Пятровичъ! Я пришелъ на сговоръ къ сыну, слышите и уйду, когда захочу. Меня не звали, боялся, что я дебошу надѣлаю; я бы и не пошелъ да вотъ тутъ-то (*указываетъ на сердце*). У меня мучило, больно мучило, но въ моготу мнѣ было. Пусть меня зайдятъ, прибьютъ, а я свое скажу... Будетъ терпѣть, довольно по холопски молчать (*къ Скалову*). Ну вложите меня, бейте за то, что я противъ вашей милости пошелъ... У васъ все есть, и вотчина, и угоды разныя, и полюбовницы... а у меня одинъ былъ сынъ, такъ и того смянили, отняли... (*къ Петрушѣ*). Что стоишь, ступай къ любезной своей, оттирай! Тебѣ все какъ объ стѣну горохъ... Видь ты этимъ не уймешься; ужъ коли продалъ себя, ужъ коли

купилъ у ихъ милости полюбовницу, такъ тебѣ и позоръ не въ позоръ... Прощай, сынокъ... оставайся здѣсь... къ отцу нечего ходить. Спасибо тебѣ, спасибо и вамъ, Борисъ Патровичъ. Я свое дѣло сдѣлалъ и уйду, а что изъ того будетъ, тому Богъ судья (*уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е V.

Тѣ же безъ Пузовка.

(Скаловъ и Петръ Ивановичъ *стоятъ другъ передъ другомъ. Гости въ отдаленіи*).

Петръ Ивановичъ.

Борисъ Патровичъ, сдѣлайте божескую милость, простите Христа-ради... тятенька внѣ себя былъ-съ, не въ своемъ видѣ-съ.

Скаловъ (*отворачиваясь*).

Молчите, что вы тутъ лезете съ объясненіями... убирайтесь вы отъ меня куда знаете... между нами нѣтъ болѣе счетовъ.

Петръ Ивановичъ (*максимо*).

Вѣдь что на это обращать вниманіе?... онъ въ сумашествіи. Борисъ Патровичъ; я ей-Богу не виновать-съ!

Скаловъ (*смотритъ на него пристально*).

Старикъ справедливъ... у васъ мѣдный лобъ... вы черезъ-чуръ низки, чтобъ употребить васъ куда нибудь... Господа, извините меня... я слишкомъ разстроенъ (*уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е VI.

Тѣ же безъ Скалова.

Петръ Ивановичъ (*стоитъ, какъ безумный*).

Что жъ это такое!... вотъ тебѣ и разъ... (*чуть не плачетъ*) все пропало...

Жабинъ (*подходитъ къ нему*).

Утѣшьтеся; барышнѣ надобно ѣхать въ Москву... вы еще пригодитесь. (*къ Слассенову*) Вотъ это скандалъ, такъ скандалъ...

19 Юля 1889 г. Нижній-Новгородъ.

Петръ Бобарыкинъ.

САВОНАРОЛА.

Съ XV вѣка наступала для Италіи самая блестящая пора ея цивилизаціи и ея генія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая роковая, трагическая пора для ея матеріальнаго благосостоянія, для ея свободы и политическаго значенія.

Между тѣмъ какъ она, гордая сознаніемъ, что управляетъ умами цѣлаго свѣта, законодательствуетъ во всемірной области искусства, покидала всѣ насущныя заботы о себѣ, какъ недостойныя ея; между тѣмъ какъ она доходила до величайшаго пренебреженія къ матеріальной силѣ, низводила героевъ, подобныхъ Пиччинино, до жалкихъ авантюристовъ и наемниками смѣнила національныя войска свои — на нее подымались *новые варвары*.

Эти *новые варвары*, французы, предводительствуемые Карломъ VIII, наконецъ пришли въ нее на зовъ одного изъ ея герцоговъ и, дерзко заглянувъ въ лицо ей, неистово припали *сосать кровь ея*, по выраженію Муратори. Не найдя въ Италіи матеріальной силы, *варвары* не пали въ священномъ ужасѣ передъ трагическимъ величіемъ ея городовъ, не пощадили ее во имя изумительныхъ прелестей, которыя, начинаясь отъ Альпъ, идутъ *scescendo* до Этны. «Наши не считали италіянцевъ за людей,» писалъ въ своихъ мемуарахъ Филиппъ Комминъ.

Все въ Италіи, отъ ея живописныхъ холмовъ, долинъ, похожихъ на корзины, полныя цвѣтовъ и плодовъ, все, отъ ея мраморныхъ церквей и виноградниковъ, населенныхъ статуями, до ея живыхъ статуй — женщинъ, все въ ней только разожгло грубые инстинкты Франціи 1494 года.

Италія XV в., *растерзанная*, по выраженію Макиавеля, разоренная, наконецъ поработенная, не только не защищалась, но не чувствовала даже того благороднаго отчаянія, которое часто творить чудеса. Космополитическая съ колыбели, она бы-

да въ высочайшей степени такую въ продолженіи всего XV в., когда, переставши напрасно обливаться кровью своихъ Гиббеллиновъ и Гвельфовъ, она кинулась на иной путь, къ новой Имперіи въ области человѣческаго мышленія и творчества. Въ XV в. Италія, сдѣлавшись мѣстомъ соборовъ, пренебрегла самыми насущными заботами о себѣ, какъ недостойными ея. Все, кромѣ разума, казалось ей и жалко и суетно, все тогда было недостойно и грубо для нея, кромѣ наслажденія дарами своего духа.

При такомъ настроеніи Италіи, какъ не искугало ее нашествіе на нее *варваровъ* 1494 г., такъ не возмущало ее и то, что уже давно падала свобода ея городовъ, что ея тираны намѣренно обращали роскошныя поля ея въ зловонныя болота, что деспотизмъ ея королей и герцоговъ становился болѣе и болѣе наглымъ.

Состояніе Италіи XV в. и ея настроеніе всего ярче отражалось на Флоренціи. Гдѣ, какъ не въ этой колыбели новаго искусства, полище могло быть наслажденіе имъ. Гдѣ, какъ не во Флоренціи, подъ управленіемъ Медичи, очевидно могъ быть весь вредъ, проистекавшій изъ равнодушія гражданъ къ судьбамъ своей родины. Флоренція XV в., наравнѣ съ остальной Италіей, не помня себя, шла на свой соборъ, на который созвала художниковъ со всѣхъ концовъ Европы, чтобы устами своего гениальнаго архитектора Брунелески произнести смертный приговоръ надъ готическимъ стилемъ во имя новаго стиля Возрожденія.

Флоренціи ли послѣ побѣды, одержанной ею на этомъ соборѣ, снизойти было до того, чтобы замкнуться въ *тѣсныя границы патріотизма*, взяться за домашнія дѣла и выйти на борьбу съ грубой дѣйствительностью?

Возстать на Медичи? но они были прославленными покровителями искусства и науки, цѣлый міръ удивлялся пышности ихъ двора: этого было довольно, чтобы Флоренція прощала имъ все остальное. Притомъ Медичи, глубоко понимая народъ — художниковъ, во главѣ котораго они стояли, не казались ни грязными въ своемъ корыстолюбіи, ни безобразными и грубыми въ своемъ деспотизмѣ. Они не щадили ничего для поддержанія своей популярности; они дорожили общественнымъ мнѣніемъ, потому что видѣли въ этомъ свою выгоду. Купцы по происхожденію, они не были тщеславны и суетны, они все дѣлали съ расчетомъ. Деспоты въ душѣ, но тонкіе и ловкіе въ своихъ при-

снать, они убили, не разрушая республиканских учреждений Флоренціи, разорать все, торговать подвластными ей городами, убивать ихъ торговлю, отнимать у нихъ хлѣбъ. Они не скупилась на праздники и зрѣлища въ забаву народа, чтобъ не дать ему ни на минуту почувать на себѣ всю тяжесть нестерпимой прозы жизни и возмутиться. Флорентинцы между тѣмъ считали себя счастливыми, что жизнь ихъ, свободная отъ гражданскихъ бурь, отъ гражданскихъ трудовъ и пожертвованій, проходила, какъ одна нескончаемая оргія.

Упадокъ нравовъ во Флоренціи былъ страшный, страшный еще болѣе при ея высокому умственному развитіи и при ея восторженномъ самодовольствѣ.

Бруто писалъ:

«Флорентинцы, употребляя все усилія, чтобы жить въ нѣгѣ и лѣни, пренебрегали заветомъ отцевъ и съ нестерпимой наглостью пролагали себѣ дорогу къ самымъ грубымъ и отвратительнымъ порокамъ. Отцы ихъ своими трудами, заботами и добродѣтелями возвеличили отечество; они жъ, напротивъ, утративъ всякій стыдъ, ничѣмъ не дорожили. Они предались игрѣ, пину и самымъ грязнымъ наслажденіямъ. Не было такого порока, такого преступленія, которое бы не пятнало ихъ. Всеобщее презрѣніе къ закону и правосудію освобождало ихъ отъ страха наказанія. Храбрость замѣнилась у нихъ дерзостью и наглостью, вѣжливость — преступной угодливостью, любезность — болтовней и злословіемъ. Все дѣлалось медленно, вяло и безпорядочно рабами низости и лѣни.»

Въ такую-то страшную равно для всей Италіи пору, накануне нашествія на нее Карла XIII, явился во Флоренціи Савонарола.

Флоренція не вдругъ повѣрила этому монаху, который, то заливаясь слезами, то задыхаясь отъ гнѣва, то падая на колѣна, то грозя, сталъ вдругъ пророчить ей, что путь славы, по которому, торжествуя, идетъ она, ведетъ къ безднѣ.

Флоренція не сразу поняла Савонаролу, который одинъ, ничѣмъ не ослабленный и все предвидѣвшій, вышелъ на борьбу съ ея великими заблужденіями.

«Флоренція, сталъ восклицать Савонарола, что ты сдѣлала? Если хочешь,» я скажу тебѣ. Ты переполнилась беззаконіемъ, готовься къ великой карѣ. Господи! ты свидѣтель, что я силюсь поддержать эту падающую развалину; но слово мое без-

сильно для этого, а больше что могу я? Встань ты, Господи! Развѣ ты не видишь, что мы становимся позоромъ міра? Сколько разъ я призывалъ Тебя! сколько было слезъ! сколько молитвъ! Гдѣ твое Провидѣніе? гдѣ твоя благодать? гдѣ твое правосудіе? Простри же на насъ всемогущую руку твою! Что до меня, то я не въ силахъ больше ничего сдѣлать; я не нахожу даже словъ, чтобы говорить. Мнѣ остается только плакать и заливаясь слезами на этой кафедрѣ. Сжался, сжался, Господи!»

Неоцѣненный, непонятый въ своей великой скорби, Савонарола сталъ грозить, и волосы встали дыбомъ на головахъ его слушателей, по свидѣтельству одного изъ его современниковъ.

Очнувшаяся Флоренція стала просить Савонаролу, чтобы онъ спасъ ее. Какъ монахъ, онъ заставлялъ ее молиться, онъ сдѣлалъ монастырь изъ смѣющейся великолѣпной Флоренціи, онъ воздвигъ гоненіе на искусство, но это ни къ чему не повело. Савонарола не сумѣлъ спасти Флоренцію и погибъ, осмѣянный ею. Она страшно отмстила ему за очарованія, разрушенныя имъ, за напрасно поднятую имъ, по ея мнѣнію, тревогу.

Но тѣмъ не менѣе Савонарола погибъ не напрасно, и реформаторская дѣятельность его при всей своей ошибочности, гдубоко знаменательная въ свое время, осталась достопамятною и до сихъ поръ.

Безкорыстная, святая по побужденіямъ, но бесплодная, по видимому, дѣятельность Савонаролы, какъ реформатора Флоренціи, исходила изъ глубочайшей вѣры въ католицизмъ. Реформаторская дѣятельность Савонаролы противъ его воли вовлекла его въ борьбу съ папой, заставила его оправдать Гусса, и такимъ образомъ сдѣлала его предтечей Лютера.

Здѣсь мы остановимся въ нашихъ заключеніяхъ о замѣчательной личности Савонаролы. Мы предоставимъ яркимъ фактамъ его жизни говорить за него и за его время, бывшее роковымъ наканунѣ великаго вѣка Возрожденія.

Иеронимъ Савонарола родился 21 сентября 1452 г. въ Феррарѣ, куда предки его переѣхали изъ Падуи, по приглашенію маркиза Николы д'Эсть. Савонаролы славились въ свое время въ Падуѣ своими обширными свѣдѣніями въ медицинѣ. Особенно знаменитъ въ этомъ отношеніи былъ дѣдъ нашего Иеронима, Микель Савонарола. Иеронима тоже снѣзжала готовили во врачѣ, но онъ, рано пристрастившись къ метафизикѣ, скоро промѣнялъ медицину на Ѳому Аквинскаго. Съ дѣтства угрюмый и застѣн-

тивый, онъ сдѣлался даже мраченъ, достигши двадцати-лѣтняго возраста. Двадцати трехъ лѣтъ онъ бѣжалъ въ одинъ изъ доминиканскихъ монастырей въ Болоньи, откуда прислалъ письмо къ отцу, которое начиналось такъ:

«Я знаю, горько вамъ, что я васъ покинулъ, и еще горше ли васъ, что я бѣжалъ тайкомъ. Я пишу, чтобъ высказаться передъ вами, чтобъ дать понять вамъ, что я поступилъ не какъ лиза, какъ, вѣроятно, думаютъ многіе.

«Взгляните на мой поступокъ здраво, глазами мужа, а не слабой женщины. Обсудите строго, не долженъ ли я былъ бѣжать отъ міра, который исполненъ суеты, беззаконій и насилия, гордости и прелюбодѣянія, идолопоклонства и разбоя. Каждый день по нѣскольку разъ повторялъ я:

«*Neu! fuge crudeles terras! fuge littus avarum!*»

«Я не могъ долѣе выносить зрѣлища кипѣвшихъ вокругъ меня золъ; я видѣлъ повсюду добродѣтель пренебреженную, порокъ окруженный почетомъ. Быть свидѣтелемъ всего этого было для меня величайшей мукой. Вотъ почему каждый день молилъ я Господа, чтобы онъ помогъ мнѣ вырваться изъ этой тины....»

Здѣсь же приведемъ мы и то, что говорилъ Савонарола впоследствии въ одной изъ своихъ проповѣдей о причинахъ своего побѣга въ монастырь.

Вотъ слова его:

«Когда я былъ свѣтскимъ, я пошелъ для прогулки въ Фаенцу и по дорогѣ случайно зашелъ въ церковь одного августинскаго монастыря. Тамъ изъ устъ проповѣдника я услышалъ великое слово. Не повторю его теперь передъ вами, но оно запечатлѣлось въ моемъ сердцѣ. Спустя годъ, я убѣжалъ въ монастырь.»

Въ другомъ мѣстѣ Савонарола говоритъ про себя: «Смолу я ничего не любилъ, кромѣ свободы и покоя. Ради свободы я удалялся отъ женщинъ, ради покоя я убѣжалъ отъ міра въ монастырскую келью.»

Это признаніе Савонаролы интересно въ томъ отношеніи, что показываетъ насколько отразилось на немъ смолу настроеніе общее всей современной ему Италіи. Когда Савонарола бѣжалъ въ монастырь, вся Италія во имя той же жажды свободы и покоя бѣжала отъ нестерпимой дѣйствительности и затворалась или въ монастыряхъ, то въ своихъ дворцахъ,

мастерскихъ и библіотекахъ. Лозунгомъ всей тогдашней Ита-
ліи было то, что формулировалъ въ послѣдствіи великій Леонардо-
да Винчи въ своемъ: «Бѣги отъ буре!» и божественный Ра-
фаэль въ своихъ сіяющихъ мадоннахъ, писанныхъ въ дни раз-
грабленія Рима.

Савонарола недолго оставался въ доминиканскомъ монастырѣ
въ Болоньи. Въ 1482 г. онъ былъ проповѣдникомъ въ своемъ
родномъ городѣ, въ Феррарѣ. На сколько рады этому были
отецъ и мать его, на столько, если еще не больше, недоволенъ
былъ этимъ самъ онъ. Разъ отлучившись куда-то не на-долго
изъ Феррары, онъ такъ писалъ къ матери:

«Если я останусь навсегда въ Феррарѣ, вы согласитесь, что
я не буду имѣть такого успѣха, какъ въ какомъ нибудь дру-
гомъ городѣ. Чрезвычайно трудно, чтобъ слово монаха принес-
ло обильный плодъ въ мѣстѣ его рожденія. Не даромъ пове-
лѣваетъ писаніе оставить отечество. Пришелецъ скорѣй возбу-
дитъ къ себѣ вниманіе, нежели согражданинъ. Никто не про-
рокъ въ землѣ своей, сказалъ Спаситель, и онъ не былъ при-
знанъ своими соотечественниками. Когда я стану говорить въ
Феррарѣ тоже, что и въ другихъ городахъ, то, какъ сказали объ
Іисусѣ, когда онъ проповѣдывалъ: «и, да это сынъ плотника!»
— такъ скажутъ тогда и обо мнѣ: «Это тотъ Іеронимъ, что
сдѣлалъ то-то и то-то; да чѣмъ же онъ лучше насъ, вѣдь мы
знаемъ его!» И кто мнѣ повѣритъ, кто послушаетъ меня!

«Мнѣ ужъ говорили въ Феррарѣ, замѣтивъ, что я хожу изъ
города въ городъ: «Вѣрно васъ мало;» т. е. другими словами:
неужто пѣтъ способіе тебя?

«Внѣ моей родины я не только не слышу ничего подобнаго,
напротивъ, тамъ плачутъ мужчины и женщины, когда я ухожу.»

Вскорѣ венеціанцы стали угрожать Феррарѣ осадой. Мона-
ховъ доминиканскаго монастыря Santa Maria del Angello, на-
ходившагося въ стѣнахъ города, изъ предосторожности раз-
зослали по разнымъ городамъ. Савонаролу, бывшаго въ чис-
лѣ ихъ, послали во Флоренцію въ монастырь св. Марка,
и такимъ образомъ онъ навсегда оставилъ родной городъ.
Флоренція еще до появленія въ ней Савонаролы была уже
полна разсказами о немъ, какъ о человѣкѣ замѣчательной
учености и святости жизни, который чуть не чудеса творить
своими проповѣдями. Однакожъ, не смотря на это, проповѣдь
сказанная Савонаролою во Флоренціи, въ соборной церкви по-

пастыря св. Марка, произвела дурное впечатлѣніе на его новыхъ слушателей. Флорентинцамъ, художникамъ по крови, показался слабъ голосъ Савонаролы, тяжелъ образъ его выраженій, жесты его неумѣстны и неловки, и ни глубина его мысли, ни искренность и смѣлость его рѣчи не могли смягчить непріятности впечатлѣнія, которое произвелъ онъ на нихъ своими недостатками. Послѣ каждой проповѣди число его слушателей стало значительно убывать и дошло наконецъ до двадцати пяти. Савонарола, глядѣвшій на Флоренцію, какъ на столицу всемірнаго образованія и вкуса, былъ больше потрясенъ неуспѣхомъ въ ней, чѣмъ очарованъ славой, пріобрѣтенной имъ въ другихъ городахъ Италіи.

Въ 1486 г. раздраженный и близкій къ отчаянію Савонарола, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, вернулся въ Ломбардію, гдѣ оставался въ продолженіи четырехъ лѣтъ и гдѣ онъ насмотрѣлся на тѣ «странныя вещи,» которыя вдохновили его впоследствии на провозглашеніе реформы. Только тутъ онъ окончательно убѣдился, что «прелаты не только не пекутся объ ихъ нравствѣ, но еще болѣе развращаютъ ее своимъ дурнымъ примѣромъ: священники расточаютъ церковныя имущества, проповѣдники забавляютъ слушателей пустою болтовней, монахи позволяютъ себѣ всякое нечестіе, міряне не слушаются прелатовъ, отцы и матери не радятъ о воспитаніи дѣтей, государи угнѣтаютъ подданныхъ и сѣютъ между ними вражду; граждане и купцы думаютъ только о барышахъ, женщины объ нарядахъ, народъ о разбояхъ, солдаты о безчинствѣ и злодѣяніяхъ всякаго рода.»

Въ бытность свою въ Ломбардіи убѣдился Савонарола и въ томъ, что писалъ современникъ его Боцивьеппи:

«Всѣ думали, что міромъ управляетъ случай, или вліяніе свѣтилъ небесныхъ. Никто не вѣрилъ въ будущую жизнь. Всѣ отвергали религію и смѣялись надъ ней. Философы находили ее годной развѣ только для цѣлѣждъ и жепщицъ. Были такіе, которые не видѣли въ ней ничего, кромѣ лжи. Вся Италія, и въ особенности Флоренція, была погружена въ повѣріе... Даже женщины отвергали ученіе Христа и вмѣстѣ съ мужчинами возмущались къ идолопоклонству и всякимъ суевѣріямъ, предавались изученію астрологій и вѣрили, какъ въ откровеніе, въ слова древнихъ поэтовъ и философовъ.»

Будучи свидѣтелемъ всего этого, Савонарола, нетерпѣливый

и пылкій по натурѣ, твердый и неумолимо строгій въ своихъ убѣжденіяхъ, сталъ задумывать рѣшительно возстать на современное ему общество. Между тѣмъ, успѣвъ побѣдить въ себѣ недостатки, мѣшавшіе его успѣху во Флоренціи, онъ началъ пробовать свои силы. Успѣхъ его проповѣдей сталъ необычайный. Вся Ломбардія наполнилась легендами объ немъ.

Савонарола ожилъ и съ той поры открыто возвысилъ свой обличительный голосъ и началъ «возвѣщать гнѣвъ Божій!». Смущенная имъ Ломбардія, прозвала его пророкомъ и, какъ пророка, огласила его по всей Италіи. Тогда Савонарола получилъ приглашеніе отъ пріора монастыря св. Марка снова вернуться во Флоренцію. Въ 1490 г. онъ былъ уже въ ней.

Флорентинцы, хотя не безъ нѣкотораго предубѣжденія, толпами пошли въ церковь св. Марка слушать Савонаролу. Увидѣвъ человека, который весь былъ вдохновеніе, энергія и сила, они не узнали въ немъ прежняго Іеронима. Съ тѣхъ поръ не по двадцати пяти человекъ стало сходиться во Флоренцію на проповѣдь Савонаролы, а такія толпы, для которыхъ было тѣсно даже въ громадномъ соборѣ Santa Maria della Fiore. Каждый разъ, когда Савонарола говорилъ въ немъ проповѣдь, народъ не только наполнялъ самый соборъ, занимая въ немъ и окна и хоры, но толпился даже на площади вокругъ собора.

Очарованіе Савонаролы при видѣ всего этого скоро перешло въ глубокое смущеніе. Вниманіе къ нему стало *страшно* расти. Страшно для него въ томъ смыслѣ, что не прошло году послѣ того, какъ онъ вернулся во Флоренцію, а уже многіе въ ней считали себя оскорбленными имъ; уже стали порождаться вокругъ него партіи ярыхъ враговъ и самыхъ горячихъ защитниковъ. Стали подниматься споры за него; слышались восторженные похвалы съ одной стороны, съ другой насмѣшки, то ядовитыя и тонкія, то грубыя, смѣнявшіяся съ угрозами.

Все это дѣйствовало на Савонаролу тѣмъ болѣе, что онъ былъ еще слишкомъ неопытенъ. Онъ разбудилъ Флоренцію и испугался, сталъ раздумывать, повѣрять себя. Онъ сталъ удерживать свой смѣлый языкъ, и были минуты, когда, сомнѣваясь въ своей правотѣ, онъ думалъ даже вовсе замолчать.

Но это было съ нимъ не надолго. Позволяя себѣ до сихъ поръ только въ тѣсномъ кругу своихъ близкихъ къ нему пророчить напр. смерть Інокентіа VIII и Лаврентіа Медичи, или близкую революцію въ Флоренціи, онъ скоро громогласно

произнесъ свое знаменитое: *Gladius Domini super terram cito et velociter.*

Между тѣмъ Савонарола былъ выбранъ пріоромъ монастыря св. Марка. Съ посвященіемъ въ этотъ санъ онъ въ первый разъ столкнулся лицомъ къ лицу съ тѣмъ, кого уже такъ глубоко ненавидѣлъ, съ великолѣпнымъ Лаврентіемъ Медичи.

Монастырь св. Марка, почти смежный съ дворцомъ Медичи, издавна состоялъ подъ ихъ особеннымъ покровительствомъ. Лаврентій Медичи, по примѣру своихъ предковъ, держалъ себя въ немъ, какъ дома, гулялъ его садахъ, какъ въ своихъ. Въ монастырѣ существовалъ обычай, въ слѣдствіе котораго всѣ вновь избираемые его пріоры обязаны были въ знакъ признательности и уваженія ходить съ поклономъ къ старшему въ родѣ Медичи. Савонарола, сдѣлавшись пріоромъ, сначала показывалъ видъ, что не знаетъ этого обычая, но когда старѣйшіе изъ монаховъ стали говорить ему объ исполненіи обычая, какъ объ обязанности, то онъ спросилъ ихъ: по волѣ Божіей, или по приказанію Лаврентія Медичи я посвященъ въ мой санъ? — По волѣ Божіей... — Такъ дайте жъ мнѣ Богу, а не человѣку воздать и мое благодареніе.

Лаврентій Медичи, узнавъ объ этомъ, вышелъ изъ себя: — «Чужой монахъ, говорилъ онъ, пришелъ въ мой домъ, да еще не хочетъ и знать меня!»

Не много спустя, Лаврентій Медичи гулялъ въ монастырскомъ саду. Монахи, увидавъ его, опрометью кинулись дать знать Савонаролѣ и вмѣстѣ звать его къ высокому гостю.

— Онъ... звалъ меня? спросилъ Савонарола.

— Нѣтъ, но...

— А если нѣтъ, такъ пусть себѣ гуляетъ одинъ, сколько ему угодно.

Лаврентія Медичи стало изумлять и тревожить явное невниманіе къ нему Савонаролы. Онъ зналъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, который съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ большую и большую популярность; и онъ, которому улыбался цѣлый свѣтъ, сталъ заискивать въ Савонаролѣ. Онъ послалъ ему сначала богатые подарки. Савонарола не взялъ ихъ. Тогда великолѣпный Лаврентій взялъ другія мѣры. Онъ подослалъ къ Савонаролѣ пятерыхъ знатнѣйшихъ гражданъ, которые будто бы отъ лица цѣлой республики должны были просить его, во

нимъ сохраненія общественнаго спокойствія: смирить тотъ языкъ, которымъ возвѣщаетъ онъ слово Божіе.

Савонарола по личностямъ, изъ которыхъ состояла присланная къ нему депутація, тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло и проводилъ депутатовъ съ словами: «такъ вы не подосланы, говорите вы, а я повторяю, что подослапы. Идите и скажите Лаврентію Медичи, чтобъ онъ спѣшилъ покаяться въ грѣхахъ своихъ, потому что Богъ собирается карать его и его приверженцевъ.»

Потерявъ послѣ этого всякую надежду подѣйствовать лично на Савонаролу и расположить его къ себѣ, Лаврентій Медичи, раздраженный, задумалъ повредить ему въ общественномъ мнѣніи. Онъ вызвалъ во Флоренцію знаменитаго въ то время проповѣдника Маріанну Гиноццано, рассчитывая посредствомъ его отвлечь вниманіе отъ Савонаролы. Лаврентій Медичи не предполагалъ, что Флоренція, увлеченная Савонаролой, не пойдетъ даже вовсе слушать Гиноццано, а на дѣлѣ вышло такъ. Савонарола, поставленный злоумышленно въ параллель съ своимъ знаменитымъ противникомъ, еще болѣе выигралъ въ общественномъ мнѣніи. Съ этихъ поръ даже самъ Лаврентій положилъ оружіе и до самой могилы оставался пѣвымъ свидѣтелемъ необычайныхъ успѣховъ Савонаролы. Успѣхи Савонаролы и вліяніе его проповѣди въ самомъ дѣлѣ росли съ неимоверной быстротой: женщины мѣняли свои пышные наряды на дешевыя платья темныхъ цвѣтовъ, взяточники, ростовщики и картежники жертвовали на бѣдныхъ свои нечестно нажитыя богатства...

Между тѣмъ Лаврентій Медичи слегъ въ постель и больше не вставалъ съ нея. Съ каждымъ днемъ, приближавшимъ его къ смерти, грознѣе и величавѣе вставалъ передъ нимъ образъ Савонаролы, глубоко запавшій въ его душу. Голосъ Савонаролы, какъ Божій громъ, отдавался въ ушахъ его до послѣдней минуты и мучилъ его совѣсть.

Умирая, Лаврентій Медичи позвалъ Савонаролу и, исповѣдавшись ему, принялъ отъ него благословеніе.

Наслѣдникъ Лаврентія, Петръ Медичи, неистовый, тупой, ными глазами взглянулъ на Савонаролу. Едва вступивъ въ управленіе дѣлами республики, онъ обрушился на него съ запрещеніями и съ самыми наглыми угрозами. Дошло до того наконецъ, что Савонарола принужденъ былъ оставить Флоренцію, какъ ему ни было это горько и больно.

Въ 1493 году онъ былъ уже въ Болоннѣ, гдѣ сверхъ ожи-

данія встрѣтили его холодно. Впрочемъ это не помѣшало ему въ самое короткое время увлечь за собою всѣхъ отъ послѣдняго простолюдина до самаго Бендиволю, передъ которымъ Савонарола поставилъ себя на ту же погу, какъ и передъ Медичи во Флоренціи.

Много шуму надѣлалъ Савонарола въ Болоньи сценой, которую онъ сдѣлалъ женѣ Бендиволю. Однажды она съ блестящей свитой шумно вошла въ церковь, въ которой Савонарола говорилъ проповѣдь. Все вниманіе обратилось на нее, его перестали слушать и онъ принужденъ былъ наконецъ замолчать. Какъ ни было это обидно и больно для Савонаролы, но онъ ограничился на этотъ разъ только тѣмъ, что по окончаніи проповѣди попросилъ, чтобъ всѣ желающіе его слушать собирались немного раньше начала его проповѣди и ужъ никакъ не позже. Надменная принцесса поняла намекъ и на зло въ другой разъ еще параднѣе и еще съ большимъ шумомъ пришла къ самому концу проповѣди. Тогда Савонарола сдѣлалъ замѣчаніе ей самой. Когда принцесса и въ слѣдующій разъ повела себя также, то Савонарола встрѣтилъ ее восклицаніемъ:—«вотъ, вотъ онъ діаволъ, который приходитъ заглушать слово Божіе!»

Слушатели вмѣстѣ съ принцессой и ея свитой были поражены, какъ громомъ. Братья принцессы кинулись къ кафедрѣ, чтобъ убить Савонаролу, но, не смотря на свои обнаженные шпаги и на свою ярость, не осмѣлились подняться выше первыхъ ступеней лѣстницы, которая вела къ кафедрѣ. Въ тотъ же день двое наемныхъ убійцъ были подсланы въ монастырь, гдѣ жилъ Савонарола, но и тутъ цѣль не была достигнута.

Слѣдствіемъ всего этого было то, что Савонарола во все время своего пребыванія въ Болоньи, тосковавшій по Флоренціи, съ этихъ поръ сталъ рѣшительно собираться, во что бы то ни стало, вернуться въ нее. Во Флоренціи, кромѣ многихъ горячихъ симпатій къ нему, дорогъ былъ для него въ особенности монастырь св. Марка, въ которомъ онъ былъ пріоромъ. Его принудили оставить эту обитель въ то время, когда онъ, успѣвши пріобрѣсти въ ней всеобщее къ себѣ довѣріе, хотѣлъ, пользуясь правами своего сана, приступить къ реформамъ ея правъ и установленій. Дѣло это тѣмъ болѣе казалось для него важно, что изъ монастыря св. Марка онъ хотѣлъ сдѣлать жилой упрекъ всему католическому духовенству, развращенность

котораго онъ считалъ основною причиною упадка духа и нравовъ по цѣлой Италіи.

Савонарола, мучимый своими реформаторскими планами, еще неосуществленными, но успѣвшими овладѣть всѣмъ существомъ его, пошелъ пѣшкомъ во Флоренцію. Съ восторгомъ встрѣтила его обитель св. Марка, какъ свою знаменитость, какъ свою славу. Своего неумолимаго обличителя и безпощаднаго реформатора она еще не предчувствовала въ немъ. Между тѣмъ Савонарола скоро началъ говорить всенародно:

«Вотъ идетъ эта овца, эта женщина, этотъ ребенокъ, заблудшіеся въ грѣхахъ. Христосъ потерялъ ее. Еслибъ добрый пастырь нашелъ ее, онъ возвратилъ бы ее Христу. Худой же пастырь обольщаетъ ее, оправдываетъ, говоритъ ей: «я знаю, я вѣрю, что нельзя уберечься отъ грѣха и цѣлый вѣкъ прожить благочестиво.» Такъ мало по малу онъ привяжетъ къ себѣ овцу и заставитъ ее забыть Христа. — Брать! не берись за эти струны. — Я никого не называю и хочу сказать только правду. Худой пастырь прельщаетъ бѣдную овечку и до того кружитъ ей голову, что она становится безъ ума отъ него, а онъ доитъ ее и торгуетъ ея молокомъ. Всѣ города Италіи полны такихъ ужасовъ. Еслибъ вы знали все то, что я знаю! Отвратительныя вещи! Страшныя вещи! Вы содрогнулись бы! Когда я думаю обо всемъ этомъ, о той жизни, которую ведутъ священники, я не могу удержаться отъ слезъ.»

«О, прелаты! опоры церкви! о, владыки! взгляните на этого священника, который проходитъ мимо васъ раздѣшенный, завятой, разряженный. Войдите въ домъ его: вы найдете тамъ столько же серебра, какъ у вельможи; всюду ковры, бархаты и подушки. А сколько у него собакъ, муловъ, лошадей и прислуги! Такими ли пышнымъ вельможамъ растворять двери церкви Божіей? Алчность ихъ не насытна. Посмотрите, — въ церквахъ все дѣлается за деньги. Корыстолюбіе звонитъ въ колокола, колокола ссываютъ деньги, хлѣбъ и свѣчи. Изъ-за денегъ, ради пребены, священники ходятъ служить вечерни и обѣдни. Они не любятъ служить заутреню, въ которую не роздается пребены. Они продаютъ бенефиціи, торгуютъ таинствами, обрядами погребенія и вѣщанія. Они ничего не дѣлаютъ безъ денегъ... о, какъ великъ развратъ ихъ! цѣлые дни они бѣгаютъ по кумушкамъ, да болтаютъ съ любовницами. Не позволяйте дѣтямъ вашимъ оставаться наединѣ съ ними... Сколько разъ въ числѣ пѣвчихъ видѣли пере-

одѣтыхъ женщинъ, которыя подѣ видомъ мальчиковъ прислуживали въ алтаряхъ...»

Мы не будемъ распространяться о подробностяхъ того новаго устройства, которое съ извѣстной намъ цѣлью Савонарола скоро успѣлъ дать монастырю св. Марка.

Успѣлъ онъ въ этомъ конечно не легко, не безъ борьбы. Наживъ себѣ новыхъ враговъ, вызвавъ новыя угрозы и пасмѣшки, онъ тѣмъ не менѣе успѣлъ. Ему удалось даже, не смотря на открытое сопротивленіе властей духовныхъ и свѣтскихъ, изъ пріора монастыря св. Марка сдѣлаться генералъ-викаріемъ новой конгрегаціи доминиканскихъ монастырей, для которой св. Маркъ сталъ центромъ. Съ достиженіемъ этого онъ значительно расширилъ кругъ своей дѣятельности и упрочилъ независимость своего положенія.

Чтобъ короче и яснѣе показать степень вліянія Савонаролы на новую подвѣдомственную ему конгрегацію и въ особенности на монастырь св. Марка, какъ на центръ ея — мы приведемъ небольшой отрывокъ изъ Бурламаки, который былъ современникомъ Савонаролы.

«Они (монахи и послушники св. Марка), говоритъ Бурламаки, уходили куда нибудь въ окрестности монастыря, выбирая при этомъ самое глухое и безлюдное мѣсто. Тамъ, отслуживъ обѣдню, они мирно бесѣдовали о божественныхъ предметахъ. Потомъ, пообѣдавъ и отдохнувши немного, они собирались около отца Іеронима, который всегда былъ съ ними, и жадно слушали его толкованіе на какое нибудь мѣсто изъ священнаго писанія; потомъ они гуляли, или садились гдѣ нибудь подѣ тѣнью. Онъ предлагалъ имъ разные вопросы, или заставлялъ пѣть хвалу Господу, или рассказывать поочередно житія святыхъ. Иногда онъ напѣвалъ какой нибудь псаломъ и заставлялъ ихъ хороводомъ плясать подѣ свой напѣвъ... Однажды, проходя мимо смоковницы, онъ парѣзалъ отростковъ отъ нея и надѣлалъ изъ ихъ сердцевинъ съ большимъ искусствомъ голубей, которыхъ раздарилъ своимъ спутникамъ, прося ихъ при этомъ каждого объяснить ему свойства голубя. Вступивъ съ ними въ бесѣду по этому поводу, онъ объяснилъ имъ духовное значеніе голубя... Иногда одинъ изъ нихъ, представляя собой младенца Іисуса, будто неожиданно, приходилъ къ нимъ и всѣ съ благоговѣніемъ усаживались вокругъ него и открывали ему сердца свои, и каждый просилъ у него чего нибудь или

для себя или для ближнихъ... Часто такимъ же образомъ являлась передъ ними Пресвятая Дѣва, которую они звали своей матушкой... Милыя дѣти, сказалъ имъ однажды отецъ, пусть каждый изъ васъ сдѣлаетъ мнѣ по два вопроса: одинъ объ адѣ, другой о раѣ...»

Во всемъ этомъ видѣнъ Савонарола со всѣми своими крайностями, со всѣми свѣтлыми и наивными сторонами своей души. Здѣсь не виденъ въ немъ только тотъ угрюмый и мрачный Савонарола, какимъ часто былъ онъ въ своей кельѣ. Тамъ, вертя постоянно въ рукахъ маленькій черепъ изъ слоновой кости, онъ чаще всего предавался размышленію о смерти.

О смерти начинали задумываться вмѣстѣ съ Савонаролой чуть не всѣ передовые люди Италіи. Въ числѣ ихъ былъ Микель Анджело, который одно время забывалъ искусство для изученія анатоміи, и Христофоръ Колумбъ, который, вѣруя въ близкій конецъ міра, торопился поднять паруса, «покуда бездна не поглотила оба берега.»

Между тѣмъ интриги не переставали преслѣдовать Савонаролу. Зачавшись во Флоренціи, гдѣ не было недостатка въ недовольныхъ Савонаролою, онъ началъ распространяться по всей Италіи и дошли до Рима. Въ Римѣ стали ходить по рукамъ проповѣди Савонаролы, будто бы записанныя съ его словъ, а между тѣмъ или искаженныя вставками, наполненными самыхъ оскорбительныхъ выраженій противъ папы, или пересочиненныя, или совершенно подложныя. Тѣмъ не менѣе эти проповѣди, дойдя до папы, хотя не скоро и не на долго, встревожили его. Папой былъ знаменитый своими пороками и преступленіями Александръ VI. Во всемъ наглый, самоувѣренный и безпечный, онъ пренебрегъ бы дерзкими проповѣдями, принадлежавшими будто бы *какому-то* Савонаролѣ; но ему не давали покоя, безъ усталости жужжа ему о Савонаролѣ, какъ о вредномъ и слишкомъ опасномъ для него человѣкѣ. Онъ вынужденъ былъ взять какія нибудь мѣры противъ Савонаролы въ угоду приближеннымъ, которые именемъ этого монаха стали наконецъ смущать его классическія оргіи. Онъ позвалъ къ себѣ одного приближеннаго патера и поручилъ ему писать *что нибудь* въ обвиненіе и обвиненіе Савонаролы. Монахъ отказался и даже позволилъ себѣ добавить:—«я не сдѣлаю опровергнуть совершенно законныхъ обвиненій—доказать, что симонія, наложничество, кровосмѣшеніе не грѣхи, или не преступленія.»

Александръ VI не смутился и тутъ же рѣшилъ послать Савонарола кардинальскую шапку, какъ лучшее средство заставить замолчать Иеронима.

Савонарола, увѣдомленный обо всемъ изъ Рима, при встрѣчѣ съ папскими послами, привезшими ему папскую милость, едва могъ сдержать чувство своего оскорбленнаго достоинства. Онъ не взялъ кардинальской шапки и вмѣсто отвѣта пригласилъ пословъ присутствовать на проповѣди своей на слѣдующій день. Въ этотъ день Савонарола въ первый разъ и съ смѣлостью, презошедшей даже клеветы враговъ его, всенародно обрушился на развращенность папы и двора его и заключилъ свою проповѣдь словами: «я не хочу никакого вѣща кромѣ мученическаго, облитого моею собственною кровью.»

Только съ этихъ поръ Савонарола почувалъ силу враговъ и, удавъ противъ себя королей и герцоговъ, кардиналовъ и прелатовъ, Флоренцію и Римъ, Миланъ и Венецію, въ лицѣ ихъ правительствъ, священниковъ, монаховъ и вельможъ, понялъ необходимость защищаться. Слишкомъ гордый, чтобъ спизойти до просьбы о помощи, онъ нашелъ самъ въ себѣ защиту. Онъ зналъ средство, которымъ чуть не чудеса удавалось творить ему въ разныхъ городахъ Италіи, но которымъ онъ пользовался еще только вполонину. Средство это—была угроза, болѣе или менѣе всегда и вездѣ дѣйствующая на человѣческую природу. Къ тому же Савонарола, воспитавшійся на пророкахъ Ветхаго Завета, облакалъ свои угрозы въ формы пророческихъ, вдохновенныхъ Богомъ. Савонарола не ошибся, средство это дало ему страшную силу надъ мистической, впечатлительной Италіей.

Савонарола, дѣлая до сихъ поръ все сгоряча, идя ко всему на проломъ, началъ рассчитывать. Вмѣстѣ съ прежней возторженностью онъ явилъ въ высокой мѣрѣ замѣчательный практическій смыслъ и ловкость, чтобы не сказать хитрость, столь свойственную вообще итальянцу.

Скоро по всей италіи разнесся голосъ Савонаролы, который говорилъ:

«О, Италія! о, Римъ! я призову людей, которые сотрутъ васъ съ лица земли. Они придутъ голодые и ярые, какъ львы. За ними вслѣдъ я призову чуму, отъ которой никто не убѣжитъ. Смерть будетъ повсюду. Дома будутъ полны мертвыми и могильщики начнутъ ходить по улицамъ съ крикомъ: выносите мертвыхъ! Горы тѣмъ будутъ повсюду, тѣлами завалять

рвы и рѣки. По улицамъ ничего не будетъ слышно, кромѣ крика: мертвыхъ! У кого есть мертвые, выносите за ворота! Выйдутъ за ворота семьи и, отдавая трупы, скажутъ: вотъ мой сынъ, мой братъ, мой мужъ. Мало останется живыхъ, травой заростутъ улицы, лѣсами покроются дороги и варвары наводняютъ италію... о, Римъ! покайся! покайтесь Венеція, Миланъ!»

Надобно было случиться, чтобы въ это самое время Карлъ VIII съ пятидесяти тысячной арміей показался на сѣѣговыхъ вершинахъ Альпъ. Это заставило замолчать на время самыхъ ярыхъ враговъ Савонаролы. Между тѣмъ Карлъ VIII совершенно неожиданно для Флоренціи сталъ наступать и на ея владѣнія. Народъ началъ волноваться, обвиняя громко Петра Медичи, который изъ упрямства и своекорыстныхъ видѣвъ нарушилъ старинныя дружественныя отношенія между республикой и Франціей, предпочтя союзъ съ королемъ неаполитанскимъ союзу съ Карломъ VIII. Савонарола, стоя гордо въ сторонѣ отъ всеобщаго ужаса и движенія, съ невозмутимой твердостью говорилъ:

«Вспомните, еще два года тому назадъ, я говорилъ вамъ: *Gladius Domini, super terram cito et velociter*. Не я, Богъ пророчилъ вамъ тогда эти бѣдствія, которыя пришли теперь и рушатся на васъ. Вспомните, — я и тогда говорилъ вамъ: *Naec dixit Dominus*; вы не хотѣли вѣрить. Теперь вы приуждены повѣрить, потому что убѣдились.»

Волненіе во Флоренціи усилилось; между тѣмъ тяжелые шаги Карла VIII становились слышны ближе и ближе. Каждая минута, проживаемая Флоренціей въ страхѣ ожиданія, дѣлала Петра Медичи ненавистнѣе и ненавистнѣе для нея.

— Еслибъ не онъ, стало громко раздаваться во Флоренціи, Франція никогда бы не нарушила своихъ дружественныхъ отношеній съ нами; еслибъ не онъ, пророчество Савонаролы сбылось бы надъ всей Италіей, кромѣ Флоренціи.

Трусливый Петръ Медичи, считая жизнь свою въ опасности, во главѣ посольства отъ лица цѣлой республики поторопился отправиться къ Карлу VIII, чтобы оправдаться передъ нимъ и во чтобы то ни стало загладить свою наглую заносчивость.

Карлъ VIII встрѣтилъ его презрительно и согласился на миръ только на самыхъ постыдныхъ для Флоренціи условіяхъ... Петръ Медичи втайнѣ отъ посольства, бывшаго съ нимъ, не только согласился на нихъ, но еще кромѣ того обязался заставить флорентинцевъ выплатить Карлу VIII 200,000 дукатовъ.

Едва дошли слухи объ этомъ до Флоренціи, какъ народъ ударилъ въ набѣгъ и со всѣхъ концовъ кипуче къ дворцу Медичи. Стража, приставленная къ нему, едва могла отстоять его отъ разграбленія и пожара. Напрасно кардиналъ Іоаннъ Медичи скакалъ по улицамъ Флоренціи съ крикомъ: *Palle! Palle!* и герстями кидаль деньги въ народъ. Ему и всѣмъ сторошникамъ Медичи, равно какъ и самому Петру, только что вернувшемуся отъ Карла VIII, не оставалось ничего кромѣ бѣгства, и притомъ немедленнаго. Народъ жегъ и грабилъ дома приверженцевъ Медичи, кидался на нихъ самихъ, преслѣдовалъ ихъ, бѣгущихъ по улицамъ.

Во время этихъ неистовыхъ дѣйствій мгновенно вспыхнувшей революціи, Савонарола, врагъ всякаго террора, ушелъ на задній планъ. Вождемъ возстанія былъ Францискъ Валори, одинъ изъ знатнѣйшихъ флорентинцевъ, бывшій прежде на сторонѣ Медичи, но подпавшійся теперь противъ нихъ въ слѣдствіе ихъ паглой низости, для которой онъ не могъ найти ни малѣйшаго оправданія въ благородной душѣ своей. Фигура этого старика съ сѣдыми кудрями до плечъ величаво поднималась надъ толпой; онъ разбѣжалъ на бѣломъ конѣ, и по его голосу, какъ лисъ по вѣтру, носился бушующій народъ.

Не стало Медичи во Флоренціи, потухли пожары, зажженные грозой революціи, и заботы о водвореніи новаго порядка стали необходимы. Между тѣмъ вопросы: что дѣлать? какъ дѣлать? не находили себѣ положительнаго отвѣта среди общества, неожиданно предоставленнаго самому себѣ и отвыкшаго отъ всякаго дѣла въ продолженіи долгаго, ядовитаго въ своей неосознанности, пышнаго и лукаваго деспотизма Медичи.

Между тѣмъ Флоренція должна была спѣшить устроиваться, потому что ей нужно было еще время, чтобъ приготовиться къ защитѣ. Флоренція знала, что съ изгнаніемъ Медичи она уничтожила послѣдній оплотъ отъ нашествія Карла VIII. Среди трудностей такого роковаго положенія Флоренція обратилась за совѣтомъ и помощію къ всемогущему тогда на ея глаза Савонаролу. Савонарола не ожидалъ, смутился, однако по настоянію цѣлой республики принужденъ былъ отправиться во главѣ посольства къ Карлу VIII, который былъ тогда уже въ Пизѣ, съ цѣлью расположить его въ пользу республики. Савонарола смутился еще болѣе, когда очутился посреди блеска королевскаго двора и сказалъ Карлу реторическую рѣчь, которую тотъ

выслушалъ безъ всякаго вниманія. Посольство, а съ нимъ вѣстѣ и Савонарола, вернулось, не успѣвъ ни въ чемъ. Флоренція не обвинила посольство и еще менѣе Савонаролу, готовность котораго служить ей она оцѣнила высоко. Тѣмъ не менѣе Савонарола былъ недоволенъ собою.

Вскорѣ, вечеромъ 17-го ноября 1494 г., совершился торжественный въѣздъ Карла VIII во Флоренцію. Флорентинцы встрѣтили Карла безъ малѣйшихъ признаковъ враждебности. Знатнѣйшіе изъ нихъ несли надъ нимъ золотой балдахинъ отъ самыхъ воротъ San-Friano до дворца Медичи in via larga, который былъ приготовленъ для принятія его. Народъ привѣтствовалъ его, духовенство въ торжественной процессіи вышло къ нему и запѣло гимнъ. Карлъ VIII между тѣмъ въѣхалъ во Флоренцію въ латахъ, съ коньемъ въ рукѣ, что означало по тогдашнему, что онъ въѣхалъ, какъ завоеватель.

Густыя колонны войскъ, тянувшіяся за нимъ, запрудили узкія улицы Флоренціи и покрыли ихъ лѣсомъ своихъ копій.

Войска Карла VIII, не смотря на встрѣчу сдѣланную имъ, въ смущеніи шли по Флоренціи. Ея узкія улицы съ высокими и мрачными домами, зубчатыми стѣнами и башнями по сторонамъ казались имъ рвами, унизанными безконечными рядами крѣпостей.

Самая встрѣча, сдѣланная имъ флорентинцами, казалась имъ зловѣщей; они знали, что приходится имѣть дѣло съ героями едва оконченнаго переворота. Такое же впечатлѣніе сдѣлала Флоренція и на самаго Карла VIII. На другой же день по прибытіи своемъ онъ пачалъ переговоры съ флорентинской синьоріей о мирѣ; но тѣмъ не менѣе условія, предложенныя имъ, были заносчивы и тяжки. Синьорія отвергла ихъ. Онъ далъ другія, болѣе умѣренныя; но получилъ и въ нихъ отказъ. Тогда, выйдя изъ терпѣнія, Карлъ вскричалъ въ полномъ собраніи синьоріи:

— Хорошо,—такъ я велю затрубить въ трубы!

— А мы зазвонимъ въ колокола, отозвался вдругъ одинъ изъ членовъ синьоріи—Піетро Каппони, который съ эггими словами вырвалъ изъ рукъ королевскаго секретаря читаемый имъ ультиматумъ, изорвалъ его и вышелъ изъ собранія.

Такая манифестація страшно подѣйствовала на безхарактернаго и трусливаго въ душѣ Карла VIII. Въ тотъ же день почти подъ диктовку того же Піетро Каппони были установлены

самыя умѣренныя условія, которыя тотчасъ же единогласно были приняты и подписаны синьоріей. Оставалось только подписать ихъ Карлу, чтобъ вслѣдъ за этимъ вывести и войска свои изъ Флоренціи. Карлъ медлилъ. Тревожное положеніе между страхомъ и надеждою становилось со дня на день невыносимѣе для Флоренціи. Чтобъ ускорить желаемую развязку, она снова прибѣгла къ посредничеству своего чрезвычайнаго посла—Савонаролы, котораго упросили снова стать за нее передъ Карломъ.

Этотъ второй шагъ Савонаролы на дипломатическомъ поприщѣ не только удался ему гораздо болѣе перваго, но увѣнчался политѣйшимъ успѣхомъ. Убѣжденіемъ и угрозой Савонарола достигъ до того, что Карлъ при немъ же подписалъ мирный договоръ и черезъ день выступилъ изъ Флоренціи.

День выступленія Карла VIII изъ Флоренціи былъ роковымъ днемъ для Савонаролы. Провозглашенный отцемъ, спасителемъ Флоренціи, онъ съ этихъ поръ сталъ необходимъ для нея, она чувствовала, что неспособна шагу сдѣлать безъ него ни для упроченія своего освобожденія, ни въ пользу новаго порядка. Между тѣмъ Савонарола, по своей натурѣ и по тому положенію, которое дало ему общественное мнѣніе, еще болѣе давалъ поводъ рассчитывать на себя. Онъ зналъ, что финансы Флоренціи истощены, что голодный, задавленный народъ ея бѣдствуетъ, что во главѣ ея правительства стоятъ корыстные и сластолюбивые люди стараго порядка, только изъ боязни не подающіе голоса за восстановленіе Медичи, но всѣми силами старающіеся наслѣдовать ихъ права. Зная все это, Савонарола возвысилъ свой голосъ и прежде всего за народъ, до котораго никому, казалось, не было дѣла. Въ соборѣ Santa Maria, въ проповѣдяхъ своихъ, онъ всенародно, съ обычной энергіей, сталъ говорить о необходимости облегчить налоги на низшіе классы, устроить сборъ милостыни для бѣдныхъ, на пополненіе котораго въ случаѣ нужды начекавить монету изъ золотой и серебряной церковной утвари.

Ободрился народъ, услышавъ за себя такой значительный голосъ. Съ этихъ поръ смѣлѣе сталъ онъ роптать на бездѣйствіе верховнаго совѣта, который былъ учрежденъ синьоріей будто бы по соглашенію съ народомъ для удовлетворенія настоятельныхъ общественныхъ нуждъ.

Съ этихъ поръ и синьорія, робкая въ своей злопамѣренности, стала еще перѣшительнѣе. Она знала, что воля Савона-

ролы готова перейти не только въ волю, но и въ неотразимое требованіе народа. Савонарола же съ своей стороны громче и громче дѣлалъ свои заявленія, какъ въ пользу народа, такъ и вообще въ пользу того новаго порядка, который необходимо было установить по его мнѣнію. Онъ сталъ открыто наставлять на существенномъ измѣненіи финансоваго устройства республики, на дарованіи избирательныхъ правъ народу, который, по его мнѣнію, «болѣе способенъ отгадывать личности, достойныя его довѣрія, чѣмъ самъ управлять собою.» По больше всего Савонарола сталъ убѣждать Флоренцію перестать быть равнодушной къ судьбамъ своимъ, забыть старую вражду, простить старыя обиды и употребить всѣ свои силы на то, чтобъ сдѣлать невозможнымъ возвратъ какой бы то ни было тираніи надъ собою.

Голосъ, призывавшій ко всему этому, сталъ ненавистенъ для синьоріи, по тѣмъ не менѣе ни заглушить его, ни пренебречь имъ было нельзя, тѣмъ болѣе, что въ ряды самой синьоріи вошли люди съ громадной популярностью и съ безконечной симпатіею къ стремленіямъ, высказаннымъ Савонаролою, какъ напр. Садерини и Францискъ Вадори, прозванный современниками Катономъ и сдѣлавшій уже такъ много для революціи и народа. Пренебречь Савонаролой нельзя было особѣнно потому, что пойти противъ него значило бы пойти противъ цѣлаго народа, который весь былъ въ его волѣ. Между тѣмъ время и безъ того было смутное. «Еслибъ не проповѣди Савонаролы, говорилъ Виволи, рѣки крови текли бы по улицамъ города. Только онъ силой своего слова смиралъ глубокія негодованія и не давалъ разразиться имъ неистовымъ мщеніемъ.»

Синьорія, отчаявшись въ возможности вернуть Медичи, или самой наслѣдовать quasi самодержавныя права ихъ, начала искать сближенія съ Савонаролою. Она пригласила его въ свой совѣтъ, думая тѣмъ и польстить ему и вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ дѣлѣ выслушать его мнѣніе. Савонарола отказался явиться передъ совѣтомъ, а предложилъ синьоріи собираться въ соборѣ Santa Maria del Fiore, гдѣ обѣщалъ всенародно со всѣми подробностями повторить все, сказанное имъ въ разное время, касательно общественныхъ нуждъ, средствъ къ достиженію новаго порядка и формъ, необходимыхъ для него. Въ назначенный для этого день вся Флоренція сошлась въ соборѣ Santa Maria del Fiore.

«О, Флоренція, воскликнулъ Савонарола въ началѣ роковой

проповѣди этого дня, все таки я не выскажу тебѣ всего, что чувствую; я знаю, что ты не повѣришь. О, еслибъ ты могла заглянуть въ грудь мою, ты увидала бы, что эта грудь похожа на сосудъ, крѣпко закупоренный, изъ котораго напрасно хочешь вырваться заключенное въ немъ вино. О, Флоренція! если ты не вѣрила мнѣ прежде, повѣрь хоть сегодня; если же ты вѣрила, то сегодня повѣрь больше, чѣмъ когда нибудь. Не смотри на то, что я бѣдный монахъ, я дѣйствую по откровенію Божію. Богомъ вдохновенно слово мое къ тебѣ.»

Теперь намъ слѣдовало бы приступить къ изложенію подробностей того новаго порядка и образа правленія, который былъ провозглашенъ Савонаролою и вслѣдъ за нимъ установленъ во Флоренціи, но мы взглянемъ на него только съ тѣхъ характеристическихъ сторонъ, которыя необходимы для уясненія и оцѣнки дѣятельности Савонаролы.

Образъ правленія, установленный во Флоренціи буквально по слову Савонаролы, не могъ быть состоятеленъ уже потому, что Савонарола не имѣлъ никакихъ твердыхъ политическихъ убѣжденій. Онъ наравнѣ со всѣми богословами среднихъ вѣковъ признавалъ божественность единодержавія, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ невозможность не дать такому пылкому народу, — каковъ флорентинскій, значительнаго участія въ правленіи. Онъ говорилъ, что при равенствѣ всюду будетъ хаосъ, что «степени установлены Богомъ для разнообразія, красоты и совершенствованія вселенной,» а между тѣмъ былъ противъ различія богатыхъ и бѣдныхъ. Онъ вмѣстѣ съ другими замѣчательнѣйшими современниками считалъ Венецію за идеалъ республики и проповѣдывалъ пачада совершенно противоположныя терроризму, системѣ устрашенія, которая составляла главную основу прочности, покоя и силы Венеціи въ продолженіи слишкомъ 1000 лѣтъ. Взывая о правосудіи, онъ проповѣдывалъ милосердіе и прощеніе.

Савонарола, давъ Флоренціи политическое устройство, основанное на такихъ смѣшанныхъ началахъ, завершилъ его провозглашеніемъ Иисуса Христа королемъ Флоренціи.

«Флоренція, воскликнулъ Савонарола, Богъ даетъ тебѣ короля, который будетъ управлять тобою. Этотъ король—Христосъ. *Ego autem constitutus sum rex*, говоритъ псаломъ. Флоренція, самъ Господь хочетъ управлять тобою! Согласна-ли ты? О, не сопротивляйся ему. Вспомни, когда еврейскій народъ сталъ просить

царя у Самуила, Богъ сказалъ Самуилу: Дай имъ царя, если они не хотятъ мнѣ повиноваться. Они возстаютъ не на тебя, но на меня. Флоренція не послѣдуй и ты тому же. Признай Христа своимъ королемъ и покорись его законамъ.»

Народъ принялъ это съ необычайнымъ энтузіазмомъ.

Дальше куда было идти Савонаролѣ съ его нравственно-религіознымъ возрѣніемъ по пути политической реформы, и едва онъ остановился, всѣ противорѣчія, оставленные имъ позади, настигли его разомъ. Едва онъ далъ Флоренціи перевести духъ послѣ тѣхъ утопическихъ опытовъ надъ ней, которые, идя *crescendo*, довели его наконецъ до признанія Христа королемъ своимъ, какъ она покрыла его упреками и переполнилась ропотомъ. Савонаролѣ довольно было услышать нѣсколько основательныхъ обвиненій, чтобъ прійти въ раздражительное состояніе и сдѣлаться чувствительнымъ къ самымъ живымъ и цѣльнымъ.

Его обвиняли напримѣръ въ демагогизмѣ, въ корыстолюбіи, въ стремленіи захватить власть въ свои руки; и онъ выбивался изъ силъ, чтобъ оправдаться.

Когда Савонаролу стали упрекать и духовные, и свѣтскіе за то, что онъ, монахъ, вмѣшался въ политику, онъ отвѣчалъ такъ:

«Вы говорите, зачѣмъ я вмѣшался въ дѣла республики? Знаете ли зачѣмъ? Затѣмъ, что я видѣлъ, что корабль могъ разбиться о подводные камни. Еслибъ не я, вы были бы уже теперь на днѣ бездны. Вотъ что я могу сказать въ отвѣтъ на злобные нападки. Искренно же недоумѣвающимъ я скажу: я поступилъ такъ потому, что у васъ не доставало мужества громко сказать правду совѣту; наконецъ потому, что я предвижу, если эта реформа утвердится, то принесетъ богатые духовные плоды.»

Отстаивая свою политическую реформу, Савонарола говорилъ, что новое устройство имѣетъ уже то преимущество предъ старымъ, что способно совершенствоваться, что на сколько то болѣе и болѣе поработало, на столько это будетъ освобождать болѣе и болѣе. «Я избралъ этотъ порядокъ, говорилъ онъ, чтобъ избѣгнуть худшаго.»

Савонарола, раздражаемый все болѣе и болѣе своими противниками, началъ наконецъ такъ обращаться къ нимъ:

«Вы, которые толкуете, что невозможно жить при новомъ

порядкѣ, скажите, какому же вы отдаете преимущество? Не тому ли, который мы ниспровергли? Онъ былъ чудовищемъ, онъ походилъ на льва по головѣ, на медвѣдя по лапамъ, на собаку по остальнымъ частямъ своимъ... Я повторяю вамъ, старый образъ правленія былъ чудовищемъ. Голова его была львиная; левъ хочетъ быть первымъ между звѣрями; его медвѣжьи лапы—жадные руки нѣкоторыхъ вельможъ, которыя приросли къ головѣ и поддерживали ее, чтобъ воровать умѣ и безопаснѣ; собачьи частями въ этомъ чудовищѣ были тѣ слуги, которые лаяли около своего господина и, ползая у ногъ его, визжали: мнѣ того, мнѣ этого...

«Вы ставите въ укоръ, что мы еще не совершенно свободны, но, хотите ли, и каждому изъ золъ настоящаго я противопоставлю тысячи величайшихъ золъ, предшествовавшихъ ему. Не было правосудія, казнь растрчивалась правительствомъ, чиновники приносили живую присягу, дѣвушки не выходили вовсе замужъ...»

Враги Савонаролы тѣмъ не менѣе не умолкали и онъ все болѣе и болѣе выходилъ изъ себя. Будучи въ душѣ врагомъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, онъ дошелъ до того, что однажды воскликнулъ:

«Чего вы смотрите, синьоры Восемь...? Обнажайте шпаги, забудьте всякую пощаду. Издайте декретъ, что всякій, кто дурно отзовется о правительствѣ, заплатитъ 50 дукатовъ, *quia est crimen laese maiestatis*. Я сказалъ вамъ, что Христосъ правитъ Флоренціей; врагъ правительства,—противникъ Христа. До революціи никто не смѣлъ рта открыть, а теперь когда во сто разъ приличнѣе молчать — всѣ поднялись и кричатъ. Заткните рты недовольнымъ, или Богъ накажетъ васъ... по уху того, кто ропщетъ...»

Савонарола, отставивъ такъ отчаянно свою политическую реформу, въ тоже время припужденъ былъ, хотя съ большей самоувѣренностью, отстаивать мѣры, взятые имъ, для нравственно-религіознаго перевоспитанія Флоренціи. Изъ этихъ мѣръ само возмутительною показалась флорентинцамъ *тираннія мальчиковъ*, установленная надъ ними Савонаролою.

Савонарола, давно съ успѣхомъ обращая пышную и шумную Флоренцію въ монастырь, видя наконецъ, что на улицахъ и площадяхъ ея вмѣсто вакхическихъ гимновъ поютъ обѣдни, что церковныя процессіи и торжества отвлекаютъ народъ отъ зрѣ-

лицъ, что въ монастырь бѣгутъ жены отъ мужей, дѣти отъ отцовъ, постятся самые обжорливые вельможи, и церкви наполняются кающимися,—не только не успокоился, но, ободренный всѣмъ этимъ, сталъ стараться какъ можно дальше и невозвратнѣ увлечь за собою Флоренцію. Покончивъ съ настоящимъ въ лицѣ отцевъ и матерей, измѣнившихъ свой образъ жизни, Савонарола задумалъ наложить смиряющую руку и на будущее, для чего взялся съ особенной ревностью за молодыхъ поколѣнія.

Юноши и дѣти скоро стали при встрѣчѣ съ нимъ пѣть ему: *Lumen revolutionem gentium et gloriam plebis tuae Israël*, и звать его свѣтомъ истинны.

Савонарола, одаренный пламенной, но кроткой душой, еще съ начала своей дѣятельности казался симпатичнѣе для юношей, нежели для взрослыхъ, не смотря на свое суровое ученіе. Посвятивъ же себя съ этихъ поръ преимущественно пазидацію не только юношей, но и дѣтей въ полномъ смыслѣ, онъ вскружилъ окончательно головы и тѣмъ и другимъ. Вскорѣ изъ мальчиковъ отъ 10 до 20 лѣтъ Савонарола сдѣлалъ стражу своего дѣла. Онъ организовалъ изъ нихъ священный легионъ подъ своимъ предводительствомъ.

Каждымъ пяти мальчикамъ изъ этого легиона, подъ начальствомъ старшаго изъ нихъ, онъ поручилъ по одному кварталу для наблюденія за исполненіемъ проповѣданныхъ имъ правилъ. Между мальчиками были: *pacieri*, наблюдавшіе за тишиной на улицахъ и въ церквахъ; *correttori*—родъ судей, обязанныхъ дѣлать братскія внушенія *тѣмъ, кто этого стоитъ*, не различая ни возрастовъ, ни званій; *limosinieri*, сборщики милостыни для нищихъ; *lustratori*—обязанные заботиться о содержаніи въ чистотѣ церковной утвари, иконъ и прочихъ предметовъ, заслуживающихъ общественнаго уваженія; наконецъ инквизиторы, которыхъ обязанностью было ходить по городу, преслѣдуя игроковъ и богохульниковъ, вырывать изъ рукъ, у кого бы ни нашли, карты, игральныя кости, даже отнимать у игроковъ деньги и отдавать ихъ нищимъ. Власть этихъ инквизиторовъ простиралась даже на дѣвицъ и женщинъ. Имъ вмѣнялось также въ обязанность ходить по домамъ и тамъ обирать карты, арфы, флейты, духи, зеркала, маски, *скверныя* книги, какъ напр. Декамеронъ, и прочія *орудія разврата*.

Понятно, что это показалось уже слишкомъ, даже съ точки

зрѣнія большинства увлеченныхъ Савонаролою. Савонарола всею силой своего убѣжденія не могъ оградить мальчиковъ отъ побоевъ и брани.

«Дѣти встали на отцевъ», злобно восклицали враги Савонаролы.

Савонарола не смущался, тѣмъ болѣе, что негодованіе, возбуждаемое мальчиками-инквизиторами, значительно умѣрилось пользою, приписомою страшно возраставшему классу нищенствующихъ мальчиками-сборщиками милостыни.

Изъ огромнаго сбора, сдѣланнаго *limosinieri*, по настоянію Савонаролы была учреждена ссудная касса, изъ которой давались деньги займы нуждающимся за самый ничтожный процентъ, необходимый для жалованья очень малому числу чиновниковъ, производившихъ выдачу. Савонарола предлагалъ даже, чтобъ и этотъ процентъ выплачивался изъ общественныхъ суммъ, чтобъ ссуда давалась совершенно даромъ, но не успѣлъ въ этомъ. Граждане, видя очевидную пользу, приписомую ихъ подданнымъ, удвоили его и скоро необходимость заставила учредить еще двѣ вспомогательныя кассы. Недовольны учрежденіемъ этихъ кассъ были одни жиды процентщики, которые предлагали было республикѣ 20,000 флориновъ за уничтоженіе ихъ.

Между тѣмъ противъ Савонаролы и *плакальщиковъ* (*piagnoni*), какъ въ насмѣшку прозвали его приверженцевъ враги его, открыто встала значительная партія *ярыхъ* (*aggrabiati*), большинство которыхъ состояло изъ знати, ожесточенной на Савонаролу за его гоненіе на роскошь, пиры и наряды. Къ партіи *ярыхъ* примыкали еще *тиепиди* (*tiedes*), какъ заклеивалъ Савонарола купцевъ, озлобленныхъ на него за его нападки на ихъ барышничество и за ущербъ, причиненный ихъ торговлѣ уменьшеніемъ въ значительной мѣрѣ мотовства и пышности во Флоренціи. *Aggrabiati* и *тиепиди*, все еще нерѣшаясь вести открытой борьбы съ Савонаролою во Флоренціи, продолжали общими силами тайно дѣйствовать на папу, который наконецъ, снова подстрекаемый ихъ агентами, послалъ грамоту Савонаролѣ, въ которой предписывалъ ему оставить Флоренцію. Савонарола, показывая видъ, что нисколько не намѣренъ противиться этому, сказалъ даже во всеуслышаніе: «пора, я кончилъ свое дѣло,» и назначилъ день, въ который хотѣлъ проститься съ своей обычной аудиторіей.

Народъ между тѣмъ взволновался и въ день, назначенный

Савонаролою для прощанія съ Флоренціей, сталъ угрожать возстапіемъ, если правительство открыто не воспротивится исполненію папской грамоты.

Боязливое и слабое правительство не осмѣлилось пойти противъ воли народа и принуждено было ходатайствовать объ отміну папской грамоты, отзывавшей Савонаролу изъ Флоренціи, которую только что успѣли выхлопотать. Но это не привело въ отчаяніе ярыхъ, а только ожесточило ихъ.

Между тѣмъ, по настоянію Савонаролы, избраніе членовъ синьоріи, бывшее до этихъ поръ въ рукахъ 20 ассорриаторі, было предоставлено народу. Поводомъ къ этому послужило распространившееся подозрѣніе въ участіи нѣкоторыхъ изъ числа синьоріи и ассорриаторі въ заговорѣ въ пользу Медичи.

Тогда *arrabiati*, зная давно съ какимъ безпокойствомъ слѣдитъ за всѣмъ, происходящимъ во Флоренціи, миланскій герцогъ Людовикъ Сфорца, обратились къ нему съ жалобой на Савонаролу, какъ на демагога. Людовикъ, найдя ихъ негодованія и опасенія вполне справедливыми, взялъ ихъ сторону и написалъ къ папѣ, прося его заставить замолчать виновника смутъ, потрясающихъ Флоренцію и угрожающихъ охватить всю Италію. Папа, не желая отказать Людовику, но боясь еще болѣе раздражить Савонаролу, ограничился тѣмъ, что послалъ къ Савонаролѣ письмо, исполненное похвалъ и любезностей, въ которомъ приглашалъ его одного въ Римъ, чтобъ оправдаться отъ взведенныхъ на него клеветъ.

Савонарола однако не довѣрился громкимъ фразамъ этого письма и изъ боязни, попавши въ Римъ, не вернутся больше во Флоренцію, отвѣчалъ папѣ тоже письмомъ, въ которомъ съ смиреніемъ извинялся, что не можетъ тотчасъ исполнить желанія его святѣйшества по причинѣ своего разстроеннаго здоровья и «потому, что Флоренція слишкомъ беспокойна, а между тѣмъ правительство ея еще такъ слабо, что для поддержанія себя и общественнаго порядка нуждается въ моихъ совѣтахъ». Савонарола не стѣсняясь прибавить ко всему этому, что опъ не отправляется наконецъ въ Римъ изъ боязни быть убитымъ на дорогѣ. Для повѣрки же своихъ убѣжденій Савонарола обращалъ папу къ своему сочиненію: *Compendium revelationum*, которое только что вышло изъ печати.

Безхарактерный папа не намѣренъ былъ вовсе настаивать, но, подстрекаемый врагами Савонаролы, вскорѣ съ угрозою повто-

рилъ ему повелѣніе отправиться въ Римъ. Когда Савонарола снова отказался, папа издалъ новую грамоту, въ которой предложилъ Савонаролѣ на выборъ или отправиться немедленно въ Римъ и оправдаться, или перестать проповѣдывать, подѣ страхомъ быть отлученнымъ отъ церкви вмѣстѣ со всей Флоренціей. Савонарола, рѣшительно отказавшись отправиться въ Римъ, замолчалъ однако, изъ боязни подвергнуть въ самомъ дѣлѣ отлученію цѣлую Флоренцію. Но въ тоже время, чтобъ не дать Флоренціи забыться, свернуть на старое, Савонарола поставилъ на мѣсто себя проповѣдникомъ въ монастырѣ св. Марка и въ соборѣ Santa Maria del Fiore одного изъ своихъ лучшихъ друзей, Доминика Буоновичини, монаха необычайно строгой жизни, но ограниченнаго ума, и еще большаго мистика и фанатика, чѣмъ самъ Савонарола.

Между тѣмъ наступило время карнавала, который уже съ прошлаго года (1495) стараніями Савонаролы окончательно пересталъ быть вакхически пышнымъ соперникомъ знаменитыхъ римскихъ и венеціанскихъ карнаваловъ. Еще въ 1494 г. молитвенныя и религіозныя процессіи начинали смѣнять только что возобновленные Лаврентіемъ Медичи старые карнавальныя обряды, слѣдуя которымъ, въ дни карнавала, носились по городу юноши въ пышныхъ колесницахъ со свитой позади, иногда изъ 300 и болѣе всадниковъ, въ великолѣпныхъ костюмахъ и въ маскахъ; устраивались пиры на площадяхъ при свѣтѣ факеловъ; всюду гремѣла музыка, раздавались вакхическіе клики, всюду были сладострастные танцы, зрѣлища, шумъ и блескъ... Молодежь изъ просто народа, раздѣлившись на шайки, занимала всѣ входы на площади съ палками въ рукахъ и не пропускала ни одной богато одѣтой дамы безъ особой платы, называемой *bevevagio*, по нашему: на водку. Изъ этой платы подѣ конецъ карнавала составлялась значительная сумма, на которую народъ, раздѣлившись по кварталамъ, справлялъ свое прощанье съ карнаваломъ. Каждый кварталъ въ послѣдній день карнавала сажалъ у себя дерево, разукрашенное лентами, и, отпировавъ вокругъ него, сжигалъ его при цѣловыхъ кликахъ и пляскахъ. Кварталы соперничали между собою въ пышности этого послѣднago карнавальнаго пира, который часто кончался кровавыми схватками; соперники иногда вспоминали свою старую политическую вражду, тогда и старики и юноши смѣшивались въ ожесточенномъ бою; группы устилали мѣсто прерванной оргіи, жен-

щины съ крикомъ спасали дѣтей... Въмѣсто всего этого вдругъ торжественная религіозная процессія въ послѣдній день карнавала, какъ это было въ 1496 г.

Между тѣмъ новая синьорія, вступившая въ управленіе дѣлами республики и состоявшая большею частію изъ приверженцевъ Савонаролы, исходатайствовала о снятіи съ него папскаго запрещенія. Такимъ образомъ Савонарола, съ началомъ поста снова вошелъ на кафедру, къ необычайному восторгу его друзей и къ величайшей досадѣ его враговъ. Въ этотъ постъ Савонарола началъ свои знаменитыя проповѣди на пророчества Амоса и съ этой поры громче, чѣмъ когда нибудь, подняли свой голосъ *tierpidi*, называя Савонаролу сумасбродомъ, который заставляетъ вѣрить въ свои глупые сны; они закричали, что его ученіе грозитъ довести торговлю до совершеннаго упадка, народъ до ханжества и лѣни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и до нищеты.

Савонарола, не пропуская ни одного упрека мимо ушей, отвѣчалъ и на это: «Вы говорите, воскликнулъ онъ, что я проповѣдую праздность. Подите, посмотрите, кто работаетъ; не тѣ ли, которые послѣдовали за мною? Вы укоряете меня, что я обманываю народъ и проповѣдую ему праздность. Вы худо поняли меня: проповѣдывалъ прямо противное и здѣсь, и повсюду, и народу, моимъ братьямъ. Подите, посмотрите, говорю я вамъ, кто работаетъ.—Бѣдный народъ! эти люди обманываютъ тебя. Именно—я-то и хочу, чтобы трудились. Безъ меня многіе бы изъ тѣхъ сложили руки, которые такъ самоотверженно были преданы дѣлу въ недавнее тяжелое время. Я указываю на это для того, чтобы обличить всю наглость вашей клеветы.»

Тѣмъ не менѣе борьба *aggrabiati* и *tierpidi* съ Савонаролою начала принимать такіе размѣры, что завязывались рукопашныя схватки между его противниками и приверженцами. Скоро дѣло стало доходить до того, что послѣдніе нашли неоходимымъ къ Савонаролѣ, какъ къ своему вождю, приставить стражу, которая сопровождала бы его всюду внѣ монастырскихъ стѣнъ. Савонарола будто ничего не замѣчалъ. Когда нѣкоторые изъ друзей его стали убѣждать его быть осторожнѣе и даже перестать проповѣдывать на нѣкоторое время, не могу жить, не проповѣдуя», сказалъ онъ имъ въ отвѣтъ. «Если вамъ прійдется быть свидѣтелями моей казни и моего изгнанія, сказалъ онъ имъ въ другой разъ, не смущайтесь, оставайтесь тверды въ истинѣ, вспомните, что тѣ, которые прѣ-

повѣдывали прежде меня, кончили тѣмъ же, что и они были гонимы и преданы казни. Побѣда останется за нами, но она будетъ стоить намъ многой крови. Учитесь умирать.»

Савонарола, не колеблясь, продолжалъ свои громовыя проповѣди на пророчества Амоса. Зная, что не миновать ему папскаго интердикта, онъ говорилъ всенародно: «Пишите въ Римъ, если хотите, но не прибавляйте ничего отъ себя. Я объявляю, что если папа, основываясь на клеветѣ фарисеевъ, запретить мнѣ снова проповѣдывать, то я съ умысломъ не послушаюсь его. Такъ и пишите.»

Aggriati на самомъ дѣлѣ не преминули передать это папѣ, но на этотъ разъ усилія окружающихъ не могли пробудить Александра VI отъ сладострастнаго сна. Враги Савонаролы начали доходить до отчаянія, какъ вдругъ они узнали, что *riagnoni* начинаютъ колебаться и ропщутъ на Савонаролу — за то, что онъ сдѣлалъ изъ нихъ посмѣшище для цѣлой Италіи, тему для пасквилей и каррикатуръ даже во Флоренціи.

Ни *aggriati*, ни *tierpidi*, просіявшіе при этомъ, не думали, что только нѣсколько горячихъ, съ достоинствомъ сказанныхъ словъ со стороны Савонаролы, и *riagnoni* снова, не помня себя отъ восторга, пойдутъ за нимъ по улицамъ въ многочисленной процессіи, въ которой считалось до восьми тысячъ однихъ дѣтей. Старцы шли въ бѣлыхъ одеждахъ съ вѣтвями въ рукахъ, съ гирляндами на головахъ и, сплетаясь въ хоробы со юношами и дѣтьми, плясали на площадяхъ подъ звуки священныя гимновъ, изъ которыхъ нѣкоторые написаны были къ этому дню извѣстнымъ въ то время поэтомъ Иеронимомъ Бенивьени..

Напрасно *tierpidi* громче прежняго начинали смѣяться надъ *riagnoni*, они не только не колебались снова, но Савонарола довелъ ихъ до того, что открыто сказалъ имъ, что онъ заставить ихъ дѣлать еще болѣе странныя вещи, что «позволительно иногда изъ любви къ Богу забывать свою степенность: Давидъ въ бѣлой одеждѣ плясалъ около ковчега и призывалъ къ тому же и другихъ, а между тѣмъ Давидъ былъ и великій царь и великій пророкъ. Вамъ смѣшны эти вещи, потому что вы не читали св. писанія. Илія, когда пошелъ дождь, началъ скакать и прыгать передъ паремъ, а онъ тоже былъ пророкъ. Но я вамъ скажу примѣръ еще сильнѣе, я укажу вамъ на самого Спасителя. Прочтите въ третьей главѣ св. Марка: *Exierunt sui tene-re eum, dicebant enim quoniam in furorem versus est.*—Не лико-

вали ли апостолы, когда Духъ святой сошелъ на нихъ. Присутствовавшіе говорили объ нихъ : Quoniam musto pleni sunt isti.... Погодите, я заставлю когда нибудь стариковъ и старухъ плясать вокругъ креста и самъ примусь плясать вмѣстѣ съ ними.»

Бѣснующіеся отъ неудачъ, aggraviati возводили между тѣмъ клевету за клеветой на Савонаролу. Они старались изо всѣхъ силъ поколебать довѣріе къ нему народа, которымъ онъ былъ такъ *страшно* силенъ. Они пришли въ восторгъ, когда вдругъ получилась во Флоренціи неожиданно даже для нихъ папская булла, въ силу которой монастырь св. Марка и вся конгрегация, надъ которой Савонарола былъ генераль-викаріемъ, отходила изъ его вѣдѣнія въ вѣдѣніе римскаго провинціала. Савонарола никогда не чувствовалъ себя такъ больно задѣтымъ и никто не думалъ, что у него достанетъ духу и тутъ послушаться папы.

Между тѣмъ Савонарола въ отчаяніи ничего не могъ лучшаго придумать, какъ удержать за собой старыя права. Конгрегация не только не воспротивилась, но стала умолять его не покидать ее. Савонарола, раненный такъ глубоко, не ослабъ и не затихъ, напротивъ, онъ застоналъ на цѣлую Италію. Вотъ отрывокъ изъ проповѣди его, вызванной этимъ событіемъ: «....Я повторяю вамъ, Богъ прогнѣвался... Ангелы на колѣняхъ говорятъ ему: рази! рази! Праведные рыдаютъ и вопіютъ: помоги намъ! Вдовы и нищія кричатъ: мы голодны, намъ нечѣмъ жить.... Церковь говоритъ Христу: Ты умеръ напрасно!

«Небо объявило войну; святые патроны Италіи, ангелы вооружаютъ варваровъ, они зовутъ ихъ, они сѣдлаютъ коней. Господь сказалъ варварамъ: Италія истерзана враждою, идите въ нее, она будетъ ваша... И самъ Господь идетъ съ легіонами святыхъ, готовыхъ къ бою... Куда идутъ они? Св. Петръ проходитъ съ словами: въ Римъ! въ Римъ! И св. Павелъ, св. Григорій идутъ, повторяя: въ Римъ! За войною вслѣдъ идутъ чума и голодъ. Св. Іоаннъ, св. Антоній кричатъ: скорѣй, скорѣй во Флоренцію. Св. Антоній: скорѣй въ Ломбардію! Св. Маркъ: туда, туда, въ тотъ городъ, что поднялся надъ водами. Святые патроны Италіи идутъ каждый въ свой городъ, чтобъ карать; св. Бенедиктъ въ свои монастыри, св. Доминикъ въ свои; св. Францискъ къ своимъ братьямъ. И всѣ ангелы и всѣ силы небесныя съ мечами идутъ на войну...

«....Страшныя времена! смертоносныя времена! Горе тѣмъ, кто доживетъ до нихъ! Сидутъ огонь и бури и будутъ плачь и вопль повсюду. Италия, ты увидишь все въ смятеніи: и небо и Бога.»

Таковы были послѣднія слова Савонаролы въ 1496 г.

1497 г. начинался, повидимому, при благоприятныхъ условіяхъ для Савонаролы. Синьорія на этотъ годъ составила изъ *riagnoni* съ извѣстнымъ уже намъ Францискомъ Валари во главѣ. Савонарола, ободренный этимъ, забылъ про угрожающаго напу и далъ полную волю своему религіозному фанатизму. Еще въ 1494 г. онъ говорилъ: «Вы, чьи дома полны всякой суетою, картинами, неблагопристойными вещами, скверными книгами, какъ *Morgante* и другія противныя вѣрѣ, несите все это ко мнѣ на всесоженіе, на жертву во славу Божію.» Но тогда Флоренція оставалась глуха къ этому воззванію; и самъ Савонарола, еще не имѣя довольно силы, не настаивалъ.

Въ 1497 г., послѣ трехлѣтняго подвижничества *инквизиторовъ*, въ его распоряженіи уже находилось множество *непристойныхъ вещей*, и ему оставалось только назначить день для преданія торжественному всесоженію эту «анафему». Для этого онъ выбралъ послѣдній день карнавала, наканунѣ котораго на площади синьоріи, по его повелѣнію, былъ сложенъ громадный костеръ, имѣвшій форму пирамиды, основаніе которой составляли маски, накладныя бороды, костюмы; выше шелъ рядъ книгъ, тутъ были: Гораций, *Morgante*, Боккачіо, Петрарка; надъ ними женскіе уборы и наряды, помада, духи, зеркала, букли и косы; потомъ музыкальные инструменты разныхъ родовъ, игральныя кости, триктракъ, карты; наконецъ, выше всего картины, портреты женщинъ, статуи и бюсты.

Одинъ венеціанскій купецъ, увидавъ эту груду цѣнныхъ вещей, осужденныхъ на соженіе, предложилъ за нее синьоріи 20,000 экю. Синьорія, состоявшая изъ *riagnoni*, не только не согласилась на его предложеніе, но, наругавшись надъ нимъ, велѣла снять съ него тотчасъ же портретъ, который поставила вмѣстѣ съ другими на костеръ. Когда зажгли костеръ, *riagnoni*, стоявшіе до того въ торжественной процессіи вокругъ, запѣли священныя гимны и начали плясать и прыгать въ священномъ восторгѣ.

Между тѣмъ въ Римѣ Фра Маріанна Гиноццано говорилъ перъ папой рѣчь, направленную противъ Савонаролы, которая

начиналась возгласомъ : Abscinde, abscinde hoc monstrum ab Ecclesia Dei, Beatissime Pater !

Въ тоже самое время во Флоренціи шайка гулякъ собиралась подложить пороху подъ кафедру, съ которой долженъ былъ говорить Савонарола, чтобъ взорвать ее вмѣстѣ съ нимъ. Когда боязнъ нанести взрывомъ много вреда и церкви и народу помѣшала привести это въ исполненіе, та же шайка, склонивъ на свою сторону причетниковъ церкви, поставила на ту же кафедру чучело съ ослиной головой; но и это не могло произвести никакого эффекта : нѣсколько *riagnoni*, вошедшихъ въ церковь, до начала обѣдни, тотчасъ убрали чучело и долго не говорили о видѣнномъ ими не только Савонаролѣ, но даже своимъ друзьямъ.

Весельчаки тѣмъ не менѣе не отказались отъ своихъ продѣлокъ; нѣсколько дней спустя, одинъ изъ нихъ, Францискъ Чей, отлежавши ночью одинъ изъ ящиковъ, прибитыхъ въ разныхъ концахъ города для сбора подаяній, взлѣзъ съ нимъ на крышу церкви, въ которой Савонарола говорилъ проповѣдь, и въ самомъ началѣ его проповѣди опрокинулъ ящикъ, такъ что большое количество денегъ, находившееся въ ящикѣ, съ страшнымъ шумомъ и стукомъ покатилося по желѣзной крышѣ церкви. Смутились *riagnoni*, бывшіе въ церкви, а *aggrabiati* подняли хохотъ, крикъ и свистъ; большая часть *riagnoni* кинулась бѣжать, боясь, чтобъ не дошло до схватки. Пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, двое изъ членовъ совѣта Восьми, Бартоломей Гіуньо и Юліанъ Маццини кинулись было къ ступенямъ кафедры, чтобъ согнать съ нея Савонаролу, но толпа загородила имъ дорогу и вскорѣ, выгнавъ всѣхъ виновниковъ безпорядка, снова столпилась было слушать Савонаролу. Но у него захватило духъ, онъ упалъ на колѣни, прочелъ молитву, благословилъ народъ и вышелъ изъ церкви. Улица Кокомеро, по которой обыкновенно ходилъ Савонарола изъ собора къ монастырю св. Марка, была на этотъ разъ затоплена народомъ; *riagnoni*, съ оружіемъ въ рукахъ, принуждены были защищать Савонаролу, на котораго со всѣхъ сторонъ кидались разъяренные враги, осыпая его бранью и насмѣшками. Францискъ Чей остался ненаказаннымъ; синьорія снова была составлена изъ людей враждебныхъ Савонаролѣ.

Въ свою очередь проповѣдь, сказанная въ Римѣ Фра Маріанною Гиноццано, сдѣлала сильное впечатлѣніе на папу, который и безъ того, пробужденный отъ оргій убійствомъ, совершившимся въ его семьѣ, былъ въ состояніи ярости и бѣшен-

ства. Въ такомъ состояніи ему довольно было напомнить только имя Савонаролы, чтобъ онъ готовъ былъ не только на него, но за него и на всю Флоренцію и Тоскану обрушиться всѣми своими свѣтскими и духовными громами.

Савонорола скоро получилъ увѣдомленіе изъ Рима, что его ждетъ отлученіе отъ церкви. Онъ оробѣлъ. Убитый опасеніемъ прослыть врагомъ церкви и папы, какъ главы ея, онъ готовъ былъ въ первые минуты проклясть всю свою дѣятельность. Въ смущеніи онъ сталъ припоминать и повѣрять все, сказанное имъ до сихъ поръ. Незаслуженность отлученія не успокоивала его. Онъ не выдержалъ и прежде полученія папской буллы написалъ къ папѣ письмо, гдѣ, прибѣгая къ разнымъ уловкамъ, старался смягчить папу, и оправдывался и заперался передъ нимъ.

Diagnoni пришли въ отчаяніе, узнавъ о поведеніи Савонаролы передъ папой; *agabiatì*, напротивъ были какъ нельзя болѣе довольны ходомъ дѣла. Булла объ отлученіи Савонаролы еще не была издана, а они уже копіи съ нея вмѣстѣ съ каррикатами и насмѣлками на Савонаролу наклеивали по всей Флоренціи, даже по стѣнамъ монастыря св. Марка. Ругательныя, анонимныя письма каждый день безъ счету приходили къ Савонаролѣ.

Савонарола ко всеобщему удивленію вдругъ не стало вовсе слышно; онъ заперся въ своей кельѣ, изъ которой его не вызвала даже чума, открывшаяся во Флоренціи. Бѣдный, голодный народъ, за недостаткомъ хлѣба, еще съ прошедшаго года съ цѣлой Тосканы страшно приливавшій во Флоренцію, напрасно надѣясь найти въ ней неистощимые запасы, сталъ умирать на площадяхъ и улицахъ, стонать и падать у церковныхъ крылецъ...

Едва окончилась чума, страшно, но не болѣе двухъ мѣсяцевъ свирѣпствовавшая во Флоренціи, открытъ былъ заговоръ въ пользу Петра Медичи.

Раздраженный народъ сталъ требовать казни пяти главныхъ заговорщиковъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ. Совѣтъ Восьми отказывался отъ обязанности произнести судъ и предоставлялъ разбирательство дѣла особой комисіи, которая также колебалась. Синьорія всего больше хлопотала, чтобъ потушить дѣло.

Всѣ, даже подсудимые, ждали голоса Савонаролы; Савонарола

молчалъ, волнуемый то страхомъ, то надеждою, ожидая со дня на день или буллы объ отлученіи, или прощенія папы.

Коммисія, вынужденная покориться волѣ народа, начинавшаго наконецъ угрожать возстаніемъ, произнесла надъ пятью мучениками, какъ называли подсудимыхъ приверженцы Медичи, — смертный приговоръ. Подсудимые оперлись на амнистію, провозглашенную такъ недавно Савонаролою, и воспользовались правомъ, даннымъ осужденнымъ по его настоянію, апеллировать на приговоры синьоріи и совѣта Восьми. Генеральный советъ, обязанный принимать такого рода апелляции, угрожаемый народомъ, не принялъ ихъ отъ осужденныхъ. Савонарола молчалъ. Заговорщики были казнены. Тогда враги Савонаролы подняли страшный ропотъ на него; они укоряли его за то, что будто бы онъ, спасая свою популярность, погубилъ пять жизней, что онъ отрекся отъ своей обязанности отстаивать законъ, имъ самимъ внушенный, потому что онъ долженъ былъ спасти его враговъ.

Гдѣжь правосудіе! гдѣжь помилованіе враговъ! гдѣжь все то, что онъ такъ горячо проповѣдывалъ! кричали повсюду агглатіи и, зная что папа на сторонѣ Петра Медичи, постыжились выставить передъ нимъ единственнаго виновника казни приверженцевъ Медичи — Савонаролу; съ этихъ поръ участь Савонары была рѣшена. Булла объ отлученіи была издана.

Савонарола, пораженный ею, какъ громомъ, еще разъ попытался смягчить папу и снова написалъ къ нему письмо, исполненное безконечнаго смиренія. Въ этомъ письмѣ Савонарола дошелъ до того, что заключилъ его словами: «Да удостоитъ, ваше святѣйшество, благосклонно принять наши оправданія и увѣренія въ томъ, что мы нисколько не подвижны духомъ непокорности»...

Это письмо Савонаролы было самымъ печальнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ плодомъ его страха. Едва нѣсколько дней прожилъ Савонарола, какъ отлученный, — ему стало стыдно своего смущенія; горячая кровь его заговорила въ немъ снова.

Между тѣмъ синьорія 1498 г., составившись вновь изъ отявленныхъ *piagnoni*, воспользовалась всею своею властью, чтобы, наперекоръ папѣ, вызвать Савонаролу снова на кафедру. Она изумилась, когда это оказалось вовсе не такъ трудно, какъ она думала, такъ что стоило только заикнуться объ этомъ пе-

редъ Савонаролой, чтобъ черезъ нѣсколько дней онъ уже говорилъ въ соборѣ S. Maria del Togo, при необыкновенномъ стеченіи народа, громовую проповѣдь, въ которой сказано было между прочимъ: «Вы думаете, что меня пугаетъ Римъ? Нѣтъ, я не боюсь его, я встану противъ него, какъ противъ язычника.... *Идетъ иной намѣстникъ въ Римъ.*»

Савонарола съ этихъ поръ пересталъ учить народъ своими проповѣдями и всею своею силою обрушился не столько противъ личности папы, какъ прежде, сколько вообще противъ его власти. Ободраемый рукоплесканіями толпы, наполнявшей соборъ, онъ сталъ отрицать и непогрѣшительность папы, и то, что *papa omnia potest*.

«Эти отлученія, сталъ говорить онъ всепародно, нынче очень дешевы, и всякій за четыре ливра можетъ отлучить кого ему угодно. За деньги съ радостью отлучать всякаго. Папа торгуетъ отлученіями».

Въ Римѣ, наконецъ, начали носиться слухи, что Флоренція будетъ разрушена. Между тѣмъ насталъ послѣдній день карнавала и Савонарола, отслуживъ торжественную обѣдню въ церкви Св. Марка, въ великолѣпной процессіи, пройдя сначала по главнымъ улицамъ города, два раза перейдя Арно, разъ по мосту Троицы, другой по Старому мосту, вышелъ, наконецъ, на площадь синьоріи, гдѣ, какъ и въ прошломъ году, въ этотъ день былъ воздвигнутъ пирамидальный костеръ изъ предметовъ роскоши и забавъ, собранныхъ со всей Флоренціи и перемѣшанныхъ съ картинами и статуями величайшихъ мастеровъ.

Когда Савонарола съ процессіей подошелъ къ этой «анафемѣ», ударили въ колокола, заиграли въ трубы, синьорія вышла на балконъ дворца, и подъ звуки *Te Deum*, напѣваемого едва не цѣлой Флоренціей, костеръ былъ зажженъ. Тогда *riagnoni* поставили крестъ на одномъ концѣ площади и, составивъ вокругъ его три концентрическихъ круга: одинъ изъ дѣтей, другой изъ молодежи свѣтской и духовной и третій изъ священниковъ и старцевъ, съ оливковыми вѣнками на головахъ, запѣли гимны, сочиненные нарочно для этого поэтомъ Иеронимомъ Бенивьени, и предались духовной вакханаліи. У Савонаролы при видѣ всего этого занялся духъ отъ восторга и въ мгновеніи, пережитыя имъ тогда, онъ не боялся ни враговъ, ни папы, чтобъ ни готовили они ему—гоненіе или казнь.

Полный впечатлѣнія этого дня, Савонарола не смутился, ког-

да вскорѣ узналъ, что флорентинское правительство получило предписаніе отъ папы немедленно схватить Савонаролу и съ надежной стражей отправить въ Римъ.

Въ самый день полученія этой буллы Савонарола сказалъ все-народно съ кафедры:

«Изъ Рима получена булла, не правда ли? Я называю тамъ *filius perditionis*. Вотъ какъ надо отвѣчать на это: «у того, котораго вы такъ клеймите, нѣтъ ни любимцевъ, ни наложницъ; онъ ревнуетъ объ одной вѣрѣ Христовой. Его духовныя жены и дѣти всѣ тѣ, которые слѣдуютъ его ученію и не проводятъ время въ безстыдныхъ наслажденіяхъ. Вы разрушаете церковь Христову, а онъ хочетъ ее возвысить... Я слышалъ, что синьорія собирается отвѣчать папѣ. Напрасно, это будетъ слишкомъ великодушно и снисходительно съ ея стороны, и слишкомъ много чести для Рима. Оставьте мнѣ отвѣчать: я загремлю надъ ними, я заставлю ихъ опомниться. Пора сломать замокъ у этого ларца, я отворю его и страхъ сколько зловоній вылетѣтъ изъ этого Рима на весь христіанскій міръ. Не будетъ ни одного, кого бы не обдали эти зловонія, и всѣ кинутся уничтожать ихъ, чтобъ не задохнуться»...

Синьорія, не осмѣлившись, изъ боязни взволновать народъ, во всей строгости исполнить надъ Савонаролой волю папы, послала къ папѣ оправдательное письмо, въ которомъ старалась растолковать ему, что Савонарола — это цѣлый народъ и что схватить Савонаролу значить поднять знамя революціи.

Въ отвѣтъ на это неумолимый Александръ VI писалъ синьоріи: «отвѣчайте мнѣ не словами, а дѣломъ». Папа не предчувствовалъ того, что въ тоже время Савонарола слалъ письма ко всѣмъ европейскимъ государямъ съ цѣлью убѣдить ихъ въ необходимости созвать соборъ для низложенія папы, какъ не только недостойнаго наследовать престолъ Св. Петра, но какъ человека, недостойнаго даже имени христіанина.

Неописанно было бѣшенство папы, когда одно изъ этихъ писемъ, именно-посланное Савонаролою французскому королю и перехваченное герцогомъ миланскимъ, — было доставлено ему. Въ первомъ порывѣ гнѣва папа однако же не нашелся ничего сдѣлать кромѣ того, что грозно повторилъ флорентинской синьоріи, чтобы Савонарола немедленно былъ присланъ въ Римъ.

Савонарола написалъ по этому поводу къ папѣ, но уже безъ прежняго смиренія, хотя и безъ оскорбительныхъ выраженій,

спокойнымъ тономъ гордаго сознанія достоинства,—что онъ не заслуживаетъ гоненій и докажетъ истину своего ученія не только всѣми естественными, но и сверхъестественными способами, которые убѣдятъ даже самыхъ грубыхъ. Въ заключеніе письма Савонарола прибавилъ, что между прочимъ онъ не проситъ ни о помилованіи, ни о пощадѣ.

Синьорія тотчасъ по полученіи папской буллы собрала чрезвычайный совѣтъ, и послѣ долгихъ преній не осмѣлилась и на этотъ разъ повиноваться папѣ и ограничилась только тѣмъ, что послала депутацію къ Савонаролѣ, прося его не проповѣдывать. Савонарола изъ боязни, но уже не за себя, а чтобы въ самомъ дѣлѣ не поплатилась за него Флоренція и цѣлая Тоскана, умолкъ.

Едва умолкъ Савонарола, какъ на всю Флоренцію раздался голосъ иного проповѣдника, французскаго монаха Франчески *de Puglia*, давно присланнаго папой во Флоренцію по приказу *agtabiati*.

Ничтожный, даже въ своей дерзости, голосъ папскаго агента, заглушаемый до сихъ поръ громовыми проповѣдями Савонарола, сталъ теперь не только привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе, но даже волновать, особенно когда Франческо однажды воскликнулъ: «если онъ (Савонарола) святой, пусть онъ взойдетъ со мною на пылающій костеръ; знаю, что я сгорю, но я увѣренъ, что сгоритъ и онъ; я охотно пожертвую собой, чтобъ освободить церковь отъ такого страшнаго ересіарха.»

Флоренція не только не пропустила этого мимо ушей, но съ восторгомъ ухватилась за мысль Франчески и, немного спустя, уже неотступно требовала костра и звала на него Савонаролу.

Большинство народа, состоявшее изъ *piagnoni*, настаивало на этомъ въ ожиданіи чуда, которое безъ сомнѣнія сотворитъ Савонарола въ оправданіе себя и во славу ихъ, какъ его приверженцевъ.

Народъ вспомнилъ, какъ Савонарола не разъ вызывался взойти въ любой склепъ съ однимъ изъ францисканскихъ монаховъ, если только всѣ согласятся признать того изъ нихъ правымъ, кто воскреситъ мертваго. Народъ вспомнилъ и то, какъ Савонарола въ первый день 1498 г. въ порывѣ отчаянія и гнѣва грозилъ взойти съ Св. дарами въ рукахъ на возвышенное мѣсто

и отсюда призвать небесный огонь на гѣтъ, которые откажутся ему вѣрить.

Свѣжо было въ памяти народа и обѣщаніе, данное Савонаролою въ письмѣ къ папѣ: доказать истину своего ученія всѣмъ естественнымъ и *сверхъестественнымъ*.

Народъ сталъ звать Савонаролу на костеръ не изъ недовѣрія къ нему, а для того, чтобъ окончательно побѣдить папу и всѣхъ враговъ.

Иначе думалъ самъ Савонарола, иное впечатлѣніе сдѣлалъ роковой вызовъ на него. Савонарола былъ пораженъ имъ, какъ громомъ. Онъ смутился еще болѣе, когда Флоренція неотступно, во что бы ни стало, начала требовать отъ него чуда, или жизни. Савонарола не хотѣлось ни отказаться взойти на костеръ, ни сгорѣть на немъ, тѣмъ болѣе, что въ обоихъ случаяхъ онъ предвидѣлъ гибель не для одного себя, но и для всѣхъ своихъ приверженцевъ. Онъ медилъ, цѣплялся за разныя случайности, началъ разыгрывать комедіи; сталъ говорить, что не иначе согласится взойти на костеръ, какъ въ присутствіи *всѣхъ* посланниковъ *всѣхъ* христіанскихъ государей и папскаго легата. Противникамъ Савонаролы довольно было малѣйшаго повода заподозрить его въ смущеніи, чтобъ сдѣлаться, повидимому, настойчивыми до самоотверженія и до ярости раздражить народъ, которому и безъ того со дня на день становилось невозможно отказаться въ невиданномъ, необыкновенномъ зрѣлищѣ, впечатлѣніи котораго онъ начиналъ уже предвкушать. Народъ и въ слѣдъ за нимъ общественное мнѣніе заговорили наконецъ такъ грозно, что синьорія была вынуждена настоять, чтобъ комедія на счетъ костра была разыграна.

Въ эту рѣшительную минуту Доминикъ Бонвичини объявилъ всенародно, что нѣтъ никакой необходимости, чтобы самъ Савонарола шелъ на костеръ, что Богъ равно сотворитъ чудо въ лицѣ любого изъ его учениковъ и, вызвавшись доказать это на себѣ, сталъ настаивать, чтобы роль Савонаролы, была отдана ему. Францискъ де Puglia воспротивился было этому, но синьорія настояла, изъ желанія скорѣе удовлетворить раздраженный народъ, чтобы францисканцы приняли вызовъ Бонвичини и съ своей стороны выставили бы кого нибудь другаго вмѣсто Франчески де Puglia, который окончательно отказался состязаться съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ Савонаролы. Выборъ францисканцевъ палъ на Андрея Рондинолли. Синьорія между

тѣмъ изъ боязни, чтобы въ самомъ дѣлѣ не сотворилось чудо, дала знать папѣ обо всемъ происходившемъ и, ожидая отъ него запрещенія, со дня на день, подъ разными предлогами откладывала роковой день неслыханной пытки.

Римъ обманулъ надежды синьоріи и рукой злодѣя-папы написалъ свою великую благодарность подавшимъ и доведшимъ до осуществленія такую неистовую мысль.

Едва забрежилъ грозный день 7 апрѣля 1498 г. несчетныя толпы мужчинъ, дѣтей и женщинъ побѣжали на площадь синьоріи. На этой площади были устроены подмостки въ пять футовъ вышиною и въ восемьдесятъ длиною. По длинѣ подмостокъ лежали двѣ высокія груды дровъ, посреди которыхъ былъ оставленъ узкій проходъ, по которому, когда дрова достаточно разгорятся, должны были пройти двое состязавшихся.

Народъ едва ли не со всѣхъ концовъ Италіи пришелъ къ этому дню во Флоренцію. Балконы, окна и крыши домовъ, выходившихъ на площадь синьоріи, были унизаны головами зрителей. По площади для устраненія всякихъ беспорядковъ была разставлена стража.

Когда Савонарола, отслуживъ обѣдню въ церкви св. Марка, въ торжественной процессіи двинулся на площадь и наконецъ вступилъ на нее, францисканцы были уже на своихъ мѣстахъ.

Савонарола вышелъ на площадь въ священническихъ одеждахъ, неся въ рукахъ св. дары, за нимъ съ распятіемъ въ рукахъ шелъ Доминикъ Бонвичини, потомъ прочіе монахи св. Марка съ красными крестами и наконецъ позади толпа *piagnoni* съ зажженными факелами.

Францисканцы и доминиканцы, сошедшись тотчасъ, подняли споры между собой; и тѣ и другіе смутились передъ костромъ, который между тѣмъ уже загорался.

Наконецъ поданъ былъ сигналъ, толпы заволновались и хлынули къ костру; Бонвичини подошелъ къ ступенямъ, ведущимъ на костеръ; Рондинелли не могли пайти. Францисканцы, чтобы прикрыть видимую неустойку съ ихъ стороны, стали сначала вызывать самого Савонаролу, наконецъ требовать отъ Бонвичини переодѣться, заявляя подозрѣніе, что его одежды могутъ быть заколдованы, или наконецъ другими способами обращены въ несгораемая. Бонвичини переодѣлся и, взявъ въ руки св. дары, данныя ему Савонаролой, снова пошелъ къ костру. Францисканцы начали настаивать, чтобы Бонвичини оставилъ

св. дары; Савонарола подстрекалъ Бонвичини не соглашаться.

Нѣсколько часовъ прошло такимъ образомъ послѣ того какъ вспыхнулъ костеръ, а спорамъ не видѣлось и конца. Народъ, еще съ восходомъ солнца вышедшій на площадь, зашумѣлъ; насмѣшливые и бранные возгласы слышались изъ толпы. Напрасно пылавшій костеръ болѣе и болѣе разжигалъ въ ней жажду обѣщаннаго неистоваго зрѣлища. Народъ становился тѣмъ болѣе раздражителенъ, что, прибѣжавши на площадь съ ранняго утра, прямо съ постели, началъ чувствовать усталость и голодъ. Стали приближаться сумерки, а народъ все еще не видѣлъ ничего ни со стороны Савонаролы, ни со стороны его противниковъ, кромѣ пустыхъ придирокъ съ цѣлью провести время... Остаться обманутымъ народу не хотѣлось, между тѣмъ онъ видѣлъ, что густыя, зловѣщія тучи находятъ на небо; хлынетъ дсждь, тогда все погибло. Всѣ зрители, наполнившіе площадь сверху до низу, отъ помѣщавшихся на крышахъ и балконахъ домовъ до стоявшихъ на самой площади, всѣ слились въ несмолкающій ропотъ. Съ первой каплей дождя ярость толпы стала неописанна.

Нѣкто Дольфо Спино, съ вооруженной шайкой, пробился было чуть не къ самому Савонаролѣ, чтобъ убить его, но Маркучіо Сольвіати, во главѣ нѣсколькихъ вооруженныхъ *riagnoni*, прогналъ его.

Дождь между тѣмъ хлынулъ ливнемъ и началъ тушить костеръ. Синьорія подала сигналъ разойтись и зрителямъ и спорящимъ. Францисканцы тотчасъ при звукахъ *Te Deum* торжественно пошли въ свой монастырь. Савонарола же, напротивъ, долженъ быть взять стражу для прикрытія своего отступления съ площади.

Ни сигналъ, поданный синьоріей; ни проливной дождь не разогнали народъ. Едва Савонарола двинулся по дорогѣ къ св. Марку, какъ весь почти народъ кинулся за нимъ и вплоть до монастырскихъ воротъ провожалъ его бранью и угрозами. Только св. дары, по словамъ историка Нарди, спасли въ этотъ день Савонаролу отъ ударовъ, которые не разъ пытались нанести ему со всѣхъ сторонъ не только *aggrabiati* и *tiepidi*, но даже *riagnoni*, большинство которыхъ начало негодовать съ этого дня на Савонаролу и считать себя обманутымъ имъ.

Флоренція забыла о францисканцахъ, объ ихъ малодушіи и заносчивости, она вся обрушилась на одного Савонаролу за

неудавшуюся комедію на костръ. Флоренція вся въ одинъ голосъ заговорила: «если онъ, какъ говорилъ, убѣжденъ въ истинѣ своего ученія, то долженъ былъ согласиться на всѣ требованія противниковъ. Противники стали отказываться, кто мѣщаль ему одному взойти на костеръ за дѣло для него святое? За чѣмъ же было вызываться творить чудеса?»

Riagnoni чувствовали себя не только оскорбленными, но уничтоженными событіями этого роковаго 7-го апрѣля 1498. Они стали или, проклиная Савонаролу, искать сближенія съ своими прежними противниками, или въ отчаяніи, спасая себя отъ насмѣшекъ и преслѣдованій, бѣжали изъ Флоренціи, или наконецъ вооружались, предвидя близость великихъ смутъ.

Синьорія поспѣшила было издать декретъ, которымъ повелѣвала Савонарола въ 24 часа выѣхать изъ Флоренціи. Синьорія спѣшила удалить Савонаролу изъ боязни, чтобъ его присутствіе не послужило поводомъ къ народному возстанію; но уже было поздно. Tierpidi успѣли внушить народу, что пора раздѣлаться съ этимъ плутомъ, ханжей, съ этимъ лжепророкомъ, который сдѣлалъ монастырь изъ смѣющейся Флоренціи; съ этимъ проповѣдникомъ нищеты, который убилъ торговлю, промышленность и трудъ;—tierpidi, успѣвъ внушить все это народу, и безъ того дошедшему до ярости въ своемъ разочарованіи, бѣжали уже вѣстѣ съ нимъ вечеромъ 8-го апрѣля въ монастырь св. Марка съ топорами, съ зажженными факелами въ рукахъ и съ крикомъ: къ оружію!

Савонарола еще наканунѣ роковаго дня 7-го апрѣля, значительно упавшій духомъ, чувствуя себя подсаженнымъ подъ корень, по прошествіи этого дня вовсе пересталъ походить на себя. Напрасно старался онъ казаться спокойнымъ и твердымъ, въ рѣчи его не было больше ни огня, ни силы. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, какъ разъяренный народъ ворвался въ церковь монастыря св. Марка, со слезами на глазахъ говорилъ онъ въ ней:

«О, Боже! Ты наставилъ меня на ложный путь. За Тебя меня предали проклятію; Ты поставилъ меня подъ выстрѣлы, Ты сдѣлалъ изъ меня мишень для враговъ Твоихъ.—Я объ одномъ просилъ Тебя, чтобъ никогда не править людьми, а Ты не внялъ моимъ молитвамъ. Я ни въ чемъ не находилъ столько наслажденія, какъ въ покой, а Ты привелъ меня сюда и кинулъ въ это бездонное море. «О, неблагодарная Флоренція! я дѣлалъ для

тебя то, что не сдѣлать бы для моихъ братій. Ни предъ однимъ изъ королей я не сталъ бы говорить за нихъ... что сдѣлать я тебѣ, народъ?.. Распни меня, побей меня камнями... Я все стерплю, потому что слишкомъ люблю тебя... О, Флоренція, ты свела меня съ ума... Увы, народъ, я былъ безъ ума отъ тебя... умоляю, прости мнѣ.»

Не успѣли засохнуть слезы, вызванныя этими наивными словами глубокой скорби, какъ въ церковь св. Марка ворвалось нѣсколько вооруженныхъ; но такъ какъ число ворвавшихся было очень не велико, то они скоро были выгнаны не только изъ церкви, но за монастырскую ограду, пришедшимъ въ ярость народомъ, которому помѣшали дослушать вечерню. Выгнавъ шайку наглецовъ, народъ въ слѣдъ за нею заперъ и ворота монастырской ограды и двери церкви, изъ которой не успѣли выбѣжать ни женщины, ни дѣти, стоявшія у вечерни.

Напрасно Савонарола хотѣлъ снова призвать народъ на молитву. Чѣмъ громче становился гулъ и шумъ вокругъ церкви, тѣмъ становилось болѣе и болѣе смятеніе всѣхъ заключенныхъ въ ней: одни предлагали ударить въ колокола, другіе искали выхода, чтобъ спастись, третьи обнажали шпаги... Тогда Савонарола, любившій пышныя манифестаціи, облекся въ священническія ризы и съ мощами святыхъ совершилъ торжественный крестный ходъ вокругъ всѣхъ церквей и келій монастыря; вернувшись въ церковь, въ которой служилъ вечерню, онъ съ молитвой упалъ на колѣни передъ алтаремъ и всѣ бывшіе въ церкви стали на колѣни и начали молиться. Между тѣмъ толпа, прибывавшая все болѣе и болѣе вокругъ монастырской ограды, разбила наконецъ ворота, потомъ выломала церковныя двери, и, какъ потокъ прорвавшій плотину, ворвалась во внутренность церкви; большая часть народа, съ вечерни оставшагося въ церкви, кинулась бѣжать. Посреди плача, неистовыхъ кликовъ, звона оружія раздавался голосъ Бонвичини, обращенный къ братьямъ доминиканцамъ и къ немногимъ немѣшканнымъ и не оробѣвшимъ еще *piagnoni*: — Защищайтесь! кричалъ Бонвичини. Еще нѣсколько минутъ и пѣніе псалмовъ смѣшалось съ грубой бранью, съ выстрѣлами изъ пищалей, со стонами рабѣнныхъ и умиравшихъ. Блѣдные монахи въ черныхъ одеждахъ, съ оружіемъ въ рукахъ, мелькали какъ тѣни при тускломъ мерцаніи лампадъ. Съ неустрашимостью и яростью отчаянія они кидались въ густыя толпы нападавшихъ,

и завязывались на разных концах церкви кровавыя схватки. Смущались *aggrabiati* и *tiepidi*; имъ показалось, что силы небесныя встали на защиту Савонаролы и его приверженцевъ и дали львиную силу жалкимъ плакальщикамъ.

Между тѣмъ новая толпа ворвалась въ монастырь св. Марка и, забѣжавъ прежде всего въ трапезную, чтобъ наѣсться, бросилась въ церковь. Тамъ, пробившись сквозь дерущихся, перешагнувъ черезъ нѣсколько тѣлъ убитыхъ, она кинулась прежде всего къ ризницѣ, рассчитывая разграбить ее. Велико было смущеніе этой толпы, когда двери ризницы точно сами распахнулись передъ нею и въ дверяхъ показался Савонарола съ распятіемъ въ рукахъ, а позади его толпа монаховъ, вся въ бѣломъ и съ факелами въ рукахъ. При видѣ этого бѣжавшіе грабить до того оторопѣли, что бросили оружіе и пали на колѣни. Тогда доминиканцы, овладѣвъ ихъ оружіемъ, схватили ихъ самихъ и, перевязавъ, отвели въ колокольную, гдѣ заставили ихъ воскликнуть передъ распятіемъ: Да здравствуетъ Іисусъ Христосъ!—Одинъ изъ этихъ плѣнныхъ, опомнившись, въ отчаяніи зазвонилъ въ колокола. Синьорія, испуганная, недоумѣвая, чтобъ это значило, послала артиллерию на площадь св. Марка и вслѣдъ за тѣмъ, когда она услышала, что волненіе въ стѣнахъ монастыря принимаетъ все болѣе и болѣе грозныя размѣры, послала объявить виновникамъ безпорядка, что тѣ изъ нихъ, которые тотчасъ же не удалятся изъ церкви, подвергнутся немедленной конфискаціи ихъ имуществъ. Никто неустоялъ противъ такой чувствительной угрозы, но тѣмъ не менѣе въ монастырѣ св. Марка не тотчасъ кончились кровавыя сцены... Была уже глубокая ночь, когда Савонарола съ св. дарами въ рукахъ вышелъ изъ церкви, которой полъ и стѣны были окровавлены... одежды монаховъ, сопровождавшихъ его, также были забрызганы кровью.

Едва Савонарола успѣлъ войти въ маленькій залъ монастырской библіотеки, которая называлась *Liberia* Ггаеса, какъ вошли въ нее почти вслѣдъ за нимъ комиссары съ повелѣніемъ отъ лица синьоріи къ монахамъ св. Марка: немедленно выдать Савонаролу и двухъ его друзей, Бонвичини и Маруффи. Всѣ монахи, кромѣ одного, единогласно отказались повиноваться повелѣнію синьоріи. Этотъ одинъ — Фра Малатесто Сакроморо сказалъ открыто, что не намѣренъ вовсе за Савонаролу подвергать свою жизнь опасности, что напротивъ добрый пастырь

полагаетъ жизнь свою за овцы. Савонарола, и безъ того удерживаемый насильно, теперь велѣлъ вести себя къ синьоріи. Бонвичини сдѣлалъ тоже безъ всякаго смущенія. Маруффи велѣлъ себя съ меньшимъ достоинствомъ. Предателемъ, Іудой прозвала тогда осиротѣвшая братія Малатесту, ибо, по словамъ одного изъ нихъ, по его милости *три Іисуса были взяты*.

Савонаролу и двухъ друзей его съ связанными руками подъ стражей вывели изъ монастырскихъ воротъ, у которыхъ, не смотря на глубокую ночь, шумѣла толпа народа. Едва Савонарола показался толпѣ, камни и комки грязи полетѣли въ него со всѣхъ сторонъ.

Многочисленная стража, сопровождавшая Савонаролу, принуждена была скрестить надъ нимъ свои пики, чтобъ камни не попадали ему по крайней мѣрѣ въ голову. До самыхъ ступеней палаты синьоріи народъ надругался надъ Савонаролой: одни, подкравшись къ нему сзади, наносили ему удары, приговаривая насмѣшливо: пророкъ, отгадай кто бьетъ тебя! другіе толкали его ногами въ задъ, прибавляя съ глумленіемъ, что тутъ-то и сидитъ его пророческій духъ; третьи заставляли его вскрикивать, язва его нѣжныя руки, заложенные назадъ и связанные.

Когда несчастные были введены въ палату синьоріи, начало уже свѣтать. Флоренція стихла на нѣкоторое время, уснули и неистовыя толпы, только монахи св. Марка перевязывали раненыхъ, стонавшихъ по угламъ ихъ церкви, и убирали мертвые тѣла, растянутыя по церковному полу, облитому кровью.

Съ утра синьорія начала дѣлать допросъ Савонаролу и друзьямъ его.

Народъ едва очнулся, снова неистово замѣтался по улицамъ; первый, попавшійся ему въ руки, былъ отъявленный изъ ріагнопі Францискъ Валори, этотъ старый вождь его въ возстаніи 1494 г. Народъ послѣ всякихъ наруганій надъ нимъ, наплевавъ ему въ лицо, убилъ его, потомъ убилъ его жену, задушилъ его племянника — еще малютку; разграбилъ его домъ. Покопчивъ съ Валари, народъ кинулся искать другихъ ріагнопі, остававшихся еще твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ и симпатіяхъ. Узнавъ, что всѣ они или выѣхали въ ночь изъ Флоренціи, или попрятались, народъ разбѣжался грабить и жечь ихъ дома. Такъ было поступлено съ домомъ Андрея Комбини; тоже случилось бы и съ домами Жана Баптиста Ридальфи и Паголантонио Содерри-

ли, ослабъ синьорія, боясь послѣдствій, не поставила къ нимъ стражи.

Граждане между тѣмъ, въ знакъ признательности къ францисканцамъ и къ большому наруганію надъ доминиканцами, сняли самый большой колоколъ съ св. Марка и подарили его въ францисканскій монастырь; синьорія же, какъ только Савонарола попалъ въ ея руки, поторопилась уничтожить всѣ ненавистныя для нея учрежденія, установленныя по настоянію Савонаролы. Всѣ высшія правительственныя должности были тотчасъ же замѣнены ея приверженцами. Такимъ образомъ Флоренція едва не въ одинъ день свернула съ того пути, на который годы направляла ее Савонарола. Синьорія, стараясь преимущественно очаровать и увлечь за собою народъ, стала тотчасъ же заботиться о возобновленіи публичныхъ игръ и зрѣлищъ. Пляска и пѣсни поднялись снова на площадяхъ, залитыхъ кровью *piagnoni*. Засвѣтились вновь картежные дома; и публичныя женщины снова смѣло заходили по городу...

Внѣ себя отъ неистоваго восторга былъ папа Александръ VI, узнавъ обо всемъ случившемся во Флоренціи; онъ не находилъ словъ, члбъ благодарить францисканцевъ, которыхъ считалъ главными виновниками двухъ роковыхъ для Савонаролы апрѣльскихъ дней (7-го и 8-го). Письмо за письмомъ слалъ папа во Флоренцію. Въ одномъ онъ настаивалъ, чтобъ синьорія, подвергнувъ Савонаролу строжайшему допросу, требуемому интересами республики, выдала бы его ему для суда и казни. Въ другомъ онъ разрѣшалъ отъ грѣховъ всѣхъ согрѣшившихъ въ вербное воскресенье (7 апрѣля), сдѣлавъ нападеніе на монастырь и совершивъ въ немъ убійство. Письмо папы, обращенное къ Франческо di Puglia, было наполнено благодарностью и несчетными посулами наградъ.

Синьорія между тѣмъ не медлила; не дожидаясь папскихъ распоряженій, она сняла допросъ съ виновныхъ, и когда отвѣты ихъ, и въ особенности Савонаролы, оказались всѣ или темны, или неудовлетворительны, она рѣшила подвергнуть подсудимыхъ пыткѣ. Десять дней отъ 9 до 19-го продолжали пытать Савонаролу. Слабый тѣломъ, Иеронимъ подъ пыткой давалъ болѣе удовлетворительные отвѣты, но кончалась пытка и едва успѣвалъ онъ войти въ тюрьму, въ которой содержался, снова отвергалъ все сказанное имъ подъ пыткой, какъ вынужденное страданіями. Но и самые его вынужденные отвѣты за-

ключали такъ мало обвиненій противъ него, что синьорія для скорѣйшаго и притомъ желаннаго окончанія дѣла, стала искать человека, которому можно было бы доверитъ редакцію этихъ отвѣтовъ въ извѣстномъ духѣ. На это дѣло вызвался шито серъ Чекконе, который въ награду за успѣшное веденіе дѣла просилъ только погашенія своихъ несмѣтныхъ долговъ. Всѣ изъ членовъ судной комисіи, назначенной надъ Савонаролою, приняли услуги Чекконе, кромѣ одного Франциска degli Albizzi, который, убѣдившись, что приходится творить не судъ, а юридическое убійство, вышелъ тотчасъ въ отставку, заявивъ открыто, что онъ не хочетъ быть запятнанъ кровью невинныхъ. Не такъ была настроена синьорія, чтобы смутиться передъ такимъ безсильнымъ протестомъ. Чекконе получилъ повелѣніе приняться за свою работу. Онъ не заставилъ ждать себя. Когда ложные отвѣты были имъ изготовлены и прочтены синьоріей, то она при всей своей наглости не вдругъ осмѣлилась прочесть ихъ подсудимымъ и обнародовать:—такъ показались они даже ей самой *страшно* живы.

Когда наконецъ Савонарола выслушалъ ихъ и на вопросы судей: все ли вѣрно? правда ли все это?—отвѣтилъ: все, что я говорилъ, правда, то синьорія ничего не желала больше. Какое дѣло ей было, что отвѣтъ Савонаролы былъ сказанъ голосомъ полнымъ отчаянія и презрѣнія, что онъ былъ собственно отрицательный, потому что Савонарола значительно ударилъ на слово *я*. Синьоріи нужно было только слово *правда* въ отвѣтъ Савонаролы и всѣ присутствовавшіе тотчасъ были приглашены своею подписью засвидѣтельствовать подлинность отвѣтовъ.

Только самъ Савонарола, не смотря ни на требованія, ни на угрозы, отказался подписать. Но это не повело ни къ чему.

Въ это же время допрашивали, судили и осуждали не одного Савонаролу, но и всѣхъ его дѣйствительныхъ, и даже мнимыхъ соучастниковъ. Лица духовныя и свѣтскія шли въ изгнаніе, платили пени, сидѣли по тюрьмамъ.

Между присужденными къ уплатѣ денежной пени былъ между прочимъ Никола Макиавель.

Синьорія, замѣчая, что за Савонаролу начинаетъ биться все менѣе и менѣе сердецъ, чтобъ окончательно возстановить на него, распространила даже между монахами св. Марка отвѣты, будто бы данные Савонаролою, судя по которымъ всѣмъ было ясно, что онъ отрекся отъ всего, чему училъ, сознался въ

эвентъ корыстолюбивыхъ планахъ и въ томъ, что умышленно дурчилъ народъ и свою братію-монаховъ.

На доминиканцевъ, и безъ того струсившихъ и уже колебавшихся, это подѣйствовало сильно, и скоро всѣ они въ одинъ голосъ заговорили, что въ самомъ дѣлѣ не стоитъ жертвовать своей свободой и своимъ громкимъ прошедшимъ за вѣру простаго хвастуна и плута.

Между тѣмъ какъ Савонарола, томясь въ тюрьмѣ, писалъ свои коментаріи на 50-й псаломъ: *Miserere mei Deus*,—монахи св. Марка писали униженное письмо къ папѣ, въ которомъ оправдывались передъ нимъ, сознаваясь, что они обманывались не простотъ своей въ отцѣ Іеронимѣ и просили помилованія; они не постыдились прибѣгнуть и къ глубоко оскорбившей ихъ савьоріи, прося ея ходатайства за нихъ передъ папой. И вскорѣ тотъ самый Іохимъ Турріано, который прибылъ во Флоренцію въ числѣ легатовъ папы для составленія приговора надъ Савонаролой, привезъ благословеніе отъ папы монастырю св. Марка, возвращеніе ему всѣхъ его привилегій и снятіе съ него интердикта.

Папа прежде, нежели отправить своихъ легатовъ во Флоренцію для произнесенія приговора надъ Савонаролой, долго настаивалъ, чтобъ Савонарола, по произнесеніи надъ нимъ приговора, былъ присланъ въ Римъ для казни.

Савьорія едва могла отклонить отъ этого папу и убѣдить его, что, исполнивъ его волю, она нарушитъ законы республики, что она не вправе отказать народу въ удовлетвореніи его жажды быть свидѣтелемъ казни его злодѣевъ, что, наконецъ, и самая казнь потеряетъ свое вліяніе, если совершится не на мѣстѣ преступленія.

Іохимъ Турріано и Францискъ Ромолини, докторъ правъ, какъ депутаты отъ римскаго двора, прибывъ во Флоренцію 19 мая, тотчасъ потребовали къ себѣ Савонаролу и Сильвестра Маруффи. Савонарола открыто и спокойно высказалъ передъ ними всю глубину своей вѣры въ истину своего ученія и громко заявилъ, что всѣ его отреченія вынуждены пыткой, что теперь онъ не признаетъ ихъ, но что не ручается, чтобъ подъ пыткой снова не повторилъ ихъ. Неистоваго Ромолини не тронула борьба, исполненная трагизма, которая происходила въ его глазахъ,—борьба немощной плоти Савонаролы съ его гордымъ и пылкимъ духомъ. Савонаролу, по настоянію Ромолини, снова

предали пыткамъ и вновь съ неистовою радостью слышали папачи отреченія изъ устъ Іеронима. Ни Сильвестръ Маруффи, ни Доминикъ Бонвичини не подверглись на этотъ разъ пыткамъ: первый потому, что и безъ того изъ одного страха клеветалъ не только на другихъ, но и на себя; другой же, какъ говорила тогда молва, потому, что всѣ готовы были признать его невиннымъ. Бонвичини избѣгнулъ бы казни, еслибъ одинъ *aggravato* не шепнулъ Ромолини, что, если Доминикъ останется въ живыхъ, дѣло, начатое Савонаролой, не умретъ, и что всѣ жестокости не поведутъ ни къ чему, если не вырвать корень со всеми его вѣтвями. Тогда Ромолини отвѣтилъ разсѣянно: — И въ самомъ дѣлѣ, однимъ монахомъ больше или меньше—не велика бѣда, и смерть Бонвичини была рѣшена.

Отвѣты Савонаролы и Сильвестра Маруффи, данные передъ папскими легатами и подверженные предварительно редакціи Ромолини, были снова прочтены въ большой залѣ совѣта, при всѣхъ желавшихъ слышать ихъ, исключая самихъ подсудимыхъ.

22 мая вечеромъ объявили осужденнымъ втайнѣ составленный противъ нихъ приговоръ, состоявшій въ смертной казни.

Съ достоинствомъ выслушалъ Савонарола эту вѣсть, тѣмъ болѣе, что почти вмѣстѣ съ нею до него долетѣла другая вѣсть, что Карлъ VIII, которому онъ пророчилъ смерть за его измѣну Флоренціи,—умеръ 7 апрѣля, можно сказать, вмѣстѣ съ нимъ, потому что 7-го былъ день роковаго испытанія Савонаролы передъ костромъ.

Бонвичини выслушалъ приговоръ съ не меньшимъ достоинствомъ. Какъ пріоръ монастыря, онъ написалъ прощальное письмо къ братіи, последнимъ словомъ въ которомъ была просьба, чтобъ собрать всѣ сочиненія Савонаролы и поставить ихъ въ бібліотеку монастыря, а копію съ нихъ положить въ трапезную и тамъ читать ихъ каждый день послѣ обѣда.

Одинъ Сильвестръ Маруффи наканунѣ казни окончательно палъ духомъ, утративъ всякую гордость и вѣру.

Всѣмъ имъ, согласно обыкновенію, дали по собесѣднику, чтобъ провести послѣднюю ночь. Джакоппо Никколини, назначенный къ Савонаролѣ, вошелъ къ нему съ словами: — Я пришелъ не за тѣмъ, чтобъ призывать къ покаянію того, который умѣлъ цѣлый народъ наставить на путь истины и благочестія..

— Исполняйте вашу обязанность, прервалъ его Савонарола. Савонарола отказался отъужинать, чтобъ не развлечется отъ

серьезныхъ и глубокихъ думъ, въ которыя онъ былъ погруженъ. Исповѣдавшись, онъ сталъ молиться, но скоро отъ утомленія склонился головой на колѣни Никколини и заснулъ. Какъ окаменѣлый, во время сна Савонарола, сидѣлъ Никколини и съ умиленіемъ и страхомъ слушалъ, какъ Іеронимъ то молился, то хохоталъ во снѣ. Проснувшись передъ свѣтомъ, Савонарола пожелалъ видѣться съ Бонвичини и Маруффи прежде послѣдняго свиданія съ ними передъ висѣлицами. Никколини хлопоталъ для Савонаролы позволеніе на это. При этомъ предпослѣднемъ свиданіи, продолжая внушать смиреніе своимъ друзьямъ, Савонарола упрекнулъ малодушнаго Маруффи, который говорилъ о томъ, чтобъ публично протестовать, прежде нежели испустить духъ.

Съумѣй умереть молча, сказалъ ему Іеронимъ.

Савонарола упрекнулъ тутъ даже неустрашимаго Бонвичини за разборчивость по поводу высказаннаго имъ желанія, что онъ хотѣлъ бы лучше умереть на кострѣ, чѣмъ быть повѣшаннымъ.

23-го мая по утру, осужденные были приведены на площадь синьорин, на которой снова на возвышеніи былъ сложенъ костеръ; надъ костромъ подымался черный крестъ, который долженъ былъ служить висѣлицей для «трехъ Іисусовъ.»

Такъ какъ костеръ былъ устроенъ на значительномъ возвышеніи, то входъ на него былъ по особому помосту. У крыльца палаты синьорин, откуда должны были выйти осужденные на мѣсто казни, устроены были три трибуны. Одна для Фра Бенедетто Пагагноти, Везонскаго священника, которому, по повелѣнію папы, поручено было разжалованіе обвиненныхъ, другая для папскихъ легатовъ, третья для судей.

Когда осужденные въ однихъ рубашкахъ, босые, показались на крыльцѣ палаты синьорин, народъ, наводнявшій площадь, всколыхнулся, на половину потрясенный восторгомъ, на половину ужасомъ.

Осужденныхъ подвели къ трибунѣ Пагагноти; тутъ ихъ одѣли въ священническія одежды, для того, чтобъ передъ лицомъ цѣлаго народа сорвать съ нихъ эти признаки ихъ сана.

Везонскій священникъ, взявъ тогда за руку Савонаролу, сказалъ ему во всеуслышаніе: «я отлучаю тебя отъ церкви воинствующей и торжествующей.»

— Отъ церкви торжествующей! возразилъ ему также во всеуслышаніе Савонарола, нѣтъ, это не въ твоей власти.

Ко второй трибунѣ осужденныхъ подвели за тѣмъ, чтобъ выслушать смертный приговоръ, который прочелъ имъ Ромолини. Тутъ же отъ имени папы они получили отпущеніе грѣховъ.

Съ третьей трибуны осужденнымъ повторили тотъ же приговоръ судьи и съ нея же былъ поданъ сигналъ для начатія казни: Когда Савонарола и съ нимъ Бонвичини и Маруффи взошли на роковой мостъ, который шелъ отъ трибуны къ костру, снова вздрогнули толпы зрителей. Осужденные вошли на эшафотъ съ окровавленными ногами отъ спицъ, которыхъ натыкали изъ-подъ низу, въ щели помоста, мальчишки, подученные нѣкоторыми изъ остервененныхъ *tierpidi*.

Казнить Савонаролу стали послѣднимъ; сначала повѣшенъ былъ Маруффи; потомъ Бонвичини. Устроено нарочно было такъ, чтобъ прежде казни тѣлесной усугубить душевныя муки Савонаролы, давъ наглядѣться ему на мотавшіеся въ воздухѣ трупы его друзей, погибшихъ за него. Для этого намѣренно старались длить двѣ первыя казни.

Когда наконецъ палачъ накинулъ петлю на шею Савонаролы и началъ вздергивать его на виселицу, нѣкоторые изъ его заклятыхъ враговъ не вытерпѣли, чтобъ не подложить огня подъ костеръ, который, показалось имъ, не довольно сильно пылалъ. Они боялись, чтобъ Савонарола не умеръ слишкомъ скоро, имъ хотѣлось, чтобъ пламя еще заживо охватило его.

Савонарола не успѣлъ еще поровняться съ своими товарищами, какъ огненные языки начали лизать его ноги, что вызвало всеобщій крикъ и смѣхъ. Мальчишки начали кидать въ него камнями и хвастались попасть въ лицо ему, ставшему въ одинъ мигъ почернѣвшимъ трупомъ, страшно колыхающимъ въ воздухѣ.

— Эй! твори же чудо, чтожъ ты, закричали Савонаролѣ изъ толпы.

Поднялся вѣтеръ и сталъ отгонять пламя отъ повѣшенныхъ:

— «Вотъ чудо, чего-жъ вамъ!» снова слышалось въ народѣ.

Но такіе голоса слышались не долго. Когда трупы начали срываться съ висѣлицъ и наконецъ когда останки Савонаролы, обгорѣлые, упали на костеръ, толпа пришла въ смятеніе и ужасъ. У женщинъ навернулись слезы. *Piagnoni* бросились къ костру, чтобъ собрать священные для нихъ останки, и напрасно сиворія отдала приказаніе, чтобъ обгорѣлые трупы были брошены въ Арно. Солдаты не успѣли донести ихъ до рѣки, толпа какъ

драгоценность отбила у нихъ ихъ ношу и подѣлила между собой. Даже сами солдаты набрали себѣ на память костей этихъ трехъ Иисусовъ.

Разсказываютъ, что сердце Савонаролы было найдено въ рукахъ ребенка.

Савонарола казнень на 46-мъ году жизни, 23 мая 1498 г.

Вслѣдъ за казнью Савонаролы старцы и женщины, какъ безумные, начали бѣгать по улицамъ Флоренціи, пророча, подобно Савонаролѣ, неминуемую и близкую гибель Флоренціи. Не стало проходить ни одной ночи, послѣ которой не распространялись бы въ народѣ разсказы о чудесныхъ знаменіяхъ Божьяго гнѣва за кровь Савонаролы. Одни разсказывали, что въ ночь послѣ казни одна статуя въ Витербѣ указала на душу Савонаролы, несомую ангелами въ двери рая, другіе — что видѣли Савонаролу ликующимъ въ небѣ въ лучезарномъ вѣнцѣ; третьи, что онъ являлся ночью на площади синьоріи, грозный, въ тройной коронѣ, какимъ носился онъ по смерти передъ очами Микеля Анджело, который, кажется, воплотилъ его въ своемъ Моисеѣ, въ этой гигантской статуѣ, передъ которой не даромъ неловко чувствовали себя папы, какъ передъ неотразимымъ упрекомъ, окаменѣвшимъ среди ихъ громаднаго Ватикана.

Въ самомъ дѣлѣ, въ фигурѣ и даже въ главныхъ чертахъ лица Моисея Микель Анджело, есть сходство съ Савонаролою. Та же фигура величаво звѣрская и вмѣстѣ сверхчеловѣческая, тѣ же *oculi carmini*.

Казнь Савонаролы породила собою цѣлый рядъ народныхъ легендъ, особую литературу, во главѣ которой стало сочиненіе благочестиваго Пикъ де-Мирандолы, въ которомъ онъ, въ порывѣ безконечнаго энтузіазма къ Савонаролѣ, провелъ паралель между нимъ и Иисусомъ.

Но ни народные легенды, ни сочиненія Пикъ де-Мирандолы, ни печальная и преждевременная смерть, постигшая едва не большинство преслѣдовавшихъ Савонаролу и въ этомъ числѣ сера Чекконе и священника Катарину, написавшаго пасквиль на Савонаролу, ничто не сдѣлало такъ много для памяти и славы Савонаролы, какъ трагическая кисть Микель Анджело. Она, вдохновенная духомъ Савонаролы, живописала громовый глаголъ его на стѣнахъ Сикстинской капеллы, въ которой все, глядящее на васъ со стѣнъ и съ купола, до сихъ поръ проситъ: суда, суда, надъ Римомъ и надъ міромъ! Проповѣдь Са-

вонаролы, изображенная рукой Микель Анджело, съ тѣхъ поръ горить, не потухая, на стѣнахъ Ватикана, какъ огненные буквы трехъ роковыхъ словъ Вальтасарова пира.

Никто не опровергъ Савонаролу такъ краснорѣчиво, какъ судьба постигшая Флоренцію вскорѣ послѣ его смерти, и Макиавель, дожившій до этой судьбы. Макиавель, увлеченный Савонаролой въ юности, потомъ свидѣтель его казни и бесплодности его политики, сталъ звать своего безбожнаго, неистоваго *Principe* на спасеніе погибающей родины.

Вмѣсто призыва къ кротости, покаянію и молитвѣ Макиавель призывалъ флорентинцевъ къ оружію, убѣждая ихъ отбросить всякую надежду на помощь Божію.

Вѣра Савонаролы въ молитву и въ нравственную мощь человѣка довела Макиавеля до невѣрія въ Бога и до горькой ироніи надъ человѣческой природой.

Въ день казни Савонаролы Макиавель понялъ, какъ страшно и бесплодно быть кроткимъ въ борьбѣ съ обществомъ, воспитаннымъ вѣками терроризма;—понялъ, что для того, чтобъ имѣть власть надъ такимъ обществомъ, надо быть грознымъ, быть сильнѣе его; что быть *riagnoni* среди ярыхъ, неумолимыхъ *tierpidi*, все равно что бросить оружіе и заплакать при встрѣчѣ съ звѣремъ, жаждущимъ крови; что слезами покупается развѣ только унижительная пощада...

Судьба Савонаролы и *riagnoni* сказала Макиавелю то, что, три вѣка спустя, сказала цѣлому міру Жиронда, напоившая гильотину своей кровью.

Никто не оправдалъ и не возвеличилъ такъ Савонаролу за его порыванія на борьбу съ всемогуществомъ папы, какъ Лютеръ.

М. Эссенъ.

О РАБОЧЕМЪ КЛАССѢ

И МѢРАХЪ КЪ ОБЕЗПЕЧЕНІЮ ЕГО БЛАГОСОСТОЯНІЯ.

(Статья четвертая).

ВЕЛИКОБРИТАНІЯ.

Число различныхъ распределительныхъ, торговыхъ и производственныхъ ассоціацій въ Англіи, въ настоящее время, довольно значительно, особенно многочисленны первыя, т. е. распределительныя ассоціаціи, носящія мѣстное названіе, сооперативе ассоціаціи. Эти учрежденія до того акклиматизировались на англійской почвѣ, что они начинаютъ уже входить въ число самыхъ обыкновенныхъ учрежденій, не представляя уже рѣдкости или исключенія, какъ это происходитъ еще во Франціи. Не смотря на то, и въ Англіи начало всему этому движенію было положено социалистическими идеями. Не надо однако полагать, чтобы въ Англію перешли абстрактныя французскія социалистическія теоріи; нѣтъ, въ Англіи явилась, почти еще раньше Франціи, собственная практически-социалистическая школа. Въ экономическую теорію ея начала не перешли, — по крайней мѣрѣ намъ не извѣстно ни одного замѣчательнаго теоретическаго сочиненія по этому предмету; — результаты же социалистической пропаганды во Франціи въ 1848 и 1849 годахъ, не только не имѣли отголоска въ Англіи, — но произвели тамъ, напротивъ того, довольно сильную реакцію противъ существовавшихъ въ Англіи національныхъ социалистическихъ идей и стремленій.

Основатель, и почти что единственная замѣчательная опора социалистическаго движенія въ Англіи былъ Робертъ Овенъ.

Мы не будемъ здѣсь входить въ изложеніе теоретическихъ началъ выставленныхъ имъ; объ этомъ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ, когда мы будемъ изслѣдовать специально исторію

соціализма и коммунизма въ Европѣ, — теперь же обратимся къ результатамъ практической дѣятельности Овэна.

Уже въ 1817 г. Р. Овэнъ составилъ подробный планъ обширной организаціи, путемъ которой онъ надѣялся достигнуть цѣли упороченія благосостоянія рабочаго класса.

Онъ предлагалъ распределить мало по малу, по мѣрѣ его приращенія, рабочій классъ на отдѣльные промышленныя сельскія общества (communities), каждое отъ 3 до 4 тысячъ душъ, которыя бы занялись воздѣлкою земли и въ тоже время промышленно-фабричнымъ производствомъ, пользуясь всѣми преимуществами большаго хозяйства и большой промышленности. Подобныя общества Овэнъ думалъ распределить по всей Англіи; по окончаніи же внутренней колонизаціи и съ дальнѣйшимъ приращеніемъ рабочаго населенія означенную колонизацію предполагалось распространить и за предѣлы Англіи, т. е. въ британскія колоніи. Каждое общество должно было состоять изъ ремесленниковъ и работниковъ главнѣйшихъ производствъ, такъ чтобы всѣ главнѣйшіе предметы потребленія общества производились въ его средѣ своими членами. Воздѣлка земли должна была происходить мелкими участками, ручною работою лопатой, которая производительнѣе всякой другой, и потому въ странѣ, въ которой относительно числа населенія ощущается недостатокъ въ землѣ, должна имѣть особенное значеніе.

Желая доказать возможность и осуществимость подобныхъ сельско-промышленныхъ колоній внутри страны не только теоретическими доводами, но и практическимъ примѣромъ, — Овэнъ основалъ въ своемъ вѣмѣніи, Нью-Лэпэркъ, подобную колонію, которая въ промышленномъ отношеніи удалась превосходно. Надобно впрочемъ замѣтить, что Нью-Лэпэркскія учрежденія не соответствовали еще вполнѣ требованіямъ теоріи Овэна; это не была еще социалистическая ассоціація работниковъ, — а просто, устройство разныхъ полезныхъ ассоціацій и учреждений въ средѣ работниковъ большаго промышленнаго предпріятія, руководимаго и управляемаго Овэномъ, съ полнымъ авторитетомъ хозяина, — при томъ Овэнъ отличался между прочимъ весьма практическимъ дѣловымъ умомъ и удивительною дѣятельностію.

Успѣхъ его предпріятія придавалъ ему вдругъ значительный авторитетъ; первые государственные люди, между прочимъ сэръ Робертъ Пиль, призывали его, чтобы бесѣдовать съ нимъ о нуждахъ рабочаго класса и о мѣрахъ къ удовлетворенію оныхъ. Въ слѣд-

ствіе совѣтовъ Оувена, подкрѣпляемыхъ его популярностію, въ 1823 году было основано въ Лондонѣ общество подъ названіемъ *british and foreign philanthropic society for the permanent relief of the working classes*, (т. е. британское и заграничное филантропическое общество для постояннаго вспомошествованія рабочему классу). Въ образованіи этого общества приняли участіе главнѣйшіе члены англійской аристократіи, а также и главнѣйшіе члены дипломатическаго корпуса, находившагося тогда въ Лондонѣ, и между прочимъ и русскій посланникъ. Въ нѣскольکو дней было подписано 90,000 фунт. стер., съ цѣлію основанія такой *community* подъ управленіемъ Оувена. Неизвѣстно была-ли внесена когда либо подписанная сумма, но извѣстно только, что, по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, самое предположеніе не состоялось,—не смотря на то, что въ 1825 году энтузіазмъ въ этомъ отношеніи былъ довольно значительный.— Въ Дублинѣ рѣчи Оувена имѣли не менѣе успѣха, чѣмъ въ Лондонѣ, но даже за предѣлами Великобританіи его теоріи получили нѣкоторое значеніе; онъ переписывался съ государственными дѣятелями въ Пруссіи и Австріи, многіе американцы, путешествующіе по Европѣ, пріѣзжали въ Англію, только чтобы повидаться и побесѣдовать съ Оувеномъ, и т. д. Но кажется, что этотъ энтузіазмъ былъ только проходящею вспышкою, и въ этомъ обстоятельствѣ, можетъ быть, слѣдуетъ искать причину того, что устройство помянутой колоніи не состоялось. Потерявъ всякую надежду на успѣхъ начатаго дѣла, огорченный, можетъ быть, тоже постепеннымъ уменьшеніемъ своей популярности въ Англіи, послѣ того значенія, которое онъ имѣлъ въ 1817 году, Оуэнъ рѣшился собственными средствами основать въ Америкѣ подобную сельско-промышленную колонію, соотвѣтствующую во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. не только въ экономическомъ, но и въ социальномъ и даже семейственномъ отношеніи, всѣмъ требованіямъ выставленной имъ социалистической теоріи. Онъ продалъ въ 1824 весьма выгодно свое имѣніе Нью-Лэнэркъ, переселился въ Америку и купилъ тамъ землю Нью-Гармони, на которой онъ устроилъ подобную колонію. Не стѣсненный уже ничемъ, онъ могъ совершенно свободно развить свою теорію до послѣднихъ предѣловъ—и что же? въ примѣненіи она оказалась утопіею неосуществимою. Учрежденіе въ Нью-Гармони совершенно не удалось, все предпріятіе разстроилось съ значительной потерей, уже три года послѣ его основанія. Противуположность

блестящаго успѣха въ Нью-Лэнэркѣ съ неудачею. Нью-Гармонійскаго предпріятія объясняется именно тѣмъ, что въ Нью-Лэнэркѣ дѣломъ управлялъ онъ самъ, вмѣсто того какъ въ Нью-Гармони онъ ввелъ вполнѣ социалистическое управление; кромѣ того разныя случайныя и мѣстныя обстоятельства мѣшали ему въ Англіи развить вполнѣ примѣненіе своей теоріи,—такъ что Нью-Лэнэркъ было, такъ сказать, только примѣненіе заключавшихся въ его теоріи практическихъ ассоціаціонныхъ идей къ дѣлу промышленности, отдѣленныхъ отъ всѣхъ чисто утопическихъ ученій его теоріи, — между тѣмъ какъ въ Нью-Гармони онъ могъ примѣнить свою теорію вполнѣ, и за тѣмъ увидѣть ея неосуществимость. Этотъ опытъ однако не убѣдилъ его. Онъ вскорѣ послѣ того возвратился въ Англію, гдѣ онъ нашелъ стеченіе обстоятельствъ довольно благоприятное для его ажитаціи.—Виги, вступившіе въ министерство съ восшествіемъ на престолъ Вильгельма IV, готовы были воспользоваться Овэномъ, какъ средствомъ для снисканія популярности въ народѣ, нисколько не помышляя о дѣйствительномъ осуществленіи его системы. Съ другой стороны въ 1827 г. дѣло ассоціацій получило первое практическое начало; въ Англіи, образовалось значительное число cooperative associations, которыя могли служить Овэну точками опоры для его пропаганды, но съ другой стороны была опасность, что утопіи Овэна своротятъ эти ассоціаціи съ пракческаго поприща. Начало этихъ распредѣлительныхъ ассоціацій (cooperative) началось въ Брайтонѣ. Тамъ образовался кружокъ образованныхъ даровитыхъ людей, которымъ удалось пустить въ ходъ эти ассоціаціи; они съ этою цѣлію основали даже журналъ «Brighton cooperator.»—Усилія ихъ удались до того, что въ 1829 г. было уже основано около ста различныхъ распредѣлительныхъ и даже производительныхъ ассоціацій.

Въ это время Овэну удалось устроить общество, лигу, для содѣйствія образованію подобныхъ ассоціацій. Это общество Cooperative league имѣло уже въ 1830 году первое свое общее собраніе или конференцію въ Бирмингемѣ, и за тѣмъ собранія повторялись ежегодно въ теченіи 5 или 6 лѣтъ, въ теченіи которыхъ дѣятельность общества имѣла цѣлію дѣйствовать разными средствами на общественное мнѣніе и производить разныя практическіе опыты.

Эти опыты были направлены къ образованію вновь въ Англіи овэнской сельско-промышленной колоніи, и къ учрежденію цен-

тральнаго органа для непосредственнаго обмѣна предметовъ производства различныхъ ассоціацій, съ цѣлю обойтись совершенно безъ тѣхъ посредниковъ, которые обыкновенно являются между производителемъ и потребителемъ при сбытѣ продуктовъ. Дѣятельность общества получила наибольшее развитіе въ 1852 году. Овенъ устроилъ въ Лондонѣ, большою частію собственными средствами, обширное и роскошно убранное помѣщеніе, назначенное для разныхъ митинговъ для обсужденія социальныхъ вопросовъ, куда на первое время, изъ любопытства, стекались члены высшаго лондонскаго общества; кромѣ того Овену удалось устроить въ Лондонѣ большой разнѣнный складъ или магазинъ подъ названіемъ Labour-exchange-Bazar, тоже въ весьма обширныхъ размѣрахъ и подъ покровительствомъ разныхъ аристократовъ. Но скоро, уже чрезъ нѣсколько недѣль послѣ учрежденія магазина, результаты выказались весьма неутѣшительные, — вышло ужасное смѣшеніе, безпорядокъ, окончившійся разстройствомъ всего дѣла. Причинами этой конфузій, надо считать во первыхъ совершенно произвольное, непрактическое назначеніе цѣнъ, сообразно химерически рассчитываемой цѣнности работъ. По представленіи каждаго предмета въ магазинъ, производителю выдавалось бумажное свидѣтельство, облигація, на цѣнность работы представляемой предметомъ; эти свидѣтельства должны были служить мѣриломъ при вымѣнѣ однихъ предметовъ на другіе. Кромѣ того для поддержанія участія въ публички высшаго круга, на содѣйствіе которой Овенъ, кажется, значительно рассчитывалъ для успѣха своего предпріятія, — пришлось многое сдѣлать только для виду, т. е. для поддержанія этого интереса въ публикѣ, который вѣроятно скоро упалъ бы, еслибъ предпріятіе приняло обыкновенный сухой, но чисто практическо - дѣловой ходъ. Однимъ словомъ кончилось тѣмъ, что Овенъ совершенно потерялъ голову и дѣла базара совершенно разстроились.

Эта неудача произвела опять рѣзкій переворотъ въ общественномъ мнѣніи, которое совершенно уклонилось отъ всякихъ сколько нибудь социалистическихъ идей, незадолго передъ тѣмъ пользовавшихся такимъ авторитетомъ. Подобное движеніе въ обратную сторону общественнаго мнѣнія было усилено еще другимъ случайнымъ обстоятельствомъ.

Одинъ изъ первыхъ послѣдователей Овена нѣкто Комбе (Combe) купилъ въ Шотландіи въ концѣ двадцатыхъ годовъ большое имѣніе, на которомъ онъ устроилъ овенскую community.

Это было возлѣ Единбура. Пока Комбе самъ заботился обо всемъ и не щедилъ своихъ денегъ, дѣла общества шли довольно удачно, но когда онъ померъ въ 1832 г., немедленно все разстроилось. Еще болѣе неутѣшительный примѣръ представился около того же времени въ Ирландіи. Нѣкто Ванделеръ (Wandellure) тоже ревностный поклонникъ Овэна, устроилъ въ своемъ имѣніи Ралаинъ въ Ирландіи, разныя ассоціаціонныя учрежденія между своими фермерами, выбравъ изъ теоріи Овэна только практическіе совѣты, и отбросивъ всю утопическую сторону. Опытъ этотъ удался превосходно, доходы имѣнія увеличились, но въ тоже время увеличилось и благосостояніе и нравственное положеніе его фермеровъ и работниковъ. Но къ сожалѣнію талантливый Ванделеръ, кромѣ филантропическихъ стремленій увлекался еще игрою, — однажды онъ проигралъ все свое состояніе и бѣжалъ во Францію. Его имѣніе Ралаинъ было продано въ удовлетвореніе его должниковъ, а фермеры (tenants) положившіе и свою трудовую копѣйку, въ качествѣ сообщниковъ, на улучшеніе доходности имѣнія, потеряли такимъ образомъ плодъ долговременной дѣятельности, такъ какъ ихъ права не были признаны судомъ.

Эти происшествія должны были сильно дискредитировать въ глазахъ массы всѣ соціалистическія и даже просто ассоціаціонныя попытки. Объ Овэнѣ уже никто болѣе не говорилъ. — Не смотря на то, ему удалось сохранить еще въ извѣстныхъ сферахъ нѣкоторое вліяніе, и собрать даже средства для продолженія по крайней мѣрѣ теоретической пропаганды своихъ идей. — Такимъ образомъ подъ его руководствомъ въ 1835 г. возникло новое общество подъ названіемъ Association for all classes and nations, (общество для всѣхъ классовъ народовъ) — которое устраивало ежегодно конгрессы, и развило весьма значительное ассоціаціонное движеніе: въ провинціяхъ посредствомъ многочисленныхъ провинціальныхъ обществъ, путемъ собраний, рѣчей, публикацій и т. п. учредилось не менѣе 40 частныхъ обществъ, въ залахъ коихъ собирались до 30,000 слушателей. Но эта дѣятельность имѣла весьма мало вліянія собственно на самый рабочій классъ. — Овэнъ былъ открытый противникъ рабочихъ стачекъ, strikes, съ прекращеніемъ работы, и обществъ имѣющихъ цѣлію образованіе подобныхъ стачекъ trades-unions; онъ находилъ, что въ этихъ стачкахъ работники бесполезно истощаютъ свои денежные средства, собранныя тяж-

кимъ трудомъ, которыя могли бы быть употреблены съ гораздо болѣею пользою для всѣхъ, а особенно для самихъ работниковъ, на устройство самостоятельныхъ рабочихъ ассоціацій. — Не смотря однако на всѣ совѣты и рѣчи Овэна, *trades unions* и *strikes* особенно развелись въ это время. — Тогда, убѣдившись въ незначительности вліянія своей теоретической пропаганды, онъ нашелъ необходимымъ перейти опять на поприще болѣе практической дѣятельности. — Ему удалось въ 1837 г. устроить новое практическое общество «*national community friendly society*», которое было образовано въ видѣ отрасли общества «*Association of all classes*» и имѣло опять же цѣлю приобрѣтеніе поземельной собственности для образованія колоній; было только положено не требовать исполненія безусловно всѣхъ теоретическихъ началъ соціальной системы Овэна, для придачи дѣлу болѣе пракческаго значенія.

Благодаря богатымъ и многочисленнымъ взносамъ, общество, уже два года спустя послѣ своего образованія, было въ состояніи приобрѣсть два имѣнія (Тизерлей и Квинсвудъ) въ Гемпширѣ, странствомъ въ 539 акра (экръ нѣсколько болѣе $\frac{1}{2}$ десятины) на 99 лѣтъ. — Немедленно принялись за постройку необходимыхъ зданій, поправку старыхъ и т. д. — Сельско-хозяйственная сторона дѣла пошла въ началѣ очень хорошо, земля была удобная, арендная плата на нее незначительная, послѣ значительныхъ затратъ на нее, при дѣльной обработкѣ, доходъ ея весьма быстро увеличился, такъ что общество, принимало скоро еще 500 акровъ. — Но расходы на постройки для помѣщенія 500 человѣкъ, и на содержаніе поселенія, которое возросло уже до 300 человѣкъ, поглотили не только доходы, но и весь капиталъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ израсходовано 40,000 т. ф. стерл., — (240,000 р. сер.); изъ того половина была употреблена весьма дѣльно и производительно на улучшеніе производительности земли, — но за то другая половина была весьма безтолково употреблена на постройки. Замѣчательна слѣдующая подпись, которая красовалась надъ главнымъ зданіемъ: *C. of M. 1842, т. е. Comencement of Millenium*. Подъ именемъ *Millenium* называютъ, какъ извѣстно, эру всеобщаго благоденствія и счастья, которая должна настать на землѣ. Члены общества работники, распределенные по различнымъ занятіямъ, работали или лѣнливо или не зная дѣла, многіе изъ нихъ прежде никогда не занимались сельскимъ хозяйствомъ, продукты дру-

гихъ работниковъ (какъ напримѣръ ножи, часы и т. п.) не падали сбыта. — Книги велись неисправно, главное замѣтны были недостатокъ подготовленія во всѣхъ членахъ къ такого рода совокупной дѣятельности и недостатокъ необходимаго авторитета для руководства и управленія всѣмъ этимъ механизмомъ. — Возникли недоумѣнія, несогласія, споры, и четыре года послѣ учрежденія ассоціаціи пришлось ликвидировать ея дѣла. — Благодаря нѣкоторымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, эта ликвидация шла довольно удачно, такъ что вся земля была сохранена обществу и на ней устроено весьма дѣльное сельское училище, которое существуетъ, кажется, до сихъ поръ.

Февральская революція, во Франціи, не только не нашла, какъ мы уже видѣли, отголоска въ Англіи, но напротивъ того усилила тамъ реакцію противъ социалистическаго движенія. — Эта реакція имѣла послѣдствіемъ, что ассоціаціонное движеніе совершенно отдѣлилось отъ утопически социалистическаго, — послѣднее потеряло всякую симпатію въ публикѣ, а потому и всякое значеніе, но къ счастью оно не повлекло за собою паденія вообще ассоціаціоннаго начала, которое сумѣло встать въ совершенно независимое положеніе, благодаря которому началось его настоящее, самостоятельное, нормальное развитіе.

Овэнское социалистическое движеніе однако еще не прекратилось вдругъ, были сдѣланы еще попытки централизовать остатки сохранившихся социалистическихъ элементовъ. Въ 1849 была основана «League of social progress», а въ 1852 г. другая «cooperative league», но дѣятельность каждой ограничилась нѣсколькими засѣданіями, — впрочемъ въ послѣднихъ уже почти не было рѣчи объ Овэнѣ; его значеніе совершенно упало, — съ этими послѣдними попытками прекратилось тоже всякое значенія социалистическаго движенія въ Англіи; они положили конецъ дѣлу начатому въ двадцатыхъ годахъ, и нѣсколько разъ пользовавшемуся весьма значительною симпатіею со стороны публики.

Робертъ Овэнъ, какъ мы видимъ, теперь совершенно забытъ въ Англіи, — но несправедливо было бы отрицать его заслуги и его вліяніе на ассоціаціонное движеніе въ Англіи. Если, въ слѣдствіе эксцентричности его теорій, онъ далъ въ своихъ опытахъ всему дѣлу аномальное утопическое направленіе, то все же ему принадлежитъ заслуга, что онъ въ числѣ первыхъ поднялъ ассоціаціонный вопросъ для работниковъ. — Хотя въ Англіи социализмъ

принялъ совершенно другое направленіе, чѣмъ во Франціи, однако результаты въ обѣихъ странахъ были одни и тѣже. — Всѣ попытки примѣненія социалистической ассоціаціи въ дѣйствительности не удалось, но не смотря на то ассоціаціонная идея бросила корни, и очистившись отъ примѣсей утопіи пошла путемъ своего нормальнаго развитія, общающимся ей въ будущемъ блестящіе плоды. — Мы видѣли впрочемъ, что въ Англіи, и въѣ социалистическаго движенія Оувэна, уже давно были попытки распространенія нормальной, практической рабочей ассоціаціи, распределительной и потребительной, — мы привели на примѣръ движеніе въ Брайтонѣ, но, не смотря на то, можно утвердительно сказать, что Оувэнъ своею агитаціею, хотя и одностороннею, значительно подвинулъ дѣло рабочихъ ассоціацій.

На первое время послѣ 1848 г. прекратилось впрочемъ даже движеніе нормальныхъ рабочихъ ассоціацій, такъ называемыхъ *cooperative associations*; — не подлежитъ сомнѣнію, что значительное число подобныхъ ассоціацій, образовавшихся гораздо раньше, погибли въ слѣдствіе промышленнаго кризиса, вызваннаго въ Англіи французскою революціею. — Только въ 1850 г. становятся замѣтными нѣкоторые признаки такъ называемаго *кооперативнаго* движенія. — Отчасти это были старыя ассоціаціи, которыя, переживъ благополучно кризисъ 1848—49 г., начали развиваться съ новою силою; отчасти это были вновь образовавшіяся ассоціаціи. Нельзя отрицать однако, что въ это время примѣры хорошаго хода дѣлъ нѣкоторыхъ парижскихъ ассоціацій имѣли весьма поощрительное вліяніе на возрожденіе чисто ассоціаціоннаго движенія въ Англіи; въ этомъ же смыслѣ дѣйствовало отчасти тоже переселеніе въ Англію нѣкоторыхъ французскихъ дѣятелей по ассоціаціонному поприщу. Это сближеніе отозвалось однако только на практическомъ поприщѣ ассоціаціоннаго движенія, теоретическаго вліянія никакого не было, социалистическія теоріи остались въ Англіи безсильными и лишеными всякаго вліянія.

Кризисъ 1848 г. въ Англіи былъ вообще такъ силенъ, что онъ какъ бы порвалъ всякую связь между новѣйшимъ и прежнимъ ассоціаціоннымъ движеніемъ. Все прежнее было забыто до того, что вновь возникшія ассоціаціи не воспользовались даже опытами и указаніями прошедшаго, а начали свое дѣло со всею неопытностію и неувѣренностію юныхъ, вновь возникающихъ учрежденій.

Большая часть вновь возникших обществ принадлежала къ классу такъ называемыхъ *cooperative stores*, это нѣчто среднее между распредѣлительною и торговою ассоціаціею. Небольшими взносами участниковъ, а также и займами, составляли небольшой капиталъ, который употребляли на устройство мелочной лавки—*Shop, store*; прибыль, приписывая такую лавкой, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, въ томъ числѣ и процентовъ на занятую сумму, распредѣлялась ежегодно въ видѣ дивиденда между участниками. Тамъ, гдѣ число участниковъ было очень значительно, изъ лавки продавались товары исключительно членамъ ассоціаціи, по большей частию въ такихъ лавкахъ могъ покупать каждый желающій, даже изъ постороннихъ лицъ. — Главное число участниковъ, во всѣхъ такихъ обществахъ, принадлежало къ классу рабочихъ людей *working men*; въ менѣе значительномъ числѣ въ ассоціаціяхъ принимали участіе и хозяева и мастера; высшіе классы принимали иногда участіе посредствомъ денежныхъ ссудъ. Другихъ сношеній между членами подобныхъ ассоціацій, кромѣ общаго интереса въ торговомъ лавочномъ дѣлѣ не существовало,—вообще подобныя учрежденія едва заслуживали названіе рабочихъ ассоціацій. Они не думали даже о закупкѣ оптомъ большими массами изъ первыхъ рукъ тѣхъ предметовъ, которые продавались въ лавкѣ, такъ что все дѣло носило вполнѣ характеръ обыкновенной мелочной торговли, но принадлежащей только не одному лицу, а нѣсколькимъ лицамъ. Не смотря на то, чуждыя социалистическимъ теоріямъ, эти предпріятія заключали въ себѣ зачатки нормальнаго ассоціаціоннаго движенія, которые начали развиваться въ нихъ съ конца 1849 г. Такое развитіе высказалось у нѣкоторыхъ въ стремленіи ближайшаго, непосредственнаго сношенія съ производителями или съ большими рынками и въ расширеніи операций самаго предпріятія; въ другихъ выказались попытки перехода къ собственной производительной дѣятельности, особенно относительно производства предметовъ первой потребности: муки, хлѣба. Наконецъ выказалось мѣстами даже нѣкоторое общительное движеніе между членами ассоціаціи, устройствомъ помѣщеній для общихъ сходовъ, разговоровъ, поученій, чтеній и т. п.

Въ сравненіи съ распредѣлительными и торговыми ассоціаціями число чисто производительныхъ было довольно незначительно. Устройство послѣднихъ было обыкновенно очень просто

и весьма мало отличалось отъ устройства описанныхъ нами парижскихъ ассоціацій. Нѣсколько человекъ портныхъ или сапожниковъ, или шляпочниковъ, или столяровъ, или другихъ ремесленниковъ соединялись вмѣстѣ и, составя собственными средствами или путемъ займа небольшой капиталъ, они нанимали общую мастерскую, закупали инструменты и сырой матеріалъ и начинали работать иногда по заказу, а иногда и просто на запасъ. Изъ суммы, вырученной за продажу продуктовъ, уплачивалась заработная плата работникамъ, проценты, ссуды, если таковыя существовали, а остатокъ, если онъ затѣмъ оказывался, распределялся между членами или присоединялся къ оборотному капиталу. Такъ какъ для образованія подобныхъ производительныхъ ассоціацій требовалось уже гораздо болѣе познаний и нравственной энергіи, чѣмъ для образованія *cooperative stores*, то и избытокъ дохода въ первомъ случаѣ употреблялся обыкновенно гораздо благоразумнѣе и производительнѣе. Не смотря на то, весьма часто выказывалось худое знаніе дѣла, смѣшеніе самыхъ элементарныхъ понятій и нѣкоторая зависимость отъ временнаго настроенія умовъ. Такимъ образомъ, на-примѣръ, демократическій принципъ былъ развитъ до того во многихъ изъ этихъ ассоціацій, что управленіе ходомъ дѣла было лишено всякаго авторитета, — и потому дѣло терпѣло, если случайно въ числѣ участниковъ не находилось человека, который, благодаря внушаемому имъ довѣрію, а также своему развитію и энергіи, получалъ въ дѣйствительности авторитетъ и вліяніе на ходъ дѣла, который статутами ему совершенно не былъ предоставленъ. При такомъ положеніи дѣла нельзя было и помышлять объ устройствѣ правильныхъ, постоянныхъ сношеній между различными ассоціаціями или объ общей организаціи этихъ учреждений; — идея Оуэна, прямаго вымѣна продуктовъ однихъ на другіе, имѣющая то разумное основаніе, что она отстраняла бы множество посредниковъ, а каждый посредникъ пользуется извѣстнымъ доходомъ на счетъ производителя и на счетъ потребителя, — мысль эта была совершенно забыта.

Самостоятельное и сильное развитіе рабочихъ ассоціацій задерживалось однако не только младенческою неопытностію большей части оныхъ и ограниченными средствами, которыми они располагали, — другая причина задержки, другое затрудненіе являлось въ самомъ законодательствѣ. Эта послѣдняя причина дѣйствовала тѣмъ болѣе сильно, что по неопытности работни-

ковъ они совершенно не знали, какъ обойти подобное затрудненіе и какимъ образомъ законно обезпечить свое положеніе. Законъ тѣмъ былъ имъ невыгоденъ, что не заключалъ никакихъ постановленій, относящихся до подобныхъ рабочихъ ассоціацій,—всѣ же постановленія, относящіеся до ассоціацій вообще, въ этомъ случаѣ были непримѣнны. Такимъ образомъ, не имѣя возможности встать на законное основаніе, рабочія ассоціаціи не имѣли никакой возможности обезпечить себя относительно возможныхъ обмановъ или упущеній со стороны лицъ, находящихся у нихъ на службѣ, потому что они не могли преслѣдовать ихъ судебнымъ порядкомъ; кромѣ того, тѣмъ самымъ обстоятельствомъ было значительно затруднено образованіе и приращеніе оборотнаго капитала, потому что они опять не могли принять никакихъ законныхъ мѣръ противъ состоятельныхъ неплатящихъ членовъ. Къ такимъ случаямъ не могли подходить ни законы о такъ называемыхъ *friendly societies* (родъ благотворительныхъ обществъ), ни законы объ акціонерныхъ обществахъ или товариществахъ *joint stock companies*. Последние, какъ извѣстно, требуютъ ответственности каждаго члена всѣмъ своимъ имуществомъ, но при такихъ условіяхъ немногимъ нашлось бы участниковъ въ рабочихъ ассоціаціяхъ: многіе готовы были принять участіе своимъ взносомъ или пріобрѣтеніемъ акцій, но вступить съ отвѣтственностію всего своего достоянія было не легко. Наконецъ, рабочія ассоціаціи могли бы избѣгнуть всѣ подобныя затрудненія, добывъ себѣ корпоративныя права, но пріобрѣтеніе грамоты на подобныя права, *charter*, обходится такъ дорого, что они и помышлять о томъ не могли.

Такимъ образомъ для успѣшнаго развитія этихъ обществъ было необходимо придать имъ какое либо законное основаніе и настроить ихъ въ тоже время въ дѣловомъ отношеніи на самое практическое направленіе. Съ этою цѣлю, т. е. руководства дѣловаго хода подобныхъ предпріятій совѣтами и доставленія имъ возможности законнаго основанія, составилось въ 1850 г. общество подъ названіемъ *Society for promoting working men's associations* подъ предѣтельствомъ профессора Морисса (Maurice). Г. Мориссъ принадлежитъ къ числу самыхъ дѣятельныхъ сподвижниковъ ассоціаціоннаго движенія (не социалистическаго), — онъ въ теченіи многихъ лѣтъ старался подвинуть это дѣло разными средствами, онъ издавалъ сочиненія, брошюры, собиралъ митинги, читалъ лекціи и т. п. Первымъ

дѣйствіемъ ассоціаціи было представить парламенту законодательный вопросъ о рабочихъ ассоціаціяхъ въ разумной дѣловой формѣ. Нашелся членъ парламента г. Сланей, который изъявилъ готовность отстаивать этотъ вопросъ, — ему сообщены были всѣ необходимыя данныя, свѣдѣнія и дѣло пошло въ ходъ. Благодаря поддержкѣ Сланей, парламентъ призналъ важность этого вопроса и назначилъ особенный комитетъ для разсмотрѣнія его. Дѣло принимало уже самый выгодный оборотъ, какъ вдругъ, въ слѣдствіе неожиданнаго политическаго кризиса, парламентъ былъ распущенъ и рабочее дѣло осталось не разрѣшеннымъ. Не смотря на то, уже одно парламентское обсужденіе значительно подвинуло его впередъ. Донесенія комитета были напечатаны отдѣльно, въ обыкновенной формѣ синей книги, blue-book. Этихъ самыхъ и большіе журналы были поставлены въ необходимость заняться рабочимъ ассоціаціоннымъ вопросомъ. Въ тоже самое время *Общество для содѣйствія образованія рабочихъ ассоціацій* не жалѣло ни трудовъ, ни мѣръ, для того чтобы къ предстоящему собранію парламента подвинуть этотъ вопросъ на столько, чтобы придать ему необходимое значеніе — что было лучшимъ средствомъ для доставленія ему благопріятнаго разрѣшенія. Общество, кромѣ митинговъ, лекцій и т. п., устроило особенный журналъ, the coöperative ciclar; кромѣ того оно учредило школу или скорѣе училище нѣсколько высшаго разряда для работниковъ, working man's college. Число членовъ прибывало постоянно, — въ 1853 г. наконецъ общество преобразовалось и приняло названіе Association for promoting industrial and provident Societies. (Ассоціація для поощренія образованія промышленныхъ и распорядительныхъ обществъ). Это преобразование было отчасти вызвано весьма важнымъ результатомъ прежней дѣятельности общества, а именно въ 1853 г. прошелъ билль г-на Сланей и такимъ образомъ было добыто наконецъ законное основаніе для рабочихъ ассоціацій. Для достиженія этого результата парламентъ только видоизмѣнилъ нѣсколько существующія постановленія касательно обществъ вспомошествованія и промышленныхъ товариществъ, — вслѣдствіе такого видоизмѣненія рабочимъ ассоціаціямъ была доставлена возможность записываться въ одну изъ означенныхъ категорій — соблюденіемъ весьма простой формальности и съ весьма незначительнымъ расходомъ, и такимъ образомъ приобрѣсть себѣ законное основаніе и законную защи-

ту. Законъ этотъ далеко еще не былъ совершенствомъ, все это было сдѣлано въ парламентѣ очень поспѣшно и довольно небрежно, такъ-какъ этотъ вопросъ не затрогивалъ политическихъ интересовъ. Вотъ почему лордъ Годерихъ предложилъ въ слѣдующее засѣданіе нѣкоторыя измѣненія и дополненія къ прошлому биллю, которыя были приняты парламентомъ,—эти дополненія давали рабочимъ ассоціаціямъ право являться въ качествѣ самостоятельнаго лица передъ судебными инстанціями.

Достигнувъ такимъ образомъ перваго и весьма важнаго результата, вышепомянутое общество for promoting industrial and provident Societies еще болѣе развило свою дѣятельность. Замѣчательно что это почти одно изъ первыхъ подобныхъ обществъ въ Англіи, которое приняло за девизъ: распространеніе не только рабочихъ ассоціацій, — но и развитіе въ нихъ христіанскаго направленія. Въ главѣ статутровъ общества говорится слѣдующее: «такъ-какъ учредители общества соединились для распространенія христіанскихъ началъ на торговлю и промышленность, то желая опредѣлить эти начала, такъ-какъ они находятъ ихъ въ священномъ писаніи, для того чтобы они могли служить основаніемъ для дѣятельности настоящаго общества,—они объявляютъ слѣдующее:

1) Общество людей есть тѣло, состоящее изъ разныхъ членовъ, а не масса, состоящая изъ враждебныхъ между собою атомовъ.

2) Работники должны быть товарищами, а не соперниками.

3) Въ дѣловыхъ оборотахъ (exchange) должно господствовать не начало эгоистическаго самостяжанія, а начало всеобщей справедливости.

На основаніи этихъ правилъ, дѣятельность общества должна была быть двоякая: нравственная и практическая. Первая состояла въ стараніи проведенія этихъ началъ во всѣ дѣйствія членовъ общества, а вторая имѣла цѣлію не отказывать въ совѣтахъ и содѣйствіи рабочимъ ассоціаціямъ, которыя оснуются на этихъ основаніяхъ, въ разныхъ касающихся ихъ юридическихъ вопросахъ, требующихъ хорошаго знанія законовъ,—доставлять имъ дѣльных и надежныхъ попечителей (trustees, эти попечители управляютъ ходомъ дѣлъ и служатъ представителями ассоціацій во всѣхъ судебныхъ и юридическихъ дѣлахъ, и потому, смотря по своей честности и по своему умѣнію, они могутъ принести ассоціаціи большую пользу или большой вредъ), — поддержи-

вать и рекомендовать правительству жалобы, съ которыми подобныя ассоціаціи, можетъ быть, будутъ принуждены обратиться къ правительственнымъ мѣстамъ,—и хлопотать объ измѣненіяхъ въ существующемъ законодательствѣ, которыя окажутся необходимыми или полезными для успѣха ассоціаціоннаго дѣла. Для постоянныхъ сношеній съ тѣми ассоціаціями, которыя признають начала высказанныя обществомъ и пожелаютъ прибѣгнуть къ его содѣйствію, учреждено особенное Central board, состоящее изъ депутатовъ этихъ ассоціацій при обществѣ.

Польза, которую общество, устроенное такимъ образомъ, можетъ принести рабочничьимъ ассоціаціямъ, можетъ быть весьма значительна. Особенно полезны должны быть для этихъ ассоціацій юридическіе совѣты и рекомендація попечителей общества for promoting industrial and provident Societies.

Мы видѣли, что парламентскимъ актомъ рабочничьимъ ассоціаціямъ доставлена возможность стать на совершенно твердую законную почву. Но для того чтобы вполне воспользоваться всѣми выгодами, проистекающими изъ такого положенія, необходимо подробное и точное знаніе законовъ и административно-юридической практики. Между тѣмъ отъ простыхъ работниковъ трудно ожидать этихъ познаній, — такимъ образомъ они естественнымъ образомъ поставлены въ альтернативу, или не пользоваться всѣми тѣми правами и преимуществами, которыя имъ предоставлялись законами, или вручить попеченіе о своихъ юридическихъ интересахъ спеціальнымъ адвокатамъ, которымъ пришлось бы платить вѣроятно весьма дорого, и отъ честности и знанія дѣла которыхъ вполне бы зависѣлъ интересъ рабочихъ ассоціацій.

Поэтому общество, состоящее изъ людей передовыхъ, вполне преданныхъ интересамъ рабочаго сословія, и хорошо знакомыхъ со всѣми постановленіями закона — можетъ принести своими совѣтами и своимъ руководствомъ неоцѣненную пользу рабочничьимъ ассоціаціямъ. Не менѣе важна и рекомендація *попечителей*, trustees. Мы видѣли, что законными представителями интересовъ общества должны являться во всѣхъ юридическихъ вопросахъ эти попечители; понятно поэтому, какъ важенъ въ этихъ общественныхъ должностяхъ людей вполне честныхъ и знающихъ. Слѣдовательно стараніе общества for promoting industrial and provident Societies приискать подобныхъ лицъ, для

тѣхъ ассоціацій, которыя обратятся къ нему за такимъ совѣтомъ, тоже въ высшей степени важно и полезно.

Послѣ этого общаго историческаго обозрѣнія ассоціаціоннаго движенія въ Англіи, обратимся теперь къ статистическимъ даннымъ о существующихъ нынѣ ассоціаціяхъ, и затѣмъ приведемъ примѣры устройства и образа дѣятельности нѣкоторыхъ изъ этихъ ассоціацій.

Самыя подробныя свѣдѣнія по этому предмету мы находимъ опять у профессора Губера, а потому мы и воспользуемся ими, не смотря на то, что они восходятъ до 1855 года.

Около этого времени въ Великобританіи и Ирландіи такъ называемыхъ «cooperative associations» значилось 220. — Кроме того, по мнѣнію Губера, существуетъ еще около 60, которыя нигдѣ въ статистическихъ спискахъ не значатся. — Изъ этихъ 220 около 50 находятся въ сношеніяхъ съ Лондонскимъ обществомъ for promoting industrial and provident societies. Около ста обществъ возникли съ 1849 года, существованіе остальныхъ началось гораздо раньше, самыя старыя это ассоціаціонныя лавки, cooperative stores. — Около 40 обществъ воспользовались новымъ парламентскимъ закономъ, и записались въ томъ видѣ, какъ онъ это требуетъ; нѣкоторыя записались подъ видомъ товариществъ, joint stock companies. — Большая часть обществъ, къ сожалѣнію, совершенно не заботятся о принятіи законной формы, и беззаботно ведутъ дѣла со дня на день; — вслѣдствіе такой беззаботности погибли десятки обществъ, потерявъ свои капиталы; не имѣя законнаго основанія, они не могли предпринимать никакихъ мѣръ противъ виновныхъ лицъ. — Около двухъ третей всѣхъ обществъ находятся въ Англіи и около одной трети въ Шотландіи. — Эта пропорція весьма благоприятна для Шотландіи, если принять въ соображеніе относительное ея народонаселеніе и развитіе ея промышленности въ сравненіи съ англійскою. — Такъ напримѣръ въ одномъ небольшомъ фабричномъ городѣ въ Шотландіи, Форфаръ, существуетъ до семи подобныхъ ассоціацій.

Общее число ассоціацій распределяется слѣдующимъ образомъ между различными отраслями. Распределительныхъ ассоціацій или cooperative stores для продажи разныхъ жизненныхъ припасовъ 190, — къ нимъ слѣдуетъ присовокупить еще 12 кооперативныхъ мельницъ, обороты коихъ большею частію соединены съ дѣлами подобныхъ лавокъ, представляя для участниковъ пред-

пріятія выгоду собственнаго производства жизненныхъ потребностей. — Производительныхъ ассоціацій въ собственномъ смыслѣ, фабричныхъ и ремесленныхъ 35, въ томъ числѣ 15 находящихся въ Лондонѣ. Изъ ремесленныхъ производительныхъ ассоціацій существуютъ: 9 портныхъ обществъ, — 4 сапожныхъ, — 1 пивоваренное, — 2 строительныхъ, — 2 желѣзодѣлательныхъ, — 2 фортепианныхъ, — 2 шляпочныхъ и т. д. Въ числѣ фабричныхъ обществъ замѣчательны: 2 общества для производства шелковыхъ товаровъ, — 1 для плюшевой фабрикаціи, — 5 для производства хлопчато-бумажныхъ товаровъ, — 2 для производства суконъ. — Общее число членовъ всѣхъ этихъ обществъ рассчитывается на 25,000; оно распределяется приблизительно слѣдующимъ образомъ на различныя общества:

до 40 обществъ имѣютъ менѣе	50 членовъ.
50 — — —	отъ 50 до 100.
12 — — —	100 — 200
6 — — —	200 — 500
6 — — —	500 — 1000
4 — — —	1000 — 2000
1 — — —	3400

Самое малочисленное общество имѣетъ 5 членовъ.

Обороты предпріятія представляютъ въ этихъ обществахъ отъ 1000 до 60,000 фунт. стер., т. е. отъ 6000 до 360,000 руб. сер. — Среднее число оборотовъ составляетъ отъ 1000 до 5000 фунт. Въ эту категорию относится большая часть обществъ; 60,000 составляютъ обороты только двухъ обществъ, — Самое значительное число членовъ и самый значительный капиталъ, а потому и обороты мы находимъ въ предпріятіяхъ, имѣющихъ цѣлю содержаніе собственной мельницы. — Очевидно, что чѣмъ больше число членовъ общества и чѣмъ значительнѣе потому его оборотный капиталъ, тѣмъ большую выгоду онъ можетъ извлекать изъ своихъ оборотовъ. — Небольшое число обществъ даетъ весьма значительный дивидендъ; такъ напримѣръ участники Рочдальской мельницы получаютъ 3 фунта 5 шил. дивиденда на акціи въ 25 фунтовъ стерл., — чистый доходъ мельницы въ Лидсѣ составлялъ около 1500 фунт. стерл., до 10,000 руб. Какъ бы умѣренны ни были успѣхи другихъ, однако можно утвердительно сказать, что большая часть этихъ обществъ развиваются успѣшно; лучше всего идутъ дѣла тѣхъ, которыя, не выплачивая ежегодно прибыли, присоединяютъ ее къ оборотному капиталу.

Ассоціація портныхъ въ Ливерпулѣ можетъ служить примѣромъ общества, которое начало свое дѣло весьма ограниченными средствами и въ скорое время достигло весьма благоприятныхъ результатовъ. — Общество это устроилось въ Ливерпулѣ въ 1851 году изъ 66 членовъ, которые съ трудомъ собрали 5 фунтъ стерл. (около 315 р. сер.). — Уже въ первый годъ ихъ обороты простирались на 226 фунтовъ, изъ которыхъ уплачено 165 фунтовъ заработной платы. Въ 1852 г. обороты поднялись на 570 фунт.; уплачено заработной платы 217 фунт. — Въ 1853 г. обороты 1200 фунт., заработная плата 500 фунт. — Въ 1854 г. обороты болѣе 1600, заработная до 700 фунтовъ и т. д. — Въ слѣдствіе такого блестящаго хода дѣла ассоціація отложила резервный капиталъ, устроила чистую и обширную мастерскую общество для обученія молодыхъ подмастерьевъ, залу для чтенія журналовъ и книгъ и т. п. На первое время этому обществу грозило соперничество портныхъ жидовъ, — работающих непомѣрно дешево, и продающихъ поэтому свой товаръ безцѣнокъ, но, благодаря благоразумному устройству при самомъ производствѣ, общество портныхъ безубыточно дошло до такой же дешевизны, — такъ что въ настоящее время оно уже не страшится этой конкуренціи.

Еще въ болѣе смиренныхъ размѣрахъ началось общество хлопчатобумажныхъ ткачей въ Манчестерѣ. — Оно составлено изъ 12 членовъ съ капиталомъ въ 7 шиллинговъ 6 пенсовъ (около 250 коп. сер.), а теперь у нихъ работаетъ 30 ткацкихъ станковъ, обороты ихъ простираются на 2000 фунт. стерл. (12,000 р. сер.), они кромѣ того устроили у себя кассу вспомошествованія больнымъ и для погребеній. — Одно общество въ Форфарѣ составило себѣ съ 1829 г. резервный капиталъ 13,000 фунт. стерл. (до 80,000 р. сер.). Многія общества строили уже красивыя зданія для своихъ лавокъ. — Полезное вѣдѣніе ассоціаціоннаго начала распространяется однако не только на одну экономическую, матеріальную, но и на нравственную сторону, — напримѣръ въ большей части изъ этихъ общинныхъ лавокъ, stores, не продаются спиртовые напитки.

Профессоръ Губеръ приводитъ въ своемъ сочиненіи нѣсколько подробныхъ и весьма интересныхъ описаній дѣятельности и организаціи нѣкоторыхъ изъ этихъ обществъ; мы займемся у него нѣсколько изъ его примѣровъ.

Въ городѣ Ковентри находится замѣчательное общество,

Coventry labourer's and artizan's cooperative society. — Общество это возникло въ 1842 году. — Первоначальная цѣль его обращенія была доставленіе членамъ угля по оптовой цѣнѣ, — и небольшихъ ссудъ по дешевымъ процентамъ. — Въ послѣдствіи эти двѣ отрасли дѣятельности общества раздѣлились, — ссудное отдѣленіе устроилось отдѣльнымъ учрежденіемъ, которое до сихъ поръ дѣлаетъ весьма обширные обороты, отпуская ежегодно до 20,000 малыхъ ссудъ, суммою всего на 6000 фунт. стерл. — Другая отрасль общества — торговая, существовала въ которое время съ большимъ трудомъ, дѣла его пошли въ ходъ только благодаря помощи и содѣйствію Лондонскаго поощрительнаго общества. — Успѣхъ дѣла впрочемъ тоже долженъ быть приписанъ неусыпнымъ трудамъ коventрійскаго школьнаго учителя, который сталъ въ главѣ предпріятія и посвятилъ ему всю свою свободную дѣятельность; его заботливостію и съ помощію лондонскаго общества коventрійская ассоціація воспользовалась вышеизложеннымъ парламентомъ закономъ, — и записалась въ 1852 г. въ число закономъ утвержденныхъ обществъ съ соблюденіемъ требуемыхъ формальностей. — Два весьма почтенныхъ джентельмена согласились принять званіе попечителей, trustees, общества. — Такое принятіе на себя званія попечителей лицами высшаго аристократическаго круга, не требуя отъ послѣднихъ никакого денежнаго пожертвованія, приписать рабочимъ ассоціаціямъ большую пользу, предоставляя имъ полезное заступничество и даже руководство.

Устроившись такимъ образомъ, дѣятельность кооперативной ассоціаціи стала все болѣе и болѣе развиваться.

Число различныхъ предметовъ, продаваемыхъ въ лавкѣ общества, было увеличено, — затѣмъ была снята въ аренду въ содѣйствіе мельница, устроена собственная пекарня, взята на аренду садовая земля и наконецъ устроена даже ссудная касса для членовъ общества.

Оборотный капиталъ составляется изъ взносовъ, платимыхъ при вступленіи въ число членовъ общества, изъ акцій въ 5 шил. каждая (150 к. сер.), которыя могутъ быть уплачены небольшими взносами, — никто не можетъ имѣть болѣе 100 акцій, онѣ приносятъ 5% дохода, — затѣмъ въ оборотный капиталъ поступаютъ суммы накопленныя членами, которыя они могутъ отдавать обществу за извѣстный процентъ, — наконецъ въ оборотный же капиталъ отлагается ежегодно одна треть чистой при-

были.—Кромѣ того управителямъ предпріятія предоставлено право, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ формальностей и съ согласія попечителей, дѣлать займы у постороннихъ лицъ.—Прекращеніе предпріятія можетъ быть рѣшено только весьма значительнымъ большинствомъ, которому притомъ этотъ вопросъ долженъ быть предложенъ по нѣскольку разъ.

Результаты дѣятельности означеннаго общества въ экономическомъ отношеніи выказываются весьма благопріятными. — Мы видѣли каковы были зачатки этого дѣла, между тѣмъ уже въ 1854 г. въ ассоціаціи считалось 850 членовъ, — весь оборотъ его составлялъ 12,746 фунт. стерл. (болѣе 75,000 р. сер.). Этотъ оборотъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ.

по мельницъ обороту.	3763	фунт. стерл.	
— лавкѣ (store)	3328	—	—
— пекарнѣ.	770	—	—
— продажѣ угля	209	—	—
— ссудной кассѣ.	1623	—	—
арендной платы за сады.	407	—	—
взносы членами накопленныхъ суммъ	776		
	<hr/>		
	12746		

Дивиденда получено 20% съ затраченнаго капитала. Въ лавкахъ не продается спиртовыхъ напитковъ; вообще хотя общество не есть общество воздержанія отъ употребленія оныхъ, однако общественное мнѣніе смотрѣло бы весьма строго на такого члена, который предавался бы неумѣренному или излишнему употребленію напитковъ.

По словамъ профессора Губера, лавка общества устроена весьма чисто и красиво, — въ ней находятся всѣ обыкновенные предметы потребленія (кромѣ мяса) самаго лучшаго сорта. Особенно красуется на первомъ мѣстѣ превосходный и вкусный хлѣбъ, который готовится въ собственной пекарнѣ общества, изъ муки смолотой на собственной мельницѣ; — кромѣ жизненныхъ припасовъ здѣсь продаются и нѣкоторые другіе предметы, напримѣръ шляпы, покупаемыя обществомъ у ассоціаціи шляпочныхъ фабрикантовъ въ Манчестерѣ.

Для членовъ общества устроена библіотека съ комнатою для чтенія, — весьма просто, но чисто убранной; на столахъ лежатъ разные журналы, — особенно преобладаютъ ежемѣсячныя изданія.—Библіотека, расположенная по стѣнамъ, состоитъ приблизительно изъ ста томовъ, въ числѣ конхъ попадаетъ сочи-

ненія историческія, біографическія, естественно—описательныя, и относящіяся къ прикладной физики и химіи.—Для увеличенія средствъ своихъ на приобрѣтеніе книгъ, общество устрояетъ иногда сельскіе балы tea party and ball.

Общество обладаетъ кромѣ того около 200 садовыми участками, которые оно отдаетъ довольно дешево въ наймы своимъ членамъ, и которые устроены на землѣ снимаемой обществомъ на продолжительное число лѣтъ. — Величина каждого садика составляетъ четверть, половину и до цѣлаго акра. — Большею частію въ нихъ воздѣлываются разныя овощи и полезныя растенія, мѣстами замѣтна тоже воздѣлка цвѣтовъ для украшенія сада,—во многихъ устроены самыя разнообразныя бесѣдки. Вообще вездѣ царствуетъ большой порядокъ и чистота. Такимъ образомъ участники владѣльцы садиковъ не только добываютъ дешевымъ путемъ разныя необходимыя предметы потребленія, но кромѣ того эта работа доставляетъ имъ развлеченіе и весьма полезна для здоровья этихъ людей. — Статуты общества запрещаютъ по воскресеньямъ всякую работу въ саду. — Садовая работа, при которой необходимы взаимныя пособія между сосѣдями, содѣйствуетъ при томъ къ развитію духа общенія и вообще къ сближенію между членами ассоціаціи.

Рано утромъ, передъ отправленіемъ на работу, эти люди занимаются часть-другой воздѣлкою своего сада; вечеръ, по возвращеніи съ работы, посвящаютъ весь тому же занятію.

Отъ Ковентрійскаго общества перейдемъ къ Рочдэльскимъ ассоціаціямъ.

Въ Рочдэлѣ всего существуетъ 13 ассоціацій, включающихъ до 1734 членовъ; капиталъ всѣхъ этихъ ассоціацій составляетъ 13,800 фунтовъ стерл., а еженедѣльный доходъ отъ оборотовъ 1000 до 1200 фунтовъ стерл. Главная изъ этихъ ассоціацій помѣщается въ мѣстности, называемой Бакупъ, и потому носитъ названіе The Bacup commercial company; она основана въ 1850 году, число членовъ ея 100, обороты ея простираются отъ 40 до 50,000 фунт. стерл. въ годъ. Оборотный капиталъ составляетъ посредствомъ выпуска акцій, цѣною 25 фун. стерл. каждая, приносящихъ владѣльцамъ ихъ 5⁰/о; всѣхъ акцій выпущено 175, а можетъ быть выпущено до 1500. Ассоціація имѣетъ предметомъ производство пряденой хлопчатой бумаги, она устроила прядильную мануфактуру, которая по величинѣ можетъ считаться въ Англіи фабрикой пятого разряда. Мануфактура

устроена весьма просто, но чисто и удобно. Часть работников состоитъ изъ членовъ ассоціаціи, остальные наемные на обыкновенномъ основаніи. Эта ассоціація соблюла законныя формальности для записки въ число существующихъ, признаемыхъ законами ассоціацій и для получения на то *граматы* (*charter*), формальность, которая обошлась ей въ 300 фун. стерлинговъ (1800 руб. сер.).

Другая замѣчательная Рочдальская ассоціація — *Rochdale society of equitable pioneers*; это странное и нѣсколько заумное и высокопарное названіе довольно трудно перевести на русскій языкъ.

Pioneer, *піонеръ*, называются въ Америкѣ, какъ извѣстно, лица, поселяющіяся первыя въ еще незаселенной американцами странѣ, обыкновенно среди индѣйскихъ дикихъ племенъ, отъ сосѣдства которыхъ они подвергаются многочисленнымъ опасностямъ. Такъ какъ эти люди первые заносятъ образованіе и промышленность въ дикія страны, то слово *pioneer* сдѣлалось равнозначущимъ съ словомъ *передовой человекъ*, — такъ на примѣръ совершенно стереотипна стала фраза *the pioneers of civilisation*, т. е. передовые люди, поборники цивилизаціи, образованности. Въ этомъ же смыслѣ и рочдальскіе работники назвали свое общество: *the Rochdale society of equitable pioneers*, т. е. рочдальское общество справедливыхъ или добросовѣстныхъ *піонеровъ*, т. е. *передовыхъ людей* въ дѣлѣ рабочей ассоціаціи. Названіе, какъ мы видимъ, не очень скромное, что однако не мѣшаетъ ни дѣльности, ни практичности устройства самой ассоціаціи, ни успѣху ея дѣла.

Означенная рочдальская ассоціація основалась въ 1844 году вслѣдствіе несогласія между фланелевыми ткацкими работниками и ихъ хозяевами фабрикантами, несогласія, побудившаго первыхъ прекратить свою работу, сдѣлать такъ называемый *strike*. По этому поводу у нихъ родилась мысль устроить, для улучшенія своего положенія, независимое отъ прежнихъ хозяевъ фабрикантовъ предпріятіе (*Selfemployment*). Недостатокъ капитала и кредита, принудилъ ихъ на первое время ограничиться устройствомъ общественной лавки, *cooperative store*. Они съ трудомъ собрали 28 фунт. стерл. и наняли за 10 фун. стерл. помещеніе въ подвалѣ одного дома для своей лавки. Сначала дѣла шли довольно туго, особенно тяжело было имъ перенести

опасный промышленный кризисъ 1847. Они однако благополучно пережили это время, между тѣмъ какъ множество другихъ отдѣльных работниковъ, не находившихъ подкрѣпленія и опоры въ ассоціаціи, совершенно раззорились въ это время. Благополучное перенесеніе кризиса сильно подняло кредитъ ассоціаціи, оборотный капиталъ ея сталъ расти весьма быстро и дѣла приняли очень выгодное положеніе. Обороты были расширены: кромѣ покупки и продажи жизненныхъ припасовъ, они занялись еще закупкою и продажей готовыхъ платьевъ и разныхъ тканей для платья и т. д. Въ 1855 года ассоціація обладала уже капиталомъ въ 6370 фунт. стер., дѣлая ежегодныхъ оборотовъ на 30,000 фунт. стер. и получая доходу еженедѣльно 560 фунт. стер.; число членовъ состояло изъ 911 человекъ. Капиталъ ассоціаціи образуется выпускомъ акцій въ 1 ф. стер. (6 руб. сер.) каждая. Каждый членъ можетъ взять до 50 акцій, но долженъ имѣть ихъ по крайней мѣрѣ 5. Кромѣ того каждый членъ долженъ вносить еженедѣльно по 3 пенса. Со вкладовъ въ общественный капиталъ платится членамъ 5%; чистая прибыль распределяется ежегодно между членами ассоціаціи сообразно цифрѣ покупокъ, сдѣланныхъ каждымъ. Это дѣлается съ тою цѣлю, чтобы побудить работниковъ покупать необходимые имъ предметы исключительно въ общественной лавкѣ; потому что въ противномъ случаѣ изъ лѣности (такъ какъ дома работниковъ разбросаны на весьма обширномъ пространствѣ, причемъ нѣкоторымъ приходится довольно далеко до своей лавки) или по разнымъ другимъ причинамъ, многіе стали бы покупать въ другихъ постороннихъ лавкахъ. Самое управленіе всѣмъ учрежденіемъ основано на весьма демократическихъ началахъ, что, по мнѣнію г. Губера, вредитъ единству хода оборотовъ и энергіи въ управленіи дѣломъ. Съ лондонскимъ центральнымъ обществомъ, о которомъ мы говорили выше, рочдальская ассоціація, имѣетъ весьма мало сношеній, изъ ложной боязни подчиниться чужому вліянію. Съ 1848 года ассоціація рочдальскихъ пионеровъ стала помышлять о введеніи еще разныхъ новыхъ операцій въ кругъ своихъ занятій, а именно: разныя мануфактурныя производства, — постройка удобныхъ жилищъ, пріобрѣтеніе или арендованіе земель для сельско-хозяйственного производства, и наконецъ разныя учрежденія для общественной жизни, воспитанія и т. п.; между прочимъ помышляютъ объ устройствѣ зданія, въ которомъ могли бы помѣщаться люди, воз-

держивающіеся отъ употребленія всякихъ горячихъ напитковъ а temperance hotel (домъ воздержности).

Находящееся съ этою главною ассоціаціею въ близкихъ сношеніяхъ, однако отдѣльное, общество The Rochdale district corn-mill society, учредившее общественную мельницу, начало свою дѣятельность въ 1851 г. съ капиталомъ въ 1600 фунт. стерл. Въ началѣ дѣла шли тоже весьма туго, кромѣ того были разныя внѣшнія затрудненія и собственныя ошибки, наконецъ въ добавокъ ассоціація была еще обманута однимъ изъ своихъ дѣлопроизводителей. Не смотря на всѣ эти неудачи, она не переставала работать, доставляя участникамъ хорошую муку по оптовой цѣнѣ, и въ теченіи четырехъ лѣтъ успѣла приобрѣсть чистой прибыли 709 фунт. стер.

Кромѣ того въ 1855 г. устроивалась еще новая ассоціація, но въ сношеніи съ обществомъ піонеровъ, для производства всѣхъ тѣхъ продуктовъ, которые они продаютъ въ своей лавкѣ, подъ названіемъ Rochdale cooperative manufacturing society.

Рочдэльское общество піонеровъ устроило тоже для своихъ членовъ компату для чтенія, въ которой находятся разные журналы и библіотека, состоящая изъ 600 томовъ, въ томъ числѣ сочиненія: философическія, моральныя, политико-экономическія, теологическія, естественно-историческія, біографическія, географическія, историческія, сочиненія объ искусствахъ, романы, поэзія и т. п. Въ числѣ авторовъ замѣчаютъ имена Пэлей, Годвина, Пэйна, Коббета, Луи-Блана, Карлейля, Бентама, Озэна, Комбо, Бругама, Стуарта Миля, Ламартина, Жиббона, Мишеле, Виргилія, Вальтера Скота, Попе, Юнга, Шэкспира, Бэриса, Мильтона, Кольриджа, Байрона, Дюма, Купера, Бульвора, Дикенса и др.

Одинъ эта переченьъ именъ, не смотря на странную смѣсь самыхъ разнородныхъ сочиненій, доказываетъ однако уже нѣкоторую степень образованности и развитія въ Рочдэльскихъ работникахъ.

Чтобы покончить съ англійскими ассоціаціями, приведемъ здѣсь еще примѣръ двухъ замѣчательныхъ лондонскихъ обществъ, а именно ассоціацію портныхъ и ассоціацію машинныхъ работниковъ.

Ассоціація портныхъ, устроенная портнымъ г. Дуннъ, замѣчательна особенно тѣмъ, что она поставила себѣ задачею соперничать съ дешевыми платяными торговцами, болѣею частію изъ

жидовъ, доставляя въ то же время своимъ работникамъ хотя и умѣренный, но весьма достаточный доходъ.

Извѣстно, что въ многихъ большихъ городахъ, особенно же въ Парижѣ и Лондонѣ, существуетъ цѣлый классъ портныхъ рабочихъ и работницъ, которые, находясь въ ужасной бѣдности, принуждены работать за самую ничтожную плату; этимъ воспользовались промышленники, которые устроили магазины дешеваго платья и бѣлья, находя возможность, не смотря на дешевизну цѣны, по которой они продаютъ свой товаръ, выручать еще весьма порядочные барышни. Разумѣется, что большая часть этихъ барышей получается на счетъ бѣдныхъ работниковъ и работницъ, которые, трудясь съ утра до ночи, выручаютъ едва насущный хлѣбъ. Такого рода промышленники носятъ въ Лондонѣ особенное названіе Sweaters. Учреждая свою ассоціацію, г. Дуннъ имѣлъ въ виду противудѣйствовать подобной бесовѣстной эксплуатаціи труда бѣднѣйшаго класса работниковъ, — стараясь доказать на дѣлѣ, что можно соперничать съ означенными промышленниками безъ эксплуатаціи работниковъ, а напротивъ того предоставляя имъ вполне справедливую плату за ихъ трудъ. Для достиженія возможности удачнаго соперничества съ платяными торговцами необходимо было продавать товаръ по той же дешевой цѣнѣ, но нѣсколько лучшаго качества, особенно же большей прочности, — въ то же время для предоставленія рабочимъ справедливой заработной платы, хозяинъ предпріятія или главный руководитель онымъ долженъ былъ довольствоваться меньшимъ барышемъ противъ того, который извлекаютъ изъ своихъ оборотовъ торговцы жидами. Кромѣ того, принимая въ соображеніе до какой степени относительное благосостояніе дѣйствуетъ благопріятно на возвышеніе нравственнаго уровня работника, г. Дуннъ съ другой стороны хотѣлъ доказать, что возможно соединить прибыльное веденіе портнаго дѣла съ нѣкоторыми даже довольно значительными расходами на разныя предпріятія, имѣющія исключительно цѣлю умственное и нравственное развитіе работника.

Не смотря на трудность задачи, г. Дуннъ успѣлъ разрѣшить ее удовлетворительно.

Обладая довольно значительнымъ капиталомъ, главнымъ условіемъ дешевой производительности, онъ могъ закупать матеріалъ, т. е. сукна и т. п., оптомъ изъ первыхъ рукъ, у самихъ фабрикантовъ, заготавливать платья въ значительномъ количествѣ,

представляя такимъ образомъ покупателямъ большой выборъ товара, и т. п.

Онъ устроилъ удобную, теплую, здоровую и хорошо приспособленную къ портному дѣлу мастерскую, на первый случай на двѣнадцать работниковъ. Такъ какъ однако число работниковъ съ самаго начала превзошло эту цифру, то остальные должны были, до увеличенія размѣровъ мастерской, уносить работу къ себѣ на домъ; — требовалось однако, чтобы работники жили вблизи мастерской. Кромѣ того, для вѣрности учета и успѣшнаго хода дѣла, были постановлены слѣдующія правила:

1) Работа раздается регулярно каждому работнику съ точнымъ письменнымъ наставленіемъ какъ ее исполнить, и 2) съ печатнымъ обозначеніемъ цѣны заготавлиаемаго предмета (цѣна эта не выше существующей въ прочихъ платяныхъ лавкахъ), 3) по окончаніи работы, принося изготовленный предметъ, работникъ долженъ возратить тоже вышепомянутый печатный ерлыкъ, обозначающій цѣпу предмета, подписавши на немъ четко свою фамилію и мѣсто жительства, 4) каждый работникъ обязанъ вести регулярно книжку, журналъ, своимъ работамъ — эту книжку онъ представляетъ каждую субботу въ кассу и получаетъ плату, доводящуюся ему за работу въ продолженіи всей предшествующей недѣли. 5) Первые три мѣсяца каждый работникъ находится на испытаніи; если его работа или поведеніе покажутся неудовлетворительными, то онъ можетъ быть немедленно лишенъ мѣста. Но по истеченіи трехмѣсячнаго испытанія работникъ становится уже нѣкоторымъ образомъ членомъ ассоціаціи и уже не можетъ лишиться мѣста иначе какъ по единогласному приговору хозяина (г-на Дунна), прикащика или надсмотрщика (foreman) и одного изъ своихъ товарищей, котораго онъ съ этою цѣлію долженъ избрать въ поручители. 6) Отосланный работникъ никогда не можетъ быть принятъ опять въ ассоціацію. 7) Особенное покровительство оказывается тѣмъ изъ работниковъ, которые отличаются порядочною жизнію и чистотою какъ во внѣшности, такъ и во всѣхъ своихъ домашнихъ привычкахъ, опрятностію, совѣстливостію и т. п. качествами. Напротивъ того положеніе работниковъ безпорядочныхъ и безнравственныхныхъ, даже если они непосредственно не сдѣлали никакого проступка противъ правилъ общества, дѣлается до того неприємнымъ въ средѣ прочихъ товарищей, что подобный работникъ самъ не захочетъ оставаться членомъ ассоціаціи.

Работникъ, согласившійся на всѣхъ этихъ условіяхъ вступить въ общество, получаетъ во первыхъ за всякую работу ту же задѣльную плату, которая установлена у лучшихъ совѣстливыхъ хозяевъ,—кромѣ того онъ получаетъ въ видѣ дивиденда известную часть прибыли, немедленно при расчетѣ, если предметъ сдѣланъ на заказъ, или немедленно послѣ продажи предмета, если онъ не заказной. Дивидендъ этотъ сообразуется съ качествомъ работы, отиѣчается съ точностію на каждомъ счетѣ и вносится постоянно въ книжку работъ, имѣющуюся у каждого работника. Среднимъ числомъ доходъ каждого работника ассоціаціи составляетъ отъ 30 до 40 шиллинговъ (отъ 9 до 12 руб.) въ недѣлю.

Кромѣ мастерской г. Дуннъ выстроилъ на противоположной сторонѣ улицы весьма красивое зданіе, въ которомъ находится залъ для собраній; здѣсь собираются для переговоровъ о дѣлахъ предпріятія, здѣсь читаются разныя лекціи практическихъ и техническихъ познаній, здѣсь наконецъ собираются члены общества для удовольствія и взаимной бесѣды; кромѣ зала въ этомъ зданіи находится еще нѣсколько меньшихъ комнатъ, въ одной изъ нихъ помѣщается библіотека, другая предназначена для чтенія журналовъ и книгъ,—наконецъ въ томъ же зданіи устроена небольшая школа, а внизу нѣсколько ваннъ. За право пользованія комнатою для чтенія, библіотекой, за дозволеніе присутствовать на лекціяхъ, концертахъ, устраиваемыхъ иногда въ залѣ, на школьныхъ урокахъ и наконецъ за право пользованія ваннами каждый работникъ платитъ по 6 пенсовъ съ каждого фунта стерлинга, выручаемаго имъ за свою работу. Такъ какъ однако этотъ сборъ недостаточенъ для покрытія всѣхъ расходовъ по содержанію означеннаго зданія,—то для пополненія дефицита въ известные дни недѣли пользованіе ваннами предоставляется, за известную плату, постороннимъ лицамъ, такъ что всѣ сосѣдніе работники могутъ тоже пользоваться этимъ удобствомъ, кромѣ того большой залъ отдается иногда въ наѣмы для концертовъ, или какихъ либо представлений.

Работники устроили между собою кассу вспомошествованія, и избрали изъ своей среды двухъ человѣкъ, которымъ поручено осматривать на дому положеніе каждого работника, помогать бѣднѣйшимъ, деньгами (изъ кассы) и совѣтами, наблюдать за

чистотою квартиръ и т. п. Разъ въ годъ всѣ работники вмѣстѣ предпринимаютъ увеселительную поѣзду за городъ.

Заведеніе г. Дунна, помѣщающееся въ Бельмонтѣ *Nemington Causeway № 40* и носящее названіе *Dunna's Taylor's labour agency*, существуетъ такимъ образомъ весьма успѣшно, не смотря на значительные *high frais* на содержаніе зала и различныхъ учреждений для отдохновенія и умственнаго развитія работниковъ, и не смотря на необходимую дешевизну цѣнъ, по которымъ продаются его произведенія; положеніе работниковъ несравненно лучше положенія ихъ у другихъ портныхъ, не говоря уже о жидакъ, торгующихъ платьемъ (*sweaters*), а учредитель г. Дуннъ извлекаетъ при всемъ томъ хотя и умѣренный, но вѣрный и достаточный доходъ изъ своего капитала.

Изъ описанія этого предпріятія мы видимъ, что это собственно не чисто рабочая ассоціація. Все устроено на средства г. Дунна, онъ же стоитъ въ главѣ предпріятія и управляетъ имъ безъ всякаго контроля; но съ другой стороны заботливость о благосостояніи работниковъ, участіе въ барышахъ кромѣ задѣльной платы и другія тому подобныя учрежденія придаютъ предпріятію г. Дунна весьма много сходства съ рабочими ассоціаціями, а потому мы и пали возможнымъ помѣстить здѣсь описаніе онаго. Этого рода предпріятія относятся не къ чистымъ ассоціаціямъ и не къ чисто частнымъ промышленнымъ учрежденіямъ, а носятъ характеръ учреждений *смѣшанныхъ*, т. е. это нѣкоторымъ образомъ ассоціація между хозяиномъ и его работниками, причемъ первый все же остается главнымъ руководителемъ всего предпріятія, а послѣдніе участвуютъ въ прибыляхъ онаго.

Ассоціація машинныхъ работниковъ находится въ *Mile—End*, Камбриджстритъ; она основана братьями Мусто, въ слѣдствіе почти всеобщаго прекращенія работъ (*strike*) машинными работниками въ 1851 году.

Положеніе машинныхъ работниковъ въ Англіи несравненно лучше положенія прочихъ рабочихъ классовъ. Такъ какъ отъ машиннаго работника требуется болѣе познаній, болѣе смѣливости, и вообще большаго развитія, чѣмъ отъ другихъ работниковъ, то и плата, получаемая ими, гораздо значительнѣе въ сравненіи съ прочими. Въ слѣдствіе этого обстоятельства у машинныхъ работниковъ были накоплены довольно значительныя средства, когда начался извѣстный *striк* 1857 г.,—но какъ ни значительны были эти средства, ихъ однако не могло хватить на

продолжительное содержаніе всѣхъ работниковъ, отказавшихся отъ работъ. Средства уменьшались со дня на день и оставалось только или поступить опять на работу къ прежнимъ хозяевамъ фабрикантамъ, подчинившись вполне поставленнымъ ими условіямъ, на что работники никакъ не хотѣли согласиться или терпѣть голодъ. Тогда одинъ изъ работниковъ, подъ именемъ Мусто, предложилъ своимъ шести братьямъ и нѣкоторымъ другимъ товарищамъ третій исходъ изъ столь затруднительнаго положенія, именно составить вмѣстѣ предпріятіе (cooperation) на ассоціаціонномъ началѣ. Они сложили вмѣстѣ остатки бывшихъ у нихъ средствъ, и съ помощью небольшой ссуды, успѣли образовать капиталъ въ 100 фунт. стерл. Но въ началѣ дѣла шли весьма безпорядочно, каждый дѣлалъ и работалъ по своей волѣ, никто не хотѣлъ слушать другаго; при такой неурядицѣ, разумѣется, и кредитъ новой ассоціаціи не могъ установиться, такъ что никто не хотѣлъ обращаться къ нимъ съ заказами. Тогда старшій изъ братьевъ Мусто, учредившій ассоціацію, собралъ всѣхъ членовъ ея и объявилъ имъ, что такимъ образомъ дѣло не можетъ продолжаться, что они должны раззориться, если эта неурядица продолжится, что они останутся безъ всякой работы, — и что потому необходимо для успѣха самаго дѣла передать все управленіе имъ въ одни руки, что онъ беретъ на себя это управленіе и будетъ ихъ *мэнежеромъ*, (Manager), если они на то согласны, а что въ противномъ случаѣ, не видя возможности успѣха онъ совсѣмъ оставитъ ассоціацію. Работники убѣдились въ вѣрности его представленій, въ необходимости единства управленія и дѣйствительно избрали его своимъ *мэнежеромъ*. Тогда дѣла приняли другой оборотъ, и предпріятіе пошло въ ходъ, такъ что уже два года спустя послѣ образованія его, капиталъ общества 100 фунтовъ стерл., изъ коихъ 46 было своихъ и 60 полученныхъ въ ссуду, возросъ до 2804 фунтовъ, — и годовой оборотъ составлялъ 4280 фунт. Общество состояло изъ 8 членовъ, 22 кандидатовъ на члены, и простыхъ наемныхъ работниковъ. За каждый взносъ въ кассу его общество платитъ проценты, прибыли не выплачиваются, а остаются въ оборотѣ.

И тутъ, кромѣ немедленнаго коммерческаго успѣха предпріятія обращено вниманіе на развитіе и образованіе работниковъ. Для этого устроено особенное помѣщеніе, просторная комната въ верхнемъ этажѣ, устроенная въ видѣ классной, — здѣсь стар-

ній изъ братьевъ Мусты, съ помощію втораго брата, даетъ по воскреснымъ и праздничнымъ вечерамъ уроки работникамъ своимъ въ рисованіи, математикѣ и тѣхъ элементарныхъ техническихъ познаніяхъ, которыя необходимы для каждаго машиннаго работника; — о другомъ общемъ образованіи или умственномъ развитіи они не заботятся, они не выписываютъ журналовъ, не имѣютъ библіотеки, какъ это мы видимъ въ другихъ ассоціаціяхъ.

Отъ времени до времени ассоціаціи устраиваютъ особенныя празднества (*festivals*), на которыя они приглашаютъ своихъ друзей и покровителей. Обыкновенно гдѣ нибудь за городомъ устраивается обѣдъ, въ которомъ участвуютъ не одни работники, но и ихъ жены и дочери. За обѣдомъ произносятся рѣчи, тосты, поются пѣсни;—спиртовые напитки совсѣмъ не допускаются при этихъ случаяхъ; послѣ обѣда начинаются разныя игры, гимнастическія упражненія, танцы и т. п. Подобныя празднества вошли въ обыкновеніе почти во всѣхъ рабочихъ ассоціаціяхъ.

Мейль-Ендская рабочая ассоціація не единственная, образовавшаяся въ слѣдствіе отказа работать *strike*. Этому обстоятельству обязано своимъ основаніемъ множество другихъ ассоціацій; замѣчательно только, что большая часть изъ нихъ приступала къ этому средству спасенія уже подъ конецъ, когда денежныя средства работниковъ были уже значительно истощены;—между тѣмъ какъ, приступивъ немедленно къ образованію ассоціацій при открытіи самаго *strike*, работники обладали бы гораздо большими средствами, не истощивъ ихъ понапрасну въ ожиданіи повыхъ условій работы.

Рѣдкое исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ только лондонская ассоціація пробочныхъ рѣзчиковъ. Когда, по поводу уменьшенія платы, работники задумывали начать *strike* и отказаться отъ работы, тогда большинство ихъ рѣшилось, не теряя времени, употребить причитающуюся имъ долю въ общественной кассѣ (1000 фунт. стерл.) на образованіе ассоціаціоннаго промышленнаго предпріятія: *cooperative cork manufactory*, и, не смотря на всѣ затрудненія и противудѣйствія со стороны прежнихъ фабрикантовъ и другихъ лицъ, они не отказались отъ своего дѣла и трудами и постоянствомъ успѣли поставить его на весьма вѣрное и обезпеченное коммерческое основаніе. Уже

мѣсяца три послѣ начала дѣла капиталъ ихъ возросъ до 2,000 фунт. стерл.

Для окончательной характеристики ассоціаціоннаго движенія въ Англіи мы приведемъ здѣсь краткое описаніе *генеральной конференціи по поводу ассоціаціонныхъ предприятий*, бывшей въ Лидсѣ; описаніе это заимствовано нами изъ вышеозначеннаго сочиненія профессора Губера, который самъ участвовалъ на конференціи. Хотя она происходила въ 1855 году и потому не представляетъ весьма свѣжихъ фактическихъ извѣстій, мы однако считали пущимъ привести здѣсь это описаніе, такъ какъ оно характеризуетъ весьма хорошо все направленіе ассоціаціоннаго движенія въ Англіи, и такъ какъ намъ, къ сожалѣнію, не удалось найти точныхъ свѣдѣній о другихъ новѣйшихъ конференціяхъ, которыя, по всей вѣроятности, повторились съ тѣхъ поръ пѣсколько разъ.

Генеральная конференція въ Лидсѣ не отличалась многочисленностію членовъ, всѣхъ было человѣкъ 50. Эту малочисленность слѣдуетъ однако приписать не отсутствію интереса въ публикѣ къ вопросамъ, которые должны были обсуждаться въ этомъ собраніи, а болѣе тому обстоятельству, что при застоѣ въ работѣ, который существовалъ тогда, работникамъ было бы весьма трѣбно изъ незначительныхъ своихъ средствъ удѣлить частицу на покрытіе расходовъ на путешествіе въ Лидсѣ, тѣмъ болѣе, что съ результатами собранія они могли ознакомиться изъ журналовъ.

Первый былъ поднятъ вопросъ о соединеніи или, скорѣе, союзѣ рабочихъ ассоціацій, потому что дѣло шло не о матеріальномъ соединеніи ихъ операций, а о союзѣ для распространенія ассоціаціоннаго дѣла; затѣмъ перешли къ обсужденію вопроса объ основаніи центральнаго депо, изъ котораго всѣ ассоціаціонныя магазины сѣверной Англіи (cooperative stores) могли бы получать необходимые имъ предметы по оптовой цѣнѣ, платя только небольшой процентъ за комиссію, и, главное, хорошаго качества, безъ всякихъ подмѣсей или порчи. Было предложено превратить Рочдэльскую лавку, о которой мы уже говорили, въ такое депо. Въ доказательство, до какой степени учрежденіе центральнаго депо, которое бы занималось исключительно оптовой заготовкой хорошаго товара, необходимо, было приведено въ примѣръ, что между тѣмъ какъ, при хорошемъ устройствѣ и удачной покупкѣ изъ первыхъ рукъ, многія ассоціаціонныя

лавки въ состояніи продавать товаръ своимъ членамъ по 30%, ниже обыкновенныхъ лавочныхъ цѣнъ, случалось, что другіе ассоціаціонные магазины закупали свои товары оптомъ дорожее той цѣны, по которой ихъ можно было купить у каждаго мелочнаго торговца, и притомъ весьма низкаго достоинства, другіе по ошибкѣ назначали продажныя цѣны ниже покупныхъ и т. п. Этимъ между прочимъ было объяснено, почему часто члены ассоціаціи, учредившей подобную лавку, предпочитаютъ сами закупать необходимые имъ продукты у другихъ чужихъ лавочниковъ, смотря на ассоціаціонное предпріятіе только какъ на хорошее помѣщеніе своихъ капиталовъ. Замѣчательно впрочемъ, что даже въ Англіи, гдѣ ассоціаціонное дѣло уже значительно подвинулось впередъ въ сравненіи съ другими странами, оно все еще не укоренилось вполне, а находится еще, такъ сказать, на первой ступени своего развитія, вслѣдствіе инерціи, неразвитости и непредусмотрительности массы рабочаго населенія. Такъ между прочимъ и въ конгрессѣ были высказаны жалобы на эту неподготовленность работника къ ассоціаціонному движенію: въ критическое время онъ бросается къ ассоціаціямъ, надеясь найти въ нихъ облегченіе своему положенію, но какъ скоро только дѣла начинаютъ принимать нѣсколько лучшій оборотъ, и прекращается недостатокъ въ работѣ, они покидаютъ ассоціаціи, не думая о будущемъ и рассчитывая только на возможность обойтись временно безъ нихъ. Поэтому поводу было впрочемъ высказано убѣжденіе, что на лучшее подготовленіе рабочаго класса нельзя и рассчитывать въ настоящемъ дѣлѣ и что самыя ассоціаціи должны служить нѣкоторымъ образомъ школою для рабочаго класса, въ которой онъ мало по малу будетъ пріучаться къ предусмотрительности, бережливости и къ общинству.

Мы замѣчаемъ здѣсь тѣ же самыя обстоятельства, какъ и во Франціи; и тамъ мы видѣли частыя жалобы на неподготовленность массы работниковъ къ ассоціаціямъ, требующимъ значительной силы характера, могущей только побудить работниковъ возложить на себя временныя ограниченія и лишенія въ видѣ пріобрѣтенія въ будущемъ благосостоянія или по крайней мѣрѣ обезпеченнаго положенія. И тамъ тоже члены существующихъ ассоціацій сами сознавались, что при основаніи ассоціаціи они имѣли весьма смутныя понятія о тѣхъ качествахъ, которыя для того необходимы, и обязанностяхъ, которыя на нихъ при этомъ

возлагались, и что только въ средѣ ассоціаціи они, такъ сказать, перевоспитывались въ дѣльныхъ членовъ ассоціаціи. Вспомнимъ только фразу, *on ne naît pas associé, mais on le devient*, являющуюся это обстоятельство.

Затѣмъ конференція приступила къ чтенію весьма интереснаго отчета о ходѣ дѣла ассоціаціи для производства муки, существующей въ Лидсѣ. Эта ассоціація, которую по просту называютъ *the people's mill*, т. е. народная мельница, или мельница бѣднаго народа, основалась въ 1847 г. изъ двухъ сотъ членовъ, большею частію работниковъ; въ теченіи восьми лѣтъ число ихъ возрасло до 3,200 человекъ. Капиталъ общества — 4,000 фунт. стерл., собранный посредствомъ выпуска акцій въ 21 пиллингъ каждая (около 650 к. сер.), съ которыхъ акціонеры получаютъ по 5%. Общество начало съ того, что устроило мукомольную мельницу, въ самомъ усовершенствованномъ видѣ, со всѣми извѣстными улучшеніями. Производимая ею мука продавалась членамъ ассоціаціи и постороннимъ лицамъ, но первые получали ее за ту цѣну, въ которую она обходилась самому обществу, между тѣмъ какъ послѣдніе должны были платить болѣе значительныя цѣны. Но такъ какъ отдаленность мѣста жительства многихъ членовъ отъ мѣста, гдѣ находится мельница, весьма затрудняла сбытъ, а съ другой стороны явились и нѣкоторыя административныя затрудненія, такъ какъ общество не было вписано въ число закономъ утвержденныя ассоціаціи, то оно рѣшилось прибѣгнуть къ слѣдующей комбинаціи.

Общество избрало въ разныхъ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ его члены, 48 торговцевъ мукою (лабазниковъ) въ комиссіонеры. Эти комиссіонеры продаютъ муку, доставляемую имъ обществомъ, по обыкновеннымъ цѣнамъ и за наличныя деньги всѣмъ покупателямъ, членамъ общества и постороннимъ, — при этомъ они выдаютъ однако первымъ извѣстныя контръ-марки, на которыхъ обозначено количество купленной муки. Члены общества представляютъ эти контръ-марки въ кассу его и получаютъ изъ оной премію, сообразную съ количествомъ купленной муки. И соотвѣтствующей разницѣ между продажною цѣною и стоимостью, въ которую мука обходится самому обществу.

Производя постоянно контроль надъ дѣятельностію своихъ комиссіонеровъ, общество отвѣчаетъ потребителямъ за чистоту и отсутствіе подмѣси въ продаваемой мукѣ. Притомъ, кромѣ контроля, комиссіонеры побуждаются и своими собственнымъ

интересомъ продавать муку настоящаго качества, потому что въ противномъ случаѣ они потеряли бы комиссію общества. — Уже это одно обстоятельство представляетъ значительную пользу для потребителей, потому что извѣстно, что въ Англіи подмѣси къ мукѣ и другимъ питательнымъ веществамъ особенно распространены. — рѣдкій торговецъ не поддается на подобный обманъ.

Выгоды ассоціаціи проистекаютъ частію изъ возможности производить гораздо дешевле другихъ. при собственномъ производствѣ, частію изъ хорошаго и потому дешеваго устройства самаго распредѣленія потребленія. Общество всегда можетъ разсчитывать на значительное число потребителей и на опредѣленное количество сбыта, такъ какъ въ интересѣ самихъ потребителей извѣщать оное заранее, какое количество муки и какого качества имъ потребуется. Такимъ образомъ становятся излишними всѣ побочные расходы на объявленія и т. п. Кроме того, продавая на чистыя деньги, нѣтъ никакой потери отъ должниковъ. Уже одно обстоятельство, что никогда нѣтъ лишней разсылки, а что приходится перевозить муку только туда, гдѣ ожидается вѣрный сбытъ и въ опредѣленномъ количествѣ, составляетъ въ общей массѣ весьма значительную экономію.

Благодаря всѣмъ этимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, общество въ состояніи, предоставляя своимъ комиссіонерамъ достаточный и справедливый доходъ за ихъ труды, все же отпустить своимъ членамъ муку на 50% дешевле обыкновенной лавочной цѣны. Эта разнища, какъ мы видѣли, возвращается имъ изъ кассы по предъявленіи контръ-марокъ, такъ какъ въ лавкѣ комиссіонера всѣ платятъ одинаковую цѣну. — Доходъ комиссіонеровъ, не смотря на то, такъ значителенъ, что они съ удовольствіемъ соглашаются представлять обществу обезпеченіе въ 10 фунт. стерл. (60 р. с.), которая общество обращаетъ въ свой оборотный капиталъ. При умѣренности процента комиссіи, платимаго обществомъ, прибыль комиссіонеровъ увеличивается главнымъ образомъ отъ обширности и массы сбыта. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ мучной торговецъ получаетъ барыша 3 шиллинга съ мѣшка, не говоря о побочной прибыли, въ слѣдствіе подмѣси и т. п. Общество даетъ своимъ комиссіонерамъ только 1½ шиллинга съ мѣшка, и, не смотря на то, они выручаютъ на этомъ умѣренномъ процентѣ болѣе чѣмъ въ обыкновенной торговлѣ, благодаря, какъ мы уже сказали,

обширностямъ оборотовъ (тамъ, гдѣ обыкновенный лавочникъ продаетъ 50 мѣшковъ, комиссіонеру общества удается сбыть 90 мѣшковъ), быстротѣ оныхъ и отсутствію разныхъ побочныхъ расходовъ, о которыхъ мы упоминали выше. При такомъ ходѣ дѣла общество получило въ теченіи семи лѣтъ, съ 1847 по 1854 г., чистой прибыли 7539, за вычетомъ 5⁰/₀, платимыхъ на акціи. Прибыль впрочемъ стала увеличиваться только въ послѣднее время, въ началѣ дѣла тоже и здѣсь шли довольно туго, въ первые два года даже была чистая потеря въ оборотахъ, но послѣ перваго тяжелаго времени дѣла быстро пошли впередъ, и обороты въ теченіи короткаго времени возрасли съ 22,000 на 69,500 ф. стерл. въ годъ. Въ послѣднее время общество продавало по 400 мѣшковъ муки въ недѣлю. Съ расширеніемъ производства, расходы на оное уменьшились въ соразмѣрности, — такимъ образомъ размолъ квартера пшеницы, стоившій имъ въ началѣ 2 шил. 4½ пенса, обходился въ послѣднее время всего въ 1 шил. 8 пенс., — обстоятельство, увеличивающее выгоду членовъ ассоціаціи въ двухъ отношеніяхъ, во-первыхъ, они получаютъ на столько дешевле необходимую имъ муку, а во-вторыхъ, продавая ее вообще дешевле постороннимъ лицамъ, они тѣмъ самымъ непосредственно увеличиваютъ доводящуюся имъ прибыль отъ предпріятія.

Изъ 7539 фунт. стерл. чистой прибыли, полученной ассоціаціею, какъ мы видѣли, съ 1847 по 1854 годъ, 3752 фунт. стерл. присоединено къ капиталу общества, который такимъ образомъ поднялся на 7285 фунт. стерл., остальная сумма роздана въ видѣ дивиденда или преміи членамъ общества.

Дѣятельность общества въ тоже время не осталась безъ полезнаго вліянія на всю мѣстную торговлю мукою. Хотя потребленіе ассоціаціи не составляетъ болѣе одной двадцатой всего потребленія муки въ Лидсѣ, однако дѣятельность ея придавала всей мучной торговлѣ въ городѣ болѣе правильности и честности. Она принудила между прочимъ остальныхъ торговцевъ тоже сообразоваться въ назначеніи цѣнъ на муку съ существующими цѣнами на зерновой хлѣбъ, — между тѣмъ какъ прежде между всѣми торговцами мукою существовалъ родъ коалиціи, позволявшей имъ распорядиться на рынкѣ совершенно монопольно, назначая цѣны произвольно, безъ всякаго соображенія съ тѣмъ, во что обходится имъ зерновой хлѣбъ, т. е. сырой матеріалъ. — Кромѣ того и обычай подмѣшивать посторонніе пред-

моты къ мукѣ, съ цѣлю увеличенія барыша такимъ обманомъ, значительно уменьшился въ Лидсѣ, благодаря честной конкуренціи помянутой ассоціаціи. Выигрышъ всей массы потребительной публики въ Лидсѣ, въ слѣдствіе уменьшенія цѣны муки и улучшенія ея качества, благодаря полезному соперничеству ассоціаціи, расчитываютъ за эти 7 лѣтъ въ 245,000 фунт. стерл. 1,470,000 фунт. стерл.

Сила дѣятельности ассоціаціи нѣсколько уменьшается раздачею значительнаго дивиденда. Еслибы вся прибыль, которая теперь возрастаетъ съ году на годъ, была пріобщаема къ оборотному капиталу, тогда бы уже скоро можно было перейти къ осуществленію прочихъ предиріятій, имѣющихся въ виду у общества, а именно къ улучшенію жилищъ работниковъ, постройкѣ новыхъ общественныхъ зданій и т. п.; капиталъ, употребленный на такія постройки, долженъ бы былъ по меньшей мѣрѣ приносить 5% дохода, которые бы употреблялись на вспомошествованіе больнымъ, старымъ и т. д.

По поводу предшествующаго отчета были сообщены нѣкоторыми членами конференціи весьма интересные свѣдѣнія о расстратѣ силъ и средствъ при безпорядочномъ и несистематическомъ распредѣленіи распредѣлительныхъ органовъ, т. е. лавокъ и магазиновъ въ Лондонѣ. Въ Лондонѣ существуетъ до 9000 подобныхъ лавокъ, снабжающихъ народонаселеніе въ полтора милліона необходимыми жизненными припасами, не считая 4000 кабаковъ. Полагая, что въ каждой лавкѣ занято среднимъ числомъ 5 человекъ, оказывается, что на каждые 55 потребителей приходится по одному прислужнику, для удовлетворенія его потребности въ ежедневной пищѣ,—между тѣмъ какъ при болѣе практическомъ распредѣленіи этой торговли, было бы достаточно одного прислужника на 200 человекъ.—Между тѣмъ все это отзывается на потребителяхъ. Всѣ расходы лавочниковъ на разныя средства привлеченія покупателей, и между прочимъ на значительное число сидѣльцевъ, разумѣется, налагаются на цѣну товара, а такъ какъ, при взаимномъ соперничествѣ, успѣхъ возможенъ единственно при уменьшеніи цѣны, то лавочникамъ остается только прибѣгнуть къ разнымъ обманамъ, подмѣси къ продуктамъ и т. п.—Странно было бы, замѣчаетъ Губеръ, помышлять о возможности помочь этому неудобству разными регламентативно-полицейскими мѣрами правительства, назначеніемъ на примѣръ числа лавокъ, могущихъ быть въ городѣ, мѣст-

ностей, гдѣ онѣ должны быть расположены и т. п. Подобныя мѣры повели бы только къ развитію цовой вѣтви бюрократической опеки, которая скоро сдѣлалась бы самою тягостною изъ всѣхъ опекъ—за тѣмъ остается единственное средство — ассоціація потребителей.

Осмотрѣвъ главные результаты ассоціаціоннаго движенія во Франціи и въ Англіи, перейдемъ теперь къ Германіи.

Германія.

Развитіе рабочничьихъ ассоціацій началось въ Германіи гораздо позже, нежели во Франціи или въ Англіи.—Это обстоятельство слѣдуетъ приписать различнымъ причинамъ.—Во первыхъ ремесленное сословіе пользовалось всегда особенною силою, особеннымъ значеніемъ въ Германіи; нигдѣ цехи и различныя цеховыя устройства не бросили столь глубокихъ корней, какъ въ этой странѣ.—При необыкновенномъ развитіи ремесленнаго сословія и достоинствъ его работы, ремесло боролось въ Германіи съ вновь развивающимся фабричнымъ производствомъ долже, чѣмъ въ какой либо другой странѣ.—Только послѣ тридцатыхъ годовъ фабричное и мануфактурное производство начало брать рѣшительно верхъ надъ ремесленнымъ.—Но распространяясь не очень быстро, вытѣсняя ремесла не разомъ, а мало по малу, мануфактуры не породили въ Германіи такого пауперизма, какой мы видимъ въ Бельгіи и Франціи,—за исключеніемъ только льняныхъ ткачей, которые, особенно въ Силезіи, были совершенно раззорены мануфактурами.—Положеніе работника, какъ фабричнаго, такъ и ремесленнаго оставалось вообще гораздо лучшимъ, чѣмъ положеніе его въ другихъ западныхъ государствахъ—а вѣстѣ съ тѣмъ было и менѣе побужденій стремиться къ различнымъ нововведеніямъ въ рабочемъ быту.

Кромѣ того, въ вторыхъ, по самому складу нѣмецкихъ умовъ, они менѣе склонны къ чисто теоретическимъ социалистическимъ системамъ, міръ идей и міръ практической дѣятельности болѣе раздѣленъ у нихъ, и они не такъ легко готовы переносить самыя абстрактныя теоретическія организациі въ дѣйствительную жизнь.—Наконецъ, въ третьихъ, привычки нѣмецкаго работника влекутъ его, особенно въ производствѣ, болѣе къ уединенію, чѣмъ къ общимъ работамъ, онъ всегда предпочтетъ работать у себя дома, по своему благоусмотрѣнію, работѣ съ многими

другими работниками виѣстъ, подчиненной извѣстнымъ правиламъ и т. п., однимъ словомъ общія работы и фаланстеры совершенно не подходятъ къ характеру нѣмецкаго работника.

По всемъ этимъ причинамъ не только соціалистическія и коммунистическія теоріи, но даже простыя нормальныя рабочія ассоціаціи не проникали долго на германскую почву.

Первыя и до сихъ поръ остались тамъ безъ отголоска, и вѣроятно никогда тамъ не отзовутся.

Послѣднія, т. е. рабочія ассоціаціи, начали образовываться въ Германіи только въ послѣднее время.

Вопросъ о рабочемъ классѣ вообще возникъ въ Германіи не ранѣе 1848 г. — Въ эту эпоху всеобщаго возбужденія умовъ былъ поднятъ и вопросъ объ улучшеніи быта рабочаго сословія, — но только въ совершенно другомъ направленіи, чѣмъ въ прочихъ странахъ. Въ Германіи главное вниманіе было обращено не на фабричныхъ работниковъ, а на ремесленниковъ — которые видѣли лучшее средство къ улучшенію своего положенія въ возстановленіи цеховаго устройства, и это мнѣніе, не смотря на его близорукость, было такъ сильно, что ремесленникамъ дѣйствительно удалось въ 1848 г., т. е. въ эпоху уничтоженія всѣхъ возможныхъ средневѣковыхъ учреждений, — возстановить отчасти прежнее цеховое устройство.

Съ самаго начала движенія работники раздѣлились на двѣ отдѣльныя и противоположныя группы. — Первая изъ нихъ, которая составила главнымъ образомъ изъ ремесленныхъ мастеровъ стремилась къ возстановленію прежнихъ учреждений, цеховыхъ, и обратилась къ правительству съ просьбою о защитѣ и о насильственномъ возстановленіи цеховыхъ учреждений. — Партія эта была особенно сильна въ южной Германіи, гдѣ долѣе всѣхъ прочихъ мѣстъ сохранялись остатки прежняго ремесленнаго устройства.

Вторая партія, которая составила главнымъ образомъ изъ наемныхъ работниковъ, склонялась напротивъ того на сторону полной промышленной свободы, и пыталась образованіемъ рабочихъ обществъ, собственными средствами дойти до улучшенія быта работниковъ.

Движеніе первой партіи было исключительно политическое; ожидая спасенія единственно отъ регламентаціи, члены ея ни сколько не заботились о самопособіи, а только стремились къ достиженію нѣкотораго вліянія на законодательныя собранія

особенно же во Франкфуртѣ и въ Берлинѣ. Они устроили мѣстныя и провинціальныя ремесленныя общества, которыя посылали депутатовъ и прошенія (petitionen:) въ разныя законодательныя собранія для изясненія имъ необходимости возстановленія прежняго цеховаго устройства. Эти старанія не оставясь дѣйствительно безъ результата, во многихъ частяхъ Германіи правительства согласились утвердить нѣкоторыя изъ прежнихъ цеховыхъ учреждений, многія изъ подобныхъ постановленій вошли напримѣръ въ прусскій ремесленный уставъ, (Gewerbeordnung) отъ 2 Января 1849 г.

Но точно также какъ заплатки не могутъ придать крѣпости старому изношенному платью точно также и эти мѣры не были въ состояніи возстановить силы учрежденія отжившаго, распадавшагося въ своихъ элементахъ и прямо противоположнаго требованіямъ времени, и не только не могли улучшить положенія ремесленнаго класса, но напротивъ того, вводя новыя ограниченія промышленной свободы, эти мѣры могли только уменьшить производительность, и тѣмъ самымъ измѣнить положеніе работника только къ худшему.

Вторая партія дѣйствовала тоже очень неудачно. Конгрессъ работниковъ, составшійся въ Берлинѣ, въ 1848 г. положилъ дать нецеховымъ работникамъ особенное устройство—всѣ работники въ каждой мѣстности должны были соединиться по различнымъ промысламъ и образовать мѣстные комитеты; мѣстные комитеты должны были подчиниться окружнымъ комитетамъ, расположеннымъ въ городахъ въ центрѣ каждой мѣстности, а всѣ окружные комитеты должны были подчиниться центральному комитету, находящемуся въ Лейпцигѣ. Мѣстные комитеты должны были быть справочными мѣстами, къ нимъ должны были адресоваться лица желающія нанимать работниковъ, къ нимъ должны были адресоваться работники ищущіе мѣста, плата работникамъ должна была происходить не прямо, а чрезъ посредство мѣстныхъ комитетовъ, которые удерживали 10% на образованіе общаго капитала, доходами котораго каждый работникъ могъ только пользоваться по истеченіи 10 лѣтъ. Этотъ капиталъ имѣлъ назначеніемъ частію доставлять кредитъ нуждающимся въ немъ работниками, частію идти на покупку земель и вообще недвижимыхъ имуществъ.

Всѣ эти предполагаемыя учрежденія однако никакъ не могли привиться. Самая организація была задумана въ слишкомъ

обширных размѣрахъ, и притомъ слишкомъ въ общихъ чертахъ и не довольно практически. Центральный и окружные комитеты легко было учредить пока не существовало мѣстныхъ рабочихъ обществъ, ихъ дѣятельность не могла имѣть никакого основанія. Между тѣмъ большая часть работниковъ не соглашалась принимать участіе въ этой организаціи, и понятно, — работникъ не легко могъ согласиться на ежегодный вычетъ въ 10% изъ его заработковъ и то уже весьма незначительныхъ для образованія капитала, отъ котораго въ теченіи десяти лѣтъ онъ не видѣлъ рѣшительно никакой для себя пользы. Къ нерасположенію работниковъ присоединилось еще недоброжелательство правительствъ, которыя, опасаясь чтобы столь обширная организація не получила политическаго значенія, запретили въ многихъ мѣстностяхъ вводить это учрежденіе. Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ затрудненій дѣло, задуманное въ 1848 г. на конгрессѣ въ Берлинѣ, пало уже въ 1849 г., не достигнувъ даже своего окончательнаго осуществленія.

Эта двойная неудача имѣла однако благотворныя послѣдствія, послуживъ поводомъ къ другимъ болѣе практическимъ и нормальнымъ стремленіямъ, которыя въ конечномъ результатѣ должны были повести къ образованію рабочихъ потребительныхъ и производительныхъ ассоціацій.

Ремесленники, искавшіе улучшенія своего положенія въ возстановленіи прежнихъ цеховыхъ учреждений, скоро убѣдились послѣ своей неудачи, что естественное возсозданіе прежняго отжившаго порядка невозможно и поняли наконецъ справедливость начала провозглашаемаго противною партією: искать помощи и улучшенія быта не отъ другихъ сословій, не отъ вѣшнихъ регламентативныхъ мѣръ, а въ разумномъ употребленіи собственныхъ своихъ средствъ. Сторонники же второй партіи поняли съ другой стороны что не обширными искусственными организаціями можно достигнуть желаемой цѣли, а прямымъ практическимъ примѣненіемъ принципа частныхъ рабочихъ ассоціацій.

Такимъ образомъ подготовилась почва къ учрежденію нормальныхъ ассоціацій, — оставалось только дать первый поводъ или, скорѣе, первый толчокъ къ ихъ развитію. Этотъ первый толчокъ былъ данъ въ небольшомъ городкѣ прусско-саксонской провинціи, Делициѣ, стараніями живущаго тамъ г. Шульце; бывши депутатомъ въ 1848 году въ Берлинѣ, онъ

въ этомъ качествѣ участвовалъ тамъ въ спеціальной комиссіи имѣвшей цѣлю разсмотрѣніе условій улучшенія быта рабочаго сословія. Достиженіе этой цѣли г. Шульце сдѣлалъ задачею своей жизни, онъ началъ съ того что уговорилъ разныхъ ремесленниковъ и работниковъ своей родины, т. е. города Делицша, образоватъ ассоціаціи хотя сходныя въ общихъ чертахъ съ французскими и англійскими, но примѣненныя вполнѣ къ мѣстнымъ потребностямъ нѣмецкой жизни. Усилія его вполнѣ удались. Въ Делицшѣ не только образовались первыя ассоціаціи, но эти ассоціаціи удались до такой степени, что онѣ стали образцовыми для всей Германіи; незначительное мѣстечко стало такимъ образомъ разсадникомъ ассоціаціонныхъ учреждений и вообще всякихъ учреждений имѣющихъ цѣлю улучшеніе быта рабочаго сословія, рабочихъ и ремесленныхъ банковъ и. т. п. для всей Германіи. Развитію и распространенію этого полезнаго движенія г. Шульце старается содѣйствовать еще разными другими способами, онъ участвуетъ постоянно въ ремесленныхъ конгрессахъ, говоритъ рѣчи, пишетъ и печатаетъ разныя брошюры для разъясненія означеннаго вопроса, и. т. д. Этими стараніями, увѣнчанными полнымъ успѣхомъ, г. Шульце связалъ на всегда свое имя съ дѣломъ разныхъ учреждений, имѣющихъ цѣлю улучшеніе рабочаго сословія въ Германіи, а также съ именемъ своего роднаго города, въ которомъ впервые возникли подобныя учрежденія. Такъ какъ имя Шульце весьма часто попадаетъ въ Германіи, его называютъ не иначе какъ Шульце-Делицшъ.

Въ самомъ Делицшѣ однако ассоціаціонное движеніе находится еще на первой степени своего развитія. Производительныя ассоціаціи еще весьма рѣдки и большею частію ограничиваются соединеніемъ денежныхъ средствъ, и общею закупкою сыраго матеріала. Гораздо болѣе уже развилось устройство потребительныхъ ассоціацій. Хотя развитіе подобныхъ учреждений въ Германіи и началось тоже около 1849 г., но несмотря на то они получили совершенно оригинальное и независимое отъ французскихъ и Англійскихъ ассоціацій развитіе.

Г. Шульце-Делицшъ въ своей интересной брошюрѣ «Die Arbeiterassoziationen in Deutschland» — объясняетъ, что въ этомъ дѣлѣ въ Германіи, для достиженія успѣха, надо дѣйствовать съ некоторою осторожностію, не слишкомъ навязывая свои мысли работникамъ, — потому что разрушеніе прежнихъ цеховыхъ уч-

режденій не произошло еще совершенно, и ремесленная почва покрыта еще многочисленными остатками оныхъ, а съ другой стороны потому, что въ этомъ дѣлѣ приходится постоянно бороться съ наклонностію нѣмецкихъ работниковъ къ отдѣльнымъ работамъ, къ изолированію, въ которомъ они какъ будто находятъ залогъ самостоятельности, между тѣмъ, какъ это обособленіе, изолированіе и лишаетъ ихъ всякой силы, всякой самостоятельности относительно ихъ сношеній или ихъ соперничества съ фабрикантами и мануфактуристами. Такъ какъ эта наклонность къ изолированію особенно затрудняетъ образованіе производительныхъ ассоціацій, то пришлось начать дѣло съ потребительныхъ ассоціацій и ассаціацій, имѣющихъ цѣлію одну закупку сыраго матеріала и т. п., предоставляя каждому работнику заниматься по прежнему отдѣльно своимъ ремесломъ или промысломъ. Только когда съ дальнѣйшимъ развитіемъ подобныхъ ассоціацій работники вполне свыкнутся съ этою новою для нихъ мыслью и поймутъ огромную пользу которую приноситъ ассоціаціонное начало, — можно будетъ приступить ко введенію производительныхъ ассоціацій.

Имѣя въ виду всѣ эти условія, Г. Шульце старался устроить цѣлый рядъ различныхъ ассоціацій, которыя постепенно должны были довести работниковъ до чисто производительной ассоціаціи. Всѣ эти учрежденія однако устроены на совершенно независимой ногѣ, не получаютъ никакой посторонней помощи, никакихъ подарковъ, а основаны исключительно на началѣ самодѣтельности и самопособія. Прежде всего онъ соединилъ работниковъ въ каждой мѣстности въ общества, легко допускающія значительное число членовъ и имѣющія цѣлію пособіе и уходъ за больными, оптовую закуку разныхъ предметовъ первой надобности съѣстныхъ припасовъ и т. п. За тѣмъ онъ старался работниковъ одинаковаго производства и ремесла (особенно мелкихъ ремесленниковъ: сапожниковъ, столяровъ, ткачей и др.) соединить въ промысловыя ассоціаціи (*gewerkschaftliche — genossenschaften*), имѣющія цѣлію оптовую закупку всякаго матеріала необходимаго для ремесла, разныя другія ремесловыя учрежденія, которыя обходятся слишкомъ дорого для каждаго отдѣльнаго мастера, общіе магазины для продажи продуктовъ ихъ дѣятельности и т. д. Сюда же относятся ремесленные вспомогательные банки, имѣющіе назначеніе ссужать ка-

капиталомъ ремесленника и работника и доставлять имъ такимъ образомъ всѣ выгоды капитальной работы.

Объ этихъ ремесленныхъ банкахъ мы будемъ говорить въ подробности въ послѣдствіи въ главѣ, которая будетъ посвящена рабочему кредиту.

Означенныя рабочія ассоціаціи устраиваются въ Германіи тоже на началѣ *sociétés en nom collectif*, предоставляющемъ всѣмъ членамъ общества равныя права, но и равную, самую полную отвѣтственность за долги и обязательства общества. Внутреннія дѣла ассоціаціи рѣшаются большинствомъ голосовъ, исполненіе разныхъ обязанностей по дѣламъ общества поручается или лицамъ находящимся на служеніи общества или особннымъ комитетамъ. Такого рода учрежденія вполнѣ соотвѣствовали до сихъ поръ существующимъ ассоціаціямъ; но для ассоціацій чисто производительныхъ, по мнѣнію г. Шульце потребуется болѣе единства въ управленіи, котораго можно будетъ скорѣе достигнуть принятіемъ формы *sociétés en commandite*, при коей главная отвѣтственность и главное управленіе всѣмъ дѣломъ возлагается на одного или небольшое число избранныхъ лицъ, между тѣмъ какъ всѣ прочія являются не распорядителями, а только участниками въ дѣлѣ и несутъ по этому только отвѣтственность сообразную со вложеннымъ у нихъ капиталомъ.

Г. Шульце приводитъ только три примѣра болѣе значительныхъ ассоціацій, имѣющихъ цѣлю заготовленіе предметовъ потребленія. Это ассоціація въ Делицшѣ, въ Лейпцигѣ и въ Эрфуртѣ.

Ассоціація въ Делицшѣ существуетъ съ 1852 г. и имѣетъ 80 членовъ. Оборота ея составляла въ 1855 г. 1710 талер., въ 1856 г. 2501 тал. Она закупаетъ, большею частію, муку, свищенное масло, коровье масло и т. п. предметы, кромѣ того, заготовляя для убоя скотину, особенно свиней, она доставляетъ своимъ членамъ хорошее и дешевое мясо. Не смотря на незначительную сумму оборотовъ она все же показываетъ, если сравнить ее съ дѣйствительными средствами ассоціаціи, какъ много можно сдѣлать съ весьма ограниченными средствами, потому что одинъ и тотъ же капиталъ можетъ при этомъ оборотиться въ году разъ десять или двѣнадцать.

Всѣ средства Делицшской ассоціаціи состояли въ 1857 г. изъ 277 талеровъ, и небольшого склада товаровъ цѣною въ 38 талеровъ. Самый капиталъ 277 тал. собранъ слѣдующимъ об-

разомъ: 90 талеровъ занято ассоціаціей по 5%, взносъ каждаго члена по талеру составляетъ 80 тал., 42 тал. дивиденда за прошлые годы не взятые членами и оставленные въ оборотѣ, 65 талеровъ чистый доходъ 1856 года, который поступить въ раздачу не ранѣе конца 1857 г. и того 277 талеровъ.

Въ нѣсколько большихъ размѣрахъ учреждена Лейпцигская потребительная ассоціація (Consumverein): устроенная въ 1854 г.

Въ этой ассоціаціи было:

Членовъ	Весь оборотъ	Чистый доходъ въ теченіи 3 лѣт.
въ 1854 г.—162	8,000	} 92 талера.
1855 —191	11,000	
1856 —200	9,600	

Лейпцигская ассоціація занимается главнымъ образомъ покупкою хлѣба,—меньшая цифра въ 1856 г. произошла не отъ уменьшенія оборотовъ, а отъ упадка цѣнъ на хлѣбъ.

Объ эти ассоціаціи занимаются, какъ мы видѣли, только закупкою необходимыхъ предметовъ потребленія.

Самымъ приготовленіемъ и производствомъ ихъ занимается до сихъ поръ только одна Эрфуртская ассоціація, — самая обширная изъ всѣхъ.

Она начала свою дѣятельность въ 1855 г. закупкою и дешевою продажей дровъ. Но уже въ слѣдующемъ году она устроила двѣ собственныхъ пекарни. Оборотъ ея въ проданныхъ дровахъ, мукѣ и хлѣбѣ доходилъ съ мая 1856 по май 1857 г. до 30,055 талеровъ, она продаетъ, впрочемъ, свои запасы не только своимъ членамъ, но вообще всѣмъ желающимъ. Въ слѣдующемъ году оборотъ ея долженъ былъ удвоиться, до 60,000 тал. Основной капиталъ этого общества, собранный членами его, составлялъ въ первомъ году 2040 талеровъ, но уже въ слѣдующемъ году онъ возвысился до 4570 тал. т. е. болѣе чѣмъ удвоился. Чистый доходъ общества составлялъ, если исключить резервный капиталъ—въ 200 тал. составленный тоже вычетомъ изъ прибылей, 870 талеровъ, изъ котораго всѣ члены получили на свои взносы, *кроме установленныхъ 6 2/3 % еще дивиденда въ 19 процентовъ* т. е. всего болѣе 25%.

Переходя за тѣмъ къ ассоціаціямъ, имѣющимъ цѣлю заготовленіе сыраго матеріала, необходимаго для производства ремесла, мы видимъ, что до сихъ поръ подобныя ассоціаціи особенно распространились въ кругу сапожныхъ и башмачныхъ ремесленниковъ. Это обстоятельство объясняется во первыхъ

тѣмъ, что сапожное ремесло самое многочисленное по числу членовъ,—а во вторыхъ тѣмъ, что цѣны сыраго матеріала, кожи возвысились въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ на 200%, такъ что мелкій ремесленникъ, который былъ бы принужденъ закупать необходимый матеріалъ не большими количествами у посредниковъ продавцовъ, совершенно не могъ бы существовать при такихъ цѣнахъ и потому по необходимости долженъ искать поддержки въ ассоціаціяхъ, которыя однѣ только могутъ доставлять ему этотъ матеріалъ по болѣе умѣреннымъ цѣнамъ.

Такимъ образомъ въ Германіи образовалось до 30 различныхъ ассоціацій ремесленниковъ, приготавливающихъ обувь,—закрывающихъ отъ 1000 до 1600 членовъ. На долю же всѣхъ прочихъ ремеселъ приходится всего неболѣе 20 ассоціацій, составленныхъ преимущественно изъ столяровъ, ткачей, гвоздевыхъ фабрикантовъ (Nagelschmiede), переплетчиковъ и портныхъ.

Преимущества подобныхъ ассоціацій очевидны. Въ Германіи они двухъ родовъ. Во первыхъ подобныя ассоціаціи легко получаютъ отъ ремесленныхъ банковъ и другихъ капиталистовъ, денежные ссуды (въ которыхъ обыкновенно отказывается отдѣльнымъ ремесленникамъ), а также и кредитъ отъ фабрикантовъ, отпускающихъ имъ безъ денегъ приготавлиаемый ими сырой матеріалъ. А во вторыхъ, покупая необходимый товаръ оптомъ, они избѣгаютъ надбавки цѣнъ со стороны продавца—посредника, которая надбавка доходитъ иногда до 40—50%. Въ Делицшѣ, напримѣръ, сапожникъ, покупая товаръ у купца посредника, долженъ бы былъ платить за каждую пару подошвъ 2½ зильбергрошена (отъ 7—8 коп. сер.) дороже той цѣны, за которую онъ ихъ получаетъ изъ ассоціаціи. Важность значенія дешеваго полученія сыраго матеріала, на весь ходъ работы, такъ велика, что нѣсколько лѣтъ послѣ образованія ассоціаціи сапожниковъ въ Делицшѣ, всѣ сапожники не только въ этомъ городѣ но и во всѣхъ окрестныхъ городахъ, убѣдившись, что имъ не возможно соперничать съ Делицшскимъ, тоже приступили къ учрежденію подобныхъ же ассоціацій, которыя такимъ образомъ возникли въ Ейленбургѣ, Битерфельдѣ, Бренѣ, городахъ окружающихъ Делицшъ,—при посредствѣ совѣтовъ г-на Шульца.

Вотъ какія результаты достигнуты нѣкоторыми изъ главнѣйшихъ подобныхъ ассоціацій и самое устройство ихъ:

Самая первая изъ нихъ образовалась *ассоціація сапожниковъ въ Делицшѣ*, въ 1849 г., изъ 56 мастеровъ. Въ 1855 и

1856 годахъ въ ней уже было 80 членовъ, и весь оборотъ проданной кожи изъ ея склада составлялъ въ году 8000 талеровъ. Въ 1857 г. обороты поднялись уже до 11,068 тал. Общество это устроено въ видѣ *société en nom collectif*, т. е. съ общою и равною отвѣтственностію всѣхъ членовъ его; дѣлами его управляетъ правленіе (*Vorstand*), состоящее изъ предсѣдателя и двухъ засѣдателей, избираемыхъ изъ среды членовъ. Этимъ лицамъ поручена закупка матеріала, назначеніе цѣны ему при продажѣ членамъ, и вообще весь ходъ оборотовъ. Кромѣ того при обществѣ находится надзиратель склада, который отпускаетъ товаръ членамъ ассоціаціи, и ведетъ о томъ прихода-расходную книгу; наконецъ при обществѣ состоитъ еще кассиръ—контролеръ, который получаетъ деньги за проданную кожу отъ надзирателя склада и ведетъ протоколы собраний, а также поѣздочныя книги.

Надзиратель и контролеръ должны представить залогъ въ обезпеченіе, но за то они получаютъ жалованье: первый $2\frac{1}{2}\%$ второй $\frac{3}{4}\%$ съ дохода продажи сырого матеріала. Для покрытія разныхъ расходовъ и уплату долговъ общества, налагается отъ 6—7% на оптовую цѣну кожи при отпускѣ ея въ раздробъ членамъ общества. Это вздорожаніе такъ незначительно, что покупщики едва замѣчаютъ оное. Если положить что изъ этихъ 7 процентовъ отъ 3—4% идутъ на покрытіе расходовъ, жалованье служащимъ и т. д., то все же остается еще 3%, которые, если капиталъ оборотится только три раза, составятъ 9% въ году, вычтя изъ нихъ 5% на уплату кредиторовъ ассоціаціи, все еще остается членамъ ея чистый доходъ въ 4%, кромѣ той пользы которую они извлекаютъ изъ дешевизны сырого матеріала. Изъ этого чистаго дохода дѣлается еще вычетъ для образованія резервнаго капитала, а за тѣмъ остальное выдается членамъ общества въ видѣ дивиденда по расчету, соотвѣтственно тому количеству денегъ, которое каждый въ теченіи года уплатилъ въ кассу общества за взятой имъ товаръ (кожу). Дивидендъ однако не выплачивается, а оставляется въ оборотѣ, пока онъ не достигнетъ цыфры 25 талеровъ на каждого члена, эти небольшіе капиталы, образующіеся такимъ образомъ въ пользу членовъ ассоціаціи, должны замѣнить на будущее время займы ассоціаціи у чужихъ лицъ и служить въ тоже время обезпеченіемъ за кредиты, дѣлаемые ассоціаціею своимъ членамъ.

Оборотный капиталъ общества составлялъ въ 1857 г. 3039

талер., занятыя подъ круговую отвѣтственность всѣхъ членовъ, но $4\frac{1}{2}$ — 5% ; кромѣ того изъ неуплаченныхъ дивидендовъ скопился капиталъ въ 421 тал., принадлежащій членамъ, и наконецъ резервный капиталъ въ 396 тал., составленный вычетами изъ прибылей и оставленный въ оборотахъ; а всего 3855 тал.; складъ сыраго матеріала оцѣнивался въ концѣ года въ 48 талеровъ.

Ассоціаціи сапожниковъ въ Битерфельдѣ и Бренѣ состоятъ первая изъ 41 члена съ оборотнымъ капиталомъ въ 4800 тал., а вторая изъ 29 членовъ, съ оборотнымъ капиталомъ въ 2700 талеровъ.

Въ Магдебургѣ находится обширная ассоціація изъ 231 члена, съ оборотнымъ капиталомъ въ 20,000 талеровъ.

Ассоціація сапожниковъ въ Борнѣ (въ Саксоніи) устроилась въ 1851 году и состоитъ изъ 60 членовъ, дѣла ея идутъ особенно хорошо; а именно:

	Закуплено сыр. товар.	Продано его на:	Оборот. ка- питаль, ссуда.	Чистая прибыль.
въ I году. . . .	5292	5638	1450	122 тал.
во II —	6373	6851	1395	195 —
въ III —	8603	9152	1395	223 —

Чистая прибыль не выплачивается, а остается въ оборотахъ на счету у каждаго члена, она служитъ въ тоже время обезпеченіемъ или резервнымъ капиталомъ относительно кредиторовъ общества.

Ассоціація сапожниковъ въ Гильдесгеймѣ состоитъ изъ 40 членовъ, съ оборотнымъ капиталомъ, въ 1856 г., въ 4295 тал.; изъ товара, купленнаго на эту сумму, продано въ году на 3903 тал. и осталось на слѣдующій годъ товару на 686 тал. (на оптовую цѣну здѣсь тоже пабавляется 7%). Въ итогѣ оборотнаго капитала заключается ссуда въ 1086 тал.; чистый доходъ 100 талеровъ.

Кромѣ этихъ, существуютъ еще ассоціаціи сапожниковъ въ Гальберштадтѣ, Целле, Пейне, Брауншвейгѣ, Волфенбютелѣ, и устраиваются ассоціаціи въ Эльберфельдѣ, Дрезденѣ, Крестельдѣ и др. Самыя замѣчательныя ассоціаціи кузнецовъ, портныхъ, ткачей, столяровъ и переплетчиковъ существуютъ въ Делицшѣ, Готѣ, Пейнѣ, Брауншвейгѣ, Целле, Рейтлингенѣ и др. Особенно замѣчательна по своимъ оборотамъ ассоціація портныхъ, учредившаяся въ Лейпцигѣ въ 1858 г. изъ 14 мастеровъ, со

вносомъ каждый по 25 тал.; благодаря ссудѣ, полученной подъ круговую поруку всѣхъ членовъ, эта ассоціація могла открыть свои обороты на лейпцигской ярмаркѣ того же года, закупивъ на нѣсколько тысячъ талеровъ матерій и другихъ принадлежностей своего ремесла.

Относительно перехода отъ ассоціацій, занимающихся исключительно заготовкою сырого матеріала, къ ассоціаціямъ, нѣющимъ цѣлю общее производство, въ нѣкоторыхъ изъ поминутыхъ обществъ сдѣланъ уже первый шагъ тѣмъ, что они устроили общественныя магазины для продажи товаровъ членовъ ассоціаціи. Такъ, напримѣръ, ассоціація сапожниковъ въ Делищѣ, отправляющая свой товаръ на разные рынки и ярмарки, продаетъ его тамъ въ одномъ общемъ магазинѣ, подъ фирмою ассоціаціи; продажа однако происходитъ не на счетъ общества, а на личный счетъ членовъ; каждый членъ отдаетъ свой товаръ, съ обозначеніемъ его дѣйствительной цѣны, въ магазинъ и изъ полученной выручки уплачиваетъ извѣстный процентъ продавцу въ магазинѣ за его труды.

Делищская ассоціація намѣревается однако, какъ скоро ей резервный капиталъ и вклады членовъ нѣсколько возрастутъ, приступить къ производству не на частный счетъ каждого члена, а на общій счетъ всей ассоціаціи. Она будетъ заказывать товаръ у своихъ членовъ, уплачивать его изъ общественной кассы, и за тѣмъ продавать на пользу общества, съ тѣмъ чтобы чистый доходъ съ продажи поступалъ, въ видѣ дивиденда, членамъ ассоціаціи.

Мы видимъ, что такого рода опытъ будетъ подходить весьма близко къ началу чисто производительныхъ ассоціацій.

Замѣчательный опытъ въ этомъ отношеніи составляетъ также ассоціація портныхъ, недавно основанная въ Готѣ изъ 6 мастеровъ. Общество это устроило общественный магазинъ готовыхъ мужскихъ платьевъ; оно занимается съ одной стороны закупою и продажею сырого матеріала (матерій) своимъ членамъ и съ другой стороны продажею ихъ издѣлій въ общемъ магазинѣ, но не на счетъ общества, а на счетъ каждого члена отдѣльно. Надсмотрщикъ въ магазинѣ, и купецъ нанятой для веденія бухгалтеріи, получаютъ проценты изъ продажной суммы. Оборотный капиталъ составленъ взносомъ, каждымъ членомъ, 300 талеровъ, частію деньгами, частію готовыми платьями; обо-

ротъ же составлялъ уже въ первомъ году до 5000 тал. и вообще дѣло ассоціаціи идетъ очень хорошо.

Въ предшествующемъ обзорѣ мы имѣли въ виду представить не столько статистику рабочихъ ассоціацій, сколько характеръ ассоціаціоннаго движенія въ каждой изъ означенныхъ странъ, т. е. во Франціи, Англіи и Германіи, а также примѣры самыхъ разнообразныхъ примѣненій этого начала. Вотъ почему мы останавливались иногда на свѣдѣніяхъ и данныхъ, относящихся не къ 1860, а къ 1856 и 1855 годамъ (какъ напримѣръ въ Англіи), или мѣстами приводили примѣры учреждений (какъ напримѣръ во Франціи), которыя уже перестали существовать, но которыя представляли что либо замѣчательное или въ положеніяхъ своего устава или въ развитіи своей дѣятельности. Однимъ словомъ, мы не столько имѣли въ виду представить статистическую таблицу настоящихъ результатовъ рабочаго ассоціаціоннаго движенія, сколько наглядную картину по возможности рельефно выказывающую все положеніе и развитіе ассоціаціоннаго дѣла.

Если мы сопоставимъ свѣдѣнія, приведенныя нами о положеніи разсматриваемаго нами вопроса въ означенныхъ трехъ европейскихъ странахъ, то мы придемъ къ слѣдующимъ результатамъ.

Не смотря на основное различіе въ самомъ возникновеніи и дальнѣйшемъ развитіи ассоціаціоннаго дѣла въ каждой изъ этихъ трехъ странъ, мы находимъ между ними весьма много общихъ и однообразныхъ явленій.

Во Франціи рабочія ассоціаціи возникли, какъ мы видѣли, на отвлеченной почвѣ соціалистическихъ идей. Вотъ почему, послѣ краткопроходящей вспышки всеобщаго интереса публики къ рабочимъ ассоціаціямъ, вопросъ этотъ за тѣмъ пришелъ почти въ совершенное забвеніе. Изъ значительнаго количества ассоціацій, возникшихъ на первыхъ порахъ, большая часть, основанная безъ всякаго практическаго знанія дѣла и подготовленія, разрушились послѣ весьма кратковременнаго срока существованія, и только нѣкоторые изъ нихъ, имѣвшія достаточно силы для совершеннаго своего преобразованія сообразно съ необходимыми практическими требованіями дѣйствительности, были въ состояніи пустить дѣйствительныя корни и положить такимъ образомъ на-

чаю дѣйствительному развитію рабочихъ ассоціацій во Франціи. А такъ какъ въ каждомъ дѣлѣ особенно важно первое начало, то примѣръ существующихъ обществъ вызоветъ вѣроятно цѣлый рядъ послѣдователей.

Въ Англіи, напротивъ того, дѣло рабочихъ ассоціацій стало съ самаго начала на практическую и отчасти эмпирическую почву. Въ Англіи, какъ доказываетъ долговременная дѣятельность Оуэна, всѣ эти социалистическія идеи и теоріи остались почти безъ всякаго вліянія на образованіе рабочихъ ассоціацій, возникшихъ такъ сказать изъ потребностей дѣйствительной жизни, а не изъ теоретическихъ соображеній. Въ Англіи дѣло началось изъ устройства, отчасти въ видѣ спекуляцій, общественныхъ лавокъ cooperative stores, отъ нихъ работники перешли вообще къ производству и экономическому распредѣленію необходимыхъ предметовъ жизни и быта ихъ, и наконецъ возвысились до самостоятельныхъ промышленно—производительныхъ ассоціацій. Послѣднія вызваны въ большемъ числѣ существовавшими въ различное время несогласіями между хозяевами фабрикантами и работниками, и отказами работы со стороны послѣднихъ strike. Что касается достигнутыхъ результатовъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что ассоціаціонное движеніе наиболѣе подвинулось впередъ въ Англіи, сколько по числу существующихъ ассоціацій, столько и по характеру ихъ производства, — особенно замѣчательно, что между тѣмъ какъ во Франціи въ кругъ рабочихъ ассоціацій вошли только ремесленные производства, въ Англіи возникли уже рабочія ассоціаціи, устроившія фабричныя и мануфактурныя предпріятія.

Въ Германіи ассоціаціонное движеніе отстало далеко и за Англіей и за Франціей. Оно началось только съ 1848 г. впрочемъ тоже болѣе на почвѣ практической необходимости, а не какъ послѣдствіе социалистическихъ теорій, которыя въ Германіи не нашли почти никакого отголоска въ массахъ рабочаго народа. Ассоціація въ Германіи получила впрочемъ нѣсколько особенный характеръ въ томъ отношеніи, что она болѣе была направлена на улучшеніе быта ремесленныхъ работниковъ, чѣмъ фабричныхъ, такъ какъ собственно самую первую причину возникновенія ея слѣдуетъ искать въ столкновеніи интересовъ цеховаго ремесла, съ вольнымъ трудомъ и съ фабричнымъ производствомъ. Повторяемъ, что ассоціаціонное движеніе въ Гер-

нанія далеко отстало отъ степени настоящаго развитія его въ Франціи и въ Англіи.

Между тѣмъ какъ во Франціи и Германіи рабочія ассоціаціи получаютъ исключительно промышленное значеніе, въ Англіи высказывается кромѣ того явное стремленіе содѣйствовать нравственному и умственному развитію работника и доставленія ему пріятнаго умственнаго развлеченія. Почти во всѣхъ англійскихъ рабочихъ ассоціаціяхъ устроены собственныя библіотеки, комнаты для чтенія журналовъ и книгъ, школы, лекціи; наконецъ помѣщенія для умственнаго развлеченія, бесѣдъ и т. п. мы не видимъ подобныхъ благотѣльныхъ учрежденій ни при французскихъ ни при нѣмецкихъ ассоціаціяхъ. У послѣднихъ соединеніе силъ и средствъ остается дѣломъ чисто промышленнымъ, направленнымъ исключительно на экономическія цѣли; въ Англіи напротивъ того ассоціація проникаетъ во всю жизнь работника и порождаетъ дѣйствительную связь между всѣми членами ассоціаціи.

Касательно отношеній рабочихъ ассоціацій къ правительствамъ, мы замѣчаемъ, что въ Германіи, правительства совершенно еще не затронули этого вопроса. Во Франціи высказалось въ правительствѣ одновременно недовѣріе къ ассоціаціоннымъ учрежденіямъ, возникшимъ изъ движенія 1848 г. и даже притѣсненіе ихъ и въ то же время, желаніе сколько нибудь исполнить обѣщанія улучшенія быта рабочаго сословія, находившіяся въ програмѣ императорскаго правленія, — возбужденіемъ ко образованію новыхъ рабочихъ ассоціацій, но подъ непосредственнымъ контролемъ и руководствомъ правительства. — Кромѣ того правительство стремится привлечь къ участію въ подобныхъ предпріятіяхъ лицъ высшихъ классовъ, которыя, подъ видомъ почетныхъ членовъ ассоціаціи, берутъ на себя обязанность разныхъ пожертвованій, отказываясь отъ всякой прямой выгоды въ предпріятія, чѣмъ самыя предпріятія получаютъ нѣсколько благотворительный характеръ, отвлекающій ихъ отъ болѣе нормальнаго направленія чисто экономическаго учрежденія.

Въ Англіи, напротивъ того, правительство первоначально не обратило никакого вниманія на дѣятельность рабочихъ ассоціацій, ни содѣйствуя, ни противудѣйствуя имъ. — Но такъ какъ по англійскимъ законамъ всѣ ассоціаціонныя предпріятія для законнаго своего существованія должны получить утвержденіе правительства, которое связано съ нѣкоторыми формами, — то

рабочія ассоціаціи, какъ учрежденіе новое, не подходящее подъ эти старинныя формы, было тѣмъ самымъ лишено законнаго существованія, что высказывалось весьма неблагопріятно на ихъ интересахъ, особенно въ случаѣ тяжбъ, обмановъ и т. п., потому что они не имѣли права являться ни какъ частныя лица ни какъ правственныя коллективныя лица передъ англійскими судами, отвергавшими впольнѣ ихъ существованіе. — Такое положеніе дѣла вызвало необходимость проведенія въ парламентѣ новаго закона, предназначеннаго къ облегченію средствъ узаконенія рабочихъ ассоціацій. — Законъ этотъ впрочемъ не обязательнъ; онъ предоставляетъ нѣкоторыя преимущества въ пользу ассоціацій подчинившихся ему, и записавшихся съ соблюденіемъ требуемыхъ формальностей въ списокъ законами утвержденныхъ обществъ, но не преслѣдуетъ общества, не пашедшія нужнымъ подвергнуться исполненію требуемой формальности. — Во всѣхъ англійскихъ ассоціаціяхъ рабочіе непремѣнно отстраняютъ всякой элементъ благотворительности, отказываясь отъ всякихъ подарковъ, пособій и т. п. со стороны постороннихъ. Они впрочемъ не отказываются отъ всякаго содѣйствія со стороны лицъ высшихъ классовъ, но только это содѣйствіе выказывается не въ денежномъ пожертвованіи, а въ умственномъ и нравственномъ содѣйствіи: совѣтами, направленіемъ, заступничествомъ и т. п. — Такимъ образомъ *англійскія* ассоціаціи избираютъ часто *попечителей trustees* изъ высшихъ классовъ, которые заступаются за интересы ассоціаціи въ сношеніяхъ ея съ правительствомъ въ дѣлахъ судебныхъ.

Между тѣмъ какъ во Франціи общественное мнѣніе, кратко временно заинтересованное сверхъ мѣры вопросомъ о рабочихъ ассоціаціяхъ, послѣ того совершенно забыло о существованіи этого вопроса; въ Англіи напротивъ того ассоціационное дѣло никогда не возбуждало до такой степени всеобщаго интереса, но за то возбужденный имъ частный, нѣкоторымъ образомъ односторонній интересъ поддерживается постоянно и выказывается не только въ симпатическихъ фразахъ, но въ практическомъ содѣйствіи ассоціационному движенію. — Особенное значеніе мы придаемъ въ этомъ отношеніи лондонскому центральному ассоціационному обществу, замѣчательному столько же чистотой англійской оригинальности его образованія, сколько и той обширной пользой которую оно можетъ принести. — Въ Англіи, въ средѣ рабочаго класса, возникаетъ значительное стремленіе

леніе къ ассоціаціямъ; но такъ какъ это стремленіе чисто эмпирическое, часто нисколько не подготовленное, то вновь образующіяся ассоціаціи подвержены въ своей дѣятельности многочисленнымъ ошибкамъ и недоразумѣніямъ; съ другой стороны, правительство согласилось на нѣкоторыя частныя постановленія измѣняющія законъ объ ассоціаціяхъ, въ смыслѣ допущенія рабочихъ ассоціацій въ эту категорію. Но для того, чтобы воспользоваться преимуществами даруемыми новыми законами, необходимо соблюденіе довольно сложныхъ формальностей, особенно затруднительное для простыхъ рабочихъ, весьма мало знакомыхъ съ разными сложностями и формальностями отечественныхъ судебныхъ и административныхъ учреждений. — И вотъ, для отстраненія этихъ двухъ недостатковъ, возникаетъ немедленно въ Лондонѣ центральное общество, имѣющее цѣлю направлять дѣятельность этихъ рабочихъ ассоціацій въ однообразномъ духѣ, содѣйствовать вновь возникающимъ ассоціаціямъ сообщеніемъ имъ моделей уставовъ и другими совѣтами, заступничествомъ и адвокатурой рабочихъ ассоціацій въ сношеніи ихъ съ правительствомъ, облегчать имъ записку въ число признанныхъ обществъ (euregistrement), рекомендовать имъ вѣнечителей и т. п., и т. п. Можетъ ли быть что либо полезнѣе подобнаго практическаго чисто англійскаго учрежденія и можно ли послѣ того сомнѣваться въ истинномъ, обдуманномъ и просвѣщенномъ интересѣ, принимаемомъ частію англійской публики, въ дѣлѣ рабочихъ ассоціацій.

Послѣ перечисленія различій въ характерѣ ассоціаціоннаго движенія въ каждой изъ означенныхъ трехъ странъ укажемъ и на общія ихъ черты.

Вездѣ первыя зачатки каждой ассоціаціи были весьма затруднительны, дѣла шли весьма туго, безъ прибыли и даже иногда съ убыткомъ въ первые годы, но какъ скоро этотъ затруднительный первый періодъ былъ перенесенъ, предпріятіе начинало идти къ быстрому развитію, и прибыли ассоціацій возрастали съ году на годъ. Во Франціи успѣхи первыхъ ассоціацій были затруднены еще и тѣмъ, что начало ихъ совпало съ тяжелымъ промышленнымъ кризисомъ послѣдовавшимъ за переворотомъ 1848 года.

Вездѣ рабочая ассоціація еще не получила совершеннаго гражданства, до сихъ поръ вездѣ опыты ассоціаціи принадлежать еще только исключително развитымъ личностямъ въ средѣ ра-

бочаго класса. Вездѣ жалуются на инерцію и неподготовленность массы рабочаго населенія къ этому дѣлу, требующему нѣкоторой силы характера, предусмотрительности и постоянства со стороны работника, такъ какъ вступая въ ассоціацію онъ получаетъ надежду на совершенное обезпеченіе своего положенія въ будущемъ, но за то принужденъ подвергнуть себя довольно значительнымъ лишеніямъ въ настоящемъ. Вездѣ необходимымъ условіемъ успѣха ассоціаціоннаго предпріятія является твердое и энергическое управленіе всѣмъ ходомъ дѣла, сосредоточенное въ немногихъ рукахъ, подвергнутое разумному контролю общества, но не случайному благорасположенію членовъ его, и могущее такимъ образомъ энергически управлять оборотами дѣла и придавать необходимое единство ходу всего предпріятія.

Общества, имѣющія цѣлю собственное производство предметовъ ежедневнаго потребленія для членовъ ассоціацій, хлеба, мяса и т. п., своимъ соперничествомъ произвели благотворное вліяніе вообще на ходъ торговли этими продуктами въ мѣстностяхъ въ которыхъ находятся ассоціаціи; вызвавъ повышеніе цѣнъ и улучшеніе качества продуктовъ, они уменьшили обычные обманы, подмѣсы и т. п.

Въ Россіи распределительныя и производительныя рабочія ассоціаціи еще неизвѣстны, ассоціаціонное движеніе еще не привнесло къ намъ въ этихъ полезныхъ формахъ. Можно однако предполагать, что когда, съ развитіемъ свободнаго труда въ Россіи, и эти учрежденія станутъ мало по малу проникать въ наше отечество, они найдутъ хорошо подготовленную почву, вслѣдствіе вообще сильнаго развитія общиннаго и ассоціаціоннаго духа въ Россіи; наши артели, наши торговыя общества въ Украинѣ, весьма близко подходящія къ рабочимъ ассоціаціямъ, всѣ эти элементы ручаются, что, какъ только первая мысль рабочихъ ассоціацій заронится на нашу почву, такъ хорошо подготовленную естественными условіями народныхъ обычаевъ къ ассоціаціонному дѣлу, развитіе ихъ пойдетъ весьма быстрыми шагами. Такъ какъ мы намѣрены посвятить на концѣ особенную главу изученію тѣхъ подготовительныхъ элементовъ, которые рабочія ассоціаціи найдутъ въ Россіи, то мы не будемъ на этомъ мѣстѣ далѣе распространяться объ этомъ вопросѣ, а перейдемъ къ изученію рабочаго кредита и соотношеній его съ рабочими ассоціаціями.

Ө. Терпентъ.

Молодая дѣвушка на (!) пятомъ этажѣ. Романъ Поль-де-Кока. Пять частей. *Москва, 1860 года.* Изданіе книгопродавца Манухина.

Вѣда отъ любовныхъ связей. Романъ Поль-де-Кока. *Москва, четыре части, въ двухъ книжкахъ. 1860.*

Кто не глумился надъ бѣднымъ Поль-де-Кокомъ, кто не изощрялъ своего остроумія надъ его болѣе или менѣе игривыми произведеніями? Какой журналъ не отзывался съ пренебреженіемъ о талантѣ престарѣлаго шалуна и какой критикъ не пользовался его честнымъ именемъ для разныхъ обидныхъ параллелей и приговоровъ? Въ Россіи Поль-де-Кока терзаютъ безграмотные переводчики, въ Германіи онъ считается сквернымъ воплощеніемъ мещанскаго, филистерскаго элемента въ искусствѣ, въ Англіи его почитываютъ секретно и не смѣютъ переводить, чтобъ не разгнѣвать общественнаго мнѣнія,—во Франціи, въ самой доброй Франціи, о Поль-де-Кока говорятъ стыдятся, стыдятся даже фельетонисты, падающіе во прахъ передъ сумасбродствами Дюма-отца и Поль Феваля. А не смотря на то, Поль-де-Кока популяренъ и слово его долговѣчно, какъ онъ самъ,—восьмидесятилѣтній бардъ гарсоновъ, писарей и привратницъ! Страшно подумать о томъ, сколько знаменитостей погибло, выдохлось, исписалось и разбилось во время длинной жизни нашего романиста! Не говоримъ о знаменитостяхъ политическихъ, о знаменитостяхъ ученыхъ, однихъ знаменитостей по части литературы наберется болѣе сотни, знаменитостей когда-то выхваленныхъ, когда-то презрительно глядѣвшихъ на Поль-де-Кока, а нынѣ или умершихъ въ забвеніи, или, по всей вѣроятности, завидующихъ скромной, но незыблемой славы шутившаго романиста. Бальзакъ позабытъ, Сулье пережилъ свою извѣстность и умеръ, Сю изврался въ конецъ и покончилъ жизнь, Дюма-отецъ, прожившій милліоны, теперь лавируетъ отъ кредиторовъ и беретъ по триста франковъ за романъ въ шести томахъ. Молодые таланты—Абу, Фейдо, Шамфлеры не замѣнили стариковъ, во цвѣтъ лѣтъ они кажутся дряхлыми болтунами, а

престарѣлый Поль-де-Кокъ все живетъ и находитъ себя читателями, и на романы его цѣна не падаетъ, и онъ мирно кончаетъ свою жизнь въ своемъ собственномъ загородномъ домикѣ, гдѣ соединено все, что улаживаетъ душу вѣстаго парижскаго буржуа—садикъ въ двадцать квадратныхъ саженъ, фонтанъ въ аршинъ высотой, кегли, павильонъ въ восточномъ стилѣ (*un kiosque!*) и фарфоровыя вазы надъ каминомъ, укрывшіяся подъ отекляпными колпаками. Такъ торжествуетъ истинная добродѣтель тамъ, гдѣ азартное славолубіе ломаетъ себя крылья и сваливается въ пучину забвенія. Надъ старцемъ Поль-де-Коккомъ и года и политическія бури проходятъ тихо, какъ надъ Гораціемъ проходили они въ былое время,—и хотя никто не предскажетъ Поль-де-Кокковскимъ романамъ долговѣчности гораціанскихъ одъ, но все-таки романы эти не забудутся совершенно и со временемъ будутъ оцѣнены будущими историографами Франціи девятнадцатаго столѣтія. По нашему мнѣнію, лучшее право Поль-де-Кока на долговѣчность его есть *искренность*. За эту искренность его любятъ французскій народъ, за нее его любятъ и чужестранцы. Дѣло въ томъ, что нашъ романистъ родился парижскимъ мѣщаниномъ и остался имъ во все время своего артистическаго поприща, не порываясь ни къ высшимъ, ни къ низшимъ слоямъ общества, удовлетворяясь мѣщанскими радостями, сочувствуя мѣщанскимъ печалямъ, достигая самыхъ буржуазныхъ идеаловъ и зная не желая ничего, къ нимъ не подходящаго. А такъ какъ, при всѣхъ этихъ особенностяхъ, Поль-де-Кокъ обладаетъ довольно сильнымъ даромъ рассказчика и, какъ настоящій парижскій буржуа, любитъ смѣхотворныя слова и забавные скандалчики, то ему и посчастливилось привлечь къ себѣ то многочисленное сословіе французовъ, котораго онъ всегда былъ вѣрнымъ представителемъ. Такова сила искренности въ призваніи и искренности въ убѣжденіяхъ, хотя бы и довольно узкихъ. Конечно, Поль-де-Кокъ и его творенія не пробудятъ въ душѣ высокихъ помысловъ, не перебросятъ фантазіи читателя въ міръ вѣчной красоты или безграничнаго добра, но и творенія эти и самъ ихъ авторъ будутъ всегда милы, какъ милъ добрый весельчакъ и болтунъ, котораго можно слушать и не слушать, хвалить и не хвалить, приглашать къ себѣ въ скучный часъ и отпускать домой при другихъ занятіяхъ. Точно также, какъ по лучшимъ изъ современныхъ французскихъ романистовъ, по Жоржу Санду или Бальзаку, иностранецъ можетъ изучить серьезныя,

печальныя стороны современной парижской жизни, точно также, какъ уличная сторона сказанной жизни скажется намъ въ листахъ хорошихъ парижскихъ фельетонистовъ, — въ трудахъ Поль-де-Кока безъ хитрости открывается передъ нами вся веселая, ограниченная, шумно-туповатая, будничная жизнь парижскаго мѣщанина, молодаго и стараго. Всѣ герои Поль-де-Кока полны и совершеннѣйшіе буржуа, хотя иные изъ нихъ прикидываются литераторами, художниками, даже юношами аристократическихъ фамилій, прости имъ, Боже! Ихъ кодексъ нравственности принадлежитъ одному парижскому мѣщанину, ихъ стремленія общи съ стремленіями каждаго изъ безчисленныхъ мелочныхъ торговцевъ (*épicieis*) города Парижа. Они не драпируются ни во что, не подражаютъ никому; ибо до крайности довольны собою и оттого служатъ вѣрной иллюстраціей современному мѣщанству Франціи. Пускай классъ наполеоновскихъ государственныхъ людей ворочаетъ милліонами, пусть толпы современныхъ юношей предаются огромной биржевой игрѣ — герои Поль-де-Кока по прежнему будутъ имѣть по шести тысячъ франковъ вѣрнаго дохода, а красавица съ тридцатію тысячами капитала никогда не утратитъ своего сладкаго вліянія въ ту минуту, когда юный волокита, горько оплакавшій заблужденія юности, нуждается въ богатой невѣстѣ и обращеніи на путь истинный. Политическій горизонтъ можетъ омрачаться и грунтъ Парижа дрожать подъ ногами, но герои Поль-де-Кока выше временныхъ тревоженій, они принадлежатъ къ парижской буржуазіи, ихъ отцы видѣли революцію и пербаго Бонапарта, ихъ не удивитъ ничѣмъ и они не вѣрятъ ни во что, кромѣ своихъ домиковъ въ Пасси и Бельвилль, кромѣ своихъ садовъ съ кіосками и билетовъ государственнаго казначейства, для защиты которыхъ не пощадаютъ ничего на свѣтѣ. Крѣпко держась насущной дѣйствительности, Поль-де-Кока этимъ самымъ пріобрѣтаетъ себѣ расположеніе самой компанной, самой постоянной и самой невзыскательной части парижскихъ жителей. Онъ изучилъ всѣ ея добрыя стороны и слабости, онъ умѣетъ говорить съ нею и имѣетъ право сказать передъ цѣлою вселенной: «я знаю парижскую буржуазію и парижская буржуазія меня знаетъ!» Парижане дѣлали много невѣрностей Поль-де-Коку, многихъ романистовъ они на время предпочитали своему шутливому старцу, но невѣрности не были постоянными и послѣ всякой изъ нихъ снова наступала пора Поль-де-Кока. Отцы зачитывались *Парижскимъ циркулярникомъ* и *Бъ-*

лымъ Домомъ , дѣти ихъ хохотали, читая прелестную *Сери-зетту*; будемъ желать и надѣяться, что и для внуковъ столѣтній баловникъ приготовить что нибудь достойное своего имени.

Настоящій парижскій буржуа имѣетъ два характера и даже два лица, какъ Янусъ. Онъ серьезенъ и тишъ его пошловатой серьезности мастерски схваченъ современными каррикатуристами, но въ то же время онъ любитъ шутку и для *mot pour rire* забываетъ все дѣловое и житейское. Надо сказать правду — въ серьезномъ и величавомъ состояніи онъ довольно глупъ и напращивается на насмѣшку. Для серьезнаго расположенія парижской буржуазіи придуманы мелодрамы съ кровавыми преступленіями и страдающею добродѣтелью, длинные романы съ жертвцами и придворными интригами, національная гвардія съ смотрами и газеты съ самымъ оптимическимъ воззрѣніемъ на вселенную вообще и на Францію въ особенности. Для буржуа въ ихъ серьезные минуты и Поль-де-Кокъ потрудился немало. И у него, веселаго старика, есть романы съ ужасными незнакомцами, фразами изъ Ларошфуко, пролитой кровью и порокомъ, несущимъ должное наказаніе; но мы сознаемся откровенно, для чтенія такихъ произведеній надо быть парижаниномъ. Другое дѣло—творенія, гдѣ Поль-де-Кокъ, сбросивъ съ себя величавый видъ исправителя нравовъ, позволяетъ себѣ немного портить то , что онъ съ такимъ усердіемъ исправлялъ недавно. Романы его, писанные для забавы, всегда читаются и долго будутъ читаться. Намъ скажутъ, причиной тому ихъ скандальность, но Монтепень и талантливый Теофиль Готье не въ примѣръ скандальнѣе Поль-де-Кока, а все-таки что такое ихъ слава въ сравненіи со славой нашего ветерана? Да еще не мѣшаетъ прибавить, что особенную репутацию скандальности Поль-де-Кокъ болѣе всего приобрѣлъ у насъ въ Россіи никакъ не ради склада своего дарованія, а вслѣдствіе грубости переводчиковъ, нарочно выставившихъ впередъ каждую сомнительную подробность и даже создавшихъ себѣ особенный сальный языкъ, о которомъ авторъ оригинала и не думалъ.

Два романа, находящіеся передъ нами, принадлежатъ къ двумъ сторонамъ Янусова лица, къ двумъ характеристическимъ сторонамъ парижской буржуазіи, къ двумъ разнымъ фазисамъ дѣятельности Поль-де-Кока. «*Бѣди отъ любовныхъ связей*» полонъ претензіями на серьезность;—парижскіе дворники, пирожишки и учителя чистописанія должны быть отъ него въ восторгъ. Тутъ

єсть благоправний, но нѣсколько обившійся съ пути юноша, впослѣдствіи обращающійся на путь благоразумія, — женщина, забывшая супружескія обязанности и горько платящаяся за свое увлеченіе, єсть, въ видѣ *gracioso*, молодой ротозѣй, непрерывно надуваемый своей любовницей, єсть и множество моральныхъ сентенцій, которыя истинно прелестны, во-первыхъ потому, что глупы до крайности, а во-вторыхъ оттого, что высказаны съ невозмутимымъ, простодушнѣйшимъ доброжелательствомъ. За то «Молодая двѣвушка на пятомъ этажѣ» (о господинѣ переводчикѣ! неужели въ типографіи, гдѣ печатался вашъ трудъ, не нашлось даже грамотнаго корректора?) вся наполнена веселостію, болтовней, шалостями и только одно безобразіе русскаго перевода не даєтъ ей читаться съ легкостью. Тутъ найдете вы все, что угодно: летанье съ лѣстницы внизъ головою, сдерживаніе париковъ, обливаніе незнакомецѣвъ грязною водою, веселые ужины на чердакахъ, волокитство за кухарками, остроты по поводу промывательнаго и разныхъ ночныхъ посудинъ, — однимъ словомъ все, что имѣетъ привиллегію смѣшить родъ человѣчскій, никогда не бывающій слишкомъ взыскательнымъ въ дѣлѣ смѣха. Правда, для удовлетворенія серьезной и сентиментальной половины читательницъ, въ романъ єсть нѣчто похожее на интригу и даже на таинственность, но за этимъ гнаться нечего — интрига отгадывается съ первой страницы, а таинственность такъ наивна, что сама по себѣ имѣетъ комизмъ, совершенно независимый отъ наміреній автора.

Безграмотность обоихъ переводовъ превосходитъ всю мѣру и всѣ предѣлы, когда либо полагаемые для безграмотности. А еще книгопродавецъ Манухинъ съ гордостію выставилъ свое издательское имя на каждомъ томѣ «Молодой Дѣвушки». Чтобъ дать понятіе о чудовищной небрежности, съ которой выполняются и издаются у насъ переводные романы, приведу одинъ примѣръ, вѣстимо Поль-де-Коковскій. Въ одномъ изъ разбираемыхъ нами романовъ, при изображеніи прекрасной незнакомки, говорится, что она имѣла *тонкую талію, стройную попку и ляжки, прекрасно округленные!!* При прочтеніи такой дивной фразы, мы до того смутились, что только послѣ минутой остолебнѣнія поняли сущность дѣла. Почтенный переводчикъ прінялъ фразу *la jambe bien tournée* за «ляжки, прекрасно округленные!»

Сочиненія Лермонтова. Изданіе С. С. Дудышкина. Томъ первый. 1860. С.-Петербургъ.

Новое и полное собраніе сочиненій покойнаго Лермонтова, предпринятое г. Дудышкинымъ, будетъ состоять изъ двухъ томовъ. По выходѣ втораго мы представимъ читателямъ нашимъ полную и подробную рецензію, въ настоящее же время можемъ только обратить ихъ вниманіе на книгу, необходимую для каждаго любителя отечественной словесности. Судя по первому тому, слѣдуетъ сказать утвердительно, что настоящее изданіе несравненно полнѣе того, которое извѣстно подъ названіемъ смирдинскаго. Въ него вошли — поэма «Демонъ» въ полномъ составѣ и съ варіантами, значительное количество стихотвореній, отысканныхъ послѣ смерти Лермонтова, и сверхъ того нѣкоторое число варіантовъ, къ произведеніямъ уже давно напечатаннымъ. Къ книжкѣ приложена небольшая статья о Лермонтовѣ, къ сожалѣнію, нѣсколько бѣдная біографическими свѣдѣніями о покойномъ поэтѣ, — можетъ быть г. Дудышкинъ пополнить этотъ недостатокъ во второмъ томѣ. Мы очень хорошо знаемъ, что для подробнаго жизнеописанія еще не пришло время, — но краткій очеркъ жизни Лермонтова уже возможенъ, а по журналамъ нашимъ разбросано нѣкоторое количество воспоминаній и замѣтокъ о Лермонтовѣ, имѣющихъ значеніе и хотя отчасти знакомящихъ насъ съ оригинальною, причудливою, загадочною и все таки крайне симпатичною личностью человека, «въ которомъ», какъ было сказано когда-то, можетъ быть, Россія лишилась своего Байрона.»

Новый путеводитель для русскихъ отправляющихся за границу, въ Германію, Саксонскую Швейцарію, Тироль, Швейцарію, Италію, Нидерландію (?), Голландію, Бельгію, Парижъ, Лондонъ и Стокгольмъ. Съ приложеніемъ общей подробной европейской карты всѣхъ желѣзныхъ и почтовыхъ дорогъ, какъ существующихъ уже, такъ и вновь проектированныхъ. О. А. Оедорова. С. Петербургъ 1860 г. 1065 страницъ.

Какъ-то весьма недавно наша литературная летопись отдала отчетъ о путеводителѣ за границу, котораго главнѣйшій недостатокъ состоялъ въ чрезвычайной краткости, и стало быть въ нѣкоторой скудости свѣдѣній. Про настоящій путеводитель можно сказать совершенно противное — онъ грѣшитъ своимъ объемомъ, напоминающимъ объемъ «карманныхъ лексиконовъ», и вслѣдствіе того во первыхъ стоитъ довольно дорого (3 р. 50 к. съ пересылкою), а во вторыхъ содержитъ въ себѣ указанія, безъ кото-

рыхъ туристу весьма легко обойтись. Но, за исключеніемъ этихъ недостатковъ и еще некоторой несоразмѣрности въ изложеніи (Парижу и Лондону посвящена часть одной главы, Италіи двѣ главы, а Германіи чуть ли не десять),—нельзя не отдать справедливости дѣльному направленію новаго путеводителя. Онъ составленъ преимущественно для людей неимѣющихъ возможности покупать дорожнаго комфорта дорогой цѣною, и потому изобилуетъ свѣдѣніями, за которыя не одинъ путешественникъ скажетъ большее спасибо составителю. Вся предварительныя данныя, относительно паспортовъ, подачи прошеній, выѣзда изъ Россіи и даже перевода денегъ на иностранныя курсы, — весьма точны. Затѣмъ при описаніи чужихъ земель и чужихъ городовъ, указанія подобраны и распределены такъ тщательно, что читатель, руководясь книгою, почти можетъ разсчитать заранее, во что ему обойдется поездка туда-то и туда-то со столомъ, комнатою въ гостинницѣ, экипажемъ, ложей въ театрѣ, платою лондинерамъ, кельнерамъ и гарсонамъ. Иныя указанія, какъ мы говорили уже, совершенно излишни (напримѣръ перечень лондонскихъ мостовъ или парижскихъ кофеенъ), но въ замѣнъ ихъ вы найдете другія, польза которыхъ несомнѣнна: все что г. Федоровъ пишетъ объ итальянскихъ веттуринахъ, о порядкѣ на пароходахъ, о предосторожностяхъ насчетъ нищихъ и факкиновъ, во многомъ облегчитъ неудовольствіе нашихъ соотечественниковъ, непривычныхъ къ итальянскимъ нравамъ. Путеводитель, нами разбираемый, хорошъ еще тѣмъ, что имѣетъ въ виду не однихъ *перелетныхъ* туристовъ: онъ поможетъ вамъ ориентироваться и для долгаго пребыванія за границею, поможетъ прискать постоянную квартиру, укажетъ на рестораны, изъ которыхъ можно требовать кушанье на домъ, или *пансіоны*, гдѣ путешественникъ отыщетъ и прислугу, и мебель, и постоянный столъ за недорогую цѣну. Вообще можно предположить, что «новый путеводитель» будетъ имѣть не одно изданіе, но не мѣшаетъ ему, при вторичномъ появленіи въ свѣтъ, понести кой-какія сокращенія, да быть немножко пощеголеватье по типографской части.

О плутняхъ карточной игры. Изобличеніе ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Составилъ Д. Зоркинъ. С.-Петербургъ 1860 г., 98 страницъ.

Прочитавъ эту книжку, по величинѣ своей похожую на колоду картъ, (только втрое ея тоньше), гоголевскіе игроки из-

мѣнятся въ лицѣ, Швахневъ затрепещетъ и Утѣшительный закроетъ лицо плащомъ, какъ Агамемнонъ въ Апеллесовой картинѣ. Нѣтъ болѣе шулерства! неправильныя стяжанія уничтожены, игра навѣрняка стала невозможностью! Нижегородская армарка, кievскіе контракты и сборы любителей счастья на русокихъ минеральныхъ водахъ будутъ отнынѣ представлять картину мирнаго веселія и кроткихъ наслажденій. Забубенные помѣщики, богатые купчики и маменькины сынки, получившіе наслѣдство, могутъ спать спокойно, — ни одинъ человѣкъ не возкусится на ихъ достояніе.

Въ провинціальныхъ клубахъ водворятся аркадскія доблести. Ноздревъ перестанетъ быть человѣкомъ историческимъ, никто уже не будетъ колотить его сапогами или задавать передержку густымъ его бакенбардамъ. Цѣлая порода людей, по наружности и нравамъ, похожая на хищныхъ пернатыхъ, распростится съ жаждой золота и «видя секреты свои обнародованными» (говоритъ намъ авторъ разбираемой книжки), «по неволѣ откажется отъ прежней своей профессіи и станетъ искать себя кусокъ хлѣба другимъ путемъ, болѣе согласнымъ съ достоинствомъ челоуѣка. Правда, что этотъ кусокъ не такъ великъ и роскошенъ, но за то онъ вкуснѣе, ибо его можно ѣсть съ спокойною совѣстью, не краснѣя за способъ, которымъ онъ пріобрѣтенъ.»

Да, господинъ Зоркинъ по истинѣ есть писатель не только благонамѣренный, но и великодушный. Разгромивъ шулеровъ, раскрывъ передъ публикою ихъ плутни и, по собственному сознанію, потративши на свое собраніе игрецкихъ секретовъ столько денегъ, что самый «блистательный успѣхъ перваго изданія этой брошюры не въ состояніи покрыть ихъ» — онъ не осуждаетъ игроковъ на голодную смерть, но изъявляетъ къ нимъ жалость, приглашаетъ ихъ къ пріисканію куска хлѣба, который бы можно было ѣсть съ спокойной совѣстью. Намъ хотѣлось бы знать однакоже, какимъ именно путемъ сыщутъ себя кусокъ хлѣба игроки, такъ жестоко казенные господиномъ Зоркинымъ? Послѣ его книжки, игра навѣрное невозможна, это онъ самъ говоритъ намъ съ полной увѣренностью. Итакъ бѣднымъ любителямъ чужихъ капиталовъ останется, можетъ быть, только одна игра, болѣе скромная — писать грошевыя брошюры по заказу грошевыхъ книгопродавцевъ и выпускать ихъ въ легковѣрную публику, съ приправой разныхъ шарлатанскихъ заглавій.

Геморрой (почечуй) и сродныя съ нимъ болѣзни какъ у мужчинъ такъ и у женщинъ, болѣе не существуютъ. Новѣйшіе способы совершеннаго излеченія этой болѣзни. Доктора Рихтера. *Москва 1860 года. 87 и V.*

Если петербургская брошюра, составленная господиномъ Зоринимъ, объявила во всеуслышаніе, что нѣтъ болѣе фальшивой игры въ карты, то почему же брошюра московской не провозгласитъ о томъ, что геморрой болѣе не существуетъ? Намъ даже кажется, что объ брошюры имѣютъ между собою несомнѣнную связь: сидѣнья за карточнымъ столомъ и сильныя игрецкія ощущенія ведутъ къ геморрою, и стало быть стоитъ только нанести хорошій ударъ карточной игрою для того, чтобы поразить почечуй со всеми его послѣдствіями. Одно только намъ кажется страннымъ—имя доктора Рихтера, выставленное въ заглавіи книжонки, которая сама по себѣ есть отрицаніе самыхъ несомнѣнныхъ правилъ науки. Но намъ кажется, что медицинское имя есть одна спекуляція со стороны смѣтливаго издателя. Способы для леченія геморроя, тутъ помѣщенные въ весьма маломъ количествѣ, можетъ быть и точно принадлежать доктору Рихтеру, но все остальное, а пуще всего, недобросовѣстное и лживое заглавіе брошюры составлено помимо медика. И въ самомъ дѣлѣ—возможно ли предположить хотя на минуту, что врачъ, имѣющій степень доктора—рѣшится утверждать передъ цѣлымъ свѣтомъ, что одна изъ наиболее распространенныхъ болѣзней, заражаемая условіями климата, городской жизни и часто наследственнымъ темпераментомъ пациента, можетъ быть признана «болѣе не существующею?» Весьма вѣроятно, что докторъ Рихтеръ позволилъ издателямъ воспользоваться своими краткими замѣтками о геморроидальной болѣзни, не предчувствуя того, что замѣткамъ этимъ придется заглавіе до такой степени малограмотное и шарлатанское.

Самоучитель плаванія. *Новый легкій способъ въ нѣсколькихъ приѣмахъ сдѣлаться превосходнымъ пловцомъ.* Съ рисунками, изданіе профессора плаванія въ Нью-Йоркѣ К. Гокка. Переводъ съ нѣмецкаго. *Москва. 1860. 52 стр.*

Еще книжка изъ породы книжекъ-назвкомыхъ, которыя родятся въ лѣтнюю пору, подобно комарамъ и мухамъ, не боясь ни мухомора, ни персидскаго порошка, вводятъ въ заблужденіе провинціальныхъ покупателей и затѣмъ исчезаютъ, доставивши издателю пятьдесятъ рублей барыша, а переводчику нѣсколь-

ко цѣлковыхъ, не всегда исправно выплачиваемыхъ. Въ книгѣ о гимнастическихъ упражненіяхъ наука плаванія можетъ всегда составить отдѣльную главу и быть прочтена съ пользою, — но издавать отдѣльно Самоучитель Плаванія и увѣрять читателя, что онъ въ нѣсколько приѣмовъ можетъ сдѣлаться превосходнымъ пловцомъ — дѣло не совсѣмъ добросовѣстное. Тоже не совсѣмъ добросовѣстно въ предисловіи разсказывать читателю, что римляне о глупцахъ выражались: «онъ не умѣетъ ни читать, ни плавать,» «что умѣй Понятовскій плавать, онъ не погибъ бы въ 1813 году, и что *Антоній Триумвиратъ*, во время своего плына у ногъ волшебной *Клеопатры* удилъ рыбу и одинъ разъ вытащилъ на удочкѣ балыкъ (!) незамѣтно прицѣпленный къ ней искуснымъ водолазомъ.» Исторія объ этомъ египетскомъ балыкѣ конечно есть перлъ всей книжечки, и потому о ней болѣе говорить не стоитъ.

Записки Гавріила Романовича Державина. Изданіе Русской Бесѣды. Москва 1856 года.

Вопросъ о Державинѣ, какъ о поэтѣ, почитается давно рѣшеннымъ и по нашему мнѣнію не требуетъ никакого дальнѣйшаго пересмотра. Теперь трудно найти образованнаго человѣка, который бы о поэтическомъ дарованіи Державина не имѣлъ наклонности думать, что это не столько дѣйствительное дарованіе, сколько кропотливая бездарность, сперва вызванная какимъ-нибудь неразумнымъ случаемъ, а потомъ находившая поощреніе на новые подвиги въ неразборчивости и нѣкоторыхъ другихъ условіяхъ тогдашняго времени. Какимъ образомъ неразборчивость современниковъ могла простираться такъ далеко, чтобы находить очень большое дарованіе тамъ, гдѣ оно было почти совершенно ничтожно, понять очень не трудно. Надобно полагать, что она происходила отъ неразвитости тогдашняго вкуса и отъ того обстоятельства, что въ нашихъ сужденіяхъ о подобныхъ предметахъ очень значительную роль играетъ такъ называемый сравнительный или параллельный методъ; а Державина сравнивать было не съ кѣмъ; ему не было параллели; онъ былъ лучше всѣхъ изъ стихотворцевъ и тогдашняго и предыдущаго времени. А что въ свое время признается лучшимъ, то съ тѣмъ вмѣстѣ всегда почти почитается и безотносительно хорошимъ. Впрочемъ мы еще не увѣрены, чтобы и самые современники-то были о Державинѣ особенно высокаго понятія. О Сумароковѣ мы, на-

примѣръ, положительно знаемъ, что было время, въ которое его очень цѣнили и очень уважали. Когда его *Хоревъ* въ первый разъ поставлялся при дворѣ кадетами, то Императрица Елизавета Петровна оказывала личную, непосредственную заботливость о туалетѣ Оснелды. Во время самаго представленія зрители плакали и восхищались; растроганная государыня въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ высказывала свою высокую признательность автору за доставленное удовольствіе. Въслѣдъ за тѣмъ въ тогдашнемъ Петербургѣ вошло на нѣсколько времени въ моду говорить о *Хоревѣ*; его перечитывали, переписывали и даже разучивали. Точь-въ-точь какъ было въ свое время съ поэмами Пушкина, только уже не въ Петербургѣ, а въ цѣлой Россіи. Мы не знаемъ, чтобы Державинъ во всю свою жизнь испыталъ хоть что-нибудь похожее на такую овацію. Онъ писалъ торжественныя и похвальные оды. Сильнымъ міра сего, въ честь которыхъ эти оды слагались, онъ разумется нравился; кромѣ сильныхъ міра они должны были еще приходиться по сердцу ихъ многочисленнымъ кліентамъ, безъ которыхъ въ то время, какъ безъ необходимыхъ спутниковъ, не обходилась ни одна звѣзда первой величины, сіявшая на общественномъ горизонтѣ; а далѣе этихъ кліентовъ почти уже вовсе не было людей, которые бы придавали хоть маленькую частичку самостоятельныхъ понятій къ такъ называемому общественному мнѣнію, не выходявшему изъ предѣловъ чрезвычайно маленькаго кружка, въ котораго никому нельзя было, и, какъ мы сказали — даже некому было «смытъ свое сужденіе имѣть». Люди понимающіе дѣло очень хорошо знаютъ, что литературная репутація Державина образовалась именно такимъ способомъ. Избранный имъ путь былъ очень ровень и гладокъ и не представлялъ никакихъ особенныхъ терній. Все горе, которое онъ испытывалъ на этомъ пути, исчерпывается сполна ограниченностью, или, лучше сказать, ничтожностью дарованія, которая дѣйствительно часто служила для него плодотворною причиною самыхъ затруднительныхъ положеній. Собственные признанія Державина въ своемъ безсиліи доходятъ до наивности и весьма много способствуютъ къ положительному рѣшенію вопроса о его бездарности. Вотъ, напримѣръ, какія строки находятся на 379 страницѣ его записокъ: «По желанію Императрицы, чтобъ Державинъ продолжалъ писать въ честь ея болѣе въ родѣ Фелицы, хотя дѣлъ онъ ей въ томъ свое слово, по причинѣ разныхъ придвор-

ныхъ каверъ, коими его безпрестанно раздражали, не могъ онъ такъ воспламенить своего духа, чтобъ поддерживать свой высокій прежній идеалъ; сколько разъ въ принимаясь, сидя по недѣль для того, завершись въ своемъ кабинетѣ, но ничего не въ состояніи былъ такого сдѣлать, чѣмъ бы онъ былъ доволенъ. Все выходило холодное, напуганное и обыкновенное, какъ у прочихъ цѣловыхъ стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства. О другихъ своихъ вещахъ Державинъ, вѣроятно, думалъ, что онъ состояли не изъ однихъ только словъ, но заключали въ себя мысли и чувства: которая изъ этихъ двухъ инстинктовъ оригинальнѣе, пусть всякій судитъ по своему. Мы съ своей стороны думаемъ, что такое пребываніе въ кабинетѣ, въ цѣлыя недѣли, не приносящее никакого плода, не смотря на самое напряженное желаніе написать что-нибудь, показываетъ не простую бездарность, но и замѣчательную нравственную пустоту и даже значительную ограниченность умственныхъ способностей. Сидѣть цѣлую недѣлю въ четырехъ стѣнахъ безъ чувствъ, безъ мыслей, съ однимъ унизительнымъ сознаніемъ своего безсилія, — значить изображать собою очень жалкую фигуру, а дѣлать собственное признаніе въ подобномъ препровожденіи времени составляетъ такую черту характера, которую, по-просту, безъ всякихъ околнчностей, можно назвать *простотою*.

Записки Державина не дають впрочемъ никакого повода говорить о немъ, какъ о писателѣ и поэтѣ: если изъ нихъ исключить счетомъ, — примѣрно, — строчекъ двадцать, то въ нихъ рѣшительно не останется никакого внутренняго признака, чтобы это были посмертныя записки человека, занимавшагося литературой; тогда можно придти, напротивъ, къ совершенно обратному заключенію: языкъ «Записокъ» до того дуренъ и, можно сказать, малограмотенъ, что его можно сравнить только съ канцелярскимъ слогомъ державинскаго времени; кромѣ того Державинъ такъ много придаетъ значенія своей служебной дѣятельности, съ такимъ одушевленіемъ говоритъ о своихъ гражданскихъ способностяхъ, убѣжденіяхъ и заслугахъ и съ такою заботливостію старается увѣковѣчить ихъ въ памяти потомства, что рѣшительно забываетъ въ себя писателя. — Вѣрный знакъ, что литература не была для Державина внутреннею потребностію; онъ не считалъ ее своимъ призваніемъ, а занимался ею или отъ праздности, или по заказу, или, какъ мы видимъ, для поправле-

нія своїхъ дѣлшекъ. — Мы намѣрены, поэтому, переписать Записки Державина именно съ тою цѣлю, чтобы указать на тѣ стороны его характера, которыми опредѣляется его гражданское значеніе.

Державинъ родился, какъ извѣстно, въ Казани, въ 1743 году, отъ бѣдныхъ родителей дворянскаго сословія. Первоначальнымъ воспитаніемъ (а никакого другаго воспитанія ему не давали) онъ не былъ приготовленъ ни къ какой дѣятельности. Изъ рукъ «церковниковъ,» обучившихъ его чтенію, онъ отданъ былъ, по его словамъ, «для наученія нѣмецкаго языка сосланному за какую-то вину въ каторжную работу, нѣкоторому Іосифу Розъ, у котораго дѣти лучшихъ благородныхъ людей въ Оренбургъ, при должностяхъ находящихся, мужеска и женска пола, учились.» О нравственныхъ качествахъ и педагогическихъ способностяхъ этого почтеннаго образователя юности у Державина находитъ слѣдующій отзывъ:

«Сей наставникъ, кромѣ того, что правовъ развращенныхъ, жестокъ, наказывалъ своихъ учениковъ самыми мучительными, но даже и неблагопристойными трафами, о коихъ рассказывать было бы отвратительно; былъ самъ невѣжда, не зналъ даже грамматическихъ правилъ, а для того и упражнялъ только дѣтей тверженію навзустъ вокаболъ и разговоровъ».

Въ 1758 году Державинъ поступилъ во вновь открывшуюся въ Казани гимназію. Гимназическая программа тогдашняго времени не отличалась особенною обширностію. Въ казанской гимназій, по словамъ Державина, учили — латинскому, французскому, нѣмецкому языкамъ, ариметикѣ, географіи, танцованію, музыкѣ, рисованію и фехтованію, и, разумѣется, учили кое-какъ, то есть, ничему не выучивая. Державинъ былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, особенно по предмету геометріи, а между тѣмъ, когда на исходѣ гимназическаго курса ему потребовалось сдѣлать изъ своихъ познаній практическое приращеніе, подъ руководствомъ директора гимназій Веревкина, то они оба отличились самымъ плачевнымъ образомъ. Веревкинъ съ обязанностями директора соединялъ еще званіе члена губернской канцеляріи. По отправленію этой послѣдней службы ему слѣдовало, по предписанію правительства, снять подробный планъ съ города Чебоксаръ «съ различіемъ домовъ, противъ повелѣнія того правительства не по плану построенныхъ». Отличные успѣхи Державина въ черченіи заставили Веревкина взять

его съ собою «вмѣсто инженера», подчинивъ ему въ помощники нѣсколько другихъ учениковъ. Тутъ произошло событіе вотъ какого рода:

«Поелвку всѣ они учились геометріи безъ правилъ и доказательствъ, и притомъ никогда на практикѣ не бывали, то пріѣхавъ въ городъ, когда должно было снимать оный планъ, и стали въ пень, тѣмъ паче, что съ ними и атрелябинъ не было. Въ такомъ затруднительномъ случаѣ требовали наставленія отъ главнаго командира (самого Веревкина); но какъ и онъ не весьма далекъ былъ въ математическихъ наукахъ, то и далъ наставленіе весьма странное, или паче весьма смѣшное, приказавъ сдѣлать рамы шириною въ восемь сажень (что была мѣра по сенатскому указу широты улицы), а длиною въ шестнадцать, и оковавъ оную связью желѣзными и цѣпями, носить множествомъ народа вдоль улицы, и когда сквозь которую улицу рама, не проходя, задѣвала за какой либо домъ, изъ конехъ нѣкоторые были каменные, то записывать въ журналъ, который домъ сколько не въ мѣру построенъ противъ сенатскаго положенія; а на воротахъ мѣломъ написывать: *ломать*».

Державину однако не дали окончить даже и плохого гимназическаго курса; по ходатайству и представленію Веревкина, «за прилежность и способность къ наукамъ» онъ былъ зачисленъ въ преображенскій полкъ и вытребованъ на действительную службу. По тогдашнимъ обычаямъ Державинъ долженъ былъ начать свое служебное поприще съ званія рядоваго и исполнять всѣ тяжелыя обязанности солдатской службы; по недостаточности матеріальныхъ средствъ онъ принужденъ былъ жить въ казармахъ, а если и на квартирѣ, все-таки не широко, а вмѣстѣ съ солдатами. Трудна и непріятна показалась Державину подобная жизнь; тѣмъ болѣе, что онъ не могъ предвидѣть даже близкаго изъ нея исхода; въ то время ничего нельзя было ни ждать, ни добиться безъ протекціи; будущій генералъ-прокуроръ очень хорошо сознавалъ эту житейскую правду и началъ развивать въ себѣ тѣ искательныя способности, при посредствѣ которыхъ впослѣдствіи такъ удачно устроилъ свою карьеру. Первая попытка впрочемъ была неудачна. Въ бытность свою въ Москвѣ вмѣстѣ съ войсками, отряженными присутствовать при коронаціи Императрицы Екатерины, онъ нашелъ было для себя милостивца и покровителя въ особѣ Ивана Ивановича Шувалова.

«Но какъ дошло сіе, гонорить Державинъ, до тетки его, по матери, двоюродной, Феклы Савишны Блудовой, жившей тогда въ Москвѣ, женщины по природѣ умной и благочестивой, но по тогдашнему вѣку непросвѣщенной, считающей появившихся тогда въ Москвѣ масоновъ отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которыхъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно за нѣсколько тысячъ верстъ противителей своихъ умерщвляютъ и тому подобныя бредни, а Шувалова признавали за ихъ главнаго начальника; то она ему, какъ племяннику своему, порученному отъ матери, и дала страшную нагонку, запрета накрѣпко ходить къ Шувалову, подѣ угрозою написать къ матери, буде ея не послушаетъ. А какъ воспитанъ онъ * былъ въ страхъ Божіемъ и родительскомъ, то и было сіе для него жестокимъ пораженіемъ, и онъ уже болѣе не являлся къ своему покровителю.»

Ровно черезъ годъ, въ 1763 году, іюля 28, въ годовщину коронаціи, Державинъ былъ однако произведенъ въ капралы. Событіе это само по себѣ не столь важно, чтобы на немъ стоило останавливаться; но мы не пропускаемъ его потому, чтобы показать, что годъ времени не былъ потерянъ для практическихъ способностей Державина, онъ понялъ всю бесполезность искаательства въ людяхъ, подобныхъ Шувалову, а потому на этотъ разъ рѣшился прибѣгнуть подѣ покровительство майора своего, графа Алексѣя Григорьевича Орлова. Въ слѣдствіе чего, сочинивъ къ нему письмо, съ прописаніемъ наукъ и службы своей, *намековавъ притомъ и обошедшихъ его сверстниковъ*, пошелъ къ нему и подалъ ему письмо, которое прочетши онъ сказалъ: «хорошо, я разсмотрю.» Въ самомъ дѣлѣ и пожалованъ онъ въ наступившій праздникъ въ капралы.»

Капраломъ, въ свою очередь, Державинъ прослужилъ цѣлые четыре года; но жизнь его слѣдалась легче; дѣла значительно посправились; по его выраженію, онъ «стоялъ (квартировалъ) уже съ своими братьями, дворянами, упражняющимися въ карточной игрѣ и прочихъ шалостяхъ, молодымъ людямъ свойственнымъ.» Карточную игру Державинъ въ молодости любилъ страстно и нужно сказать правду, что онъ проигрывалъ не однѣ деньги, но порою прихватывалъ и своего добраго имени, особенно когда бывалъ въ выигрышѣ. Нравственное чувство у Держави-

* Державинъ въ своихъ запискахъ вездѣ почти говоритъ о себѣ въ 3-мъ лицѣ.

на, можно сказать, вообще было тупо. Впоследствии, въ продолжительный періодъ своей гражданской службы, онъ очень любилъ судебную правду и сильно оскорблялся неправосудіемъ, по крайней мѣрѣ никогда не былъ способенъ на незаконное дѣло. Но служебная добросовѣстность была для него альфой и омегой человѣческой нравственности, далѣе которой его чувство ничѣмъ уже не возмущалось. Такъ, напримѣръ, онъ разсказываетъ, что ему не рѣдко случалось обыгрывать навѣрную, и разсказываетъ объ этомъ такимъ образомъ, что трудно понять, осланивается-ли онъ грѣху своей молодости, подобно очень извѣстному царю іудейскому, говорить ли о нихъ съ цѣлію назиданія, или просто похвалится ими, какъ молодечествомъ. Позднѣе, кажется всего вѣрнѣе, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и всего печальнѣе. Мы представимъ средство судить объ этомъ самому читателю. — Державинъ очень любилъ при каждомъ новомъ повышеніи отпрашиваться домой, чтобы показаться матери. Въ 1767 году, по доброжелательству къ нему полковаго секретаря Неклюдова, къ которому подольстился тѣмъ, что написалъ «посланку похвальную *Наташѣ*, одной прекрасной солдатской дочери, въ сосѣдствѣ въ казармахъ жившей,» онъ былъ произведенъ въ сержанты и, по своему обыкновенію, выхлопоталъ себѣ отпускъ. При отъѣздѣ изъ дому мать дала ему денегъ и дала порученіе купить для нея въ Москвѣ у господъ Таштыковыхъ «маленькую деревнишку душъ 30.» Само собою разумѣется, что для устройства этого дѣла Державинъ долженъ былъ въ Москвѣ остановиться, для чего и постарался достать себѣ двухмѣсячную отсрочку.

«И какъ стоялъ онъ тогда у двоюроднаго своего брата, господина Блудова, который—и его двоюродный братъ господинъ Максимовъ, живши въ одномъ съ нимъ домѣ, завели его сперва въ маленькую, а потомъ и въ большую карточную игру, такъ что онъ проигралъ данныя ему отъ матери на покупку деревни деньги. Тогда забылъ о срокѣ, хотѣлъ проигранныя деньги возвратить; но какъ не могъ, то, занявъ у него Блудова, купилъ деревню на свое имя и ему оную, съ присоединеніемъ материнскаго имѣнія, хотя не имѣлъ на то и права, заложилъ. Попавъ въ такую бѣду, вздиръ, такъ оказавъ, съ отчаянія, день и ночь по трактирамъ искать игры. Сознакомился съ игроками или лучше съ прикрытыми благопристойными поступками и одеждою разбойниками; у нихъ научился заговорамъ, какъ новѣ-

ковъ заводить въ игру, подборамъ картъ, поддѣлкамъ и всякимъ игрецкимъ мошенничествамъ. Но благодареніе Вогу, что *согнать, или лучше сказать молитвы* матеря никогда его до того не допускали, *чтобъ предался онъ въ наглое воровство или въ коварное предательство кого-либо изъ своихъ пріятелей,* такъ другіе дѣлывали. Но когда и случалось быть въ сообществѣ съ обманщиками, и самому обыгрывать на хитрости, какъ и его подобныя образомъ обыгрывали, но никогда таковой, *да и никакой* выигрышъ, не служилъ ему въ прокъ». Последнее замѣчаніе Державина, будто выигрышныя деньги не шли ему въ прокъ, очень невѣрно: во многихъ другихъ мѣстахъ онъ прямо признается, что еслибы не выигрывалъ, то просто пропалъ-бы.

Неизвѣстно на чемъ Державинъ основывалъ собственное высокое мнѣніе о самомъ себѣ, особенно въ первую пору молодости, но только эта черта въ его характерѣ сдѣлалась замѣтною очень рано. Съ эпохи пугачевского бунта, въ усмиреніи котораго онъ принималъ участіе по собственному желанію и по просьбѣ, изъ-за-именой Библикову, она достигаетъ уже тѣхъ большихъ размѣровъ, которые въпослѣдствіи сдѣлали Державина нетерпимымъ, неуживчивымъ, вообще челоѣкомъ самага безпокойнаго характера. Большимъ событіемъ пугачевского бунта Державинъ воспользовался въ своихъ Запискахъ, единственно какъ матеріаломъ для составленія себѣ эпопеи, и надобно согласиться, что эпопеи весьма посредственнаго достоинства. Онъ всюду на первомъ планѣ; Библиковъ и Панинъ одинъ за другимъ принимаютъ званіе главнокомандующаго только такъ, для проформы, а дѣломъ орудовать одинъ только Державинъ. По его совѣтамъ передвижаются цѣлые корпуса войскъ; онъ распоряжается казенными суммами, разсылаетъ и перехватываетъ лазутчиковъ, препятствуетъ «злодѣямъ пробраться по Иргизу во внутреннія, неогороженныя нѣкимъ провинціи, защищаетъ, такъ сказать, оди-
нѣнъ своимъ лицемъ отъ расхищенія киргизами иностранныя колоніи, на луговой сторонѣ Волги лежація, чѣмъ совокупно спасаетъ паки и имперію и славу государыни императрицы.»

По прибытіи въ Петербургъ, Державинъ почелъ первымъ дѣломъ — открыть ходатайство о произведеніи ему достодожной награды. Съ этою цѣлію сочинивъ похвальное письмо въ честь самому себѣ, не забывъ упомянуть въ немъ о наградахъ, розданныхъ его сверстникамъ, несравненно менѣе, чѣмъ онъ, пот-

рудившимся на пользу и славу отечества, онъ рѣшился самолично поднести его Потемкину, который въ то время былъ уже во всей своей силѣ и къ тому же числился подполковникомъ преображенскаго полка, въ которомъ служилъ и Державинъ. Маленькое препятствіе, встрѣченное Державинымъ со стороны Потемкинскаго камеръ-лакея къ личному свиданію съ княземъ было побѣждено фразою: «гдѣ офицеръ идетъ къ своему подполковнику, тамъ онъ препятствовать не можетъ».

Потемкинъ обѣщался доложить государыню, а спустя нѣсколько дней объявилъ даже просителю, что уже докладывалъ и что всемилостивѣйшая государыня приказала наградить его, что вѣроятно вскорѣ и послѣдуетъ. Державинъ дождался, но награды ему никакой не послѣдовало. Онъ снова обратился къ полномочному въ то время раздавателю даровъ фортуны, но на этотъ разъ встрѣтилъ только презрительный (по словамъ Державина негодующій) взглядъ, не удостоившись ни одного слова. Приписывая худой пріемъ со стороны Потемкина вліянію одной изъ тѣхъ дурныхъ минутъ, которыя такъ часто находили на великолѣннаго князя, Державинъ дерзнулъ ему напомнить о себѣ письменно; но и этотъ маневръ оказался не больше удачнымъ. Столько равнодушія къ великимъ заслугамъ, соединеннаго съ такимъ явнымъ пренебреженіемъ къ лицу, оказавшему эти заслуги, могло бы наконецъ охладить какую угодно самоувѣренность въ ихъ общепользномъ значеніи; но Державинъ не могъ перенести мысли, чтобы на его отечествъ осталось пятно неблагодарности за непризнанную заслугу. Въ такомъ самоотверженномъ настроеніи духа Державинъ рѣшился отнестись, разумеется съ подробнымъ описаніемъ чего слѣдуетъ, къ восходившему въ то время повому свѣтилу, — графу Завадовскому, отъ котораго и «имѣлъ несчастіе снести первую обиду». «Завадовскій не токмо не вошелъ въ существо просьбы, не помогъ ему; но при самой подачѣ письма, наговоривъ много грубостей, выслалъ его отъ себя». «Что сему причиною, — подумалъ самъ себѣ Державинъ, — неизвѣстно; кажется ничто другое, какъ неожиданное и непомѣрное возвышеніе его фортуны», заключилъ онъ. Утѣшивъ себя такою, вполнѣ справедливою сентенціею, онъ, кажется, далъ себѣ слово не обращать вниманія ни на какія удары судьбы и тѣмъ менѣе на щелчки и грубости, получаемые отъ ся любимцевъ. Плодомъ такой рѣшимости было обращеніе къ некоторому г. Олсуфьеву, который и оказался, по словамъ

искателя, человекомъ самымъ честнымъ и добрымъ, любившимъ «сколько и гдѣ возможно, оказывать благотвореніе». Отъ Олсуфьева Державинъ требовалъ не многого, одной только услуги—передать императрицѣ его прошеніе о дарованіи ему награды. Такая услуга была ему оказана. Въ прошеніи очень видное мѣсто дано было спасенію иностранныхъ колоній, при чемъ Державинъ, «собравъ крестьянъ, вооружилъ ихъ и оградилъ тѣ колоніи кордономъ, а остальными людьми своими преслѣдовалъ хищниковъ кайсаковъ, въ степи разбилъ, побилъ, нѣсколько взялъ живыхъ»; не было забыто и избавленіе Саратова, погибавшаго отъ несогласія начальниковъ, причемъ поставлено на высочайшее усмотрѣніе, что «ежели въ самой поимкѣ самозванца проситель и не имѣлъ счастія, то этимъ и никто не можетъ похвалиться»; зато первое извѣстіе, что онъ пойманъ, было распространено повсюду ни къ кому другому, а именно имъ; по всегдашнему обыкновенію Державина, было указано и на то обстоятельство, что бывшіе съ нимъ въ одной комисіи товарищи его—Лукинъ, Мавринъ, Собакянъ и Горчаковъ давно уже «по особливой матерней щедротѣ, по желанію, награжденія получили» и что онъ одинъ остается ненагражденнымъ. Риторическій оборотъ, которымъ Державинъ заключаетъ свою просьбу, показываетъ, что онъ имѣлъ дѣтскую претензію и на другія хитрости кромѣ тѣхъ, дѣйствіе которыхъ онъ иногда оказывалъ надъ неопытными новичками въ опасныхъ битвахъ, разыгранныхъ на зеленомъ полѣ.

«Вся сія проишествія, говоритъ онъ, *сравнивъ съ дѣяніями товарищей моихъ*, вижу, всемилостивѣйшая государыня, что я несчастливъ. Представляется мнѣ, что не нахожусь—ли за что подѣ гнѣвомъ человеколюбивой и справедливой монархини. Мысль сія меня умерщляетъ, государыня! Ежели я преступникъ, да не попуститъ вины моей или заслуги болѣе долготерпѣніе твое безъ воздаянія.»

На этотъ разъ успѣхъ просьбы казался менѣе сомнительнымъ. Служа нѣсколько времени, статсъ-секретарь императрицы, Безбородко, имѣлъ порученіе спросить Державина, какой онъ желаетъ награды. Державинъ, воображавшій о себѣ, что онъ человекъ очень тонкій, отвѣчалъ, «что онъ не можетъ назначить и опредѣлить мѣры щедротъ всемилостивѣйшей государыни, но что если его служба удостоена ся благоволенія, то послѣ того уже ничего не желаетъ и будетъ весьма доволенъ что ни

будетъ ему пожаловано.» Такой дипломатическій отвѣтъ не былъ оцененъ по достоинству и Державинъ снова принужденъ былъ ожидать справедливаго воздаянія за свои заслуги цѣлые мѣсяцы, пока наконецъ его не потребовалъ къ себѣ самъ Потемкинъ и не приказалъ ему отвѣчать категорически, чего онъ хочетъ? «Когда такъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ отозвался проситель: за производство дѣлъ по секретной комиссіи желаю быть награжденнымъ деревнями равно съ сверстниками мовми, гвардіи офицерами; а за спасеніе колоній по собственному моему подвигу, какъ за военное дѣйствіе, чиномъ полковника.» Потемкинъ, вѣроятно, подумалъ, что этого черезъ чуръ уже много и рѣшился, повидимому, забыть о Державинѣ, такъ что ему, по собственному его выраженію, пришлось «снова толкаться у князя въ передней.» Наконецъ князь, замѣтивъ однажды своего неотступнаго преслѣдователя въ толпѣ другихъ просителей, проговорилъ «сквозь зубы» правителю своей канцеляріи Ковалинскому: «напиши о немъ докладную записку.» Ковалинскій не имѣлъ понятія, о чемъ ему писать и обратился къ самому просителю. «Сей изготавилъ по самой справедливости; ознаменовалъ притомъ желаніе произвести полковникомъ въ армію.» Грустно сказать, что плодомъ столькихъ усилій, обидъ, исканій, просьбъ, было ничто иное, какъ увольненіе Державина отъ службы съ чиномъ коллежскаго совѣтника и съ награжденіемъ тремя стами душъ. Князь не уважилъ по всей справедливости изготавленнаго доклада; отозвался о Державинѣ, какъ о неспособномъ къ военной службѣ, и велѣлъ его выпустить въ штатскую. Тѣмъ и кончилось военное поприще Державина, ознаменованное не столько упорною борьбою съ кайсаками, сколько терпѣливымъ преслѣдованіемъ своего собственнаго пораженія.

Впрочемъ отставку Державина мы называемъ пораженіемъ единственно потому, что она произошла наперекоръ его желанію; а на самомъ дѣлѣ результатъ его служебной дѣятельности былъ довольно удовлетворителенъ. Одно только было неурѣдно въ его положеніи: нужно было пріобрѣтать новыя связи, искать новыхъ покровителей. Но и за этимъ дѣло не стало. У Державина были уже очень значительныя общественныя знакомства; черезъ семейство Окуневыхъ онъ вошелъ въ домъ тогдашняго генераль-прокурора, князя Вяземскаго. Этому сильному вельможѣ онъ понравился тѣмъ, что «проводя съ нимъ дни, забывая время въ карточной игрѣ, платилъ всегда проигранныя деньги

исправно и съ веселымъ духомъ.» Кромѣ игры въ карты, Державинъ читалъ иногда по вечерамъ въ семействѣ князя книги, за которыми, по его выраженію, «нерѣдко и чтецъ и слушатели дремали;» чтобы угодить княгинѣ, «онъ писалъ стихи похвальные въ честь ея супруга, хотя на счетъ страсти и привязанности ея къ нему не весьма справедливые, ибо они знали модное искусство давать другъ другу свободу.» Замѣтивъ расположеніе къ себѣ сильнаго человѣка, Державинъ попросилъ у него мѣста экзекутора въ сенатѣ и, разумется, получилъ. Вскорѣ послѣ этого, при покровительствѣ князя, Державину удалось охлотать очень полезное для себя дѣльце, которое увеличило его благосостояніе еще тремястами душъ. Дѣльце это состояло изъ слѣдующихъ подробностей. Нѣкто, искренній пріятель Державина, г. Масловъ, упросилъ своего друга, котораго и самъ нерѣдко обязывалъ, поручиться за него по займу денегъ въ дворянскомъ банкѣ, такъ какъ въ то время существовалъ обычай производить ссуды и безъ залога, по одной гарантіи вѣрнаго поручительства. Масловъ былъ человѣкъ состоятельный и могъ бы обойтись безъ всякой поруки, даже чисто пріятельской, если-бы его собственнаго имѣнія, доставшагося ему отъ матери, еще прежде не заложилъ отецъ его, не имѣвшій на то никакого права. Державинъ поручился. Это было какъ разъ передъ тѣмъ, когда Державинъ «отправлялся усмирять пугачевскій бунтъ.» По возвращеніи въ Петербургъ Державинъ нашелъ, что пріятель его не только въ должный срокъ не внесъ въ банкъ занятыя деньги, но надѣлавъ много другихъ долговъ и вообще запутавшись въ дѣлахъ своихъ, скрылся, такъ что трудно было даже напасть на слѣдъ его. Взысканіе, какъ и слѣдовало тому быть, упало на Державина. Послѣ безчисленныхъ стараній, искательствъ, просьбъ и самыхъ неблаговидныхъ поползновеній, предпринятыхъ съ цѣлію избавленія себя отъ обязанности поступить въ данномъ случаѣ, какъ требовали законъ и совѣсть, Державинъ все-таки былъ вынужденъ остаться вѣрнымъ неизмѣнному закону дружбы и деньги за г. Маслова заплатить. Положеніе Державина, конечно, должно бы было возбуждать нѣкоторое участіе, если бы этому не препятствовало одно обстоятельство, а именно: тяжелую обузу масловскаго долга онъ свергнулъ съ себя, по его собственному признанію, «черезъ игру вышесказанной фортуны,» при помощи которой онъ «съ избыткомъ исправился не только всѣмъ нужнымъ, но и вещами, прихоти

его удовлетворяющими, такъ что между своими собратіями и одѣтъ лучше всѣхъ другихъ быть. и жизнь велѣ пріятную, неуступая самымъ богачамъ.» Не пріобрѣти Державинъ благоволенія князя, можетъ быть, онъ такъ и остался бы великодушнымъ, хотя и обманутымъ, другомъ. Но теперь искушеніе было слишкомъ сильно; онъ завелъ дѣлю, слѣдствіемъ котораго было, что материнское имѣніе г. Маслова, заложенное отцемъ его, было назначено для продажи за долги самого г. Маслова и на публичномъ торгу пріобрѣтено Державинымъ. Обстоятельство это очень много способствовало къ значительной переизмѣнѣ въ жизни Державина. У него въ это время съ родовыми имѣніями было около 1000 душъ, «то и взялъ онъ намѣреніе порядочнымъ жить домомъ, и рѣшился твердо въ мысляхъ своихъ жениться.» Возьмѣвъ однажды такое намѣреніе, Державинъ скоро привелъ его въ исполненіе и такимъ образомъ устроивъ судьбу свою, доказалъ, что такое высокое чувство какъ дружба, наравнѣ съ добродѣтелью никогда не остается безъ должной награды.

У Державина, въ слѣдствіе совершенно неразгаданной причины, по всему объемистому тому его Записокъ проведена мысль, будто вся его служебная карьера представляетъ непрерывную цѣпь однихъ только неудачъ и огорченій, что вся его жизнь есть одинъ непризнанный подвигъ. Мы никакъ не можемъ согласиться съ этимъ и ничѣмъ не можемъ объяснить такого настроенія духа, кромѣ того вѣчнаго афоризма, что человекъ никогда не бываетъ доволенъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы захотѣли, напримѣръ, сравнить судьбу Державина хоть съ судьбой г. Маслова, потерявшаго все свое состояніе, сперва заложенное его собственнымъ отцомъ, а потомъ выкупленное въ свою пользу его искреннимъ другомъ, то объ этихъ двухъ судьбахъ мы могли бы придти къ тому заключенію, что одна изъ нихъ дѣйствительно возбуждаетъ сожалѣніе, а другая, напротивъ, не вызываетъ много чувства, кромѣ зависти. И точно, у Державина были завистники, только всегда почти не тамъ, гдѣ онъ ихъ видѣлъ; мягкость взгляда не была отличительнымъ свойствомъ Державина и замѣнялась въ немъ только глубокою увѣренностію въ своей прозорливости. Въ слѣдствіе такой странности въ характерѣ Державинъ оставилъ въ своихъ Запискахъ образчики такихъ сужденій и о своемъ времени и о замѣчательныхъ лицахъ этого времени, которыя составляютъ совершенную противо-

положность качеству, известному подъ именемъ непогрѣшительности. Такъ, напримѣръ, о князь Вяземскомъ, который своею необыкновенною карьерою былъ одолженъ единственно своимъ замѣчательнымъ способностямъ, сохранились извѣстія, что это былъ человѣкъ дѣйствительно дѣльный, пользовавшійся очень большою довѣренностію Императрицы Екатерины. А Державинъ, напротивъ, утверждаетъ, что это былъ такой пустой человѣкъ, который позволялъ себѣ завидовать даже его поэтической славы, и что успѣхи его—Державина—свели Вяземскаго въ могилу, не смотря на то, что главною причиною этихъ успѣховъ былъ никто другой, какъ тотъ же самый Вяземскій. Еслибы Державинъ обладалъ мастерствомъ рассказывать, или искусствомъ скрывать свои внутреннія побужденія, руководившія и его дѣйствіями и его рассказомъ, однимъ словомъ, еслибы онъ былъ дѣйствительно такимъ тонкимъ человѣкомъ, какимъ воображалъ себя, то оставленные имъ Записки могли бы служить для насъ обильнымъ источникомъ заблуждений—на счетъ лицъ и событій, имъ описанныхъ. Къ счастью, онъ не обладалъ такими качествами; въ его хитросплетенномъ и болѣею частію малограмотномъ рассказѣ и малый ребенокъ въ состояніи читать между строками. Вотъ какъ онъ повѣствуетъ о коренной будто бы причинѣ своихъ несогласій съ своимъ благодѣтелемъ и начальникомъ, княземъ Вяземскимъ.

«Въ одинъ день, когда авторъ (*Фелицы*) объѣдалъ у сего своего начальника, принесенъ былъ ему почталіономъ свитокъ съ надписью: «Изъ Оренбурга отъ киргизской царевны Мурзѣ Державину». Онъ удивился (*какое удивился! за тѣмъ. чай, и объѣдать-то явился, что заранѣе зналъ*) и распечатавъ нашелъ въ немъ золотую прекрасную, осыпанную брилліантами, табакерку, и въ ней 500 червонцевъ. Не могъ и не долженъ онъ былъ приять ее тайно, не объявивъ начальнику (*будто?*), чтобъ не подать подозрѣнія во взяткахъ (*тонкость! просто хотѣлось похвастаться и подразнить князя*), а для того, подошедъ къ нему, показалъ. Онъ, взглянувъ сперва гнѣвно, проворчалъ: «Что за подарки отъ киргизовъ?» Потомъ усмотрѣвъ тонкую французскую работу, съ извѣстною усмѣшкою сказала: «Хорошо, братецъ, вижу и поздравляю;» но съ того времени закралась въ его сердце ненависть и злоба (*не пренебреженіе ли къ чванству?*) такъ что равнодушно съ новопреславившимся стихотворцемъ говорить не могъ, привязывался во всякомъ случаѣ къ

нему, не токмо насмѣхался, но и почти ругалъ, проповѣдуя, что стихотворцы не способны ни къ какому дѣлу.

Отношенія Державина къ Вяземскому такъ многосложны и запутанны, такъ обвинительны для генераль-прокурора и такъ оправдательны для его подчиненнаго, что безъ другихъ источниковъ, кромѣ Записокъ Державина, ихъ нѣтъ возможности разобратъ. Но что они не должны приносить никакой чести Державину, это можно рѣшить и по однимъ его Запискамъ. Державинъ писалъ для княгини Вяземской похвальные стихи въ честь ея мужа, которые, по его собственному сознанію, были несправедливы *только* въ отношеніи взаимной привязанности между супругами. Вяземскій далъ Державину мѣсто; способствовалъ ему въ выигрышъ весьма значительнаго для него масловскаго дѣла: черезъ два года отъ опредѣленія на службу повысилъ его въ должности, сдѣлавъ его совѣтникомъ экспедиціи о государственныхъ доходахъ; въ этой новой должности давалъ ему важныя порученія, доставлявшія Державину возможность отличиться; исходатайствовалъ для него чинъ статскаго совѣтника; своимъ къ нему расположеніемъ при самомъ первомъ вступленіи его въ новую службу поставилъ его на такую ногу, что онъ сдѣлался другомъ сенаторовъ и другихъ вліятельныхъ лицъ; отлично принималъ его въ своемъ домѣ, однимъ словомъ, былъ его благодѣтелемъ, въ почетномъ значеніи этого слова. Если онъ относился иногда къ Державину съ такими выраженіями, какъ напримѣръ: *хорошо, братецъ*, то это было въ тогдашнихъ нравахъ и пѣвецъ Фелицы, вмѣстѣ съ тѣмъ пѣвецъ самого Вяземскаго и многихъ другихъ, никогда не былъ чувствителенъ къ подобному обращенію, потому что не понималъ его горькаго значенія. Чѣмъ же Державинъ за столько одолженій заплатилъ князю Вяземскому? При первой улыбкѣ счастья, какъ только онъ почувствовалъ, что не пропадетъ и безъ князя, онъ тотчасъ, въ ущербъ всякому самолюбію и своихъ товарищей и самого князя, началъ явно выдавать себя за перваго человека по всему обширному вѣдомству, которымъ управлялъ Вяземскій. Если взрѣчь Державину, то одна изъ его служебныхъ заслугъ имѣла, впрочемъ, на самомъ дѣлѣ значительную важность. Онъ напалъ на одно соображеніе, по которому въ росписаніе доходовъ на 1783 годъ могла быть включена очень уважительная цифра въ 8 милліоновъ рублей. Такое смѣлое соображеніе возбуждено было въ мыслительной способности Державина тѣмъ обстоятель-

ствомъ, что недогадливые товарищи его хотѣли изготавить для поднесенія государынѣ на означенный годъ ту же самую вѣдомость о распредѣленіи государственныхъ доходовъ, которую представляли ей въ предъидущемъ году, тогда какъ къ 1783 году была окончена новая ревизія, по которой число душъ значительно увеличилось. Державинъ указалъ, что если внести въ росписи о доходахъ тотъ податной окладъ, которой падаетъ на новорожденные души, то общая сумма доходовъ увеличится на 8 милліоновъ рублей. Открытіе, очевидно, не требовало особенной геніальности; можно съ увѣренностію полагать, что въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ не было ни одного кописта, который бы не могъ сдѣлать его прежде Державина. Тѣмъ не менѣе Державинъ съ этой поры уже окончательно смотрѣлъ на себя, какъ на государственнаго чловѣка. Дѣло въ томъ, что, по свойственной ему прозорливости, онъ не подозрѣвалъ въ своихъ сослуживцахъ ни малѣйшей преднамѣренности касательно невниманія къ новорожденнымъ душамъ; онъ относилъ это къ одной несообразительности окружающихъ его людей и только въ послѣдствіи узналъ, что генераль-прокуроръ, онъ же и государственный казначей, «для того не хотѣлъ открыть точнаго дохода, чтобы держать себя болѣе въ уваженіи, когда при нуждѣ въ деньгахъ онъ отзовется по табели неизмѣнимъ оныхъ, но послѣз будто особымъ своимъ изобрѣтеніемъ и радѣніемъ найдеть оныя кое какъ и удовлетворить требованіе двора. Вотъ хитрость,—прибавляетъ Державинъ,—изъ коей произошла непріятность начальника на ревностнаго исполнителя должности его.»

Изобличеніе хитрости, а болѣе всего увѣренность въ добромъ о себѣ мнѣніи Императрицы, заставили Державина подать въ отставку.—За отставкую послѣдовало назначеніе его въ губернаторы въ Олонецъ. Это новое назначеніе, по словамъ Державина, довело недоброжелательство къ нему Вяземскаго до послѣдней степени. Получивъ о немъ формальное увѣдомленіе, онъ сказалъ будто бы «своимъ любимцамъ, завидующимъ счастью ихъ товарища, что развѣ по его носу полззуть черви, нежели Державинъ просидитъ долго губернаторомъ».

Въ должности губернатора Державинъ былъ, по видимому, дѣйствительно полезнымъ чловѣкомъ. Что онъ любилъ правду, имѣлъ очень большое уваженіе къ закону и стоялъ выше всякаго упрека въ какомъ бы то ни было попользованіи извлекать

изъ отправления своихъ служебныхъ обязанностей матеріальныя выгоды. — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Кроме того, небольшой кругъ дѣятельности, которымъ ему поручено было завѣдывать, не превышалъ мѣры его не очень богатыхъ государственныхъ способностей.

На этотъ разъ можно согласиться съ Державнымъ, что ему пришлось постоять за правду и испытать непріятности, которыхъ причиною былъ не онъ. На самыхъ первыхъ порахъ, едва вступивъ въ исполненіе своей должности, онъ уже принужденъ былъ самою крайнею необходимостію выдержать энергическое столкновеніе съ своимъ непосредственнымъ начальникомъ, генералъ-губернаторомъ Тутолминымъ. Нужно отдать полную справедливость Державину, что въ этомъ столкновеніи и здравый смыслъ и справедливость были безраздѣльно на его сторонѣ. Тутолминъ издалъ для олонеккой губерніи особые законы, собственнаго сочиненія, и предложилъ губернскому правленію опубликовать ихъ для руководства во всѣхъ вообще присутственныхъ мѣстахъ, не исключая и судебныхъ палатъ. Державинъ почелъ долгомъ довести до свѣдѣнія генералъ-губернатора, что законодательная власть въ Россіи, на пространствѣ цѣлой имперіи, принадлежитъ исключительно одной только Императорской власти. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ даже показалъ Тутолмину печатный указъ, состоявшійся въ 1780 году. Печатный указъ не только не убѣдилъ генералъ-губернатора въ неимѣніи правъ издавать законы, но еще очень разсердилъ его, такъ что онъ, по мнѣнію Державина, рассчитывая на глубочайшую къ нему ненависть князя Вяземскаго, сказалъ ему: «Я пошлю къ генералъ-прокурору курьера, и что онъ мнѣ скажетъ такъ и сдѣлаемъ!» Резолюція по этому замѣчательному дѣлу, данная заклятымъ врагомъ Державина, была выражена въ формѣ частнаго письма къ Тутолмину и въ сущности своей была такова: «Чего, любезный другъ, въ законахъ нѣтъ, того и исполнять не можно.» Само собою разумѣется, что подобный исходъ дѣла не могъ расположить Тутолмина дружеско-любивымъ образомъ къ Державину. Изъ многочисленныхъ припадковъ, которыя не замедлили посыпаться на правдолюбиваго губернатора, одна въ особенности надѣлала ему много хлопотъ. Справедливость требуетъ сказать, что она устроена была не самимъ Тутолминымъ, а людьми, желавшими угодить ему, и въ добавокъ еще въ бытность его въ Петербургѣ, когда гене-

раля-губернаторскую должность исправлялъ самъ Державинъ. Особенный характеръ этой колоссальной кляузы заставляетъ думать, что въ природѣ Державина не было недостатка въ тѣхъ свойствахъ, которыя составляютъ достояніе каррикатуры. Но пусть читатель судитъ объ этомъ по разсказу самого Державина:

«По отъѣздѣ намѣстника скоро и братъ его двоюродный Николай Тутолминъ, бывшій председателемъ въ верхнемъ земскомъ судѣ, отпущенъ былъ въ отпускъ на 4 мѣсяца. На Ѳоминѣй недѣль, того суда засѣдатель Молчинъ шелъ въ свое мѣсто мимо губернаторскаго дома по утру; къ нему присталъ, или онъ изъ шутки заманилъ съ собою жившаго въ домъ губернатора у ассесора Аверина медвѣженка, который былъ весьма ручень и за всякимъ ходилъ, кто только его приласкивалъ. Приведши его въ судъ, отворилъ двери и сказалъ прочимъ своимъ сочленамъ шутя: «вотъ вамъ, братцы, новый засѣдатель, Михаилъ Ивановичъ Медвѣдсвъ.» Посмѣялись и выгнали вонъ безъ всякаго послѣдствія.»

Молчинъ былъ знакомъ съ губернаторомъ и по выходѣ изъ присутствія сообщилъ ему о своей шуткѣ. Державинъ тоже присутствовалъ въ свою очередь, хотя и не преминулъ замѣтить Молчину, что если дѣло «дойдетъ до него формою, то онъ сильный сдѣлаетъ ему напругай.»

«Прошелъ мѣсяцъ или болѣе, ничего слышно не было. На послѣдокъ дошли до него слухи изъ Петербурга, что нѣкто Шашковъ, засѣдатель того же суда, въ угожденіе намѣстника, довелъ ему сію исторію съ разными нелѣпыми прикрасами, а именно будто медвѣженокъ, по приказанію губернатора, въ пазмышку председателя Тутолмина (худо грамотъ знающаго) приведенъ былъ нарочно Молчинымъ въ судъ, гдѣ и посаженъ на председательскія кресла, а секретарь подносилъ ему для скрѣпы листъ бѣлой бумаги, къ которому намаравъ лапу чернилами медвѣженка, прикладывали, и будто какъ прочіе члены стали на сіе негодовать, приказывая сторожу медвѣженка выгнать, то Молчинъ кричалъ: «нестрогайте, медвѣженокъ губернаторскій.»

Мы всберемся рѣшить—на сколько справедливо показаніе Державина, будто исторія съ медвѣженкомъ, къ которой такъ неблагоприятно было примѣшено его имя, занимала нѣкоторое время цѣлый Петербургъ, и будто въ Петербургъ составленъ былъ

даже планъ, «какимъ образомъ клевету сію произвестъ самымъ дѣломъ,» но достоверно то, что объ этой исторіи было завѣдено дѣло, что это дѣло доходило до сената, что сенатъ требовалъ отъ Державина объясненій и что, въ заключеніе всего, Державинъ былъ переведенъ изъ Олонцкой губерніи въ Тамбовскую.

Въ Тамбовѣ Державинъ точно также не сошелся съ генераль-губернаторомъ графомъ Гудовичемъ, какъ въ Олонцѣ не сошелся съ Тутолминымъ; только столкновения его съ Гудовичемъ, были уже гораздо сложнее и серьезнѣе. Державинъ рассказываетъ о нихъ такимъ образомъ, что они постоянно приносятъ честь и его уму, и его характеру. Этому нѣтъ никакого основанія не вѣрить. Державинъ, по тогдашнему времени, для большинства должностей могъ дѣйствительно быть человекомъ рѣдкимъ; его коренныя понятія о долгѣ и о правдѣ, для своего времени, были довольно здравы; особенно при всеобщемъ господствѣ произвола, не знавшаго никакихъ предѣловъ. Любовь къ дѣятельности была у него въ крови; безъ дѣла онъ рѣшительно не могъ оставаться ни минуты. А такъ какъ вреднаго направленія его дѣятельность имѣть не могла, то и надобно согласиться, что онъ дѣлалъ много полезнаго. Тамбовскіе сослуживцы Державина смотрѣли на свои обязанности, какъ разумѣется само собою, совершенно другими глазами. Отсель у Державина снова являются враги и недоброжелатели цѣлыми толпами — съ генераль-губернаторомъ во главѣ. Гудовичъ, по словамъ Державина, «былъ человекъ весьма слабый, или, по просту сказать, дуракъ, набитый барскою пышностію, что зять Разумовскаго, и дѣлъ статскихъ ни мало не разумѣющій. Онъ былъ водимъ его секретаремъ г. Лабою, который послѣ былъ генераль-провіантмейстеромъ.» Зато этотъ, въ свою очередь, былъ великій знатокъ и дѣлъ и людей, а главное былъ другъ вице-губернатора Ушакова, о которомъ неизвѣстно — былъ ли онъ знаткомъ людей, но что онъ умѣлъ обдѣлывать дѣла, повидимому, самыя отчаянныя, въ этомъ, въ свое время, въ Тамбовѣ никто не сомнѣвался. Съ такими антагонистами Державину было не справиться; и онъ точно съ ними не справился; какъ ни глупъ былъ Гудовичъ, а ума у него достало написать письмо къ графу Безбородко объ удаленіи Державина отъ службы, когда ужъ онъ слишкомъ надоелъ ему; и Державина, послѣ трехъ лѣтъ губернаторства въ

Тамбовъ, дѣйствительно удалили, и даже предали его суду и заставили явиться въ Москву для дачи отвѣтовъ въ 6-мъ департаментѣ сената. Намъ нѣтъ никакой надобности разбирать подробно тамбовскую дѣятельность Державина и читателю это показалось бы скучно: то были обыкновенныя, служебныя дѣла, чѣмъ — нибудь немногими отличающіяся отъ тѣхъ, какія до сихъ поръ совершаются подъ вѣдѣніемъ и руководствомъ современныхъ намъ губернаторовъ. Храненіе казеннаго интереса, борьба съ недобросовѣстностью второстепенныхъ чиновниковъ, водвореніе порядка въ канцеляріяхъ, смотрѣніе за тюрьмами, споспѣшествованіе просвѣщенію и даже искусствамъ, какъ на примѣръ церковному пѣнію и танцамъ, — вотъ каковы были предметы постоянныхъ заботъ Державина; словомъ, губернаторъ онъ былъ такой, какого Тамбовъ не только въ то время, но и во времена позднѣйшія, не могъ лучше и пожелать. Одно намъ показалось страннымъ. — Державинъ цѣлый годъ былъ губернаторомъ въ Петрозаводскѣ и не упомянулъ ни однимъ словомъ, чтобы его тамъ полюбили, или чтобы при разставаніи съ нимъ о немъ пожалѣли. При разставаніи съ Тамбовомъ, гдѣ онъ пробылъ 3 года, тоже самое обстоятельство. Объяснить такое молчаніе скромностію Державина мы не имѣемъ никакого основанія: онъ никогда этимъ качествомъ не отличался. Пусть читатель думаетъ объ этомъ, что хочетъ.

Подсудность Державина почти нисколько не была серьезнѣе, чѣмъ исторія съ медвѣжьенкомъ; но тѣмъ не менѣе она ему стоила двухъ тысячъ рублей деньгами и шести мѣсяцевъ временемъ. Освободившись отъ суда, Державинъ явился въ Петербургъ, императрица приняла его не то ласково, не то гнѣвно, однако велѣла выдать ему жалованье за все время подсудности, а Безбородко, бывшій въ непріятныхъ отношеніяхъ съ Вяземскимъ, на зло этому послѣднему, постарался, чтобы въ указѣ о выдачѣ жалованья Державину — было включено распоряженіе о производствѣ ему содержанія до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ мѣста. Державинъ полагаетъ, будто это обстоятельство поразило Вяземскаго, какъ громомъ; — но пріемъ, который онъ встрѣтилъ у Вяземскаго, былъ очень хорошій. Какъ разобрать это? Державинъ думаетъ, что ласки, оказанныя ему княземъ, были одно только притворство, а на самомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, не только у Вяземскаго, но и у всего тогдашняго министерства

на умѣ было одно, а именно, чтобы подѣ маскою ласковаго обращенія недопускать Державина къ службѣ, «дабы не мѣшалъ имъ самовластвовать?» Не то, разумеется, было на умѣ у самого Державина; ему хотѣлось, во что бы то ни стало, доказать императрицѣ и государству, что онъ къ дѣламъ своимъ, сердцемъ чистъ, руками неповиненъ, и въ возложенныхъ на него должностяхъ вѣренъ. Чтобы какъ можно прямѣе и дѣйствительнѣе доказать эти истины, ему, по его словамъ, ничего другаго не оставалось дѣлать, какъ «искать входу къ Платону Zubovu и чрезъ него составить себѣ покровительство.» Заимчивательно, что на перелистованныхъ нами трехъ стахъ страницъ Державинъ по крайней мѣрѣ разъ двадцать даетъ понять, что онъ не такой человѣкъ, чтобы просить и унижаться, а между тѣмъ при каждомъ сколько нибудь затруднительномъ положеніи онъ только это и дѣлаетъ и одно это только и считаетъ за вѣрное оружіе въ борьбѣ съ судьбою. Мы уже имѣли случай замѣтить, что нравственное чувство у Державина вообще было тупо и другаго объясненія на это представить не можемъ, потому что, если онъ видѣлъ людей, унижавшихся еще болѣе (если это возможно), чѣмъ онъ, то онъ видѣлъ и другихъ, которые окружали себя неприступною гордостью, въ благородномъ значеніи этого слова. Какъ бы то ни было, начались исканія у Платона Александровича Zubova. Дорого они обошлись Державину. Сперва онъ получилъ многіе десятки отказовъ отъ лакъевъ Zubova, такъ что не былъ удостоенъ даже лицезрѣнія его; потомъ нашелъ себя въ необходимости обратиться къ своему таланту; далѣе принужденъ былъ притвориться, будто онъ вовсе не понимаетъ ядовитыхъ насмѣшекъ и даже просто издѣванья, которыя Zubovъ позволялъ себѣ дѣлать надъ нимъ, славливая его съ какимъ-то стихотворцемъ Эминимъ, и которыя Державинъ, — съ удивительною тонкостію и правдоподобіемъ, — объяснялъ себѣ завистію Zubova къ его дарованію. И только наконецъ-то, по истеченіи долгаго времени, Zubovъ, призвавъ однажды Державина, обвинилъ ему, что императрица опредѣляетъ его къ себѣ для принятія прошеній и дѣлаетъ своимъ статсъ-секретаремъ, а главно — поручаетъ ему наблюденіе за сенатскими мемуарями, чтобъ онъ «по нихъ докладывалъ ей, когда усмотритъ какое незаконное сената рѣшеніе.» Съ этой поры, съ одной стороны начинается возвышеніе Державина въ государственныхъ должностяхъ и значительная приближенность

къ коронованнымъ особамъ, а съ другой ясно обнаруживается совершеннѣйшее отсутствіе въ немъ не только высшихъ государственныхъ способностей, но даже простаго — дѣловаго такта. Возложенныя на него обязанности въ рукахъ другаго чловѣка, столь же честнаго, но болѣе способнаго, могли бы служить возможностью — дѣлать очень много добра и приносить очень много пользы, сколько по обширности этихъ обязанностей, столько въ особенности потому, что дѣлали легкимъ доступъ къ императрицѣ во всякое время и доставляли случай къ личнымъ съ нею бесѣдамъ. Державинъ не умѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ; не распространяясь очень много, можно сказать утвердительно, что онъ былъ такимъ статсъ-секретаремъ, какимъ могъ быть любой секретарь любого присутственнаго мѣста, если бы онъ только позаимствовался у Державина однимъ, — столь рѣдкимъ въ то время качествомъ — честностью. Мы видимъ поразительные примѣры неспособности; безтактность, превосходящую всякіе размѣры. Императрица никогда не была высокаго мнѣнія о Державинѣ, но до опредѣленія его въ статсъ-секретари, можно полагать навѣрное, она цѣнила его болѣе, чѣмъ сколько должна была цѣнить потомъ. Державинъ дѣлалъ дѣла точно такъ же, какъ онъ писалъ оды — неуклюже, шероховато, безсвязно, напряженно до тупости, растянуто до безсмысла. Мы представимъ образчикъ. Державину поручено было рассмотреть и доложить государынѣ знаменитое, въ свое время, дѣло — о сибирскомъ генералъ-губернаторѣ Якоби, обвинявшемся въ намѣреніи возмутить Китай противъ Россіи. Дѣлу этому придавали громадную важность; второй департаментъ сената занимался имъ по 10 часовъ въ сутки, съ запущеніемъ всехъ прочихъ дѣлъ, въ продолженіи цѣлыхъ 7 лѣтъ; но ни въ департаментъ сената, ни въ общемъ собраніи его департаментовъ единодушнаго рѣшенія оно не достигло, а потому, за разногласіемъ сенаторовъ, по установленному порядку, и было внесено къ императрицѣ, въ Царское Село это дѣло было привезено въ 3 кибиткахъ; сокращенный экстрактъ изъ него, сочиненный въ сенатѣ, былъ напечатанъ на 3 тысячахъ листовъ. Державинъ посвятилъ изученію этого дѣла цѣлый годъ, сочинилъ изъ него три записки: *сокращенную, краткую, кратчайшую* и доложилъ государынѣ, что дѣло готово. Императрица изъявила согласіе слушать. Докладъ начался съ того, что Державинъ все дѣло цѣликомъ велѣлъ переставить въ кабинетъ Императрицы. Увидавъ цѣлую фалангу

гайдуковъ и лакзевъ съ бумагами, государыня вышла изъ себя. «Это что такое?» спросила она. «По крайней мѣрѣ для народа, государыня, отвѣчалъ находчивый Державинъ.» Что означаетъ этотъ отвѣтъ и въ чемъ именно заключается его остроуміе, мы не понимаемъ; поняла ли Императрица — неизвѣстно; но дѣло было разложено по столамъ ея кабинета. Началь Державинъ мучить обожаемую имъ императрицу; ему назначены для доклада каждый день два послѣобѣденные часа, 5-й и 6-й; доходило до того, что Императрица прогоняла усерднаго докладчика съ глазъ своихъ; случалось и то, что она говорила — «какъ ему не захватить глотку.» пытка продолжалась цѣлые 6 мѣсяцевъ, началась въ мѣзъ, кончилась въ ноябрѣ. Между тѣмъ Державину слѣдовало доложить свое дѣло слѣдующимъ образомъ: «Государыня! Якоби обвиняютъ въ намѣреніи возмутить китайцевъ противъ вашей имперіи; обвиненіе это основываютъ во первыхъ — на письмѣ Осинина (секретаря Якоби) къ коменданту Петропавловской крѣпости Алексѣеву, а во вторыхъ на собственноручномъ предписаніи Якоби, данномъ персіянину Юсопову. Но Осининъ сознался, это онъ писалъ письмо къ Алексѣеву самъ отъ себя, безъ вѣдома Якоби, вслѣдствіе искушенія со стороны враговъ его; Осининъ не только въ этомъ сознался, но даже въ порывѣ раскаянія зарѣзался. Что касается до предписанія, даннаго персіянину Юсопову — о томъ, чтобы онъ Юсоповъ подговаривалъ мунчаловъ перебѣжать къ намъ отъ китайцевъ, то Якоби сдѣлалъ это по собственному приказанію. Вашего Величества, даннаго ему секретно: Вы хотѣли этимъ отомстить китайцамъ за то, что они переманили отъ насъ астраханскихъ калениковъ.» Но мы уже знаемъ, что эти нѣсколько фразъ, которыя можно проговорить безъ особенной торопливости въ четверть минуты, Державинъ ухитрился растянуть на 180 дней. Прямымъ слѣдствіемъ такого умненья докладывать дѣла было вотъ какое обстоятельство:

«Сначала Императрица часто допускала Державина къ себѣ съ докладомъ и разговаривала о политическихъ происшествіяхъ, каковымъ хотѣлъ было онъ вести подневную записку; но послѣку дѣла у него были всѣ роду непріятнаго, что ее увеселяло болѣе дѣла прочихъ статсъ-секретарей, то и стала его рѣдко призывать, такъ что онъ недѣлю передъ нею не былъ, и потому журналъ свой писать оставилъ; словомъ: примѣтно было, что душа ея болѣе занята была военною славою и замыслами поли-

тисоними, такъ что иногда не понимала она, что читано было ей въ запискахъ дѣлъ гражданскихъ; но какъ имѣла необыкновенную остроту разума и великій навыкъ, то тотчасъ спохватывалась и давала резолюціи по крайней мѣрѣ иногда нѣсколько основательныя, однакоже оносныя, какъ то: съ кѣмъ либо снестись, переписать и тому подобныя.»

Кромѣ наклонности императрицы къ великимъ политическимъ замысламъ, причину ея охлажденія къ себѣ Державинъ приписывалъ также и неусыпности враговъ своихъ. Было время, когда онъ подозрѣвалъ въ зависти къ себѣ самого Потемкина. Объ одномъ только онъ никогда недогадывался, что онъ не былъ созданъ—быть государственнымъ человѣкомъ. Эта мысль до того была чужда Державину, что когда, по отставкѣ Вяземскаго, генераль-прокуроромъ сдѣлали графа Самойлова, то Державинъ считалъ себя обиженнымъ и приписывалъ это обстоятельство только тому свойству своего характера, вслѣдствіе котораго онъ не хотѣлъ, будто бы, поклониться Зубову, такъ какъ онъ «Державинъ сначала и въ продолженіи всей своей службы имѣлъ себѣ въ непремѣнное правило, чтобъ никогда, никого, ни о чемъ не просить и ни на что не напрашиваться.» Но это еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, на что мы намѣрены указать. За крайнюю неспособность быть статсъ-секретаремъ Державина сдѣлали рядовымъ сенаторомъ. Въ 1794 году къ сенаторскому званію ему дали еще должность президента коммерцъ-коллегіи. Должность эта въ то время считалась очень важною; но для Державина, вѣроятно по недовѣрію къ его искусству справиться съ нею, ее ограничили до того, что она не была способна возбуждать никакой зависти. Державинъ оскорбился.

«А наконецъ, посоветовавъ съ женою и съ другими, рѣшился подать императрицѣ письмо о увольненіи его отъ службы, пріѣхавъ въ Царское Село, гдѣ въ то время императрица проживала, адресовался съ тѣмъ письмомъ къ Зубову; онъ велѣлъ подать чрезъ статсъ-секретарей; но никто онаго не принялъ, говоря, что не смѣютъ; и такъ убѣдиль просьбою камердинера Ивана Михайлова Тюльпина, который былъ самый честнѣйшій человекъ и ему благопріятель. Онъ принялъ и отнесъ императрицѣ. Чрезъ часъ время, въ который Державинъ, походя по саду, пошелъ въ комнату Зубова, навѣдаться, какой успѣхъ имѣло его письмо; находить его блѣднаго, смущеннаго, и сколько онъ его не вопрошалъ, ничего не говорящаго; наконецъ за

тайну Тюльпинъ открылъ ему, что императрица по прочтеніи письма чрезвычайно разгнѣвалась, такъ что вышла изъ себя, и ей было сдѣлалось очень дурно. Поскакали въ Петербургъ за каплями, за лучшимъ докторомъ, хотя и былъ тутъ дежурный. Державинъ, услыша сіе, не остался долѣе въ Царскомъ Селѣ; но не дождавшись резолюціи, уѣхалъ въ Петербургъ.»

Это мы оставимъ безъ комментаріевъ. Но считаемъ нужнымъ добавить, что спустя несколько, — очень не много, — времени, императрица велѣла закрыть и уничтожить и самую коммерцъ-коллегію.

Царствованіе императора Павла застало, поэтому, Державина только простымъ сенаторомъ. Мы не видимъ никакой надобности слѣдить подробно за служебными тревоженіями Державина, которые однако были такого рода, что выносили его все выше и выше, пока наконецъ девятый валъ не вознесъ его на высоту финансъ-министра. Конечно, это сдѣлалось не вдругъ. Сначала Державинъ умѣлъ было сразу удалить отъ себя отличное расположеніе императора, выказанное ему при самомъ востшествіи на престолъ. Оплотность Державина произошла отъ его обыкновенной несообразительности, отъ неумѣнья понять царстаепный каламбуръ. Императоръ сказалъ ему, что сдѣластъ его *правителемъ* верховнаго совѣта; Державинъ ни съ того ни съ сего вообразилъ, что онъ завтра же будетъ *президентомъ* совѣта; на-завтра точно послѣдовалъ указъ, но только объ опредѣленіи его на самомъ дѣлѣ въ *правители* канцеляріи *совѣта*, а не въ президенты его, какъ онъ полагалъ, не *вызвыи* на то никакого основанія. За одною несообразительностью послѣдовала другая. Державинъ почелъ за нужное испросить разрѣшеніе у императора — сидѣть или стоять ему въ совѣтъ? Разрѣшеніе страннаго недоумѣнія состояло въ томъ, что ему въ совѣтъ не вѣльно было ни сидѣть, ни стоять, а выйти оттуда вонъ. Кроме этого дано было особое распоряженіе кавалергардамъ, чтобъ не впускать его, Державина, во время собраній въ кавалергардскую залу. Тутъ снова началось примѣненіе къ практикѣ того неизмѣннаго правила, которое Державинъ имѣлъ: «Сначала и въ продолженіе всей своей службы, чтобъ ни кѣго, никогда, ни о чемъ не просить и ни на что не напрашиваться». Онъ началъ обивать пороги; но ужъ на этотъ разъ рѣшительно безуспѣшно; князь Репнинъ далъ Державину такой урокъ, что сразу уронилъ

себя во мнѣніи поэта и попалъ въ люди «самой низкой души». Оставалось одно средство, которое, разумѣется, и пущено было въ ходъ. Державинъ вспомнилъ, что у него есть талантъ и написалъ оду «на возшествіе на прѣстолъ». «Ода, говоритъ онъ, полюбилась. Императоръ позволилъ ему чрезъ адъютанта своего князя Шаховскаго пріѣхать во дворецъ и тогда же данъ приказъ кавалергардскому начальнику впускать его въ кавалергардскую залу по прежнему». Вслѣдъ за тѣмъ, съ возстановленіемъ уничтоженныхъ въ предыдущее царствованіе коллегій, онъ сдѣланъ опять коммерцъ-президентомъ, а затѣмъ уже и финансовъ-министромъ. На этомъ послѣднемъ возвышеніи мы имѣемъ нѣкоторое основаніе остановиться, такъ какъ оно послужило поводомъ къ проявленію такой черты въ характеръ Державина, которая напоминаетъ отчасти объ отношеніяхъ его къ Маслову. Должность финансовъ-министра, или, лучше сказать, слово, обозначающее эту должность, было новоизобрѣтеннымъ. Управлявшіе финансами государства до тѣхъ поръ назывались государственными казначеями. Въ это время управленіе финансами находилось въ рукахъ Васильева, который былъ товарищемъ Державина по общей ихъ службѣ при князѣ Вяземскомъ. Императорскій указъ, которымъ къ имени Державина прибавлялось слово—*министръ-финансовъ* не заключалъ въ себѣ никакого указанія или объясненія—касательно практическаго примѣненія дарованнаго ему титула. При такомъ положеніи дѣла много нашлось бы людей, которые на мѣстѣ Державина почли бы за самое лучшее остаться, сложивъ руки; а какъ поступилъ Державинъ и что изъ этого вышло, мы представляемъ рассказать ему самому:

«Въ такой путаницѣ позхалъ онъ объясниться съ генералъ-прокуроромъ, по котораго докладу писались и выходили государевы указы. Онъ ему доказалъ, что финансовъ-министровъ съ самаго начала политическаго образованія Россіи никогда не бывало, а въ другихъ государствахъ, сколько ему извѣстно, въ сей постъ облеченный чиновникъ есть *весьма великая особа*: онъ изобрѣтатель и разпределитель всѣхъ государственныхъ доходовъ, а *государственный казначей ничто иное, какъ счетчикъ оныхъ* и тоже самое, что была ревизіонъ-коллегія, учрежденная Петромъ Великимъ: финансовъ-министръ долженъ имѣть особливую инструкцію, въ которую, какъ въ узелъ, должны входить всѣ источники силъ государственныхъ. Императрица Екатерина отлагала отъ времени до времени оную, или наказъ

издать казеннаго управленія, но не успѣла и такъ скончалась; а для того экспедиція о государственныхъ доходахъ и управлялась временнымъ начертаніемъ ея должности, для свѣденія только императрицы. Г. Оболяининовъ, вынявъ сему объявленію, доложилъ императору, который, отменя прежній указъ, конимъ пожалованъ былъ Державинъ въ финансъ-министры, наименовалъ его государственнымъ казначеемъ, отставя г. Васильева вовсе отъ службы. Таковая на него опала произошла отъ какихъ-то сплетней, что не удовлетворилъ онъ выдачею какой-то суммы по желанію и просьбѣ Кутайсова и прочесъ. Тутъ Державинъ, по своему крайнему умъню, одно подлѣ другаго ставитъ слова, не имѣющія между собою не только внутренней, но и наружной связи: способъ, по которому написаны всѣ его Записки. Мыслительная способность у Державина вообще не отличалась тѣми качествами, за которыя людей называютъ умными и разсудительными; но иногда она упала до такого безсилія, что онъ въ близкихъ ему людяхъ долженъ былъ возбуждать серьезныя опасенія. Такъ напримѣръ, на счетъ этого самаго Васильева онъ распространяется, будто бы самымъ великодушнымъ образомъ спасъ его отъ гибели, между тѣмъ изъ всѣхъ разглагольствій усматривается только одно, что онъ ведетъ ихъ на свою собственную гибель. Обстоятельства этого дѣла самыя простыя: принимая отъ Васильева должность, Державинъ замѣтилъ, что въ вѣдомости о поступленіи государственныхъ доходовъ въ 1798 году податной окладъ съ дворцовыхъ крестьянъ былъ показанъ двумя милліонами менше, чѣмъ сколько должно было поступить его по росписанію, которое на этотъ годъ было предварительно составлено. Державинъ захотѣлъ узнать причину такой разности. Ему объяснили, что недостающіе 2 милліона не поступили въ казну по той непредвидѣнной случайности, что въ теченіи года 300 тысячъ душъ были пожалованы частнымъ владѣльцамъ, что объ отчисленіи этой суммы изъ росписанія была даже подана записка государю и что расчетъ, вложенный въ этой запискѣ, государь на ней же самой повѣрилъ собственноручно и нашелъ его вѣрнымъ. Державинъ потребовалъ записку. Ему подали и записку; она подтверждала то самое, о чемъ ему докладывали, и въ той самой степени, какъ ему объясняли. Кажется, дѣло ясное; тѣмъ не менше Державинъ настаиваетъ, что спасъ Васильева отъ гибели — да и только, что ему что-то показать государю несходство между дву-

ми документами — и Васильевъ со всѣми своими совѣтниками очутился бы въ крѣпости. Этого мало, онъ наставляетъ Васильева въ тотъ же день прїѣхать къ себѣ для изъявленія живѣйшей благодарности, принесенной «сквозь слезы,» за оказанное ему снисхожденіе. Всякій видитъ, что Державинъ пишетъ обвинительный на самаго себя актъ, а онъ воображаетъ будто составляетъ себѣ панегирикъ. Державинъ думаетъ, будто могъ обвинить Васильева въ преступленіи должности, а ему и на умъ не приходитъ, что Васильевъ въ случаѣ дѣйствительнаго обвиненія могъ требовать для Державина медицинскаго свидѣтельства касательно неповрежденности той природной логики, которая свойственна каждому здоровому чловѣку. Или вотъ еще образчикъ того процесса, по которому у Державина происходило обнаруживаніе его мыслительной способности. Словами, которыя мы хотимъ привести, Державинъ заключаетъ свое обозрѣніе царствованія императора Павла и, по своему обыкновенію, суммируетъ количество наградъ, полученныхъ имъ въ этотъ періодъ времени. Съ царствованіемъ императрицы Екатерины онъ поступалъ точно такъ же. Очень можетъ быть, что Державинъ и въ этомъ случаѣ поступалъ по своему, но безъ всякой цѣли; есть основаніе думать, что между суммою дарованныхъ ему наградъ и степенью преуспѣванія Россіи въ определенный промежутокъ времени онъ дѣйствительно находилъ очень близкое соотношеніе. — Но предоставимъ рѣчь самому Державину:

«Онъ получилъ отъ императора Павла слѣдующія награжденія: 1, за Оду «На рожденіе В. К. Михавла Павловича» табакеркою съ брилліантами; 2, такую же за оду «На мальтійскій орденъ;» 3, крестъ брилліантовый мальтійскій, за сочиненіе банкротскаго устава, въ которомъ онъ участвовалъ съ бывшимъ генералъ-прокуроромъ Беклешовымъ и настоящими Обольяниновымъ и княземъ Гагаринымъ. Наконецъ получилъ Державинъ еще награжденіе за поднесеніе росписанія доходовъ на 1801 годъ, за что прежде государственнымъ казначаемъ, предшественникамъ его, жаловалось по 100,000 рублей, которые и тогда императоръ приказалъ было выдать, но окружающіе увѣрили государя, что по недавнему вступленію Державина въ эту должность много такого награжденія, и дано ему только 10,000 рублей, а остальные 90,000 рублей, раздѣлили по себѣ, какъ-то: Обольянинову 30,000 руб., адмиралу Куселеву 30,000, князю Гагарину 30,000; но Державинъ *никогда, ни*

отъ кою не получала наиражденія и тѣмъ былъ доволенъ, хотя и чувствовала обиду; но скрылъ въ своемъ сердцѣ.»

Царствованіе Александра застало Державина, какъ и многихъ другихъ подобныхъ ему людей, совершенно врасплохъ. Начало этого царствованія, какъ извѣстно, было таково, что для людей болѣе развитыхъ и образованныхъ, для тѣхъ мечтательныхъ и беззащитныхъ характеровъ, которыми изобиловало тогдашнее время въ его лучшихъ представителяхъ, оно чуть-чуть не казалось эпохою, какой еще не записывала исторія; другіе напротивъ, люди съ отсталыми понятіями, или просто безъ всякихъ понятій, увлекашіеся не столько громкими дѣлами, сколько громкими фразами, видѣли въ немъ вѣрный признакъ приближающагося свѣтопреставленія. Державинъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ его званія — писателя одъ, принадлежалъ къ послѣднему лагерю. Въ это время чувство поклоненія самому себѣ въ немъ достигло своей вершины. При молодомъ императорѣ не было ни временщиковъ, ни особенныхъ любимцевъ; были только дружные съ нимъ, или близкіе къ нему люди, но и тѣ не требовали никакого за собою ухаживанія, такъ что для Державина навсегда миновалась потребность прибѣгать къ посредству своего таланта для поправленія своихъ дѣлишекъ. Время и императоръ требовали на эту пору людей не столько пламенныхъ въ своемъ усердіи, сколько дѣльныхъ и просвѣщенныхъ. Потому ли, что нужное количество такихъ людей сразу не оказывалось въ наличности, или потому, что въ Державинѣ ошиблись, какъ въ немъ ошибались и прежде, но только на него было обращено вниманіе. При образованіи министерствъ, въ 1802 году его почли достойнымъ званія министра юстиціи, а слѣдственно и служебнаго товарищества съ такими государственными людьми, какъ тогдашніе новые министры: внутреннихъ дѣлъ — Кочубей, иностранныхъ — Воронцовъ, морскихъ Мордвиновъ.

Нужно было ожидать, что Державинъ при своихъ отличныхъ государственныхъ способностяхъ не замедлитъ отличиться и что это ему даромъ не пройдетъ, какъ могло бы пройти въ прошлія царствованія. Случай къ отличію дѣйствительно не замедлилъ представиться. Военный министръ Вязьмитиновъ возшелъ въ сенатъ съ докладомъ о томъ — «слѣдуетъ-ли смотрѣть равнодушно на неисполненіе закона, по которому унтеръ-офицерамъ изъ дворянъ, въ особенности изъ поляковъ, прежде 12 лѣтъ службы запрещается выходить въ отставку.» Самъ

Вязьмитиновъ думалъ, что этого никакъ неслѣдуетъ; въ такомъ духѣ составилъ онъ и докладъ свой. Державинъ, разумеется, стоялъ горюю за точное исполненіе закона. Въ главѣ противнаго мнѣнія явился просвѣщеннѣйшій изъ тогдашнихъ сенаторовъ графъ Потоцкій, который и предложилъ отъ себя письменное по этому дѣлу мнѣніе. Далѣе пусть говорить самъ Державинъ:

«Разсмотрѣвъ мнѣніе и увидя, что оно написано не токмо дерзко противъ сената, который непристойными выраженіями разруганъ, но и противъ государя неприлично, который какъ бы въ какомъ народномъ правленіи сравненъ со всеми гражданами, и тому подобная нелѣпица, несоответствующая законамъ, то Державинъ, не приказавъ его записывать, оставилъ у себя. Въ слѣдующее воскресенье, какъ въ день докладной, представя то мнѣніе государю, доложилъ, что онъ таковой непристойной и законамъ нашимъ противной бумаги принять не можетъ, то какъ онъ соизволить. Государь, какъ видно зналъ о семъ мнѣніи, и едвали не съ позволенія его оно написано, ибо тогда всѣ окружающіе его были набиты конституціоннымъ французскимъ и польскимъ духомъ, то онъ и отвѣчалъ на докладъ Державина весьма рѣзко, сими точно словами: «что же мнѣ не запретить мыслить, кто какъ хочетъ! Пусть его подастъ и сенатъ пусть разсуждаетъ.» Державинъ докладывалъ, что таковыя мнѣнія приводятъ особу его и правительство въ нѣуваженіе, что можно подавать мнѣніе, но въ свое время и согласно законамъ. Государь отвѣтствовалъ: «сенатъ это и разсудить, а я не мѣшаюсь.»

Мы должны, впрочемъ, сказать, что побѣда по этому дѣлу осталась на сторонѣ Державина. Она осталась за нимъ не смотря на то, что въ опору своего мнѣнія онъ приводилъ слѣдующія три положенія: 1) Поляки хотятъ подорвать нашу военную силу; 2) не желающіе служить 12 лѣтъ унтеръ-офицерами могутъ притворяться больными; 3) двѣнадцати-лѣтняя унтеръ-офицерская служба не препятствуетъ къ достиженію важнѣйшихъ государственныхъ должностей: доказательство тому—самъ Державинъ. — Зато дорого же ему и досталась эта побѣда. Вотъ какъ онъ самъ рассказываетъ о своихъ трофеяхъ:

«Между тѣмъ въ продолженіи сего времени мнѣніе графа Потоцкаго дошло въ Москву, которое тамъ знатное и можно сказать глупое дворянство приняло съ восхищеніемъ, такъ что въ многочисленныхъ собраніяхъ клали его на голову и пили за здо-

ровые графа Потоцкаго, почитая его покровителемъ руссiйскаго дворянства и защитникомъ отъ угнетенія; а глупѣйшія, или подлѣйшія души не устыдились бюсты Державина и Вязьмитинова, яко злодѣевъ, выставить на перекресткахъ, замаравъ ихъ дермомъ для порученія, не проникая въ то, что попущеніемъ молодого дворянства въ праздность, нѣгу и своеволие безъ службы, подкапывались враги отечества подъ главную защиту государства.»

Непосредственнымъ послѣдствіемъ этой побѣды было и другое обстоятельство. Императоръ вскоре послѣ этого выѣхалъ изъ Петербурга на короткое время въ Лифляндію. Пользуясь отсутствіемъ государя, Державинъ взялъ мѣсячный отпускъ и отправился въ свою новгородскую деревню. Болѣзнь помѣшала министру юстиціи возвратиться въ Петербургъ къ призду государя, — почему, пользуясь случаемъ вообразить, что безъ его полезной дѣятельности государственная машина можетъ прійти въ разстройство, онъ для успокоенія кого слѣдуетъ писалъ къ князю Голицыну, прося его доложить государю, что «замедленіе его происходитъ отъ болѣзни, но что онъ скоро будетъ.» Отзывъ «государя по поводу этого доклада былъ такого рода, что ему въ Державинъ» нѣтъ никакой нужды, хоть бы онъ и вовсе не пріѣзжалъ.» Впрочемъ Державинъ касательно охлажденія императора къ своему министру юстиціи дѣлаетъ довольно остроумную догадку и приписываетъ его не другой какой — нибудь причинѣ, а наговорамъ Новосильцова и графа Чарторижскаго, которые сопровождали императора въ его лфляндской поѣздкѣ» и какъ они были враги Державина, то будучи съ государемъ не малое время, такъ сказать, въ усидненіи, и довершили они Державину свое недоброжелательство, разными клеветами, какими именнo — неизвѣстно; но только изъ того оноо разумѣть можно, и проч.»

Дальнѣйшими поводами къ отличію Державина на поприщѣ высшей государственной дѣятельности были замѣчательныя дѣла: о сврсахъ, о польской шляхтѣ и вольныхъ хлѣбопашцахъ. Были и другія, и даже много другихъ, но мы указываемъ на эти, такъ какъ они говорятъ не только въ пользу государственныхъ способностей Державина, но касаются отчасти и его гражданскихъ убѣжденій.

Дѣло о сврсахъ одолжено своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что Державинъ еще въ царствованіе императора

Павла быть посланъ въ минскую губернію, по случаю бывшаго въ этомъ краю голода. Голодъ, разумеется, Державинъ *преслѣзъ*; а между тѣмъ, не теряя даромъ времени и желая сдѣлать изъ него самое полезное употребленіе для своего отечества, онъ, вслѣдствіе непосредственнаго наблюденія, пришелъ къ убѣжденію, «что жида изъ своего корыстолюбія, выманывая у крестьянъ хлѣбъ попойками, обращаютъ оный пакъ въ вино и тѣмъ ихъ оголожаютъ.» Сдѣлавши однажды такое наблюденіе, «онъ сочинилъ о евреяхъ обстоятельное мнѣніе, основанное на ссылкахъ историческихъ, общежительскихъ свѣдѣній и канцелярскихъ актахъ.» Сущность этого обстоятельнаго мнѣнія заключалась въ томъ, чтобы водворя евреевъ въ собственные свои города и селенія, учинить полезными гражданами.» Мы обязаны думать, что мнѣнію Державина была придана значительная важность, потому что императоръ Павелъ поручилъ разсмотрѣніе его сенату, а преемникъ его предоставилъ это особому учрежденному комитету, состоявшему изъ графа Чарторижскаго, графа Потоцкаго; графа Валерьяна Зубова и самого Державина. Дѣйствія комитета по этому дѣлу окончились тѣмъ, что занять судьбою евреевъ поручили Сперанскому, а о Державинѣ, вѣроятно, возымѣли окончательное достодолжное понятіе. Никто, конечно, не усомнится согласиться при этомъ съ мнѣніемъ Державина, что Сперанскій въ этомъ случаѣ ничего другаго не сдѣлалъ, какъ только проэктъ Державина передѣлалъ по своему, и что онъ поступилъ не хорошо, не упомянувъ даже и о томъ, что онъ послѣдовалъ по разсмотрѣнію мнѣнія Державина, какъ бы онаго совсѣмъ не было, о которомъ ни однимъ словомъ и въ указѣ не упомянуто.»

Дѣло о польской шляхтѣ, говоря собственно, тоже не дѣло, а только проэктъ, сочиненный Державинимъ. Соображенія, изъ которыхъ возникъ этотъ проэктъ были такого рода:

«Извѣстно, что въ Польшѣ великое множество есть свободныхъ людей, почти никакому состоянію не принадлежащихъ, то есть, ни къ дворянамъ, ни къ поселянамъ, ни къ купечеству, ни къ духовенству, ни къ мѣщанству, хотя они почитаются происходящими изъ дворянъ и принадлежащими къ военнымъ людямъ. Эти люди называются чиншное и панцyrное дворянство; ихъ во всей Польшѣ навѣрное можетъ быть не одинъ миллионъ; и въ части российской считается до 500,000. Они большею частію собственныхъ земель не имѣютъ, а живутъ у по-

мищниковъ, платя имъ чпшъ или оброкъ съ земель по условіямъ. Ихъ магнаты польскіе употребляли всегда на ихъ сеймахъ, при народныхъ выборахъ въ чиновники и даже въ самые короли... то Державинъ, собравъ о всемъ нужныя къ дѣлу справки, сочинилъ проэктъ или докладную записку о выселеніи тѣхъ праздныхъ людей въ херсонскую, астраханскую, саратовскую, уфимскую и симбирскую губерніи».

Разсмотрѣніе это полезнаго проэкта было поручено тому же самому комитету, который учрежденъ былъ по поводу вопроса о евреяхъ. Нечего и говорить, что недоброжелатели Державина употребили всевозможныя успія, чтобы помѣшать осуществленію его остроумныхъ соображеній. Дѣйствовать противъ него, въ этомъ случаѣ, они имѣли двоякую выгоду: во-первыхъ, проэктъ представлялъ обильную пищу ихъ собственному остроумію, чтобы изобразить Державина въ глазахъ государя въ известномъ, выгодномъ только для нихъ однихъ—свѣтъ; а во-вторыхъ—у членовъ комитета—Чарторижскаго, Потоцкаго и Зубова были въ Польшѣ очень значительныя имѣнія, населенныя исключительно шляхтою и евреями: осуществленіе проэкта, очевидно, грозило имъ раззореніемъ, да и не однимъ только имъ, а цѣлой, можно сказать, Польшѣ. Не будъ этого обстоятельства, т. е. не проявивъ въ Чарторижскомъ, Потоцкомъ и Зубовѣ желаніе поострить на счетъ Державина и согласись они на раззореніе Польши, тогда проэктъ Державина непременно, по его мнѣнію, былъ бы приведенъ въ исполненіе, «дабы тѣмъ самымъ: 1) очистить земли владѣльческія въ Польшѣ и прекратить споры ихъ съ тою шляхтою, 2) чтобъ отнять способы у польскихъ вельможъ въ безпокойное время усиливать ихъ партіи симъ своевольнымъ народомъ, который всегда готовъ на всякія неистовства и возмущенія, 3) чтобъ населя ихъ по окружной чертѣ имперіи, укрѣпить тѣмъ самымъ ея границы и оградить коренныхъ жителей, и наконецъ 4) чтобъ дать способъ доказывать имъ свое дворянство, котораго они безпрестанно, съ великими хлопотами и издержками, доискивались, службою, когда изъ нихъ учредить такіе ландмилицкіе полки, и прочее».

Что касается до вольныхъ хлѣбопашцевъ, то инициатива этого дѣла принадлежала Румянцову. Сущность императорскаго указа, даннаго по этому дѣлу, очень извѣстна: она состояла въ дозволеніи помѣщикамъ—отпускать крестьянъ на волю за выкупъ. Если мы представимъ, что мѣра эта была только пригласитель-

ная и предлагалась одному только возвышенному чувству российского дворянства, а не другимъ какимъ-нибудь качествамъ его природы, то трудно вообразить, чтобы могъ найтись какой-нибудь порицатель столь невинной во всѣхъ отношеніяхъ мѣры. И действительно, когда проектъ указа былъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, то члены совѣта приняли и одобрили его единодушно. Вотъ собственныя слова Державина:

«Всѣ господа члены совѣта, хотя находили сей проектъ не полезнымъ, переиспытывали между собою о томъ, но согласно всѣ одобрили, какъ и указъ заготовленный о томъ опробовали. Державинъ только одинъ далъ свой голосъ».

Для насъ въ этомъ дѣлѣ особенно любопытно то, какимъ образомъ Державинъ, въ своей дикой наивности, объяснялъ себѣ возникновеніе ни въ чемъ невинной мѣры: «Румянцовъ (говорить онъ) выдумалъ, смѣю сказать, изъ подлой трусости государю угодить, средства, какимъ образомъ сдѣлать свободными господскихъ крестьянъ. Какъ это любимая была мысль государя, внушенная при воспитаніи его, нѣкоторымъ его учителемъ Лагарпомъ, то Румянцовъ, чтобы подольститься къ государю, ставившись напередъ, смѣю сказать, съ якобинскою шайкою Чарторижскихъ, Новосильцовыхъ и прочихъ, подалъ проектъ».

Вотъ тѣ допотопныя орудія, которыми Державинъ старался отстоять свое мнѣніе: «1) условливаясь рабу съ господиномъ въ цѣнѣ о свободѣ почти невозможно; это такая вещь, которая цѣны не имѣетъ, требуя со стороны господина только всего великодушія, а со стороны раба благодарности; 2) изъ сего выѣдутъ неустойки въ платежъ условленныхъ суммъ, изъ неустойки—дѣла и тяжбы, которыхъ такое великое множество по долгамъ; 3) сверхъ того и государственное хозяйство неминуемо отъ сего учрежденія потерпитъ, какъ въ сборъ рекрутъ, такъ и денежныхъ повинностей, ибо крестьяне, продавъ взятую ими у помѣщиковъ землю, могутъ переселиться на другія въ отдаленнѣйшія страны имперіи, гдѣ ихъ сыскать скоро не можно, или по своевольству своему и лѣности разбредутся, куда глаза глядятъ».

Такая изворотливость ума въ такое время, какимъ было начало царствованія императора Александра, не могла не привести Державина къ той вѣрной цѣли, которую всего менѣе предвидѣла его прозорливость. Добрый императоръ еще потерпѣлъ изъ-

которое время своего безалабернаго министра юстиціи, пока не пришелъ къ мысли, что пора наконецъ высокое положеніе этого чловѣка, въ сущности безвреднаго, предоставить кому-нибудь другому, кто могъ бы оказывать дѣйствительную пользу; къ такой мысли прийти было тѣмъ легче, что время тогда было рабочее и напрашивалось на разрѣшеніе не такихъ проэктовъ, на которыхъ Державинъ привыкъ псоцрять свое посильное остроуміе. Замѣчательно, что Державинъ не умѣлъ даже принять съ достоинствомъ свою отставку: она была предложена ему въ самыхъ деликатныхъ формахъ, къ какимъ только былъ способенъ добрый пзъ государей; онъ ухитрился сдѣлать се жесткою, какъ его ода, шероховатую, какъ его характеръ.

Дальнѣйшее времяпровожденіе Державина, разумѣется, не могло быть очень веселымъ; но онъ, по его словамъ, «утѣшалъ себя тѣмъ, что избранными въ советъ членами, послѣ его отставки, доведено стало государство до близкой въ 1812 году погибели». Бѣдный Державинъ! другой за такое трагическое настроеніе характера и за такую фразу попалъ бы въ Коріоланы; а онъ и тутъ не столько напоминаетъ собою величавый образъ мстительнаго римлянина, сколько вызываетъ на память ту невероятную исторію о медвѣженкѣ, которую про него Державина сдѣлалъ изобрѣтательный застѣдатель—верхняго земскаго суда, Шшшковъ. Нѣтъ; Державинъ не былъ столь дурнымъ чловѣкомъ, чтобы желать и радоваться гибели отечества; точно также, какъ не былъ и отличнымъ. Единственною причиною его, повидному, неблаговидныхъ выходокъ мы должны почитать только его крайнюю необразованность и такую же крайнюю скудость его природныхъ дарованій. Судить такого чловѣка за его гражданскіи убѣжденія у насъ нѣтъ никакого права.

—

СОВРЕМЕННАЯ ЛВТОНІЯ.

I.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ФИЗИОЛОГІИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

Вредныя послѣдствія принудительныхъ мѣръ. — Результаты въ дѣлѣ народнаго образованія. — Равнодушіе къ общественной дѣятельности. — Мелкопомѣстные дворяне Рязанской губерніи. — Полезныя мѣры въ Калугѣ. — Своеволіе властей. — Протестъ писемоводителя кременецкаго городническаго правленія. — Шайка доносчиковъ въ Кишиневѣ.

Давно уже замѣчено, что всякое дѣло, какъ бы благотворно оно ни было, имѣетъ, къ сожалѣнію, и темныя стороны. Непринадлежа къ подобнымъ разыскателямъ дурныхъ и темныхъ сторонъ человѣческихъ дѣяній, мы тѣмъ не менѣе не можемъ для начала предлагаемыхъ замѣтокъ не остановиться на весьма поразительномъ фактѣ, касающемся распространенія въ наше время воскресныхъ и даровыхъ школъ, фактѣ, который невольно напомнилъ намъ неизбежное присутствіе нѣкоторыхъ лишнихъ пятенъ въ такомъ прекрасномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, дѣлѣ, какъ возникновеніе почти по всей Россіи сказанныхъ школъ.

Школы эти основываются добровольно; никто не имѣетъ ни малѣйшаго основанія приступать къ какимъ либо принудительнымъ мѣрамъ къ распространенію ихъ въ обществѣ. Въ этомъ условіи и заключается полезное значеніе ихъ для массы публики; не будь этого условія, дѣло, охватившее въ наше время почти все наше отечество и проявляющееся въ столицахъ и далекіхъ уздѣныхъ глухихъ городкахъ, не принесло бы ни малѣйшей пользы, не возбудило бы къ себѣ такого замѣтнаго, какъ теперь, сочувствія общества и остановилось бы на полумѣрахъ, никогда ни къ чему хорошему не ведущихъ.

Свободное возникновение школъ , кажется , требуетъ съ другой стороны, со стороны общества также свободнаго участія въ этомъ дѣлѣ ; какія либо принужденія посвятить эти школы какимъ образомъ не умѣстны, и напротивъ того поведутъ къ плохимъ результатамъ.

Вышло иначе. Нашлись люди, которые на все совершающееся передъ ихъ глазами , смотря съ точки зрѣнія начальнической, сочли за нужное вмѣшаться въ дѣло о воскресныхъ школахъ, вмѣшаться совершенно особеннымъ образомъ , къ которому издавна привыкли, въ теченіе своей служебной или иной дѣятельности.

Вмѣшательство состояло въ распоряженіи, сдѣланномъ однимъ значительнымъ лицомъ въ нѣкоторой губерніи , о томъ , чтобы цеховые мастера *непремѣнно* каждое воскресенье посылали въ школу учениковъ, *чисто и прилично одѣтыхъ*.

Распоряженіе, хотя и лаковническое, но весьма краснорѣчивое: посылать непремѣнно, да еще притомъ, чтобы ученики были одѣты чисто и прилично!

Неужели лицо, дѣлая такое приказаніе, не подумало о несомѣстности заданныхъ имъ условій съ дѣломъ, гдѣ лучше всего непринужденность и отсутствіе всякихъ форменныхъ, бюрократическихъ замашекъ. Впрочемъ, подобное распоряженіе вызвало со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ справедливый протестъ и послѣдовавшимъ циркуляровъ г. министра къ губернаторамъ, напечатаннымъ въ журналъ того министерства , предписано не прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ, не заставлять мастеровъ непремѣнно посылать учениковъ въ воскресную школу, ибо принужденіе это можетъ произвести нерасположеніе и недовѣріе къ школамъ, а мастера всегда найдутъ средство не исполнить требованіе начальства, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Участіе начальства въ дѣлѣ воскресныхъ школъ должно ограничиваться разъясненіемъ мастерамъ и родителямъ малолѣтнихъ значенія и пользы воскресной школы, представляющей то особенное удобство для рабочаго класса, что малолѣтние могутъ обучаться грамотѣ и элементарнымъ свѣдѣніямъ, не отвлекаясь отъ ежедневныхъ занятій.

Въ той средѣ, гдѣ болѣе всего ощущается недостатокъ первоначальной грамотности и гдѣ она, какъ и вездѣ вообще, существенно необходима, именно въ большинствѣ обществъ купеческомъ и мѣщанскомъ, мало сочувствія къ дѣлу образованія. Говоримъ

это на основаніи очевидныхъ свидѣтельствъ. Жалобы на это вредное равнодушіе большинства къ полезнымъ начинаніямъ и необходимымъ реформамъ нашей общественной обстановки слышатся съ нѣсколькихъ мѣотъ; и жалобы эти не голословны, но основываются на какихъ либо шаткихъ, присочиненныхъ основаніяхъ.

При всей заботливости правительства о распространеніи грамотности, — ишутъ изъ г. Венсва, — дѣло идетъ у насъ медленно, и не удивительно, потому что тѣ сословія, которыя болѣе другихъ должны бы принять участіе въ учрежденіи народныхъ училищъ, мало заботятся объ этомъ: мы разумѣемъ большинство кунцовъ и мѣщанъ, которые часто не имѣютъ никакого понятія даже о тѣхъ училищахъ, въ которыхъ воспитываются ихъ дѣти, и вовсе не интересуются ими. По ихъ понятіямъ, учиться грамотъ, или учиться какому нибудь ремеслу — одно и тоже, да и самый учитель носитъ у нихъ названіе мастера. Давно всѣмъ извѣстно, въ какомъ жалкомъ положеніи находятся приходскія училища: внутри ихъ совершенный безпорядокъ, и учитель не имѣетъ ни средствъ, ни правъ возстановить его. Лишь только ученикъ ознакомится съ училищемъ и займется дѣломъ, какъ сами же родители безпрестанно отвлекаютъ его отъ дѣла. Ребенокъ, по природѣ своей, болѣе способенъ развлекаться, нежели сосредоточиваться, и требуется большое вліяніе начальства и самихъ родителей, чтобы удерживать его за книгою. А въ нашихъ училищахъ дѣти въ одно и тоже время учатся грамотъ и занимаются торговлею, и часто для торговыхъ дѣлъ оставляютъ классъ недоучившись; нѣкоторые родители изъ безразсуднаго потворства дѣтямъ, удерживаютъ ихъ дома, безъ всякой нужды, вовсе не заботясь о ихъ воспитаніи. Отъ этой неурядицы происходитъ отрывочность въ занятіяхъ, крайне утомительная для учителя и само собою вредная для класса; да и могутъ ли быть хорошіе успѣхи въ томъ училищѣ, гдѣ каждый отецъ имѣетъ право вводить свой порядокъ? А у насъ это бываетъ сплошь да рядомъ. Пора бы положить конецъ такому порядку, и не бесполезно было бы постановить правиломъ, что только тѣ купеческія дѣти имѣютъ право на торговлю, которыя окончили курсъ въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи. Иначе, торгующее сословіе будетъ по прежнему коспѣть въ невѣжествѣ.»

Замѣтное равнодушіе къ дѣлу общественному проявляется въ

нашемъ обществѣ отъ неразвитости его, отъ разобщенности интересовъ отдѣльныхъ личностей. Чего нибудь дѣльнѣе, общаго — невозможно и добиться. Для примѣра представимъ самарскій край. Онъ, подобно многимъ другимъ нашимъ мѣстностямъ, страдаетъ удивительною аномаліею привычекъ, взглядовъ, положеній. Самарскіе купцы, какъ извѣстно, родомъ изъ разныхъ концовъ Россіи. «Одинъ, рассказываетъ самарскій корреспондентъ «Московскихъ вѣдомостей», взрѣть тому, что табакъ чертова зелье, и что грѣхъ давать свою чашку или ложку чужому не однимъ съ нами убѣжденій; другой думаетъ, что чай пить до объѣда такой же грѣхъ, какъ зарѣзать человека, а отрубать казну ничуть не грѣхъ; третій убѣжденъ, что довольно пролежать съ полчаса на полу передъ иконою, и стать опять оной человѣкъ... А есть тутъ и такіе люди, которые ничему не вѣрятъ и даже мало заботятся о томъ, во что вѣрятъ ихъ сосѣди и пріятели... У всѣхъ этихъ пришельцевъ нѣтъ общихъ преданій и вѣрованій, нѣтъ и общихъ интересовъ, которые въ случаѣ нужды были бы въ состояніи сблизить и соединить ихъ въ какомъ нибудь общественномъ вопросѣ. Значительная степень развитія могла бы еще вызвать такое единство интересовъ; но это развитіе долго будетъ для насъ *ria desideria*. Правительство различными мѣрами старается пробудить во всѣхъ классахъ народа духъ гражданской жизни: оно призываетъ общество къ обсужденію административныхъ вопросовъ, къ устройству городскихъ училищъ, къ учрежденію банковъ, къ охраненію городовъ отъ пожаровъ; но все это принимается очень слабо и медленно.

При такой апатичности, при такихъ условіяхъ нашей общественной жизни не удивителенъ застой и окончательное заупокоеніе многихъ мѣстностей, которыя однако представляютъ много данныхъ для жизненнаго развитія своихъ физическихъ силъ.

Напримѣръ Новый-Осколъ. Городъ этотъ, съ 966 жителями, есть, какъ говоритъ одно письмо оттуда, край свѣта: въ него упирается большая дорога, отдѣлившаяся въ Обояни отъ московскаго шоссе и проходящая черезъ Корочу. Далѣе нѣтъ дороги, хотя лѣтъ 40 тому назадъ была прекрасная, на Бирючь, нынѣ упраздненная... Почему была она упразднена — неизвѣстно, и сколько въ послѣднее время ни старались возобновить ее, но дѣло не имѣло успѣха. Между Новымъ-Осколомъ и Бирючемъ 30 верстъ по бывшей большой дорогѣ, но теперь, письмо, посланное изъ Новаго-Оскола въ Бирючь, должно сдѣлать не

30, а 402 (!) версты, черезъ городъ Корочу, Старый-Осколь, Нижнедвинскъ, Воронежъ, Коротоянъ, Острогжскъ, и уже по-
сле того достигнетъ Бирюча. Но такова, видно, логика мѣст-
ныхъ властей! При такомъ отсутствіи движенія, есть гдѣ по-
вернуться, а вы знаете, что русскому человѣку главное, чтобы
было широко и привольно, при такомъ отсутствіи движенія, уди-
вительно ли, что деньги здѣсь дороги и кредита почти нѣтъ,
что доказывается обиліемъ мелкихъ ярмарокъ, на которыхъ вся
торговля совершается на наличныя деньги, подъ гнетомъ вся-
кихъ мелкихъ монополистовъ, безъ всякаго контроля мѣстныхъ
властей. Деньги дороги и народонаселеніе стало бѣднѣе, чѣмъ
какъ оно было прежде, тому лѣтъ 30, когда у нѣкоторыхъ по-
мѣщичьихъ крестьянъ было до 100,000 руб. асс. наличныхъ де-
негъ. Но если прежніе крестьянскіе капиталы исчезаютъ, то въ
замѣну ихъ образуются у другихъ новые, впрочемъ въ меньшей
пропорціи. Вообще тутъ почти нѣтъ примѣра, чтобы богатство
крестьянина, особенно деньги держались до 3 или 4-го поколѣ-
нія: или семья расплодится такъ, что всякому едва станетъ по
алину, или внукъ пропьетъ, или пожаръ сгубитъ, или друзья
растащутъ, только деньги рѣдко держатся въ крестьянскихъ
основѣлахъ. Заработки косарей и плотниковъ, выручающихъ до
полнаника въ день, на Дону, считаются очень выгодными, и
многіе туда идутъ, какъ бы въ Калифорнію, даже часто тамъ
остаются, приписываясь всякими неправдами къ казакамъ. А
еслибы умный экономистъ дально взглянулъ на физическое бо-
гатство края, на воду, лѣса, горы, то чего бы не напрогночилъ
онъ и мѣстности, и карману того, который бы занялся об-
работкою нашего края? Лѣсъ въ изобиліи, и требованіе на него
такъ сильно, что десятина цѣльная продается за 500 р. и бо-
лѣе, а по молочи до 800 руб. сер. Воды бездна, съ прекрас-
ными дномъ, съ мириадами рыбъ средней величины: вырзубовъ,
щуль и др. Осколь со множествомъ заливовъ впадаетъ въ мѣло-
ныя холмы и лѣсистые овраги, и въ Волчанскомъ увязъ впа-
даетъ въ Донецъ; по мѣстамъ онъ судоходенъ и на каждой вер-
стѣ задруженъ мельницами, выстроенными по старинной систе-
мѣ, съ колесами чудовищнаго размѣра, и отвратительными пло-
тинками. По правому берегу Оскола и рѣкѣ, въ него впадаю-
щей (Халокѣ, Плотва и др.), идетъ рядъ мѣловыхъ и крем-
нистыхъ крижъ съ желѣзными геологическими породами, кото-
рыя сопровождаютъ Осколь до Донца, и съ Донцомъ теряются,

при вхождѣ въ Донъ, в необъятныя степи Низовья. Лавая сторона полевая, съ селами и слободами, хуторами и гнздами русскаго мелкопомѣстнаго дворянства, которое ждетъ и не дожидется когда-то возмутить воду и отрезвять его лѣзность и вѣчный сонъ. Что еслибы прибылъ сюда какой нибудь дальний, свѣжій, незараженный ложною стороною современности человекъ, не плутъ, не кулакъ, а честный, дѣльный, просвѣщенный, съ среднимъ капиталомъ въ 500—600 тысячъ р., и новый Колумбъ вызвалъ бы весь край къ жизни, дѣятельности. Большой капиталъ поглотилъ бы меньшіе, создалъ бы новые рынки, проложилъ бы дороги, сдѣлалъ бы Осколь судоходнымъ, арендовалъ бы имѣнія, завелъ бы фабрики, которыхъ во всемъ уздѣ нѣтъ и десяти, изслѣдовалъ бы почву, устроилъ бы правильный торгъ лѣсомъ, оживилъ бы все. Дѣлаются же на Руси преобразованія, тратятся деньги на дѣло, все живетъ, копошится; отчего же никто не заглянетъ сюда, правда въ ужасную глушь и темный закоулокъ, но зато мѣстность, кишачую народонаселеніемъ, и при выгоднѣйшихъ физическихъ условіяхъ. Здѣсь народъ крепкій, здоровъ, первобытенъ, воспитанъ вдали отъ лубочныхъ картинокъ, краснощекихъ самоварницъ, нелѣпыхъ странниковъ и старцевъ, этихъ пѣявокъ нашей народности, высасывающихъ изъ нея всю ея гражданскую личность. Въдѣ лучше же потрудиться для блага цѣлаго края, чѣмъ набивать въ Петербургъ карманы, à la Гарфункель. Если камелии проглатываютъ сотни тысячъ, если кресло въ бенефисъ NN стоитъ 25 рублей, т. е. цѣну годоваго благосостоянія крестьянскаго семейства, то отчего же не найдется въ нашихъ карманахъ одной, другой сотни тысячъ на дѣло государственное, кровное.... Что сказать о geistliche Angelegenheiten нашего дворянства, о здѣшнемъ бытѣ, о здѣшней юрисдикціи? Взятки берутся покрупице, чѣмъ въ иномъ углѣ Россіи; кунечество слышать не хочетъ о женскихъ школахъ, уздѣнное училище валится.»

Такъ пишетъ новоосколецъ; такъ взынаетъ онъ ко всей Россіи на пользу роднаго мѣстечка, называя себя при этомъ *масломъ опіюущаю въ пустынь*. На сколько справедливо такое названіе: — не беремся судить, тѣмъ болѣе, что есть же мѣстности у насъ въ провинціи, гдѣ жизнь проявилась въ послѣднее время довольно благотворно, гдѣ ощутительны результаты современнаго прогрессивнаго движенія. Напримѣръ, во Владимирской губерніи, по свѣдѣніямъ сообщеннымъ оттуда, купцы и мѣщане гра-

нотны воѣ; нѣкоторые изъ купцовъ получили даже «прекрасное образованіе, или домашнее, или въ учебныхъ заведеніяхъ и за границей, которое продолжаютъ съ успѣхомъ при своихъ коммерческихъ занятіяхъ.» Полуграмотное сельское духовенство замѣнилось воспитанниками, окончившими полный курсъ въ духовной семинаріи. Чиновники, — сообщаютъ эти же свѣдѣнія, — далеко образованнѣе подъячихъ нрежняго времени, когда, за недостаткомъ служащихъ, приписались на государственную службу едва умѣющіе читать и писать семинаристы, мѣщане, дворовые люди и солдаты.

Да, въ прежнее время случались удивительные случаи при опредѣленіи чиновниковъ на службу. Одно важное лицо, пишутъ изъ г. Вятки, какъ воспоминаніе о быломъ, — на просьбу окончившаго гимназическій курсъ о принятіи его въ службу, отвѣчало: «намъ не нужно такихъ *тонконогихъ* (отчего же именно тонконогихъ, интересно бы знать?) у насъ есть семинаристы!» — А другое, также очень важное лице въ губерніи, продолжаетъ тотъ же корреспондентъ, съ оговоркою, что рассказываемый фактъ случился не въ Вятской губерніи, — принявъ просьбу и документы окончившаго курсъ въ университетъ со степенью кандидата и желавшаго занять, кажется, мѣсто столоначальника, повело такой разговоръ: «какой вашъ чинъ?» — «Я кандидатъ правъ.» — «Я спрашиваю, какой чинъ вы имѣете?» — «Чиновъ, какъ вамъ извѣстно, въ университетъ не даютъ, а даютъ ученые степени; я кандидатъ...» — «Эхъ, милостивый государь, лучше бы было, еслибы вы были коллежскимъ регистраторомъ, чѣмъ *какимъ-то* (sic!) кандидатомъ!» «заключило важное лице, отдавая назадъ прошеніе, и въ заключеніе на вакантное мѣсто былъ опредѣленъ изъ стано-выхъ приставовъ человекъ, нигдѣ не начавшій курса.

Начальникамъ-любителямъ неучей была бы въ настоящее время богатая пожива въ Саратовской губерніи. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ тамошними вѣдомостями о числѣ учащихся въ губерніи въ началѣ сего года, выводы о грамотности весьма поразительны. На каждую тысячу наличныхъ въ губерніи приходится только 17 учащихся, цифра, меньше которой едва ли можетъ существовать едва ли въ какой либо странѣ; слѣдовательно учащіеся въ Саратовской губерніи составляютъ *меньше двухъ процентовъ*. За тѣмъ на каждую тысячу наличныхъ приходится у колонистовъ 171 учащійся; у татаръ 47; въ православномъ духовенствѣ — 30; между удѣльными крестьянами — 8 и, нако-

нецъ, между государственными только 3. На основаніи этихъ цифръ, говорятъ «Московскія Вѣдомости»,—не принимая ничего болѣе въ расчетъ, можно, пожалуй, вывести такое заключеніе: болѣе всѣхъ охоты къ ученію у коломнстовъ, потомъ у татаръ, за татарами слѣдуетъ православное духовенство, и потомъ удѣльные и государственные крестьяне; о помѣщичьихъ крестьянахъ и рѣш не можеть быть; мы даже не знаемъ, существуютъ ли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ какія-либо училища. Но вотъ что странно: почему у татаръ больше учащихся дѣтей, чѣмъ у православнаго духовенства? Вѣдь всѣ дѣти духовнаго званія обязаны учиться. Одно изъ двухъ: у татаръ больше дѣтей, а следовательно и больше учащихся, или дѣти духовнаго званія, кромѣ семинаріи, воспитываются въ другихъ заведеніяхъ. Последнее предположеніе должно быть вѣрно. А все таки у татаръ больше учащихся, чѣмъ у русскихъ,—это тоже вѣрно.

Крайне неудовлетворительные результаты въ отношеніи образованія замѣчаемъ и въ Рязанской губерніи. Изъ весьма отчетливой статьи г. Смирнова, написанной по этому предмету въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», видимъ, что въ означенной губерніи по каждому сословію отдѣльно отношеніе числа учащихся къ числу жителей будетъ слѣдующее:

1. Въ духовномъ сословіи	1	учащійся на	923	жителей.
2. Въ сословіи дворянъ по-				
томственнхъ и личнхъ	1	—	—	1358
3. Въ сословіи купцовъ . .	1	—	—	4633
4. Въ сословіи мѣщанъ . .	1	—	—	7364
5. Въ сословіи крестьянъ:				
а) помѣщичьихъ	1	—	—	886.21
б) государственныхъ . .	1	—	—	111.93

Объяснивъ болѣе или менѣе извѣстные обстоятельства, поддерживающія народное образованіе въ средѣ чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ, ремесленниковъ и крестьянъ, населяющихъ Рязанскую губернію, авторъ приводитъ крайне грустныя данныя о безграмотности мелкопомѣстныхъ дворянъ. Между этими данными, въ особенности въ Пронскомъ, Рязанскомъ, Скопинскомъ и Ряжскомъ уѣздахъ, есть такія бѣдныя, которые ничѣмъ не отличаются, ни въ образѣ жизни, ни въ понятіяхъ, ни въ средствахъ, отъ самыхъ небогатыхъ крестьянъ. Между подобными дворянами, довольно много совершенно безграмотныхъ. Безграмотность эта поддерживается отсутствіемъ сельскихъ школъ и

разительною бедностью, въ слѣдствіе которой они не могутъ отдавать дѣтей учиться въ уездныя или приходскія городскія училища. Въ Пронскомъ уездѣ такого рода дворяне не рѣдко живутъ сплошными массами, населяя цѣлыя деревни, какъ напр. Пешинское, Вырыпаево, Елшино, Руднево, Тонкачево, Медвѣдево, Новики и проч. Не легко достается грамотность бѣднымъ людямъ, живущимъ въ этихъ деревняхъ. Между самими дворянами рѣдко бываетъ человекъ, способный учить дѣтей грамотѣ, единственное средство дать имъ первоначальное образованіе заключается въ отдачѣ дѣтей въ ближайшее село къ священнику, дячку, или дячку, но не каждый изъ дворянъ какого нибудь Вырыпаева или Медвѣдева можетъ позволить себѣ подобную роскошь. Послѣ домашняго ученія чтенію, письму и первымъ четыремъ дѣйствіямъ ариметики, очень немногіе помѣщаютъ своихъ дѣтей въ уездныя училища. Обучающіеся въ гимназіи дѣти бѣдныхъ дворянъ большею частію воспитанники гимназическаго пансіона и Александровскаго заведенія; но эти благотѣльные учрежденія оказываются недостаточными, чтобы спасти отъ невѣжества всѣхъ дѣтей мелкопомѣстныхъ и вовсе безпомѣстныхъ дворянъ Рязанской губерніи.

Такое печальное явленіе въ особенности поразительно при тѣхъ изъясненіяхъ, которыя предпринимаются въ настоящее время для распространенія грамотности между лицами, далеко ниже стоящими отъ дворянскаго сословія. Такъ, благодаря благороднымъ стремленіямъ членовъ калужскаго тюремнаго комитета, введено обученіе грамотѣ мальчиковъ, находящихся въ тамошнемъ тюремномъ замкѣ; обучаетъ ихъ священникъ тюремной церкви за положенное вознагражденіе изъ суммъ, жертвуемыхъ собственно на этотъ предметъ членами комитета, независимо отъ обычныхъ взносов. Для усиленія дѣла, поручено, въ отсутствіе священника, заниматься съ мальчиками, подъ наблюдѣніемъ смотрителя замка, грамотному арестанту Иванову, старостѣ мужикаго отдѣленія малолѣтнихъ. Въ настоящее время, изъ 15 находящихся въ тюремномъ замкѣ мальчиковъ, 8 поступили грамотными, четыре еще недавно начали учиться, а трое, изъ которыхъ одному 7, другому 8, третьему 9 лѣтъ, успѣли, въ теченіе одного года, выучиться довольно быстро читать по русски и по славянски.

Безграмотность ведетъ къ невѣжеству, которое составляетъ главнѣйшую причину тѣхъ часто и до настоящаго времени повто-

ряющихся больших и малых злоупотреблений во всевозможных проявлениях общественной жизни. По мѣрѣ общаго образованія въ массѣ, эти злоупотребленія должны искорениться, для пользы всего же общества, развитіе котораго во многомъ зависитъ отъ прочнаго, надежнаго и безкорыстнаго служенія дѣлу, а не лицамъ и личнымъ интересамъ.

Злоупотребленія чрезвычайно различны, но сходятся въ одномъ началѣ, вызвавшемъ ихъ;—всѣ они, конечно, основываются на желаніи зашибить лишнюю копѣйку, не стѣсняясь никакими постановленіями и распоряженіями, и не взирая, что эти лишнія копѣйки вовсе не лишнія для тѣхъ, у которыхъ отнимаются такъ безцеремонно.

«До свѣдѣнія моего дошло, читаемъ мы въ предписаніи нижегородскаго военнаго губернатора земскимъ исправникамъ (Нижегород. губ. вѣд.), что высылаемые отъ меня чрезъ мою канцелярію, въ земскія полиціи, билеты на взиманіе обывательскихъ подводовъ безъ платежа прогоновъ хотя и выводятся расходомъ по отчетности въ подлежащемъ, большею частію, порядкѣ, но только—повидимому; въ дѣйствительности же много таковыхъ выдается по произволу — неподлежащимъ лицамъ, и вслѣдствіе того происходитъ значительный и напрасный разгонъ обывательскихъ подводовъ и крайне обременяются сельскіе жители».

Въ другомъ предостереженіи того же г. губернатора *мыслымыз властямъ*, напечатанномъ также въ вѣдомостяхъ, между прочимъ изложено:

«До меня дошли слухи, будто бы раскольники, подъ дѣловыми предлогами, часто безвременно и напрасно отвлекаются изъ мыслъ своего жительства иногда для удовлетворенія личнымъ цѣлямъ мыслныхъ должностныхъ лицъ, то, впредь до полученія точнѣйшихъ свѣдѣній по сему предмету, я счелъ нужнымъ — строжайше обязать земскихъ исправниковъ приложить всевозможное наблюденіе и попеченіе, чтобы впредь этого не было, подъ опасеніемъ и пр.»

Для болѣе ощутительнаго примѣра безцеремоннаго обращенія нѣкоторыхъ должностныхъ личностей приведемъ слѣдующій фактъ, сообщенный графомъ де-Брозль-Платеромъ въ «Кіевскомъ телеграфѣ.»

Недавно, недѣли четыре тому назадъ, возвратился на родину, въ усадьбу, принадлежащую вишневецкой администраціи,

ниій старикъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ своего отсутствія. Крестьяне напоминали ему, что за нимъ числится податная недоимка, которую они уплачивали во все время его отсутствія. Старикъ далъ имъ слѣдующія 50 р. сер., да еще столько же, чтобы, на случай смерти, они отпѣли его и прилично похоронили. На второй день, снабженный паспортомъ, выхлопотаннымъ ему тѣми же крестьянами, старикъ отправился за двадцать верстъ, въ уздный городъ Кременецъ. Тамошняя полиція, узнавъ изъ выданнаго старику свидѣтельства объ уплаченныхъ имъ повинностяхъ и данныхъ деньгахъ на похороны, въ случаѣ смерти, взяла его и потребовала, въ лицѣ секретаря полиціи, денегъ около ста р. с.; когда же старикъ отпѣкивался нищенствомъ, то его посадили въ сѣзжій домъ, гдѣ г. секретарь полиціи не замедлилъ пополнить требованія свои побоями и угрозами: бросивъ бѣдняка нѣсколько разъ объ стану и настраивавъ обѣщаніемъ жечь ему пятки раскаленнымъ железомъ, вотъ новый инквизиторъ успѣлъ отнять, наконецъ, у старика, быть можетъ, послѣдніе 60 р. с. съ копейками. Старуха же, сопровождавшая дѣда, израсходовалась на угощеніе полицейскихъ солдатъ, желая тѣмъ смягчить преслѣдованіе.

Газета «Кіевскій телеграфъ» дополнила это извѣстіе, что по слуху, дошедшему до нея, по изложенному обстоятельству назначено слѣдствіе по распоряженію главнаго начальника края, и между прочимъ въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ объявила, что вслѣдъ за напечатаніемъ о такомъ безчеловѣчномъ притѣсненіи, сдѣланномъ старику нищему, кременецкою полиціею, въ лицѣ, какъ выражено въ извѣстіи, секретаря полиціи, — писемководитель Кременецкаго городническаго правленія, г. Лозинскій, препроводилъ въ редакцію «Кіевскаго телеграфа» очень длинную статью, въ которой доказываетъ, что онъ по означенному дѣлу совершенно невиненъ. Г. Лозинскій, въ статьѣ своей, дѣло это излагаетъ слѣдующимъ образомъ. Нынѣшній городничій г. Кременца, по вступленіи своемъ въ должность, далъ предписаніе всѣмъ внѣшнимъ чинамъ полиціи стараться объ искорененіи въ городѣ нищенства, которое въ Кременцѣ будто-бы очень развилось. Въ вѣдствіе этого, были собраны полицейскими чинами разнаго рода люди, промышлявшіе испрашиваніемъ милостыни. Въ числѣ ихъ находились еще довольно-крѣпкіе старикъ и старуха, прозываемые Лирниками. По изслѣдованію оказалось, что они будто бы промышляютъ, въ продолженіе нѣ-

сколькихъ лѣтъ, пристанодержательствомъ другихъ нищихъ и разныхъ калѣкъ, съ которыхъ собирають доходъ и, взявъ отъ тѣхъ, притѣсняють ихъ, между прочимъ морять голодомъ (?!). За таковыя противозаконныя дѣйствія, Лирники были подвергнуты аресту и работамъ при полиціи, а потомъ отправлены, по принадлежности, на водвореніе въ вишневецкую экономію. При арестованіи Лирниковъ у нихъ оказался письменный видъ, выданный вишневецкою экономією еще въ 1858 году, срокомъ на одинъ годъ, а потомъ на томъ же видѣ сдѣлана отсрочка еще на годъ, срокъ которой истекъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Никакой другой бумаги, изъ которой можно было бы видѣть, что Лирники внесли недавно въ вишневецкое общество числившейся на нихъ недоимки 50 р. и еще дали 50 р. на погребеніе, при нихъ не было; и слѣдовательно кременецкая полиція не могла изъ письменнаго вида ихъ заключить, что у нихъ есть деньги, какъ это говорить графъ де-Брозль-Платеръ. При этомъ г. Лозинскій возбуждаетъ довольно-интересный вопросъ, какимъ образомъ вишневецкая экономія, принадлежащая, какъ можно заключить изъ словъ его, графу де-Брозль-Платеру, позволяетъ своимъ крестьянамъ снискивать себѣ насущный хлѣбъ нищенствомъ, и какимъ образомъ она рѣшается выдавать даже свидѣтельства на подобный предметъ; тогда какъ, по ясному смыслу законовъ, къ прямой ея обязанности относится — присматрѣть за увѣчными, калѣками и стариками? Далѣе г. Лозинскій увѣряетъ, что онъ, съ своей стороны, никакихъ притѣсненій Лирникамъ не дѣлалъ, и дѣлать этого, какъ *внутренній членъ* полиціи, не могъ, денегъ у нихъ не бралъ и не вымогалъ, что онъ даже по своему, такъ сказать, характеру, неспособенъ на подобныя поступки, въ чемъ ссылается на общественное мнѣніе г. Кременца, который, по словамъ его, такъ невеликъ, что въ немъ жители хорошо знаютъ другъ друга. Въ заключеніе, г. Лозинскій пишетъ, что онъ проситъ высшее начальство подвергнуть все это оскорбительное для него дѣло строжайшему слѣдствію, дабы можно было ему вполне доказать свою невинность. Основываясь на послѣднихъ словахъ г. Лозинскаго, редація «Кіевского телеграфа» отлагаетъ напечатаніе присланной имъ статьи (которая цѣликомъ для газеты слишкомъ огромна и по изложенію неудобна) до окончанія формальнаго слѣдствія. Результатъ слѣдствія, если угодно будетъ г. Лозинскому, редація почтетъ священною для себя обязанностию напечатать впол-

нѣ и въ какой угодно будетъ г. Лозинскому формѣ, разумѣется лишь бы форма эта допускалась условіями приличія. Къ этому редакция считаетъ нужнымъ, собственно для г. Лозинскаго, присовокупить, что, по существующимъ обычаямъ, періодическія изданія никакой платы за печатаніе въ нихъ статей, кромѣ частныхъ объявленій, не берутъ. Итакъ, подождемъ требуемаго г. Лозинскимъ слѣдствія!»

Очень непріятно поразило насъ извѣстіе, сообщенное въ Бесарабскихъ областныхъ вѣдомостяхъ, что въ области появилась своего рода общественная язва — цѣлая шайка, занимающаяся писаньемъ безыменныхъ доносовъ. Доносы пишутся, большею частію, неповерканнымъ почеркомъ и доставляются начальнику области и все по почтѣ, или, еще безразвѣстнѣе, посредствомъ подкидыванія во дворъ губернаторской квартиры, и въ доносахъ этихъ почти всегда обвиняются чиновники въ разныхъ злоупотребленіяхъ, иногда же взводятся преступленія и на частныхъ лицъ.

Областные вѣдомости замѣчаютъ по этому поводу слѣдующее: «На основаніи 52 ст. 2 кн. XV Т. Св. Зак. изд. 1857 г., по подобнымъ доносамъ слѣдствія не производятся; но какъ въ некоторыхъ изъ нихъ указывались довольно важныя преступленія, то были дѣлаемы секретныя розысканія, по которымъ дознано, что или въ доносахъ, отъ перваго до послѣднаго слова, была ложь, или же доносчикъ, указывая на какое нибудь дѣйствительно существовавшее дѣло, до такой степени извращалъ факты, что ихъ трудно было узнать—словомъ, доносы эти доказывали истину, что честный человѣкъ, объявляя правду, никогда не станетъ прятаться за безыменный доносъ. Между тѣмъ, доносчики, имѣющіе, какъ видно, свои особые кружки, гдѣ вѣрятъ на слово рассказамъ ихъ о великомъ значеніи каждаго ихъ слова предъ областнымъ начальствомъ, распускаютъ подъ рукою слухи, что то и то сдѣлалось по ихъ доносу, что такой-то или такой чиновникъ смѣненъ, или переведенъ, по ихъ указанію. Этимъ вселяютъ они въ легковѣрныхъ какое-то уваженіе къ себѣ и, такимъ образомъ, успѣваютъ пользоваться кое-какими мірскими выгодами.

Чтобы увѣрить этихъ господъ, что они сильно ошибаются, принимая своимъ доносамъ какую нибудь силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоить возмъ вѣрующихъ въ эту силу, объявляется, что на безыменные доносы и подметныя письма обращается не

болѣе того вниманія, какого они заслуживаютъ, то есть никакого, следовательно и никакія распоряженія начальства не дѣлаются вслѣдствіе такихъ доносовъ. Кромѣ того объявляется, что приняты мѣры къ открытію подобныхъ доношниковъ, отъ тѣмъ, чтобы по открытіи, заставлять ихъ доказывать свои доносы; въ случаѣ же отказа отъ представленія доказательствъ, или формальнаго открытія ложности донесенія, доношники будутъ предаваемы суду.»

I.

ОЧЕРКЪ ТОРГОВОЙ И ПРОМЫШЛЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Нижегородская ярмарка.—Чайная торговля.—Судоходство по Амуру.—Торговое движеніе въ Астрахани.—Торговля съ Вухарією.—Фабричная, ремесленная и лѣсная промышленность.—Дороговизна лѣснаго матеріала.—Виды на урожан.

Нынешняя Нижегородская ярмарка отличается отъ предшествовавшихъ тѣмъ, что всѣ приготовленія для нея сдѣланы нынѣ ранѣе обыкновеннаго: ярмарочный мостъ наведенъ очень рано, съездъ на ярмарку начался прежде обыкновеннаго, а ярмарочный театръ открытъ за пять дней до положеннаго начала ярмарки. При открытіи всѣ ожидали большаго противу прежняго привоза товара, а следовательно низшихъ цѣнъ; полагали также, что будетъ большое требованіе на серебряную монету прежняго чекана, почему мнѣялы забирали ее съ платою 4%, надѣясь сбыть за 20%.

Извѣстія, полученныя нашимъ купечествомъ изъ Китая, неблагоприятны для нашей торговли; равнымъ образомъ китайскіе купцы потеряли надежду, чтобы заготовленные на слѣдующій годъ чай въ Фучань могли быть доставлены въ Кяхту. Русскіе товары, отправляемые на югъ Китая, могутъ встрѣтить также затрудненія. Рассказываютъ, что въ Ванъ-дза-пъ сгорѣло много чаевъ и шелковыхъ товаровъ, вслѣдствіе чего китайцы начали дорожиться чаемъ и на главномъ рынкѣ Китая, въ Канганъ, цѣны на русскія сукна упали; на лучшія до 10 ланъ на кубокъ.

Вслѣдствіе такихъ извѣстій, русское купечество опасается, чтобы въ Кяхтѣ не было подобной остановки въ сбытъ русскихъ товаровъ, какъ это было въ 1853 и 54 годахъ. Основаніемъ, дающимъ поводъ это думать, служатъ то, что въ теченіи послѣднихъ 3-хъ лѣтъ китайскіе купцы весьма охотно покупали русскіе товары безъ примѣси серебра и золота на одиночку, и нашему купечеству доставались чаи на мануфактурные товары гораздо дешевле, чѣмъ на серебро и золото. Съ полученіемъ же послѣднихъ извѣстій китайскіе купцы начали заявлять нашему купечеству свои требованія, что если они будутъ мнѣять мануфактурные товары, то не иначе, какъ съ примѣсью серебра и золота, о выпускѣ котораго имъ уже сдѣлалось извѣстно, такъ что это условіе въ настоящее время уже перешло какъ бы въ обычай между китайскимъ и русскимъ купечествомъ.

Кромѣ того, китайское правительство, нуждаясь въ деньгахъ, какъ извѣстно, усиливаетъ пошлины съ товаровъ, вслѣдствіе чего и существуетъ предположеніе учредить здѣсь, въ китайскомъ городѣ Маймачинѣ, таможенную, въ такомъ же видѣ, какъ и въ Калганѣ, т. е. обложить пошлиною какъ русскіе, такъ и китайскіе товары. Если такая мѣра осуществится, то это будетъ чрезвычайно затруднительно и невыгодно для нашей торговли съ Китаемъ, потому что чрезъ это удорожатся привозимые чаи и затруднится сбытъ русскихъ товаровъ, и безъ того уже обремененный, внутри Китая и во многихъ провинціяхъ, несоразмѣрными пошлинами.

Кунцамъ, торгующимъ въ Кяхтѣ и находящимся нынѣ въ Москвѣ и на Нижегородской ярмаркѣ, объявлено отъ министерства финансовъ, что кантонскій чай ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущенъ къ привозу къ 1-му января 1861 года, и что о такомъ разрѣшеніи, если оное послѣдуетъ, торгующее на Кяхтѣ купечество будетъ поставлено въ извѣстность, но крайней мѣрѣ, за 6 мѣсяцевъ до приведенія сей мѣры въ дѣйствіе.

Извѣстія съ Амура заключаются въ томъ, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ прибыли изъ мѣстъ своей зимовки на Амуръ въ г. Благовѣщенскъ частный пароходъ «Адмиралъ Казакевичъ» и казенный пароходъ «Лена» и вскорѣ послѣ того отправились вверхъ по Амуру въ Забайкальскую область. Изъ дальнѣйшихъ же донесеній мѣстныхъ начальниковъ и командира парохода «Лена» извѣстно, что пароходъ этотъ пришелъ въ Сретенскъ на Шилкѣ съ пассажирами, командою нижнихъ чиновъ, возвращающихся изъ

линейнаго баталіона, квартирующаго въ Благовѣщенскѣ, и частью изъ Приморской и Амурской областей, въсѣмъ въ 134-ѣи половиною пуда; пробывъ недѣлю въ Срѣтенскѣ, «Лена» ушла въ шилкинскій заводъ и 29-го мая пароходъ этотъ долженъ былъ отплыть обратно въ Благовѣщенскъ. — Пароходъ «Адмиралъ Казакевичъ» также заходилъ въ Срѣтенскъ.

Торговое движеніе въ Астрахани, составляющей важнѣйшій торговль нашей съ Азіею внутренній корень, заключается, во послѣднімъ имѣющимся свѣдѣніи (съ 20-хъ чиселъ мая по 5-е число іюня), въ слѣдующихъ дняхъ. Въ этотъ періодъ привезено было въ Астрахань товаровъ почти на полъ-милліона рублей, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ овощной товаръ (слишкомъ на 200,000 р. сер.). Въ теченіе мая мѣсяца привезено въ Астрахань изъ Персіи и Александровскаго форта всего товара на 87,252 р. с.; а изъ закавказскихъ портовъ въ томъ же мѣсяцѣ привезено разнаго товару на 823,843 р. с. Важнѣйшія статьи этого привоза состояли: изъ сухихъ фруктовъ, всякаго рода орѣховъ, винограднаго вина, марены и др. Въ то же время отправлено отъ астраханскаго порта въ Персію и въ закавказскіе порты всѣхъ товаровъ на 440,412 р. с.

Кстати о торговлѣ съ Азіею. Въ «Экономическомъ Указателѣ» встрѣтили мы весьма любопытную статью г. Долинскаго, написанную по этому вопросу (О возобновленіи торговли съ Бухаріею), и приводимъ изъ нея къ слову о нашей азіатской торговлѣ слѣдующія замѣчанія, справедливость которыхъ признается всеми:

«На таможенныхъ заставахъ Оренбургской линіи, говорятъ между прочимъ авторъ, будутъ возвращать пошлины съ иностранныхъ товаровъ, взысканныя на западной границѣ. Слѣдовательно, за таможенною Оренбургскою линіею, имѣющею протяженіе около 1800 верстъ, гдѣ кочуютъ и живутъ осѣло около милліона русскихъ подданныхъ, открывается импровизированное *porto-franco*. Самымъ привилегіейнымъ жильцамъ, имѣющимъ непрестанныя сношенія съ зауральскою стороною, ничто не помѣшаетъ ѣздить за нѣсколькими верстами для покупки безпошлинныхъ манчестерскихъ товаровъ, чѣмъ тащить ихъ на верблюдахъ въ Бухару, гдѣ эмиръ не поцеремонится взять пошлину, хотя бы и одинъ червонецъ съ 20 т., — будетъ несравненно прибыльнѣе продать, безъ пошлины, въ предѣлахъ русскихъ. Пустить бы сюда евреевъ: они отлично смастерятъ дѣло и научатъ нашихъ торговцевъ. Евреи хотя и не были на Оренбургской линіи, а уже

прежде насъ догадались: о возможности здѣсь *portio-franco*, и начали хлопотать. Сколько намъ извѣстно, о дозволеніи имъ привезти въ Бухару *транзитомъ русскіе товары*.

«При основаніи оренбургской линіи и таможенныхъ учрежденій объявлено, что «впредь до утвержденія дѣйствительной государственной границы чорта таможенныхъ учреждений остается на линіи; но линія въ означеніи стражи не составляетъ учрежденія на всегдашнія времена, но по мѣрѣ распространенія порядка въ занимаемыхъ киргизами земляхъ стража эта подвигается впередъ и должна кончиться постояннымъ утвержденіемъ себя въ дѣйствительной границѣ.» Гдѣ же теперь эта *дѣйствительная граница*? Ужъ конечно не на Уралѣ: когда за этою рѣкою, на азіатской сторонѣ, около милліона русскихъ жителей; когда тамъ уже приступили русскіе заводчики къ разработкѣ минеральныхъ богатствъ и думаютъ о постройкѣ заводовъ; когда десятки тысячъ жителей европейской стороны промышляютъ въ степи извозомъ и другими промыслами; когда граница русскихъ владѣній отодвинулась впередъ на тысячу верстъ, и уральской линіи на самомъ дѣлѣ уже не существуетъ, а замѣнила ее линія сьр-дарьинская; неужели до сихъ поръ слѣдуетъ считать р. Уралъ пограничною линіею, тогда какъ на за-уральской сторонѣ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, готовы возникнуть торговые селенія и даже города? А если наша пограничная линія не на Уралѣ, а на Сьр-Дарьѣ и Усть-Юртѣ, то, по точному смыслу вышепріписаннаго законоположенія, тамъ, а не на Уралѣ, слѣдуетъ быть и таможеннымъ учрежденіямъ.»

«На основаніи тарифа оренбургской и сибирской таможенной линіи, большая часть пошлинъ собирается съ произведеній киргизскихъ. Произведенія же среднеазиатскихъ народовъ продаются безъ пошлинъ по всей обширной степи, киргизамъ и даже казакамъ, живущимъ за уральскою линіею. Слѣдовательно, такъ называемый азіатскій тарифъ въ сущности составляетъ подать съ киргизовъ. Но эта подать крайне неуравновѣсна: легка для богатыхъ и тяжела для бѣдныхъ, по случаю нѣкоторыхъ довольно разительныхъ несообразностей въ подробностяхъ тарифа, составленнаго въ 1817-мъ году и съ тѣхъ поръ непересматриваемаго. Такъ напримѣръ: шкуры облагаются поштучно, а именно по 1 коп., безъ различія—баранья-ли эта шкура, лошадиная, или верблюжья. За шерсть также опредѣлена одинакая пошлина, по 10 коп. съ пуда, будетъ ли это дешевая шерсть баранья, веро-

блюжья, или дорогой козій пухъ. Безпошлинный прогонъ скота, тогда какъ за сего произведенія берутся довольно значительныя пошлины. Обложение соленой рыбы довольно высокою пошлиною по 25 к. съ пуда, тогда какъ привозъ свежей рыбы допущенъ безъ пошлины. Всѣ эти и другія подобныя несообразности въ тарифъ стѣсняютъ торговлю киргизовъ, преимущественно бѣдныхъ, не доставляя и казнѣ надлежащихъ въ финансовомъ отношеніи выгодъ, и вынуждаютъ контрабанду, для которой представляется полная возможность при длинѣ таможенной линіи на 1800 верстъ. Не лучше ли, вмѣсто пошлины съ киргизскихъ произведеній, увеличить кибиточный съ киргизовъ сборъ? Еслибы, вмѣсто 1 р. 50 к., положить съ кибитки по 2 р., то такой дополнительный сборъ принесъ бы казнѣ болѣе пользы, чѣмъ таможенные пошлины съ киргизскихъ произведеній; былъ бы, по своей уравнительности, выгоднѣе и для самыхъ киргизовъ. Отмена же таможенной пошлины съ киргизскихъ произведеній дала бы болѣе производительное направленіе торговлѣ въ киргизской степи. Съ переводомъ таможенной линіи на Сырь-Дарью, всѣ вышеизложенныя несообразности, затрудняющія внутреннюю торговлю оренбургскаго края и дающія поводъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ, естественнымъ образомъ должны будутъ уничтожиться. Тогда и транзитная торговля, полезная въ экономическомъ отношеніи, имѣла бы свой смыслъ, направляясь на рынки чужеземные, а не въ русскія области, отдѣляемыя отъ центральныхъ губерній только внутренними таможенными заставами.

Обращаясь къ фабричной дѣятельности, слышимъ изъ знаменитаго нашего села Иванова жалобы, что дѣятельность эта тамъ ослабѣваетъ болѣе и болѣе; заработная плата постоянно уменьшается, между тѣмъ какъ предметы первыхъ потребностей, какъ и вездѣ, не дешевѣютъ. Ивановскіе крестьяне обывали въ настоящее время такъ, что иному бѣдняку не на что содержать семейства и онъ посылаетъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей просить милостыню.

Въ Калугѣ составлена особая коммисія, изъ двухъ чиновниковъ, одного члена городской думы и двухъ депутатовъ отъ цеховъ, для изслѣдованія неудовлетворительнаго состоянія ремесла. Губернаторъ лично обратилъ вниманіе на эту забытую часть и недавно посѣтилъ ремесленную управу и вслѣдъ за тѣмъ нѣкоторые изъ ремесленныхъ заведеній.

Лѣсной матеріалъ, какъ извѣстно, значительно вздорожалъ въ

разныхъ промышленныхъ мѣстностяхъ. Жалобы на эту дороговизну отада слышатся и въ Нижнемъ-Новгородѣ; впрочемъ, большое количество дровъ и строеваго лѣса, пригнанное въ іюнь мѣсяцъ къ нижегородской пристани, понизило цѣны тамъ на лѣсные матеріалы.

Шуйскій уездъ въ прежнія времена изобиловалъ лѣсомъ, но при сильномъ развитіи мануфактурныхъ фабрикъ и заводовъ, которыхъ въ уездѣ считается теперь болѣе 300, требованіе на лѣсъ, особенно на дрова, постоянно увеличивается; лѣса постоянно сводятся и, по причинѣ неправильной рубки, мало по малу совершенно истребляются. Конечно,—между прочимъ говорится въ писемѣ изъ Шуи, напечатанномъ въ «Московскихъ вѣдомостяхъ»,—время совершеннаго ихъ истребленія еще далеко, но все таки нехудо позаботиться заблаговременно о томъ, чтобы замѣнить дрова какимъ нибудь другимъ горючимъ матеріаломъ.

Заговоривъ о лѣсной промышленности, дополнимъ извѣстія объ ней свѣдѣніями о томъ же изъ Козмодемьянска, расположеннаго на правомъ берегу р. Волги, въ 7 верстахъ ниже устья р. Ветлуги, впадающей въ нее съ луговой стороны.

Ветлуга—рѣка сплавная: по ней въ каждую навигацію сплавляется изъ Нижегородской и Костромской губерній значительное количество разнаго лѣса и лѣсныхъ издѣлій, въ плотахъ и сплавныхъ судахъ. «Согнанные по Ветлугѣ лѣса, — пишутъ въ Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ,—въ маленькихъ плотахъ—однорядкахъ, останавливаются въ первыхъ числахъ іюня у насъ на Волгѣ, при деревнѣ Мумарахъ и городѣ Козмодемьянскѣ, гдѣ частію распродаютъ здѣшнимъ жителямъ, частію перегружаются въ большіе плоты къ низовому сплаву. Въ настоящее время правый берегъ нашъ по теченію Волги, на протяженіи пяти верстъ, начиная отъ д. Мумарахи до самаго Козмодемьянска, заваленъ лѣсными плотами. Промысловаго и рабочаго народа скопляется тутъ множество; берегъ, на всемъ этомъ пространствѣ, представляетъ оживленную картину самой кипучей дѣятельности, и набережные кабаки и выставки биткомъ набиты дѣловымъ народомъ, расшивающимъ завѣтный *матарычъ* при своихъ спекуляціяхъ. Вотъ въ это-то время—замѣчу кстати—создало бы назначить Козмодемьянску Никольскую ярмарку и продолжить ее до самаго принесенія чудотворной иконы Владимірской Богоматери изъ села Владимірскаго, когда опять бы-
ваетъ здѣсь большое стеченіе народа. А около Николина дня

(9-го мая) въ Козмодемьянскъ рѣшительно нѣтъ никакого сѣзда, и ярмарка наша только носить названіе ярмарки...

«Ветлужскіе мужички-промышленники очень богаты, чего во все не показываетъ ихъ наружность; на нѣкаго ветлужскаго плотовщика жалко смотрѣть: ходить въ смуромъ кафтаникѣ и лаптяхъ,—а огромный бумажникъ у него набитъ кредитными билетами разныхъ достоинствъ. Хотя Ветлужанъ и зовутъ въ народѣ *кособрюхи*, но карманъ у нихъ потолще, чѣмъ у нѣкаго прямобрюхаго кушца».

Заклучимъ наши замѣтки послѣдними свѣдѣніями о нынѣшнихъ урожаяхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи.

Во всѣхъ уѣздахъ Самарской губерніи жалуются на недостатокъ дождя, имѣющій вліяніе на яровыя. Всего лучше хлѣба въ Бугульминскомъ уѣздѣ, въ сѣверной части Самарскаго и Ставропольскомъ, хотя пострадавшемъ отъ града. Впрочемъ, во многихъ мѣстахъ гречи, проса и гороха побиты морозомъ; въ степныхъ же уѣздахъ хлѣба пожгло жарамъ; въ другихъ же мѣстностяхъ урожай изобилій, такъ что въ общей сложности его можно назвать хорошимъ.

Въ Тамбовской губерніи жаловались также на бездождье, продолжавшееся болѣе трехъ недѣль; впрочемъ наливъ ржи окончился повсемѣстно хорошо; яровыя хлѣба въ нѣкоторыхъ уѣздахъ хороши, въ другихъ не подають большихъ надеждъ на урожай, въ особенности гречиха, всходы которой весьма неудовлетворительны; мѣстами она даже едва показалась и поблѣкла.

Въ Пермской губерніи повсюду вѣсти о видахъ на нынѣшній урожай вообще благопріятныя. Яровыя пожни и озими, травы также здоровы и сильны.

Въ южной части Оренбургской губерніи засуха; въ сѣверной же морозы много повредили хлѣбу: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гречи и просо совершенно погибли, вслѣдствіе чего цѣна на уфимскихъ базарахъ на крупу поднялась весьма значительно, съ 50 коп. до 1 р. 15 коп. сер. за пудъ. Въ южной части губерніи отъ бездождья и сильныхъ жаровъ хлѣбъ посохъ. Засуха, бывшая въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ, также повредила хлѣбу; въ уѣздахъ же Бирскомъ и Челябинскомъ травы и хлѣба вообще хороши.

III.

ПОСЛѢДНІЯ СОБЫТІЯ НА КАВКАЗѢ.

Дѣятельность русскихъ въ Дагестанѣ и положеніе тамошнихъ туземцевъ. — Безпокойства въ Терской области. — Водвореніе спокойствія.

Преобразованія, предпринятые русскими въ покоренномъ недавно Дагестанѣ, идутъ своимъ чередомъ. Благодаря энергіи и распорядительности главныхъ начальниковъ этого края, князя Мовшякова и генераль-маіора Лазарева, дѣятельность самая плодотворная, въ видахъ водворенія началъ гражданственности въ новой мѣстности, не прекращается: военные инженеры хлопотутъ о составленіи предполагаемыхъ построекъ укрѣпленій на Гунибѣ и Кордахскомъ мосту, путейцы — объ изысканіи и прочной отсылкѣ дорогъ, сооруженіи мостовъ и паромовъ; горный инженеръ Поряцкій занятъ усовершенствованіемъ изобрѣтенныхъ имъ желѣзныхъ печей и хлопочетъ о добываніи близъ с. Руджи и Карадахскаго моста каменнаго угля и горючаго сланца.

Жители разоренныхъ селеній Салты и Гергебиля приступили къ постройкамъ новыхъ селеній, на указанныхъ имъ мѣстахъ и по начертанному по ихъ просьбѣ плану. Можно надѣяться по началу, что эти новыя селенія, отличающіяся отъ прочихъ какъ выборомъ мѣстности, такъ и расстановкою улицъ и усадебъ, приобретутъ современемъ значеніе городковъ въ нашемъ краѣ; жаль только, что крайняя бѣдность жителей не позволяетъ имъ произвести постройки усадебъ въ болѣе сообразныхъ съ ихъ потребностями размѣрахъ.

Съ августа прошлаго года Восточный Кавказъ наслаждался такимъ спокойствіемъ, какого не помнилъ въ продолженіе многихъ столѣтій. Обычныя хищничества, грабежи и убійства прекратились; вездѣ водворилась полная безопасность; во всѣхъ частяхъ края вводится новое управленіе, устанавливаются судъ и порядокъ, пролагаются хорошія дороги.

Къ сожалѣнію, спокойствіе это было нарушено въ нѣкоторыхъ частяхъ Терской области (бывшаго лѣваго крыла).

Послѣ изъясненія общей покорности въ цѣломъ краѣ, властвовавшая до того надъ массою народа партія, потерявъ прежнее свое значеніе, власть и сопряженныя съ нею матеріальныя выгоды, не могла легко примириться съ новымъ своимъ положеніемъ. Надобно было ожидать, что, несмотря на свою малочисленность, она сдѣлаетъ не одну попытку къ восстановленію прежняго порядка вещей, рассчитывая на возможность усилиться множествомъ бродягъ, людей безпокойныхъ и буйныхъ, которые во время продолжительной войны привыкли основывать свои средства къ жизни только на грабежѣ.

Означенная партія недовольныхъ, желая произвести волненіе въ народѣ, начала распускать ложные слухи въ Чечнѣ—о возстаніи народа въ Дагестанѣ, а въ Дагестанѣ — о возстаніи въ Чечнѣ. Неблагонамѣренные люди путали народъ разными нелѣпыми выдумками и подстрекали къ возстанію.

Первые увлеченные этими слухами были Беноевцы. Бывшій Ичкеринскій аулъ Беной всегда отличался закоренѣлой къ намъ непріязнью и покорился позже всѣхъ другихъ, когда весь восточный Кавказъ былъ уже покоренъ: для обезпеченія спокойствія въ краѣ признано было невозможнымъ оставить это селеніе на своемъ мѣстѣ, и потому жители его были расселены по разнымъ другимъ ауламъ. Но въ ночь съ 7-го на 8-е мая многіе изъ нихъ, числомъ до 50 семействъ, вдругъ бѣжали изъ своихъ новыхъ жилищъ и снова укрылись въ лѣсистыхъ тущобахъ горной Ичкеріи, откуда начали дѣлать мелкіе разбои.

Около того же времени бывшій Шароевскій наибъ Ума-Дуевъ набралъ въ Чантійскомъ обществѣ Аргунскаго округа шайку мятежниковъ, изъ которой 14-го іюня до 200 человекъ напали въ Аргунскомъ ущельѣ на транспортъ съ провіантомъ, при чемъ убили нѣсколько солдатъ и погонщиковъ; а потомъ, занявъ скалы у башни Башинъ-кале, начали перестрѣливаться съ гарнизономъ ея и съ двумя ротами, высланными изъ укрѣпленія Евдокимовскаго для расчистки дороги. Въ то же время осталшая часть шайки, до 100 человекъ, появилась противъ укр. Евдокимовскаго, но была разсѣяна 4-мя картечными выстрѣлами.

По первому извѣстію объ этихъ происшествіяхъ, командиръ Навагинскаго пѣхотнаго полка, полковникъ князь *Тумановъ*, выступилъ съ 8-ю ротами изъ укр. Щатоевскаго: но мятежники

ночь нигдѣ уже не засталъ. Узнавъ о его приближеніи, часть шайки разсѣялась по домамъ, и часть, бывшая у Евдокимовскаго укрѣпленія, бросилась въ Акинское общество и напала близъ Датыха на табуны Донскаго № 21 полка, при чемъ были убиты 2 и ранены 3 казака.

Не смотря на неудачу первой попытки противъ башни Башинъ-кале и укр. Евдокимовскаго, шайка мятежниковъ вторично собралась 21-го іюня въ Аргунскомъ ущельѣ и прервавъ сообщеніе съ этимъ укрѣпленіемъ, обложила его. Тогда полковникъ князь Гумановъ снова выступилъ 22-го іюня изъ укр. Шатоевскаго; въ тотъ же день разсѣялъ часть шайки у Башинъ-кале и, прибывъ къ укр. Евдокимовскому, немедленно атаковалъ остальную часть партіи. Атака, произведенная двумя сотнями Моздокскаго казачьяго полка и конвойною командою пачальника округа, была такъ стремительна, что измѣнники, оставивъ на мѣстѣ 40 тѣлъ, разсѣялись.

Для прекращенія новыхъ попытокъ возмутителей и для истребленія остатковъ ихъ шайки, направленъ чрезъ Акинское общество въ Аргунское ущелье отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Баженова, которому предписано, въ случаѣ надобности, дѣйствовать совместно съ отрядомъ полковника князя Гуманова. Въ тоже время и въ Ичкеріи приняты мѣры для приведенія въ покорность мятежныхъ Беноевцевъ.

По свѣдѣніямъ изъ Дагестанской области, расположеніе умовъ тамошняго населенія вообще весьма благопріятно. Новое положеніе объ управленіи въ томъ краѣ частію введено уже, частію вводится. Разработка дорогъ производится съ успѣхомъ; въ особенности обращено вниманіе на главный путь, пересѣкающій весь Дагестанъ, отъ Ходжалъ-Маховъ, чрезъ Салтинскій и Карадахскій мосты, и далѣе вдоль Аварскаго Койсу, съ вѣтвями въ одну сторону—на Гунибъ и далѣе къ Ирибу, а въ другую—на Аварскую возвышенность и черезъ Ратлу-Ахвахъ къ укр. Преображенскому. Эта система путей свяжется съ Закавказьемъ двумя разрабатываемыми дорогами чрезъ главный хребтъ, Кодорскою и Мухахскою.

Вновь полученныя изъ Терской области донесенія подтверждаютъ, что предпринятія въ извѣстныхъ частяхъ этого края попытки возстанія подавлены окончательно.

Въ Аргунскомъ округѣ, малочисленные остатки отъ мятежныхъ шайкъ, преимущественно составленные изъ главныхъ за-

чинщиковъ возмущенія, укрываются еще въ непроходимыхъ лесистыхъ трупоблахъ близъ Шаро-Аргуна. Но селенія, первые поднявшія оружіе, уже понесли заслуженное наказаніе: полковникъ князь Тумановъ истребилъ большую часть домовъ Джумсойскаго общества, пощадивъ лишь тѣ жилища, которыхъ хозяева явились на свои мѣста и выдали аманатовъ. Съ возстановленіемъ спокойствія по всей долинѣ Аргуна, войска снова принялись за прежнія строительныя и дорожныя работы.

Такимъ образомъ генералъ-маіоръ Баженовъ, прибывъ съ колонною въ Аргунскій округъ, нашелъ уже тамъ все въ порядкѣ и, оставивъ два баталіона въ распоряженіи полковника князя Туманова, возвратился съ прочими въ Аю. — Въ наказаніе за измѣну Акинскаго общества, все селенія его истреблены и жители выселены изъ этого гнѣзда хищниковъ. Такая мѣра тѣмъ важнѣе, что избавить отъ безпокойнаго сосѣдства вновь водворяемыя станицы на Ассѣ и Фортангѣ. Войска генерала Баженова снова обратились къ прерваннымъ работамъ.

Въ Ичкеріи также населеніе вообще успокоилось и занимается полезными работами, за исключеніемъ только шайки главныхъ мятежниковъ, которые укрываются отъ наказанія въ густыхъ Беноевскихъ лесахъ и по временамъ выходятъ оттуда на мелкій разбой.

Противъ этихъ преступниковъ, продолжающихъ нарушать общее въ краѣ спокойствіе, будутъ своевременно приняты строгія мѣры.

IV.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Коммисія объ устройствѣ постоянной повинности. — Коммисія по пересмотру ремесленнаго и фабричнаго устава. — Коммисія по фабрикамъ въ С. Петербургѣ. — Коммисія о питоимомъ сборѣ. — Последнія дѣянія въ откупномъ мѣрѣ. — Преобразованія въ южныхъ поселеніяхъ. — Мѣра относительно ссыльнокаторжныхъ. — Смерть Катенина и подробности объ его дѣятельности въ оренбургскомъ краѣ.

Преобразованія, вызванныя временемъ, по прежнему готовятся различными коммисіями, учрежденными при нѣкоторыхъ вѣдомствахъ. Къ числу коммисій, о которыхъ мы гово-

рши въ прежнихъ нашихъ замѣткахъ, прибавимъ образовавшуюся въ февраль настоящаго года, по вопросу объ устройствѣ постоянной повинности въ Имперіи.

Сущствующія постановленія объ этой повинности, до сихъ поръ весьма разнообразной по званіямъ, признано нужнымъ привести къ однообразію и уравнительно распределять ее между платящими сословіями; при чемъ дарованныя въ разное время привилегіи и льготы должны подлежать если не совершенно отмене, то, по крайней мѣрѣ, значительному ограниченію. При этомъ самомъ министерство внутреннихъ дѣлъ предписало начальникамъ губерній—вопросъ о пересмотрѣ правилъ касательно льготъ въ воинскомъ уставѣ передать на обсужденіе особыхъ о земскихъ повинностяхъ присутствій, съ тѣмъ, чтобы присутствія эти обсудили, какія изъ существующихъ льготъ и привилегій по воинскому постою признаются ими подлежащими отмене или ограниченію, какія должны быть удержаны, на какой срокъ и по какимъ именно основаніямъ,—съ различіемъ, въ этомъ отношеніи, повинностей натуральной и денежной.

Коммисія по пересмотру ремесленнаго и фабричнаго устава для всей Имперіи отправила двухъ своихъ членовъ за границу для изученія вопроса о ремесленникахъ.

Коммисія по фабрикамъ въ Петербургѣ окончила свои занятія; заключеніе и труды ея будутъ напечатаны, но не въ большомъ количествѣ экземпляровъ. По овзвѣніямъ, сообщеннымъ С. Петербургскими Вѣдомостями, коммисія эта положила учредить особаго инспектора фабрикъ съ обезпеченнымъ содержаніемъ, около 3000 р. с.; инспекторъ будетъ наблюдать за фабриками и въ случаѣ нарушенія правилъ явится передъ судомъ обвинителемъ фабриканта, который представитъ въ судъ такую же другую сторону. Фабриканты, по настояніямъ коммисіи, обязываются оградить машины на своихъ заводахъ и затѣмъ, если, по недостатку предосторожности фабриканта, рабочій получитъ поврежденіе, то фабрикантъ обязанъ лечить и содержать работника во все время его болѣзни. Въ случаѣ же смерти работника, происшедшей отъ недостатка предосторожности со стороны хозяина, послѣдній обязанъ будетъ обезпечить оставшееся семейство умершаго.

Наконецъ, коммисія о питейномъ сборѣ, какъ мы уже сообщали, окончила начертаніе главныхъ основаній системы питейнаго сбора съ 1863 года. Коммисія эта была составлена изъ

лицъ, специально знакомыхъ съ существующимъ теперь питейными системами, а именно: директора департамента разныхъ падатей и сборовъ, т. с. *Переверзева*, вице-директора того же департамента д. с. с. *Голубева* и членовъ совѣта Министерства Финансовъ с. с. *Прутченко* и д. с. с. *Новицкаго*.

Основанія новой системы питейного сбора, составленныя комисією, были внесены въ концъ прошлаго года, г. министромъ финансовъ, съ его мнѣніемъ, въ государственный совѣтъ, гдѣ они были рассмотрѣны въ департаментъ государственной экономіи. По утвержденіи основаній совѣтомъ, начертаніе самаго проекта положенія о питейномъ сборѣ съ 1863 года будетъ сдѣлано тою же комисією, съ присоединеніемъ къ ней по одному члену отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, и по составленіи проекта, онъ будетъ внесенъ министромъ финансовъ на утвержденіе государственнаго совѣта.

«С. Петербургскія Вѣдомости,» изъ которыхъ почерпнули мы эти свѣдѣнія, заключаютъ ихъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Такъ какъ вопросъ о питейныхъ сборахъ достаточно изученъ, совершенно ясенъ, не влечетъ никакихъ важныхъ преобразованій въ другихъ отрасляхъ государственнаго управленія, то надѣюсь, что благое желаніе Государя Императора будетъ удовлетворено».

Нынешняя откупная система, доживая свои послѣднія минуты, на прощанье съ честнымъ міромъ не лишнимъ считаетъ напомнить о себѣ по своему; такъ напримѣръ, въ Рязанской губерніи случилось удивительное приключеніе, подробно разсказанное въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

«Въ прошломъ году, читаемъ мы въ этой газетѣ, въ Рязанской губерніи, въ 82 деревняхъ образовалось общество трезвости. Известно, что въ дѣлѣ трезвости одни видѣли хозяйственный расчетъ нашего крестьянина по его хозяйственному быту, для котораго ожидаютъ новыя условія, болѣе независимыя и болѣе ответственныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніе простымъ народомъ всѣхъ гибельныхъ послѣдствій отъ употребленія вина. Другіе, напротивъ, говорили, что крестьяне, давшіе зарокъ не пить горячихъ напитковъ, просто, хотѣли проучить откупщиковъ за дороговизну и недоброкачественность откупныхъ издѣлій. Мнѣніе послѣднихъ оказывается едва ли не практичнѣе, по крайней-мѣрѣ, въ примѣненіи къ мѣстности, о которой идетъ здѣсь рѣчь. Теперь не осталось сомнѣнія въ томъ, что главнѣйшею причиною распространенія трезвости здѣсь были злоу-

потребленія по продажѣ откупныхъ питей. Хлебное вино, при новыхъ откупахъ, разсортировано было такимъ образомъ, что высшаго качества, т. е. общезвѣстное подѣ именемъ *спеціальной водки*, сдѣлалось, по цѣнѣ, еще болѣе недоступнымъ для крестьянина, а низшаго, также немало вздорожавшее противъ прежняго, оказалось чрезъ-чуръ разбавленнымъ водою. До какой степени откупа ревнивы были къ своимъ привилегіямъ, доказываетъ въ высшей степени поучительная борьба калужскаго откупа съ калужскими пивоварами. Надобно сказать, что пивоваренное производство существуетъ въ Калугѣ болѣе ста лѣтъ; теперь оно замѣтно упадаетъ, но все еще держится. И вотъ эту-то давнишнюю промышленность въ городѣ вздумалъ искоренить откупъ. Поводомъ послужили слѣдующія обстоятельства. По существующимъ издавна узаконеніямъ, во всѣхъ городахъ, кромѣ столицъ, продажа пива и меду изъ портерныхъ лавочекъ дозволена только на выносъ; не смотря на то въ Калугѣ, съ давняго же времени, потребители распивали пиво въ самыхъ лавочкахъ, за что откушники брали съ производителей, по взаимному согласію, полуторный и двойной акцизъ, т. е. вмѣсто 40 к. сер. съ ведра, 70 и 80. Какъ ни секретно производилось подобное взиманіе, но оно до того было извѣстно въ городѣ, что всякая попытка опровергнуть его дѣйствительность была бы явною ложью. Новый откупъ также потребовалъ съ пивоваровъ двойнаго акциза, но не сошелся съ ними въ условіяхъ, отчего они и *принуждены* были продавать напитокъ на выносъ, и при этомъ напши возможнымъ сбавить на него цѣну. Тутъ обнаружилось явленіе, котораго откупъ, вѣроятно, не могъ предвидѣть. Рабочій классъ, въ праздничные дни, вмѣсто того, чтобы идти въ кабаки, какъ бывало прежде, огромными толпами стекался около портерныхъ лавочекъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, чѣмъ лучше можно напиться пьянымъ — пивомъ, или водкой: пусть это рѣшатъ спеціалисты, подобные, напиримръ, *Любителю откупной правды*. Равнымъ образомъ, нечего останавливаться и на вопросъ: что полезнѣе для народнаго населенія, производство ли пива, или же водки, хотя-бы и *спеціальной*?

«Не сойдясь съ пивоварами, откупъ рѣшился преслѣдовать ихъ, и началъ съ купца М... .. Онъ потребовалъ закрытія одной изъ его портерныхъ лавочекъ, и конфискаціи въ ней питей. на томъ основаніи, что она открыта въ 4 кварталѣ, тогда-

какъ дозволено открыть ее въ 6-мъ, и что въ выданномъ держателю ея свидѣтельствѣ на 1859 годъ 4-й кварталъ написанъ по подчищенному, безъ оговорки. Къ этому дѣлу откупъ не замедлилъ присоединить другое, подобное же, а именно: объявилъ полиціи, что портерная лавочка купца А..... открыта въ 6-мъ кварталѣ, а согласно свидѣтельству на право торговли должна быть въ собственномъ домѣ держателя, въ кварталѣ 4-мъ. Между тѣмъ оба пивовара уже выесли къ казну, за содержаніе своихъ лавочекъ, акцизъ, впередъ за третью года. Стали наводить справки о домахъ и кварталахъ, и нашли, что купецъ М..... уже лѣтъ 30 нанимаетъ лавочку, о которой шло слѣдствіе, и что хотя въ 6-мъ кварталѣ и есть домъ К..... но при домѣ никакой лавочки не бывало, точно-также какъ А..... не имѣлъ собственного дома въ кварталѣ 4-мъ. Не смотря на эти неопровержимые факты, не смотря на право держателя переводить свои портерныя лавочки въ другой кварталъ, разумѣется, съ уведомленіемъ полиціи и конторы акцизно-откупнаго комисіонерства, дѣло пивоваровъ приняло для нихъ невыгодный оборотъ. Полиція (теперь, замѣтимъ мимоходомъ, составъ ея другой), можетъ быть и на основаніи закона, воспреещающаго сборища, разгоняла стекавшихся около портерной лавочки купца М.... покупателей пива, и тотчасъ послѣ объявленія конторы акцизно-откупнаго комисіонерства о незаконной будто бы продажѣ питей изъ лавочки А....., распорядилась составить особую комисію, которая и опечатала, въ отсутствіе хозяина, бывшаго въ Орлѣ, ледникъ съ пивомъ и медомъ. Наконецъ, въ мавъ мѣсяцъ послѣдовало окончательное распоряженіе о закрытіи обихъ лавочекъ, съ конфискаціею всѣхъ находившихся тамъ питей. Къ счастью, губернское начальство вело дѣло иначе, и въ іюль получено изъ Санктпетербурга предписаніе объ открытіи лавочекъ и о возвращеніи пивоварамъ конфискованныхъ питей.

«Такимъ образомъ, откупъ проигралъ. Мы не скажемъ, что именно подобныя дѣйствія откуповъ были въ числѣ причинъ воздержанія простаго народа отъ употребленія горячихъ напитковъ; но, опираясь на несомнѣнные факты, должны повторить, что главною причиною трезвости въ Калужской губерніи была непомѣрная дороговизна и недоброкачественность хлѣбнаго вина, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвышеніе цѣны на хлѣбъ и ожиданіе неудовлетворительнаго урожая. Въ Калугѣ обыкновенный полу-

гарь, по 3 рубля ведро, исчезъ совершенно; продавались же откупныя ведра по 5 и 7 руб. ведро. Конечно, это было не во всѣхъ уздахъ; но въ наибольшей части ихъ хлѣбное вино сильно вздорожало. И вотъ стали появляться общества трезвости. Откупщики приняли въ страшное безпокойство. Отъ нихъ и ихъ покровителей слышались самыя дикіе доводы противъ этихъ обществъ. Словомъ, откупщики протестовали противъ обществъ, или, какъ называли ихъ нѣкоторые, *братствъ*, *сектъ* трезвости, доказывая, что они составлялись не по свободному согласію членовъ, а по принужденію. Между тѣмъ, намъ достоверно извѣстно, что отъ членовъ обществъ трезвости не поступало ни одной жалобы.

«Но хотя въ юридическомъ смыслѣ совершенно справедливо, что общества трезвости составлялись не по принужденію, тѣмъ не менѣе нельзя не допустить здѣсь посторонняго нравственнаго вліянія. Иначе трудно объяснить, почему условія воздержанія, въ началѣ вездѣ соблюдавшіяся строго, очень скоро потомъ, въ нѣкоторыхъ обществахъ, стали нарушаться секретно.

«Въ настоящее время все опять почти вошло въ обычную колею. Сбореца около портерныхъ лавочекъ въ Калугѣ уже не такъ многочисленны: мужички ближайшихъ селеній не пріѣзжаютъ болѣе въ этотъ городъ, для покупки *сантуринскаго*, которое въ прошломъ году, въ дозволенныхъ условіями воздержанія случаяхъ, употребляли вмѣсто водки, а эта послѣдняя здѣсь повизвалась въ цѣнѣ, хотя достать полугарь въ 8 руб., *безъ особой записки*, все таки нѣтъ возможности. Она стала дешевле и въ уздахъ Калужской губерніи, и о трезвости не стало и помину. Мы слышали, что ея дѣйствительно не существуетъ ни въ одномъ уздѣ».

«Одесскій Вѣстникъ» сообщаетъ не менѣе курьезныя приключенія съ откупомъ.

Недавно нѣсколько жителей Николаева подали по начальству протестъ противъ николаевского откупа, доказывая, что водка у нихъ продается не только пополамъ съ водой, но и по 10 р. за ведро, вмѣсто опредѣленной платы по 4 р. 60 коп. Не знаешь, прибавляетъ названный журналъ, чѣмъ это кончится, но замѣчательно, что въ тотъ день, когда былъ поданъ протестъ, цѣна водки вдругъ, на самомъ дѣлѣ, понизилась до 4 р. 60 коп. и пьяныхъ около спасскаго кабака очень много... Но ка-

жется, любители сердце-веселительнаго напѣтка не долго радовались: скоро пошло опять по прежнему...

«Въ Николаевѣ открылось самое неожиданное общество трезвости. Откупъ возвысилъ акцизъ на продажу въ трактирахъ и гостиницахъ водокъ и проч. Гостиница «Россійская» отказалась отъ платежа такого акциза и первая въ Николаевѣ завелъ у себя трезвость.

«У шлагбаума, около моста, стерегутъ интересы откупа въ сколько перберовъ. Недавно, *говорятъ*, поймали одну женщину съ бутылкой водки. Хотя оказалось, что женщина была больна, не имѣла столько денегъ, чтобы купить въ городъ—дистиллированной, или, какъ она иначе называется—водки, и отправилась чрезъ мостъ, въ сел. Варваровку, гдѣ вольная продажа, купила бутылочку полугара, настояла камфарой, и возвращалась преспокойно въ городъ, въ полной увѣренности, что она уже несетъ *лекарство для наружнаго употребленія*. А вышло такъ: больную женщину съ бутылкой настойки, *говорятъ*, задержали и представили куда слѣдуетъ.

Перейдемъ къ другимъ правительственнымъ распоряженіямъ.

Какъ извѣстно читателямъ, для разрѣшенія весьма важнаго и сложнаго вопроса о необходимомъ преобразованіи нашихъ поселеній, существуетъ временной распорядительный комитетъ по устройству южныхъ поселеній, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Ламберта и состоящій изъ членовъ: статсъ-секретаря Булгакова, генералъ-маіоровъ: Россета, Дютовскаго и Лихачева и д. с. с. Гернгросса.

Южныя поселенія раздѣляются нынѣ на харьковское (раздѣленное на два округа), херсонское (изъ трехъ округовъ) и нѣско-подольское (изъ двухъ округовъ).

Въ послѣднее время, по представленіямъ временнаго распорядительнаго комитета, утверждены въ этихъ поселеніяхъ важныя мѣры.

Въ заштатныхъ городахъ поселеній Чугуевъ, Вознесенскъ и Новомыргородъ учреждены городскія думы съ словесными при нихъ судами, вслѣдствіе чего все доходы этихъ городов обращаются отнынѣ въ городской капиталъ.

Относительно порядка водворенія въ округахъ южныхъ поселеній отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ введены новыя правила, состоящія главнымъ образомъ въ томъ, что водвореніе это на будущее время допускается не иначе, какъ

съ тѣмъ же ограниченіями, въ отношеніи неуроженцевъ, какія установлены законоположеніями для казенныхъ сселеній. Водворяющимся на такомъ основаніи отставнымъ солдатамъ предоставляется: устроить для себя особыя усадьбы и хозяйства; поступая въ прежнія семейства, вести съ ними общее хозяйство, и по болѣзненному состоянію, дряхлости или увѣчью, пользоваться особымъ пособіемъ. Отставнымъ солдатамъ, желающимъ устроить особыя усадьбы и хозяйства, предоставить право получить: а) мѣсто для усадьбы и огорода безъ всякой платы; б) мѣсто изъ казенныхъ дачъ, принадлежащихъ южнымъ поселеніямъ, безденежно, въ размѣръ, для поселенія опредѣленномъ, и в) единовременное денежное пособіе на хозяйственное обзаведеніе. Право на денежное пособіе, для первоначальнаго обзаведенія, распространить и на тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые поступить въ прежнія свои семейства. Нижнихъ чиновъ, не могущихъ поступить въ прежнія семейства и обзавестись хозяйствомъ по болѣзненному состоянію, дряхлости и увѣчьямъ, опредѣлять, по желанію, въ богадѣльни округовъ, или оставлять въ селеніяхъ для призрѣнія родственниками, по распоряженію мѣстнаго начальства. Въ последнемъ случаѣ производить таковымъ нижнимъ чиновъ пожизненный пенсіонъ, независимо пенсій, производимой отъ казны. Пособія и пенсіи производить изъ имѣющихся на этотъ предметъ суммъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, съ тѣмъ, чтобы въ суммы эти были обращаемы тѣ сборы по южнымъ поселеніямъ, которые предназначены на этотъ предметъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ. Право на полученіе означенныхъ пособій и пенсій предоставить только отставнымъ нижнимъ чинамъ изъ уроженцевъ поселеній, которые получаютъ водвореніе въ округахъ съ 1 января 1858 г., т. е. со времени обращенія поселеній къ общему гражданскому устройству, не распространяя сего права: на отставныхъ нижнихъ чиновъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, которые, по прежнимъ постановленіямъ, обращались до 1858 г. въ первобытное состояніе, и на отставныхъ солдатъ изъ другихъ сословій, которые допускались къ водворенію въ военныхъ поселеніяхъ на особыхъ основаніяхъ. Исключеніе изъ сего правила, для выдачи единовременныхъ пособій водвореннымъ въ прежнее время отставнымъ солдатамъ, допускать по особому ходатайству мѣстнаго начальства, и только въ случаяхъ крайне-уважительныхъ причинъ. Пенсіи и пособія назначать, по удостовѣренію поселеннаго началь-

ства въ добромъ поведеніи нижнихъ чиновъ и въ хорошемъ обращеніи ихъ съ поселянами, въ слѣдующемъ размѣрѣ: желающимъ устроить особыя усадьбы производить пособіе: унтеръ-офицерамъ по 50, рядовымъ по 40; поступающимъ въ составъ прежнихъ семействъ на общее хозяйство: унтеръ-офицерамъ по 25, а рядовымъ по 20 р., пенсіоны полагать: унтеръ-офицерамъ по 9, а рядовымъ по 6 р. въ годъ.

Весьма замѣчательное и гуманное постановленіе издано въ послѣднее время относительно ссыльнокаторжныхъ, въ видахъ улучшенія хозяйственнаго и нравственнаго ихъ быта. Мы говоримъ о предоставленіи ссыльнокаторжнымъ нѣкоторыхъ облегченій по владѣнію недвижимою собственностію.

До настоящаго времени ссыльнокаторжнымъ, доколѣ они не обращались въ разрядъ поселенцевъ, не дозволялось пріобрѣтеніе и пользованіе недвижимою собственностію и разрешалось изъ нихъ только переведеннымъ въ отрядъ исправляющихся строить для себя, въ опредѣленныхъ случаяхъ, дома на землѣ, къ заводу принадлежащей.

Въ замѣнъ этихъ правилъ нынѣ постановлено: ссыльнокаторжнымъ, пробывшимъ въ отрядѣ исправляющихся опредѣленный срокъ, предоставлено получать дозволеніе на постройку для себя домовъ на землѣ, принадлежащей къ заводу, гдѣ они находятся на работѣ. Возведенныя каторжными въ мѣстахъ заточенія ихъ строенія не могутъ быть ими ни закладываемы, ни обременяемы долгами. Но по особо уважительнымъ причинамъ имъ дозволяется и прежде перехода въ разрядъ ссыльнопоселенцевъ просить разрѣшенія мѣстнаго заводскаго начальства на переустройство такого имущества другимъ лицамъ. Условія объ уступкахъ сего рода вносятся, по распоряженію начальства, въ особо заведенныя для того книги; и въ случаѣ смерти каторжнаго или осужденія его, за новое преступленіе, къ высшей степени каторжныхъ работъ, возведенныя имъ строенія переходятъ къ оставшимся послѣ него женѣ, дѣтямъ или инымъ родственникамъ, которые могутъ, съ разрѣшенія заводскаго начальства, или сами оставаться на жительствѣ въ тѣхъ строеніяхъ, или же передать ихъ кому либо другому, или иначе ими распорядиться, но во всякомъ случаѣ только съ вѣдома и согласія мѣстнаго начальства завода. Когда же ни жены, ни дѣтей и родственниковъ послѣ каторжнаго не осталось, то означенныя строенія обращаются въ вѣдомство того завода, на коемъ онъ находился.

V.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Минувшее лѣто.—Городской общественный банкъ. — Занятія здѣшней думы. — Выставка произведеній сельскаго хозяйства и промышленности. — Ремонтъ путей и зданій и перекладка рельсовъ на Николаевской дорогѣ. — Потѣзка г. Колинъона. — Динабургскій мостъ на Варшавской желѣзной дорогѣ. — Положеніе работъ на другихъ линіяхъ. — Посылка техникумовъ путей сообщенія за границу. — Проектъ передачи денежныхъ суммъ посредствомъ телеграфа. — Случаи изъ канцелярской жизни. — Литературныя новости. — Смерть Мартынова.

Печальный рядъ именъ слишкомъ рано погибшихъ лучшихъ представителей русскаго общества, людей, служившихъ дѣлу, мысли и искусства, пополнился, какъ извѣстно всей Россіи, дорогимъ нашимъ А. Е. Мартыновымъ. Миръ его великому праху!

Боже мой, что за зловѣщая судьба тяготѣетъ надъ нашимъ обществомъ! Люди, которыми справедливо гордится наше отечество, умираютъ въ моментъ полнаго развитія своихъ гениальныхъ силъ; самая плодотворная и могучая дѣятельность прерывается внезапно, не высказавшись вполне...

Пушкинъ, Лермонтовъ, Грибоедовъ, Гоголь, Кольцовъ, Бѣлинскій, Брюловъ, Ивановъ, Глинка, Мартыновъ!...

Въ моментъ чтенія этихъ строчекъ, посвящаемыхъ воспоминанію не только что прошлому времени, на улицахъ Петербурга, пожалуй, образовалась уже обычная грязь, — предвѣстникъ дождливой, сырой и холодной осени, пожалуй, пѣшеходы, снующіе по петербургскимъ тротуарамъ, забыли уже, что съ мѣсяцъ тому назадъ, не болѣе, какъ за мѣсяцъ, они прохаживались по дорожкѣ, усыпанной пескомъ, въ тѣнистой зелени; не вдалекѣ видѣлась рѣка, солнце заходило очень привѣтливо, въ воздухѣ было тихо и ароматично... Можетъ быть, все это уже забыто и голова занята другими мыслями, другими впечатлѣніями. Не объ ароматичности вечерняго воздуха думаетъ этотъ господинъ, легкомысленно шагающій по улицѣ, и не помышляетъ онъ о томъ, какъ любилъ онъ порою вечерніе прогулки вдвоемъ, подъ ручку съ прекраснымъ когда-то для него существомъ, не шевелятся у него въ головѣ когда-то милыя рѣчи милаго созданія...

Нѣтъ, онъ думаетъ въ настоящую минуту о томъ, что домовладыльцы въ Петербургѣ затѣяли пренепріятную игру съ лицами, не имѣющими недвижимаго городской собственности, что цѣны на квартиры становятся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе баснословными и т. д. и т. д. Боже мой, какъ я подумаю, человекъ-то какъ мѣняется съ переездомъ въ городъ; вся индивидуальность настроенія духа испаряется внезапно, принимается онъ самый серьезный видъ, отвергаетъ все попопозновенія къ различнымъ задушевнымъ тревоженіямъ, до которыхъ былъ такъ падокъ еще такъ недавно, льтомъ, въ зелени, посреди дачной, почти деревенской обстановки.

Попробуйте попросить этого господина посѣтить знакомую ему аллею. Отвергнетъ, рѣшительно отвергнетъ! А какъ бывало рвался туда, съ какимъ восторгомъ глядѣлъ онъ на нее, провѣзая мимо на Невскомъ пароходѣ.

Богъ съ нимъ, съ такимъ забывчивымъ смертнымъ; займется лучше новостями, которыхъ, кстати, набралось въ последнее время великое множество...

Петербургскіе домовладыльцы давно, какъ извѣстно, жаловались на невозможность совершать займы денегъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Теперь жалобы эти отчасти могутъ преобразиться; говорю: отчасти, потому что предположенный для этихъ займовъ городской общественный банкъ еще далеко не учрежденъ, но все таки вопросъ объ учрежденіи его подвинулся въ настоящее время весьма значительно; а именно, коммисія, которой поручено было составить проектъ устава банка, окончила свой трудъ и трудъ этотъ съ доставленными отъ постороннихъ лицъ замѣчаніями будетъ въ скоромъ времени окончательно обсужденъ въ собраніи городской общей думы.

Заговоривъ о здѣшней думѣ, кстати сообщимъ любопытныя свѣдѣнія, напечатанныя въ «Экономическомъ Указателѣ», о занятіяхъ думы въ настоящее время.

Въ общей думѣ разсматривается проектъ объ отменѣ *таксы на печеный хлѣбъ*. Говорятъ, сказано въ означенномъ журналѣ, что руководствуясь какъ закономъ, по которому таксы на *нужныя* предметы продовольствія опредѣляются только тогда, когда надобность того требуетъ, такъ и опытомъ, показывающимъ, что цѣны устанавливаются отношеніемъ запроса къ предложенію, а потому не могутъ быть предписываемы навсегда или

на долгое время, дума пришла лишь къ убѣжденію о необходимости уничтоженія танокъ на печеный хлѣбъ.

Изъ другихъ проектовъ, предложенныхъ на обсужденіе Общей Думы, обращаетъ на себя вниманіе частный проектъ гг. Красовскаго и Бурксера, *объ устройствѣ прачешныхъ по образцу заграничныхъ съ банями и лечебными ваннами.*

По своей отрицательной сторонѣ, по отсталости мыслей, замѣчательны представленныя въ Думу три проекта; одинъ *объ установленіи съ иногородныхъ и иностранныхъ евреевъ, приѣзжающихъ въ Петербургъ, особаго суточного сбора, съ отдачею этого сбора на откупъ, другой—объ учрежденіи общества для доставленія пособія лицамъ рабочаго и промышленнаго классовъ въ случаѣ болѣзни и другихъ несчастій, съ предоставленіемъ учредителямъ права пользоваться 10% съ собраннаго по акціямъ капитала; третій — объ уничтоженіи въ Петербургѣ розничной продажи дровъ и предоставленіи на то монополіи одному товариществу.*

Здѣшнее экономическое общество, какъ извѣстно, устраиваетъ въ концѣ этого мѣсяца выставку произведеній сельскаго хозяйства и промышленности. Выставка будетъ у Михайловскаго манежа, между двумя эскерциргаузами.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ С.-Петербургскими Вѣдомостями, предметы выставки будутъ дѣлиться на семь отдѣловъ; на выставкѣ будутъ находиться сѣмена хвойныхъ и другихъ хозяйственныхъ растений, образчики домашнего скота—бойнаго, разводимаго для шерсти и рабочаго, предметы, относящіеся къ пчеловодству и шелководству, плоды, разныя садовыя растенія и овощи, образцы деревъ, которыя годны для построекъ, дикорастущія растенія, имѣющія употребленіе въ сельско-хозяйственной и фабричной промышленности. Кромѣ этихъ произведеній природы, особый отдѣлъ выставки будетъ посвященъ предметамъ сельско-ремесленной промышленности. Къ этому отдѣлу относятся: мука, крупа, хлѣбные напитки и спиртныя жидкости, растительныя масла, щетина и конскій волосъ, кожи, мыло, жиръ, сало, съѣстные припасы, сохраняемые въ — прѣхъ, смолы, деготь, желѣзо, чугунокъ, сталь—какъ въ кускахъ, такъ и въ издѣліяхъ, фарфоровыя и фаянсовыя издѣлія, кирпичъ, поддѣльные мраморы, торфъ, бурый уголь, антрацитъ, земледѣльческія и другія хозяйственныя машины, орудія и снаряды и т. п.

«Независимо отъ наградъ собственно отъ общества, министерство государственныхъ имуществъ назначило, изъ своихъ хозяйственныхъ суммъ, до 20,000 руб. сер. на преміи за лучшія орудія, машины и снаряды. Главная премія министерства государственныхъ имуществъ, въ 3,000 руб. сер., назначена за лучший снарядъ для кошенія хлѣба или травы. Независимо отъ этого, вѣроятно, будетъ учреждено нѣсколько премій частными лицами, покровителями промышленности, или промышленниками и фабрикантами, для которыхъ выставка можетъ имѣть интересъ существенный, которымъ она можетъ помочь разрѣшить не одинъ вопросъ, касающійся ихъ фабричнаго и заводскаго хозяйства. Наконецъ, въ преміяхъ примутъ участіе, вѣроятно, нѣкоторые города и сословія. Такъ, слышали мы, что Петербургъ учредилъ уже особую премію, въ 500 р. с., за лучшую выдѣлку кожъ.»

Въ настоящее время общество наше заинтересовано вопросомъ о Николаевской дорогѣ по поводу возбужденныхъ въ публикѣ толковъ о продажѣ ея или отдачѣ въ арендное содержаніе на извѣстное время.

Чѣмъ кончится этотъ вопросъ, пока еще неизвѣстно; можемъ только заявить, что большинство людей специально знакомыхъ съ устройствомъ желѣзныхъ путей и положеніемъ Николаевской дороги, положительно стоитъ за отдачу ея въ арендное содержаніе.

Имѣя въ виду интересъ, возбужденный въ публикѣ Николаевскою дорогою, представимъ любопытныя данныя о ремонтѣ путей и зданій и перекладки рельсовъ этой дороги.

Со времени открытія движенія на ней (съ ноября 1851 г.) по мартъ 1854 года, — сообщаютъ С.-Петербургскія Вѣдомости, — ремонтъ путей и зданій производился посредствомъ заюдряда единичныхъ работъ, а съ 1854 года, по мартъ 1860 года, посредствомъ предоставленія всего ремонта, съ торговъ одному подрядчику съ ежегодною оптовою платою. Въ первомъ случаѣ расходъ составлялъ 1,600,000 рублей, а во второмъ 1,050 тысячъ.

Не смотря на то, что съ отдачею ремонта съ оптоваго подряда получено сбереженія 550 тысячъ, но стоимость ремонта каждой версты Николаевской желѣзной дороги все еще превышала стоимость ремонта многихъ другихъ иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ. Это обстоятельство не могло не побудить къ изслѣдованію причинъ, увеличивающихъ ремонтные расходы по

Николаевской желѣзной дороги, противъ дорогъ иностранныхъ, и къ присканію средствъ для уменьшенія ихъ до возможно-крайняго предѣла.

Ремонтъ путей и зданій, а также перекладка рельсовъ, которая прежде производилась оптовымъ подрядчикомъ, за особенную плату, будетъ производиться, въ видъ опыта, въ 1860 году, а если окажется выгоднымъ, то и въ 1861 году, непосредственнымъ распоряженіемъ управленія дороги, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Чтобы потребныя матеріалы были поставлены съ торговъ, но если торговая цѣны будутъ выше цѣнъ начальника дороги, то предоставить самому управленію, т. е. начальникамъ отдѣленій, съ отвѣтственностью за непревышеніе объявленныхъ цѣнъ, за хорошее качество матеріаловъ и правильное ихъ израсходование.

2) Наемъ рабочихъ и распоряженіе рабочею силою предоставлено тѣмъ же лицамъ, т. е. начальникамъ отдѣленій при должной отчетности и отвѣтственности за превышеніе объявленныхъ цѣнъ.

3) Чтобы ни въ какомъ случаѣ, при этомъ образѣ дѣйствій, стоимость ремонта путей и зданій, а равно и перекладка рельсовъ, не превышали объявленныхъ начальникомъ дороги цѣнъ, а именно: за ремонтъ 730,240 рублей въ годъ, а за перекладку всѣхъ рельсовъ дороги 555,699 рублей, подъ непосредственною, въ противномъ случаѣ, отвѣтственностью начальника дороги и начальниковъ отдѣленій, по законамъ.

и 4) Въ случаѣ же сбереженія, противъ объявленныхъ управленіемъ дороги цѣнъ, какой либо суммы, отчислять 10% на особое, по усмотрѣнію начальства, вознагражденіе лицъ, наиболѣе способствовавшихъ сбереженію. Въ вознагражденіе же управленія дороги, за возлагаемая на него распоряженія и отвѣтственность, назначено: 5 начальникамъ отдѣленій по 2500 рублей; 5 помощникамъ начальниковъ отдѣленій и 18 начальникамъ дистанцій по 1500 рублей; и чинамъ, занимающимся въ управленіи дороги по ремонту, 4000 рублей; сверхъ того, на расходы по администраціи, каждому начальнику отдѣленія по 500 рублей и каждому начальнику дистанціи по 300 рублей—всего 58,000 рублей.

Таковы главные основанія принятаго на настоящій годъ спо-

соба ремонта путей и зданий и перекладки рельсов николаевской железной дороги.

По выгодности торговых ценъ на материалы, поставка ихъ отдана подрядчикамъ.

Стоимость предоставленныхъ въ распоряженіе управленія дороги работъ исчислена въ 756,616 рублей 18 копеекъ; а потому сбереженій можно считать, противъ ценъ оценового подрядчика, до 232,709 рублей. Впрочемъ, цифра сбереженій выведена примѣрно, по предѣльной стоимости ремонта; но въ какомъ размѣрѣ она действительно будетъ, это опредѣлится съ окончаніемъ отчетнаго года.

Затѣмъ въ «Журналѣ Главнаго Управленія Путей Сообщенія» находимъ не менѣе интересныя свѣдѣнія, относящіяся также къ николаевской дорогѣ.

«Предѣлы продольныхъ склоновъ николаевской железной дороги на подъемахъ въ направленіи отъ Санктпетербурга къ Москвѣ равенъ 0,005, а въ противоположномъ направленіи 0,0025, кромѣ веревьинскаго подъема, на которомъ продольный склонъ равенъ 0,0078, на протяженіи 7362 сажень или 14,72 версты. Товарные паровозы николаевской железной дороги могутъ возити по этимъ склонамъ, кромѣ веревьинскаго подъема, поезда среднимъ числомъ въ 15000 пудовъ валоваго груза, или 15 нагруженныхъ вагоновъ. На веревьинскомъ подъемѣ поезда эти должны раздѣляться, потому что товарные паровозы не могутъ взвозить по немъ лѣтомъ болѣе 9 вагоновъ, а зимою болѣе 8. Раздѣленіе это представляетъ важныя неудобства, требуя употребленія лишнихъ паровозовъ и увеличенія издержекъ, замедляя движеніе и производя нѣкоторое замѣшательство, въ томъ отношеніи, что грузы, отправляемые изъ Санктпетербурга въ одномъ поездѣ, раздѣляются и приходятъ въ Москву въ разныхъ поездахъ. Для отвращенія этихъ неудобствъ, прошедшимъ лѣтомъ изготовленъ на александровскомъ главномъ механическомъ заводѣ сильный паровозъ, который въ состояніи возити по веревьинскому подъему, во всякое время года, 25 нагруженныхъ вагоновъ. При испытаніи особою коммисією, паровозъ оказался вполне-удовлетворяющимъ своей цѣли, и по образцу его заказаны еще 15 паровозовъ того же устройства. Паровозъ этотъ имѣетъ 8 ведущихъ колесъ, на которыхъ лежатъ весь грузъ его, равный 2080 пудамъ. Площадь нагрева, размѣры пароваго цилиндра и предѣльная упругость паровъ (6 атмос-

феръ) въ котлѣ увеличены, а діаметръ ведущихъ колесъ уменьшенъ сравнительно съ прочими товарными паровозами. Введеніемъ этихъ паровозовъ представляется возможность, съ сокращеніемъ расхода на топливо и ремонтъ самыхъ паровозовъ, проводить по верейкинскому подъему товарные поезда въ полномъ ихъ составѣ, безъ раздѣленія.

«Товарные паровозы, построенные для николаевской желѣзной дороги бывшими контрагентами александровскаго завода, американцами: Гаррисономъ, Томасомъ Уайнсомъ, Иствикомъ и комп., подъ наблюденіемъ бывшаго совѣщательнаго инженера Уистлера, съ настоящимъ и ожидаемымъ разпѣтомъ товарнаго движенія, оказываются неудовлетворительными, по малому производимому ими дѣйствию и довольно значительному расходу топлива. Введеніе паровозовъ болѣе сильныхъ и лучшаго устройства составляетъ потребность дороги въ настоящее время. Въ 1858 году одинъ изъ этихъ товарныхъ паровозовъ передѣланъ на александровскомъ заводѣ, контрагентомъ Уильямомъ Уайнсомъ. Въ старыхъ паровозахъ, имѣющихъ при полномъ количествѣ воды и дровъ въ котлѣ весь 1695 пудовъ, только $\frac{5}{6}$ части этого груза лежатъ на 6 ведущихъ колесахъ; въ передѣланномъ же полный весь 1817 пудовъ лежитъ на 6 ведущихъ колесахъ прежняго діаметра. Кромѣ другихъ улучшеній, въ передѣланномъ паровозѣ увеличенъ предѣлъ упругости паровъ до $7\frac{1}{2}$ атмосферъ. Для опредѣленія относительнаго достоинства этого паровоза и верейкинскаго для перевозки товарныхъ поездовъ между Санктпетербургомъ и Москвою, была назначена коммисія для производства сравнительныхъ опытовъ на дорогѣ.»

По слухамъ, главному обществу русскихъ желѣзныхъ дорогъ отказано въ 6-ти процентномъ обезпеченіи для есодосійской дороги; но въ виду возвышенія заработной платы и низкаго курса, поперстная стоимость этой дороги увеличена, по просьбѣ общества.

Главный директоръ общества г. Коляцонъ въ настоящее время, кажется, за-границею, гдѣ думаетъ пробыть несколько недѣль. На пути туда онъ осматривалъ часть линіи отъ Вильно къ прусской границѣ, вообще работы по 2 му отдѣленію варшавской линіи и ковенскій тоннель, который надѣются окончить къ предназначенному сроку.

Объ одномъ изъ важнѣйшихъ сооруженій на С.-Петербургско-варшавской желѣзной дорогѣ, именно о Динабургскомъ мостѣ

черезъ Двину въ «С.-Петербург. Вѣдомостяхъ» помѣщены слѣдующія интересныя подробности:

Мостъ этотъ въ 135 саж. отверстія и раздѣленъ на три равныя пролета. На лѣвомъ берегу Двины, въ Динабургѣ, насупротивъ крѣпости, на равнинѣ, затопляемой ежегодно весенними водами, приступлено, въ октябрь 1859 г., къ устройству рабочаго двора, и къ 1-му января нынѣшняго года уже возведено было 12 строеній, между прочимъ: 4 жилые дома, большой магазинъ для храненія желѣза, стали, инструментовъ, локобилей, насосовъ, аппаратовъ для сжиманія воздуха, и мастерская, въ которой валъ, движимый машиною въ 20 силъ, приводитъ въ дѣйствіе рѣзакъ, буравы, скобели и проч., которые рѣзутъ, сверлятъ, шлифуютъ металлическія массы, долженствующія составить динабургскій мостъ.

Тотъ же валъ, продолжаясь, входитъ въ другую мастерскую, гдѣ круглая пила, въ метръ въ діаметрѣ, распиливаетъ бревна, назначенныя на устройство домовъ, стелажей и временныхъ ле-дорезовъ.

Всѣ эти постройки установлены на высокихъ сваяхъ и во время весенняго разлива представлялись какъ бы островами; работы продолжались и въ эту пору, только сообщеніе одной мастерской съ другою производилось на лодкахъ.

По вскрытіи рѣки отъ льда, французскими рабочими гг. Гуэна и К°, строителей моста, устроено нѣсколько понтоновъ, квадратной формы, съ декомъ. На каждомъ понтонѣ установленъ локобиль въ 10 силъ, и лѣса, въ 8 саж. вышины, составляющіе пародѣйствующій копѣръ. Понтоны эти, снабженные якорями, подходятъ къ мѣсту, обозначенному на рѣкѣ въхой, и при помощи одного машиниста, состоящаго при локобилѣ, и одного плотника, направляющаго сваю, тяжеловѣсная баба, поднимаясь и спускаясь съ немовѣрною быстротою, забиваетъ сваи въ десять разъ скорѣе, въ сравненіи съ обыкновеннымъ способомъ бойки свай на сушѣ. Въ одну недѣлю, въ рѣкѣ забита масса свай, на протяженіи 23 саж. длины и 4 ширины, составляющая огромный ящикъ, въ девять сажень вышины, раздѣленный на 4 отдѣла, изъ которыхъ каждый пазначается для пріема металлической колонны, въ 4½ метра въ діаметрѣ. Поверхъ ящика помѣщены двѣ горизонтальныя балки, параллельно теченію рѣки. На каждой изъ этихъ балокъ уложены рельсы, по которымъ

движутся два огромных колеса, съ зубчатымъ снарядомъ, поднимающимъ тысячу пудовъ.

Подобные же снаряды устроены на каждомъ берегу. Снарядъ беретъ на берегу часть металлической колонны, въсомъ въ 1,000 пуд. и болѣе, переводить ее на рѣку и опускаетъ на понтонъ. Затѣмъ понтонъ отходитъ къ рѣчнымъ подмостямъ, гдѣ описанный выше снарядъ принимаетъ часть колонны, поднимаетъ ее и потомъ опускаетъ въ соответствующій отдѣлъ ящика.

Изъ четырехъ колоннъ, или трубчатыхъ быковъ, которые вѣстятся въ этотъ ящикъ, два, вверхъ по теченію, остановятся на уровнѣ самыхъ низкихъ водъ и будутъ поддерживать металлическіе ледоразы; остальные два, внизъ по теченію, будутъ возвышаться на шестнадцать метровъ надъ полыми водами и поддерживать самый мостъ. Всѣ эти колонны будутъ погружены въ грунтъ на пятнадцать метровъ глубины, слѣдующимъ способомъ:

На верхнемъ концѣ части колонны будетъ прикрѣплена большая камера изъ котельнаго желѣза. Эта камера снабжена дверями и кранами; соединенія или снайки сдѣланы изъ вулканизированнаго каучука. Въ ней, какъ въ паровомъ котлѣ, содержится сжатый воздухъ. Рабочіе, спустившись въ эту камеру, закрываютъ наружныя двери и открываютъ нижнія, составляющія входъ въ колонну. Локомобиль, воздушнымъ насосомъ нагнетаетъ въ колонну воздухъ; сжатый воздухъ выгоняетъ воду, изъ колонны: затѣмъ рабочіе, въ ней помѣщенные, подрываютъ подъ нею грунтъ, и колонна погружается на требуемую глубину.

Въ настоящее время находятся въ дѣйствіи четыре понтона, съ локомобилями и копрами, и забиваютъ, днемъ и ночью, сваи для ящика втораго быка и подъ эстакады, на которыхъ уложенъ будетъ рельсовый путь.

Нынѣ окончено два пловучихъ понтона, на которыхъ, во всю длину ихъ, уложенъ рельсовый путь. Понтоны эти будутъ принимать съ одной эстакады и перевозить на эстакаду другаго берега подвижной составъ. Для приведенія рельса понтона въ одинъ уровень съ рельсомъ эстакады, понтонъ устанавливается между четырьмя кустами свай, расположенными по угламъ его, и осаживается въ воду особыми домкратами, на нѣсколько дюймовъ. Понтонъ, по взводѣ на него паровоза, освобождается отъ

гнета, поднимается на дюймъ или на два, и персправляется къ другому берегу, гдѣ для приведенія рельсоваго пути понтона въ уровень съ рельсами эстакады, снова подвергается нагнетанію посредствомъ домкратовъ.

Къ установкѣ металлическихъ колоннъ, въ настоящее время, дѣлаются приготовленія. Камеры изъ котельнаго желѣза, которыя должны быть прикреплены къ верхамъ колоннъ и служить для погружки ихъ въ грунтъ, уже готовы на берегу. Локомотивы и воздушные насосы находятся въ дѣйствиіи; рабочіе опускаются въ камеры, чтобы привыкнуть переносить давленіе двухъ или трехъ атмосферъ, подъ которыми они должны будутъ работать. На дняхъ, часть колонны, снабженная камерой, отправится къ подмосткамъ быка у лѣваго берега.

Каменная кладка береговыхъ устоевъ идетъ успѣшно и, какъ говорятъ, будетъ окончена къ 1-му октября 1860 г.; остальные матеріалы для основанія трубчатыхъ быковъ ежедневно прибываютъ по желѣзной дорогѣ. Въ металлической мастерской вся работа производится французскими мастерами, въ числѣ до сорока человекъ; лѣса устрояются русскими плотниками; черно-рабочихъ весьма-мало, такъ-какъ ихъ замѣняютъ локомотивы; два человека, при копрѣ, приводимомъ въ дѣйствиіе локомотивомъ, исполняютъ работу пятидесяти человекъ съ пятью обыкновенными копрами.

По другимъ линіямъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ новости заключаются въ слѣдующемъ:

На оесодосійской дорогѣ земляныя работы производятся довольно успѣшно. Къ прежнему числу рабочихъ прибавлено еще 1800 чел. Въ ожиданіи разрѣшенія проекта желѣзной дороги отъ Оесодосіи до Уйчуя дѣлаются приготовленія и для начала каменныхъ работъ. Между прочимъ, въ Оесодосіи, Геническѣ и Александровскѣ образовались огромные склады матеріаловъ для южной дороги.

На московско-нижегородской линіи: отъ Москвы до Павлова укладывается рельсовый путь; далѣе до Городищъ работы идутъ довольно успѣшно; отъ Городищъ до Владиміра остается окончить большіе мосты съ металлическимъ полотномъ; впрочемъ все это общали кончить уже къ 10-му августа. Нижній балластный слой заготовленъ на всемъ протяженіи участка отъ Москвы до Владиміра, а каменный на 140 верстахъ; рельсы и поперечины развезены по складамъ и въ укладкѣ пути замедленія

не предвидится. Искусственные сооруженія между Владиміромъ и Ковровымъ будутъ кончены до р. Клязьмы къ 1 октября; къ тому же времени выведутся основанія всѣхъ искусственныхъ сооружений между Ковровымъ и Галицкою, а совершенно кончены между Галицкою и Нижнимъ. Къ октябрю же уложится рельсовый путь по всей линіи, исключая участка между Ковровымъ и Галицкою. Два большіе моста чрезъ Клязьму будутъ значительно подвинуты къ осени. Вообще-же, полагаютъ, что въ августъ мѣсяцъ слѣдующаго года, можно будетъ открыть для публики всю линію.

Устройство перехода по Москвѣ, для соединенія нижегородской желѣзной дороги съ николаевской, предполагено было кончить 15-го августа.

Между тѣмъ какъ производится такая дѣятельность въ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, вѣдомство путей сообщенія, въ видахъ ознакомленія нашихъ техникувъ съ вопросомъ о развитіи путей сообщенія болѣе научнымъ и болѣе также практическимъ образомъ, распорядилось отправить нѣкоторыхъ изъ нихъ за границу. Такъ, въ настоящее время находятся тамъ извѣстный инженеръ г. Журавскій, вмѣстѣ съ г. Зайкой, молодымъ сыномъ недавно умершаго директора канцеляріи главнаго управленія путей сообщенія. Они командированы въ Америку. Посланъ также за границу г. Энрольдъ, составитель проекта разчистки петербургскихъ каналовъ и кандидатъ на кафедру практической механики въ институтъ. Въ скоромъ времени поѣдетъ также г. Глушинскій, кандидатъ на кафедру водяныхъ сообщеній въ томъ же учебномъ заведеніи.

Въ Министерство Финансовъ представленъ замѣчательный проектъ, составленный гражданномъ Северо-Американскихъ Штатовъ Бродвелемъ, титулярнымъ совѣтникомъ Похитоновымъ, генералъ-маіоромъ Сабиромъ и титулярнымъ совѣтникомъ Салмановымъ. Проектъ относится къ передачѣ и движенію денежныхъ суммъ посредствомъ телеграфа.

Составители проекта, какъ говоритъ г. Шильдъ въ «Экономическомъ Указателѣ», предлагаютъ правительству воспользоваться телеграфомъ для устраненія неудобствъ на передвиженіи денегъ существующими способами, и тѣмъ доставить казнѣ — новый, выгодный какъ для ней, такъ и для народа, источникъ дохода, около 3 милліоновъ руб. сер. въ годъ, — доходъ, который само собой будетъ постоянно увеличиваться, съ разви-

тіемъ телеграфныхъ линий, промышленности и денежныхъ оборотовъ съ этой цілю они предлагаютъ учредить при государственномъ банкѣ и его конторахъ, а также и при казначействахъ *отдѣленія для передачи денегъ по телеграфу, или по телеграфнымъ извѣстіямъ.* и за пересылку такихъ денегъ вѣсто одной копѣйки и менѣе съ рубля, какъ бегетъ почтовое вѣдомство, брать двѣ копѣйки. Желающіе пересылать деньги должны, по проекту, представлять ихъ въ казначейства, которые, принявъ ихъ, даютъ знать по телеграфу, что деньги отъ *такого-то лица* для *такого-то* приняты, и что то послѣднее можетъ получить ихъ изъ *такого-то* телеграфнаго отдѣленія при банкѣ, его конторѣ или казначействѣ. Такимъ образомъ передвиженіе значительныхъ суммъ, не смотря ни на какое разстояніе, можетъ совершаться въ нѣсколько часовъ времени.

Желательно, чтобы нашлись наконецъ такіе люди, которые сдумали бы воспользоваться громаднымъ значеніемъ телеграфной силы въ отношенія къ нашему дѣлопроизводству. Пора бы, въ самомъ дѣлѣ, примынить какъ нибудь телеграфъ къ канцелярскимъ перепискамъ, которыя иногда заводятся, пожалуй, на значительное время. рѣшительно по самымъ страннымъ и вовсе ненужнымъ причинамъ.

Вотъ примѣръ. Въ одномъ изъ уѣздовъ Калужской губерніи задержанъ былъ бродяга и, какъ слѣдуетъ, представленъ въ земскій судъ. При обыскѣ у бродяги оказался кисетъ для курительнаго табаку, сломанная восковая свѣча, денегъ 3 р. 5 коп. и двѣ зажигательныя спички. Тутъ еще ничего поразительнаго нѣтъ. Послушайте, что произошло далѣе. Уездный судъ, препроводивъ, выражаясь, канцелярскимъ слогомъ, въ губернское присутственное мѣсто кисетъ, свѣчу и деньги, испрашивалъ разрѣшенія, какъ *поступить суду сему съ отобранными у бродяги двумя зажигательными спичками, такъ какъ пересылать оныя, согласно 341 ст. т. XI уст. пост. изд. 1857 г., чрезъ почту воспрещается?*

Переписка о двухъ зажигательныхъ спичкахъ!

А вотъ еще занимательный случай изъ чиновничьяго міра, случай неуступающій только что рассказанному.

Въ одномъ уездѣ той же Калужской губерніи, бѣшеный волкъ поранилъ нѣсколькихъ человекъ и вскорѣ затѣмъ былъ убитъ и зарытъ въ землю. Для подавія помощи укушеннымъ, командированъ былъ врачъ, который; по возвращеніи изъ командировки,

просилъ начальство выдать ему прогонныя деньги, такъ какъ онъ издержалъ свои собственныя. Начальство сдѣлало объ этомъ распоряженіе и получило отношеніе, которымъ просятъ увѣдомить, на счетъ-ли казны, или на счетъ *виновныхъ* произвести требуемый расходъ.

Интересно знать, кого здѣсь надобно подразумѣвать подъ виновными? Виновны въ этомъ дѣлѣ или волкъ или наконецъ укушенные имъ люди? Странно; очень странно.

Вообще странностей въ служебномъ мірѣ не мало. Напримѣръ, какъ рассказано въ «Экономическомъ указателѣ,» въ одномъ *мѣстѣ,* разумѣется, не отправляющемъ службы ночью, израсходовано въ годъ 1851 (отчего бы уже, не ровно 1860?) руб. 27 коп. сер. на одно освѣщеніе газомъ, масломъ, да еще скипидаромъ, да при томъ еще свѣчами и стеариновыми и сальными!

Какое великозпное освѣщеніе — на бумагахъ!

Въ Петербургѣ заинтересованы извѣстіемъ, сообщеннымъ въ Journal de St. Pétersbourg, о томъ, что русское правительство потребовало къ парижскому суду хорошо известнаго нашей столицѣ г. Гарфункеля. Г. Гарфункель, еврей, бывшій русскій, а нынѣ французскій подданный, составилъ у насъ огромное состояніе питейными откупами и затѣмъ приличнымъ образомъ бѣжалъ изъ Россіи.

Наше правительство требуетъ съ г. Гарфункеля пять милліоновъ франковъ (1,125,000 руб.), неуплаченныхъ имъ по откупамъ въ разныхъ губерніяхъ. Адвокатомъ г. Гарфункеля — г. Марн, адвокатомъ со стороны русскаго правительства — г. Лашанъ (Lachand), а президентомъ суда — Бенуа-де-Шампи.

«Съѣзжая пчела» сопроводяетъ это объявленіе слѣдующими энергическими замѣчаніями: «Замѣчательно, что г. Гарфункель нажилъ огромное состояніе въ Россіи, и, оставивъ ее не совсемъ чисто, проповѣдуетъ, что онъ принужденъ былъ удалиться изъ Россіи вслѣдствіе своихъ политическихъ убѣжденій! Гарфункель — политическій выходецъ!!! Да вѣдь это забавно даже кокоревской филантропіи. Послѣ этого, еслибы г. Сипко удалось бѣжать за границу, онъ могъ бы также огласить себя политическимъ выходцемъ и подать руку г. Гарфункелю, какъ достойному своему собрату по убѣжденіямъ».

Въ заключеніе нѣсколько словъ о литературныхъ новостяхъ, которыхъ впрочемъ, не много.

Извѣстный историкъ Игнатій Даниловичъ, профессоръ вилен-

скаго, потомъ кіевскаго и московскаго университетовъ, оставилъ (умеръ въ 1843 г.) драгоценное для исторіи Россіи, Литвы и Польши сочиненіе, заключающее хронологическое указаніе грамотъ, привилегій и другихъ актовъ, относящихся къ разъясненію исторіи Литвы и Литовской Руси. Рукопись эта приобрѣтена была отъ вдовы покойнаго Даниловича гр. Е. П. Тышкевичемъ и хранилась въ Библиотекѣ Виленскаго Музеума Древностей. Нынѣ 1 томъ этого монументальнаго сочиненія п. з. Skarbiec dyplomator papiezkich, cesarskich, krolewskich, ksiazecznych, uchwal narodowych, postanowien róznych, wladz i urzedow poslugujacych, do krytycznego wyjasnienia dziejow Litwy. Rusi Litewskiej i osciennych im krajów — уже напечатанъ, благодаря денежному пожертвованію члена Виленской Археолог. Коммисіи, Івана Сидоровича, подъ редакціею ученаго Секретаря Маврикія Круновича, въ типографіи А. Карпора въ Вильнѣ (in 4°, въ два столбца, VII, 390 стр.). Теперь занимающіеся исторіею Литвы и Руси, безъ этого важнаго вспомогательнаго труда не могутъ сдѣлать ни одного шагу.

Изъ Берлина ишутъ въ «С. Петербургскія Вѣдомости», что туда пріѣхалъ изъ Петербурга этнографъ фонъ-Штейнъ, который, до 1847 года, служилъ въ военной службѣ въ Пруссіи, а въ этомъ году уѣхалъ въ Россію для этнографическихъ трудовъ, и въ настоящее время только что окончилъ предпринятое имъ сочиненіе «Русская армія, ея исторія и теперешнее ея состояніе». Сочиненіе будетъ иллюстрировано и выйдетъ на трехъ языкахъ: нѣмецкомъ, русскомъ и французскомъ.

—

ПОЛИТИКА.

I.

Л И В А Н Ъ.

I.

ГОРА.

Пройдя прекрасную группу Цикладскихъ острововъ, разсѣянныхъ по волнамъ, подобно корзинамъ съ цвѣтами и зеленью, и направляясь къ восточнымъ берегамъ Средиземнаго моря, путешественникъ видитъ на горизонтѣ еще въ отдаленіи, но уже явственно, большую массу горъ, покрытую туманами, изъза которыхъ по мѣстамъ прорываются сіяющія остроконечныя вершины. Горы эти ограничиваютъ полетъ зрѣнія и кажутся непроходимой преградой, скрывающею отъ глазъ зѣмли Азіи.

Масса горъ, которая такимъ образомъ вдругъ является взорамъ съ отпечаткомъ внушающаго величія, есть Ливанъ. Это имя знаменито съ самыхъ отдаленныхъ временъ исторіи міра; теперь же событія, столь грустныя, сколько и неожиданныя, привлекли къ нему вниманіе людей, которыхъ заботить дѣло чело-вѣчества, гдѣ бы ни были подняты касающіеся до него вопросы.

Ливанъ, котораго красота воспѣта поэтами, котораго пріятности прославлены пророками, заимствовавшими отъ него самые возвышенныя и привлекательныя образы,—по словамъ географовъ, имѣетъ связь съ Тавро-кавказскою горною системою и служитъ продолженіемъ Аманской цѣпи. Онъ идетъ отъ сѣвера къ югу чрезъ Сирію, изгибаясь вмѣстѣ со всѣми излучинами морскаго берега и дѣлится на двѣ главные вѣтви, изъ которыхъ одна идетъ вдоль берега Средиземнаго моря и называется Ливаномъ въ собственномъ смыслѣ, а другая окаймляетъ большую долину Дамаска и извѣстна подъ названіемъ Анти-

Ливана. Эти послѣдніе горы, упираясь въ южный берегъ Мертваго моря, теряются наконецъ въ пустыняхъ, составляющихъ крайній предѣлъ Аравіи на сѣверо-западѣ.

Изъ этого видно, что уже одно протяженіе Ливана даетъ ему важность, какую имѣютъ очень немногія горы. Но красота ландшафтовъ, изобиліе и разнообразіе естественныхъ произведеній и шумъ, падѣнный въ исторіи различными населявшими его племенами, — еще гораздо болѣе способствовалъ къ тому, чтобы поставить Ливанъ въ число тѣхъ привилегированныхъ странъ, одно названіе которыхъ пробуждаетъ въ душѣ тысячи предчувствій о красотѣ, поэзій, благородствѣ и несчастіи.

Послѣ извѣстій о страшныхъ убійствахъ, такъ недавно наполнившихъ ужасомъ Сирію отъ Алеппо до Іерусалима, отъ Саида до Дамаска, нельзя не обратиться съ чувствомъ глубокой симпатіи къ этой странѣ, для которой природа, повидимому, сдѣлала все, но гдѣ люди, какъ будто, находятъ злобное удовольствіе въ разрушеніи ея созданія.

Взойдя послѣ труднаго пути цѣлаго дня на послѣднюю площадку известковаго утеса, представляющаго самую возвышенную точку Ливана, можно видѣть одну изъ прекраснѣйшихъ панорамъ въ мірѣ.

Со всѣхъ сторонъ въ безпорядкѣ, исполненномъ величія, поднимаются острыя пики въ видѣ зубцовъ, покрывающихъ грѣбень горы. По мѣстамъ, какъ-бы для того, чтобы открыть обширный горизонтъ, они расходятся и взоръ тонетъ повсюду въ безпредѣльномъ пространствѣ. На западѣ — Средиземное море съ его сверкающими волнами; на востокъ — большая равнина Бекаа, Келе-Сирія древнихъ, волнуемая подъ золотомъ жатвы, на сѣверѣ — гигантскія развалины Бааль-Бека, куполы и минареты Дамаска, а еще далѣе горячіе пески пустыни, скрывающіе древнюю Пальмиру, на югѣ — неправильные холмы Галилеи и Кармельская долина.

Вотъ огромныя очертанія Ливана въ томъ видѣ, какъ онъ является вдругъ и, такъ сказать, съ перваго взгляда. Цвѣтъ не уступаетъ формѣ. Слово Ливанъ значитъ *блѣдный*, и въ самомъ дѣлѣ утесы этой горы и снѣга, покрывающіе его вершины, соперничаютъ между собою въ бѣлизнѣ и блескѣ. Самое небо имѣетъ тамъ невыразимо очаровательный видъ. Правда, въ немъ нѣтъ невыносимаго блеска, который ослѣпляетъ въ Аравіи; но оно отличается глубиною и сіяющею прозрачностью, которой мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ и которая ласкаетъ глаза такъ нѣжно, что смотрѣть на него — наслажденіе.

При всемъ своемъ огромномъ протяженіи, цѣпь Ливана представляетъ мало разнообразія въ геологическомъ составѣ своихъ утесовъ. Масса ихъ состоитъ изъ известковаго камня, котораго бѣловатый тонъ даетъ горѣ ея общій видъ; но раститель-

ныя произведенія Ливана необыкновенно изобильны и разнообразны. Благодаря различію своихъ уровней, гора соединяетъ, въ пространствѣ относительно—ограниченномъ, всѣ температуры и климаты. Это преимущество одинъ арабскій поэтъ представилъ въ образѣ, въ которомъ легко узнать восточный вкусъ: «Голова Ливана, говоритъ онъ, покрыта зимою, плечи весною; осень лежитъ на его груди; лѣто спитъ у ногъ его.» Такимъ образомъ Ливанъ даетъ своимъ обитателямъ произведенія различныхъ климатовъ и температуръ. Къ сожалѣнію, какъ это случается довольно часто въ горахъ, черноземъ тамъ рѣдкость и большія пространства по необходимости лишены обработки. Но тамъ гдѣ земля хороша, производительная сила ея неистощима.

Во многихъ мѣстахъ Библіи прославляются прекрасныя воды Ливана. Потоки, рѣки и ручьи тамъ, можетъ быть, изобильнѣе, чѣмъ гдѣ либо, и влага, которую онѣ распространяютъ, въ соединеніи съ плодородіемъ почвы и теплотою атмосферы, производитъ настоящія чудеса растительности. Впрочемъ должно прибавить, что тамошніе жители, повидимому, отличпо понимаютъ земледѣліе и у нихъ ни одинъ вершокъ земли не пропадаетъ даромъ.

Виноградныя лозы съ огромными гроздями, которыхъ каждая ягода равняется сливѣ своею величиною, обнимаютъ своими вѣтвями зелеными вѣтвями суковатыя смоковницы, и бываютъ покрыты плодами восемьъ, а въ одной долині даже десять мѣсяцевъ въ году. На равнинѣ Бекаа борозды легко даютъ по двѣ жатвы. На западныхъ склонахъ цѣлые лѣса тутовыхъ деревьевъ питаютъ миллионы шелковичныхъ червей и достаточно свидѣтельствуютъ о неистощимыхъ ресурсахъ, которые могли бы тамъ найти мѣстныя фабрики; густые плетни лавро-розовыхъ кустовъ обозначаютъ своею яркою зеленью и блестящими цвѣтами прихотливое теченіе ручьевъ, которые замедляютъ свое теченіе на долинахъ. На южныхъ склонахъ хлопчатникъ и каучуковое дерево перемежаны съ табачными плантаціями, которыя снабжаютъ своими произведеніями складочныя мѣста Латакіе; этотъ табакъ считается однимъ изъ лучшихъ въ мірѣ.

Всѣ роды промышленности, возникающіе изъ земледѣлія, процвѣтаютъ въ Ливанѣ. Шолкъ Эдена и окружающихъ его странъ служатъ матеріаломъ для фабричныхъ издѣлій Бейрута и Дамаска; деревянное масло тамъ лучше, нежели во всѣхъ другихъ частяхъ Сиріи, и въ цѣлой Азіи нѣтъ ни одной страны, гдѣ вино могло бы сравниться съ тѣмъ, которое добываютъ марониты изъ своихъ превосходныхъ виноградныхъ лозъ. Оно извѣстно на всемъ востокѣ, и даже въ Европѣ, подъ именемъ *золотого вина*.

Это благородное убранство земли теперь вырублено; только вокругъ деревень можно еще встрѣтить небольшія и очень немногочисленныя группы чинаръ, вязовъ и орѣховъ. Кедры же почти всѣ уни-

чтожены: то, что теперь носить гордое названіе кедроваго лѣса, неболѣ, какъ небольшая роща, состоящая изъ четырехъ или пяти сотъ деревьевъ и кустовъ, собранныхъ на склонѣ, обращенномъ къ Средиземному морю, въ двухъ или трехъ миляхъ отъ деревни Эдема. Тридцать изъ нихъ прекрасны, восемь или десять—величественны. Не знаю, могутъ ли они сравниться съ гигантскими деревьями Новаго Свѣта, но это—великолѣпнѣйшіе образчики растительнаго царства на нашемъ полушаріи. Нѣкоторые изъ этихъ кедровъ, современные первымъ днямъ міра, братья тѣхъ, которые Хирамъ, царь Тирскій, предложилъ Соломону для Іерусалимскаго храма, имѣютъ не менѣ сорока или пятидесяти футовъ въ окружности.

Мы сказали, что Ливанъ раздѣляется на двѣ вѣтви: на западную, или Ливанъ въ собственномъ смыслѣ, и восточную, называемую Анти-Ливаномъ. Между ними лежитъ превосходная долина, которую Арабы теперь называютъ долиною Бекаа, а греческіе географы называли Келе-Сирією, или Впадистою Сиріей. Волнообразныя неровности почвы образуютъ тамъ какъ бы три особыя долины, которыя съ одинаковымъ плодородіемъ производятъ хлѣбъ, ямень и дурачь. На всѣхъ трехъ растутъ тутъ, олива и хлопчатникъ. Косогоры, ихъ раздѣляющіе, покрыты виноградными лозами. Келе-Сирія, безпорно, одна изъ самыхъ богатыхъ частей въ Азіи. По мѣстамъ небольшія пихтовыя рощи пересѣкаютъ огромную впадистую равнину, которой золотыя жатвы, раскинувшіяся на необозримое впространство, волнуются подъ вѣтромъ. Мы сейчасъ говорили, что долина Бекаа можетъ дать двѣ жатвы въ годъ. Житницы здѣсь не такъ велики, какъ жатва, и потому, до помѣщенія ея туда, снопы разставляются у дверей домовъ, раскладываются на гумнѣ и вымолачиваются посредствомъ большихъ буйволовъ. Дѣти и жепщины изъ-подъ самыхъ ногъ ихъ вынимаютъ пустой колосъ; мужчины собираютъ зерна въ кучи и для провѣванія подбрасываютъ ихъ вверхъ широкими лопатами. Вѣтеръ уноситъ пылъ, а тяжелая пшеница падаетъ обратно на землю. Возлѣ самыхъ домовъ видны большіе парки ивъ и вербъ, куда пастухи вечеромъ загоняютъ коровъ, козъ и барановъ, возвращающихся съ поля. Здѣсь во всемъ видно изобиліе и богатство среди щедрой природы.

Анти-Ливанъ представляетъ намъ совершенно другое зрѣлище. Изящество, красота и грація Ливана, столь привлекательнаго въ своемъ величіи, вдругъ смѣняются бурною и порывистою природою; это хаосъ у дверей Эдема.

Составляя естественный предѣлъ между плодородною равниною Келе Сиріи и смѣющимися полями Дамаска, Анти-Ливанъ, такъ сказать, разрывается отъ запада къ востоку и дорога, или то, что заступаетъ ея мѣсто, идетъ чрезъ эту разсѣлину подобно потоку, низвергающемуся въ пропасть. Кри-

вая линия ея волнуется и извивается вмѣстѣ съ излучинами горы. То она представляетъ пространство довольно обширное для прохода цѣлаго батальона рядомъ, то тропинку, гдѣ надо пробираться по одиночкѣ.

Богатая и разнообразная растительность смягчаетъ своими мѣняющимися прелестями дикую суровость пейзажа. Въ тѣни растутъ ели, лиственницы, кипарисы. Золотые плоды пальмовыхъ деревьевъ зрѣютъ на солнцѣ возлѣ кактусовъ, которыхъ розовые или желтые лепестки развертываются на оконечности ихъ вгlistыхъ листьевъ. Тамъ молодой кедръ какъ будто выскакиваетъ изъ утеса, разорвавъ, точно желѣзною лопатой, его внутренность; въ другомъ мѣстѣ, напротивъ, дерево своими крѣпкими корнями, подобными могучимъ когтямъ, удерживаетъ камень, готовый упасть. Глубина обрывистаго оврага усыяна цвѣтами всѣхъ родовъ. Вершины Анти-Ливана, бесплодныя и голыя, высоко поднимаются въ воздухъ. По мѣстамъ гигантскіе обвалы бороздятъ бока горы, катя свои каменные волны въ глубину долины; водяные потоки низвергаются съ высоты тысячи футовъ въ гигантскіе бассейны, подымая облако пѣны и грохотъ, подобный грому, между тѣмъ какъ возлѣ нихъ какая нибудь тонкая струйка воды перебѣгаетъ со скалы на скалу. Тамъ царствуетъ печальное уединеніе и еслибы по временамъ молчаніе непрерывалось завываніемъ рыси, охотящейся за своею добычей, то можно было бы пройти двадцать миль, не услышавъ ни одного живаго звука. Орлы, кершунъ и грифы съ золотыми когтями, паря на недосигаемыхъ высотахъ, еще усиливаютъ грустное впечатлѣніе, производимое на душу этою природою, крайне непривѣтливою и суровою.

Верхняя полоса горъ представляетъ огромную окружность утесовъ пагихъ, бесплодныхъ, безъ всякой растительности. Но видъ совершенно измѣняется, какъ только мы начинаемъ спускаться. Восточный всходъ и отложе и открытѣе западнаго. Поэтому культура съ жадностію овладѣла имъ. Здѣсь мы видимъ уже не обрывистый оврагъ, а рядъ слѣдующихъ одна за другою долинъ, болѣе или менѣе широкихъ и всегда плодородныхъ. Тамъ и сямъ попадаются хорошенекія деревеньки съ домами, испещренными яркими красками; перебравшись чрезъ послѣдній хребетъ горы, тотчасъ можно увидѣть у своихъ ногъ обширную равнину, среди которой лежитъ Дамаскъ.

Какъ будто—бы для того, чтобы Ливанъ не имѣлъ недостатка ни въ чемъ поэтическомъ,—въ концѣ большой равнины, окруженной двумя звеньями его цѣпи, время и люди создали для него великолѣпныя развалины. Мы говоримъ о руинахъ Гелиополиса, города солнца, который Арабы называютъ Бааль-Беккомъ. Эти развалины должно отнести къ числу самыхъ пре-

красныхъ въ мѣрѣ. Не обладая величіемъ Мемфиса, или стоворотныхъ Оивъ, не имѣя ни важнаго значенія, ни обширнаго пространства Пальмиры, Баальбекъ отличается тѣмъ, что замѣтельно хорошо сохранился и принадлежитъ къ любопытной эпохѣ искусства.

Эти руины давятъ васъ своею массою. Въ первый моментъ созерцація ихъ, васъ охватываетъ какое-то безмолвное оцѣпѣніе: руки Циклоповъ никогда не подымали такихъ страшныхъ глыбъ. Отъ древняго города, знаменитаго со временъ Соломона, остались только обломки двухъ храмовъ и одного дворца, принадлежащаго, впрочемъ, къ позднѣйшей эпохѣ. Однакоже и этого довольно для того, чтобы составить высокое мнѣніе о блескѣ и могуществѣ древнихъ цивилизацій. Большой изъ этихъ храмовъ былъ посвященъ богамъ Геліополиса, которые не имѣли особыхъ названій. Эти безыменные боги не защитили своихъ алтарей. Храмъ ихъ обрушился. Отъ него осталось только нѣсколько рядовъ одинокихъ колоннъ, которыхъ ничто не связываетъ между собою и которыя не примыкаютъ ни къ чему; но уже одинъ видъ ихъ имѣетъ что-то внушающее, удивляя съ перваго раза и рождая въ душѣ думы о какомъ-то необыкновенномъ величіи. Жрецы были почтены не хуже боговъ ихъ: дворецъ стоилъ храма. Ни землетрясенія, ни Арабы, ни Турки — великіе разрушители всего прекраснаго — не могли ниспровергнуть этихъ крѣпкихъ стѣнъ. Онѣ могутъ существовать до скончанія міра. Эти стѣны остались невредимыми. Иногда большіе куски отпадали отъ нихъ; колонны упали цѣлкомъ, но и онѣ не разбились, не разсыпались отъ паденія: можно измѣрить ихъ длину теперь, когда онѣ лежатъ на землѣ. Цѣльные архитравы, переброшенные съ одной капители на другую, показываютъ все могущество рычага той древней руки, которой нужна была только точка опоры, чтобы поворотить міръ.

Земля вокругъ храмовъ покрыта ихъ большими обломками. Это мѣсто похоже на разрытую каменоломню, которой гигантскія глыбы имѣютъ форму капителей, плинтусовъ и карнизовъ. Во всякомъ другомъ мѣстѣ эти руины показались бы чудовищными. Но на краю этой обширной равнины, между этими двумя горами, которыя ихъ окружаютъ, онѣ кажутся уменьшенными до надлежащихъ размѣровъ и повидимому суть не болѣе, какъ аксессуаръ огромной декораціи.

Ливанъ не имѣетъ дорогъ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, т. е. путей сообщенія, содержимыхъ государствомъ или общинами, широкихъ, выровненныхъ, удобныхъ, по которымъ можно ѣздить въ экипажахъ. Во всемъ Ливанѣ существуютъ только тропинки, которыя обходятъ препятствія, бороздятъ своими живописными зигзагами подъѣмы на горы и такъ узки, въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ, что два верблюда едва могутъ идти рядомъ. Однакоже по этимъ дорогамъ нѣкогда были провозимы всѣ произведенья Азіи, которыя цитали торговлю Тира и Сидона; даже теперь по нимъ безпрестанно проходятъ караваны изъ Алеппо и Дамаска. Часто путешественникъ встрѣчаетъ тамъ чернаго осла или лошака, украшеннаго кистями и лентами, который ничего не несетъ, кромѣ подобія птицы съ маленькимъ зеркальцемъ въ серебряной рамкѣ, помѣщеннымъ на ея спинѣ, между двумя полураспущенными крыльями. Эготъ вожакъ, смѣливый, живой и проворный, весело идетъ впереди каравана, которому онъ указываетъ дорогу.

За ними идутъ тяжело нагруженные верблюды, звѣня своими погремущками. Босоногіе погонщики перебѣгаютъ отъ одного верблюда къ другому и бьютъ ихъ своими длинными палками. Эти караваны имѣющіе такой скромный видъ, нагружены богатствами Ливана. Они поддерживаютъ ежедневныя сношенія между морскимъ берегомъ и горою, Персіею и Сиріею, Дамаскомъ и Бейрутомъ, новою Бекаа и древнимъ Сидономъ; имъ всѣ жители ливанскихъ горъ обязаны благодѣяніями взаимной мѣны, составляющей основаніе торговли. Самыя лучшія пристани Леванта паходятся у подошвы Ливана. На самой горѣ нѣтъ никакого города; есть только замки и большія деревни. Она не имѣетъ также ни одной крѣпости, построенной рукою человѣка, не обладаетъ крѣпкими позиціями, которыя привычное и храброе войско могло бы долго защищать.

Послѣ этого бѣлаго взгляда на Ливанъ, перейдемъ къ населеніямъ его, которыхъ старинныя ссоры, заснувшія на нѣкоторое время и вдругъ пробужденныя, такъ недавно привели Европу въ справедливое и горькое негодованіе.

II.

Друзы.

Друзы, которые приобрѣли теперь такую печальную извѣстность своею жестокостію, суть самые древніе и самые многочисленные обитатели Ливана. Ученые долго спорили на счетъ ихъ происхожденія и кончили, какъ это случается почти всегда, тѣмъ, что теперь еще менѣе согласны между собою, чѣмъ прежде. Минадон и де Ту видятъ въ Друзахъ Французовъ. По ихъ словамъ, эти убійцы Маронитовъ—не что иное, какъ потомки крестоносцевъ, сопровождавшихъ Годфрида Буилонскаго въ его походѣ для завоеванія Іерусалима. Они поселились на завоеванной почвѣ, и потомъ, когда мусульмане вновь овладѣли святою землею, удалились въ Ливанъ. Тамъ, въ по-

красныхъ въ міръ. Не обладая величіемъ Мемфиса, или стоворо-
тыхъ Фивъ, не имѣя ни важнаго значенія, ни обширнаго про-
странства Пальмиры, Баальбекъ отличается тѣмъ, что замѣча-
тельно хорошо сохранился и принадлежитъ къ любопытной эпо-
хѣ искусства.

Эти руины давятъ васъ своею массою. Въ первый моментъ
созерцанія ихъ, васъ охватываетъ какое-то безмолвное оцѣне-
ніе: руки Циклоповъ никогда не подымали такихъ страшныхъ
глыбъ. Отъ древняго города, знаменитаго со временъ Соломо-
на, остались только обломки двухъ храмовъ и одного дворца
принадлежащаго, впрочемъ, къ позднѣйшей эпохѣ. Однакоже
этого довольно для того, чтобы составить высокое мнѣніе
блескъ и могущество древнихъ цивилизацій. Большой изъ этихъ
храмовъ былъ посвященъ богамъ Гелиополиса, которые не имѣ-
ли особыхъ названій. Эти безыменные боги не защищали сво-
ихъ алтарей. Храмъ ихъ обрушился. Отъ него осталось толь-
ко нѣсколько рядовъ одинокихъ колоннъ, которыхъ ничто не свя-
зываетъ между собою и которыя не примыкаютъ ни къ чему,
но уже одинъ видъ ихъ имѣетъ что-то внушающее, удивляя с
перваго раза и рождая въ душѣ думы о какомъ-то необыкновен-
номъ величіи. Жрецы были почтены не хуже боговъ ихъ,
дворецъ стоялъ храма. Ни землетрясенія, ни Арабы, ни Турки-
великіе разрушители всего прекраснаго — не могли ниспровер-
гнуть этихъ крѣпкихъ стѣнъ. Онѣ могутъ существовать до
скончанія міра. Эти стѣны остались невредимыми. Иногда бо-
шіе куски отпадали отъ нихъ; колонны упали цѣлкомъ,
но и онѣ не разбились, не разсыпались отъ паденія: можно измѣ-
рить ихъ длину теперь, когда онѣ лежатъ на землѣ. Цѣлыя
архитравы, переброшенные съ одной капители на другую, по-
казываютъ все могущество рычага той древней руки, которой
нужна была только точка опоры, чтобы поверотить міръ.

Земля вокругъ храмовъ покрыта ихъ большими обломками.
Это мѣсто похоже на разрытую каменоломню, которой гиган-
скія глыбы имѣютъ форму капителей, плинтусовъ и карнизовъ.
Во всякомъ другомъ мѣстѣ эти руины показались бы чу-
вищными. Но на краю этой обширной равнины, между
двумя горами, которыя ихъ окружаютъ, онѣ кажутся умѣ-
ренными до надлежащихъ размѣровъ и повидимому сущест-
вующими, какъ аксессуаръ огромной декорации.

Ливанъ не имѣетъ дорогъ, въ европейскомъ смыслѣ
слова, т. е. путей сообщенія, содержимыхъ государствомъ
общинами, широкихъ, выровненныхъ, удобныхъ, по которымъ
можно ѣздить въ экипажахъ. Во всемъ Ливанѣ существуютъ
только тропинки, которыя обходятъ препятствія, бороздятъ
ими живописными зигзагами подъѣмы на горы и такъ узки,

нѣкоторые мѣстахъ, что два верблюда едва могутъ идти. Однакоже по этимъ дорогамъ нѣкогда были провозимы изъ произведенія Азіи, которыя цитали торговлю Тира и Сидона; даже теперь по нимъ безпрестанно проходятъ караваны изъ Алеппо и Дамаска. Часто путешественникъ встрѣчаетъ тамъ чернаго осла или лошака, украшеннаго кистями и лентами, который ничего не несетъ, кромѣ подобія птицы съ маленькимъ зеркальцемъ въ серебряной рамкѣ, помѣщеннымъ на ея спинѣ, между двумя полураспущенными крыльями. Эготъ вожакъ, смѣтливый, живой и проворный, весело идетъ впереди каравана, которому онъ указываетъ дорогу.

Занимъ идутъ тяжело нагруженные верблуды, звѣня своими погремущками. Босоногіе погонщики перебѣгаютъ отъ одного верблуда къ другому и бьютъ ихъ своими длинными палками. Эти караваны имѣющіе такой скромный видъ, нагружены богатствами Ливана. Они поддерживаютъ ежедневныя сношенія между морскимъ берегомъ и горою, Персією и Сирією, Дамаскомъ и Бейрутомъ, новою Бекаа и древнимъ Сидономъ; имъ всѣ жители ливанскихъ горъ обязаны благодѣяніями взаимной мѣны, составляющей основаніе торговли. Самыя лучшія пристани Леванта находятся у подошвы Ливана. На самой горѣ нѣтъ никакого города; есть только замки и большія деревни. Она не имѣетъ также ни одной крѣпости, построенной рукою человека, не обладаетъ крѣпкими позиціями, которыя привычное и храброе войско могло бы долго защищать.

Послѣ этого бѣлаго взгляда на Ливанъ, перейдемъ къ населеніямъ его, которыхъ старинныя ссоры, заснувшія на нѣкоторое время и вдругъ пробужденныя, такъ недавно привели Европу въ справедливое и горькое негодованіе.

II.

Друзы.

Друзы, которые приобрѣли теперь такую печальную извѣстность своею жестокостію, суть самые древніе и самые многочисленные обитатели Ливана. Ученые долго спорили на счетъ ихъ происхожденія и кончили, какъ это случается почти всегда, тѣмъ, что теперь еще менѣе согласны между собою, чѣмъ прежде. Минадонъ и де Ту видятъ въ Друзахъ Французовъ. По ихъ словамъ, эти убійцы Маронитовъ—не что иное, какъ потомки крестоносцевъ, сопровождавшихъ Годфрида Буиллонскаго въ его походъ для завоеванія Іерусалима. Они поселились на завоеванной почвѣ, и потомъ, когда мусульмане вновь овладѣли святою землею, удалились въ Ливанъ. Тамъ, въ по-

слѣдствіи, времени они отреклись отъ вѣры своихъ отцовъ и приняли странную религію, о которой мы сейчасъ будемъ говорить, и которой они съ тѣхъ поръ всегда оставались вѣрными. Имя Друзовъ происходитъ отъ Дгеухъ, потому что французы, удалившіеся въ Ливанъ, находились подъ знаменемъ одного изъ главныхъ вождей крестоносцевъ—графа де Дрѣ (de Dreuх).

Эта нѣсколько мечтательная генеалогія сильно опровергается исторіею. Извѣстно, что христіане, прибывши въ Сирію, нашли въ Ливанѣ народъ, который носилъ названіе *Дурси* и отъ котораго, повидимому, происходятъ нынѣшніе Друзы.

Сами Дурси были потомками Хивитовъ, одного изъ немногихъ племенъ, которыя израильтяне пощадили во всеобщемъ истребленіи народовъ, населявшихъ Палестину. Богъ повелѣлъ сохранить Хивитовъ, чтобы употреблять ихъ, какъ орудіе, для наказанія Евреевъ въ ихъ слишкомъ частыхъ отпаденіяхъ въ идолопоклонство. «Они останутся, говоритъ священная книга, какъ тернъ въ боку Израиля». Сыновья, какъ видно, не утратили свойствъ отцовъ своихъ и нынѣшніе Друзы такой же страшный тернъ въ боку Маронитовъ.

Свѣтскіе историки упоминаютъ о предкахъ Друзовъ подъ именемъ *Итуреевъ*, представляя ихъ коренными жителями сирійскихъ горъ. Асмонейскій царь Аристовулъ, покоривъ населенную ими землю, заставилъ этихъ свирѣпыхъ непріятелей подвергнуться обрѣзанію и принять большую часть еврейскихъ богослуженныхъ обрядовъ. Сила могла принудить ихъ къ этому на нѣкоторое время, но они постоянно ожидали благопріятнаго случая къ бунту. Смуты, послѣдовавшіе за смертію Александра, дали имъ этотъ случай; они возстали на свою независимость и въ продолженіи многихъ вѣковъ вели разбойническую жизнь въ своихъ горахъ.

Римляне, желая мира во всѣхъ частяхъ своей имперіи, устроили ихъ разбои, но не отняли ихъ территоріи.

Пользуясь смутами, которыя скоро растерзали эту необъятную имперію, Итуреи еще увеличили свою территорію: окружность ея скоро охватила почти весь Ливанъ, замки, города и даже нѣкоторые порты Средиземнаго моря.

Когда крестоносцы высадились въ Сирію, потомки Итуреевъ были уже въ такомъ сильномъ положеніи; они тогда назывались Дурзами: мы передѣляли это слово на Друзовъ. Друзы говорили очень чистымъ арабскимъ языкомъ и имѣли свою особенную религію, столь же далекую отъ Корана, сколько отъ Евангелія. Въ продолженіи эпохи героическихъ войнъ, которыя исторія обезсмертила подъ именемъ крестовыхъ походовъ, Друзы храбро защищались противъ Европы, Африки,

Азіи, и до первыхъ лѣтъ шестнадцатаго вѣка (1517) не знали никакого ига. Племена завоевателей двигались у нихъ подъ ногами, не достигая до нихъ: жители юга и сѣвера, востока и запада,—все издали смотрѣли на рубцы ихъ скалъ, не осмѣливаясь сдѣлать нападеніе на ихъ свободу. Османлисы завоевали остальную Сирію, но не покорили ихъ; Магометъ II переплылъ Босфоръ, оставивъ ихъ за собою свободными.

Но въ эпоху, о которой мы сейчасъ упомянули, послѣдній членъ великой друзской фамиліи, которая царствовала въ продолженіи около семи вѣковъ надъ своимъ племенемъ, былъ доведенъ до того, что у него осталась только тѣнь власти: Турки почти господствовали у него. Измѣна сдѣлала то, чего не могла сдѣлать храбрость. Одинъ Турокъ, виновный въ убійствѣ, бѣжалъ къ Друзамъ. Въ тѣ времена Турки желали и умѣли наказывать преступниковъ. Пашѣ было позволено схватить того, кого Друзы, на своемъ энергическомъ языкѣ, называли *человѣкомъ съ красными руками*. Но разъ увидавъ себя на этой территоріи, такъ долго желанной и постоянно для нихъ недоступной, Турки произвели тамъ опустошенія и смерть, убили начальниковъ, взяли женщинъ, похитили дѣтей и наложили дань на страну.

Можно сказать, что съ этой минуты въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій исторія ихъ есть не что иное, какъ длинный рассказъ о битвахъ. Ливанъ перестаетъ быть бѣлою горою; его утесы сдѣлались красными отъ крови. Наконецъ, полтора вѣка назадъ, побѣда при Саидѣ упрочила за ними обладаніе Кезруаномъ и деревнями Бейрута отъ Антуры до Джеззипа. Они вновь приняли наступательное положеніе: угрожали Оттоманамъ и грабили поочередно Алеппо и Дамаскъ. Между тѣмъ Магометъ-паша, возстановивъ противъ нихъ два племени—Кеисовъ и Йеминисовъ, которые тоже жили въ Ливанѣ, возобновилъ войну. На землѣ Друзовъ, въ одинъ день произошли четыре сраженія: при Дмяорѣ, Аббеи, Аджинетѣ и Аинъ-Даръ. Друзы вездѣ остались побѣдителями и раздѣлили между собою территорію, которая простирается отъ Триполи до Саида.

Съ этой минуты Турки отказались отъ своихъ воинственныхъ попытокъ, которыя были для нихъ такъ губительны; они перестали сражаться и начали вести переговоры. Въ-время вспомнивъ правило Тиберія: *Divide ut imperes*, они посѣяли раздоръ между важнѣйшими фамиліями. Друзы стали получать отъ Турокъ почетные кафтаны и главнѣйшіе изъ нихъ согласились сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ оттоманскихъ намістниковъ. Такимъ образомъ Друзы покорились верховной власти Турокъ, впрочемъ не признавая ея. Они увидѣли себя въ узакъ вассальной подчиненности, изъ которыхъ не могли освободиться, и которыми

ихъ омутивали все крѣпче и крѣпче. Слабые при сильныхъ султанахъ, они вновь сдѣлались сильными при султанахъ слабыхъ, и когда для османской расы наступилъ часъ одрахлація, наконецъ свергнули своего и стали призывать за пашею только номинальную власть.

Расходясь съ Турами во множествѣ пунктовъ, они согласны съ ними только въ одномъ: въ общей ненависти къ христiанскому имени.

Для объясненія этой ненависти необходимо изложить въ несколькихъ словахъ религію друзовъ, едва ли извѣстную въ Европѣ.

Трудно проникнуть въ догматы этой религіи, потому что Друзы окружаютъ ее величайшею тайной, съ чрезвычайнымъ стараніемъ охраняютъ свои священныя книги, и при первомъ подозрѣніи, что какой нибудь иностранецъ хочетъ ихъ прочесть, переносятъ ихъ въ глубину лѣсовъ или прячутъ въ землѣ.

Однакоже извѣстно, что религія Друзовъ есть смѣсь доктринъ Зороастра, индiйскаго ученія о переселеніи душъ и догматовъ магометанскихъ, іудейскихъ и христiанскихъ, странно перепутанныхъ между собою. Одно изъ самыхъ важныхъ лицъ духовнаго сословія называется *шейхъ-иль-Нуми* или начальникъ звѣздъ. Одежда его состоитъ изъ чернаго халата съ широкими рукавами, вышитаго серебряными звѣздами. Онъ приглашается на всѣ церемоніи, ни одна экспедиція не предпринимается безъ его согласія; ни одинъ бракъ не заключается прежде, чѣмъ онъ составитъ гороскопъ молодыхъ супруговъ; потому что онъ читаетъ будущее въ золотой азбукѣ звѣздъ, какъ мы читаемъ прошедшее въ книгахъ.

Храмы ихъ, называемые *халу*, воздвигаются обыкновенно въ некоторомъ разстояніи отъ деревень, иногда на полѣ въ тѣхъ группы пальмовыхъ деревьевъ, еще чаще въ горахъ среди утесовъ, увѣнчанныхъ большими лѣсами. Они выбираютъ преимущественно дикую мѣстность, видъ которой, по ихъ мнѣнію, не жетъ лучше приготовить умъ къ мрачнымъ и полуварварскимъ обрядамъ, сохранившимся до настоящаго времени въ ихъ порченномъ язычествѣ. Архитектура халу проста, какъ вообще новѣйшая архитектура востока, и внутренность не имѣетъ другихъ украшеній, кромѣ фигуръ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, птицъ, плохо нарисованныхъ ультрамариномъ и карминомъ, а стѣнъ, выбѣленной известью. Окна узки, малы и протѣлаиваются возлѣ крыши; подъ этими окнами въ видѣ воинственнаго украшенія вѣшаютъ знамена разныхъ племенъ, съ ихъ эмблемами. Очень часто ручей протекаетъ въ храмъ чрезъ одну изъ оконечностей и выходитъ въ другую, наполняя священное мѣсто прохладою и журчащимъ. Черный камень служитъ алтаремъ.

и на этомъ алтарѣ Друзы очень часто закалываютъ овецъ, голову которыхъ они предварительно посыпаютъ щепоткою пепла, земли и соли.

Какъ большая часть древнихъ религій, религія Друзовъ заключается въ себѣ два ученія. Во первыхъ ученіе публичное. Оно ограничивается очень немногими и однакоже масса народа знаетъ только его; всѣ, которымъ не дано знать больше, называются *джасель*, т. е. не знающій. Во вторыхъ ученіе тайное, сообщаемое только мудрецамъ, называющимся *акалами*. Акалы подразделяются на *руффиковъ*, или товарищей, и *деевъ*, или учителей. Тѣ и другіе носятъ на груди изображеніе тельца, вырѣзаннаго на черномъ камнѣ, родъ языческаго талисмана, который они называютъ *хорсз*.

Символъ вѣры Друзовъ, — древняго и тайнаго ученія, этой странной смѣси истинъ и заблужденій, намъ кажется будетъ любопытною новостью и мы представимъ его здѣсь по свидѣніямъ, собраннымъ въ самомъ Ливанѣ.

Богъ, великій и единый, создалъ міръ изъ ничего. Его первымъ твореніемъ были духи; онъ создалъ свободный духъ, и отъ духа родилось слово. Потомъ духъ сдѣлалъ грѣхъ, и тогда Эблисъ (дьяволъ) родился отъ духа и грѣха. Слово создало небо и землю. Послѣ бунта противъ Бога, дьяволъ, сынъ грѣха, былъ низвергнутъ съ неба и тяжестью своего паденія сдѣлалъ въ утробѣ земли пропасть ада. По сотвореніи міра самъ Богъ назвалъ его міромъ духовъ; всѣ души рода человѣческаго были созданы въ началѣ, и притомъ созданы безсмертными. Число ихъ не можетъ быть уменьшено или умножено; оно останется тѣмъ же самымъ вѣчно. Восходя и нисходя, онѣ входятъ въ тѣла, тѣлныя хранилища душъ, которыя не могутъ погибнуть.

Человѣкъ былъ вѣнцомъ созданія и послѣднимъ дѣломъ Божиимъ. Создавъ его, Богъ почилъ и не создавалъ уже болѣе ничего; но онъ приказалъ звѣздѣ, глазу неба, слѣдить за нимъ ласковымъ взглядомъ и бодрствовать надъ его судьбою. Много разъ Богъ открывалъ себя людямъ, говоря имъ: «Развѣ я не Богъ вашъ?» и люди увѣровали въ единство Всевышняго, и уже не имѣли болѣе извиненія, когда согрѣшали; но Богъ, для исправленія грѣха, создалъ покаяніе и наказаніе. Тѣ, которымъ Богъ помогалъ особенно, были названы священниками и пророками. Богъ показалъ имъ путь истины, дабы они могли вести къ нему другихъ. Но также какъ есть пророки истинные, существуютъ и ложные пророки. Истинные пророки являлись въ извѣстныя эпохи, обозначенныя заранѣе.

Первымъ изъ нихъ былъ Ной. Онъ родился послѣ тысячи лѣтъ, въ продолженіи которыхъ господствовалъ законъ Адама,

и нашелъ въ *Vatè*, священной книгѣ, различіе между добромъ и зломъ. Когда потопись собралъ людей вѣстѣ, то Моисей получилъ возможность предписать имъ свою вѣру и поклоненіе единому Богу.

Вторымъ изъ пророковъ былъ Авраамъ, родоначальникъ Арабовъ, а потомъ Іудеевъ.

Третьимъ—Моисей, за которымъ слѣдовали Исаія, Іезекія, Наапаниль и Даніиль.

Между учителями должно упомянуть Пифагора, который слышалъ гармоническое движеніе чиселъ въ пространствѣ,—Платона и Аристотеля.

За ними слѣдуетъ Иса, сынъ Іосифа и Маріи (Иисусъ Христосъ) въ сопровожденіи своихъ четырехъ апостоловъ: Іоанна, Матвея, Марка и Луки. Онъ утвердился, какъ Господь и Мессія.

Позднѣе появился Могаммедъ въ одной рукѣ съ саблею, а въ другой съ книгою Ислама, листы которой, собранные имъ, были написаны ангелами.

Какъ Иса, Могаммедъ дѣлалъ добро, онъ видѣлъ истину, возлюбилъ ее и заставилъ любить.

Но послѣднимъ и самымъ полнымъ откровеніемъ Божіимъ былъ Хакемъ, самъ Богъ, нынѣ властитель Друзовъ, а завтра неограниченный владыка вселенной.

Чтобы вѣрнѣе достигнуть этого господства, Хакемъ советуетъ истреблять всѣхъ, кто вѣруетъ въ Иисуса. Христіане въ настоящее время суть самые страшные враги его сектаторовъ.

Этотъ Хакемъ, который играетъ такую важную роль въ религіи Друзовъ, былъ мистическимъ реформаторомъ, который, притворяясь вдохновеннымъ, утвердилъ самъ свою божественность и вѣря ей, повидимому, самъ, убѣдилъ въ ней и другихъ. Хакемъ также, какъ индусскій Брами, перебывалъ во многихъ мѣстахъ на землѣ. Главнѣйшими его станціями были Персія, Тунисъ и Каиръ. Хакемъ—это его земное имя. На небѣ онъ называется Альбаръ. Масса Друзовъ не допускаетъ, какъ вѣруютъ акалы, райа и ада; они считаютъ это вѣрованіе главнымъ заблужденіемъ христіанъ, которыхъ они называютъ идолопоклонниками. Когда джагель желаетъ посвятиться въ акалы, то его подвергаютъ строгому испытанію, дѣлаютъ ему вопросы по всѣмъ пунктамъ ученія, подробно освѣдомляются объ его жизни; спрашиваютъ мнѣнія начальника звѣздъ. Этотъ послѣдній советуется съ авгурами, бросая небольшой кусокъ металла на татарскій барабанъ, изъ кожи дикаго осла, покрытый кабалистическими знаками, эмблематическими фигурами и изображеніями созвѣздій. Смотри по тому, на какомъ знакѣ остановится металлъ, отвѣтъ считается благоприятнымъ, или неблагоприятнымъ. Если

жребій говорить въ пользу кандидата, то закалываютъ черную овцу, жрецъ обмакиваетъ его палецъ въ горячей крови ея, и съ этой минуты бывший джигель дѣлается членомъ секты акаловъ.

Остальное населеніе, т. е. тѣ, которыхъ акалы такъ презрительно называютъ незнающими, собственно говоря, не имѣютъ никакой положительной религіи. Ихъ вѣрованіе, различное въ каждой деревнѣ, а иногда и въ каждой фамиліи, есть ничто иное, какъ амальгама различныхъ религіозныхъ системъ, существовавшихъ въ мірѣ въ разныя эпохи, которыя они принимаютъ безъ критики, или отвергаютъ безъ основанія. Хуже всего то, что этому жалкому отсутствію догмы соответствуетъ еще болѣе жалкое отсутствіе нравственныхъ правилъ, письменныхъ или изустныхъ.

Каждый слѣдуетъ внушеніямъ собственной совѣсти и удерживается только страхомъ немедленнаго наказанія, которому можетъ подвергнуться, нападая на сильнѣйшаго себя. Но когда Друзы убѣждены, что могутъ рассчитывать на безнаказанность, то ничто не останавливаетъ ихъ въ удовлетвореніи преступныхъ желаній, особенно когда они имѣютъ предъ собою христіанъ, которыхъ они всегда считаютъ своими естественными врагами, своею, такъ сказать, законною добычей.

Друзамъ нельзя отказать въ большой храбрости, и особенно въ высочайшемъ презрѣніи къ смерти. Они любятъ оружіе, войну и лошадей, на которыхъ они ѣздятъ съ неустрашимой смѣлостью и дикою удалю Арабовъ: какъ Арабы, они съ какою-то страстію привязаны къ блестящимъ играмъ дротика, этому первоначальному и нѣсколько варварскому карруселю.

Друзы занимаютъ преимущественно югъ Ливана и западные склоны Анти-Ливана. Они имѣютъ мало изолированныхъ жилищъ и соединяются преимущественно въ большихъ деревняхъ, которыхъ дома, не стѣсняемые никакою планировкой, сами собою располагаются живописными группами. Домъ шейха нѣсколько больше другихъ и построенъ изъ болѣе крѣпкаго камня. Онъ обыкновенно бываетъ четырехугольный, безъ всякаго украшенія, которое могло бы напомнить хоть какую нибудь архитектурную претензію; окна и двери обличаютъ работу, находящуюся еще въ грубомъ состояніи; но по крайней мѣрѣ тамъ ничего не жалѣютъ для прочности постройки.

Домъ обыкновенно строятъ на искусственномъ холмѣ, который возвышается его восемь или десять футовъ, и онъ можетъ выдержать первый приступъ небольшого отряда. Крыша, въ видѣ террасы, дѣлается изъ еловыхъ стволовъ, безъ сучьевъ, но необтесанныхъ, на которые бросаютъ древесныя вѣтви, пучки сѣна, высушенную траву; все это покрывается слоемъ ука-

тапной земли, обмазанной известковым растворомъ. Часто по краямъ крыши ставятъ двойной рядъ лавровыхъ розъ и гранатъ въ цвѣту. Съ нѣкотораго отдаленія домъ имѣетъ видъ большаго букета.

Друзскія деревни большею частію расположены въ горахъ, на очень сильныхъ позиціяхъ и притомъ такъ, что защита ихъ всегда удобна, а нападеніе на нихъ часто опасно.

Друзы, которые могутъ выставить армію отъ 50 до 60 тысячъ человѣкъ, суть самые храбрые и самые буйные изъ вассаловъ Порты. Они никогда не упускаютъ случая прибѣгать къ оружію, драться, и убивать. Какъ большая часть арабскихъ племенъ, они долгое время имѣли двѣ партіи въ своей націи: бѣлыхъ и красныхъ. Потомъ это раздѣленіе мало по малу исчезло и они всѣ соединились подъ довольно неопредѣленною властью одного эмира, или, говоря ихъ языкомъ, хакема. Эти хакемы, имѣющіе только два атрибута верховной власти — право творить судъ и право призывать къ оружію, живутъ противъ Деиръ-эль-Камара, въ замкѣ Бетеддейпъ, который можно назвать одною изъ прекраснѣйшихъ резиденцій въ свѣтѣ. Онъ стоитъ на удивительномъ мѣстѣ. Горы отступаютъ, какъ будто для того, чтобы дать своей обширной окружности больше простора; вѣчно свѣжіе источники падаютъ каскадами со всѣхъ вершинъ, орошаютъ лужайки, усыпанныя цвѣтами, или же соединяются въ ситернахъ, образуемыхъ скалами; высокія деревья со всѣхъ сторонъ красуются своею великолѣпною растительностью. Архитектура дворца, довольно неправильная, заимствована изъ всѣхъ стилей и эпохъ, и однако же въ цѣломъ представляетъ какой-то невыразимый характеръ живописнаго величія, которое поражаетъ взглядъ. Въ особенности стоить посмотреть на дворы дворца въ день пріема у хакема. Это такая смѣсь разныхъ животныхъ, употребляемыхъ для ѣзды, разной сбруи и экипажей, какую Европеецъ съ трудомъ можетъ себѣ представить. Породистыя лошади друзскихъ шейховъ, покрытыя богатыми чапраками, какъ будто съ презрѣніемъ глядятъ на болѣе скромныхъ кобылъ армянскихъ банкировъ изъ Бейрута; мулы негодіантовъ Алеппо вытянулись вдоль стѣнъ возлѣ черныхъ ословъ, принадлежащихъ крестьянамъ; а вокругъ фонтана, обсаженнаго жасминами, которыхъ серебряный цвѣтъ весело выглядываетъ изъ темной листвы, лежатъ на брюхѣ, подогнувъ подъ себя ноги, сонливые верблюды и жууютъ, вытянувъ свою длинную шею.

Друзы не боятся труда и любить плоды его. Они вьютъ вино, допускаютъ разводъ, вступаютъ въ бракъ съ торжественными церемоніями, женясь, подобно древнимъ Евреямъ, на вдовѣ брата, чтобы она не оставалась безплодною; ведутъ своихъ женъ подъ покрывалами, зато увѣнчиваютъ ихъ драгоценно-

стями, какъ идоловъ. Главное украшеніе этихъ жепщинъ — *таксуръ*, нѣчто въ родѣ пирамидальнаго рога, который неза-
нужныя наклоняютъ палѣво, а замужнія — направо.

Нечувствительные къ усталости, не беспокоясь объ опасности, обладая замѣчательною силою мускуловъ и безстрашною храбростію, Друзы кромѣ того отличаются фанатическимъ повиновеніемъ своимъ вождямъ, которые однимъ знакомъ могутъ посылать ихъ на смерть тысячами. Это самые ужасные изъ восточныхъ фанатиковъ, потому что съ фанатизмомъ они соединяютъ мужество.

Теперь намъ остается рассмотреть христіанскія населенія Ливана, которыя суть естественные противники Друзовъ и слиш-
комъ часто бываютъ ихъ жертвами.

Ш.

Марониты.

Изъ всѣхъ жителей Ливана Марониты должны возбуждать наибольшую симпатію Европы. Нигдѣ европейскій путешественникъ не встрѣтитъ болѣе щедраго гостепріимства, болѣе ласковаго пріема. Французъ въ христіанскомъ Ливанѣ будетъ чувствовать себя какъ дома. Эти двѣ націи могутъ считать себя двумя сестрами, раздѣленными разстояніемъ и соединенными любовью.

Происхожденіе Маронитовъ не такъ сомнительно, какъ происхожденіе Друзовъ. Извѣстно, что въ пятомъ вѣкѣ нашей эры одинъ монахъ, по имени Іоаннъ Маро, носившій крестъ вмѣсто знамени, бѣжавъ со стадомъ вѣрныхъ отъ преслѣдованія, поселился въ Ливанѣ недалеко отъ кедровъ. Потревоженные на время въ своей вѣрѣ сектою моноелитовъ, которые, признавая во Христѣ двѣ природы Божескую и человѣческую, проповѣдывали однакоже, что онъ имѣлъ только одну волю, — они окончательно были устроены Іоанномъ, патріархомъ антиохійскимъ, который поселился съ ними на горѣ Ливанѣ. Этотъ малenkій, но храбрый народъ скоро принялъ неожиданныя размѣры и сдѣлался довольно сильнымъ для того, чтобы защищать противъ всѣхъ свою независимость и національность.

Тогда для Маронитовъ Ливана наступили два или три вѣка спокойствія и благоденствія, и они мирно жили рядомъ съ Друзами, своими сосѣдями. Но въ десятомъ вѣкѣ, когда калифъ Хакемъ далъ мыслямъ Друзовъ новое направленіе, когда онъ испортилъ ихъ этимъ чудовищнымъ обожаніемъ своей особы, которое сдѣлалось фундаментальнымъ догматомъ ихъ религіи, — между Друзами и Маронитами начали появляться глубокіе раз-

доры, которые, продолжаясь до сихъ поръ, отличались все болѣе и болѣе жесточенымъ.

Столицею Маронитовъ былъ тогда Бечарри, — городъ, расположенный возлѣ самыхъ кедровъ. Мусульманскіе калифы не разъ объявляли ихъ мятежниками; не разъ также Марониты оказывали полезную помощь византійскимъ императорамъ.

Крестовые походы прекратили на время кровавую борьбу Друзовъ съ Маронитами. Нужно ли говорить, что Марониты приняли крестоносцевъ съ энтузіазмомъ? Ливанскіе Марониты могли тогда выставить армію въ 60 т. человекъ, готовую перенести все, чтобы изгнать мусульманъ изъ Палестины. Въ тринадцатомъ вѣкѣ они послали къ святому Людовику, стоявшему тогда подъ стѣнами Сенъ-Жанъ д'Акра, вспомогательное войско изъ 25 т. человекъ, съ подарками всякаго рода. Король Франціи, припимая ихъ, написалъ къ эмиру Маронитовъ письмо, въ которомъ мы читаемъ слѣдующія достопамятныя слова:

«Мы убѣждены, что эта нація, есть часть націи французской, потому что ея дружба къ Французамъ похожа на ту, которую Французы имѣютъ между собою. Посему справедливо, чтобы вы и всѣ Марониты пользовались тѣмъ же покровительствомъ, которымъ Французы пользуются у васъ, и чтобы вы были допускаемы къ должностямъ наравнѣ съ ними. Мы приглашаемъ васъ, знаменитый эмиръ, ревностно трудиться для блага жителей Ливана... что касается до насъ и до всѣхъ тѣхъ, которые наследуютъ послѣ насъ тронъ Франціи, — мы обѣщаемъ оказывать вамъ и вашему народу такое же покровительство, какъ самимъ Французамъ, и постоянно дѣлать все, что будетъ необходимо для вашего благополучія».

Понятно, что по выходѣ крестоносцевъ, когда знамя ислама вновь стало развѣваться надъ оставленною Сиріей, для Маронитовъ, единственныхъ представителей христіанской вѣры въ этой части востока должны были опять настать плохія времена. Испытанія, которымъ они подвергались, были ужасны, хотя Франція никогда не оставляла протектората, который она на себя приняла въ ихъ пользу. Въ XVI вѣкѣ, вслѣдствіе капитуляцій Франциска I, это право протектората признано официально, и всякій разъ, когда насилие Друзовъ или вѣроломство Турокъ угрожало имъ слишкомъ серьезно, ^{серес.} вступалась за нихъ и ея помощь всегда была имъ нужна и жутка, въ

Людовикъ XIV ^{ос.} руда и любитъ преданіямъ монархіи. 28 апрѣля 1649 онъ послалъ въ сеп. вѣрменскомъ замкѣ ^{мо-}кровителственное письмо, пожалованное патріарху антиохійскому и націи Маронитовъ. «Мы беремъ, говорилъ онъ, и эту бумагою, подписанною нашею рукою, ставимъ подъ свое

покровительство и подъ особую нашу защиту, святѣйшаго патріарха, всѣхъ епископовъ, всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ христіанъ—Маронитовъ, которые живутъ въ горахъ Ливана. Мы желаемъ, что бы они чувствовали силу этого покровительства во всѣхъ случаяхъ и на этотъ конецъ повелѣваемъ нашему возлюбленному и вѣрному посланнику на востокъ и всѣмъ его будущимъ преемникамъ въ этой должности благопріятельствовать имъ всѣмъ и порознь своими попеченіями, услугами, настояніями и покровительствомъ, какъ въ портѣ нашего дорогаго и искренняго друга султана, такъ и вездѣ, гдѣ будетъ въ томъ надобность, такъ, чтобы имъ не было дѣлаемо никакихъ притѣсненій. Повелѣваемъ нашимъ консуламъ... и проч.»

Даже Людовикъ XV, къ сожалѣнію слишкомъ мало заботившійся о достоинствѣ своей короны и о чести своей земли, утвердилъ, въ 1737. г., эту покровительственную грамоту.

Когда генераль Бонапартъ, чрезъ шесть столѣтій послѣ Людовика святаго, прибылъ къ стѣнамъ Сенъ-Жанъ д'Акра, то къ нему, также какъ и къ благочестивому монарху, послана была депутація отъ Маронитовъ и онъ принялъ ее съ такою же благосклонностію. «Я удостовѣряюсь, сказалъ онъ, что Марониты суть Французы съ незапамятныхъ временъ».

Этотъ моральный протекторатъ Франціи относительно Маронитовъ былъ во всѣхъ случаяхъ признаваемъ портою. Турки, слишкомъ слабые для того, чтобы поддерживать миръ и правосудіе въ своемъ несчастномъ государствѣ, по крайней мѣрѣ, довольно часто имѣли здравый смыслъ—позволять другимъ дѣлать для нихъ то, чего они не могли сдѣлать сами. Часто въ бумагахъ ихъ канцелярій встрѣчались слѣдующія знаменательныя слова: «нація Маронито-Франкская, Марониты—Франки».

Итакъ это — маленькая Франція, которую путешественники могутъ находить въ тысячахъ миляхъ отъ французскихъ береговъ, въ излучинахъ азіатскихъ горъ. Войдя въ одну изъ этихъ скромныхъ церквей, Французъ съ умиленіемъ и гордостью видитъ родъ трона, назначеннаго для представителя Франціи, котораго всѣ эти люди, съ благородною душой и восторженнымъ сердцемъ, считаютъ представителемъ своего дѣйствительнаго государя.

Мы не думаемъ излагать здѣсь исторію ливанскихъ Маронитовъ. Она была бы длинна и анахронична. Мы могли только кратко указать на нѣкоторые изъ важныхъ событій ихъ жизни. Въ 1832 г. былъ театромъ важныхъ событій — Али, въ 1832 г. завоевавъ Сирію, велъ Др. обезоружить Маронитовъ и отягчилъ ихъ налогами; подать была наложена на каждое дерево; въ случаѣ срубки его, она взыскивалась по прежнему. Въ 1840 г. ихъ принудили внести подати за семь лѣтъ впередъ. Но ни-

когда и ни при какихъ случаяхъ Ливанъ не былъ въ такой степени, какъ въ недавнее время, предметомъ ненавистныхъ и кровавыхъ преслѣдованій; никогда грабительство не было произведено въ такихъ большихъ размѣрахъ; никогда не было такого убійства цѣлыми массами; никогда голосъ крови не вопіялъ громче къ небу.

Извѣстно, что папа Урбанъ VIII утвердилъ въ 1625 г. миссію въ Сиріи, которая съ этого времени была постоянно одною изъ самыхъ цвѣтущихъ въ католической пропагандѣ. Но можетъ быть менѣе извѣстно то, что два первые основателя этой миссіи были Франгузы: два ліонскихъ священника—Манильепъ (Manilien) и Стелла.

Теперь въ Сиріи есть миссіи: кармелитовъ, капуциновъ и лазаристовъ, — священниковъ, въ высшей степени достойныхъ, обладающихъ истинною ученостію и усердіемъ столь же дѣятельнымъ, сколько просвѣщеннымъ. Это самые лучшіе представители католическаго духовенства на востокѣ. Нѣтъ надобности говорить о сестрахъ милосердія въ Бейрутѣ и Дамаскѣ: имена ихъ теперь въ сердцахъ у всѣхъ; ихъ героизмъ, какъ всегда, не отступаетъ ни предъ какими опасностями и обязанностями.

Патріархъ Маронитовъ, который носитъ титулъ патріарха аптіохійскаго, имѣетъ своимъ помощникомъ архіепископа лаодикейскаго. При немъ всегда находятся два епископа и извѣстное число священниковъ. Жизнь его проста и онъ великъ только своими добрыми дѣлами. Подъ его юрисдикціею состоятъ 15 архіепископовъ и епископовъ; 1200 священниковъ, которые служатъ въ 356 церквахъ; 67 мужскихъ и 15 женскихъ монастырей; наконецъ пять школъ, которыя ежегодно посылаютъ нѣсколькихъ учениковъ въ Римъ на французскихъ пакетботахъ, которые всегда охотно перевозятъ ихъ бесплатно.

Католическое населеніе Ливана простирается почти до трехъ сотъ тысячъ душъ, живущихъ въ шести стахъ пятидесяти семи мѣстечкахъ и деревняхъ. Триста семьдесятъ изъ этихъ деревень составляютъ ихъ исключительную собственность; въ остальныхъ двухъ стахъ восьмидесяти семи они перемѣшаны съ Друзами, Ансирисами и Метуалисами.

Государственное устройство Маронитовъ представляетъ родъ военной республики: они имѣютъ своихъ эмировъ, какъ Друзы — своихъ хакемовъ. Ихъ жизнь проста, нравы — чисты; въ настоящее время нѣтъ ни одного народа, образъ жизни котораго болѣе приближался бы къ образу жизни патріарховъ. Войны—въ случаѣ нужды (Друзы могли бы почувствовать тяжесть ихъ руки, если бы дѣйствовали противъ нихъ не измѣною), они преимущественно занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ. У нихъ есть прекрасныя стада, о которыхъ они очень много

заботятся, превосходныя табачныя плантаціи, хлопчатникъ, масличныя деревья и виноградины лозы, которыя, не колеблясь, можно причислить къ самымъ прекраснымъ въ мірѣ. Ихъ хлѣбныя жатвы также очень обильны и богаты. Можетъ быть, болѣе всего они чувствуютъ недостатокъ въ грунтѣ: иногда одной бури, которая производитъ разливы потоковъ, достаточно для того, чтобы вдругъ сдвинуть съ крутаго склона ихъ горь длинныя полосы чернозема и обнажить твердый и безплодный утесъ.

Они умѣютъ устранять это неудобство, раздѣляя гору на рядъ терассъ, шириною въ двадцать футовъ каждая, поднимающихся этажами одна надъ другою. Дрепажъ овладѣваетъ водами, отводитъ ихъ и превращаетъ въ плодородіе то, что было причиною бѣдствія и разрушенія.

Трудно представить себѣ что нибудь прелестнѣе маронитской деревни, расположенной на половинѣ склона какого нибудь холма. Она раскидывается направо и налево и дѣлаетъ поворотъ назадъ, посредствомъ легкаго изгиба, со всѣмъ своимъ амфитеатромъ терассъ. Большія деревья, пальма и шелковичникъ въ цвѣту, фиги покрытыя плодами, обвивающіяся вокругъ нихъ виноградныя лозы, созрѣвшія грозды которыхъ висятъ яркими фестонами, — все это, подымаясь вмѣстѣ съ утесами и спускаясь къ пропастямъ, причудливостью своихъ формъ и разнообразіемъ оттѣнковъ даетъ всей горѣ какой-то неизъяснимый видъ театральной декораціи.

На востокъ есть колокола только у Маронитовъ; повсюду въ другихъ мѣстахъ Турки запрещаютъ ихъ; еще очень недавно обыкновенный колокольчикъ въ алепской церкви послужилъ сигналомъ къ убійству. Невозможно передать очарованія, овладѣвающаго душою, когда вечеромъ мимолетный вѣтеръ доноситъ до вашего слуха ихъ отдаленный звонъ. Колоколъ! при его звукахъ пробуждаются всѣ воспоминанія нашей жизни, и кажется, какъ будто бы тихій голосъ его, жалобно раздающійся въ вечернемъ воздухѣ, песется къ намъ издали отголоскомъ далекой родины.

Часто бываетъ, что деревня слишкомъ бѣдна для пріобрѣтенія колокола; тогда, для призванія вѣрныхъ къ службѣ, бьютъ въ мѣдную доску, повѣшенную на низкихъ вѣтвяхъ смоковницы или вяза.

Нѣкоторыя изъ этихъ церквей очень просты и даже бѣдны; все украшеніе ихъ состоитъ въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ на столѣ, который служитъ алтаремъ и едва прикрытъ льнянымъ покрываломъ. На одной изъ стѣнъ изображеніе св. Маро, основателя маронитской націи, нарисованное какъ будто *al fresco*, нарисотивъ образъ Св. Дѣвы, написанный въ византійскомъ

вкусѣ, по золотому полю. Нѣтъ ни стула, ни скамьи, ни на-
лая, — ничего, кромѣ обнаженныхъ четырехъ стѣпъ. Но набож-
ность Маронитовъ тѣмъ не менѣе пламенна. Нигдѣ вѣра не от-
личается большою силою, надежда — большою твердостью, бла-
готворительность — большимъ усердіемъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи скромный домикъ, на половину
скрытый деревьями масличнаго сада и болѣе опрятный, чѣмъ дру-
гіе, какъ будто манить васъ къ себѣ улыбкою сквозь свои цвѣ-
ты. Женщина, окруженная дѣтьми, бѣгающими отъ сада къ до-
му и отъ дома къ саду, ставитъ передъ дверью ужинъ. Это же-
на священника. Римско-католическая церковь не запрещаетъ
тамъ священникамъ вступать въ бракъ.

Не будучи первостепенными теологами и тонкими казуиста-
ми, маронитскіе священники достаточно свѣдуши. Ихъ вѣра
жива, благотворительность пламенна, они любятъ свое малень-
кое стадо и сами любимы имъ. Ихъ вліяніе на народъ огром-
но. Священникъ въ этой странѣ, гдѣ іерархія власти признает-
ся далеко не безусловно, есть главный и самый спасительный
авторитетъ въ деревнѣ. Не давая никогда повода къ *апелля-
ции*, онъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ дѣла духовныя
и мірскія. Эта теократія, которую признаетъ наивный въ своей
набожности народъ и къ которой онъ обращается въ случаѣ
нужды, достаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей стра-
ны. Предоставленные себѣ самимъ, защищенные противъ насилій
Друзовъ, и, можетъ быть, также противъ притѣсненій Турокъ,
Марониты, при ограниченности своихъ безстрастныхъ правовъ
и вѣры, представили бы міру послѣдній примѣръ правовъ золо-
таго вѣка.

Говоря о Друзахъ, мы упоминали о французскомъ происхо-
жденіи, которое приписывали имъ нѣкоторые историки. Прита-
заніе на такое происхождение съ большею законностью могло бы
быть объявлено по крайней мѣрѣ частью населенія Маронитовъ. Въ
самомъ дѣлѣ извѣстно, что послѣ великихъ бѣдствій, ознаменовав-
шихъ конецъ крестовыхъ походовъ, довольно многочисленный от-
рядъ французскихъ рыцарей ушелъ изъ Триполи и, преслѣдуемый
мусульманами, спасся въ ливанскихъ горахъ. Онъ былъ принятъ
Маронитами съ трогательною симпатіею. Тамъ эти рыцари же-
нились и такимъ образомъ присоединили французскій элементъ
къ крови туземной расы. Еще теперь пропитательный взглядъ
довольно часто встрѣчаетъ среди коренныхъ тамошнихъ жите-
лей цѣлыя фамиліи, представляющія типъ галло-латинскаго пле-
мени, въ его первоначальной чистотѣ. Черезъ нѣсколько дней
французскіе солдаты придутъ опять на помощь къ своимъ брать-
ямъ!

II.

ХРОНИКА ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СОБЫТІЙ.

Августъ 1860 г.

Опасности, угрожающія итальянскому перевороту.—Мнѣніе о нихъ журналовъ.—Переговоры о союзѣ Неаполя съ Пьемонтомъ.—Письмо Виктора-Эммануила и отвѣтъ Гарибальди.—Положеніе неаполитанскаго правительства.—Изгнаніе графа Аквилы.—Событія въ Сициліи.—Битва при Мелатто.—Высадка и первые успѣхи гарибальдійцевъ на материкѣ.—Теплицкое свиданіе.—Закрытіе англійскаго парламента.—Рѣчь графа Персиньи.

Переворотъ, совершающійся въ судьбѣ Италіи, слѣдуетъ предопредѣленному для него порядку, съ тѣмъ постоянствомъ и силою, какія свойственны великимъ историческимъ событіямъ. Достигнетъ ли онъ той цѣли, которую имѣетъ въ виду тотъ, въ комъ теперь сосредоточиваются всѣ надежды итальянцевъ, рѣшатъ послѣдствія; но уже никакія старанія отдѣльныхъ личностей не могутъ остановить ходъ революціи и воспрепятствовать ей занять свое мѣсто въ ряду другихъ великихъ переворотовъ, отъ которыхъ нѣкоторыя нашіи ведутъ лѣтосчисленіе своей новой политической жизни. Событія, начавшіяся въ 1859 году и послѣдовательно смѣняющіяся передъ нашими глазами, могутъ быть еще не послѣднимъ, а только вторымъ актомъ великой итальянской драмы; они могутъ быть не концемъ, а только продолженіемъ прежней борьбы народа за свою независимость и національность, такъ внезапно прерванной новарскимъ сраженіемъ и бомбардированіемъ Рима; за ними можетъ послѣдовать новая борьба, которая потребуетъ новыхъ усилій и жертвъ всякаго рода, новыхъ людей для довершенія начатаго нашими современниками: но переворотъ настоящій не останется безъ послѣдствій. Италія успѣла уже преодолѣть много препятствій,

стоявшихъ на пути ея перерожденія изъ страны, униженной до простаго географическаго названія, въ страну, которая будетъ имѣть право занять мѣсто среди великихъ державъ и силу удерживать его за собою. Австрійское вліяніе уничтожено на всемъ полуостровѣ, и въ рукахъ габсбургскаго дома остается только венеціанская область, обладаніе которою половина Германіи признаетъ бесполезнымъ для себя, тогда какъ недавно она порывалась принять участіе въ войнѣ противъ Франціи и Сардиніи. Преданные Австріи герцоги удалены, забыты Европой, а владѣнія ихъ увеличили собою Пьемонтъ. Католическій міръ равнодушно смотритъ на уничтоженіе свѣтской власти своего духовнаго главы. Вся Европа жадно слѣдитъ за успѣхами Гарибальди, завоеваніемъ Сициліи, ожидаетъ паденія Бурбоновъ въ Неаполѣ. Среди препятствій, съ которыми Италія должна была разсчитываться, обращаетъ на себя особенное вниманіе политика Франціи, враждебная устройству Италіи, какъ единой, цѣльной державы. Внезапный виллафранкскій миръ, противодѣйствіе присоединенію къ Пьемонту Тосканы и Эмиліи, поддержка, оказываемая папѣ войсками, болѣе десяти лѣтъ пребывающими въ Римѣ, трактаты о Савойи и Ниццѣ, дипломатическая дѣятельность въ Неаполѣ съ цѣлю помѣшать успѣхамъ Гарибальди, все это до сихъ поръ было признаками, доказывавшими, какъ Франція, вѣрная своимъ политическимъ преданіямъ, опасается полнаго возрожденія Италіи. И если до сихъ поръ Италія торжествовала надъ всѣми встрѣченными ею препятствіями, то этимъ она обязана сколько зрѣлости идеи своего единства, столько же и общественному мнѣнію Европы, которое въ устройствѣ сильной итальянской державы видитъ новое средство къ поддержанію европейскаго равновѣсія, противовѣсъ какъ Австріи, такъ и Франціи. Только вліянію общественнаго мнѣнія Италія обязана, что Наполеонъ ІІІ, думавшій руководить итальянскимъ движеніемъ, считавшій возможнымъ указать въ Виллафранкѣ предѣлъ, далѣе котораго оно не должно было идти, наконецъ вынужденъ былъ выразить желаніе, чтобы Италія обрѣла миръ, какъ бы то ни было, лишь бы безъ посторонняго вмѣшательства. На сколько есть искренности въ этомъ желаніи, покажетъ время; но если справедливо, что Европа можетъ быть спокойна, когда Франція довольна; то можно наконецъ надѣяться, что послѣ всѣхъ тревоженій, которыхъ французская политика была причиною, итальянскимъ событіямъ дана будетъ свобода въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи. Франція уже довольна пріобрѣтеніемъ Савойи и Ниццы; войскамъ ея даны занятія въ Алжирѣ, Китаѣ, Кохинхинѣ и Сиріи, а нація ждетъ съ нетерпѣніемъ эры внутреннихъ преобразованій, которыя, по сознанію самого императора, достаточны для удовлетворенія его честолюбія.

Итальянскіи событія требуютъ свобода еще и потому, что впереди предстоитъ борьба за венеціанскую область, которой Австрія не намѣрена, повидимому, уступить добровольно. Между кѣмъ произойдетъ эта борьба, въ настоящее время невозможно предугадать: станутъ ли на одной сторонѣ соединенныя силы Италіи съ Викторомъ-Эммануиломъ и Гарибальди во главѣ ихъ, а съ другой—войска австрійскаго императора, или же въ борябу выйдетъ Франція, а за нею и Германія, еще не можетъ быть теперь извѣстно. Но вопросъ объ этой борьбѣ возникнулъ теперь съ новою силою, и вотъ какъ разсуждаетъ о немъ *Constitutionnel*. Мы выбираемъ отзывъ этого журнала, потому что онъ служитъ неофициальнымъ органомъ французскаго правительства; но можно сказать, что всѣ публицисты согласны между собою въ неминувости столкновенія между Италіей и Австріей. Уже этого единодушнаго мнѣнія достаточно для доказательства, какъ мрачна перспектива будущихъ европейскихъ событій.

Статья французскаго журнала написана въ формѣ письма, адресованнаго туринскимъ корреспондентомъ къ редактору, и служитъ развитіемъ общей мысли, что Италія, вслѣдствіе предстоящей ей борьбы, должна окончательно освободиться или подпасть снова подъ вліяніе Австріи. «Италія вступаетъ теперь, пишетъ корреспондентъ, въ самый критическій и рѣшительный періодъ своего возрожденія. Она ставитъ на одну карту, и, какъ можно опасаться, довольно безсознательно, свою гибель или свое спасеніе. Ставъ на дорогу, на которую толкнула ее экспедиція Гарибальди, она будетъ черезъ два мѣсяца свободна и совершенно независима, или Австрія будетъ владычествовать снова, и на этотъ разъ отъ Мессины до Турина. Таково положеніе, изъ котораго предстоитъ сдѣлать выборъ. Я знаю итальянцевъ, и даже наиболѣе доверчивыхъ, которыхъ это положеніе замѣтно беспокоитъ. Я знаю и другихъ, которымъ оно внушаетъ надежды, и я не скрою, что со времени послѣднихъ важныхъ усѣховъ Гарибальди, послѣдніе стали многочисленнѣе.» Нельзя не согласиться съ авторомъ письма, что Италія ведетъ борьбу на жизнь или на смерть. Такой же характеръ имѣла и борьба Пьемонта съ Австріей. Безъ помощи Франціи, конечно, и Викторъ-Эммануилъ не устоялъ бы противъ своей могущественной соперницы. Послѣ того, какъ силы Пьемонта возрасли, вѣрооятность въ его пользу стала нѣсколько выйдти, а съ завоеваніемъ неаполитанскаго королевства она еще болѣе увеличится. Помня, что съ увеличеніемъ этихъ шансовъ, итальянцы, желающіе полной своей независимости и считающіе Гарибальди предводителемъ національнаго дѣла, пріобрѣтаютъ болѣе и болѣе надежды достигнуть когда нибудь своей цѣли. Если же цѣль эта велика, то необходимы страшныя усилія со стороны стре-

мящихся къ ней, необходима и смѣлость въ самомъ стремленіи. Дѣло, затѣянное въ Пьемонтѣ и продолжаемое сицилійскимъ диктаторомъ, таково, что остановиться на подорожѣ невозможно. Если бы пьемонтское правительство или самъ король Викторъ-Эммануилъ удовлетворились промѣномъ Савойи и Ниццы на Ломбардію, Тоскану и Эмилію, то они утратили бы всю свою популярность, и тогда Италіи пришлось бы бороться, противъ другихъ враговъ, также и съ своекорыстіемъ Пьемонта. Викторъ-Эммануилъ, какъ представитель правильно организованной державы, долженъ былъ бы остановиться послѣ виллафранческаго мира, и онъ остановился бы изъ опасенія разсориться съ своимъ союзникомъ или быть вынужденнымъ вступить въ новую борьбу съ Австріей, полагаясь на одиѣ собственные силы. Воля народа населенія средней Италіи увлекла его далѣе, и увлеченіе его вознаградилось присоединеніемъ владѣній герцоговъ и папы. Сицилійское возстаніе было случаемъ, которымъ сторонники итальянскаго единства должны были воспользоваться. Если политическое приличіе, а еще болѣе опасенія нажить себѣ явныхъ враговъ въ Италіи, воспрепятствовали Виктору-Эммануилу явно принять сторону сицилійскаго народа, то за него сталъ дѣйствовать Гарибальди. Не будь послѣдняго, нашелся бы другой, который принялъ бы на себя исполненіе національнаго дѣла. Повинуясь законамъ политическаго приличія и совѣтамъ, даваемымъ дипломатіею, Викторъ-Эммануилъ написалъ даже письмо къ Гарибальди, просивъ его ограничить свою дѣятельность одною Сициліею; но могли ли предполагать, чтобы король, воздерживая преданнѣйшаго изъ дѣтей Италіи, слѣдовалъ своему убѣжденію и внутренне не желалъ, чтобы Гарибальди не исполнилъ его просьбы? Неужели самъ онъ не понимаетъ, что Италія требуетъ своего полнаго освобожденія, и если требованіе ея не будетъ удовлетворено, то она сдѣлается жертвою анархіи? Пугать итальянцевъ опьяненіями борьбы съ Австріей, значить увлекать ее на такой путь, гдѣ ее ожидаетъ гибельная неурядица. Вотъ уже болѣе года, какъ побѣда приводитъ то ту, то другую часть Италіи къ гражданскому порядку. Неужели же побѣды Гарибальди будутъ имѣть иныя послѣдствія? Это могло бы произойти только въ такомъ случаѣ, когда бы Викторъ-Эммануилъ отрекся бы отъ коронѣ всей Италіи.

Корреспондентъ говоритъ далѣе, что сардинское правительство поставлено въ затруднительное положеніе увеличеніемъ вліянія палермскаго диктатора; не только власть послѣдняго перничиваетъ съ его собственнымъ вліяніемъ, но и сама программа Гарибальди, можетъ подвергнуться измѣненію вслѣдствіе тлетворнаго вліянія постоянного успѣха. «Такъ много примѣровъ подобныхъ политическихъ превращеній!» восклицаетъ корреспондентъ. Правда, онъ спѣшитъ снять съ Гарибальди

дѣйствіе въ нѣмѣнѣ національному дѣлу и утверждаетъ, что туринскій кабинетъ опасается дѣйствій людей, которыхъ «прошедшее болѣе, чѣмъ предосудительно, настоящее болѣе, чѣмъ сомнительно, а будущее обѣщаетъ болѣе, чѣмъ социализмъ» слово, онъ боится мадзинистовъ, которые будто бы готовы воспользоваться успѣхами Гарибальди. Безъ сомнѣнія, трудно имѣть въ настоящее время вѣрныя данныя о степени вліянія, какимъ пользуется Мадзини въ Италіи вообще и надъ самимъ Гарибальди въ особенности. Но достаточно вспомнить, какъ старались многіе запугать пьемонтское правительство происками мадзинистовъ, когда дѣло шло о присоединеніи Тосканы и Эмиліи. Не повторала ли Австрія на всѣ лады, что графъ Кавуръ принесетъ Мадзини на плечахъ своихъ въ Италію? Однакоже ни кровавые призраки, ни самъ Мадзини не испортили до сихъ поръ дѣла Италіи.

Даже Times, такъ рѣзко поддерживавшій мысль о единствѣ Италіи, съ боязнію смотритъ на предугадываемыя имъ событія. Италія безъ Рима, по словамъ его, немыслима, но тамъ стоитъ французскій гарнизонъ, а за нимъ 600 тысячъ войска; Италія безъ Венеціи походитъ на разбитую статую, но за ея стѣнами находится 500 тысячная австрійская армія. Поэтому англійскій журналъ не совѣтуетъ Италіи рисковать тѣмъ, чѣмъ она уже владѣетъ, и не довѣряться ни дружбѣ Франціи, ни долготерпѣнію Австріи. Какъ ни странно было бы предполагать, что Франція можетъ допустить, чтобъ Австрія властвовала отъ Мессины до Турина послѣ сольферинской побѣды; какъ ни трудно согласить подобную случайность съ официальными объявленіями, что австрійское вмѣшательство въ итальянскія дѣла болѣе невозможно, но также невозможно предсказывать будущее. Хотя многіе въ Европѣ считаютъ Гарибальди счастливымъ авантюристомъ, а Times, называя его итальянскимъ Вашингтономъ, признаетъ его гениальнымъ энтузіастомъ; однако едва ли можно допустить, что и самъ онъ смотритъ безъ страха на предстоящее ему завоеваніе «старой столицы для новаго королевства», какъ выражается Times, и на вторженіе въ Венецію. Приводимъ другую статью Times, въ которой выражается тоже опасеніе за будущность Италіи въ случаѣ войны ея съ Австріей: «Судьба Италіи теперь, и никто не осмѣлится сказать сколько времени еще, будетъ зависѣть отъ отвѣта, который можно было бы дать на простой вопросъ: въ чемъ состоятъ намѣренія Гарибальди и на какомъ рѣшеніи онъ остановится? Мы знаемъ, какъ онъ началъ; мы хотѣли бы знать, какъ думаетъ онъ кончить. Если бы мы могли отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ было бы не трудно предсказать будущность итальянскаго полуострова.

«Есть четыре силы, которых мѣнія имѣютъ болѣе или менѣе значенія въ рѣшеніи будущей судьбы Италіи. Франція, Австрія, Сардинія и революціонное движеніе, представитель котораго Гарибальди, всѣ имѣютъ право быть принятыми въ соображеніе, и всѣ, въ нѣкоторой степени, могутъ имѣть вліяніе на окончательный результатъ. Мысль объ итальянской конфедерации, съ папою во главѣ, занимавшая столь важное мѣсто въ виллафранкскомъ трактатѣ, повидимому, окончательно оставлена.

«Съ тѣхъ поръ, какъ одно государство вступило во владѣніе всѣмъ сѣверомъ Италіи и легатствами, съ тѣхъ поръ, какъ великія державы допустили отторженіе легатствъ изъ-подъ власти папы, и съ тѣхъ поръ, какъ стало очевидно, что непріязнь, существующая между псаполитанскимъ правительствомъ и народомъ, непримирима, уничтожилась всякая мысль о федерации, основанной на порядкѣ вещей, совершенно принадлежащемъ прошедшему. Италія достигла по крайней мѣрѣ того, что судьба одной изъ ея частей гораздо тѣснѣе, нежели прежде, связалась съ судьбою другихъ, и что вся страна, если и не добилась полного единства, повидимому, должна бороться или пасть вся вмѣстѣ. Итакъ, стало совершенно ясно, что въ Италіи нѣтъ довольно сильной державы, которая могла бы установить федеральную систему, и что если полуостровъ будетъ предоставленъ самому себѣ, то стремленіе его будетъ направлено къ устройству одного правительства. Какъ бы Австрія ни желала мира, какъ бы мало она ни была расположена, по крайней мѣрѣ теперь, вмѣшиваться во внутреннія дѣла непрінадлежащихъ ей частей Италіи, она доказала виллафранкскимъ миромъ, и еще яснѣе въ Цюрихѣ согласіемъ на измѣненіе этого трактата, что она формально отказалась отъ покровительства, въ началѣ обѣщаннаго государямъ Пармы, Модены и Тосканы.

«По крайней мѣрѣ въ ту эпоху казалось довольно яснымъ, что Австрія отказалась также отъ всякаго покушенія на вмѣшательство въ управленіе Италіей, виѣ предѣловъ венеціанской области, и что она готова съ дѣйствительнымъ или кажущимся равнодушіемъ смотрѣть на перевороты въ государствахъ, которыя перестали быть съ нею связанными. Съ другой стороны, Сардинія всегда могла быть въ выигрышѣ отъ политики присоединеній, лишь бы эти присоединенія не становились для Австріи законною причиною опасеній за будущее и не касались той части римскихъ владѣній, которую заняла Франція.

«Въ интересахъ Австріи и Пьемонта не представлялось ничего несогласимаго. Положеніе ихъ было ясно и опредѣлено съ точностью, и не было причины опасаться, чтобъ они захотѣли измѣнить его.

«Положеніе было гораздо запутаннѣе, вслѣдствіе непрямоты политики, которой слѣдовала Франція. Дѣйствительно, не легко оттадать истинныя побужденія, заставившія императора французовъ взяться за оружіе для освобожденія Италіи. Каковы бы ни были эти побужденія, мы не думаемъ, чтобы въ числѣ ихъ находилось измѣненіе равновѣсія европейскихъ державъ.

«При томъ порядкѣ вещей, какой существовалъ до послѣдней войны, Италія была не болѣе, какъ географическое названіе. У Австріи было довольно власти, чтобы воспрепятствовать итальянскимъ государямъ оказывать вліяніе на дѣла Европы, а эти государи были довольно независимы, чтобы не прибавлять матеріальныхъ средствъ къ силѣ австрійской имперіи. Но Италія, соединенная подъ однимъ главою, составляетъ государство съ значительнымъ вліяніемъ, и этотъ фактъ заслуживаетъ полнаго вниманія державъ Европы.

«У Виктора-Эммануила теперь двѣнадцать милліоновъ подданныхъ, а если владѣнія его увеличатся Неаполемъ, у него будетъ по крайней мѣрѣ тридцать милліоновъ. Естественно, Франція не желаетъ, чтобы возлѣ нея возникло подобное государство, но она также не хочетъ уничтожить свое собственное дѣло. Императоръ французовъ не желаетъ унижить папу, изъ уваженія къ мѣстнѣю и религіи его народа. Эти причины придаютъ его политикѣ по наружности, а часто и въ дѣйствительности, характеръ колебанія.

«Но безъ сомнѣнія мы не ошибемся, предположивъ, что пока не вѣстается какое нибудь другое государство, Франція удовольствуется тѣмъ, что позволить итальянцамъ самимъ разыграть драму освобожденія Италіи.

«Между тѣмъ, между Австріей и Пруссіей произошла конференція въ Теплицѣ, и онѣ рѣшили, что пока не будетъ произведено нападенія на Венецію, онѣ воздержатся отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Италіи; но если произойдетъ нападеніе на эту австрійскую провинцію, онѣ общими силами будутъ защищать ее.

«Въ чемъ же состоитъ предположеніе Гарибальди и революціи, имъ олицетворяемой? Изъ скромнаго положенія начальника партизановъ, пролагавшаго дорогу французамъ, онъ, своею храбростію и предприимчивостію, возвысился до положенія, въ которомъ онъ можетъ, по справедливости, быть причисленъ къ самымъ замѣчательнымъ людемъ страны, которую онъ такъ любитъ и которой такъ вѣрно служить. Онъ не связанъ никакими условіями, утвержденными трактатомъ, никакимъ династическимъ преданіемъ.

«Характеръ его положенія избавляетъ его отъ необходимости

повиноваться чему либо, кромѣ внушеній его собственнаго разсудка. Не имѣя никакой другой опоры, кромѣ своего имени, ума и мужества, онъ нашелъ средство возвыситься до положенія, которое, можетъ быть, отдастъ въ его руки будущую судьбу Италіи.

«Мы не знаемъ намѣреній Гарибальди, но если мы можемъ судить о нихъ по получаемымъ нами свѣдѣніямъ, то мы должны смотрѣть на нихъ скорѣе со страхомъ, чѣмъ съ надеждой. Говорятъ, что онъ считаетъ завоеваніе Сициліи только ступенью къ завосванію Неаполя, а соединенныя силы Сициліи и Неаполя средствомъ освобожденія наслѣдія святаго Петра, если не самого Рима, отъ власти папы. Овладевъ южною Италіею, онъ, какъ увѣряютъ, намѣренъ напасть на австрійскую имперію, вѣроятно посредствомъ революціоннаго движенія въ Венгріи, и вложить свой мечъ въ ножны только тогда, когда Италія, со включеніемъ венеціанской области, соединится подъ единымъ скипетромъ Виктора-Эммануила.

«Если въ этомъ планѣ есть смѣлость мысли, то въ немъ также много безумнаго увлеченія. Если Гарибальди ниспровергнетъ неаполитанское королевство, то освободитъ одну изъ прекраснѣйшихъ странъ земли отъ лицемѣрнаго правительства. Отнявъ наслѣдіе святаго Петра у папы, онъ избавитъ отъ теократіи народъ, одаренный многими благородными качествами.

«Если такимъ образомъ освобожденный народъ рѣшилъ бы свое присоединеніе къ числу подданныхъ Виктора-Эммануила, мы не сдѣлали бы никакого возраженія, и только сказали бы, что изъ этого возникнетъ государство, составленное изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, что для сохраненія своего единства оно должно будетъ подчиниться исполнительной власти.

«Гарибальди можетъ все это исполнить, по всей вѣроятности, не возбуждая вооруженнаго вмѣшательства Франціи или Австріи. Пусть остановится онъ на этомъ, и онъ можетъ справедливо надѣяться завѣщать потомству славное имя. Но если онъ пойдетъ далѣе, то ему придется бороться со средствами, дисциплиною и мужествомъ арміи, передъ которою его силы и опытность разсыются какъ дымъ.

«Борьба будетъ неравна. Если на одной сторонѣ будетъ Австрія съ Венеціей, а на другой Гарибальди съ остальною Италіею, успѣхъ увеличилъ бы лавры послѣдняго, но неудача была бы совершеннымъ пораженіемъ. Если только Гарибальди не будетъ въ состояніи взять приступомъ сильныя крѣпости, отъ которыхъ отступилъ императоръ французовъ во главѣ своихъ побѣдоносныхъ легіоновъ; то даже, при открытомъ и полномъ содѣйствіи шемонтскаго короля, онъ будетъ постепенно тѣснимъ, лишася

одного города за другимъ, одной провинціи за другою, до тѣхъ поръ, пока отъ великаго памятника итальянской независимости не останется ничего, кромѣ славы его постройки и стыда его разрушенія.»

Безъ сомнѣнія, послѣ столькихъ трудовъ, лишеній и пролитой крови, результатъ былъ бы печаленъ. Но если справедливо, что Италія, единая, какой желаютъ не только сами итальянцы, но и общественное мнѣніе Европы, а въ томъ числѣ особенно Англіи, была бы, безъ Рима и Венеціи, подобна статуѣ безъ головы и ногъ; то рано или поздно французы должны будутъ выступить изъ папской столицы, а австрійцы разрушить свои крѣпости, направленные противъ Италіи. Конечно, все это совершится не черезъ два мѣсяца, какъ говоритъ корреспондентъ *Constitutionnel*'а. Еще пройдетъ много времени, пока будетъ достигнутъ результатъ совершающагося теперь переворота. Можно быть, однако, вполне увѣреннымъ, что Гарибальди, обнаружившій такъ много здраваго смысла, не бросится, очертя голову, въ неравную борьбу, не взвѣсивъ средствъ своихъ. Можетъ остановиться Гарибальди передъ воротами Рима, защищаемыми французскими штыками, и передъ австрійскимъ четырехугольникомъ; но Италія, если ей суждено быть единою, должна вступить во владѣніе и наслѣдіемъ Петра и своею прекрасною Венеціей. Если Франція признала своею естественною границею Альпы со стороны Италіи, то почему не признаетъ ихъ современемъ Германія, которая сама уже начала стремиться къ созданію своего единства? Европа уже разъ узнала объ изгнаніи австрійцевъ изъ Ломбардіи и соболѣзновала объ оставленіи за ними венеціанской области. Почему же не будетъ она сочувствовать совершенному освобожденію Италіи? *Times* совершенно правъ, считая это дѣло крайне труднымъ, но это еще не причина бросить неконченнымъ начатое дѣло. Не справедливо ли было бы, еслибы дипломатія, и публицистика, вмѣсто того, чтобы мѣшать разрѣшенію такихъ важныхъ вопросовъ, каково единство Италіи, уничтоженіе свѣтской власти папы и турецкаго владычества надъ христіанами, употребили содѣйствіе къ ихъ окончанію. Относительно Венеціи есть средство не трудное, а главное, не требующее кровопролитія: добровольная уступка за деньги. При затруднительности финансоваго положенія Австріи, добиться благоприятнаго результата переговоровъ по этому предмету было бы возможно. Уже самое начало ихъ могло бы благотворно подѣйствовать на ходъ итальянской революціи и во всякомъ случаѣ ими было бы несравненно полезнѣе заняться, нежели включеніемъ Испаніи въ число первостепенныхъ державъ, о чемъ исписано не мало бумагъ.

Если принять во вниманіе уваженіе, которымъ газета *Times*

пользуется въ политическомъ мірѣ, то приведенная нами статья должна была произвести весьма непріятное впечатлѣніе на всѣхъ, кто оставался увѣреннымъ въ сочувствіи англійскаго народа къ Италіи. Многіе могли видѣть въ отзывѣ англійскаго журнала признакъ, будто Англія, такъ симпатически смотрѣвшая на дѣло освобожденія Италіи, готова отказать ей въ своемъ сочувствіи именно тогда, когда приближается минута рѣшенія ея участи. Тѣ, кому хотя нѣсколько знакомо направленіе общественнаго мнѣнія въ Англіи, конечно сохранять увѣренность въ томъ, что страна эта была одною изъ главныхъ защитницъ примѣненія принципа невмѣшательства къ рѣшенію итальянскаго вопроса. Конечно, было бы трудно ожидать, чтобъ Англія двинула свой флотъ на защиту единства Италіи, но послѣдняя не требуетъ, не проситъ и даже не ожидаетъ этой помощи. Она въ правѣ надѣяться только, чтобъ Англія, могущественная и уважаемая въ совѣтахъ Европы, не отступала сама отъ упомянутаго принципа и употребила свое содѣйствіе къ поддержанію его. Англія, не посылая ни одного человѣка на материкъ Европы и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла на морѣ, успѣла ослабить виллафранкскія и цюрихскія условія силою единодушія въ общественномъ мнѣніи, снаряженіемъ корпуса волонтеровъ и серьезнымъ обѣщаніемъ довести свой флотъ до того числа, какое необходимо для сопротивленія нѣсколькимъ соединеннымъ флотамъ. Таково было могущество этой демонстраціи, что Франція, которая могла бы постараться объ усиленіи своего вліянія на полуостровѣ, вынуждена была, устами своего правителя, объявить, что желаетъ полнаго согласія съ Англіей въ рѣшеніи итальянскихъ затрудненій.

Статья Times вызвала замѣчательное опроверженіе, изложенное въ письмѣ одного изъ корреспондентовъ газеты *Indépendance Belge*. Въ немъ такъ много правды, что мы приводимъ изъ него мѣста, въ которыхъ авторъ обсуживаетъ мрачные доводы англійскаго журнала. Корреспондентъ хочетъ видѣть въ статьѣ Times'a только дружеское предупрежденіе, но, даже въ этомъ значеніи ея, онъ считаетъ ее важною ошибкою и несправедливостью. «Она составляетъ ошибку, говоритъ онъ, потому что, въ великой борьбѣ Италіи съ Австріей, склоняетъ на сторону послѣдней всѣхъ робкихъ людей; она несправедлива, потому что въ своемъ сужденіи о будущихъ дѣйствіяхъ представляется итальянской независимости, она вовсе не принимаетъ въ соображеніе его качествъ, дѣйствительно его отличающихъ, и именно тѣхъ, которыя должны были бы успокоить Times. Человѣкъ, о которомъ онъ такъ дурно судитъ, вышелъ изъ низшихъ рядовъ общества: могуществомъ своего таланта онъ приобрѣлъ величайшую силу. Онъ держитъ въ рукахъ своихъ судьбу Италіи. Въ немъ воплощается цѣлый народъ.

Тотъ, кто могъ такъ возвыситься, не только великій военачальникъ, но и замѣчательный политикъ; это не только кондотьеръ, способный вести своихъ воиновъ на битву, но народный диктаторъ, одаренный всѣми нужными для этого званія способностями. Съ крайней отважностью онъ соединяетъ крайнее благоразуміе и, какъ всѣ великіе полководцы, которые въ тоже время и государственные люди, онъ ничего не оставляетъ на произволъ случая. Предпріятія, повидимому, самыя неблагоприятныя и безразсудныя глубоко обсуживаются и изучаются имъ; они кажутся невозможными только обыкновеннымъ людямъ, которые не умѣютъ открывать заключающихся въ нихъ вѣроятностей успѣха. Все взвѣшено, и нельзя сказать, чему нужно больше удивляться въ немъ: твердости въ исполненіи или силѣ мысли исполненныхъ плановъ.

Посмотрите на него съ того дня, какъ онъ высадился въ Марсаль, для того, чтобы съ горстью людей завоевать цѣлое королевство; сколько дѣлъ было совершено съ тѣхъ поръ съ быстротою неимоверною, но зато и съ терпѣливостью таланта, котораго никакое вліяніе, ни ошибки противниковъ, ни подстрекательство друзей не могли совратить съ пути его. Чего не говорили о храбрости и преданности неаполитанскаго войска, объ энергіи намѣстниковъ Франциска II въ Сициліи, объ увѣренности ихъ въ томъ, что они отбросятъ въ море этихъ ничтожныхъ морскихъ разбойниковъ, которые осмѣлились поднять руку возстанію, обреченному на смерть? Черезъ мѣсяцъ Наперио былъ во власти этихъ искателей приключеній, и общественное мнѣніе, воспламененное этимъ успѣхомъ, видѣло уже Гарибальди высаживающимся въ Неаполь. Друзья побуждали его идти впередъ, самыя событія приглашали его къ поспѣшности, Неаполь ожидалъ его. Но онъ, спокойный въ исполненіи своихъ замысловъ, направляется къ Мессинѣ, и второй городъ Сициліи, этотъ неприступный оплотъ Калабріи, покоряется его власти. Здѣсь, новое нетерпѣніе, но оно нисколько не нарушаетъ его спокойствія. Онъ продолжаетъ свое дѣло въ самой южной части провинцій материка, тогда какъ ему было бы такъ легко ускорить развязку высадкою у подошвы Везувія. Не замѣчаете ли вы въ этой расчитанной медленности всю предусмотрительность человѣка, который даетъ событіямъ время созрѣть для лучшаго обезпеченія своего успѣха.

Будьте увѣрены, и здѣсь я уже не спорю, а утверждаю, на основаніи вѣрныхъ источниковъ, что тотъ же политическій и военный оборотъ дѣйствій, которому слѣдовалъ Гарибальди въ войнѣ, предпринятой противъ неаполитанскаго королевства, будетъ сохраненъ имъ и въ отношеніи къ Венеціи, если, по волѣ Провидѣнія, возрожденная Италія должна будетъ, цѣною крови, выкупить этотъ послѣдній членъ своего разрозненнаго тѣ-

ла. Гарибальди, лучше нежели его совѣтники, сознаетъ лежащую на немъ отвѣтственность, и хотя они боятся увлеченій его гения, но онъ войдетъ въ столкновение съ Австріей только тогда, когда будетъ увѣренъ, что побѣдитъ ее. Онъ знаетъ оборонительныя средства своего врага, силу его стратегическаго положенія, храбрость войскъ его, но онъ знаетъ также слабыя мѣста его, и онъ подниметъ руку для нанесенія удара только въ назначенное время, когда на сторонѣ его будутъ всѣ вѣроятности успѣха. Цѣль его извѣстна, онъ не скрывалъ ея; но время дѣйствія составляетъ его тайну, и, вмѣсто того, чтобы лишиться пріобрѣтенныхъ уже результатовъ и побѣдъ всякаго рода, которыя ему остается выиграть прежде, чѣмъ онъ явится передъ Венеціею или на берегахъ Мичіо, онъ сдѣлаетъ сдержанъ самую непокорную нетерпѣливость. Я прибавляю, и безъ сомнѣнія никто не станетъ оспаривать меня, что въ настоящее время Гарибальди единственный человѣкъ, который можетъ направлять и воздерживать порывъ, влекущій Италію къ новой судьбѣ, не боясь, что въ свою очередь осилитъ его мадзинистскій элементъ, который служить ему содѣйствіемъ и надъ которымъ онъ властвуетъ.

«Къ этимъ соображеніямъ, почерпнутымъ въ самомъ характерѣ итальянскаго полководца, слишкомъ мало принятымъ во вниманіе, нужно прибавить другія, которыя Times, желая усилить яркость своей картины и увеличить цѣну своихъ совѣтовъ, оставилъ въ тѣни. Ихъ слѣдуетъ имѣть въ виду, для того, чтобы отдать себѣ вѣрный отчетъ о всѣхъ, хорошихъ и дурныхъ, шансахъ дѣла, предпринятаго Гарибальди, и съ нимъ всею Италіей. Англійскій журналъ, принявъ въ слишкомъ буквальный смыслъ преждевременное безпокойство Constitutionnel'a, поставилъ лицомъ къ лицу громадную силу Австріи и маленькую армію волонтеровъ, непривыкшихъ къ войнѣ, которые могли побѣдить неаполитанскихъ солдатъ, но которые неминуемо будутъ разбиты тамъ, откуда императоръ Наполеонъ счелъ благоразумнымъ отступить во главѣ своей испытанной арміи.

«Въ ожиданіи дня, когда эти волонтеры сдѣлаются ядромъ войска, составленнаго изъ 300 тысячъ человѣкъ, способныхъ на самыя большія предпріятія, потому что съ тактической опытностью и воинской дисциплиной они будутъ соединять пылъ патриотизма, сколько случайностей можетъ возникнуть въ наше смутное время, которыя облегчатъ полное возрожденіе Италіи! Теперь, когда свобода дѣйствій ея страшнѣйшаго противника стѣснена глухими внутренними волненіями, кто можетъ сказать, что тогда, когда настанетъ еще отдаленный часъ борьбы, взаимное положеніе обѣихъ сторонъ будетъ такое же, какъ въ настоящее время.

«Избави меня, Боже, призывать содѣйствіе революціи; это по-

помощникъ страшный, потому что одно опасеніе подобнаго волненія увеличиваетъ число противниковъ Италіи. Довольно, чтобы вѣтскій кабинетъ исполнилъ свои предположенія о реформахъ, въ той мѣрѣ, въ какой онъ намѣренъ ихъ исполнить для отвращенія затрудненій своего положенія. Неужели, въ такомъ случаѣ, провинціи, соединенныя между собою федеративными узами или пользующіяся представительными учрежденіями, обнаружатъ уворство въ желаніи сохранить венеціанскую область. Выкупъ провинцій, въ которомъ долженъ былъ отказывать глава габсбургскаго дома, можетъ быть предложенъ, съ большею вѣроятностію успѣха, конституціонному государю. Пусть Австрія возстановитъ въ Венгріи ея древнюю конституцію, и кто можетъ сохранить увѣренность въ содѣйствіи маджарскихъ и славянскихъ полковъ войнѣ, имѣющей цѣлю удержаніе Венеціи, когда силы всей Италіи были бы соединены въ однихъ рукахъ? Сама Австрія, которая утратила всякую надежду на возстановленіе своихъ вассаловъ въ средней Италіи, на поддержаніе своихъ намѣстниковъ въ Римѣ и Неаполѣ, лишившись всякаго вліянія на полуостровѣ, будетъ ли считать выгоднымъ удерживать за собою, при безпрестанныхъ пожертвованіяхъ, провинцію непокорную, надзоръ за которою труденъ и обладаніе которою имѣть цѣну только тогда, когда она помогаетъ оказывать вліяніе на сосѣднія государства, вліяніе, утраченное въ иныхъ мѣстахъ и весьма шаткое въ другихъ? Что касается до меня, то я не думаю этого; и эти предложенія, которыя подкрѣпили бы средства австрійской казны, возникнувъ при новыхъ условіяхъ, могли бы съ большею вѣроятностію быть приняты, нежели велѣдъ за вилафранкскимъ миромъ.

Остается еще вопросъ о безопасности границъ Австріи и Германіи, которыя, на всякій случай, ставятъ на Минчіо вмѣсто того, чтобы поставить ихъ на Альпахъ. Но можно сказать съ увѣренностію — и въ самой Германіи многіе уже согласны съ тѣмъ — что лучшая защита для Союза состоитъ въ томъ, чтобы имѣть на югѣ отъ Тироля и Каринтіи народъ дружественный.

Я хотѣлъ доказать теперь, что ни личный характеръ Гарибальди, ни препятствія, надъ которыми ему остается восторжествовать, не оправдываютъ безмоукства и совѣтовъ Times'a. Наименьшій недостатокъ ихъ заключается въ томъ, что они преждевременны и вредятъ вліянію человека, представляющаго собою то, что есть въ настоящее время логическаго и возможнаго въ итальянской политикѣ. Безъ него она впадетъ въ излѣстество маджинизма и той невозможной республики, отъ которой неукротимый заговорщикъ требовалъ единства, къ которому Гарибальди стремится теперь во имя и въ пользу конституціонной монархіи Виктора-Эммануила.

Можетъ быть, корреспондентъ, котораго слова мы выписали, слишкомъ увлекается надеждами, что все, говоря простымъ выраженіемъ, пойдетъ какъ по маслу. Да, увлеченія въ письмѣ его достаточно, но вѣдь и вся Италія увлечена, а за нею увлекается и общественное мнѣніе Европы. Безъ увлеченія не совершаются великія дѣла; пужно только, чтобъ оно опиралось на вѣрномъ основаніи и было направлено къ великой цѣли. Послѣдняя есть: созданіе государства, для котораго существуетъ нація одноплеменная, одноязычная, великая своимъ прошедшимъ, достойная стать на ряду со всѣми великими націями. Остается найти твердую почву, по которой можно было бы положить дорогу къ цѣли, и это дѣло можетъ быть исполнено постепеннымъ соединеніемъ Италіи, до предѣловъ венеціанской области, въ одно цѣлое, образованіемъ хорошаго войска и разумною администраціею. Это не легко, говорятъ скептики; но какое же великое дѣло бываетъ легкимъ? Черезъ два мѣсяца, говоритъ корреспондентъ *Constitutionnel*'я, о которомъ мы упоминали выше, Италія будетъ свободна или Австрія завладѣетъ ею отъ Мессины до Турипа. Но корреспонденту не худо было бы вспомнить, что на совершенное овладѣніе одной Сициліей потребовалось около трехъ мѣсяцевъ, тогда какъ она защищалась весьма слабо въ сравненіи съ тѣмъ сопротивленіемъ, какого можно ожидать отъ Ламорисьера и австрійской арміи. Между тѣмъ теперь только едва произведены первыя высадки на неаполитанскихъ берегахъ и незамѣтно, чтобы Гарибальди спѣшилъ къ столицѣ Франциска II. Охотники до предположеній уже принялись за соображенія о томъ, куда направится Гарибальди послѣ завоеванія неаполитанскаго королевства: въ Венецію или въ римскія владѣнія? Но, не желая слѣдовать за этими политико-стратегическими мечтаніями, постараемся лучше въ короткихъ словахъ объяснить настоящее положеніе неаполитанско-сицилійскаго вопроса.

Одною изъ первыхъ заботъ новаго министерства, составившагося въ Неаполѣ послѣ внезапнаго прихода короля Франциска къ либеральной системѣ правленія, было, какъ мы уже говорили, заключеніе союза съ Пьемонтомъ. Съ этою цѣлю были отправлены въ Турипъ гг. Манна и Винспиръ. Предложеніе неаполитанскаго короля, безъ сомнѣнія, крайне удивило бы своею неожиданностію правительство Виктора-Эммануила, еслибы французскій посланникъ при туринскомъ дворѣ не высказалъ еще прежде, отъ имени своего государя, доброжелательныхъ совѣтовъ въ пользу Неаполя. Да и какъ было бы не удивляться послѣ того, какъ Францискъ II, слѣдуя правительственной системѣ отца своего, не только не соглашался на малѣйшія реформы внутри своего государства, но оттолкнулъ отъ себя дружескую руку, которую сардинскій король протягивалъ къ нему послѣ окончанія войны съ Австріей. При полученіи извѣстій о предложеніяхъ неапо-

литанскаго кабинета, положеніе пьемонтскаго правительства было по истинѣ очень затруднительно. Ему нельзя было пренебречь совѣтами, которые приходили къ нему изъ Парижа, потому что французское правительство приписывало большую важность союзу Неаполя съ Пьемонтомъ. Въ глазахъ французскаго правительства, обнародованіе конституціи, о которомъ такъ усердно хлопоталъ въ Неаполѣ баронъ Бренне, подавало слабую надежду на успѣшнѣйшій исходъ этой мѣры, и потому союзъ съ Пьемонтомъ долженъ былъ если не скрѣпить узы дружбы между обоими итальянскими королевствами, то, по крайней мѣрѣ, связать руки сардинскому правительству. Согласившись вступить въ союзъ съ королевствомъ, утратившимъ довѣріе своего народа, пьемонтское правительство доказало бы, что отрывается отъ своихъ уніонистскихъ стремленій. Этого и должны были добиваться тѣ, которые не желаютъ итальянскаго единства. Въ тоже время союзъ неминуемо лишилъ бы министерство графа Кавура популярности, которою оно пользуется, тѣмъ болѣе, что непріязнь послѣдняго къ Гарибальди не составляетъ ни для кого тайны и уже успѣла нѣсколько поколебать къ нему народное довѣріе. Всѣ сторонники итальянскаго единства, а ими наполненъ теперь почти весь полуостровъ, отнесли бы поспѣшность въ заключеніи союза съ Францискомъ II единственно къ чувству ненависти и зависти, питаемому главою туринскаго кабинета къ сицилійскому диктатору. Вліятельнѣйшіе и популярнѣйшіе члены пьемонтскаго парламента, еще гораздо прежде предложеній, привезенныхъ гг. Манною и Винспиромъ, успѣли уже высказать все негодованіе, которое возбуждала въ нихъ мысль о союзѣ съ Неаполемъ. Правда, это чувство выразилось ранѣе обнародованія конституціи, и потому послѣ перемѣнъ, происшедшихъ въ Неаполѣ, дѣло должно было идти о либеральномъ неаполитанскомъ правительствѣ; но еслибы политическіе дѣятели Пьемонта могли забыть, то одинъ видъ Поэріо напомнилъ бы имъ, на сколько можно довѣряться искренности либеральныхъ чувствъ Франциска II. Устраняя всякое сужденіе о личныхъ чувствахъ графа Кавура, котораго мы не имѣемъ никакого права не считать горячимъ и честнымъ патриотомъ, должно сознаться, что одинъ простой здравый смыслъ могъ уже побудить его къ осторожности въ заключеніи союза. И дѣйствительно, переговоры о немъ шли довольно медленно, не смотря на то, что можно было ожидать большихъ волненій въ самомъ Неаполѣ. Сардинскій кабинетъ съ самаго начала не отвергнулъ сразу предложеній неаполитанскихъ пословъ. Графъ Кавуръ видѣлся съ ними очень часто; въ Туринѣ давались дипломатическіе обѣды и между гг. Манной и Винспиромъ и пьемонтскими министрами существовали, повидимому, такіа дружескія отношенія, что одно время думали, что переговоры уда-

дуться непременно. Но Виктора-Эммануила не было въ Туринѣ и рѣшительное слово не могло быть произнесено. Каковы бы тайныя мысли туринскаго кабинета, мы не знаемъ, но требованія, которыя онъ представлялъ посланникамъ, были весьма велики; зато и уступчивость послѣднихъ превосходила все ожиданія. Они соглашались на все и общались самыя невѣроятныя вещи: они, повидимому, были совершенно готовы рѣшительно поддерживать либеральную конституцію въ Неаполѣ, энергически содѣйствовать Пьемонту къ достиженію реформъ въ Римѣ, составить наступательный и оборонительный союзъ противъ всѣхъ враговъ итальянской независимости, даже противъ самой Австріи. «Была минута, говорить одинъ корреспондентъ, у котораго мы заимствуемъ свѣдѣнія о переговорахъ по поводу сардинеаполитанскаго союза, когда графъ Кавуръ почти думалъ, что встрѣтилъ болѣе истыхъ итальянцевъ, чѣмъ онъ самъ. Напрасно испытывалъ онъ обоихъ посланниковъ, предъявлялъ условія одно другому рѣшительнѣе: они уступали все, и такимъ образомъ ставили туринскій кабинетъ въ необходимость подписать союзъ, котораго они, какъ легко догадываться, добивались единственною цѣлю спасти неаполитанское правительство». Если туринскій кабинетъ помышлялъ о спасеніи неаполитанскаго правительства, то онъ еще болѣе помышлялъ о томъ, чтобы не уронить себя самого. По чувству самохраненія, онъ долженъ былъ прислушиваться къ общественному мнѣнію, которое болѣе и болѣе возставало противъ союза: либеральныя журналы, многочисленные просьбы, присланныя правительству, выражались очень ясно противъ союза. Было бы неблагоразумно не разсчитать заранее гибельнаго дѣйствія, которое было бы произведено въ Италіи этимъ попятнымъ шагомъ Пьемонта. Единство Италіи подѣ властію Виктора-Эммануила становилось болѣе и болѣе общимъ желаніемъ. Туринскому кабинету не легко было выйти изъ затруднительнаго положенія, а выйти изъ него было необходимо. Но вотъ король возвратился въ Туринъ и тотчасъ принялъ посланниковъ: хотя неизвѣстно, что именно сказано было имъ на аудіенціи, но переговоры приняли совершенно иной характеръ или, вѣрнѣе, почти прекратились. Сардинское правительство казалось очень довольнымъ обѣщаніями неаполитанскаго, но обѣщаній, данныхъ только на словахъ, хотя бы даже написанныхъ и подписанныхъ въ самую критическую минуту было мало. Нужны были твердыя гарантіи, что все сказанное будетъ непременно исполнено, а для того прежде всего было необходимо, чтобы король имѣлъ возможность утвердить свою потрясенную власть, безъ которой онъ не могъ бы и сдерживать своихъ обѣщаній. Францискъ II думалъ найти для нея поддержку именно въ союзѣ съ Сардиніей; а пьемонтское правительство согласилось вступить въ союзъ только тогда, когда у

верженіе королевско-неаполитанской власти не будет подлежать сомнѣнію. Очевидно, оба договаривавшіяся правительства расходились окончательно въ своемъ взглядѣ на предметъ переговоровъ; но въ тоже время Викторъ-Эммануиль, желая доказать искренность своего желанія содѣйствовать неаполитанскому кабинету въ затрудненіяхъ, написалъ слѣдующее письмо къ сицилійскому диктатору:

«Любезный генералъ! Вы знаете, что я не одобрялъ вашей экспедиціи. Теперь, среди важныхъ настоящихъ обстоятельствъ, я рѣшаюсь предостеречь васъ, зная искренность вашихъ чувствъ въ отношеніи ко мнѣ. Желая прекратить войну между итальянцами, я совѣтую вамъ отказаться отъ мысли перейти съ вашими храбрыми войскомъ на неаполитанскій материкъ, если король согласится очистить Сицилію, и предоставить сицилійцамъ свободу обсудить и рѣшить ихъ судьбу. Я предоставляю себѣ полную свободу дѣйствій въ отношеніи къ Сициліи, если неаполитанскій король не будетъ въ состояніи исполнить это условіе. Генералъ! послѣдуйте моему совѣту, и вы увидите, что онъ полезенъ Италіи, которой вы дадите возможность увеличить свои права на уваженіе Европы и доказать, что она столько же умѣетъ побѣждать, сколько благоразумно пользоваться побѣдой». Слишкомъ спокойный, чтобы не сказать холодный тонъ королевскаго письма, краткость его содержанія, обстоятельства, среди которыхъ оно написано, заставляютъ предполагать, что если Викторъ-Эммануиль и могъ искренно желать пріостановленія дѣйствій Гарибальди, то мало надѣялся на успѣхъ своего предстательства въ пользу того, кто искалъ союза съ нимъ. Письмо было отправлено къ диктатору съ адъютантомъ короля графомъ Литтой-Модиньяни, который не замедлялъ привезти отвѣтъ столько же откровенный, сколько лаконическій: «Государь! Вы знаете, какое глубокое уваженіе и преданность я питаю къ вашему величеству, и мнѣ прискорбно не имѣть возможности повиноваться вамъ такъ, какъ я желалъ бы. Настоящее положеніе не позволяетъ мнѣ колебаться: народы зовутъ меня; я измѣнилъ бы моему долгу и повредилъ бы дѣлу Италіи, еслибы не послушался ихъ голоса. Итакъ, позвольте мнѣ на этотъ разъ не исполнить вашихъ повелѣній. Когда я исполню мою обязанность и освобожу народы отъ угнетающаго ихъ ига, я положу мою шпагу къ вашимъ ногамъ и буду повиноваться вамъ до конца моей жизни». Обязанности дипломатической угодливости, къ которой, можетъ быть, еще склоненъ король, не существуютъ для Гарибальди, очень хорошо понимающаго, что остановиться, не исполнивъ предпринятаго имъ плана въ континентальныхъ владѣніяхъ Неаполя, значило бы дать революціи опередить себя. Настоящее положеніе Неаполя сильно заставило бы опасаться дурнаго оборота дѣлъ,

еслибы Гарибальди рѣшился послушаться совѣтовъ Виктора-Эммануила. Францискъ II колеблется между симпатіей, питаемой къ прежнему порядку, и необходимостью принимать одну за другою либеральныя мѣры, но онъ утверждаетъ представленія своего кабинета робко, неохотно, медленно. Прежній составъ администраціи требуетъ скорого назначенія лицъ, на которыхъ министерство могло бы полагаться въ исполненіи своихъ распоряженій и которыя не возбуждали бы въ народѣ подозрѣнія; но какъ найти этихъ людей, когда никто изъ пользующихся уваженіемъ не желаетъ вступить въ службу. Образъ прежняго управленія долженъ быть радикально измѣненъ, а для этого необходимы временныя королевскія повелѣнія, способныя замѣнить законы, которыхъ обнародованіе будетъ принадлежать палатамъ, если имъ суждено открыться; но королевскіе декреты даются только послѣ продолжительныхъ настояній министерства: изъ десяти подписывается одинъ. Конституція повлекла за собою учрежденіе національной гвардіи, на которую король смотритъ подозрительно, но безъ которой невозможно существованіе министерства, если оно хочетъ быть конституціоннымъ. Свобода печати, дарованная внезапно послѣ долгаго, вынужденнаго молчанія, служитъ не къ утвержденію новаго правительства, какъ бы могло быть при нормальномъ положеніи вещей, а къ увеличенію хаоса, существующаго въ мнѣніяхъ партій и народной массы. Амнистія, объявленная не добровольно, внесла въ неаполитанское общество элементъ, вполне непріязненный королю, не симпатическій къ его новому правительству. Наемное войско, состоящее большею частію изъ баварцевъ и людей сомнительныхъ убѣжденій, столько же ненавидитъ народъ, сколько служитъ предметомъ его взаимной ненависти. Одно недовольно будущностью, которая ожидаетъ его, какой бы порядокъ ни установился въ Неаполѣ подъ господствомъ конституціоннаго короля или послѣ торжества Гарибальди. Национальныя части арміи и флота, судя по частымъ переходамъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ на сторону Гарибальди, не замедлятъ возстать вмѣстѣ съ партизанами итальянскаго единства. Къ этому необходимо присоединить партіи, подобныя которымъ могутъ существовать во всякое время, но которыя такъ опасны среди революціоннаго напряженія. Не говоря о томъ, что въ Неаполѣ есть много мюратистовъ, признанныхъ или непризнанныхъ, но во всякомъ случаѣ дѣйствующихъ противъ Бурбоновъ, мнѣніе раздѣлено между унитаріями, желающими единой Италіи, и сторонниками постепеннаго, официально объявляемаго, присоединенія къ Пьемонту. Тогда, какъ одни готовы стать подъ знамена Виктора-Эммануила для того, чтобы составить изъ Италіи одно королевство, и не желаютъ, чтобы такое соединеніе имѣло значеніе простаго увеличенія пьемонтскихъ

владѣній, другіе, болѣе спокойные и сговорчивые, предпочитаютъ продолженіе политики присоединеній, такъ удачно начатой въ средней Италіи, политики, которая на время могла бы удовольствоваться присоединеніемъ Сициліи, уже завоеванной, и Неаполя, ожидающаго своей очереди. Среди этихъ партій, стоитъ король, колеблющійся между камарильей и правительственными людьми, безнадежно старающимися спасти престолъ помощью умѣреннаго либерализма. Таково въ общихъ чертахъ положеніе дѣлъ въ Неаполѣ, гдѣ, какъ ожидаютъ, общее возстаніе не замедлитъ произнести рѣшительный приговоръ надъ бурбонской династіей.

Однимъ изъ фактовъ, характеризующихъ настоящее положеніе правительства въ Неаполѣ, можетъ служить удаленіе дяди короля, графа Аквилы. Въ одномъ изъ засѣданій государственнаго совѣта, въ первыхъ числахъ августа, графъ, въ качествѣ адмирала неаполитанскаго флота, предложилъ, вмѣстѣ съ другими одиозными людьми, отправить королевскія суда для уничтоженія флотиліи Гарибальди въ мессинскомъ портѣ; но министерство возстало противъ такой рѣшительной мѣры. Трудно сказать, что было причиною сопротивленія кабинета: смѣлость ли предпріятія, которое, въ случаѣ успѣха, могло сдѣлать ненужными услуги конституціоннаго министерства; недовѣріе ли къ королевскому флоту, или, какъ говорятъ, подозрѣнія противъ какихъ-то замысловъ графа Аквилы. Говорятъ, будто бы онъ желалъ провозгласить себя регентомъ королевства, при помощи камарильи, духовенства и ультралибераловъ. Въ подтвержденіе этого подозрѣнія рассказываютъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ попалъ даже на слѣдъ заговора; что у графа нашли нѣсколько тысячъ портретовъ его, на которыхъ была сдѣлана надпись: «да здравствуетъ регентъ», захватили много оружія, солдатскихъ мундировъ и аммуниціи. Какъ-бы то ни было, положительно извѣстно, что нѣкоторые изъ членовъ кабинета обвиняли графа въ реакціонныхъ дѣйствіяхъ, и потребовали его удаленія, что и было исполнено немедленно по повелѣнію короля, не бывшаго въ состояніи сопротивляться своимъ министрамъ. Повѣрилъ ли Францискъ своимъ совѣтникамъ, неизвѣстно; но замѣчательно, что послѣ отъѣзда онъ написалъ къ своему дядѣ письмо, въ которомъ просилъ о сохраненіи къ нему прежней дружбы и увѣрялъ въ чувствахъ своего расположенія къ самому графу, супругѣ его и дѣтямъ. Какъ объяснить такое противорѣчіе? Если графъ Аквила заслуживалъ удаленія, то дружеское письмо совершенно неумѣстно; если онъ былъ вѣрнымъ слугою короля, то не за что было подвергать его наказанію; если же справедливо уважая своего дядю, Францискъ не могъ отстоять его передъ исполнителями своихъ приказаній, то какое мнѣніе можно составить теперь о самомъ правительствѣ? Между

тѣмъ графъ Аквила, находясь въ Парижѣ на пути въ Лондонъ, помѣстилъ въ одномъ изъ французскихъ журналовъ свое оправданіе. Изъ словъ его видно, что, при вступленіи племянника его на престолъ, онъ одинъ изъ первыхъ совѣтовалъ возстановить конституцію 1848 года, предсказывая, что король долженъ будетъ рѣшиться на эту мѣру, но тогда уже будетъ слишкомъ поздно; когда же начались безпокойства, онъ считалъ необходимымъ поспѣшить учрежденіемъ національной гвардіи, какъ единственнаго средства поддержать порядокъ, и принятіемъ другихъ мѣръ, которыя должны были, по его мнѣнію, предотвратить всѣ опасности. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ: учрежденіе прочнаго, честнаго и единодушнаго министерства (мы не знаемъ такимъ ли графъ признаетъ настоящій кабинетъ); объявленіе, если нужно, осаднаго положенія; преобразование полиціи; преслѣдованіе преступленій журналистики. Всѣ эти мѣры приведены или приводятся въ исполненіе распоряженіемъ министерства, и мы не видимъ вины, за которую можно было бы подвергнуть графа изгнанію, если такова была программа, представленная имъ королю. Но если были другія и притомъ основательныя побужденія къ тому, то выраженіе дружескихъ чувствъ королемъ было излишне.

Въ виду подобной-то неурядицы Гарибальди получаетъ совѣты остановить свои побѣды; но онъ продолжаетъ свое дѣло съ невозмутимымъ спокойствіемъ, неимовѣрною дѣятельностію и добродушіемъ, которому сицилійцы не могутъ довольно нарадоваться. Изгнавъ агента пьемонтскаго кабинета Лафарину, Гарибальди просилъ Виктора - Эммануила прислать ему надежнаго человѣка, которому можно было бы поручить внутреннюю, гражданскую администрацію Сициліи и изъ трехъ указанныхъ ему лицъ выбралъ г. Депретиса, главу лѣвой стороны въ прежней сардинской палатѣ депутатовъ, извѣстнаго своимъ прямушіемъ, политическими дарованіями и оппозиціею графу Кавуру передъ войною. Онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Брешію при министерствѣ Ратацци и вышелъ въ отставку тотчасъ послѣ составленія настоящаго кабинета. Изгнаніе Лафарины и назначеніе Депретиса продиктаторомъ доказываютъ, что Гарибальди разошелся съ главою пьемонтскаго министерства, но это не значитъ, что онъ бросилъ мысль о присоединеніи Сициліи къ владѣніямъ Виктора-Эммануила. По его мнѣнію, присоединеніе одной Сициліи, безъ континентальныхъ неаполитанскихъ владѣній, не только бесполезно для Виктора-Эммануила, но было бы ошибкой въ отношеніи къ самой Италіи.

Дѣятельность г. Депретиса даетъ возможность самому диктатору посвятить себя исключительно военнымъ предпріятіямъ на континентѣ, куда онъ уже и отправился. Блистательная по-

бѣда, одержанная имъ 20 іюля при Мелатцо, послужила причиною сдачи города Мессины. Теперь только цитадель ея занята неаполитанскимъ гарнизономъ.

Извѣстно, что, съ объявленіемъ обѣщанія дать Сициліи отдѣльное управленіе, неаполитанское правительство вознамѣрилось прекратить военныя дѣйствія на островѣ. Съ этою цѣлію къ находившемуся въ Мессинѣ генералу Клари было послано приказаніе по телеграфу отправить всѣ войска въ Неаполь, а потому всѣ назначавшіяся ему на помощь подкрѣпленія были приостановлены. Такимъ образомъ окончательное занятіе Сициліи гарибальдійцами, по мысли новаго кабинета, должно было произойти безъ боя. Но лица, принадлежащія къ неаполитанской камарильѣ, довѣрившей военнымъ способностямъ генераловъ Клари и особенно Боско, полагая, что побѣда останется на сторонѣ послѣднихъ и тогда будетъ положенъ конецъ успѣхамъ Гарибальди, перехватили телеграфическую депешу министерства. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, неаполитанскіе генералы стянули всѣ свои войска къ Мессинѣ и Мелатцо, надѣясь не только имѣть возможность помогать другъ другу, но съ приходомъ подкрѣпленій съ твердой земли атаковать Гарибальди. Между тѣмъ гарибальдійцы приближались къ Мелатцо, какъ бы желая предупредить готовившееся на нихъ нападеніе. 19 числа Гарибальди прибылъ въ лагерь, расположенный въ Мири, а на утро всѣ войска его были уже готовы вступить въ сраженіе. Мелатцкая битва была такъ блистательна и важна по своимъ послѣдствіямъ, что мы приведемъ нѣкоторыя подробности объ ея ходѣ. Лѣвымъ крыломъ командовалъ полковникъ Маленкини, центромъ генералъ Медичи, котораго долженъ былъ поддерживать резервъ, состоявшій подъ начальствомъ генерала Козенца, а на правомъ крылѣ находился полковникъ Фабрици, обязанностью котораго было предупреждать нечаянныя нападенія на центръ и лѣвое крыло. Гарибальди занялъ мѣсто въ центрѣ, гдѣ онъ ожидалъ наиболѣе жаркаго дѣла. Огонь начался на лѣвой сторонѣ, на полудорогѣ между Мири и Мелатцо. Неаполитанскіе аванпосты были замѣчены въ скрывающемъ ихъ тростникѣ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки лѣвое крыло и центръ атаковали первые ряды неаполитанцевъ и сбили ихъ съ позицій, между тѣмъ, какъ правая часть гнала непріятеля изъ домовъ, въ которыхъ они застѣли. Генералъ Боско направилъ значительную массу противъ гарибальдійцевъ, которые вълѣдствіе неровной мѣстности, долго не получая подкрѣпленія, были принуждены отступить; но едва подоспѣло оно, какъ они снова двинулись на непріятеля, усиливаясь выбить его изъ тростника, изъ-за котораго стрѣлки производили гибельный огонь. Видя сильное сопротивленіе, Гарибальди взялъ нѣсколько генуэзскихъ охотниковъ, чтобы напасть на неаполи-

танцевъ съ фланга, но на пути встрѣтилъ сильный картечный огонь, которымъ стоявшая за каменной оградой пушка помѣшала ему произвести свой маневръ съ желанною быстротою. Тогда Ниссори и капитанъ Стателла съ горстью людей послѣшли къ нему на помощь. Лошадь его была ранена и онъ принужденъ былъ спѣшиться. Люди падали, поражаемые картечью. Захватить стрѣлявшую пушку было необходимо: Гарибальди приказалъ полковнику Дюнну взять охотниковъ броситься въ тростникъ, а Ниссори и Стателла вслѣдъ за тѣмъ влѣзть на стѣну, за которою не подалеку находилось орудіе. Движеніе было быстро произведено этими офицерами съ полсотнею людей, но едва перебрались они черезъ стѣну, какъ съ удивленіемъ встрѣтили самого Гарибальди, спѣшившаго къ орудію съ обнаженною саблей. Оно было немедленно отнято. Въ это время ряды пѣхоты раскрылись и дали дорогу непріятельской кавалеріи, намѣревавшейся возвратить доставшійся въ руки гарибальдійцевъ трофей. Люди, бывшіе подъ начальствомъ полковника Дюнна, мало привыкшіе къ бою, пропустили конницу мимо, вмѣсто того, чтобы встрѣтить ее штыками, но зadržиваемые тростникомъ и деревьями, они скоро ободрились и стали поражать кавалерію перекрестнымъ огнемъ. Въ это время одинъ неаполитанскій офицеръ, видя гибельное дѣйствіе этого огня, хотѣлъ возвратиться назадъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ, но диктаторъ съ шестью или семью гарибальдійцами окружилъ ихъ и потребовалъ, чтобы они сдались. Офицеръ занесъ саблю на Гарибальди, но тотъ, отбивъ ударъ его, положилъ его на мѣстѣ. Послѣ этой схватки, жертвы которой были всѣ отставшіе всадники, Гарибальди собралъ разсыпавшихся людей своихъ, и ставъ во главѣ центра повелъ атаку на неаполитанцевъ штыками и заставилъ ихъ бѣжать по направленію къ Мелаццо. Здѣсь, при помощи остававшихся въ цитадели гарнизона, завязалась снова упорная битва, въ которой превосходныя силы неаполитанцевъ едва не восторжествовали; но, вспомнивъ о пароходѣ Велоче, который долженъ былъ обойти мелацскій фортъ, Гарибальди сѣлъ въ лодку цѣлю усилить огонь со стороны моря и тѣмъ облегчить атаку пѣхоты. Когда этимъ удачнымъ маневромъ стрѣльба съ моря должна была обратиться противъ парохода, Гарибальди появился среди своего сухопутнаго войска. Сраженіе продолжалось четырнадцать часовъ; къ вечеру Мелаццо былъ взятъ; въ рукахъ непріятеля оставалась только цитадель. Гарибальди требовалъ безусловной сдачи ея, но Боско не согласился. Однако, такъ какъ сопротивленіе было бы очевидно бесполезно, по донесенію генерала, изъ Неаполя прислано было разпореженіе сдать цитадель, съ тѣмъ, чтобы гарнизонъ вышелъ, оставивъ лошадей, оружіе и военные снаряды. Послѣдствіемъ

бѣдъ при Меланцо было, кромѣ запасовъ разнаго рода орудій и прочаго, занятіе Мессины, оставленіе въ рукахъ неаполитанскихъ войскъ только двухъ фортовъ, занятыхъ незначительнымъ гарнизономъ, и наконецъ возможность начать высадку гарибальдійцевъ въ Калабрію.

Высадка была произведена съ полнымъ успѣхомъ: до сихъ поръ извѣстно, что войска Гарибальди заняли Реджіо, а въ Потенцѣ, главномъ городѣ провинціи Базиликаты, онъ провозглашенъ диктаторомъ, въ салернской провинціи вспыхнуло возстаніе. Послѣ сицилійскихъ подвиговъ можно уже не удивляться успѣхамъ Гарибальди въ Калабріи, извѣстной своимъ нерасположеніемъ къ бурбонской династіи. Удивленіе еще менѣе можетъ имѣть мѣста при частыхъ извѣстіяхъ о сочувствіи флота и арміи къ дѣлу Италіи. Сухопутныя войска начали переходить на сторону Гарибальди уже цѣлыми полками, послѣ того, какъ офицеры и солдаты, дезертировавшіе въ разное время, увеличили число гарибальдійцевъ, какъ говорятъ, десятью тысячами. Предлагаемъ нѣсколько фактовъ, изъ рассказовъ о началѣ высадкѣ, производившейся отдѣльными, небольшими отрядами: они могутъ дать нѣкоторыя понятіе объ образѣ веденія настоящей войны. По взятіи Мессины Гарибальди тотчасъ же вознамѣрился занять какой либо пунктъ на неаполитанскомъ берегу, для облегченія высадки главныхъ силъ своихъ. Для этой цѣли сперва былъ признанъ наиболѣе выгоднымъ небольшой фортъ Сцилла, занятый незначительнымъ гарнизономъ. Исслѣдованіе мѣстности было поручено майору Миссори, который, переодѣвшись крестьяниномъ, безъ большаго труда могъ высадиться на берегу, оставаться тамъ цѣлыхъ два дня и видѣть все, что было ему нужно. Сцилла—портъ, построенный на возвышенной скалѣ и соединенный съ городомъ подъемнымъ мостомъ. Обыкновенно на мосту и у воротъ стоитъ по одному часовому, но теперь въ ожиданіи нечаяннаго нападенія тамъ находилось болѣе ста солдатъ. Проникнуть въ фортъ можно только черезъ подъемный мостъ, а снятіе послѣдняго потребовало бы правильной атаки съ пушками и значительнымъ числомъ людей. Поэтому Миссори призналъ необходимымъ овладѣть мостомъ. Утромъ, когда мостъ бываетъ спущенъ, около ста человѣкъ, одѣтыхъ поселянами и вооруженныхъ револьверами, должны были переѣхать на берегъ отрядами по пяти или шести человѣкъ и потомъ смѣшаться съ народомъ, солдатами передъ церковью на рыночной площади, находящейся близъ форта. Одни изъ нихъ, по данному знаку, должны были напасть на часовыхъ и овладѣть мостомъ, а другіе охранять ихъ отъ остальныхъ солдатъ. Главное неудобство этого плана состояло въ томъ, что онъ могъ быть исполненъ только днемъ, что неблагоприятствовало высадкѣ значительной силы. Поэтому рѣшено было, вмѣсто Сциллы, овладѣть Фиумар-

скимъ фортомъ. Дѣло это было поручено тому же Миссори: въ помощь ему дано было около пятисотъ человѣкъ, большею частію молодыхъ, испытанныхъ колоновожатыхъ, часть которыхъ была поставлена подъ начальство капитана де-Флотта, искуснаго французскаго моряка, находящагося въ изгнаніи. Судя съ этимъ десантомъ и пушками должны были отправиться изъ Фаро прямо на Фиумару, которою предполагалось овладѣть съ помощію лѣстницъ. Въ случаѣ успѣха должно было сдѣлать три пушечные выстрѣла, послѣ которыхъ около двухъ тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Козенца, сидѣвшіе уже на трехъ пароходахъ, и нѣсколькихъ судахъ, должны были плыть къ форту и сойти на берегъ. Невидимый въ ночной темнотѣ, отрядъ Миссори двинулся на тридцати двухъ судахъ. На непріятельскомъ берегу было совершенно тихо. Черезъ полчаса можно было ожидать желаннаго сигнала. Но, вмѣсто его, раздался одинъ пушечный выстрѣлъ, за которымъ послѣдовало нѣсколько ружейныхъ, заставившихъ предположить неудачу предприятия. Тревога была однако напрасна. Суда возвратились съ извѣстіемъ, что высадка совершена благополучно. Но во всю ночь сигнальные выстрѣлы не раздавались; и судьба десанта оставалась въ неизвѣстности до слѣдующаго дня, 9 августа, когда получено было свѣдѣніе, что онъ нашелъ убѣжище въ Сан-Анджело, въ горахъ.

Подобныя же высадки были произведены и въ другихъ мѣстахъ. Немедленное возстаніе жителей при первомъ появленіи гарибальдійцевъ, отказъ нѣкоторыхъ войскъ идти противъ нихъ, удаленіе мѣстныхъ начальствъ и устройство временныхъ управленій въ Базиликатѣ и Капитанатѣ, провозглашеніе Виктор-Эммануила королемъ единой Италіи возмущающимся народомъ населеніемъ, отсрочка выборовъ для составленія палаты, вынужденная перенесеніемъ военныхъ дѣйствій на континентъ, — это факты, свидѣтельствующіе, что власть готова уже выступить изъ рукъ Франсиска II. Самъ онъ, какъ извѣстила телеграфическая депеша, близокъ къ отъѣзду изъ Неаполя. Войска сосредоточиваются около столицы, вблизи которой ожидаютъ решительнаго сраженія. «Черезъ двѣ недѣли Гарибальди будетъ въ Неаполѣ, пишутъ изъ Турина парижской *Presse* 27 августа н. ст. Таково здѣсь общее убѣжденіе. Ожидали большихъ затрудненій, отчаяннаго сопротивленія. Ничего подобнаго не видно.»

Неаполитанская катастрофа внушаетъ аугсбургской *Algenen Zeitung* грустную руководящую статью, гдѣ оплакивается стойное сожалѣніе (*beglagenswerth*) положеніе короля, по причинамъ, изъ которыхъ, по мнѣнію самаго автора, оно текло. Причины эти давно извѣстны, и потому напоминаній было бы излишне. Мы приведемъ небольшой отрывокъ

изъ статьи упомянутого журнала только для того, чтобы показать, какъ люди, предавшие Австріи, смотрятъ на дѣло возрожденія Италіи. «Прежде, чѣмъ Гарибальди станеть продолжать свои планы внѣ границъ Неаполя, должны обнаружиться тайные разговоры его съ Викторомъ-Эммануиломъ, Франція должна снять маску и политика прочихъ великихъ державъ должна прийти, въ той или другой формѣ, къ рѣшительному заключенію относительно Италіи. Возможно ли, чтобы повелители великихъ европейскихъ государствъ, которыхъ сто-тысячныя арміи стоять вполнѣ вооруженныя, но безъ всякаго дѣла, смотрѣли сложа руки, какъ смѣлый, вполнѣ революціонный предводитель станеть изгонять главу католическихъ христіанъ изъ его тысячелѣтняго мѣстопробыванія? Мы достовѣрно знаемъ, что они не хотятъ, не могутъ хотѣть этого; потому что Гарибальди, безъ сомнѣнія, представляетъ собою идею единого итальянскаго королевства *à la Mazzini*, государства съ такимъ демократическимъ основаніемъ, что оно не можетъ нравиться ни Франціи, ни Австріи, ни Пруссіи. Не смотря на то, нѣтъ ни одного единодушнаго слова, чтобы остановить Гарибальди у воротъ Неаполя, никакого моральнаго вмѣшательства въ пользу законной власти. Неаполитанская катастрофа будетъ началомъ поворота; великія державы должны собраться въ конференціи, которая внушитъ удивленію міру, что онѣ властвуютъ въ Европѣ и что торжество революціи было временное, ложное, или въ непродолжительномъ времени возгорится общая война, въ которой лига революціи будетъ бороться съ союзомъ права.» Совершающійся фактъ паденія неаполитанскаго короля приводитъ газету въ одно время и къ обвиненію правительственной тактики короля Фердинанда и его сына и къ требованію насильственныхъ мѣръ. Но спрашивается, что могутъ сдѣлать державы, собравшіяся въ конференціи? Рѣшить вооруженное вмѣшательство? Но оно столько же противно принципамъ англійскаго и прусскаго правительства, сколько признается неполитическимъ Франціей. При настоящемъ положеніи дѣлъ, не поведеть ли, напротивъ, вмѣшательство въ дѣла Италіи къ общему европейскому столкновенію? Обыкновенно Allgemeine Zeitung не перестаетъ нападать на политику правительства 2 декабря, но если справедливо, что глава этого правительства только ждетъ повода къ вмѣшательству въ видахъ собственной пользы, то не знають ли доставить ему самый удобный къ тому случай допущеніемъ вмѣшательства относительно Италіи? Пришлось бы представлять смѣшанную армію, составленную изъ отрядовъ всѣхъ великихъ державъ. Въ настоящемъ же случаѣ, коалиція была бы противна общественному мнѣнію, а послѣ предостереженія, которыя напрасно расточались парижскимъ и лондонскимъ отрядами,

скимъ кабинетами передъ неаполитанскими королями, умершими и еще царствующимъ, она была бы непонятнымъ явленіемъ. Одно удобное для конференцій время уже прошло, а другое еще не наступило. Конгрессъ былъ предложенъ, когда созваніе его было возможно, но кто же, какъ не Австрія, былъ главною причиною, что онъ не состоялся? Теперь Европа ждетъ другой удобной минуты для общихъ совѣщаній, но для этого необходимо, чтобы всѣ факты, которые составляютъ логическое послѣдствіе новой итальянской революціи, вполне раскрылись. Гарибальди есть только орудіе этой революціи, какъ были такими же орудіями другія лица, связавшія свои имена съ драмою освобожденія Италіи. По какому — то роковому, можетъ быть, еще никѣмъ ясно несознаваемому закону, случилось, что тѣ, кому наиболѣе было непріятно увидѣть Италію превращенною въ одно цѣльное государство, преимущественно содѣйствовали къ тому, чтобы поставить ее на путь, ведущій къ этому единству. Ни Франція, ни Австрія, вступая въ распрю, не предвидѣли ея послѣдствій, иначе, можетъ быть, онѣ не двинули бы своихъ легіоновъ на ломбардскія равнины. Теперь уже поздно взывать къ вмѣшательству, потому что оно можетъ задержать общее стремленіе только на время. Итакъ, лучше преклониться передъ необходимостью. Напрасно Allgemeine Zeitung старается обвинять Виктора-Эммануила въ союзѣ съ движеніемъ. Онъ, можетъ быть, менѣе содѣйствовалъ или по крайней мѣрѣ желалъ содѣйствовать ей, нежели Франція и Австрія, потому что, въ случаѣ соединеніи всей Италіи подъ его властію, на него падетъ все бремя ея устройства. Не Австрія, которая можетъ быть вынуждена отступить или добровольно отступить за Альпы, и не Франція, пріобрѣтшая Савойю и Ниццу, будутъ обязаны успокоить пришедшіе въ броженіе элементы разнохарактернаго народонаселенія Италіи, съ его вѣковыми предубѣжденіями, деморализаціею, лѣнью, долгами и всѣмъ, что внесено въ его жизнь прошедшими волненіями, войною, со всѣмъ этимъ хаосомъ, который не замѣтенъ теперь только потому, что восторгъ къ національности и единству покрываетъ современную Италію своими радужными красками. Залѣчить раны этой страны обязано будетъ правительство Виктора-Эммануила, если ему суждено быть королемъ Италіи, и если онъ не успѣетъ добиться цѣли, къ которой должно стремиться всякое правительство, то ему прійдется отъ своихъ либеральныхъ принциповъ быстро перешагнуть къ деспотизму.

Но пока очередь дойдетъ до общихъ конгрессовъ, Европѣ представляются зрѣлища частныхъ свиданій царственныхъ особъ. Послѣ надѣлавшаго много шума баденскаго сѣзда, происходило свиданіе императора австрійскаго съ принцемъ-регентомъ

прусскимъ въ Теплицѣ и перваго изъ нихъ съ королемъ баварскимъ; король бельгійцевъ видѣлся съ нидерландскимъ королемъ въ Висбаденѣ и съ принцемъ-регентомъ прусскимъ въ Остенде. Въ непродолжительномъ времени, говорятъ, готовятся встрѣчи императора французскъ съ Изабеллой испанской и Викторомъ-Эммануиломъ, и другія болѣе или менѣе обращающія на себя вниманіе въ мірѣ дипломатіи. Теплицское свиданіе можетъ быть названо допoлненіемъ баденскаго. Если цѣлю одного было успокоеніе Германіи относительно ея интересовъ на западной границѣ, то другое имѣло въ виду интересы внутренніе и отчасти вопросы, сопряженные съ положеніемъ Италіи. Какъ на первомъ встрѣтились съ одной стороны представитель насильственно пущенной въ ходъ идеи о приобрѣтеніи рейнской границы, а съ другой защитникъ территоріальной цѣлости Германіи, такъ на другомъ сошлись представители двухъ направлений, разъединяющихъ германскій союзъ. Холодность отношеній, усилившаяся между Австріей и Пруссіей со времени итальянской кампаніи, была главною причиною вниманія, которое устремлено было на теплицское свиданіе. Безъ этого, встрѣча владѣтелей двухъ государствъ, имѣющихъ такъ много общихъ дѣлъ, была бы самымъ естественнымъ явленіемъ. Что могло бы быть проще желанія двухъ людей, связанныхъ общими интересами, лично объясниться о тѣхъ неминуемыхъ разногласіяхъ, которыя такъ часто возникаютъ между лицами, обремененными дѣлами. Но въ последнее время холодность между вѣнскимъ и берлинскимъ кабинетами, вслѣдствіе щекотливыхъ вопросовъ о единствѣ Германіи, объ устройствѣ союзной арміи и другихъ, грозила перейти въ совершенный антагонизмъ, которому легко можно было превратиться въ явную борьбу. Стало быть, существовали важныя причины, побудившія императора австрійскаго искать свиданія съ правителемъ Пруссіи: такъ думали многіе, и тѣ, которые убѣждены въ твердости характера принца не могли не радоваться, ожидая, что вліяніе его совѣтовъ благотворно подѣйствуетъ на императора Франца Іосифа, котораго самолюбіе такъ недавно было уязвлено пораженіемъ, а умъ встревоженъ разстройствомъ, тѣмъ болѣе тяжелымъ, что оно вынуждаетъ отбросить дорогія убѣжденія и замѣнить ихъ новыми, мало симпатическими для того, кому они явились въ видѣ необходимости. Но если радовались одни, то находились и другіе, которые готовы во всякомъ разговорѣ сильныхъ міра сего видѣть приготовленіе какихъ нибудь плановъ, а въ настоящую смутную эпоху всякіе планы вертятся около одного сюжета: войны.

Конечно, предметы совѣщанія не могли составлять тайны для всякаго, кто постоянно читаетъ хотя какую нибудь газету; го-

ворили о дѣлахъ союза, объ австрійскихъ реформахъ, о броженіи умовъ въ Венгріи, объ итальянской революціи; все это предметы живаго, современнаго интереса не для однихъ государственныхъ, но и для всѣхъ образованныхъ людей; говорили о разныхъ лицахъ, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ текущимъ дѣламъ, а кто эти лица, это извѣстно всѣмъ и каждому безъ помощи готскаго альманаха. Важно было знать, дѣйствительно ли произошло между правителями Австріи и Пруссіи сближеніе, состоялось ли между ними рѣшеніе по вопросамъ, подвергавшимся ихъ обсужденію, какого характера это рѣшеніе и въ какой формѣ оно выразилось? *Прусская газета* отчасти отвѣчаетъ на эти вопросы. Вотъ слова ея: «Надежды, возбужденныя свиданіемъ государей Пруссіи и Австріи въ Теплицѣ, не были обмануты. Сближеніе, съ нѣкотораго времени совершившееся между кабинетами обѣихъ странъ, было скрѣплено личною встрѣчею монарховъ. Объясненія искреннія, откровенныя и прямодушныя, происходившія въ Теплицѣ между государями и ихъ главными совѣтниками, не могли не усилить чувствъ взаимнаго уваженія. Искреннимъ обмѣномъ преобладающихъ мнѣній съ той и другой стороны каждый могъ выяснитъ свое положеніе, всѣ свои обязательства, требованія, права и обязанности, и сдѣлалось возможнымъ обнять во всей цѣлости и важности, серьезно и откровенно, условія общихъ дѣйствій, устранивъ всякую заднюю мысль.

«Благодаря счастливому согласію, установившемуся въ важнѣйшихъ вопросахъ европейской политики, Германія этимъ свиданіемъ не только приобрѣла новую гарантію своей безопасности, но можетъ надѣяться, что на будущее время интересы ея будутъ имѣть болѣе значенія, чѣмъ до сихъ поръ. Свиданіе въ Теплицѣ даетъ Европѣ новый залогъ сохраненія мира и уваженія къ ея равновѣсію.

«Мы уже указывали на очевидное соотношеніе между новымъ направленіемъ, принятымъ австрійскою внутреннею политикою, и стараніями сблизиться съ Пруссіей, которыя привели къ теплицкому свиданію. Теперь невозможно сомнѣваться, что императорское правительство рѣшилось продолжать тотъ путь, на который оно вступило, и запятъ въ отношеніи къ основаніямъ и національностямъ положеніе, которое всего скорѣе сообщить Австріи новую силу, какъ внутри, такъ и извнѣ.

«Безполезно перечислять препятствія и причины подозрительности и недовѣрія, которыя изгладятся этимъ направленіемъ австрійской политики, надежды, которыя возродятся въ кабинетахъ и народахъ, на сердечное согласіе между обѣими странами.

«Теперь мы не имѣемъ уже надобности обращать вниманіе на мнѣнія тѣхъ, которые опасались, что вслѣдствіе свиданія въ

Теплицъ, Пруссія могла бы сбиться и остановиться въ своей внутренней и вѣншей политикѣ, и увлечься на дорогу, противную ея интересамъ и обязательствамъ. Тѣ, для кого чувства августѣйшаго принца, которому Провидѣніе вѣрило судьбу Пруссіи, для кого люди, довѣріемъ принца призванные давать совѣты коронѣ, не служили достаточною гарантіею въ управленіи Пруссіею, будутъ вынуждены теперь отвергать факты. Но тѣ, которые руководились интересами партій, принимали или выдавали свои желанія за истину; тѣ, которые видѣли или показывали будто видятъ въ теплицкомъ свиданіи противное тому, чего ожидали и что теперь сдѣлалось фактомъ, едва ли перестанутъ утѣшаться своими мечтами, пока необходимая сила событій не убѣдитъ ихъ въ бесполезности ихъ усилій.»

Само собою разумѣется, что въ этой туманной фразеологіи было бы трудно открыть, что именно должно составить счастье Германіи вообще, а Пруссіи и Австріи въ частности, вслѣдствіе теплицкой встрѣчи. Газета не даетъ никакихъ фактовъ; ни въ Австріи, ни въ Пруссіи, послѣ свиданія, не совершилось ничего такого, что осязательно могло бы дать почувствовать, что Австрія вступила рѣшительно, серьезно, откровенно и смѣло на путь реформъ, которыхъ ожидаютъ отъ нея ея народы и общественное мнѣніе. Но достаточно знать, что между могущественнѣйшими германскими государями воцарилось совершенное согласіе, что принцъ прусскій останется твердъ въ своей внутренней и вѣншей политикѣ и что условіемъ дружбы его къ Австріи поставлено измѣненіе ея политической системы. Чѣмъ скорѣе пойдетъ она по дорогѣ, на которую она вступила, тѣмъ прочнѣе будетъ ея собственное существованіе и тѣмъ спокойнѣе можетъ быть Европа. Тѣсное сближеніе Пруссіи и Австріи увеличитъ силу Германіи; реформы дадутъ силу Австріи и избавятъ ее, по крайней мѣрѣ, отъ грозящаго ей расторженія; искренній либерализмъ позволитъ ей сбросить съ рукъ лишнее бремя обладанія венеціанскою областю и тѣмъ содѣйствовать къ рѣшенію итальянскаго вопроса, узелъ котораго былъ затянутъ ею же самою, и умиротворивъ Венгрію, не забыть славянскія племена. Такая политика была бы крайне утѣшительна.

Нѣкоторыя газеты извѣщали, что послѣ совѣщаній, происшедшихъ между австрійскимъ императоромъ и принцемъ регентомъ, былъ составленъ протоколъ, на основаніи котораго Пруссія гарантировала Австріи обладаніе венеціанскою областю. Мы не останавливаемся на этомъ извѣстіи, какъ потому, что оно было опровергнуто *Прусскою газетою*, имѣющею характеръ оффиціальныи, такъ особенно потому, что подобное обязательство было бы несовмѣстно съ политическими принципами прусскаго принца. Однако, если нельзя вѣрить рассказамъ о же-

ланіи австрійскаго правительства снова напасть на Пьемонтъ, то это не значитъ, что не надобно опасаться столкновенія между Австріей и Викторомъ-Эммануиломъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій англійской палаты общинъ лордъ Пальмерстонъ между прочимъ сказалъ, что разнесшійся недавно слухъ о намѣреніи австрійскаго императора вмѣшаться въ дѣла Неаполя и Рима не имѣетъ никакого основанія; но что безъ сомнѣнія Австрія будетъ защищаться въ случаѣ нападенія на ея итальянскія владѣнія. Само собою разумѣется, что объясненіе почтеннаго лорда не разсѣваетъ мрачныхъ опасеній, возбуждаемыхъ успѣшными военными приготовленіями Пьемонта и Австріи. Сроку войны еще, можетъ быть, не близко, но едва ли возможно отвратить ее, если не послѣдуетъ уступки венеціанской области посредствомъ миролюбивой сдѣлки, которая, однако, еще далеко не подготовлена. Еслибы встревоженное общественное мнѣніе могло еще полагаться при настоящихъ обстоятельствахъ на мирныя увѣренія, то послѣ знаменитаго письма императора французамъ къ своему лондонскому посланнику, не нужно было бы искать новыхъ словесныхъ подтвержденій, что эра мира уже началась. Но недовѣріе, какъ выразился недавно Times, такое растеніе, которое растетъ очень скоро и искореняется съ большимъ трудомъ. Вотъ почему нужно думать, что для его уничтоженія необходимы многозначительные факты, а ихъ еще нигдѣ не видно. Пока ихъ продолжаютъ замѣнять миролюбивыя слова. Къ числу такихъ увѣреній должно отнести рѣчь королевы Викторіи при закрытіи засѣданій англійскаго парламента до 6 будущаго ноября н. ст. и другую, произнесенную графомъ Персиньи при открытіи луарскаго генеральнаго совѣта, котораго онъ президентъ.

Закрытіе парламента произошло 28 августа н. ст., но не сопровождалось обычными великолѣпными церемоніями, потому что королева не присутствовала лично и рѣчь ея была прочтена лордомъ канцлеромъ. Ея величество, какъ сказано въ рѣчи, увѣрепа, что нарушенію общаго европейскаго мира не угрожаетъ никакой опасности, и хотя, правда, въ Италіи происходятъ событія значительной важности, но если ни одна изъ иностранныхъ державъ не вмѣшается въ нихъ, и если итальянцамъ предоставлена будетъ свобода располагать своими дѣлами, то остальные государства могутъ остаться спокойными. Итакъ, увѣренность королевы и, стало быть, ея правительства подчинены условію невмѣшательства, но можетъ ли не быть его, о томъ рѣчь не говорить ни слова. Параграфъ, относящійся до созванія конференціи для обсужденія уступки Савойи и Ниццы, такъ же мало, какъ и предъидущій, разъясняетъ дѣло. Королева надѣется, что въ переговорахъ, которые будутъ ведены по этому предмету, будутъ, согласно съ вѣнскимъ трактатомъ 1815 года, приняты дѣйстви-

тельные мѣры къ обезпеченію нейтралитета и независимости швейцарскаго союза, такъ какъ имъ придаютъ величайшую важность всѣ державы, принимавшія участіе въ упомянутомъ трактатѣ. Послѣ увѣдомленія о согласіи, послѣдовавшемъ между державами о подаваніи помощи турецкому султану для возстановленія порядка въ Сиріи, ея величество выразила сожалѣніе, что мирныя предложенія, сдѣланныя китайскому правительству, не были приняты, почему необходимо было послать соединенныя войска Англіи и Франціи и особаго посланника лорда Эльгина, чтобы заставить китайскаго императора исполнить тѣн-цзинскій трактатъ. Если рѣчь королевы такъ не богата объясненіями по вопросамъ внѣшней политики, которыми парламентъ былъ занятъ почти исключительно со времени своего открытія, то она еще менѣе удовлетворительна въ отношеніи къ дѣламъ внутреннимъ, которымъ палаты посвящали свое вниманіе менѣе, чѣмъ когда нибудь.

Рѣчь графа Персиньи была награждена шумными рукоплесканіями въ собраніи генеральнаго совѣта. Это понятно, потому что, кромѣ того, что онъ едва ли не искреннѣйшій другъ императора, онъ пользуется уваженіемъ, какъ человѣкъ независимаго образа мыслей, на сколько независимость можетъ проявляться при настоящемъ порядкѣ вещей во Франціи: рѣчь, говорятъ, была предварительно просмотрѣна императоромъ. Какъ истинный другъ, какъ вѣрный слуга, почтенный графъ хотѣлъ составить апологію императорской политики и доказать, что Наполеонъ III ни о чемъ болѣе не заботился, какъ о сохраненіи мира. Надобно отдать справедливость діалектическому таланту г. Персиньи; онъ развилъ свою тѣму съ искусствомъ, которое по крайней мѣрѣ равняется трудности выбраннаго имъ предмета. Рѣчь очень пространна, и потому мы вынуждены передать только главнѣйшія мѣста ея. «Мнѣ не нужно говорить, сказалъ ораторъ, что если послѣ бордосской программы: *имперія—миръ*, двѣ большія войны опечалили Европу, то причину ихъ не должно относить къ имперіи. Когда императоръ произносилъ эти знаменитыя слова, онъ не могъ имѣть притязанія на уничтоженіе войны между земными народами и подарить свѣту новый способъ мирнаго рѣшенія задачъ европейскаго общества. Истинное значеніе ея программы состояло въ томъ, что новая имперія, вступивъ въ законное наслѣдство послѣ первой, отвергла завѣщанныя ею борьбу и месть, для того, чтобы войти со всѣми державами въ отношенія мира и согласія, и эта программа была въ точности исполнена.

«Что касается чрезвычайныхъ вопросовъ, которые къ несчастію не могутъ быть рѣшаемы дипломатіей, то ихъ было два: восточный и итальянскій, которые гораздо ранѣе основанія имперіи постоянно угрожали Европѣ войною. Всѣ государственные

люди съ безпокойствомъ обращали взоры на Константинополь и каждый думалъ, что въ день распадѣнія Турціи Европа будетъ повергнута въ страшную вражду соперничества. Другой вопросъ былъ менѣе опасенъ для Европы, чѣмъ для Франціи. Если въ продолженіе сорока лѣтъ въ Италіи продолжалась борьба національностей подъ видомъ борьбы порядка съ безпорядкомъ, то было ясно, что въ тотъ день, когда Италія вступить въ борьбу съ Австріей, уже не во имя демагогін, но по призыву итальянскаго государя, Франція должна будетъ принять участіе въ войнѣ, иначе Австрія получила бы преобладаніе на полуостровѣ и господствовала бы надъ французскими альпами.»

Если войны эти, по мнѣнію оратора, были неизбежны, то онѣ были по возможности непродолжительны, и вполнѣ достигли своей цѣли. Послѣ крымской войны, восточный вопросъ сталъ чисто дипломатическимъ. То, что было опасностью для Европы, заключалось не въ устройствѣ турецкихъ провинцій, но въ томъ, что сосѣднія государства могли овладѣть Константинополемъ и Дарданеллами прежде, чѣмъ Европа успѣетъ произнести свое рѣшеніе. Окончаніе войны предоставило разрѣшеніе вопроса Европѣ, и оттого онъ можетъ быть рѣшенъ дипломатіей. Въ отношеніи къ Италіи, главный вопросъ состоялъ не въ томъ, чтобъ лишить Австрію ея наслѣдственныхъ владѣній на полуостровѣ, но чтобъ она не преобладала надъ остальными ея владѣніями. «Составитъ ли теперь Италія конфедерацію нѣсколькихъ государствъ или одно королевство; подвергнуть ли итальянцы опасности, по своей собственной винѣ, свою независимость, нами имъ возвращенную, нарушивъ принципъ невмѣшательства, обезпечивающій ихъ независимость и свободу, добытый результатъ преобладаетъ надъ вопросами второстепенными и лишаетъ важности дальнѣйшія событія.»

Послѣ разрѣшенія этихъ двухъ вопросовъ, въ Европѣ не остается другихъ, по мнѣнію г. Персини; только безпокойные люди, вызывая призраки, могутъ говорить, что французское правительство желаетъ пріобрѣсти рейнскую границу и замышляетъ высадку на берега Англіи. «Во первыхъ, говоритъ г. Персини, при настоящемъ состояніи военной науки, рѣка, подобная Рейну, не можетъ быть стратегическою границей. Итакъ, Франція не ради выгоды подвергла бы себя новой европейской войнѣ. Что же касается до поощренія германцевъ къ единству, для того, чтобы пріобрѣсти оправдываемое европейскимъ равновѣсіемъ право требовать рейнскихъ провинцій, то, да позволено мнѣ будетъ сказать, это—политическая негѣлость; потому что Франція, какъ военная держава, вдвое сильнѣе на континентѣ безъ Рейна при разрозненности Германіи, чѣмъ передъ лицомъ германскаго единства, съ ничего незначащимъ Рейномъ. Впрочемъ, духу германцевъ, по его природѣ,

несродно единство, и разрозненность этой державы, какъ сила утѣряющая, много содѣйствуетъ общему спокойствію.»

Точно также ораторъ отвергаетъ всякую мысль о желаніи императора сдѣлать нападеніе на Англію.

«Перехожу къ предмету щекотливому, продолжаетъ ораторъ. Разрѣшивъ два великіе вопроса, нарушавшіе общій миръ, принявъ такое славное участіе въ дѣлахъ нашего времени и увидѣвъ, что наша страна заняла такое высокое мѣсто въ со-
вѣтѣ Европы, мы не должны удивляться, что такіа великіа дѣла не могли быть совершены безъ того, чтобы не возбудить въ Европѣ безпокойства и недовѣрія. Одно изъ бѣдствій войны состоитъ въ томъ, что она производитъ потрясеніе въ умахъ, переживающее самую войну. Но что касается до меня, глубоко убѣжденнаго въ томъ, что назначеніе новой имперіи состоитъ въ примиреніи прежней революціонной и завоевательной Франціи со всѣми державами, то, еслибы мы что-нибудь сдѣлали заслуживающее утраты довѣрія Европы, я считалъ бы, что мы слишкомъ дорого купили славу послѣднихъ лѣтъ. Признаюсь, въ одно время, нѣсколько ранѣе итальянской войны, внѣшній видъ событій, казалось, такъ сильно говорилъ противъ насъ, что я первый думалъ, что мое правительство, въ упоеніи успѣха, забыло бордосскую программу, и я глубоко огорчился этимъ. Но скоро, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, я устыдился своего сомнѣнія въ мудрости императора; тѣмъ не менѣе мнѣ при-
скорбно было видѣть, что мы, казалось, находились въ положеніи зачинщиковъ. Отчего, говорилъ я, въ такомъ справедливомъ дѣлѣ, когда въ сущности мы только защитники права, несемъ мы передъ лицомъ всего свѣта отвѣтственность за событія, которыхъ мы не были причиною? Развѣ мы возбудили въ Италіи борьбу національности, которая уже сорокъ лѣтъ продолжается съ такимъ остервенѣніемъ обѣими сторонами? Совѣтовали ли мы Австріи эту пагубную политику, которая, не будучи въ состояніи опереться на иной правительственный принципъ, кромѣ силы, возбуждаетъ противъ себя всѣхъ итальянцевъ? Развѣ, вмѣсто національнаго управленія, учрежденнаго первымъ Наполеономъ въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ, гдѣ все было въ рукахъ итальянцевъ, правительство, администратія, магистратура, войско, гдѣ изъ французовъ былъ только вице-король, принцъ Евгенийъ, мы совѣтовали Австріи итальянцевъ замѣнить во всѣхъ должностяхъ иностранцами и нанесли оскорбленіе нѣкогда славнымъ въ исторіи народамъ? Мы ли должны также отвѣчать за вредъ, причиненный трактатами Австріи съ итальянскими государями, трактатами, которые, оградивъ безопасность правительства этихъ государей, предоставили, въ то же время, Австріи, вопреки международному праву, преобладаніе почти надъ всею Италіей? Съ другой стороны, развѣ

мы установили въ Пьемонтѣ парламентское управленіе, свободную трибуну, свободное книгопечатаніе и всѣ эти средства поддерживать волненіе въ Италіи, возбуждать страсти, организовывать сопротивленіе и подстрекать Австрію къ насилию?

«Мы сдѣлали все для предупрежденія борьбы, готовящейся въ Италіи, потому что не только мы расточали совѣты Австріи и Сардиніи, но убѣждали Европу прекратить это положеніе. Итакъ, если борьба теперь неизбѣжна, то не на насъ должна упасть отвѣтственность, но скорѣе на саму Европу, которая, отвергнувъ на парижскомъ конгрессѣ предложеніе, сдѣланное Франціей и Англіей объ устройствѣ Италіи, пропустила случай предупредить настоящую войну.

«Но, говорилъ я моему правительству, если мы ни въ чемъ не виноваты, то отчего же мы за все отвѣчаемъ? Отчего, въ нашъ вѣкъ общественнаго мнѣнія, когда правотѣ выгодно лѣвиться на свѣтъ, хранимъ мы преданія этой старой дипломатіи, которой ухищренія годны только для прикрытія дурныхъ дѣлъ и искаженія хорошихъ? Когда г. Кавуръ говорилъ вамъ, что онъ не въ силахъ удерживать движеніе, имъ же самимъ возбужденное, что Италія въ огнѣ и что революція готова всыпхнуть въ герцогствахъ, отчего вы не объявили объ этомъ положеніи всему свѣту? Безъ сомнѣнія, вы хорошо поступили, что приняли сторону угрожаемой Италіи. Въ этой неизбѣжной борьбѣ вы не могли оставаться равнодушными; какова бы ни была взаимная вина, вы не могли допустить, чтобы Пьемонтъ былъ раздавленъ, ни позволить Австріи сдѣлаться, какъ въ 1815 году, полной властительницей Италіи. Но отчего вы не объявили о своемъ рѣшеніи всему міру? На почвѣ права, справедливости, покровительства слабому, вы, вмѣсто настоящаго недовѣрія, приобрѣли бы сочувствіе Европы и навѣрное всей Англіи. Такъ упрекалъ я правительство за дипломатическое положеніе, которое, по наружности, сдѣлало его виновнымъ, тогда какъ въ сущности на его сторонѣ была заслуга возвышенной и благородной политики.

«Да позволено мнѣ будетъ сказать, что императоръ благосклонно отвѣчалъ на замѣчаніе вѣрнаго слуги и спѣшу сознаться, что его высокая мудрость восторжествовала надъ убѣжденіями подданнаго.

«И дѣйствительно, я убѣдился впослѣдствіи, что объявить публично о крайнемъ положеніи, въ которое мы были поставлены, вмѣсто того, чтобы ограничиться, къ сожалѣнію, напрасными представленіями кабинетамъ о положеніи Италіи, впрочемъ также хорошо имъ знакомомъ, какъ и намъ, это значило бы не только показаться, но въ самомъ дѣлѣ быть зачинщиками противъ Австріи, потому что лишь только Италія узнала бы на какую сильную помощь она можетъ надѣяться, не было бы средства

удерживать ее, и того, чего мы могли ожидать, чего Англія до послѣдней минуты ожидала, мы не могли бы ожидать отъ на-
реда, дышавшаго ненавистью и мщеніемъ. Итакъ, молчаніе, за
которое упрекали императора, было невыгодно только для него
самого и прямодушіе его являлось тѣмъ болѣе высокимъ, чѣмъ
несправедливѣе и тяжелѣе было подозрѣніе.»

Обращаясь къ савойскому вопросу, ораторъ говоритъ, что за-
ключивъ трактатъ, который возвращалъ Италію самой себѣ, за
исключеніемъ венеціанской области, и присоединивъ Ломбардію
къ Сардиніи, а особенно провозгласивъ начало невинитель-
ства, императоръ могъ надѣяться, что итальянцы уважатъ ре-
зультатъ сдѣланныхъ имъ пожертвованій. Но послѣ того, какъ
виллафранкскій трактатъ не былъ исполненъ, уже нельзя было
ожидать, чтобы сольферинскій побѣдитель принялъ на себя еще
и невыгоды, проистекающія отъ образованія большого королев-
ства. Потому онъ имѣлъ полное право сказать Пьемонту, что
если трактаты будутъ нарушены по ту сторону Альповъ, то
Франція потребуетъ измѣненія ихъ и съ своей стороны. Объя-
вить же объ этомъ во всеуслышаніе не было возможности по-
тому, что это значило бы торговаться на счетъ Австріи и, стало
быть, измѣнить виллафранкскимъ обязательствамъ. Между тѣмъ,
императоръ не скрылъ своихъ намѣреній ни отъ Сардиніи, ни
отъ Англіи.

Въ заключеніе графъ Персиньи возвѣстилъ, что послѣ того,
какъ Франція, заняла принадлежащее ей мѣсто въ совѣтахъ Ев-
ропы, она можетъ въ мирѣ и дружбѣ со всѣми предаться раз-
витію своего внутренняго благосостоянія. «Къ славѣ императо-
ра, къ неоцѣненной пользѣ Франціи и, должно сказать, къ че-
сти Европы, которая прямодушно утвердила новое положеніе
нашей страны, внѣшнія отношенія, основаніе которыхъ было
назначеніемъ новой имперіи, упрочены и воинственная роль
Франціи въ Европѣ кончена.»

Мы не знаемъ, служить ли рѣчь графа Персиньи выражені-
емъ мыслей самого правительства; но вѣроятно всѣмъ пріятно
узнать отъ человѣка, столь близкаго къ императору, что отны-
нѣ Франція будетъ предаваться исключительно мирнымъ тру-
дамъ и промѣняетъ свой славный мечъ на соху, какъ недавно
говорилъ Times. Мы искренно жальемъ только, что француз-
скому правительству нужно такъ часто прибѣгать къ болѣе или
менѣе краснорѣчивымъ доказательствамъ, появляющимся то въ
формѣ рѣчей, то писемъ, то интимныхъ разговоровъ, что та-
ково дѣйствительно желаніе императора. Знаменитое изреченіе:
имперія есть миръ, такъ часто повторялось съ тѣхъ поръ, какъ
было впервые произнесено, что надобно опасаться, чтобы оно
не утратило своей цѣны, какъ монета отъ продолжительнаго
употребленія. Повтореніе это вредно еще и въ томъ отношеніи,

что постоянно было поводомъ къ рѣзкимъ возраженіямъ со стороны либеральной прессы и вызывало указанія не только въ Англіи, но въ самой Франціи, на факты, говорящіе не въ пользу доводовъ, подобныхъ приведеннымъ графомъ Персиньи. Вотъ и теперь *Journal des Débats*, не смотря на свои дружескія отношенія къ правительству, жалѣетъ, что почтенный ораторъ не коснулся вопроса о развитіи внутреннихъ учреждений Франціи. «Послѣдовательно ли желать политики мира, спрашиваетъ этотъ журналъ, и не чувствовать, что миръ долженъ ежедневно порождать болѣе сильное желаніе свободы?» Если это замѣчаніе справедливо въ настоящую минуту, то невольно приходитъ на мысль спросить, отчего же и до сихъ поръ желаніе мира, согласное съ бордосскою программой, не уживалось съ желаніемъ возвратить свободу странъ, которая ею пользовалась еще не очень давно вмѣстѣ съ ненарушимымъ миромъ? Всякій согласится, что не можетъ зависѣть отъ воли одного человѣка, какъ бы онъ могущественъ ни былъ, уничтожить войну на бѣломъ свѣтѣ и особенно избавиться отъ нея тогда, когда врагъ настойчиво возбуждаетъ къ ней. Но Франція не была уже давно въ такомъ положеніи. Какъ ни прискорбно было прошлогоднее вторженіе Австріи въ Пьемонтъ уже союзный съ Франціей, но едва ли кто нибудь можетъ обвинить только австрійское правительство въ томъ, что оно само, безъ всякаго внѣшняго содѣйствія, поставило себя въ такое положеніе. Не было ли это положеніе роковымъ, неизбѣжнымъ? Вѣдь еще не очень давно графъ Кавуръ, оправдывая свой союзъ съ Франціей, сознался, что онъ былъ подготовленъ восточною войною. Но кто можетъ добросовѣстно утверждать, что сардинская дивизія была необходима для Англіи и Франціи въ борьбѣ ихъ съ Россіей? Вотъ съ какихъ поръ Италія уже возлагала свои надежды на вооруженную помощь Франціи, и если можно еще сказать, что три четверти Италіи находилась подъ властію государей, преданныхъ Австріи, и подъ вліяніемъ послѣдней, и не были увѣрены въ возможности свергнуть съ себя нѣмецкое иго; то Пьемонтъ, участвовавшій въ крымской войнѣ и засѣдавшій въ конференціи великихъ державъ, не сомнѣвался въ содѣйствіи Франціи, когда часъ борьбы настанетъ. Для того, чтобы всякій могъ убѣдиться въ этомъ, не нужно даже знать составляющихъ еще тайну кабинетныхъ разговоровъ; фактъ появленія сардинскихъ войскъ въ виду Севастополя говоритъ самъ за себя. Скрывать его тѣмъ менѣе представляется надобности, что онъ свидѣлствуетъ только о замѣчательной политической предусмотрительности какъ самого Наполеона III, такъ и графа Кавура.

Графъ Персиньи сожалѣетъ, что по наружности Франція оказывалась виноватою въ возбужденіи итальянской войны. Напро-

тивъ декорумъ былъ соблюденъ въ совершенствѣ: Австрія, была самымъ искуснымъ образомъ доведена до разрыва, до отказа отъ конгресса и наконецъ до вторженія. Неуклюжесть баховской политики вполне позволила перещеголять себя въ дипломатической осторожности. Кромѣ вооруженій, въ строгомъ смыслѣ, можно указать только на одинъ фактъ, къ тому же печатный, въ которомъ выразилось желаніе императора предпринять войну въ Италіи: это знаменитый приѣмъ австрійскаго посланника въ Тюльери на шовый 1859 годъ; но тогда уже все было готово и война была неизбежна. Запахъ пороха былъ уже слышенъ въ воздухѣ. Впрочемъ, всякій, кто живо сочувствуетъ освобожденію Италіи, не сталъ бы обвинять Францію за войну, еслибъ она дала итальянцамъ все, чего обѣщала: совершеннаго освобожденія отъ нѣмецкаго вліянія. Франція должна была принять войну, какъ скоро это было неизбежно, но она приняла ее не съ полною откровенностью, а кончивъ, не хочетъ и сознаться, что имѣла поводъ желать войны. Всякому извѣстно, что въ числѣ этихъ поводовъ есть довольно щекотливые, и было бы странно ожидать, чтобы правительство, побуждаемое ими, откровенно ихъ высказывало. Но если молчить сама Франція, которая была допущена къ обсужденію необходимости итальянской войны въ то время, когда войска отправлены были въ Пьемонтъ, то въ Европѣ есть свободныя трибуны, гдѣ причины и послѣдствія событій подвергаются разсмотрѣнію во всей подробности, какой они требуютъ. Въ Англіи и Пруссіи неоднократно было высказано, что Франція находится въ такомъ положеніи, что бываетъ необходимо, время отъ времени, развлекать ея вниманіе внѣшними предпріятіями. Да и въ самой Франціи мимоходомъ говорится иногда тоже самое. Еще недавно г. Прево-Парадолъ былъ подвергнутъ тюремному заключенію за написанную имъ брошюру, въ которой Франція была уподоблена человѣку, такъ занятому происходящимъ на улицѣ, что онъ не замѣчаетъ того, что творится въ его домѣ. Ожидать подобнаго сознанія отъ правительства невозможно; но почему не указать ему на цѣль, за стремленіе къ которой едва ли общественное мнѣніе могло бы сильно обвинять человѣка, себѣ ее поставившаго? Франція была унижена, говорятъ преданные императору люди, и необходимо было дать ей то мѣсто въ совѣтахъ Европы, которое ей прилично. Для достиженія этого необходима война. Если же все это дѣйствительно необходимо, то остается только искусно пользоваться предлогами; какіе въ Европѣ находить не трудно. Одинъ былъ отысканъ на Востокѣ, другой представился за Альпами. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, точно ли необходимъ фактъ войны для того, чтобы Франція была уважаема въ европейскихъ совѣтахъ? Почитатели мира, которые въ тоже время признаютъ всѣ прекрасныя качества французской націи

и удивляются ея богатымъ средствамъ, развитію наукъ, промышленности, торговли, организаціи суда и арміи, наконецъ всему, чѣмъ гордится сама Франція, думаютъ; что она выиграла бы гораздо болѣе, работая дома орудіями мира, нежели внѣ своихъ предѣловъ наръзными штыками и пушками. Работать же она можетъ совершенно спокойно, потому что всякому, кто знаетъ ея средства, не можетъ прійти охота заирать ее. Но этотъ мирный трудъ требуетъ иныхъ условій политическаго существованія. Оглядываясь назадъ и видимъ конституцію и органическіе законы, видимъ заботы объ увеличеніи арміи и флота, вооруженіяхъ разнаго рода на сушѣ и морѣ, изобрѣтеніяхъ, придумываемыхъ для войны. За ними слѣдуютъ перестройки Парижа по плану, цѣль котораго пораженіе возмущеній. Но нужно ли перечислять всѣ форсированныя работы для занятія рабочаго класса; усиленіе централизаціи въ управленіи; вліаніе духовенства на воспитаніе; политическія наказанія? Вотъ въ чемъ почитатели мира и Франціи видятъ препятствія къ осуществленію бордосской программы, между тѣмъ, какъ нѣкто изъ нихъ не желаетъ сомнѣваться въ искренности императорскаго миролюбія.

Мы недавно приводили статью Сен-Марк-Жирандена о необходимости, для Франціи, трибуны, свободно обсуждающей внѣшнія дѣла. Здѣсь кстати вспомнить слова этого публициста, такъ какъ молчаніе трибуны сдѣлалось крайне ощутительнымъ и голоса ея не замѣняютъ ни откровенныя письма, ни разумныя рѣчи. Мракъ и неизвѣстность покрываютъ будущее, не смотря на увѣренія въ томъ, что, по всемогущей волѣ, въ мірѣ водворится спокойствіе. «О парламентскомъ управленіи, говоритъ упомянутый нами авторъ, можно съ достовѣрностью сказать, что есть вещи, которыхъ оно не сдѣлаетъ. Напротивъ страна, въ которой нѣтъ парламента, можетъ все сдѣлать. Тѣмъ выгодыте, скажутъ намъ. Да, но не удивляйтесь же, что эта самая выгода становится для общественнаго мнѣнія Европы причиною недоустрія.»

Какъ ни важны слова, сказанныя императоромъ въ письмѣ къ графу Персини, что онъ желаетъ жить въ мирѣ со всѣми; какъ ни краснорѣчивы и искусно подобраны доводы въ рѣчи президента луарскаго генеральнаго совѣта, но они не успокоиваютъ Европу. Ей нужны дѣла, а дѣла эти могутъ быть вызваны свободою дѣятельностью народа. «Мы вѣримъ, что имперія есть миръ, говоритъ тотъ же публицистъ; но прибавимъ къ этому только одно слово для полнаго выраженія нашей мысли. Имперія либеральная есть миръ.» Слова эти, написанныя три мѣсяца тому назадъ, могутъ служить отвѣтомъ на недавнюю рѣчь графа Персини.

ВРАКОВСКИЙ ЗАМОКЪ.

Исторический Романъ XVI вѣка.

Графа Ржевускаго.

Переводъ съ польскаго.

Въ двухъ частяхъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

Приложеніе къ журналу «Библіотека для Чтенія» № 9. 1860 г.

Въ типографіи Штаба Оудѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Часть первая.

I.

Кому случалось ѣхать изъ Дашова въ Линець или изъ Линца въ Дашово, тотъ долженъ помнить лежащее на половинѣ дороги село Кальникъ, потому что не было такого примѣра, чтобъ экипажъ или простой возъ, въѣхавшій въ это село, не остановился передъ корчмою, занимающею его середину. Кальникъ село большое; избы въ немъ отличаются чистотою; возлѣ каждой почти садъ, а мѣстами попадаются и пасѣки. Кальникъ извѣстенъ веселыми, разбитными парнями и пригожими дѣвками. Извѣстно тоже, что окружности Кальника плодородіемъ своимъ едва ли не могутъ сравниться съ счастливою полосою земли, орошаемою Ниломъ, что на кальницкихъ лугахъ пасутся гораздо многочисленнѣйшія стада, чѣмъ на лугахъ окрестныхъ деревень, и что Кальникъ отличается отъ другихъ украинскихъ селеній чѣмъ-то высшимъ, что не ускользало отъ взора путешественника.

Въ настоящее время Кальникъ уже не то, чѣмъ былъ когда-то, и, какъ всякій старикъ, много видѣлъ и много испыталъ. Въ концѣ XVI вѣка онъ былъ торговымъ городомъ, и вмѣщалъ въ своей чертѣ нѣсколько народовъ и исповѣданій. Былъ тамъ женскій монастырь, нѣсколько церквей, евангелическая кирка, армянская модельня, еврейская синагога, другая караванская, даже ормянская церковь. Почти всѣ эти зданія были каменные, выбѣленные. Одна только католическая церковь, покрытая позеленѣвшимъ драньемъ, съ обвалившеюся штукатуркою, печально выглядывала изъ-за прозрачнаго частоккола и, казалось, стыдилась своей бѣдности при видѣ богатыхъ пришелицевъ, издѣвавшихся надъ покорною хозяйкою. Это было одно изъ наименѣ вредныхъ послѣдствій привилегій, дарованныхъ Польшею вѣттембергскому, женевскому и другимъ болѣе смѣлымъ нововведеніямъ, которыя неосторожная молодежь, воспитанная за границею, привозила въ Рѣчь Посполитую и распространяла между людьми, готовыми слѣдовать модѣ, а потомъ, во времена слишкомъ кроткихъ наслѣдниковъ Ягайлы, подрывала основныя права народа.

Во время войнъ Ивана Казимира, Кальникъ два раза былъ въ рукахъ непріятеля: одинъ разъ имъ овладѣли пиведы, другой разъ — Ракоцкий, а потомъ онъ былъ окончательно разоренъ крымскими татара-

ми, дѣйствовавшими за одно съ взбунтовавшимися украинскими крестьянами. Великолѣпныя зданія , украшавшія прежній городъ , были превращены въ безобразныя груды развалинъ и почти всѣ жители были полонены. Отъ этого удара Кальникъ уже не могъ оправиться. На развалинахъ цвѣтущаго города поселились выходцы черниговскаго воеводства. Безжалостное время не пощадило даже остатковъ прежняго величія. Случается иногда, что крестьянинъ, роя яму для картофеля и другой огородины , или для того , чтобы поставить столбы, находитъ какую-нибудь мѣдную или бронзовую утварь, употребленія которой не знаетъ ; или старинную серебряную монету и даже золотыя женскія украшенія ; но все это немедленно переходитъ въ корчму и остается тамъ за какой-нибудь полупштофъ водки. И когда потомки слугъ и даже подданныхъ давнишнихъ властителей Украйны, вытѣснивъ ихъ, сами сдѣлались ея властителями, Кальникъ, нѣкогда столица обширнаго графства, сталъ покорною частицею прежняго Дашова.

Вслѣдствіе покупки или наслѣдственного права, Кальникъ переходилъ изъ рукъ въ руки; имъ владѣли Конецтольскіе, Дольскіе, Висновецкіе, Платеры, Патицкіе; но въ тѣ времена, къ которымъ относятся излагаемыя ниже событія, кальницкое графство было собственностью знаменитаго и могущественнаго дома Зборовскихъ. Владѣлъ имъ тогда Марцинъ , кастелянъ краковскій , глава диссидентовъ аугсбургскаго исповѣданія, старикъ гордый , жаждавшій богатства и власти для своего рода, и готовый принести все въ жертву этой страсти. Поступивъ, по желанію отца, въ краковскую академію, онъ предался разврату и вскорѣ сталъ однимъ изъ главныхъ предводителей значительнаго числа студентовъ, оставившихъ это заведеніе. Молодой Марцинъ отправился въ Виттембергъ, и со всѣмъ пыломъ молодости предался изученію Лютера и Меланхтона. Возвратившись въ отечество и вступивъ въ наслѣдствомъ послѣ смерти отца, онъ сталъ наслѣдникомъ послѣдователей аугсбургскаго ученія , точно также какъ Гурка былъ начальникомъ польскихъ кальвинистовъ. Марцинъ женился на сестрѣ Гурка и сталъ такъ силенъ и грозенъ, что король, чтобы пріобрѣсти его дружбу, осыпалъ его староствами и должностями , и наконецъ предложилъ ему первое кресло въ сенатѣ. Старикъ справедливо гордился и породою, и чинами, и рыцарскою славою , и многочисленнымъ потомствомъ, состоявшимъ изъ восьми сыновей , которые занимали болѣе или менѣе важныя военныя должности , и восьми дочерей , связавшихъ свой родъ съ славнѣйшими польскими фамиліями. Но утомленный долгою службою королю и Рѣчи Посполитой , старикъ уже не выѣзжалъ изъ своего зборовскаго замка, гдѣ навѣщали его знаменитѣйшіе диссиденты и слушали его совѣты. Онъ радовался , что сыновья его отвагою заслужили почтеніе народа, что дочери его славилась повсюду умомъ и красотою. И жилъ себѣ старикъ въ своемъ наслѣдственномъ замкѣ, предоставивъ управленіе другими помѣстьями губернаторамъ, избраннымъ изъ бѣдной шляхты , но оказывавшей услуги графамъ Зборовскимъ.

Губернаторомъ кальницкаго замка и графства былъ Здора. Здора былъ сынъ стариннаго, хотя бѣднаго, дворянина изъ трембовельской земли, служившаго до смерти при дворѣ Зборовскихъ. Сынъ его служилъ у пана Марцина лакеемъ, когда тотъ былъ въ краковской академіи и Виттембергѣ. Неотступный слуга усвоилъ себѣ религіозныя убѣжденія своего господина. Было ли то слѣдствіемъ дѣйствительнаго влеченія къ новой вѣрѣ, или онъ, какъ преданный кліентъ, предался душою и тѣломъ своему патрону, сказать трудно. Какъ бы то ни было, но, возвратясь въ Польшу, Здора много помогалъ пану Марцину при распространеніи новаго ученія между шляхтою и пресѣдованіи католическаго духовенства, жившаго на его земляхъ. Панъ Марцинъ женилъ его на одной изъ своихъ наложницъ, и послѣ смерти кальницкаго губернатора, передалъ ему управленіе кальницкимъ графствомъ съ неограниченною властью надъ крестьянами.

Панъ Здора самымъ добросовѣстнымъ образомъ перелилъ въ свою служебную сферу принципы, почерпнутые изъ виттембергскаго богословія, превозносилъ своего пана до седьмаго неба и каждыя двѣ недѣли посылалъ ему рапортъ, вмѣстѣ съ письмомъ, наполненнымъ панегириками славнѣйшему и мудрѣйшему изъ сенаторовъ Рѣчи Посполитой. Въ день его рожденія самъ ѣздилъ до Зборова, краснорѣчиво поздравлялъ стараго графа, при чемъ обыкновенно падалъ къ его ногамъ, что было въ тѣ времена весьма необыкновеннымъ явленіемъ; но панъ Здора дѣлалъ это не изъ излишней униженности, а изъ неограниченнаго энтузіазма, который овладѣвалъ имъ при видѣ старца, исполненнаго доблести и добродѣтели. Панъ краковскій принималъ все это за чистую монету и награждалъ его неограниченнымъ довѣріемъ. Между тѣмъ панъ Здора, служа и прислуживаясь своему господину, не забывалъ себя; и, не имѣя въ виду другой цѣли, какъ только сколотить состояніице, пробылъ тридцать лѣтъ губернаторомъ Кальника, корчился и жался, называлъ себя бѣднымъ слугою вельможнаго пана, хотя на сторонѣ у него было припрятано столько, что могъ бы пріобрѣсти прекрасное имѣніе; но онъ не дѣлалъ этого изъ опасенія, чтобы графу Зборовскому не пришлось въ голову спросить, откуда все это взялось? а потому пустить на него своихъ сыновей, баричей, извѣстныхъ наглостью и безпутствомъ во всей Рѣчи Посполитой. И не разъ панъ Здора вмѣстѣ съ своею половиною ломалъ себѣ голову, какъ бы все гладенько покончить; раздѣлаться съ наслѣдниками стараго пана и убраться куда-нибудь подальше: изъ заграничной поѣздки онъ вынесъ то убѣжденіе, что съ деньгами вездѣ хорошо.

Нельзя отрицать, что панъ Здора ловко велъ свои дѣла: сохраняя постоянно расположеніе и довѣріе своего господина, онъ въ то же время богатѣлъ его добромъ. Онъ ежегодно представлялъ ему доходъ гораздо болѣе, чѣмъ его предшественникъ, и этимъ всего болѣе располагалъ старика въ свою пользу. Правда, во время его предшественника крестьяне жили въ достаткѣ; кальницкіе и копычискіе замки были въ сильномъ оборонительномъ положеніи; шлях-

та военною службою въ замкахъ платила за земли, арендуемыя въ помѣстьяхъ Зборовскихъ; содержалась охота, которую всегда можно было употребить въ пользу Рѣчи Посполитой. Во времена пана Здоры крестьяне были разорены; шляхта должна была платить уже деньгами, замки стояли безъ защиты и укрѣпленій, охотники переписаны въ барщину. Замѣтивъ, что привязанность пана краковскаго къ деньгамъ съ лѣтами стала усиливаться, онъ успѣлъ убѣдить его, что содержать замки въ оборонительномъ положеніи слишкомъ дорого и что гораздо благоразумнѣе половину расходуемыхъ на это суммъ отдавать ежегодно татарамъ и запорожцамъ, такимъ образомъ и помѣстья были бы безопасны и въ кассѣ прибыло бы денегъ. Первый сенаторъ, нѣкогда славный воинъ, согласился на предложеніе своего вѣрнаго слуги.

Но у всякаго есть свое горе; было оно и у пана Здоры и олицетворялось въ лицѣ его сына, пана Езекиеля, который не разъ становился ему поперекъ горла; но онъ былъ единственный сынъ и потому отецъ любилъ его страстно. Езекиель имѣлъ доброе сердце и хорошія способности; но неукротимо буйный характеръ его сказывался всюду, даже въ сношеніяхъ съ родителями.

Панъ Марцінъ Зборовскій, вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, основалъ въ Зборовѣ школу и выписалъ для нея профессоровъ изъ Германіи. Школа эта должна была готовить пасторовъ и проповѣдниковъ, въ которыхъ послѣдователи аугсбургскаго ученія чувствовали большой недостатокъ. Но, не смотря на заботы и расходы своего основателя, она не оправдала его надеждъ. Молодые люди, окончивавшіе въ ней курсъ, по большей части предпочитали военное ремесло высокопарному разглагольствованію съ кафедры.

Панъ Езекиель былъ опредѣленъ въ зборовскую школу: предѣлъ желаній отца его было видѣть сына пасторомъ и женатымъ; но пробывъ нѣсколько лѣтъ въ школѣ, онъ бѣжалъ оттуда и предпочелъ всѣмъ возможнымъ богословскимъ мудрствованіямъ наѣздничество подъ предводительствомъ зятя пана краковскаго Зеронима Оссолинскаго, который, будучи ревностнымъ католикомъ, могъ содѣйствовать молодому человѣку въ перемѣнѣ карьеры. Езекиель участвовалъ въ несчастномъ полкомъ походѣ, гдѣ смѣлостью своею обратилъ на себя вниманіе новаго начальника, который возвелъ его въ рыцарское достоинство. Другой кто-нибудь на его мѣстѣ пошелъ бы далеко; но пану Езекиелю не удалось примирить своего врожденного буйства съ службою при дворѣ, и онъ долженъ былъ оставить ее. После того онъ рѣшился возвратиться въ Зборово и тамъ искать покровительства. Онъ не ошибся въ расчетѣ. Панъ Краковскій принялъ весьма ласково сына своего преданнаго слуги и приказалъ ему остаться при его дворѣ. Но къ несчастію онъ вскорѣ почувствовалъ слабость къ паннѣ Кристинѣ Краковской, уже обѣщанной пану Ходкевичу, виленскому кастеляну; это обстоятельство не ускользнуло отъ свѣтлѣйшаго взгляда, почему немедленно послѣдовало приказаніе оставить ему замокъ въ двадцать четыре часа и никогда не возвращаться. Волей-неволей панъ Езекиель долженъ былъ

искать пристанища подъ родительскимъ кровомъ. Бѣдность приковала его къ дому отца, который хотя и зналъ продѣлки сына, однакожъ не оттолкнулъ его отъ себя. Но Езекиель, не смотря на всѣ убѣжденія отца, не хотѣлъ ему помогать хозяйничать, не находилъ равнаго себя общества и согласнаго съ нимъ образомъ мыслей, и потому смертельно скучалъ и каждую минуту готовъ былъ ухъать изъ Кальника, лишь бы только явилась какая-нибудь возможность.

Отецъ, какъ мы замѣтили, страстно любилъ его, но еще страстнѣе любилъ свою шкатулку и не допускалъ сына къ участию въ ней. Мать была скупѣе отца. Сколько разъ Езекиель ни начиналъ рѣчь о денежномъ пособіи со стороны отца, безсребренникъ губернаторъ отказывалъ на отрѣзъ и начиналъ жаловаться на свою бѣдность.

— Здѣсь моего ничего нѣтъ, говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ. Все, что видишь, принадлежить Богу и пану Краковскому. Честный человѣкъ, какъ я, служить только, чтобъ жить; у меня, благодаря Бога и пана сенатора, есть что ѣсть, и этимъ я дѣлюсь съ тобою, а денегъ мнѣ неоткуда взять. Честный слуга всегда нищій; если у него что-нибудь завелось, значитъ онъ укралъ, такъ и дѣлаютъ другіе. Богъ съ ними! Я служилъ и буду служить честно, пока панъ не вспомнитъ обо мнѣ, не увидитъ, что я уже старъ, работать не въ силахъ, авось наградитъ тогда. А за васъ, милостивый государь, я предъ Богомъ въ отвѣтъ не буду: я ничѣмъ не пренебрегъ, чтобы вывести васъ въ люди, нужно было пользоваться. Давно уже вы могли бы быть пасторомъ въ Зборовѣ и имѣть приличное содержаніе, и домъ, и хозяйство, и кое-какой денежный доходъ отъ прихожанъ. Но вамъ честное дѣло, размышленіе надъ словосъ Божьимъ, пришлось не поцутру, вамъ захотѣлось войны, славы! Ну, ужъ я въ этомъ не виноватъ... Думалъ, что вотъ сынъ будетъ опорой на старости, а на дѣлѣ вышло, что сынъ сѣлъ тебѣ на шею!...

Necessitas frangit legem—когда панъ Езекиель увидѣлъ, что и прорѣхи, показавшіяся на его платьѣ, не трогаютъ родительскаго сердца, ему пришла въ голову счастливая мысль: «Есть же у меня конь, палашъ, копье, подумалъ онъ, надо прибѣгнуть къ нимъ. Оружіе кормить можетъ и во время нужды. Съ отцомъ и говорить нечего; его ничѣмъ не проберешь, старого скрягу!»

Езекиель былъ человѣкъ рѣшительный. Вскорѣ въ окрестностяхъ Кальника сталъ по ночамъ являться наѣздникъ, который, хотя и никого не убивалъ, но налагалъ болѣе или менѣе тяжкія контрибуціи на пріѣзжавшихъ на ярмарку въ Кальникъ, причемъ обыкновенно предлагалъ имъ свои услуги проводить ихъ до города. Долой, впрочемъ, не былъ такъ великъ, какъ онъ ожидалъ; но было по крайней мѣрѣ на что одѣяться. Въ оправданіе нашего рыцаря, должно замѣтить, что въ тѣ времена подобное ремесло, по общимъ понятіямъ, не пятнало рыцарской чести. Замѣтивъ, что отецъ платитъ дань татарамъ и запорожцамъ, Езекиель вступилъ съ нимъ въ

жаркое преніе и обѣщалъ принять на себя начальство надъ калышнѣ-
кими козаками, чтобы прекратить эти постыдныя отношенія. Но
отецъ, находившій эти отношенія выгодными для себя, оправды-
вался передъ сыномъ и опровергалъ его доводы, какъ истый бого-
словъ.

— У васъ, милостивый государь, вѣтеръ въ головѣ ходитъ; вамъ
бы все драться, потому что вы молоды. А я, старикъ, на все это
иначе смотрю. Начнете драться: будутъ убивать чужихъ, будутъ
убивать и нашихъ. Нѣтъ въ вашемъ сердцѣ Бога. Вы больше до-
рожите тѣннымъ богатствомъ, чѣмъ кровью людей, которыхъ
Богъ сотворилъ по своему образу и подобию. Въ св. писаніи ясно
сказано: кто мечемъ воюетъ, отъ меча погибнетъ. А св. апостолъ
Павелъ еще яснѣе говоритъ, что въ комъ нѣтъ любви къ ближ-
нему....

— Какой мнѣ ближній татаринъ или запорожецъ. Одинъ вѣрить
въ Магомета, другой яи во что не вѣрить.

— Что вы говорите! Опомнитесь, милостивый государь! Такъ ли
вы учили въ зборовской академіи? Вотъ слѣдствія того, что вы
никогда не ходите слушать проповѣди; тамъ бы вамъ напомнили,
что всякій челоувѣкъ вашъ ближній, потому что кровь Христова
пролита за всѣхъ людей.

— Если такъ, то и безъ Лютера можно было бы обойтись.

— О! о! о! восклицалъ Здора старшій въ ужасѣ и разговоръ пе-
реходилъ въ жаркое богословское преніе, оканчивавшееся обыкно-
венно тѣмъ, что отецъ просилъ сына оставить его въ покоѣ.

— Тридцать лѣтъ я управлялъ помѣстьями моего пана безъ ва-
шего совѣта, и теперь въ немъ не нуждаюсь. Вы бы все рады по-
вернуть къ верху дномъ, да то счастье, что свинѣ Богъ рогъ не
далъ. Ступайте себѣ куда знаете; оставьте меня въ покоѣ; мнѣ нѣ-
когда съ вами болтать.

На другой день была ярмарка въ Калышнѣ. Къ этому времени
пріѣхали два запорожца получить дань, почему панъ Здора и ста-
рался поскорѣе отдѣлаться отъ сына. Запорожцы пріѣхали въ те-
лѣгахъ, запряженной парой добрыхъ коней, за ними слѣдовалъ не-
большой отрядъ конныхъ казаковъ. Когда они вошли, губернаторъ
принялъ ихъ налюбезнѣйшимъ образомъ, предложилъ имъ водку,
копченое сало, и пустился съ ними въ самую дружескую бесѣду,
причемъ отсчиталъ имъ двѣсти *злотыхъ* и попросилъ ихъ дать ему
росписку, въ которой значилось пятьсотъ.

Потомъ повелъ ихъ къ женѣ, прося ихъ, остаться обѣдать, и
послалъ за сыномъ.

Взекіель явился. Онъ еще не успокоился послѣ разговора съ
отцомъ.

— Ты еще молодъ, мой другъ, началъ отецъ самымъ ласковымъ
и вкрадчивымъ тономъ. Поживешь съ мое, станешь думать, какъ я.
Конечно, можно воевать, можно даже и побить; а потомъ что?...
Вотъ посмотри, здѣсь онъ подалъ ему росписку; пятьсотъ *злотыхъ*
заплатчено, а плачу я ежегодно четыре раза. Разумѣется, жаль, тѣмъ

болѣе жаль, что это не мое, а сенаторское. Зато миръ, зато мы спимъ спокойно. Затѣмъ миролюбивый губернаторъ постарался представить юному рыцарю всю невыгоду и опасность войны, рассказавъ въ подтвержденіе печальную исторію вражды Висневскаго съ турками и заключилъ свою рѣчь такимъ образомъ: «За столомъ ты увидишь моихъ запорожцевъ; они тебѣ непременно понравятся, потому что это бывалые люди; они расскажутъ о своемъ новомъ гетманѣ: какой-то Самуха у нихъ нынче. Онъ только три года жилъ у нихъ въ Запорожьѣ, но они такъ полюбили его, что, по смерти стараго гетмана, его выбрали. Будь только вѣжливъ съ ними, помни, кто моего гостя обидитъ, тотъ меня обидитъ, а я себя никому обижать не позволяю.»

II.

Отецъ съ сыномъ вошли въ гостинную, гдѣ застѣдала губернаторша, занятая бесѣдою съ гостями. Оба запорожца были довольно бѣдно одѣты. Колеты и шаравары изъ сѣраго сукна, рубашка изъ желѣзныхъ колецъ и сабля, вотъ весь ихъ нарядъ. Остальную часть своего вооруженія они оставили въ телегѣ и подъ печью въ губернаторскомъ кабинетѣ. Обоимъ можно было дать на взглядъ не болѣе тридцати лѣтъ; у обоихъ головы были голы и только длинный оселедецъ спускался на плечи. Одинъ изъ нихъ, повидимому старшій, могъ бы казаться красивымъ мужчиною, еслибы правый глазъ у него не былъ прикрытъ пластыремъ, а другой пластырь не закрывалъ лѣвой щеки, да сверхъ того говорилъ-бы болѣе человѣчески голосомъ, но когда онъ начиналъ рѣчь, то изъ груди его выходило такое храпѣніе, какъ изъ дырявой трубы. Другой козакъ былъ здоровый, широкоплечій мужчина съ косыми глазами, загнутымъ носомъ и рыжимъ оселедцемъ. Выраженіе его лица обличало опытнаго разбойника. Онъ больше молчалъ, предоставляя своему товарищу говорить за обоихъ. Свѣсивъ голову на грудь, онъ внимательно вслушивался въ разговоръ.

Панъ Здра представилъ сына.

— Прощу любить и жаловать, прибавилъ онъ. Надѣюсь, понравитесь другъ другу, потому что мой сынъ, какъ и вы, опытенъ въ рыцарскомъ ремеслѣ, сражался подъ Полоцкомъ и удостоился рыцарскаго званія; теперь около полутора года живетъ при мнѣ.

Козаки поклонились довольно низко рыцарю, который едва заметно кивнулъ имъ головою, и начался обыденный разговоръ. Говорили по русски. Вскорѣ однакожъ доложили, что обѣдъ готовъ; губернаторша подала руку запорожцу съ пластырями, а за ними пошли другіе и сѣли за круглый столъ, стоявшій на серединѣ комнаты. Кромѣ губернаторскаго семейства и запорожцевъ къ обѣду явился мѣстный пасторъ, имѣвшій не послѣднее значеніе между диссидентами, и двѣ дѣвицы. Сѣлъ и панъ Езекиель, хотя видно было, что его рыцарская гордость оскорблялась сосѣдствомъ мужиковъ: онъ сѣдалъ надъ собою усиліе, во первыхъ, потому что не желалъ раздражать отца, во вторыхъ, потому, что одноглазый козакъ уже началъ рассказывать о геройскихъ подвигахъ новаго гет-

мана, о жизни въ Запорожьи, что его очень занимало. Но эта внутренняя борьба не ускользнула вѣроятно отъ глаза запорожца, потому что послѣ супа онъ заговорилъ на чистомъ польскомъ языкѣ, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Какъ легко иногда люди судятъ по наружности. Если дворянинъ встрѣчается съ запорожцемъ, то ужъ ему кажутся, что у него корона свалится съ головы, если онъ позволитъ ему маленькую фамильярность. И почему? потому что запорожецъ въ сѣрой свиткѣ, а не въ бархатѣ, подпоясанъ ремнемъ, а не золотымъ поясомъ. А того не знаютъ, что въ Запорожьи есть столько дворянъ и съ такими гербами, что, можетъ быть, и капитулъ краковскій ихъ не постыдился бы.

— Сколько могу судить, по словамъ вашимъ, проговорилъ Езекиель, вы и сами должны принадлежать къ числу такихъ.

— Можетъ быть: да, а, можетъ быть, нѣтъ. Въ сомнѣніи *susline et abstine*.

— Вы меня этимъ доконали, сказалъ панъ Езекиель, сибѣсь; теперь нѣтъ сомнѣнія, что вы столбовой дворянинъ, если въ свое время и учились. А потому имѣю честь представиться—панцырный товарищъ знамени ясне-вельможнаго Оссолинскаго, кастеляна Сандомирскаго, хотя сверхкомплектный, но всегда готовый къ его услугамъ. Теперь и вамъ, прибавилъ панъ Езекиель, послѣ короткой паузы, не слѣдовало бы скрывать своего званія.

— О мой достойный панцырный товарищъ, охотно я сдѣлалъ бы это, но мое дворянство съ титулами—если предположить, что онѣ дѣйствительно существовали, Богъ знаетъ, его гдѣ теперь. Какъ вступилъ я въ Запорожье, все какъ рукой сняло; тотчасъ забылъ свое старое имя и званіе. Тогда только и вспомню его, когда придетъ въ голову уйти съ Запорожья. Однако думаю, прежде, чѣмъ это случится, въ Днѣпрѣ много воды утечетъ.

— Какъ же васъ называютъ ваши товарищи. Все, что живетъ, имѣетъ свое имя. Не могу же я подумать, что ежели вашъ гетманъ пожелаетъ говорить съ вами, то долженъ засвистать, какъ на собаку.

Запорожецъ испустилъ неопредѣленный звукъ и грозное око его, измѣривъ пана панцырнаго, встрѣтилось съ покойнымъ его взглядомъ. Въ этой встрѣчѣ было нѣчто до того поражающее, что у губернаторши посинѣли уста отъ испуга. Но въ эту минуту вокругъ головы запорожца заюлила оса.

— Берегитесь, чтобъ васъ не укусила оса, сказалъ панъ Езекиель.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ запорожецъ и началъ обмахиваться салфеткою. Оса упала въ солонку. Не удивительно, сказалъ онъ, что въ такое пріятное общество, какъ пана губернатора и его достойной супруги, тѣсняются и прощенные и непрощенные. Здѣсь и осу не должно постигнуть несчастье; она не убита еще, пусть себѣ живетъ на свѣжемъ воздухѣ.

Сказавъ это, онъ всталъ, взялъ солонку и, отворивъ окно, выбросилъ на траву осу вмѣстѣ съ солью.

— Вы, мой достопочтенный товарищъ панцырный, желали знать,

какъ зовутъ меня мои товарищи. У насъ нѣтъ ни именъ, ни фамилій. Существуютъ только прозвища, а ихъ надо заслужить. Нашъ нынѣшній гетманъ—Самуха, потому что самъ отбилъ отъ шести татаръ. А вашъ слуга—атаманъ и называется Дѣтина, по той причинѣ, что во время осады цецерскаго замка я первый ночью взобрался на валъ съ двумя козаками; часовой крикнулъ: кто тамъ? я бросился къ нему и ударилъ по лбу топоромъ, сказавши: цыцъ, дѣтина! За нами и всѣ остальные вошли на валъ. Мы овладѣли замкомъ, а гетманъ назвалъ меня Цыцъ-Дѣтина. Вотъ мое настоящее дворянство.

— Отъ души поздравляю васъ. Я очень хотѣлъ бы хоть разъ въ жизни взглянуть на вашего гетмана. Здѣсь о немъ чудеса рассказываютъ. Въ какой же землѣ онъ родился?

— Только не въ Запорожьи. У насъ нѣтъ женщинъ, и дѣти у насъ не рождаются. Къ намъ со всего свѣта уже готовые рыцари приходятъ, становятся запорожцами и забываютъ о томъ, чѣмъ были прежде. Нашъ хлѣбъ вкусенъ и всего, чего хочешь, вволю.

— Все это прекрасно, однакожъ безъ женщинъ должно быть скучно.

— Вовсе нѣтъ. Въ рыцарскомъ обществѣ женщина, что шло въ мѣшкѣ. Еслибы у насъ были женщины, начались бы ссоры, явилась бы зависть; тогда конецъ нашему братству. Да и жить военнымъ людямъ съ женщинами не слѣдуетъ. Пойдутъ дѣти, а извѣстно, что дѣтскій крикъ отнимаетъ отвагу у родительскаго сердца, да и другому неприятенъ. Зачѣмъ намъ женщины въ Запорожьи? Мы ихъ находимъ въ ихъ собственныхъ домахъ.

— Конечно, въ вашей жизни много привлекательнаго, но ко всему надо привыкнуть: подъ начальствомъ такого славнаго гетмана, какъ Самуха, всѣ труды и опасности должны быть пріятны. Я слышалъ много; но желалъ бы знать, каковъ онъ въ жизни.

— Прекрасный человекъ, добрый и кроткій человекъ. Пока въ рукѣ противника сабля, до тѣхъ поръ онъ какъ звѣрь; но если тотъ выпустилъ саблю, онъ становится его благодѣтелемъ, отцомъ. Вы спросите у здѣшнихъ жителей. Прежде съ нашими небывало никакихъ разговоровъ—что видятъ, все истребляютъ и разоряютъ. Теперь не то. Воюемъ больше съ татарами, а Русь и Польша отъ насъ не много терпятъ. Мы съ ними ведемъ дѣла по пріятельски—получаемъ дань и живемъ смирно. Кто платитъ, тотъ и покоенъ; кто не платитъ, тому, знать, хочется войны. Если война кончится плохо, не мы виноваты. Volenti non fiat injuria: вотъ панъ губернаторъ платитъ намъ исправно, за то спитъ спокойно и на насъ не можетъ пожаловаться.

— До чувствительной струны договорились мы съ вами, почтенный господинъ атаманъ. Я не могу входить въ дѣла отца; но будь я на его мѣстѣ или имѣй я только рѣшительный голосъ въ его советѣ, было бы иначе.

— Почему?

— Потому что я, можетъ быть, сталъ бы доискиваться доказательствъ, что на эту дань вы имѣете право.

— Вотъ самое основательное и рѣшительное доказательство, возразилъ атаманъ, ударивъ по рукояти своей сабли.

— Но у меня есть реплика, а я не знаю, кто кого убѣдиль бы скорѣе.

— Не сомнѣваюсь въ вашемъ мужествѣ; но не сомнѣнно и то, что спокойная дружба вашего отца гораздо выгоднѣе вашего не-расположенія. Потому что или я пострадалъ бы, или вашу кровь пролилъ бы—и въ томъ и въ другомъ случаѣ не могъ бы себя поздравить. Но оставимъ этотъ разговоръ, потому что дѣло уже кончено.

— Увидимъ, проворчалъ панъ Езекиель, и когда обѣдъ кончался, вышелъ на лугъ, растилавшійся передъ домомъ, какъ будто новое знакомство ему надобно. Онъ хотѣлъ было идти въ конюшню, куда ходилъ обыкновенно, по пяти или шести разъ въ день, навѣщать своего боевого коня, хотя жилъ возлѣ него въ сараѣ, вмѣстѣ съ своимъ Свиридомъ, старымъ казакомъ, изъ калыничкаго графства, дѣлавшимъ горе и счастье своего господина. Но панъ Езекиель не дошелъ до конюшни. Онъ услышалъ стукъ колесъ и черезъ минуту увидѣлъ въѣзжающую во дворъ большую крытую бричку, запряженную четвернею. Бричка остановилась у крыльца; изъ нея вылѣзъ старикъ, почтенной наружности, хорошо знакомый нашему рыцарю. То былъ панъ Влажей Мрочекъ, одинъ изъ придворныхъ пана Краковскаго, вѣрный слуга своего господина и Рѣчи Посполитой, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ фамиліи Зборовскихъ. Губернаторъ встрѣтилъ на крыльцѣ своего гостя и, униженно раскланиваясь, ввелъ его въ домъ. Панъ Езекиель отложилъ визитъ въ конюшню и тоже вошелъ въ домъ.

При входѣ его старикъ обѣими руками держалъ руку губернатора и, склонивъ голову на бокъ, извинялся, что явился къ ней въ дорожномъ платьѣ.

— Ахъ, панъ Хорунжій, возразилъ губернаторъ, къ чему такіе церемоніи! Мы ваши преданные слуги.... Губернаторъ разсыпался въ любезностяхъ, а въ заключеніе предложилъ гостю своему побѣдать; но тотъ отказался, сказавъ, что сытно позавтракалъ дома и можетъ подождать до ужина.

— А вотъ, началъ потомъ губернаторъ, усадивъ въ кресла старика, позвольте вамъ представить пановъ запорожцевъ. Оба достойные люди, друзья наши, и я горжусь ихъ дружбою. Они пріѣхали на ярмарку. А это—мой сынъ, Езекиель; имѣлъ счастье быть вамъ извѣстнымъ въ Зборовѣ, если только сумѣлъ обратить на себя вниманіе пана Хорунжаго.

— Знаю, знаю. Вѣдь господинъ Езекиель участвовалъ въ полоцкомъ походѣ, товарищъ моего сына...

— Обоихъ вашихъ сыновей, замѣтилъ Езекиель, поклонившись низко; съ младшимъ я вмѣстѣ учился. Вельможный хорунжій поз-

волить мнѣ спросить, гдѣ въ настоящее время достойные кавалеры.

— У меня только одинъ сынъ, Марцинъ; тотъ женился, у него дѣти, хозяйство, работаетъ въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи, пока, отъ чего Боже сохрани, не долженъ будетъ явиться къ народному ополченію.

— А панъ Казиміръ, этотъ непобѣдимый рыцарь, съ которымъ развѣ одинъ панъ Самуэль могъ сравниться въ искусствѣ владѣть мечомъ и копьемъ?

— Далеко пану Казиміру до пана Самуэля, замѣтилъ одноглазый Запорожецъ по-русски.

Панъ Езекиель только взглянулъ на него довольно презрительно и потомъ продолжалъ:

— Извините меня, вѣроятный Хорунжій, что осмѣливаюсь спросить о моемъ лучшемъ другѣ: гдѣ онъ въ настоящее время?

— Не знаю, отвѣчалъ старикъ холодно. Я уже сказалъ вамъ, что у меня одинъ только сынъ... другой... Пусть будетъ воля Ножи. И меня и моего господина постигла одна участь. И панъ Самуэль и мой, когда-то, Казиміръ, вмѣстѣ бѣжали изъ родительскаго дома. Но что тутъ говорить о личныхъ нашихъ несчастьяхъ, когда общественныя несчастья сыплются на насъ какъ градъ. Такъ, мы вѣрные слуги лишились нашего господина, сенатъ — руководителя, королевство и Литва — отца,

— Какъ? воскликнулъ губернаторъ.

— Да. Уже пять недѣль прошло, какъ кончили дни свои Сигизмундъ Августъ. Отопелъ нашъ великій король, не оставивъ ни потомства, ни даже близкаго родственника. Это первое такое междуцарствіе, въ которомъ нельзя предвидѣть, чьиими мы будемъ подданными. Совѣтъ долго скрывалъ это несчастье отъ народа, желая отсрочить домашнюю войну, а, можетъ быть, и паденіе республики; но пану Краковскому немедленно съ нарочнымъ дали знать, а вскорѣ прибыли и его сыновья. Но лишь только онъ получилъ извѣстіе о смерти короля, самъ занемогъ; старая его болѣзнь усилилась и черезъ четыре дня отдалъ Богу душу.

— Нашъ панъ умеръ? вскрикнулъ губернаторъ, заломивъ руки.

— Умеръ, умеръ на моихъ рукахъ. И я десятью годами старше его и долженъ пережить его. Но что это были послѣдніе пять дней — всѣ сыновья окружали его смертный одръ — я говорю: всѣ, потому что пана Самуэля считаю погибшимъ; но старецъ нашъ, умирая, былъ занятъ имъ наиболѣе. Влагословлялъ его нѣсколько разъ и повторялъ: Это былъ мой любезнѣйшій сынъ, Богъ и наказалъ меня имъ, потому что я окаянный грѣшникъ. Призвалъ къ себѣ изъ Львова двухъ іезуитовъ, и въ ихъ рукахъ, въ полномъ сознании отказался отъ своихъ нововведеній. А потомъ громко сказалъ: «возвращаюсь на лоно нашей церкви, которую оставилъ, не по искреннему убѣжденію, а по вѣтренности, изъ гордости, изъ желанія сдѣлаться главою сильной партіи, чтобы враждовать съ своимъ королемъ и возвысить свой родъ. Но хотя я и былъ диссидентомъ, ни-

когда не отталкивалъ отъ себя людей , вѣрившихъ постарому , поэтому что я всегда боялся умереть между такими людьми , которые не допустили бь до меня католическаго священника. И васъ , панъ Мрочекъ , я всегда любилъ , несмотря на различіе нашихъ мнѣній. Я хоть и дурно жилъ , но не теряю надежды на милосердіе Божіе.

— А мы все плакали. Нѣтъ безгрѣшныхъ людей , а онъ былъ панъ добрый и справедливый , продолжалъ старикъ. Дай Богъ мнѣ такъ умереть , какъ онъ : нѣсколько разъ исповѣдывался ; съ какимъ раскаяніемъ онъ принялъ св. Тайны... И еще наканунѣ смерти говорилъ сыновьямъ : «Я васъ не могу убѣдить всѣхъ , чтобы вы возвратились къ старой религіи—это напрасно , потому что въ особенности тобѣ Марцінъ , какъ великому коронному маршалу , было бы выгодно , во время междоусобицы , сдѣлаться начальникомъ партіи диссидентовъ , чтобы противостать выборамъ. Будете дѣлать тоже , что я когда-то дѣлалъ ; дай Богъ , чтобы вы и кончили также , какъ я. Но заклинаю васъ , не позволяйте диссидентамъ властвовать вами. Вы знаете , какъ говорилъ объ этомъ мой другъ и свать князь Михайлъ Радзивилъ , воевода и гетманъ. Тогда король заболѣлъ—стали уже очень сомнѣваться , выздоровѣетъ ли. Я сказалъ князю : въ случаѣ несчастья , не дурно было бы пригласить королевскаго двоюроднаго брата изъ Кенигсберга , потому что король потомства не оставитъ. Избави Богъ , отвѣчалъ князь. Король рѣши Посполитой непременно долженъ быть папистъ ; потому что если онъ затронетъ наши права , подтвержденныя его присягой , то развѣ одинъ пана можетъ разрѣшить присягу ; а диссидентъ самъ разрѣшить. Я удивился тогда , слыша такія рѣчи отъ князя , который , вы знаете , былъ заклятый кальвинистъ. А онъ мнѣ на то сказалъ : Богъ свидѣтель , что я искалъ правды ; но мои министры такъ сбили меня съ толку , что я самъ не знаю , во что вѣрю , во что не вѣрю ; вижу теперь , что моихъ сыновей заманиваютъ іезуиты , но молчу , потому что мнѣ теперь рѣшительно все равно. Потомъ сказалъ сыновьямъ , продолжалъ панъ Мрочекъ : вотъ у него мое завѣщаніе , копія съ него хранится у князя Христофора Радзивила , виленскаго воеводы. Вы прочитаете мою волю и исполните ее честно. Никто изъ васъ не будетъ обиженъ. Имѣніе моей жены я отдавалъ вамъ и почти все свое. Единственное мое наследство Зборова ; остальное все я самъ пріобрѣлъ , мои пожертвованія въ монастыри и церкви не лишатъ васъ ничего. Вы все теперь уже богаты , одинъ Самуэль не выдѣленъ—Богъ знаетъ , гдѣ онъ теперь. Но все равно , онъ долженъ получить свою часть. Я прощаю ему , что онъ такъ огорчилъ меня , что такъ неблагодарно поступилъ въ отношеніи ко мнѣ. Вотъ какой былъ это человекъ , а панъ Самуэль? Уйти изъ родительскаго дома , тайно , какъ воръ....

— Чтожъ ему было дѣлать , когда отецъ , заставлялъ жениться на женщинѣ , которой онъ не любилъ и не могъ любить , вмѣшался заporожецъ.

— Какже вы это знаете? спросилъ удивленный панъ Мрочекъ.

— Ничего нѣтъ удивительнаго , отвѣчалъ атаманъ. У насъ въ

Съчи рыцари со всего свѣта; мы люди не грамотные, читать не умѣемъ, и когда нѣтъ у насъ войны, мы сидимъ, да слушаемъ, что люди говорятъ о людяхъ.

— Какъ бы то ни было, а добрый сынъ долженъ полагаться на совѣтъ отца и исполнять его волю, особенно такого добраго отца. Никогда не забуду его словъ: самый тяжкій грѣхъ, говорилъ онъ, на твоей совѣсти—убійство князя Сангушки; я, какъ опекунъ княжны Гальшки, оправданъ предъ закономъ, потому что исполнилъ приговоръ короля. Но Богу извѣстно, что это было сдѣлано только для того, чтобы женить котораго нибудь изъ сыновей на богатѣйшей наслѣдницѣ въ королевствѣ. Я думалъ, что на ней женится Самуэль. Но Богъ наказалъ меня за мое преступленіе. Потомъ онъ обратился ко мнѣ и сказалъ: Любезный Мрочекъ, заклинаю васъ, постарайтесь сейчасъ послѣ моей смерти отыскать его; можетъ быть, онъ бѣдняжка теперь страдаетъ гдѣ нибудь, какъ блудный сынъ Евангелія. Ахъ, почему его нѣтъ при мнѣ!.. И слезы потекли по его лицу. Сейчасъ послѣ его смерти молодые господа напомнили мнѣ мою обязанность, и вотъ я пріѣхалъ сюда, полагая, что можетъ быть Богъ поможетъ найти его. Все жъ таки онъ благородный человѣкъ, какъ узнаешь о томъ, что отечество осиротѣло, можетъ быть вспомнить, что онъ сынъ и слуга.

— За этотъ трудъ, васъ Богъ, можетъ быть, вдвойнѣ наградитъ, потому что, отыскавъ пана Самуэля, можетъ быть и своего собственнаго сына найдете.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не думаю о немъ. Я и видѣть его не желаю, я давно отъ него отрекся. Въ моихъ глазахъ панъ Самуэль менѣе виноватъ, потому что этотъ негодный Казиміръ довелъ его до этого. Онъ всегда былъ упрямъ и непослушенъ. Я и встрѣчаться съ нимъ не хочу.

— Вельможный хорунжій, кажется, слишкомъ увлекается вашимъ справедливымъ гнѣвомъ, замѣтилъ панъ Езекиель; но такой достойный рыцарь имѣетъ нѣкоторое право на снисхожденіе. Если, напримеръ, панъ Казиміръ обязалъ его честнымъ словомъ хранить тайну. Какже могъ онъ измѣнить?

— Но это до васъ не касается, заворчалъ панъ Здра, обращаясь къ сыну. Судъ надъ сыномъ принадлежитъ отцу и никому другому. Извините, вельможный хорунжій, эти глупыя рѣчи.

— О нѣтъ, я вовсе не сержусь на эти вспышки молодости. Но меня занимаетъ теперь панъ Самуэль, потому что я далъ слово отыскать его, а о другомъ и знать не хочу. Живъ—хорошо, умеръ—такъ Богъ съ нимъ, лишь бы не на висѣлицѣ. Для меня онъ уже давно умеръ.

— Такъ, панъ Здра—продолжалъ хорунжій—дурно и очень дурно, что наша молодежь думаетъ, что она только и живетъ для войны, и что не умѣетъ отличать самонадѣянности отъ храбрости. Поэтому-то мы не знаемъ мира, и войны наши идутъ плохо. Съ храбрыми да непослушнымъ войскомъ далеко не уйдешь. Я говорю это по опыту. Мы хвалимся своею храбростью, а теперь дошло до то-

го, что разбойники изъ-за Днѣпра безнаказанно грабятъ наши села. А я помню, что въ молодости моей ихъ плетъми гоняли.

Рыжій казакъ бѣшено взглянулъ на старца, но одноглазый мигнулъ ему, и тотъ снова опустилъ голову на грудь и продолжалъ сидѣть, не шевелясь. Эти мгновенная сцена malta не ускользнула отъ взгляда пана Езекіюля.

— Святая правда, отвѣчалъ панъ губернаторъ, но мы, отцы, не виноваты. Вотъ я, напримѣръ: я вовсе не имѣю склонности къ военному дѣлу и сына хотѣлъ повести по другой дорогѣ — не тутъ-то было. Такъ вотъ и вы, панъ хорунжій, тоже хотѣли пана Казимира задержать въ школѣ и повести иначе, но молодые на своемъ поставили. Не мы виноваты.

— Нѣтъ, мы виноваты, и очень. До васъ это не касается; вы сами принадлежите къ аугсбургскому исповѣданію. А какой чортъ попуталъ меня тогда, что я согласился послать меньшаго сына въ диссидентскую школу. Старшій учился у іезуитовъ—такъ точно полковой и до сихъ поръ, хоть у самого ужъ есть дѣти. А въ этой Зборовской школѣ дѣти становились Богъ знаетъ, чѣмъ. Ни послушанія, ни уваженія къ старшимъ. Ты ему приказываешь, а онъ тебѣ; почему да зачѣмъ? все ему толкуй, да объясняй. А все оттого, что наши проповѣдники учатъ, что разумъ есть даръ Божій и долженъ руководствовать человека въ каждомъ дѣлѣ, что онъ не допускаетъ слѣпаго повиновенія.

— А достопочтенный панъ хорунжій, конечно, помнитъ, сказалъ панъ Здора, что Апостолъ ясно требуетъ разумаго, а не слѣпнаго послушанія.

— Я не богословъ, а солдатъ, и никогда не старался проникнуть въ глубь богословія, потому что всегда былъ подначальнымъ, и это меня успокоиваетъ. Но я говорю о томъ, что у насъ дѣлается. Я хорошо помню, какъ у насъ стали являться эти нѣмецкія новости сначала между купечествомъ, а потомъ между дворянствомъ. Когда всѣ одинаково вѣрили, все было иначе. Мы не стали свободны отъ того, а только повиноваться перестали. Мы всегда избирали королей и никогда не случалось, чтобы республика оставалась безъ короля, потому что одинаковость религіи поддерживала одномысліе въ народѣ. Уваженіе къ старшимъ держало молодежь въ повиновеніи. Умръ король—всѣ избирали его сына; приказалъ гетманъ, всѣ исполняли приказаніе, и ни одинъ народъ не былъ такъ свободенъ, какъ мы. А съ тѣхъ поръ, какъ зашла къ намъ нѣмецкая мудрость, много у насъ явилось людей способныхъ разсуждать, за то Рѣчь Посполитая потеряла много силы. Кто виноватъ, что мы лишились Полоннаго Шляхта, потому что разошлась прежде, чѣмъ кончилось дѣло, перекоръ гетману. Богъ одинъ знаетъ, что еще можеть выйти изъ этой свободы толкованія св. Писанія.

— Однакожъ достопочтенный панъ хорунжій обратитъ на то вниманіе, что у нѣмцевъ нѣтъ безурядицы, хотя они и выбились изъ подъ власти императора и папы.

— До нѣщевъ мнѣ нѣтъ дѣла, я сожалею только о томъ, что дѣлается у насъ. Я знаю, что эти новости не долго проживутъ въ Вольшѣ. Это купеческая вѣра, а не дворянская. Хотя теперь я много барчатъ къ ней пристало, а вотъ погодите, остепенятся. сами перейдутъ къ намъ. Да и женщины наши не очень къ нимъ расположены. Уже сынъ научился неповиноваться отцу, слуга обманывать и обкрадывать господина. Разумъ человѣческій все оправдаетъ. А потомъ будутъ говорить, что наши законы виноваты.

— Неправда, законы хороши, но только для честныхъ людей.

— Ахъ, панъ хорунжій! Богъ мнѣ свидѣтель, что хотя я и протестантъ, а ни копѣйкой господской никогда не пользовался.

— Я не сомнѣваюсь въ честности господина губернатора. Покойный панъ Краковскій всегда былъ убѣжденъ въ вашей непоколебимой вѣрности.

— Я могу увѣрить васъ, что онъ не ошибался. Вы позволили сейчасъ сказать, что покойный панъ оставилъ у васъ свое завѣщаніе. Сѣю спросить васъ, вспомнилъ-ли онъ обо мнѣ? Я бѣденъ, ей-Богу бѣденъ!

— Признаюсь вамъ, что я отдалъ его завѣщаніе наслѣдникамъ, не читавши. Потомъ, правда, его читали, но смерть нашего пана такъ меня разстроила и огорчила, что я не могъ слушать и входить въ частности. Я только и помню теперь его послѣднюю волю и ни объ чемъ не думаю, какъ о томъ, чтобы найти пана Самуэля. Съ этою цѣлью я и пріѣхалъ сюда. На совѣщаніи всѣхъ братьевъ предположено было, что онъ, какъ протестантъ могъ скрыться въ Германію; но оттуда были бы скоро вѣсти о немъ, потому что это не такой человекъ, чтобы сидѣть на мѣстѣ. Панъ кастелянъ Гнѣзненскій при этомъ замѣтилъ, что ему извѣстно, что панъ Самуэль ничего такъ не желалъ, какъ быть въ Запорожьи, гдѣ, по его мнѣнію, можно всегда найти дѣло, достойное рыцаря. Извѣстно также, что прежде, чѣмъ распространилась вѣсть объ его бѣгствѣ, кіевскій воевода, бывший въ тѣсной дружбѣ съ покойнымъ сенаторомъ, писалъ къ нему, что видѣлъ въ нечерской лаврѣ во время обѣдни двухъ запорожцевъ, изъ которыхъ одинъ показался ему паномъ Самуэлемъ. Желая удостовѣриться въ этомъ, онъ приказалъ одному изъ своихъ придворныхъ познакомиться съ ними и, если его предположеніе вѣрно, пригласить обоихъ обѣдать къ воеводѣ; но оба они скрылись въ толпѣ, такъ что ихъ нельзя было потомъ найти. Вскорѣ послѣ того, воеводѣ донесли, что два запорожца переправились на лѣвый берегъ Днѣпра. Нѣтъ сомнѣнія, что одинъ изъ нихъ былъ панъ Самуэль, а другой — мой негодяй, и если они живы, то должны быть въ Запорожьи. Если я ихъ найду, конечно пану Самуэлю ничего, онъ самъ себѣ господинъ, владѣтель огромныхъ помѣстій и никто не имѣетъ теперь права требовать отъ него отчетъ. Одинъ Богъ ему теперь судья. Но если мой попадетъ въ мои руки, а знаю, что съ нимъ дѣлать. Теперь я начну поиски. Избираю Кальникъ главнымъ пунктомъ, и что имѣю право требовать отъ васъ повиновенія, предъявляю вамъ инструкцію короннаго маршала.

— И безъ того я и все правленіе калѣйничье готово исполнять ваши приказанія.

— Привязанность ваша къ семейству покойнаго извѣстна. Съ этими словами панъ хорунжій повелѣ губернатора въ другую комнату и началъ говорить съ нимъ почти шопотомъ. Запорожцы вышли, а панъ Езекиель задумчиво поплелся въ конюшню къ своему слугѣ и товарищу.

III.

Пришедъ въ конюшню, Езекиель приказалъ Свириду вывести коня. Это былъ весьма цѣнный аргамакъ, подаренный губернаторскому сыну кастеляномъ Сандомірскимъ въ награду за его мужество. Езекиель любилъ его больше всего на свѣтѣ и готовъ былъ скорѣе лишиться наслѣдства, нежели этого подарка. Когда вывели коня, онъ самъ надѣлъ на него мундштукъ, предоставивъ Свириду надѣть сбрую и затянуть подпругу; самъ же въ это время пересмотрѣлъ военные доспѣхи. Надѣвъ лосиный кафтанъ и препоясавъ саблю, Езекиель сѣлъ на своего коня и сначала шибкимъ аллюромъ, потомъ шагомъ направился къ мѣстечку.

Тамъ шли дѣятельныя приготовленія къ завтрашней ярмаркѣ: разставляли ятки, временныя лавченки, выдвигали въ рядъ возы съ разнаго рода сельскими продуктами; возлѣ нихъ толпились жидовскія козы и коровы, пользуясь разсѣянностью хозяевъ, тихомолку таскали сѣно. Все было необыкновенно живо и весело. Но лишь только нашъ рыцарь явился на рынокъ, въ мигъ все измѣнилось: дѣти пустились бѣжать по домамъ, дѣвушки старались скрыться, а оставшіеся поспѣшно сторонились. Но панъ Езекиель поѣхалъ прямо къ корчмѣ и, остановившись предъ нею, началъ громкимъ крикомъ вызывать жида-хозяина, который, хотя и былъ богадомъ, но выбѣжалъ къ нему и съ видомъ покорнѣйшаго раба сталъ выслушивать приказанія губернаторскаго сына.

— Кликни кого-нибудь изъ своихъ, сказалъ панъ Езекиель, сѣдлая съ коня и трепая его по шеѣ, пусть возьмутъ лошадь. Но чуртѣ не ставить въ стойло!

Жидъ скрылся и тотчасъ снова явился на порогъ корчмы, ведя своего сына, хорошо извѣстнаго пану Езекиелю, которому онъ поручилъ коня.

— Ицко, обратился онъ снова къ хозяину. ты не знаешь, гдѣ запорожцы, которые обѣдали сегодня у отца.

— Они ко мнѣ заѣхали и лошади ихъ тутъ въ конюшнѣ. Завтра вечеромъ думаютъ ѣхать домой.

— Мнѣ надо поговорить съ ними.

— Они въ избѣ; пьютъ выпивку съ нашей шляхтою; вы можете сейчасъ ихъ видѣть.

— Покажи ихъ лошадей.

Ицко повелѣ рыцаря показывать казацкихъ лошадей: они во всемъ безъ исключенія понравились ему, а въ особенности одна, гонимая

по его мятнію, для Свирида, которому именно недоставало добраго коня, чтобы быть истиннымъ оруженосцемъ своего господина. Послѣ осмотра онъ пошелъ, сопровождаемый корчмаремъ, въ избу. Тамъ за столомъ, на которомъ красовался гарнецъ вишневки, сидѣли два запорожца и два шляхтича. Последніе, при появленіи губернаторскаго сына, почтительно встали, а запорожцы только кивнули ему головою.

— Поздравляю, вотъ это дѣло! сказалъ онъ довольно развязно.

— Не угодно-ли и вамъ будетъ пристать къ этому дѣлу? спросилъ одноглазый запорожецъ. Но можетъ быть панъ панцырный, въ богатыхъ домахъ, привыкъ къ чему-нибудь лучшему. Хозяинъ, кажется, у васъ венгерское водится; давайте сюда, да что есть лучшаго.

— Извините, заговорилъ панъ Езекиель. Отъ вина никогда не отказываются, особенно, когда предлагаютъ такъ радушно; но когда вы узнаете, за чѣмъ я пришелъ къ вамъ, то пожалуйте о своемъ радушіи.

— Нисколько. Если встрѣчаются два человѣка нашего цеха, то имъ, разумѣется, нечего болѣе дѣлать, какъ подраться или напиться.

— Вы отлично говорите, господинъ атаманъ. Дѣйствительно, я хотѣлъ бы покончить съ вами одно дѣльцо.

— Прекрасно, прекрасно; но насъ никто въ шею не гонитъ, — дѣльцо отложимъ на послѣ, теперь займемся дѣломъ.

Въ это время корчмарь съ другимъ жидкомъ втащили въ избу корзину съ бутылками и начали симметрически разставлять ихъ на столъ; потомъ, разставивъ стаканы, принялись откупоривать бутылки. При видѣ вапнтка, въ тѣ времена еще не совсѣмъ обыкновеннаго, шляхтичи хотѣли — было оставить компанію; но атаманъ остановилъ ихъ.

— Нѣтъ, я этого не позволю; чѣмъ болѣе собесѣдниковъ, тѣмъ веселѣе бесѣда. Эй, жидъ! продолжалъ онъ, за кого жъ ты насъ принимаешь? Подай чашу, къ чему эти стаканы.

Жидъ немедленно исполнилъ приказаніе, а атаманъ, выпивъ въ поданный сосудъ почти всю бутылку, поднялся, провозгласивъ тостъ:

— За здоровье всѣхъ калыницкихъ красавицъ! и выпилъ вин почти залпомъ.

— Теперь за вами очередь, панъ панцырный, сказалъ онъ, подавая сосудъ Езекиелю. Сами кончите, передавайте дальше.

Езекиель выпилъ также залпомъ, налилъ и передалъ чашу рыжему козаку.

— Вотъ это такъ, славно! вскрикнулъ атаманъ: смотри, Сагай-лачный, чтобы ляхъ не пристыдилъ Запорожца.

Тотъ молча выпилъ и передалъ чашу дальше. Венгерское было уже не первой молодости, а потому бесѣда пошла довольно живо и вскорѣ собесѣдники были очень довольны и собою и другъ другомъ.

— Ну, почтенный атаманъ , сказалъ Езекиель , не забывшій цѣли своего прихода; наши говорятъ , что всякое дѣло всего лучше улаживается за стаканомъ вина ; я долженъ сосчитаться съ вами. Поторкуемъ теперь объ этомъ ; бесѣда наша пойдетъ еще живѣе. Вы догадываетесь, въ чемъ дѣло.

— Я догадался , какъ только вы пріѣхали сюда. Я знаю, что когда дворянинъ , возведенный въ рыцарское достоинство ищетъ Запорожца , то не для того , чтобъ оказать ему вниманіе ; но завтра большой праздникъ , а въ сочельникъ иногда постятся , но не дерутся; сверхъ того я имѣю порученія отъ своихъ старшинъ и завтра на ярмаркѣ долженъ исполнить ихъ. Потому завтра послѣ полудня я къ вамъ въ услугамъ , а теперь кончимъ этотъ разговоръ, хотя впрочемъ я хотѣлъ бы знать, почему вы именно меня вызываете и еще при первомъ знакомствѣ?

— Я долженъ объясниться предъ вами, господинъ атаманъ; и скажу вамъ, что такъ случилось, что отъ человѣка, не имѣющаго ничего, кромѣ коня и рыцарскихъ доспѣховъ, трудно требовать, чтобы онъ не старался извлечь пользы изъ своего оружія; потому что, согласитесь сами, смѣшно же носить оружіе только для того, чтобы пугать жидонятъ.

— Какъ честный запорожецъ, скажу вамъ, что это истинная правда и что у добраго рыцаря сабля и копье тоже , что у помѣщика имѣніе. Но я думаю, что ко мнѣ это относиться не можетъ, потому что мы сами изъ числа тѣхъ , которые нуждаются въ деньгахъ и не могутъ дѣлиться съ другими.

— Но бываютъ исключенія изъ обыкновеннаго теченія жизни. Сегодня именно и случилось такое исключеніе. Я случайно попалъ въ ту минуту , которой давно уже ждалъ , и у меня это камнемъ на сердце лежитъ, что вы, не вынувъ сабли изъ ноженъ, взяли у отца пятьсотъ золотыхъ. Вамъ самимъ должно быть стыдно, что вы добыли ихъ такъ легко; по нашему , нужно было заявить иначе свое право на нихъ. Эти деньги должны возвратиться туда, откуда взяты. Но я вотъ чего хочу: мы завтра помѣряемся — вы уже на это согласились,—условіе слѣдующее : если вы окажетесь лучше меня, то возьмете моего коня и все оружіе возьмете себѣ, а я, если останусь живъ, потащусь къ отцу и пролежу у него за печкою, не показываясь никому на глаза. Но если Богъ мнѣ поможетъ, то вы отдадите мнѣ коня и то , что взяли у отца ; потому что такого коня, какъ мой, нельзя отдать за вашего безъ придачи. Позвольте при томъ мнѣ сказать вамъ, что хотя я васъ, при первомъ взглядѣ готовъ былъ пригвоздить копьемъ къ землѣ, но потомъ я почувствовалъ къ вамъ такое уваженіе, что рѣшаюсь откровенно представить вамъ положеніе моихъ дѣлъ. Вы слышали уже , что у насъ нѣтъ короля; это можетъ продлиться долго, могутъ претенденты на нашу корону повздорить , тогда всякій , кто знакомъ съ саблей , будетъ нуженъ, какъ воздухъ. Надо только лаяться къ нему въ Краковѣ, а тамъ все сладится. Только, какъ думатьъ объ этомъ, не имѣя средствъ купить коня и снарядить оруженосца. Къ отцу обратитъ —

ся; но прежде я пробью головою каменную стѣну, чѣмъ выклянчу у него копѣйку. Вы понимаете теперь, къ чему я веду рѣчь, и почему тѣ пятьсотъ золотыхъ, которыя вы взяли, постоянно звенятъ въ моихъ ушахъ. Неправда-ли, что мое предложеніе совершенно справедливо и основательно? Вы его не отвергнете?

— О нѣтъ! Ничего справедливѣе и выдумать нельзя; и ваши условія совершенно правильны. Я видѣлъ вашего коня, очень хорошаго, хоть бы нашему гетману на немъ ѣздить.

— Такъ рѣшено! По рукамъ и запьемъ уговоръ!

— Рѣшено, вотъ вамъ моя рука. Теперь, пока еще время говорить, я вамъ скажу, что другой на вашемъ мѣстѣ потребовалъ бы, чтобъ подѣлиться съ нимъ тѣмъ, что взято почти при немъ. Тогда, можетъ быть, былъ бы разговоръ со мною. Вѣдь никто не обвинилъ бы его въ томъ, что онъ началъ съ меньшаго, потому что кто вызываетъ, тотъ долженъ говорить, а тому, кто вызванъ, остается только принять, что ему предлагаютъ.

— Понимаю, къ чему вы клоните вашу рѣчь—но это уже не возможно. Во первыхъ, я привыкъ предлагать только то, что можетъ быть принято, потому что я всегда старался имѣть дѣло съ честными людьми. Впрочемъ, я, можетъ быть, и былъ бы не прочь отъ того, еслибъ дѣло шло только о деньгахъ, но тутъ есть еще одно обстоятельство.

— Какое?

— А вотъ какое. Надо вамъ знать, что по природѣ я терпѣть не могу, если мнѣ кто нибудь противорѣчитъ.

— Безподобно! Въ этомъ отношеніи вы мнѣ родной братъ, потому что я тоже этого терпѣть не могу, если кто нибудъ дѣлаетъ не такъ, какъ я хочу. Чтожъ дальше?

— Вы конечно не забыли, что въ то время, какъ хорунжій Мрочекъ, этотъ старый ханжа, поносилъ пана Казимира, я вступился за него, какъ за стараго товарища, потому что онъ дѣйствительно подъ Полоцкомъ былъ первымъ въ нашемъ рыцарствѣ, и сказалъ, что развѣ одинъ Самуэль Зборовскій съ нимъ сравнится, вы тогда...

— Я тогда сказалъ, что пану Казимиру далеко до пана Зборовскаго, и теперь повторяю тоже.

— И прекрасно! значитъ, дѣло наше кончено. Вы отъ своего, а я отъ своего мнѣнія не отступаю—завтра увидимъ, чья правда. Теперь можемъ оставить этотъ разговоръ; мы увѣрены, что завтра найдемъ другъ друга, и можемъ заняться венгерскимъ — можетъ быть, кому нибудъ изъ насъ не придется больше пробовать его. Сегодня вы ставите, потому что вы при деньгахъ, а что до меня, то вся моя надежда на завтра.

— Я не могу вѣрить, чтобы вы, бывши отличнымъ воиномъ, и притомъ рыцаремъ, не извлекали никакой выгоды изъ своего оружія. Я вижу, что вы не лѣнны. Я говорю, не потому, чтобы жалѣлъ сегодняшняго расхода, напротивъ, считаю за честь, что могу угостить такого дѣльнаго рыцаря, какъ вы. Не скрываю также, что

у меня есть деньги и эта пирушка нисколько не нарушаетъ нашихъ условій ; но говорю только , чтобы удовлетворить любопытству — тотъ , кто живетъ своимъ оружіемъ , радъ знать , какъ другіе имъ пользуются.

— Вы задали мнѣ вопросъ , касающійся моей сабли. Разумѣется, иногда она служитъ мнѣ: безъ этого у меня не было бы и рубахи. Съ тѣхъ поръ , какъ я выѣхалъ изъ Зборова , живу постоянно у отца и еще ни конѣйки отъ него не видѣлъ; не спросить даже, на какія деньги я одѣваю себя и своего Свирида ; думаетъ , что если дастъ обѣдъ и ужинъ , такъ мнѣ ужъ ничего больше и не надо. Каждый день колетъ мнѣ глаза овсомъ , что даютъ моему коню. Разумѣется, я долженъ промышлять какимъ нибудь способомъ. Иногда на большой дорогѣ заставляю кого нибудь подѣлиться со мною, — но все это вздоръ. Вы совсѣмъ испортили мое ремесло.

— А мы чѣмъ же виноваты?

— А ваше переміріе , которое вы заключили съ моимъ отцомъ! Здѣшніе купцы не боятся нападенія и не имѣютъ помощи въ защитѣ. А вы знаете, когда купецъ не дрожитъ отъ страха, въ рыцарской шинѣ пусто.

— А кто жъ мѣшаетъ намъ переѣхать въ такое мѣсто , гдѣ губернаторъ надѣется на свои частоколы и завалы, не думаетъ о насъ. а мы его купцовъ грабимъ?

— Объ этомъ-то я и думаю, но что жъ? Не могу дожидаться, чтобы коня купить Свириду. Мнѣ стыдно было пуститься одному и привсѣхъ самому поить и сѣдлать коня. Дай Богъ только Свирида посадить на порядочнаго коня, тогда не долго меня будутъ здѣсь видѣть! Если только удастся мнѣ завтрашнее дѣло, о, я буду знать, что дѣлать! Нечего говорить, ваше вино отличное и еслибъ человѣка приговорили не пить ничего другаго, то и тогда онъ вѣроятно не повѣсилъ бы отъ отчаянія.

— Если ваши дѣла въ такомъ положеніи, то я не промѣнялъ бы своего запорожскаго житія на ваше рыцарство.

— Ва! ктожъ сомнѣвается, что у васъ хорошо? Нападаете на кого хотите; вамъ старшина и не спросить, на кого напали—выиграли дѣло—прекрасно! У насъ не то! у насъ староста, хорунжій, возный — всякій присваиваетъ себѣ право судить дѣла рыцаря. Мы не только должны думать , чтобы выйти изъ дѣла цѣлыми, а чтобы и отвѣтить предъ старшинами. Тутъ отречься отъ самаго славнаго подвига, а не то, плати гривны, или ступай въ крѣпость. Чѣмъ же прикажете жить бѣдному рыцарю. Богатые купцы ѣздятъ таборомъ и держатъ при себѣ отрядъ народной кавалеріи: потому каждый старается поступить въ комплектъ , а записали, тогда и жениться можно, потому что при жизни всего по горло , а по смерти и дѣтой не оставятъ. Вамъ конечно извѣстно, что на войско Рѣчи Посполитой никто не нападетъ.

— Кто жъ можетъ принудить вооруженнаго рыцаря сидѣть въ крѣпости?

— Что вы говорите? Вы какъ будто Богъ знаетъ гдѣ жили. Ви-

жу, вы только выпытываете меня, а между тѣмъ сами хорошо знаете наши порядки, потому что, какъ я заключаю изъ вашихъ словъ, сказанныхъ во время обѣда, вы сами были дворяниномъ Рѣчи Посполитой.

— Если и было что нибудь въ этомъ родѣ, то ужъ такъ давно, что я забылъ многое, и хотя въ этихъ мѣстахъ часто приходится бывать, но не за тѣмъ, чтобы знакомиться съ вашими порядками и законами. Я хотѣлъ бы только знать, какимъ способомъ можно заставить рыцаря отвѣчать за свои поступки предъ старостой.

— Вы будто не знаете, что дворянинъ, не исполнившій опредѣленія, здѣсь словно проклятый—никто съ нимъ не говоритъ, всякій бѣжитъ отъ него, какъ отъ чорта. Нигдѣ не найдетъ пристанища—хорошо еще, если попадетъ на диссидента, мы не знаемъ этихъ предрасудковъ; но папистъ откажется и отъ роднаго брата, если тотъ поспорилъ съ правомъ.

— Въ такомъ случаѣ, что же мѣшаетъ уѣхать въ какое нибудь дальнее воеводство? Вѣдь ваша Рѣчь Посполитая довольно обширна.

— Вотъ прекрасный совѣтъ! Тогда вѣдь огласить повсюду.

— Ну, и что жъ?

— Какъ что жъ? А то, что кто нибудь убьетъ васъ, какъ собаку изъ-за угла.

— А, если такъ, то я посоветовалъ бы вамъ принять нашу вѣру.

— Гм! можетъ быть, я и самъ объ этомъ думалъ. Говорятъ, панъ Самуэль перешелъ къ вамъ; онъ, конечно, узналъ бы меня и хорошо рекомендовалъ вашему старшинѣ. Меня не пугаетъ даже ваша вѣра, хоть я о ней ничего не знаю; я помню, нашъ ректоръ, очень ученый человѣкъ, сказалъ однажды, что всякая вѣра хороша; но все таки я не хотѣлъ бы быть запорожцемъ—по тремъ причинамъ.

— Какимъ?

— Во-первыхъ, у васъ дворянинъ долженъ отказаться отъ своего герба и имени, принять прозвище и тѣмъ сравниться съ мужиками; а это противно моимъ убѣжденіямъ. Во-вторыхъ, мнѣ говорили, что у васъ другаго нѣтъ наказанія, какъ батошь, и разница только въ количествѣ, а не въ качествѣ—на это я никогда не соглашусь, хоть бы мнѣ обѣщали гетманство, не только запорожское, но даже коронное. Въ третьихъ, какъ бы вамъ это сказать... но къ чему церемониться? въ третьихъ, о вашихъ обычаяхъ говорятъ очень дурно. Видите, я говорю открыто: *in vino veritas*.

— Но я вамъ долженъ также откровенно сказать, что эта послѣдняя причина только клевета, на которую нужно плюнуть; для меня было бы униженіемъ, если бы я сталъ оправдывать Запорожье въ этомъ отношеніи. Что касается до отреченія отъ дворянства, скажу, что у насъ никто не отрекается отъ него, а только долженъ скрывать его, пока запишутъ въ реестръ запорожцевъ; но вы можете выйти оттуда, когда вамъ угодно, и снова пользоваться своими титулами и достоинствами. Правда, у насъ палки одно наказаніе; но возможно ли думать, чтобы такой рыцарь, какъ вы, заслужилъ его.

— Что это вы хотите меня убѣдить противъ здраваго смысла! Я

не заслужу? напротивъ, заслужу, и уже тѣмъ заслужу, что подчинюсь такому праву. Впрочемъ, оставимъ это; потому что при настоящемъ положеніи дѣлъ подобный разговоръ *de lana carolina*, и притомъ, если завтра, по вашей милости, я буду лежать, то ужъ ничѣмъ не заманите меня въ Запорожье; если же на моей сторонѣ будетъ побѣда, то конечно этимъ заслужу признательность Сѣчи.

Этотъ монологъ еще могъ панъ Езекиель произнести довольно внятно; потомъ языкъ его сталъ нязнать и всѣ умственные способности оставили его мало-по-малу, потому что весь этотъ разговоръ съ атаманомъ онъ заливалъ венгерскимъ. Вскорѣ онъ, какъ и остальные собесѣдники, очутился подъ столомъ. Корчмарь, изъ уваженія къ губернаторскому сыну, велѣлъ запрячь телѣгу, уложилъ его и спящаго отвезъ во дворъ, а лошадь его отвели и поставили въ стойло. Идти до тѣхъ поръ не оставлялъ пана Езекиеля, пока того не раздѣли и не положили на его жесткую постель въ сараѣ, подъ присмотромъ вѣрнаго Свирида.

IV.

Ужъ солнце давно освѣщало Кальникъ, когда проснулся панъ Езекиель. Голова у него была тяжелая, изжога томила его и не безъ усилія припомнилъ онъ, въ какомъ положеніи были его дѣла и что по полудни онъ долженъ биться съ запорожцемъ. Собравшись съ мыслями, онъ вскочилъ съ постели и началъ босикомъ ходить взадъ и впередъ по своей спальнѣ, размышляя о странности поведенія одноглазаго запорожца, который, хотя и велъ себя довольно гордо и оскорбилъ его пріятеля, тѣмъ не менѣе былъ, повидимому, очень хорошій человекъ и напрашивался въ дружбу. Онъ мысленно рѣшилъ, что, если ему повезетъ, то не убьетъ, а только побьетъ его. Потомъ ему пришло въ голову, какъ одноглазый грозно посмотрѣлъ на своего товарища, когда тотъ обнаружилъ неудовольствіе во время разговора съ старымъ хорунжимъ. «Должно быть побоялся палокъ, что присмирѣлъ; тотъ старше, это видно. Дай Богъ съ однимъ управиться, вызову другаго, вѣроятно не откажется; онъ не трусъ, это тоже видно. А если и того удастся побить, тогда двѣ лошади верховыя, да сверхъ того пара упряжныхъ лошадей и телѣга — все будетъ мое. А все таки пріятіе было бы побить рыжаго, чѣмъ криваго.»

— Свиридъ! крикнулъ наконецъ Езекиель,

— Что прикажете?

— Голова у меня болитъ. Пойдемъ, братъ, купаться. Сказавши это, онъ при помощи Свирида обернулся въ лошадиное покрывало и побѣжалъ также босикомъ къ пруду. Вода была довольно холодная, потому что время приближалось къ Покрову; но Езекиель сбросилъ покрывало, рубашку отдалъ Свириду бросился въ воду и окунулся разъ съ пятнадцать. Выпнедъ изъ воды, онъ сталъ бѣгать по берегу, чтобы обсохнуть на воздухѣ, потомъ надѣлъ рубашку, набросилъ на себя покрывало и пошелъ въ свой сарай; между тѣмъ

Свиридь поспѣшилъ на кухню, откуда принесъ завтракъ своему господину, состоявшій изъ горшка борщу и миски ячной каши съ саломъ.

Очистивъ горшокъ и миску, рыцарь нашъ, уже совершенно довольный собою, обратился къ своему оруженосцу съ такимъ вопросомъ:

— Смажи мнѣ, Свиридь, чтобы ты посоветовалъ мнѣ дѣлать съ деньгами, если бы у меня явилось вдругъ нѣсколько сотъ золотыхъ?

— А что? взять на аренду имѣнїе, тогда, дастъ Богъ, дождетесь собственнаго хлѣба.

— Я такъ и зналъ! Вотъ холопская натура! Что же сѣять грѣчиху и лежать брюхомъ вверхъ. Ну, братъ, я о чемъ нибудь лучшимъ подумаю, какъ явятся денежки.

— Когда бы у васъ въ рукахъ были деньги, то и я, можетъ быть, придумалъ что нибудь лучшее. А то что думать о деньгахъ, которыя въ чужомъ карманѣ.

— Будутъ онѣ и въ моемъ. Увидишь!

— А, понимаю: старый панъ, должно быть, обѣщалъ вамъ подарить...

— Ну да, угадалъ, старый панъ не таковскій. Онъ своихъ денегъ собственнымъ глазами жалѣеть. Мѣшки запираетъ въ сундукъ и самъ на нихъ не смотритъ. Лежатъ себѣ денежки за печатями. И страшный онъ человѣкъ! Вотъ и Зборовскій тоже былъ скупъ; но тотъ, по крайней мѣрѣ, скупился на готовые деньги; скорѣе коня отдастъ слугѣ, чѣмъ полталера; а этотъ всего жалѣеть. Вотъ, напримеръ, въ Ильинъ день, я увидѣлъ, что онъ повеселѣлъ; дай, думаю, попрошу, чтобы отдѣлилъ мнѣ частичку лѣса, осенью вырублю, продамъ и будетъ на что купить лошадь Свириду; видишь, какъ я о тебѣ помню. И чтожь? Нѣтъ, говоритъ, зачѣмъ дѣлать; погоди, говоритъ, утру, все твое будетъ; ты у меня одинъ. Тѣмъ и покончилъ.

— Откуда жъ деньги-то будутъ?

— Откуда? Какой любопытный!

— Дай Богъ! дай Богъ! ужъ все надо мною смѣются, что я у васъ служу оруженосцемъ, а хожу пѣшкомъ, съ тѣхъ поръ, какъ тотъ конь, что вы въ долгъ взяли въ Зборовѣ, поблагодарилъ за службу. Вы еще за него не заплатили, а его ужъ нѣтъ.

— Богъ далъ, Богъ и возьмъ. Пусть тотъ спрашиваетъ за него деньги, кто продалъ. Тамъ въ Зборовѣ есть по крайней мѣрѣ честные люди, что вѣрятъ въ долгъ; а здѣсь въ этой татарщинѣ, пока деньги на столъ не положишь, и не спрашивай товару. Но постой; Богъ никого не забываетъ. Скоро будетъ у тебя конь, и какой еще! Предоставь мнѣ думать объ этомъ... Вотъ, видишь, сегодня пополуночи у меня будетъ дѣло...

— Съ кѣмъ?

— Съ кривымъ запорожцемъ. Вчера вечеромъ я зашелъ къ Ицку и засталъ тамъ обоихъ за вишневкой.

— Да вѣдь Ицко ясъ вчера поздно принесть и вы, кажется, все

не были разсержены, а напротивъ въ очень хорошемъ расположеніи.

— Правда, вчера мы тамъ выпили и толковали какъ друзья, а потомъ дошло до того, что вызвали другъ друга. Въдь лучшіе приятели быются между собою, отчего же не попробовать счастья съ чужимъ?

— На чорта та дружба, отъ которой только тычка можно дожидаться?

— Какъ ты глупъ! Ты долженъ знать, что безъ тычкова и не можеть быть истинной дружбы. Помнишь, какъ мы во время войны жили съ Казимиромъ Мрочкомъ, послѣднимъ дѣлились, въ одной постели спали, и однакожъ онъ за латышанку всадылъ мнѣ въ бокъ копьё. И что жъ? Мы еще болѣе подружились.

— Правда, правда! по рыцарски это такъ. Но въдь оруженосцу, который ходитъ пѣшкомъ, трудно помнитъ рыцарскія права. Дайте мнѣ только коня, вы увидите, какой я стану умный.

— Дамъ, дамъ. Сказалъ, что дамъ, такъ и будетъ, и скоро. Только не мѣшай мнѣ. Ты долженъ сдѣлать, что я прикажу.

— Приказывайте.

— Ты долженъ сегодня тоже сѣсть на коня.

— На какого?

— Достану! Ты сядешь на чужаго—это уже будетъ въ послѣдній разъ—и поѣдешь за мною. Слушай же. Ты управляешься съ топоромъ не хуже моего; я тебѣ на послѣднія купилъ топоръ, точь въ точь какъ мой. Возьми его и не спускай глазъ съ рыжаго казака, когда я начну биться съ кривымъ. Старайся познакомиться съ нимъ, заведи разговоръ, пусти коня на лугъ и уговори, чтобъ онъ тоже пустилъ, и смотри, чтобъ онъ не вмѣшался, когда увидитъ, что егo атаману приходится круто. Если онъ захочетъ сѣсть на коня, ты отговаривай его, а не послушаетъ, такъхвати его по лбу топоромъ. Въдь это козакъ, не дворянинъ, мужикъ такой же, какъ ты, няетъ и не спроситъ о немъ. Да и Богъ не сочтетъ тебѣ это въ грѣхъ, напротивъ, это будетъ доброе дѣло. потому что ты защищаешь своего господина.

— Будьте покойны. Пускай-ка только сядетъ на коня, а ея уважу.

— Съ такимъ, какъ ты, молодцомъ, на десятерыхъ можно пойти. Совершенно довольный собою и еще больше Свиридомъ, панъ Вакиель натянулъ кожаные панталоны, кожаный кафтанъ и пошелъ въ домъ Кольницкаго подстаросты, съ женою котораго былъ въ болшой дружбѣ. То была высокая, толстая, крикливая баба; держала слугъ въ рукахъ, и усердно молилась. Мужъ, старый солдатъ, огня боялся ея. Для всѣхъ она была грозой; одинъ только губернаторскій сынокъ былъ ея баловнемъ и дѣлалъ съ нею все, что хотѣлъ. Вниманіе такое онъ заслужилъ тѣмъ, что зимніе вечера, сидя въ родительскомъ домѣ, проводилъ обыкновенно у нея, цѣловалъ ея руку, рассказывалъ свои приключенія, которыя ее смѣшили и забавляли, и слушалъ съ удивительнымъ терпѣніемъ ея проповѣди и католическія проповѣди. Она питала надежду, что когда

буду успѣть возвратить въ лоно католической церкви молодаго еретика, который вообще не оказывалъ большаго расположенія ни къ какой религіи въ особенности и не посѣщалъ кирки, гдѣ его отецъ, каждое воскресеніе, слушалъ длинныя проповѣди и пѣлъ псалмы.

Взекіель засталъ супругу подстаросты среди дѣвушекъ, которыми она раздавала пряжу и приказанія, приправляя ихъ безчисленными жестокими ругательствами и проклятіями; но, увидѣвъ своего любимца, присмирѣла; тотъ очень почтительно поцѣловалъ у нея руку.

— Я вамъ сто разъ говорила, что когда входить въ честный домъ, говорить: благослови Боже.

— Извините; правда, правда, виноватъ: благослови Боже.

— Ну вотъ такъ! Аминь!

— Я надѣюсь, что вы будете такъ добры и возьмете подъ свое покровительство товарища вашего мужа. Въ васъ вся моя надежда. Спасите меня!

— Чѣмъ же я могу вамъ служить?

— Я васъ люблю и уважаю болѣе, чѣмъ родную мать, потому что отъ нея только одни упреки слышишь, а въ васъ я нахожу истинно материнское расположеніе.

— Хорошо, хорошо. Что же вамъ надо?

— Я предъ вами ничего не хочу скрывать. Я вамъ долженъ сказать, что случилось такъ, что мнѣ приходится подрабѣть.

— Съ кѣмъ?!

— Съ этими запорожцами, которые вчера у отца обѣдали. Они, вообразите, взяли пятьсотъ золотыхъ, чтобы освободить на нѣкоторое время калницкое графство отъ грабежа.

— Боже великій! Вѣдь они васъ убьютъ!

— Полноте! Развѣ мнѣ въ первый разъ? и не съ такими приходилось сталкиваться, а все какъ-то живетъ. Я умѣлъ биться, когда чего не выигрывалъ, а теперь послѣ непріятеля получаю наслѣдство и подавно...

— Я васъ не понимаю.

— Я вамъ объясню. Когда мой отецъ далъ, чертъ знаетъ зачѣмъ, пятьсотъ золотыхъ этимъ заднѣпровскимъ разбойникамъ, мнѣ стало жалъ этихъ денегъ; пусть бы онъ отдалъ ихъ вамъ, за ваши заслуги. Это было бы справедливо; а то отдать Богъ знаетъ кому и неизвестно за что? согласитесь сами, что это глупо. Но кромѣ того я немножко повздорилъ съ этимъ одноглазымъ, ну, и знаете, слово за слово, и уговорились сегодня по полудни сойтись; кто кого побѣдитъ, тотъ и получитъ наслѣдство. Вы сами видите, что я былъ бы дуракъ, еслибъ отказался отъ такой выгодной работы.

— Но они васъ убьютъ, вотъ вы увидите, это страшные люди запорожцы.

— Для тѣхъ только. у кого вмѣсто панциря юбка, а я ихъ не боюсь.

— Вы никогда не остепенитесь. А въ святомъ писаніи ясно сказано: кто мечемъ сражается, отъ меча погибнетъ. Ужъ если по вашимъ законамъ необходимо нужно биться, то скажите по крайней

мѣрѣ когда. Я помолюсь за васъ, чтобъ вы не умерли, не возвратясь на лоно своей церкви.

— Ну и хорошо, помолитесь, а я, дастъ Богъ, получу наслѣдство отъ запорожца, а можетъ быть и отъ обоихъ; но безъ вашей помощи я никуда не буду годенъ и напередъ сочту себя убитымъ. Я надѣюсь, что вы, обѣщавши за меня помолиться, не откажете въ моей просьбѣ.

— Что же вамъ надо?

— Вотъ въ чемъ дѣло: ихъ двое, а я одинъ. Что если въ то время, какъ я буду биться съ одноглазымъ и мнѣ придется плохо, его рыжій товарищъ вздумаетъ помочь ему, тогда я погибъ. Вѣдь эти люди не признаютъ никакихъ правилъ.

— Ахъ Воже мой, какъ же можно имѣть дѣло съ такими безбожниками?

— А вы можете мнѣ помочь.

— Чѣмъ же?

— У меня есть тоже помощникъ, на котораго смѣло могу полагаться. Это Свиридъ. Я его поставлю и прикажу стеречь рыжача, чтобы онъ не явился тамъ, гдѣ его не просятъ. Но вотъ въ чемъ бѣда: на какого чорта я посажу его. Наконецъ просто стыдно въѣхать съ пѣшимъ оруженосцемъ. А вѣрите мнѣ, что ничто такъ не отнимаетъ храбрости, какъ стыдъ. Такъ вотъ видите, моя милая добрейшая, мнѣ нужно, чтобъ вы позволили Свириду взять часа два вашего гнѣдка, на которомъ вашъ мужъ травитъ зайцевъ! ужъ я обещаю вамъ хорошенькій подарочекъ.

— Но мой мужъ разсердится на меня.

— Посердится и перестанетъ. Да развѣ вы позволите ему до сердиться; вы умная женщина. Съ вашимъ умомъ слѣдовало бы быть не на такомъ мѣстѣ.

— Какъ вы умѣете льстить, когда вамъ что нибудь понадобится. Хапка! крикнула потомъ старуха, скажи Мирону, чтобъ осѣдлалъ сейчасъ гнѣдаго коня. Я знаю, что у пана Здоры и сѣдла не достанешь. Да пусть отведетъ коня за паномъ Езекиелемъ.

Рыцарь, выражая ей свою благодарность, чуть было не задушил въ своихъ объятіяхъ старуху; послѣ чего побѣжалъ въ конюшню и самъ осѣдлалъ коня.

V.

Когда лошадь была готова, панъ Езекиель вскочилъ на нее и вѣхалъ къ конюшнѣ, принадлежавшей къ замку, гдѣ вмѣстѣ съ Свиридомъ принялись за рыцарскаго коня и оружія. Послѣ множества сказанныхъ хозяиномъ своему любимцу, были осмотрѣны всѣ копыта, каждый гвоздь въ подковѣ. Потомъ Свиридъ повелъ нѣсколько разъ лошадь и панъ Езекиель осмотрѣлъ ее съ ногъ до головы, не пропустивъ ни малѣйшаго ея движенія. оказалось въ совершенной исправности. Послѣ того Свиридъ началъ сѣдлать, а Езекиель самъ надѣлъ мундштукъ. На сѣдло набросилъ

былъ чапракъ, правда нѣсколько потертый, но все еще носившій слѣды роскошныхъ украшеній. Аргамакъ былъ совершенно готовъ и рылъ ногою землю, какъ бы выражая нетерпѣніе, что хозяинъ еще не садится на сѣло. Но когда надѣли на него начельникъ и нагрудникъ, онъ заржалъ звучно, что причинило не малое удовольствіе нашему рыцарю, который принялъ это за явное предзнаменованіе успѣха.

Панъ Езекиель надѣлъ на себя только стальную рубашку, тонкую, но такую крѣпкую, что стрѣла, пушонная самою сильною рукою отскакивала отъ нея, не причиняя ни малѣйшаго вреда. Такія рубашки съ конца IV вѣка выдѣлывались въ Іоркѣ и признаки ея были пзвѣстны только не многимъ рыцарямъ въ странахъ удаленныхъ отъ Англіи. Езекиель заслужилъ ее на турнирѣ въ Баржахъ, данномъ по случаю переѣзда панны Краковской, кастелянши Краковской, въ домъ своего достойнаго супруга, князя Радзивила, надворнаго литовскаго маршала. Въ стычкѣ съ Меченосцемъ онъ выбилъ того изъ сѣла и, по правиламъ рыцарства, получилъ лошадь и все вооруженіе побѣжденнаго. Всю эту добычу онъ прокутилъ впослѣдствіи, но узнавъ достоинства рубашки, не разставался съ нею. После рубашки надѣлъ шлемъ, препоясалъ палашъ, прицепилъ къ сѣду топоръ, оружіе, которое ему наиболѣе нравилось, и взялъ въ руку копье. Остальное вооруженіе, щитъ, панцирь, по тогдашнему обычаю, поручилъ Свириду, который поѣхалъ за нимъ въ городъ.

Площадь была биткомъ набита и кипѣла, какъ муравейникъ. Крестьяне, евреи, греки, армяне, татары, цыгане, польская шляхта толкались по рынку. Со всѣхъ сторонъ слышались разнообразныя восклицанія на самыхъ разнообразныхъ языкахъ и нарѣчій, какъ во время столпотворенія. При первомъ взглядѣ можно было подумать, что змѣѣ негдѣ было бы пробраться черезъ эту толпу. Но при видѣ рыцаря, сопровождаемаго оруженосцемъ, все пятилось въ сторону и давало ему дорогу. Проѣхавъ сквозь густыя ряды народа, панъ Езекиель остановился предъ тою же корчмою, откуда увезли его вчера пьянаго, слѣзъ съ коня, поручилъ его надзору Свирида и, войдя въ сарай, сталъ осматривать верховыхъ лошадей, приведенныхъ на ярмарку. Тамъ же встрѣтилъ онъ запо; ожецовъ и поздоровался съ ними дружелюбно.

— Наше дѣло должно рѣшиться по полудни, а мы встрѣчаемся уже въ половинѣ одиннадцатаго. Но, впрочемъ, мнѣ очень пріятно, что болѣе часа могу провести въ вашемъ пріятномъ обществѣ.

— Могу васъ увѣрить, что я встрѣтился съ вами случайно, и, выйдя съюда, вовсе не имѣлъ намѣренія ускорить рѣшеніе нашего дѣла; потому что, по дѣлу или безъ дѣла, мнѣ всегда пріятно встрѣчаться съ вами.

— Я тоже могу сказать о себѣ. Надѣюсь, вы не откажетесь разлыцать съ нами завтракъ.

— Съ удовольствіемъ принялъ бы я ваше предложеніе; но мнѣ совѣстно, что я еще не отплатилъ вамъ за ваше вчерашнее гостеприимство; во-вторыхъ, не имѣю обыкновенія начинать бесѣду въ

тотъ день, когда дѣло требуетъ совершенной трезвости и присутствія духа. Когда дѣло окончится счастливо, будетъ время думать и о забавѣ, и если позволите мнѣ, то я посовѣтовалъ бы и вамъ послѣдовать моему примѣру. Но такъ какъ каждый живетъ своимъ умомъ, то я не мѣшаю вамъ поступать, какъ вамъ угодно; я же подожду, пока на соборной колокольнѣ не пробьетъ двѣнадцать.

— Дѣло вы говорите и вашъ совѣтъ не пройдетъ даромъ. Отложимъ бесѣду на послѣ, а теперь пойдемъ на площадь; но вамъ въ этой рубашкѣ тяжело будетъ ходить пѣшкомъ, оставьте ее лучше здѣсь.

— Я привыкъ къ ней, она меня также не тяготитъ, какъ и волосы на головѣ. Итакъ, я къ вашимъ услугамъ.

Запорожцы пошли на площадь, весело толкуя между собой, и скоро исчезли въ толпѣ. Нашему рыцарю было грустно видѣть, что его земляки и землячки со страхомъ старонились отъ него, между тѣмъ какъ съ запорожцами весело здоровались, оказывая видимое сочувствіе. Но впрочемъ онъ успокоилъ себя, сказавши: чортъ съ ними, очень мнѣ дворянину нужно знать, что мужикъ съ мужикомъ дружатся. Разумѣется, хамы. Вотъ погодите, можетъ скоро заплачете на его похоронахъ.

— Несчастье! вскрикнулъ атаманъ, и прервалъ размышленья пана Езекіеля: ни подъ какимъ видомъ не могу сражаться съ вами сегодня.

— Что за странность?

— Противъ Божіей воли не пойду ни за что. Смотрите: пять повозъ прошло черезъ дорогу.

— Ну, такъ что жъ? Не вы одни, но и я ихъ встрѣтилъ.

— У каждого есть своя примѣта, и я по опыту знаю, что встрѣча съ попомъ ничего хорошаго не общаетъ; я смотрю на это какъ на Божье предостереженіе и въ теченіе сутокъ стараюсь избѣгать всякой опасности.

— Но будьте такъ добры, господинъ атаманъ, оставьте эти шутилки для своего брата; я не за тѣмъ пришелъ и долженъ вамъ сказать, что не изъ тѣхъ людей, отъ которыхъ можно отдѣлаться такими пустяками.

— Что дѣлать? Но вамъ все таки сегодня никакъ нельзя окончить дѣло со мною; пока не пройдутъ сутки, я биться не стану: во впрочемъ есть средство, чтобы и волкъ былъ сытъ и овцы цѣлы.

— Какое?

— Попробуйте потягаться съ моимъ товарищемъ, Сагайдачнымъ: у него необыкновенная страсть подражаться съ каждымъ встрѣчнымъ ляхомъ.

— Я былъ бы не прочь отъ того и ужъ у меня была мысль помѣриться и съ господиномъ Сагайдачнымъ—кажется такъ? но это какъ-то неправильно, уговориться съ однимъ, а имѣть дѣло съ другимъ. Какъ вамъ угодно съ вашими примѣтами, а дѣло нужно дѣлать по рыцарски, а не по бабьи.

— Сказать правду, у васъ дѣло идетъ только о деньгахъ и о ло

шадя; потому что мы не такъ давно знакомы, чтобы имѣть какія-нибудь особенныя неудовольствія; я не расположенъ сегодня сражаться, а Сагайдачный всегда готовъ, и самъ мнѣ это сказалъ. Если вы думаете, что онъ хуже меня, тѣмъ лучше для васъ; если же считаете меня слабѣйшимъ, то это не хорошо и неможно похоже на трусость, и почему же вамъ бояться его, если онъ не боится васъ.

— Мы послѣ увидимъ, кто кого бояться; а теперь я вамъ скажу, что еслибы не одно обстоятельство, то вамъ не трудно было бы убѣдить меня. Вы не должны забывать, что рѣчь шла не объ однихъ только деньгахъ, которые вы взяли у моего отца, но и объ нашемъ спорѣ по поводу моего друга. а въ этомъ господинъ Сагайдачный не виноватъ ни мало. Вы должны согласиться, что было бы несправедливо считать на немъ чужіе долги.

— Напротивъ, очень справедливо и вы сами согласитесь съ этимъ. Вамъ пріятно было бы два дѣла окончить вдругъ, то есть, какъ говорится, убить однимъ камнемъ двухъ воробьевъ. Но самыя дѣла такъ различны, что ихъ соединять нельзя, и здравый разумъ велитъ рѣшить каждое особо. Сегодня съ Сагайдачнымъ вы рѣшите вопросъ денежный, а завтра, если останетесь цѣлы, я буду отвѣчать за оскорбленіе вашего друга!

— Славно разсудили! быть вамъ старостой, господинъ атаманъ! Но согласны ли вы, господинъ Сагайдачный, на рѣшеніе вашего отомана?

— Эва! произнесъ молчаливый казакъ, вѣдь мнѣ не впервые имѣть дѣло съ такими, какъ вы. Я цѣлое утро надѣдалъ ему, чтобы онъ мнѣ уступилъ васъ.

— Итакъ, если всѣ рѣшились, то нечего мѣшкать.

Всѣ возвратились въ корчму, толкуя на дорогѣ объ условіяхъ битвы. Рѣшили на томъ, что каждый будетъ сражаться своимъ оружіемъ, при чемъ, согласно съ рыцарскими обычаями, надлежало шадить лошадей противника. Одѣвшись во все оружіе, рыцарь, атаманъ, Свиридъ и Сагайдачный верхомъ поѣхали за городъ и скоро нашли довольно обширное ровное мѣсто, застланное муравой, какъ ковромъ. Здѣсь рѣшились сразиться.

Начали тѣмъ, что оба присягнули, что не имѣютъ зачарованнаго оружія и что всѣ условія битвы будутъ исполнены въ точности. И такъ, если побѣда останется на сторонѣ пана Езекиеля, то кромѣ лошадей онъ получитъ деньги, взятые отъ его отца; въ противномъ же случаѣ обязывался отдать своего аргамака и все свое вооруженіе. Это условіе подтвердили клятвой всѣ и даже атаманъ. Атаманъ и Свиридъ, который не отступалъ отъ него ни на шагъ, слѣзли съ коней и вымѣряли пятьсотъ шаговъ. Противники стали на свои мѣста.

Когда панъ Езекиель съ вытянутой шеей ожидалъ нападенія, атаманъ крикнулъ совершенно чистымъ голосомъ, который показался ему нѣсколько знакомымъ:

— Совѣтую вамъ , панъ Езекиель опустить забрало и обратить вниманіе на щитъ , потому что на васъ полетитъ столько стрѣлъ.

Сказавши это, атаманъ свиснулъ — это былъ сигналъ къ началу битвы.

Панъ Езекиель воль себя сначала очень спокойно, желая узнать противника. Сагайдачный пустилъ коня съмѣста и, остановившись шагахъ въ пятидесяти, взялся за лукъ, въ тоже мгновеніе три стрѣлы провизжали мимо ушей рыцаря. слѣдующая отскочила отъ забрала и если бы оно не было опущено, то битва окончилась бы въ самомъ началѣ и родственники калыницкаго губернатора наслѣдовали бы значительный капиталъ. Но панъ Езекиель пустилъ въ дѣло щитъ и, стоя на мѣстѣ, только оборачивался, когда Сагайдачный, пользуясь легкостью и проворствомъ своего коня, объѣзжалъ кругомъ противника, не переставая осыпая его стрѣлами. Не одна изъ нихъ попала въ извѣстную рубашку, и если бы онѣ не отскакивали, то нашъ рыцарь походилъ бы на испуганнаго ежа. Кавакъ не зналъ свойствъ іоркской стали и начиналъ уже думать, что имѣетъ дѣло съ колдуномъ; но молодость рыцаря противорѣчила такой догадкѣ, потому что проклятая наука можетъ быть извѣстна только старцамъ. Панъ Езекиель съ своей стороны соображалъ, что его конь, хотя и испытанный не разъ и способный носить тяжело вооруженнаго сѣдока, не можетъ сравниться въ быстротѣ движеній съ сыномъ крымскихъ степей, и потому рѣшился не нападать до тѣхъ поръ, пока лошадь противника изнурится и тогда уже напасть на него. Сагайдачный, видя, что стрѣлы не дѣйствуютъ, забросилъ лукъ и колчанъ за плечи, взялъ пику и бросился на ляха, который оставилъ свое копье, зная, что оно ни къ чему ни послужитъ съ запорожцемъ, и полагая большую надежду на саблю. Дѣйствительно онъ ловко отбилъ ударъ. Запорожецъ, отскочивъ, ожидалъ нападенія, но такъ какъ противникъ остался на мѣстѣ, бросился на него снова и такъ сильно ударилъ его въ бокъ, что чуть было не высадилъ изъ сѣдла, но не пробилъ рубашки. Полагая, что этимъ ударомъ привелъ въ замѣнательство рыцаря, бросился на него снова съ быстротою молніи и нанесъ ему нѣсколько такихъ сильныхъ ударовъ саблею, что тотъ склонился къ шеѣ лошади. Побѣда, казалось, была на сторонѣ казака; но когда онъ, успокоившись видомъ утомленнаго противника, готовился выбить его пикой изъ сѣдла, тотъ закрылся щитомъ, схватилъ топоръ и, кинувшись къ нему, неожиданно ударилъ по головѣ. Казакъ свалился съ лошади. Панъ Езекиель слегка тронулъ его копьемъ; но казакъ не шевелился. Тогда онъ торжественно затрубилъ въ знакъ побѣды.

Атаманъ и Свиридъ прибѣжали на мѣсто битвы; первый, чтобы спасти товарища, второй, чтобы овладѣть добычею.

— Ну, Свиридъ! крикнулъ панъ Езекиель; наша взяла. Разсѣдай лошадь, она твоя; но только не снимай чепрака; въ сѣдлѣ должны быть деньги.

Атаманъ осмотрѣлъ Сагайдачнаго и, увидѣвъ, что тотъ мертвъ, промолвилъ:

— Поздравляю, панъ Панцырный; нечего говорить, уменьшили вы насъ на половину. Тамъ въ сѣдлѣ найдете деньги; будетъ на что сшить трауръ.

— Какъ честный человѣкъ и дворянинъ, отвѣчалъ панъ Езекиель, мнѣ удалось лучше, чѣмъ я желалъ. Я вовсе не хотѣлъ его убить; мнѣ хотѣлось сбить его съ сѣдла и потѣшиться надъ нимъ. Но мнѣ, право, жаль его, хоть прежде онъ мнѣ казался ненавистнымъ. Позвольте мнѣ теперь вступить во владѣніе моимъ наслѣдствомъ, а потомъ угостить васъ у Ицка тѣмъ же виномъ, которыми вы вчера угощали меня. Награда его болѣе на томъ свѣтѣ за такую запись. Посмотрите, господинъ атаманъ, лежитъ себѣ казачина, какъ пень. Жаль, право, жаль! А можетъ быть, ему теперь лучше; не жалѣетъ, по крайней мѣрѣ, коня и денегъ. Впрочемъ вѣдь для этого хама честь не малая лечь отъ руки короннаго дворянина и рыцаря и отправиться на тотъ свѣтъ, въ одно время съ королемъ, графомъ Краковскимъ... Но что же это? Гдѣжь остальное? Вѣдь у Свирида только двѣсти золотыхъ, гдѣ же еще триста? А, бѣстія, и по смерти укралъ у меня; а я его еще жалѣлъ! Теперь лежитъ собака, тебя пятьсотъ разъ надо было убить! Господинъ атаманъ, я ожидаю, что вы войдете въ мое положеніе и пополните сумму.

— А мнѣ какое дѣло? Мнѣ нѣтъ надобности входить въ чужіе счета.

— А, вы такъ! Но знайте же, что не съ дуракомъ имѣете дѣло. Развѣ я воевода или гетманъ, чтобъ бросать ни за что, ни про что триста золотыхъ. Вы были свидѣтелемъ присяги и сами присягали; если вы такъ цѣните вашу присягу, то пусть съ вами черти считаются.

— Но вы забываете, милостивый государь, что уговаривались только о возвращеніи денегъ, взятыхъ у вашего отца, а не было сказано, сколько именно. Такъ и присягали.

— Я и слушать не хочу этого вздора. За кого же вы меня принимаете? Я самъ читалъ у отца вашу росписку, которую вы подписали, какъ истые хамы, крестами. Тутъ церемониться нечего; заporожцы—извѣстные воры; но тутъ коса попала на камень. Извольте доставить мнѣ остальное, не то завтра посчитаемся топорами.

— Какой вы охотникъ драться. Посмотрите-ка на меня, сказалъ атаманъ, отнимая свои пластыри.

— Казниръ! вскрикнулъ Езекиель и бросился къ нему на шею. Сердце мое чувствовало, что въ тебѣ есть что-то знакомое, дорогое. Ну теперь чортъ съ ними, съ деньгами! Хоть для меня и много значать эти триста золотыхъ.

— Найдется у насъ и больше для тебя, мой другъ. Есть еще у насъ больше того, что отсчиталъ намъ твой отецъ. Но я долженъ оправдать бѣднаго Сагайдачнаго. Онъ присягалъ на эту только сумму, потому что мы только ее получили отъ твоего отца, хотя онъ издалъ росписку на пятьсотъ, разумѣется, чтобъ себѣ припрятать остальное. Это не наше дѣло; извѣстно, хозяйскіе счета. Въ кор-

чмѣ поговоримъ обо всемъ. Но мнѣ снова надо сдѣлаться слѣпымъ запорожцемъ, потому что, ты знаешь, въ Кальшикѣ теперь есть чело-вѣкъ, предъ которымъ мнѣ не совсѣмъ удобно явиться въ соб-ственной пкурѣ. Твой Свиридъ не проговорится?

— Будь увѣренъ! Скорѣе доберешься до шкатулки моего отца, чѣмъ до его языка. Ступай, Свиридъ въ городъ, мы тебя будемъ здѣсь ждать. Вотъ тебѣ десять золотыхъ, приведи сюда копальши-ковъ, да подводу господъ запорожцевъ, чтобъ собрать оружіе. Вотъ деньги, на ярмаркѣ все найдешь, что надо. Копальщикамъ заплати сколько хочешь, остальное возьми себѣ, только не мѣшай.

— А не мѣшало бы позвать какого нибудь попа, сказалъ панъ Казимиръ, пусть бы помолился за него.

— Что ты? съ ума сошелъ, что ли? Я не знаю, какъ по нашему статуту, хорошо-ли, или дурно убить запорожца; скорѣе дурно. А кто поручится, что попъ не донесетъ старостѣ. Мужиковъ боиться нечего; ихъ свидѣтельство противъ дворянина не принимается. Луч-ше ужъ мы сами помолимся за него. Ну, Свиридъ, ступай. Я самъ повожу лошадей, поговорю съ паномъ Казимиромъ; но помни, что онъ для тебя и для всѣхъ атаманъ Дѣтина. Воротишься, натѣшимся своими конями. Видишь, какой у тебя добрый господинъ.

Свиридъ сѣлъ на коня пана подстаросты; панъ Казимиръ поло-жилъ пластыри на прежнія мѣста, а Езекиель, взявъ подъ уздцы измученныхъ лошадей, сталъ ихъ водить.

— Ну, любезный другъ, спросилъ атаманъ, что теперь думаешь дѣлать?

— Поѣду въ Краковъ. Слава Богу есть на чемъ и съ чѣмъ; мо-жетъ быть, пригожусь кому нибудь. Меня уже приглашали принять мѣсто подконюшаго при дворѣ графа Тенчинскаго. Такіе случаи рѣд-ки. Но нельзя было явиться; стыдно было ѣхать съ одною лошадью и пѣшимъ оруженосцемъ. Теперь дѣло другое, можно и объ этомъ подумать. Меня приглашали, когда король былъ въ живыхъ, а те-перь и подавно возьмутъ.

— И я тоже думаю о Краковѣ; но теперь еще рано ѣхать туда. Поѣдемъ лучше въ Сѣчь. Тамъ возобновишь знакомство съ нашимъ гетманомъ, паномъ Самуиломъ Зборовскимъ.

— Такъ это онъ, тотъ славный Самуха!

— А ктоже? Братья его ищутъ, а мы уже давно нашли.

— Рѣшено, любезный Казимиръ, я ѣлъ хлѣбъ Зборовскихъ и хотя меня оттуда выпроводили не съ большимъ почетомъ, но я не перестану считать себя ихъ вѣрнымъ слугою. Я знаю, что оскор-билъ старика, и жаловаться на него не могу. Только то нехорошо онъ сдѣлалъ, что отпустилъ меня безъ полушки, даже часть моего жалованья осталась въ его мѣшкѣ. Но пусть ему Богъ это про-ститъ; трудно ему было переменить свою натуру. Ты не можешь себѣ представить, что за скряга онъ сталъ на старости. Мы всѣ дворяне его, были такъ голы, что въ Зборовѣ не осталось ни одно-го виноторговца, всѣ разѣхались искать лучшей добычи. Я былъ

почти безъ гроша, когда маршалъ велѣлъ мнѣ удалиться, не спросивъ даже, если что нибудь у меня.

— Чтожъ ты на это? Я вѣдь ничего не знаю; въ то время мы были съ паномъ Самуиломъ въ Литвѣ, а черезъ нѣсколько дней по возвращеніи отправились въ Запорожье; тебя уже не было тогда въ Зборовѣ.

— Что на это? Станный вопросъ! Сѣлъ на коня, да и былъ таковъ. Свириду досталъ какую-то клячу, та издохла, какъ только пріѣхали въ Кальникъ.

— Какъ же ты ѣхалъ безъ гроша?

— Платилъ за ночлеги и обѣды саблей. Но и здѣсь, благодаря Бога, совѣсть не упрекаетъ меня, потому что дѣло быть только съ ждани. Потомъ представилась мнѣ служба въ одномъ дворянскомъ домѣ, довольно богатомъ. Поручили мнѣ присмотрѣть за лошадьми. Хоть стыдновато было взять такое мѣсто, но нечего было дѣлать. Хозяинъ мой былъ нагль и глупъ; но жена у него была премилая и преумная женщина; вышла за него, потому что родители были бѣды, а у того нѣсколько деревень. Вывало, такъ важно расхаживать во дому, колотить слугъ, кричить; я подумалъ — было, что храбрый человѣкъ. Придѣтъ въ конюшню, покрикиваетъ и на меня; а все это молча переносилъ, потому что жена его мнѣ приглянулась и ужъ не разъ случалось заговаривать съ нею. Но вотъ однажды, среди бѣлаго дня, татары напали на село. Я сѣлъ на коня, собравъ людей, конюшенную прислугу, думалъ, и онъ съ нами поидетъ; а онъ такъ трусилъ, что спрятался, словно въ воду бросился. Мнѣ посчастливилось: отбилъ у татаръ всю добычу, положилъ нѣсколькихъ на мѣстѣ, одного взялъ въ плѣнъ живьемъ и воротился. Хозяина все нѣтъ. Мы застали его жену одну съ нѣсколькими служанками, въ отчаяніи, въ слезахъ. Меня встрѣтили, какъ избавителя. Явился потомъ и мужъ, по прежнему началъ шумѣть и драться и еще сталъ ругаться надъ татаринномъ и тиранить его. Послѣ этого мой дѣла съ барынею пошли лучше. Я убѣдилъ ее, что не стоитъ оставаться вѣрною человѣку, который въ минуту опасности оставляетъ домъ и бѣжитъ отъ жены. Нѣсколько времени все шло отлично. Но тотъ, должно быть, замѣтилъ. Позвалъ меня однажды къ себѣ и сказалъ, очень спокойно однакожъ—со времени дѣла съ татарами былъ всегда очень вѣжливъ ко мнѣ. «Намъ, говорить, надо разстаться; я думаю ѣхать въ Краковъ, а вамъ не совѣмъ пріятно будетъ явиться тамъ слугою простаго дворянина.» Нечего было дѣлать; нужно было убраться оттуда. Да и въ самомъ дѣлѣ, такая служба не соответствовала моему достоинству. Во все такіе при прощаніи отсчиталъ мнѣ двѣсти золотыхъ. Въ той сторонѣ магатовъ не было, а служить у мелкихъ дворянъ не хотѣлось, потому что выгодъ никакихъ, и хозяйки не воздѣ такія, какъ у того. Кончилось тѣмъ, что какъ опустѣлъ карманъ, явилась привязанность къ родительскому дому. Пріѣхалъ сюда и вотъ сижу болѣе года, и если бы не сегодняшний случай, не могъ бы даже подумать о вѣздѣ въ Краковъ, потому что у моего пана только ѣсть можно,

на этомъ и оканчивается его родительская привязанность. Ты не повѣришь, но во все время, что живу у него, ни копѣйки не видѣлъ. Вотъ вся моя исповѣдь. Теперь ты расскажи, какимъ способомъ ты добрался до своего атаманства.

— Мнѣ счастье лучше служило, чѣмъ тебѣ. Послѣ полоцкаго похода насъ распустили; меня взялъ къ себѣ панъ Самуэль и я составлялъ весь его дворъ, потому что, какъ тебѣ извѣстно, панъ Краковскій отдавалъ своимъ сыновьямъ имѣнія только тогда, когда они вступали въ бракъ. Мы привыкли другъ къ другу и жили хорошо. Вскорѣ потомъ старикъ вздумалъ женить пана Самуэля на княжнѣ Островской, о которой столько говорили тогда по всей Рѣчи Посполитой. Княжна съ тремястами селами и шестью замками, конечно, годилась бы въ невѣсты королю; но вотъ нашелся чело-вѣкъ, который пренебрегъ ею. Старикъ все уже такъ подтасовалъ, что пану Самуэлю оставалось только ѣхать въ церковь; но онъ и слышать не хотѣлъ. Я, бывало, говорю: «Побойся Бога, панъ; вѣдь триста селъ, шесть замковъ; какъ намъ все это достанется, кто будетъ лучше насъ?» А онъ: «знать ея не хочу; у нея сизые глаза, всю жизнь къ нимъ не привыкну; кто нуждается, пусть беретъ, а мнѣ она не нужна. Если хочешь жить со мною въ мирѣ, то совѣтую тебѣ никогда не говорить мнѣ о ней.» Допло до того, что старикъ хотѣлъ принудить пана Самуила и выписалъ въ свой замокъ невѣсту, по праву опекуна. А тотъ, видя, что отдѣлаться трудно, прикинулся такимъ покорнымъ, даже сталъ любезничать съ княжною; отецъ оставилъ его безъ вниманія, думая, что все слажено. Между тѣмъ панъ Самуилъ приказалъ мнѣ вывести потихоньку лошадей со всѣмъ оружіемъ за милою отъ Зборова и ждать его. Дѣйствительно, онъ скоро явился и мы выѣхали въ свѣтъ. Ъхали почти день и ночь, останавливались только, чтобъ поѣсть да покормить лошадей; наконецъ пріѣхали въ Сѣчь и явились къ гетману, объявивъ, что желаемъ записаться въ запорожское войско. Насъ сначала испытали. Я высадилъ изъ сѣдла пять лучшихъ козаковъ—ни одинъ не выдержалъ моего копья. Гетманъ не могъ надивиться. На другой день позвали пана Самуила; но тотъ отказался отъ такого испытанія, сказавши, что каждый его ударъ копьемъ или саблей смертеленъ и потому онъ не хочетъ показывать своего искусства на товарищахъ. Привели лошадь, поставили передъ нимъ и тотъ, въ присутствіи почти всего войска, однимъ ударомъ отрубилъ ей голову. Въ толпѣ раздались крики удивленія и насъ обоихъ записали. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, выступили на крымскихъ татаръ. Панъ Самуилъ дѣлалъ чудеса. Прежде съ ними бывало дѣло, когда они являлись въ Запорожье; но тотъ сталъ преслѣдовать ихъ въ ихъ собственныхъ логовищахъ. Мы взяли Карасу-Вазаръ, разграбили и ханскія стада отогнали въ Сѣчь. Казаки говорили, что онъ имъ открылъ глаза. Всѣ его славилъ, такъ что когда гетманъ умеръ, его всѣ единогласно избрали. Видишь теперь, что, приглашая въ Сѣчь, я не дурно тебѣ совѣтовалъ.

— Кто жъ въ этомъ сомнѣвался? Я не зналъ еще, что ты сталъ

запорожцемъ, а уже подумывалъ объ этомъ, и вчера я почти рѣшился принять предложеніе, еслибъ мнѣ удалось высадить тебя изъ сѣдла; но только съ двумя условіями: чтобъ не посылали меня грабить помѣстья Зборовскихъ, во вторыхъ, чтобъ избавили отъ нагаекъ.

— Какое же ты дитя! Вѣдь ты знаешь, что я такой же дворянинъ, какъ ты, вмѣстѣ съ тобою былъ возведенъ въ рыцарское достоинство и однакожъ подчинился этому праву вмѣстѣ съ паномъ Самуиломъ.

— Ты другое дѣло; а что до пана Самуила, то этимъ богачамъ можетъ чортъ знать, что прійти въ голову. Будемъ говорить только о себѣ. Я съ тѣхъ поръ, какъ живу, не былъ еще битъ; у насъ въ школѣ не было тѣлеснаго наказанія. А ты, вышедши изъ школы долженъ былъ перевоспитываться. Ты уже былъ въ войскѣ, а твой отецъ, хорунжій, однихъ бранилъ при всѣхъ, а тебя отдѣлывалъ батожьемъ. Правда, сыпалъ деньги, платилъ твои долги; за то и *satisfactio domestica* бывала вчастую. Ты уже привыкъ къ батогамъ, а я еще ихъ не знаю.

— Ну, Сѣчь не перемѣнить для тебя своихъ законовъ.

— Какъ хочешь; я поѣду только погостить, но въ списки ваши не запишусь.

— Дѣлай, какъ знаешь; но ты долженъ проводить меня въ Сѣчь. Я думаю, что новыя обстоятельства и насъ скоро приведутъ сюда.

VI.

Рыцари наши еще продолжали бесѣду, когда явился Свиридъ, пріѣхавъ на запорожской подводѣ съ тремя копальщиками. Послѣдніе принялись за работу и даже Свиридъ помогалъ имъ. Когда могила была готова, Свиридъ снялъ съ казака гуньку, потому что была нова, и надѣлъ на него свою свитку; но саблю оставилъ на немъ; сложилъ потомъ накрестъ руки, положилъ колчанъ и лукъ и на веревкахъ осторожно спустился. Оба рыцаря помогали засыпать могилу, отдавая такимъ образомъ послѣдній долгъ душѣ христіанской. Панъ Казимиръ прочиталъ псалмъ *de profundis*, Свиридъ молился по русски и панъ Езекиель тоже шепталъ что-то въ родѣ молитвы.

Послѣ похоронъ, рыцари сняли съ себя вооруженіе и поручили его Свириду, а сами сѣли на лошадей и поѣхали въ городъ прямо въ корчму, гдѣ панъ Езекиель заказалъ Ицкѣ самый лучшій обѣдъ; потомъ пошли на ярмарку, которая въ это время была во всемъ разгарѣ. Насмѣявшись вдоволь надъ барышниками, продававшими опоевныя и разбитыя клячи, пошли къ яткамъ, гдѣ пріѣзжіе купцы разложили свои товары. Панъ Езекиель купилъ какой-то матеріи на платье и желтые сапоги и заплатилъ чистоганомъ. Окончивъ такимъ образомъ свои ярмарочныя дѣла, возвратились въ корчму, гдѣ былъ уже готовъ обѣдъ.

Но прежде чѣмъ сѣсть за столъ, панъ Езекиель обратился къ Свириду съ вопросомъ:

— Ну что скажешь о лошади?

— Конь славный! Вотъ теперь не стыдно людямъ показаться. А то у меня камнемъ на сердцѣ лежало, что вы выѣзжали ночью на большую дорогу, а я долженъ былъ сидѣть дома. Я тогда не говорилъ, потому что зналъ, вамъ самимъ тяжело было, что не могли мнѣ добыть коня. Теперь все пойдетъ лучше. Вудеть на чемъ и съ чѣмъ выѣхать—хоть на конецъ свѣта.

— Такъ и сбѣлаемъ, не правда-ли, панъ Казимиръ? Вотъ видишь Свиридъ, въ чемъ дѣло. Мы тутъ пообѣдаемъ, а потомъ погуляемъ по вчерашнему; но только не везти меня въ замокъ; мы тутъ выспимся, а потомъ въ путь. Смотри же, Свиридъ, не пей; потому что если и ты подгуляешь, насъ могутъ обокрасть. Убѣдемъ отсюда, будетъ и для тебя время выпить. А теперь садись на этого коня, что тебѣ Богъ далъ сегодня, и отведи чужаго. Поѣзжай прямо къ пани подстаростиной, поклонись ей и скажи: мой господинъ благодарить за лошадь, которую возвращаетъ въ совершенной исправности, и проситъ принять эту матерію и сапоги на память отъ него. Она станетъ тебя разспрашивать, но ты ничего не рассказывай; скажи, что тебѣ некогда. Потомъ ступай въ замокъ, возьми въ сараѣ все наше — кожу твоего покойнаго коня, на которой я сплю, двѣ рубашки, онучи, шило, клубокъ нитокъ, что подарила мнѣ пани подстаростина, пули; можетъ быть еще что вибудъ найдешь—все забирай. Своего, я думаю, не забудешь. Только смотри, чтобъ не замѣтили тебя и не догадались. Спросятъ что нибудь, скажи, что твой господинъ гуляетъ на ярмаркѣ и развѣ на разсвѣтѣ воротится домой. Какъ кончишь все, возвращайся сюда, только все шагомъ, лошади даромъ не гоняй и, воротившись, ничего не болтай; ты знаешь, что я имѣю обыкновеніе пить либо послѣ счастливаго дѣла, либо передъ... но въ походѣ никогда—тогда и расскажемъ все, что надо. Когда увидишь, что съ нами случится по вчерашнему, не позволяй Ицкѣ везти меня въ замокъ, а разстели здѣсь у лошадей шкуру, а для пана атамана что нибудь другое и положи насъ спать, если сами не въ состояніи будемъ лечь, и самъ ложись, гдѣ поудобнѣе. Времени будетъ мало; нужно досмотрѣть пять лошадей, напоить, дать овса. Никому не позволяй осматривать нашихъ лошадей, пожалуй еще слезать. Ну ступай, дѣлай, что сказано.

Свиридъ поспѣшилъ исполнять приказанія, а наши рыцари попили въ избу, сѣли за столъ и стали говорить по русски, чтобъ не обличить атамана предъ другими. Панъ Казимиръ началъ тѣмъ, что вытащилъ изъ-за сапога кнсу и, высыпавъ на столъ кучу червонцевъ, сталъ отсчитывать пану Езекиелю не дополученныя деньги. У вошедшаго еврея забилося сердце при видѣ такой кучи золота, онъ былъ однакожь удивленъ, что его честь отдаетъ такое множество денегъ губернаторскому сыну.

— Ну, Ицко! крикнулъ послѣдній съ важною физиономіею, когда Ицко и его жена ставили на столъ кушанье; принеси-ка намъ нѣсколько бутылокъ того вина, которымъ ты насъ вчера угощалъ.

Врей поспѣшилъ исполнить приказаніе, а рыцари принялись за

похлебку, послѣ чего перешли къ шукѣ, облитой шафраннымъ соусомъ и такъ щедро посыпанной перцемъ, что щипало за языкъ, а наконецъ къ гусю, жаренному на сковородѣ. Все было приготовлено какъ нельзя лучше, по мнѣнію нашихъ рыцарей, и они не находили словъ хвалить искусство жены Ицка.

— Такъ, такъ, достопочтеннѣйшій атаманъ, сказалъ панъ Езекиель — кости брошены и твоя побѣдила — ѣду съ тобою въ Запорожье, но только какъ гость, потому что даже твоя начиненная золотомъ киса не можетъ измѣнить моего рѣшенія; никакимъ закономъ, унижающимъ мое достоинство, не подчинюсь. Но ежели позволите мнѣ дѣлать ваши труды, какъ охотнику, то, можетъ быть, пригожусь вамъ на что нибудь, хотя и не буду записанъ въ вашемъ спискѣ.

— Я уже сказалъ тебѣ, что сдѣлаешь, какъ заблагоразсудится. Притомъ теперь дѣла не въ такомъ положеніи, чтобы я сталъ много хлопотать объ увеличеніи нашего войска. Если меня, простаго дворянина, смерть короля влечетъ въ отечество, то нѣтъ причины сомнѣваться, чтобы кастелянъ Краковскій, владѣтель обширныхъ помѣстій, членъ одной изъ богатѣйшихъ и славнѣйшихъ фамилій, не захотѣлъ служить Рѣчи Посполитой, особенно теперь, когда никто уже не можетъ принуждать его жениться противъ воли. Панъ Самуилъ человекъ вспыльчивый, слѣпо предается каждой страсти и это немало вредитъ ему; потому что еслибъ умѣлъ владѣть собою, еслибы съ этой храбростью, благородствомъ чувствъ и просвѣщеннымъ умомъ соединялъ спокойную разсудительность, то былъ бы, безъ сомнѣнія однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени. Замѣть, что онъ всегда оставался вѣрнымъ слугою и сыномъ республики.

— Конечно панъ Самуилъ оставитъ теперь свое Запорожье. Нынѣшнее положеніе Польши можетъ дать ему болѣе обильные плоды, чѣмъ война съ татарами или стычки съ дворнею какого нибудь магната на томъ или на другомъ берегу Днѣпра.

— Мало знаешь людей. если думаешь, что панъ Самуилъ грабежъ считаетъ не средствомъ, а цѣлью. Разумѣется, онъ не былъ бы начальникомъ этой мужественной толпы, еслибы не подчинился ея обычаямъ и законамъ. Но у него цѣль гораздо выше, завѣщанная его предшественниками, которые, бывши потомками знаменитыхъ фамилій, не стыдились быть гетманами у низовцевъ и запорожцевъ. Въ спискѣ нашихъ гетмановъ найдемъ имена Висневицкихъ, Збараскихъ, Ландкоронскихъ. Трудно думать, чтобы эти великіе магнаты записывались въ казачество только за тѣмъ, чтобы набить свои кисы червонцами и потомъ во время зимовки опиваться вишневою. Ужъ это въ нашей природѣ, что мы нарушаемъ права и законы нашего отечества, но все таки ставимъ его интересы выше всего на свѣтѣ и всегда о нихъ думаемъ.

— Странно ты говоришь. Я признаюсь, что не слишкомъ много забочусь о судьбѣ Рѣчи Посполитой. На то у насъ король, гетманы, сенатъ, чтобы ломать себѣ головы, думать о ея судьбѣ. Ну, разу-

мѣется, если ее обидить какойнибудь сосѣдъ, позовуть насъ, прикажутъ сражаться—будемъ сражаться, не спрашивая за что и для чего, а до того будемъ биться для собственной выгоды, потому что трудно просить милостыню, нося саблю и копье. Впрочемъ я не такъ уменъ, чтобъ понять, какиѣмъ образомъ можно служить Польшѣ, грабя съ казаками Крымъ и Украйну.

— Рѣчь Посполитая обширна, окружена народами воинственными; чѣмъ же она защищается? Народная кавалерія дѣйствительно отлична; но сколько ея? Наемные солдаты никуда не годятся; поголовное ополченіе ненадежно, потому что можетъ разойтись прежде похода. Мы видѣли это. Къ чему же годится государство безъ войска, хорошо устроеннаго и подчиненнаго строгой дисциплинѣ? Намъ именно не достаетъ войска, потому что шляхта и магнаты жалуютъ денегъ, да сверхъ того у насъ давно уже не было воинственнаго короля, который бы сумѣлъ все это взять въ руки.

— Но я все таки не могу понять, какиѣмъ способомъ мы можемъ пріобрѣсти такую силу, если ваши казаки будутъ грабить имѣнія нашихъ магнатовъ.

— Нашъ гетманъ не разъ говорилъ мнѣ, что еслибы сеймъ призналъ русскую гетманскую булаву наравнѣ съ коронной и литовской и еслибы король вручилъ ее ему, то онъ сумѣлъ бы соединить съ нею низовыхъ и запорожскихъ казаковъ; такимъ образомъ у Рѣчи Посполитой явилось-бы пятьдесятъ тысячъ отличнаго войска, всегда стоящаго подъ ружьемъ, не требующаго отъ казны ни полупки; и ты знаешь, что сдѣлать это могъ бы одинъ только панъ Самуилъ. Я знаю его недостатки, но знаю и достоинства и увѣренъ, что еслибы это случилось, то не только Крымъ, но, можетъ быть, и Царьградъ поклонился бы намъ. Знаешь теперь, зачѣмъ мы ушли въ Сѣчь.

— Знаешь ли, что я тебѣ скажу? А то, что если бы ты ничего не сдѣлалъ, а только сказалъ это, то тебя уже можно было бы называть великимъ человѣкомъ. Покорить Царьградъ! да я слышалъ, что тамъ больше золота и жемчугу, чѣмъ у насъ песку. Боже мой! Еслибы сеймъ принялъ вапу мысль, всѣмъ было бы хорошо, и человѣкъ, можетъ быть, изъ ничего сталъ бы себѣ панъ-паномъ. Но, нѣтъ! этого не будетъ; это слишкомъ умно, хорошо—не поймутъ васъ. Но все это вздоръ! Если вы такъ думаете, то я смѣло рѣшаюсь сдѣлаться запорожцемъ. Идемъ тогда въ Царьградъ — будемъ служить отечеству. Съ казаками это дѣйствительно возможно; но съ нашими ничего не сдѣлаешь. Идти въ дальній походъ, переносить голодъ, а главное повиноваться старшимъ — это уже не наше дѣло. Я помню, отецъ твой говорилъ, что пока не было диссидентовъ, все это было; но еще не было такой религіи, которая могла бы сдѣлать поляка воздержнымъ и терпѣливымъ.

— Всякій народъ имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны. Въ томъ, что ты говоришь, есть доля правды. Однакожъ шляхта всегда готова служить магнатамъ, хотя они того и не заслуживаютъ.

— Неудивительно; никто не гонитъ отъ себя коровы, которая кор

мѣть и поить его; но обѣдѣй кто нибудь изъ нихъ, тогда узнаетъ, много ли у него друзей. Всякій идетъ къ тому, у кого быть выгодно; потому-то и у нашихъ вельможъ, если есть другъ искренній, то ужъ конечно купленный. Но все таки я скажу, что ими держится Рѣчь Посполитая, потому что тамъ, гдѣ король только судить, а не править, счастье если можно найти достаточныхъ людей, которые могутъ до чего нибудь достигнуть и иногда своими собственными средствами удовлетворяютъ потребностямъ народа. Еслибы ихъ не стало и правительство перешло бы къ шляхтѣ, то много было бы разговоровъ, а дѣла бы не было и казна опустѣла бы; было бы много юристовъ, а войска никогда не было бы, сколько нужно. Кончилось бы тѣмъ, что всякій съ презрѣніемъ смотрѣлъ бы на насъ.

— Объ этомъ часто говоритъ и панъ Самуилъ, и не видитъ другаго средства, какъ казачество. Не разъ говорилъ мнѣ, что тотъ, за кого будутъ казаки, сдѣлаетъ у насъ все, что захочетъ. Панъ Самуилъ теперь гетманомъ на Низовьѣ и Запорожьѣ и значитъ тамъ божье, чѣмъ король; потому что онъ идолъ вооруженной толпы. По его мановенію поднимаются пятьдесятъ тысячъ пикъ. Теперь нѣтъ короля. Я надѣюсь, что наши магнаты не захотятъ осрамить своего имени, согласятся съ шляхтою и выберутъ такого короля, который былъ бы достоинъ потомковъ Ягайлы. Такой король пойметъ мысль пана Самуила, обратитъ вниманіе на Русь, о которой никто не думалъ; но тамъ-то именно скрывается сила Рѣчи Посполитой. Пусть съ польскимъ и литовскимъ народомъ соединится третій народъ—русскій, тогда горе п магометанамъ, и нѣмцамъ. Смори, какое славное время наступитъ для Польши, когда панъ Самуилъ изъ рукъ короля польскаго получитъ русскую гетманскую булаву.

— Святую правду ты говоришь; но еслибы панъ Самуилъ захотѣлъ послушать меня, то я бы ему посоветовалъ собрать своихъ казаковъ и съ ними идти на выборы въ Краковъ, не вдаваться ни въ какіе разговоры, а просто сказать, что тотъ и тотъ долженъ быть королемъ; если бы кто сталъ сопротивляться, казаки съ умѣли бы зажать тому ротъ.

— Онъ думаетъ гораздо благороднѣе, чѣмъ вы полагаете, и никогда не рѣшится нарушить права своей родины. Дождемся новаго короля, тогда онъ предложитъ ему свой совѣтъ, но не сдѣлаетъ насилія.

— Говорите себѣ, что хотите, а еслибы я былъ на его мѣстѣ, то умѣлъ бы такъ сжать шляхту, что не смѣла бы и пикнуть. Дѣлали бы то, что мнѣ было бы угодно. Что ему гетманство? онъ могъ бы объявить себя королемъ. Съ пятьюдесятью тысячами войска просить не приходится.

— Объ этомъ и не говори. Я знаю его; онъ мнѣ былъ благодѣтелемъ и теперь дѣлаетъ мнѣ честь своимъ неограниченнымъ довѣріемъ; я для него огорчилъ отца оставивъ отечество, потому что убѣжденъ въ его благородствѣ; но прежде всего я сынъ Рѣчи Посполитой и никогда не сдѣлаюсь слѣпымъ орудіемъ въ исполненіи

подобныхъ плановъ. Объ этомъ знаетъ и панъ Самуилъ и потому можетъ быть, довѣряетъ мнѣ.

— Развѣ ты не хотѣлъ бы, чтобы онъ былъ королемъ?

— Напротивъ, сколько это не противно общимъ правамъ, я готовъ жертвовать жизнію. У насъ король долженъ быть католикъ; конечно, онъ могъ бы послѣдовать примѣру отца, и тогда исчезли бы всѣ затрудненія. Но онъ объ этомъ не думаетъ. Русское гетманство, признанное Сеймомъ, цѣль его жизни, потому что онъ знаетъ, что ничѣмъ не можетъ быть полезнѣе Польшѣ. Впрочемъ, что намъ думать объ этомъ. Подумаемъ, какъ скорѣе съ нимъ увидѣться. Вѣдь ты далъ слово ѣхать со мною въ Сѣчь.

— Да, и поѣду. Ты такими надеждами расшевелилъ мое сердце, что здѣсь меня ничто не удержитъ. Видишь, пью, кажется, хорошо. а не могу напиться.

— И хорошо; нужно быть въ полномъ присутствіи духа; завтра походъ, а больше не пью. Свиридъ ужъ воротился, не хочешь ли сказать ему что нибудь?

— Мнѣ нечего съ нимъ говорить. Но почему же намъ не выпить еще? Вчера ты упилъ меня своимъ виномъ, а сегодня не хочешь пить моего. Я этого отъ тебя не ожидалъ.

— Помни, что завтра походъ, и что до самой Сѣчи нельзя будетъ снять панцыря. Ну, а тамъ погуляемъ въ волю.

Панъ Езекиоль согласился, заплатилъ Ицкѣ. Оба пріятеля пошли спать и вскорѣ сладкій сонъ сомкнулъ имъ глаза.

VII.

Свиридъ, повинуясь приказаніямъ пана Казимира, говорившаго уже прежнимъ хриплымъ голосомъ, приготовилъ все къ путешествію. Уже запорожская телѣга стояла запряженная посреди конюшни; верховыя лошади, оседланныя и вооруженныя, ожидали своихъ сѣдоковъ; уже Ицко съ помощью своей жены разсчитался съ паномъ атаманомъ, — а панъ Езекиель все еще лежалъ, какъ убитый, побѣжденный крѣпкимъ сномъ, который представлялъ его воображенію образы славы и добычи. Наконецъ Казимиръ схватилъ его за руку и такъ сильно потянулъ къ себѣ, что тотъ всталъ на ноги, хотя еще не въ состояніи былъ открыть глаза. Но атаманъ крикнулъ ему на ухо и Езекиель проснулся совершенно, началъ ходить по конюшнѣ, потомъ крикнулъ Свириду, чтобы принесъ ведро воды и снялъ съ себя рубашку, не смотря на присутствіе жены Ицка, которая тотчасъ же скрылась въ избу, проклиная его на своемъ языкѣ. Свиридъ явился съ ведромъ и окатилъ своего пана, который только теперь почувствовалъ себя совершенно трезвымъ.

— Пусть тебя Богъ проститъ, господинъ атаманъ, что разбудилъ меня, сказалъ онъ потомъ. Я уже былъ почти на вершинѣ царьградской стѣны, одною рукою держался за стѣну, а въ другой держалъ топоръ и разгонялъ турокъ, а ты мнѣ помѣшалъ войти въ городъ. Дастъ Богъ на яву никто не помѣшаетъ. Но ты, какъ вижу,

ранили пташка; еще, кажется, солнце не взошло, а ты уже на ногах и совѣтъ готовъ. Ну, Свиридъ, поворачивайся, давай сапоги.

Рыцарь одѣлся очень скоро, и потребовалъ вооруженіе; Казимиръ помогъ ему надѣть и застегнуть ремешки у панциря. Закованные въ желѣзо, рыцари сѣли на своихъ коней; Свиридъ взобрался на талгу, привязавъ сзади свою лошадь, и пустился въ путь по лодыжнскому тракту.

Около полутора часа ѣхали они шагомъ и дружелюбно бесѣдовали, когда взошло солнце и обило свѣтомъ роскошныя украинскія степи. Но ни богатые села, ни веселые хутора, раскиданные по степи, не занимали пана Езекиеля. Природа вообще на него не произвела ни какого впечатлѣнія—въ его воображеніи носились сцены битвъ, попойекъ, ссоръ; представлялись и сцены чувственныхъ наслажденій,—но поэзія, чистая любовь были ему чужды. Онъ былъ прозаикъ въ дупѣ. Вѣра его была смѣшана съ самыми дикими предразсудками. Вся его нравственность заключалась въ самомъ точномъ исполненіи рыцарскихъ правилъ, отъ которыхъ никогда, ни за предѣлами этихъ правилъ руководился инстинктомъ и покорностью первому порыву. Вслѣдствіе этого, онъ былъ жестокъ, дерзокъ, самонадѣянъ, жаденъ. Но онъ имѣлъ одну добродѣтель: не былъ упрямъ и потому имъ могъ управлять всякій, кто приобрѣталъ его уваженіе; но приобрѣсти такое уваженіе можно было только смѣлостью, которая, по его мнѣнію, заключалась въ умѣнии владѣть оружіемъ. Незоружной смѣлости онъ не понималъ. Тамъ, гдѣ ничего нельзя было сдѣлать ни саблею, ни копьемъ, его мужество уступало. Онъ боялся упырей, колдовства, какъ самая необразованная баба.

Но при всемъ томъ могъ быть самымъ искреннимъ и преданнымъ другомъ и, надо отдать ему справедливость, не было той жертвы, на которую онъ не рѣшился бы для пана Казимира. Казимиръ приобрѣлъ его уваженіе, доказавъ ему свое превосходство въ военномъ дѣлѣ, и это уваженіе сдѣлалось для Езекиеля необходимою потребностью: онъ не только повиновался ему, но даже терпѣливо выслушивалъ его наставленія. Это видно было и во время этой поѣздки. Онъ хотѣлъ нападать на купцовъ и шляхту, грабить ихъ, чтобы вознаградить себя за расходы, сдѣланные на мѣстѣ; но Казимиръ не хотѣлъ этого. Панъ Езекиель старался доказать, что грѣшно носить оружіе и не употреблять его въ дѣло.

— Даю тебѣ слово, сказалъ атаманъ—что никакой обиды не нанесу подданному Рѣчи Посполитой и не позволю обидѣть въ моемъ присутствіи.

— Почему? спросилъ панъ Езекиель съ удивленіемъ. Ужъ не записался ли ты куда нибудь въ монастырь, потому что эти рѣчи похваляютъ бернардинствомъ, а не казачествомъ.

— Не стыдно ли тебѣ думать постоянно о грабежѣ? Эта жадность вовсе не рыцарская. Ты родной сынъ своего отца, который только и думаетъ о томъ, какъ набить мѣшокъ—и въ этомъ отношеніи всякое средство ему годится; даже обманываетъ своего господина.

Еслибы кто другой сказалъ это, то Езекиель расправился бы съ нимъ саблею; но Казимиръ могъ говорить безопасно. Рыцарь нашъ однакожъ смутился; ему точно было очень совѣстно; онъ даже отсталъ отъ своего товарища, такъ что тому стало жаль его.

— Езекиель, можетъ быть, по дорогѣ встрѣтимъ татаръ, сказалъ атаманъ ласковымъ тономъ; на нихъ можно напасть и можно получить хорошую добычу и совѣсть будетъ чиста.

Эти слова возвратили веселость нашему герою; онъ пришпорилъ коня и снова поѣхалъ рядомъ съ атаманомъ.

— Дай Богъ, чтобъ чужой попался, сказалъ онъ, поровнявшись.

Въ теченіе двухъ первыхъ сутокъ не случилось ничего достойнаго вниманія; на третій день путешественники увидѣли у корчмы, не далеко отъ Ободовки, нѣсколькихъ казаковъ, сидѣвшихъ на заведеніи. Атаманъ узналъ своихъ и остановился.

— Здравствуйте, паны запорожцы, сказалъ онъ казакамъ, которые, увидѣвъ своего атамана, почтительно встали.

— Здравія и тебѣ желаемъ, панъ атаманъ.

— А давно съ Сѣчи?

— Ужъ третья недѣля.

— Что слышно о гетманѣ?

— Оставили здороваго и веселаго. Да третьяго дня встрѣтили своихъ, въ Погребницахъ; тѣ ѣхали прямо изъ Сѣчи, сказывали, что черезъ недѣлю послѣ насъ уѣхалъ съ однимъ только бандуристомъ, какъ всегда, и неизвѣстно, гдѣ теперь.

— Вотъ и новый сазис! сказалъ атаманъ, обращаясь къ Езекиелю.

Въ это время изъ корчмы вышелъ казакъ, который лѣтами былъ старше другихъ.

— Богъ помощи!

— Благодарствуй, отвѣчалъ атаманъ. А, это ты, Ассаула Нечайный! Сколько васъ здѣсь?

— Шестеро, отвѣчалъ Нечайный; а было больше.

— Была работа?

— Да, была, и славная работа. На той недѣлѣ подъ самымъ Вѣлополемъ встрѣтили таборъ. Татары гнали восемьдесятъ слишкомъ штукъ дѣвчатъ и молодлицъ. Мы бросились на нихъ; они пустили въ насъ тучу стрѣлъ, потомъ сошлись поближе — долго рубились, да наша взяла; ихъ было до тридцати, а нашихъ только четырнадцать. Шестнадцать поганыхъ положили на мѣстѣ, шестерыхъ полонили и привели къ бѣлопольскому губернатору, по десяти золотыхъ получили за голову; остальные разбѣжались, иные бросили лошадей. Да и намъ не обошлось даромъ. Трехъ убили, четвертый былъ очень израненъ, просилъ, чтобъ добить, ну, тотъ тоже умеръ. Народъ-то отпустили домой, прогулявши напередъ того всю ночь въ корчмѣ. А были между ними знатные. Лучше что было изъ добычи на ихъ же возахъ отослали въ Сѣчу; лошадей тоже было вдоволь. Однихъ отослали въ Сѣчу, другихъ, что похуже, роздали крестьянамъ, чтобъ Бога за насъ просили. И оружія тоже было не мало.

— Славно, господа запорожцы. Богъ дастъ, скоро все Запорожье пойдетъ въ поле.

— Не на Краковъ-ли? Слышно тамъ короля нѣтъ.

— Пойдемъ, куда атаманъ прикажетъ. Чтожъ больше слышно?

— Вотъ еще узнали мы отъ плѣнныхъ татаръ, что ихъ больше было, да не посчастливилось имъ подъ Триполемъ. Недѣли двѣ тому назадъ жена господаря Расція съ большимъ богатствомъ и дворомъ поѣхала въ Кіевъ поклониться святымъ мощамъ въ Печерской Лаврѣ. Подъ Триполемъ они ее и остановили и взяли бы и ее, и все ея богатство, да какой-то черный рыцарь помогъ; такой, говорятъ, онъ страшный — словно не человѣкъ. Его ничто не беретъ, а онъ, кого ударилъ, тотъ и мертвъ. Самъ Мурза попалъ на него; да онъ ему голову снесъ на лету, тотъ такъ безъ головы и воротился къ своимъ, перепугалъ, знаесто, — тѣ и разбѣжались. Должно быть, то былъ не совсѣмъ человѣкъ; потому что какже нападать на богомольцевъ.

— Хорошо говоришь, братъ, а еще лучше дѣлаешь. Ты молодецъ. Воротимся въ Сѣчь, тамъ можетъ и ты будешь атаманомъ, нашъ гетманъ не забываетъ нашихъ заслугъ.

— Дай Богъ! дай Богъ!

— А теперь мы васъ возьмемъ въ Сѣчь.

— Хорошо. А гдѣ это атаманъ оставилъ Сагайдачнаго?

— Ему теперь ничего не надо. Лежитъ себѣ покойно въ могилѣ подъ Кальникомъ, приказалъ долго жить.

— Царство ему небесное. А этотъ панъ, по лашски одѣтый, куда ѣдетъ?

— Онъ такой же молодецъ, какъ вы; ѣдетъ со мною къ гетману; хочетъ записаться къ намъ.

— Дай Богъ ему счастья, а намъ отъ него утѣхи.

Атаманъ представилъ своему товарищу Эссаула и другихъ казаковъ, и вскорѣ новые знакомые подружились, какъ будто вмѣстѣ бочку соли съѣли.

Вся компанія осталась въ корчмѣ болѣе двухъ часовъ. Езекиель ничего такъ не желалъ, какъ доказать своимъ новымъ друзьямъ, что онъ также не изъ послѣднихъ бойцовъ. Но первый день путешествія прошелъ безъ всякихъ приключеній. Вмѣсто татаръ, рыцарей встрѣчали купцовъ, ѣхавшихъ безъ всякаго закрытія, или шляхту съ женами иногда съ дѣтьми, или наконецъ крестьянъ и холодовъ.

Но на другой день по-полудни Нечайный завидѣлъ на самой чертѣ горизонта нѣсколько экипажей и верховыхъ.

— Къ намъ ѣдутъ, сказалъ онъ; какъ прикажешь, атаманъ, оставить ихъ или нѣтъ?

— Пусть подойдутъ поближе; можетъ быть это наши друзья.

— А, господинъ атаманъ, вмѣшался Езекиель; вы сами сказали, что на чужаго и вооруженнаго нападать можно; вѣдь это не запорожцы. А я былъ бы очень радъ показать господамъ запорожцамъ, каковъ я въ дѣлѣ.

— Въ какой тебя горячей водѣ купали. Хочешь быть запорожцемъ, а мучишь коня напрасно. Вѣдь онъ къ намъ на встрѣчу ѣдутъ. погоди, прѣдутъ.

Панъ Езекиель, радъ не радъ, а долженъ былъ усмирить свой воинственный пылъ. Проѣхали еще шаговъ полтараста спокойно.

— Это княжна Расція, крикнулъ Эсаулъ, ѣдетъ назадъ въ Венгрію. Столько же экипажей и верховыхъ, какъ говорили татары; только не видать чернаго рыцаря; онъ, можетъ быть, только на бурсурманъ нападаетъ. Я думаю, панъ атаманъ, что точно не надо нападать на того, кто ѣдетъ ко святымъ угодникамъ; но кто ѣдетъ уже назадъ, на того можно, потому что уже сдѣлалъ свое дѣло.

— Разумѣется, такъ—сказалъ Езекиель. Не правда ли атаманъ?

— Но я думаю, отвѣчалъ Казимиръ, что можно ихъ будетъ спросить, не захотятъ ли раздѣлаться съ нами по-пріятельски? Зачѣмъ же мучить напрасно коней и тупить сабли, когда можно обойтись и безъ того?

— Правду говоритъ панъ атаманъ, сказалъ Нечайный; — можно послать кого нибудь переговорить съ ними.

— Зачѣмъ? Я могу затрубить; вѣроятно, тамъ есть кто-нибудь, кто понимаетъ сигналъ.

— За оружіе! крикнулъ Казимиръ; казаки подняли шки, а панъ Езекиель затрубилъ сигналъ, обещающій прощенье, если противникъ покорится, потомъ опустилъ забрало и сталъ всматриваться вдаль.

Уже таборъ былъ довольно ясно виденъ, когда отъ него отдѣлился рыцарь въ черномъ вооруженіи, держа копье на готовѣ, и, казалось, одинъ готовъ былъ напасть на всѣхъ.

— Молодецъ! крикнулъ атаманъ; и не спрашиваетъ сколько насъ, надо однакожь доказать ему, что мы не трусы. Но всѣмъ на одного напасть не годится. На мѣста, я самъ съ нимъ расправляюсь!

— Зачѣмъ же панъ атаманъ вы хотите обидѣть меня? Мнѣ сейчасъ говорилъ Эсаулъ, что, по вашимъ обычаямъ, тотъ, кто послѣднимъ присталъ къ вамъ, первымъ идетъ въ дѣлѣ. Этотъ рыцарь мой.

— Правда, отвѣчалъ атаманъ. Ну маршъ впередъ!

Бойбе не нужно было повторять пану Езекиелю. Но когда между нимъ и чернымъ рыцаремъ было не больше двухъ сотъ шаговъ, и можно было разсмотрѣть гербъ на его щитѣ, атаманъ крикнулъ, выѣхавъ впередъ: Езекиель! назадъ! — Но нашъ рыцарь или точно не слышалъ, или не хотѣлъ слышать этихъ словъ и поскакалъ на своего противника, который, остановившись, ожидалъ напора. Стокнулись, наконецъ. Копье пана Езекиеля переломилось на нѣсколько частей, а черный рыцарь однимъ ударомъ выбилъ его изъ сѣдла, такъ что тотъ повалился какъ снопъ, и лежалъ недвижно, а казаки дружнымъ крикомъ привѣтствовали своего атамана.

— Молчите, дурни! отвѣчалъ панъ Самуиль. Здорово, атаманъ; здорово, молодцы! А этотъ, что дѣлалъ у васъ?

— Это Езекиель Здора, отвѣчалъ Казимиръ; онъ когда-то служилъ нашему отцу; онъ вовсе не думалъ идти противъ васъ; для него

это большая честь, жаль только, что, можетъ быть, слишкомъ дорого заплатилъ за нее.

— Езекиель Здора! вѣдь тоже новой религіи, какъ я: надо спасти его. Ну, дѣти, поѣзжайте въ Сѣчь, со мною одинъ атаманъ останется; ждите меня тамъ, только не трогайте тѣхъ, что тамъ оставились. Недавно я узналъ о тебѣ, Нечайный, хорошо, молодецъ! Какъ возвращусь въ Сѣчь, сдѣлаю тебя атаманомъ. Ступайте, дѣти, и никому не говорите, что встрѣтили меня. Скоро увидимся въ Сѣчи.

Козаки разсыпались по степи. Свиридъ былъ уже возлѣ своего господина, а панъ Казимиръ и гетманъ слѣзли съ лошадей и поспѣшили на помощь къ несчастному рыцарю. Они сняли съ него вооруженіе, нашли воды, почерпнули шлемомъ и вылили ему на голову. Панъ Езекиель, казалось, начиналъ приходить въ себя, открылъ глаза и даже протянулъ руку пану Казимиру, но скоро кровь полилась горломъ и онъ снова опустился безъ чувствъ. Запорожцы старались освѣжить его.

— Жаль его, сказалъ Самуилъ; но какой же онъ сталъ бабой! Я его только толкнулъ. Былъ когда-то добрый рыцарь.

— Онъ недавно свалилъ нашего Сагайдачнаго; но вашъ ударъ не всякій вынесетъ. Онъ хотѣлъ было записаться къ намъ и служить намъ, затѣмъ и тѣхалъ со мною въ Запорожье, да на бѣду встрѣтился съ вами прежде, чѣмъ ожидалъ; я-то васъ узналъ поздно.

— Завтра, можетъ быть, спасемъ его; вѣдь онъ не раненъ, только прибитъ. Я думаю, что у княжны Расціи въ замкѣ есть какой-нибудь докторъ. Посмотри, опять лежитъ безъ чувствъ.

Между тѣмъ таборъ приблизился. Въ остановившейся колымагѣ сидѣли двѣ дамы; одна старшая, которой было около сорока лѣтъ, могла бы показаться женщиною красивою, еслибы возлѣ нея не было молоденькой дѣвушки, удивительной красоты. Первая была княгиня Расція, вторая—ея племянница, Гривельда, княжна Семиградская.

— Вотъ уже второй разъ вы спасаете насъ отъ опасности, когда же мы въ состояніи будемъ доказать вамъ нашу благодарность. Откройте намъ ваше имя, чтобы мы знали, кто нашъ избавитель, кого благодарить.

— Я вамъ обязанъ благодарностью, что вы не пренебрегли моею защитою. Что до моего имени, то позвольте мнѣ не открывать его; надѣюсь однакожъ, что со временемъ мнѣ позволено будетъ произнести его предъ вами.

— Мы нѣсколько знакомы съ обычаями рыцарскими и видимъ, что эти дѣла, которыхъ мы были свидѣтелями, не первые ваши подвиги; можетъ быть, вы считаете недостойнымъ познакомиться съ нами.

— Вы такъ думаете княгиня? Нѣтъ. Можетъ быть, я не имѣю права открыть свое имя; можетъ быть на мнѣ лежатъ обязанности, требующія, чтобы я скрывалъ его въ глубокой тайнѣ.

— Хотя я и не знаю, кто вы; но вижу, что принадлежите къ по-

родѣ, заслуженной въ вашемъ отечествѣ. Я просто не принимаю васъ за простаго рыцаря. Если ошибаюсь, дайте рыцарское слово.

— Что я не имѣю никакихъ достоинствъ въ своемъ отечествѣ, въ этомъ даю вамъ рыцарское слово. Что же касается до моего происхожденія, то я польскій дворянинъ, а вамъ извѣстно, что наше дворянство высоко себя цѣнитъ. Но если вы не хотите, чтобъ бѣдный рыцарь бесплатно оказалъ вамъ услугу, отъ васъ зависитъ наградить его.

— Чего же вы желаете? Я буду счастлива, если въ состояніи буду исполнить ваше требованіе.

— Если вы почтете достойнымъ того, позвольте мнѣ поцѣловать ваши ручки, и это будетъ для меня самою высокою наградою.

— Извольте, мы готовы предложить вамъ эту необыкновенную награду, отвѣчала княгиня, смѣясь и протягивая свою руку. Рыцарь склонился и поцѣловалъ руку княгини.

— Гризельда, ты также обязана ему, какъ и я, дай и свою руку.

Княжна подняла черные глаза и покраснѣла. Она въ эту минуту была такъ хороша, что даже панъ Казимиръ подумалъ, что для такого необыкновеннаго существа самый умный можетъ сойти съ ума. Рыцарь поцѣловалъ ея руку; она такъ смутилась, что, по-видимому, не знала, какъ ей быть, и спустила покрывало.

— По одеждѣ, княгиня, вы уже видите, что этотъ несчастный польскій рыцарь. Онъ еще не умеръ. Вѣроятно въ вашемъ замкѣ есть докторъ; его надо спасти, какъ велать рыцарскіе обычаи.

— Нѣтъ у насъ доктора, но онъ и не нуженъ, отвѣчала княгиня; Гризельда знаетъ всѣ травы и не одному уже возвратила жизнь. Докажи, Гризельда, нашему избавителю, что если онъ умѣетъ наносить раны, то ты умѣешь ихъ лечить.

— Тѣ раны, которыя я наношу не такъ страшны, потому что ихъ лечить можно; есть другія раны, отъ которыхъ одна смерть лечитъ.

— Надо этого рыцаря отнести на рукахъ до перваго покойнаго мѣста, сказала княгиня къ слугамъ. Только нести осторожно.

Слуги устроили носилки, застлали ихъ плащами и уложили на нихъ пана Езекія. Княжна подошла къ нему, взяла его за руку, потомъ дотронулась до обнаженной груди, до головы и, обратясь къ теткѣ, сказала: У него сильная горячка; но спасти его можно; нуженъ только покой.—Потомъ приказала достать ящикъ, вынула изъ него бутылку съ какимъ-то бальзамомъ и, подавая ее Свириду, который всѣхъ болѣе хлопоталъ возлѣ своего господина, сказала: Намочи этимъ бальзамомъ платокъ, положи на грудь и постоянно смачивай.

Всѣ услышились потомъ по мѣстамъ и весь таборъ тихо потянулся къ Бертадѣ, до которой было не болѣе мили.

VIII.

Обозъ подвигался тихо. Панъ Езекіель лежалъ на своихъ носилкахъ, а Свиридъ съ бутылкой въ рукѣ, постоянно наблюдалъ, что-

бы не высохъ платокъ княжны. Панъ Самуилъ далъ знакъ атаману, и оба отъѣхали назадъ, чтобъ потолковать на свободѣ.

— Вамъ уже вѣроятно извѣстно несчастіе, постигшее вашъ домъ и всѣхъ насъ.

— Вѣсть о болѣзни отца дошла до меня еще въ Сѣчи, и отъ того-то я поспѣшилъ, думая, что застаю отца въ живыхъ. Черезъ нѣсколько дней по выѣздѣ я встрѣтилъ жидовъ изъ Зборова; они не узнали меня и рассказали всѣ подробности его смерти. Совѣсть мучитъ меня; я, кажется, былъ не малою причиною его смерти.

— Въ этомъ отношеніи вы, кажется, можете успокоиться, потому что вашъ отецъ, какъ я знаю, не перенесъ смерти короля. Знаю также, что до послѣдней минуты вспоминалъ объ васъ, нѣсколько разъ благославлялъ и называлъ васъ самымъ любезнымъ сыномъ.

— И самымъ неблагодарнымъ.

— Царство ему небесное, а онъ не хорошо поступилъ съ вами. Впрочемъ, я думаю, въ душѣ онъ самъ былъ увѣренъ, что на вашъ мѣстѣ поступилъ бы также, какъ вы. Но о своемъ отцѣ я этого сказать не могу. Нѣсколько дней тому назадъ я былъ въ Кальникѣ у стараго Здоры, но меня тамъ никто не узналъ: я перемѣнилъ голосъ, облѣпилъ себѣ лицо пластырями; всѣ подумали, что какой-то казакъ запорожскій. Тамъ я встрѣтился и съ отцемъ. Я страшно боялся, чтобы онъ меня не узналъ, онъ рассказывалъ о смерти вашего отца, превозносилъ его за то, что оставилъ новую стѣну и прибавилъ, что ваши братья поручили ему отыскать васъ. Вотъ здѣсь-то онъ произнесъ вамъ панегирикъ: панъ Самуилъ, говорить, никогда не рѣшился бы оставить отца, еслибъ не мой негодяй; попадись онъ только мнѣ въ руки, я ему задамъ такую башку, что вѣкъ будетъ помнить. Вы можете себѣ представить мое положеніе, лучше было бы встрѣтить сто татаръ, чѣмъ его одного. Однако, когда-нибудь придется съ нимъ помириться. Вы теперь вѣроятно заняты мыслью о выборѣ новаго короля?

— Признаться, съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтился съ этими бабами, ни о чемъ не могу думать.

— А понимаю, сердечное дѣло. Правда, княжна очень хороша, много нужно пройти, чтобы найти другую такую, впрочемъ... Я бы вамъ совѣтовалъ, все это къ чорту на время, да правду сказать, и вѣтомъ не слѣдовало бы начинать.

— Отъ чего-жъ?

— Вудь она полька, либо русская, можно было бы догадаться, что думаютъ ея опекуны. А кто знаетъ, что тамъ думаютъ въ Семиградѣ. Вы богаты и почтенны въ своемъ народѣ, но не болѣе какъ дворянинъ, а она изъ породы князей владѣтельныхъ. Потому-то и слѣдуетъ вамъ думать о гетманствѣ, а не о княжѣ, для которой выбираютъ какого-нибудь курфирста или королевича.

— Вздоръ! она будетъ моя. Эти князья семиградскіе и Расціи постоянные данники то кесарей, то султановъ, а я завишу только отъ Бога, да отъ своей сабли, и сплянѣ ихъ, потому что могу вывести въ поле сто тысячъ солдатъ. Видятъ, какъ казаки грабятъ

предмѣстья Царьграда, а мнѣ, ихъ гетману, нельзя просить руки княжны Семиградской! Пустяки, и знаешь ли? я хочу послать тебя въ Германиштадъ посломъ. Скажешь князю Стефану, что Самуэль Зборовскій желаетъ быть его племянникомъ, что представляю ему вмѣсто всѣхъ подарковъ сорокъ тысячъ отличнаго воинства, которые будутъ защищать его владѣнія. Скажешь ему, что ежели княжеская корона для него такъ много значить, то я могу представить и ее. Если откажутъ, возвращайся немедленно назадъ, и я со всѣмъ Запорожьемъ наведу землю Семиградскую, уничтожу его замки, крѣпости, его самого и возьму Гризельду.

— Я вашъ слуга, вашъ другъ, и ваше счастье мнѣ всего дороже, но можно ли забыть о выгодахъ своей земли? теперь у васъ юбовь въ головѣ, а ой тамъ вѣкъ не быть.

— Такъ ты не исполнишь моего порученія?

— У меня въ головѣ только то, что въ Польшѣ нѣтъ короля, и пока не выберутъ новаго, ни вамъ, ни мнѣ не слѣдуетъ думать о своихъ частныхъ дѣлахъ. Мы должны помочь тѣмъ, на чьей сторонѣ будетъ правда. Князь Стефанъ Баторій отличный воинъ, о немъ говорятъ вездѣ, и развѣ можно заслужить его вниманіе, оставляя отечество въ такое время.

— Можетъ быть все это и правда, но я теперь не могу думать ни объ отечествѣ, ни о славѣ. Если ты оставишь меня, я самъ поѣду въ Семиградъ, ничто меня не остановитъ.

— Тогда вы были бы человѣкомъ, какъ ихъ на каждомъ шагѣ можно встрѣтить. Но отъ васъ, котораго самъ Сигизмундъ Августъ называлъ щитомъ Рѣчи Посполитой, можно требовать больше. Вамъ надо думать о Польшѣ. Вы знаете свое призваніе, вы сами не разъ говорили объ немъ, всякая перемѣна короля даетъ вамъ случай исполнить его. Между тѣмъ хотите сдѣлаться сказочнымъ рыцаремъ: еслибы такъ случилось, я пожалѣлъ бы о томъ времени, которое употребилъ на службу вамъ.

— Я завидую тебѣ, что ты можешь смотрѣть такъ спокойно на вещи; но ты самъ вѣкогда, кажется, не испытывалъ чувства любви, иначе ты былъ бы снисходительнѣе ко мнѣ.

— Конечно, Богъ сотворилъ женщинъ, чтобъ мы ихъ любили; разумѣется, мы не крестоносцы и не ливонцы; я понимаю, что пріятно послѣ рыцарскихъ трудовъ отдохнуть въ семействѣ. Когда будетъ новый король и отдастъ вамъ булаву, можетъ быть, пойдѣмъ на нѣмцевъ или бусурманъ, я стану въ ряды польскаго войска. Сдѣлайте такъ и вы. Теперь не время думать о княжѣ, но если вы хотите быть оя достойнымъ, подождите, пока не изберемъ короля. Вы тогда докажете ему, что имѣть въ готовности нѣскольکو десятковъ тысячъ войска, не то, что кланяться упорной, своевольной шляхтѣ или нанимать нѣмцевъ. Вы вытребуете все, что захотите, у короля и у совѣта, потому что ваше требованіе будетъ честное. Тогда я съ величайшимъ удовольствіемъ поѣду просить для васъ руки княжны и докажу владѣтелю сандомирскому, что гет-

миство польское стоитъ его княжества. Что-жъ вы на это скажете?

— Мнѣ нечего говорить. Самъ не знаю, что дѣлать, потому что отъ этого случая вся моя будущность зависить; но сегодня все должно рѣшиться. Я ее люблю искренно, до безумія люблю. Я не трусь, но у меня не достаетъ смѣлости открыться предъ нею. Иногда мнѣ кажется, что она меня тоже любитъ; тогда я не въ состоянн совладать съ своимъ сердцемъ, тогда я готовъ на все. Мнѣ представляется иногда, что я везу ее въ Сѣчь, что все Запорожье изумляется ея красотѣ, что этотъ дикій народъ начинаетъ понимать чувство любви, и наша Сѣчь становится доступна женщинамъ. Но потомъ мечты отлетаютъ, я боюсь заговорить съ нею, потому что одно ея слово можетъ всего меня лишить. Тогда я жажду войны, хочу стать такъ высоко, чтобы сильнѣйшіе государи за честь считали мою дружбу и родство.

— Вотъ вы и держитесь этого послѣдняго рѣшенія. Я вижу, что вы обѣщали довести ихъ до границы, гдѣ ожидаютъ ихъ вѣроятно свои солдаты. Если вы точно дали слово, надо исполнить; разстаньтесь съ ними тогда, когда онѣ будутъ внѣ опасности. Потомъ возвратитесь въ Сѣчь; вы распорядитесь такъ, чтобы дѣйствительно можно было предложить коронѣ наше содѣйствіе, и тогда поѣдемъ въ Краковъ. Къ вамъ бѣжитъ слуга княгини, вѣроятно хотятъ говорить съ вами. Поѣзжайте къ нимъ, а я посмотрю, что дѣлается съ вашимъ больнымъ.

Казимиръ слѣзъ съ коня и, отдавъ его одному изъ сербовъ, пошелъ къ носилкамъ. Езекиель узналъ его, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ.

Когда гетманъ подѣхалъ къ княгинѣ, она предложила ему снять съ себя вооруженіе и сѣсть въ ихъ колымагу; но тотъ отказался.

— Вы боитесь, что вамъ будетъ скучно съ нами. Если вы отказываете мнѣ, то, можетъ быть, не откажете моей племянницѣ. Гризельда, повтори мою просьбу; посмотримъ, такъ ли польскіе рыцари вѣжливы къ дамамъ, какъ страшны непріятелямъ.

— Если рыцарь не повинуется вамъ, отвѣчала, нѣсколько смущенная, Гризельда, то я не думаю, чтобы и моя просьба имѣла для него больше значенія.

— Я повинуюсь вамъ, княжна, отвѣчалъ панъ Самуилъ; но если я не принялъ вашего предложенія, то единственно потому, что считалъ его слѣдствіемъ состраданія ко мнѣ; но оружіе не тяготитъ меня ни мало. Я сейчасъ исполню ваше желаніе.

Онъ отсталъ на нѣсколько шаговъ отъ колымаги, слѣзъ съ коня, передалъ его своему бандуристу вмѣстѣ съ копьемъ и шлемомъ; но панциря не снялъ. Съ открытою головою онъ сѣлъ противъ дѣлъ, которымъ въ первый разъ представился случай рассмотреть его черты. Онѣ дѣйствительно были замѣчательны; въ нихъ выражались столько благородства и мужества, что по первому взгляду можно было заключить о его происхожденіи изъ знатной фамиліи. Свѣтлыя волосы его, кольцами падавшіе на плечи, были хорошо из-

вѣстны въ Рѣчи Посполитой, такъ, что сдѣлавшись запорожцемъ, онъ не захотѣлъ пожертвовать ими. Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвели его темные глаза, блѣдное лицо и огромная рука на княжну, потому что та сидѣла, опустивъ глаза; но княгиня нашла, что онъ точно былъ очень хорошъ.

— Отчего же вы не сняли панциря. Или боитесь измѣны, зная, что сербы отлично владѣютъ кинжаломъ.

— Не кинжалъ самое страшное ваше оружіе, и отъ него не спасетъ и панцирь. Но я не снялъ его потому, что платье мое такъ запылено, что нельзя узнать его цвѣта; я не смѣлъ въ такомъ видѣ явиться предъ вами.

— Пылъ на рыцарѣ такое же украшеніе, какъ на насъ шелки. Мы съ сестрою, матерью Гризельды, были такъ воспитаны, что умѣли всегда цѣнить рыцарское достоинство. Она отдала свою руку князю Батюрію, младшему изъ братьевъ и небогачу; а я владѣтелю Радцію за то только, что имя его было страшно туркамъ, и никогда непріятельское копье не выбило его изъ сѣдла. Вѣдь и ты, Гризельда, посѣдуешь моему примѣру?

— Признаюсь, я не думала никогда объ этомъ; а сверхъ того совершенно завишу отъ воли моего дяди.

— Но вѣдь ты знаешь, что онъ не отдастъ тебя за человѣка съ мягкимъ сердцемъ, хотя бы онъ былъ королевичъ; впрочемъ, тебѣ точно рано объ этомъ думать. Князь Стефанъ находитъ, что раньше двадцати одного года выдавать за-мужъ дѣвушку не слѣдуетъ: это обычай жидовскій, а не христіанскій. Еще тебѣ три года остается думать. А знаете ли, прибавила она, обратясь къ рыцарю, что князь Стефанъ очень любитъ вашихъ родичей.

— А позвольте узнать, съ кѣмъ онъ изъ нихъ знакомъ?

— Съ воеводами Зебржидовскимъ, Тенчинскимъ, Ланцкоронскимъ вы знаете ихъ?

— Очень хорошо. Во время войны я былъ ихъ товарищемъ при дворѣ вашихъ королей, они въ большомъ почетѣ.

— Но князь Стефанъ выше всѣхъ ставитъ Замойскаго; вы также знаете?

— Мнѣ случилось видѣть его. Онъ у насъ извѣстенъ, какъ великій ученый; но не принадлежитъ къ магнатамъ и не входитъ въ близкія сношенія. Въ послѣдней войнѣ онъ командовалъ полкомъ, выставленнымъ Вѣльскимъ Воеводствомъ; но ничѣмъ военнымъ не отличался. При дворѣ мнѣ не случилось его видѣть, но между шляхтою онъ пользуется извѣстностью и уваженіемъ.

— Князь Стефанъ говорилъ о немъ, что еслибы король позволилъ пренебречь такимъ человѣкомъ, то этимъ доказалъ бы, что умѣетъ цѣнить людей. Они всѣ были вмѣстѣ съ княземъ Стефаномъ въ послѣднемъ походѣ турецкомъ, и онъ многимъ обязанъ совѣтамъ пана Замойскаго. Теперь, вѣроятно, узнавъ о смерти короля, они возвратились домой. Я была бы очень рада, еслибы познакомились съ княземъ Стефаномъ; теперь есть кому насъ ставить, а въ хорошемъ примѣ не сомнѣвайтесь.

— Не знаю, позволить ли мнѣ княжна служить.

— Я слышномъ вамъ обязана... отвѣчала княжна, все еще не поднимая глазъ.

— Вы позволяете мнѣ переступить порогъ вашего дома; но я очень несмѣлъ и этого позволенія для меня мало. Смѣю спросить, дадите ли вы мнѣ это право?

— Ты, конечно, можешь дать это право; и твой дядя, конечно, похвалитъ тебя за это.

— Ахъ тетушка, отвѣчала княжна, вы имѣете право говорить за меня.

— Нѣтъ ты, ты сама, должна сказать, это рыцарю будетъ пріятно.

— А вотъ, я вижу мѣстечко, отвѣчала княжна, смѣясь; позвольте вамъ здѣсь остановиться. У меня есть больной, о немъ надо теперь подумать.

IX.

Лишь только остановились у дома, гдѣ путешественницы хотѣли отдохнуть, вся заботливость ихъ и ихъ двора была поглощена больнымъ. Его положили въ особой комнатѣ, гдѣ, кромѣ Свирида, находилась при немъ постоянно придворный кнагини. Казимиръ рѣдко оставалъ его, и то на короткое время, и даже велѣлъ приготовить себѣ постель возлѣ него. Самуилъ остался въ той же комнатѣ.

Замѣтивъ мимоходомъ, что въ тѣ бурныя времена, когда большая часть людей жила добычею и войною, заботливость о больныхъ, раненыхъ на войнѣ и знакомство съ медицинскими пособиями, было въ обычаяхъ времени, и входило въ воспитаніе княжескихъ и графскихъ дочерей; нѣкоторыя изъ нихъ пріобрѣли своимъ званіемъ такую извѣстность, что имена ихъ остались въ исторіи.

Нечего поэтому удивляться, что скромная княжна, происходившая изъ знатнаго владѣтельнаго дома, ходила за больнымъ рыцаремъ, который, не будь у нея защитника, вѣроятно ограбилъ бы ее. Въѣстъ съ двумя прислужницами, она не щадила своихъ трудовъ; своею рукою натирала ему грудь цѣлбною мазью; и когда павъ Самуилъ увидѣлъ, какъ она подносила къ устамъ больного, ею самою приготовленное, питье, невольно позавидовалъ своей жертвѣ. Вскрѣлъ пришелъ въ чувства, но вскорѣ заснулъ и потъ крупными каплями выступилъ на его лицѣ.

— Теперь я не боюсь за него, сказала Гризельда; послѣ сна ему будетъ лучше и вѣроятно онъ станетъ говорить; но не надо позволять ему этого. Потомъ, обратясь къ одной изъ служанокъ, прибавила: ты скажешь мнѣ, какъ онъ проснется, нужно будетъ дать капли.

Княжна возвратилась въ свою комнату, а Езекиель черезъ нѣсколько часовъ дѣйствительно проснулся, и только теперь собрался съ мыслями. Онъ закидалъ вопросами Свирида, но тотъ, исполняя

приказаніе атамана , оставался нѣтъ , какъ рыба. Но Казимиръ не могъ не засмѣяться , услышавъ первыя слова своего друга.

— Проклятый , чуть было на тотъ свѣтъ не отправилъ , сказалъ Езекиель ; и не знаю радоваться-ли тому , что я еще живъ , вѣроятно . взялъ и коня , и деньги ; теперь жалѣю , что убилъ несчастнаго Сагайдачнаго .

— Молчи , прервалъ его казимиръ , княжна приказала молчать ; а лошади и деньгахъ не заботься ; ничего у тебя не отняли .

— Какая княжна ? вѣдь Ассаула говорилъ о княгинѣ , а не о княжнѣ .

— Молчи , послѣ все узнаешь . Увидишь ее , когда она придетъ . Но только молчи . Свиридъ , не отвѣчай на вопросы своего пана . Езекиель поневолѣ замолчалъ , что ему стоило не малаго усилія . Но когда Казимиръ вышелъ изъ комнаты , онъ не утерпѣлъ и снова началъ распрашивать Свирида ; но тотъ даже не поворачивался къ нему ; большой потерялъ наконецъ терпѣніе и отвернулся къ стѣнѣ , проговоривъ :

— Ты думаешь , что прикидываешься дуракомъ ; нѣтъ , ты въ самомъ дѣлѣ дуракъ .

Вскорѣ пришла княжна съ служанкою и Казимиромъ , который опасался , чтобы она не застала своего больнаго въ непріятномъ видѣ . Когда Езекиель увидѣлъ ее у своей постели , то раскрылъ глаза отъ удивленія , не зная во снѣ ли онъ ее видѣлъ , или на яву ; но потомъ собрался съ духомъ и поднялся на локоть , хотѣлъ что-то сказать , но не могъ найтти словъ .

— Вамъ говорить нельзя , сказала Гризельда звучнымъ , серебристымъ голосомъ . Потерпите немного ; это будетъ полезно для васъ . Потомъ наливъ нѣсколько капель въ ложку , она подала ему . Рыцарь проглотилъ капли .

— Не чувствуете-ли вы боли въ груди ?

— Чувствовалъ ; но какъ посмотрѣлъ на васъ , все прошло .

Гризельда слегка улыбнулась .

— Извините , княжна , моего друга , вѣшался Казимиръ ; онъ не знаетъ , кто вы . Молчи лучше , прибавилъ онъ , обращаясь къ Езекиелю ; двойнѣ полезно будетъ : во первыхъ скорѣе выздоровѣешь , а во вторыхъ глупости не скажешь .

Но тотъ не понималъ , что съ нимъ дѣлается , и только посматривалъ кругомъ .

— Вы поправляетесь скорѣе , чѣмъ я ожидала . Если захотите кушать , здѣсь для васъ приготовлено , — сказала княжна и вышла .

— Казимиръ , Казимиръ ! заговорилъ Езекиель тихимъ голосомъ ; но Казимира уже не было въ комнатѣ : онъ убѣжалъ . Княжна , княжна ! здѣсь должно быть что нибудь необыкновенное . Да , это же-на князя Расцин , или нѣтъ , такую молоденькую и хорошенькую онъ вѣроятно не пустилъ бы одну ; должно быть дѣвица . Свиридъ , Свиридъ ! Да что ты съ ума сошелъ , молчишь . Хоть обороти рыло-то свое ! Вѣдь я тебѣ господинъ ! Еслибъ я могъ встать , я бы тебѣ задалъ трепку , проклятый !... Ну , подойди же , говорилъ онъ ласково . Сви-

риадъ, душа моя, подойди ко мнѣ. А, чтобъ тебя чортъ съѣлъ, поганое отродье!—Ну, послушай, Расскажи, кто эта дама, куда дѣвался этотъ черный рыцарь. Ну что-жъ ты молчишь, вѣдь я твой господинъ, зову тебя. Подойди и Расскажи, куплю тебѣ желтые сафьянные сапоги... О хамъ проклятый, погоди, я тебѣ это припомню. Чтобъ тебѣ на всю жизнь оглохнуть и онѣмѣть! Не хочу я говорить съ тобою, поди вонъ. Однако, еслибы я захотѣлъ, то эта хорошенькая княжна была бы моя: но здѣсь, кажется, пришлось бы имѣть дѣло не съ людьми, а съ чертами; можетъ быть и эта княжна—вѣдьма. Я изъ ея руки принимаю лекарства, а она, пожалуй, кончитъ тѣмъ, что обратитъ меня въ козла. И нужно мнѣ было западать на этого черного рыцаря; можетъ быть, тоже чортъ въ человѣческомъ образѣ: не стоило показывать себя предъ этими ханами, запорожцами.

Этотъ монологъ Езекиель частью проговорилъ въ слухъ, частью передумалъ. Онъ постарался было смягчить Свирида, но потерявъ терпѣніе, сталъ размышлять и снова заснулъ.

— Я думаю, мы завтра можемъ выѣхать отсюда, сказала Гризельда; больной нашъ значительно поправился; его можно оставить подъ надзоромъ его слуги, который, какъ вижу, очень заботится о своемъ господинѣ. Да кромѣ того ужъ хочется домой; насъ тамъ вѣроятно ждутъ съ нетерпѣніемъ.

— Такъ вы соскучились въ нашей сторонѣ, княжна? сказалъ гетманъ.

— Напротивъ, этотъ край такъ прекрасенъ, что можно позавидовать тому, кто здѣсь живетъ: но какъ ни хорошъ онъ, но все-таки не свой, не отечество.

— Мы не имѣемъ отечества, сказала княгиня, и всегда должны быть готовы оставить ту страну, гдѣ родились. Нашимъ отечествомъ становится отечество тѣхъ, кого судьба назначаетъ намъ въ хозяи; свое когда-нибудь придется забыть.

— Я никогда не забуду Семиграда, возразила княжна; я тамъ родилась, тамъ хотѣла бы и умереть.

— Какое ты дитя, Гризельда. Ты не только не умрешь тамъ, но и не состарѣешься, а сдѣлаешься какой-нибудь нѣмкой, или полькою, или венгеркою.

— Развѣ князь Стефанъ согласился бы, чтобы княжна сдѣлалась польскою гражданкою?

— Конечно, отвѣчала княгиня. Я же вамъ сказала, что онъ очень высоко цѣнитъ вашу націю и не разъ, въ бесѣдахъ съ паномъ Забойскимъ, выражалъ свое уваженіе къ вашимъ устанамъ и къ вашему престолу. Помню, однажды посолъ кесарскій сказалъ, что въ Польшѣ король номинальный, а не дѣйствительный. Но князь Стефанъ возразилъ ему, что польскій король могъ бы пользоваться и болѣею властью: нужно только, чтобъ онъ заслужилъ довѣріе своихъ подданныхъ. Потомъ не разъ говорилъ мнѣ, что скорѣе отдастъ бы свою племянницу за польскаго магната, чѣмъ за нѣмецкаго князя. Въ это время послышались бубны и друмли; обѣ дамы подошли

къ окну и увидѣли остановившихся предъ окномъ цыганъ. При видѣ ихъ нѣсколько цыганъ начали плясать, а одна старуха предложила поворожить.

— Вотъ прекрасно! вскрикнула княгиня, смѣясь. Въ моей будущности ничего уже нѣтъ любопытнаго; но у тебя, Гризельда, столько еще лѣтъ впереди, что можно было бы полюбопытствовать; и вы, рыцарь, я думаю, тоже не прочь были бы узнать о будущемъ.

— Мое будущее, отвѣчалъ Самуилъ, въ рукахъ одной особы, и все, что до нея не относится, меня ни мало не интересуетъ.

— Прикажи, Гризельда, войти старухѣ; пусть потѣшитъ своею ворожбою.

— Вы знаете, тетушка, каждая цыганка хвалится, что умѣетъ поворожить: и ихъ предсказанія всегда зависятъ отъ того, что имъ заплатятъ.

— Не говори этого. Я сама испытала, что онѣ иногда говорятъ правду. Мой мужъ былъ третьимъ племянникомъ господаря Рации, у котораго сверхъ того было два сына; кто бы могъ подумать, что онъ когда нибудь сдѣлается самъ владѣтельнымъ княземъ. Цыганка ему предсказала это. Когда князь узналъ объ этомъ, удалилъ его отъ своего двора, сталъ посылать на турокъ — семь лѣтъ онъ почти не снималъ панцыря. И что же? Господарь пережилъ и сыновей и племянниковъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ принужденъ былъ отказать ему свои владѣнія. Мы сейчасъ узнаемъ, точно ли она умѣетъ ворожить: мы заставимъ ее узнать, кто мы такіе.

— Она у людей могла узнать.

— Нѣтъ; ты знаешь, что нашей прислугѣ не приказано говорить, кто мы. Но ваше имя, прибавила княгиня, обращаясь къ гетману; мы сейчасъ узнаемъ ваше имя.

Тутъ вошла цыганка и согласно своимъ обычаямъ, которые мнятся со всѣми религіями, привѣтствовала господъ словами: Влагословенъ Богъ!

— Во вѣки вѣковъ, аминь, отвѣчали всѣ.

— Ну, цыганка, ты хвалилась, что умѣешь ворожить. Поворожимъ намъ, начинай съ меня, сказала княгиня.

Цыганка устремила въ нее глаза и, помолчавъ нѣсколько мгновений, взяла ея руку, посмотрѣла очень внимательно и начала такъ:

— Родилась ты на берегу рѣки, самой быстрой на свѣтѣ; въ ней песокъ перемѣшанъ съ золотомъ. Отцу твоему кланялся народъ, тебя онъ любилъ и баловалъ больше всѣхъ своихъ дѣтей, и когда вы остались сиротами, ты проплакала по немъ десять дней и ночей. Потомъ голубку схватилъ соколъ; онъ раздиралъ когтями все, что ему попадалось; но голубку отнесъ онъ въ свое гнѣздо и скоро самъ онъ сталъ голубемъ и казался соколомъ только своимъ неприятелямъ. Когда онъ съ своими соколятами напалъ на стадо лосей, ты молилась за нихъ и дала обѣдъ поблагодарить Богородицу въ святомъ мѣстѣ, далеко отъ твоей земли. Воротился со-

козь и самъ послалъ голубку молиться. Но нескоро воротилась бы голубка домой, еслибъ не помогъ ей чужой, незнакомый соколъ. Теперь она возвращается домой, къ мужу и дѣткамъ, а какъ воротится...

— Довольно, довольно! вскрикнула княгиня. Она все знаетъ, какъ будто всю жизнь провела со мною. Она бросила цыганкѣ нѣсколько золотыхъ монетъ и, указывая на Гривельду, сказала: теперь поворожи моей служанкѣ.

— Зачѣмъ же мнѣ? возразила та.

— Я хочу знать, что на твоей рукѣ написано.

Гривельда боязливо подала руку цыганкѣ, которая призадумалась на минуту, а потомъ сказала, смѣясь:

— Ни одна королева такой служанкой похвалиться не можетъ; и не одинъ королевичъ хотѣлъ бы самъ служить ей. И она тоже въ чужой землѣ, хоть и съ той, откуда та, которая назвалась ея госпожою; но все таки онѣ близкія. Ты сирота — но не бѣдная; богатый у тебя опекунъ и помнить онъ тебя всегда и думаетъ, какъ о собственномъ дитяти. Онъ теперь править народомъ, а скоро будетъ королемъ, славнымъ, большимъ королемъ и будетъ его царство широко — отъ одного моря до другаго. А какъ Богъ позоветъ его къ себѣ, то выплачутъ добрые люди по немъ столько слезъ, сколько воды перебываетъ въ годъ въ Дунаѣ. Теперь онъ смотритъ на дорогу, ждетъ, скоро ли воротится его сиротка. А тебѣ иногда скучно становится, и думаешь ты о своихъ горахъ; да не надолго разстанешься ты съ этими степями — воротиться скоро назадъ и уже никогда не уѣдешь отсюда. Ты богата и хороша; но въ твоёмъ народѣ отецъ и опекунъ выбираетъ мужей, а не собственная воля — и пойдешь ты за того, за кого прикажутъ. Но твой мужъ не будетъ ни королевичъ, ни князь, ни даже графомъ. Будетъ онъ простой дворянинъ — но первый въ совѣтѣ и на войнѣ, и будутъ говорить о немъ, что умёнъ онъ и храбрый. Много онъ сдѣлаетъ для своего народа; и не захочетъ принять корону; но Богъ наградитъ его за это; онъ будетъ полонить королей...

— Если тебя эта ворожба не радуетъ, прервала княгиня, то ужъ и не знаю, чѣмъ тебѣ угодить. Вотъ тебѣ, старуха. Теперь поворожи и нашему рыцарю,

Цыганка повторила обычное вступленіе и начала, взглянувъ:

— Изъ высокихъ ты вылетѣлъ хоромъ и много у тебя есть замковъ, друзей — но полагаешься ты только на свое копьё и мечъ — тяжёлый онъ у тебя, не многіе поднять его могутъ. Но найдется другой мечъ — будетъ онъ тяжёлье твоего и положитъ конецъ твоему величію. Владѣешь ты большимъ народомъ: по приказу твоему поднимается много, много пикъ и кривыхъ сабель — страшны онѣ, эти пикъ и сабли всѣмъ. Никто тебя никогда не ранилъ и всегда ты будешь счастливъ на войнѣ; но придетъ часъ и однимъ ударомъ положить тебя. Наворожила я тебѣ, добрый панъ, невесело.

— Нѣтъ, въ твоей ворожбѣ нѣтъ для меня ничего печальнаго, возразилъ гетманъ, бросивъ цыганкѣ нѣсколько золотыхъ монетъ.

Если правда, что мнѣ суждено умереть отъ меча, я радъ; значить, не буду знать старческой слабости. Но любопытно было бы знать, какой это мечъ, который долженъ побѣдить меня?

— Если хотите, я могу сказать дальше.

— Нѣтъ, не надо. Ты говорила о смерти; я о ней никогда не думаю; есть другія важнѣйшія вещи, но я не хочу раскрывать ихъ.

Выславъ цыганку, путешественники долго еще толковали о ней съ своимъ рыцаремъ. Княгиня вполне вѣрила ворожбѣ; Самуилъ также не прочь былъ отъ этого; одна Гризельда позволяла себѣ смѣяться надъ пророчествомъ, купленнымъ золотою монетою, и что ни говорила тетка, убѣдить въ истинѣ ихъ не могла.

— Вѣдь эти цыганки всюду ходятъ, говорила княжна, онѣ легко могутъ разузнать все отъ прислуги. Она видитъ, что мы ѣдемъ не одни; что у насъ много прислуги, разумѣется, тутъ не трудно догадаться, кто мы. А то, что говорила она о васъ, всѣ знаютъ за Карпатскими горами, особенно цыгане, которые ходятъ постоянно по Венгріи, Польшѣ и Валахія.

— Ты теперь не вѣришь, но современемъ убѣдишься, что пренебрегать этими предсказаніями не надо. Разумѣется, иногда онѣ обманываютъ, но въ ихъ наукѣ есть правда. Я хотѣла бы, чтобы ты побывала въ Сербіи; тамъ родина ворожей. Диоклетіанъ былъ бѣднымъ Сербомъ, а вѣдь предсказала ему ворожея, что онъ будетъ владѣть властвовать на всей землѣ. Я всему вѣрю, что сказала эта цыганка, и не сомнѣваюсь, что твой дядя будетъ королемъ, а ты — замужемъ за польскимъ гетманомъ или воеводой. Меня печалитъ только то, что нашъ защитникъ долженъ погибнуть отъ меча; конечно, это еще не скоро будетъ, можетъ быть въ глубокой старости, когда и всякій долженъ кончить.

— Признаюсь, что если меня побѣдитъ непріятель, когда я уже буду старъ, и не въ состояніи буду владѣть оружіемъ, то не стану сожалѣть о жизни.

— Поэтому, мы всѣ должны быть довольны цыганкою. Но я теперь могу сказать, что отгадала, что вы изъ знатнаго роду; теперь вамъ нѣтъ надобности скрывать свое имя.

— Вы позволите мнѣ, тетушка, навѣстить больного; надо распорядиться такъ, чтобы онъ могъ остаться здѣсь одинъ; поѣдьте скорѣе, потому что изъ всего, что сказала мнѣ цыганка, я вѣрю одному и знаю, что это правда, что дядя ждетъ насъ и скучаетъ давно.

— Я все таки не перестаю настаивать, чтобы вы открыли свое имя, сказала княгиня, когда вышла Гризельда.

— Я готовъ; но скажу вамъ княгиня, что не умѣю быть откровеннымъ въ половину. Если вы требуете, чтобы я сказалъ вамъ свое имя, позвольте мнѣ открыть вамъ и больше. Боюсь только, что вамъ это не будетъ пріятно.

— Напротивъ. Я слишкомъ много чувствую къ вамъ благодарности и потому не могу отказаться отъ дружбы вашей. Но все же вы

должны начать своимъ именемъ , потому что отъ него зависить и то, могу ли я быть вамъ полезна и чѣмъ именно.

— Теперь , конечно было бы неблагоразумно съ моей стороны скрываться долѣе. Я извѣстенъ подъ двумя именами ; за Днѣпромъ я запорожскій гетманъ Самуха, въ Польшѣ—Самуиль Зборовскій, меньшей сынъ кастеляна краковскаго.

— Такъ это вы тотъ славный Самуха , который загналъ татаръ на самый югъ Крыма, и тотъ Самуиль Зборовскій , который былъ грозою меченосцевъ и не знаетъ соперниковъ въ войнѣ и на турнирахъ. Теперь я не удивляюсь подвигамъ , которые вы совершили предъ моими глазами. Вотъ вамъ моя рука—я буду вамъ помогать во всемъ.

— Ахъ, княгиня , невольно воскликнулъ Самуиль ; я повѣряю вамъ мою судьбу, счастье , жизнь. Тайна сердца тяготитъ меня, но я не смѣю открыть ее вамъ.

— И не надо открывать , потому , что это уже не тайна для меня.

— Вы развѣ могли...

— Вы мало знаете женщинъ, если думаете, что любовь можетъ скрываться отъ нихъ , особенно отъ той , у которой взрослые дѣти. Вы любите Гризельду.

— Да, въ этомъ-то и причина моего отчаянія.

— Почему ? Вашъ родъ не ниже рода Ваторія; вы богаты , сами выбираете королей—почему же отчаяваетесь ? У меня нѣтъ дочери, но я и собственной дочери не желала бы ничего лучшаго.

— Но скажите, могу ли надѣяться на взаимность княжны?

— На это отвѣчать не могу, потому что насъ разгадать труднѣе, чѣмъ мужчинъ. Однако думаю , что она не совѣмъ къ вамъ равнодушна; иначе она не избѣгала бы разговора о васъ; притомъ вы можете сами видѣть, какъ она старается казаться равнодушною. Но все это только догадки ; надежду надо основывать на чемъ нибудь болѣе положительномъ.

— На чемъ же?

— Вы развѣ забыли, что сказала ей цыганка.

Рыцарь горько усмѣхнулся.

— Тыя расположенія княжны гораздо значительнѣе всякой во-
рожбы.

— Ошибаетесь. Я не могу раздѣлять вашего мнѣнія , потому что слишкомъ хорошо знаю Гризельду. Вы не можете представить, какъ она уважаетъ своего дядю; она подавила бы самую сильную страсть, еслибы она была противна его видамъ, и будетъ любить того, ко-
го онъ прикажетъ любить. Но если хотите, чтобъ дружба моя была для васъ полезна, слушайте моего совѣта.

— Ахъ , княгиня , каждое ваше слово будетъ для меня закономъ.

— Вы слишкомъ явно обнаруживаете вашу любовь ; она высказывается въ каждомъ вашемъ словѣ и движеніи; Гризельдѣ, конечно, можно этого не замѣчать. Но если вы прямо обратитесь къ ней,

вы оскорбите только ее, и тогда всѣ ваши отношенія кончились бы, потому что она также горда, какъ добра. Вы могли замѣтить, какъ она поспѣшно вышла, когда я стала просить васъ открыть намъ ваше имя. Она, разумѣется, также любопытна, какъ всякая другая женщина; однако какъ умѣла совладать съ собою.

— Итакъ жребій брошенъ. Я провожу васъ до самаго Германштата; тамъ явлюсь князю Стефану и буду умолять его сказать, чѣмъ могу я заслужить руку его племянницы.

— Вы не знаете князя Стефана, если думаете, что можете заслужить его благосклонность гдѣ нибудь кромѣ Польши. Онъ удивился бы, увидѣвъ васъ тамъ въ то время, когда ваше отечество можетъ нуждаться въ васъ. Вы проводите насъ только до Днѣстра; тамъ встрѣтятъ насъ сербы и семигородцы. Тамъ мы простимся. Вы должны спѣшить туда, куда зоветъ васъ честь и отечество.

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ княжны.

— Все идетъ какъ нельзя лучше. Вольному такъ хорошо, что я позволила ему говорить. Можемъ его спокойно оставить здѣсь и завтра ѣхать дальше. Черезъ нѣсколько дней онъ уже въ состояніи будетъ сѣсть на коня и владѣть копьемъ.

— Вы позаботьтесь о немъ, сказала княгиня обращаясь къ Самуилу, чтобъ онъ могъ здѣсь покойно остаться, пока вы не возвратитесь, проводивъ насъ до Днѣстра.

Тотъ раскланялся съ дамами и вышелъ.

X.

Первый, кого онъ встрѣтилъ, былъ Казимиръ, выходившій изъ комнаты, гдѣ лежалъ Езекиель.

— Это удивительная дѣвушка! воскликнулъ Казимиръ. Вотъ настоящая жена рыцаря. Вѣдь Езекиель теперь такъ хорошо себя чувствуетъ, что проситъ, чтобъ ему позволили встать съ постели. Встѣ отлично; выхлебалъ полную миску бульону. Чѣмъ же вы рѣшили.

— Завтра мы ѣдемъ къ Днѣстру. Ты останешься здѣсь до моего возвращенія. Я хотѣлъ проводить ихъ до Семиграда, но княгиня, которой я признался въ моей любви, совѣтуетъ мнѣ возвратиться къ своимъ.

— Видите, какая умная женщина! На мое вышло. Но все таки я не оставляю васъ: когда проститесь съ княжною, товарищъ вамъ не будетъ лишнимъ грузомъ, по крайней въ первыя минуты. Езекиель останется съ Свиридомъ, вы можете оставить ему и своего бандуриста.

— Хорошо, мой милый Казимиръ, распоряжайся, какъ знаешь. Но прежде ты долженъ узнать о моемъ счастьи. Княгиня обнадѣживаетъ меня, что какъ приѣду въ Семигородъ, разумѣется, какъ окончатся дѣла дома, то, можетъ быть, оя дядя и согласится на бракъ, потому что вовсе не прочь выдать ее замужъ въ Польшу.

— Опять на мое вышло. Ну, слава Богу; такъ рѣшено: завтра

ѣдемъ, а тамъ домой. Езекиель поправляется скоро; дня черезъ два три въ состояніи будетъ пуститься въ дорогу; кости у него болятъ, но для него всего стыднѣй то, что вы такъ скоро съ нимъ покончили; я сказалъ уже ему, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Будемъ назадъ возвращаться, возьмемъ его въ Сѣчь. Подите теперь со мною, скажите ему два три ласковыя слова.

— Охотно. Я не думалъ, что онъ такъ самолюбивъ. Эта наша встрѣча будетъ для него широкой дорогой. Я хочу привязать его къ себѣ. Пойдемъ.

Увидѣвъ Самуила, Езекиель поднялся на своей постели, желая выразить къ нему свое почтеніе.

— Я надѣюсь, сказалъ гетманъ, сѣвъ на постель и взявъ больного за руку, ты не сердись на меня, что по моей милости полежалъ немного. Не я на тебя, но ты на меня напалъ. А что тебѣ не удалось, стыдиться нечего; сегодня тебѣ, завтра мнѣ можетъ быть неудача. И признаюсь, что никогда почти не случилось мнѣ встрѣчаться съ такимъ дѣльнымъ рыцаремъ, какъ ты.

— Благодарю васъ за это слово; оно тѣмъ дороже для меня, что вы говорите это по добротѣ вашего сердца: схватка между нами такъ скоро кончилась, что вы не могли удостовѣриться въ моемъ искуствѣ.

— Развѣ я тебя теперь только узналъ? Мы видѣлись вѣдь подлѣ Полодкомъ и въ Либлиндѣ. Будь увѣренъ, что не всегда побѣда доказываетъ превосходство побѣдителя. Бываютъ счастливыя и несчастныя минуты.

— Вы только утѣшаете меня. Какъ живу на свѣтѣ, никогда не случилось со мною такой бѣды, и еще при этихъ запорожцахъ. Ваше копье какъ будто бы заколдованное!

— Нѣтъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Будь увѣренъ, что виною всего была только цѣль твоего нападенія. Я не приписываю себѣ побѣды, потому что то была такая минута, что я могъ бы стать противъ десяти такихъ, какъ ты. Ты жалуешься, что смѣлость была причиною твоего несчастія; а знаешь ли, что я завидовалъ тебѣ, видя, какъ за тобою ухаживали. Теперь я разстанусь съ тобой на нѣсколько дней. На возвратномъ пути мы возьмемъ тебя съ собою и пойдёмъ, куда поведетъ судьба. Надѣюсь, что ужъ больше не разстанемся. Теперь позволю мнѣ предложить тебѣ мое копье въ замѣнъ того, которое ты сломалъ на моемъ панцирѣ. Пусть оно будетъ воспоминаніемъ нашей встрѣчи. Я увѣренъ, что оно не могло бы попасть въ лучшія руки.

— Послушай, Езекиель, сказалъ Казимиръ; если въ твоей головѣ есть капля смыслу, ты долженъ гордиться тѣмъ, что испыталъ въ эти два дня. Всѣ знаютъ, что еще тотъ не родился, кто могъ бы побить его. Во вторыхъ, ты получилъ копье лучшаго польскаго рыцаря; въ третьихъ, о твоёмъ здоровьи заботилась княжна семпградская, которой красота можетъ сравниться съ мужествомъ нашего гетмана. Ты, кажется, не умѣешь понимать своего счастья.

— Напротивъ, я очень хорошо понимаю. Благодарю за подарокъ; онъ будетъ напоминать мнѣ, что я долженъ заслужить у него луч-

шее мнѣніе. Съ такою же благодарностью принимаю и службу при васъ. Но, къ сожалѣнію, ничего теперь о себѣ рѣшительнаго не могу сказать. Какъ сяду на коня, тогда только въ состояніи буду сказать, въ которую сторону онъ понесетъ меня. Лежа въ постели, трудно рѣшаться на что нибудь.

— Вижу, что ты все еще не хочешь примириться со мною, хотя я ничѣмъ не уменьшилъ своего права на твое расположеніе и до-вѣріе. Надѣюсь однакожъ, что ты убѣдишься, что несправедливо судишь обо мнѣ. Можетъ быть, Казимиру удастся убѣдить тебя.

Когда они остались одни, атаманъ первый прервалъ молчаніе.

— Какой ты дикарь; мнѣ даже стыдно, что я съ тобою вмѣстѣ учился.

— Чтожъ я сдѣлалъ?

— Какъ что? Панъ Самуилъ къ тебѣ такъ внимателенъ, предлагаетъ тебѣ службу при себѣ, а ты говоришь, какъ будто имѣлъ дѣло съ татаринომъ. Опомнись!

— Богъ знаетъ, что говоришь! Толкуешь о равенствѣ правъ, а какъ пану что придетъ въ голову, удивляешься, что не всякій летитъ по его приказу. Чтожъ? развѣ потому, что ему удалось меня ссадить, онъ можетъ меня сдѣлать своимъ подданнымъ, оттого что онъ Зборовскій, а я Здора. Я такой же дворянинъ, какъ и онъ. Хотя у меня нѣтъ своего куска хлѣба, а все таки буду служить тому, кому вздумаетъ.

— Гдѣ же ты найдешь лучшаго? Не лучше ли служить тому, кому служилъ отецъ, дѣдъ и прадѣдъ, чѣмъ искать счастья, Богъ знаетъ гдѣ. Наконецъ ты обязанъ имъ благодарностью — ты ѣлъ ихъ хлѣбъ, они тебя учили.

— Угадалъ! Изъ меня хотѣли сдѣлать пастора; не имела меня сдѣлала, а я самъ сдѣлался рыцаремъ. А что два года я сидѣлъ на концѣ ихъ стола—такъ вѣдъ я служилъ. Во время войны, я не принесъ стыда тому полку, которымъ командовалъ зять стараго пана. Пока была война, до тѣхъ поръ я былъ хорошъ. Кончилась война—поки прочь, ты сверхкомплектный, тебѣ нечего дѣлать. Нѣтъ, я отслужилъ имъ за все. Бжели и остался какой нибудь долгъ, то ударъ копьемъ пана Самуила уничтожилъ его.

— Ага! теперь вижу, куда все это идетъ. Копье тебѣ застѣло въ головѣ. Никогда я не ожидалъ, чтобы ты сердился на рыцаря, который побѣдилъ тебя. Ты самъ прежде думалъ иначе. Со мною тоже тебѣ не посчастливилось, однакожъ мы не разстались врагами.

— Съ тобою другое дѣло. Прежде чѣмъ ты повалялъ меня, щепки, какъ говорится, летали съ полчасца. А тутъ какъ-то не по нашему—тронулъ только, и все кончено. Вы тамъ въ Запорожьи научились колдовать.

— Если бы мы умѣли заговаривать чужое оружіе, тебѣ бы не удалось продѣлка съ Сагайдачнымъ.

— Правда. Мнѣ надо было отбить его копье и ударить топоромъ, тогда посмотрѣлъ бы, точно ли онъ непобѣдимъ. Нѣтъ, я долженъ еще разъ помириться съ нимъ. Вѣдъ у него не три руки.

— Видишь, какъ ты несправедливъ. Сознайся, еслибъ тебѣ удалось побѣдить его, ты не отдалъ бы ему ни коня, ни копыя; а если бы онъ захотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ, ты долженъ былъ бы пѣшкомъ, безоружный плять по дорогамъ. А ты еще не хочешь съ нимъ примириться.

— Правда; тутъ нечего говорить: онъ великодушно поступилъ со мною; но это-то и давить меня. Я чуть не плачу отъ стыда. И ты хочешь, чтобы я съ нимъ остался? Этого не можетъ быть.

— Стыдись. Чтожъ, развѣ ты вымолилъ у него жизнь, или поступилъ подло, какъ трусъ? Ты вѣдь ты самъ началъ; ты былъ несчастливъ—стыда тутъ нѣтъ никакого. Мы возвратимся, возьмемъ тебя въ Сѣчь; тебя я знаю, какъ честнаго рыцаря, а главное, тебя знаетъ гетманъ.

— Я готовъ скорѣе ослѣпить, чѣмъ посмотрѣть въ глаза Ассаулу. Хорошо бы мнѣ тамъ было! Мнѣ говорилъ Ассаулъ, что всякаго кто начинаетъ ссору съ товарищемъ, наказываютъ жестоко; а какое у васъ наказаніе? плетеный ремень. Я себя знаю; посмѣйся кто нибудь надо мною, я не вытерпѣлъ бы; тогда чѣмъ я спасъ бы свою спину? Или ты думаешь, что тамъ не узнаютъ, что я отъ одного удара слетѣлъ съ коня?

— Все это вздоръ. Если узнаютъ, что тебя побилъ гетманъ, то узнаютъ, что ты убилъ Сагайдачнаго, а онъ слылъ хорошимъ парнемъ. Успокойся, я говорю тебѣ искренно, какъ другу. Ты еще не знаешь, о чемъ я теперь думаю, и какую славу ты можешь заслужить, если останешься съ нами. Самъ говоришь, что не имѣешь куска хлѣба; такъ не лучше ли служить у того, кто тебѣ будетъ и господиномъ, и другомъ, нежели у того, кто тебѣ только господинъ. Мнѣ жаль, что ты отталкиваешь отъ себя свое счастье.

— Мнѣ все равно, гдѣ ни служить; я нигдѣ не позволю помыкать собою. Смѣшно было бы, еслибы я въ такое время, какъ теперь, не нашелъ себѣ мѣста. Еще при покойномъ королѣ меня просили къ пану Тенчнскому. Я не сержусь на пана Самуила; онъ поступилъ не только по рыцарски, но по пански — но я не могу побѣдить моего стыда. Говори, что хочешь, а если побѣжденному предлагаютъ службу, то только изъ сожалѣнія; а я ничей милости не хочу. Пусть Богъ наградитъ его за его великодушіе хоть короною Литвою, а тебя за твою дружбу—булавою и печатью; но я не останусь при немъ, а почему—ты знаешь. Я съ нимъ еще расквитаясь. Такъ и скажи ему.

— Какъ хочешь. Жалѣю только о томъ, что ты мнѣ не вѣришь. Но я все таки не теряю надежды. Мы ѣдемъ завтра къ Дибстрѣ. У тебя гетманъ оставляетъ своего бандуриста, пусть помогаетъ Свириду и веселитъ тебя; гетманъ боится, что ты, лежа, соскучишься. Дастъ Богъ, черезъ нѣсколько дней увидимся. А тамъ какъ сядешь на лошадь, то вѣроятно предпочтешь наше общество всякому другому. Молодой придворный—старый нищій, говорить; а еще никто не видѣлъ запорожца, который бы просилъ милостыни. Подумай, теперь мнѣ некогда; надо приготовиться въ путь.

— Свиридъ, принеси-ка мнѣ копье, что подарилъ панъ Самуилъ, сказалъ Езекиель, когда Казимиръ вышелъ. Надо посмотрѣть, по рукѣ ли оно?

Свиридъ подалъ копье.

— Тяжеловато; но ничего, ловкое. Сказавши это, онъ всталъ съ постели и началъ вертѣть копье.

— Охъ, какъ болятъ кости! Какъ же все это будетъ? Знаешь ли что, Свиридъ? Надо такъ сдѣлать—только ты не проболтайся—чтобъ они, возвратившись сюда, не застали насъ.

— Куда жъ мы дѣнемся?

— Поѣдемъ въ Краковъ; а тамъ будетъ работа. Какъ они уѣдутъ, нужно будетъ понемногу приучиться къ оружью. Да какое же оно тяжелое, однако посмотри, я довольно ловко управляюсь съ нимъ. Но онъ дьявольски хватилъ меня! всѣ кости болятъ. Не знаю, что со мною тогда сдѣлалось. А все же не такъ больно, какъ стыдно.

— Никакого тутъ нѣтъ стыда, да и быть не можетъ; потому что надо быть колдуномъ, чтобъ всегда быть счастливымъ.

— Пану Самуилу всегда везетъ счастье, а вѣдь онъ не знаетъ съ чортомъ. Но скажи ты мнѣ, какъ это случилось, что онъ меня однимъ разомъ выбилъ?

— А вотъ я вамъ скажу. Вы хотѣли напасть на такихъ, что ѣздили Вогу молиться—а это грѣхъ большой, хотъ и говорилъ вамъ казакъ, что не надо трогать тѣхъ, которые ѣдутъ молиться, а что тѣхъ, которые ѣдутъ домой, можно. Не ѣздили бъ туда, не поѣхалибъ назадъ. Разумѣется, онъ говорилъ по своему, по запорожски. Я тогда не смѣлъ говорить, а вы и послушались его глупаго слова—вотъ Вогъ и наказалъ.

— Попалъ, точно! Вотъ теперь не скажу, что дуракъ. Тутъ надо что нибудь сдѣлать. Знаешь, Свиридъ, помолись ты за меня; мнѣ видишь не хорошо ходить въ чужую церковь, а нашей тутъ нѣтъ. Или вотъ еще лучше: какъ поѣдемъ отсюда, такъ у перваго монастыря остановимся; я ужъ подержу твоего коня, а ты пойдешь, помолишься и отдашь червонецъ игумену, чтобъ молился за меня.

— Что-жъ? это хорошо будетъ! Вы увидите, какъ потомъ вамъ будетъ во всемъ повольготнѣй.

— Да, я вѣрю, что съ Богомъ, съ тѣмъ и Вогъ. А можетъ быть. встрѣчу и пана Самуила гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, гдѣ безъ грѣха можно будетъ съ нимъ сдѣлаться, тогда посмотримъ, чья возьметъ. Охъ, еслибъ мнѣ его также сбить съ коня! Я поступлю съ нимъ, какъ и онъ со мною. Не возьму ни коня, ничего. А какъ поживаемся, тогда и будетъ дружба.

— Къ чему вамъ сердиться на ясновельможнаго гетмана? Онъ добрый панъ; вашъ отецъ ему служитъ, а мой его подданный; зачѣмъ вамъ съ нимъ ссориться? Вы искали его и нашли.

— Я не сержусь на него. Да что съ тобою объ этомъ говорить! Это понимаютъ только рыцари; а ты тутъ столько же смыслишь, какъ свинья въ апельсинахъ. Ты человѣкъ свободный, а я рыцарь. Хотъ я и назовусь чѣмъ нибудь слугою, то только изъ вѣжливости, а

и самонъ дѣлѣ буду товарищемъ и другомъ. Какое намъ дѣло до нашихъ отцовъ? Намъ о другомъ надо думать. Вотъ поблагодари Бога, что мнѣ служишь. Увидишь, самъ сдѣлаюсь паномъ, а тебя сдѣлаю шляхтичемъ.

— Охъ, далеко кулику до Петрова дня.

— Ближе, чѣмъ ты думаешь. Такое время какъ теперь, когда нѣтъ короля, для рыцаря благодать. Хотя теперь и случается, что не бы-
маетъ гроша за душою, зато у отца говорятъ много, и говорятъ правду. Пусть себѣ живетъ, пока живется, а какъ умретъ, все мое будетъ. Видишь, хотя бы я ничего не заработалъ копьемъ — этого, конечно, не можетъ быть — то все таки получу имѣніе; тогда поблагодарю тебя за твои заслуги.

— На это не разсчитывайте. Вашъ отецъ хоть старъ, а жалѣетъ себя. Кого копье не тронетъ, и лба ему никто не расшибетъ. Богъ знаетъ, кто язъ вась ближе къ берегу.

— Малень взоръ! Не такъ страшно оружье, какъ воображаютъ. На оружье есть оружье. Кто заслужилъ панцырь, какъ я, тотъ не расмыслится отъ копья; и свалить съ коня, поднимется. Вѣдь ты видѣлъ, какъ я грянулся о земь, а вотъ еще жилъ. Погоди, дождемся послѣдства — настанетъ и наше время. Но, послушай, не смѣй никому заикнуться: какъ только они уѣдутъ, мы два дня подождемъ, а такъ въ поле. Пускай бандурнсть сидитъ тутъ, ждетъ своего гетмана. Теперь мнѣ кажется, что во всемъ вооруженіи я могъ бы удержаться на лошади. Не забудь только навязать бѣлый платокъ на копьѣ; потому что, пока будетъ хоть малѣйшая боль, не хочу ни съ кѣмъ сражаться.

— Почему бы вамъ не отдохнуть еще нѣсколько дней?

— Нѣтъ, милый мой; этого нельзя. Ни за что не хочу встрѣтиться съ паномъ Самуиломъ. Меня, пожалуй, панъ Казимиръ уговоритъ ѣхать въ Запорожье, а это противно моей чести. Подай-ка мнѣ чѣмъ покрыться; пойду, погляжу на моего бѣднаго коня. Онъ соскучился вѣрно безъ меня; видѣлъ, какъ я упалъ, и не знаетъ, что всталъ. Видишь, ноги не подкашиваются; вотъ и копьѣ, кажется, стало легче. Дня черезъ два я буду здоровъ совершенно. Отведи меня въ конюшню; я здѣсь ничего не знаю.

XI.

Едва вошедшее солнце разсѣяло ночныя тѣни, путешественницы со своей святою выѣзжали изъ мѣстечка, въ которомъ останавливались, по направленію къ южнымъ границамъ тогдашней Польши. Княгиня съ племянницею и служанки сидѣли въ колымагахъ, окруженныхъ вооруженнымъ отрядомъ, посреди котораго возвышались перья шлема Зборовскаго. На дорогѣ не случилось ничего необыкновеннаго; княгиня нетерпѣливо ожидала Дибстра, который Самуэль хотѣлъ бы отодвинуть на самый конецъ свѣта. А Гризельда — но кто въ состояніи проникнуть въ душу молодой, скромной, но гордой дѣвушки?

Предъ глазами путешественниковъ медленно проходили живописные ландшафты, приводившіе въ восторгъ княгиню; княжна тоже, казалось, была восхищена. Когда таборъ останавливался на роздыхъ, черный рыцарь подходилъ къ дамамъ, повидимому съ цѣлью разсказать что нибудь о той землѣ, по которой онѣ ѣхали; о битвахъ, которыя напоили ее кровью; но всего чаще останавливался предъ Гризельдою, глядѣлъ на нее и забывалъ, кажется, обо всемъ на свѣтѣ. Если онѣ входили въ домъ, онъ останавливался у входа и, опершись на свое копье, стоялъ недвижный, какъ статуя, пока княгиня не приглашала его въ комнату. Тогда завязывался разговоръ, въ которомъ Гризельда почти не принимала участія и видимо избѣгала всякаго непосредственнаго сношенія съ рыцаремъ. Мрачный, разсѣянный, онъ едва замѣчалъ расположеніе и участіе княгини; имъ овладѣвало по временамъ отчаяніе; онъ казался ко всему равнодушнымъ: все это не могъ не замѣтить Казимиръ, который долженъ былъ напоминать ему, чтобы онъ препоясалъ мечъ и надѣлъ панцырь.

Сербы, бывшіе при княгинѣ, сильно привязались къ гетману, потому что онъ обращался съ ними кротко и снисходительно, а въ особенности потому, что были обязаны ему жизнью и свободою. Они также замѣтили въ немъ перемѣну. Одинъ изъ нихъ, рыцарь Николай Шевичъ, почтенный старикъ, слывшій между своими не только храбрымъ воиномъ, но и предсказателемъ, подружился съ Казимиромъ и часто бесѣдовалъ съ нимъ. Всякій разъ, какъ Самуилъ поднималъ забрало, онъ внимательно смотрѣлъ ему въ глаза и выражалъ видимое состраданіе.

— Скажите, сказалъ ему наконецъ Казимиръ; я вижу, вы всматриваетесь въ моего господина и чѣмъ больше смотрите, тѣмъ болѣе печалитесь. Миѣ казалось, что вы къ нему расположены, но я ошибся.

— Нѣтъ, вы не ошиблись; я желаю ему всего лучшаго, уважаю его, и потому грущу за него.

— Не понимаю васъ.

— Видите ли, кто знаетъ глаза, тотъ можетъ прочитать въ нихъ будущее чловѣка. Вашъ господинъ не будетъ долго жить; въ его взглядѣ есть что-то такое, что ясно говоритъ, что онъ не дождется старости.

— И какъ вы можете всѣмъ этимъ глупостямъ вѣрить? Сербскіе предразсудки, и только!

— Молоды вы еще и неопытны; поживете съ мое, узнаете многое. чего не знаютъ ваши книги. Я даже больше вамъ скажу, онъ погибнетъ на половинѣ жизни и отъ руки, которая никогда на него не посмѣла бы подняться безъ измѣны.

— Вотъ сказки. Сказали бы, что отъ чумы, я бы еще повѣрилъ; а то отъ оружія!

— Дай Богъ, чтобъ я ошибся.

— Только прошу васъ не проговоритесь передъ нимъ; это могло бы повредить ему. Я самъ вижу, что онъ нѣсколько измѣнился; это понятно—влюбился.

Наступилъ наконецъ послѣдній день, когда рыцарь долженъ былъ разстаться съ дамами. Миляхъ въ четырехъ отъ Днѣстра онѣ остановились на ночлегъ довольно рано. Самуилъ казался еще печальнѣе; княгиня истощала свой умъ и любезности, чтобъ развлечь его; Гризельда, хотя отлично владѣла собою, не могла скрыть безпокойства, хотя впрочемъ его можно было приписать опасности, встрѣтившей ихъ въ этомъ мѣстѣ. Хозяинъ того дома, гдѣ онѣ остановились, жаловался, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣстечка ногайскіе татары остановились таборомъ и грабятъ окрестности, уводятъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей и требуютъ за нихъ огромный выкупъ, и что вскорѣ намѣрены уйти, потому что панъ Гумецкій, генералъ подольскихъ земель, идетъ съ своимъ войскомъ въ Брацлавское воеводство. Когда уйдутъ, прибавилъ хозяинъ, невыкупленные плѣнные должны будутъ навсегда остаться у нихъ. Услышавъ эту новость, Шевичъ увѣрилъ княгиню, что приняты всѣ мѣры обороны; тоже повторилъ и Казимиръ. Одинъ Самуилъ оставался совершенно равнодушнѣе. Княгиня, истая дочь рыцаря, казлось, вовсе не была знакома со страхомъ; она поблагодарила Казимира за обѣщанную помощь, Шевича за распорядительность и хотѣла было вывести изъ забывчивости гетмана, но новое происшествіе остановило ее.

Еще Шевичъ и Казимиръ не успѣли выйти изъ ея комнаты, какъ явился старый монахъ, въ бѣлой рясѣ, на которой виденъ былъ вышитый крестъ. Онъ держалъ за руку женщину, заливавшуюся слезами. Обѣ дамы подошли къ нему съ привѣтствіемъ.

— Во имя Христа Спасителя, сказалъ монахъ, прошу у васъ милостыни для этой несчастной женщины. Она бѣдная дворянка; мужа ея схватили татары. Все, что было у насъ цѣннаго въ монастырѣ и въ церкви, обращено уже на выкупъ плѣнныхъ; многихъ я уже вывелъ оттуда—мое начальство всегда меня посылаетъ къ нимъ потому, что я умѣю говорить съ ними. Я самъ десять лѣтъ провелъ у нихъ въ плѣну, на южномъ берегу Крыма. На одиннадцатый, я далъ обѣтъ поступить въ монастырь и остатокъ жизни употребить на выкупъ плѣнныхъ. Меня освободили по приказанію султана, который велѣлъ дать свободу двадцати плѣннымъ. Какъ поляка, меня послали сюда. Два раза я былъ уже въ оboзѣ татаръ, выкупилъ многихъ; но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что тамъ осталось. Всѣ наши средства ужъ истощились, и негдѣ просить милостыни, потому что всѣ жители, которые были побогаче, уѣхали отсюда къ Каменцу искать спасенія. Вся моя надежда на васъ.

— О да, да! воскликнули обѣ дамы.

По ихъ приказанію были принесены всѣ дорогія вещи и отданы монаху.

— Нѣтъ-ли у васъ другой рясы? спросилъ Казимиръ.

— Есть; но зачѣмъ вамъ?

— Видите-ли что; хотя даръ княгини и довольно значителенъ и можно выкупить не мало христіанъ, но все же не всѣхъ, а оставлять имъ жалъ и одного. Я въ монашескомъ платьѣ пойду съ вами

къ татарскому обозу и сейчас увижу, можно ли будетъ намъ по-
насть туда. Намъ вѣдь тоже не мало. Если увидимъ, что сдѣлаться
съ ними можно, то возвратимся съ тѣми, которыхъ вы хотите вы-
купать. А деньги ваши пригодятся на другой разъ.

— Хорошо, хорошо вы говорите, товарищъ, сказалъ Шевячъ.
вы, святой, отецъ дайте ему рясу.

— Извольте, да будетъ воля Божья, отвѣчалъ монахъ. Только вы
пожалуйста, не говорите тамъ ничего, чтобъ не узнали, что под-
рясою рыцарь, а то намъ обоимъ на колѣ посадятъ.

— Будьте покойны—мы не привыкли болтать.

Хозяинъ запрегъ телѣгу, въ которую сѣлъ Казимиръ, одѣтъ
монахомъ, и монахъ. Дамы и гетманъ, не открывавшій рта во вре-
мя всей этой сцены, остались въ комнатѣ.

XII.

— Позвольте вамъ замѣтить, рыцарь, что вы не исполняете всѣхъ
обязанностей рыцарскихъ, — сказала княгиня, первая прервавшая
молчаніе.

— Чѣмъ, скажите, я провинился предъ вами?

— Тѣмъ, что остаетесь въ нашемъ обществѣ, и сидите вза-
молчите, какъ будто сердитесь на насъ. Подойдите къ намъ по-
лиже; вы должны занимать насъ.

— Ваше требованіе, княгиня, неисполнимо для человѣка, у ко-
раго сердце переполнено горечью. Кто не успѣлъ заслужить ваше
расположеніе, тотъ не удивительно, что кажется и смѣшонъ.

— Что же вамъ дало поводъ думать, что мы не расположены
вамъ? Я общала вамъ свою дружбу и сдержу обѣщаніе. Но вѣ-
дайте, что вы о ней не безпокойтесь. Что же касается до Гризельды,
спросите ее сами.

— Мнѣ не зачѣмъ ее спрашивать; я увѣренъ.

— Что же ты молчишь, Гризельда; или ты подтверждаешь сло-
ва рыцаря?

— Право, тетупка, я не понимаю, къ чему вы это говорите.
Я не могу не чувствовать благодарности и уваженія къ нашему
гостю; но было бы жестоко требовать, чтобъ я постоянно
повторяла. И, наконецъ, зачѣмъ постоянно говорить о себѣ? От-
куда же рыцарь не расскажетъ намъ о краковскомъ дворѣ, о турнирѣ
и о войнѣ; онъ такъ много видѣлъ.

— Вотъ видишь: предсказаніе цыганки начинаетъ сбываться.
Тебя уже интересуешь Польша, и конечно потому, что будетъ
и твоимъ отечествомъ.

— Вы смѣшаетесь надо мною. Вы знаете, что моя будущность
виситъ только отъ воли моего дяди. Вы знаете тоже, что я об-
ла моей умирающей матери ни въ чемъ не противилась его во-
лѣ.

Эти слова княжна произнесла съ глубокимъ чувствомъ; она
даже была тронута и лицо ея, до сихъ поръ совершенно покой-
ное, покрылось тѣнью печали.

Княгиня обняла ее и, сказавъ нѣсколько словъ въ утѣшеніе ей, обратилась къ рыцарю:

— Это вы виноваты, что Гризельда такъ опечалилась; ваша печаль заразителна. Вы должны развеселить ее.

Рыцарь подбѣлъ ближе къ дамамъ.

— Развеселить не могу ни себя, ни княжну; потому что ни уста, ни лицо лгать сердцу не могутъ; но если позволите, я расскажу вамъ нѣкоторыя подробности моей жизни; можетъ быть, мой рассказъ разсѣетъ васъ.

И онъ началъ рассказывать, какъ бѣжалъ изъ отцовскаго дома съ Казимиромъ Мрочкомъ и прибылъ въ Запорожье; какія тамъ существуютъ обыкновенія и какое они произвели на нихъ впечатлѣніе. Онъ безъ малѣйшаго хвастовства рассказалъ, какъ нѣсколько десятковъ тысячъ войска избрали его своимъ предводителемъ и объяснилъ, что такое положеніе не можетъ сравниться ни съ какимъ достоинствомъ, которое можетъ предложить Рѣчь Посполитая. Рассказъ о собственныхъ подвигахъ и его товарищей видимо одушевлялъ рыцаря. Княжна не разъ готова была разлиться потокомъ слезъ, но разъ у нея сердце начинало биться сильнѣе; но она старалась подавить свое чувство.

— Вы удивительный человекъ! вскрикнула княгиня, не имѣвшая причины скрываться. Чтожъ ты молчишь, Гризельда, словно не случалась ничего! Вѣдь рыцарь рассказывалъ не мнѣ одной?

— Будьте увѣрены, сказала она, что я вамъ искренно благодарна за вашъ рассказъ. Я и не воображала, что насъ защищаетъ самъ гетманъ запорожскій.

— Это званіе я ставилъ всегда выше всего на свѣтѣ; но теперь и оно потеряло для меня значеніе. Если я и цѣню его, то только въ той увѣренности, сколько оно можетъ быть полезно, для достиженія другой цѣли, которая важнѣе для меня всего въ жизни.

— Позвольте узнать, сказала Гризельда, по какой причинѣ вы оставили домъ отца?

— Мой отецъ былъ истиннымъ отцомъ для своихъ дѣтей; онъ ни о чемъ болѣе не думалъ, какъ о томъ, чтобъ обезпечить нашу будущность. Онъ женилъ сыновей на богатыхъ и знатныхъ дѣвицахъ; дочерей выдавалъ за важнѣйшихъ польскихъ магнатовъ. Одинъ я, какъ младшій, оставался еще холостымъ; онъ хотѣлъ женить меня на княжнѣ Острожской, не понимая, что я могъ отказаться отъ руки дѣвицы, происходившей изъ коронованнаго дома и владавшей нѣсколькими сотнями сель, нѣсколькими десятками городовъ и замковъ. Я не могъ любить женщину, сердце которой принадлежало уже многимъ, и потому рѣшился оставить родительскій югъ. Не знаю, заслужилъ-ли этимъ чей нибудь упрекъ?

— Что касается до меня, отвѣчала княгиня, то я не могу понять, какъ могъ бы честный человекъ жениться на той, которую не можетъ любить и уважать. Это было бы униженіемъ для истиннаго чувства. А ты какъ думаешь, Гризельда?

Гризельда уклонилась отъ прямаго отвѣта, и всѣ старанія княгини вовлечь ее въ откровенную бесѣду оказались тщетными.

— Случалось-ли вамъ видѣть когда-нибудь такую гордую дѣвицу, какъ моя племянница? сказала она наконецъ гетману.

Тотъ, молча, отошелъ на другой конецъ комнаты и, казалось, былъ такъ разстѣянъ, что даже не обратилъ вниманія на возвращеніе Казимира и монаха, хотя радость возвратившихся плѣнныхъ и благодарность дворянки, мужъ которой также возвратился, были очень шумны. Когда всѣ разошлись, Казимиръ разсказалъ о своемъ посѣщеніи табора и заключилъ такимъ образомъ:

— Я осмотрѣлъ весь таборъ: татары совершенно покойны; они знаютъ, что панъ Гумицкій придетъ только черезъ нѣсколько дней и не ждутъ нападенія; обозъ окруженъ возами и только кое гдѣ стоятъ часовые; если вы, княгиня, отдѣлите для своей свиты нѣсколько рыцарей, мы всѣ вмѣстѣ можемъ напасть на нихъ; и если гетманъ поведетъ насъ, я ручаюсь за успѣхъ. У нихъ осталось еще не мало плѣнныхъ, которыхъ мы не могли выкупить.

— Хорошо, отвѣчала княгиня. Мои сербы всегда готовы защищать притѣсненныхъ.

— Всѣ изъявили готовность идти; но они желаютъ, чтобы самъ гетманъ велъ ихъ. Вы не откажете имъ въ этомъ? прибавилъ Казимиръ, обращаясь къ гетману.

— Очень радъ, отвѣчалъ гетманъ, вставая; теперь я больше, чѣмъ когда либо, нищу смерти. Я одинъ пойду въ обозъ; если погибну, ты долженъ будешь проводить княженъ до Днѣстра.

— Я не могу оставить васъ, возразилъ Казимиръ; и что это такое съ вами? Съ тѣхъ поръ, какъ знаю васъ, никогда мнѣ не случилось видѣть васъ въ такомъ положеніи. Возьмите, по крайней мѣрѣ, племъ.

— Не надо; я пойду съ открытою головою; можетъ быть скорѣе придетъ конецъ.

— Что съ вами? вскрикнула княгиня, останавливая его у порога.

— Я вамъ все скажу, отвѣчалъ Казимиръ. Съ тѣхъ поръ какъ я встрѣтилъ своего господина въ вашей свитѣ, постоянно замѣчаю, что онъ упалъ духомъ, что думаетъ уже не о побѣдахъ, но о смерти. Прикажете, княгиня, чтобы онъ былъ такимъ, какъ всегда. Я вполне увѣренъ, что если княжна Семиградская не желаетъ плакать на его похоронахъ, то можетъ возвратить ему прежнее мужество.

— Будьте увѣрены, гетманъ, сказала Гризельда дрожащимъ голосомъ, что мы чувствуемъ къ вамъ самую искреннюю благодарность. Будьте достойны себя и вѣрьте, что наши добрыя желанія будутъ провожать васъ всюду.

— Нѣтъ, я пропу не сожалѣнія; оно не можетъ помирить меня съ жизнью.

— Что же вамъ угодно?

— Какого-нибудь знака вашего расположенія.

Княжна нѣсколько минутъ колебалась, но, благодаря вниматель-

ству тетки, Самуилъ получилъ отъ нея шарфъ, который онъ и повѣсилъ сверхъ панциря.

— Вы можете поздравить меня, сказалъ онъ княгинѣ, надѣвая шлемъ. Казимиръ, идемъ.

Вышедши изъ комнаты, гетманъ сдѣлалъ нужныя распоряженія. Шевчу онъ поручилъ охранять домъ, а сербамъ объявилъ, что ему нужно только четыре рыцаря; но они всѣ изъявили желаніе идти съ нимъ, такъ-что нужно было бросить жребій. Кромѣ ихъ, онъ взялъ еще четырехъ гайдуковъ съ ружьями, и весь этотъ маленький отрядъ двинулся къ татарскому табору, подъ предводительствомъ Казимира.

Ночь была темная; осеннія тучи покрывали небо. Рыцари ѣхали медленно, стараясь сохранить возможную тишину. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ обоза всѣ остановились, а Казимиръ съ четырьмя гайдуками пошелъ отыскивать входъ въ обозъ. Подойдя къ человеку, стоявшему у входа, онъ такъ сильно ударилъ его топоромъ по головѣ, что тотъ упалъ, не издавъ ни малѣйшаго звука. Татары лежали на землѣ и гайдуки начали ихъ рѣзать, когда Казимиръ сѣлъ на коня и ввелъ рыцарей въ обозъ. Шумъ оружія и стоны умирающихъ произвели тревогу. Проснувшись, татары стали бросаться въ разныя стороны. Одни попали на копья, другія потоптаны лошадьми; остальные толпились къ палаткѣ мурзы Нуридина, гдѣ свѣтился огонекъ. Самуилъ соскочилъ съ лошади, и вошелъ въ палатку. Мурза встрѣтилъ его пулею, которая однакомъ отскочила отъ его панциря; онъ бросился къ мурзѣ, схватилъ его и, растолкавъ татаровъ, толпившихся у входа, снова сѣлъ на коня.

Въ это время татары успѣли прійти въ себя, зажгли костеръ, освѣтившій все пространство обоза, и стали готовиться къ бою; но, увидѣвъ своего предводителя въ непріятельскихъ рукахъ, не смѣли ничего начать.

— Благородный рыцарь, сказалъ мурза, увидѣвъ, при свѣтѣ костра, побойсье, вижу, что Аллахъ караетъ меня. Но предъ тобою стоитъ войско, готовое напасть на тебя...

— Не въ первый разъ, прервалъ его Самуилъ, мы встрѣчаемся; не разъ ты уже бѣгалъ отъ меня. Я взялъ тебя силою и жизнь твоя еще въ моихъ рукахъ. Если твои татары вздумаютъ продолжать бой, Самуха въ первый разъ въ жизни принужденъ будетъ задушить безоружнаго воина.

— Такъ ты Самуха, гетманъ запорожскій! Теперь я не дивлюсь, что сталъ твоимъ плѣннымъ. Но развѣ не довольно уже пролито крови. Выйди изъ обоза съ своими рыцарями; я отдамъ тебѣ всѣхъ христіанскихъ плѣнныхъ безъ выкупа.

— Между нами не можетъ быть такой сдѣлки. Вотъ мои условія: если твои станутъ сражаться, первый ихъ шагъ рѣшитъ твою судьбу. Но если хочешь, выбери лучшихъ изъ нихъ; я самъ пойду противъ васъ четырехъ. Если вы побѣдите, всѣ мы будемъ твоими плѣнными; если вы будете побѣждены, вы будете моими плѣнными и весь вашъ обозъ будетъ мой.

— Согласенъ, отвѣчалъ мурза, и предложилъ въ залогъ точнаго исполненія условій двухъ сыновей своихъ, находившихся при немъ; но Самуилъ не принялъ этого предложенія, сказавъ, что вѣрить его рыцарскому слову и что дѣло должно рѣшиться какъ только наступитъ день.

Въ обозѣ все утихло. Всѣ присягнули, что условія будутъ выполнены въ точности. Сербь однакожь были не совсѣмъ довольны распоряженіемъ гетмана, но Казимиръ успокоилъ ихъ, сказавъ:

— Здѣсь идетъ дѣло и обо мнѣ; но я спокоенъ, потому что въ побѣдѣ гетмана не сомнѣваюсь.

Самуилъ провёлъ остатокъ ночи въ палаткѣ мурзы. Наконецъ взошло солнце и татары, по своему обычаю, стали прославлять величіе Алла, послѣ чего противники вышли въ поле. Каждый могъ сражаться какимъ угодно оружіемъ, кромѣ огнестрѣльнаго и лука. Кто будетъ сбитъ съ лошади, тотъ остается плѣннымъ и лишается права принимать участіе въ битвѣ. Лошади никто не долженъ былъ ранить, всѣ остальные средства защиты и нападенія были дозволены обѣимъ сторонамъ. Когда условія эти были обсужены, вымѣряли пространство и четыре татарина стали на свои мѣста, готовые напасть на гетмана.

Самуилъ, по обычаю тогдашнихъ рыцарей, былъ весь закованъ въ желѣзо и, кромѣ топорз и меча, имѣлъ оружіе, неизвѣстное еще у крымскихъ татаръ, состоявшее изъ длинной пики съ небольшою хоругвею, которая шелестомъ пугала лошадь нападающаго. Со шлема его висѣлъ лошадиный хвостъ, покрывавшій шею. На татарахъ были панцири изъ колець, дамасской работы, и они сражались саблями, диридами и кинжалами.

По данному знаку бой начался. Мурза и его сынъ напали на него спереди, между тѣмъ какъ сзади два татарина старались приблизиться къ нему, но имъ мѣшала хоругвь; вдругъ онъ повернулся и въ одно мгновеніе сбилъ одного съ коня, а лѣвой рукою разрубилъ голову другому. Въ это время сынъ мурзы ударилъ его мечомъ между панциремъ и плечомъ, но ударъ остановился на послѣднихъ волосахъ лошадинаго хвоста. Почти въ ту же минуту Самуилъ нанесъ ему такой сильный ударъ по шеѣ, что стальные кольца подались и голова его упала на грудь. Старый мурза съ отчаяніемъ бросился на своего противника; но тотъ, отбивъ его саблею, бросился на него, обвилъ его руками, пересадилъ на свое сѣдло, воскликнувъ: «Ты еще разъ мой!»

— Ты отнял у меня сыновей, отними и жизнь, сказалъ мурза, бросая ненужный мечъ.

— Нѣтъ, ты долженъ быть моимъ плѣнникомъ; отъ условія не отступаю.

Мурза былъ въ рукахъ побѣдителя, и всѣ татары безмолвно покорились своей судьбѣ и пали ницъ предъ страшнымъ гетманомъ.

— Позволь своему невольнику схоронить сына, проговорилъ мурза, упавъ къ его ногамъ.

Слова эти тронули Самуила.

— Возьмите съ собою тѣла убитыхъ и поѣзжайте за мною, отвѣчалъ онъ. Вы должны поклониться той, которой я обязанъ этой побѣдой — тамъ вы узнаете свою судьбу, тамъ мы и похоронимъ убитыхъ.

Татары и мурза отдали гетману всѣ награбленныя богатства, всѣ телѣги и всѣхъ лошадей. На лучшей телѣгѣ уложили тѣло сына мурзы; завернутое въ коверъ; самому мурзѣ подвели лошадей. По настоянію Самуила, онъ сѣлъ на нее и поѣхалъ съ ними рядомъ. За ними двинулся обозъ и пошли христіанскіе плѣнные, оглашая воздухъ криками радости.

Казимиръ былъ внѣ себя отъ радости и постоянно повторялъ сербамъ:

— А что? каковъ нашъ Самуха? Далеко надо ѣхать, чтобъ найти другаго такого.

Наконецъ всѣ остановились предъ домомъ, гдѣ находилась княгиня съ племянницею, и нашли здѣсь нѣсколькихъ рыцарей изъ отряда генерала Гумецкаго, которые объявили гетману, что весь изъ отрядъ идетъ на татаръ и черезъ нѣсколько часовъ прибываетъ.

— Опоздали, отвѣчалъ гетманъ. Всѣ они здѣсь. Если дожусь вашего генерала, то отдамъ ихъ всѣхъ ему; оставляю только двоихъ себѣ, съ которыми я знаю, что дѣлать.

— Съ кѣмъ же мы имѣемъ честь говорить? спросили рыцари. Какъ мы должны сказать о васъ генералу.

— Я Самуилъ Зборовскій, запорожскій гетманъ. Я думаю, что, услышавъ мое имя, генералъ поспѣшитъ сюда, потому что мы близкіе родственники.

Рыцари уѣхали, а гетманъ съ мурзою вошли въ комнату дамъ.

— Смотри, Нурадинъ, сказалъ Самуилъ, указывая на княжну, вотъ это та, для которой я побѣдилъ тебя.

Мурза упалъ къ ея ногамъ.

— Разскажите теперь намъ, что съ вами было? спросила княгиня.

— Я хотѣлъ прославить даръ княжны и мнѣ посчастливилось. Всѣ христіанскіе плѣнные свободны; все, что было награблено татарами, наше, и они сами у насъ въ плѣну. Сюда прибудетъ черезъ нѣсколько времени панъ Гумецкій; я отдамъ ему плѣнныхъ; а мурзу и его сына прошу васъ отдать князю Стефану, въ доказательство моего новаго уваженія къ его особѣ. Вѣроятно у нихъ въ Крыму находятся въ плѣну и его подданные; за такихъ людей, какъ мурза, возвратятъ ему не одного. Позвольте мнѣ поблагодарить васъ, княжна! этой побѣдой я только вамъ одной обязанъ, а сражался за васъ и защищалъ не жизнь свою, а вашъ даръ. Теперь надо раздѣлить добычу; ваши гайдуки дѣйствовали отлично.

— Это правда, подтвердилъ вошедшій Казимиръ; но всѣмъ мы обязаны гетману: онъ схватилъ мурзу въ палаткѣ и потомъ одинъ сражался съ четырьмя, трехъ убилъ, а мурзу взялъ живаго; по уговору все стало наше. Такіе подвиги не каждый день можно видеть. Да здравствуетъ нашъ гетманъ!

— Ты слишкомъ скромнѣ , возразилъ Самуилъ ; безъ тебя мы, можетъ быть, и не попали бы въ таборъ.

— Это говорить ваша милость ко мнѣ; что-жъ тутъ удивительно, что нечаянно попалъ на татарина и положилъ его.

Рыцари пошли дѣлить добычу и хоронить убитыхъ. Самуилъ взялъ себѣ такую же часть , какую получили и другіе ; драгоценныя вещи, взятые у княжонъ, были имъ возвращены. Сербы и гайдуки превозносили гетмана.

— Вы, св. отецъ, сказалъ Самуилъ, возвратясь въ комнату дамъ, гдѣ былъ монахъ, возьмите мою часть и употребите ее на выкупъ плѣнныхъ. А здѣсь всѣ отданныя вами драгоценности , прибавилъ онъ, обращаясь къ дамамъ; примите ихъ, пусть онѣ служатъ вамъ по прежнему.

— Принимаемъ ихъ изъ вашихъ рукъ; но не безъ выкупу; лишь только прїѣдемъ въ Германштадтъ, вамъ, св. отецъ, будутъ высланы деньги, которыя вы употребите для той же цѣли. Но , прибавила она, я попрошу васъ, не забывать въ своей молитвѣ этого рыцаря.

Монахъ низко поклонился.

— Могу ли я льстить себя, сказалъ Самуилъ, обращаясь къ княжнѣ, что вы подумали обо мнѣ во время моего отсутствія?

— Не сомнѣвайтесь въ этомъ, отвѣчала княгиня; съ тѣхъ поръ, какъ вы оставили насъ, до вашего возвращенія она стояла на коленяхъ и молилась, и я не разъ замѣчала на ея глазахъ слезы.

Рыцарь преклонилъ колѣна предъ своей дамой и страстно поцѣловалъ ея руку; она не отнимала ея; напротивъ Самуилъ почувствовалъ легкое пожатіе, которое чуть не свело его съ ума.

Тутъ вошелъ сербъ и сказалъ, что къ похоронамъ все приготовлено, и всѣ вышли. Вырыта была довольно обширная яма ; въ нее положили тѣла убитыхъ татаръ въ полномъ вооруженіи и покрыли коврами. Въ стонахъ и плачѣ татарскихъ плѣнныхъ и стараго отца было что-то раздирающее душу, такъ что дамы не могли удержаться отъ слезъ. Вскорѣ могила была засыпана и сербы, слѣдуя своему обычаю, стали бросать на нее горсти ржи.

Послѣ этой церемоніи всѣ пошли въ домъ, гдѣ былъ уже приготовленъ завтракъ; въ это время явился генералъ Гумецкій, верхомъ на конѣ, который былъ покрытъ пѣною и пылью. Старикъ проскакалъ съ мялю, чтобъ увидѣться съ паномъ Самуиломъ.

— Кто бы могъ подумать, сказалъ онъ, войдя въ комнату и поздоровавшись съ дамами, кто бы могъ подумать, что встрѣтившись съ Самуиломъ Здоровскимъ, я долженъ буду похвалить его. Вы не можете себѣ представить , княгиня , сколько причинилъ онъ горя и старику отцу, и всѣмъ намъ, его родственникамъ, потому что вѣдь Самусъ былъ въ Краковскомъ замкѣ, что глазъ во лбу. Всѣ ужъ считали его погибшимъ, а онъ тамъ себѣ разгуливаетъ въ Запорожьи. Я все уже знаю. Одинъ изъ нашихъ встрѣтилъ гдѣ-то недалеко отсюда какого-то хромаго рыцаря—Здору, который не можетъ отдохнуть отъ вашего толчка, и теперь собирается въ Краковъ.

Тотъ все разсказалъ. Вотъ я и подумалъ: Самусь тутъ гдѣ-нибудь, найду его и такъ отдѣлаю, что вѣкъ помнитъ будетъ; анъ не тутъ-то было: хвалить приходится. И съ этими словами старикъ заключилъ въ объятія племянника, который почтительно поцѣловалъ у него руку.

— Ну, что-жь ты думаешь теперь дѣлать?

— Провожу дамъ своихъ къ Дитѣстру, а оттуда возвращусь въ Запорожье, чтобы быть готову служить Рѣчи Посполитой. А вы, ладюшка, возьмите плѣнныхъ татаръ; ихъ тутъ больше сотни; но мурзу Нурадина и его сына я хочу отослать князю Стефану.

— Хорошо придумано. Князь Стефанъ стоитъ этого. А за плѣнныхъ благодарю тебя именемъ Рѣчи Посполитой и нашего воеводства. Буду просить сеймъ, чтобъ поблагодарилъ тебя. Вѣдь это мой племянникъ, княгиня; не могу сказать, какъ я радъ, что изъ него вышелъ такой дѣльный рыцарь. Вы будете къ нему снисходительны, потому что хоть онъ и вѣтрогонъ, а сердце у него доброе. Сними же свой шлыкъ, дай посмотрѣть на тебя, вѣдь уже шесть лѣтъ не видѣлись. Вотъ усища какіе; мнѣ кажется, что еще вчера онъ былъ мальчишкой, а у него усы длиннѣ моихъ. Теперь скажите мнѣ, княгиня, какъ онъ велъ себя въ вашей свитѣ.

— Вы должны знать, генералъ, отвѣчала княгиня, что вашему племяннику мы обязаны жизнью; недалеко отъ Кіева на насъ напала толпа татаръ, и еслибъ не онъ, вѣроятно я не имѣла бы удовольствія видѣться здѣсь съ вами.

— Гмъ, велика важность татары, защищая васъ! будь я на его мѣстѣ, и со мною ничего не сдѣлали бы, даромъ что старъ. Еслибъ дѣло до чего дошло, я и его копья не испугался бы.

— А я вѣроятно уступилъ бы вамъ.

— О плутъ! видите, княгиня, онъ, право, малый добрый; любите его, онъ этого стоитъ. Но здѣсь, мой другъ, твоя служба кончится, поблагодари высокихъ дамъ, что позволили тебѣ быть ихъ слугою.

— Я долженъ проводить ихъ до Дитѣстра; зачѣмъ же вы хотите отнять у меня это удовольствіе?

— Вотъ, на! уже и противорѣчить! Вы, милостивый государь, хоть и гетманъ запорожскій, а извольте слушать мои приказанія. Я самъ провожу дамъ; тамъ есть наши поля, мнѣ надо ихъ осмотрѣть, а ты поѣзжай въ Запорожье и будь готовъ, чтобъ по первому требованію явиться въ поле. Хоть переимѣнить этого молокососа на старика, и не совсѣмъ будетъ пріятно для дамъ, но я прошу у нихъ извиненія.

— Мы очень рады, отвѣчала княжна, что будемъ имѣть удовольствіе провести съ вами нѣсколько часовъ.

— Я въ васъ не сомнѣваюсь, но долженъ просить прощенія у княжны, потому что знаю: сѣдые усы имъ не очень нравятся. Было время, что и у меня были они черны; отгулялъ свое,—теперь все-ту конецъ. Я былъ тоже женатъ и жена моя, княжна Збараская, была первая красавица въ Рѣчи Посполитой, но Богъ не далъ ей долгаго

вѣку: умерла черезъ годъ послѣ свадьбы. Что со мною было тогда, я и разказать вамъ не умѣю; и теперь иногда, какъ вспомню ее, готовъ заплакать, а вѣдь тому уже двадцать девять лѣтъ. Въ день ея похоронъ я далъ обѣтъ не жениться другой разъ; пошелъ защищать границы, избѣгалъ женщинъ и теперь для меня женщина все равно что камень. Вы извините меня, можетъ быть, я глупость какою сказалъ.

— О, помируйте! сказала княгиня. Мой мужъ очень часто вспоминаетъ о вашемъ посольствѣ.

— Награди его Богъ за его дружбу. А молодецъ вашъ мужъ! Жена у него красавица, славный солдатъ, силачъ, въ моихъ глазахъ подковы ломалъ, а какъ пьетъ! Помню, однажды за бутылкой вина, а вино у него славное, старое венгерское, заговорили о женахъ; вы и теперь хороши, а что было лѣтъ пятнадцать тому назадъ! Князь и спрашиваетъ: что, твоя жена была красивѣе моей? Я говорю, не красивѣе, а такая же. Нѣтъ, говоритъ онъ, моя лучше, поди, посмотри на нее, какъ она есть на самомъ дѣлѣ; она теперь спитъ. Вижу, что онъ ужъ выпилъ, останавливаю его, и куда! Ничего слышать не хочетъ....

— Зачѣмъ же вы рассказываете о недостаткахъ моего мужа? прервала княгиня. А я думала, вы ему другъ.

— Ну вотъ, опять сказалъ глупость! Извините, княгиня. А что до моей дружбы, то князь можетъ въ ней не сомнѣваться.

Обѣ дамы, гетманъ и старый генералъ сѣли завтракать. Старикъ выпилъ бутылку вина и такъ разболтался, что, разказавъ всю свою біографію, не забывъ малѣйшихъ подробностей; княгиня, казалось, слушала его внимательно, а между тѣмъ радовалась, что Самуилъ могъ на свободѣ поговорить съ княжною. Но генералъ замѣтилъ ихъ.

— Я вижу, господинъ гетманъ ухаживаетъ тутъ за княжною! Богъ помощь, любезный племянникъ; въ высокія хоромы залетѣть хочешь. А впрочемъ, все въ волѣ Божіей. Вѣдь женился же я на княжнѣ Збараской, а былъ тогда просто себѣ полковникъ Гумецкій, какъ теперь Самусь. А это гетманство въ Запорожьи еще вздоръ, потому что о немъ законы молчатъ. А можетъ быть и скажемъ что нибудь, какъ собирается Сеймъ. Тогда нашъ Самусь будетъ полный гетманъ. Вотъ тогда, братецъ, и ступай къ князю Стефану. Я самъ благословляю тебя; а если не отпустятъ съ носомъ, позови старика дядю на свадьбу. Я скажу длинную орацію и кончу тѣмъ, что женитья равный на равной—Зборовскій на Баткривной. — Можетъ быть, и тутъ я сказалъ какую нибудь глупость — извините меня, чтожъ вы на это скажете, прелестная княжна?

Княжна сидѣла какъ на иголкахъ, однако нашлась:

— Вы любите рѣшмы, какъ замѣчаю.

— Это осталось еще отъ школы; но я свои рѣшмы забываю, не такъ какъ панъ Кохановскій, который сейчасъ же пересыпаетъ ихъ въ стихи. Завтракъ конченъ, пора и въ дорогу. Прощайся панъ гетманъ съ дамами, да не забудь сказать княжнѣ—до свиданія.

— Не угодно-ли вамъ будетъ сѣсть съ нами, генералъ? спросила княгиня.

— Избави Богъ! Я, слава Богу, еще не раненъ. Мнѣ на лошади также удобно, какъ вамъ въ экипажѣ. — Дай Богъ, чтобъ на насъ не попалъ кто нибудь на дорогѣ; вы увидѣли бы, что я не хуже этого молокососа. Но теперь извините меня; я пойду сдѣлать кой-какія распоряженія; надо отправить пѣшихъ.

Генералъ вышелъ и началъ раздавать приказанія такъ громко, что крикливый голосъ его доносился до дамъ.

— Вѣряю вамъ, княгиня, мою судьбу и всѣ мои надежды, сказалъ Самуилъ; сердце мое говоритъ, что могу положиться на ваше доброе расположеніе.

— Я вамъ докажу, что ваше сердце не ошибается. Но теперь вы должны растаться съ Гризельдой. Вудьте въ эту минуту также мужественны, какъ всегда.

Самуилъ поцѣловалъ руку Гризельды, печаль которой была очень видна, хотѣлъ что-то сказать, но не находилъ словъ. Изъ этого не-пріятнаго положенія вывелъ его генералъ, пришедшій сказать, что все готово къ отъѣзду. Дамы сѣли въ колымагу, генералъ на свою лошадь и такъ предался исполненію своей обязанности, что забылъ обо всемъ на свѣтѣ, что было очень пріятно для дамъ. Самуилъ остался у воротъ дома и смотрѣлъ на удаляющіеся экипажи до тѣхъ поръ, пока они скрылись въ дали.

XIII.

Послѣ долгихъ переговоровъ и отсрочекъ, прибылъ наконецъ въ Польшу Генрихъ Валуа, принужденный своимъ братомъ, и избранный на престолъ всѣмъ народомъ. Однѣ эти провоочки уже охладили къ нему народъ, а пріѣздъ его окончательно разочаровалъ. Лѣнивый, неприступный, столь мало образованный, что даже не понималъ по латыни и долженъ былъ со многими членами совѣта говорить черезъ переводчика, развратный Генрихъ, черезъ нѣсколько дней послѣ коронаціи, показалъ, что ему надоѣдаютъ его подданные, которые въ свою очередь стали жалѣть своего выбора.

Въ Краковѣ собралось множество магнатовъ и шляхты; всякій хотѣлъ представиться королю, заранѣе прославленному, и всякій убѣждался, что этотъ король не считалъ себя главою свободнаго народа, но изгнанникомъ, узникомъ среди варваровъ. Вельможи и шляхта часто толковали о будущихъ судьбахъ Рѣчи Посполитой, зная, что какъ только будетъ получено извѣстіе о смерти короля французскаго, польскій король оставитъ престолъ и возвратится въ Парижъ.

Въ это время часто собирались у Мартина Зборовскаго, великаго короннаго маршала. Это былъ гордый человѣкъ, съ свѣтлымъ взглядомъ, приверженецъ всего иноземнаго, старавшійся разпространить чужое вліяніе на всю Рѣчь Посполитую. Какъ всѣ поляки, лишившіеся любви народа, онъ ненавидѣлъ избирательный по-

рядокъ. Недавній поступокъ его доставилъ ему популярность, которою онъ прежде не пользовался, какъ глава протестантской партіи. При послѣднихъ выборахъ онъ умѣлъ во время остановиться въ своихъ стремленіяхъ и начать дѣйствовать въ пользу общую. Видя, что католическая партія расположена къ Генриху, котораго онъ вовсе не желалъ бы видѣть на польскомъ престолѣ, какъ противника протестантовъ, проливавшаго ихъ кровь, онъ не захотѣлъ однако идти противъ и затѣвать вражду, но присоединился къ партіи католиковъ, презрѣлъ нарѣканія и убѣжденія Гурки, главы великопольскихъ кальвинистовъ, и успѣлъ предотвратить разногласіе на выборномъ сеймѣ.

Этотъ поступокъ, богатство, огромное родство и многія несомнѣнныя личныя достоинства доставили ему вліяніе. Даже католикамъ было пріятно видѣть, что, когда, послѣ коронаціи, Генрихъ, въ противность обязательству, подписанному въ Парижѣ, не захотѣлъ включить въ свою присягу выраженіе: *et расеп cum dissidentibus conservabo*, Мартинъ Зборовскій громогласно объявилъ, что, если король не включитъ этихъ словъ, онъ во время самой церемоніи уйдетъ съ короною. Но всего болѣе поднималъ его въ общественномъ мнѣніи его братъ Самуилъ, на котораго теперь были обращены всѣ взоры. Его слава, его щедрость, производили сильное впечатлѣніе на шляхту; съ другой стороны, прекрасное воспитаніе, знаніе французскаго языка, наконецъ любовь, вынужденная имъ владѣтельской княжнѣ, — объ этой любви уже всѣ знали — были причиною, что всѣ приближенные къ королю французы почтили его своей дружбой, даже самъ король дарилъ его вниманіемъ и часто бесѣдовалъ съ нимъ.

У маршала короннаго собралось много магнатовъ для совѣщанія. Кромѣ нѣсколькихъ братьевъ хозяина, были здѣсь Петръ Зержидовскій, кастелянъ Войницкій, панъ Гарабурда, смоленскій воевода, панъ Кмита, воевода краковскій, панъ Гумецкій, уже извѣстный читателю, Тышкевичъ, староста Жмудскій, князья Радзивиллы, родные братья, изъ которыхъ первый былъ виленскимъ воеводою, а младшій, кардиналомъ, ухавскій Примасъ, Мнишекъ, сандоморскій воевода, и также князья Висновецкіе, Острожскіе и многіе рыцари, такъ что почти всѣ воеводства имѣли здѣсь своихъ представителей. Но между ними всѣхъ выше стоялъ Янъ Замоискій, чловѣкъ глубоко образованный и популярный у шляхты.

Когда всѣ собрались, хозяинъ открылъ засѣданіе такою рѣчью:

— Господа, на дняхъ мы получили изъ Парижа извѣстіе, что король Карлъ IX заболѣлъ и что лучшіе медики не обѣщаютъ ему выздоровленія. Эта новость ничего намъ хорошаго не предвѣщаетъ. Болѣзанъ его, неизвѣстная въ медицинѣ, безъ сомнѣнія, есть кара Божія, за его неслыханныя злодѣйства. Говорятъ, что у него кровь просачивается сквозь всѣ поры.

— Стало быть, капутъ, сказалъ Гумецкій. У меня была отличная лошадь во время послѣдней войны; она родилась въ султанской конюшнѣ; ужъ какъ я ее берегъ — больше, чѣмъ самаго себя; забо-

дѣла эту же болѣзнью и какъ я ни старался... призывалъ нѣмцевъ... ничего не могли сдѣлать: черезъ двѣ недѣли издохла. Такъ вы, господинъ Мартинъ, можете смѣло поздравить короля съ наслѣдствомъ.

— За тѣмъ-то я и пригласилъ васъ, чтобы посовѣтоваться, что намъ дѣлать; потому что смерть французскаго короля связана неразрывно съ междоусобицею у насъ; нѣтъ возможности жить въ Парижѣ и править нами.

— Намъ оттого было бы и не лучше и не хуже, отвѣчалъ князь Острожскій; хотя нашъ король и живетъ теперь въ Краковѣ, но намъ оттого не легче. Гдѣ бы онъ ни жилъ, онъ не станетъ заботиться объ насъ, какъ не заботится и теперь. До сихъ поръ онъ не роздалъ вакантныхъ должностей: не смотря на всѣ требованія князя Примаса и канцлера — все откладываетъ. Да чего? вотъ вы, генералъ, вызваны сюда на время коронаціи и должны занять мѣсто подольскаго воеводы, но до сихъ поръ не получили еще этого назначенія? заключилъ онъ, обращаясь къ старому генералу—дядѣ Самуилу.

— Это я думаю пустяки; потому что достанется ли мнѣ подольское воеводство или нѣтъ, государство отъ того не потеряетъ и не выиграетъ ничего; но Самусь жалуется, что не можетъ кончить дѣла о русской провинціи—не можетъ добиться, чтобы ему отдали гетманскую булаву; у насъ было бы сорокъ тысячъ казаковъ каждую минуту готовыхъ въ бой. Тогда ему нечего было бы думать и о французской коронѣ. Соединивши шляхту и казаковъ, онъ могъ бы овладѣть Константинополемъ и сдѣлаться не королемъ, а императоромъ. Но что съ нимъ станешь дѣлать? Самусь, говорятъ, въ милости. Ну что жъ? пока говоритъ о турнирахъ, онъ его слушаетъ; а заговорить о дѣлѣ—все кончено — приходи завтра. А все это вы надѣляли, князь Примасъ; вы только и думали о томъ, чтобы сохранить единовѣріе... Чтожъ выиграли? я первый, не въ обиду будь сказано моимъ племянникамъ, ненавижу нѣмецкую проповѣдь, а все таки мнѣ пріятнѣе было бы видѣть на престолѣ дѣятельнаго лютеранина, нежели правовѣрнаго лѣнтя. Можетъ быть, я глупость сказалъ; такъ прощу васъ извините.

— Кто же могъ подумать, отвѣчалъ Примасъ, что онъ изъ престола сдѣлаетъ перину! Всѣ говорили, что онъ отличный воинъ; его мать женщина съ великимъ умомъ и правитъ отлично. Я на это и надѣялся. Онъ командовалъ ея войсками и всегда счастливо. Богъ знаетъ, отъ чего онъ вдругъ такъ переѣнился.

— Очень просто, отвѣчалъ панъ Зержидовскій, всякое дерево высохнетъ, если пересадите его на другую почву.

— А я такъ говорю, возразилъ Гарабурда, что намъ—славянамъ ни нѣмецъ, ни французъ не угодить. Что это за король, который насъ не понимаетъ, а мы его понять не можемъ; не учиться же намъ по-французски на старости лѣтъ!.. Въ какія нибудь нѣсколько недѣль умѣлъ надоѣсть всѣмъ и особенно намъ — литовцамъ. Пока онъ царствуетъ, о другомъ думать нечего — мы ему присягали; а уѣхать—подумайте хорошенько, кого намъ выбрать.

— Теперь смѣло можно говорить о выборѣ — сказалъ коронный маршалъ, лишь только онъ узнаеть, что брать умеръ, двухъ дней ждать не станеть.

— Ктожь ему позволить уѣхать? сказалъ Кмита—всякій король лучше, чѣмъ междупарствіе.

— Не позволимъ, отвѣчалъ панъ Зборовскій, такъ убѣжить.

— Но господинъ маршалъ не долженъ забывать, что его величество присягалъ царствовать у насъ, возразилъ Зержидовскій. Если онъ станеть требовать, чтобъ мы его отпустили, мы не можемъ этого сдѣлать, потому, что никакіе законы не даютъ намъ на то права. А бѣжать отъ насъ тайкомъ, это было бы оскорбленіемъ для Рѣчи Посполитой.

— Тенчинскій. Я того же мнѣнія и не отступлю отъ него!

— Замоискій. Господа, дай Богъ, чтобъ король, которому мы присягали, состарѣлся съ нами въ нашей землѣ. Но если онъ желаетъ оставить насъ, мы не имѣемъ права противиться его волѣ. Жаль, что онъ насъ не могъ понять, и что презрѣлъ нами, но намъ остается искать другаго, на котораго можно бы было положиться.

— Панъ Мартинъ. Я думаю, что намъ всего лучше обратиться съ нашей короной къ римскому императору. Онъ государь справедливый, могущественный; у него множество войска, въ которомъ мы нуждаемся, и можемъ быть увѣрены, что права наши останутся неприкосновенными.

— Примасъ. Я ничего не могу возразить противъ вашего мнѣнія и я охотно подаю за него свой голосъ.

Кмита. И прекрасно! да здравствуетъ римскій императоръ—будущій король польскій.

Панъ Потоцкій. Нѣтъ, я не согласенъ. Онъ принудилъ чеховъ забыть свой языкъ, хотѣлъ сдѣлать изъ нихъ нѣмцевъ. Тоже и съ нами будетъ.

Мнишекъ. Вотъ, что называется, изъ огня да въ подыма. Былъ французъ, а теперь взять нѣмца.

Нѣсколько голосовъ изъ шляхты. Не хотимъ нѣмца! прочь нѣмцевъ! пусть себѣ нѣмецъ нѣмцами и править, а не нами.

Гаравурда. Я бы намъ посоветывалъ кого выбрать. Всѣ были бы имъ довольны, особенно литовцы и русскіе.

Всѣ. Кого же?

Гаравурда. Царя Ивана Васильевича.

Маршалъ. Богъ съ вами, воевода! вѣдь это жестокій, кровожадный человѣкъ, не признающій никакихъ правъ.

Гаравурда. Все это только пустые толки; злые языки распускаютъ. Я его знаю хорошо. Я былъ при немъ посланникомъ нѣсколько лѣтъ, это отличный человѣкъ. Разумѣется, не дастъ плюнуть себѣ въ кашу. Но никакой несправедливости не видѣлъ. Поданные его къ нему привязаны. Ссылаюсь на васъ, генералъ: вы почти годъ были при его дворѣ. Маршалъ говоритъ только то, что

слышалъ, а вы скажите, что вы видѣли. Злой ли онъ человѣкъ или нѣтъ?

Гумецкій. Прекраснѣйшій человѣкъ, а какой щедрый! подарилъ мнѣ на память шубу изъ черной лисицы. Я представился въ ней нашему королю, такъ его французы и рты разинули, что за звѣрь такой. Самая теплая шуба и легкая, какъ перушко. Случалось сидѣть съ нимъ за столомъ, пить вмѣстѣ, ѣздить на охоту. Вотъ воевода смоленскій тоже скажетъ. Я былъ бы очень радъ, еслибъ его выбрали. Онъ по крайней мѣрѣ будетъ говорить съ нами безъ переводчика. А когда соединятся короны Литвы и Руси, тогда весѣ снѣтъ нашъ. Правду сказать, мы только боремся съ бусурманами, а онъ царство у нихъ забираетъ. А какія богатства въ Москвѣ. Всѣ церкви облиты золотомъ; любо смотрѣть. А какія лошади у его бояръ. Дайте намъ его, и вы увидите, что съ его москалями мыворотимъ все, что отъ насъ взяли нѣмцы и бусурманы.

Кардиналъ Радзивилъ. А васъ, господа, не пугаетъ новгородская рѣзня? Вѣдь онъ вырѣзалъ все народонаселеніе.

Гарабурда. Вотъ важность! Эти новгородцы купцы, стакнулись съ нѣмцами и хотѣли отложиться отъ царя; но онъ ихъ предупредилъ. Правда, шибко разсердился, но они же виноваты. Въ каждой землѣ свои права и царь поступилъ по своему праву. Вѣдь и у насъ король судить дворянина. Мы недавно видѣли примѣръ на Сангушкѣ. Чтожъ удивительнаго, что царь велѣлъ отрубить голову тому, кто передъ нимъ провинился. Тутъ нѣтъ ничего несправедливаго или противузаконнаго; свои же говорятъ, что такъ надо. Миѣ дорога и жизнь и свобода, но я нисколько не боюсь царя. Онъ человѣкъ избожнѣй и если присягнетъ не нарушать нашихъ правъ, то исполнить присягу.

— Согласны! Да здравствуетъ царь, король польскій, великій князь литовскій, русскій и прусскій, закричали литовскіе и русскіе дворяне.

— Не позволяемъ! не согласны. Пусть собѣ панъ Гарабурда идетъ назадъ въ Москву, если ему угодно.

Маршалъ коронный, и князь Примась насилу успокоили пляхту.

— Господа, вѣдь это еще не въ выборѣ, сказалъ панъ Гумецкій. Дайте каждому сказать свое мнѣніе.

— Основной законъ требуетъ, чтобы польскій король былъ католикъ, началъ князь кардиналъ, когда шумъ утихъ; и это обстоятельство должно остановить нашихъ литовскихъ и русскихъ братіи. Греческое исповѣданіе мѣшаетъ русскому царю вступить на нашъ престолъ.

Гарабурда. Вся разница въ обрядахъ, а не въ исповѣданіи; притомъ большая часть Рѣчи Посполитой придерживается тѣхъ же обрядовъ. Я самъ православный, однако никто не можетъ сказать, чтобъ я былъ невѣрнымъ слугою Рѣчи Посполитой.

— Мы всѣ тѣмъ нибудь заслужили наши чины и мѣста, отозвалось нѣсколько сенаторовъ и дворянъ; хотя мы молимся по славянски, а все таки живемъ въ мирѣ и съ духовными и свѣтскими,

которые молятся по латыни. Мы не новообращенные, не еретики, наша вѣра не изъ Женевы и не изъ Виттенберга, не мы ее выдумали, а получили отъ предковъ.

Гумецкій. Пусть всякій молится, какъ хочетъ, молился бы только—можетъ быть я не кстати сказалъ, такъ извините.

Князь кардиналъ. Я не хотѣлъ ничего сказать противъ господъ диссидентовъ; я напомнилъ только объ основномъ нашемъ правѣ, по которому римско-католическая религія есть «*conditio sine qua* попъ» для вступленія на польскій престолъ.

Панъ Трипольскій. Мы не диссиденты, потому что различаемся только въ обрядахъ, но не въ вѣрѣ.

Князь Острожскій. Законъ говорить о католической религіи, не прибавляя слово *римско*.

Князь кардиналъ. Восточная религія перестала быть католической. съ тѣхъ поръ какъ отдѣлилась отъ вселенской церкви.

Панъ Тенчинскій. Правда! «*Una ecclesia, una fides*» на диссидента не согласны.

Князь Острожскій. Мы не отдѣлились отъ вселенской церкви, и хранимъ ея ученье. Ни одинъ изъ насъ не принялъ нѣмецкаго безбожія, я ручаюсь, что царь съумѣетъ укротить ересь, явившуюся въ Германіи. Итакъ да здравствуетъ царь!

Зержидовскій. Князь совѣтуетъ не какъ добрый гражданинъ, но какъ родственникъ московскаго царя.

— Такъ! такъ, закричала великопольская шляхта. Русскіе князья не должны имѣть голосъ въ этомъ дѣлѣ, потому что *petio in propria causa*: они хотятъ русскаго царя, чтобы быть князьями королевской крови и уничтожить наше равенство.

Литовская и русская шляхта снова стали кричать: «царя выбрать! мы согласны! но мы не отступаемъ отъ нашего равенства. Пусть царь московскій обяжется напередъ, что никакихъ привилегій не даетъ русскимъ князьямъ».

Тутъ уже ничего нельзя было слышать, среди общаго крика: «Согласны!» кричали одни. «Нѣтъ! не согласны!» слышалось съ другой и нѣсколько сабель блеснуло въ воздухѣ. Примасу, Тенчицкому, князю Радзивилу и Гумецкому стоило не малаго труда успокоить спорившихъ, которые твердили, что они не въ силахъ сносить больше самовольства коронныхъ магнатовъ.

— О чемъ же вы тутъ, господа, хлопочите? спросилъ панъ Рабурда, когда крики затихли. Вѣдь мы не составляемъ собора и спорить о догматахъ вѣры намъ не приходится. Царь знаетъ наши уставы и не только не противъ католической религіи, но даже объявить желаніе присутствовать на конференціи нашихъ и вашихъ епископовъ и самъ приметъ ту религію, которая основана на Св. писаніи.

Кмита. Вотъ это дѣло. Если таково его желаніе, это доказываетъ, что онъ государь мудрый. Надѣюсь, что на эту конференцію онъ пригласитъ и учителей нашей религіи, и убѣдится, что наша ре-

лигія ближе всѣхъ къ Св. писанію; мы только и вѣримъ слову Бо-
жью, а не человѣческимъ выдумкамъ.

Кардиналъ. Но господа, никогда споръ не пересиливалъ упрямства—
эти конференціи ни къ чему не поведутъ.

Голосъ со стороны великопольской шляхты. Правду говорить
князь кардиналъ. Пообѣщаютъ, да тѣмъ все и кончится. Я даю го-
лосъ за римскаго императора.

Голоса съ той же стороны и съ Малой Польши. Всѣ за него! Да
здравствуетъ императоръ римскій, король польскій!

Голоса изъ Литвы и Руси. Не позволяемъ! Мы разрываемъ союзъ
съ Польшей, если изберете нѣмца.

Панъ Трипольскій. Пусть царствуетъ кто хочетъ, лишь бы не
нѣмецъ!

Снова поднялся крикъ; никто не могъ разслышать, что говорилъ
другой; но можно было догадаться, что колкости, упреки, угрозы сы-
пались совсѣхъ сторонъ. На одной сторонѣ стояли литовцы и Русь,
на другой была Великая и Малая Польша. Прусаки составили осо-
бую партію; они не хотѣли ни того, ни другаго кандидата, а дума-
ли, какъ бы ввести Бранденбургскій домъ.

Между тѣмъ хозяинъ, свѣтскіе и духовные сенаторы бѣгали отъ
одной кучки къ другой, стараясь успокоить волненіе; но шляхта
не унималась. Шумъ становился все сильнѣе; сенаторы не знали
что дѣлать;—вдругъ отворилась дверь и на порогъ явился панъ Са-
муилъ Зборовскій, а за нимъ Казиміръ Мрочекъ. Все утихло, какъ бы
ожидавъ, что онъ скажетъ. Черезъ минуту всякій спѣшилъ привѣтство-
вать гетмана.

XIV.

Когда привѣтствія кончились, маршалъ коронный сказалъ:

— Ты хотѣлъ быть у насъ на совѣщаніи и опоздалъ.

— Возвращаясь отъ короля, отвѣчалъ Самуилъ, я встрѣтилъ Мро-
чка; онъ только что изъ Запорожья; намъ нужно было поговорить.
Впрочемъ, вы ничего не потеряли, и безъ меня есть кому судить
объ общемъ дѣлѣ. На чемъ же вы рѣшили?

Маршалъ. Тебѣ извѣстно, что французскій король доживаетъ по-
слѣдніе дни, и какъ умереть, нашего ничѣмъ не удержимъ. Мы рѣши-
лись заранѣе посовѣтоваться о выборѣ преемника.

Самуилъ. Ктожъ кандидатъ?

Маршалъ. Къ сожалѣнію сегодня мы не можемъ похвалиться со-
гласіемъ. Мнѣнія раздѣлились. Одни склоняются на сторону курфюр-
ста бранденбургскаго; но самая сильная партія на сторонѣ римска-
го императора и московскаго царя. За перваго большая часть ко-
роны, за втораго почти вся Русь и значительная часть Литвы. Ни
одна партія не хочетъ уступить другой.

Панъ Потоцкій. Разсудите сами, господинъ гетманъ. Можемъ ли
мы спокойно переносить перевѣсъ коронныхъ избирателей, если они

не хотятъ даже спросить нашего мѣня. Кричатъ за какого-то нѣмца и удивляются, что мы не соглашаемся.

Панъ Гоздавскій. Почему же вы, господа, не хотите выбрать нашей преданности Рѣчи Посполитой, какъ гражданъ самой старой провинціи.

Князь Острожскій. Между нашими провинціями нѣтъ старшинства.

Графъ Гурскій. Позвольте князь, о Руси и Литвѣ еще никто не слышалъ, а бѣлый орелъ уже гнѣзвился въ великопольскихъ пущахъ.

Панъ Трипольскій. Не хвалитесь, графъ, своимъ Гнѣзномъ. Всѣмъ извѣстно, что христіанство явилось прежде въ Кіевѣ, чѣмъ въ Гнѣзвѣ.

Снова начался шумъ; но Самуилъ далъ знакъ, что желаетъ говорить и все утихло.

Самуилъ. Вижу, что вы, господа, раздѣлились, но все провинціи въ выборѣ короля совершенно свободны и не могутъ навязывать другъ другу своихъ кандидатовъ. Но вижу, никто не хочетъ уступить. Поэтому я полагаю, что всего лучше отыскать третьяго, на котораго все могли бы согласиться.

— Правда! правда! панъ гетманъ запорожскій говорить дѣло! слышалось съ разныхъ сторонъ.

Панъ Гоздавскій. Предложите вы, гетманъ, нашего кандидата, только такого, чтобъ все помирились.

Самуилъ. А еслибы мы выбрали Семигородскаго князя Стефана. Онъ извѣстенъ какъ воинъ, справедливъ, бережливъ и притомъ править нашими же братьями славянами.

Князь Острожскій. Противъ него возражать нечего.

Графъ Гурскій. Я тоже не могу ничего противъ него сказать.

Князь кардиналъ. И я охотно отдаю свой голосъ за него.

Гумецкій. Ну, Самусь! Кажется духъ святой говорить твоими устами. Стоя на границѣ, я слышался о немъ довольно. Вотъ будетъ король, такъ король! Нѣмцевъ терпѣть не можетъ, бусурманамъ далъ себя знать. Хотя я и знаю, что у моего племянника въ головѣ, а все таки онъ хорошо сказалъ. Что правда, то правда.

Князь Радзивилъ. Вся Литва за князя Стефана.

Панъ Трипольскій. И Русь за него.

Панъ Потоцкій. Такъ, на всей Руси ни одного голоса противъ него.

Панъ Завиша. Я участвовалъ въ его походѣ на турокъ; видѣлъ его въ дѣлѣ: отличный воинъ. Пусть говоритъ панъ Замоискій, онъ его знаетъ. Любитъ ученыхъ, самъ уменъ. Сдѣлается у насъ королемъ, заведетъ школы. Смѣшно сказать, что изъ подъ Смоленска надо дѣтей посылать въ Краковъ учиться.

Панъ Гоздавскій. Объ этомъ говорить не стоитъ; главное, чтобъ онъ расширилъ наши границы, да охранялъ наши права, чтобъ не позволялъ магнатамъ думать, что они важнѣе пшлхты. Мы очень хорошо знаемъ, что въ Рѣчи Посполитой три сословія: король, со-

нать и рыцари — и на четвертое — магнатское никогда не согласимся. Это прошу прибавить въ актахъ — кондентахъ.

Панъ Подчасскій. Развѣ это можно допустить, что наши сенаторы приобрѣтаютъ заграничныя титулы и носятъ ордена, полученные отъ чужихъ государей. Куда ни повернешься, вездѣ какой нибудь титулъ. Я соглашаюсь на князя Стефана съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ запретилъ принимать ордена и титулы отъ чужихъ государей.

Панъ Завиша. И ваше условіе будетъ принято, потому что князь Стефанъ того же мнѣнія. Когда римскій императоръ предложилъ ему орденъ золотого руна, онъ отказался отъ него, говоря, что волчьи зубы — драгоценное наследство рода Баторіевъ, и для императорскаго барашка будетъ не совсѣмъ безопасное сосѣдство.

Шляхта. Да здравствуетъ король Стефанъ! Кто противъ него? мы съ тѣмъ раздѣляемся!

Панъ Гарабура. Царь Иванъ Васильевичъ не дастъ ни орденовъ, ни титуловъ; съ нимъ равенство шляхетское сохранилось бы также.

Панъ Подгаецъ. Панъ воевода напрасно говоритъ это. Ты своими предложеніями только раздѣляете мнѣніе. Мы не имѣемъ ничего ни противъ царя, ни противъ императора; но желаемъ избрать князя Семигородскаго.

Всѣ. Согласны! согласны!

Самуилъ. Вы, панъ Замоискій, не говорите ничего, между тѣмъ вы были приближены къ князю.

Замоискій. Я молчу, потому что не имѣю права подавать голосъ.

Всѣ. Почему?

Замоискій. Господа, вы всѣ нѣсколько разъ ссылались на основныя законы Рѣчи Посполитой, а между тѣмъ сами нарушаете ихъ. Законъ говоритъ прямо, что при жизни короля не должно думать о его наследникѣ. Въѣвъ король у насъ есть, князь Примасть еще не объявилъ намъ, что у насъ нѣтъ короля. Эти вроевременныя толки совершенно противозаконны. Вы знаете, что должно ждать объявленія, что князь Примасть долженъ созвать Сѣймъ, что наши отцы имѣли обыкновеніе присгунать къ дѣлу молитвою, и мы сами такъ поступили при послѣднихъ выборахъ. Не имѣетъ ли права король признать васъ къ суду и спросить, на какомъ основаніи вы избираете другаго короля? желалъ бы я знать, чтобъ вы сказали? Остановитесь, господа, и ждите терпѣливѣе конца.

Шляхта молчала; но видно было, что слова эти ее смущали. Стали расходиться; остались только члены совѣта, близкіе родственники хозяина и панъ Замоискій, котораго остановилъ Самуилъ.

— Славный гвоздь вы вколотили шляхтѣ въ голову, панъ Янъ! сказалъ Самуилъ, когда въ залѣ поутихло. И нельзя возражать. Дѣло было сказано. Я иду теперь отъ короля и знаю, что послѣдній гонецъ изъ Парижа привезъ новость, которая не очень порадовала его. Какой-то шарлатанъ далъ Карлу лекарство, которое такъ хорошо подействовало, что онъ всталъ съ постели, собралъ совѣтъ и провелъ съ нимъ два часа. Но всего болѣе беспокоитъ нашего

короля то, что королева Катерина не участвовала въ совѣтѣ. Волей, неволей, а нашъ долженъ сидѣть у насъ. Сегодня онъ хорошо меня принялъ, до того разговорился, что я началъ рѣчь о своихъ видахъ относительно Запорожья и русской булавы.

Маршалъ. И чтожь?

Самуилъ. Почти ничего положительнаго, но много обѣщаній. Но наконецъ онъ сказалъ, что послѣ турнира, который будетъ послѣ завтра, займется дѣлами государства. Теперь онъ ни о чемъ думать не можетъ, какъ о турнирѣ. Тутъ выступать его господа-французы.

Гумецкий. Ужь намъ въ горлѣ засѣли эти турниры. Что это за вздоръ—сражаться для потѣхи тупымъ копьемъ. Кто ищетъ забавы—забавляйся; а ужъ если хочешь драться, дерись, какъ Богъ велѣлъ. Это даже и неприлично хорошему солдату. Я охотнѣе увидѣлъ бы тебя, Самусь, въ Запорожьи, чѣмъ при дворѣ. Вѣдь ты тоже тамъ будешь, на этомъ турнирѣ? И вы, панъ Тенчинскій, тоже записаны.

Тенчинскій. Я былъ приглашенъ, но отказался, потому что совершенно раздѣляю ваше мнѣнiе. Я не отказываюсь идти въ поле или сразиться съ кѣмъ бы то ни было, кто вызоветъ меня; но, признаюсь, пользуясь честью засѣдать въ сенатѣ, я не могу, безъ упрѣка своему достоинству, явиться публично, какъ скоморохъ. Да притомъ у меня не найдется тупаго оружія.

Самуилъ. Будутъ сражаться острымъ оружіемъ. Всякій можетъ употребить какое ему угодно оружіе, какъ съ бусурманомъ. Съ каждой стороны выставлено будетъ по двадцать четыре рыцаря — я, по приказанію короля, буду предводительствовать одною, князь Янушъ Радзивилъ—другою. Ко мнѣ вписано пять французовъ. Судьями будутъ панъ кастелянъ Вановскій, воевода Опалинскій и третій еще неизвѣстный. Посторонніе и незнакомые могутъ сражаться, если только возведены въ рыцарское достоинство и природныя дворяне. Лошадь и все вооруженіе будетъ добычею побѣдителя; сверхъ того, король оставляетъ себѣ право давать награды. Мой списокъ уже составленъ, но все-таки я желалъ бы видѣть васъ, панъ Замоискій, на своей сторонѣ, а не противъ меня.

Замоискій. Я уже отказалъ князю Радзивилу и не буду свидѣтелемъ этого турнира. Я не оуждаю рыцарскихъ забавъ, но проливать кровь безъ всякой надобности и пользы для отечества не слѣдуетъ.

Мартынъ. Правду говорите, пане Замоискій. Я бы охотно послѣдовалъ вашему примѣру, но обязанность заставляетъ меня быть неотступнымъ товарищемъ короля. Но я предвижу, что будетъ рѣзня.

Гумецкий. А сколько лошадей испортятъ! Племянникъ покойной жены, молодой князь Збараскій, пристасть, чтобъ я уступилъ ему своего Сокола—лучшаго коня во всей моей конюшнѣ; мѣшокъ червоицевъ предлагаетъ. Но я ни за что не уступлю. Такъ я сказалъ ему: еслибъ ты шелъ на нѣмцевъ либо на бусурманъ, я, можетъ быть, тебѣ и даромъ отдалъ бы его; но ругаться надъ лошадыю не поз-

волю. Потомъ французъ присталъ, графъ Креки. Я его и слушать не захотѣлъ.

Мартынь. Такъ вы, дядюшка, не будете смотрѣть?

Гумецкій. Смотрѣть буду—любопытно видѣть, да и причина маленькая есть: хочется увидѣть Самуся. Вѣдь ты будешь на своемъ бѣлякѣ? подшутить ты тогда надо мною, Богъ тебя прости! Конь славный, я хотѣлъ было купить и уже почти рѣшили, вдругъ онъ является, чертъ знаетъ сколько заплатилъ, я и отступился.

Самуилъ. Мнѣ очень пріятно, что вы будете смотрѣть; ваше присутствіе будетъ одушевлять меня.

Гумецкій. Полно! Ты бы хотѣлъ, чтобъ на тебя княжна Гризельда смотрѣла, а? признайся!—Впрочемъ, уже пора и домой. Прощай, Мартынь; завтра надо явиться въ замокъ; посмотрю, посмотрю, какъ приметъ меня король хорошо, такъ ладно, а нѣтъ, такъ Богъ съ нимъ. Господа изъ Руси, прошу ко мнѣ на рюмку венгерскаго. Если кто изъ другихъ провинцій пожелаетъ сдѣлать мнѣ честь, буду очень радъ.

За паномъ Гумецкимъ разошлись и остальные. Гумецкій приказалъ везти себя въ замокъ, а Самуилъ, выйдя на улицу, сказалъ Мрочку: я пойду къ Венешу, у него я купилъ лошадь; а ты ступай шире своихъ знакомыхъ; завтра доскажешь о Запорожьѣ.

XV.

Происходило это на краковскомъ рынкѣ. Дома, окружавшіе площадь, по большей части принадлежали жившимъ въ нихъ магнатамъ. Отели въ тѣ времена были еще неизвѣстны; пріѣзжавшая въ столицу шляхта размѣщалась у знакомыхъ, родныхъ, а за отсутствіемъ ихъ по монастырямъ. Общественными мѣстами, посѣщаемыми шляхтой, были *винярни*, въ которыя не имѣли доступа плебей. Извѣстнѣйшее изъ такихъ заведеній было недалеко отъ флоріановскихъ воротъ; оно посѣщалось даже сенаторами. Хозяинъ его, панъ Фалендышъ, природный польскій шляхтичъ, заставлялъ обыкновенно два часа въ день въ ратушѣ, а остальное время посвящать своимъ посѣтителемъ. У него было всегда отличное вино, жаренная рыба, которою онъ угощалъ *бесплатно* (т. е. выгадывалъ за нее на винѣ), чтобы привлечь посѣтелей. Онъ умѣлъ угодить всѣмъ и каждому и самъ нерѣдко держалъ компанію какому нибудь забѣзжому шляхтичу; почему магнаты были къ нему милостивы, дворяне средней руки любили его. Можно себѣ представить, какія выгоды онъ извлекалъ изъ своихъ отношений.

Разставшись съ Самуиломъ, который пошелъ было въ Брацкую улицу, гдѣ жилъ панъ Венеша, Казимиръ занялся рѣшеніемъ вопроса, куда ему идти? Вопросъ былъ довольно затруднителенъ, потому что, пробывъ лѣтъ шесть въ Запорожьѣ, онъ посѣщалъ нѣкоторыя части Руси, но въ Рѣчи Посполитой никогда не являлся; послѣдніе же два года онъ безвыѣздно оставался въ Сѣчи, исполняя должность гетмана. Въ Краковѣ ужъ у него не было знакомыхъ и дру-

зей. Наконецъ онъ припомнилъ Флоріанскую улицу, почти противуположную Брацкой.

— А, подумалъ онъ, вѣроятно Фалендышъ еще живъ, а если его ужъ нѣтъ, то винарія вѣроятно еще существуетъ. Тамъ когда-то можно было увидѣть весь Краковъ.

Казимиръ отправился къ Флоріановскимъ воротамъ и скоро очутился въ залѣ, гдѣ напелъ немалое число посѣтителей, сидѣвшихъ за столами, на которыхъ красовались бутылки и маринованная рыба. Онъ съ перваго взгляда узналъ хозяина, одѣтаго въ герцогское польское платье, съ саблей и салфеткою за поясомъ, занятаго своими гостями. Онъ наливалъ вино въ небольшие бутылки тремъ сенаторамъ, рассказывая имъ біографію этого вина, его цѣлебныя свойства; испытанныя имъ самимъ. Сенаторы вѣрили ему и пили охотно и опустошали бутылку за бутылкою, съ помощію самого хозяина, также ревностнаго поклонника Вакха.

Пока онъ былъ такимъ образомъ занятъ, панъ Казимиръ не шѣшалъ ему; но когда онъ отошелъ отъ сенаторовъ, приблизился къ нему и сказалъ:

— Сто лѣтъ ужъ мы не видѣлись; вѣроятно не узнаете меня?

— Напротивъ, какъ мнѣ васъ не узнать.

— Кто-жъ я?

— Вы шутите; но я васъ сейчасъ узналъ. Чѣмъ могу вамъ служить?

— Сейчасъ скажу, скажите прежде, кто я?

— Вы? Вы... но вы, кажется, меня испытать хотите?

— Не хочу мучить васъ; конечно, вы меня забыли; мы не видѣлись уже нѣсколько лѣтъ. Я—Казимиръ Мрочекъ.

— Ахъ, какъ же я радъ, что вижу васъ здоровыми. Какъ вы поправились! Я, вѣдь, отлично знаю пана хорунжаго, вашего родителя; я ему ужъ тридцать лѣтъ служу. Еще на прошлой недѣлѣ я отправилъ ему транспортъ вина въ Зборово. Вы очень похожи на пана хорунжаго; какъ я его узналъ, онъ былъ такой же, какъ вы. Позвольте вамъ предложить рыбки и вина, которое пьетъ панъ хорунжій, зеленоватое съ перчикомъ.

Въ это время въ залу шумно вошелъ молодой человекъ, въ красной бекешѣ, обшитой золотыми позументами, и направился на середину залы, гдѣ стоялъ хозяинъ съ Казимиромъ. Фалендышъ почувствовалъ довольно сильный толчокъ въ бокъ и уже хотѣлъ было сдѣлать замѣчаніе о слишкомъ размашистыхъ манерахъ, но, увидѣвъ пришедшаго, униженно поклонился.

— Езекиель! Казимиръ! вскрикнули въ одинъ голосъ молодые люди и заключили другъ друга въ объятія.

— Ну, любезный другъ, заговорилъ Езекиель, выпуская Казимира; ты столько разъ меня угощалъ, позволь же мнѣ угостить тебя. Панъ Фалендышъ! но взгляни на него, Казимиръ, онъ, кажется, именно созданъ для того, чтобъ торговать виномъ, настоящій Вакхъ и рожа какъ у Сидона.

— Папъ хорунжій шутить изволить; мнѣ пріятно видѣть, что вы всегда такъ веселы.

— Подай-ка намъ нѣсколько кусковъ рыбы и бутылочку винца, знаешь, того, которое я люблю.

— Какъ-только одну?

— Да, подавать по одной; всѣ пробки буду прятать въ карманъ; а когда, какъ ты нахитнулъ на счетъ пять бутылокъ. Счастье твое, что я угощалъ нава Рака, маршала двора графа Тенчинскаго; я постыдился его и заплатилъ; будь кто другой со мною, я бы тебѣ венокъ отсчиталъ, а не червонцевъ.

— Какъ можно говорить такія вещи! Вѣдь я не жидъ, чтобъ насчитывать. Мнѣ расположеніе ваше дороже денегъ.

— Ну, ну! знаю я ваше безкорыстіе. Ступай, дѣлай, что сказано. Фаворитъ ушелъ и вскорѣ возвратился. Мальчикъ накрылъ столъ и поставилъ кушанье, а хозяинъ — бутылку, въ полной увѣренности, что она не будетъ послѣдняя.

Началась брѣда, требовавшая постоянного смачиванія.

— Я слышалъ, началъ Казимиръ, ты сдѣлался богатымъ помещикомъ.

— Да, въ родѣ того. Люди мнѣ завидуютъ, потому что видятъ на мнѣ богатую бекешу, и не знаютъ, чѣмъ она подбита.

— Такъ, говорятъ, что нѣтъ добра на свѣтѣ безъ *но*; хотѣлось бы мнѣ знать, какое у тебя *но*.

— Долго пришлось бы толковать. Какъ мы разстались и я сталъ на ноги, не хотѣлось мнѣ оставаться въ корчмѣ и ждать васъ, потому что, говоря по правдѣ, я не хотѣлъ снова встрѣтиться съ тобою — ты уговорилъ бы меня остаться при Самуилѣ Зборовскомъ, а у меня до сихъ поръ лежитъ камнемъ на сердцѣ, что онъ меня сбросилъ съ коня; удивительно, какъ я не сломилъ шею! Графъ Тенчинскій давно уже приглашалъ меня къ себѣ; я съ Свиридомъ сѣлъ на коней и поѣхали прямо къ Кракову, въ имѣніе графа Кржесовицъ. Меня отлично приняли и онъ меня задѣлъ за такую живую струну, что я остался у него.

— И служба должно быть пріятна у добраго господина?

— Такъ себѣ! Какъ всегда при барскомъ дворѣ: всякаго слушай, никому не возражай, ни отчего не отговаривайся. Графиня хороша и умна, но набожна, а я диссидентъ, такъ ужъ впередъ можно сказать, что не пойдетъ хорошо. Тутъ я узналъ, что отецъ умеръ, а черезъ нѣсколько дней, что и мать умерла — тамъ была какая-то зараза.

— Счастье еще, что ты, не бывши при смерти родителей, получилъ наслѣдство.

— Тамъ добиралось было до сундуковъ, но у меня были друзья. Тѣ позаботились обо мнѣ. Жена эконома, да тривольные казака, которые съ дѣтства служили отцу, не допустили до сундуковъ. Имъ предлагали подѣлиться, но они все таки устояли, потребовали приходскаго священника, пастора, опечатали все и перенесли въ церковь; тамъ два казака сторожили деньги, а третій поѣхалъ въ Кржесовицы дать мнѣ

знать. Я сейчас поѣхалъ, графъ далъ мнѣ людей, чтобъ бевопаснѣе было ѣхать назадъ.

— Что жъ ты получилъ?

— Да порядочныя деньги. Но вначалѣ не мало было расходовъ. Эконому нужно было дать, потому что изъ-за меня его жена повородила съ кассиромъ и онъ долженъ былъ оставить мѣсто; о казакахъ тоже надо было подумать — теперь сидятъ на моей землѣ; нужно было дать священникамъ, а наконецъ помириться съ генеральнымъ кассиромъ. Вотъ этотъ негодяй меня ограбилъ.

— Какъ такъ?

— А такъ. Я узналъ, что онъ хотѣлъ было взять мои сундуки, и, не говоря дурнаго слова, схватилъ его на рынкѣ и велѣлъ своимъ людямъ вздрать его. Какъ бы то ни было, дворянинъ служить Зборовскимъ, началъ меня страшить что будетъ жаловаться; нечего было дѣлать, радъ не радъ, плати. Да сколько? Не скоро и сосчитаешь. Когда я привезъ деньги въ Кржесовицы, графъ оказалъ мнѣ самое дружеское, отцовское вниманіе. Онъ сказалъ: у васъ наличныя деньги разлетятся, а дворянину нуженъ клочокъ земли. У него были двѣ деревни, которыя не прилегали къ другимъ его имѣніямъ, онъ предложилъ мнѣ купить ихъ. Въ этихъ дѣлахъ ты знаешь я неопытенъ; Свиридъ говорилъ, что имѣніе порядочное; я во всемъ положился на графа и не имѣю причины жаловаться.

— Если такъ, то ты уже житель Руси.

— Не совсѣмъ. Хотя тамъ точно веселѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, но я здѣсь недалеко отъ Кракова купилъ деревушку и въ ней живу; въ Руси я бываю рѣдко, какъ гость.

— А кто же тамъ хозяйничаетъ?

— Свиридъ и еще кто-то.

— Кто же именно?

— Жена.

— Такъ ты женился!

— Да.

— Вотъ чего никакъ не ожидалъ.

— И я самъ тоже не ожидалъ и какъ случилось—не вѣдаю.

— Ты влюбился?

— Избави Богъ! я ее терпѣть не могъ; никогда двухъ словъ не говорилъ съ нею.

— Расскажи, пожалуйста.

— Что тутъ рассказывать! Ну, а впрочемъ, куда не шло (NB нанъ Езекиель спрятали въ карманъ уже четвертую пробку). Слушай—*infandum Casimiro, jubes renovare dolorem*. — Ты не знаешь и представить себѣ не можешь, что значать деньги на свѣтѣ. Лѣтъ только я сталъ осѣдлымъ дворяниномъ, на меня начали совершенно иначе смотреть. Всякій кланяется первый; чего моя сабля не могла сдѣлать, то сдѣлали деньги. Это дьявольская вещь—деньги;

она дѣйствуетъ не только на того, кто въ ней нуждается, но и на того, у кого своихъ довольно.

— Ты сталъ, какъ вижу, философствовать.

— Женись, такъ и ты станешь философомъ. Вотъ школа! великая школа! *Vexatio dabit intellectum*, сказано въ святомъ писаніи. Отъ того я и не довѣряю вашимъ ксендзамъ, они не женаты и потому судить не могутъ о дѣлахъ, какъ должно. Но въ сторону это. Живу, какъ видишь, при дворѣ графа; всѣ товарищи прислуживаются мнѣ, и неудивительно: всегда пріятно имѣть человека, которому можно сказать: одолжи деньжонокъ. Но графиня Тенчинская, сенаторша, у которой годовой доходъ вдвое больше всего моего состоянія, могъ ли я на нее произвести какое нибудь впечатлѣніе? Вообрази, и она перемѣнилась, совсѣмъ иначе стала говорить со мною. Ты знаешь, что было тамъ множество дѣвицъ, въ томъ числѣ панна Варвара Старовойская; считали ее родственницею Тенчинскихъ, а въ сущности такъ, двадцатая вода на киселѣ. Какъ бы то ни было, когда была въ милости у своей госпожи и считалась очень умной.

— Теперь знаю, въ чемъ дѣло. Ты началъ ухаживать за нею.

— Нисколько! и не думалъ никогда. Увидѣвши ее въ первый разъ, только подумалъ, что еслибы мы вдвоемъ остались на свѣтѣ, то людей ужъ больше не было бы.

— Но, вѣроятно, она нодурна собой?

— Пусть ослабнѣетъ тотъ, кто лучшей не видѣлъ: тощая, кривобокая!

— Какъ же ты женился? Не по принужденію же?

— Подписавалось все это какъ-то странно, что самъ хорошо сообразить не могу. Было передъ самыми выборами; я только что купилъ имѣніе. Графъ угощалъ дворянъ изъ краковскаго воеводства; послѣ обѣда начались танцы. Я былъ тоже, какъ помѣщикъ краковскій, владѣтель Космыржева; незадолго передъ тѣмъ я купилъ чинъ хорунжаго въ полку графскаго брата. Пили хорошо, я отъ этого непрочь—да вотъ и здѣсь опять пусто. Фалендышь, дай еще три бутылки, пробки сюда и убирайся себѣ, не подслушивай. Я всталъ изъ-за стола немножко пьяный. Въ одной комнатѣ начались танцы, а въ другой продолжали пить. Только вижу панна Варвара сидитъ одна, между тѣмъ, какъ всѣ другія дѣвочки танцуютъ. Чѣмъ какъ-то жаль ея стало. Чортъ меня дернулъ пригласить ее къ танцу.

— Понимаю, ты пустился съ нею въ разныя объясненія.

— Избави Богъ; я ждалъ только конца и не посмотрѣлъ даже на свою даму. Наконецъ танецъ кончился; я пошелъ и предложилъ тостъ за чье-то здоровье, уже не помню, за чье; это меня еще больше подкосило. Я сѣлъ въ уголокъ возлѣ пана Рака. Тутъ дамы стали выбирать кавалеровъ, а панна Варвара прямо ко мнѣ, сдѣлала кивокъ и поврла меня. Помню, что говорила что-то во время танца, а ей отвѣчалъ, но что, хоть убей, не помню. Когда перестали танцевать, мы сѣли рядомъ, она по доброй волѣ, а я потому, что на ногахъ не могъ держаться. Теперь смотри, что изъ этого вышло. На

другой день все меня поздравляют, говорят, что я сдѣлать предложение родственницѣ графа и мнѣ не отказали. Я не знаю, что это значитъ, начинаю сердиться; вдругъ зовутъ меня къ графинѣ. Иду, панъ Ракъ со мною. Нахожу графа, графиню и панну Варвару. Графиня выступила очень важно: вы, говоритъ, сдѣлали предложение въ присутствіи пана Рака и какъ панна Варвара не можетъ сомнѣваться въ вашей привязанности, то я-де прошу графа, какъ, ей опекуну, дать свое согласіе и благословить васъ. Графъ начинается длинную орацію о нашемъ будущемъ родствѣ, панъ Ракъ свидѣтельствуешь, что я точно сдѣлать предложение. Мнѣ показались тутъ, что отступиться отъ словъ, сказанныхъ хоть въ пьяномъ впадѣ, не идетъ дворянину; ну и ввалился, какъ волкъ въ яму. Тутъ я началъ благодарить графа и графиню, а потомъ все пошло такъ скоро, что я одуматься не могъ. Была богатая свадьба, на счетъ графа; но ты представишь себѣ не можешь, что со мною дѣлалось, когда я велъ это чучело подъ вѣнецъ—и злость, и стыдъ, но назадъ идти уже нельзя было.—Вотъ тебѣ полная реляція о моей женитбѣ.

— Но все-таки я поздравляю тебя отъ души. Ты, вижу, совершенно здоровъ, жена у тебя хоть не красавица, но должно быть женщина добрая, чего же больше?

— Конечно, она добрая. Такъ по крайней мѣрѣ все думаютъ и многіе мнѣ завидуютъ. Но я не нахожу причины радоваться.

— Ты, какъ вижу, жены не любишь; жаль мнѣ ее.

— Вотъ тоже пріятель! жену жалѣешь, а не меня. Знай же, что это Иродъ-баба. Сейчасъ послѣ свадьбы велѣла отвезти себя въ Русь, я объ этомъ и не думалъ. Пріѣхала, все взяла въ руки, хоть сама ни копѣйки мнѣ не принесла. Оказалась страстной хозяйкой; вся прислуга, даже Свиридь, ее только и слушается. У меня только и есть много, что табунъ лошадей, и то каждый день платить, что выгоду отъ него никакихъ нѣтъ, а расходовать много. Счастье еще, что здѣсь у меня есть уголокъ; она тамъ, а я здѣсь. Три раза въ годъ ѡѣзжу туда посмотрѣть табунъ; она принимаетъ всегда хорошо. Дней десять побуду, потомъ начинается буря, обыкновенно изъ-за денегъ. Она мнѣ ничего не даетъ, говоритъ, что копить для нашего сына, сынъ у насъ Казимиръ, какъ ты, и по вашему крещенъ, такъ ей угодно было. Послѣ первой исторіи я собираюсь наизъять. Она набьетъ мнѣ брику всякою дрянью, надобѣтъ своими супружескими нѣжностями, проводить до перваго отдыха и возвращається домой, совершенно довольная; а я, еще болѣе довольный, тду сюда. Была бы она здѣсь, не пилъ бы я у Фалендыша.

— Summa summarum, ты совершенно счастливъ. Твоя жена женщина распорядительная, не надобѣтъ тебѣ ничѣмъ, даже излিশнею любовью. Однако мнѣ кажется страннымъ, что она, имѣя здѣсь родство, связи, живетъ въ Русь, а не здѣсь.

— Я былъ бы очень радъ, когда бы она переѣхала сюда. Я сейчасъ перенесъ бы свою резиденцію на Русь. Я тутъ съ горя сижу. Но она на столько умна, что умѣетъ остановиться на лучшемъ. Во-первыхъ, тамъ хозяйство большое, а она любить и умѣетъ запра-

влять. Во-вторыхъ, тамъ ее какъ сенаторшу принимаютъ. Родственница графини Тенчинской, была при дворѣ, имѣеть связи, вездѣ куда ни явится — первая. Тамъ къ ней ѣздить на поклонъ, какъ къ чудотворной иконѣ, идутъ съ вниманіемъ, а она баба гордая. Но до счастья еще далеко. На что я, хоть и не трусь, а въ своемъ собственномъ домѣ не умѣю до трехъ пересчитать. Стыдно это, а правда. Одно только, что эти имѣнія считаются моими, это дастъ нѣкоторый вѣсъ мнѣ; а выгоды отъ того никакой почти не вижу. Одною только простить себѣ не могу.

— Чего?

— Когда я купилъ имѣнія и чинъ, у меня осталось еще въ наличности нѣсколько денегъ. Отецъ думалъ обо мнѣ больше, чѣмъ о спасеніи своемъ, хоть и держалъ меня въ черномъ тѣлѣ. Впрочемъ онъ можетъ быть покоенъ, покоенъ, потому что панъ Краковскій завѣщаніемъ освободилъ его отъ всякихъ отчетовъ. Онъ умеръ шестнадцать недѣль спустя, послѣ смерти своего господина... Ergo conscientialem et legaliter я сдѣлалъ haeres bonorum... Чортъ знаетъ, что! языкъ не слушается. не могу сказать до конца. Негоднй Фаленъшъ далъ скверное вино; отъ хорошаго не забудешь того, что зналъ еще въ школѣ... Но, о чемъ я началъ говорить?

— О томъ, что простить себѣ не можешь...

— Да, да! Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, я увидѣлъ, что моя барыня все къ себѣ тянетъ. Думаю, плохо! Были у меня документки на разныхъ лицъ, я ихъ скрылъ отъ нея, вымѣнялъ ихъ на звонкую монету и спряталъ въ сундукъ. Скоро потомъ мы поѣхали въ Русь; сундучокъ я взялъ съ собою. Она замѣтила на дорожѣ, что я очень забочусь о сундучкѣ, начала допрашивать, что тамъ. Говорю: оружія, паццыръ, шлемъ, сабля, топоръ. Она, кажется, повѣрила, но чортъ меня дернулъ купить табунъ у пана Гиновскаго, тамошняго помѣщика. Эта покупка вышла мнѣ сокомъ.

— Какъ такъ?

— Гиновскій проговорился предъ женою, что я заплатилъ золотомъ. Пошли допросы, откуда у меня деньги, оказалось, что изъ сундука. Въ сундукъ. Я защищался, какъ могъ; разсердился, обругалъ при людяхъ, чуть было не поколотилъ. Она начала плакать; пошла обмороки, легла въ постель, а я, какъ дуракъ, сталъ просить прощенья. Бабы слезы—бѣда! А тутъ еще Свиридь сталъ говорить. Помирился наконецъ; и такъ у меня остался одинъ мѣшекъ, а остальное все порешло къ ней, и она отдала на проценты графу Тенчинскому. Я потѣпился нѣсколько времени своимъ стадою и возвратился въ Краковъ. Графъ говоритъ мнѣ: твоя жена тебѣ имѣние копить. Копить, говорю, да только мнѣ-то изъ того нѣтъ никакой пользы.

— Не будь у тебя такая жена, ты бы все уже промоталъ.

— Такъ-то такъ. Да все таки жаль мнѣ свободы. Ну, а ты какъ?

— Ничего, все идетъ по прежнему. У насъ въ Запорожьи денегъ довольно. Богъ дастъ, пана Самуила признастъ гетманомъ Рѣчь По-

сполитая, такъ и я буду не послѣдній въ Краковѣ... Чтожъ ты мнѣ не сказалъ, бываешь-ли у своихъ прежнихъ господъ?

— У Зборовскаго? нѣтъ; что мнѣ съ нимъ дѣлать. У меня одинъ теперь господинъ, на небѣ—Богъ, на землѣ король Генрихъ. А съ панами Тенчинскими я не слишкомъ церемонюсь. Вотъ на дняхъ я потребовалъ проценты; не хѣтѣлъ было платить, потому что вексель на имя жены. Но я ему сказалъ, что еще не отказывался отъ своего имѣнія въ пользу жены, долженъ былъ заплатить. А безъ этого, право, я не зналъ-бы, чѣмъ жить. Впрочемъ съ женою еще будетъ изъ-за него исторія... Послѣ завтра будетъ турниръ; кто побѣдитъ, получить лошадь и оружіе, а лошади будутъ цѣнныя. Ты не думаешь участвовать?

— Я опоздалъ. У пана Самуила списокъ уже полонъ; а стать съ противной стороны мнѣ не годится.

— Я очень радъ, что ты не будешь участвовать.

— Почему?

— Такъ; это видишь, плохія шутки. Лучше смотрѣть, чѣмъ подставлять лобъ. Не правда-ли?

— Я тебя не поминую; ты сказалъ, что очень выгодно и пріятно для дворянина, а теперь говоришь, что это нехорошая забава. Мнѣ казалось, что ты тоже будешь участвовать.

— Нѣтъ, и не думаю. Я сказалъ такъ, къ слову... Но я не хочу тебѣ мѣшать; у тебя вѣроятно есть дѣло съ паномъ Самуиломъ, ты съ нимъ давно не видѣлся, у меня тоже есть дѣло. Фалевдышъ, что слѣдуетъ? Здѣсь семь пробокъ. Семь золотыхъ—такъ?

— Совершенно такъ. Влагодарю за вниманіе. Прошу не забывать впередъ.

— Довольно этого впередъ—не правда-ли Казимиръ?

— Ты меня сегодня подкивалъ, позволь мнѣ отвѣтить тебѣ завтра.

— Согласенъ. Завтра въ это же время, здѣсь же. Послѣ завтра турниръ, а послѣ турнира опять за мною очередь, но уже не здѣсь, а у меня въ деревнѣ. Я покажу тебѣ мое хозяйство.

XVI.

На обширной равнинѣ, достигавшей до Клепара, виденъ былъ заборъ, занимавшій пространство въ нѣсколько сотъ сажень. Здѣсь долженъ былъ произойти турниръ. Заборъ былъ совершенно сплошной, такъ что тотъ, кто не былъ впущенъ къ середину, ничего не могъ видѣть. Простой народъ бродилъ вокругъ забора, прислушиваясь къ звукамъ, долетавшимъ изнутри. Рыцарское право не допускало другихъ зрителей, кромѣ дворянъ; изъ плебеевъ развѣ какой нибудь оруженосецъ, подъ предлогомъ необходимости служить своему господину, втирался въ галерею и то долженъ былъ назваться дворяниномъ. Исключеніе низшаго класса отъ подобныхъ зрѣлищъ происходило частью изъ дворянской гордости, частью изъ опасенія дурнаго глаза, колдовства и другихъ нечи-

стыхъ дѣлъ, которыми, по общему мнѣнію, занимались многіе простолюдины и особенно бабы. Побѣжденный рыцарь всегда готовъ былъ приписать свое несчастіе вліянію злаго духа, а не естественному превосходству противника. Вслѣдствіе этого обязанность судіи была весьма затруднительна.

Вокругъ амфитеатра выстроены были галереи, украшенныя богатыми коврами, предназначенныя для зрителей изъ дворянскаго рода. Внизу стояли оруженосцы и слуги сидѣвшихъ въ галереяхъ. Королевская галерея, отличавшаяся обширностію и богатствомъ, была украшена знаменами, на которыхъ соединялись польскій орелъ, погоня литовская и французскія лиліи. Уже зрители заняли свои мѣста, уже многіе рыцари съ опущенными забралами сѣли на коней, уже судьи сѣли на свои кресла, когда раздались пушечные выстрѣлы, звукъ трубъ и литавръ, возвѣщавшихъ прибытіе короля. Король ѣхалъ на бѣломъ конѣ съ черной гривой и хвостомъ. Это былъ даръ испанскаго короля, полученный Генрихомъ послѣ славной побѣды надъ Гугенотами при Жарнакѣ. Збруя богатствомъ и вкусомъ соответствовала цѣнности лошади. На сѣдлѣ, уздечкѣ и стременахъ красовались рубины, а на чепракѣ вышитъ былъ бѣлый орелъ съ одной стороны, а съ другой три лиліи, устѣянныя брилліантами. Самъ король, какъ и его свита, были одѣты въ обыкновенный тогда на западѣ костюмъ, нѣсколько похожій на испанскій и очень не нравившійся полякамъ. Онъ состоялъ изъ бѣлыхъ шелковыхъ панталонъ, красныхъ сапогъ съ широкими и короткими голенищами, бѣлаго атласнаго жилета, верхъ котораго покрывался воротникомъ изъ брабантскихъ кружевъ; изъ подъ него на золотой цѣпи спускалось испанское золотое руно; сверху этого надѣвался бархатный плащъ, а на головѣ была шапка, украшенная огромнымъ совинымъ перьями. За королемъ ѣхали придворные, князь Радзивилъ-Серотка, виленскій воевода, Мартинъ Зборовскій, Хоткевичъ, князь Висневецкій и другіе, мало уступавшіе королю въ богатствѣ одежды и цѣнности лошадей. Когда король со своей свитой въѣхалъ въ огороженное пространство, публика встрѣтила его восклицаніями, на что онъ отвѣчалъ поклономъ. Потомъ тихо подѣхалъ къ своей галерей и сѣлъ на приготовленное для него кресло; съ правой и съ лѣвой стороны сѣло нѣсколько дамъ; мушеры заняли заднія мѣста. Рядомъ съ королемъ сѣла княгиня Любомирская, вдова краковскаго воеводы, женщина пожилая, пользовавшаяся вниманіемъ короля, потому что во время Франциска I была въ Парижѣ; Конецпольская, Ляндкоронская, славившаяся красотой; но всѣ взоры невольно обращались къ Ваповской, явившейся съ двумя дочерьми, которыхъ можно было принять за ея младшихъ сестеръ. И мать и дочери были такъ прекрасны, что между ними трудно было бы сдѣлать выборъ.

Она происходила изъ незнатнаго и бѣднаго дворянскаго рода и вышла за мужъ за Ваповскаго противъ воли его родителей, но ушла такъ привязать къ себѣ свекра, что тотъ любилъ ее больше чѣмъ собственныхъ дочерей. Король Сигизмундъ, увидѣвъ ее во

Львовѣ, былъ такъ очарованъ ея красотой, что далъ мужу мѣсто въ сенатѣ единственно для того, чтобы привлечь ее въ столицу. Съ лѣтами она, кажется, вовсе не измѣнилась, потому что хотя у ней были дочери невѣсты, однако говорили, что король былъ къ ней черезъ чуръ внимателенъ и что, говоря съ нею, забывалъ о прекрасной принцессѣ, которой уже принадлежало его сердце и на которой онъ женился, какъ только вступилъ на французскій престолъ. Ваповская была женщина прозорливая и кто бы ни сидѣлъ на польскомъ престолѣ, она всегда умѣла приобрести вліяніе при дворѣ. Мужъ безусловно ей покорялся, потому что былъ ей обязанъ и высокими общественными положеніемъ и богатствомъ. И дѣйствительно кастеляну ничего не доставало кромѣ наследника, у него были только двѣ дочери, но онѣ были такъ прекрасны, такъ хорошо воспитаны, что родители смѣло могли надѣяться увидѣть ихъ за мужемъ за членами знаменитѣйшихъ фамилій въ королевствѣ. Старшая была помолвлена за Конецпольскаго Санотскаго старосту; младшую мать хотѣла было выдать за Самуила Зборовскаго, и употребляла къ тому всѣ усилія, но Самуилъ уже не могъ располагать своимъ сердцемъ. Долгое время онъ показывалъ видъ, что не понимаетъ намековъ Ваповской, а когда она объяснилась съ нимъ откровенно, онъ пересталъ бывать у ней. Съ другой стороны братья его и особенно маршалъ Коронный, привыкшіе къ болѣе знатному родству, не могли склонить Самуила къ этому браку. Между тѣмъ Ваповская, оскорбленная пренебреженіемъ къ дочерѣ и ея родитѣ, почувствовала нерасположеніе ко всему семейству Зборовскихъ и не пропускала ни одного случая, чтобы на дѣлѣ доказать свое нерасположеніе. Если король, не смотря на благосклонность къ Самуилу, откладывалъ рѣшеніе вопроса о русской булавѣ, это происходило столько же вслѣдствіе природной его лѣности, сколько вслѣдствіе интригъ Ваповской. Вудь Самуилъ ея зятемъ, она выхлопотала бы для него все на свѣтѣ, но теперь она обратила противъ него все свое вліяніе. Не имѣя возможности возбудить противъ него короля, она прибѣгнула къ другому средству. Узнавши, что изъ молодыхъ людей, прибывшихъ изъ Франціи, Вилларотъ былъ наиболѣе любимъ королемъ, она стумѣла внушить ему страсть къ своей Тайдѣ, рассчитывая весьма основательно, что любимецъ короля всегда будетъ къ нему приближенъ гдѣ бы онъ ни царствовалъ, въ Краковѣ или въ Парижѣ. Но не останавливали ни холодность дочери къ французу, ни его бѣдность; бывъ младшимъ братомъ представителя знатной французской фамиліи, онъ не владѣлъ никакимъ вліяніемъ, и если бы не вниманіе короля, долженъ былъ бы сдѣлаться духовнымъ или вступить въ Мальтійскій орденъ. Нужно было много мужества, чтобы побѣдить упрямаго кастеляна, который сначала и слышать не хотѣлъ о бракѣ дочери съ французомъ. Но чего не сдѣлаешь умная, пзворотливая женщина. Самъ король просилъ кастеляна руки его дочери для своего друга; и онъ не смѣлъ отказать. Отпраздновали обрученіе, послѣ чего кастеляну было предложено Книшинское староство и объявлено, что о приданомъ ау-

мать нечего, потому что пока король будетъ живъ, Вилларетъ и его жена ни въ чемъ нуждаться не будутъ.

Въ скоромъ времени хотѣли сыграть свадьбу. Тайда, все болѣе и болѣе привязывавшаяся къ своему будущему мужу, и теперь съ видимымъ безпокойствомъ слѣдила за рядами, въ которыхъ онъ долженъ былъ сражаться. Вилларетъ, какъ и его соотчичи, были вписаны въ отрядъ Самуила, и она утѣшалась тою мыслию, что ея женихъ не будетъ сражаться съ рыцаремъ, который считался самымъ страшнымъ, но это не могло ее успокоить: кромѣ Самуила не мало было такихъ рыцарей, которыми никогда не измѣняло оружіе. То страхъ, то надежда волновали грудь Тайды, и эти чувства такъ явно выражались на ея лицѣ, что ихъ нельзя было не замѣтить. Старшая сестра Елизавета спокойно глядѣла на ряды рыцарей, потому что ея женихъ былъ тогда посланъ къ крымскому хану и долженъ былъ возвратиться не раньше нѣсколькихъ недѣль, чтобы предъ алтаремъ присягнуть ей въ вѣрности до гроба.

Уже рыцари принесли присягу въ томъ, что не имѣютъ при себѣ ничего, что въ самой горячей схваткѣ остановятся при первомъ звукѣ трубы, что наконецъ всякій выполнитъ всѣ обязанности рыцаря. Судьями были воевода Опалинскій, кастелянъ Ваповскій и Тенчинскій, возлѣ нихъ стояли герольды въ богатыхъ одеждахъ...

По знаку, данному королемъ, герольды стали посреди плаца и одинъ изъ нихъ, по имени Саредъ, прочиталъ по латыни правила турнира, послѣ чего возвратились на свои мѣста.

Турниръ начался одиночными схватками; предводители партій сражались первые. Князь Янушъ былъ одѣтъ въ броню, которая блистала какъ зеркало. Самуилъ Зборовскій сверхъ латъ надѣлъ голубой шарфъ, уже извѣстный читателю. На его щитѣ вмѣсто герба красовалась самаандра въ лучахъ съ надписью: ими живу.

Два рыцаря бросились другъ на друга и при первомъ столкновении копья ихъ разлетѣлись въ дребезги; но ни тотъ, ни другой даже не пошатнулся. Они возвратились на свои мѣста при громкихъ крикахъ одобренія всей публики.

Послѣ нихъ выступили другіе. Вилларетъ сошелся съ Тарло и побѣдилъ его; тогда со стороны Радзивила выѣхалъ панъ Завиша и сѣдлалъ Пардаліона, за котораго отмстить хотѣлъ Креки, но былъ сбитъ Грабовскимъ. Пану Векешу удалось сбить пана Гурскаго, одного изъ лучшихъ рыцарей въ отрядѣ князя. Но вообще счастье равно благопріятствовало обѣимъ сторонамъ. Изъ двадцати четырехъ рыцарей оставалось на той и на другой сторонѣ только по пятнадцати, потому что, по условію турнира, сбитый съ сѣдла рыцарь уже лишался права участвовать въ битвѣ.

Сѣдлаемые молча стояли въ сторонѣ, опустивъ печально головы; но король, чтобы ободрить ихъ, пригласилъ въ свою галерею и осыпалъ ихъ ласковыми словами, отдавая справедливость ихъ мужеству и несомнѣнной отвагѣ.

Послѣ одиночныхъ стычекъ, началась общая битва, въ которой каждый могъ употреблять какое вздумается оружіе. Тридцать рыца-

рей бросились другъ на друга. Шумъ оружія, рѣзкіе удары, топотъ, сливались въ общій шумъ, страшный для непривычнаго уха. Вначалѣ казалось, счастье было на сторонѣ Самуила, потому что онъ лишился только трехъ товарищей, между тѣмъ какъ изъ рядовъ Радзивила вышло пять раненыхъ; но вскорѣ силы сравнялись. Въ то время, когда панъ Самуилъ началъ отчаянную битву съ паномъ Завишюй, гигантская сила котораго въ настоящее время показалась бы баснословною, а нѣсколько рыцарей удерживали въ сторонѣ князя Радзивила, порывавшагося подать помощь Завишю, одинъ изъ его рыцарей, не принимавшій участія въ одиночныхъ схваткахъ, бросился въ самую середину боя.

Станиславъ Мышковскій, родственникъ Зборовскихъ, юноша, только что начинавшій свое рыцарское поприще, первый палъ отъ его руки. Незнакомый рыцарь ударилъ его мечомъ по спинѣ и разрубилъ ремень, соединяющій плечъ съ панцыремъ; кровь брызнула и бѣдный юноша упалъ безъ чувствъ на песокъ. Французъ Монморанси хотѣлъ отомстить за товарища, и ударилъ его по головѣ такъ сильно, что плечъ вогнулся; но рыцарь и не пошевелился. Онъ бросилъ мечъ и топоромъ угодилъ француза въ грудь; тотъ не выдержалъ удара, повалился на задъ лошади, а рыцарь, не давъ ему времени подняться, столкнулъ его съ лошади рукою. Монморанси упалъ, поднялся на ноги: но устоять не могъ. Кровь хлынула у него изъ горла.

Крикъ одобренія послышался со всѣхъ галлерей, а князь Янушъ воспользовался замѣшательствомъ и поспѣшилъ на помощь Завишю. Къ счастью, еще не было поздно, хотя безостановочные удары пана Самуила значительно ослабили его противника.

Побѣда неизвѣстнаго рыцаря дала перевѣсъ сторонѣ Радзивила. Противная сторона начала уже отступать, не смотря на чудеса храбрости Вилларета, Бекени и пана Потоцкаго, старавшихся удерживать нападающихъ. Самуилъ, замѣтивъ отступленіе, оставилъ Завишу и Радзивила и поспѣшилъ къ своимъ на помощь. Однимъ ударомъ онъ повалилъ Наленча, потомъ Римвида, что принудило нападающихъ отступить.

Снова началась страшная битва. Самуилъ искалъ неизвѣстнаго рыцаря и уже приближался къ нему, когда предъ нимъ явился князь Янушъ. Онъ съ радостью принялъ этотъ вызовъ, оставивъ на полѣ рыцаря, на щитѣ котораго не было никакого знака, облачающаго его достоинство или фамилію. Два предводителя, славные порою и дѣлами, обратили на себя общее вниманіе. Въ королевской галлерей всѣ были за Самуила Зборовскаго, кромѣ князя Серотки и пани Ваповской, которые съ удовольствіемъ увидѣли бы его побѣжденнымъ. Мечи скрещивались, наносили удары, такіе, что искры сыпались; но никто не уступалъ. Всѣ взоры были прикованы къ двумъ богатырямъ; на битву ихъ товарищей никто не обращалъ вниманія, хотя и они сражались, кажется, не на животъ, а на смерть.

Уже изъ обонихъ отрядовъ осталось по нѣсколько человѣкъ; всѣ другіе, раненные или избитые, были отнесены своими слугами въ галлерей или сданы лекарямъ. Въ то время, какъ сражались предводители, въ сторонѣ отъ нихъ молодой Жолкевскій, которому впоследствии суждено было обезсмертить себя подѣ Кюзаномъ, неизвѣстный рыцарь и панъ Новодворскій бились съ оставшимися изъ отряда Самуила четырьмя бойцами: паномъ Цотоцкимъ, Грабовскимъ, Бекешемъ и Вилларетомъ.

Между тѣмъ Самуилъ Зборовскій и князь Радзивилъ не оставляли оружія. Уже становилось замѣтно, что послѣдній началъ ослабѣвать; замѣтилъ это и Самуилъ. Желая окончить скорѣе и зная, что лошади князя не такъ легка, какъ его, началъ ѣздить вокругъ него, чтобы утомить коня. Но послѣ нѣсколькихъ туровъ Самуилъ, призвавъ на помощь всѣ свои силы, ударилъ мечомъ своего противника по головѣ такъ сильно, что шлемъ раздвоился и открылъ блѣдное и изнуренное лицо. Самуилъ, не давая ему отдохнуть, бросился къ нему съ быстротою молніи, намѣреваясь руками снять его съ коня. Но неизвѣстный рыцарь, сражавшійся особю, не упускалъ изъ виду своего предводителя. Увидѣвъ, что ему грозитъ опасность, онъ напалъ сзади на Зборовскаго и схватилъ его за шлемъ; Зборовскій принужденъ былъ выпустить изъ рукъ Радзивила и спасся только тѣмъ, что внезапно прищпорилъ коня, который прыгнулъ и такимъ образомъ освободилъ своего сѣдока изъ рукъ противника. Князь воспользовался этой минутой, поспѣшно подбѣжалъ къ своимъ оруженосцамъ, которые надѣли на него новый шлемъ.

Самуилъ теперь обратилъ весь свой гнѣвъ на рыцаря, который во второй разъ отнял у него побѣду. Между ними началась битва самая упорная и уже не на мечахъ, а на топорахъ. Зрѣлище это было совершенно новое для короля. Онъ былъ нѣсколько опечаленъ, видя, что всѣхъ его французовъ, за исключеніемъ одного Вилларета, ссадили съ коней. Замѣтивъ, что князь Радзивилъ, надѣвъ новый шлемъ, спѣшилъ на помощь къ Жолкевскому и Новодворскому, онъ очень встревожился за судьбу Вилларета и далъ сигналъ, чтобы всѣ окончили битву кромѣ Самуила и неизвѣстнаго рыцаря.

Рыцари сошли съ коней и были приглашены королемъ въ его галлерей. Снявъ шлемы, они вошли туда и были встрѣчены ласковымъ привѣтомъ и похвалами короля. Но когда Вилларетъ приблизился къ Тайдѣ, чтобы поблагодарить ее за побѣду, которую онъ приписывалъ добрымъ желаніямъ своей новѣсты, казалось, онъ употреблялъ для этого послѣднія усилія; когда же онъ преклонилъ предъ нею колѣна и поцаловалъ ея руку, силы ему измѣнили и онъ упалъ безъ чувствъ у ея ногъ. Самъ король поспѣшилъ къ нему на помощь и приказалъ отнести его въ замокъ.

Между тѣмъ, Самуилъ съ неизвѣстнымъ рыцаремъ продолжалъ упорную борьбу. Силы ихъ, казалось, были совершенно равны. Частые удары топоровъ по латамъ и шлемамъ походили на стукъ кузнечныхъ молотовъ, но упорство и сила бойцовъ, казалось, не уменьшались. Лопади ихъ покрыты были пылью; уже не разъ про-

силы короля остановить сражающихся; но совершенно неожиданное обстоятельство возбудило общее удивленіе. Самуилъ, потерявшій уже терпѣніе, бросилъ топоръ и, обхвативъ своего противника обѣими руками, силится снять его съ коня; но тотъ уцѣпился за плечо и повисъ на немъ; хотя онъ самъ упалъ съ лошади, но стянулъ за собою и Самуила. Самуилъ всталъ первый и съ обнаженнымъ мечомъ бросился на лежащаго противника. Тотъ хотѣлъ было защищаться, но мечъ его такъ глубоко врылся въ землю во время паденія, что вытащить его было невозможно. Самуилъ колѣномъ придавилъ его къ землѣ и, взявъ кинжалъ, крикнулъ: проси пощады, не то я тебя зарѣжу.

Тутъ раздался сигналъ. Судьи приближали, чтобы освободить подавленного рыцаря, который долженъ былъ, по тогдашнимъ обычаямъ, снять шлемъ, чтобы побѣдитель могъ узнать его. Самуилъ узналъ въ побѣжденномъ Езекіеля Здору, и вмѣсто того, чтобы показать уваженіе къ рыцарю, надъ которымъ побѣда стоила ему столькихъ трудовъ, бросилъ на него презрительный взглядъ и, обратясь къ графу Тенчинскому, бывшему судьей турнира, сказалъ: сами вы не осмѣлились биться со мною, а выслали моего слугу; но вы вашей собственной спиною отвѣтите мнѣ за эту обиду.

Такое оскорбленіе всего шляхетскаго сословія возбудило общій ропотъ негодованія. Панъ Здра, такой же рыцарь, какъ и Зборовскій, кричали одни. Хотя онъ и служилъ у графа Тенчинскаго, кричали другіе, но тѣмъ не оскорбляетъ своего достоинства; лучше служить при дворѣ сенатора, чѣмъ предводительствовать шайкой разбойниковъ въ Запорожьѣ. Иные еще громче кричали: панъ Зборовскій оскорбилъ не только одного Здору, но все сословіе; а мы себя обидѣть не позволимъ. Если панъ гетманъ запорожскій такъ помыкаетъ шляхтой, которая, не имѣя собственнаго хлѣба, служить у тѣхъ кто богаче, мы объявляемъ безчестнымъ всякаго, кто будетъ ему служить.

Нѣсколькими неосторожными словами Самуилъ въ одно мгновеніе лишился популярности у шляхты. Братья его, маршалъ коронный, замѣтивъ опасность, угрожающую его дому, вошелъ въ королевскую галерею и началъ уговаривать брата, чтобы онъ извинился передъ Здорой. Но гордый гетманъ не только не послѣдовалъ этому совѣту, но презрительнымъ взглядомъ окинулъ ряды шляхты, какъ бы вызывая ихъ на бой, и не переставалъ осыпать упреками графа Тенчинскаго, не взирая на его сенаторское достоинство. Все это еще болѣе раздражило противъ него толпу.

XVII.

Согласно правамъ и обычаямъ рыцарскимъ, Самуилъ Зборовскій объявленъ былъ побѣдителемъ турнира и получилъ въ награду отъ короля брильянтовый знакъ высокой цѣнности. Однакожъ побѣда его была не безусловна: предводитель противной стороны и всѣ

уцѣлѣвшіе рыцари не могли быть признаны побѣжденными. Поэтому король награждалъ и тѣхъ, и другихъ. Князь Янушъ получилъ того коня, на которомъ король прѣхалъ на турниръ, и которому, по мнѣнію генерала Гумецкаго, не было равнаго во всей Рѣчи Посполитой. Лошади высокой цѣнности, золотыя цѣпи, дорогія шубы и ковры были наградою рыцарямъ; а чтобы оказать имъ еще большую честь, король пригласилъ ихъ къ своему столу. Но не всѣ могли воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Надо знать, что на этомъ турнирѣ было не мало раненыхъ; одинъ былъ убитъ на мѣстѣ, а двое умерли черезъ нѣсколько дней на рукахъ медиковъ. Это возбуждало неудовольствіе большинства, и духовные сановники объявили, что тотъ, кто осмѣлится возобновлять подобныя игрища, уже запрещенныя папой, будетъ отлученъ отъ церкви и всѣ зрители будутъ подвержены общей епитеміи.

Люди приближенные къ королю и знакомые съ духомъ польской шляхты, въ томъ числѣ и маршалъ Коронный, старались уговорить его, чтобы онъ слишкомъ большимъ вниманіемъ къ Самуилу Зборовскому не раздражалъ еще болѣе народъ. Они совѣтовали ему быть ласковымъ къ рыцарямъ противной стороны и особенно къ Здорѣ, котораго шляхта вынесла на рукахъ съ турнира, единственно для того, чтобы показать свое неудовольствіе къ Самуилу. Король приказалъ пригласить его къ своему столу, говорилъ съ нимъ. Къ счастью Здора былъ довольно силенъ во французскомъ языкѣ—ве щадилъ похвалъ его мужеству и искуству и наконецъ надѣлъ на него золотую цѣпь, въ три фунта вѣсомъ. Здора преклонилъ колѣна и поцѣловалъ королевскую руку, не обращая вниманія на горделивые взгляды Самуила. Онъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ; онъ получилъ цѣпь отъ короля, судьи приговорили ему въ награду три лошади и три вооруженія, а сверхъ того ему удалось Самуила Зборовскаго стянуть съ лошади; этого было достаточно, чтобы почувствовать себя на верху блаженства. Шляхта толковала, что еслибы мечъ Езекиеля не вбился въ землю, то онъ непремѣнно побѣдилъ бы Зборовскаго. Это мнѣніе, повторявшееся повсюду, столько же тѣшило Здору, сколько раздражало Зборовскаго, тѣмъ болѣе, что король отдавалъ справедливость его сопернику.

— Наши французы, говорилъ онъ публично Вилларету, не должны стыдиться, потому что никогда не имѣли дѣла съ подобными бойцами. Ваша сторона, благодаря Зборовскому, одержала верхъ; но и Зборовскій долженъ согласиться, что никогда не состязался съ болѣе достойнымъ его противникомъ.

— Можетъ быть, ваше величество, сказалъ панъ Езекиель, побѣда еще дороже стоила бы господину кастелянницу краковскому, еслибы я могъ свободно пользоваться своимъ оружіемъ.

— Не первый разъ, сказалъ Самуилъ, едва удерживая гнѣвъ, я встрѣчаюсь съ тѣмъ, кто былъ прежде слугою моего дома, и всегда не знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло. Однако-жъ вы, можетъ быть, забыли, что въ Руси, когда вы изволяли нападать на безоружныхъ

пилигримовъ, ваша сабля не вбилась въ землю. когда я васъ однимъ толчкомъ сбросилъ на землю.

— Господинъ кастеляницъ вѣроятно забылъ, отвѣчалъ Здора, что этихъ безоружныхъ пилигримовъ провожалъ цѣлый полкъ. Я принимаю конечно ваши слова за одну только шутку, тѣмъ болѣе, что вы сами изволите начальствовать такой шайкой, которая живетъ не торговлею, не земледѣліемъ, и не гнушается промысломъ съ оружіемъ въ рукахъ на большихъ дорогахъ.

— Еслибы не присутствіе его величества, отвѣчалъ Самуилъ, пылая гнѣвомъ, то эти слова ваши были бы послѣдними.

Маршалъ коронный, слышавшій этотъ разговоръ, поспѣшилъ прервать его и предложилъ тостъ за здоровье короля; всѣ встали и опорожнили свои чаши. Послѣ того всталъ король и выпилъ за благоденствіе своихъ подданныхъ и въ особенности за здоровье рыцарей, сражавшихся вчера на турнирѣ.

Послѣ обѣда всѣ ушли, кромѣ немногихъ приближенныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и панъ Самуилъ.

Панъ Езекиель пошелъ въ домъ графа Тенчинскаго, гдѣ была его краковская квартира, и немедленно приказалъ везти себя въ Космыржово. Были три причины такого поспѣшнаго отъѣзда: первая, чтобы поскорѣе увидѣть своихъ лошадей и вооруженіе, полученные на турнирѣ; во вторыхъ—Казимиръ обѣщалъ пріѣхать къ нему на другой день; въ третьихъ, у него болѣли всѣ кости и правый бокъ былъ совершенно синій. Поэтому, пріѣхавъ домой, онъ, по обычаю того времени, приказалъ немедленно пустить себѣ кровь, выпилъ потогоннаго чаю и заснулъ богатырскимъ сномъ. На другой день онъ выкупался въ прудѣ и тѣмъ окончилъ леченіе. Дѣйствительно, послѣ всего этого онъ чувствовалъ себя такимъ свѣжимъ, что, можетъ быть, готовъ былъ бы вступить опять въ бой, особенно еслибы предвидѣлъ такую богатую награду, какую уже получилъ.

Первымъ дѣломъ пана Езекиеля было посѣтить конюшню, гдѣ приказалъ послать себѣ постель, потому что считалъ, какъ и всѣ въ то время считали, воздухъ конюшни полезнымъ для здоровья. Лежа на высокой кучѣ сѣна, онъ съ гордостью смотрѣлъ на трехъ верховыхъ лошадей, которыми обогатилась его конюшня. Онъ приказалъ провезти ихъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ, осмотрѣлъ ихъ со всѣхъ сторонъ и остался ими очень доволенъ и въ особенности тую, которая досталась ему послѣ пана Мышковскаго. Онъ внутренне сожалѣлъ, что не было при немъ Свирида, отличнаго, по его мнѣнію, знатока въ лошадяхъ: мѣсто Свирида занималъ его конюшій, бѣдный шляхтичъ, недавно опредѣлившійся къ нему на службу, панъ Шершенъ, болтунъ, льстецъ, нѣсколько коновалъ, нѣсколько берейторъ, начинавшій уже пріобрѣтать вліяніе на своего господина; надо замѣтить, что панъ Езекиель, при всемъ своемъ упрямствѣ, всегда подчинялся кому-нибудь.

— Ну, что-жъ ты скажешь объ этой лошади? Я слышалъ, что такъ себѣ, кляча? спросилъ Здора своего конюшаго.

— О нѣтъ! это такой конь, что хоть бы подъ короля; притомъ онъ и не дорого вамъ стоитъ.

— Не дорого! Ты спроси мои кости: онѣ тебѣ скажутъ, дорого ли. Правда, я работалъ не даромъ; лошаденки, нечего сказать, порядочныя, и вооруженіе не дурно; вотъ наприимѣръ отъ Мышковскаго—вѣдь это порядочное имѣніе.

— Да, у графа Тенчинскаго не найти такого.

— Правда, я такого дорогаго не видѣлъ въ Крешевичахъ, хоть графъ Тенчинскій и магнатъ, а я бѣдный шляхтичъ. Можно сказать, что тотъ, кто заработалъ собственными руками такое вооруженіе, какъ у меня теперь, не даромъ жилъ на свѣтѣ. Вѣдь въ лешяндской войнѣ у меня было все вооруженіе съ Зборовской фабрики, такое, что я хотѣлъ было бросить его къ чорту и биться съ открытымъ лбомъ. Но мнѣ удалось свалить одного меченосца; его панцырь и шлемъ припились мнѣ какъ разъ; я надѣлъ ихъ, а прежніе свои проигралъ въ кости. А эта цѣпочка? вѣдь и ее тоже не поднимешь.

— Это не только богатство, но и честь великая. Вы теперь Eques Auralus, а въ Германіи каждый Eques Auralus имѣетъ свободный доступъ къ императору.

— Вообрази, я этого не зналъ, хоть меня и учили въ Зборовской школѣ. Ты, какъ вижу, не такъ глупъ, какъ кажется. Слушай же теперь: съ этою лошадью отъ Мышковскаго я и не думаю разставаться, хотя бы за нее давали мнѣ два имѣнія. На чорта мнѣ земля! Еслибъ они и увеличили хозяйство, моя барыня сейчасъ прикатитъ сюда и все заберетъ въ свои лапы. Но тѣхъ двухъ постарайся продать, потому что проценты, которые я взялъ у Тенчинскаго, уже приходятъ къ концу, а безъ наличныхъ денегъ плохо на свѣтѣ. Если распорядишься хорошо, и на твою долю перепадетъ малая толика.

— О! можете быть покойны. Нынче въ Краковѣ добрый конь, что хлѣбъ въ осажденномъ городѣ. Положитесь на меня, все будетъ сдѣлано. Ну и вамъ они не даромъ достались; я видѣлъ, что вы выдѣлывали. Князю Радзивилу приходилось ужъ очень плохо, и еслибъ не вы, онъ не получилъ бы бѣлаго коня.

— Такъ ты замѣтилъ, какъ я схватилъ за шлемъ пана Самуила? Не дай онъ шпоры во время, былъ бы въ моей конюшнѣ и его конь, за котораго онъ заплатилъ пану Бекешу гору золота; а жаль, пригодился бы. Однако нечего говорить, и пане Самуилъ дѣланный рыцарь. Мнѣ ужъ не первый разъ сходитьсѣ съ нимъ, да все какъ-то не счастливится. Въ Руси онъ меня сразу свалилъ; теперь я потроговался съ нимъ не мало; встрѣтимся третій разъ, дастъ Богъ, будетъ еще лучше. Не чудотворцы же горники дѣлать. Хоть моя жизнь была въ его рукахъ, а все же скажу, что онъ отличный человѣкъ. У меня и теперь еще ребра болятъ, но все это ничто въ сравненіи съ стыдомъ, что онъ сидѣлъ на мнѣ, какъ коршунъ на куропаткѣ, и могъ зарѣзать въ присутствіи всей шляхты.

— Вамъ нечего стыдиться. Послушали-бъ, что говорили.

— Что же говорили?

— Что панъ Самуилъ поступилъ не совсѣмъ по рыцарски, воспользовавшись тѣмъ, что вашъ мечъ вбился въ землю.

— Я на это не могу жаловаться, потому что, случись съ нимъ тоже, я поступилъ бы не лучше. Но и то правда, что мнѣ этотъ проклятый мечъ помѣшалъ. Однако, хоть убей, не понимаю, какъ это случилось.

— Очень просто. Это было колдовство.

— Вотъ вздоръ! Неужто панъ Самуилъ такія глупости дѣлаеть.

— Не панъ Самуилъ. Но вы припомните, когда мы выѣзжали изъ дому (я ѣхалъ тогда за вами), вы встрѣтили бабу, которая несла горшки. Вы не свернули въ сторону, не крикнули ей посторониться, а просто оттолкнули ее копьемъ. Эта баба была колдунья, и въ этомъ нельзя сомнѣваться, потому что горшки у нея остались цѣлы, когда она упала. Вы не знали, что дѣлалось за вами, а я видѣлъ, что баба что-то проворчала тихонько. Потомъ поднялся вихрь и столбъ пыли пошелъ на васъ. Вы не перекрестились; а я сейчасъ же увидѣлъ, что дѣло плохо; но тогда я не сказалъ вамъ, боялся, чтобъ не охладить васъ, чтобъ вы не обвиняли меня въ случаѣ несчастія.

— Можетъ быть, это и правда; вѣдь и наши тоже говорятъ, что чортъ выдѣлываетъ такія штуки; только помочь не умѣютъ. Ты, пожалуйста, Шершень, уличь минуту и отнеси мое вооруженіе и оружіе, только не все вдругъ, къ своимъ монахамъ; пусть окропятъ святою водою, чтобъ чортъ не могъ къ нимъ прикасаться. Сдѣлай это, словно безъ моего вѣдома; а что будетъ стоять, запла-ти изъ тѣхъ денегъ, что за лошадей получишь. Но только не про-болтайся; потому что тогда мнѣ и глазъ нельзя будетъ показать между своими. Ужъ у меня и такъ вышла непріятность со Зборовскимъ, а они у нихъ главные. Ты замѣтилъ, какъ панъ Самуилъ сказалъ, что я-де служу у графа Тенчинскаго. Ну да Богъ съ ними, побѣдилъ онъ меня, но за то и самъ лежалъ. Но ужъ тутъ извините, господинъ Зборовскій, вы вели себя какъ послѣдній дуракъ.

— Надо было послушать, что говорила шляхта. Не будь короля, его бы разорвали на мѣсть. Маршалъ коронный замѣтилъ ужъ это, и повелъ брата въ королевскую галлерею. И панъ Тенчинскій тоже ему не простить. Всѣмъ насолить: вѣроятно долго здѣсь сидѣть не будетъ. Даже придворные его говорили, что лучше бы онъ не пріѣзжалъ изъ своего Запорожья, а то онъ думаетъ, что шляхта все равно что казаки. Но къ вамъ всѣ очень расположены; еслибъ вы захотѣли быть посломъ, то васъ бы теперь, кажется, вы-брали.

— Что касается до гнѣва Зборовскихъ, то это меня нисколько не беспокоитъ. Мнѣ важнѣе вниманіе шляхты, нежели магнатовъ. Едѣ меня шляхта на рукахъ вынесла. Я люблю магнатовъ, которые не забываютъ, что они равные намъ. За князя Януша, наиримѣръ, я готовъ подставить лобъ. Но чтобы бояться кого-нибудь изъ нихъ, этого они не дождутся. Вѣдь за столомъ вчера у короля панъ Са-

хнулъ опять затронулъ меня, но я ему такъ отрѣзалъ, что маршаль коронный сейчасъ же постарался занять нашъ разговоръ. Идя домой изъ замка, я все оглядывался, не идетъ-ли онъ за мной; но онъ остался въ замкѣ. Одного мнѣ здѣсь жаль, что этотъ Казимиръ Мрочекъ всей душою преданъ пану Самуилу.

— Вы болше пожалѣли бы его, еслибъ слышали, что говорила шляхта. Вся шляхта объявила, что всякій, кто будетъ служить Самуилу Зборовскому, будетъ признанъ безчестнымъ.

— Ну вотъ! Я его знаю: онъ ни за что на свѣтѣ не оставитъ Самуила. Обѣщаль сегодня пріѣхать сюда, да вотъ все нѣтъ. Я его такъ люблю, что готовъ былъ бы для него прекратить всякую неприятность съ Зборовскимъ. Конечно панъ Самуилъ сердитъ теперь на меня, потому что я стащилъ его съ коня.

— Здѣсь всѣ говорятъ, что вы не уступаете ему.

— Уступаю ли, или не уступаю, однако то вѣрно, что я его не боюсь. Но знаешь ли, что духовенство, какъ говорятъ, запрещаетъ турниры. Погубить хотятъ бѣдную шляхту. Придется все покупать на наличныя. А гдѣ они? мужество—шляхетскія деньги, а деньги—купеческое мужество.

— Хорошо вы сказали. Мужество точно шляхетское богатство и притомъ такое, которое никогда не уменьшается.

— Господа духовные хотятъ насъ сдѣлать бабами. Дождаться бы хоть войны, я на свой счетъ вывелъ бы съ десятокъ шляхты, потому что знаю, все бы это возвратилось съ лихвой. Совѣтъ что-то побалтываетъ на счетъ войны. Но я думаю, что ничего не выйдетъ. Впрочемъ если здѣсь ничего не будетъ, я поѣду во Францію: тамъ постоянная война между католиками и диссидентами.

— Вы вѣроятно пойдете на помощь диссидентамъ?

— Почему? помогать буду тѣмъ, кто дороже заплатитъ... должно быть, Казимиръ сегодня не будетъ, вѣроятно хлопочетъ съ своимъ ваномъ. Придется одному обѣдать.

— Что вы говорите? сегодня у васъ будетъ множество гостей.

— Откуда?

— Я знаю, что много шляхты хотѣло навѣстить васъ здѣсь, чтобы выразить вамъ свое расположеніе.

— Чоужъ ты мнѣ не сказалъ до сихъ поръ? пропалъ мой поребъ! ступай теперь и прикажи, чтобы всѣхъ гусей, телятъ и барановъ зарѣзали къ сегодняшнему обѣду, чтобы никто не былъ голоденъ. Вудъ у меня и хозяинъ и хозяйка; ничего не жалѣй. О завтрашнемъ днѣ нечего думать. И помни, что ежели хоть одному чего вѣбудъ не достанетъ, я тебя зарѣжу!

— Будьте покойны. Вы еще спали, какъ я распорядился. Не только гостямъ, но и слугамъ будетъ вдоволь всего.

— Хорошо, ты ступай, присмотри за всѣмъ, а я полежу здѣсь, можетъ быть засну. Вокъ у меня болитъ, совсѣмъ почернѣлъ. Эй, мальчикъ, мыло мнѣ и водки! Ой, больно! У меня странная натура, Пьершень: случится сныкъ, скорѣе хочется отдѣлаться отъ него, а нѣтъ, такъ скучно безъ него. Ступай теперь, позаботься о мнѣ.

скахъ . купи, если не достанешь. Эхъ, была бы здѣсь моя барыня, то-то поплакала бы надъ баранами. Узнаеть послѣ, потому что это разнесется по всей Рѣчи Посполитой. Жаль, что мой сынчикъ еще малъ! Кажется, я бы умеръ спокойно, еслибы увидѣлъ его въ пайцырѣ... если засну, такъ разбуди, когда начнутъ съѣзжаться. А ты, мальчикъ, ступай, принеси мнѣ кунтушъ, шелковый поясъ и красные сапоги. Постой! не забудь взять саблю на четвертомъ гвоздѣ отъ двери, надъ постелью, да цѣпь, которую я получалъ отъ короля. Ну, убирайся.

Тутъ Здра обернулся къ стѣнѣ и скоро захрапѣлъ. Мы оставимъ его въ Космыржевѣ, и возвратимся въ Краковъ.

XVIII.

Послѣ обѣда королевскіе гости остались въ замкѣ до поздней ночи и въ первый разъ король заговорилъ съ ними о дѣлахъ государства. Сказалъ даже, что ждетъ своихъ гасконцевъ и лишь только они придутъ, начнетъ войну съ Оттоманской Портой за нѣкоторыя провинціи, которыхъ Польша лишилась во времена Сигизмунда старого.

— Лишь только будутъ здѣсь мои гасконцы, сказалъ король, немедленно созываю сеймъ въ Львовѣ и надѣюсь получить его согласіе на освобожденіе христіанскихъ народовъ отъ ига невѣрныхъ.

— Святые слова выговорили, ваше величество, сказалъ князь Сиротка. Я недавно былъ на востокѣ и видѣлъ, какъ народы христіанскіе ждутъ освободителей. Побѣдителю при Монкурѣ и Жарнакѣ прилично будетъ отмстить за Владислава Варненскаго. Я убѣжденъ, что между нами не найдется ни одного, кто-бы не захотѣлъ идти съ вами въ этотъ святой походъ.

— За единогласіе сейма я готовъ поручиться головою, прибавилъ панъ Зебржидовскій.

— А вы, панъ Самуиль, побѣдитель на вчерашнемъ турнирѣ, сказалъ король, вѣроятно не оставите насъ въ забавѣ съ турками?

— Двадцать тысячъ запорожцевъ приведу къ Днѣстру по первому востребованію вашего величества, и надѣюсь, что они будутъ не бесполезны.

— За этимъ только и дѣло стало, отвѣчалъ маршалъ коронный, чтобы Рѣчь Посполитая признала моего брата дѣйствительнымъ начальникомъ Запорожья, чтобъ было всѣмъ извѣстно, въ силу какого права онъ начальствуетъ; потому что, надо признаться, до сихъ поръ, противники нашего дома выставляютъ его какъ атамана разбойниковъ, авторитетъ котораго не только не признанъ нашимъ законодательствомъ, но чуть ли еще не отвергнутъ положительно.

— Это наше дѣло, господинъ маршалъ, отвѣчалъ король, заботиться на будущемъ сеймѣ, чтобы совѣтъ и послы не противились нашимъ видамъ. Мы сами готовы учредить третье гетманство для пользы государства. Намъ извѣстно, что люди недоброжелательны къ намъ распустили молву будто намъ наскучило ваше общество и ваша земля. Это клевета, выдуманная тѣми, которые не радуются

и мыслию короля и народа. Дай Богъ, чтобы братъ нашъ жилъ
много годы; мы вовсе не желаемъ получить по немъ наслѣдство.
Я насъ слишкомъ доволю польской короны. Я не имѣю наслѣд-
никовъ. мнѣ не о комъ безпокоиться, а потому могу остановитъ-
ся на томъ, что мнѣ дала уже судьба и вашъ выборъ.

— Если бы и были у васъ потомки, отвѣчалъ Замойскій, вашему
величеству не нужно было бы объ нихъ заботиться. Мы всегда
расположены возвышать потомство нашихъ королей. Пясты царст-
вовали у насъ по волѣ народа, какъ на наслѣдственномъ престолѣ.
Тоже я долженъ сказать и объ Ягеллонахъ. И если бы король Си-
гизмундъ оставилъ по себѣ сына, весь народъ былъ бы за него.
Ваше величество смѣло можете выбрать достойную себя супругу и
дай Богъ, чтобы вашъ потомокъ царствовалъ надъ нашими внуками.
Наша корона въ такомъ случаѣ ни кому бы другому не досталась.

— Совершенно справедливо говорить господинъ Замойскій, ска-
залъ Ваповскій. Мы по французскимъ монастырямъ искали потом-
ковъ нашихъ королей и теперь какъ намъ не радоваться, видя на
престолѣ нашемъ отрасль самого могущественнаго дома во всемъ
свѣтѣ, царствующаго во Франціи, въ Наваррѣ, въ Лузитаніи, царст-
вовавшего когда-то въ Венгріи, въ Италіи и даже въ Царьградѣ.
Ваше величество, сдѣлали гораздо больше чести намъ, вступивъ на
польскій престолъ, чѣмъ мы ее воздали вамъ, повергнувъ нашу
корону предъ вашими стопами.

Король замѣтилъ, что слишкомъ льстивая рѣчь пана Ваповскаго
произвела на многихъ изъ присутствующихъ непріятное впечатлѣ-
ніе, и потому немедленно отвѣтилъ:

— Честь для меня заключается въ вашемъ выборѣ; и я употреб-
ляю всѣ усилія, чтобы вы не имѣли причины раскаяваться въ немъ.

Этимъ словами король окончилъ засѣданіе. Можно себѣ предста-
вить, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ разговоръ не только на
высшее дворянство, но и на весь народъ.

— Наконецъ-то заговорилъ съ нами по королевски, произнесъ
вспрыскавъ коронный, проходя вмѣстѣ съ другими гостями по обшир-
нымъ заламъ замка. Дай Богъ, чтобы это было предисловіемъ къ
достойному дѣлу.

— Я и не сомнѣваюсь въ томъ, отвѣчалъ Самуилъ. До сихъ поръ
онъ дремалъ, теперь онъ проснулся, и вы увидите, что его способ-
ности еще не совсѣмъ исчезли. Вы видѣли, съ какимъ увлеченіемъ
онъ говорилъ о войнѣ съ бусурманами. Мы, кажется, теперь можемъ
ждать чего нибудь путнаго.

— Не удивительно, что онъ намъ казался до сихъ поръ лѣни-
вымъ и безпечнымъ, сказалъ Ваповскій; онъ не зналъ насъ, мы его
еще не знали; онъ не умѣлъ найтись съ чужими людьми. Теперь
это другое. Этотъ турниръ доказалъ ему, что мы не уступаемъ
французамъ и что съ нами онъ многое можетъ сдѣлать. Теперь ва-
ше дѣло, господинъ атаманъ запорожскій, заботиться, чтобы король
не откладывалъ своихъ намѣреній, и какъ можно скорѣе созвалъ
сеймъ.

— Правду говорить господинъ кастелянъ, сказалъ Замоискій, потому что, прежде чѣмъ соберется сеймъ, придутъ гасковцы. Это отличная пѣхота, а ея-то намъ и недостаетъ. Наша кавалерія лучшая въ мірѣ; но нѣтъ возможности преодолѣть отвращеніе нашей шляхты къ пѣхотной службѣ. Между тѣмъ безъ хорошей пѣхоты всякое военное предпріятіе дѣлается только къ половинѣ и не приноситъ положительной пользы. Я приготовлю проектъ, который намѣренъ предложить сейму. Въ этомъ проектѣ я совѣтую въ богатѣйшихъ провинціяхъ государства учредить постоянную пѣхоту; а чтобы возбудить охоту къ этой службѣ, предлагаю, чтобы каждому плебею, который прослужитъ десять лѣтъ въ этомъ войскѣ, даровано было дворянство.

— Ничего справедливаго нельзя выдумать, сказалъ панъ Гумецкій. Панъ Замоискій можетъ быть совершенно увѣренъ, что проектъ его найдетъ во мнѣ и въ моихъ друзьяхъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ. Хотя я и сотворенъ кавалеристомъ, но всегда готовъ утверждать, что наши войны шли бы гораздо успешнѣе, есlibъ у насъ была пѣхота. Всѣмъ извѣстно, и я этимъ хвалиться не хочу, что подъ Кислякомъ я въ пухъ разбилъ турокъ, и погналъ ихъ какъ стадо овецъ. Но чтожь? они заперлись въ Хотьцѣмъ, и безъ пѣхоты не было возможности взять крѣпость. Къ чему же спрашивается послужило наше счастье? Я совершенно согласенъ на предложеніе господина Замоискаго. Пусть себѣ каждый пѣхотный солдатъ выслужитъ дворянство. Отъ прибыли тяжелѣе не становится. Можетъ быть, я сказалъ глупость.

— Напротивъ, отвѣчалъ Замоискій, желаніе ваше не противорѣчитъ духу нашего законодательства. Мы должны стремиться къ тому, чтобы всякій могъ сдѣлаться дворяниномъ, лишь бы только не даромъ.

— Стало быть, мы одного мнѣнія и я считаю это великою для себя честью, потому что вы легистъ, а я такъ себѣ, простой чловѣкъ, не кончившій курса и бѣжавшій изъ школы. Вся моя мудрость заключается въ томъ, что умѣю командовать полкомъ, и могу похвалиться, что едва ли мой полкъ уступитъ какому нибудь другому во всей Рѣчи Посполитой. Но король тамъ что-то такое болталъ съ вами на счетъ войны. Я не понимаю того, что онъ говорилъ, но думаю, что въ военномъ дѣлѣ и я могъ бы сказать не послѣднее слово, жаль только, что онъ говоритъ на этомъ бабьемъ языкѣ, котораго я ненавижу, и въ самомъ дѣлѣ стыдно ему, королю, не знать даже по латыни. Моя покойная жена отлично говорила по латыни, могла читать книги латинскія и бывало, какъ начнетъ толковать съ попами, такъ любо было слушать. Ну, а мнѣ не учиться же на старости лѣтъ чужому языку. Дай Богъ, чтобы все это поскорѣе устроилось; я съ своими пограничными войсками, Самусъ съ запорожцами, самъ король съ гасконцами пойдѣтъ, да еще какъ соединятся съ нами гетманы коронный да литовскій, то, дастъ Богъ, къ Рѣчи Посполитой прибавится не малый клочекъ земли.

Бесѣдуя такимъ образомъ, гости вышли изъ замка и перешли черезъ подъемный мостъ, за которымъ ожидали ихъ экипажи.

Зборовскіе всѣ жили въ своемъ домѣ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится домъ извѣстный подъ именемъ Сѣраго. Маршалъ коронный со своимъ дворомъ занималъ большую половину перваго этажа, воевода Гибзиенскій другую половину того же этажа, остальные братья размѣстились въ другихъ этажахъ. Самуилъ занималъ небольшую комнату въ нижнемъ этажѣ возлѣ конюшенъ, и хотя обыкновенно носилъ роскошную одежду, но никогда не старался щеголять домашнимъ убранствомъ. Его постель ничѣмъ не отличалась отъ постели простаго запорожскаго казака; онъ спалъ на лошадиной кожѣ и клалъ подъ голову сѣдло.

Въ этотъ вечеръ онъ такъ былъ утомленъ, что даже не обратилъ вниманія на Мрочка, сбросилъ свое парадное платье и немедленно заснулъ. На другой день, проснувшись, онъ велѣлъ позвать къ себѣ Казимира, но ему объявили, что Казимиръ, прождавшій его нѣсколько часовъ, ушелъ въ городъ и не возвратится раньше десяти часовъ. Самуилъ былъ нѣсколько въ дурномъ расположеніи духа. Лишь только онъ одѣлся, къ нему вошелъ маршалъ коронный съ братомъ, кастеляномъ Гибзиенскимъ.

Самуилъ встрѣтилъ ихъ почтительно, какъ старшихъ братьевъ, и когда они заняли мѣста, между ними начался слѣдующій разговоръ:

— Думая о дѣлахъ государства, сказалъ маршалъ, я не упускаю изъ виду выгодъ и чести нашего дома. Вы, панъ Самуилъ, были причиною большой непріятности и панъ Тенчинскій, который никогда не былъ къ намъ расположенъ, не замедлитъ воспользоваться тѣмъ непріятнымъ положеніемъ, въ которое вы насъ поставили.

— Что жъ, онъ намъ грозитъ, что ли? спросилъ Самуилъ довольно равнодушно.

— Неужели ты такъ одичалъ въ своемъ Запорожьѣ, что ужъ не можешь понимать того, что дѣлается предъ твоими глазами? Ты знаешь, противъ кого вся шляхта, тотъ далеко не уѣдетъ, а ты такъ неосторожно возбудилъ всю шляхту противъ всего нашего рода.

— Чѣмъ же? Развѣ тѣмъ, что сказалъ Тенчинскому, что онъ не посмѣлъ идти самъ противъ меня, а послалъ своего слугу? Развѣ это не правда? Съ досады, что ему не удалось, онъ вооружаетъ противъ насъ всю шляхту; но я его самого заставлю отвѣчать за это.

— Ты всегда готовъ драться и не хочешь знать, что хорошій сойтъ иногда лучше всякаго оружія. Силою ничего не возьмешь противъ всѣхъ; между тѣмъ умѣренность можетъ всѣхъ привлечь. Ты однимъ необдуманнѣйшимъ словомъ уничтожилъ все наше вліяніе, которое пріобрѣтено трудами нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.

— Вы ужъ слишкомъ полагаетесь на умъ. Моя ссора съ Тенчинскимъ совершенно частное дѣло. А ежели между шляхтой есть такіе, которымъ не нравится, что не считаю равнымъ мнѣ слугу графа, такъ это до меня не касается. Я васъ не узнаю. Сами вы го-

ворите, что эта демократія шляхетская уродство, мѣшающее разумной политикѣ и распространяющее невѣжество въ народѣ, а теперь вдругъ стали проповѣдывать за шляхту.

— Да, но для того, чтобы овладѣть ею, нужно быть у нея популярнымъ, и достигнуть этого не трудно: толпа нагла, впечатлительна, но такъ легковѣрна, что овладѣть ею не стоитъ большого труда или пожертвованій. Отвори ей кухню и погреба, потакай ей глупостямъ, повторяй постоянно, что шляхтичъ на огородѣ равенъ воеводѣ, и сбѣлаешь съ нею, что хочешь. Нашъ домъ стоитъ во главѣ диссидентовъ, и намъ нечего таять, что шляхта очень къ намъ не расположена; однакожъ я на послѣднемъ сеймѣ привлекъ къ себѣ не мало католиковъ, соединившись съ приверженцами Валуа. Самуилъ, ты долженъ помириться съ шляхтою.

— Какъ? чтобы я сталъ унижаться предъ ними? чтобы я забывалъ глупые возгласы, которыми они оскорбляли меня? я самъ оскорбленъ, и вы желаете, чтобы я же просилъ прощенія? нѣтъ, этого не будетъ. Пока я въ состояннн носить оружіе, до тѣхъ поръ не отступлю ни предъ кѣмъ. Надо положить конецъ этой наглости. Наши диссиденты насъ не оставятъ; на нашей сторонѣ не мало и папистовъ, король расположенъ къ намъ; я приведу все Запорожье и заставлю эту гнусную толпу просить у моихъ ногъ помилованія.

— Ты хочешь овладѣть Рѣчью Посполитою, а не умѣешь владѣть собою. Ссылаюсь на брата, пусть онъ скажетъ, не нуждаемся ли мы въ расположеніи шляхты въ настоящее время? Король обѣщаетъ созвать сеймъ; чтожъ мы станемъ дѣлать на этомъ сеймѣ, когда вся шляхта будетъ противъ насъ?

— Ты долженъ согласиться, Самуилъ, сказалъ панъ кастелянъ Гибзенскій, что хотя твоя власть въ Запорожьѣ и обширна и прочна, но она не признана никакимъ правомъ. Ты долженъ ждать, пока сеймъ предложитъ тебѣ гетманство; тогда ты будешь главою огромной и сильной партіи. Но при настоящемъ расположеніи умовъ говорить за тебя будетъ дѣломъ непопулярнымъ, и не только на это не рѣшатся твои друзья, но даже братья.

— Я и безъ вашего сейма гетманъ и хотѣлъ бы я знать, кто можетъ отнять у меня мое гетманство. А что я точно гетманъ, это я докажу своимъ непріятелямъ.

— Чтожъ ты хочешь дѣлать? прервалъ кастелянъ Гибзенскій. Напасть съ своими казаками на Рѣчь Посполитую? Сеймъ объявитъ, что толпы разбойниковъ напали на ея границы, предпишетъ гетманамъ поднять ополченія и идти противъ тебя, защищать гражданъ отъ разбойничества и грабежа. Неужели ты думаешь, что найдется такой человѣкъ, который захочетъ присоединиться къ тебѣ. Ты долженъ теперь думать о томъ, чтобы законъ призналъ твою власть, а тогда во всемъ можешь полагаться на защиту народа. Опомнись, Самуилъ; ты хочешь утонуть, когда тебѣ не стоитъ никакого труда, чтобы выйти на берегъ.

— Что мнѣ говорить съ нами? Вы дѣлаетесь защитниками дурнаго дѣла. Вы, какъ бабы, хотите, чтобы все кончилось извиненіями.

мировою. Если я когонибудь оскорбилъ, такъ пусть этотъ кто нибудь броситъ мнѣ перчатку; я не стану просить васъ, чтобы вы его подняли. Да что съ вами сдѣлалось, господа? Неужто дошло до того, что Зборовскіе должны бояться Тенчинскаго? Я жду только случая, чтобы встрѣтиться съ нимъ, и не думаю просить прощенія у его слугъ и у тѣхъ, которымъ жаль, что панъ даровалъ жизнь шляхтичу. А не подай король сигналъ, я бы его зарѣзалъ.

— Счастье еще, что ты не сдѣлалъ этого, сказалъ маршалъ; теперь есть еще надежда поправить дѣло, если ты послушаешь нашего совѣта.

Маршалъ не договорилъ своей рѣчи, потому что въ дверяхъ явился генералъ Гумецкій, а за нимъ вошелъ и Казимиръ Мрочекъ.

— Здравствуйте! здравствуй, Самусь! сказалъ генералъ. Я жестоко усталъ, цѣлое утро на ногахъ; началъ тѣмъ, что навѣстилъ нашего бѣднаго Мышковскаго. Слабъ еще; но вылежится. Потомъ я встрѣтился съ паномъ Казимиромъ Мрочкомъ и вотъ сюда пришелъ. Мнѣ хотѣлось посмотреть на тебя, Самусь; но нечего сказать, съ такими людьми, какъ панъ Мрочекъ, по неволѣ самъ станешь чело-вѣкомъ. У тебя въ конюшнѣ такой порядокъ, какъ у меня; королевская передъ твоею дрянъ. Видѣлъ я твоего благаго коня, котораго ты купилъ у Бекеша, славная скотина! Только досадно мнѣ, что ты его перебилъ у меня. Да что это съ вами, господа племянники? у васъ такія вытянутыя фізіономіи. Что съ вами?

— А то, что Самуилъ не хочетъ слушать нашего совѣта, отвѣчалъ маршалъ. Намедни изругалъ Здору, мы доказываемъ ему, что это дурно, а онъ все мимо ушей пускаетъ, и все принимаетъ въ шутку.

— Скажу вамъ правду, что я не обратилъ вниманія на то, что сказалъ Самусь; знаю только, что хорошо досталось и Здорѣ, и кастеляну Сандомирскому. Но въ самомъ дѣлѣ и до меня дошло, что шляхта оскорбилась. Но это пустяки. я берусь помирить Самуса съ кастеляномъ. Я съ нимъ черезъ покойную жену въ свойствѣ; они меня уважаютъ; Замойскій говоритъ, что онъ отличный сенаторъ, человѣкъ ученый; но я на бумагѣ дамъ свидѣтельство, что и воинъ онъ рѣдкій. Его полкъ послѣ моего лучшій въ королевствѣ... Такъ вотъ въ чемъ дѣло: я приглашу его къ себѣ и васъ, и ручаюсь, что Самусь не только помирится съ нимъ, но даже полюбитъ его. Ты только послушай меня; увидишь, все пойдетъ хорошо.

— Но вѣдь вамъ, дядюшка, извѣстно, сказалъ кастелянъ Гибзенскій, что ссора съ Тенчинскимъ еще не худшее зло: насъ беспокоитъ болѣе всего то, что Самуилъ оскорбилъ въ лицѣ Здоры всю шляхту, показавъ публично презрѣніе къ тѣмъ, кто служитъ у насъ.

— Это нехорошо, очень нехорошо, Самусь. Вѣдь потому, что насъ Богъ награждалъ имѣніями, мы не перестаемъ быть шляхтою. Мы всѣ равны. И зачѣмъ бы намъ Богъ далъ по нѣсколько десятковъ хлѣбовъ, если не для того, чтобы дѣлиться съ кѣмъ нибудь, а этотъ кто нибудь долженъ быть намъ равенъ, потому что чело-

вѣкъ не можетъ ѣсть одинъ, точно также, какъ не можетъ ѣсть съ тѣми, кто ниже его. Тамъ въ Запорожьѣ, находясь постоянно въ обществѣ съ людьми, которые ниже тебя, ты, мой другъ, отвѣтъ отъ нашего равенства. Имѣнія, богатства, высокіе чины и титулы не ставятъ насъ выше обыкновенной шляхты. Когда на Львовскомъ сеймѣ, при Сигизмундѣ первомъ, нѣкоторые магнаты вздумали установить особенное сословіе магнатское, шляхта, къ счастью нашему, не допустила ихъ. Мой отецъ, вѣчная ему память, былъ сенаторъ и былъ вдвое богаче меня, потому что я подѣлился съ братомъ, наслѣдствомъ, а также говорилъ за равенство; и это не мало послужило ему въ пользу. А если бы, Боже сохрани, на мои имѣнія напали татары, разграбили бы все, то я тоже пересталъ бы быть равнымъ вамъ, и вы стали бы помыкать мною, потому что у меня нѣтъ собственнаго куска хлѣба? Я теперь богатъ; но вѣдь я не употребляю же на себя весь мой доходъ; я имъ дѣлюсь съ бѣдными, но равными мнѣ по происхожденію. Лишись я всего, конечно, сначала пожалѣлъ бы, можетъ быть, даже и заплакалъ; а потомъ плюнулъ бы на все и пошелъ бы къ такому же, какъ я, шляхтичу, богатому, и сказалъ бы ему: были у меня средства, я дѣлился ими; теперь у меня нѣтъ ничего, и я пришелъ къ твоему столу; я знаю то и то, могу дѣлать то и то. Вѣрь, что хлѣба твоего даромъ ѣсть не буду. И онъ, я увѣренъ, не отказалъ бы мнѣ: потомъ забылъ бы, что я былъ богатъ, но о томъ, что я ему равенъ, помнилъ бы всегда... Можетъ быть, я глупости говорю, господинъ маршалъ? А?

— Напротивъ, отлично, прекрасно говорите, дядюшка. Намъ надо только желать, чтобы Самуиль убѣдился въ этомъ.

— Почему же ему и не убѣдиться? Вѣдь я думаю, все это не ново, странное, а наше, на нашей землѣ родилось и растетъ. Да и въ онъ самъ все это знаетъ; а такъ, только бурлитъ. Молодо-зелено! Положитесь на меня: шляхта шумитъ; но я ее успокою. Самусь молодецъ, отлично ѣздитъ, прекрасно бьется, а наша шляхта это любитъ. Завтра я самъ поѣду съ нимъ къ Здорѣ мириться: намъ надо сдѣлать первый шагъ. Корона у тебя съ головы оттого не свалится; никто не назоветъ это трусостью, потому что ты побѣдилъ его; не назовутъ и подлостью, потому что Гумецкій ѣздилъ съ тобой. И Здора стоитъ того; онъ отлично владѣетъ оружіемъ и даромъ не дался тебѣ въ руки. Я во дворцѣ поздравлялъ пана Тенчинскаго, что имѣетъ такого славнаго хорунжаго. Наконецъ, ты безъ того долженъ былъ бы его навѣстить; этого требуютъ рыцарскія правила. Я головою ручаюсь, что мы его вытащимъ изъ деревни, привеземъ сюда; шляхта увидитъ и успокоится; а я, чтобы покончить дѣло, приглашу и Тенчинскаго, и Здору, и всю шляхту къ себѣ обѣдать. Что жъ ты смотришь такъ сердито, Самусь? Или думаешь, что я говорю глупости? Не вѣряй мнѣ, спроси пана Мронска; я ссылаюсь на него не потому, что онъ здѣсь, а потому что онъ привязанъ къ тебѣ, и ты это знаешь; да сверхъ того онъ разсудителенъ, уменъ, это всѣ знаютъ и всякій скажетъ, что но разуму онъ

стоитъ сенаторскаго кресла, и я не сомнѣваюсь, что будетъ сенаторомъ, и желаю ему этого отъ всей души; притомъ онъ также ~~хвалитъ~~ въ Запорожьи, какъ и ты.

— Напротивъ, съ большою благодарностью принимаю ваши со-
вѣты и увѣренъ, что они очень благоразумны; но я въ жизнь свою
ни предъ кѣмъ не извинялся. Если я обидѣлъ когонибудь, то вы
знаете, дядюшка, какимъ образомъ удовлетворяется обида. Что я не
имѣю ничего противъ шляхетскаго равенства, я доказываю это тѣмъ,
что принимаю вызовъ отъ каждаго, кто справедливо или несправед-
ливо признаетъ себя обиженнымъ. Чего же болѣе?

— Э, Самусь, вижу, ты не такъ судишь, какъ надо. Совѣтую тебѣ
пустить кровь и лечь. Нес Hercules contra plures, а ты хочешь идти
противъ всего народа. Чтожъ? ты хочешь вырѣзать всю шляхту и
защипить ее своими казаками? Я твой дядя, и потому только гляжу
на все это, какъ на горячку пустой головы; иначе долженъ былъ
бы избѣгать тебя, какъ вреднаго человѣка. Я самъ шляхтичъ, но
болѣе. Господинъ маршалъ, господинъ кастелянъ, уйдемте отъ
него. Пусть онъ одумается; мы можемъ его оставить заботливости
пана Мрочка, который, можетъ быть, убѣдитъ его, что съ нами слѣ-
довало бы говорить иначе. До свиданія, господинъ Самуилъ; надѣ-
юсь, что все это будетъ иначе, и вы поймете, что и разумъ, и со-
вѣсть велятъ помириться съ шляхтою. Спроси пана Мрочка: можно
ли презирать то, что совѣтуютъ вамъ люди, которые старше васъ
лѣтами, если не чѣмънибудь другимъ.

XIX.

— Добрый, благородный старикъ, сказалъ Самуилъ, оставшись
съ Мрочкомъ. Какъ онъ привязанъ ко мнѣ! какъ здраво судить!

— Однако-жъ вы не рѣшаетесь слѣдовать его совѣту.

— Я объясню тебѣ, въ чемъ дѣло; передъ тобою, ты знаешь, я
ничего не скрываю. Я самъ нахожу, что я поступилъ дурно, пони-
маю, что совѣты братьевъ и дяди очень благоразумны; но все таки
не могу имъ слѣдовать. Я готовъ жизнью заплатить за то, что я
сдѣлалъ; но вѣдь того, что прошло, не воротишь.

— Вы знаете, что я всегда готовъ дѣлать вашу судьбу, что меня
занимаетъ только ваша слава; всѣ ругательства, которыми теперь
осыпаютъ меня, нисколько меня не огорчаютъ; я жалѣю только о
томъ, что вы были ихъ причиною.

— Какъ! я?

— Вы будьте покойны: я слишкомъ привязанъ къ вамъ, чтобы
думать о безчестіи, которое на меня падаетъ.

— Какое безчестіе? говори, говори прямо, заклинаю тебя! Я мо-
гу равнодушно перенести собственную обиду, но не позволю оскор-
бить тебя. Скажи все, какъ есть.

— Вы въ присутствіи почти цѣлаго народа показали свое пре-
зрѣніе къ Взекиелю, только потому, что онъ служилъ пану Тен-

чинскому. Вы не удивитесь поэтому, что шляхта, видя, что я не оставляю васъ послѣ такого поступка, который оскорбилъ всѣхъ, называютъ меня подлецомъ. Вѣдь я тоже вашъ слуга.

— Ты! развѣ другъ, товарищъ можетъ быть названъ слугою?

— Я вашъ слуга, хотя болѣе преданнаго друга вы не найдете, и до сихъ поръ моя служба вамъ приносила мнѣ только честь. Но когда вы публично презрѣли человѣка, который служитъ другому, какъ я вамъ, всякій, видя, что я не прерываю нашихъ отношеній, считаетъ это дѣломъ безчестнымъ. Но вы знаете, что я не оставляю васъ, хотя бы васъ оставили всѣ, хотя бы даже намъ нужно было навсегда оставить отечество.

Самуилъ сталъ ходить быстрыми шагами взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ внезапно остановился и, подавъ руку Казимру, сказалъ:

— Ты одинъ въ состояннн побѣдить меня. Для тебя я готовъ на все, чего не въ состояннн вынудить отъ меня ни гордость, ни слава, ни даже любовь. Для тебя я унижусь предъ тѣми, которыхъ презираю: я стану просить у нихъ прощенья. Говори мнѣ, что и какъ я долженъ дѣлать. Хочешь, поѣду къ Здорѣ. Пусть гордятся моимъ униженіемъ, пусть говорятъ, что его друзья усталили меня; я все перенесу спокойно.

— Вы знаете, что мои совѣты всегда были вамъ полезны; и теперь я вамъ скажу, что вы нисколько не унижите себя. Вы только докажете, что умѣете владѣть собою, также какъ мечомъ, и снова станете идоломъ шляхты. А что до Здоры, то онъ съ ума сойдетъ отъ радости, особенно если вы подарите ему на память рыцарское вооруженіе; я ручаюсь, что онъ послѣ того готовъ будетъ драться со всякимъ, кто осмѣлится въ его присутствіи назвать васъ гордымъ; его ничто такъ не занимаетъ какъ оружіе.

— Хорошо, сегодня же ѣдемъ къ нему. Около полудни я долженъ явиться къ королю и послѣ ѣдемъ. Выбери изъ оружія что вздумается. Возьми хоть то, которое я получалъ отъ Кетлера, или то, которое досталось мнѣ на вѣнскомъ турнирѣ. А я помню, какъ мы съ тобой тогда были счастливы, какъ всѣ говорили о томъ, что ты принудилъ графа Плавенія просить пощады.

— Помню, и васъ также не забыли тогда. Императоръ хотѣлъ васъ оставить при себѣ, обѣщая вамъ графскій титулъ, но вы отвѣчали ему, что вы польскій шляхтичъ и никакой службы, ни титула принять не можете отъ чужаго государя. Но помню я и то, что графъ Плавеній не упрекнулъ меня тѣмъ, что я служу при вашемъ дворѣ, а напротивъ оказывалъ мнѣ особенное вниманіе.

— Лежачаго, бьешь, а это противно рыцарскимъ правамъ. Забудемъ о томъ, что было, и поѣдемъ къ Здорѣ.

— Нѣтъ, вы обидѣли генерала Гумецкаго и поступили бы очень неблагоразумно, еслибы отказались отъ его содѣйствія. Это человѣкъ необыкновенный и любить васъ, какъ сына. Вчера онъ не мало успокаивалъ шляхту, хотъ и сказалъ здѣсь, что ничего не слышалъ; но вѣдь онъ не изъ такихъ, чтобы чего-нибудь не замѣтить. Вчера я былъ у Фалендыша, хотѣлъ послушать, что гово-

рять о васъ, тамъ вѣдъ постоянный сеймъ. Толковали о васъ много, нѣтки сухой не оставили. Тутъ пришелъ генераль, сейчасъ всѣ его обступили и, не давши ему закусить, начали пить за его здоровье; онъ не отказался. Одинъ ему даже сказалъ: «Мы, говорить, васъ любимъ, потому что вы, хоть и магнать, а считаете насъ братьями, но племянника вашего пусть чортъ возьметъ, онъ поднимаетъ носъ, смотритъ на насъ, какъ на сволочь.» — «Чѣмъ же вамъ такъ не понравился панъ Зборовскій?» — «Какъ чѣмъ? Вы развѣ не знаете, что онъ обидѣлся тѣмъ, что съ нимъ осмѣлился вступить въ бой шляхтичъ. Теперь вашъ племянникъ никогда не дожидется, чтобъ честный шляхтичъ согласился принять у него службу. Мы хоть и сидимъ иногда за панскими столами, однако имѣемъ и свой кусокъ хлѣба. И панъ Зора, хоть и не сенаторскій сынъ, а за столъ не садится одинъ, ждетъ гостя или сосѣда. Еслибы мы не обратили вниманіе на присутствіе короля, и не побоялись огорчить васъ, то дали бы себя знать пану кастеляну краковскому.» — «Не судите такъ строго пана Самуила, отвѣчалъ генераль; потому что панъ молодой и въ модѣ; а въ молодой головѣ не всегда одинъ разсудокъ сидитъ. Требовать, чтобъ молодой человѣкъ былъ всегда разсудителенъ, тоже самое, что требовать, чтобы лошадь никогда не спотыкалась. Когда вы доживете до моихъ лѣтъ, то узнаете, что и то и другое невозможно. Что это за кавалеристъ, который никогда съ коня не падаль.» — «Пусть генераль не защищаетъ своего племянника, заговорили другіе. Обидѣть всю шляхту, такъ публично, это непростительно. Вѣдъ онъ не одного, не двухъ, а насъ всѣхъ смѣшалъ съ грязью. А что же можетъ кто-нибудь сказать противъ того, что шляхтичъ служить у шляхтича, сказалъ тутъ одинъ изъ присутствовавшихъ, человѣкъ ужъ пожлой и, какъ видно, выпившій довольно. Я самъ ужъ пятьдесятъ второй годъ служу у князя Острожскаго; а у него маршаломъ панъ Стадницкій, Жариновецкій кастелянъ и сенаторъ Рѣчи Посполитой, человѣкъ богатый; а что же тутъ унижительнаго, что бѣдный человѣкъ служитъ богатому. Пусть лучше панъ Зборовскій ѣдетъ къ себѣ въ Запорожье, если наше равенство не имѣетъ счастья ему нравится.» — И такъ почти всѣ прочитали вамъ по панегирику. Панъ Гузецкій слушалъ ихъ и не возражалъ. Но когда они пошумѣли вдоволь, онъ имъ сказалъ: «Вотъ толкуете! Вы хотите, чтобъ человѣкъ, измучивши коня и себя, былъ такой же ласковый и предупредительный, какъ тотъ, кто возвращается изъ церкви. Что панъ Самуилъ сказалъ глупость, это правда, и онъ самъ понимаетъ. Да кто же изъ насъ не проговаривался иногда такимъ же, или еще худшимъ вздоромъ, однако насъ не засадили въ тюрьму и штрафу съ насъ не взяли. Вѣдъ мы чудеса дѣлали бы, еслибы нашими устами говорилъ всегда духъ святой. Зора славный малый, и ѣздитъ хорошо, и топоромъ работаетъ отлично; хоть и съ моимъ племянникомъ было дѣло, а все-таки мнѣ понравилось, что онъ не потерялъ присутствія духа, когда его тотъ схватилъ. Я не могъ удержаться отъ смѣха, когда они оба лежали въ растяжку. Но вѣдъ

Самуилу было не до смѣха. И вы, и я, и каждый на его мѣстѣ разсердился бы, а когда человекъ сердится, такъ тутъ не до цѣнностей. Бросьте это: они между собою повздорили, побранились и помиряются. И безъ насъ все обойдется. А, можетъ быть, вы скажете, что я глупость сказалъ, а?» И можете себѣ представить, шляхта обступила генерала; едва упростили, чтобы пустили во двоѣцъ. Удивительно, какъ онъ умѣетъ ворочать ими. Что хочеть, то и дѣлаетъ. Такъ потъ видите, что я думаю сдѣлать: я поѣду къ Езекию и скажу ему, что вы съ генераломъ хотите пріѣхать къ нему обѣдать; тамъ будетъ не мало шляхты и я увѣренъ, что послѣ обѣда всѣ будутъ кричать за васъ. Положитесь на генерала и все пойдетъ хорошо.

— Хорошо, я на все согласенъ. Ступай, и дѣлай, какъ тебѣ кажется лучше; а я пойду сначала къ дядѣ, извинюсь предъ нимъ, а потомъ отправлюсь во дворецъ.

И оба вышли—Самуилъ съ твердымъ намѣреніемъ руководствоваться благоразуміемъ и быть возможно умѣреннымъ; а Казимиръ съ пріятнымъ сознаніемъ, что оставилъ своего друга въ такомъ расположеніи, которое всегда ведетъ къ хорошему; но нельзя отрицать, что есть какой-то фатумъ, разрушающій всѣ и даже самыя лучшія намѣренія.

Самуилъ нашелъ дядю дома; старику очень понравилось, что онъ сталъ извиняться передъ нимъ.

— Видишь, Самуэль, моя шестидесятилѣтняя опытность не пропала даромъ, сказалъ старикъ. Ты такъ было разгорячился, что началъ говорить всякій вздоръ,—слушать становилось непріятно. Какъ мы вышли отъ тебя, братья твои были очень опечалены, жаловались, что ты имъ мѣшаешь во многомъ. Но я имъ сказалъ: не безпокойтесь; не для всякаго коня одинъ мундштукъ... И старикъ пустился въ разсужденіе о различіи лошадиныхъ характеровъ, разсказалъ даже подробную біографію одного своего жеребца; но потомъ самъ прервалъ себя:

— Вотъ, подумаешь, старый разболтался. А я тебѣ скажу: людская дружба дѣло великое. Впрочемъ тебѣ пора во дворецъ. Если король не морщится сегодня, скажи ему какъ-нибудь, что и безъ гасконцевъ можно идти на турокъ. Ну, съ Богомъ. А завтра къ здорѣ.

Самуилъ возвратился домой, приказалъ запретъ лошадей и поѣхалъ во дворецъ. У подъемнаго моста было уже такое множество экипажей, что Самуилъ долженъ былъ пройти пѣшкомъ. Нужно же было, что бы первый, съ кѣмъ онъ встрѣтился, пройдя мостъ, былъ Тенчинскій. Злоба, которую Самуилъ старался подавить, овладѣла имъ при этой встрѣчѣ. Еслибы Тенчинскій поклонился ему, онъ, можетъ быть, пошелъ далѣе, не сказавъ ни слова. Но панъ Тенчинскій, равный ему породой, высшій чиномъ и столько же гордый, ожидалъ, что Самуилъ поклонится ему первый, и пропелъ, показавъ видъ, что его не видитъ. Но Самуилъ догналъ его и сказалъ:

— Ломите ли вы шапку по крайней мѣрѣ передъ тѣмъ, кого вы боитесь?

— Я боюсь только Бога, возразилъ Тенчинскій, а сварливыхъ избѣгаю.

— Но отъ меня не убѣжите, господинъ богатырь, хотя вы и посылаете другихъ за себя биться съ тѣми, къ кому вы не расположены.

— Мы слишкомъ мало знакомы; а потому я не могу имѣть къ вамъ ни особеннаго расположенія, ни нерасположенія. Но здѣсь не мѣсто для подобныхъ разговоровъ.

— Я могу вездѣ потребовать отъ васъ объясненія тѣхъ поступковъ, которые меня оскорбляютъ, сказала Самуилъ, вынувъ до половины изъ ноженъ свою саблю.

— Если вы забываете, гдѣ мы находимся, отвѣчалъ Тенчинскій, то моя обязанность напомнить вамъ, что мы стоимъ предъ галлерею, на которую сейчасъ выйдетъ король; а вамъ извѣстно, что ожидаетъ того, кто обнажитъ оружіе въ его присутствіи.

— Вы такъ умѣете отъ меня прятаться, что я только въ присутствіи короля могу принудить васъ дать мнѣ удовлетвореніе за всѣ интриги, которыя вы затѣваете противъ нашего дома; я довольно долго терпѣлъ. Съ этими словами Самуилъ вынулъ саблю.

— Господинъ Эборовскій, опомнитесь, не дѣлайте себя несчастнымъ! вскричалъ Тенчинскій. Ни о какихъ интригахъ я не знаю; а если я не соглашался съ вашими мнѣніями или мнѣніями вашего брата, то всегда шелъ открыто. Вы ищете ссоры и хотите биться со мною; я готовъ, но только не теперь и не здѣсь. Намъ съ вами не вѣдетъ нарушать общественное право: мы должны быть примѣрами повиновенія.

— Защищайся! крикнулъ Самуилъ, и не читай мнѣ проповѣди.

— Заклинаю васъ, остановитесь! Если вы принудите меня взять оружіе, смотрите, сколько свидѣтелей, которыя подтвердятъ, что я дѣлаю это противъ воли.

— Если ты не будешь защищаться, крикнулъ Самуилъ еще громче, а пламя изобью тебя.

Тенчинскій обнажилъ мечъ и начали сражаться.

Еще въ началѣ этого разговора король съ нѣсколькими придворными вышелъ на балконъ, обращенный къ мосту и всѣ, если не могли слышать, то видѣли, какъ Самуилъ съ обнаженной саблею въ рукѣ грозилъ Тенчинскому, который наконецъ принужденъ былъ принять вызовъ. Король послалъ находившагося при немъ пана Ваповскаго. Пржемышскаго кастеляна, остановить ихъ и именемъ его приказать оставить оружіе. Ваповскій подоспѣлъ во время. Кастелянъ, знавшій искусство своего противника, ограничился только защитою, что впрочемъ могло только продлить бой, но не обезпечить побѣду. Тенчинскій уже видимо сталъ ослабѣвать, когда къ нимъ подбѣжалъ панъ Ваповскій.

— Что вы дѣлаете, господа! закричалъ онъ. Вы развѣ не видите, что король смотритъ на насъ? Оставьте оружіе и ступайте къ нему

немедленно просить помилованія. Пока сабли вапи еще не въ крови, онъ, можетъ, проститъ васъ, и приметъ все это за шутку.

— Посторонись! крикнулъ Зборовскій. Не суйся въ чужое дѣло. Когда положу этого труса, тогда явлюсь къ королю.

— Господинъ Зборовскій! отвѣчалъ Ваповскій, заслоня собою Тенчинскаго. Умоляю васъ, опомнитесь. Вы съ ума сошли, если не можете подумать о томъ, что дѣлаете. Я не допущу этого, вѣдь это преступленіе!

— Говорю тебѣ, посторонись! крикнулъ Самуилъ.

— Я исполняю приказаніе короля, и потому не обращаю вниманія на то, что вы говорите. Господа! прибавилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ: Именемъ короля и закона вы свидѣтели этого безчинства. Призываю васъ помочь мнѣ прекратить бой.

Десятка полтора шляхты выхватили сабли и бросились къ сражавшимся. Тенчинскій вложилъ саблю въ ножны и пошелъ къ дворцовому двору. Но Самуилъ былъ до того раздраженъ, что не хотѣлъ владѣть собою. Въ лѣвой рукѣ у него былъ чеканъ; онъ ударилъ имъ Ваповскаго по головѣ, такъ что черепъ разлетѣлся. Сенаторъ дрогнулъ и упалъ, не издавъ даже крика, предъ глазами короля и собравшейся на мосту шляхты.

Со всѣхъ сторонъ послышались грозные голоса; толпа росла постоянно и ни одного голоса не было въ пользу Самуила.

— Разбойникъ! убійца! ревѣла толпа, и наконецъ бросилась на Самуила съ видимымъ намѣреніемъ изрубить его на мѣстѣ. Но онъ саблей открылъ себѣ дорогу; нѣсколько раненыхъ принуждены были отступить; замѣтивъ это, другіе не смѣли приближаться къ нему.

Всю эту сцену король видѣлъ съ балкона и не могъ не выразить своего удивленія, при видѣ рыцаря, который одинъ стоялъ противъ нѣсколькихъ десятковъ.

— Господа, сказалъ онъ, обращаясь къ находившимся возлѣ него придворнымъ. Мы не должны допустить, чтобы такой славный рыцарь сдѣлался жертвою толпы. Если онъ нарушилъ законъ, законъ его и накажетъ. Подите и помогите ему освободиться, убѣдите шляхту, что она должна стыдиться своего поступка.

Придворные бросились на мостъ и объявили шляхтѣ волю короля. Толпа разошлась, и Самуилъ безопасно достигъ до своего дома.

=

Часть вторая.

I.

Въ то время, какъ Самуиль пробивался сквозь толпу, слуги и пріатели Ваповскаго схватили его тѣло и отнесли къ королевскому балкону, требуя мщенія. На дворѣ замка поднялся страшный шумъ, который утихъ только тогда, когда князь примасъ и члены совѣта объявили шляхтѣ, что его величеству не надобно напоминать о его обязанностяхъ и что справедливость будетъ оказана. Потомъ они приказали шляхтѣ разойтись и отнести тѣло убитаго къ вдовѣ и дѣтямъ.

Но, когда вѣсть объ убійствѣ распространилась по городу, шляхта приняла въ неописанное волненіе. Приверженцы Ваповскихъ, Коцеульскихъ, Тенчинскихъ собирались напасть на домъ Зборовскихъ и истребить весь ихъ родъ; съ другой стороны, друзья Зборовскихъ также не унывали. Всѣ диссиденты аугсбургскаго и жемчевского исповѣданій, вообразили, что король, побуждаемый католическимъ духовенствомъ, намѣренъ воспользоваться проступкомъ Самуила Зборовскаго, чтобы возобновить въ Краковѣ сцены Варооломеевской ночи, въ которыхъ самъ принималъ не малое участіе. Въслѣдствіе того всѣ они, вооружившись, отправились къ дому Зборовскихъ, и въ скоромъ времени обратили его въ крѣпость, съ помощію отряда надворнаго войска, слугъ и молодежи. Городъ приготовлялся къ войнѣ, и она вѣроятно разыгралась бы, еслибы не находчивость и благоразуміе Яна Замойскаго.

Онъ находился въ королевской свитѣ во время описаннаго нами приключенія и былъ вмѣстѣ съ другими непосредственнымъ его свидѣтелемъ. Хотя оно произвело на него, какъ и на другихъ, сильное впечатлѣніе, однакожъ онъ, не увлекаясь никакою страстью, первый обратился къ закону, когда собранный наскоро совѣтъ предложилъ королю арестовать убійцу, который могъ снастись отъ наказанія бѣгствомъ.

— Не думаю, ваше величество, сказала тогда Замойскій, чтобы для обузданія того, кто нарушаетъ законъ, прилично было бы также нарушать его. Беззаконію должно противопоставить законъ. Право: *peninam carlivabimus nisi jure victum*, подтвержденное присягою, не можетъ быть нарушено никакою властью. Что же бы значило

право, если бы всякій могъ обойти его или еслибъ оно при первомъ случаѣ оказалось негоднымъ. Виновный только тогда станетъ виновнымъ предъ лицомъ права, когда его вину признаетъ судъ. Это не игра словъ и я вовсе не обращаю вниманія на то, что панъ Зборовскій можетъ уклониться отъ суда и наказанія бѣгствомъ; потому что бѣгство одного виновнаго не такъ странно, какъ упадокъ закона, который служить щитомъ для невинныхъ.

— А потому, сказалъ панъ Конецпольскій, можно оставить безъ вниманія несчастье Вановской и сиротство ея дѣтей?

— Напротивъ. Я дѣлаю госпожи Вановской и раздѣляю ея несчастье; но, какъ гражданинъ, я говорю только о нарушеніи общественнаго права, и столько вѣрю въ его авторитетъ, что не могу допустить, чтобъ кто-нибудь могъ безнаказанно отъ него уклониться. Мое мнѣніе, поэтому, то, чтобы какъ можно скорѣе потребовать пана Зборовскаго къ суду короля. Мы не имѣемъ права отказать ему въ средствахъ оправдаться. Когда преступленіе его будетъ доказано судомъ, пусть тогда его накажетъ мечъ справедливости, а не страсти.

— Все это напрасныя толки, потому что вы, панъ Замоійскій, конечно понимаете, что преступникъ не можетъ оправдаться ничѣмъ. Какого рода наказаніе должно постигнуть виновнаго, не трудно предвидѣть; о немъ и говорить нечего; надо заботиться только о томъ, чтобъ преступникъ не могъ отъ него уклониться. Признаюсь, господа, я не понимаю въ настоящемъ случаѣ пана Замоійскаго. Какъ же можно желать, чтобъ человѣкъ, совершившій убійство предъ глазами короля, убившій того, кто принесъ ему королевское приказаніе, пользовался свободою. Или хотите ожидать еще новыхъ преступленій! Сдѣлайте милость, господа, не позволяйте, чтобы натяжками пунктовъ закона нарушали естественные человѣческіе законы. Избави меня Богъ, чтобъ я совѣтовалъ когда-нибудь арестовать хоть самаго бѣднаго гражданина, преступленіе котораго еще не доказано судомъ! Но здѣсь я ссылаюсь на здравый разумъ. Развѣ панъ Зборовскій можетъ сказать, что онъ не убилъ кастеляна Пржемыскаго? Развѣ панъ Замоійскій можетъ отрицать, что онъ вмѣстѣ съ нами смотрѣлъ на это убійство? Какого же еще слѣдствія и розысканія тутъ нужно? Если послѣ такого явнаго преступленія, панъ Зборовскій будетъ пользоваться свободою и находить еще защитниковъ въ королевскомъ совѣтѣ, то намъ ничего больше не останется, какъ бѣжать изъ своего отечества. Я, какъ сенаторъ, обязывался присягой блюсти, чтобы ничего ни дѣлалось въ противность закону; я и поэтому не могу допустить и мысли, чтобы панъ Зборовскій былъ наказанъ безъ суда, но онъ долженъ быть арестованъ за то, что осмѣлился сдѣлать себѣ посмѣшнице изъ законовъ и приговоровъ королевскихъ.

— Конечно, отвѣчалъ Замоійскій, это очень дурно и не безопасно для страны, если подданные дѣлаютъ себѣ посмѣшнице изъ королевскихъ приговоровъ; однакожъ не такъ опасно, какъ превращать законъ въ игрушку. Никто изъ насъ не имѣетъ права судить и про-

износить приговоръ надъ паномъ Зборовскимъ. Мы свидѣтели происшествія, но не судьи; и наше свидѣтельство только тогда будетъ дѣйствительно, когда его признаетъ судъ. До того времени наше убѣжденіе, какъ бы основательно оно ни было, есть убѣжденіе частное, а частное убѣжденіе не есть убѣжденіе судебное. Свидѣтель есть одна изъ тяжущихся сторонъ, а потому именно не можетъ быть судьей. Одинъ король, который, какъ человекъ, также былъ свидѣтелемъ смерти пана Ваповскаго, ^{не} ^{хотѣлъ} судить обвиненнаго и я увѣренъ, что никто изъ насъ здѣсь присутствующихъ не станетъ требовать участія въ судебной власти короля, на томъ основаніи, что можетъ быть потребованъ какъ свидѣтель.

— Господинъ Замоискій, сказалъ кievскій воєвода, вы своимъ высокимъ разумомъ все можете въ другомъ видѣ представить. Я спорить не думаю съ вами. Но не могу не сознаться, что мнѣ больно и очень больно, что убійца находитъ защитника почти при трупѣ его жертвы. Я выражаюсь такъ, потому что не могу себя представить, чтобы самый ревностный защитникъ пана Зборовскаго могъ сказать больше, чѣмъ панъ Замоискій. Ни защищать, ни хвалить такого преступленія никто не осмѣлится; остается одно: дать средство убійцѣ уклониться отъ приговора, потому что, сколько я вижу, защитникамъ пана Самуила важно спасти не его честь, а жизнь. Но помните, господинъ Замоискій: здѣсь останется вдова и сироты—они будутъ призывать мщеніе неба на насъ.

— Господинъ воєвода, отвѣчалъ Замоискій, не воображайте, чтобы тотъ, кто обращаетъ ваше вниманіе на право, единственную защиту каждаго, былъ особеннымъ приверженцемъ чьего-то ни было частнаго дѣла. Я никогда не имѣлъ никакихъ неудовольствій съ Самуиломъ; но клянусь Богомъ и честью, еслибъ онъ былъ моимъ злѣйшимъ врагомъ, я бы сказалъ тоже самое. Но чѣмъ нечего спорить: передъ нами господинъ кастелянъ Санотскій, который до сихъ поръ не выражалъ своего мнѣнія. Онъ, по приказанію покойнаго короля, издалъ собраніе нашихъ законовъ, всѣ знаютъ, что между нами онъ основательнѣе всѣхъ понимаетъ духъ нашего законодательства; ссылаюсь на его свидѣтельство; пусть онъ скажетъ, можно ли пана Самуила лишить свободы безъ судебного приговора.

Губертъ выслушалъ это обращеніе и произъелъ съ:

— Ваше величество, какъ вѣрный слуга и совѣтникъ вашъ, я долженъ признаться, что панъ Замоискій говоритъ совершенно основательно; что дворянинъ можетъ быть лишенъ свободы, только по приговору суда.

— Вудъ что будетъ господа, прогорѣлъ князь Радзивилъ Сиротка а мы будемъ держаться права. Мы оправдаемъ бы отчасти преступника, еслибы употребилъ противъ него насилие. Онъ не задумался бы насилію противопоставить насилие и тогда; кто можетъ поручиться, что не началась бы гражданская война. Я совершенно соглашаюсь съ мнѣніемъ достойныхъ моихъ товарищей, пана Замоискаго и пана кастеляна Санотскаго. Будемъ ждать покойно жалобы

идовы и будемъ увѣрены, что добрый нашъ король поступитъ тогда, какъ велитъ справедливость.

— Слѣдовательно, панъ Самуилъ останется безнаказаннымъ, прервалъ панъ Конецпольскій. Я увѣренъ, что онъ бѣжитъ, когда послѣдуетъ приговоръ короля, и всѣ тѣ права, за которыя мы говорите, будутъ нарушены и уже не нами, а преступникомъ. Спрашиваю васъ, господа, что помѣшаетъ ему бѣжать, а потомъ черезъ нѣсколько времени возвратиться? кто станетъ приводить въ исполненіе приговоръ?

— Каждый городской староста, отвѣчалъ Замойскій.

— Будьте увѣрены, что если онъ теперь не будетъ исполненъ, потомъ всѣ забудутъ и кому придется въ голову и вы сами вѣроятно не напомнили бы ему о приговорѣ, еслибы были старостою.

— Вы очень обижаете меня, господинъ воевода, думая, что я изъ опасенія возбудить что нибудь неудовольствіе, забывъ бы свои обязанности. Могу васъ увѣрить, что еслибы я жаждалъ чести быть старостою, и панъ Самуилъ осмѣлился явиться въ моему округъ, никакое чувство, никакая сила не удержала бы меня отъ исполненія приговора.

Король ни однимъ словомъ не прерывалъ этого разговора; воспитанный въ неволѣ своей матери, онъ даже движеніемъ не обнаружилъ своей мысли.

— Благодарю васъ, господа, за вашу ревность въ зашитъ моего авторитета. Руководствуясь вашимъ совѣтомъ, я не боюсь упасть въ заблужденіе. Надѣюсь, что еще сегодня вдова и сироты явятся къ намъ съ жалобою. Я только этого жду, чтобы объявить свое мнѣніе, которое, надѣмся, помирить возбужденные умы. Остается намъ просить васъ, господа, принять мѣры, чтобы удержать городъ въ спокойствіи и порядкѣ. Поручаю это вамъ, господа Конецпольскій, Тенчинскій и Губертъ и вамъ, господинъ Замойскій и Новодворскій. Вы пользуетесь довѣріемъ шляхты, идите къ ней и объявите, что насиліе не можетъ быть вѣрнымъ путемъ для тѣхъ, которые ищутъ справедливости; напомните имъ, что у нихъ есть король, который не пропуститъ ничего для спокойствія и благоденствія его подданныхъ. Спѣшите, здѣсь каждая минута дорога.

Вельможи вышли на площадь, которая уже приняла вѣдъ воеводинаго лагеря. Вооруженная шляхта толпами бродила по той сторонѣ ея, гдѣ находился домъ Зборовскихъ. Тамъ также готовились къ зашитѣ.

Еще не прошло и двухъ часовъ послѣ смерти Ваповскаго, а его вдова съ обѣими дочерьми, одѣтыя въ черныя платья, съ распущенными волосами пробирались сквозь толпы, умолая о милости. Шляхта при видѣ несчастныхъ, кипѣла негодованіемъ, ожидая только двухъ стѣннотныхъ машинъ, чтобы разрушить домъ Зборовскихъ и принудить засаду выйти въ поле. Выборъ короля на этотъ разъ былъ счастливымъ. Шляхта знала отношенія Конецпольскихъ и Тенчинскихъ къ покойному Ваповскому; Губертъ пользовался общимъ уваженіемъ, и слылъ повсюду старцемъ мудрымъ и

добродѣтельнымъ; Замойскій и Новодворскій, въ особенности первый извѣстный защитникъ равенства, пользовались неограниченнымъ довѣріемъ шляхты. Они прибыли въ ту минуту, когда панъ Бужинскій, шляхтичъ изъ Нржемыской земли, неустоимый приверженецъ Ваповскихъ, объявлялъ что пойдетъ къ маршалу коронному, требовать отъ имени всей шляхты, чтобъ выдать ему пана Самуила. Подойдя къ окну, маршала, онъ грозилъ ему, что когда явятся стѣнобитныя машины, тогда будетъ поздно говорить, и если народъ разрушитъ его домъ и вырѣжетъ всѣхъ въ немъ находящихся, то маршалъ долженъ будетъ приписать это только своему упорству. Маршалъ старался сначала убѣдить посла, что Самуила нѣтъ въ его домѣ; но дерзкій Самуилъ явился у окна и началъ глумиться надъ посланникомъ. Панъ Бужинскій, пылая мстостью и злобой, возвратился къ своимъ, объявляя, что можно дѣйствовать только силой. Въ это время на площади появились стѣнобитныя машины и крики радости приветствовали ихъ.

Но панъ Конецпольскій пробился сквозь толпу къ госпожѣ Ваповской вытѣтъ съ Вилларетомъ.

— Что вижу! воскликнулъ восвода. И вы осмѣливаетесь попирать величіе короля. Вы забываете, что осыпаны его милостями и идете справедливости у толпы, а не у подножья его престола. Просите шляхту, чтобы разошлась по домамъ, прикажите, чтобы машины и сита ваша возвратились назадъ, и сами съ дочерью ступайте некатъ покровительства у короля и закона, какъ прилично супругъ сенатора, и не прибѣгайте къ насилію, когда вы сами сдѣлались жертвою насилія.

— Господа шляхта, говорилъ въ тоже время Замойскій, что вы хотите? Вы хотите начать домашнюю войну ради частнаго дѣла. Вы союзомъ и насиліемъ оправдываете преступника. Онъ сдѣлалъ тоже, что вы хотите сдѣлать. Онъ также какъ вы пренебрегъ закономъ и верховною властью. Разойдитесь по домамъ и спокойно ожидайте королевскаго приговора.

— Какъ же намъ расходиться, сказалъ панъ Бужинскій, если господня маршалъ коронный не хочетъ намъ выдать виновнаго.

— А въ силу какого права вы требуете его? вы не сеймъ, не конфедерация, вы только толпа, собравшаяся на рынкѣ; и вы хотите, чтобы первый министръ, человѣкъ знающій законы, повиновался вашимъ приказаніямъ. Онъ повинуется только королю, совѣту и сейму и передъ ними отвѣчаетъ за свои поступки. И еслибы теперь онъ принужденъ былъ исполнить ваше требованіе, вы сами потомъ пожалѣли бы этого. Я дорожу нашими правами, какъ жизнью; но еслибы король, оскорбленный вами, пошелъ на васъ съ своей стражей, какъ на бунтовщиковъ, я былъ бы на его сторонѣ. Вы здѣсь, стоя толпою, считаете себя полновластными, присвоиваете право, котораго не имѣютъ никто во всемъ государствѣ. Король съ сенаторомъ и сеймомъ не рѣшились бы арестовать гражданина, преступленіе котораго не доказано судомъ; а вы рѣшаетесь требовать этого.

Послѣднія слова произвели сильное впечатлѣніе на толпу. Со всѣхъ сторонъ слышны были голоса уже совсѣмъ другаго рода.

— Нечего и говорить, говорили кругомъ. Замоискій говоритъ правду. Не въ свое дѣло суемся. Конечно не намъ судить и наказывать преступника. За преступленіе судъ и казнь, а не бунтъ; пойдемъ, это дѣло короля да сенатора.

И дѣйствительно толпа стала рѣдѣть; Ваповская съ дочерью и Вилларетомъ пошла пѣшкомъ въ замокъ. Въ нѣсколько минутъ была восстановлена такая тишина, что люди, которые заперлись въ домѣ Зборовскихъ, могли выйти изъ своей засады и никѣмъ не тронутые возвратились въ свои дома. Маршалъ и Гнѣзненскій кастелянъ поѣхали въ замокъ, остался только Самуилъ, который теперь горько сожалѣлъ о своемъ поступкѣ, видя, что месть его пала на людей невинныхъ.

II.

Зборовскіе напрягали всѣ усилія, чтобы спасти брата. Хотя имъ и было извѣстно, что король былъ болѣе удивленъ отвлагою Самуила, нежели оскорбленъ его поступкомъ, однако не много ожидали хорошаго отъ суда, который былъ неминуемъ. Ваповская съ своей стороны ничѣмъ не пренебрегла, чтобы распространить въ народѣ неудовольствіе къ Самуилу; она даже приняла мѣры, чтобы онъ не могъ спастись бѣгствомъ. Имѣя вокругъ себя толпу кліентовъ, приверженныхъ къ ея дому и въ домахъ другихъ магнатовъ, бывшихъ въ родственныхъ связяхъ съ убитымъ сенаторомъ, она разослала ихъ по разнымъ мѣстамъ земли Пржемыской, наказавъ ихъ, чтобы они слѣдили за ея врагомъ, который, по ея расчету могъ бѣжать въ Запорожье; а такъ какъ въ этомъ путешествіи ему трудно было бы миновать землю Пржемыскую, то она не замедлила поднять всю тамошнюю шляхту. Съ другой стороны Тенчинскій и Конецпольскій разсылали въ окрестностяхъ Кракова толпы своихъ приверженцевъ для той же цѣли.

Хотя Замоискій и сожалѣлъ о смерти Ваповскаго и осуждалъ виновника, однакожъ и незаконныя мѣры, на которыя рѣшалась вдова и ея пріятель, не менѣе возмущали его. И такъ какъ онъ высказывалъ свое мнѣніе открыто, Ваповская почла его приверженцемъ Зборовскихъ и, пылая гнѣвомъ, не падала клеветы, которая впрочемъ не могла повредить человѣку, извѣстному правотою и честностью. Надо однакожъ замѣтить, что дѣло Самуила значительно измѣнилось въ его понятіяхъ. Сначала онъ видѣлъ въ немъ только преступника, теперь онъ замѣтилъ въ немъ человѣка, преслѣдуемаго сильной партіей, ищущаго защиты права, только въ томъ случаѣ, когда оно оказывается дѣйствительнымъ.

Самуилъ, какъ всѣ люди съ сильными страстями, чувствовалъ теперь упадокъ силъ нравственныхъ. Запершись въ своей комнатѣ, онъ просиживалъ цѣлыя часы безъ движенія или молча ходилъ

взадъ и впередъ. Иногда онъ выходилъ въ конюшню, осматривалъ лошадей. Братья, хотя и подверглись общему неудовольствію въ слѣдствіе его поступка, однакожъ они не выговаривали ему этого. Они старались успокоить его и, пользуясь всегдашними своими хорошими отношеніями къ императору и королю испанскому, нашли въ ихъ посланникахъ дѣятельныхъ защитниковъ для Самуила предъ королемъ, который, будучи воспитанъ въ междоусобіяхъ, не только не чувствовалъ оскорбленія, нанесеннаго его достоинству, какъ полагали поляки, но даже въ душѣ былъ на сторонѣ Самуила. Зборовскіе и не думали, чтобы братъ ихъ былъ казненъ смертью, какъ этого требовало право; но знали, что безнаказанно ему не уйти, и что по крайней мѣрѣ онъ будетъ принужденъ оставить отечество; и это ихъ не мало печалило. Самуилъ умѣлъ оцѣнить привязанность братьевъ; тѣмъ болѣе, что кромѣ маршала и кастеляна Гнѣзненскаго и другіе братья пріѣхали въ Краковъ, лишь только узнали объ несчастіи, постигшемъ Самуила. Единодушіе господствовало между братьями, такъ что даже различіе исповѣданій не могло его ослабить. Нельзя было имѣть дѣло съ однимъ братомъ, безъ того, чтобъ не вступились другіе. Послѣ смерти кастеляна краковского, они доказали свою братскую привязанность, тѣмъ, что раздѣлъ поручили старшему въ родѣ, маршалу коронному, и не колеблясь согласились на его распоряженіе. Можетъ быть это былъ единственный раздѣлъ во всей Польшѣ, который окончился въ нѣсколько часовъ безъ участія юристовъ.

Маршалъ и кастелянъ силились составить партію въ свою пользу и всѣми мѣрами старались успокоивать Ваповскую. Но младшіе братья не были такъ осторожны; они напротивъ еще раздражали ее, говоря въ присутствіи ея приверженцевъ, что Рѣчь Посполитая ничего не потеряла со смертью сенатора и что одинъ только адвокатъ вдовы могъ превратить частное дѣло въ общественное.

На обѣдѣ у Дембницкаго, кастеляна Заторскаго, который у обѣда партій былъ въ почетѣ, Конечпольскій, сожалѣя о несчастномъ положеніи Ваповской, сказалъ, что ежели убійца не будетъ наказанъ, своеволю дойдетъ до крайнихъ предѣловъ. Одинъ изъ Зборовскихъ на то отвѣтилъ:

— Для дома Ваповскихъ гораздо больше чести, что сенаторъ убитъ отъ руки Зборовскаго, нежели то, что онъ получилъ сенаторское кресло, благодаря красотѣ своей жены. Впрочемъ можете писать приговоры нашему брату, но я не думаю, чтобы они были выполнены.

Такое неблагоразуміе не могло нравиться даже и приверженцамъ Зборовскихъ.

Тяжело быть предметомъ общаго нерасположенія даже и тому, кто убѣжденъ въ своей правотѣ; читатель можетъ себѣ представить положеніе Самуила. Впрочемъ должно сказать, что онъ находилъ не малое утѣшеніе въ дружбѣ братьевъ, а въ особенноти Мрочка, который, не обращая вниманія на свои собственные отношенія, посвятилъ себя Самуилу. Когда король сдѣлалъ распоряже-

нѣ о немедленномъ судѣ и нанѣ. Одноюжъ Поменжскъ, извѣстный юристъ, предложилъ свои услуги Ваповской, во всемъ Краковѣ нашлось юриста, который рѣшился бы защитить дѣло Зборовскаго: конечно, ихъ удерживало опасеніе возбудить противъ себя неудовольствіе могущественныхъ магнатовъ. Друзья Зборовскихъ до того упали духомъ, что даже панъ Проневскій, генеральный подѣреный маршала короннаго, юристъ и воинъ, отказался отъ этой услуги: «Советовать буду, сказалъ онъ, какъ изъ чернаго сдѣлать бѣлое; но предъ судомъ королевскимъ защищать не стану. Я отецъ дѣтямъ и самъ не богатъ. Пяти противъ госпожи Ваповской, значить, пустить по міру дѣтей. Въ случаѣ несчастія я готовъ защищать саблей пана Самуила; но посягать съ мѣю, да еще съ Тенчинскими и Конецпольскими мнѣ не подѣ силу».

Казимиръ Мрочекъ одинъ оказался неустрашимымъ. Знакомый съ правомъ, какъ всякій шляхтичъ, онъ самъ домогался роли адвоката; но когда король призналъ его въ этой новой профессіи, онъ имѣлъ случай убѣдиться, какъ опасны иногда бываютъ услуги друзьямъ. Въ тотъ же вечеръ, не далеко отъ дома Зборовскихъ на него напало нѣсколько слугъ Ваповской и нужно было имѣть такое присутствіе духа, силу и смѣлость, какими обладалъ Казимиръ, чтобы освободиться отъ нихъ и добраться до дому невредимымъ. Съ этого времени онъ подѣ кунтушомъ носилъ панцирь, и не снималъ его, даже идя въ судъ, потому что всегда и вездѣ могъ ожидать измѣническаго кинжала.

Не смотря на дружбу и родственное участіе, Самуилъ видимо грустилъ. Около этого времени его навѣстилъ Замойскій, который со смерти Ваповскаго не ходилъ къ Самуилу; это посѣщеніе нѣсколько удивило нашего героя. Однакожъ онъ почтительно и ласково встрѣтилъ гостя.

— Вамъ вѣроятно извѣстно, сказалъ Замойскій, что ваше дѣло завтра будетъ предложено на судъ короля. Я пришелъ предложить вамъ мой дружескій советъ.

— Съ благодарностью принимаю этотъ новый доводъ вашего расположенія ко мнѣ.

— Ваше дѣло приняло гораздо лучший оборотъ, чѣмъ можно было ожидать. Король, какъ кажется, оставляетъ безъ вниманія оскорбленіе, нанесенное вамъ его достоинству, и приказываетъ вамъ только явиться по жалобѣ вдовы и сиротъ сенатора. Еслибы король потребовалъ моего совета, то, говорю вамъ откровенно, я, не смотря на наши дружескія отношенія, представилъ бы ему, что вина ваша заключается именно въ оскорбленіи его достоинства; и тутъ васъ ни чѣмъ не могли бы оправдать. Но такъ какъ, дѣло ваше сдѣлалось теперь дѣломъ частнымъ, то ваше положеніе значительно измѣнилось къ лучшему. Однакожъ вы не можете надѣяться, чтобы васъ оправдали: хотя рѣчи и не будутъ о *crimen lesae Majestatis*, убійство сенатора такъ явно, что возражать противъ этого нѣтъ физической возможности. Поэтому мой советъ таковъ: поспѣшите удалиться изъ Рѣчи Посполитой, не ожидая приговора, та-

кими образомъ вы можете спасти жизнь и честь; притомъ и въ чужой землѣ вы можете служить отечеству.

— Благодарю за вашъ совѣтъ, но послѣдовать ему я не могу; уклоняться отъ суда значитъ признать себя виновнымъ.

— Но оправдаться вы не можете. Если вы не явитесь по требованію короля, васъ заочно приговорятъ къ смерти, а противъ заочнаго приговора всегда можно возражать. Я не удивляюсь, что пави Ваповская такъ рѣшительно идетъ противъ васъ; еслибы она поступала иначе, то не заслуживала бы уваженія. Но во всякомъ случаѣ современемъ эта потеря станетъ для нея менѣе тяжелой и вы можете впоследствии помириться, если не съ нею, то съ ея наслѣдниками; тогда вы возвратитесь въ отечество, приобретя болѣе опытности и славы, къ которой у васъ всегда открыта дорога.

— Умѣю цѣнить побужденія, заставившія васъ дать мнѣ такой совѣтъ; и чувствую, что я былъ бы крайне благодаренъ, еслибы не отплатилъ вамъ совершеннымъ довѣріемъ. Но уклониться отъ суда я не могу ни за что на свѣтѣ, хотя бы даже приговоръ послѣдовалъ такой, какого ждетъ госпожа Ваповская. Мое бѣгство осудило бы меня предъ общественнымъ мнѣніемъ; а я чувствую себя невиннымъ; потому что если оскорбленіе королевскаго величества устрашено, я клянусь, что противъ госпожи Ваповской я совершенно правъ. Я не имѣлъ никакихъ неудовольствій съ ея мужемъ; я былъ когда-то другомъ его дома; но если я, по нѣкоторымъ причинамъ, пересталъ бывать у нихъ, то это нисколько не мѣшало нашему взаимному расположенію и дружбѣ. Я никогда не искалъ его смерти и даже смерти Тенчинскаго. Богъ свидѣтель, что если бы я хотѣлъ убить Тенчинскаго, то Ваповскій не успѣлъ бы помѣшать мнѣ. Я хотѣлъ только обезоружить его и сдѣлалъ бы это, еслибы Ваповскій не сталъ между нами. Я бросилъ на него топоръ, безъ всякаго намѣренія, и самъ удивился, увидѣвъ, что онъ засѣлъ въ его черепѣ. Это несчастный случай — не болѣе. Такъ я говорю предъ вами, такъ скажу и предъ судомъ; а если не удастся мнѣ убѣдить его, если онъ обвинитъ меня въ намѣренномъ убійствѣ — пусть и такъ будетъ. Но я скорѣе рѣшусь положить невинную голову на плаху, чѣмъ бѣжать отъ суда.

— На минуту не могу допустить, чтобы въ вашихъ словахъ была хоть тѣнь неправды. Но доводы суда и частное убѣжденіе различны. Судъ основывается на показаніяхъ свидѣтелей, а не на чувствахъ личнаго уваженія. Я первый — еслибы меня потребовали какъ свидѣтеля — долженъ былъ бы представить показаніе, которое ни въ какомъ отношеніи васъ оправдать не можетъ. Подумайте объ этомъ, пока еще есть время.

— Повторяю вамъ, что чувствую себя совершенно невиннымъ и ничѣмъ не признаю за собою вины. Сознаюсь, что въ гибѣи я былъ о присутствіи короля; но объ этомъ, какъ вы сами сказали, рѣчи тутъ не будетъ.

— Да; но оскорбленіе величества будетъ упомянуто, какъ обстоятельство, усиливающее преступленіе. Трудно предположить, чтобы

панъ Одвожъ-Пенёнжекъ умолчалъ объ этомъ. Наконецъ, если разсматривать только убійство безоружнаго сенатора, то и въ такомъ случаѣ не можете ожидать ничего хорошаго.

— Пусть будетъ такъ. Лучшее погибну виновный. чѣмъ стану скитаться, какъ преступникъ, въ чужой землѣ.

— Безъ сомнѣнія, кто бѣжить отъ приговора суда, тотъ поступаетъ подло. Но вы должны подумать, можете-ли вы для сохраненія чести, не говорю, подвергнуть жизнь опасности, это для васъ не ново, но положительно пожертвовать имъ. Если вы не увѣрены въ себѣ, примите мой дружескій совѣтъ. Вы можете уклониться теперь отъ суда, объявивъ, что не имѣете въ немъ увѣренности, такъ какъ знаете, что онъ находится подъ влияніемъ пристрастія, а заочный приговоръ еще не есть рѣшительный приговоръ. Но если вы явитесь къ суду и всѣ средства защиты окажутся бесполезными, вы нанесете ударъ и себѣ и своему имени, которое уже теперь такъ славно.

— Мало вы меня знаете, господинъ Замоискій. Завтра я явлюсь къ суду и совершенно прямо и откровенно, какъ честный человекъ, отвѣчу на всѣ вопросы. Если я не буду оправданъ, подвергнусь приговору безъ ропота. Жизнь не такъ для меня привлекательна, чтобы покупать ее честью дворянина и рыцаря. Таково мое окончательное рѣшеніе и если бы вы меня знали лучше, вы были бы увѣрены, что сказанное однажды слово я не беру назадъ.

— Я зналъ въ васъ славнаго воина, теперь узнаю честнаго гражданина. Пусть будетъ воля Божья.

Замоискій простился и грустный вышелъ изъ дома Зборовскихъ. На другой день зала въ замкѣ, гдѣ свершался судъ королевскій, была полна шляхты, такъ что трудно было пробраться сквозь толпу. Король сидѣлъ на престолѣ, а возлѣ него семь сенаторовъ, которые должны были давать ему совѣты и переводить рѣчи, потому что, какъ замѣчено выше, король былъ плохо знакомъ съ латышью. Низенькія перилы отгораживали пространство, гдѣ находилась трона и засѣдали ассесоры, выбранные королемъ, отъ пространства, гдѣ толпилась любопытная публика. Съ одной стороны на скамьяхъ сидѣла Ваповская съ дочерями и воеводою Кіевскимъ, Конопиольскимъ, который былъ ихъ опекуномъ. На той же линіи, но на другой сторонѣ сидѣли и стояли свидѣтели, всѣ тѣ, которые были съ королемъ на балконѣ, и другіе, потребованные ищущими. Между ними не было Замоискаго, котораго Ваповская объявила отверженцемъ Зборовскихъ. Но былъ въ этой толпѣ Взекиль Вдера, который казалось, былъ крайне смущенъ своимъ новымъ положеніемъ; онъ безпокойно посматривалъ во всѣ стороны и игралъ дѣпью, вставшю у него на шеѣ. Посреди залы находилась кафедра; на ней лежали книги законовъ, бумага, перья, чернильница, а возлѣ стоялъ панъ Одвожъ-Пенёнжекъ и Казимиръ Мрочекъ. Подсудимаго еще не было видно; Ваповская и ея пріатели уже успѣли рассказать, что Самуилъ, убѣжденный въ безопасности обороны, бѣжалъ изъ Рѣчи Посполитой.

Но безъ удивленія увидѣла публика вопеднаго Самуила: уже самою одеждою онъ могъ обратить на себя вниманіе, такъ она была роскошна. Подойдя къ периламъ, онъ поклонился почти до земли королю, потомъ почтительно поклонился противникамъ, кивнулъ головою папу Пенѣнжу, пожалъ руку Мрочку и три раза поклонился публикѣ. Въ выраженіи лица, въ движеніяхъ Самуила было столько спокойствія, самоувѣренности, гордости, что Ваповская начала беспокоиться за свое дѣло.

Король всталъ и проговорилъ: «Veni Creator». Всѣ преклонили колѣна и молчали съ королемъ; диссиденты стояли молча, склонивъ головы; одинъ Здора, который все еще не могъ овладѣть собою, сталъ на колѣни. Когда гимнъ былъ оконченъ, король сѣлъ на тронъ и приказалъ начать дѣло.

Всѣ умолкли; въ залѣ раздавался твердый и внятный голосъ Одвоика. Бойкій юристъ не пропустилъ ни одного средства, чтобы возбудить всѣхъ противъ Самуила. Предвидя, что противникъ его будетъ настаивать, что встрѣча Самуила на мосту была необдуманна, онъ старался опровергнуть всѣ доводы, которые могли бытъ томъ убѣдить, упоминая о старинной враждѣ Зборовскихъ и Тенчинскихъ, враждѣ, возобновившейся вслѣдствіе происшествія на турнирѣ; искусно намекнулъ на гордость Зборовскихъ, неприязнящихъ никакимъ властямъ и отвергающихъ равенство шляхты. Потомъ прибавилъ, что нападеніе на Тенчинскаго во всякомъ случаѣ есть разбойничій поступокъ; какже назвать убійство сенатора, посланнаго королемъ, принесшаго королевскій приказъ?

— До сихъ поръ, продолжалъ адвокатъ, я говорилъ, какъ защитникъ дѣла несчастной вдовы и дѣтей, ищущихъ справедливости и покровительства вашего величества. Но защищая частное дѣло, я защищала дѣло общественное; потому что если дерзость подданныка можетъ свергнуть во вдовство и сиротство жену и дѣтей сенатора, и вдовы и сироты ихъ несчастія не заплатитъ за ихъ несчастіе головно, гдѣ же и какое обезпеченіе найдутъ наши дочери и жены? Пусть погибнутъ наши права, если они могутъ оправдать такіа преступленія, какое совершилъ панъ Самуилъ Зборовскій. Я и допустить не могу, чтобы ваше величество имѣли больше состраданія къ преступнику, чѣмъ къ несчастнымъ жертвамъ его преступленія. Богъ, вѣщающій тебѣ многочисленныя народы, сказалъ: «Пусть погибаетъ свѣтъ, но совершается справедливость». Въ настоящемъ случаѣ справедливость ваша спасаетъ свѣтъ, снисходительность губитъ его. Говорю не какъ защитникъ одной семьи, но какъ дворянинъ и гражданинъ. Вы устранили дѣло объ оскорбленіи вашего величества, потому что чувствуете себя слишкомъ великимъ и потому не совѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ стоять за свое собственное дѣло. Но хотя ваша доброта и великодушіе, достойныя перейти въ отдаленныя потомства, и внушаютъ въ насъ чувство удивленія, однакожъ позвольте мнѣ возразить и противъ этого. Въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ объ оскорбленіи вашего величества, мы не должны считать себя одною изъ тяжущихся сторонъ. Если на-

ни дѣла суть твои дѣла, то также твои дѣла суть дѣла дѣлаго народа. Ты слишкомъ могущественъ, слишкомъ возвышенъ надъ нами, чтобы кто-нибудь изъ насъ могъ тебя оскорбить. Но мы, твои подданные, не стоимъ на такомъ уровнѣ, чтобы обида не могла достигнуть до насъ. Поэтому-то мы и поручаемъ нашу славу и нашу жизнь твоей опеке. Будемъ ли мы безопасны, если наша наибольшая обида, оскорбленіе твоего величества, пройдетъ безнаказанно? Какъ защитникъ доведенной до отчаянія семьи сенатора Ваповскаго, я не прошу, но требую головы Самуила Зборовскаго, потому что право, котораго вы стражи, уполномочиваетъ меня къ этому. А какъ дворянинъ я оставляю въ сторонѣ, что вы, по неизрѣченной своей милости, не требуете надъ нимъ суда, какъ надъ оскорбителемъ нашего достоинства, отъ имени всѣхъ подданныхъ домогаясь казни за оскорбленіе, которое понесъ каждый изъ насъ въ вѣкахъ лицъ.

Когда адвокатъ окончилъ рѣчь, начали отбирать показанія свидѣтелей. Всѣ объявили, что видѣли, какъ Самуилъ съ обнаженнымъ мечемъ принуждалъ пана Тенчинскаго сражаться съ нимъ, какъ тотъ не хотѣлъ обнажить оружіе и наконецъ принужденъ былъ угрозою противника. Но никто изъ нихъ не могъ сказать ничего о первой причинѣ ссоры; было ли нападеніе это обдуманно или вызвано какимъ нибудь обиднымъ словомъ со стороны пана Тенчинскаго. Но впрочемъ почти всѣ показанія были противъ Самуила.

Въ числѣ свидѣтелей былъ панъ Стржмень Мариницкій, чесникъ Подляскій, человекъ пожилой и извѣстный частностію и мужествомъ. Когда до него дошла очередь, онъ сказалъ: — Не знаю что было причиной ссоры; когда я пришелъ, панъ Зборовскій уже отбивалъ саблю пана кастеляна Вѣцкаго, который уговаривалъ его оставить дѣло до другой встрѣчи. Но я долженъ признаться, что по всему, что я видѣлъ, не могу заключить, чтобы панъ Самуилъ хотѣлъ убить или даже ранить кастеляна: онъ хотѣлъ его только напугать.

— На чемъ же вы основываете это мнѣніе? спросилъ одинъ изъ ассесоровъ королевскаго суда.

— Я самъ лѣтъ сорокъ владѣю саблей и не десять, не сто разъ случалось мнѣ самому бывать въ подобныхъ обстоятельствахъ. Пана Зборовскаго я видѣлъ первый разъ на турнирѣ, и тотчасъ же замѣтилъ, что такихъ рубакъ, какъ онъ, почти не бываетъ. Во время схватки на мосту господинъ кастелянъ открылся два раза такъ, что всякій, кто только умѣетъ держать въ рукѣ саблю, могъ бы на нести ему ударъ по лбу. Еще тогда я сказалъ стоявшему возлѣ меня пану Чарковскому, — онъ также здѣсь, свидѣтель: оставимъ ихъ, панъ Зборовскій шутитъ, ничего не будетъ. Пусть панъ Чарковскій самъ скажетъ, правда ли это.

Чарковскій подтвердилъ слова Мариницкаго. Относительно обстоятельствъ убійства кастеляна Ваповскаго свидѣтели повторили только то, что уже было извѣстно.

Приступили наконецъ къ изслѣдованію первыхъ поводовъ ссоры

Самуила съ Тенчинскимъ и не безъ основанія приписали ее происшествію , бывшему на послѣднемъ турнирѣ. Всѣ свидѣтели показали , что , когда Здора по требованію судей открылъ забрало, Самуилъ съ самыми неприличными словами оскорбилъ пана Тенчинскаго и словами полными презрѣнія осыпалъ Здору.

Потребовали наконецъ пана Езекіеля Здору. Всѣ съ любопытствомъ ожидали, что онъ скажетъ. Ваповская и ея друзья особенно на него разсчитывали , такъ какъ знали , что онъ былъ наиболѣе оскорбленнымъ кліентомъ пана Тенчинскаго. Спросили его, что именно сказалъ Самуилъ.

— Что панъ Самуилъ обругалъ меня, это вѣрно, отвѣчалъ Здора; но какъ, этого не помню , потому что рѣчь его касалась не прямо меня, а пана Тенчинскаго. Признаюсь, что когда я упалъ , и не въ состояніи былъ подняться, потому что этотъ проклятый мечъ вбился до половины въ землю , тогда я нисколько не обращалъ вниманія на то , что вокругъ меня происходило. Наконецъ то, что было между мною и паномъ Зборовскимъ , это наше частное дѣло и не знаю какимъ образомъ оно можетъ касаться другихъ ; потому что если меня обидѣлъ панъ Самуилъ, и я на другой день, бывши уже совершенно здоровымъ, не напомнилъ ему объ этомъ и не жаловался, и до сихъ поръ не пожаловался, то отсюда слѣдуетъ одно изъ двухъ: или я не чувствую себя обиженнымъ , либо подаль какойнибудь поводъ къ обидѣ.

— Отвѣчайте на вопросъ судей , прервалъ его одинъ изъ ассессоровъ; и отвѣчайте искренно, какъ обязаны вы на то присягой.

— Я отвѣчаю какъ умѣю, и именно потому, что я присягалъ, считая необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности. А можетъ быть вы думаете, что для протестанта присяга ничего не значить, такъ позвольте сказать вамъ , что эта присяга меня такъ смутила, что я только теперь начинаю приходить въ себя. Я и не думаю оправдывать пана Самуила, потому что онъ одной со мною вѣры, потому что во первыхъ и меня и пана Самуила рѣдко видятъ въ киркѣ, во вторыхъ , потому что моя жена , также какъ вы , держится папы, а въ третьихъ потому, что я еще въ прошломъ году покрылъ въ Космыржовѣ католическую церковь кенигсбергскою черепицею, чѣмъ не можетъ похвалиться ни одинъ изъ моихъ сосѣдей , хотя всѣ постятся и молятся. Три помѣщика принадлежатъ къ этой церкви, а ни одинъ и гроша не далъ; только я, диссидентъ, сдѣлалъ все на собственные деньги...

— И какимъ же образомъ все это влечется съ дѣломъ? прервалъ тотъ же ассессоръ.

— А такимъ образомъ, что если я дамъ свое свидѣтельство, то и желаю, чтобы мнѣ вѣрили. Такъ вотъ видите, оскорбленъ-ли я или нѣтъ паномъ Самуиломъ, это мое дѣло; но такъ какъ я присягалъ, то долженъ сказать все , что будетъ клониться къ его осужденію или оправданію. И такъ я говорю , что слышалъ, какъ панъ Самуилъ сказалъ пану Тенчинскому , что разсчитывается съ нимъ за то , что не вышелъ самъ съ нимъ, а выслалъ своего слугу. Но я дол-

жень также сказать и то, чего панъ Самуилъ не подтвердитъ, хотя бы его клонцами за языкъ тянули, что я подалъ къ тому поводъ. Когда онъ, прижавъ мою колѣнѣю, приложилъ къ горлу моему кинжалъ, говоря, чтобы просилъ пощады, я сказалъ ему: коли, собачій сынъ, чтобъ тебѣ потомъ издохнуть со всѣмъ твоимъ родомъ и племенемъ. Послѣ такого отвѣта у него дѣйствительно могла закипеть желчь. Иной, можетъ быть, закололъ бы меня на мѣстѣ; можетъ быть, и я тоже бы сдѣлалъ; а панъ Самуилъ только сказалъ нехстати. Но онъ сожалѣлъ о томъ, что въ гнѣвѣ сказалъ, потому что послалъ ко мнѣ пана Казимира Мрочка, который будетъ защищать его предъ судомъ его королевскаго величества. Не торжествуйте, господамъ Одвонжъ; вы мудро говорили; но подождите, что скажетъ панъ Казимиръ. Я его съ дѣтства знаю, и уже по лицу вижу, что вы его не собьете съ сѣдла. Вы отлично говорите; но подождемъ, пусть поговоритъ Казимиръ, тогда увидимъ, чье желѣзо потверже. Хотя, по моему мнѣнію, было бы гораздо лучше, вмѣсто всей этой болтовни, пусть всякій, кто имѣетъ что нибудь противъ пана Самуила, броситъ ему перчатку: тогда нашлось бы вѣрно кому поднять ихъ; это самое лучшее средство узнать, кто правъ, кто не правъ.

— Не ваше дѣло давать совѣты его величеству, сказалъ грозно одинъ изъ ассесоровъ. Вы кончили, или нѣтъ? Если нѣтъ, говорите, но не уклоняйтесь отъ вопроса, и не вѣшивайтесь не въ свое дѣло.

— Можетъ быть, я точно виноватъ въ этомъ; но прошу извинить меня, потому что я первый разъ въ жизни имѣю нечастіе стоять предъ судомъ. Но на чемъ я остановился? Да! панъ Самуилъ послалъ ко мнѣ въ деревню пана Казимира Мрочка, чтобы объявить мнѣ, что желаетъ помириться со мною, и съ господами шляхтой, которая изволила вступить за меня, хотя я и не считаю себя оскорбленнымъ; потому что еслибы я былъ оскорбленъ, то рассчитался бы съ паномъ Самуиломъ въ другомъ мѣстѣ, а не предъ судомъ его величества. Я не баба и не юристъ, чтобы съ языкомъ ходить по людямъ.

— Если вы не перестанете говорить неумѣстные остроты, намъ возный напомнить о мѣстѣ, гдѣ вы находитесь, сказалъ тотъ же ассесоръ.

— Богъ свидѣтель, что я никого обидѣть не хотѣлъ. Скажу только, что какъ Самуилъ самъ напросился ко мнѣ на обѣдъ, звать нашу мировую, я пригласилъ шляхту; и конечно моему погребу быть бы конецъ, еслибы не эта проклятая встрѣча на мосту, чтобъ онъ пропалъ. Впрочемъ панъ Самуилъ и панъ кастелянъ Вѣцкій, оба живы и здоровы;—объ нихъ и говорить нечего. А что до пана кастеляна Пржемыскаго, то, какъ въ Бога вѣрю, въ его смерти никого винить. Его не человѣкъ убилъ, а Богъ, можетъ быть, для того чтобъ наградить его чѣмъ нибудь лучшимъ. Развѣ только тотъ, кто никогда не видѣлъ, какъ бьются люди, можетъ говорить, что панъ Самуилъ хотѣлъ его убить. Еслибы онъ хотѣлъ кому нѣ-

будь разбить топоромъ лобъ, то вѣроятно взялъ бы его въ правую руку. Онъ бросилъ его съ горяча, безъ всякаго намѣренія. Это случай и больше ничего. Если вы припишете это намѣренію пана Самуила, надъ вами всѣ посмѣются. Вѣдь вы всѣ умѣете обращаться съ саблею и съ топоромъ; я позволяю бросить на себя топоръ лѣвою рукою, лишь бы только шель закладъ—лопадь и все вооруженіе, напрямѣръ; если попадетъ, а я останусь живъ, не только не буду огорчаться этимъ, еще поблагодарю за науку.

— Съ этимъ болтуномъ никто не кончитъ, сказалъ канцлеръ коронный, ближе всѣхъ сидѣвшій къ трону. Кажется, слѣдствіе уже кончено. По повелѣнію его величества, засѣданіе отлагается на завтра. Господинъ Мрочекъ, приготовьте вашъ отвѣтъ.

— Мой отвѣтъ готовъ.

— Хорошо; засѣданіе будетъ завтра въ то же время.

Король всталъ и удалился въ свои покои; остальные послѣдовали его примѣру.

III.

Во время этого засѣданія произошла сцена, которая произвела не малое впечатлѣніе на публику. Когда Одвонжъ Пененжекъ, представивъ въ самыхъ живыхъ выраженіяхъ добродѣтели кастеляна Пржемыскаго, приступилъ къ описанію его убійства, вдова, растроганная этимъ образомъ, упала въ обморокъ и, по приказанію короля; сулъ былъ приостановленъ, пока ее не привели въ чувство.

Но съ другой стороны показанія пана Маршицкаго, и въ особенности Здоры, отъ котораго собственно началось всѣ дѣло, возбуждали нѣкоторую надежду въ сердцахъ друзей Зборовскихъ и примирили съ ними многихъ безпристрастныхъ людей, отшатнувшихся отъ нихъ только вслѣдствіе послѣдняго происшествія.

Замѣчено было, что генералъ Гумецкій, который объявилъ себя противъ своего обвиненнаго племянника, и даже пересталъ бывать у его братьевъ, оказался болѣе внимательнымъ къ нему и разговаривалъ довольно любезно съ паномъ Маршицкимъ.

— Вѣдь уже сто лѣтъ мы разстались подъ Сучавою; хорошо мы задали тогда султану. Вы помните, сколько лежало турецкихъ головъ, и добыча была тоже не малая. Я старше васъ, а вспомнилъ; а вы, кажется, забыли стараго товарища.

— Что дѣлать, пане Гумецкій!... Видите ли, я въ деревнѣ одичалъ, пріѣхалъ за дѣломъ въ Краковъ, еще оглядѣться не успѣлъ. Я васъ видѣлъ на турнирѣ.

— Почему же вы не подошли ко мнѣ?

— Скажу вамъ откровенно: я подумалъ такъ: были мы когда-то товарищи и пріатели; но тогда панъ Гумецкій, хоть и сынъ магната, былъ только хорунжимъ, а Маршицкій былъ ротмистромъ. Между равными все шло тогда хорошо. Теперь панъ Гумецкій высокий сановникъ, а Маршицкій такъ себѣ шляхтичъ и уѣздный чиновникъ.

Что, подумалъ я, если я припомню ему о томъ, что когда-то было, а онъ скажетъ—не помню. Чтожь тогда?... Но если вы такъ добры, я завтра готовъ служить вамъ.

— Ну вотъ и сказалъ вздоръ; я сейчасъ беру васъ съ собою; а если я сказалъ: да, то и будетъ: да. Вы обязаны потѣшить меня старика, потому что вотъ видите, что надѣлалъ мой племянникъ. Но впрочемъ дома потолкуемъ.

Всѣ вышли изъ замка. Каждый возвращался домой; Самуилъ хотѣлъ бы поговорить съ Мрочкомъ, на котораго очень коснулись друзья Вановской; но его остановилъ маршалъ коронный, посоветовавъ прямо отправиться домой, чтобы не дать повода къ пересудамъ. Многіе изъ замка пошли прямо къ Фалендыну; въ числѣ послѣднихъ былъ и Здора, который, взявъ подъ руку Мрочка, сказалъ:

— Знаешь что, Казимиръ? не только я, но, кажется, и Вогъ хотѣть, чтобы мы не разставались. На меня это дѣло свалилось, какъ снѣгъ на голову. Знаю, что меня позвали какъ свидѣтеля; но еще не уволили. Можетъ быть, мнѣ нельзя ѣхать въ Космырево, пока не кончится судъ. Мы можемъ вдвоемъ провести время здѣсь. Пойдемъ къ Фалендыну, отдохнемъ немного, потому что, признаюсь тебѣ, это засѣданіе меня больше измучило, чѣмъ турниръ.

— Хорошо, пойдёмъ: только будь остороженъ, потому что тамъ будетъ много пріятелей Вановской.

— Что съ тобой сдѣлалось, что ты сталъ избѣгать ссоры? я тебя не такимъ зналъ прежде.

— Видишь, въ чемъ дѣло: я теперь не могу распоряжаться собою; завтра я долженъ отвѣчать передъ судомъ. Ты слышалъ, какъ этотъ Одвонжъ напиралъ на пана Самуила. А ты можешь себѣ представить, какъ было бы дурно, еслибы я не могъ защитить его завтра.

— Будь покоенъ. Никого трогать не стану; а если кто нибудь будетъ искать съ нами ссоры изъ-за Вановской либо Товчинскихъ и Конецпольской, то думать тутъ много нечего — всякъ, у кого есть хоть на волосъ рыцарской чести, пойдетъ за пана Самуила. Ты замѣтилъ, какъ Маршницкій защищалъ его; а вѣдь онъ его не знаетъ. И я тоже старался его защитить; потому что воронъ ворону глаза не выклюетъ. У меня всю внутренность повернуло отъ досады, когда я услышалъ, какъ восхищались рѣчью Одвонжа. И что это за обязанность языкомъ дѣлать изъ чернаго бѣлое, изъ бѣлаго черное. Удастся—хорошо; не удастся—опять хорошо. Нѣтъ! пусть онъ попробуетъ поработать саблею или топоромъ, какъ онъ работалъ языкомъ, тогда я соглашусь, что онъ точно пріятель; но эта нанятая дружба, по моему мнѣнію, выдѣнного яйца не стоитъ. Я не могу спокойно смотрѣть на этихъ шелкоперовъ; такъ и хочется плюнуть въ глаза. Потому что можетъ-ли быть что-нибудь подлѣе, какъ лаять за деньги передъ судомъ на того, противъ коего ничего не имѣешь. Эта юриспруденція и мошенничество, по моему, одно и то же. Ну, да чертъ съ ними!... Я пожалуй трогать никого не стану; да и къ чему? я вѣдь такъ себѣ шляхтичъ, мнѣ со всякимъ нужно жить

въ мѣрѣ. Только если придетъ какой нибудь юристъ, выгоню; пусть подлецы идутъ въ кабаки.

— Но какъ же ты странно говоришь! ты хочешь, чтобы было право, а не хочешь, чтобы были люди, которые бы могли толковать его?

— Въ томъ-то и бѣда, что толкуютъ. И что изъ этихъ толковъ? одинъ на свѣтѣ судъ справедливый—судъ Божій. Мнѣ скажетъ кто нибудь, что я и то и другое сдѣлалъ дурно; а я тому скажу, вѣрнѣе и перчатку броню въ рожу. Если онъ чувствуетъ, что правъ, подыметъ; а станемъ драться, тутъ ужъ никто, какъ Богъ. Вотъ мое мнѣніе, и будь я на соймѣ депутатомъ, я предложилъ бы выгнать всѣхъ юристовъ къ черту, отдать татарамъ за невинныхъ плѣнныхъ, и установить въ каждомъ судебномъ округѣ по нѣсколькимъ рыцарей, чтобы всѣ дѣла саблею рѣшали.

— Тогда ты былъ бы отличнымъ юристомъ; ты за всякое дѣло брался бы.

— Нѣтъ, ты меня не знаешь, значить. Я не всякое дѣло сталъ бы защищать изъ-за денегъ; не такъ я люблю деньги, чтобы сдѣлать это. Для меня деньги тогда дороги, когда я въ нуждѣ, а, правда, я всегда въ нуждѣ... Но впрочемъ, клинусь тебѣ, что я во все не такой жадный къ деньгамъ, какъ кажусь иногда... Да, кстати; ты сказалъ, что панъ Самуилъ предлагать мнѣ вооруженіе; пригodiлось бы и очень, но только я не знаю, брать, или не брать.

— Почему же не брать, если отъ души предлагаютъ?

— А вотъ почему: меня потащили какъ свидѣтеля противъ пана Самуила. Тенчинскій мнѣ говорилъ что-то объ обязанностяхъ свидѣтеля, о моихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ нему, какъ родственнику. Я отвѣчалъ на эту проповѣдь, что благодарю покорно за его заботливостъ и за то, что учить меня говорить передъ судомъ правду; но только не могу поблагодарить за то, что потащилъ меня къ суду. Видно, они на меня разсчитывали; но ошиблись. Я знаю, тамъ меня ждетъ буря; но я этого не боюсь. Что жъ они могутъ мнѣ сдѣлать? развѣ жену выпустить сюда. Но я и тогда найду средство... Вотъ и Фалендынь; тамъ поговоримъ объ остальномъ. У меня что-то въ горлѣ пересохло.

У Фалендыша было уже много шляхты. Наши друзья успѣлись за особенный столикъ и Мрочекъ, за которымъ была очередь угощать, приказавъ подать двѣ бутылки вина. Шляхта толковала о недавнемъ кончившемся засѣданіи суда. Было много приверженцевъ Ваповской, Конещпольскихъ и Тенчинскихъ, которые доказывали, что конечно панъ Зборовскій съ намѣреніемъ началъ на Тенчинскаго и въ покойнаго кастеляна бросилъ топоръ, разумѣется, не для того, чтобы его имъ погладить. Но были и такіе, которые доказывали, что показанія Маршицкаго и Здоры значительно измѣняютъ положеніе дѣла. Но и тѣ и другіе, замѣтивъ вошедшихъ, стали говорить осторожно.

Между тѣмъ Здора, добравшись до бутылки, сталъ высказывать свои мнѣнія и чувства, совершенно нестѣсняясь присутствіемъ постороннихъ.

— Вѣдь ничего не могли бы они хуже придумать, сказалъ онъ, какъ выписать сюда жену; но впрочемъ у меня есть средство бороться противъ этого нападенія.

— Какое, желалъ бы я знать; люди говорятъ, что ты въ присутствіи жены до трехъ перечесть не умѣешь.

— Тому, что говорятъ люди, довольно и вполнину вѣрить. Я люблю только ссоръ, сплетенъ, воркотни бабьей. Если прійдетъ, а встрѣчу ее какъ нельзя любезнѣе; а захочетъ командовать, я съ нею ссориться не стану...

— Чтожъ, покорись?

— Нѣтъ, поѣду въ Русь. Пусть себѣ хозяйничаетъ здѣсь, а я буду хозяйничать тамъ—и баста. Только ужъ, разумѣется, въ конюшню и въ погребъ пускать не позволю... А хорошо было бы еще одно вооруженіе получить; да только не знаю, взять ли отъ пана Самуила. Люди, видишь ли, Богъ знаетъ, что станутъ говорить; скажутъ пожалуй, что вы мое свидѣтельство купили. Я увѣренъ, что Ваповская ужъ и теперь объ этомъ трубить. Такъ вотъ видишь, можно ли мнѣ принять?

— Плюнь на бабьи сплетни; что тебѣ за дѣло, если у тебя совесть чиста.

— Если ты такого мнѣнія, то я, пожалуй, возьму. Ты напomini какъ нибудь пану Самуилу, чтобъ онъ отослалъ мнѣ вооруженіе... У тебя великій умъ, Казимиръ; я помню какъ тебя всегда Зборовскій ректоръ въ примѣръ ставилъ. Я бѣсился, слушая этого Одвонжа; какая это подлость, хотѣть чужими руками снять кому нибудь голову. Пусть бы попробовалъ саблею, вѣдь онъ носитъ же саблю... Ну, вотъ и онъ! Смотри, какъ его всѣ обступили; а я ставлю лучшаго коня противъ его ушей, что завтра его рѣчь пойдетъ къ чорту, лишь только ты скажешь слово... Нѣтъ, я не выдержу, пойду скажу ему басню о дуракѣ.

— Избави тебя Богъ! Пока это несчастное дѣло не кончится, мы должны сидѣть смирно и молчать. Начнется ссора, вызовутъ, ты подерешься, а тамъ сейчасъ потащатъ къ суду, явятся свидѣтели, того гляди засадятъ куда нибудь, или штрафъ придется заплатить.

— Твоя правда! Буду сидѣть смирно.

Между тѣмъ при появленіи Одвонжа между шляхтою начался споръ о дѣлѣ Самуила. Какъ всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ, одни говорили одно, другіе—другое. Одинъ изъ присутствовавшихъ утверждалъ, что послѣ того, какъ оскорбленіе королевскаго величества устранено, показаніе Маршицкаго совершенно очистило пана Самуила, а что касается до убійства Ваповскаго, то его должно считать несчастною случайностью. Одвонжъ и многіе другіе возстали противъ этого мнѣнія. Одинъ изъ спорившихъ сказалъ наконецъ:

— Вотъ соплемся на Фалендыша, онъ человѣкъ опытный; послушаемъ, что онъ скажетъ.

Фалендышъ, не любившій подобныхъ вопросовъ, смѣшался и не зналъ, какъ и что сказать.

— Вѣдь вы, сказалъ Одвонжъ, за госпожу Ваповскую?

— А какъ же! Я всегда былъ вѣрнымъ слугою пана кастеляна, и всегда гордился его вниманіемъ. Всегда, если что нибудь требовалась, онъ посылалъ ко мнѣ. Сколько бочекъ перетащено къ нему изъ моего погреба. Такихъ пановъ, какъ онъ, мало. Жилъ истинно по сенаторски и долговъ не дѣлалъ; мнѣ всегда платилъ чистоганомъ.

— Поэтому вы осуждаете поступокъ Самуила Зборовскаго? спросилъ Сантаманъ, служившій при дворѣ маршала короннаго и спорившій болѣе всѣхъ съ Одвонжемъ.

— Никогда! Напротивъ, я всегда былъ самымъ усерднымъ слугою господъ Зборовскихъ. Покойный панъ Краковскій меня на ноги поднималъ. Я учился въ школѣ, которую онъ основалъ; помню, какъ онъ въѣзжалъ въ Краковъ какъ воевода. Вотъ такъ магнатъ былъ! нечего сказать, ну и дѣти и внуки отъ него не отстали—яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

— Какъ вижу, вы противъ сенаторши Ваповской, сказалъ Одвонжъ.

— Я! Избави Богъ! за кого же вы меня почитаете? Что я бусурманинъ, чтобъ не цѣнить такой почтенной дамы? Вѣдь она была крестною матерью моей дочери. Вы меня обижаете, сомнѣваясь въ моей привязанности къ ней.

— Странный вы человекъ, господинъ Фалендышъ! сказалъ подстароста Краковскій. Кого вамъ послѣдняго вспомнить, тотъ у васъ и правъ... Вотъ отличный судья! ему обѣ стороны приговоръ диктуютъ. Если госпожа Ваповская права, то панъ Зборовскій не правъ и наоборотъ. Либо то, либо другое. Такъ васъ спрашиваютъ, которая сторона выиграетъ предъ судомъ?

— Я обѣимъ сторонамъ желаю лучшаго. И дай Богъ, чтобъ мои услуги были имъ всегда пріятны.

Въ это время молодой человекъ, бурлившій болѣе всѣхъ, постоянно приказывавшій Фалендышу и всѣмъ недовольный, подошелъ къ нему и сказалъ, грозно закручивая усь:

— Вамъ нужно непременно раскусить орѣхъ: господинъ Зборовскій убитъ на замковомъ мосту сенатора Ваповскаго; объ этомъ идетъ дѣло въ судѣ. Мы всѣ приняли ту или другую сторону. Васъ спрашиваютъ теперь, на чьей вы сторонѣ?

— Я никакого дѣла не знаю. Съ великимъ сожалѣніемъ я узналъ отъ васъ, что панъ Ваповскій умеръ; но отчего—я этого не знаю.

— Вѣдь ужъ съ часъ тутъ только и говорятъ объ этомъ, возражалъ молодой человекъ.

— А! Я ничего не слышалъ. Я долженъ былъ исполнять приказанія жонхъ гостей... Извините, мнѣ надо идти.

Фалендышъ отошелъ, а панъ Здора приблизился къ молодому человеку.

— Вы изволили сказать, что панъ Зборовскій убитъ кастеляна Пржемыскаго; значитъ, вы, предупреждая рѣшеніе суда, называете заслуженнаго человека убійцею. Такъ вамъ должно быть извѣстно, что не панъ Зборовскій убитъ его, а топоръ, брошенный его рукою что вовсе не одно и то же.

— А! вы, какъ я вижу, держитесь противной стороны.

— Какой бы стороны я ни держался, вамъ до того нѣтъ дѣла.

— Удивляюсь вашему великодушію! Вы сами были имъ оскорблены и теперь...

— Впередъ, когда вы будете говорить со мною, то не извольте крутить усы, потому что я этого не люблю, и говоря это, онъ такъ хватилъ его по рукѣ, что у того вдругъ, исчезъ геройскій видъ. Такъ о чемъ я говорилъ?... Да! А во вторыхъ, если меня кто обидитъ, я не пойду къ вамъ за совѣтомъ, что мнѣ дѣлать. Если же я захочу васъ обидѣть, то тоже ни у кого спрашивать совѣта не стану. Понимаете?

— Я... я... вовсе не имѣлъ намѣренія оскорбить васъ, я только-раздѣляю мнѣніе этихъ господъ. Но я и себя не позволю обидѣть. И говоря это, онъ сталъ пятиться отъ своего собесѣдника.

— Позвольте, если я васъ о томъ попрошу, возразилъ Здра и уже готовъ былъ протискаться черезъ толпу; но Мрочекъ остановилъ его и вывелъ на улицу.

— Твое счастье! вскричалъ молодой человѣкъ, въ припадкѣ отвага, лишь только друзья вышли. Задалъ бы я тебѣ! Чтожъ это такое! Вотъ богатырь!... погоди, ты у меня не уйдешь!

Онъ порывался было уже бѣжать на улицу, но другіе остановили его.

— Успокойся, Саша! говорилъ одинъ изъ его друзей. Мы знаемъ, что ты молодецъ...

— Нѣтъ! нѣтъ! я ему этого не прощу! кричалъ онъ, вырываясь изъ рукъ обступившихъ его друзей.

— Чортъ возьми! крикнулъ вдругъ Здра, входя въ комнату. Вѣй, панъ Фалендышъ, отыщите мой топоръ.

— Извольте, сказалъ Фалендышъ, подавая топоръ. У меня ничто не пропадетъ.

— Спасибо, отвѣчалъ Здра. Я и не сомнѣваюсь въ вашей честности, ни въ честности вашихъ гостей. Теперь, прощайте. До завтра. Но что здѣсь было? Я слышалъ еще на улицѣ крикъ, и при входѣ моемъ все затихло.

— Это такъ, весело у меня.

Въ самомъ дѣлѣ, пана Александра уже не нужно было удерживать. Онъ стоялъ совершенно покойно, стараясь скрыться отъ взгляда Здры, и только спустя четверть часа, по выходѣ послѣдняго, выступилъ опять впередъ, покручивая усы.

— Задалъ бы я тебѣ, еслибъ меня не удержали друзья! Вишь, гегманъ! Не смѣй усъ крутить! Ну, да погоди. встрѣчу гдѣ нибудь, такъ я покажу, что значитъ искать ссоры съ Александромъ Порайскимъ! Ты у меня подъ землю спрячешься!

— Перестаньте лучше, сказалъ панъ Мирошевскій. Будете крутить усы, да кричать слишкомъ громко, Здра, пожалуй, услышитъ, воротится да опять дастъ по рукамъ.

— Я еще не встрѣчалъ никого такого, передъ кѣмъ бы стру-

силъ, отвѣчалъ Порайскій. Но если я не наказалъ его за эту наглость, то только потому что винаря не мѣсто для такихъ дѣлъ.

— Перестаньте, сказалъ Одвоижъ. Видно, вы сегодня не въ ударѣ; должно быть, вамъ лягушки сегодня снились. Вы бросились какъ левъ и пропали какъ муха.

— Въ свое время я покажу, что знаю... Но и вы тоже хороши! Тотъ возражаетъ вамъ, а вы молчите. Вы хотѣли, чтобъ я за васъ всѣхъ подставлялъ лобъ.

— Лучшие бы вы молчали; а то болтаете вздоръ, сказалъ панъ Буримскій, человѣкъ извѣстный мужествомъ, приверженецъ Ваповскихъ. Здра нась не обидѣлъ; каждый имѣетъ право говорить свое мнѣніе. А вы не кстати выскочили, ну вотъ и получили по рукамъ. И дѣло, поблагодарите еще за науку... Да что вы куражитесь! Мы вѣдь это знаемъ. Ваше геройство только на словахъ.

— Бы меня обижаютъ!

— Да замолчите лучше! Убирайтесь отсюда, пока цѣлы, не мѣшайте намъ.

Панъ Порайскій совершенно упалъ духомъ и вышелъ изъ винаря въ самомъ скверномъ расположеніи духа. А шляхта до поздняго вечера пела и болтала.

IV.

На другой день открылось засѣданіе суда въ томъ же порядкѣ, какъ вчера.

Пока король не вышелъ, въ залѣ былъ шумъ, потому что каждый наперерывъ старался выразить свое мнѣніе. Замѣчено было, что генералъ Гумецкій, который до сихъ поръ ничего не сказалъ въ пользу своего племянника, старался убѣдить Ваповскую, что слишкомъ предается скорби о потерянномъ мужѣ, и несправедливо приписываетъ его смерть намѣренному убійству.

— Пусть пани беретъ съ меня примѣръ, сказалъ наконецъ старикъ; вѣроятно я очень любилъ свою покойную жену, если до сихъ поръ остался ей вѣренъ. Между тѣмъ я могъ бы жениться въ другой разъ, мнѣ даже совѣтовали князя Зборасскіе. Но вы видите, я остался вдовымъ. Жаль было и очень, такъ что все на свѣтѣ опротивѣло. Не знаю, бывалъ ли я разъ въ недѣлю въ конюшнѣ въ теченіе двухъ лѣтъ. А какъ прошли два года. Я посмотрѣлъ на свое стадо—и не узналъ его. Такъ, видите, должно быть любилъ... Да и то сказать, такой не было и нѣтъ! Можетъ быть, я вздоръ сказалъ, извините. Потому что и вы и дочери ваши прекрасны; но, извѣстно, всякая векна свой хвостъ хвалить... Такъ вотъ я вамъ скажу: написалъ я пизъ Вѣны доктора, нѣмца, я жена моя ему вѣрила, оказалось потомъ, что онъ ее дурно лечилъ, потомъ кровь ей пустилъ и этимъ, могу сказать, убилъ ее. Я хотѣлъ было нѣмца повѣсать; но потомъ подумалъ: вѣдь не хотѣлъ же онъ ее убить, и простилъ его, только приказалъ убраться съ глазъ моихъ... Даже заплатилъ

ему все, что слѣдовало, чтобъ не чернилъ онъ насъ, возвратясь домой... Такъ если я могъ быть такъ разсудителенъ, что даже итѣна простилъ, почему же вы не хотите простить земляку, если знаете, что онъ не хотѣлъ вашего несчастья! Вѣрьте мнѣ, что этого похвалить нельзя...

Но пани Ваповская не только не убѣждалась въ истинѣ словъ генерала, но еще такъ раскудахталась, что старикъ поспѣшилъ убраться отъ нея поскорѣе и присоединился къ группѣ, стоявшей изъ Мрочка, Здоры и двухъ племянниковъ. Генералъ былъ очень разговорчивъ и прервалъ свою бесѣду только тогда, когда явились возные и провозгласили приходъ короля.

Король занялъ свое мѣсто и, послѣ обыкновенныхъ церемоній, Мрочекъ началъ говорить.

Онъ защищалъ дѣло Самуила не какъ юристъ, но какъ пріятель и товарищъ. Онъ очертилъ въ короткихъ словахъ всю дѣятельность своего друга отъ выхода его изъ школы, вспоминалъ услуги его во время турецкаго, лифляндскаго и полоцкаго похода, ссылаясь на свидѣтельство присутствовавшихъ. Потомъ обратилъ вниманіе на то, что панъ Самуилъ никогда ни съ кѣмъ не имѣлъ процессовъ, чѣмъ не могутъ похвалиться ни госпожа Ваповская, ни панъ Тенчинскій и Концепольскій, что въ своемъ дѣлѣ онъ ссылается на показанія тѣхъ же свидѣтелей, которые потребованы противною стороною. Вслѣдъ за тѣмъ онъ перешелъ къ самому дѣлу и доказалъ, что убійство Ваповскаго было дѣломъ случайности и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приписано злонамѣренности. Онъ обратилъ вниманіе судей на то, что Зборовскій не призывалъ другихъ свидѣтелей, а сослался на тѣхъ же, которые были призваны противною стороною; и сдѣлалъ онъ это потому, что всякому ясно, какъ день, что если бы онъ хотѣлъ убить Тенчинскаго, то Ваповскій не успѣлъ бы, и не въ состояніи былъ бы помѣшать ему. Здѣсь Мрочекъ сослался на показаніе Маршицкаго и выразилъ удивленіе, что Тенчинскій до того простеръ свою преданность пани Ваповской, что позволилъ своему адвокату нанести оскорбленіе его чести, представляя его человѣкомъ, который боится подвергнуть опасности свою жизнь, а не боится запятнать имя свое трусостью. Потомъ онъ искусно доказалъ, что убійство Ваповскаго было дѣломъ случая, независѣвшимъ отъ воли Самуила, и закончилъ рѣчь свои слѣдующими словами:

— Изъ всего видно, что панъ Одвонжъ-Пенѣнжекъ не слишкомъ сильнымъ чувствуетъ себя въ своемъ положеніи, если, при всемъ своемъ знаніи права, рѣшился придать дѣлу совершенно другое значеніе. Процессъ былъ начатъ какъ частное дѣло: дѣло шло о смерти вельможнаго Ваповскаго — и только. Между тѣмъ панъ Одвонжъ придаетъ ему значеніе общественное и обвиняетъ пана Зборовскаго уже не въ убійствѣ вельможнаго Ваповскаго, а въ оскорбленіи, нанесенномъ его величеству. Такимъ образомъ адвокатъ госпожи Ваповской беретъ на себя произвольно роль адвоката его королевскаго величества и всего народа. Мы должны были бы отвѣчать на

такое неумѣстное обвиненіе и просить пана Одвонжа представить намъ полномочіе, данное ему его королевскимъ величествомъ. Но панъ Зборовскій готовъ отвѣчать на всякое возраженіе, правое или неправое. Если мы доказали, что панъ Зборовскій невольнo убилъ пана Ваповскаго, и если это подтверждаютъ показанія свидѣтелей, то, опираясь на тѣже показанія, мы можемъ доказать, что онъ не можетъ быть обвиненъ въ оскорбленіи его величества; всѣ свидѣтели единогласно подтвердили, что панъ Зборовскій обнажилъ мечъ въ то время, когда на галлерей дворца еще никого не было, и вина его въ томъ, что при появленіи его величества онъ не вложилъ мечъ въ ножны. Но если придерживаться строго буквы закона, то пана Самуила Зборовскаго давно уже слѣдовало бы казнить за такое же преступленіе. Подъ Полоцкомъ въ присутствіи незабвеннаго короля Сигизмунда-Августа онъ также не вложилъ въ ножны меча, а разилъ имъ враговъ Рѣчи Посполитой. И когда князь Михаилъ Радзивиллъ, виленскій воевода, нанесъ послѣднее пораженіе мечено-самъ подъ Вольмаромъ и взялъ въ плѣнъ великаго магистра Готарда Кетлера, кого онъ благодарилъ за эту славную побѣду?

— Пана Самуила, отвѣчалъ Здора, какъ будто вопросъ былъ обращенъ лично къ нему. Мы тогда съ паномъ Казимиромъ были...

— Молчите, милостивый государь! крикнулъ грозно одинъ изъ ассесоровъ. Тутъ не питейный домъ! Потрудитесь продолжать, панъ Ирочекъ.

— Нѣтъ, ваше величество, продолжалъ Казимиръ, панъ Самуилъ не чувствуетъ себя виновнымъ въ оскорбленіи вашего сана, потому что хотя вы и увидѣли его съ мечемъ въ рукѣ, но этотъ мечъ былъ обнаженъ безъ всякаго злаго умысла, и притомъ онъ самъ не могъ знать о вашемъ присутствіи. Еслибы мы были такъ скоры въ произнесеніи рѣшительнаго мнѣнія, какъ панъ Одвонжъ-Пенонжекъ, мы съ большимъ основаніемъ могли бы обвинить его самаго въ умышленномъ оскорбленіи вашего величества. Пусть рѣшатъ безпристрастные свидѣтели, могутъ-ли пройти безнаказанно недостатки, обнаруженное имъ къ справедливости короля, дерзкія наставленія, которыя онъ осмѣлился предложить его величеству? Не справедливо-ли было бы подвести все это подъ *crimen lesae Majestatis*, нежели случайное убійство въ присутствіи короля? Но мы слишкомъ уважаемъ справедливыя сожалѣнія пани Ваповской, чтобы не понять усилій ея адвоката. Руководствуясь тѣмъ же участіемъ къ ея несчастью, я не упомянулъ о нападеніи, котораго я чуть было не сталъ жертвою въ столицѣ короля — фактъ этотъ вѣстенъ всѣмъ. Но если я оставляю мою личную обиду безъ вниманія, то единственно потому, что кліентъ мой слишкомъ великодушенъ и благороденъ, чтобы приписать ее злодѣямъ, ищущимъ его смерти. И дѣйствительно, какъ-бы должна была переимѣниться природа этого челоуѣка, если бы онъ, великодушный и милосердный даже къ невѣрнымъ врагамъ, сталъ искать смерти почтеннаго старца, нарушать законы своей родины.

— Говорите господа что хотите, вмѣшался опять Здора, а если-

бы панъ Самуилъ былъ такъ заносчивъ, какъ говоритъ юристъ госпожи Ваповской, то когда онъ бросился на меня уже безоружнаго, а я изругалъ его самымъ поноснымъ образомъ, онъ закололъ бы меня какъ свинью и вѣроятно панъ Одвонжъ не имѣлъ бы надобности доказывать что онъ сдѣлалъ дурно. Но я предупреждаю васъ, что панъ Одвонжъ явился здѣсь вовсе не съ добрыми побужденіями, какъ панъ Казимиръ, но...

— Милостивый государь, важно сказать канцлеръ коронный, если вы не перестанете вмѣшиваться въ дѣло, которое до васъ не касается, то я принужденъ буду приказать вознымъ вывести васъ отсюда.

Здра попятился назадъ и скрылся въ толпѣ шляхты, а панъ Казимиръ окончилъ свою рѣчь такимъ образомъ:

— Мнѣ нѣтъ надобности напоминать вашему величеству о томъ, что вашъ приговоръ долженъ быть справедливымъ, какъ сдѣлалъ господинъ Одвонжъ. Знаю, что въ мнѣніи вашемъ случайность не будетъ сравнена съ обдуманнымъ дѣломъ. Мы спокойно ожидаемъ вашего приговора въ полной увѣренности, что онъ будетъ согласенъ съ тѣми свидѣтельствами, которыя продиктовала намъ наша совѣсть.

Тутъ канцлеръ объявилъ, что засѣданіе закрывается и что чрезъ нѣсколько времени публика будетъ приглашена для выслушанія приговора. Всѣ вышли въ другую залу.

— Ну братъ, ты настоящий Цидеронъ, вскричалъ Взекиель, подходя къ Мрочку. Ты разбилъ на голову этого осла Одвонжа. Я и не думалъ, что ты такой бойкій юристъ. Вотъ я ужъ ни къ чорту не годенъ... Но впрочемъ я теперь покоенъ: если попаду въ какую-нибудь бѣду, ты меня вытащишь. А замѣтилъ ты, какой мнѣ нагоняй-то дали? Взгляни-ка теперь на Ваповскую, какъ она на меня косится. Тенчинскій тоже, видно, не въ духѣ, ну да чортъ съ ними! что они мнѣ сдѣлаютъ? Я хоть и не магнатъ, а у меня въ Космыржовѣ шляхта пьетъ и ѣстъ, обѣщали даже на сеймъ послать. Теперь пойду приглашать къ себѣ въ деревню всѣхъ, начиная съ пана Самуила.

И не ожидая отвѣта, приблизился къ Самуилу и сказалъ:

— Гора мышь родила, господинъ гетманъ. Разумѣется, юристы не умѣютъ рукою, такъ языкомъ работаютъ. Но и языкъ не всегда поможетъ; вы однакожъ вѣрите, что я всегда былъ и буду вашимъ другомъ, потому что нельзя не любить человѣка, который такъ славно управляется съ топоромъ и съ саблей, а что касается до вооруженія, о которомъ мнѣ сказалъ панъ Казимиръ, то избави Богъ, я ничего не желаю, между тѣмъ, такъ какъ я увѣренъ, что судъ вамъ не повредитъ, то прошу васъ завтра обѣдать ко мнѣ въ деревню. Надѣюсь, что вы не откажете.

— Конечно нѣтъ. Почитаю за честь себѣ, что умѣлъ заслужить ваше вниманіе. Клянусь честью, что мнѣ рѣдко случалось встрѣчать такой отпоръ. Вы вырвали у меня изъ рукъ князя Радзивила и хотя я получилъ первый призъ, однако чувствую, что мнѣ слѣ-

довало бы подѣлиться имъ съ вами. Но вы мнѣ большое доставите удовольствіе, если примите отъ меня вооруженіе.

— Вѣрьте мнѣ, что по нику ішгакой награды, но если принимаю вашъ даръ, то потому только, что вижу, вы мнѣ предлагаете его отъ добраго сердца. Однако признаюсь, что вилѣть васъ за своимъ столомъ для меня большее счастье, нежели имѣть ваше вооруженіе.

— Обѣщаю вамъ и то и другое; развѣ только мнѣ прикажутъ сложить голову.

— И не думайте объ этомъ! развѣ король съ ума сойдетъ! а еслибы это и случилось, то клянусь вамъ, что панъ Одвожъ не долго потѣшится своимъ усѣхомъ. Я первый вызвалъ бы его. Но Впрочемъ объ этомъ и говорить нечего... Извините, пойду попросту еще нѣсколькихъ на завтракъ къ себѣ, а можетъ быть и панъ Гумецкій не откажетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Здора скрылся въ толпѣ. Онъ пригласилъ Мартинцаго, Чармонскаго и другихъ болѣе или менѣе родовитыхъ Самуну, а наконецъ приступилъ къ генералу Гумецкому.

— Очень охотно явлюсь къ вамъ, отвѣчалъ старикъ. Вы предупредили меня, потому что я самъ хотѣлъ было къ вамъ ѣхать, безъ приглашенія. Вы мнѣ нравитесь. Я чуть было не лопнулъ отъ смѣха, какъ вы заговорили объ Одвожѣ, жаль только, что вамъ канцлеръ не далъ докончить. А помните, какъ я васъ встрѣтилъ въ корчмѣ съ больной ногой? васъ Самусъ тогда свалилъ. Ну да за то теперь вы ему хорошо отплатили. Нечего сказать, вы и саблей хорошо работаете и конемъ правите славно. Лошадь у васъ порядочная, жаль только, что уши длинныя. Откуда она у васъ?

— Я купилъ ее случайно, и не дорого мнѣ стоить; знаю, что она родилась въ конюшнѣ князя Дольскаго.

— Я готовъ былъ сказать, что оттуда. У него всѣ лошади съ ослиными ушами. Я слышалъ, что у васъ нѣсколько очень порядочныхъ лошадей.

— Если сдѣлаете мнѣ честь, посѣтите меня, то представлю вамъ всѣхъ. Безъ лошадей, что и дѣлать пляхтичу въ деревнѣ.

— Это совершенная правда. Буду у васъ непременно и очень радъ тому, что вы опять въ хорошихъ отношеніяхъ съ Самуномъ.

— Намъ нѣтъ причины нарушать наши хорошія отношенія и я завтра надѣюсь и его увидѣть за своимъ столомъ.

— Дай Богъ, чтобъ мы завтра могли собраться у васъ; не забывайте, что можетъ быть именно теперь его приговариваютъ къ позорной смерти. Съ закономъ шутить нельзя. Хотя бы у васъ было сто тысячъ самаго лучшаго войска, а пока непріятель не бѣжалъ, то тѣхъ поръ и праздновать нельзя побѣды. Будемъ ждать приговора.

— Неужели вы можете допустить, чтобы панъ Самунъ проигралъ дѣло. Вѣдь вы слышали, что говорилъ Мрочекъ и панъ Одвожъ.

Между тѣмъ дверь зала отворилась и возные громко объявили, чтобы тяжущіеся вошли для выслушанія приговора. Всѣ присутствовавшіе въ одно время бросились къ дверямъ и наконецъ, когда все утихло, канцлеръ коронный началъ читать королевскій приговоръ, который всѣхъ удивилъ и возбудилъ общее неудовольствіе. Зборовскій и ихъ приверженцы хотѣли совершенно оправдать Самуила; Ваповскіе и Тенчинскіе помогали его смерти; король остановился на серединѣ и, разумѣется, не удовлетворилъ ни тѣхъ, ни другихъ. Приговоръ королевскій осуждалъ Самуила на изгнаніе изъ отечества, но безъ лишенія имѣній и даже дозволено было остаться въ теченіе десяти недѣль для приведенія дѣлъ въ порядокъ. Когда приговоръ былъ прочитанъ, ни та, ни другая сторона не пришла благодарить короля, какъ-то бывало обыкновенно. Всѣ разошлись, болѣе или менѣе явно выражая свое неудовольствіе.

V.

Зборовскіе возвращались пѣшкомъ домой, въ сопровожденіи многочисленныхъ друзей. Всѣ тѣ, которые не были прямо объявлены ихъ противниками, теперь приняли ихъ сторону. Не смотря на то, всѣ Зборовскіе были видимо опечалены. Самуилъ, казалось, довольно спокойно принялъ приговоръ. Мрочекъ, всегда готовый дѣлать счастье и несчастіе своего господина, былъ погруженъ въ задумчивость. Одинъ только панъ Здора былъ веселъ, болтливъ и старался развеселить Самуила.

— Поздравляю васъ, вскричалъ онъ, побѣда наша. Можно ли считать наказаніемъ предложеніе путешествовать, если у человека есть средства объѣхать всю землю? Человекъ не дерево; дерево болѣетъ, когда его пересаживаютъ въ другую землю. И развѣ намъ Рѣчь Посполитая рая, чтобы объ ней тосковать? А дастъ Богъ войну, такъ и ваше изгнаніе кончится.

— Удивительные люди ваши братья! Не понимаю, чего они оустыжили носы, какъ будто бы ужъ кромѣ Рѣчи Посполитой, на землѣ и жить не гдѣ было. Но ужъ если такъ она вамъ нужна, то что вамъ мѣшаетъ ѣхать въ Запорожье? Но у меня есть прозектъ.

— Какой?

— Оставимъ это на завтра; пусть онъ лучше переварится въ моей головѣ.

— Если вашъ прозектъ касается меня, отвѣчалъ Самуилъ, я охотно соглашусь на него, потому что слѣдовать совѣтамъ такого рыцаря какъ вы, всегда безопасно.

— Благодарю васъ за ваше доброе мнѣніе. Впрочемъ я долженъ вамъ сказать, что этотъ прозектъ не касается васъ. Я убѣжденъ, что вы лучше меня придумаете какъ вамъ поступить въ настоящемъ случаѣ; это касается только меня, всегда готоваго дѣлать съ вами всѣ невзгоды.

— Я такъ васъ уважаю, отвѣчалъ Самуилъ, что могу имѣть нѣкоторое право на ваше довѣріе.

— Я и радъ бы сказать вамъ, но, вы знаете, не всегда человѣкъ можетъ сказать, что сблѣаетъ такъ, какъ думаетъ. Но у меня теперь въ голоѣ, что ежели обѣщанное вами вооруженіе будетъ у меня дома, то я исповѣдаюсь передъ вами какъ передъ священникомъ. Въ это время увидѣли Ёзоваго, шибкою рысью приближавшагося къ намъ и остановившагося въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Что это за человѣкъ? спросилъ Самуилъ. Онъ кого-то ищетъ.

— Это Шершень, отвѣчалъ Здра, онъ меня ищетъ, это моя правая рука. Извините, вѣроятно что нибудь очень важное.

Сказавъ это, панъ Езекиель отошелъ въ сторону и, кивнувъ головою Шершню, спросилъ.

— Что новаго? хорошія или дурныя вѣсти?

— Ничего, хорошія, отвѣчалъ Шершень; госпожа супруга ваша пріѣхала ужъ два часа тому назадъ, я съ запиской отъ нея.

— Лучше бъ ты молчалъ! а сына привозла?

— Нѣтъ, оставила дома. Боялась, чтобъ слишкомъ долгое путешествие не повредило. Одна пріѣхала, но совершенно здорова и весела.

— А мнѣ что въ томъ? Ну, поѣзжай теперь домой и скажи ей, что самъ скоро буду и что завтра у меня будетъ дюжины двѣ гостей. Если хочетъ быть хозяйкой, хорошо; а нѣтъ, такъ пусть себѣ убирается куда хочетъ. Ты долженъ позаботиться, чтобы всѣмъ было всего въ волю; рѣжь и бѣй все, что есть живаго. Но ключей отъ погреба барыни и не показывать, ну а послѣ завтра останется ли тамъ что или нѣтъ, — бабушка еще на двое сказала. Вотъ не кстаті чортъ ее принесъ! Ну убирайся теперь, помни, чтобъ было чѣмъ гостей принять, если хочешь, чтобъ голова была цѣла. Счастливаго пути.

Панъ Здра, уже нѣсколько опечаленный, возвратился къ оставленной группѣ.

— Что съ тобой спросилъ его Мрочекъ, отводя въ сторону. Что нибудь случилось?

— Ничего. Чортъ побері, столько гостей напросилъ, а тутъ вдругъ непрощенный ливисъ.

— Ктожъ такой?

— Кто! разумѣется жену изъ Россіи чортъ пригналъ, но это должно быть штука Тенчинскаго.

— Почему же пріѣздъ жены васъ такъ раздражаетъ? спросилъ Самуилъ. Или вы не мирно живете?

— Напротивъ, ссоръ между нами никогда не бываетъ; живемъ какъ два голубка, я здѣсь, а она на Руси. Оттого-то и непріятно, что человѣку, привыкшему къ покою и миру, придется, можетъ быть, каждый день выдержатъ перепалку съ бабой. Я колебался до сихъ поръ просить у васъ позволенія уѣхать вмѣстѣ съ вами и Кавми-ромъ изъ Рѣчи Посполитой; но теперь я рѣшился. Ёду за вами на край свѣта, если только вы моиі услугами не пренебрежете.

— Напротивъ . мнѣ ничего не можетъ быть пріятнѣе , не знаю только допускаетъ ли законъ подобныя пожертвованія въ пользу изгнанниковъ .

— О , если только за этимъ дѣло стало . то я спокоенъ . Даю вамъ слово , что съ этой минуты , гдѣ вы , тамъ и я . И вѣрьте , я сдержу слово ; вотъ вы его спросите , тутъ онъ укажетъ на Мрочка : солгалъ ли я когда ; передъ женою развѣ , но это не въ счетъ... И такъ мы даемъ другъ другу слово...

— Охотно ; мнѣ только жаль , что супруга ваша будетъ имѣть право жаловаться на меня . Притомъ , я не могу допустить , чтобы вы оставили для меня хозяйство , пріятелей , наконецъ . какъ бы то ни было , а на васъ лежатъ обязанности отца .

— Конечно такъ ! Но вы не знаете , что скитальческая жизнь создана для меня . По мнѣ широкая дорога лучше каменнаго двorca . А что до хозяйства , то объ этомъ заботиться много нечего ; у меня имѣніе на Русси ; но я тамъ ни во что не вмѣшиваюсь — жена всѣмъ правитъ ; я здѣсь постоянно живу . Хотѣлось бы иногда взглянуть на сына , это правда ; но я самъ ничего не могу сдѣлать для его воспитанія ; наконецъ , развѣ жена позволитъ ? Не таковая . Я забочусь только о томъ , чтобы его не сдѣлали бабой ; а что до имѣнія , то жена объ этомъ позаботится лучше меня . Итакъ дѣло рѣшено . Принимаете мои услуги ?

— Принимаю , съ величайшимъ удовольствіемъ , отвѣчалъ Самуилъ , протягивая ему руку . Мрочекъ перебилъ :

— Обѣщаю вѣрность и повиновеніе .

— А я тебѣ — позволю мнѣ такъ говорить , потому что мы ужъ свои , обѣщаю дружбу и участіе во всемъ , что мое .

— Участіе во всемъ дурномъ и хорошемъ , все пополамъ . Теперь до свиданія . Поѣду домой , надо кое-чѣмъ распорядиться . Да надо еще подумать , какъ выбраться изъ дому .

Езекіель прошелъ въ свою квартиру , гдѣ ожидала его верховая лошадь и поѣхалъ въ Космыржево , по шагому . Говоря между нами , а пріѣздъ жены нѣсколько обезпокоилъ его , и онъ гораздо смѣлѣе ѣхалъ на турниръ , чѣмъ теперь домой . Наконецъ онъ пріѣхалъ . Но липъ только онъ остановился у крыльца , какъ выбѣжала жена и бросилась къ нему въ объятія . Довольный , что жена при первой встрѣчѣ не начала бранью , онъ оказался также довольно нѣжнымъ супругомъ . Оба вошли наконецъ въ комнату .

— Ты , можетъ быть , недоволенъ моимъ неожиданнымъ пріѣздомъ ?

— Нѣтъ , нѣтъ ! что-жъ такое ? напротивъ . Развѣ я женился за тѣмъ , чтобы сердиться . когда мнѣ приходится встрѣтиться съ тобою... А что Казимиръ ?

— Ничего , здоровъ . На тебя очень похожъ .

— А мои лошади ?

— Ужъ эти лошади у меня вотъ гдѣ (она указала на горло) .

— Только не сердись , пожалуйста ; хоть только сегодня и завтра , чтобы мнѣ не испортить хорошаго расположенія духа . Тебѣ , долж-

но быть, Шершень сказалъ уже, что завтра у насъ будутъ гости, надо ихъ принять весело... Что-жъ они подумаютъ, если я явлюсь надутой?

— И что за фантазія позвать столько народу.

— Видишь, мой другъ, ужъ такъ случилось, что мнѣ необходимо было пригласить ихъ всѣхъ. Замѣчаешь ли, вотъ эту золотую цѣпь, я получилъ изъ рукъ короля. Я теперь *equus armatus*—это немало-важная вещь. По этой-то причинѣ и нужно было принять у себя нѣсколькихъ человѣкъ. Это рыцарское дѣло. Такъ ужъ надо.

— Кастелянъ Воцкій разумѣется будетъ? Вѣдь онъ мой дядя и опекунъ.

— Я долженъ тебѣ сказать, что я собственно никого не приглашалъ. Я не такъ богатъ, чтобъ расточать состояніе на подобныя угощенія. Но если сами люди говорятъ, что пріѣдутъ, такъ нельзя же имъ сказать: не надо.

— Кто-жъ будетъ изъ лицъ извѣстныхъ?

— Генераль Гумецкій.

— Это хорошо. Я видывала его у дяди, онъ даже мнѣ родня. Кто-жъ еще.

— Панъ Мрочекъ.

— Ну, это ничего особеннаго.

— Будетъ еще... будетъ... Захотѣлось тебѣ непременно сейчасъ знать, кто будетъ. Будетъ панъ гетманъ Запорожскій, ясновельможный панъ Зборовскій.

— Что?! Этотъ разбойникъ! Да его не сегодня, такъ завтра казвать.

— Полно, успокойся. Дай Боже, чтобъ у васъ самихъ такъ крѣпко сидѣла голова на плечахъ, какъ у него. Ему приказали только путешествовать за границею.

— Понимаю! выгнали, значить. И ты, принадлежа черезъ меня къ фамиліи Тенчинскихъ, будешь принимать его у себя, изгнанника!

— Ну вотъ, дѣло сказала. Знайте же, что приговоръ королевскій нисколько не тронулъ его чести. Завтра будетъ человѣкъ съ двадцать гостей—и кончено, что тутъ болтать напрасно. Кто будетъ, тотъ будетъ; я всѣмъ радъ. Но вотъ уговоръ. моя милая: завтра я распоряжаюсь, только завтра; а тамъ цѣлый годъ—ты. Хорошо? Теперь поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Не привезла ли ты, напри-мѣръ, мнѣ гостинца съ Руси. Еслибъ ты мнѣ какую-нибудь сотню золотыхъ оставила, я былъ бы тебѣ очень благодаренъ, ты была бы неоцѣненная жена!

— Ты сдула сошель! У насъ на Украинѣ такая бѣдность, что не знаемъ, что дѣлать. Хлѣба сколько угодно, а денегъ ни гроша. Тамъ не то, что здѣсь, что всякую дрянъ продать можно. Ты здѣсь живешь по холостому, ни снопа нигдѣ не видать — все ужъ продано; у тебя должны быть деньги. Признайся, не скрытничай предъ женою.

— Что! у меня деньги? Развѣ я жидъ, чтобъ копить деньги?

— Я знаю, что у тебя деньги только на гульбу; а чтобъ подумать о сынѣ...

— Но моя милая, если здѣсь такъ легко добывать деньги, хозяйничай здѣсь, а я побѣду на Русь.

— Нѣтъ, не надо. Ты тамъ нуженъ какъ пятое колесо телегѣ. Послушай, сегодня мы съ тобою, какъ мужъ съ женою; а завтра я не думаю быть на твоёмъ обѣдѣ... Врагъ пана кастеляна, да сверхъ того изгнанникъ—такъ, такъ, нечего кивать головой!—это для меня не общество. Можете обойтись и безъ меня; а я завтра побѣду въ Краковѣ къ обѣднѣ, потомъ заѣду къ теткѣ, и знаю, что не отпустить меня раньше, какъ послѣ завтра. Кромѣ того, надо еще поговорить объ дѣлѣ, получить проценты. А послѣ завтра вечеромъ прїѣду; ты уже успѣешь протрезвиться, а намъ обо многомъ надо поговорить.

— Хорошо, моя милая; какъ тебѣ угодно, такъ и будетъ. Только оставь насъ до послѣ завтра вечера.

Весь этотъ день прошелъ тихо и спокойно. Между супругами господствовало совершенное согласіе. Ссоры—избави Богъ! Напротивъ оченъ дружелюбно ужинали и прочее.

На другой день панъ Здора очень рано оставилъ супружеское ложе и, вышедъ на крыльцо, былъ очень обрадованъ, встрѣтивъ Шершеня, который шелъ къ нему сказать, что вчера вечеромъ, уже поздно, прїѣхалъ изъ Кракова челоувѣкъ отъ пана Самуила Зборовскаго, оставилъ какое-то вооруженіе и немедленно возвратился назадъ. Обрадованный до нелзя, онъ немедленно надѣлъ его на себя и сталъ разсыпаться въ похвалахъ ему.

— По тебѣ, Шершень, не долго придется заботиться объ немъ заключилъ онъ.

— Развѣ вы думаете уступить его кому-нибудь другому?

— Вотъ угадалъ! У меня въ головѣ совсѣмъ другое. Барыня думаетъ ѣхать за процентами, а какъ узнаетъ, что ужъ ихъ нѣтъ, то она тутъ такую бурю подыметъ, что только держись. Ужъ за обѣдъ хотѣла было намылить шею. Но все это только завтра вечеромъ можетъ быть; но я вѣдь не такъ глупъ, чтобы ждать ее. Но ты долженъ помочь мнѣ, долженъ все исполнить, что я прикажу. Смотри же, иначе бѣда!

— Я, кажется, всегда исполнялъ всѣ ваши приказанія.

— Правда, ты не глупъ, этого нельзя сказать. Такъ видишь, завтра утромъ я намѣренъ уѣхать отсюда.

— На долго?

— А тебѣ что за дѣло?... Такъ вотъ: Космыржево, а въ особенности конюшню и оружіе оставляю на твою отвѣтственность, о погребѣ заботиться нечего, потому, что вѣроятно будетъ пусть, а если что останется, то тебѣ. Панъ Казимиръ напишетъ мнѣ довѣренность на твое имя, я ее подпишу, а ты безъ меня тутъ вѣдайся съ барынею. Это до меня вовсе не касается—понимаешь? Сегодня, хотъ сейчасъ отправь въ Краковъ, въ домъ Зборовскихъ моего оруженосца; пусть съ нимъ ѣдетъ туда и мой венгерецъ, онъ

хоть дуракъ, но я къ нему привыкъ. Отправь ихъ какъ въ походъ. Пусть возьмутъ съ собою пару верховыхъ (тутъ онъ выбралъ лошадей) и сложатъ на нихъ все, что нужно; ты знаешь что рыцарю нужно въ долгомъ путешествіи. Только, чтобъ никто не видѣлъ, какъ они уѣдутъ. А главное, что барыня ѣдетъ сегодня въ Краковъ, такъ на дорогѣ должны смотрѣть, чтобъ не нагнала ихъ. Пусть кучеръ объ этомъ позаботится. А если что случится не такъ, то даю слово, топоромъ по лбу съѣзжу. Завтра утромъ я ѣду и останусь въ Краковѣ двѣ или три недѣли. Ты всегда можешь меня найти или въ домѣ Зборовскихъ или у Фалендына. Понимаешь?

— Все будетъ исполнено.

— Хорошо. Но прошу сегодня держать ухо востро.

— Вудьте покойны. Все будетъ исполнено.

И дѣйствительно, все было исполнено въ точности. Вскорѣ послѣ отъѣзда пани Здоры стали собираться гости, потомъ началась попойка и панъ Здора, угощавшій всѣхъ, угостился и самъ такъ, что его нужно было отнести въ постель. Гости разѣхались уже поздно вечеромъ, а на другой день панъ рыцарь, надѣвъ на себя полученное въ подарокъ вооруженіе, поѣхалъ въ Краковъ и помѣстился въ квартирѣ Мрочка.

Панъ Самуилъ не тратилъ времени. Передавъ заботу о своихъ имѣніяхъ братьямъ, онъ въ обществѣ Мрочка, Здоры, еще нѣсколькихъ приближенныхъ и слугъ, выѣхалъ изъ Кракова и направился въ Запорожье.

Путь ихъ лежалъ черезъ землю Пржемыжскую и къ ней направлялся поѣздъ; на второй день похода они поворотили къ карпатскимъ горамъ, что не мало удивило Здору. Это было слѣдствіемъ совѣта Мрочка, который, боясь непріязненныхъ встрѣчъ въ провинціи, преданной фамиліи Ваповскихъ, совѣтовалъ своему господину ѣхать черезъ Венгрію и Семигородъ. Самуилъ конечно согласился, потому что надѣялся такимъ образомъ увидѣться съ княжною Гризельдою и предложить ей полученный на турнирѣ призъ.

VI.

Въ четверти мيلي отъ Германштадта на ровной возвышенности возвышался замокъ Кумисваръ, резиденція князей Семигородскихъ. Какъ всѣ замки того времени, онъ былъ въ оборонительномъ положеніи и могъ почитаться весьма хорошей крѣпостью, взять которую, при тогдашнемъ состояніи военнаго искусства, было бы очень трудно. Семигородъ, лежащій между двумя могущественными государствами, былъ слишкомъ слабъ и не могъ сохранять свою независимость. Императоры и султаны попеременно овладѣвали имъ, такъ что правители его принуждены были становиться ленниками то тѣхъ, то другихъ.

Стефанъ Ваторій, въ тѣ времена владѣвшій Семигородомъ, умѣлъ воспользоваться нѣмецкими войнами и приобрѣлъ полную независимость. Съ другой стороны, мужественно противостоя бусур-

манамъ, столько пріобрѣлъ почтенія въ Цареградѣ, что Диванъ не только заключалъ съ нимъ миръ, но даже искалъ его дружбы. После продолжительной ленивой зависимости Семигородъ теперь въ первый разъ пользовался совершенною самостоятельностью.

Какъ въ дѣлахъ политики, такъ и въ частной жизни человекъ этотъ отличался осмотрительностью и твердостью. Важнѣ всего для него было не тратить времени. Каждый часъ былъ у него предназначенъ для какого-либо занятія и разъ установленный порядокъ измѣнялся только въ самыхъ необыкновенныхъ случаяхъ. Два часа передъ обѣдомъ онъ посвящалъ чтенію, при чемъ обыкновенно къ нему являлся бывшій его учитель Левій Гроппіусъ.

Человекъ этотъ отличался обширною ученостію; но князь всегда уважалъ его, признавая, что только его наставленія онъ обязанъ любовью къ добру и справедливости, отличавшимъ всѣ его поступки. Гроппіусъ нѣкогда изумилъ падуанскую академію своимъ разсужденіемъ *De omni re scibili*, такъ что совѣтъ этой академіи хотѣлъ было задержать его, обѣщая со временемъ ректорство; но, привязанный къ дому Баторіевъ, онъ предпочелъ родной Семигородъ знаменитому разсуднику тогдашней науки. Княгиня семигородская оцѣнила достоинства ученаго мужа и поручила ему воспитаніе двухъ своихъ сыновей — Стефана и Андрея. И надо отдать ему справедливость, онъ совершенно предался своему дѣлу.

Когда воспитаніе было окончено, Гроппіусъ оставилъ науки, которыми пріобрѣлъ такую громкую извѣстность, и предался исключительно Алхиміи и Астрологіи, подобно большей части ученыхъ того времени. Князь Стефанъ наследовалъ Семигородъ и не желая отпустить своего учителя, къ которому привязался какъ къ отцу, приказалъ на башнѣ своего замка выстроить обсерваторію, гдѣ тотъ жилъ почти безвыходно, почти никогда не являясь въ залахъ замка. Однакожъ онъ ежедневно навѣщалъ своего достойнаго ученика.

Окончивъ аудіенцію съ управителемъ своихъ имѣній, князь Стефанъ сѣлъ къ окну и сталъ читать, часто поглядывая въ окно. Онъ былъ неспокоенъ, потому что въ этотъ день ожидалъ Бекешу, который долженъ былъ возвратиться изъ Кракова, гдѣ послѣ смерти Сигизмунда-Августа былъ посланникомъ. Въ послѣднемъ письмѣ Бекеша извѣщалъ князя, что лично сообщить ему весьма важныя обстоятельства, о которыхъ не рѣшается писать. Это возбудило любопытство князя; онъ читалъ, но не могъ приковать свое вниманіе къ страницамъ книгъ.

Въ это время къ нему вошелъ Гроппіусъ.

— А это ты, *doctissime magister*, сказалъ князь; я оставляю мертвую книгу, потому что предо мною живая.

— *Ars longa, vita brevis*. Однако вижу, вы читаете этого плута Горация. Напрасно. *Arcana philosophica*—это возвышаетъ и пугаетъ разумъ.

— О полно, и въ Горациѣ довольно философіи. Смотри, какъ онъ учитъ презирать это сильное величіе...

— Что пишетъ поэтъ придворный, то не можетъ привлекать особенное вниманіе людей, правящихъ народами. Есть иное счастье, къ которому вы должны стремиться, а не то, какое представляетъ Гогацій.

— Счастье не въ величіи и не въ богатствѣ; это знаютъ не только ученые, но и бабы. Мнѣ нянька моя рассказывала о какомъ-то болгарскомъ королѣ, который былъ олицетворенная добродѣтель, и котораго подданные любили, какъ отца. Онъ заболѣлъ, и доктора сказали, что онъ выздоровѣетъ, если проспитъ одну ночь въ рубашкѣ счастливаго человѣка. Начали искать такого человѣка; прошли города, и не нашли: всѣ, кого вообще считали счастливыми, богачи, магнаты, оказались вовсе не счастливыми. Пошли въ деревни и тамъ не нашли; потому что каждый жаловался на свою судьбу. Хотѣли было уже возвратиться; но встрѣтили человѣка, который показался имъ счастливымъ. Это былъ угольникъ. Спросили его, счастливъ ли онъ; онъ отвѣчалъ да, сказалъ, что ничего не желаетъ и очень доволенъ своею судьбою. Ему отвѣчали, что именемъ короля просить у него одну рубашку. И радъ бы, говорить, дать, да у меня нѣтъ ни одной, отвѣчалъ угольникъ. Штаны изорваны, плечи голы.

— Прекрасная басня, но только не для васъ. Вы недовольны своею судьбою, потому что Семигородъ для васъ тѣсенъ. Но скорѣе у васъ будетъ королевская корона. Я узналъ это по звѣздамъ. Только не знаю, какъ это случится. Если это неправда, то позволю сказать, то не понимаю, что такое астрологія.

— Ты, мой другъ, желаешь мнѣ всегда добра. Благодарю тебя за доброе предсказаніе.

Тутъ почтенный астрологъ сталъ распространяться о своей наукѣ, пустился въ философію; но князь слушалъ его довольно разсѣянно и постоянно поглядывалъ въ окно. Наконецъ, онъ вскочилъ на ноги и произнесъ: это онъ! И точно, въ воротахъ замка явился рыцарь въ полномъ вооруженіи съ оруженосцемъ. Старикъ понялъ, что разсужденіе лучше отложить до другаго времени, всталъ и сказавъ, что не желаетъ мѣшать князю, вышелъ. Онъ направился въ свою лабораторію, гдѣ усердно занимался составленіемъ лекарства отъ всѣхъ человѣческихъ недуговъ.

— Ты пріѣхалъ ко мнѣ, какъ будто напасть на меня хочешь, во всемъ оружіи.

— Я не хотѣлъ терять времени, отвѣчалъ Векеша. Радостныя вѣсти.

— Садись прежде и сними по крайней мѣрѣ плащъ; ты вѣроятно усталъ.

— Теперь объ этомъ нечего думать. Король Генрихъ бѣжалъ изъ Польши, лишь только узналъ о смерти брата. Это вашему высочеству извѣстно. Тенчинскій и Зебридовскіе послали за нимъ погоню; но король не желалъ возвратиться; обѣщалъ однакожъ, что черезъ полгода снова сядетъ на престолъ польскій; даже коронную печать

взялъ съ собою. Ждали его не полгода, а годъ; и вотъ теперь князь примасъ объявилъ междуцарствіе.

— Ктожъ кандидатъ?

— Разные. Между прочими царь, по за императора Римскаго больше голосовъ; онъ очень хлопочеть и послалъ туда Розенберга.

— Такъ дѣло кончено. Намъ ничего больше не останется, какъ подчиниться ибмцамъ, или туркамъ. Ты кого выбралъ?

— Ни того, ни другого. Императоръ еще не избранъ и не думаю, чтобъ его избрали, потому что литовская и русская шляхта и слышать о немъ не хочетъ. Но я убѣжденъ, что вскорѣ буду имѣть честь поздравить васъ съ короною.

— Гдѣ мнѣ, бѣдному князю, тягаться съ такими противниками.

— Ваше высочество и представить себѣ не можете, сколько у васъ приверженцевъ въ Польшѣ. Янъ Замоискій еще не подалъ голосъ ни за кого и работаетъ для васъ. По его совѣту я выѣхалъ изъ Кракова. Князь примасъ объявилъ престолъ вакантнымъ, поэтому побѣжайте, скажите онъ мнѣ, въ Германштадѣ и скажите князю Стефану, пусть готовится. Если останетесь здѣсь, возбудите только подозрѣніе въ противникахъ нашихъ. Мы между тѣмъ подождемъ, какъ обѣ партіи поссорятся хорошенько, не захотятъ уступить другъ другу, мы ихъ тогда помиримъ. О князѣ Стефанѣ теперь ни слова; всѣ сказали бы, что навязываю новаго кандидата. Я выжду, какъ только возьмутся за сабли, я имъ и броню ния князя Стефана.

— Узнаю Замоискаю. Ктожъ за императора?

— Какъ всегда, Зборовскіе. Однакожъ и они будутъ за насъ: невѣроятно; чтобъ императоръ удержался. Но такъ какъ панъ Самуилъ Зборовскій находится теперь при нашемъ дворѣ, то они всѣ станутъ за васъ, лишь только услышатъ ваше имя. Онъ пользуется доброю славою въ Польшѣ и на послѣднемъ турнирѣ...

— Знаю. Завтра можешь увидѣться съ нимъ. Я много ему обязанъ; онъ провожалъ Гризельду и княгиню Росцію, какъ онъ ѣздили въ Кіевъ и защитилъ ихъ отъ казаковъ и отъ татаръ. Разбилъ цѣлый обозъ татаръ и прислалъ мнѣ двухъ плѣнныхъ, за которыхъ мнѣ выдали всѣхъ нашихъ. Онъ точно славный рыцарь; но мнѣ кажется, по характеру онъ не можетъ быть хорошимъ полководцемъ.

— Говорятъ, что княжна Гризельда покорила сердце этого непобѣдимаго рыцаря. На турнирѣ у него былъ ея шарфъ и говорятъ, что онъ ищетъ ея руки.

— Такъ говорятъ... и я это знаю... Но слава Богу, могу не знать объ этомъ. Онъ въ моемъ присутствіи предложилъ ей награду, полученную на турнирѣ. Но, по правиламъ рыцарства, подобный даръ еще ни къ чему не обязываетъ. Что до меня касается, то я противъ всѣхъ этихъ правилъ и противъ турнировъ, и никогда не позволялъ бы, чтобъ люди уродовали себя для потѣхи.

— Ктоже не предпочелъ бы настоящую войну? — Однако, какъ вижу изъ вашихъ словъ, панъ Самуилъ не можетъ много рассчитывать на исполненіе его надеждъ. Братъ его, маршалъ коронный, хо-

тѣмъ отъ меня узнать, въ какой мѣрѣ для него возможно это счастье.

— Что же ты ему сказалъ?

— Что я могъ сказать? Лгать мнѣ не пристало, я и сказалъ, что виды ваши относительно вашей племянницы мнѣ неизвѣстны; но я не разъ слышалъ, что вы желаете для нея супруга не владѣтельнаго принца, а человѣка мужественнаго и съ честною душою.

— Хорошо; я и самъ ничего лучшаго не сказалъ бы.

— Такъ надежды пана Самуила нетщетенны?

— Чтожъ? онъ не можетъ обвинить меня, что я ободрялъ его надежды. Я уважаю его какъ честнаго благороднаго человѣка, но вѣрить ему судьбу племянницы не могу. Вся его жизнь до сихъ поръ рядъ заблужденій и военныхъ подвиговъ. Ты знаешь его послѣднее дѣло въ Краковѣ. Будь на мѣстѣ короля Генриха человѣкъ болѣе твердый, онъ давно бы заплатился за такое неуваженіе къ королю. Онъ долженъ быть благодаренъ слабости короля, что живеть здѣсь. И здѣсь онъ ничего не дѣлаетъ; между тѣмъ могъ бы ѣхать въ Запорожье и, какъ начальникъ славнаго войска, могъ бы заслужить прощеніе. Онъ обо всемъ забылъ. Казаки напрасно посылаютъ къ нему гонцовъ, напрасно Мрочекъ убѣждалъ его; наконецъ казаки выбрали новаго гетмана. Что же помогутъ его хорошія качества, если благоразумія нѣтъ. Другое дѣло Мрочекъ; это человѣкъ основательный и я вполнѣ уважаю его.

— Что вы сказали о панѣ Самуилу, то повторяютъ всѣ и даже братья его. Однакожъ, если вы имѣете другіе виды, то не слишкомъ-ли долго панъ Самуилъ остается въ Германштадтѣ? Всѣ говорятъ, что и княжна не совсѣмъ къ нему равнодушна.

— Можетъ быть. Панъ Самуилъ имѣетъ все, чтобы нравиться. Но Гризельда ничего отъ меня не скрываетъ. Тетка ея вообразила, что ихъ непременно надо женить и, возвратившись, стала надѣяться и на нѣ, и Гризельдѣ; но я сейчасъ же осадилъ ее. Намъ нужны люди, которые могли бы поддержать нашъ родъ, и будь увѣренъ, что всѣ усилія пана Самуила вовсе неопасны для спокойствія Гризельды. Я говорилъ съ нею, и убѣдился, что она безъ труда отдастъ руку тому, кого я выберу. Однакожъ, все таки непріятно должно быть ей, что онъ въ Краковѣ объявилъ себя, ея рыцаремъ. И здѣсь постоянно находятъ разнаго рода средства выразить свою привязанность. И чтожъ? Вотъ уже годъ, какъ онъ здѣсь, а не можетъ двухъ словъ сказать ей, чтобъ нѣсколько человѣкъ не слушали его. Но со мною онъ не смѣетъ, кажется, завести рѣчь, какъ будто чувствуетъ, что я долженъ былъ бы сказать ему. Я о другомъ думаю для Гризельды; но, впрочемъ, она можетъ подождать. Сегодня ты отдохни хорошо; а завтра поѣдемъ на охоту; я своихъ польскихъ гостей хочу угостить охотою. Но, знаешь-ли, мнѣ свита пана Самуила очень нравится, особенно этотъ Мрочекъ. Славный человѣкъ; люблю съ нимъ говорить; онъ мнѣ объяснилъ, что такое Запорожье, и вижу онъ одинъ его понимаетъ, не исключая его господина, хотя тотъ нѣсколько лѣтъ тамъ былъ гетманомъ. Если я когда сдѣлаюсь ко-

ролемъ, чему не очень вѣрю, хоть ты и подаешь надежду, то употреблю все усилія, чтобъ привлечь къ себѣ казачество.

— Кажется, мои надежды скоро осуществляются. Когда я прощался съ княземъ Висневецкимъ, волынскимъ воеводою, онъ мнѣ сказалъ: до свиданья, потому что, кажется, мы вскорѣ увидимся; вѣроятно вамъ придется привести къ намъ князя Семипородекаго; смотрите, чтобъ былъ въ добромъ здоровьи. Позвольте еще спросить васъ, замѣтили-ли здѣсь Здору?

— Это неоцѣненный человѣкъ! Не тратьте времени на размышленіе. Научилъ нашихъ дѣвицъ танцовать краковяка, а съ отцами и братьями ихъ пьютъ безъ конца. Все, говорить, хорошо здѣсь; жаль только, что нѣтъ турнировъ. Что дѣлается въ Польшѣ, о томъ его не спрашивай; только и знаетъ, что у какого-то Фалендына хорошее вино и что не будь полиціи, то Польша была бы рай. Иногда я съ нимъ болтаю—всегда разсмѣшитъ меня, особенно, какъ начнетъ свои проекты объяснять. Въ благодарность за плѣнныхъ, посланныхъ мнѣ Самуиломъ, я предложилъ ему и его свитѣ нѣкоторыя вещи. Здорѣ досталось вооруженіе Скандерберга, но такое тяжелое, что изъ моихъ гайдуковъ только двое могли носить его. Панъ Самуилъ ходилъ въ немъ, какъ будто бы она была шелковая; всѣхъ удивилъ. Здора хотѣлъ показать себя, надѣвъ латы и сказавъ, что въ немъ краковяка протанцуетъ. И дѣйствительно, всю залу обѣжалъ съ одною дамою; но потомъ кровь у него бросилась въ ротъ. И хотя всѣ удивились его силѣ, но это несчастіе такъ на него подѣйствовало, что мы насилу могли успокоить его. Совѣтуетъ мнѣ идти въ Константинополь; говорить, что у меня вдвое больше людей, чѣмъ сколько нужно, чтобы избить всѣхъ турокъ. Удивительный человѣкъ! Обѣщалъ мнѣ, что, пока будетъ въ Семиградѣ, ни съ кѣмъ не станетъ ссориться; и хотя онъ дѣйствительно чрезвычайно безпокойный человѣкъ, однакожь до сихъ поръ свято держитъ слово. Недавно узналъ, что на нашей валахской границѣ явилась шайка разбойниковъ, грабятъ жителей, сжигаютъ дома и прочее. Присталъ ко мнѣ, чтобъ я послалъ его успокоить ихъ. Я послалъ съ нимъ пятнадцать верховыхъ и далъ ему право поступить съ ними, какъ вздумаетъ. И чтожь? дней въ двадцать всѣхъ переловилъ и перекашаль. Славный народъ эти поляки! Еслибъ имъ хорошаго предводителя...

— Вскорѣ у нихъ будетъ такой предводитель въ лицѣ вашего высочества.

— Благодарю за доброе предсказаніе. Ну, теперь ступай домой: вижу, что ты очень утомленъ. И съ женою, вѣроятно еще не видѣлся?

— Служба прежде всего.

— Не сегодня мы знакомы, любезный другъ; ступай, пусть жена тебѣ приготовитъ ванну, а потомъ какъ выплывешься, такъ хоть ѣхать съ Здорой братъ Константинополь. Прощай. Помни, завтра утромъ охота.

VII.

Вла занялась заря, ужъ въ замкѣ Кумисварскомъ начались приготовления къ охотѣ. Лошади, покрытыя богатою збруею, были подведены къ подѣзду; придворные аркибузьеры еще съ вечера отпоявлялись на опушку лѣса, обтянутаго сѣтью, а на замковомъ дворѣ все уже было готово и только ожидало появленія князя и его гостей.

Самуилъ, сопровождаемый Мрочкомъ и Здорою, первый вышелъ изъ замка, и почти въ одно время съ нимъ явился и панъ Бекешъ. Самуилъ поздоровался съ нимъ, какъ съ стариннымъ другомъ, котораго не разъ угощалъ въ Краковѣ, и, взявъ его подъ руку, сталъ съ нимъ прохаживаться. Онъ былъ уже готовъ открыться во всемъ венгерскому магнату, какъ звукъ трубъ возвѣстилъ прибытіе князя. Бекешъ оставилъ своего друга и поспѣшилъ къ лошади князя, чтобы исполнить свою обязанность великаго конюшаго; Самуилъ пошелъ было за нимъ, но остановился какъ вкопанный при видѣ выходившей изъ замка княжны, которая медленно шла за своимъ дядю. Она была одѣта по турецки: желтые шаровары, красный долманъ, обшитый золотомъ, поясъ, изъ-за котораго видна была ручка кинжала, и чалма съ перьями. — составляли ея костюмъ. Лишь только она сѣла на лошадь, какъ на плечѣ ея появился любимый соколъ, Антаръ, подарокъ князя Расціи, знаменитѣйшаго птичника своего времени, который самъ занимался его воспитаніемъ. И дѣйствительно, подарокъ былъ драгоценный. Соколъ былъ такъ приученъ, что во время охоты никогда не оставлялъ своего мѣста на плечѣ своей госпожи и гнался за добычею не иначе, какъ по ея звуку. До сихъ поръ народъ семигородскій поетъ пѣсни о славномъ соколѣ Антарѣ.

Княжна дала пипоры своей лошади и стала рядомъ съ княземъ.

— Развѣ это не истинный потомокъ Атииллы, который верхомъ на лошади проѣхалъ всю Европу? сказалъ князь Бекешъ, поглядѣвъ на племянницу.

— Такъ, ваше величество, отвѣчалъ Бекешъ; но только въ отношеніи отваги; что же касается до красоты, Атилла въ вашемъ домѣ не узналъ бы своей крови. Мнѣ случалось читать, что предки наши были очень некрасивы... Это подтверждаетъ Юрнандеръ...

— Нустьяки! Вреть почтенный епископъ. Наши предки были хороши, потому что были мужественны. Панъ Зборовскій, прибавилъ онъ, поздравляю, отличная будетъ охота. Еще вчера мнѣ донесли, что въ лѣсу сѣтьми держатъ цѣлое семейство дикихъ свиней. Кабанъ гигантскаго роста. Кто его убьетъ, тотъ получитъ отъ меня золотую чашу, которую мнѣ подарилъ римскій императоръ, когда короновался венгерскою короною.

— Я не удивляюсь, ваше величество, мужеству княжны; но опасаюсь за нее—подобная охота слишкомъ опасна.

— О, здѣсь вовсе нѣтъ никакой опасности! Въ лѣсу множество дубовыхъ пней; Гризельда можетъ стать на пень и съ него смотрѣть на кабана; сверхъ того возлѣ нея постоянно будутъ нѣскольکو охотниковъ. У нея же ружье; она не только иголкою, но и ружьемъ умѣетъ владѣть. А еслибы я выѣхалъ безъ нея на охоту, она мнѣ въ вѣкъ того не простила-бы. Не правда ли, Гризельда?

— Да, мнѣ было бы очень это непріятно. Я подумала бы, что вы имѣете причину сердиться на меня.

— Но ты знаешь, что я тебѣ ни въ чемъ не отказываю, сказалъ князь и поѣхалъ.

По лѣвой его сторонѣ ѣхала Гризельда, по правой—Зборовскій; за ними тянулся длинный рядъ рыцарей и охотниковъ и вся кавалькада заключалась Мрочкомъ и Здорою, которые отстали нарочно, чтобъ потолковать на свободѣ.

— Знаешь-ли, Езекиель; нельзя удивляться, что панъ Самуилъ влюбился въ княжну и забылъ о своемъ гетманствѣ въ Запорожьѣ. Конечно я этого никогда не сдѣлалъ бы, но все таки совершенно понимаю его. Посмотри, какъ она хороша.

— Хороша-то, хороша. На мой взглядъ особенно должна казаться хорошей; мнѣ, какъ мужу госпожи Зоры, не пристало быть слѣпкомъ разборчивымъ. Впрочемъ, Ногъ съ нею. Лошадь у нея чудная. Будь генералъ Гумецкій здѣсь, тотъ бы, кажется, согласился, что лошадь безъ упрека... Но скажи, пожалуйста, ты вѣдь все это понимаешь, у тебя голова понятливая,—скажи, кто у насъ будетъ королемъ? Вѣдь король Генрихъ улизнулъ изъ Кракова.

— Ты его развѣ жалѣешь?

— Правду сказать, не очень я жалѣю; но все таки, онъ былъ хорошій король.

— Чтоже въ немъ было хорошаго?

— Ну, хотя онъ не говорилъ ни по-латыни, ни по-польски, однако былъ на своемъ мѣстѣ — въ этомъ сомнѣваться нельзя. Онъ любилъ турниры, и за это одно ужъ стоило его выбрать королемъ благороднаго народа. У него были и другія добродѣтели.

— Какія?

— А великодушіе. Какъ толковали юристы, то пана Самуила слѣдовало казнить; а король все таки не отдалъ его имъ въ руки. Вотъ такъ король! Потомъ, онъ знаетъ людей. Мнѣ, напримѣръ, подарилъ эту цѣпь—вѣдь въ ней нѣсколько фунтовъ золота. Чтожъ бы ты подумалъ, еслибы я сказалъ, что для Рѣчи Посполитой счастье, что она раздѣлалась съ нимъ.

— Вѣдь не мы его, а онъ насъ оставилъ; намъ остается подумать о другомъ.

— Въ Краковѣ теперь объ этомъ думаютъ, а можетъ быть ужъ и выдумали. Впрочемъ, я не знаю, какъ это меня касается, потому что, знаю, ни меня, ни тебя не выберутъ. Дай Ногъ только, чтобъ наши магнаты не выбрали какого нибудь заграничнаго тюфяка, который позволилъ бы имъ разобрать всѣ староства, а потомъ всю жизнь лежалъ бы на боку.

— Дурно думаешь ты о нашихъ магнатахъ. Миѣ что-то говорили, по князь Стефанъ Баторій будетъ королемъ.

— Это было бы хорошо! Хотя онъ и говоритъ, что не любитъ упрямствъ, что это не христіанская забава, однакожъ онъ самъ храбрый рыцарь и вѣроятно придумаетъ для насъ какую нибудь юшку. Притомъ къ нему доступъ легкій; вотъ подарилъ миѣ латы. А должно быть этотъ Скандербергъ былъ дьявольски силенъ, потому что когда я ихъ надѣлъ, миѣ показалось, что на меня гора свалилась. Но я и отъ него не ушелъ бы, еслибъ было за что биться. Я вижу однако, что начинаю старѣть. Ужъ теперь не сталъ бы биться единственно изъ того, чтобъ люди говорили, смотрите какъ онъ славно работаетъ топоромъ. Этими пусть магнаты занимаются. Нашему брату это не пристало; мы люди бѣдные—что заработали, то наше. Вотъ я напримѣръ вовсе не нищу своихъ родственникововъ; потому что хорошо знаю, что еслибы чума истребила въ всѣхъ до одного, то не осталось бы послѣ нихъ даже на что подковы купить для моей лошади. Если кто приговаривается до моего родства, то у меня мурашки по кожѣ начинаютъ бѣгать — миѣ такъ и кажется, что онъ лезетъ въ карманъ. Ты для меня все тецерь—отецъ, братъ, все—и не догадываешься, какъ я тебѣ благодаренъ.

— Чоужъ я сдѣлалъ такого?

— А вотъ что. Еслибы я тебя не любилъ, миѣ и въ голову не пришло бы ѣхать съ вами; я только лавировалъ бы, чтобъ какъ нибудь не встрѣтиться съ женою. А теперь человекъ свободенъ, какъ вѣтеръ. Утромъ проснешься—мысль свободна, радуешься, что живешь на свѣтѣ. Думаю однакожъ, что моя барыня, не дождавшись меня, продала мой табунъ, потому что вѣдь она не изъ роду Баторіевъ. Ей лишь-бы только коровы были здоровы. Но я заведу новыхъ; у меня еще осталось кое что отъ послѣдняго дѣла съ разбойниками. Жалѣю только, что я погорячился тогда. Не перевѣшай я ихъ всѣхъ, они бы опять явились тамъ, опять была бы работа. Жаль, но можетъ быть, дастъ Богъ, родятся другіе.

— Какъ тебѣ не стыдно такой вздоръ болтать?

— Только не бранись, потому что я потерю смѣлость говорить съ тобою, а тогда чортъ знаетъ, что со мною будетъ. Тебѣ дѣло другое, ты не думаешь о себѣ, за то другіе думаютъ. Князь Стефанъ выразился, что еслибы былъ польскимъ королемъ, то сейчасъ же далъ бы тебѣ должность при себѣ. Тебя ждетъ сенаторское кресло. А я буду жить и сгнію такимъ же, какъ я теперь. Если я самъ о себѣ не подумаю, то придется остановиться на очень маломъ. Жена ужъ, конечно, не спроситъ, есть ли у меня что ѣсть и во что одѣться. Хоть, правда, все имѣніе мое, да наслѣдство какъ-то жить не съ руки пришло; даже Шершень не извѣщаетъ меня жить ли, или ужъ умеръ. Моя баба, должно быть, ужъ забрала все въ руки и Космыржево. Если это такъ, если этотъ дуракъ Шершень поддается, я сдержу обѣщаніе — обрѣжу ему уши, какъ только возвращусь въ Польшу. Впрочемъ, чортъ съ ними, съ шайніями? Знаю что

они достанутся сыну, а я пока слажу съ собою. И зачѣмъ это чеканять круглыя деньги—идутъ и идутъ, какъ вода. Сколько ужъ денегъ-то потратилъ! И на что, спросилъ бы кто нибудь. По правду сказать, какъ деньги у меня въ карманѣ, я не чувствую такой храбрости, какъ въ то время, когда за душой нѣтъ ничего!

— Я вижу, что твоя добыча въ послѣднемъ дѣлѣ уже идетъ къ концу. Иначе ты не тосковалъ бы о томъ, что миръ.

— О нѣтъ! еще половина осталась. Но вотъ что я тебѣ скажу: какъ князь Стефанъ сдѣлается кандидатомъ, то, разумѣется, поѣдетъ въ Краковъ и насъ возьметъ съ собою. Хотѣлось бы явиться передъ своими, какъ слѣдуетъ; я уже поэтому завербовалъ къ себѣ въ службу двухъ венгерцевъ; ну, а кормить ихъ самихъ да лошадей—все это стоитъ. Хотѣлось бы передъ шляхтой задать шикъ, чтобы люди не думали, что человекъ тутъ свиней пастъ... Ты слышалъ, что сказалъ сейчасъ князь Стефанъ? Знаешь-ли, съ этой охоты можетъ выйти что нибудь хорошее.

— Къ чему ты это говоришь?

— Да ты развѣ не слышалъ, что князь обѣщалъ тому, кто убьетъ кабана? Золотую чашу и должно быть очень дорогую. Хорошо было бы, еслибъ мнѣ удалось положить кабана. Только вотъ я боюсь тебя, да пана Самуила. Въ сущности, я боюсь только тебя, потому что панъ Самуилъ какъ заболтается съ своей княжвой, такъ ему ужъ не до кабановъ будетъ. Но ты долженъ дать мнѣ честное слово, если кабанъ будетъ ближе ко мнѣ, нежели къ тебѣ, то ты стрѣлять не станешь. Извини, что я такъ прямо говорю. Да гдѣ намъ мѣшать другъ другу! Ты согласенъ?

— Изволь, согласенъ.

Побѣдъ приблизился къ озеру, которое лежало близъ лѣса, гдѣ ихъ ожидалъ главный егермейстеръ. Погода была прекрасная, небо было чисто, воздухъ прозраченъ. Вдругъ антаръ, сидя на плечѣ своей госпожи, захлопалъ крыльями. По данному знаку онъ взвился, какъ стрѣла, въ воздухъ и скоро исчезъ изъ виду. Но черезъ нѣсколько минутъ на небѣ явилась черная тучка, которая постепенно увеличивалась и опускалась ниже.

— Цапля! цапля! кринуло нѣсколько голосовъ. Дѣйствительно антаръ послѣ непродолжительной борьбы овладѣлъ своей добычей и стремглавъ упалъ на земъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей госпожи.

Всѣ невольно вскрикнули. Побѣда была полная и тѣмъ болѣе замѣчательная, что у цапли на головѣ было семь перьевъ, которые по приказанію князя были немедленно оборваны; а цаплю, которая не была смертельно ранена, Гризельда велѣла пустить.

— Отъ имени всего общества, сказалъ князь, благодарю тебя Гризельда, за удовольствіе, оказанное намъ твоимъ соколомъ... Но вотъ мы у цѣли нашего похода. Помогите, Боже! Князь перекрестился, примѣру его послѣдовали всѣ охотники и спѣшились.

Стефанъ Ваторій, какъ опытный охотникъ, желалъ звать хорошо ли окруженъ лѣсъ, гдѣ водились свиньи. Онъ подошелъ къ

охотникамъ , окружавшимъ лѣсъ , и отдалъ свой ягтани охотнику , стоявшему по правую сторону . тотъ передалъ его сосѣду , и такъ далѣе . Вскорѣ ягтани очутился въ рукахъ охотника . бывшаго по лѣвой сторонѣ .

— Теперь прошу , сказалъ князь .

Всѣ пошли по узкой тропинкѣ , которая вела во внутренность лѣса , гдѣ мѣстами торчали невысокіе пни , остатки гигантовъ дубовъ . На небольшомъ пространствѣ , черезъ которое долженъ былъ пройти звѣрь . поднятый собаками , князь разставилъ нашихъ охотниковъ . Паниъ Самуилъ желалъ стоять возлѣ княжны . за которой слѣдовали неотступно два аркибузъера ; хотя князю это и не совсѣмъ нравилось , однакожъ онъ согласился . Остальные стали въ тридцати шагахъ другъ отъ друга , полукругомъ , такъ что княжна , стоя на правой сторонѣ съ своею свитою , могла видѣть Мрочка и Здору , стоявшихъ по лѣвой сторонѣ . У каждого охотника было ружье ; но такъ какъ на огнестрѣльное оружие въ то время не могли совершенно полагаться , то у нѣкоторыхъ были алебарды , а иные , въ томъ числѣ и паниъ Мрочекъ вооружены лукомъ и колчаномъ . Такого рода оружіе было необходимо , потому что князь предложилъ условіе . чтобъ до появленія кабана никто не стрѣлялъ .

Ожидали не долго : изъ лѣсу скорѣ выпла въ просѣку свинья съ семью уже довольно рослыхъ поросятъ и была встрѣчена тучею стрѣлъ . Одинъ паниъ Мрочекъ пустилъ шесть стрѣлъ , и каждая изъ нихъ увязла въ бокахъ или хребтѣ свиньи ; дѣти ея падали подъ ударами алебардъ и сабель . Свинья , съ которой ручьями лилась кровь , бросилась вдоль просѣки и скорѣ пала отъ руки Вокеша . Уже охотники готовы были сойти съ своихъ мѣстъ , чтобы осмотрѣть добычу , но усилившійся лай собакъ остановилъ ихъ . Визгъ собакъ , ранимыхъ на смерть кабаномъ , крикъ ловчихъ , лай гончихъ , трескъ , раздававшійся въ лѣсу .—но всемъ этомъ было что-то поражающее . Наконецъ явился кабанъ , огромной величины , и бросился прямо въ ту сторону , гдѣ стояла Гризельда . Нипька ея съ самаго начала охоты стояла на пнѣ ; но княжна , увѣренная въ своемъ присутствіи духа , не хотѣла занять прежде надобности этого безопаснаго пункта . Нѣсколько стрѣлъ , пущенныхъ искусною рукою , не остановили кабана ; онъ бѣжалъ прямо на Гризельду . Но Самуилъ , никогда не терявшій присутствія духа , схватилъ ее , и , не обращая вниманія на грозившую ему опасность , поставилъ ее на пень . Вѣроятно , кабанъ повалилъ бы его , еслибъ Мрочекъ не поспѣшилъ къ нему на помощь ; онъ ударилъ кабана алебардою въ бокъ . такъ что тотъ поворотилъ въ сторону и съ яростію бросился на Езекіеля . Тотъ хотѣлъ было защищаться алебардою ; ударилъ его по спинѣ , но алебарда сломалась ; кабанъ ударилъ его клыкомъ такъ сильно , что онъ упалъ . Всѣ уже думали , что паниъ Здора окончитъ здѣсь свое рыцарское поприще , и такъ безъ сомнѣнія , и было бы , еслибъ онъ не надѣлъ латы , съ которыми почти никогда не разставался . Кабанъ потопталъ его и хотя разорвалъ бурку и повредилъ латы , потомъ вдругъ бросился къ князю . Этотъ поворотъ былъ

такъ быстро, что никто не могъ подослѣть на помощь. Князь однакожь очень покойно склонился на колѣна и наставилъ противъ него кортикъ. Звѣрь бросился съ необыкновенною силою на стальное лезвіе и упалъ къ ногамъ своего побѣдителя.

Крики удивленія слышались со всѣхъ сторонъ. Гризельда подошла къ князю, за нею послѣдовали другіе, даже Здора, успѣвшій нѣсколько оправиться, хромя, поспѣшилъ къ князю, чтобы поздравить его.

— Вы были въ большой опасности, сказалъ ему князь. Я боялся за вашу жизнь.

— Ужъ вѣроятно я покончилъ бы сегодня, еслибы не мои латы. Не везетъ мнѣ въ Семиградѣ. Первый разъ въ жизни меня тѣпалъ...

— Но ужъ не кому мстить; мы его за обѣдомъ за все накажемъ. А славный звѣрь! Охота была очень удачна. Надо теперь рѣшить, кому принадлежитъ чаша.

— Ужъ разумѣется, она должна у васъ остаться, потому что вы убили кабана, отвѣчалъ Здора.

— Non docet награждать самого себя. Господинъ Мрочекъ, какъ возвратимся домой, вы будете столь добры, примете отъ меня эту чашу. Я хорошо замѣтилъ, что, когда панъ Зборовскій бросилъ ружье и рогатину, чтобы поставить Гризельду въ безопасное мѣсто его жизнь была въ большой опасности и вы ее спасли.

Мрочекъ отвѣчалъ почтительнымъ поклономъ.

— А ваши латы повреждены, сказалъ князь, обращаясь къ Здорѣ; вы позволите мнѣ предложить вамъ на выборъ одно изъ десяти вооруженій, которыя я выписалъ изъ Венеціи.

Панъ Здора поклонился чуть не до земли и потомъ вскричалъ:

— Послѣ вашего обѣщанія у меня вся боль прошла. Вотъ ужъ второе вооруженіе я получаю отъ васъ, и желалъ бы доказать, что стою такого дорогаго подарка.

— Я совершенно увѣренъ, что латы будутъ прикрывать достойныя плечи, отвѣчалъ князь.

Потомъ онъ приказалъ разбить палатку и подать завтракъ. Во общество было весело, а панъ Езекиель, послѣ нѣсколькихъ стакановъ венгерскаго, почувствовалъ себя въ такомъ прекрасномъ расположеніи духа, что готовъ былъ продлить бесѣду до слѣдующаго дня и вовсе не думалъ о возвращеніи въ замокъ.

VIII.

Въ замкѣ охотники наши нашли уже приготовленный обѣдъ.

Князь, согласно своему обѣщанію, отдалъ чашу съ отличною рѣкою Мрочку; панъ Здора получилъ вооруженіе, былъ счастливъ какъ дитя, и совершенно забылъ о своей неудачѣ. Потомъ князь поблагодарилъ Зборовскаго за новую услугу, оказанную Гризельдѣ.

За столомъ Самуилу удалось занять мѣсто возлѣ княжымъ. О

рѣшился наконецъ высказаться предъ нею, да долго не могъ побѣдить въ себѣ какой-то безотчетной боязни.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ наконецъ, ко мнѣ, должно быть, Богъ особенно милостивъ, что далъ мнѣ столько случаевъ быть вамъ полезнымъ.

— Да, отвѣчала Гризельда, безъ васъ я уже нѣсколько разъ могла бы умереть или лишиться свободы. Примите мою сердечную благодарность и будьте увѣрены, что я чувствую, что ничѣмъ не могу отблагодарить васъ.

— Благодарность это такое холодное чувство и такое слабое...

— Напротивъ! Чѣмъ же другимъ можно себя такъ связать, какъ благодарностью.

— Нѣтъ, я долженъ наконецъ говорить прямо. Можетъ быть, я покажусь вамъ дерзкимъ, но я не въ состояніи долѣе подавлять свои чувства. Позвольте мнѣ надѣяться, что на эти чувства вы ответите чѣмъ нибудь, что для меня больше и драгоценнѣе благодарности. Что касается до тѣхъ услугъ, я объ нихъ не говорю; я отступилъ бы отъ рыцарской чести, еслибы дѣйствовалъ иначе... Неужели мои чувства не могутъ смягчить ваше сердце... неужели мнѣ нельзя надѣяться?

— Я не могу и даже не хочу понимать васъ. Если у васъ есть законы, которыхъ вы нарушать не можете, то и у насъ есть свои, отъ которыхъ мы не можемъ отступать. Повторяю, я чувствую къ вамъ самую искреннюю благодарность и прошу васъ не говорить мнѣ ничего, чего я не имѣю права слушать.

— Нѣтъ, вы должны слушать. Любовь моя къ вамъ не заслуживаетъ презрѣнія. Я не отрицаю, что поступаю дерзко и самонадѣянно, добываясь взаимности прекраснѣйшей и совершеннѣйшей на свѣтѣ дѣвицы. Но это не можетъ васъ оскорблять. Княжна изъ владѣтельнаго дома, безъ ущерба своему достоинству, можетъ отдать руку польскому дворянину. Я не князь, не графъ, но избираю королей и самъ могу быть избранъ. У каждого изъ насъ въ гербѣ королевская корона, какъ знакъ дворянскихъ правъ. Если вы позволите мнѣ надѣяться, не колеблясь, громко стану просить вашей руки у вашего дяди и опекуна. Не знаю, каковы его виды; но увѣренъ въ томъ, что никто ни въ чемъ не можетъ упрекнуть домъ Зборовскихъ. Скажите мнѣ только, не оскорбитъ-ли васъ такой шагъ; это по крайней мѣрѣ я заслужилъ? Вы молчите?

— Мнѣ кажется, что молчаніе самый лучшій отвѣтъ.

— Такъ вы отвергаете мои чувства...

— Мнѣ о нихъ нельзя знать... Я знаю, что вы не стерпѣли бы ни малѣйшей обиды ни отъ кого; будьте же и къ другимъ таковы, какъ къ себѣ.

— Развѣ мои слова могли оскорбить васъ! Неужели я такъ низко упалъ въ вашемъ мнѣніи, что даже признаніе мое васъ оскорбляетъ!.. Зборовскій можетъ быть несчастливъ, но еслибъ онъ даже поднялъ глаза на дочь короля, то и тогда никто не назвалъ бы его дерзкимъ.

— Перестаньте; не доводите меня до того, чтобы я пожалѣла, что обязана вамъ. Послушайте, вы извѣстны и своими рыцарскими подвигами и добродѣтелями; позвольте мнѣ, согласно рыцарскимъ обычаямъ, просить васъ объ одномъ.

— Приказывайте, и клянусь, что исполню все.

— Вѣрю, потому что вы еще никогда не отступались отъ своего слова. Позвольте мнѣ предложить вамъ одно условіе, которое вы, я увѣрена, исполните. Дайте мнѣ слово, что больше вы не станете мнѣ говорить о своихъ чувствахъ, пока мой дядя не дастъ вамъ на это право.

— Какое тяжкое условіе! Я принимаю его. Но могу ли я надѣяться, что когда нибудь буду вознаграждена?..

— Если вы согласитесь принять мою дружбу, какъ вознагражденіе за исполненіе этого условія, я готова признать ее публично.

— Именемъ этой дружбы заклинаю васъ сказать, могу ли я просить вашего дядю о томъ правѣ, о которомъ вы упомянули. Вѣдь то, о чемъ я васъ прошу, не выходитъ за предѣлы дружбы и не нарушаетъ условія.

— Посудите сами, желаніе не подвергается-ли опасности исполненіе условія. Не станемъ приближаться къ предѣламъ, за которые намъ перейти нельзя. А въ знакъ моей дружбы вотъ вамъ моя рука.

Самуилъ съ увлеченіемъ поцѣловалъ руку княжны.

— Я догадываюсь, что ты, Гризельда, благодарилъ пана Самуила за услугу, оказанную тебѣ на охотѣ, сказалъ князь Стефанъ, сидѣвшій противъ нихъ и замѣтившій давно, что они ведутъ довольно оживленную бесѣду. А совнайся, вѣдь испугалась.

— Все это такъ скоро произошло, что мнѣ некогда было испугаться, отвѣчала Гризельда. Я была бы слишкомъ невнимательна къ господину Зборовскому, еслибъ только теперь вздумала благодарить его. Теперь я только въ знакъ благодарности подаю ему руку.

— Развѣ онъ чѣмъ нибудь еще услужилъ тебѣ?

— Я получила даръ, о которомъ усердно просила...

— Векешъ, я думаю вы очень довольны, что въ моемъ семействѣ такъ строго соблюдаются рыцарскіе обычаи. Какъ дама получала дань отъ рыцаря, ее ужъ и нельзя спросить, какого рода этотъ даръ.

— Да, это такъ, потому что стараться узнать или подозрѣвать то, что происходитъ между благородною дѣвицею и рыцаремъ, святотатство.

— Смотрите, съ какимъ увлеченіемъ говоритъ Векешъ, сказалъ князь, крутя усь; мнѣ кажется, что еслибы не было правъ рыцарскихъ, онъ ихъ выдумалъ бы. Конечно, эти права на благородныхъ началахъ; но если рыцарство уклонится отъ этихъ началъ, оно лишится первенства. Потомъ, взглянувъ на пана Здору, сидѣвшаго между Мрочкомъ и какимъ-то венгерскимъ магнатомъ, и выливавшего остатки токай, прибавилъ, смѣясь:

— Вы также извѣстный рыцарь и вѣроятно много волочились за дамами, если уже успѣли жениться, хотя вы гораздо моложе меня.

Признайтесь, сколько въ своей жизни вы сломали копій за честь прекраснаго пола?

— Не много, т. е. ни одного. Правда, во время Лифляндской войны у насъ съ паномъ Казимиромъ было дѣло, говорили тогда, что за нѣмку; можетъ быть, и такъ; но тутъ дѣло шло вовсе не о чести или красотѣ, а такъ, какъ большею части бываетъ между молодежью: если одинъ скажетъ бѣло, другой говоритъ черно. Ну, разумеется, и кончится краснымъ. Въ Зборовѣ толковали о моей влюбчивости; но тамъ не дошло до копій, а просто приказали мнѣ убраться.

— Но невѣроятно, продолжалъ князь, чтобъ вы не носили на турнирахъ какого нибудь знака, полученнаго отъ вапей дамы.

— Нѣтъ; все это барскія выдумки, а я простой шляхтичъ. Какъ надѣну хорошій шлемъ, да латы, такъ мнѣ не нужно ни лентъ, ни шарфовъ. Все это выдуманно не для меня. Впрочемъ, только на турнирахъ люди и бьются за честь дамъ, а я не на многихъ турнирахъ бывалъ. Видно, я слишкомъ поздно родился, потому что турниры нынче становятся рѣдки.

— А на сколькихъ, однакожъ, вы были?

— На трехъ; какъ панъ Краковскій выдавалъ замужъ своихъ трехъ дочерей, такъ въ теченіе десяти дней было три турнира, но я ихъ не считаю.

— Почему?

— Потому что я только смотрѣлъ. Тогда у меня былъ черный плащъ, да черная пияна. Въдъ я готовился быть пасторомъ; я той же вѣры, какъ и панъ Зборовскій и его покойный отецъ. Но я бѣжалъ изъ школы, и съ тѣхъ поръ нужно было думать, чтобъ было что ѣсть и пить, а не о томъ, что тамъ или другая хороша, или не хороша. Въ Мавѣ первый разъ мнѣ пришлось участвовать на турнирѣ, который давалъ Кетлеръ, присягнувъ покойному королю; тамъ былъ и панъ Зборовскій и панъ Мрочекъ. Мнѣ посчастливилось тогда. Другой разъ я былъ на турнирѣ въ Виржахъ; давалъ его князь Радзивилъ, по поводу полученія должности великаго маршала коронаго. А третій въ Краковѣ; объ этомъ вы знаете.

— Ну, а прежде чѣмъ вы женились, не было стычки съ какимъ нибудь соперникомъ?

— Соперникомъ? Сейчасъ видно, что вы не только не видѣли моей жены, но даже не слышали о ней. Это, я долженъ сказать, достойная дама, изъ знатнаго рода. изъ родствѣ съ Тенчинскими, но не изъ такихъ, чтобы за нее стоило подставлять лобъ. Еслибы мнѣ тогда сказали, не женись или выходи на топоры, ой-Богу, я струсилъ бы. Но какъ на смѣхъ, всѣ поздравляли и никто не запылавалъ.

— Какъ вижу, вы не совсѣмъ довольны, что вступили въ бракъ.

— Distinguo, милостивый князь. Холостая жизнь хороша, но тотъ только понимаетъ это, кто переѣхидъ ее на брачную. Но это не должно оскорблять моей жены; еслибы я былъ мужемъ римской цесаревны, то и тогда сказалъ бы тоже самое. Я согласенъ бы

скорѣе быть холостымъ, нежели имѣть самую красивую, самую умную жену; но если уже суждено мнѣ было жениться, то моя жена конечно лучше всякой другой, потому что съ другой, можетъ быть, я засидѣлся бы дома. Еслибъ у меня точно было влюбчивое сердце, я не ждалъ бы, пока меня люди женятъ, а самъ женился бы и сидѣлъ бы дома и сторожилъ бы жену, хоть это и трудно, когда хороща. Потому-то я и совѣтую моему другу, пану Казимиру, который чувствуетъ большое попользованіе жениться, выбрать самую некрасивую жену; мнѣ его слава дороже моей.

— Благодарю, отвѣчалъ Мрочекъ, однакожъ я попросилъ бы васъ о менѣе дружескомъ желаніи.

— Вотъ бѣлѣе вздоръ; вѣтъ, ты бери съ меня примѣръ. Вѣдь еслибъ не моя жена, развѣ я былъ бы здѣсь; разумѣется, нѣтъ. Возлѣ нея я не имѣлъ бы счастья считать себя между слугами свѣтлѣйшаго князя Стефана, который, какъ говорятъ, будетъ королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ и за котораго я радъ бы теперь выпить, да только ужъ бутылка пуста.

— Это на послѣ оставимъ, отвѣчалъ князь, нахмуривъ брови. Онъ замѣтилъ, что панъ Здора оказалъ слишкомъ большую честь его вину, и потому, боясь какой нибудь неучтивости, поспѣшилъ встать изъ-за стола.

— Уведите отсюда какъ нибудь незамѣтно Здору; онъ начинаетъ вздоръ болтать, а здѣсь есть люди, при которыхъ мнѣ непріятно было бы слышать его болтовню. Князь намекалъ на агентовъ, которыхъ постоянно держалъ при немъ вѣнскій дворъ, видѣвшій въ немъ соперника.

Панъ Мрочекъ не имѣлъ надобности исполнять приказаніе князя, потому что сидѣвшій возлѣ Здоры магнатъ уже пригласилъ его попробовать токайскаго вина, которое, какъ онъ говорилъ, было старше, чѣмъ у князя. Взявшись подъ руки, новые друзья вышли изъ залы.

IX.

Въ замкѣ Кумисварскомъ почти ежедневно давались банкеты и изобрѣтались новыя потѣхи. Почти каждый вечеръ собирались Семгородскіе магнаты и иностранные гости въ княжескомъ замкѣ, гдѣ Гризельда была полною хозяйкою. Самуилъ, вѣрный своему рыцарскому слову, не допускалъ даже мысли, чтобы можно было его нарушить, хотя это стоило ему не малыхъ страданій. За то княжна чувствовала себя свободнѣе въ отношеніи къ рыдарю. Говорила съ нимъ безъ всякаго опасенія, какъ съ другомъ, услуги котораго достойны были самой искренней ея благодарности. На сколько меньше она остерегалась, на столько становились яснѣе ея дарованіе и свѣтлый ея умъ. Но что она сама чувствовала, трудно угадать. Однакожъ видно было, что всѣ ея чувства побѣждались привязанностью къ дядѣ. Ни за что въ мірѣ не поступила бы она противъ

его воли; казалось, цѣль ея жизни состояла въ томъ, чтобы угадывать его желанія и поступать сообразно съ ними. Князь же, съ своей стороны, такъ былъ увѣренъ въ ней, что никогда не оскорблялъ ее подозрѣніемъ или недоувѣріемъ и никогда не имѣлъ причины сожалѣть о томъ.

Нельзя сомнѣваться, что Самуилъ ей нравился, потому что красота и мужество не могутъ не возбудить пріязненнаго чувства въ душѣ совершенно свободной дѣвушки. Но отъ этого чувства до страстной любви еще далеко. Она была чувствительна, но вовсе не сентиментальна. Идеаломъ совершенства для нея былъ ее дядя, человѣкъ разсудительный, твердый, неустрашимый, почти безстрастный, даже въ юности не подчинявшійся обольщеніямъ женскаго пола. Нужно было походить на него для того, чтобы возбудить въ ней любовь, и хотя ее тетка и умѣла подѣйствовать на нее, однакожь, возвратясь въ Германштадтъ и увидѣвъ, что князь не соглашается съ видами своей сестры, употребила всѣ усилія, чтобы забыть о своемъ избавителѣ. А въ то время, какъ Зборовскій, полный надеждъ явился предъ нею, она съумѣла такъ повести себя, что преюмща всѣ ожиданія князя Стефана. Она умѣла показывать пріязнь и благодарности, но не больше. Самуилъ не могъ упрекнуть ее въ неблагодарности, но не могъ также разсчитывать на ее взаимность. Непонятно, что все это требовало жертвы, но въ Гризельдѣ наплось столько силы, сколько нужно, чтобы принести ее.

Стефанъ Баторій, хотя и не высказывалъ надежды получить польскую корону, однакожь, былъ почти въ томъ увѣренъ. Онъ постоянно ожидалъ торжественнаго посольства изъ Кракова, съ которымъ не переставалъ сноситься. Ему уже было извѣстно, что Зборовскіе объявляли себя въ его пользу и германскій императоръ отложилъ свои исканія до слѣдующихъ выборовъ. Судьба улыбнулась князю; однакожь онъ по прежнему не давалъ Самуилу никакой надежды на бракъ. Самуилъ ежедневно давалъ себѣ слово открыто переговорить съ княземъ и если не просить руки Гризельды, то по крайней мѣрѣ получить отъ него позволеніе заслужить ее; но у него никогда не доставало духу начать объ этомъ рѣчь; онъ ожидалъ какого нибудь намёка, одного слова, которое могло бы вызвать его на объясненіе; но никогда князь не произносилъ ничего подобнаго, а опасеніе получить отказъ всегда останавливало его. Трудно разсказать, что происходило въ его душѣ въ это время. Всѣ страсти, гнѣвъ, гордость, попеременно овладѣвали имъ и приводили его къ самымъ страннымъ, несбыточнымъ предпріятіямъ. Онъ думалъ ѣхать въ Запорожье, сдѣлаться гетманомъ, напасть на Германштадтъ и силою овладѣть Гризельдою; потомъ хотѣлъ ѣхать въ Вѣну, и съ войскомъ поддерживать выборъ императора, отъ котораго думалъ получить какую нибудь провинцію и сдѣлаться владѣтельнымъ принцемъ. (Онъ приписывалъ холодность къ нему Баторія только тому, что не былъ владѣтельнымъ принцемъ) и всѣ подобные планы смѣшивались, противорѣчили другъ другу, какъ обыкновенно бываетъ у людей, неумѣющихъ бороться со страстями. Часто онъ повѣрялъ

свои мысли Казимиру, который иногда успокаивалъ его, а иногда, пользуясь правомъ дружбы, рѣзко осуждалъ его поведение. Самуилъ соглашался съ нимъ, но скоро опять впадалъ въ тѣ же самыя заблужденія.

Отъ чего же князь Стефанъ былъ противъ него, не смотря на то, что цѣнилъ его достоинства? Не потому, что онъ не носилъ короны; онъ не разъ говорилъ о томъ, что не ницетъ для своей племянницы державнаго жениха; а изъ шляхты выбрать кого нибудь знаменитѣе Самуила было трудно. Даже Бекешъ, пользовавшійся расположеніемъ и довѣренностью Баторія и дружбою всего семейства Зборовскихъ, сказалъ ему однажды, что если онъ станетъ королемъ польскимъ, то ничего не могло бы быть выгоднѣе, какъ родственная связь съ такимъ могущественнымъ домомъ. Она доставила бы ему всегда большинство на сеймахъ, потому что большая часть магнатовъ друзья или родственники Зборовскихъ; что ихъ восемь братьевъ, и каждый изъ нихъ богатъ, какъ удѣльный князь. Наконецъ самъ Самуилъ человекъ, котораго ни въ чемъ упрекнуть нельзя, исключая его горячности, которая, можетъ быть, съ лѣтами, при серьезныхъ служебныхъ занятіяхъ, смирилась. Князь терпѣливо слушалъ эти доводы, ничего не возражалъ, но видимо былъ ими недоволенъ. Бекешъ, съ своей стороны, напрасно старался объяснить странное поведение своего господина, которое дѣйствительно могло быть объяснено только духомъ того времени. Лавиусъ Гроппиусъ былъ главной причиной.

Стефанъ Баторій, при всемъ своемъ умѣ и талантахъ, былъ сыномъ своего вѣка. Уже мы сказали, что онъ вѣрилъ въ астрологическія заключенія своего учителя, и хотя о томъ никому не было извѣстно, однакожь онъ часто прибѣгалъ къ его совѣтамъ, особенно въ важныхъ случаяхъ. При первой встрѣчѣ съ Самуиломъ онъ почувствовалъ къ нему расположеніе, но не хотѣлъ слѣпо вѣряться этому чувству и обратился за совѣтомъ къ Гроппиусу. Почтенный астрологъ со всею добросовѣстностью вывелъ свое заключеніе о будущности Самуила и съ прискорбіемъ объявилъ князю, что Самуилъ кончитъ жизнь самымъ позорнымъ образомъ. Эти слова, сказанныя съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ истинѣ, были достаточны, чтобы сдѣлать все домогательства Самуила совершенно бесполезными. Черезъ нѣсколько дней послѣ разговора князя съ Бекешомъ, получено было оффиціальное извѣстіе объ единогласномъ избраніи на польскій престолъ Баторія и о скоромъ прибытіи торжественнаго посольства, которое будетъ состоять изъ князя кардинала Радзивила, епископа краковскаго, князя Висневецкаго, воеводы волынскаго, Яна Зборовскаго, Гнѣзненскаго кастеляна. Это были представители сената. Генералъ Гумецкій, панъ Ростворовскій и Замойскій были избраны представителями рыцарскаго сословія. Послѣдніе двое были депутатами на избирательномъ сеймѣ; они же должны были представить Баторію *Rada Conventa*, договоръ между подданными и королемъ, который надлежало поднять и князю и по-

сламъ. Въѣстъ съ тѣмъ, имъ поручалось предложить подданство соединенныхъ народовъ.

Х.

Съ полученіемъ извѣстія объ избраніи Баторія, пиршества и потѣхи въ Кумисварскомъ замкѣ прекратились; не потому чтобы это извѣстіе его огорчало, напротивъ, онъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, что судьба вызвала его наконецъ на обширное поле дѣятельности. Но онъ находилъ неизбѣжнымъ приготовиться къ великому труду царствованія. Онъ совершенно удалился отъ общества, окружавшаго его въ замкѣ, и недѣлю цѣлую посвящалъ чтенію и размышленіямъ. Гризельда также не являлась, считая для себя неприличнымъ предаваться забавамъ, въ которыхъ ея дядя не принималъ участія. Гости собирались у Бекешш.

По прошествіи недѣли князь явился, и уже не въ Кумисварѣ, а въ своемъ дворцѣ въ Германштатѣ, куда перешелъ и весь его дворъ. Здѣсь онъ назначилъ торжественную аудіенцію подданнымъ, которымъ ему предстояло оставить. Онъ учредилъ правительство изъ людей, пользовавшихся любовію и уваженіемъ народа, поставивъ во главѣ ихъ епископа Германштатскаго, чловека просвѣщеннаго и благоразумнаго, вышедшаго изъ самаго низкаго сословія, и достигшаго высшей ступени въ церковной іерархіи, своими заслугами и достоинствами.

Во время этой аудіенціи, Самуилъ хотѣлъ было представиться будущему королю, и изъяснить ему свои подданическія чувства; но Мрочекъ успѣлъ остановить его, доказавъ, что избранный королемъ до тѣхъ поръ не считается дѣйствительнымъ королемъ, пока не подпишетъ раса conventa. При томъ онъ совѣтовалъ ему быть какъ можно осторожнѣе, такъ какъ въ настоящее время, болѣе, чѣмъ когда либо, его враги будутъ пользоваться его легкомысліемъ, чтобы вредить ему; даже принудилъ его избѣгать встрѣчи съ Баторіемъ до прибытія посольства.

Наконецъ наступилъ давно ожидаемый всѣми день; посольство прибыло въ Германштатъ и было встрѣчено всевозможными почестями. Мѣстныя власти, по приказанію князя, выходили на встрѣчу посламъ, а такъ какъ въ числѣ ихъ былъ кардиналъ, то духовенство вездѣ предшествовало народу, провожало его въ главную церковь, гдѣ говорились рѣчи и пѣлись хвалебныя гимны. Эти церемоніи значительно замедляли путешествіе. Наконецъ они прибыли въ Германштатъ.

У городскихъ воротъ, ихъ встрѣтили всѣ власти и, обмѣнявшись рѣчами, проводили ихъ въ епископскій дворецъ, гдѣ приготовлено было помѣщеніе для пословъ. Послы ѣхали верхомъ, а два венгерскіе магната вели подъ руки князя кардинала. Епископъ Германштатскій и князь Андрей Баторій, каноникъ, поѣхали впередъ, чтобы встрѣтить кардинала въ кафедральномъ соборѣ.

Послы двигались медленнымъ шагомъ, за ними несли знамя, ор-

принимаемое тридцатью гусарами, которые всё безъ изъятія были одѣты въ серебряные панцири; сбруя была также залита серебромъ, что не мало удивляло народъ. Замѣчено было также, что лошади князя кардинала и другихъ пословъ изъ сената были подкованы серебряными подковами, которыя были такъ слабо прибиты, что черезъ каждыя двадцать - тридцать шаговъ которая нибудь отваливалась. Прислуга ихъ не подымала, и немедленно прибывалась новая подкова. Представители рыцарскаго сословія, бросали серебряныя деньги. Крики радости раздавались въ толпѣ, и сливались съ колокольнымъ звономъ, пока наконецъ процессія не вступила въ кафедральный соборъ, гдѣ епископъ Германитатскій встрѣтилъ пословъ привѣтственной рѣчью. Поклонившись мощамъ св. Матвѣя и пропѣвъ *Te Deum gaudentis*, послы отправились въ назначенный для нихъ дворецъ. Здѣсь они нашли комнаты, наполненныя, по обычаю поляковъ, многочисленною прислугою. Графъ Шентъ - *Иванъ*, одинъ изъ знаменитѣйшихъ магнатовъ Семигородскихъ, принявъ на себя обязанность маршала, и такъ заботливо и искусно распорядился, что польскимъ посламъ казалось, будто они и не выезжали изъ Польши.

Оставшись одни, они всё собрались къ князю кардиналу и составили совѣтъ о представленіи Ваторію; но тотъ еще прежде повѣстивъ имъ, что, не желая безноконтъ ихъ сейчасъ же послѣ столь труднаго путешествія, приглашаетъ черезъ два дня во дворецъ. Лишь только собрались послы, къ нимъ явился Самуилъ Зборовскій вмѣстѣ съ Мрочкомъ и Здорю.

Самуилъ съ глубочайшимъ уваженіемъ привѣтствовалъ кардинала, съ которымъ былъ въ родствѣ, поцѣловалъ руку лады генерала Гумецкаго, обнялъ брата, пожалъ руку Замойскаго и Ростворовскаго, и съ меньшею фамильярностью поклонился князю Висневецкому, который, какъ ему было извѣстно, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Тенчинскими и Ваповскими. Мрочекъ и Здора скромно привѣтствовали магнатовъ.

— А, Самусь, какой ты молодецъ! воскликнулъ генералъ Гумецкій. Ты возмужалъ; вотъ видно, что хорошему коню чужая каша впрокъ идетъ. А хорошо ты сдѣлалъ, что засѣлъ здѣсь, какъ будто зналъ, что князя Стефана изберутъ. Вотъ и избрали, да какъ еще! ни одного голоса противъ. Это чудо! Я очень хотѣлъ бы видѣть поскорѣе его; имѣлъ я прежде съ нимъ дѣла, но только на бумагахъ; мнѣ случилось однажды отправить къ нему его подданныхъ, взятыхъ изъ плѣна у Турокъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ по латыни. До сихъ поръ я сохранилъ это письмо. Но вотъ послѣ завтра увижу. Вѣдь нужно будетъ, представляя *pacia conventa*, произнести рѣчь. Это ужъ вы возьмете на себя, ваша эминенція.

Князь кардиналъ. Я думаю, что вамъ, какъ старшему чиномъ и лѣтами изъ представителей рыцарскаго сословія, удобнѣе было бы сказать приличное слово.

Панъ Гумецкій. Гдѣ мяѣ! Я по латыни не стѣмѣю, а князь Стефанъ по польски не понимаетъ. Вѣдь, ваша эминенція, не всё та-

кю, какъ панъ Мрочекъ. что и дерется славно, и говорить отлично; или какъ панъ Замойскій: онъ такъ ведетъ свой отрядъ, что я не постыдился бы служить подъ его командою; да и говорить такъ, что будь съ нами Богъ знаетъ какой мудрецъ, я посоветовалъ бы ему молчать. Если онъ съ нами, такъ о риторикѣ нечего и думать; онъ покажетъ, что поляки умѣютъ.

Князь кардиналъ. Наше посольство должно быть успѣшно; все дѣло въ томъ, чтобы князь Стефанъ подписалъ *pacis conventa*; вамъ, господа, всѣмъ извѣстно, что мы не можемъ отступать отъ нихъ ни на волосъ. Но мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи, затрудненія не встрѣтимъ.

Замойскій. Нѣ малѣйшаго. Рѣчь Посполитая желаетъ только, чтобы князь Ваторій помогалъ ей своимъ собственнымъ войскомъ и деньгами въ случаѣ войны; но это условіе такъ согласно съ его убѣжденіями, что еслибы его къ тому и не обязывали, то онъ исполнялъ бы его. Дай Богъ, чтобы всѣ желанія Рѣчи Посполитой такъ исполнились, какъ это.

Самуилъ Зборовскій. Я полагаю, что въ началѣ намъ слѣдуетъ пустить въ ходъ пышность и великолѣпіе, потому что это сдѣлаетъ впечатлѣніе на семигородскихъ магнатовъ. Вапа эминенція позвольте мнѣ присоединить къ вашей свитѣ мой дворъ. Я нетерпѣливо ожидалъ вашего прибытія, потому что безъ васъ не хотѣлъ выразить свѣтлѣйшему князю Стефану моего подданническаго чувства.

Князь Висневекскій. Хотя я и предвижу, что заслужу ваше неудовольствіе, однакожъ, какъ сенаторъ Рѣчи Посполитой, считаю себя въ правѣ предостеречь васъ. Дворяне, прибывшіе сюда вмѣстѣ съ вами, не только могутъ, но и должны присутствовать на аудіенціи; но вы не можете.

Самуилъ Зборовскій. Это почему? Развѣ я не равенъ вамъ, или я не полковникъ, присягавшій на службу отечеству? Любопытно знать, кто мнѣ можетъ запретить явиться!

Князь Висневекскій. Конечно не мы, но законъ, который вы обязаны уважать вездѣ. если считаете себя гражданиномъ Рѣчи Посполитой. Участіе въ такомъ посольствѣ есть дѣло общественное; потому-то вы, какъ изгнанникъ, не можете въ немъ участвовать, безъ нарушенія декрета, обнародованнаго противъ васъ. Я говорю безъ какой злобы и въ доказательство ссылаюсь на вашего брата, которому извѣстно, что я употреблялъ всѣ усилія склонить госпожу Равовскую къ миру и такимъ образомъ облегчить вамъ возвратъ на родину. Но въ настоящую минуту, когда дѣло идетъ о вопросѣ общественномъ, я долженъ къ васъ смотрѣть только какъ на преступника, который присвоиваетъ себѣ то, что не принадлежитъ ему по праву; поэтому прошу васъ не принимать въ нашихъ дѣлахъ участія, хотя бы только присутствіемъ... этимъ вы уволюте насъ отъ весьма непріятнаго положенія.

Самуилъ Зборовскій. Князь воевода польнскій не есть судебное чѣсто, которое бы могло налагать на меня декретъ. Впрочемъ, ваши слова не задѣваютъ моей чести. Вы оскорбляете меня, но ваши глѣ-

та защищаютъ васъ отъ послѣдствій моего гнѣва. Я все таки явлюсь вмѣстѣ къ королю и тогда посмотримъ какъ это достопочтенный воевода прикажетъ мнѣ удалиться!

Князь Висневекскій. Было бы странно, еслибы я обратилъ вниманіе на эти оскорбленія. Я защищаю права, и никогда не позволю, чтобы изгнанникъ явился къ королю, какъ уполномоченный Рѣчи Посполитой; это было бы оскорбленіемъ величества. Если мои товарищи согласятся на ваше желаніе, то и въ такомъ случаѣ я не откажусь отъ своего мнѣнія, и представлю особое донесеніе, чтобы не подвергать себя справедливымъ упрекамъ пославшихъ насъ.

Янъ Зборовскій. Въ самомъ дѣлѣ тебѣ, Самуилъ, неудобно явиться при первомъ представленіи. Лучше всего сдѣлаешь, если на этотъ день скажешься больнымъ; потомъ можешь быть съ нами вездѣ, потому что никто изъ этихъ господъ не имѣетъ ничего противъ тебя, точно также какъ я. Но все таки я долженъ согласиться съ мнѣніемъ князя воеводы холынского.

Самуилъ Зборовскій. И ты, Янъ, противъ меня. Но я никогда не позволю до такой степени унижать себя... Развѣ я совершилъ преступленіе противъ отечества? Князь воевода говоритъ здѣсь какъ сенаторъ и защитникъ закона, но, по моему мнѣнію, онъ только опекунъ госпожи Вановской.

Панъ Гумецкій. Начинаешь вздоръ молоть, любезный племянничекъ. Ты, какъ умный человѣкъ, долженъ слушать что говорятъ старшіе. Тебя никто не обвиняетъ въ преступленіи противъ отечества, а что ты находился въ изгнаніи, по опредѣленію короля, это всѣ знаютъ и ты самъ. Если ты не убѣждаешься этимъ, то спроси нана Замойскаго, и дѣлай такъ, какъ онъ скажетъ, потому что онъ тебѣ истинный другъ и защищалъ тебя, когда ты самъ о томъ не зналъ.

Янъ Замойскій. Панъ Самуилъ слишкомъ скоръ, но, я увѣренъ, онъ имѣетъ такое благородное сердце, что когда успокоится, то самъ увидитъ, что повиновеніе закону приноситъ честь, а не безчестіе. Мы всѣ цѣнимъ и уважаемъ въ немъ благороднаго человѣка, но еслибы мы, изъ дружбы и уваженія къ нему, обнаружили неуваженіе къ закону, то едва ли могли бы заслужить этимъ одобреніе избраннаго нами короля. Я имѣю честь знать нѣсколько князя Баторія. Сознаніе долга и исполненіе его у него святое дѣло. Еслибы панъ Самуилъ вздумалъ насильно явиться между нами на первой аудіенціи, мы, конечно, не употребили бы противъ него насилія, но это болѣе чѣмъ вѣрно, что онъ навсегда закрылъ бы себѣ дорогу въ отечество.

Панъ Гумецкій. Вотъ! говоритъ какъ пишетъ, любо слушать! у меня все это есть въ головѣ, да сказать такъ не умѣю. Это вѣрно какъ смерть, что еслибы ты насильно явился къ королю, то только бы его и видѣлъ. Помни, что это венгерецъ, собственной рукой турецкіе головы рѣжетъ; не одинъ конь, говорятъ, не смѣетъ ему противиться. Узнаетъ, что ты хочешь явиться противъ нашего желанія, онъ просто прикажетъ не пустить тебя. Не лучше ли тебѣ

одинъ разъ его не видѣть, а потомъ видѣться каждый день, нежели поставить на своемъ и уже никогда не видѣть его, потому что онъ о тебѣ и слышать не захочетъ. А ты самъ знаешь какъ это для тебя важно. Впрочемъ мы здѣсь только ноги да руки, голова наша—*eminentissimus princeps episcopus Cracoviensis*. Вѣдь это правда? Что вы прикажете, то и будетъ исполнено. А если мы, старцы, повинемся ему, то у тебя корона съ головы не свалится! Дѣлай, какъ князь кардиналъ прикажетъ.

Князь кардиналъ. Въ самомъ дѣлѣ панъ Зборовскій не захочетъ присутствовать съ нами на первой аудіенціи; я прошу о томъ его, какъ другъ и родственникъ. А вы, господа, (прибавилъ кардиналъ, обращаясь къ Мрочку и Здорѣ) сдѣлайте одолженіе, будьте вмѣстѣ съ нами и пригласите отъ моего имени всѣхъ находящихся польскихъ дворянъ.

Мрочекъ и Здора почтительно поклонились кардиналу. Самуилъ съ досады грызъ губы; Замоискій хотѣлъ было успокоить его, но замѣтивъ какое-то нерасположеніе къ себѣ, оставилъ его и началъ въ сторонѣ говорить съ Мрочкомъ. Князь Висневецкій завелъ тихій разговоръ съ кардиналомъ, а старикъ Гумецкій съ слѣдующею рѣчью обратился къ Здорѣ:

— Какъ же поживаете здѣсь? по лицу вашему не видно, что вы затосковались по родинѣ.

— Тоска ничему не мѣшаетъ; да правду сказать, некогда было тосковать. Бывало и здѣсь очень весело. Князь Стефанъ посылалъ меня истреблять разбойниковъ, потомъ вѣчныя пляски, пиры; магнаты здѣшніе народъ такой гостепріимный, что я ни гроша не истратилъ на вино. Была и охота. Кабанъ меня такъ хватилъ въ бокъ, что я едва опомнился.

— Какъ же онъ васъ не разорвалъ по поламъ?

— А панцырь? Я всегда въ панцырѣ.

— Но если вы такъ любите панцырь, то скоро будете имѣть случай натѣпиться имъ вдоволь. Намъ, кажется, предстоитъ война съ царемъ Иваномъ.

— Дай Богъ. Еслибы только непріятель пришелъ къ намъ въ такихъ лѣтахъ, какъ гусары князя кардинала, было бы чѣмъ потѣшиться.

— Вѣдь вы, кажется, хорунжіи?

— Былъ когда-то, но мой ротмистръ даже сюда прислалъ извѣстіе, что исключаетъ меня; теперь я свободенъ и пойду туда, куда король прикажетъ.

— Конечно, тѣмъ болѣе, что войско будетъ увеличено. А Самусъ разсердился, но это ничего: надо его увести отсюда. Князь кардиналъ усталъ. Самусъ! пора намъ, братецъ, домой, прощайте, князь воевода, извините моего племянника, что сказалъ глупость. Отецъ его въ молодости былъ еще хуже, а потомъ сталъ отличнымъ сенаторомъ. Извините, если говорю не кстати.

— О! любезный генералъ, и мы когда-то были молоды, такъ странно было бы, еслибы теперь начали сердиться на порывы юно-

ств. Я всегда былъ другомъ Зборовскихъ и имѣю право на дружбу пана Самуила.

— Поблагодари же князя!... Что стоишь, словно проглотилъ шомполь. Ну вотъ такъ, теперь подай руку пану Замоискому, онъ тебѣ всегда былъ другомъ: ну, и съ Богомъ, скажись больнымъ въ время, а тамъ все пойдетъ хорошо.

Хотя Самуилъ еще не совсѣмъ успокоился, однако-жъ онъ могъ не улыбнуться, слушая веселую болтовню своего дяди. Онъ простился со всѣми почтительно и выпелъ вмѣстѣ съ Мрочкомъ и Здорой.

XI.

Дворъ предъ замкомъ князя семигородскаго былъ наполненъ зрителями, ожидавшими прибытія польскаго посольства. Въ подданныхъ Баторія боролись сожалѣніе и гордость. Дворянство семигородское, впрочемъ, было довольно выборомъ Рѣчи Посполитой, потому что уже знакомо было съ воинственностью поляковъ. Стефанъ наканунѣ первой аудіенціи предложилъ всѣмъ своимъ высшимъ сановникамъ сдѣлать визитъ польскимъ посламъ, и это свиданіе еще болѣе расположило ихъ въ пользу своихъ новыхъ братьевъ.

Наконецъ пріѣхали и послы въ придворныхъ каретахъ со свитою. Пріѣздъ ихъ былъ возвѣщенъ пушечными выстрѣлами. Потомъ всѣ они вошли во дворецъ, гдѣ ожидалъ ихъ князь Стефанъ. Кардиналъ произнесъ по латыни рѣчь отъ имени духовенства и сената; а Замоискій — отъ имени всего польскаго рыцарства. Стефанъ отвѣчалъ коротко: благодарилъ за довѣріе Рѣчи Посполитой, которымъ онъ гордился; что же касается до раса conventa, то онъ готовъ подписать ихъ немедленно, нѣ полномъ убѣжденіи, что лучше составить ихъ невозможно. И въ самомъ дѣлѣ, принявъ условія изъ рукъ кардинала, подписалъ ихъ, нѣ читая.

Когда онъ возвратилъ кардиналу бумаги, тотъ обратился къ своимъ товарищамъ и сказалъ:

— Вотъ вашъ король, Божіею милостію король польскій и великій князь литовскій. Кто изъ васъ имѣетъ что-нибудь противъ него?

Въ отвѣтъ всѣ послы, а за ними и свита преклонили колѣна и общее восклицаніе: «Vivat in aeternum Stephanus Rex noster!» огласило залы дворца.

Эта сцена тронула Стефана почти до слезъ.

Послѣ аудіенціи король пригласилъ пословъ въ свой кабинетъ и провелъ съ ними весь день. Онъ требовалъ отъ нихъ свѣдѣній о состояніи края, о казніяхъ войскъ, о средствахъ, какія можно употребить для улучшенія того и другаго. Замоискій отвѣчалъ на всѣ его распросы.

— Нельзя скрыть, говорилъ онъ, что казна наша бѣдна: но у насъ есть соляныя копи, богатые города, Рига, Данцигъ, а главное, богатая поляхта, имущества которой всегда могутъ быть упо-

треблены на общую пользу. Наше войско довольно многочисленно, каждый шляхтичъ — воинъ; но этого недостаточно: и ваше величество имѣете важное средство для пополненія его.

Король. Каковъ?

Замойскій. Ваше величество владѣете не только Польшей, но и Русью, которая обшириѣ Польши. Между славянами русины наиболѣе славятся твердостью въ войнѣ и повиновеніемъ во время мира. Нѣтъ ничего легче, какъ приобрѣсти 60000 казаковъ, всегда готовыхъ къ войнѣ. Это была бы важная помощь нашему рыцарству.

Гумецкій. Ваша правда, панъ Замойскій. У кого на Украинѣ казаки, на чорта тому нанимать галевардьеровъ и рейтеровъ въ Германіи. Ваше величество спросите у меня, потому что я ужъ тридцать слѣшкомъ лѣтъ служу на границѣ и знаю всѣхъ солдатъ наперечуть. Въ послѣдней турецкой войнѣ у меня было четыре казачіе полка—дай Богъ намъ всегда имѣть такихъ молодцовъ! Дерутся отлично, не спятъ сами и другимъ спать не даютъ. Бывало, выпросятся на рекогносцировку и пропадутъ недѣли на двѣ; ужъ думаешь, бывало, пропали. Не тутъ-то было! Возвращаются, тащатъ на арканахъ татаръ, а что еще добычи! Иныя казачки дочкамъ даютъ приданое, какъ дворянки; потому что, изволите видѣть, ваше величество, казакъ всю добычу обращаетъ въ водку и подучуетъ ею всякаго. Я всегда былъ доволенъ казаками. Да и лошади у нихъ отличныя; худыя, но за то живыя и сносныя.

Замойскій. Они избираютъ себѣ гетмановъ и изъ нашей шляхты не одинъ уже былъ избранъ ими. Въ послѣднее время у нихъ гетманомъ былъ панъ Зборовскій, Самуилъ, который въ настоящее время находится при дворѣ вашего величества. Но казаки не дождались его и выбрали другаго, простаго казака; но, какъ говорятъ, это разумный и храбрый человѣкъ. Чего же болѣе? нетрудно будетъ вашему величеству привязать къ себѣ этотъ народъ. Въ королевствѣ, въ Литвѣ, существуютъ гетманства; отчего же не быть ему и на Руси.

Князь Висневецкій. Я скажу, не какъ русскій, но какъ вѣрный слуга вашего величества, что хотя Русь и обшириѣ и ни въ чемъ не уступаетъ Польшѣ и Литвѣ, однако-жъ въ послѣднее время была пренебрежена, особенно съ тѣхъ поръ, какъ предшественники ваши перенесли столицу изъ Гнѣзна въ Краковъ, такъ что одна только Русь была такъ несчастна, что никогда не видѣла своихъ королей.

Замойскій. Всякій городъ, гдѣ живетъ король, становится столицей Рѣчи Посполитой; въ каждомъ воеводствѣ король можетъ найти дворъ, готовый къ его услугамъ. Король Сигизмундъ Августъ окончилъ дни свои не въ Краковѣ, но въ Кнышинѣ; и для нынѣшняго короля нашего столицей будетъ лагерь, потому что мы едва ли долго будемъ пользоваться миромъ.

Король. Все, что вы говорите о казакахъ, совершенно согласно съ моимъ мнѣніемъ. Я осведомлялся объ нихъ у пана Зборовскаго, который не такъ давно былъ ихъ гетманомъ и особенно много сооб-

ицѣмъ мнѣ о нихъ Мрочекъ, ознакомившійся со всѣми ихъ уставами и обычаями. Послѣ завтра мы ѣдемъ въ Краковъ. У меня все готово. Двѣ тысячи гайдуковъ, согласно съ условіемъ, отправлены будутъ въ Польшу. Надобно поторопиться коронаціей и бракосочетаніемъ моимъ съ королевой Анной, которую вы мнѣ избрали, а потомъ и въ поле. Но прежде мнѣ нужно побывать въ Кіевѣ, чтобы познакомиться съ Русью и учредить тамъ гетманство. А вы, господа, должны заботиться, чтобы сеймъ не увлекался интересами партій и имѣлъ въ виду только общественное благо.

Замойскій. Будьте увѣрены, ваше величество, что сеймъ не только не будетъ противиться вашей волѣ, но будетъ предупреждать ее.

Король. Вѣрю, потому что, знаю, никто лучше пана Замойскаго не понимаетъ духа шляхты. И чего-жъ я могу желать, чтобы не было ея благомъ. Лично для меня ничего не надо. Потомства у меня не будетъ, мой наслѣдникъ вступилъ въ духовный санъ; мнѣ не для кого жертвовать интересами государства... Но, скажите, отъ чего между вами я не вижу пана Самуэля Зборовскаго?

Янъ Зборовскій. Мой братъ не смѣлъ явиться въ нынѣшней аудіенціи, потому что онъ подлежитъ приговору, который хотя и лишилъ его права возвратиться въ отечество, однако-жъ доставилъ ему счастье быть лично извѣстнымъ нашему величеству.

Замойскій. По нашимъ законамъ тотъ, противъ кого произнесенъ судебный приговоръ, не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла общественныя. Панъ Зборовскій и за предѣлами отечества хочетъ показать уваженіе къ его законамъ.

Янъ Зборовскій. Приговоръ, который тяготитъ на немъ, произнесенъ королемъ Генрихомъ, въ слѣдствіе убійства...

Король. Всѣ обстоятельства мнѣ извѣстны и я вовсе не скрываю моего расположенія къ пану Зборовскому. Я хотѣлъ бы видѣть его между своими, но есть обстоятельство, которое устранить довольно трудно. Что касается до оскорбленія величества, то я могу простить это преступленіе изъ уваженія къ славной фамиліи Зборовскихъ, но онъ долженъ примириться съ госпожой Ваповской, и въ этомъ случаѣ я могу только быть ему помощникомъ.

Замойскій. Я полагаю, что было бы хорошо, еслибы панъ Самуэль отправился прямо къ своему полку, который теперь находится въ Лифляндіи; въ лагерѣ судебные приговоры не исполняются, особенно когда надобно воевать съ непріятелемъ. Тамъ днѣ должны выждать, пока его родственники и друзья, при милостивомъ содѣйствіи нашего величества, не успѣютъ склонить госпожу Ваповскую къ миру. Надѣюсь, что панъ Самуэль успѣетъ обратитъ на себя своими подвигами вниманіе народа, и вдова сенатора пойметъ, что непристойно ей дѣйствовать противъ человека, оказавшаго услуги отечеству.

Гумецкій. Правда. Панъ Замойскій всегда говоритъ правду. Я самъ уговорю Самуэля ѣхать прямо въ Лифляндію. Скажу ему: что тебѣ тамъ дѣлать въ Краковѣ? Кромѣ новой непріятности ничего не будетъ; потому что партіи какъ хочешь, а приговоръ все таки оста-

нется приговоромъ. Первый староста арестуетъ тебя или наткнешься на какого-нибудь осла, который тебя попрекнетъ твоимъ несчастіемъ. Ты не выдержишь, вызовешь, а онъ тебѣ скажетъ, не хочешь драться съ изгнанникомъ. Что-жъ тогда? Останешься въ дуракахъ... можетъ быть, я сказалъ что-нибудь не къ стати, то извините, ваше величество, потому что, какъ человѣкъ состарѣлся, такъ трудно ему удерживать языкъ...

Король. И не зачѣмъ; говорите всегда со мною какъ сегодня; я знаю, что тотъ, кто будетъ слушать ваши совѣты, не пожалѣетъ о томъ. Надѣюсь видѣть васъ на сеймѣ и знаю, что уже давно ждете васъ мѣсто въ сенатѣ.

Гѣмецкій. Въ сенатѣ ли, въ полѣ ли, я всегда буду вѣрнымъ слугою вашего королевскаго величества; уже не первый разъ мнѣ обѣщаютъ кресло въ сенатѣ; разумѣется, старику пора ужъ и на покой. Но хотя въ сенатѣ, говорятъ, кресло покойное, однако-жъ я не откажусь отъ сѣдла. Благодарю, ваше величество, за вниманіе къ моимъ заслугамъ; но думаю, что вы не оставите меня въ Краковѣ, потому что тамъ и безъ меня есть кому топтать мостовыя, а въ лагерѣ, можетъ быть, я пригожусь на что-нибудь лучшее; хотя года мои и поушли ужъ, а все еще подкову разогну, и если дѣлю дойду до сабли, то самъ панъ Самуилъ не испугаетъ меня. А кто его научилъ? Я, вотъ его братъ свидѣтель. И что-жъ? Славный вышелъ солдатъ. Въ своемъ дѣлѣ онъ никуда негоденъ, а на войнѣ онъ такъ хладнокровенъ, какъ я. Отличный гетманъ. Одно бѣда: лошадей ни во что ставитъ. Ему лошадь только для того и нужна, чтобы сидя на ней биться; а чтобы позаботиться о ней, о томъ онъ не думаетъ. Сколько онъ уже замучилъ лошадей! Особенно жаль мнѣ вороного, что я ему подарилъ. Заморилъ совѣтъ.... Да, что говорить! будто теперь умѣютъ цѣнить хорошую лошадь?.... Вотъ опять, кажется, не кстати я заболтался.

Король. Напротивъ. Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе. Что это за рыцарь, что не любить своего коня.

Теперь, господа, продолжалъ онъ, послѣ короткой паузы, позвольте мнѣ позаботиться о выѣздѣ. Завтра я даю пиръ въ честь моихъ старыхъ подданныхъ и прошу васъ всѣхъ и всѣхъ поляковъ, находящихся въ Германштадтѣ. Послѣ завтра ѣдемъ. Въ Краковѣ не останемся долго. На васъ всѣхъ, и особенно на кастелянъ Гнѣзненскомъ, лежитъ обязанность убѣдить пана Самуила ѣхать къ своему полку и ждать насъ; пусть онъ новыми заслугами заставитъ своихъ соотечественниковъ забыть то, что было дурнаго въ его поступкѣ... Вы, уполномоченные Рѣчи Посполитой, объявите ей мою благодарность, за довѣріе, оказанное мнѣ, и скажите, что я также довѣряю ей; а взаимное довѣріе служить порукой благоденствія. Скажите также, что я подчиняюсь ея законамъ, подтверждаю это присягою; а Стефанъ Баторій не нарушалъ никогда своего слова. Ваши законы прекрасны; моею обязанностью будетъ наблюдать, чтобы ихъ всѣ исполняли точно.

Этимъ кончилась аудіенція. Послы уѣхали и немедленно собрались въ квартирѣ кардинала.

— Что скажете, господа, прованесъ онъ; вотъ такъ король! это-го будутъ любить и бояться. Такъ говорить и апостолъ. Что пользы, что ижеионовъ любили; но никто ихъ не боялся; оттого государство много потеряло.

Замойскій. А замѣтили вы, какъ рѣшительно и съ какими убѣжденіемъ онъ говорилъ о законѣ.

Кардиналъ. О да! намъ ничего больше не надо. Въ повиновеніи закона вся наша свобода. Дай Богъ, чтобы наши законы не были мертвой буквой.

Гумецкій. Объ этомъ будьте покойны. Я увѣренъ, что диссиденты не станутъ мѣшать тѣмъ, кто придерживается старой религіи. Это различіе въ вѣрѣ много вреда принесло.

Висневецкій. Правда, конечно, правда. Прежде все было въ мирѣ, потому что всѣ придерживались одной религіи, исходившей отъ Бога. Диссиденты посѣяли раздоръ. Но король все это примирить.

Янъ Зборовскій. Однако-жъ я не ожидалъ, чтобы онъ такъ холодно принялъ мою просьбу о братѣ. Вѣдь онъ конечно знаетъ, сколько мы хлопотали, чтобы собрать большинство въ его пользу. Ему не стоило бы труда выговорить на сеймѣ амністію исѣмъ преступникамъ, а одному и того менѣе.

Замойскій. Удивляюсь вамъ, панъ кастелянъ. Вы извѣстны вездѣ, какъ разумный сенаторъ, а такъ далеко простираете свое пристрастіе къ брату, что хотите, чтобы король, при самомъ началѣ, поступилъ противъ закона. Что бы сказали вы сами, еслибъ увидѣли короля, который начинаетъ свое царствованіе тѣмъ, что вмѣшивается въ частныя дѣла, забывая дѣла общественныя. Можно ли такъ дурно платить за расположеніе короля къ пану Самуилу.

Гумецкій. Вы должны благодарить короля, а не искать въ его словахъ чего-нибудь дурнаго. Вѣдь онъ также приглашенъ на завтра и вы увидите, какъ приметъ его король. Ему король предоставляетъ заслугами смыть преступленіе, а вы еще претендуете. Что-жъ, развѣ вашъ братъ баба, что не съумѣетъ это сдѣлать. Я поссорился бы съ вами, еслибъ вы не были братомъ Самуила. И развѣ вы не видѣли, какъ милостивъ къ нему король, и еще какой король! Здѣсь почтенный генералъ пустился въ исчисленіе заслугъ своего новаго короля и не забылъ упомянуть объ его любви къ лошадямъ, что послужило ему неисчерпаемою темою.

Рѣчью генерала Гумецкаго окончилась бесѣда почтенныхъ мужей, потому что кардиналъ объявилъ, что занятія этого дня поглотили все время и онъ еще не открывалъ своего молитвенника.

XII.

— Что вы думаете дѣлать теперь? спросилъ Гумецкій Яна Зборовскаго, когда они выходили отъ кардинала.

— Думаю отдохнуть немного.

— Теперь не время. Завтра король потребует насъ къ себѣ; мы ему будемъ нужны; вечеромъ мы опять будемъ во дворцѣ, послѣ завтра отправимся въ дорогу; намъ осталось мало времени. Я думаю, надобно сейчасъ же идти къ Самуилу и передать ему волю короля; надо убѣдить его, что ему незачѣмъ ѣхать въ Краковъ, а для того, чтобы утѣшить его, скажемъ, что король пригласилъ его на завтрашній вечеръ. Хотя, можетъ быть, онъ и пошлетъ къ нему, но все таки лучше, если онъ отъ своихъ узнаетъ объ этомъ, нежели отъ чужихъ.

— Я знаю, что вы всегда готовы забыть о себѣ, когда мы нуждаемся въ утѣшеніяхъ; это новое доказательство вашего расположенія къ намъ и новая причина быть вамъ благодарнымъ.

— Что за благодарность? Здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы вашъ братъ не вздумалъ упрямиться. Но меня онъ послушаетъ; я всегда былъ для него тѣмъ, чѣмъ мундштукъ для коня. Идемъ же.

Они застали Самуила съ Мрочкомъ и Здорой.

— Самусь! Мы принесли тебѣ пріятныя вѣсти. Король очень хорошо принялъ, что ты не явился вмѣстѣ съ нами изъ уваженія къ законамъ. Хотя ты и хотѣлъ было явиться, но мы все это представили такъ, что ты самъ догадался, и панъ Замойскій помогъ намъ. По всему видно, что король расположенъ къ тебѣ, потому что, когда твой братъ заговорилъ о тебѣ, онъ обѣщалъ сдѣлать все, что можетъ, чтобы успокоить Ваповскую. А между тѣмъ совѣтуютъ тебѣ ѣхать къ своему полку; тамъ ты не долго будешь насъ ждать, потому что война неизбежна. Ты, право, въ сорочкѣ родился; сама судьба даетъ тебѣ средство все поправить. Король сказалъ, что безъ Ваповской сдѣлать ничего нельзя; и сказалъ правду, потому что и я и твой братъ сказали бы тоже самое; поэтому ѣхать въ Краковъ тебѣ незачѣмъ: коронація обойдется и безъ тебя, а какъ настанетъ война, ты съумѣешь такъ хорошо вести дѣло, что Ваповская волей неволей должна будетъ примириться съ тобою. Ну, а тогда и королю можно будетъ дѣйствовать свободно въ отношеніе къ тебѣ. Самъ теперь скажи, слѣдуетъ ли тебѣ ѣхать въ Лифляндію или нѣтъ? Помни же, что я говорю отъ имени короля, который непременно спроситъ меня, что ты думаешь дѣлать. Что-жъ мнѣ ему сказать?

— Скажите, что я исполняю его приказанія, и что я всегда вѣрно служилъ королямъ Речи Посполитой. *Pacta conventa* требуетъ увеличенія войска; скажите королю, что я королевскій полкъ, въ которомъ имѣю честь быть полковникомъ, удвою на свой собственный счетъ. Имѣніе и кровь мою отдаю въ полное распоряженіе его королевскаго величества.

— Прекрасно говоритъ панъ полковникъ, сказалъ Здора. Я первый готовъ служить рядовымъ въ его полку, хотя и числюсь хорунжимъ; потому что для меня пріятнѣе быть рядовымъ въ лагерь, нежели хорунжимъ въ Скальнерскихъ кабакахъ. Впрочемъ я уже оставилъ свой чинъ; итакъ ѣдемъ въ Лифляндію; не въ первый разъ намъ имѣть дѣло съ нѣмцами.

— Я очень радъ, сказалъ Гумецкій, что ты такъ принялъ совѣтъ короля и я увѣренъ, что отъ того не потеряешь... А вотъ и панъ Замоискій. Онъ сейчасъ сообразилъ, зачѣмъ мы пошли къ тебѣ, и я увѣренъ, пришелъ убѣдить тебя, что твое мѣсто теперь не въ Краковѣ, а за Двиною.

— Въ самомъ дѣлѣ я пришелъ за тѣмъ, чтобы убѣдить пана Самуила, что совѣты дяди и брата совершенно согласны со мнѣніемъ его пскреннихъ друзей, но я не только какъ другъ, но какъ его соотечественникъ совѣтую ему вступить въ службу, которая уже доставила ему столько славы. Война неизбежна; но король боится, чтобы она не началась прежде, чѣмъ онъ успѣетъ собрать достаточно войскъ. Въ Лифляндіи теперь не болѣе полутора тысячъ, а война начнется непременно оттуда; каждый солдатъ тамъ теперь дорогъ, а что-жъ теперь говорить о такомъ полковникѣ, какъ панъ Самуилъ, который поведетъ съ собою столько рыцарей.

— Точно такъ, сказалъ Езекиель, я первый ѣду съ паномъ Самуиломъ, и на дорогѣ, надѣюсь, соберемъ не мало молодежи.

— Послѣ завтра, сказалъ Самуилъ, ужъ солнце не застанетъ меня въ Германштадтѣ. Я глубоко благодаренъ королю, что призналъ меня достойнымъ рыцаремъ его владѣнія. Дастъ Богъ, оправдаю его довѣріе. Можетъ быть, не возвращусь оттуда, но жалѣть объ этомъ не стану; въ жизни ничего для меня не осталось, чтобы заставляло меня любить жизнь. Ужъ одна ворожея предсказала мнѣ, что погибну отъ меча, можетъ быть, этотъ мечъ ждетъ меня въ Лифляндіи.

— Да, сказалъ Замоискій, но въ утѣшеніе остается слава.

— Совершенно справедливо говоритъ панъ Замоискій, сказалъ панъ Гумецкій. Желаю тебѣ Самуилъ, чтобы ты долго былъ украшеніемъ нашего войска, но чтобы тебѣ кончить жизнь не отъ полагры, какъ князь примасъ, или отъ другой какойнибудь болѣзни, но отъ меча, какъ предсказали тебѣ. Я знаю, ты поблагодаришь меня за это желаніе, потому что желаю тебѣ того же, чего желаю бы себѣ.

— Всего пристойнѣе дворянину окончить жизнь на полѣ битвы, сказалъ Замоискій. Вскорѣ всѣ мы пойдемъ служить отечеству, пусть будетъ съ нами воля Вожія.

— Не всякій пдуцій на войну умпраетъ, возразилъ Гумецкій. пятьдесятъ лѣтъ воюю, а все еще живъ. А сколько товарищей сплелъ уже въ могилахъ, Воже мой!.. Говорите, что хотите, а я, старый солдатъ, всякій разъ, какъ выступаю въ походъ, считаю себя убитымъ, а придетъ дѣло къ концу, все еще живъ. Вотъ и теперь дѣло клонится къ войнѣ; дастъ Богъ, король и меня возьметъ; злѣйс на тирецкой границѣ мнѣ нечего дѣлать. Теперь мы съ ними друзья, противъ нашего короля они не пойдутъ, а ксати сказать, эти бусманы вовсе не такіе ослы, какъ мы думаемъ; если кто нибудь изъ нихъ убитъ на войнѣ, они увѣрены, что душа идетъ прямо въ рай, хоть это и не по христіански, а все таки для меня совершенно

убедительно... можетъ быть, я глупость сказалъ, такъ прошу извинить.

— Все не глупость, отвѣчалъ Замоискій. Тотъ, кто умираетъ за свое отечество, не имѣя въ войнѣ никакихъ корыстныхъ видовъ, прямо можетъ быть причисленъ къ лику святыхъ. Дѣло народа, дѣло Божье.

— Слышите, господа, что говоритъ панъ Замоискій. Вѣдь это ректоръ падуанской академіи. Жаль, что ты Самусъ и вы господинъ Зора не принадлежите къ нашей церкви.

Затѣмъ бѣсѣда продолжалась еще нѣсколько времени въ религіозномъ направленіи и почтенный генералъ закончилъ ее такимъ образомъ:

— Вотъ тебѣ мое послѣднее слово, Самусъ: если благополучно возвратишься изъ Лифляндіи, женись, и вези жену въ свой замокъ, выстроенный твоими плѣнными. Но я слишкомъ разболтался, а знаю, что какъ проснется король, то не спроситъ: выпались ли мы, а потребуемъ къ себѣ да и кончено. Это вѣдь работающій человѣкъ; прости Самусъ, радуюсь, что ты не пренебрегъ нашимъ совѣтомъ.

— Прекрасный человѣкъ этотъ генералъ, сказалъ Зора, оставшись наединѣ съ Самуиломъ и Мрочкомъ. Какъ онъ убедительно говоритъ, а вѣдь бѣжалъ изъ школы, также какъ я; ни одинъ проповѣдникъ не можетъ такъ убедить, какъ онъ, а смотрите какой у него славный замокъ въ Литвѣ; вѣдь это его плѣнные строили, но онъ мнѣ гвоздь вбилъ въ голову; ужъ мнѣ мерещится замокъ, выстроенный моими плѣнниками, но только мнѣ объ этомъ и думать нечего.

— Почему? спросилъ Самуилъ.

— Потому что такъ какъ я буду служить въ вашемъ полку, то всѣ плѣнные будутъ принадлежать вамъ.

— Даю тебѣ слово, что не буду претендовать на твоихъ плѣнныхъ; пусть тебѣ служить, твой трудъ—пользуйся имъ, пусть они тебѣ замокъ строятъ.

— Вѣдь это такъ только говорится. Гдѣ мнѣ думать о замкахъ. Если бы ихъ я отправилъ въ имѣніе, то вѣроятно жена моя приказала бы имъ молотить или косить, но ужъ вѣроятно не замки строить. Всѣ бы они разбѣжались. И какой бы изъ нихъ былъ толкъ. Я самъ дома плѣнникъ. Пусть они служатъ вамъ, а мы какъ нибудь съ вами сочтемся, чтобъ не жалѣть потомъ, что оставилъ ихъ въ живыхъ.

— Хорошо, мы условимся, какъ хочешь. А что ты скажешь, Казимиръ?

— Скажу, что лучшаго ничего не могло быть для васъ, какъ эта война; дастъ Богъ, она еще болѣе подниметъ въ общемъ мнѣніи нашу дошъ и освободитъ васъ отъ изгнанія.

— Ты счастливъ, Казимиръ; ты никогда не поддавался влеченіямъ сердца и на все умѣешь смотрѣть разумно. Ты въ этой войнѣ ничего не видишь для меня, кромѣ славы. Но я вижу другое: можетъ быть она доставитъ мнѣ любовь Гризельды. Съ того времени, какъ

я въ первый разъ встрѣтился съ нею, моя жизнь принадлежитъ ей; сколько разъ я хотѣлъ высказать предъ нею мои чувства, но никогда у меня не доставало духу; она сама становилась холодной и равнодушной всякій разъ, какъ я начиналъ говорить о своей любви. Я поневолѣ молчалъ. Я вижу, что только великія дѣла могутъ побѣдить ея сердце. Война эта доставляетъ мнѣ средство заслужить ея любовь; она не только приметъ мое признаніе, но будетъ имъ гордиться.

— Конечно. Руки королевской племянницы можно добиться только великими дѣлами; а великія дѣла для Самуила Зборовскаго—шутка. Я увѣренъ, что ея рука будетъ вамъ наградою за ваши подвиги. Теперь вамъ не на чемъ основать вашего притязанія на ея руку; но черезъ годъ все будетъ въ вашу пользу. Панъ Замоискій, человѣкъ разумный и разсудительный, первый посоветуетъ королю отдать вамъ Гризельду; вы знаете, онъ вамъ искренній другъ и пользуется неограниченнымъ довѣріемъ короля.

— Прошу тебя, Казимиръ, не говори ты мнѣ объ этомъ Замоискомъ. Самое имя его производитъ на меня непріятное впечатлѣніе.

— Почему же? Развѣ вы сомнѣваетесь въ его искренности? По всему, что вижу, я считаю его вашимъ преданнымъ другомъ.

— Я самъ не долюбиваю его, вмѣшался Здора; но не могу не уважать. Я видѣлъ его въ послѣдней войнѣ съ меченосцами; какъ онъ велъ бѣльскій полкъ! Сначала всѣ называли его бакалавромъ, а потомъ согласились, что онъ не уступитъ ни одному полковнику. Но за что не люблю его, такъ за то, что никогда не засыпается, не разбоящается, а всякій пустякъ обдумаетъ, разсудитъ. Мнѣ говорили, что въ своемъ полку онъ никогда никого не прощалъ. Генералъ Гумецкій также строгъ; но часто покричитъ, побранитъ, да и конецъ. А ему приказать заковать солдата и засадить куда нибудь, ничего не стоитъ; зато никогда не кричитъ и не бранится. Для него законъ все равно, что жиду библія: ни на волосъ не отступить отъ него, хоть бы потомъ пришлось идти на висѣлицу. А все таки онъ вамъ другъ, я готовъ присягнуть.

— Я самъ не разъ видѣлъ доказательства его дружбы, отвѣчалъ Самуилъ. Чтожъ бы наконецъ могло заставить его обманывать меня; нѣтъ человѣка, который бы могъ что нибудь сказать противъ его честности; но я понять не могу, откуда это отвращеніе къ нему, котораго ничѣмъ не могу побѣдить. Всякій разъ, какъ вижу его, мною овладѣваетъ чувство, похожее на страхъ. Самое дружеское слово его поражаетъ меня самымъ непріятнымъ образомъ. Его присутствіе духа, спокойствіе, даже его голосъ мнѣ невыносимы. Не могу сказать, чтобъ я ненавиждѣлъ его; но въ немъ есть что-то зловѣщее... Когда нибудь все это объяснится... Пора ужъ и спать. Прощайте, друзья; я не знаю, засну ли я, но вамъ нуженъ отдыхъ. Вы должны похлопать, чтобъ какъ можно скорѣе уѣхать отсюда.

XIII.

Было не болѣе восьми часовъ, а король уже около двухъ часовъ занимался дѣлами вмѣстѣ съ Некошемъ и Замойскимъ. Вниманіе короля было занято исключительно предстоящею войною, въ которой въ послѣдній разъ высказалась сила и доблесть народа.

Конференція уже приближалась къ концу, когда король позвонилъ. Явился какой-то придворный, которому отдано было слѣдующее приказаніе:

— Ступайте къ Мрочку и скажите ему, чтобъ немедленно явился ко мнѣ; потомъ зайдите къ пану Зборовскому Самуилу и пригласите его ко мнѣ обѣдать

Черезъ четверть часа явился Мрочекъ.

— Любезный Мрочекъ, сказалъ король; я желаю, чтобы вы завтра ѣхали и какъ можно скорѣе въ Запорожье. Вы тамъ составили себѣ имя и заслужили уваженіе казаковъ. Увѣрьте ихъ въ моей дружбѣ. Вы явитесь туда не какъ запорожецъ, но какъ мой полномочный, которому я поручаю устроить дружескія отношенія между Запорожьемъ и Рѣчью Посполитою. Мы желали бы видѣть гетманомъ пана Зборовскаго, какъ было прежде; но если вы встрѣтите затрудненія, мы готовы признать и новаго, избраннаго казака. Знаю, что вы были всегда близкимъ и неотступнымъ другомъ пана Самуила; но знаемъ также, для васъ обязанности гражданина священнѣе обязанностей дружбы. Объявите гетману, что если принесетъ присягу въ вѣрности Рѣчи Посполитой, мы признаемъ его въ его достоинства; даемъ имъ свободный выборъ всѣхъ чиновъ военныхъ и судебныхъ; обѣщаемъ назначить воеводами въ русскія провинціи природныхъ русичей; принимаемъ на себя обязанность хлопотать на сеймѣ, чтобы ихъ старшины засѣдали въ сенатѣ; и за все это требуемъ только, чтобы гетманъ съ двадцатью тысячами казаковъ былъ готовъ исполнять нашу волю. Должность писаря еще не отдана никому; запорожцы ждутъ васъ; можете искать этого мѣста. Вотъ вамъ полномочная грамота, которую представите гетману. Мы надѣемся на вашу вѣрность и благоразуміе.

— Ваше величество, Богъ дастъ, все это устроится, какъ вы желаете; мнѣ ничего не остается, какъ принести вамъ вѣрноподданническую благодарность за довѣріе, которою ваше величество дѣлаете мнѣ столько чести, тѣмъ болѣе, что я еще не имѣлъ случая заслужить его.

Сказавши это, Мрочекъ поклонился, король подаль ему руку, сказавъ:

— Мнѣ нѣтъ надобности напоминать вамъ, что все это не должно быть никому извѣстно.

— О, конечно; потому-то я думаю сегодня же ѣхать, когда всѣ соберутся во дворецъ вашего величества, чтобы не быть замѣченнымъ.

— И прекрасно; вы упреждаете наши мысли. Ступайте, пусть васъ

Богъ благословить. Но скажите мнѣ еще, что это за человекъ Здора? Вы его хорошо знаете.

— Ваше величество, это безстрашный воинъ; но только воинъ, не больше. Во всякомъ другомъ дѣлѣ онъ не умѣетъ вести себя. Я съ нимъ выросъ и знаю его хорошо: лучшаго воина найти трудно; но во время мира онъ становится въ тягость себѣ и другимъ.

— Если такъ, то едва ли онъ можетъ быть годенъ и въ арміи, гдѣ дисциплина одно изъ важныхъ условий.

— Я долженъ сказать, что во время войны онъ отказывается отъ своей воли и становится слѣпымъ исполнителемъ приказаній. Къ тому же прибавьте: присутствіе духа неслыханное и неутомимую дѣятельность; ему отдыхъ не нуженъ; день и ночь онъ на конѣ.

— Все возможно; но довольно ли онъ честенъ. Я замѣчаю въ немъ жадность къ деньгамъ и расточительность. Мы намѣрены выставить новые 4 полка народной кавалеріи и поручить ему устройство одного; но эти недостатки останавливали насъ.

— Ваше величество можете быть совершенно покойны. Честь рыцарская—его вѣра; ему тѣ деньги только дороги, которые онъ добылъ мечомъ. На войнѣ онъ готовъ грабить все; а между тѣмъ отъ своего слова не откажется ни за что на свѣтѣ. Если ваше величество доверите ему деньги, я отвѣчаю головою, что полшки не истратятъ. Обяжите его честнымъ словомъ и онъ исполнитъ его во что бы то ни стало. Ваше величество видѣли уже доказательство. Вы взяли съ него слово, что пока онъ будетъ въ Германштадтѣ, не станеть ни съ кѣмъ ссориться, и вотъ вы видѣли, что этотъ человекъ, который двухъ дней не проводилъ безъ ссоры, цѣлый годъ провелъ въ совершенномъ покоѣ. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ изъ придворныхъ вашего величества оскорбилъ его; онъ бѣсился, однакожъ все кончилось тѣмъ, что сказалъ: дакъ бы я тебѣ, еслибы твой князь развязалъ мнѣ руки!...

— Полагаюсь на ваши слова. Скажите же ему, пусть около двѣнадцати часовъ явится къ Бекешѣ: тамъ будетъ и панъ Замоискій. Отъ нихъ онъ получитъ деньги и инструкцію для формировація полка, который будетъ порученъ его начальству. Пусть завтра же утромъ отправляется отсюда.

Тѣмъ кончилась бесѣда короля съ Мрочкомъ, который поспѣшилъ къ другу съ пріятными вѣстями.

Большой обѣдъ, послѣ котораго слѣдовалъ балъ, въ послѣдній разъ собралъ поляковъ, находившихся въ Германштадтѣ. Всѣ были веселы, даже Самуэль; однакожъ онъ по временамъ впадалъ въ задумчивость и тогда мысли его, какъ легко догадаться, заняты были Гризельдою, но надежда, что въ Краковѣ онъ снова явится къ ней побѣдоноснымъ рыцаремъ, разсѣвала съ его лица облака печали. Другіе были беззаботно веселы и не считали нужнымъ удерживать порывы веселости.

Послѣ обѣда, во время котораго выпито было не мало венгерскаго, а генераль Гумецкій не закрывалъ рта, король съ супругою канцлера сѣмигородскаго княжества открылъ балъ польскимъ. Во вто-

рой парѣ выступалъ князь Висневецкій съ княжною Гризельдою. Вскорѣ поляки и сѣмигородцы смѣшались и всякій веселился, какъ умѣлъ. Генералъ Гумецкій не пропускалъ ни одного танца и не разѣ своею болтовнею вызывалъ краску на лица дамъ. Здра съ остальною молодежью ожидалъ только мазурки и краковяка, проклиная въ душѣ безконечный степенный танецъ. въ которомъ Самуилъ и Гризельда составляли первую пару.

— Теперь мы пропали, сказалъ онъ Казимиру: этой похоронной процессіи не будетъ конца. Смотри, какъ нашъ панъ Самуилъ живо разговариваетъ съ княжною.

И въ самомъ дѣлѣ Самуилъ былъ слишкомъ счастливъ, что могъ наединѣ поговорить съ княжною; и потому нельзя было ожидать, чтобъ онъ пожертвовалъ своимъ счастьемъ для любителей веселыхъ танцевъ. Онъ держалъ въ своей мощной рукѣ прекрасную ручку княжны, носившую всѣ признаки аристократическаго происхожденія. Можно было замѣтить, что и княжна была оживленнѣе, чѣмъ обыкновенно; дыханіе ея было короче, что однакожь нельзя было приписать танцамъ.

— Еще нѣсколько часовъ, говорилъ Самуилъ, и я оставлю гостепріимную кровлю вашего дяди, подѣ которой я былъ счастливъ ужъ тѣмъ, что могъ васъ видѣть. Но ваши черты такъ глубоко вѣсѣлись въ моей душѣ, что я во всю жизнь ихъ не забуду; но все таки я хотѣлъ бы увезти отсюда что нибудь на память отъ васъ... Могу ли я надѣяться, что...

— Отчего же нѣтъ, если я вамъ столько разъ выражала свою благодарность и наконецъ предложила свою дружбу.

— Дружбу! ахъ, это слишкомъ холодное чувство!

— Можетъ быть, у другихъ, но не у меня.

— Между дружбою и любовью разстояніе очень велико. Позвольте по крайней мѣрѣ, чтобъ надежда уменьшила это разстояніе. Теперь наступила минута, которая должна рѣшить мою участь. Я не могу, не хочу жить, если вы откажете мнѣ въ томъ, что можетъ привязать меня къ жизни. Жизнь моя, честь моего имени въ вашихъ рукахъ. Одно ваше слово все рѣшить. Прошу васъ, скажите, могу ли я надѣяться.

— Вы дали мнѣ слово, отвѣчала Гризельда, нѣсколько смущенная рѣшительнымъ вопросомъ. Вы дали слово не начинать подобнаго разговора... А развѣ Самуилъ Зборовскій отступалъ когда нибудь отъ своего слова?

— Нѣтъ, никогда! Но я, можетъ быть, въ послѣдній разъ васъ вижу и неужели вы не позволите мнѣ сказать, что я васъ люблю всѣми силами души, что въ этой любви — жизнь моя. Не стану скрываться предъ вами. Да, я питаю надежду, что когда нибудь трону ваше сердце, по умоляю васъ, скажите, могу ли я надѣяться. Я умру у вашихъ ногъ, если вы не произнесете отвѣта.

— Ради Бога, прошу васъ не забывайте, что всѣ глаза на насъ обращены. Король можетъ быть захочетъ знать, что вы говорите. Остановитесь... кончимъ этотъ танецъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Самуилъ, уже почти не владѣя собою. Вогъ съ ними! Повторю вамъ: въ вашихъ рукахъ жизнь моя. Скажите, что позволяете мнѣ надѣяться, или произнесите смертный приговоръ. Я равнодушно переношу изгнаніе, потому что вы были для меня дороже отечества, чести, славы. Король посылаетъ меня за Двину; черезъ нѣсколько часовъ я уѣду. Клянусь вамъ, что ежели вы не ободрите моихъ надеждъ, я приму ваше молчаніе за смертный приговоръ. Ёду за Двину и пусть непріятельскій мечъ исполнить этотъ приговоръ. Я не стану защищаться: тому, кого вы превратили, смерть будетъ благодѣяніемъ.

— Чего же вы требуете? могу ли я поддерживать въ васъ тѣ надежды, которыя никогда не могутъ осуществиться. Будьте истиннымъ рыцаремъ, оставайтесь вѣрнымъ королю и отечеству и защищайте жизнь, которая принадлежитъ не вамъ, а имъ. Я вамъ одно могу только сказать, что Гризельда будетъ считать тотъ день счастливымъ, когда вы воротитесь побѣдоноснымъ рыцаремъ вѣстѣ съ своимъ дядею и королемъ.

Съ самаго начала танца король посматривалъ на первую пару и крутилъ усы, а потомъ подозвалъ Векешу, сказалъ ему шопотомъ нѣсколько словъ и снова продолжалъ разговоръ съ воеводою во-лынскимъ, генераломъ Румецкимъ и другими польскими послан-ми. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ составлялась группа молодежи, которая отъ души смѣялась, слушая рассказы Здоры.

— Панъ Здора! произнесъ Векешъ.

Здора подошелъ къ нему, и тотъ прошепталъ ему на ухо: вы получили отъ меня инструкцію и приказаніе короля. Смотрите, ужъ приближается время вашего отъѣзда.

— Пусть неслыханный панъ будетъ покоенъ; въ 12 часовъ я буду сидѣть ужъ на конѣ—остается еще часъ.

— Но вы не замѣчаете, что панъ Самуилъ наскучаетъ королю и останавливаетъ танцы. Еслибъ наша молодежь была посмѣлива, давно бы ужъ начали бы мазурку или краковяка.

— Какъ такъ?

— Отбили бы княжну у пана Самуила и кончили бы этотъ скучный танецъ.

— Если только въ этомъ дѣло, то я готовъ сію минуту. Я давно бы это сдѣлалъ; но полагалъ, что въ присутствіи короля нельзя отбывать.

— Напротивъ, королю будетъ очень пріятно. Но помните, что, окончивъ танецъ, намъ немедленно надо идти въ назначенное мѣсто; тамъ все приготовлено къ вашему отъѣзду. И ѣхать надо не черезъ часъ, а сію минуту, чтобъ завтра васъ здѣсь какъ не бывало. Можете быть увѣрены, что поспѣшность ваша будетъ замѣчена королемъ.

Въ это время первая пара приближалась къ группѣ, которая слушала рассказъ Езекіа; онъ быстро выдвинулся впередъ, ударилъ ладонью о ладонь и прежде, чѣмъ Самуилъ могъ опомниться, княж-

на танцевала уже съ Здорой, къ немалому удивленію свидѣтелей.

Езекіель, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, кончилъ танецъ, отвелъ княжну къ креслу и, поцѣловавъ ея руку, потерялся въ толпѣ; черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже на назначенномъ мѣстѣ.

Еще Самуилъ не совершенно овладѣлъ собою, какъ раздались звуки мазурки. Въ то же мгновеніе явился предъ нимъ сынъ семигородскаго канцлера, который объявилъ ему, что сестра его, ангажированная Самуиломъ на мазурку, ждетъ его. Самуилъ подошелъ къ танцующимъ и низко поклонился своей дамѣ.

Началась мазурка. Не безъ удивленія король и семигородскіе вельможи увидѣли въ числѣ танцующихъ генерала Гумецкаго, который выдѣлялся съ чрезвычайною для его лѣтъ легкостью самыя вычурныя па, ведя княжну Гризельду.

Когда онъ окончилъ фигуру, король подошелъ къ нему и сказалъ:

— Благодарю васъ, генералъ, что принимаете такое дѣятельное участіе въ нашихъ забавахъ; я не ожидалъ, чтобъ вы были такимъ отличнымъ танцоромъ.

— Ваше величество, отвѣчалъ старикъ; я танцую во первыхъ потому, что хочу похвалиться, что былъ кавалеромъ достойнымъ вашей прекрасной племянницы; а во вторыхъ, чтобъ доказать вамъ, что старыя косты Гумецкаго еще годны на что нибудь, что получше пляски: за Двиною ли, или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ваше величество прикажете.

— Можете быть увѣрены, что безъ васъ въ походъ не пойду. Но я совѣтовалъ бы вамъ послѣ мазурки подумать и объ отдыхѣ. Завтра, чѣмъ свѣтъ, мы въ дорогу.

— Я буду ждать васъ завтра. По моему такъ: когда подданные спятъ, король за нихъ не спитъ; когда король отдыхаетъ, подданные должны смотрѣть въ оба. Развѣ мнѣ впервые проводить безсонную ночь? Не разъ случалось не спать, и то еще одному, не видя возлѣ себя такого дивнаго созданія, какъ княжна, которая едва-ли въ красотѣ уступитъ моей покойной женѣ; ну, та ужъ совсѣмъ изъ ряда вонъ; на той свѣтъ кончался: еще шагъ, и ужъ встрѣтила бы однихъ серафимовъ и херувимовъ. Не спалъ я подъ дождемъ, на конѣ... И гдѣ тамъ спать, особенно съ татарами. Вотъ съ нѣмцами лѣло другое; это что за война; тамъ можно отлично выспаться. Отдыхайте, ваше величество, а меня ждать вамъ не придется.

Послѣ мазурки, когда составлялся краковякъ, замѣтили, что самый страстный танцоръ, панъ Здора, не былъ на лицѣ. Начали его искать повсюду; но нигдѣ не находили. Всѣ, даже Мрочекъ, ломали себѣ голову, куда бы онъ могъ скрыться. А между тѣмъ панъ Здора давно уже оставилъ за собою ворота германштадтскаго замка, и ѣхалъ по большой дорогѣ, сидя на отличномъ конѣ, въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи. За нимъ ѣхала его прислуга, ведя дорогаго верхового коня, прибрѣтеннаго въ Семиградѣ, и трехъ выученныхъ лошадей. Кавалькаду эту заключалъ полякъ, недавно попавъ

пій въ должность копяшаго у пана Здоры, называвпій себя дворяниномъ, но въ сущности цыганъ изъ Покуця, пользовавшійся милостями своего господина за искусство въ дѣлѣ коновала.

XIV.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Послѣ долгой и трудной войны, Польша наслаждалась миромъ. Никогда она не была на высшей степени могущества и славы, потому что никогда не имѣла короля, равнаго Стефану Баторію. Въ это царствованіе она приобрѣла Полоцкъ и Смоленскъ, утвердила за собою Лифляндію, присоединила кавказство и привязала къ себѣ Украину, давъ ей привилегіи, которыя поставили ее наравнѣ съ Польшею и Литвою. Разумѣется, Польша была обязана величіемъ своему королю, энергическому, дѣтельному, уважавшему законъ и требовавшему, чтобы всѣ его уважали и безусловно ему покорялись. Последнее качество Баторія доставляло ему такую неограниченную любовь народа, что не было наследственнаго самодержавнаго монарха, который былъ бы болѣе властителемъ своего народа. Умомъ просвѣщеннымъ и въ высшей степени практическимъ онъ понималъ, что вся сила народа заключалась въ шляхтѣ; но шляхта была разединена, никогда не могла собрать свои силы и потому покорилась аристократіи, владѣвшей огромными богатствами и всегда готовой подорвать основаніе королевской власти и замѣнить ее олигархіею. Баторій понималъ свои отношенія къ аристократамъ, но въ тоже время нашелъ въ конституціи могущественныя средства противодѣйствія. Магнаты католическаго и православнаго исповѣданія по большей части были ему преданы; но диссиденты, увлеченные духомъ реформы, не таили своего отвращенія къ существовавшему порядку, и хотѣли объ измѣненіи системы правленія.

Домъ австрійскій, неутомимо преслѣдовавшій всякое проявленіе свободы въ своихъ владѣніяхъ, поддерживалъ и одобрялъ строгое преслѣдованіе польскихъ диссидентовъ, чтобы открыть себѣ дорогу къ польскому престолу. Отсюда явились постоянныя сношенія между приверженцами аугсбургскаго и женевскаго исповѣданія и Вѣною; сношенія, за которыми Стефанъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ въ теченіе всего своего царствованія.

Домъ Зборовскихъ и Гурки были предводителями диссидентовъ. Мартинъ Зборовскій, маршалъ коронный, направлялъ дѣйствія своей партіи и былъ ея душею. Во время междоусобицы Зборовскіе были на сторонѣ князя семигородскаго. потому что при дворѣ его находился тогда Самуэль и ходили уже вѣсти, что бракъ Самуэля съ княжною Гризельдою дѣло рѣшенное. Гордый Мартинъ Зборовскій питалъ надежду, что братъ его, вступивъ въ тѣсную связь съ домомъ Баторія, сдѣлается правою рукою короля и потому отступился отъ вѣнскаго кандидата. Но когда увидѣли, что Баторій былъ самостоятеленъ, не подчинялся никакимъ вліяніямъ и въ дѣлахъ

ему совѣтахъ искалъ пользы общественной, не обращая вниманія на совѣтника, привязанность Зборовскихъ, такъ рѣшительно высказавшаяся во время выборовъ, стала ослабѣвать. Они опять склонились на сторону римскаго императора и возбуждали подозрѣнїе Ваторїа.

Это враждебное чувство одного изъ сильнѣйшихъ домовъ къ королю было совершенно неосновательно. Хотя король и не довѣрялъ Зборовскимъ, но оставался всегда къ нимъ милостивымъ и справедливымъ. Послѣ заключенїя мира, онъ поручилъ Мартину учрежденїе воеводства и уѣздовъ, во вновь прїобрѣтенныхъ провинціяхъ; сверхъ того, онъ не разъ содѣйствовалъ родственникамъ и друзьямъ Самуила, хлопотавшимъ о дозволенїи ему возвратиться на родину. Король не считалъ себя въ правѣ освободить его отъ приговора до тѣхъ поръ, пока онъ не примирится съ Ваповской. Однакожъ дозволилъ ему жить въ завоеванныхъ провинціяхъ, и даже поручилъ ему команду надъ пограничными войсками подъ начальствомъ знаменитаго Мелецкаго, недавно получившаго коронную булану. Но всѣ эти милости не могли успокоить гордаго и честолюбиваго маршала.

Еще болѣе вооружило его противъ короля полное довѣріе, которымъ онъ дарилъ Замойскаго, и это убѣжденїе Ваторїа, котораго онъ не скрывалъ, что счастливыми результатами войны онъ обязанъ по большей части совѣтамъ и дѣятельности Замойскаго. Это убѣжденїе раздѣляла вся армія, такъ что когда король, не обращая вниманія на то, что онъ происходилъ изъ средней шляхты и никто изъ его предковъ не занималъ высшихъ должностей, награждалъ его лаватау староствами, а наконецъ поручилъ ему государственную печать и такимъ образомъ поставилъ его на ряду съ богатѣйшими и заслуженнѣйшими магнатскими фамилїями, народъ благословлялъ королевскія щедроты. Но въ этомъ выборѣ Мартинъ Зборовскій видѣлъ только оскорбленїе его фамилїи, которая почти наследственно занимала всѣ высшія должности въ Рѣчи Посполитой; тѣмъ болѣе, что Замоискій не разъ высказывалъ мнѣнїя, что конституція ослабѣла вслѣдствіе разнаго рода злоупотребленій, введенныхъ магнатами, и что пора очистить ее отъ нихъ.

Одно обстоятельство, повидимому ничтожное, въ высокой степени усилило вражду Мартина къ королю. Во время войны въ одномъ сраженїи Янъ Зборовскій, кастелянъ гнѣзненскій, былъ тяжело раненъ и долженъ былъ оставить свой отрядъ; мѣсто его занялъ Самуилъ, который съ обычнымъ мужествомъ напалъ на непрїателя и разбилъ его на голову. Король публично благодарилъ его; а маршалъ коронный, желая извлечь изъ этой побѣды существенную пользу для брата, просилъ короля своею собственною властью освободить Самуила отъ приговора. Но король отвѣчалъ, что, безъ согласїя Ваповской, не считаетъ себя въ правѣ сдѣлать это; однакожъ обѣщалъ послѣ заключенїя мира просить Ваповскую примириться и выражалъ надежду, что она ему не откажетъ. «Впрочемъ», прибавлялъ онъ, можно было бы это дѣло уладить иначе; намъ извѣстно,

что Ваповская ничего такъ не желаетъ, какъ выдать свою меньшую дочь замужъ также, какъ старшую. Еслибы панъ Самуэль захотѣлъ вознаграждать ей потерю мужа, жениться на ея дочери, она конечно забыла бы свою вражду. Мы охотно принимаемъ на себя заботу устроить это дѣло. Пусть панъ Самуэль, если ему угодно, напишетъ къ королевѣ, чтобъ она приготовила Ваповскую. Мы же, съ своей стороны, обѣщаемъ предоставить ему любое вакантное мѣсто, соответствующее его достоинству и происхожденію.

Мартинъ поклонился въ знакъ благодарности; но, уходя, унесъ одно только убѣжденіе, что всѣ надежды его и брата рушились. Съ этого время ненависть Зборовскихъ къ Замоискому, еще болѣе усилилась и только опасенія, возбуждаемыя королемъ, заставляли ихъ скрывать ее до времени. Тѣмъ не менѣе она не ускользнула отъ вниманія короля. Завязалась безмолвная борьба. Мартинъ Зборовскій, его друзья и сообщники приняли на себя видъ фанатическихъ послѣдователей новаго ученія, проводили цѣлыя утра въ пѣніи псалмовъ, чтеніи св. Писанія и слушаніи проповѣдниковъ, которыхъ выписывали изъ за границы въ свой лагерь. Баторій, съ своей стороны, окружалъ себя іезуитами, основывалъ имъ коллегіи, оказывалъ къ нимъ уваженіе и довѣріе и тѣмъ противодействовалъ Мартину, которая могла мѣшать правительству, и поддерживать враждебный духъ партій. Мартинъ и его партія старались дѣйствовать на жадныхъ и властолюбивыхъ магнатовъ, угрожая имъ утратою мѣстъ и значенія, вслѣдствіе наплыва новыхъ людей, поддерживаемыхъ королемъ. Баторій, слѣдуя совѣтамъ Замоискаго, ревностнаго защитника шляхты и равенства, все болѣе и болѣе сближался съ нею, щедро награждалъ ее и давалъ ей кресла въ сенатѣ и высшія должности. И дѣйствительно, ни въ одно царствованіе не явилось столько новыхъ магнатскихъ фамилій, какъ въ царствованіе Баторія.

Въ такомъ состояніи находились дѣла при окончаніи войны. Хотя королю и были извѣстны намѣренія и стремленія маршала короннаго, однакожъ онъ рѣшился не обнаруживать этого, пока ихъ мысли не обратятся во вредныя для государства дѣла; равно также онъ старался скрывать и свои цѣли; поэтому былъ ко всемъ одинаково справедливъ и милостивъ. Онъ ласково принималъ совѣты и услуги Мартина, какъ перваго министра; часто даже дѣйствовалъ по его планамъ. Наконецъ, когда заключенъ былъ миръ, онъ поручилъ ему устройство завоеваннаго края, а брату его далъ начальство надъ пограничными войсками; хотя, можетъ быть, онъ находилъ болѣе удобнымъ держать ихъ за Двиною, нежели видѣть въ столицѣ, гдѣ они могли разсѣивать вражду между сословіями, и ставить силы противодѣйствіе мѣрамъ правительства.

XV.

Было шумное и торжественное пиршество въ краковскомъ замкѣ, совершалось обрученіе Яна Замоискаго съ княжною Гризельдою.

Князь епископъ краковскій передалъ молодымъ обручальныя кольца, благословилъ ихъ , и когда Замоискій преклонилъ предъ коро-лемъ колѣна, тотъ сказалъ:

— Мы отказали многимъ владѣтельнымъ князьямъ, добивавшимся руки нашей племянницы; мы хотѣли убѣдить васъ, что желаемъ и домогаемся только той поддержки, какую можемъ найти въ предѣлахъ отечества. Вѣряю свою племянницу тому, кому мы вѣрили государственную печать, и чьи заслуги такъ велики, что только такимъ образомъ можемъ вознаградить ихъ.

Замѣтно было, что княжна была блѣдна и смущена; но и блѣдность и смущеніе приписали естественной дѣвичьей скромности, новости положенія.

Но лицо ея покрылось краскою стыдливости, когда Гумецкій, уже воевода подольскій, и Севастіанъ Ржевускій стали предъ нею на колѣнахъ и принесли ей благодарность, первый отъ лица всей польской шляхты, въ ряды которой она вступаетъ; второй—отъ имени бѣльскаго воеводства, которое съ этого времени будетъ считать ее своею помѣщицею.

Послѣ того король подалъ руку дрожащей, какъ листъ, Гризельдѣ и повелъ ее къ столу; королева Анна шла во второй парѣ съ Замоискимъ.

Слишкомъ двѣсти человекъ сидѣло за столомъ. На лицахъ нѣкоторыхъ вельможъ можно было замѣтить усиліе выразить къ Замоискому расположеніе, котораго они не чувствовали; были однакожъ и такіе, которые ожидали отъ этого возвышенія пользы для отечества. Что же касается до шляхты, она была внѣ себя отъ радости, и предсказывала себѣ блестящую будущность.

За Замоискимъ была любовь шляхты, и важныя личныя заслуги. Хотя онъ не могъ похвалиться знатными предками, и самъ не занималъ важнаго мѣста до назначенія въ канцлоры, и не былъ въ родствѣ ни съ какими магнатскимъ домомъ, однакожъ Баторій отличалъ въ немъ высокій умъ и мужественную твердость, и рѣшился поднять его выше всей родовой аристократіи. Отецъ его, человекъ строгихъ правилъ и замѣчательной учености, какъ большая часть тогдашней шляхты, исповѣдывалъ ученію Кальвина и воспиталъ въ немъ обоихъ сыновей. Замѣтивъ въ старшемъ сынѣ особенную склонность къ наукѣ, опредѣлилъ его во вновь открытую лжедеветскую семинарію. Но юноша оставилъ школу, обратился къ столочеству и отправился въ Падую, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ получилъ достоинство ректора академіи, славнѣйшей тогда въ Италіи. Вскорѣ дошелъ до него вѣсти, что отечество нуждается въ защитникахъ, и онъ, какъ честный гражданинъ, поспѣшилъ къ ней на помощь. Въ рядахъ народнаго ополченія онъ скорѣ сдѣлался также замѣтнымъ, какъ въ академіи, и обратилъ на себя особенное вниманіе гетмана, Николая Радзивила, одного изъ ученѣйшихъ людей, но несчастнѣйшаго полководца того времени. Съ этихъ поръ Замоискій посвятилъ себя на службу отечества. Въ короткое время онъ заслужилъ такое уваженіе и довѣріе шляхты, что былъ

почти постояннымъ депутатомъ ея на сеймахъ, гдѣ неутомимо сражался за равенство и за конституцію Рѣчи Посполитой. Хотя магнаты и не были расположены къ нему, однакожъ называли его человекомъ новымъ, а король Сигизмунтъ, не смотря на свою безхарактерность, думалъ дать ему мѣсто въ сенатѣ, но по обыкновенію все откладывалъ и успѣлъ только дать ему староство, и такимъ образомъ обезпечить его существованіе. Всѣ эти обстоятельства были извѣстны шляхтѣ, и потому каждую новую милость, оказываемую королемъ Замоискому, она приписывала, какъ милость, оказанную ей самой. Во время обѣда многократно всѣ, не исключая короля, пили за здоровье молодыхъ. Слышались со всѣхъ сторонъ рѣчи польскія и латинскія. Веселье было общее и шумное, а фамилярная обходительность короля со шляхтой удивляла иностранныхъ пословъ.

Обѣдъ продолжался до захожденія солнца, свѣтъ котораго сіяли тысячи свѣчей. Все общество встало изъ за стода и пошло за королемъ въ залы, гдѣ множество шляхты ожидало уже открытія бала.

Король съ невістою выступали въ первой парѣ. Въ собраніи толпѣ шляхты находился и панъ Здора, который не могъ принимать участія въ танцахъ, потому что во время войны ему повредило лѣвую ногу; онъ сдѣлалъ возлѣ своей жены и, казалось, былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ нею, но что всего было замѣчательнѣе, такъ это то, что достопочтенная супруга не только не морщилась, какъ бывало прежде, но выражала чувства, похожія на любви. Причины этой перемѣны были весьма основательныя. Панъ Здора былъ уже теперь болѣе важнымъ лицомъ, чѣмъ прежде. Въ послѣдней войнѣ, когда при осадѣ Великихъ Лукъ пало множество рыцарей, когда съ сѣверной стороны знаменитый Арцишевскій съ Замоискимъ ломали въ присутствіи короля шанцы неприступной до тѣхъ поръ крѣпости, а Гумецкій со своимъ полкомъ, съ отрядомъ Самуила и запорожскими казаками, приведенными Мрочкомъ, защищали переправу отъ непріятеля, шедшаго въ обходъ, — Здорѣ удалось съ солдатами королевскаго полка войти на крѣпость и выставить на ней королевское знамя. Гарнизонъ, утомленный долгой обороною, сдался, и король публично призналъ за Здорой рѣшеніе этого важнаго и труднаго дѣла. Этотъ подвигъ и отличное управленіе порученнымъ ему отрядомъ доставили ему уваженіе и довѣріе короля, который, послѣ войны назначилъ его старостой въ замкъ и городѣ Феллинѣ, сказавъ: «Протестанту съ протестантами легче ладить, чѣмъ католику.» Здора былъ вѣдѣ себя отъ радости, получивъ такое назначеніе и ничего не могло быть смѣшнѣе, какъ его усилія казаться важнымъ чиновникомъ.

Вступивъ въ свою должность и замѣтивъ, что придется имѣть дѣло съ законами, онъ обратился къ шляхтѣ и въ ней нашелъ дѣятельныхъ и добросовѣстныхъ помощниковъ. Вообще онъ умѣлъ такъ вести свое дѣло, что заслужилъ популярность и себѣ и королю. Давныя ему похвѣстья, обыкновенное вознагражденіе старосты,

онъ оставилъ безъ вниманія; но зато сотни работниковъ постоянно работали на крѣпостныхъ палахъ и на стѣнахъ замка.

Все это было извѣстно королю и членамъ совѣта, такъ что гетману не стоило большого труда упросить короля наградить феллинскаго старосту тѣмъ, чего онъ наиболѣе желалъ; т. е. даровать право дворянства всѣмъ служившимъ въ его полку. Замѣтить надо, что Здора, формируя свой полкъ, мало обращалъ вниманія на происхождение: каждый наѣздникъ былъ для него хорошимъ солдатомъ.

Около того времени, гдѣ остановился нашъ рассказъ, Здора просилъ позволенія у гетмана съѣздить въ Краковъ, основывая свою просьбу на томъ, что не можетъ вынести такой долгой разлуки съ женою и сыномъ, и желаетъ перевезти ихъ въ Лифляндію. Но въ самомъ дѣлѣ у него было другое на умѣ. Онъ былъ увѣренъ, что она никогда не согласится оставить Украйну, и потому-то собирался какъ можно усерднѣе приглашать ее въ Феллиниъ. Но госпожа Здора оставалась въ краковскомъ мѣстѣ, о чемъ панъ староста узналъ отъ Шершеня, котораго его супруга выгнала изъ Космыжева, замѣтивъ нѣкоторые недочеты, и который нашелъ своего господина уже въ Феллиниѣ. Если же онъ и говорилъ о своей привязанности къ женѣ, то единственно потому, что считалъ это приличнымъ своему сану.

Пріѣхавъ — ужъ не верхомъ, а въ коляскѣ — въ Краковъ, Здора немедленно явился къ Замойскому, который принялъ его какъ нельзя лучше, называлъ его своимъ товарищемъ и представилъ королю.

— Вы оправдали наши надежды, сказалъ Стефанъ; еслибы всѣ старосты слѣдовали вашему примѣру, мы были бы спокойны на счетъ безопасности края. Гетманъ намъ донесъ, съ какими стараніемъ вы возобновили замокъ и что нигдѣ не нашелъ лучшаго гарнизона, какъ въ Феллиниѣ. Благодарю васъ отъ имени всей Рѣчи Посполитой.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели на него эти слова; онъ ничего не могъ сказать, но упалъ къ ногамъ короля и расплакался, какъ дитя.

Послѣ аудіенціи, Здора поспѣшилъ къ своимъ старымъ знакомымъ, каждому по очереди и всѣмъ имъ рассказалъ всѣ подробности сцены во дворцѣ, рассказывалъ объ Лифляндіи, о трудолюбій латышей, о красотѣ городовъ и селъ, и наконецъ всѣхъ приглашалъ къ Фалендышу. На это онъ рѣшился не безъ причины. Это былъ послѣдній день его холостой жизни; вѣчеромъ онъ располагалъ ѣхать въ мѣстѣ, гдѣ ожидала его жена.

Появленіе его въ заведеніи Фалендыша произвело фуроръ. Панъ Фалендышъ произнесъ въ честь несравнимаго старосты рѣчь, которая была встрѣчена громкими аплодисментами. Каждый хотѣлъ быть съ нимъ знакомымъ, всѣ ему кланялись, словомъ это былъ для него день торжества. Съ своей стороны Здора былъ такъ тронутъ, что всѣхъ потчивалъ, и когда пріѣхала за нимъ колымага, онъ съ трудомъ могъ взобраться въ нее.

Опытомъ доказано, что какъ бы человекъ ни былъ пьянъ, а въ

минуту опасности становится немедленно трезвымъ. То же случилось со Здорой. Когда ему объявили, что онъ достигъ цѣли своего путешествія, онъ мгновенно припелъ въ себя и почувствовалъ нѣчто въ родѣ страха.

Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ на крыльцѣ свою жену, которая съ распростертыми объятіями бросилась къ нему на шею. Вслѣдъ за матерью явился и сынъ, полный, здоровый мальчишка, который съ перваго слова спросилъ его : а какой ты мнѣ привезъ гостинецъ?

Обрадованный отецъ велѣлъ подать изъ экипажа дѣтскую саблю, барабанъ и другія игрушки въ томъ же родѣ и не могъ нарадоваться, глядя на веселье своего сына.

Госпожа Здра оказалась необыкновенно милой и предупредительной; она не только не осыпала мужа упреками за его бѣгство, но предала забвенію даже растрату той суммы, которую должна была получить у кастеляна Тенчинскаго. Это обстоятельство до того ободрило его, что онъ рѣшился тутъ же объявить женѣ, что нуждается въ деньгахъ, необходимыхъ на покрытіе нѣкоторыхъ важныхъ расходовъ.

Удивленіе его возросло еще болѣе, когда, вмѣсто брани, онъ услышалъ слѣдующій отвѣтъ :

— Да, я знаю, что при твоей должности должны быть расходы, и я приготовила тебѣ нѣсколько тысячъ золотыхъ.

— Ты побѣдешь со мною въ Феллинъ! воскликнулъ супругъ въ порывѣ нѣжности и изумленія. Надо, чтобъ уѣздъ узналъ свою начальницу. Ты знаешь, что тамъ безъ меня ничто не обходится. Завтра я тебѣ покажу списокъ моихъ мызъ; ты устроишь мнѣ тамъ хозяйство, и увидишь, что отъ милостей короля мы стали богаче чѣмъ отъ того, что отецъ укралъ въ Кальникѣ. Но ты знаешь, что я плохой хозяинъ; потому-то мнѣ Богъ далъ умную и дѣльную жену. Такъ ты ѣдешь?

— Хоть на край свѣта.

И Здра, боявшійся до тѣхъ поръ такого согласія, какъ огни теперь былъ отъ него въ восторгѣ, и не могъ понять этой невероятной перемены. Но въ сущности объяснить и не трудно. Госпожа Здра была горда и тщеславна. Она считала для себя униженіемъ, что мужъ ея не занималъ никакой должности, и потому и жно себя представить, что случилось съ нею, когда воевода брацлавскій пріѣхалъ къ ней въ деревню объявить, что мужъ ея заслужилъ милость короля и получилъ должность старосты. Она чувствовала не сошла съ ума отъ радости; два дня продержала у себя воеводу со всѣмъ его дворомъ, созвала всѣхъ гостей и съ видимымъ наслажденіемъ слушала многократныя поздравленія.

Такое торжество въ одно мгновеніе измѣнило ея отношенія къ мужу. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого ширшества шесть отлѣпныхъ жеребцовъ тащили по дорогѣ въ Краковъ коляску, въ которой сидѣла госпожа Здра съ сыномъ и компаньонкою, а за ними шла кухня съ прислугою,

Пріѣхавъ въ Краковъ, она явилась къ кастеляншѣ пржемыской, которая представила ее королю. Тотъ чуть было съ ума ее не свелъ, сказавши, что очень радъ познакомиться съ почтенною супругою такого знаменитаго воина и отличнаго чиновника, какъ панъ староста феллинскій, что проситъ ее бывать на вечерахъ въ замкѣ и что будетъ очень радъ, когда она, госпожа Зора, познакомится съ княжною Гризельдою, которая въ самомъ дѣлѣ оказывала къ ней особенное вниманіе.

Вслѣдствіе такого пріема, она составила такое высокое понятіе о мужѣ, что даже стала обвинять себя, что не могла до сихъ поръ опфитить его и замѣтить его достоинства.

Но окончательно ее побѣдило то, что король, охотясь въ старостинскихъ лѣсахъ, провелъ нѣсколько минутъ въ ея домѣ. Это отступленіе было необходимо, чтобы объяснить причины перемѣны въ отношеніяхъ супруговъ, которая безъ того показалась бы читателю невѣроятною.

Когда супруги нѣжно ворковали между собою, къ дивану, на которомъ они сидѣли, приблизился Гумецкій, а вслѣдъ за нимъ подошелъ Лука Гурка, познанскій воевода, и между ними завязался разговоръ.

— А, товарищъ! воскликнулъ Гурка, протягивая руку Гумецкому. Эти забавы не должны тѣшить пріятелей и родственниковъ Зборовскихъ.

— Это почему?

— Что-жъ? вы развѣ въ лѣсу живете, воскликнулъ Гурка. Развѣ вы не знаете что панъ Самуилъ ухаживалъ за княжною прежде чѣмъ мы хлопотали на сеймѣ въ пользу ея дяди. Панъ маршалъ коронный и мы всѣ разсчитывали на бракъ Самуила съ княжною и тѣшились этой надеждою; но, видно, мы не нужны королю; наши заслуги забыты. Пусть пропадаетъ Самуилъ!

— Зачѣмъ ему пропадать! Развѣ всякій такъ ужъ и женится на первой, которая ему понравится. Вѣдь и въ пѣснѣ поется: Не будетъ та, найдемъ другую.

— Не ожидалъ я, чтобы вы были такъ равнодушны къ несчастью, которое постигло Зборовскихъ. Еслибы еще соперникъ былъ изъ рода Радзивилловъ или Любомирскихъ, все бы еще не такъ было стыдно. Но чтобы презрѣть Зборовскихъ для какого-то выскочки, это обида и страшная обида.

— Богъ знаетъ, что вы говорите. Я, кажется, тоже изъ родни Самусю, и будь у меня сынъ, не любилъ бы его больше. Что о нашихъ заслугахъ король знаетъ, это вѣрно; но и кромѣ насъ есть заслуженные люди и, можетъ быть, больше нашего; такъ не выдать же ему племянницу за всѣхъ разомъ. А что вы думаете о канцлерѣ? Видно, что вы не были въ послѣднемъ походѣ. Вы знаете моего Ахмата; это лучший конь въ моемъ заводѣ. Такъ вотъ я вамъ скажу, что Ахматъ въ заводѣ, тѣмъ же былъ панъ Замоискій въ нашемъ лагерѣ. Мы всѣ работали; но каждый скажетъ, что порывѣмъ вездѣ былъ Замоискій. Онъ былъ и командиръ, и совѣтникъ

Когда король отдалъ ему печать, никто изъ насъ не сказалъ, что онъ дурно сдѣлалъ. А теперь, когда онъ, какъ дядя и опекунъ своей племянницы, выдастъ ее за него, никто не имѣетъ права сказать, что онъ не долженъ этого дѣлать.

— Вы, какъ я вижу, болѣе расположены къ Замоискому, нежели къ племяннику.

— Еслибы король отдалъ княжну за Самуила, я былъ бы этому радъ и въ доказательство подарилъ бы ему такую шестерню, что всѣ залюбовались бы, глядя на нее, потому что, скажу вамъ, у меня есть таки порядочныя лошадки; на нихъ можно съ такимъ же наслажденіемъ смотрѣть, какъ на княжну Гризельду; можетъ быть, не кстати сказано, но это правда. Я, видите, привыкъ съ дѣтства мириться съ тѣмъ, что можетъ быть, и не плакать о томъ, чего быть не можетъ. Скажите сами, могъ ли король выдать племянницу за изгнанника? Кто-жъ виноватъ, что Самусь наварилъ себѣ кашу.

— Защищайте короля, какъ хотите; а я всегда скажу, что если бы онъ былъ благодаренъ Зборовскимъ за ихъ услуги, онъ давно сдумалъ бы уничтожить приговоръ. Онъ это можетъ сдѣлать силою королевской власти,

— Ба! развѣ то, что можно сдѣлать, и нужно дѣлать. Можно вѣдь въ походъ на хромомъ конѣ, однако-жъ всякій ищетъ здороваго. Такъ и король. Онъ нѣсколько разъ говорилъ Ваповской, чтобы помирилась съ Самуиломъ; что-жъ ему дѣлать, если баба упрямая какъ козля. Я тоже не понимаю, почему панъ маршалъ принял въ обиду совѣтъ короля, чтобъ Самусь женился на дочери Ваповской. Дѣвка богатая, хорошаго происхожденія и собою хороша. Чѣмъ не жена! А могъ бы все покончить и пойти въ люди. Вотъ знаетъ, что дѣлается въ этихъ головахъ, а мы старики и рта у насъ раскрыть не смѣемъ.

— А я вамъ откровенно скажу, что этотъ бракъ я считаю ужасомъ, направленнымъ на всѣхъ насъ. Намъ нужно быть на сторожѣ. Какъ шляхта увидитъ, что всякій можетъ получить первое место въ государствѣ, мы пропадемъ. Вы вспомните, какъ я на сей стоялъ за императора. Вотъ теперь выходитъ, что я былъ правъ. Предчувствовалъ эту неблагодарность.

— Король, кажется, наградилъ всѣхъ по заслугамъ, и никого обидѣлъ. Развѣ Зборовскіе мало получили наградъ? А вѣдь ого племянница не хлѣбъ, не говядина, чтобъ онъ не могъ распорядиться безъ совѣта. Я и слушать не хочу вашихъ рѣчей. Я шляхти и стою за одно съ шляхтою и съ паномъ Замоискимъ.

Въ это время подошелъ къ нимъ король.

— Панъ воевода познанскій вѣроятно съ грустью смотритъ эти пляски, сказалъ онъ.

— Почему такъ думаете, ваше величество? спросилъ Гурна.

— Потому что не видите сына здѣсь, перваго танцора.

— О напротивъ, я очень радъ, что мой Максимиліанъ можетъ служить вашему величеству и выручать своего стараго и большаго друга.

отца. Я всю жизнь заботился, чтобъ изъ него вышелъ хорошій слуга отечеству.

— И можете радоваться, что заботы ваши были не напрасны. Вотъ пусть панъ Гумецкій скажетъ, какъ онъ былъ намъ полезенъ.

Гурка низко поклонился.

Король оперся на руку Гумецкаго и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ сторону, сказалъ довольно громко:

— Гдѣ-жъ это нашъ панъ староста Феллинскій?

— Здѣсь! воскликнулъ Здора. Всегда готовъ къ услугамъ вашего величества.

— А, вы возлѣ жены!... прекрасно.

— Такъ точно, ваше величество.

Госпожа Здора сдѣлала глубокой книксенъ.

— Вы постарайтесь поскорѣе насладиться присутствіемъ вашего мужа; потому что мы готовимъ ему новое порученіе.

— Я не разстанусь съ мужемъ, ваше величество. Гдѣ онъ, тамъ и я буду.

— А еслибы ему пришлось ѣхать въ свое старство?

— И я съ нимъ поѣду.

Король взялъ за руку Здору и сказалъ ему тихо:

— Второй разъ приходится мнѣ беспокоить васъ во время бала. Послѣ завтра вамъ нужно ѣхать въ Феллинъ и оставаться тамъ до новаго приказанія. Богъ знаетъ, что тамъ можетъ случиться.

— Завтра же буду готовъ къ отъѣзду, и если случится новая война....

— Нѣтъ, этого мы не желаемъ; но вотъ въ чемъ дѣло: поѣзжайте черезъ Полоцкъ, осмотрите его, никому ничего не говоря, разглядите какой тамъ народъ въ гарнизонѣ; увидите маршала короннаго и пана Самуила, ни слова имъ; и не оставайтесь тамъ долѣе трехъ дней. Обо всемъ, что увидите и узнаете, донесите немедленно гетману, который теперь находится въ Дерптѣ. Еслибы вамъ пришлось выбирать между обязанностями къ намъ и отечеству и обязанностями къ дому Зборовскихъ, скажите, ваше положеніе было бы довольно затруднительно?

— Нисколько. Исполненіе приказанія вашего величества первая и самая святая обязанность.

— Я такъ и думалъ. Хорошо. Такъ поѣзжайте и дѣлайте, какъ я сказалъ. Вамъ жалъ, прибавилъ король громче, что вы не можете вылаживать по прежнему?

— Что-жъ дѣлать! Камень, свалившійся со стѣны торопецкой, отучилъ меня плясать.

— Но вотъ теперь и вы можете танцевать; начинается польскій.

Едва король произнесъ эти слова, панъ Здора подошелъ къ панѣ Ваповской и повелъ ее на середину залы, гдѣ увидѣлъ канцлера, стоявшаго въ парѣ съ его женою, которая сіяла восторгомъ и гордостью.

Танцы продолжались далеко за полночь. Король былъ очень ве-

сель и разговорчивъ. Замѣтно было, что княжна Гризельда, которая въ началѣ была блѣдна и задумчива, мало по малу развеселилась и къ концу вечера весело и съ большимъ участіемъ слушала рѣчи своего жениха, что не мало удивило друзей и родственниковъ Зборовскихъ.

XVI.

Не далеко отъ Кракова находится Лобзовъ, мѣстечко, сдѣлавшееся со временъ Сигизмунда I мѣстопробываніемъ краковскихъ старостъ. Около года жилъ здѣсь Замоискій съ своею супругою, которая пользовалась деревенскою жизнью, среди роскоши, которою окружали ее достойный канцлеръ. Замоискій вставалъ обыкновенно въ 5 часовъ и отправлялся въ домашнюю церковь, потомъ до восьми часовъ занимался дѣлами, а въ восемь ѣхалъ въ Краковъ, гдѣ до десяти часовъ работалъ вмѣстѣ съ королемъ. Оттуда отправлялся въ судъ, потомъ въ государственный совѣтъ и уже около двухъ часовъ по полудни возвращался домой. Въ четыре часа снова принимался за работу или, если дозволяло время, читалъ древнихъ или современныхъ писателей; въ это же время всѣмъ могъ его видѣть. Въ семь часовъ онъ самъ и его приближенные дворяне собирались въ покояхъ Гризельды, гдѣ проводили время до десяти, послѣ чего всѣ отправлялись спать. Такъ жилъ онъ постоянно и только въ крайнихъ случаяхъ нарушалъ разъ на всегда установленный порядокъ. •

Было прекрасное майское утро. Канцлеръ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ бумаги, которыя видимо занимали его, а Станиславъ Жолковский, его секретарь, сидѣвшій противъ него, за тѣмъ же столомъ, съ напряженнымъ вниманіемъ и безпокойствомъ слѣдилъ за выраженіемъ лица своего начальника.

— Вы помните, началъ наконецъ канцлеръ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы получили донесеніе, что панъ Мартинъ Зборовскій затѣваетъ что-то недоброе. И король, и мы оба не обратили на то вниманія, такъ какъ положительныхъ доказательствъ не было.

— Помню, какъ же не помнить. Еще король похвалилъ поступокъ старосты феллинскаго, который объявилъ маршалу, что не отдаетъ въ его распоряженіе замка и даже не пуститъ его въ городъ, не смотря на дружбу къ пану Самуэлю. Къ намъ было прислано письмо и письмо къ маршалу, въ которомъ Здора пишетъ, что исполняетъ только королевскія и гетманскія приказанія.

— Смотрите же, какой проникательный взглядъ у нашего короля. Когда онъ хотѣлъ назначить его старостой въ Феллинъ, я возразилъ противъ этого, но король отвѣчалъ: я знаю людей. И дѣйствительно, онъ не ошибся. Помните, какъ царь Иванъ предостерегъ короля, что панъ Зборовскій общалъ ему отдать Полоцкъ, если царь вздумаетъ возобновить войну. Тогда король пригласилъ насъ обоихъ на совѣтъ и хотѣлъ немедленно потребовать маршала къ суду. Мы совѣтовали ему не торопиться, потому что предпріятіе

маршала не приведено къ исполненію , и что для пользы отечества необходимо строго наблюдать за нимъ, но не лишать его довѣрія, потому что отчаяніе и стыдъ могли бы принудить его къ рѣшительному поступку. Король сказалъ тогда, что соглашается съ нашимъ мнѣніемъ; но, говорилъ онъ, Зборовскіе не такіе люди, которыхъ можно было бы исправить. Всякое вниманіе, оказанное королемъ кому бы то ни было, они принимаютъ за оскорбленіе себя. И король понималъ ихъ отлично. Когда маршалу не удалось дѣло въ Москвѣ, онъ пріѣхалъ въ Краковъ и началъ интриги съ посломъ императорскимъ. Королю обо всемъ уже извѣстно, вчера же сказалъ мнѣ: а что, не моя правда? не я ли говорилъ, что Зборовскимъ вѣрить нельзя? но меня всего болѣе огорчаетъ то, что я самъ былъ невольнымъ поводомъ всѣхъ этихъ преступныхъ замысловъ. Все это прямое слѣдствіе того, что король возвысилъ меня, а не ихъ; если бы милости, которыми онъ меня осыпалъ, выпали на ихъ долю, они до сихъ поръ были бы честными людьми.

— О нѣтъ! Зборовскіе еще во времена Сигизмунда I перестали быть честными. Не отрицаю, что отечеству они служили съ пользою, но ихъ гордость и жадность превосходятъ всякую мѣру. Что ю меня, то я думаю, что во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ имѣется въ виду только ихъ же собственная польза; отъ того-то они стараются подорвать и власть короля и равенство шляхты,—главные опоры нашей конституціи. Откровенно вамъ говорю, что очень желаю бы, чтобы накопились противъ нихъ самые неопровержимые доводы и чтобы однимъ ударомъ смирить всѣхъ этихъ нарушителей тишины.

— Я совершенно того же мнѣнія, и знаю, король ждетъ только доказательствъ. Но вотъ замѣчательно: Мрочекъ, писарь запорожскій, который съ дѣтства былъ другомъ пана Самула, явился также достойнымъ гражданиномъ. Когда панъ Мартинъ Зборовскій, желая сдѣлать его слѣпымъ орудіемъ своихъ замысловъ, повѣрилъ ему свои тайны и открылъ сношенія съ императорскимъ посломъ, обѣщавшимъ двадцать тысячъ войска, чтобы низвергнуть съ престола короля и возвести эрцгерцога Максимиліана, Мрочекъ употребилъ всѣ усилія, чтобы отклонить маршала отъ этихъ плановъ, и не успѣвши въ этомъ, вчера объявилъ королю. Король поступилъ весьма благоразумно. Онъ сказалъ ему: я знаю, въ какое непріятное положеніе васъ поставила бы необходимость сдѣлать выборъ между вѣрностью отечеству и дружбой, которою вы обязаны Зборовскимъ; такъ какъ наше дѣло объ устройствѣ казаковъ завтра будетъ окончено, то я вамъ советую послѣ завтра же возвратиться въ Запорожье и передать отъ меня письмо къ гетману. Окончивъ съ нимъ дѣло, король потребовалъ меня и, передавъ мнѣ доставленные ему извѣстія о новомъ заговорѣ, приказалъ явиться сегодня намъ обоимъ для дальнѣйшихъ совѣщаній.

— А панъ Самула принадлежитъ къ этому заговору?

— Нѣтъ, онъ прямо и откровенно отказался отъ участія въ ихъ замыслахъ. Но его занальчивость тревожитъ меня болѣе, нежели хитрость его братьевъ. Шылая мезтью ко мнѣ, онъ, не смотря на

запрещеніе, рѣшился ѣхать въ Краковъ : братья ждутъ его съ минуты на минуту.

— Развѣ васъ можетъ испугать его появленіе?

— Вы не понимаете меня. Я былъ когда-то его другомъ и теперь цѣню въ немъ его достоинство; и никогда не желаю ему зла, но ежели онъ явится въ Краковъ, на меня, какъ на старосту, ляжетъ обязанность подвергнуть его строгости закона. Я не могу отступить отъ закона, соблюдать который я клялся. Слава мнѣ дороже жизни; предвижу, какъ она пострадаетъ, ежели панъ Зборовскій поинимъ моихъ предостереженій явится въ Краковъ. И теперь они чернятъ меня, и какъ гражданина, и какъ семьянина. Они представили бы народу, что мой поступокъ есть только слѣдствіе зависти.

— Какъ бы они ни представляли это, они не повредили бы вамъ. Народъ хорошо понимаетъ, гдѣ защищается право и гдѣ поступаютъ по личному разсчету. Энергическій поступокъ научить другихъ любить и бояться короля и доказать всѣмъ, что въ рукахъ короля слишкомъ достаточная сила, чтобы исполнять требованіе закона. Наконецъ народъ не забудетъ голоса Замоискаго, освободившаго его отъ ярма, которое хотѣли набросить на него его же братья.

— Наша сила слишкомъ достаточна. Еще прежде чѣмъ панъ Мрочекъ объявилъ королю объ измѣнѣ маршала короннаго, всѣ его замыслы были намъ извѣстны. Его неожиданный выѣздъ изъ Полоцка, ночныя свиданія съ императорскимъ посломъ, всѣ эти окольные пути, которыми онъ ходилъ постоянно, возбуждали наше вниманіе уже давно. Король ничего и ничего здѣсь не забылъ; вспомнилъ даже о Здорѣ. Въ случаѣ несчастія съ паномъ Самуиломъ, его братья не только не поднимутъ бунта, но поторопятся выѣхать изъ Кракова въ воеводства пограничныя съ имперіею; но и тамъ ничего не сдѣлаютъ, потому что вездѣ встрѣтятъ бдительныхъ агентовъ правительства. Повторяю, подобный случай будетъ благомъ для отечества; только мнѣ придется печалиться среди общаго веселья.

— Нѣтъ; народъ можно обмануть, но не на долго. Общественный судъ произнесетъ свой приговоръ рано или поздно, и клевета разсѣется.

— Если бы только клевета была противъ меня; но я становлюсь въ положеніе, котораго не въ состояніи перенести спокойно никакое мужество. Съ вами я готовъ говорить откровенно о томъ, что теперь терзаетъ меня. Вы видѣли меня постоянно съ тѣхъ поръ, какъ воля короля доставила мнѣ вліяніе на судьбу отечества. Вѣрность моя, усердіе, которое Богъ благословилъ счастливыми результатами, доставили мнѣ неограниченное довѣріе короля, до того, что онъ самъ предложилъ мнѣ то, о чемъ я и думать не смѣлъ — руку своей племянницы. Я благодарилъ короля; но неожиданное счастье не ослабило меня; я объявилъ тутъ же королю, что безъ согласія княжны совѣсть не позволяетъ мнѣ искать ея любви и пользоваться чужимъ счастьемъ. Я упросилъ короля скрывать въ тайнѣ свое благодѣяніе до тѣхъ поръ, пока я не обезпечу себя со стороны той.

которую онъ назначилъ мнѣ въ подруги жизни. Король оцѣнилъ и тутъ мою правоту. Здѣсь открылась мнѣ новая жизнь. Достоинства Гризельды, родство съ великимъ королемъ, — все это говорило моему сердцу. Съ другой стороны я чувствовалъ себя несчастнымъ, потому что мнѣ не на чемъ было основать своихъ правъ на ея взаимность. Я уже не молодъ, чувство любви было мнѣ всегда чуждо; я желалъ найти жену, которая заботилась бы обо мнѣ, позволяла бы мнѣ посвятить себя всего своему долгу; меня поражало и то, что Зборовскіе разглашали повсюду, что Гризельда обѣщала свою руку пану Самуилу и рѣшилась окончить жизнь свою въ монастырѣ, если ея желаніе не сбудется. Я хотѣлъ доискаться правды; нѣсколько разъ хотѣлъ объясниться съ Григельдою; но въ то же время я боялся узнать правду, потому что я ее любилъ. Наконецъ король вывелъ меня изъ затрудненія. Онъ призвалъ насъ обоихъ и приказалъ намъ объясниться въ его присутствіи. Гризельда прямо объявила, что Зборовскій имѣетъ право на ея благодарность, дружбу, что онъ ей нравился; но что она слишкомъ привыкла повиноваться дядѣ и уважать его слово, чтобы располагать своимъ сердцемъ независимо отъ его воли; что питаетъ ко мнѣ уваженіе и не колеблется соглашается на выборъ, сдѣланный ея дядой. На другой день было наше обрученіе, а вскорѣ я сдѣлался мужемъ добродѣтельнѣйшей, достойнѣйшей женщины. Зборовскіе между тѣмъ разглашаютъ повсюду, что Гризельда стала жертвою непреклонной воли дяди, что пылала страстною любовью къ Самуилу, и теперь оплакиваетъ свой бракъ, для нея ненавистный; что она ждстъ Самуила, какъ своего избавителя. Вы можете себѣ представить, что ежели я, принужденный необходимостью, не пощажу Самуила, клеветы эти еще увеличатся. Они конечно станутъ говорить, что я ревность мужа покрылъ любовью къ закону. Все это меня мало тревожитъ, все это я предвидѣлъ; но чѣмъ же виновата Гризельда? Однакожъ эта мысль не остановитъ меня; это будетъ новая жертва для отечества...

XVII.

Когда они остановились у краковской заставы, къ нимъ явился панъ. Лентовскій, подстароста краковскій, и тихо сказалъ канцлеру, что въ ту ночь пріѣхалъ въ Краковъ Самуилъ Зборовскій и остановился у госпожи Влодокъ, урожденной Зборовской; что немедленно по пріѣздѣ пошелъ къ маршалу коронному, гдѣ уже засталъ человѣкъ двѣнадцать друзей и родственниковъ. На этомъ собраніи избирались средства захватить Замойскаго, овладѣть краковскимъ замкомъ и въ немъ подписать актъ конференцій, по которому должность маршала съ высшею властью надъ войскомъ должна перейти въ руки маршала короннаго. Потомъ онъ по имени и фамиліи назвалъ всѣхъ присутствовавшихъ при этомъ засѣданіи и окончилъ свою реляцію слѣдующими словами:

— И то я долженъ еще сказать, что панъ маршалъ и другіе должны были останавливать пана Самуила, который грозился напасть на васъ, гдѣ бы ни встрѣтилъ, хоть бы въ церкви. Съ нашей стороны приняты всѣ предосторожности и въ случаѣ нападенія вездѣ явятся защитники.

— Я полагаюсь на вашу распорядительность; но прошу васъ не спускать глазъ съ замка; потому что если заговорщики овладѣютъ имъ, опасность грозила бы кое-чему поважнѣе моей особы.

— Мѣры ужъ приняты; въ замкѣ такой гарнизонъ, что можете быть совершенно покойны. Канцлеръ нѣсколько задумчивый побѣхалъ дальше. Они застали короля въ кабинетѣ, разговаривающаго съ Мрочкомъ.

— А здравствуйте, господа, сказалъ король веселымъ тономъ, увидѣвъ входящихъ канцлера и его секретаря. Здѣсь дѣло за вами стало. Потрудитесь приложить коронную печать къ этой привилегіи гетману запорожскому. Мы допускаемъ казачьихъ старшинъ до всѣхъ правъ, какими пользуются польскіе дворяне; согласно съ вашимъ совѣтомъ, всѣмъ казакамъ присвоиваются права и льготы мѣщанъ; допускаемъ свободный выборъ гетмановъ, которыхъ обѣщаемъ утверждать отъ нашего имени и нашихъ наслѣдниковъ; а всѣ другія должности въ ихъ воеводствахъ обѣщаемъ поручать людямъ ихъ исповѣданія и то по рекомендаціи гетмановъ. Съ этимъ мы отправляемъ писаря запорожскаго, оказавшаго, какъ вы знаете, важныя услуги отечеству. Послѣ завтра онъ ѣдетъ и мы желаемъ ему отъ души счастья.

— Ваше величество, сказалъ Мрочекъ, низко поклонившись, позвольте мнѣ просить объ одной милости.

— Говорите, что вамъ угодно. Вы не изъ тѣхъ людей, которые не имѣютъ права на наши милости.

— Ваше величество, прежній мой господинъ и другъ, Самуилъ Зборовскій, нынѣшней ночью осмѣлился пріѣхать въ Краковъ. Это преступленіе грозитъ ему смертию; этого требуетъ законъ, но если правители народовъ на землѣ заступаютъ мѣсто Бога, они должны помнить, что Божье милосердіе превышаетъ его безконечную справедливость. Ваше величество, пусть этотъ необдуманный поступокъ не затмитъ въ вашихъ глазахъ великихъ заслугъ, оказанныхъ имъ отечеству.

— Это до насъ не касается. Мы поручили наблюденіе за безопасностью гражданъ и точнымъ исполненіемъ закона старостамъ, и думаемъ, что мы обидѣли бы ихъ, если захотѣли бы имѣть вліяніе на ихъ распоряженія. Вотъ передъ вами канцлеръ и вмѣстѣ королевскій староста. Обратитесь къ нему, это его дѣло, а не наше; но мы не позволимъ себѣ вмѣшиваться въ его обязанности.... Но, любезный Мрочекъ, бумаги готовы; побѣжайте съ Богомъ на Запорожье и будьте увѣрены, что мы васъ не забудемъ.

Мрочекъ преклонилъ предъ королемъ колѣно, поцѣловалъ его руку и вышелъ изъ комнаты глубоко опечаленный. Но канцлеръ догналъ его въ слѣдующей комнатѣ и, отведя въ сторону, сказалъ:

я знаю васъ какъ друга Самуила; но знаю также и вѣрнымъ слугою отечеству. Вы можете соединить и то и другое. Ступайте къ Самуилу и скажите ему отъ меня, что я прошу его сейчасъ же уѣхать изъ Кракова. Я поступаю въ этомъ случаѣ, какъ старинный другъ его, а не какъ чиновникъ, обязанный исполнять требованіе закона. Пусть же не злоупотребляетъ нашимъ снисхожденіемъ. Я могу простить всякую личную обиду, но не имѣю право пропускать оскорбленій закона.

Простившись съ Мрочкомъ, Замоискій воротился къ королю.

— А вѣдь я правъ былъ, сказалъ король: маршалъ коронный не исправимъ; онъ составилъ заговоръ, но несчастный и не воображаетъ, что всякій шагъ его намъ извѣстенъ.

— Они рассчитываютъ на императора; но вотъ здѣсь его собственноручное письмо къ вашему величеству, въ которомъ онъ отпирается отъ участія во всѣхъ замыслахъ своихъ непрошенныхъ друзей, и обѣщаетъ переменить своего посланника.

— Это хорошо, къ намъ пріѣдетъ нашъ старинный другъ Розенбергъ. Здѣсь рѣчь идетъ о болѣе важномъ дѣлѣ, нежели моя безопасность. Императоръ, царь Иванъ и республика венеціанская заключаютъ съ нами миръ, чтобы освободить народъ христіанскій изъ-подъ турецкаго ярма. Святой отецъ обѣщаетъ намъ помощь и, можетъ, дать Богъ, Царьградъ откроетъ свои ворота предъ соединенными силами русскихъ и поляковъ. Вскорѣ наше рыцарство выступитъ въ поле; объ этомъ, кромѣ насъ троихъ да Бекеша, еще никто не знаетъ.

— Согласно волѣ вашего величества войско собирается отовсюду и укомплектовано.

— Господинъ староста, сказалъ король послѣ минутнаго молчанія. Что я сказалъ о Самуилѣ Зборовскомъ Мрочку, то повторю и вамъ. Вы сами знаете, что дѣлать; законъ ясенъ, а напоминать вамъ объ вашей обязанности я не считаю себя въ правѣ.

Въ это время вошелъ придворный и доложилъ, что староста феллинскій пріѣхалъ изъ Лифляндіи, какъ ему было приказано и проситъ позволенія явиться.

— Пусть войдетъ, сказалъ король весело.

— Что вы намъ привезли? спросилъ король, когда вошелъ Здора.

— Пріятныя вѣсти, ваше величество. Лифляндцы ваши вѣрные подданные, даже польскому языку начинаютъ учиться.

— А кто же завѣдуетъ замкомъ за ваше отсутствіемъ?

— Мой подстароста, Мирбахъ. Онъ тамъ теперь отъ моего имени мѣшаетъ разбойниковъ, но дѣлами-то заправляетъ комендантъ въ обѣхъ.

— Кто такой?

— Жена. Это я вамъ скажу кладъ, а не баба. Я самъ не зналъ, что такое феллинское староство, а какъ она принялась хозяйничать, такъ оказалось, что это золотой рудникъ. Денегъ не перечесть. Но ужъ за то и замокъ и гарнизонъ въ такомъ порядкѣ, что панъ гетманъ лучшаго не нашелъ во всей странѣ. Моя барыня

сама завѣдуетъ столомъ и одеждой гарнизона; сама пмъ жалованье платитъ; зато они боятся се болѣе меня.

— Чтожъ еще слышно?

— Я сына записалъ въ полкъ и приписалъ къ нему пять человѣкъ на отличныхъ коняхъ, чтобы, какъ выростетъ, былъ комплектнымъ рыцаремъ. Молодецъ изъ него вышелъ. Книги и въ руки брать не хотѣтъ, зато со всякимъ дерется...

— Мы призвали васъ вмѣстѣ съ другими рыцарями, въ вѣрности которыхъ не сомнѣваемся. Вы намъ будете нужны.

— Не знаю, ваше величество, чего стоить моя голова и мое сердце, но они всегда въ вашемъ распоряженіи.

— Мы не сомнѣваемся въ томъ, и докажемъ это на дѣлѣ. Маршалъ коронный составляетъ противъ насъ заговоръ; такъ какъ вы были другомъ ихъ, то, безъ сомнѣнья, постарается привлечь васъ на свою сторону.

— Если онъ слово скажетъ, я ему наплюю въ глаза...

— Этого-то именно мы и не хотимъ, чтобы общественное дѣло стало дѣломъ частнымъ; но я желаю, чтобы вы, если вамъ панъ маршалъ довѣрится, не выражали своихъ чувствъ и ожидали дальнѣйшихъ объясненій; если замѣтите измѣну, старайтесь имѣть свидѣтелей и потребуйте къ суду. Вамъ, надѣюсь, Зборовскіе не страшны.

— Я ихъ не боялся, когда былъ ничѣмъ, а теперь, когда я по милости вашего величества сталъ челоукомъ, и недавно.

— Такъ вы насъ поняли? Мы прибавимъ еще—кто знаетъ на что способны эти люди: у нихъ не малое число вооруженныхъ людей. Если они вздумаютъ идти открытою силою, мы поручили главное распоряженіе войскомъ господину канцлеру. Если начнется безпорядокъ въ городѣ, вы должны явиться къ канцлеру и исполнять его приказанія.

Здора поклонился.

— Теперь ступайте, отдохните, а завтра просимъ васъ вечеромъ въ наши покои.

XVIII.

Здора задумчиво вышелъ изъ замка и пошелъ пѣшкомъ, приказавъ Шерпеню ѣхать за нимъ. Онъ думалъ о своихъ отношеніяхъ къ Зборовскимъ, о томъ, есть ли какая возможность, чтобы канцлеръ повѣрилъ ему свои планы, и окончилъ свои размышленія, рѣшивъ, что все какъ бы то ни было, а надо дѣлать то, что велитъ король. «Теперь, прибавилъ онъ, пойду къ Фалендышу, узнаю, гдѣ искать Казичира, да можетъ быть и еще что нибудь узнаю. А что дальше будетъ, о томъ намъ нечего думать; Богъ съ ними!»

— Шерпень! поди-ка сюда!

Шерпень повиновался.

— Я пойду къ Фалендышу, а ты поѣзжай въ Космыржево, да чтобы кучеръ не жаловался,—дай ему полталера; какъ пріѣдешь—его лошадямъ дай овса, сколько въ жолобъ влезетъ, а ему водки, сколь-

ко потребуетъ. Теперь въ Космыржевѣ всего довольнѣе, потому что новый управляющій не такой дуракъ, какъ вы. Понимаете?

— Слушаю.

— Когда сдѣлаете все, что приказано, прикажете мнѣ привести коляску; я остаюсь въ Краковѣ и въ Космыржово развѣ часа на два заѣду. Такъ вышло ex-publicis; но ты этого, дуракъ, не понимаешь. Не забудь также привести двухъ верховыхъ лошадей; приплеть также и два вооруженія. Самъ возвращайся какъ можно скорѣе и сегодня же вечеромъ найми мнѣ квартиру; не торгуйся, но смотри, чтобы конюшни были хорошия. Меня найдемъ у Фалендыша. Но противишься, распорядишься людьми и лошадьми, приготовишь мнѣ платье,—выберешь лучшее; новую саблю, желтые сапоги, ну, а остальное я самъ приберу. Можетъ быть, кому нибудь придется въ голову навѣстить меня. Помни же, что я буду у Фалендыша. За все это получишь бутылку венгерскаго. Да скажешь моему управляющему.... какъ онъ? Фокишъ, Штокшишъ?—чортъ его знаетъ.

— Кокѣичъ.

— Ну да, такъ скажи ему, чтобъ завтра пріѣзжалъ за новыми приказаніями. Ну, что стоишь? Ступай!

— Вы забыли о самомъ важномъ; какъ же я заставлю Кокѣича вѣрить, что вы меня дѣйствительно послали?

— Правда, ты не такъ глупъ, какъ кажется. Вотъ тебѣ мой перстень съ гербомъ, оставь его тамъ, и скажи, чтобъ завтра привезъ непременно. Теперь ступай.

Першень уѣхалъ, а панъ Езекиель пошелъ своей дорогой, погруженный въ самыя разнообразныя мысли. Не доходя рынка, онъ услышалъ восклицаніе: «какъ поживаете, господинъ староста».

Осмотрѣвшись кругомъ, онъ увидѣлъ остановившуюся коляску, а въ ней генерала Гумецкаго. Езекиель бросился къ ней со всѣхъ ногъ, а воевода хотѣлъ было выйти изъ коляски; но тотъ этого не допустилъ.

— Поздравляю васъ съ счастливымъ возвратомъ въ нашу столицу, сказалъ старикъ, а еще болѣе съ тѣмъ, что, какъ вижу, не хвораете больше.

— А я очень радъ, что вижу васъ здоровымъ; вы какъ будто помолодѣли.

— Какая тутъ молодость! Начинается бабье лѣто. Днемъ тепло, а ночью морозъ, ноги начинаютъ пухнуть, между нами будь сказано; ужъ не гоже въ пѣхоту.

— Однакожъ, благодаря Нога, вы заняли мѣсто въ сенатѣ; тамъ не мало работы.

— Какая тамъ работа! сидишь да болтаешь съ добрыми людьми. Король не пускаетъ изъ Кракова. Конечно, это милость большая, ну да все таки хотѣлось бы домой, хоть бы на заводъ посмотреть. Да кстати, вы помните мою Глошку?

— Какъ не помнить! вы на ней подъ Седиржемъ вели насъ въ атаку.

— Да, ее весь лагерь зналъ. Что это за честная была кобыла!

— Чтожъ, приказала долго жить?

— Да, вотъ здѣсь въ Краковѣ, у яслей пала. Не знаю, что съ нею сдѣлалось. Ну, Богъ далъ, Богъ и взялъ... Но я васъ не задерживаю; а пропущу васъ сегодня вечеромъ ко мнѣ; найдете и товарищей и знакомыхъ. Сегодня у меня праздникъ. Вообразите, эти добрые подолыно выслали депутацію въ Краковъ, благодарить короля, что назначилъ меня воеводой подольскимъ, и вмѣстѣ поздравить меня. Я сегодня задаю имъ вечерницу. Кто меня любитъ, тотъ будетъ у меня сегодня, а кто не любитъ, пускай идетъ куда хочетъ, хоть къ чорту... Можетъ быть, я и глупо сказалъ, да старому можно простить.

— Напротивъ, я за пана сенатора, и что люблю васъ докажу тѣмъ, что непременно буду, хоть бы приступомъ пришлось брать вашу дворъ.

— Знаю, что вы расположены ко мнѣ, вѣдь мы товарищи, вмѣстѣ выслужили себѣ: я — воеводство, а вы — староство. Дастъ Богъ, и выше пойдете. Прощайте, если не прѣдете сегодня, — конецъ нашей дружбѣ.

— Что это за благородный человекъ! подумалъ панъ Здора и пошелъ въ заведеніе Фалендыша.

— Ахъ! ясновельможный панъ староста! вы дѣлаете мнѣ великую честь вашимъ посѣщеніемъ, воскликнулъ хозяинъ, всякій такой день у меня записанъ, какъ *fausta dies*. Ужъ я боялся, что не приведу къ мнѣ Богъ дожидаться васъ снова.

— Благодарю васъ, но я чертовски ѣсть хочу; прикажите принести колбасу.

— Эй, Мадекъ! колбасъ пану старостѣ. Смотри, чтобъ выбрали самую лучшую. Помни, что дѣло идетъ о желудкѣ великаго человека.

— Ну, хозяинъ, какъ дѣла плутъ? спросилъ Здора, когда Фалендышъ, удовлетворивъ еще нѣсколько требованій, съ спокойнымъ видомъ подошелъ къ нему.

— Не очень хорошо, ясновельможный панъ. Но развѣ человекъ изъ собственнаго интереса служить отечеству! Я счастливъ, если въ состояніи заслужить милость такихъ людей какъ вы; гдѣ тутъ думать о барышахъ. Для такихъ почтенныхъ пановъ, какіе у меня бываютъ, и трата ужъ барышъ. Позвольте вамъ предложить бутылочку вина, недавно привезеннаго. Это новостъ въ Венгріи. Напila бочку вина въ землѣ; можетъ быть, оно тамъ ужъ тысячу лѣтъ лежало. Мнѣ удалось достать бутылку пятнадцать. Это чудесное вино.

— Дѣйствительно чудесное, вмѣшался офицеръ, сидѣвшій въ сторонѣ. Вотъ ужъ полгода, какъ я въ Краковѣ, и каждый день у васъ бываю, а все слышу, что вы предлагаете своимъ гостямъ эти пятнадцать бутылочъ.

Фалендышъ нѣсколько смутился, но скорѣ овладѣлъ собою.

— Шутите, я тоже люблю иногда пошутить, но не съ такими знатокомъ вина, какъ панъ староста, который еще въ домѣ покой-

наго отца воспитался на самомъ лучшемъ винѣ. Покойникъ былъ прихотливъ на это!

— Перестаньте говорить вздоръ. Можетъ быть, мой отецъ гдѣ нибудь въ чужомъ домѣ пилъ хорошее вино, но не у себя. Однакожъ, дай-ка бутылку этого славнаго вина, чтобъ поподчивать почтеннаго офицера, который вамъ не позволяетъ лгать. Но только одну бутылку, потому что я сегодня приглашенъ на вечеръ къ воеводѣ подольскому; тамъ нужно будетъ имѣть дѣло не съ одной бутылкой.

— Вотъ и доходъ! тутъ человѣкъ работаетъ, бьется изъ всѣхъ силъ, а у него перебиваютъ гостей.

— Ну, не плачьте, сосѣди ваши знаютъ, какъ вы бѣдны. Вѣдь у васъ же возьмутъ вино.

Фалендышъ, нѣсколько сконфуженный, поклонился и выпелъ, а Зора съ офицеромъ принялись за бутылку и вскорѣ ее осушили.

— Вотъ кстати! тебя-то я и ищу! проговорилъ Мрочекъ, входя въ комнату.

— А я тебя ищу. Тогда какъ мы встрѣтились, мнѣ нѣкогда было и посмотреть на тебя.

— А, такъ пойдемъ же въ комнату Фалендыша, потому что мнѣ хотѣлось бы поговорить съ тобою безъ свидѣтелей.

Езекиель извинился предъ офицеромъ и, взявши подъ руку Казимира, пошелъ въ комнату Фалендыша, который былъ въ восторгѣ, что панъ писарь казацкій и панъ староста феллинскій, чиновники не изъ мелкихъ, распоряжаются въ его домѣ, какъ въ своемъ.

— Не знаю что мнѣ дѣлать, сказалъ Казимиръ, войдя въ комнату и заперши за собою дверь. Меня крайне беспокоитъ судьба пана Самуила. Волѣе шести часовъ я провелъ съ нимъ, просилъ, убѣждалъ его, все напрасно.

— Развѣ онъ въ Краковѣ?

— Я только что съ нимъ простился. Дай Богъ, чтобъ это было не въ послѣдній разъ.

— Да развѣ онъ съ ума сошелъ? Вѣдь это уголовное преступленіе! вѣдь онъ за это головой можетъ заплатить.

— Я самъ это знаю. Панъ Замоискій мнѣ прямо сказалъ, чтобъ я предостерегъ его, что онъ имѣетъ еще время уѣхать изъ Кракова; иначе онъ, какъ староста, принужденъ будетъ арестовать его и предать суду. Я сейчасъ же пошелъ искать его, и нашелъ у маршала короннаго. Какъ другъ и старинный слуга, я просилъ его уѣхать; но все бесполезно.

— А маршалъ былъ при томъ?

— Былъ, и вмѣсто того, чтобы помочь мнѣ, поддерживалъ брата и говорилъ, что это только хитрость со стороны Замоискаго; что онъ хотѣлъ только попробовать, можно ли напугать Зборовскихъ, но что онъ никогда не рѣшится арестовать Самуила.

— Право, они всѣ перебѣсились!

— Я не узналъ Самуила. Онъ не только пренебрегъ моимъ совѣтомъ, но даже показалъ мнѣ, что не вѣритъ моей дружбѣ, считая меня приверженцемъ Замоискаго, который возвысилъ меня; что у

ного есть лучшіе друзья, которые никогда его не оставят, и не осмѣлятся предлагать ему такіе презрѣнные совѣты. Дошло до того, что я упалъ къ его ногамъ и просилъ сейчасъ же ѣхать, ничто не помогло. Наша разлука уничтожила прежнюю дружбу. У него другой повѣренный, который лстать ему я совершенно нѣтъ овладѣть. Помнишь Винриха? разстригу?

— Какже. Вѣдь онъ изъ меченосцевъ, участвовалъ въ послѣдней войнѣ, и слылъ хорошихъ рыцарей.

— Теперь онъ неотступный товарищъ Самуила, и тотъ ему слѣпо довѣряется во всемъ. Эта дружба завязалась еще за Двиной; а когда Винрихъ поѣхалъ въ Краковъ, онъ поручилъ ему все свои дѣла. Въ него все Зборовскіе вѣрятъ и ничего отъ него не скрываютъ.

— А я увѣренъ, что онъ ихъ всехъ надуетъ; я всегда къ нему имѣлъ отвращеніе; замѣть, онъ никогда прямо въ глаза не смотритъ.

— Пріѣхавъ въ Краковъ, онъ познакомился съ Ваповской, которая до сихъ поръ преслѣдуетъ Самуила, влюбился въ ея дочь, бываетъ тамъ почти каждый день и его принимаютъ тамъ съ почетомъ. Я увѣренъ, что онъ думаетъ принести Самуила въ жертву себѣ и Ваповской.

— И какже ты этого не сказалъ Самуилу?

— Будто онъ не знаетъ всехъ продѣлокъ этого нѣмца! Мнѣ сказали слуги Зборовскихъ, что Самуилъ тайно навѣщалъ вчера Ваповскую вмѣстѣ съ Винрихомъ и будто бы между ними и ею заключалась дружба, такъ что онъ даже говорилъ въ пользу своего друга, который добивается руки панны Ваповской. Навѣ Самуила подслушивалъ у двери весь этотъ разговоръ, и сегодня передалъ его мнѣ.

— Увидишь, что все это обманъ. Самуилъ и не замѣтитъ, какъ попадетъ въ капканъ. Я знаю, что Ваповская ненавидитъ его и недавно еще говорила моей женѣ, что не умретъ спокойно, пока не погубитъ Самуила; они устроили на него засаду.

— Я это понимаю, но спасти его не могу. По крайней мѣрѣ не буду свидѣтелемъ. Король приказалъ мнѣ ѣхать въ Запорожье, и я сегодня же выѣду изъ Кракова. Теперь мнѣ ничего не остается, какъ посвятить всего себя на службу отечества. Прощай, можетъ быть еще когда нибудь увидимся. Но умоляю тебя, ради нашей дружбы, не упускай изъ виду, старайся спасти его, если это возможно.

— Вотъ тебѣ моя рука. Король мнѣ приказалъ находиться при Замойскомъ. Если нужно будетъ арестовать Самуила, я увѣренъ, мнѣ это поручатъ, потому что знаютъ, гдѣ я принимаюсь за дѣло, тамъ только пыль столбомъ несетъ. Я буду его преслѣдовать, но дамъ ему знать, чтобъ бѣжалъ. Развѣ самъ отдастся мнѣ въ руки, тогда ужъ не моя вина. Но даю тебѣ слово, что ежели съ нимъ что нибудь дурное случится, я узнаю, что это мошенничество Винриха, я не посмотрю на то, что онъ баронъ и въ роднѣ съ курфирстамп, нападу на него и либо самъ погибну, либо его къ чорту отправлю.

Если этого не сделаю, то позволю всемъ нѣмцамъ наплевать мнѣ въ рожу.

— Прощай! дай Богъ, чтобъ тебѣ удалось что нибудь сдѣлать.

XIX.

— Ну вотъ, и ушелъ сказалъ про себя Здора, а меня въ хлопотахъ оставилъ. Надо мнѣ видѣться съ этимъ сумасшедшимъ Самуиломъ; можетъ быть, я буду счастливѣе. Такъ прямо и скажу ему: «Чтожъ это вы шутите, что ли, съ канцлеромъ, вѣдь у него львиная сила. Поблагодарите его черезъ меня, что предостерегъ васъ да и убирайтесь отсюда, если не хотите сейчасъ же повидаться со святой троицей. Вѣдь это дѣло съ королемъ, да еще съ какимъ! вѣдь это не король Генрихъ»... Чудны однакожъ дѣла твои, Боже! Этотъ король—царство ему небесное, за то, что подарилъ мнѣ золотую цѣпь—всю жизнь мучилъ диссидентовъ, а умеръ отъ руки монаха... Ну, да Богъ съ нимъ! Пойду однакожъ къ Самуилу, не застану его дома, нужно будетъ идти къ маршалу... а что, если вздумаетъ посвятить меня въ свои тайны? Вотъ ужъ это будетъ истинное несчастье. Придется идти въ судъ. Правда, король за меня, такъ мнѣ нечего тутъ бояться какого нибудь магната; ну, а если король умретъ? вѣдь такой же человекъ, какъ и мы. Не весело быть теперь въ моей кожѣ...

И много подобныхъ отрывочныхъ мыслей блуждало въ головѣ Здоры, и все они слились наконецъ въ томъ общемъ положеніи, что какъ ни жаль Самуила, а все таки надо дѣлать, что король прикажетъ.

Впрочемъ, все его мысли и соображенія мгновенно разсѣялись при неожиданномъ появленіи пана Фалондыша.

— Что вамъ надо! крикнулъ староста.

— Извините, господинъ староста, но тутъ пріѣхали ваши люди и ищутъ васъ.

— Ага, скоро же они справились.

Поплы въ общую комнату, гдѣ наплы Шершеня и Котѣича.

— Здравствуйте, сказалъ панъ староста, покручивая устъ и принявъ важную позу. Все исполнено?

— Все, какъ вы изволили приказывать, отвѣчалъ Котѣичъ, оказывавшій особенную предупредительность своему господину. Квартира нанята, и мы захватили съ собою что можно было; завтра четыре подводы привезутъ провизіи. Дай Богъ вамъ быть здоровымъ и веселымъ.

— Вотъ это хорошо. Вы меня будете помнить и я объ васъ не забуду. Шершень, возьмите нѣсколько бутылокъ вина и угостите пана Котѣича.

Котѣичъ низко поклонился.

— А есть у васъ въ чемъ отвести меня на квартиру?

— Здѣсь коляска, отвѣчалъ Шершень.

— Хорошо, їдемъ. Фалендышъ, прикажите отнести въ коляску полдюжины вина. Завтра разсчитаемся.

Фалендышъ отдалъ приказаніе!

Черезъ нѣсколько минутъ панъ староста былъ въ своей новой квартирѣ, и немедленно приказалъ послать за цирюльникомъ. Тотъ вскорѣ явился и выбрилъ ему бороду, а потомъ принялся подбривать оселедецъ, что составляло главнѣйшую часть цирюльнаго искусства. Панъ староста предупредилъ цирюльника, что онъ ему той же бритвою обрѣжетъ уши, ежели онъ обрѣжетъ ему лысину, что было очень нетрудно, потому что голова пана старосты была покрыта рубцами, и требовала осторожности и большаго искусства.

— Скажите же мнѣ, сказалъ Здра, обращаясь къ присутствовавшему здѣсь Котѣичу, какъ идетъ у васъ хозяйство. Вы не думайте, что я ничего не понимаю въ хозяйствѣ.

— Отъ чего вамъ не понимать? я только прошу Бога, чтобъ далъ вамъ время заглянуть въ Космыжево. Вы бы увидѣли, что у меня тамъ заведено все, какъ часы. Жаль только, что хозяйство маленькое.

— Такъ по вашему Космыжево дрянъ?

— Избави Богъ! это золотое яблоко, но все не то, что вашъ имѣніе на Руси; тамъ рожь такая, что запорожецъ съ конемъ и съ шапкою спрячется въ ней. Вотъ тамъ бы человѣкъ показалъ, что знаетъ.

— Правда, тамъ въ полномъ смыслѣ имѣніе, отличный кусокъ земли, но поѣхали бы вы въ мое староство фоллинское, такъ увидѣли бы, что и мой Ахматовъ передъ нимъ дрянъ. Ёдемъ, ёдемъ и конца не видно. Ну, и жена моя славная хозяйка.

— Какъ же, знаю. Вѣдь она меня пригласила въ Космыжево — а вы довольны вашимъ управляющимъ на Руси? прибавилъ Котѣичъ.

— Вѣдь тамъ Свириды, онъ самъ изъ тѣхъ мѣстъ, знаетъ и хозяйство тамошнее и народъ; отъ него никто не бѣжитъ, а напротивъ, къ нему еще бѣгаютъ. Однако я все таки жалѣю, что не посадилъ туда шляхтича, да я думалъ, что выхлопочу ему шляхетство у гетмана.

— Развѣ вамъ не удалось?

— Не удалось, потому что онъ дуракъ, конечно хамъ, а мужикъ-то онъ хорошій, храбрый, я видѣлъ его въ дѣлѣ. Вотъ передъ выходомъ въ походъ я говорю ему: ступай съ нами въ походъ, такъ нѣтъ, женился на какой-то поповнѣ, да и сидитъ надъ горшкомъ каши, конечно хамъ.

Между тѣмъ цирюльникъ окончилъ свою работу, и панъ Здра приступилъ къ туалету. Одѣвшись, онъ приказалъ Котѣичу остаться дома, а Шершеню одѣться и ѣхать съ нимъ къ воеводѣ подольскому, давъ ему подробную инструкцію, какъ вести себя и какъ распорядиться со слугами. Все было исполнено, какъ угодно было пану старостѣ. Предъ крыльцомъ явилась коляска, онъ сѣлъ въ нее съ Шершенемъ, одѣтымъ въ костюмъ шляхтича, и вскорѣ остановился на Флоріанской улицѣ предъ домомъ пана воеводы. Шер-

шенъ первый вышелъ изъ экипажа, помогъ выйти изъ него своему господину и, по тогдашнему обычаю, явился въ покояхъ воеводы не какъ слуга пана Здоры, а какъ равный ему и всѣмъ присутствующимъ.

Увидѣвъ входящаго Здору, воевода, бесѣдовавшій съ нѣсколькими гостями, подошелъ и, низко поклонившись, привѣтствовалъ старосту, который, отвѣтивъ на привѣтствія, представилъ Шершеня.

— А! имя мнѣ извѣстное. Еще бывши солдатомъ въ полку, бѣжавши изъ школы, я встрѣчался съ однимъ Шершенемъ, по имени Ядекъ. Онъ любилъ лошадей и зналъ коновальство; помню, была у меня упряжная пара, подаренная мнѣ дядею, очень порядочныя лошади. Вдругъ обѣ заболѣли какою-то проклятою болѣзною, заразительною. Думаю, если заразить другихъ лошадей въ полку, достанется мнѣ. Я и приказалъ своему возницѣ вывести ихъ за городъ и покончить съ ними, а шкуру отдать какому нибудь нѣмцу: мы стояли тогда подъ Гданскомъ. При этомъ былъ и панъ Шершень, уговорилъ меня подождать, и положиться на его искусство. И чтожь? Вымечилъ отлично; я еще года два ѣздилъ на нихъ, а потомъ подарилъ ксендзу Лойко, за то, что защищалъ меня передъ матерью, а старушка все сердилась на меня, что я бѣжалъ изъ школы. Но вѣдь это было ужъ очень давно, вѣроятно и отца вашего еще не было на свѣтѣ. Вы должно быть изъ тѣхъ же.

— Такъ точно, это былъ родной братъ моего дѣда, но что съ нимъ случилось не знаю: на родину онъ не возвращался, да правда сказать, и не зачѣмъ было, потому что ни у одного изъ насъ не было своего хлѣба вдоволь, всякій искалъ себѣ какой нибудь службы, а меня, какъ видите, Богъ привелъ служить у пана старосты.

— Поздравляю васъ обоихъ. Но, прошу покорно, садитесь, снимайте сабли, вѣдь нынче миръ вездѣ.

Воевода представилъ Здору и Шершеня нѣсколькимъ гостямъ и когда всѣ расположились и начали бесѣду, воевода сказалъ:

— Панъ староста, и вы панъ Шершень, снимите сабли прошу васъ.

— Какъ же мнѣ быть безъ сабли, когда вы сами не снимаете.

— Я хозяинъ, и не могу иначе принимать гостей. Но вамъ, я вижу, жалъ растаться съ богатой саблей; не бойтесь, не пропадетъ, панъ Войскій посмотритъ за нею, къ каждой прицѣпить имя хозяина. А потомъ, склонившись къ уху пана Здоры, прибавилъ тихо: тутъ дѣло идетъ не столько объ этикетѣ, какъ о спокойствіи. Сегодня соберется много, и многіе не совсѣмъ дружески расположенны одинъ къ другому. Чортъ еще принесъ Самуса. Трудно мнѣ его не принять, хотъ онъ тутъ такъ нуженъ, какъ пятое колесо телеги. Онъ и не думаетъ о томъ, что можетъ встрѣтиться здѣсь съ канцлеромъ. Не думаю, чтобы панъ Замоискій захотѣлъ меня обидѣть, въ моемъ собственномъ домѣ, но все таки не обойдется безъ халашной перепалки, такъ я хлопочу, чтобъ не дошло до сабель. Понимаете теперъ? Ужъ эти мнѣ Зборовскіе! лучше бы, кажется, не былъ ихъ родственникомъ.

Послѣ этого объясненія, Здора отпоясалъ саблю и пошелъ пред-

ставляться своимъ старымъ знакомымъ. Маршалъ коронный прінялъ его довольно холодно; но Самуилъ подаль ему руку и отступилъ въ сторону отъ толпы гостей, какъ бы предчувствуя, что Здоръ есть о чемъ поговорить съ нимъ.

— Я видѣлся сегодня съ паномъ Казимиромъ, сказалъ Здора. Мы простились съ нимъ надолго.

— Панъ Мрочекъ уже давно оставилъ меня и забылъ о нашей прежней дружбѣ.

— О, панъ Самуилъ! не слѣдуетъ вамъ говорить это. Онъ не забылъ о васъ. Еще сегодня, прощаясь со мною, онъ просилъ меня защищать васъ, на сколько позволяютъ мои обязанности; онъ видитъ, что вы окружены опасностями, и хотя вы сами пренебрегаете ими, тѣмъ не менѣе онъ весьма дѣйствительны.

— Не понимаю, что у васъ за охота брать меня подъ свое покровительство. Развѣ вы еще не узнали, что нѣтъ такого человѣка, который бы могъ возбуждать во мнѣ страхъ. Этотъ презрѣнный Замойскій, который подлостью долѣзъ до канцлерства, который лишилъ меня единственнаго счастья жизни, осмѣлился выслатъ ко мнѣ Мрочка, чтобы тотъ уговорилъ меня бѣжать. Онъ покрываетъ ненависть ко мнѣ и подлую трусость свою преданностью закону. Остерегайтесь меня какъ другъ, грозить какъ староста, воображаетъ, что съ Самуиломъ Зборовскимъ можно, какъ съ пѣшкой, играть. Но я докажу ему, что не онъ мнѣ, а я ему страшенъ.

— Но у васъ дѣло не съ Замойскимъ. Я увѣренъ, что если бы пришлось вамъ раздѣлаться съ нимъ саблей или копьемъ, онъ бы не устоялъ. Но онъ не приметъ вызова, потому что вы не имѣете права вызывать его, какъ подлежащій приговору: закона не передѣлать. Вѣдь я самъ староста, и хотя въ отдаленныхъ провинціяхъ и можно себѣ позволить кое-какія отступленія, однакожь еслибъ вы вздумали поселиться въ Феллинь, я на колѣняхъ умолялъ бы васъ не дѣлать мнѣ этой обиды. Чтожъ теперь въ столицѣ. Что бы сказали, если бы панъ Замойскій позволялъ вамъ остаться здѣсь. Войдите въ его положеніе и не принимайте въ дурную сторону его предостереженіе. Будь кто другой на вашемъ мѣстѣ, ей Богу его давно бы арестовали.

— Любопытно мнѣ знать, кто меня осмѣлится арестовать. Смѣюсь я надъ нимъ и надъ его властью. И вы, и Мрочекъ обмануты. Развѣ вы не видите, что онъ прикрываетъ только свою трусость. Но я покажу ему, что значить имѣть дѣло со Зборовскимъ.

— Воже мой! что вы себѣ воображаете! Вы слишкомъ полагаетесь на своихъ родныхъ и двухъ, трехъ магнатовъ, не расположенныхъ къ пану Замойскому. Но за него вся шляхта. У васъ будетъ дѣло съ самимъ королемъ. Если бы магнаты вздумали нарушать права, вся шляхта оставила бы ихъ. Легко сказать: идти противъ шляхты. Но развѣ вы не понимаете, что бунтъ въ Краковѣ пахнетъ топоромъ. А кому захочется поплатиться своимъ горломъ? Многіе магнаты завидуютъ канцлеру, а дойдетъ до дѣла, ни одинъ не устоитъ до конца; на словахъ они храбры, самаго короля ни во

что не ставить. Если вы останетесь въ Краковѣ, и панъ Замоискій прикажетъ васъ представить въ замокъ, вѣрьте, ни одинъ изъ нихъ не рѣшится защитить васъ или дать у себя пристанище. Ктожь бы боялся несчастія, если бы отъ несчастнаго не бѣгали друзья?

— Право, вы, кажется, съ ума посходили. Жаль только, что всѣ ваши доводы бесполезны. Видно, что у Замоискаго много друзей.

— Какъ вижу, вы насъ считаете наупиниками канцлера и доказательства нашей дружбы принимаете за слѣдствія безчестнаго обмана. Но, клянусь вамъ честью, вы ошибаетесь. Я ничѣмъ не обязанъ канцлеру, все что у меня есть, мнѣ далъ король, но я вамъ скажу, и умоляю васъ, послушайте меня: уѣзжайте отсюда. Друзья ваши и родные позаботятся объ уничтоженіи приговора, тогда можно будетъ искать ссоры съ Замоискимъ. Но теперь...

— Довольно этого! благодарю васъ за ваши совѣты, и прошу не беспокоиться о моей судьбѣ.

Послѣ этихъ словъ Самуилъ отошелъ къ барону Винриху, который, стоя въ сторонѣ, съ видимымъ безпокойствомъ наблюдалъ за нимъ. Самуилъ взялъ его подъ руку и сталъ говорить съ нимъ потопомъ.

— Если такъ, такъ дѣлай себѣ какъ хочешь, подумалъ Здора, утѣшайся своимъ нѣмцемъ, не пришлось бы только пожалѣть.

Потомъ онъ присоединился къ группѣ, собравшейся вокругъ графа Гурскаго, познанскаго воеводы. Здѣсь шла рѣчь о канцлерѣ и, разумеется, никто не сказалъ о немъ добраго слова; панъ Гумецкій въ противоположномъ концѣ зала занятъ былъ бесѣдою съ епископомъ полоцкимъ и ничего не слышалъ; въ противномъ случаѣ онъ не замедлилъ бы защитить своего друга отъ злыхъ языковъ. Эту обязанность хотѣлъ было принять на себя Здора, но дверь внезапно отворилась и вошелъ панъ Замоискій съ нѣсколькими дворянами.

Воевода подольскій, какъ хозяинъ, принялъ его съ большимъ почтомъ.

Правду сказать, канцлеръ съ большимъ трудомъ пробился сквозь толпу низкопоклонниковъ, которые наперерывъ старались обратить на себя вниманіе и высказать свои чувства уваженія и преданности; ревности же всѣхъ были именно тѣ, которые за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ не пощадили въ немъ ни одного волоска.

Вскорѣ послѣ того хозяинъ налилъ чашу и, выпивъ за здоровье канцлера, передалъ ее въ руки епископа полоцкаго, выразивъ въ короткихъ словахъ удовольствіе, что имѣетъ честь принимать въ своемъ домѣ славнаго мужа, котораго любить, какъ друга, и уважаетъ, какъ гражданина. Въ этихъ словахъ мало было реторики, но много истиннаго чувства.

Чаша начала переходить изъ рукъ въ руки. Казалось, что уваженіе, которымъ обязаны были всѣ присутствующіе къ маститому хозяину и заслуженному канцлеру, достаточно было, чтобы отклонить всякія неудовольствія. Замѣчено было, что когда въ числѣ прочихъ

приблизился къ Замоискому и Самуилъ, тотъ показалъ видъ, что не узналъ его. Наконецъ круговая чапъа перешла въ руки Лигензы, краковского стольника, душою преданнаго канцлеру, онъ выпилъ за здоровье своего начальника и, наполнивъ чашу, передалъ ее стоявшему возлѣ него Самуилу.

— Я не принимаю чаши, оскверненной именемъ подлеца, сказалъ Самуилъ. При этихъ словахъ со всѣхъ сторонъ послышались крики неудовольствія.

— Не притворяйтесь, господинъ Замоискій! продолжалъ Самуилъ въ увлеченіи; не притворяйтесь, что не узнаете меня! я Самуилъ Зборовскій, у котораго вы отняли счастье, и хотѣли отнять честное имя. Вы думали испугать меня, но вы ошиблись.

— Это что! крикнулъ панъ Гумецкій. Вы хотите оскорбить меня въ моемъ собственномъ домѣ, но я не позволю себя оскорблять. Убирайтесь вонъ отсюда, ко всѣмъ чертямъ, если не умѣете вести себя въ обществѣ достойныхъ людей.

— Не думайте, господинъ воевода, что я взлумаю претендовать на васъ за то, что встрѣчаетъ меня въ вашемъ домѣ, сказалъ Замоискій твердымъ голосомъ. Въ другомъ мѣстѣ панъ Зборовскій услышалъ бы отъ меня другой отвѣтъ. Но я питаю къ вамъ столько уваженія и такъ люблю васъ, какъ товарища, что пожертвую для васъ обязанностями чиновника. Я не захочу обидѣть васъ, арестуя въ вашемъ домѣ челоуѣка, который нашелъ у васъ пріемъ, какъ у родственника. Панъ Зборовскій можетъ спокойно выйти отсюда, потому что до завтра до полудня преслѣдовать его не стану. Но ежели послѣ полудня онъ будетъ еще находиться въ томъ округѣ, который порученъ моему надзору, я поступлю такъ, какъ требуетъ законъ.

— Что мнѣ скрываться передъ тобою! Если ты дворянинъ и если не хочешь прослыть повсюду подлецомъ, вынимай саблю! вскричалъ Зборовскій и бросилъ перчатку къ ногамъ канцлера. Чтожъ не смѣешь! Да, я знаю, ты закроешь свою подлую трусость своимъ званіемъ.

— Ужъ это переходить всякія границы! вскричалъ Лентовскій, подстароста краковский. Преступникъ смѣетъ вызвать своего судью! честь ставится наравнѣ съ преступленіемъ. У насъ въ тюрьмѣ не мало такихъ героевъ, которые рады были бы покоячить свои подвиги на большихъ дорогахъ, на дуэли съ своими судьями. Но имъ придется имѣть дѣло съ рыцаремъ, котораго противопоставить имъ законъ. Господинъ староста, ваша воля приказать схватить этого преступника, или оставить его въ покоѣ, потому что моя власть въ вашемъ присутствіи ничего не значитъ; но ни вамъ, ни мнѣ и никому изъ честныхъ гражданъ не слѣдуетъ оставаться тамъ, гдѣ преступники заглушаютъ голосъ права, и высшая исполнительная власть подвергается опасности.

Самуилъ, въ порывѣ бѣшенства хотѣлъ было броситься къ нимъ, но толпа гостей остановила его.

Замоискій вышелъ съ подстаростой, и всѣ присутствующіе про-

водили его до экипажа. Въ слѣдъ за нимъ всѣ разѣхались, чтобы не оставаться въ обществѣ съ Самуиломъ: такъ сильно подѣйствовало на всѣхъ энергическое слово подстаросты. Зора со своимъ Шершенемъ также послѣдовалъ общему примѣру. Съ Самуиломъ остались только братья и баронъ Винрыхъ; они не безъ труда убѣдили его ѣхать домой. Но тамъ оставались не долго. Какъ всѣ люди, не привыкшіе бороться съ страстями, Самуилъ послѣ этого взрыва, упалъ духомъ и позволялъ дѣлать съ собою, что угодно. Его посадили въ закрытый экипажъ и подъ стражей отправили въ монастырь Камендуловъ, въ Бѣлянахъ, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій маршала короннаго.

XX.

Монастыремъ управлялъ отецъ Бруно изъ Сырокомли, старецъ кроткій и заслуживавшій почтеніе своею ученостію. Панъ Самуилъ, не смотря на то, что былъ протестантомъ, обращался къ нему съ почтеніемъ и удивлялся его благоразумію и снисхожденію къ слабостямъ человѣческимъ.

На третій день его пребыванія въ монастырѣ, утромъ рано дверь его кельи отворилась и предъ нимъ явился рыцарь въ полномъ вооруженіи, но съ поднятымъ забраломъ. Это былъ Зора.

— Не отъ Замойскаго ли, чтобы арестовать меня? вскричалъ Самуилъ, вскочивъ съ постели.

— Можетъ быть, что и онъ меня послалъ, но только безъ всякой вредной для васъ цѣли.

— Какъ же вы узнали, что меня здѣсь можно найти?

— Боже мой! вы думаете, что можно вамъ гдѣ-нибудь скрыться? Панъ канцлеръ самъ мнѣ сказалъ: поѣзжай туда.

— А съ какою цѣлью?

— Съ тою же, что и прежде: убѣдить васъ ѣхать, какъ можно скорѣе отсюда, и освободить его самого отъ необходимости исполнить обязанность, которую на него налагаетъ законъ. Отсюда до имперіи не далеко, вы можете спокойно проѣхать, потому что панъ канцлеръ перевелъ въ другую сторону всѣ войска, которыя здѣсь находились.

— Что же мое присутствіе здѣсь такъ беспокоитъ господина канцлера?

— Вы это объясняете боязнью, а я такъ нѣтъ. Какого чорта ему бояться? Онъ самъ силенъ какъ левъ, и мы всѣ служимъ подъ его распоряженіемъ; хоть я васъ люблю и уважаю, а, ей Богу, я буду исполнять то, что онъ прикажетъ. Вѣдь я присягалъ королю; чтобы вы сказали, если бы я нарушилъ присягу? А ваши друзья, которые такъ грозились на канцлера! Какъ только васъ не стало, начали надобдаться канцлеру своимъ заискиваніемъ. Если хорошенько расчитать, то и окажется, что кромѣ вашихъ братьевъ, да нѣсколькихъ служащихъ при ихъ дворѣ, никто не пойдетъ за васъ.

Панъ воевода подольскій страшно разсерженъ на васъ , что вы въ его домъ оскорбили канцлера. Съ паномъ маршаломъ прекратилъ всякія сношенія , а о васъ и слышать не хочетъ. Послушайте моего совѣта. Бѣгите отсюда поскорѣе , пока вы цѣлы. Завтра будетъ поздно.

— И вы смѣете мнѣ предлагать то, чего бы сами никогда не сдѣлали?

— Я, если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, и двухъ минутъ не оставался бы здѣсь. Конечно, отъ одного, отъ двухъ, пожалуй, бѣжать стыдно. Но вѣдь тутъ дѣло не съ однимъ , а со всѣмъ народомъ. Ради Бога, пользуйтесь временемъ , которое даетъ вамъ канцлеръ. Признаюсь, я на его мѣстѣ не былъ бы такъ мягокъ; можетъ быть, поразставляя бы засады вокругъ монастыря. Вѣдь вышли бы вы когда нибудь.

— Такъ вы думаете, что канцлеръ питаетъ ко мнѣ такую дружбу, что даже уклонится отъ исполненій своихъ обязанностей?

— Напротивъ, онъ васъ ненавидитъ, потому что вы его жестоко оскорбили. Но именно, потому что здѣсь примѣшивается личное оскорбленіе, онъ не можетъ овладѣть своею совѣстью; онъ думаетъ: какъ я схвачу его и казню, то всѣ враги мои станутъ говорить, что я мщу ему за свое личное оскорбленіе.

— Далеко ему до моего горла.

— Ахъ, гораздо ближе, чѣмъ вы думаете. Хотя я самъ городской староста , однакожъ не довѣрялъ себѣ , совѣтовался съ хорошими юристами. Всѣ говорятъ , что ежели несчастный случай отдастъ васъ въ руки канцлера , то вамъ нездоровать ; онъ долженъ будетъ передать ваше дѣло на рѣшеніе красному чиновнику , потому что этого требуетъ законъ.

— Такъ я навсегда долженъ оставить отечество?

— Зачѣмъ же навсегда? время все переимѣнитъ. Послѣ того что случилось, не только ваши друзья , но и самъ панъ Замоискій будетъ хлопотать объ уничтоженіи приговора.

— Это почему?

— Очень ясно: вы его вызвали; и сознайтесь , что принять вашъ вызовъ онъ не могъ; его отрѣшили бы отъ должности, еслибъ онъ, вмѣсто того , чтобы преслѣдовать виновныхъ , дрался съ ними на дуэли. Вы этимъ не обижайтесь. Но онъ не можетъ забыть вашего вызова; вѣдь онъ такой рыцарь , что дай Богъ мнѣ съ нимъ сравняться. Онъ будетъ заботиться о васъ , чтобы имѣть возможность доказать вамъ, что ни боится ни вашего копья, ни меча. Я все это говорю не по собственному соображенію; панъ канцлеръ самъ намекнулъ на это. Увѣрю васъ, что ежели вы хотите съ нимъ подражаться, то бѣгите сегодня же ночью, днемъ неудобно; а я ручаюсь, что на дорогѣ не встрѣтите никого , кто бы могъ вамъ помѣшать. Наконецъ, я самъ готовъ васъ провожать до границы.

— Да, вы говорите правду , отвѣчалъ Самуилъ послѣ минутнаго размышленія. Сегодня около полудня, я жду Вирриха съ людьми и

лошадьми, а въ десять часовъ вечеромъ уѣду отсюда. Если хочешь видѣть меня, то прїѣзжай не-позже десяти.

— Непремѣнно буду, даю вамъ слово. Теперь поѣду въ Краковъ, расскажу все канцлеру, и увѣрюсь, нѣтъ ли гдѣ по дорогѣ патрулей, или стражи. Я самъ провожу васъ до границы, и какъ только вы переступите за нее, стану васъ искать по всему воеводству. Только этотъ Винрихъ мнѣ не нравится; я никогда не довѣрился бы тѣмцу.

— Объ этомъ я не говорите; онъ честный рыцарь, благородной крови, одной со мною религіи, и я не разъ увѣрился въ его привязанности.

— Я о немъ ничего дурнаго не слышалъ; знаю только, что онъ бываетъ у госпожи Ваповской и друженъ съ нею.

— И я знаю объ этомъ, потому что Винрихъ ничего предо мною не скрываетъ. Онъ влюбленъ въ ея дочь, и мать, кажется, не прочь, чтобы онъ искалъ ея руки. Какъ онъ сдѣлается ея зятемъ, ничто не будетъ мѣшать нашему примиренію. Теперь вы понимаете?

— Все это прекрасно, однакожъ если бы, вмѣсто его, съ вами былъ Казимиръ, все было бы безопаснѣе. Впрочемъ я при васъ буду; провожу васъ до границы, а что потомъ будетъ, это до меня не касается. Прощайте, у меня еще есть дѣло въ Краковѣ.

Самуилъ, оставшись одинъ, твердо рѣшился уѣхать изъ Польши. Теперь ничто не привязывало его къ родинѣ, даже любовь къ Гризельдѣ, потому, что хотя эта любовь была страстная, но къ ней приживались гордость, оскорбленное самолюбіе и эгоизмъ; онъ все еще не могъ помириться съ мыслью, что король предпочелъ ему Замойскаго. Онъ обвинялъ Гризельду въ невѣрности, стараясь убѣдить себя, что имѣлъ право на ея сердце, хотя никогда отъ нея не слышалъ ни одного слова, которое могло бы поддерживать его надежды. Когда онъ размышлялъ объ этомъ, въ сердцѣ его являлось чувство неукротимой ненависти. Въ такіа минуты онъ желалъ ея несчастія, ея безчестія, хотѣлъ бы схватить ее и насладиться ея страданіями. Мысль о Замойскомъ приводила его въ необузданное бѣшенство, и онъ готовъ былъ на всякое, даже самое безумное предпріятіе.

Въ такомъ состояніи находился Самуилъ, когда прїѣхалъ давно ожидаемый Винрихъ.

— Какъ я радъ, что ты прїѣхалъ! говорилъ Самуилъ, обнимая своего друга. Для меня эта жизнь становится невыносимою: уединеніе и бездѣйствіе не для меня.

— За тѣмъ-то я и прїѣхалъ, чтобы вывести тебя изъ этого состоянія, въ которомъ желали бы видѣть тебя твои враги.

— Нѣтъ, я не доставлю имъ этого удовольствія. Я уѣду изъ Польши и службю прославить за границей свое имя. Въ Германіи безкровная война; тамъ можетъ найти занятіе всякій, кому дорога слава. Любовь и дружба обманули меня. Одна слава можетъ помирить меня съ жизнью. Пойду искать ее въ чужой землѣ и надѣюсь, что имя Самуила Зборовскаго не разъ услышатъ его враги. Сегод-

ня вечеромъ, лишь только стемнѣетъ, я сажусь на лошадь и навсегда оставляю отечество, которое забыло мои заслуги. Ты оставайся здѣсь, и будь счастливъ съ женщиной, которой ты отдалъ свое сердце.

— Нѣтъ, я не оставляю тебя. Тебѣ нуженъ другъ, съ которымъ ты могъ бы дѣлить свое горе; я пойду съ тобою искать счастья и славы на землѣ моихъ предковъ. Для тебя слава будетъ наградою за потерянную любовь, для меня она будетъ средство заслужить любовь.

— Хорошо, идемъ вмѣстѣ.

— Но развѣ ты оставляешь отечество, не отмстивши тѣмъ, которые были причиною твоего изгнанія? Развѣ ты въ состоянн снести, чтобы тотъ, кто рядомъ интригъ лишилъ тебя довѣрія короля, и отнялъ у тебя любимую женщину, для кого каждая минута твоего пребыванія здѣсь становится предметомъ страха, кто подъ видомъ дружбы употребляетъ все успія, чтобы выгнать тебя изъ отечества, словомъ, чтобы этотъ Замоискій глумился надъ тобою, гордился предъ своими наущниками и предъ цѣлымъ народомъ тѣмъ, что могъ тебя испугать?

— Стой, Винрихъ! твои слова, какъ раскаленное желѣзо, проходятъ по моему сердцу. Ктожь можетъ подумать, что я боюсь Замоискаго? Ты однимъ словомъ уничтожилъ все мои предпріятія. Не за границу, а въ Краковъ поѣду я. Я отыщу его! Я посмѣюсь надъ нимъ, унижу его предъ цѣлымъ народомъ?

— Неужели ты до сихъ поръ не узналъ Замоискаго! ты его вызвалъ, а онъ, презрѣнный, не постыдился укрыться за законъ и свое званіе. Изъ своего личнаго дѣла, онъ сдѣлалъ общественное. Не скрывать передъ тобою ничего не хочу. Если ты поѣдешь въ Краковъ, Замоискій побѣдитъ тебя, не обнажая меча. Никто не станетъ защищать тебя.

— Что-жъ мнѣ дѣлать? Неужели мнѣ отказаться отъ послѣдняго наслажденія, чести.

— Нѣтъ, я не вынесу этого. Все приготовлено, для храненія твоей чести: не ты, а Замоискій будетъ проклинать свое рожденіе. Онъ проведетъ жизнь покрытый стыдомъ, Я привелъ не многочисленный, но знакомый тебѣ отрядъ казаковъ, которые прибыли сюда, чтобы защитить тебя.

— Какъ! казаки! Какъ мнѣ благодарить тебя! Казаки, они еще не забыли меня! будь ихъ только десять, съ ними я готовъ на все рѣшиться. Гдѣ-жъ они? Ахъ, Винрихъ, дай мнѣ панцырь, я пойду къ нимъ.

— Еще не время. Подождемъ вечера и тогда въ поле, но не на границу, не въ Краковъ, а въ Лобзовъ. Тамъ мы найдемъ Гризельду. Я подкупилъ солдатъ, которые сегодня будутъ стоять у воротъ на часахъ. Они насъ впустятъ. Мы найдемъ ее одну, потому что Замоискій остается въ королевскомъ замкѣ. Мы схватимъ ее, и тогда уже поѣдемъ за границу.

— Такъ! такъ, дорогой Винрихъ, ты помирилъ меня съ жизнью!

мечь, мечь! Да, ты узнаешь, подлецъ, что значитъ оскорбить Самуила Зборовскаго! Ахъ, каждая минута мнѣ кажется вѣкомъ. Неужели этотъ день никогда не кончится. Пойдемъ къ казакамъ.

Лишь только послѣдніе лучи солнца скрылись за горизонтомъ и мрачныя стѣны монастыря покрылись тьмою, Самуилъ, въ полномъ вооруженіи, выѣхалъ изъ него вмѣстѣ съ Винрихомъ, предводителемъ горстью казаковъ. Винрихъ, знавшій всѣ околѣныя пути, велъ своего друга и его свиту къ избранной цѣли. Небо заволокло тучами; чѣмъ далѣе, тѣмъ становилось темнѣе и темнѣе. Путешественники вступили въ лѣсъ, который оканчивался у самаго Лобзовскаго замка. Дороги постоянно пересѣкались. Винрихъ часто слѣзалъ съ коня, чтобъ лучше разсмотрѣть мѣстность, наконецъ сознался, что сбился съ дороги. Казаки, незнакомые съ этой стороною, ничего не могли посоветовать. Въ такомъ сомнительномъ положеніи путешники пробыли около двухъ часовъ. Наконецъ между деревьями замѣтили огонекъ и направились къ нему. Вскорѣ они выѣхали на дорогу, которая вела къ какой-то деревнѣ. Огонекъ становился ярче и наконецъ предъ ними открылся домъ, почти весь освѣщенный.

— Слава Богу, сказалъ Винрихъ, знаю, гдѣ мы. Это замокъ госпожи Ваповской, и принадлежащая ей деревня Кошляки. Намъ остается только четверть мили до Лобзова. Сама Ваповская теперь въ Краковѣ, но ея подстароста, Рагоза, очень расположенъ ко мнѣ и съ радостью насъ приметъ. Онъ дастъ намъ проводника, а между тѣмъ наши лошади отдохнутъ немного.

— Хорошо, отвѣчалъ Самуилъ, распоряжайся какъ знаешь, потому что я до крайности утомленъ: мнѣ до того хочется спать, что едва сажу на лошади. Хорошо бы хоть съ часъ поспать.

— У насъ еще довольно времени: отъ чего тебѣ не отдохнуть. да и лошадей надобно покормить.

Въ это время они въѣхали на дворъ замка и къ нимъ немедленно вышелъ подстароста, съ которымъ Винрихъ заговорилъ какъ съ добрымъ знакомымъ.

— Представьте, панъ Разога, мы сегодня на вечеръ были приглашены въ Лобзовъ, поѣхали и чортъ насъ попуталъ. Сбились съ дороги. Теперь будетъ, кажется, поздно, хоть правда, въ Лобзовѣ иногда танцуютъ до восхода солнца. Попрошу васъ, дайте намъ проводника.

— Съ удовольствіемъ. Но будьте такъ добры, господа, войдите ко мнѣ. Мы всѣ на ногахъ: жена у меня заболѣла и мы ждемъ доктора изъ Кракова.

Всѣ вошли въ комнаты, занимаемыя подстаростой, который съ большою любезностью принималъ гостей. Черезъ нѣсколько минутъ Винрихъ вышелъ, но скоро воротился.

— Если тебя клонитъ ко сну, сказалъ онъ Самуилу, то, поужинавши, лягъ отдохнуть; я самъ разбужу тебя; а между тѣмъ найдутъ проводника.

— Я дамъ своего кучера, сказалъ Рагоза. А вы, прибавилъ онъ, обращаясь къ Самуилу, отдохните вотъ здѣсь на лавкѣ, тутъ есть

все, что надо. Только вы снимите съ себя вооруженіе, не убѣжитъ.

Самуилъ послѣдовалъ совѣту. Между тѣмъ на столѣ подымался хлѣбъ, масло, молоко и холодная телятина. Винрихъ сталъ ужинать, а Самуилъ, выпивъ стаканъ молока, бросился на лавку и заснулъ.

Снилось ему, что на него напали разбойники и вѣжутъ его къ дереву. Онъ проснулся, хотѣлъ было подняться, но почувствовалъ на себѣ какую-то тяжесть. Съ трудомъ онъ открылъ глаза и увидѣлъ на себѣ цѣпи. Въ это же время на порогѣ явилась женщина, въ которой онъ узналъ Ваповскую.

— Измѣна! вскричалъ онъ, сдѣлавъ отчаянное усиліе, чтобъ освободиться изъ цѣпей, но напрасно.

— Успокойтесь, господинъ гетманъ! сказала Ваповская. Вы теперь въ моихъ рукахъ, и я отдамъ васъ въ такія руки, которыя положить конецъ вашимъ преступленіямъ. Вы хотѣли бѣжать за границу, но вы очень ошиблись въ расчетѣ: вашъ другъ Винрихъ привелъ васъ ко мнѣ, и я поступлю такъ, какъ велитъ честь и долгъ. Отведите его въ подвалъ, прибавила она, обращаясь къ слугамъ. А ты, Винрихъ, чуть свѣтъ, поѣзжай въ Лобзовъ, и скажи канцлеру, что преступникъ пойманъ и что я прошу освободить меня отъ присутствія въ моемъ домѣ этого человѣка.

XXI.

Едва только первые лучи солнца разсѣяли ночныя тѣни, панъ канцлеръ сидѣлъ уже съ своимъ секретаремъ въ кабинетѣ и занимался дѣлами, требовавшими скорого рѣшенія.

— Мы должны благодарить Бога, сказалъ онъ наконецъ, что онъ далъ намъ мужественнаго короля съ твердою волею, способнаго громить враговъ отечества и въ тоже время не предаваться мести. Но эти люди приписываютъ снисходительность правительства боязни, не зная того, что каждый шагъ ихъ извѣстенъ королю, не понимая, что мы слишкомъ сильны.

— Правда, отвѣчалъ Жолковский; снисходительность короля, я думаю, простирается даже слишкомъ далеко. Мы всѣ знаемъ интриги и недоброжелательство Зборовскихъ; однако-жъ никто изъ нихъ не подвергся заслуженной карѣ; даже Самуилъ безопасно смѣется надъ закономъ. Вы сами имѣли его уже въ рукахъ; но увлеклись великодушіемъ, уваженіемъ къ заслугамъ почтеннаго воеводы подольскаго и выпустили его. Но позвольте вамъ замѣтить: развѣ народъ не будетъ въ правѣ обвинить васъ въ неисполненіи обязанности? развѣ ваше снисхожденіе ободряетъ наглости враговъ правительства?

— Нѣтъ, народъ не придастъ этому дѣлу такого значенія; что же касается до Самуила, я объяснилъ вамъ, что мнѣ остается только желать, чтобъ онъ оставилъ краковское воеводство. Я употребилъ всѣ средства, чтобы склонить его къ этому. Я послалъ къ нему

старосту замойского, Здору, который же скрывает своего расно-
ложенія къ нему, приказалъ снять всѣ сторожевыя посты между
Вѣлянами и границею, чтобы онъ могъ свободно проѣхать. Здора
вызвался довести его до границы. Жду его каждую минуту съ на-
выми вѣстями.

Нѣсколько минутъ спустя послѣ этого разговора явился и Здора.

— Откуда? спросилъ Замойскій.

— Изъ конюшни ясновельможнаго канцлера. Вчера, хоту сказать,
мы съ моимъ конемъ не лѣпились. Два раза я былъ въ Вѣлянахъ.
Воротившись оттуда во второй разъ, я искалъ васъ въ замкѣ, по-
лагая, что встрѣчу васъ, какъ вы будете выходить отъ короля. Но
въ замкѣ отъ слугъ ничего нельзя узнать. Я ждалъ васъ тамъ дол-
го и прождалъ бы вѣроятно всю ночь, еслибъ панъ Бекешъ не
сказалъ мнѣ, что вы уже уѣхали. Я сейчасъ же на коня и поѣхалъ
сюда. Вы уже спали, я не хотѣлъ васъ будить и самъ я такъ ус-
талъ, что, войдя въ вашу конюшню, бросился на сѣно и проспалъ
до сихъ поръ.

— Что же сдѣлалось съ паномъ Самундомъ?

— Онъ, должно быть, уже за границею. Уѣхалъ изъ монастыря,
не дождавшись меня, съ Винрихомъ и съ десяткомъ казаковъ.
Пусть ему Богъ проститъ, что не принялъ онъ моихъ услугъ.
Впрочемъ вы позаботились объ его безопасности.

— Ну, слава Богу! я такъ радъ, что мнѣ не придется преслѣдо-
вать его... Но посмотрите, что это за рыцари и два ѣзовые съ ни-
ми? Пойдите, позовите его сюда.

Здора вышелъ и вскоре воротился съ пріѣхавшимъ рыцаремъ,
который при входѣ въ комнату поднялъ забрало. То былъ Винрихъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, ясновельможный панъ канцлеръ, сказалъ
Винрихъ, чтобы извѣстить васъ, что панъ Зборовскій попалъ въ
руки госпожи Ваповской и теперь въ цѣпяхъ содержится въ ея зам-
кѣ. А мнѣ она приказала просить васъ, чтобы вы взяли его оттуда.
А она сама теперь ѣдетъ въ Краковъ, чтобы объявить о томъ же
королю.

Замойскій опустилъ голову на обѣ руки и задумался.

— Видитъ Богъ, что я не желалъ этого, сказалъ онъ потомъ. Но
скажите мнѣ, баронъ, какимъ образомъ это случилось? какъ слу-
чилось, что вы, бывши другомъ Самуила, являетесь ко мнѣ съ
порученіями госпожи Ваповской.

— Госпожа Ваповская научила меня понимать мои обязанности.
Она убѣдила меня, что я недостойнъ былъ бы тѣхъ правъ, кото-
рыми пользуюсь, какъ польскій дворянинъ, еслибъ я предпочелъ
обязанности дружбы, обязанности гражданина. Я не допустилъ,
чтобъ панъ Зборовскій безнаказанно ушелъ за границу. Сознаніе
обязанностей и любовь къ паннѣ Ваповской руководили меня въ
этомъ дѣлѣ. Я поѣхалъ вмѣстѣ съ паномъ Зборовскимъ и будто
прощая его за границу, привелъ въ замокъ госпожи Ваповской.
Въ награду за эту услугу мнѣ обидана рука панны Ваповской.

— Поздравляю ее съ такимъ родствомъ, сказалъ Здора, не считавшій нужнымъ скрывать свое презрѣніе.

— Намъ ничего не остается, какъ исполнить свою обязанность, сказалъ Замойскій своему секретарю. Возьмите половину долга и перевезите несчастнаго въ краковскій замокъ. Панъ Внрихъ знаетъ дорогу и проводитъ васъ. Вы меня найдете въ замкѣ.

Жолкевскій поспѣшно вышелъ, за нимъ послѣдовалъ Внрихъ.

— Вы уже отдохнули, сказалъ Замойскій Здорѣ, когда они остались одни; побѣжайте и вы. Можетъ быть, Самуилу пріятно было бы увидѣться съ вами въ несчастную минуту.

— Какъ прикажете, я долженъ исполнить. Но осмѣлюсь просить васъ, увольте меня отъ этого. Если я увижу пана Самуила въ цѣпяхъ, я не выдержу и хвачу этого нѣмца по лбу, потому что хоть я вѣрный слуга его величества, но не таюсь, отъ души люблю Самуила. А какъ узнать объ этомъ Мрочекъ, то я не знаю, что съ нимъ будетъ.

— И я его жалѣю. Вы сами видѣли, какъ я заботился, чтобъ онъ удался отсюда. Хорошо, оставайтесь.

— Еще у меня есть просьба. Испросите у короля позволеніе мнѣ ѣхать въ Лифляндію; я не могу оставаться въ Краковѣ, когда пана Самуила будутъ казнить. Я боюсь встрѣтиться съ нимъ.

— Хорошо; сегодня же я спрошу объ этомъ. Ѣдемъ однакожъ; ужъ времени немного осталось. Замойскій и Здора сѣли въ коляску и побѣжали въ Краковъ; на лицахъ обоихъ видна была печаль.

Жолкевскій съ своими солдатами пріѣхалъ въ замокъ Ваповской и приказалъ, чтобъ ему немедленно представили Самуила. Видъ благороднаго рыцаря, закованнаго въ цѣпи, произвелъ на него потрясающее дѣйствіе.

— Я прибылъ сюда исполнить горестную обязанность, сказалъ Жолкевскій. Я долженъ представить васъ въ краковскій замокъ.

Самуилъ стоялъ молча и недвижимо.

— Дайте мнѣ слово, что вы не покуситесь на бѣгство, и я прикажу снять съ васъ цѣпи.

Самуилъ не отвѣчалъ ни слова. Однакожъ Жолкевскій приказалъ снять съ него цѣпи, посадить его въ карету и запереть дверцы на ключъ.

Приказаніе было исполнено. Самуилъ былъ по прежнему нѣмъ и недвижимъ; только въ ту минуту, какъ къ дверцамъ кареты приближился Внрихъ, на лицѣ его выразилось болѣзненное чувство отвращенія.

Старая карета, когда-то позолоченная, заключавшая теперь узника, двинулась въ путь, окруженная двадцатью солдатами. Впередъ, шагахъ въ пятидесяти отъ нея, ѣхалъ Жолкевскій, который постоянно оглядывался.

Черезъ два часа они пріѣхали въ Краковъ. Народъ толпами провожалъ карету до самаго замка; но лишь только она переѣхала черезъ мостъ, онъ немедленно былъ поднятъ,

Замойскій со всѣми членами суда ожидалъ знаменитаго преступника въ залѣ городского суда, и приказалъ его ввести, что исполнилъ подстароста Лентовскій.

Отворивъ карету, съ немалымъ удивленіемъ увидѣли, что Самуилъ спалъ, крѣпкимъ сномъ; когда его разбудили и подстароста объявилъ ему, что онъ долженъ идти въ судъ, онъ спокойно вышелъ изъ кареты и твердыми шагами вступилъ въ залу.

Когда онъ остановился предъ рѣшеткою, Замойскій дрожащимъ голосомъ началъ допросъ. Зборовскій отвѣчалъ смѣло и спокойно. Допросъ продолжался не болѣе получаса, послѣ чего Лентовскій прочиталъ смертный приговоръ, который, повидимому, не произвелъ на подсудимаго никакого впечатлѣнія.

— Теперь вы пойдете въ тюрьму, сказалъ канцлеръ; приговоръ будетъ исполненъ завтра въ полдень. Я исполнилъ тяжкую обязанность, прибавилъ онъ, помолчавъ, но не позволилъ себѣ ничего сверхъ того, чего требуетъ законъ. Въ присутствіи всѣхъ говорю, что я не пренебрегъ ничѣмъ, чтобъ спасти васъ. Вы сами сознаетесь, что если бы были на моемъ мѣстѣ, ничего бы болѣе не могли сдѣлать. Дайте же мнѣ руку въ знакъ того, что, оставляя свѣтъ, вы не имѣете ничего противъ меня. Этого домогаюсь я отъ вашей справедливости.

Самуилъ упорно молчалъ.

— Жаль мнѣ, очень жаль, что вы приписываете мнѣ свое несчастье. Но вы сами должны сознаться, что до тѣхъ поръ, пока я могъ спасать васъ, не нарушая своего долга, самый искренній пріятель не сдѣлалъ бы того, что я дѣлалъ. Если вы думаете, что личное неудовольствіе имѣло хоть тѣнь вліянія на мои поступки, клянусь Богомъ, что это не такъ. Если вы не вѣрите, что я въ отношеніи къ вамъ невиненъ, пусть будетъ по вашему. Но именемъ Христа прошу васъ, простите меня, если считаете меня виноватымъ противъ васъ.

Самуилъ подалъ Замойскому руку.

— Вотъ вамъ доказательство, что я ничего противъ васъ не имѣю.

Они бросились въ объятія другъ друга. По лицу Замойскаго потекли слезы; но Самуилъ оказался въ этомъ случаѣ тверже — онъ не уронилъ ни одной слезинки.

— Скажите, чего бы вы желали, оставляя землю? Всякое ваше желаніе будетъ свято исполнено.

Самуилъ задумался и потомъ сказалъ:

— Вудьте такъ добры пригласите сюда отца Ируно, изъ Бѣланскаго монастыря. Пусть онъ проведетъ со мною послѣднюю ночь.

Приговореннаго отвели въ темницу. Тамъ онъ потребовалъ бумаги и написалъ завѣщаніе. Четвертую часть имѣнія онъ завѣщалъ Мротку; не забылъ никого изъ своихъ слугъ и приближенныхъ; заклиналъ братьевъ быть вѣрными королю и не думать мстить за его смерть. Къ Замойскому онъ высказалъ полное уваженіе, просилъ его принять голубой шарфъ, полученный когда-то отъ Гризельды,

и любимое вооруженіе. Здорѣ на память оставилъ коня , на которомъ сѣлалъ послѣдній переѣздъ, и богатую сбрую.

Предъ закатомъ солнца пріѣхалъ отецъ Бруно; Самуилъ съ радостью встрѣтилъ его. Всю ночь провелъ онъ съ почтеннымъ старцемъ , которому не разъ приходилось примирять грѣшниковъ съ Богомъ, и который склонилъ его отречься отъ протестанства.

Около пяти часовъ онъ заснулъ и проспалъ до одиннадцати. Проснувшись, онъ увидѣлъ отца Бруно усердно молившимся. Старецъ началъ читать псалмы покаянія, и Самуилъ съ сокрушеннымъ сердцемъ повторялъ его слова.

Когда они окончили молитву, у двери послышался стукъ.

— Последняя минута приближается, сказалъ Самуилъ.

Двери открылись и на порогѣ явился городской писарь съ нѣсколькими солдатами и объявилъ, что все готово.

Самуилъ взялъ за руку отца Бруно , который до послѣдней минуты не оставлялъ его и вышелъ на плацъ.

Видъ палача нѣсколько смутилъ его , но черезъ минуту онъ оправдалъ собою.

Когда палачъ приблизился къ нему, и попросилъ позволенія остричь волосы , Самуилъ снялъ съ руки дорогой перстень и отдалъ ему.

— Пусть всемогущій панъ встанетъ на колѣни , наклонитъ голову и повторяетъ молитву за священникомъ.

Самуилъ спокойно всталъ на колѣни, и лишь только произнесъ послѣднее слово молитвы, уже былъ жителемъ горнихъ селеній.

НОВЫЯ КНИГИ,

ПРОДАЮЩИЯСЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ В. П. ПЕЧАТКИНА,

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

СВЯТЫЙ АРХИСТРАТИХЪ МИХАИЛЪ, чудеса его въ семь мірѣ и борьбы съ сатаною. М. 1860 г.; ц. 50 к., съ перес. 75 к.

КРАТКОЕ изложѣніе обязанностей христіанина и поученіе о молитвѣ церковной, изъ писаній преподобнаго Іосифа Волоколамскаго. М. 1860 г.; ц. 30 к., съ перес. 60 к.

О СВИДАНІИ за гробомъ. Составлено работъ божіимъ Іоанномъ. Сочинителемъ духовно-врачебнаго ученія. Спб. 1848 г.; ц. 75 к., съ пер. 1 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ плаванія, новый легкій способъ, въ нѣсколько пріемовъ, сдѣлаться превосходнымъ пловцомъ. Съ рисунками, изданіе профессора плаванія въ Нью-Йоркѣ К. Гокка. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1860 г.; ц. 50 к., съ перес. 75 к.

ГЕМОРОИ (почечуи) и сродныи съ ними болѣзни, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, болѣе не существуютъ, новѣйшіе способы совершеннаго излеченія этой болѣзни доктора Рихтера. М. 1860 г.; ц. 75 к., съ перес. 1 р.

КАРМАННЫЯ таблицы, легко указывающія всѣ гражданскія постановленія, сроки, судебныя инстанціи, мѣста, въ коихъ совершаются акты и прочее. Составилъ и издалъ Николай Дудинъ, чиновникъ почтоваго департамента, бывшій стряпчій с.-петербургскихъ надворныхъ судовъ. Спб. 1860 г.; ц. 60 к., съ перес. 85 к.

О ПЛАУТНЯХЪ карточной игры, изобличеніе ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Составилъ Д. Зоркинъ. Спб. 1860 г.; ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ОБЩІЯ правила счетоводства, для контролеровъ, бухгалтеровъ, казначеевъ, вообще для приходорасходчиковъ и лицъ, завѣдывающихъ денежною, матеріальною, счетною и хозяйственною частями разныхъ установленій. Составилъ (по своду изданія 1857 г.), Василій Лукинъ. Спб. 1860 г., въ 8-ю д. л.; ц. 75 к., на перес. за 1 фун. **СОДЕРЖАНІЕ:** (введеніе). Глава I. О счетоводствѣ. § 1) О счетахъ вообще. § 2) О счетныхъ книгахъ. § 3) О заготовленіи книгъ. § 4) О снабженіи книгами. § 5) О порядкѣ содержанія и веденія книгъ. § 6) О порядкѣ записыванія статей въ книгахъ. § 7) О ежемѣсячномъ и годовомъ заключеніи книгъ. § 8) Объ особыхъ подробностяхъ записыванія въ книгахъ капиталовъ. § 9) Объ особомъ раздѣленіи книгъ по ихъ содержанію. § 10) О книгахъ кассовыхъ и бухгалтерскихъ. § 11) О настольныхъ реестрахъ. § 12) О дневныхъ кладовыхъ запискахъ. § 13) О разныхъ родахъ документовъ, на основаніи которыхъ должны быть вписываемы приходорасходныя статьи въ счетныхъ книгахъ. § 14) О поряд-

къ составленію документовъ. § 15) Объ исполненіи по документамъ. § 16) О содержаніи и храненіи документовъ. § 17) Объ удостовѣреніяхъ при отпускѣ изъ казны и при приѣмѣ въ казну денежныхъ суммъ и матеріаловъ. § 18) О распискахъ. § 19) О взаимныхъ распискахъ въ приходорасходныхъ книгахъ отдатчиковъ и приѣмщиковъ. § 20) О расходахъ, которые могутъ быть произведены безъ расписокъ. § 21) О квитанціяхъ. § 22) Объ увѣдомленіяхъ.—Глава II. *Объ отчетности въ дѣлахъ счетныхъ.* Отд. I. Объ отчетности по приходамъ и расходамъ вообще. Отд. II. О ежемѣсячныхъ отчетахъ. § 23) О порядкѣ составленія ежемѣсячныхъ отчетовъ. § 24) О порядкѣ представленія ежемѣсячныхъ отчетовъ. — Отд. III. О годовыхъ отчетахъ. § 25) О предметахъ отчетовъ и ихъ составленіи. § 26) О порядкѣ представленія годовыхъ отчетовъ на ревизію. Отд. IV. О надзорѣ за отчетностью. § 27) О надзорѣ за своевременнымъ представленіемъ надлежащихъ отчетовъ на ревизію. Глава III. *О ревизіи отчетовъ.* Отдѣл. I. Общія положенія. Отдѣл. II. О ревизіи или повѣркѣ ежемѣсячныхъ и другихъ періодическихъ, въ теченіе года представляемыхъ отчетныхъ свѣдѣній съ наличностью, или о свидѣтельствѣ денежныхъ и матеріальныхъ капиталовъ. Отд. III. О ревизіи или повѣркѣ книгъ и отчетовъ годовыхъ или общихъ. § 30) О предварительномъ обзорѣ книгъ и отчетовъ. § 31) О производствѣ подробнаго изслѣдованія. § 32) О заключеніи ревизіи. § 33) О храненіи отчетовъ и книгъ по обрѣзизованіи. Отд. IV. О перевѣркѣ книгъ и отчетовъ. Гл. V. О наложеніи взысканій по счетной части и о распоряженіяхъ по сему предмету. § 34) О порядкѣ наложенія взысканія по счетной части. § 35) О распоряженіяхъ по взысканію начетовъ. Приложенія.

ПАМЯТНАЯ книга полицейскихъ законовъ, для земской полиціи, помѣщиковъ и вообще сельскихъ обывателей. Составилъ Василій Лукинъ. Издана на основаніи свода законовъ и циркулярныхъ предписаній, извлеченныхъ изъ журнала министерства внутреннихъ дѣлъ. Спб. 1857 г.; ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАМЯТНАЯ книга полицейскихъ законовъ, для городской полиціи и городскихъ обывателей. Составилъ Василій Лукинъ. Къ памятной книгѣ приложенъ: сравнительный указатель заключающихся въ ней статей св. зак. изд. 1842 г. и соотвѣствующихъ имъ ст. св. зак. изд. 1857. Спб. 1857 г.; ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

ПРОИЗВОДСТВО слѣдствій по военному вѣдомству, для военныхъ слѣдователей и депутатовъ при слѣдствіяхъ. Составилъ Василій Лукинъ. Изданіе второе. Спб. ц. 75 к., на пер. вѣс. за 1 ф.

ОБЪ ОПЕКѢ и попечительствѣ, для опекуновъ и попечителей. Составилъ Василій Лукинъ. Къ книгѣ объ опекахъ и попечительствѣ приложенъ «Сравнительный Указатель» заключающихся въ ней ст. св. зак. изд. 1857 г., Спб. 1859 г.; ц. 50 к., съ пер. вѣс. за 1 ф.

СОЧИНЕНІЯ Ивана Панаева, 4 тома, изданіе графа Кушелева-Безбородко. Спб. 1860 г.; ц. 3 р., съ перес. 4 р., на 4-й томъ выдается билетъ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

О К Т Я Б Р Ъ.

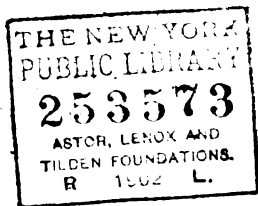

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТАДЪЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНИЕ ОКТЯБРСКОЙ КНИЖКИ:

СТРИКАЛОВСКІЙ БАРИНЪ.

Очеркъ.

Дѣла давно минувшихъ дней.....
А. Пушкинъ.

I.

Въ началѣ 1840 года предположено было проложить шоссе изъ губернскаго города Дегтярска въ Москву. Назначили комисію, сдѣлали планировку мѣстности и приступили къ работамъ.

Работы шли чрезвычайно успѣшно, такъ, что къ концу года готовы были первыя пять верстъ дороги и стоили казнѣ съ небольшимъ три милліона. Казалось, обижаться было не за что, но начальство разсудило не такъ и предписало строго изслѣдовать дѣло. А дѣло-то было ясное: комиссія немного ошиблась и вмѣсто того, чтобы пролагать дорогу по ровной гладкой мѣстности, гдѣ можно было по пословицѣ: хоть бокомъ катиться—повела шоссе по такимъ пропастямъ, горамъ и болотамъ, гдѣ искони вѣковъ не ступала нога человѣческая.

Примѣчаніе редакціи. Съ грустнымъ чувствомъ просимъ читателей нашихъ обратить особенное вниманіе на это прекрасное произведеніе молодаго литератора, недавно кончившаго жизнь и свою такъ много обѣщавшую дѣятельность. Думали ль мы, просматривая предлагаемый очеркъ и отъ души восхищаясь его са-мобытными достоинствами, что этотъ бойкій, исполненный истинной веселости трудъ, будетъ трудомъ предсмертнымъ? Въ Александрѣ Ивановичѣ Сниткинѣ, по его немногимъ напечатаннымъ трудамъ и еще болѣе по настоящей повѣсти, сказывался намъ болѣе блестящій истинно оригинальный и предназначенный на большіе успѣхи въ будущемъ. Не смотря на свои молодыя лѣта, онъ уже много, умѣлъ наблюдать, изучалъ провинціальныя бытъ не по

Я предполагаю, что члены комиссиі были люди съ сильными характерами и хотѣли доказать, что можно бороться съ природою и побѣждать ее; но начальство не такъ поняло ихъ мысль. Оно требовало, чтобы казенныя деньги употреблялись для пользы государства, а не для доказательствъ всемогущества человека.

Само собою разумѣется, что на мѣсто прежнихъ членовъ комиссиі назначены были новые *бланопадежные* члены и инженеры, которые и съѣзжались въ Дегтярскъ съ разныхъ концовъ Россіи. Такъ въ одинъ скверный іюльскій вечеръ у подъѣзда лучшей дегтярской гостинницы остановилась легкая красивая дорожная карета. Изъ нея выскочилъ молодой инженеръ и вошелъ въ гостинницу. Инженеръ этотъ былъ мужчина лѣтъ 26, блѣдный, невысокій, худощавый, съ маленькими усиками пепельнаго цвѣта и совершенно безъ бровей. Лицо его было бы, пожалуй, и красиво, если бы его не портило плаксивое выраженіе, лѣнивый, апатичный взглядъ и морщинки у рта, дѣлавшія его похожимъ какъ двѣ капли воды на фантастическій образъ *нюни*.

книгамъ, и что всего важнѣе. — при слабомъ здоровьи, при затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни, умѣлъ сберечь въ сердцѣ родникъ самаго свѣжаго юмора. Въ «Стрикаловскомъ баринѣ» выведена цѣлая галлерейя лицъ, между которыми многія выказываютъ и силу замысла и мастерство изложенія; между ними мы можемъ назвать самаго героя и несравненнаго судью Климова, въ которомъ самымъ художественнымъ образомъ перемѣшаны нелѣпость, веселость, прямотушіе, солдатская доброта и десятки самыхъ смѣшныхъ особенностей. Самая манера разсказа, языкъ, изобиліе забавныхъ событій у молодого автора совершенно своеобразны, совершенно чужды рутинны и подражательности. Откровенно признавая, что со времени «Адама Адамовича» г. Михайлова, ни одна новая русская повѣсть не возбуждала такого искренняго смѣха, какъ Стрикаловскій баринъ покойнаго Синткина.

Александръ Павловичъ Синткинъ скончался въ апрѣлѣ настоящаго года, послѣ непродолжительной болѣзни, о причинѣ которой мы умолчать не можемъ. Принимая горячее участіе въ Обществѣ Литературнаго фонда, онъ взялъ на себя роль въ спектаклѣ, даваемомъ въ пользу общества, простудился на репетиціи, не обращая вниманія на простуду, гибельную при его слабомъ сложеніи, сыгралъ свою роль, заболѣлъ еще сильнѣе и скончался чрезъ нѣсколько дней послѣ спектакля. Комитетъ Общества, какъ слышно, принялъ живое участіе въ участи лицъ, существованіе которыхъ поддерживалось трудами А. П. и назначилъ пенсію престарѣлой матери молодого писателя.

— Веди меня въ номеръ, приказалъ инженеръ половому.

— Въ какой прикажете?

— Въ какой есть. Я спать хочу.

— Есть разные-съ: значить, въ рубль, въ два и дороже.

— Ну тебя къ чорту съ рублями. — Веди туда, гдѣ бы меня клопы не кусали, гдѣ бы еще кислой капустой не воняло.

— Такихъ у насъ не имѣется.

— Какъ не имѣется? Ахъ вы каналы!

— То есть, значить, у насъ послѣдній самый номеръ въ благопристойности состоитъ, а на счетъ, значить, убранства теперь цѣна повышается примѣрно...

— Да ты не раздобаравай, а веди. Говорятъ тебѣ, спать хочу.

Половой привелъ инженера въ двѣ довольно опрятныя комнаты, меблированныя, конечно, по трактирному, но инженеръ, не разсматривая обстановки и не зажигая даже свѣчи, снялъ съ себя шинель, сюртукъ и сапоги и бросился въ постель, приказавъ половому:

— Скажи моему человѣку, чтобы онъ разбудилъ меня часа черезъ три. Я буду тогда чай пить.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ половой и вышелъ изъ комнаты.

Однако инженеръ не тотчасъ уснулъ. Онъ ворочался съ боку на бокъ и сердито ворчалъ: «Вотъ подлецы-то.... на камняхъ спать заставляютъ.... и вѣрно клопы есть и блохи тоже.... пожалуй, еще тараканъ въ ухо заберется», но голосъ его мало по малу слабѣлъ. Вдругъ за стѣною въ сосѣднемъ номерѣ полу-теноръ, полу-дискантъ запѣлъ уныло:

Солдатушки ребятушки,

Гдѣ же ваши жоны?

И вслѣдъ за этимъ басъ, достойный быть регентомъ митрополитскихъ пѣвчихъ, подхватилъ такъ, что стѣны задрожали:

Наши жоны-ружья заряжены,

Вотъ гдѣ наши жоны.

— Половой! закричалъ инженеръ не своимъ голосомъ, быстро вскочивъ съ постели.

Явился половой.

— Ты куда меня привелъ, анафема? строго спросилъ инженеръ.

Половой въ недоумѣніи не зналъ, что отвѣчать, а за стѣною гремѣлъ басъ.

Наши сестры-сабли-сабли остры
Вотъ гдѣ наши сестры!

— Я тебя спрашиваю, куда ты меня привелъ, слышишь? повторилъ инженеръ.

— Это судья-съ потѣшается, отвѣчалъ половой, ухмыляясь.

— Что онъ пьянъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Ужъ у нихъ обнакновеніе такое. Значитъ, они человѣкъ военный.

— Я самъ военный, однако же покой людямъ даю. Поди, скажи ему, что я прошу его дать мнѣ заснуть съ дороги. Да скажи, что просить его не свинья какая нибудь, а пріѣхавшій изъ Петербурга инженеръ. Половой ушелъ. Въ сосѣднемъ номерѣ послышался крупный разговоръ и потомъ все утихло.

Инженеръ снова легъ въ постель, закутавъ голову въ одеяло и черезъ четверть часа снова сталъ забываться, какъ прежній полутеноръ затянулъ меланхолически въ полголоса:

За Царя, его державу

Мы весь бѣлый свѣтъ пройдемъ;

Уничтожимъ всю Турчаву

И насквозь ее пройдемъ!

Инженеръ невольно прислушивался къ каждому слову и каждое слово мучительно проникало ему въ душу и какъ тяжелый кошмаръ давило ему грудь. Но когда басъ подхватилъ:

Уничтожимъ всю Турррчаву

И насквозь ее пройдемъ!

то инженеръ не выдержалъ, быстро сбросилъ съ себя одеяло, вскочилъ съ постели и началъ одѣваться.

— Ты-фу ты, подлець! разсуждалъ онъ про себя. Совѣсти никакой не имѣетъ! Я же его заставлю молчать. Инженеръ вышелъ изъ своего номера и направился къ двери, откуда несло пѣніе. Дверь была полуотворена и инженеръ увидѣлъ деньщика, сидѣвшаго на низкой скамейкѣ и пѣвшаго полутеноромъ, зажмуривъ глаза. Другой мужчина, высокаго роста, рябой, лысый, съ щетинистыми усами, одѣтый въ военный сюртукъ — ходилъ по комнатѣ, съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ и подхватывалъ басомъ припѣвы. Онъ, казалось, душой и тѣломъ отдался своему невинному занятію и лицо его сіяло непритворнымъ удовольствіемъ. Напротивъ, деньщикъ пѣлъ какъ-то грустно, меланхолически, скрививъ на бокъ голову. Въ антрактахъ онъ открывалъ правый глазъ, медленно нюхалъ табакъ и тяжело взды-

халъ. Комната освѣщалась одною сальной свѣчей, вставленною въ довольно приличный подсвѣчникъ.

Инженеръ внимательнымъ взглядомъ окинулъ всю комнату, думая встрѣтить въ ней гдѣ нибудь на столѣ или на окнѣ неизбежный полуштофъ съ двумя-тремя рюмками; но, къ удивленію, такого полуштофа не оказалось и даже не было никакого намека на употребленіе хозяиномъ крѣпкихъ напитковъ.

— Водки нѣтъ, а горланить. Видно прежде налился, подумалъ инженеръ и вошелъ въ комнату.

Хозяинъ пересталъ пѣть и вопросительно глядѣлъ на непрошеннаго гостя.

— Инженеръ-поручикъ Пименовъ, отрекомендовался гость.

— Фанагорійскаго пѣхотнаго полка отставной подполковникъ Максимъ Назаровъ Климовъ, представился въ свою очередь хозяинъ.

— Извините меня, что я явился къ вамъ самъ. Я посылаю къ вамъ половаго, но вѣрно онъ не передалъ вамъ моей просьбы.

— Ахъ, такъ отъ васъ приходилъ этотъ бездѣльникъ, вскричалъ Климовъ. А я думалъ что онъ вретъ, унижаетъ только. Ну, извините меня... ваше имя и отчество?

— Михаилъ Александрычъ.

— Извините меня, скотину, почтеннѣйшій Михаилъ Александрычъ. Я никакъ не предполагалъ, чтобы это были вы. Вы такой достойный молодой человекъ, что мнѣ пріятно васъ видѣть у себя и съ вами покороче познакомиться. И, не дожидаясь отвѣта Пименова, Климовъ крѣпко обнялъ и поцѣловалъ его въ губы.

— Странно, подумалъ Пименовъ, и спиртомъ отъ него не пахнетъ, а цѣлуется!

— Какъ же мнѣ сказали, что вы судья? спросилъ онъ.

— Это точно, что я судья, только большую часть года въ нѣмнѣ своемъ живу: знаете, не далеко, всего 25 верстъ отъ города.

— И въ должности вы бываете каждый день?

— Къ чему каждый день? Должность за меня старшій засѣдатель *тайнымъ образомъ* править. Онъ у насъ дѣлецъ.

— Какъ это тайнымъ образомъ?

— То есть значитъ высшему начальству неизвѣстно, что я въ деревнѣ проживаю. Оно конечно не то, чтобы совсѣмъ было неизвѣстно, а такъ по снисходительности сквозь пальцы смотреть.

— А дѣла развѣ не вы рѣшаете?

— Куда мнѣ. Я человѣкъ военный и всѣхъ этихъ непрерывныхъ пропорцій не разумѣю. Взятки брать опять не мое дѣло, потому что кусокъ хлѣба у меня есть и кромѣ того у насъ на этотъ счетъ при судѣ старшій засѣдатель находится.

— Да вѣдь вы же должны подписывать бумаги?

— Опять на этотъ счетъ у меня тоже положена конструкторія. Приѣзжаю я изъ деревни въ двѣ недѣли разъ и подаютъ мнѣ, знаете, кипу разныхъ документовъ; такую, я вамъ скажу, кипу, что и въ десять лѣтъ ее не подписать. А я въ одинъ день перемараю.

— Какъ же вы это ухитряетесь?

— А вотъ видите: есть у меня въ судѣ столоначальникъ Трюхинъ и такъ онъ изучилъ мою подпись, что даже послѣдній крючокъ по моему выводитъ. Вотъ призываю я этого столоначальника, ставлю передъ нимъ штофъ желудочной, даю ему въ зубы три рубля—и пошла писать кривая! Въ одинъ день, я вамъ скажу, все распишетъ. Нарочно вытащишь изъ самой середины какуюнибудь бумагу, взглянешь, а тамъ ужъ подписано: уѣздный судья Максимъ Климовъ. Да такъ подписано, что мнѣ самому иногда кажется, будто я эту бумагу самъ собственноручно подписалъ.

— А подѣ судѣ за неправильное рѣшеніе вы не боитесь пойти?

— Чего бояться? Вѣдь не одинъ же я пойду: и секретарь пойдетъ, и засѣдатели тоже.

— Однако это не утѣшительно!

— Конечно утѣшенія здѣсь мало, только ужъ если назначено Богомъ идти подѣ судѣ, то и занимаясь дѣлами пойдешь. Только тогда пойдешь одинъ, потому что всѣ эти члены наши на тебя возстанутъ. Скажутъ: вотъ онъ мудрецомъ быть хотѣлъ, такъ пусть теперь и мудрствуетъ самъ.

— Вѣдь и теперь же вамъ придется самому за себя отвѣчать?

— Э, нѣтъ, батенька! Теперь чуть что нибудь свихнется, я тотчасъ за засѣдателя ухвачусь: выручай, дескать, тетереви!

— И вамъ не скучно все жить въ деревнѣ?

— Иногда скучновато бываетъ. Сосѣди у меня все такая дрань!

— Такъ отъ чего же вы въ городъ не переѣзжаете на зиму?

— Я не люблю въ городѣ жить. Однако нынѣшнюю осень и зиму думаю въ городѣ жить—жена принуждаетъ.

— А, такъ вы женаты?

— Сподобился, и откровенно сказать волкомъ вою.

— Что такъ?

— Да женился я на молоденькой дѣвчонкѣ и не по любви, а такъ себѣ, можно сказать, по призванію. Ну, сами вы видите, человѣкъ я военный, подъ ядрами, значитъ, закаленъ, теперь же всякую акуратность люблю и къ дисциплинѣ съ молодыхъ лѣтъ привыкъ, а она ничего этого не понимаетъ и даже въ толкъ не хочетъ взять.

— На счетъ чего же у васъ больше ссоры бываютъ?

— Разные у насъ выходятъ коловороты. Человѣкъ я военный, мнѣ 52 года, лизаться я не привыкъ и всякихъ этихъ *жантильностей* не знаю.

— Какой же вы чудакъ, право!

— Хорошо вамъ говорить: чудакъ, когда вамъ лѣтъ 20 съ небольшимъ, а мнѣ батюшка 52 и притомъ всѣ мы люди и всѣ мы человѣки.

— А хороша у васъ жена?

— Говорятъ, что хороша.

— Будто вы сами не знаете?

— Да какъ вамъ сказать: человѣкъ я военный и въ этомъ пунктѣ мало смыслю. Вотъ на мой вкусъ если женщина здоровенная, плотная, что называется Бобелина—такъ и хороша.

— Ну, и жена у васъ, значитъ, тоже Бобелина.

— Нѣтъ, жена моя худенькая, маленькая, оттого я ее *цыпкой* и зову, хоть она и сердится на меня за это.

— Какъ же вы женились противъ вашего вкуса?

— Ужъ вы, батюшка, лучше у меня и не спрашивайте какъ я женился. Все это какъ-то безобразно произошло. Вы посмотрите-ка хорошенько на меня?

— А что такое?

— Не казистъ я, больше на чорта похожъ, и самъ я это знаю, а потому и жениться никогда не воображалъ.

— Полноте, Максимъ Назарычъ, вы сами себя хотите унижать. Чѣмъ вы хуже другихъ?

— Нѣтъ, батенька, ужъ вы меня не увѣряйте. Когда еще я въ полку юнкеромъ служилъ, и полковникъ на меня осерчалъ и выругалъ при всѣхъ: «рожа, говоритъ, у тебя *капоржская*.» Съ

тѣхъ поръ я самъ увѣренъ, что у меня точно рожа каторжная: только однимъ я себя всегда утѣшалъ, что всѣ мы люди и всѣ мы человѣки: Такъ вотъ и до подполковника дослушался.

— А женились-то вы какъ?

— Да вотъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ свое имѣніе, а рядомъ сосѣдъ проживалъ, бѣдный человѣкъ, всего 6 душъ имѣлъ. Началъ я къ нему ѣздить и вдругъ мнѣ жениться на его дочкѣ захогѣлось. Я посватался—и женился.

— Такъ, безъ всякихъ объясненій?

— Такъ таки безъ всякихъ объясненій. Какія же еще нужны были объясненія.

— Вы должны бы были спросить любить ли она васъ.

— Нѣтъ ужъ, слуга покорный! Вѣдь я помнилъ, что у меня рожа-то каторжная.

— Зато вы теперь раскаяваетесь.

— Каждый можетъ ошибиться. Всѣ мы люди и всѣ мы человѣки, а я вамъ скажу, что все это чепуха и выдѣнного яйца не стоитъ. Только вотъ въ городъ мнѣ не хочется переезжать.

— Зачѣмъ вамъ въ городъ?

— Да все жена приказываетъ. Говорить, я со скуки умираю и если ты не переѣдешь въ городъ, то только ты меня и видѣлъ!

— И вы согласились?

— Что станешь съ бабой дѣлать: никакой дисциплины не понимаетъ. Вотъ я и пріѣхалъ квартиру нанимать.

— Вотъ какъ; однако до свиданія.

— Постойте, куда же вы? Нѣтъ, такъ добрые люди не дѣлаютъ. Вы со мной должны еще чайку папиться. Вѣдь вашъ сонъ прошелъ?

— Признаться сказать, прошелъ еще тогда, когда вы пѣли.

— Ха-ха-ха, извините, голубчикъ. Вы, чай, меня за подлеца считаете?

— Нѣтъ, теперь я на васъ совершенно не сержусь, а, признаться, шелъ къ вамъ съ намѣреніемъ васъ обругать хорошенько...

— Я такъ и думалъ и всякій честный человѣкъ на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже.

— Отчего же вы не исполнили моей просьбы?

— Никакъ не могъ. Это на меня иногда въ родѣ какого-то

наитіа находить. Вотъ стану я ходить по комнатѣ, трубочку закурю—и все это мнѣ въ голову вдругъ придетъ.

— Что же вамъ въ голову придетъ?

— Да разныя разности: и жизнь-то прежняя счастливая-казачья, и смотры инспекторскіе, и походы, и турецкая кампанія, и польская тоже. Вѣдь, знаете, какъ это все вспомню и найдеть на меня *наитіе*: пой, говорю, Тришка.

— Это деньщикъ-то вашъ?

— Деньщикъ. Онъ при мнѣ неотлучно всѣ 25 лѣтъ прослужилъ и въ чистую въ одно время со мною вышелъ. Отличный человекъ и память, я вамъ скажу, такая у него глубокая, что помнитъ онъ въ какой походъ, даже въ какой день, какую пѣсню пѣлъ. Вотъ я вспомнилъ теперь разводъ въ Варшавѣ въ этотъ самый день, когда меня въ маіоры проби́звели. Живо, я вамъ скажу, все это въ моемъ умѣ происходитъ. Кажется, вижу, какъ нашъ полкъ проходитъ мимо Свѣтлѣйшаго и я верхомъ передъ своимъ баталіономъ, а пѣсенники валяютъ. Нука, Тришка, начинай! приказалъ онъ, обратясь къ деньщику.

По всему замѣтно было, что на Климова нашло *наитіе*. Онъ затанулся, пустилъ дымъ черезъ носъ и ротъ и зашагалъ по комнатѣ. Тришка зажмурилъ глаза, наклонилъ на бокъ голову и запѣлъ своимъ меланхолическимъ полутеноромъ:

Громъ побѣды раздава-а-йся,
Веселися нашъ народъ,
Каждый воинъ восхища-а-йся:
Самъ Паскевичъ насъ ведетъ.

Климовъ махалъ въ тактъ рукою, какъ обыкновенно дѣлаютъ это военные капельмейстеры на парадахъ, и когда Тришка окончилъ по солдатски, т. е. *оборвалъ* послѣдній стихъ — Климовъ повернулся всѣмъ корпусомъ къ Пименову и гаркнулъ припѣвъ:

Маршъ впередъ! маршъ впередъ!
Православный нашъ народъ!

Съ окончаніемъ пѣсни прошло и *наитіе* Климова. Онъ снова заговорилъ тихимъ и кроткимъ голосомъ, а Тришка открылъ глаза, понюхалъ табакъ и тяжело вздохнулъ.

Половой принесъ самоваръ.

— Вы съ чѣмъ изволите кушать: съ ромцомъ или съ коньякомъ? спросилъ Климовъ у Пименова.

— Я пью только со сливками, а вы съ чѣмъ?

— Я тоже — съ со сливками. Пилъ когда-то и съ ромомъ,

да однажды въ пьяномъ видѣ было деньги казенныя потерялъ. Такъ съ тѣхъ поръ рѣшительно отъ всего крѣпительнаго отказался.

— Скажите, вы конечно знакомы со всѣмъ здѣшнимъ обществомъ?

— Со всѣми знакомъ. Вотъ губернаторъ у насъ изъ военныхъ и, я вамъ скажу, человѣкъ преполезнѣйшій. Вздумалъ онъ городъ украсить: началъ по совѣту жены вдоль рѣки бульвары разводить и ужъ шесть лѣтъ разводить.

— И развелъ?

— Мѣсто, значить, расчистилъ и березки насадилъ, только къ зимѣ усохли. Такъ вотъ каждый годъ: весной насаждать, а къ зимѣ засохнуть. Теперь вице-губернаторъ у насъ баронъ фонъ Ландскнехтъ, аристократъ, я вамъ скажу: голландскія рубашки съ пикейными воротниками носить и съ дамами все по французски говорить и еще есть у насъ разные хорошіе господа.

— А изъ помѣщиковъ въ городѣ ктонибудь живетъ?

Вмѣсто отвѣта Климовъ простодушно расхохотался.

— Чему вы смѣетесь?

— Да вотъ на счетъ помѣщиковъ. Живетъ здѣсь у насъ одинъ богатѣйшій помѣщикъ Тырагинъ, чудакъ, я вамъ скажу, единственный: въ простомъ мужицкомъ зипунѣ ходитъ и съ пьяными мужиками на улицѣ цѣлуется.

— Что онъ сумасшедшій?

— Такъ просто шутъ гороховой. Станешь ему въ глаза смѣяться: какъ, дескать, вамъ не совѣстно шути такія дѣлать, а онъ тебѣ и понесетъ чепуху. «У Ноя, говоритъ, было три сына: Симъ, Хамъ и Афетъ и всѣ, говоритъ, люди произошли отъ ребра Адамова и, говоритъ, Рюрикъ разбойникъ былъ, а Словяне народъ патріархальный. Ей Богу говоритъ такъ, что ни слова не поймешь, а отъ смѣху никота сдѣлается. Теперь еще Юлія Богдановна Гудимова.»

— Это что за госпожа?

— Это тоже барыня съ *дурникомъ*. Живетъ она открыто и балы даетъ, только спѣсъ у нея необятная. Ѣздитъ она постоянно шестерикомъ и лакея въ красную ливрею одѣваетъ. Мой, говоритъ, прапрадѣдъ рыцаремъ былъ, такъ я имѣю, говоритъ, право. А, я вамъ скажу, никакого она права не имѣетъ, потому что дѣдъ ея лекаремъ былъ и при матушкѣ Екатеринѣ дворянства дослужился.

— И богата она?

— Была богата, да все просвистала, осталась только у нея одна дочка красивая такая и женихи къ ней, ради ея красоты, сватались хорошіе, только маменька дура ее не выдаетъ.

— Чего же она еще хочетъ?

— А вотъ ожидать, что къ ней явится какой нибудь принцъ Саксенъ-Веймарскій, да предложеніе сдѣлаетъ. Дура баба, а впрочемъ всѣ мы люди и всѣ мы человѣки!

— Познакомьте меня пожалуйста съ этой барыней и съ Тыранинымъ тоже. Вы можете?

— Могу хоть завтра же. Они меня любятъ.

— Ну, завтра такъ завтра, а сегодня позвольте пожедать вамъ покойной ночи. Опять мнѣ спать что-то захотѣлось.

— Ну Господь съ вами, идите, отдохните съ дороги.

— А пѣть вы сегодня не будете больше? спросилъ, улыбаясь, Пименовъ.

— Ужъ позвольте, голубчикъ, только одну еще пѣсенку. Простого на умѣ вертится.

— Одну можно, но только, пожалуйста, не больше одной.

— Ей Богу одну только и этимъ сегодня закончу. Пименовъ ушелъ въ свой номеръ, раздѣлся и легъ въ постель, приказавъ своему человѣку разбудить себя завтра пораньше.

Въ то же время за стѣной Тришка запѣвалъ:

Гренадеры молодцы,

Други братья удалцы;

А Климовъ подхватывалъ:

Ой калина! ой малина!

Но Пименову такъ хотѣлось спать, что этотъ громовый разгульный припѣвъ, повторявшійся послѣ каждого двуступиція, не помѣшалъ ему заснуть до скончанія знаменитой пѣсни.

II.

На другой день, рано утромъ, Пименовъ явился къ своему начальнику. Тотъ принялъ его благосклонно.

— Вы гдѣ служили? спросилъ онъ Пименова, милостиво улыбаясь.

Пименовъ назвалъ мѣсто своей службы.

— Э, такъ вы большею частію только *надзирали*, сказалъ начальникъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Ну, теперь вамъ при-

дется *дѣйствовать* своей головой и своимъ *остроуміемъ*. Смотрите не оплошайте, я даю вамъ самый лучший участокъ.

— Постараюсь оправдать ваше довѣріе.

— Вы имѣете состояніе?

— Мать моя имѣетъ порядочное состояніе.

— Тѣмъ лучше, значить вы будете дѣйствовать *опредѣленно*, и не будете марать своей репутаціи изъ какой нибудь полупшки. Кстати я къ вамъ пришлю нашего товарища по службѣ, штабсъ-капитана Кобыленку. Совѣтую вамъ съ нимъ сблизиться, онъ человѣкъ практическій и передастъ вамъ всѣ служебныя обязанности.

Пименовъ откланялся начальнику.

Когда онъ возвратился въ свой номеръ, судья Климовъ давно уже всталъ и ходилъ по комнатѣ только безъ всякаго *намія*, а такъ себѣ просто курилъ трубку.

Пименовъ передалъ ему свой разговоръ съ начальникомъ.

— Знаемъ мы его гуся, сказалъ Климовъ: это я вамъ скажу просто Пилать Понтійскій : чужими руками жаръ умѣетъ загребать.

— Вы вѣрно знаете и штабсъ-капитана Кобыленку?

— Нѣтъ, этого я плохо знаю, а должно быть не лучше полковника.

— Однако, я думаю, пора намъ ѣхать къ Тыранину?

— Поѣдемъ и къ Тыранину.

Тыранинъ жилъ въ предмѣстіи города, и домъ его былъ обнесенъ рѣшеткою, обсаженною кругомъ липами. Все шегольское, модное, все европейское было изъ него изгнано. Низкое крыльцо съ навѣсомъ и широкія стѣны, въ родѣ предбанника, вели въ комнаты. У дверей въ переднюю не было звонка, но красовалась простая деревянная дощечка съ крупною надписью славянскими буквами: Алексій Семіоновичъ Тыранинъ.

Климовъ постучался въ дверь и ее отперъ дѣтина въ синемъ кафтанѣ, обстриженный въ кружокъ съ проборомъ по срединѣ головы.

— Дома баринъ? спросилъ Климовъ.

— Дома, пожалуйста-съ! отвѣчалъ лакей.

Въ комнатахъ тоже ничего не напоминало Европу. Вся мебель состояла изъ простыхъ полированныхъ дубовыхъ лавокъ, установленныхъ по стѣнамъ, изъ такихъ же столовъ и низкихъ дивановъ, обитыхъ яркимъ штофомъ. Зеркалъ нигдѣ не

было, но были зато огромные часы съ кукушкой, органъ и нѣсколько клѣтокъ съ канарейками и соловьями, висѣвшихъ надъ окнами. Одинъ изъ угловъ стѣны въ каждой комнатѣ украшался въ изобиліи образами въ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ, а въ шкафахъ съ стеклянною дверью видѣлось на полкахъ много стариннаго серебра: чашъ, кубковъ, бокаловъ и т. п.

Гостей встрѣтилъ высокій старикъ, суроваго вида, въ красной рубашкѣ съ голубыми ластовками, выпущенный сверхъ панталонъ, которые въ свою очередь были спрятаны въ длинные голенища сапогъ.

— Вотъ, батюшка, Алексѣй Семенычъ, началъ Климовъ, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха: рекомендую вамъ молодаго человѣка, Пименова. Изъ Петербурга, батюшка, пріѣхалъ и славянскою грамотою занимается, такъ вы съ нимъ, думаю, сойдетесь.

— Очень радъ, очень радъ, прошу покорно садиться, говорилъ старикъ, приглашая Пименова сѣсть на диванъ.

— Вы, батюшка, въ наши земли откуда пожаловали? снова спросилъ Пименова хозяинъ, когда тотъ сѣлъ на диванъ.

— Изъ Пскова.

— А, изъ отчины Великой Ольги. Славная страна и городъ былъ славный, теперь-то онъ съ ливонцами перемѣшался. Вы, батюшка, какихъ больше лѣтописей держитесь?

Пименовъ сконфузился и сталъ въ тупикъ. Въ жизни своей онъ ни разу не только что не читалъ, но даже и не видалъ никакихъ лѣтописей, исключая старыхъ счетныхъ книгъ различныхъ комиссій о ремонтѣ мостовъ и дорогъ. Тиранинъ поставилъ его еще въ большее затрудненіе, когда, думая, что онъ хочетъ скрыть свое мнѣніе, сказалъ, потрепавъ его дружески по плечу:

— Да вы, батюшка, говорите откровенно. Я не придерживаюсь никакой партіи. Пишутъ тамъ Погодинъ и другіе, только я на это не смотрю. У меня своя точка зрѣнія есть и я на ножъ изъ пустяковъ не лѣзу. Чего же вы больше держитесь?

— Нестора, отчаянно отвѣчалъ Пименовъ, вдругъ вспомнивъ, что его однажды въ корпусъ выскли за невыученный отрывокъ изъ Несторовой лѣтописи.

— Нестора читать не совѣтую. Нужно быть слишкомъ опытнымъ, чтобъ огличить у него ложь отъ правды. О Норма-

нахъ онъ много говоритъ хорошаго, а знаете ли вы, кто такіе были Норманы.

Пименовъ, растерявшись, хотѣлъ уже отвѣчать по учебнику Устрялова, но хозяинъ продолжалъ:

— Норманы, батюшка, были разбойники, грабители. По ихъ милости у насъ на Руси теперь мало чисто-славянскихъ фамилій осталось. Моя однако же фамилія кровная славянская и происходитъ отъ слова таранъ, знаете орудіе, которымъ въ старину стѣны проламывали.

— И которыми дѣйствовали русскія войска Ивана III при взятіи Казани, ухватился Пименовъ, какъ школьникъ, дошедшій наконецъ до знакомаго мѣста въ нетвердо заученномъ урокъ.

— Орудіе это, батюшка, древне-славянское. Называлось оно прежде тыранъ, а потомъ Норманы или Варяги исковеркали это слово и стали называть: таранъ. Только фамилія моя въ чистотѣ осталась и я горжусь этимъ.

— Однако, позвольте мнѣ...

— Не спорьте, батюшка. Это дѣло мнѣ очень извѣстно по разнымъ источникамъ и я знаю, что вы хотите возразить.

А Пименовъ хотѣлъ возразить, что ему желательно бы было поскорѣй убраться.

— Есть у насъ въ городѣ и еще двѣ чисто славянскія фамиліи и знаете ли у кого?

— У кого же?

— Одна у здѣшняго мясника Турова, а другая у дьякона Всѣхъ Скорбящихъ Буюва.

Климовъ громко расхохотался и Пименовъ тоже не могъ удержаться отъ улыбки.

— Вотъ ты съ дуру хохочешь, Максимъ Назарычъ, обратися съ нѣкоторой досадой Тыранинъ къ Климову. Вѣдь ты никогда не читалъ слова о полку Игоревѣ?

— Охъ, Алексѣй Семенычъ, уморите вы меня, проказникъ! Дьяконъ-то Буювъ, дьяконъ-то Буювъ славянинъ! рожа-то лопнуть хочетъ и одинъ четверть водки выпиваетъ.

— Вотъ подите вы съ нимъ, какъ онъ глупъ, ничего не понимаетъ и не пойметъ никогда, отъ того что въ военной службѣ служилъ, продолжалъ хозяинъ уже съ сожалѣніемъ, обращаясь къ Пименову.

— Однако позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, сказалъ Пименовъ, подымаясь съ дивана.

— Куда же вы торопитесь?

— Мнѣ еще къ Гудимовой нужно съѣздить.

— А, къ моей племянницѣ. Познакомьтесь, батюшка, хорошая женщина...

— Ну, упекли вы меня, Максимъ Назарычъ, сказалъ Пименовъ Климову, выходя на крыльцо. Канѣ на горячихъ угляхъ сидѣть. Нѣчего сказать, долго буду помнить.

— Хи, хи, хи, смѣялся добродушно Климовъ. Онѣ вамъ теперь на улицѣ проходу не дасть. Такъ гдѣ только повстрѣчается съ вами—сейчасъ и вцѣпится и начнетъ вамъ, значить, о Норманахъ и о дьяконѣ Бувѣ, хи, хи, хи хи!

— Если и Гудимова такая тоже, то я ужъ лучше къ ней не поѣду.

— Нѣтъ Гудимова, что называется, барыня галантирная и тонкая, только дура. Вотъ увидите сами. За дочкой ея, пожалуй, приволокнитесь.

— А развѣ можно?

— Можно только осторожно, по той причинѣ, что у нея сторожевой песъ есть.

— Кто такой?

— Да ея двоюродный братецъ. Она съ нимъ, какъ видно, лѣтъ пять ужъ любитъ, а маменька все ей считаетъ только 18 лѣтъ. Одно слово барыня съ дурнинкой!

— И братецъ этотъ—порядочный человѣкъ?

— Какое порядочный, просто шерамыга: денегъ ни гроша, въ Бога не вѣруетъ, никогда не говѣетъ, нигдѣ не служилъ, бороду себѣ отпустилъ и либераломъ ходитъ.

— А вы не любите либераловъ?

— Для меня оно все равно—будь онъ себѣ тамъ хоть фаразонъ, только со стороны смотрѣть противно. А вотъ и приѣхали.

Дрожки остановились у подъѣзда порядочнаго каменнаго дома въ два этажа и съ огромнымъ гербомъ на щитѣ. Швейцаръ въ трехъугольной шляпѣ и красной ливреѣ быстро распахнулъ дверь, такъ что Пименовъ, войдя въ швейцарскую, почувствовалъ даже съ непривычки нѣкоторую робость и началъ тщательно причесываться передъ большимъ зеркаломъ надъ каминомъ. Великолѣпная лѣстница подъ мраморъ, устланная ковромъ и установленная по обѣимъ сторонамъ деревьевъ, вела

на верхъ. Всюду, куда ни смотрѣлъ Пименовъ — видѣлъ зеркала, бронзу и великолѣпіе.

— Эка, живетъ-то какъ хорошо! невольно замѣтилъ онъ въ полголоса Климову.

— Погодите еще, то ли увидите.

— Думаю тысячъ сто въ годъ проживаетъ?

— Хи, хи, хи, снова засмѣялся Климовъ. Эхъ вы, гусь петербургской!

— Чего вы смѣетесь?

— Да все надъ вами, батенька. Вы просто грудной младенецъ. Все это, сударь, на фу-фу устроено, и знаете чѣмъ только держится?

— Чѣмъ?

— А тѣмъ, что дочку свою единородную за принца снять хотимъ. Вотъ маменька передъ каждымъ богатымъ женихомъ, какъ Иродіада, пляшетъ и передъ вами плясать тоже будетъ. Я думаю, ужъ ей, чай, извѣстно кто вы такой.

— Откуда она узнаетъ?

— Э, батенька! У нея, значить, такія вездѣ струны подведены, что отъ нея ничего и на днѣ морскомъ не скроешь.

Судья не ошибся. Еще за два часа до визита Пименова къ Гудимовой прибѣжалъ, сломя голову, жидъ Юзъка и былъ немедленно къ ней допущенъ.

— А зи, васе сіятельство (Гудимова чрезвычайно любила этотъ титулъ, даже ее звали такъ ея крѣпостные люди на томъ основаніи, что родная сестра Гудимовой была замужемъ за княземъ). А зи, васе сіятельство, пріѣхалъ съ Питера офицеръ инженерный самый ботатѣющій, 7 тысяцъ холоповъ имѣетъ и всѣмъ тамъ министрамъ родня.

У Юзъки всѣ богатые люди были родня министрамъ.

— Да ты откуда такія вѣсти узналъ? спросила недоувѣрчиво Гудимова. Вѣдь ты меня не въ первый разъ надуваешь?

— Ай зи нѣтъ, вѣрьте Богу, не вру. Я зъ его лакеемъ все выпросилъ. Въ своей каретѣ пріѣхалъ, тысяцъ пять стоитъ. Этакимъ я съ роду не видалъ: въ золотѣ вся, а сплзы серебряныя. Въ гостинницѣ въ день 10 рублей за номеръ платитъ. И узнавъ я, что этотъ панъ поѣхавъ съ Климовымъ знакомства дѣлать и къ васему сіятельству пріѣдетъ.

Гудимова подарила Юзъкѣ синенькую, объявила радостную вѣсть дочери и обѣ онѣ тотчасъ-же занялись своимъ туалетомъ,

чтобы съ перваго же разу ослѣпить и очаровать гостя. Но туалетъ подвигался очень медленно, и когда Пименовъ приѣхалъ, ни мать, ни дочь не были еще готовы.

Гостей встрѣтилъ въ залѣ Nicolas Гудимовъ, какъ его обыкновенно звали, племянникъ хозяйки: высокій, толстый, краснощекий юноша, съ воротничками á l'enfant, съ бородкой и небольшими черными усами, закрученными къ верху по гусарски. Манеры у него были воинственныя, взглядъ храбрый и говорилъ онъ баритономъ, переходившимъ иногда въ контръбасъ.

— Прошу покорно садиться, тетушка сейчасъ выйдетъ, сказалъ онъ послѣ обыкновенныхъ рекомендацій. Вы давно служите, молодой человѣкъ? спросилъ онъ потомъ у Пименова.

Пименовъ покраснѣлъ. Названіе — молодой человѣкъ сильно укололо его самолюбіе, однако онъ вѣжливо отвѣчалъ:

— Уже пять лѣтъ.

— Въ пять лѣтъ и поручикъ, счастливо.

— Да, на службу я пожаловаться не могу. До сихъ поръ неzeitъ.

— Я и самъ думалъ было служить, только служба моя была бы прямо противоположна вашей. Скажите, вы читали l'esprit des lois?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Прочтите, молодой человѣкъ. Вы тогда вполне узнаете себя.

Пименовъ опять покраснѣлъ и подумалъ:

— Что это онъ меня все молодымъ человѣкомъ величаетъ, а у самого на губахъ молоко не обсохло.

— Право, надобно такъ жить, продолжалъ Гудимовъ. Хотѣлось бы принести какую нибудь сознательную жертву, да средствъ нѣтъ. Вообразите, у насъ въ Россіи ни одного тайнаго общества нѣтъ, тогда какъ въ Европѣ есть и массоны, и мартинисты, и квакеры, и другіе. Не знаете ли вы какихъ нибудь средствъ массономъ сдѣлаться?

— Вы вѣроятно говорите о тѣхъ массонахъ, на счетъ которыхъ при вступленіи въ службу со всякаго подписка берется?

— Какая подписка?

— Что я, дескать, не принадлежу ни къ какимъ массонскимъ локамъ...

— Да, да, да, про этихъ самыхъ.

— Нѣтъ-съ, про нихъ я ничего не знаю.

— Жаль. Ей Богу, либеральныя броженія не даютъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Я даже вамъ скажу откровенно какъ другу: я самъ думаю скоро основать въ Дегтярскѣ одно *братство* и ужъ членовъ началъ выбирать, только дѣло туго подвигается, потому что свѣжихъ людей мало. Вотъ вы, напримѣръ, знаю напередъ, что не откажетесь, а возьмемъ теперь Максима Назарыча...

— И не бери лучше, перебилъ его Климовъ: пѣтъ, братъ, стараго воробья на мякину не поймашь. Видали мы такихъ мартинистовъ и на гауптвахту даже сажали.

— Я напередъ зналъ твой взглядъ. Отсталый ты человекъ, братецъ.

— Нѣтъ, врешь, не отсталый, а говорю дѣло. Былъ у насъ въ Фанагорійскомъ полку прапорщикъ Зряховъ, такой же какъ и ты либераль. Бывало арестантовъ, разбойниковъ мимо окна ведутъ, а онъ кричитъ: посмотрите, господа, какой деспотизмъ! А трусъ былъ какой каналья: въ польскую компанію въ дѣлѣ при Остроленкахъ подъ телѣгу спрятался. Тамъ его ядромъ и уколошило.

Гудимовъ хотѣлъ было отвѣчать, но въ это время на порогъ гостинной явилась сама хозяйка, держа за руку дочь.

Про Юлію Богдановну нельзя сказать ничего особеннаго. Толстая, нарумяненная, пабѣленная, съ сѣдыми волосами завитыми въ локоны, въ кружевахъ и бархатѣ — она была похожа на всѣхъ вообще богатыхъ маменекъ, русскихъ помѣщицъ; но возлѣ нея стояла дѣвушка высокая, стройная, съ роскошными формами, съ большими черными глазами, стыдливо потупленными въ землю.

Пименовъ былъ съ разу огорошенъ. Слабость къ женскому полу, развившаяся въ дѣвчьемъ и достигшая крайнихъ предѣловъ за кулисами большого театра въ Петербургѣ, нерѣдко была причиною многихъ неудачъ въ жизни Пименова. Ему стоило только взглянуть на хорошенькое личико и онъ влюблялся, влюблялся до безумія, до женитьбы. Такъ и теперь не совсѣмъ дюжинная красота Аделаиды Платоновны, дочери Гудимовой, отуманила Пименова и онъ стоялъ, какъ вкопанный, жадно впившись глазами въ бѣлую, какъ мраморъ, шейку дѣвушки.

— Messieurs, je vous prie au salon, пригласила Гудимова.

Пименовъ машинально вошелъ въ гостинную, неловко отре-

командовался и неловко сѣлъ на диванъ рядомъ съ хозяйкой.

— Вы къ намъ надолго? спросила Гудимова съ особенною улыбкою.

— Надолго-съ, отвѣчалъ Пименовъ, покраснѣвъ безъ всякой причины.

— У насъ такъ мало образованной молодежи, что мы, право, очень дорожимъ каждымъ новымъ порядочнымъ человѣкомъ. Конечно, у насъ нѣтъ такихъ развлеченій, какъ въ Петербургѣ, но все же мы не скучаемъ и надѣюсь, что и вы не будете скучать.

— О, вѣрно не буду, отвѣчалъ разсѣянно Пименовъ, сморщившій въ это время, какъ Аделаида своею маленькой, нѣжной ручкой, гладила болонку.

— Наши молодые люди, послѣ петербургскихъ, вамъ покажутся очень странными. Манеры у нихъ какъ-то еще не образовались. Даже у очень богатыхъ людей встрѣчается что-то такое епфё, оригинальное. Напримѣръ, князь Зюзимовъ, нашъ короткій знакомый.

— Ну, князь Зюзимовъ душа господинъ, этого вы не говорите, рѣзко перебилъ тетку Nicolas.

— Что въ немъ хорошаго? Въ карты играетъ.

— Играетъ безъ шулерства. Этакъ и вы играете.

— Пьетъ...

— Отчего и не выпить съ хорошими людьми. Выпить всегда можно.

— Однимъ словомъ у него много недостатковъ.

— Одинъ Богъ безъ грѣха, а Зюзимовъ смертный, да еще и либераль.

— Ахъ, Nicolas, съ тобой никогда не сговоришь. Не родственникъ-ли вамъ генераль Пименовъ? спросила она у Пименова.

— Это мой отецъ.

— Ахъ, какой милый *voŕtre père*. Я его часто встрѣчала въ Петербургѣ лѣтъ 20 тому назадъ. Я еще, знаете, тогда 16 лѣтнюю дѣвочкою была. Гудимова все еще считала себя 36 лѣтъ, хотя ей давно уже было за 45.

— Я даже помню въ послѣдній разъ на балу у австрійскаго посланника я танцевала съ вашимъ папѣ.

Въ то же время у Климова съ Аделаидой Платоновной, въ сторонѣ, шелъ разговоръ другаго рода.

— Вотъ, барышня, говорилъ Климовъ съ своей добродушной улыбкой: какого я вамъ женишка привезъ, а вы мнѣ и спасибо не сказали.

— У васъ все женихи. Каждый знакомый—женихъ.

— Нѣтъ, это настоящій женихъ. И по уму, и по богатству, и по роду—совсѣмъ женихъ. Не то, что князь Зюзимовъ.

— Не говорите мнѣ про князя. Онъ мнѣ рѣшительно никогда не нравился.

— А этотъ нравится?

— А вамъ какое дѣло?

— Такъ-съ, по любопытству. Всѣ мы люди и всѣ мы чело-
вѣки.

— Monsieur Пименовъ очень милый молодой человѣкъ.

— А если я ему пойду да скажу это?

— Я на васъ разсержусь и уши вамъ надеру.

— Такъ вотъ же скажу.

— Не смѣйте.

— *Aële jouez quelque chose*, приказала Гудимова. Аделанда долго жеманилась и отказывалась, но когда Пименовъ, преодо-
лѣвъ свою робость, тоже вмѣстѣ съ другими сталъ просить ее, она тотчасъ же сѣла за рояль и бойко заиграла какой-то раз-
зученный заранѣе ноктюрно. А Пименовъ издали любовался, какъ
тонкіе розовые пальцы Адели быстро летали по клавишамъ, лю-
бовался какъ хорошенькая головка слегка опрокинулась назадъ
и блестящіе черные глаза только полузакрылись рѣсницами.
Пименовъ любовался и думалъ:

— Вотъ жениться бы хорошо!

— Михайло Александрычъ пора бы домой, проговорилъ судья,
тихо толкая Пименова.

— Ась! Что такое? спросилъ съ испугомъ Пименовъ, бы-
стро обернувшись.

— Домой бы пора. Ужъ мы долго засидѣлись.

— Сейчасъ ѣдемъ, только окончить.

Аделанда перестала играть и Пименовъ сталъ прощаться съ
хозяевами.

— Вы пожалуйста насъ посѣщайте почаще, безъ церемоній,
какъ только у васъ время свободное будетъ, просила хозяйка.

— Если позволите... Мнѣ очень пріятно... говорилъ Пиме-
новъ, краснѣя и сбиваясь.

— Что, батенька, это видно не Тыранинъ, спросилъ Климовъ Пименова, садясь въ дрожки.

— Какое милое семейство. Я очень вамъ благодаренъ за это знакомство. Мать любезная дама, а дочь, дочь!...

— Ну, я васъ предупреждаю. Вы слишкомъ нюни-то не распускайте.

— А что?

— Да такъ, ничего.

— Нѣтъ, вы ужъ лучше говорите безъ загадокъ.

— Вотъ что, батенька. Теперь хотя всѣ мы люди и всѣ мы челоѣвки, только это сирена, значить, подводная. Вотъ князя Зюзимова было опутали, а тотъ и вывернулся, такъ они теперь его и ругаютъ. Знакомымъ съ ними быть пріятно, за тѣмъ что время у нихъ во всякомъ удовольствіи проводишь, а только вы имъ не поддавайтесь.

— Какія у васъ мрачныя мысли все, Максимъ Назарычъ. Вы должно быть за что нибудь сердиты на Гудимову?

— Сохрани меня Богъ! Я вамъ говорю это по расположенію. Много я про нее знаю. Знаю я также, что этотъ телецъ, двоюродный братецъ, либераль - то этотъ, что генераловъ ругаетъ, сквозь строй бы его шельму! — Шуллеръ и у нихъ съ Аделькой шуры муры давно ведутся. Все это, я вамъ скажу, одна шайка, просто спирра Іудейская.

— Я не вѣрю, чтобы такая душка любила такого болвана!

— Погодите, повѣрите. Ба, да вотъ Пафнутьевъ вамъ еще про нихъ скажетъ. Видите, онъ стоитъ на крыльцѣ.

На крыльцѣ гостинницы въ самомъ дѣлѣ стоялъ высокій мужчина буйнаго вида, въ запачканной коричневой венгеркѣ, съ длинными усами и краснымъ угреватымъ лицомъ. Едва только дрожки остановились у крыльца, какъ этотъ господинъ подошелъ къ Пименову, ухватилъ его за пуговицу и грозно спросилъ:

— Знаете-ли кто я таковъ?

— Не имѣю чести знать, отвѣчалъ, смѣшавшись, Пименовъ.

— Я амфи-офисъ амфи-ларисъ амфи-солисъ амфи-кларисъ и компанія или угнетенная невинность, и, не давъ Пименову опомниться, онъ прибавилъ: дайте мнѣ пожалуйста рубль въ займы.

Пименовъ безпрекословно отдалъ деньги и господинъ принялъ ихъ, не унижаясь, какъ должно, безъ малѣйшей благодарности.

— Когда встрѣтите Гудимику, замѣтилъ онъ, скажите ей,

что она мерзавка и скажите еще, что ея племянника, этого расподлеца Nicolas, я непременно убью!

И сказавъ это, господинъ быстро повернулся и исчезъ за угломъ.

— Кто это такой? спросилъ Пименовъ.

— Это здѣшній помѣщикъ Пафнутьевъ, отставной женихъ Адельки.

— Неужели?

— Ей Богу. Богатый человѣкъ былъ и у Гудимовыхъ въ домѣ бывалъ. Да разъ какъ-то либераль этотъ Nicolas съ шайкой своей до чиста его обобралъ. Съ тѣхъ поръ онъ какъ пошелъ кутить, въ годъ все прокутилъ и теперь по улицамъ кудесничаетъ да побирается.

Не смотря однако на всѣ рассказы Климова, Пименовъ думалъ о Адели, какъ о дѣвушкѣ *безъ пятна и урека*. Пообѣдалъ онъ очень плохо и послѣ обѣда, закуривъ сигару, утѣлся въ волтеровское кресло, закрылъ глаза и задумался. И ему представлялись уже волшебныя декараціи: видѣлъ онъ себя въ уютной гостинной передъ каминомъ. На колѣняхъ у него сидитъ Адель, треплетъ его слегка своей бархатной ручкой по щекѣ, цѣлуетъ его... да такъ цѣлуетъ, что у Пименова замираетъ дыханіе, а въ жилахъ бѣжитъ кипяткомъ вмѣсто крови. Только среди этихъ розовыхъ мечтаній, подымался иногда, какъ бы въ туманѣ, антипатичный призракъ двоюроднаго брата Nicolas.

III.

Далеко, далеко отъ Дегтярска, почти на противоположномъ концѣ Россіи находится Луговскій уѣздъ, чрезвычайно похожій на прежніе патріархальныя округа Испанской Америки. Правда, въ немъ не растетъ ни виноградниковъ, ни померанцевыхъ и кокосовыхъ деревьевъ—стройныя пальмы не возносятся къ небу своими *гордыми вершинами*; въ лѣсахъ не встрѣчаются ни слоны, ни львы, ни тигры; въ селеніяхъ не живутъ ни негры, ни дикіе индейцы; тропическое солнце не жжетъ землю своими вертикальными лучами; ничего этого нѣтъ въ Луговскомъ уѣздѣ, но за то непроходимыя болота и топи, покрытыя небольшими, такъ называемыми, *бездонными* озерами, дремучіе сосновые и еловые лѣса, раскинушіеся на безпредѣльное пространство, населенные медвѣдами, волками, лосями, барсуками,

даже кабанами и рысями—окутываютъ его со всѣхъ сторонъ и какъ заботливая няня скрываютъ его отъ дурнаго глаза остальнаго свѣта.

Въ этомъ-то знаменитомъ уѣздѣ находилось *ханство* Стрикаловки — огромное село дворовъ въ 200, съ двумя церквами, рынкомъ и господскимъ домомъ. Село это, а равно и двѣ небольшія деревни того же имени, примыкавшія къ селу, всего 1500 душъ, принадлежали генеральшѣ Пименовой, жившей съ мужемъ въ Петербургѣ.

Лѣтъ 40 уже Стрикаловцы не видали своихъ помѣщиковъ. Во время нашествія французовъ, Пименовы уѣзжали въ свои степныя деревни, а послѣ раззоренія прислали въ Стрикаловку управляющаго Чубиндросова и предоставили ему полную волю распоряжаться какъ знаетъ. Чубиндросовъ пріѣхалъ въ Луговской уѣздъ, въ Стрикаловку, скоро освоился съ порядками, познакомился съ становымъ, собралъ съ крестьянъ какія-то вновь изобрѣтенныя имъ недоминки, половину денегъ положилъ въ свой карманъ, а другую употребилъ на разные какіе-то секретныя расходы и тогда уже началъ дѣйствовать смѣло и открыто, не боясь никакого посторонняго вмѣшательства, не опасаясь жалобъ крестьянъ начальству и доносовъ отъ начальства къ господамъ.

Впрочемъ нужно сказать, что Чубиндросовъ нравственно далеко превосходилъ всѣхъ сосѣднихъ управляющихъ. Въ свою пользу Чубиндросовъ бралъ небольшую дань съ мужиковъ и барину отсылалъ въ Петербургъ постоянно половину дохода, а изъ остальной половины большую часть оставлялъ у себя и наконецъ прочіе раздавалъ кому слѣдуетъ.

Вотъ такимъ образомъ Чубиндросовъ управлялъ Стрикаловкою слишкомъ 20 лѣтъ и привыкъ онъ къ крестьянамъ и крестьяне къ нему привыкли, и начальство было имъ довольно и помѣщикъ тоже, и все шло прекрасно. У Чубиндросова скопился порядочный капиталецъ, думалъ онъ накопить и еще больше — вдругъ однажды получаетъ онъ изъ Петербурга посланіе, отъ котораго его едва не разбилъ параличъ.

То писалъ самъ генералъ Пименовъ и писалъ слѣдующее: «Увѣдомляю тебя, Ефимъ, что черезъ два мѣсяца я думаю пріѣхать въ Стрикаловку со всѣмъ своимъ семействомъ. А ты не воображай, что пріѣду я на время, а пріѣду я на постоянное житье, за тѣмъ, что хочу на старости лѣтъ успокоиться и при-

казываю я тебѣ, Ефимъ господскій домъ отдѣлать въ лучшемъ видѣ. Садъ и паркъ расчистить и церкви поновить. А я тебѣ не посылаю отъ себя надежнаго архитектора, котораго приказанія исполняй какъ бы мои. Денегъ я тебѣ не посылаю: собери какъ пибудь съ мужиковъ, а у меня денегъ нѣтъ. И все сіе ты, Ефимъ, исполни непременно, не то я тебя прогоню въ шею да еще и выпороть велю за твою неисправность, а чтобъ отговорокъ не было никакихъ. Я, братъ, суворовскій волака и *ле-моузнаекъ* не люблю. А до тѣхъ поръ я остаюсь къ тебѣ въ полномъ благоволеніи и генеральша даетъ тебѣ поцѣловать свою руку. И все это ты исполни, хоть изъ кожи вонъ вытѣсь.

Твой господинъ.

Генералъ-маіоръ и кавалеръ
Александръ Пименовъ.

Пименовъ жестоко лгалъ, что онъ ѣдетъ въ деревню успокоиться. Его просто обидѣли въ Петербургѣ, обошли, не дали ему анненской ленты. Онъ поклялся передъ своими знакомыми, что у него непременно будетъ эта лента, и сдержалъ свою клятву самымъ простымъ образомъ, а именно: подаль по болѣзни въ отставку, купилъ себѣ въ Петербургѣ звѣзду и анненскую ленту и, пріѣхавъ къ себѣ въ Стрикаловку, преспокойно началъ носить ее и носилъ постоянно до самой смерти. Даже на похоронахъ его эту самую самопожалованную звѣзду несли на бархатной подушкѣ впереди гроба, и никому не приходило никогда въ голову подозрѣніе, что Пименовъ носить звѣзду произвольно.

Какъ бы то ни было, только намѣренія генерала относительно пріѣзда въ деревню не были извѣстны управителю, да и тотъ не хотѣлъ допытываться, что именно заставляетъ генерала перемѣнить образъ жизни. Нужно было достать денегъ какъ можно скорѣе, чтобы исполнить приказанія генерала, а денегъ не было.

— Ишь, чортъ, затѣялъ! говорилъ Чубиндросовъ своей женѣ: Вздумалъ къ намъ преобразиться. Не живется ему, дьяволу, въ Петербургѣ.

— Да что онъ, Ефимушка, пишетъ? спрашивала жена.

— Денегъ просить, а то говоритъ отдеру.

— Вѣдь мы, Ефимушко, дворяне, какъ же онъ смѣетъ!

— Что, матушка, наше съ тобой дворянство. Мы дворяне *молочные*; раздавить тебя какъ клопа.

— Ахъ, Ефимушка, какія ты страсти рассказываешь. Пошли-ты ужъ ему лучше денегъ.

— А откуда ихъ мнѣ взять, матушка?

— Возьми изъ приказа.

— Э, нѣтъ! То мои денежки трудовыя. Потомъ и кровью ихъ *нажилъ*. Ужъ пусть лучше въ телѣжкѣ прокачусь, да знаю, что дѣтямъ кусокъ хлѣба оставилъ.

— Перестань, Ефимушка. Отдай ему деньги, мы опять ихъ *наживемъ*.

— Дьявола тутъ косматаго при немъ наживемъ. Чай, думаю, и генеральство свое забудетъ: будетъ торчать на работахъ своею особою, да вездѣ соваться гдѣ не слѣдуетъ. Бѣда да и только! Впрочемъ Чубиндросовъ говорилъ такъ только женѣ, а про себѣ вотъ что думалъ: пріѣхай ко мнѣ въ Стрикаловку не только что генералъ Пименовъ, а султанъ турецкій, такъ я и того спутаю и съумѣю для себя изъ него сокъ выжать.

Черезъ недѣлю пріѣхалъ архитекторъ, осмотрѣлъ господскій домъ, садъ, и паркъ и объявилъ, что на расходы ему нужно 30 тысячъ рублей ассигнаціями. Чубиндросовъ завертѣлся кубаремъ: выбилъ изъ мужиковъ всю недоимку, продалъ половину скота и весь почти магазинный хлѣбъ.

Начались работы, паркъ былъ разчищенъ, садъ тоже. Въ саду устроили прорѣзами дорожки, подмазали бесѣдки, поновили оранжереи, домъ господскій былъ осмотрѣнъ заново, меблированъ и украшенъ великолепно. Церковь тоже поновили, но только не такъ великолепно. Само собою разумѣется, что всѣ нужныя работы, за исключеніемъ очень немногихъ, исполнялись бесплатно собственными же мужиками мастеровыми Пименова, такъ что всѣ расходы обошлись не больше 15 тысячъ, но Чубиндросовъ умѣлъ составить отчетъ, въ которомъ значилось, что на постройки, при возможной экономіи, едва едва хватило 40 тысячъ. Остальные 10 тысячъ Чубиндросовъ положилъ ужъ чисто себѣ въ карманъ и только для большаго угожденія генералу, заказалъ онъ изъ этихъ денегъ въ губернскомъ городѣ, какъ будто бы на свой счетъ, фейерверкъ для встрѣчи генерала.

Пріѣхалъ генералъ. Осмотрѣлъ паркъ, домъ, садъ, хозяйство и прочее, и остался очень доволенъ Чубиндросовымъ. Спросилъ потомъ мужиковъ хорошо ли имъ было жить безъ него,

на что тѣ отвѣчали: ура! ваше высокопревосходительство! Этимъ Пименовъ остался такъ доволенъ, что приказалъ управителю роздать крестьянамъ 500 рублей, а Чубиндросовъ, по своему обыкновенію, роздалъ только 250.

Вечеромъ мужики пѣли пѣсни, водили хороводы, плясали, а подѣ конецъ удачно былъ сожженъ фейерверкъ. Генералъ чрезвычайно удивился такому неожиданному сюрпризу и когда узналъ, что это было устроено на свой счетъ управителемъ, то, умилившись, поцѣловалъ его въ лысину, назвалъ своимъ другомъ и прослезился. Чубиндросовъ въ свою очередь зарыдалъ, назвалъ генерала отцемъ-благодѣтелемъ и поцѣловалъ у него обѣ руки. Такимъ образомъ эпилогъ къ комедіи былъ сыгранъ удачно. Зрители остались довольны, но были ли довольны мужички, про это никто не спросилъ, только во время фейерверка вырывались у нихъ юмористическія замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ:

— Глянь, Ерема, змѣй летить!

— Эвто онъ наши деньги-то къ чорту понесъ.

— Эхъ голова! да пошто чорту, можно и поближе.

— Извѣстно, что Яхимъ Прокофѣичъ не за горами живетъ.

— Братцы, гляньте-ка, какъ полошнѣть! полошнѣть-то какъ? Словно, стогъ сѣна горитъ.

И много еще другихъ замѣчаній, подобныхъ этимъ, было сдѣлано мужиками; но всѣ сарказмы падали исключительно на управителя. Одному ему сулили всего нелегкаго на томъ и этомъ свѣтѣ, про генерала же всѣ отзывались съ должнымъ почтеніемъ, и если какой нибудь молодой парень, по глупости, отпустилъ на счетъ барина либеральную фразу, то стоявшій поближе къ нему старикъ давалъ ему пинка въ спину, съ предостереженіемъ:

— А ты, Петруха, языкъ-то укороти!

Трудно рѣшить, происходило ли это изъ особенной любви и уваженія къ барину, или только изъ страха передъ грознымъ величіемъ генерала, съ фальшивою звѣздою и лентою черезъ плечо.

IV.

Александръ Онуфріичъ Пименовъ, бывши еще поручикомъ гвардіи при Императорѣ Павлѣ I, блисталъ въ Петербургѣ въ кругу избраннаго общества. Красивая наружность, безукориз.

любое знаніе и исполненіе военныхъ пріемовъ обратили на него вниманіе императора и Пименовъ сталъ быстро возвышаться; но лѣтъ съ повышеніемъ въ чинахъ, онъ все больше и больше раз-транжалъ свое имѣніе и наконецъ, сдѣлавшись уже при Александрѣ I полковникомъ—онъ увидѣлъ себя по уши въ долгахъ и езъ гроша дохода. Пименовъ не упалъ духомъ, а придумалъ вѣрное средство выпутаться изъ критическихъ обстоятельствъ. Онъ оставилъ себя влюбиться въ побочную дочь одного вельможи, порочавшаго въ то время дѣлами Россіи, сдѣлалъ предложеніе плу, получилъ согласіе, вмѣстѣ съ тѣмъ четыре тысячи душъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ въ приданое, купленныхъ конечно на имя жены.

Прошло много лѣтъ: Пименовъ служилъ, сдѣлался генералъ-майоромъ, — старшій сынъ его Александръ опредѣлился въ кавалергарды, подебоширичалъ, подрался, стрѣлялся на дуэли и былъ сосланъ на Кавказъ. Самъ Пименовъ, терпѣвшій, послѣ смерти тестя, гоненія на службѣ и наконецъ обиженный, счелъ за лучшее выйти въ отставку и уѣхать въ Стрикаловку.

Семейство генерала состояло: изъ его жены, женщины лѣтъ 35, суровой съ виду, набожной до ханжества, не прощавшей малѣйшихъ недостатковъ въ другихъ, строгой къ крѣпостнымъ и своему семейству, постоянно затянутой въ корсетъ и всегда говорившей по французски; — изъ дочери, 14 лѣтней дѣвушки, изъ двухъ гувернанокъ: французенки и англичанки, и изъ 9 лѣтняго сына Миши, *республиканца*, какъ его обыкновенно называлъ отецъ.

Въ самомъ дѣлѣ Миша былъ такой ярый *республиканецъ*, что наставникъ его, аббатъ Гильомъ, будучи не въ состояніи переломить характеръ ребенка и отучить его отъ дурныхъ и вредныхъ шалостей, отказался отъ мѣста. Съ тѣхъ поръ генеральша, какъ говорится, руки отрясла отъ сына и обратила все свое вниманіе на дочь, но зато генералъ любилъ Мишу до безумія, потакалъ ему во всѣхъ его проказахъ и часто говорилъ жемъ:

— Вотъ ты посмотришь, что изъ него выдетъ. Когда онъ теперь такой республиканецъ, а вырастетъ непремѣнно полководцемъ будетъ. Всѣ гениальные люди въ молодости своей разбойниками были.

— Я не знаю, какъ ты можешь утѣшаться поступками Миши, возражала ему жена. Онъ совершенно погибнетъ. Ты,

матушка, ничего не знаешь—у него просто твердая сила и характеръ.

— Хорошо характеръ; изъ упрямства кричить до обморока.

— Опять таки это доказываетъ его твердость: доскать, лучше охрипну, а поставлю на своемъ.

— Да, онъ поставилъ на своемъ: аббатъ Гильомъ отъ него отказался. Такого гувернера намъ не отыскать.

— А къ чему намъ гувернеры, матушка? Французы эти проклятые у насъ первопрестольный городъ сожгли, а мы все къ нимъ липнемъ. Зачѣмъ они намъ?

— Затѣмъ, чтобы дѣти наши были образованы, какъ слѣдуетъ дворянамъ. Вотъ Александръ, наприимѣръ, перенялъ у Гильома всѣ его изящныя манеры, парижскій выговоръ и сдѣлался...

— И сдѣлался мерзавецъ, рѣзко перебилъ Пименовъ. Одно воспоминаніе о старшемъ сынѣ, стоившемъ столькохъ денегъ, хлопотъ и горя, поднимало всю желчь въ груди генерала.

— Вотъ твоё воспитаніе; вотъ твои аббаты, семьсотъ имъ чертей на закуску! продолжалъ Пименовъ, возвышая съ каждымъ словомъ свой голосъ. Что они сдѣлали изъ Саники? Въ солдаты мальчишка было угодилъ; разбойникомъ, воромъ, каторжникомъ сдѣлали!

— Въ этомъ не французы виноваты.

— Они, они Галлы проклятые! Нѣтъ, баста, не отдамъ я имъ больше своего *республиканца*, не хочу, чтобы изъ него массонъ либо волтеріанецъ вышелъ. Научился онъ лепетать по-французски — и довольно, для практики можетъ съ гувернантками заниматься, а я ему найду учителя.

— Ужъ не изъ русскихъ ли!

— Да, матушка, изъ русскихъ. Какъ есть чисто русскаго, чтобы онъ Мишку полководцемъ сдѣлалъ: русскому языку научилъ, на кулачки бы его выучилъ драться, къ луку и рѣдкѣмъ приучилъ...

— Какія ты гадости говоришь.

— Дѣло говорю. Русскій человѣкъ не французъ, ко всему привыкать долженъ. И помни ты мое слово, что нашъ *республиканецъ* полководцемъ будетъ. Вотъ посмотримъ, проживемъ годика два въ деревнѣ, силами укрѣпится, такъ онъ всѣхъ этихъ поджарыхъ аббатовъ и маркизовъ десницею валать будетъ, какъ солому.

— Дѣлай, что хочешь. Я больше говорить тебѣ не стану.

И дѣйствительно генеральша больше не вѣшивалась въ воспитаніе сына. Обращалась она съ нимъ всегда бурово, даже грубо, и не позволяла играть съ сестрою, но *республиканецъ* объ этомъ не горевалъ.

Черезъ недѣлю по пріѣздѣ въ деревню Пименовъ сказалъ Чубиндросову:

— Не знаешь ли, братецъ, гдѣ бы мнѣ для *республиканца* учителя найти? Этакъ малаго хорошаго, рублей за 200 въ годъ.

— Да вотъ, ваше превосходительство, по сосѣдству находится учитель французъ, такъ его переманить бы можно...

— Ну ихъ къ праху, французовъ! Ты мнѣ подай русскаго лѣтняку, только не пьяницу да не мошенника.

— Сынъ у меня, ваше превосходительство, въ старшихъ классахъ гимназій состоитъ, такъ не благоугодно ли будетъ вашему превосходительству...

— А что твой сынъ въ наукахъ-то смыслить что нибудь?

— Все промознелъ, ваше превосходительство. Вотъ ужъ который годъ первымъ ученикомъ сидитъ и начальство имъ довожно.

— Давай сюда твоего сына. Только смотри, братецъ, пусть онъ не обижается, если мой *республиканецъ* иногда его заденетъ. Вѣдь, Мишка у меня боекъ.

— Извѣстно, генеральское дитя, ваше превосходительство! и маленьки они еще очень, да и ручка у нихъ нѣжная—комаръ большій укуситъ.

Дѣло было кончено и скоро *республиканецъ* поступилъ подъ надзоръ новаго учителя, дюжаго 25 лѣтняго гимназиста, котораго генераль прозвалъ *Дубинось*, потому что у него носъ былъ длинный и толстый, какъ дубина.

Сначала Дубинось, подобно аббату Гильому, много терпѣлъ отъ своего ученика, но когда однажды генераль уѣхалъ изъ Стрикаловки на два мѣсяца, то Дубинось вздумалъ начать другую методу воспитанія. Онъ завелъ своего питомца въ лѣсъ, и когда тотъ по обыкновенію началъ капризничать — высѣкъ его бритвою. Мишка кричалъ, кусался, плакалъ и грозился пожаловаться матери.

— Иди-ка, пожалуйста, флегматически замѣтилъ Дубинось: такъ мнѣ же спасибо скажетъ, а я тебя еще разъ выдеру и

буду тебя до тѣхъ поръ пороть, пока ты шалопайничать не перестанешь. Съ этихъ поръ Миша во всемъ слушался учителя, и то и Дубинось смягчился. Грамота у нихъ шла плохо, исключая математики, которую Дубинось, вѣроятно по врожденной способности, зналъ хорошо и успѣлъ вдолбить своему питомцу.

Мишѣ минуло уже 14 лѣтъ. Онъ курилъ табачекъ вмѣстѣ съ учителемъ, потягивалъ иногда по немногу французскую водку, а скоро научился и еще кой-чему.

Разъ, когда Дубинось съ питомцемъ своимъ шли по лѣсу, повстрѣчались имъ двѣ деревенскія дѣвки, красивыя и разбитыя. Завидѣвъ господъ, они бросились бѣжать отъ нихъ съ звонкимъ хохотомъ.

— Лови, Миша! крикнулъ учитель и пустился въ догоню за одной дѣвкой, между тѣмъ какъ Миша кинулся за другою.

Бѣглянки были пойманы.

Съ этихъ поръ науки были совершенно забыты, даже самая математика. Каждый день Миша уходилъ съ учителемъ въ лѣсъ и проводилъ тамъ по два и по три часа, бесѣдуя съ знакомыми дѣвицами. Слѣдствіемъ этихъ бесѣдъ было быстрое развитіе Миши. Онъ возмужалъ, сталъ говорить басомъ, а на верхней губѣ его показался замѣтный пушокъ — признакъ страстной натуры мальчика.

— Куда бы мнѣ пристроить *республиканца*? спрашивали иногда генералъ у Чубиндросова.

— Въ гвардію, ваше превосходительство, въ гусары. Они и теперь гусаромъ смотрятъ.

— Нѣтъ, братъ, и слышать этого не хочу.

— Такъ въ штатскую службу запишите ихъ, ваше превосходительство.

— Все братецъ не то. Въ штатской службѣ служить, дворянскимъ дѣтамъ, по моему, тоже неприводится.

Генералъ принялся хлопотать объ опредѣленіи Миши въ артиллерійскій или инженерный корпусъ. Это ему не стоило большаго труда. Одинъ его короткій знакомый вызвался опредѣлить мальчика въ инженерный корпусъ, и Пименовъ, не думая долго, собрался везти въ Петербургъ сына.

Тяжело было Мишѣ покидать Стрикаловку. Въ послѣдній разъ онъ сходилъ вмѣстѣ съ учителемъ въ любимый лѣсокъ, долго тамъ бесѣдовалъ съ Маврушей, обѣщаясь непременно взять ее въ Петербургъ въ корпусъ. Возвращаясь домой, зашелъ въ зна-

комый шинокъ, чокнулся тамъ съ учителемъ стаканами, выкурить двѣ трубки — и черезъ мѣсяцъ сидѣлъ уже на скамейкѣ кадетомъ въ корпусѣ.

Кадетская жизнь не совсѣмъ-то приплась по душѣ Мишѣ. Черезъ два года изъ *республиканца* остался одинъ скелетъ: худой, тощій мальчикъ, но закаленный въ военной школѣ. Характера у него не было никакого, онъ легко дружился съ товарищами, также легко ссорился и, попавшись въ какойнибудь проѣхъ, выдавалъ начальству головою всѣхъ участниковъ. Отецъ Миши генералъ Пименовъ умеръ, а мать забыла объ немъ думать, изрѣдка только присылала она ему небольшія деньги, при короткомъ письмѣ. Миша въ воскресенье прокучивалъ эти деньги съ товарищами въ извѣстныхъ увеселительныхъ домахъ и снова жилъ безъ гроша.

Наконецъ чрезъ пять лѣтъ Мишу выпустили прапорщикомъ и то по ходатайству знакомыхъ оставили въ Петербургѣ. Офицерскій чинъ снова доставилъ Мишѣ любовь матери. Не берусь объяснить, была ли это прихоть со стороны генеральши, или истинное чувство — только она сама пріѣхала въ Петербургъ, обласкала Мишу, обмундировала его, наняла ему хорошенькую квартиру, поставила къ нему человѣка и повара, купила лошадь и опредѣлила высылать ежегодно шесть тысячъ рублей ассигнаціями на содержаніе.

Закутилъ Миша по отъѣздѣ матери. Къ хорошему обществу онъ пристать не могъ, потому что французскій языкъ въ корпусѣ позабылъ, и не имѣлъ приличныхъ манеръ. Вотъ и познакомился онъ съ различными артистами, съ разными пріѣзжими въ Петербургъ мелкими молодыми помѣщиками, съ барышниками, аферистами и другими темными лицами. Хористки, Флорансы, Клемансы и Матильды каждый день наводняли его квартиру. На подарки имъ у Миши не хватало денегъ и онъ бралъ въ займы у служивыхъ пріятелей подъ заемныя письма за большіе проценты. Такъ прошло четыре съ половиною года. Миша замотался по уши и наконецъ хотѣлъ жениться на какой-то ватъиницѣ изъ цирка, какъ вдругъ въ Петербургъ явилась сама генеральша.

Свиданіе сына съ матерью было драматическое.

Миша по безхарактерности своей испугался, расплакался, какъ ребенокъ, и сталъ просить прощенія, обвиняя во всемъ своихъ товарищей.

— Хорошо, я прощаю тебя, сказала строго генеральша, а даже заплачу за тебя всѣ твои долги. А знаешь ли сколько у тебя долговъ?

— Виновать, маменька милая, простите тысячъ десять за-должалъ.

— Не десять, а пятьдесятъ. Вотъ посмотри свои заемныя письма.

Миша самъ не зналъ на какую онъ сумму надавалъ обязательствъ и теперь, увидя передъ глазами ясныя доказательства своего безпутства, не зналъ что отвѣчать матери.

— Я заплачу за тебя твои долги, но поклянешься ли ты мнѣ перемѣнить свое поведеніе и жить какъ слѣдуетъ порядочному человѣку.

— Поклянусь, шатап, чѣмъ хотите поклянусь.

— Хорошо. Вотъ этимъ образомъ благословилъ тебя, умирая, отецъ. Поклянись же мнѣ надъ нимъ.

Генеральша была женщина набожная, Миша тоже вѣровалъ въ Бога, поэтому такое требованіе матери очень его смутило. Онъ поблѣднѣлъ и не рѣшался поцѣловать образъ.

— Что же ты? спросила генеральша.

— Страшно, маменька.

— Если ты думаешь исправиться, чего же ты боишься?

Миша съ сильнымъ біеніемъ сердца приложился къ образу и поклонился.

— Теперь помни, мой другъ, сказала генеральша важнымъ тономъ: помни, что ты будешь обманывать не меня, а Бога. Если же ты снова примешься опять за прежнюю жизнь, то, клянусь этимъ же самымъ образомъ — я прокляну тебя, лишу наслѣдства и даже буду просить начальство разжаловать тебя въ солдаты за неповиновеніе матери.

— Нѣтъ, маменька, этого никогда не будетъ больше.

— А чтобы удалить тебя отъ соблазна, сказала генеральша, я выпросила у начальства позволеніе перевести тебя на службу въ Псковъ.

Последнее извѣстіе окончательно добило Мишу. Мысль, что всѣ удовольствія Петербурга, вмѣстѣ съ Клемансами и Флорансами, для него потеряны навсегда — сдавило ему грудь и онъ снова зарыдалъ.

— О чемъ ты плачешь? строго спросила генеральша.

— Что я буду дѣлать во Псковѣ?

— Служить и Богу молиться. Впрочемъ ты тамъ пробудешь не долго. Начальникъ твой общалъ мнѣ скоро перевести тебя въ Дегтярскъ.

Генеральша до тѣхъ поръ не уѣхала изъ Петербурга, пока Миша не отправился въ Псковъ.

Скучно показалось Мишѣ первое время въ Псковѣ. Пикники, очаровательныя балетныя нимфы, роскошныя Флорансы въ де-зобиле, каждую минуту представлялись въ его воображеніи. Онъ упалъ духомъ, никуда не показывался, рюмилъ по цѣлымъ часамъ, запершись въ кабинетѣ, и вотъ въ это-то время лицо его приняло выраженіе нюни.

Скучная жизнь во Псковѣ до такой степени надоѣла Мишѣ, что онъ даже впалъ въ меланхолю, а можетъ быть и совсѣмъ бы ряхнулся, если бы черезъ два мѣсяца не пришелъ ему приказъ ѣхать на службу въ Дегтярскъ. Съ мрачными мыслями отправился онъ въ этотъ городъ. Однообразная, скучная жизнь уже представлялась ему, но встрѣча съ Аделаидой Гудимовой, олицетворявшей въ себѣ въ высшей степени роскошныя формы Клеопатры вмѣстѣ съ идеальными прелестями балетныхъ фей, снова пробудила энергію въ Мишѣ.

Михаилъ Александровичъ рѣшился дѣйствовать по петербургски и пересталъ быть нюнею.

V.

Пименовъ сидѣлъ въ креслѣ и думалъ объ Аделаидѣ, когда къ нему въ комнату вошелъ высокій, стройный молодой человѣкъ, съ открытымъ красивымъ лицомъ, одѣтый въ инженерный мундиръ, стянутый на талии шарфомъ до нелзя. Вошелъ этотъ господинъ тихо, какъ кошка, и слегка кашлянулъ. Пименовъ вскочилъ съ кресла.

— Инженеръ штабсъ-капитанъ Аполлонъ Никандровичъ Кобыленко, отрекомендовался офицеръ.

Кобыленко говорилъ тихо, вкрадывающимся въ душу голосомъ, искусно выбирая самыя деликатныя выраженія, при чемъ обыкновенно потиралъ руки, прищуривалъ томно глаза, какъ цыганка, и нюхалъ иногда напояженныя усы. Свѣтскій человѣкъ былъ штабсъ-капитанъ!

— Меня къ вамъ прислалъ господинъ полковникъ, началъ Кобыленко, развалившись живописно на диванѣ; онъ мнѣ реко-

мендовалъ васъ, какъ истинно образованнаго джентльмента, и я почелъ пріятною обязанностію немедленно познакомиться съ вами.

— Я очень обязанъ господину полковнику и еще больше вамъ за хорошее обо мнѣ мнѣніе, отвѣчалъ Пименовъ. Мы, кажется, вмѣстѣ служимъ.

— Да, мы вмѣстѣ приносимъ свои познанія на алтарь отечества. Мы представители молодаго поколѣнія, должны свято и честно исполнять свой долгъ.

— Эко, чортъ, какъ говорить! Плутъ, должно быть! подумалъ Пименовъ и спросилъ: вы какое вино кушаете?

— Я-съ винъ не пью, а употребляю только дамскіе ликеры, самыя слабыя, отвѣчалъ Кобыленко, томно на распѣвъ и понюхавъ свои усы.

— Эй человѣкъ, подай ликеру! приказалъ Пименовъ.

— Вотъ у насъ еще однимъ джентльментомъ больше въ городѣ, продолжалъ Кобыленко. Вы не повѣрите, какая здѣсь скука. Только и есть одно семейство Гудимовыхъ.

— А вы съ ними знакомы? Бываете у нихъ?

— Посѣщаю иногда. Очаровательное семейство, особенно mademoiselle Adélaïde—мадонна просто.

Пименова уколола прямо въ сердце.

— Я даже сегодня заѣзжалъ къ нимъ недавно, продолжалъ Кобыленко, снова понюхавъ усы: и вообразите Adélaïde сидитъ задумчивая грустная. Ужъ не влюблены ли вы? спросилъ я у нея, а она вдругъ вспыхнула и убѣжала. Странно, право.

Пименовъ чувствовалъ, какъ кровь прилиwała у него къ головѣ.

— Да, Аделаида Платоновна, милая дѣвица, отвѣчалъ онъ, вздохнувъ.

— Развѣ вы ее знаете?

— Сегодня только познакомился.

— Не правда ли, что все семейство Гудимовыхъ божественное.

— Исключая двоюроднаго брата, сорвалось нечаянно у Пименова.

— Ахъ, помилуйте! Nicolas идеальный человѣкъ. Умень, какъ Сократъ. Философъ въ высшей степен и, немножко либералъ, но чтожъ такое! Я вамъ совѣтую подружиться съ нимъ. Вы его подлюбитеотъ души и послѣ не разстанетесь съ нимъ.

— Вотъ устроиться мнѣ прежде еще нужно.

— Что же васъ беспокоитъ?

— Да не знаю какъ. Хотѣлось бы мнѣ квартиру хорошую пріискать, мебель, хотя не щегольскую, купить; завести пару лошадей и экипажи.

— Все это такъ легко сдѣлать.

— Для меня трудно, потому что я никого здѣсь не имѣю знакомыхъ и не знаю къ кому обратиться.

— Наша обязанность помочь вамъ. Расскажите мнѣ какого рода квартиру хотите вы нанять, какъ ее обставить и какіе экипажи купить. Сдѣлайте примѣрную смѣту всѣхъ расходовъ и завтра же все упадетъ къ ногамъ вашимъ. Всѣ ваши хлопоты ограничатся только уплатою денегъ по вашему расчету.

— Мнѣ право совѣстно обременять васъ...

— Помилуйте, это мой священный долгъ, къ тому же у меня есть надежные факторы, слѣдовательно я самъ хлопотать не буду, а только взгляну, чтобы все со вкусомъ en grand было.

— Нѣтъ, онъ не мошенникъ, а добрый душа, подумалъ Пименовъ и съ чувствомъ пожалъ руку Кобыленкѣ.

— Вы меня въ смущеніе приводите, Михаилъ Александрычъ (ужъ Кобыленко успѣлъ узнать имя и отчество Пименова). Это священная обязанность каждаго смертнаго. Помогать ближнему высокая евангельская добродѣтель.

— Эхъ, нынче не всѣ слѣдуютъ этой добродѣтели. Обобрать ближняго гораздо выгоднѣе, нежели помочь ему.

— Мы не таковы-съ, набросайте однако смѣту, что вамъ нужно.

— Сію секунду.

Принялись считать и записывать всѣ необходимыя вещи, которыя Пименовъ думалъ для себя купить, и насчитали всего на все, съ квартирою, лошадьми и экипажами на двѣ тысячи рублей—ровно на столько, сколько было въ карманѣ Пименова.

— Я васъ попрошу и деньги теперь захватить съ собою. Такъ ужъ вы за меня и побезпокойтесь расплатиться со всѣми, произнесъ онъ простодушнѣйшимъ тономъ.

Такая увѣренность даже озадачила Кобыленку.

— А если вамъ что не понравится? спросилъ онъ.

— Я полагаюсь во всемъ на вашъ вкусъ. Развѣ лошадей посмотрѣть нужно!

Кобыленко выпилъ еще двѣ рюмки ликера, взялъ деньги и

уѣхалъ, назвавъ Пименова на прощанье: достойнымъ рыцаремъ, истиннымъ джентльменомъ и крѣпко-крѣпко пожалъ ему руку.

— Вотъ что значитъ провинція, думалъ Пименовъ, оставшись одинъ. Здѣсь и люди на людей похожи, а въ Петербургѣ все подлецы живутъ: за всякую услугу плати да еще обворуютъ. Ей Богу, этотъ Кобыленко пріятный человѣкъ, только говорить непонятно, должно быть у этого осла Nicolas научился, а Аделичка душка! Взялъ бы ее, мамочку, на ручки, да такъ бы и закачалъ: баю, баю, баюшки.

А врага коли и бей

И приклада не жалѣй.

Послышалось за дверями и тотчасъ же вошелъ и самъ Климовъ съ сіяющимъ лицомъ.

— Откуда вы, Максимъ Назарычъ?

— Ужъ, батенька, сколько дѣловъ обдѣлалъ. Квартиру себѣ нанялъ и ужъ къ женѣ Тришку съ извѣстіемъ отправилъ, что-бы переѣзжала.

— Значить, она скоро къ вамъ пріѣдетъ?

— Да дня черезъ два.

— И вы меня вѣрно ей представите? Вѣдь вы перевивы?

— Хи, хи, хи, батенька и безъ ревности спину ломить. Да нѣтъ, я впередъ знаю, что моя жена вамъ не понравится.

— Отчего такъ?

— Маленькая она и худенькая такая, а ужъ за то бѣдовая баба!

— Будто бы?

— Ей Богу. Какъ примется ругать меня, только молчишь.

— А у меня Кобыленко былъ.

— Ну что, мытарь должно быть? Вѣдь я его мелькомъ видалъ, только въ разговоры съ нимъ не вступалъ, потому что мошенникъ по рожѣ сейчасъ видѣнъ. Клеймо, значить, какъ у Каина, на лбу лежитъ.

— Вотъ и ошиблись. Кобыленко преобязательный господинъ и ученый, какъ замѣтно по разговорамъ.

— Это, батенька, такъ на свѣтѣ устроено: честенъ—такъ глупъ; уменъ—такъ подлець. Всѣ мы люди и всѣ мы человѣки такъ-вы. А чѣмъ же онъ васъ обязалъ позвольте спросить?

— Какъ же, вызвался мнѣ квартиру панать, мебель, лошадей, словомъ все закупить.

— На ваши деньги?

— Конечно не на свои.

— И вы ему, пожалуй, и деньги еще выдали?

— Отдалъ всё сполна.

— Ай, ай, ай, ай! Какой же вы батюшка, съ позволенія сказать, фофанъ. Ну, какъ вамъ на свѣтѣ жить! А знаете ли, что этотъ мытарь съ вами сдѣлаетъ?

— А чтобы напимвръ?

— Либо украдетъ ваши деньги, когда онъ умный человѣкъ, либо обсчитаетъ васъ на всё корки.

Пименовъ засмѣялся.

— Полноте, Максимъ Назарычъ. Вѣдь есть же на свѣтѣ и честные люди?

— Нѣту, батенька, ей, ей, нѣту. Былъ одинъ честный судья да и того французы повѣсили.

— Значить, и вы нечестный человѣкъ?

— И я такой же, какъ и всё, и мнѣ денегъ не вѣрьте. Всѣ мы люди и всё человѣки и всё во грѣхахъ рождены.

Однако Климовъ на этотъ разъ ошибся на счетъ Кобыленки. Черезъ два дни квартира Пименова была совершенно готова, меблирована и убрана. Пара отличныхъ лошадей стояла на конюшнѣ, коляска и дрожки тоже были куплены по случаю очень дешево и за всѣмъ тѣмъ Кобыленко привезъ еще оставшіеся отъ расходовъ 300 рублей. Пименовъ окончательно увѣрился въ высокой честности Кобыленко и поручилъ ему пригласить на новоселье къ себѣ Nicolas и избранную молодежь Дегтарска.

Къ обѣду у Пименова собралось довольно народу. Все были приличные молодые люди, пріѣхалъ и полковникъ, начальникъ Пименова, пріѣхалъ даже Тыранинъ, котораго самъ Пименовъ просилъ лично, какъ почетное лицо въ городѣ и еще больше какъ родственника Аделаиды.

Впрочемъ Тыранинъ остался не на долго. Еще до обѣда вступилъ онъ въ споръ съ Nicolas о правленіи славянъ. Разсердился, обругалъ племянника дуракомъ и скифомъ и уѣхалъ даже не простясь съ хозяиномъ.

Обѣдъ шелъ шумно и весело. Nicolas, не стѣсняясь присутствіемъ полковника, ругалъ генераловъ, проповѣдывалъ разныя соціальныя идеи, предлагалъ тосты за Байрона, Марата, за Робеспьера и наконецъ за себя, какъ за русскаго соціалиста. Гости пили и качали Nicolas.

Послѣ обѣда Nicolas, совершенно пьяный, взялъ Пименова подъ руку и вышелъ съ нимъ въ садъ.

— Какой ты счастливый, братецъ, право, говорилъ Nicolas, едва владѣя языкомъ. Ты просто колдунъ. Сестру мою околдовалъ.

Пименовъ обрадовался выпытать у пьянаго Nicolas всю правду объ Адели.

— Чѣмъ я околдовалъ твою сестру? спросилъ онъ неровнымъ голосомъ.

— Съ ума, братецъ, по тебѣ сходить. Покою не даетъ, говорить: гдѣ хочешь достань и привези ко мнѣ Пименова.

— Будто она это говорила?

— Ей Богу, говорила. Да ты смотри, не проболтайся, а то меня со свѣта сживутъ. Вѣдь я тебѣ говорю по братски и собственно потому, что ты въ мое *братство* вступить думаешь.

— Честное слово, никому не скажу. Ну рассказывай, что еще говорила сестра?

— Многое она говорила. Всего теперь не припомнишь.

— Припомни. Какой ты несносный.

— Ну хорошо, не сердись, припомню. Говорила она мнѣ: Nicolas отчего это я такъ Пименова полюбила? а я ей говорю: оттого, что ты дура; а она мнѣ: — Николинька вѣдь Пименовъ милашка, а я ей говорю: дрянъ твой Пименовъ, а она мнѣ — болванъ ты Nicolas и мизинца Пименова не стоишь. Ей Богу, такъ и говорить.

Трудно передать, что дѣлалось съ Пименовымъ во время несвязнаго монолога Nicolas. Ему хотѣлось тотчасъ бы ѣхать къ Адели, признаться ей въ любви, сдѣлать предложеніе и тому подобное, но Nicolas остановилъ его, какъ бы разгадавъ его мысли.

— Ты смотри, братъ, не вздумай завтра же сестрѣ въ любви признаться. Все дѣло испортить, съ носомъ останешься.

— Почему такъ?

— Да потому, что она тебя за вѣтрэннаго мальчишку приметъ. Скажетъ въ одинъ день влюбился—въ одинъ день и разлюбитъ. Тутъ, братъ, тоже философія и идеи нужны, а вотъ ты до сихъ поръ еще не прочелъ *l'esprit des lois*?

— Прочту, будетъ время. Неужели Адель на меня разсердится, если я съ нею объяснюся?

— Непремѣнно разсердится. Ты не таранты. Это дѣло мы съ тобой обдѣлаемъ. Я тебѣ помогать буду.

— Ты меня очень обяжешь.

— Не хочу я тебя обязывать. Я предлагаю только два условія: во первыхъ ты долженъ любить и уважать мою сестру или я тебя на дуэль вызову и убью.

Больше Nicolas не могъ говорить: языкъ у него спутался, глаза посоловѣли, голова качалась изъ стороны въ сторону и Пименовъ отвелъ его въ спальню и уложилъ на свою постель.

Пименовъ чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ и не могъ скрыть своего счастья отъ Кобыленки, съ которымъ онъ въ послѣдніе два дни сдѣлался задушевымъ другомъ.

— Аполлонъ, она влюблена въ меня! сказалъ онъ восторженно штабсъ-капитану, отведя его въ сторону отъ гостей.

— Кто она?

— Аделичка, душка моя!

— Откуда же ты это узналъ?

— Nicolas пьяный проболтался. Мертведцки пьянъ и спитъ въ спальнѣ!

— Экой человѣкъ, а еще философъ!

— Какъ ты думаешь—не вретъ онъ?

— О пѣтъ, у него и тверезаго-то вся душа на распашку.

— Я завтра же объяснюсь съ Аделичкой.

— Сохрани тебя Богъ. Ты этимъ себя погубишь въ ея глазахъ. Всякое дѣло требуетъ неперемѣнно обдуманнаго плана. Идеальныя мечты, облеченныя въ туманный образъ....

— Ну, запоролъ философію! Когда ты со мной привыкнешь говорить по человѣчески?

— Ты теперь съ ума сошелъ отъ радости и самыхъ обыкновенныхъ словъ, кажется, не понимаешь.

Къ вечеру Nicolas проспался и съ безпокойствомъ спросилъ у Пименова:

— Я, кажется, вамъ что то-рассказывалъ?

— Вспомните-ка, что вы рассказывали? переспросилъ Пименовъ съ лукавою улыбкою.

— Ничего не могу припомнить. Вы мнѣ пьяному, пожалуста, не вѣрьте. Я пьяный, скоту уподобляюсь и всякую чепуху несусу, даже и социализмъ иногда забываю.

Пименовъ увѣрилъ Nicolas, что онъ ему ничего не говорилъ и тотъ успокоился.

Вечеромъ Nicolas заложилъ небольшой банкъ, понтеровъ нашлось много и игра началась. Пименовъ былъ страстнымъ игрокомъ въ Петербургѣ, но послѣ свиданія съ матерью онъ рѣшительно закался играть. Теперь при видѣ зеленого поля въ немъ снова пробудилась страсть къ игрѣ, онъ крѣпился, крѣпился и по обыкновенію не выдержалъ и подошелъ къ столу.

— И вы къ намъ? спросилъ его Nicolas.

— Да примажусь.

— Я съ вами боюсь играть.

— Почему?

— Вамъ во всемъ счастье.

— Вотъ посмотримъ.

Въ самомъ дѣлѣ въ этотъ вечеръ Пименову везло необыкновенно. Онъ убилъ подрядъ одиннадцать картъ и сорвалъ банкъ. Nicolas съ досадою бросилъ карты.

— Вамъ бы, молодой человѣкъ, во Франціи родиться, сказалъ онъ. Вы бы давно Наполеономъ были. Чертовское вамъ во всемъ счастье.

На другой день Пименовъ поѣхалъ съ визитомъ къ Гудимовымъ. Его встрѣтила Аделаида въ утреннемъ капотѣ. Ни тетки, ни Nicolas не было въ комнатѣ.

— Вы насъ рѣдко посѣщаете, м-сье Пименовъ, сказала она съ упрекомъ, подавая ему руку.

— Никакъ не могъ быть раньше. Устраивался.

— Будто ужъ у васъ не было лишняго часу для насъ?

— Право, не могъ.

— Не оправдывайтесь, а просите прощенія или я разсержусь на васъ, перебила его Аделаида, кокетливо надувъ губки.

— Развѣ вамъ было безъ меня скучно?

— Нисколько. О чемъ мнѣ скучать?

— Это я такъ только спросилъ, сказалъ, сконфузившись, Пименовъ. Я думалъ, что вы... что вамъ пріятно меня видѣть...

— Да, я бы желала васъ видѣть почаще.

— А почему бы вы желали?

— Потому что это моя прихоть и вы непременно должны ее исполнить. За наказаніе вы должны подольше остаться у насъ сегодня, слышите?

— Я бы желалъ почаще получать такіа наказанія.

Пименовъ дѣлался все развязнѣе и развязнѣе. Скоро разго-

воръ перешелъ на обыкновенную тему на счетъ чувствъ. Пименовъ готовъ уже былъ признаться въ любви, когда вошла сама Гудимова и помѣшала объясненію.

Вернувшись домой, Пименовъ схватилъ подушку, сжалъ ее въ объятіяхъ и закружился съ нею покомнатѣ, припѣвая неистово:

— Аделъ! Аделичка, Аделъка, Аделаида, душка моя, ним-точка моя....

VI.

— Бывалъ, я батенька, въ разныхъ походахъ: всего натерпѣлся, всякую гадость видѣлъ, а такой кутерьмы еще не разу не испыталъ. Вѣрите ли, до сихъ поръ еще въ головѣ триста барабанщиковъ церемоніальный маршъ бьютъ. Вотъ оно что значать бабы.

Такъ рассказывалъ Пименову Климовъ о перетѣздкѣ своей жены въ городъ.

— Да вы бы ко мнѣ ушли, сказалъ Пименовъ. Развѣ безъ васъ не устроились бы?

— Я вамъ скажу такъ бы устроились, что не на чѣмъ сѣсть было бы. Вѣдь это антихристы. Пошелъ я только въ кабинетъ трубку набить, а кучеръ Антипъ схватилъ самоваръ да въ кабакъ. Ужъ и *выправилъ* я его за это!

— Чего же жена ваша смотреть за ними?

— Вотъ поѣдемъ, я вамъ покажу какая у меня жена, просто снаничка. Непремѣнно васъ велѣла привести.

— Почему она меня знаетъ?

— Да въ сердцахъ я ее попрекнулъ вами и все ей про васъ уяснилъ.

— Какъ въ сердцахъ?

— Побранились мы съ ней вчера и стала она мнѣ на счетъ своей любви говорить. Озлился я, батенька. Говорю: ну тебя въ Казугу съ твоею любовью! Пріѣхалъ, говорю, изъ Петербурга инженеръ Пименовъ, такъ ты ужъ къ нему и адресуйся съ своею любовью, а я, говорю, любви никакой не знаю.

— Что же она вамъ отвѣчала?

— Усмирилась, батенька, и стала про васъ спрашивать. Ну, я ей все и рассказалъ.

— И вѣрно много прибавили?

— Ничего ни прибавлялъ. Говорю: Іосифъ цѣломудренный и прекрасный. Она и приказала мнѣ непременно васъ привести.

— Поѣдьте, поѣдьте. Мнѣ любопытно видѣть вашу жену.

Въ квартирѣ у Климова, не смотря на трехдневныя безпрерывныя хлопоты, былъ страшный беспорядокъ. Мѣшки, набитые какими-то хламомъ, самовары, тряпки, посуда, пуховики, валялись на полу въ залѣ, сваленныя въ одну безобразную кучу.

— Вотъ видите какіе биваки, какъ будто тутъ мародеры привалъ сдѣлали, сказалъ Климовъ, указывая съ горькою улыбкою на беспорядокъ въ залѣ.

— Катерина Петровна! цыпка! гдѣ ты? крикнулъ онъ.

— Здѣсь, отвѣчалъ изъ гостиной мелодическій голосокъ.

Въ гостиной было уже все прибрано. На диванѣ сидѣла худощавая, граціозная женщина, лѣтъ 22, съ тонкими правильными чертами. Лице ея не поражало съ перваго разу блестящею красотою, по невольно привлекало къ себѣ добрымъ выраженіемъ и естественною, незаученною граціей. Пименовъ даже не смутился и не покраснѣлъ по обыкновенію. Катерина Петровна напомнила ему очень живо очаровательныхъ, воздушныхъ нимфъ петербургскаго балета. Онъ очень развязно сѣлъ рядомъ съ хозяйкой и развязно вступилъ въ разговоръ. Хозяйка оказалась тоже незастѣнчивою дамой. Она умно и съ тактомъ отвѣчала на всѣ вопросы и шутки Пименова и по временамъ смотрѣла на него не совсѣмъ равнодушными глазами. Замѣтно было, что Пименовъ ей понравился и она думала найти хоть въ немъ ту любовь, которую она въ теченіи двухъ лѣтъ напрасно старалась пробудить въ мужѣ.

— Ну теперь ты, *цыпка*, должна уговориться, говорилъ Климовъ. Всѣ твои желанія я исполнилъ: и въ городъ тебя перевезъ и Михайла Александровича къ тебѣ представилъ. Чего тебѣ еще?

— Когда ты отучишься отъ этого глупаго слова. Повѣрите ли, мсье Пименовъ, онъ такъ меня при всѣхъ зоветъ. Больше мнѣ и имени пѣтъ, какъ *цыпка*.

— А вамъ это не нравится?

— Конечно. Что это за слова *цыпка*! Даже для слуха неприятно.

— Ну, Максимъ Назарычъ, объясняйте, что такое значить *цыпка*?

— Это слово, батенька, я перенялъ у своего командира и поправилось оно мнѣ. Знаете, онъ свою полковницу цыпкой звалъ, только та была дама здоровенная и больше на *домовика*, чѣмъ на *цыпку* походила.

— У него страсть давать названія. Прежде онъ меня звалъ: *бочокочекъ*, а теперь *цыпка*. Даже постороннимъ людямъ онъ даетъ названія. Такъ нашего становаго онъ прозвалъ Олоферномъ.

— Это почему?

— А потому, батенька, что онъ настоящій Олофернъ, т. е. на счетъ любострастія. Всѣ бабы его ужасно боятся и, помните мое слово, какая нибуть Юдифь найдетъ, свернетъ ему башку.

— Онъ вамъ со временемъ вѣроятно какое нибудь имя дастъ, замѣтила Пименову Катерина Петровна.

— Да ужъ онъ мнѣ далъ.

— Неужели? какое же?

— Іосифъ прекрасный.

Катерина Петровна взянула на Пименова, желая увѣриться, похожъ ли онъ на прекраснаго Іосифа и взглядъ ея встрѣтился съ взглядомъ Пименова. Она сконфузилась и покраснѣла, а Пименовъ подумалъ:

— Неужели и эта въ меня влюбилась? Значить, опять счастливая полоса нашла. Опять петербургская жизнь начинается, только нужно дѣйствовать съ умомъ, чтобы опять не замотаться.

Время прошло для Пименова незамѣтно. Онъ остался обѣдать у Климова и послѣ обѣда, когда хозяинъ ушелъ по обыкновенію спать въ свой кабинетъ, просидѣлъ наединѣ съ Катериной Петровной, говоря ей комплименты и тонко намекая на свою способность къ *святой любви*.

Прошелъ мѣсяцъ. Пименовъ почти каждый день бывалъ у Гулимовыхъ, но никакъ не могъ выбрать удобной минуты для объясненія съ Аделандой: то Nicolas, то ея тетка мѣшали, а между тѣмъ Пименовъ дарилъ Адели разныя дорогія бездѣлки и ихъ принимали благосклонно. Деньги, привезенныя Пименовымъ изъ Пскова и посланные ему еще матерью, приходили къ концу. Онъ прибѣгнулъ къ подрячикамъ. Пименовъ, самъ не замѣчая, сдѣлался мытаремъ.

Nicolas тоже довольно часто посѣщалъ Пименова, объяснялъ

ему социальныя вопросы, общался сдѣлать его своимъ помощникомъ въ предполагаемомъ *братствѣ*, игралъ съ нимъ въ карты и постоянно проигрывалъ, конечно по немногу. Даже Тыранинъ изрѣдка заѣзжалъ къ Пименову. Старикъ полюбилъ его за то, что тотъ постоянно терпѣливо выслушивалъ длинныя разсужденія его о славянахъ и никогда не противорѣчилъ. Что же касается до Климова, то Пименовъ сдѣлался у него домашнимъ чловѣкомъ. Судья не ревновалъ, а Катерина Петровна надѣялась, что скоро услышитъ она отъ самаго Пименова признаніе въ святой любви. Однако время проходило. Пименовъ шутилъ, любезничалъ, но о любви не говорилъ.

Въ это время пріѣхала изъ Москвы какая-то важная и сильная особа. Дегтярскъ засуетился, даже самъ Климовъ былъ обезпокоенъ и говорилъ вздыхая:

— Зачѣмъ къ намъ этого барина прислали. Сохрани Богъ, ревизовать начнетъ, да подѣ судъ отдастъ. Вѣдь погубить и въ уваженіе не приметъ, что всѣ мы люди и всѣ мы чловѣки, значить во грѣхахъ родились.

А присланный изъ Петербурга жилъ себѣ въ Дегтярскѣ ни чего не дѣлая, или показывая видъ, что ничего не дѣлаетъ. Услышалъ онъ про Гудимову и вспомнилъ, что когда-то былъ знакомъ съ ея супругомъ. Дѣло тутъ, собственно говоря, относилось не къ знакомству, а къ Адели, которую значительная особа видѣла и плѣнилась ею. Юлія Богдановна пришла въ восторгъ отъ посѣщенія ея дома такимъ вельможею, хотя она хорошо знала, что любовь подобныхъ значительныхъ особъ къ молодымъ дѣвушкамъ имѣетъ всегда цѣлю не женитьбу, а только временное наслажденіе пластическими формами, поэтому Гудимова разумно разсудила, что уже время чѣмъ нибудь скорѣе покончить съ Пименовымъ и въ случаѣ неудачи прибѣгнуть хотя бы подѣ временное покровительство пріѣзжара изъ Петербурга, тѣмъ болѣе, что дѣла Гудимовой и ея роскошная квартира висѣли, какъ говорится, на ниточкѣ. Гудимова заняла чрезъ Юзку у одного богатаго ростовщика, давшего ей деньги рубль за рубль и то въ послѣдній разъ, двѣ тысячи рублей и устроила балъ, на который пригласила петербуржца, всю его свиту, всѣхъ важныхъ лицъ въ городѣ, всю дегтярскую аристократическую молодежь, въ томъ числѣ и Пименова.

Собравшись на балъ, Пименовъ заѣхалъ къ Климову. Судья еще спалъ, но Катерина Петровна примѣривала передъ зерка-

онъ свой бальный костюмъ и при входѣ Пименова тотчасъ же выслала изъ комнаты горничную.

— Какъ вы хороши въ этомъ платьѣ! невольно вскрикнулъ Пименовъ, пораженный нескромно открытою грудью и бѣлыми плечиками Катерины Петровны.

— А вы только сейчасъ это замѣтили? спросила съ легкимъ упрекомъ Климова.

— Нѣтъ, я всегда замѣчалъ, но сегодня вы особенно хороши. Вы вѣроятно долго занимались своимъ туалетомъ?

— Я никогда не занимаюсь собою.

— Отчего же вы не занимаетесь?

— Для кого же мнѣ заниматься? Ужъ не для Максима ли Назарыча? Его ничѣмъ не прельстишь. Онъ только пѣсни съ Гришкой поетъ.

И Катерина Петровна съ досады такъ неловко повернулась, что задѣла за маленькій столикъ и уронила его вмѣстѣ со свѣчю на полъ.

Въ комнатѣ сдѣлалось темно. Пименовъ бросился ошупью искать свѣчи на полу, но вмѣсто ея онъ нашелъ ручку хозяйки и поцѣловалъ ее, а черезъ минуту онъ уже цѣловалъ Катерину Петровну въ шейку, въ глазки, въ губки, въ грудь, безъ разбора.

— Что вы дѣлаете, опомнитесь! Ай! Максимъ Назарычъ войдетъ!

Слабо защищалась Катерина Петровна, отвѣчая по временамъ на поцѣлуи Пименова такими же страстными поцѣлуями.

— Катя, Катюша... Катеночекъ мой... Я тебя люблю чистою любовью. Ты мой ангелъ хранитель, шепталъ Пименовъ, цѣлуя все чаще и чаще Катерину Петровну.

Прошло съ часъ времени, а Катерина Петровна все еще не приказывала подать свѣчку. Что дѣлалось въ комнатѣ — это покрыто было мракомъ ночи и мракомъ неизвѣстности, какъ выражается Смарагдовъ.

Вдругъ въ дальней комнатѣ послышалось шлепанье туфель и звонкое пѣніе. Максимъ Назарычъ проснулся подъ напѣвомъ, вскочивъ съ постели, тотчасъ же затянулъ:

Каждый воинъ тѣмъ и дышетъ,

Чтобъ врага привести въ ятежъ.

Всякъ изъ насъ одно лишь слышитъ:

«Бей, коли, руби и рѣжь!»

Пименовъ быстро вскочилъ съ дивана и принялся шарить по полу руками, а Катерина Петровна, какъ птичка, выпорхнула въ другую комнату.

— Эй, кто тутъ! Что вы въ жмурки играете? спросилъ судья, войдя въ гостинную и наткнувшись на Пименова.

— Это я-съ, свѣчу ишу.

— Ба, Михаилъ Александровичъ! Іосифъ цѣломудренный! На полу-то вы зачѣмъ?

— Да вотъ Катерина Петровна свѣчку уронила.

Явилась и Катерина Петровна съ новою свѣчкою въ рукѣ, щечки ея горѣли какъ въ огнѣ, а сама она весело улыбалась.

— Эхъ, разгорѣлась *цыпка*, будто тебя кто цѣловалъ, замѣтилъ шутливо судья, потрепавъ жену по щекѣ.

На этотъ разъ уже и Пименовъ покраснѣлъ, какъ школьникъ, пойманный въ кражѣ.

VII.

Балъ у Гудимовыхъ только что начался, когда пріѣхалъ туда Пименовъ. Гостей собралось уже довольно, губернаторъ и всѣ дегтярскія особы уже расхаживались по залу, но петербуржецъ еще не пріѣзжалъ.

Наконецъ на улицѣ раздался стукъ, гости засуетились, оркестръ грянулъ увертюру изъ Халифа Багдадскаго, губернаторъ вошелъ подъ руку съ низенькимъ, плешивымъ и сморщеннымъ старичкомъ, одѣтымъ въ черный фракъ съ двумя звѣздами на груди. Это-то и былъ самъ присланный изъ Петербурга чиновникъ.

Балъ начался.

Пріѣзжій пригласилъ Аделаиду на польскій, потомъ танцевалъ съ нею кадрили и наконецъ сѣлъ играть въ карты съ губернаторомъ и Тыранинымъ. Вторую кадрили съ Аделаидою танцевалъ ближайшій наперстникъ петербургскаго гостя, а Пименовъ, терзаемый ревностью, мрачно слѣдилъ глазами за танцующими. Онъ видѣлъ какъ гость любезничалъ съ Аделаидой, видѣлъ какъ Аделаида благосклонно ему улыбалась, видѣлъ — и злоба накупѣла у него на сердцѣ.

Послѣ второй кадрили Пименовъ подошелъ къ Адели.

— Позвольте мнѣ просить васъ на третью кадрили?

— Ей Богу, я устала.

— Вы не хотите со мной танцевать?

— Я ужасно утомлена, пойдемте лучше прогуляться по саду.

Пименовъ подалъ руку и она вышла въ садъ. Они шли по аллеѣ, иллюминированной разноцвѣтными фонарями. Аделаида томно опиралась на руку Пименова, локоны ея касались щеки Пименова, а сквозь густые листья липъ глядѣли на нихъ яркія звѣзды, гармоническіе звуки оркестра едва долетали до нихъ, огни фонарей фантастическимъ свѣтомъ освѣщали деревья, а съ обѣихъ сторонъ аллеи непроницаемая мгла окутывала кустарники и куртины цвѣтовъ и среди этой мглы едва можно было различить бѣлыя алебастровыя статуи, стоявшія на своихъ пьедесталахъ, неподвижно какъ призраки.

— Сядемъ здѣсь отдохнемъ, сказала Аделаида, указавъ Пименову на деревянный диванъ, стоявшій возлѣ ярко освѣщенной небольшой бесѣдки.

Пименовъ сѣлъ и Аделаида помѣстилась съ нимъ рядомъ, но такъ близко, что Пименовъ чувствовалъ какъ билось ея сердце.

— Ахъ, какъ я устала, танцуя съ этимъ старикомъ, сказала томно Аделаида послѣ короткаго молчанія.

— А мнѣ казалось вамъ это было очень пріятно, колко возразилъ Пименовъ.

— Какой вы злой! Вы нисколько меня не жалѣете.

— Чего васъ жалѣть? Вы, кажется, совершенно счастливы и довольны своимъ положеніемъ.

— Ахъ, вы не знаете въ какомъ я положеніи! почти со слезами вскрикнула Аделаида.

— А что такое?

— Нѣтъ, я вамъ не скажу. Вы скоро сами узнаете и тогда пожалѣете меня.

Пименовъ струсилъ.

— Да что же такое, ради Бога скажите Аделаиду Петровна?

— Я выхожу замужъ, противъ своего сердца.

— Вы? За кого же?

— Этотъ ужасный старикъ объявилъ мнѣ, что завтра будетъ просить мою руку у татапа.

— Вы ему отказали?

— Нѣтъ, я не смѣла этого сдѣлать. Я знала, что татапа дожить его знакомствомъ и вѣроятно ему не откажетъ. Боже мой! я, кажется, умру съ тоски.

Адель закатила подъ лобъ глаза и упала на плечо къ Пиме-

нову. Пименовъ рѣшительно потерялся: зубы его стучали какъ на морозѣ, въ глазахъ потемнѣло — онъ крѣпко обхватилъ Аделаиду за талию и поцѣловалъ ее въ губы.

Аделаида очутилась у него на колѣняхъ и въ свою очередь обхватила его руками за шею.

— Мишель, спаси меня, шептала она.

— Я спасу тебя, душка моя, милая моя! отвѣчалъ Пименовъ, неистово цѣлуя Адель и позабывъ въ эту минуту и Катерину Петровну и всѣхъ на свѣтѣ.

— *Adele que se que vous faites?* раздался вдругъ строгій голосъ.

Пименовъ въ одну секунду опустилъ Адель на диванъ и увидѣлъ передъ собою Гудимову вмѣстѣ съ какою-то незнакомою дамой. Адель упала въ обморокъ.

— Мосѣ Пименовъ, вы должны объяснить мнѣ, что все это значить? спросила Гудимова, грозно нахмуривъ брови.

— Позвольте мнѣ, Юлія Богдаповна... началъ Пименовъ дрожащимъ голосомъ: позвольте мнѣ просить у васъ руку Адели... мы любимъ другъ друга...

— Какой вы, право, странный. Нашли мѣсто, гдѣ дѣлать предложеніе. Охъ, молодой человѣкъ, думали обмануть мать, прибавила она уже снисходительнымъ тономъ.

— Право, намѣренія мои были чисты... я прошу у васъ...

— Нечего съ вами дѣлать. Хотя вы и вѣтренникъ, а я должна согласится, потому что дочь васъ любитъ.

Обморокъ Адели прошелъ. Гудимова благословила дочь и черезъ полчаса объявила гостямъ о помолвкѣ своей дочери за Пименова. Дамы бросились поздравлять Адель, одна только Катерина Петровна, пораженная прямо въ сердце невѣрностію Пименова, тотчасъ же уѣхала домой.

На другой день Пименовъ вмѣстѣ съ Кобыленкой явился къ Гудимовымъ и привезъ Адели великолѣпную бонбоньерку. Начались взаимныя совѣщанія на счетъ свадьбы. Гудимова хотѣла просить въ посаженные отцы пріѣзжаго изъ Петербурга Nicolas настаивалъ, чтобы на свадьбѣ не было ни одного генерала, Пименовъ держался середины. Завязался жаркій споръ между племянникомъ и теткою, когда лакей доложилъ, что жидъ брилліанщикъ проситъ позволенія показать вещи.

— Позови, сказала Гудимова.

Вошелъ жидъ и разложилъ на столѣ различныя колѣе, фермуары, браслеты, серьги, кольца и т. п. Адель примѣрила колѣе

и серьги, горѣвшія брилліантами и, захопавъ въ ладоши, вскричала:

— Ахъ, какъ это ко мнѣ идетъ!

— И не снимайте, замѣтилъ, не думавши долго, Пименовъ. Позвольте мнѣ подарить вамъ эти вещи и вотъ еще эти браслеты.

Адель страстно поцѣловала жениха.

— Какой она еще ребенокъ! Берегите ее, Михаилъ Александрычъ, сказала со слезами на глазахъ Гудимова.

Посидѣвъ часа полтора и условившись окончательно о днѣ свадьбы, Пименовъ распрощался со невѣстой и вышелъ опять вѣстѣ съ Кобыленкой на крыльцо.

Здѣсь его остановилъ жидъ брилліанщикъ.

— Ази, васе сіятельство, приказите полуцить долзокъ.

— Сколько я тебѣ всего долженъ?

— Всего 10 тысяцъ.

— Что? Ахъ ты, Іуда!

— Меньше нельзя-съ.

— Ну, ну толкуй! вѣшался Кобыленко, можно и 7 тысячъ. Ты братъ не разговаривай, а то и назадъ и вещи получишь.

Послѣ долгаго торга жидъ наконецъ согласился взять 7 тысячъ.

— Какъ же тутъ быть, Кобыленко, замѣтилъ съ замѣшательствомъ Пименовъ. Вѣдь денегъ у меня всего только 500 рублей осталось.

— Неужели?

— Ей Богу. Къ матери отправилъ письмо прошу 10 тысячъ на свадьбу. Недѣли двѣ пройдетъ, пока вышлетъ.

— Нужно какъ нибудь достать.

— Да у кого достанешь?

— Попытайся попросить у Тыранина. Вѣдь онъ съ тобой хорошъ и можетъ быть не откажетъ.

— А какъ откажетъ?

— Придется возвратить вещи.

— Нѣтъ, братъ, это позоръ. Ужъ я изъ кожи вылѣзу, а денегъ достану. Отправляйся вѣстѣ съ жидомъ ко мнѣ и жди меня. Я постараюсь поскорѣ кончить съ Тыранинымъ.

Тыранинъ сидѣлъ, обложившись кругомъ книгами, когда къ нему вошелъ разстроенный Пименовъ.

— Вотъ вы и кстати, батюшка, ко мнѣ пріѣхали, сказалъ живо Тыраиниъ; не упомните ли вы, кажется, Несторъ говоритъ о Гостомыслѣ, посадникѣ повгородскомъ, который ходилъ на Ливонцевъ.

— Говорить, Алексѣй Семенычъ.

— Увѣрялъ я вчера этого глупаго Ландскнехта. Такъ нѣтъ, никакихъ резоновъ не слушаетъ. Своихъ нѣмцевъ до небесъ превозноситъ.

— Потому что онъ самъ нѣмецъ.

— Именно потому, только скверно къ своей націи такое пристрастіе имѣть. А вотъ я вамъ, батюшка, прочитаю очень любопытное мое изслѣдованіе о древне-славянскихъ собственныхъ именахъ. Мнѣ хочется знать ваше мнѣніе.

И не дождавшись отвѣта, Тыраиниъ началъ читать мелко исписанную рукопись. Какъ ни горько было Пименову, но онъ съ терпѣніемъ, не понявъ ни слова, прослушалъ до конца *любопытное* сочиненіе.

— Ась? Что вы скажете? спросилъ Тыраиниъ, окончивъ чтеніе.

— Превосходно написано, а главное совершенно справедливо.

— Не хотите ли я вамъ прочту еще разъ съ особенными комментаріями.

— Нѣтъ ужъ, вы будьте такъ добры Алексѣй Семенычъ, позвольте мнѣ взять на домъ ваше сочиненіе и съ комментаріями.

— Вамъ я повѣрю, но сохрани васъ Богъ показать кому нибудь. Это такое важное сочиненіе, что его сейчасъ украдутъ.

— Никому не покажу. Я къ вамъ тоже важную просьбу имѣю.

— Вы вѣроятно хотите попросить у меня какой нибудь рѣдкій источникъ? Чтожъ я съ удовольствіемъ.

— Нѣтъ не то, Алексѣй Семенычъ. Я жениться задумалъ.

И Пименовъ коротко объяснилъ, свое дѣло и свою просьбу.

— Гмъ! задумался Тыраиниъ. А знаете ли что древнія славянскія женщины не носили брилліантовъ?

— За то нынѣшнія носятъ.

— Гмъ! Отъ этого ихъ нужно отучить. Пора намъ за умъ взяться и всю эту нѣмецкую дурь отбросить.

— Непремѣнно одѣну жепу по русски. Я даже думаю у васъ просить покроя или рисунка этого наряда.

— Нарядъ простой: сарафанъ, фата или покрывало и повязка на голову.

— Ужь, пожалуйста, помогите мнѣ и капиталами.

— Капиталами? Гмъ! А бросите вы Нестора читать?

— Брошу. Ей Богу, брошу.

— Хорошо. Извольте, помогу.

Тыраинъ отказался даже отъ заемнаго письма, а взялъ съ Пименова только простую росписку. Пименовъ поскакалъ домой какъ сумашедшій и засталъ у себя кромѣ жида и Кобыленки еще Nicolas, съ какимъ-то незнакомымъ господиномъ.

— Побѣда друзья! вскричалъ Пименовъ, вбѣгая въ комнату. За то ухъ! какую каторгу вытерпѣлъ!

— Неужели далъ?

— Далъ, слова не вымолвилъ. Вотъ они. Получай свое, Іуда! Пименовъ даже не спросилъ о фамиліи новаго гостя, а Nicolas вѣроятно забылъ его отрекомендовать. Пименовъ послалъ за шампанскимъ, выпили поддюжины и сѣли играть въ карты.

— Ну-ка, Матвѣичъ, заложи, обратился Nicolas къ незнакомому господину.

Матвѣичъ вытащилъ пукъ ассигнацій и принялся метать. Пименовъ сначала, по обыкновенію, не принималъ участія въ игрѣ, но когда увидѣлъ, что Матвѣичъ мечетъ очень несчастливо, то и онъ поставилъ карту.

На этотъ разъ счастье измѣнило Пименову: у него убили шесть картъ, что составило около трехъ тысячъ. Nicolas и Кобыленко тоже проиграли.

Пименовъ разгорячился и чрезъ три часа-пятнадцать тысячъ перешли въ карманъ Матвѣича.

— Идетъ пара лошадей! крикнулъ Пименовъ, ставя карту.

— Бита-съ, хладнокровно отвѣчалъ Матвѣичъ.

Пименовъ хотѣлъ было играть на мебель и экипажи, но Матвѣичъ съ улыбкой положилъ карты и замѣтилъ.

— Теперь пока баста, а завтра, если угодно, могу реваншировать.

Nicolas и Матвѣичъ уѣхали.

— Опять я задурилъ и въ петлю попалъ, сказалъ съ отчаяніемъ Пименовъ, а еще матери передъ образомъ поклонился.

— Ничего, по крайней мѣрѣ за бриліанты заплачено, а матушка денегъ пришлетъ, утѣшалъ его Кобыленко.

— Нѣтъ, не пришлетъ, я ее знаю.

— Да развѣ у тебя нѣтъ своего состоянія?

— Ничего нѣтъ, все материно.

— Скверно. Впрочемъ, хочешь я тебѣ денегъ достану, только проценты велики будутъ.

— Достань, голубчикъ, за какіе хочешь проценты. Долги-то мать заплатитъ.

Кобыленко отправился доставать деньги, а Пименовъ легъ отдохнуть.

Когда онъ проснулся, на дворѣ уже было темно. Пименовъ надѣлъ шинель и пошелъ прогуляться по городу. Проходя мимо дома Гудимовыхъ онъ подумалъ.

— Зайду-ка я къ Адели тоску прогнать и вошелъ на подъѣздъ.

Въ швейцарской не было никого. Пименовъ самъ повѣсилъ свою шинель, взошелъ на лѣстницу, неслышно ступая по мягкому ковра; прошелъ темную залу и остановился какъ вкопанный. Въ боковой комнатѣ, слабо освѣщенной лампою, сидѣла Аделаида, а на козлѣняхъ у нея лежалъ головою Nicolas. Они весело разговаривали.

— И такой онъ дурень, говорилъ Nicolas, обрадовался деньгамъ, какъ осель. Ну, Матвѣичъ его въ три пріема обчистилъ.

— Значить, у него теперь ничего не осталось! спросила Адель.

— Ровно ничего, развѣ опять займетъ. А брилліанты-то онъ тебѣ подарилъ хорошія! Спасибо Кобыленко нашъ тутъ много помогъ, а этотъ дурень до сихъ поръ не догадался.

— Да, миленькое кольцо особенно. Ахъ, какъ глупъ и какъ влюбленъ въ меня.

— Хорошо, что влюбленъ, а то бы съ нимъ ни чорта не сдѣлалъ. Ну, а *старецъ* твой, что тебѣ говорилъ сегодня.

— Въ любви тоже признался и сталъ разныя предложенія дѣлать.

— То есть на счетъ женитьбы.

— Нѣтъ, про женитьбу онъ ни слова не говорилъ. Да я ему сейчасъ же дала замѣтить, что онъ ошибся.

— Ну, не совсѣмъ-то ошибся. Что же онъ?

— Говорить, подумаю....

— Знаешь что теперь дѣлать, Аделичка? Этого дурака Пименова нужно бросить...

— Ахъ, какъ я рада. Надоѣлъ онъ мнѣ.

Отъ него, кажется, больше ничего не вытянешь. Сватьбу-то разстроить легко, при томъ же онъ болванъ. А обрати ты теперь особенное вниманіе на этого старца.

— На что онъ мнѣ?

— Пусть онъ на тебѣ женится. Вѣдь стоитъ тебѣ только захотѣть.

Адель заплакала.

— Богъ съ тобой, Nicolas, сказала она ему, рыдая. Ты готовъ меня за кого нибудь спихнуть.

— Развѣ старецъ *кто нибудь*?

— Я замѣчаю, что моя любовь надоѣла тебѣ. Для тебя я Богъ знаетъ чѣмъ сдѣлалась. Я тебѣ всѣмъ пожертвовала, а ты даже не хочешь быть со мной вмѣстѣ.

— Да гдѣ же я буду, глупенькая? Женится на тебѣ старецъ, переѣдете вы въ Москву и я съ вами. Тамъ-то мы съ тобой покутимъ, а здѣсь что? Долговъ у насъ много, а этотъ дуракъ Пименовъ не Богъ знаетъ сколько проигралъ. Заплатимъ кой кому и опять безъ денегъ останемся. Нѣтъ ужъ, душечекъ, лучше выходи за старца, а любовь моя всегда при тебѣ останется.

И Nicolas, нагнувъ къ себѣ головку Адели, нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ.

Пименова бросало то въ дрожь, то въ жаръ. Теперь онъ ясно увидѣлъ, какой низкій заговоръ былъ противъ него составленъ. Онъ нѣсколько разъ порывался войти и пристыдить Адель, но удержался, придумавъ мсть гораздо существеннѣе. Онъ снова осторожно вошелъ въ швейцарскую, надѣлъ шинель и никѣмъ не замѣченный вышелъ на улицу,

— Всюду подлецы живутъ, разсуждалъ онъ самъ съ собою. И въ Петербургѣ подлецы и въ Дегтярскѣ подлецы. Кобыленко тоже подлецъ оказался. Вотъ одинъ только Климовъ любить меня. Пойду-ка къ нему.

— А Катерина Петровна? вдругъ вспомнилъ онъ и пріостановился. Да впрочемъ, что мнѣ Катерина Петровна. Можетъ быть и она теперь ужъ съ кѣмъ нибудь другимъ цѣлуется!

VIII.

У судьи весь домъ былъ въ смятеніи. Люди бѣгали какъ горѣлые и не знали за что схватиться.

— Что у васъ случилось? спросилъ Пименовъ у лакея.

— Баринъ умираютъ?

— Отчего?

— Кондрашка, баютъ, хватилъ.

Пименовъ быстро вошелъ въ залъ и встрѣтилъ тамъ плачущую Катерину Петровну и секретаря уѣзднаго суда.

— Что такое съ Максимъ Назарычемъ? спросилъ съ участіемъ Пименовъ у хозяйки, но та ничего не отвѣтила на его вопросъ, а, закрывъ лицо платкомъ, ушла изъ комнаты.

— Не знаете, ли вы что съ нимъ? обратился Пименовъ къ секретарю.

— Кондрашка Булавинъ въ родство навязался-съ. Тучны-съ они очень были и огорченія вынести не могли.

— Какого огорченія?

— Ревизія у насъ сегодня была. Самъ Его Высокопревосходительство былъ. Заголовокъ на одномъ дѣлѣ не понравился. О нашествіи мертвѣго тѣла было сказано-съ на оберткѣ и разгорячились. Что, говоритъ, это такое за нашествіе тѣла... Дураки, неучи. Максимъ Назарычъ и огорчились этимъ.

— Гдѣ же теперь Максимъ Назарычъ.

— Въ кабинетѣ безъ языка и движенія лежитъ. Однако я съ вами заболтался, а мнѣ еще въ судъ заглянуть надобно. Нѣтъ ли опять какихъ дѣлъ въ рифму.

Проводивъ секретаря, Пименовъ пошелъ отыскивать Катерину Петровну и нашелъ ее въ спальнѣ. Она сидѣла на постелѣ поджавъ подъ себя по турецки ноги и плакала, закрывъ лицо платкомъ.

— Катя, Катенька? Катерина Петровна?... робко окликнулъ Пименовъ.

Катерина Петровна открыла лицо. Глаза ея были сухи и по видимому она вовсе не думала плакать.

— Зачѣмъ вы пришли, сударь? сурово спросила она. Вы кажется, хотите окончательно похоронить меня въ гробъ?

— Прости меня, Катенька... Я мерзавецъ... Я виноватъ...

Пименовъ хотѣлъ поцѣловать руку у Катерины Петровны, но его грубо оттолкнули.

— Ступайте, просите прощенія у своей невѣсты.

— У меня нѣтъ никакой невѣсты, Катечка.

— Пожалуста, не вертитесь. Я сама слышала.

— Надули они меня, Катечка. Разбойники—они. Вотъ по слушай.

Пименовъ сталъ на колѣни возлѣ Катерины Петровны и при

нялся рассказывать подробно и чѣмъ дальше шелъ рассказъ, тѣмъ больше прояснялось лицо Катерины Петровны, а подѣ конецъ она не выдержала и, нѣжно обнявъ Пименова за голову, сказала:

— Ахъ ты, мое милое дитя, въ какую ты западню было попался. Впрочемъ это тебя Богъ наказалъ за то, что ты меня бѣдную хотѣлъ бросить.

Катерина Петровна совершенно забыла, что она сама бросила умирающаго мужа. Впрочемъ, можетъ быть, она полагала, что правосудіе Божіе снисходительнѣе къ женскому полу.

— Катюша, тебѣ жаль Максима Назарыча? спросилъ Пименовъ.

Катерина Петровна вздохнула.

— Вѣдь признайся—жаль?

— Жаль, только немножечко. Человѣкъ онъ былъ добрый и угождалъ мнѣ во всемъ.

— А ты его любила?

— Развѣ можно любить такого холоднаго человѣка? Бывало, станешь ласкать его, говорить ему о любви, а онъ смѣется.

— Вотъ ты теперь одна останешься.

— Да, совершенно одна. Бѣдная я, сиротка несчастная.

Катерина Петровна горько заплакала.

— Не плачь, Катечка, перестань, утѣшалъ ее Пименовъ. Я буду всегда съ тобою.

— Нѣтъ, я тебѣ больше не вѣрю. Ты, можетъ быть, меня скоро бросишь.

— Не брошу, другъ мой. Я женюсь на тебѣ.

— Ты не обманываешь, Миша?

— Ей Богу женюсь, какъ только Максимъ Назарычъ умретъ.

А между тѣмъ Максимъ Назарычъ лежалъ какъ отрубокъ въ своемъ кабинетѣ. Передъ его кроватью, на низенькой скамейкѣ, сидѣлъ безстрастный Тришка, зажавъ глаза и наклонивъ на бокъ голову, какъ будто-бы онъ приготовлялся пѣть по приказанію барина. Сальная свѣча оплыла и тускло освѣщала комнату. Судя лежалъ какъ мертвецъ: блѣдный и тяжело дыша.

Въ кабинетъ вошли Пименовъ и Катерина Петровна.

— Максимъ Назарычъ, а Максимъ Назарычъ! окликнулъ его Пименовъ.

Климовъ повернулъ къ нему голову и уставилъ на него неподвижный мутный взоръ.

— Плохо, батюшка. Видно не спѣть вамъ теперь, продолжалъ Пименовъ.

Судья открылъ ротъ и старался что-то сказать. Послѣ долгихъ усилій онъ наконецъ прошепталъ явственно три слова: первыя и послѣднія слова его послѣ удара.

— Катя.... Тришка.... Ревизоръ... Жалкая улыбка мелькнула на его губахъ. Онъ хотѣлъ повернуться къ стѣнѣ, но не могъ: вздохнулъ и умеръ.

— Скончался, проговорилъ Пименовъ.

— Нужно приказать въ залѣ столъ приготовить, замѣтила хладнокровно Катерина Петровна и вышла изъ кабинета. Пименовъ отправился за нею.

Тогда Тришка лѣниво приподнялся съ своей скамейки, открылъ оба глаза, наклонился надъ бариномъ и долго и пристально смотрѣлъ ему въ лицо. Потомъ онъ сложилъ руки барину, поцѣловалъ его въ лобъ и слезы закапали на лицо Климова.

На другой день было рожденіе Гудимовой и она давала званный обѣдъ. Конечно петербургскій гость и всѣ знакомые Гудимовой получили приглашеніе. Пименовъ пріѣхалъ за долго до обѣда, любезничалъ съ Аделаидой, которая впрочемъ отвѣчала ему очень сухо и наконецъ вмѣшался въ толпу молодыхъ людей, слушавшихъ проповѣдь Nicolas.

— Главное основаніе всякаго прочнаго государства, говорилъ Nicolas съ ораторскими жестами, это взаимное довѣріе и неподкупимая честность. Честный гражданинъ, воспитанный на социальныхъ добродѣтеляхъ, стоитъ всей турецкой имперіи. Вотъ я, напримѣръ, имѣю твердое и святое убѣжденіе, что честный трудъ—великое дѣло и что...

— Его превосходительство пріѣхалъ! раздалось въ залѣ, и Nicolas замолчалъ.

— Однако, братъ, ты умно говоришь, замѣтилъ Пименовъ Nicolas.

— Оттого кажется умно, что я и дѣйствую всегда по убѣжденіямъ, отвѣчалъ тотъ самодовольно.

— У меня тоже явилась въ головѣ одно убѣжденіе и я его непременно выскажу сегодня за столомъ. Ты, пожалуйста, сядь со мной рядомъ. Поддержи меня въ случаѣ нужды.

— Нѣтъ, ужъ братъ, на сего дня, пожалуйста, оставь. Въ нашелъ кругу можешь говорить, что угодно, а здѣсь и тетка разсердится, и генерала можно обидѣть, и губернатора тоже. Вѣдь знаешь.

— Хорошо, только ты все-таки сидишь рядомъ со мной.

— Пожалуй, если тебѣ хочется.

За обѣдомъ Аделаида сидѣла рядомъ съ петербургскимъ гостемъ и тотъ разсыпался передъ нею въ любезностяхъ. Важная особа, забывъ свой санъ и свои преклонныя лѣта, влюбилась по уши, какъ гусарскій юнкеръ. Пименовъ молчалъ все время, но подливалъ въ свой стаканъ безпрестанно изъ разныхъ бутылокъ, такъ что даже Nicolas замѣтилъ ему:

— Смотри, братъ, не налопайся до безчувствія.

— Ничего, не бойся. Это я къ рѣчи przygotowаюсь, отвѣчалъ коротко Пименовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, только что начались тосты, какъ Пименовъ поднялся со стула и сказалъ громкимъ голосомъ:

— Господа, прошу на минуту молчанія.

Всѣ тотчасъ замолкли и обратили взоры на Пименова, думая, что онъ хочетъ сказать какой нибудь поздравительный стихъ хозіайкѣ. Гудимова заранѣе пріятно улыбалась.

— Знаете ли вы, господа, продолжалъ Пименовъ, что вы обѣдаете на мои деньги?

Оборотъ рѣчи былъ такъ неожиданъ, что всѣ молчали.

— Да, вы обѣдаете на мои деньги, потому что вотъ этотъ господинъ либераль и вотъ эта госпожа прелестница, продолжалъ Пименовъ, разгорячившись и указывая на Nicolas и Аделаиду, выманили у меня брилліантовъ на 15 тысячъ, да еще уграли 15 чистыми деньгами, то есть подослали такого же подлца, какъ они сами, обыграть меня.

— Опомнитесь, молодой человекъ. Знаете ли вы, началъ было пріѣзжій гость съ приличною строгостію, но Пименовъ перебилъ его.

— Я все знаю, ваше превосходительство. Знаю даже, что они вамѣреваются обмануть и запутать также и васъ. Обобрать какъ меня.

— Онъ пьянъ и не помнитъ, что говорить. Его вывести нужно, ваше превосходительство, вмѣшался, опомнившись, Nicolas.

— Ахъ ты, безсовѣстная скотина! крикнулъ Пименовъ, уже не помня себя, и сразмаху ударилъ бокаломъ въ лицо Nicolas.

Поднялась страшная сумятица. Аделаида и Гудимова упали въ обморокъ. Гости вскочили съ своихъ мѣстъ и молодежь плотною стѣною окружила Пименова и Nicolas.

— Я вамъ не ^{мшка}ду, сударь, такой низкой клеветы, кричалъ Nicolas. Я долженъ ровно смыть обиду! Господа, будьте свидѣтелями. Онъ не ^{стѣтъ}отказываться отъ удовлетворенія.

— Я и не отказываюсь, отвѣчалъ Пименовъ. Я сегодня же пришло къ вамъ моего секунданта, хотя съ подлецами и не слѣдуетъ драться честнымъ людямъ.

И сказавъ это, Пименовъ направился къ дверямъ. Молодежь разступилась и безпрепятственно его пропустила, а Nicolas кричалъ ему въ слѣдъ:

— Я его заставлю при всѣхъ просить у меня прощенія. Черезъ платокъ буду съ нимъ стрѣляться. Я ему покажу, какъ клеветать на свѣтлыя личности.

При уходѣ Пименова на лѣстницѣ полковникъ объявилъ ему о сдѣланномъ на него начетѣ, прибавивъ:—Впрочемъ я на васъ не донесу, если вы заплатите на этой недѣлѣ.

— Какой начетъ, полковникъ?

Но полковникъ повернулся къ нему спиною и ушелъ обратно въ залу.

Пименовъ заѣхалъ къ одному своему товарищу, попросилъ его побывать вечеромъ у Nicolas, чтобы условиться о дуели, а самъ тотчасъ же отправился въ канцелярію.

— Какой, братецъ, есть на меня начетъ? спросилъ Пименовъ у старшаго писаря.

— Есть, ваше высокоблагородіе. По устройству шоссе.

Пименовъ до такой степени въ послѣднее время потерялъ голову, что вовсе не занимался службою.

— Что же мнѣ дѣлать? спросилъ онъ, почти плача.

— Придется вамъ-съ заплатить, если ихъ высокородіе согласятся.

— А сколько нужно заплатить?

— Всего-съ тысячъ пять внести придется.

Съ отчаяніемъ уѣхалъ Пименовъ изъ канцеляріи. Денегъ у него не было, а присылки отъ матери нужно было ждать по крайней мѣрѣ недѣлю, да еще и пришлетъ ли она ему? Между тѣмъ ему непремѣнно нужно было заплатить начетъ, чтобы не попасть подъ судъ, и еще долгъ Тиранину, который его также очень беспокоилъ.

Мрачный пріѣхалъ онъ къ Климову и разсказалъ свое горе Катеринѣ Петровнѣ.

— Нѣтъ, ужъ лучше пулю себѣ въ лобъ засложу, чѣмъ пойду въ солдаты, заключилъ онъ свою іереміаду.

— Богъ съ тобой, Мишенька, что ты это говоришь. Мы заплатимъ деньги.

— А откуда ихъ взять? Знаю, что мать мнѣ не пришлетъ.

— Я заплачу за тебя.

— А ты откуда возьмешь?

— У Максима Назарыча родственниковъ нѣтъ и онъ мнѣ оставилъ по духовной все свое имѣніе. Вотъ я и продамъ нашему становому 50 душъ. Онъ уже давно этого добивается и 18 тысячъ давалъ.

— Что же тебѣ-то самой останется?

— У меня еще останется 25 душъ. На что намъ богатство, Миша? Любили бы мы только другъ друга.

Пименовъ бросился цѣловать руки Катеринѣ Петровнѣ. Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить въ ней такую любовь.

Nicolas не отказался отъ дуэли и даже явился на назначенное мѣсто вмѣстѣ съ своимъ секундантомъ, молодымъ человекомъ изъ свиты петербургскаго гостя, но только что противники стали другъ противъ друга, какъ нагрянула полиція и захватила ихъ въ распахъ. Либераль еще наканунѣ увѣдомилъ полиціймейстера безыменнымъ письмомъ о предполагаемой дуэли.

— Господа, я васъ арестую за противозаконный поступокъ, извольте отправляться на гауптвахту, сказалъ полиціймейстеръ съ достоинствомъ, и дуэлистовъ отвезли на гауптвахту. Впрочемъ по ходатайству важной особы Nicolas выпустили въ тотъ же день, но Пименова арестовали не на шутку. Между тѣмъ Катерина Петровна, похоронивъ мужа, продала часть имѣнія становому и принялась хлопотать за Пименова, не обращая вниманія на городскіе толки.

Къ довершенію несчастія, Михаилъ Александрычъ получилъ письмо отъ матери.

Генеральша писала.

«Я вамъ больше не мать. Вы поклялись мнѣ исправиться, поклялись перемѣнить свою развратную жизнь—и обманули меня. Теперь живите, какъ знаете. Не смѣйте больше писать ко мнѣ, не смѣйте называть меня матерью. Деньги можете заплатить изъ приданого вашей будущей жены, а я васъ предаю проклятію Божіему, лишаю наслѣдства и своего материнскаго благословенія».

— Ну, теперь и солдатомъ быть не страшно. Уже погибать такъ за одно! подумалъ Пименовъ, прочитавъ письмо, и первый разъ въ жизни выпилъ стаканъ простой водки.

Однако Пименова не отдали въ солдаты. Его только уволили отъ службы, взяли съ него подписку въ 24 часа выѣхать изъ Дегтярска. Пименовъ, продавъ лошадей и всѣ свои вещи, расплатился съ долгами и уѣхалъ въ имѣніе Катерины Петровны, а черезъ недѣлю скромно обвинчался съ нею въ самой приходской церкви.

Въ тотъ же самый день въ Дегтярскѣ была великолѣпная свадьба. Приѣзжій изъ Петербурга женился на Аделандѣ Гудимовой. Nicolas былъ шаферомъ и скоро потомъ уѣхалъ въ Москву съ своимъ шуриномъ, получивъ у него мѣсто секретаря. Съ этихъ поръ никто не слышалъ отъ Nicolas, чтобы онъ ругалъ генераловъ, или проповѣдывалъ либеральныя идеи.

IX.

Въ Соколовѣ, имѣніи Катерины Петровны, началась новая жизнь для Пименова. Однообразно потянулись долгіе дни. Характеръ Пименова совершенно перемѣнился. Онъ какъ будто бы постарѣлъ, сдѣлался чрезвычайно набоженъ; часто по ночамъ вставалъ молиться Богу, а по вечерамъ читалъ женѣ Евангеліе и посланія Апостоловъ, да еще четіи-миней, единственные книги, бывшія у нихъ въ домѣ. Жилъ Пименовъ въ небольшомъ домѣ въ пять комнатъ, жилъ безъ нужды, но очень экономно, потому что 25 душъ приносили не Богъ знаетъ какой доходъ. Костюмъ свой онъ также перемѣнилъ: ходилъ въ хорошемъ нагольномъ тулупѣ, теплой шапкѣ (даже въ комнатахъ) и въ валенкахъ, ѣздилъ въ одноколкѣ и вообще скоро отвыкъ отъ прежняго роскошнаго комфорта, но вмѣстѣ съ тѣмъ у Пименова явилась привычка, начиная отъ завтрака до ужина, каждые полчаса подходить къ шкафчику и выпивать по рюмкѣ желудочной, такъ что къ вечеру онъ былъ, какъ говорится, *на часахъ* и нерѣдко въ такомъ положеніи горько заливался слезами, читая самый обыкновенный рассказъ. Впрочемъ, спустя нѣсколько времени, Пименовъ укрѣпился и потерялъ этотъ даръ умиленія, даже прикладываясь къ шкафчику каждые четверть часа.

Всѣмъ хозяйствомъ Пименовъ завѣдывалъ самъ, предоставивъ женѣ только наблюдать домашній порядокъ и странно,

обращеніе его съ мужиками совершенно противурѣчило его набожности. Конечно, что крестьянамъ послѣ снисходительнаго Климова, обращеніе новаго барина пришлось не по вкусу, тѣмъ болѣе, что они считали Пименова не настоящимъ баринѣмъ, а какъ бы управляющимъ своей госпожи. Пименовъ между прочимъ изобрѣлъ новую методу наказанія. Пріѣзжаетъ, бывало, староста Аверьянъ съ базара и идетъ отдавать барину отчетъ.

— Сколько привезъ? спрашиваетъ Пименовъ, пристально глядя прямо въ глаза мужику.

— 50 пудовъ сѣна продали, 25 рублей получили.

— Отъ чего не 30? Говорилъ я тебѣ—меньше шести гривенъ не отдавай.

— И то батюшка два дни стояли. Хоть бы одна собака шесть гривенъ дала. Наладили полтину, да полтину. Да и всѣ почти что по этой же цѣнѣ спустили, такъ ужъ и мы за ними.

— А нука дохни мнѣ?

Аверьянъ раскрывалъ ротъ и дышалъ на носъ барина.

— Гдѣ ты горѣлки тянулъ!

— На перевозѣ продрогъ больно.

— А денегъ гдѣ взялъ?

— Четверть ржи продалъ.

— Не на свои ты деньги пьянствовалъ, любезный. Откуда вотъ у тебя въ моихъ деньгахъ полтинникъ съ дырочкой очутился?

— На базарѣ дали.

— Врешь не на базарѣ, а въ кабацѣ. Ты пропилъ мой цѣлковый, а тебѣ съ него сдачи полтинникъ дыравый и дали. Показывай свою мошну.

— Въ мошинѣ оказывалась мѣдъ и немного серебра.

— Вотъ видишь—у тебя дыравыхъ денегъ нѣту. Гдѣ же ты за свои-то пилъ, а?

— Вотъ те Христосъ за свои! Робята знаютъ.

— Повѣрилъ я твоимъ ребятамъ! Вы, чай, вмѣстѣ пьянствовали. Больше у тебя нѣтъ денегъ?

— Больше нѣту-ти.

— Побожись!

— Отсохни у меня языкъ.

— А нука разуй онучи?

Аверьянъ распутывалъ онучи и оттуда выпадала пятирубле-

вая синенькая. Пименовъ подымалъ ее и хладнокровно клялъ ее въ свой карманъ.

— А это у тебя откуда?

— Энто дякона Горькаго деньги. Кумъ ему посылаетъ изъ города.

— Вѣрю тебѣ, голубчикъ, вѣрю тебѣ, рабе мой послушный. Продалъ ты сѣно по полтинѣ, выпилъ ты на свои деньги. А пять талантовъ зачѣмъ укралъ анафема? Вдругъ онъ вскрикивалъ скороговоркою и въ тоже время быстро подходилъ къ Аверьяну, который отъ подобной нечаянности ронялъ деньги. Послѣ этого староста отпускался, но пять талантовъ оставались у барина до тѣхъ поръ, пока самъ дяконъ Горькой приходилъ къ нему и выпрашивалъ свои деньги.

Правда, послѣ такого допроса Аверьянъ точно кралъ деньги у барина, но только никогда не пряталъ ихъ за онучу, а заводилъ прежде домой и потомъ уже шелъ отдавать барину отчетъ.

Съ своими сосѣдами Пименовъ не заводилъ знакомства. Онъ какъ будто бы ихъ чуждался. Можетъ быть, онъ не знакомился изъ экономіи, чтобы не принимать у себя много гостей — только и сосѣди его не заискивали и не набивались къ нему въ знакомство. Изрѣдка онъ бывалъ у становаго, и то по дѣламъ, а большую часть времени проводилъ съ женою и дякономъ Горькимъ.

Отличный человекъ былъ этотъ Горькой. Маленькій, румяный, кругленькій, постоянно веселый—онъ никогда не жаловался на свою участь и пилъ хотя много, но пилъ больше по привычкѣ, чѣмъ съ горя, охотникъ онъ былъ страшный и въ свободное время проводилъ дни и ночи, шатаясь съ ружьемъ по полямъ и лѣсамъ.

Начнетъ, бывало, Пименовъ вспоминать про свою прежнюю хорошую жизнь и умилится ло слезъ, а Горькой станетъ его утѣшать.

— Эхъ, Михаилъ Александрычъ, всяко на свѣтѣ бываетъ. Бродилъ и я когда-то во тмѣ кромѣшной. Жилъ, какъ блудный сынъ: пилъ, ѣлъ и веселился.

— Ну что ты жилъ? какъ ты жилъ? Далеко тебѣ до моего житья.

— Ужъ это еще погодить пужно, разгорячался Горькой. Вотъ я тебѣ расскажу, другъ любезный, по откровенію, какъ я еще философомъ жилъ, а послѣ мы и сличимъ чье житье — то было удобнѣе. Налей-ка водочки.

Горькой выпивалъ стаканчикъ, закусывалъ солеными грибами и принимался рассказывать.

— Вотъ видишь ты, другъ любезный, былъ я философомъ, значить въ богословы готовился и занимался науками прилежно. До сихъ поръ даже въ памяти цѣлыя главы изъ римскихъ писателей сохранилъ, только русскаго переводу ужъ не упомяну. Особливо я Цицеронову филиппику рѣзалъ. Бывало выдешь передъ всѣмъ классомъ и пошолъ: *Quo nam meo fato, patres conscripti, fieri dicam, ut nemo his annis viginti rei publicae hostis...*

— Ну-ну-ну-ну, Цицерона къ дьяволу!

— Пожалуй, и то правда. Пороли меня за него много. Да ну такъ, значить, философіею-то я и занимался, только въ это самое время такой казусъ вышелъ, что одна богатѣйшая вдова изъ купеческаго сословія въ обѣдни все возлѣ меня становилась. Сталъ я ее разсматривать по всѣмъ частямъ, — вижу баба пышная, точно матрона римская. Вотъ и запало мнѣ въ умъ ее къ себѣ приворожить. Голосище-то у меня тогда былъ здоровый. Вотъ я и задумалъ эту вдову голосомъ своимъ прельстить.

— Ишь ты хитрый какой!

— Замѣтила, братецъ ты мой. Подходить разъ ко мнѣ послѣ обѣдни да и говорить: что бы вамъ ко мнѣ вечеромъ когда нибудь зайти чайку напиться да побесѣдовать.

— Что ты? Сама подошла?

— Ей-ей, сама. Только я вечеромъ къ ней пошелъ и долгую мы съ ней бесѣду вели все о высокихъ предметахъ и ужъ подъ конецъ, собравшись домой, объяснилъ я ей всѣ мои чувства. Такъ въ тотъ день домой и не ушелъ.

— Скоро однакоче?

— Простая баба была и добродѣтельная. Вотъ и зажили мы припѣваячи. Что не день, то у насъ праздникъ! Что ни недѣля — то масленица. Закутила моя баба на пропалую и я съ пей заболтался, да еще не одинъ, а шестерыхъ товарищей своихъ каждодневно почти угощалъ.

— И все на ее счетъ?

— Ужъ конечно, потому что мнѣ отецъ два рубля съ половиной въ мѣсяцъ на все присылалъ. Такимъ манеромъ этотъ разгулъ у насъ съ полгода продолжался, а потомъ моя баба всѣбсила и прогнала меня отъ себя въ шею.

— За что?

— Да такъ ни за что. Товарищъ у меня Іуда былъ Неклепаевъ; прельстилъ онъ ее танцами. Ну, меня и прогнали.

— Куда же ты пошелъ?

— Да пришелъ съ повинною головою къ ректору. На мѣсяцъ въ карцеръ засадилъ и помиловалъ. Только я ужъ на прежнюю дорогу никакъ не могъ попасть. Загуливать сталъ. Бывало, идешь мимо трактира — такъ тебя туда и та-нетъ по привычкѣ. Бились со мной бились, только ничего сдѣлать не могли, и выпустили меня дьякономъ.

— Охъ, братъ, страдалъ и я не легче твоего. Гѣрько страдалъ, братецъ.

— Ну да что старое вспоминать. Вѣдь Іовъ многострадательный больше насъ вытерпѣлъ и то не жаловался. Пойдемъ-ка лучше на охоту.

И выходили они вдвоемъ за деревню. Передъ ними открывалось поле, устланное мягкою порошей, а дальше угрюмо стояли деревья, простиравшія свои обнаженные, покрытыя инеемъ вѣтви, широко во всѣ стороны. И солнце тысячами разныхъ цвѣтовъ, будто въ граненомъ хрусталѣ, играло и отражалось въ каждой ледяной иголкѣ этого инея. Охотники вступали въ лѣсъ, съ озабоченнымъ видомъ разсматривая слѣды на рыхломъ снѣгѣ, а слѣдовъ было тьма тьмущая. Вотъ топтались своими лапками куропатки, вотъ ходили тетерева, проведеншіе за собою длинныя борозды, вотъ осторожно кралась лиса, запутывая свой слѣдъ мудреными кругами, а вотъ тяжелою поступью, глубоко вдавивъ снѣгъ, прошелъ волкъ и катался по порошѣ. И все это занимало охотниковъ. Они спорили, радовались, дѣлали разные предположенія — но вдругъ ихъ осыпало сверху густымъ снѣгомъ. Они подымали головы, а снѣгъ еще больше сыпался имъ въ глаза. Распустивъ пушистый хвостъ, съ сука на сукъ, прыгала бѣлка, легкая какъ птица. Вотъ, стараясь перескочить широкое пространство, она распласталась и летитъ по возду-

ту, но выстрѣлъ поразилъ ее на лету и она, быстро повернувшись на спину, упадетъ на землю и едва замѣтное багровое пятнышко, нѣжно окрашиваетъ подтаявшій снѣгъ. Порой изъ ногъ самыхъ ногъ охотниковъ взрывались бѣлыя куропатки, тогда казалось будто пухъ несется по воздуху. Пименовъ стрѣлялъ наобумъ, давалъ промахъ и испуганныя птицы взвивались еще выше къ небу, потомъ быстро падали на поле и сливались съ бѣлымъ, какъ они сами, снѣгомъ.

Проходивъ до вечера, часто безъ всякой удачи, охотники возвращались домой усталые и голодные, а дома уже ждали ихъ и горячія щи, и домашняя настойка, и сама Катерина Петровна веселая, румяная и полная здоровьемъ. Страстно полюбилъ Пименовъ охоту и сохранилъ эту любовь во всѣ періоды своей жизни.

Вечера проходили въ другихъ занятіяхъ. Однажды Горькой мѣтилъ Пименову.

— Вотъ у тебя, Михаилъ Александрычъ, дворовые мальчишки брынды бьютъ, а изъ нихъ можно бы свою пѣвческую составить.

— А что и въ самомъ дѣлѣ, я думаю, есть голоса?

— Какъ не быть, постоянка я попытаю.

Призвали въ залу немедленно толпу грязныхъ, растрепанныхъ мальчишекъ, и Горькой выбралъ изъ нихъ 12 человекъ. Такимъ образомъ пѣвческая была сформирована.

На слѣдующій же день дьяконъ сталъ обучать новобранцевъ. Онъ училъ ихъ вмѣстѣ и церковной грамотѣ и пѣнію. Много усилій, самыхъ тяжелыхъ, стоило Горькому образовывать этихъ юношей; конечно, дѣло не обошлось безъ наказаній, но они огорчались деркою за вихоръ, иногда оплеухой и никогда розгами. Трое самыхъ безнадежныхъ были даже, къ неописанной ихъ радости, совершенно исключены изъ пѣвческой, но остальные девять оказали огромные успѣхи и черезъ полтора мѣсяца представлены были на испытаніе къ барину.

Пименовъ сидѣлъ передъ столомъ на диванѣ вмѣстѣ съ Катериной Петровной, упершись руками въ подбородокъ и устремивъ неподвижный взоръ на графинъ съ настойкой, стоявшей на столѣ. Посреди залы полукругомъ стояли пѣвчіе и передъ ними, съ камертономъ въ рукахъ, регентъ—Горькой. Вотъ онъ укусилъ камертонъ, поднесъ его къ уху, потомъ обратился къ хорѣ, торжественно взмахнувъ обѣими руками и хоръ грянулъ

нестройно: Волною Морскою скрывшаго древле гонителя мучителя Фараона.....

Подъ окномъ стояла толпа мужиковъ, а старухи съ умиленіемъ крестились и клали земные поклоны.

— Слышь, Ванюха, наши-то никакъ молебень поють?

— Развѣ такой молебень бываетъ. Молебень то—выводить дьячокъ нашъ Власычъ, а энти котъ за хвостъ тянуть.

Концертъ очень понравился Пименову и съ этихъ поръ пѣвчіе постоянно каждый вечеръ пѣли передъ бариномъ.

Послѣ ужина хоръ уходилъ, Горькой также отправлялся домой, а въ спальню Пименова являлся слѣпой убогой старецъ Ѳедосѣичъ, ходившій въ Іерусалимъ и въ другія страны на поклоненіе и, ослѣпнувъ, пріютившійся еще при Климовѣ и Соколовѣ.

Являлся старецъ и садился на стулъ возлѣ кровати, а Пименовъ, закуривъ трубку, уже лежалъ въ постелѣ рядомъ съ Катериной Петровной.

— Что, сударь, прикажете рассказывать?

— Что хочешь самъ.

— Что вашей милости будетъ угодно.

— Про что ему рассказывать, Катюша? обращался Пименовъ къ женѣ.

— Пусть расскажетъ про царя Гороха.

— Ну, рассказывай про царя Гороха.

— Про Гороха, такъ про Гороха, замѣчалъ флегматическій Ѳедосѣичъ и, понюхавъ табакъ, начиналъ:

«За морями кипучими, за лѣсами дремучими, за песками сыпучими, за полями зыбучими; ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко, въ нѣкоторомъ царствѣ и въ нѣкоторомъ государствѣ только не въ томъ, гдѣ мы живемъ—жилъ проживалъ да людей удивлялъ царь Горохъ. А всѣхъ людей на свѣтѣ Божіемъ было тогда только пять человѣкъ: самъ царь Горохъ, да еще четыре сына: сынъ Иванъ, да сынъ Буянъ, да Дурнило. Небейменявърыло.

— Ужъ будто такъ и звали? сомнѣвался Пименовъ.

— Такъ и звали, подтверждалъ Ѳедосѣичъ.

— А надъ кѣмъ царь Горохъ царствовалъ когда людей было?

— Царствовалъ онъ, сударь, надъ водами и морями и всѣми озерами, надъ птицами воздушными и звѣрами послушными

— Ну, дальше?

— И былъ царь Горохъ колдунъ и чародѣй, только самому себѣ не лиходѣй. Было у него много всякаго богатства: шелковъ шемаханскихъ, ковровъ фиванскихъ, жемчугу неоцѣненнаго, серебра позлащеннаго. Было у него земель много разныхъ всякихъ: лѣсовъ, садовъ, и перелѣсковъ, только все это негодящей травой-полынью горькою поросло, солнышкомъ выжгло, градомъ побило, даже смотрѣть сердце въ чужь щемило.

— Плохой онъ, значитъ, хозяинъ былъ?

— Плохой не плохой, а на подъемъ тугой. Лежить, бывало, весь день на печи, да ѣсть московскіе калачи, збитнемъ запираетъ и знать ничего не знаетъ. Только надоѣло ему это все увальнемъ лежать. Вотъ онъ съ печки слѣзаетъ и сыновей своихъ къ себѣ призываетъ. Дѣтки вы, говорить, мои любезные молодцы разудалые, хочу, говорить, васъ наградить, златомъ и серебромъ надѣлать и кажнаго особъ отдѣлать. Значить, сами вы по себѣ живите какъ хотите, а только прежде вы мнѣ службу сослужите, чтобъ зналъ я какой у кажнаго изъ васъ таланъ есть. Ты, говорить, Иванъ, какъ старшой, въ домѣ у меня все прибери, казну мою перечти, въ амбарахъ шелки мои и парчи отъ пыли отряхни, все сложи, уложи и мнѣ доложи, сколько добра у меня есть? Ты, говорить, Буянъ, за скотомъ моимъ походи, лошадей приведи, овецъ обстриги, коровъ подои и въ чѣвъ загони, а послѣ приди и мнѣ доложи сколько скота у меня есть? Ты, говорить, Дурнило-малый работающій, ты мнѣ поля запаши, дровъ наруби, лычекъ надери и лапти мнѣ сплети. А ты, говорить. Небейменявърыло, ты вѣдь у меня бѣлоручка, на сытѣ вскормленъ, на меду выноенъ, даю я тебѣ легкую работу: въ саду яблони обтряси, да ко мнѣ яблоки принеси. И даю я вамъ, дѣтки мои, сроку три дня и три часа.

Сыновья Гороху поклонились, на образа помолились и въ путь дорогу пустились.

Ждетъ ихъ Горохъ три дни, ждетъ ихъ три мѣсяца—нейдутъ добрые молодцы.

— Что за притча такая? думаетъ Горохъ. Пойду-ка я самъ провѣдаю, что дѣлаютъ мои дѣтки. Прошелъ по горницамъ, по амбарамъ—пусто вездѣ, хоть шаромъ покати. Нѣтъ ни казны, ни жемчугу, ни шелковъ шемаханскихъ, ни ковровъ фиванскихъ, нѣтъ и сына Ивана? Бѣжить на встрѣчу Гороху собака и спро-

силъ ее Горохъ: Скажи ты мнѣ, песь смердащій, не встрѣчал ли ты сына моего Ивана?

— Встрѣтилъ, отвѣчаетъ песь: поѣхалъ твой сынъ въ чужіи страны, твое добро продавать, да людей надувать. Велѣлъ онъ тебѣ кланяться, да больно не чваниться.

— Не на разживу же ему мое добро пойдетъ, говоритъ Горохъ, будетъ онъ вѣки вѣчно купцемъ торговать, да людей надувать. Что не купить, то продать, а что продать, то опять купить. И не будетъ ему ни отдыха, ни покоя.

Пошелъ Горохъ на дворъ и видитъ скотъ въ порядкѣ въ ясляхъ стоитъ, а Буянъ на снѣгѣ не спитъ, трубку куритъ, да и въ усь себѣ не дуетъ. Осерчалъ Горохъ и принялся онъ ругать сына:—Что жъ ты, говоритъ, такой сякой, сухой немазанный! ко мнѣ не явился, а на снѣгъ спать повалился? А Буянъ лежитъ себѣ прохлаждается, только ухмыляется и отцовская брань ему, какъ къ стѣнѣ горохъ. Подскочилъ Горохъ къ сыну да и далъ ему треуха. Какъ накинется Буянъ на Гороха: Да какъ ты, говоритъ, смѣешь драться, да я, говоритъ, тебя въ часть представляю. Струсилъ Горохъ, хотѣлъ ужъ уйти, только Буянъ его не пускаетъ, за безчестье просить, а то, говоритъ, прошеніе на тебя подамъ. Заплатилъ Горохъ сыну три цѣлковыхъ, да и проклялъ его:

— Будь же, говоритъ, ты земскимъ и озорничай съ православными и чтобъ весь родъ твой въ озорствѣ проживалъ, да людей прижималъ.

Пошелъ Горохъ посмотрѣть, что дѣлаетъ Дурнило и видитъ онъ: поля запаханы, засѣяны и ужъ рожь колоситься начала, дрова нарублены и въ сажени сложены, лычки надраны и просушены, только лапотковъ не видать. Смотритъ Горохъ любитъ, а самъ про себя дивуется: Гдѣ бы это былъ сынъ мой Дурнило? Летитъ ворона и спрашиваетъ у нея Горохъ:

— Ворона ты неумытая, не видала ли ты сына моего Дурнилу?

— Видѣла, говоритъ. Сынъ твой Дурнила на своей спитъ брата, говоритъ, своего молодшаго по саду возить.

— Да зачѣмъ же онъ его возить? говоритъ Горохъ, зачѣмъ онъ въ садъ попалъ, коли я ему себѣ лапти принести приказалъ?

— Слушай, Горохъ, отвѣчаетъ ворона. Все я тебѣ въ подробности расскажу и по всей правдѣ доложу, а ты слушай

да замѣчай, да на усь себѣ мотай. Несъ къ тебѣ сынъ твой Дурнило лапотки и нужно было ему мимо саду проходить. Истомился онъ, сердечный, на работѣ, спекло его солнышко, въ горлѣ у него пересохло. Идетъ онъ мимо саду и видитъ Небейменявѣрыло на пузѣ лежитъ и яблоки ѣстъ: что ни со-бѣть съ яблони, то и съѣстъ. Захотѣлось Дурнилѣ яблочка отвѣдать, чтобъ горло промочить, и сталъ слезно просить сво-его брата: братецъ, дескать, ты мой родимый, позволь ты мнѣ у тебя въ саду яблочекъ сорвать.

— Нѣтъ, братецъ, говоритъ Небейменявѣрыло: я лучше те-бѣ самъ сорву. И сорву я тебѣ наливной, антоновскій, что во рту мелкимъ сахаромъ разсыпается, только мнѣ, братецъ, помо-ги встать, да яблочка тебѣ достать. Истомился я, говоритъ, работою, вишь на пузѣ лежу, моченьки нѣтъ.

Повѣрилъ Дурнило брату, посадилъ онъ его къ себѣ на спи-ну и повезъ къ яблонѣ антоновской.

— Ну, братецъ любезный, говоритъ ему Небейменявѣрыло: яблочками антоновскими кормить я тебя, пожалуй, буду, только ты ужъ меня за это на своей спинѣ повози и я тебя теперь не отпускаю. Чѣмъ ходить мнѣ пѣшкомъ, лучше поѣду я на то-бѣ верхомъ.

— Спасибо тебѣ, ворона немытая, говоритъ Горохъ: все ты рассказала и путь дорогу мнѣ показала. Пойду-ка я къ мило-му моему дѣтишу Дурнилѣ, да помогу ему.

Подоселъ Горохъ къ саду и видитъ, что точно Небейменявѣ-рыло сидитъ верхомъ на Дурнилѣ и по саду на немъ ѣдетъ катается, а Дурнило изъ силъ выбивается, кровавымъ потомъ обливается.

Постоялъ Горохъ, посмотрѣлъ, подумалъ да и махнулъ ру-кой! Вернулся онъ домой, растянулся опять на печи и приня-са жевать московскіе калачи: ѣстъ да ухмыляется, а тѣмъ и сказка моя кончается. Люди ложь и я тоже, посѣяли рожь, а смолотили жито, да и то шито да крыто.»

Ведосвѣчь откашлянулся и замолчалъ.

— Иди себѣ спать съ Богомъ, спасибо, говорила Катерина Петровна, и старикъ тихонько ощупью выходитъ изъ комнаты.

А Пименовъ, слышавшій чуть ли не въ десятый разъ эту сказку, давно уже спалъ и грезилось ему, что онъ-то и есть Небейменявѣрыло и ѣздитъ онъ по саду, только не на Дурнилѣ, а на старостѣ своемъ Аверьянѣ.

X.

Пришла весна; озера и ручьи оттаяли, пробилась молоденькая травка, мягкая и нежная, будто зеленый бархатъ; деревья налились молодыми почками, готовыми развернуться при первомъ дождѣ, по утрамъ держались еще легкіе морозы, но длинныя вереницы гусей и журавлей каждый день уже тянулись по небу и опускались въ ближнія болота. Пименовъ и Горькой по цѣлымъ днямъ, по колѣно въ водѣ, бродили по этимъ болотамъ, вмѣстѣ съ лягавою собакою, истребляя безъ жалости куликовъ, утокъ и бекасовъ. Пименовъ былъ горячій охотникъ и не имѣлъ еще сноровки. Онъ никакъ не могъ, завидѣвъ дичь, осторожно подкрасться къ ней, а тотчасъ же прикладывался, стрѣлялъ и только пугалъ птицъ.

— Что, видно, пороку много? бранился Горькой.

— Тьфу, чортъ! въ 40 шагахъ были.

— Тутъ нечего на шаги мѣрять: съ полверсты были. Радъ, что завидѣлъ, жги—пали порохъ. Ей—ей, въ послѣдній разъ съ тобой иду.

И Горькой съ досадою скрывался въ кустахъ лозы. Водяная курочка вылетала изъ куста и Пименовъ, не думая долго, стрѣлялъ по ней.

— Помилосердствуй, Михаилъ Александрычъ! ослѣпъ ты? Что ты творишь? кричалъ изъ за кустовъ Горькой.

— Курочку свалилъ, отвѣчалъ Пименовъ, заряжая на ходу ружье.

— Да ты меня, было, свалилъ. Вся дробь мимо уха пронеслась. Нѣтъ, братъ, съ тобой бѣдовое дѣло охотиться! Этакъ ты меня всего искалечишь.

— Эка важность—дробь пролетѣла, за то я курочку убилъ. Да вѣдь и ты невредимъ, чего еще ворчишь?

— Благо уцѣлѣлъ. Нѣтъ, братъ, ужъ не пойду я съ тобой сегодня на вальдшнеповъ.

Однако, не смотря на такую угрозу, Пименовъ и Горькой, подъ вечеръ, снова вмѣстѣ отправлялись на вальдшнеповъ. Завидно еще приходили они на знакомую поляну, среди густаго сосноваго бора. Горькой оставлялъ Пименова у опушки лѣса на одномъ концѣ поляны, а самъ уходилъ на другой и прятался за кусты. Между тѣмъ свѣтлая полоса зари темнѣла все больше и больше и наконецъ совершенно исчезала съ неба.

Наступала ночь, свѣжая, прохладная и безлунная, но звѣздная до такой степени, что казалось все темно — синее пространство наверху было составлено изъ однѣхъ только звѣздъ, поддерживавшихъ одна другую на воздухѣ своими тонкими лучами. Множество самыхъ разнообразныхъ звуковъ разливалось по лѣсу. Вотъ однообразно въ два такта кричитъ коростель. Вотъ залился въ болотѣ баранчикъ. Вотъ проревѣлъ водяной бычокъ и ему откликнулся въ чащѣ пугачъ своимъ дикимъ неестественнымъ хохотомъ и вдругъ раздался новый, непонятный звукъ, какъ будто бы кто нибудь ударилъ бичемъ по воздуху. Отголосокъ повторилъ этотъ звукъ и прокатилъ по лѣсу съ рѣзкимъ стономъ. Жутко становится Пименову одному среди лѣса и мрака. Чудятся ему фантастическіе образы лѣшихъ и русалокъ. Онъ уже хочетъ идти искать Горькаго, уже придумываетъ отговорку, — но въ это время надъ его головою раздался скрипъ, будто отъ дурно смазаннаго колеса телеги. Пименовъ напряженно всматривается — скрипъ всѣ ближе и ближе и наконецъ изъ за сосенъ на поляну плавно подвигается по воздуху вальдшнепъ. Выстрѣлъ — и птица падаетъ въ 20 шагахъ отъ Пименова и онъ, позабывъ о лѣшихъ, кидается поднять добычу.

Возвращаются они домой довольно поздно и обыкновенно проходятъ мимо часовни, выстроенной одною богатою помѣщицею надъ могилою ея мужа, нечаянно застрѣленнаго на этомъ мѣстѣ на охотѣ.

— Вотъ, братъ, хоть озолоти, не пошелъ бы одинъ ночью мимо часовни, говорилъ Пименовъ замирающимъ отъ страха голосомъ.

— Отчего не пойти? я пошелъ бы, только сперва выпилъ бы.

— Куда и хмѣль денется, какъ не равно чудо морское увидишь.

— Ну какое, тамъ еще чудо?

— Да вотъ же за Васькой кто-то безъ головы до самаго Соколова гнался.

— Вретъ твой Васька, пьянъ онъ былъ.

— То-то, что не пьянъ. Пьяный бы отъ страху не хватилъ горячки.

— Ну, померещилось просто. Все это, братъ, пустяки. Вѣдь мы христіане и крестъ на шеѣ носимъ, замѣчалъ Горькой тоже не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ. Онъ хотя и храбрился, но трусилъ не меньше Пименова. Поравнявшись съ часовней,

они набожно крестились и ускореннымъ шагомъ, не оглядываясь, уходили дальше.

Однажды, возвращаясь поздно съ охоты и не доходя шаговъ 50 до часовни, они замѣтили, что къ нимъ, дѣлая зигзаги, медленно приближался какой-то призракъ. Охотники остановились.

Призракъ наконецъ былъ въ двухъ шагахъ отъ нихъ и оказался мужчиною, одѣтымъ въ фризовую шинель, подпоясанную носовымъ платкомъ. Шелъ онъ пошатываясь и произносилъ отрывочныя фразы:

— Бетховенъ... Мендельсонъ... Глюкъ... жида Христа распяли...

— Ей, что за человѣкъ? окликнулъ Горькой.

Призракъ остановился и молчалъ.

— Что жъ молчишь? Говори, кто таковъ?

— Моцартъ Мо-цо-артъ, проговорилъ призракъ и сѣлъ на дорогу.

— Нализался, видно, и зашелъ, самъ не знаетъ куды, замѣтилъ Пименовъ, подходя къ Моцарту.

— Нужно у него спросить, гдѣ онъ живетъ да довести бы его хоть до Соколова, а тамъ провожатаго дать ему. Вѣдь заблудится, пожалуй, въ болотѣ утонетъ.

— Извѣстно, отпустить его одного нельзя.

— Ей! пріятель, куда бредешь? снова спросилъ Пименовъ Моцарта, толкая его въ плечо.

— На всѣ чет-р-стр-ны...

— Да гдѣ ты проживаешь?

— У граф-трум-бун-букъ — дуракъ! жида... дво-ря-н-са-лимскіе...

— Окатить его нужно, замѣтилъ Горькой.

— Охотники подтащили Моцарта къ лужѣ и окунули его голову въ воду, потомъ Пименовъ зачерпнулъ воды картузомъ и вылилъ ее за шею Моцарта.

— Бррр! жида... Христа распяли... дворяне... закричалъ уже явственно Моцартъ.

— Ничего, ничего, картузъ Михаилъ Александрычъ! И еще картузъ вынулъ за шею и на голову Моцарта. Послѣ этой второй операціи, тотъ вскочилъ на ноги, отряхнулся и проговорилъ:

— Ухъ! до костей пробрало: рюмочку выпилъ бы. А скрип-

на немъ цѣла? вдругъ спросилъ онъ, хватаясь за бокъ и ощущи-
ми кожанный мѣшокъ со скрипкой. Ну, слава Богу цѣла, не
матеряль шланый.

— Да вы куда идете? спросилъ Пименовъ.

— Да я самъ не знаю куда.

— Какъ не знаете?

— Да такъ-съ. Былъ я, значить, у графа Трумбуницкаго ка-
пельмейстеромъ, а вчера мѣста лишился и теперь иду куда гла-
за глядятъ.

— Такъ пойдите ко мнѣ ночевать.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Какъ же вы мѣста лишились? спросилъ дорогою Пиме-
новъ у капельмейстера.

— Да такъ-съ. Собственно потому, что я, значить, хотѣлъ
графу доказать самую истину, а онъ этого дѣла не понималъ.

— Чтожъ вы доказывали?

— Я, знаете, русскій артистъ и осмѣливаюсь сказать артистъ
истинный, на скрипкѣ не пишу. Всѣ мы русскіе, значить, ма-
тушка Россія насъ вспоила, вскормила и вырастила. А мы ей чѣмъ
платимъ? А вотъ-съ чѣмъ: разыгрываемъ съ утра до ночи безоб-
разныя фантазіи Бетховена, тамъ сумашедшаго, да Гайдена, да
Мендельсона. А знаете ли, кто это такіе Гайдены да Мендель-
соны были?

— Нѣтъ, не знаю.

— Были они жидаы. Поганцы, значить. Христа распяли. Такъ
на нихъ вниманіе обращать не слѣдуетъ. Правда-ли?

— Правда.

— Вотъ-съ и я такой методы держался, когда нанялъ меня
графъ въ капельмейстеры къ своему оркестру. Упражнялся я,
значить, съ музыкантами, большею частію на счетъ танцевъ и
нашей-съ родственной музыки: пѣсни имъ давалъ разыгрывать
русскія и Моцарта люблю также-съ, за тѣмъ что я Моцарта
люблю и уважаю. Я вамъ скажу, геніальный человекъ былъ-съ,
не чета всѣмъ этимъ жидамъ. Волшебный Стрѣлокъ-съ его на-
зываютъ...

— Что это за волшебный стрѣлокъ-съ?

— Опера такъ называется. Я вамъ доложу, музыка боже-
ственная, а у этихъ-то Евреевъ, значить, все пѣсенки только
іерусалимскія.

— Видпо, насолили вамъ эти Евреи?

— Ужъ и не говорите! мѣста черезъ нихъ лишился. Одно слово жиды... Христа распяли.

— Ну, такъ какъ же вы мѣсто-то потеряли?

— А вотъ-съ третьяго дня у графа званый обѣдъ былъ и гости все званые Ну, за обѣдомъ оркестръ увертюры разныя игралъ. Только это графъ въ чувствительность пришелъ и началъ свой оркестръ передъ гостями выхвалять, говорить, дескать, просто придворная капелла. А одинъ гость, чтобъ ему подавиться поганцу! и спрашиваетъ: а классическую музыку ваши музыканты разыгрываютъ?

— Какую музыку?

— Классическую, вотъ этихъ-то самыхъ жидовъ, что Христа распяли. Все умѣютъ, отвѣтилъ графъ. Нутека, говорить, прикажите имъ что нибудь изъ Мендельсона. Сейчасъ и приказали. И я признаться никогда своимъ музыкантамъ этихъ жидовъ даже и не показывалъ, хотя у насъ при оркестрѣ всякія ноты были. Одначе я не сробѣлъ. Говорю: ваяйте Реквіемъ...

— Кого ваять?

— Реквіемъ, піеса такъ называется у Моцарта. Ну грянули, а гость говорить: не то. Бились — бились, такъ и не сыграли. Графъ осерчалъ ужасно, призвалъ онъ меня на другой день и ну распекать. Какъ, говорить, ты, братецъ, на такія вещи вниманія не обращаешь и меня только въ конфузъ приводишь, а я ему и отвѣчаю: ваше сіятельство, значить, я русскій артистъ и жидовъ разучивать не стану, за тѣмъ что они одно слово жиды и Христа распяли. Вѣдь резонно я имъ отвѣтилъ?

— Совсѣмъ резонно.

— Такъ вотъ подите, не понравилось. Затопалъ ногами. И дуракъ ты, говорить, и скоморохъ ты, говорить, и прогнать тебя, говорить...

— И прогналъ?

— Въ этотъ же моментъ да и еще съ позоромъ. Два лакея - съ его въ шею меня вытолкали за ворота и жалованье онъ мнѣ за три мѣсяца не заплатилъ. Остался у меня въ карманѣ цѣлковый рубль да гривенникъ. Я ихъ съ досады и пропилъ-съ. Ухъ! пробрало-то какъ меня: съ аппетитомъ бы рюмочку выпилъ.

— А вотъ погодите, домой придемъ, тамъ пуншику выпьемъ и согрѣемся.

Пришли домой выпили по стаканчику пуншу и Пименовъ сталъ просить капельмейстера сыграть что нибудь.

— Что же вамъ угодно выслушать?

— Да что хотите.

— Я вамъ сыграю-съ нашу національную пѣсенку...

— Боже царя храни?

— Нѣтъ-съ, не то, а вотъ послушайте.

Капельмейстеръ вынулъ скрипку, настроилъ ее, выпилъ залпомъ стаканъ пуншу и заигралъ «не бѣлы-то снѣги» съ варіаціями.

Игралъ онъ очень хорошо. Начинаясь тихимъ адажіо, звуки постепенно развертывались, росли, переходили въ заунывную стройную мелодію, обрывались и снова запѣвали тихимъ адажіо. Игралъ человѣкъ безпутный, пьяница, но все же человѣкъ съ душою. Въ его варіаціяхъ слышалась то тихая грусть, то молодецкій разгулъ безъ границъ и безъ цѣли, то вдругъ, какъ неудерживаемая рыданія, рокотали басы и внезапно обрываясь, замирали въ тихой молитвѣ. Игралъ онъ, а Пименовъ и Горькой, не лютрогиваясь до своихъ стакановъ, со слезами на глазахъ слушали эту музыку. Наконецъ капельмейстеръ въ послѣдній разъ взмахнулъ смычкомъ и положилъ скрипку.

— Ну, вотъ-съ вамъ наша русская пѣсенка. Ну скажите, гдѣ этимъ жидѣмъ до нея возвыситься. Вѣдь они безобразныя фантазіи только сочиняютъ. Пробовалъ-съ я разучивать — толку никакого не доберешся.

— Позвольте узнать ваше имя и отечество? спросилъ Пименовъ, о чемъ-то думавшій и не слышавшій послѣдняго замѣчанія капельмейстера.

— Титъ Гавриловъ Пунятинъ-съ.

— Вотъ что, Титъ Гаврилычъ, расскажите вы мнѣ, дорого ли будетъ стоить у себя оркестръ завести?

— Сколько-съ человѣкъ примѣрно?

— Да человѣкъ десять.

— Нѣтъ-съ, не дорого, если теперь инструменты самые простые завести. Конечно, хорошіе инструменты-съ для оркестра много значать, только стоятъ они дорого.

— А простые инструменты сколько стоятъ?

— Не много-съ. Значитъ двѣ скрипки, віолончель, альтъ, контробасъ... и все другое прочее рублей триста съ небольшимъ стоятъ.

— А обучить скоро можно?

— Въ годъ оченно много можно сдѣлать. Все разыгрывать будутъ.

— Ну, Титъ Гаврилычъ, окажи ты мнѣ услугу, заведи оркестръ у меня.

— Съ моимъ удовольствіемъ.

Горькой пристально посмотрѣлъ на Пименова, думая, что онъ шутитъ; но тотъ говорилъ совершенно серьезно.

— Да ты шутишь, или смѣешься? спросилъ онъ у пріятеля.

— Нисколько, хочу музыку завести.

— Да гдѣ жъ ты людей возьмешь?

— А пѣвчихъ-то ты забылъ?

— Что ты, что ты, братецъ? Неужели ты пѣвчихъ хочешь музыкантами сдѣлать.

— И сдѣлаю.

— Да полно, не шути! Надѣлаешь ты то, что у тебя ни пѣвчихъ, ни музыки не будетъ. Вѣдь есть пѣвчіе — чего-жъ ты еще?

— Надоѣли мнѣ твои пѣвчіе и дохода съ нихъ никакого нѣтъ.

— А отъ музыки будетъ?

— Конечно будетъ. По свадьбамъ, да по вечерамъ буду ихъ отпускать, а мнѣ за это деньжонки платить будутъ.

— Гдѣ-жъ ты самъ-то возьмешь денегъ на инструменты?

— Сколочусь какъ нибудь.

— Все ты не дѣло говоришь.

— Дѣло будетъ лучше, не отговаривай. Только слушай, Титъ Гаврилычъ, обратился Пименовъ къ Пунятину: договоръ лучше денегъ. Жалованья я тебѣ теперь платить не могу. Будешь ты у меня сытъ, обутъ и одѣтъ, а послѣ я тебѣ и жалованье положу. Согласенъ?

— Съ моимъ удовольствіемъ. Все стараніе приложу.

И точно, Пименовъ горячо принялся за дѣло. Нѣсколько десятковъ четвертей ржи были проданы, инструменты куплены, для музыкантовъ отведена большая изба на концѣ деревни и Пунятину предоставлена полная воля учить бывшихъ пѣвчихъ по своему усмотрѣнію. Пунятинъ горячо принялся за дѣло. Мальчишки у него и пѣли и рѣвѣли въ одно и тоже время. Между тѣмъ Пименовъ все больше и больше запутывался въ долгишкахъ, такъ что почти каждую недѣлю заѣзжалъ становой по разнымъ

высканіямъ и такъ съ нимъ важничалъ, что Боже упаси, прямо говоря:

— Мнѣ съ вами, голышами, дѣлать больше нечего. Я прямо донесу на васъ, чтобы васъ переселили хоть въ степи куда-нибудь, и Пименовъ, потупя голову, все это выслушивалъ; но разъ, именно въ присутствіи становаго, ему подали привезенное Аверьяномъ съ почты письмо. Пименовъ быстро распечаталъ и чѣмъ больше онъ читалъ, тѣмъ больше блѣднѣлъ.

— На-ка, прочитай! прочитай! проговорилъ онъ, сунувъ становому письмо подъ носъ.

Тотъ прочелъ:

Ваше превосходительство,
Милостивецъ и благодѣтель нашъ,
Михайло Александрычъ.

«И спѣшу я увѣдомить васъ, батюшка милостивецъ мой, что матушка ваша, ея превосходительство генеральша, наша благодѣтельница, вчерашняго дня изволили умерѣть и изволили они о васъ, сударь, передъ смертію все сокрушаться и звали они васъ къ себѣ и благословеніе свое къ вамъ, сударь, посылали, такъ и отошли, все о васъ сокрушаясь. А воръ нашъ и лихо-дѣй Чубиндрось не давая еще остынуть тѣлицу ея превосходительства генеральши, нашей благодѣтельница, матушки вашей, къ грабежу, сударь, всѣмъ сердцемъ обратился. И приказалъ онъ, воръ Чубиндрось, женѣ своей Чубиндросихѣ всѣ банки съ вареньемъ перенести къ себѣ на домъ, а Чубиндросиха еще беззаконно завладѣла всѣми платицами ея превосходительства благодѣтельница нашей, и самыя негодящія оставила для васъ, сударь, яко бы къ показу. И хоронилъ ея превосходительство опять тотъ же воръ Чубиндрось съ великою нищетою. Отцу Елисю далъ онъ токмо 10 рублей, а дьячку Антипу (кой по просьбѣ моей посланіе сіе къ вамъ, сударь, пишетъ) подарилъ онъ, разбойникъ, цѣлковый рубль одинъ. И будетъ онъ вамъ, сударь, отчетъ представлять, а вы, милостивецъ, вѣры ему не давайте, ибо счетъ эвототъ ложно составленъ. Ждемъ мы васъ, милостивецъ, съ себѣ и не дождемся. Поспѣшите, сударь, безъ замедленія, ибо эвототъ язычникъ Чубиндрось добрѣ ваше расхищаетъ и всякимъ неистовствамъ предается. Еще, сударь, увѣдомляю васъ, что вы теперь у насъ одни только остались и мы всѣ рабы ваши нераздѣльно, ибо братецъ вашъ Александръ Александрычъ на Кавказѣ убиты-съ за отечество, а сестрица

ваша, ея превосходительство Ольга Александровна, нынѣшнюю зиму отъ танцевъ простудились и тоже скончаться изволили. И все я вамъ, милостивецъ нашъ, при свиданіи объясню въ подробности. А вы, милостивецъ нашъ, поспѣшите и лиходѣя нашего мазурика Чубиндроса по заслугамъ его *аплодотворите*. И при пожеланіи вамъ, милостивецъ и благодѣтель нашъ, всякаго здоровья и благополучія и остаюсь, рабъ вашъ нижайшій
Бурмистръ Антонъ Зыковъ.»

Прочитавъ письмо, становой тотчасъ же переимѣнился. Лицо его изъ строго суроваго сдѣлалось сладенькимъ и подобострастнымъ, на глазахъ даже показались слезы.

— Позвольте-съ поздравить. Отъ души радъ, Михаилъ Александрычъ. А сколько-съ по ревизіи значится?

— Четыре тысячи душъ, батенька. Въ одной Стрикаловкѣ полторы, а лѣсу-то лѣсу. Ухъ! корабли строить будемъ. Заживу я и всѣмъ носъ утру!

Становой слушалъ съ такимъ вниманіемъ, что, казалось, хваталъ слова на лету и боялся проронить даже малѣйшій звукъ, а Пименовъ, придя въ экстазъ, кричалъ:

— Катюша! барыня ты теперь, генеральша! Ей! позвать Тита со скрипкою. Иллюминацію зажечь, дьяволы!

— Да какую иллюменацію. Миша? Господь съ тобою.

— Овинъ зажечь, сѣно зажечь! Деревню! пусть горитъ къ чорту! Послать за Горькимъ; Тита сюда. Выпьемъ, уррра! Лихо выпьемъ!

Явился Титъ со скрипкой.

— Играй, чортъ, маршъ! приказалъ Пименовъ.

— Какой-съ?

— Играй, лѣшій: громъ побѣды раздавайся. Ну.

Титъ заигралъ и Пименовъ, схвативъ становаго подъ руки, плавно, какъ въ польскомъ, пошелъ съ нимъ кругомъ залы. Въ этотъ день становой, Пименовъ, Горькой и Титъ, лежали безъ языка и движенія.

Сборы были коротки. Черезъ два дня дорожный тарантасъ, запряженный тройкою гладкихъ лошадей сталъ у крыльца господскаго дома. Мужики выстроились на дворѣ, а въ комнатѣ священникъ съ крестомъ служилъ напутственный молебенъ.

Наконецъ господа вышли на крыльцо. Мужчины и бабы бросались къ Катеринѣ Петровнѣ, обнимали ее, цѣловали у ней руки и причитывали:

— Матушка ты наша, сударка, ѣдешь ты въ чужую сторонку, покидаешь ты насъ сиротъ. Не видать намъ тебя больше. Крестьяне плакали, прощаясь съ барыней, и эти слезы были чистосердечны. Пименовъ стоялъ разговаривая съ Горькимъ.

— Прощай, Горюнъ. Горькой крѣпко обнялъ Пименова и они, схватившись другъ съ другомъ, долго цѣловались и плакали. Наконецъ Пименовъ сѣлъ въ тарантасъ.

— Садись, Титъ, крикнулъ онъ, и капельмейстеръ въ своей неизмѣнной фризовой шинелѣ и со скрипкою подъ мышкой, легко вскочилъ на козлы. Кучеръ перекрестился, махнулъ кнутомъ и тарантасъ быстро покатился со двора.

Крестьяне тоже перекрестились.

— Уѣхалъ, братцы? недовѣрчиво спросилъ Аверьянъ у мужиковъ, какъ бы сомнѣваясь въ томъ, что видѣлъ своими глазами.

— Уѣхалъ!

— И Титъ съ нимъ?

— Извѣстно. Взялъ лѣшаго.

— А барынки жалъ! Добрая была.

— Попалась она чорту въ лапы. Замудруетъ онъ еѣ въ чужой сторонѣ.

— Что-жъ, братцы, тянемъ въ корчму.

— Знаю въ корчму. Теперь, значить, пора лютная пришла, некому намъ фонари ставить, да спину чесать. Разъ вы, Аверьянъ Никитичъ.

— Ни ни, отвѣчалъ Аверьянъ, тряся головою, и толпа съ пѣснями двинулась къ корчмѣ.

Одинъ только Горькой пожалѣлъ о Пименовѣ. Долго онъ стоялъ за воротами, глядя, какъ тарантасъ быстро уносился въ даль и, круто повернувъ за рошу, исчезъ изъ виду. Горькой тяжело вздохнулъ, утеръ глаза ладонью, затянувъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

Житейское море!

Воздвигаемое зря

Напастей бурю...

И медленно побрелъ въ корчму.

XI.

Пріѣздъ Пименова въ Стрикаловку былъ такъ неожиданъ, что крестьяне не успѣли сдѣлать ему почетной встрѣчи, а Чу-

биндросовъ терялся въ догадкахъ: кто бы это такъ скоро могъ уведомить молодаго барина.

— Ну да молодъ еще, ничего, чай, не смыслить, ободралъ онъ себя и пошелъ представиться новому помѣщику, но его не приняли, сказавъ, что Пименовъ усталъ съ дороги и хочетъ отдохнуть, а ему приказываетъ прійти непременно завтра.

На другой день Чубиндросовъ очень рано явился къ Пименову. Его просили обождать въ передней. Ждалъ онъ ждалъ, не зовутъ.

— Поважничать хочетъ, подумалъ управитель. Признакъ хорошій: значитъ не будетъ во все самъ соваться.

Въ это время въ пріемную вошелъ Зыковъ и униженно до пояса поклонился управителю, но въ лицѣ Зыкова и даже въ самомъ его поклонѣ было столько ироніи, что легко можно было замѣтить торжество бурмистра надъ управителемъ. Чубиндросовъ начиналъ предчувствовать недоброе и ласково спросилъ у Зыкова:

— Ну что, Зычокъ, видѣлъ барина.

— Какъ не видать. Вчера и сегодня видѣлъ.

— Ну что, каковъ?

— Смиранный такой, и добренькій. Просто воды не заму-
титъ.

— А про меня разговоры были?

— Какъ же, спрашивалъ. Говорилъ, я его за службу наградить хочу.

— Будто онъ сказалъ?

— Ей, ей сказалъ, да вотъ сами увидите.

Чубиндросовъ совершенно оттаялъ.

— Пожалуйте-съ, баринъ приказалъ просить, громко воззвѣ-
сталъ лакей, отворяя одну половину дверей въ залу.

Управитель быстро вошелъ въ залу, но съ первыхъ же шаговъ сердце у него сильно забилося. Въ огромной залѣ, стояли у стѣнъ человѣкъ двѣсти мужиковъ. Всѣ они прошли по черному ходу или изъ саду черезъ балконную дверь, такъ что управитель никакъ не могъ подозрѣвать ихъ присутствія. При томъ же онъ никакъ не могъ догадаться, что все это было устроено Зыковымъ и въ тайнѣ отъ него.

— А, старый пріятель, здорово, какъ поживаешь? встрѣтилъ его ласково Пименовъ.

— Живу-съ, сударь, по немногу. Не узналъ бы я васъ, Ми-

Михайло Александрычъ. Вѣдь еще крохотнаго на рученькахъ нанѣ-
мъ.

— Да, братъ, выросъ ты и постарѣлъ, только ужъ брюхо у
тебя скоро лопнетъ.

— Дѣло къ смерти идетъ, сударь.

— А покаялся ли ты во грѣхахъ?

— Каждый годъ два раза говѣю, сударь.

— И воруетъ по прежнему?

— Какъ можно-съ. Вотъ они вамъ могутъ сказать, продол-
жалъ Чубиндросовъ, указывая на мужиковъ.

— Ладно, быть по твоему. Ей, Филька, выходи и говори, что
знаешь.

Вышелъ мужикъ и началъ обличать управителя въ разныхъ
грѣшихъ. Чубиндросовъ нѣсколько разъ пробовалъ возражать,
но Пименовъ кричалъ: молчать! и не давалъ ему выговорить
слова. За Филькой говорилъ другой мужикъ все на ту же те-
му, за нимъ третій и т. д.

— Довольно, будетъ, приказалъ Пименовъ и обратясь къ
управителю спросилъ: Ну, что скажешь, пріятель?

— Врутъ они, сударь. Оклеветать меня хотятъ.

— Такъ-таки все и врутъ. Охъ ты, бѣдный-бѣдный. Постой,
другъ, я съ тобой справлюсь.

Чубиндросовъ видѣлъ, что дѣло идетъ не на шутку и взду-
малъ разжалобить Пименова, напомнивъ о прежней своей службѣ.

— Двадцать лѣтъ я, сударь, ихъ превосходительству, вашему
батюшкѣ, служилъ и маменькѣ вашей тоже...

— За папеньку и маменьку я тебѣ тоже дамъ. Не боюсь, не
обману. Ложись.

— Михайло Александрычъ, я дворянинъ.

— Я съ тобой по дворянскому, братецъ, и обойдусь: мокрую
простыню тебѣ на спину положу, чтобъ рубцевъ не было.

— Да что-жъ это такое!...

— Ничего. Берите-ка его, ребята.

Нѣсколько человѣкъ тотчасъ же кинулись на управителя: че-
резъ минуту онъ уже стоялъ въ такомъ видѣ, въ какомъ сто-
ятъ натурщики предъ скульпторами, и еще черезъ минуту упра-
витель завопилъ и заохалъ не человѣческимъ голосомъ.

— Это тебѣ за лихонимство, а это за мошенничество, а это
за драку, приговаривалъ Пименовъ. Довольно, повремените не-
много, остановидъ онъ мужиковъ.

— Довольны ли вы? спросил опъ, обращаясь къ нимъ.
 — Отецъ ты нашъ! По гробъ тебѣ служи.
 — Смотрите, ребята, ни гу-гу,
 — Ужъ не сумлевайтесь, батюшка баринъ. Хоть жилы изъ
 нашь тани.

— Управителей у васъ больше не будетъ. Самъ я буду ва-
 ми управлять и потачки вамъ не дамъ. Ну, проваливайте съ
 Богомъ.

Все имущество у Чубиндросова (конечно исключая ломбард-
 ныхъ билетовъ) было отобрано; жена его взята тоже въ гос-
 подскій домъ и посажена вмѣстѣ съ мужемъ.

Но скоро слухъ объ арестѣ Чубиндросова распространился
 и дошелъ до имѣнія, гдѣ былъ управляющимъ сынъ его, Дуби-
 носъ, прежній учитель Пименова. И вотъ черезъ три дни къ
 Пименову въ домъ нагрянулъ исправникъ, становой и Дубинось.

Случись это лѣтъ пять позже, Пименовъ вѣрно бы умѣлъ
 показать себя, но теперь онъ струсилъ, испугался такого мно-
 голюдства и не зналъ что дѣлать.

— У васъ находится въ домѣ отставной коллежскій реги-
 страторъ Чубиндросовъ? спросилъ исправникъ.

— У меня. Только онъ... онъ не совсѣмъ того... болѣнъ.

— Батюшка, Михайло Александровичъ, отзовите-ка станова-
 го да исправника по секретцу-съ, право лучше будетъ, шеп-
 нулъ Пименову Зыковъ.

Пименовъ не замедлил поступить по наставленію бурмистра,
 но Дубинось, вѣроятно догадавшійся въ чемъ дѣло, протесто-
 валь :

— Господа, что же это такое? я не...

— Ничего, перебилъ его становой, подмигнувъ ему глазомъ,
 что означало: ужъ ты положишься на меня. Видите, кажется, что
 они намъ хотятъ сообщить по секрету.

Разговоръ продолжался недолго, послѣ чего исправникъ одинъ
 отправился къ Чубиндросову и, возвратившись, произнесъ лако-
 нически :

— Двѣ тысячи цѣлковыхъ.

— И жаловаться не будетъ?

— Не будетъ.

— Хорошо, я согласенъ.

Имущество управителя было ему возвращено и онъ со всѣмъ
 своимъ семействомъ и со всѣми властями тотчасъ же уѣхалъ

изъ Стрикаловки. Чубиндросовъ, запасшись разными свидѣтельницами, отправился въ губернский городъ и началъ съ Пименовымъ процессъ, не смотря на двѣ тысячи рублей, взятыхъ имъ за побой, съ обѣщаніемъ не начинать дѣла.

Между тѣмъ къ Пименову начали уже набѣзжать, для знакомства, большею частію мелкопомѣстные сосѣди и одинъ изъ первыхъ явился Кузьма Расплюгавинъ, приземистый, коренастый отставной офицеръ съ Кавказа, переименовавшійся въ провинціальныя секретари, псевдомо для какой цѣли. Въ Луговскомъ уѣздѣ жилъ онъ очень недавно, но уже успѣлъ составить себѣ некоторую репутацію своимъ буйствомъ и покровительствомъ мошенникамъ. Даже самъ становой, видя всѣ свои мѣры противъ Расплюгавина недѣйствующими, счелъ за лучшее подружиться съ нимъ.

— Какъ только услышалъ я, сосѣдъ, о твоёмъ подвигѣ, говорилъ Расплюгавинъ, отрекомендовавшись Пименову и сразу называя его *ты*; какъ только удостовѣрился я отъ становаго, что люди не врутъ, то сію же секунду прискакалъ познакомиться.

— О какомъ подвигѣ ты говоришь? спросилъ Пименовъ, любившій скоро сходиться съ людьми и тоже избѣгать, по возможности, *политическаго* вы.

— Да какъ же, братецъ, поучилъ-то ты своего управителя. Такъ и нужно имъ подлецамъ. Мы съ тобой братья по оружію: я всегда такъ дѣйствую.

— А вотъ меня извѣстили съ нарочнымъ, что Чубиндросовъ губернатору прошеніе на меня подалъ.

— Вольно же тебѣ этихъ земскихъ на дворъ пускать.

— Что прикажешь дѣлать?

— Какъ что? Собаками ихъ травить. У тебя есть собаки?

— Нѣтъ нѣту.

— Заведи, братецъ, непременно заведи. Только, знаешь, будьдоговъ этакихъ плюгавыхъ, чтобъ ихъ водой не отлить.

— На что мнѣ такіе?

— А вотъ какъ явится къ тебѣ въ другой разъ вся эта саранча земская, такъ ты во первыхъ пусти на нихъ будьдоговъ, а во вторыхъ въ колья ихъ прими.

— Пемилуй, какъ можно!

— Ужъ я тебѣ говорю можно. Я, братъ, на Кавказѣ 22 го-

да лямку тянулъ. И къ Черкесамъ приглядѣлся. Знаю, какъ и обращаться.

— Да вѣдь то на Кавказѣ?

— А здѣсь дома. Что Кавказъ, что Луговскій уѣздъ — все единственно. Вотъ спроси ты на сто верстъ кругомъ — грудой младенецъ скажетъ тебѣ, какой есть на свѣтѣ Кузьма Расплюгавинъ.

— Слышалъ я про твои дѣла кое-что.

— То-то и есть, а вѣдь и я пріѣхалъ сюда *мирнымъ*, да ожесточили проклятые. Вообрази: сотскаго поколотилъ, чашусть ему немного сдвинулъ на правый бокъ; смотрю: налетѣли на меня — заплатилъ; жида выпоролъ — опять наѣхали и опять заплатилъ.

— Вотъ видишь, самъ же ты поплатился.

— Погоди. Думаю: ахъ вы подлецы! долго ли вы на меня въ распахъ наѣзжать будете. Ну, выстроилъ завалъ, *намахал* людей, бульдоговъ завелъ, поймалъ писемоводителя становаго, оттрепалъ его, выбрилъ ему полголовы и жду къ себѣ гостей. Прикатили и тю-тю!

— Чтожъ ты сдѣлалъ?

— Ткнулъ на нихъ съ своими *абреками*. Да такого страха задалъ, что пятнадцать верстъ безъ оглядки утекали, и у становаго телѣга сломалась, накрылъ я его и тутъ же ему всыпалъ.

— Такъ и прошло?

— Какое! Черезъ недѣлю съ понатыми пріѣхали. Въ осаду меня дня три держали — отбился, и съ тѣхъ поръ живемъ со становымъ душа въ душу. Я тебя съ нимъ познакомлю, шельмецъ онъ непроходимый, а душа человѣкъ. Онъ тебя научитъ, какъ дѣла дѣлать и Чубиндроса твоего въ каторгу сошлеть.

— То-то бы я его благодарилъ. Вѣдь такая тварь этотъ Чубиндросовъ, мало ему двухъ тысячъ, еще сорвать хочеть.

— Да ты ему не давай.

— Сохрани меня Богъ. Лучше все состояніе овое просуму, а ужъ не дамъ потачки.

— Какое состояніе! Еще тысячи двѣ обойдется. Погоди, къ Загибалову напишемъ.

— Кто это такой.

— Въ Петербургъ въ управѣ благочинія служить. И головажъ, я тебѣ скажу! Знаешь, прошедшаго году я у цѣловальника

Федота дочку похитилъ. Не соглашалась! Ну, я ее въ мѣшокъ, да домой, и всего-то недѣлю продержалъ у себя и заварилось такое, братецъ, дѣло, что просто хотъ въ Сибирь. Вотъ я къ Загибалову письмо съ приложеніемъ. Чтожъ ты думаешь? Выкрутился.

— Сдѣлай милость, отрекомендуй меня этому Загибалову.

— Не безпокойся и не говори больше объ этомъ. Вотъ посмотри: не миновать Чубиндросу каторги, только ты другого такого подлца не найми.

— Ну ихъ къ чорту! Пусть Зыковъ всѣмъ завѣдуетъ, а я самъ за всѣмъ наблюдать буду.

— Главное, устрой ты у себя хорошую охоту....

— А я хотѣлъ было музыкантовъ завести.

— Ха, ха, ха! Да для кого они будутъ играть? У насъ, братъ, на двѣсти верстъ ни у кого музыки нѣтъ. Вотъ только у сосѣда твоего Дергача живутъ пятеро *массихъ* и то несчастными такіа, что смотрѣтъ на нихъ жаль. Нѣтъ, ты, братъ, охоту заведи, коли прославиться хочешь. Ты любишь охоту?

— Очень люблю.

— А у насъ, братъ, мѣста рѣдкія — во всей Россіи такихъ не найдешь. Да и охотниковъ хорошихъ много. Вотъ поѣдемъ завтра на Дергачовскую облаву: лосиху съ двумя лосенками обошли.

— Какъ же я поѣду, когда меня не приглашали?

— Со мной пріѣдемъ.

— Все таки какъ-то неловко. Нужно бы прежде Дергачу визитъ сдѣлать.

— Какіе визиты? Ты лучше про это не заикайся никому, а то тебя на смѣхъ подымугъ. Мы живемъ по просту: по французски не говоримъ, въ перчаткахъ не ходимъ. И визиты не дѣлаемъ.

— А это что за Дергачъ?

— Душа дѣтина. Охота у него — посмотрѣтъ любо, только немного свихнулся, отъ пьянства я полагаю, все какимъ-то Шекспиромъ бредитъ. И такой чудной: все стихами говорить. Чортъ его знаетъ, откуда онъ ихъ беретъ!

— А богатъ онъ?

— Душъ триста есть, только все это прахомъ идетъ. Мужики у него распущены — сѣчь ихъ запретилъ, театръ завелъ изъ

дворовыхъ и разыгрываетъ съ ними своего Шекспира. Ну, такъ завтра ѣдемъ?

— Не знаю, братъ, какъ быть...

— Рѣшено: ѣдемъ. У тебя есть ружье?

— Есть двустволка.

— И прекрасно. Значить, и говорить не стоитъ.

Расплюгавинъ просидѣлъ у Пименова до вечера, рассказывая ему свои похождения, а походовъ этихъ было безчисленное множество и одно другого скандальнѣе, такъ что человѣкъ, не знакомый съ Луговскимъ уѣздомъ, ни за что бы не повѣрилъ, даже на половину, справедливости этихъ рассказовъ. Между тѣмъ Расплюгавинъ не прибавлялъ ничего къ своимъ подвигамъ. Наконецъ, пересказавъ почти половину своихъ дѣланій, выпивъ два большихъ графина водки, онъ полупьяный уѣхалъ домой.

— Вотъ это такъ человѣкъ, замѣтилъ Пименовъ Катеринѣ Петровнѣ, по отѣздѣ Расплюгавина: вся душа на выворотъ и и не трусь, какъ видно. И какъ я съ нимъ скоро сошелся!

— Ахъ, Миша, какія онъ ужасныя вещи рассказывалъ.

— Ничего нѣтъ ужаснаго. За то я его и полюбилъ, что онъ все откровенно рассказываетъ. Вотъ другая шельма въ тиходолку напакостить, и послѣ ты у него правды подъ присягой не допытываешь. Вотъ это такъ ужъ подлазъ человѣкъ, а этотъ добрякъ и дѣло говорить.

— А какъ пьсть онъ страшно.

— Да, признаюсь, подивился я самъ. Все равно будто квасъ.

На другой день чуть свѣтъ Расплюгавинъ пріѣхалъ уже къ Пименову, вошелъ прямо въ его спальню и стащилъ съ него одѣяло, не смотря на крики и просьбы Катерины Петровны, лежавшей рядомъ съ мужемъ.

— Ну-ну-ну, вставай-ка, вставай! Нечего нѣжиться, тормошилъ Расплюгавинъ хозяина.

— Да еще рано, отговаривался Пименовъ, лѣниво зѣвая.

— Какое рано, ужъ *пузальщики* пошли. Ну, вставай! Нечего было дѣлать. Пименовъ всталъ, однако пока онъ одѣлся и собрался, было уже часовъ пять утра. Расплюгавинъ такъ торопился, что не позволилъ даже Пименову напиться чаю, а выпили они по большой рюмкѣ водки и поѣхали на облаву.

Въ самомъ дѣлѣ облава должна была скоро начаться. Въ ожиданіи пока ловчій разставитъ *пузальщиковъ*, охотники стояли на просѣкѣ и весело разговаривали. Всѣ они были въ та-

кихъ оригинальныхъ костюмахъ и съ такими выразительно-энергичными или странными физиономіями, какія могутъ только встрѣчаться въ Луговскомъ уѣздѣ.

Расплюгавинъ подвелъ Пименова къ толпѣ и началъ его знакомить съ охотниками помѣщиками.

— Вотъ, рекомендую, Алёшка Брыидовъ, говорилъ онъ, указывая пальцомъ прямо въ лицо низенькаго брюнета; а вотъ Антонъ Бѣсовъ, на той недѣлѣ мы подрались, а это Петруха Чумиковъ исправникомъ былъ и въ острогѣ сидѣлъ, и т. д. Всѣ рекомендуемые дружески жали руки Пименову и повидимому нисколько не обижались на Расплюгавина.

— А вотъ тебѣ и самъ Шекспиръ: Дергачъ, Аполлонъ Кузьмичъ, продолжалъ Расплюгавинъ, подводя Пименова къ высокому господину, худому, со впалыми глазами и съ длинными растрепанными волосами, выбивавшимися рѣдкими космами изъ подъ картуза.

— Извините меня, что я безъ вашего согласія. Вотъ вытащилъ... началъ было Пименовъ, но Расплюгавинъ тотчасъ же перебилъ его.

— Ну, къ дьяволу съ своими извиненіями! Говорятъ тебѣ, что мы люди простые. Видите, братцы, продолжалъ онъ, обращаясь къ охотникамъ: хочеть свою охоту заводить, такъ я его тащу сюда учиться, а онъ упирается. Говорить, визиты нужно прежде сдѣлать.

Громкій хохотъ былъ отвѣтомъ на эти слова. Пименовъ покраснѣлъ, а Расплюгавинъ продолжалъ, трепля его дружески по плечу:

— А ты, душенька, не конфузся. Ишь, покраснѣлъ. Погоди поживешь съ нами — не будешь краснѣть.

— Мы васъ всему научимъ, прибавилъ Дергачъ.

Раздался рѣзкій звукъ рога и прокатился по лѣсу. Охотники стали занимать свои мѣста по просѣкѣ. Дергачъ взялъ съ собою Пименова и они стали за густымъ кустомъ орѣшника, на самомъ концѣ просѣки, которая въ этомъ мѣстѣ крутымъ обрывомъ упиралась въ небольшую рѣчку. Оба ея берега густо поросли можжевельникомъ, а мутная вода — лопухомъ и желтыми цвѣтами, извѣстными подъ именемъ *кувшинчиковъ*.

— Я полагаю, прямо на насъ выскочить, говорилъ Пименову Дергачъ, смотрите, не зѣвайте, цѣльтесь подъ правую лопатку. Вы въ первый разъ по лѣсу стрѣляете?

— Въ первый.

— Ну такъ вырвите изъ усовъ волосокъ, да положите въ стволъ, а потомъ отплюньтесь.

— Зачѣмъ это?

— Симпатія такая. Я и самъ не знаю для чего это дѣлаютъ. Мѣста-то, мѣста какія у насъ, а?

— Чудесныя, я думаю всякой дичи вдоволь?

— Кишмя кишить. Да что дичь, вы на природу-то посмотрите! Вѣдь именно про нее-то и говоритъ Шекспиръ:

Сладка мечта любви въ тѣ-ни лѣ-совъ,
Сре-ди бла-го-у-хаю-щихъ цвѣ-то-о-въ!

Прodeкламировалъ Дергачъ, вытягивая слова на расявъ и потомъ продолжалъ:

— Люблю я Шекспира. Геніальнѣйшій человѣкъ былъ. И природу и людей зналъ, какъ свои пять пальцевъ. Я его всю жизнь свою изучаю.

— И вѣрно хорошо изучилъ?

— Куда хорошо. Однако я его понимаю, особенно Гамлетъ я окончательно переварилъ. Каждое слово, знаете, нужно за собой упрочить, выразительность ему придать, такъ чтобы въ сердце впилося. Да вотъ, напримѣръ, всего десять словъ, а какъ сказать ихъ можно.

Дергачъ поставилъ ружье къ дереву и началъ пристально и грозно смотрѣть прямо въ глаза Пименову. Этотъ взглядъ чрезвычайно смутилъ Пименова, онъ уже хотѣлъ какъ нибудь начать снова разговоръ, какъ вдругъ Дергачъ закатилъ глаза, распростеръ по воздуху руки съ сжатыми кулаками, вытянулся во весь ростъ и кинулся на Пименова, съ завываніемъ:

Я лю-ю-би-и-илъ ее какъ сорокъ тысячъ брррратьеви
Любить не могутъ...

Оторопѣвшій Пименовъ съ ужасомъ отшатнулся назадъ. Ему показалось, что Дергачъ въ одну секунду налетитъ на него съ кулаками и разобьетъ его въ дребезги. Но тотъ, довольный испугомъ Пименова, снова принялъ свой прежній видъ и продолжалъ:

— Вотъ сколько смысла и чувства въ этихъ словахъ. Постойте, облавы я вамъ покажу еще, что за геній былъ этотъ Шекспиръ или Шексперъ, какъ его многіе называютъ неправильно.

Глухой, отдаленный шумъ прервалъ разсужденіе Дергача. Мало по малу шумъ этотъ дѣлался явственнѣе: можно было раз-

личить человѣческіе голоса, гудѣвшіе изъ всѣхъ силъ, стукъ въ сковороды, заслонки, противни, удары по деревьямъ и наконецъ все это покрылъ густой, непрерывный, дружный хоръ собакъ, разомъ грянувшихъ свой концертъ, какъ будто по взмаху палочки капельмейстера. Раздался выстрѣлъ, другой, третій и закипѣла батальная перестрѣлка. По просьбѣ, высоко поднявъ голову и откинувъ на спину длинные вѣтвистые рога, какъ стрѣла, неслась лосица. Дѣти ея были уже убиты и у нея самой кровь фонтаномъ била изъ боку и оставала длинный слѣдъ на травѣ. Безотвязныя собаки отстали отъ нея только на нѣсколько шаговъ, а позади ихъ во весь опоръ скакалъ ловчій.

Пименовъ и Дергачъ выстрѣлили въ одно время и, кажется, оба попали, потому что лосица вздрогнула всѣмъ тѣломъ, подлетѣла къ берегу и стремглавъ бросилась въ воду. Собаки кинулись за нею, ловчій за ними — и настигнувъ лосицу, когда она окруженная собаками, выбившись изъ силъ, напрасно старалась подняться на противоположный крутой берегъ, ловчій вонзилъ ей въ грудь охотничій ножъ по самую рукоятку и громко три раза протрубилъ побѣду. Тотчасъ же охотники со всѣхъ сторонъ окружили убитую, и между тѣмъ какъ они спорили и старались доказать другъ другу, кто именно ранилъ лосицу и кто далъ промахъ, Дергачъ остановился надъ нею, скрестивши руки и покачивая головой, продекламировалъ важнымъ и грустнымъ голосомъ:

О свѣтъ! какъ возгордиться нищему легко!

Но если должно, — пасть добычей, — лучше

Попасться въ когти льву, чѣмъ въ зубы волка...

— И вездѣ своего Шекспира вставить, перебилъ его Расплюгавинъ. Полно тебѣ, чортъ. Поѣдемъ обѣдать.

— Въ самомъ дѣлѣ пора, проговорилъ, опомнившись, Дергачъ. Господа, обѣдать ко мнѣ, сегодня у меня: Гамлетъ и двѣнадцатая ночь.

— Ну, трогаемся, сказалъ Расплюгавинъ.

— А я ужъ съ вами распрощаюсь, замѣтилъ Пименовъ.

— Это отъ чего? спросилъ Дергачъ.

— Меня дома жена къ обѣду ждетъ.

— Я за вашей женой коляску отправлю. Вѣдь я тоже человѣкъ семейный и моя жена будетъ рада познакомиться съ вашей.

А васъ я ужъ нѣвольнушу. Я вамъ всѣхъ своихъ артистовъ представлю и самъ же Шекспира покажу.

— Развѣ Шекспъ ѣ у васъ живетъ?

— Самъ-то Шеаюиръ Богъ знаетъ когда умеръ. А есть у меня Митька, совѣтъенный Шекспиръ! Увидите сами

ХІІ.

Много денегъ убывалъ Дергачъ каждый годъ на свой домашній театръ. У него было 25 человекъ актеровъ и актрисъ, все изъ крѣпостныхъ. На сценѣ давались даже оперы, но большею частію трагедіи Шекспира. Эту страсть къ театру Дергачъ получилъ еще въ гимназіи, когда онъ, влюбившись въ примадонну странствующей труппы, поступилъ самъ на сцену и игралъ роли первыхъ трагиковъ до тѣхъ поръ, пока отецъ его, узнавъ про проказы сына, пріѣхалъ за нимъ, сдѣлалъ ему приличное увѣщеваніе *березовой кашей*, увезъ съ собою въ деревню и сталъ пріучать къ охотѣ. Дергачъ точно сдѣлался охотникомъ, но страсть къ театру осталась у него на всю жизнь.

Въ верхнемъ этажѣ огромнаго каменнаго дома жили актеры, помѣщалась сцена и мѣста для публики. У подъѣзда этого дома стояли двѣ алебастровыя статуи. Одна драпировалась испанскимъ плащомъ, а другая представляла точное изображеніе безобразнаго старика со вклокоченными волосами и бородою.

— Вотъ у меня Шекспиръ и Сократъ крыльцо стерегутъ, сказалъ Дергачъ Пименову, указывая на статуи и повелъ его въ комнаты.

Въ комнатахъ Дергача царствовалъ поэтическій беспорядокъ. Напримѣръ въ гостиной стояла дорогая орѣховая мебель, обитая французскою шелковою матеріею: стулья, кресла—и между ними помѣщался запачканный диванъ подъ грязнымъ чехломъ. Возлѣ превосходнаго трюмо, стояло оборванное вольтеровское кресло. На роялѣ валялись чепчикъ, полотенце и ночная мужская рубашка. Всюду пыль и паутина. Въ кабинетѣ, на длинномъ письменномъ столѣ, были свалены въ груды, какъ попало, множество книгъ и бумагъ и стоялъ поясной бюстъ, весь закапанный чернилами, безъ носа съ проткнутымъ лѣвымъ глазомъ и въ колпакѣ изъ сахарной бумаги.

— Опять на Шекспира дурацкій колпакъ надѣли! крикнулъ Дергачъ, сбрасывая съ досадою это неприличное украше-

— Кто жъ его такъ отдѣлалъ?

— Ужъ это не я виноватъ, перебилъ Расплюгавинъ; какъ же: мазурикъ Брыдинъ спорить до слезъ, что это мраморъ. Вотъ я, чтобъ его дурака увѣрить, прицѣлился щелчкомъ, хватилъ—носъ и отлетѣлъ къ чорту.

— Глазъ ему проколотъ слѣдовало, потому что онъ теперь хоть однимъ глазомъ смотреть, значить на человѣка живаго похожъ, а тогда такимъ идиомъ торчалъ, что каждый разъ ему въ рожу наплевать хотѣлось. Вотъ построй, я его заставлю прозрѣть въ оба.

— Те те-те-те! Куда? Кузьма, не святотатствуй! Вѣдь ты изъищица не стоишь этого человѣка. Ты только пойми кто былъ Шекспиръ.

— Ей! Позвать Митьку! приказалъ Дергачъ. Явился высокій, толстый, рябой дѣтина, въ однобортномъ синемъ суконномъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами. Волосы на его головѣ стояли дыбомъ, а самъ онъ мрачно смотрѣлъ изъ подъ густыхъ нависшихъ бровей.

— Доброго здоровья, сударь, отвѣчалъ густымъ контромъ Митька.

— Вы его гдѣ обучали? спросилъ Пименовъ.

— А поваръ оиъ хорошія?

— Я ему не позволяю кушанья готовить. Помилуйте, вѣдь это бы было униженіе искусства.

— А выпить онъ вѣрно любитъ?

— Я не запрещаю. Нельзя, знаете, для голоса и для подкрепленія. Вотъ если бы вы его видѣли въ Отелло!

— А что?

— Дьяволъ! По плоти и крови сатаною дѣлается. Волоса, знаете, горою встанутъ, глаза кровью нальются, изо рта пѣна бьетъ, самъ весь дрожить... А когда бросится на Дездемону съ такимъ ревомъ: умри, коварная жена! просто самого меня страх беретъ, боюсь, чтобъ въ самомъ дѣлѣ не задушилъ.

— Онъ таки ее и задушитъ когданибудь съ пьяну, замѣтилъ Расплюгавинъ.

— Ну-ка, Митька, дерни чтонибудь изъ *Двенадцатой*, приказалъ Баринъ.

Митька, безстрастно слушавшій всѣ его похвалы и повидимому думавшій совсѣмъ не о Шекспирѣ, очнулся и лѣниво спросилъ:

— Что прикажете-съ?

— Изъ *Двенадцатой* — на счетъ женщинъ помнишь?

— Помню-съ.

Помолчавъ нѣсколько минутъ Митька взбилъ рукою волосы, мрачно повелъ глазами, пріосанился, откашлянулся и заревѣлъ:

Грудь женщины не вынесетъ той бури,
Такой страсти урагана, какъ въ моемъ
Грррахочетъ сердецъ; женщины душа
Мала, чтобъ умѣстить въ себѣ такъ много...

— Гмъ! Чхи! Чхи!

— Эко тебя чорта чханье разобрало!

Но Митька, молча, высморкалъ носъ и продолжалъ:

Онѣ непостоянны; ихъ любовь
Желаньемъ только можетъ называться;
Она въ крови у нихъ, а не въ душѣ,
И вслѣдъ за ней отягощаетъ сердце
И пресыщеніе и тошнота.
Моя-жъ какъ мор-рр-е глубока любовь—
Ея не насытишь...

— Стой, стой, стой, дура! перебилъ его Дергачъ: пу, какъ ты читаешь? Сколько я разъ говорилъ тебѣ, что надо ударить себя въ грудь и сказать: моя-жъ—потомъ указать пальцомъ на

полъ: какъ моррре глубока любовь — и послѣ, схватившись за волосы обѣими руками — шопотомъ, понимаешь-ли адскимъ шопотомъ:

Ея не насытишь! И не прав-ный
 Мо-ю О-ли-віи лю-бовь съ лю-бо-вію,
 Что мо-жетъ жен-щи-на ко мнѣ питать.

— Вотъ какъ надобно, повтори.

Митька повторилъ, но опять по своему.

— Пошелъ вонъ, скотъ! Ты сегодня не въ ударѣ! крикнулъ съ досадою Дергачъ и потомъ прибавилъ, обращаясь къ Пименову: А вы увидите вечеромъ совсѣмъ другой человѣкъ будетъ.

— Вечеромъ напьется, а теперь еще пока полпитофа выпилъ, замѣтилъ Расплюгавинъ.

— Пусть лучше напьется, только бы дѣло свое исполнилъ какъ слѣдуетъ. А то вотъ мои музыканты и пьютъ и играютъ скверно. Охъ, мучусь я съ оркестромъ. Никакъ не могу хорошаго капельмейстера найти.

— Хотите, я вамъ представлю капельмейстера? предложилъ Пименовъ.

— Сдѣлайте одолженіе, батюшка. Вы меня этимъ по горло обжете, только откуда онъ у васъ?

— Я его съ собой привезъ, а прежде онъ у графа Трамбуницкаго всѣми музыкантами управлялъ. Только пьетъ и живость терпѣть не можетъ.

— А дѣло свое хорошо знаетъ?

— Ужъ такъ знаетъ, что я вамъ скажу еще до скрипки не дотрогивается, я ужъ ты не вѣсть отъ чего плачешь. Ну а заиграетъ—просто по сердцу тупымъ ножомъ пилить.

— Давайте его сюда! я его околочу!

— Вотъ будете лошадей посылать за моей женой, такъ я напишу записочку, чтобъ и его захватили.

Пименовъ сѣлъ писать записку, а въ это время въ кабинетъ вошелъ, или, лучше сказать, вкатился, низенькій, румяный, шарообразный старичокъ съ совершенно голымъ черепомъ. Вкатившись въ кабинетъ, онъ откинулъ правую ногу, сдѣлалъ ручку Расплюгавину, плутовски подмигнулъ Брындову и показалъ языкъ Дергачу.

— Рекомендую: дядюшка Провъ Зуичъ, проговорилъ Дергачъ, представляя Пименову старика.

— Изъ Чухляндін, добавилъ старикъ отъ себя.

— Дядюшка нашъ тоже помогаетъ на театрѣ. Онъ тоже въ душѣ артистъ.

— Еще бы, мой милый. Въ Гамлетѣ тѣнь отца исполняю и Офелію твою цѣлую за кулисами.

— Дружище, Провъ Зуичъ, скажи стихи! пристаѣ Расплюгавинъ.

— Ну-ну-ну, ты сейчасъ за стихи.

— Скажи, матушка, въ лысину поцѣлую.

— Да отстань, братецъ, право какой ты. Вѣдь сегодня праздникъ.

— Ахъ ты, *блудъ* и *скверна*! Еще вздумалъ на праздникъ ссылаться. Говорять...

— Скажите, скажите, Провъ Зуичъ, пристали къ нему со всѣхъ сторонъ.

— Отвяжитесь, блудницы. Ладно, скажу, цыцъ! Дядюшка погладилъ животъ и началъ съ смѣшными ужимками:

Въ задорной юности моей

Я былъ рабомъ прелестныхъ грацій.

Рогами украшалъ мужей

И обнималъ дѣвицъ всѣхъ націй.

Дядюшка говорилъ съ толкомъ и съ увлеченіемъ. Вообще замѣтно было, что это было его спеціальность. Всѣ присутствующіе, въ особенности же Расплюгавинъ и Пименовъ, остались очень довольны стихами и просили повторить ихъ снова, что дядюшка къ общему удовольствію и исполнилъ.

Такимъ образомъ время прошло до вечера. Приѣхали Катерина Петровна съ Титомъ. Сѣли обѣдать. За обѣдомъ дядюшка, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ дамъ, читалъ въ слухъ свои стишки, въпрочемъ нѣсколько ослабляя ихъ содержаніе. Мужчины хохотали, дамы краснѣли, а дядюшка, какъ ни въ чемъ не бывало, даже не улыбувшись, наливалъ себѣ стаканъ мадеры и выпивалъ залпомъ. Наконецъ послѣ обѣда подали кофе и разныя разности, а часовъ въ 10 Дергачъ пригласилъ всѣхъ на верхъ.

Огромная зала была ярко освѣщена большою люстрой, привѣшенною къ потолку. Оркестръ изъ пяти музыкантовъ началъ играть на инструментахъ. Гости усѣлись на стульяхъ и креслахъ передъ занавѣсью, представлявшею какой-то фантастическій видъ. На возвышеніе въ оркестръ взомелъ Титъ, взявъ

постучалъ палочкою, махнулъ и оркестръ, сбиваясь и фальшивя на каждомъ шагу, грянулъ мазурку.

Но вотъ взвилась занавѣсь и явился самъ Гамлетъ-Дергачъ.

Не вдаваясь къ подробное описаніе игры актеровъ, я скажу только, что Дергачъ создалъ изъ Гамлета особеннаго своего собственнаго, героя. Нервѣдко, чтобы сходство съ Гамлетомъ было еще разительнѣе, онъ вставлялъ цѣлыя фразы по англійски. Такъ знаменитый монологъ Гамлета онъ начиналъ: Ты бса, ор ноть ту би? Ин теѣ кемтіонъ... И потомъ уже продолжалъ по русски. Офелія, толстая, румяная дѣвка, не уступала барину въ игрѣ, а Митька, совершенно пьяный, неистовствовалъ и кричалъ до безумія. Дядюшка точно *исполнялъ* роль тѣни отца и, выйдя на сцену, не утерпѣлъ, чтобы не показать языкъ Расплюгавину. Единодушный взрывъ хохота крайне разбѣсилъ Дергача, не выдавшаго продѣлки дядюшки. «Двѣнадцатая ночь» была отложена, потому что послѣ Гамлета Митьку вынесли на дворъ и принялись отливать водой.

— Ну, какъ тебѣ, Катюша, театръ понравился? спрашивалъ Пименовъ у жены, возвращаясь домой. Ты что-то надулась?

— Надуешься по неволѣ, когда надъ тобой въ глаза насмѣхаются, отвѣчала съ досадою Катерина Петровна.

— Кто насмѣхается?

— Ты ничего не замѣчаешь, да я-то все вижу и понимаю.

— Что же такое, скажи?

— Вольно тебѣ не замѣчать, какъ этотъ мерзавецъ Дергачъ сказалъ, показывая на меня пальцемъ: башмаковъ, говоритъ, еще не успѣла сносить, въ которыхъ мужа хоронила. Знаю я, къ чему это сказано, и нога моя больше не будетъ въ ихъ домѣ.

Незамѣтно, какъ четырнадцать дней, пролетѣли четырнадцать лѣтъ. У Пименова было уже три дочери, изъ которыхъ старшей минуло восемь лѣтъ, и сынъ, бойкій пятилѣтній мальчикъ. Самъ Пименовъ отѣкъ, пожелтѣлъ, волосы на его головѣ вылѣзли и даже начали сѣдѣть. Подъ руководствомъ Расплюгавина онъ скоро достаточно *напрактиковался* во всемъ и сдѣлался достойнымъ помѣщикомъ Луговскаго уѣзда. Процессъ съ Чубиндросовымъ тянулся семь лѣтъ, наконецъ при содѣйствіи Загибалова, кончился въ пользу Пименова, а скоро послѣ этого и самъ Загибаловъ, выгнанный за разныя дѣла изъ службы, явился по приглашенію Пименова въ Стрикаловку управлять мужиками вмѣ-

сто умершаго Зыкова. Впрочемъ Пименовъ сдержалъ свое слово, не имѣть больше управителей. Онъ называлъ Загibalова прикащикомъ и не позволялъ ему распоряжаться деспотически. Пименовъ завелъ превосходную охоту. У него было множество собакъ борзыхъ и гончихъ, ловчіе, борзятники, дощачіе, стремянные и т. п. чины, одѣтые всегда въ однообразный костюмъ. Правда, на нѣкоторое время, Пименовъ, желая устроить оставшуюся ему отъ отца картинную галлерей, пристрастился было къ картинамъ и бросилъ охоту, но въ это время пріѣхалъ племянникъ его, отставной штабсъ-ротмистръ Евграфъ Салсунскій, который снова наставилъ дядю на истинный путь, да къ тому же и галлерей сгорѣла.

Только не весела была жизнь Катерины Петровны. Пименовъ обращался съ нею сурово, повелительно, какъ вообще со всеми своими подчиненными, даже иногда дѣло доходило и до кулаковъ. Вернется, бывало, Михаилъ Александрычъ съ охоты и привезетъ съ собою ватагу гостей и Расплюгавина, Салсунскаго, и Дергача, и дядюшку его, и Брындова, и еще многихъ другихъ. Перепьются всѣ они, созовутъ въ залу мужиковъ и бабъ и начнется такая оргія, что бѣдная Катерина Петровна дрожитъ какъ въ лихорадкѣ, запершись въ дѣтскую комнату. На одна гувернантка не могла больше мѣсяца ужиться въ домѣ Пименова. Онъ даже пробовалъ взять къ себѣ одну дальнюю родственницу прямо изъ института, но и та бѣжала отъ него черезъ два года.

— Что ты будешь дѣлать, говорилъ Пименовъ племяннику своему Евграфу Салсунскому; отъ чего бы имъ не жить у меня!

— Избалованы, коротко отвѣчалъ Евграфъ.

— Какъ же быть-то?

— Возьми новую. Вотъ ты отправляешь въ Петербургъ и дняхъ Загibalова и прикажи ему, чтобы онъ на возвратномъ пути захватилъ съ собой гувернанку. Только чтобъ рожа безобразную не бралъ.

— Ужъ конечно. Я самъ уродовъ не люблю. Призвали Загibalова.

— Скажи ты мнѣ, братецъ, не можешь ли ты достать въ Петербургѣ гувернанку, вѣдь у тебя тамъ чортова тѣма знакомыхъ

— Могу-съ. Даже на примѣтъ есть.

— И молодая?

— Молодая-съ.

— И на счетъ тѣлесъ, понимаешь?

— Просто красавица: высокая плотная. Ужъ останетесь до-вольны.

— А гордая?

— Да вѣдь онѣ , Михайло Александрычъ , всѣ до поры до времени гордыми кажутся, пока не оботрутся.

— Ну вотъ, поѣдешь ты въ Петербургъ и привези съ собой ту штуку , а мы ей здѣсь гордости посбавимъ. Правда, Ев-рачъ?

— Правда, дядя.

Пименовъ и не подозревалъ, что вся его жизнь и онъ самъ повернется верхъ дномъ отъ этой будущей гувернантки.

ХІІІ.

Въ одномъ изъ уѣздныхъ городковъ петербургской губерніи, служилъ въ уѣздномъ судѣ секретаремъ нѣкто Алексѣй Александрычъ Дьячковъ. Служилъ онъ уже давно, жалованье получалъ, какъ извѣстно, небольшое, а жилъ онъ хорошо. Имѣлъ и пару заводскихъ лошадокъ, и приличные экипажи, и хорошую квартиру, въ квартирѣ комфортабельную почти роскошную обстановку. Довольно у него было и серебра, и фарфору, и фаянсу, и всякаго добра. Супруга его постоянно ходила въ бархатѣ и шелку, а самъ Дьячковъ франтить не любилъ , помнилъ еще то горькое время, когда онъ не имѣлъ даже порядочнаго сюртука, получалъ пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ и жилъ въ жверной коморкѣ у дьячка Псоева. Не забылъ этого Дьячковъ и въ блестящую пору своей службы , какъ и прежде , ходилъ постоянно въ форменномъ сюртукѣ, только изъ тонкаго сукна, конечно не купленного. Дѣтей своихъ Дьячковъ воспитывалъ не жалѣя денегъ: старшая дочь его Варвара, красавица собой, недавно окончила свое образованіе въ одномъ изъ лучшихъ петербургскихъ пансіоновъ, а сынъ его Станиславъ служилъ даже въ гвардіи и получалъ отъ отца ежегодно тысячу цѣлковыхъ на содержаніе. Казалось бы, чего еще больше желать Дьячкову? Но Алексѣй Александрычъ хотѣлъ бы имѣть и небольшой домикъ въ Петербургѣ, и доровеньку душъ въ 150 на имя жены, и капиталецъ про всякій случай. Задавъ себѣ такую сложную задачу, Дьячковъ упорно, во что бы то ни стало, хотѣлъ разрѣшить ее и потому обдѣлывалъ такіа мудренныя дѣла, за кото-

рыя весьма легко было, при малѣйшей неудачѣ, прогуляться въ тѣ благословенныя страны, гдѣ по пословицѣ: Макарь телятъ гоняетъ, а Макарыха золото промываетъ.

Такъ и случилось. Въ уѣздный судъ поступило дѣло: «о дѣланіи фальшивой монеты недорослемъ изъ дворянъ Федосѣемъ Тупицынымъ» и по суду, при содѣйствіи Дьячкова, оказалось, что Тупицынъ фальшивыя монеты никогда не дѣлалъ, а явилась эта монета неизвѣстно откуда. Дѣло предали на волю Божію, но вскорѣ самаго Дьячкова отдали подъ судъ, а дѣло приказано было переслѣдовать. Долго и усердно хлопоталъ Дьячковъ въ Петербургѣ, все нажитое имъ въ теченіи многихъ лѣтъ на службѣ перешло въ руки различныхъ секретарей и совѣтниковъ, наконецъ дѣло рѣшилось удачно. Дьячкова оставили только въ подозрѣніи и отрѣшили отъ должности, съ тѣмъ, что впередъ не принимать его на государственную службу. Дьячковъ вернулся домой, продалъ всѣ свои пожитки и съ небольшими деньгами переѣхалъ въ Петербургъ на постоянное житѣе.

Петербургъ городъ хорошій. Много въ немъ живетъ разныхъ *художниковъ* и талантливому человѣку открыта всегда широкая дорога, а Дьячковъ былъ именно такой *талантливый* человѣкъ. Онъ тотчасъ же свелъ знакомство съ купеческими сынами, принялся хлопотать по ихъ дѣламъ и снова зажилъ припѣваючи. Но увы! фортуна окончательно покинула Дьячкова. Небольше какъ черезъ полтора года онъ опять попался и уже въ такомъ казусномъ дѣлѣ, что переселеніе въ Иркутскъ было бы для него благодѣяніемъ, но Дьячкова спасла его дочь Варвара, при помощи своихъ покровителей, и онъ отдѣлался только ссылкой въ Петрозаводскъ, куда однакожъ онъ уѣхалъ одинъ, потому что жена его Клавдія Ивановна и дочь отказались за нимъ слѣдовать.

У Клавдіи Ивановны были небольшія деньги, она, по совѣту знакомыхъ, наняла большую квартиру, чтобы пускать жильцовъ. Постояльцы, какъ нарочно, были все народъ красивый, особенно одинъ флотскій офицеръ Шагинъ и его-то выбрала Варинька, теперь уже по своей волѣ, другомъ своего сердца. Многому научилъ ее Шагинъ: ѣздилъ онъ съ нею и по островамъ, и по маскарадамъ, и по пикникамъ. Варинька пріучилась пить стаканами шампанское, канканировать и курить папироски, но она искренно любила одного Шагина, любила до тѣхъ поръ, пока онъ ее наконецъ бросилъ и уѣхалъ въ Кронштадтъ.

Варинька заболѣла, а между тѣмъ дѣла ихъ пошли очень худо. Постоялецевъ не было, нечемъ было платить за квартиру, гвардеецъ, сынъ Клавдіи Петровны, не хотѣлъ помочь матери и вообще пошелъ по слѣдамъ отца, и при всемъ этомъ нужно было еще лечить Вариньку, которую Клавдія Петровна любила до безумія. Оставалось одно: продать мебель, переѣхать на маленькую квартиру и жить трудами. Клавдія Ивановна такъ и сдѣлала, но Варинька, поправившись отъ болѣзни, не принялась за работу, а разсудила за лучшее весело и легко проводить время, разѣзжая въ коляскахъ по гуляньямъ съ знакомыми офицерами. Братъ нисколько не останавливалъ Вариньку, напротивъ онъ даже часто приходилъ къ ней и бралъ у нея въ займы деньги, конечно безъ отдачи; одна только Клавдія Ивановна нерѣдко выговаривала дочери и горько плакала, видя, что дочь не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на ея слова.

Но вѣрно судьба не опредѣлила Варинькѣ окончательно погибнуть. Шумно пролетали года. Много было у Вариньки знакомыхъ, но ни одинъ изъ нихъ не сватался за нее, даже ни одинъ не обезпечилъ ея жизни. Впрочемъ, въ этомъ нужно винить не ея обожателей, а собственный ея вѣтранный, перемѣнчивый характеръ и привычку встрѣчать постоянно новыя лица. Между тѣмъ Варинькѣ стукнуло 26 лѣтъ, лицо ея пожелтѣло, у рта съ обѣихъ сторонъ прорѣзались морщинки: но съ помощью разныхъ умываній и притираній она все еще казалась красавицей. Шумная жизнь ей страшно наскучила, обожателей у ней сдѣлалось меньше, денегъ не было и ей нерѣдко съ ужасомъ представлялась печальная картина будущаго.

— Брось ты все это, Варя, да ступай на мѣсто. Право, лучше будетъ, упрашивала ее мать.

— Какъ я пойду, когда я не привыкла къ этому?

— Нужда всему научить, милая. Сохрани Богъ, опять заболѣешь, что тогда будетъ дѣлать.

— Гдѣ же мѣста-то взять?

— А вотъ я похлопочу.

Клавдія Ивановна точно выхлопотала для дочери мѣсто гувернантки за небольшое жалованье. Варинька была хорошо образована, хорошо пѣла и играла, поэтому ее взялъ съ охотою въ гувернантки какой то богатый купецъ подрядчикъ. Мало по малу, хотя и съ трудомъ, она отвыкла отъ прежней жизни и даже ей улыбнулось счастье: молодой студентъ, дававшій уроки въ домѣ

того же подрачка, гдѣ жила Варинька, влюбился въ нее и предложилъ ей руку, сердце и свою нищету. Варинька съ радостію согласилась выйти замужъ, но студенту до окончанія курса оставалось еще 8 мѣсяцевъ и по прошествіи этого срока рѣшено было немедленно обвѣнчаться.

Въ это время въ Петербургъ пріѣхалъ Загibalовъ, хлопотать по Пименовскимъ дѣламъ и кромѣ того съ порученіемъ отыскать для Пименова гувернанку. Живя въ Петербургѣ, еще при Дьячковѣ, онъ очень часто бывалъ у него въ домѣ и послѣ ссылки его продолжалъ посѣщать его семейство. Онъ зналъ всю жизнь Вариньки отъ ея паденія до исправленія, зналъ, что она не дурна еще собою, и поэтому рѣшился уговорить ее ѣхать къ Пименову на мѣсто. И пріѣхавъ въ Петербургъ, отправился на квартиру Клавдіи Ивановны. У нее засталъ онъ и Вариньку. Послѣ первыхъ привѣтствій и распросовъ, Загibalовъ наконецъ приступилъ къ дѣлу.

— Эхъ, Варвара Алексѣевна! Что вы зажились здѣсь въ Петербургѣ? Что вамъ въ немъ нравится? началъ Загibalовъ: вотъ ѣхали бы къ намъ денежки наживать.

— Погодите, выду замужъ, тогда съ мужемъ и маменькой уѣду въ провинцію, отвѣчала Варенька.

— До замужества вашего еще долго ждать, а вотъ бы до тѣхъ поръ, къ свадьбѣ себѣ на приданое и заработали бы.

— Я и то зарабатываю.

— Ужъ какіе это заработки. Вотъ у моего Пименова теперь мѣсто гуляетъ—приказалъ мнѣ гувернанку хорошую привезти. Поѣдете?

— Далеко очень.

— За то и деньги хорошія. Вѣдь тысячу двѣсти рублей, легко сказать.

Варвара Алексѣевна легко задумалась.

— Какъ вы думаете, маменька? спросила она.

— Поѣзжай съ Богомъ, Варя. Восемь мѣсяцевъ не увидишь какъ пройдутъ, а деньги за это время наживешь порядочныя. Пригодятся.

Дѣло было рѣшено и чрезъ двѣ недѣли Варвара Алексѣевна уже ѣхала съ Загibalовымъ въ Стрикаловку.

XIV.

Пименовъ былъ въ восторгѣ отъ новой гувернанки. Онъ часто по цѣлымъ часамъ просиживалъ въ залѣ и слушалъ ея пѣніе или игру на фортепьяно. Варвара Алексеевна съ своей стороны дразнила Пименова: обходилась съ нимъ ласково, но умѣла заставить уважать себя, такъ что Пименовъ не только что не произносилъ при ней нѣкогда любимыхъ своихъ *нецензурныхъ* словъ, но даже не позволялъ и дядюшкѣ Дергача читать за столомъ *скромныя* стихи, какъ онъ обыкновенно ихъ называлъ.

— А, Евграфъ, что скажешь? какова штука? часто говорилъ Пименовъ Салсунскому.

— Штука то хорошая, только чтожъ ты-то зѣваешь?

— Нельзя, братецъ, горда больно. Чуть ей скажешь что-нибудь скромное — такъ она тебя и осадитъ, только вотъ слово одно выговорить и отойдешь, какъ мыльцо съѣлъ.

— Да ты ужъ не влюбился ли въ нее, дядя?

— Вотъ чепуха! Влюблюсь я. Нѣтъ, братъ, прошла моя пора, а это я тебѣ говорю такъ, что вотъ, дескать, какія на свѣтѣ и между гувернанками невинныя бываютъ.

— Случается, только мало. Я даже думаю, что и эта дѣвка-шутъ.

— Поди ты. По лицу сейчасъ замѣтно, что не изъ такихъ. Однако хотя Пименовъ и увѣрялъ Евграфа, что не влюбленъ въ свою гувернанку, но скоро дѣло вышло наружу.

Однажды, Михаилъ Александрычъ очень близко подсѣлъ къ Варинькѣ и спросилъ:

— А что, барышня, скажите-ка любили-ли вы кого нибудь?

— Любила и люблю брата, мамашу, отвѣчала наивно Варинька.

— Нѣтъ не брата, а посторонняго человѣка?

— Я всѣхъ знакомыхъ своихъ люблю.

— Когожъ больше всѣхъ?

— Всѣхъ равно.

— Нѣтъ, особенно вы кого нибудь не любите-ли?

— Особенно никого не люблю.

— А что, барышня, снова спросилъ Пименовъ, помолчавъ немного: можете, ли вы особенно полюбить старика?

— Какъ это особенно? я васъ не понимаю?

— Ну, однимъ словомъ особенно... знаете какъ мужа любить?

— Добраго старичка можно полюбить.

— А я какой старичокъ?

— Вы добрый.

— Ну, такъ полюбите меня!

— Васъ жена любить.

— Что жена! Жена моя дура баба. Не хочу я, чтобы она меня любила. Вы меня полюбите?

— Я васъ и безъ того люблю.

— Нѣтъ особенно меня полюбите?

— Особенно люблю.

Пименовъ посмотрѣлъ на Вариньку, но та говорила серьезно. Онъ поцѣловалъ у ней нѣсколько разъ руки, и руки не отнял, а напротивъ отвѣтили нѣжнымъ пожатіемъ. Пименовъ обхватилъ талію Вариньки, но гувернанка вскочила и строгое:

— Не забывайте! заставило Пименова опомниться.

Съ этихъ поръ Пименовъ почти не отходилъ отъ Вариньки. Онъ гулялъ съ нею по полямъ, ходилъ за грибами, катался въ коляскѣ, Варенька позволяла ему цѣловать у себя руку, даже шейку, иногда лобъ и только, а между тѣмъ кокетничала съ Евграфомъ. Это наконецъ взбѣсило Пименова.

— Послушай, Евграфъ, сказалъ онъ ему однажды серьезно: ты что вздумалъ соблазнять мою гувернанку?

— Чорта ее соблазнишь! Смотри, чтобъ она меня не соблазнила.

— Ладно, толкуй, не вижу я что-ли.

— Ну, положимъ, я ее и соблазняю, тебѣ-то что?

— Вотъ прекрасно! я долженъ, кажется, наблюдать надъ своими гувернанками и не позволю у себя въ домѣ...

— Давно-ли это, дядя?

— Давно-ли или недавно, ужъ это не твое дѣло, а только ты за ней перестань ухаживать.

— Ты серьезно говоришь, дядя?

— Конечно не шучу.

— А если я тебя не слушаю?

— Такъ я перестану тебя принимать.

— Вотъ оно что! Вижу я, дядя, что ты совсѣмъ ряхнулся. Нога моя больше у тебя не будетъ, пока ты самъ не придешь

меня къ себѣ просить. Прощай. И Евграфъ уѣхалъ домой, сильно разсердившись на дядю.

Въ тотъ же день къ Пименову явился Дергачъ и Расплюгавинъ.

— Что ты это, кумъ, все дома сидишь? спросилъ Расплюгавинъ: поѣдемъ ко мнѣ, кутнемъ, а завтра вели своимъ подѣлать съ собаками.

— Не поѣду я, отвѣчалъ сухо Пименовъ.

— Нѣтъ, врешь, поѣдешь, я тебя вытащу!

— Отвяжись, сказалъ разъ, не поѣду.

— А если не поѣдешь, то *дружба врозь и черти въ воду*.

— Какъ знаешь, а я не поѣду.

— Знаю я, отъ чего ты не поѣдешь. Это все эта Петербургская потаскуха тобой вертитъ...

— Не ругаться, Кузьма! услышать могутъ.

— Да пускай слушаетъ. Я ей въ глаза скажу, что она потаскуха и...

— Вотъ только выругайся...

— И *толь кабацкая*, докончилъ Расплюгавинъ.

— Убирайся жъ къ чорту, а то я тебя вытолкать прикажу.

— Меня то? нѣтъ, братъ, шутишь. Еще ни одна шельма не выталкивала Кузьму Расплюгавина. Я самъ уйду, только помни, кумъ, что я тебя, вмѣстѣ съ твоею потаскухой, заловлю непременно и выдеру васъ обоихъ крапивою. Вотъ будь я подлецъ, а не Кузьма Расплюгавинъ!

Сосѣди уѣхали, не простившись съ Пименовымъ, а онъ въ мрачномъ расположеніи духа сѣлъ обѣдать. За обѣдомъ Варваръ Алексѣевнѣ не понравилось жаркое и она замѣтила это въ слухъ. Пименовъ попробовалъ жаркое, схватилъ блюдо и пустилъ его прямо въ Катерину Петровну.

— Ты чего смотришь, баба! крикнулъ онъ на жену. Твое ли это дѣло, а? я тебя заставляю въ оба за поварами глядѣть!

Катерина Петровна, зная нравъ мужа, не отвѣтила ему ни слова, но послѣ обѣда выместила весь свой гнѣвъ на гувернантѣ.

— Если вамъ не угодно жить у насъ, то можете хоть сейчасъ уѣхать. Я буду очень рада, заключила она свою нотацию.

— Хорошо я уѣду, отвѣчала Варвара Алексѣевна и ушла въ свою комнату, просидѣла тамъ до вечера и не вышла даже къ ужину.

— Гдѣ Варвара Алексѣевна? спросилъ Пименовъ у жены, садясь за столъ.

— Въ своей комнатѣ, капризничаетъ.

— Ты вѣрно бранила ее?

— Ну ее къ Богу. Ей слова нельзя сказать.

— А вотъ я сейчасъ узнаю, что у васъ было.

Пименовъ отправился въ комнату Варвары Алексѣевны, но дверь была заперта. Онъ постучался.

— Кто тамъ? спросила гувернанка, не отворяя двери.

— Я, отвори Варя, тихо отвѣчалъ Пименовъ.

— Что вамъ угодно?

— Ты сердишься, Варя? за что?

— Спросите у вашей жены. Она мнѣ отказала отъ мѣста и завтра непременно уѣду во что бы то ни стало.

Какъ сумашедшій вбѣжалъ Пименовъ въ залъ, сватилъ Катерину Петровну за грудь и потащилъ къ дверямъ.

— А, такъ ты вздумала мудрить въ моемъ домѣ! кричалъ неистово Пименовъ: ты хотѣла ее выгнать! Нѣтъ, скорѣй я тебя выгоню мерзавка! чтобъ и духу твоего не было!

Пименовъ вытащилъ жену въ сѣни, потомъ вытолкнулъ на дворъ и заперъ дверь на задвижку.

Бѣдная Катерина Петровна, одѣтая въ легкое шерстяное платье, упала въ грязь; а ночь была темная и холодная, такъ именно, въ которую по пословицѣ: добрый хозяинъ на дворъ и собаку не выгонитъ.

Возвратясь въ залу Пименовъ, обратился грозно къ лакеямъ.

— Не пускать ее въ горницы, слышите, передеру на смерть!

Пименовъ долго ходилъ по залѣ, наконецъ выпилъ три большіе рюмки настойки одну за другой, отправился въ кабинетъ и легъ спать, но часа въ три ночи въ кабинетъ вбѣжалъ старикъ камердинеръ Григорій и торопливо принялся будить барина.

— Вставайте, сударь, вставайте. Бѣда!

— А? кого? что? промывчалъ сквозь сонъ Пименовъ.

— Батюшка баринъ, проснитесь. Барыня умираетъ.

— Кого? кто умираетъ?

— Барыня въ людской кончается.

— Ну, пусть ее кончается. Пошелъ вонъ, болванъ!

И Пименовъ, завернувъ голову въ одѣяло, перевернулся на другой бокъ и захрапѣлъ, а Григорій, постоявъ нѣсколько ми-

путь надъ бариномъ, молча махнулъ рукой и медленно вышелъ изъ комнаты.

Между тѣмъ, въ людской происходила грустная сцена. Катерина Петровна, окруженная крѣпостными людьми, металась на кровати. Лицо ея горѣло лихорадочнымъ огнемъ, волосы растрепались, а на лбу выступилъ рѣдкими каплями крупный потъ. Она поминутно вскрикивала, рвала на груди рубашку и въ бреду звала къ себѣ то Максима Назарыча, то священника, то Пименова, то дѣтей. Пріѣхалъ священникъ, исповѣдалъ и причастилъ больную. Она какъ будто пришла въ себя, благословила дѣтей, крѣпко прижала къ груди свою дочь, спросила о мужѣ, подняла руку, чтобы отереть потъ, но рука упала на постель и Катерины Петровны не стало.

Пименовъ опомнился. Услышавъ о смерти жены, онъ сначала не повѣрилъ, думая, что его обманываютъ, но когда тѣло покойницы пронесли мимо его въ залу и положили на столъ, Пименовъ задумался и долго потиралъ себѣ рукою лобъ, какъ будто бы припоминая что-то.

Видно было, что совѣсть его мучила. Вспомнилъ онъ все, что сдѣлала для него Катерина Петровна, вспомнилъ съ какимъ нечеловѣческимъ терпѣніемъ переносила она разные оскорбленія и даже побои. Громко упрекалъ Пименова внутренній голосъ, такъ громко, что онъ не выдержалъ роль стойка, бросился съ рыданіями на тѣло покойницы и могъ только проговорить три слова:

— Прости меня, душечка!

Но это была минутная вспышка. Пименовъ выпилъ водки и больше не плакалъ даже на похоронахъ.

На могилѣ Катерины Петровны поставили, по приказанію Пименова, памятникъ съ надписью съ одной стороны:

Супруга нѣжная и мать
Въ раю ты будешь обитать,
Оставя скорбнаго супруга
Безъ утѣшенія и друга.

А съ другой: подъ симъ камнемъ погребено тѣло боярыни, поручицы Екатерины Петровны Пименовой, родилась въ Дегтярскѣ 1818 года Октября 18, скончалась въ Стрикаловкѣ 1855 года Сентября 26, жила 37 лѣтъ 11 мѣсяцевъ и 22 дня, именинница была 24 Ноября.

Господи, прими духъ ея съ миромъ!

XV.

Въ самый день похоронъ Катерины Петровны, Варвара Алексѣевна отправила къ брату въ Петербургъ страховое письмо, а сама сдѣлалась чрезвычайно нѣжна и внимательна къ Пименову. Она уже теперь позволяла цѣловать себя въ губы и даже сама иногда цѣловала Пименова, но во всемъ другомъ держала себя по прежнему строго.

— Что же, мамочка. Долго-ли ты будешь меня мучить? говорилъ ей Пименовъ.

— Чѣмъ же я тебя мучу?

— Да развѣ это не мученіе? Вѣдь я тоже человѣкъ. Когда у насъ кончатся всѣ эти поцѣлуи?

— А вы бы хотѣли, чтобы поскорѣй кончились?

— Не то я хочу сказать, не придирайся. Вѣдь ты понимаешь?

— Кто васъ пойметъ!

— Ахъ какая ты, право! Ну, когда ты будешь моей женой?

— Конечно послѣ свадьбы.

— Да я готовъ хоть сейчасъ жениться. Чего же тебѣ?

— Послушай, Michel, ты знаешь, что я дѣвушка бѣдная и у меня есть мать, слѣдовательно я не могу рисковать собой.

— Чѣмъ же ты рискуешь?

— Многимъ. Я могу тебѣ надоѣсть, ты меня оставишь. Что тогда будетъ со мною?

— Экая все тебѣ чепуха въ голову лѣзетъ!

— Называй это, какъ хочешь, но я хотя и люблю тебя, а не выду за тебя прежде замужъ, пока ты меня не обезпечишь.

— Какъ же тебя обезпечить?

— Ты самъ знаешь.

Пименовъ шелъ совѣтываться съ Загибаловымъ.

— Видишь, братецъ, говорилъ онъ: обезпеченія просить. Ну чѣмъ бы ее обезпечить?

— Да что, Михайло Александровичъ, дайте вы ей заемное письмо тысячь во сто и дѣло съ концомъ, отвѣчалъ Загибаловъ, заранѣе настроенный Варварой Алексѣевной.

— Нѣтъ, братъ, не хочу я, чтобы меня за деньги любили.

— Помилуйте-съ, Михайло Александровичъ, дѣло это житейское и значить до любви не касается. Подозрѣніе, значить, имѣютъ....

— Не хочу я дѣтей своихъ обижать и заемнаго письма не дамъ.

— Воля ваша-съ.

Но Пименовъ не давалъ заемнаго письма не потому, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ боялся обидѣть своихъ дѣтей, а просто отъ того, что онъ, при всей недалекости своего ума, ясно понималъ, что тогда Варвара Алексѣевна едѣлается совершенно самостоятельной и будетъ командовать имъ по своей волѣ.

Каждый день разговоры о свадьбѣ и объ обезпеченіи повторялись. И вотъ однажды вечеромъ, когда упрямство Пименова привело Варвару Алексѣевну почти въ отчаяніе, въ гостинную вошелъ стройный гвардейскій офицеръ и съ нимъ вмѣстѣ молодой человѣкъ въ штатскомъ платьѣ.

Варвара Алексѣевна вскрикнула и бросилась на шею къ офицеру.

— Поручикъ Дьячковъ—рекомендуюсь, проговорилъ офицеръ, обращаясь къ Пименову. А вотъ мой другъ, Вася Тюринъ, *литераторъ*.

Послѣ обыкновенныхъ обниманій, Дьячковъ вышелъ съ сестрой въ другую комнату, а Пименовъ остался глазъ на глазъ съ литераторомъ.

— Какія у васъ дороги скверныя, просто ѣздить нельзя, началъ Тюринъ, вставивъ въ глазъ стеклышко.

— Да, сквернымъ дороги, отвѣчалъ Пименовъ: все исправникъ виновать.

— Гласности бы его предать?

— То есть какъ гласности.

— Да такъ. Отпечатать въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, что вотъ въ Луговскомъ уѣздѣ исправникъ только ѣстъ да спитъ, а объ общественномъ благѣ не заботится. Ужъ только бы въ Петербургъ пріѣхать, распишу я его.

Пименовъ невольно почувствовалъ робость. Въ первый разъ въ жизни встрѣчался онъ лицомъ къ лицу съ литераторомъ, но слышалъ стороною, что этотъ народъ любитъ напакостить ближнему при всякомъ удобномъ случаѣ.

— Вотъ удереть-то штуку, какъ возьметъ да и опишетъ меня съ ногъ то головы. И принесъ же его чортъ ко мнѣ! подумалъ Пименовъ и потомъ спросилъ въ слухъ:

— А вы въ какихъ газетахъ пишете?

— Во всѣхъ рѣшительно.

— И все на счетъ гласности?

— Непремѣнно. О чемъ же иначе и писать?

— Конечно. А на кого вы больше нападаете?

— Да кто подъ руку подвернется. Генераль-души генерала; помѣщикъ-валяй помѣщика; больше становымъ и квартальнымъ, какъ уже извѣстнымъ, такъ сказать патентованнымъ пронырамъ, достается.

— Батюшка нельзя ли описать нашего становаго?

— А что онъ плутъ?

— Мало того, святотатецъ.

— Ну давайте его сюда. Къ затрему же накатаю статейку и пошлю по почтѣ въ Сѣверную Пчелу, то бишь въ Сынъ Отечества.

Пименовъ принялся рассказывать о становомъ и рассказывалъ долго и съ одушевленіемъ, а между тѣмъ Варвара Алексѣевна тоже очень подробно рассказывала брату про свои обстоятельства.

— Что дѣлать, Столя? наконецъ спросила она.

— Прижать нужно.

— Упрямъ онъ, ничего съ нимъ не сдѣлаешь.

— Вздоръ. Пьетъ онъ водку?

— Сильно.

— Ну, такъ я все съ нимъ завтра сдѣлаю. Вотъ увидишь.

И точно на другой день за завтракомъ, когда Пименовъ уже порядочно накатился, чокаясь безъ устали то съ братцемъ, то съ литераторомъ, Дьячковъ замѣтилъ, какъ бы мимоходомъ:

— Да, скоро Варя опять увидитъ Петербургъ.

— Какъ такъ? спросилъ Пименовъ съ испугомъ.

— Я вѣдь пріѣхалъ за пей.

— Быть не можетъ!

— Ей Богу. Довольно ей по мѣстамъ шататься, пусть теперь съ родственниками поживетъ.

— Нѣтъ ужъ, Станиславъ Алексѣичъ, я Варю съ вами не отпущу.

— Какъ не отпустите?

— Да ужъ такъ. Хочу я съ ней и вѣкъ вѣковать. Люблю я ее и она меня тоже.

— Вотъ какъ! Что-же ты молчишь, сестра. Правда?

— Правда, почти шопотомъ отвѣчала Варвара Алексѣевна.

— Небось, брату ничего не сказала. Видите, какая хитрая.

Ну что же я не могу препятствовать твоему счастью, только

позвольте мнѣ переговорить съ вами откровенно, Михаилъ Александрычъ.

Пименовъ и Дьячковъ захватили съ собой бутылку коньячку и заперлись въ кабинетѣ. Разговоръ продолжался долго, наконецъ Дьячковъ вышелъ подъ руку съ Пименовымъ и, обращаясь къ сестрѣ, сказалъ :

— Ну, сестра, посылаетъ тебѣ Господь мужа. Вообрази, что дѣлалъ Михаилъ Александрычъ? какъ думаешь?

— Не знаю, Столя.

— Онъ тебѣ даритъ сахарный заводъ въ Черниговской губернии и лѣсную пустошь въ двѣ тысячи десятинъ, чтобы обезопасить тебя въ случаѣ его смерти. А, кто бы это сдѣлалъ?

Вѣсто отвѣта, Варвара Алексѣевна бросилась обнимать Пименова, а Тюринъ замѣтилъ :

— Я непременно васъ опишу, Михаилъ Александрычъ.

— Помилуйте, за что же? съ испугомъ спросилъ Пименовъ.

— За то, что вы истинный гражданинъ. Опишу непременно.

— Пожалуйста, только не на счетъ гласности. Ну ее къ Божествѣ !

Въ то же воскресенье Пименовъ женился на Варварѣ Алексѣевнѣ. Свадьба была тихая, гостей не было никого, исключая только четырехъ самыхъ мелкопомѣстныхъ сосѣдей съ женами. Третій день послѣ свадьбы Дьячковъ уѣхалъ въ Петербургъ, взявъ отъ сестры въ подарокъ билетъ въ пять тысячъ рублей и обѣщаніе ежегодной помощи, а Тюринъ остался у Пименова гувернеромъ, по просьбѣ Варвары Алексѣевны, которой, по видимому, очень приглянулся. Тюринъ съ охотою согласился занять эту должность, тѣмъ больше, что живя въ Стрикаловкѣ онъ былъ сытъ и одѣтъ, а въ Петербургѣ у него было ни постоянного дохода, ни постоянного обѣда. Жилъ какъ птицы небесныя, кои не спютъ, не жмутъ, и считалъ себя литераторомъ только потому, что квартировалъ нѣкоторое время въ одномъ домѣ съ однимъ дѣйствительно извѣстнымъ литераторомъ.

Во время медоваго мѣсяца, Варвара Алексѣевна тотъ же показала всѣ свои таланты. Она умѣла такъ забрать руки мужа, что тотъ не только что безпрекословно исполнялъ всѣ ея капризы, но даже боялся ее, какъ огня. Утромъ

она посылала его осматривать полевые работы, а сама запира-
лась въ спальнѣ съ Тюринымъ и читала съ нимъ Отечественныя
Записки прежнихъ годовъ. Иногда Пименовъ возвращался рав-
ше обыкновеннаго, подходилъ къ спальнѣ, стучался въ дверь,
ему отпирали и онъ, видя лежащую на столѣ раскрытую книгу
и сидящаго за нею Тюрина, весело замѣчалъ женѣ:

— Ужъ сдѣлаешь онъ тебя, мамочка, литераторшей. Въѣ-
онъ мазурикъ и на счетъ гласности все пишетъ.

Пименовъ ни разу не ссорился съ женой. Чуть бывало онъ
станетъ ей противорѣчить, съ Варварой Алексѣвной сдѣлаются
спазмы; она начнетъ рыдать — и Пименовъ на колѣняхъ про-
ситъ у нея прощенія и со слезами цѣлуетъ руки. Варвара Але-
ксѣвна долго не прощаетъ мужа, наконецъ простить, прого-
нить его на полевые работы, а сама, чтобы успокоиться, от-
правляется съ Тюринымъ въ спальню читать Отечественныя За-
писки.

Разъ какъ-то она прихворнула. Послали за докторомъ, боль-
ная черезъ два дни совершенно поправилась, но не показывала
этого мужу, потому что у нея была своя цѣль.

— Michel, я должна ѣхать за границу, сказала она ему.

— Куда за границу? спросилъ удивленный Пименовъ.

— Въ Италію, такъ докторъ приказалъ.

— Вреть твой докторъ.

— Какой ты право, Michel, несносный. Докторъ лучше тебя
знаетъ, что мнѣ нужно. И ты со мной поѣдешь, и дѣтей возъ-
мемъ и Тюрина тоже...

— Ну ужъ я не поѣду!

— Боже мой! Ты меня убьешь своимъ упорствомъ!

— Да зачѣмъ мнѣ ѣхать, мамочка?

— Тебѣ образоваться нужно.

— Нѣтъ ужъ, поздно мнѣ образовываться. Довольно я обра-
зовался.

— Все таки ты поѣдешь.

— Ужъ какъ хочешь, а не поѣду. Дьявола я тамъ забылъ.

— Вотъ... Вотъ опять... опять грудь стѣснило... застонала
Варвара Алексѣвна.

— Ну—ну, ладно. Поѣду. Поѣду и ѣмецкія щи хлѣбать, за-
кричалъ Пименовъ, заткнувъ уши и выбѣжавъ изъ комнаты.

Черезъ два мѣсяца Пименовъ сидѣлъ уже съ Тюринымъ на балконѣ одной виллы въ окрестностяхъ Рима и разсуждалъ:

— Ну за коимъ чортомъ насъ сюда принесло? ни хлѣба, ни водки нѣтъ, хоть съ голоду умирай!

— А небо, а воздухъ? спросилъ Тюринъ словами Гоголя.

— Поди въ болото! У меня въ Стрикаловкѣ лучше воздухъ, а здѣсь что? Только солнце тебя съ утра до ночи жарить.

— А древности?

— Кирпичики-то эти. Ну да этого добра вездѣ много. Охъ пропадай они всѣ, вырваться бы только!

Желаніе Пименова скоро сбылось. Деньги у него подходили къ концу, а доходъ изъ имѣній не высылали. Напрасно Пименовъ писалъ грозныя письма управляющимъ, отвѣта не было. Наконецъ онъ получилъ и отвѣтъ, но такой, что, прочитавъ письмо, подскочилъ на стулѣ.

— Ъдемъ, матушка, сейчасъ же ѣдемъ! закричалъ онъ женѣ не своимъ голосомъ.

— Что съ тобой! что такое?

— Содомъ и гоморъ и всякая дьявольщина! Вотъ на, читай. Варвара Алексѣевна прочла письмо и замѣтила хладнокровно:

— Да, тебѣ непремѣнно нужно поскорѣй ѣхать. Только поѣзжай одинъ, а я съ дѣтьми еще на полгода останусь.

— Какъ такъ?

— Очень просто, а ты мнѣ денегъ тотчасъ же по пріѣздѣ вышлѣ.

— Ну, оставайся, пожалуй, только мою-то душу отпусти на покаяніе.

Говорятъ, что выѣхавъ изъ Рима, Пименовъ три раза перекрестился, отплюнулся и крикнулъ везшему его итальянцу по русски: утекай, ребята! А тотъ отвѣчалъ ему съ улыбкой по итальянски: *si, signor*.

XVI.

Возвратясь въ Стрикаловку, Пименовъ точно нашелъ тамъ содомъ и гоморъ и всякую чертовщину. Управляющіе неистовствовали и крали на свободѣ, половина мужиковъ разбѣжалась,

всюду беспорядокъ и безалаберщина. Большаго труда стоило Пименову поправить дѣло. Всѣ управляющіе были прогнаны, исключая одного Загibalова, который и въ этомъ случаѣ умѣлъ вывернуться, а по дальнѣйшимъ своимъ заслугамъ приобрѣлъ даже особенное благоволеніе барина.

Отдохнулъ Пименовъ въ отсутствіе жены. Явились прежніе знакомые: Дергачъ съ дядюшкой, Расплюгавинъ, Евграфъ и другіе, началась прежняя жизнь, только прежней охоты Пименовъ уже не могъ завести, потому что не было ни собакъ, ни охотниковъ, а формировать новыхъ онъ не хотѣлъ да и боялся жены. Возобновились прежніе кутежи съ пѣснями и плясками, только теперь Пименовъ веселился не такъ чистосердечно, какъ прежде. Его безпрестанно тревожила мысль, что вотъ пріѣдетъ жена и все это снова разрушится и пойдетъ прахомъ.

— Ну ужъ, если ты теперь будешь такимъ хомутомъ, какъ быть, то берегись, кумъ, говорилъ ему Расплюгавинъ. Не отодралъ я тебя прежде потому, что, значить, тебя за сумасшедшаго считалъ, а теперь вижу, что ты не совсѣмъ баба и жена твоя не совсѣмъ еще на тебя верхомъ села.

— Что мнѣ жена! Я самъ себя господинъ, храбрился Пименовъ.

— Смотри помни. Пріѣдетъ, поверни ее круто, чтобъ она у тебя пищала.

— А вотъ увидишь, какъ я ее настрою. Съ нами пить будетъ.

Вернулась Варвара Алексѣевна и вернулась не одна, а съ красивымъ французомъ, monsieur d'Arvil. Тюринъ какъ въ воду канулъ, про него небыло даже и помину, а когда Пименовъ спросилъ о немъ у жены, но та ничего не отвѣтила, а завела другой разговоръ. По пріѣздѣ изъ-за границы Варвара Алексѣевна совершенно перемѣнилась. Она все время занималась съ французомъ гувернеромъ какъ прежде съ Тюринимъ, а на мужа не обращала никакого вниманія, позволяла ему кутить съ знакомыми, даже показывала видъ, что ничего не знаетъ о фавориткахъ Пименова, хотя Загibalовъ уже пробовалъ намекать ей объ этомъ. Пименовъ удивлялся, но молчалъ и радовался въ душѣ, не по сердцу ему былъ только французъ гувернеръ.

Однажды поздно вечеромъ Пименовъ и Евграфъ сидѣли въ

кабинетъ и упражнялись въ своемъ обыкновенномъ занятіи: переливаніи настойки изъ графиновъ въ желудокъ, когда въ комнату вошелъ старикъ Григорій.

— Что скажешь? спросилъ Пименовъ, но Григорій стоялъ и почесывался.

— Ну, зачѣмъ ты явился? снова спросилъ Пименовъ.

— Батюшка баринъ, началъ наконецъ Григорій, все еще продолжая чесать затылокъ: ужъ воля ваша господская, а мнѣ, значить, не въ моготу...

— Ну?

— Сорокъ годовъ служу вашей милости. У батюшки вашего *камардиномъ* еще былъ, и вамъ, сударь, извѣстно...

— Да ну, чортъ, говори толкомъ!

— Обманываютъ они васъ, сударь.

— Кто обманываетъ?

— Французъ этотъ голопатый. Молчалъ я, сударь, да ужъ больно обидно.

— Что онъ тебѣ сдѣлалъ?

— Мнѣ-то почитай ничего, да барыни не хорошо.

— Грмшка, смотри у меня! прикрикнулъ Пименовъ грозно.

— Ужъ воля ваша господская, а я какъ передъ Богомъ говорю вашей милости. Очень давно я это дѣло подмѣтилъ, да все, значить, боялся вамъ, сударь, доложить. Вотъ онъ и теперь у барыни.

— Врешь!

— Убей меня Богъ на этомъ мѣстѣ, коли вру! Своими глазами видѣлъ.

— Что дѣлать, Евграфъ, какъ думаешь? спросилъ Пименовъ, сильно взволнованный.

— Пойдемъ и отдуемъ этого французешку, да и жонкѣ-то ты задай тоже перцу, чтобы помнила впередъ.

— Ужъ я ей этого не спущу.

Пименовъ и Евграфъ тихо подкрались къ комнатѣ Варвары Алексѣевны и сразу рванулись въ дверь, но она была заперта.

— Кто тамъ? послышался голосъ Варвары Алексѣевны.

— Отвори, Вара, дѣло есть.

— Ты видишь, кажется, я въ постели.

— Отвори, говорятъ, нужно.

Слова эти были сказаны такимъ рѣшительнымъ тономъ, что Варвара Алексѣевна поспѣшила отвѣтить: сейчасъ.

Въ комнатѣ поднялась возня, послышался тихій шопотъ, стукнуло окно и потомъ отворилась дверь. Варвара Алексѣевна, блѣдная, кусая губы, стояла на порогѣ.

— Зачѣмъ вы явились? строго спросила она.

— У тебя былъ сейчасъ французъ? переспросилъ Пименовъ, пристально смотря прямо въ глаза женѣ.

— Съ чего вы это взяли?

— А зачѣмъ окно отворено?

— За тѣмъ, что въ комнатѣ жарко.

— Въ сентябрѣ-то?

— Да, въ сентябрѣ.

— Вотъ и платокъ этого французишки у окна валяется, замѣтилъ Евграфъ, указывая на лежавшій на полу платокъ.

— Гришка правду сказалъ, сорвалось у Пименова. Ну, сударыня, зачѣмъ къ вамъ по ночамъ французъ шляется?

— Подите вонъ, крикнула Варвара Алексѣевна. Пименовъ попятился.

— Убирайтесь, говорятъ вамъ. Вы мнѣ надоели съ вашими глупыми подозрѣніями.

— Да какъ же, мамочка...

— Ступайте же наконецъ. Я съ вами завтра поговорю.

И Варвара Алексѣевна, не слушая мужа, вытолкнула его за дверь и заперлась на ключъ.

— Ну, дядя, какая же ты петля, проговорилъ Евграфъ, покачивая съ укоромъ головою.

— Я съ ней завтра раздѣляюсь, нечего было сегодня кутерьму поднимать.

— Ужъ знаю я тебя, каковъ ты человѣкъ есть.

— А вотъ увидишь.

На другой день рано утромъ Загибаловъ явился въ кабинетъ Пименова.

— Михайло Александрычъ, барыня Григорья ссылають.

— Какъ ссылаегъ, куда ссылаегъ?

— Приказали въ Тамбовскую вотчину отправить и подвода готова.

— Гдѣ?

— На дворѣ стоитъ. Сами изволили распорядиться, даже смотрѣли съ балкона, какъ лошадей закладывали, и Гришка тамъ.

Пименовъ быстро одѣлся, и вышелъ съ Евграфомъ на дворъ.

— Отпречь лошадей! крикнулъ Пименовъ и отправился въ комнаты.

— Не смѣть отпрягать! слышался звонкій голосъ съ балкона.

— Ты ужъ что-то мудрить начала, матушка, вспыльчиво сказалъ женѣ Пименовъ, входя въ залу.

— Да вы съ чего взяли, сударь, мѣшаться въ мои распоряженія? крикнула Варвара Алексѣевна, грозно подступая къ мужу.

— За что ты его ссылаешь?

— Я не хочу держать въ домѣ шпионовъ.

— Да вѣдь французъ былъ у тебя вчера?

— Еслибы и былъ, положимъ, что же изъ этого. Можетъ быть, онъ за дѣломъ приходилъ.

— Вотъ новости еще!

— Для васъ это новости, потому что вы глупы. Да, мосе Дарвилъ былъ у меня вчера вечеромъ и приносилъ мнѣ показывать поздравительные стихи, сочиненные имъ къ вашимъ именинамъ.

— А зачѣмъ онъ въ окно высочилъ?

— Это вамъ пригрезилось. Скажи Загибалову, чтобы онъ сейчасъ же отправилъ Гришку, обратилась Варвара Алексѣевна къ лакею.

— Дядя? сказалъ съ упрекомъ Евграфъ.

— Боже мой, мнѣ дурно, воды! простонала Варвара Алексѣевна. Что же ты, болванъ, стоишь, когда я тебѣ приказала, крикнула она снова на лакея.

— Прикажете отправить, сударь? тихо спросил лакей у Пименова.

— Отправить, проговорилъ Пименовъ, махнувъ рукой.

— Ну, дядя, теперь я вижу, какая ты *петля*, чтожъ ты это дѣлаешь? Такъ-то ты характеръ выдержалъ?

— Эхъ, Евграфъ, не говори! Не могу. Пойдемъ лучше въ кабинетъ, водки выпьемъ.

А. СЕНТИНГЪ.

О РАБОЧЕМЪ КЛАССѢ

И МѢРАХЪ КЪ ОБЕЗПЕЧЕНІЮ ЕГО БЛАГОСОСТОЯНІЯ.

Статья пятая.

КРЕДИТЪ

И СООТНОШЕНІЕ ЕГО КЪ РАБОЧЕМУ СОСЛОВІЮ.

ССУДНЫЕ РАБОЧИЕ БАНКИ.

Кредитъ служитъ однимъ изъ главнѣйшихъ орудій производства.— Онъ заключается въ сущности въ передачу за извѣстную плату капиталовъ, т. е. накопленныхъ средствъ производства, собственниками оныхъ лицамъ занимающимся производствомъ.— Рабочему, ремесленнику не менѣе необходимо это пособіе, чѣмъ фабричному промышленнику, чѣмъ торговцу— между тѣмъ до сихъ поръ въ большей части странъ работникъ, мелкій ремесленникъ, земледѣлецъ, крестьянинъ были совершенно отстранены отъ тѣхъ публичныхъ органовъ кредита, распределяющихъ оный въ промышленномъ сословіи, которые называются банками.— За исключеніемъ Америки, т. е. Соединенныхъ Штатовъ, и Шотландіи, банки всѣхъ странъ отказывали въ кредитѣ работнику и мелкому ремесленнику.— Это произошло по двумъ причинамъ: во первыхъ потому, что эти лица могутъ большею частію занимать только на личный кредитъ, не представляя для ссудъ никакого вещественнаго обезпеченія;— единственнымъ обезпеченіемъ у нихъ могутъ служить только ихъ работа и ихъ честность, два фактора, которые весьма труд-

но опредѣлить впередъ съ точностію. — Другая причина заключается въ мелочности суммъ, на которыя могутъ простираться эти ссуды, — обыкновенные банки, дѣлающіе операціи на сотни и тысячи рублей, не находятъ для себя полезнымъ пускаться въ мелкіе дѣла, дѣлать ссуды въ десять, двадцать рублей, заводить для нихъ особенные счета, — и все это безъ всякаго вещественнаго обезпеченія. — Исключенія изъ этого обычнаго правила представляютъ только, какъ мы уже видѣли, только сѣверо-американскіе и шотландскіе банки, — и тѣ и другіе отпускаютъ небольшія ссуды подъ личный кредитъ ремесленникамъ и земледѣльцамъ. — Этого рода обороты особенно развиты въ Шотландіи, въ которой вообще банковое и кредитное устройство ушло весьма далеко впередъ въ сравненіи съ прочими странами, благодаря промышленному духу и, главнымъ образомъ, врожденной коммерческой честности шотландскаго населенія.

Во всѣхъ прочихъ странахъ ремесленникъ былъ лишенъ этого важнаго пособія. Легко понять, на сколько подобное обстоятельство должно было задерживать промышленное развитіе въ этой сферѣ. — Кредитъ, которымъ можетъ пользоваться работникъ и ремесленникъ двоякаго рода: ложный непроизводительный и истинный производительный. Ложнымъ непроизводительнымъ кредитомъ мы называемъ тотъ кредитъ, которымъ работники весьма часто пользуются для удовлетворенія своихъ ежедневныхъ потребностей; — извѣстно, что вездѣ значительная часть рабочаго сословія весьма склонна къ приобрѣтенію въ долгъ пищи и другихъ предметовъ, принадлежащихъ къ ежедневнымъ потребностямъ жизни, — часто они предпочитаютъ лавки, въ коихъ имъ отпускаются необходимые предметы въ долгъ другимъ лавкамъ, въ которыхъ они могли бы приобрѣсти ихъ гораздо дешевле на наличныя деньги. Эта легкомысленная непредусмотрительная привычка имѣетъ весьма вредныя послѣдствія для нихъ, вовлекая ихъ мало по малу въ неоплатимыя долги; притомъ, поставленный въ необходимость платить немедленно за все необходимое, человѣкъ и особенно человѣкъ не образованный и мало развитый живетъ гораздо экономнѣе и расчётливѣе, — чѣмъ при возможности получать необходимые предметы въ долгъ, безъ наличныхъ средствъ. — Привычка эта такимъ образомъ непосредственно вовлекаетъ легкомысленнаго

работника въ расходы превышающіе его средства, такъ что долги его продолжаютъ расти, при столь пагубной привычкѣ, не только въ слѣдствіе платимыхъ имъ высокихъ процентовъ за оказываемый ему кредитъ, но и въ слѣдствіе происходящаго отъ того поощренія къ нерасчетливости.

Совсѣмъ другаго рода и совершенно другіе результаты приносить кредитъ, который мы назвали истиннымъ и который служитъ для производительныхъ цѣлей.— Сколько первый вреденъ и опасенъ, столько этотъ послѣдній дѣйствуетъ полезно и благотворительно на бытъ работника, ремесленника.— Истинный кредитъ доставляетъ ему средства къ развитію и расширенію своей производительности—при отсутствіи собственныхъ средствъ онъ можетъ, благодаря кредиту, пріобрѣтать усовершенствованные машины и инструменты, которые дозволяютъ ему работать лучше и дешевле; это обстоятельство сдѣлалось особенно важнымъ въ новѣйшее время, когда, съ развитіемъ промышленной и ремесленной техники, только работникъ, снабженный хорошими и часто дорогими машинами и инструментами, въ состояніи выдерживать конкуренцію, прочіе же почти неизбѣжно обречены впасть въ бѣдность.—Онъ можетъ обращаться за покупкой необходимаго ему сыраго матеріала, непосредственно къ производителямъ, минуя лавочниковъ посредниковъ, всегда значительно увеличивающихъ цѣну,—онъ можетъ закупать эти предметы въ самое удобное время, т. е. тогда, когда они дешевле, а не тогда, когда они ему необходимы и т. п.

Между тѣмъ, при отсутствіи всякихъ учрежденій для ремесленнаго кредита, ремесленники и работники пользовались до сихъ поръ исключительно почти кредитомъ перваго рода, т. е. непроизводительнымъ, ложнымъ. Мелочные лавочники и другіе посредники, пользуясь пагубною наклонностію весьма многихъ работниковъ къ безразсчетливой долговой жизни, отпускаютъ имъ необходимые предметы въ долгъ, но зато за двойную и тройную цѣну. Они занимали не деньги, а предметы жизни,—въ тѣхъ же случаяхъ, когда имъ удавалось, для производительныхъ цѣлей, получать въ ссуду небольшія суммы изъ частныхъ рукъ, — имъ приходилось платить 2—4% въ мѣсяцъ, т. е. отъ 20 до 50% въ годъ,—но и столь дорогія ссуды встрѣчались весьма рѣдко и только въ видѣ одолженія. Значительное обычное развитіе имѣлъ до сихъ поръ только кредитъ непроизводительный, вред-

ный;—нашему времени предстояло бросить основанія учрежденій, имѣющихъ цѣлю распространеніе промышленнаго производительнаго кредита въ средѣ рабочаго и ремесленнаго класса.

Первые зачатки ремесленныхъ рабочихъ банковъ возникли въ Германіи; эта страна, такъ далеко отставшая отъ Франціи и Англіи въ дѣлѣ всѣхъ прочихъ рабочихъ ассоціацій, замѣчательно опередила ихъ относительно рабочихъ кредитныхъ ассоціацій.

Тѣ же самыя обстоятельства, которыя затрудняли въ Германіи развитіе другихъ промышленныхъ ассоціацій, т. е. борьба еще сильнаго тамъ ремесленнаго производства съ фабрично-мануфактурнымъ производствомъ, тѣ же самыя обстоятельства способствовали развитію ремесленнаго кредита, какъ самаго необходимаго орудія ремесла. Возникнувъ изъ этой среды, кредитныя учрежденія вскорѣ развились на пользу всего рабочаго класса, потерявъ всякій исключительный характеръ. Въ первый разъ требованіе подобныхъ кредитныхъ учреждений высказалось съ особенною силою послѣ народнаго движенія въ 1848 г.

Тогда возникло особенно въ Пруссіи множество ссудныхъ кассъ, самаго различнаго устройства; но всѣ эти учрежденія имѣли очень неблестящую будущность, нѣкоторые изъ нихъ прекратили свое существованіе въ непродолжительномъ времени послѣ ихъ возникновенія, другія продолжали свое существованіе, но съ весьма ограниченнымъ кругомъ дѣятельности; ни одно изъ нихъ не принесло желаннаго результата—улучшенія положенія ремесленнаго класса. Главная причина такой неудачи заключалась въ томъ обстоятельствѣ, что всѣ эти ссудныя кассы были основаны не собственными средствами и силами того класса, на пользу котораго онѣ должны были дѣйствовать, а на началѣ благотворительности и подавнія — имъ недоставало такимъ образомъ собственнаго нормальнаго живительнаго начала. Капиталы этихъ кассъ составились изъ подарковъ, изъ безпроцентныхъ ссудъ. Хотя эти суммы раздавались нуждающимся не въ даръ, а съ требованіемъ возврата, но все же на всей операціи лежалъ характеръ благотворительности высшихъ классовъ въ пользу низшихъ, при чемъ всякое нормальное развитіе дѣлопроизводства было рѣшительно невозможно. Ссуды получали характеръ вспомошествованій, а не правильныхъ коммерческихъ оборотовъ—поэтому не обращалось достаточнаго вниманія на то весьма важное обстоятельство, въ состояніи ли должникъ воз-

вратить со временемъ полученную имъ ссуду,—при такомъ характерѣ ссуды, дѣйствительно весьма часто возвратныя уплаты происходили неаккуратно и неточно, фондъ уменьшался мало по малу и учрежденіе скоро теряло возможность производить свою дѣятельность; — съ другой стороны лица, получавшія ссуды—смотря на нихъ тоже какъ на вспомошествованіе—обыкновенно являлись съ столь значительными требованіями и надеждами, которыя рѣшительно невозможно было удовлетворить.

Совершенно другое направленіе получило все это дѣло, когда перешли отъ принципа благотворительности къ принципу самодѣтельности.

Кромѣ благотворительнаго экономическаго вліянія новаго начала, оно произвело еще и нравственные, весьма полезные результаты, показавъ рабочему классу, что въ его собственной средѣ находится богатый родникъ средствъ, достаточный для вполне удовлетворительнаго обезпеченія положенія онаго. Всякаго рода благотворительныя кредитныя учрежденія способствуютъ только къ распространенію въ средѣ самаго многочисленнаго и дѣятельнаго класса народа убѣжденіе, что оно не можетъ безъ помощи болѣе зажиточныхъ гражданъ, безъ подаянія однимъ словомъ, развивать и улучшать своего положенія. Легко понятно, до какой степени подобное убѣжденіе, если оно распространится, должно деморализировать и, такъ сказать, производительно обезсилить классъ людей, который долженъ служить главной опорой производительности. Въ совершенно противоположномъ смыслѣ дѣйствуетъ всякое улучшеніе положенія работника, проистекающее изъ его собственной среды, добываемое собственными усиліями,—оно придаетъ ему новыя силы, увеличивая его довѣріе къ самому себѣ.

Для осуществленія этого начала самодѣтельности въ отношеніи къ кредиту слѣдовало однако прежде всего найти удовлетворительное средство обезпеченія кредитора, не смотря на отсутствіе всякаго вещественнаго характера подобныхъ кредитныхъ сдѣлокъ. Это средство обезпеченія доставила ассоціація, соединенная съ началомъ *добровольной* круговой поруки. Принявъ начало солидарной отвѣтственности одного за всѣхъ и всѣхъ за одного, они этимъ путемъ утвердили свой кредитъ на столь же прочномъ основаніи, какое можетъ представить почти толь-

ко вещественный кредитъ;— капиталисты, отказывавшіе въ ссудахъ отдѣльнымъ ремесленникамъ и работникамъ, весьма легко соглашались ссужать свои капиталы ассоціаціи оныхъ съ солидарною отвѣтственностію, и скоро довѣренность къ подобнаго рода кредитнымъ ассоціаціямъ возрасла до того, что имъ стали предлагать въ ссуду гораздо большее число капиталовъ, чѣмъ сколько они могли употреблять въ дѣло. Скоро кромѣ процентовъ они стали платить еще дивидендъ, тогда не только средніе и низшіе классы, но даже главнѣйшіе капиталисты, смотрѣвшіе прежде довольно презрительно на первые зачатки этихъ новыхъ кредитныхъ учрежденій, обратили на нихъ все свое вниманіе.

Съ постепеннымъ развитіемъ этихъ учрежденій, они присоединили къ обезпеченію взаимною отвѣтственностію круговой поруки еще другой элементъ, а именно образованіе собственнаго основнаго капитала. Это образованіе собственнаго капитала превратило такимъ образомъ для нихъ кредитъ личный въ кредитъ отчасти вещественный, а съ увеличеніемъ вѣрности обезпеченія ссудъ, при увеличенномъ предложеніи капиталовъ, они могли понизить цѣну, платимую ими за эти ссуды, и добывать ихъ гораздо дешевле прежняго. Кромѣ этого весьма важнаго обстоятельства образованіе собственнаго капитала имѣло еще два значительныхъ преимущества. Во-первыхъ, въ слѣдствіе требованія отъ членовъ ассоціаціи извѣстнаго капитальнаго взноса, для полученія ссудъ, призывы кредита становятся гораздо осмотрительнѣе со стороны отдѣльныхъ лицъ, потому что они побуждаются сообразовать, отчасти по крайней мѣрѣ, свой кредитъ со внесеннымъ капиталомъ; притомъ, получая съ этого капитала прямой доходъ, они еще болѣе связываются въ своихъ частныхъ интересахъ съ интересами банка и потому становятся и сами гораздо совѣстливѣе въ возвращеніи полученныхъ ссудъ, и кромѣ того наблюдаютъ съ гораздо большимъ вниманіемъ за исправностію платежей своихъ сочленовъ, за ихъ экономическимъ положеніемъ и, такъ сказать, за ихъ *сольвabilitasю*, т. е. состояніемъ платить долги. Кромѣ того образованіе основнаго капитала имѣетъ, во-вторыхъ, еще ту пользу, что вызываетъ работниковъ и ремесленниковъ, членовъ ассоціаціи, къ бережливости и къ копленію—съ одной стороны требованіемъ вкладовъ для полученія ссудъ, а съ другой стороны при-

манкою хорошаго дивиденда, получаемаго за вложенныя суммы въ основной капиталъ. Образование основнаго капитала можетъ происходить двоякимъ образомъ. Можно требовать отъ каждаго члена при вступленіи его въ ассоціацію немедленнаго взноса слѣдующей съ него суммы, или можно разсрочить, напримѣръ для бѣдныхъ членовъ, этотъ взносъ на нѣсколько лѣтъ съ требованіемъ небольшихъ ежемѣсячныхъ платежей, наконецъ, кромѣ обязательнаго взноса, можно допустить еще добровольные вклады членовъ свыше требуемой суммы. Въ образовавшихся въ Германіи ремесленныхъ банкахъ обыкновенно были приняты всѣ три вида взносовъ одновременно; болѣе зажиточные члены вносили сумму одновременно, бѣдные — помѣсячно, а всѣмъ было предоставлено кромѣ того дѣлать добровольные вклады. Какъ бы ни мала была сумма, составляющая обязательный вкладъ каждаго члена (въ Германіи обыкновенно отъ 20 до 30 талеровъ), это обстоятельство, т. е. накопленіе капитала, имѣетъ само по себѣ огромное значеніе для работниковъ. Уже не говоря о томъ, что лица этой сферы, т. е. работники и мелкіе ремесленники, при своихъ небольшихъ заработкахъ имѣютъ обыкновенно весьма малую склонности къ бережливости и къ копленію, такъ что только сильною приманкою, т. е. надеждою на открытіе кредита и на дивидендъ, можно вызвать ихъ на этотъ путь — не надо кромѣ того терять изъ виду, что въ дѣлѣ сбереженія главное составляетъ первый шагъ. Работникъ, скопившій съ большимъ трудомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ 20—30 р., уже за тѣмъ съ гораздо большею легкостію будетъ продолжать копленіе, увидѣвъ непосредственный результатъ бережливости и осязавъ всю пользу разумной предусмотрительности, — онъ пріобрѣтетъ кромѣ того довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ и средствамъ и сознаетъ вполне, что онъ въ состояніи однимъ трудолюбіемъ и бережливостію, безъ всякой посторонней помощи, вполне обезпечить свое положеніе. Пріятное чувство собственности, добытой такимъ путемъ, прежде ему почти что неизвѣстное, возвыситъ его въ своихъ собственныхъ глазахъ и участіе въ предпріятіи, приносящемъ весьма удовлетворительныя прибыли, побудитъ его къ новой бережливости. Люди, привыкшіе жить со дня на день, обезпечивъ нѣсколько свое положеніе, легко пріучаются отказываться отъ настоящаго минутнаго наслажденія, ища въ виду огромную пользу въ будущемъ — наконецъ самая мысль принадлежности въ качествѣ члена къ большому кредит-

ному учрежденію, которое ссужаетъ ему средства, и въ прибылѣхъ котораго онъ участвуетъ своимъ взносомъ, придаетъ тому немало полезной самоувѣренности работнику, служа ему поощреніемъ къ трудолюбію, расчетливости и бережливости.

При единствѣ общаго направленія и цѣли, въ образованіи германскихъ кредитныхъ рабочихъ ассоціацій выразилось значительное разнообразіе, обусловленное мѣстными потребностями, кругомъ дѣятельности и разными другими обстоятельствами. Но болѣею частію всѣ эти различныя видоизмѣненія можно подраздѣлить на двѣ главныя категоріи. Большая часть этихъ учрежденій относятся къ такимъ, дѣятельность которыхъ рассчитана исключительно на классъ мелкихъ работниковъ и ремесленниковъ, имѣя предметомъ весьма мелкія отдѣльныя операціи, которыя, разумѣется, въ своемъ общемъ итогѣ могутъ достигать весьма значительныхъ цифръ. При быстротѣ оборотовъ въ этой сферѣ промышленной дѣятельности разныя кредиты могутъ быть удобны весьма краткосрочные, при незначительности цифры каждой отдѣльной ссуды процентъ можетъ быть относительно довольно значителенъ безъ замѣтнаго обремененія должника: тоже самое лице, которое затруднилось бы платить 10 р. на сумму въ 3000 р. въ годъ, весьма легко платитъ 10 и 15% на 30 р., взятыхъ на одинъ мѣсяцъ. Высокій процентъ въ этомъ случаѣ тѣмъ основательнѣе и справедливѣе, что, подъ видомъ дивиденда, онъ возвращается къ тѣмъ же членамъ ассоціаціи, такъ что принимаетъ нѣкоторымъ образомъ форму поваго вида сбереженія. Кромѣ того, при этихъ мелкихъ оборотахъ потребна болѣшая строгость въ распредѣленіи кредита, въ присканіи обезпеченія, напр. требованіе поручителей и т. п. Съ другой стороны, при простотѣ и не многосложности подобныхъ операцій, и самое управленіе и счетоводство такихъ учрежденій можетъ быть основано на весьма простыхъ и несложныхъ началахъ, обстоятельство, благодаря которому управленіе ассоціаціей можетъ происходить удобно лицами избранными изъ среды членовъ, т. е. изъ среды мелкихъ ремесленниковъ и работниковъ, такъ что вся дѣятельность онаго съ начала до конца получаетъ значеніе совершенно самостоятельное въ средѣ того класса, на пользу котораго она направлена. Особенное вниманіе слѣдовало только обратить на контроль, который впрочемъ тоже легко устроить на весьма немногосложныхъ началахъ. Возможность подобной самодѣятельности вполнѣ

оправдалась въ дѣйствительности. Въ Германіи не только всѣ эти учрежденія управляются безъ всякаго вмѣшательства другихъ постороннихъ лицъ, но даже самое первоначальное образованіе многихъ возникло безъ всякой посторонней помощи.

Ко второй группѣ относятся кредитныя учрежденія въ среднихъ и большихъ городахъ, гдѣ самое ремесло имѣетъ уже гораздо значительнѣйшіе размѣры и часто сближается съ фабричнымъ производствомъ, и гдѣ потому и обороты должны происходить въ болѣе значительныхъ размѣрахъ и потому становятся уже многосложнѣе. И тутъ впрочемъ первое начало кредитныхъ ассоціацій было положено ѣднѣйшимъ классомъ мелкихъ работниковъ, но по мѣрѣ удачнаго развитія этихъ учрежденій, ими завладѣло и среднее сословіе, увеличивъ своимъ присоединеніемъ капиталы и обороты обществъ, не вытѣснила однако при этомъ нисколько низшаго рабочаго класса, положившаго зачатки всему дѣлу. Въ этихъ учрежденіяхъ второй группы при значительности оборотовъ явилась необходимость въ болѣе значительныхъ ссудахъ и въ болѣе продолжительныхъ срокахъ, а въ слѣдствіе того и въ болѣе значительномъ основномъ капиталѣ и въ болѣе сильной наличной кассѣ. Въ то же время при расширеніи цифры оборотовъ необходимо было понизить процентъ ссудный и комиссіонный, облегчить условія относительно обезпеченія и придать всему вообще болѣе коммерческое основаніе—вотъ почему форма обыкновенной долговой росписки, принятая учрежденіями основанными на мелкихъ ссудахъ, въ учрежденіяхъ второй категоріи замѣнена вексельной формой съ дисконтомъ. Кромѣ того, послѣднія учрежденія требовали обыкновенно немедленнаго взноса суммы, требуемой отъ каждаго члена для составленія основнаго капитала. Наконецъ самое управленіе предпріятіемъ становилось въ этомъ случаѣ гораздо сложнѣе и потому требовало строго коммерческаго устройства; въ послѣднее время нѣкоторыя изъ этихъ ссудныхъ обществъ преобразовались въ учетныя общества.

Въ весьма немногихъ ссудныхъ обществахъ эти два направленія высказались впрочемъ совершенно рѣзко, оба начала являются обыкновенно въ смѣшанномъ видѣ, и только смотря потому преобладаетъ ли первое или второе направленіе, можно причислить самое учрежденіе или къ мелкоссуднымъ или къ крупносуднымъ обществамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ внесли да-

же въ сферу своей дѣятельности мелкія ипотечныя ссуды, причемъ однако необходимо было для нихъ предварительное пріобрѣтеніе корпоративныхъ правъ.

Касательно отношенія этихъ учрежденій къ правительству, замѣчательно, что они судебнымъ порядкомъ отстранили всякое прямое вмѣшательство и контроль правительства,—положеніе, которое принято за тѣмъ правительствами почти всей Германіи, за исключеніемъ одного Ганновера.

Съ самаго начала эти учрежденія, какъ направленные къ частнымъ денежнымъ оборотамъ въ средѣ общества, и не имѣя въ строгомъ смыслѣ никакой публичной дѣятельности, стремились принять форму частныхъ торговыхъ обществъ, отклонивъ необходимость пріобрѣтенія официальныхъ корпоративныхъ правъ, а потому и необходимость правительственной концессіи. Въ началѣ дѣйствительно правительства не обратили никакого вниманія на образованіе мелкихъ кредитныхъ обществъ, не имѣющихъ въ общественномъ мнѣніи никакого значенія. Когда однако съ развитіемъ ихъ дѣятельности они обратили на себя всеобщее вниманіе, нѣкоторые правительства, особенно прусское и ганноверское стали требовать права концессіи, ревизіи устава учрежденій, и контроля, соединеннаго съ правительственнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла кредитной ассоціаціи, доходящей до того, что въ Ейслебенѣ, на примѣръ, мѣстное правительство требовало принятія постороннихъ вкладовъ не иначе, какъ съ разрѣшенія каждый разъ полицейскаго начальства!... Въ слѣдствіе столь страннаго требованія, направленнаго къ стѣсненію кредитныхъ оборотовъ означенныхъ учрежденій, большая часть оныхъ предпочла необходимости просить концессію опасность быть закрытыми, въ слѣдствіе несоблюденія правительственнаго предписанія. Первый подвергся этой опасности Кенигсбергскій ремесленный банкъ,—когда однако ему было объявлено о предстоящемъ закрытіи оного, онъ обратился съ искомъ къ судебнымъ инстанціямъ и судъ рѣшилъ въ пользу банка, постановивъ, что они имѣютъ полное право основываться и существовать на основаніи частныхъ торговыхъ обществъ и потому не обязаны подчиняться требованію стѣснительнаго правительственнаго вмѣшательства въ дѣла общества. Согласившись съ рѣшеніемъ суда, прусское правительство немедленно отказалось отъ всякаго вмѣшательства, отступивъ отъ своихъ предшествующихъ

требованій, этому благому примѣру не послѣдовало однако ганноверское правительство. На основаніи постановленій существующаго въ Ганноверѣ весьма стѣснительнаго ремесленнаго закона, правительство постановило для образованія и дѣятельности ремесленныхъ банковъ различныя условія, связанныя съ необходимостію испрошенія концессіи, условія до того стѣснительныя, что большая часть уже существующихъ учреждений предпочла прекратить совершенно свое существованіе.

За печальнымъ исключеніемъ одного Ганновера всѣ прочія германскія правительства, даже Австрія, послѣдовали примѣру Пруссіи, такъ что въ настоящее время во всей Германіи, кромя одного Ганновера, ремесленные ссудныя общества освобождены отъ правительственнаго контроля и обязаны только представлять правительству, при образованіи, свой уставъ *для свѣдѣнія*. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда означенныя общества считаютъ нужнымъ для своихъ оборотовъ пріобрѣсть корпоративныя права, они обязаны и испрашивать концессію у правительства, и согласиться на нѣкоторый непосредственный контроль съ его стороны. Но и въ этомъ послѣднемъ отношеніи нѣкоторые правительства, особенно саксонское, поступили весьма благоразумно, отклонивъ отъ себя даже и тѣнь всякаго излишняго вмѣшательства. Такъ, на примѣръ, когда кредитное общество Мейсенѣ, одно изъ самыхъ цвѣтущихъ, исходатайствовало себѣ у саксонскаго правительства, вмѣстѣ съ концессією, корпоративныя права, то правительство, опредѣливъ по саксонскимъ законамъ особеннаго правительственнаго комиссара къ мейсенскому кредитному обществу, предписало этому комиссару: «не вмѣшиваясь нисколько въ матеріальную часть оборотовъ, ограничиваться только наблюденіемъ въ общихъ собраніяхъ за тѣмъ, чтобы общество не уклонялось въ своей дѣятельности отъ постановленій своего устава, и сообразовалось съ общими постановленіями законовъ государства.»

Послѣ этихъ общихъ соображеній скажемъ теперь нѣсколько словъ о подробностяхъ историческаго развитія означенныхъ кредитныхъ учреждений въ Германіи и о результатахъ ихъ дѣятельности.

Первое ссудное кредитное общество въ Германіи возникло въ Делицѣ въ 1850 г., благодаря усиліямъ и стараніямъ того же г. Шульца-Делицша, который вызвалъ къ жизни и другія ре-

меленныя и рабочія ассоціаціи въ Германіи, о которыхъ мы говорили въ предшествующихъ главахъ. При своемъ первомъ образованіи это общество однако только тѣмъ отличалось отъ прежнихъ благотворительныхъ ссудныхъ кассъ въ Берлинѣ, что было поставлено не выдавать даровыхъ ссудъ, и назначать процентъ оныхъ не ниже 5 и не выше 10%, кромѣ того еще требовалось, чтобы всѣ желающіе получить ссуды становились членами общества, и въ этомъ качествѣ вносили ежемѣсячно въ кассу оного по одному зильбергрошену (3 к. сер.), постороннимъ же лицамъ общество ссудъ не выдавало. Съ большимъ трудомъ было собрано первоначально подарками и безпроцентными ссудами до 200 талеровъ капитала и общество открыло свои операціи. Но при незначительности основнаго капитала, при ограниченности кредита, обороты общества оставались въ весьма печальныхъ размѣрахъ, нисколько не удовлетворяя мѣстнымъ потребностямъ. Въ это же время образовались въ Делицшѣ и Ейленбургѣ промышленныя ремесленныя ассоціаціи, о которыхъ мы говорили выше, и съ самого начала при этомъ выяснилось какихъ удивительныхъ результатовъ можно достигнуть посредствомъ начала обезпеченія путемъ добровольной круговой поруки. Явилась мысль примѣнить это начало и къ кредитнымъ ассоціаціямъ, оно дѣйствительно положено было въ основаніе устава ссудно-кредитнаго общества, образовавшагося въ Ейленбургѣ въ 1851. Примѣненіе это было увѣнчано совершеннымъ успѣхомъ. Довѣряя началу круговой поруки, постороннія лица внесли даже въ первомъ году до 9000 талеровъ % вкладовъ въ кассу общества, во второмъ году эта сумма возвысилась почти до 13,500 талеровъ. Въ 1852 году былъ затѣмъ видоизмѣненъ уставъ Делицшскаго общества въ томъ же смыслѣ, и кромѣ того въ немъ былъ замѣненъ или скорѣе дополненъ общій кассовый счетъ основнаго капитала отдѣльными именными счетами вкладчиковъ. Первоначально, какъ мы видѣли въ Делицшѣ, а также въ Ейленбургѣ, было постановлено, что каждый членъ вноситъ ежемѣсячно въ основной капиталъ извѣстную опредѣленную сумму, и затѣмъ прибыль дѣлится поровну между всѣми. Этотъ способъ однако оказался, особенно въ Ейленбургѣ, весьма неудовлетворительнымъ на практикѣ, а потому и было рѣшено въ Делицшѣ, увеличивъ обязательный ежемѣсячный сборъ на 2 зильбергрошена, допустить кромѣ того добровольные взносы, превышающіе эту цифру, вести отдѣльными

счетъ всѣмъ, какъ обязательнымъ, такъ и добровольнымъ взносамъ каждого лица, и распредѣлять дивидендъ не равномерно между всѣми членами общества, а сообразно участию, принятому каждымъ, въ образованіи основнаго капитала. Такое поставленіе должно было непосредственно служить поощреніемъ къ бережливости и къ капитализаціи путемъ усиленныхъ мѣсячныхъ взносовъ, потому что чѣмъ больше вносилъ каждый членъ въ основный капиталъ, тѣмъ большую часть прибыли получалъ онъ подъ видомъ дивиденда.

Процентъ ссудъ, вмѣстѣ съ комиссіей, былъ назначенъ въ началѣ по одному пфенигу ($\frac{1}{4}$ коп.) съ талера въ недѣлю, т. е. около 14% въ годъ, затѣмъ однако эта цифра была мало по малу уменьшена, такъ что окончательно остановились на 8% (процентъ и комиссія). Значительный остатокъ дохода, за уплатою процентовъ и погашенія капиталовъ, внесенныхъ посторонними лицами въ кассу обществъ, былъ опредѣленъ на усиленіе резервнаго фонда и на уплату дивиденда членамъ ассоціаціи.

Самые значительные дивиденды, сообразно съ капиталомъ каждого члена, оказываются въ самомъ началѣ, потому именно, что капиталъ каждого члена не великъ; въ послѣдствіи, съ возрастаніемъ основнаго капитала, несмотря на расширеніе вмѣстѣ съ тѣмъ оборотовъ общества, дивидендъ уже не можетъ, разумѣется, составлять столь значительнаго % съ капитала, внесеннаго каждымъ членомъ, однако несмотря на то, и при самыхъ значительныхъ основныхъ капиталахъ, нигдѣ до сихъ поръ % дивиденда относительно суммы, внесенной каждымъ, не падалъ ниже 8—12%. Эта степень соразмѣрности, по мнѣнію г-на Шульца, должна сохраниться и на будущее время. Дальнѣйшаго пониженія ожидать нельзя, потому что съ развитіемъ операцій является новый элементъ прибыли, а именно значительные посторонніе вклады, пользующіеся не дивидендомъ, а только опредѣленнымъ процентомъ, такъ что вся разниа дивиденда и этого процента выпадаетъ на пользу и служитъ къ увеличенію дивиденда членовъ ассоціаціи.

Нижеслѣдующая таблица представляетъ цифры оборотовъ деловишской кредитной ассоціаціи съ самаго ея основанія по 1858 годъ.

Годъ дѣятельности, т. е. до преобразованія устава. 1850—52. 1853. 1854. 1855. 1856. 1857. 1858.									
1. Число членовъ къ концу года. . . . . 117 (упало 175, посто-пенно до 30)									
2. Сумма выдан. ссудъ 827, 8440, 15012, 19810, 24532, 30958, 45197 тал.									
3. Сумма внесенныхъ въ основную капиталъ членами ассо-ціаціи . . . . . 47, 195, 793, 1673, 2787, 3879, 4930 —									
4. Сумма распределенна-го чистаго дохода . . . . . 8 1/3, 87, 148, 231, 281, 392 —									
5. Часть основнаго капи-тала, составившаяся про-писаніемъ анвидендовъ . . . . . 25, 149, 682, 1542, 2411, 3353 —									
6. % представляемый ан-видендомъ относительно взносовъ . . . . . 33 1/3, 58 1/3, 20 1/3, 15, 11 1/3, 14 2/3 %									
7. Сумма мѣсячныхъ взносовъ въ году . . . . . 47, 145, 533, 753, 955, 912, 853 тал.									
8. Итого всего оборотнаго капитала въ концѣ года. 230, 2067, 3560, 5096, 6039, 9784, 12987 —									

Цифры эти ясно указываютъ на удивительное развитіе оборо-товъ и капитала делищскаго кредитнаго общества. Это прираще-ніе однако начинается собственно только съ 1853 г., т. е. по-слѣ преобразованія устава въ смыслъ внесенія въ оный началъ круговой поруки: такъ напр. число членовъ, упавшее до того, съ 117 на 30, внезапно поднялось въ 1853 на 175 и дошло подъ конецъ до 382. Итогъ участія каждого члена въ основ-номъ капиталѣ, т. е. итогъ собственныхъ капиталовъ всѣхъ чле-новъ, увеличился съ 47 на 4930 тал., т. е. во 100 разъ, обороты возрасли съ 827 тал. въ первомъ году на 45,197 тал. въ 1858 г. Сумма годовыхъ взносовъ, составлявшая въ 1850 г. 47 тал., возрасла въ 1858 г. на 853 талера въ годъ. Въ этихъ по-

сѣднихъ цифрахъ особенно ясно выказывается, какимъ поощреніемъ къ бережливости и капитализаціи послужило новое постановленіе устава о распредѣленіи дивиденда не равномерно между всѣми членами, а сообразно съ взносами каждаго въ основную капиталъ. Мѣсячные взносы возрасли съ 1853 по 1854 съ 145 на 533 талер., въ это же время число членовъ усилилось только со 175 на 210, итакъ между тѣмъ, какъ число членовъ возрасло приблизительно только на 20%, сумма мѣсячныхъ взносовъ увеличилась на 300%, т. е. учетверилась, между тѣмъ каждый членъ по прежнему былъ только обязанъ къ ежемѣсячному взносу въ 2 зильбергоршена; столь значительное приращеніе вызвано поэтому исключительно приманкою новаго распределенія дивиденда, даваго въ предшествовавшемъ году $1\frac{1}{2}\%$.

Уменьшеніе суммы мѣсячныхъ взносовъ съ 1856 года объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что къ этому времени нѣкоторые изъ старыхъ членовъ общества уже пополнили обязательную цифру свою въ основномъ капиталѣ и затѣмъ освобождены отъ обязательныхъ мѣсячныхъ взносовъ.

Столь блестящіе результаты, достигнутые делицшскимъ ссудокредитнымъ обществомъ, тѣмъ замѣчательнѣе, что кромѣ погнѣяго въ Делицшѣ существуетъ еще городская и окружная сберегательныя кассы, и что въ дѣятельности общества преимущественно принялъ участіе именно классъ бѣдныхъ ремесленниковъ.

Примѣру Делицша и Ейленбурга послѣдовали многія другія местности: кредитныя ассоціаціи возникли въ Цербигѣ, Ейсле-мѣ, Мейссенѣ, Целле и многихъ другихъ городахъ; большая часть оныхъ приняла уставъ делицшскаго общества съ незначительными измѣненіями. Послѣ изданія въ 1855 г. г-мъ Шуль-е-Делицшъ брошюры *Vorschuss- und Kreditvereine als Volks-
banken*, образованіе новыхъ кредитныхъ учрежденій сдѣлалось въ многочисленнѣе, они стали возникать во всей Германіи и въ настоящее время число ихъ превзошло уже цифру *сто*.

Нижеслѣдующая таблица показываетъ результаты дѣятельности главнѣйшихъ двадцати изъ этихъ учрежденій въ 1857 г.

Судное общество изъ въ мѣстности.	Число жителей въ мѣстности.	Число членовъ поль банки.	Сумма выдан. ссудъ. талер.	Процентъ комисіи.	Поступило всего 1/10 и комисіи. талер.	Чистая прибыль, талер.	Часть основн. капитала обрамлен. мѣстн. внос. и не внос. дивид. талер.	Посты. взно-сы и долгу обществу. талер.	Резерв. фондъ. талер.	Итого оборот. капитал. (т.е. сум. столбцовъ 7-9)
1. Делицшъ	5.000	350	30.958	8 — 10	703	292	3.871	5.545	368	9.784.
2. Биленбургъ	10.000	653	30.589	8 — 10	1298	70	1.711	30.152	116	31.970.
3. Цербигъ	4.000	174	31.525	10	684	308	1.955	4.871	127	6.955.
4. Бислебенъ	14.000	295	83.716	8	1082	480	8.267	27.064	639	35.970.
5. Целле	12.000	180	7.475	10	170	43	867	3.979	100	4.946.
6. Мейсенъ	8.000	338	67.235	7 — 11	1180	277	2.589	15.850	655	19.095.
7. Витерфельдъ	4.500	340	16.878	10	457	142	1.951	1.926	154	4.031.
8. Гильдесгеймъ	16.000	127	4.290	12 1/2	216	97	543	2.240	120	2.903.
9. Кенигсбергъ	80.000	106	18.084	14 1/2	509	136	1.042	4.011	220	5.273.
10. Пренцлауъ	15.000	100	4.107	10	147	62	397	1.552	82	1.979.
11. Бренъ	2.000	188	14.930	10	331	120	1.741	2.506	99	4.346.
12. Делицшъ	74.000	400	32.747	12	863	153	2.140	10.784	135	13.049.
13. Лукау	5.000	340	60.853	8 — 10	1251	504	2.931	16.623	391	19.945.
14. Зангергаузенъ	8.000	182	82.764	6 1/2 — 10	2943	543	448	54.627	526	55.604.
15. Витенбергъ	9.000	125	7.437	8	196	125	442	2.629	61	3.132.
16. Кроленъ	6.500	197	4.526	10	112	—	142	2.079	44	2.265.
17. Торгау	8.000	170	3.627	10	95	67	329	2.000	130	2.557.
18. Глогау	15.000	301	5.857	10	98	21	570	2.383	11	2.904.
19. Дронъ	2.000	92	18.455	7 — 11	272	55	764	4.260	63	5.087.
20. Цербстъ	9.500	390	18.468	7 — 10	193	44	843	16.398	109	17.350.

Итого 576.864 . . . . . 33.786 212.228 250.202.

Ссудныя операціи этихъ двадцати кредитныхъ учрежденій простирались уже въ 1851 г. за полумилліонъ талеровъ, съ оборотнымъ капиталомъ въ четверть милліона, въ томъ числѣ самымъ обществомъ получено въ ссуду въ видѣ вкладовъ 112,000 собственнаго капитала, образовавшагося изъ мѣсячныхъ взносовъ членовъ и изъ капитализированнаго дивиденда 34,000 резервнаго капитала до 4000 талеровъ.

Съ тѣхъ поръ операціи этихъ банковъ продолжали развиваться съ каждымъ годомъ: такъ напримѣръ число членовъ еислебенскаго кредитнаго общества съ 295 поднялось въ 1858 на 340, обороты его съ 84,000 талер. возвысились до 303,000 тал., но вмѣстѣ съ тѣмъ % ссудъ пониженъ съ 8 на 6½, чистая прибыль увеличилась съ 480 на 728 талеровъ, часть основнаго капитала, соотвѣтствующая мѣсячнымъ взносамъ и капитализированнымъ дивидендамъ, возрасла съ 8,000 на 19,000 тал., сумма постороннихъ вкладовъ съ 27,000 на 86,000, наконецъ весь оборотный капиталъ съ 36,000 на 96,000 тал.

Точно также въ ссудномъ обществѣ въ Целлѣ число членовъ возрасло со 189 на 229, сумма отпущенныхъ ссудъ съ 7475 на 16,000 тал., чистая прибыль съ 43 на 111 талер., а вся сумма оборотнаго капитала съ 5000 на 6600 тал.

Въ Мейссенѣ цифра ссудныхъ оборотовъ увеличилась съ 67,000 на 98,000 тал., чистая прибыль съ 277 на 280 тал., сумма вкладовъ съ 16,000 на 19,300 тал., резервный фондъ съ 655 на 884 тал., наконецъ весь оборотный капиталъ съ 19,000 на 24,000 тал.

Въ Лейпцигѣ число членовъ увеличилось съ 400 на 700 чел., сумма ссудъ съ 33,000 на 69,000, чистый доходъ съ 153 на 729 тал., сумма вкладовъ съ 11,000 на 18,000 тал., резервный капиталъ съ 135 на 382 тал., и оборотный капиталъ съ 13,000 на 25,000 тал. и т. д.

Большая часть этихъ кредитныхъ обществъ даютъ ссуды на сроки не превышающіе трехъ мѣсяцевъ. въ нѣкоторыхъ случаяхъ впрочемъ допускается отсрочка (*prolongation*). Процентъ за ссуду обыкновенно взимается впередъ съ капитала при вылатѣ ссуды.

Изъ всѣхъ образовавшихся по настоящее время ссудныхъ обществъ въ Германіи, число коихъ составляетъ, какъ мы видѣли около ста, до 50 приходится на одну Пруссію: въ Берлинѣ образовались три различныхъ такихъ учрежденія, въ числѣ

этихъ 50 до 22 приходится на одну провинцію, прусскую Саксонію, въ которой лежитъ городъ Делишъ и изъ которой вышло все это движеніе.

Въ королевствѣ саксонскомъ существуетъ 13 такихъ учреждений, въ Ганноверѣ было до 11, но они всѣ почти остановили свою дѣятельность вслѣдствіе необходимости правительственной концессіи, въ Баденѣ существуетъ 4 ссудныхъ ассоціаціи, въ Виртембергѣ 2, въ Баваріи 3, въ Австріи 1 и т. д.

Обороты по ссудамъ всѣхъ этихъ учреждений г. Шульце оцѣниваетъ приблизительно *въ 3 милліона талера.*

Столь огромные результаты достигнуты въ теченіи восьми лѣтъ: можно ли сомнѣваться послѣ того, что рабочее сословіе, при нѣкоторыхъ благоразумныхъ учрежденіяхъ, можетъ вполне обезпечить себя собственными средствами безъ всякой благотворительной помощи со стороны высшихъ классовъ, такъ какъ учрежденія развившіяся въ его средѣ, безъ всякаго чужаго пособія, управляемыя лицами избранными изъ того же рабочаго класса, въ теченіи восьми лѣтъ развили до того свою дѣятельность, что ссуды, отпускаемыя ими различнымъ работникамъ, превосходятъ уже сумму трехъ милліоновъ талеровъ.

Возлѣ нихъ сохранились однако еще нѣкоторыя изъ прежнихъ ссудныхъ кассъ, основанныхъ на началахъ благотворительности; хотя онѣ нѣсколько и измѣнили свой образъ дѣйствія, въ томъ отношеніи напримѣръ, что онѣ тоже совершенно прекратили выдачу безпроцентныхъ ссудъ, онѣ однако все еще существенно отличаются отъ разсматриваемыхъ нами учреждений, главнымъ образомъ въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ тѣмъ, что, не требуя отъ получающихъ ссуды ежемѣсячныхъ взносовъ, онѣ не поощряютъ ихъ къ бережливости и къ капитализаціи, и во вторыхъ тѣмъ, что руководство ходомъ дѣла лежитъ не въ рукахъ лицъ того сословія, на пользу котораго онѣ основаны. Мы уже видѣли какія огромныя преимущества имѣютъ рабочіи ссудныя общества передъ этими послѣдними кассами, но если бы кто либо не былъ бы убѣжденъ предшествующими обще-теоретическими доводами въ преимущества первыхъ, то достаточно только взглянуть на цифры, излагающія результаты дѣятельности тѣхъ и другихъ, чтобы немедленно убѣдиться въ неоспоримомъ преимуществѣ первыхъ. Такъ напримѣръ существуетъ въ Магдебургѣ кредитное учрежденіе для пособія ремесленникамъ, основанное не на началахъ разсматриваемыхъ нами ремесленныхъ

ссудно-кредитныхъ обществъ съ круговою порукой. Учрежденіе это при своемъ образованіи пользовалось всевозможными льготами и пособіями со стороны правительства. Правительство дало ему корпоративныя права акціонернаго общества, городъ ссудилъ ему безпроцентно капиталъ въ 10,000 тал., остальные 10,000 основнаго капитала (общественный капиталъ его составляетъ 20,000) собраны подъ акціи, которыя розданы различнымъ благотворительнымъ особамъ; не смотря на столь значительныя средства, обороты этого учрежденія остаются весьма незначительными и не могутъ даже отчасти сравниться съ результатами тѣхъ кредитныхъ ассоціацій, которыя вызваны въ самой средѣ рабочаго сословія, собственными средствами послѣдняго. Такимъ образомъ при оборотномъ капиталѣ въ 20,000 талер., операціи по ссудамъ въ магдебургской кассѣ не доходятъ даже до 28,000 тал. въ 1857, и до 36,000 въ 1858 г., между тѣмъ какъ обороты ейслебенскаго общества достигаютъ уже громадныхъ размѣровъ 307,000 тал. въ годъ, въ Запгергаузенѣ 272,000, въ Цербстѣ 155,000, въ Мейссенѣ 98,000 и т. д. Еще значительнѣе выказывается вся разниа при сравненіи съ достигнутыми результатами обѣихъ категорій учреждений. Большая часть этихъ послѣднихъ учреждений, имѣя капитала на 1,000 талер., дѣлали въ году оборотовъ, по ссудамъ, всего на какихъ нибудь 50—150 тал. Ссудно-кредитныя общества ремесленниковъ, образовавшіяся почти безъ всякаго капитала въ самыхъ мелкихъ городахъ, напримѣръ въ Лукенау, въ первые же годы существованія превзошли въ своихъ оборотахъ обороты берлинскихъ ссудныхъ кассъ, существующихъ уже нѣсколько лѣтъ и одаренныхъ значительными средствами. Замѣчательно притомъ, что между тѣмъ какъ мѣстная потребность въ ремесленномъ кредитѣ далеко не удовлетворена въ Берлинѣ, капиталы означенныхъ кассъ не находятъ достаточнаго употребленія. Это обстоятельство объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что главная масса дѣльных, хотя и бѣдныхъ ремесленниковъ, которые особенно нуждаются въ кредитѣ, не соглашаются обращаться къ учрежденіямъ, которыя готовы ссудить ихъ кредитомъ, но только не на коммерческихъ началахъ, а на основаніи общественной благотворительности, потому что они не желаютъ встать на одну ступень съ немнущими, получающими общественное подаваніе, и хорошо понимаютъ, что такого рода пособіе уничтожить и послѣдкіи ихъ частнаго кредита и лишитъ всякой солидности ихъ мелкое ре-

мелко. Нельзя поэтому не сожалѣть, что столь значительныя средства, которыя при другомъ образѣ распоряженія ими могли бы принести столько пользы, пропадаютъ бесполезно. Кажется однако, что въ послѣднее время прусское правительство сознало эту истину и приступило къ преобразованію многочисленныхъ ссудныхъ кассъ, существующихъ въ Берлинѣ на основаніи чисто коммерческихъ началъ.

Изъ всего предшествоващаго мы видимъ такимъ образомъ, что въ сущности главная польза ремесленныхъ ссудно-кредитныхъ учрежденій можетъ выразиться въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: 1) въ возможности для работника и мелкаго ремесленника получить во всякое время денежную ссуду, сообразно съ тѣми экономическими условіями, въ которыя онъ поставленъ; 2) въ значительномъ уменьшеніи тѣхъ процентовъ, которые онъ долженъ имъ платить; въ частномъ кредитѣ, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ процентъ доходитъ до 50; и 3) въ томъ обстоятельстве, что вся прибыль отъ предпріятія идетъ въ пользу членовъ ассоціаціи, т. е. тѣхъ самыхъ ремесленниковъ и работниковъ, которые пользуются ссудами и платятъ проценты, образуя такимъ образомъ для нихъ зачатки собственныхъ капиталовъ и поощряя ихъ къ бережливости и къ дальнѣйшему копленію.

Быстрое развитіе этихъ учрежденій въ Германіи, которыя до 1858 года еще совершенно не существовали, а теперь покрыли цѣлою сѣтью всю Германію, служить самымъ неоспоримымъ доказательствомъ того, въ какой высокой степени они соответствуютъ потребности рабочаго и ремесленнаго класса въ кредитѣ и какую пользу они приносятъ этому классу. Въ тоже время привлеченіе ими, подъ видомъ вкладовъ, капиталовъ лицъ другихъ высшихъ сословій осуществляетъ такимъ образомъ важное начало соединенія къ совокупной дѣятельности капитала съ трудомъ на обоюдную пользу каждаго изъ этихъ двухъ главнѣйшихъ фактовъ производства.

Г. Шульце-Деличъ, вызвавшій все это полезное движеніе, въ вышепомянутой брошюрѣ, *Vorschuss und Kreditvereine als Volksbanken*, вышедшей уже вторымъ изданіемъ, излагаетъ главные правила и условія образованія подобныхъ рабочничьихъ ссудно-хозяйственныхъ учрежденій, правила почерпнутыя имъ изъ собственныхъ долготѣхнхъ наблюденій, и выполнѣ оправдавшія-

ся въ дѣйствительности. Мы изъ нихъ заимствуемъ ниже-слѣдующія указанія.

О членахъ ссудно-кредитныхъ ассоціацій. Главная цѣль подобныхъ учреждений, какъ мы уже видѣли, состоитъ въ распредѣленіи кредита исключительно въ средѣ составляющихъ оныя членовъ изъ рабочаго и ремесленнаго класса. Они поэтому не должны служить публичными ссудными кассами. При необходимости круговой поруки, ссуды могутъ очевидно отпущаться только членамъ общества, а членомъ общества можетъ быть только тотъ, кто принимаетъ на себя круговую поруку и соглашается участвовать своими взносами въ образованіи основнаго капитала общества. Затѣмъ возникаетъ вопросъ: какими условіями слѣдуетъ ограничить поступленіе въ число членовъ общества? Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ обществахъ полагается необходимымъ условіемъ немедленное внесеніе въ основной капиталъ соотвѣтствующей части, т. е. отъ 5 до 20 талеровъ обыкновенно. Но этимъ исключаются изъ участія въ подобныхъ обществахъ всѣ тѣ бѣдные работники и ремесленники, которые не въ состояніи внести разомъ эту сумму. Подобное исключеніе однако совершенно не находится въ интересѣ дѣла, и вотъ почему, большая часть обществъ допускаетъ для бѣднѣйшихъ членовъ разсрочку взносовъ на довольно продолжительное время, — такое распоряженіе на практикѣ не только не принесло вреда означеннымъ учрежденіямъ, но напротивъ того послужило только къ большому развитію ихъ дѣятельности и принесло непосредственно значительную пользу бѣднѣйшему классу ремесленниковъ и работниковъ. Единственнымъ условіемъ поступленія въ члены общества слѣдуетъ поэтому постановить со стороны послѣднихъ возможность путемъ бережливости и труда помочь самимъ себѣ — очевидно, что совершенно безпомощныя личности не могутъ становиться членами ассоціаціи, основанной на началахъ самостоятельности и самопособія и отвергающей всякое постороннее благотворительное вспомошествованіе. Въ частности это значить, что въ ассоціацію можно принимать только такихъ членовъ, которымъ ссуда можетъ дѣйствительно помочь и которые будутъ въ состояніи возратить ее къ сроку (*solvable*). Лица, положеніе которыхъ уже такъ худо, что умѣренная ссуда, полученная съ условіемъ платежа умѣреннаго процента и возвращенія денегъ къ опредѣленному сроку — не можетъ имъ болѣе помочь, не должны быть принимаемы въ члены ассоціаціи. Подобныя ассоціаціи

никакъ не могутъ превратиться въ благотворительныя заведенія, онѣ имѣютъ цѣлю не вспомошествованіе неимущимъ, а предупрежденіе раззоренія и бѣдности. Пока извѣстное лицо въ состояніи содержать себя и свое семейство своими трудами, какъ бы скудны ни были его средства, оно можетъ поступить въ члены общества, лицо же, которое не въ состояніи удовлетворять своимъ трудомъ своимъ собственнымъ потребностямъ, подобное лицо теряетъ всякое промышленное значеніе, такъ сказать умираетъ экономически,—и потому можетъ искать вспомошествованія уже исключительно въ учрежденіяхъ общественной или частной благотворительности.

Лучшимъ средствомъ опредѣленія этой послѣдней границы служить назначеніе мѣсячныхъ взносовъ въ кассу общества, въ видѣ условія къ поступленію въ оное. Лицо, которое въ состояніи въ короткіе мѣсячные сроки скопить небольшую сумму, требуемую ко взносу въ основной капиталъ, вполне способно принять участіе въ учрежденіи, основанномъ на началахъ самостоятельности, и въ правѣ требовать открытія ему кредита, хотя и самаго ограниченнаго, могущаго въ послѣдствіи все болѣе и болѣе расширяться по мѣрѣ приращенія мѣсячныхъ взносовъ. Г. Шульце приводитъ примѣръ какъ нѣкоторымъ рабочимъ въ началѣ было отказано въ кредитѣ, потому что экономическое положеніе ихъ недостаточно, казалось, обезпечивало надежду на возвратъ ссуды; не смотря на этотъ отказъ, они однако изъявили желаніе участвовать въ мѣсячныхъ взносахъ, хотя и самыми незначительными цифрами, и въ непродолжительное время на ихъ имя накопился уже такой капиталъ, что имъ можно было открыть кредитъ въ банкѣ, и въ настоящее время они принадлежатъ къ самымъ исправнымъ плательщикамъ общества.

Само собою разумѣется, что малолѣтніе, находящіеся подъ опекой, однимъ словомъ всѣ личности не имѣющія полного распоряженія своей собственной промышленной дѣятельности — не могутъ участвовать въ подобныхъ ассоціаціяхъ иначе, какъ помѣщеніемъ въ оныя своихъ капиталовъ въ видѣ процентныхъ вкладовъ,—кредитъ же имъ ни въ какомъ случаѣ предоставленъ быть не можетъ.

Наконецъ г. Шульце не совѣтуетъ допускать въ уставѣ почетныхъ членовъ. Почетные члены, какъ мы уже видѣли изъ образца англійскихъ ассоціацій, суть лица, способствующія

успѣху рабочаго предпріятія подарками, безпроцентными вкладами или другимъ путемъ, но не участвующія въ выгодахъ предпріятія. Г. Шульце полагаетъ, что благомыслящіе люди, желающіе принести пользу подобному предпріятію и могущіе особенно содѣйствовать своими совѣтами въ ходѣ управленія предпріятіемъ, будутъ дѣйствовать гораздо рациональнѣе, постукая въ члены ассоціацій, и если они сами не нуждаются въ мелкомъ кредитѣ, то могутъ участвовать по крайней мѣрѣ своими вкладами въ выгодахъ предпріятія: такого рода дѣятельность будетъ гораздо нормальнѣе и полезнѣе, чѣмъ роль благотворителя при обществѣ, которое образуется на началахъ самодѣятельности и въ принципѣ отвергаетъ всякое содѣйствіе благотворительности. Вотъ почему, кромѣ самихъ исключительныхъ случаевъ, г. Шульце не совѣтуетъ принимать въ составъ подобныхъ учрежденій благотворительныхъ членовъ.

Оборотный капиталъ и ответственность участниковъ. Учрежденіямъ, образующимся на началахъ самодѣятельности, открываются два пути для составленія необходимаго имъ оборотнаго капитала. Во первыхъ, взносами самихъ членовъ кредитнаго общества и во вторыхъ пріемомъ чужихъ капиталовъ на общій кредитъ всѣхъ участниковъ, причемъ, какъ мы уже замѣтили выше, обезпеченіемъ должна служить добровольная круговая порука всѣхъ членовъ. Большинство членовъ подобныхъ ассоціацій состоятъ изъ лицъ низшихъ классовъ, весь капиталъ коихъ заключается въ ихъ трудѣ. Трудъ одного лица однако еще не можетъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ при кредитныхъ сдѣлкахъ, потому что самая работа часто обуславливается совершенно посторонними обстоятельствами, независящими отъ воли самаго работника, и потому подвержена многимъ случайностямъ. Но этотъ недостатокъ исправляется именно круговою порукою многихъ работниковъ, потому что въ этомъ случаѣ трудно предположить, чтобы всѣ участники одновременно потеряли работу или подверглись другаго рода неудачамъ—тѣмъ болѣе, что участники общества состоятъ преимущественно не изъ фабричныхъ, а изъ ремесленныхъ работниковъ. Поэтому въ случаѣ неудачи или потери работы однихъ, другіе всегда могутъ внести за нихъ требуемый платежъ, и кредиторъ находитъ въ этой общей солидарности довольно вѣрное обезпеченіе. Такое положеніе дѣла вполне оправдалось въ дѣйствительномъ приложеніи. Ассоціаціи, устроившіяся на этихъ основаніяхъ въ

Германіи, не только снискали себѣ весьма быстро кредитъ у капиталистовъ, но и находятся постоянно въ возможности съ точностію исполнять всѣ принятыя на себя обязательства. Для болѣе удачнаго привлеченія капитальныхъ вкладовъ г. Шульце предлагаетъ два средства: во первыхъ назначеніе процентовъ нѣсколько выше существующихъ въ прочихъ кредитныхъ учрежденіяхъ страны и во вторыхъ назначеніе сколь возможно кратчайшихъ сроковъ возврата, допуская для мелкихъ суммъ даже немедленный возвратъ по востребованію. Эти два обстоятельства весьма скоро пріохотятъ мелкихъ капиталистовъ довѣрять свои деньги подобнымъ рабочничимъ кредитнымъ ассоціаціямъ, изъ которыхъ они могутъ воротить оныя опять всегда во всякое время.

Не подлежитъ сомнѣнію, что члены общества, подчиняясь круговой порука, въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ подвергаться довольно значительной опасности, когда напримѣръ въ случаѣ несостоятельности нѣкоторыхъ каждому приходится отвѣчать за долги всѣхъ прочихъ. Не слѣдуетъ однако терять изъ вида, что такая же опасность существуетъ и для каждаго купца, который отвѣчаетъ за свои операціи всѣмъ своимъ имуществомъ, не смотря на то, что исходъ этихъ операцій зависитъ не отъ него одного, а отъ многихъ другихъ лицъ и отъ тысячи случайностей. Разумѣется, что еслибы можно было получать деньги, не подвергая себя подобной опасности, было бы лучше, но въ томъ дѣло, что круговая порука служить, какъ мы видѣли, единственнымъ средствомъ снисканія кредита лицамъ не имѣющимъ вещественныхъ залоговъ, которые они могли бы предложить въ обезпеченіе кредитора. Всякая частная отвѣтственность, всякое обязательство отвѣтствовать только на столько за обязательства общества, на сколько каждый воспользовался кредитомъ съ его стороны, не можетъ удовлетворить кредитора. Очевидно, что еслибы ему было предоставлено только такое право, и еслибы въ случаѣ несостоятельности общества онъ долженъ бы былъ обращать свой искъ не противъ одного какого-либо члена онаго, а противъ двадцати или двухъ сотъ членовъ, — то самое обезпеченіе сдѣлалось бы весьма сомнительнымъ; во всякомъ случаѣ онъ былъ бы принужденъ предварительно истратить множество денегъ на многочисленные иски, которые необходимо бы было начинать противъ различныхъ членовъ. Очевидно, что никто не

согласится ссужать свои капиталы подъ такого рода обезпеченіе, а потому члены общества, если они хотятъ воспользоваться кредитомъ, неизбежно должны подвергнуться условіямъ круговой поруки— затѣмъ для избѣжанія вышепомянутой опасности имъ остается только одно средство: крайняя предусмотрительность и взаимное наблюденіе за экономическимъ положеніемъ своихъ сочленовъ. Эта опасность должна дѣйствительно значительно уменьшиться, если общество позаботится объ образованіи резервнаго фонда и о накопленіи значительныхъ капиталовъ путемъ періодическихъ регулярныхъ взносовъ своихъ членовъ, если оно потребуетъ вещественнаго обезпеченія отъ своего кассира, и будетъ поступать осторожно въ раздачѣ ссудъ. При такомъ дѣлѣ, покоющемся на столь простомъ основаніи, рискъ всегда будетъ менѣе значителенъ, чѣмъ при всякомъ другомъ биржевомъ или коммерческомъ предпріятіи—такъ какъ онъ единственно можетъ произойти отъ невозвращенія ссудъ должниками, что при достаточномъ контролѣ и благоразумной предусмотрительности въ раздачѣ ссудъ можетъ случаться только въ видѣ весьма рѣдкихъ исключеній, не ставящихъ еще въ опасность основной капиталъ и самое предпріятіе. Вотъ почему г. Шульце особенно остерегается отъ всякаго соединенія операций ссудно-кредитныхъ учрежденій съ операціями обществъ имѣющихъ какую либо промышленную цѣль, напримѣръ закупку сыраго матеріала для ремесла или т. п., какъ это произошло въ Ерфуртѣ. Подобное смѣшеніе вовлекло бы кредитное учрежденіе въ совершенно чуждыя ему операціи, соединенныя съ гораздо большимъ рискомъ, потому что ихъ никогда нельзя отдѣлить отъ всякой спекуляціи; притомъ самое направленіе дѣла, порядокъ дѣлопроизводства и необходимое качество людей управляющихъ каждымъ изъ этихъ предпріятій совершенно различны. Если уже въ частныхъ дѣлахъ такое соединеніе кредитныхъ съ коммерческими операціями всегда довольно затруднительно, и требуетъ необыкновенныхъ коммерческихъ способностей со стороны лица, которое бы безнаказанно могло предаваться такого рода спекуляціямъ, то тѣмъ болѣе предусмотрительности слѣдуетъ требовать отъ завѣдыванія общественными дѣлами, обороты коихъ основаны отчасти на чужихъ деньгахъ, довѣренныхъ обществу посторонними капиталистами, отчасти на капиталахъ образовавшихся изъ мелкихъ періодическихъ вкладовъ самихъ членовъ и представляющихъ такимъ образомъ результаты трудной и про-

должительной бережливости, основанной на ежедневныхъ лишеніяхъ. Опасность соединенія съ другаго рода спекуляціонными предпріятіями здѣсь слишкомъ велика, потому что всякая неудача повлекла бы за собою не только безчестную невозможность исполненія принятыхъ на себя обязательствъ, но еще совершенное раззореніе тѣхъ изъ работниковъ, которые въ видѣ членовъ приняли участіе въ общественномъ предпріятіи.

Нѣкоторое видоизмѣненіе въ обыкновенной формѣ круговой поруки принято мейссенскимъ кредитнымъ обществомъ.— Это видоизмѣненіе, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть примѣнимо съ пользою, заключается въ слѣдующемъ:

Въ случаѣ неисполненія ссуднымъ обществомъ принятыхъ на себя обязательствъ, кредиторы обращаютъ прежде всего свои взысканія на основной и резервный капиталы общества; если ихъ недостаточно для покрытія всѣхъ долговъ, кредиторъ не имѣетъ права обратить свое взысканіе исключительно на имущество одного изъ членовъ по своему благоусмотрѣнію, (предоставляя уже сему послѣднему вѣдаться съ прочими соучастниками относительно уплаты ими понесеннаго имъ ущерба, какъ это бываетъ при обыкновенной круговой поруцѣ),— а обязанъ обратиться съ своимъ требованіемъ къ директору общества (*Vereinsdirector*), который уже отъ себя съ участіемъ судебныхъ учрежденій распределяетъ весь дефицитъ равномерно между всѣми членами общества, взыскивая его съ ихъ имущества; при несостоятельности однихъ, ихъ доля распределяется опять на всѣхъ другихъ и такимъ образомъ продолжаютъ перераспределеніе, пока всѣ должники не удовлетворены интегрально.— Такое видоизмѣненіе выгодно и должнику и кредитору: кредитора оно освобождаетъ отъ обязанности вести отъ себя судебный искъ даже противъ одного изъ членовъ, что всегда соединено съ расходами, а должниковъ оно освобождаетъ отъ опасности, въ которую можетъ быть поставленъ всякій—платить одинъ за долги всѣхъ прочихъ.—Разумѣется однако, что такое видоизмѣненіе круговой поруки возможно только съ согласія правительства и въ обществахъ, признанныхъ офиціально правительствомъ и получившихъ корпоративныя права,— такъ какъ для такого рода дѣятельности директору общества необходимо офиціальное содѣйствіе судебныхъ учрежденій,—въ противномъ случаѣ ни кредиторы, ни судебныя инстанціи не были бы обязаны подчиняться подобному порядку.

Относительно окончанія обязательства по круговой поруки от-
дѣльных членовъ, обыкновенно постановляется, что со смертію,
выходомъ или исключеніемъ члена онъ или его наслѣдники не
освобождаются отъ обязательствъ, принятыхъ обществомъ въ те-
ченіи того времени, когда выбывшій состоялъ еще членомъ она-
го. — Но въ тоже время, согласно обычному праву, постановляется,
что годъ спустя послѣ выхода изъ общества, прежній членъ или
наслѣдники его въ правѣ требовать освобожденія своего отъ
всякой дальнѣйшей отвѣтственности. Въ этомъ случаѣ общест-
во можетъ или ходатайствовать у кредиторовъ, чтобъ они раз-
рѣшили выключеніе выбывшаго изъ круговой поруки, или уплатить
собственными средствами соотвѣствующіе долги. — Если
кредиторы не соглашаются на увольненіе выбывшаго, а собст-
венныя средства общества недостаточны для покрытія долговъ,
тогда остается только приступить къ ликвидаціи дѣлъ общества,
съ отнесеніемъ на имѣніе выбывшаго причитающейся на оное
части общественныхъ долговъ, если по настоящему положенію дѣлъ
общества они превращаютъ активъ, — или въ противномъ слу-
чаѣ съ уплатою выбывшему или его наслѣдникамъ части при-
читающагося имъ капитала общества.

Сколько для пополненія дефицита, столько и для увеличенія
оборотнаго капитала, весьма важнымъ пособіемъ служатъ еже-
мѣсячные взносы членовъ, — только этимъ путемъ самое кредит-
ное учрежденіе получаетъ достаточно солидное основаніе. При
постоянномъ приращеніи капитала помянутыми взносами усили-
вается и кредитъ общества у заимодавцевъ и болѣе обеспечи-
вается положеніе должниковъ, связанныхъ круговою порукой.
Мы уже указывали кромѣ того на важность полезнаго вліянія,
происходящаго отсюда побужденія къ бережливости и копленію
въ средѣ рабочаго класса. Это побужденіе здѣсь гораздо зна-
чительнѣе, чѣмъ при всякихъ другаго рода кредитныхъ учреж-
деніяхъ: такъ напримѣръ въ сберегательныхъ кассахъ вкладчикъ
получаетъ только опредѣленный процентъ, не участвуя ни въ
выгодахъ предпріятія, ни въ самомъ управленіи онымъ, кромѣ
того сберегательныя кассы, пользуясь болѣею частію гаранті-
ею правительства, обязаны помѣщать довѣренныя имъ фонды
только подъ самыя вѣрныя вещественныя залоги, напр. подъ
ипотеку, — между тѣмъ какъ разсматриваемыя нами учрежденія
могутъ всегда ссужать внесенные имъ фонды тѣмъ же самымъ
работникамъ, которые состоятъ у нихъ вкладчиками, и потому

эти фонды не извлекаются изъ мелкихъ оборотовъ, какъ это происходитъ при сберегательныхъ кассахъ.

Относительно цифры обязательныхъ мѣсячныхъ вкладовъ, она съ одной стороны не должна быть слишкомъ высока, потому что въ противномъ случаѣ менѣе зажиточные работники были бы отстранены отъ участія въ предпріятіи, но съ другой стороны при назначеніи ея слишкомъ низкою накопленіе основнаго капитала чрезвычайно какъ замедляется. Вотъ почему лучше всего назначать только обязательное *minimum* мѣсячнаго взноса, въ такомъ размѣрѣ, что эту сумму былъ бы въ состояніи внести всякій даже бѣднѣйшій изъ *работающихъ* ремесленниковъ; затѣмъ однако слѣдуетъ предоставить всѣмъ желающимъ вносить ежемѣсячно гораздо болѣе этого *minimum* и лучшимъ поощреніемъ къ усиленію взносовъ должно служить, какъ мы уже видѣли, распредѣленіе дивиденда сообразно накопленію капитала взносами каждаго члена. Такъ напримѣръ въ Делицшъ назначено *minimum* въ два зильбергрошена, въ другихъ болѣе значительныхъ мѣстностяхъ въ пять зильбергрошентовъ (15 коп. сер.) Размѣръ этотъ такъ низокъ, что каждый, даже самый бѣдный работникъ въ состояніи уплачивать его,—въ дѣйствительности однако почти всѣ члены вносятъ гораздо болѣе этого *minimum*: цифра взносовъ увеличилась добровольно до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ помышляютъ уже о назначеніи тахішумъ для ограниченія и высшей цифры взносовъ въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Наконецъ не слѣдуетъ терять изъ виду, что къ составленію оборотнаго капитала должны допускаться не только члены общества, но и постороннія лица въ видѣ вкладчиковъ. Разумѣется, что не участвуя въ рискѣ дѣла вкладчики могутъ получать только опредѣленный процентъ и не имѣютъ права на дивидендъ. Назначая процентъ нѣсколько выше обыкновеннаго, и краткіе сроки для возврата вкладовъ, общество съ увѣренностію можетъ рассчитывать на значительные вклады, — ему особенно выгодно привлекать разные мелкіе вклады низшихъ сословій, слугъ, дѣтей и т. п., и потому оно должно весьма понизить *minimum* вкладовъ, въ этомъ отношеніи оно весьма удобно можетъ соперничать съ сберегательными кассами. Въ Делицшъ кредитное общество принимаетъ вклады до 10 зильбергрошентовъ (30 к. сер.) и даетъ 4%, между тѣмъ какъ тамошняя сберегательная касса даетъ только 3 $\frac{1}{2}$ %, — вкладчиками явля-

ются тамъ въ значительномъ числѣ дѣти, родственники и слуги членовъ ассоціаціи.

Цифра ссудъ, сроки и обезпеченіе. Цифра величинъ ссудъ должна зависѣть съ одной стороны отъ обыкновенныхъ промышленныхъ потребностей тѣхъ классовъ, въ средѣ которыхъ общество намѣрено развить свою дѣятельность, и съ другой стороны должна сообразоваться съ величиною фондовъ, которыми можетъ располагать касса общества; наконецъ, не слѣдуетъ при всемъ этомъ терять изъ виду мѣстныхъ условій и будущее развитіе учрежденія. Такъ напримѣръ въ Делишѣ при открытіи операций ссуды выдавались не болѣе какъ на 50 талеровъ каждая, между тѣмъ какъ въ настоящее время онѣ достигаютъ уже цифры 600 и 800 талеровъ,—въ другихъ мѣстностяхъ подобныя учрежденія отпускаютъ даже ссуды до 1000 талеровъ. Поэтому благоразумнѣе всего въ началѣ назначать довольно низкую цифру ссудъ, предоставляя обществу возвышать ее по мѣрѣ развитія дѣла его и по мѣрѣ приращенія его средствъ.

Почти тоже можно сказать о срокахъ и о возвратныхъ платежахъ, которые вполнѣ должны сообразоваться съ мѣстными условіями. Если учрежденіе предназначено преимущественно оказывать пособіе мелкому ремеслу, то самые продолжительные сроки не должны превышать *трехъ мѣсяцевъ*,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ впрочемъ можно допускать пересрочки (*prolongation*); такія условія совершенно удовлетворяютъ потребностямъ мелкаго ремесла, всѣ обороты котораго большею частію происходятъ на кратковременные сроки; въ случаяхъ же если ссуды предназначены для болѣе значительныхъ ремесленныхъ и промышленныхъ оборотовъ, то сроки необходимо принять болѣе продолжительные; разумѣется, что самые долгіе сроки необходимы при ипотечныхъ ссудахъ. Если ссуды происходятъ однако подъ формою векселей, то тоже можно принять короткіе сроки, именно трехъ-мѣсячный срокъ съ допущеніемъ пересрочки долженъ вполнѣ соотвѣтствовать потребностямъ промышленниковъ. Кроме того, особенно въ мелкихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, часто примѣняется съ успѣхомъ возвращеніе ссуды по частямъ въ два, три срока, напримѣръ ежемѣсячно по трети. Было сдѣлано даже нѣсколько мѣстныхъ опытовъ допущенія еженедѣльной уплаты по частямъ полученныхъ ссудъ, но эти сроки по своей кратковременности оказались весьма неудобными для самаго учрежденія, требуя весьма сложнаго и подробна-

го счетоводства, — поэтому въ настоящее время вездѣ, гдѣ допускаются срочныя возвратныя уплаты ссуды по частямъ, кратчайшимъ срокомъ полагается одинъ мѣсяцъ.

Мы видѣли, что обороты въ средѣ мелкаго рабочаго класса происходятъ обыкновенно весьма быстро, но кромѣ того еще другія соображенія не допускаютъ выдачу ссудъ на болѣе долговременные сроки, чѣмъ сколько требуетъ ровно времени оборотъ предпріятія, на которое заключена ссуда. Во первыхъ требованіемъ отъ должниковъ по возможности немедленной уплаты ссуды по окончаніи оборота, имъ только оказывается услуга, потому что они принуждаются такимъ образомъ дѣлать поспѣхъ расчесть о положеніи своего предпріятія, съ другой стороны это ихъ нисколько не стѣсняетъ, потому что, уплативъ полученную ссуду, они всегда опять для новаго оборота могутъ получить новую ссуду. Напротивъ того, при болѣе продолжительныхъ срокахъ, получивъ деньги изъ оборота раньше срока, должникъ подвергался бы искушенію пустить его до уплаты еще въ новый оборотъ, или какимъ нибудь другимъ образомъ израсходовать наличныя деньги. Продолжительные сроки при мелкихъ кратковременныхъ оборотахъ должны поэтому только служить поощреніемъ къ нерасчетливости и безпорядочности въ уплатѣ долга со стороны должниковъ. Во вторыхъ, и это тоже не менѣе важно, чѣмъ кратковременнѣе срокъ тѣмъ легче должнику находить *поручителя*, — потому что при продолжительныхъ срокахъ отвѣтственность поручителя становится гораздо опаснѣе, такъ какъ въ теченіе болѣе продолжительнаго времени экономическое положеніе должника можетъ внезапно измѣниться отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ. При назначеніи сроковъ кромѣ того весьма полезно сообразоваться съ различными сроками поступленія доходовъ должника, напримеръ съ ярмарками и другими срочными промышленными расплатами. На 6 мѣсяцевъ или на годъ будетъ гораздо труднѣе найти поручителя, чѣмъ на мѣсяцъ или два, три мѣсяца. Лично соглашающееся изъ дружбы или по другимъ соображеніямъ принять на себя поручительство, обыкновенно прежде наводитъ подробныя справки о коммерческомъ положеніи должника; въ два, три мѣсяца это положеніе не можетъ по всей вѣроятности въполнѣ измѣниться, но въ теченіи полугода или года можетъ произойти много непредвидимаго. Въ случаѣ пересрочки на первые три мѣсяца, являются совершенно другія обстоятельства

чимъ при шестимѣсячномъ срокѣ, пересрочка именно даетъ возможность снова подвергнуть испытанію положеніе должника, для того, чтобы кредитное учрежденіе могло бы удостовѣриться можетъ ли оно безопасно продлить своему должнику ссуду еще на три мѣсяца и для того, чтобы поручитель могъ съ своей стороны убѣдиться можетъ ли онъ безопасно для себя согласиться на принятіе поруки еще на дальнѣйшіе три мѣсяца. Если при осмотрѣ положенія дѣлъ должника, или кредитное общество или поручитель найдутъ, что положеніе дѣлъ его измѣнилось и не представляетъ уже прежней безопасности, они всегда въ правѣ отказать ему въ пересрочкѣ, — и если нужно могутъ потребовать немедленной ликвидаціи дѣлъ должника, если онъ не въ состояніи уплатить своего долга. При важности учрежденія поручителей при подобныхъ кредитныхъ обществахъ особенно необходимо обратить вниманіе на всѣ тѣ обстоятельства, которыя могли бы затруднить или облегчить присканіе поручителей.

Одно изъ самыхъ затруднительныхъ и самыхъ важнѣйшихъ соображеній заключается въ заботливости о безопасности отданныхъ ссудъ. Хотя требованіе мѣсячныхъ взносовъ и отклоняетъ уже болѣе или менѣе всѣхъ ненадежныхъ лицъ, однако все же состоитъ необходимость подвергать совѣстному изслѣдованію всѣ требованія о ссудахъ — что должно быть главною и священной обязанностію лицъ управляющихъ дѣлами предпріятія. — При неосмотрительной раздачѣ ссудъ, могутъ встрѣчаться частыя недомки и неуплаты со стороны несостоятельныхъ должниковъ, а подобные случаи, особенно если они будутъ повторяться часто, не только могутъ потрясти внѣшній кредитъ общества, но могутъ повести и къ окончательному его раззоренію. — Разумѣется, при этомъ слѣдуетъ обращать главнымъ образомъ вниманіе на нравственныя качества должника, потому что, такъ какъ эти кредитныя учрежденія предназначены служить пособіемъ именно бѣдному классу рабочихъ, то отъ нихъ очевидно нельзя и ожидать удовлетворительныхъ вещественныхъ обезпеченій въ видѣ залоговъ. — Честность въ оборотахъ, прилежаніе и ловкость въ работѣ, и порядочный образъ жизни, вотъ главныя условія состоятельности, на которыя можетъ обращать вниманіе управленіе кредитнаго учрежденія. — При этомъ весьма важно, какъ мы видимъ, точное ознакомленіе съ обстоятельствами жизни и дѣлъ должника, поэтому необходи-

мо обращать особенное вниманіе на выборъ членовъ совѣщательной комисіи, содѣйствующей правленію въ обсужденіи степени состоятельности каждаго просителя. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ подобныя кредитныя учрежденія получили весьма значительное развитіе, принято за правило, вслѣдствіе многочисленности членовъ, дѣлить совѣщательную комисію на нѣсколько отдѣловъ, по мѣстнымъ округамъ, такъ чтобы каждый членъ ея подавалъ голосъ только въ дѣлахъ лицъ, живущихъ въ его округѣ и потому болѣе точно ему знакомыхъ. Но съ какимъ бы вниманіемъ ни разсматривалось каждый разъ экономическое положеніе лица, ходатайствующаго о ссудѣ, никогда нельзя съ совершенною вѣрностію и точностію опредѣлить это положеніе: многія обстоятельства, извѣстныя только самымъ близкимъ ему лицамъ, могутъ ускользнуть отъ вниманія даже весьма совѣстливаго изслѣдователя, которому приходится рѣшать не только о состоятельности просителя, но и о цифрѣ ссуды, которую ему можно отпустить. — Вотъ почему лучшимъ средствомъ обезпеченія являются въ этомъ случаѣ поручители, которые служатъ niezbѣжнымъ дополненіемъ личнаго кредита, потому что они представляютъ единственный видъ возможнаго и дѣйствительнаго контроля надъ состоятельностью должника. — Поручители избираются обыкновенно изъ близкихъ друзей или родственниковъ, — кому же лучше судить о экономическомъ положеніи должника какъ не имъ. — Тоже начало отчасти принято, какъ извѣстно, большими коммерческими банками, требующими на векселѣ третьей подписи. — Поручители являются такимъ образомъ для общества лучшимъ обезпеченіемъ ссуды и самымъ вѣрнымъ средствомъ контроля. Хорошій, состоятельный работникъ всегда найдеть въ кругу своихъ товарищей поручителя, — эта услуга совершенно взаимная: поручитель самъ нѣсколько времени спустя можетъ ходатайствовать о ссудѣ и прежній должникъ вѣроятно тоже не откажется служить ему поручителемъ. — Поэтому, если какой либо работникъ не можетъ найти поручителя, то это въ большей части случаевъ ясное доказательство: или что состоятельность его сомнительна, или что сумма, на которую онъ испрашиваетъ ссуду слишкомъ велика; въ этомъ случаѣ общество можетъ согласиться на ссуду очевидно только въ случаѣ представленія имъ вѣрнаго вещественнаго обезпеченія путемъ залога. — Подъ вѣрный залогъ, разу-

мѣется, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отказывать въ ссудѣ.

Опытъ доказалъ въ Германіи, что работникъ считаетъ для себя самымъ постыднымъ дѣйствіемъ ввести въ бѣду поручителя, т. е. друга, согласившагося изъ услужливости помочь ему, принявъ на себя поручительство—онъ скорѣе готовъ пожертвовать послѣднимъ, чѣмъ допустить до этой крайности.—Такъ напримѣръ въ Делицшѣ было два подобныхъ случая. Должники, получившіе каждый по 50 талеровъ ссуды, оказались несостоятельными, и ихъ имѣніе поступило въ конкурсъ, — активъ далеко не покрывалъ пассива, — тогда жены несостоятельныхъ должниковъ собрали собственными средствами по 50 талеровъ и внесли ихъ, только чтобы не поставить въ опасность поручителей, — совершенно не помышляя покрыть такимъ же путемъ всѣ прочіе долги мужей болѣе зажиточнымъ лицамъ. Эта со-вѣстливость исключительно касается отношеній къ поручителямъ. — Въ другомъ случаѣ должникъ обманчивымъ образомъ свалилъ всю отвѣтственность на поручителя, — тогда всѣ прочіе члены конкурснаго собранія рѣшились на свои собственные средства подвергнуть его аресту, и держали его въ заключеніи такъ долго, пока онъ не уплатилъ свой долгъ поручителю.

Относительно формы свидѣтельства, выдаваемого на ссуду, является вопросъ, что слѣдуетъ предпочитать: вексель или обыкновенную долговую росписку? Не подлежитъ сомнѣнію, что въ рабочничьихъ кредитныхъ обществахъ, дѣлающихъ весьма значительные обороты, и потому поставленныхъ уже совершенно на коммерческую ногу, вексель долженъ быть по необходимости предпочитаемъ простой роспискѣ, какъ мы уже замѣтили выше. Но одна вексельная форма свидѣтельства еще недостаточна для совершеннаго обезпеченія, и потому во всякомъ случаѣ кромѣ того слѣдуетъ требовать поручителей. — Но въ менѣе значительныхъ обществахъ, дѣйствующихъ на небольшія суммы въ средѣ мелкихъ ремесленниковъ, вексельная форма, какъ мало обычная, принесла бы мало пользы, усложнивъ форму операціи, кромѣ того она затруднила бы присканіе поручителей, потому что простой работникъ, легко соглашающійся принять на себя порученіе въ обыкновенныхъ долговыхъ сдѣлкахъ, боится вступить въ незнакомыя ему вексельныя обязательства.

Обыкновенно при выдачѣ ссуды въ менѣе значительныхъ кредитныхъ обществахъ въ Германіи принято за правило:

Отпускать безусловно членамъ общества ссуды, равняющіяся капиталу, внесенному уже ими въ кассу общества; кромѣ того, если правленіе считаетъ ихъ состоятельность довольно обезпеченною, выдается имъ безъ всякаго особеннаго обезпеченія еще нѣсколько высшая сумма, обыкновенно не болѣе 10 талеровъ выше ихъ капитальныхъ участковъ. Затѣмъ на всякую дальнѣйшую сумму требуется уже обезпеченія или посредствомъ поручителя, или путемъ вещественнаго залога. Чѣмъ значительнѣе сумма ссуды, тѣмъ осторожнѣе поступаетъ правленіе въ требованіи обезпеченія: такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуется представленія нѣсколькихъ поручителей и т. п., сообразуясь болѣе или менѣе съ экономическимъ положеніемъ должника. — Слѣдуетъ имѣть въ виду не соглашаться на отсрочки иначе, какъ съ изъясненія письменнаго на то согласія поручителей, потому что въ противномъ случаѣ поручители освобождаются по истеченіи перваго срока отъ всякаго обязательства.

Въ мейссенскомъ обществѣ учрежденіе поручителей замѣнено отчасти учрежденіемъ другаго рода въ видахъ облегченія дѣлопроизводства. — Тамъ при самомъ вступленіи члена въ общество опредѣляется немедленно цифра, до которой ему можно кредитировать безъ поручителей и залога. — Составленіе такого списка границъ кредита каждаго члена приносить безъ сомнѣнія неоспоримую пользу, но она еще не служитъ причиной къ отстраненію поручителей. — Особенно въ большихъ мѣстностяхъ гдѣ правленію не могутъ быть такъ подробно извѣстны положенія каждаго члена, такое предварительное опредѣленіе кредита каждаго весьма полезно. Точно также эта мѣра приноситъ пользу въ тѣхъ случаяхъ, когда назначеніе ссудъ зависитъ отъ директоровъ и правленія, безъ содѣйствія совѣщательнаго комитета, какъ это часто происходитъ въ мелкихъ обществахъ; — въ этомъ случаѣ составленіе подобнаго списка весьма облегчаетъ отвѣтственность директоровъ и самое дѣлопроизводство, потому что отлагаетъ необходимость въ каждомъ данномъ случаѣ собирать отдѣльныя справки. Разумѣется, что такіе списки должниковъ и поручителей должны провѣряться отъ времени до времени періодически, напримѣръ ежемѣсячно, потому что положеніе каждаго лица можетъ измѣняться въ теченіи времени. — Но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ, какъ мы уже замѣтили выше, ограничиваться этимъ облегченіемъ для отстраненія поручителей, которые всегда должны представлять главное обез-

печеніе. Въ мейссенскомъ обществѣ, дѣла коего ведутся весьма удачно, отстраненіе поручителей не имѣло еще дурныхъ послѣдствій для онаго, но это только еще одинъ случай, — вообще же въ общественныхъ дѣлахъ, особенно такихъ, которыя основаны на мелкихъ капиталахъ, скопленныхъ большимъ трудомъ бѣдными работниками, не слѣдуетъ освобождаться отъ необходимаго и благоразумнаго образа обезпеченія, который весьма легко привился къ главнѣйшимъ рабочимъ ссуднымъ обществамъ въ Германіи.

Г. Шульце обращаетъ кромѣ того вниманіе читателя на необходимость страхованія тѣхъ предметовъ, которые приносятся въ видѣ залога.

Если всѣ вышеизложенныя мѣры разумной предусмотрительности приняты, то можно надѣяться почти на совершенно обезпеченный ходъ операціи. Опытъ всѣхъ образовавшихся въ послѣднее время въ Германіи ссудныхъ обществъ вполне оправдываетъ это предположеніе. — Ни въ одномъ изъ нихъ не было случая несостоятельности по нѣсколько значительнымъ ссудамъ, — изрѣдка встрѣчаются потери мелкихъ суммъ, нисколько неприводящія въ опасность положенія самаго общества. — Ожидать совершенной вѣрности сдѣлокъ, до того, чтобы ни одной копѣйки не пропадало въ ссудахъ, невозможно, если не отступить совершенно отъ первоначальной цѣли предпріятія. Совершеннаго обезпеченія можно достигнуть только замѣною личнаго кредита вещественнымъ и даже ипотечнымъ, — а при такомъ образѣ дѣйствія подобныя общества потеряли бы совершенно свое первоначальное полезное назначеніе для рабочаго класса, и обратились бы въ обыкновенныя сберегательныя кассы. — Въ виду хотя мелкихъ и рѣдкихъ, но все же неизбѣжныхъ потерь, надо поэтому заботиться о составленіи постепенно резервнаго фонда, изъ котораго эти мелкіе дефициты могли бы пополняться.

Проценты и коммисія по ссудамъ. Проценты и коммисія составляютъ единственный источникъ дохода кассы общества, и потому составляютъ весьма важный факторъ въ итогѣ операцій. При обсужденіи вопроса какой величины процентъ наиболѣе выгоденъ для успѣха хода дѣла общества и который процентъ для него самый прибыльный, надо прежде всего имѣть въ виду, что изъ доходовъ процентныхъ и коммисіонныхъ должны покрываться всѣ расходы общества, иначе оно будетъ поставлено въ опас-

ность жить на счетъ своего капитала. Поэтому прежде всего слѣдуетъ рассчитать всѣ расходы, которые неизбѣжны, а именно:

а) проценты, платимые самимъ обществомъ за полученіе кассою его вклады,

б) расходы по управленію, жалованье служащимъ. Кромѣ того слѣдуетъ обратить вниманіе еще на расходы по слѣдующимъ статьямъ, которыя хотя и не положительно неизбѣжны, но все же необходимы для полнаго успѣха дѣла, а именно:

в) платежи для составленія резервнаго капитала,

г) дивидендъ.

Если одинако съ одной стороны интересы общества, въ качествѣ ссудодателя, требуютъ, чтобы норма процента была возможно велика, то съ другой стороны интересы заемщиковъ, которые суть тѣже члены общества, требуютъ, чтобы они не были обременены чрезвычайно высокими процентами и комиссіонными платежами — послѣдніе не должны превышать извѣстной границы, далѣе которой участіе въ общественномъ кредитѣ становится для бѣднаго заемщика невозможнымъ. Во всякомъ случаѣ неудобства слишкомъ высокаго процента отразились бы и на прибыляхъ общества, уменьшивъ число членовъ и ограничивъ кругъ оборотовъ онаго.

Для отысканія въ этомъ отношеніи настоящей середины, лучше всего, при образованіи ссуднаго общества, обратить прежде всего вниманіе на то, въ какомъ положеніи находился до учрежденія общества частный кредитъ тѣхъ личностей, въ средѣ которыхъ оно главнымъ образомъ должно дѣйствовать.

Извѣстно, что мелкіе ремесленники и работники во всѣхъ странахъ, когда они принуждены обращаться къ частному кредиту, должны платить необыкновенно высокіе проценты, достигающіе иногда до 50. При незначительности ссуды и кратковременности ея, столь высокій процентъ тяготитъ не такъ сильно, но для большихъ продолжительныхъ ссудъ и особенно по умѣреннымъ процентамъ кредитъ имъ совершенно закрыть. Г. Шульце приводитъ замѣчательный, хотя и нѣсколько исключительный по высотѣ процента, примѣръ въ этомъ отношеніи. Не за долго до образованія делицшскаго общества, одному ремесленнику необходимо нужно было 50 талеровъ для закупки сыраго матеріала на лейпцигской ярмаркѣ; такъ какъ разные платежи, на которые онъ рассчитывалъ, не состоялись къ сроку, то онъ былъ принужденъ платить по талеру въ день за эту

ссуду, т. е. 730%. Если это и исключительный случай, то платеж по талеру въ недѣлю съ ссуды въ 20 талеровъ — составляетъ, по словамъ г. Шульце, весьма обыкновенный процентъ между ремесленниками, обращающимися къ частному кредиту, а это составляетъ все еще 60% въ годъ.

При такой дороговизнѣ частнаго кредита въ средѣ мелкаго ремесленнаго класса, ссуднымъ обществамъ не трудно соединить соблюденіе своего собственнаго интереса въ качествѣ ссудодателей съ интересомъ должниковъ, получающихъ ссуду, потому что если назначить процентъ, сообразный съ потребностями всѣхъ необходимыхъ расходовъ, включая сюда и образованіе резервнаго капитала и дивидендъ, то все же этотъ процентъ будетъ вѣроятно несравненно ниже того, который работники принуждены платить, получая ссуды изъ частныхъ рукъ. Въ делицшскомъ обществѣ въ началѣ было постановлено взимать по 1 пфенигу (около $\frac{1}{4}$ к. сер.) съ талера ссуды въ недѣлю, что составляетъ $14\frac{1}{2}\%$ въ годъ, потому что необходимо было покрыть расходы перваго устройства общества; но съ разлитіемъ оборотовъ и съ отпускомъ болѣе значительныхъ ссудъ, процентъ былъ пониженъ на 10%, т. е. по 3 пфенига съ талера въ мѣсяцъ; прежній процентъ по 1 пфенигу въ недѣлю сохранялся только для ссудъ, выдаваемыхъ на сроки короче одного мѣсяца, и за просроченные ссуды, не возвращаемыя во время.

Бременбургское общество отдѣлило 0% за ссуду отъ комисіи, идущей на покрытіе расходовъ по управленію, такъ что оно взимаетъ за годъ

- а) 5% роста съ капитала, и
- б) 3, 4 или 5% комисіи, смотря по тому, на какой срокъ отпускается ссуда, а именно за ссуды до 20 талеровъ, возвращаемыя еженедѣльными взносами, взимается 5% комисіи, за всѣ прочія ссуды, если онѣ отданы на срокъ менѣе 3 мѣсяцевъ, 4%, а на дальнѣйшіе сроки 3%.

При ссудахъ подъ ипотеки, встрѣчающихся однако только весьма рѣдко, въ видѣ исключенія, взимается всего по 1% комисіи.

Въ послѣдствіи въ Делицшѣ процентъ былъ еще пониженъ до $5\frac{1}{4}\%$ комисіи въ мѣсяцъ, что составляетъ всего около 8%. Такимъ же образомъ поступили и почти всѣ прочія общества, назначивъ предварительно болѣе высокій процентъ для покрытія

расходовъ на первое устройство и для образованія немедленно нѣкотораго резервнаго капитала, и понижая затѣмъ въ послѣдствіи процентъ по мѣрѣ развитія оборотовъ; въ настоящее время за среднюю сумму процента и комисіи въ годъ, взимаемую всѣми подобными учрежденіями въ Германіи, можно принять отъ 8 до 10⁰/₀, самыя значительныя общества понизили ее даже до 6 — 7⁰/₀.

Если сравнить этотъ процентъ съ процентомъ, платимымъ ремесленниками при займахъ изъ частныхъ рукъ, то нельзя не признать его крайне умѣреннымъ. Но кромѣ дешевизны ссуды, весьма важно для ремесленника и то обстоятельство, что онъ всегда можетъ рассчитывать на полученіе необходимой ему денежной ссуды, между тѣмъ какъ при отсутствіи подобныхъ учрежденій можетъ случиться, что именно въ моментъ, когда деньги ему особенно необходимы для какого либо оборота, онъ ни за какую цѣну не можетъ получить ихъ изъ частныхъ рукъ.

Такая норма процента и комисіи 8—10 очевидно совершенно удовлетворяетъ въ Германіи потребностямъ общества; отсчитывая 4¹/₂ на процентъ, платимый обществомъ за довѣренныя ему капиталы, 2⁰/₀ на расходъ по управленію, все еще остается достаточный остатокъ на дивидендъ, изъ котораго даже можно еще выдѣлить часть на пополненіе резервнаго капитала. При уменьшеніи дивиденда, разумѣется, можно еще легко понизить этотъ процентъ до 7 и даже 6. Вообще слѣдуетъ главнымъ образомъ имѣть въ виду назначеніе общества, при опредѣленіи цифры процента. Если дѣло идетъ о развитіи большихъ и обширныхъ оборотовъ, какъ это бываетъ въ болѣе значительныхъ городахъ, въ которыхъ и среднее болѣе зажиточное сословіе принимаетъ участіе въ подобныхъ ссудныхъ обществахъ, и гдѣ потому требуются болѣе значительныя ссуды и на болѣе продолжительное время, тамъ благоразумнѣе назначать болѣе низкій процентъ; при столь значительныхъ оборотахъ дивидендъ не можетъ пострадать отъ уменьшенія ⁰/₀, потому что масса оборотовъ вознаграждаетъ до извѣстной степени за уменьшеніе процента, тѣмъ болѣе, что самыя обороты производятся болѣею частію на чужія деньги, довѣренныя кассѣ общества.

Напротивъ того, когда общество предназначается къ содѣйствію мелкимъ ремесленникамъ, и когда потому съ одной стороны важно вызвать ихъ на капитализацію, а съ другой стороны, при мелочности суммъ и кратковременности ссудъ, высшій процентъ

гораздо меньше стѣснительнѣ, чѣмъ при болѣе значительныхъ и продолжительныхъ оборотахъ, — полезно назначать отъ 1 до 2% выше обыкновенной нормы процента. Ошибочно было бы предполагать однако, что члены общества, получая съ одной стороны высокій дивидендъ и платя съ другой стороны высокій процентъ за ссуду, собственно отдають одною рукою, что получаютъ другою. Напротивъ того, чѣмъ выше дивидендъ, тѣмъ усиленнѣе идетъ капитализація, потому что дивидендъ, какъ мы увидимъ дальше, не выплачивается, а приобщается къ капитальнымъ участкамъ членовъ; поэтому, усиливая %, общество побуждаетъ ремесленника къ большому напряженію и большей уплатѣ, но этотъ излишекъ капитализируется для него путемъ дивиденда.

Въ большей части ссудныхъ обществъ, согласно кредитнымъ обычаямъ мелкихъ ремесленниковъ, проценты вычитаются впередъ изъ капитала. Лица, получающія ссуды, едва замѣчаютъ этотъ незначительный вычетъ при полученіи ссуды, — а при возвратѣ имъ за тѣмъ приходится уплачивать уже только одинъ капиталъ безъ процентовъ; касса же общества, получая процентные платежи впередъ, несетъ отъ того непосредственную прибыль. Другая прибыль проистекаетъ для кассы общества отъ увеличенія процента съ просроченныхъ ссудъ (*Verzugszinsen*). Аккуратность въ уплатѣ долговъ находится столько же въ интересѣ должника, какъ и заимодавца; вотъ почему необходимо принимать разныя поощрительныя мѣры къ исправному платежу, и самую дѣйствительною мѣрою служить увеличеніе процента со дня просрочки. Эта угроза оказалась на практикѣ весьма дѣйствительнымъ побудительнымъ средствомъ; съ другой стороны она вполне справедлива, потому что, при невозвращеніи денегъ къ сроку, общество можетъ быть принуждено занимать ихъ на сторонѣ по высшимъ процентамъ, и подвергаться разнымъ другимъ расходамъ. Въ Делицшѣ, какъ мы видѣли, при обыкновенномъ процентѣ съ коммисіей въ 8%, просрочный процентъ постановленъ въ 10.

Напротивъ того, является необходимость понижать процентъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ случаѣ явной несостоятельности должника, платежи за него принимаетъ на себя поручитель. — При важности для ссудныхъ учреждений поручителей, необходимо какъ можно болѣе облегчать ихъ отвѣтственность, и потому очевидно было бы несправедливо извлекать какую-ли-

бо выгоду изъ упавшей на нихъ ответственности. — Поручитель является обществу только обезпеченіемъ отъ потерь, а не источникомъ доходовъ. Вотъ почему въ делицшскомъ обществѣ принято за правило, что если поручитель принимаетъ на себя платежъ несостоятельнаго должника, то съ него рассчитывается всего только 50/0 процентовъ и комисіи за все время; и даже если онъ не въ состояніи уплатить долга разомъ, а принимаетъ на себя уплату въ нѣсколько сроковъ, и выдаетъ на оную долговую росписку, то и въ ней ростъ рассчитывается всего только по 50/0, то есть приблизительно по той цѣнѣ, которую общество само платитъ за довѣряемые ему капиталы.

Дивиденды и участки членовъ въ основномъ капиталѣ (Stamm-antheile). Капитальные участки членовъ ассоціаціи образуются посредствомъ мѣсячныхъ взносовъ, и посредствомъ капитализаціи дивиденда, происходящаго изъ чистой прибыли, и который не выплачивается членамъ, а записывается ежегодно на ихъ капитальный счетъ. — Сумма этихъ участковъ образуетъ такимъ образомъ часть оборотнаго капитала, и въ этомъ качествѣ подвергается нѣкоторому риску, потому что въ случаѣ несостоятельности ассоціаціи прежде всего удовлетворяются посторонніе вкладчики, не принадлежащіе къ обществу. — Въ этомъ отношеніи капитальные участки принимаютъ такимъ образомъ характеръ акцій, а потому, сколько для усиленія кредита общества, столько и для уменьшенія ответственности членовъ по круговой поруцѣ, необходимо постановить слѣдующее:

Во 1-хъ, что въ случаѣ ликвидаціи общества, по долгамъ онаго ответственность не можетъ быть перенесена на частное имущество одного члена, пока еще не изяскла окончательно часть оборотнаго капитала, состоящая изъ участковъ всѣхъ членовъ, т. е. что на уплату долговъ общества слѣдуетъ обращать предварительно всю сумму капитальныхъ участковъ членовъ онаго, находящихся въ кассѣ, прежде чѣмъ какія либо претензіи могутъ быть перенесены на частное имущество одного изъ членовъ.

Во 2-хъ, что члены не имѣютъ права изъяслять какія либо претензіи на другихъ членовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что при употребленіи основнаго капитала общества на удовлетвореніе долговъ онаго, когда участокъ одного былъ значительно участкомъ другихъ.

Если поэтому отдѣльные члены отвѣчаютъ за рискъ оборотовъ общества не равномерно, а каждый всѣмъ своимъ капи-

тальнымъ участкомъ, то очевидно, что справедливость требуетъ, чтобы и распредѣленіе дивиденда происходило не равномѣрно, а сообразно участку каждаго въ основномъ капиталѣ общества, — тѣмъ болѣе, что кромѣ того, какъ мы уже видѣли, подобное распредѣленіе дивиденда, сообразно употребленному въ дѣло капиталу, служить новымъ поощреніемъ для капитализаціи.

Относительно срока, начиная съ котораго взносъ или капитальный участокъ допускается къ пользованію дивидендомъ, слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ эти участки возрастаютъ ежемѣсячными взносами, то является вопросъ: слѣдуетъ ли ихъ немедленно принимать въ расчетъ, т. е. напримѣръ слѣдуетъ ли при распредѣленіи дивиденда за 1858 г. принимать въ расчетъ приращеніе участковыхъ капиталовъ вслѣдствіе мѣсячныхъ платежей, поступившихъ въ теченіи 1858 года?

Въ различныхъ германскихъ ссудныхъ обществахъ этотъ вопросъ разрѣшается различнымъ образомъ. Нѣкоторыя, напримѣръ делицшское, не принимаютъ въ расчетъ мѣсячные взносы, поступившіе въ теченіе года, другія, напримѣръ ейленбургское, принимаютъ противоположное начало. — Основательнѣе, кажется, однако начало принятое делицшскимъ обществомъ, потому что дивидендъ представляетъ прибыль, процентъ на капиталъ и потому можетъ уплачиваться только за суммы, находившіяся уже нѣкоторое время въ кассѣ общества и принявшія потому участіе въ оборотахъ онаго. Если поступать совершенно послѣдовательно, слѣдовало бы, такъ какъ взносъ поступаетъ ежемѣсячно, дѣлать ежемѣсячный расчетъ прибылямъ; — но такъ какъ подобный образъ дѣйствія чрезвычайно усложнилъ бы процессъ счетоводства, то, очевидно, остается только принимать въ расчетъ мѣсячные взносы, поступившіе въ текущемъ году только при распредѣленіи дивиденда слѣдующаго года, — т. е. не раньше, какъ послѣ нахожденія ихъ въ оборотахъ общества въ теченіи цѣлаго года. — Очевидно невозможно по справедливости распредѣлять прибыль всего года на взносы, поступившіе напримѣръ въ ноябрѣ, декабрѣ. — Для упрощенія счетоводства; многія общества при распредѣленіи дивиденда рассчитываютъ капитальные участки членовъ только въ полныхъ талерахъ, отбрасывая части талеровъ; при семъ однако разрѣшается членамъ доплачивать недостающую частицу въ январѣ слѣдующаго года. — Такъ напримѣръ если капитальный участокъ члена за 1858 г. составляетъ 4 талера 18 грошей, то ему дозволяется

въ теченіи января 1859 г. доплатить 12 грошей (талеръ имѣетъ 30 грошей) и тогда дивидендъ за 1858 г. рассчитывается ему сполна за 5 талеровъ.

Ограниченіе высшей суммы взноса тоже оказывается необходимымъ для поддержанія необходимой соразмѣрности между собственнымъ капиталомъ и чужими вкладами, и между капитальными участками различныхъ членовъ, въ видахъ равномѣрнаго распредѣленія дивиденда и предотвращенія слишкомъ значительнаго уменьшенія дивиденда въ слѣдствіе слишкомъ большаго накопленія собственнаго капитала общества. — Ежемѣсячные взносы служатъ, какъ мы видѣли, къ постепенному составленію собственнаго капитала общества. — Обороты общества происходятъ какъ собственнымъ капиталомъ, такъ и чужими процентными вкладами. По выдѣлѣ изъ прибыли общества суммы необходимой на уплату процентовъ по чужимъ вкладамъ, вся остальная часть обращается въ видѣ дивиденда на пользу собственнаго капитала общества. — Поэтому въ интересѣ самаго общества лежитъ, чтобы собственный капиталъ его, членскіе участки котораго имѣютъ нѣкоторымъ образомъ характеръ акцій, — возрасталъ только до тѣхъ предѣловъ относительно чужихъ вкладовъ, въ которыхъ онъ необходимъ для обезпеченія положенія и вѣрности оборотовъ общества; какъ скоро собственный капиталъ получитъ слишкомъ сильное преобладаніе предъ чужими вкладами, то очевидно должны уменьшиться дивиденды членовъ. — Съ другой стороны, если ограничить только общую цифру основнаго и резервнаго капиталовъ, не ограничивая высшей цифры возможныхъ мѣсячныхъ вкладовъ, то легко можетъ случиться, что болѣе зажиточные члены воспользуются этимъ обстоятельствомъ для пополненія въ короткое время всего основнаго капитала своими усиленными мѣсячными взносами, отстранивъ такимъ образомъ совершенно или отчасти бѣднѣйшихъ членовъ отъ участія въ составленіи основнаго капитала общества, а потому отъ участія въ распредѣленіи дивиденда.

Для избѣжанія однако затруднительной регуляціи ежемѣсячныхъ взносовъ, германскія общества для тахитимъ'a взносовъ приняли слѣдующее средство. — Рассчитывается предварительная сумма необходимаго собственнаго капитала, и приблизительно число членовъ, до котораго по вѣроятности общества можетъ дойти, затѣмъ, раздѣливъ капиталъ на число членовъ

получался нормальный капиталный участокъ каждого, — имѣющій характеръ нѣкоторымъ образомъ нормальныхъ акцій. — Затѣмъ предоставляется каждому члену внести этотъ участокъ или одновременно, или періодическими усиленными платежами, или обыкновенными мѣсячными взносами. — Такимъ образомъ избѣгается неудобство регуляціи мѣсячныхъ взносовъ, и въ тоже время обезпечивается участіе каждого члена въ составленіи собственного капитала общества.

Большая часть нѣмецкихъ ссудныхъ обществъ принимаютъ нормальный капиталный участокъ каждого члена отъ 10 до 20 талеровъ. — Такъ наприм. делицшское общество, разсчитавъ необходимый *оборотный* капиталъ въ 15,000 талеровъ и число членовъ въ 400, назначило капиталные участки въ 20 талеровъ, уплатою коихъ составилось бы болѣе половины *оборотнаго* капитала. — Съ расширеніемъ однако въ послѣдствіи оборотовъ общества было допущено возвышеніе этого участка до 30 талеровъ, постепеннымъ приобщеніемъ къ нему ежегоднаго дивиденда, но съ тѣмъ, чтобы, не смотря на то, на будущее за тѣмъ время дивидендъ разсчитывался бы только за первоначальный участокъ въ 20 талеровъ, а за остальные 10 талеровъ выдавался только обыкновенный ростъ въ 4%.

Резервный фондъ, вступительные платежи и годовые взносы. Образованіе резервнаго фонда направлено не столько на пользу чужихъ кредиторовъ общества, сколько самихъ членовъ онаго. Вклады чужихъ кредиторовъ вполнѣ обезпечиваются основнымъ капиталомъ. — Резервный же фондъ имѣетъ назначеніемъ покрывать дефициты, могущіе случиться въ слѣдствіе не состоятельности должниковъ общества. — Еслибы не было резервнаго капитала, то подобные дефициты должны бы были покрываться изъ прибылей, отъ того уменьшился бы самый дивидендъ и легко могло бы случиться, что въ извѣстный годъ весь дивидендъ пошелъ бы на покрытіе дефицита. — Могло бѣ даже случиться, что одной прибыли не хватило бы для покрытія дефицита и что потому пришлось бы покрывать его изъ основнаго капитала, что могло бы поставить въ опасное положеніе самое общество, — лишая въ тоже время членовъ его уже заработанныхъ капиталовъ. — Поэтому очевидно оказывается полезнымъ, возлѣ основнаго капитала, составляющаго собственность членовъ общества, образовать еще дополнительный капиталъ, который составлялъ бы собственность не отдѣльныхъ членовъ, а всего общес-

тва, и служилъ бы обезпеченіемъ на случай могущихъ встрѣтиться дефицитовъ.

На составленіе резервнаго фонда обращаются обыкновенно главнымъ образомъ вступительные взносы новыхъ членовъ. Въ первые годы для этой же цѣли ассигнуется обыкновенно вся или часть чистой прибыли предпріятія, когда же такимъ образомъ уже составился нѣкоторый капиталъ, то очевидно по всей справедливости слѣдуетъ требовать отъ вновь поступающихъ членовъ, неучаствовавшихъ въ образованіи резервнаго капитала, вступительныхъ взносовъ которые немедленно обращаются въ означенный капиталъ. — Изъ этого же слѣдуетъ, что пока еще не образовались резервные капиталы и нельзя требовать вступительныхъ взносовъ отъ вновь поступающихъ членовъ, по этой же причинѣ первые члены при образованіи учрежденія тоже должны быть освобождены отъ вступительнаго платежа, за исключеніемъ того случая, когда они сами пожелаютъ для болѣе быстрого устройства резервнаго капитала сдѣлать добровольно на этотъ предметъ какой либо дополнительный взносъ. — Наконецъ съ этой же точки зрѣнія нельзя допустить неизмѣнности вступительныхъ взносовъ. — Напротивъ того, такъ какъ они собственно представляютъ жертвы прежнихъ членовъ на образованіе резервнаго капитала, то очевидно, что съ возрастаніемъ послѣдняго и вступительные платежи должны возрастать. — При этомъ однако необходимо имѣть въ виду, чтобъ эти взносы не были увеличены до такой степени, при которой они могли бы служить препятствіемъ бѣдныхъ работниковъ къ поступленію въ ссудное общество. — Для соединенія этихъ общихъ требованій, т. е. пропорціональнаго возрастанія вступительныхъ взносовъ съ возрастаніемъ резервнаго фонда, и ограниченія этого возрастанія необходимостью, не исключать бѣдныхъ ремесленниковъ и на будущее время отъ участія въ дѣлѣ, многія общества приняли средство періодической разсрочки этихъ взносовъ на нѣсколько лѣтъ, замѣнивъ единовременные взносы нѣсколькими годовыми взносами.

Такое постановленіе полезно не только относительно однихъ бѣдныхъ ремесленниковъ, но и относительно такихъ, которые, поступивъ въ общество, въ скорое время затѣмъ принуждены опять выйти изъ онаго или въ слѣдствіе перемѣны мѣста жительства, или въ слѣдствіе смерти, или по другимъ какимъ либо обстоятельствамъ. Въ этомъ случаѣ они освобождаются отъ

дальнѣйшихъ годовыхъ взносовъ, и не теряютъ по крайней мѣрѣ всей вступительной суммы.

Въ долищскомъ обществѣ члены учредители приняли добровольно обязательство, въ видахъ скорѣйшаго образованія резервнаго фонда, вносить ежегодно въ теченіи четырехъ лѣтъ по 2 $\frac{1}{2}$ зильбергрошена (около 8 копѣекъ въ годъ).—Тотъ же взносъ былъ возложенъ затѣмъ обязательно и на всѣхъ членовъ вновь поступающихъ въ общество до 1856 г. Съ этого времени однако, вслѣдствіе приращенія капитала, стали требовать отъ вновь поступающихъ членовъ уже не 4, а 6 годовыхъ взносовъ. Кромѣ того требовался еще чрезвычайный вступительный взносъ.

По 5 зильбергрошеновъ начиная съ 1853 года	(15 коп. сер.)
— 10 — — — — 1854 —	(30 коп. сер.)
— 15 — — — — 1855 —	(45 коп. сер.)

Такъ что въ настоящее время вновь вступающимъ членамъ приходится вносить по 15 зильбергрошеновъ немедленно при поступленіи и 15 другихъ зильбергрошеновъ въ теченіи 6 лѣтъ по 2 $\frac{1}{2}$ ежегодно, итого одинъ талеръ. Этотъ расчетъ основанъ на томъ основаніи, что въ настоящее время резервный фондъ въ талерахъ соответствуетъ приблизительно числу членовъ, такъ что на каждого приходится уже по талеру (въ 1859 г. было 382 члена и 393 талера въ резервномъ фондѣ). При этомъ однако постановлено далѣе уже не увеличивать цѣны этого взноса, такъ какъ въ противномъ случаѣ она превышала бы средства бѣдныхъ ремесленниковъ. Само собою разумѣется, что вступительные взносы никогда не возвращаются изъ кассы общества, потому что резервный фондъ, составляя собственность всего общества, а не отдѣльныхъ членовъ, очевидно не можетъ быть возвращенъ имъ иначе какъ по ликвидаціи предпріятія.

Однихъ этихъ взносовъ однако бываетъ недостаточно для образованія потребной суммы резервнаго фонда, и для постоянного приращенія его вмѣстѣ съ приращеніемъ оборотовъ дѣла. Вотъ почему оказывается необходимымъ кромѣ того откладывать ежегодно въ резервный фондъ еще частицу чистой прибыли. Особенно оказывается это необходимымъ на первое время для болѣе быстраго образованія резервнаго фонда; такъ между прочимъ вся чистая прибыль перваго года, за уплатою процентовъ на вклады, можетъ быть удобно относима въ резервный фондъ,

такъ какъ принимается за основаніе, какъ мы видѣли, что заисчисленные взносы текущего года не распределяется дивиденда, такъ что члены-учредители совершенно не могутъ и рассчитывать на полученіе онаго въ первый годъ.

Что касается до размѣровъ резервнаго фонда, то очевидно онъ долженъ собразоваться съ размѣромъ оборотовъ и потому находится въ извѣстной пропорціи къ оборотному капиталу.

Принимая въ соображеніе, что посторонніе кредиторы общества обезпечены уже основнымъ капиталомъ онаго, можно принять необходимость резервнаго капитала въ 2 — 4 % всего оборотнаго капитала, или въ 4 — 6 % суммы чужихъ вкладовъ. Болѣе значительныхъ дефицитовъ ожидать нельзя, поэтому подобный резервный капиталъ совершенно соответствуетъ потребностямъ дѣла, а излишнее увеличеніе его бесполезно уменьшило бы только дивидендъ членовъ. Съ другой стороны можно однако принять за правило, что, если по достиженіи резервнымъ капиталомъ его нормальной цифры, онъ за тѣмъ будетъ уменьшенъ случившимися дефицитами, то необходимо пополнять его изъ чистой прибыли, постепенными отчисленіями въ него ежегодно части оной.

На этихъ основаніяхъ резервный фондъ делицискаго общества при оборотномъ капиталѣ 14,000 — 16,000 талеровъ, въ числѣ коихъ до 9,000 чужихъ вкладовъ, назначенъ по крайней мѣрѣ въ 400 талеровъ, сумма, которой онъ достигнулъ уже въ 1859 году, такъ что съ этого года прекращено отчисленіе процентовъ изъ чистой прибыли въ резервный капиталъ, за исключеніемъ, какъ мы видѣли, случаевъ значительныхъ дефицитовъ; онъ продолжаетъ однако возрастать вступительными взносами новыхъ членовъ.

Резервный фондъ, въ промышленныхъ предпріятіяхъ, подверженныхъ болѣе или менѣе значительному риску, обыкновенно не оставляется въ оборотѣ, а помѣщается въ какія либо другія особенно вѣрныя цѣнности. Нѣмецкія ссудныя общества однако не слѣдуютъ этому правилу, оставляя резервный фондъ въ общихъ оборотахъ и ограничиваясь веденіемъ особеннаго счета для него. Въ этомъ частномъ случаѣ дѣйствительно, кажется, въ предостой опасности оставлять его въ оборотахъ, потому что обороты эти не подвергаются никакому другому риску кромѣ дефицитовъ отъ невозвращенія взносовъ, такъ какъ они основаны ни на какихъ спекуляціяхъ, а назначеніе резервнаго

фонда состоитъ исключительно, какъ мы видѣли, именно въ по-крытіи дефицитовъ. Поэтому, такъ какъ всякая потеря неизбѣжно должна быть обращена на резервный капиталъ, то рѣшительно все равно помѣщенъ ли онъ въ какихъ либо другихъ цѣнностяхъ или находится въ общихъ оборотахъ.

Порядокъ управленія дѣлами, общія собранія, правленіе, совѣщательный комитетъ. Такъ какъ главное направленіе разсматриваемыхъ нами рабочихъ ссудныхъ обществъ основано на самостоятельности, то всѣ главныя распоряженія должны быть предоставлены самимъ членамъ, которымъ, въ лицѣ общаго собранія, принадлежитъ окончательное рѣшеніе по всѣмъ главнѣйшимъ дѣламъ общества, выборы служащихъ лицъ и т. п. Въ общее собраніе приглашаются всѣ члены, съ извѣщеніемъ о предметахъ, подлежащихъ обсужденію. Исполнительная дѣятельность необходимо должна поручаться нѣсколькимъ отдѣльнымъ лицамъ, но дѣятельность этихъ лицъ и вообще всѣхъ служащихъ обществу находится подъ постояннымъ контролемъ общаго собранія: такъ напримѣръ, въ случаѣ жалобъ на дѣятельность служащихъ лицъ, общее собраніе рѣшаетъ послѣднею инстанціею. Вотъ почему необходимо созывать общія собранія періодически и не въ слишкомъ значительные промежутки, потому что еслибы не было даже никакого особеннаго вопроснаго пункта, полезно употребить подобное собраніе на разныя сообщенія членамъ о положеніи предпріятія для ознакомленія ихъ съ ходомъ послѣднихъ оборотовъ и т. п. Кроме періодическихъ общихъ собраній, можно назначать еще чрезвычайныя собранія въ случаѣ какого нибудь особенно важнаго предстоящаго рѣшенія, или по требованію нѣкотораго числа членовъ.

Обыкновенныя текущія дѣла, а именно, пріемъ вкладовъ, выдача ссудъ и допущеніе новыхъ членовъ — разумѣется, не могутъ подлежать постоянному разрѣшенію общаго собранія, потому что для этого слѣдовало бы созывать собраніе ежедневно; кромѣ того, вообще подобное публичное обсужденіе дѣлъ, касающихся кредита одного лица, представляетъ слишкомъ значительныя неудобства. Разрѣшеніе обыкновенныхъ дѣлъ должно потому относиться къ дѣятельности органовъ общества, т. е. служащихъ ему лицъ, которыя, разумѣется, должны сообразоваться, въ каждомъ частномъ случаѣ, съ тѣми общими правилами, которыя предписаны имъ или обществомъ, или уставомъ; за

тѣмъ дѣло общаго собранія только наблюдать, чтобы органы общества поступали сообразно съ этими правилами. Относительно вкладовъ въ кассу общества, необходимо давать исполнительно — распорядительнымъ органамъ предписаніе, до какой степени они въ правѣ усиливать оборотный капиталъ чужимъ вкладомъ. Квитанціи на болѣе значительныя суммы должны необходимо (въ слѣдствіе существованія круговой поруки) подписываться всѣми членами общества, но въ то же время правленіе должно имѣть право подписываться по довѣренности за всѣхъ членовъ на квитанціяхъ по вкладамъ на меньшія суммы и на краткіе сроки для упрощенія дѣлопроезводства. При этомъ однако должно быть оговорено въ уставѣ, что подобная подпись правленія также обязательна для всѣхъ членовъ, какъ еслибъ они дѣйствительно всѣ подписали свои имена на квитанціи, выданной за поступившій вкладъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ если вообще обороты общества происходятъ на мелкія суммы и если кредиторы на это соглашаются, правленіе можетъ быть уполномочено подписываться за всѣхъ членовъ по приему всякихъ вкладовъ, съ обязанностію представлять нѣсколько разъ въ году общему собранію отчетъ о поступившихъ ссудахъ.

Въ долищскомъ обществѣ правленіе, вмѣстѣ съ совѣщательнымъ собраніемъ, имѣло первоначально право выдавать росписки за вклады, не превышающіе 50 талеровъ, срокомъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ, но въ послѣдствіи ему было разрѣшено выдавать отъ себя, по довѣренности членовъ, квитанціи на всякія суммы.

Для управленія дѣлами безусловно необходимы два лица: во первыхъ предсѣдатель или директоръ, на которомъ лежитъ управленіе дѣлами и предсѣдательство въ общемъ собраніи, и во вторыхъ кассиръ и бухгалтеръ, завѣдывающій счетоводствомъ.

Кромѣ того однако служитъ еще весьма полезнымъ учрежденіемъ совѣщательный комитетъ, содѣйствующій дѣятельности означенныхъ служебныхъ особъ, съ голосомъ тоже рѣшающимъ или только совѣщательнымъ. Подобное учрежденіе, подвергая директора и кассира большому контролю, въ то же время уменьшаетъ ихъ долю отвѣтственности.

Степень содѣйствія означенныхъ совѣщательныхъ комитетовъ различна, смотря по роду дѣятельности общества. Въ болѣе значительныхъ ссудныхъ рабочихъ обществахъ, устроенныхъ уже на коммерческой ногѣ и принявшихъ форму векселей, всѣ еже-

дневные обороты предоставляются обыкновенно правленію, совѣщательный же комитетъ составляетъ только въ данные сроки списки степени состоятельности и границъ кредита различныхъ особъ, и занимается контролемъ дѣятельности правленія и кассы.

Напротивъ того, въ меньшихъ обществахъ всѣ дѣла подлежать совокупному обсужденію правленія (состоящаго напри-мѣръ въ Делищѣ изъ предсѣдателя, кассира и протоколиста) съ совѣщательнымъ комитетомъ, состоящимъ изъ 6 — 12 членовъ, избранныхъ общимъ собраніемъ; напри-мѣръ, допущеніе новыхъ членовъ, пріемъ вкладовъ и выдача ссудъ, не могутъ происходить безъ согласія совѣщательнаго комитета, такъ что одному правленію предоставлена только распорядительная власть по рѣшеннымъ вопросамъ. Совѣщательный комитетъ, вмѣстѣ съ правленіемъ, собирается еженедѣльно для рѣшенія всѣхъ текущихъ дѣлъ по главнымъ вопросамъ, поступившимъ въ теченіи недѣли. Въ случаѣ разрѣшенія или отказа ссуды, о томъ готовится немедленно въ собраніи письменное постановленіе; въ первомъ случаѣ оно передается кассиру для исполненія, а въ послѣднемъ просителю для свѣдѣнія. Такія сходы правленія съ совѣщательнымъ комитетомъ полезны еще и тѣмъ, что тутъ члены могутъ сообщать себѣ взаимно все, что каждый изъ нихъ знаетъ о личности и положеніи просителей ссудъ, что лучше всего можетъ произойти словесно, именно при личныхъ свиданіяхъ; съ другой стороны однако, такъ какъ кругъ лицъ здѣсь все же довольно ограниченъ, то такое общее обсужденіе о положеніи дѣлъ и о кредитѣ просителя не имѣетъ тѣхъ недостатковъ, которые высказываются при публичномъ обсужденіи этихъ вопросовъ въ общемъ собраніи, потому что члены правленія и совѣщательнаго комитета принимаютъ обязательство хранить въ строгой тайнѣ всѣ свѣдѣнія, получаемыя ими о положеніи третьяго лица, просящаго о ссудѣ, чего нельзя ожидать отъ многочисленнаго общаго собранія въ нѣсколько сотъ членовъ.

Число лицъ правленія и совѣщательнаго комитета должно, разумѣется, зависѣть отъ обширности оборотовъ общества и отъ числа членовъ, составляющихъ оное; при выборѣ этихъ лицъ необходимо особенно обращать вниманіе на два обстоятельства: на довѣріе, которымъ они пользуются, и на состоятельность ихъ съ одной стороны и на хорошее знакомство ихъ съ положеніемъ отдѣльныхъ членовъ общества. Вотъ почему въ болѣе зна-

чительныхъ мѣстностяхъ, въ коихъ подобныя общества гораздо многочисленнѣе, при затрудненіи найти лицъ, хорошо знакомыхъ съ положеніемъ всѣхъ членовъ, обыкновенно, кромѣ устройства главнаго совѣщательнаго комитета, вся мѣстность дѣлится еще на нѣсколько округовъ, и въ каждомъ округѣ избираютъ двухъ или трехъ довѣренныхъ лицъ, которыя обязаны предварительно разсматривать просьбы о ссудахъ, поступающихъ со стороны лицъ, живущихъ въ ихъ округѣ, и затѣмъ уже докладывать о томъ, для разрѣшенія, главному совѣщательному комитету. Г. Шульце совѣтуетъ не подвергать непосредственной отвѣтственности членовъ правленія и совѣщательнаго комитета за дефициты, которые могли бы произойти по возврату суммъ, ссуженныхъ по ихъ разрѣшенію. Совершенно оградить общество отъ всякихъ потерь невозможно, неизмѣняя вполнѣ характера его назначенія, а требовать отъ членовъ правленія и совѣщательнаго комитета отвѣтственности за всякую такую потерю, значило бы поставить ихъ въ необходимость поступать при раздачѣ ссудъ съ крайне строгою предусмотрительностію, выдавая ихъ только въ случаѣ полного обезпеченія возврата, въ слѣдствіе чего общество потеряетъ вполнѣ свой полезный характеръ лично-кредитнаго учрежденія. Не слѣдуетъ забывать, что члены правленія и совѣщательнаго комитета суть въ тоже время сами члены общества и потому столько же, какъ и другіе, заинтересованы въ соблюденіи всѣхъ выгодъ общества. Предсѣдателя, кассира и контролера избираютъ обыкновенно на продолжительное время, отъ 3 до 10 лѣтъ; всѣ прочія лица, служащія обществу, но не получающія жалованья, избираются ежегодно, съ правомъ однако быть выбранными вновь; но и относительно первыхъ г. Шульце совѣтуетъ пріять на первое время годичный срокъ, потому что въ началѣ при неустановившихся еще дѣлахъ общества, трудно опредѣлить съ точностію сумму жалованья, которую общество можетъ платить, а также и дѣятельность вновь избранныхъ лицъ можетъ быть подвергнута только весьма краткому испытанію, — обстоятельству, которыя совершенно измѣняются при дальнѣйшемъ существованіи общества.

Касса, счетоводство. Управление кассой и счетоводство составляютъ самую затруднительную часть всего управленія. Эта часть поручена въ мелкихъ обществахъ кассиру; въ болѣе значительныхъ, обороты коихъ гораздо сложнѣе, кромѣ того не-

обходимъ еще особенный контролеръ, который наблюдаетъ за кассовыми оборотами, и ведетъ для контрольнаго сравненія второй экземпляръ списковъ и кассовыхъ книгъ.

Счетоводство и бухгалтерія должны, разумѣется, сообразоваться съ оборотами ссуднаго общества.— Въ болѣе значительныхъ учрежденіяхъ, отпускающихъ большія ссуды подъ вексели, и производящихъ вообще довольно сложные обороты, эта часть должна быть устроена на строго коммерческой ногѣ, — въ другихъ менѣе значительныхъ обществахъ счетоводство и бухгалтерія могутъ быть нѣсколько упрощены.— Въ ейленбургскомъ ссудномъ обществѣ, болѣе обширномъ, учреждены слѣдующія книги:

1) Кассовый журналъ или кассовая счетная книга, въ который вносятся всѣ статьи прихода, по хронологическому порядку, съ извѣстнымъ подраздѣленіемъ по главнымъ статьямъ.

2) Счетъ вкладовъ, т. е. долговъ кассы общества съ обозначеніемъ Credit'a и Debet'a

3) Кассо-курантъ, или роспись ссудъ, отпущенныхъ изъ кассы членамъ общества, — возвратныхъ платежей, и отчисленныхъ суммъ на проценты и расходы по управленію.

4) Перепись всѣхъ членовъ общества съ соотвѣствующими столбцами для внесенія мѣсячныхъ взносовъ и дивиденда.

5) Счетъ актива имущества общества, съ отмѣткою прибылей и потерь.

6) Общая оборотная книга, въ которую вносятся годовые результаты полученныхъ вкладовъ и выданныхъ ссудъ, которымъ ведется счетъ, какъ мы видѣли, въ книгахъ подъ № 2 и 3.

7) Лагербухъ, или книга для записыванія поступившихъ вещей подъ залогъ ссудъ.

Легко убѣдиться до какой степени сложно подобное устройство счетоводства. Дѣйствительно въ ейленбургскомъ обществѣ кассиръ до того занятъ веденіемъ книгъ, что едва успѣваетъ заниматься текущими дѣлами.— Вотъ почему въ менѣе значительныхъ обществахъ необходимо значительное упрощеніе всей этой системы: во первыхъ потому, что самые обороты гораздо менѣе обширны, а во вторыхъ потому, что для веденія столь сложнаго счетоводства необходимъ кассиръ съ совершенно коммерческимъ образованіемъ, т. е. такой, какого бы вѣроятно трудно было найти въ средѣ мелкаго рабочаго класса.— Между тѣмъ весьма желательно, чтобы кассиръ, управляющій всѣмъ

счетоводствомъ былъ бы избранъ изъ членовъ общества. — Въ делищскомъ обществѣ одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ ремесленниковъ, избранный кассиромъ, весьма скоро ознакомился съ дѣломъ, благодаря указаніямъ Шульце, который состоитъ председателемъ общества и самъ устроилъ весь порядокъ счетоводства; такъ что при помощи еще одного контролера, знакомаго съ счетоводствомъ, всѣ дѣла кассы содержатся въ самомъ строгомъ порядкѣ. Мы проводимъ далѣе * статутъ делищскаго ссуднаго общества, заключающій въ IV главѣ подробное изложеніе принятаго въ ономъ порядка счетоводства. Здѣсь же въ видѣ дополненія мы только объяснимъ слѣдующее:

За главное основаніе и здѣсь принято правило веденія всѣхъ счетовъ въ двойнѣ: во первыхъ для облегченія, а во вторыхъ для предотвращенія замѣшательства въ счетахъ, могущаго произойти въ слѣдствіе потери какого либо счета.

Вотъ почему кассовая книга, заключающая отмѣтку всѣхъ приходныхъ и расходныхъ статей, какъ самая важная книга, служащая основаніемъ всему счетоводству, ведется въ двухъ экземплярахъ кассиромъ и контролеромъ; для облегченія наглядности всѣхъ счетовъ, они записываются подѣ отдельные рубрики въ приходъ и расходъ (примѣръ приложенъ къ уставу делищскаго общества, см. далѣе.) Точно также составленіе дубликата списка выданныхъ ссудъ, съ означеніемъ причитающихся на оныя процентовъ и комиссій, а также и всѣхъ поступившихъ возвратныхъ платежей — заготавливается каждый годъ снова, достигается тѣмъ, что контролеръ отмѣчаетъ на оборотѣ всѣхъ хранящихся у него росписокъ членовъ за полученные ссуды уплаченные ими ссуды въ возвратъ капитала и процентовъ. — Счетную книгу о поступившихъ вкладахъ (долги общества) можно удобно замѣнить собраніемъ копій всѣхъ долговыхъ обязательствъ, выдаваемыхъ обществомъ за поступившіе вклады; точно также счетная книга о капиталныхъ участкахъ членовъ удобно замѣняется копіями съ выписокъ изъ главной книги по этому предмету, выдаваемыхъ членомъ общества.

Для упрощенія этого послѣдняго счета всѣмъ членамъ выдаются книжечки, заключающія печатный уставъ общества и на концѣ нѣсколько бѣлыхъ страницъ. На эти страницы въ книгѣ каждаго года вносится контролеромъ за своей подписью отмѣтка

* Смотри приложенія на концѣ.

о причисленныхъ въ теченіи года къ капитальному участку члена поступившихъ отъ него мѣсячныхъ взносовъ и причитающагося ему дивиденда. — Такой порядокъ дѣйствія предпочтителенъ ежемѣсячнымъ расчетамъ о капиталѣ каждаго члена; — всѣ мѣсячные взносы записываются вообще въ приходъ, а въ концѣ года приходъ мѣсячныхъ взносовъ распределяется уже по статьямъ отдѣльныхъ членовъ и къ нимъ приписывается причитающійся имъ дивидендъ.

Кромѣ того, къ вышепомянутымъ книжкамъ прибавляются еще бланки (формулы) квитанцій, такъ что посланный отъ общества, получивъ взносъ отъ члена, немедленно расписывается на бланкѣ квитанціи въ полученіи.

Въ общей приходо-расходной книгѣ, заключающей *кредитъ* и *дебетъ* общества, кромѣ того прибавляются на концѣ нѣсколькихъ страницъ, на которыхъ ведется счетъ итога всѣхъ капитальныхъ участковъ членовъ, а также и резервнаго фонда, и въ концѣ каждаго года дѣлается общій расчетъ прибыли или убыли по этимъ двумъ статьямъ. При этомъ въ дебетъ суммы участковыхъ капиталовъ записываются возвраты участковыхъ капиталовъ, уплачиваемыхъ выходящимъ изъ общества членамъ, а въ дебетъ резервнаго капитала — всѣ уплаты по дефицитамъ. Такимъ образомъ въ тоже время получается счетъ какъ всѣхъ дефицитовъ, такъ и уменьшенія основнаго капитала, вслѣдствіе выхода членовъ.

Для лучшей наглядности счетоводства и положенія кредита общества, г. Шульце предлагаетъ еще слѣдующія операциі:

1) Изъ списка ссудъ, въ концѣ года, послѣ окончательнаго расчета, слѣдуетъ переносить на списокъ новаго года всѣ невыполнѣ еще уплаченныя статьи прежняго списка.

2) При этомъ списокъ имѣть еще постоянный списокъ всѣхъ членовъ общества, въ которомъ въ двухъ столбцахъ отмѣчаются, во-первыхъ, всѣ полученныя ими ссуды и, во-вторыхъ, всѣ принятыя ими на себя поручительства, простымъ внесеніемъ номера соответствующей статьи списка ссудъ.

3) Кромѣ того отмѣчать для памяти въ конторномъ календарѣ день предстоящей уплаты каждой ссуды, тоже простою ссылкой на соответствующій номеръ списка ссудъ.

Когда ссуда уплачена, тогда соответствующая отмѣтка въ списокъ членовъ (2) и въ календарѣ (3) просто прочеркивается; такимъ образомъ во всякое время наглядно оказывается, состо-

ить ли извѣстный членъ должникомъ общества и отягченъ ли онъ какимъ либо поручительствомъ — что весьма важно знать въ каждый данный моментъ при выдачѣ новыхъ ссудъ или допущеніи новыхъ поручительствъ. Точно также отбѣтка сроковъ платежей въ календарѣ весьма облегчаетъ составленіе списка просроченныхъ ссудъ, необходимаго для своевременнаго принятія мѣръ противъ неплатящихъ, для понужденія ихъ судебнымъ путемъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ легко можетъ быть пропущенъ срокъ, назначенный для судебного иска. Вотъ почему кассиру строго предписано представлять ежемѣсячно вмѣстѣ съ балансомъ кассы и списокъ просроченныхъ платежей. Если ко всему этому въ концѣ каждой четверти года представляется еще балансъ всѣхъ долговъ общества и обществу, а также краткое свѣдѣніе о ходѣ оборотовъ,—то этого совершенно достаточно для полнаго ознакомленія правленія и совѣщательнаго комитета, а потому и всего общества, съ положеніемъ дѣлъ;— для полнаго обезпеченія слѣдуетъ еще установить періодическія и экстренныя ревизіи кассовыхъ суммъ и документовъ. Наконецъ, особенное вниманіе слѣдуетъ обратить еще на просроченные проценты. Обыкновенные проценты, которые всегда можно съ точностію опредѣлить впередъ, всегда вносятся немедленно въ списокъ ссудъ, но просроченные проценты, измѣняющіеся по мѣрѣ продолжительности времени просрочки, представляютъ уже гораздо болѣе сложный расчетъ, который невозможно опредѣлить впередъ. Вотъ почему просроченные проценты не вносятся немедленно въ списокъ, а имъ ведется особенный счетъ, пока весь просроченный долгъ не уплаченъ, и затѣмъ уже вносятся въ общій списокъ. Поэтому необходимо требовать отъ кассира представленія въ концѣ каждого мѣсяца отчета о счетѣ просроченныхъ процентовъ по всѣмъ отдѣльнымъ статьямъ, состоящимъ еще въ долгу у общества. Отчетъ этотъ утверждается правленіемъ, послѣ чего только цифры онаго вносятся въ списокъ ссудъ.

Кромѣ того г. Шульце совѣтуетъ окончательно не предоставлять уплату мѣсячныхъ взносовъ благоусмотрѣнію самыхъ членовъ, потому что въ этомъ случаѣ накопилось бы множество болѣе или менѣе значительныхъ педоимокъ, а посылать ежемѣсячнаго особеннаго рассыльнаго общества ко всѣмъ членамъ на домъ за получкою слѣдующаго взноса. Этотъ же рассыльный разноситъ извѣщенія о собраніяхъ, приходитъ за необходимыми подписями

членовъ и т. п. Общество отъ него можетъ извлечь еще другую постороннюю пользу; въ слѣдствіе постоянныхъ сношеній со всѣми членами общества, разсылный обыкновенно довольно хорошо ознакомляется съ положеніемъ каждаго, такъ что часто при обсужденіи о границѣ кредита, предоставляемаго извѣстному члену, разсылный можетъ сообщать весьма полезныя свѣдѣнія правленію. Въ Делицшъ выборъ разсылнаго предоставляется кассиру и контролеру, которые зато должны отвѣчать за вѣрность доставленія имъ врученныхъ суммъ и которые поэтому подвергаютъ его самому бдительному контролю.

Жалованье служащихъ и залоги, представляемые ими. Предоставленіе вознагражденія лицамъ, служащимъ обществу, особенно же кассиру, на которомъ лежитъ главный трудъ, необходимо. Во-первыхъ, весьма трудно найти лицъ, которыя бы безъ вознагражденія согласились служить обществу, но допустивъ даже, что нашлись бы такія лица, все же неблагоприятно принимать ихъ услуги безвозмездно, потому что въ этомъ случаѣ трудно было бы требовать отъ нихъ необходимой точности и подвергать ихъ строгому контролю и ответственности въ исполненіи обязанностей, которыя они приняли на себя безвозмездно, въ качествѣ благотворителей общества. Что касается впрочемъ вопроса, слѣдуетъ ли предсѣдатель-директору и даже членамъ совѣщательнаго комитета назначать жалованье, то рѣшеніе онаго совершенно зависитъ отъ обширности оборотовъ общества и отъ рода дѣятельности, которая имъ предоставлена. Въ болѣе значительныхъ обществахъ, устроенныхъ уже на коммерческой ногѣ, и гдѣ потому директоръ или предсѣдатель главный распорядитель всѣхъ оборотовъ, онъ не можетъ не получать вознагражденія за свой многосложный трудъ.

Относительно цифры вознагражденія, разумнѣе всего назначать оную условно, въ извѣстномъ процентѣ чистой прибыли. Такимъ образомъ, во-первыхъ, вознагражденіе становится вполне справедливымъ, потому что оно возрастаетъ вмѣстѣ съ расширеніемъ круга дѣлъ, и наоборотъ, а затѣмъ, во-вторыхъ, этимъ средствомъ интересъ служащихъ лицъ связывается съ интересомъ общества, и такимъ образомъ достигается съ ихъ стороны наибольшая совѣстливость въ исполненіи обязанностей.

Самое трудное при этомъ опредѣлить цифру процента въ началѣ, пока дѣло не получило еще своего развитія.

Для упрощенія слѣдуетъ раздѣлить платежи членовъ по ссу-

дамъ на два отдѣла, на проценты и на комиссію, обращая только одну послѣднюю на вознагражденіе служащимъ лицамъ и на прочіе расходы по управленію. Такъ, напримѣръ, въ ейленбургскомъ обществѣ, какъ мы уже видѣли, взимается за ссуды 5% роста и отъ 3 до 5% комиссія въ годъ. Изъ комиссіи уплачивается:

$\frac{6}{12}$ кассиру, который завѣдуетъ въ тоже время счетоводствомъ.

$\frac{3}{12}$ директору, завѣдующему контролемъ надъ кассою.

$\frac{1}{12}$ прочимъ членамъ совѣщательнаго комитета.

$\frac{1}{12}$ на покрытіе всѣхъ прочихъ расходовъ по управленію и на усиленіе прибыли.

Часть комиссіи, приходящаяся поэтому на усиленіе прибыли, весьма незначительна, а если принять еще въ соображеніе, что при значительныхъ оборотахъ чужими капиталами ейленбургское общество принуждено имѣть постоянно довольно значительныя суммы безъ употребленія въ кассѣ, то объясняется, почему дивидендъ, платимый этимъ обществомъ, такъ низокъ. Г. Шульце совѣтуетъ поэтому назначать лучше комиссіонный процентъ нѣсколько выше, такъ какъ дивидендъ служить лучшею приманкой для капитализаціи.

Другой способъ опредѣленія вознагражденія въ процентѣ чистой прибыли, которая опредѣляется вычетомъ изъ валовой цифры прибыли, суммы процентовъ, слѣдующей кредиторамъ (вкладчикамъ общества), и прочихъ расходовъ по управленію. При этомъ однако необходимо имѣть въ виду при вычетѣ процентовъ, слѣдующихъ кредиторамъ, капитальные участки членовъ, иначе дивидендъ можетъ увеличиться безъ увеличенія оборотовъ дѣла. — Положимъ напримѣръ, что общество начинаетъ свое дѣло съ оборотнымъ капиталомъ въ 10,000 талеровъ, добытымъ путемъ вкладовъ, за которые оно должно платить вкладчикамъ 5%. Само оно взимаетъ за ссуды 5% роста и 5% комиссіи, т. е. получаетъ всего 1000 талеровъ прибыли, изъ которой (не говоря о расходахъ по управленію) слѣдуетъ вычесть для полученія чистой прибыли 500 талер., причитающихся вкладчикамъ. Если впослѣдствіи окажется собственнаго капитала членовъ общества на 5000 талеровъ, такъ что при такихъ же оборотахъ и при томъ же оборотномъ капиталѣ—общество все же будетъ получать 1000 тал. валовой прибыли, то изъ этой цифры придется вычитать уже не 500, а только 250 талеровъ вкладчикамъ, такъ какъ чужіе вклады уменьшились на 5000 тал., и по-

тому чистая прибыль при тѣхъ же оборотахъ оказывается, по-видимому, не 500, а 750 талеровъ. Само собою поэтому разумѣется, что изъ этой цифры, для опредѣленія дѣйствительной чистой прибыли, слѣдуетъ вычесть еще процентъ, причитающійся на собственный капиталъ членовъ, даже если онъ имъ и не выплачивается отдѣльно, а въ дѣйствительности включается въ общій счетъ дивиденда. Поэтому необходимо или дѣйствительно вести отдѣльный счетъ процентовъ и дивиденда по участковымъ капиталамъ членовъ, или, въ случаѣ соединенія въ дѣйствительности процентовъ съ дивидендомъ, принимать въ расчетъ по участковымъ капиталамъ обыкновенный мѣстный % при опредѣленіи чистой прибыли, изъ которой отчисляется вознагражденіе служащимъ. Ейслебенское общество поступаетъ слѣдующимъ образомъ. Изъ валовой прибыли вычитается прежде всего сумма процентовъ, слѣдующихъ вкладчикамъ, и кромѣ того по 5% на всѣ участковые капиталы членовъ, затѣмъ еще откладывается часть въ резервный капиталъ, остальное дѣлится на двѣ половины, одна половина идетъ на дивидендъ, а другая половина на жалованье кассиру и управляющему, изъ чего первый получаетъ $\frac{3}{5}$, а послѣдній $\frac{2}{5}$.

Наконецъ, въ-третьихъ, можно еще просто назначать вознагражденіе въ извѣстномъ процентѣ валоваго дохода, что весьма облегчаетъ счетоводство. Если притомъ плата за ссуду подраздѣляется на проценты и на комиссію, то въ результатъ расчета получается совершенно тоже, какъ и выше, только съ меньшимъ трудомъ. Такъ, напримѣръ, въ делицшскомъ обществѣ положено взимать по ссудамъ 5% роста и $\frac{1}{4}$ % въ мѣсяцъ комиссіи, т. е. 3% въ годъ или всего 8%. При этомъ совершенно все равно, назначить ли на расходы и жалованье $\frac{1}{4}$ валовой прибыли или $\frac{2}{3}$ чистой прибыли. Одна четверть 8% составляетъ 2% и двѣ трети комиссіи 3% составляетъ тоже 2%, — какъ ни разсчитывать въ обоихъ случаяхъ, изъ всей прибыли остается 6% на уплату процентовъ по вкладамъ и на дивидендъ и 2% на расходъ по управленію. Изъ этихъ 2%, т. е. четверти валовой прибыли, уплачивается прежде всего жалованье разсыльнаго и прочіе расходы по управленію, затѣмъ $\frac{1}{2}$ отсчитывается предсѣдательствующему въ вознагражденіе, а въ остальномъ дѣлятся кассиръ и контролеръ, первый получаетъ $\frac{2}{3}$, а второй $\frac{1}{3}$ этого остатка, потому что дѣла и отвѣтственность, лежащія на первомъ, гораздо значительнѣе. По-

добнымъ разсчетомъ довольны и служащіе и члены общества: первые получаютъ достаточное вознагражденіе, а послѣднимъ остается значительный дивидендъ. Такъ, напримѣръ, въ Делишѣ въ 1858 г. чистой прибыли на сумму ссудъ въ 45,197 тал., розданныхъ срокомъ на три мѣсяца, поступило валоваго дохода 1044 талера, четверть котораго, отчисленная на расходы по управленію, составляетъ 261 талеръ. Изъ нихъ пришлось 29 талеровъ на разные матеріальные расходы, 18 талеровъ жалованья разсылному, $21\frac{3}{4}$ тал. вознагражденія предсѣдательствующему, затѣмъ оставалось $192\frac{1}{4}$ тал. на вознагражденіе кассира и контролера за четверть года; вознагражденіе это по мѣстнымъ условіямъ вполнѣ удовлетворительное, особенно если принять еще въ соображеніе, что эти лица не посвящаютъ всего своего времени на дѣла общества, а занимаются ими только въ свободное время отъ прочихъ главныхъ своихъ занятій.

Вообще можно принять за правило, замѣчаетъ Г. Шульце, что при 10% роста и комисіи можно отсчитывать $\frac{1}{3}$ на расходы по управленію, при 8%—одну четверть, но при 6—7% необходимо собственно уже болѣе четверти для достаточнаго удовлетворенія служащихъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны, едва ли останется достаточно на прочіе расходы, если отчислить болѣе четверти;—здѣсь мы находимъ такимъ образомъ границу, ниже которой процентъ и комисія уже не могутъ падать при подобныхъ обществахъ, потому что они должны доставлять достаточныя средства на уплату процента по вкладамъ, на покрытіе всѣхъ расходовъ по управленію и на дивидендъ. Такъ напримѣръ въ ейслебенскомъ обществѣ принято считать $4\frac{1}{2}$ % роста и $\frac{1}{4}$ % комисіи ежемѣсячно (2% въ годъ), что составляетъ всего $6\frac{1}{2}$ % въ годъ; еслибы здѣсь изъ валоваго дохода пришлось отчислить 2% на расходы по управленію, то осталось бы всего только $4\frac{1}{2}$ процента, т. е. принимая въ соображеніе суммы, лежащія безъ употребленія въ кассѣ, даже недостаточно для покрытія процентовъ по вкладамъ, поэтому здѣсь очевидно необходимо принять другое основаніе разсчета жалованья, и предпріятіе это вообще, только благодаря своимъ громаднымъ оборотамъ, въ состояніи при столь низкомъ % еще доставлять нѣкоторую прибыль.

Путемъ одной изъ этихъ трехъ системъ разсчета всегда возможно будетъ установить удовлетворительную пропорцію, между вознагражденіемъ служащимъ и прибылью, приходящеюся на

членовъ. Окончательно Г. Шульце отсвѣтуетъ обозначать вознагражденіе служащимъ въ $\%$ отъ суммы розданныхъ ссудъ, потому что доходъ при этомъ, чрезвычайно измѣнчивъ, смотря по сроку ссуды. Такъ напримѣръ при раздачѣ въ ссуду 5000 тал. на три мѣсяца, касса получаетъ по 10% 125 талеровъ, если же они розданы только на одинъ мѣсяцъ, тогда касса получаетъ всего $41\frac{2}{3}$ талера. Въ обоихъ случаяхъ между тѣмъ цифра выданныхъ ссудъ одинакова — поэтому если обозначать вознагражденіе служащихъ въ $\%$ отъ этой послѣдней цифры, то вслѣдствіе измѣнчивости, происходящей отъ того прибыли, или интересы кассы или интересы служащихъ должны потерпѣть.

Само собою разумѣется, что жалованье разсылнаго должно быть опредѣлено неизмѣнно, а не въ $\%$ съ прибыли.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о залогѣ, требуемомъ отъ служащихъ въ видѣ обезпеченія; такой залогъ особенно необходимъ со стороны кассира, чрезъ руки котораго проходятъ весьма значительныя суммы. Залогъ долженъ состоять въ деньгахъ, помѣщенныхъ въ обороты общества, или бумагахъ, переданныхъ обществу; гипотечные же залоги оказываются неудобными, особенно же для такихъ обществъ, которыя не приобрѣли корпоративныхъ правъ, такъ какъ при этомъ необходимо прибѣгать къ судебнымъ разбирательствамъ, всегда связаннымъ съ расходами и съ проволочкой.

Цифра залога, разумѣется, должна сообразоваться съ оборотами общества и съ чистыми деньгами, находящимися въ кассѣ; если кассиръ не въ состояніи внести залогъ разомъ, то можно въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускать единовременное внесеніе значительной части залога, который затѣмъ долженъ дополняться срочными взносами или вычетами изъ жалованья. Въ Делицшѣ кассиръ представилъ обезпеченіе въ 350 талеровъ, которые изъ процентовъ находятся въ кассѣ общества, и кромѣ того ежегодно изъ его жалованья откладывается по 50 тал. въ залогъ, пока послѣдній не достигнетъ цифры 600 талер., оказывающейся вполне достаточною для обезпеченія, контролеръ же представилъ обезпеченіе въ 50 талеровъ.

Для разсылнаго тоже образуется залогъ вычетомъ ежегодно отъ 2—3 талеровъ изъ его жалованья.

Жалобы и иски. Для преслѣдованія неплатящихъ судебнымъ порядкомъ, всѣ члены общества должны давать довѣренность

членамъ правленія , т. е. каждому отдѣльно , такъ чтобы въ случаѣ болѣзни или отсутствія одного, другой могъ бы явиться предъ судомъ представителемъ общества. Обыкновенно веденіе подобныхъ исковъ и представленіе жалобъ поручается кассиру. Принимая въ соображеніе необходимость, въ которую поставлены подобныя общества, производить отъ времени до времени иски судебнымъ порядкомъ, необходимо обращать особенное вниманіе на пріобрѣтеніе ими законнаго основанія тѣмъ или другимъ путемъ, для того чтобы судъ не могъ отказать имъ въ принятіи жалобы. Нѣкоторыя германскія общества, не пріобрѣтшія корпоративныхъ правъ, выдаютъ всѣ ссуды отъ имени кассира, такъ что онъ является лично кредиторомъ и потому можетъ заводить отъ своего лица искъ противъ неплатящаго, въ тоже время въ особенномъ контрактѣ, заключенномъ между кассиромъ и обществомъ, первый признаетъ себя должникомъ послѣдняго.

Ө. Тернеръ.

АВСТРІЙСКІЙ ЧИНОВНИКЪ.

У австрійскаго чиновника, какъ у цыгана, нѣтъ осѣлости. Тотъ и другой ведутъ кочующую жизнь. не имѣя ни дома, ни опредѣленнаго мѣста жительства. Когда цыганъ укралъ у соседей все, что могъ, а австрійскій чиновникъ выжалъ изъ своей должности все, что возможно было выжать, они оба переселяются на новое кочевье: цыганъ—куда ему заблагоразсудится, а австрійскій чиновникъ—чаще всего туда, куда онъ менѣе всего желаетъ отправиться.

Австрійскій чиновникъ рѣдко занимаетъ административный постъ въ городѣ или въ провинціи, къ которымъ онъ не принадлежитъ. Философы австрійской имперіи руководствуются одною мудрою аксіомою, на которой основывается вся правительственная машина ихъ. Аксіома эта—«Divide et impera» составляетъ тайну австрійской политики. Никто изъ австрійскихъ подданныхъ не получаетъ отъ правительства мѣста или должности въ своей родной землѣ: онъ имѣетъ тамъ друзей и родственниковъ, и это можетъ сдѣлать его слишкомъ нѣжнымъ въ дѣлѣ грабительства; а Австріи нужны деньги, а не друзья. Еслибы позволить итальянцу управлять въ Ломбардіи, то откуда можно было бы достать червонцевъ и шпіоновъ? Естественно, онъ старался бы пріобрѣсти любовь и довѣріе своихъ земляковъ, но правительство, которому нужно содержать постоянное войско и болѣе 500,000 чиновниковъ, предпочитаетъ червонцы любви; оно нуждается въ шпіонахъ, а не въ довѣріи. Поэтому венгерскій Радецкій долженъ высасывать золотую влагу изъ жилъ Ломбардіи, какого бы количества слезъ и крови это ни стоило; богемскій Видингрецъ долженъ управлять въ Венгріи; гарнизонъ славонцевъ—стоять въ какой нибудь Силезской крѣпости; военный—быть судьей надъ невоенными; совѣтъ вельможъ—заботиться объ интересахъ плебеевъ; неженатый священникъ—рѣшать брачныя дѣла.

У австрійскаго чиновника нѣтъ осѣлости. Едва онъ добился мѣста, какъ уже всѣ его старанія направляются къ тому, чтобы опять убраться оттуда. Свободы у него меньше, чѣмъ у кого бы то ни было въ городѣ. Онъ не смѣетъ сдѣлать ничего

даже невиннаго, къ чему можетъ привязаться какое нибудь подозрѣніе. Онъ не смѣетъ посѣщать своихъ товарищей по службѣ, потому что это отзывается заговоромъ, не смѣетъ предложить начальнику щепотку нюхательнаго табаку, потому что это похоже на взятку. Если онъ служить въ казначейскомъ отдѣленіи, то не долженъ имѣть тамъ своимъ сослуживцемъ ни отца, ни брата, ни дальняго родственника, во избѣжаніе потворства. Австрійское правительство имѣетъ самое дурное мнѣніе о членахъ своей бюрократіи и держится правила, что «всякій считается воромъ, пока не будетъ доказано противное.» Если чиновникъ принадлежитъ къ числу незначительныхъ, то онъ долженъ умирать съ голоду; если это одинъ изъ высшихъ чиновниковъ, то онъ окруженъ роемъ низшихъ, которые ждутъ его мѣста, какъ вороны ждутъ труна, на которомъ сидятъ коршуны.

Когда подобное мѣсто опрастывается, то такая подымается суматоха. Что за шопотъ, что за пожиманіе плечами, что за предположенія и интриги, что за надежды, волненія и разочарованія въ толпѣ людей, жаждущихъ упразднившейся вакансіи! Съ раннего утра жена кандидата, если она молода, или его дочери, если онъ хороши собою, ходятъ изъ одного отдѣленія въ другое для пріобрѣтенія голосовъ въ его пользу. Онѣ разсыпаются въ вѣдливостяхъ и общаніяхъ; онѣ проливаютъ слезы и неоднократно повторяютъ одну и ту же повѣсть о семейныхъ несчастіяхъ. Впрочемъ съ различными варіаціями въ узорѣ и направленіи разсказа, смотря по надобности. Сантиментальная съ притѣливыми, унижаясь предъ гордыми, говоря о своей бѣдности людямъ богатымъ и о быстромъ увеличеніи семейства — холостякамъ, — прекрасныя просительницы всегда заключаютъ свою рѣчь неизмѣнными формулами — «великодушный покровитель» — «справедливый цѣнитель малѣйшихъ заслугъ» — «ваше большое вліяніе» — и «вѣчная благодарность.» Случается, что кандидатъ отпираетъ небольшой сундукъ, гдѣ, не смотря на множество брестинъ и докторскихъ счетовъ, ему удалось сохранить нѣсколько вещей изъ — семейнаго серебра, достаетъ оттуда серебряную канделябру, заворачиваетъ ее въ мягкую бумагу и посылаетъ къ важнѣйшему изъ избирателей человеку безкорыстному, котораго онъ не думаетъ подкупать, стараясь только намекнуть ему на справедливый выборъ. Изъ этой суматохи вынутываются хорошо только два человѣка: главный избиратель, котораго все стараются задобрить, и восторжествовавшій кандидатъ, впрочемъ за исключеніемъ того случая, когда этому послѣднему мѣсто обошлось дороже, чѣмъ оно стоитъ, какъ это перѣдко бываетъ въ склонной къ подкупамъ корыстолюбивой Австріи.

Австрійскій чиновникъ есть ни что иное, какъ одушевленная пишущая машина; потому что въ Австріи ничего не говоритъ

и не дѣлается; тамъ все пишется. Одному небу извѣстно, что всѣ они пишутъ и куда поступаетъ наконецъ это огромное количество стопъ; но каждый пишетъ отъ девяти часовъ утра до поздней ночи, круглый годъ одинаково. Наклонясь надъ своими конторками, съ черными пальцами, угрюмыми взглядами и самою мрачною скукой, безъ всякой надежды на повышеніе, они сидятъ и пишутъ, пока умъ ихъ не потускнѣетъ и руки не откажутся служить; голова ихъ, сердце и жизнь—все истощается и высыхаетъ. Въ отдѣленіи А исписаны цѣлыя стопы форматной бумаги; для отдѣленія В сдѣланы дубликаты ихъ; эти дубликаты въ свою очередь скопированы для регистратуры; съ копій снята копія для канцлера, экстрактъ изъ подлинной бумаги имѣетъ быть посланъ въ отдѣленіе Д; копія съ копій и дубликатъ ея должны быть опять тщательно написаны на форматной бумагѣ и препровождены въ такъ называемую придворную палату—«*Hofkammer*». Тамъ опять все пишется, копируется, вносится въ регистръ, нумеруется и получаетъ ерлыки. Затѣмъ бумаги кладутся въ какомъ нибудь шкапу въ подлежащія клѣтки, по большой части истачиваются червями и предаются забвенію.

Проработаетъ цѣлый годъ отъ 1-го января до 31 декабря надъ писаніемъ того, что читать никто и никогда не будетъ имѣть надобности, чиновникъ долженъ удѣлить одиень день на собственноручное пополненіе пробѣловъ, оставленныхъ въ печатной формѣ, именуемой «*Comptabilitäts Tabelle*». Тамъ онъ долженъ написать отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1) Имя, лѣта, мѣсто рожденія? 2) Какого вѣроисповѣданія? 3) Гдѣ и чему обучался, на какихъ языкахъ говорить и какими обладаетъ способностями? 4) Когда поступилъ на службу Его Величества? Какія проходилъ должности и въ какой состоитъ теперь, пиша эту сокращенную автобіографію? 5) Женатъ, холостъ или вдовъ, имѣетъ дѣтей или нѣтъ? 6) Есть ли у него какое нибудь особое имущество?

На этотъ послѣдній вопросъ отвѣчаютъ правдиво только очень бѣдные люди: правительство не даетъ пенсій вдовамъ и сиротамъ лицъ, имѣющихъ двадцать ливровъ собственнаго годового дохода, и потому, естественно, очень не многіе чиновники признаются, что обладаютъ какимъ нибудь, даже самымъ незначительнымъ, имуществомъ. Винзу формы оставлена графа подъ невиннымъ заглавіемъ — «особое примѣчаніе». Въ ней непосредственный начальникъ чиновника тайнымъ образомъ вписываетъ свое личное мнѣніе о человѣкѣ, который во всѣхъ предыдущихъ отвѣтахъ старался представить себя, по возможности, съ самой выгодной стороны. Это мнѣніе никогда не бываетъ открытымъ; напротивъ того, оно скрывается такъ тща-

тельно, что чиновникъ никогда не знаетъ, что думаетъ о немъ его начальникъ и какой отзывъ онъ даетъ о немъ высшему начальству. «Особое примѣчаніе» служитъ справкою для вышнихъ чиновниковъ: это тѣнь замѣченнаго лица, которая неслышную стопою слѣдуетъ за нимъ повсюду и растетъ позади его, мрачно и грозно, въ ту минуту, когда онъ стоитъ на солнечномъ свѣтѣ своихъ надеждъ на повышеніе. Неблагопріятное «особое примѣчаніе» есть камень преткновенія для всякаго австрійскаго бюрократа; онъ не можетъ перебраться чрезъ эту преграду, за исключеніемъ того случая, когда въ состояніи перескочить чрезъ самаго примѣчателя и такимъ образомъ помѣняться съ нимъ мѣстомъ и обязанностями.

Однакоже, не смотря на всѣ эти непріятности и отсутствіе жалованья въ первые годы службы, казенное мѣсто составляетъ предметъ большихъ искательствъ и достается съ великимъ трудомъ. Мытарства, которыя должно пройти для достиженія его, тоже не легки. Ни въ Венгріи, ни въ Богеміи, ни въ Кромъ, ни въ Каринтіи, никто не можетъ получить короннаго мѣста, если онъ не прошелъ курса латинскаго языка, философіи, логики и точныхъ наукъ. Это не потому, что отъ него когда нибудь можетъ потребоваться примѣненіе этихъ познаній къ дѣлу, а потому что уже такъ установлено. Курсъ продолжается восемь лѣтъ,—срокъ, предписанный правительствомъ, какъ рѣшительно необходимый для довершенія образованія будущаго чиновника. И когда, послѣ этихъ восьми лѣтъ тяжелаго ученія, послѣ безчисленныхъ подарковъ и припошеній, лести, поклоновъ и заискиваній, служащихъ средствомъ для полученія должности, молодой человекъ наконецъ втерся въ службу,—то что онъ для правительства? Неболѣе какъ смѣтливый и обладающій хорошимъ почеркомъ малый для бакалейнаго торговца. Даже и того менѣе: бакалейный торговецъ платитъ смѣтливому малому за его труды, а отеческое правительство и не думаетъ о подобномъ излишествѣ. Никто не можетъ надѣяться поступить на службу, если ожидаетъ чего нибудь болѣе кромѣ чести быть допущеннымъ къ ней единственно ради любви и надежды будущаго блаженія! Это отеческое правительство, этотъ національный торговецъ, у котораго всѣ товары бумажные,—бумажныя сеймы, бумажная конституція, бумажныя деньги, бумажная реформа, бумажный нейтралитетъ, бумажная амнистія,—водитъ своего высокоученаго кандидата нѣсколько дольше, чѣмъ Лаванъ водилъ Іакова, ожидавшаго его дочери. Онъ можетъ служить десять, пятнадцать даже и двадцать пять лѣтъ въ ожиданіи своей Рахили—мѣста съ жалованьемъ.—И однако же это мѣсто болѣею частію оказывается Ліею.

По спрашивается: какимъ образомъ ухитрится правительство

находить такъ много лицъ служащихъ *gratis*? Или въ Австріи служба вообще безвозмездна? Или, быть можетъ, тамъ чиновникъ получаетъ отъ мясника, хлѣбника и портнаго натурою столько, сколько стоятъ его труды, посвящаемые государству? — Не совсѣмъ такъ. Отеческое правительство, умѣющее заставлять своихъ союзниковъ сражаться за него безъ всякаго вознагражденія, довольно смыслено для того, чтобъ обезпечивать содержаніе своихъ чиновниковъ имуществомъ ихъ отцовъ. Отцы платятъ своимъ сыновьямъ за службу ихъ государству. Отецъ претендента на званіе чиновника долженъ дать правительству обязательство — снабжать своего сына всѣмъ необходимымъ для содержанія молодаго человѣка, если правительство съ своей стороны великодушно приметъ въ свое распоряженіе время и дѣятельность кандидата, и дастъ ему въ послѣдствіи какое нибудь мѣсто. Срокъ для прекращенія такого неопредѣленнаго положенія зависитъ отъ «воли императора».

Просьба о принятіи въ службу обыкновенно пишется въ такомъ родѣ: «почтительнѣйшій нижеподписавшійся, прилагая при семъ свидѣтельства: *sub litera A* — о рожденіи и крещеніи, *sub literis B. C. D. E* — о томъ, что онъ обучался съ хорошими успѣхами, проходилъ курсъ философіи, а также слушалъ законы; медицинское *sub litera F* о успѣшномъ привитіи оспы; и письменное обязательство *sub litera G*, изъ коего видно, что онъ имѣетъ отца, желающаго давать ему до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ мѣсто съ жалованьемъ еженедѣльную стипендію — столько-то, — всепокорнѣйше просить высокородную и достоуважаемую палату осчастливить его безцѣнною милостію, принявъ его въ число сверхштатныхъ писцевъ въ такую-то канцелярію. Если нижеподписавшій удостоится вниманія къ его просьбѣ, то онъ готовъ подвергнуться обычному испытанію въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.»

Замѣтьте, что проситель говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ единственнаго числа. Это составляетъ одну изъ многихъ особенностей австрійскаго officialнаго слога. Третье лицо единственнаго числа обыкновенно употребляется въ Австріи для выраженія презрѣнія. Сановникъ, обращаясь къ частному лицу, господину къ слугѣ, судя къ преступнику, называетъ его *онъ*. Поэтому и покорнѣйшій проситель долженъ усвоить ту же самую формулу, говоря о своей недостойной личности высокородной придворной палатѣ. По полученіи благопріятной резолюціи на эту самоуничижительную просьбу, кандидатъ поступаетъ на испытаніе въ канцелярію, непремѣннымъ членомъ которой онъ надѣется сдѣлаться въ послѣдствіи. Здѣсь онъ научается подслуживаться своему начальнику въ приличныхъ officialныхъ формахъ, писать сбивчивыя бумаги о предметахъ, о которыхъ не имѣетъ ровно ни-

какого понятія; дѣлать копія, цѣлыя стопы копій и недостойныхъ подлинныхъ бумагъ собственнаго произведешя и, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ такихъ трудовъ, испытывается директоръ, который не спрашиваетъ его ни о чемъ, но даетъ ему первый аттестатъ, основанный на рекомендаціи непосредственнаго начальника. Этотъ первый аттестатъ доставляетъ бѣдному смиренному юношѣ право написать другое прошеніе, въ которомъ онъ увѣдомляетъ палату о своихъ успѣхахъ и выражаетъ пламенное желаніе быть исключеннымъ изъ списка сверхштатныхъ и сдѣлаться штатнымъ.

Достигнувъ вершины своихъ стремленій, юноша одѣвается въ полный парадъ и въ девять часовъ утра идетъ въ канцелярію для произнесенія вѣрноподданической присяги его императорскому, королевскому, апостолическому величеству. Тамъ собираются всѣ его сослуживцы съ озабоченными лицами. По срединѣ комнаты, на столѣ, стоятъ двѣ восковыя свѣчи и распятіе, и новичекъ, подойдя къ столу, медленно повторяетъ за своимъ начальникомъ присягу, которая, въ сущности, есть ни что иное, какъ торжественное обѣщаніе рано вставать, скоро писать, никогда не открывать служебныхъ тайнъ, и быть неподкупнымъ вообще и въ частности.

Первое обѣщаніе выполняется легко; чѣмъ раньше онъ встаетъ и уходитъ изъ дому, тѣмъ скорѣе избавляется отъ преслѣдованія своихъ докучателей; потому что австрійскаго чиновника безъ жалованья постоянно осаждаютъ кредиторы. Второе обѣщаніе онъ исполняетъ вслѣдствіе навыка. Кто не сдѣлается опытнымъ скорописцемъ, пиша каждый день съ утра до ночи? Третье обѣщаніе никто не проситъ нарушать, такъ какъ никто не интересуется тѣмъ, что онъ пишетъ въ теченіи своего скучнаго дня; официальные секреты, если у него есть таковыя, совершенно безопасны отъ всякаго посторонняго любопытства. Что же касается до четвертаго обѣщанія, то оно никогда не выполняется. Австрійскій чиновникъ принимаетъ все: деньги и галантерейныя вещи, игрушки для своего маленькаго сына и подарки для своей жены; окорока и языки; билеты въ оперу и ложи въ театрѣ, — въ вознагражденіе за которые онъ можетъ помочь дарителю на какомъ нибудь скользкомъ пути, своротивъ его съ прямой дороги на излучистую тропинку, ведущую къ юридической безопасности и къ нравственной паглотни. Иногда при этомъ страдаетъ правительство съ его интересами, и выгода одной стороны вознаграждаетъ за потерю другой. «*Donis via semper aperta est*» — такова невидимая надпись на присутственныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ Австріи. Давать и принимать взятки запрещено, и дающій взятку рискуетъ столько же, сколько и принимающій ее; но тотъ и другой, дѣйствуя про

ворно и усдовливаясь сообщая о времени и способахъ, обыкновенно успѣваютъ спрятать концы въ воду.

«Не хвали дня, пока онъ не кончился,» говоритъ пословица. Пародируя ее, австрійскій чиновникъ руководствуется правиломъ: и не осуждай правительства, пока не избавишься отъ него, т. е. пока не умрешь. Впрочемъ даже и тогда отеческое правительство вмѣшивается, чтобы позаботиться не о дѣтяхъ и сиротахъ умершаго чиновника, а о вещахъ болѣе цѣпныхъ, именно о его движимомъ и недвижимомъ имуществѣ. Оно поручаетъ какому нибудь должностному лицу сдѣлать опись всѣмъ оставшимся послѣ чиновника вещамъ, а въ особенности поискать денегъ. Если таковыя найдутся, — случай, который встрѣчается такъ же рѣдко, какъ рѣдко можно увидѣть бѣлаго слона въ Европѣ, — то вдова и сироты должны удѣлить отъ нихъ часть правительству, потому что оно бываетъ сопаслѣдникомъ вездѣ, гдѣ открывается формальное наслѣдство. Затѣмъ то же самое мудрое и либеральное правительство отказываетъ вдовѣ и сиротѣ въ пенсіи, если найденъ частный доходъ въ двадцать ливровъ. Если не найдено ничего и если чиновникъ состоялъ болѣе десяти лѣтъ на службѣ и болѣе трехъ лѣтъ въ узахъ супружества, то правительство даетъ его семейству ежегодную пенсію въ десять или двадцать ливровъ. Если онъ служилъ менѣе этого срока, или былъ женатъ только два года и три четверти, то пенсія не дается.

Но посмотримъ, пѣтъ ли свѣтлой стороны? Если чиновникъ умеръ несостоятельнымъ, то скорбящая вдова можетъ утѣшиться. Она имѣетъ пенсію. Ея мужъ, домъ, любовь, независимость — все ушло, но сама она должна остаться. Правительство купило ее. Она сдѣлалась собственностью его и не можетъ оставить мѣсто своего пребыванія, если не хочетъ лишиться пенсіона. Австрія превращаетъ свои бумажныя деньги въ цѣпи, которыми она удерживаетъ несчастную вдову. Взгляните на эту протегее правительства: она одѣта въ изношенное черное платье сомнительнаго наименованія; на головѣ ея черная шляпка съ длинною черною вуалью, бывшая свидѣтельницею лучшихъ дней ея, на рукъ у ней виситъ длинный черный ридикулъ, на блѣдныхъ губахъ ея — длинный рассказъ о лишеніяхъ и бѣдности. Таковъ портретъ ея въ ту минуту, когда она, чрезъ каждые три мѣсяца, идетъ получать свой жалкій пенсіонъ, представивъ удостовѣреніе приходскаго священника въ томъ, что она жива, что это она сама, а не кто другой. Такой видъ имѣетъ же она и тогда, когда обходитъ въ новый годъ начальниковъ и товарищей своего покойнаго мужа и тѣхъ чиновъ императорской фамиліи, которые наиболѣе извѣстны своею благотворительностію. При этихъ годовыхъ случаяхъ она хлопочетъ о розыгрышѣ своего шитья или какихъ нибудь бездѣлокъ въ доттерю и считаетъ себя

счастливою, если ея старанія дадутъ ей возможность купить лишнее полѣно для своей печи, или фунтъ мяса для своего бульона. Такъ она влечить свою томительную жизнь, едва избѣгая бѣдствія, позора и униженія совершенной нищеты.

Такова карьера австрійскаго чиновника; и эта характеристика одинаково примѣнима ко всѣмъ должностнымъ лицамъ австрійской службы, гражданскимъ и военнымъ, подъ какимъ бы наименованіемъ они ни служили. Всегда и вездѣ жалованье ихъ такъ скупо, такъ рѣшительно не соотвѣтствуетъ ихъ потребностямъ, что они вынуждены необходимо употреблять всѣ свои способности и энергію на добываніе денегъ всякими средствами, находящимися въ ихъ власти. И они дѣйствительно пользуются своимъ служебнымъ положеніемъ и вліяніемъ, чтобы вынудить взятку и прикрыть виновныхъ. Тамъ, гдѣ всѣ испорчены, кто станетъ обнаруживать преступленіе?

Это слишкомъ вѣрное изображеніе австрійскаго чиновника можетъ служить ключомъ къ раскрытію тайны тѣхъ огрѣшихъ злоупотребленій, которыя въ послѣднее время обнаружались въ австрійской администраціи. Какъ они ни поразительны, но люди знакомые съ тайными продѣлками австрійской бюрократіи могутъ только удивляться какимъ образомъ могли открыться эти злоупотребленія: до того хитро сплетена и до того велика сѣть плутовства и интриги, опутавшая австрійскую правительственную систему.

О ПОЭЗИИ.

Поэзія никогда, можетъ быть, не подвергалась столь сильной опасности утратить свой вѣсъ и свою самостоятельность, какъ въ настоящее время. Съ одной стороны высоко повсюду поднимшіеся и животрепещущіе общественные интересы овладѣваютъ все болѣе и болѣе ея сферой и стремятся сдѣлать ее своею послушною служительницею; съ другой даже твердые умы, не видя уже давно въ поэтическихъ произведеніяхъ современности того высокаго, самостоятельнаго значенія, какое имѣла поэзія въ прежнія и даже еще недавнія времена, приходятъ, наконецъ, къ заключенію, что разумъ человѣческій уже не можетъ удовлетворяться въ наше время продуктами фантазіи, что болѣе прямое и чистое служеніе идеямъ разума и прогресса есть истинное призваніе нашего вѣка; однимъ словомъ, что время чистой поэзіи прошло безвозвратно. Если нѣкоторые изъ нихъ еще скорбятъ объ этомъ невозвратномъ прошломъ, то скорбь ихъ похожа уже на тихую, но спокойную грусть взрослого человѣка, который иногда съ любовію и сожалѣніемъ воспоминаетъ о золотомъ времени своей юности, но зная невозвратность его и всѣми силами души преданный разумнымъ интересамъ мужескаго возраста, даже не позволяетъ и мечтать себѣ о воскрешеніи этого пропалаго.

Въ нашей литературѣ напримѣръ еще до сихъ поръ сохраняется болѣею частію нишующихъ людей обычай, разсуждая вообще о поэзіи, принимать всегда сторону поэзіи чистой, не служащей прямымъ практическимъ цѣлямъ или ближайшимъ общественнымъ вопросамъ; но это давно уже только пустой обычай, сила и значеніе котораго утрачены и который соблюдается только потому, что ни у кого не достаетъ откровенной смѣлости явно протестовать противъ него. Впрочемъ въ попыткахъ даже и этого рода не было у насъ недостатка, но они почему-то мало нашли себѣ сочувствія.

Искренними защитниками чистой поэзіи остаются у насъ лишь немногіе люди, съ врожденнымъ вкусомъ, который они успѣли воспитать и образовать въ то время, когда жажда громкой общественной дѣятельности еще не охватила въ нашей литературѣ всѣ умы и когда еще свѣжи были впечатлѣнія недавно угасшихъ высокихъ поэтическихъ дѣятелей. Голоса этихъ безкорыстныхъ служителей поэзіи еще раздаются и понынѣ въ нашей литературѣ, но къ сожалѣнію все рѣже и рѣже и притомъ доводы ихъ въ защиту поэзіи начинаютъ повторяться, держась исключительно около извѣстныхъ уже давно началъ, между тѣмъ, какъ громкія и непрерывно обновляемыя требованія нападающихъ тѣснятъ ихъ со всѣхъ сторонъ.

Признаемся, мы были бы поставлены въ немалое затрудненіе, если бы отъ насъ потребовали положительнаго и прямого отвѣта, на сторону которой изъ этихъ двухъ партій мы становимся. Сила, жизнь, требованія вѣка безспорно на сторонѣ нападающихъ на поэзію, или собственно не на поэзію, но на тѣ задачи ея, которыя принято было до сихъ поръ считать ея исключительными, законными задачами. Требовать, чтобы поэзія стала въ уровень съ интересами вѣка или, по крайней мѣрѣ, чтобы она возобновила свои нѣсколько потемнѣвшія права на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду движущихъ человѣчество началъ—противники поэзіи безъ сомнѣнія въ правѣ. Въ этомъ даже польза для самой поэзіи, ибо то только и живетъ полною жизнью, что борется за свои начала и въ этой борьбѣ успѣваетъ обновить и очистить ихъ. Съ другой стороны нельзя скрыть, что вмѣстѣ съ отвагою на сторонѣ нападающихъ довольно и неразумія. Защитники поэзіи очевидно зрѣлѣе ихъ, міросозерцаніе ихъ цѣльнѣе и полнѣе такъ, что въ немъ укладывается большее количество интересовъ, достойныхъ человѣка; на ихъ сторонѣ болѣе вкуса; они, наконецъ правѣе, говоря вообще, потому что стоятъ за вѣчное начало, допустить гибель или совершенное подчиненіе котораго значить поколебать равновѣсіе между важнѣйшими способностями души человѣческой и пустить въ дальнѣйшій историческій ходъ нецѣльнаго человѣка. Но, сколько намъ кажется, защитники у насъ поэзіи не могутъ противопоставить своимъ противникамъ ничего твердо теоретическаго, руководствуясь въ своей борьбѣ за поэзію лишь смутнымъ чувствомъ изящнаго. Не отсюда ли происходитъ ихъ робость предъ анализомъ, который законно и неудержимо стре-

мится проникнуть въ самыя глубокіе тайники поэзіи и тамъ открыть тѣ же, управляющіе всѣмъ міромъ, естественные законы? Не потому ли таинственная прелесть по преимуществу лирической поэзіи и т. п., весь этотъ младенческій лепетъ ея составляютъ ихъ главнѣйшія и почти единственныя тѣмы при разсужденіяхъ о достоинствѣ поэзіи? Но развѣ они не чувствуютъ, что стараясь укрыть ее отъ заразительнаго дыханія жизни, трепещущей высшими интересами, ограничивая такъ тѣсно сферу поэзіи, упорно отрицая всѣ попытки ея расширить свою область и охватить все существенно интересное для человѣка въ жизни, они тѣмъ самымъ подрываютъ довѣріе къ поэзіи, представляя ее людямъ дѣятельной борьбы и жизни какъ бы чѣмъ-то вѣчно младенчающимъ и недостойнымъ стать на ряду съ серьезными гражданскими и другими интересами? Главнѣйшая ошибка нашихъ защитниковъ частой поэзіи заключается въ томъ, что они, при разсужденіяхъ о поэзіи, упускаютъ изъ виду всю широту ея области и не полагаютъ достаточно рѣзкаго различія между степенью значенія различныхъ родовъ ея. Поэзія, начинаясь съ вѣрнаго, живаго и гармоническаго воспроизведенія извѣстнаго момента въ личной жизни души поэта, простирается до выраженія цѣлаго цикла въ человѣческомъ мышленіи, охватывающаго жизнь духа въ теченіи многихъ столѣтій. И какое нибудь стихотвореніе Фета и Божественная комедія Данта или оригинальное міросозерцаніе Шекспира равно принадлежать къ области поэзіи, суть равно произведенія творческой фантазіи; но существуетъ безконечная цѣпь промежуточныхъ звеньевъ между этими двумя крайними степенями творческой дѣятельности.

Трудно, конечно, указать съ точностью то общее начало, которое проникаетъ всѣ столь безконечно различныя ступени поэзіи, но въ этомъ состоитъ существенная надобность, въ этомъ только и можетъ состоять настоящая защита поэзіи въ наше время. Потребность новыхъ началъ для расширяющейся все болѣе и болѣе области поэзіи, несостоятельность устарѣвшихъ эстетическихъ теорій, чувствуется въ наше время весьма многими. Даже въ нашей литературѣ сдѣланы были въ послѣднее время двѣ попытки новыхъ теорій поэзіи, о которыхъ умолчать мы не считаемъ себя въ правѣ, имѣя въ виду разсуждать о томъ же предметѣ. Первая изъ этихъ теорій принадле-

жить г. Чернышевскому *. Собственно говоря, это не теорія поэзіи, но теорія вообще изящныхъ искусствъ, съ которыми общую участь дѣлится и поэзія. Но, представляя довольно основательную или по крайней мѣрѣ остроумную критику нѣмецкихъ теорій изящнаго вообще, книга г. Чернышевскаго оказывается вполне несостоятельною при изысканіи новыхъ началъ для теорій изящнаго. Достаточно сказать, что главнѣйшую задачу искусствъ, а въ томъ числѣ и поэзіи, г. Чернышевскій находитъ въ подражаніи дѣйствительности во всей ея жизненной полнотѣ, которая, какъ само собою разумѣется, останется всегда въ этомъ отношеніи недостижимымъ идеаломъ для искусствъ; съ другой стороны творческую дѣятельность духа человѣческаго, выразившагося въ безчисленныхъ произведеніяхъ фантазіи, г. Чернышевскій смѣшиваетъ съ ремесленнымъ умѣньемъ. Этихъ двухъ положеній достаточно, чтобы избавить насъ отъ обязанности серьезно обсуждать книгу г. Чернышевскаго, которая очевидно написана имъ торопливо, безъ живаго и глубокаго участія къ дѣлу и къ которой, вѣроятно, опъ и самъ въ настоящее время не придаетъ никакого значенія, обративъ свою дѣятельность на другіе вопросы, болѣе соответствующіе его призванію.

Совсѣмъ иное дѣло теорія поэзіи г. Каткова. ** Авторъ, правдальшишь намекнулъ на новыя начала, полагаемые имъ въ основаніе своей теоріи поэзіи, и по самому предмету своей статьи не могъ остановиться на подробномъ развитіи своихъ положеній; но и въ настоящемъ видѣ эти положенія заслуживаютъ серьезнаго обсуждения. Авторъ статьи, которая, къ крайнему сожалѣнію, осталась до сихъ поръ безъ всякаго отголоска въ нашей литературѣ, очевидно не упустилъ изъ виду высшихъ задачъ поэзіи, гдѣ онъ почти сходится съ высшими задачами философскаго мышленія; но опъ, какъ кажется, также не нашелъ ключа къ вѣдому уразумѣнію всей поэтической области и потому, твердо укрѣпившись на одномъ родѣ поэзіи, пришелъ къ логической необходимости исключить изъ своей теоріи всю лирическую поэзію, назвавъ ее родомъ еще неустановившимся, т. е., иными словами, неуловимымъ въ своихъ законахъ для теоріи. Основное положеніе г. Каткова, что *поэзія есть то же что мышленіе*, есть плодъ мысли зрѣлой и строгой, но въ то же время нѣсколько односторонней и потому

* «Объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности.»

** «Пушкинъ,» Русскій Вѣстникъ, 1855 года.

ведущей къ неправильнымъ заключеніямъ. Здѣсь не мѣсто оставаться на подробномъ разборѣ положеній г. Каткова, но въ тоже время нельзя и не указать на слабое, по преимуществу, мѣсто въ его теоріи. Всякая дѣятельность человѣческаго духа стремится къ проявленію себя въ высшей, типической формѣ. Если бы мышленіе и поѣтическая дѣятельность были *одно и тоже*, то и типическая форма ихъ проявленія была бы одинакова. Но развѣ Шекспиръ и, положимъ, Спиноза, два великіе типа поэзіи и мышленія, одно и тоже? Не спасетъ здѣсь и оговорка, что поэзія, будучи по существу своему тождественна съ мышленіемъ, имѣетъ однако другіе предметы и другіе способы для своей дѣятельности, нежели философія. Нельзя произвольно ограничивать самостоятельную дѣятельность души человѣческой тѣми или другими предметами и ставить ей границы; она неуклонно стремится къ высшему проявленію своей дѣятельности. Если это высшее проявленіе для мышленія есть философская система, то по теоріи г. Каткова поэзія или должна перейти въ это высшее или оставаться только низшимъ родомъ философіи и слѣдовательно исчезнуть при появленіи философіи въ ея настоящемъ видѣ. Но развѣ можетъ исчезнуть или поблѣднѣть Шекспиръ предъ какою бы то ни было философскою системою!

И такъ, мы имѣемъ дѣло съ тремя паличными теоріями поэзіи, если причислить къ двумъ, сейчасъ приведеннымъ, старое германское эстетическое ученіе. Последнее еще до сихъ поръ продолжаетъ искать живое начало всѣхъ искусствъ въ таинственномъ принципѣ прекраснаго или изящнаго, не замѣчая, что само это понятіе заимствовано изъ чуждаго намъ, античнаго міра и что исключительное стремленіе къ красотѣ было лишь временное, переходящее настроеніе человѣческаго духа. Оно уже и потому не отвѣчаетъ новымъ потребностямъ времени, что упорно отстаиваетъ неразрывное единство искусствъ, между тѣмъ какъ естественная сила вещей уже давно раздѣлила ихъ по разнымъ путямъ, указавъ каждому свои собственныя цѣли и роль. Изъ двухъ русскихъ современныхъ теорій поэзіи одна, какъ уже замѣтили мы выше, почти не заслуживаетъ опроверженія, ибо совершенно упускаетъ изъ виду великое значеніе творческой фантазіи въ исторіи народовъ; появленіе ея даже не вызвано историческою необходимостью; другая, очевидно, есть стремленіе новой мысли уловить живое начало непрерывно измѣняющихся въ различныхъ историческія эпохи формъ поэзіи, объяснить

связь этихъ измѣненій съ общимъ ходомъ мышленія; но, принявъ поэзію подъ защиту мышленія, она въ тоже время лишила ее всякаго самостоятельнаго значенія въ дѣлѣ цивилизаціи и, слѣдовательно, оказало ей весьма двусмысленную услугу.

И такъ вопросъ объ общемъ началѣ всякой поэтической дѣятельности и о самостоятельномъ значеніи поэзіи въ общемъ движеніи цивилизаціи остается во всей своей силѣ. Двѣ стороны этого вопроса связаны между собой неразрывною связью. Въ наше время необходимо или отстоять поэтическую дѣятельность всю цѣликомъ, какъ начало необходимое, вѣчно и самостоятельно дѣйствующее—этимъ самымъ объяснится и роль ея въ цивилизаціи: или отдать ее на расхищеніе различнымъ другимъ, повидимому болѣе современнымъ, требованіямъ духа, и видѣть въ ней лишь нѣкоторое украшеніе настоящей цивилизаціи, украшеніе, не составляющее существенной необходимости. Какъ на нѣчто среднее въ рѣшеніи этого вопроса и потому самому неполнѣе удовлетворительное мы должны указать на одно мѣсто въ извѣстной, и во многихъ другихъ отношеніяхъ прекрасной, статіи Н-бова о «Сочиненіяхъ Островскаго». Чувствуя настоятельную необходимость опредѣлить ближе и точнѣе значеніе поэзіи въ наше время въ общемъ ходѣ цивилизаціи, авторъ дѣлаетъ попытку къ такому объясненію. Но думая, мимоходомъ, въ нѣсколькихъ словахъ, разрѣшить одинъ изъ важнѣйшихъ современнымъ философскихъ вопросовъ, онъ очевидно только затрогиваетъ самъ вопросъ и, по преднамѣренному плану, представляетъ значеніе поэзіи для нашего времени слишкомъ уже съ узкой и частичной стороны. Приводимъ это мѣсто, чтобы не обойти вниманіемъ ничего, сказаннаго объ этомъ предметѣ прежде насъ. «Въ произведеніяхъ талантливаго художника» говоритъ Н-бовъ какъ бы они ни были разнообразны, всегда можно примѣтить нѣчто общее, характеризующее всѣ ихъ и отличающее ихъ отъ произведеній другихъ художниковъ. На техническомъ языкѣ искусства принято называть это *міросозерцаніемъ* художника. И напрасно стали бы мы хлопотать о томъ, чтобы привести это міросозерцаніе въ опредѣленные логическія построенія, выразить его въ отвлеченныхъ формулахъ. Отвлеченностей этихъ обыкновенно не бываетъ въ самомъ сознаніи художника, нерѣдко даже въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ онъ высказываетъ понятія совершенно противоположныя тому, что выражается въ его худож-

* Современникъ 1859 г., № VII, стр. 32 и др.

ственной дѣятельности, — понятія, принятыя имъ на вѣру или добытыя имъ посредствомъ ложныхъ, наскоро, чисто-внѣшнимъ образомъ составленныхъ силлогизмовъ. Собственный же взглядъ его на міръ, служащій ключемъ къ характеристикѣ его таланта, надо искать въ живыхъ образахъ, создаваемыхъ имъ. Здѣсь-то находится существенная разница между талантомъ художника и мыслителя. Въ сущности, мыслящая сила и творческая способность обѣ равно присущи и равно необходимы — и философу, и поэту. Величіе философствующаго ума и величіе поэтического генія равно состоятъ въ томъ, чтобы, при взглядѣ на предметъ, тотчасъ умѣть отличать его существенныя черты отъ случайныхъ, затѣмъ правильно организовать ихъ въ своемъ сознаніи и умѣть овладѣть ими такъ, чтобы имѣть возможность свободно вызывать ихъ для всевозможныхъ комбинацій. Но разница между мыслителемъ и художникомъ та, что у послѣдняго воспріимчивость гораздо живѣе и сильнѣе. Оба они почерпаютъ свой взглядъ на міръ изъ фактовъ, успѣвшихъ дойти до ихъ сознанія. Но чловѣкъ съ болѣе живой воспріимчивостью, «художническая натура»; сильно поражается самымъ первымъ фактомъ извѣстнаго рода, представившимся ему въ окружающей дѣйствительности. У него еще нѣтъ теоретическихъ соображеній, которыя бы могли объяснить этотъ фактъ; но онъ видитъ, что тутъ есть что-то особенное, заслуживающее вниманія, и съ жаднымъ любопытствомъ всматривается въ самый фактъ, усвоиваетъ его, носитъ его въ своей душѣ сначала какъ единичное представленіе, потомъ присоединяетъ къ нему другіе, однородные факты и образы, и наконецъ создаетъ типъ, выражающій въ себѣ всѣ существенныя черты всѣхъ частныхъ явленій этого рода, прежде замѣченныхъ художникомъ. Мыслитель, напротивъ, не такъ скоро и не такъ сильно поражается. Первый фактъ новаго рода не производитъ на него живаго впечатлѣнія; онъ болѣею частию едва примѣчаетъ этотъ фактъ и проходитъ мимо него, какъ мимо странной случайности, даже не трудясь усвоить его (не говоримъ, разумѣется, о личныхъ отношеніяхъ: влюбиться, разсердиться, опечалиться — всякій философъ можетъ столь же быстро, при первомъ же появленіи факта, какъ и поэтъ.) Только уже потомъ, когда много однородныхъ фактовъ наберется въ сознаніи, чловѣкъ съ слабою воспріимчивостью обратитъ на нихъ наконецъ свое вниманіе. Но тутъ обиліе частныхъ представленій, собранныхъ прежде и непримѣтно покоившихся въ его сознаніи, даетъ ему

возможность тотчас же составить изъ этихъ общее понятіе и такимъ образомъ немедленно перенести новый фактъ изъ живой дѣйствительности въ отвлеченную сферу разсудка. А здѣсь уже прискивается для новаго понятія надлежащее мѣсто въ ряду другихъ идей, объясняется его значеніе, дѣлаются изъ него выводы и т. д. При этомъ мыслитель, — или говоря проще, человекъ разсуждающій, — пользуется, какъ дѣйствительными фактами, и тѣми образами, которые воспроизведены изъ жизни искусствомъ художника. Иногда даже эти самые образы влияют на разсуждающаго человека на составленіе правильныхъ понятій о некоторыхъ изъ явленій дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ совершенно яснымъ становится значеніе художественной деятельности въ ряду другихъ отправленій общественной жизни *: образы, созданные художникомъ, собираютъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, факты дѣйствительной жизни, весьма много способствуютъ составленію и распространенію между людьми правильныхъ понятій о вещахъ.»

Приведенный отрывокъ представляетъ, по нашему мнѣнію, прекрасный образецъ того яснаго и популярнаго, но въ тоже время поверхностнаго взгляда на вещи, который, повидимому, даетъ каждому въ руки наглядное объясненіе самыхъ глубокихъ вещей и въ тоже время въ сущности не объясняетъ ничего. Въ немъ почти справедливы и всѣ отдѣльныя мѣста и самый выводъ; но это почти портитъ все дѣло. Посмотрите въ самомъ дѣлѣ, какъ просто поставленъ и разрѣшенъ вопросъ, а между тѣмъ ясное разумѣніе истинной роли поэзіи въ ряду другихъ цивилизующихъ общественныхъ началъ и самой поэзіи, какъ особой силы духа, остается также далеко отъ читателя, какъ было прежде. Предложимъ для доказательства самая простая сомнѣнія и вопросы, невольно возникающіе въ умѣ по прочтеніи этого мѣста. Не будетъ уже говорить о слабости и совершенномъ произволѣ психологическихъ объясненій автора, (отчего это напр. въ одномъ человѣкѣ фактъ, будто бы, покоится до поры до времени безъ всякой дѣятельности, у другого же фактъ съ перваго раза возбуждаетъ известную душевную дѣятельность?) но попробуемъ разрѣшить на основаніи вышеприведенныхъ разсужденій слѣдующіе неотразимые вопросы. Какое побужденіе можетъ имѣть человекъ къ художественной дѣятельности, когда онъ результаты или выводитъ т. е. именно то, что только и пускаетъ, что бы

(*) Курьеръ въ подлинникѣ

излагать и въ ихъ положительномъ видѣ, т. е. въ формѣ мыслей, сентенцій? Остаются ли поэты поэтами только по тупому, по неспособности самимъ обсудить собранные ими матеріалы и прямо способствовать распространенію между людьми правильныхъ понятій о вещахъ? Но факты противурѣчаютъ этому предположенію; поэты по большей части въ то же время и весьма умные люди, способные излагать ясно свои мысли. Примѣромъ можетъ служить хоть Гёте, котораго заслуги даже и въ наукѣ не лишены значенія. Или они чувствуютъ неотразимое влеченіе къ проявленію своей духовной дѣятельности именно въ такой, а не другой формѣ? Въ такомъ случаѣ откуда же происходитъ подобное предпочтеніе къ низшей, болѣе темной, формѣ дѣятельности? Ко всѣмъ ли фактамъ, а если не ко всѣмъ, то къ какимъ именно, художнической натуры относятся съ болѣе живою восприимчивостью, нежели люди разсуждающіе? *Необходима* ли, наконецъ, поэзія, для жизни и развитія обществъ, какъ наука, какъ политическія формы, или только она облегчаетъ дѣло цивилизаціи, подобно тому, какъ картинки напр. способствуютъ скорѣйшему изученію азбуки? Всѣ эти неизбежныя и важныя вопросы едва ли найдутъ себѣ удовлетворительное разрѣшеніе въ изложенномъ выше ученіи Н-бова и потому мы считаемъ себя совершенно вправѣ не удовлетвориться имъ и считать главный вопросъ о значеніи поэзіи въ средѣ остальныхъ дѣятельностей человѣческаго духа и роли ея въ ряду другихъ цивилизующихъ началъ все еще не рѣшеннымъ. Рискую подвергнуться той же участи, какъ и изложенныя доселѣ теоріи, мы хотимъ однако попытаться подойти къ этому вопросу съ новой стороны, или, лучше сказать, съ самой старой. Принявъ, вмѣстѣ со многими лучшими умами, фантазію за основу всякой поэтической дѣятельности; мы попытаемся ближе опредѣлить природу этой способности человѣческаго духа, связь ея съ другими дѣятельностями души человѣческой и ихъ совокупное вліяніе на ходъ историческаго развитія. На сколько счастливо избранъ нами подобный пріемъ покажетъ дальнѣйшее изложеніе.

I.

Въ такой же точно степени, какъ человѣкъ по природѣ своей хочетъ знать вселенную, онъ хочетъ и представлять ее себѣ. Обѣ эти силы или стремленія даны ему одновременно, изъ начала,

и составляютъ равно необходимыя условія его разумнаго существа. Скажемъ болѣе : нѣтъ ни одного момента въ жизни ли частнаго лица или въ жизни цѣлаго общества , когда бы одна изъ этихъ силъ оставалось неудовлетворенною. Человѣкъ постоянно знаетъ и представляетъ себѣ по своему вселенную ; иначе какъ въ этомъ положеніи онъ не мыслимъ. Таковъ человѣкъ и дикій, т. е. живущій внѣ всякаго общества, если мы можемъ вообразить себѣ такого. Но какъ только человѣкъ вступилъ въ общество себѣ подобныхъ, онъ немедленно начинаетъ получать отъ этого общества помощь въ этихъ своихъ существенныхъ стремленіяхъ. Въ лицѣ своихъ поэтовъ общество помогаетъ восходить частному лицу до болѣе цѣльнаго и полного представленія вселенной , какъ въ лицѣ философовъ и вообще мыслящихъ людей оно помогаетъ ему возвышаться до болѣе широкаго и точнаго разумѣнія вселенной. Здѣсь, какъ и во всемъ другомъ, проявляется высокое значеніе того обмѣла услугъ, которымъ сопровождается всякій союзъ людей между собою и который увеличиваетъ въ безконечное число разъ силу и дѣятельность каждаго. Силу, влекущую человѣка восходить къ разумному и единому началу всего сущаго , оцѣплять вселенную логическими понятіями, мы называемъ разумомъ. Силу, влекущую его къ живому представленію цѣлой вселенной, мы называемъ фантазією. Не входя еще въ ближайшее опредѣленіе характера и дѣятельности фантазіи, замѣтимъ мимоходомъ, что она есть по преимуществу та сила, которая создала и держитъ языкъ — это безсознательное, но полное отраженіе картины вселенной.

Но такъ какъ душа человѣка есть одно нераздѣльное цѣлое и такъ какъ всѣ данныя въ ней силы стремятся проявлять себя непрерывно , то очевидно , что разумъ и фантазія должны дѣйствовать постоянно вмѣстѣ, оказывая другъ на друга постоянное вліяніе. Въ такомъ совокупномъ дѣйствіи мы и видимъ ихъ постоянно въ теченіи какъ жизни одного лица, такъ и въ длинной цѣпи вѣковъ, составляющихъ жизнь человѣчества. Исторія этихъ непрерывныхъ отношеній другъ къ другу фантазіи и разума, ясное указаніе плодовъ, приносимыхъ каждою изъ этихъ силъ на пользу цивилизаціи, составитъ когда нибудь въ даровитыхъ рукахъ интересную книгу, если только авторъ успѣетъ освободиться отъ господствующаго, непроизвольнаго взгляда на вещи.

Двѣ указанныя нами въ душѣ человѣческой главнѣйшія силы,

равно какъ и неразрывная связь ихъ между собою, не суть какія либо гипотезы, нужныя только для объясненія извѣстныхъ явленій. Онѣ имѣютъ твердую психологическую основу. Душа человѣческая повинуется въ своей дѣятельности тремъ слѣдующимъ главнымъ законамъ: она во 1-хъ принимаетъ и усваиваетъ получаемыя ею всякаго рода впечатлѣнія, во 2-хъ сохраняетъ навсегда разъ принятое, съ возможностью возвести его вновь къ сознанію, въ 3-хъ стремится соединить между собою такія изъ своихъ впечатлѣній, которыя или однородны по своимъ внутреннимъ свойствамъ или представляются ей въ извѣстной связи времени, при чемъ въ случаѣ воспроизведенія этихъ ощущеній къ сознанію, они возбуждаются именно въ той связи, въ какой соединены были первоначально. Первые два закона равно составляютъ и сущность логическаго мышленія и сущность фантазій, въ отношеніяхъ къ послѣднему закону и заключается ихъ существенная разница. По скольку всякое впечатлѣніе стремится сблизиться съ однородными ему, по столько оно способствуетъ обобщенію впечатлѣній, образованію понятій; по скольку впечатлѣнія сблизаются между собою, по причинѣ ихъ одновременнаго принятія или принятія въ преемствѣ времени, по столько образуются въ душѣ всѣ главныя представленія о предметахъ. Мало по малу понятія, обобщаясь все болѣе и болѣе, восходятъ до самыхъ отвлеченныхъ и такимъ образомъ оцѣпляютъ вселенную цѣлою лѣстницею подчиненныхъ другъ другу понятій. Съ своей стороны впечатлѣнія, сблизаясь все болѣе и болѣе по ихъ связи во времени, образуютъ накопецъ въ душѣ ясныя представленія, какъ отдѣльныхъ предметовъ, такъ и цѣлой картины природы. До сихъ поръ двѣ указанныя нами силы существенно различаются другъ отъ друга и дѣйствуютъ какъ бы отдѣльно; но если вспомнимъ, что во первыхъ понятія, образующіяся по другому закону, нежели представленія, могутъ однако быть сблизены и во времени, и во вторыхъ представленія предметовъ могутъ также сочетаться между собою по однородности, для образованія понятій—то сдѣлается очевиднымъ, какимъ образомъ эти двѣ различныя по своимъ началамъ дѣятельности души будутъ постоянно перепутываться и связываться все тѣснѣйшими и крѣпчайшими узами. Чтобы сказанное нами до сихъ поръ сдѣлать нагляднымъ, приведемъ примѣры. Впечатлѣніе краснаго цвѣта, принятое нашими чувствами нѣсколько разъ, на основаніи указаннаго выше закона сблизенія однороднаго, сливается въ одно цѣлое и это цѣлое,

доведенное до известной степени ясности, и составляет то, что мы мыслим подъ понятіемъ красный. Различныя качества одного и того же предмета, представляясь душѣ нашей каждый разъ въ своей совокупности, одновременно, мало по малу образуютъ нѣчто цѣлое, которое и составляетъ для насъ живое представленіе каждаго отдѣльнаго предмета. Услышавъ напр. неожиданно запахъ яблока, мы почти невольно представляемъ себѣ и его фигуру, цвѣтъ и проч. качества. Точно такая же крѣпкая связь образуется въ душѣ нашей и между впечатлѣніями постоянно наблюдаемыми въ известной преемственности времени. За ударомъ часовъ напр. мы невольно ждемъ другаго удара, если не видимъ самихъ часовъ и не знаемъ опредѣленно времени. Если же напротивъ мы смотримъ на часы во время боя ихъ, или знаемъ вѣрно, что времени только часъ, то послѣ одного удара мы не будемъ ожидать слѣдующаго. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою примѣръ того совокупнаго, смѣшаннаго дѣйствія обѣихъ, врожденныхъ душѣ человеческой силъ. Другой примѣръ подобнаго же рода. Передаваясь спокойно воспоминаніямъ прошлаго, мы переживаемъ до известной степени ясности прожитыя нами ощущенія и событія, въ томъ именно порядкѣ, какъ испытывали ихъ въ дѣйствительности; но вдругъ какой нибудь изъ этихъ прошлыхъ моментовъ возбуждаетъ нашъ умственный интересъ—внезапно прежній порядокъ нарушается и такъ называемое теченіе мыслей принимаетъ совсѣмъ иное направленіе и характеръ. Полнѣе изложеніе и доказательство этихъ основныхъ началъ опытной психологіи было бы здѣсь неумѣстно.

И такъ присутствіе въ душѣ человеческой двухъ указанныхъ нами, разнородныхъ по существу своему дѣятельностей, равно и неизбѣжную связь ихъ между собою будемъ мы считать установленными на прочныхъ психологическихъ основаніяхъ. Представляя въ сторонѣ дѣятельность мыслительную, какъ изслѣдованію съ большимъ вниманіемъ и пользующуюся лучшею ратціею, займемся теперь исключительно дѣятельностью той силы, которая призвана—хранить впечатлѣнія въ той временной связи, въ которой они ощущаются нашей душой и такимъ образомъ—доходить до цѣлаго представленія вселенной. Хотя уже и знаемъ, что обѣ эти дѣятельности находятся въ неразрывной взаимной связи, но чтобы не потерять изъ виду особенностей каждой изъ нихъ, мы должны будемъ вновь допустить

на время отдѣльную и самостоятельную дѣятельность той силы, которую называли фантазією. И такъ, въ чемъ же бы выразилась такая обособленная дѣятельность этой силы?

Выше уже было указано, какъ при исключительной помощи ея образуются вообще представленія объ отдѣльныхъ предметахъ. Но этимъ, конечно, не ограничивается самостоятельная дѣятельность сказанной силы. Не только предметы въ своей отдѣльности, но и всякая связь ихъ въ порядкѣ времени становится мало по малу все болѣе и болѣе крѣпкимъ достояніемъ души. По мѣрѣ того какъ связь явленій и предметовъ, наблюдаемыхъ въ дѣйствительности, или, что тоже, извѣстные законы внѣшнихъ явленій, усваиваются нашею душою, они дѣлаются ея второю природою. Въ этомъ именно смыслъ нужно разумѣть извѣстное выраженіе: «привычка—вторая натура» и остроумное дополненіе къ нему: «природа — первая привычка». Душа человѣческая образуетъ въ себѣ мало по малу непреодолимую потребность видѣть дѣйствительность подъ управленіемъ этихъ законовъ. Сила этой потребности такова, что въ извѣстныхъ случаяхъ мы не можемъ даже и помыслить о нарушеніи ея, безъ опасности для самой души. Всякій изъ насъ невольно улыбнется при взглядѣ на извѣстную карикатуру Гогарта, умышленно нарушающую законы перспективы; но пусть кто нибудь вообразитъ себѣ хоть на минуту, что всѣ законы перспективы нарушились въ самой дѣйствительности. Душа наша не перенесетъ такого опыта безъ страшнаго, по всей вѣроятности гибельнаго потрясенія. Но такими, безусловно необходимыми для нашей души законами оцѣплена, съ большею или меньшею крѣпостью, вся вселенная, вся доступная нашему наблюденію масса явленій. Разумъ, конечно, можетъ поправлять нѣкоторые изъ законовъ, полученныхъ нами такимъ образомъ. Такъ наука успѣла убѣдить образованныхъ между нами, что солнце стоитъ неподвижно, а земля вертится, и такимъ образомъ отказаться отъ непосредственно усматриваемаго нами, или правильнѣе, слишкомъ поспѣшно выводимаго нами. Но въ сущности общая картина природы, когда дѣло касается до живаго ея представленія, оттого не измѣнилась и языкъ — это вѣрное отраженіе цѣлаго созерцанія картины природы, еще и до сихъ поръ употребляетъ выраженія—солнце взошло, солнце закатилось. Вообще точныя, естественныя науки много измѣнили наше непосредственное созерцаніе природы. Но если точныя изслѣдованія и принуждаютъ

многое измѣнять въ непосредственно вырабатываемой картинѣ природы, то стремленіе человѣка къ цѣлому и живому представленію вселенной такъ сильно и неотразимо, что духъ человѣческій не можетъ успокоиться, пока непосредственная картина вселенной не возстановится во всей своей полнотѣ и гармоніи. Задумавъ мыслью Гумбольдта при сочиненіи «Космоса» было, безъ сомнѣнія, представить человѣчеству вселенную въ такой же полной и живой картинѣ, какою она представляется непосредственному наблюденію, картину, исправленную изысканіями и открытіями науки. Но полное осуществленіе такой задачи не подъ силу одному человѣку. Духъ цѣлаго человѣчества работаетъ неустанно и непрерывно надъ примиреніемъ этихъ двухъ требованій и въ каждую минуту находитъ все новыя и новыя задачи. Эта непрерывная работа духа выражается преимущественно въ измѣненіяхъ языка.

Мы сказали выше, что законами фантазіи оцѣплена вся вселенная, но тамъ же прибавили, законами большей или меньшей крѣпости. Дѣйствительно есть различныя степени, въ которыхъ необходимость этихъ законовъ составляетъ природу души нашей. Нарушенія всѣхъ законовъ перспективы, какъ мы замѣтили выше, не перенесла бы никакая душа; но нарушеніе законовъ гармоніи въ музыкѣ чувствуется различными людьми въ различной степени и безъ положительно разрушающаго дѣйствія. А между тѣмъ происхожденіе и тѣхъ и другихъ законовъ въ нашей душѣ имѣетъ источникомъ одну и ту же силу. Причина этой разницы заключается лишь въ различной крѣпости съ которою, отъ повторенныхъ наблюденій, залегаютъ въ нашей душѣ эти законы и отъ той обширности, въ какой прилагаются къ дѣйствительности эти законы.

И такъ душа человѣческая въ силу особаго закона, составляющаго ея основную природу, способна уже овладѣть до известной степени всею, подлежащею ея наблюденію, природой. Если припомнимъ въ самомъ дѣлѣ, что всѣ тѣ простыя, какъ будто врожденныя намъ отношенія наши къ внѣшней природѣ съ помощью которыхъ мы видимъ раздѣльно всѣ вещи, опредѣляемъ наглядно имъ мѣру, вѣсъ, цвѣтъ и т. д., однимъ словомъ, все то, что мы съ полною отчетливостію мыслимъ по отношенію къ внѣшней природѣ—есть уже готовый продуктъ многосложной и продолжительной дѣятельности этой силы, то мы поймемъ, вѣдь лишь отчасти, важность значенія ея въ жизни души.

Но пойдёмъ далѣе. Явленія и предметы, обособившись въ нашемъ сознаниі, получивъ каждое свой индивидуальный характеръ, могутъ по тому же закону души человѣческой вступать въ новыя комбинаціи. Связь разнообразныхъ впечатлѣній, получаемыхъ нашимъ сознаниемъ постоянно вмѣстѣ, образуетъ въ немъ особую группу, которая и называется представленіемъ извѣстнаго предмета. Но эти группы или, другими словами, эти представленія отдѣльныхъ и притомъ однородныхъ предметовъ, отличаясь, какъ все въ природѣ, неизбѣжнымъ разнообразіемъ, не совпадутъ каждый разъ съ предыдущими во всѣхъ своихъ частяхъ и свойствахъ. Представляя всякій разъ всѣ тѣ качества, которыя мы необходимо соединяемъ съ понятіемъ объ извѣстномъ предметѣ, они будутъ представлять эти качества въ различной степени каждаго изъ нихъ. Что произойдетъ тогда?

Но здѣсь мы съ удовольствіемъ пользуемся случаемъ выставить вмѣсто своихъ собственныхъ соображеній разсужденія несомнѣннаго авторитета въ дѣлѣ мышленія. «Нужно замѣтить, говорить Кантъ *, что воображеніе имѣетъ способность, совершенно непонятнымъ для насъ образомъ, вызывать при случаѣ къ сознанию не только соотвѣтствующіе понятіямъ знаки, хотя бы послѣ долгаго времени, но даже воспроизводить цѣлый образъ и видъ какого либо предмета изъ неисчислимаго множества хранящихся въ немъ разнообразныхъ предметовъ или предметовъ одного и того же рода. Даже, если душа настроена къ сравненіямъ, воображеніе можетъ по всѣмъ вѣроятіямъ дѣйствительно воспроизводить, хотя бы и не до яснаго сознанія, *многіе предметы одного рода* и такимъ образомъ накладывать ихъ одинъ на другой; такъ что изъ слитія ихъ выйдетъ нѣкоторый средній образъ, который будетъ служить всѣмъ общему мѣроу. Положимъ, что кто нибудь видѣлъ тысячу взрослыхъ мужчинъ. Если онъ хочетъ составить себѣ понятіе о сравнительно нормальной величинѣ взрослого мужчины, воображеніе (какъ я думаю) накладывается большое число образовъ (можетъ быть, всю тысячу) одинъ на другой, и, если позволять мнѣ въ настоящемъ случаѣ воспользоваться аналогіею оптическаго представленія, произойдетъ слѣдующее. Пространство, въ которомъ соединится наибольшее количество образовъ, и то очертаніе, внутри котораго мѣсто будетъ окрашено наисильнѣйшимъ об-

* Kritik der Urtheilskraft. Leipzig. 1838. §§ 84—85.

разомъ, именно и будетъ означать *среднюю величину*, равно удаленную отъ крайностей какъ наибольшаго, такъ и наименьшаго роста;—это и есть ростъ красиваго человѣка. (Того же результата можно было, конечно, достигнуть простымъ механическимъ способомъ, т. е. если бы смѣять всю тысячу образовъ, сложить вмѣстѣ высоту, ширину и толщину каждаго и сумму раздѣлить на тысячу. Но воображеніе дѣлаетъ это динамическимъ способомъ, источникъ котораго есть неоднократно впечатлѣніе, произведенное на внутреннее чувство подобными между собою образами). Если точно также для этого средняго человѣка отыскать среднюю голову, для этой послѣдней среднѣе и т. д., то общій образъ будетъ *нормальною идеею* (прежде у Канта было сказано *идеаломъ*) красиваго человѣка въ томъ странѣ, гдѣ производимы были наблюденія; оттого негръ, конечно, долженъ имѣть другую нормальную идею наружной красоты, нежели человѣкъ бѣлой расы, китаецъ иную, нежели европеецъ. О *типахъ* красивой лошади или собаки (извѣстной породы) разумѣется слѣдуетъ сказать тоже самое.

То, что Кантъ называетъ нормальною идеею, мы называемъ типомъ или типическимъ представленіемъ, давая описанному имъ процессу гораздо обширнѣйшее поле и значеніе. Не только наружный видъ человѣка и животныхъ, или какихъ бы то ни было чувственныхъ предметовъ, не только все наблюдаемое въ пространствѣ, но и все совершающееся въ порядкѣ времени: соотвѣтствіе между различными явленіями, самъ міръ духовный, его связь съ внѣшними проявленіями, однимъ словомъ, всѣ тѣ законы природы, которые основаны на какомъ бы то ни было отношеніи явленій между собою въ пространствѣ и времени, залегаютъ безсознательно въ глубинѣ души человѣческой и составляютъ богатый матеріалъ для фантазій. Нѣтъ, конечно, надобности объяснять, что большая часть этихъ законовъ составляетъ точно также достояніе науки, хотя въ этомъ послѣднемъ случаѣ они инымъ образомъ находятся въ распоряженіи науки. Но если наука владѣетъ тверже и сознательнѣе этими законами, добытыми ея методомъ, за то фантазія несравненно превосходитъ ее богатствомъ и обиліемъ своихъ запасовъ. Правильнѣе говоря, фантазія владѣетъ всѣми законами, основанными на пространственныхъ и временныхъ отношеніяхъ и подлежащими непосредственному наблюденію; только подъ условіемъ этихъ законовъ она и представляетъ себѣ дѣйствительность.

Наука владѣетъ сравнительно малою долею этихъ законовъ, но владѣетъ этими послѣдними сознательно: она приводитъ эти законы въ разумную систему, связываетъ ихъ между собою гипотезами, стремящимися объяснить всю совокупность явленій. Въ этомъ сознательномъ видѣ кропотливо добытые ею законы могутъ быть передаваемы въ общее достояніе, въ своемъ настоящемъ видѣ. Фантазія, напротивъ, можетъ передавать свои запасы законовъ лишь въ томъ же бессознательномъ видѣ, въ какомъ сама владѣетъ ими, она скрываетъ эти законы въ свои образцовыя произведенія, которыя дѣлаетъ, какъ будто подражая природѣ, но въ сущности не имѣя прямо этой задачи. Объяснимъ сказанное примѣрами. Анатомія и фізіологія, изучивъ организмъ человѣческой въ его составѣ и дѣятельности, стали теперь весьма полезнымъ пособіемъ образовательнымъ искусствамъ, указывая и рационально объясняя художникамъ необходимую въ данномъ физическомъ или нравственномъ положеніи игру мускуловъ, крови и т. д.; но живая фантазія и безъ этихъ пособій, безъ рациональныхъ основаній, способна вообразить съ непогрѣшительною вѣрностію и до мельчайшихъ оттѣнковъ фигуру, напр., человѣка въ данномъ положеніи. Для этого ей достаточно (при сильной живости) однихъ бессознательныхъ, хотя, конечно, многихъ наблюденій надъ самою жизнью. Въ отношеніи количества и тонкости своихъ наблюденій она даже, безъ сомнѣнія, превосходитъ науку, на какой бы степени высоты ни вообразили мы эту послѣднюю. Оттого-то талантъ есть все-таки и на вѣчныя времена первое условіе для всякаго художника. Другой примѣръ. Вообразите, какую массу психологическихъ свѣдѣній, какую страшную силу воли, какую безусловную власть надъ своимъ тѣломъ, какое наконецъ самоотверженіе долженъ бы былъ имѣть человѣкъ, которому бы задали слѣдующую задачу: забудь на время свое я, свое общественное и всякое положеніе, свои интересы, оставь свой характеръ, свои привычки, свои манеры, свой собственный тонъ—переселись на время въ кожу другаго человѣка, живи его жизнью, его интересами, вообрази себя въ его общественномъ положеніи, въ такомъ-то столкновеніи, наконецъ веди себя въ этомъ положеніи не такъ, какъ бы ты самъ велъ себя, и все это сдѣлай такъ естественно и живо, чтобы обмануть всякаго? Не правда ли, что мысль отказывается вѣрить въ возможность удачнаго исполненія такой задачи. И дѣйствительно, она была бы невыполнима, если кто либо взду-

малъ совершить такое дѣло сознательно повинуваясь всѣмъ сейчасъ высказаннымъ требованіямъ. И что же? даровитый актеръ дѣлаетъ это очень часто и безъ особыхъ усилій. Какъ только типъ другаго лица представится ему со всею ясностью, объ остальныхъ онъ уже не думаетъ. Все дѣлается само собою. Мало того, все это невѣроятное превращеніе самого себя въ другаго актеръ совершаетъ даже съ положительнымъ наслажденіемъ. Такъ велика сила, заключающаяся въ типическомъ представленіи вещей, такъ обильны и разнообразны матеріалы, находящіеся въ распоряженіи фантазіи.

Само собою разумѣется, что всѣ тѣ данныя, которыя производятъ въ актерѣ описанное нами изумительное превращеніе, находятся и въ душѣ каждаго, иначе мы не могли бы понимать и цѣнить этого превращенія. Но другой вопросъ, всаки ли способны распоряжаться по произволу и съ извѣстною цѣлю всею массою своихъ средствъ. Очевидно, что лишь у немногихъ, рѣдкихъ лицъ элементы души такъ подвижны и такъ послушны закону типичности; лишь у немногихъ, однимъ словомъ, хватаетъ на столько возбуждающихъ силъ, чтобы поднятъ извнутри къ сознанію и къ дѣятельности всю эту массу данныхъ. Въ большинствѣ лицъ весь нужный для того матеріалъ лежитъ въ глубинѣ души безъ всякаго употребленія и приходитъ въ нѣкоторое аналогическое движеніе лишь подъ вліяніемъ примѣра, образца. Еще болѣе или правильнѣе безконечный запасъ наблюденій надъ явленіями дѣйствительности и ихъ отношеніями, находится въ душѣ человѣка въ каждую историческую эпоху и въ каждый моментъ его жизни. Въ нихъ, собственно говоря, заключаются данныя для всевозможныхъ открытій ума въ области опытныхъ знаній, ибо человѣкъ есть съ самаго начала *микрокосмосъ*, малый міръ, который въполнѣ отражаетъ въ себѣ большой міръ, со всѣми его явленіями и законами. Но дѣло въ томъ, что пользованіе этимъ запасомъ дано человѣку лишь до извѣстной степени. Въ этомъ, собственно говоря, и заключается ограниченность человѣческой природы. Въ полномъ, сознательномъ владѣніи человѣка находится, какъ въ каждую минуту жизни отдѣльнаго лица такъ и въ каждый моментъ исторической жизни, лишь извѣстная часть этого запаса, состоящая въ зависимости отъ многообразныхъ условій. Каждый человѣкъ, напр., посвятъ въ себѣ данныя для всевозможныхъ представленій міра вѣчнаго (на сколько, разумѣется, этотъ міръ былъ доступенъ его

чувствамъ), но въ данную минуту жизни онъ дѣйствительно представляетъ себѣ лишь весьма немногое и выборъ этого немногаго находится въ зависимости отъ того, какіе дѣйствительные внѣшніе предметы на него дѣйствуютъ, въ какихъ онъ находится обстоятельствахъ, подѣ какимъ направленіемъ мыслей, въ какомъ состояніи духа и. т. д. Точно также въ каждый историческій моментъ человѣкъ владѣетъ всѣми данными для цѣльнаго, стройнаго, истиннаго, живаго представленія вселенной, но дѣйствительное представленіе имъ вселенной всегда ограничивается духомъ времени, направленіемъ господствующихъ идей, состояніемъ философскаго мышленія и др. многими причинами, которыя всѣ вмѣстѣ называются историческими условіями. Эта недостаточность человѣческой природы находитъ себѣ нѣкоторое вознагражденіе во 1-хъ въ общеніи человѣка съ себѣ подобными, во 2-хъ во взаимной помощи, какую оказываютъ другъ другу двѣ, указанные нами, основныя силы человѣческой души.

Значеніе перваго изъ этихъ обстоятельствъ, конечно, не требуетъ особаго объясненія. Само собою разумѣется, что множество существъ, одаренныхъ одинаковыми способами воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній и комбинирующихъ эти впечатлѣнія по одинаковымъ законамъ, наконецъ, существъ, способныхъ сообщать другъ другу всякіе результаты своего душевнаго опыта, какъ бы расширяетъ натуру каждаго изъ этихъ существъ и даетъ ему возможность почерпнуть многое не изъ личнаго только опыта или пользоваться такими комбинаціями находящихся въ его душѣ матеріаловъ, которыхъ по своей единичной натурѣ онъ не въ состояніи былъ бы сдѣлать.

Что касается до втораго условія, т. е. неизбѣжной и непрерывной связи между собою двухъ основныхъ стремленій души человѣческой, то раскрытіе всего важнаго значенія ея требуетъ нѣсколько болѣе подробнаго объясненія. Допуская выше особенное и уединенное дѣйствіе той силы, которую мы назвали фантазією, мы сдѣлали это только для того, чтобы лучше понять сущность и характеръ этой силы; но, собственно говоря, такой обособленной дѣятельности не происходитъ въ душѣ человѣческой. И сила діалектическаго мышленія и сила фантазіи стремятся постоянно и одновременно оцѣпить весь міръ наблюдаемыхъ явленій. Но этимъ самымъ они и ограничиваютъ другъ друга, не допуская одна другую исполнить всецѣло свою задачу. Прінявъ это взаимное ихъ ограниченіе за непреложный

фактъ , за существенное свойство природы человеческой , мы придемъ къ слѣдующимъ важнымъ выводамъ.

Двѣ, отличенныя нами посредствомъ анализа, силы души человеческой, хотя мы и имѣемъ возможность посредствомъ того же анализа изслѣдовать отдѣльно законы и характеръ дѣятельности каждой изъ нихъ, не существуютъ однако въ душѣ въ томъ видѣ, какими они представляются въ своей искусственной отдѣльности и, стало быть, ни одна изъ нихъ не въ состояніи привести къ своимъ послѣднимъ результатамъ, т. е. къ конечному разумѣнію или къ безусловно полному и цѣльному представленію вселенной. И такъ человѣку остается другой способъ извѣдыванія дѣйствительности , правда , разомъ съ двухъ сторонъ, т. е. и со стороны познанія и со стороны представленія; но за то съ обѣихъ сторонъ ограниченнымъ образомъ и притомъ не иначе какъ подъ условіемъ взаимной помощи обѣихъ силъ.

Отсюда само собой выходитъ, что *во первыхъ* истинная дѣятельность духа человеческого заключается лишь въ совокупномъ дѣйствіи двухъ указанныхъ силъ и *во вторыхъ*, что мы выражались до сихъ поръ не совсѣмъ точно, давая названіе фантазіи или мышленія двумъ этимъ силамъ, взятымъ въ ихъ отвлеченной отдѣльности. Собственно говоря, духъ человеческій дѣйствуетъ всецѣло, какъ въ томъ такъ и въ другомъ случаѣ, но преобладающимъ вліяніемъ одной изъ этихъ силъ и опредѣляется тотъ или другой характеръ его дѣятельности.

Въ такой именно постоянно совокупной дѣятельности двухъ этихъ силъ и представляется намъ человѣкъ какъ въ своей личной жизни, такъ и въ общемъ историческомъ движеніи; но все таки въ своей сущности двѣ эти силы остаются несомнѣнными и опредѣлить степень участія каждой изъ нихъ въ общемъ развитіи человечества, значить, по нашему мнѣнію, указать истинныя и вѣчныя средства цивилизаціи , завладѣть , наконецъ, разумно и сознательно этими средствами. Но прежде нежели мы коснемся этого вопроса съ нашей точки зрѣнія, считаемъ необходимымъ привести уже готовое и общепринятое воззрѣніе на тотъ же предметъ современной науки. Выбираемъ для этого одного изъ даровитѣйшихъ представителей современнаго философскаго взгляда. Вопросъ, очевидно, состоитъ въ установленіи правильныхъ психологическихъ и историческихъ отношеній между мышленіемъ и фантазіей.

Посмотримъ же какъ представляетъ эти отношенія новѣйшая германская философія. «Что значить, говоритъ Куно-Фишеръ * излагая ученія Спинозы, понимать вещи съ обыкновенной точки зрѣнія? Въ чемъ состоитъ этотъ communis naturae ordo, употребляя собственные слова Спинозы? Вещи принимаются такими, какими ощущаются, а ощущаемъ мы не самыя вещи, но лишь впечатлѣнія отъ нихъ. Такимъ образомъ въ чувственномъ сознаніи (sinnliches Bewusstsein), какое образуется естественнымъ теченіемъ природы, мы не узнаемъ вещей, каковы онѣ по себѣ (an sich), но лишь въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ являются намъ случайно, однимъ словомъ, мы познаемъ не сущность вещей, но только ихъ внѣшнія отношенія; а потому также узнаемъ ихъ не вполне, но почасти, не ясно, но смутно. Мы не знаемъ, какъ относятся вещи къ нашему существу, но лишь отношенія ихъ къ нашей тѣлесной индивидуальности: и потому такое познаніе не выражаетъ ни сущности бытія вещей, ни сущности бытія духа, но лишь сущность бытія одного недѣлимаго. Но знаніе одинокое (личное) не есть истинное, но воображаемое; оно не есть собственное знаніе, но лишь мнѣніе или фантазія (Imagination). Такимъ образомъ изъ природы человѣческаго духа вытекаетъ прежде всего понятіе тѣла или представленіе того, что мы ощущаемъ; это и есть чувственное представленіе или неясное сознаніе: это есть воображеніе или первая ступень человѣческаго знанія.»

«Мы можемъ выразить сущность воображенія опредѣленной формулой, въ которой будутъ заключаться всѣ воображаемыя понятія и вся логика человѣческихъ заблужденій: воображеніе есть созерцаніе вещей въ исключительномъ отношеніи къ человѣческому индивидууму, это есть міросозерцаніе, которое все видитъ съ личной точки зрѣнія и потому необходимо искажаетъ истинное бытіе вещей. Ибо идеи истинны только тогда, когда онѣ безъ всякаго личнаго вмѣшательства прямо относятся къ сущности вещей или Божеству, онѣ не истинны и смутны, когда относятся къ единичному духу какого либо человѣка. Пока человѣкъ представляется себѣ, какъ главное между вещами, то всѣ понятія, образуемыя имъ съ этой точки зрѣнія, лишь воображаемыя, ибо всѣ выводы, дѣлаемые изъ ложной посылки, необходимо сами ложны. Въ истинной и необходимой связи міра человѣкъ не есть главное, но лишь вещь между веща-

* Geschichte der neuern Philosophie 1. Band, S. 478.

ми; не средоточіе природы, но одно изъ преходящихъ ея явленій, для котораго нѣтъ исключенія изъ общихъ законовъ природы. Этой истиной связи вещей воображеніе не постигаетъ и, стараясь съ дѣтскимъ или софистическимъ тщеславіемъ придать человѣку противуестественный видъ исключительнаго существа, которое будто бы стоитъ въ средоточіи вселенной, и къ которому тяготѣютъ всѣ вещи, оно само дѣлается пустою фантазіею, которая не знаетъ законовъ природы, *modi* (въ смыслѣ Спинозы) превращаетъ въ самостоятельныя вещи и судитъ на основаніи ихъ случайныхъ, чувственныхъ проявленій. Всякое раздѣленіе вещей, которымъ одно существо уединяется отъ связи съ другими и разсматривается какъ самостоятельное, отдѣльное бытіе, есть форма воображенія или смутное созерцаніе. Бытіе вещей *одно*, связь ихъ *вѣчно одинаковая*, отдѣльное бытіе вещи есть *случайная модификація*. Въ чемъ же состоитъ, слѣдовательно раздѣленіе (*die Trennung*) вещей? Въ томъ, что вмѣсто одного существа принимается хаотическое *множество* явленій, вмѣсто непоколебимаго закона внѣшняя послѣдовательность *времени*, вмѣсто преходящаго *modus* отвлеченный *родъ* вещи. Созерцаніе смутнаго множества, представленіе *безконечнаго* времени, отвлеченіе родовыхъ понятій, которыя превращаютъ отдѣльныя вещи въ типы и идеалы, все это суть фикціи воображенія: созерцаніе вещей съ точки зрѣнія чувственнаго человѣческаго духа, а не изъ божественной необходимости.»

«Воображеніе и разумъ (*Intellectus*), говоритъ въ другомъ мѣстѣ Куно-Фишеръ, * суть ступени человѣческаго познанія, вытекающія изъ самой природы духа. Отчего человѣческій духъ *воображаетъ* вещи? Потому что онъ по природѣ своей ограниченъ и находится въ зависимости отъ внѣшнихъ условій. Почему онъ познаетъ вещи? потому что онъ по природѣ своей есть существо *мыслящее*, изъ котораго необходимо вытекаютъ ясныя понятія вещей. Воображеніе есть слѣдствіе *ограниченности*, разумъ (*intellectus*) есть слѣдствіе *силы*, способности человѣческаго духа. Если бы мы могли съ перваго взгляда, однимъ разомъ увидѣть цѣльное строеніе міра, узнать вѣчное бытіе, мы бы, конечно, никогда не переступали той ступени, на которой міръ представляется человѣку разсѣянными множествомъ отдѣльныхъ вещей, мы были бы равны безконечному міровому разуму, изъ котораго познается вселенная. Если

* Ibid. стр. 544.

мы напередъ знаемъ смыслъ какой либѣе книги, намъ нѣтъ никакой надобности кропотливо разбирать ее по фразамъ; если бы мы могли читать съ разу, не было бы никакой надобности учить склады. Но въ отношеніи къ вселенной съ нами бываетъ тоже, что у ребенка съ книгой: сначала долженъ онъ учиться складывать ее, потомъ уже можетъ читать, далѣе онъ понимаетъ смыслъ фразъ, наконецъ и всю книгу. Вселенная есть книга, которую читаетъ человѣческій духъ: отдѣльныя вещи суть буквы въ этой книгѣ; связь вещей, совокупность ихъ равняется фразамъ; субстанція или божество есть смыслъ всей книги. Воображеніе складываетъ, разумъ читаетъ, мыслящій читатель разбираетъ смыслъ книги и, наконецъ, постигаетъ его, какъ бы въ непосредственномъ созерцаніи».

Дѣло уже почти ясно, но мы позволимъ себѣ продолжать выписки, чтобы представить изслѣдуемый нами взглядъ съ новыхъ точекъ зрѣнія. «Какъ только я перестаю понимать, говорить тотъ же историкъ *, связь вещей разрывается передъ моими глазами; я уже не узнаю ничего болѣе, и пустое, не наполненное идеями пространство, которое возникаетъ передъ смущеннымъ (*verwirrt*) духомъ, населяется тотчасъ же химерами воображенія. На той точкѣ, гдѣ задерживается стройное, логическое мышленіе, стоитъ предѣлъ разумнаго міра, и дѣятельная фантазія обожествляетъ это воображаемое существо. *Не божество становится предѣломъ, но самый предѣлъ обожествляется.* Движеніе человѣческаго знанія никогда не останавливается какимъ либо чуждымъ челоуку вліаніемъ, но постоянно собственнымъ его *воображеніемъ*, и такъ пазываемый предѣлъ человѣческаго разума совсѣмъ не означаетъ конечнаго пункта знанія вообще, но лишь измѣненіе его формы. Ибо способность образовывать объективныя представленія остается и дѣйствуетъ даже и по ту сторону этой границы, но логическая дѣятельность этой способности уступаетъ мѣсто беззаконной игрѣ ея. Логическая дѣятельность способности представленія есть разумъ; беззаконная игра — есть фантазія, и то, что называютъ границею человѣческаго разума, есть обыкновенно лишь *terminus a quo* для фантазии, которая создаетъ себѣ призрачную область тамъ, гдѣ разуму не достаетъ яснаго прозрѣнія въ естественный порядокъ вещей.»

Приведемъ, наконецъ, послѣднюю выписку, гдѣ Купо-Фишеръ

* Ibid. стр. 488.

объясняетъ вражду, которую обыкновенно возбуждаютъ мощныя философскія системы. «Онѣ, т. е. такія системы, каково напр. ученье Спинозы, представляютъ нѣчто отталкивающее не только для обыкновенныхъ душъ, но и для человѣческаго разума вообще, потому что оскорбляютъ цѣлость чувства во всемъ человечествѣ, напрягая съ необыкновенною энергіею одну силу духа и давая ей чрезмѣрный вѣсъ по отношенію къ другимъ. Такимъ образомъ нарушаютъ онѣ естественную гармонію силъ человѣческаго духа, и оскорбленное человѣчество образуетъ противъ суровой мощи такихъ характеровъ *эстетическое противодѣйствіе*, по истинѣ основательное, хотя самому ему и недостаетъ яснаго сознанія этихъ основаній.»

Нельзя краснорѣчивѣе защищать философію въ исключительныхъ интересахъ философіи же. Все вышеписанное нами до сихъ поръ даже справедливо какъ изложеніе фактическихъ отношеній разума къ фантазіи; но въ этихъ исключительныхъ заботахъ о чистой дѣятельности разума является, по нашему мнѣнію, именно то нарушеніе гармоніи силъ человѣческаго духа, противу котораго должно быть оказано эстетическое противудѣйствіе. Спросимъ себя въ самомъ дѣлѣ: исчерпываетъ ли философская дѣятельность всю силу духа человѣческаго? Достойно ли одного порицанія все, что задерживаетъ непрерывное стремленіе логическаго мышленія? Самостоятельная дѣятельность фантазіи есть ли беззаконная игра и ничего болѣе? Однѣ ли философскія системы несетъ въ себѣ въ зародышахъ вѣчно развивающійся духъ человѣческій и т. д.? Самый повсѣдневный взглядъ на полноту и разнообразіе дѣйствительной жизни самое краткое исчисленіе многообразныхъ законныхъ интересовъ человѣчества уже заставляетъ поискать въ историческомъ развитіи другихъ, столь же мощныхъ началъ, какъ и начала логическаго мышленія. Къ числу важнѣйшихъ между ними принадлежить, какъ мы уже успѣли убѣдиться до извѣстной степени, и фантазія. Самъ Куно Фишеръ сознаетъ вполне недостаточность для человѣка одного логическаго мышленія. «Такъ какъ въ человѣческой природѣ говоритъ онъ, защищая систему Спинозы противъ близорукихъ ея противниковъ *, заключающіяся стремленіе и силы, которыхъ Спиноза не понимаетъ или не удовлетворяетъ, то въ этомъ самомъ уже заключается естественный источникъ недовольства системой Спинозы. Конечно

* Стр. 578.

Философская система, даже въ своемъ высшемъ развитіи, не есть еще полное выраженіе всего человѣческаго существа, ибо человѣчность (Humanität) есть нѣчто большее, нежели простое знаніе. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы разсудокъ долженъ былъ быть замѣщенъ чувствомъ или философія мистицизмомъ?» «Философія не составляетъ еще всей человѣческой природы, говоритъ онъ далѣе, и чистая система разсудка не есть еще полное знаніе. Поэтому обѣ они требуютъ естественнаго дополненія и эта потребность ощущается тѣмъ съ большею силою, чѣмъ исключительнѣе является спекулятивное знаніе и чѣмъ сильнѣе отвлеченное мышленіе вступаетъ въ противорѣчіе съ человѣческою жизнію. Философія должна восполняться религіею, ибо вѣчныя понятія нуждаются въ вѣчныхъ чувствахъ, чтобы сдѣлаться живыми истинами. Разсудочное знаніе должно восполняться чувственностью и фантазіею, ибо только въ оживленномъ цвѣтами освѣщеніи являются намъ истинный образъ вселенной.»

«Различныя потребности и стремленія человѣческой природы, говоритъ онъ наконецъ, внолиѣ законны, но прежде чѣмъ провозгласить ихъ философскимъ системамъ, они должны быть доведены посредствомъ понятій до совершенной ясности.»

Оставляя въ сторонѣ другія дополненія, которыя Куно-Фишеръ считаетъ, какъ мы видѣли, необходимыми для философіи, такъ какъ это не составляетъ предмета настоящей статьи, мы старались опредѣлить ближе и точнѣе дѣятельность одной изъ вѣчныхъ силъ, именно фантазіи, и ея-то именно законы мы желали довести до той ясности, которая требуется Фишеромъ для равноправнаго сопоставленія съ философскимъ мышленіемъ. До сихъ поръ намъ удалось только указать вкратцѣ на психологическую основу, дающую этой силѣ равное значеніе съ силою діалектическаго мышленія и лишь отчасти объяснить особенную и самостоятельную (въ той же мѣрѣ какъ и первая) дѣятельность этой силы, равно какъ и значеніе этой дѣятельности въ личной жизни каждаго человѣка. Но вопросъ не разъяснится еще вполне, пока мы не последуемъ за нашимъ историкомъ философіи въ болѣе обширную сферу дѣятельности, именно дѣятельность историческую, гдѣ до сихъ поръ фантазія представляется лишь пѣхотой твердому движенію философскаго мышленія.

Сказать правду, мы думаемъ, что искусно и краснорѣчиво взглянувъ за дѣло, можно бы было перевернуть отношенія и въ

свою очередь представить дѣятельность фантазіи на верномъ планѣ; но, очевидно, что это было бы опять нарушеніемъ гармоніи и, что еще хуже, на этотъ разъ умышленнымъ. И такъ постараемся отдать каждому свое. Разумное пониманіе вещей состоитъ не въ томъ, чтобы существующія безспорно и дѣйствующія въ насъ силы ставить во вражду другъ къ другу, но чтобы по возможности яснѣе и точнѣе опредѣлить роль каждой.

Какъ только мы убѣдимся въ твердой психологической основѣ силы фантазіи и не упустимъ изъ виду всей огромной роли, которую играетъ она въ нашихъ отношеніяхъ къ вѣчному міру, къ себѣ самимъ, къ другимъ, наконецъ, къ лицамъ; все, изложенное выше Куно Фишеромъ объ историческихъ отношеніяхъ фантазіи къ мышленію, представится въ иномъ свѣтѣ. Вмѣсто беззаконной игры фантазіи, задерживающей напрасно непрерывную дѣятельность логическаго мышленія, мы увидимъ законную дѣятельность мощной и необходимой силы, которая не допускаетъ нарушенія гармоніи душевныхъ силъ и поправляетъ все одностороннее и оскорбительное для другихъ человѣческихъ стремленій, что могло бы заключаться въ уединенномъ философскомъ мышленіи. Отдавая вмѣстѣ съ историками философіи полную справедливость, двигающей человѣчество впередъ и вносящей повсюду свѣтъ, логической дѣятельности разума, мы будемъ не менѣе справедливы и въ оцѣнкѣ дѣятельности другой силы, столь же нужной человѣчеству для его жизни. Если логическое мышленіе доводитъ до послѣдней ясности выработанный человѣчествомъ въ извѣстную пору міросозерцаніе, то оно съ другой стороны несетъ въ себѣ и всѣ недостатки, свойственные каждой порѣ человѣческаго развитія; напротивъ темная, сроднительно, никогда вполне недоступная сознанію, но безконечно богатая матеріалами, область фантазіи приносить всегда въ свѣтъ дѣятельность неизмѣнные законы естества и, никогда не отступая, въ большинствѣ людей, отъ логическаго мышленія, не становится въ протестъ вмѣстѣ съ другими, вѣчными и неизмѣнными стремленіями духа, противу недосмотровъ логическаго мышленія, ображающаго себя на концѣ пути. Этотъ-то протестъ и называетъ Куно — Фишеръ *эстетическимъ противудѣйствиемъ*. Далѣе, если полноту и стройность міросозерцанія, а не логическое только построеніе идей, признаемъ мы существенно необходимымъ для человѣчества, то, само собою разумѣется, что въ эту дѣятельность человѣческаго духа, которая отъ одной кѣ-

ной философской системы до другой наполняет цвѣтомъ и ароматомъ все человѣческое существованіе, мы не будемъ считать за ненужную и бесполезную для человѣческаго развитія.

Правильное и болѣе глубокое изученіе характера и значенія каждой изъ двухъ указанныхъ нами силъ въ ихъ исторической дѣятельности открываетъ намъ слѣдующее. И попытки логическаго мышленія въ построеніи системъ, исчерпывающихъ всю полноту бытія, и попытки фантазіи къ живому и цѣльному представленію вселенной не представляютъ въ себѣ безусловной правды. Однимъ словомъ, ни философія Спинозы, напр., не выражаетъ всей дѣйствительной сущности вещей, ни греческая, напр., мифологія не представляетъ міродержавства въ его настоящемъ видѣ. Но, зная очень хорошо неудовлетворительность всякой философской системы, мы однако признаемъ въ преемственности ихъ несомненное движеніе человѣчества впередъ и умѣемъ найти въ каждой отжившей философской системѣ то, что въ ней было вѣчно истиннаго, что составило несомнѣнный и цѣнный вкладъ въ сокровищницу человѣческой мысли. Но едва дѣло коснется фантазіи, мы видимъ въ историческихъ продуктахъ ея лишь какую-то случайную прихоть, произвольную, незаконную игру, какъ будто вѣчная сила духа можетъ дѣйствовать такъ неразумно. Въ сущности фантазія и логическое мышленіе находятся между собою въ неразрывной связи и въ ошибкахъ cadaго прожитаго міросозерцанія должны нести одинакую отвѣтственность, равно какъ и въ исправленіи ихъ участвуетъ каждая до извѣстной степени самостоятельно. Этого никакъ не хотятъ понять многіе и всю долю прошлыхъ заблужденій хотятъ непремѣнно приписать фантазіи, а всю заслугу освобожденія отъ нихъ исключительно логическому мышленію. Не все ли это равно какъ обличать въ ошибкахъ живописца, который бы, по идеѣ и замыслу художника, нарисовалъ зданіе неправильно задуманное и тѣмъ наглядно обличилъ несостоятельность мысли архитектора? Въ сущности всѣ вымыслы, напр., греческой мифологіи имѣли для своего времени такое же логическое, какъ и поэтическое достоинство. Не въ томъ дѣло, чтобы фантазія въ то время одолевала разумъ, но разумъ въ то время еще фантазировалъ, если можно такъ выразиться (бралъ на себя рѣшеніе задачъ, для которыхъ не доставало данныхъ и т. д.). Сущность мифологич., идея ея принадлежитъ несомнѣнно ему, фантазія лишь оживила вселенную по его даннымъ, создала подробности, при-

дала имъ видъ натуральности и человѣчности, однимъ словомъ сдѣлала ее полною и изящною. Объяснимъ это нагляднымъ примѣромъ. Понятіе судьбы, завершающее всю греческую мифологию, было неотразимымъ, верховнымъ и для самого отвлеченнаго греческаго мышленія, но полное олицетвореніе этой идеи, ея наглядное, живое приложеніе нашло себѣ настоящее выраженіе лишь въ трагедіи, поэтическомъ произведеніи фантазіи.

Но, скажутъ намъ, положимъ и можно допустить равное участіе логическаго мышленія и фантазіи въ ошибкахъ и заблужденіяхъ отжившихъ міросозерцаній; несомнѣнно, однако, что разумъ въ своемъ движеніи оставилъ намъ положительное и вѣчно цѣнное достояніе, что же, кромѣ заблужденій, оставилъ намъ съ своей стороны фантазія?

Было уже объяснено выше, что фантазія, на основаніи психологическихъ законовъ, ею управляющихъ, владѣетъ всѣми законами отношеній во времени и пространствѣ, слѣдовательно, всею полною и живою картиною вселенной; но въ то же время мы сказали, что по ограниченности природы человѣческой она никогда не владѣетъ своимъ матеріаломъ вполнѣ и по произволу, никогда, однимъ словомъ, не въ силахъ поднять всего своего запаса изъ темной глубины души къ ясному сознанію. Въ каждую историческую эпоху, въ каждый моментъ народной жизни, наконецъ въ каждую минуту жизни отдѣльнаго человѣка, человѣчество, народъ и отдѣльное лице имѣютъ въ своемъ распоряженіи лишь извѣстныя стороны цѣлаго представленія вселенной, зависящія отъ совокупности условій, въ которыхъ они находятся. Всякое дѣйствительно выработанное поэтическое міросозерцаніе находится прежде всего въ самой близкой зависимости отъ философской системы своего времени, все равно нашла или нѣтъ эта система своего полного представителя. Единственный и глубокий міръ фантазіи получаетъ, однимъ словомъ, свою долю возбужденія отъ той массы идей и ихъ сочетаній, которыя въ данную минуту находятся въ распоряженіи человѣчества; вся оригинальность и самостоятельность его заключается лишь въ томъ, что матеріалъ его, потребленный имъ міросозерцаніе извѣстной эпохи, находится въ самой тѣсной связи съ цѣльнымъ, дѣйствительнымъ и вѣрнымъ представленіемъ порядка вселенной, смутно залегающимъ въ глубинѣ каждой человѣческой души. Это-то цѣльное, хотя и смутное представленіе, уступая съ одной стороны постороннему вліянію, съ дру-

гой стороны даетъ постоянно чувствовать свою истинную натуру. Сохраняя во всѣхъ своихъ представленіяхъ непреложные и вѣчные законы естества, фантазія уже тѣмъ самымъ вноситъ новый элементъ въ цѣлое міросозерцаніе каждой эпохи. Въ постепенномъ усиленіи этого элемента въ смѣняющихся другъ друга міросозерцаніяхъ человѣчества необходимо видѣть не только успѣхи искусствъ и поэзій, но и созрѣваніе самого мышленія человѣческаго. Предъявляя постоянно свои неумолкающія требованія естественности и полной жизни ко всякому вновь вырабатывающемуся міросозерцанію, фантазія тщетно пыталась оживить и украсить, и наконецъ успѣла таки одолѣть уродливыя восточныя представленія вселенной, добилась въ греческой мифологіи изящной человѣчности, явивъ въ пластическихъ искусствахъ того времени свою полную свободную силу и образовавъ такимъ образомъ эпоху высшаго процвѣтанія этого рода искусствъ, наконецъ, въ новомъ мірѣ, слѣдя постоянно за ходомъ мышленія, вступила все съ тѣми же неумолчными требованіями въ царство духа, стремясь и сюда внести необходимую ей природѣ стройность и гармонию, прилагая все болѣе и болѣе къ духовному міру свои вѣчные законы естества.

Но этимъ содѣйствіемъ стройному развитію человѣческаго мышленія не ограничилась историческая роль фантазій. Постепенное укрѣпленіе въ душѣ человѣческой истинныхъ формъ дѣятельности, нормальныхъ законовъ отношеній, однимъ словомъ полного и цѣльнаго представленія вселенной составляетъ только обыкновенную, тихую и постепенную дѣятельность фантазій. Въ своемъ высшемъ напряженіи, въ лицѣ поэтовъ, художниковъ, она оставила въ наслѣдіе человѣчеству продукты вѣчной истины, непреходящей красоты. Если греческая мифологія, напримеръ, или греческая поэзія, повинувась духу и идеямъ времени, изображала существа выдуманныя или событія несуществовавшія, то въ изображенія этихъ существъ или событій она умѣла открыть и выставить такія свойства природы человѣческой, которыя не принадлежать эпохѣ или извѣстной національности, но остаются вѣчнымъ типомъ для всякаго времени и для всякаго народа. Эти вѣчныя свойства природы человѣческой она умѣла изобразить съ такою глубиною, правдою и изяществомъ, что они стали непреходимою гранью для всего остальнаго человечества, предѣломъ и образцомъ, до какого только можетъ достигнуть откровеніе истинной природы человѣческой. Въ этомъ

отношеніи они суть вѣчное и необходимое достояніе всего человечества, неизбежная ступень въ истинномъ и живомъ развитіи души.

Далѣе. Если путь человѣческаго движенія, въ отличіе отъ движенія мертвой природы, есть путь по преимуществу сознательный, то очевидно, что протекшіе фазисы человѣческаго сознанія тогда только становятся для насъ твердою ступенью къ дальнѣйшему ходу, когда они дѣйствуютъ на насъ не какъ мертвыя только и темныя силы, но какъ ясныя и прозрачныя моменты духа. Поэтическія и другія произведенія фантазіи суть главнѣйшіе живые памятники міросозерцаній минувшихъ и въ этомъ смыслѣ суть сильныя двигатели цивилизаціи.

Ограничимся пока этими объясненіями. Неправильное пониманіе значенія фантазіи въ историческомъ ходѣ человечества, которое мы старались по возможности устранить, не могло не отразиться, конечно, и на общемъ характерѣ нашей эпохи.

Въ цивилизаціи нашего времени есть значительный пробѣлъ: она образуетъ не полнаго человѣка. Всѣ усилія направляются къ воспитанію умственныхъ способностей человѣка и отчасти къ развитію его воли, воображеніе оставляется безъ всякаго надзора и дѣятельность его стараются лишь по возможности ослабить, какъ вредную и не практическую. Въ связи съ этимъ находится и малое уваженіе нашего времени къ поэзіи, какъ дѣятельности фантазіи. Изъ того, что продукты фантазіи прежнихъ временъ и народовъ оказались несостоятельными предъ анализирующей силою разума, мы заключили, что дѣятельность фантазіи вообще, какъ свободной игры творческой силы, не совместима съ зрѣлою мыслію и дѣловымъ направленіемъ нашего времени. Поэтическою прелестью, какая сообщалась во все времена продуктамъ фантазіи лишь при свободной и самостоятельной ея дѣятельности, нашъ вѣкъ рѣшился пожертвовать для того, чтобы склонить поэзію на служеніе прямымъ и ближайшимъ практическимъ цѣлямъ. Многіе простодушно думаютъ, что такое пожертвованіе есть тоже самое, что превращеніе дикой прелести степи въ распаханныя, но полезныя поля, или какого нибудь изящнаго парка въ плодовитый, приносящій доходъ, садъ. Пусть такое пожертвованіе нѣсколько тяжело для нашего пристрастнаго вкуса, думаютъ они, но оно должно быть сдѣлано въ интересахъ общаго добра. Къ сожалѣнію мы должны сказать, что мысли такого рода основаны на простомъ недоразумѣніи.

Фантазія не принадлежитъ къ числу тѣхъ роскошныхъ или маю нужныхъ способностей человѣческой души, безъ которыхъ бы можно было обойтись. Дѣятельность ея проникаетъ также точно всего современнаго человѣка, какъ и всего грека: всякое живое, цѣльное представленіе есть продуктъ фантазіи, все типическое въ жизни можетъ быть усматриваемо и изображаемо лишь при ея помощи. Общій характеръ и направленіе всего человѣческаго мышленія сталъ ипой въ наше время, нежели былъ у древнихъ, вслѣдствіе чего долженъ былъ измѣниться, конечно, и характеръ дѣятельности самой фантазіи, такъ какъ ея дѣятельность есть по преимуществу дѣятельность всего человѣка; по значеніе ея въ нашихъ отношеніяхъ къ міру дѣйствительности оттого не ослабилось.

По прежнему все живое, не умерщвленное анализомъ, все типическое, все, наконецъ, представляемое доступно намъ лишь посредствомъ фантазіи. Но если на практикѣ дѣятельность фантазіи не ослабилась въ наше время, она легко можетъ искажаться, если чистая, творческая поэтическая дѣятельность не будетъ ея руководителемъ; если всѣ неумолчныя требованія этого рода, живущія въ каждой человѣческой душѣ, не будутъ удовлетворены прямымъ путемъ. Результаты заблудшейся фантазіи мы уже видимъ въ наше время. Мы, какъ будто досадуемъ на древнихъ, что они тратили столько времени на безплодное фантазированіе: населяли вселенную вымышленными существами, любили отыскивать въ явленіяхъ природы связь, не подтвержденную потомъ наблюденіями науки; по мы забываемъ при этомъ, что самая мысль ихъ не хватала въ то время далѣе этого, что фантазія ихъ шла въ уровень съ мышленіемъ и, сгало быть, была также истинна въ своихъ произведеніяхъ, какъ и современная ей наука. Въ тоже время фантазія ихъ отличалась достоинствомъ, котораго недостаетъ фантазіи нашего времени. Въ самыхъ неслѣпѣйшихъ (по нашему) вымыслахъ они умѣли соблюсти высшіе законы естественности, ихъ вымышленныя существа созданы были столь согласно съ законами природы, что имѣли бы полное право жить. Мы, напротивъ, такъ глубоко постигшіе наблюденіемъ многіе законы естества, созрѣвшіе мысля до того, что понимаемъ и цѣнимъ природу, какъ она есть, даже не населяя ее вымышленными существами—мы, взявшіе себѣ для образца въ поэтическихъ созданіяхъ единственно природу, производимъ большею частію въ своей поэтической дѣя-

тельности такія уродливыя существа, которыя не могли бы жить въ той природѣ, изъ которой, повидимому, рабски скопированы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое же смутное *представленіе* всѣхъ вещей господствуетъ и въ современныхъ умахъ, какое выражается въ современной поэзіи.

Единственное противодѣйствіе, которое можетъ быть оказано такому неправильному состоянію цивилизаціи, слѣдуетъ ожидать отъ поэзіи и притомъ именно поэзіи самостоятельной, не подчиненной постороннимъ цѣлямъ. Фантазія людей должна быть также воспитываема, какъ ихъ разумъ и воля. Но кто же какъ не избранные въ этомъ отношеніи, какъ не поэты, могутъ быть этими воспитателями?

Все недоразумѣніе происходитъ оттого, что фантазія, будучи вѣчною, основною силою духа и неотразимою потребностью человѣческой природы, не признается въ наше время въ своихъ законныхъ правахъ и потому ищетъ себѣ удовлетворенія, цѣпляясь за что ни попало, лишь бы за современное и признанное за законное. Намъ кажется, что отъ этого не выигрываетъ ни сама фантазія, лишая человѣчество своихъ законныхъ плодовъ, ни ті современные идеи и стремленія, служа которымъ, она думаетъ спасти себя, но которыя только спутываетъ, мѣшая имъ выступить на свѣтъ въ ихъ истинномъ видѣ.

Нечего бояться, что признавъ фантазію въ ея мощныхъ и законныхъ правахъ, мы дадимъ ей поводъ вновь обратиться къ тѣмъ празднымъ вымысламъ, отъ которыхъ человѣчество должно было освобождаться долгимъ путемъ. Всякая истинная сила дѣйствуетъ непремѣнно сообразно потребностямъ времени. Человѣчество давно уже отказалось отъ всякихъ вымысловъ, скропѣлыхъ и произвольныхъ системъ натуры; вмѣсто того, чтобы навязывать вселенной свои собственные законы, оно обратилось исключительно къ изученію этихъ законовъ. Неужели фантазіи не найдется никакой роли въ этой новой формѣ дѣятельности человѣческаго духа?

Е. Эдельсонъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Гигіеническіе этюды о здоровьѣ, красотѣ и счастіи женщины. Сочиненіе доктора Макеля. Москва 1860 г. 104 стр.

Книжка эта некрасива, написана не очень грамотно и по со-
держанію своему такъ ничтожна, что невольно заставляетъ ду-
мать—не скрывается ли подъ именемъ доктора Макеля просто
какой нибудь книжный спекуляторъ селадонскаго свойства. Но
еслибъ она была и грамотнѣе и даже полнѣе въ медицинскомъ
отношеніи, все таки она не удовлетворила бы той огромной
потребности, которую всѣ мы, русскіе люди, чувствуемъ въ дѣль-
ной гигиенѣ для женщинъ, — составленной на новыхъ и разум-
ныхъ основаніяхъ.

Означеннаго такого разбора давно пора подумать нашимъ писа-
телямъ-медикамъ. И у насъ, да и во всей Европѣ очень много
разсуждаютъ объ улучшеніи положенія женщины въ нравствен-
номъ отношеніи—дѣло хорошее и благотворное, но не исключаютъ
себѣ другаго дѣла отчасти заброшеннаго,—о физическомъ
благосостояніи женщины. А между тѣмъ болѣзнь дошла до ог-
ромныхъ размѣровъ и требуетъ врачеванія. Въ низшихъ клас-
сахъ общества женщины страдаютъ и гибнутъ отъ изнуритель-
ныхъ, часто не женскихъ работъ (особенно у насъ въ Россіи);
въ классахъ достаточныхъ онѣ хвораютъ и кончаютъ жизнь
преждевременно отъ тысячи причинъ, между которыми празд-
ность, сидячая жизнь, предрасудки воспитанія, безобразіе кос-
тюма и образа жизни стоятъ на первомъ планѣ. Для этого-то
разряда женщинъ благородный голосъ мудраго врача и правила
разумной гигиены болѣе чѣмъ необходимы. Страшно подумать о
томъ, что у насъ на сѣверѣ, особенно въ большихъ городахъ,
на десять женщинъ не приходится одной свободной отъ тяж-
кихъ недуговъ и что женщинъ истинно здоровыхъ, исполненныхъ
женственной силы и только съ этой силой совмѣстныхъ душев-
ныхъ качествъ можно не встрѣчать по годамъ въ нашихъ сто-

лицахъ. Зло зашло такъ далеко, что сами женщины, и весьма неглушныя, считаютъ крышное здоровье чужь—то пошлымъ и несовмѣстнымъ съ ролюю женщины. Пансіонскія дѣвицы глотаютъ мѣль и уголь, чтобъ казаться интересными, свѣтскія дамы уродуютъ себя черезъ отсутствіе физическихъ упражненій, матери портятъ здоровье дочерей тѣсными корсетами,—твердая походка, смѣлый и свѣтлый взглядъ, свѣжій цвѣтъ лица, всѣ эти признаки перваго блага въ жизни, могучаго здоровья, считаются тривіальностью. Въ послѣднее время даже звонкій и звучный голосъ оказывается непозволительнымъ,—въ гостинныхъ надо шептать и произносить слова какимъ-то изнуренно-одержаннымъ тономъ. Всѣ эти признаки мелкаго безумія доказываютъ существованіе зла глубокаго и исправимаго только радонъ энергическихъ мѣръ, теплыхъ совѣтовъ и откровеннымъ указаніемъ гибельныхъ его послѣдствій. Женскій родъ и за дѣмъ конечно мужской видимо выражаются, но мужчины, менѣе подверженные предрасудкамъ и по роду занятій часто обращенные къ физической дѣятельности, хотя отчасти исправляютъ недостатки своего воспитанія, тогда какъ женщина, въ самомъ свѣтъ и даже подъ старость, только видоизмѣняетъ свои уклоненія отъ правилъ спасительной гігіены. Чтобъ вернуть нашу свѣрную женщину къ полному пониманію ея истинно несчастнаго положенія въ физическомъ отношеніи, нужны голоса смѣлыхъ ученыхъ, конечно болѣе опытныхъ и болѣе добросовѣстныхъ, нежели докторъ Макель и другіе подобные ему врачи селадоны.

Кинемъ хотя самый быглый взглядъ на тысячи особенностей, налагающихъ свое гибельное вліяніе на женскій организмъ—и между тѣмъ удобныхъ къ устраненію при небольшой охотѣ и силѣ воли. Первая изъ нихъ—полное равнодушіе къ физическому развитію дитяти-дѣвочки. Если ребенокъ держится прямо, не грязень, не строитъ гримасъ и сидитъ смирно, да не подверженъ никакимъ припадкамъ,—всѣ заботы о его тѣлѣ кончаются. Можетъ быть ни одна мать въ обихъ нашихъ столицахъ не думаетъ о томъ, что ребенокъ женскаго пола чрезвычайно способенъ терять пропорціональность членовъ и что противъ этого зла одно средство—большая физическая дѣятельность и рядъ хорошо рассчитанныхъ гимнастическихъ упражненій. Можетъ быть немногія матери даже знаютъ то, *каковы тѣломъ ихъ дочери, не развиты ли у нихъ одніе части тѣла на счетъ дру-*

гихъ, не ослабили ли другія отъ недостатка упражненія. Въ огромномъ количествѣ семействъ дѣвочки сидятъ цѣлый день за куклою, книгой и работою, даже не гуляя на воздухъ, и съ гимнастикой не имѣя никакихъ отношеній. Черезъ это, болѣе чѣмъ чрезъ неразумное воспитаніе послѣдующихъ годовъ,—дѣвочки и женщины нашихъ достаточныхъ классовъ — нестройныя и неправильныя созданія, иногда съ хорошенькой головкой, но всегда, *почти всегда* на уродливомъ тѣлѣ. Мы знаемъ, что мы неважливы, говоря это,—но слова наши истина. Мы не римляне и не греки, обожаніемъ тѣла мы не занимаемся, а потому еще можемъ примириться съ его уродствомъ (хотя много горя оно приноситъ и самымъ влюбленнымъ людямъ) — но кто не знаетъ, что физическая неправильность сложенія есть корень тысячи недуговъ? Неразвитые, вялые мускулы рукъ, предполагають и грудь неразвитую, слабыя и худо выгнутыя ноги говорятъ объ общемъ безсиліи, гдѣ нѣтъ стройной и легкой осанки, тамъ что нибудь болѣзненно и неправильно. Женщины, особенно въ періодъ молодости, когда организмъ еще не достаточно развитъ, хладнокровны къ болѣзнямъ и даже считаютъ ихъ чѣмъ-то трогательнымъ для особы прекраснаго пола; чтобъ избавиться отъ такого жалкаго предразсудка, имъ не мѣшаетъ подумать, что мужчины (преимущественно мужья) вовсе не любятъ больныхъ женщинъ, тѣмъ болѣе, что огромное количество женскихъ недуговъ сопровождается симптомами непривлекательными и даже противными.

Въ пансіонахъ и другихъ мѣстахъ воспитанія дѣвицъ, всѣ заботы о физическомъ развитіи оканчиваются запрещеніемъ кушать възвѣстку и залой съ гимнастическими орудіями, посреди которыхъ большинство воспитанницъ мирно гуляетъ «сплетаясь руками», между тѣмъ какъ какія нибудь двѣ или три самыя отчаянныя замарашки прыгаютъ и цѣпляются по воздушной лѣстницѣ. Это называется гимнастическимъ классомъ. Кормятъ дѣвицъ въ большей части женскихъ пансіоновъ отвратительно. О казенныхъ заведеніяхъ бываго времени мы можемъ сказать только, что въ Петербургѣ есть множество четырехъ-этажныхъ каменныхъ домовъ, принадлежащихъ бывшимъ экономамъ этихъ заведеній. Теперь, безъ сомнѣнія, экономы не такіе. Но мы говоримъ о пансіонахъ частныхъ. И дѣвицы, надо отдать имъ справедливость, весьма кротко переносятъ отсутствіе мясной пищи, провалъ дурнаго качества, попорченный картофель и пирожки на

прогоркломъ маслѣ. Сладкій пироги и конфетныя, привезенныя изъ дома, по временамъ мѣлъ и грифель вознаграждаютъ ихъ за плохой кормъ, а блѣдно-зеленоватый цвѣтъ лица, имъ причисленный, считается до крайности интереснымъ. Лишнимъ считаемъ говорить о гибельныхъ привычкахъ, развивающихся при многолюдствѣ и съ которыми могутъ бороться лишь зоркіе глаза материнскіе, да сила духа, редкая въ ребенкѣ.

Между шестнадцатью годами и періодомъ полнаго развитія дѣвушки проходитъ пора, въ которую правила разумной гигиены могутъ отчасти исправить то, что повреждено въ дѣтствѣ. Но пускай домашній врачъ попробуетъ посоветовать шестнадцатилѣтней дѣвицѣ бѣгать на свѣжемъ воздухѣ, дѣлать движенія всѣмъ тѣломъ полчаса вечеромъ, и полчаса поутру—вставать рано и прочая,—она засмѣется ему въ лицо, — а если онъ пойдетъ рассказывать какъ полезно дышать всей грудью, выгибать плечи, выправлять мускулы рукъ и ногъ,—она сочтетъ его слава непристойностью. Мамаша скажетъ, что въ ея время такія коверканія не дѣлалось и конечно важливый докторъ на это ей не скажетъ—«оттого-то вы, государыня моя, и похожи болѣе на ступу, чѣмъ на женщину». Послѣ первой неудачи, самый заботливый врачъ отложить попеченіе и произнесетъ: *così fan tutti*. И онъ такъ привыкнетъ къ злу, что хладнокровно будетъ видѣть шляпки, носимыя на затылкѣ, башмаки на тончайшихъ подошвахъ, и даже не замѣтитъ, что спальня дѣвицы натоплена какъ всѣ другія комнаты, что на его будущую пациентку наворачиваютъ десятокъ кубокъ, развивающихъ брюшное полнотворіе и подготавливающихъ жестокою простуду при прогулкѣ съ кринолиномъ, такъ великолѣпно подходящимъ къ нашему климату. Онъ, можетъ быть, иногда скажетъ, что изъ ста новѣйшимо-хронически-больныхъ петербургскихъ женщинъ, пятьдесятъ навѣрное получили свой *суп де грѣс* черезъ изобиліе кубокъ, расположившихъ ихъ къ воспринятію холода,—но скажетъ это въ видѣ общаго размышленія, вовсе не рекомендуя никакихъ практическихъ примѣненій, и несколько не желая вмѣшиваться въ дѣла домашней гигиены.

Наконецъ для дѣвицы наступаетъ пора вызда, пора болѣе или менѣе свѣтскихъ удовольствій... Вотъ тутъ-то — скажутъ мои читательницы—нашъ докторъ грубаго нрава начнетъ изливать свой ядъ на зловредныя свѣтскія удовольствія,—и на самый свѣтъ, докторамъ почти недоступный. Ничуть не бывало,

прекрасныя читательниці. Свѣтъ вещь весьма хорошая, да ежели бы онъ былъ и худъ, то другаго въ наличности не находится, а это обстоятельство не маловажное. Удовольствія свѣта вовсе не заслуживаютъ оужденія, даже въ гигиеническомъ отношеніи, особенно если они не доведены до излишества и сопровождаются отдыхомъ. Но объ одномъ прошу я дозволенія сказать свое слово: *удовольствія свѣта хороши лишь для здоровой женщины*. Они составляютъ цвѣтъ молодой женской жизни, они готовятъ будущія оязы и даютъ тонъ всего послѣдующаго существованія, но они тяжело, а часто и гибельно дѣйствуютъ на организмъ безвременно ослабшій или неподготовленный къ ихъ трудностямъ. Какъ искусный генералъ учить свои войска и готовить ихъ къ перенесенію трудностей для предстоящей кампаніи, такъ и молодая женщина должна бѣречь и упражнять свои молодыя физическія силы въ виду свѣтлаго періода своей жизни, періода утомительнаго, но необходимаго. Боже мой, какъ часто за нѣсколько лѣтъ назадъ, глядя на моихъ настоящихъ болѣзненныхъ пациентовъ, въ тотъ часъ, когда онъ, еще дѣвцами, гордо вызвали на первый балъ, въ сопровожденіи торжествующихъ родительницъ, говорилъ я самъ съ собою: «бѣдныя, худо пообедавшія, хилыя созданія! Вы довольно красивы (лицомъ) и одѣты со вкусомъ, вы ожидаете много радостей отъ этой ночи, но спросила ли себя хотя одна изъ васъ о томъ—подготовленъ ли ея организмъ къ открывающемуся роду удовольствій, отъ которыхъ иногда и молодой мужчина кряхтитъ или охаетъ? У которой изъ васъ грудь хорошо развита, развита такъ, что не побойтса тлстворнаго воздуха оперы *, нѣсколькихъ экстр-авальсовъ и полекъ? Которая изъ васъ знакома съ холодными ваннами и холодной спальней, и легкимъ одѣяломъ на столько, чтобъ безъ вреда вынести перемены температуры, переходя изъ залы въ прохладную столовую, переездъ домой по двадцати-градусному морозу? у которой изъ васъ нервы сохранены отъ раздраженія и не дадутъ на утро безсонницы или изнурительнаго сна съ испариной? Которая изъ васъ опособна, весело проснувшись назавтра, покупать какъ слѣдуетъ, и перейти къ заботамъ настоящаго дня

* Какъ челоѣкъ грубаго нрава я посовѣтую читателю, когда нигдѣ, въ пятомъ актѣ итальянской оперы, во время скучнаго речитатива каплянуть, плюнуть въ платокъ и такимъ образомъ наглядно убѣдиться въ томъ, сколько имъ проглочено пыли и копоти.

безъ біенія сердца , безъ шума въ ушахъ , безъ томительныхъ замираній? И въ отвѣтъ на эти грустные вопросы, въ воображеніи рисуется цѣлая фаланга чахлыхъ, зеленыхъ дамъ съ разбитыми нервами и десяткомъ женскихъ болѣзней , и я припоминалъ какъ еще за нѣсколько лѣтъ назадъ , эти жалкія дамы были такими же счастливыми шалуньями , отправлявшимися на свой первый танцевальный вечеръ , послѣ оперы. Впрочемъ , нѣкоторыя изъ сейчасъ упомянутыхъ дамъ даже еще не дамы—ихъ здоровье сокрушилось раньше, нежели онѣ приобрѣли себѣ супруга и покровителя , обреченнаго на досаду и зѣвоту около ихъ страдальческаго ложа. Вотъ эта исхудавшая и едва говорившая дѣвица, которую мы схоронимъ будущей весною, погнѣла жертвою своей маменьки, начавшей вывозить ее на шестнадцатомъ году, вслѣдствіе того, что высокій ростъ дитяти, въ соединеніи съ его дѣтски-связнымъ личикомъ , дѣйствительно представлялъ нѣчто *пикантное*. Другая дѣвица , теперь лежащая въ изнурительной лихорадкѣ, принесена въ закланіе весьма знатному и богатому иностранцу, котораго нужно было ловить на всѣхъ балахъ , не теряя времени , не взирая на морозъ и плохое здоровье—иноземецъ лишь на короткое время посѣтилъ нашу столицу и долженъ былъ исчезнуть подобно метеору. Все это справедливо, но очень справедливо, и совершенно сообразно съ тѣмъ, что всякій день кругомъ насъ совершается. И вотъ вамъ разумная гигиена, которой придерживаются наши семейства , съ которой соображаются наши несчастныя дѣвицы! Въ дѣтствѣ — духота дѣтскихъ комнать (потрудитесь подвергнуть обозрѣнію дѣтскія половины въ самыхъ богатыхъ русскихъ семействахъ), сидѣнье, отсутствіе физическихъ упражненій , уродливость тѣла. Въ переходномъ возрастѣ—мерзкая пища, пагубныя привычки, набиваніе головъ бесполезнымъ вздоромъ,—въ юношествѣ—удовольствія разрушительныя для слабыхъ организмовъ , безъ всякаго имъ противодѣйствія въ гигиеническомъ отношеніи. И мы еще считаемъ себя отменно образованными людьми , и еще разсуждаемъ, что весьма готовы заботиться о благосостояніи женщины! У древнихъ спартанцевъ дѣвушки боролись и бѣгали передъ народомъ въ самомъ легкомъ изъ всѣхъ уборовъ—и намъ желательно знать, что бы сказалъ древній спартанецъ , еслибъ передъ нимъ забѣгали въ томъ же уборѣ наши изломанные, хворыя, нескладныя дѣвицы, одинъ видъ которыхъ переноситъ въ госпитальныя области! Магометане дурно обходятся съ жен-

щинами, — но въ гаремъ Абдуль Меджида жены прекрасно купаются, купаются всякій день по нѣскольку разъ и хворають только избыткомъ здоровья. Казачки, на Дону и на Кавказъ, часто за отсутствіемъ мужчинъ, правятъ самыя тяжелыя полевыя работы, и участь эта довольно печальна, но за то, по крайней мѣрѣ въ физическомъ отношеніи, какъ эти казачки сильны, здоровы и стройны! Кто сочтетъ сколько чахотокъ насыщено надъ книгою исторіи Кайданова, надъ нѣмецкой грамматикой? Кто сочтетъ воспаленія, произведенныя цѣлымъ стогомъ юбокъ, и несчастные случаи, корень которыхъ возвращенъ криволыкомъ? Quousque tandem?.. Или это никогда не кончится?

Во всей Европѣ гігіена ушла не далекъ, и вращается среди полу-мѣрѣ тамъ, гдѣ нужны радикальныя средства. Наши женщины достаточнаго класса въ физическомъ отношеніи несчастны нѣмкомъ, французенокъ, итальянокъ не столько потому что наука у насъ отстала, какъ потому что нашъ климатъ дѣйствуетъ разрушительнѣе другихъ, требуетъ себѣ болѣе энергическаго противодѣйствія. Сверхъ того, нѣмки (весьма изуродованныя сидячей жизнью) поддерживаютъ себя тихамъ, правильнымъ образомъ жизни, — французенки, своею подвижностью, обрекающею ихъ на произвольную, вѣчную комнатную гимнастику, итальянки растительною пищею и плѣнительною ясностью характера, драгоценнѣйшимъ даромъ неба, такъ для нихъ щедраго. Въ Англіи и Шотландіи, гдѣ климатъ дѣйствуетъ вредно на организмы еще не сложившіеся (преимущественно на грудные органы), практическій смыслъ матерей семействъ и самыхъ молодыхъ женщинъ побѣдоносно борется съ предрасудками, климатомъ и даже модою. Вся Европа смѣется надъ отличнымъ аппетитомъ англичанокъ — но здоровы и красивы женщины въ странѣ возбуждающей это посмѣяніе и дай богъ, чтобы наши дѣвицы поскорѣй дожили до подобнаго позора. Точно также когда-то Европа смѣялась надъ круглыми шляпками, надъ женскою гимнастикой, надъ женскимъ наездничествомъ, надъ голыми икрами у двѣнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ, — теперь она предпочитаетъ подражать всему этому, весьма часто безъ разбора или примѣненія къ условіямъ своего климата. Можетъ быть нѣкоторыя изъ нашихъ читательницъ проживали въ Москвѣ при коронаціи нынѣ царствующаго Императора и были знакомы съ двумя англичанками, женами дипломатическихъ лицъ, прибывшихъ на торжество. Одна изъ нихъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ

тѣмъ вышедшая замужъ, была леди Эмили Пиль, нѣя другой я забылъ и не могу припомнить. Эти молоденькія особы, помимо всѣхъ своихъ достоинствъ, удивляли всю собравшуюся въ москвѣ Европу своимъ истинно желѣзнымъ здоровьемъ и перенесеніемъ такихъ трудностей, одна мысль о которыхъ даже меня можетъ повергнуть въ ужасъ. Онѣ могли на охотѣ скакать на лошади по цѣлымъ часамъ, съ охоты вѣхать на обѣдъ, съ обѣда вечеромъ на балъ, и на другое утро ходить и гулять по московской мостовой, которая, какъ извѣстно, не совсѣмъ похожа на мягкое ложе изъ розовыхъ листовъ. После самой безпокойной жизни, перепробовавъ всѣхъ увеселеній, одна изъ нихъ, (а можетъ быть и обѣ,) повхала на нижегородскую ярмарку, — не жалуясь на судьбу, заняла на скоро попавшееся помѣщеніе (не чуждое клоповъ, какъ слышно,) осмотрѣла все въ городѣ и вернулась для новыхъ путешествій, нисколько не тщеславясь своими подвигами. Вотъ это, смѣемъ сказать, была особа, подготовленная къ свѣту и способная, безъ всякаго физическаго вреда, взять себѣ полную долю житейскихъ удовольствій, не платить дань изнуренія за веселый танецъ и ночь лихорадки за бальный костюмъ хорошо пригнанный. Подобнымъ персонамъ и книги въ руки, и первое мѣсто на балѣ, и вся сладость полнаго торжества, такъ извинительнаго и отраднаго въ годы молодости. И Леди Пиль вовсе не была исключеніемъ, рѣдкостью, въ кругѣ дамъ и дѣвицъ англо-саксонскаго племени — ея стройныя подружки, съ стальными мускулами въ глѣбомъ тѣлѣ, сотнями скачутъ по аллеямъ лондонскихъ парковъ, на кровныхъ лошадяхъ, отчасти сходныхъ по виду съ огромнѣйшей борзою собакою.

Говорить ли наконецъ о замужствѣ нашихъ женщинъ, объ условіяхъ, при которыхъ браки у насъ заключаются, — о безсовѣстномъ поправленіи всѣхъ основныхъ законовъ супружеской гігіены, каждодневно у насъ совершающемся? Я чувствую, что старички съ масляными глазами и длинные отроки, уже читающіе Поль-де-Кока, въ душѣ умоляютъ меня продолжать и рассказывать передъ міромъ тысячи эротическихъ подробностей, хорошо знакомыхъ мнѣ какъ медику, да еще и грубаго свойства! Но молбы ихъ будутъ напрасны, *успѣхъ скандала* всегда казался мнѣ горше всякаго наипостыднѣйшаго паденія. Сатиръ есть веселый полубогъ, но я не знаю ничего отвратительнѣе сатира, припрывающагося ученою мантиею. И такъ, — ни слова собственно о

бракъ, ни слова о бѣдныхъ жертвахъ родительскаго невѣжества, физическихъ недостатковъ развитыхъ жалкимъ воспитаніемъ, и часто своего собственнаго тупоумія, которое носитъ иногда названіе прелестной наивности и чистоты голубиной! Мы предпочитаемъ бракъ уже давно заключеннымъ и молодую женщину уже вступившую въ обязанность матери и госпожи дома. Народная поговорка о томъ, что мужъ любитъ жену здоровую, должна служить и комментариемъ и объясненіемъ почти на всякое несчастное супружество, почти на всякій печальный случай, расторгающій согласіе между женою и мужемъ. Женщина больная (я разумю недуги постоянные, именно тѣ, которыхъ корень въ дурномъ физическомъ развитіи) относительно своего мужа совершенно тоже, что въ коммерческомъ свѣтъ дольщикъ, обманувшій товарищей на счетъ своего капитала и неимѣющій возможности представить своего пая на общее дѣло. И представьте еще въ дополненіе, что этому дольщику вы не имѣете равъ показать кукиша! Дѣвушка, весело вложившая свою руку въ руку избраннаго мужчины, изъявившая готовность взять на себя половину его заботъ и интересовъ, оказывается жалкимъ, зорымъ бременемъ, которое само должно быть взято на плечи и понесено по жизненному пути, не безъ брани и огорченій! Гдѣ нужна веселая дѣятельность, тамъ оказывается оханье, да требуется свѣжая голова и бодрый духъ — тамъ головоруженія и нервическіе припадки, и лежанье на постели, и нислые взгляды и банки съ микстурой! Но оставимъ въ сторону и бѣднаго мужа, и бѣдныхъ дѣтей, воспитаніе которыхъ традѣетъ при слабомъ здоровьи матери, предположимъ даже, что наша дама бодро несетъ супружескія обязанности и силой духа преодолагаетъ слабость своего тѣла. Ея положеніе сносно при хорошемъ достаткѣ, при жизни на одномъ мѣстѣ, но что станется съ нею, если бѣдность подберется къ ея семьѣ, или если ей придется, вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми, вести жизнь подвижную, вдали отъ докторовъ, большаго населенія и медицинскихъ пособій? Не вдаваясь въ весьма большія предположенія, не касаясь великихъ трудовъ часто требуемыхъ отъ женщины, хозяйки и матери, ограничимся жизнью самой свѣтской, самой блестящей, но и этой жизни лучшая часть выходитъ не подъ силу нашимъ русскимъ дамамъ. Перенеситесь на минуту въ Швейцарію, въ Италію, въ Сардинію, въ Тиролю, — въ мѣста, при видѣ которыхъ сердце радуется, слезы проливаются

изъ глазъ и всѣ силы духа возбуждаются чувствомъ безконечнаго восторга, перенеситесь въ эти мѣста и прослѣдите за страданіями бѣдныхъ русскихъ дамъ, физически слабыхъ и неспособныхъ переносить самыхъ небольшихъ путевыхъ трудностей! Когда вы, осенью, слушаете рассказы вернувшихся путешественницъ о томъ какъ хорошо въ Швейцаріи и Италіи — вѣрьте мнѣ, что эти рассказы — пустое угожденіе модѣ, что на самомъ дѣлѣ неизмѣримо далекая часть рассказницъ была безсильна даже на малую часть наслажденія. Я помню на удивительной земмеринской дорогѣ одну русскую даму, даже довольно полную и розовую, которая не имѣла силъ глядѣть изъ окна на пропасти и скалы, и отъ страха занемогла верною головою болью, посреди чудесъ природы и искусства человѣческаго. Эта дама, сравнительно говоря, принадлежала къ числу здоровыхъ. Но вѣроятно, ни во время ея дѣтства, ни въ ея дѣвическомъ возрастѣ, ни сама она, ни ея родные не приняли никакихъ мѣръ къ устраненію раздражительности и къ укрѣпленію нервной системы, да и зачѣмъ было принимать нервы, — дѣло женское. Въ картинныхъ галлерейхъ, въ залахъ, посреди виллъ укрытыхъ пятисотлѣтними садами, русскія дамы бродятъ какъ сонныя мухи — всякій сторожъ на пари узнаетъ вамъ русскую даму по ея безотрадно-холодному виду. Положимъ, что онѣ не подготовлены къ чудесамъ искусства, что ихъ воспитали худо, — но вѣдь нельзя же думать, что всѣ иностранки лучше подготовлены и образованы воспитательно, а сердце и чутье изящнаго вездѣ одно и тоже. Но наши женщины хилѣе тѣломъ и ослабѣй ихъ организмъ не выдерживаетъ движенія и простора, блеска и созерцанія красоты. Духъ, повинувшись возбудительному призыву, старается воспринять, а неразвитое, дряблѣе тѣло не даетъ ему поддержки. Чтобы понять, до какой степени русская женщина вышнѣе слоевъ общества дряблетъ и выражается, надо видѣть ее и въ болѣзни, болѣзнь нападаетъ и на богатырей, не въ минуты печали, — печаль одолеваетъ и сильныхъ, — но именно въ минуты, когда радости жизни оказываются не по плечу ея организму, когда женщина страдаетъ отъ причинъ, которыя въ свое время, и даже въ злѣйшую свою пору — могли бы употребить усилія разумной медицины, принципамъ серьезной, и рутинной гігіены.

Такихъ-то принциповъ мы хотимъ, и изложеніе такой жен

своей гигиены необходимо нашему обществу. Врачъ, который первый серьезно заговорить о радикальномъ пересмотрѣ въ физическомъ воспитаніи, получить законную популярность, и лавровый вѣнецъ отъ нижеподписавшагося, медика грубаго нрава.

Карманныя таблицы, легко указывающія всѣ гражданскія постановленія, сроки, судебныя инстанціи, мѣста, въ коихъ совершаются судебныя акты и прочее. Составилъ и издалъ Николай Дудинъ, чинovníкъ почтоваго департамента, бывшій стряпчій С.-Петербургскихъ надворныхъ судовъ (*С.Петербургъ 1860. 51 стр.*).

Во время нашего служенія въ одной изъ канцелярій, находящихся въ городѣ Петербургѣ, намъ одинъ разъ пришлось составлять докладецъ по поводу книги, подносимой или посвящаемой нѣкому сановнику. Такъ какъ, упоминая о сочиненіи, приходилось упомянуть и о лицѣ его написавшемъ, — то мы безъ дальнихъ колебаній и позволили себѣ выраженіе — *авторъ представляемой книги!* — но, къ неопisanному нашему горю, выраженіемъ этимъ повергли своего начальника въ величайшее волненіе. Невозможно, непозволительно, необыкновенно, — сказалъ намъ директоръ канцеляріи — употребить въ докладъ такому лицу слово *авторъ!* Мы предложили замѣнить его выраженіемъ *сочинитель*, но сановникъ вообще не любилъ сочинителей и зналъ, что въ просторѣчии сочинитель почти тоже что враль, выдумщикъ, обманщикъ. Послѣ преній, занявшихъ около часа времени (вслѣдствіе чего чиновники ушли обѣдать часомъ позже) найденъ былъ термъ *моуен*, исходъ изъ затруднительнаго положенія, перифраза, сохранявшая смыслъ слишкомъ литературнаго слова *авторъ*, безъ его небывалой рѣзкости. Вдвоемъ съ начальникомъ мы рѣшили написать *составитель представляемаго сочиненія*, и докладъ съ торжествомъ былъ врученъ писарю для окончательной переписки на блѣ.

Господинъ Дудинъ, составитель таблицъ, находящихся передъ нами, очевидно не гонится за авторскою славою и можетъ быть, подобно нашему бывшему начальнику, не любить слова *авторъ*. *Уведомленіе*, которое предпослалъ онъ своему труду (предисловіе — слово слишкомъ фривольное) показывасть въ немъ чело-вѣка, если не пренебрегающаго литературной стороною дѣла, то во всякомъ случаѣ считающаго ее за нѣчто неумѣстное: это уведомленіе состоитъ изъ тринадцати строкъ, представляющихъ одинъ періодъ, но періодъ такой длинный и запутанный, что

ему можно подивиться. Къ счастію однакоже господинъ Дунинъ, чиновникъ почтоваго департамента и бывшій стряпчій С.-Петербургскихъ надворныхъ судовъ, и ограничиваетъ свое авторство этимъ безконечнѣйшимъ періодомъ. За уведомленіемъ идетъ оглавленіе, а за оглавленіемъ извлеченія изъ Свода Гражданскихъ Законовъ, и указанія на пункты, подобранныя и расположенныя такъ, что всякое лицо, имѣющее нужду въ справкахъ, можетъ ориентироваться безъ боязни.

Всѣ указанія распределены по таблицамъ, которыхъ двѣнадцать: 1) о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ, 2) о порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущество, 3) о пріобрѣтеніи и укрѣпленіи правъ на имущество въ особенности, 4) о (объ) обязательствахъ по договорамъ 5) о судопроизводствѣ и взысканіи гражданскомъ, 6) о производствѣ гражданского суда въ дѣлахъ спорныхъ, 7) о взысканіяхъ гражданскихъ, 8) о ссудкахъ гражданскихъ, 9) о судебныхъ инстанціяхъ, 10) о мѣстахъ, гдѣ какіе акты составляются, совершаются и являются, 11) о разборѣ крѣпостной бумаги, 12) о цѣнѣ земель и крестьянъ по губерніямъ.

Изъ перечня этого можно видѣть, что книжка, не взирая на длинный періодъ уведомленія, принадлежитъ къ числу очень полезныхъ. По цѣнѣ своей она могла бы быть нѣсколько дешевле.

Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній Павла Якушкина. С.-Петербургъ 1860, 204 стр. Изданіе книгопродавца Кожанчикова.

Любители всего историческаго, (въ Поздревскомъ смыслѣ этого слова) и вообще всѣ охотники до большихъ и малыхъ литературныхъ скандаловъ, съ жадностью кинутся на первыя письма г. Якушкина, такъ извѣстнаго своимъ похожденіями и своею полемикой съ г. полицеймейстеромъ Гемпелемъ. Въ книгѣ этой будутъ они искать дополненій къ старой исторіи и можетъ быть новыхъ разсказовъ о столкновеніяхъ автора съ болѣе или менѣе суровыми полицменами, — но къ удовольствію нашему мы можемъ сказать, что ихъ надежды будутъ совершенно обмануты. Въ одномъ только отношеніи исторія псковскихъ приключеній г. Якушкина, станетъ яснѣе безъ всякаго съ его стороны старанія и даже безъ упоминанія о ея перипетіяхъ. Г. Якушкинъ, до сихъ поръ извѣстный намъ только какъ неутомимый собиратель русскихъ пѣсенъ, — въ письмахъ своихъ является передъ нами писа-

телемъ — путешественникомъ, дѣлающимъ честь сословію путешественниковъ и писателей. Людей такъ умно умѣющихъ ходить по Россіи, — такъ хорошо понимающихъ трудное дѣло бесѣдовать съ простыми людьми, — и такъ увлекательно передающихъ въ печати результатъ своихъ наблюденій, — надо беречь и любить, а не оскорблять изъ за незначительнаго повода. Собраніе путевыхъ писемъ г. Якушкина, лежащее передъ нами, есть его лучшая защита — прочитавъ собраніе это, мы не нуждаемся ни въ какихъ дополнительныхъ свѣдѣніяхъ по поводу недавно происходившей тяжбы его съ псковскою полиціею.

Путешествовать по Россіи (мы разумѣемъ здѣсь не вѣду на почтовыхъ и не осмотръ губернскихъ городовъ съ ихъ памятниками) есть занятіе не только чрезвычайно трудное, вслѣдствіе дороговизны переездовъ, суровости климата, лишеній и прочаго — но занятіе еще требующее отъ туриста цѣлаго ряда дарованій, которыя не добываются ни добросовѣстнымъ трудомъ, ни горячими усиліями. Нуженъ отъ природы зоркій глазъ, для того чтобъ подмѣчать характеристическія особенности мѣстности, не кидающейся въ глаза красотою, для того чтобъ изучить бытъ, не поражающій живописностью или оригинальностью. Необходимъ положительный талантъ для разговора съ простымъ народомъ, который никогда не выскажется передъ человекомъ неподготовленнымъ или подступающимъ къ простолюдину съ поддѣльно-простотою рачью. И наконецъ, когда путешествіе совершенно и зачасъ созданія прибрѣтенъ, нуженъ даръ изложенія, тѣмъ болѣе трудный, что предметъ его всеневенъ и тусклъ, даже для людей очень развитыхъ. Но зато, — если путешественникъ и разскащикъ имѣетъ все это — трудъ его всегда выходитъ и почетнымъ и истинно увлекательнымъ. Объ одномъ подобномъ трудѣ мы еще недавно бесѣдовали съ нашими читателями, (Годъ на Сѣверъ г. Максимова), а книга г. Якушкина, ни по объему, ни по обилію содержанія не равняющаяся сочиненію г. Максимова, тѣмъ не менѣе показываетъ въ авторѣ неизмѣнное призваніе къ дѣлу, на которое, можетъ быть, во всей Россіи есть только два или три способныхъ человека.

Путевыя письма, разбираемыя нами, обнимаютъ собою самый незначительный періодъ времени, — ноябрь и декабрь мѣсяцы 1858 года, проведенные въ новгородской губерніи, и недѣли двѣ изъ августа 1859, посвященные странствованіямъ въ псковской губерніи, но такъ внезапно прерванные псковскимъ заключеніемъ.

Потому-то судить о книгѣ, какъ о произведеніи полномъ и законченномъ, никакъ не слѣдуетъ, но какъ объ образчикѣ чисто русскихъ путевыхъ замѣтокъ, — какъ залогъ того, чего можемъ мы впередъ ожидать отъ ся автора, она необыкновенно замѣчательна. Еслибъ мы принадлежали къ числу богачей, незнающихъ ни какое полезное дѣло употребить часть своего достатка, — богачей, какихъ въ нашемъ отечествѣ слишкомъ много, — мы почли бы за счастье войти въ сношенія съ г. Якушкинымъ, дать ему средство исходить столько частей Россіи, сколько онъ самъ пожелаетъ, — лишь бы результатомъ того вышелъ Годъ въ приволжскомъ краѣ, Годъ въ Сибири, Годъ въ подмосковныхъ губерніяхъ, или что нибудь въ такомъ родѣ. Знатоки говорятъ, что заслуга г. Якушкина, какъ собирателя народныхъ пѣсень, весьма замѣчательна, но мы не скроемъ, что для насъ собственно это занятіе кажется привлекательнымъ лишь какъ путеводная нить и предлогъ для сближенія съ простымъ народомъ. Намъ кажется, что лучшія и дѣйствительно поэтическія пѣсни русскаго народа собраны въ достаточномъ количествѣ; что же касается до вариантовъ или до пѣсни о томъ, что и *Дунюшкинъ миленькой съ Новгорода ставитъ дома каменные*, — то наслаждаться ими могутъ лишь специалисты, а собирать ихъ съумѣетъ всякій, у кого на то есть добрая воля. Если въ народѣ имѣется еще порядочное количество пѣсень никакъ не записанныхъ, — то мы несколько не мѣшаемъ г. Якушкину ихъ издавать и комментировать, но одно занятіе не мѣшаетъ другому, и мы еще разъ, долгомъ считаемъ сказать ему безъ всякаго преувеличенія, что онъ рожденъ туристомъ, а не собирателемъ, — писателемъ, а не компиляторомъ. Въ этомъ отношеніи нашъ авторъ долженъ взять примѣръ съ извѣстнаго Форчена, сочинителя увлекательной книги о Китаѣ, поѣхавшаго за море собирать травы и насѣкомыхъ, а вернувшись домой съ прекрасной книгою. Насѣкомыя и травы сданы куда слѣдуетъ, и ученые остались ими довольны, — но тотъ кто ихъ добылъ, понялъ очень хорошо, что не гербарію, и сушенымъ мухамъ одолженъ онъ своей извѣстностью. — Чтобы познакомить читателя съ живостью и увлекательностью путевыхъ писемъ г. Якушкина, а также съ его невзыскательной и не для многихъ доступной манерой путешествовать, позволимъ себѣ сдѣлать двѣ выписки — посвященіе Юрьева монастыря, — и ночлегъ у одного псковскаго крестьянина.

«Въ Юрьевъ монастырь, или какъ здѣсь выговариваютъ *мора-*

стырь, или *монастырь*, я пришел до вечеренъ. Около лѣтняго большаго собора три могилы монаховъ, изъ которыхъ самый замѣчательный, кажется, тѣмъ, что былъ духовникомъ благодѣльницы монастыря, какъ сказано на памятникъ, графини А. А. Орловой, другой—братъ его, третій — Шялкинъ или Шипкинъ, не помню. Три брата Орловыхъ: Алексѣй, Григорій и Ѳеодоръ, какъ я послѣ узналъ, похоронены въ самомъ соборѣ. Монахи всѣ заняты своими дѣлами, и я насилу добился, гдѣ будетъ служба, и то не отъ монаха, а отъ мальчика, штатнаго, который приходитъ сюда ежедневно изъ Юрьевой слободы. Про богатство иконостасовъ монастырскихъ церквей нечего и говорить: всѣмъ извѣстно, что графиня Орлова большую часть всего своего имѣнія отдала этому монастырю чрезъ руки Фотія, бывшаго Юрьевскимъ архимандритомъ. Разсказываютъ, что въ этомъ монастырѣ при Фотіѣ изъ ризницы пропало разныхъ вещей и камней на 800,000 руб. (асс. или сер. не знаю). Изъ Петербурга приехали производить слѣдствіе. Фотій отправился къ Орловой (она жила въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ монастыря), сказалъ ей, что она дала въ монастырь камни вѣрно не добромъ отцомъ ея нажитые, и что вѣрно Богу не угодно принять такой даръ. Орлова сдѣлала всѣ пропавшія вещи лучше прежнихъ и упросила въ Петербургѣ не производить слѣдствія. Иконостасъ поэтому очень богатъ, утварь тоже, но я былъ удивленъ тѣмъ, что въ церкви было народу довольно, а передъ иконами горѣла всего одна свѣча. Даже лампы не всѣ были зажжены. Служба шла очень долго: до 7½ часовъ. Стеннало совершенно, идти было некуда; я спросилъ у одного монаха: могу ли я переночевать въ монастырѣ? Мнѣ сказали, чтобъ я шелъ за народомъ изъ монастыря. «Тамотко и гостинница монастырская». Вышедши изъ монастыря, я пошелъ за толпою, но оказалось — не въ ту сторону: надо было идти на право, а я пошелъ на лѣво; я вернулся и къ счастью попалъ на богомольца, который довелъ меня въ гостинницу, куда бы я одинъ ни за что не попалъ. Надо было обойти кругомъ весь монастырь, пройти бани, разныя службы, и проч. Гостинница состоитъ изъ двухъ половинъ—мужской и женской. Мужская — довольно большая комната, съ чугункою и русскою печью; кругомъ широкія лавки, у передняго угла столъ, посреди виситъ ночникъ; перегородкой отгороженъ небольшой чуланъ—келья повара. Когда мы вошли въ гостинницу, тамъ бы-

до человекъ 10 — 12 богомольцевъ и богомолкъ, или, какъ здѣсь говорятъ, *странныхъ* и *странницъ*. После почти четырехъ-часовой службы всѣ устали и сидѣли молча около 10 минутъ. Потомъ разговорились. Поваръ, парень лѣтъ 25 въ подрябникъ и монашеской шапкѣ, обратясь ко мнѣ, спросилъ: «Откуда рабъ Божій?» — Изъ Москвы почтеннѣйшій. — «Доброе дѣло, рабъ Божій, задумалъ доброе дѣло!» — «А ты, рабъ Божій, откуда?» спросилъ онъ другаго. — Я-то? — «Ну да, ты откуда?» — Мы дальніе. — «А сколь далеко?» — Да изъ-за Чудова, Новгородской губерніи. — Ну, это еще не гораздо далеко, верстъ 70! — «А, долбежники!» подхватилъ Тверской мѣщанинъ долбежники! — Отъ чего же долбежники? спросилъ я. — «Какъ отъ чего! Можетъ быть ты слышалъ: еще за нашихъ дѣдовъ былъ царемъ Иванъ Васильевичъ Грозный, слышалъ?» — Слышалъ. — «Ну, такъ вотъ этотъ самый Иванъ Васильевичъ Грозный долбешкой гонялъ Новгородцевъ въ Волховъ топять!» — За что же онъ ихъ топилъ? — «А этого я тебѣ сказать не могу. Вѣрно какую ни на есть огрубность сдѣлали.» — А ты откуда? спросилъ московскій мѣщанинъ, приведшій меня въ гостиницу, очень благообразный мужикъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ. Ты откуда? спросилъ онъ отставнаго солдата? — Мы недалекіе: всего верстъ за двадцать отсюда. — «Богу пришелъ потрудиться?» продолжалъ Москвичъ. — Нѣтъ, не хочу грѣшить; дѣло есть въ Новгородѣ; такъ я нонче переночую въ морастырѣ, завтра пораньше сбѣгаю въ городъ, подамъ просьбу, а къ обѣду опять въ морастырь. — Пока мы балякали, поваръ, надышавъ фартукъ, поставилъ на столъ ведро квасу, къ которому и стали подходить: сперва одинъ, нѣсколько погодя другой. Поваръ поставилъ ближе къ переднему углу чашку щей. Всѣ, помолясь Богу, и умывши руки изъ висѣвшаго тутъ же рукомойника, сѣли за столъ, мужчины въ переднемъ углу, женщины съ краю. Поваръ поставилъ корзинку съ ложками, всякъ сталъ брать себѣ ложку. Замѣчу мимоходомъ: богомольцы брали какую попало, только Москвичъ одну ложку взялъ съ ряду, а другую выбралъ и подалъ мнѣ; странницы же стали выбирать, и сперва шопотомъ, потомъ громче и громче, а наконецъ и громкимъ крикомъ изъявлять свое неудовольствіе: ложекъ не было хорошихъ! Поваръ стоялъ, усмѣхался, и съ самою добродушною улыбкою поддразнивалъ ихъ. Наконецъ все уgomонилось; всѣ примолкли. — «Дадутъ намъ

хліба? спросилъ я шопотомъ своего сосѣда москвича. — «Тутъ сухари накрошены, — отвѣчалъ онъ мнѣ тоже тихо, я попробовалъ щей, ничего, есть можно: съ рыбой, хоть и изъ сырой капусты. Подъ конецъ блюда этого, поваръ роздалъ всякому по ломтю хліба. Кончивши щи, послѣ предложенія «подлить еще», отъ чего всѣ отказались, намъ подали кашницу съ коноплянымъ масломъ. Кашница была даже и очень хороша. Поваръ всѣхъ угощалъ очень радушно. Поужинали, встали изъ-за стола, помолились Богу, и начали опять говорить. — «При графинѣ было не то, — пропѣвала скороговоркой одна странница: — при графинѣ подавали всегда три блюда; три блюда хорошія; сперва подадутъ щи хорошія съ рыбой, а тамъ кашу крутую съ масломъ, а тамъ, по праздникамъ, пироги съ кашей; а на передній уголь, хоть и второй руки, а все-таки изъ пшеничной муки. — «Да нынче, родненькая, суббота», проговорилъ сперва незамѣченный мною мужичокъ юродивый. Онъ былъ небольшо-го роста, волосы черные съ сильною просѣдью; видно было, что онъ рѣдко причесывался, но волосы его сами собою сложились въ чудныя кольца. Лицомъ онъ былъ худощавъ, глаза голубые, и какъ-будто испуганные; но это ничуть не мѣшало ему быть прекраснымъ; такого добросердечія, простоты, искренности — не часто случается видѣть. Послѣ какъ я ни старался заговаривать съ нимъ, онъ, улыбаясь, только говорилъ: — «да, да, да.»

— А вы откуда, спросилъ Москвичъ повара? — «Мы изъ емлянска.» — Чтожъ, монашествуете? — «Да, послугъ спрашиваютъ.» — А давно монашествуете? — «Двухъ годъ вѣту: въ маѣ на будетъ.» — «Вретъ! изъ мужиковъ», проговорилъ отставной солдатъ вполголоса: «по найму!» Въ комнатѣ было тихо, а потому нельзя было неслыхать этихъ словъ; однако поваръ не выслушалъ, или не хотѣлъ слышать, и ничего не отвѣчалъ. Извѣстно видѣть — повару захотѣлось почваниться: все-таки монашескій санъ выше крестьянскаго!

— А много у васъ монашествующей братіи? опять спросилъ Москвичъ повара.

— Да 93 человѣка, — отвѣчалъ тотъ: только они не всѣ здѣсь живутъ.

— А гдѣ же?

— Съ версту, а не то версты полторы будетъ тамъ скитъ у насъ есть.

Во время этого разговора богомолки всѣ ушли въ женское отдѣленіе, а богомольцы стали укладываться на ночь спать. Я и Москвичъ были одѣты лучше всѣхъ; насъ обонхъ величали всѣ (кромя повара, который всѣхъ называлъ рабами Божьими), «наше степенство». Всѣ ложились, оставались мы только двое не выбравшіе мѣстъ для почлега. Какъ вы думаете, какія мѣста намъ достались, самыя худшія? Далеко ошиблись! Самыя лучшія! Москвичъ успѣшилъ занять худшее изъ двухъ оставшихся мѣстъ.

Монастырская прислуга ходитъ каждый день, кромѣ пятницы и субботы: прислужники шьютъ, воду носятъ и другія работы исправляютъ на монаховъ.

Едва только мы размѣстились, какъ поваръ замѣтилъ, что у многихъ, въ томъ числѣ и у насъ, нечего было постлать, и положить въ головы; онъ сѣйчасъ пошелъ за свою перегородку, принесъ нѣсколько войлоковъ, обшитыхъ тикомъ, и подушекъ. Я выпросилъ у него свѣчку и сталъ перебирать свои дневники.

Едва всѣ уснули, какъ кто-то застучалъ въ окно. Москвичъ всталъ, вышелъ на крыльцо. — «Спрашиваютъ, гдѣ въ Ракому проѣхать», сказалъ онъ, и опять легъ спать. Я забылъ сказать, что здѣсь былъ нищій мальчикъ лѣтъ 10. Я его уговаривалъ лечь на лавкѣ, но онъ легъ, вмѣстѣ съ юродивымъ почти на голомъ полу, чему я послѣ позавидовалъ: не успѣлъ я лечь, какъ на меня напали клопы, такъ что я цѣлую ночь не могъ уснуть, зажегъ свѣчу и опять за дневникъ.»

А вотъ и второй отрывокъ. Мѣсто сцены—недалеко отъ Пскова.
«Стало вечерять, когда я подошелъ къ Суслову. На шоссе выходитъ только одинъ постоялый дворъ или, по-здѣшнему, харчевня. Въ харчевнѣ меня не пустили ночевать, хотъ я предлагалъ плату за ночлегъ.

— Ступай, братъ, въ деревню: мы сами нанимаемъ: значитъ -- деньги платимъ, отвѣчалъ мнѣ дворникъ на мою просьбу, вѣрно, не надѣясь на хорошую плату.

— Пусти, добрый человекъ, переночевать, сказалъ я первому попавшемуся мнѣ мужику.

— Милости просимъ, отвѣчалъ тотъ; милости просимъ! Пойдемъ въ избу, закусимъ мало, чѣмъ Богъ послалъ.

Хозяинъ избы, очень благообразный мужикъ, лѣтъ 38, только-что вернулся съ поля; подойдя къ своему двору, онъ напелъ у воротъ своего сына, мальчика лѣтъ двухъ, взялъ его на руки, и мы вошли въ избу.

— Не обессудь, добрый человекъ, сказалъ онъ: бѣдность! Я-бъ тебя не такъ угостилъ. Малюха! крикнулъ онъ, обращаясь къ своей дочери, двѣточкѣ лѣтъ 14: малюха, накрой-ка столъ, сядемъ, поѣдимъ; вотъ и странный съ нами. Вотъ, братъ, — сказалъ онъ мнѣ: вотъ у меня хозяйка! Сперва была и жена, да Богъ взялъ; хорошіе люди видно и Богу нужны! Осталось четверо дѣточекъ, да пятая вотъ хозяйка; а тутъ на бѣду еще выбрали въ десятскіе.... У насъ десятскіе по выбору: выбираютъ на полгода; полгода отслужилъ, выбираютъ другого....

— Отчего же ты не женишься? спросилъ я у хозяина: этой хозяйкѣ гдѣ же справиться со всемъ домомъ.

— Да видишь ты, отвѣчалъ онъ: хорошая за меня, видя нашу бѣдность, не пойдетъ; взять лядящую: какая будетъ хозяйка? Жену взять можно! а хозяйку въ домъ, мать дѣтямъ — пройди весь свѣтъ, не отыщешь! Теперь дочкѣ трудно, — да безъ мацихи! Двухъ сынковъ: одному четыре года, другому шесть, — отдалъ въ пастушки, все съ хлѣба долой, да и малюхъ моей все легче.

Помолаясь Богу, мы съ хозяиномъ сѣли за столъ, который *малюха* (т. е. маленькая) подвинула къ окну; она же принесла молока, варенаго картофелю, очень хорошаго хлѣба, и сама сѣла съ нами. За ужиномъ разговаривали мало, хозяинъ иногда подчивалъ меня, или просилъ прибавить молока или подвинуть къ нему картофель. Во время ужина я осматривалъ избу. Изба была довольно большая, довольно опрятная и съ поломъ; у самаго входа въ избу навѣсо стояла печь и на загнѣткѣ висѣлъ котелъ, а направо столъ; иконы стояли въ кіотѣ въ углу наискось отъ печи; кіотъ былъ поставленъ на четверть отъ лавки и потому подъ иконами нельзя было сѣсть, стало-быть и передняго угла не было. Въ четвертомъ углу стояла кровать — къ лавкѣ были придѣланы еще двѣ доски. Здѣш-

нія избы похожи больше на Чухонскія; съ Новгородскими изъютъ онъ одно сходство: какъ Псковскія, такъ и Новгородскія ставятъ въ два этажа, хоть часто первый этажъ занимается скотомъ.

Пужинавъ, малюха послала отцу постель: подвинула къ лавкѣ скамью, положила постель — мѣшокъ набитый сѣномъ, въ родъ перины, положила подушку; потомъ и мнѣ, въ качествѣ страннаго, дала подушку. Мы съ хозяиномъ легли, а молодая хозяйка стала кормить двухъ своихъ маленькихъ братьевъ. Хозяину не спалось, мнѣ тоже; но когда онъ сталъ рассказывать о будущемъ Россіи, не думаю кто бы могъ заснуть. Онъ говорилъ о пользѣ желѣзныхъ дорогъ; но при этомъ прибавилъ, что настоящій вопросъ, объ улучшеніи крестьянъ, гораздо больше имѣетъ значенія для насъ. На этотъ вопросъ онъ сперва смотрѣлъ съ религіозной точки, а потомъ и съ экономической.

— Я человѣкъ вольный, — говорилъ онъ: мнѣ вратъ не изъ чего; повѣрь мнѣ — лучше будетъ: мужикъ на барщинѣ того не сработаетъ, что на себя; да и такъ на барина не сдѣлаетъ, какъ для себя; и барину будетъ лучше, и мужику совсѣмъ хорошо. Не вовсе, знать, Господь на насъ прогнѣвался!

— Эй! кто тутъ?... раздался подъ окномъ голосъ: вставай скорѣй! кричалъ кто-то, стуча кнутовищемъ въ окно. Вставай! десять подводъ нарядить надо!

— Ладно! проговорилъ мой хозяинъ: Вотъ видишь, братецъ ты мой: день на работъ, а ночь на побѣгушкахъ; ~~смазка~~ такъ.... А на горе, — солдаты идутъ *вверхъ*.....

— Куда *вверхъ*? спросилъ я.

— А изъ Питера въ Варшаву, отвѣчалъ тотъ, ~~лживо~~ *лживо* олаясь: *вверхъ* у насъ называется къ Варшавѣ; а *внизъ* — къ Питеру, сказалъ онъ, выходя изъ избы.

Мнѣ спалось дурно, я слышалъ, какъ мой хозяинъ передъ свѣтомъ вернулся домой: онъ, войдя въ избу, потихоньку раздѣлся, подошелъ къ кровати, на которой спала его дочь съ маленькими братьями; потомъ легъ. Едва стало разсвѣтать, хозяинъ всталъ и разбудилъ дѣтей. Дочь пошла доить корову.

сына, мальчишку лѣтъ 3, отецъ заставлялъ *подпахать*, *подсесть*, *попль*.

— Надо къ работѣ приучать, — сказалъ онъ мнѣ: съ молодцу не привыкнуть работать, подѣ старость вѣсть нечего будетъ.

Мы съ хозяиномъ простились, онъ съ дочерью пошелъ на работу въ поле, я на строящуюся чугунку; одни ребяткишки остались дома; предложилъ было я хозяину за ночлегъ денегъ, тототъ только махнулъ рукой и ушелъ, такъ что я уже одинъ него вышелъ изъ избы: онъ уже совсѣмъ собрался, а я не собрался.

Sights of Saint-Petersbourg. Book first (Очерки Петербурга) С.-Петербургъ, въ типографіи Н. Тиблина. 1860 г. книга первая. 76 страницъ.

Сочиненія иностранцевъ о Россіи почти всегда состояли или изъ жестокой брани, иногда несправедливой, или изъ пошлыхъ юхвалъ, *всегда* лживыхъ, льстивыхъ и достойныхъ только презрѣнія. По этой частіи трудно даже опредѣлить предѣлы ладенькой, но безсовѣстной лжи, на которую способенъ бываетъ туристъ слишкомъ съ розовымъ взглядомъ. Кто не помнитъ книги лейтенанта взятаго въ плѣнъ на Тигръ, гласившей о томъ, что мы русскіе — безспорно принадлежимъ къ числу богатѣйшихъ, образованнѣйшихъ и восхитительнѣйшихъ персонъ въ цѣломъ мірѣ? Но лейтенантъ по крайней мѣрѣ былъ очарованъ ласковымъ приѣмомъ и не желалъ усмотрѣть слабыхъ нашихъ сторонъ, онъ даже дерзнулъ замѣтить, что жители Петербурга, особенно женщины, не отличаются физическою красотою. Послѣ творенія упомянутаго лейтенанта, въ Англіи появилась еще книга о Россіи, писанная женскимъ перомъ и даже обличающая талантъ, — но по льстивости и преувеличенію далеко оставляетъ за собою рассказъ почтеннаго плѣнника. Климатъ Петербурга не только не заслуживаетъ своей репутаціи, — говорить туристка, — но онъ въ своемъ родѣ очарователенъ, — а изда въ саняхъ — такое наслажденіе, которому нѣтъ равнаго. Затѣмъ всѣ женщины въ Петербургѣ прелестны, а мужчины, особенно военные, напоминаютъ собой Апполона Бельведерскаго. Если вѣрить нашей разскащицѣ, то у одной петербургской

графини есть дочь ангельской прелести и красоты, низшая обыкновеніе, послѣ великолѣпнаго бала, отправляться утромъ на половину гдѣ живетъ прислуга, и тамъ, въ кругу обожающихъ ее рабовъ (serfs), читать имъ назидательныя и священныя пи-ги. Про французскихъ наблюдателей говорить нечего. Кажется, и Мармье довольно сладокъ, но Леузонъ-ле-Дюкъ еще слаще, а прелестный Дарленкуръ не знаетъ мзры восторгамъ. У него воспитанники учебныхъ заведеній похожи на амуровъ, мужина исполнены патріархальной кротости, что до знатныхъ обоего пола особъ, то это олимпійскіе боги, отлично говорящіе на десяти языкахъ и питающіеся амброзическою пищею. Все это очень скверно, очень приторно и рождаетъ въ насъ вопросъ, который съ нѣкотораго времени почему-то очень часто посѣщаетъ нашу голову. «Человѣкъ всегда способенъ врать и под-«личать изъ за выгодъ, но почему въ міръ развелась такая «пропасть людей подличающихъ и лгущихъ безъ всякаго расчѣта на какое нибудь вознагражденіе?»

Вслѣдствіе соображеній, сейчасть нами высказанныхъ, мы признаемся откровенно, — не съ большой охотою развернули англійскую книжку, о которой теперь говорить намъ зрѣло. Она издана въ Петербургѣ, стало быть очевидно не можетъ принадлежать къ числу бранныхъ, для англійскихъ же похвалъ, — послѣ лейтенанта, котораго фамилію мы забыли, — и леди, которой имя остается неизвѣстнымъ, — мы не находили въ себѣ большой охоты. Но къ удивленію нашему, книжку мы прочли легко, безъ всякаго дурнаго чувства, шутливый ея тонъ не разъ вызывалъ у насъ улыбку, и вся первая часть труда (неизвѣстно когда появятся слѣдующія части) была проглочена какъ живая фельетонъ, тѣмъ болѣе оригинальный, что англичане редко занимаются фельетонною работою. Неизвѣстный авторъ не чуждъ юмора, очень начитанъ, знаетъ русскій языкъ, прожилъ въ Петербургѣ большую часть жизни и пишетъ не затымъ, чтобы браниться или разсыпаться въ восторгахъ, а чтобы дать своимъ соотечественникамъ, часто имѣющимъ нужду бывать въ нашей столицѣ, нѣкоторое понятіе о городѣ, наводящемъ туристовъ на самыя противоположныя и противорѣчащія отзывы. Руководствомъ ему служилъ извѣстный трудъ г. Карновича о статистикѣ Петербурга — изъ этого можно видѣть, что и нашъ авторъ не черпаетъ изъ источниковъ нарочно возмущающихъ

или муссированныхъ съ хвастливою цѣлью. Онъ сознается, что любить Петербургъ (особенно когда вы его видите верстъ за дванадцать, съ воды, при лучахъ утренняго солнца) и хотя не скрываетъ его непривлекательныхъ сторонъ, — но какъ слѣдуетъ всякому фельетонисту, не желающему играть роли Гераклита, выискиваетъ въ нихъ черты болѣе юмористическія, чѣмъ безотрадные. Петербургъ, говоритъ онъ, — это венгріійская блондинка, *mieux coiffée que chaussée*, и купола его мнѣ кажутся болѣе изящными, нежели его мостовая, онъ наводитъ немного на мысль дорогое кружево, нашитое на плохую сорочку, солнце въ немъ показывается всего чаще, какъ великій монаръхъ Лудовикъ XIV своимъ вельможамъ, — изъ занавѣсокъ восталъ, въ часъ утренняго выхода; погода въ немъ несправедливо скверна и нисколько не исправляется отъ ругательствъ на нее сыплющихся ежедневно — но.... чего починить не можешь, съ чѣмъ должно ладить, и есть уголки на свѣтъ, гдѣ погода еще свѣжее, чѣмъ въ Петербургѣ! Что до меня, продолжаетъ авторъ черезъ нѣсколько страницъ, то я, и многіе петербургцы любимъ нашъ городъ, любимъ его чистый воздухъ, любимъ купаться въ невской водѣ, которая чиста и цѣлебна какъ тотъ Мангендбадскій источникъ который дѣлаетъ стариковъ молодыми. Какъ весело смѣшиваться съ городской толпою (за исключеніемъ слишкомъ знатной и слишкомъ незнатной — послѣдняя не мила намъ по ольфактивнымъ причинамъ) мы любимъ даже запустѣніе города въ лѣтніе дни, любимъ скакать верхомъ по окрестнымъ рощамъ и островамъ, или на болотахъ бить куликовъ и душельшисцовъ, выискивать разныя рѣдкости по лавкамъ старинныхъ вещей, прислушиваться къ шуму на биржѣ и къ болтовнѣ въ клубахъ... По росписанію этихъ занятій видно, что сочинитель книги принадлежитъ къ числу англичанъ петербургскихъ, устроившихъ себѣ маленькій Лондонъ на англійской набережной и въ прирѣчныхъ частяхъ Васильевскаго острова. Въ кругу его петербургскихъ соотечественниковъ книга вѣроятно понравится и экземпляры ея будутъ посылаться въ Англію, во всякое семейство, собирающееся отправить одного изъ своихъ членовъ на далекій свѣрь.

Въ книжкѣ есть дѣльные замѣтки о дурномъ качествѣ обязательнаго труда въ Россіи, о вредѣ и злоупотребленіяхъ при откупной системѣ, о разстояніяхъ между городами и про-

мысленными пунктами, какъ о большомъ злѣ для края, о желѣзныхъ дорогахъ, какъ средствѣ противъ означеннаго зла. Для иностранца во всемъ этомъ найдется кое что новое.

ПОЛИТИКА.

ХРОНИКА ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СОБЫТІЙ.

Сентябрь 1860 г.

Вступленіе Гарибальди въ Неаполь.—Везсиліе и затруднительность положенія королевскаго правительства.—Удаленіе Франциска II въ Гаэту.—Пьемонтскія войска въ римскихъ владѣніяхъ.—Сардинскій меморандумъ.—Логика пьемонтской политики.—Дѣйствія сардинскихъ войскъ.—Взятіе Анконы.—Уѣдетъ ли Пій IX изъ Рима?—Разногласіе Гарибальди и Кавура.—Необходимость соединенія южной Италіи съ Пьемонтомъ.—Слухи о новыхъ уступкахъ въ пользу Франціи.

Побѣда Гарибальди надъ неаполитанскимъ королемъ была одержана съ легкостію, превзошедшею всякое ожиданіе. Никто не сомнѣвался, послѣ быстрого завоеванія Сициліи и почти безпрепятственной высадки въ Калабріи, что Францискъ II не замедлитъ покинуть свою столицу; но, послѣ упорнаго сопротивленія королевскихъ войскъ при Мелацио, можно было ожидать по крайней мѣрѣ жаркаго рѣшительнаго сраженія, прежде чѣмъ диктаторъ вступилъ въ Неаполь. Предположеніе это оправдывалось назначеніемъ генераловъ Боско и Піанелли начальниками войскъ, долженствовавшихъ встрѣтить гарибальдійцевъ на дорогѣ къ Неаполю. Піанелли былъ однимъ изъ конституціонныхъ министровъ короля, видѣвшихъ въ его обращеніи къ либерализму возможность спасти власть Бурбоновъ. Боско, преданный королю, не смотря на то, что прежнія заслуги его не были оценены по достоинству, доказалъ уже свою вѣрность престолу Франциска.

мысленными пунктами, какъ о большомъ злѣ для края, о желѣзныхъ дорогахъ, какъ средствѣ противъ означеннаго зла. Для иностранца во всемъ этомъ найдетсѣ кое что новое.

ПОЛИТИКА.

ХРОНИКА ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СОБЫТІЙ.

Сентябрь 1860 г.

Иступленіе Гарибальди въ Неаполь. — Безсиліе и затруднительность положенія королевскаго правительства. — Удаленіе Франциска II въ Асту. — Пьемонтскія войска въ римскихъ владѣніяхъ. — Сардинскій меморандумъ. — Логика пьемонтской политики. — Дѣйствія сардинскихъ войскъ. — Взятіе Анконы. — Уѣдетъ ли Пій IX изъ Рима? — Разгласіе Гарибальди и Кавура. — Необходимость соединенія южной Італіи съ Пьемонтомъ. — Слухи о новыхъ уступкахъ въ пользу Франціи.

Побѣда Гарибальди надъ неаполитанскимъ королемъ была одержана съ легкостію, превзошедшею всякое ожиданіе. Никто не сомнѣвался, послѣ быстраго завоеванія Сиціліи и почти безпрепятственной высадки въ Калабріи, что Францискъ II не заведетъ покинуть свою столицу; но, послѣ упорнаго сопротивленія королевскихъ войскъ при Мелацио, можно было ожидать крайней мѣрѣ жаркаго рѣшительнаго сраженія, прежде чѣмъ инкаторъ вступилъ въ Неаполь. Предположеніе это оправдывалось назначеніемъ генераловъ Боско и Піанелли начальниками войскъ, долженствовавшихъ встрѣтить гарибальдійцевъ на дорогѣ въ Неаполь. Піанелли былъ однимъ изъ конституціонныхъ министровъ короля, видѣвшихъ въ его обращеніи къ либерализму возможность спасти власть Бурбоновъ. Боско, преданный королю, не смотря на то, что прежнія заслуги его не были оцѣнены по достоинству, доказалъ уже свою вѣрность престолу Франциска.

Хотя королевскія войска были уже ослаблены побѣгами и сдачею нѣсколькихъ полковъ и значительно деморализованы, однако, число ихъ, особенно при ихъ благоустройствѣ, было достаточно для того, чтобы испытать счастье въ сраженіи. Но послѣ высадки Гарибальди и первыхъ успѣховъ его на континентѣ, разнеслись слухи, что изъ всѣхъ плановъ сопротивленія, предложенныхъ королю, былъ предпочтенъ тотъ, который состоялъ въ очищеніи Неаполя и отступленіи къ Капуѣ, гдѣ могло быть дано сраженіе съ надеждою на успѣхъ. Отступленіе действительно совершилось и король поспѣшно уѣхалъ въ Газту. Такимъ образомъ, Гарибальди, съ полнымъ торжествомъ встречаемый и провожаемый народомъ, такъ долго жданный освободитель, могъ пройти до Неаполя почти безъ выстрѣла и вступить въ столицу 7 сентября. Вопреки ожиданіямъ, торжество Гарибальди было уже не послѣдствіемъ выиграннаго сраженія, но нравственною побѣдою надъ властію, окончательно утратившею всю силу свою вслѣдствіе упорнаго сопротивленія народнымъ стремленіямъ къ свободѣ и независимости. Едва повѣздъ духъ свободы, и все зданіе, построенное съ такимъ трудомъ и постоянствомъ, обрушилось внезапно, тогда какъ строители питали полную увѣренность, что оно могло бы устоять еще и противъ сильнѣйшихъ ударовъ народнаго негодованія. Ничего не осталось послѣ этого разрушенія: ни людей, окружавшихъ престолъ, ни арміи, ни флота, считавшихся надежнымъ оплотомъ власти. Большая часть прежнихъ лѣстивыхъ и корыстныхъ совѣтниковъ покинули короля, когда уже не оставалось сомнѣнія, что власть его погибла. Флотъ присоединился къ сардинскому, сухопутныя войска провозгласили Виктора-Эммануила, и только небольшіе остатки когда-то значительной арміи, большею частью наемники, ждутъ окончательнаго пораженія на пути къ Капуѣ и Газтѣ.

Послѣ объявленія конституціи въ Неаполѣ, никто изъ людей, сколько нибудь умѣющихъ понимать смыслъ человѣческихъ дѣйствій, не повѣрилъ искренности короля; тогда же не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что между нимъ и его конституционными министрами нѣтъ и не можетъ быть взаимнаго довірія. Пслѣдніе явились съ честнымъ намѣреніемъ отвратить опасность, угрожавшія молодому, неопытному монарху, котораго судьба обрекла быть искупительною жертвою политической системы его предшественниковъ; самъ король обратился къ новымъ министрамъ, думая найти въ нихъ средства къ своему спасенію, потому что другихъ средствъ уже не находилось. Но если король прибѣгнулъ къ конституціи не въ силу разумнаго убѣжденія въ ея необходимости для народа, то министры могли ожидать

только слабыя надежды на переиѣну обстоятельствъ къ лучшему. Можно даже сказать, что положеніе кабинета было крайне щекотливо: враги ихъ могли доказывать, что обращаясь къ конституціи, они хотѣли только стать въ выгодное отношеніе ко всѣмъ сторонамъ. Дѣйствительно, королю они должны были показаться преданными совѣтниками, явившимися въ минуту опасности; передъ всей Европой они приобрѣтали репутацію честныхъ патріотовъ, а передъ правительствами казались либеральными монархистами, какіе давно были признаны необходимыми какъ для поддержанія королевской власти въ Неаполѣ, такъ особенно для сопротивленія духу революціи. Какъ бы то ни было, но ни король не вѣрилъ преданности своихъ новыхъ совѣтниковъ, ни они сами не довѣряли искренности королевскаго либерализма. Понятно, что при подобныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, вокругъ короля долженъ былъ царствовать хаосъ и мракъ, а въ распоряженіяхъ министерства проявлялось его безсиліе. Въ послѣдніе дни существованія власти Франциска II взаимное недоувѣріе выразилось съ совершенною ясностью. Дѣло дошло даже до того, что король и приближенные къ нему лица старой дворцовой партіи громко обвиняли министровъ въ измѣнѣ, такъ что имъ оставалось только подать въ отставку. Францискъ былъ очень доволенъ, что могъ отдѣлаться отъ нихъ, надѣясь еще, что возвращеніе къ прежней системѣ и прежнимъ людямъ дастъ ему возможность противостать напору революціи. «Вы не арестовали ни одного изъ партизановъ присоединенія, говорилъ король членамъ своего кабинета, а ихъ тысячи въ столицѣ и королевствѣ; вы преслѣдовали друзей моихъ, а они не были опасны моему престолу.» Но упреки были незаслужены; королю стоило только, если не хладнокровно, то по крайней мѣрѣ со вниманіемъ посмотреть вокругъ себя и онъ могъ бы убѣдиться, что совѣтники его не были измѣнниками: взявшись за дѣло спасенія королевской власти, они также ошиблись, какъ и самъ король. Средство, ими предложенное, было конечно надежнѣе насильственныхъ мѣръ, которымъ король желалъ оставаться вѣрнымъ до конца; но средство это было слишкомъ несвоевременно. Конституція и связанная съ нею реформы могли послужить опорой королевской власти, только въ минуту вступленія Франциска II на престолъ. Въ виду успѣховъ революціи онъ были уже не дѣйствительны. Это было довольно ясно еще до начала сицилійскаго возстанія: доказательствомъ могутъ служить предсказанія либеральной прессы и настойчивые совѣты правительствъ Англіи и Франціи. Но едва Гарибальди высадились въ Калабріи, города и провинціи возставали одни за другими; жители стали явно на сторонѣ диктатора южной Италіи, а

войска или не хотѣли драться или братались съ волонтерами. Офицеры и генералы поочередно являлись въ Неаполь, подавали въ отставку и возвращали правительству свои шпаги, предпочитая заточеніе въ крѣпостяхъ защитѣ нравственно проиграннаго дѣла. Между наемными войсками царствовали несогласіе и зависть. Лаззарони, эта, какъ говорили, вѣрная королю часть народа, явно желали торжества Гарибальди. Такимъ образомъ встрѣтить диктатора сопротивленіемъ было очевидно невозможно. Король могъ только или добровольно отречься отъ престола или бѣжать изъ Неаполя: онъ предпочелъ послѣднее, потому что, вѣроятно, не считаетъ себя еще совершенно павшимъ. Переселясь въ Газту, онъ составилъ себѣ министерство и поспѣшилъ отмѣнить всѣ свои либеральныя повелѣнія, еще такъ недавно объявленныя. Такой образъ дѣйствій, какъ само собою разумѣется, не принесетъ ему ни малѣйшей пользы: возстановляя противъ себя и ту часть народа, которая повѣрила искренности его обращенія на путь преобразованій, король выказываетъ передъ всею Европой не только шаткость своихъ убѣжденій, но и совершенную неспособность.

Восторгъ жителей Неаполя, при вступленіи Гарибальди, превосходилъ всякое вѣроятіе. Великолѣпная иллюминація, продолжавшаяся три дня, несмѣтное количество знаменъ и флаговъ съ савойскимъ крестомъ и именами Виктора-Эммануила и Гарибальди доказывали, что приготовленія къ приему освободителя были сдѣланы заранѣе. Надежда увидѣть его въ столицѣ обѣихъ Сицилій была полная. Диктаторъ былъ встрѣченъ всѣмъ народонаселеніемъ Неаполя. Не говоря о войскахъ, національной гвардіи, лицахъ, принадлежащихъ къ администраціи, само духовенство присоединилось къ толпамъ людей прочихъ классовъ: фактъ замѣчательный въ виду римскаго вопроса, рѣшеніе котораго должно было стоять на очереди вслѣдъ за неаполитанскими событіями. Послѣ благодарственнаго молебна въ соборѣ, Гарибальди прибылъ въ приготовленный для него палаццо Доріа (Ангри) и весь остатокъ дня посвятилъ работѣ съ своими министрами, во главѣ которыхъ сталъ Либеріо-Романо, министр внутреннихъ дѣлъ короля Франциска. Замѣтимъ, что въ Неаполѣ единогласно признаютъ заслуги этого человѣка, которому, болѣе чѣмъ кому нибудь, народъ обязанъ предотвращеніемъ кровопролитія.

Понятно, что при такомъ настроеніи умовъ, какое было въ Неаполѣ, оставленные бѣжавшимъ королемъ прокламація къ народу и протестъ не произвели никакого впечатлѣнія, хотя, скажемъ мимоходомъ, оба эти документа написаны съ достоинствомъ и даже съ чувствомъ.

Судя по тѣмъ предположеніямъ, которыя были въ ходу послѣ окончательнаго овладѣнія Сициліей, надобно было думать, что Гарибальди, устроивъ управленіе въ Неаполѣ, немедленно двинется въ папскую область, защищаемую сборными войсками генерала Ламорисьера. Ожиданія эти не оправдались, хотя самъ инкваторъ, въ отвѣтъ на предложенія немедленно присоединить обѣ Сициліи къ Пьемонту, сказалъ, что онъ объявитъ присоединеніе въ Римѣ, съ высоты квиринальскаго холма. Между тѣмъ, какъ Гарибальди овладѣвалъ неаполитанскимъ королевствомъ, пьемонтское правительство, опасаясь столкновенія народнаго героя съ французскими войсками, охраняющими папу, двинуло часть своей арміи въ Умбрию и Мархию подъ начальствомъ генераловъ Фанти и Чіальдини. Этотъ смѣлый шагъ, худо ли, хорошо ли, былъ предварительно оправданъ въ запискѣ, разосланной туринскимъ кабинетомъ европейскимъ правительствамъ. Представляемъ содержаніе этого документа.

Виллафранкскій миръ, предоставивъ итальянцамъ право располагать своею судьбою, далъ народонаселенію нѣкоторыхъ сѣверныхъ и центральныхъ провинцій полуострова возможность замѣнить свои, находившіяся подъ иностраннымъ вліяніемъ, правительства, національнымъ правительствомъ короля Виктора-Эммануила. Къ сожалѣнію венеціанская область, южная Італія и папскія владѣнія остались внѣ дѣйствія упомянутаго трактата. Хотя рѣшеніе венеціанскаго вопроса необходимо въ видахъ сохраненія мира Европы; но рѣшеніе это должно быть предоставлено времени, потому что благоразуміе заставляетъ уважать волю Европы, опасующейся многочисленныхъ послѣдствій войны и желающей мира. Относительно же вопросовъ, касающихся Неаполя и Рима, подобныхъ опасеній не существуетъ. Связанный послѣдственною политическою системою, противною національнымъ чувствамъ и интересамъ, король Францискъ II не хотѣлъ послѣдовать ни совѣтамъ Англіи и Франціи, ни предостереженіямъ короля Сардиніи, согласовавшимся съ желаніями итальянскаго народа. Совершившійся въ неаполитанскомъ королевствѣ переворотъ уже рѣшилъ неаполитанскій вопросъ, и если это рѣшеніе не было столь же мирно и правильно, какъ въ средней Італіи, то оно было не менѣе законно, и послѣдствія его не менѣе благопріятны для упроченія порядка и европейскаго равновѣсія. Соединеніе Сициліи и Неаполя подъ властію короля верхней Італіи составляетъ торжество монархическихъ началъ надъ революціонными элементами. Потому можно было бы думать, что для Італіи наступило время спокойствія, еслибы между сѣверными и южными владѣніями не было провинцій, находящихся въ самомъ печальномъ

положеніи. Римское правительство не только не присоединилось къ общему національному движенію, но вошло въ явную борьбу съ своими подданными. Желая воспрепятствовать имъ въ выраженіи чувствъ, ихъ одушевляющихъ, оно прибѣгло къ своей духовной власти, данной ему Провидѣніемъ для достиженія несравненно болѣе великой цѣли, чѣмъ та, которая указана на правительствамъ политическимъ. Представивъ передъ католическими народами положеніе Италіи въ самомъ мрачномъ и ложномъ видѣ, сдѣлавъ воззваніе къ фанатизму еще столь сильному въ нѣкоторыхъ мало образованныхъ классахъ народа, оно успѣло собрать деньги и составить армію почти исключительно изъ людей совершенно чуждыхъ не только римской области, но и всей Италіи, людей, ослѣпленныхъ фанатизмомъ и одушевленныхъ обѣщаніями, которыя могутъ быть исполнены только на счетъ благосостоянія подданныхъ. Факты эти возбуждаютъ негодованіе въ итальянцахъ, приобрѣвшихъ свободу и независимость. Хотя сардинское правительство раздѣляетъ ихъ чувства, но до сихъ поръ оно считало своимъ долгомъ препятствовать всякому покушенію къ освобожденію населеній Умбріи и Мархій. Теперь же стало ясно, что раздраженіе можетъ быть подавлено только силою, а революція, восторжествовавшая въ Неаполѣ, не остановится на границѣ римскихъ владѣній, куда призываютъ ее злоупотребленія, не менѣе важныя въ сравненія съ тѣми, которыя неудержимо увлекли въ Сицилію волонтеровъ верхней Италіи. Еслибы сардинское правительство оставалось равнодушнымъ къ этому общему увлеченію, то оно было бы поставлено въ совершенное противорѣчіе съ націей, а благородное одушевленіе, произведенное неаполитанскими и сицилійскими событіями, привело бы къ анархіи. Подвергнувъ Италію подобной опасности, пьемонтское правительство было бы виновно какъ передъ нею самою, такъ и передъ Европой. Оно измѣнило бы своимъ обязанностямъ какъ въ отношеніи къ Италіи, ввѣрившей ему управленіе національнымъ движеніемъ, такъ и въ отношеніи къ Европѣ, передъ которою оно приняло на себя нравственное обязательство не допускать Италію до безпорядка. Потому правительство, обѣщавъ свое покровительство населенію Умбріи и Мархій, которое присылало къ нему съ этою цѣлію свои депутаціи, въ тоже время просило римское правительство удалить иностранные легіоны, такъ какъ содѣйствіе ихъ къ подавленію манифестацій во владѣніяхъ, сопредѣльныхъ съ сардинскимъ королевствомъ, вызвало бы вмѣшательство арміи послѣдняго. Римскій дворъ отказалъ въ этой просьбѣ, и потому пьемонтскимъ войскамъ дано было приказаніе вступить въ Умбрію и Мархіи для возстановленія порядка и для предоставленія населеніямъ возможности выра-

вить свои желанія. Королевскимъ войскамъ, однако, дано повелѣніе строго уважать территорію Рима и окружающихъ его владѣній и даже, еслибы встрѣтилась надобность, содѣйствовать охрaненію папской резиденціи отъ всякаго нападенія. Пьемонтское правительство увѣрено, что такой образъ дѣйствій не будетъ противорѣчить чувствамъ просвѣщенныхъ католиковъ, не смѣшивающихъ свѣтской власти папы съ духовною, составляющею вѣчную и незыблемую основу его религіознаго владычества. Оно даже убѣждено, что единодушіе въ выраженіи патристическихъ чувствъ, увлекшихъ всю Италію, напомнитъ папѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ самъ былъ вдохновителемъ великаго національнаго движенія, и потому, когда упадетъ завѣса, брошенная на глаза его корыстными совѣтниками, онъ самъ сознаетъ, что возрожденіе Италіи совершается по указаніямъ Провидѣнія, и снова станетъ отцомъ итальянцевъ, какъ никогда не переставалъ быть великимъ и уважаемымъ отцомъ вѣрующихъ.

Таковы доводы, которыми пьемонтское правительство старалось оправдать свое вмѣшательство въ дѣла папской области. Слабость ихъ слишкомъ очевидна.

Конечно, никто не станетъ отрицать, что папское правительство имѣло полное право избрать для своей защиты тотъ способъ, какой казался ему наиболѣе соотвѣтствующимъ его цѣлямъ. Папа находилъ, что легіоны, сформированные изъ иностранцевъ, могутъ спасти его мірскую власть, и онъ призвалъ католиковъ въ ряды своей арміи, которую ввѣрилъ отставному французскому генералу. Такой способъ самозащиты не могъ подвергаться критикѣ со стороны пьемонтскаго правительства, тѣмъ болѣе, что, какъ объяснилъ кардиналъ Антонелли, отвѣчая на требованіе туринскаго кабинета о распущеніи папскихъ волонтеровъ, Франція и Сардинія сами соувѣтовали Пію IX сформировать собственное войско. Правда, раціональнѣе было бы составить армію національную; но едва ли объ эти державы предполагали, что папа найдетъ нужные для нея элементы среди враждебнаго ему населенія. Такое предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что назначеніе Ламорисьера послѣдовало съ согласія императора французовъ и не вызвало своевременнаго протеста со стороны Пьемонта. Формированіе арміи производилось съ вѣдома всей Европы и не безъ нѣкотораго сочувствія и участія католическихъ странъ. Тѣмъ не менѣе, вмѣшательство Виктора-Эммануила вполнѣ оправдывается съ той политической точки зрѣнія, съ какой общественное мнѣніе смотритъ на переворотъ, совершающійся въ Италіи. Напрасно для обвиненія пьемонтскаго правительства стали бы ссылаться

на международное право: оно непримѣнимо къ не нормальному положенію, въ которое революція поставила Италію. При томъ Европа, согласно съ итальянцами, желала, чтобы правительства итальянскихъ государствъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до прошедшаго года, ввели необходимыя реформы, и чтобы вліяніе Австріи на апенинскомъ полуостровѣ прекратилось. Итальянскія правительства отказались исполнить это желаніе, а войска Австріи даже вторгнулись въ Италію. Если упорство итальянскихъ владѣтелей производило на Европу тягостное впечатлѣніе и заставляло опасаться революціоннаго взрыва, то вторженіе Австріи возбудило полное и всеобщее порицаніе. Здѣсь открылся удобный предлогъ для вооруженнаго вмѣшательства Франціи, побѣдамъ которой Европа-рукоплескала, заботясь только объ ограниченіи войны предѣлами одной Италіи. Мало того: завоеваніе Сиціліи горстью волонтеровъ, дѣйствовавшихъ во имя Италіи и Виктора-Эммануила, не повело за собою иностраннаго вмѣшательства, и именно потому, что какъ возстаніе сицилійцевъ, такъ и гарибальдійская экспедиція составляли дѣло національное и направлены были противъ правительства, не пользовавшагося сочувствіемъ Европы. Точно также и папа, какъ свѣтскій государь, не вызываетъ одобренія за свое упорство. Общественное мнѣніе желаетъ также, чтобы римскій вопросъ, подобно неаполитанскому, рѣшился безъ иностраннаго вмѣшательства и если смотритъ безъ особенной непріязни на присутствіе французскаго отряда въ Римѣ, то потому только, что не видитъ удобнаго средства заставить его удалиться оттуда, и что французское занятіе имѣетъ предлогомъ защиту папы, какъ главы католической церкви. Но такъ какъ иностранные легіоны Пія IX защищаютъ его свѣтскія права, и устройство ихъ входитъ въ категорію антинаціональныхъ мѣръ, вообще неодобряемыхъ Европой, а вмѣшательство Пьемонта, не будучи вмѣшательствомъ иностраннымъ, въ тоже время не направлено противъ духовнаго владычества святѣйшаго отца; то Европа можетъ смотрѣть на вступленіе пьемонтскихъ войскъ въ римскія владѣнія точно также, какъ она смотрѣла на сицилійскія и неаполитанскія событія. Вмѣшательство сардинскаго правительства не только не угрожаетъ никакою опасностію европейскому миру, но напротивъ, при благоразумной осторожности Франціи и Австріи, какъ наиболѣе заинтересованныхъ въ судьбѣ Италіи, предотвращаетъ грозу, которую желали отклонить либеральные органы общественнаго мнѣнія, когда совѣтовали диктатору избѣгнуть столкновенія съ Франціей въ Римѣ и съ Австріей въ Венеціи. Вся Европа, за исключеніемъ партизановъ регроградныхъ итальянскихъ правительствъ, желала, чтобы Италія сама

рѣшила свое дѣло. Но спрашивается, можетъ ли она рѣшить его, не развязавшись съ вопросомъ о свѣтскомъ владычествѣ папы? И какимъ же способомъ могла бы Италія рѣшить этотъ вопросъ? Схваткою римскаго народонаселенія съ французскими войсками или съ легіонами Ламорисьера? Но это было бы возмущеніемъ, котораго печальныя послѣдствія не могли бы obratovatъ ни одно изъ европейскихъ правительствъ. Вторженіемъ гарибальдійцевъ? Но они могли бы не остановиться передъ французскими защитниками Рима. Какъ національное чувство и военная честь побудила бы Наполеона III отмстить за нападеніе на войска его, стерегущія папу, такъ то же національное чувство и таже военная честь, съ примѣсю сильнаго энтузіазма къ дѣлу возрожденія, могли бы заставить Гарибальди, вопреки его осторожности, отважиться на изгнаніе французовъ изъ Рима, послѣ того, какъ онъ разбилъ бы собственную армію папы. Только враги Италіи могли бы желать, чтобы Италія была поставлена въ страшную необходимость бороться съ Франціей и безъ сомнѣнія пасть, не довершивъ дѣла своего освобожденія, а столкновение это было почти неизбѣжно, потому что возстаніе въ папскихъ владѣніяхъ вспыхнуло бы при первомъ появленіи гарибальдійцевъ.

Разсматривая пьемонтское вмѣшательство съ этой точки зрѣнія, нельзя понять причины, побудившей французское правительство отозвать изъ Турина своего посланника барона Талейрана. Правда, сношенія между тюльерійскимъ и туринскимъ кабинетами не прерваны окончательно; тѣмъ не менѣе это дипломатическое распоряженіе должно показывать, что Наполеонъ III не одобряетъ поступка Виктора-Эмануила. Между тѣмъ самъ же онъ сказалъ, что желаетъ развязки итальянскихъ дѣлъ безъ посторонняго вмѣшательства, а нельзя считать Пьемонтъ чуждымъ Италіи; если же онъ не чуждъ ей, то невозможно требовать, чтобы правительство его не приготовилось противостать опасностямъ, которыя могутъ угрожать общему національному дѣлу. Мечъ революціи — мечъ обоюдоострый: онъ поражаетъ враговъ дѣла, за которое обнажается, но такъ же легко можетъ разрушить и самое это дѣло. Съ вступленіемъ Гарибальди въ Неаполь, революція приблизилась къ римской границѣ, и потому пора для открытой дѣятельности Пьемонта наступила. Вступая въ римскія владѣнія прежде Гарибальди, пьемонтская армія идетъ противъ Ламорисьера. Предоставивъ же пораженіе послѣдняго диктатору, пьемонтское правительство должно было бы занять папскія земли, можетъ быть, для того, чтобы оттѣснить гарибальдійцевъ, которые стали бы лицомъ къ лицу передъ французскимъ отрядомъ. Опасность, слѣдователь-

но, была бы въ столкновеніи Гарибальди съ Франціей или Пьемонта съ Гарибальди. Вотъ почему Викторъ-Эммануилъ имѣлъ полное основаніе отвергнуть совѣты тѣхъ, которые не желали отправленія войскъ его въ Мархію: онъ предпочелъ лучше нѣсколько поспѣшить, нежели опоздать на помощь общему національному дѣлу.

Вѣршательство Пьемонта подвигаетъ римскій вопросъ къ окончательному рѣшенію. 11 сентября сардинскія войска перешли римскую границу: дивизія Фанти прибыла въ Читта ди-Кастелло и Фраппу, въ долину Тибра, близъ Перуджіи; дивизія Чіальдини заняла Урбино и Фано. Первыя дѣйствія этихъ войскъ не встрѣтили упорнаго сопротивленія. 14 числа генералъ Фанти овладѣлъ Перуджіей послѣ довольно жаркаго дѣла, продолжавшагося даже въ улицахъ города, котораго гарнизонъ къ вечеру принужденъ былъ сдаться. Сраженіе это замѣчательно, между прочимъ, тѣмъ, что въ немъ былъ взятъ въ плѣнъ находившійся въ папской службѣ швейцарскій генералъ Шмидтъ, знаменитый жестокостями при подавленіи въ прошломъ году перуджійскаго возмущенія. Черезъ три дня Сполета была уже въ рукахъ Фанти. Генералъ Чіальдини, дѣйствуя со стороны Адриатическаго моря, на пути изъ Пезаро, овладѣлъ Синигалией послѣ непродолжительнаго сраженія, и сосредоточивъ свой отрядъ возлѣ Анконы, составляющей операціонный базисъ Ламорисьера, осадилъ этотъ городъ, между тѣмъ, какъ сардинская эскадра стала угрожать ему съ моря. По официальнымъ депешамъ изъ Туринна, 18-го произошло важное сраженіе между войсками Ламорисьера и дивизіей Чіальдини близъ Кастельфидардо, къ югу отъ Анконы. Папскія войска, въ числѣ 11 тысячъ, были совершенно разбиты и сдались. Въ числѣ плѣнныхъ находился одинъ изъ лучшихъ папскихъ генераловъ французъ Пимодавъ, уже умершій отъ ранъ. Самъ Ламорисьеръ успѣлъ проникнуть въ Анкону, а 29-го крѣпость сдалась на капитуляцію и главнокомандующій, надежда папы, уже былъ плѣнникомъ сардинскихъ войскъ. Побѣды сардинцевъ сопровождались возстаніемъ жителей, провозглашавшихъ надъ собою власть Викторъ-Эммануила, который уже назначилъ губернаторами Валеріо въ Умбрію и маркиза Пеполи въ Мархіяхъ. Такимъ образомъ владѣнія Пія ограничиваются теперь мѣстностью, въ которой расположены французскія войска. Взятіе Анконы должно будетъ рѣшить вопросъ о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ папы: ему остается или остаться въ Римѣ, согласившись на обладаніе только тою частью области, которая носитъ названіе наслѣдія св. Петра и состоитъ изъ Рима, Витербе и Чивита-Веккіи, или, покинувъ святой городъ, удалиться подъ покровительство одного изъ католическихъ государей, пред-

агающихъ ему убѣжище въ своихъ владѣніяхъ. Само собою разумѣется, что послѣднее рѣшеніе могло бы значительно упростить исполненіе программы итальянскаго возрожденія. Всего выгоднѣе было бы то, что войска Людовика Наполеона, къ большому удовольствію своему и всей Европы, могли бы прекратить занятіе Рима и такимъ образомъ предоставили бы Виктору-Эммануилу столицу, столь необходимую для будущаго итальянскаго королевства. Тогда могло бы начаться организованіе Италіи въ ожиданіи предстоящей борьбы съ Австріей, если дипломатія не успѣетъ склонить императора Франца-Іосифа къ прогажъ венеціанской области, о чемъ, какъ слышно, англійское правительство хлопочетъ весьма дѣятельно.

До сихъ поръ, однако, отъѣздъ Піа IX изъ Рима подверженъ ольшимъ сомнѣніямъ. Говорятъ, императоръ французовъ жааетъ этого удаленія, потому что оно позволило бы ему прератить занятіе Рима. Между тѣмъ французская полуофициальная журналистика предлагаетъ папѣ не покидать своей столицы, генераль Гуайонъ, поддерживаемый герцогомъ Граммономъ, бѣждаетъ его въ томъ же. Къ числу слуховъ, распространившихся въ послѣднее время, должно отнести извѣстіе объ отравленіи римскимъ дворомъ въ Парижъ настоятельнаго требанія, чтобы Франція заставила пьемонтское правительство вывести войска свои изъ папскихъ владѣній. Въ противномъ случаѣ папа угрожаеъ немедленнымъ выѣздомъ изъ своей столицы. Понятно, въ какое затрудненіе французское правительство должно быть поставлено. Оно не можетъ исполнить требованія папы, потому что столкновеніе съ Пьемонтомъ было бы вѣщательствомъ въ итальянскія дѣла, отъ котораго Наполеонъ II обѣщаль воздержаться. При нынѣшнихъ же отношеніяхъ императора къ европейскимъ державамъ онъ менѣе, нежели когда нибудь, можетъ видѣть для себя пользу въ какой либо рѣшительной иѣрѣ въ итальянскомъ вопросѣ. На отрѣзъ отказать папѣ опасно, потому что раздраженный Піи IX, для котораго сохраненіе свѣтской власти сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ idea fixe, еще не совсѣмъ утратилъ свое значеніе въ католическомъ мірѣ. Императоръ хочеъ охранять только личность папы и его духовное значеніе, а онъ не перестаетъ думать, что ни та, ни другое не нуждаются въ защитѣ, и требуетъ удержанія за нимъ владѣній какъ утраченныхъ, такъ и занятыхъ французами. Что касается до первыхъ, то до сихъ поръ нѣтъ повода полагать, чтобы Наполеонъ III отказался отъ своей политики невмѣшательства. Зато многіе думаютъ, что даже послѣ отъѣзда папы французскія войска не оставляъ Рима. Императоръ жааетъ сохранить на Италію свое вліяніе, а занятіе Рима есть одно изъ

средствъ къ тому. Такимъ образомъ, рѣшеніе римскаго вопроса будетъ зависѣть не отъ одного удаленія Пія IX, но и отъ прекращенія защиты его владѣній Франціей. Правительство ея видитъ въ папѣ не только главу католической церкви, но государя, имѣющаго свѣтскую власть, и расходится въ своемъ мнѣніи объ этомъ предметѣ съ римскимъ дворомъ только въ томъ, что ограничиваетъ владѣнія его такъ называемымъ наслѣдіемъ патримоніумомъ св. Петра, а папа желаетъ обладать всѣмъ, что отобрано у него Пьемонтомъ.

Вотъ почему многіе съ большимъ недоумѣніемъ смотрятъ на французское занятіе. Если императорское правительство дѣйствительно считаетъ содержаніе своего гарнизона въ Римѣ тяжкимъ бременемъ, которое возложено имъ на себя только по крайней необходимости, то войска его выйдутъ вслѣдъ за папою. Франціи представится тогда удобный случай доказать, что увѣренія, которыя расточала она по случаю занятія Рима, не были одними словами, прикрывавшими тайную мысль о преобладаніи надъ Италіей. Если же увѣренія были дипломатическою уверткою, то Франція, которой не удалось воспрепятствовать единенію Италіи ни въ Виллафранкѣ, ни послѣ, найдетъ въ продолженіи пребыванія своихъ войскъ въ Римѣ весьма удобное средство отдалить устройство итальянскаго королевства. Но это будетъ еще только половиною бѣды, такъ какъ, рано или поздно, общественное мнѣніе заставитъ Францію отдать Италіи ея столицу. Большая опасность грозила бы Италіи, еслибы французское правительство, желая удержать папу въ Римѣ и оставить при немъ свои войска, рѣшилось на какую нибудь ловкую мѣру, которая могла бы послужить поводомъ къ столкновенію его съ Пьемонтомъ. Оно не можетъ ожидать, чтобы Викторъ-Эммануилъ захотѣлъ силою заставить генерала Гуайона очистить папскую резиденцію, такъ какъ пьемонтскимъ войскамъ приказано защищать святѣйшаго отца, а между тѣмъ римскій гарнизонъ довольно значительно увеличенъ. Обстоятельство это весьма прискорбно уже потому, что Италія не можетъ въ немъ видѣть логическаго доказательства, что принципъ невмѣшательства, провозглашенный самимъ императоромъ, будетъ тщательно соблюденъ во всей строгости. Если до сихъ поръ итальянскіе патріоты могли оправдывать Францію въ занятіи Рима необходимостью защитить папу противъ возмущенія, то усиленіе войскъ ея не будетъ ли признано мѣрою, направленною уже противъ самихъ этихъ патріотовъ, а слѣдовательно и противъ стремленія Италіи къ единству?

Между тѣмъ, разнеслись весьма неурядица извѣстія о разры-

въ между графомъ Кавуромъ и Гарибальди. Телеграммы о письмахъ, изъ которыхъ въ одномъ послѣдній просилъ Виктора-Эммануила отставить Кавура и Фарини, а въ другомъ, адресованномъ къ генуэзскому адвокату Бруско, удостовѣрялъ, что никогда не примирится съ людьми, продавшими Савою, произвели на общественное мнѣніе впечатлѣніе самое грустное. Европа, сочувствующая возрожденію Италіи, ожидаетъ согласія между замѣчательными людьми, въ рукахъ которыхъ находится это великое дѣло; она не можетъ желать, чтобы это дѣло погибло отъ какой бы то ни было причины, а тѣмъ менѣе вслѣдствіе прискорбной личной вражды. Мы должны съ сожалѣніемъ замѣтить, что общественное мнѣніе далеко не въ пользу диктатора. Требованіе его показалось даже совершенно невѣроятнымъ, выдуманнымъ нарочно для того, чтобы повредить дѣлу, котораго доселѣ графъ Кавуръ и Гарибальди считались блистательнѣйшими представителями. Безъ сомнѣнія, нельзя было бы не признать за Гарибальди права откровенно и рѣшительно высказывать свои убѣжденія передъ королемъ, на пользу и славу котораго онъ дѣйствуетъ съ такимъ самоотверженіемъ; право это приобрѣтено заслугами, которыхъ огромность признана всѣмъ свѣтомъ. Безъ сомнѣнія также, самъ король расположенъ внимать совѣтамъ диктатора, какъ одного изъ преданнѣйшихъ ему людей. Понятно, что въ сердцѣ Гарибальди кипитъ негодованіе къ виновнику уступки Савойи и Ниццы; но трудно допустить, чтобы столь правдивый умъ, каковъ умъ Гарибальди, не сознавалъ, что если эти провинціи и были уступлены въ пользу императора французовъ, то этою цѣною, едва ли слишкомъ дорогою, куплена была помощь въ войнѣ, послѣдствіемъ которой можетъ быть полное освобожденіе Италіи. «Если, замѣчаетъ Daily News, котораго сочувствіе къ Италіи не подлежитъ сомнѣнію, Гарибальди думаютъ, что Кавуръ слишкомъ поддается чуждому вліянію, то лучшее средство противъ этого состоитъ въ поддержаніи и усиленіи его власти. И если справедливо, что эти предводители движенія враждуютъ другъ съ другомъ, то взаимное ослабленіе ихъ послужитъ поводомъ къ такимъ притязаніямъ, которыя не могли бы возникнуть въ виду королевства сильнаго и согласнаго». До сихъ поръ Европа удивлялась не одному геройству Гарибальди, но также пропихательности, осторожности и прямолинейности его, и потому можно надѣяться, что онъ самъ не замедлитъ увидѣть свою ошибку и если не тотчасъ же протянеть руку знаменитому дипломату, то смирить въ себѣ непріязненныя чувства, возбужденныя савойскимъ вопросомъ. Но если требованіе диктатора произвело столь прискорбное дѣйствіе на общественное мнѣніе, то нельзя не отдать полной справедливости благородному, твердому и безпристрастному Виктору-Эммануилу.

На письмо Гарибальди король отвѣчалъ, что совѣтники его — министры конституціонные, облеченные довѣріемъ парламента, которому одному принадлежитъ право лишить ихъ предоставленной имъ власти. Потому сдѣлано было распоряженіе о созваніи палаты, которымъ вопросъ, поставленный диктаторомъ, предложенъ на рѣшеніе. Телеграмма изъ Турина сообщаетъ, что при открытіи засѣданій палаты депутатовъ 2 октября (20 сентября) министерство представило проектъ закона, уполномочивающій его принять присоединеніе средней и южной Италіи. какъ скоро поголовная подача голосовъ покажетъ, что населеніе хочетъ, чтобъ эти части полуострова вошли въ составъ конституціонной монархіи Виктора Эммануила. При представленіи этого закона, правительство объявило, что оно не можетъ предпринять войну противъ Австріи за Венецію, потому что возбудило бы противъ себя прочія державы, и что римскій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ однимъ мечемъ. Результатъ преній еще неизвѣстенъ, но министерство проситъ палату рѣшить, достойно ли оно ея довѣрія. Вѣроятно, палата будетъ на сторонѣ кабинета, и потому можно думать, что какъ ея рѣшеніе, такъ и событія, совершившіяся въ римской области. значительно облегчающія исполненіе плана, предполагаемаго самимъ Гарибальди, заставятъ послѣдняго отказаться отъ своего требованія. Уже извѣстно, что Англія употребляетъ свои старанія къ отклоненію Гарибальди отъ слишкомъ поспѣшнаго столкновенія съ Австріей. Быстрота, съ которою совершается переворотъ въ Италіи, справедливо пугаетъ англійское правительство; вотъ почему, не смотря на отъѣздъ посланниковъ большей части державъ въ Гаэту вслѣдъ за Францискомъ II, представитель сент-жемскаго кабинета Эллиотъ оставался въ Неаполѣ и настаивалъ, чтобы диктаторъ пріостановилъ свои наступательныя дѣйствія до окончанія римскаго вопроса. Мы надѣемся, сказано въ органѣ лорда Пальмерстона, *Morning Post*. по поводу непріязни диктатора къ графу Кавуру, что совѣты и предостереженія испытанныхъ друзей, наиболѣе сочувствующихъ дѣлу Италіи, не будутъ совершенно безплодны и что можно будетъ найти средство сохранить для этого дѣла соединенную и согласную дѣятельность самаго блестящаго воина и самаго разсудительнаго государственнаго человѣка Италіи. Эти надежды раздѣляются всѣми желающими, чтобы Италія наконецъ успокоилась послѣ бѣдствій дурнаго управленія и революціонныхъ потрясеній.

Мы приводили уже нѣсколько доказательствъ благоразумія, сопровождающаго всѣ даже самыя отважныя предпріятія Гарибальди. Укажемъ еще на одну черту въ характерѣ этого

замѣчательнаго человѣка, черту крайне утѣшительную при тѣхъ сомнѣніяхъ, которыя невольно возникаютъ при мысли о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ его и о соединенныхъ съ ними опасностяхъ. Это — его безграничная преданность Виктору-Эммануилу. Въ послѣднее время было много журнальных толковъ о побѣдѣ въ Неаполь англійскаго адвоката Эдвина Джемса, имя котораго получило такую громкую извѣстность по случаю процесса доктора Бернара. Times положительно увѣрялъ, что Джемсъ отправленъ къ диктатору съ особымъ порученіемъ отъ англійскаго правительства. Хотя извѣстіе это было опровергнуто министерскими органами; но теперь появились отрывки изъ письма знаменитаго адвоката, который, сознаваясь, что нѣкоторые высокостоящіе люди просили его сообщить диктатору одну мысль, относящуюся къ весьма важному вопросу, связанному съ занятіемъ Неаполя, приводить нѣсколько словъ изъ разговора своего съ Гарибальди. «Дипломаты сомнѣваются во мнѣ, сказалъ диктаторъ; но я буду вѣренъ Виктору-Эммануилу. Я люблю его какъ жизнь мою. Я служилъ ему безъ присяги. Я немедленно сдѣлаю все, что будетъ отъ меня зависѣть, чтобъ обезпечить присоединеніе къ Пьемонту. Но я долженъ имѣть возможность исполнить все по своему». Когда Эдвинъ Джемсъ сказалъ ему, что анархія можетъ взять верхъ надъ нимъ въ Неаполѣ и тогда разсѣются всѣ надежды Англіи на возрожденіе Италіи; то онъ отвѣчалъ: «Не бойтесь этого: если народъ захочетъ поддержать меня, я всѣми мѣрами постараюсь ускорить присоединеніе». Всѣ, знающіе искренность и постоянство чувствъ Гарибальди, убѣждены, что преданность его къ королю заставитъ его исполнить это обѣщаніе, не смотря на непріязненные отношенія къ Кавуру.

Время не замедлитъ показать, какое направленіе примутъ итальянскія событія, вслѣдствіе этого антагонизма, за которымъ, какъ говорятъ, скрывается борьба либерально-монархической партіи съ людьми, носящими различные оттѣнки мадзинизма. Теперь же, судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ журналами, которые не могутъ быть признаны враждебными освобожденію Италіи и преобразованію ея въ одно государство, дѣла въ бывшемъ неаполитанскомъ королевствѣ находятся въ положеніи довольно безпорядочномъ и главною причиною тому можно считать сомнѣнія относительно вопроса о присоединеніи къ Пьемонту. Мы говорили уже, что сардинское министерство желало немедленнаго слитія возставшихъ владѣній съ королевствомъ Виктора-Эммануила, тогда какъ диктаторъ откладываетъ это до занятія Рима, если не до покоренія венеціанской области.

Въ этихъ намѣреніяхъ туринскаго кабинета и Гарибальди

есть существенная разница. Важность немедленного присоединения состоитъ въ томъ, что пьемонтское правительство могло бы водворить въ присоединенныхъ владѣніяхъ такой порядокъ управленія, который имѣлъ бы видъ прочности и, следовательно, поселилъ бы въ населеніяхъ довѣріе къ администраціи, между тѣмъ, какъ составъ управленія диктатора безпрерывно мѣняется, а въ распоряженіяхъ его обнаруживается, по крайней мѣрѣ, подозрѣвается вліяніе различныхъ партій. По мѣрѣ того, какъ Гарибальди приближался къ Неаполю, а особенно послѣ удаленія Франциска II, слухъ о присоединеніи Сициліи былъ очень вѣроятенъ: сами противники его сознавались въ томъ скрѣпя сердце; но вотъ Гарибальди нарочно отправляется въ Палермо для того, чтобы объявить его жителямъ, что итальянское королевство будетъ провозглашено только въ Римѣ. Не мудрено, что подобныя противорѣчія колеблютъ и пугаютъ общественное мнѣніе, взволнованное недавнимъ переворотомъ. По отзыву лицъ, которыхъ нельзя заподозрить въ недоброежелательствѣ къ Италіи, въ бывшемъ королевствѣ обѣихъ Сицилій народъ желаетъ, чтобы присоединеніе совершилось по возможности скорѣе; потому что видитъ въ немъ рѣшеніе своей участи. Онъ не понимаетъ дипломатической оппозиціи, которая можетъ находить соединеніе Италіи въ одно государство невыгоднымъ для той или другой державы. Онъ знаетъ только, что избавленъ отъ династіи, жившей причиною его бѣдствій, и потому хочетъ, чтобы возвращеніе ея было невозможно, а единственное средство воспрепятствовать этому заключается въ утвержденіи власти Виктора-Эммануила. Это не значитъ, чтобы народъ былъ недоволенъ диктаторомъ: напротивъ, восторгъ его къ своему освободителю доходитъ до обожанія; но онъ инстинктивно понимаетъ, что подчиненіе диктатурѣ служитъ только переходомъ къ болѣе правильному состоянію, и желалъ бы, чтобы срокъ временнаго правленія былъ какъ можно короче. Такъ бываетъ при всѣхъ коренныхъ политическихъ переворотахъ. При такомъ настроеніи очевидна необходимость скорѣйшаго соглашенія между диктаторомъ и туринскимъ кабинетомъ, тѣмъ болѣе, что сила идеи итальянскаго единства обуславливается не однимъ народнымъ энтузіазмомъ, но и политическимъ значеніемъ Пьемонта. Идея эта стала достояніемъ всего народа; Гарибальди служитъ представителемъ ея, это безспорно; но еще болѣе воплощается она въ Викторѣ-Эммануилѣ. Какъ народъ возстаетъ во имя великодушнаго короля, такъ и Гарибальди дѣйствуетъ съ цѣлю отдать ему завоеванныя страны. Не будь въ народѣ искренняго желанія подчиниться власти его, не сознавая оцъ, что свобода, независимость и единство

возможны только подъ знаменемъ Пьемонта, онъ не устремился бы съ такимъ единодушіемъ на встрѣчу Гарибальди. Если народъ сочувствуетъ подвигамъ своего героя, восхищается имъ и благословляетъ его имя; то еще болѣе, или по крайней мѣрѣ не менѣе, онъ убѣжденъ, что безъ преобладанія Пьемонта единая Италія не возможна. Десятилѣтнія старанія короля и его кабинета, во главѣ котораго почти во все это время стоялъ графъ Кавуръ, не ускользнули отъ народнаго вниманія и хотя въ Италіи, пишетъ Джонъ Лемуанъ въ *Journal des Débats*, есть населенія и города, щедрѣе одаренные природою нежели Пьемонтъ, тѣмъ не менѣе справедливо, что по своему благоразумію, порядку и промышленности онъ сдѣлался ядромъ новой Италіи. Преимущество Пьемонта состояло въ обладаніи единственнымъ на всемъ полуостровѣ національнымъ правительствомъ, дѣйствующимъ правильно въ продолженіи многихъ лѣтъ, такъ что среди безпорядка и кажущейся анархіи, обыкновенно сопровождающихъ революціи, онъ сдѣлался центромъ соединенія. Этому счастливому положенію онъ обязанъ своимъ превращеніемъ въ Итальянское королевство. Еслибы вся Италія была вдругъ объята революціей, ей трудно было бы найти центръ, но нашлся Пьемонтъ, который, не нуждаясь во внутреннихъ преобразованіяхъ, могъ предложить остальной Италіи уже добытые результаты, готовые учрежденія, и онъ сталъ центромъ тяжести, къ которому устремились всѣ разрозненные элементы національности и свободы. Вотъ почему онъ представляетъ собою одновременно порядокъ и освобожденіе. Съ другой стороны король Викторъ-Эммануилъ исполнилъ и исполняетъ и теперь роль соотвѣтственную, параллельную роли своего королевства. Какъ Пьемонтъ сдѣлался ядромъ Италіи, такъ Викторъ-Эммануилъ сталъ ея защитникомъ.» Вся Италія придаетъ Пьемонту и королю его такое значеніе. Потому-то Гарибальди, этотъ истинный республиканецъ по убѣжденіямъ, характеру, привычкамъ и образу жизни, склонился передъ народнымъ сознаніемъ и достойною удивленія личностью Виктора-Эммануила. Потому-то, посвятивъ себя на службу Италіи, онъ въ тоже время служитъ и королю, а единая Италія для него немислима безъ Виктора-Эммануила. Если мы вѣрно понимаемъ диктатора, то не ошибемся, полагая, что для избѣжанія опасностей, которыя могли бы угрожать дальнѣйшему ходу переворота вслѣдствіе разногласія Гарибальди съ Кавуромъ, первый не замедлитъ сознаться, что немедленное присоединеніе южной Италіи къ Пьемонту необходимо.

Важнѣйшею причиною, поселившею раздоръ между предводителемъ волонтеровъ и сардинскимъ министромъ, была уступ-

ка Савойи и Ниццы: послѣдняя, какъ извѣстно, родина Гарибальди. Присоединеніе этихъ провинцій къ Франціи доказало, что участіе императорскаго правительства въ защитѣ италійской независимости не было такъ безкорыстно, какъ объявляли манифесты и прокламаціи, появившіеся передъ прошлогодней войною. Препія, послѣдовавшіе за этимъ присоединеніемъ въ англійскомъ и сардинскомъ парламентахъ, обнаружили всю силу вліянія парижскаго кабинета на пьемонтскую политику. Оказалось, что уступка Савойи и Ниццы была возмездіемъ за увеличеніе владѣній Виктора-Эммануила. Нѣтъ нужды напоминать, какое тяжелое впечатлѣніе произвела на Европу франко-сардинская сдѣлка. Она не только не послужила значительнымъ удовлетвореніемъ народнаго самолюбія Франціи, которой вѣроятно было бы гораздо пріятнѣе оказать своему союзнику совершенно безвозмездную услугу; но даже изолировала императорскую Францію. Англо-французскій союзъ не существуетъ уже и по имени, во всей Германіи царствуетъ сильная непріязнь противъ того, кому, справедливо или нѣтъ, приписываются виды на рейнскую границу; Австрія, показавшаяся, послѣ знаменитаго виленна-франкскаго свиданія, новою искреннею союзницею сольфериискаго побѣдителя, уже охладѣла и едва скрываетъ свое неудовольствіе за неисполненіе юрихскаго трактата; союзъ Россіи съ Франціей, такъ долго бывшій кошмаромъ западной Европы, пересталъ служить предметомъ журнальныхъ толковъ. Словомъ, никогда дѣятельность парижскаго кабинета не казалась менте опасною, какъ въ настоящее время. Вызывающія брошюры не обращаютъ уже на себя вниманія. Изъ Франціи разносятся всюду слова мира и вѣрности началу невмѣшательства. Императоръ своимъ путешествіемъ въ южные департаменты, въ Савойю и Ниццу и наконецъ въ Алжиръ какъ бы хотѣлъ подтвердить свое обѣщаніе исключительно заняться внутренними дѣлами имперіи. Можно сказать, что еслибы не занятіе Рима, то французская политика осталась бы вовсе непричастною къ европейскимъ дѣламъ. Но десяти-лѣтнее существованіе имперіи пріучило Европу видѣть поводы къ опасеніямъ какъ въ дѣятельности французской политики, такъ и въ ея совершенномъ уединеніи, подобномъ настоящему. И громогласныя воззванія, и глубокое молчаніе почти равно возбуждаютъ подозрѣнія. Такъ случилось и въ послѣднее время: разнеслись слухи о присоединеніи острововъ Сардиніи и Эльбы къ Франціи въ замѣну присоединенія къ Пьемонту южной Италіи. Люди, нераспокоенные къ графу Кавуру, воспользовались этимъ обстоятельствомъ и разгласили, что оно усилило вражду между министромъ и диктаторомъ. Вѣсти объ этой новой уступкѣ со

стороны пьемонтскаго правительства были такъ правдоподобны, что лордъ Джонъ Россель счелъ нужнымъ упомянуть объ этомъ предположеніи въ депешѣ своей, адресованной къ сэру Дж. Гуд-сону, англійскому посланнику въ Туринѣ. Теперь газета *Opinione*, служащая полуофициальнымъ органомъ пьемонтскаго министерства, опровергаетъ упомянутый слухъ. «Никто, говоритъ эта газета, никогда не сомнѣвался въ итальянскомъ характерѣ Сардиніи и острова Эльбы, и потому ни одной державѣ не можетъ прійти на мысль потребовать ихъ; никакое итальянское министерство не можетъ уступить ихъ. Тѣ, которые попиали уступку Ниццы, должны по крайней мѣрѣ сознаться, что національность ея была оспариваема, между тѣмъ, какъ о Сардиніи и Эльбѣ нѣтъ ни спора, ни разногласія. Уступка Сардиніи и Ниццы именно и предохраняетъ Италію отъ дальнѣйшихъ земельныхъ уступокъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ въ избирательной палатѣ, что эта уступка даетъ силу настоящему приготавливаетъ будущее. Это сужденіе подтверждалось доселе. Тѣ, которые теперь воскрешаютъ ницскій вопросъ, осмѣются ли утверждать, что еслибъ эта жертва не была сдѣлана, судьба Италіи не улучшилась бы? Чему же мы обязаны, что вѣнское правительство было уважено? Развѣ сильное королевство и итальянское единство почти уже не образовались? И самъ Наполеонъ могъ ли бы совершить свою отважную экспедицію, еслибъ трактатъ 24 марта не былъ подписанъ и еслибы власть находилась въ рукахъ министерства Кавура? Министерство, подписавшее этотъ трактатъ, показало гораздо болѣе силы ума, чѣмъ тѣ, которые оспаривали и отвергали его, потому что и оно гораздо болѣе смѣлости для принесенія столь горестной жертвы, чѣмъ для оспариванія ея необходимости. Благодаря этой жертвѣ, двадцать два миліона итальянцевъ уже близки къ своему соединенію. Кто можетъ бояться, что у такого государства требуютъ уступки какой либо провинціи? Какая держава осмѣлится на подобный поступокъ?»

Приведенные доводы безъ сомнѣнія сильны. Мы не станемъ противопоставлять имъ преждевременнаго сомнѣнія, но спрашивается, будутъ ли ими довольны въ Парижѣ? Мы питаемъ надежду на избавленіе Италіи отъ новыхъ территоріальныхъ порубованій болѣе по тому, что савойское дѣло должно было служить достаточнымъ урокомъ для французской дипломатіи. Къ тому же занятіе Рима, еслибъ оно продолжилось послѣ отъѣзда папы, позволить Франціи мѣшать совершающему осуществленію идеи итальянскаго единства подъ предлогомъ, что патримоніумъ св. Петра принадлежитъ святей-

шешу отцу, гдѣ бы самъ онъ ни находился, въ Ит или виѣ ея. Время искуса для Италіи еще далеко не н-
новалось.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Корнгильскій Сборникъ, журналъ В. Теккрея. (Первое полугодіе).

За нынѣшній 1860 годъ, Англія представила просвѣщенному міру три чуда, изъ которыхъ каждое, можетъ быть, стоитъ всѣхъ семи чудесъ древняго свѣта. Первое изъ нихъ, пароходъ Гретъ-Истернъ, способный помѣститъ около десяти тысячъ пассажировъ и не только помѣститъ, но въ десять дней отвезти ихъ въ Америку, застраховавши своихъ гостей во время переезда отъ припадковъ морской болѣзни. Второе чудо: двѣсти тысячъ волонтеровъ-стрѣлковъ ничего не стоящихъ правительству, двѣсти тысячъ занятыхъ и достаточныхъ, иногда очень жирныхъ людей, которые маршируютъ, мокнуть, зябнуть, стрѣляютъ и отлучаются на парадахъ, не получая копѣйки вознагражденія. Третьимъ чудомъ должны мы признать ежемѣсячный журналъ, начавшійся въ Лондонѣ съ прошлаго января мѣсяца и на шестой мѣсяцъ своего появленія добывшій себѣ пятьдесятъ тысячъ подписчиковъ, да сверхъ того гораздо болѣе пятидесяти тысячъ покущиковъ на каждый отдѣльный номеръ.

О Гретъ-Истернѣ и о волонтерахъ было у насъ говорено довольно о Теккреевомъ журналѣ у насъ знаютъ еще мало, хотя его необыкновенный успѣхъ въ Англіи имѣетъ и у насъ свой отголосокъ. Всѣ экземпляры, привозимые въ Петербургъ, расходятся съ неслыханной быстротою, и мы сами, нѣсколько опоздавши подпискою, должны были довольно долго ждать своего журнала — книгопродавецъ не имѣлъ уже у себя ни одного свободнаго экземпляра, всѣ запасные номера были расхвачены петербургскими англичанами.

Вилліамъ Теккрей, авторъ Ньюкомовъ и Пенденниса, сотрудникъ Пунча и сочинитель многихъ популярныхъ балладъ (въ самомъ скоромъ времени мы еще поговоримъ о Теккрей какъ о поэтѣ), какъ извѣстно читателю, человекъ пожилой и бывалый. Онъ скакалъ на конѣ и валялся подъ конемъ, видѣлъ невзгоду и великіе успѣхи, писалъ и рисовалъ для того, чтобъ не умереть съ голоду, бралъ по десяти тысячъ гиней за романъ и изъѣздилъ чуть ли не весь земной шаръ кромѣ Сибири и Африки, но все-таки, не смотря на свою привычку къ необычному, онъ самъ озадаченъ успѣхомъ начатаго дѣла и нѣсколько не желаетъ скрывать своего удовольствія. Въ июль мѣсяцъ, оканчивая первый томъ своего изданія (шесть номеровъ, полугодіе, составляютъ томъ первый), новый журналистъ, великій мастеръ на шутку и иронію, самъ подсмываетъ надъ неожиданнымъ успѣхомъ Корнгильскаго Сборника. «Въ заглавіи статьи моеѣ о всякой-всячинѣ сказано (говоритъ онъ), что рѣчь будетъ идти о нѣсколькихъ великихъ побѣдахъ нашего времени. Или читатель думаетъ, что я стану говорить съ нимъ про Витторію Саламанку, Трентонъ итакъ далѣе?.. Ничуть. Побѣды, о которыхъ я хочу говорить въ заключительной статьѣ нашего перваго тома—суть шесть великихъ, полныхъ, несравненныхъ и неопровержимыхъ побѣдъ, одержанныхъ арміею, которою имѣетъ честь командовать издатель Корнгильскаго Сборника. Сейчас только, не совсѣмъ уважительно толкуя о разныхъ полководцахъ, я имѣлъ въ виду этого самого командира и совѣтовалъ ему не слишкомъ надуваться отъ удачи, не принимать героически-императорскихъ позъ и не слишкомъ гордо подвигать на бекрень свой вѣнецъ лавровый. Я игралъ роль его совѣсти, и шествуя около брызгавшихъ грязью колесъ триумфальной колесницы, шепталъ герою на ухо: *Notinet temento te*. Пока мы вѣхали по дорогѣ, мимо жируэтокъ, вертящихся на храмахъ, я почтительно преклонялъ голову передъ символомъ богини-Фортуны. Мы старались какъ умѣли, говорилъ я, сгибая голову, и человѣчку не дано стараться болѣе. Но мы могли биться мужественно и не побѣдить. Мы могли бросить монету, закричать *Орелъ!* и вмѣсто орла увидать рѣшетку. О устроительница побѣдъ, владѣтельница славы, раздавательница коронъ (кромѣ шиллинговъ!) если ты улыбнулась намъ, то и мы тебя благодарны... Два бѣлыхъ слона влекутъ колесницу триумфатора, онъ поправляетъ лавры, подвигающіеся ему на носъ, онъ кланяется

народу, а капитаны легіоновъ верхомъ вдутъ около колесницы, вращая такія мысли въ своемъ добромъ умѣ: *мы дрались также хорошо какъ этотъ молодецъ, ломающійся на своей колесницѣ, да и чьмъ мы его хуже?* Правду, истинную правду говорите вы добрые мои сподвижники. Когда придетъ пора вашего консульства, будьте также счастливы. Когда эти, уже дряхляющія руки, сложать на земь мечъ и щитъ, пусть боги помогутъ намъ взобраться на колесницу и повхаты въ храмъ Юпитера. Вамъ тогда и лавры и слава...

Итакъ, представимъ себѣ императора, какъ стоитъ онъ на ступеняхъ храма (воздвигнутаго Титомъ) на горѣ Фрументаріи, и обращается къ гражданамъ тако: Квириты! говоритъ онъ, въ нашъ шестимѣсячный походъ, мы имѣли шесть сраженій, и въ каждомъ сраженіи брали до *ста тысячъ пльнниковъ*. Вотъ вамъ! Что значуть всѣ журналы въ сравненіи съ нашимъ журналомъ? (Трубачъ, дуй изо-всей силы!) Чье знамя правится съ Коригильскимъ? Ты что скажешь, стоящій тамъ философъ (философъ прячется въ свою мантию). Знаете-ли вы, что значить имѣть сто десять тысячъ читателей? Что я говорю сто тысячъ читателей? Сто тысячъ *покупателей*! (Крики въ толпѣ: нѣтъ, нѣтъ! Быть не можетъ! Да, клянусь честью! Клики одобренія и хулы). Я говорю: болѣе ста тысячъ покупателей, что значить болѣе милліона читателей! (огромное впечатлѣніе). Сказали-ли мы этимъ читателямъ хоть одно худое слово? У насъ есть враги, нанесли-ли мы нечестный ударъ хотя одному неприятелю! Гнались-ли мы за приманками какой-нибудь партіи, устраивали-ли какія выгодныя сдѣлки въ свою пользу? Мы совершенно огорчили лишь, нѣсколькихъ лицъ, имѣвшихъ желаніе служить волонтерами въ нашемъ войскѣ; правда, что этихъ волонтеровъ было нѣсколько тысячъ * (ворчаніе и ропотъ). Чтожъ ждать граждане? Полководецъ такой арміи долженъ быть строгъ въ выборѣ воиновъ, онъ долженъ выбирать ихъ не за добродѣтель и кроткій характеръ, а за силу и способности. Сильнымъ и способнымъ людямъ всегда открыты ряды наши, и въ дополненіе къ бойцамъ меня окружающимъ, (тутъ генераль глядитъ съ горделивой таинственностью) я уже приобрѣлъ, о граждане, новыхъ и во ужасъ повергающихъ воиновъ, которые пойдутъ,

* Количество рукописей, присылаемыхъ въ редакцію Коригильскаго Сборника, въ послѣдніе два мѣсяца доходило до 100 въ недѣлю.

вмѣстѣ съ нашими ветеранами, къ свяжѣмъ побѣдамъ. Ну теперь, дуйте въ трубы! Колотите палкой въ гонги! Барабанщики, извлекайте громъ изъ барабанной кожи! Вожди и капитаны, идемъ приносить богамъ благодарственную жертву!

Увѣнчанные цвѣтами, вожди входятъ во храмъ, за ними скромно подвигаются другіе журналы. Народъ кричитъ ура, и въ некоторыхъ уголкахъ падаетъ ницъ и целуетъ край одежды у воиновъ. Философъ запираетъ ставни и уходитъ въ свою книжную лавку, добычей сильнаго волненія. Въ старыя времена, по словамъ Плинія, повелитель легіоновъ выкрашивалъ себѣ все тѣло ярко-красною краскою и сверхъ того, всходя на холмъ ко храму, повелѣвалъ отвести плѣнныхъ непріятельскихъ вождей въ какую-нибудь сосѣднюю темницу, и тамъ умертвить! Но мы позволяемъ себѣ не выполнить этихъ двухъ обрядовъ.»

Въ приведенномъ нами отрывкѣ высказывается весь юморъ Теккрея-журналиста, и вмѣстѣ съ тѣмъ и причина громаднаго успѣха его изданія. Въ какіе-нибудь шесть мѣсяцовъ шутивому триумфатору достался успѣхъ, о которомъ даже не могъ думать трудолюбивый и популярный Диккенсъ, столько лѣтъ трудившійся надъ своимъ народнымъ журналомъ. Диккенсъ умный и талантливый, но онъ не фельетонистъ по натурѣ. Онъ слишкомъ серьезно, слишкомъ тепло заговорилъ со своей публикой и вслѣдствіе того получилъ гораздо болѣе лавровыхъ вѣнковъ, нежели денегъ. И Теккрей не газрствуетъ съ публикой, и Теккрей не все шутитъ въ своемъ изданіи, но онъ хорошо знаетъ чѣмъ затронуть читателя и по временамъ не церемонится съ нимъ въ своихъ изліяніяхъ. Вполнѣ враждебный самой дозволенной рутинѣ, авторъ Пенденниса во всемъ умѣетъ двинуться своимъ собственнымъ путемъ, на перекоръ другимъ людямъ и другимъ журналистамъ. Что, кажется, обыкновенные журнальные объявления и завлекательныхъ программъ? Но Теккреевъ журналъ пошелъ впередъ почти безъ объявленій, а программой ему служили нѣсколько шуточекъ въ первой книжкѣ. Кажется, такому редактору легко было обѣщать своей публикѣ много хорошаго, но онъ наобѣщалъ менше, чѣмъ малѣйшій книжный спекуляторъ, да еще и посмѣялся при этомъ. «Наше изданіе называется Корнгилльскимъ Сборникомъ оттого, что магазинъ нашихъ запасовъ въ Корнгилль. Можно бы было назвать его поразительнѣе, хоть бы напиримѣръ «Горящая Темза». Объ этомъ мы думали, и знали, что такое заглавіе, въ крушнхъ красныхъ литерѣхъ,

произвело бы эффектъ и въ городѣ и въ деревнѣ. Но послѣ того, иной любопытный селянинъ пошелъ бы на лондонскій мостъ глядѣть какъ горитъ Темза, увидѣлъ бы рѣку текущую самымъ обыкновеннымъ образомъ, рассердился бы, и ушелъ въ полномъ убѣжденіи, что его преподло надули... Вы все таки спросите меня, что же станеть говорить Корнгилльскій Сборникъ и какія статьи въ немъ помѣщаться будутъ? Если я скажу вамъ на это, что издатель, известный до сихъ поръ лишь своими сочиненіями, на самомъ дѣлѣ есть всликій новаторъ, мудрецъ и философъ, готовящійся проповѣдывать неслыханныя, никѣмъ не сказанныя доктрины и истины, направлять народы, разрушать существующій порядокъ вещей и на мѣсто его воздвигать новыя соціально-политическія постройки, однимъ словомъ запалить Темзу; — то услышавъ это, вы расхохочетесь. Вы знаете, что такихъ претензій я не имѣю. Но я писалъ много и долго; имѣлъ много читателей, и потому смѣю надѣяться, что читатели эти, ласково слушавшіе мои монологи о жизни, о мужчинахъ и женщинахъ, не откажутся попробовать меня въ новой должности какъ распорядителя концерта, въ которомъ, какъ я надѣюсь, примутъ участіе многіе искусные исполнители.

«Какъ-то читалъ я въ лондонской иллюстраціи (сидя дома въ своей комнатѣ), что будто я нахожусь въ настоящую минуту въ Бердо и тамъ покушаю блос и красное вино, лучшаго сорта для лучшихъ сотрудниковъ и посредственное для посредственныхъ. Примемъ это гостепріимное замѣчаніе относительно угощенія сотрудниковъ и прибавимъ, что за столомъ я не имѣю никакого намѣренія блистать разговоромъ, а попрошу умныхъ людей и джентльменовъ самихъ въ немъ побольше участвовать. Можетъ быть первый заговоритъ любитель охоты на лисицъ съ борзыми, за нимъ станеть держать рѣчи: геологъ, инженеръ, мануфактуристъ, членъ нижней палаты, судья, химикъ и кто какъ угодно. Если хорошіе люди начнутъ рассказывать про то, что сами знаютъ, ласково и не пространно, безъ нахальнаго дидактизма, бесѣда будетъ недурна и люди охотно пойдутъ ее слушать. За нашей застольной бесѣдой мы будемъ всегда имѣть въ виду присутствіе дѣтей и женщинъ. Мы не будемъ стравлять политиковъ несходныхъ убѣжденіями, мы станемъ вѣжливо слушать каждого гостя, который имѣеть сказать дѣльное слово...»

Блистательная способность обо всемъ говорить шутливо и ве-

село, придавать самой прозаической фразѣ колоритъ поэзіи и юмора, вотъ достоинство, въ которомъ издатель не имѣетъ себѣ равныхъ. Посмотрите, напримѣръ, какъ сообщаетъ онъ читателямъ самое простое свѣдѣніе о томъ, что въ первой книжкѣ Сборника начаты два романа, изъ которыхъ одинъ имѣетъ самый манусантъ. «На атлантическихъ пароходахъ, въ день выезда (а потомъ въ праздничные дни) за обѣдомъ всегда подають желе роскошно изукрашенное, въ середину каждой формы при этомъ воткнуты американскій и британскій флаги, великолѣпно выглядывающіе изъ жести. Пассажиры съ удовольствіемъ глядятъ на сей пріятный феноменъ, а капитанъ еще болѣе усиливаетъ ихъ удовольствіе, изъявляя надежду, сосѣдямъ на право и на лѣво, что флагъ мистера Буля и его меньшаго брата всегда будетъ развѣваться рядомъ, въ дружескомъ соревнованіи. Ранѣе меня, романы уже кто-то сравнилъ съ желе. Вотъ вамъ цѣлыхъ два, (въ одномъ можетъ быть мало сахара, и оно приправлено горькой жидкостью, которая не всѣмъ языкамъ по вкусу), два желе, два романа подъ двумя флагами. Одинъ флагъ уже старый, онъ когда-то висѣлъ надъ палубой Ярмарки Тщеславія—другой будетъ гораздо свѣжѣе и красивѣе—Sir и ma'am, котораго желе вамъ угодно?»

Такъ какъ самъ Теккрей первый заговорилъ о романахъ своего Сборника, то и мы скажемъ о нихъ нѣсколько замѣчаній.

Хозяину первое мѣсто. Романы не подписаны, но съ первыхъ строкъ: *Вдовца Ловеля* * львиная лапа выказывается и занимаетъ всякую подпись, хотя, надо правду сказать, последнее произведеніе Теккрея, *какъ романъ*, никуда не годится. Въ лица, за исключеніемъ одного, уже были описаны Теккреемъ и составляютъ обычный персональ его романовъ. Отвратительная теща, мучающая зятя, попрошайка старуха, питающаяся отъ крупицъ богатыхъ людей, истасканный фатъ и наглець французскаго свойства, добрый холостякъ, морализирующій самъ съ собою, скучающій вдовецъ, освобожденный отъ жены, но не имющій силъ отдѣлаться отъ назойливой тещи—все это мы видѣли и знаемъ изъ Пендennis и Ньюкомовъ, изъ мелкихъ повестей, изъ статей въ Пунчъ. Вся исторія въ томъ, что вдовецъ Ловелль, притѣсняемый нѣсколькими старухами и не знавшій счастья въ первомъ супружествѣ, къ общему изумленію женился на гувернанткѣ своихъ дѣтей, бѣдной двушкѣ, когда-то танцова-

* Lovell the Widower.

шей на оперныхъ подмосткахъ, для прокормленія своей матери и ея огромнаго семейства. Гувернантка Бесси—героиня настоящая, и, кажется, все мужчины дѣйствующіе въ романъ, даже лакей Бедфордъ, влюблены въ нее какъ слѣдуетъ. Чѣмъ-то особенно чистымъ, свѣжимъ, твердымъ, истинно британскимъ взятъ отъ этой дѣвушки, которая одна придаетъ роману нѣкоторое художественное значеніе. Затѣмъ, какъ мы сказали, лица не новы, а дѣйствіе нескладно, жестко и въ нѣкоторыхъ главахъ (напр. въ сценѣ когда Бедфордъ колотитъ гостя своего барина) и неправдоподобно. Видно, что интрига не *вытанцовалась* съ перваго раза, запуталась вслѣдствіе срочной работы и, «*en désespoir de cause*» наконецъ была употреблена авторомъ лишь за мѣсто нити для нанизыванія поэтическихъ страницъ и шутильвыхъ фельетоновъ. За то какъ фельетонное произведеніе и букетъ *Теккреевскихъ* импровизацій, весь Ловелль истинное желе и десертъ лакомыхъ.

Романъ конченъ въ шестомъ номерѣ,—по послѣднимъ извѣстіямъ онъ не поправился въ Англію. Теккрей зналъ слишкомъ много неудачъ и выкупалъ ихъ слишкомъ блистательно, да сверхъ того едва ли онъ и надвѣялся на успѣхъ Ловелля. Какъ бы то ни было, неудовольствія и претензіи разнаго рода, порожденные его произведеніемъ, дали издателю пищу для новаго фельетона, * одного изъ самыхъ остроумнѣйшихъ въ своемъ родѣ.

«Въ прошломъ номерѣ нашемъ (мы мѣстами сокращаемъ издательскую импровизацію), мы, въ родѣ аполога, изобразили тріумфальную процессію въ честь своего журнала и представили императора легионовъ, вѣдущаго на неслыханной колесницѣ и воздающаго хвалы Богамъ въ храмъ победы. Корнгильтъ приученъ къ величію, и Богъ знаетъ сколько столѣтій, каждое 9 ноября бываетъ свидѣтелемъ великолѣпнаго шествія, трубныхъ звуковъ и такъ dalje. ** Въ воображеніи нашемъ ясно рисуется раззолоченная карета, восемь настоящихъ пегасовъ сливочнаго цвѣта, кричащій народъ, бѣгущіе лакеи, рыцари звучащіе оружіемъ, каскаланъ и меченосецъ съ муфтой на головѣ, выглядывающей изъ окна кареты, и лордъ-меръ весь въ пурпуръ, мѣхахъ, бѣлыхъ лентахъ и съ золотой цѣпью. Игривая фантазія увлекаетъ

* A Thorn in the Cushion, (терновая игла въ подушкѣ) № 7.

** Процессія лорда-мера. Контора редакціи К. С. находится близъ ратуши.

насъ dalje и пишетъ намъ картину пира въ египетской залѣ, гдѣ вокругъ лорда-мера, сидѣли прелаты, министры и верховныя судьи, кушая черепаховый супъ и разныя другія превкусныя блюда, а М. Туль, стоя сзади центрального трона, оретъ во все горло: милордъ такой-то—лордъ-меръ пьетъ за ваше здоровье. Но вотъ выпили за здоровье дамъ, гости встаютъ и подвигаются къ кофе. Кареты знатныхъ особъ разъезжаются. Египетская зала, сію минуту такъ сіявшая огнями,—исполнена печальнаго полумрака, посреди котораго официанты растаскиваютъ десертъ и прибираютъ ложки. Лордъ-меръ и леди майоресса ушли во внутренніе покои. Снято платье, бѣлыя ленты и кружевной воротникъ. Лордъ-меръ снова сталъ человѣкомъ, и съ сквернымъ чувствомъ напоминаетъ только что сказанныя рѣчи, очень хорошо соображая, какъ такой-то и такой-то насажъ ему не удалось. Съ головной болью, заботой и досадою на себя ложится онъ въ постель,—и, смѣю сказать, принимаетъ какую нибудь микстуру, прописанную домашнимъ его медикомъ. А между тѣмъ огромная масса народа въ городѣ считаетъ его счастливымъ. А что, если на бѣду, 9 ноября, у него болѣтъ зубъ или, пожалуй, нѣчто въ родѣ ревматизма?..

«Прошлый мѣсяцъ мы пѣли пѣснь славы и въѣхали въ триумфальной колесницѣ. Все это очень хорошо. Мы имѣли право шумѣть, и воздавать хвалы и кричать: «знай нашихъ!» и намъ было пріятно думать о томъ какъ Джонсъ, Бровнъ и Робинзонъ (дражайшіе друзья наши) будутъ радоваться извѣстію о нашемъ успѣхѣ. Но теперь, мой добрый сэръ, когда представленіе кончено, потрудитесь пожаловать въ мой собственный кабинетъ и убѣдиться, что не все прекрасно и мило, въ дѣлѣ успѣха. Вотъ вамъ газеты и письма. Прослушайте-ка что критики толкуютъ о нашихъ невинныхъ шуточкахъ, и чистенькихъ сентенціяхъ! «Вы немногимъ лучше идиота и дурака. Вы врете вздоръ. Вашъ талантъ васъ вовсе оставилъ. Сей черезчуръ восхваленный писатель быстро упадетъ» и прочая и прочая.

«Оно не совсѣмъ пріятно, но дѣло не въ томъ. Можетъ быть критикъ правъ, а авторъ никуда не годится. Можетъ быть повѣдь архіепископа хуже рѣчей, что нравились набожнымъ слушателямъ лѣтъ за двадцать до нашего времени. Или еще, можетъ быть, (сладкая мысль), что цѣнитель болванъ, и не понимаетъ того, о чемъ пишетъ. Всякій, кто бывалъ на выставкѣ картинъ, вѣроятно слушалъ такіе отзывы зрителей объ одной и

той же работѣ: «Экая мерзость и гадость!» кричить одинъ: Bravo! это произведеніе великаго мастера! возглашаетъ другой, — и всякій правъ по своему... И потому, мы признаемся откровенно, что не нападенія критиковъ смущаютъ наше издательское сердце. Можетъ быть критики правы, можетъ быть это мошенники, исполненные личной на насъ досады. Отъ самаго послѣдняго въ свѣтъ человѣка мнѣ пріятнѣе имѣть ласковое слово, чѣмъ бранное, — но выпрашивать себѣ похвалъ, или угождать цѣнителю, или зажимать его ротъ хорошимъ обѣдомъ, или принимать плохія статьи въ известный намъ Сборникъ, для того, чтобъ ихъ авторъ не лаялъ и не кусался, allons donc! боу, воу! Церберъ! Отъ насъ тебѣ не дожидаться подачки...

«Такъ о какомъ же горѣ вы толкуете? Зачѣмъ тутъ больной зубъ въ челюсти лорда-мера, и терновая игла въ сидѣннѣ издательскаго кресла? Къ иглѣ-то мы и пришли. Пока я пишу эти строки, она меня колетъ. Она является ко мнѣ съ каждой утренней почтой и, просыпаясь по утру, я нахожу двѣ, три терновыхыя иглы въ моей подушкѣ... Каждый день приходятъ ко мнѣ, какъ жѣ издателю, рукописи годныя для журнала съ письмами отъ писателей и болѣе всего отъ писательницъ... Теперь вы понимаете, что это за терновыя иглы. Вотъ вамъ чисто-женская логика: Я бѣдна, — я добра, — я слаба здоровьемъ, — я поддерживаю трудами мое семейство. Вы можете помочь мнѣ, — если захотите, и вотъ я просматриваю присланный трудъ съ одной тысячной частью слабой надежды на то, что онъ можетъ быть принятъ, — и усматриваю, что онъ принятъ быть не можетъ. И я зналъ, что онъ не окажется годнымъ къ принятію. За что же осужденъ я слышать горькій голосъ бѣдной женщины, голосъ о хлѣбъ, котораго я дать не въ состояніи?... И до моего издательства я не любилъ посѣщеній почтальона, а теперь!...

«Изъ лицъ невинно огорченныхъ мною чрезъ непринятіе рукописей инныя храбро и кротко переносятъ огорченіе. Другія не видятъ васъ и считаютъ васъ врагомъ за то, что вы не были въ силахъ оказать ихъ другомъ. Инныя, полныя бѣшенствомъ, говорятъ:

«Какъ смѣетъ этотъ человѣкъ отвергать мои труды — какъ смѣетъ этотъ наглый хлыщъ не признавать моихъ дарованій?...

«Есть еще терны для издателя, — которые могутъ быть названы скорѣе дубинами изъ благороднаго ирландскаго дуба. Вотъ

два изъ нихъ, направленные на мой безгрѣшный и кроткій черепъ.

«Сэръ,—я только что кончилъ первую часть вашей повѣсти «Вдовецъ Ловелль»,—и весьма удивился непозволительнымъ отзывамъ, которые вы себя позволили о нашемъ corps de ballet.

«Болѣе десяти лѣтъ я служу театральному искусству, и смѣю васъ увѣрить, что большинство кордебалета состоитъ изъ добродѣтельныхъ, прекраснаго поведенія дѣвицъ. Следовательно для нихъ никто не нанимаетъ щегольскихъ коттеджей въ Риджентс-Паркѣ.

«Еще извѣщаю васъ, что содержатели театровъ имѣютъ обыкновение говорить на чистомъ англійскомъ языкѣ, болѣе изящномъ, чѣмъ языкъ литераторовъ.

«Или вы объ этомъ ничего не знаете,—или позволяете себя безстыдную клевету.

«Считаю себя счастливымъ, что могу оказать: особы кордебалета, и вообще актеры и актрисы, стоятъ выше насмѣшекъ со стороны пасквильотовъ или бывшихъ нападеній со стороны ничтожныхъ авторовъ.

Вашъ покорный слуга.»

А вотъ второе посланіе.

«Сэръ—сейчасъ прочла я въ Корнгилльскомъ Сборникѣ первую часть повѣсти, сочиненной вами, и названной *Вдовецъ Ловелль*.

«Въ означенномъ произведеніи вы употребили всю свою адоквитую злобу (а по этой части у васъ большія способности), на то, чтобы представить въ подломъ видѣ особъ изъ кордебалета. На замѣчаніе ваше о томъ, что большинство балетныхъ дѣвицъ пользуется дачами, нанимаемыми для нихъ въ Риджентс-Паркѣ, я объявляю, что вы написали *преднамеренную ложь*.

«Съ дѣтства я воспитана для сцены, и хотя теперь я актриса,—но занимая болѣе семи лѣтъ должность первой танцовщицы, я имѣю возможность говорить о предметѣ этомъ съ сознаніемъ дѣла. Давлюсь я только тому, какимъ образомъ такого мерзкаго клеветника, какъ вы, допустили председательствовать на обздѣ Драматическаго фонда, 22 числа этого мѣсяца. Лучше бы вамъ было измѣнить свою собственную непотребную жизнь, а не нападать на особъ, неизмѣрно васъ вышшихъ.

Остаюсь съ величайшимъ презрѣніемъ

А. Д.»

Объемъ фельетона заставляетъ насъ покончить эти любопытныя выписки и обратиться къ болѣе существенному.

Мы остановились на романахъ и на новомъ произведеніи, котораго флагъ красивѣе и свѣжѣе того флага, что когда-то развѣвался надъ палубой Ярмарки Тщеславія. Издательская похвала конечно преувеличена, но однакоже «*пасторскій домъ въ Фремли*» * и нравится и долженъ нравиться публикѣ. Со времени Коррерьбелля и Эллиота пасторы въ большой модѣ по всей Англіи и въ самомъ дѣлѣ, жизнь англійскихъ клерджи-меровъ, жизнь трудовая, незамкнутая и ставящая ихъ въ частыя соприкосновенія со всеми сторонами современной трагикомедіи—всегда можетъ служить темой для хорошаго романа. Пасторскій домикъ всегда предполагаетъ, въ близкомъ отъ него разстояніи, аристократическій замокъ съ семействомъ лордовъ, коттеджи достаточныхъ землевладѣльцевъ, жилища фермеровъ и небольшой, а иногда и большой городъ за нѣсколькимъ. Тутъ разыгрываются сцены всякаго рода, печальныя и смѣшныя, розовыя и мрачныя, сообразно авторскому вкусу. Въ новомъ романѣ главное мѣсто занимаетъ любовь молодого лорда Лефтона къ сестрѣ своего приходскаго пастора, гордой и умной дѣвушкѣ безъ всякаго состоянія и общественнаго значенія. Въ романѣ дѣйствуютъ и министры и члены парламента и известные журналисты—по всему видно, что авторъ разсчитываетъ на эту галлерею современныхъ портретовъ, которая однако не совсѣмъ ясна и занимательна для иностранца читателя. Но все таки романъ интересенъ и, что еще лучше, полонъ свѣжихъ, умныхъ мыслей и оригинальныхъ пріемовъ, обличающихъ писателя еще начинающаго, неутомившагося и неистощаемаго.

Къ обоимъ романамъ приложены весьма недурныя картинки. Иллюстраціи вдовца Ловелля, кажется, принадлежатъ карандашу самого Теккрея,—какъ извѣстно, въ молодости своей готовившагося быть живописцемъ и долго учившагося въ Римѣ. Еще одна во ужасъ повергающая картина. (Черный конь взвившійся на дыбы,—убійца,—любovníкъ повергаемый въ пронасть и дѣвушка въ отчаянной позѣ!) приложена къ небольшой повѣсти The Portent, явно принаслонной для охотниковъ на все страшное. Авторъ повѣсти этой, Макдональдъ (это мы знаемъ изъ лондонской Иллюстраціи, разоблачающей всѣ журнальныя тайны) весь-

* Framby larsonage.

ма любимъ публикою, чувствительныя дѣвицы боятся читать его на ночь. Намъ кажется, что онъ жестоко подражается покойному Эдгару По, — англичане этого не находятъ. У него есть талантъ, его описанія бурныхъ ночей, покинутыхъ замковъ, готическихъ галлерей при лунномъ свѣтѣ были бы прекрасны, — еслибъ миссъ Радклиффъ, гораздо ранѣе его, не занималась такими картинками, и еще съ большимъ усиліемъ. Въ русской литературѣ повѣсть «The Portent» возбудила бы полное посмѣяніе, ея героиня — полууродивая дѣвушка и въ дополненіе къ тому лунатикъ.

Стихотворенія въ журналъ Теккresa подписаны знаменитыми именами — есть и Теннисонъ, и Елисавета Броунингъ, и Томасъ Гудъ, и Монктонъ Мильнсъ. Изъ чьего-то альбома взята небольшая піеса Вашингтона Ирвинга, изъ другаго альбома Теккрей перепечаталъ одно изъ своихъ старыхъ стихотвореній съ небольшимъ добавленіемъ. Всѣ эти отдѣльныя вещицы недурны, но очень замѣчательныхъ между ними не нѣтъ.

Переходя къ статьямъ имѣющимъ интересъ современный, прежде всего мы укажемъ на три отдѣльныхъ этюда по поводу волонтеровъ и вооруженій въ Англіи. Въ первомъ, можетъ быть удовлетворительномъ для англичанъ, близко знакомыхъ съ своею исторіею за послѣдніе годы, но для насъ отчасти неполномъ, перечислены періоды, въ которые Англія особенно опасалась французскихъ вторженій и принимала мѣры обороны. Тутъ есть эпизоды французскихъ высадокъ въ Ирландію, ясно показывающіе, до какой степени справедливы опасенія современныхъ алармистовъ и какъ неосновательны доводы Брейта и его сторонниковъ. Во времена полнаго владычества британскаго флота, при общей галлофобіи готовности защищаться — всѣ распоряженія къ встрѣчѣ высадившагося непріятеля оказывались плохими, и весьма малые французскіе отряды производили много зла и наническаго ужаса, пробирались внутрь страны и клали оружіе лишь потому, что подкрѣпленія были разбросаны бурей или отогнаны британскими крейсерами. Конечно, что теперешняя Ирландія не есть мятежная Ирландія временъ войска Питта, конечно, желѣзныя дороги во многомъ измѣнили условія передвиженія войскъ, но англійская армія попрежнему не велика числомъ и англичане, какъ въ бывалое время, тяжелы на подъемъ тамъ, гдѣ требуется быстрота во что бы ни стало. Второй этюдъ «Наши волонтеры» полнѣе и занимательнѣе, по словамъ газетъ онъ при-

написать генералу Бергоину, известному по крымской кампаніи. Ясная цель этого — ослабить слишком оптимистическое воззрѣніе на значеніе вольныхъ стрѣльцовъ и доказать восторженной публикѣ, что одни партизаны, въ особенности безъ достаточной подготовки военной, не въ состояніи защитить отечество отъ правильной и компактной арміи. На континентальной Европѣ ничего проповѣдывать такіе истины, — ихъ хорошо знаетъ каждый человѣкъ имѣющій голову, — но въ Англіи онѣ необходимы и нынѣ, потому что Англія, въ военномъ отношеніи, представляетъ любопытную аномалію.

Великобританскій солдатъ, по своей физической силѣ, (условіи приема на службу чрезвычайно отроги) чрезвычайно смѣлостью, прекрасному корму и стойкости — можетъ быть первымъ солдатъ на свѣтѣ. Уступая французу въ быстротѣ и военной горливости, онъ всегда превзойдетъ его тамъ, гдѣ нужно терпѣливо и перенесеніе долгихъ трудностей. Онъ грубъ, суровъ, жестокъ (наборовъ въ Англіи нѣтъ, и потому элемента этого въ войскахъ мало), но онъ доступенъ чувству долга въ высокой степени и когда патриотизмъ его затронутъ, — двластнаго неодолимымъ. Судьба избаловала Англію въ военномъ отношеніи. Ни въ одномъ изъ блистательныхъ походовъ Роберта, Веллингтона, Гоу, Непира, Кембеля (лорда Клейда) она не выставила и ста тысячъ собственного войска, а когда почти число англійскихъ войскъ въ полѣ было не тридцать, рѣдко по сорока тысячъ. Съ этими слабыми средствами результаты выходили изумительные, но результаты эти, не въ инитая національную гордость, охладили общественное мнѣніе къ усовершенствованіямъ по военной части, и въ теперешнюю пору, — когда война совершенно невозможна безъ большаго массъ, вредятъ разумному развитію военныхъ силъ Англій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, первые люди современной Великобританіи настоящіе дѣти. Альдершотскій лагерь съ его двадцатью тысячами королевскаго войска кажется имъ чуждымъ и чуждымъ. При началѣ восточной войны, тридцатитысячный отрядъ лорда Раглана во всѣхъ газетахъ былъ названъ величайшею и великолѣпнѣйшею арміею, когда либо покидавшею берега, — и это говорилось не для красоты слога, а по моему вѣрою. Когда послѣ двухъ сраженій и утомительной осады, эта великая армія уменьшилась, — понесла потери обыкновенныя въ подобныхъ случаяхъ, общественное мнѣніе

подняло бурю на главнокомандующаго, на военное министерство, не давая себѣ труда проникнуть въ корень всего зла. то есть въ недостаточность резервовъ и слабое количество всей своей военной силы. Такого же рода вопль не разъ поднимался противъ Веллингтона, понапрасну требовавшаго въ Испанію подкрѣпленій и дѣлаваго чудеса съ горстью людей, измученныхъ походомъ. Въ настоящее время, въ прошломъ іюль мѣсяцѣ, двадцать тысячъ стрѣлковъ — волонтеровъ, парадировавшихъ передъ королевой въ Гайдъ-Паркъ, показались англійскому народу легіономъ чуть ли не способнымъ отразить нападеніе всѣхъ чужеземныхъ армій. Англійскій солдатъ равенъ пяти неприятелямъ, говоритъ народъ, а за народомъ газеты, а за газетами памфлетисты, а за памфлетистами члены парламента. Это преданное убѣжденіе поддерживается общимъ расположеніемъ англійской публики ко всему, что касается военного дѣла. Въ полной увѣренности, что его войско и числомъ и качествомъ выигрываетъ европейскихъ войскъ, англичанинъ думаетъ о немъ весьма мало. Путешествуя на материкъ, онъ даже не хочетъ взглянуть на иностранныя войска въ большихъ смотрахъ; при встрѣчѣ съ ними, онъ обратитъ вниманіе лишь на ихъ слабыя стороны, во Франціи подсмѣиваясь надъ малымъ ростомъ солдатъ, въ Пруссіи оуждая ихъ принужденный видъ, въ Австріи издѣваясь надъ гимназическою наружностью безбородыхъ офицеровъ. Паническій страхъ французскаго вторженія, разрешившись сформированіемъ полныхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, положилъ предѣлъ этому состоянію дѣлъ, — но и въ англійскомъ воззрѣніи на значеніе волонтеровъ было много ошибочнаго, — и противъ этого-то ошибочнаго воззрѣнія вооружался опытный генералъ, про статью котораго мы рассказываемъ.

Статья г. Боргойна появилась въ январскомъ номерѣ, въ то время когда число стрѣлковъ, нынѣ доходящее до двухъ сотъ тысячъ, было въ пятью слабѣе, — и все таки возбуждало со всѣхъ сторонъ грозныя и хвастливыя возгласы. Пусть всякій волонтеръ выстрѣлитъ одинъ разъ, — и попадетъ въ неприятеля, что тогда станется со всѣмъ французскимъ десантомъ? говорилъ одна газета. Изъ за всякаго дома, изъ за всякаго дерева, изъ за каждаго забора, возглашала Times — градъ пуль посыплется на француза и покажетъ ему, что метода войны совершенно измѣнилась. — Регулярныя войска отходятъ на задній планъ, малая война беретъ перевѣсъ надъ правильными движеніями массъ,

тверждало третье периодическое издание. Общественное мнение было видимо увлечено этими парадоксами и потому трудъ опытного крымскаго генерала пришлось писать кстати. Само собою разумеется, что этюдъ, разбираемый нами, отдаетъ полную справедливость патриотическому движению и видитъ во вновь сформированныхъ волонтерскихъ отрядахъ огромное подспорье регулярнымъ войскамъ на случай высадки, — но онъ смѣло идетъ противъ преувеличенныхъ хвалений и ожиданий. При всѣхъ своихъ хорошихъ сторонахъ, говоритъ авторъ, войско волонтеровъ, въ открытомъ бою и особенно въ продолженіи кампаніи, никогда не сравнится съ массами регулярныхъ солдатъ, посвятившихъ мы на изученіе службы, привычныхъ дѣйствовать дружно, привыкшихъ съ неудобствами похода, близко знакомыхъ своему начальнику и всегда представляющихъ постоянныя группы, на первыхъ можно разсчитывать съ достовѣрностью. Ни усердіе, ни патриотизмъ не помогутъ тамъ, гдѣ нѣтъ привычки къ перенесенію трудностей. Одна дождливая ночь можетъ разслабить цѣлый рядъ волонтеровъ, развитъ болѣзнь въ людяхъ не свыкшихся съ новой жизнью и погасить бодрость, необходимую въ дѣлѣ. Каждый командиръ отряда войскъ можетъ вполне разсчитывать на роты и роты людей не связанныхъ никакими обязательствами, не имеющихъ съ ними прямой связи и непривычныхъ въ механизму военныхъ движеній. Люди, льстящіе волонтерамъ скажутъ, что ихъ дѣло — малая война, но малая война возможна лишь при вступленіи непріятеля вдаль, при движеніи отрядовъ и запасовъ во внутрь страны, на первыхъ же порахъ кампаніи ея не бываетъ. Далѣе намъ отвѣтятъ, что во время, пальбою изъ за кустовъ и заборовъ стануть безпрестанно тревожить непріятельскія колонны. Это пустяки. Колонны непріятельскія будутъ прикрыты такими же хорошими стрѣлками, мастерски дѣйствующими въ рассыпную, и эти стрѣлки будутъ постоянно разчищать дорогу большимъ колоннамъ. Наконецъ не надо забывать того, что мѣстность нашей родины такая, прекрасно обработанная и не обширная, — представляетъ весьма мало удобствъ для малой войны, партизанства и позиціоннаго строя.

Чтобъ извлечь всю пользу изъ благороднаго и патриотическаго сформированія стрѣлковъ-волонтеровъ, авторъ советуетъ измѣнить мѣръ, уже отчасти принятыхъ въ настоящее время. Онъ — это временное прикомандированіе волонтерскихъ отря-

довъ къ отрядамъ регулярныхъ войскъ, на время лагеря и учений, — маневрирование въ большихъ массахъ, для того, чтобы командиры частей и люди привыкали къ эволюціямъ, распределенію стрѣлковыхъ командъ по морскому берегу, для увеличенія извѣстности, и наконецъ поощреніе ротъ, въ которыхъ составились особенный фондъ для экипированья и жалованья стрѣлкамъ изъ небогатыхъ сословій. Эта послѣдняя мѣра основана на томъ, что поселане и работники гораздо способнѣе джентльменовъ на перенесеніе военныхъ трудностей, не говоря уже о социальнѣйшей пользѣ, происходящей изъ сближенія подъ однимъ знаменемъ.

Окапчивая свои замѣтки, генералъ советуетъ каждому волонтеру добросовѣстно испробовать себя въ дѣлѣ военныхъ трудностей, и не обманываясь въ своихъ способностяхъ, избрать себѣ родъ службы, сообразно которому и должны устроиваться новыя стрѣлковыя команды. Люди крѣпкаго сложенія, безъ труда перенесшіе искуствъ во время прикомандированія къ линейнымъ полкамъ, составить полевые вольные баталіоны, другіе, послѣдствіемъ, изберуть службу въ городахъ, что значительно облегчитъ пѣхотные гарнизоны, наконецъ третьи, которымъ настоящая строевая служба не по силѣ, могутъ во время военныхъ дѣйствій усиливать составъ ординарцовъ, передавать приказанія, возвратить запасы, служить при госпиталяхъ и комиссаріатахъ, гдѣ никогда не бываетъ лишнихъ людей, но гдѣ лишній усердный человѣкъ всегда нуженъ.

Намъ остается еще третья статья о національной оборонѣ и июньской книжкѣ Корнхилльскаго Сборника. Статья эта называется «Лондонъ, главная твердыня Англіи, и содержаніе ея можно угадать по заглавію. Авторъ ея обвиняетъ комитетъ національной обороны въ томъ, что онъ не высказалъ никакихъ предложеній касательно защиты Лондона, между тѣмъ какъ не можетъ быть сомнѣнія, что цѣль всякой высадки на берега Великобританіи будетъ завладѣніе столицей. Опасность окажется еще разительнѣе, если сообразить, что четырехъ переходовъ непріятелю будетъ достаточно для такого дѣла. Одно проигранное сраженіе и во власти врага будетъ богатѣйшій въ мірѣ городъ, мѣсто засѣданія парламента, центръ торговли и всего народнаго богатства. По мнѣнію составителя статьи, возможность такой бѣды можетъ быть устранена даже безъ огромныхъ пожертвованій. Шесть сильныхъ фортовъ, построенныхъ кругомъ города, съ другими земляными укрѣпленіями въ интервалахъ, оградятъ всю подоту-

столицы и сдѣлаетъ всякій *coup de main* дѣломъ невозможнымъ. Составляя собой нечто въ родѣ укрѣпленнаго лагеря, юрты эти должны быть охраняемы стрѣлками-волонтерами, съ небольшою примѣсью линейныхъ полковъ, между тѣмъ какъ главная, дѣйствующая армія можетъ, смотря по надобности, или идти подкрѣпленій подѣ ихъ прикрытіемъ или маневрировать въ открытомъ полѣ. Статья изложена по пунктамъ въ видѣ докладной записки, и, по причинѣ своего мѣстнаго интереса, для насъ представляетъ большой важности.

Далѣе, по части статей политическаго содержанія, мы не найдемъ особеннаго богатства въ Корнгильскомъ Сборникѣ. Есть въ немъ любопытные рассказы о китайской войнѣ, о последнемъ изысканіи слѣдовъ сэра Джона-Франклина, но политики въ нихъ тоже мало, какъ въ любопытныхъ замѣткахъ о существованіи австрійскихъ чиновниковъ. (мы переведемъ эту статью въ нашемъ журналѣ) о состояніи народнаго обученія, о лучшихъ помѣщеніяхъ для рабочаго класса. Тонъ большей части этихъ статей однако-же достаточно опредѣляетъ убѣжденія проводимыя журналомъ, въ одно время и умѣренные и чуждыя всякой ругины, патріотическія, но ничуть не самохвальныя. Теккерей, какъ мы высказываемъ, не имѣетъ намѣренія зажигать Темзы. Но онъ хорошо знаетъ, что Темза грязна и воняетъ лѣтомъ. Горды богатствами ея береговъ, онъ не закрываетъ глаза передъ нищетою и порокомъ, ихъ позорящими.

Никакой англійскій журналъ не можетъ обойтись безъ популярныхъ статей по части естественныхъ наукъ, и по этой части Корнгильскій Сборникъ не бѣднѣе другихъ изданій. Известный Льюэзъ, авторъ біографіи Гёте и самъ замѣчательный ученый, умѣетъ прелестно популярнаго разсказа до крайнихъ предѣловъ и родитъ безчисленное количество даровитыхъ подражателей. Въ Корнгильскомъ Сборникѣ, начиная съ января печатался рядъ статей «Этюды изъ животной жизни», составленные или самимъ г. Льюэзомъ, или однимъ изъ достойнѣйшихъ его подражателей. Первые главы представляютъ намъ рядъ прогулокъ и разговоровъ съ микроскопомъ, приправленныхъ тонкими шутками, оригинальными цитатами и теплымъ, возвышеннымъ выраженіемъ пламеннаго, доставляемаго страстному наблюдателю созерцанія чудесъ природы. Смѣло рекомендуемъ этотъ трудъ любя-

Въ одномъ изъ прошлыхъ годовъ Библия для Чт. мы напечатали его англійскую статью «Голодъ и Жажда».

телямъ чтенія и въ особенности издателямъ книгъ для юношества. Къ тексту приложено множество небольшихъ, но хорошо выполненныхъ рисунковъ; ихъ необходимо сохранить при переводѣ, тѣмъ болѣе, что кромѣ ихъ необходимости въ серьезномъ отношеніи, самая форма изображаемыхъ животныхъ, инфузорій и т. д. безпрерывно подастъ автору поводъ къ шутивно-оригинальнымъ замѣткамъ.

Если хорошо, въ дѣлѣ науки, подражать писателямъ, прославившимся чрезъ свой талантъ яснаго и популярнаго изложенія, то не всегда удобны подражанія великимъ мастерамъ дѣла, въ дарованіи своемъ имѣющимъ значительную часть эксцентрическаго элемента. Скажемъ болѣе — подражанія такого рода невыносимы. Александръ Македонскій могъ быть красивъ и величественъ со своей головой наклоненной на правое плечо, но придворные великаго полководца, нарочно гнувшіе свои головы въ подражаніе повелителю, были безъ всякаго сомнѣнія крайне непривлекательны. Между современными великими писателями есть одинъ, не только что гнущій свою голову самымъ необыкновеннымъ образомъ, но и выделяющій самые необыкновенныя штуки всѣмъ тѣломъ и все-таки остающійся человекомъ почти гениальнымъ. Писатель этотъ — Карлейль. Вся литературныя приемы его такъ эксцентричны, вся дѣятельность его такъ капризна и оригинальна, что по свойству своему недоступна для подражаній, а къ несчастію у Карлейля есть не только подражатели, но цѣлая школа придворныхъ, упорно копирующихъ всякую необыкновенную выходку своего идола. Одному изъ царедворцевъ этихъ принадлежитъ капитальная статья, до сихъ поръ еще несовершенная въ Корнгиальскомъ Сборникѣ и печатаемая подъ названіемъ «*Вильямъ Гогартъ, живописецъ, граверъ и философъ.*» Какъ кажется, этотъ капитальный трудъ принадлежитъ мистеру Роскину, знатоку художества, пользующемуся въ Англіи большою славой; — если догадка наша справедлива, то намъ остается пожалѣть объ ослѣпленіи даровитаго человека, поддавшагося эксцентричностямъ, да еще въ своимъ, а заимствованнымъ изъ чужаго источника. Мы очень въ римѣ, что жизнь и понятія Роскина сходны съ жизнью и понятіями автора Фридриха Великаго, что даже онъ, въ сферѣ изящныхъ художествъ совершаетъ тоже, что дѣлаетъ Карлейль въ исторіи, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ манера изложенія у обоихъ дѣятелей выходила одинаковою. Человекъ, напи-

савшій «Вильяма Гогарта», обладаетъ огромными свѣдѣніями, точно понимаетъ значеніе своего героя, обладаетъ запасомъ матеріаловъ, которыми умѣетъ распорядиться, но для чего же онъ не имѣетъ своей манеры разсказа, а беретъ ее у такого челоуѣка, котораго манера врѣзывается въ память и всегда бываетъ замѣчена по десяти строкамъ самой легкой статейки? Вся эти обращенія къ читателю, вспышки лиризма, художественные очерки житейскихъ мелочей, скидцы нравовъ и причудъ забытаго времени, расположены по Карлейлевой методѣ. Также фантазмагорическая разбросанность рисунка, тѣ же безконечныя отступленія и аллюзіи современнаго значенія, тоже полное пренебреженіе къ общепринятымъ обычаямъ записныхъ біографовъ. Цѣлая статья занята тѣмъ фактомъ, что Гогартъ родился, изъ другой узнаемъ мы, что онъ отданъ въ обученіе къ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеру. Чѣмъ же наполнены многочисленныя страницы двухъ большихъ вступительныхъ главъ этюда? Картинами стараго Лондона, анекдотами изъ жизни ремесленниковъ былаго времени, толками о герцога Веллингтонѣ, о крымской кампаніи, извѣстіемъ о томъ, что люди ѣли, пили, спали и женились, не взирая ни на какія смутныя политическія событія, шутивымъ предположеніемъ, что Гогарты (Hogherd) произошли отъ свинкопаса Гурта, воспѣтаго Вальтеръ Скоттомъ въ романѣ Ивангое. Вся эта болтовня по временамъ очень умна и способна уладить праздный часъ неторопливаго читателя, но мы спрашиваемъ, какая надобность болтать и кидаться изъ стороны въ сторону для литератора, способнаго написать такую тонкую и глубокую характеристику Гогартовой дѣятельности?

«Между своими соотечественниками Вильямъ Гогартъ постоянно встрѣчалъ почетъ и справедливое сочувствіе. Онъ былъ прямою челоуѣкъ—его честь и рѣзецъ были такъ же откровенно честны, какъ языкъ. Въ трудахъ его видна жесткость, но не дорочность его времени. Можетъ быть иныя изъ его произведеній очень идутъ къ компаніямъ тавернъ и стѣнамъ увеселительныхъ заведеній; но онъ не былъ ни Буше, ни Фрагонаромъ, онъ не росписывалъ алькововъ и дверныхъ панелей для современныхъ царьцъ Котильоновъ I и Котильоновъ II, для Помпадуръ и Любарри вселюбезнаго Лудовика. Онъ былъ грубъ и часто почти непристоенъ, но послѣдующія поколѣнія согражданъ извиняютъ его, въ воздаяніе за его прямоту, суровую честность, неуклонную защиту правды и обличеніе неправды. Этотъ фило-

софѣ училъ насъ тѣмъ крѣпкимъ англійскимъ добродѣтелямъ, которыя сдѣлали насъ тѣмъ, что мы есть. Онъ училъ насъ бояться Господа и чтить короля, избѣгать лѣности, расточительности и распутства, училъ насъ ходить въ церковь, помогать бѣднымъ, кротко обращаться съ животными, ненавидѣть плутовство, лицемеріе и скарденность. И вотъ почему сами сектаторы поднимали лишь очень слабый, козлиный голосъ противъ Гогартовыхъ неблагопристойностей, почему дешёвые и популярныя его изданія плодятся съ быстротою, даже въ нашемъ, зараженномъ пышностью столѣтіи, почему въ сотняхъ семейныхъ библіотекъ толстыя книги его гравюръ лежатъ на видномъ мѣстѣ, почему англиканскій епископъ сочинилъ легенды къ его «Положеніямъ Развратника....»

Эти строки дѣлаютъ честь автору и журналу, въ которомъ напечатаны; за нихъ мы, пожалуй, могли бы проотить генеалогію Гогарта отъ Валтеръ-Скоттовскихъ героевъ, но къ сожалѣнію, за блестящей страницей идетъ импровизація по поводу апокрифическихъ дѣдей художника и о его дѣянiяхъ въ колыбели, съ радомъ воспоминаній о Драйденѣ, Отсѣ, канцлерѣ Джеффри и Исаакѣ Ньютонѣ, не имѣвшихъ никогда ни малѣйшихъ отношеній къ дитяти Гогарту.

II.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

предувѣдомленіе.—Событія изъ сферы правительственной.—Рѣчь г. министра финансовъ. — Циркуляръ г. министра государственныхъ имуществъ.—Приказъ г. санктпетербургскаго оберъ-полиціймейстера. — О дозволеніи преподаванія польскаго языка въ губерніяхъ іевской, волынской и подольской. — Разрѣшеніе, данное штабсъ-отмистру Теплову, завести женскую общину.—Событія изъ жизни общественнои: акціонерные убытки. — Поступокъ Никольса.—Эпизодъ недобросовѣстности, отъ которой не изъята самая гласность.—Подвигъ г. Козлянинова.—Пожары, градобитіе и проч.

Составитель каждомѣсячныхъ обозрѣній русской жизни, какъ и ни была проста и ограничена его задача, все-таки имѣетъ раздо болѣе серьезную цѣль, чѣмъ переливаніе изъ пустаго въ порожнее, или простое пересчитываніе и переписываніе разказанныхъ газетами фактовъ, начавшихъ совершаться ровно тридцать дней до этого срока. Такъ по крайней мѣрѣ о знаніи нашей обязанности долженъ думать читатель изъ уваженія къ своему собственному здравому смыслу; потому что можетъ же онъ допустить той мысли, будто мы упускаемъ въ виду такую общепонятную вещь, что газеты печатаются не и однихъ насъ; не можетъ онъ допустить этой мысли въ осознанности потому, что мы вообще не даемъ никакого повода задозрить насъ въ недостаточности уваженія къ тому возвышенному авторитету, который называютъ публикой. Мы прежде всего предполагаемъ, что публика во всякомъ случаѣ понимаетъ менѣе, чѣмъ мы; такого образа мыслей мы держимся, конечно, не потому, чтобы хотѣли потворствовать чужимъ страстямъ, главнымъ образомъ потому, что желаемъ въ должныхъ пре-

дѣлахъ удерживать свои собственные страсти и порыванія. Можетъ быть, люди, прибѣгающіе къ наглому способу выраженія своихъ мыслей, и думаютъ, что они поступаютъ съ расчетомъ: но думать подобнымъ образомъ—значить только доказывать ту истину, что человѣку свойственно ошибаться. Убѣжденіе можетъ быть сильнымъ, желаніе распространить его можетъ быть страстнымъ; при всемъ томъ со стороны убѣжденного человѣка было бы странно надѣяться на какой-нибудь успѣхъ, еслибы вмѣсто честнаго и достойнаго поведенія въ отношеніи къ своимъ ближнимъ, онъ своему обращенію съ ними вздумалъ придать такую, напримѣръ, форму: «долго ли мнѣ биться съ вами, безтолковые люди? долго ли тупая и заскорузлая голова ваша будутъ оставаться неспособными къ воспріятію самыхъ простыхъ и общедоступныхъ истинъ?» Такой способъ обращенія, напоминающій отчасти фанатическихъ ревнителей правды, которыми изобилвала древность, всего менѣе приличенъ нашему времени; онъ можетъ производить временный эффектъ; но самый этотъ эффектъ въ концѣ своемъ непременно приведетъ ни къ чему-нибудь другому, а именно къ тому, что неустранимый пропагандистъ принужденъ будетъ упиваться своимъ собственнымъ стыдомъ и позоромъ. Слишкомъ значительныя, а также очевидно-полезныя истины даются людямъ вовсе не такъ трудно, какъ объ этомъ думаютъ иные пропагандисты. На споры, сомнѣнія, препятствія и вообще на всякаго рода соблазны и недоумѣнія вызываютъ только такія положенія человѣческаго ума, которыя на самомъ дѣлѣ нуждаются въ доказательствахъ. На великую истину стоитъ только указать — и власть ея уже можетъ почитаться упроченной. «Вы не вѣрите, говорилъ Галилей своимъ противникамъ, какую могущественную силу сообщаетъ человѣческому зрѣнію изобрѣтенная мною трубка; вы сомнѣваетесь въ поразительномъ свойствѣ этихъ стеклышекъ; я предлагаю вамъ одно: посмотрите въ нихъ сами.» Противники посмотрѣли и перестали не вѣрить и сомнѣваться. Какъ скоро какой бы то ни было ревнитель добра и правды не можетъ обратиться къ такому простому приему, чтобы распространить между людьми свое убѣжденіе, то вину и отвѣтственность за такую невозможность всего прежде слѣдуетъ сваливать на сомнительную непреложность этого убѣжденія, не затрагивая ничьихъ понимательныхъ способностей: достоинство человѣческой личности само по себѣ есть такая могущественная истина, которую

никакимъ образомъ нельзя унижать безнаказанно во имя какой ни на есть другой истины. Никто не будетъ спорить, что благодѣяніе великой истины способно заставить насъ примириться съ какой угодно манерой, съ которой распространяють такую истину; но кому же охота выслушивать личные оскорбленія изъ-за какихъ-нибудь личныхъ мнѣній, хотя бы и не очень нелѣпныхъ, однако и не такихъ, чтобы принятіе или непринятіе ихъ могло доставить намъ существенную пользу, или нанести ощутительный вредъ? Человѣкъ убѣждаемый всего чаще имѣетъ склонность опредѣлять свои отношенія къ человѣку убѣждающему такимъ образомъ: «вы похваляетесь, будто вы открыли новый порохъ, несравненно сильнѣйшій того, изобрѣтеніе котораго приписываютъ монаху Шварцу, и вы хотите, чтобы я повѣрилъ вашему открытію; такъ не угодно ли вамъ для опыта пострѣлять этимъ порохомъ, а я посмотрю, чтобы сдѣлать потомъ заключеніе о его сравнительной силѣ.» Если на такой вызовъ, вмѣсто энергической стрѣльбы, отвѣчаютъ зловоннымъ пшикомъ, то маловѣрный скептикъ, конечно, въ правѣ обижаться, что причину его маловѣрія продолжаютъ находить въ его будто бы тупоуміи, а не въ безсиліи новоизобрѣтеннаго пороха. При настоящемъ положеніи вещей мы всего болѣе имѣемъ нужду въ томъ, чтобы до нашего свѣдѣнія доводились какъ можно чаще такіа истины, которыя новы не столько вообще для человѣчества, сколько для насъ исключительно. Если земля наша воздѣлывается первобытными орудіями, если между нами есть люди, очень серьезно отрицающіе пользу грамотности для простаго народа, если въ нашемъ сельскомъ населеніи содома составляетъ необходимую принадлежность строительнаго матеріала, отчего съ благодѣяніями лѣта для нашего народа всегда нераздѣльно раззореніе отъ пожаровъ, то можно судить, въ какой мѣрѣ мы заслуживаемъ признательность со стороны нашего отечества, если не стѣсняясь ни предѣлами времени, ни условіями безотрадной дѣйствительности, мы устремляемъ свои блаженные взоры въ ту отдаленную идеальную будущность, которая будто бы ожидаетъ тысячное поколѣніе современнаго намъ человѣчества. Можетъ быть, такое упражненіе діалектическихъ и созерцательныхъ способностей и заключаетъ въ себѣ какую-нибудь жизненную инициативу, только съ безконечно малымъ вліяніемъ. Инициатива, въ которой мы нуждаемся, должна быть совершенно другаго рода;

намъ гораздо полезнѣе любоваться картинами сѣроватаго свойства, принадлежащими нашей дѣйствительности, чѣмъ услаждать свои взоры представленіями будущей красоты, не принадлежащими, можетъ быть, никакому времени. Держаться такого убѣжденія мы считаемъ столько же полезнымъ и практическимъ, сколько сообразнымъ съ существенными потребностями нашей жизни и неотступными требованіями здраваго смысла. Въ силу такого убѣжденія, при составленіи нашихъ мѣсячныхъ обзорѣннѣй, мы не желаемъ придавать имъ другаго значенія, кромѣ того, чтобы пониманіе читателей находило въ нихъ такіа данныя, для составленія понятія о текущемъ періодѣ времени, которыя намъ кажутся наиболѣе характеричными. Указаніе наше на такіа данныя не всегда даже будетъ сопровождаться приличными комментаріями, отчасти потому, что факты имѣютъ свойство говорить сами за себя, отчасти потому, что представленіе желаемыхъ объясненій всего менѣе находится въ нашей возможности.

Первая группа событій, на которыя мы намѣрены указать на этотъ разъ, относятся къ правительственной сферѣ, и въ ней первое мѣсто, по всей справедливости, должно принадлежать рѣчи г. министра финансовъ, произнесенной въ засѣданіи совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій, 13 сентября этого года, по случаю представленія отчетовъ этихъ установленій за 1859 годъ. Рѣчь эта сама по себѣ составляетъ уже событіе, потому что она предана всеобщей извѣстности, а во вторыхъ, заключая въ себѣ подробную исторію тѣхъ преобразованій, которыя произошли въ нашей кредитной системѣ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, она представляетъ довольно полную картину теперешняго финансоваго состоянія нашей страны. Мы приведемъ ее въ сокращеніи, удерживая изъ нея только такіа существенныя черты, которыя не могутъ обременить собою вниманія людей—даже вовсе не-имѣющихъ наклонности заниматься финансами.—Извѣстно, что правительство наше было вызвано на путь финансовыхъ преобразованій одною мѣрою, отъ которой оно ожидало однихъ только наилучшихъ послѣдствій, и мы обязаны думать, что мѣра эта и дѣйствительно не привела за собою никакихъ другихъ послѣдствій. Находя обременительнымъ для себя огромное скопленіе капиталовъ, лежавшихъ въ нашихъ кредитныхъ установленіяхъ, а также желая дать этимъ капиталамъ болѣе производительное употребленіе въ

руках частной промышленности, правительство для достиженія своей цѣли прибѣгло (въ іюлѣ 1857) къ пониженію банковаго процента съ 4 на 3. За этимъ дѣйствительно послѣдовало изъятіе капиталовъ, какъ правительство и предвидѣло; но изъятіе это достигло наконецъ такихъ размѣровъ, что угрожало совершеннымъ оскудѣніемъ нашимъ кредитнымъ установленіямъ, чего предвидѣть было невозможно. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство: выбираемые капиталы въ весьма значительной части обращались на покупку государственныхъ фондовъ, имѣвшихъ главное движеніе до тѣхъ поръ за границу, почему приобрѣтеніе этихъ цѣнностей повлекло за собою неизбѣжную убыль звонкой монеты. Обращаемся къ подлинной рѣчи г. министра финансовъ:

«Мѣра эта (пониженіе банковаго процента) возбудила чрезвычайное развитіе акціонерныхъ предпріятій и стремленіе къ покупкѣ акцій и фондовъ, такъ что востребованіе капиталовъ изъ банковъ стало быстро возрастать. Съ августа 1857 года перевѣсъ возврата вкладовъ противъ взносовъ, въ теченіе 22 мѣсяцевъ, достигъ до 143 миліоновъ руб., а наличность банковъ, составлявшая въ іюлѣ 1857 года свыше 150 м. рублей, понизилась въ іюнѣ 1859 года до 20 м. руб., между тѣмъ какъ имѣлось тогда въ виду скорое востребованіе до 50 м. руб., компанейскихъ капиталовъ, и сверхъ того могъ быть еще призывъ новыхъ капиталовъ въ компаніяхъ, получавшихъ разрѣшеніе на выпускъ акцій; частныхъ же вкладовъ, подлежавшихъ еще востребованію, но затраченныхъ банками въ долгосрочныя ссуды казнѣ и частнымъ лицамъ, состояло свыше 700 м. рублей.»

Изъ приведенныхъ нами словъ г. министра финансовъ видно, что съ кредитными установленіями нашими была пора, когда въ нихъ могло поступить востребованіе, можетъ быть, миліоновъ на 800, между тѣмъ какъ наличныя ихъ суммы не превышали 20 миліоновъ.

«Дабы выйти изъ такого затруднительнаго положенія, оставалось только: съ одной стороны, оградить банки отъ излишняго востребованія вкладовъ, а съ другой—ограничить дальнѣйшее производство ссудъ, поколику оно превышало средства кредитныхъ установленій.»

«Съ этою цѣлью, высочайшими указами 13 марта и 1 сентября 1859 года было положено: для укрѣпленія за банками вѣранныхъ имъ вкладовъ, выпустить особые 4% и 5% билеты, съ правомъ приобрѣтенія ихъ въ обмѣнъ на билеты кредитныхъ установленій.»

Правительству нужно было побѣдить укоренившуюся въ публикѣ привычку соединять съ помѣщеніемъ капиталовъ въ государственные банки понятіе о правѣ востребованія этихъ капиталовъ во всякое время: съ другой стороны нужно было приучить публику къ большому знакомству съ срочными государственными бумагами.

«На сей конецъ, высочайшимъ указомъ 1-го сентября 1859 года, пониженъ банковый процентъ съ 3 на 2, и отмѣнено начисленіе процентовъ на проценты, а высочайшимъ указомъ 26 декабря того же года, пріемъ вкладовъ въ заемномъ банкѣ, сохранныхъ казнахъ и приказахъ общественнаго призрѣнія во все прекращенъ, съ предоставленіемъ онаго лишь до 1-го іюля 1860 года коммерческому банку.»

Наконецъ въ послѣднее время, для того, чтобы снова представить банки выгоднымъ помѣщеніемъ для капиталовъ, была употреблена слѣдующая мѣра:

«Уставомъ государственнаго банка, высочайше утвержденнымъ 31-го мая 1860 года, и правилами, на основаніи онаго изданными, положено принимать вклады на срокъ, съ платежемъ, вмѣсто нынѣшнихъ 2% по 4% и по 4½% за капиталы, ввѣренные банку на сроки отъ 3-хъ до 10-ти лѣтъ.»

«Мѣры эти достигли своей цѣли, содѣйствуя разбору 4% и 5% билетовъ, но не могли дать съ тѣмъ вмѣстѣ повода къ истребованію изъ кредитныхъ установленій большей части тѣхъ капиталовъ, коихъ владѣльцы не находили удобнымъ связывать себя помѣщеніемъ денегъ на дальніе сроки. Поступленіе новыхъ вкладовъ на 2% не могло также быть значительнымъ.»

Обороты кредитныхъ установленій нашихъ въ теченіи означенныхъ реформъ были таковы, что съ 1 января 1859 по 1 сентября 1860 года истребовано болѣе, чѣмъ внесено на сумму 197,400,000 слишкомъ.

«Возвратъ вкладовъ, на столь значительную сумму имѣлъ ту

существенно-полезную сторону, что на такую же сумму уменьшилось обращеніе въ публичѣ процентныхъ бумагъ, которыя, при легкости передачи ихъ изъ рукъ въ руки, ходили наравнѣ съ денежными знаками, уменьшая тѣмъ потребность въ кредитныхъ билетахъ. Совершенное, хотя и постепенное, изытіе означенныхъ процентныхъ бумагъ изъ обращенія есть одна изъ главнѣйшихъ цѣлей настоящей банковской реформы. На сей конецъ нынѣ выдаются банкомъ на процентные вклады только именныя свидѣтельства, съ правомъ перевода лишь по книгамъ банка, причемъ билеты сіи не могутъ замѣнить собою, въ платежахъ, легкоподвижные денежные знаки.»

Для упрощенія способа дѣйствій банка, состоящаго въ завѣданіи министерства финансовъ, высочайшимъ указомъ 1-го сентября 1859 года при этомъ министерствѣ сосредоточены, сверхъ банковъ коммерческаго и заемнаго, всѣ кредитныя операціи сохранныхъ казенъ и приказовъ общественнаго прирѣтнія.

Столь существенныя преобразованія въ нашей кредитной системѣ не могли обойтись безъ пожертвованій со стороны казенъ. При значительномъ перевѣсѣ востребованій капиталовъ противъ взносовъ средства банка и тѣ разсудительныя complicаціи, къ которымъ онъ прибѣгнулъ, стали оказываться недостаточными для правильного теченія дѣлъ и въ особенности для безостановочнаго возврата капиталовъ, требованіе которыхъ все еще не могло быть приостановлено.

«По предвидѣнной недостаточности всѣхъ этихъ средствъ для удовлетворенія вкладчиковъ, Высочайше разрѣшенъ былъ, на подкрѣпленіе банковыхъ кассъ, выпускъ до 100 миліоновъ кредитныхъ билетовъ.»

Для полнаго устройства нашей финансовой системы оставалось еще усилить средства размѣннаго фонда.

«Подкрѣпленіе размѣннаго фонда экспедиціи кредитныхъ билетовъ звонкою монетою было первоначальною цѣлью заключеннаго правительствомъ, въ мартѣ 1859 г., съ банкирами Томсонъ Бонаромъ и Магнусомъ, трехпроцентнаго займа на сумму 12 м. фунтовъ стерлинговъ. Подписка на этотъ заемъ, прерванная войною между Австріей и Франціей, вновь открылась въ августѣ 1859 года, но какъ между тѣмъ цѣна фондовъ, на всѣхъ

европейскихъ биржахъ, чрезвычайно упала, такъ что назначенная для выпуска облигацій этого займа цѣна оказалась слишкомъ высокою, то, дабы не понизить продажной ихъ цѣны, и тѣмъ не повредить первымъ подписчикамъ, правительство признало за лучшее, за помѣщеніемъ 7 мил. фун. стерл., оставить остальные 5 мил. за собою и объявить подписку прекращенною.»

«Первоначальное назначеніе этого займа, а именно: усиленіе размѣннаго фонда экспедиціи кредитныхъ билетовъ, съ цѣлю изыятія сихъ билетовъ изъ обращенія на соразмѣрную сумму, не могло однакожь осуществиться.»

Препятствіемъ къ достиженію этой благой цѣли послужилъ чрезвычайно усилившійся привозъ предметовъ заграничной торговли, въ особенности различныхъ машинъ, пароходовъ, рельсовъ и другихъ принадлежностей желѣзныхъ дорогъ; въ соединеніи съ этою причиною маловажное значеніе нашей отвозной торговли и значительный вывозъ звонкой монеты отъѣзжающими за границу произвели такое положеніе дѣлъ, при которомъ нашъ вексельный курсъ началъ упадать, такъ что мы очутились въ необходимости поддерживать торговый балансъ посредствомъ отпуска изъ Россіи золота.

«Въ сихъ обстоятельствахъ правительство было вынуждено, къ предупрежденію дальнѣйшаго упадка вексельнаго курса, производить платежи свои за границу изъ суммъ, поступившихъ посредствомъ послѣдняго займа.»

«Между тѣмъ, принимая во вниманіе съ одной стороны, что упомянутыя выше обстоятельства, по коимъ торговый балансъ обратился не въ пользу Россіи, могутъ и на будущее время поставить правительство въ необходимость воспособлять своими средствами производству заграничныхъ платежей, а съ другой стороны, имѣя въ виду, что размѣнный фондъ экспедиціи кредитныхъ билетовъ можетъ потребовать еще немаловажнаго подкрѣпленія, для открытаго размѣна сихъ билетовъ на звонкую монету, правительство признало нужнымъ заключить, въ текущемъ году, съ банкирскими домами Берингъ и Гоше, новый заемъ въ 8 м. фун. стерлинговъ.»

За тѣмъ, касательно вѣроятности свободнаго размѣна кредит-

ныхъ билетовъ на будущее время мы находимъ въ рѣчи г. министра финансовъ слѣдующія мысли и предположенія:

«Пожертвованія, которыми государственное казначейство должно было принять на себя, для возврата вкладчикамъ, по требованію, капиталовъ ихъ, затраченныхъ въ долгосрочныя ссуды, не дозволили принять понинѣ надлежащихъ мѣръ къ открытію свободнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. Мѣры эти, возвышенныя Высочайшимъ указомъ 10 января 1855 года, должны заключаться или въ уменьшеніи кредитныхъ билетовъ, или въ усиленіи размѣннаго фонда. То и другое исполнимо лишь посредствомъ значительныхъ займовъ, внутреннихъ или вѣнскихъ, сопряженныхъ съ большими расходами для государственнаго казначейства; но усиливать размѣнный фондъ, безъ возможности немедленнаго открытія размѣна, значило бы только даромъ накоплять мертвые капиталы; къ безостановочному же размѣну не можетъ быть приступлено, пока не опредѣлится количество кредитныхъ билетовъ, составляющее дѣйствительную потребность внутренняго денежнаго обращенія: въ противномъ случаѣ, быстрое уменьшеніе ихъ могло бы стѣснить денежные обороты въ государствѣ.»

«При всѣхъ преобразованіяхъ по части кредита, правительство имѣло постоянно въ виду, по возможности, ослабить послѣдствія произведеннаго съ 1855 по 1857 г. выпуска кредитныхъ билетовъ на военные расходы, послѣдствія, обнаружившіяся въ возвышеніи цѣнъ на всѣ предметы и въ уменьшеніи отъ того вывоза русскихъ произведеній за границу и въ усиленіи привоза иностранныхъ товаровъ, припавшаго неслыханные до того размѣры. Все это привело къ истощенію въ государствѣ денежныхъ средствъ, къ недостатку денегъ, но въ этомъ самомъ обстоятельствѣ заключается начало перемѣны къ лучшему.»

Основаніемъ такой надежды служить замѣчаемое, вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, пониженіе цѣнъ на товары; пониженіе товарной цѣны можетъ повести къ усиленію нашей отвозной торговли; это послѣднее обстоятельство весьма способно, въ свою очередь, облегчить возстановленіе баланса въ нашихъ денежныхъ заграничныхъ оборотахъ. Пока этотъ результатъ не будетъ достигнутъ, свободный размѣнъ кредитныхъ билетовъ почитается невозможнымъ; потому что открытіе его, при недос-

таточной прочности вексельнаго курса, повлекло бы за собою истощеніе размѣнной кассы въ самое непродолжительное время.

Въ ожиданіи этого желаемаго результата, рѣчь г. министра финансовъ окончивается возвѣщеніемъ о двухъ мѣрахъ для приблизительнаго достиженія предполагаемой цѣли, изъ которыхъ одна уже принята, а другая предпринимается.—Мѣра принятая:

«Предварительно принятія общихъ мѣръ по сему предмету. Правительство нашло нужнымъ устранить хотя недостатокъ въ размѣнной монетѣ, затруднявшій всѣ расчеты по мелочной торговлѣ. Съ этою цѣлью, Высочайшимъ указомъ 22 марта текущаго года, положено понизить на 15% достоинство 20, 15, 10 и 5 серебряныхъ копѣечниковъ и съ тѣмъ вмѣстѣ принять для оныхъ 72 пробу, вмѣсто 83. По 1 сентября сего года выпущено оной съ монетнаго двора 1,630,000 рублей.»

Мѣра предпринимаемая:

«По усовершенствованіи и распространеніи техническихъ свѣдѣній, вышедшіе кредитные билеты оказались неудовлетворяющими требованіямъ времени и удобными къ поддѣлкѣ. Посему признано нужнымъ замѣнить ихъ новыми, образцы коихъ удостоились Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія. Къ приведенію сего предположенія въ исполненіе уже сдѣланы надлежащія приготовленія.»

По поводу этой послѣдней мѣры мы позволили бы себѣ выразить одно желаніе, еслибы не были обязаны вѣрить въ предусмотрительность правительства. Желаніе это состоитъ въ томъ, чтобы предположенное измѣненіе въ формѣ или цвѣтахъ бумажныхъ денегъ было оглашено какимъ нибудь самымъ дѣйствительнымъ способомъ, такъ какъ между простыми людьми изъ сельскаго населенія, при каждой подобной перемѣнѣ непремѣнно находятся такіе, которые, по своему невѣдѣнію, пропускаютъ сроки обмѣна. Запрятавъ потомъ и кровью добытой излишекъ въ суровой холстъ или глиняный кувшинъ, они узнаютъ иногда слишкомъ поздно, что ихъ сокровище, можетъ быть, предназначено служить обезпеченіемъ длиннаго поколѣнія людей, давно уже потеряло свою цѣнность и стало дешевле той тряпичицы, въ которой оно хранилось. Печальный фактъ, что эти простые люди, въ случаѣ предъявленія претензій, кромѣ потеряннаго

ныхъ потерь, подвергались суду и еще новымъ потерямъ, вѣроятно, извѣстѣнъ слишкомъ многимъ. Очень можетъ быть, что неставить въ вину такимъ людямъ и самое пропущеніе сроковъ для обѣда—со стороны правительства было бы не столько потворствомъ невѣжеству, сколько вѣрностію своимъ обязательствамъ.

По другимъ частямъ управленія мы можемъ остановить вниманіе читателей на циркулярѣ министра государственныхъ имуществъ касательно распространенія грамотности въ казенныхъ селеніяхъ. Сущность этого циркуляра состоитъ въ томъ, что г. министръ предписываетъ подвѣдомственнымъ ему палатамъ—пригласить священниковъ, діаконовъ, причетниковъ и ихъ женъ производить обученіе крестьянскихъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, молитвамъ, чтенію, письму и счету, а дѣвочекъ сверхъ того и свойственнымъ въ крестьянскомъ быту рукодѣльямъ. Мы не знаемъ, много ли теперь наберется людей, которые остаются убѣжденными въ губительномъ вліяніи грамотности на простаго человѣка; но что такіе люди еще не вывелись, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; скептицизмъ на счетъ существованія такихъ людей тѣмъ менѣе возможенъ, что мнѣніе ихъ въ этомъ дѣлѣ еще не очень давно было господствующимъ. Никто не можетъ отрицать, что въ самый близкій къ намъ періодъ времени у насъ существовала серьезная потребность разглагольствовать о томъ, достаточно ли приготовленъ простой русскій человѣкъ для того, чтобы пользоваться самыми первыми человѣческими благами. Въ то время никому и въ голову не приходило—какое удивительное, какое позорное посмѣище представляли собою люди, разглагольствовавшіе о подобныхъ предметахъ. Можетъ быть, подобный родъ софистическаго упражненія и теперь не слишкомъ для многихъ казался бы смѣшнымъ, еслибы простой человѣкъ не представилъ наконецъ самъ въ свою пользу побѣдоносныхъ доказательствъ. Объ немъ говорили, что онъ неспособенъ даже къ такимъ общественнымъ добродѣтелямъ, которыя замѣчаются между нѣкоторыми родами животныхъ, какъ напримѣръ—между кротами, бобрами и нѣкоторыми насѣкомыми, отличающимися въ дѣлѣ домостроительства и экономіи; объ немъ утверждали, что онъ при первомъ удобномъ случаѣ для препровожденія своего времени въ домикъ подъ вывѣскою зеленой ѣлки способенъ позабыть обо всѣхъ другихъ болѣе полезныхъ родахъ занятій и даже о такихъ обязанностяхъ, которыя лежатъ на немъ, какъ

на семейный, какъ на податной душѣ, словомъ позабыть обо всѣхъ условіяхъ человѣческаго существа. Отъ такого юродиваго обвиненія защитилъ простаго человѣка, сѣмъ сказать, никто другой, какъ онъ самъ. Въ то время, когда ему не представлялось не только никакого удобнаго случая, а угрожали, напротивъ, очень большія неудобства, онъ изъявилъ своевольную рѣшимость вовсе не пить. Нѣмотствующая литература наша до сихъ поръ не умѣла еще понять и истолковать всего значенія этого великаго протеста, даннаго простымъ человѣкомъ въ защиту своихъ человѣческихъ правъ и въ доказательство того, что если онъ и животное, то во всякомъ случаѣ точно такое же, какъ и всякое двуногое разумное существо; между нашими періодическими изданіями нашлись даже такія, которыя надъ народною рѣшимостію позволяли себѣ изощрять свое скудное остроуміе. Отъ этого они, конечно, никому не казались умѣлыми: тотъ фактъ, что народъ нашъ снялъ съ себя нелѣпое обвиненіе своими собственными средствами, а не при чьей нибудь посторонней помощи, теперь считается возведеннымъ на степень полной достовѣрности. Теперь на нашихъ глазахъ происходитъ другой случай, гдѣ простой человѣкъ съ неменьшею энергіею и торопливостію спѣшитъ доказать, что ему совершенно незаконно отказываютъ въ общеловѣческой понятливости: отъ возникновенія первой мысли о первой даровой школѣ едва прошло нѣсколько недѣль; а между тѣмъ школы подобнаго рода образуются уже на прострпствѣ цѣлой имперіи; въ нихъ вездѣ есть потребность, хотя далеко не вездѣ для учрежденія ихъ оказываются потребныя средства. Мы не говоримъ о захолустьяхъ, гдѣ *нищета* должна за пособіемъ обращаться къ *бѣдности*; но мы слышимъ и читаемъ въ газетахъ, что даровыя школы не находятъ матеріальныхъ средствъ для поддержки даже въ Москвѣ! въ той самой Москвѣ, которая похваляется, будто она знаетъ простаго человѣка лучше, чѣмъ кто нибудь, и будто она любитъ его отъ всего сердца и *подоплека*. Россія! гдѣ ты? потому что ты не въ Москвѣ. Еслибы ты была въ Москвѣ, то Москва никогда не выдала бы тебя такимъ униженнымъ для нея способомъ; когда ты дѣйствительно была въ Москвѣ, то Москва умѣла стоять за тебя; объ этомъ знаетъ свѣтъ и исторія. Гдѣ ты?.. Мы полагаемъ, что Россія начинаетъ по немногу перебираться въ село. Московская жизнь ей нѣдобла: она иступила ея умъ, извратила ея понятія; она до-

вела ее до того, что желаніе подышать свѣжимъ воздухомъ и пожить на просторѣ въ ней сдѣлалось непреодолимымъ; упомянутый нами циркуляръ г. министра государственныхъ имуществъ служить ей отчасти плакатнымъ паспортомъ. Всѣмъ извѣстно, что дѣло образованія требуетъ денежныхъ средствъ и въ селѣ точно такъ же, какъ и въ Москвѣ. Циркуляръ г. министра, на первый разъ, опредѣляетъ эти средства такимъ образомъ: 1) обученіе производить или въ собственныхъ домахъ священнослужителей, или въ зданіяхъ по отводу крестьянъ; 2) расходы на приобрѣтеніе книгъ, какъ-то: букварей, молитвенниковъ, прописей и проч., а также учебныхъ пособій, отнести на остатки отъ училищныхъ суммъ по губерніи; 3) производящихъ съ полнымъ успѣхомъ обученіе предоставляется управляющему представлять къ денежнымъ наградамъ: тѣхъ, у которыхъ по сдѣланному удостовѣренію, обучается успѣшно, постоянно болѣе 12 учениковъ и ученицъ—къ 25 рублямъ, а болѣе 25—къ 50 рублямъ.—Объ этихъ средствахъ никто не будетъ говорить, чтобы они не были скудны; прочнаго образованія на нихъ купить нельзя. Но отчаяваться за народные средства къ народному образованію было бы также неумѣстно, какъ неумѣстно приходить въ отчаяніе отъ равнодушія Москвы къ судьбѣ дароваго просвѣщенія. Сельская Россія съумѣетъ не понуждаться ни въ какой посторонней помощи, кромѣ самой себя, лишь бы ей сдѣлалась вполне понятна необходимость ученія. Всего скорѣй можетъ случиться, что она отъ своего невѣжества захочетъ освободиться точно такъ же, какъ избавлялась до сихъ поръ отъ голода: *посредствомъ общественной запашки*. Если она одинъ разъ уже выдумала такое могущественное средство, то ей не стоитъ въ другой разъ ломать свою умную, хотя и непросвѣщенную голову. Земля точно такъ же можетъ служить ей производительницей, какъ служила и служить кормилицей. Тогда попечительному правительству не нужно будетъ указывать ей на учителей: она получитъ право на свободное избраніе ихъ; не нужно будетъ и награждать ихъ: она получитъ возможность платить имъ.

Наравнѣ съ дѣломъ образованія, получающаго инициативу отъ правительства, намъ пріятно занести въ нашу лѣтопись дѣло человеколюбія, проявленнаго въ это послѣднее время полицейскою властію Петербурга въ такихъ деликатныхъ чертахъ, въ которыхъ это чувство едва ли когда проявлялось—въ особенности

къ такимъ лицамъ, на которыхъ оно простирается въ настоящемъ случаѣ. Летучая литература нашихъ каждодневныхъ и недѣльных изданій, вѣроятно, не останется равнодушною къ тому факту, который мы имѣемъ въ виду и который почитаемъ достойнымъ самаго большого разглашенія. Еслибы что-нибудь подобное случилось въ Парижѣ или Лондонѣ, о немъ узналъ бы цѣлый свѣтъ; но дѣло случилось у насъ; желательно, чтобы о немъ узналъ хоть русскій читающій міръ, если приданіе большей огласки не находится въ возможностяхъ русской литературы. Мы прочитали недавно въ «Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Полиціи» вотъ какой приказъ, данный отъ лица и за подписомъ г. оберъ-полиціймейстера:

«По открытіи проступка, полиція задерживаетъ совершившаго оный, или подозрѣваемаго въ немъ, и при пересылкѣ такихъ людей изъ одного мѣста въ другое, полицейскіе служители водятъ ихъ по городу*; такимъ образомъ лица эти, прежде обвиненія, подвергаются позору и осужденію.»

«Господинъ санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ, въ видахъ уменьшенія преступленій, для обереженія чувства стыда отъ всякаго преждевременнаго оскорбленія, при пересылкѣ арестантовъ въ здѣшней столицѣ изъ временныхъ мѣстъ заключенія, изволилъ признать полезнымъ—надѣвать на арестантовъ особенныя шапки, которыя закрываютъ верхнюю часть лица и голову пересылаемаго.»

«Предписываю г.г. приставамъ исполнительныхъ дѣлъ принимать отъ г. брантъ-маіора означенныя шапки и постоянно употреблять ихъ при пересылкѣ арестантовъ изъ одного мѣста заключенія въ другое, а также при сборѣ бродячихъ женщинъ.»

Мы позволяемъ себѣ думать, что мы несовсѣмъ неправы, если утверждаемъ, что милосердыя чувства, изложенныя въ этомъ распоряженіи, не должны остаться незамѣченными. Имѣя въ виду, что послѣ окончательнаго приговора наши ссыльные, кромѣ тѣлеснаго наказанія, производимаго публично, должны бывать проходить до мѣста ссылки многія тысячи верстъ, подвергаясь позору и осужденію во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ,

* То есть: проводить по петербургскимъ улицамъ изъ тюремъ на допросы или въ судебныя мѣста и обратно, какъ требуется по ходу суда или слѣдствія.

лежащих на пути, нельзя не согласиться, что новоизобрѣтенныя шапки, которыя отнынѣ будутъ покрывать ихъ головы при прохожденіи столичныхъ улицъ, съ одной стороны — могутъ способствовать къ уменьшенію преступленій въ этой столицѣ, а съ другой—представляютъ очень дѣйствительную мѣру къ избавленію отъ преждевременнаго стыда этихъ несчастныхъ жертвъ страстей и преступленія.

Между великими благодѣяніями, происшедшими изъ Высочайшей воли, намъ слѣдуетъ указать на одно, имѣющее особенное значеніе. Передаемъ о немъ словами «*Кіевскаго Телеграфа*», встрѣченными нами въ 59 № этого изданія:

«Сообщаемъ новость, которую большинство западныхъ губерній приметь съ чувствомъ глубочайшей вѣрноподданнѣйшей признательности. Въ слѣдствіе ходатайствъ дворянства западныхъ губерній, а также всеподданнѣйшаго прошенія кіевскаго дворянства и миѣнія по оному г. кіевскаго военного, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, милостивѣйше соизволилъ на введеніе преподаванія польскаго языка въ гимназіяхъ и дворянскихъ училищахъ губерній кіевской, волынской и подольской *. Расходъ на жалованье учителямъ польскаго языка принять на счетъ государственнаго казначейства.

Для людей, интересующихся преуспѣяніемъ религіи, мы занимаемъ слѣдующую замѣтку изъ «*С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*» (№ 192): «Отставному штабсъ-ротмистру Теплому Высочайше дозволено устроить въ имѣніи его, селѣ Куриловкѣ, арпаискаго уѣзда, пензенской губерніи, желскую общину, подъ названіемъ *Серафимовской*».

Мы хотѣли бы представлять нашимъ читателямъ одни только факты, которые бы нагляднымъ образомъ свидѣтельствовали о постоянномъ возвышеніи нашего отечества: объ изобиліи въ немъ честности и урожаяхъ, объ умноженіи правосудія, о безопасности отъ пожаровъ, объ успѣшности въ немъ торговыхъ предпріятій и дѣйствительности предупредительныхъ мѣръ отъ чумы саранчи и скотскихъ падежей; мы имѣемъ очень боль-

Воспитанники кіевской гимназіи—въ значительной части, а подольскія и волынской почти исключительно состоятъ изъ дѣтей поляковъ.

шую склонность поступать именно такимъ образомъ ; но преодолимая сила обстоятельствъ , изъ которыхъ складывается наша жизнь , въ соединеніи съ неразумными случаями , которыхъ не въ состояніи отвлечь никакое человеческое предвѣдѣніе , наперекоръ нашей волѣ , заставляютъ насъ заниматься изображеніями совершенно противоположнаго свойства , вмѣняютъ намъ въ неуклонную обязанность объяснить , что благосостояніе далеко отъ нашихъ акціонерныхъ обществъ , что ѣзда по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ не довольно обезопасена отъ возмущительныхъ случайностей , въ родѣ побоевъ , наносимыхъ женщинамъ , что пожарныя команды наши существуютъ не столько для гашенія огня , сколько для видимаго убѣжденія начальствующихихъ особъ въ надлежащей исправности пожарныхъ сараевъ , что наша гласность далеко не въ такой мѣрѣ способствуетъ къ искорененію между нами лжи и неодобрительныхъ поступковъ , въ какой , на примѣръ , вышеозначенныя арестантскія шансы служатъ къ уменьшенію столичныхъ преступленій. Начнемъ съ акціонерныхъ обществъ.

Передъ нами находится одинъ изъ листковъ «*Свѣтной Мельницы*», заключающій въ себѣ докладную записку — объ акціонерныхъ убыткахъ паровыхъ и судоходныхъ компаній , составленную и предложенную г-мъ Перозіо на судъ общественнаго мнѣнія. Насъ поражаетъ фактъ: изъ 14 компаній , подвергнутыхъ обзорѣ г. Перозіо , нѣтъ ни одной такой , которая дѣла преуспѣвали бы надлежащимъ порядкомъ ; самая большая часть изъ нихъ находится въ такомъ неутѣшительномъ состояніи , которое не только причиняетъ великій вредъ ихъ кредиту , но и угрожаетъ имъ вѣроятнымъ раззореніемъ. Причины , представляемыя г. Перозіо для объясненія такого факта , заключаются — отчасти въ неумѣньи орудовать дѣломъ , отчасти въ недобросовѣстности , съ которой имъ орудуютъ. Неумѣнье! страшная вещь это неумѣнье. Въ ассоціаціи для большихъ торговыхъ предпріятій , какъ это разумѣется само собою и какъ мы видимъ это на самомъ дѣлѣ , собираются люди опытные , которые очень хорошо понимаютъ — что они дѣлаютъ , такъ какъ иные изъ нихъ ничего другаго никогда не дѣлали. Изъ среды такихъ опытныхъ людей въ орудователи предпріятій избираются , конечно , люди наиболѣе умѣющіе вести дѣла , или такіе , умѣющіе которыхъ нѣтъ въ своей мѣрѣ нажитые ими милліоны , или такіе , которые хотя и не нажили большихъ состояній , но

своею сообразительностію во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся до нихъ, сдѣлались на столько замѣтными, что возбудили къ себѣ значительное довѣріе. Отчего же эти люди, казавшіеся столь разсудительными въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, вдругъ оказываются лишенными всякой предусмотрительности, какъ только имъ поручается общее дѣло? Оттого ли, что общее дѣло вести труднѣе, или оттого, что его трудно полюбить — какъ свое собственное? Мы полагаемъ, что вести общее дѣло действительно затруднительнѣй, чѣмъ свое собственное, — и не потому, чтобы оно предполагало особенную сложность; такого предположенія можно, пожалуй, и не принимать въ расчетъ: иное общее дѣло можетъ быть въ двадцать разъ простѣе иной частной дѣтельности, такъ какъ денежныя средства инаго акціонернаго общества на самомъ дѣлѣ оказываются въ двадцать разъ слабѣе капитала, находящагося въ безраздѣльномъ распоряженіи инаго денежнаго аристократа. Но для орудованія общимъ дѣломъ необходимо обладаніе нѣкоторыми качествами, которыхъ наша жизнь не успѣла еще выработать; для того, чтобы дѣйствовать сообща съ нѣкоторымъ успѣхомъ для предпріятія, — нужна долговременная привычка, нужна цѣлая исторія единопутныхъ дѣйствій. Такого рода дѣйствій мы, къ сожалѣнію, не находимъ ни въ нашей жизни, ни въ нашей исторіи. Поэтому нѣсколько неудивительно, что, при пробужденіи въ насъ потребности къ единопутнымъ дѣйствіямъ, мы на первыхъ порахъ принуждены сами изумляться своей поразительной неспособності. Очень можетъ быть, что мы наконецъ поймемъ и оцѣнимъ всю выгоду и все могущество того великаго орудія къ проявленію нашихъ силъ и воли, которое называютъ единопутіемъ, поймемъ точно также, какъ начинаемъ понимать многое другое; но до тѣхъ поръ, пока мы этого не поняли, наши акціонерныя и всякія другія общества необходимо должны терпѣть неудачи и пораженія. Это совершенно въ порядкѣ вещей и удивляться этому нечего. Также мало, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ удивляться и тому, что наши пароходныя, судоходныя и всякія другія компаніи терпятъ отъ недобросовѣстности своихъ довѣренныхъ лицъ. Какъ въ первомъ случаѣ бѣда приключается отъ непривычки, такъ во второмъ она составляетъ неизбѣжное послѣдствіе слишкомъ долговременной привычки; привычка эта до того сильна и неослабна, что она не перестаетъ время отъ времени проявляться даже при такихъ условіяхъ, которыя

представляют самыя малыя вѣроятія на такъ называемое сокрытіе концовъ въ воду. Вотъ , напримѣръ , какой поучительный рассказъ мы встрѣтили въ «*Экономическомъ Указателѣ*» (№ 193) о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ господъ Шлейфера и Никельса, довѣренныхъ лицъ по дѣламъ *Общества Водопроводовъ*:

«Недавно намъ случилось видѣть въ Литейной части членовъ правленія этого общества, повѣрявшихъ, какъ говорили , дивныя донесенія новаго агента своего по прокладкѣ трубъ въ дома, произведенной контрагентомъ Никельсомъ. Мы вполне раздѣляли изумленіе почтенныхъ членовъ этой комисіи и долго не могли освободиться отъ нѣкотораго ужаса, невольно овладѣвшаго нами, когда открылось, что въ отчетѣ правленія контрагента Никельса изъ 10 домовъ, осмотрѣнныхъ комисіею , ни въ одномъ не оказалось вѣрнымъ его показаніе. Разница доходила до 20 саженъ въ одномъ домѣ , по его показанію, выше дѣйствительности!! Слѣдовательно, около 150 р. с., не считая работы, контрагентъ хотѣлъ положить въ свой карманъ съ каждаго дома. Неужели, думали мы, правленіе общества оставитъ безъ должнаго возмездія поступокъ своего контрагента Никельса, а также и контрагента Шлейфера, котораго прямая обязанность состояла въ томъ, чтобы слѣдить за работами Никельса?»

Очень хорошо , думали мы, прочитавши приведенныя нами строки,—очень хорошо рассуждаете вы, г. сотрудникъ Политико-экономическаго Указателя, когда требованіе возмездія простираете не только на Никельса, но и на самого Шлейфера, нарушившаго свою обязанность по надзору за работами Никельса. Только почему же вы считаете достиженіе возмездія такимъ легкимъ дѣломъ? Почему вы думаете, что лица, которымъ, по существующему порядку, предоставлено право воздавать возмездіе, не нарушатъ своей обязанности точно также , какъ ее нарушили Никельсъ и Шлейферъ? Почему вы думаете, что правленію общества, еслибы оно захотѣло поступить согласно вашему желанію, не пришлось бы, въ свою очередь, искать возмездія съ новыхъ нарушителей своихъ обязанностей , потомъ опять съ новыхъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе? Неотразимая сила обстоятельствъ и всеобщее господство упомянутой нами привычки ставятъ правленіе общества въ такое положеніе, что оно должно дѣлать что-нибудь одно: или заботиться о добросовѣстной прокладкѣ трубъ, или стремиться къ достиженію воз-

мездія за нарушеніе добросовѣстности по этому дѣлу; заниматься этими обоями дѣлами безраздѣльно—оно лишено всякой возможности, по крайней мѣрѣ оно не должно раздроблять такимъ образомъ своихъ усилій, если не желаетъ, чтобы съ нимъ случилось тоже самое, что обыкновенно бываетъ съ неблаго-разумнымъ охотникомъ, гоняющимся за двумя зайцами.—Страшно сказать, что противъ недобросовѣстности мы не имѣемъ дѣйствительнаго лекарства; а между тѣмъ справедливость требуетъ сказать, что мы точно его не имѣемъ. Ложь, фальша, недобросовѣстность вѣѣлись въ нашу общественную жизнь, какъ ржавчина въ желѣзо; опутали насъ отъ головы до пятокъ, сдѣлались необходимыми контингентами всѣхъ нашихъ начинаній и дѣйствій: отъ продавца спичекъ до распорядителя дѣлами акціонерной компаніи, отъ цѣловальника до содержателя питейнаго откупа, отъ гостинаго двора до самаго большого дома въ Петербургѣ, отъ летучаго ежедневнаго листка до самаго солиднаго журнала—вездѣ вы рискуете быть обманутымъ, введеннымъ въ заблужденіе, даже просто быть обкраденнымъ, или ни за что ни про что посаженнымъ въ тюрьму. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, разсказанный въ томъ же самомъ № Экономическаго Указателя:

«Въ Т—мъ городомъ судѣ производилось исковое дѣло по поводу взысканія денегъ купцомъ Р. съ купца К. Судъ распоряжился подвергнуть отвѣтчика домашнему аресту. К. подалъ на это жалобу начальнику, который вмѣсто — или отказа, или дѣйствія, основаннаго на законахъ со стороны его, предписалъ полиціи этого жалобщика заключить въ тюремный замокъ. Тамъ купецъ К. просидѣлъ около 3 недѣль.»

Читатель видитъ, что купецъ К. подвергся своей участи по своей собственной винѣ. Домашній арестъ, какъ это всякому извѣстно, представляетъ болѣе отрадный пріютъ, чѣмъ тюремное заключеніе. Но купецъ К. почелъ себя обиженнымъ, вздумалъ искать возмездія за оказанное ему милосердіе. Неблагодарнаго поступка мы оправдывать не беремся и не съ этою цѣлю мы сдѣлали нашу выписку. Для насъ гораздо болѣе имѣетъ значенія оправданіе г. начальника:

«Въ числѣ другихъ причинъ, побудившихъ его (говорится дѣло въ Эк. Указателѣ) посадить К. въ тюрьму, онъ привелъ и ту причину, что родственники купца К., купцы 1-й гильдіи Х.,

разбогатѣвшіе весьма подозрительнымъ способомъ, до того зазнались, что ихъ слѣдовало обуздать хотя подобною мѣрою.»

Мы привели этотъ случай не къ тому, чтобы показать — до какихъ большихъ неудобствъ можетъ доводить человека его собственная неразсудительность, и не къ тому, чтобы хотѣли объяснить — какъ мало бываетъ правды въ иныхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ, а единственно для того, чтобы дать нѣкоторое понятіе — какъ трудно выдумать какое нибудь радикальное средство противъ эпидемической наклонности къ несправедливымъ поступкамъ. А наклонность эта дѣйствительно составляетъ эпидемію. Мы ограничиваемся одними только послѣдними номерами газетъ, а между тѣмъ не ощущаемъ ни малѣйшаго недостатка въ доказательствахъ этой прискорбной истины. Беремъ на удачу, первый газетный листокъ (Спб. В. № 198), будучи заранѣе увѣрены, что онъ намъ не измѣнитъ; и онъ точно не измѣняетъ намъ, потому что мы читаемъ въ немъ вотъ такую вещь:

«Самый любопытный фактъ въ акціонерномъ мірѣ — это прекращеніе многими выкупа акцій Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ, заложенныхъ въ банкѣ. Извѣстно, что теперь неоплаченные акціи этого общества стоѣтъ по биржевой цѣнѣ 32¹/₂ р. с., но на самомъ дѣлѣ ихъ можно купить гораздо дешевле. Въ прежнія времена коммерческій банкъ выдавалъ подъ учетъ этихъ акцій 90% ихъ номинальной стоимости, т. е. подъ залогъ неоплаченной акціи онъ давалъ 33 р. 80 к. Теперь заложившимъ акціи представляется возможность, имѣя отъ банка за каждую акцію 33 р. 80 к., не выкупать, а оставить ихъ банку и въ тоже время купить на биржѣ акціи по 31¹/₂ р. с.»

Такъ поступаютъ люди богатые.

Съ тою же самою мыслию мы обращаемся къ Эк. Указателю и находимъ подтвержденіе непріятной истины въ слѣдующихъ строкахъ его (№ 193):

«Въ Тамбовской губерніи помѣщики одни другимъ продаютъ земли по самымъ ничтожнымъ цѣнамъ. Напримѣръ, продано въ уѣздахъ: елатомскомъ — пахатной земли 32 десятины за 300 р. и въ шацкомъ 75 д. за 900 р. Въ первомъ случаѣ менѣе 10 р., а во второмъ по 12 р. за десятину!! Подумаешь: давно ли была рѣчь и многописаніе, гдѣ десятина цѣнилась въ 100 и болѣе р. с.? Что за причина нынѣ такого упадка цѣнности зе-

мень? Здѣсь одно изъ двухъ: или ложны показанія на официальные требованія *, т. е. выказывается явное намѣреніе воспользоваться важнымъ для отечества и будущаго блага его обстоятельствомъ, чтобъ получить за земли болѣе, нежели слѣдуетъ, или же явный обманъ въ ущербъ казны, уклончивость отъ законныхъ ея требованій, т. е. отъ пошлинъ и налоговъ.»

Такъ поступаютъ люди благородные.

Древніе резонеры изъ грековъ говорили, что истина на днѣ колодца; новѣйшіе изъ русскихъ съ большимъ успѣхомъ могутъ утверждать, что она развѣ на днѣ атлантическаго океана. Если бы при господствѣ такой повальной лжи мы захотѣли искать другъ на другѣ возмездія, то свѣтъ увидѣлъ бы необыкновенное явленіе: одну изъ обширнѣйшихъ странъ его—всю сполна подъ судомъ.

Говорятъ, что помогаетъ гласность. Мы готовы этому вѣрить,—только чѣмъ же помочь самой гласности? Она до того не излечена отъ общей эпидеміи, что правдолюбивые люди давно уже избѣгаютъ ей черезъ десятое слово. Мы говоримъ, разумѣется, не о той гласности, которой мы неустаемъ желать, а о той, которая не перестаетъ доказывать намъ свою крайнюю неспособность, которая не только не имѣетъ дара внушать любовь къ правдѣ, но и самую правду едвали, по ошибкѣ, не принимаетъ за какую-то другую особу, лишенную всѣхъ ея божественныхъ качествъ, рѣдко обладающую даже такими свойствами, безъ которыхъ нѣтъ никакой возможности пребывать въ обществѣ порядочныхъ людей! Богиня, называемая правдою, принимаетъ такіе жертвы: сарказмъ, потери, гоненія, ссылку, но что же ей дѣлать съ чириканьемъ литературныхъ сверчковъ, въ которомъ не слышно другихъ звуковъ, кромѣ фальшивыхъ?.. Мы имѣемъ въ виду вотъ какой случай—одинъ изъ тысячи. — Въ № 175 указателя, (№ 175) по сообщенію неизвѣстнаго корреспондента изъ Перехты, было помѣщено извѣстіе, обвинительное въ костромскаго уѣзднаго казначея. Обстоятельства, подавшія поводъ къ обвиненію, сложились такимъ образомъ: въ костромское казначейство были присланы 10,000 рублей серебряной монеты для поддержанія размѣна кредитныхъ билетовъ; изъ этой суммы, по словамъ корреспондента, для одного костромскаго казначейства будто бы удержано было 6000 рублей, а во всѣ остальные казначейства уѣздныхъ городовъ вмѣстѣ взятыя ра-

* Доставленыя Главному Комитету объ улучшеніи быта крестьянъ.

зослано только 4000 рублей; а главное—будто бы при производствѣ размѣна, производившагося въ костромскомъ казначействѣ, не смотря на принятую норму — выдавать приходившимъ по 3 рубля, въ пользу купца Михина было сдѣлано исключеніе: вмѣсто 3 рублей ему было будто бы отпущено 500.—Повидимому гласность сдѣлала доброе дѣло, обличила несправедливое предпочтеніе, обидную привилегію; а въ сущности оказывается, что она хотѣла только показать себя, отличиться, однимъ словомъ—сдѣлать поступокъ, за который костромской казначей получилъ полное право взять ее за-воротъ, назвать неблагонамѣренной и притянуть къ суду, какъ простую лгунью. Вотъ какъ онъ раздѣливается съ нею въ 192 № М. Вѣдомостей:

«Неизвѣстный корресподентъ обличаетъ меня въ злоупотребленіи по должности, предавая поступокъ мой суду общественнаго мнѣнія, предъ которымъ я и спѣшу оправдаться. Въ концѣ іюня, дѣйствительно получено въ костромскомъ казначействѣ серебряной монеты 10,000 р. Изъ нихъ, по распоряженію казенной палаты, въ уѣздныя казначейства поступить болѣе 6,000 р., а въ костромскомъ казначействѣ останется менѣе 4,000 р. Напрасно въ статьѣ изъ Нерехты назначено для уѣздныхъ казначействъ только 4,000 р. Авторъ опредѣлилъ это число неосновательно. Размѣнъ кредитныхъ билетовъ на серебряную монету въ костромскомъ казначействѣ, по малочисленности этой монеты и по многочисленности требователей на нее, идетъ въ самомъ незначительномъ количествѣ и на каждое лицо и присутственное мѣсто отпускается не болѣе какъ отъ 1 до 10 р. смотря по дѣйствительной надобности, но въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и нѣсколько болѣе. Чтобы дать понятіе въ какомъ обѣмѣ мѣняется здѣсь серебряная монета, не распространяясь на каждомъ числѣ мѣсяца отдѣльно, выскажу только средній выводъ, по которому приходится на каждое число до 30 р. Такому расходованію и размѣну серебряной монеты въ костромскомъ казначействѣ ведется каждодневно аккуратный счетъ и даже именной списокъ. Такимъ образомъ, размѣнивая серебряную монету самыми незначительными суммами изъ костромскаго казначейства частнымъ лицамъ, купцу Михину выдано было 13 іюля, какъ видно изъ именнаго реестра, серебряной монеты въ размѣнъ на кредитные билеты только 10 р., а не 500. показанныхъ въ письмѣ изъ Нерехты, и ни прежде, ни послѣ сего, купцу Михину серебряной монеты изъ костромскаго каз-

начейства мѣняемо не было. Какимъ же образомъ изъ такой маленькой суммы, какъ 10 руб., составилось 500 рублей? Въ здѣшнемъ казначействѣ не только такой суммы въ однѣ руки, да и на всѣ предметы (кромѣ высылки въ уѣздныя казначейства) въ одно число израсходовано никогда не было, и со времени полученія въ казначействѣ 10,000 руб., т. е. съ 24-го іюня по 14-е іюля, употреблено на всѣ промѣны и прочіе расходы только до 700 рублей, а по настоящее время, т. е. въ теченіе двухъ мѣсяцовъ, всего 8000 р. с. Желающіе могутъ въ этомъ удостовѣриться въ самомъ казначействѣ.»

«Относя клевету эту къ личной своей обидѣ и не желая оставаться долѣе жертвою самопроизвольной и неблагонамѣренной гласности бѣзъ дознанія положительно истины, ведущей болѣе или менѣе къ законной отвѣтственности, или автора статьи или меня, я покорнѣйше прошу редакцію Эк. Указателя вмѣстѣ съ напечатаніемъ сего моего оправданія объявить званіе, имя, отчество и фамилію автора означенной статьи. Иначе дѣло это будетъ считаться неоконченнымъ».

Считается или не считается это дѣло оконченнымъ въ настоящую пору, — неизвѣстно; но что гласность черезъ это дѣло, равно какъ черезъ сотни другихъ подобныхъ дѣлъ, не могла увеличить своего кредита, это ясно. Случай этотъ былъ бы ничтоженъ, еслибъ онъ былъ исключительный; но наша гласность всѣ свои усилія обращаетъ на подобныя ничтожности; она ничего другаго не дѣлаетъ. И добро бы — ей въ упрекъ можно было поставить только пустоту и мелочность, а то ее упрекаютъ въ лживости! Даже и это не самое главное; важнѣе всего то, что подобному упреку она не придаетъ никакой цѣны и ведетъ себя такъ, какъ будто она неспособна даже понимать, сколь значительно подобное обвиненіе. Въ оправданіи костромскаго казначея ея вниманіе обратило, на примѣръ, несовершенство его стиля и въ особенности одинъ эпитетъ, приданный имъ гласности, которую онъ называлъ *самопроизвольной*. До чего же можетъ простираться нравственная распушенность въ другихъ родахъ нашей дѣятельности, если она такъ гиперболически проявляется въ нашей литературѣ?

И дѣйствительно, тамъ встрѣчаются еще не такія гиперболы. Одну изъ нихъ мы намѣрены сейчасъ же занести въ нашу летопись. Въ насъ нѣтъ никакой охоты отзываться невыгодно о

комъ бы то ни было изъ нашихъ соотечественниковъ , и если мы хотимъ сдѣлать это теперь, хотимъ указать на случай, который характеризуетъ одного изъ нашихъ соотечественниковъ, не совсѣмъ съ похвальной стороны, то дѣлаемъ это единственно потому, что случай этотъ подвергся, къ сожалѣнію, слишкомъ большой огласкѣ. Притомъ Россія такая сильная и могущественная держава, что неодобрительное поведеніе нѣкоторыхъ сыновей ея ни въ какомъ случаѣ не способно нанести ущерба ея славы. Вотъ какъ случай этотъ разсказывается въ № 188 Петербургскихъ Вѣдомостей:

«Въ ночь съ 16-го на 17-е число сего августа, пассажирскій поѣздъ, ѣхавшій изъ Москвы въ Петербургъ, былъ свидетелемъ происшествія, описаніе котораго я прошу помѣстить на столбцахъ вашей газеты.»

«Подъѣзжая къ Осташковской станціи, пассажиры одного изъ вагоновъ 3-го класса были встревожены крикомъ и шумомъ, происшедшими отъ слѣдующей причины.»

«Въ этомъ вагонѣ помѣстился одинъ вышневолоцкій помѣщикъ, которому почему-то не понравилось сосѣдство двухъ молодыхъ нѣмцовъ. Одна изъ нихъ была очень молода и почти ничего не говорила по-русски, другая, постарше, была съ грудымъ младенцемъ на рукахъ. Не знаю, вслѣдствіе чего именно, но только помѣщикъ, предварительно разбранивъ нѣмковъ, ударилъ младшую изъ нихъ по щекѣ. Дѣвушка зарыдала; раздался ропотъ негодованія, и по просьбѣ пассажировъ оберъ-кондукторъ пересадилъ помѣщика въ другой вагонъ: разбирательство было отложено до пріѣзда на первую станцію.»

«Но этимъ дѣло не кончилось. Обиженная дѣвушка, желая скрыть свои слезы, высунулась въ окно, въ надеждѣ получить облегченіе отъ свѣжаго воздуха. Это не помогло: слезы ея перешли въ рыданія, которыя, постепенно усиливаясь, обратились въ истерическій припадокъ. Дѣвушка сдѣлала судорожное движеніе и до половины высунулась въ окно. Подруга ея, испугавшись, выпустила изъ рукъ ребенка и бросилась поддерживать дѣвушку. Къ счастью, младенца подхватила какая-то старушка-крестьянка; матери же его, съ помощью сосѣдей, удалось вытащить дѣвушку изъ окна и положить на лавку. Принесли нѣсколько подушекъ и уложили больную; къ счастью, тутъ

нашелся одинъ студентъ медикохирургической академіи : онъ сдѣлалъ все , что можно сдѣлать ночью , въ тѣсномъ вагонѣ , почти безъ всякихъ средствъ , кромѣ отклянки со спиртомъ и одеколономъ , при недостаткѣ даже въ водѣ .»

«Черезъ нѣсколько минутъ обморокъ дѣвушки миновался , но не къ лучшему : съ нею сдѣлался припадокъ падучей болѣзни ; руки и ноги ея сводило ; все тѣло корчилось ; головою она билась объ стѣну вагона и о спинку скамьи ; нѣсколько человѣкъ съ трудомъ удерживали ее за руки , за ноги и за голову , иначе она избилась бы до крови . Припадокъ три раза утихалъ и три раза возобновлялся съ возрастающею силою , и въ послѣдній разъ окончился уже тогда , когда повѣздъ остановился у Осташковской станціи .»

«Мать младенца , видя страданія своей подруги и не зная , что сдѣлалось съ ея собственнымъ ребенкомъ , два раза падала въ обморокъ ; когда же приходила въ себя , то рыданіями своими нарушала покой больной , такъ что ее едва могли уговорить успокоиться и то лишь увѣреніями , что волненіе ея можетъ имѣть вліяніе на молоко , а слѣдовательно и на здоровье ребенка .»

«Вотъ какія грустныя послѣдствія имѣла дикая свирѣлость человѣка , поднявшаго руку на женщину . Мы чрезвычайно довольны , что намъ удалось узнать , кто именно былъ этотъ господинъ : его зовутъ Александръ Павловичъ К.»

Теперь сдѣлалось извѣстнымъ , что подъ скромнаго буквою К. скрывается никто другой , какъ г. Козляниновъ .

Для полноты нашей лѣтописи и чтобы дать читателю приблизительно вѣрное понятіе о состояніи нашей страны въ текущую эпоху , мы должны упомянуть , что въ концѣ прошлаго лѣта , точно также какъ и во все продолженіе его , нѣкоторыя изъ нашихъ губерній очень много страдали отъ пожаровъ и градобитія , другія , какъ напримѣръ — самарская , подольская , кievская и новороссійскій край отъ саранчи , третьи отъ скотскихъ падежей ; были и такія , которымъ на долю выпадала совокупность всѣхъ этихъ золъ .

Извѣстно , что пожаръ и моръ составляютъ два величайшіе бича Россіи . До какой степени бичи эти эксплуатируютъ наше отечество — съ точностію опредѣлить трудно , но составить объ этомъ общее понятіе есть нѣкоторая возможность .

Недавно въ *Псковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ* былъ напечатанъ краткій отчетъ о происшествіяхъ за 1859 годъ. Между прочими статистическими свѣдѣніями и цифрами въ этомъ отчетѣ значится, что въ продолженіе года по губерніи пожарныхъ случаевъ было 151. Наибольшее число пожаровъ произошло въ ноябрѣ, такъ какъ въ это время, съ прекращеніемъ работъ въ сельскомъ населеніи, увеличивается число праздниковъ и бываетъ сушка хлѣба для молотбы. По донесеніямъ полиціи убытокъ отъ пожаровъ за годъ простирается по крайней мѣрѣ до 200 тысячъ рублей. — Сколь раззорительны для народа скотскіе падежи, объ этомъ можно судить по весьма интереснымъ выводамъ, сдѣланнымъ въ тобольскихъ губ. вѣдомостяхъ за цѣлое десятилѣтіе о падежахъ въ тамошнемъ краю. Съ 1851 по 1856 годъ включительно въ тобольской губерніи по официальнымъ свѣдѣніямъ пало 102,300 головъ рогатаго скота и 29,104 лошади. Предполагая лошадей круглымъ числомъ по 20 рублей, а каждую голову рогатаго скота цѣна по 15 рублей, мы придемъ къ заключенію, что тобольская губернія въ продолженіе 6 лѣтъ ежегодно зарывала въ землю свыше 350,000 рублей. Можно по этому судить, какъ трудно богатымъ нашему народу.

Москва, какъ носятъ слухи, въ послѣднее время очень занята,—въ особенности женскій полъ этой первопрестольной столицы, — предсказаніями нѣкоего Ивана Яковлевича. Московскіе фельетонисты выражаютъ очень серьезныя сомнѣнія, чтобы Иванъ Яковлевичъ дѣйствительно обладалъ даромъ предсказаній. Но князь Алексѣй Долгорукій, написавшій кпигу *Орионъ животнаго магнетизма*, фактически поражаетъ всякій скептицизмъ, который можетъ быть вызванъ на этотъ счетъ.

Русь! куда ты несешься? Дай отвѣтъ...

РІЕНЗИ,

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ РИМСКИХЪ ТРЕБУНОВЪ.

Романъ Эдуарда Литтона Бульвера.

Переводъ съ англійскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

Приложеніе къ журналу «Библіотека для Чтенія» № 10. 1860 г.

Въ типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

КНИГА I.

ВРЕМЯ, МѢСТО И ЛЮДИ.

I.

БРАТЯ.

Знаменитое имя, выставленное въ заглавіи этой книги, показываетъ читателю, что начало моей исторіи относится къ первой половинѣ XIV вѣка.

Въ одинъ лѣтній вечеръ, двое молодыхъ людей прогуливались близъ береговъ Тибра, не далеко отъ той части его извилистаго теченія, которая огибаетъ подошву горы Авентина. Выбранная ими тропинка была уединенна и спокойна. Вдали видѣлись разбросанные по берегу рѣки бѣдные домики; надъ ними, по мѣстамъ, съ мрачнымъ видомъ подымались огромныя башни, и высокая кровля жилища какого нибудь римскаго вельможи. Съ одной стороны рѣки за хижинами рыбаковъ видна была гора Яникулумъ, темная отъ массивныхъ деревьевъ, изъ за которыхъ въ частыхъ промежуткахъ показывались сѣрыя стѣны замковъ, шпицы и колонны множества церквей. Съ другой стороны круто и обрывисто подымалась гора Авентинъ, покрытая густымъ кустарникомъ; а на высотѣ изъ незримыхъ, но многочисленныхъ монастырей, надъ спокойнымъ ландшафтомъ и струистыми волнами довольно музыкально раздавался звукъ церковнаго колокола.

Старшему изъ двухъ молодыхъ людей, можно было дать нѣсколько болѣе двадцати лѣтъ. Онъ былъ высокъ и имѣлъ въ своей осанкѣ что-то повелительное, черты лица его отличались выразительностью и благородствомъ, не смотря на скромный его нарядъ, состоявшій изъ широкаго плаща и простой туники темнобѣрой саржи. Это была обыкновенная одежда скромныхъ студентовъ того времени, которые посѣщали монастыри для пріобрѣтенія познаній, представлявшихъ скудное вознагражденіе за напряженный трудъ. Физиономія его была пріятна и выраженіе оя можно было бы назвать скорѣе веселымъ, нежели задумчивымъ, если бы въ глазахъ его не было той неопредѣленной и разсѣянной томности, которая обыкновенно показываетъ, что извѣстный человѣкъ склоненъ къ меланхоліи и самоуглубленію, что мечты о прошедшемъ и будущемъ бо-

лѣ сродны его душѣ, нежели наслажденіе и дѣятельность настоящей минуты.

Младшій, еще мальчкѣ, не имѣлъ въ своей наружности ничего особеннаго, кромѣ выраженія мягкости и ласки. Было что-то женственное въ нѣжной почтительности, съ которою онъ слушалъ своего товарища. На немъ была одежда, какую обыкновенно носили люди, принадлежавшіе къ низшимъ классамъ, хотя, можетъ быть, поопрятнѣе и поновѣе, и любящая гордость матери была зашѣтна въ той тщательности, съ какою были причесаны и раздѣлены пробормъ шелковые кудри, выбивавшіеся изъ подъ фуражки и разсыпавшіеся по плечамъ.

Они шли возлѣ шумящаго тростника рѣки, обнявъ другъ друга за талию; не только въ осанкѣ и поступи, но и въ молодости и очевидной взаимной любви двухъ братьевъ выказывались грація и чувство, которыя возвышали незначительность ихъ состоянія.

— Милый братъ, сказалъ старшій, я не въ силахъ выразить, какъ наслаждаюсь этими вечерними часами. Только съ тобой я чувствую, что я не пустой мечтатель и празднолюбецъ, когда говорю о неизвѣстномъ будущемъ и строю свои воздушные замки. Отецъ и мать слушаютъ меня съ такимъ видомъ, какъ будто я говорю прекрасныя вещи, вычитанныя изъ книги; дорогая матушка, — да благословить ее Богъ! — говоритъ, утирая слезы: посмотрите, какъ онъ ученъ! Что касается до монаховъ, то, если я осмѣливаюсь оторвать глаза отъ своего Ливіа и говорю: такимъ Римъ долженъ быть опять, — они плятѣ глаза и раздѣваютъ рты, и хмурятся, какъ будто бы я сказалъ какую нибудь ересь. Ты же, милый братъ, хотя и не раздѣляешь моихъ занятій, но съ такою добротой сочувствуешь ихъ результатамъ, — ты, повидимому, такъ одобряешь мои сумасбродные планы и поощряешь мои честолюбивыя надежды, — что иногда я забываю наше происхожденіе и нашу бѣдность и чувствую въ себѣ такія мысли и смѣлость, какъ будто въ нашихъ жилахъ течетъ кровь какого нибудь тевтонскаго императора.

— Миѣ кажется, милый Кола, сказалъ младшій братъ, что природа сыграла съ нами дурную шутку: тебѣ она дала царственную душу, перешедшую отъ отцовской линіи, а миѣ — спокойный и простой духъ скромнаго родства нашей матери.

— Если бы это было такъ, возразилъ Кола съ живостью, то твоя участь была бы блистательнѣе: я происходилъ бы отъ варваровъ, а ты — отъ римлянъ. Было время, когда простой римлянинъ считался благороднѣе какого нибудь сѣвернаго короля. Ну, да мы еще увидимъ большія перомѣны на своемъ вѣку.

— Я буду жить, чтобы увидѣть тебя великимъ человѣкомъ; это меня будетъ радовать, сказалъ младшій, ласково улыбаясь; тебѣ уже всѣ признаютъ великимъ ученымъ. Мать предсказываетъ тебѣ счастье всякій разъ, когда слышитъ о твоихъ посѣщеніяхъ дома Колонновъ, гдѣ тебя такъ ласково принимаютъ.

— Колонны? сказалъ Кола съ горькою улыбкой; Колонны — пелаты! Тупыя головы — они притворяются знающими древность, игра-

ютъ роль меценатовъ и безъ толку приводятъ латинскія цитаты, сядя за своими кубками! Имъ пріятно видѣть меня у себя, потому что римскіе доктора называютъ меня ученымъ, а природа надѣлила меня причудливымъ остроуміемъ, которое для нихъ забавнѣе пошлыхъ острогъ какого нибудь наемнаго шута. Да, они желаютъ подвинуть меня, но какъ?—давъ мнѣ мѣсто въ общественномъ управленіи, которое постыднымъ образомъ наполняетъ свою кассу, съ жестокостью выжимая отъ нашихъ голодныхъ гражданъ деньги, добытыя ими съ тяжкимъ трудомъ! Нѣтъ ничего гаже плебея, котораго возвысили патриціи не для того, чтобы онъ руководилъ своимъ сословіемъ, а для того, чтобы онъ служилъ орудіемъ для ихъ низкихъ интересовъ. Человѣкъ, происходящій изъ народа, измѣняетъ своему происхожденію, если дѣлается куклою для лицемерныхъ тирановъ, которые указываютъ на него и кричатъ: посмотрите, какая свобода царствуетъ въ Римѣ,—мы, патриціи, такъ возвысили плебея! Развѣ они возвысили бы кого нибудь изъ плебеевъ, еслибы имѣли къ нимъ сочувствіе?—нѣтъ, если я подымусь выше своего состоянія, то этимъ буду обязанъ рукамъ, а не шеямъ своихъ согражданъ!

— Всѣ мои надежды, Кола, состоятъ въ томъ, что ты въ своемъ усердіи къ согражданамъ, не забудешь какъ ты дорогъ намъ. Никакое величіе не примиритъ меня съ мыслью, что оно подвергало тебя опасности.

— А я смѣюсь надъ всѣми опасностями, если только онѣ ведутъ къ величію. Но—величіе, величіе! это пустая мечта! предоставимъ ее ночнымъ грезамъ. Довольно о моихъ планахъ; поговоримъ теперь о твоихъ, милый братъ.

И, съ свойственною ему сангвиническою и веселою гибкостью, молодой Кола, оставивъ всѣ свои мечтательные помыслы, приготовился выслушать съ участіемъ скромныя мечты своего брата. Это были—новая лодка, праздничная одежда, хижина въ мѣстѣ наиболѣе удаленномъ отъ притѣсненій вельможъ и тому подобныя картины, свойственныя неопредѣленнымъ стремленіямъ мальчика, съ темными глазами и веселыми губками. Кола съ привѣтливымъ лицомъ и нѣжною улыбкой выслушивалъ эти незатѣйливыя надежды и желанія, и часто въ послѣдствіи вспоминалъ объ этомъ разговорѣ, когда онъ съ тоскою спрашивалъ свое сердце, какой изъ этихъ двухъ родовъ честолюбія благоразумнѣе.

— Такимъ образомъ, продолжалъ младшій братъ, мало по малу я могу собрать довольно денегъ, чтобы купить судно, подобное вотъ этому, которое, безъ сомнѣнія, нагружено хлѣбомъ и товарами; мое судно будетъ приносить такой хорошей доходъ, что я буду въ состояніи наполнить твою комнату книгами, и не услышу болѣе твоихъ жалобъ на то, что ты недоволенъ богатъ для покупки какого нибудь стараго истертаго монашескаго манускрипта. Ахъ, какъ я тогда буду счастливъ!

Кола улыбнулся и сжалъ брата въ своихъ объятіяхъ.

— Дорогой мальчикъ, сказалъ онъ, пусть лучше моимъ дѣломъ

будеть — заботиться объ исполненіи твоихъ желаній. Но мнѣ кажется, что хозяева этого судна владѣютъ незаконною собственностью. Взгляни, какъ безпокойно эти люди смотрятъ и впередъ, и назадъ, и по сторонамъ. Хотя это мирные торговцы, но, кажется, даже и въ городѣ, который былъ нѣкогда рынкомъ всего цивилизованнаго міра, они боятся преслѣдованій какого нибудь пирата. До окончанія своего путешествія они могутъ найти этого пирата въ какомъ нибудь изъ римскихъ патриціевъ. Увы, до чего мы дожили?

Судно, о которомъ говорили два брата, быстро несло внизъ по рѣкѣ, и въ самомъ дѣлѣ два или три человѣка на палубѣ съ напряженнымъ вниманіемъ осматривали оба берега, какъ бы предчувствуя врага. Однакоже скоро оно ушло изъ виду, и братья возобновили свой разговоръ о предметахъ, которые имѣли для молодыхъ людей привлекательность уже потому, что принадлежали къ области будущаго.

Вечерняя тьма становилась гуще, и они вспомнили, что пропелъ уже тотъ часъ, когда они обыкновенно возвращались домой. Они повернули назадъ.

— Постой, сказалъ вдругъ Кола, какъ я разговаривалъ! отецъ Убертъ обѣщалъ мнѣ рѣдкую рукопись, которая, какъ онъ признается, поставила въ тушику весь монастырь. Я долженъ былъ сходить сегодня вечеромъ къ нему. Побудь здѣсь нѣсколько минутъ, я скоро ворочусь.

— А мнѣ нельзя идти съ тобой?

— Нѣтъ, сказалъ Кола съ разсудительною лаской, ты работалъ цѣлый день и, вѣрно, усталъ; моя же работа, по крайней мѣрѣ тѣлесная, была довольно легка, притомъ ты слабъ, у тебя утомленный видъ; отдыхъ подкрѣпитъ тебя. Я не замѣшкаю.

Мальчикъ согласился, хотя ему хотѣлось идти съ братомъ. Онъ имѣлъ характеръ мягкій и уступчивый и рѣдко противился малѣйшимъ приказаніямъ тѣхъ, кого любилъ. Онъ сѣлъ на берегу рѣки и скоро твердая поступь и величавая фигура его брата скрылись отъ его глазъ за густою и меланхолическою листвою.

Сначала онъ сидѣлъ очень спокойно, наслаждаясь холоднымъ воздухомъ и думая объ исторіяхъ древняго Рима, которыя рассказывалъ ему братъ во время ихъ прогулки. Наконецъ онъ вспомнилъ, что его маленькая сестра, Ирена, просила принести ей цвѣтотъ. Нарвавъ ихъ, онъ сѣлъ и началъ плести одинъ изъ тѣхъ вѣнковъ, къ которымъ южные крестьяне до сихъ поръ сохраняютъ свою древнюю любовь, дѣлая ихъ съ какимъ-то классическимъ искусствомъ.

Между тѣмъ какъ мальчикъ занимался этою работою, вдали слышались громкіе крики людей и лошадиный топотъ. Они раздавались все ближе и ближе.

— Вѣроятно это поѣздъ какого нибудь барона, подумалъ мальчикъ, славный видъ — ихъ бѣлыя перья и красныя мантии. Я люблю такія зрѣлища, а все таки отойду въ сторону.

Продолжая плести вѣнокъ, и въ тоже время глядя туда гдѣ дол-

женъ былъ показаться поѣздъ, молодой человекъ еще ближе подошелъ къ рѣкѣ.

Поѣздъ былъ уже въ виду, — въ самомъ дѣлѣ прекрасное зрѣлище. Впереди ѣхали всадники по два въ рядъ тамъ, гдѣ позволяла дорога; ихъ лошади были покрыты великолѣпными чапраками, ихъ перья красиво волновались, латы и кольчуги сіяли въ вечернемъ сумракѣ. Это была большая и разнообразная толпа; всѣ были вооружены; пикинеры въ кольчугахъ ѣхали впереди; другіе не столь хорошо и красиво вооруженные слѣдовали пѣшкомъ за всадниками. Надъ отрядомъ развѣвалось красное, какъ кровь, знамя дома Орсини, съ надписью и девизомъ изъ полированного золота и съ гвельфовскимъ изображеніемъ ключей св. Петра. На минуту страхъ овладѣлъ душой мальчика, потому что въ тѣ времена въ Римѣ патрицій, окруженный своими вооруженными приверженцами, наводилъ на плебеевъ болѣе страха, нежели дикій звѣрь. Но бѣжать было слишкомъ поздно: толпа уже приблизилась.

— Эй, мальчикъ! вскричалъ предводитель всадниковъ, Мартино-ди-Порто, принадлежавшій къ знатному дому Орсини, видѣлъ ты судно на рѣкѣ? Ты долженъ былъ его видѣть — какъ давно?

— Я видѣлъ большое судно, полчаса тому назадъ, отвѣчалъ мальчикъ, испуганный грубымъ голосомъ и повелительнымъ видомъ всадника.

— Оно шло прямо, съ зеленымъ флагомъ на кормѣ?

— Да, благородный синьоръ.

— Ну, такъ впередъ! мы остановимъ его до восхода луны, сказалъ баронъ. Теперь! пусть мальчикъ отправляется съ нами, чтобы онъ насъ не выдалъ и не увѣдомилъ Колонновъ.

— Орсини! Орсини! вскричала толпа; впередъ, впередъ! — И не смотря на мольбы и убѣжденія мальчика, онъ былъ помѣщенъ въ самую средину толпы и увлеченъ вмѣстѣ съ другими. Онъ былъ испуганъ, онъ задыхался и чуть не плакалъ; на одной рукѣ его все еще висѣлъ маленькій вѣнокъ, на другую была наброшена веревка. Однакоже, не смотря на свое безпокойство, онъ чувствовалъ какое-то дѣтское любопытство, желая увидѣть результатъ этого преслѣдованія.

Изъ громкаго и жаркаго разговора окружающихъ его людей онъ узналъ, что судно, которое онъ видѣлъ, везло запасы хлѣба въ крѣпость, находившуюся возлѣ рѣки и принадлежавшую дому Колонновъ, который былъ тогда въ смертельной враждѣ съ домомъ Орсини. Цѣлю экспедиціи, въ которую попалъ бѣдный мальчикъ, было — перехватить провизію и отдать ее гарнизону Мартини-ди-Порто. Эти свѣдѣнія увеличили смущеніе мальчика, потому что онъ принадлежалъ къ семейству, состоявшему подъ покровительствомъ Колонновъ.

Безпокойно и со слезами на глазахъ онъ оглядывался каждую минуту, взбираясь по крутому подъему Авентина; но его хранитель и покровитель еще не показывался.

Такимъ образомъ толпа нѣсколько времени подвигалась впередъ, какъ вдругъ при поворотѣ дороги, глазамъ ея внезапно представился предметъ ея преслѣдованія. При свѣтѣ первыхъ вечернихъ звѣздъ судно быстро несло внизъ по теченію.

— Ну, теперь,—благодареніе святымъ! вскричалъ предводитель,— оно наше!

— Пойдите, сказалъ полупопотомъ одинъ изъ начальниковъ (нѣмецъ) ѣхавшій рядомъ съ Martino, я слышу звуки, которые мнѣ не нравятся: за деревьями ржетъ лошадь, и вонь—латы блестятъ!

— Впередъ господа, вскричалъ Martino; цапля не обманетъ орла—впередъ!

Съ новыми криками пѣшіе двинулись впередъ. Когда они приблизились къ кустарнику, на который указывалъ нѣмецъ,—небольшой сомкнутый отрядъ всадниковъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, выѣхалъ изъ за деревьевъ и съ копьями на перевѣсъ бросился на ряды преслѣдователей.

— Колонна! Колонна!

— Орсини! Орсини!

Таковы были крики, которые громко и дико мѣшались одинъ съ другимъ. Martino-ди-Порто, отличавшійся свирѣпостью и огромнымъ ростомъ, и его всадники—по большей части нѣмецкіе наемники, не поматнувшись, выдержали атаку.

— Верегись медвѣжьихъ лапъ, вскричалъ Орсини подѣзжавшему къ нему противнику.

Борьба была непродолжительна и жестока. Латы всадниковъ защищали ихъ со всѣхъ сторонъ отъ ранъ; не такъ невредимы были плохо вооруженные пѣшіе орсинисты, когда они, подталкиваемые другъ другомъ, надвигали на Колонновъ. Вытерпѣвъ дождь камней и стрѣлъ, которые дѣлали толстымъ кольчугамъ всадниковъ не болѣе вреда какъ градъ, они столпились вокругъ, и, своею многочисленностью, мѣшали движенію коней, между тѣмъ какъ пикъ мечи и сѣкиры ихъ противниковъ дѣлали безпощадное опустошеніе въ ихъ недисциплинированныхъ рядахъ. Martino, мало обращавшій вниманіе на то, какъ много изрублено сволочи въ его рядахъ и видя, что его непріатели на минуту задержаны яростнымъ нападеніемъ и сомкнувшеюся толпою его пѣхотинцевъ (мѣсто схвати было узко и тѣсно).—далъ нѣкоторымъ изъ своихъ всадниковъ знакъ и хотѣлъ продолжать путь для преслѣдованія судна, которое теперь почти совсѣмъ скрылось изъ виду. Но вдругъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, послышался звукъ рога; на этотъ сигналъ отступилъ одинъ изъ непріателей и затѣмъ вдали раздался крикъ: Колонна на выручку! Черезъ нѣсколько минутъ показался многочисленный конный отрядъ, который несся во весь карьеръ; впередъ его великолѣпно развѣвались знамена Колонновъ.

— Чортъ возьми этихъ кодуновъ! кто-бы подумалъ, что они такъ хитро отгадаютъ наши намѣренія! проворчалъ Martino. Намъ не слѣдуетъ оставаться здѣсь при такомъ неравенствѣ силъ. И рука

его, вмѣсто того, чтобы указать впередъ, дала теперь знакъ къ отступленію.

Плотно сомкнувшись и въ совершенномъ порядкѣ, всадники Мартинио ди-Порто повернули назадъ; пѣшая сволочь, которая шла на добычу, осталась на жертву. Эти люди старались послѣдовать призыву своихъ вождей, но какъ могли они уйти отъ стремительнаго напора лошадей и отъ острыхъ пикъ своихъ противниковъ? Кровь этихъ послѣднихъ была разгорячена схваткою, а на жизнь своихъ жертвъ, находившуюся теперь въ ихъ власти, они смотрѣли также, какъ мальчикъ смотритъ на раззоренное имъ гнѣздо ося. Толпа разсѣялась по разнымъ направленіямъ: нѣкоторымъ удалось уйти на холмы, куда лошади не могли взобраться, другіе бросились въ рѣку и переплыли на противоположный берегъ; менѣе хладнокровные и опытные бѣжали прямо впередъ, и, загораживая собою дорогу непріятелямъ, облегчали тѣмъ бѣгство своимъ вождямъ, но за то сами издали трупами другъ на друга, подъ сокрушительными ударами неутомимыхъ и ничѣмъ не удерживаемыхъ преслѣдователей.

— Не щадить негодяевъ! со смертію cadaго изъ Орсини дѣлается однимъ разбойникомъ меньше. Рубите во славу Бога, императора и колонны! Таковы были крики, служившіе похороннымъ колоколомъ устрешеннымъ и падающимъ бѣглецамъ между бѣжавшими прямо по дорогѣ; въ мѣстѣ наиболѣе доступномъ для конницы находился и младшій братъ Колы, такъ неожиданно вовлеченный въ схватку. Быстро, обезумѣвъ отъ ужаса, бѣжалъ бѣдный мальчикъ, отъ никогда не отлучавшійся отъ родителей или отъ брата. Девять мелькали мимо, берега оставались все дальше и дальше за нимъ, и онъ бѣжалъ, а по пятамъ его несея лошадиный топотъ, раздавались крики, и проклятія, и звѣрскій хохотъ враговъ, когда они перескакивали чрезъ убитыхъ и умиравшихъ на тропинкѣ. Теперь онъ былъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ братъ. Онъ быстро оглянулся и глаза его встрѣтили наклоненное копье и страшный шишакъ всадника, бывшаго близко за нимъ; въ отчаяніи онъ взглянулъ вверхъ и увидѣлъ своего брата, который высматривалъ изъ частаго перепутаннаго кустарника, покрывавшаго гору, и летѣлъ къ нему на помощь.

— Спаси меня, спаси меня, братъ! громко закричалъ онъ. Этотъ рыкъ достигъ слуха Колы; — мальчикъ чувствовалъ уже жаркое дыханіе горячаго коня своего преслѣдователя; — еще минута — и съ рожкомъ, пронзительнымъ крикомъ — пощадите, пощадите! онъ упалъ трупомъ: копье всадника пробило его насквозь и пригвоздило къ тому самому дерну, на которомъ онъ сидѣлъ менѣе часа тому назадъ, исполненный молодой жизни и беззаботной надежды. Всадникъ вырвалъ свое копье и помчался за новыми жертвами; другіе послѣдовали за нимъ. Кола сошелъ съ горы и сталъ на коня, взявъ убитого брата.

Возвратимся теперь къ тому моменту, когда раздался звукъ рога трубы. Отрядъ, изъ котораго онъ послышался, былъ благороднѣе того, который составлялъ авангардъ и до сихъ поръ участвовалъ

въ битвѣ. Во главѣ его бѣжалъ человѣкъ преклонныхъ лѣтъ. Сѣдые волосы его выходили изъ-подъ шапки, украшенной перьями, и свѣшиваясь съ его почтенной бородой.

— Что это значить? спросилъ онъ, останавливая своего коня, — молодой Ріензи!

При звукѣ этого голоса, молодой человѣкъ поднялъ глаза, потомъ вскочивъ, сталъ предъ конемъ стараго патриція и, сложивъ руки, проговорилъ едва внятно:

— Это мой братъ, благородный Стефанъ! еще мальчикъ, совсѣмъ ребенокъ! — лучшее, добрейшее дитя! Смотрите, какъ трава обогрета его кровью! Назадъ, назадъ: копыта вашей лошади стоятъ въ кровавомъ потокѣ! Правосудія синьоръ, правосудія! вы большой человѣкъ!

— Кто убилъ его? Безъ сомнѣнія какой-нибудь Орсини. Вамъ будетъ оказано правосудіе.

— Благодарю, благодарю, прошепталъ Ріензи и пятаясь помочь къ брату, повернулъ его лице изъ травы наружу, приложилъ руку къ его груди, въ тщетной надеждѣ почувствовать бѣніе его сердца. Но тотчасъ же отнялъ ее, потому что она покрылась кровью. И поднявъ эту руку вверхъ, онъ опять вскричалъ: правосудія! правосудія!

Не смотря на свою привычку къ подобнымъ сценамъ, группа людей, собравшихся вокругъ Стефана Колонны, была растрогана этимъ зрѣлищемъ. Находившійся возлѣ него прекрасный мальчикъ, по щекамъ котораго текли слезы, обнажилъ мечъ.

— Синьоръ, сказалъ онъ, едва удерживаясь отъ рыданія, только орсинисты могъ умертвить такого невиннаго мальчика; не будетъ терять ни минуты; поѣдемъ въ погоню за злодѣями.

— Нѣтъ, Адріанъ, нѣтъ, возразилъ Стефанъ, положивъ руку на плечо мальчика, твоё усердіе похвально, но мы должны остерегаться засады. Наши люди заѣхали слишкомъ далеко. Но вотъ — слышишь — они возвращаются.

Черезъ нѣсколько минутъ звукъ рога отозвалъ преслѣдователей назадъ; въ числѣ ихъ былъ и тотъ всадникъ, копьё котораго слѣлало такую роковую ошибку. Онъ начальствовалъ отрядомъ, завязавшимъ битву съ Мартиномъ ди-Порто; его латы, украшенные золотомъ, и богатая сбруя его лошади показывали его высокое происхожденіе.

— Благодарю, сынъ мой, благодарю, сказалъ старшій Колонна, ты дѣйствовалъ хорошо и храбро. Но скажи, не знаешь-ли, — у тебѣ орлиное зрѣніе, — кто изъ Орсини убилъ этого несчастнаго мальчика? Гнусное дѣло! притомъ его семейство — наши кліенты.

— Кого? — этого мальчика? сказалъ всадникъ, снимая съ головы свой плащъ и утирая свой вспотѣвшій лобъ, что вы говорите! Какъ же онъ попалъ въ толпу негодяевъ Мартино ди-Порто? Боюсь, что моя ошибка обошлась ему дорого. Мнѣ не могло прійти на мысль, что онъ не принадлежитъ къ сволочи Орсини, и — и....

— Вы убили его! вскричалъ Ріензи громовымъ голосомъ, быстро

скачивъ на ноги. Правосудіа, синьоръ Стефанъ, правосудіа! Вы мнѣ обѣщали правосудіе и сдержите слово!

— Вѣднѣй молодой человѣкъ, сказалъ Стефанъ, съ состраданіемъ, имѣло бы оказано правосудіе противъ Орсини; но развѣ вы не видите, что это случилось по ошибкѣ? Я не удивляюсь тому, что и теперь слишкомъ огорчены и не можете слушать доводовъ разсудка. Мы должны быть къ вамъ снисходительны.

— Возьмите это на обѣдни по душѣ мальчика; меня очень печатитъ этотъ случай, сказалъ младшій Колонна, бросая Ріензи кошечку съ золотомъ. Приходите на той недѣлѣ къ намъ въ палаццо, ола, — на той недѣлѣ. Ватюшка, мы должны опять вернуться къ вамъ: намъ еще надобно позаботиться о его безопасности.

— Правда, Джанни, отвѣчалъ старикъ, двое изъ васъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ солдатамъ, пусть останутся здѣсь у тѣла мальчика; горестный случай! какъ могло это произойти?

И компанія возвратилась туда, откуда пріѣхала; у трупа остались только двое солдатъ, да мальчикъ Адріанъ. Послѣдній остался нѣсколько минутъ, чтобы утѣшить Ріензи, который, подобно мольбѣ липившемуся чувству, былъ неподвиженъ, смотря на мчащійся мимо его строй всадниковъ и бормоча про себя:

— Правосудіа! правосудіа! я добьюсь его!

Громкій голосъ Колонны старшаго звалъ Адріана, и онъ неохотно и со слезами на глазахъ долженъ былъ ѣхать.

— Позвольте мнѣ быть вашимъ братомъ, сказалъ благородный мальчикъ, съ чувствомъ прижимая руку Ріензи къ своему сердцу, имѣю нужду въ братѣ, подобномъ вамъ.

Ріензи не отвѣчалъ; онъ не обратилъ вниманія на эти слова или не слышалъ ихъ; въ его сердцѣ волновались мрачныя и смутныя мысли, въ которыхъ таилась зародышъ могущественной революціи. Онъ, вздрогнувъ, очнулся отъ своихъ думъ, когда солдаты начали строить изъ своихъ щитовъ нѣчто въ родѣ катафалка для трупа; изъ глазъ его хлынули слезы, онъ съ силой оттолкнулъ солдатъ и сжималъ тѣло брата въ своихъ объятіяхъ до тѣхъ поръ, пока его платье буквально не измокло отъ струявшейся крови.

Вѣнокъ несчастнаго мальчика, запутавшійся въ складкахъ одежды, еще былъ при немъ. Видъ этого вѣнка напомнилъ Колѣ всю нѣжность, доброту и очаровательную ласковость его брата—его единственнаго друга. Это было зрѣлище, которое, казалось, еще увеличивало безжалостную жестокость преждевременной и незаслуженной кончины невиннаго мальчика.

— Вратъ мой, братъ! стоналъ Ріензи. Какъ я теперь покажусь на глаза матери? Такой молодой! Кому онъ могъ вредить! такой добрый! Они не хотятъ оказать намъ правосудіа, потому что его убійца, адришій Колонна. А это золото,—золото за кровь брата! Неужели ни (при этихъ словахъ глаза молодого человѣка засверкали) не кажутъ намъ правосудіа? Увидимъ! И Ріензи наклонился надъ трупомъ; губы его шевелились, какъ будто шепча молитву или заклинаніе; потомъ онъ всталъ; лицо его было столько же блѣдно какъ

у мертвого, который лежалъ предъ нимъ, — но блѣдно уже не от горя!

Отъ трупъ, отъ внутренней молитвы, Кола ди-Риензи воспрянул другимъ человѣкомъ. Въѣстъ съ его юнымъ братомъ умерла и собственная юность. Безъ этого событія будущій освободитель Рима могъ быть только мечтателемъ, ученымъ, поэтомъ, мирнымъ соперникомъ Петрарки, — человѣкомъ мысли, а не дѣла. Но теперь всѣ его способности, энергія, воображеніе, умъ — сосредоточились въ этомъ пунктѣ; патриотизмъ его, бывшій до этихъ поръ призракомъ, получилъ жизнь и силу страсти, которая постоянно была во пламеніи, упорно поддерживаема и благоговѣнно освещаемая мезью!

II.

Историческій обзоръ.

Прошли годы — и смерть римскаго мальчика, среди болѣе благородныхъ, но менѣе извинительныхъ убійствъ, скоро была забыта: ее почти забыли даже родители убитаго въ возрастающей славѣ въ успѣхахъ ихъ старшаго сына, — но не забылъ и не простил ее этотъ сынъ. Здѣсь, въ пространствѣ времени между описанными нами кровавымъ прологомъ и послѣдующею политическою драмою между охладѣвающимъ, такъ сказать, интересомъ мечтаній и бол тревожными, дѣйствительными и продолжительными волненіями жизненныхъ бурь, — кстати представить читателю краткій и блѣдный очеркъ состоянія и обстоятельствъ города, въ которомъ происходили главныя сцены нашего разсказа. Очеркъ этотъ, можетъ быть необходимъ многимъ, для полнаго пониманія мотивовъ, руководившихъ дѣйствующими лицами, и судебъ заговора.

Не смотря на насильственное поселеніе разнородныхъ и сѣверныхъ племенъ въ столицѣ цезарей, римскій народъ сохранилъ хорошую мысль о своемъ превосходствѣ надъ остальнымъ міромъ: утративъ желѣзныя доблести временъ республики, по прежнему былъ проникнутъ тѣмъ наглымъ и непокорнымъ мятежнымъ духомъ, которымъ отвѣчались плебеи древняго флорума. Среди свѣтлыхъ, но не мужественной черни, нѣбили вели себя скорѣе какъ безжалостные бандиты, нежели какъ умные правители. Папы напрасно борлись противъ этихъ упрямыхъ и суровыхъ патриціевъ. Надъ властью ихъ смѣялись, на повелѣнія ихъ не обращали вниманія, личность ихъ подвергалась открытымъ оскорбленіямъ, и первосвященники — эти властители остальной Европы, жили въ Ватиканѣ какъ пѣны угрожаемые казнью. За тридцать восемь лѣтъ до времени описываемыхъ нами событій одинъ французъ взомелъ на престолъ св. Петра подъ именемъ Климента V. Онъ съ большимъ благоразуміемъ, нежели мужествомъ, оставилъ Римъ для спокойнаго убѣжища въ Авиньонѣ, и роскошный городъ чужеземной провинціи сдѣлался рим-

ондією римскаго первосвященника, и престоломъ христіанской кви.

Идея болѣе даже номинальной преграды, представляемой пап-
ствомъ присутствіемъ, власть нобилей, можно сказать, не имѣла гра-
нцъ, кромѣ собственнаго произвола и взаимныхъ ихъ распрій и
перничества. Выводя свое происхожденіе, посредствомъ баснослов-
ныхъ генеалогій, отъ древнихъ римлянъ, они на самомъ дѣлѣ, боль-
шую частію, были потомки смѣлыхъ сѣверныхъ варваровъ, и, бо-
лее зараженные вѣроломствомъ итальянцевъ, нежели проникнутые
національными чувствами, сохранили презрѣніе своихъ чуже-
земныхъ предковъ къ завоеванной странѣ и къ ея павшему народу.
Жажду тѣмъ какъ остальная Италія, особенно Флоренція, Венеція и
Ланцъ, быстро и далеко опередила другія государства Европы въ
выдѣлкахъ и искусствахъ, римляне, казалось, болѣе шли назадъ,
и въ подвигались впередъ на пути усовершенствованія. Не оспос-
твенные законами, не посѣщаемые искусствами, они были одинако-
во чужды и рыцарству воинственнаго и общительности мирнаго на-
рода. Но въ нихъ еще живо чувство и желаніе свободы, и посред-
ствомъ жестокихъ пароксизмовъ и отчаянной борьбы они старались
стоять для своего города по прежнему принимаемый имъ титулъ
«итрополии всего міра». Въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій
и имѣли много революцій, — непродолжительныхъ, часто крова-
выхъ, и всегда безуспѣшныхъ. При всемъ этомъ въ Римѣ суще-
ствовалъ еще пустой призракъ народной формы правленія. Каждая
изъ тринадцати частей города избирала себѣ вождя; собраніе этихъ
должностныхъ лицъ, называемыхъ капоріонами, по теоріи, имѣло
власть, для пользованія которою у нихъ не было ни силы, ни му-
жества. Существовало также гордое имя сенатора, но въ настоящее
время эта должность была предоставлена только одному или двумъ
лицамъ, иногда избираемымъ папою, а иногда нобиліями. Власть, сое-
диненная съ этимъ именемъ, кажется, не имѣла опредѣленныхъ гра-
ницъ; это была или власть суроваго диктатора, или бездушная кук-
ла, смотря по тому, въ какой мѣрѣ лицо, принимающее на себя эту
должность, было въ состояніи дать вѣсь своему сану. Она предоста-
влялась только нобиліямъ, которые одни производили всѣ возможныя
измѣненія. Общественное правосудіе замѣнялось угожденіемъ ка-
кой нибудь изъ враждующихъ партій; возстановленіе порядка со-
стояло единственно въ мести.

Имѣя дворцы, подобные замкамъ и крѣпостямъ государей, не под-
чиняясь никакимъ властямъ и закону, строя укрѣпленія и объявляя
притязанія на княжества въ церковныхъ областяхъ, римскіе вель-
можи еще болѣе обезопасили себя и сдѣлали ненавистнымъ свое со-
стояніе, содержа войска изъ иностранныхъ наемниковъ (преиму-
щественно нѣмцевъ), которые были и храбрѣе и дисциплинирован-
нѣе и искуснѣе въ военномъ дѣлѣ, нежели даже самые свободные
изъ итальянцевъ того времени. Такимъ образомъ они соединяли въ
себѣ судебную и военную власть, — не для защиты, а для гибели
Рима.

Самыми могущественными изъ этихъ вельможъ были Орстинъ и Колонны; распри ихъ были наслѣдственны и безпрестанны; каждый день былъ свидѣтелемъ плодовъ ихъ беззаконной войны, ознаменованной кровопролитіемъ, грабительствомъ и пожарами. Лестныя дружба Петrarки, которому слишкомъ сѣно вѣрують новѣйшіе историки, облекла Колонновъ, особенно описываемаго времени, шествомъ и достоинствомъ, которыхъ они не имѣли. Оскорбленіе, обманъ и убійство, скарденая жадность въ присвоеніи прибыльныхъ должностей, наглыя притѣсненія противъ своихъ гражданъ и надушнѣйшее раболовство предъ властію, которая превосходила ихъ собственную власть—вотъ, съ небольшими исключеніями, характеръ первой фамиліи Рима. Будучи богаче другихъ вельможъ, Колонны отличались болѣею роскошью и, можетъ быть, болѣшимъ умственнымъ развитіемъ; гордости ихъ льстило названіе покровителей искусствъ, въ которыхъ они не могли отличаться сами. Отъ этихъ размножившихся угнетателей римскіе граждане, съ нетерпѣливостью и страстнымъ сожалѣніемъ, обращали свой взоръ къ смутнымъ и темнымъ воспоминаніямъ утраченной свободы и величія. Они сличивали времена имперіи съ временами республики, и на тевтонскаго короля, который былъ избираемъ за Альпами, а титулъ императора получалъ отъ римлянъ, часто смотрѣли какъ на бѣглеца съ своего законнаго поста и собственнаго дома. Они легкомысленно воображали, что еслибы императоръ и первосвященникъ утвердили свою резиденцію въ Римѣ, то свобода и законъ снова водворились бы въ ихъ отечествѣ.

Отсутствіе папы и его двора много способствовало къ объединенію гражданъ. Еще замѣтнѣе они страдали отъ грабительства разбойничьихъ шайкъ, многочисленныхъ и безпощадныхъ, которые тревожили Романью, наполняя собою всѣ публичныя дороги, и состояли иногда подъ тайнымъ, иногда подъ открытымъ покровительствомъ римскихъ бароновъ, часто набравшихъ изъ бандитскихъ солдатъ свои бандитскіе гарнизоны.

Но кромѣ этихъ мелкихъ и обыкновенныхъ бандитовъ, въ Италіи возникъ еще болѣе ужасный родъ ихъ, разбойники высшаго разряда. Одинъ нѣмецъ, присвоившій себѣ гордый титулъ герцога Вернера, за нѣсколько лѣтъ до того періода, къ которому мы приближаемся, навербовалъ и организовалъ значительное войско подъ названіемъ «большая компанія.» Съ этимъ войскомъ онъ осаждалъ города и занималъ государства, съ единственною постыдною цѣлю грабительства. Его примѣръ скоро нашелъ подражателей: многочисленные «компаніи», сформированныя подобнымъ же образомъ, начали опустошать раздѣленную и безпорядочную страну. Ни тираны, ни общество не имѣли достаточно войска для противоудѣйствія имъ; а вербованіе для этой цѣли другихъ сѣверныхъ наемниковъ служило только къ усиленію знамени разбойниковъ дезертирами. Наемникъ не сражается съ наемникомъ, ни нѣмецъ съ нѣмцемъ, а болшая плата и необузданность грабежа дѣлами шатры «компаній» гораздо болѣе привлекательными, чѣмъ регулярное жалованье города

и скучная крѣпость и истощенная касса какого нибудь вождя. Вернеръ былъ самый неумолимый и свирѣпый изъ всѣхъ этихъ антиюристовъ; онъ такъ открыто похвалялся своимъ звѣрствомъ, о на груди своей носилъ серебряную доску, на которой вырѣзаны были слова: «Вражда противъ Бога, жалости и пощады.» Не залога предъ тѣмъ онъ опустошалъ Романью огнемъ и мечемъ. Но выги или же невозможность сладить съ дикими страстями, которыя возбуждалъ, заставили его увести большую часть своего войска ратно въ Германію. Однакоже небольшіе отряды еще остались; и были разбѣяны по всей странѣ и ждали только искуснаго вождя, торый бы ихъ соединилъ опять. Однимъ изъ способнѣйшихъ къ ой роли людей былъ Вальтеръ де Монреаль, рыцарь ордена св. Іона, провансальскій дворянинъ. Не смотря на свою молодость, онъ, оею храбростью и талантами, приобрѣлъ уже страшную знаменитость, а его честолюбіе, опытность и проникательность, возвышая нѣкоторыми рыцарскими, благородными качествами, дѣлали его особнымъ для предпріятій гораздо важнѣйшихъ и достойнѣйшихъ, жели жестокіе грабежи свирѣпаго Вернера. Ни одно государство страдало отъ этихъ бичей болѣе Рима. Наслѣдственныя земли ны, частію отторгнутыя отъ него мелкими тиранами, частію опустошенныя чужеземными разбойниками, доставляли скудное удовлетвореніе нуждамъ Климента VI, образованнѣйшаго дворянина и изящнѣйшаго сластолюбца своего времени. Поэтому онъ придумалъ планъ огатить въ одно время и римлянъ и ихъ первосвященника. Около пятидесяти лѣтъ до того времени, о которомъ намъ предстоитъ говорить, Бонифацій VIII для наполненія папской казны и мѣстъ для умиротворенія римлянъ, умиравшихъ съ голода, учредилъ празднество юбилея, или святой годъ, въ сущности возстановленіе языческаго церемоніала. Полная индульгенція была обѣяна всѣмъ католикамъ, которые въ тотъ годъ или въ первый годъ жаго изъ послѣдующихъ столѣтій посѣтятъ церкви св. Петра и . Павла. Огромное стеченіе пилигримовъ со всѣхъ мѣстъ христіанскаго міра доказало мудрость этого изобрѣтенія, и «два священника стояли ночь и день съ граблями въ рукахъ, и, не считая, огребали кучи золота и серебра, принесеннаго на алтарь св. Павла» *. Неудивительно, что этотъ въ высшей степени прибыльный праздникъ, еще до истеченія половины слѣдующаго столѣтія, показался агоразумному первосвященнику слишкомъ на долго отложеннымъ. папа и городъ сходились въ мысли, что нехудо бы поскорѣе возобновить его. И такъ Климентъ VI объявилъ подъ именемъ *Монреальскаго* юбилея, второй святой годъ на 1350, т. е. чрезъ три года послѣ той даты, съ которой начнется мой рассказъ въ слѣдующей главѣ. Это обстоятельство имѣло сильное вліяніе на возбужденіе народнаго негодованія противъ вельможъ и приготвило событія, о которыхъ я буду говорить, потому что дороги были наполнены бандитами—креатурами и союзниками бароновъ. А опасность дорогъ мѣшала приходу пилигримовъ. Раймонду, епископу орвіетскому (хорошо Gibbon, vol. XII. c. 59.

шему канонисту, но плохому политику) поручено было всѣми мѣрами стараться объ устраненіи преградъ между набожными пожертвованіями и сокровищницею папскаго престола.

Таково въ главныхъ чертахъ, было состояніе Рима въ тотъ періодъ времени, о которомъ мы будемъ говорить. Отъ глазъ Італіи и Европы онъ скрывалъ еще свои развалины подъ мантию своей древней славы. По крайней мѣрѣ по имени онъ былъ владыкою мира и изъ его рукъ, глава церкви получалъ ключи, а сѣверный императоръ — корону. Положеніе его было именно таково, что представляло обширное и блистательное поприще для смѣлаго честолюбія, вдохновляющее, хотя и плачевное зрѣлище отчаяннаго патріотизма—приличную сцену для той величавой трагедіи, которая отыскиваетъ свои просцествія, выбираетъ актеровъ и выводитъ мораль среди народныхъ превратностей и преступленій.

III.

Ссора.

Вечеромъ апрѣля 1347 г., въ одномъ изъ тѣхъ обширныхъ странствъ, гдѣ новый и древній Римъ, казалось, смѣшивались между собою—одинаково печальные и разрушенные, собралась разнородная и негодующая толпа. Утромъ того дня солдаты Мартина ди Порто, насильно ворвавшись, разорили домъ одного римскаго ювелира, съ дерзкою наглостью, превосходившею обыкновенное своеволие вѣкомъ. Симпатія и чувства, возбужденныя этимъ событіемъ во всемъ городѣ, были глубоки и злобщи.

— Никогда я не покорюсь этой тиранніи!

— Ни я!

— Ни я!

— Ни я! клянусь въ томъ костями св. Петра!

— Что такое, друзья мои? вы не хотите покоряться тиранніи? сказалъ одинъ молодой патрицій, обращаясь къ толпѣ раздраженныхъ, гнѣвныхъ и полувооруженныхъ гражданъ, которые, съ сильными жестами итальянской страсти, стремительно шли по длинной и узкой улицѣ, къ мрачному кварталу, занимавшемуся фамиліею Орсини.

— Ахъ, синьоръ! вскричали вдругъ двое или трое изъ гражданъ, мы оправдаете насъ, вы потребуете для насъ правосудія, вы Колонна.

— Ха, ха, ха! презрительно захохоталъ человѣкъ гигантскаго роста, подымая вверхъ огромный молотъ—знакъ своего ремесла. Правосудіе и Колонна! Боже мой! эти два имени не всегда ладятъ между собою.

— Прочь его! прочь его! это орсинистъ, прочь его! вскричали по крайней мѣрѣ десять голосовъ изъ толпы; но ни одна рука не поднялась на великана.

— Онъ говоритъ правду, сказалъ другой голосъ съ твердостью.

— Да, сказалъ третій, нахмуривая брови и вынимая свой ножъ и

ты это терпимъ! Орсини, тираны, а Колонны много-много если не уже ихъ.

— Лжешь, негодяй! вскричалъ молодой нобиль, входя въ толпу и тапаясь противъ поносителя Колонновъ.

Предъ сверкающимъ взоромъ и угрожающими жестами кавалера ржунъ отступилъ на нѣсколько шаговъ и оставилъ такимъ образомъ пустое пространство между огромною фигурою кузнеца и неолышимъ, тонкимъ, но сильнымъ станомъ молодаго нобиля.

Съ дѣтства приучаясь презирать храбрость плебеевъ, даже тогда когда сами не могли похвалиться ею, римскіе патриціи привыкли къ подобнымъ ссорамъ, и не рѣдко одного присутствія какого нибудь нобиля было достаточно для разсѣянія цѣлой толпы, которая а минуту предъ тѣмъ провозглашала мщеніе противъ его сословія фамиліи.

Поэтому подойдя къ кузнецу и рѣшительно не обращая вниманія на оружіе, которымъ размахивалъ этотъ великанъ, молодой Адріанъ и Кастелло, дальній родственникъ Колонны, махнулъ рукой, гордо приказывая дать дорогу.

— Домой, друзья! и знайте, прибавилъ онъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ, что вы очень оскорбляете насъ, если думаете, что мы участвуемъ въ дурныхъ дѣлахъ орсинистовъ, или подчиняемся единственно своимъ страстямъ въ расприхъ между ихъ домомъ и нами. Суди меня святая мать, продолжалъ онъ, набожно подымая глаза къ небу, если я говорю ложь, утверждая, что я вынулъ мечъ противъ Орсини для защиты Рима и васъ отъ несправедливостей.

— Такъ говорятъ всѣ тираны, сказалъ кузнецъ дерзкимъ тономъ, прислоняя свой молотъ къ каменному обломку — остатку древняго Рима; они никогда не воюютъ другъ съ другомъ, иначе какъ для вашего блага. Одинъ Колонна перерѣзываетъ горло орсиньевскому хлѣбнику, это для нашего блага, другой Колонна отнимаетъ дочь у орсиньевскаго портнаго, это для нашего блага! для нашего блага—да, для блага народа! ужь не для пользы ли хлѣбопекотъ и портныхъ?

— Товарищъ, сказалъ молодой патриціи, съ важностью, если какой нибудь Колонна такъ поступилъ, то онъ виноватъ; но даже самое святое дѣло можетъ имѣть дурныя подпоры.

— Да, сама св. церковь опирается на очень плохія колонны, отвѣчалъ кузнецъ, намекая съ грубымъ остроуміемъ на любовь папы къ дому Колонновъ.

— Онъ богохульствуетъ! кузнецъ богохульствуетъ! кричали партизаны этой могущественной фамиліи. Колонна, Колонна!

— Орсини, Орсини! былъ неменѣе быстрый отвѣтный крикъ.

— Цародъ! загремѣлъ кузнецъ, размахивая своимъ страшнымъ оружіемъ надъ головами окружающей его группы.

Въ одно мгновеніе толпа, соединившаяся предъ тѣмъ противъ присутствія одного человѣка, раздѣлилась наслѣдственною враждою партей. При крикъ Орсини! многіе новые партизаны посѣпили къ мѣ-

сту; друзья Колонны собрались на одной сторонѣ, защитники Орсини на другой. Немногіе согласные съ кузнецомъ въ томъ, что обѣ партіи одинаково гнусны и что *народъ* есть единственный законный крикъ среди народнаго волненія, готовы были отойти въ сторону отъ приближающейся схватки. Но самъ кузнецъ имѣвшій надъ нами большое вліяніе, раздраженный надменнымъ обращеніемъ молодого Колонны, или же вслѣдствіе жажды борьбы свойственной людямъ большаго роста и силы, которые могутъ въ рукопашномъ бою наслаждаться своимъ превосходствомъ, послѣ минутной нерѣшимости присталъ къ орсинистамъ и своимъ примѣромъ доставилъ превращенію этой партіи содѣйствіе своихъ друзей.

Въ народныхъ волненіяхъ отдельный человѣкъ всегда бываетъ увлеченъ толпой, часто противъ своей воли и согласія. Нѣсколько успокоительныхъ словъ, съ которыми Адріанъ ди Кастелло обратился къ своимъ друзьямъ, потерялись среди всеобщихъ криковъ. Гордясь тѣмъ, что въ ихъ рядахъ находится одинъ изъ любимыхъ и благороднѣйшихъ людей дома Колонны, партизаны этой семьи поставили его въ своей главѣ и стремительно бросились на противниковъ. Однакоже Адріанъ, заимствовавшій кое-какія правила изъ рыцарскаго кодекса, которыми конечно онъ не былъ обязанъ риску своему происхожденію, сначала не хотѣлъ нападать на людей, между которыми не видѣлъ никого равнаго себѣ ни по званію ни по умѣнью владѣть оружіемъ. Онъ довольствовался тѣмъ, что отразилъ немногіе удары, направленные на него въ безпорядочномъ пылу схватки. Мы говоримъ немногіе удары, потому что тѣ, которые, узнавши его, не исключая самыхъ закоренѣлыхъ партизановъ Орсини, не хотѣли подвергать себя опасности и гнѣву толпы, проливая кровь человѣка, который, кромѣ знатнаго происхожденія и страшной силы своихъ связей, пользовался лично популярностью, которую онъ заслужилъ скорѣе по сравненію его поступковъ съ пороками его родственниковъ, чѣмъ по какимъ либо особеннымъ подвѣдамъ. Одинъ кузнецъ, который до сихъ поръ не принималъ дѣятельнаго участія въ схваткѣ, рѣшился на положительное сопротивленіе, когда кавалеръ приблизился къ нему на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ.

— Развѣ мы не сказали тебѣ, приговорилъ великанъ, нахмури брови, что Колонны — враги народа, столько же какъ и Орсини? Взгляни на своихъ приверженцевъ и кліентовъ: развѣ они не рѣжутъ теперь горла бѣднымъ людямъ за преступленіе одного вельможи? Но всегда этимъ способомъ одинъ патрицій наказываетъ неглосность другаго. Онъ опускаетъ розгу на спины народа и кричитъ: «Посмотрите, какъ я справедливъ!»

— Я не буду тебѣ отвѣчать теперь, сказалъ Адріанъ, но если ты вмѣстѣ со мной сожалеешь объ этомъ пролитіи крови, помоги мнѣ помѣшати ему.

— Я—нѣтъ! пусть кровь рабовъ течетъ сегодня: скоро придетъ время, когда она будетъ смыта кровью вельможъ.

— Прочь негодай! вскричалъ Адріанъ, не желая болѣе разгово-

вать и прикасаясь къ кузнецу плоскою стороною своего меча. Въ одно мгновеніе молотъ великана поднялся вверхъ и непремѣнно повергъ бы молодого патриція на землю, если бы онъ не отскочилъ въ сторону. Прежде чѣмъ кузнецъ имѣлъ время нанести другой ударъ, мечъ Адріана дважды пронзилъ его правую руку и молотъ тяжело упалъ на землю.

— Убейте его, убейте его! вскричали многіе изъ кліентовъ Колонны, тѣсясь теперь, подобно трусамъ, вокругъ безоружнаго и безсильнаго кузнеца.

— Да, убейте его! сказалъ на сносномъ итальянскомъ языкѣ, но съ варварскимъ акцентомъ человекъ, на половину закованный въ желѣзо, и только что присоединившійся къ группѣ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ буйныхъ нѣмецкихъ бандитовъ, которыхъ Колонны содержали на жалованьи. Убейте его! онъ принадлежитъ къ числу шайкъ злодѣевъ, заклятыхъ враговъ порядка и мира. Это лишь изъ приверженцевъ Ріензи и бредитъ народомъ.

— Ты говоришь правду, варваръ, сказалъ неугомонный кузнецъ рожкимъ голосомъ, открывая лѣвою рукою свой камзолъ на груди, итѣ сюда всѣ, Колонна и Орсини, прокопайте вашими острыми ланками мою грудь до самаго сердца и тамъ, когда доберетесь до центра, вы найдете предметъ вашей общей ненависти, Ріензи и народъ.

При этой рѣчи кузнеца, которая могла бы показаться выше его основанія, еслибы всѣмъ римлянамъ въ минуты вдохновенія не были свойственны нѣкоторая цѣтливость и преувеличеніе фразы и сила чувства, громкій голосъ его раздался сильнѣе голосовъ кружавшихъ его людей и на минуту заглушилъ общій шумъ. Когда же наконецъ прозвучали слова «Ріензи и народъ», то они прокатили въ самую средину возрастающей толпы и ихъ повторила сотня голосовъ, подобно эху.

Но каково бы ни было впечатлѣніе, произведенное словами кузнеца на другихъ, оно также было очевидно и на лицѣ молодого Колонны. При имени Ріензи краска гнѣва исчезла съ его щекъ, онъ отступилъ назадъ, проговорилъ что-то про себя и, не смотря на кружавшую его суматоху, казалось, погрузился въ глубокую и трюмую задумчивость. Онъ очнулся, когда крикъ затихъ, и сказалъ кузнецу тихимъ голосомъ: «Другъ мой, мнѣ жаль, что я тебя обранилъ; но приди ко мнѣ завтра и ты убѣдишься, что ты былъ справедливъ ко мнѣ.» Затѣмъ онъ далъ нѣмцу знакъ слѣдовать за нимъ и началъ пробираться чрезъ толпу, которая вездѣ отступала при его приближеніи. Въ тѣ времена въ Римѣ самая ожесточенная ненависть къ сословію нобилей соединялась съ рабскимъ уваженіемъ къ ихъ личности и съ таинственнымъ благоговѣніемъ къ ихъ безконтрольной власти.

Когда Адріанъ проходилъ чрезъ ту часть толпы, гдѣ драка еще начиналась, его сопровождалъ говоръ, который немногимъ изъ фамиліи удалось бы слышать.

— Колонна, сказалъ одинъ.

— Но не похититель, сказалъ другой съ дикимъ смѣхомъ.

— Ни убійца, пробормоталъ третій, прижимая руку къ своему груди. Не противъ него воиетъ кровь моего отца.

— Да благословитъ его Богъ, сказалъ четвертый, его еще никто не проклинали!

— О, помоги намъ Боже! сказалъ старикъ съ длинной сѣною бородой, опираясь на свою палку; змѣя еще молода, зубы скоро прорѣжутся.

— Стыдитесь, отецъ! онъ милый молодой человѣкъ и не гордъ, по крайней мѣрѣ. Какаѣ у него улыбка! сказала одна красивая патрица, стоявшая на краю того мѣста, гдѣ происходила схватка.

— Прощай честь мужа, если патриціи улыбается его жена! былъ отвѣтъ.

— Нѣтъ, сказалъ Лунджи, веселый мясникъ, съ плутовскими глазами; если человѣкъ честнымъ образомъ можетъ добиться чего нибудь отъ дѣвушки или женщины, то пусть его—будетъ ли это патриціи или плебей, вотъ моя мораль. Но если какой нибудь безобразный, старый патриціи отнимаетъ у меня женщину, уводя ее на спинѣ нѣмецкаго кабана, то онъ, по моему, злой человѣкъ и предободѣй.

Между тѣмъ какъ такіе толки и говоръ шли о молодомъ noble, совсѣмъ другаго рода взгляды и слова сопровождали нѣмецкаго солдата.

Предъ его тяжелою и вооруженною фигурою толпа разступалась такою же или еще съ большею быстротою, но не съ почтительными взглядами. Глаза сверкали при его приближеніи, но не блѣднѣли, голова склонялась, губы дрожали; всякій чувствовалъ трепетъ ненависти и страха, какъ бы при появленіи ужаснаго, смертельнаго врага. И съ яростію въ душѣ замѣчалъ этотъ свѣрхъ-человѣкъ знаки всеобщаго къ нему оцѣнненія. Онъ съ стуровымъ видомъ шелъ впередъ, то съ презрительною улыбкою на лицѣ, то злобно хмурясь, и его длинные заплетенные свѣтлые волосы, темнорыжіе усы и мясистый лобъ представляли сѣльный контрастъ съ темными глазами, черными, какъ смоль, волосами и тонкимъ тѣлосложеніемъ итальянцевъ.

— Пусть Люциферъ двое накажетъ этихъ нѣмецкихъ головорезовъ! проворчалъ сквозь зубы одинъ изъ гражданъ.

— Аминь! отвѣчалъ отъ всего сердца другой.

— Тсъ! сказалъ третій, боязливо оглядываясь, если кто-нибудь изъ нихъ услышитъ твои слова, ты погибъ.

— О, Римъ! Римъ! сказалъ съ горечью гражданинъ, одѣтый въ черное и принадлежавшій, повидимому, къ высшему сословію, не жалея остальныхъ, какъ низко ты палъ, если въ собственныхъ улицахъ трепещешь, заслышавъ шаги наемнаго варвара!

— Слушайте, что говорятъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ людей и богатыхъ гражданъ! сказалъ почтительно мясникъ.

— Это другъ Рензи, сказалъ другой изъ толпы, предполагая шапку.

Отпустивъ глаза и съ выраженіемъ печали, стыда и гнѣва на лицѣ, Пандульфо-ди-Гвидо, уважаемый гражданинъ благороднаго происхожденія, медленно пробрался чрезъ толпу и скрылся.

Между тѣмъ Адріанъ, войдя въ улицу, которая, несмотря на близость къ собравшейся толпѣ, была пуста и безмолвна, обратился къ своему свирѣбному товарищу.

— Родольфъ! сказалъ онъ, слушай! не дѣлай насилій гражданамъ. ерниись къ толпѣ, собери друзей нашего дома, выведи ихъ оттуда; усть Колонновъ не обвиняють въ безчинствахъ нынѣшняго дня. вѣрь нашихъ приверженцевъ, что я, званіемъ рыцарь, которое получилъ отъ императора, клянусь наказать Мартина-ди-Порто мечемъ онымъ за его преступленіе. Мнѣ бы хотѣлось самому лично утишить шумъ, но, кажется, мое присутствіе служить только къ поощренію го. Ступай, ты имѣешь вѣсь у всѣхъ ихъ.

— Да, синьоръ, вѣсь ударовъ! отвѣчалъ угрюмый солдатъ. Но приказаніе ваше трудно исполнить; мнѣ бы хотѣлось, чтобы ихъ разная кровь текла еще одинъ или два часа. Но, извините, повинусь вашимъ приказаніямъ, повинуюсь ли я вмѣстѣ и приказаніямъ моего господина, вашего родственника? Вѣдь это старый Стеанъ Колонна, который, благослови его Богъ! рѣдко бережетъ кровь деньги (за исключеніемъ своихъ собственныхъ!) На его деньги я живу и ему клялся въ вѣрности.

— Diavolo! проворчалъ кавалеръ и лицо его покрылось пятнами гнѣва; но съ обыкновеннымъ самообладаніемъ итальянскихъ нобилей онъ удержался и сказалъ громко съ спокойствіемъ и вмѣстѣ съ достоинствомъ:

— Дѣлай, какъ я приказываю; останови суматоху, постарайся, чтобы снисходительность была оказана съ нашей стороны. Пусть презъ часть шумъ затихнетъ, а завтра приди ко мнѣ за наградой. Вотъ тебѣ копелекъ въ задатокъ будущей моей благодарности. Что касается до моего родственника, (о которомъ приказываю тебѣ упомянуть съ большимъ почтеніемъ), то я говорю отъ его имени. Слышишь, шумъ увеличивается, драка усиливается, ступай, не теряй ни минуты.

Нѣсколько устрешенный спокойною твердостью патриція, Родольфъ кивнулъ головой, не отвѣчая, засунулъ деньги за пазуху и пошелъ въ толпу. Но прежде нежели онъ пришелъ туда, тамъ произошла внезапная реакція.

Молодой кавалеръ, оставшись одинъ, слѣдовалъ глазами за удаляющеюся фигурою солдата, на блестящей каскѣ котораго сияли косвенные лучи заходящаго солнца, и сказалъ самому себѣ съ горечью: Несчастный городъ, родникъ всѣхъ великихъ воспоминаній! падшій царь тысячи націй, какъ развѣнчанъ и ограбленъ ты малочисленными и отрекшимися отъ тебя дѣтьми! Твои патриціи ссорятся другъ съ другомъ, народъ проклинаетъ патриціевъ, священники, которые должны бы сѣять миръ, насаждаютъ раздоры, отецъ церкви бѣжить изъ своихъ стѣнъ, его дворъ—гальская деревня.... А мы! Мы, происходящіе отъ самой гордой крови Рима, сыны цезарей, по-

томки полубоговъ, поддерживаемъ свою наглую и невидимую власть мечами наемниковъ, которые, принимая отъ насъ плату, дѣлаются надъ нашею трусостью, держать нашихъ гражданъ въ рабствѣ и зато владычествуютъ надъ самими господами ихъ! О, еслибы мы, наследственные вожди Рима, могли чувствовать и найти свою законную опору въ благодарныхъ сердцахъ нашихъ гражданъ.

Молодой Адріанъ такъ глубоко сознавалъ горькую истину всего имъ сказаннаго, что слезы негодованія текли по его щекамъ, когда онъ говорилъ. Онъ не стыдился проливать ихъ, потому что плачь о падшемъ племени—святое чувство, а не женская слабость.

Медленно поворотясь, чтобы уйти, онъ вдругъ остановился, услыхавъ громкій кликъ: «Ріензи! Ріензи!» Отъ стѣнъ Капитолія до Тибра далеко пронесся звукъ этого имени. Когда же онъ замеръ, то за нимъ послѣдовало глубокое, всеобщее молчаніе. Можно было подумать, что сама смерть низопла на городъ. На крайней точкѣ толпы, в возвышавшейся надъ нею, на обломкахъ камня, вынутаго изъ развалинъ Рима, для устройства баррикады, въ одну изъ послѣднихъ распрій между гражданами, на этомъ безмолвномъ памятникѣ минувшаго величія и настоящихъ бѣдствій города, стоялъ Ріензи. Будучи выше всего своего племени, онъ болѣе всѣхъ былъ проникнутъ сознаніемъ славы древнихъ временъ и униженія новыхъ.

На разстояніи, въ которомъ находился Адріанъ отъ этой сцены онъ могъ отличить только темный очеркъ фигуры Ріензи и слышать только слабый звукъ его могучаго голоса. Но въ покорномъ, хотя волнующемъ морѣ человѣческихъ существъ, толпившихся вокругъ съ открытыми головами, озаренными лучами солнца, онъ замѣчалъ невыразимое дѣйствіе краснорѣчія Ріензи на всѣхъ, кто принималъ въ свою душу потокъ его пламенныхъ мыслей. Современники описываютъ это краснорѣчіе почти какъ чудо, но на самомъ дѣлѣ сила его основывалась болѣе на симпатіи слушателей, чѣмъ на обыкновенныхъ способностяхъ оратора.

Не долго Адріанъ до Кастелло видѣлъ его фигуру и слышалъ его голосъ, но этого времени для Ріензи было достаточно, чтобы про- извести все, чего желалъ самъ Адріанъ.

Другой кликъ, еще сильнѣе и продолжительнѣе перваго, кликъ, въ которомъ выразилось облегченіе отъ тревожныхъ мыслей и сильного волненія, служилъ знакомъ окончанія рѣчи. Послѣ минутной паузы, толпа разсыпалась по разнымъ направленіямъ и пошла по улицамъ кучками и группами. Видно было, что рѣчь на всѣхъ произвела сильное и продолжительное впечатлѣніе. У каждого сердца пылали и языкъ говорилъ; одушевленіе оратора проникло въ сердца слушателей. Онъ гремѣлъ противъ безчинства патриціевъ, и однако же обезоруживалъ гнѣвъ плебевъ; однимъ словомъ, онъ проповѣдывалъ свободу, но запрещалъ своеволіе. Онъ успокаивалъ настоящее обѣщаніемъ будущаго. Онъ порицалъ ихъ ссоры, но поддерживалъ дѣло ихъ. Онъ удержалъ сегодняшнюю месть торжественнымъ увѣреніемъ, что завтра настанетъ правосудіе. Такъ велика

власть, такъ могущественно краснорѣчіе, такъ грозенъ геній одного человека, безоружнаго, незнатнаго, который не имѣетъ меча и орнаментальной мантии, но обращается къ чувствамъ угнетеннаго народа !

IV.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

Избѣгая раздробленныхъ потоковъ разсѣявшейся толпы, Адріанъ Колонна быстро шелъ по одной изъ узкихъ улицъ, которая вела къ его дворцу, находившемуся въ довольно значительномъ разстояніи отъ мѣста послѣдней ссоры. Полученное имъ воспитаніе дѣлаю его способнымъ глубоко интересоваться не только несогласіями и распрями своей родины, но также сценою, которую онъ только что видѣлъ, и властью, которую выказалъ Ріензи.

Сирота изъ младшей, но богатой отрасли дома Колонновъ, Адріанъ выросъ подъ опекою и попечительствомъ своего родственника, коварнаго, но вмѣстѣ доблестнаго Стефана Колонны, который изъ всѣхъ нобилей Рима былъ самый могущественный, какъ по благожелательности къ нему папы, такъ и по большому числу окружающихъ его вооруженныхъ наемниковъ. Адріанъ рано обнаружилъ необыкновенную въ тѣ времена склонность къ умственнымъ занятіямъ и усвоилъ многое изъ того, что было тогда извѣстно относительно древняго языка и древней исторіи его родины.

Хотя Адріанъ былъ еще мальчикомъ въ то время, когда видѣлъ смерть Ріензи по случаю смерти брата, но его доброе сердце проявилось симпатіею къ этой печали и стыдомъ за своихъ родственниковъ, равнодушныхъ къ такому послѣдствію ихъ ссоры. Онъ заботливо искалъ дружбы Ріензи и, не смотря на свою молодость, понималъ силу и энергію его характера. Но хотя Ріензи, по прошествіи нѣкотораго времени, казалось, пересталъ думать о смерти брата и снова сталъ посѣщать замокъ Колонновъ, пользуясь ихъ презрительнымъ гостепріимствомъ, однако же онъ держалъ себя въ нѣкоторомъ удаленіи и принужденіи, которыя Адріанъ могъ преодолѣть только отчасти. Кола отвергалъ всякое предложеніе услугъ, протекціи и возвышенія; а необыкновенная ласковость со стороны Адріана вмѣсто того, чтобы дѣлать Ріензи общительнѣе, казалось, только оскорбляла его и заставляла удаляться еще съ большею холодностью. Непринужденный юморъ и живость разговора, дѣлавшіе его прежде пріятнымъ гостемъ для тѣхъ, которыхъ вся жизнь проходила въ пирахъ и битвахъ, перешла въ иронію, цинизмъ и ѣдкость. Но тупоголовые бароны по прежнему забавлялись его остроуміемъ и Адріанъ былъ почти единственнымъ человекомъ, который видѣлъ улыбку, скрытую подъ его улыбкой.

Часто Ріензи сидѣлъ за столомъ безмолвный, но наблюдательный, какъ будто слѣдя за каждымъ взглядомъ, взвѣшивая каждое слово, замѣряя умъ, хитрость и наклонности каждаго гостя. Когда пыт-

ливость его, повидимому, была удовлетворена, то онъ воодушевлялся. Его ослѣпительное, но ѣдкое остроуміе оживляло пирь, и никто не видѣлъ, что этотъ новеселый блескъ былъ признакомъ приближавшейся бури. Въ тоже время онъ не упускалъ ни одного случая смѣшиваться съ низшимъ классомъ гражданъ, возбуждать ихъ умы, воспалять ихъ воображеніе, поджигать ихъ горячность картинами настоящаго и легендами минувшаго. Популярность и слава его росли и онъ имѣлъ тѣмъ болѣе вліяніе на толпу, что былъ въ чести у нобилей. Можетъ быть, въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключалась причина, почему онъ продолжалъ посѣщать Колонновъ.

Когда за шесть лѣтъ предъ тѣмъ Капиголіи Цезарей былъ свидетелемъ триумфа Петрарки, ученая слава молодого Ріензи привлекла къ нему дружбу поэта, продолжавшуюся съ незначительнымъ перерывомъ до конца, не смотря на огромное различіе карьеры этихъ двухъ людей. Въ послѣдствіи, въ качествѣ одного изъ римскихъ депутатовъ, Ріензи вмѣстѣ съ Петраркою * былъ посланъ въ Авиньонъ умолять Климента VI перенести оттуда святой престолъ въ Римъ. При исполненіи этого порученія онъ въ первый разъ выказалъ свои необыкновенныя способности краснорѣчія и убѣжденія. Правда, первосвященникъ, желавшій болѣе спокойствія, нежели славы, не убѣдился его доводами, но былъ очарованъ ораторомъ и Ріензи возвратился въ Римъ осыпанный почестями и облеченный достоинствомъ важной и отвѣтственной должности. Переставъ быть бездѣйственнымъ ученымъ и веселымъ собесѣдникомъ, онъ вдругъ сталъ выше всѣхъ своихъ согражданъ. Никогда до сихъ поръ власть не соединилась съ такою строгою честностью, съ такимъ неподкупнымъ усердіемъ. Онъ старался внушить своимъ товарищамъ такую же возвышенность принциповъ, но ему не удалось. Приобрѣвъ прочное положеніе, онъ началъ открыто апеллировать къ народу, и, казалось, римская чернь уже была оживлена новымъ духомъ.

Между тѣмъ какъ все это происходило, Адріанъ на долго разошелся съ Ріензи; егѡ не было въ Римѣ.

Домъ Колонновъ былъ твердою подпорою императорской партіи и Адріанъ дн Кастелло получилъ приглашеніе къ двору императора. Тамъ онъ началъ заниматься военнымъ искусствомъ и среди нѣмецкихъ рыцарей научился смягчать свойственную итальянцамъ хитрость рыцарскимъ благородствомъ сѣверной храбрости.

Оставивъ Ваварію, онъ нѣсколько времени жилъ въ уединеніи одного изъ своихъ помѣстій близъ красивѣйшаго озера сѣверной Італіи. Оттуда, развивъ свой умъ дѣятельностью и ученіемъ, онъ постигъ многія свободныя итальянскія государства. Онъ проникъ понятіями, въ которыхъ не было тѣхъ предразсудковъ, какими от-

* Такъ говорятъ новѣйшіе историки, но представляется болѣе вѣроятнымъ, что Ріензи былъ посланъ въ Авиньонъ послѣ Петрарки. Какъ бы то ни было, но Петрарка и Ріензи сблизились въ Авиньонѣ, какъ говоритъ самъ Петрарка въ одномъ изъ своихъ писемъ.

начались другіе люди, принадлежавшіе къ его сословію, и рано прибрѣлъ репутацію для себя, между тѣмъ какъ внутренно наблюдалъ за характеромъ и дѣлами другихъ. Въ немъ соединялись всѣ успѣшныя качества итальянскаго нобилія. Это былъ человѣкъ, страстно преданный занятіямъ литературою, тонкій и глубокій политикъ, аскетическій и пріятельскій въ обращеніи; самую любовь къ удовольствіямъ онъ облагораживалъ какою-то возвышенностью вкуса. Онъ емъ себя съ достоинствомъ, имѣлъ незапятнанную честь и отвращеніе къ жестокости, рѣдкія въ то время качества между итальянцами: даже сѣверные рыцари, отличаясь ими у себя, обыкновенно еряли когда приходили въ соприкосновеніе съ систематическимъ бродомъ и презрѣніемъ къ чести, составлявшими характеръ жестокаго, но коварнаго юга. Съ этими качествами Адріанъ соединялъ болѣе нѣжныя страсти своихъ земляковъ, поклонялся расотѣ и боготворилъ любовь.

Только за нѣсколько недѣль предъ тѣмъ онъ возвратился въ свой одной городъ, куда его репутація уже предшествовала ему, и гдѣ омнили еще его раннюю любовь къ литературѣ и его доброту. Онъ ашелъ положеніе Ріензи измѣнившимся гораздо болѣе, нежели вое собственное. Адріанъ еще не былъ у ученаго. Онъ прежде хобѣлъ издали, собственными глазами, присмотрѣться къ мотивамъ и дѣламъ его поступковъ; потому что онъ частію заразился подорвѣніемъ, какія имѣло его сословіе о Ріензи, частію же раздѣлялъ оверчивый энтузіазмъ народа.

— Конечно, говорилъ онъ самъ себѣ, задумчиво подвигаясь впередъ, никто больше его не имѣетъ силы преобразовать наше болѣное государство. Исцѣлить его раны и пробудить въ напихъ гражданахъ воспоминанія о доблестяхъ предковъ! Развѣ я не виѣлъ, въ свободныхъ государствахъ Италіи, людей, призванныхъ къ власти для защиты народа, которые были сперва честны, а потомъ, упоенные внезапнымъ возвышеніемъ, измѣняли тому самому цѣлю, которое ихъ возвысило. Правда, эти люди были вожди и нобили; но развѣ въ плебейхъ меньше людскихъ слабостей? Однако же я слышалъ и видѣлъ довольно издали, теперь я подойду и присмотрюсь къ нему поближе.

Говоря съ собою такимъ образомъ, Адріанъ обращалъ мало вниманія на разныхъ прохожихъ, которые попадались все рѣже, по мѣрѣ того какъ становилось позднеѣ. Между ними были двѣ женщины, которыя теперь однѣ шли по той же длинной и темной улицѣ, въ которую поворотилъ Адріанъ. Мѣсяцъ уже ярко свѣтилъ въ небѣ и женщины проскользнули мимо кавалера легкимъ и быстрымъ шагомъ. Младшая оглянулась и посмотрѣла на него при этомъ свѣтѣ пристальнымъ, но робкимъ взглядомъ.

— Чого ты дрожишь, моя милочка? сказала ей спугница, которой можно было дать около сорока пяти лѣтъ, и которой одежда и толость показывали, что она по своему званію была ниже младшей. Улицы, кажется, теперь довольно спокойны и, слава Богу, нашъ домъ не слишкомъ далеко.

— Ахъ, Бенедетта! это онъ! это молодой синьоръ, это Адрианъ!

— Это хорошо, сказала кормилица (таково было ея званіе), потому что, говорятъ, онъ храбръ какъ сѣверный воинъ; палатно Колонна не очень далеко отсюда и синьоръ Адрианъ можетъ помочь намъ въ случаѣ нужды! Конечно, милая моя, если вы будете плакать потише.

Молодая дѣвушка умѣрила свои шаги и вздохнула.

— Правда, онъ очень хорошъ, проговорила кормилица; но ты и должна больше думать о немъ; онъ слишкомъ выше тебя, для того, чтобы на тебѣ жениться; что касается до чего-нибудь другаго, ты слишкомъ честна, а твой братъ слишкомъ гордъ.

— А ты, Бенедетта, слишкомъ проворна съ своимъ языкомъ. Какъ можешь ты это говорить, зная, что онъ никогда даже не говорилъ со мной, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ я была совѣтъ ребенкомъ; мало того, онъ едва знаетъ о моемъ существованіи. Ему, Адриану ди Кастелло, грезить о бѣдной Иренѣ! одна эта мысль — уже сумасшествіе!

— Такъ зачѣмъ же ты, быстро возразила кормилица, и грезить о немъ?

Ея спутница вздохнула опять глубже прожнито.

— Св. Каторина! продолжала Бенедетта, еслибы на землѣ былъ только одинъ мужчина, то и тогда я скорѣе умерла бы въ одиночествѣ, нежели стала бы думать о немъ, до тѣхъ поръ пока бы онъ по крайней мѣрѣ дважды не поцѣловалъ мою руку, да и то еслибы и сама была причиною, что онъ не поцѣловалъ меня въ губы.

Молодая дѣвушка по прежнему не отвѣчала.

— Но какъ тебѣ пришло въ голову любить его? спросила кормилица. Ты не могла его видѣть много разъ: только четыре или пять недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся въ Римъ.

— Ахъ, какъ ты несносна! отвѣчала Ирена, сколько разъ я тебя повторяла, что я любила его еще шесть лѣтъ тому назадъ!

— Когда тебѣ пошелъ только десятый годъ и кукла была бы для тебя самымъ приличнымъ любовникомъ! право, синьора, ты хорошо воспользовалась своимъ временемъ.

— А въ его отсутствіе, продолжала дѣвушка нѣжно и грустно, развѣ я не слышала разсказовъ о немъ, и развѣ не былъ для меня даже звукъ его голоса подобенъ подарку любви, заставляя меня вспоминать о немъ? Развѣ я не радовалась, когда его хвалили, не сердилась, когда его оуждали? Развѣ я не плакала отъ гордости, когда говорили, что онъ былъ побѣдителемъ на турнирѣ, и отъ горя, когда шептали, что его преданность была пріятна какой нибудь жевщицѣ? Развѣ шесть лѣтъ его отсутствія не были сномъ, а его возвращеніе пробужденіемъ? я вижу его въ церкви, когда онъ и не подозреваетъ моего присутствія; онъ на конѣ проѣзжаетъ мимо моего окна: развѣ этого счастья недовольно для любви?

— Но если онъ не любитъ тебя?

— Сумасшедшая! я объ этомъ не спрашиваю; нѣтъ, я даже не знаю желаю ли я этого. Мнѣ лучше мечтать о немъ, представляя

его такимъ, какимъ мнѣ хотѣлось бы его видѣть, нежели знать каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Онъ можетъ оказаться не добрымъ или не великодушнымъ или мало любить меня, но, по мнѣ, лучше не быть любимой вовсе, нежели быть предметомъ холодной его любви и изнѣживать, сравнивая его сердце съ моимъ. Я могу любить его какъ что-то отвлеченное, невещественное и божественное: но каковъ будетъ мой стыдъ, каково горе, если я найду его хуже, чѣмъ воображала! Вотъ тогда бы моя жизнь погибла и красота на землѣ для меня исчезла!

Добрая кормилица не слишкомъ-то была способна симпатизировать подобнымъ чувствамъ. Еслибы даже ихъ характеры были болѣе сходны, то и тогда неравенство лѣтъ сдѣлало бы эту симпатію невозможною. Кто, кромѣ юноши, можетъ служить отголоскомъ души другаго юноши—всей музыки ея безумныхъ порывовъ и романтическихъ грезъ? Но не сочувствуя своей молодой госпожѣ въ томъ, добрая кормилица сочувствовала той пылкости, съ какою нѣ были высказаны. Она считала это безразсуднымъ, но удивительно трогательнымъ. Она отерла выступившія слезы кончикомъ своего покрывала и въ глубинѣ сердца надѣялась, что ея молодая питомица скоро найдетъ себѣ дѣйствительнаго, а не воображаемаго мужа, который вытѣснитъ изъ ея головы эти невещественныя фаназіи. Затѣмъ въ ихъ разговорѣ послѣдовала нѣкоторая пауза, какъ другъ на самомъ перекресткѣ двухъ улицъ послышался громкій шорохъ нѣсколькихъ голосовъ и шаги людей. Пламя поднятыхъ фаволовъ спорило съ блѣднымъ свѣтомъ луны, и въ очень близкомъ разстояніи отъ двухъ женщинъ шла компанія изъ семи или восьми словѣкъ, неся страшное знамя Орсини.

Въ числѣ другихъ безпорядковъ того времени существовало у молодыхъ и распутныхъ неболей обыкновеніе, небольшими, вооруженными компаніями, расхаживать ночью по улицамъ, ища случая для уйнаго волокитства, или для драки съ какими нибудь запоздавшими прохожими противной имъ партіи. Подобную шайку встрѣтили теперь Ирена и ея спутница.

— Матерь Вожія! вскричала Бенедетта, поблѣднѣвъ и чуть не бѣжа. Что за бѣдствіе на насъ обрушилось! какъ могли мы засидѣть до такой поздней поры у синьоры Нины? Вбѣгите, синьора, бѣгите, или мы попадемся имъ въ руки!

Но совѣтъ Бенедетты опоздалъ, волнуемая одежда женщинъ была уже замѣчена; въ одну минуту ихъ окружили негодяи. Грубая рука сорвала покрывало Бенедетты и при видѣ ея лица, черты котораго хотя и не были пощажены временемъ, но все таки не имѣла ничего особенно безобразнаго, дерзкій буянъ толкнулъ бѣдную кормилицу къ стѣнѣ съ проклятіемъ, на которое товарищи его отвѣтили громкимъ смѣхомъ.

— Ты чертовски счастливъ на лица, Джузеппе!

— Да, не далѣе какъ вчера онъ подцѣпилъ дѣвушку шестидесяти лѣтъ.

— И для улучшенія ея красоты перерѣзали ей лицо кинжаломъ потому что ей было не шестнадцать!

— Тише, ребята! кто это? сказали начальники компаніи, богато одѣтый человекъ, который, не смотря на то, что приближался уже къ среднимъ лѣтамъ, еще тѣмъ болѣе продавался извѣстности юности, и онъ вырвалъ трепещущую Ирену изъ рукъ своихъ товарищей. Эй! факелы сюда! Oh, che bella faccia (какая красавица)! какъ она краснѣетъ—какіе глаза! нѣтъ, не смотри внизъ, моя милочка; тебѣ нѣтъ надобности стыдиться того, что ты возбуждала любовь въ одномъ изъ Орсини—да. Узнай какой великій подвигъ ты сдѣлала. Мартини-ди-Порто проситъ твоей улыбки!

— Пустите меня, ради Бога! нѣтъ, синьоръ, этого не можетъ быть, у меня есть друзья, это оскорбленіе вамъ не пройдетъ даромъ!

— Слышите какимъ серебристымъ голоскомъ она ворчитъ! Это приключеніе стоитъ того, чтобы его искать въ теченіи цѣлаго мѣсяца. Какъ! вы противитесь? огрызаетесь, кричите? Франческо. Петро! Закутайте ее въ покрывало, заглушите эту музыку; вотъ такъ! несите ее передо мной въ палатку, а завтра, моя миланка, ты вернешься домой съ корзинкою флориновъ и можете сказать, что купила ее на рынкѣ!

Но крики и противодействие Ирены уже привлекли къ ней помощь Адріана. Когда онъ приблизился къ мѣсту, кормилица упала предъ нимъ на колѣни.

— Ахъ, добрый синьоръ, ради Христа спасите насъ! освободите мою молодую госпожу—ея друзья такъ насъ любятъ! Мы все за Колонновъ, да, право все за Колонну! спасите родственнику вашихъ кліентовъ, добрый синьоръ!

— Довольно того, что она женщина, отвѣчалъ Адріанъ, и что на нее напалъ одинъ изъ Орсини, прибавилъ онъ сквозь зубы. Онъ гордо вошелъ въ самую среднюю группу; слуги схватились за мечи, но, узнавъ его, дали ему дорогу. Подойдя къ двумъ людямъ, которые уже схватили Ирену, Адріанъ въ одинъ моментъ повалилъ переняго изъ нихъ на землю; потомъ обнявъ лѣвою рукою легкій, тонкій станъ дѣвушки и ставъ противъ Орсини съ обнаженнымъ мечемъ, впрочемъ опутивъ его внизъ.

— Стыдитесь, монсиньоръ, стыдитесь! сказалъ онъ съ негодованіемъ. Или вы хотите принудить весь Римъ къ возстанію противъ нашего сословія? Не раздражайте льва, хотя онъ закованъ въ цѣпи; воюйте съ нами, если вамъ угодно. Обнажайте свои мечи противъ мужчинъ, хотя они принадлежатъ къ вашему племени и говорятъ вашимъ языкомъ; но если вы хотите спокойно спать ночью, не боясь нападенія мстителей, и безопасно ходить на площади, то не оскорбляйте римской женщины! Да, эти самыя стѣны напоминаютъ вамъ о наказаніи за такое дѣло. За эту обиду пали Тарквиніи, за эту обиду пали децемвиры, за эту обиду, если вы ее сдѣлаете, потечетъ, какъ вода, кровь всего вашего дома. Такъ оставьте же, монсиньоръ, ваше безумное покушеніе, недостойное нашего ве-

какого имени. Оставьте и благодарите Колонну за то, что онъ сталъ между вами и минутнымъ вашимъ безуміемъ!

Видъ и жесты Адріана были такъ благородны и величавы, что даже грубые слуги почувствовали дрожь одобренія и раскаянія, только не Мартинъ и Порто. Онъ былъ пораженъ красотой своей плъбицы, такъ внезапно у него отнятой; онъ привыкъ дѣлать оскорбленія, привыкъ къ продолжительной безнаказанности. Уже одинъ взглядъ, одинъ голосъ Колонны были противны его зрѣнію и слуху: какъ же могъ онъ вынести, что этотъ Колонна мѣнялъ его разврату и порокамъ?

— Педантъ! вскричалъ онъ и губы его задрожали, не болтай мнѣ своихъ пустыхъ легендахъ и басняхъ. Не думай вырвать у меня мою добычу, когда твоя собственная жизнь въ моихъ рукахъ. Оставь глущу! брось свой мечъ! вернись домой безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, или, клянусь честью и мечами моихъ слугъ (посмотри на нихъ хорошенько!) ты умрешь!

— Синьоръ, сказалъ Адріанъ спокойно, однакожѣ отступая мало по малу съ своею прекрасною ношею къ ближайшей стѣнѣ, чтобы по крайней мѣрѣ быть защищенъ съ тылу, ты не употребишь превосходства силъ своихъ во зло и не захочешь повредить своей чести, возбудивъ молву, что съ восемью вооруженными людьми ты навѣлъ на одного человѣка, котораго при томъ не совѣмъ свободны руки. Но если ты рѣшился на такой поступокъ, то вспомни, что мнѣ стоитъ крикнуть и превосходство силъ будетъ противъ тебя. Ты теперь въ кварталѣ моего племени; ты окруженъ жилищами Колонновъ; вонъ тотъ дворецъ наполненъ людьми, которые спятъ не раздѣваясь, мой голосъ сейчасъ можетъ дойти до нихъ, но онъ не въ состояніи будетъ спасти тебя, если они не попробуютъ крови!

— Онъ говоритъ правду, благородный синьоръ, сказалъ одинъ изъ толпы; мы зашли слишкомъ далеко; мы теперь въ самой ихъ берлогѣ, дворецъ стараго Стефана Колонны такъ близко, что крикъ можетъ дойти до него; и сколько я знаю, прибавилъ онъ шопотомъ, и восемнадцать новыхъ солдатъ вошли сегодня въ его ворота.

— Хоть бы восемьсотъ враговъ были противъ меня, сказалъ Мартинъ съ бѣшенствомъ, я не допущу, чтобы меня такъ провели, среди моей собственной свиты. Прочь ту женщину! къ нападенію, къ нападенію!

Съ этими словами онъ сдѣлалъ отчаянный прыжокъ къ Адріану, который, внимательно слѣдя за всѣми движеніями непріятеля, былъ приготовленъ къ атакѣ. Отразивъ ударъ Мартина, онъ вскричалъ громкимъ голосомъ: Колонна! на выручку! Колонна!

Не безъ цѣли находившій и умѣвшій владѣть собою Адріанъ старался до сихъ поръ продлить переговоры. Въ ту самую минуту, какъ онъ въ первый разъ обратился къ Ориену съ рѣчью, онъ при лунномъ свѣтѣ увидалъ блескъ латъ сіявшихъ на груди двухъ человѣкъ, приближавшихся отъ дальняго конца улицы, и принявъ въ расчетъ мѣстность, рѣшилъ, что это наемные солдаты Колонны.

Осторожно онъ опустилъ Ирену, на землю, потому что она липи-

лась чувствъ и, ставъ надъ нею спиною къ стѣнѣ, отражалъ безпрестанно направляемые противъ него удары. не стараясь отплатить за нихъ. Какъ ни были привычны римляне къ постоянной безпорядочной войнѣ, но не многіе изъ нихъ въ то время хорошо и ловко владѣли оружіемъ,—знанію, пріобрѣтенное Адріаномъ въ школахъ воинственнаго сѣвера, помогло ему теперь, не смотря на превосходство силъ непріятеля. Впрочемъ снита Орсини не раздѣляла бѣшенства своего вождя. Частію боясь для себя послѣдствій въ случаѣ, если кровь этого высокорожденнаго снителя будетъ пролита ими, частію тревожась опасеніемъ внезапнаго нападенія со стороны наемниковъ, которые были такъ близко, эти люди наносили удары безъ цѣли и какъ понало, оглядываясь каждую минуту назадъ и по сторонамъ, готовые скорѣе къ бѣгству, нежели къ убійству. Съ крикомъ Колонна, бѣдная Бенедетта убѣжала при первомъ стукѣ мечей. Она бѣжала по мрачной улицѣ, и не останавливаясь миновала даже порталы Стефанова дворца (гдѣ еще бродило нѣсколько угрюмыхъ фигуръ): такъ велики были ея смущеніе и ужась.

Между тѣмъ два вооруженные человека, которыхъ замѣтилъ Адрианъ, неторопясь шли по улицѣ. Одинъ имѣлъ видъ грубый и простой; его оружіе и тѣлосложеніе показывали его ремесло и націю къ которой онъ принадлежалъ, а по большому уваженію, съ которымъ онъ обращался къ своему товарищу, можно было заключить навѣрное, что этотъ товарищъ не былъ итальянскимъ уроженцемъ. Разбойники сѣвера, въ то самое время какъ они служили порокомъ итальянцевъ, почти не принимали на себя труда скрывать свое презрѣніе къ ихъ трусости.

Товарищъ бандита имѣлъ воинственный и вмѣстѣ неприступный видъ. Вмѣстѣ плаща на головѣ у него была шапочка изъ малиноваго бархата, съ бѣлымъ перомъ; на красномъ суконномъ плащѣ его были вышиты два широкіе бѣлые креста, одинъ на груди другой на спинѣ; а полировка его латъ была такъ блестяща, что когда, по временамъ, плащъ его распахивался и открывалъ ихъ, то они сіяли такъ же, какъ игравшіе на нихъ лучи мѣсяца.

— Нѣтъ, Родольфъ, сказалъ онъ, если тебѣ хорошо здѣсь у этого сѣдаго затѣйника, то я не стану заманивать тебя назадъ въ нашу веселую шайку, Боже меня избави! Но скажи мнѣ—этотъ Ривизи, какъ ты думаешь: имѣетъ онъ прочную и страшную власть?

— Фи! благородный вождь, ничего подобнаго. Онъ нравится черни, а благородные смѣются надъ нимъ; что же касается солдатъ, то у него нѣтъ денегъ!

— Такъ онъ нравится черни!

— Да, нравится; и когда онъ громко говоритъ къ ней, то все въ Римѣ стихаетъ.

— Гмъ! при ненависти къ нобилитъ, чернь, нанявъ солдатъ, въ одинъ часъ можетъ сдѣлаться господиномъ. Честенъ народъ—саба чернь, испорченъ народъ—спльна чернь, проговорилъ другой болѣе про себя, нежели обращаясь къ товарищу и, можетъ быть, еще

ознавая вѣчную истину своего афоризма. Я подозреваю, что онъ не ростою бунтъ, этотъ Рензи, я долженъ на это взглянуть. Чу! что то за шумъ? клянусь гробомъ Господинымъ, это звукъ нашего меча!

— И крикъ Колонна! вскричалъ Родольфъ. Извините меня—я долженъ бѣжать на помощь!

— Да, это твоя обязанность, бѣги; впрочемъ постой я пойду съ тобой gratis, просто изъ страсти къ дракамъ. Клянусь, никакая музыка не можетъ сравниться со звономъ стали.

Адрианъ продолжалъ еще храбро защищаться и не былъ раненъ, отя его рука стала ослабѣвать, дыханіе почти истощилось и глаза ачали мигать и ворочаться, утомленные свѣтомъ колеблющихся факеловъ. Самъ Орсини, измученный бѣшенствомъ, на минуту оставился, тяжело дыша и измѣряя противника свирѣпыми взглядами, какъ вдругъ его слуги закричали: Бѣгите, бѣгите! бандиты идутъ, вы окружены! и двое изъ нихъ, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, али тягу. Другіе пятеро остались въ нерѣшимости и ожидали только приказанія своего господина, когда воинъ съ бѣлымъ перомъ вросился въ средину схватки.

— Какъ господа, сказали онъ, вы уже кончили? Нѣтъ, не станемъ устраивать забаву; прошу васъ, начинайте опять. Какъ велико неравенство? Эге! шестеро противъ одного! Неудивительно, что вы играли болѣе честной игры. Мы двое пристаемъ къ слабѣйшей сторонѣ. Ну, теперь начнемте.

— Наглець! вскричалъ Орсини. Знаешь ли, съ кѣмъ ты говоришь такъ надменно? я Мартино ди Порто. А ты кто?

— Вальтеръ де Монреаль, провасальскіи дворянинъ и рыцарь св. Іоанна, отвѣчалъ тотъ небрежно.

— При этомъ грозномъ имени — имени одного изъ самыхъ смѣлыхъ воиновъ и первостепенныхъ разбойниковъ своего времени, щекки Мартина поблѣднѣли, а его приверженцы испустили крикъ ужаса.

— А этотъ мой товарищъ, продолжалъ кавалеръ, вамъ, римскимъ патриціямъ, вѣроятно, извѣстенъ больше, нежели я: вы, безъ сомнѣнія, узнаете въ немъ Родольфа изъ Саксоніи, человека храбраго и вѣрнаго тамъ, гдѣ его прилично награждаютъ за его услуги.

— Синьоръ, сказалъ Адрианъ своему врагу, который, изумленный и ошѣтвишій, безсмысленно смотрѣлъ на двухъ новоприбывшихъ людей, вы теперь въ моей власти. Смотрите, и наши люди идутъ.

И въ самомъ дѣлѣ со стороны дворца Стефана Колонны показались факелы и вооруженные люди, которые быстро приближались къ мѣсту.

— Ступай домой съ миромъ, и если завтра или въ другой какойнибудь день наиболѣе удобный для тебя, ты захочешь встрѣтиться со мной одинъ на одинъ, конье съ коньемъ по обычаю имперскихъ рыцарей, или съ нѣсколькими людьми противъ нѣсколькихъ по обыкновенію римлянъ, я не откажусь—вотъ моя перчатка.

— Благородно сказано, замѣтилъ Монреаль; и если вы избираете

последнее, то, съ позволенія вашего, я буду однимъ изъ участниковъ.

Мартинъ не отвѣчалъ; онъ поднялъ перчатку, засунулъ ее за пазуху и поспѣшилъ прочь. Только пройдя нѣсколько шаговъ по улицѣ, онъ обернулся назадъ и, махая на Адріана сжатымъ кулакомъ, вскричалъ голосомъ дрожащимъ отъ безсильной злобы: вѣрныя смерти!

Эти слова были однимъ изъ девизовъ Орсини; и каково бы было ихъ первоначальное значеніе, они давно уже перешли въ употребительную поговорку для обозначенія ненависти этой фамили къ Колоннамъ.

Адріанъ, старавшійся теперь поднять Ирену, которая еще не очнулась, и привести ее въ чувство, предоставилъ Монреалу отвѣчать за слова Мартина.

— Я не сомнѣваюсь, сеньоръ, сказалъ этотъ послѣдній холодно, что ты будешь вѣренъ смерти, потому что смерть есть единственное обязательство, котораго не могутъ нарушить или избѣжать люди, какъ бы хитры они ни были.

— Извини меня, благородный рыцарь, сказалъ Адріанъ, поднимая глаза отъ Ирены, если я еще не успѣлъ предаться вполне чувству признательности. Я довольно свѣдущъ въ законахъ рыцарства. Надеюсь, ты согласишься, въ томъ, что первая моя обязанность вотъ здѣсь.

— А! такъ дама была причиною ссоры! Мнѣ нѣтъ надобности спрашивать кто былъ правъ, если человекъ нападаетъ на своего соперника съ такимъ превосходствомъ силъ, какъ этотъ подлецъ.

— Ты нѣсколько ошибаешься, господинъ рыцарь, это ягвенокъ, котораго я отнялъ у волка.

— Для своего собственнаго стола! пусть будетъ такъ! весело разразилъ кавалеръ.

Адріанъ съ важностью улыбнулся и отрицательно покачалъ головой. Его положеніе было нѣсколько затруднительно. Обыкновенно вѣжливый къ дамамъ, онъ не хотѣлъ однако же подвергать критикѣ толкамъ безкорыстіе своего послѣдняго поступка и подрывать, во вредъ своимъ стараніямъ о приобрѣтеніи популярности, довѣріе гражданъ къ своему благородству, взявъ въ свой домъ Ирену, красоты которой притомъ онъ до сихъ поръ почти не замѣтилъ. Но въ настоящемъ ея положеніи ничего другаго не можно было придумать. Она не обнаруживала никакого признака жизни. Онъ не зналъ ни дома ея, ни родства; Бенедетта исчезла. Онъ не могъ оставить ее на улицѣ; не могъ рѣшиться вѣрить ее поведенію другихъ; и теперь, когда она лежала на его груди, чувствовалъ, что она уже сдѣлалась дорога ему, въ силу покровительства, которое такъ лѣститъ человѣческому сердцу. Поэтому онъ вратъ объяснилъ собравшимся вокругъ него людямъ свое настоящее положеніе, и причину происшедшей драки, и приказалъ факельщикамъ идти впередъ для освѣщенія дороги его къ дому.

— Надеюсь, кавалеръ, сказалъ онъ, обращаясь къ Монреалу, вы

останте быть моимъ гостемъ, если не имѣете уже болѣе пріятнаго приглашенія?

— Благодарю васъ, сеньоръ, отвѣчалъ Монреаль лукаво, быть жетъ и у меня есть свои дѣла. Прощайте! я приду къ вамъ при первомъ удобномъ случаѣ. Покойной ночи, пріятныхъ сновъ.

Roberts Bertrams qui estoit tors

Mais a ceval estoit mult fors

Cil avoit a lui grans effors

Multi ot' homes per lui moro!

И напѣвая сквозь зубы эту грубую пѣсню изъ старей легенды южан de Rou, провансалецъ ушелъ, въ сопровожденіи Романа.

При обширномъ пространствѣ Рима и негустомъ его населеніи югія улицы его были совершенно пусты. Такимъ образомъ знатншіе нобили имѣли возможность владѣть большими рядами строей, и укрѣпляли ихъ частію другъ противъ друга, частію противъ рода. Вокругъ нихъ жили многочисленные ихъ родственники и іенты, образуя, такъ сказать, сами по себѣ небольшія подворья города.

Домъ Адріана находился почти напротивъ главнаго дворца Колоннъ, занимаемаго могущественнымъ родственникомъ его Стефаномъ. Железо растворились массивныя ворота предъ молодымъ человекомъ. Широкой лѣстницѣ онъ понесъ дѣвушку въ комнату, которая, согласно вкусу Адріана, была убрана по модѣ еще не распространенной въ тѣ времена. Кругомъ были разставлены древніе бюсты статуй, разрисованные ломбардскіе обои украшали стѣны и порывали массивныя скамьи.

— Эй! свѣтъ и вина! вскричалъ сенешаль.

— Оставьте насъ однихъ, сказалъ Адріанъ, бросая страстный зорь на блѣдныя щеки Ирены; при яркомъ свѣтѣ луны онъ разсмотрѣлъ теперь вполнѣ ея красоту, и сладкая, пламенная надежда проскользнула въ его сердце.

V.

Заговорщикъ и заря заговора.

Одинъ, у стола покрытаго разными бумагами, сидѣлъ человекъ въ двѣтъ лѣтъ. Комната была низка и длинна; вдоль стѣнъ было разставлено множество древнихъ попорченныхъ барельефовъ и торсовъ, перемѣшанныхъ по мѣстамъ съ короткими мечами и касками, заржавѣвшими памятниками доблестей древняго Рима. Надъ самымъ столомъ, у котораго онъ сидѣлъ, лунный свѣтъ врывался сквозь высокое и узкое окно, глубоко вдавшееся въ массивную стѣну. Направо отъ этого окна, въ нишѣ, закрывавшейся задвижною дверью, находилось около тридцати или сорока манускриптовъ, количество, считавшееся тогда довольно значительною библиотекою. Это были болѣею частію тщательныя копія, сдѣланныя рукою владѣльца съ

безсмертных оригиналовъ. Дверь ниши была нѣсколько отодвинута, но ея прочность и желѣзный листъ, которымъ она была обита, показывали какъ дорого цѣнилъ владѣлецъ хранившееся за нею сокровище.

Склонившись щекою на руку, слегка нахмуривъ брови и сжавъ губы, онъ предавался размышленіямъ, далеко не похожимъ на споконныя грезы ученаго. Тихій, лунный свѣтъ, падавшій сверху на его лицо, придавалъ еще болѣе торжественнаго достоинства его чертамъ, отъ природы важнымъ и естественнымъ. Густые волосы, которыхъ каштановый цвѣтъ, рѣдкій между римлянами, былъ приписываемъ тевтонскому его происхожденію, вились кружными кудрями его высокому и открытому лбу; но его черты имѣли не греческую форму, тѣмъ менѣе тевтонскую. Крѣпкая челюсть, орлиный носъ, несколько впалыя щеки, поразительнымъ образомъ напоминали характеръ суровой римской расы и могли бы послужить живописцу отличнымъ моделью для изображенія младшаго Брута.

Рѣзкій контуръ лица и короткая крѣпкая верхняя губа не были прикрыты бородой и усами, бывшими тогда въ модѣ. На полильномъ портретѣ его, сохранившемся въ Римѣ, можно открыть нѣкое сходство съ обыкновенными изображеніями Наполеона не собственно въ чертахъ, которые на портретѣ римлянина суровѣе и рѣзче, но въ особенномъ выраженіи сосредоточенной и спокойной власти, которое такъ вѣрно воплощаетъ идеалъ умственнаго величія. Онъ былъ еще молодъ, но свойственныя молодости преимуществъ,—свѣжесть и краска лица, округленныя щеки, не изборожденныя заботою, открытые, неопавшіе глаза и нѣжная тонкость стана не отличали наружность уединеннаго труженика. Хотя современники считали его чрезвычайно красивымъ, но это сужденіе основывалось не на обыкновенныхъ понятіяхъ о наружности, а на томъ, что, кромѣ высокаго роста, цѣнившагося тогда болѣе чѣмъ теперь, онъ обладалъ тою, болѣе благородною и рѣдкою въ тѣ грубыя времена красотою, которую образованный умъ и энергическій характеръ придаютъ даже чертамъ непривлекательнымъ.

Ріензи (это былъ онъ) пріобрѣталъ все болѣе твердости и энергіи съ каждой ступенью къ власти. Въ его происхожденіи было одно обстоятельство, которое, вѣроятно, имѣло сильное и раннее вліяніе на его честолюбіе. Не смотря на бѣдность и на низкое званіе его родителей, отецъ его былъ побочный сынъ императора Генриха VII; * и вѣроятно изъ гордости родители Ріензи дали ему во-

* Де Садъ думаетъ, что мать Ріензи была дочерью одного изъ незаконныхъ сыновей Генриха VII и подкрѣпляетъ это мнѣніе свидѣтельствомъ рукописи, хранящейся въ Ватиканѣ. Но по свидѣтельству современнаго графа Фовъ Ріензи, обращаясь къ Карлу, богемскому королю, ссылается на свое родство съ нимъ по отцу: «*Divostro legnaggio sono figlio di bastardo d' Enrico imperatore*», etc. Позднѣйшій писатель, Padre Gabrini, въ подтвержденіе происхожденія Ріензи, ссылается на одну надпись. «*Nicolaus Tribunus... Laurentii Tomici Filius*», etc. Ac.

питаніе, выходившее изъ обыкновенной сферы. Гордость эта пошла къ нему; происхожденіе его отъ царской крови, которое звучало въ его ухахъ и питало его мысли отъ колыбелъ, заставляло его, съ самой ранней юности, считать себя равнымъ римскимъ циньорамъ и почти безсознательно стремиться къ превосходству надъ ними. Но по мѣрѣ того, какъ римская литература раскрывалась предъ его жаднымъ взоромъ и честолюбивымъ сердцемъ, онъ пропитывался гордостью національною, которая выше, чѣмъ гордость породы, и за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда его подстрелили намеки на его происхожденіе, онъ искренно цѣнилъ въ себѣ болѣе римскаго плебей, нежели потомка тевтонскаго короля. Смерть рата и превратности въ собственной судьбѣ укрѣпили серьезные величавыя качества его характера; и наконецъ всѣ способности его необыкновеннаго ума сосредоточивались на одномъ предметѣ, который, отъ его мистически религіознаго и патріотическаго духа принималъ характеръ чего-то священнаго и сдѣлался для него въ одно и тоже время и долгомъ и страстью.

— Да, сказалъ Ріензи, очнувшись вдругъ отъ своей задумчивости, да, близокъ день, когда Римъ снова возникнетъ изъ пепла. Гнетеніе будетъ низвергнуто правосудіемъ; люди безопасно будутъ ходить на своемъ древнемъ форумѣ. Мы вызовемъ неукротимый ухъ Катона изъ его забытой могилы! Въ Римѣ опять будетъ *народъ*! А я буду орудіемъ этого торжества, восстановителемъ своего племени; мой голосъ первый подыметъ воинственный кликъ свободы, моя рука прежде всѣхъ воздвигнетъ знамя. Да, съ высоты моей упи, я вижу уже возникающую свободу и величіе новаго Рима, и на краеугольномъ камнѣ этого огромнаго зданія потомство прочтетъ мое имя.

При этихъ словахъ вся личность говорящаго, казалось, прониклась его честолюбіемъ. Онъ ходилъ по мрачной комнатѣ легкими, быстрыми шагами, какъ будто по воздуху; грудь его высоко подымалась, глаза сверкали. Онъ чувствовалъ, что даже любовь едва ли можетъ произвести восторгъ, равный тому, который, въ своемъ собственномъ энтузіазмѣ, ощущаетъ патріотъ, сознающій *искренность* своихъ чувствъ.

Послышался легкій стукъ въ дверь и явился слуга въ богатой амуреѣ папскихъ служителей. *

— Синьоръ, сказалъ онъ, Монсиньоръ епископъ Орвіетскій!

— А! очень радъ. Свѣтъ сюда! монсиньоръ, это честь, которую я могу больше цѣнить, нежели выразить.

— Полно, полно, добрый другъ мой, возразилъ епископъ, входя и непринужденно садясь, всякія церемоніи съ служителями церкви излишни; и никогда, я думаю, она не нуждалась въ друзьяхъ больше, чѣмъ теперь. Эти нечестивыя смуты, эти буйныя распри въ самыхъ святилищахъ и городѣ св. Петра достаточны для того, чтобы служить соблазномъ для всего христіанскаго міра.

* Не въ теперешнемъ безобразномъ одѣяніи, которое, говорятъ, изобрѣлъ Микель-Анджело.

— И это, сказалъ Ріензи, будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока его святѣйшество благосклонно не согласится утвердить свою резиденцію въ мѣстопребываніи его предшественниковъ, и сильною рукою не обуздаетъ буйства нобилей.

— Увы! отвѣчалъ епископъ, и ты знаешь, что эти слова пустой звукъ. Еслибы папа и исполнилъ твои желанія и пріѣхалъ въ Авиньона въ Римъ, то, клянусь кровью св. Петра! онъ бы не обуздаль нобилей, а нобили обуздали бы его. Тебѣ хорошо извѣстно, что пока его предшественникъ, блаженной памяти, не принялъ благоразумнаго намѣренія удалиться въ Авиньонъ, этотъ отецъ христіанскаго мира, подобно многимъ другимъ отцамъ въ старости, былъ подъ управленіемъ и надзоромъ своихъ мятежныхъ дѣтей. Развѣ ты не помнишь, какъ самъ благородный Бонифацій, челоуѣкъ съ великой душой и желѣзными нервами, былъ въ рабствѣ у предковъ Орсини? Онъ не входилъ и не выходилъ безъ ихъ воли и, подобно орлу въ клѣткѣ, разбился о стѣну своей тюрьмы и умеръ. Ты говоришь о воспоминаніяхъ прежнихъ временъ Рима, но для папы эти воспоминанія не совсѣмъ-то привлекательны.

— Пусть такъ, сказалъ Ріензи съ тихимъ смѣхомъ, и подвиги свой стулъ ближе къ епископу, это конечно самый лучшій доводъ монсиньора, и я долженъ признаться, что, какъ ни было дворянство въ тѣ времена упрямо, своевольно и нечестиво, оно теперь еще хуже.

— Даже я самъ, прибавилъ Раймойндъ краснѣя, я, намѣстникъ папы и представитель его духовной власти, не далѣе какъ три дня тому назадъ, подвергся грубому оскорбленію со стороны того снѣмаго Стефана Колонны, который всегда получалъ только благосклонность и ласки отъ святаго престола. Его слуги затолкали меня среди улицы и я самъ, делегатъ властителя царей, былъ принужденъ отступить къ стѣнѣ и ждать, пока этотъ сѣдой наглецъ пройдетъ мимо. Для довершенія обиды не было недостатка и въ богохульныхъ словахъ. Извини, монсиньоръ епископъ, сказалъ онъ, проходя около меня, но ты знаешь, что эти люди необходимо должны имѣть первое мѣсто предъ другими.

— Его дерзость простиралась до этого! сказалъ Ріензи, прикрывая свое лицо рукою, и на его губахъ показалась особаго рода улыбка, едва ли веселая сама въ себѣ, хотя она развеселяла другихъ, но она совершенно измѣнила выраженіе его лица, отъ природно важное даже до суровости. Въ такомъ случаѣ для тебя также какъ и для насъ настало время къ....

— Къ чему? прервалъ епископъ съ живостью.

— Развѣ мы можемъ что нибудь сдѣлать? Оставь свои восторженные грёзы, сойди на землю, посмотри разсудительно вокругъ. Что можемъ мы сдѣлать противъ этихъ сильныхъ людей?

— Монсиньоръ, отвѣчалъ Ріензи, съ важностью. Несчастіе людей вашего сана состоитъ въ томъ, что они никогда не знаютъ ни изъ рода, ни духа времени. Какъ тѣ, которые, стоя на вершинѣ горы, видятъ внизу облака, скрывающія отъ ихъ глазъ ущелья и долины.

между тѣмъ какъ другіе, стоящіе нѣсколько выше обыкновеннаго уровня обнимаютъ взоромъ движенія и домы людей, — такъ точно и вы, съ вашей гордой вершины, видите только смѣшанные и темныя пары, между тѣмъ какъ я, съ моего болѣе скромнаго мѣста, вижу приготовленія пастуховъ къ укрытію себя самихъ и своихъ стадъ отъ бури, которую предвѣщаютъ эти облака. Не отчаивайтесь, монсиньоръ; терпѣніе простирается только до извѣстнаго предѣла, предѣлъ этотъ уже достигнутъ, Римъ ждетъ только случая (и онъ придетъ скоро, хотя не внезапно) возстать вдругъ противъ угнетателей.

Великая тайна краснорѣчія состоитъ въ искренности, — у Ріензи она заключалась въ силѣ его энтузіазма. Можетъ быть, подобно большей части людей, предпринимающихъ великія дѣла, онъ самъ никогда не зналъ вполне о препятствіяхъ, лежавшихъ на его дорогѣ. Онъ видѣлъ цѣль, ясную и свѣтлую, и въ мечтахъ своей души перепрыгивалъ преграды и пространство своего пути, и такимъ образомъ глубокое убѣжденіе его ума неотразимо отпечатлѣвалось на другихъ. Онъ, казалось, не столько общался, сколько пророчествовалъ.

На епископа орвіетскаго, который не отличался необыкновеннымъ умомъ, но обладалъ холоднымъ темпераментомъ и большою житейскою опытностью, энергія его товарища сдѣлала впечатлѣніе, можетъ быть тѣмъ болѣе сильное, что его собственные страсти и гордость были возмущены противъ высокомерія и своевольтва нобилей. Произошла нѣкоторая пауза прежде, чѣмъ онъ отвѣтилъ Ріензи.

— Но, спросилъ онъ наконецъ, только плебеи хотятъ возстать? Ты знаешь, какъ они измѣнчивы и ненадежны.

— Монсиньоръ, отвѣчалъ Ріензи, суди по одному факту, какъ много у меня друзей не простаго званія. Ты знаешь, какъ громко я говорю противъ нобилей; — я называю ихъ по именамъ. Я издѣляюсь надъ Савелли, Орсини, Колоннами, у самыхъ ушей ихъ. Неужели ты думаешь, что они прощаютъ мнѣ? неужели ты думаешь, что они не схватили бы меня открытою силой, еслибы моими защитниками и покровителями были одни плебеи, — что мнѣ не заткнули бы рта уже давно, засадивъ меня въ тюрьму или закопавъ въ могилу? Наблюдай, продолжалъ онъ, замѣтивъ по лицу викарія, что эти слова произвели на него впечатлѣніе, — наблюдай и ты увидишь, что во всемъ мірѣ начался великій переворотъ. Варварская тьма вѣковъ прояснилась; знаніе, которое вѣкинувшія времена дѣлало людей, такъ сказать, полубогами, вызвано изъ своей урны. Власть, которая тонышю грубой силы и могущественнѣе вооруженныхъ людей, принялась за свою работу; мы опять начали поклоняться владычеству разума. Эта власть, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, увѣнчала Петрарку въ Капитолѣ, не выдавшемъ триумфа въ теченіи двѣнадцати вѣковъ. Она человека, темнаго происхожденія и неизвѣстнаго военными подвигами, осыпала почестями, служившими, въ древнія времена, наградою императорамъ и побѣдителямъ царей и сое-

длинна въ одномъ дѣлѣ поклоненія генію даже соперничающіе дома Колонновъ и Орсини. Она заставила самыхъ гордыхъ патриціевъ непрерывно добиваться чести нести плейфъ и прикасаться къ пурпурной мантии сына флорентинскаго плебея. Она до сихъ поръ привлекаетъ глаза Европы къ бѣдной Воклюзской жизни. Она даетъ скромному труженнику всѣмъ признанное право увѣщевать тирановъ и приближаться съ гордыми мольбами даже къ папѣ. Она, безмолвно трудясь по всей Италіи, рошцетъ подъ твердыми основами венеціанской олигархіи *. Она за Альпами видимо и внезапно пробудила жизнь въ Испаніи, Германіи и Фландріи и даже на варварскомъ островѣ, завоеванномъ норманами, въ рукахъ доблестнѣйшаго изъ живущихъ королей **, пробудила духъ, который не въ силахъ уничтожить завоеватели. И эта власть живетъ повсюду, иметъ ея говоритъ человекъ, который теперь предъ вами; убѣждая въ истинѣ ея дѣла всѣхъ, на кого упалъ хоть одинъ лучъ свѣта. всѣхъ, въ комъ только могутъ быть возжены великодушныя стремленія! Знай, господинъ викарій, что, за исключеніемъ самихъ угнетателей, въ Римѣ нѣтъ человека, котораго сердце и мечъ не на моей сторонѣ. если только онъ знаетъ хоть одно слово нашего древняго языка. Мирные ученые, гордые второстепенные нобили—это возникающее поколѣніе, болѣе благоразумное, чѣмъ ихъ празднотлюбивые отцы; а болѣе всего скромные служители церкви, священники и монахи, которые еще не ослѣпли и не оглохли отъ пышности и роскоши и поэтому видятъ и слышатъ чудовищныя оскорбленія, днемъ и ночью наносимыя христіанству, въ христіанской столицѣ;—все они неразрывными узами связаны съ купцами ремесленниками, ожидая только сигнала погибнуть или побѣдить, жить свободно или умереть безсмертно, вмѣстѣ съ Ріензи и его родиной!

— Неужели ты говоришь это серьезно, сказалъ епископъ, взогнувъ и привставая на стулѣ; докажи истинѣ своихъ словъ и ты найдешь служителей Божіихъ не менѣе ревностными къ общему благу, какъ и ихъ мірскіе братья.

— Чтò я говорю, отвѣчалъ Ріензи болѣе спокойнымъ тономъ, то могу и доказать, но только тѣмъ, которые хотятъ быть съ нами.

— Но бойся меня, сказалъ Раймондъ, мнѣ, какъ уполномоченному представителю его святѣйшества, хорошо извѣстны тайныя его мысли. Если только онъ увидитъ, что сила патриціевъ, которые, въ своемъ высокомѣріи, ни во что считаютъ власть самой церкви, ограничена законными и естественными предѣлами,—то, онъ благосклоненъ къ тому, кто это сдѣлаетъ. Я въ этомъ увѣренъ до того, что, въ случаѣ успѣха, освящу его своимъ согласіемъ въ качествѣ папскаго намѣстника. Но берегись необдуманныхъ попытокъ; церковь не должна ослаблять себя приставая къ шаткому дѣлу.

* Около восьми лѣтъ послѣ того, долго сдерживаемая ненависть венеціанскаго народа къ этой самой мудрой и банальной изъ всѣхъ олигархій вспыхнула въ войнѣ при Марино-Фаліеро.

** Эдуардъ III, въ царствованіе котораго начали проявляться нѣжныя болѣзнь бразильцевъ, нежели какія господствовали въ слѣдующихъ столѣтіяхъ.

— Правда, монсиньоръ, отвѣчалъ Ріензи, и въ этомъ политика церкви совершенно одинакова съ политикою свободы. Судите о томъ благоразуміи по моему продолжительному отсрочиванію. Не вѣроятно, чтобы тотъ, кто видитъ вокругъ себя всеобщее нетерпѣіе, кто самъ не меньше нетерпѣливъ, однакоже не даетъ сигнала выжидаетъ, — не вѣроятно, чтобы такой человѣкъ потерялъ свое бремя чрезъ опрометчивость.

— Въ такомъ случаѣ вотъ что, сказалъ епископъ, садясь. По мѣрѣ его, какъ твои планы будутъ возрѣвать, не бойся сообщать ихъ мнѣ. Повѣрь, что Римъ не имѣетъ друга болѣе преданнаго, чѣмъ ты, кто, будучи поставленъ для сохраненія порядка; находитъ себя безсильнымъ противъ нарушенія его. Теперь обратимся къ цѣли твоего посѣщенія, которая, можетъ быть, въ нѣкоторой степени имѣетъ связь съ тѣмъ, о чемъ мы говорили... Ты помнишь, что когда его святѣйшество ввѣрилъ тебѣ твою теперешнюю должность, въ приказалъ тебѣ объявить его благодѣтельное намѣреніе учредить въ Римѣ генеральный юбилей на 1350 г. — намѣреніе въ высшей степени мудрое, по двумъ причинамъ, которыя достаточно сны для тебя: во-первыхъ каждая христіанская душа, которая предприметъ по этому случаю путешествіе въ Римъ, можетъ такимъ образомъ получить общее отпущеніе грѣховъ; а во-вторыхъ, говоря съ матеріальной точки зрѣнія, стеченіе пилигримовъ, съ ихъ дарами и пожертвованіями, очень значительно поправить доходы твоего престола, которые теперь, сказать мимоходомъ, не слишкомъ въ цвѣтущемъ положеніи. Ты это знаешь, милый Ріензи.

Ріензи утвердительно кивнулъ головой; прелатъ продолжалъ.

— Его святѣйшество съ величайшимъ прискорбіемъ замѣчаетъ, что его благочестивыя намѣренія могутъ быть разстроены. На юльскихъ дорогахъ въ окрестностяхъ Рима разбойники такъ свирѣпы и многочисленны, что самый смѣлый пилигримъ, можетъ быть, побоялся предпринять это путешествіе. На него рѣшится, вѣроятно, только бѣднѣйшіе люди христіанскаго братства, которые, не имѣя при себѣ ни золота, ни серебра, ни драгоценныхъ даровъ, будутъ имѣть мало причины бояться хищности разбойниковъ. Отсюда вытекаютъ два слѣдствія: съ одной стороны богатые, которые, какъ ясно видно изъ евангелія, имѣютъ наибольшую нужду въ отпущеніи грѣховъ, будутъ лишены этого благопріятнѣйшаго случая къ разрѣшенію; а съ другой — у сокровищницы св. престола будетъ нечестиво похищено богатство, которое она въ противномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, получила бы отъ усердія его чадъ.

— Ничто не можетъ быть логичнѣе этого, монсиньоръ, сказалъ Ріензи. Викарій продолжалъ:

— Въ письмахъ, которыя я получилъ дней пять тому назадъ, его святѣйшество приказываетъ мнѣ объяснить эти страшныя послѣдствія для христіанскаго міра разнымъ папшіймъ, законнымъ вассаламъ церкви, и управлять ихъ рѣшительнымъ союзомъ противъ дорожныхъ грабителей; съ ними я говорилъ, но напрасно.

— Потому что они войсками этихъ самыхъ разбойниковъ или съ

ихъ помощью укрѣпили свои дзорцы другъ противъ друга, прибавилъ Ріензи.

— Именно по этой причинѣ, подтвердилъ епископъ. Мало того—Стефанъ Колонна имѣлъ дерзость сознаться въ этомъ. Совершенно нечувствительный къ погибели столь многихъ драгоценныхъ душъ, и, могу я прибавить, къ папской казнѣ, которая благомыслиющему человѣку должна быть почти столько же дорога, они не хотѣли сдѣлать ни одного шага противъ бандитовъ. Теперь послушай къ чему состоитъ второе приказаніе его святѣйшества. Въ случаѣ неуспѣха у нобилей,—пишетъ онъ въ своей пророческой прозорливости, — поговори съ Колою Ріензи. Онъ человѣкъ смѣлый и благочестивый и, по твоимъ словамъ, имѣетъ большое вліяніе на народъ. Скажи ему, что если онъ придумаетъ способъ къ искорененію этихъ сыновъ Веліала и къ безопасности публичныхъ дорогъ, то онъ щедро будетъ награжденъ нами,—мы будемъ обязаны ему такою благодарностью. Если ты и служители нашего престола могутъ ему подать какую бы то ни было помощь, то пусть ему не будетъ въ ней отказано.

— Такъ пишетъ его святѣйшество! вскричалъ Ріензи. Я ничего больше не требую — я долженъ быть благодаренъ, что онъ такого мнѣнія о своемъ слугѣ и даетъ мнѣ это порученіе. Не колеблясь, я принимаю его и ручаюсь за успѣхъ. Итакъ, монсиньоръ, надо ясно обозначить предѣлы моей власти. Для обузданія разбойниковъ въ города я долженъ имѣть власть надъ разбойниками внутри егo. Принимая на себя, съ опасностью моей жизни,—дѣло очистить дороги къ Риму отъ грабителей, которыми онѣ наполнены, буду ли уполномоченъ дѣйствовать смѣло, рѣшительно и строго?

— Этого требуетъ самое свойство порученія, отвѣчалъ Раймондъ.

— Даже хотя бы это было противъ главныхъ нарушителей порядка, противъ покровителей разбойниковъ — противъ надменнѣйшихъ изъ нобилей?

Епископъ помолчалъ и пристально взглянулъ на лицо своего собесѣдника.

— Я повторю, сказалъ онъ наконецъ, понизивъ голосъ и значительнымъ тономъ, въ подобныхъ смѣлыхъ предпріятіяхъ успѣхъ—единственная санкція. *Имѣй успѣхъ* и мы извинимъ тебѣ все—даже...

— Смерть какого-либо Колонны или Орсини, если того потребуетъ правосудіе, и лишь бы только она была согласна съ законами, заслужена нарушеніемъ ихъ? прибавилъ Ріензи твердо.

Епископъ не отвѣчалъ словами, но легкое движеніе его головы служило Ріензи достаточнымъ отвѣтомъ.

— Итакъ, монсиньоръ, сказалъ онъ, съ этого времени дѣло рѣшено. Настоящій разговоръ я считаю началомъ переворота, возстановленія порядка, возрожденія государства. До сихъ поръ, знаешь, что правосудіе не можетъ падать на большихъ преступниковъ, и колебался, изъ опасенія, чтобы ты и его святѣйшество не сочли подобной строгости жестокостью и не порицали возстановителя за

кона за то, что онъ поражаетъ его нарушителей. Теперь я понимаю васъ лучше. Вашу руку, монсиньоръ.

Епископъ протянулъ руку; Ріензи крѣпко сжалъ ее и почтительно приложилъ къ своимъ губамъ. Оба понимали, что договоръ заключенъ.

Это совѣщаніе, такъ продолжительное въ разсказѣ, было коротко въ дѣйствительности; но предметъ его былъ рѣшенъ и епископъ всталъ. Дверь дома отворилась, многочисленные слуги епископа подняли факелы и онъ вышелъ отъ Ріензи, который проводилъ его до воротъ. Вдругъ какая-то женщина, торопливо пробравшись чрезъ свѣту прелата и вздрогнувъ при видѣ Ріензи, бросилась къ его ногамъ.

— О, поспѣшите, синьоръ, поспѣшите! ради Бога поспѣшите, иначе молодая синьора погибла навсегда!

— Синьора!—Боже мой! Бенедетта, о комъ ты говоришь? о моей сестрѣ, объ Ирени? развѣ ея нѣтъ дома?

— Ахъ, синьоръ, Орсини, Орсини!

— Что такое? говори же!

И Бенедетта, задыхаясь и съ множествомъ перерывовъ, разсказала Ріензи, въ которомъ читатель узналъ брата Ирены, то, что ей было извѣстно о приключеніи съ Мартино-ди-Порто. Объ окончаніи и результатѣ драки она ничего не знала.

Ріензи слушалъ молча, но мертвая блѣдность въ лицѣ и дрожаніе нижней губы показывали волненіе, котораго онъ не обнаруживалъ словами.

— Вы слышите, ваше преосвященство, вы слышите, сказалъ онъ по окончаніи разсказа Бенедетты, обращаясь къ епископу, котораго уходъ былъ приостановленъ этимъ разсказомъ; вы слышите какъ оскорбленіямъ подвергаются римскіе граждане! Шляпу и мечъ! сейчасъ! Монсиньоръ, простите мою невѣжливость.

— Куда же ты идешь? спросилъ Раймондъ.

— Куда, куда! Впрочемъ я забылъ, что у васъ нѣтъ сестры, монсиньоръ. Можетъ быть также у васъ нѣтъ и брата? Нѣтъ, я спасу одну жертву, по крайней мѣрѣ. Вы спрашиваете куда? въ палаццо Мартино-ди-Порто.

— Къ Орсини, одинъ, за правосудіемъ!

— Да, одинъ; за правосудіемъ! Нѣтъ! вскричалъ Ріензи громкимъ голосомъ схватывая мечъ, принесенный ему однимъ изъ слугъ и стремительно выходя изъ дому; но одного человѣка довольно для мщенія!

Епископъ помедлил для минутнаго размышленія.

— Онъ не долженъ погибнуть, подвергаясь одинъ ярости этого волка, прошепталъ онъ и потомъ вскричалъ: Эй факелы впередъ! живо! мы, намѣстникъ папы, сами хотимъ посмотреть на это. Успокойтесь, добрые люди, ваша синьора будетъ вамъ возвращена. Эй, въ палаццо Мартино-ди-Порто!

Ирена въ палатко Адриана ди-Кастелло.

Какъ Пигмаліонъ смотрѣлъ на изображеніе, въ которомъ онъ воплотилъ мечты своей юности, между тѣмъ какъ живыя краски молочно выступали на мраморъ, — такъ молодой и страстный Адрианъ смотрѣлъ на склонившуюся предъ нимъ фигуру, которая постепенно пробуждалась къ жизни. Если эта красота не принадлежала къ разряду величественныхъ и ослѣпительныхъ, если ея спокойный и неясный характеръ уступалъ въ блескѣ многимъ въ сущности не нѣ совершеннымъ чертамъ, — то не было фizioномія, которая, для нѣкоторыхъ глазъ, могла бы показаться болѣе очаровательною. Не было лица, которое бы въ большей степени обладало тѣмъ необъяснимымъ дѣйствиельнымъ выраженіемъ, котораго ищетъ итальянское искусство для своихъ моделей. Это—и внѣшняя скромность и сокровенная нѣжность, цвѣтущая юность лица и сердца, въ первой порт ихъ нѣжной и тонкой свѣжести, когда самая любовь, это единственное безпокойство, которое должно посѣщать дѣвушку въ подобномъ возрастѣ, бываетъ только чувствомъ, а не страстью!

— Бенедетта! пропептала Ирена, открывая наконецъ глаза и безсознательно обращая ихъ на Адриана, стоявшаго предъ ней на колѣняхъ. Эти глаза имѣли тотъ неопредѣленный оттѣнокъ, на который можно было бы смотрѣть цѣлые годы, не добившись тайны ихъ цвѣта, — такъ измѣнялся онъ съ расширеніемъ зрачка, темнѣя въ тѣни и переходя въ лазурь отъ свѣта.

— Бенедетта, сказала Ирена, гдѣ ты? Ахъ, Бенедетта какой совѣтъ видѣла!

— Я, тоже, какое видѣніе! думалъ Адрианъ.

— Гдѣ я? вскричала Ирена, приподымаясь. Эта комната, эти обои—Святая Дѣва! неужели я еще во снѣ! — а вы—Боже мой! Это сны—оръ Адрианъ ди-Кастелло!

— Тебя развѣ научили бояться этого имени? сказалъ Адрианъ: если такъ, то я отрекаюсь отъ него.

Ирена сильно покраснѣла, но не отъ безумной радости, съ которою она выслушивала бы отъ Адриана первыя слова преданности. Разстроенная и смущенная, испуганная тѣмъ, что находится въ мѣстѣ ей чуждомъ, дрожа отъ мысли, что она наединѣ съ человекомъ, который цѣлые годы жплъ въ ея воображеніи, — Ирена болѣе всего чувствовала тревогу и горестъ. Эти чувства отпечатывались на выразительномъ ея лицѣ, и когда Адрианъ подвинулся къ ней ближе, то, не смотря на тихость его голоса и почтеніе въ его взглядахъ, опасенія ея, сильныя не смотря на свою неопредѣленность, увеличились. Она отступила въ дальній уголъ комнаты, дико озираясь вокругъ, и, закрывъ лицо руками, зарыдала.

Тронутый ея слезами и отгадывая мысли ея, Адрианъ на минуту забылъ свои болѣе смѣлыя желанія.

— Не бойся, милая дѣвушка, сказалъ онъ съ жаромъ, умоляю те-

бя, опомнись, — никакая опасность, ничто дурное тебѣ здѣсь не грозитъ. Эта рука спасла тебя отъ оскорбленій Орсини, а эта кро-
ва — дружеское убѣжище! Скажи мнѣ свое имя, гдѣ ты живешь,
позову моихъ слугъ и сейчасъ же провожу тебя домой.

Можетъ быть, не столько слова, сколько облегчившія Ирину слезы,
привели ее въ себя, и сдѣлали ее способною понимать свое настоя-
щее положеніе. По мѣрѣ того, какъ прояснившіяся чувства сказали
ей, чѣмъ она обязана челевѣку, котораго такъ долго воображала
идеаломъ-превосходства всякаго рода, къ ней возвратилось при-
сутствіе духа. Она выразила свою благодарность съ очаровательною
раціею, нисколько не потерявшею отъ того, что къ ней примѣ-
шалось еще нѣкоторое смущеніе.

— Не благодари меня, отвѣчалъ Адріанъ страстно. Я прикоснул-
ся къ твоей рукѣ и награжденъ этимъ. Награжденъ! — нѣтъ! вся
благодарность, вся преданность должна быть выражена съ *моей* сто-
роны!

Покраснѣвъ опять, но уже отъ совершенно другихъ чувствъ, не-
мело прежде, Ирина послѣ минутной паузы отвѣчала:

— Однако, сеньоръ, я должна понимать всю важность услуги, о
которой вы говорите такъ легко. А теперь довершите вашу обяза-
тельность. Я не вижу здѣсь моей кормилицы, пусть она проводитъ
меня домой; это не далеко отсюда.

— Да будетъ благословенъ воздухъ, которымъ я дышала, не по-
здравляя твоей близости! сказалъ Адріанъ. Но, милая дѣвушка, тво-
я кормилицы здѣсь нѣтъ. Я думаю, она убѣжала во время сумато-
хи. Не зная твоего имени, и не имѣя возможности въ тогдашнемъ
состояніи узнать это отъ тебя, я, къ моему счастью, дол-
женъ былъ принести тебя сюда; я провожу тебя. Но что значить
отъ боязливый взглядъ? — мои люди тоже пойдутъ съ нами.

— Моя благодарность, сеньоръ, имѣетъ мало цѣны; мой братъ,
котораго ты знаешь, поблагодаритъ тебя болѣе достойнымъ обра-
зомъ. Могу я идти? и съ этими словами Ирина была уже у двери.
— Ты оставляешь меня съ такимъ нетерпѣніемъ! отвѣчалъ Адри-
анъ грустно. Увы, когда ты уйдешь отъ моихъ глазъ, — это будетъ
точно же на то, какъ бы мѣсяцъ скрылся съ ночнаго неба! Но по-
поваться твоимъ желаніямъ — все таки счастье, хотя бы это раз-
лучало меня съ тобою.

Легкая улыбка промелькнула на губахъ Ирины и Адріанъ услы-
шалъ какъ забилося его сердце, когда изъ этой улыбки и изъ
низкихъ потупленныхъ глазъ онъ вывелъ для себя благопріятное пред-
положеніе.

Именно и неохотно Адріанъ повернулся къ двери и позвалъ
своихъ слугъ.

— Но, сказалъ онъ на лѣстницѣ, ты говоришь, что мнѣ не безъиз-
вѣстно имя твоего брата. Дай Богъ, чтобъ это былъ другъ Колон-
ны!

— Онъ гордится, отвѣчала Ирина, уклончиво, Кола Ріензи гор-
дится тѣмъ, что онъ — другъ всѣмъ друзьямъ Рима.

— Святая Дѣва! — этотъ необыкновенный человѣкъ твой братъ? вскричалъ Адріанъ, увидѣвъ при этомъ преграду для своей внезапной страсти. Увы! въ Колоннѣ, въ патриціи онъ не признаетъ никакого достоинства, хотя, милая дѣвушка, твой счастливый избавитель давно старался сдѣлаться его другомъ!

— Ты очень обижаетъ его, синьоръ, отвѣчала Ирена съ жаромъ. Онъ болѣе всѣхъ другихъ людей способенъ сочувствовать великодушнѣйшей храбрости, хотя бы она была выказана для защиты самой послѣдней римской женщины, тѣмъ болѣе для защиты его сестры!

— Плохи времена, отвѣчалъ Адріанъ задумчиво, плохи времена, если люди, которые одинаково оплакиваютъ бѣдствія родины, подозреваютъ другъ друга, если быть патриціемъ — значитъ быть врагомъ народу, если тотъ, кого называютъ другомъ народа, считается врагомъ патриціевъ. Но пусть будетъ, что будетъ. О! позволю мнѣ надѣяться дорогая дѣвушка, что никакія сомнѣнія и раздоры не вытѣснятъ изъ *твоего* сердца добраго воспоминанія обо мнѣ!

— Ахъ! мало, мало вы знаете меня! начала было Ирена и вдругъ остановилась.

— Говори, говори! Ты не забудешь меня? и мы встрѣтимся опять? Теперь мы идемъ къ дому Ріензи; завтра я сдѣлаю визитъ моему старому товарищу, и завтра я увижу тебя. Да?

Ирена отвѣчала молчаніемъ.

— Ты сказала мнѣ имя своего брата; сдѣлай это имя пріятнымъ для моего слуха, прибавь къ нему свое.

— Меня зовутъ Иреной.

— Ирена, Ирена! позволю мнѣ повторить. Это — нѣжное имя, оно остается на губахъ, какъ будто не хочетъ съ ними разстаться; приличное имя для такого созданія какъ ты!

Объясняясь такимъ образомъ съ Иреною, тѣмъ двѣтиснымъ языкомъ, на которомъ поэзія юношеской страсти во всѣхъ странах и во всѣ времена высказываетъ свое великолѣпное безуміе (хотя этотъ языкъ преимущественно былъ свойственъ тому вѣку и понятенъ любви), — Адріанъ проводилъ свою прекрасную спутницу юной, выбирая впрочемъ наиболѣе длинную дорогу, — хитрость, которую Ирена или незамѣтила, или безмолвно простила. Они уже подходили къ улицѣ, гдѣ жилъ Ріензи, какъ вдругъ съ ними встрѣтилась толпа людей съ факелами. Это была свита епископа орлеанскаго, возвращавшаяся изъ палаццо Мартина-ди-Порто и шедшая (вмѣстѣ съ Ріензи) къ палаццо Адріана. Не видавшись съ самимъ Орсини, они узнали отъ его слугъ на дворѣ исходъ сраженія и защитника Ирены. Не смотря на репутацію Адріана какъ вождя, Ріензи довольно зналъ его характеръ и благородство, чтобы быть увѣреннымъ въ безопасности Ирены подъ его покровительствомъ. Увы! въ этой самой личной безопасности часто заключается величайшая опасность для сердца. Никогда любовь женщины не бываетъ опаснѣе чѣмъ тогда, когда тотъ, кого она любитъ, сдерживаетъ, ради ея, свои порывы.

Прижавшись къ груди брата, Ирена просила его поблагодарить

ей избавителя; и Ріензи, съ тою откровенностью, которая такъ привлекательна у людей обыкновенно скрытныхъ, и которою долженъ по временамъ выказывать всякій, кто хочетъ управлять сердцами своихъ ближнихъ, подошелъ къ молодому Колоннѣ и выразилъ свою похвалу и благодарность.

— Мы слишкомъ долго были въ разлукѣ другъ съ другомъ, — и должны быть знакомы опять, отвѣчалъ Адріанъ. Я скоро навѣщу тебя, непременно.

Обратясь потомъ къ Ирени, чтобы проститься съ нею, онъ поднесъ ей руку къ своимъ губамъ. Пожавъ эту руку, неужели онъ обманулся, вообразивъ, что нѣжные пальцы дѣвушки слегка, невольно отвѣчали тоже пожатіемъ?

VII.

О любви и любовникахъ.

Велибы Шекспиръ, взявъ для своей драмы легенду о любви Ромео и Юліи, перенесъ сцену дѣйствія въ болѣе сѣверный климатъ, то едвали даже искусство этого великаго поэта могло бы насъ приписать, въ одно и тоже время, съ внезапностью и силою страсти Джульеты. Даже и теперь, я думаю, между нашими благоразумными и разсудительными островитянами мало найдется такихъ, которые, на прямой вопросъ, не захотятъ добросовѣстно признаться, что романтизмъ и пылкость несчастныхъ веронскихъ любовниковъ имъ кажутся не натуральными и преувеличенными. Но въ Италіи такая любовь, родившаяся въ одну ночь и «сплывшая какъ смерть» принадлежитъ къ числу самыхъ общихъ мѣстъ жизни, которая представляетъ тамъ безчисленные подобные примѣры. Какъ въ разные вѣка, такъ и въ разныхъ климатахъ, любовь видоизмѣняется удивительнымъ образомъ. Даже въ настоящую минуту подъ итальянскимъ небомъ многія простыя дѣвушки способны чувствовать то, что и Джульета, и многіе простые любовники поспорятъ съ Ромео въ сумазбродствѣ. Въ этой жаркой странѣ продолжительное ухаживаніе неизвѣстно. Можетъ быть, нигдѣ не встрѣчается такъ часто любовь съ перваго взгляда, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни въ какой странѣ любовь, вспыхнувшая такъ внезапно, не сохраняется съ такою вѣрностію. То, что созрѣло въ воображеніи, вдругъ переходитъ въ страсть, которая постоянно поддерживается чувствомъ. Пусть это будетъ мнимъ и ихъ извиненіемъ, если любовь Адріана образовалась слишкомъ внезапно, а любовь Ирены — слишкомъ романтически. Это извиненіе они заимствуютъ отъ воздуха и солнца, отъ обычаевъ своихъ предковъ, отъ тонкой заразительности примѣра. Но они поддавались внушеніямъ своего сердца съ нѣкоторою тайною грустью, съ предчувствіемъ, которое, можетъ быть, имѣло свою прелесть, хотя это было предчувствіе затрудненій и чего-то недобраго. Происходя отъ гордой фамиліи, Адріанъ почти не могъ думать о брачнѣ съ сестрою плебея, а Ирена, не подозревавшая будущей славы

своего брата, едва ли могла питать какую нибудь надежду кромѣ надежды быть любимой. Но эти неблагоприятныя обстоятельства, которыя въ болѣе твердыхъ, болѣе благоразумныхъ, болѣе способныхъ къ самоотверженію и можетъ быть въ болѣе доброжелательныхъ умахъ, сформировавшихся подъ сѣвернымъ небомъ, служили бы побужденіемъ къ борьбѣ противъ любви такъ невыгодно поставленной,—еще болѣе способствовали къ поддержанію и укрѣпленію любви Адріана и Ирены. Препятствія, имѣли для нихъ свою романтическую прелесть. Они находили частые случаи впасться, хотя и на короткое время,—но совсѣмъ наединѣ, а въ присутствіи потворствовавшей имъ Бенедетты—иногда въ общественныхъ садахъ, иногда среди обширныхъ и пустыхъ развалинъ, окружавшихъ домъ Ріензи. Не задавая много вопросовъ будущему, они предавались упованію и блаженству минуты. Они жили изо дня въ день; изъ будущаго заключалось въ ближайшей ихъ встрѣчѣ; за этою чертою ихъ юная любовь уходила въ мракъ и тѣни, которыхъ они не старались проникнуть. Они еще не достигли того періода привязанности, когда имъ могла грозить опасность паденія,—ихъ любовь не переступила порога той золотой двери, гдѣ оканчивается небо и начинается земля. Все для нихъ была поэзія, неопредѣленность, изыщество,—а не сила, сосредоточенность и чувственность желанія. Это были взгляды, поворотъ, мимолетное пожатіе руки,—много-много первые поцѣлуи любви, обозначающіе человѣческую грань чувства, которое наполнило ихъ новою жизнію и такъ сказать возвышало ихъ, вдыхая въ нихъ новую душу.

Стремленія Адріана, бывшія до сихъ поръ неопредѣленными, теперь опредѣлились и сосредоточились; грезы дѣвушки, дорогой его сердцу, пробудились къ жизни еще мечтательной, но уже *истинной*. Вся задушевность, энергія и пылкость чувства, которое у ея брата раздражалось патріотическими планами и стремленіями къ власти, у Ирены смягчались въ одной цѣли существованія, въ одномъ средоточіи души—въ любви. Но въ этомъ, повидимому, ограниченномъ пространствѣ мысли и дѣятельности существовала сфера не менѣе безпредѣльная, какъ и въ обширномъ пространствѣ многообъемлющаго честолюбія ея брата. Она не меньше его имѣла силы и волю ко всѣмъ возвышеннымъ стремленіямъ, дарованнымъ нашей смертною природою. Не менѣе великъ былъ ея энтузіазмъ къ своему идеалу, не менѣе велики, въ случаѣ равныхъ испытаній, были бы ея великодушіе и преданность:—но мужество ея конечно было бы выше, обожаніе ея—неизмѣннѣе и дальше отъ себялюбивыхъ цѣлей и низкихъ намѣреній. Время, перемѣны, несчастіе, неблагоприятность не измѣнили бы ея. Какое государство могло бы пасть, какая свобода могла бы погибнуть, еслибы усердіе шумнаго патріотизма мужчины было столько чисто какъ безмолвное безкорыстіе женской любви?

Въ нихъ все было молодо; они обладали не охладѣвшимъ и не поблекнувшимъ сердцемъ—полнотою и роскошью жизни, имѣющимъ въ себѣ что-то божественное. Въ томъ возрастѣ, когда нѣтъ

кажутся, что мы не можем умереть, какъ ярко и сильно все, что создается нашимъ сердцемъ! Наша юность похожа на юность земли, когда лѣса и воды населены божествами, когда жизнь безумно кипитъ, но производитъ одну красоту,—всѣ ея образы—поэзія, всѣ ея пѣсни—мелодіи Аркадіи и Олимпа! Золотой вѣкъ никогда не оставляетъ міра: онъ существуетъ и будетъ существовать, пока есть на свѣтѣ любовь, здоровье и поэзія, — но существуетъ только для людей молодыхъ!

Если я теперь останавливаюсь на этой интермедіи драмы, требующей болѣе мужественныхъ страстей, чѣмъ страсть любви, это я дѣлаю потому, что намъ представится очень мало подобныхъ случаевъ. Если я распространился въ описаніи Ирены и ея сакроуенной признанности, вмѣсто того, чтобы предоставить обстоятельствамъ выказать ея характеръ, то это я дѣлаю потому, что, какъ я предвижу, а любящій и милый образъ останется до конца болѣе тѣнью, чѣмъ ортреомъ. Онъ будетъ отодвинутъ на задній планъ болѣе смѣлыми фигурами и болѣе яркими цвѣтами,—обыкновенная судьба пообыхъ натуръ, которыхъ присутствіе болѣе ошутительно, нежели одно, которыхъ самая гармонія съ цѣлымъ состоитъ въ ихъ удавленіи и покорномъ спокойствіи.

VIII.

Энтузіастъ и сужденіе о немъ благоразумнаго человѣка.

— Ты несправедливо судишь обо мнѣ, сказалъ Ріензи съ жаромъ Фіану, когда они сѣли предъ концомъ продолжительнаго своего говора наединѣ. Я не играю роли простаго демагога; я не хочу копать глубину для того, чтобы мое благополучіе выплыло со на поверхность. Я такъ долго думалъ о прошедшемъ, что мнѣ кажется, будто бы я составляю его часть и не имѣю отдѣльнаго существованія. Я выковалъ мою душу въ одну господствующую часть,—и цѣль ея—возстановить Римъ.

— Но какими средствами?

— Сильноръ, сильноръ! Для возстановленія величія народа есть только одно средство: воззваніе къ самому народу. Князья и бароны не въ силахъ доставить государству прочную славу; они возмущаются сами, но не возвышаютъ вмѣстѣ съ собою народа. Всѣ такіе благодѣтельные перевороты были произведены всеобщимъ движеніемъ массы.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Адріанъ, или мы поняли исторію неодинаково. Тебѣ кажется, что всѣ великіе благодѣтельные перевороты были дѣломъ немногихъ, и безмолвно приняты большинствомъ. Но не будемъ спорить, какъ спорять въ школахъ. Ты громко говоришь, что шокъ великій кризисъ, что *buono stato* (доброе государство) будетъ возстановлено. Какимъ образомъ? гдѣ ваше оружіе?—ваши солдаты? Развѣ нобили менѣе сильны, чѣмъ прежде?—А чернь—развѣ не теперь смѣлѣе и постояннѣе? Богъ свидѣтель, что я говорю, не

придерживаясь предрассудков моего сословія; я, египтянинъ, умолю твою родину. Я римлянинъ и въ этомъ имени забываю, что я патрицій. Но я трепещу предъ бурею, которую ты хочешь поднять такъ опрометчиво. Если твоё возмущеніе удастся, то оно будетъ исключительно, успѣхъ будетъ купленъ кровью — кровью всѣхъ, самыхъ гордыхъ именъ Рима. Ты имѣешь цѣлую второе изгнаніе Таркиніевъ, но оно будетъ болѣе похоже на второе изгнаніе Силы. Усиліе и безпорядки никогда не пролагаютъ дороги миру. Съ другой стороны, если тебѣ не удастся, — цѣпи Рима сомкнутся навсегда и неудачная попытка къ бѣгству послужитъ только предлогомъ къ прибавкѣ невольнику новыхъ мученій.

— Такъ что же по мнѣнію синьора Адріана мы должны дѣлать? — сказалъ Ріензи съ особаго рода саркастическою улыбкой, о которой я уже говорилъ. Неужели намъ слѣдуетъ ждать, пока Колонны и Орсини не перестанутъ ссориться? Или мы должны просить у Колонновъ — свободы, а у Орсини — правосудія? Синьоръ, мы не можемъ апеллировать къ нобилемъ противъ нобилей. Намъ нехотѣло просить ихъ, чтобы они умѣрили свою власть, которую мы должны возвратить себѣ самимъ. Эта попытка, можетъ быть, опасна, но мы дѣлаемъ ее среди памятниковъ форума, и если мы погибнемъ, то погибнемъ достойными нашихъ предковъ. Вы, люди высокаго происхожденія, вы имѣете звучныя титулы и обширныя земли и говорите о *вашей* прадѣдовской чести. Мы, плебеи, тоже имѣемъ славу: наши предки были свободные люди! Гдѣ наше наслѣдственное имущество? Оно не продано, не отчуждено, а похищено у насъ, — обманомъ, то силою; украдено, когда мы спали, или вырвано у насъ жестокими руками среди нашихъ криковъ и борьбы. Синьоръ, мы требуемъ только возвращенія намъ этого наслѣдства; наша, — вѣтъ, не только наша но и ваша, свобода исчезла. Развѣ вы можете жить въ домѣ своего отца безъ башенъ, укрѣпленій и наемныхъ мечей бандитовъ? Развѣ вы можете ходить по улицамъ въ темнотѣ, безъ оружія и свиты? Правда, вы, благородные, можете мстить, а мы неси- емъ. Вы въ свою очередь можете устрашать и оскорблять другихъ: но развѣ своеволие вознаграждаетъ за отсутствіе свободы? Вамъ даны великолѣпіе и могущество, но безопасность и одинаковые законы были бы лучшимъ даромъ. О, еслибы я былъ на вашемъ мѣстѣ, еслибы я былъ даже на мѣстѣ самаго Стефана Колонны, — я бы жаждалъ, также сильно какъ теперь, свѣжаго воздуха, который не проходитъ чрезъ рѣшотки и укрѣпленія, воздвигнутыя противъ согражданъ, а любить открытое пространство, которое безопасно, потому что находится подъ защитою закона, а не страха и подозрѣнія, неизбѣжныхъ спутниковъ ненавистной власти. Тирани воображаютъ себя свободнымъ, потому что онъ повелѣваетъ рабами: но самый незначительный крестьянинъ въ свободномъ государствѣ свободнѣе его. О, синьоръ, еслибы вы — мужественный, великодушный, просвѣщенный — вы, почти единственный изъ вашего сословія человекъ, знающій, что у насъ была родина, — о, еслибы вы, кото-

рай чужаке сочувствовать нашимъ страданіямъ, захотѣли помочь намъ въ облегченіи ихъ!

— Ты хочешь войны противъ Стефана Колонны, моего родственника, но хотя я рѣдко его вижу, и, сказать правду, не питаю къ нему большого уваженія, но онъ—гордость нашего дома: какъ же могу присоединиться къ тебѣ?

— Его жизнь, его имѣнія, его званію, будутъ въ безопасности. Противъ чего мы воюемъ? Его могущество вредитъ другимъ.

— Еслибы онъ узналъ, что твоя сила не ограничивается словами, то онъ былъ бы не такъ милостивъ къ тебѣ.

— Развѣ онъ не замѣтилъ этого? Развѣ клики народа не показаны ему, что я человекъ, котораго онъ долженъ бояться? Неужели нѣтъ, лукавый, осторожный и проницательный, строя крѣпости и осаждавая башни, не видитъ, съ высоты ихъ, зданія, которое я тоже построилъ?

— Вы! гдѣ, Ріензи?

— Въ сердцахъ римлянъ! развѣ онъ не видитъ? продолжалъ Ріензи. Нѣтъ, нѣтъ, онъ, и все его племя слѣпы. Не правда-ли?

— Мой родственникъ не вѣритъ вашей силѣ, иначе онъ давно бы васъ раздавилъ. Впрочемъ, нѣтъ. Не далѣе какъ три дня тому назадъ, онъ сказалъ съ важностію, что онъ желалъ бы лучше, чтобы мы говорили съ чернью, нежели достойнѣйшій изъ священниковъ христіанскаго міра; такъ какъ они только воспламеняютъ народъ, а ни одинъ человекъ не умѣетъ такъ успокоить народъ и заставить его разойтись, какъ вы.

— И его называютъ проницательнымъ! Развѣ небо не дѣлаетъ вихрь тихимъ, приготовляя бурю? Да, синьоръ, я понимаю. Стефанъ Колонна презираетъ меня. Я бывалъ (и щеки его сильно покраснѣли) — я бывалъ — вы помните это — въ его дворцѣ въ мои молодые годы и забавлялъ его своими замысловатыми разсказами и веселыми изрѣченіями. Ха! ха! ха! онъ, помните, въ видѣ ксалаго комплимента, называлъ меня своимъ забавникомъ, шутомъ! перенесъ обиду; я даже поклонился при его одобреніи. Я готовъ и опять перенести эту пытку, подвергнуться тому же стыду, изъ стыда же побужденій и ради того же дѣла. Чего я хотѣлъ добиться? Можете вы сказать? нѣтъ! ну, такъ я потихоньку объясню это вамъ: я хотѣлъ добиться презрѣнія Стефана Колонны. Это презрѣніе защищало меня, пока я не пересталъ имѣть надобности въ защитѣ. Я не желалъ прослыть мажду патриціями за страшнаго мовѣка, для того, чтобы имѣть возможность, спокойно и не возмущая подозрѣній, прокладывать свою дорогу между народомъ. такъ поступали прежде, теперь сбрасываю маску. Ставъ противъ Стефана Колонны лицомъ къ лицу, я могу хоть сейчасъ сказать ему, что не боюсь его гнѣва, что я смѣюсь надъ его тюрмами и солдатами. Но если онъ считаетъ меня прежнимъ Ріензи, — пусть его; я могу ждать своего времени.

— Да, проговорилъ Адріанъ, въ отвѣтъ на гордый языкъ своего собесѣдника; — скажи мнѣ, чего ты требуешь для народа, что-

бы избѣжать воззванія къ его страстямъ? при его неискренности и прихотливости ты не можешь обращаться къ его благоразумію.

— Я требую полнаго правосудія и безопасности для всѣхъ. Я не буду доволенъ ничѣмъ, что меньше этого. Я требую, чтобы нобилы срыли свои крѣпости, распустили своихъ вооруженныхъ наемниковъ, — отреклись отъ безнаказанности лицъ знатнаго рода за преступленія, — не искали защиты нигдѣ, кромѣ судовъ, дѣйствующихъ по общимъ для всѣхъ законамъ.

— Напрасное желаніе! сказали. Адріанъ. — Проси того, что можно дать.

— Ха — ха! возразилъ Ріензи, горько смѣясь. Не говорилъ ли я вамъ, что просить закона и справедливости у вельмож — пустая мечта. Можете-ль вы упрекать меня теперь за то, что я иду въ другомъ мѣстѣ? Потомъ, вдругъ измѣнивъ тонъ и манеру, онъ прибавилъ съ большою торжественностію: — на яву случаются ложныя и пустыя грезы; но сонъ иногда бываетъ вѣщимъ пророкомъ. Посредствомъ сна небо таинственно бесѣдуетъ съ своими созданіями и руководитъ и поддерживаетъ своихъ земныхъ посланниковъ на тропинкѣ, по которой ведетъ ихъ промыслъ его.

Адріанъ не отвѣчалъ. Не въ первый разъ онъ замѣтилъ, что сильный умъ Ріензи страннымъ образомъ соединенъ съ глубокимъ и мистическимъ суевѣріемъ. И это еще болѣе заставляло молодого нобила, мало склоннаго къ дикому суевѣрію того времени, сомнѣваться въ успѣхѣхъ плановъ своего собесѣдника. Онъ сильно ошибался, хотя его ошибка была ошибкою людей, отличающихся истинною мудростію. Ничто такъ не внушаетъ человѣку смѣлости, какъ пламенное убѣжденіе, что онъ есть орудіе Божественной мудрости. Мишеніе и патриотизмъ, соединенные въ одномъ человѣкѣ геніальномъ и честолюбивомъ — вотъ Архимедовы рычаги, которые въ фанатизмѣ находятъ для себя лежащую внѣ міра точку, чтобы посредствомъ ея двигать этотъ міръ. Благоразумный человѣкъ можетъ управлять государствомъ, но только энтузіастъ возрождаетъ его, — или губить.

IX.

«Когда народъ увидѣлъ картину, то всѣ удивлялись»

Предъ рыночной площадью, у подножія капитолия, собралась огромная толпа. Каждый старался протолкаться впередъ своего соседа; каждый старался добраться до одного особеннаго мѣста. Вокругъ котораго сплошная толпа образовала толстую стѣну.

— *Corpo di Dio*, сказалъ человѣкъ огромнаго роста, надвигаясь впередъ, какъ какой нибудь массивный корабль, раскидывающій волны направо и налево — это жаркая работа — но, во имя Св. Девы, чего вы такъ толпитесь? Развѣ не видите, сеньоръ Рибальди, что моя правая рука разбита и перевязана, такъ что я не могу

теперь ничего сдѣлать точно малый ребенокъ? а вы напираете на меня какъ на какую нибудь старую стѣну!

— А, Чекко дель Веккіо! Да, мы должны дать вамъ дорогу, вы слишкомъ малы и нѣжны и не въ силахъ протолкаться чрезъ толпу. Подите сюда, я буду защищать васъ! — сказалъ карликъ около четырехъ футовъ ростомъ, взглянувъ на гиганта. *

— Право, сказалъ угрюмый кузнецъ, озираясь на толпу, которая громко смѣялась, услышавъ предложеніе карлика, — мы всѣ нуждаемся въ покровительствѣ; и большіе и малые. Чего вы смѣетесь, — вы, обезьяны? впрочемъ вы не понимаете притчей.

— И однакоже мы пришли посмотреть на притчу—сказалъ одинъ изъ толпы, слегка оскаливъ зубы.

— Добрый день, синьоръ Барончелли, — отвѣчалъ Чекко дель Веккіо; — вы хорошій человекъ и любите народъ; сердце радуется, когда васъ видишь. Изъ-за чего вся эта суматоха?

— Папскій нотаріусъ выставилъ на площади большую картину, и эдаки говорятъ, что она имѣетъ отношеніе къ Риму; ну, такъ они теперь и вытаплавляютъ свои мозги на жару, чтобъ отгадать загадку.

— Го, го! — сказалъ кузнецъ, подвигаясь впередъ съ такою силой, что вдругъ оставилъ говорящаго за собою; и если Кола ди Ріензи затѣваетъ что нибудь, то я готовъ пробиваться чрезъ каменные утесы, чтобы быть возлѣ.

— Много добра принесетъ намъ эта пачкотня, — сказалъ Барончелли, кисло и обращаясь къ сосѣдямъ; но никто его не слушалъ и онъ, претендентъ на званіе демагога, злобно закусилъ губу.

Среди подавленныхъ вздоховъ и проклятій муштинъ, которыхъ растакивалъ дюжіи кузнецъ, и открытой брани и пронзительныхъ криковъ женщинъ, къ платьямъ и головнымъ уборамъ которыхъ онъ оказывалъ столько же мало уваженія, — онъ дошелъ до про странства, огороженного цѣпями, въ центрѣ котораго была поставлена большая картина.

— Какъ онъ пришелъ сюда? — вскричалъ одинъ; я былъ первый на площади.

— Мы нашли ее здѣсь чуть свѣтъ, — сказалъ продавецъ плодовъ, никого еще не было возлѣ.

— Но почему вы воображаете, что въ этомъ участвовалъ Ріензи?

— Ктоже другой? отвѣчали двадцать голосовъ.

— Правда! кто другой? отозвался долговязый кузнецъ. — Я готовъ поклясться, что добрый человекъ провелъ цѣлую ночь, рисуя ее самъ. Клянусь, славная картина! Что тамъ нарисовано?

— Вотъ въ томъ-то и загадка — сказала одна рыбная торговка.

— Еслибы я могла это разобрать, то умерла бы спокойно.

— Это безъ сомнѣнія что нибудь о свободѣ и о налогахъ — сказалъ Луаджи, мясникъ, наклоняясь надъ цѣпями. — Ахъ, еслибы Ріензи захотѣлъ, то всякій бѣднякъ имѣлъ бы въ своемъ горпкѣ кусокъ мяса.

(*) Современный біографъ Колы ди Ріензи. Изданіе Цицерини Ре Forl: 1828 г.

— И столько хлѣба, сколько бы могъ сѣсть, — прибавалъ бѣдный хлѣбопекъ.

— Вотъ выдумали! хлѣба и мяса! они теперь у всякаго есть!—но какое вино пьютъ бѣдные люди! Никакихъ нѣтъ поощреній, чтобы можно было позаботиться о виноградникѣ, сказалъ виноторговецъ.

— Го-го-го! — многія лѣта Пандульфо ди Гвидо! дорогу — онъ ученый человѣкъ, другъ великаго нотаріуса; онъ намъ объяснитъ картину. Дорогу, дайте дорогу! *

Медленно и скромно Пандульфо ди Гвидо, спокойный, богатый, честный литераторъ, котораго ничто кромѣ насилія того времени не могло вызвать изъ его тихаго дома, или изъ его рабочаго кабинета, подошелъ къ цѣпямъ. Онъ долго и пристально смотрѣлъ на картину, блестящую еще свѣжими влажными красками. Она была похожа на произведение возрождавшагося искусства, которое, въ началѣ отличалась грубыми и жесткими чертами, а потомъ было доведено до гораздо большей степени совершенства и встрѣчается въ картинахъ Перуджино, процвѣтавшаго въ слѣдующей генерации. Народъ толпился вокругъ ученаго съ открытыми ртами — обращая глаза то къ картинѣ, то къ Пандульфо.

— Развѣ вы не видите—сказалъ наконецъ Пандульфо, въ чемъ состоитъ понятный и осязательный смыслъ этой картины. Посмотрите, какъ живописецъ изобразилъ обширное и бурное море — замѣтьте, какъ оно волнуется.

— Говори громче — громче! — вскричала нетерпѣливая толпа.

— Тсъ! вскричали тѣ, которые стояли вблизи Пандульфо — достойнаго синьора можно слышать совершенно.

Однакоже нѣкоторые изъ болѣе изобрѣтательныхъ, пробравшись къ одной стойкѣ на рыночной площади, принесли оттуда неуклюжий столъ и просили Пандульфо говорить съ него къ народу. Бѣдный гражданинъ, съ нѣкоторою неохотою и застѣнчивостью по привычкѣ къ спичамъ, — долженъ былъ согласиться. Но когда онъ бросилъ взглядъ на огромную и притаившую дыханіе толпу, то его глубокое сочувствіе къ ея дѣлу вдохновило и ободрило его. Его глаза засверкали, голосъ приобрѣлъ силу и его голова, обыкновенно опущенная на грудь, поднялась и приняла повелительный видъ.

— Вы видите предъ собой, началъ онъ опять, могущественное и бурное море; на его волнахъ — пять кораблей; четыре изъ нихъ превратились уже въ обломки; ихъ мачты разбиты, волны врываются чрезъ разсѣвшіяся доски; для нихъ уже нѣтъ ни помощи, ни надежды; на каждомъ изъ этихъ кораблей лежитъ тѣло женщины. Замѣчаете ли, какъ вѣрно живописецъ, въ омертвѣломъ лицѣ и безжизненныхъ членахъ изобразилъ отбѣнки и отвратительный видъ смерти? Подъ каждымъ изъ этихъ кораблей есть подписи, которые соединяютъ метафору съ истинною: Вонъ подъ тѣмъ — подписано — Кареагенъ; подъ другими тремя — Троя, Іерусалимъ и Вавилонъ.

(*) Случаи совершенно отдѣльные другъ отъ друга, (такъ какъ исторія подобно вымыслу, имѣетъ свои приваженія).

лонъ. Для этихъ всѣхъ четырехъ кораблей — одна общая надпись: «мы доведены несправедливостью до истощенія» Поверните глаза къ срединѣ моря — тамъ вы видите пятый корабль, качающійся среди волнъ. Мачта его сломана, руль отбитъ, паруса — порваны, но это еще не такое крушеніе, какое постигло другіе корабли, хотя и съ этимъ скоро будетъ тоже самое. На палубѣ, на колѣняхъ, стоитъ женщина, одѣтая въ трауръ: замѣтьте горе на ея лицѣ; съ какимъ умѣньемъ художникъ изобразилъ глубину и безнадежность этого горя! Она простираетъ руки на молитву — она, со слезами, проситъ васъ и небо о помощи. Теперь замѣтьте подпись — это Римъ! — Да, ваша родина обращается къ вамъ въ этой эмблемѣ!

Толпа заволновалась, глухой ропотъ пробѣжалъ среди безмолвія, которое она до сихъ поръ хранила.

— Теперь, — продолжалъ Пандульфо, поверните глаза на правую сторону картины! и вы увидите причину бури; вы увидите почему пятый корабль находится въ такой опасности, а другіе четыре погибли. Посмотрите — вонъ тамъ четыре разные рода звѣрей; они изъ своихъ ужасныхъ челюстей выпускаютъ вѣтры и бури, которые тревожатъ и волнуютъ море. Первые — львы, волки и медвѣди. Это, какъ говоритъ вамъ надпись, беззаконные и свирѣпые синьоры государства. Слѣдующіе — собаки и свиньи; это дурные совѣтники и паразиты. Далѣе вы видите драконовъ и лисицъ — это неправедные судьи и нотаріусы, люди продающіе правосудіе. Въ четвертыхъ — въ зайцахъ, козлахъ, обезьянахъ, которые помогаютъ производить бурю, вы, по надписи, видите эмблемы нарядныхъ воровъ и убійцъ, похитителей и грабителей. Вы до сихъ поръ не понимаете, римляне? Или вы разгадали загадку картины?

Далеко, въ своихъ массивныхъ дворцахъ, Савелли и Орсини слышали отголоски кликовъ, служившихъ отвѣтомъ на вопросъ Пандульфа.

— Развѣ у васъ нѣтъ надежды? — продолжалъ ученый, когда утихъ шумъ и прекращая первымъ звукомъ своего голоса восклицанія рѣчи, съ которыми каждый изъ толпы обратился къ своему соотчужду. — Развѣ у васъ нѣтъ надежды? Развѣ картина, показывающая вамъ бѣдствіе, не обѣщаетъ спасенія? Взгляните, — надъ гнѣвнымъ моремъ открываются небеса, и Богъ нисходитъ въ величій славы для суда; изъ лучей, окружающихъ Духа Божія, выдаются пламенныхъ мечи и на нихъ — гнѣвные, но пришедшіе для освобожденія, стоятъ двое апостоловъ — могущественные покровители нашего города! Прощай, народъ Римскій! притча досказана *.

(*) Сисмонди приписываетъ Ріензи прекрасную рѣчь при объясненіи картины, рѣчь, въ которой онъ гремѣлъ противъ пороковъ патриціевъ. Современный біографъ Ріензи ничего не говоритъ объ этой рѣчи. Но очевидно Сисмонди считалъ нужнымъ смѣшать въ одно два обстоятельства.

X.

Вызванъ суровый духъ, который въ послѣдствіи можетъ разстерзать чародѣя.

Между тѣмъ какъ вокругъ капитоля происходила эта оживленная сцена, внутри одной изъ комнатъ дворца сидѣлъ двигатель и главный виновникъ волненія. Въ сообществѣ спокойныхъ писцовъ Ріензи, казалось, былъ углубленъ въ скучныя подробности своихъ занятій. До его комнаты доносились шумъ и гамъ, клики и шаги толпы, но онъ, казалось, не обращалъ на нихъ вниманія, и ни на минуту не отрывался отъ своей работы. Съ неизмѣнною регулярностью автомата, онъ продолжалъ вписывать въ свою большую книгу, яснымъ и красивымъ почеркомъ того времени, тѣ проклятыя цифры, которыя лучше всякой декламации показывали ему обманы, совершаемые на счетъ народа, и давали ему въ руки оружіе яснаго факта, который такъ трудно опровергнуть.

— Страница 2, книга 13. сказалъ онъ спокойнымъ дѣловымъ голосомъ, обращаясь къ писцамъ. Посмотрите тамъ статью — доходы съ соляной пошлины; департаментъ № 3 — хорошо. Стр. 9 кв. Д. Каковъ отчетъ Вескобальди, сборщика? какъ! двѣнадцать тысячъ флориновъ и только? — Безсовѣстный негодяй! (Здѣсь послышался крикъ за окномъ: Пандульфо, многія лѣта Пандульфо!) Пастручи, другъ мой, вы разсѣяны; вы слушаете шумъ за окномъ — пропущу васъ позабавьтесь вычисленіемъ, которое я вамъ поручилъ. Санти, какой приходъ показанъ у Антоніо Тралли?

Послышался легкій стукъ въ дверь и вошелъ Пандульфо.

Писцы продолжали работу, хотя успѣшно взглянули на блѣдное лице почтеннаго посѣтителя, котораго имя, къ ихъ великому удивленію, сдѣлалось народнымъ кликомъ.

— А, другъ мой, сказалъ Ріензи довольно спокойнымъ голосомъ, между тѣмъ какъ руки его дрожали отъ плохо — сдержаннаго волненія, вы хотите говорить со мной наединѣ? ну, такъ пойдѣте сюда. Съ этими словами онъ провелъ гражданина въ небольшой кабинетъ, прилежавшій къ задней части канцеляріи, тщательно заперъ дверь, и тогда, предавшись нетерпѣливымъ движеніямъ своего характера, схватилъ Пандульфо за руку. Говори! вскричалъ онъ: поняли они толкованіе? — сдѣлалъ ли ты его достаточно яснымъ и осязательнымъ? — глубоко ли запало оно въ ихъ душу?

— О, да, клянусь Св. Петромъ! отвѣчалъ гражданинъ, котораго духъ былъ возбужденъ недавнимъ открытіемъ, что онъ тоже ораторъ — обольстительное удовольствіе для застѣнчиваго человѣка. Они поглощали каждое слово толкованія; они тронуты до мозга костей своихъ; вы сейчасъ могли бы вести ихъ въ битву и дѣлать ихъ героями. Что касается до дюжана кузнца...

— Чекко дель Веккио? прервалъ Ріензи; о, его сердце выковано изъ бронзы — что онъ сдѣлалъ?

— Онъ схватилъ меня за-полу, когда я сходилъ съ моей трибу-

ны (о, еслибы вы могли меня видѣть! per fede, я заимствовалъ вашу мантію, я былъ второй вы!), и сказалъ плача какъ ребенокъ: Ахъ, синьоръ, я бѣдный человекъ, и незначительный; но еслибы каждая капля крови въ моемъ тѣлѣ была жизнью, то я отдалъ бы ее за мою родину!

— Честная дупа! сказалъ Ріензи съ волненіемъ; еслибы въ Римѣ было пятьдесятъ такихъ! Никто не сдѣлалъ намъ столько добра изъ людей его класса, какъ Чекко дель Веккіо!

— Они видятъ покровительство даже въ его огромномъ ростѣ, казалъ Пандульфо. Что нибудь да значить — слышать такія полновѣсныя слова отъ такого полномѣснаго малого.

— Были ли тамъ какіе либо голоса противъ картины и ея смысла?

— Ни одного.

— Въ такомъ случаѣ время почти созрѣло; нѣсколько дней еще, и затѣмъ *удинення труба*! При этихъ словахъ Ріензи слѣжилъ, руки опустилъ глаза и, казалось, впалъ въ задумчивость.

— Кстати, замѣтилъ Пандульфо, я почти забылъ сказать тебѣ, что толпа хотѣла нахлынуть сюда: такъ нетерпѣливо эти люди хотѣли тебя видѣть, но я просилъ Чекко дель Веккіо взойти на роstrу и сказать имъ, что было бы неприлично теперь, когда ты знаешь въ капитоліи гражданскими и духовными дѣлами, вломиться къ тебѣ такой большою толпою. Хорошо я сдѣлалъ?

— Очень хорошо, Пандульфо.

— Но Чекко дель Веккіо говоритъ, что онъ долженъ прійти поцѣловать у тебя руку: и онъ явится сюда, какъ только ему будетъ возможно выбраться изъ толпы.

— Добро пожаловать! сказалъ Ріензи полумашинально, потому что онъ былъ углубленъ въ размышленія.

— Да вотъ онъ! прибавилъ Пандульфо, когда одинъ изъ писцовъ оавѣстилъ о приходѣ кузнеца.

— Пусть войдетъ! сказалъ Ріензи, спокойно садясь.

Когда кузнецъ очутился въ присутствіи Ріензи, то для Пандульфо забавно было видѣть удивительное вліяніе духа на матерію. Трубный и могучій гигантъ, съ крѣпкимъ станомъ и желѣзными нервами, который во всѣхъ народныхъ волненіяхъ возвышался надъ толпою, этотъ соединительный пунктъ и оплотъ другихъ, — сталъ теперь, краснѣя и дрожа предъ умомъ, который, почти можно сказать, создалъ его собственный. Одушевленное краснорѣчіе Ріензи раздуло искру, которая до тѣхъ поръ таилась подъ пепломъ въ этой простой груди. Кто первый пробуждаетъ въ рабѣ чувство и духъ свободы, тотъ приближается на сколько лишь дано человеку, болѣе чѣмъ философъ, болѣе даже чѣмъ поэтъ, къ божественному творчеству. Но если душа не приготовлена воспитаніемъ къ принятію этого дара, то онъ можетъ сдѣлаться проклятіемъ для дающаго, а тотъ, кто вдругъ дѣлается изъ раба свободнымъ, можетъ также скоро сдѣлаться изъ свободнаго негодяемъ.

— Подожди, мой другъ, сказалъ Ріензи послѣ минутной паузы.

Я знаю все, что ты сдѣлалъ и готовъ сдѣлать для Рима! Ты достоинъ лучшихъ дней его и рожденъ для того, чтобы принимать участіе въ ихъ возвращеніи.

Кузнецъ упалъ къ ногамъ Ріензи; тотъ, чтобы поднять его, протянулъ руку, которую Чекко дель Веккіо схватилъ и почтительно поцѣловалъ.

— Это не предательскій поцѣлуй, сказалъ Ріензи, улыбаясь; но встань мой другъ, — въ этомъ положеніи мы должны находиться только предъ Богомъ и его святыми.

— Тотъ святы, кто помогаетъ намъ въ нуждѣ! отвѣчалъ кузнецъ; и никто не сдѣлалъ того, что ты. Но когда же—пробавилъ онъ, понижая голосъ и пристально смотря на Ріензи, какъ человекъ, который ждетъ сигнала нанести ударъ, — когда же мы начнемъ напасть?

— Ты говорилъ со всѣми честными людьми въ твоёмъ сосѣдствѣ, — совѣтъ-ли готовы они?

— На жизнь и смерть; они жаждутъ приказанія Ріензи!

— Я долженъ имѣть списокъ, знать число, имена, дома и званія въ эту ночь.

— Будутъ доставлены.

— Каждый долженъ подписать свое имя или поставить знакъ собственноручно.

— Это будетъ сдѣлано.

— Такъ, слушай! поди въ домъ Пандульфо-де-Гвидо, сегодня вечеромъ, на закатѣ солнца. Онъ скажетъ тебѣ гдѣ найти нѣскольکو мужественныхъ людей; — ты достоинъ быть въ ихъ числѣ. Ты не забудешь!

— Клянусь, я буду считать каждую минуту до тѣхъ поръ! сказалъ кузнецъ, и его смуглое лицо просіяло гордостью отъ оказываемаго къ нему довѣрія.

— Между тѣмъ наблюдай за своими сосѣдами, не давай никому унывать и падать духомъ, — никто изъ твоихъ друзей не долженъ быть запятнанъ клеймомъ измѣнника!

— Если я замѣчу, что кто нибудь изъ нашихъ отвѣтливаетъ, то я перерѣжу ему горло, будь онъ сынъ моей матери! сказалъ смѣлый кузнецъ.

— Ха, ха! прибавилъ Ріензи съ своимъ особеннымъ, страннымъ смѣхомъ; чудо! чудо! картина заговорила!

Было почти темно, когда Ріензи вышелъ изъ капитоля. Широкое пространство, лежащее предъ его стѣнами, было пусто; Ріензи шелъ задумчиво, плотно закутавшись въ свой плащъ.

— Я почти взобрался на вершину, думалъ онъ, и теперь у меня подъ ногами зіяетъ бездна. Если мнѣ не удастся, то — какое паденіе! послѣдняя надежда моей родины гибнетъ со мною. Никогда патрицій не возстанетъ противъ патриціевъ. Никогда другой плебей не будетъ имѣть удобныхъ случаевъ и власти, какъ имѣю я! Римъ связанъ со мною — одной нераздѣльной жизнью. Свобода во всѣхъ вре-

меня утверждалась на тростникѣ, который можетъ быть съ корнемъ вывороченъ вѣтромъ. Но, о, Провидѣніе! Развѣ Ты не сохранило и не отмѣтило меня для великихъ дѣлъ? Шагъ за шагомъ Ты меня вело къ этому важному предпріятію! Каждый послѣдующій шагъ былъ приготовляемъ предъидущимъ! И, однакоже, какая опасность! если непостоянный народъ, сдѣлавшійся трусливымъ вслѣдствіе продолжительнаго рабства, станетъ только колебаться во время кризиса, я погибну!

При этихъ словахъ онъ поднималъ глаза и увидѣлъ первую вечернюю звѣзду, которая спокойно сіяла надъ обломками Тарпейскаго гѣса. Это было неблагоприятное предзнаменованіе и сердце Ріензи забилось сильнѣй, когда эта темная, обвалившаяся масса вдругъ представилась его взорамъ.

— Грозный памятникъ, думалъ онъ, какихъ темныхъ катастрофъ, какихъ сокроенныхъ плановъ бывалъ ты свидѣтелемъ! къ какому множеству предпріятій, о которыхъ исторія молчитъ, ты приложилъ печать свою! Какъ можемъ мы знать—были они преступники или праведники? Какъ можемъ мы быть увѣрены, что тотъ, кого судили какъ измѣнника, не былъ бы въ случаѣ своего успѣха награжденъ безсмертіемъ, какъ избавитель? Если я паду—кто напишетъ мою исторію?—Кто нибудь изъ народа? Увы! слѣпая и негнущаяся, эта масса не можетъ создать умовъ, которые могли бы апеллировать къ потомству. Кто нибудь изъ патриціевъ?—тогда яркими красками я буду изображенъ! Для меня не найдется гробницы между обломками, ни одна рука не принесетъ цвѣтовъ на мою могилу—всѣ мои мечты о минувшей чести и славѣ послужатъ только къ тому, чтобы осудить меня на вѣчный позоръ!

Размышляя такимъ образомъ на грани огромнаго предпріятія, на которое себя онъ обрекъ, Ріензи продолжалъ свой путь. Дойдя до Тибра, онъ нѣсколько минутъ постоялъ около этой исторической рѣки, въ глубинѣ которой отражалось пурпурное и освѣщенное звѣзднымъ небомъ. Онъ перешелъ мостъ, ведущій къ кварталу Трастеверинскому, гордые обитатели котораго считаютъ себя единственными—стоящими потомками древнихъ римлянъ. Здѣсь его шаги сдѣлались скорѣе и легче; болѣе свѣтлыя, хотя не столько важныя мысли наполнили его душу; и честолюбіе, успокоившееся на минуту, тавило его напряженный и озабоченный умъ подъ владычествомъ нѣжной страсти.

XI.

Нина-ди-Равелли.

— Говорю тебѣ, Лючія, мнѣ не нравятся эти матеріи; онѣ ко мнѣ не идутъ. Видѣла-ли ты такія жалкія краски?—Это пурпуръ! Право? Это малиновый цвѣтъ! Зачѣмъ этотъ человѣкъ ихъ оставилъ? Пусть онъ ихъ завтра возьметъ и несетъ куда хочетъ. Онѣ могутъ пойти синьорамъ по ту сторону Тибра, которые воображаютъ, что

все венеціанское должно быть совершенно; но я, Люція, вижу собственными глазами и сужу собственными умомъ.

— Ахъ, дорогая синьора, сказала служанка, и еслибы вы были да вы и будете непременно рано или поздно — большую синьору, то съ какимъ достоинствомъ вы носили бы ваши почести! Santa Cecilia! при синьорѣ Папѣ ни на одну римскую даму никто бы не смотрѣлъ!

— Но правда ли, мы показали бы имъ что значить великолѣпіе? отвѣчала Нина. О, какіе мы задавали бы праздники! Видѣла ты галлерей праздники, данные на прошлой недѣлѣ синьорою Джуліей Савелли?

— Да, синьора; и когда вы ходили по залѣ въ своемъ нарядѣ изъ серебряной парчи, устѣянной жемчугомъ, то по галлерей пробѣгалъ такой говоръ; всѣ кричали, что Савелли принимаетъ у себя ангела.

— Тсъ! Люція; не лести, дѣвочка.

— Это чистая правда, синьора. Ну, да это былъ дѣйствительно праздникъ, не правда ли? Какое великолѣпіе! пятьдесятъ слугъ въ красномъ сукнѣ и золотѣ! музыка играла все время. Менестрели были приглашены изъ Бергамо. Развѣ этотъ праздникъ вашъ не понравился? О, я ручаюсь, много сладкихъ рѣчей вамъ наговорили въ тотъ день!

— Нѣтъ, тамъ не доставало одного голоса, и этимъ вся музыка была испорчена. Но, милая, еслибы я была на мѣстѣ синьоры Джуліи, то я не удовольствовалась бы такимъ бѣднымъ праздникомъ.

— Какъ, бѣднымъ! всѣ нобили говорятъ, что онъ перетерпѣлъ великолѣпнѣйшій свадебный праздникъ Колонны. Мало того, одѣтъ сидѣвший рядомъ со мной неаполитанецъ, который служилъ у королевны Іоанны во время ея свадьбы, говорилъ, что такого не было даже въ Неаполѣ.

— Можетъ быть. Я не имѣю никакого понятія о Неаполѣ; но знаю, чѣмъ былъ бы мой дворъ, еслибы я была тѣмъ, чѣмъ некогда не могу быть, а не тѣмъ, что я теперь. Посуда для бавкета была бы у меня изъ золота, кубки до самыхъ краевъ усыпаны были дорогими камнями, ни одного дюйма грубыхъ плитъ пола не было бы видно, все было бы покрыто золотой парчей. Фонтаны на дворѣ брызгали бы благовоніями востока; мои пажы не были бы неотесанные ребята, краснѣющіе за свою неловкость, а прекрасные мальчики моложе двѣнадцати лѣтъ, взятые изъ лучшихъ дворовъ Рима, а что касается до музыки, ахъ, Люція! каждый музыкантъ имѣлъ бы на головѣ вѣнокъ, и стоялъ бы его; а кто игралъ бы лучше всѣхъ, тотъ для поощренія остальныхъ получалъ бы на граду, розу изъ моихъ рукъ. А замѣтила ты платѣ синьоры Джуліи? Какіе цвѣта! они затмили бы солнце въ полдень! желтый, голубой, оранжевый и пурпурный! Боже мой! Глаза мои не могли бы выдержать слѣдующій день!

— Конечно, синьора Джулія не имѣетъ вашего искусства подбигать одинъ цвѣтъ къ другому, сказала, поддакивая, служанка.

— А какая мила! вовсе нѣтъ царственного величія! Она двигалась о залѣ, путаясь почти каждую минуту въ своемъ шлейфѣ; да еще казалась съ глупымъ смѣхомъ: «Эти праздничныя платья только одна безпокойная роскошь.» Правда. Потому что для знатныхъ не должно быть праздничныхъ платьевъ. Для себя, а не для другихъ одѣвалась бы! Каждый день былъ бы у меня новое платье, лучше прежняго; каждый день былъ бы у меня праздникомъ!

— Мнѣ кажется, сказала Лючія, что синьоръ Джіованни Орсини жень ухаживалъ за синьорою.

— Онъ! медвѣдь!

— Медвѣдь, можетъ быть! но у него дорогая шкура. Богатства о несмѣтны.

— И дуракъ, не умѣетъ ихъ тратить.

— А это молодой синьоръ Адріанъ ди Кастелло говорилъ съ вами самыхъ колоннъ, гдѣ играла музыка?

— Можетъ быть, не помню.

— Однако же я слышала, что немногія дамы забываютъ, когда ими ухаживаетъ синьоръ Адріанъ ди Кастелло.

— Тамъ былъ только одинъ человекъ, который, по моему, стоить того, чтобы о немъ вспомнить, отвѣчала Нина, не замѣтивъ лека хитрой служанки.

— Кто же это? спросила Лючія.

— Старый ученый изъ Авиньона.

— Какъ! этотъ, съ сѣдой бородою? Ахъ, синьора!

— Да, сказала Нина, важнымъ и грустнымъ голосомъ, когда онъ ворилъ, все исчезало изъ моихъ глазъ, потому что онъ говорилъ гдѣ о немъ!

При этихъ словахъ синьора глубоко вздохнула, и слезы подступили къ ея глазамъ.

Служанка подняла презрительно губу и ея глаза выразили изумленіе; но она не посмѣла возразить.

— Открой рѣшотку, сказала Нина, послѣ паузы, и дай мнѣ вонъ бумагу. Не эту, а стихи, которые мнѣ присланы вчера. Какъ, итальянка, а не можешь инстинктомъ угадать, что я говорю о стихахъ Петрарки!

Нина сѣла у открытаго окна, чрезъ которое прокрадывались яркіе ищжные лунные лучи. Лампа стояла возлѣ нея и, прикрывъ свои глаза, какъ будто для того, чтобы защитить себя отъ ея свѣта, а сама шъ дѣлѣ для того, чтобы спрятать свое лицо отъ взглядовъ ии, молодая синьора, казалось, углубилась въ чтеніе одного изъ ихъ ищжныхъ советовъ, которые въ то время кружили головы и пламеняли сердца въ Италіи. *

Хотя правда, что любовные сонеты Петрарки не были тогда, какъ теперь, нами ужасными изъ его произведеній, но говорить, что они были мало извѣстны и что изъ нихъ итальянцы были холодны,—большая ошибка. Они были огре-

Родясь отъ одной обѣдѣвшей фамилии, которая, хотя и гордилась своимъ происхожденіемъ отъ консульскаго поколѣнія Рима, но, въ это время, едва удерживала место мѣжду низшимъ дворянствомъ, Нина-ди-Разелли была балованнымъ ребенкомъ — идоломъ и тираномъ своихъ родителей. Энергическій и своенравный характеръ ея былъ причиною, что она управляла тамъ, гдѣ должна была бы повиноваться; и такъ какъ всегда природныя наклонности могутъ преодолѣть установившійся обычай, то она, не смотря на то, что родилась въ страхѣ, гдѣ молодыя и незамужнія женщины обыкновенно стѣснены и связаны въ своихъ поступкахъ, присвоила, а чрезъ то и приобрѣла привилегію независимости. Правда, она имѣла больше образованности и ума, чѣмъ сколько ихъ обыкновенно выпадало на долю женщинъ того времени; и довольно для того, чтобы въ глазахъ своихъ родителей быть чудомъ. Она обладала также тѣмъ, что они цѣнили еще болѣе, именно необыкновенною красотою; и—чего они боялись—неукротимую гордость,—которая однакоже соединялась съ тысячею нѣжныхъ и пріятельныхъ качествъ и даже, казалось, исчезала тамъ, гдѣ она любила. Въ одно и то же время тщеславная и великодушная, рѣшительная и страстная, она, въ самомъ тщеславіи своемъ, обладала какимъ-то великодушіемъ, въ причудливости — идеальностью: ея недостатки составляли часть ея блистательныхъ качествъ; безъ нихъ она бы казалась не лучше женщиной. Зная ее, вы бы судили обо всѣхъ женщинахъ не иначе, какъ принимая ее за образецъ. Рядомъ съ ней болѣе нѣжные качества казались не очаровательные, а пошлые. Она не имѣла честолюбія низшаго сорта, она упорно отказалась отъ многихъ партій, на которыя дочь Разелли почти не могла надѣяться. Необразованные умы и дикое могущество римскихъ патриціевъ казались ей воображенію, преданному мечтамъ о *poëzie* высокаго званія, — о ея роскоши и прелестяхъ, чѣмъ-то варварскимъ и возмутительнымъ внушающимъ въ одно и то же время ужасъ и презрѣніе къ нимъ. Поэтому она миновала свой двадцатый годъ, не выйдя еще замужъ, но не безъ любви. Самые недостатки ея характера возвысили тотъ идеалъ любви, который она себѣ составила. Ей нужно было существо, вокругъ котораго могли бы соединиться всѣ ея наиболѣе тщеславныя качества: она чувствовала, что любовь ея должна была переходить въ обожаніе; ей нуженъ былъ необыкновенный идолъ, предъ которымъ бы склонился, ея твердый и повелительный духъ. Не похожая на женщинъ болѣе кроткихъ, которыя любятъ выслушивать мимолетныя капризы нѣжнаго господства надъ мужчиною, — она должна была перестать повелѣвать тамъ, гдѣ любила: и тогда же перейти отъ гордости къ преданности. Качества, которыя могли привлечь ее, были такъ рѣдки, ея гордость такъ настоятельно требовала, чтобы они были выше ея собственныхъ, хотя того же рода,—что ея любовь возвысила свой идеалъ на степень какой-нибудь и всеобщій успѣхъ. Каждый павецъ пѣлъ ихъ на улицахъ, и по словамъ Филиппа Виллани — *gravissimi nesciebant abstinere*, — т. е. даже самые серьезные люди не могли удержаться отъ чтенія ихъ.

божества. Привыкнувъ презирать, она чувствовала всю роскошь благоговѣнія! И еслибы судьба соединила ее съ человѣкомъ, котораго она любила бы такимъ образомъ, то натура ея могла бы возмѣститься натурою своего образца. Что касается до ея красоты..., читатель, если ты когда нибудь будешь въ Римѣ, то увидишь въ капитолинскомъ изображеніи Кумской Сивиллы, о которомъ не можетъ дать даже слабое понятіе ни одна изъ многочисленныхъ ея копій. Въ рачной красотѣ этихъ глазъ есть что-то странное и неземное. Прошу тебя, не смѣшивай этой Сивиллы съ какой нибудь другою, потому что въ римскихъ галлерейхъ множество Сивиллъ *. Та, о которой я говорю, смугла и лицо ея имѣетъ восточный типъ; платье турбанъ, при всей своей пышности, меркнутъ предъ густымъ, но прозрачнымъ румянцемъ ея розовыхъ щекъ; волосы ея были бы черны, еслибы не имѣли того золотого блеска, который смягчаетъ ихъ цвѣтъ и даетъ ему оттѣнокъ встрѣчаемый только на югѣ да и чрезвычайно рѣдко; черты, хотя не греческія, но безукоризненны; ротъ, лобъ, окончательно сформировавшійся и изящный кончикъ,—все человѣчно и сладострастно; выраженіе, видъ представлятъ нечто болѣе возвышенное; формы, можетъ быть, слишкомъ полны для совершенства красоты, для пропорцій скульптуры, для изящества афинскихъ моделей, но этотъ роскошный недостатокъ имѣетъ свое величіе. Смотрите подольше на картину: она чаруетъ, она пленяетъ глазъ. Когда вы глядите на нее, вы вызываете опять мысль за пять столѣтій назадъ. Предъ вами живой портретъ Нины-Разелли.

Впечатлѣніе прекрасной Нины было въ эту минуту погружено не въ роумныя и выработанныя фантазіи Петрарки, въ которыхъ онъ, смотря на свой поэтический гений, часто принимаетъ поданство страсть. Глаза ея были устремлены не на страницы, а на садъ въ окномъ. Лунный свѣтъ падалъ на старыя фруктовыя деревья и вьющіяся виноградныя лозы; среди зеленого, но полузанушеннаго дерна вода маленькаго круглаго фонтана, котораго совершенныя пропорціи говорили о дняхъ давно минувшихъ, играла и сверкала отражавшимися въ ней звѣздами. Сцена была спокойна и прекрасна, но Нина не думала ни объ ея спокойствіи, ни объ ея красотѣ: она обращала глаза къ одному, самому темному и мрачному предмету. Тамъ деревья стояли густою массою, скрывая отъ глазъ низкую, но толстую стѣну, которая окружала домъ Разелли. Сучья этихъ деревьевъ чуть пошевелились, но Нина замѣтила ихъ колебаніе, массы ихъ медленно и осторожно отдѣлилась одинокая фигура, которой на траву упала длинная и темная тѣнь. Фигура подошла къ окну и тихимъ голосомъ проговорила имя Нины.

Скорѣе, Лючія! вскричала она, задыхаясь; скорѣй! веревочную

эта известная Сивилла Доменикино Какъ произведеніе искусства, Сивилла Гверини, называемая персидскою Сивиллою и находящаяся въ той же коллекціи картинъ, можетъ быть выше; но по красотѣ и характеру Сивилла Доменикино несравненно

дѣстницу! это онъ! онъ пришелъ! Какъ ты молишь! поторопись! дѣвочка—его могутъ замѣтить!—Такъ,—теперь она привязана. Мой милый, мой герой, мой Ріензи!

— Это вы! сказалъ Ріензи, войдя въ комнату и обхватывая руками ея станъ, что ночь для другихъ, то день для меня!

Первыя минуты встрѣчи и привѣтствій прошли, и Ріензи сѣлъ у ногъ своей красавицы. Голова его склонилась на ея колѣни, глаза были устремлены на ея лицо, руки обоихъ были соединены въ стѣ.

— И для меня ты презираешь эти опасности! сказалъ Ріензи, стыдъ въ случаѣ обнаруженія тайны—гнѣвъ родителей!

— Что значать мои опасности въ сравненіи съ твоими? О, Боже! еслибы отецъ мой увидалъ тебя здѣсь—ты бы погибъ!

— Онъ счелъ бы такимъ страшнымъ униженіемъ, что ты, прекрасная Нина, которая могла бы быть податъ самымъ гордымъ именамъ Рима, тратишь свою любовь на плебея—хотя онъ вукъ императора!

Гордое сердце Нины было въ состояніи исполнѣ сочувствовать уязвленной гордости ея милаго: она замѣтила боль, скрывавшуюся подъ безпечнымъ тономъ его отвѣта.

— Развѣ ты не говорилъ мнѣ, сказала она, и о великомъ Маріѣ, который не былъ благородный, но отъ котораго выводилъ свой родъ надменнѣйшіе Колонны почли бы счастіемъ? Развѣ я не вижу въ тебѣ челоуѣка, который затмитъ могущество Маріа, не запятнавъ себя его пороками?

— Упоительная лестъ! Милая предвѣщательница! сказалъ Ріензи съ меланхолическою улыбкою; и никогда твои ободрительныя обѣщанія будущаго не были для меня болѣе кстати, чѣмъ теперь. Я скажу тебѣ то, чего бы не сказалъ никому другому—моя душа почти подавлена огромнымъ бременемъ, которое я на себя принялъ. Я ищу нужду въ новомъ мужествѣ, потому что страшный часъ приближается. Я почерпаю это мужество изъ твоихъ взглядовъ и словъ.

— О! отвѣчала Нина, краснѣя, славенъ жребій, который купила моею любовью къ тебѣ: раздѣлять твои планы, утѣшать тебя въ сомнѣніи, напентывать тебѣ любовь въ минуты опасности!

— И награждать меня въ минуты торжества, прибавилъ Ріензи страстно. О, если когда нибудь я заслужу лавровый вѣнокъ, за спасеніе родины, то какая радость, какая награда—положить его у ногъ твоихъ! можетъ быть, въ эти долгіе и уединенные часы холодности и изнеможенія, которыми наполняются скучные промежутки холоднаго размышленія, между моментами сильной дѣятельности, — можетъ быть, я бы не выдержалъ и поколебался и отрекся бы даже отъ моихъ грезъ, о Римѣ, еслибы онъ не былъ связаны съ моими грезами о тебѣ; еслибы я не представлялъ се-

бы того часа, когда судьба поставитъ меня выше моего рожденія, когда твой отецъ не сочтетъ униженіемъ отдать тебя мнѣ, когда и ты займешь между римскими женщинами надлежащее мѣсто, какъ самая прекрасная и уважаемая изъ всѣхъ; когда эта пышность, которую я презираю въ душѣ моей, сдѣлается мнѣ мила и пріятна, потому что соединена съ тобой! Да, эти мысли вдохновляли меня, когда серьезные думы отступали предъ призраками, окружавшими ихъ цѣль. О, моя Нина! священна, сильна и терпѣлива должна быть любовь, живущая въ томъ же чистомъ и возвышенномъ воздухѣ, который питаетъ мои мечты о патріотизмѣ, свободѣ и славѣ!

Этотъ языкъ, болѣе чѣмъ обѣты вѣрности и милая лесть, выливающаяся отъ избытка сердца, заковывалъ гордую и тщеславную душу Нины въ цѣпи, которыя она такъ охотно носила. Быть можетъ, въ отсутствіе Ріензи, поддаваясь болѣе слабымъ свойствамъ своей натуры, она представляла себѣ торжество того времени, когда она низвизтъ этихъ высокородныхъ синьоръ и затмитъ варварское великолѣпіе римскихъ вождей. Но при немъ, прислушиваясь къ словамъ болѣе возвышеннаго и благороднаго честолюбія, къ которому не примѣшивалось еще никакое личное чувство, исключая надежды на обладаніе ею, эгоизмъ слишкомъ легко прощаемый, ея выстія впечатлѣнія соединялись съ его планами, ея умъ стремился стать въровень съ его умомъ и она думала больше о его славѣ, чѣмъ о собственномъ возвышеніи. Гордости ея льстило быть единственною повѣренною самыхъ сокровенныхъ его мыслей, самыхъ отважныхъ его предпріятій, видѣть предъ собою открытымъ, запутанный лабиринтъ его предпримчивой души, быть допущенной даже до знакомства съ сомнѣніями и слабостями этой души, также какъ съ ея еролизмомъ и силою.

Любовь Ріензи и Нины находилась въ совершенномъ контрастѣ съ любовью Адріана и Ирены. Въ послѣдней все состояло изъ фантазій, грёзъ и причудъ юности: они никогда не говорили о будущемъ; и не примѣшивали къ любви своей никакихъ другихъ требленій. Честолюбіе, слава, высокія земныя цѣли исчезали для нихъ, когда они бывали вмѣстѣ; любовь ихъ поглощала весь міръ и не оставляла кромѣ себя ничего видимаго подъ солнцемъ. Напротивъ того любовь Нины и Ріензи была страсть, свойственная натурѣ болѣе сложной, возрасту болѣе зрѣлому. Она состояла изъ тысячи чувствъ по природѣ отдаленныхъ другъ отъ друга, въ сосредоточенныхъ въ одномъ фокусѣ могуществомъ любви. Они разговаривали о мірскомъ, изъ міра извлекали пищу, которая поддерживала ихъ принязанность; они говорили и думали о будущемъ; въ грёзъ его и воображаемой славы они сдѣлали себѣ домъ и алтарь. Любовь ихъ была разумнѣе любви Адріана и Ирены; пригоднѣе для той грубой земли; въ ней заключалось больше осадка поведеній-ныхъ желѣзныхъ дней, и меньше поэзія первобытнаго золотого вѣка.

— Ты теперь долженъ идти? сказала, Нина уже не отворачивая

своихъ щекъ отъ его поцѣлуевъ и своей талии отъ его пренасыщенныхъ объятій. Мѣсяць еще высоко; ты былъ у меня такъ недолго.

— Нодолго! увы! сказалъ Ріензи, близко полночь, друзья мои ждутъ.

— Если такъ, иди, лучшая половина моей души! я не стану удерживать тебя ни на минуту отъ высокихъ цѣлей, которыя дѣлаютъ тебя такъ мнѣ дорогимъ. Когда мы опять увидимся?

— Я увижу тебя не такъ, сказалъ Ріензи съ гордостью, и душа его отразилась на лицѣ, и не такъ, не украдкою, не какъ неизвѣстный и презрѣнный рабъ! Когда ты меня увидишь, въ сѣдующій разъ, я буду во главѣ сыновъ Рима, его защитникомъ, восстановителемъ, или, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ....

— Здѣсь нѣтъ никакого или! прервала Нина, обнимая его и воспламеняясь его энтузіазмомъ, ты предсказалъ свою собственную судьбу!

— Еще одинъ поцѣлуй! чрезъ десять дней солнце будетъ сѣть уже надъ восстановленнымъ Римомъ!

XII.

Странныя приключенія Вальтера де Монреалья.

Въ тотъ же вечеръ, при свѣтѣ еще не погаснувшихъ звѣздъ, Вальтеръ де - Монреаль возвращался на свою квартиру, въ монастырь, соединенный тогда съ церковью Санта - Марія дель пріората и принадлежащій, также какъ и церковь, рыцарямъ странопріимскаго ордена. Онъ пріостановился среди развалинъ и опустошенія, лежавшаго вокругъ его дороги. Хотя онъ мало былъ сѣдущъ въ классическихъ воспоминаніяхъ мѣста, но не могъ избѣгнуть впечатлѣнія, производимаго этимъ, такъ сказать, огромнымъ скелетомъ умершей гигантской имперіи.

Онъ смотрѣлъ вокругъ на обнаженные колонны и обвалившіяся стѣны, которыя были видны повсюду, озаренныя свѣтомъ звѣздъ. За ними находилась мрачная и зубчатая крѣпость Франджини, на половину скрытая темною листвою деревъ, которыя росли среди самыхъ храмовъ и дворцовъ древности, показывая такимъ образомъ торжество природы надъ непрочнымъ искусствомъ.

— Книжниковъ, думалъ Монреаль, эта сцена вдохновила бы фантастическими и мечтательными видѣніями прошедшаго. Но для меня эти памятники высокаго честолюбія и царскаго блеска создаютъ только образы будущаго. Римъ съ своею семиколонною дѣдоу еще можетъ быть, какъ былъ прежде, добычею наиболѣе сильной руки и наиболѣе смѣлаго воина. Онъ можетъ быть возвращенъ къ жизни, но не своими выродившимися сынами, а развѣ влить въ него крови новой расы. Вильяму незаконнорожденному едва ли было такъ легко завоевать англичанъ, какъ Вальтеру законнорожденному этихъ римскихъ эвнуховъ. А какое завоеваніе славнѣе: варварскіи

островъ или метрополія міра? Не далеко отъ вождя до подесты— еще ближе отъ подесты до короля!

Между тѣмъ какъ мысли его были заняты этими прихотливými, не совѣстѣ химерическими, честолюбивыми планами, на травѣ посыпались быстрые легкіе шаги. Взглянувъ вверхъ, Монреаль увидалъ высокую фигуру женщины, сходившей къ подошвѣ Авентина съ того мѣста этой горы, которая была покрыта многими монастырями. Она опиралась на длинную палку и движенія ея были такъ эластичны и прямы, что, взглянувъ при свѣтѣ звѣздъ на ея лицо, нельзя было не удивиться открытію, что оно принадлежало пожилой женщинѣ. Это была суровая и гордая фizioномія, поблекшая и съ глубокими морщинами, но не безъ нѣкоторой правильности чертаній.

— Святая Дѣва! вскричалъ Монреаль, отступивъ назадъ при видѣ этого лица. Возможно ли? это она!— Это...

Онъ прыгнулъ впередъ и сталъ прямо предъ старухою, которая, казалось, столько же была удивлена, хотя еще болѣе уstraшена, увидѣвъ Монреалья.

— Я искалъ тебя цѣлые годы, сказалъ кавалеръ, первый прерывая молчаніе; годы, долгіе годы,—твоя совѣсть можетъ сказать тебѣ—зачѣмъ.

— Моя? кровожадный человѣкъ! вскричала женщина, дрожа отъ ярости и страха; смѣешь ли ты говорить о совѣсти? Ты, обольститель, разбойникъ, отъявленный убійца! Ты, позоръ рыцарства и благороднаго происхожденія! И ты имѣешь крестъ цѣломудрія и міра на своей груди! Ты говоришь о совѣсти, лицемеръ!—Ты?

— Синьора, синьора! сказалъ Монреаль умоляющимъ голосомъ, почти робѣя предъ этою бурною горячностью слабой женщины, я грѣшилъ противъ тебя и противъ твоихъ. Но вспомни все, что меня извиняетъ!—ранняя любовь—роковыя препятствія—опрометчивый обѣтъ—непреодолимое искушеніе! Можетъ быть, прибавилъ онъ болѣе гордымъ тономъ, можетъ быть, я въ состояніи загладить мою ошибку и вооруженною рукою вырвать отъ папы, который имѣетъ власть вязать и разрѣшать...

— Проклятый и отверженный! прервала женщина, неужели ты воображаешь, что насиліемъ можно купить разрѣшеніе отъ грѣховъ, или что ты въ состояніи когда нибудь загладить прошлое? Погубленное благородное имя, разбитое сердце отца и его предсмертное проклятiе! Да, это проклятiе—я его слышу и теперь! Оно пронзительно звучитъ въ моихъ ухахъ, какъ въ то время, когда я ходила за умирающимъ! Оно пристаетъ къ тебѣ—преслѣдуетъ тебя—оно проникаетъ тебя, не смотря на твои латы—оно поразитъ тебя, въ полномъ блескѣ твоего могущества! Умъ потраченъ—честолюбіе обезславлено—покаяніе отложено—буйная жизнь и позорная смерть, вотъ гибель твоя, дитя преступленія! Къ этому—къ этому проговорилъ тебя проклятiе старика! И ты осужденъ!

Эти слова старуха болѣе прокричала, чѣмъ проговорила. Сверкающий взглядъ, поднятая рука, выпрямившаяся фигура женщины, часть

удиненіе развалины лежавшихъ кругомъ, все способствовало къ тому, чтобы дать страшному проклятію видъ пророчества. Воинъ о безстрашную грудь котораго переломилась сотня копій, почувствовалъ себя теперь испуганнымъ и уничтоженнымъ. Онъ схватился за край платья своей обвинительницы и вскричалъ задыхающимся и глухимъ голосомъ:

— Пощади меня! Пощади!

— Пощадить тебя! сказала непреклонная старуха; развѣ ты шедилъ когда нибудь мужчину въ своей злобѣ, или женщину въ своемъ сладострастіи? О, пресмыкайся въ пыли! ползай, ползай! дикій звѣрь, котораго лоснящаяся шкура и прекрасные цвѣта дѣлаютъ неосторожныхъ слѣпыми къ твоимъ когтямъ, которые рвутъ, и зубамъ, которые пожираютъ! Ползай для того, чтобы нога женщины старой, безсильной могла отталкивать тебя!

— Вѣдьма! вскричалъ Монреаль въ реакціи внезапной ярости и взбѣшенной гордости, вскочивъ и выпрямляясь во весь ростъ. Вѣдьма! ты перешла за предѣлы того, что я тебѣ дозволялъ, по моей снисходительности, вспомнивъ кто ты. Я почти забылъ, что ты присвоила мою роль — я обвинитель! Женщина! гдѣ мальчикъ не уклонился, не увертывайся! не лги! Ты украла!

— Я. Ты научилъ меня воровать.

— Возврати, отдай его! прервалъ Монреаль, топнувъ съ такою силою, что мраморные обломки, на которыхъ онъ стоялъ задрожали подъ его вооруженною пятою.

Женщина мало обратила вниманія на бѣшенство, которое могло бы привести въ трепетъ самого неустрашимого воина Италіи; но отвѣчала не вдругъ. вмѣсто страсти, на лицѣ ея появилось выраженіе важной, напряженной и меланхолической думы. Наконецъ она отвѣчала Монреалю, котораго рука опустилась на рукоятку кинжала, скорѣе по инстинкту долгой привычки, какъ это было съ нимъ всегда, когда его раздражали или перечили ему, нежели изъ какого-либо кроваваго намѣренія. Какъ ни былъ онъ суровъ и истязатель, но не могъ имѣть подобнаго намѣренія противъ какой-либо женщины, а тѣмъ болѣе противъ той, которая теперь находилась предъ нимъ.

— Вальтеръ де-Монреаль, сказала она спокойнымъ голосомъ, похожимъ на голосъ состраданія, мальчикъ, я думаю, никогда не имѣлъ ни брата ни сестры, онъ былъ единственный ребенокъ въ обѣихъ линіяхъ фамиліи гордой и знатной, хотя теперь обезчещенной въ обѣихъ же линіяхъ... къ чему это нетерпѣніе? ты скоро узнаешь самое худшее: ребенокъ умеръ!

— Умеръ! повторилъ Монреаль, отступая и блѣднѣя; умеръ! нѣтъ, нѣтъ — не говори этого! У него есть мать, ты знаешь, что есть! нѣжная, любящая, заботливая, надѣющаяся! нѣтъ—нѣтъ! онъ не умеръ!

— Такъ ты еще въ состояніи что нибудь чувствовать къ матери? сказала старуха, шовидимому тронутая тономъ провансальца. Но подумайся; не лучше-ли, что могла избавила его отъ жизни, испол-

ненной убійства, кровопролитія и преступленія? Лучше почить съ Господомъ, нежели бодрствовать съ нечистою силою!

— Умеръ! проговорилъ Монреаль; умеръ! милый мальчикъ! еще ребенокъ! эти глаза—совершенно такіе, какъ у матери—закрылись такъ рано!

— Имѣешь ли ты сказать еще что нибудь? Твой видъ выгоняетъ изъ моей души все женское! дай мнѣ уйти.

— Умеръ! могу ли я вѣрить тебѣ? или ты насмѣхаешься надо мной? Ты сказала *свое* проклятіе послушай же и *моего* предостереженія: если ты въ этомъ солгала, то твой послѣдній часъ ужаснетъ тебя и твоя смертная постель будетъ постелью отчаянія!

— Твоя губы, возразила старуха, съ презрительною улыбкой, болѣе пригодны для нечистыхъ обѣтовъ, даваемыхъ несчастнымъ лѣвушкамъ, нежели для обвиненій, которыя серьезны только въ устахъ добрыхъ людей. Прощай!

— Остановись, неумолимая женщина! гдѣ онъ похороненъ? За упокой его души будутъ служить обѣдни! священники будутъ молиться!—грѣхи отца не должны обратиться на невинную голову ребенка!

— Во Флоренціи, отвѣчала старуха, поспѣшно. Но надъ его могилою нѣтъ ни одного камня! Умершій мальчикъ не имѣетъ имени!

Не дожидаясь дальнѣйшихъ вопросовъ, она прошла мимо и продолжала свой путь. Высокая трава и изгибы спуска скоро скрыли это зловѣщее привидѣніе отъ глазъ Монреалья.

Оставшись одинъ, онъ съ глубокимъ и тяжелымъ вздохомъ опустился на землю, закрылъ лицо руками и предался мученію горя. Его грудь подымалась, все тѣло дрожало, и онъ громко плакалъ и рыдалъ со всею страшною энергіею человѣка, котораго страсти крѣпки и буйны, но для котораго спла скорби нова и непривычна.

Уничтоженный и павшій духомъ,—онъ оставался въ этомъ положеніи довольно долгое время, медленно и постепенно успокоиваясь, по мѣрѣ того какъ слезы облегчали его волненіе, и переходя отъ порывистой печали въ мрачную задумчивость. Мѣсяцъ стоялъ высоко, и уже было поздно, когда онъ всталъ. Теперь на его лицѣ осталось мало слѣдовъ прошлаго волненія: Вальтеръ де-Монреаль былъ не изъ тѣхъ людей, которые поддаются продолжительному горю, или которымъ печаль можетъ сообщить постоянную и обычную меланхолію, посѣщающую людей, у которыхъ чувства прочнѣе, хотя волненія не такъ бурны. Характеръ его состоялъ изъ элементовъ чисто-французскихъ, хотя доведенныхъ до крайности. Его разболѣе серьезныя качества были перемѣшаны съ измѣнчивостью и капризомъ, его глубокая проникательность часто была сбиваема съ толку причудами; огромное честолюбіе исчезало предъ какимъ нибудь пустымъ искушеніемъ. Его упругая, сангвиническая и смѣлая натура была вѣрна только желанію военной славы, поэзіи отважной и бурной жизни, и воспріимчивости къ той нѣжной страсти, безъ прикрасть которой не полонъ ни одинъ портретъ рыцаря. Въ этомъ отношеніи Монреаль былъ способенъ къ чувству, къ нѣжно-

сти и вѣрной преданности, что, повидимому, было несовмѣстно съ его безпечнымъ легкомысліемъ и безпорядочною карьерой.

Онъ медленно всталъ.

— Не о себѣ, сказалъ онъ, закутываясь въ плащъ и уши, а такъ горевалъ. Но мученіе минуло, и самое худшее извѣстно. Итъ, обратимся теперь опять къ тѣмъ вещамъ, которыя никогда не умираютъ,—къ безпокойнымъ намѣреніямъ и отважнымъ планамъ. Проклятіе этой вѣдьмы еще леденить мою кровь, а это удивленіе имѣетъ въ себѣ что-то роковое и ужасное. А! что значить этотъ внезапный свѣтъ?

Свѣтъ, бросившійся въ глаза Монреаля, походилъ на звѣзду; онъ былъ больше объемомъ, нѣсколько покраснѣе и сильнѣе. Самъ по себѣ онъ не представлялъ ничего необыкновеннаго и могъ выходить изъ монастыря, или изъ хижины. Но онъ сіялъ въ той части Авентина, на которой не было обитаемыхъ жилищъ, а только одни пустыя развалины и обрушившіеся портики; самыя имена ихъ прежнихъ обитателей погбили. Зная это, Монреаль почувствовалъ нѣкоторый таинственный страхъ при видѣ этого неподвижнаго луча, озаряющаго мрачный ландшафтъ. Онъ былъ не лишентъ суевѣрія рыцарей того времени, притомъ теперь былъ очарованный чаръ духовъ и привидѣній. Но страхъ здѣшняго или не здѣшняго міра не могъ долго оставаться въ душѣ этого смѣлаго разбойника, и послѣ непродолжительнаго колебанія, онъ рѣшился уклониться отъ своего пути и узнать причину явленія. Безсознательно воинственная нога варвара шла по мѣсту прославленнаго или, если угодно, безславнаго храма Изпиды, бывшаго нѣкогда свидѣтелемъ тѣхъ неистовыхъ оргій, о которыхъ упоминаетъ Ювеналь, — и дошелъ наконецъ до густаго и темнаго кустарника, сквозь отверстіе котораго сіялъ таинственный свѣтъ. Пробравшись чрезъ темную листву, рыцарь достигъ большой развалины мрачной и безъ крыши, откуда неясно и глухо доносился звукъ голосовъ. Сквозь разсѣлину стѣны, образующую родъ окна около десяти футовъ отъ земли, свѣтъ падалъ на землю, заключенный, такъ сказать, въ рамку изъ массивной тѣни, и пробиваясь сквозь обвалившійся портикъ находившійся какъ разъ возлѣ. Провансалецъ стоялъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ храмъ, портикъ и бібліотека свободы (первая публичная бібліотека въ Римѣ). Стѣна развалины была покрыта безчисленнымъ множествомъ ползущихъ растений и дикимъ хворостникомъ, и со стороны Монреаля мало требовалось ловкости, чтобы съ помощью ихъ подняться до высоты отверстія и подъ прикрытіемъ роскошной листвы смотрѣть внутрь. Онъ увидѣлъ столъ, освѣщенный восковыми свѣчами; по срединѣ стола находился распатіе, обнаженный кинжалъ, развернутый свитокъ, имѣвшій священныя характеры, какъ показывала вся обстановка, наконецъ мѣдная чаша. Около сотни людей въ плащахъ и черныхъ маскахъ стояли неподвижно вокругъ. Одинъ изъ нихъ, былъ выше прочихъ ростомъ, и безъ маски; его блѣдный лобъ и суровыя черты при этомъ свѣтѣ

казались еще блѣднѣе и суровѣе;—онъ, казалось, оканчивалъ рѣчь къ своимъ товарищамъ.

— Да, сказалъ онъ, въ латеранской церкви я сдѣлаю послѣднее воззваніе къ народу. При помощи намѣстника папы, которому я самъ служу въ качествѣ должностнаго лица первосвященника, религія и свобода—герои и мученики соединятся въ одномъ дѣлѣ. Послѣ того — слова бесполезны; должны начаться дѣйствія. Предъ этимъ распятіемъ я даю клятву въ вѣрности, надъ этимъ клинкомъ обрекаю жизнь мою возрожденію Рима! А вы (ни въ плащахъ ни мантияхъ тогда не будетъ надобности)! вы клянитесь, когда послышится одинокая труба и появится одинокій всадникъ, — собраться во кругъ знамени республики и противодѣйствовать оружію угнетателей сердцемъ и рукою, жизнью и душой, презирая смерть и надѣясь на спасеніе!

— Клянемся, клянемся! вскричали всѣ и, столпившись около креста и кинжала, заслонили собою свѣчи. Монреаль не могъ ни разсмотрѣть церемоніи, ни слышать тихо произносимой формулы присяги, но угадывалъ, что обыкновенный при тогдашнихъ заговорахъ обрядъ,—требовавшій, чтобы каждый изъ заговорщиковъ пролилъ нѣсколько капель своей крови въ знакъ преданія своей жизни предпріятію,—не былъ упушенъ. Когда группа отступила назадъ, тотъ же самый человѣкъ обратился къ собранію, поднявъ вверхъ чашу обѣими руками, между тѣмъ какъ съ лѣвой его руки медленно струилась кровь и падала каплями на полъ. Поднявъ глаза, онъ произнесъ торжественнымъ голосомъ:

— Свобода! Среди развалинъ твоего храма, мы, римляне, посвящаемъ тебѣ это воззваніе! Не баснословные идолы помогаютъ намъ; насъ вдохновляетъ Господь Силь и Тотъ, кто, сойдя на землю, зывалъ къ рыбаку и земледѣльцу, поручая бѣднымъ и смиреннымъ проповѣдь откровенія. Потомъ, вдругъ обратясь къ своимъ товарищамъ, онъ громко вскричалъ,—между тѣмъ какъ его черты, необыкновенно измѣнчивыя въ характерѣ и выраженіи, просіяли торжественнымъ благоговѣніемъ. Смерть тиранніи! Жизнь республикѣ! Дѣйствіе этого перехода было поразительно. Каждый, какъ-бы по невольному и непреодолимому побужденію, положилъ руку на свой мечъ, повторяя эти слова; нѣкоторые обнажили свои клинки, какъ будто сейчасъ они готовы были идти въ битву.

— Я видѣлъ довольно: они сейчасъ разойдутся, сказалъ самъ собою Монреаль, притомъ я скорѣе готовъ встрѣтиться съ тысячнымъ войскомъ, нежели съ полдюжиною такихъ горячихъ энтузіастовъ. Съ этой мыслью, онъ спустился наземъ и пошелъ прочь, и въ безмолвіи полночи еще разъ до слуха его дошелъ глухой звукъ. «Смерть тиранніи! Жизнь республикѣ»!

КНИГА II.

РЕВОЛЮЦІЯ.

«Ogni lascivia, ogni male, nulla giustizia,
nullo freno. Non c'era più rimedio, ogni
persona periva. Allora Cola di Rienzi», etc.
Vita di Cola di Rienzi, lib. I cap. 2.

I.

Провансальскій рыцарь и его предложеніе.

Было около полудня, когда Адрианъ вошелъ въ ворота палаца Стефана Колонны. Дворцы нобилей тогда не были тѣмъ, что они теперь—выѣстищами безсмертныхъ картинъ итальянскаго и негбнущей скульптуры греческаго искусства. Но до настоящаго дня сохранились массивныя стѣны и окна съ рѣшетками и обширныя двори, гдѣ въ тѣ времена помѣщались грубые наемники. Гораздо выше воротъ подымалась огромная твердая башня, господствовавшая надъ обширнымъ видомъ изувѣченныхъ остатковъ Рима. Самые ворота были украшены и поддерживаемы съ обѣихъ сторонъ гранитными колоннами, которыхъ дорическія капители облачали святотатство, отторгнувшее ихъ отъ одного изъ многихъ храмовъ прежняго священнаго форума. Изъ этого же источника были заимствованы огромныя обломки травертина, изъ которыхъ были сложены стѣны внѣшняго двора. Это варварское присвоеніе драгоценнѣйшихъ памятниковъ искусства было въ то время такъ обыкновенно, что на колонны и куполы древняго Рима всѣ смотрѣли не болѣе какъ на каменоломни, изъ которыхъ каждый былъ воленъ добывать матеріалы для своего замка или для своей хижины. Такое оскорбленіе было хуже опустошеній готовъ, на которыхъ позднѣйшіе римляне охотно сваливали все дурное; оно едва ли не сильнѣе другихъ, болѣе тяжкихъ, злоупотребленій возбуждало классическое негодованіе Петрарки и заставляло его сочувствовать Ріензи въ его надеждахъ на возстановленіе Рима. Еще и теперь можно видѣть церкви того или даже болѣе ранняго времени, церкви самой безобразной архитектуры, построенныя на тѣхъ мѣстахъ и изъ того мрамора, который освятили собою имена Венеры, Юпитера и Минервы. Дворецъ князя Орсини, лука Гравинскаго, до сихъ поръ возвышается надъ граціозными (еще видными) арками театра Марцелла, бывшаго тогда крѣпостью Савелли.

Когда Адрианъ проходилъ дворъ, на его пути стояла тяжелая повозка, нагруженная большими плитами мрамора, взятыми изъ нескерпаннаго еще источника золотого дома Нерона. Этотъ мраморъ предназначался для постройки новой башни, которою Стефанъ Колонна хотѣлъ еще болѣе укрѣпить безвкусное и безобразное зда-

не, гдѣ этотъ старый вельможа поддерживалъ свои права на оскорбленіе законовъ.

Другъ Петрарки и питомецъ Ріензи глубоко вздохнулъ, когда проходилъ мимо этой повозки недавняго грабительства и когда столбъ изъ граненаго алебастра, соскользнулъ съ нея и упалъ съ громкимъ стукомъ на мостовую. Внизу лѣстницы столпилось около дюжины бандитовъ стараго Колонны; они играли въ кости на древней гробницѣ, которой ясная и рѣзкая надпись, такъ непохожая на аляповатыя буквы послѣднихъ временъ имперіи, показывала въ ней памятникъ самыхъ цвѣтущихъ лѣтъ Рима. Опрокинутая вверхъ, она служила столомъ для этихъ дикихъ чужеземцевъ и была покрыта кусками мяса и посудой съ виномъ. Бандиты едва пошевелились, едва подняли глаза, когда молодой патрицій проходилъ мимо. Ихъ грубыя проклятія и громкія восклицанія, произносимыя на сѣверномъ *raoïs*, непріятно звучали въ его ушахъ, когда онъ медленными шагами подымался по высокой и неопрятной лѣстницѣ. Адріанъ вошелъ въ обширную переднюю комнату, которая на половину была наполнена наемниками высшаго разряда. Пять или шесть пажей, собравшіеся около узкаго и углубленнаго окна, спорили о важныхъ матеріяхъ волокитства и интриги; трое мелкихъ начальниковъ нижней толпы, въ латахъ, положивъ возлѣ себя мечи и каски, сидѣли чванно и безмолвно за столомъ, среди комнаты. Ихъ можно было бы принять за автоматовъ, еслибы они по временамъ не подымали къ своимъ усатымъ губамъ кубковъ, предаваясь за глѣзъ съ самодовольнымъ ворчаньемъ вновь своимъ размышленіямъ. Разнотеленъ былъ контрастъ ихъ сѣверной флегмы съ живостью толпы итальянскихъ кліентовъ, которые безпокойно ходили взадъ и впередъ, громко разговаривая между собою, со всѣми возможными жеманами и съ измѣнчивостью физіономіи, свойственными южнымъ жителямъ. Появленіе Адріана среди этой смѣшанной толпы произвело всеобщее волненіе. Бандитскіе капитаны машинально кивнули головами, пажи поклонились, любуясь его перомъ и обувью; кліенты, просители и паразиты столпились вокругъ него каждый съ особою просьбою о ходатайствѣ предъ его могущественнымъ родственникомъ. Адріану потребовалось много его обычной свѣтскости и ловкости, чтобы отдѣлаться отъ нихъ. Съ трудомъ наконецъ онъ добрался до низкой и узкой двери, гдѣ стоялъ высокій слуга, который допускалъ или не допускалъ посѣтителей, смотря по своимъ вѣдомамъ или капризамъ.

— Варонъ дома? спросилъ Адріанъ.

— Нѣтъ, монсьеюръ: у него одинъ иностранный господинъ; но вы, конечно, можете войти.

— Да, ты можешь пустить меня. Я хочу узнать объ его здоровьи.

Слуга отворилъ дверь, куда устремилось множество завистливыхъ и пристальныхъ взглядовъ, и ввѣрилъ Адріана водителству пажы, который былъ особенно приближеннымъ слугою владѣтеля замка. Пройдя другую уже пустую комнату, обширную и мрачную, Адріанъ

очутился въ небольшомъ кабинетѣ, въ присутствіи своего родственника.

У стола, заваленнаго письменными принадлежностями, сидѣлъ старый Колонна. Мантия изъ бархата, подбитая богатымъ мехомъ, свободно лежала на его высокомъ и красивомъ станѣ; изъ-подъ круглой теплой шапочки, малиноваго цвѣта, выходило нѣсколько свѣдыхъ кудрей, смѣшиваясь съ длинною, почтенною бородою. Лицо стараго нобиля, которому давно уже минуло восемьдесятъ лѣтъ, еще сохраняло слѣды красоты, которая была замѣчательна во время его цвѣтущаго возраста. Глубоко впавшіе глаза его были, однакоже, зорки и живы, и сверкали еще всѣмъ огнемъ юности; его ротъ былъ приподнятъ пріятною, хотя полусатирическою улыбкой; и въ цѣломъ его наружность была привлекательна и поведительна, обнаруживая скорѣе высокое происхожденіе, хитрый умъ и благородную храбрость патриція, чѣмъ его коварство, лицемеріе и обычный, презрительный духъ угнетенія.

Стефанъ Колонна, не будучи безусловно героемъ, былъ однако же гораздо храбрѣе большей части римлянъ, хотя крѣпко держался итальянскаго правила, никогда не сражаться съ врагомъ, если есть возможность его обмануть. Но два недостатка вредили силѣ его прозорливости: чрезвычайная дерзость характера и глубокая вѣра въ свою собственную опытность. Онъ былъ неспособенъ къ аналогіи, и совершенно убѣжденъ, что никогда не можетъ случиться того, чего не случалось въ его время. Такимъ образомъ, не смотря на свою всеобщую репутацію искуснаго дипломата, онъ обладалъ только хитростью питриганта, а не проникательностью государственнаго человѣка. Но если гордость дѣлала его надменнымъ въ счастіи, то она поддерживала его и въ бѣдствіи. И въ превратностяхъ ранняго періода своей жизни, проведеннаго отчасти въ изгнаніи, онъ обнаружилъ много благородной твердости, терпѣнія и настоящаго величія души, которыя показывали, что его недостатки были скорѣе пріобрѣтены вслѣдствіе обстоятельствъ, нежели происходили отъ природы. Его многочисленное и высокородное племя гордилось своимъ главою: и справедливо, потому что онъ былъ событійшій и наиболѣе уважаемый человѣкъ не только въ прямой линіи Колонновъ, но, можетъ быть, даже нѣтъ всѣхъ наиболѣе могущественныхъ вельможъ.

У того же стола, гдѣ и Стефанъ Колонна, сидѣлъ человѣкъ благороднаго вида, лѣтъ тридцати трехъ или тридцати четырехъ, въ которомъ Адріанъ тотчасъ же узналъ Вальтера де Монреаля. Наружность этого знаменитаго рыцаря мало соотвѣтствовала тому ужасу, который вообще возбуждало его имя. Его лицо было красиво и нѣжно до женственности. Его длинные блондурые волосы свободно вились надъ его бѣлымъ и непокрытымъ морщинами лбомъ: лагерная жизнь и итальянское солнце только слегка затемнили его свѣтлый и здоровый цвѣтъ лица, которое сохранило еще много юношеской свѣжести. Его черты были правильны, свѣтлокаріе глаза—велики, ясны и проникательны. Короткая, но курчаваа борода

усы, нѣсколько потемнѣй волосъ, подстриженные съ солдатскою точностью, придавали воинственное выраженіе его пріятной фizioноміи, но это выраженіе было такого рода, что скорѣе шло къ герою дворовъ и турнировъ, чѣмъ къ начальнику разбойничьяго лагерь. Видъ, манера и осанка провансальца болѣе очаровывали, чѣмъ устрашали, заключая въ себѣ какую-то военную откровенность съ вободнымъ и граціознымъ достоинствомъ челоуѣка, сознающаго благородство своего происхожденія и привычкаго обращаться съ селямъжами и патриціями, какъ съ равными собѣ. Его фигура составляла счастливый контрастъ съ характеромъ лица, котораго необыкновенно красивыя черты имѣли нужду въ силѣ и высокомъ ростѣ тѣла для того, чтобы въ нихъ не было замѣтно женственной слабости: станъ его былъ высокъ и обладалъ замѣчательною силою мускуловъ, нисколько не имѣя въ себѣ неуклюжей и негибкой массивности; онъ былъ тонокъ и вмѣстѣ крѣпокъ. Но главнымъ отличіемъ фizioноміи этого воина, самаго страшнаго бойца Італіи, былъ видъ какой-то рыцарской и геройской граціи, которому много красоты придавалъ великолѣпный нарядъ изъ коричневаго бархата, усыпанный жемчугомъ, на который наброшенъ былъ плащъ страннопріимныхъ рыцарей, съ бѣлымъ восьмиконечнымъ крестомъ, знакомъ этого ордена. Поза кавалера обнаруживала жаркій разговоръ. Онъ слегка наклонился къ старому Колоннѣ, опершись обѣими руками на золотую рукоятку огромнаго меча, на ножнахъ котораго были тщательно изображены серебряныя лиліи, девизъ іерусалимскаго братства въ Провансѣ. Руки эти были малы и изящны (обыкновенное отличіе старой германской расы *, отъ которой Монреаль выводилъ свое происхожденіе, не смотря на то, что родился въ Провансѣ) и украшены дорогими каменьями, по мнѣнію того времени.

— Добраго утра, дорогой родственникъ, сказалъ Стефанъ, прошу себѣ, садись. Этотъ благородный посѣтитель, знаменитый Сье де-Монреаль.

— А, синьоръ! сказалъ Монреаль, улыбаясь и кланяясь Адріану, какъ поживаетъ синьора?

— Вы ошибаетесь, кавалеръ, проговорилъ Стефанъ, мой молодой родственникъ еще не женатъ. Клянусь честию, это удовольствіе имѣть цѣлище, чѣмъ оно долѣе откладывается, какъ замѣтилъ папа Бонифаций, лежа больной въ постелѣ, своему духовнику, который толковалъ ему о лонѣ Авраамовомъ.

— Синьоръ меня извинитъ, возразилъ Монреаль.

— Только не извиню, отвѣчалъ Адріанъ, пренебреженія синьора

* Небольшія руки и ноги, хотя бы онѣ были непропорціональны съ другими частями тѣла, считались въ то время столько же, какъ и въ болѣе образованный вѣкъ, отличіемъ людей благороднаго происхожденія. Многимъ изъ читателей извѣстно, какъ страдалъ Петрарка отъ тѣсныхъ башмаковъ. Этою особенностью до сихъ поръ отличается настоящая норманская порода и понятіе о красотѣ маленькихъ рукъ и ногъ ведетъ свое начало скорѣе отъ египетскихъ, чѣмъ отъ классическихъ временъ.

Вальтера, не хотѣвшаго удостовѣриться въ этомъ фактѣ лично. Я обязанъ ему, благородный родственникъ, большою благодарностью, нежели вы подозреваете; и онъ обѣщался посѣтить меня, чтобы принять ее.

— Увѣряю васъ, синьоръ, отвѣчалъ Монреаль. я не забылъ приглашенія; но до сихъ поръ я имѣлъ такъ много важныхъ заботъ въ Римѣ, что долженъ былъ отложить, не смотря на мое нетерпѣніе.

— Такъ вы уже знакомы другъ съ другомъ? спросилъ Стефанъ, какимъ образомъ?

— Здѣсь, замѣшана дѣвушка, отвѣчалъ Монреаль, извините, синьоръ, если я промолчу.

— Ахъ, Адріанъ, Адріанъ! когда ты остепенишься, сказалъ Стефанъ, важно поглаживая свою сѣдую бороду. Но оставимъ этотъ пустой разговоръ, обратимся къ нашему предмету. Ты долженъ знать, Адріанъ, что моему достойному гостю я обязанъ тѣми храбрыми молодцами, которые сохраняютъ въ Римѣ такое спокойствіе, хотя производятъ такой шумъ въ моемъ бѣдномъ жилищѣ. Онъ пришелъ предложить еще большую помощь, если нужно, и посоветоваться со мной о дѣлахъ сѣверной Италіи. Продолжай, прошу тебя, кавалеръ, я не имѣю секретовъ отъ моего родственника.

— Ты, безъ сомнѣнія, видишь, сказалъ Монреаль, устремивъ внимательный взглядъ на Адріана, что Италія въ эту минуту представляетъ намъ любопытное зрѣлище. О ней происходитъ борьба между двумя противными силами, которыя должны погубить одну другую. Одна сила есть сила строптивого и мятежнаго народа, которую этотъ народъ называетъ *свободою*; другая сила есть сила вождей и князей, которую они болѣе справедливо называютъ *порядкомъ*. Города Италіи раздѣлены между этими двумя партіями. Въ Флоренціи, Генуѣ и Пизѣ, напримѣръ, учреждено свободное государство—республика. Болѣе безпокойнаго и несчастнаго состоянія правительства невозможно себѣ вообразить.

— Это совершенная правда, замѣтилъ Стефанъ, они выгнали моего двоюроднаго брата изъ Генуи.

— Короче сказать, постоянная борьба, продолжалъ Монреаль, борьба между знатными фаміліями, попеременно преслѣдованія, конфискація и изгнанія: сегодня гвельфы выгоняютъ гибеллиновъ, завтра—гибеллины гвельфовъ. Можетъ быть, это—свобода, но свобода сильныхъ противъ слабыхъ. Въ другихъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Миланѣ, Веронѣ, Болоньи, народъ находится подъ управленіемъ одного человѣка. Онъ называетъ себя княземъ, а его враги зовутъ его тираномъ. Будучи сильнѣе каждаго изъ гражданъ, онъ правитъ твердо; имѣя преимущественно предъ гражданами постоянную потребность въ умѣ и энергіи, онъ правитъ благоразумно. Эти два рода правленія спорятъ другъ съ другомъ; если народъ одного бунтуется противъ своего властителя, то народъ другого, то есть республики, посылаетъ оружіе и деньги ему въ помощь.

— Ты слышишь, Адрианъ, какъ низки эти послѣдніе, замѣтилъ Фанъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ Монреаль, что этотъ споръ рано или поздно долженъ кончиться. Вся Италія должна сдѣлаться или республиканскою, или монархическою. Легко предвидѣть, каковъ будетъ результатъ.

— Да, свобода должна побѣдить, сказалъ Адрианъ съ жаромъ.

— Извините, меня, молодой человѣкъ, я совершенно противнаго мнѣя. Вы знаете, что это республики коммерческія, это торговцы. Они уважаютъ богатство и презираютъ храбрость. Они занимаютъ всѣми ремеслами, исключая оружейнаго. Какъ же могутъ они вести войну? своими собственными гражданами? Нѣтъ! Они или покупаютъ къ какому-нибудь чужеземному вождю и обѣщаютъ ему его покровительство, власть надъ городомъ на пять или на десять лѣтъ, или же они занимаютъ у какого-нибудь смѣлаго авантюриста, подобнаго мнѣ, столько войскъ, за сколько они могутъ платить. Не такъ ли, синьоръ Адрианъ?

Адрианъ нехотя кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— Итакъ, чужеземный вождь самъ виноватъ, если не утвердитъ своей власти навсегда, какъ это уже сдѣлали Висконти и Скала въ государствахъ нѣкогда свободныхъ. Или же виноватъ предводитель наемниковъ, если онъ не успѣетъ превратить своихъ разбойниковъ въ сенаторовъ, а себя въ короля. Эти событія такъ естественны, что рано или поздно они произойдутъ во всей Италіи. Тогда вся Италія сдѣлается монархическою. Мнѣ кажется, интересъ всѣхъ могущественныхъ фамилій въ Римѣ, въ томъ числѣ и вашей, состоитъ въ томъ, чтобы, подобно Висконти въ Миланѣ, ускорить эту эпоху и остановить, пока это еще для васъ легко, заразу возмущеній, которая теперь быстро распространяется между народомъ, и которая клонится къ своеволію для нихъ и къ гибели для васъ. У васъ сперва отнимаютъ привилегіи, потомъ собственность. Мало того, во Флоренціи, какъ вамъ извѣстно, одинъ патрицій не имѣетъ права отправлять самой ничтожной должности въ государствѣ.

— Негодяи! сказалъ Колонна, они нарушаютъ первый законъ природы.

— Въ эту минуту, продолжалъ Монреаль, который, будучи занятъ своимъ предметомъ, мало обращалъ вниманія на перерывы своей рѣчи со стороны барона, исполненные святаго негодованія, въ эту минуту есть много благоразумѣйшихъ, можетъ быть, людей въ республикахъ, которые желаютъ возобновить старые ломбардскіе союзы въ защиту ихъ общей свободы повсюду и противъ всякаго, кто бы вздумалъ сдѣлаться государемъ. Къ счастью, смертельное, низкое, плебейское недоброжелательство между этими купеческими государствами, завидующими болѣе торговлѣ, чѣмъ славѣ, создаетъ теперь непреодолимое препятствіе этому плану. А Флоренція, наиболѣе мятежная и уважаемая изъ всѣхъ, различными коммерческими неудачами, къ счастью доведена до того, что рѣши-

тельно неспособна къ выполнению этого великаго предпріятія. Итакъ для насъ теперь настало время, пока наши враги находятся въ такомъ затруднительномъ положеніи, организовать контръ-агу между всѣми владѣтелями Италіи. Я пришелъ къ вамъ однимъ, благородный Стефанъ, какъ къ первому по знатности, чтобы предложить вамъ этотъ почетный союзъ. Замѣьте, какіе выгоды онъ представляетъ для вашего дома. Папы оставили Римъ навсегда. Нѣтъ преградъ для вашего честолюбія. Вы видите предъ собою примѣръ Висконти и Таддео-ди-Пеполи. Вы можете найти въ Римѣ, первомъ городѣ Италіи, верховную, неограниченную власть, окончательно погнѣбить своихъ слабыхъ соперниковъ Савелли, Малатеста, Орсини, и оставить вашимъ внукамъ наследственное королевство, которое, въ свою очередь, можетъ быть, сдѣлается всемірною имперіею.

Стефанъ прикрылъ свое лицо рукою и отвѣчалъ:

— Но, благородный Монреаль, это требуетъ средствъ, денегъ много.

— Что касается до послѣднихъ, возразилъ Монреаль, то вы можете мною располагать. Небольшой мой отрядъ, дисциплинированный наилучшимъ образомъ, можетъ сдѣлаться, когда только я захочу, самымъ многочисленнымъ въ Италіи. И во первыхъ, благородный баронъ, богатая фамилія Колонновъ не можетъ пачѣ неудачи, и даже еслибы пришлось заложить ея обширныя владѣнія, то этотъ законъ хорошо вознаградится, когда вы сами будете обладать всѣми доходами Рима. Вы видите, продолжалъ Монреаль, обращаясь къ Адріану, отъ котораго, какъ отъ человѣка молодого, онъ ожидалъ болѣе горячаго сочувствія, нежели отъ его старшаго родственника, вы видите съ перваго взгляда, какъ удобоисполнимъ этотъ проектъ, и какое обширное поприще открывается для вашей фамиліи.

— Синьоръ Вальтеръ де-Монреаль, сказалъ Адріанъ, подымаясь со скамьи, и предаваясь негодованію, которое онъ съ трудомъ удерживалъ, мнѣ очень больно, что подъ кровлею перваго гражданина Рима иностранецъ такъ спокойно и безпрепятственно возбуждаетъ честолюбіе, которое бы могло соперничать съ преступною и неавторитетною знаменитостію какого-нибудь Висконти или Пеполи. Говорите, синьоръ, сказалъ онъ, обращаясь къ Стефану, говорите, благородный родственникъ, и скажите провансальскому рыцарю, что если Колонна не можетъ возстановить древняго величія Рима, то по крайней мѣрѣ, не Колонна уничтожитъ послѣдніе обломки свободы.

— Полно, Адріанъ, полно, милый родственникъ! сказалъ Стефанъ, къ которому такъ внезапно обратились, успокойся, прошу тебя. Благородный кавалеръ, онъ молодъ и горячъ, онъ не думалъ оскорбить тебя.

— Въ этомъ я убѣжденъ, отвѣчалъ Монреаль холодно, но съ большимъ самообладаніемъ; онъ говоритъ по минутному увлеченію; ошибка, достойная похвалы въ молодомъ человѣкѣ. Въ его возрастѣ я былъ таковъ же, и не разъ чуть не потерялъ жизнь въ слѣдствіе моей опрометчивости. Нѣтъ, синьоръ, нѣтъ, и

притесь за мечъ съ такимъ значительнымъ видомъ, какъ будто ображая, что я произнесъ угрозу: я далекъ отъ такого тщесавія. Повѣрьте, войны научили меня достаточной осторожностью для того, чтобы изъ одной прихоти не вызывать противъ себя бѣду, который боролся съ такою превосходною силою, чему я самъ былъ свидѣтелемъ.

Невольнo тронутый вѣжливостію кавалера и намекомъ на происшествіе, въ которомъ, можетъ быть, его жизнь была спасена Монреалемъ, Адріанъ протянулъ ему руку.

— Извините мою горячность, сказалъ онъ прямодушно, но судя изъ самой этой горячности, прибавилъ онъ съ важностію, что этотъ планъ не найдетъ друзей между Колоннами. Мало того, въ отсутствіи моего благороднаго родственника я осмѣливаюсь вамъ сказать, что еслибы онъ согласился на такой планъ, то лучшіе изъ его фамиліи оставили бы его, и я самъ, его родственникъ, вооружилъ бы свой замокъ, противъ такого неестественнаго честолюбія.

Легко, едва замѣтное облако пробѣжала по лицу Монреала при этихъ словахъ, и онъ, закусивъ губы, отвѣчалъ:

— Но если Орсини будутъ менѣе совѣстливы, то первымъ дѣломъ въ власти будетъ истребленіе дома Колонновъ.

— Знаете ли вы, возразилъ Адріанъ, что одинъ изъ нашихъ дѣловъ есть слѣдующее гордое обращеніе къ римлянамъ: если мы дѣмъ, то и вы падете съ нами! И эта судьба лучше возвышенія дѣломъ обломками нашего роднаго города.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Монреаль, садясь опять, я вижу, что долженъ предоставить Римъ самому себѣ; лига должна успѣть въ его помощи. Относительно Орсини я только шутилъ, потому что они не имѣютъ власти, которая могла бы сдѣлать ихъ усилія опасными. Забудемъ же нашъ разговоръ. Синьоръ Колонна, вы, жется, 19-го числа предполагаете отправиться съ своими друзьями и служителями въ Корнето, куда приглашали и меня?

— Да, кавалеръ, отвѣчалъ баронъ, очевидно обрадованный новымъ оборотомъ разговора; дѣло въ томъ, что насъ часто обвиняютъ въ равнодушіи къ интересамъ добраго народа, что я этою экспедиціею хочу опровергнуть такое мнѣніе. Поэтому мы предполагаемъ конвоировать и защищать противъ дорожныхъ разбойниковъ военный обозъ, идущій въ Корнето. Впрочемъ, кромѣ страха разбойниковъ, я могу прибавить еще и другую причину, которая заставляетъ меня брать съ собою сколь возможно многочисленную пѣхоту. Я хочу показать моимъ врагамъ, и въ особенностію народу, почтуную и возрастающую силу моего дома; такой вооруженный отрядъ, какой, я надѣюсь, набрать, будетъ великолѣпнымъ поученіемъ для мятежныхъ и непокорныхъ. Адріанъ, надѣюсь, ты соберешь своихъ служителей, мы не хотѣли бы ѣхать безъ тебя.

— И во время пути, прекрасный синьоръ, сказалъ Монреаль, кланяясь Адріану, мы съ вами окончательно залечимъ рану, которую я такъ неосторожно нанесъ вамъ. Къ счастью, есть одинъ пунктъ, въ

которомъ мы можемъ согласиться; это — наша вѣжливость къ женскому полу. Вы должны познакомить меня съ именами прекраснѣйшихъ римскихъ жепщинъ, и мы будемъ толковать о старыхъ похожденіяхъ и надѣяться на новыя. Кстати, я предполагаю, синьоръ Адріанъ, что вы вмѣстѣ съ остальными вашими соотечественниками безъ ума отъ Петрарки?

— Развѣ вы не раздѣляете нашего энтузіазма? Прошу, не пятитѣ такимъ образомъ вашего уваженія къ дамамъ.

— Полно, мы не будемъ болѣе спорить, но, клянусь, по моему одно рондо какого нибудь трубадура стоитъ всего, что когда нибудь написалъ Петрарка. Онъ только заимствовалъ изъ рыцарской поэзіи и переделалъ это.

— Хорошо, сказалъ Адріанъ весело, на каждый стихъ трубадуровъ, который вы приведете, я приведу другой. Я прошу васъ вашу несправедливость къ Петраркѣ, если вы справедливы къ трубадурамъ.

— Справедливо! вскричалъ Монреаль съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ, я происхожу изъ земли, мало того, изъ настоящей кромѣ трубадуровъ! Но мы слишкомъ невнимательны къ вашему благородному родственнику, и мнѣ время теперь съ вами проститься! прощайте, синьоръ Адріанъ, братъ мой по рыцарству, не забудьте моего вызова.

И съ непринужденною, безпечною граціею кавалеръ св. Іоаннъ вышелъ; старый баронъ, сдѣлавъ безмолвный знакъ извиненія Адріану, послѣдовалъ за Монреалемъ въ сосѣднюю комнату.

— Господинъ кавалеръ, сказалъ онъ, запирая дверь, и отозвалъ Монреала въ углубленіе окна, одно слово вамъ по секрету. Не подумайте, что я пренебрегаю вашимъ предложеніемъ, но къ этимъ молодымъ людямъ надо быть снисходительнымъ. Замыселъ великъ! благороденъ и пріятенъ моему сердцу, но онъ требуетъ времени и осторожности. Въ моей фамиліи много такихъ совѣстливыхъ людей, какъ этотъ горячеголовый юноша, которыхъ мнѣ придется убѣждать. Дорога пріятна, но ее должно хорошо и тщательно изслѣдовать. Вы понимаете?

Изъ подъ нахмуренныхъ бровей своихъ Монреаль бросилъ проницательный взглядъ на Стефана и отвѣчалъ:

— Моя дружба къ вамъ внушила мнѣ мое предложеніе. Лига можетъ обойтись безъ Колонновъ. Берегитесь того времени, когда Колонны не въ состояніи будутъ обойтись безъ лиги. Синьоръ, посмотрите вокругъ себя; въ Римѣ больше есть людей съ свободнымъ образомъ мыслей, смѣлыхъ и безпокойныхъ, больше, нежели вы воображаете. Берегитесь Ріензи! Прощайте, мы скоро встрѣтимся опять.

Съ этими словами Монреаль ушелъ и, проходя небрежною поступью чрезъ переднюю, наполненную народомъ, говорилъ про себя:

— Во мнѣ здѣсь не нуждаются. Эти трусливые патриціи не имѣютъ ни храбрости быть великими, ни благоразумія быть честными. Пусть

нѣхъ погибають! Я могу найти въ народѣ какого нибудь подобнаго мнѣ искателя приключеній, который стоитъ всѣхъ ихъ.

Стефанъ вернулся къ Адріану, и тотчасъ же съ любовію обнялъ своего питомца, который приговлялся уже къ рѣзкому отпору его переговоровъ.

— Ты превосходно притворился, удивительно, удивительно! вскричалъ баронъ, ты при дворѣ императора научился настоящей хитрости государственнаго человѣка. Я всегда считалъ тебя такимъ и всегда говорилъ это. Ты понялъ дилемму, въ которой я находился, судя захваченъ въ распахъ этимъ безумнымъ планомъ варвара. Я боялся отказать, а еще болѣе принять. Ты выручилъ меня съ необыкновенною ловкостью. Эта горячность, столь натуральная въ моемъ возрастѣ, была отличнымъ притворствомъ: она вывела меня изъ затруднительнаго положенія, дала мнѣ вздохнуть и уравнила мою игру съ этимъ дикаремъ. Но мы не должны оскорблять его: ты знаешь, всѣ мои наемные солдаты оставляютъ меня, или продадутъ меня Орсини, или наконецъ перерѣжутъ мнѣ горло, при первомъ же знамѣ. О, это отлично разыграно, Адріанъ, удивительно!

— Благодареніе небу, сказалъ Адріанъ, съ нѣкоторымъ трудомъ переводя духъ, который у него захватило отъ удивленія, вы не умеете принять это преступное предложеніе?

— Думать объ этомъ! нѣтъ! сказалъ Стефанъ, опускаясь на стулъ. Извѣ ты не знаешь моихъ лѣтъ, мальчикъ? Мнѣ скоро стукнетъ сорокано, и я былъ бы сумасшедшимъ, бросаюсь въ этотъ водоворотъ смутъ и волненій. Мнѣ нужно сохранить то, что я имѣю, а не рисковать, стараясь захватить больше. Я любимецъ папы. Неужели я буду себя подвергать отлученію отъ церкви? Я, самый могущественный изъ нобилей, неужели я буду могущественнѣе, когда дѣлаюсь королемъ: въ моихъ лѣтахъ говорить мнѣ о подобныхъ вещахъ! Этотъ человѣкъ идиотъ, сверхъ того, прибавилъ старикъ, опуская голосъ и боязливо оглядываясь вокругъ, если я буду королемъ, то мои сыновья, пожалуй, отравятъ меня изъ-за наслѣдства. Они добрые ребята, Адріанъ, очень добрые! Но такое искушеніе! Я не хочу ставить его на ихъ дорогѣ. Эти сѣдые волосы мнѣ даютъ опытность. Тираны не умираютъ натуральною смертію. Нѣтъ, нѣтъ! чортъ возьми этого рыцаря, право! Онъ уже бросилъ меня въ холодный потъ.

Адріанъ пристально смотрѣлъ на озабоченныя черты старика, котораго эгоизмъ удерживалъ отъ преступленія. Онъ слушалъ его заключительныя слова, вѣрно изображающія тѣ мрачныя времена, когда, въ противоположность имъ, въ его воображеніи блеснуло высокое и чистое честолюбіе Ріензи, то онъ почувствовалъ, что не можетъ порицать горячности, или удивляться чрезмѣрности этого честолюбія.

— И при томъ, возразилъ баронъ, говоря съ большею медленностію, по мѣрѣ того какъ успокоивался, этотъ человѣкъ, подъ вѣдомъ предостереженія, обнаружилъ съ перваго взгляда свое полное незнаніе обстоятельствъ. Онъ дѣлалъ сношенія съ толпою, и принималъ

ея нечистое дыханіе за силу. Да, онъ принимаетъ слова за солдатъ и проситъ меня—меня, Стефана Колонну остерегаться, кого бы ты думалъ? Нѣтъ, ты никогда не угадаешь. Этого говоруна Ріензи, моего прежняго пута! Ха, ха, ха, каково невѣжество этихъ варваровъ, ха, ха, ха! И старикъ хохоталъ до тѣхъ поръ, пока слезы не потекли у него по щекамъ.

— Однакоже, многіе изъ нобилей боятся этого самаго Ріензи, сазалъ Адріанъ съ важностью.

— Пусть ихъ, пусть ихъ! Они не обладаютъ ни нашею опытностію, ни нашимъ знаніемъ свѣта, Адріанъ. Полно, развѣ декламация разрушала когда нибудь замки и побѣждала солдатъ? я люблю, когда Ріензи говоритъ толпѣ о величіи древняго Рима и о подобныхъ пустякахъ. Это даетъ имъ кой-какую пищу для мысли и болтовни: и вся ихъ свирѣпость испаряется въ словахъ. Они сожгли бы какой нибудь домъ, еслибы не услышали рѣчи. Но здѣсь кстати долженъ признаться, что педантъ сдѣлался маглымъ въ своей новой должности. Вотъ, я получилъ сегодня эту бумагу, когда еще не вставалъ съ постели. Я слышалъ, что подобная же дерзость сдѣлана всѣмъ нобилемъ. Прочти это, пожалуйста. И Колонна передалъ какой-то свитокъ своему родственнику.

— Я получилъ такой же, сказалъ Адріанъ, взглянувъ на свитокъ: это приглашеніе Ріензи собраться въ церковь св. Іоанна латеранскаго, для того, чтобы слушать объясненіе надписи на недавно найденной таблицѣ. Она, по его словамъ, имѣетъ самую близкую связь съ благоденствіемъ Рима.

— Очень забавно, я думаю, для профессоровъ и книжниковъ. Извини меня, Адріанъ, я забылъ твой вкусъ къ этимъ вещамъ, и мой сынъ Джіани тоже раздѣляетъ твои фантазіи. Впрочемъ, это довольно невинно. Ступай, этотъ человекъ хорошо говорить.

— Вы тоже тамъ будете?

— Я, мой милый мальчикъ, я! сказалъ старый Колонна, раскрывъ глаза съ такимъ изумленіемъ, что Адріанъ не могъ удержаться отъ смѣха надъ наивностью своего вопроса.

II.

Свиданіе и сомнѣніе.

Вышедши изъ дворца своего опекуна и направивъ путь къ форуму, Адріанъ нѣсколько неожиданно столкнулся съ Раймондомъ, епископомъ орвіетскимъ, который ѣхалъ на маленькой лошади въ сопровожденіи трехъ или четырехъ служителей. Узнавъ молодого штриція, онъ вдругъ остановился.

— Ахъ, мой сынъ, рѣдко я тебя вижу. Какъ поживаешь? Хорошо? Радъ слышать это. Увы, въ какомъ положеніи находится наше общество сравнительно съ мирными удовольствіями Авиньона! Тамъ всѣ люди, которые любятъ тѣже занятія, какія и мы—*deliciae musicae* (епископъ гордился, когда могъ вернуть въ разговоръ такую нибудь цитату, къ дѣлу ниц не къ дѣлу) гмъ! тамъ всѣ люди

сходится легко и естественно между собою. Здѣсь же мы едва смѣемъ выйти изъ дому, за исключеніемъ какихъ нибудь важныхъ случаевъ. Но разговоръ о важныхъ случаяхъ и о музахъ напоминаетъ мнѣ о приглашеніи въ Латеранъ, которое мы получили отъ нашего друга Ріензи. Безъ сомнѣнія и вы тамъ будете. Онъ вызвался объяснить одну темную латинскую надпись, очень (какъ я слышала по крайней мѣрѣ) интересную для насъ, сынъ мой, очень!

— Это завтра, отвѣчалъ Адріанъ, да, конечно я тамъ буду.

— Послушай, милый сынъ мой, сказалъ епископъ, ласково положивъ руку на плечо Адріана. я имѣю причину надѣяться, что онъ напомнитъ нашимъ бѣднымъ гражданамъ о юбилеѣ на пятидесятый годъ и побудитъ ихъ очистить дорогу отъ разбойниковъ. Дѣло необходимое—и о немъ надо позаботиться заблаговременно, иначе кто придетъ въ Римъ за разрѣшеніемъ отъ грѣховъ, если ему грозитъ опасность неожиданно очутиться въ чистилищѣ? Вы слышали какъ говоритъ Ріензи? это Цицеронъ, настоящій Цицеронъ! Да благословитъ васъ Богъ, сынъ мой! вы непременно будете?

— Непременно.

— Еще одно слово. Вы намеряете всѣмъ, кого встрѣтите, о томъ, что собранію слѣдуетъ быть полнымъ. Хорошій видъ представляетъ онъ, когда городъ показываетъ уваженіе къ наукамъ!

— Не говоря уже о юбилеѣ, прибавилъ Адріанъ, улыбаясь.

— Да, не говоря уже о юбилеѣ. Прощайте. И епископъ, усѣвшись въ сѣдлѣ, торжественно поѣхалъ къ своимъ друзьямъ, чтобы побудить ихъ явиться на сходку.

Адріанъ тоже продолжалъ свой путь. Онъ миновалъ капитолій, руины Севера, обвалившіяся колонны храма Юпитера и очутился среди высокой травы, шумящаго тростника и заброшенныхъ виноградныхъ лозъ, волновавшихся надъ исчезнувшимъ теперь золотымъ ономъ Нерона. Сѣвъ на упавшемъ столбѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находились такъ называемыя бани Ливіи, онъ нетерпѣливо поглядывалъ на солнце, какъ бы упрекая его за медленность. Онъ чувствовалъ, что недалго. Легкая поступь послышалась на душистой травѣ и слѣдъ за тѣмъ между виноградныхъ лозъ показалось лицо какъ будто нимфы—богини этого мѣста.

— Моя прекрасная, моя Ирена! какъ я тебѣ благодаренъ!

Но скоро восторженный влюбленный замѣтилъ въ лицѣ Ирены улыбку, которой обыкновенно у нея не бывало въ его присутствіи. Его голосъ дрожалъ, слова казались принужденными и холодными.

— Не провинился ли я чѣмъ нибудь предъ тобой, или случилось какое нибудь несчастіе?

Ирена взглянула на Адріана и спросила: скажи мнѣ, прямо и откровенно—сильно ли огорчить тебя то, если это свиданіе наше будетъ послѣднимъ?

Смуглыя щеки Адріана сдѣлались блѣднѣе мрамора, лежавшаго у ногъ; прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ онъ могъ отвѣтить; улыбка его была принужденна, губы дрожали:

— Не шути такъ, Ирена, сказалъ онъ.

— Но послушайте, сеньоръ.

— Что такъ холодно? называй меня Адрианомъ, другомъ, мольбленнымъ, или молчи.

— Если такъ, то, душа души моей, полнота надеждъ моихъ жизни! вскричала Ирена съ страстнымъ увлеченіемъ, выслушай меня. Я боюсь, что мы въ настоящую минуту стоимъ надъ какою-то бездною, глубины которой я не вижу, но которая можетъ насъ разлучить навсегда. Ты знаешь настоящій характеръ моего брата и не ошибаешься на его счетъ, какъ многіе другіе. Долгое составляя планы, предположенія и совѣщался самъ съ собою, покася между народомъ и приготовляя тропинку къ какой-то милой цѣли. Но теперь... ты не выдашь? ты не будешь вредить ему, вѣдь онъ твой другъ!

— И твой братъ! за него я пожертвовалъ бы жизнью! продажай.

— Теперь, сказала Ирена, время для исполненія предпріятія быстро приближается. Не знаю въ чемъ собственно состоитъ это предпріятіе, но вѣрно то, что оно направлено противъ nobilей, противъ твоего сословія, даже противъ твоей фамиліи. Если оно удастся... ахъ, Адрианъ! ты самъ, можетъ быть, не избѣгнешь опасности. И по крайней мѣрѣ, мое имя будетъ связано съ именемъ твоихъ враговъ. Въ случаѣ же неуспѣха, мой братъ погибнетъ! онъ будетъ жертвою мщенія, или правосудія, назови эти какъ угодно. Твой родственникъ будетъ его судьбою, его палачомъ. А я, если только переживу брата—гордость и славу моего рода, могу ли позволить себѣ любить того, въ чьихъ жилахъ течетъ кровь его губителя? о, я несчастна, несчастна! Эти мысли чуть не сводятъ меня съ ума, ломая руки, Ирена громко зарыдала. Адрианъ самъ былъ сильно пораженъ представленною ему картиною, хотя эти затрудненія чистю смутно представлялись его уму. Впрочемъ, не видя, чтобы планы Ріензи основывались на какой нибудь вещественной силѣ и никогда еще не бывъ свидѣтелемъ могущества правящаго перворота, Адрианъ не думалъ, чтобы возстаніе, къ которому Ріензи хотѣлъ побудить народъ, могло быть успѣшно. Что касается до названія Ріензи за бунтъ, то въ этомъ городѣ, гдѣ правосудіе было подчинено интересу, Адрианъ считалъ себя довольно сильнымъ для того, чтобы испросить прощеніе даже для важнѣйшаго изъ преступленій—возстанія противъ nobilей. Когда эти мысли опять пришли ему въ голову, то онъ нашелъ въ себѣ довольно мужества для успокоенія и ободренія Ирены, но его усилія удалось не исполнить. Встрѣвожденная опасеніями за будущее, о которомъ она забывала до сих поръ, Ирена въ первый разъ, казалось, была глуха къ голосу своего очарователя.

— Увы, сказала она грустно, даже при лучшихъ обстоятельствахъ къ чему бы повела любовь, которой мы предавались такъ слѣпо? чѣмъ она можетъ кончиться? Ты не можешь жениться на мнѣ; а я—какъ я была безумна!

— Такъ измѣни свои чувства, сказалъ Адрианъ гордо. Люби дру-

то съ бодѣшимъ благоразуміемъ; если хочешь, нарушь данныя мнѣ
ѣданія и продолжай думать, что любовь есть преступленіе, а вѣр-
сть безуміе!

— Безжалостный! сказала Ирена, прерывающимся голосомъ, встре-
сенная въ свою очередь, неужели ты говоришь серьезно?

— Прежде чѣмъ я отвѣчу тебѣ, скажи вотъ что: еслибы эта любовь
иква была кончиться смертью, горемъ, печалью всей жизни, —
бѣла бы ты, что любила? если да, то ты не понимаешь той люб-
которую я чувствую къ тебѣ.

— Никогда, никогда я не буду раскаяваться, отвѣчала Ирена, при-
къ къ груди Адріана, прости меня!

— Но, сказалъ Адріанъ, нѣсколько успокоенный послѣ этой ссоры
того примиренія, свойственныхъ влюбленнымъ, неужели въ са-
къ дѣлѣ такъ замѣтно различіе между прошлымъ и настоящимъ
свѣденіемъ твоего брата? Какимъ образомъ ты знаешь, что время
дѣятельности такъ близко?

— Потому что онъ по цѣлымъ ночамъ сидитъ, запершись, съ
ими всякихъ сословій, онъ оставилъ свои книги и больше ничего
не читаетъ, а когда остается одинъ, то ходитъ взадъ и впе-
къ по комнатѣ, говоря самъ съ собой. Иногда онъ останавливаетъ
противъ календаря, который недавно прибѣлъ къ стѣнѣ и во-
къ пальцемъ по буквамъ до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до из-
дѣлаго числа и тогда играетъ мечомъ своимъ и улыбается. Но
два тому назадъ въ нашу домъ нанесено множество оружія, и
вышла какъ начальникъ людей, которые принесли его, угрю-
и великамъ, очень хорошо извѣстный въ народѣ, сказалъ оти-
любъ: скоро ему будетъ работа!

Оружіе! ты утѣрена въ этомъ? вскричалъ Адріанъ съ безпо-
ствомъ. Значитъ, эти планы важнѣе, чѣмъ я воображалъ. Но,
бавилъ онъ, замѣтивъ, что при перемѣнѣ его голоса Ирена взгля-
и на него со страхомъ, что бы ни случилось, вѣр мнѣ, моя кра-
ща, мое божество, пока я живъ, твой братъ не будетъ стра-
отъ гнѣва, который можетъ навлечь на себя возстаніемъ. Моя
овъ къ тебѣ также не ослабѣетъ, хотя бы онъ забылъ нашу ста-
дружбу.

Синьора, синьора, дитя мое! вамъ надо идти, сказала Бенедет-
пронзительнымъ голосомъ, выглянувъ изъ-за деревьевъ. Рабочіе
францаются домой этою дорогой; я вижу, они идутъ.

Обоимъ разстались. Въ первый разъ эмѣй проникнуть въ ихъ
изъ; въ первый разъ они говорили между собой и думали о дру-
предметахъ кромѣ любви.

III.

оженіе, въ какомъ находится во время народнаго неудовольствія
патрицій, пользующійся популярностью. Сцена въ Латеранѣ.

оложеніе патриція, питающаго честную любовь къ народу, въ
время, когда сила угнетаетъ, а свобода ведетъ противъ нея вой-

ну, когда два разряда людей спорять другъ съ другомъ, въ высшей степени затруднительно и непріятно. Приметь ли онъ сторону билей? онъ дѣйствуетъ противъ своей совѣсти; сторону народа? оставляетъ своихъ друзей. Но это—не единственное и для твердого ума, можетъ быть, еще не самое важное затрудненіе. Всѣ люди увлечены и связываются общественнымъ мнѣніемъ, этимъ общественнымъ судьею, но общественное мнѣніе не одинаково для всѣхъ званій. Общественное мнѣніе, возбуждающее или удерживающее плебей, есть мнѣніе плебеевъ, т. е. тѣхъ, кого онъ видитъ, слышитъ и знаетъ, тѣхъ, съ которыми онъ имѣетъ сношенія отъ юного дѣтства, которыхъ похвалы онъ слышитъ ежедневно, которыхъ строгая цензура слѣдитъ за нимъ каждый часъ. Такимъ же образомъ общественное мнѣніе вельможъ есть мнѣніе ихъ равныхъ, т. е. людей, которые рожденіемъ и обстоятельствами поставлены всегда на ихъ дорогѣ. Когда мы читаемъ въ настоящее время верхностныя страницы какого нибудь догматизирующаго журнала о томъ, что такой-то и такой-то вельможа не осмѣлится сдѣлать то-то и то-то, напр.: грозить арендатору, или подкупить вождя голоса, изъ боязни общественного мнѣнія, то неужели его осмѣлится общественное мнѣніе людей его окружающихъ, т. е. его паразитовъ, его кліентовъ, его равныхъ, его сотоварищей по политикѣ и честолюбію? Нѣтъ, это общественное мнѣніе другаго класса, которое похвала или порицаніе рѣдко доходитъ до его слуха, къ которому пренебреженіе его сословіе можетъ считать мужествомъ и достоинствомъ. Это различіе исполнено важныхъ практическихъ выводовъ; его никогда не долженъ забывать политикъ, который хотѣлъ бытъ проницательнымъ. Для патриціевъ существуетъ страшное испытаніе, которому подвергаются не многіе плебеи, и было бы несправедливо требовать, чтобы первые безтрепетно пренебрегали имъ. Оно состоитъ въ противодѣйствіи существующаго для нихъ общественного мнѣнія; они не могутъ не сомнѣваться въ основательности собственнаго своего сужденія и невольно поддаются мысли, что голосъ мудрости и добродѣтели заключается въ тѣхъ звукахъ, которые были для тѣхъ оракулами отъ колыбели. Трибуналь чуждыхъ предразсудковъ они считаютъ судилищемъ всеобщей совѣсти. Другое могущественное препятствіе для дѣятельности патриціевъ, находящагося въ такомъ положеніи, состоитъ въ увѣренности, что побужденія, руководящія его поступками, будутъ неправильно истолкованы какъ аристократію, которую онъ оставляетъ, такъ и народомъ, къ которому онъ присоединяется. Вѣгство отъ своего слова въ человѣкѣ кажется такъ ненатуральнымъ, что свѣтъ ищетъ искать, для объясненія этой тайны, всякаго ключа, кровавості честнаго убѣжденія и возвышеннаго патриотизма. Честолюбіе! говоритъ одинъ; обманутая надежда! кричитъ другой; какое-нибудь личное неудовольствіе! замѣчаетъ третій; угодливость черни и тщеславіе! насмѣшливо говоритъ четвертый. Народъ же сперва благодарно удивляется, а потомъ подозреваетъ. При первомъ противорѣчіи народной волѣ для популярнаго патриція уже нѣтъ спасенія.

его обвиняютъ въ томъ, что онъ дѣйствовалъ какъ лицемеръ, онъ одѣвался въ шкуру ягненка и говорятъ: посмотрите, волзубы показались! Если онъ друженъ съ народомъ, это лезть; и дакъ отъ него, это гордость. Прочь же притворство общечеловѣческаго мнѣнія, прочь жалкое оболыщаніе надежды на справедливое потомство: онъ оскорбляетъ первое и никогда не получитъ второй. Что же въ подобномъ положеніи поддерживаетъ человѣка? Следующаго внушенія: собственная совѣсть и понимающаго опасности своего пути? Его собственная душа! Помогая своимъ друзьямъ, истинно великій человѣкъ имѣетъ выѣстъ съ тѣмъ и первое презрѣніе къ нимъ; ихъ бѣдствія или благо составляютъ для него все, ихъ одобреніе и порицаніе для него ничто. Онъ выѣстъ изъ предѣловъ того круга, въ который поставленъ произведеніемъ и привычками; онъ глухъ къ мелкимъ побужденіямъ этихъ людей. Высоко, чрезъ обширное пространство описываемой орбиты, онъ продолжаетъ свой путь, чтобы руководить и вѣщать другихъ, но шумъ, происходящій внизу, не достигаетъ его. Пока колесо еще не сломано, пока темная бездна не поглощаетъ звезды, она день и ночь звучитъ мелодіею для своего собственного уха, не желая прислушиваться къ звукамъ освѣщаемой ею, не имея никакого спутника на стезѣ, по которой она движется, познавая свою силу и потому довольная своимъ одиночествомъ. Эти подобнаго рода рѣдки. Не всѣ вѣка въ состояніи производить ихъ; они составляютъ исключеніе изъ обыкновенной человѣчести. Святая, которая, если и не испорчена, все таки находится въ вліяніи и управленіи вѣнннхъ обстоятельствъ. Въ то время, когда быть даже нѣсколько чувствительнымъ къ голосу славы, считалось уже большимъ превосходствомъ въ нравственной энергичности, было невозможно найти человѣка, обладающаго тѣмъ утонченнымъ, абстрактнымъ чувствомъ, тѣмъ побужденіемъ къ высокимъ подвигамъ, тѣмъ величіемъ, тѣмъ въ собственномъ сердцѣ, которыя такъ неизмѣримо величавы, держащейся за другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, пренебрежѣмъ будемъ въ состояніи обойтись безъ свѣта, мы должны, сдержаннымъ и строгимъ искусомъ, одобреніемъ долгаго разлеченія и большимъ горемъ, вслѣдствіе грустнаго убѣжденія въ несправедливости всего, что свѣтъ можетъ намъ дать, поставить себя выше него. Немногіе, даже мудрейшіе изъ людей, нашего, болѣе просвѣтленнаго вѣка достигаютъ этой отвлеченности, такого идеализма. Иначе до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ столь счастливы, не можемъ вполне постигнуть ни божественности созерцанія, ни всемогущества совѣсти, не можемъ торжественно удаляться въ Святая-Святыхъ своей души, гдѣ мы узнаемъ и чувствуемъ, какъ наша природа способна къ самостоятельному существованію.

Или и обстоятельства, которыя въ подобныхъ случаяхъ оказываютъ столь многихъ честныхъ и мужественныхъ людей, оковали и утѣшили Адриана. Онъ чувствовалъ себя въ ложномъ положеніи

Разумомъ и совѣстью онъ одобрялъ планы Ріензи; и его врожденная смѣлость и предпріимчивость повели бы его къ дѣятельной участи въ опасностяхъ, представляемыхъ исполненіемъ ихъ противъ этого громко вопіяли всѣ его связи, дружескія отношенія частныя и семейныя узы. Какимъ образомъ могъ онъ составлять тайные заговоры и быть строгимъ къ своему сословію, къ фамиліи, къ товарищамъ своей юности? Патріотизмъ, который будждаетъ его стремиться къ цѣли, будетъ истолкованъ какъ мѣрѣ и неблагодарность. Кто назоветъ честнымъ защитникомъ родины того, кто измѣняетъ своимъ друзьямъ? Такимъ образомъ по выраженію Шекспира:

The native hue of resolution

Was sicklied o'er with the pale cast of thought *

и тотъ, кто, по естественному порядку вещей, долженъ бы вождемъ своего времени, остался только его зрителемъ. Вирс Адріанъ старался утѣшать себя въ своей пассивности убѣжденіемъ въ благоразуміи своего поведенія. Кто не принимаетъ участія началъ гражданскихъ переворотовъ, тотъ можетъ часто съ чайшимъ успѣхомъ сдѣлаться посредникомъ между страстями, образовавшимися въ послѣдствіи. Можетъ быть, въ обстоятельствахъ Адріана выжиданіе было дѣйствительно политикою блудливаго человѣка: положеніе нерѣшительное въ началѣ часто власть предъ концомъ. Всѣ готовы смотрѣть съ снисходительностью и уваженіемъ на новаго актера въ безпокойной драмѣ; онъ чуждъ крайностей и злобы соперничающихъ партій умѣренность можетъ сдѣлать его ровнѣннѣмъ народа, а за приличнымъ посредникомъ между народомъ и нобиліями; такъи разомъ качества, которыя въ одинъ періодъ времени сдѣлали его мученикомъ, могутъ возвести его на степень избавителя другой. Въ случаѣ неудачи плановъ Ріензи онъ своимъ бездѣиємъ могъ спасти народъ отъ новыхъ цѣпей, а его борца отъ ти. Въ случаѣ же успѣха онъ могъ избавить свою фамилію отъ родной ярости, и, во имя свободы, прекратить безпорядокъ. Та по крайней мѣрѣ, были его надежды. Такимъ-то образомъ ясная хитрость и осторожность его характера сдерживала и коивала въ немъ энтузіазмъ молодости и храбрости.

Солнце спокойно и безоблачно сіяло надъ огромною толпою рода, собравшагося предъ обширною площадью, окружающею церковь св. Іоанна латеранскаго. Частію изъ любопытства, частію по приглашенію епископа орвіетскаго, частію пользуясь случаемъ выказали ликолюбіе своей свиты, къ этому мѣсту собрались многіе знатнѣйшихъ вельможъ Рима.

На одной изъ ступеней, ведущихъ къ церкви, завернувшись въ плащъ, стоялъ Вальтеръ де Монреаль, глядя на разныхъ людей, которыя, одна за другою, шли по узкому промежутку, образуемому папскими солдатами среди толпы, для прохода главному

* Врожденный цвѣтъ рѣшимости былъ испорченъ блѣдностью отъ думы.

патриціевъ. Не смотря на свой обычный безпечный видъ и блуждающій взоръ, онъ съ интересомъ наблюдалъ различные взгляды и знаки пріѣта, оказываемыя чернью разнымъ знатнымъ лицамъ. Знамена и значки предшествовали каждому изъ синьоровъ и при проходѣ ихъ Монреаль старательно напечатлѣвалъ въ своей памяти пробѣгавшія по живой толпѣ остроты и прозвища, эти короткія слова похвалы или порицанія, заключающія въ себѣ такъ много значенія.

— Дорогу, дорогу синьору Орсини ди-Порто!

— Молчи подлипало! осадѣ назадъ! дорогу синьору Адріану Колонна, барону ди-Кастелло, рыцарю имперіи...

И при этихъ крикахъ развѣвались знамена фамилій: Орсини—съ золотымъ изображеніемъ медвѣдя и съ девизомъ: «*Берегись моихъ объятій*» и Колонновъ, съ изображеніемъ столба на голубомъ полѣ и съ особымъ девизомъ Адріана: «*Грустенъ, но твердъ*». Свита Мартино Орсини была многочисленнѣе Адріановой, состоявшей только изъ десяти солдатъ, но послѣдніе болѣе привлекали уваженіе толпы и болѣе нравились опытному взгляду рыцаря св. Іоанна. Ихъ оружіе блестѣло какъ зеркало, ихъ ростъ былъ одинаковъ, ихъ поступъ была регулярна и спокойна, они держались прямо и не оглядывались ни направо ни налево. Въ нихъ замѣтна была та необъяснимая дисциплина, та гармонія порядка, внушать которую Адріанъ научился, во время первоначальныхъ своихъ занятій военнымъ искусствомъ. Солдаты, составлявшіе безпорядочную свиту синьора ди-Порто, были разнаго роста, ихъ оружіе было плохо вычищено и дурной работы; они толпой тѣснились другъ къ другу, громко смѣясь и разговаривая; въ ихъ осанкѣ и поступи видна была наглость людей, которые одинаково презираютъ и господина, которому они служатъ, и народъ, которому внушаютъ ужасъ. Едва эти двѣ свиты столкнулись одна съ другою въ узкомъ проходѣ, какъ точно же въ нихъ выказалась взаимная ненависть двухъ домовъ: каждая рвалась впередъ и когда спокойная регулярность, а также малочисленность и сомкнутость свиты Адріана помогли ей опередить служителей его соперника, то чернь громко закричала:

— Многія лѣта Колоннѣ! пусть медвѣдь пляшетъ за Колонною!

— Впередъ вы, негодай! громко вскричалъ Орсини своимъ людямъ. Какъ вы стерпѣли эту обиду? и ведѣ ихъ впередъ, онъ пробрался бы чрезъ свиту своего соперника, еслибы высокій гвардеецъ въ папской ливреѣ своимъ жезломъ не загородилъ ему дорогу.

— Извините, синьоръ, мы имѣемъ строгое приказаніе не допускать споровъ разныхъ свитъ между собою.

— Негодай! ты смѣешь перекидываться со мною словами! сказалъ свирѣлый Орсини и разрубилъ жезлъ гвардейца пополамъ.

— Именемъ намѣстника приказываю вамъ отодвинуться назадъ, сказалъ упрямый гвардеецъ, заставляя дорогу своею огромною фигурой.

— Это Чекко-дель-Веккио! вскричали ближайшіе изъ толпы, которые могли замѣтить это замедленіе и его причину.

— Да, сказалъ одинъ, добрый викарій поставилъ здѣсь много-самыхъ дюжихъ молодцовъ въ папской либрѣ, для соблюденія порядка, но Чекко лучше ихъ всѣхъ.

— Онъ не долженъ погибнуть, вскричалъ другой, когда Орсини, бросивъ яростный взглядъ на кузнеца, обнажилъ мечъ какъ бы жала изрубить его.

— Стыдъ, стыдъ! неужели папу будутъ оскорблять въ его городѣ? вскричали многіе голоса. Прочь святотатство! прочь! и какъ-будто заранѣе сговорившись, вся масса черни хлынула вдругъ чрезъ промежутокъ на Орсини и его смятую и худо подобранную свиту. Самъ Орсини былъ сбитъ на землю и по немъ прошла сотня ногъ. Его люди, боротившіеся всѣми силами противъ толпы, были разбѣганы и опрокинуты. И когда стража подъ предводительствомъ кузнеца возстановила порядокъ, то Орсини, задыхаясь отъ бѣшенства и ужасенія и сильно помятый, едва могъ встать. Папскіе офицеры подняли его и онъ дикими взглядами искалъ своего меча, который выпалъ у него изъ рукъ и былъ отброшенъ въ толпу. Не найдя его, Орсини, скрежеща зубами, проговорилъ обращаясь къ Чекко-дель-Веккіо:

— Любезный, твоя шея отвѣтитъ за эту обиду, или пусть оставитъ меня Богъ! И онъ прошелъ среди полуподавленного и торжествующаго шиканья присутствующихъ.

— Дорогу, вскричалъ кузнецъ, дорогу синьору Мартини ди-Порто, и пусть всѣ знаютъ, что онъ грозилъ убить меня за то, что я исполняю свою обязанность, повинаясь папскому намѣстнику!

— Онъ не смѣетъ! закричала тысяча голосовъ, народъ защитить своихъ!

Эта сцена не была потеряна для провансальца, который умѣлъ распознавать откуда дуетъ вѣтеръ, и, по смѣлости черни, тотчасъ понялъ, что эти люди сознавали приближеніе бури.

— Pardieu, сказалъ онъ, кланяясь Адріану, который, съ важностью и не оглядываясь назадъ, дошелъ теперь до ступеней церковной наперти. Этотъ высокій молодецъ храбръ и имѣетъ много друзей. Какъ вы думаете, прибавилъ онъ тихимъ шопотомъ, не служатъ ли эта сцена доказательствомъ, что побилъ не такъ безопасны, какъ они думаютъ?

— Конь начинается лягаться, почувствовавъ шпоры, отвѣчалъ Адріанъ. Влагородный всадникъ въ подобномъ случаѣ остерегается натянуть поводъ слишкомъ туго, чтобы животное не поднялось на дыбы и не опрокинулось. Но вы именно присовѣтовали бы это.

— Вы ошибаетесь, возразилъ Монреаль, мое желаніе состояло въ томъ, чтобы дать Риму государя вмѣсто множества тирановъ. Но, чу! Что значитъ этотъ колоколъ?

— Церемонія скоро начнется, отвѣчалъ Адріанъ, мы пойдемъ въ церковь вмѣстѣ?

Рѣдко храмъ, посвященный Богу, былъ свидѣтелемъ такого страннаго зрѣлища, какое представляла теперь внутренность латеранской церкви.

Среди ей возвышались скамьи амфитеатромъ, на дальнемъ концѣ котораго былъ устроенъ помостъ немножко выше всего остального. Иже этого мѣста, но довольно высоко для того, чтобы быть въ виду всего собранія, была помѣщена большая желѣзная таблица съ прѣзанною на ней древнею надписью и съ яснымъ и выпуклымъ визомъ по срединѣ, который теперь подлежитъ объясненію.

Скамьи были покрыты сукномъ и богатыми обоями. Въ глубинѣ ркви былъ повѣшенъ пурпурный занавѣсъ, вокругъ амфитеатра были офицеры церкви въ папскихъ мундирахъ. Направо отъ поста сидѣлъ Раймондъ, епископъ орвіетскій въ парадной одеждѣ. Скамьяхъ вокругъ него помѣщались всѣ значительныя особы: судьи, ученые и патриціи, начиная отъ высокаго ранга Салли до низшаго, къ которому принадлежали Разелли. Пространство амфитеатра было наполнено народомъ, который теперь быстро лился потокъ за потокомъ. Во все это время чисто и громко звучалъ большой церковный колоколъ.

Наконецъ, когда Адріанъ и Монреаль сѣли въ небольшомъ разлвнн отъ Раймонда, колоколъ внезапно замолкъ, говоръ народа стихъ, пурпурный занавѣсъ былъ отдернутъ, и Рензи выступилъ ценнымъ и величавымъ шагомъ. Но онъ явился не въ обыкновенной своей темной и простой одеждѣ. На немъ былъ надѣтъ камтъ ослѣпительной бѣлизны; длинный плащъ, на подобіе широкой и, волочился по полу, на головѣ у него была повязка изъ бѣлой вѣи, среди которой сіяла золотая корона. Корона была раздѣлена, такъ сказать, разрѣзана на двое мистическимъ орнаментомъ, представляющимъ серебряный мечъ, который, привлекая всеобщее вниманіе, свидѣтельствовалъ, что этотъ странный нарядъ былъ не изъ суетной роскоши, но для того, чтобы представить собою въ лицѣ гражданина типъ и эмблему состоянія города, о которомъ онъ хотѣлъ говорить.

— Право, прошепталъ одинъ изъ старыхъ нобилей своему сосѣдѣ, храбро принимаясь за дѣло.

— Это будетъ рѣдкое зрѣлище, сказалъ другой. Я увѣренъ, что первый человѣкъ вставитъ въ свою рѣчь нѣсколько шутокъ.

— Что это за комедія? сказалъ третій.

— Онъ вѣрно рехнулся, прибавилъ четвертый.

— Какъ онъ красивъ, говорили женщины, замѣшанные въ толпѣ.

— Этотъ человѣкъ выучилъ народъ наизусть, замѣтилъ Монреаль яну. Онъ знаетъ, что онъ долженъ подѣйствовать на зрѣніе, бы побѣдить умъ. Плутъ, умный плутъ!

Рензи взомель на помостъ, и когда онъ обратилъ пристальный взглядъ на собраніе, то высокое и задумчивое спокойствіе его вѣственной фizioноміи, ея глубокая и торжественная важность кратили шумъ и одинаково подѣйствовали какъ на нетерпѣли чернь, такъ и на насмѣшливыхъ нобилей?

— Синьоры Рима, сказалъ онъ наконецъ, и вы, друзья и граждане слышали зачѣмъ вы собрались здѣсь. Вы, монсиньоръ епископъ орвіетскій, и вы сотрудники мои на поприщѣ учености, также

знаете, что поводомъ къ этому послужило нѣчто относящееся къ древнему Риму. Мы провели нашу юность, стараясь понять изышеніе и упадокъ его прежняго величія и славы. Но, вѣрьте мнѣ, это не есть пустая загадка эрудиціи полезная только ученымъ, относящаяся только къ мертвому. Пусть погибнетъ прошедшее! пусть тьма покроетъ его, пусть оно вѣчно спитъ на обвалившихся храмахъ и печальныхъ могилахъ его забытыхъ сыновъ, если вырытыя изъ земли тайны его не могутъ представить намъ руководства для настоящаго и будущаго. Неужели вы думаете, сеньоры, что ради одной древности мы проводили дни и ночи въ изученіи того, чему можетъ научить насъ эта древность? Вы ошибаетесь. Знаніе того, чѣмъ мы были, бесполезно, если оно не сопровождается желаніемъ знать то, чѣмъ мы должны быть. Наши предки не болѣе какъ прахъ и пепелъ, если они не говорятъ нашему потомству; а когда они говорятъ, то ихъ голоса звучатъ не изъ земли, а съ неба. Въ воспоминаніи есть свое краснорѣчіе, потому что оно питаетъ надежду. Въ прошедшемъ есть святость, единственно по причинѣ хроникъ, которыя оно содержитъ въ себѣ, повѣствованій о прогрессѣ рода человѣческаго, въ цивилизаціи, свободѣ и знаніи. Наши отцы запрещаютъ намъ идти назадъ. Они показываютъ намъ наше прямое наслѣдіе, они обязываютъ насъ требовать и умножить его, хранить ихъ добродѣтели, избѣгать ихъ ошибокъ. Вотъ въ чемъ состоитъ истинная польза прошедшаго. Подобно святому зданію, въ которомъ мы находимся, это есть могила для построенія на ней храма. Я вижу, что вы удивляетесь этому длинному приступу, вы рассматриваете другъ на друга и спрашиваете къ чему это ведетъ. Взгляните на эту большую желѣзную доску. На ней вырѣзана надпись, только недавно-вырытая изъ груди камней и развалинъ, которыя были нѣкогда дворцами имперіи и арками торжествующей власти. Девизъ въ серединѣ таблицы, которую вы видите, заключаетъ въ себѣ акты римскихъ сенаторовъ, предоставляющихъ Веспасіану императорскую власть. Я пригласилъ васъ для того, чтобы прочесть вамъ эту надпись. Она обозначаетъ условія и предѣлы этой власти. Императору предоставляется право издавать законы и заключать союзы съ какою-бы то ни было націею; распирать или уменьшать предѣлы городовъ и округовъ, и, замѣтьте это сеньоры, возводить людей въ званіе вождей и царей и лишать ихъ этого званія; учреждать города и уничтожать ихъ. Словомъ, всѣ атрибуты верховной власти. Да, этому императору была ввѣрена обширная власть, но чѣмъ? Слушайте, прошу васъ, внимательно, не пророните ни одного слова. Чѣмъ, спрашиваю я: римскимъ сенатомъ! А что такое былъ римскій сенатъ? Представитель римскаго народа.

— Я зналъ, что онъ до этого дойдетъ, сказалъ кузнецъ, который стоялъ въ дверяхъ съ своими товарищами, но до слуха котораго ясно и отчетливо доходилъ серебристый голосъ Ріензи.

— Молодецъ! И это онъ сказалъ при сеньорахъ!

— Да, вы видите чѣмъ былъ народъ, и мы бы никогда этого безъ него не узнали.

— Тише, ребята, сказали офицеры тѣмъ изъ толпы, между которыми слышались эти замѣчанія, произносимыя шопотомъ.

Ріензи продолжалъ:

— Да, народъ вѣрилъ эту власть и слѣдовательно она принадлежитъ народу. Не присвоилъ ли гордый императоръ себѣ корону? не взялъ ли власть самъ собою? не родилась ли она съ нимъ? не получилъ ли онъ ее, бароны, посредствомъ обладанія укрѣпленными замками, или высокимъ происхожденіемъ? Нѣтъ, при всемъ своемъ могуществѣ, онъ не имѣлъ права ни на одну малѣйшую часть этой власти безъ голоса и довѣренности римскаго народа. Такою привилегією, сограждане, пользовались наши отцы, хотя, въ то время, свобода была только тѣнью того, чѣмъ была прежде; всякая власть была даромъ народа. Спрашиваю: что же вы можете дать теперь? Какой отдѣльный человекъ, какой даже незначительный начальникъ проситъ у васъ власти, которую онъ присвоиваетъ? Его сенатъ мѣтъ. Грамота его привилегіи написана не чернилами, а кровью. Народъ! Въ Римѣ нѣтъ народа! О, еслибы мы могли вырыть изъ могилы духъ прошедшаго также легко, какъ воспоминаніе о немъ!

— Еслибы я былъ вашимъ родственникомъ, прошепталъ Монреаль Адріану, то я далъ бы этому человѣку мало времени между его проповѣдью и исповѣдью,

— Кто вамъ императоръ? продолжалъ Ріензи; иностранецъ! Кто великая глава вашей церкви? изгнанникъ! Вы лишены законныхъ вождей. А почему? Потому что вы не лишены беззаконныхъ тирановъ. Своеволю вашихъ нобилей, ихъ споры и распри заставили святаго отца удалиться изъ наслѣдія св. Петра; они наполнили римскія улицы вашею кровью. Они растратили богатства, добытыя вашими трудами на частные союзы и содержаніе наемныхъ пегодоевъ. Ваши силы истощены противъ васъ самихъ, вы сдѣлали пощущищемъ вашу родину, бывшую нѣкогда властительницею міра; вы намочили губы ея желчью и надѣли терновый вѣнецъ на ея голову! Какъ синьоры! вскричалъ онъ вдругъ повернувшись къ Савелли и Орсини, которые, стараясь освободиться отъ трепета, возбужденнаго въ ихъ сердцахъ пламеннымъ краснорѣчіемъ Ріензи, презрительными жестами и улыбками выражали теперь свое неудовольствіе, но смѣя его выразить громко въ присутствіи намѣстника и народа. Какъ, даже въ то время когда я говорю, васъ не останавливаетъ святость этого мѣста? Я, правда, незначительный человекъ, не болѣе какъ гражданинъ Рима; но я имѣю одну заслугу, я возбудилъ противъ себя многихъ враговъ и поносителей тѣмъ, что я сдѣлалъ для Рима. Меня ненавидятъ, потому что я люблю мою родину; меня презираютъ, потому что я хочу ее вознести, я отплачиваю, я хочу быть отмщенъ. Въ собственныхъ вашихъ дворцахъ васъ предадутъ три измѣнника, ихъ имя: роскошь, зависть и раздоръ!

— Задѣлъ же онъ ихъ!

— Ха, ха, ха! Клянусь св. крестомъ, это было славно сказано!

— Я готовъ отдаться палачу за другую такую острую штуку.

— Стыдно намъ трусить, если оди́нъ человекъ такъ храбръ, ска-
заль кузнецъ.

— Именно такого человека намъ недоставало!

— Тише! сказали офицеры.

— О, римляне! продолжалъ Ріензи съ жаромъ, проснитесь, за-
линая васъ, пусть воспоминаніе о вашемъ прежнемъ могуществѣ,
о вашей древней свободѣ глубоко западетъ намъ въ душу. Въ бла-
гопріятную минуту, если вы ею воспользуетесь, и въ несчастную,
если вы упустите золотой случай, это воспоминаніе о прошедшемъ
было сообщено вашему слуху. Вспомните, что приближается время
юбилея.

Епископъ орвіетскій улыбнулся и одобрительно кивнулъ головой,
народъ, граждане и побили низшаго разряда хорошо замѣтили эти
ободрительные знаки, имъ показалось, что самъ папа въ лицѣ
своего викарія благосклонно смотрѣлъ на смѣлость Ріензи.

— Приближается время юбилея, глаза всего христіанскаго міра
будутъ обращены на Римъ. Здѣсь, куда со всѣхъ четырехъ страгъ
свѣта люди идутъ искать мира, неужели они найдутъ раздоръ?
Ища разрѣшенія отъ грѣховъ, неужели они увидятъ преступленіе?
Въ области господства Божія неужели они будутъ оплакивать ва-
шу слабость? Въ мѣстопребываніи святыхъ мучениковъ неужели
они будутъ трепетать отъ вашихъ пороковъ? Въ родникѣ и источ-
никѣ Христова закона неужели они не найдутъ никакого закона?
Вы были славой міра, неужели нынѣ вы будете его поношеніемъ?
Вы были его примѣромъ, неужели теперь вы будете его предосте-
реженіемъ? Встаньте, пока еще время, очистите ваши дороги отъ
бандитовъ, ваши стѣны отъ гнѣздящихся въ нихъ наемниковъ!
Изгоните эти гражданскія распри людей (какъ бы знатны и горды
они ни были), которые ихъ поддерживаютъ! Вырвите вѣсы изъ рукъ
обмана, мечъ изъ руки наспія! Вѣсы и мечъ были древними атри-
бутами правосудія, возвратите ихъ ему. Это будетъ вашимъ вели-
кимъ дѣломъ, вашей великою цѣлью. Считайте всякаго человека,
который имъ противится измѣнникомъ своей родины. Одержите по-
бѣду важнѣйшую, нежели победы цезарей, побѣду надъ собою.
Пусть богомольцы всего свѣта увидятъ воскресеніе Рима. Сдѣлайте
эпоху изъ юбилея религіи и возстановленія закона. Принесите въ
жертву ваши побѣжденные страсти, первые плоды возобновленной
вашей свободы на алтарѣ, который находится въ этихъ стѣнахъ.
О, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, Богу не была принося-
ма болѣе пріятная жертва! .

Впечатлѣніе, произведенное этими словами, было такъ сильно; они
такъ потрясли душу слушателей, которыхъ захватили въ расстрой-
ство, что Ріензи сошелъ съ помоста и уже исчезъ за занавѣсомъ, изъ-за
котораго онъ явился, прежде чѣмъ толпа вполне поняла, что онъ
кончилъ.

Странность этого внезапнаго вліянія, окруженнаго мистическимъ

блескомъ и исчезнувшего въ ту минуту, когда дѣло его было кончено, придадо еще болѣе дѣйствія произнесеннымъ имъ словамъ. Весь характеръ этой смѣлой рѣчи былъ проникнутъ чѣмъ-то сверхъестественнымъ и вдохновеннымъ; въ толпѣ казалось, что смертный преобразился въ оракула и, дивясь безстрашному мужеству, съ какимъ ихъ идолъ порицалъ и заклиналъ гордыхъ бароновъ, изъ которыхъ на каждого они смотрѣли, какъ на офіціальнаго палача, и которыхъ гнѣвъ могъ тотчасъ обнаружиться смертными казнями, они суевѣрно воображали, что власть, происходящая свыше, одарила ихъ вожда такою смѣлостью и сохранила его отъ опасности. Въ самомъ дѣлѣ безопасность Ріензи состояла именно въ этой храбрости; онъ былъ поставленъ въ такія обстоятельства, при которыхъ дерзость есть благоразуміе. Еслибы онъ былъ менѣе смѣлъ, то нобилы были бы болѣе строги къ нему; но теперь они, естественно, воображали, что такая свобода рѣчи въ должностномъ лицѣ Святаго престола, произошла не безъ согласія папы, и не безъ одобренія народа; люди несчитавшіе подобно Стефану Колоннѣ слова вѣтромъ, не приняли на себя обязанности наказывать человѣка, голосъ котораго, можетъ быть, есть не болѣе какъ отголосокъ желаній первосвященника. Несогласія нобилей другъ съ другомъ были для Ріензи не менѣе благоприятны. Онъ нападалъ на сословіе, члены котораго не имѣли единства.

— Не мое дѣло убивать его! сказалъ одинъ.

— Я не представитель бароновъ! сказалъ другой.

— Если Колонна не обращаетъ на него вниманія, то было бы неумно и опасно для человѣка менѣе значительнаго дѣлать себя противникомъ порядка! сказалъ третій.

Колонны одобрительно улыбались, когда Ріензи обвинялъ Орсини, а одинъ изъ Орсини громко засмѣялся, когда краснорѣчіе разразилось противъ Колонновъ. Менѣе значительнымъ нобилѣмъ было очень пріятно слышать нападки на тѣхъ и другихъ. Съ другой стороны епископъ, ободренный продолжительною безнаказанностью Ріензи, рѣшился утвердить его поступокъ своимъ одобреніемъ. Правда, въ своей рѣчи онъ иногда притворялся будто бы порицаетъ излишество горячности Ріензи, но всегда сопровождалъ эти порицанія похвалами его честности, — и одобреніе папскаго Викарія утвердило нобилей въ мысли относительно одобренія самого Папы. Такого образцовъ самое безразсудство энтузіазма Ріензи доставило ему безопасность въ успѣхѣхъ.

Однакоже, когда бароны нѣсколько оправившись отъ оцѣпенѣнія, въ которое были ввергнуты словами Ріензи, то они стали посматривать другъ на друга и въ ихъ глазахъ выражалось сознаніе дерзости оратора и нанесенной имъ обиды.

— *Per fede!* проговорилъ Реджинальдо-ди-Орсини, это превосходить терпѣніе — плебей зашелъ слишкомъ далеко!

— Взгляните на чернь внизу! какъ эти люди ропщутъ и развѣвуютъ рты, какъ сверкаютъ ихъ глаза, и какіе взгляды бросаютъ они на насъ! сказалъ Лука-ди-Савелли своему смертельному врагу

Каструччіо Малатеста: чувство общей опасности соединило въ одну минуту, но только на одну минуту, людей, много лѣтъ враждовавшихъ между собою.

— Diavolo! проворчалъ Разелли (отецъ Нины) барону, такому же бѣдному, писецъ говоритъ правду. Жаль, что онъ не благородный!

— Какая умная голова пропадаетъ даромъ! сказалъ одинъ флорентинскій купецъ. Этотъ человекъ могъ бы быть чѣмъ нибудь при достаточномъ богатствѣ.

Адрианъ и Монреаль молчали: первый, казалось, погрузился въ думу, а послѣдній наблюдалъ различное дѣйствіе, произведенное рѣчью Ріензи на слушателей.

— Тише! провозгласили офицеры. Тише, монсиньоръ намѣстникъ хочетъ говорить.

При этихъ словахъ всѣ глаза обратились къ Раймонду, который, вставъ, съ большимъ крякальнымъ величіемъ обратился къ собранію съ такою рѣчью:

— Бароны и граждане Рима, мое возлюбленное стадо, мои дѣти! хотя я зналъ не больше васъ въ чемъ будетъ состоять рѣчь, которую вы сейчасъ слышали, хотя я не вполне доволенъ тономъ и одобряю не всѣ части этого пылаго увѣщанія, *однакоже* (и епископъ сдѣлалъ сильное удареніе на этомъ словѣ) не могу отпустить васъ отсюда, не присоединивъ къ мольбамъ слуги нашего святаго отца мольбы духовнаго представителя его святѣйшества. Да, юбилей приближается!—Юбилей приближается — а наши дороги, до самыхъ воротъ Рима, наполнены убійцами и безбожными злодѣями! Какой пилигримъ отважится перебраться чрезъ Аппенины на богомолье у алтарей св. Петра? юбилей приближается: о, какой позоръ будетъ для Рима, если эти алтари останутся безъ богомольцевъ, если боязливые отступать предъ опасностями пути, а смѣлые падутъ ихъ жертвою! Поэтому прошу васъ всѣхъ — гражданъ и вождей — отложить въ сторону несчастные раздоры, которые такъ долго истощали силу нашего святаго города, и, соединясь между собою узамъ дружбы и братства, образовать святую лигу противъ дорожныхъ грабителей. Я вижу между вами, синьоры, многихъ, составляющихъ гордость и полнору государства; но, увы! съ горемъ и ужасомъ помыслию о безпричинной и пустой ненависти, между вами! Она — соблазнъ для нашего города и — позвольте мнѣ прибавить синьоры, — не дѣлаетъ чести ни вѣрѣ, которую вы исповѣдуете, какъ хрістіане, ни достоинству вашему въ качествѣ защитниковъ церкви.

Между нобиліями низшаго разряда, на скамейкахъ занятыхъ судьями и учеными и въ огромной толпѣ народа послышался при этихъ словахъ громкій ропотъ одобренія. Знатнѣйшіе бароны смотрѣли гордо, но не презрительно на лицо прелата и хранили строгое и скрытное молчаніе.

— Въ этомъ священномъ мѣстѣ, продолжалъ епископъ, позвольте мнѣ просить васъ — похоронить навсегда эту безплодную вражду, которая стоила намъ достаточнаго количества крови и денегъ. Ос-

тавивъ эти стѣны съ единодушною рѣшимостью доказать наше мужество и рыцарскую доблесть единственно противъ нашихъ общихъ непріятелей, — этихъ злодѣевъ, которые опустошаютъ наши поля и наполняютъ наши дороги, — этихъ враговъ народа, который мы обязаны защищать, и Бога, которому мы должны служить!

Епископъ сѣлъ. Нобилы, не отвѣчая, смотрѣли другъ на друга; народъ началъ громко шептать; наконецъ послѣ небольшой паузы Адріанъ-ди-Кастелло всталъ съ своего мѣста.

— Извините меня, синьоры, и вы, почтенный отецъ, если я, не обладающій ни опытностью зрѣлаго возраста, ни значительнымъ вѣсомъ между вами, рѣшаюсь первый принять предложеніе, которое мы сейчасъ слышали. Охотно отказываюсь я отъ всякаго прежняго повода къ враждѣ съ кѣмъ бы то ни было изъ моихъ равныхъ. Къ счастью для меня, мое продолжительное отсутствіе изъ Рима изгладило изъ моей памяти распри и соперничество, знакомыя мнѣ отъ ранней моей юности; и въ этомъ благородномъ собраніи (вижу (и онъ взглянулъ на Мартино-ди-Порто, который сидѣлъ угрюмо опустивъ глаза) только одною человѣка, противъ котораго я однажды счелъ долгомъ обнажить мечъ; залогъ, который я тогда бросилъ этому патрицію, къ моему удовольствію еще не освобожденъ. Я беру его назадъ. Съ этихъ поръ враги Рима будутъ моими единственными врагами!

— Благородно сказано, громко замѣтилъ епископъ.

— И, синьоры, продолжалъ Адріанъ бросая перчатку въ средину толпы нобилей, я бросаю этотъ взятый назадъ залогъ всѣмъ вамъ, вызывая васъ на болѣе важное состязаніе, на болѣе благородную битву. Я приглашаю каждаго поспорить со мною въ усердіи къ возстановленію спокойствія на нашихъ дорогахъ и порядка въ нашемъ государствѣ. Если, не смотря на все мои усилія, я буду побѣжденъ въ этомъ спорѣ, — то я безъ зависти уступаю призъ. Въ теченіи десяти дней съ этого времени, почтенный отецъ, я поставлю сорокъ вооруженныхъ всадниковъ, готовыхъ повиноваться всякимъ распоряженіямъ, которые будутъ признаны необходимыми для безопасности римскаго государства. А васъ, римляне, прошу забыть произнесенныя сейчасъ укоризны противъ нашихъ согражданъ. Все мы, съ какому бы званію ни принадлежали, можемъ быть, участвовали въ безпорядкахъ этого несчастнаго времени. Вудомъ стараться не мстить, не раздражать, а преобразовывать и соединять. Пусть народъ будетъ имѣть возможность прійти къ убѣжденію, что настоящая гордость патриція состоитъ въ томъ, что его власть дѣлаетъ его болѣе другихъ способнымъ служить своему отечеству.

— Благородныя слова! сказалъ насмѣшливо кузнецъ.

— Еслибы все были похожи на него! сказалъ сосѣдъ кузнеца.

— Онъ выпуталъ нобилей изъ дилеммы, сказалъ Пандульфо.

— Онъ обнаружилъ сѣдой умъ подъ молодыми волосами, сказалъ старый Малатеста.

— Вы отвели потокъ, но не остановили его, благородный Адріанъ

прошенталъ вѣчно-предвѣщающій Монреаль , когда молодой Колонна сѣлъ среди всеобщаго одобренія.

— Что вы подъ этимъ разумѣете? спросилъ Адріанъ.

— Что ваши мягкія слова, подобно всѣмъ уступкамъ патриціевъ, пришли слишкомъ поздно.

Изъ остальныхъ нобилей никто не пошевелился , хотя , можетъ быть, они чувствовали себя расположенными соединиться въ общемъ чувствѣ амнистіи, и судя по ихъ знакамъ и шопету, казалось одобрили рѣчь Адріана. Они слишкомъ привыкли къ грубой, необразованной гордости для того, чтобы унизиться до обращенія примирительныхъ словъ къ народу, т. е. къ своимъ врагамъ. Раймондъ, бросивъ взглядъ вокругъ, и опасаясь, чтобы ихъ неловкое молчаніе не было замѣчено, всталъ , съ цѣлю сколько возможно поправить эту неловкость.

— Мой сынъ, сказалъ онъ, ты говорилъ какъ патриотъ и христіанинъ; изъ одобрительнаго молчанія твоихъ равныхъ, мы всѣ заключаемъ, что они раздѣляютъ твои чувства. Теперь разойдемся; цѣль нашего собранія достигнута. Способъ дѣйствій противъ дорожныхъ разбойниковъ требуетъ болѣе зрѣлыхъ соображеній гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Этотъ день будетъ эпохою въ нашей исторіи.

— Да, проворчалъ угрюмо, сквозь зубы Чекко дель Веккіо.

— Дѣти, благословеніе мое на всѣхъ васъ! заключилъ викарій, простирая руки.

И чрезъ нѣсколько минутъ толпа повалила изъ церкви . Служители и знаменосцы выстроились на вѣнпныхъ ступеняхъ ; каждая сншта заботилась о томъ , чтобы ея господинъ шелъ впередъ другихъ; нобили, важно составились въ большія группы, въ которыхъ не было ни малѣйшей примѣси соперничающей крови, и послѣдовали за толпой внизъ . Шумъ и споръ и проклятія враждебныхъ партій скоро опять поднялись, тогда съ большими усиліями чиновники намѣстника приводили эти партіи въ самый безпорядочный порядокъ.

Монреаль сказалъ Адріану правду. Чернь уже почти забыла благородное воззваніе молодаго патриція , и была занята единственно истолкованіями неловкаго молчанія его собратовъ. Да и что имъ было за дѣло до крестоваго похода противъ дорожныхъ разбойниковъ? они порицали добраго епископа за то, что онъ не сказалъ нобилимъ смѣло: Вы — первые разбойники , противъ которыхъ мы должны идти ! Народныя неудовольствія зашли такъ далеко , что палативныя средства для нихъ были недостаточны; они достигли той точки, когда народъ жаждетъ совершеннаго переворота, а не реформы. Вываютъ эпохи , когда революція не можетъ быть предотвращена; она должна произойти, будетъ ли это посредствомъ сопротивленія или посредствомъ уступокъ . Горе тому народу , которому революція не приноситъ плодовъ , въ которомъ ударъ грома поражаетъ вершину, но не очищаетъ воздуха. Направное страданіе часто бываетъ удѣломъ благороднѣйшихъ личностей ; но если страдаетъ народъ, то пусть онъ пеняетъ на себя.

IV.

ЧЕСТОЛЮБИВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ И ЧЕСТОЛЮБИВЫЙ ВОИНЪ.

Епископъ орвіетскій остался на нѣкоторое время , чтобы поговорить съ Ріензи , который ожидалъ его въ закоулкахъ Латерана . Раймондъ былъ довольно проникателенъ , и не могъ думать , что послѣдняя сцена въ состояніи произвести какую нибудь реформу между нобиллями , утишить ихъ распри , или дѣйствительно вооружить ихъ противъ разбойниковъ Кампаньи . Но рассказывая Ріензи подробности того , что случилось послѣ удаленія этого героя со сцены, онъ заключилъ:

— Вы видите, что этимъ достигается одинъ хорошій результатъ: первая вооруженная ссора — первая драка между нобиллями, и она будетъ имѣть видъ нарушенія обѣщанія . И для народа , и для папы она послужитъ разумнымъ извиненіемъ для того , чтобы отчаяваться въ исправленіи бароновъ извиненіемъ , которое оправдываетъ усиліе перваго и одобреніе послѣдняго .

— Намъ не долго придется ждать подобной драки , отвѣчалъ Ріензи .

— Вѣрю вашему пророчеству , сказалъ Раймондъ улыбаясь . Теперь все хорошо . Идете вы съ нами домой ?

— Нѣтъ , я думаю лучше подождать здѣсь , пока толпа совершенно разоидется , потому что , если она меня увидитъ въ своемъ трепершемъ возбужденномъ состояніи , то , можетъ быть , начнетъ требовать какого нибудь опрометчиваго и поспѣшнаго предпріятія . Сверхъ того , монсиньоръ , прибавилъ Ріензи , — съ невѣжественнымъ народомъ , какъ бы онъ ни былъ честенъ и восторженъ , должно строго наблюдать правило , не слишкомъ часто являться ему на глаза . Люди , подобно мнѣ , не имѣющіе внѣшней знатности , никогда не должны показываться среди толпы , кромѣ тѣхъ случаевъ , когда умъ самъ по себѣ составляетъ знатность .

— Это справедливо , у васъ нѣтъ свиты , отвѣчалъ Раймондъ , мы скоро встрѣтимся .

— Да , у Филиппи , монсиньоръ . Почтенный отецъ , ваше благословеніе !

Нѣсколько спустя послѣ этого разговора Ріензи оставилъ священное заданіе . Онъ стоялъ на ступеняхъ церкви , теперь безмолвной и опустѣвшей . Это былъ часъ , предшествующій короткимъ южнымъ сумеркамъ и представлявшій волшебное зрѣлище . Далеко простирались арки огромнаго водопровода , за которыми видны были холмы , залитые пурпуромъ . Впереди направо возвышались ворота , получившія свое громкое имя отъ Целійской горы , на склонѣ которой они стоятъ еще до сихъ поръ . Далѣе съ высоты ступеней онъ видѣлъ разсыянные по Кампаньи деревни , бѣлѣющія въ лучахъ заходящаго солнца , а въ самомъ дальнемъ разстояніи горныя тѣни начали сгущаться надъ кровлями древняго Тускулума и второго

албанскаго города *, который еще возвышается въ печальномъ заустѣннѣ надъ исчезнувшими дворцами Помпея и Доміціана.

Римлянинъ стоялъ неподвижно и задумчиво нѣсколько минутъ, смотря на эту сцену и вдыхая въ себя мягкій бальзамическій воздухъ. Это было нѣжное весеннее время цвѣтовъ, зеленыхъ листьевъ и шепчущаго вѣтра, пастушескій май итальянскихъ поэтовъ. Но уже не слышно было пѣсенъ на берегу Тибра, тростникъ не издавалъ уже болѣе музыкальных звуковъ. Со священной горы, на которой обиталъ Сатурнъ, — дріады, нимфы и итальянскій уроженецъ силванъ удалились навсегда. Оригинальная натура Ріенца, его энтузіазмъ, его благоговѣніе къ прошедшему, его любовь къ прекрасному и великому, даже самая привязанность къ граціи и пышности, которыя даютъ такой радужный отблескъ суровой дѣятельности жизни, и которыя потомъ слишкомъ роскошно развились въ слѣдствіе власти, избытокъ мыслей и фантазіи, изливавшихся съ его устъ такимъ блестящимъ и неистощимымъ потокомъ, — все показывало въ немъ тѣ склонности ума и воображенія, которыя въ болѣе спокойныя времена могли бы возвысить его въ литературѣ до болѣе безспорнаго превосходства, нежели до какаго можетъ довести дѣятельность практическая. Нѣчто подобное этимъ мыслямъ въ настоящую минуту мелькнуло въ его умѣ.

Я былъ бы счастливѣе, думалъ онъ, еслибы изъ области моего сердца никогда не выглядывалъ на міръ. Я имѣлъ внутри себя все, что составляетъ довольство настоящимъ, потому что у меня было то, что заставляетъ забывать настоящее. Я имѣлъ власть поселять и создавать: легенды и грезы о старинѣ, божественная способность стихотворства, въ которомъ можетъ изливаться прекрасный избытокъ сердца, были тогда въ моей власти! Петрарка сдѣлалъ для себя благоразумный выборъ! Обращаться къ свѣту, но извнѣ его. убѣждать, возбуждать, повелѣвать (потому что въ этомъ состоитъ цѣль и слава честолюбія), но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣгать его шума и заботъ. Его достоиніе спокойная келья, которую онъ наполняетъ прекрасными образами, — уединеніе, откуда онъ можетъ изгнать бѣдствія, въ которыя мы впали, но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ мечтать о великихъ людяхъ и славныхъ эпохахъ прошедшаго. А! какія принялъ на себя заботы! какими трудами связалъ себя! какія орудія долженъ употреблять! какъ я долженъ притворяться! Я долженъ унижать свою гордость до уловокъ и хитростей. Мои враги нианки, друзья ненадежны и въ этой борьбѣ съ слѣпыми и ничтожными людьми самая душа дѣлается кривою и мелкою. Терпѣливо и въ потьмахъ должно пробираться чрезъ подземные ходы и грязныя болота, чтобы достигнуть наконецъ свѣта, который слѣдуетъ цѣлью.

* Первый городъ Альба, Alba Longa, происхожденіе котораго приписывается баснословнымъ сказаніемъ Асканію, былъ разрушенъ Тулломъ Гостиліемъ. Второй Альба или новѣйшій Альбано былъ построенъ на развалинахъ древняго города, не задолго до времени Нерона.

Въ этихъ размышленіяхъ была истина всей горечи, которой онъ еще не испыталъ. Какъ бы ни былъ высокъ предметъ, къ которому мы стремимся, каждая недостойная тропинка, по которой мы идемъ, чтобы овладѣть имъ, портитъ умственный взоръ нашего честолюбія и средства мало по малу понижаютъ цѣль до своего уровня. Для человѣка, возвышающагося надъ вѣкомъ, истинное несчастье состоитъ въ томъ, что средства, которыми онъ долженъ потреблять, пятнаютъ его; на половину онъ реформируетъ современность, и на половину современность портитъ самага реформатора. Его хитрость вредитъ его безопасности; народъ, котораго онъ амъ приучилъ къ ложному возбужденію, безпрестанно требуетъ того возбужденія. И когда его правитель перестаетъ соблазнять его воображеніе, то падаетъ жертвою реформы, которую онъ дѣлаетъ этими средствами ничтожною и эфемерною. Она исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Это была штука, зрѣлище, исчезающіе чары заклинателя. Занавѣсъ падаетъ, волшебство исчезаетъ и орудія фокусника отбрасываются въ сторону. Въ просвѣщеніи гораздо лучше естественный ходъ, при которомъ оно, будучи произведено умомъ цѣлаго народа, не можетъ попятиться назадъ, — лучше этихъ внезапныхъ всплесковъ въ глубинѣ всеобщей ночи, вновь поглощаемыхъ тьмою, которая дѣлается еще мрачнѣе отъ контраста.

Когда Ріензи медленно и задумчиво удалялся отъ этого мѣста, онъ почувствовалъ, что кто-то слегка тронулъ его за плечо.

— Добрый вечеръ, господинъ ученый, сказалъ кто-то твердымъ голосомъ.

— И вамъ также, отвѣчалъ Ріензи, смотря на подошедшаго къ нему человѣка, въ которомъ по бѣлому кресту и воинственной санктъ читатель узнаетъ рыцаря Св. Іоанна.

— Вы конечно меня не знаете, сказалъ Монреаль, но это не важно, мы можемъ очень удобно начать наше знакомство теперь. прочемъ, что касается до меня, я имѣю счастье уже быть знакомымъ съ вами.

— Можетъ быть, мы встрѣчались гдѣ нибудь въ домѣ одного изъ вашихъ нобилей, къ званію которыхъ вы, повидимому, принадлежите?

— Принадлежу! нѣтъ не совсѣмъ, отвѣчалъ Монреаль гордо. — Когда ни считаютъ себя знатными и высокородными ваши магнаты, то по тѣхъ поръ пока въ горахъ есть свободное мѣсто для меня, не помѣняюсь съ ними положеніемъ. Для храбраго существуетъ только одинъ сортъ плебеевъ — трусы; но васъ, мудрый Ріензи, продолжалъ рыцарь болѣе веселымъ тономъ, — я видѣлъ среди болѣе возбудительныхъ сценъ, нежели какія можетъ представить замка римскаго барона.

Ріензи проникательно взглянулъ на Монреалья, который смѣло стрѣтилъ этотъ взглядъ.

— Да, продолжалъ рыцарь, пойдѣмъ дальше, позвольте мнѣ на нѣсколько минутъ быть вашимъ спутникомъ. Да, я слушалъ васъ дважды вечеромъ, когда вы говорили къ народу, и сегодня, когда вы упрекали нобилей, а также въ полночь недавно, когда (напо-

ните ваше ухо пониже — это секретъ) въ полночь, когда вы принимали присягу въ братствѣ смѣлыхъ заговорщиковъ въ развалинахъ Авентина.

Кончивъ эти слова, рыцарь отодвинулся нѣсколько въ сторону, для того, чтобы наблюдать на лицѣ Ріензи дѣйствіе своихъ словъ.

Легкая дрожь пробѣжала по тѣлу заговорщика, — потому что Ріензи долженъ былъ имѣть такое имя ото всѣхъ, кромѣ Монреаль. Еслибы заговоръ его не удался. Онъ обратился вдругъ лицомъ къ рыцарю, и невольно опустил руку на мечъ, но тотчасъ же отдернулъ ее назадъ.

— А, сказалъ онъ медленно, если это правда, то погибай Римъ, измѣна гнѣздится даже между свободными.

— Никакой измѣны здѣсь нѣтъ, отвѣчалъ Монреаль, а знаю твой секретъ, но никто мнѣ его не выдалъ.

— И ты узналъ его какъ другъ, — или какъ врагъ?

— Какъ бы то ни было, — отвѣчалъ Монреаль небрежно. А теперь довольно того, что я могъ бы отправить тебя на висѣлицу. Еслибы сказалъ хоть одно слово, значить, я имѣю силу быть твоимъ врагомъ; но я не сдѣлалъ этого — значить, расположенъ быть твоимъ другомъ.

— Ты ошибаешься! погибнетъ тотъ, кто прольетъ мою кровь на римскихъ улицахъ! на висѣлицу! мало же ты имѣешь понятія о силѣ, окружающей Ріензи!

Эти слова были сказаны съ нѣкоторымъ презрѣніемъ и горечью; но послѣ минутной паузы, Ріензи продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Судя по кресту на твоемъ плащѣ, ты принадлежишь къ одному изъ самыхъ гордыхъ орденовъ рыцарства: ты иностранецъ и кавалеръ. Какія великодушныя симпатіи могутъ превратить тебя въ друга римскаго народа?

— Кола ди Ріензи — отвѣчалъ Монреаль, насъ соединяють симпатіи, соединяющія всѣхъ людей, которые собственными усиліями возвышаются надъ толпой. Правда, я родился небогатъ, но я былъ слабъ, — и бѣденъ: теперь по одному моему мановенію двигаются отъ одного города къ другому вооруженные люди — орудія моей власти. Мое слово служитъ закономъ для тысячъ. Я не наследовалъ этой власти, я приобрѣлъ ее холоднымъ разумомъ и безстрашию рукою. Я — Вальтеръ Монреаль: не говоритъ ли это имя, что моя душа съ родни твоей собственной? Честолюбіе — не общее ли обоемъ намъ чувство? Не для одной прибыли я предводительствую солдатами, хотя меня и называютъ жаднымъ; я не убиваю крестьянъ изъ жажды крови, хотя меня называютъ жестокимъ. Оружіе и богатство — пружины власти, которой я добиваюсь, а ты — развѣ ты не того же нищѣ, смѣлый Ріензи? Неужели для тебя довольно нечистаго дыханія пропитанной чеснокомъ черни, завистливаго шопота ученыхъ или криковъ мальчишекъ, которые называютъ тебя патриотомъ и свободнымъ человекомъ — слова годныя

только на то, чтобы обманывать слухъ? Все это служить твоимъ
рудіемъ власти. Правду ли я говорю?

Какъ ни была эта рѣчь непріятна Ріензи, онъ успѣшно зама-
шировалъ свои чувства.

— Конечно, сказалъ онъ,—было бы напрасно, знаменитый вожь,
тридцать, что я ишу власти, о которой ты говоришь. Но какая связь
можетъ существовать между честолюбіемъ римскаго гражданина и
ождеи наемныхъ войскъ, который пристаеъ къ тому или другому
ѣлу, единственно сообразуясь съ своею наемною платой; который
сегодня сражается за свободу Флоренціи, а завтра за тиранію въ
омени? Извини меня за откровенность, но въ нашемъ вѣкѣ то, что
говорю о твоемъ войскѣ, не считается безчестіемъ. Храбрость и
амандованіе считаются достаточными для того, чтобы освятить дѣ-
ю, въ защиту котораго они вызваны, а тотъ, кто господствуетъ
идъ государями, конечно можетъ быть принимаемъ ими за равнаго.

— Мы входимъ въ болѣе населенную часть города, сказалъ ка-
млеръ; — нѣтъ ли здѣсь какого нибудь уединеннаго мѣста въ ро-
ѣ Авектина, гдѣ мы могли бы разговаривать?

— Тсъ! отвѣчалъ Ріензи, осторожно оглядываясь кругомъ. Бла-
дарю тебя, благородный Монреаль, за твой намекъ; притомъ не-
рошо если насъ увидятъ вмѣстѣ. Не угодно-ли тебѣ прійти ко
мѣ въ домъ, у Палатинскаго моста? Тамъ мы можемъ говорить
зопасно и безъ помѣхи.

— Хорошо, сказалъ Монреаль отступая.

Скорыми и поспѣшными шагами Ріензи пошелъ чрезъ городъ,
ѣ узнававшіе его граждане кланялись ему съ особеннымъ ува-
женіемъ. Пробравшись чрезъ лабиринтъ темныхъ переулковъ, какъ
и для избѣжанія болѣе людныхъ проходовъ, онъ наконецъ до-
игъ широкой площади около рѣки. Первые ночныя звѣзды сіяли
идъ древнимъ храмомъ Fortuna Virilis, который теперь былъ об-
щенъ въ церковь св. Маріи египетской; противъ этого зданія
омалъ домъ Ріензи.

— Это хорошее предназначеніе, что мой домъ стоитъ противъ
евняго храма Фортуны, сказалъ Ріензи, улыбаясь, когда Монре-
ѣ вошелъ за нимъ въ комнату, которую я уже описывалъ.

— Но храбрость никогда не должна молиться фортунѣ, сказалъ
мцарь; первая повелѣваетъ послѣдней.

Продолжителенъ былъ разговоръ между этими, самыми предпри-
чивыми людьми своего времени. Теперь я познакомлю читателя
ѣ характеромъ и настрѣніями Монреаля нѣсколько ближе, чѣмъ
строое теченіе событій позволяло мнѣ это сдѣлать прежде.

Вальтеръ де Монреаль, извѣстный въ хроникахъ Италіи подъ име-
немъ Фра Мореале, пришелъ въ эту страну въ качествѣ смѣлаго
антюрриста, достойнаго наслѣдника тѣхъ бродячихъ нормановъ
тъ одного изъ знаменитѣйшихъ между ними Монреаль, по мате-
вской линіи, выводилъ свое происхожденіе), которые нѣкогда иг-
ли такую роль въ рыцарскихъ странствованіяхъ по Европѣ, осу-
ествляя басни объ Амадисѣ и Пальмеринѣ (каждый рыцарь самъ

по себѣ есть войско), завоевывала земли и ниспровергала троны; не признавая никакихъ законовъ, кромѣ законовъ рыцарства; не сѣдившись съ народомъ, гдѣ они поселялись; неспособные сдѣлаться гражданами и едвали ограничиваясь желаніемъ сдѣлаться королями. Тогда Италия была тоже, что теперь Индія для всѣхъ благородныхъ, но бѣдныхъ искателей приключеній въ Англіи; подобно Монреалу эти рыцари воспламенили свое воображеніе балладами и легендами о Робертахъ и Годфридахъ старыхъ временъ; отъ юныхъ лѣтъ приучались они управлять конемъ и выносить среди лѣтнихъ жаровъ тяжесть оружія; для пріобрѣтенія богатства, въ этой изнѣженной и разединенной странѣ, имъ нужна была только храбрость. Для нѣкоторыхъ могущественныхъ вождей не считалось нисколько предосудительнымъ, собрать шайку изъ этихъ смѣлыхъ чужеземцевъ, жить въ городахъ добычею и грабежемъ, воевать противъ тирана или противъ республики, смотря по внушенію собственныхъ выгодъ, и продавать миръ за огромныя деньги. Иногда они нанимались у одного государства для защиты его противъ другого, а въ слѣдующій годъ сражались противъ прежнихъ своихъ наемщиковъ. Такимъ образомъ эти шайки сѣверныхъ авантюристовъ пріобрѣли не только военную, но и гражданскую важность; они были необходимы для безопасности одного государства столько же, сколько гибельны для безопасности всѣхъ другихъ. Не болѣе какъ пять лѣтъ до описываемыхъ нами событій, флорентинская республика наняла услуги знаменитаго предводителя этихъ чужеземныхъ солдатъ—Гвальтера, дука афинскаго. Призываетъ его, народъ самъ избралъ этого война княземъ или тираномъ своего государства; не прошло года, и граждане возстали противъ его жестокостей, или лучше противъ его корыстолюбія, — потому что, не смотря на всѣ похвалы ихъ историковъ, для нихъ чувствительнѣе было нападеніе на ихъ кошельки, нежели на ихъ свободу. Они изгнали его изъ своего города и опять объявили себя республикою. Самымъ храбрымъ и наиболѣе покровительствуемымъ изъ солдатъ дука афинскаго былъ Вальтеръ де Монреаль; онъ раздѣлялъ и возвышеніе и паденіе своего вождя. Среди народныхъ волненій, глубокой, наблюдательный умъ рыцаря св. Іоанна пріобрѣлъ не малую гражданскую опытность: онъ научился изслѣдовать народъ, узнавать какъ далеко можетъ простирается его терпѣніе, истолковывать признаки революціи, понимать духъ времени. Послѣ паденія дука афинскаго, онъ въ шайкѣ свирѣпаго Вернера увеличилъ свое богатство и свою знаменитость. Теперь онъ не имѣлъ занятія, которое было бы достойно его предпримчивой, склонной къ интригамъ души, и разстроенное, анархическое состояніе Рима привело его туда. Предлагая Колоннѣ лигу и подстрекая честолюбіе этого синьора, онъ имѣлъ въ виду сдѣлать свои услуги необходимыми, стать во главѣ войска, безъ котораго честолюбіе Колонны не могло обойтись при исполненіи предложенныхъ плановъ. Въ глубинѣ своего предпримчиваго ума, онъ вѣроятно предвидѣлъ, что командованіе подобною силою будетъ въ сущности, господствомъ надъ Римомъ; что

контръ-революція легко можетъ низвергнуть Колонну и выбрать княземъ его, Монреалья. Въ Римѣ и въ другихъ итальянскихъ государствахъ существовалъ иногда обычай дѣлать начальникомъ гражданскаго управленія не туземца, а какого нибудь иностранца, предоставляя ему титулъ подесты (Podesta). И Монреаль надѣялся, сдѣлаться для Рима тѣмъ же, чѣмъ дукъ аенскій былъ для Флоренціи, честолюбіе, которое, какъ онъ хорошо понималъ, было выше какого либо провансальскаго дворянина, но не выше предводителя войска. Но при своей проникательности онъ, изъ разговора съ Стефаномъ Колонною, тотчасъ же понялъ невозможность побудить этого стараго патриція къ отважнымъ и опаснымъ мѣрамъ, которыя были необходимы для достиженія верховной власти. Довольный своимъ настоящимъ положеніемъ и наученный и лѣтами и испытанными имъ превратностями судьбы, умѣренности, Стефанъ Колонна былъ не такой человекъ, чтобы рисковать головою изъ за надежды пріобрѣсти тронъ. Презрѣніе стараго патриція къ народу и его идолу показало также умному Монреалю, что если въ Колоннѣ недостаетъ честолюбія, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не обладаетъ и политикою, необходимою для власти. Рыцарь, увидѣвъ, что его предостереженіе противъ Ріензи было напрасно, обратился къ самому Ріензи. Ему мало было нужды до того, кто одержитъ верхъ, народъ или патриціи, лишь бы его собственная цѣль была достигнута. Онъ изучалъ нравы народа не для того, чтобы служить ему, а чтобы управлять имъ, и думая, что всѣ люди руководятся подобнымъ же честолюбіемъ, воображалъ, что народу всегда одинаково суждено быть жертвою, кто бы ни былъ его правителемъ; патриціи или плебей; что крикъ «порядокъ» съ одной стороны и «свобода» съ другой не болѣе какъ предлогъ, которымъ одинъ человекъ старается оправдать свое честолюбіе, стремящееся къ власти надъ остальными. Считая себя однимъ изъ самыхъ честныхъ умовъ своего вѣка, онъ не вѣрилъ ни въ какую честь, которой самъ не способенъ былъ чувствовать; и не вѣря въ добродѣтель, онъ по этому самому глубоко вѣровалъ въ пороки.

Но отважность его натуры, можетъ быть, влекла его болѣе къ предприимчивому Ріензи, чѣмъ къ самодовольному Колоннѣ и Монреаль думалъ, что для безопасности перваго онъ и его вооруженные люди могутъ понадобится болѣе, нежели для безопасности послѣдняго. Въ настоящую минуту главною цѣлью его было узнать отъ Ріензи въ точности какою онъ обладаетъ силою и въ какой степени онъ приготовленъ къ дѣйствительному возмущенію.

Проницательный римлянинъ позаботился о томъ, чтобы съ одной стороны не открывать рыцарю болѣе, нежели сколько уже было ему извѣстно, а съ другой не раздражать его явною скрытностью. Какъ ни былъ хитеръ Монреаль, но онъ не обладалъ тѣмъ удивительнымъ искусствомъ управлять другими, которымъ въ такой высокой степени былъ одаренъ краснорѣчивый и глубокій Ріензи. Различіе между объемомъ ума того и другаго обнаружилось при ихъ настоящемъ совѣщаніи.

— Я вижу, сказалъ Ріензи, что изъ всѣхъ событій, которыя въ послѣднее время улыбаются моему честолюбію, ни одно не можетъ назваться столько благопріятнымъ, какъ то, которое доставляетъ мнѣ вашу помощь и дружбу. Въ самомъ дѣлѣ я имѣю нужду къ какомъ-нибудь вооруженномъ союзникѣ. Повѣрите-ли? мои друзья, столь смѣлые на частныхъ сходкахъ, отступаютъ предъ открытымъ возстаніемъ. Они боятся не патриціевъ, а солдатъ ихъ; въ храбрости итальянцевъ замѣчательна черта, что они не боятся другъ друга, но предъ каской и мечемъ чужеземнаго наемника трепещутъ какъ олени.

— Въ такомъ случаѣ они радостно примутъ извѣстіе, что эти наемники будутъ служить имъ, а не противъ нихъ. Вы получаете этихъ солдатъ столько, сколько вамъ понадобится для революціи.

— Но плата и условія, сказалъ Ріензи съ своею сухою, саркастическою улыбкой. Какъ мы уладимъ на счетъ первой и въ чемъ будутъ состоять послѣднія?

— Это дѣло легко устроить, возразилъ Монреаль. Что касается до меня, то, скажу откровенно, мнѣ довольно уже одной славы и волненій этой великой революціи. Я люблю чувствовать себя необходимымъ для исполненія важныхъ предпріятій. Но люди мои—не таковы. Вашимъ первымъ дѣломъ будетъ захватить въ свои руки доходы государства. До какой-бы суммы они ни простирались, доходъ первого года, большой или малый, долженъ быть раздѣленъ между нами. Вы берете одну половину, а я съ моими людьми—другую.

— Этого много, сказалъ Ріензи какъ будто рассчитывая, но для свободы Рима никакая цѣна не можетъ быть слишкомъ дорогою. Пусть будетъ такъ.

— Аминь! Теперь каковы у васъ силы? потому что этихъ восьмидесяти или сотни авентинскихъ господъ, хотя безъ сомнѣнія они достойные люди, едвали достаточно для возмущенія!

Окинувъ комнату осторожнымъ взглядомъ, римлянинъ положилъ свою ладонь на плечо Монреали.

— Между нами требуется время, чтобы это все устроить. Мы не въ состояніи пошевелиться ранѣе, чѣмъ чрезъ пять недѣль. Я слишкомъ опрометчиво уже поспѣшилъ. Правда, хлѣбъ пожать, но я теперь долженъ, посредствомъ особыхъ внушеній и заклинаній, связать вмѣстѣ разсѣянные снопы.

— Пять недѣль, повторилъ Монреаль, это гораздо дольше, чѣмъ я предполагалъ.

— Я желаю, продолжалъ Ріензи, устремивъ испытующій взглядъ на Монреали, чтобы въ теченіи этого времени между нами соблюдалось совершенное спокойствіе, мы должны отстранить всякое подозрѣніе. Я погружусь въ свои занятія и не буду болѣе собирать сходки.

— Ну...

— А васъ, благородный рыцарь, если позволите, я буду просить посѣщать нобилей, проповѣдывать глубочайшее презрѣніе ко мнѣ и къ народу и такимъ образомъ ублаживать ихъ опасенія. Между

вы, также какъ многіе изъ наемниковъ, на которыхъ вы можете вліяніе, можете спокойно удалиться изъ Рима и оставить обійей безъ этихъ единственныхъ ихъ защитниковъ. Сбравъ этихъ бѣлыхъ воиновъ въ горахъ на разстояніи дневнаго пути отсюда, мы можемъ призвать ихъ въ случаѣ нужды и они появятся у городскихъ воротъ, во время нашего возстанія. Нобили обрадуются, какъ избавителямъ, но на самомъ дѣлѣ они будутъ союзниками народа. Открывъ свою ошибку, наши враги въ разстройствѣ и чваніи оставятъ городъ.

— А его доходы и власть сдѣлается собственностью смѣлаго солдата и интригующаго демагога! вскричалъ Монреаль со смѣхомъ.

— Господинъ рыцарь, раздѣлъ долженъ быть равный.

— Рѣшено!

— А теперь, благородный Монреаль—фляжку нашего лучшаго винограднаго соку! сказалъ Ріензи, перемѣняя тонъ.

— Вы знаете провансальцевъ, отвѣчалъ Монреаль весело.

Вино было подано; разговоръ сдѣлался свободнымъ и непринужденнымъ и Монреаль, у котораго хитрость была качествомъ приобретеннымъ, а откровенность — врожденнымъ, безсознательно отдалъ Ріензи свои тайные планы гораздо въ большей степени, нежели сколько былъ намѣренъ открыть. Они разстались повидимому самыхъ дружескихъ отношеній.

— Кстати, сказалъ Ріензи, за послѣднимъ стаканомъ вина, Стефанъ Колонна 19 числа ѣдетъ въ Корнето съ хлѣбнымъ обозомъ. Хотите ли вамъ съ нимъ? Вы можете воспользоваться этимъ благоприятнымъ случаемъ, чтобы потихоньку возбудить неудовольствіе наемныхъ солдатахъ, которые будутъ съ нимъ и привлечь ихъ нашу сторону.

— Я думалъ уже объ этомъ прежде, отвѣчалъ Монреаль, это будетъ сдѣлано. А теперь прощайте!

У Орланда только три

Есть сокровища безцѣнныя:

Конь его, булатный мечъ,

Дама сердца несравненная! и проч.

Напивая эту незатѣйливую пѣсенку, онъ махнулъ Ріензи рукою и вышелъ.

Ріензи смотрѣлъ на удаляющуюся фигуру своего гостя съ выраженіемъ ненависти и страха.

— Дай этому человѣку власть, прошепталъ онъ, и онъ сдѣлается вторымъ Тотилою *. Въ его жадной и звѣрской натурѣ, не смотря на лоскъ его веселости и рыцарской граціи, я вижу олицетвореніе нашихъ готскихъ враговъ. Я увѣренъ, что я убаюкалъ его! какъ два солнца не могутъ свѣтить въ одномъ полушаріи, такъ теперь де-Монреаль и Кола ди-Ріензи не могутъ жить въ одномъ томъ же городѣ. Астрологи говорятъ, что мы чувствуемъ тайную и непреодолимую антипатію къ тѣмъ, которые, вліяніемъ

Инокентій VI, нѣсколько лѣтъ спустя, провозгласилъ Монреала *худшимъ*, нежели Тотила.

звѣздъ, назначены дѣлать намъ зло: такую антипатію я чувствую къ этому красивому убійцѣ. Не переходи мнѣ дороги. Монреаль! не переходи мнѣ дороги!

Съ этими монологами Ріензи вошелъ въ свою комнату и уже не показывался въ эту ночь.

У.

ПРОЦЕССИЯ БАРОНОВЪ.—Начало конца.

Наступило утро 19 мая; воздухъ былъ чистъ и ясенъ, только что взошедшее солнце весело сіяло на блестящихъ каскахъ и кольчугахъ воинственной процессіи вооруженныхъ людей, стремившейся по длинной главной улицѣ Рима. Ржанье коней, топотъ копытъ, блестящіе доспѣховъ и колебаніе знаменъ, украшенныхъ знаками Колонны, представляли одно изъ тѣхъ веселыхъ и блистательныхъ зрѣлищъ, которыми отличались средніе вѣка.

Во главѣ отряда на статномъ конѣ ѣхалъ Стефанъ Колонна. Справа отъ него ѣхалъ провансальскій рыцарь, свободно управляемый легкимъ, но горячимъ конемъ арабской породы; за нимъ слѣдовали два оруженосца, изъ которыхъ одинъ велъ его боевого коня, а другой держалъ его копье и племъ. Слева отъ Колонны ѣхалъ Адрианъ, важный и молчаливый, отвѣчая только односложными словами на всякую болтовню Монреалья. Значительное число людей, прилежавшихъ къ цвѣту римскихъ нобилей, слѣдовало за старымъ барономъ. Свита оканчивалась сомкнутымъ отрядомъ иностранныхъ всадниковъ въ полномъ вооруженіи.

На улицѣ не было толпы; граждане, повидимому, апатично смотрѣли на процессію изъ своихъ полузатворенныхъ лавокъ.

— Развѣ эти римляне не имѣютъ страсти къ зрѣлищамъ? спросилъ Монреаль. Еслибы ихъ было легче забавлять, то и урывками было бы легче.

— О! Ріензи и тому подобные плуты забавляютъ его. Мы дѣлаемъ лучше, мы устрашаемъ! отвѣчалъ Стефанъ.

— А что поетъ трубадуръ, синьоръ Адрианъ? сказалъ Монреаль.

Ложныя улыбки школу довершаютъ
Тѣхъ, что лѣзутъ въ гору, тѣхъ, что управляютъ;
Красоту сбиваетъ съ толку ихъ коварство
Королей морочатъ, разрушаютъ царства
Ложныя улыбки!

Сдвинутыя брови бѣды накликаютъ,
Возмущаютъ храбрыхъ, красоту пугаютъ.
Нанося удары щекотливой чести,
Точатъ сталь къ отпору и кровавой мести —
Сдвинутыя брови!

— Пѣсня эта французская, синьоръ, но, мнѣ кажется, ея произношеніе заимствовано изъ Италіи; потому что зѣбная улыбка отличительная черта вашихъ соотечественниковъ, а нахмуренныя брови найдутъ къ нимъ.

— Мнѣ кажется, господинъ рыцарь, возразилъ Адріанъ рѣзко, задѣтый за живое этою насмѣшкой, вы научили насъ хмуриться, это иногда бываетъ добродѣтью.

— Но не мудростью, если рука не въ состояніи подтвердить то, чѣмъ угрожаютъ брови, отвѣчалъ Монреаль надменно. Въ немъ было много французской живости, которая часто брала у него верхъ надъ благоразуміемъ; притомъ онъ чувствовалъ тайную досаду на Адріана со времени ихъ послѣдняго свиданія во дворцѣ Стефана Колонны.

— Господинъ рыцарь, возразилъ Адріанъ, покраснѣвъ: нашъ разговоръ можетъ довести насъ до болѣе горячихъ словъ, нежели какія я желалъ бы говорить человѣку, оказавшему мнѣ такую благородную услугу.

— Ну, такъ перестанемъ и обратимся опять къ трубадурамъ, сказалъ Монреаль равнодушно. Извините меня, если я не высокаго мнѣнія объ итальянской храбрости. *Вашу* храбрость я признаю, потому что былъ свидѣтелемъ ея, а храбрость и честь неразлучны, этого, кажется, довольно!

Адріанъ хотѣлъ было отвѣчать, но вдругъ взоръ его упалъ на дюжю фигуру Чекко-дель-Веккіо, который, опершись своими смуглыми голыми руками на наковальню, смотрѣлъ съ улыбкою на поѣздъ. Въ этой улыбкѣ было нѣчто такое, что дало мыслямъ Адріана другое направленіе; и онъ не могъ на нее смотрѣть безъ какого-то безотчетнаго предчувствія.

— Здоровенный негодяй, сказалъ Монреаль, также смотря на кузнеца. Я хотѣлъ бы завербовать его. Любезный! вскричалъ онъ громко, твоя рука можетъ также хорошо владѣть мечомъ, какъ и молотъ его. Оставь свою наковальню, и иди за Фра-Мореале!

Кузнецъ отрицательно покачалъ головою.

— Синьоръ кавалеръ, сказалъ онъ съ важностью, мы, бѣдные люди, не имѣемъ страсти къ войнѣ; намъ нѣтъ надобности убивать другихъ, мы хотимъ только жить сами, если вы намъ позволите!

— Собака ворчлива! сказалъ старый Колонна.

И когда поѣздъ двинулся впередъ, каждый изъ грубыхъ иностранцевъ, поощряемый примѣромъ своихъ предводителей, съ варварскимъ покушеніемъ на южный *patois*, обратился съ какою-нибудь насмѣшкой или шуткой къ лѣнивому великану, который снова появился въ дверяхъ кузницы. Онъ опять оперся на наковальню и не обнаруживалъ никакого знака вниманія къ обидчикамъ, кромѣ краски, выступавшей на его смугломъ лицѣ. Влестящая процессія такимъ образомъ проѣхала чрезъ улицы и оставила «вѣчный городъ» за собою.

Послѣдовалъ долгій промежутокъ глубокаго безмолвія, общаго спокойствія во всемъ Римѣ: лавки еще не совсѣмъ были открыты: никто еще не принимался за свою работу; это было похоже на начало какого-нибудь праздника, когда бездѣйствіе предшествуетъ веселью.

Около полудня на улицѣ показалось нѣсколько небольшихъ группъ людей, которые перешептывались другъ съ другомъ и тотчасъ расходились. По временамъ какой-нибудь одинокій прохожій, большею частью въ длинной одеждѣ ученаго, или въ темномъ одѣяннѣ монаха, быстрыми шагами шелъ къ церкви св. Маріи египетской. Затѣмъ улица опять становилась пустою и уединенною. Вдругъ послышался звукъ *одинокой трубы*. Онъ становился все громче и громче. Чекко-дель-Веккио поднялъ глаза отъ своей наковальни: *уединенный всадникъ* медленно протѣзжалъ возлѣ кузницы; в срединѣ улицы громко началъ дуть въ трубу, повѣшенную у него на шеѣ. Тогда вдругъ какъ будто по мановенію волшебнаго жезла появилась толпа: люди выходили изъ cadaго закоулка; улица наполнилась множествомъ народа, но молчанье нарушалось только шумомъ шаговъ и тихимъ говоромъ. Всадникъ опять затрубилъ, давая тѣмъ знакъ къ молчанію, и потомъ громко прокричалъ: «друзья и римляне! завтра на разсвѣтѣ пусть каждый явится, безъ оружія, къ церкви сант-Анжело. Кола ди Ріензи созываетъ римлянъ, чтобы позаботиться о благѣ добраго римскаго государства.» По окончаніи этого созванія прогремѣлъ кликъ, который, казалось, поколебалъ основы семи холмовъ Рима. Всадникъ медленно поѣхалъ дальше; толпа послѣдовала за нимъ.—Это было начало революціи.

VI.

Заговорщикъ дѣлается савоинникомъ.

Въ полночь, когда другія части города, казалось, замолкли въ покой, въ окнахъ церкви сант-Анжело былъ видѣнъ свѣтъ. Долгіе торжественные звуки церковной музыки вырывались оттуда на воздухъ. Ріензи молился внутри церкви; тридцать мессъ было отслужено отъ наступленія ночи до утра и религія со всѣми ея обрядами призвана была для освященія дѣла свободы. Солнце уже давно встало и толпа давно уже собралась предъ дверью церкви вдоль всѣхъ улицъ ведущихъ къ ней,—когда послышался звонъ церковнаго колокола. Онъ умолкъ, и хоръ внутри церкви запѣлъ гимнъ, въ которомъ вразительно хотя дико смѣшивался духъ классическаго патриотизма съ горячностью религіознаго усердія.

По окончаніи гимна дверь отворилась, толпа раздалась на обѣ стороны и изъ церкви вышелъ Ріензи въ полномъ вооруженіи за исключеніемъ шлема. Предъ нимъ шли трое молодыхъ нобилей низшаго ранга, несъ знамена съ аллегорическими знаками, изображающими торжество свободы, справедливости и согласія. Лицо Ріензи было блѣдно отъ бдѣнія и напряженнаго исполненія, но вмѣстѣ серьезно, важно и торжественно. Выраженіе его не допускало никакихъ громкихъ и понылыхъ взрывовъ чувства такъ что у тѣхъ, которые его увидѣли, восклицанія замерли на губахъ и единодушнымъ крикомъ упрека они утишили привѣтствія толпы, стоявшей позади. Рядомъ

съ Ріензи шелъ Раймондъ, епископъ оріетскій; за ними по два въ рядъ слѣдовали сто воиновъ. Процессія начала свой путь въ совершенномъ молчаніи; но близъ капитолія благоговѣніе толпы постепенно исчезло; тысячи голосовъ потрясли воздухъ кликами и восторга и радости.

Дойдя до ступеней большой лѣстницы, служившей тогда главнымъ виходомъ на площадь капитолія, процессія остановилась, и когда толпа наполнила это обширное пространство съ фронта, украшеннаго многими величественнѣйшими колоннами древнихъ храмовъ, — Ріензи обратился къ черни, которую онъ вдругъ возвысилъ на ступень народа.

Онъ съ силою изобразилъ бѣдствіе этого народа, совершенное отсутствіе закона, недостатокъ даже обыкновенной безопасности жизни и собственности. Онъ объявилъ, что, не боясь опасности, которой подвергается, онъ посвятилъ свою жизнь возрожденію ихъ общей родины, и торжественно взывалъ къ народу, прося помогать ему въ этомъ предпріятіи и утвердить и упрочить переворотъ опредѣленнымъ кодексомъ законовъ и конституціоннымъ собраніемъ. Потомъ онъ приказалъ герольду прочесть толпѣ грамоту и очеркъ предполагаемой конституціи.

Этотъ проектъ заключалъ въ себѣ образованіе, или, лучше, возстановленіе представительнаго собранія совѣтниковъ. Онъ объявлялъ первымъ закономъ то, что въ наши, болѣе счастливыя времена кажется довольно простымъ, но до тѣхъ поръ еще никогда не бывало въ Римѣ, — именно: всякій умышленный убійца, къ какому бы званію онъ ни принадлежалъ, наказывался смертію. Имъ постановлялось, что никакой отдѣльный патрицій или гражданинъ, не въ правѣ имѣть укрѣпленія и гарнизоны въ городѣ или въѣго, что ворота и мосты государства будутъ подъ надзоромъ того, кто будетъ выбранъ главнымъ сановникомъ. Онъ запрещалъ давать какое бы то ни было убѣжище разбойникамъ, наемнымъ солдатамъ и грабителямъ, подъ опасеніемъ взысканія тысячи серебряныхъ марокъ; и возлагалъ на бароновъ, владѣющихъ соседственными землями, отвѣтственность за безопасностью дорогъ и транспортовъ съ товарами; устроивалось общественное призрѣніе вдовъ и сиротъ; учреждалась въ каждомъ кварталѣ города вооруженная милиція, которая всякій часъ должна быть готова собраться для защиты государства по звуку колокола въ капитоліи. Онъ позволялъ, чтобы въ каждой гавани морскаго берега стояло судно для безопасности торговли. Онъ опредѣлялъ сумму во сто флориновъ наслѣдникамъ каждаго, кто умеръ защищая Римъ. Онъ назначалъ общественные доходы на удовлетвореніе нужды и на защиту государства.

Таковъ былъ проектъ новой конституціи, и читатель можетъ быть призадумается надъ тѣмъ, каковы были безпорядки въ городѣ, если обыкновенныя элементарныя условія цивилизаціи и безопасности составляли главный характеръ предлагаемаго кодекса.

Самые восторженные клики послѣдовали за изложеніемъ этого

очерка новаго государственнаго устройства и среди всеобщаго шума возвышалась огромная фигура Чекко-дель-Веккио. Не смотря на свое званіе, онъ среди настоящаго кризиса былъ важнымъ лицомъ: его усердіе и мужество, и, можетъ быть, еще болѣе — его грубая пылкость и упорство убѣжденій доставили ему популярность. Низшій классъ ремесленниковъ смотрѣлъ на него какъ на своего главу и представителя; онъ заговорилъ громко, смѣло, — и хорошо, потому что его умъ былъ полонъ того, что онъ хотѣлъ сказать.

— Земляки и граждане! — Новая конституція встрѣчена вашимъ одобреніемъ — такъ и слѣдовало. Но что значатъ хорошіе законы, если мы не имѣемъ хорошихъ исполнителей ихъ? Кто можетъ исполнять законъ такъ хорошо, какъ тотъ, кто написалъ его? Если бы вы спросили у меня объясненія какъ сдѣлать хорошій щитъ и мое объясненіе вамъ бы понравилось, то кого бы вы попросили, сдѣлать щитъ: меня или другаго кузнеца? Если вы попросите другаго, то онъ можетъ сдѣлать хорошій щитъ, но этотъ щитъ не будетъ совершенно такой, какой бы сдѣлалъ я и описаніе котораго вамъ понравилось. Кола ди-Ріензи предложилъ кодексъ законовъ, который будетъ нашимъ щитомъ. Кто будетъ наблюдать, чтобы щитъ былъ тѣмъ, чѣмъ ему назначено быть, если не Кола ди-Ріензи? Римляне! по моему мнѣнію, народъ долженъ предоставить Колѣ ди-Ріензи, подъ какимъ бы то ни было названіемъ, по его усмотрѣнію, власть привести новую конституцію въ дѣйствіе; и какія бы средства онъ для этого ни употреблялъ, мы, народъ, подчинимся имъ безпрекословно.

— Многія лѣта Ріензи! многія лѣта Чекко-дель-Веккио! онъ говоритъ правду! никто кромѣ законодателя не будетъ правителемъ!

Таковы были восклицанія, которыя радовали честолюбивое сердце ученаго. Голосъ народа облакалъ его верховною властію. Онъ создалъ республику, чтобы сдѣлаться, если пожелаетъ, деспотомъ!

VII.

ОТЫСКИВАНІЕ НЕДОУЗКА, КОГДА КОВЫЛА УКРАДЕНА.

Между тѣмъ какъ въ Римѣ происходили эти событія, одинъ дѣлъ служъ Стефана Колонны былъ уже на пути къ Корнетто. Легко можно вообразить удивленіе, съ которымъ старый баронъ принялъ сообщенную ему вѣсть. Не теряя ни минуты онъ, созвавъ свой отрядъ и среди суматохи отъѣзда къ нему вдругъ пошелъ рыцарь св. Іоанна. Лицо его потеряло свой обычный открытый видъ.

— Каково? сказалъ онъ торопливо; бунтъ? Ріензи властитель Рима? можно ли вѣрить этой новости?

— Это слишкомъ справедливо! сказалъ Колонна съ горькою улыбкой. Гдѣ мы повѣсимъ его, когда вернемся въ Римъ?

— Не говорите пустяковъ, сивьоръ баронъ, сказалъ Монреаль рѣзко; Ріензи сильнѣй, чѣмъ вы думаете. Я знаю людей, тогда какъ вы знаете только нобилей! Гдѣ вашъ племянникъ?

— Онъ здѣсь, благородный Монреаль, отвѣчалъ Стефанъ, дожи-

ам плечами и полупрезрительно улыбаясь его выговору, стерпеть который онъ напелъ болѣе благоразумнымъ; онъ здѣсь! вонъ онъ идетъ!

— Слышали вы новости? вскричалъ Монреаль.

— Слышалъ.

— И презираете революцію?

— Я боюсь ея.

— Значитъ, вы имѣете сколько нибудь смысла. Но это нисколько меня не касается: я не буду мѣшать вашимъ совѣщаніямъ. Пройдите на этотъ разъ! и прежде нежели Стефанъ могъ удержать его, царь вышелъ изъ комнаты.

— Что замышляетъ этотъ демагогъ? ворчалъ Монреаль про себя: хочетъ ли онъ провести меня? Не для того ли онъ избавился отъ моего присутствія, чтобы одному воспользоваться всеми выгодами предпріятія? Воюсъ, что такъ! о, хитрый римлянинъ! мы, сѣверные воины, не можемъ состязаться съ ихъ умомъ, только ихъ грубость намъ подъ силу. Но что теперь дѣлать? Я уже просилъ Родольфа поговорить съ разбойниками и они почти готовы оставить моего теперешняго господина. Хорошо, пусть будетъ такъ! Лучше сперва уничтожить силу бароновъ и тогда предложить свои условія съ мечомъ въ рукѣ плебею. А если мнѣ это не удастся, — моя Аделина! я опять увижу тебя! это — нѣкоторое утѣшеніе! А Родольфъ венгерскій будетъ сильно нуждаться въ рукѣ и головѣ мейстера де-Монреала. Эй! Родольфъ! вскричалъ онъ громко, увидавъ дюжину фигуру кавалериста, полувооруженнаго и полупьянаго, который шелъ, шатаясь, по двору. Вездѣльникъ! ты уже пьянъ?

— Пьянъ или трезвъ, отвѣчалъ Родольфъ, низко поклонясь, я готовъ исполнять твои приказанія.

— Хорошо сказано! твои друзья готовы сѣсть на лошадь?

— Восемьдесятъ изъ нихъ, которымъ уже надоѣли бездѣйствіе и душный римскій воздухъ, готовы лѣтъ куда прикажетъ синьоръ мейстеръ де-Монреаль.

— Такъ поторопись, вели имъ садиться на лошадей, мы ѣдемъ сюда не съ Колоннами, а пока они еще разговариваютъ. Пусть отъносцы слѣдуютъ со мной!

Стефанъ Колонна, уже садясь на коня, узналъ, что провансальскій царь, кавалеристъ Родольфъ и восемьдесятъ наемниковъ уѣхали, куда — неизвѣстно.

— Чтобы прежде насъ быть въ Римѣ! благородный варваръ! скажи Колонна. Господа, ѣдемъ!

VIII.

Нападеніе.—Отступленіе.—Выборы.—Присоединеніе Адріана.

Подѣхавъ къ Риму, компанія Колонны нашла ворота запертыми; стѣны, были покрыты людьми. Стефанъ приказалъ подѣхать труппамъ съ однимъ изъ его капитановъ и повелительно требовать пропуску.

— Мы имѣемъ приказаніе, отвѣчалъ начальникъ городской стражи, не пропускать никого, кто имѣетъ при себѣ оружіе, знамена или трубы. Пусть снѣдоры Колонна отпустятъ свою свиту и тогда добро пожаловать.

— Кто далъ эти дерзкія приказанія? спросилъ капитанъ.

— Мойснѣоръ епископъ орвіетскій и Кола ди-Ріензи, повровителя Буоно Слато (добраго государства).

Капитанъ Колонны возвратился съ этимъ отвѣтомъ къ своему вождю. Бѣшенство Стефана было неописанно. «Поѣзжай назадъ», вскричалъ онъ, и скажи, что если ворота сейчасъ же не будутъ отворены для меня и для моей свиты, то кровь плебеевъ падетъ на ихъ собственную голову. Что касается до Раймонда, то папскіе викаріи имѣютъ большую духовную власть, но никакой свѣтской. Пусть онъ предприметъ постъ и ему будетъ оказано повиновеніе. Относительно этого сумасброда Ріензи, скажи, что Стефанъ Колонна придетъ завтра къ нему въ капитолій, чтобы выбросить его отсюда изъ самаго высокаго окна.

Эти порученія капитанъ не преминулъ исполнить.

Капитанъ римлянъ далъ не менѣе строгій отвѣтъ.

— Объявите моему господину, сказалъ онъ, что Римъ считаетъ его и его свиту измѣнниками и бунтовщиками, и что какъ только вы доѣдете до своего отряда наши стрѣлки получатъ приказаніе вытянуть свои луки во имя папы, города и его освободителя.

Эта угроза была буквально исполнена; и прежде чѣмъ Стефанъ имѣлъ время выстроить своихъ людей въ лучший порядокъ, ворота растворились и оттуда двинулась хорошо вооруженная, хотя и не дисциплинированная толпа съ дикими криками, грома оружіемъ и всѣя голубыя знамена римскаго государства. Ихъ нападеніе было такъ стремительно, а число такъ велико, что бароны послѣ короткой и беспорядочной стычки были оттѣснены и прогнаны своими преслѣдователями болѣе чѣмъ на милью разстоянія отъ стѣнъ города.

Какъ только бароны оправались отъ беспорядка и ужаса, то они на-скоро составили совѣтъ, на которомъ были громко высказаны различныя мнѣнія, противныя одно другому. Нѣкоторые предлагали тотчасъ же отправиться въ Палестрину, которая принадлежала Колоннѣ и обладала почти неприступною крѣпостью. По мнѣнію другихъ, слѣдовало раздѣлиться и мирно войти въ городъ отдѣльными группами чрезъ другія ворота. Стефанъ Колонна, лишась обычнаго самообладанія вслѣдствіе разстройства и раздраженія, былъ неспособенъ сохранить свою власть. Лука-ди-Савелли, человекъ боязливый, хотя коварный и хитрый, уже повернулъ свою лошадь и звалъ своихъ людей за собою въ свой замокъ, находившійся въ Романѣи, но старшій Колонна постарался удержать своихъ отъ раздѣненія, которое, какъ показывалъ ему здравый смыслъ, могло быть гибельно для общаго дѣла. Онъ предложилъ тотчасъ же отправиться въ Палестрину и укрѣпиться тамъ, а между тѣмъ выбрать одного изъ вождей, который одинъ отправится въ Римъ и, притворясь покорнымъ, развѣдаетъ о силахъ Ріензи. Посланному

предоставить право действовать по усмотрѣнію, т. е. или действовать, противъ новаго порядка, если это возможно, или же заключить наилучшія условія относительно пропуска остальныхъ въ городъ.

— А кто, спросилъ Савелли, оскаливъ зубы, рѣшится принять на себя это опасное дѣло? Кто, одинъ и безъ оружія, станеть подвергнуть себя ярости самой звѣрской черни Италіи и капризу демагога въ первомъ пылу его власти?

Бароны и капитаны молча смотрѣли другъ на друга. Савелли захотѣлъ.

До сихъ поръ Адріанъ вовсе не принималъ участія въ совѣщаніи очень мало въ предъидущей схваткѣ. Теперь онъ явился на помѣсть къ своему родственнику.

— Сеньоры! сказалъ онъ, я принимаю это посольство, но только не по себѣ, независимо отъ васъ. Я сохраняю себѣ свободу—дѣйствовать какъ найду лучшимъ для достоинства римскаго нобиля и въ интересахъ римскаго гражданина; свободу поднять собственное знамя на своей башнѣ, или присягнуть въ вѣрности новому порядку вещей.

— Хорошо сказано! вскричалъ старый Колонна посѣшнно. Боже мой, чтобы мы вошли въ Римъ какъ враги! позволятъ ли еще намъ войти туда въ качествѣ друзей!—Что вы скажете, господа?

— Никто лучше сеньора Адріана не выполнитъ этого порученія, сказалъ Савелли, но я не воображалъ, чтобы Колонна надѣялся на возможность выбора между сопротивленіемъ и присягою ново-испещенной революціи.

— Объ этомъ, сеньоръ, я буду судить самостоятельно. Если вамъ нуженъ агентъ для васъ самихъ, то выбирайте кого-нибудь другого. Объявляю вамъ откровенно: я видѣлъ довольно много государей и потому понимаю, что состояніе Рима требовало нѣкоторыхъ улучшеній. А достойны-ли Ріензи и Раймондъ дѣла, которое на себя взяли,—не знаю.

Савелли молчалъ. Старый Колонна заговорилъ опять.

— Такъ въ Палестрину! всѣ ли согласны на это? худо или хорошо — по крайней мѣрѣ мы не будемъ разъединены. Только съ этимъ условіемъ я рискую безопасностью моего родственника.

Бароны долго перешептывались между собою, но благоразуміе предложенія Стефана было очевидно и они наконецъ согласились.

Адріанъ дождался ихъ отъѣзда и тогда, въ сопровожденіи только одного оруженосца, медленно поѣхалъ къ болѣе отдаленнымъ воротамъ города. Тамъ спросили его объ имени и свободно пропустили.

— Въѣзжайте, сеньоръ, сказалъ караульный. Намъ вѣрно впустить только тѣхъ, которые не имѣютъ при себѣ оружія и свиты; для одного сеньора Адріана-ди-Кастелло мы имѣемъ особый привѣтъ отдавать ему всѣ почести, приличныя гражданину и другу.

Адріанъ, нѣсколько тронутый этимъ напоминаніемъ о дружбѣ, поѣхалъ чрезъ длинный строй вооруженныхъ гражданъ, которые

почтительно ему кланялись. Онъ вѣжливо отвѣчалъ на поклоны вѣрнымъ громкомъ одобрительномъ кликъ, который его сопровождалъ.

Такимъ образомъ молодой патрицій въ сопровожденіи только одного слуги, спокойно и свободно ѣхалъ по длиннымъ улицамъ. Онѣ были пусты, потому что около половины жителей собрана была на стѣнахъ, и около половины ихъ занято было болѣе мирными дѣлами. Наконецъ Адріанъ пріѣхалъ во внутренность города къ обширной и возвышенной площади капитолія. Солнце медленно садилось надъ огромною толпой, покрывавшей это мѣсто; и высоко надъ восточнымъ, поставленнымъ въ центрѣ, сіяло въ лучахъ заката большое римское знамя, усыпанное серебряными звѣздами.

Адріанъ остановилъ коня. Теперь, думалъ онъ, едва ли удобно говорить съ Ріензи такъ публично; но мнѣ бы очень хотѣлось замѣшавшись въ толпу, наблюдать какъ тверда его власть и какъ онъ ею пользуется. Подумавъ немного, онъ удалился въ одну изъ болѣе темныхъ улицъ, совершенно пустыхъ; отдалъ свою лошадь щитоносцу и, занявъ у него шпакъ и длинный плащъ, пошелъ къ одному изъ боковыхъ входовъ въ капитолій. Тамъ, завернувшись въ плащъ онъ стоялъ въ толпѣ, внимательно наблюдая за тѣмъ, что происходило.

— Что, спросилъ онъ у одного скромно одѣтаго гражданина, было причиною этого собранія?

— Развѣ вы не слышали прокламацій? отвѣчалъ тотъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Развѣ вы не знаете, что городской совѣтъ и цехи ремесленниковъ подали голосъ предложить Ріензи титулъ римскаго короля?

Рыцарь императора, которому принадлежалъ этотъ августѣйшій титулъ, со страхомъ отступилъ назадъ.

— И, продолжалъ гражданинъ, это собраніе изъ всѣхъ меньшихъ бароновъ, совѣтниковъ и ремесленниковъ созвано для выслушанія отвѣта.

— Конечно онъ будетъ состоять въ объявленіи согласія?

— Не знаю. ходятъ странные слухи; но до сихъ поръ освободитель скрывалъ свои намѣренія.

Въ эту минуту громъ военной музыки возвѣстилъ приближеніе Ріензи. Толпа поспѣшно раздѣлилась и вслѣдъ за тѣмъ отъ капитолійскаго дворца къ помосту пошелъ Ріензи въ полномъ вооруженіи, исключая шлема, и съ нимъ во всемъ великолѣпнѣйшей епископской одеждѣ Раймондъ орвіетскій.

Никакими словами нельзя изобразить энтузіазмъ сцены, когда Ріензи вззошелъ на платформу и такимъ образомъ представился глазамъ всего сборища. Это были клики, жесты, слезы, рыданія, дикій смѣхъ, — въ которыхъ выскалась симпатія живыхъ и воспримчивыхъ дѣтей юга. Окна и балконы дворца были наполнены женами и дѣтьми меньшихъ патриціевъ и наиболѣе богатыхъ гражданъ. Адріанъ слегка взрогнувъ, увидавъ между ними батаное, возмущенное, плачущее, милое лицо Ирены, которое и теперь затмилъ въ себѣ остальные, за исключеніемъ одного, бывшаго съ нимъ рядомъ.

которому волненію настоящей минуты придали еще болѣе красоты. Темные, большіе и сверкающіе глаза Нины-ди-Разелли, только что орошенные слезами, гордо были устремлены на героя ея выбора: гордость, даже болѣе чѣмъ радость, дала великолѣпный румянецъ щекамъ и царственный видъ ея благородной и округленной фигурѣ. Заходящее солнце обдавало поливымъ своимъ блескомъ всю картину: эти обнаженные головы, одушевленные лица толпы, сѣрую огромную массу капитолія, а недалеко отъ Ріензи, оно какъ-то странно и поразительно сіяло на изваяніи колоссальнаго Базальтоваго льва *, который далъ свое имя лѣстницѣ ведущей къ капитолію. Это былъ старый египетскій памятникъ, огромный, потертый и угрюмый, — таковъ нибудь символъ исчезнувшей религіи, лицу котораго скульпторъ сообщилъ нѣчто человѣческое. Такая фантазія художника, фюавода желаемое, вѣроятно, дѣйствіе, давала во всѣ времена истинное, сверхъ-естественное и страшное выраженіе строгимъ мраморамъ и тому торжественному и безмолвному покою, который составляетъ особенную тайну египетской скульптуры. Благоговѣйный ужасъ, на который рассчитывалъ художникъ въ этомъ колоссальномъ и суровомъ изображеніи, былъ еще глубже чувствуемъ чернью, потому что «Лѣстница льва» была обычнымъ мѣстомъ торжественныхъ пикней также какъ и торжественныхъ церемоній. И рѣдко даже самый жѣлый гражданинъ забывалъ перекреститься, рѣдко не чувствовалъ какого-то страха, когда, проходя мимо этого мѣста, онъ внезапно встрѣчалъ глазами устремленный на него каменный взоръ и зловѣщую усмѣшку этого древняго чудовища съ береговъ Нила.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ чувства собранія позволили Ріанзи говорить. Но когда наконецъ весь этотъ шумъ заключился единодушнымъ крикомъ «многія лѣта Ріензи, освободителю королю Рима!» онъ нетерпѣливо поднялъ руку и любопытная толпа вдругъ замолчала.

— Освободитель Рима — сограждане! сказалъ онъ. Да! Не перебивайте этого титула — я слишкомъ честолюбивъ для того, чтобы быть королемъ! Сохраните повиновеніе вашему первосвященнику, подданство императору, но будьте вѣрны вашей собственной свободѣ. Вы имѣете право на ваше древнее государственное устройство, но это устройство не имѣло нужды въ королѣ. Добиваясь имени друга, а выше титуловъ Тарквинія! Римляне, проснитесь! — Проснитесь! Пусть вдохновитъ васъ болѣе благородная любовь къ свободѣ, чѣмъ та, которая ниспровергала сегодншняго тирана, безумно рискуя подвергнуться тиранніи завтра! Римъ имѣетъ нужду въ избавителѣ, но никогда въ узурпаторѣ! — Оставьте эти пустые мысли!

* Существующій нынѣ капитолій очень не похожъ на строеніе временъ Ріензи: читатель не долженъ думать, что настоящая лѣстница, сдѣланная по рисунку Микель-Анджело, у подножія которой стоятъ два шраморныхъ льва, взятыхъ Пшемъ IV отъ церкви св. Стефана-дель-Каппо, есть лѣстница Базальтоваго льва, такъ связанная съ исторіею Ріензи. Этого безмолвнаго свидѣтеля его судьбы теперь уже нѣтъ.

Послѣдовала пауза; толпа была глубоко тронута,—и безмолвная. она съ безпокойствомъ ждала отвѣта своихъ совѣтниковъ или народныхъ предводителей.

— Синьоръ, сказалъ Пандульфо ди-Гвидо, который принадлежалъ къ числу капоріоновъ, вашъ отвѣтъ достоинъ вашей славы. Но, чтобы дать силу закону, Римъ долженъ облечь васъ законнымъ титуломъ. Если вы не желаете титула короля, то удостойте принять званіе диктатора или консула.

— Многія лѣта консулу Ріензи! вскричало множество голосовъ. Ріензи махнулъ рукой, чтобъ замолчали.

— Пандульфо-ди-Гвидо, и вы почтенные совѣтники Рима! Этотъ титулъ и слишкомъ высокъ для моихъ заслугъ и слишкомъ неприложимъ къ моимъ обязанностямъ. Я принадлежу къ народу; о народѣ я долженъ заботиться; нобили могутъ защищать сами себя. Диктаторъ и консулъ—это названія патриціевъ. Нѣтъ, продолжалъ онъ послѣ короткой паузы, если вы, для сохраненія порядка, считаете необходимымъ облечь вашего согражданина формальнымъ титуломъ и признанною властію,—я согласенъ. Но пусть этотъ титулъ будетъ таковъ, чтобы онъ показывалъ свойство нашихъ новыхъ учреждений, мудрость народа и умѣренность его вождей. Нѣкогда, сограждане, народъ выбиралъ защитниками своихъ правъ и хранителями своей свободы особыхъ должностныхъ лицъ, отвѣстныхъ предъ народомъ, избиралъ изъ народа и для народа. Ихъ власть была велика, но это была власть уполномоченнаго. это былъ санъ, и вмѣстѣ довѣренность. Они назывались трибунами. Этотъ титулъ давался въ полномъ народномъ собраніи и трибуны управляли вмѣстѣ съ собраніемъ. Такой титулъ я приму съ благодарностью. *

Рѣчь Ріензи произвела еще большее впечатлѣніе тономъ задумчивой и глубокой искренности, и нѣкоторые изъ римлянъ, не смотря на свою испорченность, почувствовали минутный восторгъ отъ умѣренности своего вождя. «Многія лѣта трибуну Рима!» слышалось въ толпѣ, но этотъ крикъ не былъ такъ громокъ, какъ крикъ — «да здравствуетъ король!» и чернь почти чувствовала революцію не полную, потому что самое высокое титуло въ государствѣ не было принято. Для народа павшаго и огрубѣлаго свобода представляется слишкомъ простою вещью, если она не украшена пышностію того самаго деспотизма, который эти люди хотѣли низвергнуть. Они желаютъ болѣе мести, чѣмъ освобожденія, и чѣмъ выше новая власть, которую они создаютъ, тѣмъ сильнѣе, по мнѣнію ихъ, мщеніе противъ старой. Однакоже всѣ наиболѣе уважаемыя, умныя и влія-

* И Гиббонъ и Спемондъ, изъ которыхъ ни тотъ ни другой, кажется, не справились внимательно съ подлинными документами, сохранными Гокъ-Сеніусомъ, ничего не говорятъ о представительномъ собраніи, которое было почти первымъ государственнымъ дѣломъ Ріензи. Черезъ шесть дней послѣ достопамятнаго 19 мая онъ обратился къ народу Витербо въ письмѣ, которое сохранилось до сихъ поръ. Онъ требуетъ, чтобы витербійцы выбрали и послали въ главный совѣтъ двухъ депутатовъ.

Многія лица въ собраніи были восхищены умѣренностію, которая должна была освободить Римъ отъ тысячи опасностей со стороны императора и первосвященника. Радость ихъ еще увеличилась, когда Ріензи, по возстановленіи тишины, прибавилъ: «такъ какъ мы одинаково трудились для одного и того же дѣла, то всѣ почести, при-суждаемыя мнѣ, должны быть распространены и на папскаго Викарія, епископа орвіетскаго. Вспомните, что власть церковная и власть государственная могутъ назваться достойными правителями народа только потому, что онѣ его благодѣтели. Многія лѣта первому ви-карію папы, который былъ также освободителемъ государства!»

Однимъ ли патріотизмомъ руководился Ріензи въ своей умѣрен-ности или нѣтъ, но вѣрно то, что его прозорливость по крайней мѣрѣ равнялась его добродѣтели. Можетъ быть, ничто не могло скрѣ-пить революцію болѣе прочною связью, какъ назначеніе въ това-рищи Ріензи намѣстника и представителя папы. Черезъ эту умѣрен-ность, которая устраняла монополію власти, приобрѣталось утверж-деніе самаго первосвященника, который такимъ образомъ приня-малъ участіе въ отвѣтственности за революцію.

Между тѣмъ какъ толпа привѣтствовала предложеніе Ріензи; меж-ду тѣмъ какъ ея клики наполняли воздухъ; между тѣмъ какъ Рай-мондъ, захваченный нѣсколько въ распλοхъ, старался знаками и жестами выразить благодарность и смиреніе, избранный трибунъ, бросивъ взглядъ кругомъ, замѣтилъ многихъ людей, которые были привлечены любопытствомъ и которыхъ, по ихъ знатности и влія-нію, желательно было бы привлечь на свою сторону въ первомъ пылу народнаго энтузіазма. Поэтому едва Раймондъ кончилъ свою короткую и кудреватую рѣчь, въ которой пылкое принятіе пред-ложенной ему чести находилось въ смѣшномъ контрастѣ съ чув-ствомъ своего неловкаго положенія и желаніемъ не вовлекать себя или папу въ какія либо непріятныя послѣдствія,—Ріензи далъ знакъ двумъ герольдамъ, стоявшихъ сзади на платформѣ, и, одинъ изъ нихъ, подойдя, провозгласилъ:—«Такъ какъ желательно, чтобы всѣ бывшіе до сихъ поръ нейтральными, объявили себя друзьями или врагами, то они приглашаются принять присягу въ повиновеніи за-конамъ и записаться въ число гражданъ добраго государства.»

Народная горячность была такъ велика, а рѣчи Ріензи дали ей такой изящный и глубокий тонъ, что даже самые равнодушные воспламенились и никому не хотѣлось отставать отъ другихъ. Та-кимъ образомъ наиболѣе нейтральные, зная, что они замѣтнѣе всѣхъ, скорѣе всѣхъ прочихъ были вовлечены въ подданство ново-му государству. Первый подошелъ къ платформѣ и принялъ прися-гу сеньоръ ди-Разелли, отецъ Нины. Другіе менѣе значительные послѣдовали его примѣру.

Присутствіе папскаго викарія убѣждало аристократовъ, страхъ народа побуждалъ себялюбивыхъ; одобрительные крики и поздра-вленія подстрекали тщеславныхъ. Пространство между Адріаномъ и Ріензи очистилось. Молодой патрицій вдругъ почувствовалъ, что

на него устремлены глаза трибуна, что они узнали его и зовутъ его; онъ покраснѣлъ—у него захватило духъ. Благородная умирность Ріензи тронула его до глубины души, одобрительныя клики, великолѣпіе, энтузіазмъ сцены упоили и смутили его. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ сестру трибуна, предметъ его любви! Его нерѣшимость, его медленность еще продолжалась, когда Раймондъ, замѣтивъ его и повинуясь шопоту Ріензи, громко вскричалъ: «мѣсто для сеньора Адріана ди-Кастелло! Колонна! Колонна!» Отступленіе было отрѣзано. Машинально, какъ будто во снѣ, Адрианъ взоспелъ на платформу и для довершенія торжества трибуна, при послѣднихъ лучахъ солнца, цвѣтъ дома Колонновъ, лучший и храбрѣйшій изъ бароновъ Рима, призналъ его власть и подписался подъ его законами.

КНИГА III.

СВОБОДА БЕЗЪ ЗАКОНА.

*Ben furò avventurosi i cavalieri
Ch'erano a quello età, che noi vallonî,
Nelle scure spelonche e boschi feroi,
Tano di serpi, d'orsi e di leoni,
Trovavan quel che nel palazzi altieri
Appena or trovar pon giudici buoni;
Donne che nella lor più fresca etade
Sien degne di aver titol di beltrade.*

Ariosto, *Orl. Fur. can. XIII, 1.*

I.

Возвращеніе Вальтера де-Монреаль въ свою крѣпость.

Оставивъ Корнето, Вальтеръ де-Монреаль и его воины поспѣшили въ Римъ. Прибывъ туда за долго до бароновъ, они встрѣтили такой же пріемъ какъ и тѣ, но Монреаль благоразумно запретилъ всякія нападенія и угрозы и довольствовался тѣмъ, что послалъ вѣрнаго Родольфа въ городъ къ Ріензи—просить позволенія войти туда съ войскомъ. Родольфъ возвратился раньше, нежели Монреаль ожидалъ.

— Ну, сказалъ онъ нетерпѣливо — ты добился пропуска, конечно. Мы должны приказать имъ отворить намъ ворота?

— Прикажете имъ открыть намъ могилы, возразилъ саксонецъ грубо. Я надѣюсь, что слѣдующее посольство мое будетъ къ болѣе дружественному двору.

— Какъ! что это значитъ?

— Вотъ что:—Я нашелъ новаго губернатора или—ну, да все равно какой бы ни имѣлъ онъ титулъ—во дворцѣ капитолія. Онъ былъ окруженъ тѣлохранителями и совѣтниками; на немъ были прекраснѣйшія латы, какія когда-либо я видѣлъ, развѣ въ Миланѣ.

— Къ чорту его латы! говори мнѣ его отвѣтъ.
— Вотъ онъ, если вамъ угодно знать: скажи Вальтеру Монреалю, что Римъ пересталъ быть вертепомъ разбойниковъ; скажи ему, что если онъ войдетъ, то долженъ подвергнуться суду.
— Сулу! вскричалъ Монреаль, заскрежетавъ зубами.
— За участіе въ злодѣйствахъ Вернера и его разбойниковъ!
— Га!
— Скажи ему еще, что Римъ объявляетъ войну всѣмъ разбойникамъ въ лагеряхъ и въ замкахъ, и что мы приказываемъ ему въ теченіи сорока восьми часовъ оставить церковныя земли!
— Такъ онъ вздумалъ не только обмануть меня, но и грозить! Ну, продолжай.

— Таковъ былъ отвѣтъ его вамъ; а мнѣ онъ сдѣлалъ еще болѣе обязательное предостереженіе! Слушай, другъ мой! сказалъ онъ. Для всякаго нѣмецкаго бандита, который будетъ найденъ въ Римѣ послѣ завтра, привѣтъ нашъ будетъ—веревка и висѣлица! Ступай!
— Довольно, довольно! вскричалъ Монреаль, покраснѣвъ отъ бѣшенства и стыда.—Родольфъ, твой глазъ вѣренъ въ этихъ вещахъ: скажи, сколько потребуется нормановъ, чтобы вздернуть на висѣлицу самаго выскочку?

Родольфъ почесалъ свою огромную голову и, казалось, на нѣкоторое время углубился въ вычисленія; наконецъ онъ отвѣчалъ:

— Вамъ лучше всего можно это сообразить, если я вамъ скажу, что ихъ сила состоитъ по меньшей мѣрѣ изъ двадцати тысячъ римлянъ; это я слышалъ мимоходомъ, а нынѣшній вечеръ онъ долженъ принять корону, вмѣсто императора.

— Ха, ха, ха! захохоталъ Монреаль, — онъ съ ума сошелъ? ну, такъ, онъ не имѣетъ нужды въ нашей помощи, чтобы быть повѣшеннымъ. Друзья мои, подождемъ результата. Теперь ни бароны, ни народъ, кажется, не наполняютъ нашей казны. Пройдемъ въ Террачину. Благодареніе святымъ! и Монреаль, (который былъ не лишенъ какой-то странной особаго рода, набожности, благоговѣйно перекрестился, и благодареніе святымъ — подобные намъ люди никогда не бывають долго безъ квартиръ.

— Ура рыцарю св. Іоанна! вскричали наемники. Ура прекрасной Франціи и смѣлой Германіи! прибавилъ рыцарь, подымая руку вверхъ, и вонзая шпоры въ бока уже утомленной лошади. И запѣвъ свою любимую пѣсню:

У Орланда только три
Есть сокровища безцѣнныхъ:
Конь его, булатный мечъ,
Дама сердца несравненная! etc.

Монреаль, съ своею ватагою красиво, помчался чрезъ пустынную Кампанью.

Однако же рыцарь скоро впалъ въ глубокую и пасмурную задумчивость. Его приверженцы подражали молчанію своего вождя и чрезъ нѣсколько минутъ стукъ ихъ оружія и звонъ шпоръ были

единственными звуками, нарушавшими тишину обширныхъ и печальныхъ равнинъ, чрезъ которыя они ѣхали къ Террачинѣ. Монреаль съ горькою злобостью вспоминалъ о своемъ разговорѣ съ Ріензи. Гордясь своею проникающею и талантомъ составлять планы, онъ теперь былъ униженъ и уязвленъ открытіемъ, что его прозвали еще болѣе хитрый интригантъ. Его честолюбивыя намѣренія относительно Рима также встрѣтили преграду и даже были на нѣкоторое время уничтожены тѣми самыми средствами, которыми онъ надѣялся привести ихъ въ исполненіе. Онъ довольно насмотрѣлся на бароновъ, и наблюденія привели его къ увѣренности, что покушавшійся Стефанъ Колонна живъ, ему, Монреалю, едва ли удастся получить господство въ государствѣ, которое могло бы наградить его за помощь въ изгнаніи Ріензи, еслибы онъ вступилъ въ союзъ съ болѣе честолюбивымъ или менѣе робкимъ и въ то же время не столько могущественнымъ синьоромъ. Во всякомъ случаѣ онъ считалъ благоразумнымъ остаться въ удаленіи. Если Ріензи сдѣлается сильнымъ, то Монреаль можетъ заключить выгодную сдѣлку, какой желалъ отъ бароновъ; если власть Ріензи падетъ, то униженная гордость дедлаго заставитъ его искать помощи и принять предложенія Монреала. Честолюбіе провансальца, обширное и отважное, не имѣло однако прочности и постоянства. Дѣятельность и предпримчивость были для него дороже, чѣмъ награды за нихъ; и при неудачѣ въ одномъ мѣстѣ онъ, какъ настоящій странствующій рыцарь, искалъ другаго поля для своихъ подвиговъ. — Людовикъ король венгерскій, человекъ суровый, воинственный и неумолимый, желая отомстить за умерщвленіе своего брата, злополучнаго супруга Іоанны (прекрасной и преступной королевы неаполитанской — Маріи Стюартъ Италіи), приготовлялся подвергнуть цвѣтущую Кампанію венгерскому игу. Уже его незаконнорожденный братъ вторгнулся въ Италію, уже нѣсколько неаполитанскихъ владѣній объявили себя на его сторонѣ, уже сѣверный монархъ сдѣлалъ разныя обѣщанія разсыпнымъ компаніямъ бандитовъ и свирѣпые наемники собрались вокругъ границъ этого эдема Италіи, привлеченные туда, подобно коршунамъ слетающимъ къ трупу, приготовленіями къ войнѣ и надеждою на добычу. Таково было поприще, къ которому смѣлый Монреаль обратилъ теперь свои мысли. Его солдаты радовались его намѣреніямъ, о которыхъ догадывались изъ того, что предѣломъ своего марша онъ назначилъ Террачинну. Предусмотрительный и находчивый, Монреаль возвышалъ свою дерзкую и лишенную правилъ хитрость прозорливостью, которая обѣщала сдѣлать его со временемъ, когда годы приведутъ въ зрѣлость и умѣрять его беспокойный рыцарскій духъ, однимъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ Италіи. При первомъ намекѣ на воинственные намѣренія Людовика, онъ занялъ и укрѣпилъ сильный замокъ на томъ очаровательномъ морскомъ берегу за Террачинною, гдѣ находится знаменитый проходъ, нѣкогда защищаемый Фабіемъ противъ Аннибала, гдѣ горсть вооруженныхъ людей можетъ остановить цѣлую армію. Обладаніе подобною крепостью на самыхъ границахъ Неаполя давало Монреалю значеніе

которымъ онъ надѣялся воспользоваться относительно венгерскаго короля. Встрѣтивъ преграду въ своихъ болѣе обширныхъ и предпримчивыхъ планахъ въ Римѣ, этотъ сангвиническій, дѣятельный и гибкаго ума человѣкъ радовался, что успѣлъ обезпечить для себя подобную опору.

При наступленіи ночи всадники остановились у Понтинскихъ болотъ. Они овладѣли безъ всякой совѣстливости нѣсколькими хижинами и сараями, изъ которыхъ выгнали бѣдныхъ хозяевъ, и съ такою же безцеремонностью закололи свиней, скотину и куръ соседней фермы. Скоро послѣ восхода солнца они стали переправляться чрезъ ужасныя болота, которыя частію уже были высушены Вонифаціемъ VIII. Монреаль, освѣженный сномъ, примиренный съ своею послѣднею неудачною надеждою на выгоды въ предстоящей войнѣ съ Неаполемъ и радуясь близости дома, гдѣ жила та, которая одна раздѣляла сердце его съ честолюбіемъ, — опять оживился всею веселостью, которою онъ былъ обязанъ своему галльскому происхожденію и безпечности своего характера. И на этой мертвой, не освѣщенной историческими воспоминаніями дорогѣ, гдѣ еще можно видѣть труды Августа, устроившаго каналъ, бывшій свидѣтелемъ путешествія, такъ юмористически описаннаго Горациемъ, — раздавались громкій смѣхъ и отрывки дикой пѣсни, которыми сѣверные разбойники развлекались въ своемъ быстромъ путешествіи.

Былъ уже полдень, когда компанія вѣхала въ романтическій пролѣтъ, о которомъ я говорилъ (древніе *Lantulae*). Слѣва подымались крутые и высокіе утесы, покрытые роскошною зеленью и безчисленными множествомъ цвѣтовъ, между тѣмъ какъ справа, море, тихое какъ озеро и голубое какъ небо, музыкально шумѣло у ногъ ихъ. Монреаль, въ обширной степени обладавшій поэтическими наклонностями своей страны, которыя такъ связаны съ любовью къ прилѣтъ, въ другое время радовался бы красотѣ этой сцены, но въ настоящую минуту внѣшніе предметы занимали его гораздо менѣе, нежели картины домашней жизни.

Взбираясь на крутой подъемъ, гдѣ извивающаяся тропинка представляла трудную и неудобную дорогу для лошадей, пайка доѣхала наконецъ до сильной крѣпости изъ сѣраго камня, башни которой выривались за высокими деревьями, пока наконецъ не выглянули громко и внезапно изъ-за веселой зелени. Звукъ рога, значекъ выпара и пароль произвели громкій крикъ привѣтствія со стороны солдатъ или болѣе солдатъ на стѣнахъ. Рѣшотка была поднята и Монреаль, соскочивъ съ своего измученнаго коня, перепрыгнулъ чрезъ порогъ выдающагося портика и пошелъ по огромной залѣ, гдѣ колодая и прекрасная женщина, богато одѣтая, также быстро поспѣвала къ нему на встрѣчу и, задыхаясь отъ радости, бросилась въ его объятія.

— Мой Вальтеръ! мой милый, дорогой Вальтеръ! привѣтъ тебѣ, десять тысячъ цвѣтовъ!

— Аделина, моя красавица, мое божество, я опять тебя вижу!

Таковы были взаимныя привѣтствія, когда Монреаль прижималъ

эту женщину къ своему сердцу, снимая слезы ея поцѣлуями, поворачивая ея лицо къ своему, и глядя на его нѣжную краску со вѣщимъ внимательнымъ безпокойствомъ любви послѣ продолжительнаго отсутствія.

— Прекраснѣйшая, сказалъ онъ нѣжно, ты изныла, ты похудѣла и поблѣднѣла съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались. Ты слишкомъ нѣжна или слишкомъ безумна для того, чтобы любить солдата.

— Ахъ, Вальтеръ! отвѣчала Аделина, припадая къ нему — ты теперь вернулся и я поправлюсь. Ты долго долго не оставишь меня?

— Да, m'amie. Онъ охватилъ ея талію рукою и любовники — увы! они не были обвинены! — удалились въ болѣе уединенныя комнаты замка.

II.

Жизнь любви и войны. — Посланникъ мира. — Турниръ.

Окруженный солдатами, безопасный въ своемъ феодальномъ укрѣпленіи, очарованный красотой земли, неба и моря вокругъ и страстно любя Аделину, Монреаль на нѣкоторое время забылъ всѣ свои безпокойные планы и суровыя занятія. Его натура была способна къ сильной нѣжности, такъ же какъ и къ сильной жестокости, и сердце его обливалось кровью, когда онъ смотрѣлъ на прекрасныя щеки своей милой и видѣлъ, что даже его присутствіе не могло возвратить имъ прежнюю улыбку и свѣжесть. Часто онъ прокинулъ роковой объѣтъ своего рыцарскаго ордена, запрещавшій ему жениться даже на женщинѣ болѣе равной ему по происхожденію; и утрезенія совѣсти отравляли его счастливѣйшія минуты. Эта нѣжная женщина въ разбойничьемъ пріютѣ, лилась всего, что привыкла наиболѣе цѣнить — матери, друзей и честнаго имени — чрезъ то самое еще сильнѣе любила своего соблазнителя; еще болѣе сосредоточивала на одномъ предметѣ всѣ свои женскія, нѣжныя чувства. Но она сознавала свой позоръ, хотя и старалась скрыть это. Кромѣ того еще одно горе, грызущее даже болѣе чѣмъ стыдъ, снѣдало ея душу и подкапывало ея здоровье. Но не смотря на свою печаль, она въ присутствіи Монреала была счастлива и при упадкѣ своего здоровья утѣшалась надеждою умереть, пока его любовь къ ней еще не охладѣла. Безпокойное состояніе страны не позволяло имъ заходить далеко отъ замка, но они дѣлали иногда небольшія прогулки по этимъ лѣсамъ, озареннымъ лучами солнца, и по берегу свѣтлаго моря, которые составляютъ прелесть этой очаровательной мѣстности. Эта смѣсь дикаго съ нѣжнымъ — дикая свита, палатка на какой нибудь зеленой полянѣ въ лѣсу въ полдень, лютня и голосъ Аделины и группа суровыхъ солдатъ, слушающихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, — могли бы послужить достойнымъ сюжетомъ для Аріосто. Они какъ-то особенно гармонировали съ безпорядочнымъ и страннымъ, но вмѣстѣ съ рыцарскимъ временемъ, когда классическій югъ сдѣлался мѣстопробываніемъ сѣвернаго романтизма. Однакоже, не смотря на свое видимое бездѣйствіе, Монреаль поддержи-

аль тайныя сношенія съ венгерскимъ королемъ и погруженный въ новые планы, охотно оставилъ теперь всѣ свои намѣренія относительно Рима. Но эти болѣе обширные планы онъ считалъ только отложенными на время и въ дальнихъ точкахъ своего отважнаго оприща онъ видѣлъ римскій капитолій и сіяющій скипетръ цезарей.

Однажды, когда Монреаль съ небольшою свитою проѣзжалъ вдоль стѣнъ Террачины, ворота вдругъ отворились и оттуда вышла многочисленная толпа. Впередъ шла странная фигура, за которою наплывъ слѣдовалъ съ обнаженными головами и громкими благословеніями. Процессія оканчивалась толпою монаховъ; они пѣли гимнь, въ честь незнакомца, называя его посланникомъ мира. Этотъ незнакомецъ былъ молодой, безбородый человѣкъ, одѣтый въ бѣлую одежду, вышитую серебромъ; онъ былъ безоруженъ и босъ, и держалъ въ рукѣ высокій серебряный жезлъ. Монреаль и его свита въ удивленіи остановились. Затѣмъ рыцарь, прищипоривъ коня, подѣлалъ къ незнакомцу.

— Что это, другъ, сказалъ провансалецъ, — ты принадлежишь какому нибудь новому ордену пилигримовъ, или же какую нибудь особенную святость приобрѣлъ эти почести?

— Назадъ, назадъ! вскричали нѣкоторые болѣе смѣлые изъ толпы — разбойники не должны останавливать посланника мира.

Монреаль презрительно махнулъ рукой.

— Я не съ вами говорю, добрые люди, а достойные иноки въ оемъ уединеніи знаютъ очень хорошо, что я никогда не обижалъ стниковъ и паломниковъ.

Монахи, переставъ пѣть гимнь, поспѣшно подошли къ мѣсту. Божность Монреала заставляла его снискивать расположеніе всѣхъ настырей въ сосѣдствѣ съ его перемѣнчивымъ жилищемъ.

— Мой сынъ, сказалъ старшій изъ монаховъ, — это странное и явленное зрѣлище; и когда ты узнаешь все, то дашь этому посланнику паспортъ для огражденія его отъ безразсудной храбрости оихъ друзей, вмѣсто того, чтобы преграждать ему дорогу мира.

— Вы еще болѣе запутываете мой простой умъ, — сказалъ Монреаль съ нетерпѣніемъ, — пусть молодой человѣкъ говоритъ самъ себя. Я вижу на его плащѣ римскій гербъ, соединенный съ другими гербами, которые для меня составляютъ тайну, хотя я достаточно знакомъ съ геральдикой, какъ прилично благородному и царю.

— Сынъ — сказалъ молодой человѣкъ съ важностью, я — посланникъ Колы дп-Ріензи, римскаго трибуна. Мнѣ поручено доставить письма многимъ баронамъ и владѣтелямъ на пути между Римомъ и Неаполемъ. Гербъ на моемъ плащѣ — гербъ папы, гербъ рода и гербъ трибуна.

— Гмъ; у тебя должно быть смѣлые нервы, если ты путешествуешь чрезъ Кампанью безъ всякаго оружія кромѣ этой серебряной палки.

— Ты ошибаешься, господинъ рыцарь, отвѣчалъ юноша, смѣло; ты

судишь о настоящемъ по прошлому. Знай, что въ Каннахъ нѣтъ ни одного разбойника, что оружіе трибуна сдѣлало всѣ дороги вокругъ города столько же безопасными, какъ самыя большія улицы внутри его.

— Ты рассказываешь мнѣ чудеса.

— Черезъ лѣса, черезъ крѣпости, черезъ самыя дикія пустыни и населеннѣйшіе города мои товарищи невредимо пронесли этотъ серебряный жезлъ; всюду, гдѣ мы проходимъ, тысячи привѣтствуютъ насъ и со словами радости благословляютъ посланныхъ того, кто изгналъ разбойника изъ его вертепа, тирана изъ его замка и далъ безопасность купцу и крестьянину.

— *Pardieu*. — сказалъ Монреаль съ суровою улыбкою, я долженъ быть благодарнымъ за предпочтеніе оказанное мнѣ: я еще не получалъ приказаній и не испыталъ мщенія трибуна. хотя, кажется, мой скромный замокъ находится въ самой срединѣ насѣдья Св. Петра.

— Извините меня, синьоръ кавалеръ, — отвѣчалъ юноша; — не вы ли знаменитый рыцарь Св. Іоанна, воинъ креста и предводитель бандитовъ?

— Мальчикъ, ты смѣлъ; я Вальтеръ де-Монреаль,

— Значить, господинъ рыцарь, я посланъ въ вашъ замокъ.

— Подумай сперва о томъ, какъ дойти туда, иначе тебѣ придется слишкомъ скоро оттуда выбраться. Какъ, друзья? — прибавилъ онъ, видя, что при этихъ словахъ толпа тѣснѣе сжалась вокругъ вѣстника, — неужели вы думаете, что я, имѣющій товарищей изъ дву королями, буду искать жертвы въ безоружномъ мальчикѣ? Фидайте дорогу, дайте дорогу. Молодой человѣкъ, идите за мною въ мой замокъ. Тамъ вы столько же безопасны, какъ въ обити матери. — Говоря это, Монреаль съ большимъ достоинствомъ и съ важностью медленно поѣхалъ къ замку. Солдаты, въ удивленіи, ѣхали нѣсколько поодаль, а вѣстникъ шелъ съ толпой, которая хотѣла вернуться назадъ. Энтузіазмъ этихъ людей былъ такъ великъ, что они дошли до самыхъ воротъ страшнаго замка и рѣшились ждать до тѣхъ поръ, пока возвращеніе молодого человѣка и увѣрить ихъ въ ихъ безопасности.

Монреаль, — который, при всеі своей беззаконности въ другихъ мѣстахъ, строго соблюдалъ права самаго послѣдняго крестьянина въ своемъ ближайшемъ сосѣдствѣ, или лучше притворился расположеннымъ къ бѣднымъ, — пригласилъ толпу войти на дворъ, велѣлъ слугамъ дать ей выпить и закусить, угостилъ монаховъ въ большой залѣ и отправился въ небольшую комнату, гдѣ и пришелъ посланнаго.

— Вотъ это лучше всего объяснить въ чемъ состоитъ мое порученіе, сказалъ молодой человѣкъ, подавая Монреалу письмо.

Рыцарь перерѣзалъ кинжаломъ толкъ и прочелъ посланіе съ большимъ спокойствіемъ.

— Вашъ трибунъ, сказалъ онъ, окончивъ чтеніе, очень скоро научился лаконическому стилю власти. Онъ приказываетъ мнѣ сдѣлать

мокъ и оставить папскую территорію въ теченіи десяти дней, нѣ обязательны; мнѣ нужно имѣть время подумать о предложеніи. Сдѣлаетесь, прошу васъ, молодой человѣкъ. Извѣстите меня, но я воображалъ, что у вашего господина и безъ того довольно дѣла съ римскими баронами и что онъ могъ бы быть немного поснисходительнѣе къ его иностраннымъ гостямъ. Что Стефанъ Колонна? — Возвратился въ Римъ и принялъ присягу подданства; Савелли, Орсини, Франджипани всѣ подписались въ своей покорности «доброму государству».

— Какъ! вскричалъ Монреаль съ изумленіемъ.

— Они не только вернулись въ Римъ, но и согласились распустить всѣхъ своихъ наемныхъ солдатъ, и скрыть всѣ свои укрѣпленія. Желѣзо дворца Орсини употреблено на укрѣпленіе капітолія, каменные сооруженія Колонновъ и Савелли прибавили новыя бойцы къ воротамъ церквей Латеранской и св. Лаврентія.

— Необыкновенный человѣкъ! сказалъ Монреаль, нехотя подавая чувство почтительнаго удивленія. Какими средствами онъ сдѣлалъ все это?

— Строгими приказаніями и твердою силою, на которую они опирались. По первому звуку большаго колокола собирается двадцать тысячъ вооруженныхъ римлянъ. Что значатъ противъ этой арміи избойники какого нибудь Орсини или Колонны? — Господинъ рыцарь, ваша храбрость и знаменитость заставляютъ даже Римъ удивиться вамъ и я, римлянинъ, прошу васъ остерегаться.

— Благодарю. Твои новости, другъ мой, захватываютъ у меня дыханіе. Такъ бароны покорились?

— Да; въ первый же день, одинъ изъ Колонновъ, синьоръ Адригъ, принялъ присягу; чрезъ недѣлю Стефанъ, котораго увѣрили въ безопасности, оставилъ Палестрину, вмѣстѣ съ Савелли; затѣмъ явились Орсини—даже Мартино-ди-Порто безмолвно покорился.

— Трибунъ—такъ его называютъ?—кажется, его хотѣли сдѣлать царемъ?

— Ему предлагали это, но онъ отказался. Его настоящій титулъ, въ которомъ нѣтъ притязаній на патриційскія почести, много способствовалъ къ тому, чтобы примирить нобилей съ новымъ порядкомъ вещей.

— Благоразумный плутъ!—впновать — мудрый властитель! Знаешь, трибунъ сильно господствуетъ надъ великими именами Рима?

— Извините—правосудіе его безпристрастно, оно равно для всѣхъ, и крестьянина и для патриція; но трибунъ сохраняетъ для нобилей всѣ ихъ справедливыя привилегіи и законный рангъ.

— А! и эти тщеславныя куклы, удерживая видъ, почти забываютъ о сущности;—понимаю. Но это показываетъ умъ—трибунъ неженатъ, кажется. Не ищетъ ли онъ жены между Колоннами?

— Трибунъ женился—чрезъ три дня послѣ того какъ достигнулъ власти, на дочери барона ди-Разелли.

— Разелли! не знатное имя; онъ могъ бы сдѣлать лучшій выборъ.

— Но говорить , продолжалъ молодой человекъ улыбаясь , что трибунъ скоро вступить въ родственныя связи съ Коломной , посредствомъ своей прекрасной сестры , синьоры Ирены. Къ ней сватается баронъ ди-Кастелло.

— Какъ, Адрианъ Колонна! Довольно! вы убѣдили меня въ томъ , что человекъ , который удовлетворяетъ желаніямъ народа и вмѣстѣ внушаетъ страхъ нобилемъ или примиряетъ ихъ—рожденъ для власти. Отвѣтъ на это письмо я пошлю самъ. За ваши вѣсти , господинъ посолъ , примите вотъ этотъ камень. И рыцарь снялъ съ своего пальца довольно дорогой перстень. Полно, не бойтесь, это мы дали въ подарокъ , какъ я даю вамъ!

Посолъ былъ пріятно изумленъ обращеніемъ знаменитаго разбойника , который тоже не мало удивился непринужденности и фамильярности , съ какою молодой человекъ рассказывалъ ему , Фра-Мореалу , въ собственной его крѣпости , римскія новости. Юноша низко поклонился и принялъ подарокъ.

Хитрый провансалецъ , который замѣтилъ сдѣланное имъ впечатлѣніе , видѣлъ также , что полезно было бы отложить на время дѣлы , которыя онъ считалъ было нужнымъ принять.

— Если ты возвратишься въ Римъ прежде , чѣмъ дойдетъ твое письмо , сказалъ онъ , отпуская посла , то увѣрь трибуна , что я удивляюсь его генію , привѣтствую его власть , и подумаю о его требованіи по возможности съ благопріятнѣйшей стороны.

— Пусть нашимъ врагомъ будутъ лучше десять тирановъ , нежели одинъ Монреаль. съ жаромъ отвѣчалъ посолъ.

— Врагомъ! довѣрьте мнѣ , синьоръ , я не желаю вражды съ властителями , которые умѣютъ управлять , и съ народомъ , который имѣетъ мудрость и править и повиноваться вмѣстѣ.

Однако же весь этотъ день Монреаль былъ задумчивъ и не въ духѣ: онъ отправилъ вѣрныхъ пословъ къ губернатору Аквили (который тогда велъ переписку съ Людовикомъ венгерскимъ) въ Неполи и въ Римъ. Послѣдняго онъ снабдилъ письмомъ къ трибуну. Въ этомъ письмѣ онъ , не компрометируя себя окончательно , притворился согласнымъ исполнить требованіе , и просилъ только болѣе отсрочки , чтобы приготовиться къ отправленію. Но въ тоже самое время Монреаль прибавилъ къ своему замку новыя укрѣпленія и снабдилъ его множествомъ припасовъ. Ночь и день его шпионы и лазутчики наблюдали за проходомъ къ замку и за тѣмъ , что дѣлается въ городѣ Террачинѣ. Монреаль былъ именно изъ тѣхъ вождей , которые болѣе всего приготавливаются къ войнѣ тогда , когда , по видимому , имѣютъ самыя мирныя намѣренія.

Въ одно утро , именно чрезъ четыре дня послѣ появленія римскаго посла , Монреаль , тщательно осмотрѣвъ наружныя укрѣпленія и запасы и довольный тѣмъ , что можетъ выдержать по крайней мѣрѣ мѣсячную осаду , явился въ комнату Аделины съ болѣе веселымъ лицомъ , нежели какое у него было въ послѣднее время.

Аделина сидѣла у окна башни , откуда виденъ былъ великолѣпный ландшафтъ лѣсовъ , долинъ и померанцовыхъ рощей — страннѣйшій

садъ для подобнаго замка! Въ изгибѣ ея шев, когда она склонила лицо на руку и слегка повернула свой профиль къ Монреалю, было что-то невыразимо граціозное. Головка ея такъ ясно обнаруживала благородное происхожденіе, кудри ея были раздѣлены проборожъ на лбу, — простая прическа удачно возобновленная въ наше время. Но выраженіе лица, наполовину отвернувагося въ сторону, разсѣянная напряженность взгляда и глубокая неподвижность позы были такъ грустны и печальны, что веселое и ласковое привѣтствіе Монреалья замерло у него на губахъ. Онъ молча подошелъ и положилъ руку на ея плечо.

Аделина обернулась, прижала эту руку къ своему сердцу и вся ея грусть исчезла въ улыбку.

— Дорогая моя, сказалъ Монреаль, еслибы ты знала, какъ тѣнь печали на твоёмъ свѣтломъ лицѣ помрачаетъ мое сердце, — то ты никогда не грустила бы. Но въ этихъ грубыхъ стѣнахъ, — гдѣ возгѣ тебя нѣтъ ни одной женщины равной тебѣ по званію, гдѣ всякое веселье, какое только можетъ дать Монреаль этимъ заламъ, непріятно для твоего слуха, — неудивительно, что ты раскаяваешься въ своёмъ выборѣ.

— Ахъ, нѣтъ—нѣтъ, Вальтеръ. я никогда не раскаиваюсь. Когда мы вошли, я думала о нашемъ ребенкѣ. Увы! это было наше единственное дитя! Какъ онъ былъ хорошъ, какъ походилъ на тебя!

— Нѣтъ, у него были твои глаза и лобъ, отвѣчалъ кавалеръ промывающимся голосомъ, отвернувшись.

— Вальтеръ, сказала Аделина, вздыхая, ты помнишь? сегодня день его рожденія. Сегодня ему десять лѣтъ. Одинадцать лѣтъ мы любили другъ друга. я тебѣ еще не наскучила твоя бѣдная Аделина.

— Я твой до гроба, отвѣчалъ Монреаль съ страстною нѣжностью, которая совершенно измѣнила характеръ его воинственной наружности. давъ ей кроткое выраженіе.

— Еслибы я могла быть въ этомъ увѣрена, то я была бы вполне счастлива! сказала Аделина. Но пройдетъ еще нѣсколько времени и небольшой остатокъ моей красоты поблекнетъ; а какія другія права я имѣю на тебя?

— Всевозможныя; — воспоминаніе о первомъ твоёмъ румянцѣ, о твоёмъ первомъ поцѣлуѣ, о твоихъ безкорыстныхъ жертвахъ, о твоихъ терпѣливыхъ странствованіяхъ, о твоей безропотной любви! Ахъ, Аделина, мы провансальцы, а не итальянцы: а когда провансальскій рыцарь избѣгалъ врага или оставлялъ свою возлюбленную? Но довольно, дорогая моя, сегодня не будемъ сидѣть дома, не будемъ грустить. Я пришелъ звать тебя прогуляться. Я послалъ слугъ разбить нашу палатку возлѣ моря. Будемъ наслаждаться померанцовыми цвѣтами, пока можемъ. Прежде чѣмъ пройдетъ другая неделя, у насъ могутъ случиться занятія посерьезнѣе и мѣсто для нашихъ прогулокъ будетъ потѣшнѣе.

— Какъ, дорогой Вальтеръ, ты предвидишь опасность?

— Ты говоришь такъ, госпожа-птичка, сказалъ Монреаль смѣясь.

какъ будто бы опасность для насъ—какая-то новость; кажется пора бы узнать, что это воздухъ, которымъ мы дышимъ.

— Ахъ, Вальтеръ, неужели это вѣчно будетъ продолжаться? Ты теперь богатъ и знаменитъ, неужели ты не можешь оставить себе безпокойное поприще.

— Ахъ, Аделина! что такое богатство и знаменитость, если не средства къ достиженію власти? Что касается до войны, то щить былъ моею колыбелью—молю святыхъ чтобы онъ былъ мнѣ погребальнымъ катафалкомъ! Эти дикія и волшебныя крайности жизни,—переходы отъ бѣсѣдки милой къ палаткѣ, отъ нищеты къ дворцу,—переходы, дѣлающіе сегодня блуждающимъ изгнанникомъ, завтра — равнымъ королю составляютъ настоящую стихію рыцарства моихъ нормандскихъ предковъ. Нормандія научила меня войнѣ, нѣжный провансъ — любви. Подѣлуй меня, дорогая Аделина; теперь пусть служанки одѣнутъ тебя. Не забудь своей лютни, моя милая. Мы разбудимъ эхо провансальскихъ пѣснями.

Гибкій характеръ Аделины легко поддавался веселости ея возлюбленнаго и скоро компанія выѣхала изъ замка къ мѣсту, которое Монреаль избралъ мѣстомъ отдыха во время дневныхъ жаровъ. Но уже приготовленный ко всякому нечаянному нападенію, замокъ былъ строго охраняемъ и, кромѣ домашнихъ слугъ, любовниковъ сопровождалъ отрядъ изъ десяти солдатъ, въ полномъ вооруженіи. Самъ Монреаль былъ въ латахъ, а его оруженосцы слѣдовали за нимъ съ копьемъ и шлемомъ. За узкимъ дефиле у подножія замка дорога выходила на широкую поляну зелени, окруженную со всѣхъ сторонъ, исключая одной, открытой къ морю, лѣсомъ, и покрытую кое гдѣ миртами, померанцами и душистыми кустами. На этой полянѣ, подъ тѣнью широко раскинувшихся вѣтвей чинара, поставлена была палатка, надъ сверкающимъ моремъ, защищенная отъ солнца тѣнью и открытая только для тихаго вѣтерка. Тамъ прогулки были любимымъ развлеченіемъ Аделины, если только онѣ могутъ быть названы развлеченіемъ. Она радовалась, что ушла изъ мрачныхъ стѣнъ своей укрѣпленной тюрьмы и наслаждается солнечнымъ свѣтомъ и нѣгою этого сладострастнаго климата безъ утомленія, которое она въ послѣднее время чувствовала при всякомъ движеніи. Это была нѣжная заботливость со стороны Монреаля, предвидѣшаго какъ коротокъ будетъ промежутокъ до того времени, когда войско Ріонзи осадитъ его замокъ; самъ же онъ и въ бѣсѣдѣ и въ полѣ одинаково чувствовалъ себя какъ дома.

Они вошли въ палатку; изъ слугъ оставшихся вѣ ея, одни праздно бродили по морскому берегу, другіе устранились къ вечеру навѣсь лодки для катанья, нѣкоторые въ простой палаткѣ, скрытой въ лѣсу, приготовляли полуденный завтракъ. Между тѣмъ струны лютни, на которой игралъ Монреаль съ небрежною ловкостью, нарушали своюю музыкою задумчивое безмолвіе полудня.

Вдругъ одинъ изъ лазутчиковъ Монреаля прибѣжалъ, задыхаясь, къ палаткѣ.

— Капитанъ, сказалъ онъ, отрядъ изъ тридцати человекъ въ

полномъ вооруженіи, съ большою свитою оруженосцевъ и пажей только что оставилъ Террачину. На знаменахъ ихъ — двойной гербъ: дама и Колонновъ.

— Хорошо, сказалъ Монреаль весело, такое войско пріятная привака къ нашей компаніи. Пошли сюда нашего оруженосца.

Оруженосецъ явился.

— Садись скорѣй на лошадь и поѣзжай къ отряду, который ты встрѣтишь въ ущельи (полно, моя дорогая, не мѣшай), найди наальника и скажи, что добрый рыцарь, Вальтеръ де Монреаль, посылаетъ ему привѣтъ и проситъ его при проѣздѣ чрезъ нашу землю остаться на нѣкоторое время съ нами въ качествѣ пріятнаго гостя; и, постой, прибавь, что если ему угодно провести часть дня около того, въ пріятной забавѣ, то Вальтеръ Монреаль будетъ радъ переломить копье, съ шлемъ или съ какимъ нибудь рыцаремъ по святы, въ честь нашихъ дамъ. Потерпишь, живо!

— Вальтеръ, Вальтеръ! сказала Аделина; она при своей нѣжной вѣстливости болѣзненно чувствовала щекотливость своего положенія, о которой беззаботный Вальтеръ часто забывалъ. Милый Вальтеръ, неужели ты считаешь честию...

— Молчи, моя нѣжная fleur de lys! Ты много дней не видала никакихъ забавъ; я хочу убѣдить тебя, что ты все еще прекраснѣйшая дама Италіи и всего христіанскаго міра. Но эти итальянцы — усливые рыцари и тебѣ нечего бояться, что мое предложеніе будетъ принято. Я по болѣе важнымъ причинамъ радуюсь тому, что учай посылаетъ ко мнѣ римскаго нобля, можетъ быть Колонну, ищущіе не понимаютъ этихъ вещей; однакоже нѣчто, относящееся до Рима, касается въ эту минуту и насъ.

Съ этими словами Монреаль нахмурился, какъ обыкновенно дѣлалъ, когда погружался въ думу; Аделина не осмѣлилась больше ворить, и удалилась во внутреннее отдѣленіе палатки.

Между тѣмъ оруженосецъ приближался къ поѣзду, который теперь достигъ середины ущелья. Это была красивая и блестящая компанія. Полное вооруженіе солдатъ, казалось, свидѣтельствовало о истинныхъ намѣреніяхъ, но съ другой стороны этому противорѣчала многочисленная свита невооруженныхъ щитоносцевъ и пажей, много одѣтыхъ, и великолѣпный блазонъ двухъ герольдовъ, которые предшествовали знаменщикамъ, показывалъ, что цѣль этихъ людей была мирная. Одного взгляда на компанію было достаточно, чтобы сказать, кто предводитель ея. Впереди ѣхалъ молодой всадникъ, отличавшійся отъ своихъ ближайшихъ товарищей своею граціозною наружностью и великолѣпною одеждою. На немъ былъ надѣтъ стальной нагрудникъ, изобильно украшенный золотыми эмблемами, поверхъ котораго наброшенъ былъ плащъ изъ темно-зеленаго бархата, обшитый жемчугомъ; надъ его черными длинными волосами волновалось черное строусовое перо въ македонской шапкѣ, въ родѣ той, какую имѣетъ теперь великій магистръ ордена Константина.

Щитоносецъ почтительно подъѣхалъ къ нему, слѣзъ съ лошади и передалъ свое порученіе.

Молодой кавалеръ улыбнулся и отвѣчалъ: передай синьору Вальтеру де Монреалю привѣтствіе Адріана Колонны, барона ди-Кастелло, и скажи, что важный предметъ моего настоящаго путешествія едвали позволитъ мнѣ встрѣтить страшное копье столь знаменитаго рыцаря; и я сожалею объ этомъ тѣмъ болѣе, что я не могу уступить никакой женщины первенство предъ моею дамою въ красотѣ. Я долженъ жить надеждою на болѣе счастливый случай. Но я съ удовольствіемъ побуду нѣсколько часовъ гостемъ у такого вѣжливаго хозяина.

Щитоносецъ поклонился.

— Мой господинъ, сказалъ онъ запинаясь, будетъ очень сожалѣть о потерѣ такого благороднаго противника. Но мое посольство отводится ко всей рыцарской и храброй свитѣ; и если синьоръ Адріанъ думаетъ, что предметъ его настоящаго путешествія дѣлаетъ этотъ турниръ невозможнымъ для него, то конечно одинъ изъ его товарищей замѣнитъ его въ борьбѣ съ моимъ господиномъ.

На эти слова оруженосца поспѣшилъ отвѣтить ѣхавшій рядомъ съ Адріаномъ молодой патрицій Риккардо Аннибальди, который въ послѣдствіи оказалъ большую услугу трибуну и Риму и преждевременно погибъ жертвою своей храбрости.

— Съ позволенія синьора Адріана, вскричалъ онъ, я переломлю копье.

— Тсъ! Аннибальди, прервалъ Адріанъ. А вы, господинъ щитоносецъ, знайте, что Адріанъ ди-Кастелло не допускаетъ вмѣсто себя другаго къ борьбѣ. Скажите рыцарю св. Іоанна, что мы принимаемъ его гостепріимство, и если послѣ непродолжительнаго разговора о болѣе важныхъ предметахъ онъ все еще будетъ желать этой пустой забавы, то я забуду, что я ѣду посломъ въ Неаполь и буду помнить только, что я рыцарь имперіи. Вотъ вамъ отвѣтъ.

Щитоносецъ съ большою церемоніею поклонился, слѣзъ на коня и поскакалъ легкимъ галопомъ къ своему господину.

Извините меня, милый Аннибальди, что я помѣшалъ вашей храбрости, и вѣрьте, что я никогда не желаю сильнѣе переломить съ кѣмъ нибудь копье, какъ желаю этого теперь, съ этимъ тѣлеславнымъ французомъ. Но подумайте о томъ, что хотя для насъ, воспитанныхъ въ вѣжливыхъ законахъ рыцарства, Вальтеръ де-Монреаль—знаменитый провансальскій рыцарь, но для римскаго трибуна, котораго важное порученіе мы теперь исполняемъ, онъ не болѣе какъ наемный начальникъ свободной компаніи. Въ его глазахъ мы сильно запятнали бы наше достоинство этимъ легкомысленнымъ и неумѣстнымъ состязаніемъ съ извѣстнымъ и отъявленнымъ разбойникомъ.

— Однакоже, сказалъ Аннибальди, разбойникъ не долженъ хвастаться, что римскій рыцарь уклонился отъ провансальскаго копья.

— Перестань, прошу тебя! сказалъ Адріанъ съ нетерпѣніемъ. Молодой Колонна уже горько досадовалъ на свой благоразумный и

жкий отказъ принять предложеніе Монреалья. Вспоминая съ больничъ гнѣвомъ унижительную манеру, съ которою провансалецъ горилъ о римскомъ рыцарствѣ а также и тонъ превосходства, который онъ съ нимъ принималъ въ разсужденіяхъ обо всѣхъ военныхъ предметахъ, Адріанъ теперь почувствовалъ, что губы его дрожатъ и щеки пылаютъ. Чрезвычайно искусный во всѣхъ воинственныхъ упражненіяхъ своего времени, онъ имѣлъ естественное и извѣстное желаніе доказать, что онъ былъ, по крайней мѣрѣ, стойкимъ противникомъ даже лучшаго копьеборца Италіи. Сверхъ того, тогдашнія рыцарскія понятія заставляли его считать чѣмъ-то родъ измѣны своей дамѣ пренебреженіе къ какимъ бы то ни было средствомъ доказать ея совершенство.

Поэтому Адріанъ порядочно былъ раздраженъ, когда, подѣхавъ мѣсту, откуда была видна палатка Монреалья, замѣтилъ возвращающагося къ нему щитоносца. И читатель пойметъ, какъ усилилось это раздраженіе, когда щитоносецъ, сойдя съ лошади, обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Мой господинъ, рыцарь св. Іоанна, выслушавъ вѣжливый отъ синьора Адріана ди-Кастелло, велѣлъ мнѣ сказать, что для избежанія помѣхи, которая можетъ произойти отъ предварительнаго разговора, почтительно предлагаетъ чтобы турниръ предшествовалъ этой бесѣдѣ. Дернъ предъ палаткою такъ нѣженъ и мягъ, что даже паденіе не будетъ сопровождаться *никакою опасностью*, ни для рыцаря, ни для его лошади.

Монреаль, который такъ настаивалъ на турниръ, частію, быть можетъ, изъ веселаго и буйнаго молодчества, еще и теперь обыкновеннаго между его храбрыми земляками, частію потому, что онъ хотѣлъ выказать предъ людьми, которые скоро будутъ его открывать врагами, свое необыкновенное, неподражаемое умѣнье владѣть оружіемъ, былъ еще болѣе побужденъ къ этому, узнавъ имя предателя римскихъ воиновъ. Хотя его тщеславный, гордый духъ и выказывалъ свою злость, но онъ ни мало не простилъ нѣкоторыхъ дерзкихъ выраженій Адріана во дворцѣ Стефана Колонны и во временнаго путешествія въ Корнето. Адріанъ, остановясь при вѣздѣ въ дефиле, съ помощью своихъ оруженосцевъ надѣлъ осанку и самъ осмотрѣлъ подпруги, ремни, стремяны и кожаныя пряжки на чепракѣ своего благороднаго коня. Монреаль же не весело поцѣловалъ Адриана, которая, хотя по кротости своей могла ссориться, была однако же огорчена, а еще болѣе страдала за его безопасность. Онъ взялъ голубой шарфъ ея, набросилъ его на свой нагрудникъ и окончилъ свое одѣванье къ битвѣ съ подупіемъ челоуѣка, увѣреннаго въ побѣдѣ. Однако же ему предвѣстала очень большая неудача. Изъ замка были принесены его латы и копье, но не былъ приведенъ боевой конь. Его парадная лошадь была слишкомъ слаба для того, чтобы выносить большую тяжесть его брони; между лошадьми его солдатъ тоже не было ни одной, которая бы по силѣ и росту могла бы быть подлѣ конюха. Монреаль выбралъ самую сильную изъ нихъ и громкій

крикъ его дикихъ приверженцевъ свидѣтельствовалъ о ихъ удивленіи, когда онъ, безъ посторонней помощи, вспрыгнулъ съ земли сѣло, рѣдкій и трудный подвигъ ловкости въ человѣкѣ, совершено покрытомъ тяжелою бронею, выкованною въ Миланѣ. Въ Италіи употреблялись брони гораздо тяжеловѣснѣе, нежели въ какой-либо другой части Европы. Между тѣмъ объ компаніи мало по малу сжились и образовали родъ круга на зеленомъ деряѣ, и римскіе рольды съ хлопотливою важностью старались привести зрителя въ порядокъ. Монреаль ѣздилъ на своей лошади вокругъ луга, заставляя ее дѣлать разные прыжки и выказывая, съ свойственнымъ тщеславіемъ, чрезвычайное знаніе и опытность въ верховой ѣздѣ.

Наконецъ Адріанъ, съ опущеннымъ забраломъ медленно въѣхалъ на земляную поляну среди кланковъ своей свиты. Оба рыцаря на концахъ важно стали одинъ противъ другаго. Они отдали другъ другу вѣжливый салютъ своими копьями. Высокій, статный и выпуклая грудь Монреала даже въ латахъ образовала сильный контрастъ съ фигурою его противника, который былъ средняго роста, и хотя крѣпко сложенъ, но тонокъ и легокъ. Искусство владѣть оружіемъ, было въ тѣ времена доведено до такого совершенства, что большая сила и большой ростъ не были принадлежностью наиболѣе знаменитыхъ рыцарей. Вѣкомъ дѣлѣ сила лошади и управленіе ею такъ много значило, легкая тяжесть въ сѣдлѣ часто болѣе помогала, чѣмъ и самому ездоку; и даже въ позднѣйшій періодъ, самые искусные бойцы и нирары, французскіе Вайарды и англійскіе Сидней были замѣчательны массивностью и ростомъ.

Каково бы ни было превосходство Монреала въ физической силѣ, оно уравнивалось недостатками его калабрійской лошади, которая хотя была плотна и сильна, но ни по крови, ни по росту по выѣздкѣ не могла сравниться съ сѣвернымъ скакуномъ его противника. Властятая шерсть послѣдней, черная какъ уголь, спускалась краснымъ чепракомъ, который былъ вышитъ золотомъ, и плечи ея были закрыты кольчугою, отъ лба выдавался рядъ шиповъ на подобіе рога единорога; на верху его возвышался высокій султанъ изъ красныхъ и бѣлыхъ перьевъ. Такъ какъ сошествіе Адріана въ Неаполь было торжественное и представителемъ, и отправлялось ко двору, отличавшемуся большимъ блескомъ его убранство и свита соответствовали этому случаю и свѣдѣли, что въ три дюйма шириною, была украшена золотомъ и даже драгоценными камнями. Самъ рыцарь былъ одѣтъ въ кольчугу, и свѣдѣтельница о необыкновенномъ искусствѣ знаменитаго вика Миланскаго, и вообще его видъ былъ чрезвычайно щеголишъ и великолѣпенъ, особенно въ сравненіи съ простою, хотя достаточною и глубокою бронею Монреала (украшенною только шаромъ его дамы) и съ обыкновенною грубою кольчугою его коня. Этотъ контрастъ не былъ пріятенъ провинсальцу, тщеславіе котораго особенно было обращено на воинское убранство, и который,

ибы предвидѣлъ «забаву» его ожидавшую, превзошелъ бы блескомъ
иже Колонну.

Трубачи каждой стороны протрубили разъ — рыцари оставались
еподвижны, подобно желѣзнымъ статуямъ; другой—и каждый слег-
и наклонился надъ лукою сѣдла; третій—и наклонивъ копьѣ, ос-
ибивъ поводѣ, они помчались во весь карьеръ и сильно столкну-
ись на серединѣ. Съ свойственнымъ Монреалю безпечнымъ высоко-
бріемъ онъ воображалъ, что при первомъ ударѣ его копьѣ Адріанъ
идетъ сбить съ лошади; но, къ его великому удивленію, молодой
иляннинъ остался твердъ и среди кликовъ своей свиты поѣхалъ
и другой конецъ ристалища. Самъ Монреаль сильно поматнулся,
и не потерялъ ни сѣдла, ни стремени.

— Это не комнатный рыцарь, проворчалъ Монреаль сквозь зубы
уже теперь для вторичной сшибки призвалъ на помощь всю свою
икость; между тѣмъ, какъ Адріанъ, зная большое превосходство
сего коня, рѣшился воспользоваться имъ противъ своего сопер-
ика. Поэтому, когда рыцари опять бросились впередъ, то Адріанъ,
рошо закрывшись своимъ щитомъ, направилъ свои старанія не
олько противъ бойца, котораго, какъ онъ чувствовалъ, едва ли
ижетъ сбить чье бы то ни было копьѣ, а противъ его лошади. На-
скъ коня Монреаля былъ подобенъ паденію лавины, копьѣ рыца-
разлетѣлось на тысячу кусковъ, Адріанъ потерялъ оба стремени
былъ бы сбить съ лошади, еслибы его не удержали крѣпкія же-
зныя луки сѣдла; теперь же сшибка заставила его почти повер-
ться назадъ, въ ухахъ у него звенѣло, въ глазахъ помутилось,
къ что моментъ или два онъ почти лишенъ былъ сознанія. Но
и конь хорошо заплатилъ за кормъ и за науку. Въ тотъ самый
ментъ, когда сражающіеся сѣхались, животное, поднявшись, на-
инуло на своего противника своимъ могучимъ гребнемъ, съ такою
удержимою силой, что лошадь Монреаля попятилась на нѣсколько
иговъ назадъ, между тѣмъ какъ копьѣ Адріана, направленное съ
ивительною ловкостью, ударивъ въ плечъ провансальца на мгно-
віе отвлекло вниманіе его отъ поводѣ. Опомнившись отъ внезап-
го удара, Монреаль слишкомъ туго затянулъ узду; лошадь его
днылась на дыбы и получивъ въ эту минуту въ свой нагрудникъ
аръ остраго рога и покрытаго кольчугою гребня Адріанова коня,
рокинулась съ своимъ всадникомъ на дернъ. Монреаль выкараба-
лся изъ-подъ него, пылая бѣшенствомъ и стыдомъ; изъ палатки
шелъ до его слуха слабый крикъ, который удвоилъ его смуще-
и. Онъ всталъ съ легкостью, которая удивила зрителей: латы, но-
иыя въ тѣ времена, были такъ тяжелы, что немногіе рыцари,
верженные на землю, могли встать безъ посторонней помощи.
шувъ мечъ, онъ вскричалъ съ бѣшенствомъ:

— На ноги, на ноги! упалъ не я, а этотъ проклятый скотъ, ко-
раго мнѣ, за грѣхи мои, пришлось возвести въ званіе боеваго ко-
и. Выходите....

— Нѣтъ, господинъ кавалеръ, сказалъ Адріанъ, сбрасывая свои

рукавицы и снимая шлемъ, который онъ потомъ бросилъ на землю. Я пріѣхалъ къ тебѣ въ качествѣ гостя и друга; а пѣшкомъ дерутся только смертельные враги. Еслибы я принялъ твое предложеніе, то побѣда надо мной запятнала бы твою рыцарскую честь.

Монреаль, который въ горячности своей на минуту забылся, теперь угрюмо призналъ справедливость этого разсужденія. Адріанъ успѣшилъ успокоить своего противника.

— Притомъ, сказалъ онъ, я не могу имѣть притязанія на призъ. Ударъ вашего копья заставилъ меня потерять стремя, а отъ моего удара вы не пошатнулись. Вы правы, если даже я васъ и побѣдилъ, то это вина вашей лошади.

— Мы, можетъ быть, еще встрѣтимся, когда лошади у насъ будутъ одинаковы, сказалъ Монреаль, все еще горячась.

— Избави Богъ! вскричалъ Адріанъ съ такимъ набожнымъ жаромъ, что присутствующіе не могли удержаться отъ смѣха, и даже Монреаль угрюмо и не совсѣмъ охотно присоединился къ общей веселости. Однако-же вѣжливость противника примирила и тронула болѣе благородныя и прямодушныя свойства его натуры; и, стараясь успокоиться, онъ отвѣчалъ:

— Синьоръ ди-Кастелло, я остаюсь вашимъ должникомъ за вѣжливость, которой я мало подражалъ. Однако-же, если вы хотите обязать меня навсегда, то позвольте мнѣ послать за моимъ конемъ и тѣмъ доставить мнѣ случай возстановить мою честь. На своемъ конѣ, или на другомъ какомъ-нибудь равномъ вашему, который, кажется, англійской породы, я берусь защищать этотъ проходъ противъ всей вашей свиты по одинакѣ. Ставлю все, что имѣю, земли, замокъ, деньги, мечъ и шпоры.

Можетъ быть, къ счастію для Адріана, прежде чѣмъ онъ могъ отвѣчать, Риккардо Аннибальди вскричалъ съ большимъ жаромъ:

— Синьоръ кавалеръ, я имѣю съ собой двухъ коней, хорошо приученныхъ къ турнирамъ; выбирайте и примите меня въ качествѣ бойца со стороны римскаго рыцарства, противъ французскаго; вотъ моя перчатка.

— Синьоръ, отвѣчалъ Монреаль съ плохо сдержанною радостью; твой выборъ доказываетъ такую храбрость и свободу души, что было бы постыднымъ грѣхомъ отказаться отъ него. Я принимаю твой залогъ. Веди привести сюда лошадь, которую ты не возьмешь самъ, и не будемъ тратить словъ прежде дѣла.

Адріанъ, чувствуя, что до сихъ поръ римляне обязаны были болѣе счастію, нежели заслугамъ, напрасно старался отклонить этотъ вторичный рискъ. Но Аннибальди былъ сильно разгоряченъ, а его высокій рангъ не позволялъ Адріану оскорблять его рѣшительнымъ запрещеніемъ, и потому Колонна, хотя не охотно, согласился на поединокъ. Лошади Аннибальди были приведены, одна чалая, другая гнѣдая. Последняя была нѣсколько хуже по своимъ статямъ и походкѣ, хотя тоже очень сильна и дорога. Монреаль, котораго заставили выбирать, великодушно выбралъ последнюю.

Аннибальди скоро былъ готовъ и Адріанъ далъ сигналъ тру-

Римлянинъ имѣлъ почти одинаковый ростъ съ Монреалемъ, хотя былъ моложе послѣдняго, но, казалось, имѣлъ такіе же плукулы и объемъ стана, такъ что настоящіе противники съ перваго взгляда казались болѣе подл другъ другу, чѣмъ прежде. Но на этотъ разъ Монреаль, сидя на хорошей лошади, и возбужденный въ высшей степени стыдомъ и гордостью, чувствовалъ себя въ состояніи противостоять цѣлой арміи, и встрѣтилъ молодого противника такимъ сильнымъ отпоромъ, что, между тѣмъ, какъ даже перо на его щемѣ едва пошевелилось, итальянецъ былъ сбитъ съ лошади на много шаговъ и, лихась чувствъ, опомнился только чрезъ нѣсколько моментовъ, когда его налччникъ былъ снятъ оруженосцами. Это происшествіе возвратило Монреалу всю его природную веселость и ободрило его свиту, которая чувствовала себя очень униженною предыдущею схваткою.

Монреаль самъ помогъ Аннибальду встать съ большою вѣжливостію и разсыпаясь въ комплиментахъ, на которые гордый римлянинъ отвѣчалъ угрюмымъ молчаніемъ. Затѣмъ провансалецъ пошелъ къ павильону и громко приказалъ приготовить пиръ. Однако же Аннибальди остался назади и Адріанъ, который понялъ его мысли и видѣлъ, что за кубками очень можетъ произойти ссора между его другомъ и провансальцемъ, сказалъ, отводя его въ сторону:

— Мы ѣ кажемся, милый Аннибальди, было бы лучше, еслибы вы съ главною частью нашей свиты ѣхали къ Фонди, гдѣ я догоню васъ при закатѣ солнца. Моихъ оруженосцевъ и десяти копѣйщиковъ здѣсь достаточно для моего копья; и, сказать правду, я хочу сказать нѣсколько словъ наединѣ съ нашимъ страннымъ хозяиномъ. Я надѣюсь мирнымъ образомъ убѣдить его выйти отсюда—безъ помощи римскихъ войскъ, для храбрости которыхъ довольно работы въ другихъ мѣстахъ.

Аннибальди пожалъ руку своего товарища.

— Я понимаю тебя, сказалъ онъ, слегка покраснѣвъ, въ самомъ дѣлѣ я же вынесу торжествующей снисходительности этого варвара. Принимаю твое предложеніе.

III.

Разговоръ между римляниномъ и провансальцомъ.—Исторія Аделины.—Море при лунномъ свѣтѣ.—Лютня и пѣсня.

Проводивъ Аннибальди съ большею частью своей свиты и освободясь отъ тяжелой брони, Адріанъ вошелъ одинъ въ палатку кавалера св. Іоанна. Монреаль снялъ уже всѣ свои доспѣхи кромѣ нагрудника и привѣтствовалъ гостя съ привлекательною и непринужденной граціей, которая болѣе соотвѣтствовала его происхожденію, чѣмъ ремеслу. Онъ выслушалъ извиненія Адріана насчетъ отсутствія Аннибальди и другихъ рыцарей его свиты съ улыбкою, которая, повидимому, доказывала, какъ легко онъ угадалъ настоящую причину ихъ отъѣзда, — и повелъ его въ другое особое отдѣленіе палатки, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ, очень кстати послѣ тѣ-

лесныхъ упражненій хозяина и гостя. Здѣсь Адріанъ въ первый разъ увидѣлъ Аделину. Продолжительная привычка къ разнообразной и бродячей жизни ея любовника, вмѣстѣ съ нѣкоторою гордостью отъ сознанія своего, хотя и потеряннаго, ранга, придавали манерамъ этой прекрасной женщины непринужденность и свободу.

Молодой Колонна былъ сильно пораженъ ея красотой, и еще болѣе ея нѣжной граціею, обличавшею высокое происхожденіе. Какъ и Монреаль, она казалась моложе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ: время, повидимому, щадило цвѣтущую свѣжесть, которой бы опытный глазъ предсказалъ раннюю могилу. Было что-то почти дѣтское въ легкости ея стана, въ роскоши ея изобильныхъ заплетенныхъ каштановыхъ волосъ, и въ румянцѣ, который то вспыхивалъ, то потухалъ на ея щекахъ, не только при всякомъ движеніи, но почти при каждомъ словѣ. Контрастъ между ею и Монреалемъ шелъ къ обонятъ: это былъ контрастъ преданнаго упованія и покровительствующей силы, каждый казался лучше въ присутствіи другаго; и сидя у стола, хорошо снабженнаго яствами, Адріанъ думалъ, что онъ никогда еще не видалъ четы, болѣе ихъ созданной для поэтическихъ легендъ трубадуровъ ихъ родины.

Монреаль весело разговаривалъ о тысячѣ предметовъ, наливалъ вина и выбиралъ для своихъ гостей самые лучшіе куски вкуснейшей *spicola*, подпавшей въ сосѣднемъ морѣ, и жирнаго мяса кабана съ понтийскихъ болотъ.

— Скажите мнѣ, обратился Монреаль къ Адріану послѣ того, какъ ихъ аппетитъ былъ утоленъ, скажите мнѣ, благородный Адріанъ, какъ поживаетъ нашъ родственникъ, сеньоръ Стефанъ? Бодрый старикъ для своихъ лѣтъ.

— Онъ крѣпокъ какъ самый младшій изъ насъ, отвѣчалъ Адріанъ.

— Последнія событія должны были нѣсколько потрясти его, сказалъ Монреаль съ лукавою улыбкою. А, вы серьезно, однакоже, одобряете мою прозорливость; я первый пророчилъ вашему родственнику возвышеніе Колы ди-Ріензи; онъ, повидимому, великій человекъ и ни въ чемъ его величіе не обнаруживается болѣе, какъ въ примиреніи Колонновъ и Орсини съ новымъ порядкомъ вещей.

— Трибунъ, отвѣчалъ Адріанъ уклончиво, конечно человекъ необыкновеннаго ума. Видя его теперь повелѣвающимъ, я двяюсь только одному: какъ могъ онъ когда нибудь повиноваться: величіе, кажется, составляетъ существенную часть его натуры.

— Люди, достигающіе власти, легко облекаются въ ея внѣшнее достоинство, отвѣчалъ Монреаль; и если слухи справедливы (чокнемся за здоровье вашей дамы), то трибунъ, хотя самъ и неблагогоднаго происхожденія, скоро вступитъ въ благородныя родственныя связи.

— Онъ женатъ уже на Разелли, старинная римская фамилія, отвѣчалъ Адріанъ.

— О, вы хорошо отвѣчали на мой тостъ, сказалъ, смѣясь Монреаль; теперь извольте отвѣчать на другой—за прекрасную Ирену,

требую трибуна, впрочемъ только тогда, когда эти два лица не одно и то же. Вы улыбаетесь и качаете головой.

— Я не скрываю отъ васъ, господинъ рыцарь, возразилъ Адрианъ, что по окончаніи моего настоящаго посольства, я надѣюсь, будетъ заключенъ тѣсный союзъ между трибуномъ и Колонною къ взаимной пользѣ обоихъ.

— Значитъ, слухи вѣрны, сказалъ Монреаль важнымъ и задумчивымъ тономъ. Власть Ріензи въ самомъ дѣлѣ должна быть велика.

— Доказательствомъ этому служитъ мое настоящее посольство. Извѣстно ли вамъ, синьоръ де-Монреаль, что Людовикъ, король Венгріи...

— Что, что такое?

— Передалъ рѣшеніе ссоры между нимъ и Іоанною неаполитанскою, за смерть ея супруга, а его брата, на усмотрѣніе трибуна. Во времени смерти Константина, кажется, въ первый разъ римлянинъ оказывается такое великое довѣріе и дается такое высокое поученіе!

— Клянусь всѣми святыми, вскричалъ Монреаль, крестясь, эти новости истинно изумительны. Свирѣпый Людовикъ венгерскій отказывается отъ правъ меча и выбираетъ другаго посредника кромѣ для битвы!

— И это обстоятельство, продолжалъ Адрианъ значительнымъ тономъ, заставило меня принять ваше вѣжливое приглашеніе. Я знаю, храбрый Монреаль, что вы имѣете сношенія съ Людовикомъ. Людовикъ далъ трибуну наилучшій залогъ дружбы и союза; разумно ли вы сдѣлаете, если...

— Буду вести войну съ союзникомъ Венгріи? прервалъ Монреаль. Это вы хотѣли сказать; эта самая мысль мелькнула и у меня въ головѣ. Синьоръ, извините меня, но итальянцы иногда изобрѣтаютъ то, чего желаютъ. Честью рыцаря имперіи—эти извѣстія истинная правда?

— Клянусь моею честью и крестомъ, отвѣчалъ Адрианъ вставая; доказательствомъ этому служитъ то, что я теперь отправляюсь въ Неаполь установить съ королевою прелиминаріи назначеннаго ула.

— Двѣ коронованныя особы предъ трибуналомъ плебея, и одна изъ сторонъ защищается противъ обвиненія въ убійствѣ! пророботалъ Монреаль; эти новости очень могутъ меня изумить.

Нѣкоторое время онъ оставался въ задумчивости и безмолвіи, пока, поднявъ глаза вверхъ, не встрѣтилъ нѣжнаго взгляда Адельмы. Этотъ взглядъ былъ устремленъ на него съ тою заботливостію, въ какую она обыкновенно слѣдила за вѣншиимъ дѣйствіемъ плановъ и предпріятій, которыхъ она не желала по своей кротости знать и не могла раздѣлять по своей невинности.

— Дама моего сердца, сказалъ провансалецъ съ любовью, какъ ты думаешь: должны ли мы промѣнять нашъ гордый замокъ и эту живоую, лѣсистую страну на скучныя стѣны города? Я боюсь, прибавилъ онъ, обращаясь къ Адриану, она имѣетъ такіа странныя склон-

ности, почти ненавидитъ веселую толкотню улицъ и никакой дворецъ ей не нравится такъ, какъ уединенный пріютъ изгнанника. Одваложе мнѣ кажется, она могла бы затмить своею красотою вѣтъ итальянокъ, конечно за исключеніемъ твоей милой, синьоръ Адрианъ!

— Это исключеніе осмѣлится сдѣлать только любовникъ и прітомъ обрученный любовникъ, возразилъ вѣжливо Адрианъ.

— Нѣтъ, сказала Аделина, голосомъ необыкновенно пріятнымъ и чистымъ, нѣтъ, я хорошо знаю, какую цѣну должно придавать лести Вальтера и вѣжливости синьоръ ди-Кастелло. Но вы, кавалеръ, ѣдете ко двору, который, если вѣрить слухамъ, гордится своею королевою, какъ настоящимъ чудомъ красоты.

— Уже нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ неаполитанскую королеву, отвѣчалъ Адрианъ; смотря на это ангельское лицо, я тогда не воображалъ услышать, что ее обвиняютъ въ самомъ черномъ убійствѣ, какое когда либо пятнало итальянскихъ государей.

Разговаривая такимъ образомъ, рыцари провели весь день, и изъ открытой палатки видѣли, какъ заходящее солнце обдавало море своимъ пурпуромъ. Аделина давно уже вышла изъ-за стола и они увидѣли ее сидящую съ своими служанками на берегу моря, между тѣмъ какъ звукъ ея лютни едва доходилъ до ихъ слуха. Замѣтивъ ее, Монреаль пересталъ говорить и, вздохнувъ, прикрылъ лицо рукою. Оба рыцаря забыли всю свою мелочную злость и досаду, которая началась у нихъ другъ противъ друга въ Римѣ. Оба они были проникнуты воинственнымъ духомъ того вѣка и ихъ угренинн борьба внушила имъ тотъ страшный родъ уваженія, и даже сердечности, который храбрый человѣкъ чувствуетъ и теперь (а еще несравненно болѣе чувствовалъ въ тѣ времена), къ другому, чью храбрость онъ испыталъ, защищая свою собственную. Это было подобно открытію однимъ человѣкомъ въ другомъ родственнаго чувства, которое до сихъ поръ оставалось тайною, открытіе, которое въ лагерной жизни часто рождаетъ внезапную и продолжительную дружбу въ самомъ нѣдрѣ вражды.

Вздохъ и перемѣна въ Монреаль не ускользнули отъ Адриана и онъ естественно предполагалъ, что они имѣютъ связь съ чѣмъ либо касающимся той, которой музыка была очевидно ихъ причиною.

— Эта милая дама, сказалъ онъ тихо, играетъ на лютнѣ изящно и очаровательно, жалобная арія звучитъ какъ пѣсни провансальскихъ менестрелей.

— Этой аріи научилъ ее я, отвѣчалъ Монреаль грустно, слова въ ней, плохи, но я былъ въ первый разъ старался плѣнить сердце, которому бы никогда не слѣдовало отдаваться мнѣ. Ахъ, молодой человѣкъ, много ночей моя лодка при свѣтѣ звѣзд приставала къ берегу на Сорджіа, которая омываетъ замокъ ея гордаго отца. Мой голосъ пробуждалъ тишину волнующейся осокви звуками датской серенады. Пріятныя воспоминанія, горькій плодъ!

— Почему горькій? вы любите другъ друга.

— Но я обреченъ на безбрачіе, и Аделина де Курваль—любовница, тогда какъ ей бы слѣдовало быть замужней. Мнѣ кажется, я беспокоюсь этою мыслью еще болѣе, чѣмъ она,—дорогая Аделина!

— Ваша дама, какъ все показываетъ, благороднаго происхожденія?

— Да, отвѣчалъ Монреаль съ глубокимъ и неподдѣльнымъ чувствомъ, которое, за исключеніемъ любви, рѣдко проникало въ его крѣпкую грудь, если только проникало. Да! наша исторія коротка. Мы любили другъ друга еще дѣтьми; ея фамилія была богаче моей: насъ разлучили. Меня увѣдомили, что она оставила меня. Я, въ отчаяніи принялъ крестъ св. Іоанна. Случай опять свелъ насъ. Я узналъ, что она неизмѣнно любитъ меня. Бѣдное дитя!—она все еще была ребенокъ! А я, былъ вѣтренъ, безпеченъ и не лишень, можетъ быть, искусства ухаживать и обольщать. Она не могла противиться моимъ исканіямъ или своей любви. Мы бѣжали. Въ этихъ словахъ вы видите нить моей послѣдующей исторіи. Мечъ мой и Аделина составляли все мое богатство. Общество косилось на насъ, церковь грозила моей душѣ, великій магистръ—грозилъ моей жизни. Я сдѣлался искателемъ приключеній. Судьба и рука мнѣ благопріятствовали. Я заставилъ тѣхъ, которые меня презирали, дрожать при моемъ имени. Это имя еще будетъ сіять звѣздой или метеоромъ предъ смущенными народами, и я еще могу силою вырвать у первосвященника разрѣшеніе, котораго не могъ добиться мольбами. Въ одинъ и тотъ же день я могу предложить Аделинѣ и діадему и кольцо. Довольно объ этомъ; — замѣтили вы глаза Аделины? не правда ли какъ они пѣжны? мнѣ не нравится этотъ перемѣнчивый румянецъ,—и она двигается съ такою усталостію, она, у которой была такая рѣзвая походка!

— Перемѣна мѣста и легкій южный воздухъ скоро возстановятъ ея здоровье, — сказалъ Адрианъ, а въ вашей уединенной жизни она такъ мало находится въ обществѣ другихъ, особенно женщинъ, что, я думаю, она рѣдко сознавала тягость своего положенія. Пригожъ любовь женщины, Монреаль, какъ извѣстно намъ обоимъ, есть плащъ, который защищаетъ ее отъ множества бурь!

— Ваши слова добры, — возразилъ рыцарь, но вы не знаете всей причины горя. Отецъ Аделины, гордый вельможа, умеръ, говорятъ, отъ горя, — но старики умираютъ и отъ многихъ другихъ болѣзней! Мать, гордившаяся своимъ происхожденіемъ отъ владѣтельныхъ особъ, приняла это дѣло гораздо строже, чѣмъ отецъ; она требовала мщенія. Это странно, потому что она религіозна какъ ломжинянецъ, а мщеніе — не христіанское чувство въ женщинѣ, хотя оно — рыцарская добродѣтель въ мужчинѣ. У насъ былъ мальчикъ, наше единственное дитя, утѣшеніе Аделины въ мое отсутствіе. Онъ стоялъ для нея цѣлаго міра! она любила его такъ, что я бы ревновалъ, еслибы у него не было ея глазъ и еслибы онъ не былъ похожъ на нее, когда спалъ! Онъ росъ среди нашей легкой жизни крѣпкій и красивый; изъ этого молодого шалуна вышелъ бы храбрый рыцарь! Но злополучныя звѣзды повели меня

въ Миланъ, гдѣ я имѣлъ дѣло съ Висconti. Въ одно прекрасное юньское утро мальчикъ былъ украденъ.

— Украденъ! — какъ? кѣмъ?

— На первый изъ этихъ вопросовъ отвѣчать легко, — мальчикъ съ своею нянькой былъ на дворѣ, лѣнивая дѣвка оставила его, какъ она увѣрять, только на минуту или на двѣ, чтобы привести ему какую-то дѣтскую игрушку. Когда она вернулась, онъ исчезъ; слѣдовъ никакихъ, исключая хорошенькой шапочки съ перомъ! Вѣдная Аделина! Много разъ я видалъ, какъ она цѣловала эту шапочку, до тѣхъ поръ пока она вся не была омочена слезами!

— Странное приключеніе, право. Но какой интересъ могъ...

— Я вамъ скажу — прервалъ Монреаль — единственную догадку, какую я могъ составить. Мать Аделины, узнавъ что у насъ есть сынъ, прислала Аделинѣ письмо, которое чуть не растерзало ее сердца, упрекая ее за любовь ко мнѣ, какъ будто бы это ее дѣлало презрѣннѣйшею женщиною въ мірѣ. Мать обязывала ее имѣть состраданіе къ ребенку и не воспитывать его для жизни разбойника, — такъ ей угодно было называть смѣлое поприще Вальтера де-Монреаля. Она предлагала воспитать ребенка въ своемъ скучномъ замкѣ, вѣроятно думая сдѣлать его монахомъ. Она сильно разсердилась, когда мать не захотѣла разстаться съ своимъ сокровищемъ. Я думалъ, что, вѣроятно, она украла нашего ребенка частію изъ мщенія, частію изъ глупаго состраданія къ нему, частію, можетъ быть, изъ какого нибудь благочестиваго фанатизма. Распрашивая, я узналъ отъ няньки, — (которая еслибъ не была одного пола съ Аделиною, то не избавилась бы отъ моего кинжала), — что во время ихъ прогулокъ женщина преклонныхъ лѣтъ, повидимому низкаго званія (это могло быть переодѣванье!) часто останавливалась, ласкала ребенка и удивлялась ему. Я немедленно поѣхалъ во Францію, отправился въ замокъ де-Курваль, — онъ перешелъ къ ближайшему наслѣднику, а старая вдова уѣхала, куда — никто не зналъ, но догадывались что въ какой нибудь отдаленный монастырь, для произнесенія монашескаго обѣта.

— И вы съ тѣхъ поръ никогда ее уже не видали?

— Видѣлъ въ Римѣ, — отвѣчалъ Монреаль, блѣднѣя. Въ послѣднее время моего пребыванія тамъ, я неожиданно встрѣтился съ нею и наконецъ узналъ судьбу моего мальчика и справедливость моей догадки. Она призналась въ похищеніи — а мой ребенокъ умеръ! Я не рѣшился говорить объ этомъ Аделинѣ; мнѣ такая вѣсть представляется чѣмъ, то похожимъ на выдергиваніе стрѣлы изъ раны: она умерла бы, вдругъ лишась томящей невѣстности. У ней еще есть надежда, которая утѣшаетъ ее; хотя сердце мое обливается кровью, когда я подумаю, что эта надежда потеряна. Пусть это пройдетъ, синьоръ Адрианъ.

И Монреаль вскочилъ на ноги, какъ будто стараясь посредствомъ напряженнаго усилія, сбросить слабость, овладѣвшую имъ при разсказѣ.

— Не думайте больше объ этомъ. Жизнь коротка, въ ней много

терпѣй — не будемъ пренебрегать никакимъ изъ ея цвѣтовъ. Это и благочестіе и мудрость. Природа, предназначавшая меня къ борьбѣ и трудамъ, къ счастью дала мнѣ сангвиническій нравъ и эластическую душу француза, и я жилъ довольно долго для того, чтобы не считать зломъ смерть въ молодыхъ лѣтахъ. Пойдемте, сеньоръ Адріанъ, къ Аделинѣ, пока вы не уѣхали, если только вы должны ѣхать. Скоро встанетъ мѣсяцъ и отсюда не далеко до Фонди. Я не поклонникъ вашего Петрарки, но вы вѣжливіе меня: вы хвалите наши провансальскія баллады и должны послушать, какъ Аделина поетъ ихъ, чтобы цѣнить ихъ еще больше. Племя трубадуровъ умерло, но поэзія менестрѣлей пережила своихъ творцовъ!

Адріанъ, не знавшій чѣмъ утѣшить печаль своего собесѣдника, былъ нѣсколько облегченъ перемѣною въ расположеніи его духа, хотя его важная и чувствительная натура была нѣсколько изумлена внезапностью этой перемѣны. Но, какъ мы уже видѣли прежде, душа Монреаля (что, можетъ быть, составляло ея привлекательность) была измѣнчива. Самый веселый солнечный свѣтъ и жесточайшая буря въ ней быстро смѣняли другъ друга; и стихія необыкновеннаго могущества и величія, которыя при надлежащемъ направленіи и сосредоточенности сдѣлали бы его благословеніемъ и славою своего времени, были направляемы лѣтскимъ легкомысліемъ. Они подымались войною и бурей, или же переходили въ покой и кротость со всею внезапностью случая, и измѣнчивостью каприза.

По мѣрѣ того, какъ два собесѣдника шли все далѣе по берегу, музыка становилась все явственнѣе, и они невольно начали ступать осторожнѣе по густому и душистому дерну, услышавъ голосъ Аделины, хотя не сильный, но удивительно нѣжный и чистый, напѣвающий грустную пѣсню.

— Аделина, — моя нѣжная ночная птичка, — сказалъ Монреаль полупопотомъ, и тихо подойдя къ ней, припалъ къ ея ногамъ. — Твоя пѣсня слишкомъ грустна для этого золотого вечера.

— Никакой звукъ не доходитъ до сердца, если онъ не приправленъ грустью. Истинное чувство, Монреаль—близнецъ меланхоліи, хотя не увынію, проговорилъ Адріанъ.

Аделина взглянула кротко и одобрительно на лицо Адріана, ей понравилось выраженіе его фizioноміи, а еще болѣе понравились эти слова, истину которыхъ женщины могутъ признать скорѣе нежели мужчины. Адріанъ отвѣчалъ на ея взглядъ своимъ, исполненнымъ глубокой краснорѣчивой симпатіи и уваженія. Въ самомъ дѣлѣ краткій рассказъ Монреаля возбудилъ въ немъ глубокое сочувствіе къ ней; и никогда въ разговорахъ съ блистательною королевой, ко двору которой онъ былъ посланъ, онъ не обнаруживалъ такого рыцарскаго и искренняго уваженія, какое оказывалъ этой одинокой и злополучной женщинѣ на берегахъ Террачины, покрытыхъ вечернимъ сумракомъ.

Аделина слегка покраснѣла и вздохнула; послѣдовала пауза, между тѣмъ какъ Монреаль, не обратившій вниманія на послѣднее замѣчаніе Адріана, пробѣгалъ пальцами по струнамъ лютни.

— Мой милый сеньоръ, — сказалъ онъ, подавая Адриану лютю, — пусть Аделина будетъ судьей между нами, какая музыка — вапа или моя — слаще для нѣжныхъ объясненій.

— Ахъ, — сказалъ Адрианъ, смѣясь, я боюсь, господинъ рыцарь, что вы уже подкупили судью.

Глаза Монреаля и Аделины встрѣтились и въ этомъ взглядѣ Аделина забыла все свои печали.

Привычною и ловкою рукою Адрианъ пробѣжалъ по струнамъ; и запѣлъ, выбравъ пѣсню, которая была менѣе искусственна, чѣмъ большая часть бывшихъ у его соотечественниковъ въ модѣ.

— Теперь, сказалъ онъ кончивъ, лютия—вамъ. Я только преюдировалъ предъ вапимъ призомъ.

Провансалецъ засмѣялся и покачалъ головой.

— Еслибы у насъ былъ другой судья, сказалъ онъ, то я бы разбилъ свою лютю на моей собственной головѣ, за мою мысль спорить съ такимъ соперникомъ; но я не долженъ уклоняться отъ состязанія, которое самъ вызвалъ, хотя бы даже мнѣ приходилось быть побѣжденнымъ *дважды* въ одинъ день. Съ этими словами рыцарь св. Іоанна пропѣлъ «пѣсню трубадура» глубокимъ и чрезвычайно мелодическимъ голосомъ, которому недоставало только научной обработки для того, чтобы не побояться никакого совмѣщенія.

Такимъ образомъ они проводили время, то въ разговорахъ, то въ пѣніи, между тѣмъ какъ лѣсистые холмы бросали свои острые, длинные тѣни на море. Надъ моремъ, окрашеннымъ медленно потухающими отблесками розы и пурпура, которые остались сумеркамъ въ наслѣдство отъ давно зашедшаго солнца, и вдали по очарованному берегу летали свѣтящіяся мухи. Наконецъ изъ-за темныхъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, тихо выплылъ мѣсяцъ, озаряя веселую палатку и блестящій значекъ Монреаля, зеленый дернъ, и полированный кольчуги солдатъ, лежавшихъ на травѣ разнообразными группами.

Адрианъ неохотно вспомнилъ о своемъ путешествіи и всталъ, что-бы ѣхать.

— Боюсь, сказалъ онъ Аделинѣ, что я задержалъ васъ слишкомъ долго на ночномъ воздухѣ; но эгоизмъ мало разсуждаетъ.

— Нѣтъ, вы видите — мы предусмотрительны, возразила Аделина, указывая на плацъ Монреаля, въ который онъ давно уже закуталъ ее; — но если вы должны ѣхать, то прощайте и желаю вамъ успѣха!

— Надѣюсь, мы еще возвратимся, сказалъ Адрианъ.

Аделина тихонько вздохнула, и Колонна, взглянувъ на ея лицо при лунномъ свѣтѣ, къ которому оно было слегка обращено, былъ тѣлѣе пораженъ его почти прозрачною нѣжностью. Въ порывѣ состраданія, онъ, прежде чѣмъ сѣлъ на лошадь, отвелъ Монреаля въ сторону.

— Простите меня за дерзость, сказалъ онъ, но для человѣка столь благороднаго эта дикая жизнь — едва-ли приличное поприще. Я знаю, что въ наше время война освящаетъ всѣхъ дѣтей своихъ;

но конечно прочный рангъ при дворѣ императора или почетное приращеніе съ вашимъ рыцарскимъ братствомъ были бы лучше.

Татарскаго лагеря и разбойничьяго замка, прервалъ Монреаль съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Вы это хотѣли сказать?—Ошибаетесь. Общество отвергло меня, — пусть же оно пожинаетъ плоды того, что посеяло. Прочный рангъ, говорите вы? какая нибудь подчиненная должность, чтобы сражаться подъ насильствомъ другихъ! Вы не знаете меня: Вальтеръ де-Монреаль не созданъ для повиновенія. Боевать, когда хочу, и отдыхать, когда вздумается,—вотъ девизъ моего герба. Честолюбіе доставляетъ мнѣ награды, о которыхъ вы не подозреваете. Я изъ природы и поколѣнія тѣхъ, которыхъ мечи завоевали троны. — Ваши вѣсти о союзѣ Людовика Венгерскаго съ трибуномъ заставляютъ друга Людовика удалиться отъ всякой вражды съ Римомъ. Прежде чѣмъ пройдетъ недѣля, сова и летучая мышь могутъ искать убѣжища въ сѣрыхъ башняхъ моего замка.

— А ваша дама?

— Привыкла къ переменамъ.—Да поможетъ ей Богъ и смягчитъ жестокой вѣтеръ для агненка!

— Довольно, господинъ рыцарь: но еслибы вы желали дать вѣрное убѣжище для женщины такой нѣжной и знатной, то я обещаю безопасную кровлю и честный домъ синьорѣ Аделинѣ, вотъ вамъ правая рука рыцаря.

Монреаль прижалъ руку Адріана къ своему сердцу; потомъ, быстро отдернувъ свою, провелъ ею по глазамъ и пошелъ къ Аделинѣ въ молчаніи, которое показывало, что у него не доставало духу говорить. Черезъ нѣсколько минутъ Адріанъ и его свита уже ѣхали, но молодой Колонна все еще обращался назадъ, чтобы еще разъ взглянуть на своего страннаго амфітріона и на эту милую женщину, которыя стояли на травѣ, освѣщенной лунными лучами, между тѣмъ какъ въ ушахъ ихъ раздавался печальный ропотъ моря.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого времени имя Фра Морсало наполнило ужасомъ и отчаяніемъ прекрасную Кампанью. Онъ—правая рука венгерскаго короля при его вторженіи въ Неаполь—былъ въ послѣдствіи назначенъ намѣстникомъ Людовика въ Аверсѣ. Слава и судьба, казалось, торжественно вели его на честолюбивомъ поприщѣ, которое онъ избралъ, чѣмъ бы оно ни окончилось — трономъ или шавотомъ.

КНИГА IV.

ТРИУМФЪ И ПЫШНОСТЬ.

«Allora fama e paura di si buono reggimento, passa
in ogni terra—Vit. di Cola di Rienzi lib. 1, cap. 21.

I.

Мальчикъ Анджело. — Сонъ Нины исполнился.

Нить моей исторіи переноситъ насъ опять въ Римъ. Въ маленькой комнатѣ, въ развалившемся домикѣ, у подошвы горы Авентина, вечеромъ сидѣлъ мальчикъ съ женщиной, высокой и статной, но нѣсколько согнутой болѣзнью и годами. Мальчикъ имѣлъ пріятную и красивую фizioномію, и его смѣлая, откровенная манера дѣлала его на видъ старше, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Старуха, сидѣвшая въ углубленіи окна, повидимому была занята библіею, которая лежала открытая у ней на колѣняхъ; но попеременно она поднимала глаза и смотрѣла на мальчика, съ грустнымъ и безпокойнымъ выраженіемъ.

— Синьора, сказалъ мальчикъ, который былъ занятъ вырѣзкою меча изъ дерева, — я бы хотѣлъ, чтобы вы посмотрѣли сегодня на зрѣлище. Теперь каждый день бываютъ зрѣлища въ Римѣ. Довольно уже и того, чтобы посмотрѣть на самого трибуна, на бѣлой лошади (ахъ, какъ она красива!) въ бѣлой одеждѣ, усыянной драгоценными камнями. Но сегодня, какъ я ужъ вамъ говорилъ, синьора Нина обратила на меня вниманіе, когда я стоялъ на лѣстницѣ капитолія; вы знаете, на мнѣ былъ голубой бархатный камзолъ.

— И она назвала тебя хорошенькимъ мальчикомъ, и спросила не хочешь ли ты быть ея пажемъ, и это вскружило тебѣ голову, глупый мальчишка?

— Слова ничего не значатъ: еслибы вы видѣли синьору Нину, вы бы признались, что улыбка ея могла бы вскружить самую благоразумную голову въ Италіи. Ахъ, какъ бы я хотѣлъ служить трибуну! Всѣ мальчики моихъ лѣтъ отъ него безъ ума; какъ они выпучатъ глаза и будутъ мнѣ завидовать въ школѣ на другой день! Вы также знаете, что, хотя я не все время былъ воспитанъ въ Римѣ, я Римлянинъ. Каждый римлянинъ любитъ Ріензи.

— Да, теперь. Крикъ скоро переѣмнится. Твое легкомысліе, Анджело, печалитъ мое сердце, я бы хотѣла, чтобы ты былъ не такъ пустъ и гордъ.

— Незаконнорожденные должны сами приобрѣсти себѣ имя, сказалъ мальчикъ сильно покраснѣвъ, — меня попрекаютъ въ лицо за то, что я не могу сказать, кто были мой отецъ и мать.

— Они худо дѣлаютъ, отвѣчала поспѣшно старуха, ты происхо-

ишь отъ благородной крови и длиннаго ряда предковъ, хотя, какъ и часто тебѣ говорила, — я не знаю въ точности именъ твоихъ родственниковъ? Но что ты дѣлаешь изъ этой дубовой палки?

— Мечъ, чтобы помогать трибуну противъ разбойниковъ.

— Увы, я боюсь, что онъ, подобно всѣмъ тѣмъ, которые ищутъ славы въ Италиі, скорѣе будетъ вербовать разбойниковъ, нежели нападать на нихъ.

— Да, вы всегда такъ. Вы живете въ такой заперти, что не знаете и не слышите ничего; иначе намъ было бы извѣстно, что даже самый свирѣпый изъ всѣхъ разбойниковъ, Фра-Мореале, уступилъ наконецъ трибуну и бѣжалъ изъ своего замка, какъ крыса изъ падающаго дома.

— Какъ, вскричала старуха, — что ты говоришь? Неужели этотъ плебей, котораго ты называешь трибуномъ, смѣло бросилъ вызовъ тому страшному воину? Неужели Монреаль оставилъ римскія владѣнія.

— Да, объ этомъ теперь говорятъ въ городѣ, но, кажется, Фра-Мореале для васъ такое же пугало, какъ и для каждой матери въ Римѣ. Не обидѣлъ ли онъ васъ, когда нибудь?

— Да, воскликнула старая женщина съ такою внезапною суровостью, что даже этотъ смѣлый мальчикъ вздрогнулъ.

— Ну, такъ мнѣ хотѣлось бы съ нимъ встрѣтиться, сказалъ онъ послѣ паузы, размахивая своимъ воображаемымъ оружіемъ.

— Избави тебя Богъ! Этого человѣка ты всегда долженъ избѣгать въ войнѣ и въ мирѣ. Повтори, что этотъ добрый трибунъ не воюетъ съ разбойниками.

— Повторить! весь Римъ это знаетъ.

— Притомъ онъ благочестивъ, я слышала. Говорятъ, что онъ ищетъ видѣнія, и подкрѣпляется свыше, сказала женщина про себя. Потомъ, обратясь къ Анджело, она продолжала: — тебѣ очень хотѣлось бы принять предложеніе синьоры Нины?

— Да, хотѣлось бы, еслибы вы меня отдали.

— Дитя, отвѣчала старуха торжественно, моя жизнь почти кончилась, и мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы тебя пристроить у людей, которые тебя будутъ кормить въ молодости и спасутъ тебя отъ безпутной жизни. Сдѣлавъ это, я могу исполнить мой обѣтъ и освятить печальный остатокъ моихъ лѣтъ Богу. Я подумаю объ этомъ, дитя мое, ты долженъ бы жить не у этого плебей, и питаться не чужимъ хлѣбомъ. Но въ Римѣ послѣдній изъ моихъ родственниковъ, достойный довѣрія, умеръ, а въ случаѣ крайности безчестная честность лучше, нежели пышное преступленіе. Твой характеръ меня уже беспокоитъ; отойди, дитя, я должна идти въ мою комнату бодрствовать и молиться.

Съ этими словами старуха, отстраняя лѣνουщаго къ ней мальчика, остановивъ потокъ его несвязныхъ словъ, въ которыхъ выражались и ласки и вмѣстѣ своенравіе, — вышла изъ комнаты.

Мальчикъ разсѣянно смотрѣлъ на запирающуюся дверь, и сказалъ про себя. — Синьора всегда говоритъ загадками. Я подозреваю, что

она больше знаетъ обо мнѣ, чѣмъ говоритъ, и что она какъ шбудъ мнѣ сродни. Впрочемъ нѣтъ, потому что я не слишкомъ-то ее люблю, да и не буду любить больше изъ-за этого. Я хотѣлъ-бы, чтобы она меня отдала женѣ трибуна, и тогда посмотримъ, кто изъ мальчиковъ назоветъ Анджело Виллани незаконнорожденнымъ.

Съ этими словами мальчикъ съ удвоеннымъ прилежаніемъ началъ опять работать надъ своимъ мечемъ.

Въ самомъ дѣлѣ холодное обращеніе этой женщины, его единственной няньки и собесѣдницы, замѣняющей для него родныхъ, отталкивало его привязанность, не покоряя нрава; и, хотя отъ природы незлыхъ наклонностей, Анджело Виллани былъ уже дерзокъ, хитеръ и мстителенъ. Но, съ другой стороны, онъ не былъ лишень живой воспримчивости къ ласкѣ, столько же какъ и къ обидѣ, а также природной смысленности и безстрашія. Воспитанный скорѣе въ спокойномъ довольствіи, чѣмъ въ роскоши, живя долгое время съ своею покровительницею, которую онъ зналъ только подъ именемъ Урсулы, онъ имѣлъ однако же граціозную наружность и видъ мальчика благороднаго происхожденія. И можетъ быть не лице, отличавшееся болѣе умомъ, нежели красотою, а его манеры привлекали вниманіе молодой жены трибуна. Его воспитывали такъ, какъ тѣхъ, кого готовятъ къ ученому поприщу. Онъ умѣлъ не только читать и писать, но зналъ начальныя основанія латинскаго языка. Однако-же онъ не любилъ этихъ занятій и вполовину столько, сколько любилъ игры своихъ сверстниковъ, зрѣлища и толкотню на улицахъ, при которыхъ онъ всегда присутствовалъ и изъ которыхъ вывертывался съ необыкновенною ловкостью цѣлъ и невредимъ.

На слѣдующее утро Урсула вошла въ комнату Анджело.

— Надѣнь опять свой голубой камзолъ, сказала она, я бы хотѣла, чтобы ты былъ какъ можно наряднѣе: ты пойдешь со мною во дворецъ.

— Какъ, сегодня? вскричалъ радостно мальчикъ, чуть не прыгнувъ съ постели. Неужели я въ самомъ дѣлѣ буду принадлежать къ свитѣ жены великаго трибуна?

— Да, и оставивъ старуху умереть въ одиночествѣ. Твоя радость тебѣ пристала, но неблагодарность у тебя въ крови. Неблагодарность! О, она испепелила мое сердце, а твоя неблагодарность, мальчикъ, не будетъ болѣе находить огня въ сухомъ, рассыпающемся пеплѣ.

— Милая синьора, вы всегда ворчите. Вы сказали, что хотите удалиться въ монастырь, и что я — слишкомъ тяжелое бремя для васъ. Но вы веселы, когда меня браните справедливо, или несправедливо.

— Мое дѣло кончено, сказала Урсула съ глубокимъ вздохомъ.

Мальчикъ не отвѣчалъ, и старуха медленно удалилась, можетъ быть съ отягченнымъ сердцемъ. Когда мальчикъ, одѣвшись, пришелъ къ ней, онъ замѣтилъ то, чего прежде въ своей радости не видалъ: именно, что Урсула была одѣта не въ обыкновенную свою простую

одежду. Золотая цѣпь, которую рѣдко носили женщины неблаго-роднаго званія, блистала на ея платьѣ изъ венеціанскаго штофа; пряжки, которыми былъ застегнутъ ея спенсеръ у горла и въ талии, были украшены дорогими камнями немалой цѣны.

Глаза Анджело были поражены этой перемѣной; но онъ почувствовалъ болѣе разумную гордость, замѣтивъ, что эта перемѣна шла къ старухѣ. Видъ ея и осанка показывали, что этотъ нарядъ былъ ей привыченъ, и казались болѣе обыкновеннаго строгими и величавыми.

Она пригласила кудри мальчика и надѣла ему короткій плащъ на плечо, потомъ привѣсила къ его поясу кинжалъ съ богато-обдѣланною ручкою и кошелекъ, набитый флоринами.

— Учись пользоваться тѣмъ и другимъ разсудительно, сказала она; буду ли я жива или умру, ты не будешь имѣть нужды прибѣгать къ кинжалу, чтобы добыть себѣ деньги.

— Такъ это, вскричалъ Анжело въ восхищеніи, настоящій кинжалъ, чтобы сражаться съ разбойниками! Съ нимъ я не буду бояться Фра-Мореале, который такъ тебя обидѣлъ. Я увѣренъ, что могу отмстить за тебя, хотя ты такъ меня бранишь за неблаго-дарность.

— Я уже отмщена. Не питай этихъ мыслей, сынъ мой, онѣ грѣшны, по крайней мѣрѣ, я боюсь, что такъ. Поди къ столу и закусы. Мы пойдемъ рано, какъ просители.

Анджело скоро кончилъ завтракъ и, выйдя съ Урсулою къ воротамъ, увидѣлъ, къ своему удивленію, четырехъ изъ тѣхъ служеб-лей, которые обыкновенно сопровождали знатныхъ особъ, и кото-рыхъ можно было нанять въ каждомъ городѣ для пышной обста-новки.

— Какъ мы важны сегодня, сказалъ онъ, хлопнувъ въ ладоши съ жаромъ, за который Урсула не преминула пожурить его.

— Это не изъ пустаго блеска, сказала она, безъ котораго на-стоящее благородство можетъ обойтись, а для того, чтобы получить скорѣе доступъ во дворецъ. До этихъ выскочекъ трудно добраться слишкомъ скромнымъ людямъ.

— На этотъ разъ вы ошибаетесь, сказалъ мальчикъ, трибунъ принимаетъ всѣхъ, не различая бѣднаго отъ богатаго. Нѣтъ обор-ваннаго мужика или босоногаго монаха, который бы не имѣлъ къ нему скорѣйшаго доступа, нежели самый гордый изъ бароновъ. По-этому-то народъ его такъ любитъ. И одинъ день въ недѣлю онъ принимаетъ вдовъ и сиротъ, а вы знаете — я сирота.

Урсула, занятая собственными своими мыслями, не отвѣчала и едва слышала мальчика. Опираясь на его плечо, она медленно по-шла къ дворцу капитолія. Слуги шли впереди для очищенія до-роги.

Наблюдательный глазъ съ удивленіемъ замѣтилъ бы перемѣну, происшедшую въ римскихъ улицахъ въ теченіи какихъ-нибудь двухъ или трехъ мѣсяцевъ строгаго, но спасительнаго и благора-зумнаго правленія трибуна. Тамъ не видно было уже долговязыхъ,

покрытыхъ кольчугами чужеземныхъ наемниковъ, которые прежде расхаживали по улицамъ, или собирались наглыми, праздными группами предъ укрѣпленными входами какого-нибудь мрачнаго дворца. Лавки, которыя во многихъ кварталахъ были заперты уже нѣсколько лѣтъ, теперь вновь были открыты, привлекая глаза товарамъ и кипя торговлею. Проходы, гдѣ прежде царствовало мертвое молчаніе, гдѣ изрѣдка встрѣчался какой-нибудь одинокій и испуганный прохожій, который шелъ быстрыми шагами, боязливо оглядываясь на каждый уголъ, или же гдѣ раздавался ревъ нищенствующей черни и крики открытыхъ раздоровъ между свирѣпыми нобилями, теперь представляли видъ правильныхъ, здоровыхъ и смѣшанныхъ потоковъ цивилизованной жизни. Нагруженные товарами повозки и телѣги, которыя безопасно проѣзжали возлѣ обезоруженныхъ укрѣпленій разбойниковъ Кампаньи, весело скрипѣли по дорогамъ. По словамъ итальянскихъ историковъ: «никогда, можетъ быть, энергія и дѣятельность одного ума не была ощутительна болѣе, чѣмъ во внезапномъ преобразованіи Рима трибуномъ Ріензи. Вертепъ разбойниковъ получилъ устройство лагеря или монастыря. Въ это время лѣса возрадовались тому, что они освободились отъ разбойниковъ; волю начали пахать землю, пилигримы стали посѣщать святилища; дороги и гостиницы наполнялись путешественниками, дѣятельная торговля и добросовѣстность вновь появились на рынкахъ; и кошелькъ съ золотомъ могъ безопасно лежать на большой дорогѣ».

Однако-же, не смотря на всѣ эти внѣшніе признаки комфорта и безопасности, въ толпѣ можно было замѣтить нѣсколько мрачныхъ и недовольныхъ фizioномій, и всякій разъ, когда кто-либо изъ служителей Колонновъ или Орскини получалъ толчки отъ толпы, его рука невольно бралась за рукоятку меча и полуподавленное проклятіе оканчивалось негодующимъ вздохомъ. Въ контрастъ съ подновленными, разукрашенными и парадными лавками, тамъ и сямъ, у воротъ какого-нибудь гордаго зданія, лежали кучи мусору, свидѣтельствовавшія о срытіи укрѣпленій, на которое владѣлецъ безсильно злобился, считая его святотатствомъ. По такимъ улицамъ и среди такихъ людей шла наша компанія, пока не очутилась среди смѣшанной толпы, собравшейся предъ входомъ въ капитолій. Однакоже, стоявшіе тамъ офицеры сохраняли такой хорошій порядокъ, что Урсула и Анджеоло не были на-долго задержаны. Вступивъ на обширную площадь или на дворъ этого знаменитаго зданія, они увидѣли отворенныя двери большой судебной палаты, охраняемая только однимъ часовымъ. Въ этой залѣ трибунъ держалъ засѣданіе по шести часовъ ежедневно: «терпѣливый въ выслушиваніи просьбы, скорый на удовлетвореніе, неумолимый въ наказаніи, судъ его былъ всегда доступенъ для бѣдныхъ и чужихъ»*.

Но не къ этой залѣ наша компанія направила свой путь, а ко входу въ особыя комнаты дворца. Здѣсь пышность, блескъ и болѣе чѣмъ царское великолѣпіе жилища трибуна составляли сильный

* Гиббонъ.

контрастъ съ патриархальною простотою, которою отличалась его судебная палата.

Даже Урсула, которая въ прежнія времена была знакома съ роскошью итальянскихъ и французскихъ дворцовъ, казалось, была изумлена при видѣ залы, наполненной служителями въ богатыхъ ливреяхъ, при видѣ мраморныхъ и позолоченныхъ колоннъ, увитыхъ цвѣтами и великолѣпныхъ знаменъ, украшенныхъ смѣшанными гербами республиканскаго города и первосвященническаго престола, и блиставшихъ кругомъ и вверхъ по стѣнамъ.

Не зная къ кому обратиться въ такой толпѣ, Урсула была выведена изъ затрудненія однимъ офицеромъ, одѣтымъ въ платье малиноваго цвѣта, вышитое золотомъ, который съ важною и формальною благопристойностію, царствовавшею во всей свитѣ, почтительно спросилъ кого она ищетъ. «Синьору Нину!» отвѣчала Урсула, выпрямляя свою статную фигуру, съ натуральнымъ, хотя нѣсколько обветшалымъ достоинствомъ. Въ акцентѣ ея былъ какой-то иностранный оттѣнокъ и потому офицеръ отвѣчалъ:

— Сегодня, сударыня, синьора принимаетъ, кажется, только римскихъ дамъ. Завтрашній же день назначенъ для всѣхъ знатныхъ иностранокъ.

Урсула, съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ возразила:

— У меня дѣло такого рода, что во дворцахъ оно во всякій день кстати. Я хочу положить къ ногамъ синьоры кое-какіе подарки, которые, надѣюсь, она удостоитъ принять.

— И скажите, прибавилъ мальчикъ, отрывисто, что Анджело Виллани, котораго синьора Нина почтила вчера своимъ вниманіемъ, не иностранецъ, а римлянинъ, и пришелъ, по приказанію синьоры, предложить ей свою вѣрную службу и преданность.

Важный офицеръ не могъ не улыбнуться этой заносчивой, но не лишеной граціи, смѣлости мальчика.

— Я припоминаю, отвѣчалъ онъ, что синьора Нина говорила съ вами возлѣ большой лѣстницы. Синьора, я исполню ваше порученіе. Не угодно-ли идти за мною въ комнату, болѣе приличную для вашего пола и званія.

Съ этими словами офицеръ повелъ ихъ чрезъ залу, къ широкой лѣстницѣ изъ бѣлаго мрамора, украшенной по срединѣ богатыми восточными коврами, которые тогда были обыкновенною роскошью итальянскихъ дворцовъ, между тѣмъ какъ тростниковыя рогожки покрывали полы въ комнатахъ англійскаго монарха. Отворивъ дверь на первый всходъ, онъ ввелъ Урсулу и ея юнаго питомца въ высокую переднюю комнату, обитую узорчатымъ бархатомъ, и вышелъ въ противоположную дверь, украшенную гербами, которые трибунъ постоянно примѣшивалъ къ своей великолѣпной обстановкѣ, настолько изъ любви къ торжественности, сколько изъ политическихъ вѣдѣвъ, желая соединить ключи первосвященника съ геральдическими знаками республики.

— Самъ Филиппъ Валуа не имѣетъ такого помѣщенія! прошепта-

ла Урсула. Если это продолжится, то я сдѣлала для моего питомца болѣе, чѣмъ думала сдѣлать.

Скоро офицеръ возвратился и повелъ ихъ чрезъ обширную комнату—пріемную залу дворца. Двадцать четыре колонны изъ восточнаго алебастра свидѣтельствовавшія о грабительствахъ послѣднихъ императоровъ и вырытыя изъ забытыхъ развалинъ для украшенія дворца возстановителя древней республики, поддерживали потолокъ полуготическій, полуклассическій по своей архитектурѣ, обложенный позолоченною и пурпурною мозаикою. Наборный полъ былъ покрытъ въ срединѣ золотою парчей, стѣны были обиты такими же великолѣпными обоями; карнизы были вновь выкрашены самыми яркими красками, съ мистическими и символическими изображеніями. Въ верхнемъ концѣ этой царственной комнаты двѣ ступени вели къ мѣсту, гдѣ стоялъ тронъ трибуна, надъ которымъ возвышался балдахинъ, украшенный все тѣми же гербами первосвященника и города.

Пройдя этотъ апартантъ, офицеръ отворилъ въ концѣ его дверь, которая вела въ небольшую комнату, наполненную пажимами въ богатой одеждѣ изъ голубаго бархата съ серебромъ. Немногіе изъ нихъ были старше Анджело; по своей красотѣ, они казались отборнымъ цвѣтомъ города.

Анджело имѣлъ мало времени смотрѣть на своихъ будущихъ товарищей: еще минута—и онъ вмѣстѣ съ своею покровительницею стоялъ предъ лицомъ молодой жены трибуна.

Комната была не велика, но доказывала, что прекрасная дочь Разелли осуществила свои грѣзы о пышности и блескѣ.

Эта комната превосходила всякое описаніе; она казалась кабинетомъ драгоценностей всего міра. Дневной свѣтъ, ослабленный высокими и углубленными окнами изъ матоваго стекла, бросалъ пурпурный мягкій отбѣнокъ на все, чѣмъ только гордилось тогдашнее искусство, или что царственная роскошь считала наибольшою драгоценностью. Серебряные канделябры флорентинской работы, ковры и матеріи востока, бранировка изъ венеціанскихъ и генуэзскихъ тканей; живопись, блиставшая золотомъ и голубыми и малиновыми красками, какихъ теперь уже не существуетъ, въ родѣ той, которою украшались иллюстрированные служебники; древнія мраморныя изваянія, напоминавшія о свѣтлыхъ дняхъ Аѳинъ; столы изъ вырытыхъ изъ земли древнихъ мозаикъ, свѣжія краски которыхъ сохранились какъ будто какими-то чарами; золотыя кадильницы, изъ которыхъ изливались аравійскія благовонія, не заглушая впрочемъ болѣе здороваго запаха цвѣтовъ, находившихся въ каждомъ углу, въ мраморныхъ и алебастровыхъ вазахъ; миньятюрный, подобный призраку, фонтанъ, который, казалось, билъ изъ лавровыхъ вѣтвей, и котораго алмазные и волшебные брызги проливали въ воздухъ едва ощутительную прохладу; всего этого невозможно разсказать въ подробности. Всѣ эти предметы, будучи собраны съ самымъ изящнымъ вкусомъ, соединяя древнія искусства съ новыми, изумляли и очаровывали чувства зрителя. Характеръ этой комна-

гы состоялъ не столько въ богатствѣ и роскоши, сколько въ какой-то великолѣпной, доходившей до высокаго изобрѣтательности воображенія, такъ, что она казалась скорѣе баснословнымъ убѣждающимъ чародѣйки, по слову которой геніи обыскали всю землю и все расположили принесенныя сокровища, нежели жилищемъ земной королевы, которое блистаетъ болѣе грубымъ великолѣпіемъ. За сложенными подушками, къ которымъ прислонилась Нина, стояли четыре дѣвушки, прекрасныя какъ нимфы. съ вѣрами изъ самыхъ рѣдкихъ перьевъ, а у ногъ ея сидѣла старшая изъ остальныхъ, лютня которой, хотя молчала теперь, означала однако-же ея должность.

Но еслибы комната сама по себѣ и показала нѣсколько черевъ-чуръ фантастическою и переполненною излишествомъ украшеній, то фигура и лицо Нины вдругъ сдѣлали бы все это приличнымъ; до такой степени казалась она духомъ этого мѣста; такъ удивительно ея красота, возвышенная счастливою любовью, удовлетвореннымъ тщеславіемъ, торжествующею надеждою, воплощала самыя свѣтлыя видѣнія, какія когда-либо рисовались въ умѣ Тасса, когда онъ олицетворялъ въ одномъ безсмертномъ образѣ могущество волшебницы съ прелестями женщины.

Нина пристала, увидавъ Урсулу, которой степенныя и печальныя черты невольно выразили удивленіе при видѣ столь рѣдкой и поразительной красоты. Но не будучи ослѣплена окружавшимъ ее блескомъ, старуха скоро оправилась и сѣла на подушкѣ, на которую указала ей Нина, между тѣмъ какъ молодой Анджело остался на ногахъ среди комнаты, прикованный къ мѣсту дѣтскимъ удивленіемъ. Нина узнала его и улыбнулась.

— А, мой милый мальчикъ? котораго быстрые глаза и смѣлый видъ такъ вчера мнѣ понравились! Ты пришелъ принять мое предложеніе. Не вамъ ли, сударыня, принадлежитъ этотъ прекрасный ребенокъ?

— Сынъора, отвѣчала Урсула, моя просьба здѣсь коротка. Сдѣланіемъ событій, разсказомъ о которыхъ нѣтъ надобности утомлять васъ, этотъ мальчикъ съ дѣтскихъ лѣтъ попалъ подъ мою опеку, тяжкая и безпокойная забота для женщины, мысли которой находятъ вѣдъ предѣловъ этой жизни. Я воспитывала его какъ молодого человѣка благородной крови, потому что въ обѣихъ линіяхъ онъ благороднаго происхожденія, хотя онъ сирота, не имѣющій ни отца ни матери.

— Вѣдное дитя! сказала Нина съ состраданіемъ.

Урсула продолжала:

— Теперь ужъ я стара и, желая единственно примириться съ небомъ, я нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отправилась сюда, съ цѣлью, помѣстить мальчика у одного моего родственника, но не застала его въ живыхъ, а его послѣдникъ оказался человѣкомъ сумасброднаго и безпутнаго нрава. Встревоженная и озабоченная, я осталась здѣсь, и когда вчера вечеромъ мальчикъ сказалъ мнѣ, что вамъ угодно было почтить его вашимъ вниманіемъ, то я сочла это голосомъ прови-

дѣнія. Подобно всѣмъ другимъ римлянамъ, онъ уже научился питать восторженное уваженіе къ трибуну и преданность къ его супругѣ. Въ самомъ ли дѣлѣ вы желаете принять его въ число своихъ слугъ? онъ не опозоритъ вашего покровительства ни своимъ происхожденіемъ, ни поведеніемъ, надѣюсь.

— Даже безъ такой почтенной рекомендаціи, какъ ваша, я приняла бы, лицо его порукою въ этомъ. Онъ римлянинъ? Если римлянинъ, то его имя должно быть мнѣ извѣстно.

— Извините, синьора, возразила Урсула: его зовутъ Анджело Вилани; онъ не носитъ имени ни отца, ни матери. Честь одного благороднаго дома требуетъ, чтобы его происхожденіе осталось навсегда неизвѣстнымъ. Онъ дитя любви, не освященной церковью.

— Въ такомъ случаѣ онъ еще болѣе требуетъ любви и сожалѣнія—жертва чужаго грѣха! отвѣчала Нина съ увлажненными глазами, замѣтивъ глубокую жаркую краску, покрывшую щеки мальчика. Съ управленіемъ трибуна начинается новая эра благородства, когда рангъ и рыцарство будетъ пріобрѣтаться собственными заслугами человека, а не дѣлами его предковъ. Не бойтесь, синьора, въ моемъ домѣ онъ не будетъ въ пренебреженіи.

Не смотря на свою гордость, Урсула была тронута добротою Нины: она приблизилась къ ней съ невольнымъ уваженіемъ и подѣлила руку синьоры.

— Да награждать св. Дѣва ваше благородное сердце! сказала она. Теперь мое дѣло кончилось, моя земная дѣль—достигнута. Только прибавьте, синьора, къ вашимъ неогрѣненнымъ милостямъ еще одну. Эти драгоценные камни, и Урсула вынула изъ кармана своего платья ларчикъ, тронула пружину, крышка отскочила и представила глазамъ камни большаго объема и самой чистой воды; эти драгоценные камни, продолжала она, положивъ ларчикъ къ ногамъ Нины, принадлежавшіе нѣкогда княжескому дому Тулузы, для меня и для моихъ родственниковъ не нужны. Позвольте мнѣ отдать ихъ той, чье царственное чело дастъ имъ блескъ....

— Какъ! сказала Нина, сильно покраснѣвъ; не думаете ли вы, сударыня, что мою доброту можно купить? Нѣтъ, нѣтъ, возьмите назадъ ваши подарки, иначе я попрошу васъ взять назадъ вашего мальчика.

Урсула была удивлена и смущена: для ея опытности такая воздержность была новостью, и она не знала, что отвѣчать. Нина замѣтила ея затрудненіе съ гордою и торжествующею улыбкой, и, принимая прежній вѣжливый тонъ, сказала съ важною ласковостью:

— Руки трибуна чисты, руки жены трибуна не должны подвергаться подозрѣнію. Скорѣе мнѣ, синьора, слѣдовало бы дать вамъ что-нибудь въ обмѣнъ за прекраснаго мальчика, котораго вы поручили мнѣ. Ваши драгоценности могутъ въ послѣдствіи пригодиться ему въ жизни: сохраните ихъ для того, кто въ нихъ нуждается.

— Нѣтъ, синьора, сказала Урсула, вставая и подымая глаза къ небу; они пойдутъ на обѣдн по душѣ его матери; для него же я

сохраню достаточную сумму, которою онъ воспользуется, когда его возрастъ того потребуетъ. Синьора, примите благодарность несчастнаго и истерзаннаго сердца. Прощайте!

Она повернулась, чтобы выйти изъ комнаты, но ея поступъ была такъ шатка и слаба, что Нина, тронутая и опечаленная, вскочила съ мѣста и собственною рукою проводила старую женщину чрезъ комнату, ободряя и успокоивая ее. Когда они дошли до двери, то мальчикъ бросился впередъ и, схвативъ Урсулу за платье, проговорилъ, всхлипывая :

— Дорогая синьора, ни одного слова прощанія твоему маленькому Анджело! Простите ему все, чѣмъ онъ обезпокоилъ васъ ! Теперь въ первый разъ я чувствую, какъ я былъ своенравенъ и неблагодаренъ.

Старуха обняла его и съ горячностью поцѣловала ; какъ вдругъ мальчикъ, какъ бы внезапно пораженный какою-то мыслью, вынулъ изъ своего кармана подаренный ею копелекъ, и сказалъ задышающимся и едва слышимымъ голосомъ :

— И пусть это, дорогая синьора, пойдетъ на обѣдню по душѣ моего бѣднаго отца; потому что и онъ тоже умеръ, какъ вы знаете! Эти слова, казалось, вдругъ охладили всѣ нѣжныя слова Урсулы. Она отстранила мальчика съ тою же ледяною и суровою строгостью вида и манеры, которая прежде такъ часто останавливала его порывы; и овладѣвъ быстро собою, тотчасъ же оставила комнату, не сказавъ болѣе ни слова. Нина, въ удивленіи, но все еще острадавъ къ ней и уважая ея лѣта, пошла за нею чрезъ пажекую приемную комнаты, до послѣднихъ ступеней лѣстницы, спускоидельность, которой не получили бы отъ нея самыя знатныя римскія княгини. Возвратясь, задумчивая и грустная, она взяла мальчика за руку и поцѣловала его въ лобъ.

— Вѣднй мальчикъ, сказала она, кажется, само провидѣніе заставило меня вчера отличить тебя отъ толпы и такимъ образомъ привело тебя въ твое естественное убѣжище. Куда должны приходить люди безпомощные и сироты Рима, если не во дворецъ перваго римскаго сановника? Потомъ, обратясь къ своимъ служителямъ, она дала имъ приказанія относительно личнаго комфорта своего новаго пажы, доказывавшія, что хотя власть и развила въ ней тщеславіе, но не оледенила ея сердца. Анджело Виллани въ послѣдствіи *пропало* отплатилъ ей!

Она оставила мальчика съ собою и все болѣе и болѣе была довольна его смѣлостью и откровенною манерой. Однако-же, когда случилось позднѣе, ихъ разговоръ былъ прерванъ прибытіемъ нѣсколькихъ римскихъ синьоръ. И тогда хорошія качества Нины ушли въ тѣнь и наружу выступили ея недостатки. Она не могла удержаться отъ женскаго торжества надъ высокопѣрными синьорами, теперь покорно пресмыкавшимися предъ тою, которую нѣкогда презирали. Она приняла манеры королевы и требовала уваженія къ себѣ, какъ къ королевѣ. И съ тѣмъ ловкимъ искусствомъ, которымъ женщины обладаютъ въ такой сильной степени, она старалась сдѣ-

лать самую вѣжливость униженіемъ для своихъ гордыхъ постигательницъ. Ея внушающая красота и граціозный умъ спаси ее, правда, отъ вульгарной наглости выскочки, но тѣмъ болѣе они унижали гордость, лишая тѣхъ, кого она унижала, возможности отплачивать ей презрѣніемъ. Тактикою ея были: скрытый намекъ, оскорбленіе, замаскированное улыбкою, сарказмъ въ видѣ комплиментъ, небрежное требованіе знаковъ уваженія въ пустякахъ, все, на что нельзя было наружно выказать неудовольствіе, но чего внутренно нельзя было простить.

— Добрый день синьорѣ Колонна, сказала она гордой женѣ гордаго Стефана; вчера мы проѣзжали возлѣ вашего дворца. Какъ онъ теперь хорошъ, освободясь отъ этихъ мрачныхъ бойницъ, которые должны были часто наводить на васъ грусть, когда вы на нихъ смотрѣли! Синьора (обращаясь къ одной изъ Орсини), вашъ мужъ пользуется большою благосклонностью трибуна, который назначаетъ ему важную должность. Его карьера обезпечена и мы радуемся этому: никто не служитъ государству съ большею добросовѣстностью. Читали-ль вы, прекрасная синьора Франджипани, послѣдніе стихи Петрарки въ честь моего мужа? они лежатъ вотъ тамъ. Можно васъ просить показать ихъ красоты синьорѣ де-Савелли? Мы радуемся, благородная синьора Малатеста, что ваше зрѣніе такъ поправилось. Въ послѣднюю нашу встрѣчу, хотя мы стояли возлѣ васъ на праздникѣ синьоры Джуліи, вы, кажется, не могли отличить насъ отъ Колонны, возлѣ которой мы стояли!

— Должно ли переносить эту дерзость? прошептала синьора Франджипани синьорѣ Малатестѣ.

— Тсъ! тише. О, еслибы опять пришелъ нашъ день!

II.

Совѣтникъ, котораго интересы и сердце—наши собственные. Созема подымается къ верху: не предвѣщаетъ ли она бѣги?

Въ этотъ день Ріензи позднѣе обыкновеннаго возвращался изъ своего трибунала въ покои дворца. Когда онъ проходилъ приемную залу—щеки его нѣсколько горѣли, зубы были сжаты, какъ у человека, принявшаго твердое и непоколебимое рѣшеніе. Лицо его было пасмурно, представляя тотъ грозный, нахмуренный видъ, на который не приминули указать всѣ, кто описывалъ его фязіономію, какъ на характеристическую черту гнѣва, тѣмъ болѣе ужаснаго, что онъ былъ справедливъ. За нимъ по слѣдамъ шли епископъ орвіетскій и старшій Стефанъ Колонна.

— Говорю вамъ, синьоры, сказалъ Ріензи, что ваше ходатайство напрасно. Римъ не знаетъ различія между рангами. Законъ слѣдуетъ къ преступнику и рысскими глазами слѣдить за преступленіемъ.

— Но, сказалъ Раймондъ, нерѣшительно, вспомни, трибуль, вѣдь онъ племянникъ двухъ кардиналовъ и самъ былъ некогда сенаторомъ.

Ріензи вдругъ остановился и взглянулъ на своихъ собесѣдниковъ.

— Монсеньоръ епископъ, сказалъ онъ, не дѣлается ли преступленіе изъ это еще болѣе неизвинительнымъ? Подумайте: корабль шедшій изъ Авиньона въ Неаполь съ доходами Прованса для королевы Анны, о дѣлѣ которой, замѣтите, мы теперь держимъ торжественное совѣщаніе, потерпѣлъ крушеніе при устьѣ Тибра. Мартино-ди-Винченто, патрицій, какъ вы говорите, владѣлецъ крѣпости, отъ которой заимствовалъ свой титулъ, человекъ, вдвойнѣ обязанный, и агородствомъ своей крови и ближайшимъ сосѣдствомъ, помочь, падаетъ на корабль съ вооруженною толпой (зачѣмъ этотъ мяжикъ держитъ войско?)—и грабитъ корабль, какъ простой разбойникъ. Онъ схваченъ, приведенъ къ моему трибуналу, преданъ стному суду и приговоренъ къ смерти. Таковъ законъ: чего вамъ е хочется?

— Помилуванія, сказалъ Колонна.

Ріензи сложилъ руки и презрительно засмѣялся.

— Я никогда не слыхалъ, чтобы синьоръ Колонна ходатайствовалъ помилуванія крестьянина, который крадъ хлѣбъ для своихъ голыхъ дѣтей.

— Между крестьяниномъ и княземъ, трибунъ, я, по крайней мѣрѣ, знаю разницу: — свѣтлая кровь Орсини не должна быть пролита такъ, какъ кровь какого нибудь низкаго плебеса.

— Да, я помню, сказалъ Ріензи тихимъ голосомъ, вы считали ее важнымъ дѣломъ, когда мой братъ-мальчикъ палъ подъ своимъ копьемъ вашего гордаго сына. Предостерегаю васъ: не дите этого воспоминанія; пусть оно спитъ. Стыдитесь, старый юнна, стыдитесь. На краю могилы, гдѣ черви уравниваютъ всѣхъ, при этихъ сѣдыхъ волосахъ, вы проповѣдуете жестокое различіе между человекомъ и человекомъ. Развѣ не довольно разницы и въ этомъ? Не носятъ ли одинъ пурпура, тогда какъ другой одѣтъ въ лохмотья? не пользуется ли одинъ довольствомъ, тогда какъ другой трудится въ потѣ лица? Не пируетъ ли одинъ, тогда какъ другой умираетъ съ голоду? Развѣ я имѣю какой нибудь бивній планъ уравнять ранги, которые общество дѣлаетъ необходимымъ зломъ? Нѣтъ, я не веду войну съ богачемъ злѣе, чѣмъ съ бѣднымъ. Предъ судомъ человѣческимъ, также какъ и предъ вами, Лазарь и богачъ равны. Довольно объ этомъ.

Колонна завернулся въ свой плащъ съ чрезвычайно надменнымъ видомъ, и молча закусилъ губу. Вмѣшался Раймондъ.

— Все это правда, трибунъ. Но,—и онъ отвелъ Ріензи въ сторону,—вы знаете, что мы должны быть столько же благоразумны, сколько справедливы. Племянникъ двухъ кардиналовъ! Какую злобу возбудитъ въ Авиньонѣ!

— Не беспокойтесь, святой Раймондъ, я дамъ въ этомъ отчетъ правосвященнику.

Тогда они говорили, раздались тяжелые и громкіе удары колокола. Колонна вздрогнулъ.

— Великій трибунъ, сказалъ онъ съ легкою усмѣшкою, удостойте-повременить, пока еще не слишкомъ поздно. Я не помню, чтобы

когда нибудь я гнулся предъ вами въ качествѣ просителя, но теперь я прошу пощадить моего собственного врага. Стефанъ Колонна просить Колу-ди-Ріензи пощадить жизнь Орсини.

— Я понимаю вашъ попрекъ, сказалъ Ріензи спокойно, но не сержусь на него. Вы врагъ Орсини, и ходатайствуете за него — это отзывается великодушіемъ; но, послушайте—вы болѣе другъ своему сопернику. Вы не можете вынести того, чтобы человѣкъ, довольно знатный для состязанія съ вами, погибъ какъ воръ. Я отдаю полную похвалу этой благородной снисходительности; но я не изъ благородныхъ и не сочувствую ей. Еще одно слово. Еслибы это было единственнымъ преступленіемъ, которое сдѣлалъ этотъ баронъ-бандитъ, то ваши просьбы за него могли бы быть уважены, по развѣ жизнь его нецѣстна? Развѣ не былъ онъ, съ дѣтства, ужомъ и бѣдствіемъ Рима? Сколько женщинъ подвергнувшись его насилію, сколько ограбленныхъ купцовъ и мирныхъ людей, которые, среди бѣлаго дня, встаютъ противъ него страшными обвинителями! И для этого человѣка старый князь и папскій викарій просятъ помилванія! Фи! но я вознагражу васъ: я прошу для васъ перваго бѣдняка, котораго законъ приговоритъ къ смерти.

Раймондъ опять отвелъ трибуна въ сторону, между тѣмъ какъ Колонна силился подавить свое бѣшенство.

— Мой другъ, сказалъ епископъ, нобили сочтутъ это оскорбленіемъ для всего своего сословія; самое ходатайство жесточайшаго врага Орсини должно тебя въ томъ убѣдить. Кровь Мартина запечатѣтъ ихъ примиреніе другъ съ другомъ и они возстанутъ противъ тебя единодушно.

— Пусть будетъ такъ: съ помощью Бога и народа, я осмѣлюсь быть справедливымъ. Колоколъ пересталъ звонить, вы уже опоздали. Съ этими словами Ріензи отворилъ окно: возлѣ лѣстницы лѣва стояла висѣлица, на которой, качалось, въ одеждѣ патриція, еще трепещущее тѣло Мартина-ди-Порто.

— Смотрите! сказалъ трибунъ сурово, такъ умираютъ всѣ разбойники. Для измѣнниковъ тотъ же самый законъ назначаетъ топоръ и плаху!

Раймондъ отступилъ и поблѣднѣлъ. Но не поблѣднѣлъ ветеранъ-патрицій. Изъ глазъ его выступили слезы уязвленной гордости: онъ подошелъ, опираясь на свою палку, къ Ріензи, прикоснулся къ его плечу и сказалъ.

— Трибунъ, и безъ измѣны явился судья, злобствующій на свою жертву!

Ріензи съ такою же гордостью обратился къ барону.

— Мы прощаемъ пустые слова старикамъ. Сеньоръ, кончили вы съ нами? мы бы хотѣли быть одни.

— Дай мнѣ руку свою, Раймондъ, сказалъ Стефанъ. Трибунъ, прощай. Забудь, что Колонна просилъ тебя, мнѣ кажется, это не трудно: не смотря на свою мудрость, ты забываешь то, что помнитъ всякій другой.

— Что такое сеньоръ?

— Рожденье, трибунъ, рожденье — это все!

— Синьора Колонна приняла мое прежнее званіе и сдѣлалась шу-хой, отвѣчалъ Ріензи равнодушнымъ и непринужденнымъ то-мъ.

Затѣмъ, проводивъ Раймонда и Стефана глазами, пока дверь не творилась за ними, онъ прошепталъ:

— Наглецъ! еслибы не Адріанъ, твоя сѣдая борода не защитила тебя. Рожденье! чѣмъ бы Колонна не гордился, еслибы онъ былъ укомъ императора! Старикъ, въ тебѣ таится опасность, за кото-ую надо наблюдать. Съ этими словами Ріензи задумчиво повернулъ къ окну и опять его глазамъ представилось ужасное зрѣлище ерти. Народъ, собравшійся внизу огромною толпой, со всѣмъ дѣ-мъ шумомъ, означающимъ торжество черни надъ сокрушеннымъ агомъ, радовался казни того, чья вся жизнь была позоромъ и ибительствомъ, по который, казалось, былъ недостижимъ для пра-удія. И Ріензи услышалъ крики:

— Многія лѣта трибуну, справедливому судѣ, освободителю Рима! въ эту минуту другія мысли сдѣлали его чувства глухими къ родному энтузіазму.

— Мой бѣдный братъ! сказалъ онъ со слезами на глазахъ, ты въ благодаря преступленіямъ этого человѣка; и люди, немѣвшие лости къ ягненку, кричатъ о состраданіи къ волку! О, еслибы теперь былъ живъ, какъ бы кланялись тебѣ эти гордые головы, въ мертвый ты не былъ достоинъ ни одной мысли ихъ! Да упо-тъ Богъ твою кроткую душу и сохранилъ мое честолюбіе такимъ чистымъ, какимъ оно было тогда, когда мы прогуливались вмѣ-ѣ въ сумерки!

Трибунъ затворилъ окно и пошелъ въ комнату Нины. Услышавъ шаги, она встала. Глаза ея сверкали, грудь подымалась и когда въ вопелъ, она бросилась къ нему на шею и прошептала припавъ его груди:

— Нѣсколько часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались! Странно было видѣть, какъ эта женщина, гордая своею красотой, нмъ положеніемъ, своими новыми почестями, женщина, которой школьническое тщеславіе составляло предметъ толковъ въ Римѣ и рекъ для Ріензи, перемѣнилась внезапнымъ и чудеснымъ обра-тъ въ его присутствіи! Она краснѣла и робѣла, вся гордость ея, малость, исчезла въ ея гордой любви къ нему.

Женщина не любитъ во всей полнотѣ страсти, если она не бла-говѣстъ предъ тѣмъ, кого любитъ, если она не чувствуетъ себя иженною, вслѣдствіе преувеличеннаго мнѣнія о превосходствѣ едмета своего обожанія, радуясь этому униженію.

Можетъ быть, сознаніе различія, дѣлаемаго Ниною между нимъ и ѣми другими, увеличивало любовь трибуна къ своей женѣ, заста-я его быть слѣпымъ къ ея несправедливостямъ относительно угихъ и снисходительно смотрѣть на ея великолѣпную пышность. но въ нѣкоторой степени политично окружить себя великолѣп-тъ, но оно доведено было до такихъ размѣровъ, что если и не

способствовало паденію Ріензи, то послужило римлянамъ извиненіемъ въ ихъ трусости и измѣнѣ, а историкамъ — достаточнымъ объясненіемъ обстоятельствъ, въ которыя они не постарались проникнуть глубже.

Ріензи отвѣчалъ на ласки жены съ такою же любовью. Онъ наклонился къ ея прекрасному лицу и взгляда на это лицо было достаточно для того, чтобы согнать съ чела трибуна тѣнь суровости и грусти, которая недавно его помрачала.

— Ты не выходила это утро, Нина!

— Нѣтъ, было слишкомъ жарко. Впрочемъ, Кола, я не имѣла недостатка въ обществѣ: половина римскихъ матронъ толпилась въ дворцѣ.

— Да, я увѣренъ въ этомъ. Ну, а что тамъ за мальчикъ? Это кажется, новое лицо?

— Тсъ, Кола, умоляю тебя, говори съ нимъ ласково: его исторія я сейчасъ расскажу тебѣ. Анджеоло, подойди сюда. Это твой новый господинъ, римскій трибунъ.

Анджеоло подошелъ съ несвойственною ему застѣнчивостью, потому что Ріензи отъ природы имѣлъ величественную осанку, а со времени достиженія имъ власти она, естественно, приняла болѣе важный и строгій видъ, который внушалъ невольное благоговѣніе всѣмъ приближавшимся къ трибуну, не исключая и посланниковъ вѣстельныхъ особъ. Трибунъ улыбнулся, увидавъ произведенное имъ впечатлѣніе, и отъ природы любя дѣтей, ласковый ко всѣмъ кромѣ знатныхъ, поспѣшилъ уничтожить его. Онъ съ любовью взялъ мальчика на руки, поцѣловалъ его и привѣтствовалъ.

— Еслибы у насъ былъ такой хорошенькій сынъ! прошептала онъ Нинѣ; она покраснѣла и отвернулась.

— Какъ тебя зовутъ, мой маленький другъ?

— Анджеоло Виллани.

— Тосканское имя. Во Флоренція есть ученый, который въ эту минуту, безъ сомнѣнія, пишетъ наши лѣтописи, со слуховъ: его фамилія Виллани. Не родня-ли онъ тебѣ?

— У меня нѣтъ родныхъ, сказалъ мальчикъ отрывисто, и тѣмъ болѣе я буду любить сироту и уважать васъ, если позволите. А римлянина — всѣ римскіе мальчики уважаютъ Ріензи.

— Въ самомъ дѣлѣ, мой славный мальчикъ? сказалъ трибунъ, покраснѣвъ отъ удовольствія, это хорошее предзнаменованіе, которое предвѣщаетъ мнѣ продолжительное благоденствіе. Онъ опустил мальчика и бросился на подушки. Нина помѣстилась на низкой скамейкѣ возлѣ.

— Останемся одни, сказалъ онъ, и Нина дала своимъ прислушникамъ знакъ удалиться.

— Возьмите съ собою моего новаго пажа, прибавила она. Онъ слишкомъ недавно изъ дому и, можетъ быть, не въ состояніи будетъ забавляться обществомъ своихъ рѣзвыхъ товарищей.

Когда они остались наединѣ, Нина рассказала Ріензи приключеніе утра. Хотя, повидимому, онъ слушалъ ее, но онъ смотрѣлъ раз-

сѣянно и очевидно былъ углубленъ въ другія мысли. Наконецъ, когда она кончила, онъ сказалъ:

— Хорошо, Нина; ты поступила, какъ всегда, съ добротою и благородствомъ; поговоримъ о другомъ. Мнѣ грозитъ опасность.

— Опасность! повторила Нина, блѣднѣя.

— Слово это не должно пугать тебя, твой духъ похожъ на мой; онъ презираетъ страхъ. Поэтому, Нина, во всемъ Римѣ ты единственный мой повѣренный. Небо дало мнѣ тебя въ супруги не только для того, чтобы радовать меня твоею красотою, но и для того, чтобы ободрять меня твоимъ совѣтомъ и поддерживать твоимъ мужествомъ.

— Да благословить тебя Божія Матерь за эти слова! сказала Нина, цѣлуя его руку, которая висѣла на ея плечѣ;—если я вздрогнула при словѣ опасность, то это произошло единственно отъ женской мысли о тебѣ,—мысли неразумной, мой Кола, потому что слава и опасность неразлучны, и я готова раздѣлять послѣднюю, также какъ и первую. Если когда нибудь придетъ часъ испытанія, то ничто изъ твоихъ друзей не останется тебѣ такъ вѣрнымъ, какъ это неустрашимое сердце при слабости тѣлѣ.

— Я знаю это, моя Нина, знаю, сказалъ Ріензи, вставая и ходя по комнатѣ большими и скорыми шагами.—Теперь послушай меня. Тебѣ извѣстно, что для безопасности въ управленіи моя политика гордость состоитъ въ томъ, чтобы управлять справедливо. Управлять справедливо—страшное дѣло, когда преступники — могущественные бароны. Нина, за открытое и дерзкое грабительство нашъ судъ приговорилъ Мартина Орсини, барона ди-Порто, къ смерти. Дѣло его виситъ теперь на лѣстницѣ Льва.

— Страшный приговоръ, сказала Нина, вздрогнувъ.

— Правда; но чрезъ его смерть тысячи бѣдныхъ и честныхъ людей могутъ жить спокойно. Но не это тревожитъ меня: бароны злоблены этою казнью, считая для себя оскорбленіемъ, что законъ осуждаетъ и побѣдилъ. Они возстанутъ, они возмутятся. Я предвижу бурю — но не знаю никакихъ средствъ утишить ее.

Помолчавъ одинъ моментъ, Нина сказала:—Они на евхаристіи дадутъ торжественную присягу не подымать противъ тебя оружія.

— Къ воровству и убійству клятвопреступленіе—незначительная прибавка, отвѣчалъ Ріензи съ своею саркастическою улыбкой.

— Но народъ вѣруетъ.

— Да, но въ гражданской войнѣ (да предотвратятъ ее святые!) нужны твердые бойцы тѣ, у которыхъ нѣтъ другаго дома, кромѣ ихъ брони, другаго ремесла, кромѣ меча. Торговецъ не станетъ просить свою торговлю каждый день по звуку колокола, а солдаты армоновъ готовы во всякій часъ.

— Для того, чтобы быть сильною въ опасныя времена, власть должна казаться сильною. Не обнаруживая страха, ты можешь предотвратить причину его, возразила Нина, которая, будучи признана мужемъ на совѣтъ, показала умъ, достойный этой чести.

— Моя собственная мысль! отвѣчалъ Ріензи съ живостью. — Ты

з насъ, что половиною моея власти надъ этими баронами я обязанъ тому уваженію, которое оказываютъ мнѣ иностранныя государства. Нобили должны скрывать свою злобу на возвышеніе плебея, когда изъ каждаго города Італіи послы коронованныхъ особъ ищутъ окоза трибуна. Съ другой стороны для того, чтобы быть сильнымъ и, надо казаться сильнымъ у себя. Обширный планъ, который я начерталъ и, какъ бы чудомъ, началъ приводить въ исполненіе, долженъ тотчасъ рунуться, если за границею будутъ думать, что онъ вѣренъ непрочной и колеблющейся власти. Этотъ планъ, продолжалъ Ріензи, помолчавъ и положивъ руку на мраморный бюстъ молодого Августа, болѣе великъ, нежели планъ этого императора.

— Я знаю твое великое намѣреніе, сказала Нина, заражаясь его энтузіазмомъ;—и если въ исполненіи его есть опасность, то чтожъ такое? Развѣ мы не преодолѣли величайшую опасность на первомъ шагѣ?

— Правда, Нина, правда! Небо (и трибунъ, всегда признававшій въ своей судьбѣ руку Промысла, набожно перекрестился) сохранить того, кому даровало эти высокія мечты о будущемъ избавленіи земли истинной церкви, о свободѣ и успѣхахъ ея чадъ! Я въ этомъ увѣренъ: уже многіе изъ тосканскихъ городовъ заключили трактаты объ устройствѣ этой лиги; ни отъ кого, за исключеніемъ Іоанна ди-Вико, я не слышалъ ничего, кромѣ прекрасныхъ словъ и лестныхъ обѣщаній.

Прежде чѣмъ трибунъ окончилъ свои слова, послышался легкій стукъ въ дверь, и этотъ звукъ, казалось, вдругъ возвратилъ ему самообладаніе.

— Войдите, сказалъ Ріензи, подымая лицо, къ которому медленно возвращалась обычная краска.

Офицеръ, пріотворивъ дверь, сказалъ, что человекъ, за которымъ было послано, ждетъ, когда ему можно будетъ увидѣть Ріензи.

— Иду. Сердце мое, прошептало онъ къ Нинѣ, мы сегодня будемъ ужинать одни и поговоримъ побольше объ этихъ вещахъ. Сказавъ это, онъ вышелъ изъ комнаты въ свой кабинетъ, находившійся на другой сторонѣ пріемной залы. Здѣсь онъ нашелъ Чекко-дель-Веккіо.

— Что скажешь, мой смѣлый другъ, сказалъ трибунъ, принимая съ удивительною легкостью видъ дружеской фамиліарности, съ которой онъ всегда обращался съ людьми низшаго класса, Ну что, мой Чекко? Ты мужественно ведешь себя, явижу, въ продолженіи этихъ тягостныхъ жаровъ. Мы, работники — мы оба работаемъ, Чекко; мы слишкомъ заняты для того, чтобы заботѣть, какъ праздные люди, осенью или лѣтомъ. Я послалъ за тобою, Чекко, потому что хотѣлъ знати, какъ смотрятъ твои товарищи-ремесленники на казню Орсини.

— О, трибунъ, отвѣчалъ кузнецъ, который, теперь освоившись съ Ріензи, потерялъ большую долю своего прежняго благоговѣнія къ нему и смотрѣлъ на власть трибуна отчасти какъ на свое собственное произведеніе,—они уже безъ ума отъ нашей храбрости. что вы наказываете преступниковъ, не смотря на званія.

— Такъ я вознагражденъ. Но послушай, Чекко, это, можетъ быть, навлечетъ на насъ горячую работу. Каждый баронъ будетъ охотиться, какъ бы въ слѣдующій разъ не подвергнуться тому же, и ни сдѣлаются смѣлыми отъ страха, какъ крысы въ отчаяніи. Можетъ быть, намъ придется сражаться за доброе государство.

— Отъ всего моего сердца, трибунъ, отвѣчалъ Чекко угрюмо, — по крайней мѣрѣ не трусь.

— Такъ поддерживай тотъ же самый духъ, на всѣхъ сходкахъ твоихъ собратьевъ ремесленниковъ. Народъ долженъ сражаться вмѣстѣ со мною.

— Онъ будетъ сражаться, отвѣчалъ Чекко, онъ будетъ.

— Чекко! Этотъ городъ находится подъ духовнымъ господствомъ епископа, пусть будетъ такъ. Это честь, а не бремя. Но епископское господство, мой другъ, должно принадлежать единственно римлянамъ. Ступай къ своимъ друзьямъ, обратись къ нимъ, скажи, если они не изумлялись и не пугались что будетъ, но поддержали бы меня, при случаѣ.

— Я радъ этому, сказалъ кузнецъ, потому что наши друзья въ недавнее время нѣсколько стали отбиваться отъ рукъ и говорить...

— Что они говорятъ?

— Они говорятъ, что, правда, вы изгнали бандитовъ и обуздали разбои и установили честное правосудіе....

— Не довольно ли этого чуда для какихъ нибудь двухъ или трехъ слѣдовъ времени?

— Да, но они говорятъ, что этого было бы болѣе чѣмъ достаточно въ какомъ нибудь нобилѣ; но что вы, возвысившись изъ низа, и имѣя такіе таланты и т. д., могли бы сдѣлать больше. Уже три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ нѣтъ ничего новаго, о чемъ бы поговорить. Но казни Орсиви сегодня нѣсколько бы позабавить.

— Хорошо, Чекко, хорошо, сказалъ трибунъ, вставая, у нихъ скоро будетъ пища. Такъ ты думаешь, что они любятъ меня теперь совсѣмъ такъ, какъ любили три недѣли тому назадъ?

— Я не говорю этого, отвѣчалъ Чекко, но мы римляне — нетерпѣливый народъ.

— Къ несчастью да, замѣтилъ трибунъ.

— Однако же они, безъ сомнѣнія, будутъ довольно крѣпко къ намъ привязаны, лишь бы, трибунъ, вы не облагали ихъ никакими новыми податями.

— Вотъ что! но еслибы для свободы было бы необходимо сражаться, а для войны понадобились бы солдаты, которымъ конечно вѣсело бы платить, то неужели народъ не пожертвовалъ бы что-нибудь для своей собственной свободы, для справедливыхъ законовъ и для безопасности жизни?

— Не знаю, отвѣчалъ кузнецъ, почесывая затылокъ, какъ будто нѣсколько затрудняясь отвѣтомъ, знаю только то, что бѣдные люди не хотятъ быть черезъ чуръ обременены налогами. Они гово-

рять, что имъ съ вами лучше, нежели съ баронами, и потому они любятъ васъ. Но рабочіе, трибунъ, бѣдные люди съ семействами должны заботиться о своихъ желудкахъ. Только одинъ человекъ изъ десяти имѣетъ дѣло съ судомъ. Только одного человека изъ двадцати убиваютъ разбойники какого нибудь барона, но всѣмъ бѣтъ и пить и чувствуетъ тяжесть подати.

— Не можетъ быть, чтобы ты такъ рассуждалъ Чекко, сказалъ Ріензи съ важностью.

— Трибунъ, я честный человекъ, но я долженъ кормить большое семейство.

— Довольно, довольно, сказалъ трибунъ съ живостью, и заучиво прибавилъ, обращаясь къ себѣ самому, но громко:

— Миѣ кажется, мы были слишкомъ расточительны. Эти зрѣлища должны кончиться.

— Какъ, вскричалъ Чекко, какъ трибунъ? Вы хотите отказатъ бѣднымъ людямъ въ праздникъ? Они работаютъ довольно много и ихъ единственное удовольствіе состоитъ въ томъ, чтобы видѣть ваши прекрасныя зрѣлища и процессіи, они возвращаются съ нихъ домой и говорятъ: смотрите, нашъ-то побилъ всѣхъ бароновъ. Какое у него великолѣпіе!

— Такъ они не охуждаютъ моего блеска?

— Охуждаютъ! нѣтъ, безъ него они стыдятся бы за васъ и считали бы *buono stato* негодною тряпкою.

— Ты говоришь рѣзко, Чекко, но можетъ быть благоразумно. Я сохраняю тебя святыя! Но не забудь, что я тебѣ сказалъ!

— Не забуду. Доброго вечера, трибунъ.

Оставшись одинъ, трибунъ на нѣкоторое время погрузился въ мрачныя и зловѣщія мысли.

— Я нахожусь среди магическаго круга, сказалъ онъ, если я выйду изъ него, то бѣсы разорвутъ меня въ куски. Что я началъ, то долженъ кончить. Но этотъ грубый человекъ очень хорошо знаетъ миѣ, какими инструментами я долженъ работать. Для меня паденіе ничего не значить, я уже достигъ до высоты, отъ которой бы закружилась голова у многихъ; но со мною Римъ, Италия, миръ, правосудіе, цивилизація — все упадетъ въ прежнее бездну.

Онъ всталъ и, пройдясь одинъ или два раза по комнатѣ, въ которой со многихъ колоннъ смотрѣли на него мраморныя статуи великихъ людей древности, отворилъ окно, чтобы подышать вечернимъ воздухомъ.

Площадь капитоля была пуста, за исключеніемъ одинокаго часового, но по прежнему мрачно и грозно висѣло на высокой вѣнцѣ тѣло патриція разбойника и возлѣ него былъ видѣть колоссальный образъ египетскаго льва, который круто и мрачно подымался въ неподвижную атмосферу.

— Страшная статуя, думалъ Ріензи, какъ много неповѣданныхъ тайнъ и торжественныхъ обрядовъ видѣла ты у своего роднаго Ила, прежде чѣмъ рука римлянина перенесла тебя сюда, древній свидѣтельству римскихъ преступленій! Странно, но когда я смо-

рю на тебя, то чувствую, что ты имѣешь какъ будто какое-то мистическое вліяніе на мою судьбу. Возлѣ тебя меня привѣтствовали какъ республиканскаго властителя Рима, возлѣ тебя находится мой дворецъ, мой трибуналъ, мѣсто моего правосудія, моихъ триумфовъ, моей пышности. Къ тебѣ обращаются мои глаза съ моей парадной постели, и если мнѣ суждено умереть во власти и мирѣ, то, можетъ быть, ты будешь послѣднимъ предметомъ, который увидятъ мои глаза. А если я паду жертвою... Онъ остановился, издрогнувшись представившейся ему мысли и подойдя къ углубленію комнаты, отдернулъ занавѣсъ, которымъ были прикрыты распятіе и небольшой столъ, гдѣ лежала библія и монастырскія эмблемы черепа и костей, важные и неопровержимые свидѣтели непостоянства жизни. Предъ этими священными наставниками, способными смѣлѣе и возвыситься, этотъ гордый и предприимчивый человѣкъ сталъ на колѣни. Онъ поднялся съ болѣе легкою поступью и болѣе свѣтлымъ лицомъ.

III.

АКТЕРЪ БЕЗЪ МАСКИ.

«Въ опьяненіи» говоритъ пословица, «люди обнаруживаютъ свои истинные характеры». Въ счастья есть также опьяненіе, не менѣе равновѣсное и открывающее истину, какъ и опьяненіе отъ вина. Лоскъ лести выказываетъ вмѣстѣ и недостатки и красоты людскаго порочества.

Безпримѣрное и почти чудесное возвышеніе Ріензи отъ званія анскаго чиновника до степени властелина Рима сопровождалось бы еще большимъ чудомъ, еслибы оно сколько нибудь не ослабило или не обольстило его. Когда люди возвышаются медленно, шагъ за шагомъ, какъ это бываетъ въ спокойныя времена и въ хорошо устроенныхъ государствахъ, то они привыкаютъ къ своимъ возрастающимъ успѣхамъ. Но быстрый скачокъ отъ гражданина къ властителю, отъ жертвы угнетенія къ судѣ, — составляетъ такой внезапный переходъ, что отъ него способна закружиться самая трезвая голова. И, можетъ быть, пропорціонально воображенію, энтузіазму, и вѣнью человѣка, эта внезапность бываетъ болѣе или менѣе опасна, возбуждая слишкомъ преувеличенную надежду и ведя къ слишкомъ иммерическому честолюбію. Качества, которыя его возвысили, ускользаютъ его паденіе.

Въ своемъ величіи Ріензи не столько приобрѣлъ новыя качества, сколько развилъ въ болѣе яркомъ свѣтѣ и въ болѣе густой тѣни тѣ, которыя онъ всегда обнаруживалъ. Его удивительный умъ осѣщаль себя, къ чему присагся. Искорененіемъ злоупотребленій, внимательностью и благоразумными распоряженіями, онъ втрое увеличилъ доходы города, не налагая ни одной новой подати. Онъ возстановилъ городской совѣтъ. Подъ его управленіемъ торговля была въ безпечности, искусство начало возникать.

Съ другой стороны благосостояніе, свидѣтельствовавшее съ болѣею ясною о его правосудіи, честности, патріотизмѣ, добродѣтели и умѣ,—обнаруживало съ неменьшею яркостью его надменное сознание превосходства, его любовь къ театральности, причудливую и отважную дерзость его честолюбія. Хотя онъ былъ слишкомъ справедливъ для того, чтобы мстить патриціямъ за ихъ насилія такимъ же насиліемъ, хотя во время его безпокойнаго и бурнаго трибунскаго управленія даже враги не могли упрекнуть его ни въ одной несправедливой или незаконной казни надъ барономъ или гражданиномъ,—однакоже онъ не могъ отказать своему гордому сердцу въ удовольствіи—унизить тѣхъ, которые нѣкогда осмѣивали его какъ пута, презирали какъ плебея и которыя, даже теперь, издѣвались надъ нимъ за-глаза. Можетъ быть, онъ считалъ благоразумнымъ сокрушить духъ своихъ враговъ и напугать тѣхъ, у которыхъ не было надежды примириться съ новымъ порядкомъ вещей.

Окружавшій его блескъ имѣлъ для себя больше извиненій: онъ былъ въ духѣ того времени; онъ былъ знакомъ и свидѣтелемъ власти, и когда какой нибудь новѣйшій историкъ упрекнетъ Ріензи въ томъ, что онъ не подражалъ простотѣ древнихъ трибуновъ, то этотъ упрекъ обличилъ бы въ порицательнѣе незнаніе духа того вѣка и суетнаго народа, которымъ долженъ былъ управлять этотъ высшій сановникъ. Онъ устраивалъ великолѣпные праздники и торжественныя процессіи, украшенные и облагороженные,—если только внѣшній блескъ можетъ быть облагороженъ,—утонченностью и богатствомъ воображенія. Они всегда соединялись съ народными заблужденіями и служили къ тому, чтобы выразить идею величія и благосостоянія возрожденнаго Рима. Безъ сомнѣнія, эти зрѣлища, какъ бы ни смотрѣли на нихъ въ болѣе просвѣщенный вѣкъ, въ особенности кабинетные ученые,—много способствовали и тому, чтобы умалить званіе трибуна въ другихъ земляхъ и льстили гордости нестойкой и тщеславной черни. Вкусъ въ Римѣ сдѣлался утонченнѣе, роскошь вызвала трудолюбіе и иностранцы со всѣхъ государствъ были привлекаемы блескомъ двора, во главѣ котораго, подъ республиканскими названіями, находились двѣ молодыя и блестящія особы, * изъ которыхъ одна отличалась своимъ именемъ, а другая—красотою. Въ самомъ дѣлѣ это праздничное царствованіе Ріензи было ослѣпительнымъ и великолѣпнымъ сномъ среди продолжительной ночи Рима, лишеннаго своего первосвященника и его извѣ-

* Ріензи, говоря въ одномъ изъ своихъ писемъ о своей великой предпримчивости, относитъ ее къ жару юности. Въ точности время его рожденія неизвѣстно, но онъ конечно былъ молодъ въ описываемую нами эпоху. Портретъ его въ музеѣ Барберини, по которому мы описали его эмблему въ первой книгѣ этого сочиненія, представляетъ его человѣкомъ нѣсколько старше тридцати лѣтъ и безъ бороды. Семь лѣтъ спустя, онъ носилъ длинную бороду; и она очень не нравилась его наипокорнѣе графу, который, по видимому, считаетъ ее какинъ-то преступленіемъ. Голова его очень замѣчательна своею строгою красотой, чѣмъ мало уступаетъ (если только уступаетъ) головѣ Наполеона, съ которою, какъ я прежде говорилъ, она имѣетъ сходство въ выраженіи, если не въ чертахъ.

кеной свиты. И часто потомъ объ этомъ времени вздыхали не только бѣдный и купецъ, жалѣвшіе о его правосудіи и своей безопасности при немъ,—но и щеголь и поэтъ, вспоминавшіе о его блестящей, о его идеальной и интеллектуальной граціи!

Какъ бы для доказательства, что, окружая себя роскошью, онъ не мѣлъ въ виду удовлетворить своимъ болѣе грубымъ желаніямъ и прихотямъ, трибунъ всей этой пышности, когда столъ его трещалъ подъ множествомъ лакомствъ всякаго климата, когда вино ходило рюгомъ,—сохранялъ умѣренность и даже строгую воздержность. * Между тѣмъ какъ парадныя залы и комната его жены были украшены необыкновенно роскошно и богато, онъ для своихъ собственныхъ комнатъ сохранилъ тоже самое убранство, къ которому привыкъ во время болѣе темнаго періода своей жизни. Книги, бюсты, арельефы и оружіе, вдохновлявшія его въ прежнее время мечтами прошедшемъ, были дороги ему, вслѣдствіе связанныхъ съ ними воспоминаній, отъ которыхъ онъ не хотѣлъ отказаться.

Но наиболѣе особенную черту его характера, которая до сихъ поръ окружаетъ его какою-то тайною, составлялъ его религіозный энтузіазмъ. Смѣлая, но дикія доктрины Арнольда и Брешья, который за два вѣка передъ тѣмъ проповѣдывалъ реформу, но внушилъ истинизмъ, еще сохранились въ Римѣ и въ молодости произвели сильное впечатленіе на умъ Ріензи. Юношеская наклонность этого мечтательнаго чловѣка къ мечтательности, печальная смерть его отца, собственная разнообразная судьба,—все способствовало къ тому, чтобы питать его жарко-религіозныя и торжественныя стремленія. Его вѣра, какъ и у Арнольда и Брешья, много походила на напряженный фанатизмъ англійскихъ пуританъ во времена гражданскихъ войнъ, какъ будто сходство политическихъ обстоятельствъ привело къ сходству въ религіозныхъ чувствахъ. Онъ вѣрилъ, что его вдохновляетъ общеніе съ существами лучшаго міра. Святые и ангелы навѣяли ему сны, и простой чловѣческій патріотизмъ безъ этого болѣе глубокаго и священнаго энтузіазма не далъ бы ему довольно силы къ совершенію его безпримѣрнаго предпріятія. Этотъ энтузіазмъ составлялъ тайну значительной части его величія и многихъ его ошибокъ. Какъ обо всѣхъ людяхъ, которые обольщаются сномъ, но не безславнымъ суевѣріемъ, соединеннымъ съ земнымъ честолюбіемъ,—о Ріензи невозможно сказать, на сколько онъ былъ впечателенъ и на сколько по временамъ осмѣливался быть обманливымъ. Въ торжественныя церемоніи свои, въ украшенія своей жизни онъ постоянно вводилъ мистическія и знаменательныя эмблемы. Во времена опасности онъ публично проповѣдывалъ, что его побуждаютъ и направляютъ божественныя сны; и такъ какъ во многихъ случаяхъ его пророческія предостереженія страннымъ образомъ оправдались событіями, то его вліяніе на народъ было усилено вѣрою въ благосклонность и посредничество неба. Такимъ образомъ самообольщеніе могло увлечь его и способствовать его влія-

* Vita di Cola di Rienzi. Биографъ хвалитъ воздержность трибуна.

нію на другихъ и, представляясь для нихъ тѣмъ, чѣмъ считалъ себя самъ, онъ, не колеблясь, могъ воспользоваться выгодами подобнаго положенія. Но, безъ сомнѣнія, эта охмѣляющая довѣрчивость возбуждала его къ крайностямъ, недостойнымъ его трезваго ума и странно ему противорѣчившимъ. Она заставляла его иногда не разсмѣрять своихъ обширныхъ плановъ съ нешѣрными средствами, обманывая его гордымъ убѣжденіемъ, что Богъ непременно поможетъ тамъ, гдѣ не достанетъ силъ человека. Кола ди Ріензи не былъ безупречнымъ романтическимъ героемъ. Въ немъ совмѣщались и изобилія самыя богатые и противоположныя элементы характера: сильный здравый смыслъ и мечтательное суевѣріе; краснорѣчіе и энергія, покорявшія всѣхъ, кто приближался къ нему, и снѣжной энтузіазмъ, господствовавшій надъ нимъ самимъ; роскошь и воздержность; суровость и воспримчивость; гордость со знатными и кротость съ низшими; преданный патріотизмъ и жажда личной власти. Такъ какъ немногіе предпринимаютъ великіе и отчаянные дѣлы безъ энергической экзальтаціи, то у большей части людей, возвысившихся надъ толпой, замѣчается поклонность по временамъ предаваться дикому веселью и какая-то упругость нрава, часто удивляющія болѣе спокойныя и регулярныя умы, которыхъ можно назвать «простолудинами жизни». Величію Наполеона и достоинству Кромвеля страннымъ образомъ противорѣчили ихъ частый, всегда умѣренный блескъ, который трудно примирить съ идеальными характеровъ или съ мрачнымъ и роковымъ интересомъ ихъ жизни. Эта же черта замѣчается въ характерѣ Ріензи. Она выказывалась въ часы его отдыха и способствовала къ той удивительной гибкости, съ которою его обыкновенная суровая натура приправлялась ко всякимъ правамъ и ко всѣмъ людямъ. Часто оставивъ свое строгое судилище, онъ садился съ гостями за столъ совершенно другимъ человекомъ. Тогда даже угрюмые бароны, которые неохотно являлись на его ирахъ, забывали величіе его общественнаго положенія въ его непринужденномъ остроуміи, хотя его небрежный юморъ иногда избиралъ для себя предметомъ униженіе его павшихъ духомъ враговъ, — увольствованіе, отъ котораго отказаться было бы благоразуміемъ и великодушіемъ. И, можетъ быть, отчасти отъ этого саркастическаго необузданнаго юмора происходило, что Ріензи часто любилъ удивлять и внушать страхъ. Но даже самая эта веселость, если только подобный юморъ можетъ быть названъ веселостью, приобрѣтала ему благородное расположеніе низшихъ классовъ и, будучи недостаткомъ въ извѣстную, была добродѣтелью въ демагогѣ.

Къ этимъ различнымъ чертамъ характера, читатель можетъ прибавить духъ предпріятій столь смѣлыхъ, плановъ столь гигантскихъ и вмѣстѣ величественныхъ съ болѣе мелкою и обыкновенною способностью входить въ подробности, — что при поддержкѣ храбраго, благороднаго, умнаго и преданнаго народа возмущеніе Ріензи въ званіи трибуна могло бы повести къ окончанію рабства Италіи и служить рѣзкимъ концомъ темнаго вѣка Европы. Съ подобнымъ народомъ его недостатки были бы нечувствительно исправлены,

его чрезвычайное властолюбіе достаточно было бы обуздано. Опытъ, знакомя его съ властью, постепенно отучилъ бы его отъ излишества въ выказываніи ея. Волѣ тревожныя стремленія нашли бы для себя обширное поле въ дѣятельной, мужественной энергіи его ума, болѣе спокойное убѣжище въ его правосудіи. Онъ имѣлъ недостатки, но эти ли недостатки или недостатки народа приготовили его паденіе,—мы еще увидимъ.

Между тѣмъ среди недовольнаго дворянства и измѣнчивой черни, опасностью покоя побуждаемый прибѣгать къ опаснымъ предпріятіямъ; частію ослѣпленный своею вѣщиною силою, частію подстрекаемый страхомъ внутренней слабости; пылкій вслѣдствіе своего гониміи фанатизма и въ тоже время стѣсняясь ожиданіями толпы,—онъ опрометчиво бросался въ пучину увлекающихъ его обстоятельствъ. Гордый духъ его руководился единственно убѣжденіемъ, что онъ, по природѣ своей, не можетъ потонуть въ этой пучинѣ, что само небо приведетъ его къ пристани.

IV.

НЕПРІЯТЕЛЬСКІЙ ЛАГЕРЬ.

Между тѣмъ какъ Ріензи составлялъ свои планы объ освобожденіи Рима отъ чужеземнаго ига, можетъ быть, вмѣстѣ съ послами тосканскихъ государствъ, которыя гордились своею родиною и любили свободу, а потому были способны понимать и даже раздѣлять ихъ,—бароны въ тайнѣ составляли планы возстановленія своего могущества.

Въ одно утро главы домовъ Савелли, Орсини и Франджипани сошлись во дворцѣ Стефана Колонны. Ихъ разговоръ былъ одушевленъ и горячъ, принимая тонъ рѣшимости, или колебанія, смотря по тому, что преобладало въ данную минуту—негодование или страхъ.

— Вы слышали сказалъ Лука ди-Савелли своимъ нѣжнымъ женскимъ голосомъ, трибунъ объявилъ, что послѣ завтра онъ приметъ званіе рыцаря и ночь предъ тѣмъ проведетъ въ бдѣніи въ Латеранской церкви. Онъ удостоилъ меня приглашенія раздѣлять его бодрствованіе.

— Да, слышалъ. Вотъ негодяй! Что значить эта новая фантазія? сказалъ грубый князь Орсини.

— Онъ хочетъ имѣть право кавалера дѣлать вызовы нобилитамъ;— вотъ все, что я могу придумать. Неужели Риму никогда не надобѣсть этого сумасшедшій?

— Римъ больше его можетъ назваться сумасшедшимъ, сказалъ Лука ди-Савелли,—но, кажется, трибунъ, въ своемъ сумасбродствѣ, сдѣлалъ одну ошибку, которою мы хорошо можемъ воспользоваться въ Авиньонѣ.

— А! вскричалъ старый Колонна, мы должны дѣйствовать именно такъ; играя здѣсь насенную роль, будемъ сражаться въ Авиньонѣ.

— Вотъ его ошибка, въ короткихъ словахъ: онъ приказалъ, что-

бы ему приготовлена была ванна въ святой порфировой вазѣ, въ которой нѣкогда купался императоръ Константинъ.

— Оскорбленіе святыни! оскорбленіе святыни! вскричалъ Стефанъ. Этого довольно, чтобы оправдать буллу отлученія. Папа узнаетъ объ этомъ. Я немедленно отправлю гонца.

— Лучше подождать и посмотреть на перемену, сказалъ Савелли; это торжество окончится какимъ нибудь еще большимъ безумствомъ, будьте въ этомъ увѣрены.

— Слушайте, господа, сказалъ угрюмый князь Орсини, вы стоите за отсрочку и осторожность; я—за быстроту и отвагу; кровь моего родственника громко вопіетъ и не терпитъ переговоровъ.

— Что же дѣлать? сказалъ нѣжногласый Савелли; сражаться безъ солдатъ противъ двадцати тысячъ бѣшеныхъ римлянъ? я отказываюсь.

Орсини понизилъ свой голосъ до выразительнаго шопота.

— Въ Венеціи, сказалъ онъ, съ этимъ временщикомъ можно бы сладить безъ арміи. Неужели въ Римѣ ни одинъ человѣкъ не можетъ кинжала?

— Такъ, сказалъ Стефанъ, который, по натурѣ, былъ далеко благороднѣе и лучше своихъ товарищей, и, оправдывая всякое другое сопротивленіе трибуну, чувствовалъ, что его совѣсть возмущается противъ убійства; этого не должно быть, вы увлекаетесь своею горячностью.

— И притомъ, кого мы можемъ найти для этого? почти ни одного нѣмца не осталось въ городѣ, а довѣрить какому нибудь римлянину, значило бы помыслиться мѣстами съ бѣднымъ Мартино.

— Да приметь его небо, къ которому онъ теперь ближе чѣмъ былъ когда нибудь прежде, сказалъ Савелли.

— Убѣрайся съ своими шутками! вскричалъ Орсини, съ сердцемъ. Шутить о подобномъ предметѣ! Клянусь св. Францискомъ! Такъ какъ ты любишь подобное остроуміе, то я бы хотѣлъ, чтобы ты оставилъ его все при себѣ. Кажется, за столомъ трибуна ты смѣялся его грубымъ остроуміемъ такъ сильно, какъ будто бы ты и безъ веревки можешь улавливаться.

— Лучше смѣяться, чѣмъ дрожать, возразилъ Савелли.

— Какъ! ты смѣешь сказать, что я дрожу? вскричалъ баронъ.

— Тихе, тихе, сказалъ ветеранъ Колонна съ нетерпѣливымъ достоинствомъ. Мы теперь не въ такихъ праздничныхъ обстоятельствахъ, чтобы спорить между собою. Вудьте снисходительны, господа.

— Синьоръ, сказалъ саркастическій Савелли, вы благоразумнѣе отъ того, что безопаснѣе. Вашъ домъ скоро пріютится подъ кровлею дома трибуна и когда синьоръ Адріанъ возвратится изъ Неаполя, то сынъ содержателя гостиницы сдѣлается братомъ вашего родственника.

— Вы могли бы избавить меня отъ этого попрека, сказалъ старый нобиль съ нѣкоторымъ волненіемъ. Небу извѣстно, какъ раздражаетъ меня мысль объ этомъ; однакоже я бы желалъ, чтобы

Адрианъ теперь былъ съ нами. Его слово много значить для того, чтобы удерживать трибуна въ предѣлахъ умѣренности и руководить моими поступками, потому что горячность помрачаетъ мой разумъ. Со времени его отъѣзда мы, кажется, стали упрямы, не сдѣлавшись сильнѣе. Еслибы даже мой родной сынъ женился на сестрѣ Трибуна, то и тогда бы я боролся за старое устройство государства, лишь бы видѣть, что эта борьба не будетъ стоить мнѣ жизни.

Савелли, который шептался въ сторонѣ съ Ринальдомъ Франджини, теперь сказалъ:

— Благородный князь, послушайте меня. Приближающійся союзъ ашего родственника, вашъ почтенный возрастъ, ваши хорошія отношенія къ первосвященнику—заставляютъ васъ быть осторожнѣе, чѣмъ мы. Предоставьте намъ веденіе предпріятія и будьте увѣрены въ нашъ благоразуміи.

Маленькій мальчикъ Стефанелло, къ которому въ послѣдствіи перешло, по наслѣдству, представительство прямой линіи дома Колонновъ, и котораго читатель еще увидитъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ этого разсказа, игралъ у колѣнъ своего дѣда; онъ быстро взглянулъ на Савелли и сказалъ:

— Мой дѣдъ слишкомъ благоразуменъ, а вы слишкомъ боязливы; Франджини слишкомъ уступчивъ, а Орсини слишкомъ пожатъ на раздраженного быка. Мнѣ бы хотѣлось быть однимъ или умя годами постарше.

— А что бы ты сдѣлалъ, мой хорошенькій порицатель? спросилъ гкій Савелли, закусивъ свою смѣющуюся губу.

— Я пронзилъ бы трибуна моимъ собственнымъ кинжаломъ и толкнулъ въ Палестрину!

— Изъ яйца выйдетъ славная змѣя, проговорилъ Савелли.

— Но почему-ты такъ сердить на трибуна, мой змѣенышъ?

— Потому что онъ позволилъ одному дерзкому купцу арестовать его дядю Агапета за долгъ. Этому долгу уже десять лѣтъ и хоговорятъ, что ни у одной фамиліи въ Римѣ нѣтъ столько долга, какъ у Колонновъ, но въ первый разъ я слышу, что какой-нибудь кредитору низкаго званія позволили требовать уплаты не на колѣняхъ и не снимая панки. И я говорю, что не хочу быть барономъ, если и со мной будутъ поступать съ такою же дерттюю.

— Дитя мое, сказалъ старій Колонна, смѣясь отъ души, я вижу, наше благородное сословіе будетъ довольно безопасно въ твоихъ рукахъ.

И, продолжалъ мальчикъ, становясь смѣлѣе отъ этого одобренія, бы, заколовъ трибуна, я еще имѣлъ время, то я бы очень жель нанести другой ударъ.

Кому? спросилъ Савелли, замѣтивъ, что мальчикъ остановился.

Моему кузену Адриану. Стыдъ ему: онъ вздумалъ жениться на сенициѣ, которая, по своему происхожденію, едва годна въ люнды Колонны!

— Поди играть, дитя, поди играть, сказалъ старый Колонна, отталкивая отъ себя мальчика.

— Полно болтать, вскричалъ Орсини грубо.

— Скажите мнѣ, старый сеньоръ, вотъ что: входя сюда, я видѣлъ одного стараго друга (одного изъ вашихъ прежнихъ наемниковъ), который выходилъ изъ дворца; могу я спросить, зачѣмъ онъ присланъ?

— А, да; посолъ Фра Мореале. Я писалъ рыцарю, упрекая его за то, что онъ оставилъ насъ во время злополучнаго возвращенія изъ Корнето, и намекая, что въ настоящую минуту пятьсотъ пиккировъ могли бы получить хорошую плату.

— Ну, сказалъ Савелли; какой же отвѣтъ?

— Хитрый и уклончивый: Мореале разсыпается въ комплиментахъ и добрыхъ желаніяхъ; но говорить, что онъ теперь служитъ венгерскому королю, котораго дѣло находится предъ судомъ Ріекси, что онъ не можетъ оставить свое настоящее званіе, что въ Римѣ теперь такое равновѣсіе между патриціями и плебеями, что каковы бы изъ двухъ этихъ партій ни захотѣла имѣть постоянное преобладаніе, она должна будетъ призвать подесту, и что только это званіе годится для него.

— Монреаль нашъ подеста! вскричалъ Орсини.

— А почему бы не такъ? сказалъ Савелли. Развѣ подеста благороднаго происхожденія не стоитъ плебея трибуна? Но я думаю, мы можемъ обойтись безъ того и другаго. Колонна, этотъ посолъ Фра-Мореале выѣхалъ изъ города?

— Я думаю.

— Нѣтъ, сказалъ Орсини; я встрѣтилъ его у воротъ. Я давно его знаю: это Родольфъ, саксонецъ (нѣкогда наемный солдатъ Колонны). Въ доброе старое время отъ него много осталось вдовъ между моими кліентами. Онъ теперь нѣсколько въ другомъ нарядѣ, однакоже я узналъ его и подумавъ, что онъ можетъ еще сдѣлаться нашимъ другомъ, просилъ его дожидаться меня въ моемъ палаццо.

— Вы хорошо сдѣлали, сказалъ Савелли въ раздумѣ, и его глаза встрѣтились съ глазами Орсини. Совѣщаніе, въ которомъ много было сказано и мало рѣшено, скоро кончилось; но Лука ди-Савелли, подождавъ у портика, просилъ Франджипани и другихъ бароновъ отправиться во дворецъ Орсини.

— Старый Колонна, сказалъ онъ, почти находится въ періодѣ втораго дѣтства. Мы живо рѣшимъ безъ него, и вмѣсто него можемъ уладить дѣло съ его сыномъ.

Это было правдивымъ предсказаніемъ: получасоваго совѣщанія съ Родольфомъ Саксонскимъ было достаточно для того, чтобы мысль превратилась въ предпріятіе.

V.

Ночь и ея событія.

Въ слѣдующіе сумерки Римъ былъ призванъ къ великолѣпнѣйшему зрѣлищу, какое только видѣлъ императорскій городъ со времени паденія цезарей. Римскіи народъ присвоивалъ себѣ особенную привилегію жаловать своихъ гражданъ орденомъ рыцарства. За двадцать лѣтъ предъ тѣмъ одинъ изъ Колонновъ и одинъ изъ Орсини удостоились этой народной почести. Ріензи, смотрѣвшій на нее какъ на прелюдію болѣе важной церемоніи, потребовалъ отъ римлянъ такого же отличія. Все, что было въ Римѣ благороднаго, прекраснаго и доблестнаго, шло длинною процессіею отъ канитоліа къ Латерану. Впереди ѣхало безчисленное множество всадниковъ со всѣхъ сосѣднихъ частей Італіи въ убранствѣ вполнѣ приличномъ для этого случая. За ними слѣдовали музыканты всякаго рода; трубы были серебряныя. Юноши, несшіе украшенную золотомъ сбрую рыцарскаго боеваго коня, предшествовали знатнѣйшимъ римскимъ матронамъ. Любовь этихъ послѣднихъ къ театральности и, можетъ быть, поклоненіе торжествующей славѣ, которая въ глазахъ женщинъ оправдываетъ многія обиды, заставляли ихъ забывать униженіе ихъ мужей. Среди ихъ находились Нина и Ирѣна, затмѣвавшія всѣхъ остальныхъ. Затѣмъ слѣдовали трибунъ и папскій намѣстникъ, окруженные всѣми знатыми сеньорами города, которые тоже подавляли въ себѣ злобу, мщеніе и презрѣніе, и спорили другъ съ другомъ за право быть какъ можно ближе къ царю настоящаго дня. Только мужественный старикъ Колонна держался поодаль; онъ слѣдовалъ въ нѣкоторомъ разстояніи, и былъ одѣтъ съ изысканною простотою. Но ни лѣта, ни санъ, ни прежняя слава, военная и государственная, не могли доставить этому сѣдому старику съ аристократическимъ видомъ ни одного изъ тѣхъ криковъ, которыми привѣтствовала толпа самаго ничтожнаго барона, удостоившагося лаврами великаго трибуна. Савелли, самый услужливый изъ этой рабоче-вой свиты, ближе всѣхъ слѣдовалъ за Ріензи; впереди трибуна шли два человека: одинъ несъ обнаженный мечъ, другой—pendone, или знамя, обыкновенно присвоенное королевскому сану. Самъ трибунъ былъ одѣтъ въ длинный плащъ изъ бѣлаго атласа, богато вышитый золотомъ; на его нѣжномъ блескѣ (miri candoris) въ особенности останавливается историкъ. Грудь Ріензи была покрыта множествомъ тѣхъ мистическихъ символовъ, о которыхъ я упоминалъ и которыхъ значеніе было въ точности извѣстно, можетъ быть, только самому трибуну. Въ его темныхъ глазахъ и на широкомъ спокойномъ лбу, гдѣ, казалось, почивала мысль какъ почиваетъ буря, можно было замѣтить умъ, находившійся теперь въ отсутствіи отъ окружающаго великолѣпія; но по временамъ трибунъ какъ бы пробуждался и разговаривалъ съ Раймондомъ или Савелли.

— Это замысловатая игра, сказалъ Орсини, приостанавливаясь и

обращаясь къ старому Колоннѣ, но она можетъ кончиться трагически.

— Я думаю, что можетъ, отвѣчалъ старикъ, если трибунъ услышитъ тебя.

Орсини поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ, трибунъ никогда не сердится за слова; онъ говоритъ, что смѣется надъ выраженіемъ нашей ярости. Не далѣе какъ вчера какой-то негодяй передалъ ему, что сказалъ о немъ одинъ изъ Аннибалди. Слова были такого рода, что настоящий кавалеръ убилъ бы Аннибалди, но Ріензи послалъ за нимъ и сказалъ: Другъ мой, прими этотъ кошелекъ съ золотомъ, придворнымъ острякамъ надо платить.

— И Аннибалди принялъ деньги?

— Нѣтъ. Трибуну поправился его умъ и онъ пригласилъ его къ себѣ на ужинъ. Аннибалди говоритъ, что ему никогда не случилось провести вечеръ веселѣе, и что онъ теперь никогда не удивляется, если его родственникъ Рикардо такъ любитъ этого шута.

Когда процессія дошла до Латерана, Лука ди-Савелли тоже отступилъ назадъ и началъ шептаться съ Орсини, Франджипани, и нѣкоторые другіе юбилы обмѣнялись значительными взглядами; Ріензи, входя въ священное зданіе, гдѣ, согласно обычаю, онъ долженъ былъ провести ночь, охраняя свои доспѣхи, попрощался съ толпой, требуя, чтобы она пришла утромъ «услышать вещи, которыя, какъ онъ надѣялся, пріятны и землѣ и небу.»

Огромная толпа приняла эти слова съ любопытствомъ и радостью. а тѣ, которыхъ нѣсколько приготовилъ Чекко дель-Веккіо приветствовали ихъ какъ предвѣстіе непремѣнной рѣшимости своего трибуна. Собраніе разошлось въ удивительномъ порядкѣ и спокойствіи. Какъ замѣчательный фактъ приводилось то, что въ такой большой толпѣ, состоявшей изъ людей всѣхъ партій, никто не обнаружилъ свосволя, никто не затѣялъ ссоры. Остались только нѣкоторые бароны и кавалеры, въ томъ числѣ Лука ди-Савелли, котораго нежная свѣтскость и саркастическій юморъ нравились трибуну, да еще нѣсколько второстепенныхъ нажей и слугъ. За исключеніемъ одногокаго часоваго у портика, обширная дворцовая площадь, Вазиллика и фонтанъ Константина представляли безуюдную пустоту, озаренную меланхолическимъ луннымъ свѣтомъ. Въ церкви, согласно обычаю времени и обряда, потомокъ тевтонскихъ королей получилъ орденъ св. Духа. Его гордость или какое-нибудь суевѣріе, столько же безразсудное, хотя и болѣе извинительное, внушили ему мысль выкупаться въ порфирной вазѣ, которую нелѣпая легенда присвоивала Константину и это, какъ предсказалъ Савелли, стоило ему дорого. По окончаніи подожженныхъ церемоній, его оружіе было помещено въ церкви среди колоннъ св. Іоанна. Здѣсь же была приготовлена парадная постель *.

* Въ болѣе сѣверныхъ странахъ кауны рыцарства проводился безъ сна. Въ Италіи церемонія охраненія доспѣховъ, повидимому, не была наблюдаема съ такою суровостью.

Бывшіе съ трибуномъ бароны, пажы и камердинеры удалились въ маленькую боковую капеллу, находившуюся въ зданіи церкви и Ріензи остался одинъ. Лампа, поставленная возлѣ его постели, спорила съ томными лучами мѣсяца, который сквозь продолговатыя окна бросалъ на столбы и проходы свой «тусклый таинственный свѣтъ». Святость мѣста, торжественность часа и уединенное безмолвіе вокругъ, были хорошо рассчитаны на то, чтобы усилить пламенное и возбужденное настроеніе души этого сына фортуны. Много думъ пронеслось въ его умѣ, пока наконецъ онъ не бросился въ постель, утомясь своими размысленіями. Нехорошимъ предзнаменованіемъ, о которомъ не пренебрегъ упомянуть важный историкъ, было то, что когда Ріензи легъ на кровать, вновь сдѣланную для этого случая, то часть ея опустилась подъ нимъ. Самъ онъ былъ встревоженъ этимъ и соскочилъ поблѣднѣвъ; но, какъ бы устыдясь своей слабости, онъ, послѣ минутной паузы, снова успокоился и легъ, задернувъ драпировку вокругъ себя.

Лучи мѣсяца становились все слабѣе и слабѣе, по мѣрѣ того, какъ проходило время; рѣзкое различіе между свѣтомъ и тѣнью на мраморномъ полу скоро исчезло. Вдругъ изъ-за колонны въ самомъ дальнемъ концѣ зданія вышла странная тѣнь, она скользила, она двигалась, но безъ отголоска, отъ столба къ столбу, и, наконецъ остановилась за колонною, которая ближе всѣхъ другихъ была къ постели трибуна.

Тѣмъ сгущалась все болѣе и болѣе вокругъ; тишина, казалось, становилась глубже, мѣсяцъ зашелъ и за исключеніемъ слабого свѣта лампы возлѣ Ріензи, черная ночь царствовала надъ этой торжественной и фантастической сценой.

Въ одной изъ боковыхъ капеллъ, которая, вслѣдствіе множества, перемѣнъ бывшихъ потомъ съ этою церковью, вѣроятно давно уже разрушена, находились, какъ я уже сказалъ, Савелли и нѣкоторые служители, удержанные трибуномъ. Одинъ Савелли не спалъ; онъ сидѣлъ, притавивъ дыханіе и прислушиваясь; высокія свѣчи въ капеллѣ дѣлали еще болѣе поразительными быстрыя перемѣны его визионеріи.

— Теперь желательно бы, сказалъ онъ, чтобы негодяй не промахнулся! Подобнаго случая никогда больше не представится! Онъ силенъ и ловокъ, но и трибунъ крѣпокъ. Когда дѣло будетъ сдѣлано, то нѣтъ мало будетъ нужды до того, уйдетъ или не уйдетъ убійца. Если не уйдетъ, то мы должны убить его: мертвые не говорятъ. Но и въ самомъ худшемъ случаѣ, кто можетъ мстить за Ріензи? Другаго Ріензи нѣтъ! Мы и Франджипани захватываемъ Авентинъ, оловяны и Орсини — другія части города, и тогда намъ, можно будетъ смѣяться надъ безумною чернью, не имѣющею руководителя. Но если наше намѣреніе откроется... и Савелли, у котораго, къ частію для его враговъ, нервы не были такъ сильны какъ воля, закрылъ лицо и задрожалъ. Кажется, я слышу шумъ! нѣтъ! не вѣрь ли это? Тсъ, это, должно быть, старый Вилко де-Скотто возвращается въ своей кольчугѣ! Все молчитъ, мнѣ не нравится это

молчаніе ! Ни крика—ни звука ! ужъ не обманулъ ли насъ разбойникъ ? Или онъ не могъ взобраться на окно ? Это ребенокъ можетъ сдѣлать. Или его замѣтилъ часовой ?

Время шло. Сквозь тьму медленно прокрадывался первый лучъ дневнаго свѣта, когда Савелли послышалось, будто бы дверь церкви затворилась. Незвѣстность его сдѣлалось невысимою. Онъ тихо-ко вышелъ изъ капеллы и приблизился къ мѣсту, откуда видна была кровать трибуна, все было безмолвно.

— Можетъ быть, это безмолвіе смерти, сказалъ Савелли, иди назадъ.

Между тѣмъ трибунъ, напрасно старался сомкнуть глаза. Крохотлившихся къ его головѣ мыслей ему мѣшало спать неудобное положеніе, которое онъ долженъ былъ принять. Часть кровати къ подушкѣ осѣла, между тѣмъ какъ другія части ея остались прямыми и потому онъ перемѣнилъ натуральное положеніе и легъ головою къ ногамъ постели. Такимъ образомъ свѣтъ лампы, хотя и заслоненный драпировкою, находился противъ него. Досада на свою бессонницу, онъ наконецъ подумалъ, что сну его мѣшаетъ тусклый и дрожащій свѣтъ лампы и хотѣлъ встать, чтобы отодвинуть ее подальше, какъ вдругъ увидѣлъ, что занавѣска съ другого конца постели тихо приподнялась. Испуганный, онъ остался недвижимъ. Не успѣвъ онъ вздохнуть въ другой разъ, какъ нежданнымъ и постелью появилась темная фигура и онъ услышалъ ударъ кинжала, направленный на ту часть постели, гдѣ лежала бы его грудь, еслибы его не спасъ случай, показавшійся ему злодѣйскимъ. Ріензи не дожидаясь другаго, болѣе удачнаго удара. Пока убійца былъ еще въ наклонномъ положеніи, двигаясь ощупью при неясномъ свѣтѣ, онъ бросился на него всею тяжестью и силой своего широкаго и мускулистаго стана, вырвалъ у него стилетъ и толкнувъ его на кровать, уперся въ грудь его колѣномъ. Кинжалъ поднялся, сверкнулъ, опустился, убійца рванулся въ сторону и оружіе пронзило только правую руку его. Трибунъ поднялъ клинокъ для болѣе смертоноснаго удара.

Попавшійся такимъ образомъ убійца былъ человекъ, привыкшій къ всѣмъ видамъ и формамъ опасности ; и въ эту минуту онъ не потерялъ присутствія духа.

— Остановитесь ! сказалъ онъ ; если вы убьете меня , то упрете сами. Пощадите меня и я спасу васъ.

— Злодѣй !

— Тихъ ! не такъ громко, иначе вы разбудите своихъ слугъ и тѣ которые изъ нихъ могутъ сдѣлать то, что не удалось мнѣ. Помогите меня, и я открою нѣчто, болѣе важное, чѣмъ моя жизнь. только не зовите, не говорите громко, предупреждаю васъ !

Трибунъ чувствовалъ, что сердце его успокоилось. Въ этомъ единенномъ мѣстѣ вдали отъ боготворящаго народа, отъ преданныхъ ему тѣлохранителей, въ сообществѣ ненавидящихъ его бароновъ, развѣ не могъ дать обманувшійся убійца спасительный совѣтъ ? Эти

слова и это колебаніе, казалось, вдругъ измѣнило взаимное положеніе обонхъ и оставило побѣдителя во власти убійцы.

— Ты думаешь обмануть меня, сказалъ Ріензи нерѣшительнымъ шопотомъ, который показывалъ пріобрѣтенное злодѣемъ преимущество: ты хочешь, чтобы я тебя пустил, не призывая своихъ слугъ, для того, чтобы тебѣ было можно въ другой разъ сдѣлать покушеніе на мою жизнь.

— Ты испортилъ мою правую руку и отнялъ у меня мое единственное оружіе.

— Какъ ты пришелъ сюда?

— Меня пропустили.

— Какой былъ поводъ этого покушенія?

— Наущеніе другихъ.

— Если я прощу тебя....

— То ты узнаешь все!

— Встань, сказалъ трибунъ, освобождая плѣнника, впрочемъ съ большою осторожностью, и все еще держа его одною рукой за плечо, а другою приставивъ кинжалъ къ его горлу. Мой часовой пустил тебя? Кажется, церковь имѣетъ только одинъ входъ.

— Онъ не впускалъ; иди за мной и я скажу тебѣ больше.

— Собака! у тебя есть сообщники?

— Если есть, то твой ножъ у моего горла.

— Ты хочешь убѣжать?

— Убѣжалъ бы, еслибы могъ.

Ріензи, при тускломъ свѣтѣ лампы, пристально взглянулъ на убійцу. Его суровое лицо, грубая одежда и варварскій выговоръ показали трибуну достаточнымъ доказательствомъ того, что онъ не болѣе какъ наемникъ другихъ. Ріензи подумалъ, что, можетъ быть, благоразумно пренебречь одною настоящею опасностью для предупрежденія многихъ опасностей будущихъ и непредвидѣнныхъ. При томъ онъ былъ вооруженъ, силенъ, дѣтеленъ, молодъ, и въ случаѣ крайней бѣды въ церкви не было мѣста, откуда бы его голосъ не дошелъ бы до слуха людей, находившихся въ капеллѣ, если только на нихъ онъ могъ положиться.

— Такъ покажи мнѣ, куда и какъ ты вошелъ, сказалъ онъ, при малѣйшемъ подозрѣніи моемъ ты умрешь. Возьми лампу.

Злодѣй кивнулъ головой. Лѣвою рукой онъ взялъ лампу, какъ ему было приказано, кровь лилась у него изъ правой, на плечъ его лежала рука Ріензи, и такимъ образомъ онъ безъ шума пошелъ по церкви и достигъ алтаря, влѣво отъ котораго находилась маленькая комната для священника. Онъ направился къ ней. Ріензи на мгновеніе оробѣлъ.

— Берегись, прошепталъ онъ, малѣйшій признакъ обмана, и ты будешь первою жертвой!

Убійца опять кивнулъ головой, не останавливаясь. Они вошли въ комнату и тогда странный путеводитель Ріензи указалъ на открытое окно,

— Вотъ мой входъ. сказала онъ, и, если вы позволите, мой выходъ.

— Лягушка не такъ легко выбирается изъ колодезя, какъ повелъ туда, отвѣчалъ Ріензи улыбаясь. Теперь, если я долженъ звать моихъ тѣлохранителей, то что мнѣ съ тобой дѣлать?

— Пустите меня и я приду къ вамъ завтра; и если вы хорошо мнѣ заплатите, и обѣщаете, что не лишите меня жизни и не сдѣлаете мнѣ никакого тѣлеснаго вреда, то я предамъ въ вашу власть враговъ нашихъ и тѣхъ, кто подучилъ меня.

Ріензи не могъ удержаться отъ усмѣшки при этомъ предложеніи, потомъ, принявъ опять серьезный видъ, возразилъ:

— А что, если я призову своихъ служителей и отдамъ тебя въ ихъ руки?

— Ты отдашь меня именно этимъ врагамъ и подстрекателямъ: и въ отчаяніи, какъ бы я не выдалъ ихъ, они перерѣжутъ горло мнѣ или тебѣ.

— Кажется, плутъ, я тебя выдалъ прежде.

— Да. Я не стыжусь своего имени и отечества. Я Родольфъ изъ Саксоніи.

— Припоминаю: слуга Вальтера де-Монреала. Такъ это онъ тебя научилъ?

— Нѣтъ! Этотъ благородный рыцарь презираетъ другое оружіе кромѣ меча, которымъ онъ дѣйствуетъ открыто, убивая собственною рукой своихъ непріятелей. Только ваши жалкіе презрѣнные трусы—итальянцы пользуются храбростью и нанимаютъ руку другихъ.

Ріензи промолчалъ. Онъ выпустилъ плѣнника изъ рукъ и стоялъ противъ него; то поглядывая на его лицо, то опять погружаясь въ думу. Наконецъ, окинувши взглядомъ маленькую комнату, онъ замѣтилъ что-то въ родѣ чулана, въ которомъ хранились церковныя одежды и нѣкоторыя вещи, употребляемыя при богослуженіи. Этотъ чуланъ помогъ ему выпутаться изъ дилеммы: онъ указалъ на него.

— Здѣсь, Родольфъ Саксонскій, сказалъ онъ, ты проведешь остатокъ ночи, это небольшая эпѣтимія за твоё покушеніе, а завтра ты откроешь все, если дорожишь жизнью.

— Слушайте, трибунъ, отвѣчалъ саксонецъ угрюмо; моя свобода въ вашей власти, но мой языкъ, моя жизнь—нѣтъ. Если я соглашусь быть запертымъ въ этой клѣткѣ, то вы должны поклястися на рукояткѣ кинжала, который у васъ теперь въ рукахъ, что послѣ того, какъ я расскажу все, что знаю, вы пустите меня на свободу. Моихъ подстрекателей довольно для того, чтобы насытить вашу гнѣвъ, хотя бы вы были даже тигромъ. Если вы не поклянетесь въ этомъ?

— А, мой скромный другъ! такъ что тогда?

— Я разобью себѣ голову о каменную стѣну! Такая смерть лучше, чѣмъ пытка!

— Дуракъ, мнѣ нѣтъ надобности мстить такимъ, какъ ты. Будь чистосердеченъ, и я клянусь Богомъ и его святыми, что чрезъ дѣ-

аждать часовъ послѣ твоего признанія ты выйдешь и цѣль и не-
редимъ за стѣны Рима.

— Этого мнѣ довольно. Donner und Hagel! я жилъ довольно для
того, чтобы заботиться только о своей собственной жизни, а по-
томъ о жизни великаго вождя; что касается до остальныхъ, то мнѣ
нѣтъ дѣла, если ваши итальянцы перерѣжутъ горла другъ другу и
сбѣгаютъ изъ всей Италіи одну могилу.

Съ этими снисходительными словами Родольфъ вопель въ чуланъ,
прежде, чѣмъ Ріензи успѣлъ затворить дверь, саксонецъ опять
выдвинулся впередъ:

— Послушайте, сказалъ онъ, кровь у меня сильно бѣжитъ. По-
кажите мнѣ перевязать рану, а не то я умру до окончанія моей ис-
тѣды.

— Per fede, сказалъ трибунъ, котораго забавляла холодная дер-
зость этого человѣка; если принять въ расчетъ услугу, которую
я хотѣлъ оказать мнѣ, то ты самый забавный, снисходительный,
возмутимый добрый малый, какого только я видѣлъ въ теченіи
сколькихъ лѣтъ. Дай мнѣ свой поясъ. Не думалъ я, что канунъ
его рыцарства будетъ употребленъ на такое милосердное дѣло!

— Кажется, изъ этихъ ризъ можно бы сдѣлать перевязку полу-
ч., сказалъ Родольфъ, указывая на священническое облаченіе, впе-
вшее на стѣнѣ.

— Молчи, бездѣльникъ, отвѣчалъ трибунъ, нахмуривъ брови; не
торбляй святыни! Но если ты такъ нѣжно заботишься о себѣ, то
себѣ уступлю мой собственный шарфъ.

Съ этими словами трибунъ положилъ кинжалъ на полъ и осто-
нно придерживая его погою, перевязалъ раненую руку Родольфа,
что тотъ поблагодарилъ его; Ріензи взялъ свое оружіе и лампу,
ворылъ дверь, задвинулъ ее длиннымъ тяжелымъ засовомъ сна-
жи, и пошелъ къ своей постели, съ негодованіемъ размышляя объ
тѣнѣ, которой онъ такъ счастливо избѣжалъ.

Въ первомъ сѣромъ лучѣ разсвѣта, онъ вышелъ изъ большой
церкви, позвалъ часового, который принадлежалъ къ числу
собственной стражи, и потихоньку велѣлъ ему, пока еще дру-
гие не проснулись, отвести плѣнника въ одну изъ тайныхъ тюремъ
италіи.

— Будь молчаливъ, сказалъ онъ, никому ни слова объ этомъ;
исполни мое приказаніе и ты получишь повышение. Сдѣлавъ это,
онъ къ совѣтнику Пандульфо ди-Гвидо, и велѣлъ ему прійти ко мнѣ
на прежде, чѣмъ соберется толпа.

Потомъ, велѣвъ часовому снять свои тяжелые желѣзные башмаки,
онъ повелъ его чрезъ церковь, и отдалъ Родольфа подъ его при-
крытіе. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ они ушли, на-
вѣвшіеся въ капеллѣ люди слышали его голосъ, и скоро Ріензи
былъ окруженъ своею свитой.

Онъ уже стоялъ на полу, завернувшись въ широкую мантию,
обитую мѣхомъ, и его пронзательный взглядъ тщательнo раз-
глядывалъ лицо каждаго подходившаго къ нему человѣка. Два ба-

рона изъ фамилии Франджипани обнаружили нѣкоторые признаки замѣтательства и затрудненія, отъ котораго они скоро оправились при радушиномъ привѣтѣ трибуна.

Но черты Савелли, не смотря на всю его хитрость, не могли не выдать ужаса его души даже самому равнодушному взору; и когда онъ почувствовалъ устремленный на него проникательный взглядъ трибуна, то всѣ составы его задрожали. Одинъ Ріензи, казалось, не замѣтилъ его смущенія, и когда Вико ди-Скотто, старый рыцарь, изъ рукъ котораго онъ получилъ свой мечъ, спросилъ его, какъ онъ провелъ ночь, то онъ весело отвѣчалъ:

— Хорошо, хорошо, мой достойный другъ! Надъ новопосвященнымъ рыцаремъ всегда бодрствуетъ какой-нибудь ангелъ. Сеньоръ Лука ди-Савелли, я боюсь, что вы дурно спали: вы блѣдны. Но это ничего! нашъ сегодняшній пиръ скоро возстановитъ правильное обращеніе вашей крови.

— Крови, трибунъ! сказалъ ди-Скотто, невинный въ заговоръ: ты говоришь о крови, и вотъ на полу видны крупныя кровавыя капли, которыя еще не высохли.

— Фи, старый герой, ты уже выдалъ мою неловкость! Я укололся своимъ собственнымъ кинжаломъ, раздѣваясь. Слава Богу, и его клинкъ не было яда!

Франджипани обмѣнялись взглядами, Лука ди-Савелли прислонился къ колоннѣ, чтобы не упасть, а остальные, казалось, были удивлены и спокойны.

— Не думайте объ этомъ, господа, сказалъ Ріензи: это хорошій знакъ и вѣрное пророчество. Этотъ случай внушаетъ, что тотъ кто надѣваетъ мечъ для блага государства, долженъ быть готовъ пролить за него свою кровь; таковъ я. Полно объ этомъ, простая царापнина; она дала больше крови, нежели сколько я могъ ожидать отъ такой легкой раны, и избавляетъ врача отъ необходимости прибѣгать къ lancette. Какой яркій разсвѣтъ! Мы должны приготовиться встрѣтить нашихъ согражданъ: они сейчасъ будутъ сюда. А, Пандульфо! добро пожаловать! Ты, мой старый другъ, долженъ застегнуть этотъ плащъ!

И когда Пандульфо былъ занятъ этимъ дѣломъ, трибунъ прошепталъ нѣсколько словъ ему на ухо. Улыбка, игравшая при этомъ на его лицѣ, заставила присутствующихъ думать, что Ріензи сказалъ какую-нибудь изъ тѣхъ фамиллярныхъ шутокъ, которыми отличались его разговоры съ короткими друзьями.

VI.

Знаменитый позывъ.

Громко и рѣзко звучалъ колоколъ большой Латеранской церкви, когда къ ней стекалась огромная толпа еще болѣе многочисленная, чѣмъ какая собралась наканунѣ. Назначенные для сохраненія порядка офицеры съ трудомъ очищали дорогу для бароновъ

и посланниковъ, и, едва были пропущены эти благородные постытели,—толпа, сомкнувъ свои ряды, стремительно хлынула въ церковь, и направилась къ капеллѣ Бонифація VIII. Тамъ, наполнивъ себѣ щели и загородивъ входъ, болѣе счастливые изъ этой сжатой массы увидѣли трибуна, окруженнаго блистательнымъ дворомъ, который онъ составилъ своимъ гениемъ и покорилъ своимъ счастьемъ. Наконецъ, когда въ церковномъ зданіи раздалась торжественная и священная музыка, предшествующая мессѣ, трибунъ выступилъ впередъ и громъ музыки еще усилился отъ всеобщаго жертваго молчанія слушателей. Его высокій ростъ, осанка, фizioнонія принадлежали къ числу тѣхъ, которые всегда владѣютъ вниманіемъ толпы; а теперь они получили новыя преимущества отъ важности случая, и отъ того особеннаго выраженія сильнаго, но сдержаннаго жара, который, можетъ быть, есть единственный изъ раторскихъ талантовъ, даруемый только природою.

— Да будетъ извѣстно, сказалъ онъ медленно и съ разстановкою: что въ силу власти и юрисдикціи, которую римскій народъ вѣрилъ намъ въ общемъ совѣтѣ, а первосвященникъ утвердилъ, мы, признательные къ этому дару, къ благодати св. Духа, которого мы теперь сдѣлались воиномъ и къ благосклонности римскаго народа, объявляемъ, что Римъ есть столпца міра и основаніе христіанской церкви и что всякое государство, всякій городъ и народъ въ Италіи отнынѣ свободны. Во имя этой свободы и той же священной власти, мы объявляемъ, что избраніе, юрисдикція и прерогативы римской имперіи принадлежатъ Риму и римскому народу и всей Италіи. Поэтому мы зовемъ и требуетъ знаменитыхъ государей—Людовика герцога Баварскаго и Карла короля Богемскаго, изъ которыхъ первый желаетъ получить титулъ императора Италіи, лично явиться предъ нами или предъ другими должностными лицами, для защиты и доказательства ихъ правъ, въ теченіи времени съ сего дня до дня пятидесятницы. Мы призываемъ также съ назначеніемъ того же срока, герцога саксонскаго, князя Бранденбургскаго, и всякаго другаго государя, князя или прелата, который утверждаетъ право электора на императорскій престолъ, — право, которое, какъ видно изъ исторіи, съ древнихъ и незапамятныхъ временъ принадлежало единственно римскому народу. Мы дѣлаемъ это для защиты нашей гражданской свободы, нисколько не въ ущербъ духовной власти церкви, первосвященника и священнаго коллегіума. * Герольдъ, объяви позывъ вѣтъ церкви подробице и формальнѣе по данной тебѣ бумагѣ.

* *El tutto senza derogare all' autorità della Chiesa, del papa e del sacro Collegio.* Такъ оканчивается этотъ необыкновенный позывъ, это смѣлое и удивительное объявленіе о классической независимости Италіи, высказанное въ тринадцатомъ вѣкѣ, въ полномъ разгарѣ феодализма. Безыменный бюфъ Ріензи говоритъ, что трибунъ призывалъ также папу и кардиналовъ жить въ Римѣ. Де-Садъ сильно и неопровержимо отвергаетъ эту прибавку къ смѣлости или къ сумасбродству Ріензи. Но Гиббонъ, который передаетъ позывъ въ выраженіяхъ болѣе рѣзкихъ и грубыхъ, немоделіи

Когда Ріензи кончилъ эту прокламацію о свободѣ Италіи, то посланники тосканскихъ и нѣкоторыхъ другихъ свободныхъ государствъ прошептали свое одобреніе, а послы земель приниженныхъ сторону императора посмотрѣли другъ на друга съ безмоляннымъ и смущеннымъ изумленіемъ. Римскіе бароны молчали, опустивъ глаза; только на престарѣломъ лицѣ Стефана Колонны показалась полупрезрительная, полуторжествующая улыбка. Но масса гражданъ была очарована словами, открывавшими великое зрѣлище освобожденія Италіи; и, чувствуя къ власти и счастью трибуна благоговѣніе, приличное какому нибудь сверхъестественному существу, они не подумали о томъ, какими средствами можетъ быть выполнено его намѣреніе.

Взглядъ трибуна блуждалъ надъ массою народа; возлѣ него находилось блестящее собраніе, далѣе была преданная толпа. Въ ушахъ его раздавался шопотъ десятковъ тысячъ народа, стоявшихъ предъ дворцомъ Константина, (который теперь принадлежалъ ему) и поклявшихся жертвовать имуществомъ и жизнью для его дѣла... И сердце Ріензи, находившагося теперь въ блескѣ счастья, которое еще ничѣмъ не было остановлено въ зенитѣ могущества, которое еще не испытало превратностей,—гордо подымалось. Видѣнія громкой славы и безпрѣдѣльнаго господства,—славы и господства любезнаго Рима, который ему предстояло возстановить,—являлись предъ его упоеннымъ взоромъ и въ жару страстныхъ увлеченій минуты онъ обращалъ свой мечъ попеременно къ тремъ частямъ извѣстнаго тогда свѣта и сказалъ разбѣяннымъ голосомъ, какъ бы во снѣ: «Во имя римскаго народа *это* также принадлежитъ мнѣ!»

Какъ ни были тихо сказаны эти слова, они были услышаны всѣми такъ ясно, какъ бы произнесенныя громовымъ голосомъ. Неправильно было бы описывать различныя возбужденныя ими ощущенія: сумасбродство ихъ моглобы привлечь насмѣшку его враговъ и печаль друзей, еслибы торжественная и повелительная манера говорящаго не внушила на минуту благоговѣніе даже разсудку и возможно вывести изъ свидѣтельства всѣхъ авторитетовъ, повторять ошибку біографа и смѣется надъ де-Садомъ, который по его словамъ, приводитъ аргументы, болѣе скромные, чѣмъ сильные. Не утомляя читателя всѣми аргументами ученаго аббата, довольно привести изъ нихъ первые два:

1. Всѣ другіе современные историки, которые писали объ этомъ событіи. Дж. Виллани, Гоксеміусъ, Ватиканскій Мэн, и другіе лѣтописцы разсказывая о позывѣ противъ императора и электоровъ, ничего не говорятъ о позывѣ противъ папы и кардиналовъ. Самъ папа (Климентъ VI) въ своихъ обвиненіяхъ противъ Ріензи раздраженный позываетъ его, направленнымъ противъ императора, ничего не говорятъ о томъ, что было бы для первосвященника гораздо большимъ оскорбленіемъ, т. е. о позывѣ его самого и кардиналовъ.

2. Буквальный актъ позыва, формально изданный въ Латеранѣ, остался у Гоксемія (откуда заимствована, хотя не во всей подробности, рѣчь въ текстѣ нашего разсказа); и въ этомъ документѣ ничто не упоминается о позывѣ папы и кардиналовъ.

.* Questo é mio.

бѣ. Въ послѣдствіи разсудительные люди, вспоминая и повторяя эти слова, уже лишенные очарованія, заимствовавшаго ими отъ говорящаго, холодно порицали ихъ, но въ ту минуту все казалось возможнымъ для народнаго героя. Онъ говорилъ какъ вдохновенный, слушатели дрожали и вѣрили и когда, забывъ обо всемъ окружающемъ, онъ съ минуту стоялъ безмолвный, протянувъ руку, устремивъ свои темные расширившіеся глаза въ пространство, раскрывъ губы и поднявъ гордую голову надъ толпой,—то его энтузіазмъ воспламенилъ болѣе смиренныхъ и дальнихъ зрителей; и въ толпѣ пробѣжалъ шопотъ, начатый однимъ и повторенный всѣмъ другимъ: «Вогъ за Италію и за Ріензи!»

Трибунъ обернулся и увидѣлъ, что папскій викарій изумленъ, взволнованъ и хочетъ говорить. Разсудокъ и проникательность тотчасъ же къ нему возвратились. Рѣпась заглушить опасное непризнание своей смѣлости со стороны папской власти въ лицѣ Раймонда онъ быстро далъ знакъ музыкантамъ, и торжественная и звучная пѣснь священной церемоніи лишила епископа орвіетскаго всякаго случая къ самооправданію или къ возраженію.

По окончаніи службы, Ріензи прошепталъ епископу:—мы это вамъ удовлетворительно объяснимъ. Вы пируете съ нами въ Латеранѣ. Вашу руку. И онъ не выпускалъ руки епископа и не давалъ ему говорить съ другими до тѣхъ поръ, пока не раздался громовой звукъ горновъ и трубъ, барабановъ и кимваловъ. И среди стеченія народа, какое могло привѣтствовать на этомъ самомъ мѣстѣ крещеніе Константина, трибунъ и его нобили вошли въ большія ворота Латерана, тогдашняго дворца вселенной.

Такъ окончилась эта замѣчательная церемонія, этотъ гордый вызовъ сѣвернымъ властителямъ въ защиту итальянской свободы, который въ случаѣ успѣха былъ бы названъ высокою отвагою. Онъ не удался и потому въ послѣдствіи на него стала смотрѣть толпа какъ на сумасбродную дерзость. Но допустивъ, что поступокъ этотъ былъ въ высшей степени неблагоразуменъ, — болѣе проникательный судья характеровъ высшаго разряда вѣроятно сочтетъ его великолѣпнымъ безуміемъ смѣлой натуры, возбужденной своимъ положеніемъ и счастіемъ, религіознымъ фанатизмомъ, патріотическими и школьными мечтами, слишкомъ быстро перенесенными отъ мысли къ дѣйствию за предѣлы мудрой мірской политики, которая точить оружіе, прежде чѣмъ броситъ перчатку.

VII.

Пиръ.

Пиръ этого дня былъ великолѣпнѣе всѣхъ, бывшихъ до тѣхъ поръ. Слова Чекко-дель-Воккіо, такъ хорошо обрисовавшія характеръ его согражданъ, который и теперь, хотя и не въ такой крайней степени, отличается любовью къ пышности и великолѣпнымъ зрѣлищамъ, не были потеряны для Ріензи. Одинъ примѣръ изъ этого всеобщаго пира, (правда рассчитаннаго болѣе на народъ

чѣмъ на высшіе классы), можетъ показать господствовавшее на немъ изобиліе. Съ утра до вечера потоки вина лились подобно фонтану изъ ноздрей коня большой конной статуи Константина. Обширныя залы латеранскаго дворца, открытыя для всѣхъ званій, были щедро уставлены яствами; въ играхъ, забавахъ и шутескихъ формахъ того времени не было недостатка. Трибунасы, какъ называли, (довольно неклассически), Нину, угощала римскихъ дамъ, между тѣмъ какъ трибунъ съ успѣхомъ успокоивалъ и заставлялъ молчать Раймонда; и добрый епископъ сидѣлъ съ нѣмъ за особеннымъ столомъ, будучи одинъ удостоенъ этой чести. Залы были наполнены дворянствомъ и рыцарствомъ, богатствомъ и силою, ученостью и красотою итальянской столицы, благородными иностранцами даже изъ-за Альпъ; * и послами отъ свободныхъ государствъ, привѣтствовавшихъ возвышеніе трибуна. Тамъ были не только послы отъ Флоренціи, Сіенны Ареццо, Тоди, Сполето, и множества другихъ меньшихъ городовъ, и государствъ, но и отъ Висконти князя миланскаго; отъ Вероны и Болоньи. Даже гордый и проницательный Малатеста, владѣтель Римини, который въ послѣдствіи сокрушилъ на время силу Монреала, вождя великой компаніи, прислалъ своего представителя въ лицѣ самаго уважаемаго изъ своихъ нобилей. Іоаннъ ди Вико, самый жестокий и злой деспотъ своего времени, прежде грозно вызывавшій трибуна, а теперь смиренный и покорный, лично присутствовалъ на праздникѣ. Въмѣстѣ съ послами венгерскимъ и неаполитанскимъ, тамъ были послы Баварскій и Богемскій, которыхъ государи въ этотъ день были призваны къ Римскому судилищу. Колѣбаніе перьевъ, блескъ драгоценныхъ камней и золотой парчи, развѣвающихся на крышѣ знамена, звуки музыки, раздававшіеся съ верхнихъ галлерей, — все это представляло картину такого могущества и величія, видъ такого блестящаго двора и рыцарства, отъ которыхъ засверкали бы глаза и забилося бы сердце у самаго могущественнаго изъ феодаловъ. Но въ настоящую минуту виновникъ и господинъ всего этого блеска, очнувшись отъ своей недавней веселости, сидѣлъ угрюмый и разсѣянный, вспоминая о происшествіи послѣдней ночи и чувствуя, что среди его великолѣпныхъ гостей таятся убійцы, покушавшіеся на его жизнь. Онъ зналъ, что, не смотря на звуки музыки и на блескъ толпы, ему грозитъ измѣна, и образъ скелета, внушающаго среди пира мысль о смерти, потемнялъ для него рубиновый цвѣтъ вина и омрачалъ блескъ картины.

Въ самомъ разгарѣ пира явился пажъ трибуна, который, пройдя среди пирующихъ, шепнулъ что-то нѣкоторымъ изъ нобилей; каждый изъ нихъ при этомъ низко поклонился, измѣняясь однакоже въ лицѣ.

— Синьоръ Савелли, сказалъ Орсини, дрожа, будьте мужественнѣе. Можетъ быть это честь, а не мщеніе. Я думаю, что вамъ сказано тоже, что и мнѣ.

* Простой и доверчивый біографъ Ріензи говоритъ, что слава его достигла до слуха вавилонскаго султана.

— Онъ... онъ... просить... просить меня на ужинъ въ капитолій, дру...жеское собраніе (чортъ бы побралъ его дружбу!)—послѣ шумнаго дня.

— Это же сказано и мнѣ!—вскричалъ Орсини, обращаясь къ одному изъ Франджипани.

Получившіе приглашеніе скоро оставили пиръ и, собравшись группою, начали съ жаромъ разговаривать. Нѣкоторые предлагали бѣгство, но бѣжать значило бы сознаться. Ихъ число, званіе, продолжительная и освященная обычаемъ безнаказанность, ободрили ихъ и они рѣшились повиноваться. Только старый Колонна, который изъ числа приглашенныхъ на ужинъ бароновъ одинъ былъ невиненъ, отказался отъ приглашенія.

— Вотъ еще!—сказалъ онъ брюзгливо; довольно и этого пира для одного дня! скажи трибуну, что я надѣюсь уже спать прежде, чѣмъ онъ сядетъ ужинать. Старость не можетъ выдержать этой горячки пированія.

Когда Ріензи всталъ, чтобы уйти, что онъ сдѣлалъ рано, такъ какъ пиръ начался еще утромъ, — Раймондъ, нетерпѣливо желая вырваться и поговорить съ нѣкоторыми своими друзьями изъ духовенства на счетъ донесенія, которое онъ долженъ былъ сдѣлать первосвященнику, началъ прощаться, но безжалостный трибунъ сказалъ ему съ важностью:

— Монсиньоръ, мы имѣемъ въ васъ надобность по одному нетерпящему отлагательства дѣлу въ капитоліи. Намъ ждетъ заключенный..... судъ..... и можетъ быть, прибавилъ онъ, нахмутивъ таинственно брови — казнь! Пойдемте.

— Право, трибунъ, запинаясь проговорилъ добрый епископъ—это странное время для казни!

— Последняя ночь была еще страннѣе. Идемъ.

Въ тонѣ послѣдняго слова было нѣчто такое, чему Раймондъ не могъ противиться. Онъ вздохнулъ, прошепталъ что-то про себя, обдернулъ свою одежду и послѣдовалъ за трибуномъ. Когда Ріензи проходилъ чрезъ залы, то всѣ вставали. Онъ отвѣчалъ на ихъ привѣтъ улыбками и словами откровенной вѣжливости и ласки. Будучи молодъ и обладая красивою и благородною наружностью, которая казалась еще лучше отъ блестящаго наряда и отъ выраженія моральной власти на его челѣ и въ глазахъ, чего не было у малообразованныхъ синьоровъ того темнаго вѣка,—онъ блисталъ среди этого двора, какъ человѣкъ, достойный господствовать надъ нимъ. Со времени возвышенія Ріензи повсюду за-границею распространился и былъ принятъ на вѣру слухъ о его происхожденіи отъ тевтонскаго императора и иностранные синьоры видѣли это происхожденіе въ величій его осанки и въ непринужденной ласковости его обращенія.

— Монсиньоръ префектъ, сказалъ онъ мрачному и угрюмому чело-вѣку въ черномъ бархатномъ одѣяніи, могущественному и надменному Іоанну-ди-Вико, — мы радуемся, видя въ Римѣ такого благороднаго гостя. Мы въ непродолжительномъ времени должны

заплатить за эту вѣжливость, посѣтивши васъ въ вашемъ дворцѣ. И вы, синьоръ, прибавилъ Ріензи, обращаясь къ послу изъ Тиволи, — не откажите намъ въ пріютѣ среди вашихъ рошъ и виноградъ, куда мы явились прежде сбора винограда. Мнѣ кажется Римъ, въ соединеніи съ очаровательнымъ Тиволи, примирается съ музами. Ваша просьба, почтенный Венони, пущена въ ходъ, союзъ признаетъ ея справедливость; но я приберегу новости по этому дѣлу для настоящаго праздника; надѣюсь вы не въ претензіи на меня. Эти слова онъ прошепталъ, съ какою-то задушевною благосклонностью, одному достойному гражданину, который, видя себя среди такого множества знати, желалъ бы уклониться отъ глазъ трибуна. Но политикою трибуна было, между прочимъ—оказывать особенное и рачительное вниманіе къ людямъ, занимавшимся коммерческими дѣлами. Когда, постоявъ съ минуту или съ двѣ съ купцомъ, онъ пошелъ далѣе, то увидалъ высокую фигуру стараго Колонны.

— Синьоръ, сказалъ Ріензи, низко кланяясь, но вмѣстѣ придавая нѣкоторую выразительность своимъ словамъ, — вы не забудете посѣтить насъ въ этотъ вечеръ.

— Трибунъ, — началъ было Колонна.

— Мы не принимаемъ никакихъ извиненій, прервалъ Трибунъ поспѣшно и пошелъ далѣе.

Онъ остановился на нѣсколько минутъ возлѣ небольшой группы просто одѣтыхъ людей, которые смотрѣли на него съ напряженнымъ интересомъ: они тоже были ученые и въ возвышеніи трибуна видѣли новое подтвержденіе удивительной и внезапной власти, которую умъ началъ принимать надъ грубою силой. Вдругъ, очутившись въ сообществѣ сродныхъ умовъ, Трибунъ сбросилъ всю свою величавость. Можетъ быть, онъ прошелъ бы свое жизненное поприще счастливымъ, а посмертная слава его была бы несомнѣнной, еслибы они раздѣляли его цѣли, также какъ они раздѣляли его наклонности!

— А, carissime! сказалъ онъ одному изъ нихъ, взявъ его за руку, — какъ подвигается твое толкованіе надписей на древнихъ мраморныхъ плитахъ?

— Онѣ почти разобраны?

— Радъ слышать это! прошу тебя, говори со мной какъ въ старину. Завтра—вѣтъ, даже и не послѣ-завтра, а на слѣдующей недѣлѣ — мы проведемъ спокойный вечеръ. Милый поэтъ, ваша ода перенесла меня къ временамъ Горація, но, мнѣ кажется, мы дѣлаемъ нехорошо, отказываясь отъ отечественнаго для латыни. Вы качаете головой? Впрочемъ, и Петрарка раздѣляетъ ваши мысли: его величественная эпопея движется гигантскими шагами;—какъ я слышалъ отъ его друга посла: вотъ онъ. Мой Леліусъ,—кажется, такъ васъ называетъ Петрарка? Какъ мнѣ выразить мою радость по случаю его ободрительнаго, одушевляющаго письма? Увы! онъ не ошибается въ моихъ намереніяхъ, не преувеличиваетъ мое могущество. Объ этомъ послѣ.

Легкая тѣнь покрыла лицо трибуна при этихъ словахъ. Онъ пошелъ далѣе, и длинный рядъ нобилей и князей съ обѣихъ сторонъ

возвратилъ ему самообладаніе и достоинство, которое онъ сбросилъ съ себя, говоря съ своими прежними собратами. Такъ онъ пробрался чрезъ толпу и наконецъ скрылся.

— Онъ храбро ведетъ себя, сказалъ одинъ; когда гости опять сѣли? Замѣтили-ли вы его выраженіе—*мы?*—царская манера!

— Но должно признаться, что онъ владѣетъ ею хорошо, сказалъ посолъ отъ Висконти: быть менѣе гордымъ, значило бы раболѣпствовать предъ этимъ надменнымъ дворомъ.

— Почему это, сказалъ одинъ профессоръ изъ Болоньи,—трибуна называютъ гордымъ? я вовсе не вижу въ немъ гордости.

— Я тоже, сказалъ богатый ювелиръ.

Между тѣмъ какъ эти и еще болѣе разнорѣчающія замѣчанія сопровождали выходъ трибуна, онъ прошелъ въ гостиную, гдѣ председательствовала Нина. Тамъ его красивая наружность и серебряный языкъ (*Suavis colorataeque sententiae*, по выраженію Петрарки) приобрѣли ему болѣе всеобщую благосклонность со стороны матронъ, нежели какую ему оказывали ихъ мужья. Эта наружность и этотъ языкъ составляли не малый контрастъ съ формальными и напряженными комплиментами добраго епископа, который служилъ ему превосходнымъ орнаментомъ въ подобныхъ случаяхъ.

Но едва кончились эти церемоніи, и Ріензи сѣлъ на лошадь, то его манера вдругъ перепала въ грозную и злобщую суровость.

— Викарій, сказалъ онъ, отрывисто, епископу,—намъ очень можетъ понадобиться ваше присутствіе. Знайте, что въ капитолии заѣдаетъ теперь совѣтъ, для суда надъ однимъ убійцею. Въ эту ночь только по милости неба не погибъ отъ кинжала наемнаго злодѣя. Знаете вы что нибудь объ этомъ?

И Ріензи такъ быстро повернулся къ епископу, что бѣдный каноникъ чуть не упалъ съ лошади отъ изумленія и испуга.

— Я! вскричалъ онъ.

Ріензи улыбнулся.—Нѣтъ, мой добрый епископъ! Я вижу, что вы рождены быть убійцею. Послушайте. Чтобы не показаться судью въ собственномъ моемъ дѣлѣ, я приказалъ допросить арестанта безъ меня. При этомъ, вы замѣтили, что во время нашего банкета вамъ подано было письмо?

— Да, и вы измѣнились въ лицѣ.

— И было отъ чего: при допросѣ онъ сознался, что девять изъ амыхъ высшихъ вельможъ Рима подучили его. *Они нынѣшнюю ночь жимаютъ со мною!* Впередъ, викарій!

КНИГА V.

КРИЗИСЪ.

«Questo ha acceso l'fuoco e la fiamma la quale non la potrà spegnere.» — Vita di Cola di Rienzi, lib. I, cap. 39.

I.

Судъ трибуна.

Немногія слова трибуна Стефану Колоннѣ, хотя и усилили бѣшенство гордаго стараго нобиля, были таковы, что, по размышленіи онъ счелъ неблагоразумнымъ отказаться отъ приглашенія. Итакъ въ назначенный часъ онъ явился въ одной изъ залъ капитолія, вѣсть съ блестящимъ собраніемъ вельможъ. Ріензи принялъ ихъ болѣе чѣмъ съ обычною любезностью.

Онъ сѣлъ за великолѣпный столъ съ тайнымъ безпокойствомъ и смущеніемъ, замѣтивъ, что, исключая Стефана Колонны, на пиръ не было приглашено никого, кромѣ заговорщиковъ. Ріензи, не обращая вниманія на ихъ безмолвіе и разсѣянность, былъ веселъ, а старшій Колонна угрюмъ и обыкновеннаго.

— Мы боимся, что не угодили вамъ, монсиньоръ Колонна, нашимъ приглашеніемъ. Когда-то, кажется, мы легче могли добиться вашей улыбки.

— Положенія измѣнились, трибунъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы были моимъ гостемъ.

— Не совсѣмъ такъ. Я возвысился, но вы не пали. Вы можете днемъ и ночью ходить мирно и спокойно по улицамъ, ваша жизнь безопасна отъ разбойниковъ, а ваши дворцы не имѣютъ уже надобности въ рѣшеткахъ и оградахъ для того, чтобы защищать васъ отъ согражданъ. Я возвысился, но не одинъ: мы все возвысились отъ варварскаго безпорядка къ благоустройству! Синьоръ Джани Колонна, вы, котораго мы сдѣлали главнокомандующимъ въ Кампаніи, не откажетесь выпить кубокъ за Доброе Государство. Мы не думаемъ оскорбить вашей храбрости, если выкажемъ радость, что Римъ не имѣетъ непріятелей, для испытанія вашихъ военачальническихъ способностей.

— Кажется, сказалъ старшій Колонна, рѣзко, у насъ будетъ довольно непріятелей изъ Богеміи и Ваваріи, прежде чѣмъ позеленеетъ жатва.

— Если это и случится, возразилъ трибунъ спокойно, то чужеземные враги лучше гражданского раздора.

— Да, если у насъ будутъ деньги въ казнѣ, что не совсѣмъ вѣроятно, если мы будемъ давать еще много подобныхъ праздниковъ.

— Монсиньоръ, вы не любезны, сказалъ трибунъ, и притомъ въ

вашихъ словахъ заключается упрекъ не столько намъ, сколько Риму. Какой гражданинъ не жертвуетъ деньгами для пріобрѣтенія славы и свободы?

— Я знаю очень немногихъ въ Римѣ, которые жертвуютъ, отвѣчалъ баронъ.—Но, скажите мнѣ, трибунъ—вы замѣчательный казуистъ—какой правитель лучше для государства: слишкомъ бережливый или слишкомъ расточительный?

— Я отдаю вопросъ на рѣшеніе моего друга Луки-ди-Савелли, сказалъ Ріензи. Онъ великій философъ и я увѣренъ, что онъ можетъ отгадать еще болѣе трудную загадку, которую мы сейчасъ представляемъ его остроумію.

Бароны, чувствовавшіе себя въ очень неловкомъ положеніи при смѣлой рѣчи стараго Колонны, всѣ обратили глаза къ Савелли, который отвѣчалъ съ большимъ спокойствіемъ, чѣмъ они ожидали.

— Вопросъ этотъ допускаетъ двоякій отвѣтъ. Кто *родился* правителемъ и содержитъ войско изъ чужеземцевъ, управляя посредствомъ страха.—тотъ долженъ быть скупъ. Но кого *сдѣлали* правителемъ, кто ласкаетъ народъ и хочетъ властвовать посредствомъ любви,—тотъ долженъ пріобрѣтать благорасположеніе народа щедростію и ослѣплять его воображеніе великолѣпіемъ. Таково, мнѣ кажется, обыкновенное правило въ Италіи, которое исполнено практической государственной мудрости.

Бароны единодушно одобрили осторожный отвѣтъ Савелли, за исключеніемъ одного стараго Колонны.

— Извините меня, трибунъ, сказалъ Стефанъ,—если я не согласенъ съ уклончивымъ отвѣтомъ нашего друга, и, съ должнымъ почитеніемъ, выражу мысль, что грубая одежда монаха *, щегольство и прегрѣнія, были бы для васъ приличіе этой блестящей пышности—щегольства, гордости. Говоря эти слова, Колонна прикоснулся къ пирокому, обшитому золотомъ рукаву пурпурной одежды трибуна.

— Тшъ, отецъ, сказалъ Джанни, сынъ Стефана, покраснѣвъ отъ невызванной грубости и опаснаго чистосердечія ветерана.

— Ничего, сказалъ трибунъ, съ притворнымъ равнодушіемъ, хотя губы его дрожали, и глаза метали искры. Потомъ, помолчавъ, онъ продолжалъ съ страшною улыбкою:

— Если Колонна любитъ одежду монаха, то онъ вдоволь насмотрится на нее прежде, чѣмъ мы разойдемся. А теперь, синьоръ Савелли, обратимся къ моему вопросу. Просту васъ внимательно выслушать его: онъ требуетъ всего вашего остроумія. Что лучше для правителя государства: быть слишкомъ снисходительнымъ, или слишкомъ правосуднымъ? Соберитесь съ духомъ для отвѣта: вамъ, кажется, дурно,—вы блѣднѣете,—вы дрожите,—вы закрываете лицо! Измѣнникъ и убійца, твоя совѣсть обличаетъ тебя! Синьоры, помогите моему сообщнику и отвѣчайте.

* Колонна употребилъ выраженіе — *Vestimenta da Bizocco*. *Bizocchi* были еремики, которые отличались крайнимъ аскетизмомъ и въ послѣдствіи это слово перешло въ поговорку. См. Комментаріи *Zeffirino Re*, въ *Vita di Cola di Rienzi*.

— Нѣтъ, если мы открыты, сказалъ Орсини—вставая съ отчаянною рѣшимостью,—то мы не падѣмъ не отмщенныя—умри, тиранъ!

Онъ бросился къ мѣсту, гдѣ стоялъ трибунъ, (который тоже всталъ), и ударилъ его кинжаломъ въ грудь. Сталь пронзила пурпурную мантию, но, не причинивъ вреда, соскользнула, и трибунъ съ презрительною улыбкою посмотрѣлъ на обманувшагося убійцу.

— До вчерашней ночи я никогда не воображалъ, что буду имѣть надобность носить подъ парадною одеждой скрытыя латы, сказалъ онъ. Синьоры, вы дали мнѣ ужасный урокъ, благодарю васъ!

Сказавъ это, онъ захопалъ въ ладоши и вдругъ створчатая дверь въ концѣ комнаты распахнулась и открывала залу совѣта, обитую красными обоями съ бѣлыми полосами,—эмблема преступленія и смерти. За длиннымъ столомъ сидѣли совѣтники въ мантияхъ; у перегородки стоялъ злодѣй, котораго бароны узнали слишкомъ хорошо.

— Велите Родольфу Саксонскому подойти! сказалъ Трибунъ.

И два тѣлохранителя ввели разбойника въ залу.

— Такъ это ты, негодяй, выдалъ насъ! сказалъ одинъ изъ Франджипани.

— Родольфъ Саксонскій всегда идетъ къ тому, кто обѣщаетъ высшую плату, возразилъ негодяй съ ужасною улыбкой. Вы дали мнѣ золота и я хотѣлъ убить вашего врага; но онъ побѣдилъ меня: онъ даетъ мнѣ жизнь, а жизнь лучше золота.

— Вы признаетесь въ своемъ преступленіи, синьоры! Вы молчите, вы онѣмѣли! Гдѣ ваше остроуміе, Савелли? Гдѣ ваша гордость Ринальдо ди-Орсини? Джанни Колонна, неужели ваша рыцарская доблесть дошла до этого?

— О! продолжалъ Рензи съ глубокою и патетическою горечью. о, синьоры, неужели ничто не примиритъ васъ ни со мной, ни съ Римомъ? Какой былъ мой грѣхъ противъ васъ и вашихъ? Уволенные злодѣи (подобные вашему обвинителю), срытыя укрѣпленія, безпристрастный законъ... Во всѣхъ бурныхъ революціяхъ Италии какой человѣкъ, возникшій изъ народа, менѣе меня уступалъ его своеволію? Ни одна монета вашихъ сундуковъ не тронута необузданною сплою, ни одинъ волосъ вашей головы не поврежденъ личною мстью. Вы, Джанни Колонна, осыпанный почестями, полученный начальство, вы, Альфонсо ди-Франджипани, пожалованный новыми княжествами, скажите, вспомнилъ ли трибунъ объ оскорбленіяхъ, которыя получалъ отъ васъ, будучи плебеемъ? Вы обвиняете меня въ гордости: но развѣ я виноватъ, что вы ползали и пресмыкались предъ моею властію, съ лестью на губахъ и съ ядомъ въ сердцѣ? Нѣтъ, я не оскорблялъ васъ, пусть знаетъ свѣтъ, что въ моемъ лицѣ вы посягали на правосудіе, законъ, порядокъ, на возстановленное величіе, на возрожденные права Рима! Вашъ ударъ былъ направленъ не на мое слабое тѣло, а на эти идеи. Онъ побѣдилъ васъ и за оскорбленіе ихъ величія вы преступники и жертвы должны умереть!

Съ этими словами, произнесенными такимъ тономъ и съ такимъ видомъ, которые были достойны самой возвышенной души древняго города, Ріензи величественною стопою вышелъ изъ комнаты въ залу совѣта *.

Всю эту ночь заговорщики оставались въ комнатѣ, двери которой были заперты и охранялись часовыми; пиршественный столъ былъ не убранъ и его блескъ странно противорѣчилъ пасмурному расположенію духа гостей.

Крайнее уныніе и отчаяніе этихъ трусливыхъ преступниковъ, столь непохожихъ на рыцарскихъ нормановъ Франціи и Англіи, было изображено историкомъ въ самыхъ отвратительныхъ краскахъ. Только старый Колонна сохранилъ свой бурный и повелительный характеръ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ левъ въ клеткѣ, произнося громкія угрозы мщенія и вызова; онъ стучалъ кулаками въ дверь, требуя, чтобы его выпустили и грозилъ мщеніемъ первосвященника.

Медленно приближался разсвѣтъ; сѣрые лучи его падали на томившихся преступниковъ; и при свѣтѣ блѣднаго и печальнаго неба они смотрѣли другъ другу въ лицо, искаженное безпокойствомъ и страхомъ. Въ ту самую минуту, когда послѣдняя звѣзда исчезла съ рустнаго горизонта, загремѣлъ большой капитолійскій колоколъ, въ звукахъ котораго они узнали звонъ смерти. Дверь отворилась и въ комнату вошла угрюмая и мрачная процессія францисканскихъ монаховъ по одному для cadaго изъ бароновъ. При этомъ зрѣлищѣ ужасъ заговорщиковъ былъ такъ великъ, что такъ сказать леденѣлъ въ нихъ даже самый даръ слова **. Вольшинство ихъ, вѣдая, что всякая надежда погибла, отдалась своимъ угрюмымъ дуновѣніямъ. Но когда монахъ, назначенный для Стефана Колонны, подошелъ къ этому горячему старику, то онъ нетерпѣливо махнулъ рукой и сказалъ:

— Не докучай мнѣ! не докучай!
— Полно, сынъ, приготовься къ страшной минутѣ.
— Сынъ! право? сказалъ баронъ. Я довольно старъ для того, чтобы быть тебѣ дѣдомъ; а что касается до остальнаго, то скажи ослабшему тебя, что я не приготовленъ къ смерти и не буду приговариваться! Я рѣшился жить еще двадцать лѣтъ и даже дольше, если только не умру отъ холода въ эту проклятую ночь.

Въ этотъ самый моментъ послышался крикъ, отъ котораго, казалось, разрушится капитолій: толпа въ одинъ голосъ загремѣла въ изу:

— Смерть заговорщикамъ! смерть, смерть!
Между тѣмъ трибунъ вышелъ изъ своей комнаты, въ которой онъ перся съ своею женою и сестрой. Благородная дупа одной, слезы

* Хотя Гиббонъ и другіе новѣйшіе писатели не говорятъ о покушеніи бароновъ убить Ріензи, въ виду ихъ ясно подтверждають Муратори, Болонья и др. Они даже сознались въ преступленіи. (См. Cron. Estes: Muratori, Tom. XVIII p. 442).

** Diventarono sì gelati, chē non poteano favellare.

и горестъ другой. которая видѣла, что домъ ея жениха падеть подъ однимъ сильнымъ ударомъ, успѣшно подѣйствовали на натуру. правда строгую и справедливую, но имѣвшую отвращеніе къ крови. и на сердце способное къ самому возвышенному виду мщенія.

Онъ вошелъ въ совѣтъ, который еще не кончилъ засѣданія, съ спокойнымъ лицомъ и даже съ веселымъ взглядомъ.

— Пандульфо ди-Гвидо, сказалъ онъ, обращаясь къ этому гражданину, вы правы. Вы говорите какъ благоразумный человекъ и патриотъ, выражая мнѣніе, что отрубить однимъ, хотя и заслуженнымъ, ударомъ головы знатнѣйшихъ римскихъ патриціевъ значило бы подвергнуть опасности государство, замарать нашу пурпурную мантию неизгладимымъ пятномъ, и соединить противъ насъ все дворянство Италіи.

— Таковы, трибунъ, были мои доводы, хотя совѣтъ рѣшилъ иначе.

— Прислушайтесь къ крикамъ черни; вы не можете утишить ея честную горячность, сказалъ демагогъ Варончелли.

Многіе изъ совѣтниковъ прошептали свое одобреніе.

— Друзья, сказалъ трибунъ, съ торжественнымъ и серьезнымъ видомъ, мы восторжествовали—будемъ же снисходительны; мы спасены—простимъ.

Пандульфо и другіе, болѣе кроткіе и умѣренные изъ членовъ, поддержали рѣчь трибуна. Послѣ короткаго, но одушевленнаго спора, вліяніе Ріензи восторжествовало и смертный приговоръ былъ измѣненъ, впрочемъ очень слабымъ большинствомъ.

— А теперь, сказалъ Ріензи, будемъ болѣе чѣмъ справедливы: будемъ великодушны. Говорите и смѣло. Не думаетъ-ли кто-нибудь изъ васъ, что я былъ слишкомъ строгъ, слишкомъ гордъ, съ этими упрямыми умами? Я читаю вашъ отвѣтъ на вашихъ лицахъ. Я былъ. Не думаетъ-ли кто-нибудь, что эта ошибка моя могла побудить ихъ къ такому ужасному мщенію; что они, какъ и мы, не лишены человѣческихъ свойствъ, что они чувствительны къ ласкѣ, что ихъ смягчаетъ великодушіе, что они могутъ быть укрощены и обезоружены тою местью, которую внушаютъ благороднымъ врагамъ христіанскіе законы?

— Я думаю, сказалъ Пандульфо послѣ паузы, что было бы противно человѣческой природѣ, еслибы люди, которыхъ вы простили, не смотря на такое важное и доказанное преступленіе ихъ, вновь покусились на вашу жизнь.

— Миѣ кажется, сказалъ Ріензи, мы должны сдѣлать еще болѣе чѣмъ простить. Когда великій цезарь не хотѣлъ уничтожить врага, то онъ старался сдѣлать его другомъ.

— И погибъ чрезъ эту попытку, сказалъ Варончелли рѣзко. Ріензи вздрогнулъ и измѣнился въ лицѣ.

— Если вы хотѣли пощадить этихъ презрѣнныхъ узниковъ, то лучше бы не дожидаться, пока ярость черни сдѣлается неукротимой, прошепталъ Пандульфо.

Трибунъ очнулся отъ своей задумчивости.

— Пандульфо, сказалъ онъ тѣмъ же тономъ. Сердце мое несть.

Я держу въ рукѣ гнѣздо змѣй. Я не убиваю ихъ и онѣ могутъ ужалить меня на смерть въ воздаяніе за мою милость,—это въ ихъ натурѣ! Нѣтъ нужды; пусть не говорятъ, что римскій трибунъ купилъ собственную безопасность цѣною такого множества жизней; на моемъ могильномъ камнѣ не должно быть написано,—«Здѣсь лежитъ трусъ, который не осмѣливался прощать!» Эй! отворите двери! господа, объявимъ арестантамъ приговоръ.

Съ этими словами Ріензи сѣлъ на парадномъ креслѣ въ главѣ стола; взошедшее солнце бросило свои лучи на кроваво-красныя стѣны, въ которыхъ бароны, введенные въ порядкѣ въ комнату, видѣли свои смертные приговоры.

— Синьоры, сказалъ трибунъ, вы нарушили законы Божескіе и человѣческіе; но Богъ учитъ человѣка милосердію. Поймите, наконецъ, что моя жизнь заморожена. Тотъ, котораго небо, вызвавъ изъ хижины, сдѣлало правителемъ народа, не бываетъ безъ невидимой помощи и духовнаго покровительства. Да, души праведныхъ и недремлющее око вооруженнаго Серафима бдятъ надъ тѣмъ, кто живетъ единственно для своей родины, чье величіе есть даръ ея, чья жизнь есть ея свобода! Вы научены вашею послѣднею неудачею и настоящею вашею опасностью: укротите же свой гнѣвъ, противъ меня. Чтите законы, уважайте свободу нашего города, и, поймите, что нѣтъ благороднѣе зрѣлища въ государствѣ, какъ то, когда люди подобные вамъ по происхожденію, принадлежащіе къ благородному и знатному сословію, употребляютъ свою власть на защиту своего города, богатство—для поощренія искусствъ, рыцарскую доблесть—на покровительство законамъ! Возьмите ваши мечи назадъ и пусть первый, кто посягнетъ на свободу Рима, хотя бы это сдѣлалъ трибунъ, будетъ вашею жертвою! Ваше дѣло обслѣдовано, вашъ приговоръ произнесенъ. Поклянитесь вновь забыть всякую личную и общественную вражду противъ правительства и должностныхъ лицъ Рима,—и вы прощены, вы свободны!

Изумленные, смущенные бароны машинально преклонили колѣна: монахи, принявшіе ихъ исповѣдь, привели ихъ къ присягѣ, и топчя блѣдными губами торжественныя слова, преступники слышали внятную ревъ толпы, требовавшей ихъ крови.

По окончаніи церемоній, трибунъ вошелъ въ залу пирѣ, которая вела къ балкону, откуда онъ обыкновенно говорилъ къ народу. Можетъ быть, никогда его удивительное господство надъ страстями слушателей (*ad persuadendum efficax dictator, quoque dulcis ac lepidus*) *, не требовалось въ большей степени и не выказалось блистательнѣе, чѣмъ въ этотъ день, потому что ярость народа дошла до высшей степени, и не скоро удалось ему успокоить ее. Однако же, еще прежде чѣмъ онъ кончилъ, всѣ волны этого бурнаго моря утихли.—Въ послѣдствіи ораторъ стоялъ на этомъ самомъ мѣстѣ, чтобы защищать жизнь болѣе благородную, чѣмъ какую спасалъ теперь, и защищать напрасно!

* Петрарка о Ріензи.

Какъ только трибунъ увидѣлъ, что благопріятная минута наступила, бароны были впущены на балконъ. Въ присутствіи безмолвныхъ тысячъ народа, они торжественно обязались защищать доброе государство. Такимъ образомъ утро, которое, казалось, будетъ сіять надъ ихъ казнью, было свидѣтелемъ ихъ примиренія съ народомъ.

Толпа разсѣялась, большинство было успокоено и удовлетворено; болѣе проникательные были сердиты и недовольны.

— Онъ только усилилъ дымъ и пламя, котораго не умѣлъ потушить, проворчалъ Чекко-дель-Веккіо; и удачное выраженіе кузнеца обратилось въ пословицу и предсказаніе.

Между тѣмъ трибунъ, сознавая по крайней мѣрѣ, что онъ поступилъ великодушно, распустилъ совѣтъ и удалился въ комнату, гдѣ его ожидали Нина и сестра. Эти двѣ прекрасныя молодыя женщины нѣжно привязались одна къ другой: различіе въ характерѣ ихъ наружности и души, казалось, увеличивало прелесть обоихъ контрастовъ; такъ въ искусной обдѣлкѣ жемчугъ и алмазъ заимствуютъ красоту другъ отъ друга.

И теперь, когда Ирена отвернула свое блѣдное и плачущее лицо отъ груди, къ которой прильнула, ища опоры, контрастъ между этими двумя женщинами представилъ бы для кисти живописца волнощенію любви надѣющейся и любви боящейся всего. Сестра была взволнована, встревожена и задумчива, жена—спокойна и увѣрена, какъ будто бы она никогда не сомнѣвалась ни въ намѣреніяхъ, ни въ могуществѣ своего мужа.

— Ободрись милая сестра, сказалъ трибунъ, встрѣтившись прежде съ умоляющими глазами Ирены; ни одному волосу на головѣ людей, носящихъ имя того, кого ты такъ любишь, не будетъ нанесено вреда. Благодарю Бога, прибавилъ онъ, когда его сестра, слабо вскрикнувъ, бросилась въ его объятія, благодарю Бога что они покушались на мою жизнь. Еслибы покушеніе было направлено противъ какого нибудь другаго римлянина, то помилованіе было бы преступленіемъ. Дорогая моя, еслибы Адріанъ любилъ тебя хоть вполовину того, какъ я тебя люблю! Сестра и дитя мое! никто не можетъ знать твою нѣжную душу, какъ тотъ, кто бодрствовалъ надъ нею съ самой первой минуты ея разцвѣтанія. Бѣдный мой братъ! Если бы онъ жилъ, то онъ давалъ бы мнѣ тѣ же совѣты, какіе ты; и мнѣ представляется, что его кроткая душа прогоняетъ отъ меня суровость, которая иначе ожесточила бы мою душу. Нина, моя царица, вдохновительница и увѣщательница! пусть также твое сердце, мужественное въ моемъ несчастіи, будетъ всегда женственнымъ среди моего могущества. Вместе съ Иреною будь мнѣ тѣмъ на землѣ, чѣмъ братъ мой на небѣ.

Трибунъ, измученный тревогами ночи, удалился на нѣсколько часовъ отдохнуть. Когда Нина, обнимая его, внимательно смотрѣла на его благородное лицо, то забота на немъ затихла, честолюбіе успокоилось и ясность его имѣла въ себѣ что-то возвышенное. И крупныя слезы радостной гордости, которыя проливаетъ женщина

и герою ея грезъ, покрывали глаза Нины, когда она въ глубинѣ сердца радовалась не столько сану, до котораго возвысила ее судьба и которому она способна была служить украшеніемъ, сколько преимуществу, принадлежащему единственно ей, раздѣлять съ нимъ часы его уединенія. Въ эту спокойную, безмолвную минуту она бранивала свое сердце грезами наяву, которыя суетнѣе грезъ сна; и представляла себѣ поприще славы, а затѣмъ величественный мирный закатъ, ожидавшіе ея мужа.

И между тѣмъ какъ она бодрствовала и мечтала такимъ образомъ, бланко, которое было величиною еще не болѣе руки человѣка, порачало горизонтъ судьбы того, чей день готовъ былъ погаснуть.

II.

Вѣгство.

Съ тревожно бьющимся сердцемъ старый Колонна воротился въ свой дворецъ. Для него, невиннаго въ преступномъ покушеніи его родственниковъ и товарищей, вся сцена ночи и утра казалась немѣтею, какъ обидою и униженіемъ. Возвратясь домой, онъ тотчасъ велѣлъ надожнымъ курьерамъ быть готовыми къ исполненію приказаній. «Это въ Авиньонъ, сказалъ онъ про себя, окончивъ посланіе къ папѣ. Посмотримъ, будутъ ли связи великой фамилии Монновъ имѣть перевѣсъ надъ сумасбродною поддержкою этого юнца черни.—Это въ Палестрину. Утесъ неприступенъ! это къ анну ди Вико. На него можно положиться, хотя онъ измѣнникъ. Это—въ Неаполь. Колонна отречется отъ посланника трибуна, если онъ не броситъ своего порученія и не поспѣшитъ сюда не въ качествѣ влюбленнаго, а въ качествѣ солдата! А это—къ Вальтеру Монналю. Славнаго посла прислалъ онъ къ намъ, но я прощу ему все за тысячу копейщиковъ.» И дрожащими руками обвязывая письмо, онъ приказалъ пажамъ пригласить къ его столу на слѣдующій день всѣхъ синьоровъ, которые были замѣшаны вмѣстѣ съ нимъ въ дѣлѣ прошедшей ночи.

Бароны пришли, болѣе взбѣшенные униженіемъ помилованія, чѣмъ благодарные за него. Ихъ опасенія соединялись съ гордостью; они черни, рѣзкіе голоса францисканцевъ еще раздавались въ ихъ пазахъ и они думали, что только совокупное сопротивленіе можетъ защитить ихъ жизнь и отмстить за нанесенную имъ обиду.

Публичное прощеніе со стороны трибуна имъ казалось не болѣе чѣмъ маскою тайной мести. Они думали, что Ріензи не осмѣлился извѣстить ихъ открыто; забвеніе и помилованіе они считали средствами къ усыпленію ихъ бдительности и униженію ихъ гордости, а обнаруженіе ихъ преступленія отнимало у нихъ всякую надежду на безопасность. Противъ нихъ могла быть рука того самого убійцы, котораго они подучали, или же они могли быть уничтожены по-малочкѣ, по обыкновенной коварной политикѣ тиранновъ того времени. Довольно странно, что Лука ди-Савелли настоятельнѣе всѣхъ

требовалъ немедленнаго возмущенія. Страхъ смерти сдѣлалъ труса храбрымъ.

Будучи неспособны даже понять романтическое великодушіе трибуна, бароны еще болѣе встревожились, когда, на слѣдующій день, Ріензи потребовалъ ихъ къ себѣ, поодиначкѣ, на тайную аудіенцію, и осыпавъ ихъ подарками, просилъ забыть все прошлое. Онъ скорѣе извинился самъ, чѣмъ извинялъ ихъ, и пожаловалъ ихъ новымъ должностямъ и почестями.

Въ донкихотствѣ сердца, которому было врождено великодушіе, онъ думалъ, что для него нѣтъ середины, и что, не желая прервать вражду казнию, онъ можетъ побѣдить ее довѣріемъ и милостями. Такой образъ дѣйствій въ природномъ королѣ относительно подданныхъ могъ бы быть успѣшенъ, но великодушіе въ человѣкѣ, который вдругъ возвысился надъ своими прежними властителями, представляется не болѣе, какъ тщеславіемъ и оскорбленіемъ. Въ этомъ, и можетъ быть въ самомъ прощеніи, Ріензи сдѣлалъ роковую политическую ошибку, которой никогда не допустили бы мрачная проницательность Висконти или, въ позднѣйшія времена, Борджіа. Но это была ошибка свѣтлаго и великаго ума.

Нина сидѣла въ большой гостининой дворца. Это былъ пріемный день для римскихъ дамъ.

Собраніе было до такой степени малочисленнѣе обыкновеннаго, что это поразило Нину, и она замѣтила холодность и принужденность въ манерахъ своихъ настоящихъ посѣтительницъ. Это сколько задѣло ея тщеславіе.

— Надѣюсь мы ничѣмъ не оскорбили синьору Колонна, сказала она женѣ Джанни, сына Стефана. Она обыкновенно удостоивала напія залы своимъ посѣщеніемъ, и для насъ очень чувствительно то, что мы не видимъ здѣсь ея статной фигуры.

— Синьора, мать моего мужа нездорова.

— Нездорова? мы поплемъ узнать о ней болѣе пріятныя новости. Кажется, мы оставлены сегодня.

Говоря это, она небрежно уронила свой носовой платокъ. Гордая жена Колонны не наклонилась, ни одна рука не шевельнулась, и трибунасса на одинъ моментъ, казалось, была удивлена и сконфужена. Блуждая глазами по толпѣ, Нина замѣтила, что многія изъ ея посѣтительницъ, которыя, какъ она знала, были жены враговъ Ріензи, шептались между собой, обмѣниваясь значительными взглядами и злобными насмѣшками по поводу ея смущенія. Она тотчасъ же оправилась и сказала синьорѣ Франджипани съ улыбкою: не можемъ ли мы участвовать въ вашей веселости? Кажется, вы напали на какую-то забавную мысль, которою грѣшно было бы не поделиться.

Дама, къ которой Нина обратилась съ этими словами, слегка покраснѣла и отвѣчала:

Мы разсуждали о томъ, синьора, что если бы трибунъ былъ теперь здѣсь, то его обѣтъ рыцарства подвергнулся бы испытанію.

— Какимъ это образомъ, синьора?

— Для него было бы пріятнымъ долгомъ, помочь угнетенн^{ымъ}. синьора значительно взглянула на платокъ, все еще лежавшій полу.

— Такъ вы мнѣ хотѣли сдѣлать дорзость, синьоры? сказала Нина, ищественно вставая. Не знаю, такъ ли смѣлы ваши мужья съ триюмъ, но знаю, что жена его на будущее время проститъ ваше утствие. Четыре вѣка тому назадъ, Франджипани очень могла упить Разелли, а теперь жена римскаго барона можетъ признать шую себя особу въ женѣ перваго римскаго сановника. Я не выклаю и не ницу вашей вѣжливости...

— Мы зашли слишкомъ далеко, прошептала одна изъ дамъ своей тѣкѣ. Предпріятіе можетъ неудаться и тогда.

дальтійшія слова были прерваны внезапнымъ появленіемъ триа; онъ вошелъ съ большою поспѣшностью, и лицо его было попо облакомъ, на которое никто не могъ смотрѣть безъ трепета.

— Какъ, прекрасныя матроны! сказалъ онъ, окинувъ комнату былимъ взглядомъ, вы еще не оставили насъ? Клянусь св. Крестомъ, и мужья дѣлаютъ комплиментъ нашей чести, оставляя намъ тать милыхъ заложницъ, или же они — неблагодарные супруги. Иъ, синьора, прибавилъ онъ, быстро поворачиваясь къ женѣ иви Колонна, вашъ мужъ бѣжалъ въ Палестрину; вашъ, синьОрсини, въ Маринно, вашъ — съ нимъ, прекрасная синьора Франджипани; а вы пришли сюда. Но васъ никто не оскорбитъ даже слоы!

иѣтивъ наведенный имъ ужасъ, трибунъ съ минуту помолчалъ, идно стараясь подавить свое волненіе. Глаза его упали на Никоторая, забывъ свою недавнюю досаду, смотрѣла на него съ юхойнымъ изумленіемъ. — Да, синьора, сказалъ онъ ей, изъ этопрекраснаго собранія, можете быть, только вы одна не знаете, нобили, которыхъ я только что освободилъ отъ рукъ палача, другой разъ нарушили присягу. Они оставили Римъ въ концѣи герольды уже объявляютъ ихъ измѣнниками и бунтовщиа. *Pienzi болѣе не прощаетъ!*

— Трибунъ, вскричала синьора Франджипани, въ жилахъ которойо больше смѣлости, чѣмъ во всей ея фамиліи, еслибы я былаиною, то бросила бы тебѣ въ лицо слова — измѣнникъ и бундикъ, которыми ты поносишь моего мужа! Гордый человекъ!ю это будетъ сдѣлано первосвященникомъ!

— Прекрасная, Богъ наградилъ нашего мужа голубемъ, отвѣчалъбунъ, презрительно. Синьоры, не бойтесь, пока Ріензи живъ, а самаго злѣйшаго врага его будетъ ограждена безопасностью иетомъ. Толпа сейчасъ придетъ сюда, наши тѣлохранители проятъ васъ домой, или же этотъ дворецъ будетъ вашими убѣжиъ, потому что, предупреждаю васъ, ваши мужья бросились въышую опасность. Черезъ нѣсколько дней римскія улицы будутъожи на потоки крови.

Мы принимаемъ ваше предложеніе, трибунъ, сказала синьораанджипани, которая была тронута тономъ трибуна и противъ во-

ли своей почувствовала благоговѣйный страхъ. Съ этими словами она опустилась на одно колѣно, подняла платокъ, и, почтительно подавая его Нинѣ, сказала: синьора, простите меня. Я одна изъ присутствующихъ здѣсь уважаю васъ въ опасности болѣе, чѣмъ въ гордости.

— А я, отвѣчала Нина, опираясь, съ граціозною довѣренностью, на руку мужа, я скажу, что если опасность существуетъ, то гордость тѣмъ нужнѣе.

Во весь этотъ день и во всю эту ночь звонилъ большой колоколъ капитолія. Но на слѣдующее утро, на разсвѣтъ собралась очень большая и раздробленная толпа. Вѣгство бароновъ сильно испугало народъ и онъ громко и горько укорялъ Ріензи за то, что онъ далъ имъ случай къ подобному потупку. Днемъ ропотъ продолжался; роптавшіе болѣею частью оставались въ своихъ домахъ или собирались праздными и недовольными группами. Наступилъ разсвѣтъ слѣдующаго дня—таже летаргія. Трибунъ созвалъ свой свѣтъ, который былъ представительнымъ собраніемъ.

— Должны ли мы выступить такъ какъ есть, сказалъ онъ, съ такимъ небольшимъ числомъ людей, готовыхъ идти за римскими знаменемъ?

— Нѣтъ, возразилъ Пандульфо, который, будучи отъ природы робокъ, тѣмъ не менѣе былъ хорошо знакомъ съ духомъ народа, потому былъ умнымъ совѣтникомъ. Останемся, подождемъ, пока бунтовщики сдѣлаютъ себя ненавистными какимъ нибудь преступленіемъ и тогда злоба соединитъ нерѣшительныхъ и мнѣнію заставить ихъ идти.

Этого совѣта послушались и событія оправдали благоразуміе его. Чтобы извинить и придать благовидность этой отсрочкѣ, въ Мартино, сильную крѣпость, куда ушла большая часть бароновъ, были посланы гонцы съ требованіемъ, чтобы они немедленно возвратились.

Въ тотъ день, когда вернувшіеся гонцы уведомили Ріензи о гордомъ отказѣ инсургентовъ, въ Римъ стеклись бѣглецы со всѣхъ частей Кампаньи. Сожженные дома, ограбленные монастыри, пороченные виноградники, угнанный скотъ—свидѣтельствовали о побѣдахъ бароновъ и оушевели вѣлыхъ римлянъ, показавъ имъ въ какой милости они могутъ ожидать для себя. Въ этотъ вечеръ онъ по собственному побужденію бросился къ капитолійскому дворцу: Ринальдо Орсини овладѣлъ крѣпостью, лежавшею возлѣ самаго Рима, и поджегъ одну башню, пламя которой было видно въ горѣ. Жительница башни, благородная старая вдова, сторука живая. Начался шумъ, всѣ пришли въ ярость и неукротимое бышество; часъ для дѣятельности наступилъ *.

* *Ardea terrae, arse la Castellanza, e case, e uomini. Non si schifo di ardere un nobile donna Vedova, veterana, in una torre. Per tale crudeltade M Romani più irati, etc. Vita di Cola di Rienzi, lib. I, cap. 20.*

III.

Битва.

— Я видѣлъ сонъ вскричалъ Ріензи, вскакивая съ постели. Папа Бенедикцій, врагъ и жертва Колонновъ, явился мнѣ и общалъ поцѣлу *.

Нина, приготовь лавровый вѣнокъ, сегодня, побѣда будетъ наша.

— О, Ріензи! сегодня?

— Да, послушай, какъ гремитъ колоколъ, какъ звучитъ труба. слышу нетерпѣливые удары копытъ моего бѣлаго боевого коня. иди поцѣлуй, Нина, прежде чѣмъ я надѣну оружіе для побѣды. ода, утѣшь бѣдную Ирену, я не хочу ее видѣть, она плачетъ о томъ, что мои враги—родственники ея жениху; я немогу выносить слезъ, я ходилъ за нею, когда она была еще въ колыбели. Сегодня я не долженъ имѣть никакой слабости въ душѣ! Бездѣльники, извѣданы клятвопреступники! волю, которыхъ никогда нельзя укротить! встрѣчусь ли я съ вами наконецъ лицомъ къ лицу? Иди, Нина къ Иренѣ скорѣй. Адріанъ въ Неаполѣ, но еслибы онъ былъ въ Римѣ, то онъ, женихъ ея, непрекосновенъ, будь онъ пятьдесятъ разъ Колонна.

Съ этими словами трибунъ пошелъ въ свою уборную комнату, гдѣ слуги и дворяне помогли ему вооружиться. Я слышалъ отъ нашихъ пѣловъ, сказалъ онъ, что непріятель явится у воротъ раньше зари, четыре тысячи пѣшихъ и семьсотъ всадниковъ. Мы радушно ихъ примемъ, господа. Какъ, Анджеоло Виллани, мой хорошенькій пацъ, что ты здѣсь дѣлаешь? зачѣмъ ты оставилъ свою господа?

— Мнѣ хочется посмотрѣть, какъ воинъ вооружается для защиты Рима, сказалъ мальчикъ съ дѣтскою энергіей.

— Да благослови тебѣ Богъ, дитя мое, ты говоришь какъ настоящій римлянинъ!

— Сеньора обѣщала взять меня съ собой къ воротамъ крѣпости, чтобы ожидать тамъ извѣстій.

— И увѣдомить о побѣдѣ! Хорошо, но не слѣдуетъ пускать тебя слишкомъ близко. Какъ Пандульфо, и ты надѣлъ кольчугу!

— Римъ призываетъ всѣхъ, отвѣчалъ гражданинъ, котораго слава перы были возбуждены всеобщимъ энтузіазмомъ.

— Да, призываетъ, и еще разъ я горжусь, что я римлянинъ. Теперь, господа, дайте мнѣ далматикъ умъ: ** я хочу, чтобы каждый изъ насъ зналъ Ріензи и, клянусь Богомъ брани! сражаясь во главѣ императорскаго народа, я имѣю право на императорскую мантию.

* In questa notte mi è apparso Santo Bonifacio Papa, etc. vit di Col. Rien. p. 32.

** Бѣлая мантия, которую носилъ Ріензи, вѣкогда принадлежавшая къ реческому облаченію, а потомъ сдѣлавшаяся эмблемою императорской власти.

Готовы ли монахи? Нашъ маршъ къ воротамъ долженъ быть прѣшествованъ торжественнымъ гимномъ: такъ сражались наши отцы.

— Трибунъ, пріѣхалъ Іоаннъ ди-Вико, съ сотнею всадниковъ, для защиты добраго государства.

— Пріѣхалъ? Значить, Господь избавилъ насъ отъ одного врага и предалъ въ наши руки одного измѣнника!... Принеси сюда вотъ тотъ ларчикъ, Анджело. Пандульфо, прочти это письмо.

Гражданинъ съ удивленіемъ и безпокойствомъ прочелъ отъ коварнаго префекта на посланіе Колонны.

— Онъ общаетъ Стефану перебѣжать къ нему во время сраженія со знаменемъ префекта, сказалъ Пандульфо. Что дѣлать?

— Какъ что дѣлать? Возьми мою печать, вотъ здѣсь, и смотри, чтобы его сейчасъ же отвели въ тюрьму капитолія. Вели его свѣтъ оставить Римъ и предупреди этихъ людей, что если они будутъ дѣйствовать заодно съ баронами, то ихъ господинъ умретъ. Ступай, сдѣлай это, не теряя ни минуты. Теперь идемъ въ капеллу — мы хотимъ отслушать обѣдню.

Черезъ такую римская армія, большая и разнородная, состоявшая изъ людей всѣхъ возрастовъ шла къ воротамъ Санъ-Лоренцо. Несмотря на ея многочисленность (она заключала въ себѣ двадцать тысячъ пѣхоты) и шестой части ея нельзя было назвать арміею, но кавалерія была хорошо снаряжена и состояла изъ менѣе значительныхъ дворянъ и богатѣйшихъ гражданъ. Во главѣ ихъ шли трибунъ, въ полномъ вооруженіи. Шлемъ его былъ украшенъ дубовыми и оливковыми листьями, сдѣланными изъ серебра. Прѣдъ нимъ развѣвалось большое римское знамя. Впередѣ этого многочисленнаго войска шла процессія францисканскихъ монаховъ (духовенство въ Римѣ было вообще на сторонѣ народа и его восторженнаго вождя). Они медленно пѣли гимнъ, которому придавали необыкновенную поразительность стукъ оружія, звукъ трубъ и прохоть барабановъ, раздававшіеся въ концѣ каждого куплета и составлявшіе, такъ сказать, воинственный призывъ.

Въ этомъ порядкѣ войско дошло до обширнаго нутаго мѣста предъ воротами города и выстроилось длинными рядами съ обѣихъ сторонъ по улицамъ, оставивъ широкое пространство по срединѣ. Тамъ оно ожидало приказаній своего вождя.

— Отворите ворота и пустите врага, вскричалъ Ріензи громкимъ голосомъ, когда трубы бароновъ возвестили о приближеніи ихъ.

Между тѣмъ возмущившіеся патриціи, которые въ это утро выступили изъ крѣпости, называемой монументомъ, въ четырехъ миляхъ отъ города, приближались смѣлымъ и блестящимъ строемъ. Со стороны Стефаномъ, къ высокому росту, худощавой фигурѣ и впечатлительному виду котораго такъ хорошо шла его великолѣпная кольчуга, ѣхали его сыновья, также Франджипани, Саволли и Джордано Орсини, братъ Ринальда.

— Сегодня тиранъ погибнетъ и знамя Колонновъ будетъ развѣваться на капитоліи! сказалъ гордый Стефанъ.

— Зная Медвѣдя, сказалъ Джордано Орсини съ гнѣвомъ. Побѣда будетъ принадлежать не однимъ вамъ, монсеньоръ.

— Нашъ домъ всегда первенствовалъ въ Римѣ, возразилъ Колонна надменно.

— Никогда не будетъ этого, пока во дворцахъ Орсини останется камень на камнѣ.

— Тшъ! сказалъ Лука ди-Савелли, вы дѣлите между собою кожу льва, когда онъ еще живъ! Сегодня у насъ будетъ жаркая работа.

— Нѣтъ, сказалъ старый Колонна, Іоаннъ ди-Вико съ своими римлянами возвратится при первомъ нападеніи и нѣкоторые изъ недовольныхъ въ городѣ обѣщали отворить ворота. Ну, что? прибавилъ онъ, обращаясь къ лазутчику, который, задыхаясь, подсказалъ къ нему; какія вѣсти?

— Ворота отперты, ни одного копья не видно на стѣнахъ!

— Не говорилъ ли я вамъ, синьоры? сказалъ Колонна, поворачиваясь кругомъ съ торжествующимъ видомъ. Кажется, мы возьмемъ Римъ, не сдѣлавъ ни одного удара. Внукъ, куда дѣлись твои глупыя предсказанія? Эти слова были обращены къ Пьетро, одному изъ его внуковъ, первому сыну Джанни, красивому молодому человѣку, со дня сватъбы котораго не прошло и двухъ недѣль. Юноша не отвѣчалъ.

— Мой маленькій Пьетро, продолжалъ баронъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ, женился такъ недавно, что въ прошлую ночь ему приснилась жена и онъ, бѣдный мальчикъ, считаетъ это дурнымъ предзнаменованіемъ.

— Она была въ глубокомъ траурѣ, и выскользнула у меня изъ рукъ, съ словами: горе, горе Колоннамъ! сказалъ молодой человѣкъ торжественно.

— Я живу около девяноста лѣтъ, возразилъ старикъ, и, можетъ быть, видѣлъ сорокъ тысячъ сновъ изъ которыхъ два были правды, а всѣ остальные—ложные. Суди же, какова должна быть вѣроятность того, что сонъ исполнится.

Разговаривая такимъ образомъ, они подѣхали на разстояніе полета стрѣлы отъ воротъ, которыя все еще были отворены. Вездѣ царствовало мертвое молчаніе. Войско, состоявшее главнымъ образомъ изъ иностранныхъ наемниковъ, остановилось въ раздумьи, какъ вдругъ надъ стѣнами поднялся факелъ, онъ горѣлъ съ минутой и потомъ зашипѣлъ въ грязномъ прудѣ внизу.

— Это условленный сигналъ нашихъ друзей въ городѣ, вскричалъ старый Колонна.

— Пьетро, поѣжай съ своимъ отрядомъ! Молодой патрицій напустилъ наличникъ, и, во главѣ своихъ солдатъ, съ копьемъ на перевѣсѣ, поѣхалъ легкимъ галопомъ къ воротамъ. Утро было туманно и пасмурно, и солнце, показывавшееся только по временамъ, теперь ярко заблестало на колеблющемся перѣ и свѣтлой кольчугѣ молодаго всадника, который исчезъ подъ мрачною аркою, опередивъ нѣсколькими шагами своихъ солдатъ. За нимъ ѣхала конница подъ предводительствомъ Джанни Колонна, отца Пьетро. Последо-

вало минутное молчаніе, прерываемое звукомъ оружія и топотомъ копытъ, какъ вдругъ раздался крикъ: «Римъ, трибунъ и народъ!» «Spirito Santo Cavalieri!» Главный отрядъ остался въ изумленіи. Вдругъ появился Джани Колонна, который во всю прыть ѣхалъ назадъ.

— Мой сынъ, мой сынъ! кричалъ онъ, они убили его; онъ остановился въ нерѣшимости и потомъ прибавилъ: Но я отомщу за него. Онъ повернулъ коня, и, прищипоривъ его, опять бросился подъ арку, но огромная желѣзная машина, сдѣланная въ видѣ спусковой рѣшетки, внезапно упала на несчастнаго отца и раздавила и лошада и всадника, превративъ ихъ въ одну смѣшанную, изуродованную, кровавую массу.

Старый Колонна видѣлъ это, и едва вѣрилъ своимъ глазамъ. Прежде, чѣмъ нападающіе опомнились отъ оцѣпенѣнія, машина поднялась и нарядное ополченіе бросилось чрезъ трупъ. Они шли, одна тысяча за другою, бурнымъ, шумнымъ ревущимъ потокомъ. Они со всѣхъ сторонъ нахлынули на непріятелей, въ строгомъ порядкѣ и покрытые съ ногъ до головы кольчугами, выдерживали и сами дѣлали нападенія.

— Местъ и Колонна! Медвѣдь и Орсини! Влагодѣтельность и Франджипани! * Змѣя и Савелли! ** таковы были восклицанія, смѣшанные съ нѣмецкимъ хриплымъ крикомъ: «полные кошельки и три кельнскіе короля!» Римляне, болѣе яростные чѣмъ дисциплинированные, падали толпами вокругъ рядовъ наемниковъ; но когда падалъ одинъ, то другой заступалъ его мѣсто, и, по прежнему, съ ослабѣвающей горячностью громилъ крикъ: Римъ, трибунъ и народъ! Spirito Santo, Cavalieri! Подвергаясь всѣмъ ударамъ мечей и стрѣлъ, такъ какъ онъ былъ замѣченъ по своей эмблематической диадемѣ и императорской мантии, Ріензи управлялъ всѣми нападеніями, съ огромною боевою сѣкирою въ рукахъ. Итальянцы были знамениты своимъ умѣньемъ владѣть этимъ оружіемъ, и Ріензи считалъ его національнымъ. Теперь онъ былъ вдохновленъ самыми мрачными и суровыми инстинктами своей натуры; кровь его была разгорячена, страсти возбуждены; онъ сражался какъ гражданинъ—за свободу, какъ монархъ—за корону, и его отвага казалась изумленному непріятелю отвагою бѣшенаго, его невредимость невредимостью вдохновеннаго. Онъ появлялся то здѣсь, то тамъ, повсюду сіяла его бѣлая мантия, и подымалась его кровавая сѣкира, гдѣ ослабѣвало его собственное или непріятельское войско. Но его ярость, казалось, была направлена болѣе противъ начальниковъ, чѣмъ противъ массы, и вездѣ, гдѣ мчался его конь, слышенъ былъ вопросъ трибуна: — Гдѣ Колонна? Вызываю Орсини! Spirito Santo, Cavalieri! Три раза была сдѣлана вылазка изъ воротъ и три раза римляне были отбиты; при третьей вылазкѣ римское знамя, находившееся впередъ

* Франджипани заимствовалъ свой девизъ изъ сказанія о какомъ-то баснословномъ предкѣ, который раздѣлилъ свой хлѣбъ съ нищимъ во время голода.

** Однако же, по геральдическому тиселавію, Савелли обыкновенно брали за своего герба изображеніе льва.

трибуна, было разрушено и повергнуто на землю. Тогда только Ріензи обнаружил изумленіе и безпокойство. Поднявъ глаза къ небу, онъ воскликнулъ:

— Господи, неужели ты меня оставилъ? И собравшись съ духомъ, онъ еще разъ махнулъ рукой и опять повелъ впередъ свое безпородочное войско.

Къ вечеру битва кончилась. Гордость и цвѣтъ бароновъ, которые были главнымъ предметомъ нападеній Ріензи, погибли. Изъ княжескаго дома Колонновъ трое легли трупами. Джіордано Орсини былъ смертельно раненъ; свирѣпый Ринальдо не участвовалъ въ битвѣ. Изъ фамиліи Франджипани важнѣйшихъ синьоровъ уже не существовало, а Лука, трусливый глава дома Савелли, еще задолго до конца схватки спасся бѣгствомъ. Съ другой стороны, уронъ гражданъ былъ огроменъ, земля была напоена кровью, и при свѣтѣ вечерней звѣзды Ріензи и римляне, окончивъ преслѣдованіе враговъ, возвращались побѣдителями по кучамъ убитыхъ лошадей и всадниковъ. Радостные крики сопровождали трибуна, когда онъ на задыхающемся конѣ проѣзжалъ подъ аркою. При самомъ вѣздѣ въ городъ, внутри его стояли толпы людей, которые не могли участвовать въ сраженіи, по своимъ немощамъ, полу или возрасту, женщины, дѣти, дряхлые старики, вмѣстѣ съ босоногими монахами въ голыхъ одеждахъ. Узнавъ о побѣдѣ, они приготовились здѣсь пригласить его тріумфъ.

Ріензи остановилъ коня близъ трупа юнаго Колонны, который лежалъ на половину въ лужѣ; возлѣ него лежало тѣло его отца, отолкнутое отъ арки, гдѣ онъ погибъ, того самого Джанни Колонна, котораго копье пронзило брата Ріензи! Грустные лучи Геспера играли на лужѣ и на латахъ, покрытыхъ запекшеюся кровью. Ріензи взглянулъ на убитаго, грудь его тяжело подымалась отъ множества волнующихъ ее ощущеній и, обернувшись, онъ увидѣлъ Анджело, который вмѣстѣ съ нѣкоторыми стражами Нины подошелъ къ мѣсту и теперь стоялъ возлѣ трибуна.

— Дитя, сказалъ Ріензи, указывая на умершаго. *Блаженъ ты, что кровь родственника не вопіетъ къ тебѣ о мщеніи.* Для того, къ кому вопіетъ такая кровь, рано или поздно, часъ наступаетъ, и этотъ часъ ужасенъ!

Эти слова далеко запади въ душу Анджело, и въ послѣдствіи они сдѣлались роковыми для того, кто ихъ сказалъ и кто выслушалъ.

Прежде чѣмъ Ріензи успѣлъ вполне оправиться, и между тѣмъ, какъ вокругъ его слышались вопли вдовъ и матерей убитыхъ, стоны умирающихъ, увѣщанія монаховъ, смѣшанные съ восклицаніями торжества и радости, вдругъ раздался крикъ женщинъ и мужчинъ, бродившихъ по полю битвы вѣтъ города:

— Непріятель! непріятель!

— Къ оружію! вскричалъ трибунъ. Назадъ въ порядокъ! Впрочемъ они не могутъ быть такъ смѣлы.

Послышался топотъ лошадей и звукъ трубъ, и тридцать всадниковъ во весь карьеръ промчались черезъ ворота.

Луки ваши! вскричалъ трибунъ, устремляясь впередъ, прочемъ стойте, начальникъ ихъ безоруженъ, это наше собственное знамя. Это нашъ посланникъ изъ Неаполя, синьоръ Адрианъ ди-Кастелло!

Измученный, задыхающийся, покрытый пылью, Адрианъ остановился у лужи, красной отъ крови его родственниковъ; ихъ блѣды мертвые лица бросились ему въ глаза.

— Слишкомъ поздно, увы! страшная судьба! несчастный Рим!

— Они упали въ яму, которую сами выкопали, сказалъ трибунъ твердымъ, но глухимъ голосомъ. О, благородный Адрианъ, еслибы твои совѣты могли предотвратить это!

— Прочь, гордый человѣкъ, прочь! сказалъ Адрианъ, нетерпѣливо махнувъ рукой, тебѣ бы слѣдовало защищать жизнь римлянъ: а не... о Джанни! Пьетро! неужели ни происхождение, ни слава, ни твои юные годы, бѣдный мальчикъ, не могли спасти тебя?

— Извините ему, друзья, сказалъ трибунъ толпѣ, его горе естественно и онъ не знаетъ всей ихъ вины. Отступите, прошу васъ — предоставьте его намъ.

Адриану могло бы быть плохо, еслибы трибунъ не нашелъ этой короткой рѣчи. И когда молодой синьоръ, сойдя съ лошади, наклонился надъ своими родственниками, то трибунъ, тоже отдавъ свою оруженосцамъ, подошелъ къ Адриану и, не смотря на его нежеланіе и отвращеніе, отвелъ его въ сторону.

— Молодой другъ, сказалъ онъ печально, мое сердце обливается кровью за тебя; но одумайся, гнѣвъ толпы противъ нихъ еще не прошелъ: будь благоразуменъ!

— Благоразуменъ!

— Тише! клянусь честью, эти люди недостойны вашего имени. Дважды клятвопреступники, дважды убійцы, дважды бунтовщики. послушайте меня!

— Трибунъ, я не ищу оправданія для того, что вижу; можетъ быть, они убиты справедливо, можетъ быть, плохо. Но между пальцемъ моего рода и мною не существуетъ мира.

— Не хотите ли вы быть клятвопреступникомъ? А ваша присяга? Полно, я не слышу этихъ словъ. Успокойтесь, удалитесь, и если начиная съ этого времени, чрезъ три дня вы будете порицать меня за что-нибудь другое кромѣ неблагоразумной слабости, то я развѣшаю васъ отъ вашей присяги, и вы свободны быть моимъ врагомъ. Толпа разбѣгаетъ рты и пучитъ глаза на насъ: еще минута — и я можетъ быть, не въ состояніи буду спасти васъ.

Чувства молодого патриція были въ настоящую минуту таковы. что ихъ рѣшительно невозможно передать словами. Онъ никогда не бывалъ долго въ кругу своей фамиліи и не пользовался отъ нея ничѣмъ, кромѣ обыкновенной вѣжливости. Но родство — все таки остается родствомъ! И предъ нимъ лежали жертвы роковыхъ случайностей войны, дерево и ростокъ, цвѣтъ и надежда его рода! Онъ чувствовалъ, что ничего не можетъ отвѣтить трибуну: самое ужасное ихъ смерти доказывало, что они погибли въ нападеніи на своихъ

соотечественниковъ. Онъ сочувствовалъ не дѣлу ихъ, а судьбѣ. Не имѣя основанія для гнѣва, ни для мщенія, сердце его было тѣмъ воспримчивѣе къ удару и одипенѣннѣю горя. И потому онъ не говорилъ, а продолжалъ смотрѣть на убитыхъ. между тѣмъ какъ крупныя, несдерживаемыя слезы, которыя текли по его щекамъ, и его поза, выражавшая уныніе и горестъ, были такъ трогательны, что толпа, которая прежде негодовала, почувствовала къ нему состраданіе. Наконецъ онъ, казалось, рѣшился. Онъ повернулся къ трибуну и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Трибунъ, я не оуждаю васъ и не обвиняю. Если въ этомъ вы поступили опрометчиво, то Богъ потребуетъ крови за кровь. Я не веду войны съ вами, вы правы! моя присяга запрещаетъ мнѣ это и если вы будете управлять хорошо, то я еще могу помнить, что я римлянинъ. Но взгляните на этотъ кровавый прахъ, мы не встрѣтимся больше! Ваша сестра, да будетъ съ нею Богъ! между ею и мною, мрачная бездна! Молодой патрицій на нѣсколько мгновеній остановился, потомъ продолжалъ:—Эти бумаги освобождаютъ меня отъ моего порученія. Знаменщики, положите на землю знамя республики. Трибунъ, ни слова, я хочу быть спокойнымъ — спокойнымъ. Прощай Римъ! И бросивъ поспѣшный взглядъ на мертвыхъ, онъ вскочилъ на коня и въ сопровожденіи своей свиты исчезъ за аркой.

Трибунъ не старался его удерживать и не останавливалъ его. Онъ понималъ, что молодой патрицій думалъ и поступалъ такъ, какъ было ему прилично. Ріензи слѣдовалъ за нимъ глазами.

— Итакъ, сказалъ онъ мрачно, судьба отнимаетъ у меня благороднѣйшаго друга и справедливѣйшаго совѣтника, Римъ никогда не лишался лучшаго челоуѣка!

Такова всегдашняя участь неустроенныхъ государствъ. Посредникъ между двумя сословіями, благодушный патрицій, безпристрастный патриотъ, первый готовый дѣйствовать и болѣе всѣхъ привѣтствуемый въ своей дѣятельности, безвѣстно исчезаетъ со сцены. На ней расхаживаютъ болѣе суровые и менѣе совѣстливые люди. Между одною ненавистью и другою нѣтъ нейтральнаго гармонирующаго звена, — и наконецъ за бѣшенствомъ наступаетъ истощеніе, исполненное ужасовъ, и всѣ рады деспотизму какъ отдыху!

IV.

Непрочность основанія.

Быстрый и хлопотливый ходъ политическихъ событій долго не позволялъ намъ говорить о сестрѣ трибуна и новѣстѣ Адріана. Кроткія мысли и всегдашнія грезы этой прекрасной и влюбленной дѣвушки, для которой онъ имѣлъ интересъ выше всѣхъ бурь и опасностей честолюбія, не совсѣмъ поддаются разсказу; ихъ тихую монотонность можно описать въ немногихъ словахъ. Для нихъ существовалъ только одинъ образъ, онѣ клонились только къ одной цѣли.

Ирена пугалась блеска, окружавшаго ея брата, а когда она принуждала себя показываться среди его двора, то ея затмила блѣе зрѣлая, ослѣпляющая красота и всепокоряющая наружность Нины; пышность и толпа казались для нея чѣмъ-то фантастическимъ, отъ чего она удалялась къ *дѣйствительной жизни*, къ надеждамъ и думамъ своего сердца. Бѣдная дѣвушка! Обладая кроткой и нѣжной натурой умершаго брата и не имѣя ни одной черты суроваго генія и обширнаго честолюбія, ослѣпляющаго тщеславія и энергіи Ріензи, она не была рождена для безпокойной, но блестящей сферы, въ которую она была перенесена такъ внезапно.

При всей своей привязанности къ Ріензи, она не могла побѣдить какого-то страха, который, не позволялъ ей говорить съ нимъ о предметѣ болѣе всего близкомъ ея сердцу.

Когда пребываніе Адріана при неаполитанскомъ дворѣ замедлилось далѣе предполагаемаго срока, то она начала пугаться и безпокоиться. Подобно многимъ незримымъ бездѣйственнымъ зрителямъ сцены, она невольно видѣла далѣе, чѣмъ болѣе глубокой ухъ трибуна или Нины. Опасное неудовольствіе нобилей она замѣчала и слышала въ ихъ взглядахъ и попортѣ, которые не достигали болѣе зоркихъ и подозрительныхъ ушей и глазъ. Безпокойная и встревоженная, она нетерпѣливо ждала пріѣзда Адріана не изъ однихъ эгоистическихъ побужденій, но изъ основательныхъ опасеній за своего брата.

Въ Адріанѣ ди-Кастелло, который былъ и нобилемъ и патриотомъ, каждая партія видѣла посредника и его присутствіе съ каждымъ днемъ становилось необходимымъ, пока наконецъ не вспыхнулъ заговоръ бароновъ. Съ этого часа она едва смѣла надѣяться; ея спокойный разсудокъ, не ослѣпленный восторженными порывами, которые, какъ слишкомъ часто случается, заставляли трибуна идѣть горькую дѣйствительность въ ложномъ и блестящемъ свѣтѣ, показывалъ ей, что Рубиконъ пройдетъ и что во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ она можетъ найти только два образа: опасность своего брата и разлуку съ своимъ женихомъ. Только предъ одною Ниною могла она изливать свою душу, потому что Нина, при всей разности ихъ характеровъ, была женщина, которая любила. Это соединяло ихъ. Въ первый періодъ могущества Ріензи онѣ провели много счастливейшихъ часовъ вмѣстѣ, въ удаленіи отъ блестящей толпы, однѣ, въ лѣтнія ночи на освѣщенныхъ луною балконахъ, въ томъ непринужденномъ обмѣнѣ мыслей, симпатій и утѣшеній, который для двухъ страстныхъ и безхитростныхъ женщинъ составляетъ самое интересное занятіе и наиболѣе дѣйствительную отраду. Но въ послѣднее время ихъ сношенія много измѣнились. Съ того утра, когда бароны получили прощеніе, до того, когда онѣ сдѣлали нападеніе на Римъ, время представляло рядъ сильныхъ тревогъ. Всѣ лица, которыя видѣла Ирена, были унылы и покрыты облакомъ, всякая веселость прекратилась, заботливые и безпокойные совѣтники, или вооруженные солдаты, были единственными прістѣтелями дворца, Ріензи можно было видѣть только на нѣсколько

минуть, лицо его выражало заботу. Нина была добрее и ласковее обыкновеннаго, но въ ея ласкахъ замѣтно было унылое и зловѣщее состраданіе. Попытки на утѣшеніе и надежду смѣнялись слабою улыбкою и прерывистыми словами, и Ирена предчувствіями своего сердца была приготовлена къ разразившемуся удару. Онъ былъ побѣдою для ея брата и пораженіемъ для его враговъ; Римъ былъ свободенъ, но гордый домъ Колонновъ потерялъ свои величественнѣйшіе подпоры и Адріанъ удалился навсегда. Она не оуждала его, не могла оуждать и своего брата: каждый изъ нихъ дѣйствовалъ соотвѣтственно своему положенію. Она была бѣдною жертвою событій и судьбы, Ифигеніею для вѣтра, который долженъ были привести корабль Рима въ гавань, или же потопить его въ пучинѣ. Она была оглушена ударомъ; она даже не плакала и не жаловалась; она склонилась предъ бурей, которая мчалась надъ нею, и эта буря прошла. Два дня она не ѣла и не спала, она заперлась въ своей комнатѣ, ей нужно было только уединеніе. Но на третье утро она оправилась какъ-бы чудомъ, потому что во дворцѣ было оставлено слѣдующее письмо.

«Ирена! До полученія этого письма вы уже узнали глубокую причину моей печали, вы понимаете, что для Колонны Римъ уже не можетъ быть домомъ и римскій трибунъ — братомъ. Когда я пишу эти слова, честь слабо меня поддерживаетъ, всѣ надежды, которыя я взлелѣялъ, всѣ планы, которые я составилъ, вся любовь, которую я питалъ и питаю къ тебѣ, все это тѣснится въ моемъ сердцѣ и я могу чувствовать только, что я несчастенъ. Ирена, Ирена! Твое кроткое лицо возстаетъ предо мною и въ этихъ милыхъ глазахъ я читаю, что я прощенъ, что я понятъ, и что какъ ни сильно ты любишь меня, но скорѣе бы рѣшилась потерять меня и видѣть меня въ могилѣ вмѣстѣ съ моими родственниками, нежели знать, что я живу упрекомъ для моего сословія и отступникомъ моего имени. Ахъ, почему я родился Колонною, зачѣмъ судьба сдѣлала меня nobilior, а природа и обстоятельства привязали меня къ народу? Мнѣ одинаково запрещены и любовь и мщеніе, вся моя месть падаетъ на тебя и на меня. Обожаемая! Мы разлучились, можетъ, быть навсегда, но всѣмъ счастіемъ, которое я знавалъ возлѣ тебя; всѣмъ восторгомъ, о которомъ я грезилъ; тѣмъ очаровательнымъ часомъ, въ который я въ первый разъ видѣлъ тебя, когда наблюдалъ за возвращеніемъ жизни къ твоимъ глазамъ и губамъ; первымъ стыдливымъ признаніемъ въ любви; нашимъ первымъ поцѣлуемъ и послѣднимъ прощаніемъ клянусь быть вѣрнымъ до конца. Никто другой никогда не изгонитъ твоего образа изъ моего сердца, и теперь, когда надежда, повидимому, исчезла, вѣра дѣлается двойной священою. И ты, моя прекрасная, неужели не вспомнишь меня, неужели ты не будешь чувствовать какъ-будто мы были обручены предъ небомъ? Въ легендахъ сѣвера сохранилось преданіе объ одномъ рыцарѣ, который, возвратясь изъ святой земли, нашелъ свою возлюбленную (думавшую, что онъ умеръ) невѣстою Христовою: онъ

выстроилъ келью возлѣ монастыря, гдѣ она жила, и хотя они никогда не видали другъ друга, ихъ души были вѣрны до гроба. Ты же, Ирена, будемъ и мы другъ для друга, мертвые для всѣхъ другихъ, обрученные въ прошломъ и супруги *тамъ*! Однако же, прежде чѣмъ я оканчиваю, надежда улыбается мнѣ, свѣтлое и высокое поприще твоего брата, можетъ быть, есть не болѣе, какъ падающая звѣзда. Если тьма поглотитъ ее, если его могущество кончится, если его тронъ будетъ разрушенъ и въ Римѣ не останется болѣе трибуна, если ты не будешь имѣть братомъ судью и истребителя моей фамиліи, если ты лишишься всего окружающаго тебя великолѣпія, если ты будешь одна безъ друзей, безъ родственниковъ, тогда, не пятная мою честь, не подвергаясь позору, преслѣдуемому челоѣка, который получаетъ счастье изъ рукъ, обогрѣнныхъ кровію его рода, я могу еще называть тебя моею. Съ прекращеніемъ твоего величія должны измѣниться наши настоящіе отношенія, а во смѣю слишкомъ горячо предаваться этимъ мечтамъ: можетъ быть онѣ грѣшны, но я долженъ ихъ тебѣ повѣрить, для того, чтобы ты знала своего Адріана вполнѣ, со всею его слабостью и силой. Моя милая, вѣчно милая, которую я люблю еще сильнѣе теперь, потому что люблю безнадежно.

«Прощай! Пусть ангелы исцѣляютъ твою печаль и сохраняютъ меня отъ грѣха, чтобы *тамъ* наконецъ мы могли встрѣтиться!»

— Онъ еще любитъ меня, сказала дѣвушка плача, и я опять счастлива.

Она прижала письмо къ своему сердцу и наружность ея просіяла. Она встрѣтила своего брата улыбкою, а Нину объятіями, и если она еще страдала и печалилась, то это страданія были тайныя, подобныя червя, невидимо точащему почку.

Между тѣмъ въ Римѣ, послѣ перваго упоенія побѣды, радость смѣнилась плачемъ. Побойще было такъ велико что частная печаль поглощала общее торжество, и многіе изъ плачущихъ порицали даже своего защитника за вредъ, причиненный мечами враговъ, «*Roma fu terribilmente vedovata*» *. Множество похоронъ глубоко огорчало трибуна, и по мѣрѣ его симпатіи къ народу возрастало его суровое негодованіе противъ бароновъ. Подобно всѣмъ людямъ, обладающимъ сильнымъ, страстнымъ и ревностнымъ религіознымъ чувствомъ, трибунъ имѣлъ мало терпимости къ тѣмъ преступленіямъ, которыя подрывали основаніе религіи. Нарушеніе клятвы было для него самымъ низкимъ и незаглядимымъ изъ нихъ, а убитые бароны были дважды клятвопреступниками. Въ раздражительности своего гнѣва онъ на нѣсколько дней запретилъ ихъ семействамъ отдать послѣдній долгъ ихъ останкамъ и оплакивать ихъ. Только частнымъ образомъ и втайнѣ онъ позволялъ похоронить ихъ въ склепахъ ихъ предковъ. Эта чрезмѣрность мщенія запятнала его лавры, но едва ли была несовмѣстна съ строгимъ его патріотизмомъ. Нетерпѣливо желая кончить начатое и идти тотчасъ же въ Марину, гдѣ инсур-

* Въ Римѣ было ужасное множество вдовъ.

генты соединили свое разбѣнное войско, онъ созвалъ свой совѣтъ и представилъ ему несомнѣнность побѣды и ея результатъ—полное возстановленіе мира. Но солдатамъ было незаплачено жалованье, они уже роптали, казна опустѣла; было необходимо пополнить ее посредствомъ новаго налога.

Между совѣтниками были такіе, которыхъ фамиліи сильно пострадали въ сраженіи: они не слишкомъ-то внимательно выслушивали предложенія о необходимости продолжать борьбу. Другіе, въ числѣ которыхъ былъ Падидіо, человекъ робкій, но благонамѣренный, зная, что печаль и ужасъ произвели реакцію въ народѣ, объявили, что они не осмѣлятся предложить новую подать. Но самую смѣлую оппозицію представила третья партія, подъ предводительствомъ Барончелли, демагога, котораго честолюбіе не имѣло правилъ, но который лестию низкимъ страстямъ черни, симпатическою для нея грубостью натуры, и аффектаціею прогресса, которая часто даетъ какому-нибудь сумасбродному шуту преимущество надъ благоразумнѣйшимъ политикомъ, безъ труда приобрѣлъ большое вліяніе на низшіе классы. Эта партія осмѣлилась даже порицать гордаго трибуна за чрезмѣрную пылкость, которую сама первая готова была олобръять; и почти обвиняла его въ измѣнническихъ побужденіяхъ къ оправданію бароновъ отъ обвиненія Родольфа. Въ самомъ совѣтѣ трибуна, возобновленномъ и преобразованномъ для защиты свободы, эта свобода была нарушена. Его пламенное краснорѣчіе встрѣчено было мрачнымъ молчаніемъ и голоса были противъ предложенія новой подати и похода въ Марино. Ріензи распустилъ совѣтъ доспѣшно и въ безпорядкѣ. Когда онъ оставилъ залу, ему было подано письмо, онъ прочелъ его и нѣсколько моментовъ оставался какъ будто пораженный громовымъ ударомъ. Онъ позвалъ капитана своей стражи и приказалъ отряду изъ 50 всадниковъ быть въ готовности. Затѣмъ пошелъ въ комнату Нины. Она была одна и онъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее такъ внимательно, что она была напугана и не могла говорить. Наконецъ онъ сказалъ отрывисто:

— Мы должны разстаться...

— Разстаться!

— Да, Нина. Твои тѣлохранители приготовляются, ты имѣешь родныхъ, а я друзей во Флоренціи. Тамъ ты должна жить.

— Кола...

— Не смотри такъ на меня. Въ могуществѣ, величіи, безопасности ты была моимъ украшеніемъ и совѣтницею. Теперь ты только затрудняешь меня, и...

— О, Кола, не говори такъ. Что случилось? Не будь такъ холоденъ, не хмурься, не отворачивайся. Развѣ я для тебя не болѣе какъ участница въ твоихъ веселыхъ часахъ, игрушка любви? Развѣ я не жена тебѣ, Кола, а любовница?

— Ты слишкомъ дорога для меня, прошептала трибунъ; если ты останешься со мною, то у меня не достанетъ духу быть римляниномъ. Нина, низкіе рабы, которыхъ я самъ освободилъ, оставляютъ

меня. Теперь, когда я могъ бы уничтожить всѣ препятствія къ возрожденію Рима, когда одна побѣда пролагаетъ путь къ совершенному успѣху, когда видимъ уже берегъ, судьба вдругъ оставляетъ меня среди моря. Теперь явилась опасность важнѣе ярости бароновъ: они бѣжали; теперь уже народъ измѣняетъ Риму и мнѣ.

— И ты хочешь, чтобы и я также измѣнила тебя? Нѣтъ, Кола. Нина будетъ возлѣ тебя, даже въ самой смерти. Жизнь и честь мои въ тебѣ, и ударъ, который поразитъ тебя, уничтожитъ и меня. Я не разстанусь съ тобой.

— Нина, сказалъ трибунъ, съ сильными и судорожными волненьемъ, можетъ быть, дѣло идетъ буквально о смерти. Оставь того, кто не можетъ болѣе защищать тебя и Ирону.

— Никогда, никогда!

— Ты рѣшилась?

— Да.

— Пусть будетъ такъ, сказалъ трибунъ съ глубокою грустью въ голосъ, приготовься къ худшему.

— Съ тобою не можетъ быть худшаго, Кола!

— Обними же меня, мужественная женщина! твои слова служатъ упрекомъ моей слабости. Но сестра моя? Ежели я паду, то ты Нина не переживешь меня... Мы будемъ похоронены вмѣстѣ на развалинахъ римской свободы. Но натура Ирены слабѣе. Бѣдное дитя! я лишилъ ее жениха, и теперь...

— Ты правъ, пусть Ирена уѣдетъ. И въ самомъ дѣлѣ мы можемъ скрыть отъ нея настоящую причину ея отъѣзда. Пережѣна мнѣ полезнѣе всего противъ ея печали и во всякомъ случаѣ послужитъ благовиднымъ предлогомъ для любопытныхъ, Я пойду и приготовлю ее.

— Поди, милая моя; я хочу съ минутой побыть одинъ съ моими мыслями. Но помни, она должна уѣхать сегодня. Намъ нельзя терять времени.

Когда дверь за Ниною затворилась, трибунъ вынулъ письмо и опять медленно прочиталъ его.

— Итакъ; папскій легатъ оставилъ Сиенну, просилъ эту республику вывести изъ Рима свои вспомогательныя войска, объявилъ меня еретикомъ и мятежникомъ; оттуда отправился въ Мариво и теперь совѣщается съ баронами. Какъ? Неужели мои грезы обманули меня? Неужели народъ оставитъ меня и себя въ этой опасности? Святые и мученики, твои герои и патріоты, неужели мы оставили навсегда свое древнее жилище? Нѣтъ, я возвысился не для того, чтобы погибнуть такимъ образомъ, я могу еще ихъ побѣдить и оставить свое имя въ наслѣдіе Риму, какъ предостереженіе притѣснителямъ и примѣръ свободнымъ.

V.

Шаткость зданія.

Нина ласково успѣла увѣрить Ирену, что мысль о поѣздкѣ во Флоренцію имѣла поводомъ нѣжную заботливость ея брата перемѣнить мѣсто, гдѣ все напоминало ей о ея огорченіяхъ и гдѣ известность ея помолвки съ Адріаномъ подвергала ее всевозможнымъ непріятностямъ и затрудненіямъ. Внезапность ея отъѣзда была объяснена случаемъ неожиданнаго посольства во Флоренцію (для займа оружія и денегъ), который давалъ ей возможность имѣть безопасный и почетный конвой. Пассивно покорилась она тому, въ чемъ сама видѣла облегченіе. Было условлено, что она нѣкоторое время будетъ гостить у одной родственницы Нины, настоятельницы одного изъ богатѣйшихъ флорентинскихъ монастырей. Мысль о монастырскомъ уединеніи была пріятна для ея исторзаннаго сердца и утомленной души.

Не зная о грозящей Ріензи опасности, она, однако же, съ глубокою грустью и мрачными предчувствіями отвѣчала на его объятія и прощальное благословеніе. И оставшись наконецъ одна въ носилкахъ за воротами Рима, она раскаивалась въ отъѣздѣ, которому опасность дала видъ бѣгства.

Оставимъ Ирену въ ея носилкахъ, надъ которыми сгущались вечернія сумерки, и возвратимся къ болѣе бурнымъ дѣйствующимъ лицамъ драмы. Торговцы и ремесленники Рима, въ это время и особенно въ продолженіи популярнаго правленія Ріензи, имѣли ожесточенныя сходки въ каждомъ изъ тринадцати кварталовъ города. Въ самыхъ демократическихъ изъ этихъ сходовъ Чекко-дель-Веккіо былъ оракуломъ и вождемъ. Въ собраніи, гдѣ предсѣдательствовала кузнецъ, прежде чѣмъ разразился ударъ, слышался ропотъ.

— И такъ, вскричалъ Лунджи, красивый мясникъ, говорятъ, что ему нужно было наложить на насъ новую подать, и что по этой причинѣ онъ распустилъ сегодня совѣтъ, потому что совѣтники — добрые люди, — были честны и имѣли состраданіе къ народу. Стыдно и грѣшно, что казна пуста.

— Я говорилъ ему, сказалъ кузнецъ, чтобы онъ остерегался налагать подать на народъ. Этого не хотятъ бѣдные люди. Но онъ не слушается моего совѣта и потому долженъ испытать послѣдствія этого. Если лопадь вырывается изъ одной руки, то недоуздокъ остается въ другой.

— Слушаться твоего совѣта Чекко, — онъ теперь слишкомъ занался для этого. Онъ сдѣлался гордъ какъ папа.

— При всемъ этомъ онъ великій человѣкъ, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ. Онъ далъ намъ законы, онъ освободилъ Кампанью отъ разбойниковъ, наполнилъ улицы купцами и лавки товарами, побѣдилъ самыхъ смѣлыхъ вельможъ и храбрѣйшихъ солдатъ Италіи.

— И теперь ему нужно облагать народъ податью — вотъ. вся бла-

годарность, которую мы получили за то, что помогли ему, сказал ворчливый Чекко. Чѣмъ былъ бы онъ безъ насъ? Что мы сдѣлали, то можемъ и уничтожить.

— Но, продолжалъ адвокатъ, видя для себя поддержку въ другихъ, онъ налагаетъ подать для нашей свободы.

— Кто же нападаетъ на нее теперь? спросилъ мясникъ.

— А бароны. Они собираютъ каждый день новую силу въ Марино.

— Марино не Римъ, сказалъ Луиджи мясникъ, пусть они придутъ къ нашимъ воротамъ опять, мы знаемъ какъ принять ихъ; если трибунъ великій человекъ, то зачѣмъ онъ не дастъ намъ мира? Всѣ мы хотимъ теперь быть спокойными.

— Ахъ, сказалъ одинъ шорникъ, пусть онъ примирится съ баронами. Что ни говори, а они были хорошими покупателями.

— Что касается до меня, сказалъ одинъ веселый парень, который былъ гробокопателемъ въ плохія времена, а теперь открылъ лавку съ товарами для живыхъ, я готовъ ему все простить, исключая его купанья въ святой порфировой вазѣ.

— Да, это дурное дѣло, сказали нѣкоторые, покачивая головами.

— А посвященіе въ рыцари было не болѣе какъ глупая комедія, кромѣ вина, которое текло изъ ноздрей лошади: въ этомъ былъ нѣкоторый смыслъ.

— Братцы, сказалъ Чекко, безумство состояло въ томъ, что онъ не отрубилъ головы баронамъ, когда они попались въ его западню, тоже говорить и Мессеръ Барончелли (о. Варончелли честный человекъ и не любитъ полумѣръ). Не сдѣлать этого значило нѣкоторымъ образомъ измѣнить народу. Если бы не эта ошибка, то мы не потеряли бы такое множество дюжихъ молодцовъ у воротъ Св. Лаврентія.

— Правда, правда. Это срамъ: говорятъ, бароны подкупили его.

— А эти бѣдные синьоры Колонна, сказалъ другой, юноша и мужчина, которые, за исключеніемъ Кастелло, были лучше всѣхъ въ этой фамиліи, признаюсь я пожалѣлъ о нихъ.

— Но къ дѣлу — сказалъ одинъ изъ толпы, самый богатый изъ всѣхъ, *подать — вещь значительная*. Налagать ее на насъ — неблагодарность. Пусть-ка онъ посмѣетъ это сдѣлать.

— О, онъ не посмѣетъ, потому что, говорятъ, папа наконецъ ошестинился, и потому трибунъ зависить единственно отъ насъ.

Дверь отворилась и вѣжалъ человекъ, который громко закричалъ:

— Папскій легатъ прибылъ въ Римъ и послалъ за трибуномъ, который сію минуту вышелъ отъ него.

Прежде чѣмъ слушатели опомнились отъ удивленія, звукъ трубы привлечь ихъ вниманіе. Они увидѣли Ріензи, который ѣхалъ съ своею обыкновенною свитою, и въ своемъ великолѣпномъ уборѣ. Приближались сумерки и факельщики освѣщали ему дорогу. Лицо его

было совершенно спокойно, но это не было довольное спокойствіе. Онъ проѣхалъ мимо, и улица снова опустѣла.

Ріензи молча пріѣхалъ къ капитолю и вошелъ въ комнаты дворца, гдѣ Нина блѣдная и задыхающаяся ожидала его возвращенія.

— Ты смѣешься! Нѣтъ, это та страшная улыбка, которая хуже, чѣмъ нахмуренныя брови. Говори, милый мой, говори, что сказалъ кардиналъ?

— То, что тебѣ не совѣмъ пріятно будетъ услышать. Сперва онъ началъ говорить громко и торжественно о томъ, какъ преступно было объявить римлянъ свободными, потомъ объ измѣнѣ, заключающейся въ словахъ, что избраніе римскаго короля должно завистѣть отъ римлянъ.

— Хорошо. Что же ты отвѣчалъ?

— Что было прилично римскому трибуну. Я опять подтвердилъ и доказалъ всѣ права Рима. Кардиналъ перешелъ къ другимъ обвиненіямъ.

— Какимъ?

— Къ побіенію бароновъ у воротъ Сенъ-Лоренцо, сдѣланному для собственной нашей защиты отъ клятвoprеступныхъ враговъ. Это въ сущности было главнымъ обвиненіемъ. Папа выслушалъ Колонну. Далѣе кардиналъ обвинялъ меня, что я купался въ вазѣ, которую употреблялъ Константинъ, когда былъ язычникомъ.

— Можеть ли быть! Что же ты сказалъ?

— Я засмѣялся. Кардиналъ, отвѣчалъ я, то, что не было слишкомъ хорошо для язычника, не можеть быть слишкомъ хорошо для христіанина. И, правду сказать, угрюмый Французъ имѣлъ такой видъ, какъ будто бы я оборвалъ его.

— Когда онъ кончилъ, то я въ свою очередь спросилъ его: Обвиняють ли меня въ томъ, что я былъ къ кому нибудь несправедливъ въ судѣ?—молчаніе. Говорять ли, что я нарушилъ какой нибудь изъ государственныхъ законовъ? — молчаніе. Сдѣланъ ли былъ хоть намекъ, что торговля въ унадкѣ, что жизнь не безопасна, что дома или за границею римское имя не уважается, до такой степени, что никакое прежнее правленіе не можеть въ этомъ сравниться съ настоящимъ?— молчаніе. Въ такомъ случаѣ, синьоръ кардиналъ, сказалъ я, вы должны благодарить, а не охуждать меня. Французъ долго смотрѣлъ на меня и дрожалъ и корчился и наконецъ сказалъ: Я долженъ исполнить только одно дѣло отъ имени первосвященника: откажись отъ своего трибунства, или церковь положить на тебя торжественное проклятіе.

— Какъ, какъ! вскричала Нина, сильно блѣднѣя. Что тебя ждетъ?

— Отлученіе отъ церкви.

Этотъ грозный приговоръ, которымъ духовная власть такъ часто поражала самыхъ жесточайшихъ враговъ своихъ, раздался въ ушахъ Нины какъ колоколъ. Она закрыла лицо руками. Ріензи быстро ходилъ по комнатѣ: «Проклятіе!» прошепталъ онъ, «проклятіе противъ меня!»

— О, Кола, неужели ты не старался умилюстить этого строгаго....

— Умилюстить! Кардиналь, сказалъ я, (и почувствовалъ, что его душа затрепетала отъ моего взгляда,) я получалъ власть свою отъ народа и только народу я отдаю ее. Что касается до моей души, то ей не могутъ повредить слова человѣка. Ты самъ подвергнешся проклятію, гордый кардиналь, если, будучи игрушкой и орудіемъ низкихъ интригъ и изгнанныхъ тирановъ, ты, во имя Бога правды, скажешь хоть одно слово въ защиту притѣснителя противъ правъ угнетенныхъ. Съ этими словами я его оставилъ, и теперь...

— Что теперь будетъ? отлученіе! Въ столицѣ церкви, и при суевѣріи народа! О, Кола!

— Еслибы, прошепталъ Ріензи, моя совѣсть упрекала меня хоть въ одномъ преступленіи, еслибы я запятналъ свои руки въ крови хоть одного праведника, еслибы я нарушилъ законъ, который создалъ самъ, еслибы я бралъ взятки и притѣснялъ бѣдныхъ, или презиралъ сиротъ, или не имѣлъ состраданія къ вдовамъ, — тогда бы—тогда—но нѣтъ! Боже, Ты не оставишь меня!

— Но человѣкъ можетъ оставить! подумала съ горестью Нина, замѣтивъ что ея мужемъ овладѣваетъ одинъ изъ тѣхъ фанатическихъ и мистическихъ припадковъ, во время высшаго возбужденія которыхъ онъ нетерпѣлъ возлѣ себя никого, даже Нины. И въ самомъ дѣлѣ, пошептавъ немного съ самимъ собою, при чемъ жилы на его вискахъ напряглись какъ веревки, онъ вдругъ оставилъ комнату и удалился въ особую молельню возлѣ кабинета. Набросимъ покровъ на волненія, которыя онъ тамъ перенесъ. Кто опишетъ тѣ страшныя и таинственныя минуты, когда человѣкъ, посаженный всѣми бурными своими страстями, тревожными мыслями, дикими надеждами и отчаянными опасеніями, ничетъ одинокой бесѣды съ своимъ Создателемъ?

Долго спустя послѣ этого разговора съ Ниною, когда уже прозвучалъ полночный колоколъ, Ріензи стоялъ одинъ на балконѣ, чтобы охладить ночнымъ воздухомъ лихорадочный жаръ, оставившійся еще въ его измученномъ тѣлѣ. Ночь была необыкновенно спокойна, воздухъ былъ чистъ, но холоденъ, потому что это происходило въ декабрѣ. Онъ внимательно смотрѣлъ на торжественныя свѣтила, которымъ наше легкомысленное суевѣріе приписало способность предсказывать нашу судьбу.

— Суетная наука! думалъ трибунъ, мрачная фантазія—будто бы судьба человѣка неизмѣнно и невозвратно бываетъ предначертана съ минуты его рожденія! Но еслибы эта мечта не была безъ основанія, то я желалъ бы узнать, какое изъ этихъ прекрасныхъ свѣтилъ изображаетъ и отражаетъ въ себѣ поприще моей жизни и память, какую я оставлю о себѣ по смерти. Когда эта мысль промелькнула въ его умѣ, онъ увидѣлъ ту быструю и огненную комету, которая зимою 1347 г. напугала суевѣрныхъ людей, считающихъ странныя небесныя явленія предвѣстіемъ несчастій и ужасовъ. Вмѣ

показалось что она вдругъ блеснула ярче окружающихъ ее звѣздъ и онъ отступилъ и прошепталъ про себя : неужели это въ самомъ дѣлѣ мой образъ, если баснословное ученіе говоритъ правду, и эти странныя свѣтила предсказываютъ разрушеніе государствъ и низложеніе правителей , то не предвѣщаетъ ли эта комета мою судьбу ? Не буду думать объ этомъ болѣе. * И глаза его , переставъ смотрѣть на небо, остановились на колоссальномъ базальтовомъ львѣ на площади, сѣрой и величавой фигурѣ которой свѣтъ звѣздъ придавалъ какую-то фантастическую бѣлизну. Вдругъ онъ увидѣлъ двухъ человѣкъ въ черной одеждѣ, стоявшихъ возлѣ пьедестала статуи и повидимому занятыхъ дѣломъ, котораго онъ не могъ угадать. Трепетъ пробѣжалъ по жиламъ его , потому что онъ никогда не могъ избавиться отъ смутной идеи, что между его судьбою и этимъ ужаснымъ памятникомъ есть какая-то таинственная, роковая связь. Нѣсколько оправившись отъ своего страха, онъ услышалъ, что его часовой окликнулъ этихъ людей, и когда они выдвинулись впередъ, на свѣтъ, то онъ замѣтилъ, что на нихъ была монашеская одежда.

— Сынъ, не безпокой насъ, сказалъ одинъ изъ нихъ часовому, по приказанію легата святаго отца, мы прибиваемъ къ этому публичному памятнику правосудія и гнѣва буллу отлученія противъ еретика и мятежника. *Горе проклятому церковно!*

VI.

ПАДЕНІЕ ХРАМА.

Это было громовымъ ударомъ среди яснаго дня, трибуна постигну бѣдствіе въ зенитѣ его власти, когда врагъ его былъ ниспровергнутъ, когда съ горстью храбрыхъ римлянъ, рѣшившихся быть свободными, онъ могъ бы уничтожить навсегда силу, враждебную свободѣ Рима, упрочить право своей родины и исполнить мѣру своей славы. Это бѣдствіе было насмѣшкою судьбы, которая поддерживала его среди опасностей, чтобы бросить потомъ въ самый яркій полдень его счастья.

На слѣдующее утро ни одной души не было видно на улицахъ; лавки и церкви были запорты; городъ какъ будто находился подъ запрещеніемъ. Страшное проклятiе папскаго отлученія, постигшее главнаго сановника первосвященническаго города, казалось, оледенило всѣ артеріи жизни. Самъ легатъ, въ притворномъ страхѣ за свою жизнь, бѣжалъ въ Монте Фіанскопе, гдѣ къ нему присоединились бароны, вслѣдъ за объявленіемъ эдикта. Проклятiе превосходно дѣйствовало въ его отсутствіе.

Къ вечеру можно было видѣть нѣсколькихъ людей, которые переходили площадь капитолия, крестились при видѣ буллы, прибитой къ статуѣ льва, и исчезали за дверьми большаго дворца. Вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько безпокойныхъ группъ собралось на улицахъ , но

* Эта комета, сопровождавшаяся въ Римѣ паденіемъ Ріензи, сопровождалась въ другихъ странахъ Европы болѣе ужаснымъ бѣдствіемъ — моровую язву, которая появилась очень скоро послѣ нея.

онѣ скоро разошлись. Всякое общеніе, всякій разговоръ были парализованы. Никакая физическая сила не могла противостоять этой духовной и безоружной власти, которая, подобно невидимой рукѣ Божіей, опустошила площадь и унизила могучаго властелина. Однакоже среди всеобщаго ужаса толпу трогала одна мысль: трибунъ палъ среди его славы! Въ обвиненіи противъ него, прибитомъ на стѣнахъ и колоннахъ, значились его преступленія:—онъ былъ бунтовщикъ, потому что доказывалъ права Рима на свободу, еретикъ—потому что старался изгнать злоупотребленія въ дѣлахъ церковныхъ, наконецъ оскорбилъ святыни, потому что купался въ порфировой вазѣ Константина. Последнее обвиненіе служило жалкою маскою для двухъ первыхъ. Толпа чувствовала справедливость кары, она вздыхала, она содрогалась, — и въ своемъ обипрномъ дворцѣ, за исключеніемъ немногихъ преданныхъ ему сердецъ, трибунъ былъ одинъ!

Самые вѣрные изъ его тосканскихъ солдатъ отправились съ Иреной. Остальное его войско, за исключеніемъ немногихъ тѣлохранителей, принадлежало къ наемной римской милиціи, состоявшей изъ гражданъ, которые, будучи давно уже недовольны на замедленіе въ выдачѣ жалованья, ронтали, и теперь воспользовались отлученіемъ трибуна отъ церкви, какъ предлогомъ, чтобы, оставаться въ бездѣйствіи въ своихъ домахъ.

На третій день новое происшествіе нарушило мертвую летаргію города. Сто пятьдесятъ наемниковъ подъ предводительствомъ неаполитанца Пеннина Минорбино, полудворянина, полу-бандита (креатуры Монреала) вошли въ городъ, овладѣли крѣпостями Колонновъ, и послали герольда по городу объявить, отъ имени кардинала легата, награду въ десять тысячъ флориновъ за голову Колы ди Ріензи.

Тогда громко роздался рѣзкій и вдохновляющій звукъ большого капитолійскаго колокола. Народъ вялый, унылый, подъ вліяніемъ благоговѣйнаго ужаса предъ папскою властію, которая въ этомъ отношеніи сдѣлалась еще сильнѣе со времени удаленія папскаго престола изъ Рима, пришелъ безъ оружія въ капитолій. Тамъ у площади льва стоялъ трибунъ. Его оруженосцы внизу лѣстницы держали его боеваго коня, его шлемъ и ту самую боевую сѣкиру, которая блистала впереди его побѣдоноснаго войска.

Возлѣ него были немногіе изъ его тѣлохранителей, его слуги и двое или трое изъ важнѣйшихъ гражданъ.

Онъ стоялъ прямо и съ обнаженною головою, смотря на унылую и безоружную толпу взглядомъ горькаго презрѣнія, смѣшаннаго съ глубокимъ состраданіемъ; и когда колоколъ замолкъ и толпа затихла, чтобы слушать,—онъ заговорилъ.

— Вы пришли опять! Какъ же вы пришли: какъ рабы или какъ свободные? Горсть вооруженныхъ людей находится въ вашихъ стѣнахъ: неужели вы, прогнавшие отъ своихъ воротъ самыхъ гордыхъ рыцарей, самыхъ искусныхъ воиновъ Рима, поддадитесь теперь одной съ половиною сотнѣ наемниковъ и чужеземцевъ? Хотятъ

тебя вы вооружиться за вашего трибуна? Вы молчите — пусть будет такъ. Хотите ли вы вооружиться за *вашу собственную* свободу, за *вашъ* Римъ? Опять молчаніе! Боже мой! Неужели вы пали до такой степени? Неужели у васъ нѣтъ оружія для собственной защиты? Римляне, выслушайте меня! Не виноватъ ли я предъ вами? Если такъ, то убейте меня собственными *вашими* руками и потомъ съ ножами еще дымящимися моею кровью идите противъ разбойника, который есть не болѣе какъ предвѣстникъ вашего рабства: тогда я умру въ чести, признательный и отомщенный. Вы плачете? Великій Боже! вы плачете! Да, и я тоже могъ бы плакать: я дожилъ до того, что напрасно говорю римлянамъ о свободѣ. Вы плачете! Развѣ теперь есть время для слезъ? Если будете плакать теперь, то ваши слезы принесутъ жатву преступленія, своеволия и деспотизма! Римляне, вооружитесь! Идите со мною тотчасъ къ площади Колонновъ; изгоните злодѣевъ, вашихъ враговъ (чтобы вы потомъ ни сдѣлали со мною):—Ріензи остановился; слова его не произвели никакого дѣйствія. Или, продолжалъ онъ, я оставляю васъ собственной вашей судьбѣ. Послышался долгій, глухой общій ропотъ, наконецъ онъ перешелъ въ явственные слова и многіе голоса закричали вдругъ:

— Папская булла! — ты проклятъ!

— Какъ! вскричалъ трибунъ; неужели вы оставляете меня, вы, за дѣло которыхъ человекъ осмѣливается бросать въ меня громы Вожи? Развѣ не за васъ я объявленъ еретикомъ и мятежникомъ? Въ чемъ состоятъ мои преступленія? Въ томъ, что я сдѣлалъ Римъ свободнымъ и объявлялъ свободу Италіи; въ томъ, что я смирилъ гордыхъ магнатовъ, которыхъ были врагами папы и народа. И вы—вы упрекаете меня за то, на что я отважился или что я сдѣлалъ для васъ!—Вмѣстѣ съ вами я хотѣлъ бы сражаться, за васъ я готовъ погибнуть. Оставляя меня, вы оставляете себя самихъ. Переставая управлять людьми храбрыми, я отказываюсь отъ своей власти въ пользу тирана, котораго вы предпочитаете. Семь мѣсяцевъ я управлялъ вами, счастливый въ торговлѣ, безупрочный въ правосудіи, побѣдоносный въ полѣ. Я показалъ вамъ чѣмъ можетъ быть Римъ. Когда я откажусь отъ правленія, которое вы мнѣ вручили, и удалюсь, то сражайтесь за собственную вашу свободу! Все равно, кто бы ни былъ вождемъ храбраго и великаго народа. Докажите, что въ Римѣ много такихъ какъ Ріензи, только болѣе счастливыхъ, чѣмъ онъ.

— Жаль что онъ хотѣлъ обложить насъ податью, сказалъ Чекко-дель-Веккіо, который былъ настоящимъ олицетвореніемъ чувствъ толпы: и что онъ не казнилъ бароновъ!

— Да! вскричалъ Энсъ—гробокопатель, но эта святая порфирова ваза!

— И къ чему мы будемъ подвергаться опасности, чтобы насъ зарѣзали, какъ моихъ двухъ братьевъ? Упокой ихъ Господи! сказалъ Лунджи мясникъ.

На лицѣ толпы было общее выраженіе нерѣшимости и стыда;

многіе плакали и вздыхали, никто,—за исключеніемъ упомянутыхъ ворчуновъ, не обвинялъ; никто не упрекалъ, но никто также казался, не былъ расположенъ вооружиться. Это былъ одинъ изъ странныхъ припадковъ равнодушія и летаргіи, часто овладающихъ народами, для котораго свобода сдѣлалась прихотью и капризомъ, чужимъ словомъ; который не пользовался долго всеми ея разумными, прочными, практическими и благотѣльными результатами, и устранилъ бурями, предвѣщающими ея разсвѣтъ. Такой народъ обыкновененъ на югѣ, онъ бывалъ и на сѣверѣ, даже Англія видѣла бы его, еслибы Кромвель жилъ однимъ годомъ дольше. Въ самомъ дѣлѣ Англія была въ нѣкоторой степени свидѣтельницею подобнаго перехода отъ народнаго энтузіазма къ народному равнодушію, когда ея дѣти безумно отдали плоды кровавой войны, безъ ограниченія, безъ предосторожности, развратному пенсіонеру Людовика, и царственному убійцѣ Сиднея. Такому унынію души, такой слѣпотѣ разума подвергнутся всякій народъ, если свобода, которая должна бы возрасти въ продолженіи дѣлныхъ столѣтій, пуская свои корни сквозь слои тысячи обычаевъ, возникла подобно какому нибудь недолговѣчному экзотическому растенію, и какъ дерево и дриада въ древней баснѣ цвѣтеть и вянуть вмѣстѣ съ единственными духомъ, который ей покровительствуетъ.

— О Воже, еслибы я былъ большимъ! вскричалъ Анджело, стоявшій позади Ріензи.

— Послушайте его, послушайте мальчика, вскричалъ трибунъ, изъ устъ младенцевъ говорить мудрости! Онъ хочетъ быть большимъ, какъ вы, чтобы сдѣлать то, что вы должны были бы сдѣлать. Слушайте,—съ этими немногими вѣрными мнѣ людьми я поѣду въ кварталъ Колонновъ, къ крѣпости вашего врага. Предъ этою крѣпостью трубы мои прозвучатъ три раза. Если при третьемъ разѣ вы не явитесь туда же, вооруженные какъ слѣдуетъ вамъ, — я не говорю всѣ, а три, двѣ сотни, даже одна,—то я сломаю мой начальнический жезлъ, и свѣтъ скажетъ, что сто пятьдесятъ разбойниковъ покорили Римъ и уничтожили его сановника и законы!

Съ этими словами онъ сошелъ съ лѣстницы и сѣлъ на коня; чернь, молча, разступилась и трибунъ съ своею маленькою святой медленно поѣхалъ, и постепенно исчезъ изъ глазъ возрастающей толпы.

Римляне остались на мѣстѣ и послѣ нѣкоторой паузы демагогъ Барончелли, видя, что открывается дорога для его честолюбія, обратился къ нимъ съ рѣчью. Не будучи ни краснорѣчивъ, ни даровитъ, онъ однакоже обладалъ искусствомъ высказывать самыя популярныя общія мѣста. Онъ зналъ слабую сторону своихъ слушателей въ ихъ тщеславіи, безопасности и надменной гордости.

— Послушайте, братцы, сказалъ онъ, взбѣгая по лѣстницѣ на площадь льва,—трибунъ говоритъ честно, какъ всегда, но обезьяна доставала свои капитаны лапами кошки, такъ и онъ хочетъ загребать жаръ вашими руками. Вы не будете такъ глупы, чтобы позволить ему это. Добрякъ трибунъ живетъ во дворцѣ и задаетъ пи-

и купается (стыдъ ему!) въ порфировой вазѣ, въ которой св. блаженствѣ крестилъ императора Константина: всѣ эти вещи стоятъ того, чтобы сражаться за нихъ, но что выигрываете вы, кромѣ жестокихъ ударовъ и праздничныхъ зрѣлищъ? Если вы побѣдите этихъ людей, то у насъ явится новая подать на вино; вотъ какая удетъ вамъ награда!

— Слушайте! вскричалъ Чекко, труба трубятъ, — какая жалость, что ему понадобилось обложить насъ податью!

— Да, вскричалъ Барончелли, это звуки трубы, — *серебряной* трубы, клянусь Богомъ! Если вы поможете ему выпутаться изъ бѣды, то на сѣдующую недѣлю, у него будетъ уже золотая труба. Но слушайте, — что же вы не двигаетесь, друзья? — тамъ-только полтора наемниковъ. Правда, они дерутся какъ черти, они одѣты въ броню съ головы до пятъ, — но чтожь изъ этого? — если они и зарѣжутъ какихъ-нибудь четырехъ, или пятьсотъ человѣкъ, то вы же таки наконецъ ихъ побѣдите, и трибунъ веселѣе поужинаетъ.

— Вотъ труба звучитъ въ другой разъ, сказалъ мясникъ. Если у нашей старухи матери не было уже убито двое изъ ея сыновей, — это странно, то я бы пошелъ сражаться за смѣлаго трибуна.

— Опоздаете, продолжалъ Барончелли, опоздаете. А какъ это будетъ жалко! Если вѣрять трибуну, то онъ единственный человѣкъ, который можетъ спасти Римъ. Какъ, вы лучший народъ въ свѣтѣ, — вы неспособны спасти самихъ себя! вы, находитесь въ зависимости отъ одного человѣка! Вы не можете повелѣвать Колоннамъ Орсини! Но ктоже побилъ бароновъ у Санъ-Лоренцо? Развѣ не вы? Но вамъ достались почечины, а трибуну деньги! Полно, друзья; пусть онъ идетъ. Ручаюсь, есть много людей не хуже его, которые обойдутся гораздо дешевле. Чу! третья труба: теперь уже поздно!

Вдали раздался долгій меланхолическій звукъ трубы. Казалось, это было послѣднимъ предостереженіемъ со стороны генія этого народа и когда звукъ замолкнулъ, то всею толпою овладѣло уныніе. Она начала сожалѣть и раскаиваться, когда сожалѣнія и раскаянія уже были бесполезны. Шутовство Барончелли вдругъ сдѣлалось непріятнымъ, и ораторъ, къ своему прискорбію, видѣлъ, что толпа стала расходиться во всѣ стороны именно въ то время, когда онъ хотѣлъ рассказать ей о великихъ подвигахъ, какія онъ могъ сдѣлать для нея сдѣлать.

Между тѣмъ трибунъ невредимо проѣхалъ черезъ опасный кварталъ непріятеля, который, будучи испуганъ его приближеніемъ, перся въ своей крѣпости. Онъ направилъ свой путь къ замку Анджело, гдѣ Нина уже была прежде его. Тамъ эта гордая женщина встрѣтила съ улыбкою, радуясь его безопасности и не проливъ ни одной слезы объ измѣнившемъ ему счастьи.

VII.

Наслѣдники неуспѣшной революціи.—Кто достоинъ порицанія?—Оставленный или оставившіе?

Весело сіяло зимнее солнце надъ римскими улицами, когда по немъ шло войско бароновъ. Кардиналъ-легатъ ѣхалъ во главѣ; старшій Колонна (уже не прямой и надменный, а согнутый и сокрушенный потерю своихъ сыновей), по правую его руку, а Лука ди-Савелли съ своею мягкою улыбкою и Ринальдо Орсини съ мрачно нахмуренными бровями ѣхали позади. Это была длинный, дикій строй, состоявшій большею частью изъ чужеземныхъ наемниковъ. Процессія похожа была не на возвращеніе изгнанныхъ гражданъ, а на вторженіе непріятелей.

— Монсиньоръ Колонна, сказалъ кардиналъ-легатъ, маленький увядшій человекъ, родомъ французъ, и исполненный самыхъ горькихъ предубѣждений противъ римлянъ, (они приняли его очень дурно во время его прежняго посольства, какъ обыкновенно принимаютъ иностранныхъ духовныхъ) этотъ Пепинъ, котораго Монреаль прислалъ въ ваше распоряженіе, по истинѣ оказалъ намъ большую услугу.

Старшій синьоръ поклонился, но не отвѣчалъ. Его сильный умъ уже былъ потрясенъ, стеклянные глаза его смотрѣли безсмысленно. — Онъ не слышитъ меня, горе довело его до втораго дѣтства! прошепталъ кардиналъ и, оглянувшись назадъ, далъ Лукѣ Савелли знакъ приблизиться.

— Лука, сказалъ легатъ, хорошо, что черное вѣнгерское знамя задержало провансальца въ Аверсѣ. Еслибы онъ явился въ Римъ, можетъ быть, наслѣдникъ Ріензи былъ бы хуже самого трибуна. Монреаль, прибавилъ онъ съ легкимъ удареніемъ и вздернулъ губу, порядочный человекъ и притомъ французъ.

— Конечно, отвѣчалъ Савелли, это не трудно: Монреаль рассчитывалъ на болѣе упорную борьбу, которую ему хотѣлось бы кончить самому.

— Къ качеству подосты или властителя Рима! какая скромность! Мы, французы, надлежащимъ образомъ чувствуемъ свои достоинства. Но эта побѣда удивляетъ его такъ же, какъ и насъ, и мы вырвемъ добычу у Пепина прежде, чѣмъ Монреаль можетъ прийти къ нему на помощь! Но Ріензи долженъ умереть. Онъ, я слышалъ, все еще сидитъ запершись въ с. Анджело. Орсини будетъ штурмовать его тамъ, прежде чѣмъ день склонится къ вечеру. Сегодня мы овладѣемъ капитоліемъ, уничтожимъ всѣ законы мятежника, разгонимъ его смѣшной совѣтъ и сосредоточимъ все правленіе города въ рукахъ трехъ сенаторовъ, Ринальдо Орсини, Колонны и меня, обѣ васъ, синьоръ, мы тоже приличнымъ образомъ позаботимся.

— О! я довольно вознагражденъ уже тѣмъ, что возвращаюсь въ свой палаццо. Лука Савелли не честолюбивъ, онъ хочетъ только жить въ покоѣ.

Кардиналъ кисло улыбулся и направился къ Капитолію.

На передней площади собрались обычные зѣваки.

— Дорогу, дорогу, негодян! кричала стража, раздвигая направо и налево толпу, которая, привыкнувъ къ спокойнымъ и вѣжливымъ приказаніямъ тѣлохранителей Ріензи, слишкомъ медленно подавалась назадъ, такъ что многіе потерпѣли отъ пикъ солдатъ и отъ копытъ лошадей. Въ числѣ ихъ былъ и нашъ другъ Лунджи мясникъ. Римская кровь его закипѣла, когда тупой конедъ нѣмецкой пикъ угодилъ ему въ животъ.

— Эй, римлянинъ, сказалъ грубый солдатъ съ варварскимъ покусеніемъ на итальянскій языкъ, дай дорогу тѣмъ, которые лучше тебя. Сказать по совѣсти, въ послѣднее время у васъ было довольно толкотни и зрѣлищъ.

— Получше! простоналъ бѣдный мясникъ; римлянинъ не имѣетъ лучшихъ себя, и еслибы мои два брата не погибли у Санъ-Лорендо, то я былъ...

— Собака ворчлива, и говоритъ о Санъ-Лорендо! сказалъ одинъ изъ орсинистовъ, слѣдовавшій за нѣмцемъ, который двинулся дальше.

— О! воскликнулъ другой орсинистъ, ѣхавшій съ нимъ рядомъ, я его давно знаю. Это одинъ изъ пайки Ріензи.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ третій сурово, такъ мы можемъ сейчасъ же показать спасительный примѣръ. И, оскорбясь какимъ-то вызывающимъ и дерзкимъ выраженіемъ во взглядѣ мясника, орсинистъ пронзилъ его грудь пикой и перѣхалъ черезъ его трупъ.

— Стыдъ! стыдъ! убійство! убійство! вскричала толпа и въ минутной горячности начала тѣсниться вокругъ свирѣпыхъ солдатъ.

Легатъ услышалъ крикъ и, замѣтивъ стремительный напоръ толпы, побѣднѣлъ.

— Негодяи опять бунтуются! пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ, есселенза, сказалъ Лука; но, можетъ быть, будетъ полезно внушить имъ спасительный страхъ; они всѣ безоружны; позвольте мнѣ приказать стражѣ разогнать ихъ. Одного слова будетъ довольно для этого.

Кардиналъ согласился, приказъ былъ отданъ и черезъ нѣсколько минутъ солдаты, пылавшіе злобною мстью при воспоминаніи о пораженіи, которое они перенесли отъ недисциплинированной толпы, гнали ее по улицамъ неудержимо и безпощадно. Однихъ они перѣбѣжали, другихъ закалывали, наполняя воздухъ криками и воплями и устилая землю такимъ множествомъ людей, котораго нѣсколько дней тому назадъ почти было достаточно для защиты Рима и сохраненія его конституціи! Среди этой дикой бурной свалки, и черезъ тѣла ея жертвъ пробѣжалъ съ своею свитою легатъ къ Капитолію, чтобы тамъ принять присягу гражданъ и объявить радость по случаю возвращенія изгнанныхъ бароновъ.

Когда они слѣзали съ лошадей у лѣстницы, то въ глаза легата бросилось объявленіе, написанное крупными буквами. Оно было помѣщено на пьедесталѣ базальтоваго льва, на томъ самомъ мѣстѣ, ко-

торое прежде было занято буллою отлученія. Словъ было немного и они гласили:

Трепещите! Ріензи скоро возвратится!

— Какъ! что значить это шутовство? вскричала легатъ, уже дрожа и оглядываясь на нобилей.

— Съ позволенія вашего высокопреосвященства, сказалъ одинъ изъ совѣтниковъ, которые вышли изъ капитулія встрѣтить легата, мы увидали это объявленіе на разсвѣтѣ, чернила были еще влажны, когда мы входили въ палату. Мы рѣшили, что лучше всего оставить это на распоряженіе вашего высокопреосвященства.

— Вы рѣшили! А кто вы такой?

— Одинъ изъ членовъ совѣта, ваше высокопреосвященство, и жаркій противникъ трибуна, какъ это хорошо извѣстно. Когда ему понадобилась новая подать...

— Совѣтъ—вздоръ! Теперь нѣтъ болѣе совѣта! Порядокъ наконецъ возстановленъ. Отнынѣ за вами будутъ смотрѣть Орсини и Колонна. Вы противились подати? Это хорошо; вы были въ правѣ это сдѣлать, когда подать была предложена тираномъ. Но я предупреждаю васъ, мой другъ, берегитесь противиться подати, которую мы наложимъ. Счастье вамъ, если вамъ городъ въ состояніи купить миръ съ цорковью на какихъ бы то ни было условіяхъ: а его святѣйшество нуждается въ деньгахъ.

Сконфуженный совѣтникъ отступилъ.

— Разорвите это наглое объявленіе. Нѣтъ, стойте! прибейте надъ нимъ нашу прокламацію о наградѣ въ десять тысячъ флориновъ за голову еретика! Десять тысячъ! мнѣ кажется, теперь этого слышномъ много; мы перемѣнимъ цифру. Между тѣмъ, Ринальдо Орсини, синьоръ сенаторъ, ведя своихъ солдатъ къ с. Анджело; посмотримъ выдержать ли еретикъ осаду.

— Въ этомъ нѣтъ надобности, ваше высокопреосвященство, сказалъ совѣтникъ, опять высказывая съ оффиціальною суетливостью; с. Анджело сдася. Говорятъ, трибунъ, его жена и одинъ папъ ушли въ эту ночь, переодѣтые.

— А! сказалъ старый Колонна, котораго отупѣвшій разсудокъ пришелъ наконецъ къ заключенію, что движеніе его друзей основано чѣмъ-то необыкновеннымъ. Въ чемъ дѣло? Что это за объявленіе? Неужели никто мнѣ не скажетъ, что тамъ написано? Мои старые глаза тусклы.

Когда онъ рѣзкимъ пронизательнымъ голосомъ старости сдѣлалъ эти вопросы, то ему отвѣтилъ какой-то другой голосъ громкимъ и густымъ тономъ. Никто не зналъ, откуда онъ выходилъ, отъ толпы осталось только нѣсколько празднопатающихъ, болѣею частію монаховъ, въ клобукахъ и шерстяныхъ рясахъ, которыхъ любопытство ничѣмъ нельзя было удержать и которыми ихъ одежда доставляла безопасность; солдаты замыкая тылъ и между тѣмъ раздался голосъ, отъ котораго у многихъ щеки поблѣднѣли. Въ отвѣтъ Колоннѣ онъ сказалъ:

Трепещите, Ріензи возвратится!

КНИГА VI.

Ч У М Л.

„Eramo gli anni della fruttifera Incarnazione del Figliolo di Dio al numero per venuti di mille trecento quarant'otte, quando nell' egregia città di Fiorenza oltre ad ogni altra Italica bellissima, pervenne la mortifera pestilenza.»

Boccaccio, Introduzione al Decamerone.

I.

Увѣжище любовника.

У берега одного изъ прекрасѣйшихъ озеръ сѣверной Италіи стоялъ любимый домъ Адриана ди-Кастелло, къ которому часто и съ любовью обращалось его воображеніе въ минуты болѣе нѣжныхъ и менѣе патріотическихъ мыслей. Туда, послѣ своего злополучнаго возвращенія въ Римъ, удалился молодой патрицій, распустивъ своихъ блестящихъ спутниковъ въ неаполитанскомъ посольствѣ. Изъ нихъ большая часть присоединилась къ баронамъ; молодой Аннибалди, котораго смѣлая и честолюбивая натура сильно привязывала къ трибуну, держалъ нейтралитетъ; онъ отправился въ свой замокъ, въ Кампанью, и не возвращался въ Римъ до изгнанія Ріензи.

Мѣсто это было способно питать меланхолическую задумчивость жениха Ирены. Не будучи собственно крѣпостью, оно было достаточно сильно для того, чтобы противиться всякому нападенію горныхъ разбойниковъ и мелкихъ сосѣднихъ тирановъ. Замокъ былъ построенъ какимъ-то прежнимъ владѣльцемъ изъ матеріаловъ полуразрушенныхъ виллъ древнихъ римлянъ и его мраморныя колонны и мозаичныя мостовыя придавали причудливую грацію его сѣрымъ каменнымъ стѣнамъ и массивнымъ башнямъ феодальной постройки. Построенное на возвышенности, отлого спускающейся къ озеру, величественное зданіе далеко бросало свою темную тѣнь на прекрасныя воды. Возлѣ него съ высокихъ и лѣсистыхъ горъ на заднемъ планѣ бѣжалъ водопадъ. Его теченіе было извилисто и неправильно, воды его то скрывались за деревьями, то сверкали на свѣтѣ и собирались наконецъ въ обширномъ бассейнѣ, возлѣ котораго небольшой фонтанъ съ полустершеюся надписью свидѣтельствовалъ о минувшемъ изыществѣ классическаго вѣка, воспоминаніе о владѣльцѣ и о поэтѣ; которыхъ самыя имена погибли. Оттуда, спускаясь между мохомъ и душистыми травами, короткій и гладкій потокъ вливался въ озеро. Тамъ, среди крѣпкихъ и твердыхъ деревьевъ сѣвера, росло причудливо и живописно много деревьевъ, пересаженныхъ нѣсколько вѣковъ назадъ съ жаркаго востока; они не завыли и не захриѣли въ этомъ золотомъ климатѣ, который съ ка-

кою-то материнскою заботливостію питаєть почти всякое произведе-
ніе природы. Мѣсто было удалено и уединенно. Дороги, которыя
вели къ нему, были перепутаны, перемѣшаны, гористы и наполе-
ны разбойниками. Нѣсколько хижинъ и небольшой монастырь въ
четверти мили выше по зеленому берегу были самыми близкими жи-
лищами; и, за исключеніемъ какого-нибудь случайнаго пилигрима
или заблудившагося путешественника, уединеніе замка было рѣдко
нарушаемо. Это было именно такое мѣсто, которое представляло от-
дыхъ для человѣка, утомленнаго свѣтомъ, и благопріятствовало вос-
поминаніямъ, растущимъ въ роскошномъ изобиліи на обломкахъ
страсти. И человѣку, котораго нѣжная и вмѣстѣ способная къ са-
мообладанію душа можетъ выносить уединеніе, пришлось бы обыс-
кать всю землю, еслибы онъ захотѣлъ найти болѣе прекрасное и
спокойное убѣжище.

Но раннія мечты Адріана обрекали это мѣсто не на такое уеди-
неніе. Здѣсь, думалъ онъ, будетъ господствовать свѣтлое существо.
здѣсь любовь найдетъ свою пристань и сюда, если она согласится
на подобное вторженіе, богатство и образованность привлекутъ всѣ
благороднѣйшіе и лучшіе умы, которые начали возникать надъ воз-
мущенною поверхностію Италіи, обѣщая второе и новое господство
поэзии, науки и искусства. Для граціознаго и романтическаго, но
нѣсколько задумчиваго и бездѣйственнаго темперамента молодого
нобиля, болѣе годнаго для спокойныхъ и цивилизованныхъ, нежели
для бурныхъ и варварскихъ временъ, честолюбіе не представляло
такой пріятной награды, какую представлялъ образованный досугъ
и спокойствіе, украшенное умственными занятіями. Въ юности онъ
находился подъ сильнымъ вліяніемъ Петрарки, въ болѣе зрѣломъ
возрастѣ мечталъ о счастливомъ Воклюзѣ, въ которомъ бы жилаго
Лаура. Тѣнь Иренѣ посѣщала его уединеніе, потому что въ ве-
сѣтахъ Адріана оно было связано съ ея образомъ; а время и отсут-
ствіе служили только къ тому, чтобы питать его страстныя мыс-
ли, усиливали его меланхолію и любовь.

Въ этомъ уединенномъ убѣжищѣ Адріанъ провелъ зиму, которая
представляетъ такой мягкой переходъ въ этомъ упомительномъ кли-
матѣ. Мірской шумъ доносился до слуха Адріана сладкимъ и ласка-
тельнымъ шопотомъ. Не исполнѣ, и со многими противорѣчіями, до
него дошли вѣсти, разразившіяся подобно громовому удару надъ
Италією, о томъ, что удивительный и предприимчивый человѣкъ, уже
самъ по себѣ представляющій революцію, человѣкъ, который инте-
ресовалъ всю Европу и возбудилъ самыя блистательныя надежды
въ энтузіастахъ, сильнѣйшее ласкательство въ знатныхъ, глубочай-
шій ужасъ въ деспотахъ, самыя пылкія стремленія свободномыс-
лящихъ людей, вдругъ низвергнуть съ своего пьедестала, что голова
его отсѣчена, что его имя предано позору. Объ этомъ событіи, слу-
чившемся въ концѣ декабря, Адріанъ узналъ отъ одного стран-
ствующаго пилигрима, въ началѣ марта ужаснаго 1348 года, когда
Европа, и въ особенности Италія; была опустошена страшнѣйшею
моровою язвою, о которой когда либо упоминала исторія. Эта язва

одинаково ужасна какъ по многочисленности, такъ и по знаменитости своихъ жертвъ и вмѣстѣ какъ-то странно связана съ привлекательными образами, созданными граціею Воккачіо и краснорѣчіемъ Петрарки.

Пилигримъ, сообщившій Адріану о революціи въ Римѣ, не могъ ничего рассказать ему о настоящей судьбѣ Ріензи и его семейства. Было извѣстно только, что трибунъ и его жена ушли; никто не зналъ куда. Многіе думали, что они уже погибли жертвою многочисленныхъ разбойниковъ, которые, вслѣдъ за паденіемъ трибуна, обратились къ своимъ прежнимъ привычкамъ, не щадя ни возраста, ни пола, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Такъ какъ все, касающееся въ трибуна, составляло предметъ самаго живаго интереса, то пилигримъ зналъ еще, что предъ паденіемъ Ріензи, сестра его осталась въ Римѣ, но куда она уѣхала—это было покрыто тайною.

Эти новости пробудили Адріана отъ сна. Ирена находилась теперь въ томъ состояніи, которое онъ изобразилъ въ своемъ письмѣ къ ней: она утратила свою знатность, она была оставлена и не имѣла друзей. Теперь, думалъ великодушный и благородный влюбленный, на можетъ быть моею безъ вреда для моего имени. Каковы бы ни были ошибки Ріензи, она въ нихъ не замѣшана. Ея руки не запятаны кровью моихъ родственниковъ; люди не могутъ сказать, что Адріанъ ди-Каstellо вступаетъ въ союзъ съ властителемъ, чьего могущество основано на развалинахъ дома Колонновъ. Колонны восстановлены, они опять торжествуютъ, Ріензи—ничто: горе и несчастіе соединяютъ меня съ тою, на которую онъ обрушился!

Но какимъ образомъ исполнить эти романтическіе планы, когда неизвѣстно гдѣ Ирена? онъ рѣшился самъ отправиться въ Римъ, чтобы сдѣлать тамъ необходимые распросы. Онъ созвалъ своихъ друзей, и обрадовалъ ихъ вѣстью о предстоящемъ путешествіи. Ольчуга оставила оружейную, зная вынесено изъ залы и послѣднихъ дней одушевленной суетни, фонтанъ, возлѣ котораго Адріанъ провелъ такъ много часовъ задумчивости, былъ посѣщаемъ только гидами, прилетѣвшими съ возвращеніемъ весны, и ночная лампа же не бросала своего одинокаго луча съ его комнаты на воды ставленнаго озера.

II.

Искатель.

Было свѣтлое, тягостное, знойное утро. Одинокій всадникъ ѣхалъ по той несравненной дорогѣ, съ высоты которой, среди смоковницъ и виноградниковъ и оливокъ, глазамъ путника постепенно открываются царовательная долина Арно, пиццы и куполы Флоренціи. Но не съ обычнымъ, свойственнымъ путешественнику взглядомъ удивленія и восторга проѣзжалъ этотъ одинокій всадникъ, не надъ обыкновенною яркостью, веселіемъ и одушевленностью тосканской жизни сію полуденное солнце. Все было безмолвно, пусто и тихо; даже небо казалось какимъ-то болѣзненнымъ и мертвымъ блескомъ.

Нѣкоторые изъ хижинъ, стоявшихъ у дороги, были заперты и зашпунты, другія были отворены, но, повидимому, необитаемы. Путь и пряжки стояли въ бездѣйствіи, лошади и человѣкъ праздновали ужасный праздникъ. Надъ страной тяготѣло проклетіе, болѣе мрачное чѣмъ проклетіе Каина! По временамъ одинокая фигура, одѣтая въ темную одежду монаха, пересѣкала дорогу, устремляла на путешественника безжизненный и изумленный взоръ, и, сгибна далѣе, исчезала подъ какою нибудь кровлей, откуда выходилъ слабый и замирающій стоиъ, едва слышимый, и только потому, что кругомъ царствовала необыкновенная тишина. Когда путешественникъ приблизился къ городу, сцена сдѣлалась менѣе уединенною, но болѣе ужасною. Можно было видѣть телѣги и носилки, плотно закрытыя навісами, вмѣщавшія въ себѣ тѣхъ, которые искали спасенія въ бѣствѣ, забывая, что лѣзла была повсюду. И между тѣмъ какъ эти печальныя колесницы, везомыя тощими лошадьми, подобными скелетамъ, тяжело подвигались впередъ, точно погребальныя дроги, иногда крикъ нарушалъ безмолвіе и конь путника отпрыгивалъ всторону, когда какой нибудь несчастный, заразившійся извою, былъ выбрасываемъ изъ телѣги эгоистическими и безчеловѣчными товарищами, которые оставляли его погибать на дорогѣ. Одна телѣга остановилась у самыхъ воротъ, и человѣкъ въ маскѣ выбросилъ все, что въ ней находилось, въ зеленую слѣзистую канаву возлѣ дороги. Это была легкая одежда, вышитая мантия щеголя, капоръ и покрывало какой нибудь знатной снѣгоры, и дохмоты крестьянина. Бросивъ взглядъ на работу замаскированного, вслѣдникъ увидѣлъ стадо свиней, тонкихъ и полумертвыхъ отъ голода, которыя побѣжали къ этому мѣсту въ надеждѣ на пищу, и онъ содрогнулся при мысли какую пищу они могутъ тамъ найти. Но прежде чѣмъ онъ доѣхалъ до воротъ, тѣ изъ свиней, которыя хлопотливѣе всѣхъ рылись въ заразной кучѣ, упали, мертвыя среди стада *.

— Го, го, сказалъ замаскированный и голосъ его еще глуше звучалъ сквозь маску, ты пришелъ сюда умереть? Твои прекрасный бархатный плащъ и твое золотое питье не спасутъ тебя отъ *gavassio* **. Проѣзжай, проѣзжай далѣе; сегодня лакомый кусокъ для поцѣлуевъ твоей дамы, а завтра слишкомъ скверный даже для крысы и червя!

Но отвѣчая на это ужасное привѣтствіе, Адрианъ (это былъ онъ) продолжалъ свой путь. Ворота были отворены настежь: — самый страшный знакъ, потому что прежде противъ вторженія иностранцевъ были принимаемы самыя строгія предосторожности. Теперь всякая забота, предусмотрительность и бдительность были напрасны. Три раза караулъ изъ девяти человѣкъ перемѣнялъ на этомъ одинокомъ мосту и офицеры, которые должны были назначить имъ наслѣдниковъ, умерли тоже! Смерть остановила все, и суды, и полицію, управленіе народнаго здравія и безопасности. Чума убивала да-

* Тоже зрѣяще видѣлъ Боккачіо, и рассказываетъ о немъ.

** Опухоль, которая была раковымъ симптомомъ болѣзни.

же искусство, общественную связь, гармонию и механизмъ цивилизаціи, какъ будто бы они состояли изъ мяса и костей!

Адріанъ безмолвно и одиноко продолжалъ путь, рѣшась найти и спасти свою невѣсту. Этого вѣрнаго и великодушнаго рыцаря вела, среди ужаса и опустошенія, благословенная надежда, внушаемая любовью, этою страшною страстью, благороднѣйшею изъ всѣхъ, когда она благородна, и самую подлую, когда она низка. Онъ вѣхалъ на широкую и просторную четверугольную площадь, обставленную дворцами, обыкновеннымъ жилищемъ лучшаго и изящнѣйшаго дворянства Италіи. Теперь онъ былъ одинъ и топотъ его прекраснаго коня отдавался дико и страшно въ его ухахъ. При самомъ поворотѣ за уголъ одной изъ улицъ, ведущихъ отъ площади, онъ увидалъ женщину съ двумя дѣтьми. Одинъ ребенокъ былъ у ней на рукахъ, другой уцѣпился за ея платье. Она держала большую связку цвѣтовъ у носа (воображаемое и любимое средство для предупрежденія заразы), и шептала дѣтямъ, которыя стонали отъ голода: «Да, да, у васъ будетъ пища! Много пищи теперь для тѣхъ, которые могутъ выходить. Но выходить!» и она начала оглядываться во всѣ стороны въ страхъ, нѣтъ ли вблизи какого нибудь зачумленнаго.

— Милая моя, сказалъ Адріанъ, не можете ли вы указать мнѣ дорогу къ монастырю?

— Прочь, прочь! закричала женщина.

— Увы! сказалъ Адріанъ съ печальною улыбкою, неужели вы не въ состояніи видѣть, что я еще незачумленъ?

Но женщина, не слушая его, побѣжала дальше. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она была остановлена мальчикомъ, который держался за ея платье.

— Мама, мама! кричалъ онъ я нездоровъ, я не могу идти!

Женщина остановилась, сорвала одежду дитяти, увидѣла у него на рукою роковую опухоль и, оставивъ свое собственное дитя, побѣжала съ дикимъ воплемъ по площади. Вопль этотъ долго отдавался въ ухахъ Адріана, хотя онъ не зналъ о противуестественной причинѣ его: *мать боялась не за ребенка своего, а за самое себя!* Этотъ плотскій городъ былъ также глухъ къ голосу природы, какъ та могила! Адріанъ поѣхалъ ускореннымъ шагомъ и наконецъ достигъ красивой церкви. Двери ея были отворены настежь и внутри онъ увидѣлъ толпу монаховъ, въ маскахъ, которые столпились кругъ алтаря и пѣли *Miserere Domine*. Другихъ богомольцевъ не было и служители Бога въ этомъ городѣ, который славился своимъ набожнымъ населеніемъ въ Италіи, были безъ стада!

Молодой всадникъ остановился у двери и ждалъ пока служба не окончилась. Монахи сошли по лѣстницѣ на улицу.

— Святые отцы, сказалъ Адріанъ, могу ли я просить васъ указать мнѣ ближайшую дорогу къ монастырю Санта Марія де Пацци?

— Сынъ, сказалъ одинъ изъ этихъ безликихъ призраковъ (какими монахи казались въ своихъ одеждахъ подобныхъ савану и въ рваныхъ маскахъ) сынъ, иди своею дорогою и да будетъ съ тою

бою Богъ. Разбойники и гуляки могутъ теперь наполнять монастыри, о которыхъ ты говоришь. Настоятельница умерла, и многіе стры почли съ нею. Монахини бѣжали отъ заразы.

Адріанъ чуть не упалъ съ лошади; и между тѣмъ какъ онъ оставался пригвожденнымъ къ мѣсту, мрачная процессія пошла дальше, заунывно и торжественно напѣвая среди пустой улицы монастырскій гимнъ.

Очнувшись отъ своего оцѣпенѣнія, Адріанъ догналъ монаховъ, и когда они окончили припѣвъ гимна, приблизился къ нимъ.

— Святые отцы, сказалъ онъ; не отгоняйте меня такимъ образомъ. Можетъ быть, въ монастырѣ можно еще услышать о той, которую я ищу. Скажите мнѣ, по какой дорогѣ мнѣ надо ѣхать.

— Не мѣтай намъ, сынъ, отвѣчалъ монахъ, говорившій прежде. Дурной для тебя знакъ прерывать такимъ образомъ молитвы слушателей неба.

— Извините, извините. Я принесу полное покаяніе, заплачу за множество обѣдѣн; но я ищу дорогаго друга—покажите мнѣ дорогу—дорогу.

— Направо, пока доѣдете до перваго моста. За третьимъ мостомъ возлѣ рѣки—найдете монастырь, сказалъ другой монахъ, тронутый горячностью Адріана.

— Да благословитъ васъ Богъ, святой отецъ, проговорилъ кавалеръ прерывающимся голосомъ и, прищипоривъ коня, поѣхалъ по указанному направленію. Монахи не обращали на него вниманія и снова начали свою заунывную пѣсню. До слуха его доносились умоляющія слова ея—*Misere Domine*, смѣшиваясь съ топотомъ копытъ его лошади на звонкой мостовой.

Съ нетерпѣніемъ, съ болью сердца и отчаяніемъ Адріанъ мчался по улицѣ во всю прыть своей лошади. Онъ проѣхалъ, пустой и оставленный рынокъ, мрачныя, баррикадированныя улицы, гдѣ враждебные крики Гвельфовъ и Гибелиновъ такъ часто веселили слухъ рыцарей и вельможъ Флоренціи. Теперь въ skleпахъ и ямахъ вѣстѣ лежали Гвельфы и Гибелины, рыцарскія шпоры и посохъ нищаго. Въ сравненіи съ этимъ безмолвіемъ даже шумъ гражданской распри былъ бы благословеніемъ! Адріанъ доѣхалъ до перваго, втораго и до третьяго моста и наконецъ остановилъ своего коня у стѣнъ монастыря. Онъ привязалъ его къ портику, котораго дверь почти сорвавшаяся съ своихъ петель, была на половину открыта. Прошелъ чрезъ дворъ къ противоположной двери, ведущей къ главному строенію, добрался до рѣвнивой рѣшотки, которая теперь не была уже преградой для мірянъ. И когда онъ остановился тамъ, чтобы собраться съ духомъ и силами, въ ушахъ его раздались дикій смѣхъ и громкая пѣсня, смѣшанные съ проклятіями. Онъ толкнулъ рѣшотчатую дверь и, слѣдуя по направленію откуда доносились эти звуки, пришелъ къ трапезѣ. Въ этомъ мѣстѣ, гдѣ собирались строгія и смиренныя монахини, онъ увидѣлъ странную, безпорядочную, разбойничью толпу, вокругъ верхняго стола, гдѣ некогда сидѣла настоятельница. Съ перваго взгляда казалось, что эта

толпа состояла изъ людей всѣхъ званій, потому что одни были одѣты въ простое шерстяное платье и даже въ лохмотье, другіе были разукрашены атласомъ и бархатомъ, плащами и перьями. Но второго взгляда достаточно было для того, чтобы убѣдиться, что собесѣдники принадлежали почти къ одному и тому же разряду и что шегольской нарядъ болѣе блестящихъ между ними былъ добычею, захваченною въ неохраняемыхъ дворцахъ и въ оставленныхъ рынкахъ. Изъ подъ шляпъ, украшенныхъ перьями и драгоценными камнями видѣлись угрюмыя, немытыя и небритыя лица, надъ которыми висѣли длинныя кудри, служившія часто вмѣсто маски отъявленнымъ разбойникамъ того времени. Среди этихъ дикихъ гулякъ было много женщинъ молодыхъ и среднихъ лѣтъ, отвратительныхъ и красивыхъ, и Адріанъ благочестиво содрогнулся, увидѣвъ между растегнутыми платьями и непокрытыми шеями отъявленныхъ разпрятницъ, святую одежду и чотки монахинь. Столъ былъ покрытъ бутылками съ виномъ, мясомъ, золотыми и серебряными сосудами, большею частію назначенными для священныхъ обрядовъ. Когда молодой римлянинъ остановился какъ заколдованный на порогѣ, человѣкъ игравшій роль предсѣдателя пира, огромный, смуглый разбойникъ съ глубокимъ шрамомъ на лицѣ, который, идя чрезъ всю щеку и верхнюю губу, давалъ его крупнымъ чертамъ необыкновенно отвратительный видъ, обратился къ Адріану: — Войдите, войдите! чего вы тамъ стоите молча и въ изумленіи? Мы—гостепріимные гуляки и всѣхъ принимаемъ ласково. Здѣсь есть вино и женщины. Вино монсиньора епископа и женщины синьоры аббатиссы.

И онъ запѣлъ страшную пѣсню въ честь смерти и чумы.

Прежде чѣмъ она окончилась, Адріанъ, понимая, что среди подобныхъ оргій невозможно ему дѣлать своихъ розысковъ, оставилъ оскверненную комнату и побѣжалъ едва переводя духъ,—такъ великъ былъ овладѣвшій имъ ужасъ,—пока опять не очутился на дворѣ на жаркомъ, нездоровомъ стоячемъ солнечномъ зноѣ, казавшемся приличною атмосферою для сценъ, на которыя онъ нападалъ. Однако же Адріанъ рѣшился не оставлять мѣста, не сдѣлавъ еще попытокъ къ распросамъ. Стоя вѣ двора, въ задумчивости и нерѣшимости, онъ увидѣлъ вблизи небольшую часовню, сквозь длинное окно которой, слабый и тусклый отъ лучей полудня, сіялъ свѣтъ восковыхъ свѣчъ. Онъ направился къ портику, вошелъ туда и увидѣлъ возлѣ святилища одинокую монахиню, которая молилась на колѣняхъ. Въ узкомъ проходѣ на длинномъ столѣ, на каждомъ концѣ котораго тускло горѣли высокія свѣчи, привлекшія его вниманіе, онъ несовсѣмъ явственно увидѣлъ очеркъ множества мертвыхъ человѣческихъ фигуръ, драпированныхъ саванами. Подъ вліяніемъ впечатлѣній, произведеннаго на него уныніемъ и святостію мѣста и трогательныхъ зрѣлищемъ этой одинокой и самоотверженной хранительницы мертвыхъ, Адріанъ сталъ на колѣни и началъ усердно молиться.

Когда онъ всталъ, нѣсколько облегчивъ свое сердце, — монахиня также встала, и вздрогнула, замѣтивъ его.

— Несчастный! сказала она тихимъ, слабымъ и торжественнымъ голосомъ, звучавшимъ подобно голосу какого нибудь призрака, — какая судьба привела тебя сюда? Развѣ ты не видишь, что ты стоишь у праха, пораженного чумою, что ты дышишь разрушительнымъ воздухомъ? Иди отсюда и ищи, среди всеобщаго опустошенія мѣста, куда еще не приходилъ этотъ страшный посѣтитель!

— Святая дѣвушка, отвѣчалъ Адріанъ, опасность которой вы не боятесь, не страшитъ и меня; — я ищу ту, чья жизнь дороже для меня моей собственной.

— Уже изъ этихъ словъ твоихъ видно, что ты еще очень недавно во Флоренціи. Здѣсь сынъ оставляетъ отца, мать бросаетъ своего ребенка. Когда жизнь наиболее безнадежна, эти черви цѣпляются за нее, какъ будто въ ней заключается безсмертное блаженство! Но для меня смерть не страшна. Давно разлучась съ міромъ, я видѣла погибель сестеръ моихъ, видѣла оскверненіе дома Божія, ниспроверженіе его алтаря и не думаю о томъ, чтобы пережить послѣднюю изъ тѣхъ, которыхъ чума оставила въ живыхъ и не слѣдала еще клятвопреступницами.

Монахиня нѣсколько минутъ помолчала и потомъ, пристально посмотрѣвъ на здоровое лицо и на крѣпкій станъ Адріана, тяжело вздохнула и сказала:

— Зачѣмъ ты не бѣжишь отсюда? Искать одного живаго существа въ этомъ городѣ значитъ искать загроможденныхъ склеповъ и гнидой заразы отъ мертвыхъ тѣлъ.

— Сестра, невѣста Божественнаго Икупителя! отвѣчалъ римлянинъ, умоляю тебя, скажи мнѣ одно слово. Ты, кажется, одна изъ монахинь этого монастыря, лишеннаго своей ограды. Скажи мнѣ, не знаешь ли ты жива ли Ирена Габрини, * гостя бывшей настоятельницы, сестра падшаго римскаго трибуна?

— Ты братъ ея? спросила монахиня. Ты этотъ падшій сынъ утра?

— Я ея женихъ, отвѣчалъ Адріанъ грустно. Говори.

— О, плоть, плоть! ты бываешь побѣдительницею до конца, даже среди торжества заразы и въ больницахъ ея! воскликнула монахиня. Суетный человѣкъ! Не думай о такихъ плотскихъ узахъ; примиришься съ небомъ, потому что дни твои сочтены!

— Женщина! вскричалъ съ нетерпѣніемъ Адріанъ, не говори обо мнѣ, не вооружайся противъ узъ, святости которыхъ ты не можешь понимать. Заклинаю тебя всѣмъ святымъ, скажи, жива ли Ирена?

Монахиня была устраниена энергіею молодого любовника и послѣ минутной паузы, показавшейся ему цѣлымъ вѣкомъ мучительнаго ожиданія, отвѣчала:

— Дѣвушка, о которой ты говоришь, не умерла вмѣстѣ съ другими. Когда немногія оставшіяся въ живыхъ разошлись въ раз-

* Фамилія Рюкки была Габрини.

ныя стороны, то и она оставила монастырь. Куда она удалась— не знаю, но у ней были друзья во Флоренціи; имена ихъ мнѣ не- известны.

— Да благословить тебя Богъ, святая сестра! Да благословить тебя Богъ! Какъ давно она оставила монастырь?

— Четыре дня прошло съ тѣхъ поръ, какъ разбойникъ и блудница завладѣли домомъ св. Маріи, отвѣчала монахиня со стономъ: а они явились вслѣдъ за оставленіемъ монастыря сестрами.

— Четыре дня! и ты не можешь дать мнѣ никакихъ указаній?

— Никакихъ—впрочемъ, стой, молодой человекъ!—и монахиня, приблизясь къ Андріану, понизила голосъ до шопота—спроси у беккини. *

Адріанъ отскочилъ въ сторону, торопливо перекрестился и вышелъ изъ монастыря безъ отвѣта. Онъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ обратно въ средину безмолвнаго города. Трактировъ и гостинницъ тамъ уже не было, но дворцы умершихъ вельможъ были открыты для всѣхъ гостей, оставшихся въ живыхъ. Онъ вошелъ въ одинъ изъ этихъ дворцовъ—обширное и великолѣпное зданіе. Въ конюшняхъ онъ нашелъ фуражъ въ ясляхъ; но лошади, которыя въ тѣ времена въ итальянскихъ городахъ имѣли только люди богатые и знатные, ушли вмѣстѣ съ людьми, которые ихъ кормили. Высоко-родный рыцарь принялъ на себя обязанность грума, снялъ тяжелую сбрую, привязалъ своего коня къ рѣшоткѣ и когда усталое животное, непонимая окружающихъ его ужасовъ, жадно бросилось ѣсть, молодой господинъ его прошепталъ уходя:

— Вѣрный слуга, и единственный товарищъ! дай Богъ, чтобы тебя пощадила чума, но щадившая ни людей, ни животныхъ! и чтобы ты повезъ меня отсюда съ облегченнымъ сердцемъ!

Обширная зала, увѣшанная оружіемъ и знаменами, широкая мраморная лѣстница, стѣны которой были разрисованы вычурно и цѣ- тисто по модѣ того времени, вели къ большимъ комнатамъ, обитымъ бархатомъ и золотомъ парчей, но безмолвнымъ какъ могила. Адріанъ бросился на подушки, которыя были сложены въ центрѣ комнаты: онъ много дней былъ въ дорогѣ и въ это утро тоже сдѣ- лалъ длинное путешествіе, и потому былъ утомленъ и измученъ. Но онъ не могъ заснуть. Нетерпѣніе, безпокойство, надежда и страхъ грызли его сердце и производили горячку въ его жилахъ. Послѣ непродолжительной и безуспѣшной попытки отрезвить свои мысли, и придумать какой нибудь болѣе вѣрный планъ розысковъ, онъ всталъ и пошелъ по комнатамъ въ безсознательной, ни на чемъ не основанной надеждѣ.

Было легко видѣть, что онъ остановился въ дохѣ — одного изъ мѣстныхъ вельможъ; блескъ всего его окружавшаго помрачалъ вар-

* По обычаю существовавшему во Флоренціи, умершіе были относимы на кладбище на носилкахъ людьми одинаковаго съ ними званія. Но чума создала особую промышленность: во время ея эту обязанность отправляли люди, принадлежавшіе къ самой низшей чернѣ, будучи привлечены огромною платою. Они назывались *Vecchini*.

варское и грубое великолѣніе менѣе цивилизованныхъ и богатыхъ римлянъ. Здѣсь лежала лютина, на которой играли до послѣдняго времени, позолоченная и иллюстрированная книга, читанная недавно; — тамъ стояли стулья вмѣстѣ, какъ будто бы дама и ея поклонникъ здѣсь только что мѣнялись другъ съ другомъ влюбленнымъ пошлостомъ.

— И такое же опустошеніе скоро можетъ уничтожить слѣды прошеннаго гостя, также какъ исчезнущаго господина. подумалъ Адріанъ.

Наконецъ онъ вошелъ въ комнату, гдѣ на столѣ, еще стояли бутылки, кубки изъ стекла и одинъ серебряный, увядшіе цвѣты, полузаплеснѣвельные плоды, и яства. На одной сторонѣ створчатая дверь велъ къ широкой лѣстницѣ, выходившей въ маленький садъ сзади дома, гдѣ шумѣлъ и сверкалъ фонтанъ, единственный живой предметъ кромѣ Адріана. На ступеняхъ лежалъ малиновый плащъ и возлѣ него женская перчатка. Эти остатки, казалось, говорили сердцу Адріана о послѣднихъ ласкахъ любовника, и о послѣднемъ прощаніи. Онъ громко застоналъ и, чувствуя, что будетъ имѣть нужду во всѣхъ своихъ силахъ, налилъ въ кубокъ кипрскаго вина изъ полупороженной бутылки. Питье освѣжило его.

— Теперь, сказалъ онъ, опять за работу! — Я выйду на поиски! Вдругъ онъ услышалъ тяжелые шаги въ оставленныхъ имъ комнатахъ. Они приблизились и Адріанъ увидѣлъ двѣ огромныя злобныя фигуры, которыя вошли въ комнату. Онѣ были закутаны въ черную грубую одежду, руки ихъ были голы, лица покрыты большими безобразными масками, которыя доходили до груди и имѣли только по три малыхъ, круглыхъ отверстія для дыханія и зрѣнія. Колонна наполовину обнажилъ мечъ, потому что видъ этихъ посѣтелей не предвѣщалъ ничего добраго.

— О! сказалъ одинъ изъ нихъ, въ палатко есть новый гость сегодня. Не бойся насъ, незнакомецъ; здѣсь довольно мѣста и богатства для всѣхъ людей, оставшихся теперь во Флоренціи! Рег Вассо! здѣсь остался еще одинъ серебряный кубокъ—какъ это случилось? Съ этими словами онъ схватилъ кубокъ, только что опорожненный Адріаномъ, и сунулъ его за пазуху. Потомъ обратился къ Адріану, котораго рука все еще лежала на рукояткѣ меча, и сказалъ со сѣхотомъ, выходившимъ глухо и тяжело изъ-подъ маски:

— О, мы не рѣжемъ людей, синьоръ, невидимое существо избавляетъ насъ отъ этого труда. Мы люди честные, должностные, и пришли посмотреть не нужна-ли будетъ здѣсь телѣга ночью.

— Такъ вы...

— Беккини!

Кровь Адріана застыла въ жилахъ. Беккино продолжалъ:

— Вы будете жить въ этомъ домѣ, покуда останетесь во Флоренціи, синьоръ?

— Да, пока его не потребуетъ законный владѣлецъ.

— Ха! ха! законный владѣлецъ! Теперь чума владѣетъ всѣмъ! Да, я видѣлъ три блестящія компаніи, которыя жили въ этомъ

ворѣ послѣднюю недѣлю, и похоронилъ ихъ всѣхъ—всѣхъ! Это довольно веселый домъ и представляетъ хорошую практику. Вы одни?

— Въ настоящее время, одинъ.

— Покажите намъ гдѣ вы спите, чтобы мы могли знать куда прійти за вами. Я вижу, что въ эти три дня вы не будете имѣть въ насъ нужды.

— Ваши привѣтствія забавны! сказалъ Адріанъ; но послушайте. Не можете ли вы отыскивать живыхъ, также какъ вы хороните мертвыхъ? Я ищу въ этомъ городѣ одну особу: если вы найдете ее, то получите столько, сколько за цѣлый годъ похоронъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! это не по нашей части. Отыскивать живыхъ среди этихъ запертыхъ домовъ и зіяющихъ склеповъ, все равно что отыскивать упавшую песчинку на морскомъ берегу. Но если вы заплатите бѣднымъ могильщикамъ впередъ, то, я обещаю вамъ, вы первый будете положены въ новый склепъ для мертвыхъ; онъ будетъ оконченъ какъ разъ около нашего времени.

— Вотъ! сказалъ Адріанъ, бросая этимъ несчастнымъ нѣсколько золотыхъ монетъ, вотъ! и если вы хотите оказать мнѣ добрую услугу, то оставьте меня, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока я живъ; впрочемъ я могу избавить васъ отъ этого безпокойства. И онъ вышелъ изъ комнаты.

Говорившій съ нимъ беккино пошелъ за нимъ.

— Вы щедры, синьоръ, погодите. Вы будете имѣть нужду въ бо-
лѣ свѣжей пищѣ, чѣмъ эти гадкіе объѣдки. Я буду доставлять
вамъ самую лучшую провизію, пока—пока она вамъ будетъ нужна.
Послушайте, кого вамъ надо отыскать?

Этотъ вопросъ остановилъ Адріана. Онъ рассказалъ имя и всѣ подробности, какія могъ, объ Ирѣнѣ; съ болью въ сердцѣ описалъ волосы, черты и ростъ этой милой и обожаемой дѣвушки, которые могли бы послужить темою для поэта, а теперь служили указаниемъ для гробокопателя.

Когда Адріанъ кончилъ, беккино покачалъ головой.

— Я слымалъ пятьсотъ такихъ описаній въ первые дни чумы, когда еще были во Флоренціи влюбленные; но это лакомое описаніе, синьоръ, и для бѣднаго беккино будетъ гордостью открыть или даже похоронить столько прелестей! Я сдѣлаю что только могу; а между тѣмъ, чтобъ ваше время не пропадало даромъ, я могу рекомендовать васъ многимъ хорошенькимъ личикамъ, и...

— Прочь, дьяволъ! пробормоталъ Адріанъ: я глупецъ, что трачу время съ такимъ, какъ ты! И онъ ушелъ, сопровождаемый смѣхомъ могильщика.

Весь этотъ день Адріанъ бродилъ по городу, но поиски и распросы его были одинаково бесполезны. Всѣ, кого онъ встрѣчалъ и спрашивалъ, казалось, смотрѣли на него, какъ на сумасшедшаго да и въ самомъ дѣлѣ не было вѣроятности, чтобы эти люди могли помочь ему. Дикія толпы безпутныхъ, пьяныхъ гулякъ, кое-гдѣ процессіи монаховъ, и люди, которые, спѣша, удалялись отъ

всякаго и избѣгали всякихъ разговоровъ, были единственными прохожими на этихъ печальныхъ улицахъ. Наконецъ солнце, желтое и подернутое мглою, скрылось за холмами и тьма окружила беззвучный путь моровой язвы.

III.

Цвѣты среди могилъ.

Возвратясь домой, Адрианъ увидѣлъ, что беккини позаботились о томъ, чтобы голодъ не предупредилъ чумы. Кушанья, оставленные упершими, были сняты и свѣжія яства и вина, всякаго рода, которыхъ тогда было много во Флоренціи, покрывали столъ. Онъ закусилъ, хотя умѣренно, и содрогаясь при мысли объ отдыхѣ на какой-нибудь постели, подъ покрывами которой такъ недавно работала смерть, тщательно заперъ дверь и окно, завернулся въ свой плащъ и легъ на подушкахъ комнаты гдѣ ужиналъ. Усталость навела на него беспокойный сонъ, но онъ вдругъ проснулся отъ стука телеги на улицѣ и звона колоколовъ. Онъ сталъ прислушиваться: телега медленно двигалась отъ одной двери къ другой и наконецъ стукъ ея замеръ въ отдаленіи. Адрианъ уже не спалъ въ эту ночь болѣе!

Съ восходомъ солнца онъ возобновилъ свои поиски; и было еще рано, когда, въ то самое время, какъ онъ проходилъ мимо церкви, двѣ богато-одѣтыя дамы вышли изъ портика и, казалось, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли сквозь свои маски на молодого кавалера. Этотъ пристальный взглядъ остановилъ его, и одна изъ двухъ женщинъ сказала:

— Прекрасный господинъ, вы черезчуръ смѣлы: вы не носите маски и не нюхаете цвѣтовъ.

— Сеньора, я не ношу маски потому, что хочу, чтобы меня видѣли: я пришелъ въ эти несчастныя мѣста искать одну особу, которую потерять для меня значитъ тоже, что разстаться съ жизнью.

— Онъ молодъ, красивъ, очевидно благороднаго происхожденія и чума не коснулась его: онъ хорошо послужитъ для нашей цѣли, прошептала одна изъ дамъ другой.

— Ваши слова отголосокъ моихъ собственныхъ мыслей, отвѣчала ей спутница и, обращаясь къ Адриану, сказала: если вы ищете съ такимъ жаромъ, то значитъ вы ищете не жены.

— Это правда.

— Молодая и прекрасная, съ темными волосами и бѣлоснѣжной шеей? Я привожу васъ къ ней.

— Сеньора!

— Идите за нами.

— Знаете-ли вы кто я и кого ишу?

— Да.

— Вы въ самомъ дѣлѣ можете мнѣ что нибудь сказать объ Ирентъ?

— Могу: идите за мной.

— Къ ней?

— Да, да: идите за нами!

Дамы пошли, какъ будто не желая больше разговаривать. Изумленный, въ нерѣшимости и какъ-бы во снѣ, Адріанъ послѣдовалъ за ними. Ихъ одежда, манеры и чистый тосканскій выговоръ той, которая говорила съ нимъ, показывали въ нихъ женщинъ знатнаго происхожденія и состоянія: но все остальное было загадкою, которую онъ не могъ разрѣшить.

Онѣ пришли къ одному изъ мостовъ, гдѣ ихъ ожидали носилки и луга верхомъ на лошади, державшій другаго коня за узду. Дамы вѣли въ носилки, а та, которая говорила съ Адріаномъ, попросила то вѣхать за ними верхомъ.

— Но скажите мнѣ, началъ онъ опять.

— Никакихъ вопросовъ, кавалеръ, отвѣчала она съ нетерпѣніемъ; лѣдуйте за живыми молча, или оставайтесь съ мертвыми.

Носилки двинулись, а Адріанъ сѣлъ въ удивленіи на коня и поѣхалъ за странными путеводительницами, которыя продолжали путь овольно скоро. Они переѣхали мостъ оставили рѣку въ сторонѣ и одвинулись на отлогую возвышенность, гдѣ вмѣсто унылыхъ стѣнъ, пустыхъ улицъ начали появляться деревья и цвѣты того климата. роѣхавъ такимъ образомъ около получаса, они повернули въ зеленую аллею въ сторонѣ отъ дороги и вдругъ очутились у портика прекраснаго и величественнаго палаццо. Здѣсь дамы вышли изъ носилокъ. Адріанъ, напрасно старавшійся заставить слугу говорить, также слѣзъ съ лошади и, идя за ними чрезъ обширный дворъ, наполненный съ обѣихъ сторонъ вазами цвѣтовъ и померанцовыми деревьями, а потомъ чрезъ обширную залу въ дальнемъ концѣ четырехугольника, очутился въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ, которая когда-либо видѣла глазъ или воспѣвала поэтъ. Это была площадка, покрытая изумрудною зеленью, рощицами изъ лавровъ, миртовъ, открывающимися съ обѣихъ сторонъ въ видѣ аллей переплетенныхъ розами, сквозь арки которыхъ видны были въ концѣ проспекта статуи и брызжущіе фонтаны. Спереди лугъ былъ окруженъ рядами вазъ, на мраморныхъ пьедесталахъ, которыя были наполнены цвѣтами: широкія лѣстницы изъ бѣлѣйшаго мрамора вели отъ терассы къ терассѣ, изъ которыхъ каждая была украшена статуями и фонтанами на срединѣ спуска съ высокаго, но отлогого, зеленого холма. Далѣе широко раскидывался разнообразный роскошный ландшафтъ — виноградники и маслячныя рощи, виллы деревни Ариской долины, пересѣкаемой серебряною рѣкой; между ними какъ городъ во всемъ своемъ спокойствіи, но безъ своихъ часовъ, подымался своими кровлями и шпицами къ солнцу. Птицы яркихъ цвѣтовъ и голосовъ, нѣкоторыя на свободѣ, другія въ вѣткахъ изъ золотой проволоки, пѣли вокругъ. Среди луга сидѣли четыре дамы безъ масокъ и богато одѣтыя, изъ которыхъ старшей, казалось, было едва-ли больше двадцати лѣтъ, и пять кавалеровъ молодыхъ и красивыхъ, которыхъ камзолы, украшенные дорогими камнями, и золотыя цѣпи свидѣтельствовали о ихъ знатности.

Возлѣ стоялъ столъ съ винами и плодами; тамъ и сямъ были разсѣяны музыкальные инструменты, шахматныя доски и игровыя столы. Такую прекрасную группу и такую граціозную сцену Адріанъ видѣлъ только однажды и именно среди ужасной моровой чумы въ Италіи! Наше воображеніе можетъ представить ихъ при чтеніи страницъ блистательнаго Боккачіо.

Увидѣвъ Адріана и его спутницъ, компанія встала, и одна изъ дамъ, голова которой была украшена лавровымъ вѣнкомъ, выступивъ впередъ другихъ, сказала:

— Вы сдѣлали хорошо, моя Маріанна! добро пожаловать, мои прекрасныя подданныя. И вы, синьоръ, добро пожаловать.

Между тѣмъ путеводительницы Адріана скинули свои маски, и изъ нихъ, которая говорила съ нимъ, откинула свои длинные черные, какъ смоль, кудри, висѣвшіе надъ свѣтлыми смѣющимися глазами и надъ оливковыми щеками, которыя теперь слегка покрасѣли, и обратилась къ нему прежде, чѣмъ онъ могъ отвѣчать на сдѣланное ему привѣтствіе.

— Синьоръ кавалеръ, сказала она, теперь вы видите куда я васъ приманила. Признайтесь, что это мѣсто привлекательнѣе тѣхъ видовъ и звуковъ, которые представляетъ городъ. Вы смотрите на меня въ удивленіи. Взгляните, моя королева, какимъ безгласнымъ сдѣлали нашего новаго обожателя чудеса вашего двора. Утѣрю васъ, онъ довольно скоро заговорилъ, когда увидѣлъ, что ему не съ кѣмъ говорить кромѣ насъ; мало того, я была принуждена заставить его молчать.

— А! такъ вы еще не объяснили ему обычаевъ и происхожденія двора, въ который онъ вступаетъ? сказала дама въ лавровомъ вѣнкѣ.

— Нѣтъ, моя королева; я думала, что всякое описаніе, сдѣланное въ такомъ мѣстѣ, какова теперь наша бѣдная Флоренція, не достигло бы своей цѣли. Мое дѣло сдѣлано, я передаю его вашей свѣлости.

Съ этими словами она легко отошла въ сторону и начала кокетливо приглаживать свои волосы, смотрясь въ гладкое зеркало приморнаго бассейна, котораго вода бѣжала чрезъ край на траву. По временамъ она лукаво посматривала на Адріана, находясь довольно близко для того, чтобы слышать все, что говорилось.

— Во-первыхъ, синьоръ, позвольте намъ спросить ваше имя, званіе и мѣсто рожденія, сказала дама, носившая названіе королевы.

— Синьора, отвѣчалъ Адріанъ, я пріѣхалъ сюда мало думая о томъ, чтобы отвѣчать на вопросы, касающіеся меня самого; но мнѣ будетъ пріятно отвѣчать на то, о чемъ вамъ угодно было спросить меня. Мое имя Адріанъ ди-Кастелло, я принадлежу къ римской фамиліи Колонновъ.

— Благородная колонна благороднаго дома! отвѣчала королева. Что касается до насъ, о которыхъ, можетъ быть, вамъ любопытно узнать, то мы, шесть флорентинскихъ дамъ, будучи оставлены на-

ними родственниками и покровителями, или потерявъ ихъ, рѣши-
лись удалиться въ этотъ палаццо. Если смерть придетъ сюда, то
она не принесетъ съ собою и половины своихъ ужасовъ. Ученые
говорятъ, что печаль производитъ страшную болѣзнь: и потому вы
идите въ насъ заклятыхъ враговъ печали. Шестеро знакомыхъ
тамъ кавалеровъ согласились присоединиться къ намъ. Мы прово-
димъ наши дни во всякихъ развлеченіяхъ, какія можемъ найти и
придумать. Музыка и танцы, веселые рассказы и пѣсни съ неболь-
шими перемѣнами мѣста; какъ напр.: переходъ отъ луга въ тѣнь,
отъ аллеи къ фонтану, наполняютъ все наше время и пригото-
вляютъ насъ къ мирному сну и счастливымъ грезамъ. Каждая изъ
насъ поочередно бываетъ королевою нашего волшебнаго двора; се-
годня моя очередь. Наша конституція состоитъ изъ одного закона—
насъ не допускается ничто грустное. Мы хотимъ жить такъ,
какъ будто этотъ городъ не существуетъ, и какъ будто (прибавила
прекрасная королева съ легкимъ вздохомъ) юность, грація и кра-
сота могутъ продолжаться вѣчно. Одинъ изъ нашихъ рыцарей бе-
зумно оставилъ насъ на одинъ день, обѣщая возвратиться; мы его
же не видали больше. Мы не хотимъ отгадывать, что съ нимъ слу-
чилось. Сдѣлалось необходимымъ замѣстить его; мы бросили жребій
одному изъ насъ искать ему преемника; жребій палъ на двухъ дамъ,
которыя и привели васъ сюда, но надѣюсь, вамъ не непріятно.
прекрасный синьоръ, мое объясненіе кончено.

— Увы, прекрасная королева, сказалъ Адріанъ въ сильной, но
вспрашивающей борьбѣ съ горькимъ разочарованіемъ, я не могу принад-
лежать къ вашему кружку; я самъ въ себѣ составляю нарушеніе
этого закона. Моя душа наполнена одною грустною и тревожною
мыслью, при которой всякое веселье показалось бы нечестіемъ. Я
жду между живыми и мертвыми одно существо, о судьбѣ котораго
не знаю, и только слова моей прекрасной путеводительницы от-
вели меня отъ моей печальной заботы и привели сюда. Поз-
вольте мнѣ, великодушная синьора, возвратиться во Флоренцію.

Королева въ безмолвной досадѣ посмотрѣла на темноглазую Ма-
рианну, которая отвѣчала на этотъ взглядъ другимъ, столько же
выражающимъ, и потомъ, вдругъ подходя къ Адріану, сказала:

— Но, синьоръ, если я исполню свое обѣщаніе, если я въ состо-
яніи увѣрить тебя, въ здоровьи и безопасности... Ирены?

— Ирены! повторилъ Адріанъ съ удивленіемъ, забывъ въ эту
минуту, что онъ самъ прежде объявилъ имя той которую искалъ.
Ирены, Ирены ди-Габрини, сестры знаменитаго Ріензи!

— Именно, отвѣчала Маріанна съ живостью; я знаю ее, какъ уже
казала вамъ. Синьоръ, я не хочу васъ обманывать. Правда, я не
могу отвести васъ къ ней, но она давно уже отправилась въ одинъ
изъ городовъ Ломбардіи, куда, говорятъ, чума еще не проникла. Об-
считалось ли теперь ваше сердце, синьоръ? и неужели вы захотите
такъ скоро оставить этотъ дворъ красоты, и, можетъ быть, любви,
прибавила она съ нѣжнымъ взглядомъ.

— Могу ли я въ самомъ дѣлѣ вѣрить вамъ, синьора? сказалъ Адріанъ въ восторгѣ, но все еще сомнѣваясь.

— Неужели я стану обманывать вѣрнаго любовника, какимъ вы мнѣ кажетесь? Вудьте увѣрены въ истинѣ моихъ словъ. Просту тебѣ, королева, прими своего подданнаго.

Королева протянула руку Адріану и повела его къ группѣ, стоявшей по прежнему на травѣ, въ недалекомъ разстояніи. Всѣ привѣтствовали его какъ брата и скоро извинили его разстѣянную вѣжливость, во вниманіе къ его пріятной наружности и знатному имени.

Королева хлопнула руками и компанія опять размѣстилась на луту. Каждая изъ дамъ сѣла возлѣ своего обожателя.

— Если вы не устали, Маріанна, сказала королева, то возьмите лютню и заставьте замолчать этихъ звонкихъ кузнечиковъ, которые трещать вокругъ насъ съ такою претензіею, какъ будто-бы они—соловьи. Пойте, милая подданная, пойте; и выберите для этого пѣсню нашего дорогаго друга синьора Висдомини, сочиненную въ видѣ посвященнаго гимна для тѣхъ, которыхъ мы принимаемъ къ своему двору.

Маріанна наклонилась къ Адріану, взяла лютню и послѣ короткой прелюдіи пропѣла:

О веселись, когда не знаешь
Что завтра ждетъ тебя... повѣрь,
Своимъ уныніемъ откроешь
Ты для угрюмой смерти дверь!
Къ чему-жъ страдать въ тоскѣ напрасной.
Прочь горе! будемъ веселѣй:
Покровы тучъ, мрача день ясный,
Приводятъ только ночь скорѣй.
Смерть въ дружбѣ съ радостью: старайся
Веселымъ быть; гони печаль,
Люби, пируй и наслаждайся; —
Вотъ гроба вѣчная мораль!

За этою пѣснью, заслужившею большое одобреніе, послѣдовали тѣ легкіе и остроумные рассказы, въ которыхъ итальянскіе новеллисты послужили для Вольтера и Мармонтеля образцомъ. Каждый говорилъ въ свою очередь, съ одинаковою ловкостью избѣгая печальныхъ картинъ и размышленій, которыя могли бы напоминать этия изыщаннымъ празднотствамъ о близости смерти. Во всякое другое время характеръ и образованность молодого синьора ди-Кастелло сдѣлали бы его способнымъ веселиться и блистать среди этого аркадскаго двора. Но теперь онъ напрасно старался прогнать пасмурное выраженіе съ своего лица и безпокойныя мысли изъ своего сердца. Онъ думалъ о полученномъ имъ свѣдѣніи, удивлялся, строилъ догадки, надѣялся и все еще боялся. И если на минуту его умъ обращался къ окружающей его сценѣ, то его натура слишкомъ истинно-поэтическая для того, чтобы увлекаться ложнымъ чувствомъ, господствовавшимъ въ этомъ мѣстѣ, спрашивала себя: чѣмъ,

а исключеніемъ блестящей вѣѣшности и граціозной обстановки, от-
начались эти увеселенія, на которыя онъ такъ неохотно теперь смо-
рѣлъ, отъ грубыхъ оргій въ монастырѣ Санта-Маріа? Тѣ и другія
были вызваны одинаковыми побужденіями, хотя различались по
вѣѣшности, тѣ и другія были одинаково черствы и эгоистичны,
превращая ужасъ въ наслажденіе. Прекрасная Маріанна, которая
шла своего товарища, какъ сказала королева, вовсе не была
асположена выпустить изъ своихъ рукъ новаго найденнаго ею
компаньона. Отъ времени до времени она подавала ему вино и пло-
ды и при этомъ ея рука слегка опиралась на его руку. Наконецъ
пришло время, когда компанія удалилась въ палатку на время по-
деннаго жара, съ тѣмъ чтобы выйти опять, при закатѣ солнца,
танцовать возлѣ фонтана, танцовать, пѣть и веселиться при свѣтѣ
факеловъ и звѣздъ до тѣхъ поръ, пока настанетъ часъ отдыха.
Адрианъ, не желавшій участвовать болѣе въ подобныхъ заба-
вахъ, какъ только пришелъ въ комнату, куда его провели, рѣшил-
ся уйти. Это было во всякомъ случаѣ кратчайшее и можетъ
быть не самое невѣжливое средство, оставшееся ему, чтобъ удалиться
отъ этого мѣста. Когда все, казалось, было безмолвно и спокойно
послѣ отдыха, которому въ этотъ часъ обыкновенно предаются
жители, онъ вышелъ изъ своей комнаты, спустился съ лѣ-
стницы, прошелъ вѣѣшний дворъ и былъ уже у воротъ, какъ вдругъ
подумалъ, что его кто-то зоветъ голосомъ, выразившим досаду и
гневу. Онъ обернулся и увидѣлъ Маріанну.

— Какъ, что это значитъ, синьоръ ди-Кастелло? Развѣ наше об-
щество такъ непріятно, наша музыка такъ неблагозвучна и наши
танцы такъ морщинисты, что вы бѣжите, какъ бѣжитъ путникъ отъ
жары, на которыхъ онъ наткнулся у Беневенто? Нѣтъ, не можетъ
быть, чтобы вы думали оставить насъ теперь!

— Прекрасная синьора, возразилъ кавалеръ, нѣсколько смутясь;
напрасно стараюсь разогнать свои печальныя мысли, или сдѣлать
что-нибудь годнымъ для двора, къ которому ничто грустное не пристало.
Вѣѣчные законы тяготѣютъ надо мной какъ надъ преступникомъ; бѣгъ
во время лучше суроваго изгнанія.

Говоря это, онъ пошелъ дальше и уже проходилъ чрезъ зорота,
когда Маріанна схватила его за руку.

— Нѣтъ, сказала она нѣжно; развѣ здѣсь нѣтъ черныхъ глазъ и
нѣтъ синѣжной бѣлизны, которыя могутъ вознаградить тебя за от-
сутствие твоей милой? Подожди здѣсь и забудь, какъ безъ сомнѣ-
нія даже ты будешь забыть въ отсутствіи!

— Синьора, отвѣчалъ Адрианъ съ большою важностью, которая
была не лишена плохо сдержаннаго презрѣнія, я не довольно жилъ
послѣ вздоховъ и звуковъ скорби для того, чтобы мое сердце огру-
бѣло и чтобы моя душа сдѣлалась нечувствительна ко всему окру-
жающему. Наслаждайтесь, если можете, собирайте розы на моги-
лахъ; что же касается до меня, котораго еще преслѣдуютъ гробо-
вые образы, то красота тенеръ не радуетъ меня, и любовь, даже

святая любовь—какъ будто помрачена тѣнью смерти. Извините меня и прощайте.

— Такъ иди, сказала флорентинка, уязвленная и раздраженная его холодною; иди и ищи своей милой тамъ, куда влечетъ тебя твоя философія. Я обманула тебя, слѣпой безумецъ (я надѣялась, что это послужитъ для твоей пользы) обманула, сказавъ тебѣ, что Ирена (ее такъ зовутъ?)—выѣхала изъ Флоренціи. Я о ней ничего не знаю и ничего не слыхала, кромѣ того, что ты самъ мнѣ сказалъ. Иди назадъ, отыскивай ея гробъ и удостовѣрься любишь ли ты ее по прежнему!

IV.

Мы находимъ что ищемъ, и не знаемъ этого.

Въ самый жестокий дневной жаръ, пѣшкомъ, Адріанъ возвратился во Флоренцію. Когда онъ подходилъ къ городу, вся праздничная, блестящая сцена, которую онъ оставилъ, казалась ему какъ бы сномъ, видѣніемъ садовъ и бесѣдокъ волшебницы, отъ котораго онъ внезапно пробудился, какъ пробуждается преступникъ въ утро своей казни, чтобы видѣть эшафотъ и палача. Каждый шагъ его въ этомъ печальномъ городѣ возвращалъ его мысли къ жизни и къ смерти въ одно и тоже время. Прощальные слова Маріанны отдавались подобно колоколу въ его сердцѣ. Дневной жаръ, угнетающая атмосфера, продолжительная усталость, изнуреніе въ соединеніи съ муками обманутой надежды, съ тревожнымъ сознаніемъ о невозвратно потерянныхъ драгоценныхъ минутахъ и съ крайнимъ отчаяніемъ въ возможности придумать какой нибудь систематическій способъ розысковъ, все это произвело горячку, которая быстро начала распространяться въ его жилахъ. Виски его отяжелѣли, губы засохли отъ нестерпимой жажды; сила, казалось, вдругъ оставила его; и онъ съ большимъ трудомъ и усиліемъ волочилъ ноги.

— Я чувствую заразу, думалъ онъ, съ страшною тошнотою и съ содроганіемъ, съ которымъ природа всегда борется противъ смерти, я чувствую, что пожирающій и невидимый недугъ овладѣлъ мною, я погибну и не спасу ее; и мы будемъ лежать не въ одной могилѣ!

Эти мысли быстро усилили болѣзнь, которая начала имъ овладѣвать; и прежде чѣмъ онъ вошелъ въ городъ, сознаніе его начало путаться. Образы людей и домовъ неявственно и туманно рисовались передъ его глазами, горячая мостовая, казалось, двигалась и колебалась подъ его ногами; онъ сталъ бредить и шель бормоча прерывистыя и несвязныя фразы. Немногіе встрѣчавшіеся съ нимъ люди въ ужасѣ бѣжали отъ него. Даже монахи, продолжавшіе свои торжественныя и грустныя процессіи, при встрѣчѣ съ нимъ переходили на другую сторону улицы, бормоча *beno vobis*. Въ шалашѣ, стоявшемъ на углу улицы, четыре беккини устремили на него изъ подъ своихъ черныхъ масокъ пристальный взглядъ, подобный то-

пу, съ какимъ коршуны смотрятъ на путника, умирающаго въ пустынѣ. Онъ все тащился дальше, протягивая руки впередъ, какъ человекъ идущій ощупью во тьмѣ и стараясь, съ неопредѣленнымъ ознаніемъ, которое еще боролось въ немъ съ горячечнымъ бредомъ, найти домъ, избранный имъ для мѣстопробыванія; хотя многіе дома, въ которыхъ можно было также хорошо жить или умереть, стояли съ открытыми дверями впередъ и возлѣ.

— Прена, Ирена! говорилъ онъ то тихимъ шопотомъ, то съ дикимъ и пронзательнымъ крикомъ, гдѣ ты? гдѣ? Я пришелъ вырвать тебя у нихъ; ты не достанешься имъ, нечистымъ и безобразнымъ дьяволамъ! Фи! какъ воздухъ пахнетъ мертвыми тѣлами! Прена, Ирена мы уѣдемъ въ мой палаццо къ очаровательному озеру—Ирена!

Между тѣмъ какъ онъ восклицалъ такимъ образомъ, двѣ женщины вдругъ вышли изъ сосѣдняго дома въ маскахъ и плащахъ. Болѣе высокая и тонкая изъ нихъ имѣла темноглазую плащъ, (здѣсь это необходимо замѣтить) богато вышитый серебромъ, цвѣтъ фасона были рѣдки во Флоренціи, но обыкновенны въ Римѣ, гдѣ женщины высшаго званія носили одежду чрезвычайно свѣтлыхъ цвѣтовъ и широкую, не похожую на болѣе простую и узкую одежду тосканскаго покроя.

— Напрасное благоразуміе, сказала эта женщина, бѣжать отъ немощи и вѣрной участи!

— Какъ, неужели ты хочешь остаться въ домѣ, гдѣ въ сосѣдней комнатѣ лежатъ три покойника, совсѣмъ намъ чужіе, между тѣмъ какъ во Флоренціи такъ много пустыхъ домовъ? Повѣрь, намъ не придется идти далеко, чтобы найти болѣе безопасное жилище.

— Въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ мы чудеснымъ образомъ сохранились, сказала со вздохомъ другая, которую по виду и по голосу можно было принять за очень молоденькую дѣвушку, но если мы и знали куда бѣжать, то какая гора, какой лѣсъ, какая пещера скрываетъ моего брата и его вѣрную Нину! я содрогаюсь отъ ужаса!

— Ирена, Ирена! Если ты въ Миланѣ или другомъ ломбардскомъ городѣ, то зачѣмъ я остаюсь здѣсь? На коня, на коня! О, нѣтъ! нѣтъ! мнѣ не нужно лошади съ колокольчиками! не нужно погрѣльной телѣги!

Съ крикомъ и воплемъ, болѣе громкимъ, чѣмъ вопль больного, произнесшаго эти слова, молодая женщина бросилась прочь отъ своей спутницы. Казалось, сдѣлавъ одинъ только шагъ, она очутилась возлѣ Адріана. Она схватила его руку, она взглянула ему въ лицо, она встрѣтила безсознательный взглядъ его глазъ, сверкавшихъ страшнымъ огнемъ.

— Онъ заразился! вскричала она, потомъ прибавила печальнымъ, тихимъ голосомъ: Чума!

— Прочь, прочь! вы съ ума сошли! вскричала ея спутница, не трогайтесь до меня теперь, когда уже вы дотронулись до него, идите отсюда!

— Помогите мнѣ перенести его куда-нибудь, посмотрите. онъ ж-
дается чувствъ, онъ птаается, онъ падаетъ! помогите мнѣ, милы
синьора, во имя состраданія, ради Бога!

Но подъ полнымъ вліяніемъ эгоистическаго страха, овладѣвшимъ
всѣми въ это несчастное время, старшая изъ двухъ женщинъ, хотъ
отъ природы добрая, сострадательная и стоворчивая, быстро побѣ-
жала прочь и исчезла изъ виду. Молодая дѣвушка осталась такинъ
образомъ одна съ Адріаномъ, который, въ припадкѣ горячки, упалъ
на землю. Но силы и энергія не оставили ея. Она сбросила съ себя
тяжелый плащъ, который мѣшалъ свободному движенію ея рукъ и
тогда, поднявъ вверхъ лицо своего милаго (кто кромѣ Ирены могъ
быть этою женщиною, которая вѣ боялась смертельной заразы?)
она прислонила его къ своей груди и громко начала звать на по-
мощь. Наконецъ беккини, бывшіе въ палатѣ, о которомъ мы уже
упоминали, лѣниво подошли къ ней. (Они зачерствѣли въ своемъ
ремеслѣ и это лучше всякихъ предосторожностей предохраняло ихъ
отъ заразы).

— Скорѣй, скорѣй, ради Христа! сказала имъ Ирена, у меня мно-
го золота; я хорошо заплачу вамъ: помогите мнѣ перенести его въ
ближайшій домъ.

— Оставьте его намъ, молодая синьора; мы слѣдили за нимъ, ска-
залъ одинъ изъ могильщиковъ. Мы исполнимъ нашу обязанность
при немъ, первую и послѣднюю.

— Нѣтъ, нѣтъ! не трогайте его за голову; это моя забота. Я по-
могу вамъ. Вотъ такъ; теперь идемъ, только потише!

Съ помощью ихъ, Ирена, которая не хотѣла выпустить изъ рукъ
своихъ голову Адріана, но сторожила эти милые глаза и губы, какъ
будто взглядами своими она хотѣла призвать назадъ отлетающую
душу, перенесла Адріана въ сосѣдній домъ и положила его на кро-
вать. Сохраняя, какъ только могутъ однѣ женщины въ подобныхъ
обстоятельствахъ, присутствіе духа и бдительную предусмотритель-
ность, которыя составляютъ возвышенный контрастъ съ ихъ то-
ю воспріимчивостью, она прежде всего велѣла беккинамъ сбро-
сить простыни и одѣяла, которыя могли содержать въ себѣ заразу.
Потомъ она послала ихъ за новыми, а также за докторомъ, какого
только можно было привлечь деньгами къ исполненію обязанности,
которая тогда была главнымъ образомъ предоставлена монашескимъ
братствамъ. Эти братства, какъ ни унижены они во мнѣніи людей
новѣйшаго времени преступленіями нѣкоторыхъ недостойныхъ чле-
новъ, были однако-же въ темныя времена самыми лучшими, ну-
жественными и святыми дѣятелями, которымъ Богъ давалъ силу
противиться притѣснителямъ, питать голодныхъ, служить бѣдству-
ющимъ. Они одни среди этой жестокой чумы, (которая какъ дехотъ
была выпущена изъ преисподней, чтобы разорвать всѣ узы, при-
зывающія міръ къ добродѣтели и закону), казалось, были при-
званы звукомъ ангельской трубы къ подвигамъ благороднаго кресто-
вого рыцарства, котораго вѣра состоитъ въ самоотверженіи, и

— да—въ помощи больнымъ, котораго нога окриленная для безсмертія, побѣдоносно идетъ по могиламъ смерти!

А между тѣмъ по улицѣ, гдѣ наконецъ встрѣтились Адріанъ и Ирена, съ пѣснями и крикомъ шла въ безпорядкѣ безпутная и развратная толпа, поселившаяся въ монастырѣ Санта-Марія де-Пацци. Во главѣ ихъ шель атаманъ, подъ руку съ двумя монахинями, которыя были уже не въ монашеской одеждѣ.

— Да здравствуетъ чума! кричалъ разбойникъ.

— Да здравствуетъ чума! повторяли его неистовыя вакханки.

— Голла! вскричалъ атаманъ, останавливаясь; вотъ, Маргарита, славный плащъ для тебя: на немъ серебра довольно для того, чтобы наполнить твой кошелекъ, если онъ когда-нибудь опустѣетъ. что можетъ случиться, если чума станетъ ослабѣвать.

— Нѣтъ, возразила дѣвушка, которая, не смотря на разрушительное дѣйствіе заразы, сохранила въ своемъ лицѣ и станѣ еще много молодости и красоты; нѣтъ, Гвидотто; можетъ быть, въ этомъ плащѣ кроется зараза.

— Полно, дитя, серебро никогда не бываетъ заразительно. Надѣнь его, надѣнь. Притомъ судьбы не миновать, а когда придетъ твой часъ, то найдутся другія средства къ смерти, кромѣ gavos-ciolo.

Говоря это, онъ схватилъ плащъ, безцеремонно набросилъ его на ея полунагія плечи; и какъ прежде, потащилъ ее подъ руку. Она была отчасти довольна этимъ щеголеватымъ нарядомъ, отчасти же испугана грозящею ей опасностью. Мало по малу пѣсня жалкаго веселья этой дикой толпы смолкла вдали, среди печальныхъ улицъ и во мглистомъ воздухѣ.

V.

О п и в к а.

Въ теченіи трехъ роковыхъ дней Адріанъ оставался безъ силъ и чувствъ. Но онъ не былъ убитъ болѣзью, которую предупредила его преданная и великодушная сидѣлка. Это была жестокая и опасная горячка, слѣдствіе большой усталости, бессонницы и страстного волненія, которое онъ перенесъ.

Для оказанія ему помощи нельзя было найти медика по ремеслу; но его ежедневно посѣщалъ одинъ добрый монахъ, который, быть можетъ, былъ искусенъ въ медицинѣ, нежели многіе, имѣвшіе претензію на это знаніе. А во время продолжительныхъ и частыхъ отлучекъ монаха, призываемаго другими многочисленными обязанностями, возлѣ Адріана постоянно находилась жовщина, которая поправляла ему подушку, отирала его лобъ, прислушивалась къ его стону и бодрствовала надъ его сномъ. И во время исполненія этой печальной обязанности, когда страдалецъ, въ бреду, произносилъ ея имя, придавая ей эпитеты, внушаемые страстною нѣжностью. сердце его невольно трепетало отъ какого-то страннаго удовольствія, за которое она упрекала себя, какъ за преступленіе. Но даже

самая святая любовь себялюбива въ восторженномъ сознаніи, что на нее отвѣчаютъ взаимностью. Невозможно передать словами тѣ смѣшанныя ощущенія, которыя волновали Ирену, когда, по нѣкоторымъ фразамъ этого несвязнаго бреда, она смутно угадывала, что Адріанъ для нея пріѣхалъ въ этотъ городъ, пренебрегъ смертью и подвергся опасности. И когда она наклонялась, чтобы напечатлѣть страстный поцѣлуй на этомъ пылающемъ лицѣ, то изъ глазъ ея брызгали слезы и источникъ ихъ казался неистощимымъ. Ни одна изъ струнъ женскаго сердца не осталась нетронутою. Ирена чувствовала и смѣшанную съ обожаніемъ благодарность, и кроткое удивленіе, что она такъ любима, между тѣмъ какъ свою любовь она считала очень неважною заслугой, какъ будто бы пожертвованіе съ ея стороны, было дѣломъ обыкновеннымъ, а пожертвованіе для нея — безпримѣрною добродѣтелью, за которую ничѣмъ нельзя вознаградить! И вотъ онъ лежитъ — жертва своей безстрашной вѣрности, безпомощный, на ея рукахъ, между жизнью и смертью, чело­вѣкъ, которому она была обязана благодарностью, и теперь должна была служить, гордясь имъ и вмѣстѣ покровительствуя ему; чувствуя къ нему состраданіе, и вмѣстѣ благоговѣніе; онъ, спаситель ея, котораго она должна была спасти! Казалось, никогда не существоваго предмета, который бы требовалъ отъ одного сердца такъ много глубокихъ чувствъ въ одно и то же время, романтическаго энтузіазма дѣвушки, нѣжнаго обожанія невѣсты и бдительной заботливости матери о своемъ дитяти.

Ирена почти не отходила отъ больного, она принимала пищу только для того, чтобы силы не оставили ее, она была не въ состояніи сомкнуть глаза, хотя, во время сна Адріана, охотно желала бы отдохнуть. Но, странно, при всемъ напряженіи, котораго требовало это одинокое бодрствованіе, при всемъ изнеможеніи тѣла и души, она казалась удивительно бодрою. И святой отецъ при каждомъ посѣщеніи своимъ дивился, что щеки сидѣлки все еще свѣжи, и глаза блестящи. Она думала и чувствовала, что небо одарило ее сверхъестественною силою для того, чтобы ей не ослабѣть при исполненіи такого священнаго долга. Въ этомъ она не совѣдала ошибалась, потому что небо въ самомъ дѣлѣ одарило ее этою божественною силою, если въ такомъ нѣжномъ сердцѣ насадила терпѣливую мощь и энергію любви! Монахъ посѣтилъ больного поздно на третью ночь и далъ ему сильное успокоивающее лекарство.

— Въ эту ночь, сказалъ онъ Ирени, будетъ кризисъ: если онъ проснется, какъ я надѣюсь, съ сознаніемъ и съ спокойнымъ пульсомъ, то онъ будетъ жить; если же нѣтъ, то приготовьтесь, дочь моя, къ худшему. Но если вы замѣтите въ болѣзни какой-нибудь оборотъ, который можетъ возбудить опасеніе, или потребовать моего присутствія, то въ этомъ сверткѣ вы прочтете, гдѣ я нахожусь во всякой часъ ночи и утра.

Монахъ ушелъ и Ирена снова стала бодрствовать у постели больного.

Сонъ Адріана былъ безпокоенъ и порывистъ. Его черты, его воскланія, жесты, все обнаруживало сильную агонію душевную и тѣлесную; казалось, была жестокая и сомнительная борьба между жизнью и смертію, за обладаніе спящимъ страдалцемъ. Терпѣливо, безмолвно, сдерживая дыханіе, Ирена сидѣла у изголовья. Лампа была отодвинута въ дальній конецъ комнаты. При свѣтѣ ея, заслоненномъ занавѣсками, она могла видѣть только очеркъ лица Адріана. Въ этомъ страшномъ ожиданіи всѣ мысли, которыя прежде тревожили ея умъ, замерли и замолкли. Она чувствовала только готъ невыразимый страхъ, котораго немногіе изъ насъ не испытывали. Это—подавляющая тяжесть, подъ которою мы едва можемъ двигаться или шевелиться; всящая надъ нами замороженная лавина, которой мы не въ состояніи избѣгнуть и подъ которою каждую минуту мы можемъ быть погребены и уничтожены. Вся судьба жизни зависѣла отъ случайностей этой одной ночи! Въ самую ту минуту, когда сонъ Адріана сталъ наконецъ повидимому крѣпче и спокойнѣе, колокольчики похоронной телѣги нарушили тишину улицъ своимъ зловѣщимъ звономъ. Они то смолкали, то снова звенѣли по мѣрѣ того, какъ телѣга двигалась или останавливалась для пріема жертвы тѣлѣ, и все болѣе приближалась послѣ каждой паузы. Наконецъ Ирена услышала, что тяжелыя колеса остановились подъ самымъ окномъ. Густой и глухой голосъ громко закричалъ:

— Вынесите мертваго! Она встала и неслышными шагами пошла отворить дверь, какъ вдругъ тусклая лампа освѣтила темныя и затуманные фигуры беккиновъ.

— Вы не сдѣлали знака на двери и не вынесли тѣла, сказали вы сурово, а это уже *третья ночь*! Онъ готовъ для насъ.

— Тише, онъ спитъ, уйдите, скорѣй, онъ боленъ не чумою.

— Не чумою? проворчалъ беккино тономъ обманутаго ожиданія; я думалъ, что никакая другая болѣзнь не осмѣлится нарушать правъ гавоччіоло!

— Уйди, вотъ деньги, оставь насъ.

И страшный возникъ съ угрюмымъ видомъ удалился.

Телѣга двинулась; колоколъ снова зазвонилъ; наконецъ этотъ трагическій набатъ мало по малу замеръ въ отдаленіи.

Прикрывъ лампу рукою, Ирена подкралась къ постели, въ страхѣ, чтобы этотъ звукъ и внезапный приходъ беккиновъ не разбудили спящаго. Но его лицо было, такъ сказать, оковано этимъ желѣзнымъ сномъ. Онъ не шевелился; дыханіе его едва было замѣтно, она пощупала пульсъ его блѣдной руки, лежавшей на одеялѣ,—въ немъ слышно было легкое біеніе. Она была довольна этимъ, отодвинула лампу и, удалясь въ уголъ комнаты, положила на столъ крестъ, висѣвшій у ней на шеѣ и въ своемъ сильномъ горѣ молился тому, кто претерпѣлъ смерть и, будучи Сыномъ Божиимъ и бладыкою серафимовъ, въ темной скорби своей молился да мимо идетъ чаша его.

Засвѣтило утро не пасмурно и не длинно какъ на сѣверѣ, но тѣмъ внезапнымъ блескомъ, съ которымъ появляется день въ томъ

климатъ, подобно гиганту, воспрянувшему отъ сна. Одна внезапная улыбка, яркое пламя, — и ночь исчезла. Адрианъ все еще спалъ. Казалось, ни одинъ мускулъ его не шевелился; сонъ его былъ еще глубже, чѣмъ прежде, безмолвіе давило воздухъ. Это крайнее оцепенѣніе, такъ похожее на смерть, встревожило и испугало Ирену. Время проходило, утро клонилось къ полдню, — ни одного звука, ни одного движенія. Солнце совершило половину своего пути, — монахъ не приходитъ, она опять прикоснулась къ пульсу Адриана, — онъ не бился. Она пристально посмотрѣла на больного въ смущеніи и страхѣ: живой не могъ бы быть такъ неподвиженъ и блѣденъ. Сонъ это, или...? Она отвернулась, сердце ея болѣзненно сжалось, холодъ пробѣжалъ по жиламъ, языкъ прилипнулъ къ губамъ. Что такъ замешкался монахъ? Она пойдетъ къ нему, она узнаетъ хитрее, она не можетъ терпѣть долѣе. Ирена взглянула на свертокъ, оставленный ей монахомъ и прочла: Начиная съ восхода солнца я буду въ монастырѣ Доминиканцевъ. Смерть поразила многихъ изъ братіи. Монастырь былъ довольно далеко, но она знала гдѣ, и страхъ долженъ былъ придать легкости ея ногамъ. Она пристально взглянула на спящаго и бросилась изъ дому. Я сейчасъ опять увижу тебя, прошептала она. Увы! Какая надежда можетъ рассчитывать далѣе минуты? кто можетъ сказать, что это *опять* закончитъ отъ него самого?

Немного минутъ спустя послѣ того какъ Ирена оставила комнату, Адрианъ съ долгимъ вздохомъ открылъ глаза — совсѣмъ другимъ человекомъ: горячка его прошла, пульсъ бился тихо, но спокойно. Умъ опять сбѣгался господиномъ надъ тѣломъ и хотя больной былъ очень слабъ, но опасность миновала, жизнь и сознаніе возвратились къ нему.

— Я долго спалъ, прошептала онъ; о, какіе сны! мнѣ привидѣлась Ирена, но я не могъ говорить съ нею, и когда хотѣлъ дотронуться до нея, то лицо ея измѣнилось, фигура ея увеличилась въ объемъ, и я очутился въ лапахъ отвратительнаго могильщика. Теперь поздно, солнце уже высоко, я долженъ встать и идти. Ирена въ Ломбардіи. Нѣтъ, нѣтъ; это была ложь, злая ложь; она во Флоренціи, я долженъ возобновить свои поиски.

Вспомнивъ объ этой обязанности, онъ всталъ съ постели и изумился слабости своего тѣла. Сначала онъ не могъ стоять неприслонившись къ стѣнѣ; однако же, мало по малу, онъ такъ овладѣлъ своими членами, что могъ ходить, хотя съ усиленіемъ и трудомъ. Пожирающій голодъ томилъ его; онъ нашелъ кое-какую скудную и легкую пищу, которую съѣлъ съ жадностью. Почти съ такимъ же нетерпѣніемъ онъ умылся. Теперь онъ чувствовалъ себя свѣжѣе и крѣпче и началъ надѣвать свое платье, которое кучею лежало возле постели. Онъ съ удивленіемъ и съ какимъ то состраданіемъ къ себѣ смотрѣлъ на свои исхудалыя руки и тощія члены и теперь сталъ понимать, что вытерпѣлъ какую-то жестокую болѣзнь, хотя ничего не помнилъ.

— И я былъ одинъ, думалъ онъ; никого не было возлѣ меня, чтобы ходить за мною! Натура была единственною моею сдѣлкой! Но, увы! какъ много времени, можетъ быть, потеряно даромъ, и а моя обожаемая Ирена... Скорѣй скорѣй! не буду терять ни минуты.

Адріанъ вышелъ на улицу; воздухъ оживилъ его; въ это утро дулъ отраднѣйшій вѣтерокъ, котораго не было въ теченіи цѣлыхъ недѣль. Онъ шелъ очень медленно и съ большимъ трудомъ и наконецъ добрался до широкаго сквера, откуда видны были въ перспективѣ одни изъ главныхъ воротъ Флоренціи, а за ними фиговые деревья и оливковыя рощи. Со стороны этихъ воротъ къ нему приближался пилигримъ высокаго роста. Капотъ его былъ отброшенъ назадъ и открывалъ лицо отличавшееся повелительнымъ, но грустнымъ видомъ. Въ его благородныхъ чертахъ, на широкомъ его челѣ и въ гордомъ безстрашномъ взглядѣ, отбѣненномъ выраженіемъ болѣе суровой, чѣмъ нѣжной меланхоліи, природа, казалось, начертала величіе, а судьба—несчастіе. И когда въ этомъ безмолвномъ и печальномъ мѣстѣ встрѣтились эти два человѣка, единственные прохожіе на пустой улицѣ,—Адріанъ вдругъ остановился и сказалъ встревоженнымъ и нерѣшительнымъ тономъ:

— Не во снѣ ли я, или въ самомъ дѣлѣ вижу Ріензи?..

Услыхавъ это имя, пилигримъ тоже остановился и, устремивъ долгій, пристальный взглядъ на изнуренныя черты молодого человѣка, сказалъ: Да, я—Ріензи! а ты, блѣдная тѣнь, неужели въ этой могилѣ Италіи я вижу веселаго, благороднаго Колонну? Увы, молодой другъ, прибавилъ онъ болѣе тихимъ и пріятнымъ голосомъ, неужели чума не пощадилъ цвѣта римскихъ нобилей? Я, жестокій и суровый трибунъ, буду твоею сдѣлкой: тотъ, кто могъ быть мнѣ братомъ, можетъ требовать отъ меня братскихъ попеченій.

Съ этими словами онъ нѣжно обнялъ Адріана, и молодой человѣкъ, тронутый его состраданіемъ, и взволнованный неожиданною встрѣчею, молча склонился на грудь Ріензи.

— Вѣднѣйшій юноша, продолжалъ трибунъ, я всегда любилъ молодыхъ людей, (мой братъ умеръ въ молодости), а тебя въ особенности. Какими судьбами ты здѣсь?

— Ирена! отвѣчалъ Адріанъ прерывающимъ голосомъ.

— Неужели это такъ? Неужели тебѣ, принадлежащему къ дому Колонновъ, еще дороги павшіе? Тоже самое привело меня въ этотъ городъ смерти. Я пришелъ сюда съ отдаленнаго юга, чрезъ горы наполненныя разбойниками, пробрался чрезъ толпу моихъ враговъ, чрезъ города, гдѣ собственными ушами слышалъ какъ городъ объявлялъ цѣну за мою голову. Я пришелъ пѣшкомъ, одинъ, охраняемый всемогущимъ промысломъ. Молодой человѣкъ, тебѣ бы слѣдовало предоставить это дѣло тому, чья жизнь заколдована, кого небо и земля берегутъ еще для назначенной цѣли!

Трибунъ сказалъ это тономъ глубокаго искренняго убѣжденія; въ его поднятыхъ глазахъ и въ торжественномъ выраженіи его

лица можно было прочесть, что несчастія усилили его фанатизмъ и увеличили пылкость его надеждъ.

— Но, спросилъ Адріанъ, тихонько освобождаясь изъ рукъ Ріензи значитъ ты знаешь гдѣ можно найти Ирѣну? Пойдемъ вмѣстѣ. Не теряй ни минуты въ разговорахъ; время дорого, и одна минута въ этомъ городѣ часто ведетъ къ вѣчности.

— Правда, сказалъ Ріензи, вспоминая о своей цѣли. Но не бойся. я *видѣлъ во снѣ*, что спасу ее, эту жемчужину и любимицу моего дома. Не бойся; я не боюсь.

— Знаете ли вы гдѣ должно ее искать? сказалъ Адріанъ съ нетерпѣніемъ; монастырь наполненъ теперь совѣтъ другими гостями!

— А! мой сонъ извѣстилъ меня объ этомъ!

— Не говорите о снахъ, возразилъ Адріанъ; и если у васъ нѣтъ другихъ указаній, то пойдемъ сейчасъ же распрашивать о ней. Я пойду по той улицѣ, вы пойдете въ противную сторону, а при закатѣ солнца сойдемся въ одномъ мѣстѣ.

— Легкомысленный человѣкъ! сказалъ трибунъ съ большою торжественностью; не насмѣхайся надъ видѣніями, изъ которыхъ небо дѣлаетъ притчу, для вразумленія своихъ избранныхъ. Ты ищешь совѣта людской мудрости; я же, менѣе самонадѣянный, слѣдую указанію таинственнаго провидѣнія, рука котораго даже теперь движется предъ моими глазами, какъ свѣтлый столпъ среди ужаса и опустошенія. Да, встрѣтимся здѣсь при закатѣ солнца и увидимъ чей руководитель болѣе безошибоченъ. Если сонъ сказалъ мнѣ правду, то я увижу сестру въ живыхъ, прежде чѣмъ солнце дойдетъ до того холма, возлѣ церкви св. Марка.

Важная серьезность, съ которою говорилъ Ріензи, внушила Адріану надежду, которой не признавалъ разсудокъ. Трибунъ удалился гордою и величественною поступью, которой его длинная, волнующаяся одежда придавала еще болѣе важнаго достоинства. Тогда Адріанъ пошелъ по улицѣ направо. Онъ не сдѣлалъ и половинны пути, какъ почувствовалъ, что его кто-то дернулъ за плащъ. Онъ обернулся и увидѣлъ безобразную маску беккини.

— Видя, что вы не возвращаетесь во дворецъ стараго принцпе, сказалъ могильщикъ, я боялся, что вы исчезли и что другой перебилъ у меня мою работу. Я вижу, что вы не отличаете меня отъ другихъ беккини, но я тотъ, котораго вы просили отыскать...

— Ирѣну!

— Да, Ирѣну ди-Габрини; вы обѣщали большую награду.

— Ты получишь ее.

— Идите за мной.

— Беккино пошелъ и скоро остановился у одного дома. Онъ дважды постучалъ въ дверь привратника; какая-то старуха осторожно отворила ее.

— Не бойся, тетушка, сказалъ могильщикъ, это тотъ молодой синьоръ, о которомъ я тебѣ говорилъ. Ты сказала, что въ этомъ палаццо есть двѣ синьоры, которыя пережили всѣхъ другихъ жи-

цовъ, что одна изъ нихъ пазывается Біанка-ди-Медичи, а другая— какъ?

— Ирена-ди-Габрини, римская синьора. Но я сказала тебѣ, что пошелъ уже четвертый день, какъ онѣ оставили этотъ домъ, испуганныя сосѣдствомъ мертвыхъ.

— Да, ты говорила, но не было ли чего нибудь примѣчательнаго въ одеждѣ синьоны ди-Габрини?

— Я уже сказала тебѣ: синій плащъ, какіе рѣдко я видала, вышитый серебромъ.

— На немъ вышиты звѣзды,—серебряныя звѣзды,—съ солнцемъ въ срединѣ? вскричалъ Адріанъ.

— Да!

— Увы! это гербъ фамиліи трибуна! Я помню, какъ я хвалилъ этотъ плащъ въ первый день, когда она надѣла его,—день, когда мы были обручены! и Адріанъ тотчасъ же угадалъ тайное чувство, заставившее Ирену такъ тщательно сохранить одежду, столь дорогую по этому воспоминанію.

— Тебѣ больше ничего неизвѣстно объ этихъ дамахъ?

— Ничего.

— Такъ это ты узналъ, негодяй? вскричалъ Адріанъ.

— Терпѣніе. Я поведу васъ отъ слѣда къ слѣду, отъ одного звена къ другому, для того чтобы заслужить свою награду. Идите за мной, синьоръ.

И беккино чрезъ разные переулки и улицы пришелъ къ другому дому, не столь большому и великолѣпному. Опять онъ трижды стукнулъ въ дверь и на этотъ зовъ вышелъ дряхлый, разслабленный старикъ, котораго, казалось, смерть нехотѣла поразить изъ презрѣнія.

— Синьоръ Астужіо, сказалъ беккино, извини меня, но я говорю тебѣ, что, можетъ быть, опять тебя побеспокою. Этому господину нужно знать то, что часто лучше бываетъ незнать; но это не мое дѣло. Не приходила ли въ этотъ домъ одна молодая и прекрасная женщина съ темными волосами, съ тонкимъ станомъ, три дня тому назадъ, съ первыми признаками варазы?

— Да. Ты это знаешь довольно хорошо, и даже знаешь болѣе, именно; что она умерла два дня тому назадъ: съ нею скоро было покончено, скорѣе чѣмъ съ большею частию!

— Было на ней надѣто что либо особенно—замѣтное?

— Было, несносный челоуѣкъ; синій плащъ, съ серебряными звѣздами.

— Не имѣешь ли ты какихъ нибудь догадокъ относительно ея прежнихъ обстоятельствъ?

— Нѣтъ, кромѣ того, что она много бредила о монастырѣ Санта Маріа де-Пацци, о брави, о святотатствѣ.

— Довольны ли вы, синьоръ? спросилъ могильщикъ съ торжествующимъ видомъ, обращаясь къ Адріану. Но нѣтъ, я еще болѣе удовлетворю васъ, если въ васъ достанетъ храбрости. Хотите вы идти за мной?

бунъ, путешествовалъ подъ видомъ пилигрима, ночь и день, по горамъ и лѣсамъ, подвергаясь дождю и бурѣ, не имѣя другого убѣжища кромѣ пещеры, онъ, который былъ, говорятъ, настоящій бадовень роскоши! придя наконецъ въ Богемію, онъ открылся одному флорентинцу въ Прагѣ и съ его помощью добился аудіенціи у императора Карла.

— Благоразумный человѣкъ, этотъ императоръ! сказалъ Джакомо, скупой какъ скряга, онъ дѣлаетъ завоеванія посредствомъ торга и ходитъ на рынокъ за лаврами, какъ говорилъ мнѣ братъ, служившій у него.

— Правда, но я слышалъ также, что онъ любитъ ученыхъ, что онъ мудръ и воздерженъ и что въ Италію еще многого надѣются отъ него! Ріензи пришелъ къ императору. Знай, великій государь, сказалъ онъ, что я тотъ Ріензи, которому Богъ далъ счастье управлять Римомъ въ мирѣ, справедливости и свободѣ. Я обуздывалъ воителей, я изгналъ развратъ, я исправилъ законъ. Сильные преслѣдовали меня, гордость и зависть изгнали меня изъ моихъ владѣній. При всемъ вашемъ величій и моемъ теперешнемъ паденіи я, подобно вамъ, держалъ скипетръ и могъ бы носить корону. Знайте также, что я побочнымъ образомъ происхожу изъ вашего рода: мой отецъ былъ сынъ Генриха VII *, въ моихъ жилахъ течетъ тевтонская кровь, какъ ни было ничтожно мое имя! У васъ, король, ищу я покровительства и требую справедливости **.

— Смѣлая рѣчь, рѣчь равнаго къ равному, сказалъ Джакомо, конечно ты преувеличиваешь слова.

— Нисколько; они были записаны императорскимъ писцомъ и каждый римлянинъ, услышавъ ихъ однажды, знаетъ ихъ наизусть: въ-когда каждый римлянинъ былъ равенъ королю и Ріензи подтверждалъ наше достоинство, доказывая свое.

Джакомо, который благоразумно избѣгалъ ссоръ, зналъ слабую сторону своего друга, и, хотя въ дунѣ считалъ римлянъ негодной шайкою мятежныхъ трусовъ, какихъ можно было найти во всякомъ мѣстѣ Италіи, ограничился тѣмъ, что снялъ соломинку съ своего плаща и сказалъ довольно нетерпѣливымъ тономъ:— гмъ! продолжай! императоръ прогналъ его?

— Нѣтъ, Карлъ былъ пораженъ его видомъ и умомъ, оказалъ ему благосклонность и гостепріимство. Ріензи оставался нѣкоторое время въ Прагѣ и удивлялъ всѣхъ ученыхъ своими знаніями и краснорѣчіемъ ***.

— Но если ему былъ оказанъ такой почетъ въ Прагѣ, то какъ онъ сдѣлался арестантомъ въ Авиньонѣ?

— Джакомо, сказалъ Анжело задумчиво, есть люди, которыхъ имѣющіе другія наклонности, другую натуру, рѣдко можемъ понять

* Дядя императора Карла.

** Рѣчь эта помѣщена у Безыменнаго біографа lib. II. cap. 12.

*** Его итальянскій современникъ съ восторгомъ говоритъ объ этомъ истинно-человѣкѣ, рассказывая о пребываніи его въ Прагѣ «Disputava, cum litterari di teologia, molto diceva, parlava cose maravigliose, lingua diserta.»

никогда не въ состояніи проникнуть, и я замѣчалъ, что въ та-
хъ людяхъ самая обыкновенная черта — довѣріе къ своей судьбѣ
сила души своей. При такомъ настроеніи они бросаются въ
опасность съ минимымъ сумасшествіемъ, и опасность приводитъ ихъ
и къ величію, или къ смерти. Тоже и съ Ріензи. Ему было мало
стыхъ въблжностей; ему надоѣло играть роль педанта, тогда какъ
еже онъ игралъ роль государя. Нѣкоторые говорятъ, будто бы
онъ былъ выданъ Карломъ панскому легату, другіе утверждаютъ,
что онъ добровольно оставилъ дворецъ императора и безъ оружія,
и денегъ отправился въ Авиньонъ!

— Настоящее сумасшествіе!

— Но, можетъ быть, его единственная дорога при какихъ бы то
было обстоятельствахъ, возразилъ старшій пажъ. Разъ предъ-
шлѣ паденіемъ и разъ во время своего отсутствія изъ Рима онъ
былъ отлученъ панскимъ легатомъ. Его обвинили въ ереси и надѣ-
ли тяготѣло проклятіе, отъ котораго ему нужно было избавить-
ся. Какъ могъ это сдѣлать бѣдный изгнанникъ? Ни одинъ сильный
человѣкъ не покровительствовалъ другу народа, никакой придворный
защиталъ того, кто давилъ нобилей. Его умъ былъ его един-
ственнымъ другомъ, только на него могъ онъ положиться. Ріензи
появился въ Авиньонъ, чтобы освободить себя отъ направлен-
ныхъ противъ него обвиненій, и безъ сомнѣнія онъ надѣялся, что
онъ оправданію ему останется только одинъ шагъ къ возстановле-
нію своего прежняго положенія. Кромѣ того извѣстно, что къ им-
ператору обращались съ требованіемъ формально выдать Ріензи.
Ему предстоялъ выборъ, (рано или поздно это должно было слу-
читься) идти свободнымъ или въ оковахъ, какъ преступнику или
какъ римлянину. Онъ выбралъ послѣднее. Воздѣ гдѣ онъ прохо-
дилъ, народъ возставалъ въ каждомъ городѣ, въ каждой деревуш-
кѣ. Имя великаго трибуна было уважаемо во всей Италіи. Его умо-
ляли побереечь себя для страны, которую онъ хотѣлъ возвысить. «Я
хочу чтобы оправдаться и восторжествовать» отвѣчалъ трибунъ. Въ
городахъ, по которымъ онъ проходилъ, ему были оказываемы тор-
жественныя почести, * и, говорятъ, ни одинъ посолъ, князь или ба-
гровъ не вѣжжалъ въ Авиньонъ съ такою длинною спитой, кака-
я вѣдала въ самыя стѣны этого города за Колою-ди-Ріензи.

— А послѣ того?

— Онъ попросилъ аудіенціи, чтобы имѣть возможность опроверг-
нуть взводимыя на него обвиненія. Онъ сдѣлалъ вызовъ гордымъ
принцамъ, которые отлучили его. Онъ требовалъ суда.

— А что сказалъ папа?

— Ничего—словами. Тюрьма была его отвѣтомъ!

— Суровый отвѣтъ!

— Но бывали дороги длиннѣе тѣхъ, которыя ведутъ изъ тюрьмы
во дворецъ, и Богъ не создалъ людей подобныхъ Ріензи для цѣ-
лей и темницы.

* «Per tutto la vie li furo fatti sollemni onori,» Ac. — Vita di Ceca di Rienzi lib II
cap. 13.

— Я понимаю тебя; ведь. Храбрость! чего теперь мнѣ бояться на землѣ?

Бормоча про себя: Да, оставь меня одного; моя голова стоитъ чего нибудь; я не требую ни отъ какого господина, чтобы онъ вѣрилъ мнѣ на слово, я заставляю его увидѣть собственными глазами чего стоитъ моя хлопота, — могильщикъ повелѣлъ Адріана чрезъ ворота за городъ. Здѣсь подлѣ навѣсомъ сидѣло шестеро его страшныхъ, зловѣщихъ товарищей; у ногъ ихъ лежали кирки и заступы. Проводникъ повернулся къ Адріану, котораго лицо было спокойно и рѣшительно въ отчаяніи.

— Прекрасный синьоръ, сказалъ онъ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ состраданія. ты въ самомъ дѣлѣ хочешь убѣдиться собственными своими глазами и сердцемъ? это зрѣлище можетъ утратить, и зараза погубить тебя, если смерть еще не написала на тебѣ мой, какъ мнѣ это кажется.

— Зловѣщій воронъ! отвѣчалъ Адріанъ, развѣ ты не видишь, что я боюсь только твоего голоса и вида? Покажи мнѣ ту, которую я ищу, мертвую или живую.

— Хорошо, я покажу ее вамъ, сказалъ беккино угрюмо, въ томъ видѣ, какъ двѣ ночи тому назадъ она была отдана въ мои руки. Черты ея можетъ быть уже нельзя разобратить, потому что метла чужимъ мететъ быстро; но я оставляю на ней то, почему вы узнаете, что беккино не обманщикъ. Принесите сюда факелы, товарищи, и подымите дверь. Не пляйте глазъ: это прихоть синьора и онъ хорошо за нее заплатитъ.

Адріанъ машинально слѣдовалъ за своими проводниками. Его ожидало зрѣлище, ужасная философія котораго раздавливаетъ, какъ будто колесомъ, всю гордость смертнаго человѣка: это былъ подвалъ, въ которомъ земля скрывала все, что на ней цвѣло, радовалось и ликовало!

Беккини поднимали тяжелую рѣшотку, опустили свои факелы, (въ которыхъ едва ли была надобность, потому что сквозь отверстие врывался съ нестерпимымъ блескомъ свѣтъ жаркаго солнца) и дали Адріану знакъ подойти. Онъ сталъ надъ пропастью и пристально посмотрѣлъ внизъ.

.....

Это было глубокое, широкое и круглое пространство, подобное дну высохшаго колодца. Въ углубленіяхъ вырытыхъ въ земляныхъ стѣнахъ вокругъ, лежали, въ гробахъ, тѣ, которые были ранними жертвами моровой язвы, когда рынокъ беккиновъ не былъ еще полонъ, когда священникъ провожалъ и друзья оплакивали покойника. Но полъ внизу, представлялъ отвратительный и ужасный видъ. Сваленные въ кучу, кто нагой, кто въ саванѣ, уже сгнившіе и почернѣвшіе, лежали позднѣйшіе гости этой пропасти, умершіе безъ покаянія и благословенія! Факелы и солнце обладали широкими красными потоками свѣта гніеніе во всѣхъ его степеняхъ, отъ блѣдной слизи и опухлаго тѣла до мокрой безразличной массы для

отдѣленныхъ одна отъ другой костей, на которыхъ еще висѣло кусками черное и изуродованное мясо. У многихъ труповъ лицо оставалось почти цѣлымъ, между тѣмъ какъ отъ всего другаго остались однѣ кости: длинные волосы и человѣческое лицо были приравнены къ страшному скелету. Тамъ былъ ребенокъ, лежавшій на груди матери, и влюбленный рядомъ съ своею милою. Крысы сбѣжавшіяся толпами на эту добычу, потревоженные, но непрогнанные, ставили свой ужасный пиръ, когда свѣтъ озарилъ ихъ; тысячи ихъ ежали кругомъ, мертвыя и окоченѣлыя, отравленные этою ужасною пищею. Могильщики въ дикой прони своей набросали туда разныхъ эмблемъ утраченнаго званія (хотя сняли съ нихъ золото и драгоценные камни), тамъ видны были и разломанный жезлъ совѣтника, и алка вождя, и митра епископа... отвратительныя, блѣдныя испанія, гнилыя какъ и самыя тѣла, собирались на стѣнахъ *.

Но кто въ состояніи описать невообразимые ужасы царствовавшіе въ дворцѣ, гдѣ великій царь, Смерть, принималъ плѣнниковъ, похороненныхъ мечомъ моровой язвы?

Но среди всего этого многочисленнаго двора, наполненнаго красотою и знатностью, силою юности и почестями старости, доблестью добрыхъ и мудростью ученыхъ, остроуміемъ насмѣшника, и блаженствіемъ вѣрующаго, только одна фигура привлекала глаза Адріана. Отдѣльно отъ другихъ лежала послѣ всѣхъ опущенная въ эту глухую покойница. Темные волосы покрывали ея грудь и руку, лицо, нѣсколько отклонившееся въ сторону, не могло быть узнано даже матерью ея. Но она была завернута въ роковой плащъ, на которомъ видѣнъ былъ уже черныи и потускнѣвшій, звѣздистый гербъ драго римскаго трибуна. Адріанъ не видѣлъ больше ничего и упалъ въ руки могильщиковъ. Онъ очнулся, все еще за воротами Флоренции. Онъ лежалъ прислонившись къ зеленому валу, а его проводникъ стоялъ возлѣ, держа за узду его лошадь, которая терпѣливо ждала на запущенномъ лугу. Другіе могильщики по прежнему дѣлали подѣль навѣсомъ.

— Вы ожили! А! я думалъ, что вашъ обморокъ произошелъ отъ пареній, немногіе выдерживаютъ ихъ, какъ мы. Такъ какъ ваши опаски кончились и вы теперь, вѣроятно, оставите Флоренцію, если только въ васъ осталось сколько нибудь разсудка, то я привелъ вашу лошадь. Я ее кормилъ съ тѣхъ поръ, какъ вы оставили пасть. Правда, я думалъ, что она достанется мнѣ, но въ Флоренции много лошадей не хуже. Садитесь на коня, молодой господинъ. Не жалю васъ, не знаю почему; развѣ потому что изъ всѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ теченіи многихъ недѣль, вы были единственнымъ человѣкомъ, который, повидимому, заботится болѣе о другихъ, чѣмъ о самомъ себѣ. Надѣюсь, вы довольны мною теперь. Кто видѣлъ модель внутренности могилы, показываемую во Флоренціи, сдѣланную съ такою страшною подробностью, тотъ увидитъ источникъ, въ котораго почерпнуто это описаніе.

перь, когда я, служа вамъ, доказалъ нѣкоторую смѣтливость; итакъ какъ я исполнилъ мое обѣщаніе, то и вы исполните ваше.

— Другъ мой, сказалъ Адріанъ, здѣсь довольно золота для того, чтобы сдѣлать тебѣ богатымъ, здѣсь также есть драгоценныя камни: купцы скажутъ тебѣ, что князья непрерывно пожелали бы купить ихъ, ты кажешься мнѣ честнымъ человекомъ, несмотря на твоё ремесло, иначе ты могъ бы данно убить и ограбить меня. Сдѣлай мнѣ еще одну услугу.

— Сдѣлаю, клянусь въ томъ душою моею матери.

— Возьми это... это тѣло, изъ страшнаго мѣста. Похорони его въ какомъ нибудь тихомъ и уединенномъ мѣстѣ—отдѣльно, одну! обѣщаешь? клянешься? хорошо. Теперь помоги мнѣ сѣсть на лошадь. Прощай, Италія! И если я не умру отъ этого удара, то я желаю бы умереть такъ, какъ прилично чести и отчаянію, при звукѣ трубъ среди знаменъ, развѣвающихся вокругъ меня, въ доблестной битвѣ съ достойнымъ врагомъ — кромѣ рыцарской смерти не останется у меня никакой цѣли въ жизни!

КНИГА VII.

ТЮРЬМА.

Fu rinchiuso in una torre grossa, e larga: avea libre ossai, suo Tito Livio, sue storie di Roma, la Biblia, etc. Vita de Cola de Rienzi, lib., II. c. 13.

I.

Авиньонъ.—Два пажла.—Приѣзжая красавица.

Между драмами Шекспира и произведеніями почти всѣхъ другихъ драматурговъ то различіе, что въ первыхъ катастрофа рѣдко выходитъ изъ одной причины—изъ простой и непрерывной цѣли происшествіи. Развязка ихъ вырабатывается различными и сложными пружинами. Нескованное правлами, каждое мѣсто и время представляетъ намъ свойственное ему измѣненіе дѣйствія и дѣйствующихъ лицъ. Иногда кажется, какъ будто бы интересъ замедляется, уклоняется въ сторону, и неожиданно приводитъ насъ къ предметамъ прежде незамѣченнымъ, или къ качествамъ характеровъ, на которыя сдѣланъ былъ намекъ, но которыя не были развиты. Но въ сущности пауза въ дѣйствіи служитъ только къ тому, чтобы соединить, собрать и сжать вмѣстѣ все разнообразіе обстоятельствъ, которыя приводятъ къ великому результату: обыкновенное искусство мысла уступило болѣе благородному качеству—вѣрности исторіи.

кто старается представить вѣрное изображеніе жизни и судьбы человека и, расширяя драму въ эпосъ, распространяется о превратностяхъ времени, тотъ безсознательно становится въ этомъ подражателемъ Шекспира. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигается впередъ, предъ нимъ возникаютъ новые характеры, изъ которыхъ каждый ведетъ къ концу, новая сцена, изъ которыхъ каждая ведетъ къ развязкѣ, хотя иногда читателю кажется, что они, даже при своемъ движеніи впередъ, замедляютъ страшную катастрофу. Жертвенная процессія идетъ увеличиваясь новыми лицами и теряя многихъ, которые первоначально пристали къ ней, и наконецъ оставаясь тою же самою въ цѣломъ, но измѣнившимся въ своихъ частяхъ, толпа достигаетъ роковаго предѣла алтаря и жертвы!

Прошло пять лѣтъ со времени событій, о которыхъ я рассказывалъ. Моя исторія переноситъ насъ къ папскому двору въ Авіньонъ—этому спокойному обиталищу власти, куда наслѣдники св. Петра пересаждали роскошь, пышность и пороки императорскаго города. Безопасные отъ казней и насилій могущественнаго и варварскаго дворянства, придворные святаго престола предались вѣчному празднику удовольствій—ихъ отдыхъ былъ посвященъ наслажденію и Авіньонъ въ это время представлялъ, можетъ быть, самое веселое и сладострастное общество въ Европѣ. Изящество Климента VI дало видъ просвѣщенной утонченности болѣе грубымъ удовольствіямъ Авіньона, и духъ Петрарки, попрежнему, пробивалъ свою дорогу среди интригъ партій и оргій разврата.

Иннокентій VI недавно наслѣдовалъ Клименту, и каковы бы ни были его собственныя права на званіе ученаго *, онъ по крайней мѣрѣ цѣнилъ знанія и умъ въ другихъ; такъ что граціозное педанство того времени, по прежнему, примѣшивалось къ наслажденію удовольствіями. Всеобщая испорченность слишкомъ окрѣпла для того, чтобы уступить примѣру Иннокентія, человека простыхъ привычекъ и образцовой жизни. Хотя онъ, подобно своему предшественнику, былъ покоренъ политикѣ Франціи, но обладалъ сильнымъ и обширнымъ честолюбіемъ. Глубоко сочувствуя интересамъ церкви, онъ составилъ планъ утвержденія и возстановленія ея поколебавшагося владычества въ Италіи и смотрѣлъ на тирановъ различныхъ государствъ какъ на главное препятствіе для своего честолюбія. Не одинъ Иннокентій VI держался этой политики. Папскій престолъ, за тѣми исключеніями, которыя необходимо вытекали изъ особенныхъ обстоятельствъ, вообще благопріятствовалъ политической свободѣ Италіи. Республики среднихъ вѣковъ возникали подъ сѣнію церкви; и тамъ, какъ и вездѣ, вопреки принятому мнѣнію, духовенство, какъ ни было оно запятнано и испорчено, покровительствовало гражданской свободѣ, помогало слабымъ и противилось угнетателямъ.

* Matteo Villani (lib. III cap. 44) говоритъ, что Иннокентій VI не имѣлъ большихъ претензій на ученость. Другіе писатели, на которыхъ ссылается Чесфарно Ре, говорятъ, что онъ былъ «eccillente canonista» онъ былъ профессоромъ въ Тулузскомъ университетѣ.

Въ это время появилась въ Авиньонѣ женщина удивительной несравненной красоты. Она съ богатою, хотя небольшою святою прѣхала изъ Флоренціи, но объявила себя неаполитанскою уроженкою, вдовою одного нобиля при блистательномъ дворѣ несчастной лемны. Имя ея было — Чезарини. Едва появилась она въ этомъ мѣстѣ, гдѣ, среди столицы христіанства, Венера сохранила свое древнее господство, гдѣ любовь составляла первую заботу жизни, гдѣ обладать красотою значило обладать могуществомъ, синьора Чезарини увидѣла у своихъ ногъ половину знати и цвѣта Авиньона. Ея прислужницы были засыпаны подарками и записками и ночью подъ окномъ раздавались жалобныя серенады. Она продавалась веселымъ развлеченіямъ города и ея прелести раздѣляли знаменитость со стихами Петрарки. Хотя ни на кого она не смотрѣла сурово, но никто исключительно не обладалъ ея улыбками. Ея честное имя было еще незапятнано, но если кто либо могъ надѣяться на преимущество предъ другими, то, казалось, выборомъ ея будетъ руководить скорѣе честолюбіе нежели любовь, и Жиль, виновственный кардиналъ Альборнозъ, всемогущій при папскомъ дворѣ, уже предчувствовалъ часъ своего торжества.

Было уже за полдень. Въ передней комнатѣ прекрасной синьоры находились два изящно и богато одѣтые пажа, любимая въ тѣ времена прислуга знатныхъ людей обоюго пола.

— Клянусь, сказалъ одинъ изъ этихъ двухъ молодыхъ служителей, отталкивая отъ себя кости, за которыми онъ и его товарищъ старались убить время, это скучная работа! лучшая часть дня прошла. Наша госпожа замешкалась.

— А я надѣлъ мой новыи бархатный плащъ, отвѣчалъ другой съ состраданіемъ посматривая на свою щеголеватую одежду.

— Тсъ, Джакомо, сказалъ его товарищъ, зѣвая; оставь свои фантазіи. Какія теперь новости, желалъ бы я знать? Возвратился ли разсудокъ къ его святѣйшеству?

— Разсудокъ! какъ развѣ онъ сошелъ съ ума? прошепталъ Джакомо съ серьезнымъ и удивленнымъ видомъ.

— Миѣ кажется, что да, если, будучи папою, онъ не замѣчаетъ, что можетъ наконецъ снять свою маску и покрывало. Воздержный кардиналъ — распутный папа, говоритъ старая пословица. Что нибудь, должно быть, сдѣлалось съ мозгомъ этого добряка, если онъ продолжаетъ жить какъ отшельникъ.

— А! теперь я васъ понимаю. Но, право, его святѣйшество имѣетъ довольно людей, которые замѣняютъ его въ этомъ отношеніи. Епископы заботятся о томъ, чтобы женщины не вышли изъ моды, а его преосвященство Альборнозъ не подтверждаетъ вашей пословицы относительно кардиналовъ.

— Правда, но Жиль — воинъ, онъ кардиналъ въ церкви и солдатъ въ городѣ.

— Не хочетъ ли онъ взять здѣсь крѣпость? какъ ты думаешь Анжело?

— Эта крѣпость — женщина, но...

— Что?

— Сильора расположена болѣе къ власти, нежели къ любви, она видятъ въ Альборноста князя, а не любовника. Какъ она ступаетъ по полу! она презираетъ даже золотую парчу!

— Тсъ! вскричалъ Джакомо, подбѣгая къ окну, слышншь внизу топотъ копытъ? Властѣющая компанія!

— Которая возвращается съ соколиной охоты, отвѣчалъ Анжело, пристально смотря на кавалькаду, проѣзжавшую по тѣсной улицѣ. Перья развѣваются, лошади дѣлаютъ курбетъ—посмотри, какъ вонъ тотъ красивый кавалеръ близко ѣдетъ возлѣ той дамы!

— Цвѣтъ его плаща такой же какъ моего, вздохнулъ Джакомо. Между тѣмъ какъ веселая процессія медленно проѣхала мимо и скрылась за поворотомъ кривой улицы, и звукъ смѣха и лошадиный топотъ еще доносились издали, блуждающимъ взглядамъ навстрѣчу представилась мрачная массивная башня прочной постройки двенадцатаго столѣтія. Солнце грустно освѣщало ея обширный и странный фасадъ, въ которомъ только кое гдѣ были видны скорѣе щели и узкія щели, нежели окна. Это представляло поразительный контрастъ съ весельемъ вокругъ, съ щеголоватыми лавками и блестящимъ поѣздомъ, который только что наполнялъ пространство внизу. Казалось, молодые люди невольно почувствовали этотъ контрастъ; они отступили и взглянули другъ на друга.

— Я знаю ваши мысли, Джакомо, сказалъ Анжело, красивѣйшій и старшій изъ двухъ. Вы думаете, что эта башня мрачное жилище?

— И благодарю свои звѣзды за то, что они не создали меня довольно высокимъ для такой большой кѣтки, прибавилъ Джакомо.

— Однакоже, отвѣчалъ Анжело, въ ней сидитъ человѣкъ, который не выше насъ по своему происхожденію.

— Разскажите мнѣ что нибудь объ этомъ странномъ человѣкѣ, сказалъ Джакомо; садясь, вы римлянинъ и должны знать.

— Да! отвѣчалъ Анжело, гордо выпрямляясь, я *дѣйствительно* римлянинъ! и былъ бы недостойнъ своего происхожденія, еслибы не зналъ какая честь принадлежитъ имени Коля ди Ріензи.

— Но, кажется, ваши земляки чуть не побили его камнями, проворчалъ Джакомо. Честь, кажется, сопряжена болѣе съ толчками тѣмъ съ деньгами. Не можете ли вы сказать мнѣ, продолжалъ пажъ болѣе громкимъ голосомъ, правда ли, что онъ явился къ императору въ Прагѣ и предсказалъ, что покойный папа и всѣ кардиналы будутъ умерщвлены, что будетъ избранъ новый итальянскій папа, который подаритъ императору золотую корону, какъ государю Сициліи, Калабріи и Аулиі * а самъ приметъ серебряную корону какъ король Рима и всей Италіи, что...

— Пойдите, прервалъ Анжело съ нетерпѣніемъ.—Послушайте меня и вы узнаете какъ это было на самомъ дѣлѣ. Оставляя Римъ въ послѣдній разъ (ты знаешь, что онъ былъ на Юбилей инконгито) прибывъ, здѣсь Анжело остановился, осмотрѣлся кругомъ, и потомъ съ пылающими щеками и возвысивъ въ голосъ продолжалъ:—Да, три-
* Небѣлая башня, принятая некоторыми историками.

бунъ, путешествовалъ подѣ видомъ пилигрима, ночь и день, по горамъ и лѣсамъ, подвергаясь дождю и бурѣ, не имѣя другого утѣхища кромѣ пещеры, онъ, который былъ, говорятъ, настоящій ба-ловень роскоши! пріѣхавъ наконецъ въ Богемію, онъ открылся одному флорентинцу въ Прагѣ и съ его помощью добился аудіенціи у императора Карла.

— Благоразумный человѣкъ, этотъ императоръ! сказалъ Джакомо, скупой какъ скряга, онъ дѣлаетъ завоеванія посредствомъ тор-га и ходитъ на рынокъ за лаврами, какъ говорилъ мнѣ братъ, слу-жившій у него.

— Правда, но я слышалъ также, что онъ любитъ ученыхъ, что онъ мудръ и воздерженъ и что въ Италіи еще многого надѣются отъ него! Ріензи пришелъ къ императору. Знай, великій государь, сказалъ онъ, что я тотъ Ріензи, которому Богъ далъ счастье управ-лять Римомъ въ мирѣ, справедливости и свободѣ. Я обуздаль во-билей, я изгналъ развратъ, я исправилъ законъ. Сильные пре-слѣдовали меня, гордость и зависть изгнали меня изъ моихъ владѣній. При всемъ вашемъ величій и моемъ теперешнемъ паденіи, я, подобно вамъ, держалъ скипетръ и могъ бы носить корону. Знайте также, что я побочнымъ образомъ происхожу изъ вашего рода: мой отецъ былъ сынъ Генриха VII *, въ моихъ жилахъ течетъ тевтон-ская кровь, какъ ни было ничтожно мое имя! У васъ, король, ищу я покровительства и требую справедливости **.

— Смѣлая рѣчь, рѣчь равнаго къ равному, сказалъ Джакомо, ко-нечно ты преувеличиваешь слова.

— Нисколько; они были записаны императорскимъ писцомъ и ка-ждый римлянинъ, услышавъ ихъ однажды, знаетъ ихъ наизусть: въ-когда каждый римлянинъ былъ равенъ королю и Ріензи подтверждалъ наше достоинство, доказывая свое.

Джакомо, который благоразумно избѣгалъ ссоръ, зналъ слабую сторону своего друга, и, хотя въ душѣ считалъ римлянъ негодною шайкою мятежныхъ трусовъ, какихъ можно было найти во всякомъ мѣстѣ Италіи, ограничился тѣмъ, что снялъ соломинку съ своего плаща и сказалъ довольно нетерпѣливымъ тономъ:— гмъ! «продол-жай!» императоръ прогналъ его?

— Нѣтъ, Карлъ былъ пораженъ его видомъ и умомъ, оказалъ ему благосклонность и гостепріимство. Ріензи оставался нѣкоторое вре-мя въ Прагѣ и удивлялъ всѣхъ ученыхъ своими знаніями и крас-норѣчіемъ ***.

— Но если ему былъ оказанъ такой почетъ въ Прагѣ, то какъ онъ сдѣлался арестантомъ въ Авиньонѣ?

— Джакомо, сказалъ Анжело задумчиво, есть люди, которыхъ мы, имѣющіе другія наклонности, другую натуру, рѣдко можемъ понять

* Дядя императора Карла.

** Рѣчь эта помѣщена у Безименнаго біографа lib. II. cap. 12.

*** Его итальянскій современникъ съ восторгомъ говоритъ объ этомъ путеше-ственномъ человѣкѣ, рассказывая о пребываніи его въ Прагѣ «Disputava, con Ma- tri di teologia, molto diceva, parlava cose maravigliose, lingua diserta.»

никогда не въ состояніи проникнуть, и я замѣчалъ, что въ та-
хъ людяхъ самая обыкновенная черта — довѣріе къ своей судьбѣ
силамъ души своей. При такомъ настроеніи они бросаются въ
опасность съ минимымъ сумасшествіемъ, и опасность приводитъ ихъ
или къ величію, или къ смерти. Тоже и съ Ріензи. Ему было мало
стыхъ вѣжливостей; ему надобно играть роль педанта, тогда какъ
еже онъ игралъ роль государя. Нѣкоторые говорятъ, будто бы
онъ былъ выданъ Карломъ папскому легату, другіе утверждаютъ,
что онъ добровольно оставилъ дворъ императора и безъ оружія,
съ денегъ отправился въ Авиньонъ!

— Настоящее сумасшествіе!

— Но, можетъ быть, его единственная дорога при какихъ бы то
было обстоятельствахъ, возразилъ старшій пажъ. Разъ предъ
юмъ паденіемъ и разъ во время своего отсутствія изъ Рима онъ
былъ отлученъ папскимъ легатомъ. Его обвинили въ ереси и надѣ
нимъ тяготѣло проклятіе, отъ котораго ему нужно было избавить-
ся. Какъ могъ это сдѣлать бѣдный изгнанникъ? Ни одинъ сильный
чужъ не покровительствовалъ другу народа, никакой придворный
не защищалъ того, кто давилъ неболей. Его умъ былъ его един-
ственнымъ другомъ, только на него могъ онъ положиться. Ріензи
тиравился въ Авиньонъ, чтобы освободить себя отъ направлен-
ныхъ противъ него обвиненій, и безъ сомнѣнія онъ надѣлся, что
отъ оправданія ему останется только одинъ шагъ къ восстановле-
нію своего прежняго положенія. Кромѣ того извѣстно, что къ им-
ператору обращался съ требованіемъ формально выдать Ріензи.
Ему предстоялъ выборъ, (рано или поздно это должно было слу-
читься) или свободнымъ или въ оковахъ, какъ преступнику или
какъ римлянину. Онъ выбралъ послѣднее. Вездѣ гдѣ онъ прохо-
дилъ, народъ возставалъ въ каждомъ городѣ, въ каждой деревуш-
кѣ. Имя великаго трибуна было уважаемо во всей Италіи. Его умо-
ляли поборечь себя для страны, которую онъ хотѣлъ возвысить. «Я
хочу чтобы оправдаться и восторжествовать» отвѣчалъ трибунъ. Въ
городахъ, по которымъ онъ проходилъ, ему были оказываемы тор-
жественныя почести. * и, говорятъ, ни одинъ посолъ, князь или ба-
ровъ не вѣжалъ въ Авиньонъ съ такою длинною свитою, какая
сѣдовала въ самыя стѣны этого города за Колою-ди-Ріензи.

— А послѣ того?

— Онъ попросилъ аудіенціи, чтобы имѣть возможность опроверг-
нуть взводимыя на него обвиненія. Онъ сдѣлалъ вызовъ гордымъ
кардиналамъ, которые отлучили его. Онъ требовалъ суда.

— А что сказалъ папа?

— Ничего—словами. Тюрьма была его отвѣтомъ!

— Суровый отвѣтъ!

— Но бывали дороги длиннѣе тѣхъ, которыя ведутъ изъ тюрьмы
во дворецъ, и Богъ не создалъ людей подобныхъ Ріензи для цѣ-
пей и темницы.

* «Per tutto la vie li furo fatti sollemni onori», Ac.—Vita di Cesa di Rienzi lib II
cap. 13.

Когда Анжело произнесъ эти слова громкимъ голосомъ и со всѣмъ энтузіазмомъ, которымъ вдохновила римскаго юношу слава павшаго трибуна, онъ услышалъ позади себя вздохъ. Онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ обернулся. У двери, которая вела въ комнату синьоры Чезарини, стояла женщина благороднаго вида. Она была необыкновенно богата одѣта. Золото и драгоценные камни были тусклы сравнительно съ блескомъ ея темныхъ глазъ, и теперь, когда она стояла выпрямившись и съ повелительною осанкою, то, казалось, никакому челу не пристала бы болѣе царская корона, никакая красота не могла съ большею полнотою осуществить идеалъ героини и королевы.

— Извините меня, синьора, сказалъ Анжело, перѣспительно; я говорилъ громко, я обезпокоилъ васъ; но я римлянинъ и мою темку быть...

— Ріензи! сказала дама подходи; тема способная взволновать римское сердце. Полно — извиненій не нужно. Ахъ, если — синьора вдругъ остановилась и вздохнула опять, потомъ измѣнившимся и болѣе важнымъ тономъ продолжала: Если судьба возвратитъ Ріензи счастье, то онъ узнаетъ твое сужденіе о немъ.

— Если вы, синьора, будучи изъ Неаполя, сказалъ Анжело съ намѣренною выразительностью, говорите такъ о павшемъ изгнанникѣ, то что долженъ чувствовать я, который признавалъ въ немъ государя?

— Ріензи не принадлежитъ исключительно Риму, а Италіи, всему міру, возразила синьора; а вы, Анжело, осмѣлившись говорить такъ о павшемъ, доказали какъ добросовѣстно можете служить тѣмъ, которые имѣютъ счастье обладать вами.

Говоря это, синьора смотрѣла долго и пристально на склоненное и краснѣющее лицо пажы, взглядомъ челоуѣка, привыкшаго узнавать душу по наружности.

— Мужчины часто обманываются, сказала она грустно, но съ полуулыбкою, — а женщины рѣдко, исключая любви — о елибы Римъ былъ наполненъ такими, какъ вы! Довольно! Послушайте это, кажется, стукъ копытъ на дворѣ?

— Синьора, сказалъ Джакомо, щеголевато драпируясь своимъ плащомъ, я вижу слугъ монсиньора кардинала д'Альборноза — а вотъ и самъ кардиналъ.

— Хорошо! сказала синьора и глаза ея засверкали. Я жду его! съ этими словами она вышла въ дверь, чрезъ которую она подслушала римскаго пажы.

II.

ХАРАКТЕРЪ ВОИНА-КАРДИНАЛА. — СВИДАНІЕ. — ИНТРИГА И КОНТРЪ-ИНТРИГА ДВОРОВЪ.

Жиль (или Эджидіо *) кардиналъ д'Альборнозъ былъ однимъ изъ

* Egidio, итальянское имя, соответствуетъ французскому Gilles, но кардинала всѣ писатели того времени называютъ Gilio d'Albornoz.

самыхъ замѣательныхъ людей того замѣательнаго времени, столь обильнаго гениями. Хвалясь своимъ происхожденіемъ отъ владѣтельныхъ домовъ Аррагонскаго и Леонскаго, онъ рано вступилъ въ духовное званіе и почти въ юношескихъ лѣтахъ сдѣлался архіепископомъ въ Толедо. Но мирная карьера, какъ бы ни была она блестяща, не удовлетворяла его честолюбія. Онъ не могъ довольствоваться церковными почестями, если это не были почести церкви воинствующей. Въ войнѣ противъ Мавровъ никто не отличился болѣе его; и Альфонсъ XI, король кастильскій, настаивалъ на томъ, чтобы получить изъ рукъ воинственнаго архіепископа знаки рыцарскаго званія. По смерти Альфонса, который былъ сильно привязанъ къ нему, Альбернось отправился въ Авіньонъ и получалъ отъ Климента VI кардинальскую митру. У Иннокентія онъ тоже былъ въ большой милости и теперь постоянно засѣдалъ въ совѣтахъ папы. При дворѣ уже ходили слухи о воинственныхъ приготовленіяхъ къ предпринимаемой подъ знаменами Альберноса экспедиціи, для отнятія папскихъ владѣній у разныхъ тирановъ, которые ими неправильно завладѣли *. Смѣлый, проникательный, предприимчивый и обладающій холоднымъ сердцемъ при храбрости рыцаря и хитрости попа,—таковъ былъ характеръ Жилия, кардинала д'Альберноса.

Оставивъ свою дворянскую свиту въ передней, Альбернось былъ введенъ въ комнату синьоры Чезарини. Кардиналъ былъ почти средняго роста, цвѣтъ его смуглаго испанскаго лица отъ постоянныхъ думъ и честолюбивыхъ плановъ поблекъ и принялъ желтоблѣдный оттѣнокъ; лобъ его былъ глубоко изборожденъ морщинами, и, хотя онъ еще не перешелъ за предѣлы цвѣтущаго возраста, онъ могъ бы показаться человѣкомъ преклонныхъ лѣтъ, еслибы этому не противорѣчили твердость его поступи, упругость его тонкаго стана и глаза, которые вслѣдствіе размысленія пріобрѣли спокойствіе и глубину, нисколько не утративъ юношескаго блеска.

— Прекрасная синьора, сказалъ кардиналъ, цѣлуя руку Чезарини съ граціею, которая показывала въ немъ болѣе князя, чѣмъ духовнаго; приказанія его святѣйшества, боюсь, заставили меня опоздать къ часу, въ которомъ вы удостоили назначить изъявленіе моей преданности; но мое сердце было съ вами постоянно, съ тѣхъ поръ какъ мы разстались.

— Кардиналъ д'Альбернось, возразила синьора, тихонько отнимая свою руку и садясь, имѣетъ такъ много занятій, по своему сану и значенію, что отвлекая свое вниманіе на нѣсколько минутъ къ менѣе благороднымъ мыслямъ, онъ, мнѣ кажется, измѣняетъ своей словѣ.

* Объ этомъ смѣломъ кардиналѣ рассказываютъ одинъ характеристическій анекдотъ. Однажды Урбанъ V потребовалъ отъ него отчета въ суммахъ, издержанныхъ во время военной экспедиціи противъ итальянскихъ тирановъ. Кардиналъ представилъ папѣ повозку, нагруженную ключами отъ взятыхъ имъ городовъ и крѣпостей. «Вотъ мой отчетъ, сказалъ онъ, вы видите куда я употребилъ ваши деньги.» Папа обнялъ его и болѣе не безпокоилъ его требованіемъ отчетовъ.

— Ахъ синьора, отвѣчалъ кардиналъ, мое честолюбіе никогда не имѣло такого благороднаго направленія, какъ теперь. Быть у твоихъ ногъ—этотъ жребій выше всѣхъ почестей.

Мгновенная краска вспыхнула на щекахъ синьоры. но она, казалось, произошла столько же отъ негодованія, сколько отъ тщеславія; ее смѣнила презрѣнная блѣдность. Синьора отвѣчала не вдругъ. Устремивъ свои большіе гордые глаза на влюбленнаго испанца, она сказала тихимъ голосомъ:

— Монсиньоръ кардиналъ, я не стану притворяться, будто бы не понимаю вашихъ словъ; а также не приписываю ихъ обыкновенной вѣжливости. Я довольно тщеславна, и вѣрю, что вы считаете ваши слова справедливыми, когда говорите, что любите меня.

— Считаю! повторилъ испанецъ.

— Слушайте меня, продолжала синьора. Женщина, которую кардиналъ Альберношъ удостоиваетъ своей любви, имѣетъ право требовать отъ него доказательствъ этой любви. При папскомъ дворѣ чья власть равняется вашей? Я прошу васъ употребить ее въ мою пользу.

— Говорите, очаровательная синьора, не захвачены ли ваши помѣстья варварами этихъ беззаконныхъ временъ? Или кто нибудь осмѣлился оскорбить васъ? Ты желаешь земель и помѣстьевъ?—моя власть въ твоёмъ распоряженіи.

— Нѣтъ, кардиналъ! Есть одна вещь, которая для итальянца и для женщины дороже богатства и состоянія—это мщеніе!

Кардиналъ отодвинулся предъ устремленнымъ на него пылающимъ взглядомъ, но смыслъ ея рѣчи нашелъ въ немъ сочувствіе.

— Это, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія, говорить въ васъ высокое происхожденіе. Мщеніе—роскошь знатныхъ. Пусть рабы и сволочь прощаютъ обиду. Продолжайте, синьора.

— Знаете вы послѣднія новости о Римѣ? спросила синьора.

— Конечно, отвѣчалъ кардиналъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. мы были бы жалкими государственными людьми, еслибы не знали въ какомъ положеніи находится столица папскихъ владѣній. Моё сердце болитъ о несчастномъ городѣ. Но почему ты спрашиваешь меня о Римѣ? Ты...

— Римлянка! Знайте, монсиньоръ, что я съ умысломъ называю себя неаполитанкою. Вѣрю мою тайну вашей скромности: я изъ Рима! Расскажите мнѣ о его положеніи.

— Прекрасная женщина, сказалъ кардиналъ, я долженъ былъ бы догадаться, что твое лицо и видъ не принадлежитъ вѣтренной Кампаніи. Разсудокъ долженъ бы сказать мнѣ, что на нихъ лежитъ отпечатокъ властителя вселенной. Состояніе Рима, продолжалъ Альберношъ, можно разсказать въ короткихъ словахъ. Ты знаешь, что послѣ паденія умнаго, но дерзкаго Ріензи, Пепинъ, графъ Монреальскій (креатура Монреала), помогавшій изгнать его, хотѣлъ продать Римъ Монреалу, но онъ не былъ ни довольно силенъ, ни довольно благоразуменъ, и бароны изгнали его, какъ онъ изгнать трибуна. Нѣсколько времени спустя, въ капитулѣ поселился новый

демонъ, Джіованни Черрони. Онъ опять изгналъ нобилей. Произшли новыя революціи—и бароны были призваны опять. Слабый наслѣдникъ Ріензи призывалъ народъ къ оружію, но напрасно; въ ужасѣ и отчаяніи онъ отрекся отъ своей власти, и оставилъ городъ въ добычу нескончаемымъ распрямъ Орсини, Колонновъ и Савелли.

— Все это я знаю, монсиньоръ; но когда его святѣйшество наслѣдовалъ Клименту VI....

— Тогда, сказалъ Альберношъ, при чемъ блѣдножелтый лобъ его нахмурился, тогда наступилъ болѣе мрачный періодъ исторіи. Два сенатора были избраны папою, для совокупнаго управленія Римомъ.

— Имена ихъ?

— Вертольдъ Орсини и одинъ изъ Колонновъ. Нѣсколько недѣль спустя, дороговизна съѣстныхъ припасовъ раздражила подлые желудки черни; она возстала, закричала, вооружилась и осадила капитулій.

— Хорошо, хорошо, вскричала синьора, всплеснувъ руками и обнаруживая въ каждой чертѣ своего лица интересъ, съ какимъ она слушала кардинала.

— Колонна избѣжалъ смерти только тѣмъ, что переодѣлся. Вертольдъ Орсини побить камнями.

— Избить камнями! одинъ изъ нихъ погибъ!

— Да, синьора, одинъ изъ великаго дома, котораго послѣдняя капля крови стояла цѣлаго океана плебейской грязной крови. Теперь все въ Римѣ—неурядица и анархія. Споры нобилей колеблютъ городъ до основанія, и вельможи и народъ, утомленные столь многочисленными опытами установить правительство, не имѣютъ теперь никакого правителя, кромѣ страха меча. Таково теперь состояніе Рима. Не вздыхайте, оно теперь составляетъ предметъ нашихъ заботъ. Риму нужно помочь, и я, синьора, можетъ быть, буду счастливымъ орудіемъ для восстановленія мира въ вашемъ родномъ городѣ.

— Есть только одно средство восстановить тамъ миръ, отвѣчала синьора отрывисто, это средство восстановленіе Ріензи!

Кардиналъ вздрогнулъ.

— Синьора, сказалъ онъ, такъ ли я слышу? не благороднаго ли вы происхожденія? неужели вы можете желать возвышенія плебей? Не говорили ли вы о мщеніи: а теперь просите о помилованіи?

— Синьоръ кардиналъ, сказала прекрасная Чезарини съ жаромъ, я не прошу помилованія: это слово не пристало тому, кто проситъ справедливости. Я благороднаго происхожденія, да; я принадлежу къ роду патриціевъ древняго Рима: къ роду, сравнительно съ которыми даже аррагонскій родъ можетъ считаться, появившимся только вчера. Я не хочу оскорбить ваше преосвященство; ваше величіе не заимствовано отъ родословнаго дерева и надгробныхъ камней, оно ваше собственное произведеніе. Еслибы вы захотѣли говорить прямодушно, монсиньоръ, то признались бы, что гордитесь единственно *вашими собственными лаврами*, и что въ душѣ вы смѣетесь

налъ этими великолѣпными глупостями, которыя щеголяютъ тѣмъ, чѣмъ убранствомъ мертвыхъ!

— Муза! прорицательница! вы говорите правду, сказалъ кардиналъ съ необычною энергіей, и вашъ голосъ подобенъ голосу славы, о которой я мечталъ въ моей юности. Продолжайте говорить!

— Справедливая гордость Ріензи, продолжала синьора, такая же, какъ ваша. Онъ гордится тѣмъ, что самъ создалъ себѣ великую славу. Въ людяхъ, подобныхъ римскому трибуну, мы видимъ основателей благороднаго поколѣнія, это правда; но мой домъ также, какъ дома другихъ, былъ подавленъ игомъ Орсини и Колонновъ: противъ нихъ-то я нищу мщенія. Но я— болѣе чѣмъ просто итальянка, я римлянка—я плачу кровавыми слезами о безпорядкахъ моей несчастной родины. Я скорблю, что даже вы, монсиньоръ, вы чужеземецъ, хотя великій и знаменитый, должны сожалѣть о Римѣ. Я желаю возстановить его благоденствіе.

— Но Ріензи возстановить только свое собственное.

— Нѣтъ, монсиньоръ кардиналъ, нѣтъ. Можетъ быть, онъ гордъ, честолюбивъ и тщеславенъ, это свойство великихъ людей, но онъ никогда не имѣлъ ни одного желанія, которое было бы въ разладѣ съ благосостояніемъ Рима. Но отложивъ всякую мысль объ его интересахъ, я говорю не о нихъ. Вы желаете возстановить папскую власть въ Римѣ. Вашимъ сенаторамъ это не удалось. Демагогамъ тоже не удастся; одинъ Ріензи можетъ успѣть въ этомъ; онъ одинъ въ состояніи повелѣвать мятежными страстями бароновъ. Онъ одинъ можетъ управлять прихотливою и непостоянною чернью. Освободите, возстановите Ріензи, и чрезъ него папа возвратитъ себѣ Римъ.

Кардиналъ нѣсколько минутъ не отвѣчалъ. Какъ бы погруженный въ задумчивость, онъ сидѣлъ неподвижно, прикрывая свое лицо рукою. Можетъ быть, онъ вполнѣ думалъ, что въ убѣжденіяхъ синьоры заключается болѣе благоразумная политика, нежели какъ онъ хотѣлъ открыто въ томъ сознаться. Отнявъ наконецъ руку отъ глазъ, онъ посмотрѣлъ на внимательное лицо синьоры и сказалъ съ принужденною улыбкой:

— Извините меня, синьора; но между тѣмъ, какъ мы играемъ роль политиковъ, не забудьте, что я вашъ обожатель. Ваши совѣты, можетъ быть, благоразумны, но чѣмъ они вынуждены? что значитъ это заботливое участіе къ Ріензи? Если, освободивъ его, церковь пріобрѣтетъ союзника, то могу ли я быть увѣренъ, что Жиль д'Альберношъ не возвыситъ своего соперника?

— Монсиньоръ, сказала Чезарини, привставъ, вы ухаживаете за мной, но вашъ рангъ не соблазняетъ меня, вамъ золото не можетъ купить. Если вы меня любите, то я имѣю право требовать вашихъ услугъ во всемъ, что мнѣ нужно, это законъ рыцарства. Если я когда-нибудь уступлю исканіямъ влюбленнаго, то это будетъ чловѣкъ, который возвратитъ моей родинѣ ея героя и спасителя.

— Прекрасная патріотка, сказалъ кардиналъ, ваши слова ободряютъ мою надежду, но почти приводятъ въ уныніе мое честолю-

біе; мнѣ было бы крайне желательно, чтобы единственно любовь, а не услуга подарила мнѣ сокровище, котораго я прошу. Но, послушайте, очаровательная синьора, вы преувеличиваете мою власть, я не могу освободить Ріензи, онъ обвиненъ въ возмущеніи, онъ отлученъ отъ церкви за ересь. Его оправданіе зависитъ отъ него самого.

— Можете вы выхлопотать для него судъ?

— Можетъ быть, синьора.

— Судъ уже есть для него оправданіе: А особую аудіенцію у его святѣйшества?

— Безъ сомнѣнія.

— Это—его возстановленіе! Позаботьтесьо всемъ, о чемъ я прошу!

— А затѣмъ, милая римлянка, будетъ моя очередь просить, сказалъ кардиналъ страстно, опускаясь на колѣни и взявъ руку синьоры. На одну минуту эта гордая синьора почувствовала, что она женщина, она покраснѣла и задрожала, но еслибы кардиналъ могъ читать въ ея сердцѣ, то увидѣлъ бы, что это происходило не отъ страсти или слабости, а отъ ужаса и стыда. Она пассивно уступила свою руку кардиналу, который покрылъ ее поцѣлуями.

— Вдохновленный такимъ образомъ, сказалъ Альберношъ вставая, я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Завтра я явлюсь къ тебѣ опять.

Онъ прижалъ ея руку къ своему сердцу, синьора не чувствовала этого. Онъ со вздохомъ простился и она не слышала его. Медленно смотрѣла она и медленно онъ удалился. Прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ, придя въ себя, синьора поняла, что она одна.

— Одна! вскричала она въ полголоса, и съ странною выразительностью, одна! о, что я перенесла, что я сказала! Быть невѣрною ему, хотя бы въ мысляхъ! О, никогда! никогда! мнѣ, которая ощущала поцѣлуй его губъ, которая засыпала на его великодушномъ сердцѣ. Мнѣ! Святая мать! помоги мнѣ и укрѣпи меня! продолжала она, горько плача и упавъ на колѣни. На нѣсколько минутъ синьора предалась молитвѣ, потомъ, вставъ, нѣсколько успокоилась. Смертельно блѣдная и со слезами, медленно катившимися по щекамъ, синьора тихо подошла къ окну, отворила его и наклонилась впередъ. Вечерній воздухъ нѣжно коснулся ея висковъ, онъ охладилъ и смягчилъ горячку, пожиравшую ея внутренность. Мрачною массою стояла предъ нею башня, въ которой заключенъ былъ Ріензи какъ преступникъ; она смотрѣла на нее долго и пристально; потомъ, отойдя отъ окна, она вынула изъ складокъ своего платья маленький и острый кинжалъ и прошептала: Лишь бы спасти мнѣ его для славы, а *этотъ кинжалъ* спасетъ меня отъ безчестія!

III.

Святые люди.—Мудрыя разсужденія.—Справедливыя рѣшенія.—Низкія побужденія во всемъ.

Въ воинственномъ испанскомъ кардиналѣ, влюбленномъ въ красоту и почти столько же въ высокій умъ синьоры Чезарини, лю-

бовъ не была столь господствующею страстью, какъ то честолюбіе, которое одушевляло его характеръ и ознаменовало его карьеру. Простая съ синьорою и размышляя о желаніи ея возстановить римскаго трибуна, быстро пробѣжалъ онъ всѣ выгоды, которыя могутъ возникнуть для его собственныхъ политическихъ плановъ отъ этого возстановленія. Мы уже видѣли, что новый первосвященникъ намѣревался сдѣлать попытку возвратитъ наслѣдственные земли, отторгнутыя отъ него жадностью ловкихъ и недоброжелательныхъ тирановъ. Съ этою цѣлю приготавлилось уже войско и кардиналъ уже былъ тайно назначенъ начальникомъ. Но это войско было совсѣмъ недостаточно для предпріятія; и Альберношъ много рассчитывалъ на нравственную силу дѣла, которое, по его мнѣнію, должно было привлечь къ его знаменамъ многихъ войновъ, во время его прохода чрезъ итальянскія государства. Удивительное возвышеніе Ріензи возбудило необыкновенный энтузіазмъ въ его пользу, во всѣхъ свободныхъ народахъ Италіи. Этотъ энтузіазмъ еще болѣе былъ воспламененъ вліятельнымъ краснорѣчіемъ Петрарки, который, обладая въ то время сплюю, какой ни прежде ни послѣ его не имѣлъ ни одинъ литераторъ въ отдаленности (не исключая даже фернейскаго философа), употребилъ свой смѣлый гений на защиту римскаго трибуна. Такой товарищъ, какъ Ріензи, въ лагерѣ кардинала могъ быть магнитомъ для привлеченія молодыхъ и предприимчивыхъ людей Италіи. Приблизясь къ Риму, кардиналъ могъ самъ судить, въ какой мѣрѣ благоразумно возстановитъ Ріензи, въ качествѣ делегата папской власти. А между тѣмъ вліяніе этого римлянина могло быть полезно для устрашенія мятежныхъ юбленъ или же для успокоенія упрямаго народа. Съ другой стороны кардиналъ видѣлъ, что никакого добра не можетъ произойти отъ заключенія Ріензи. Возбужденная имъ симпатія становилась съ каждымъ днемъ болѣе глубокою и всеобщею. Половина сердецъ республиканской Италіи обращалась къ этой одинокой темницѣ. Литература соединяла съ дѣломъ Ріензи свою новую и внезапную, а потому и могущественную, и даже непомѣрную силу, и напа, не смѣя быть его судьей, навлекалъ на себя ненависть, какъ его тюремщикъ.

— Популярный плѣнникъ, сказалъ самому себѣ прозорливый кардиналъ, самый опасный изъ гостей. Возстановите его, какъ своего слугу, или уничтожьте, какъ врага! Въ этомъ случаѣ я не вижу никакого другаго выбора, кромѣ освобожденія или казни! Въ такихъ размышленіяхъ этотъ искусный интригантъ, напитанный макиавелизмомъ вѣка, отдѣлялъ въ себѣ любовника отъ государственнаго чловѣка.

Какъ влюбленный, онъ чувствовалъ нѣкоторые непріятныя и неприятныя предзнаменованія въ горячемъ участіи своей вѣстельницы къ Ріензи. Онъ охотно бы приписалъ безпокойство синьоры Чезаринны какой-нибудь патріотической фантазіи, или мысли о мщеніи, и въ сея суровомъ, гордомъ характерѣ было много, что оправдывало эту надежду. Но онъ долженъ былъ признаться самому себѣ въ какомъ-то ревнивомъ опасеніи недобраго и сокровен-

наго побужденія, которое задѣвало его тщеславіе и тревожило его любовь. Впрочемъ, думалъ онъ, освобождаясь отъ своего невольнаго страха, я могу дѣйствовать на нее собственнымъ ея оружіемъ, я могу выхлопотать освобожденіе Ріензи и потребовать награды. Въ случаѣ отказа, рука, отворившая тюрьму, можетъ опять наложить оковы. Въ ея безпокойствѣ заключается моя сила!

Эти мысли еще занимали кардинала и дома, какъ вдругъ онъ былъ потребованъ къ первосвященнику.

Дворецъ папы уже не представлялъ теперь великолѣпной и вмѣстѣ граціозной роскоши Климента VI; и саркастическій кардиналъ улыбнулся про себя при видѣ спокойнаго мрака переднихъ комнатъ. Онъ хочетъ показать примѣръ, — этотъ бѣдный уроженецъ Лиможа! подумалъ Альберношъ, это ведетъ только къ тому, что его затмѣваетъ блескомъ самый бѣдный епископъ. Онъ смиряетъ себя и воображаетъ, что смиреніе будетъ заразительно.

Вго святѣйшество сидѣлъ предъ небольшимъ столомъ грубой работы, заваленнымъ бумагами; лицо его было скрыто въ рукахъ. Комната была меблирована просто; въ небольшомъ углубленіи возлѣ окна стояло распятіе изъ слоновой кости; внизу его лежалъ черепъ съ костями, украшеніе которое находилось въ жилищахъ большей части тогдашнихъ монаховъ и имѣло тоже значеніе, какое у древнихъ, напоминая о скоротечности жизни и увѣщая сдѣлать изъ нея наилучшее употребленіе. На полу ниши лежала карта папскихъ владѣній, на которой въ особенности рѣзко и ясно были обозначены крѣпости. Папа тихо поднималъ голову, когда ему доложили, о кардиналѣ, и открылъ такимъ образомъ свое простое, но одушевленное и довольно интересное лицо.

— Мой сынъ! сказалъ онъ съ ласковою иѣжливостью въ отвѣтъ на смиренный привѣтъ гордаго испанца, послѣ нашихъ продолжительныхъ совѣщаній этого утра, ты едва ли воображалъ, что новыя заботы потребуютъ такъ скоро помощи отъ твоихъ совѣтовъ. Право, терновый вѣнецъ сильно терзаетъ голову подъ тройною короною; и я иногда тоскую о спокойствіи моей прежней профессорской каведры въ Тулузѣ: мое мѣсто сопряжено съ большими трудами и страданіями.

— Богъ смягчаетъ вѣтеръ для остриженныхъ агнать, замѣтилъ кардиналъ съ благочестивою и сострадательною важностью.

Иннокентій едва могъ удержаться отъ улыбки и отвѣчалъ:

— Ягненокъ, который несетъ крестъ, долженъ имѣть силу льва. Послѣ того, какъ мы разстались, мой сынъ, я получилъ непріятныя вѣстія. Наши курьеры прибыли изъ Кампаньи, язычники неистово бѣснуются, сила Іоанна дн-Вико страшно увеличилась и подлѣ его знамя поступилъ самый страшный авантюристъ Европы.

— Ваше святѣйшество говорите о Фра Мореалѣ, рыцарѣ св. Іоанна? вскричалъ кардиналъ съ безпокойствомъ.

— Да, отвѣчалъ первосвященникъ. Я боюсь огромнаго честолюбія этого авантюриста.

— И имѣете причину, ваше святѣйшество, сказалъ кардиналъ сухо.

— Нѣсколько писемъ его попало въ руки служителя церкви; вотъ они, прочти ихъ, сынъ мой.

Альберносъ взялъ и медленно прочелъ письма; затѣмъ положилъ ихъ на столъ и на нѣсколько минутъ безмолвно погрузился въ размышленія.

— Что думаете вы объ этомъ, мой сынъ? сказалъ наконецъ папа нетерпѣливымъ и даже брюзгливымъ тономъ.

— Я думаю, что при горячемъ умѣ Монреаля и холодной низости Іоанна ди-Вико ваше святѣйшество можете дожить до того, что будете завидовать, если не спокойствію, то по крайней мѣрѣ доходамъ профессорской катедры.

— Какъ, кардиналъ! сказалъ папа поспѣшно, при чемъ краснагиѣва показала на его блѣдномъ лицѣ. Кардиналъ спокойно продолжалъ:

— Изъ этихъ писемъ можно заключить, что Монреаль писалъ ко всѣмъ начальникамъ вольныхъ воиновъ въ Италию, предлагая самое большое жалованье солдата и самую богатую добычу разбойника. каждому, кто присоединится къ его знамени. Значить, онъ замышляетъ огромные планы! Я знаю его!

— Хорошо, а что мы должны дѣлать?

— Ясно—что, сказалъ кардиналъ величаво, и глаза его засверкали воинскимъ огнемъ. Нельзя терять ни минуты. Твой сынъ долженъ немедленно выйти въ поле. Поднимемъ знамя церкви!

— Но довольно ли мы сильны? наше войско малочисленно. Усердіе слабѣетъ, благочестіе Валдунновъ уже не существуетъ!

— Вашему святѣйшеству хорошо извѣстно, сказалъ кардиналъ, что для толпы существуютъ два военныхъ лозута: свобода и религія. Если религія начнетъ становиться недостаточною, то мы должны употребить болѣе мірское слово. Поднимемъ знамя церкви и ниспровергнемъ тирановъ! Мы объявимъ равные законы и свободное правленіе, и при такихъ обѣщаніяхъ нашъ лагерь съ помощью Божіей будетъ процвѣтать болѣе, нежели палатки Монреаля съ ихъ грубымъ крикомъ: Плата и добыча!

— Жиль Альберносъ, сказалъ папа выразительно; и воспламененный духомъ кардинала, онъ выпустилъ обычный этикетъ фразы. Я ввѣряю вамъ это запутанное дѣло. Вы теперь правая рука церкви, и въ послѣдствіи, можетъ быть, будете ея главою. Я очень хорошо чувствую, что жребій палъ на недостойнаго, Мой наследникъ долженъ будетъ вознаградить за мои недостатки своими достоинствами.

Ни измѣненіе въ цвѣтѣ лица, ни сверкающій взглядъ не выдали испытующему взору папы волненія, какое произвели эти слова въ честолюбивомъ сердцѣ кардинала. Онъ смиренно наклонилъ свою гордую голову и отвѣчалъ:

— Дай Богъ, чтобы Иннокентій VI жилъ долго для славы церкви! Что касается до Жили Альберноса, то онъ болѣе воинъ, нежели духовный. Единственные стремленія, которыми онъ осязливается

редаваться, внушаются ему шумомъ лагеря и ржаніемъ боевого оня. Но если ваше святѣйшество сообщили вашему слугѣ, что....

— Нѣтъ, прервалъ Иннокентій, я имѣю еще другія столь же злощія извѣстія. Іоаннѣ ди-Вико,—да постигнетъ его чума! этотъ тлущенный отъ церкви злодѣй, все еще называющій себя префектомъ Рима, такъ наполнилъ этотъ несчастный городъ своими эмирами, что мы почти потеряли столицу апостола. Римъ послѣ продолжительной анархіи теперь повидимому находится въ состояніи открытаго возмущенія. Правда, нобилы, сыны Вааловы! опять усмиренны, но какъ? какой-то Барончелли, новый димагогъ, свирѣпѣйшій и кровожадѣйшій изъ любимцевъ діавола возвысился; чернь облекла его властію, которую онъ употребляетъ на то, чтобы убивать народъ и оскорблять первосвященника. Утомленный преступленіями этого человѣка, (которые не прикрыты даже способностями), народъ день и ночь кричитъ на улицахъ о трибунѣ Ріензи.

— Га? воскликнулъ кардиналъ. Значитъ, ошибки Ріензи забыты въ Римѣ, и въ этомъ городѣ чувствуютъ къ нему тотъ же энтузіазмъ, какъ и въ остальной Италіи?

— Увы, да.

— Это хорошо, я думаю вотъ о чемъ: Ріензи можетъ сопровождать меня...

— Можетъ! этотъ мятежникъ, еретикъ?

— Разрѣшеніе вашего святѣйшества можетъ превратить его въ спокойнаго подданнаго и правотѣрнаго католика, сказалъ Альбернось; люди бываютъ хороши и худы, смотря по тому, какъ они соответствуютъ нашимъ цѣлямъ. Что для насъ значитъ бесполезная добродѣтель, или полезное преступленіе? Войско церкви идетъ противъ тирановъ, оно повсюду провозглашаетъ возстановленіе для папскихъ городовъ ихъ народныхъ конституцій. Неужели ваше святѣйшество не видите, что освобожденіе Ріензи, любимца народа, будетъ принято съ восторгомъ, какъ доказательство вашей искренности? Неужели ваше святѣйшество не видите, что великаго демагога Ріензи должно употребить для уничтоженія незначительнаго демагога Барончелли? Мы должны возвратить себѣ римлянъ, какъ въ самомъ Римѣ, такъ и въ семи городахъ Іоанна ди-Вико. Когда они узнаютъ, что Ріензи въ нашемъ лагерѣ, то, повѣрьте, мы уже не будемъ болѣе слышать о Барончелли.

— Вы всегда прозорливы, сказалъ папа задумчиво; и правда, мы можемъ воспользоваться этимъ человѣкомъ, но съ осторожностью. Его умъ страшенъ.

— И потому надо его задобрить; если мы его оправдаемъ, то мы должны сдѣлать его нашимъ. Опытъ научилъ меня правилу, что если нельзя уничтожить демагога законнымъ судомъ, то надо раздѣлывать его почестями. Онъ не долженъ быть болѣе народнымъ трибуномъ. Дайте ему патрицѣйскій титулъ *сенатора*, и онъ тогда сдѣлается намѣстникомъ папы!

— Я подумаю объ этомъ, сынъ мой, ваши совѣты нравятся мнѣ,

но вмѣстѣ тревожатъ меня: его по крайней мѣрѣ надо подвергнуть слѣдствію, но если будетъ найдено, что онъ еретикъ...

— То онъ долженъ быть объявленъ святымъ, таково мое снренное мнѣніе.

Папа на минуту склонилъ голову, но усиліе было слишкомъ велико для него, и послѣ минутной борьбы онъ громко расхохотался.

— Полно, мой сынъ, сказалъ онъ съ любовью, потрепавъ кардинала по блѣдножелтой щекѣ. Полно. Что сказали бы люди, если бы услышали твои слова?

— Они сказали бы: Жплъ д'Альбернось имѣетъ религіи пменно па столько, чтобы помнить, что государство есть церковь, но не слишкомъ много для того, чтобы забывать, что церковь есть государство.

Этими словами совѣщаніе кончилось. Въ тотъ же вечеръ папа постановилъ, чтобы Ріензи допустить къ суду, котораго онъ требовалъ.

IV.

Госпожа и пажъ.

Только въ три часа Альбернось, принявъ на себя опять роль обожателя, отправилъ къ синьорѣ Чезарини записку слѣдующаго содержанія:

«Ваши приказанія исполнены. Дѣло Ріензи будетъ разсмотрѣно. Хорошо было бы приготовить его къ этому. Для вашей цѣли, о которой я имѣю такія слабыя свѣдѣнія, можетъ быть, полезно, чтобы вы явились заключенному тѣмъ, что вы для него на самомъ дѣлѣ—испросительницею этой милости. Видите, какъ слѣпо одно благородное сердце довѣряетъ другому! Съ подателемъ этой записки я посылаю приказъ, который даетъ одному изъ вашихъ слугъ пропускъ въ келью заключеннаго. Пусть вашимъ дѣломъ будетъ извѣстить его о новомъ переломѣ въ его судьбѣ, если вамъ угодно. Ахъ, синьора, еслибы фортуна была также благосклонна ко мнѣ! дала того же ходатая! Я ожидаю приговора отъ твоихъ устъ!»

Кончивъ посланіе, Альбернось потребовалъ своего довѣреннаго саугу, испанскаго дворянина, который въ своемъ благородномъ происхожденіи не видѣлъ ничего такого, чтобы мѣшало ему исполнять различныя приказанія кардинала.

— Альваресь, сказалъ кардиналъ, эти записки должны быть доставлены синьорѣ Чезарини чрезъ другія руки; тебя не знаютъ въ ея домѣ. Отправляйся въ государственную тюрьму; воть тебѣ пропускъ къ губернатору. Посмотри кто будетъ допущенъ къ арестанту Колѣ ди-Ріензи! узнай его имя и откуда онъ пришелъ. Будь расторопентъ, Альваресь. Узнай, что заставляетъ Чезарини интересоваться судьбою заключеннаго. Собери также всѣ возможныя свѣдѣнія о ней самой, объ ея происхожденіи, состояніи, родствѣ. Ты понимаешь меня? хорошо. Еще одна предосторожность: ты не пишешь отъ меня порученія, никакихъ сношеній со мною. Ты одинъ

изъ должностныхъ лицъ тюрьмы, или папы, — какъ хочешь. Дай мнѣ четки, зажги лампаду предъ распятіемъ; положи вонъ ту вѣнчикъ подъ оружіемъ. Я хочу, чтобы казалось будто-бы я *намеренно* ее скрываю! Скажи Гомезу, что доминиканскій проповѣдникъ можетъ войти.

— Эти монахи усердны, продолжалъ кардиналъ самъ съ собою, когда, исполнивъ его приказанія, Альваресъ удался. Они готовы сжечь человека, только-бы на библію! Они стоятъ того, чтобы ихъ задобрить, если тройная корона дѣйствительно стоитъ того, чтобы приобрести ее. Еслибы она была на мнѣ, то я бы прибавилъ къ ней орлиное перо.

И погруженный въ пламенные мечты о будущемъ, этотъ отважный человекъ забылъ даже предметъ своей страсти. Въ жизни дѣйствительной, по достиженіи извѣстнаго возраста честолюбивые люди любятъ, но эта любовь составляетъ нѣчто въ родѣ интермедіи въ драмѣ. И въ самомъ дѣлѣ для многихъ людей жизнь заключается въ себѣ болѣе поглощающія заботы, чѣмъ любовь. Любовь есть дѣло для праздныхъ, но она — праздность для занятыхъ.

Чезарини была одна, когда отъ кардинала прибылъ посланный; она только-что отпустила его съ запискою, состоявшею изъ нѣсколькихъ строкъ благодарности, которая, казалось, преодолѣла всю осторожность, какою холодная синьора обыкновенно ограждала свою гордость. Она потребовала къ себѣ пажу Анджело.

Молодой человекъ вошелъ. Комната была темна отъ тѣней приближающейся ночи, и онъ смутно различалъ очертаніе величаваго стана синьоры; но по тону ея голоса замѣтилъ, что она глубоко взволнована.

— Анджело, сказала она, когда онъ подошелъ, Анджело и голосъ ея оборвался. Она замолчала, какъ-бы для того, чтобы перевести духъ, и затѣмъ продолжала: только вы служили намъ вѣрно; только вы раздѣляли наше бѣгство, наши странствованія, наше изгнаніе — только вы знаете мою тайну — только вы римлянинъ изъ всей моей свиты! Римлянинъ! нѣкогда это было великое имя. Анджело, имя это пало, но пало единственно потому, что прежде пала природа римской расы. Римляне горды, но непостоянны; свирѣпы, но трусливы; пламенны въ своихъ обѣщаніяхъ, но испорчены въ своей честности. Вы — римлянинъ, и хотя я испытала вашу вѣрность, но самое наше происхожденіе заставляетъ меня бояться отъ васъ лжи.

— Синьора. отвѣчалъ пажъ, я былъ еще ребенкомъ, когда вы приняли меня въ свою службу, и теперь я еще слишкомъ молодъ. Но будь я еще мальчикомъ, я не побоялся бы самаго страшнаго копья рыцаря или разбойника, для защиты вѣрности Анджело Вилани къ его госпожѣ и къ родинѣ.

— Увы! сказала синьора съ горечью. таковы были слова тысячь людей твоего племени. А каковы были ихъ дѣла? Но я буду тебѣ вѣрить, какъ вѣрила всегда. Я знаю, что ты жаждешь почестей

что въ тебѣ есть свѣтлое и привлекательное юношеское честолюбіе.

— Я сирота и незаконнорожденный, сказалъ Анджело отрывисто. И это обстоятельство сильно подстрекаетъ меня къ дѣятельности; я бы хотѣлъ приобрести себѣ имя.

— Ты приобретешь, сказала синьора. Мы еще будемъ жить дл того, чтобы наградить тебя. Теперь поторопись. Принеси сюда одну изъ твоихъ пажескихъ одеждъ, плащъ и шляпу. Скорѣй! И никому не проговоришь о томъ, чего я у тебя просила.

V.

ЖИТЕЛЬ ТЮРЬМЫ.

Ночь медленно приближалась и въ самой верхней комнатѣ мрачной и угрюмой башни, возвышавшейся противъ оконъ дома Чезарини, сидѣлъ уединенный арестантъ. Предъ нимъ горѣла одинокая лампа на каменномъ столѣ, бросая свои лучи на раскрытую Библію и на серьезныя, но фантастическія легенды о доблести древняго Рима, которыя гонимъ Ливіа возвысилъ на степень исторіи. Цѣпь, прикрѣпленная къ своду башни висѣла внизъ и оковывала узника. но такъ, что давала ему достаточную свободу ходить безъ стѣсненія по большей части комнаты. Массивные камни стѣнъ были зелены и сыры, и сквозь узкое отверстіе, которое было высоко и недоступно, пробивался лунный свѣтъ, и исчезалъ въ длинной тѣни на грубомъ полу. Кровать въ углу довершала убранство комнаты. Таково въ теченіи многихъ мѣсяцовъ было жилище побѣдителя наемничайшихъ бароновъ, роскошнаго диктатора столицы міра.

Заботы, странствованія, время, несчастіе, сдѣлали перемѣну въ наружности Ріензи. Пропорціи его стана расширились противъ старой силы ранняго мужественнаго возраста, чистая блѣдность его щекъ была покрыта чахлымъ и обманчивымъ румянцемъ. Хотя онъ казался погруженнымъ въ свое любопытное занятіе, хотя чтеніе сродно уму восторженному до фанатизма, но его глаза не могли быть какъ въ прежнія времена постоянно прикованы къ страницѣ. Буквы липли къ нему своей прелестью. По временамъ онъ безпокойно двигался, вздрагивалъ, садился снова и издавалъ отрывистыя восклицанія, подобно человѣку въ безпокойныхъ грезѣхъ. Потомъ вдругъ онъ нетерпѣливо смотрѣлъ вверхъ, впередъ, вокругъ и въ странномъ блуждающемъ огнѣ этихъ большихъ голубыхъ глазъ было нѣчто, способное проникнуть зрителя неопредѣленнымъ и безотчетнымъ страхомъ.

Анджело въ главныхъ чертахъ правильно рассказалъ послѣднія приключенія Ріензи послѣ его паденія.

Трибунъ съ Ниною и Анджело сперва отправился въ Неаполь, и нашелъ обманчивое и кратковременное покровительство у Людовика, короля Венгріи. Этотъ суровый, но честный монархъ отказалъ выдать своего знаменитаго гостя по требованію Клементя, но откровенно объявилъ, что онъ не въ состояніи доставить ему безопас-

ность. Поддерживая тайныя сношенія со своими партизанами въ Римѣ, бѣглець искалъ убѣжища у отшельниковъ, жившихъ въ пустынныхъ закоулкахъ горы Майеллы, гдѣ, въ уединеніи и размышленіяхъ, онъ провелъ цѣлый годъ, за исключеніемъ того времени, которое онъ употребилъ на посѣщеніе Флоренціи и возвращеніе оттуда.

Воспользовавшись римскимъ юбилеемъ, онъ въ одеждѣ пилигрима, чрезъ горы и долины, богатыя грустными развалинами древняго Рима, добрался до этого города, гдѣ его беспокойный и честолюбивый духъ работалъ надъ составленіемъ новыхъ заговоровъ, но напрасно *. Отлученный вторично кардиналомъ Чеккано, и опять спасаясь бѣгствомъ, онъ отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ, когда оставилъ городъ, и, поднявъ руки къ этимъ стѣнамъ, которыя до сихъ поръ еще свидѣтельствуютъ о Тарквиніяхъ, громко вскричалъ: — Римъ Римъ! ты чтилъ меня какъ своего властелина, ты предавалъ меня какъ свою жертву, и еще примешь меня какъ своего завоевателя!

Опять въ одеждѣ пилигрима, онъ безопасно прошелъ чрезъ Италію ко двору императора Карла богемскаго, гдѣ ему былъ сдѣланъ пріемъ, о которомъ правильно рассказалъ пажъ, бывшій вѣроятно его свидѣтелемъ. Однакожъ можно сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли поведеніе императора относительно его, было такъ великодушно, какъ представляется изъ разсказа Анджело, или же Карлъ предалъ Ріензи папскимъ эмисарамъ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что отъ Праги до Авиньона дорога павшаго трибуна была путемъ триумфа. Годы, странныя приключенія Ріензи, его непреклонный духъ, безпорядки въ Римѣ, освободившемся отъ его неумолимаго правосудія, новая власть, которую разумъ удивительно и ежедневно пріобрѣталъ надъ умами возникающаго поколѣнія, краснорѣчіе Петрарки, обыкновенная симпатія толпы къ павшему величію, все способствовало къ тому, чтобы сдѣлать Ріензи героемъ вѣка. Въ мѣстахъ, чрезъ которыя онъ проходилъ, не было ни одного города, который бы не рѣшился выдержать осаду за покровительство ему, ни одного дома, который бы отказалъ ему въ убѣжищѣ, ни одной руки, которая бы не была готова сражаться для его защиты. Отказываясь отъ всякихъ предложеній помощи, презирая всякій случай къ бѣгству, вдохновленный своею неукротимою надеждой и неизмѣнною вѣрой въ блескъ своей судьбы, трибунъ отправился въ Авиньонъ, и тамъ нашелъ тюрьму!

Эти виѣшнія его приключенія могутъ быть коротко и удобно разсказаны, но кто въ состояніи передать то, что происходило внутри его! кто разскажетъ страшную исторію сердца? кто изобразить быстрыя пережытыя волненій и мысли негодующаго горя, суроваго унынія, гордаго разочарованія, которыя омрачили, но не разрушили рѣшимости этой великой души? кто можетъ сказать что перенесъ, о чемъ размышлялъ Ріензи во время своего отшельничества въ тайникахъ Майеллы; на уединенныхъ холмахъ погибшей имперіи, ко-

* Рейвальдъ, Ann. 1380, № 4. E. 5.

тую онъ мечталъ возстановить; при дворахъ иностранныхъ государей, а болѣе всего — когда возвращался переодѣтый и ненавѣстный, среди разнообразной толпы христіанскаго міра, въ мѣсто своего прежняго могущества? Сколько матеріаловъ для воспоминаній, и въ какомъ мечтательномъ и горячемъ мозгу! Сколько размышлений для заключеннаго въ авиньонской тюрьмѣ чловѣка, предавшаго до высшей силы фанатизма четыремъ страстямъ, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности, доведенная до крайности, могла поколебать самый сильный разумокъ, и которыя по ихъ свойству въ высшей степени было трудно соединить вмѣстѣ? Онъ былъ мечтатель, обожатель и энтузіастъ свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ власти, знанія и религіи!

— Да, прошепталъ узникъ, да, эти повѣствованія утѣшительны. Правые не всегда бываютъ угнетены. Съ долгимъ вздохомъ, онъ медленно положилъ библію въ сторону, поцѣловалъ ее съ благоговѣніемъ, замолчалъ и нѣсколько минутъ предавался размышленію. Послышался легкій шумъ въ углу комнаты и Ріензи тихо сказала: А, это мои друзья, мои товарищи, крысы! теперь ихъ часъ. Я радъ, что оставилъ для нихъ хлѣба! Глаза его засверкали, когда онъ увидѣлъ этихъ чуждыхъ и необщительныхъ животныхъ, которые осмѣлились выйти изъ трещины въ стѣнѣ и, бросая тѣнь на полосу луннаго свѣта, лежавшую на полу, безстрашно подошли къ нему. Манкино, блѣмордый мошенникъ! онъ бьетъ всѣхъ другихъ — ха, ха, ха! Это главный негодяй, онъ командуетъ племенемъ и первый рискуетъ попасть въ ловушку. Какъ бы онъ грызъ сталь этотъ прекрасный молодецъ, между тѣмъ какъ вся мѣнѣ благородная толпа смотрѣла бы на него издали, трепетала бы и боялась, подавая никакой помощи. Однако же всѣ вмѣстѣ, онѣ могли бы прогрызть ловушку и освободить своего вождя! О, вы подлые гадины! хотя вы ѣдите мой хлѣбъ, но въ случаѣ моей смерти вы придете провать на моемъ трупѣ. Вонъ! Онъ всплеснулъ руками. цѣпь его рѣзко зазвенѣла и гнусные его товарищи въ тюрьмѣ исчезли въ одно мгновеніе.

Станный и эксцентрическій юморъ, которымъ отличался Ріензи и который казался шутствомъ для тупой угрюмости римскихъ нобилей, еще сохранялъ прежнее свое выраженіе на его лицѣ, и онъ громко засмѣялся, когда крысы бросились опять въ свое убежище.

— Небольшой шумъ и звукъ цѣпи—фи! какъ вы подражаете людямъ! онъ опять замолчалъ и затѣмъ, медленно и лѣниво приближая къ себѣ книгу оживленныхъ разсказовъ Ливія, сказалъ: Часъ до полночи! грезы на яву лучше сна. Исторія говоритъ, что люди возвышались, и народы также, послѣ паденій болѣе глубокихъ, чѣмъ паденіе Ріензи или Рима!

Нѣсколько минутъ онъ, повидимому, былъ углубленъ въ чтеніе. Въ самомъ дѣлѣ онъ такъ былъ занятъ этимъ дѣломъ, что несчиталъ шаговъ на спиральной лѣстницѣ, которая вела въ его келью, и только тогда, когда тюремные сторожа повернули въ замочной

квашинѣ огромный ключъ и дверь закрылась на своихъ петляхъ, Ріензи поднималъ глаза, изумившись этому приходу не въ обычный часъ. Дверь опять затворилась и при блѣдномъ свѣтѣ одинокой лампы онъ увидѣлъ фигуру, прислонившуюся, какъ-бы для поддержки, къ стѣнѣ. Фигура была закутана съ головы до ногъ въ длинный плащъ, который, вмѣстѣ съ широкою шляпой, покрытою перьями, скрывалъ даже черты посѣтителя.

Ріензи смотрѣлъ на него долго и пристально.

— Говорите, сказалъ онъ наконецъ, прикладывая руку ко лбу. Мнѣ кажется, долгое уединеніе сводитъ меня съ ума. Или же наше появленіе ослабляетъ меня. Я не знаю — могу ли я быть увѣренъ, при этомъ онъ медленно всталъ и волосы его поднялись дыбомъ — могу ли я быть увѣренъ, что предо мною стоитъ живой человекъ? Ангелы нѣкогда посѣщали темницы. Увы! никогда въ утѣшенія ангела не было большой надобности.

Незнакомецъ не отвѣчалъ, но заключенный видѣлъ, что грудь его тяжело подымалась подъ плащомъ; громкія всхлипыванья захватывали его голосъ; наконецъ, какъ бы сдѣлавъ напряженное усиліе, онъ бросился впередъ и упалъ къ ногамъ трибуна. Шляпа, длинный плащъ упали на полъ. Ріензи увидѣлъ лицо женщины, которая смотрѣла на него сквозь страстные и блистающія слезы; почувствовалъ руки женщины, которая обнимала его колѣни. Ріензи смотрѣлъ, безмолвенъ и неподвиженъ какъ камень.

— Святыя силы небесныя! прошепталъ онъ наконецъ, не испытанія ли посылаете вы мнѣ. Неужели это?.. Нѣтъ, нѣтъ — но горю.

— Возлюбленный, обожаемый! неужели ты не узнаешь меня?

— Это она! Это она! вскричалъ Ріензи порывисто. Это моя Нина, моя жена, моя. Голосъ оставилъ его. Сжавъ другъ друга въ объятіяхъ, несчастные на нѣсколько минутъ, казалось, потеряли даже чувство радости отъ свиданія. Это былъ безсознательный и глубокий восторгъ, сквозь который слабо и смутно проскальзываетъ что-то *подобное* сну.

Наконецъ, когда они пришли въ себя, когда первыя прорывистыя восклицанія, первыя бурныя ласки любви кончились, Нина подняла голову отъ груди мужа и грустно посмотрѣла ему въ лицо.

— О, что съ тобою было съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, съ того часа, когда, увлекаемый своимъ сердцемъ и прихотливою судьбою, ты оставилъ меня при императорскомъ дворѣ и отправился искать вѣнца, но напелъ оковы! О, зачѣмъ я послушалась твоихъ приказаній? зачѣмъ я позволила тебѣ уйти одному? Сколько разъ на твоёмъ пути, среди сомнѣнія и опасности, эта грудь могла бы быть твоимъ убѣжищемъ и этотъ голосъ могъ бы нашептывать утѣшенія твоей душѣ! Ты здоровъ, мой Кола, мой господинъ? Твой пульсъ бьется скорѣе, чѣмъ прежде, лобъ твой въ морщинахъ. Ахъ! скажи мнѣ, что ты здоровъ!

— Здоровъ! отвѣчалъ Ріензи машинально. Мнѣ кажется, да! Большой ужъ притупляетъ всякое чувство тѣлеснаго страданія.

Здоровъ—да! А ты—ты, по крайней мѣрѣ, не перемѣнилась, только красота твоя еще болѣе созрѣла. Слава лавроваго вѣнка еще не поблекла на головѣ твоей. Ты еще будешь—и вдругъ прервалъ фразу, Ріензи прибавилъ: Римъ, говори мнѣ о Римѣ! А ты, какъ ты явилась здѣсь? О! можетъ быть, моя участь рѣшена и въ своей милости они позволили мнѣ еще разъ тебя увидѣть, прежде чѣмъ плащъ ослѣпнѣтъ меня. Я помню, что эта милость оказывается преступникамъ. Когда я былъ господинъ жизни и смерти другихъ, то я тоже самому послѣднему преступнику не отказывалъ въ позволеніи проститься съ тѣмъ, кого онъ любилъ.

— Нѣтъ, Кола, нѣтъ! вскричала Нина, закрывъ его ротъ рукою. Я принесла тебѣ радостныя вѣсти. Завтра тебя выслушаютъ. Судъ исхода тайствованъ. Ты будешь оправданъ.

— А! продолжай.

— Тебя выслушаютъ и ты оправдаешься!

— И Римъ будетъ свободенъ! Великій Боже, благодарю тебя!

Трибунъ опустился на колѣни и никогда его сердце въ самую чистую, въ самую молодую минуту его жизни, не изливало болѣе пламенной и безкорыстной благодарности. Когда онъ всталъ, то казалось, совершенно измѣнился. Его взглядъ принялъ давнишнее выраженіе глубокой и спокойной повелительности. Величіе показалося на его челѣ. Печали изгнанника были забыты. Въ своихъ быстрыхъ и ясныхъ мысляхъ, онъ представлялъ себя опять хранителемъ своей родины и ея властелиномъ.

Нина смотрѣла на него съ тѣмъ внимательнымъ и преданнымъ обожаніемъ, которое расплавляло ея болѣе суетныя и жесткія качества въ любящую нѣжность самой кроткой женщины.

— Таковъ, думала она, былъ взглядъ Ріензи восемь лѣтъ тому назадъ, когда онъ оставилъ мою дѣвственную комнату, полный великихъ плановъ, которые освободили Римъ; таковъ былъ его взглядъ, когда, при свѣтѣ восходящаго солнца, онъ возвышался надъ пресмыкающимися баронами и дѣлалъ свой тронъ изъ колѣнопреклоненнаго населенія города!

— Да, Нина! сказалъ Ріензи, обернувшись и встрѣтивъ ея взглядъ. Душа моя говоритъ мнѣ, что часъ мой близокъ. Если меня будутъ судить открыто, то не посмѣютъ обвинить меня, если же оправдаютъ, то не посмѣютъ сдѣлать ничего, кромѣ моего возстановленія. Завтра, говоришь ты, завтра?

— Завтра, Ріензи; будь готовъ!

— Я готовъ, къ торжеству! Но скажи мнѣ, какой счастливый случай привелъ тебя въ Авиньонъ?

— Случай, Кола? сказала Нина съ нѣжнымъ упрекомъ. Моги и я, зная, что ты заключенъ въ папской тюрьмѣ, оставаться въ полной безопасности въ Прагѣ! Даже при императорскомъ дворѣ ты имѣешь приверженцевъ и покровителей. Я легко достала деньги, отправилась во Флоренцію, перемѣнила имя и пріѣхала сюда составлять планы и замыслы, чтобы добиться для тебя свободы или унестись съ тобой. Ахъ! развѣ твое сердце не сказало тебѣ, что днесь

ра флорентинцы избавили меня отъ хлопотъ осады, а сегодня (послѣ того уже какъ я вышелъ отъ васъ, только нѣсколько минутъ назадъ,) она отдастъ вашего новаго сенатора Рима въ мою власть.

— Какъ! ваши войска захватили Ріензи?

— Нѣтъ, еще лучше этого! трибунъ измѣнилъ намѣреніе и отпратился въ Перуджію, гдѣ теперь находятся мои братья. Онъ обратился къ нимъ, они снабдили его деньгами и солдатами въ количествѣ достаточномъ для того, чтобы не бояться опасностей пути и мечей бароновъ. Объ этомъ нишетъ мнѣ мой добрый братъ Аримбальдо, ученый человѣкъ, котораго трибунъ справедливо считаетъ увлеченнымъ древними рассказами о величіи Рима и большими надеждами на возвышеніе. Вы видите, что я поспѣшно выражаю свое удовольствіе по поводу этой сдѣлки. Мои братья сами будутъ провожать трибуна къ стѣнамъ капитолія.

— Все таки я не вижу какимъ образомъ это предастъ трибуна вашей власти.

— Не видите! Его солдаты — мои креатуры, его товарищи — мои братья, его кредиторъ — я самъ! Пусть онъ управляетъ Римомъ — скоро придетъ время, когда вице-правитель долженъ будетъ уступить.

— Вождю Волякой Компаніи, прервалъ Адріанъ съ содроганіемъ, котораго не замѣтилъ Монреаль, слишкомъ сильно и явно волнуемый собственными мыслями. Нѣтъ, рыцарь Прованса, мы малодушно подчинялись домашнимъ тиранамъ, но я увѣренъ, что никогда римляне не будутъ такъ низки, чтобы носить иго чужеземнаго узурпатора.

Монреаль пристально посмотрѣлъ на Адріана и сурово улыбнулся.

— Вы ошибаетесь во мнѣ, сказалъ онъ; и притомъ у васъ будетъ довольно времени разыграть роль Брута, когда я сдѣлаюсь цезаремъ. А покамѣстъ мы не болѣе какъ хозяинъ и гость. Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ.

Однакоже послѣдній разговоръ сдѣлалъ обоимъ холодными на все непродолжительное время, пока они еще были вмѣстѣ, и рыцари разстались съ церемонностью, которая плохо ладила съ ихъ дружескимъ изліяніемъ прошлой ночи. Монреаль чувствовалъ, что онъ неосторожно открылъ свою душу. Но осторожность была чужда его характеру, какъ скоро онъ находился во главѣ арміи и въ полномъ приливѣ счастья; и въ эту минуту онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхъ своихъ самыхъ причудливыхъ плановъ, что мало заботился о томъ не оскорбляетъ-ли или не тревожитъ-ли онъ кого нибудь своими словами.

Медленно, съ чужимъ дикимъ конвоемъ Адріанъ продолжалъ путь. Когда онъ, по крутому подъему, съ долины взобрался на гору, то поворотъ дороги открылъ ему всю армію на походѣ. Знамена развѣвались, латы блестѣли на солнцѣ, — линія за линіей, — подобно стальной рѣкѣ; вся равнина покрылась, точно щетиною, этимъ строемъ движущейся войны, между тѣмъ какъ по временамъ топотъ вооруженныхъ тысячъ былъ заглушаемъ веселою военною му-

зыкой. Адрианъ замѣтилъ наконецъ высокую фигуру Монреали на ворономъ конѣ; его можно было различить отъ другихъ даже на этомъ разстояніи сколько по великолѣпной бронѣ, столько и по высокому росту. Такъ ѣхалъ онъ, гордый своимъ военнымъ строемъ, въ цвѣтѣ надеждъ, онъ предводитель сильной арміи, ужасъ Италіи, герой въ настоящемъ и можетъ быть монархъ въ будущемъ!

Черезъ какихъ нибудь три мѣсяца шести футовъ земли было достаточно для помѣщенія всего этого величія.

КНИГА IX.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

*„Allora, la sera venuta fu a Roma saputa;
Romani si apparecchiarono a riceverlo con
letizia... furo fatti archi trionfi“, etc. Vita
di Cola di Rienzi, lib. II, c. 17.*

I.

Торжественный вѣздъ.

Весь Римъ былъ въ движеніи!—Отъ св. Анджело до капитула окна, балконы, кровли—были наполнены оживленными тысячами народа. Только тамъ и сямъ въ угрюмыхъ кварталахъ Колонны, Орсини и Савелли царствовали мертвая пустота и мрачное уныніе. Въ этихъ скорѣе укрѣпленіяхъ, чѣмъ улицахъ, не было слышно даже обычныхъ шаговъ иностраннаго часоваго. Запертыя ворота, окна закрытыя рѣшетками, угрюмое безмолвіе кругомъ,—свидѣтельствовали объ отсутствіи бароновъ. Они оставили городъ, какъ только навѣрно узнали о приближеніи Ріензи. Въ деревняхъ и замкахъ Кампаньи, окруженные наемными солдатами, они ожидали времени, когда народъ, наскучивъ своимъ идоломъ, благосклонно приметъ опять даже ихъ, свирѣпыхъ тирановъ.

За этими исключеніями весь Римъ волновался! Триумфальныя арки изъ сукна, вышитыя золотомъ и серебромъ, возвышались на каждой изъ главныхъ улицъ, были покрыты надписями пріята и радости. Въ частыхъ промежуткахъ стояли юноши и дѣвушки съ корзинами цвѣтовъ и лавровъ. Высоко надъ собравшимися толпами, на гордой башнѣ императора Адріана, на башенкахъ капитула, на шпицахъ церквей, развѣвались знамена, какъ бы по случаю побѣды. Римъ еще разъ открылъ свои объятія, чтобы привѣтствовать трибуна!

Замѣшавшись въ толпу, стоялъ Адрианъ Колонна. Среди всеобщаго смятенія его никто не замѣчалъ, потому что онъ былъ закутанъ

свой широкій плащъ, скрыть тѣсною, да и кромѣ того его была большая часть людей, знавшихъ его прежде. Онъ не былъ въ состояніи преодолѣть своей симпатіи къ брату Ирены. Одинокое предъ своихъ согражданъ, стоялъ онъ, единственный человѣкъ изъ всего гордаго дома Колонновъ, бывшій свидѣтелемъ торжества людина народа.

— Говорятъ, въ тюрьмѣ онъ сдѣлался плотнѣе, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ; онъ былъ довольно худощавъ когда на развѣстѣ вышелъ изъ сент-Анджело.

— Да, сказалъ другой маленькій человѣкъ съ хитрыми безпокойными глазами, это правда; я видѣлъ его, когда онъ прощался съ легатомъ.

Всѣ глаза обратились къ послѣднему изъ говорящихъ; онъ вдругъ сдѣлался значительнымъ лицомъ.

— Да, продолжалъ онъ съ подлиннымъ и надутымъ видомъ: Какъ только, — вотъ видите, — онъ убѣдилъ мессере Вреттоне и мессере Аримбальдо, братьевъ гра-Мореале, сопровождать его изъ Перуджинъ въ Монте Фіасконе, онъ тотчасъ же отправился къ легату д'Альберносу, который стоялъ на открытомъ воздухѣ и разговаривалъ съ своими военачальниками. Толпа слѣдовала за нимъ. Въ томъ числѣ былъ и я; и трибунъ кивнулъ мнѣ, да, кивнулъ! — И такъ, въ своей красной мантии и красной шапкѣ онъ сталъ предъ лицомъ гордаго кардинала еще съ большею гордостью. «Монсиньоръ», сказалъ онъ, хотя вы мнѣ не даете ни денегъ, ни войска, для безопасности въ пути и защиты противъ засады бароновъ, но я приготовился къ отъѣзду. Его святѣйшество сдѣлалъ меня сенаторомъ Рима: согласно обычаю, я прошу васъ, монсиньоръ, утвердить меня въ этомъ званіи! Желалъ бы я, чтобы вы видѣли, какъ гордый испанецъ выпучилъ глаза, покраснѣлъ и нахмурился; но онъ закусилъ губу и далъ очень короткій отвѣтъ.

— И утвердилъ Ріенци сенаторомъ?

— Да, и благословилъ его, простился съ нимъ.

— Сенаторомъ! воскликнулъ дюжій, но съдой великанъ со сложенными руками; мнѣ не нравится титулъ, который носили патриціи. Я боюсь, какъ бы въ своемъ новомъ званіи онъ не забылъ старого.

— Фи, Чекко-дель-Веккіо, ты всегда былъ ворчунъ! сказалъ продавецъ суконъ, на товаръ котораго былъ большой запросъ по случаю церемоніала. Фи! — А мнѣ кажется, что скорѣе титулъ трибуна можно назвать вновь выдуманнымъ, чѣмъ титулъ сенатора. Я надеюсь, что теперь, наконецъ, будетъ много праздниковъ. Въ Римѣ давно уже скука. Плохое время для торговли, — могу увѣрить!

Кузнецъ презрительно усмѣхнулся. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ различіе между среднимъ классомъ и рабочими и ненавидѣлъ купцовъ столько же, сколько и нобилей.

— День проходитъ, сказалъ маленькій человѣчекъ; онъ долженъ сейчасъ быть здѣсь. Жена сенатора и вся его свита два часа тому назадъ отправились къ нему навстрѣчу.

Едва сказаны были эти слова, какъ толпа съ правой стороны безпокойно заволновалась и въ слѣдъ за тѣмъ одинъ всадникъ быстро поѣхалъ по улицѣ.

— Дорогу! осадите назадъ! дорогу для знаменитѣйшаго римскаго сенатора!

Толпа затихла, потомъ зашумѣла, потомъ затихла опять. Въ зрители у оконъ и на балконахъ вытянули шеи. Вдали послышались топотъ коней, звукъ трубъ, — потомъ въ отдаленныхъ пѣзахъ улицы показались волнующіяся знамена; — затѣмъ блистающія копья, — и вся толпа какъ будто бы однимъ голосомъ закричала: «Ѣдетъ! Ѣдетъ!»

Адріанъ еще болѣе отодвинулся назадъ въ толпу; и прислонивъ къ стѣнѣ одного изъ домовъ, смотрѣлъ на приближающееся шествіе.

Впереди ѣхали, по шести въ рядъ, встрѣчавшіе сенатора римскіе всадники, съ масличными вѣтвями въ рукахъ; каждой сотнѣ ихъ предшествовали знамена съ надписью: свобода и миръ возстановлены. Когда они проѣзжали возлѣ Адріана, то каждый изъ болѣе популярныхъ гражданъ кавалькады былъ узнаваемъ и привѣтствовалъ громкими криками. По одеждѣ и вооруженію всадниковъ Адріанъ видѣлъ, что они принадлежали большею частію къ числу римскихъ купцовъ, людей, которые, какъ ему хорошо было извѣстно, если только они не пережѣнились какимъ нибудь чудомъ, цѣнили свободу единственно какъ коммерческую спекуляцію. Это плохая опора, подумалъ Колонна; — а что дальше? Зачѣмъ ѣхали въ блестящихъ броняхъ нѣмцы въ числѣ 250 человекъ, бывшіе прежде на жалованьи у Малатесты риминскаго и теперь нанятые на золото провансальскихъ братьевъ. Они были высокаго роста, суровы, спокойны, дисциплинированы и смотрѣли на толпу частію съ грубымъ любопытствомъ, частію съ наглымъ преврѣніемъ. Ни одинъ крикъ прѣбывающихъ не встрѣтилъ этихъ дюжихъ чужеземцевъ; было явно, что видъ ихъ обдавалъ холодомъ всю толпу.

— Стыдъ! проворчалъ Чекко-дель-Веккіо вслухъ. Развѣ дружина рода нужны мечи, охраняющіе какого нибудь Орсини или Малатесту? — стыдъ!

Ни одинъ голосъ на этотъ разъ не возразилъ недовольному великану.

— Единственная защита противъ бароновъ, которую можно назвать дѣйствительною, подумалъ Адріанъ, если онъ имъ будетъ дорого платить! Но ихъ число недостаточно!

Затѣмъ шли двѣ сотни пѣхотинцевъ, — бодрый народъ; ихъ веселые взгляды и непринужденная осанка, казалось, выражали сочувствіе къ толпѣ, и въ самомъ дѣлѣ они сочувствовали ей, такъ какъ они были тосканцы и потому любили свободу. Римляне съ своей стороны, казалось, тоже признавали въ нихъ естественныхъ и законныхъ союзниковъ, — и привѣтствовали ихъ всеобщимъ кликомъ: *Vivano i bravi Toscani!*

— Жалкая защита! подумалъ болѣе проникательный Колонна; бароны могутъ устроить, а чернь можетъ испортить ихъ.

Затѣмъ слѣдовалъ рядъ трубачей и знаменщиковъ. Громъ музыки исчезъ въ крикахъ, которые, казалось, поднялись вдругъ со всѣхъ частей города: Ріензи! Ріензи!—Да здравствуетъ! да здравствуетъ!—Свобода и Ріензи!—Ріензи и доброе государство! Цвѣты бились къ нему на дорогу; платки и знамена развѣвались изъ каждого дома, слезы нечувствительно текли по бородатымъ лицамъ; молодые и старики становились вмѣстѣ на колѣни, поднимая руки и призывая благословеніе на голову возстановленнаго правителя. И онъ шелъ впередъ, этотъ сенаторъ — трибунъ — фениксъ къ своему *посту!*

Одѣтый въ красную одежду, которая, буквально, была залита золотомъ, съ обнаженной головой и склоняясь къ лукъ сѣдла, Ріензи медленно проѣзжалъ сквозь толпу. На его лицѣ, въ этотъ часъ, не было видно признаковъ болѣзни и заботы: самое расширеніе размѣровъ его стана придавало величія его виду. Надежда блистала въ его глазахъ, торжество и власть видны были на его челѣ. Толпа не могла удержаться, всѣ тѣснились впередъ, напирая другъ на друга, и нетерпѣливо стараясь поймать его взглядъ, прикоснуться къ полѣ его мантии. Самъ Ріензи былъ глубоко тронутъ ихъ радостью. Онъ остановился; запинаясь и съ прерывающимися словами онъ обратился къ народу.

— Я вознагражденъ, сказалъ онъ, вознагражденъ за все; о, если бы я могъ сдѣлать васъ счастливыми!

Толпа разступилась опять; сенаторъ поѣхалъ далѣе — и она опять сомкнулась. Возбужденному воображенію этихъ людей казалось, что за трибуномъ слѣдовала настоящая богиня древняго Рима.

На конѣ, покрытомъ золотою парчой, въ бѣлой, какъ снѣга, одеждѣ, усаженной драгоценными камнями, ѣхала прекрасная царственная Нина. Ея гордость, ея тщеславіе, было забыто въ эту минуту, и ее приветствовали и боготворили почти столько же, какъ и ее мужа. Ея улыбка сіяла радостью, губы дрожали отъ гордаго волненія, и она, болѣе чѣмъ когда либо, казалась рожденною для любви и власти въ одно и тоже время. Это была Зенобія, идущая по улицамъ пышнаго Рима, — не плѣнница, а царица.

Но не къ этой великолѣпной фигурѣ прикованъ былъ взглядъ Адріана. Блѣдный, задыхающійся, дрожащій, онъ прильнулъ къ стѣнѣ. Не сонъ ли это? или умершая воскресла? Или это дѣйствительно его живая Ирена, которой нѣжная и меланхолическая красота грустно сіяла возлѣ Нины — звѣздой возлѣ мѣсяца? Великолѣпное зрѣлище исчезло изъ его глазъ, все сдѣлалось тускло и мрачно. На минуту онъ лишился чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, толпа спѣшила впередъ, смѣшавшись съ огромнымъ потокомъ, который слѣдовалъ за процессіей. Среди движущейся массы, онъ увидѣлъ граціозный образъ Ирены; сдвинувшіяся знамена процессіи опять скрыли ее отъ глазъ его. Кровь отлила у него отъ сердца и бросилась по всѣмъ жиламъ. Онъ былъ похожъ на человѣка, который

цѣлые годы былъ въ страшномъ безнамѣтствѣ и потомъ внезапно пробужденъ для небеснаго свѣта.

Одинъ человѣкъ изъ этой огромной толпы, нетрогавъ съ мѣста, остался съ Адрианомъ. Это былъ Чекко-дель-Веккио.

— Онъ не видѣлъ меня, прошепталъ кузнецъ про себя; старые друзья темеръ забыты. Хорошо! Чекко-дель-Веккио по прежнему ненавидитъ тирановъ, каково бы ни было ихъ имя и какъ бы долго они ни маскировались. Онъ не видѣлъ меня! О!

II.

МАСКАРАДЪ.

Читатель уже знаетъ, что произошло съ Ріензи въ промежутокъ между его оправданіемъ въ Авиньонѣ и возвращеніемъ въ Римъ. Когда впечатлѣніе, произведенное Нинною на болѣе нѣжную и лучшую часть натуры Альберноса изгладилось, то онъ, естественно, сталъ смотрѣть на своего гостя, какъ глубокіе политики того времени обыкновенно смотрѣли на людей, т. е. какъ на шашку большой шахматной доски, которую можно переставлять, передвигать, или отдавать на жертву, смотря по составленному плану игры. Когда возвращеніемъ папской территоріи, приведеніемъ Іоанна и Вико къ покорности, наконецъ паденіемъ и умерщвленіемъ Барочелли, цѣль кардинала была достигнута, то онъ сталъ считать очень неблагоприятнымъ возвращать Риму способнаго и честолюбиваго Ріензи, и притомъ съ такимъ высокимъ званіемъ. Предъ этимъ важнымъ римляниномъ даже его высокій умъ робѣлъ; и онъ былъ совершенно неспособенъ представить себѣ или разсчитать политику, какую вѣроятно приметъ новый сенаторъ, сдѣлавшійся опять господиномъ Рима. Поэтому онъ не думалъ его задерживать, отказался однакоже помочь возстановить его. И такимъ образомъ Ріензи увидѣлъ, что ему открытъ свободный путь въ Римъ, только у него не было ни одного солдата, для защиты его въ пути, противъ бароновъ. Но никакой человѣкъ, какъ бы ни былъ онъ даровитъ или могущественъ, не могъ одинъ долго противоудѣствовать судьбѣ Ріензи, или господствовать надъ ними; и, можетъ быть, ни въ какую болѣе блистательную минуту своей жизни, онъ не выказалъ такого искуснаго и тонкаго ума, какъ теперь, выпутываясь изъ коварныхъ интригъ кардинала. Отправившись въ Перуджію, онъ, какъ мы видѣли, досталъ чрезъ братьевъ Монреала людей и денегъ для своего возвращенія. Но рыцарь св. Іоанна очень ошибался, воображая, что Ріензи не знаетъ вполнѣ объ опасности и предательствѣ, свѣдавшихъ въ подкрѣпленіи, которое онъ получилъ. Зоркій глазъ сенатора съ перваго взгляда увидалъ цѣли и свойства братьевъ Монреала; онъ зналъ, что, подъ личиною услугъ, они намѣреваются управлять имъ; что, сдѣлавшись должникомъ жаднаго, предпріимчиваго и жскательнаго Монреала и окруженный солдатами, которыми начальствуютъ братья провансальца, онъ находится съ сѣтяхъ, которыя,

если мерзавцы ихъ, скоро запутають его судьбу и самую жизнь въ свои роковыя и смертельныя петли. Но полагаясь на изворотливость и быстроту собственного генія, онъ еще горячо надѣялся сдѣлать *своими* куклами людей, которые считали его своею куклою, и ставя на карту власть, онъ мало заботился о томъ, какихъ хитрыхъ противниковъ онъ былъ принужденъ вызвать на борьбу.

Однакоже, соединяя съ своими болѣе опрометчивыми и болѣе благородными качествами глубокое притворство, онъ, казалось, слѣпо довѣрялъ своимъ провансальскимъ товарищамъ; и при входѣ въ капитолій, послѣ триумфальной процессіи, его первымъ дѣломъ было наградить мессере Аримбалдо и мессере Вретоне Монреаля самыми высокими званіями изъ тѣхъ, которыя завистли отъ него.

Въ эту ночь въ залахъ капитолія происходило великое празднованіе; но для Ріензи дороже всего великолѣпія того дня были улыбки Нины. Съ гордостью и обожаніемъ устремивъ на него свои глаза, увлажненные сладостными слезами, она чувствовала только то, что они опять вмѣстѣ, и что эти блистательные часы ведутъ къ минутѣ, когда послѣ безотрадной и мрачной разлуки они опять могутъ быть наединѣ другъ съ другомъ.

Совсѣмъ другія были мысли Адріана Колонны, когда онъ сидѣлъ одинъ въ скучномъ дворцѣ еще болѣе скучнаго квартала своей фамиліи. Итакъ Ирена жива; онъ, вѣроятно, какимъ нибудь страннымъ образомъ ошибся; она избѣгла губительной чумы и въ грустномъ выраженіи ея блѣднаго нѣжнаго лица, даже въ этотъ торжественный день, было нѣчто, говорившее ему, что она о немъ вспоминаетъ. Но когда умъ Адріана постепенно успокоился отъ своего переезда дикаго и бурнаго восторга, то онъ невольно задалъ себѣ вопросъ: не предстоитъ ли имъ опять разлука? Молодой Стефанелло Колонна, внукъ стараго Стефана и (вълѣдствіе смерти отца и брата) глава этого могущественнаго дома, уже поднялъ свое знамя противъ сенатора. Укрѣпясь почти въ неприступномъ замкѣ Палестрины, онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ наемниковъ своей фамиліи и его незаконные солдаты повсюду опустошали теперь сосѣднія равнины.

Адріанъ предвидѣлъ, что чрезъ нѣсколько дней Колонна и сенаторъ вступятъ въ открытую войну между собою. Можетъ ли онъ дѣйствовать противъ людей, принадлежащихъ къ его фамиліи? Самая любовь его къ Иренѣ лишитъ подобной поступокъ всякаго вида безкорыстнаго патриотизма, и еще сильнѣе и неизгладимѣе запятнаетъ его рыцарскую славу тамъ, гдѣ симпатія его равныхъ будетъ въ пользу Колонновъ. Съ другой стороны, не только вълѣдствіе любви своей къ сестрѣ сенатора, но и по собственнымъ тайнымъ наклонностямъ и честнымъ убѣжденіямъ, онъ былъ расположенъ въ пользу человека, который, повидимому, одинъ желалъ и могъ уничтожить безпорядки своего павшаго города. По долгомъ размысленіи онъ не видѣлъ для себя другаго выбора, кромѣ того же самаго тѣлостнаго нейтралитета, на который онъ былъ осужденъ прежде. Но онъ рѣшился по крайней мѣрѣ, пользуясь своимъ происхожденіемъ и репутацію, сдѣлать попытку къ примиренію враждующихъ

сторонѣ. Онъ видѣлъ, что для достиженія этой цѣли ему слѣдуетъ начать съ своего гордаго родственника. Онъ очень хорошо зналъ, что если прежде переговоровъ съ Стефанелло повидается съ Ріензи, то его можно будетъ подозрѣвать, что онъ явился съ предложеніемъ отъ сенатора; тогда, хотя бы Стефанелло и готовъ былъ уступить убоженіямъ, наглые и свирѣпые бароны его окружающіе не удостоятъ выслушать посла отъ правителя, избраннаго народомъ; и вѣсто того, чтобы чтить его какъ посредника, они будутъ видѣть въ немъ измѣну. Поэтому онъ рѣшился на другой день отправиться въ Палестрину; но нѣтъ ли, (и сердце его громко забилося) возможности прежде имѣть свиданіе съ Иреною? Это было не легко при окружавшей ее обстановкѣ, но онъ рѣшился сдѣлать попытку. Онъ назвалъ Джуліо.

— У сенатора собраніе сегодня вечеромъ. Какъ ты думаешь—много тамъ будетъ народа?

— Я слышалъ, отвѣчалъ Джуліо, что послѣ обѣда, который дается сегодня для пословъ и синьоровъ, *послѣдуетъ* завтра маскарадъ для людей всякихъ званій. Пер Вассо! если бы трибунъ пригласилъ только нобилей, то самой малой комнатки въ капитоліи было бы достаточно для приѣма его масокъ. Я полагаю, что маскарадъ назначенъ для того, чтобы скрыть званіе посѣтителей.

Адріанъ подумалъ съ минуту, и результатомъ его размышленія была рѣшимость—воспользоваться случаемъ побывать въ маскарадѣ.

Этотъ видъ увеселенія, хотя и необыкновенный въ то время года, Ріензи выбралъ, казалось, (что отчасти было несправедливо) потому, что оно представляло наибольшія удобства для приѣма всей многочисленной и пестрой толпы его приверженцевъ. Тайная же и вмѣстѣ главная цѣль Ріензи состояла въ томъ, что маскарадъ давалъ ему самому и его друзьямъ случай незамѣтно смѣшаться съ толпой и узнать настоящее мнѣніе римлянъ объ его политикѣ и силѣ, лучше чѣмъ сколько можно заключить о немъ по публичному выраженію энтузіазма во время торжественнаго вѣзда. Такое рѣшеніе отсрочило до другаго дня путешествіе Адріана въ Палестрину.

Слѣдующая ночь была удивительно свѣтла и ясна. Для удобства многочисленныхъ гостей и по случаю теплаго и освѣщеннаго луновымъ воздухомъ не только парадныя комнаты внутри, но и открытый дворъ капитолія съ площадью былъ назначенъ для праздника.

Когда Адріанъ, вмѣстѣ съ потокомъ толпы, вошелъ на этотъ дворъ, то среди горячаго нетерпѣнія нѣкоторыхъ замаскированныхъ, болѣе пылкихъ чѣмъ остальные, маска его была сдвинута. Онъ поспѣшно ее поправилъ, но одинъ изъ гостей успѣлъ уже узнать его физиономію.

Изъ вѣжливости Ріензи и его семейство оставались сперва безъ масокъ. Они стояли во главѣ лѣстницы, которой древній египетскій левъ далъ свое имя. Свѣтильники сіяли надъ этимъ колоссальнымъ монументомъ, который, будучи взятъ изъ своего древняго дома, въ своемъ угрюмомъ покоѣ, присутствовалъ при рожденіи и смерти безчисленныхъ генерацій и былъ свидѣтелемъ мрачныхъ и бурныхъ

переворотовъ мстительной судьбы. Дурнымъ предзнаменованіемъ, было то, что на мѣстѣ, гдѣ теперь трибунъ задавалъ великолѣпный раздѣликъ, совершались также торжественныя казни. Но въ эту минуту, когда группа за группою напирала впередъ, чтобы поймать лыбку или слово знаменитаго человѣка, судьба котораго была темъ для толковъ во всей Европѣ, или преклониться предъ блистательною красотою Нины, никакое предзнаменованіе или предостереженіе не помрачало всеобщаго веселія.

За Ниною стояла Ирена, очень довольная тѣмъ, что можетъ уклониться отъ взглядовъ толпы и что ея красота, болѣе нѣжная, порочена ослѣпительною и роскошною красотою жены ея брата. На ее одну Адріанъ устремилъ свои глаза. Годы, пролетая надъ прекраснымъ челомъ этой дѣвушки, которое въ шестнадцать лѣтъ было явлено и дрожало подъ первымъ дыханіемъ любви, когда молодость была въ каждой жилѣ, страсть и дѣтская нѣжность въ каждой мысли,—не испортили, но измѣнили характеръ красоты Ирены. Въ ея лица уже не мѣнялся съ каждою минутою, станъ, окружившійся до пропорцій римской красоты, принялъ видъ тихаго и величаваго спокойствія. Она уже не блуждала безпокойнымъ глаголомъ лица какого-то воображаемаго предмета, губы ея не вывались при какой нибудь безотчетной надеждѣ, или какомъ нибудь полусознательномъ воспоминаніи. Серьезное и печальное выраженіе дали ея милому лицу важность не по лѣтамъ. Пылкость града исчезла, но ни время, ни горе, ни разстроенная любовь не гнали у ея фізіономіи рѣдкой ангельской красоты, ни той невызывимой дѣвственной скромности вида и осанки, которая, находясь въ контрастѣ съ болѣе смѣлымъ выраженіемъ лица итальянскихъ красавицъ, преимущественно заставляла Адріана отличать предметъ своего обожанія отъ всѣхъ другихъ женщинъ. И устремивъ свои взгляды на эти темныя, глубокіе глаза, которые выражали, что мысли ея теперь далеко отъ всего окружающаго и заняты прошедшимъ, Адріанъ болѣе и болѣе чувствовалъ, что онъ не забудетъ! Года близъ нея, но давая толпѣ проходить впереди, онъ не замѣтилъ, что привлекъ на себя орлиный взоръ сенатора.

Въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ маскированныхъ, проходя возлѣ Ріены, шепнулъ ему:

— Берегитесь, между масками находится Колонна! Подъ плащомъ часто скрывался кинжалъ убійцы. Вонъ тамъ стоитъ вашъ рабъ—замѣйте его!

Эти слова были первымъ рѣдкимъ и чувствительнымъ предостереженіемъ противъ опасностей, окружавшихъ сенатора-трибуна, которое онъ получилъ послѣ своего возвращенія. Онъ слегка измѣнился въ лицѣ; и на нѣсколько минутъ вѣжливая улыбка и бѣглыя рывѣтствія, которыми онъ радовалъ каждаго гостя, смѣнились угрюмою разсѣянностью.

— Зачѣмъ этотъ странный человѣкъ стоитъ такъ безмолвно и неподвижно? прошепталъ онъ Нинѣ. Онъ ни съ кѣмъ не говоритъ и не подходитъ къ намъ—грубиянъ! За нимъ надо наблюдать.

— Должно быть какойнибудь нѣмецкій или англійскій варваръ, отвѣчала Нина. Не позволяйте, монсеньоръ такому ничтожному облаку потемнѣть ваше веселіе.

— Ты права, моя дорогая; у насъ здѣсь есть друзья, мы хорошо защищены. И, клянусь прахомъ отца моего! я чувствую, что долженъ привыкать къ опасности. Нина, пойдемъ; кажется, мы теперь можемъ смѣшаться съ масками, замаскировавшись сами.

Музыка заиграла громко и весело, когда сенаторъ и его свита смѣшались съ толпой. Но его глаза все еще обращались къ сѣрому домию Адріана и онъ замѣтилъ, что это домию слѣдовало за нимъ. Приблизившись къ особому входу въ капитолій, онъ на нѣсколько минутъ потерялъ изъ виду своего непріятнаго преслѣдователя: но войдя и вдругъ обернувшись, Ріензи увидѣлъ его опять близко возлѣ себя; въ слѣдующій за тѣмъ моментъ незнакомецъ исчезъ въ толпѣ. Но этого момента, было довольно для Адріана—онъ дошелъ до Ирены:

— Адріанъ Колонна, прошепталъ онъ, ожидаетъ тебя возлѣ льва.

Занятый собственными мыслями, Ріензи, къ счастью, не замѣтилъ внезапной блѣдности и волненія своей сестры. Войдя во дворецъ, онъ велѣлъ подать вина, глотокъ нѣсколько развеселилъ его, онъ съ улыбкою слушалъ сверкающія остроуміемъ замѣчанія Нины; и, надѣвъ маску и домию, сказалъ съ своею обычною веселостью:

— Странно, что истина на празднествахъ говоритъ только изъ-за маски! Милая сестра, ты потеряла свою прежнюю улыбку, но по моему это лучше, нежели... Что это? Ирены нѣтъ!

— Я думаю, она пошла только затѣмъ, чтобы перемѣнить мѣсто и смѣшаться съ гостями, отвѣчала Нина. Пусть моя улыбка вознаградитъ за ея отсутствіе.

Ріензи поцѣловалъ свою жену въ лобъ, когда та нѣжно прильнула къ его груди.

— Твоя улыбка—солнечный свѣтъ, сказалъ онъ, но эта дѣвушка меня беспокоитъ. Кажется, теперь, по крайней мѣрѣ, она могла бы смотрѣть повеселѣе.

— Развѣ подъ пасмурнымъ видомъ моей прекрасной сестры не скрывается нѣсколько любви? отвѣчала Нина. Развѣ ты не помнишь, какъ она любила Адріана Колонну?

— Развѣ у ней еще не прошла эта фантазія? возразилъ Ріензи задумчиво. А она достойна быть невѣстой какогонибудь монарха.

— Однако же этотъ союзъ лучше, нежели союзъ съ монархами, упрочилъ бы твою силу въ Римѣ!

— Да, еслибы онъ былъ возможенъ; но—это надменное племя!—Можетъ быть этотъ замаскированный, который шелъ за нами по пятамъ, былъ Адріанъ. Я посмотрю. Выйдемъ, Нина. Хорошо я закрылся плащомъ?

— Превосходно. А я?

— Ты похожа на солнце за облакомъ.

— Только не будемъ тамъ долго оставаться, — какой часъ былъ

может сравниться съ тѣмъ, когда твоя рука лежитъ въ моей, когда голова твоя склоняется ко мнѣ на грудь, и мы забываемъ не только перенесенныя нами печали, но и триумфы, въ которыхъ мы участвовали?

Между тѣмъ Ирена, взволнованная и смущенная, уже переодѣлась, надѣла маску и пробиралась сквозь толпу къ лѣстницѣ льва. Съ уходомъ сенатора это мѣсто опустѣло. Музыка и танцы привлекли гостей къ другой части обширной площади. Подходя къ назначенному мѣсту, Ирена увидѣла около статуи, озаренной луннымъ свѣтомъ, одинокую фигуру, прислонившуюся къ пьедесталу. Она остановилась, фигура приблизилась и она снова услышала голосъ Адриана.

— О, Ирена! я узналъ тебя даже подъ этою одеждой, сказалъ Адрианъ, схватывая ея дрожащую руку; неужели я опять смотрю на этотъ станъ и прикасаюсь къ этой рукѣ? Развѣ я не видѣлъ тебя мертвою въ страшномъ подвалѣ, о которомъ я не могу вспомнить безъ трепета? Но какимъ чудомъ ты воскресла? Какимъ образомъ небо сохранило для земли ту, которую, казалось, приняло уже въ число своихъ ангеловъ?

— Ты въ самомъ дѣлѣ такъ думалъ? сказала Ирена прерывающимъ голосомъ, въ которомъ однако же слышался тонъ краснорѣчивой радости. Такъ ты оставилъ меня противъ своего желанія? Какъ я была несправедлива! я оскорбляла твою благородную натуру и думала, что паденіе моего брата, мое скромное происхожденіе, твоя блестящая судьба заставили тебя отказаться отъ Ирены.

— Въ самомъ дѣлѣ ты была несправедлива, отвѣчалъ Адрианъ. Но я увѣренъ, что видѣлъ тебя въ числѣ мертвыхъ!—твой плащъ съ серебряными звѣздами—кто кромѣ тебя носилъ гербъ римскаго трибуна?

— Такъ неужели этотъ плащъ, который, упавъ на улицѣ, вѣроятно былъ взятъ какою нибудь болѣе несчастною жертвою,—неужели только *этотъ плащъ* такъ скоро привелъ тебя въ отчаяніе? Ахъ, Адрианъ, продолжала Ирена съ нѣжнымъ упрекомъ; я не отчаявалась даже тогда, когда ты безъ всякихъ признаковъ жизни лежалъ на постели, отъ которой я не отходила три дня и три ночи!

— Какъ! значитъ мое видѣніе не обмануло меня! Такъ это ты сидѣла у моей постели въ этотъ ужасный часъ, такъ это твоя любовь охраняла и твоя заботливость спасла меня! Ахъ я презрѣнный человѣкъ!

— Итъ, отвѣчала Ирена, твоя мысль была естественна. Небо, казалось, одарило меня не человѣческою силою, когда я была необходима для тебя. Но суди о моемъ горѣ. Я оставила тебя, чтобы сходить къ доброму монаху, который тебя лечилъ; возвращаюсь—тебя нѣтъ. Въ ужасѣ и отчаяніи я искала тебя напрасно въ опустѣвшемъ городѣ. Я была крѣпка, когда надежда поддерживала меня, и лишилась силъ отъ страха. И братъ нашелъ меня лежащую безъ чувствъ на землѣ, возлѣ церкви св. Марка.

— Церковь св. Марка!—такъ предсказалъ ему сонъ!

— Онъ сказалъ мнѣ, что видѣлся съ тобой; мы искали тебя напрасно, наконецъ узнали, что ты оставилъ городъ, и—и—я радовалась, Адріанъ, но мнѣстѣ роптала!

На нѣсколько минутъ молодые любовники предались радости свиданія, между тѣмъ какъ новыя объясненія вызывали новыя восторги.

— А теперь, прошептала Ирена, теперь, когда мы встрѣтились... она остановилась; маска скрыла вспыхнувшую, на ея щекахъ краску.

— Теперь, когда мы встрѣтились, прервалъ Адріанъ, мы уже не разстанемся.. Ты это хочешь сказать? Вѣрь мнѣ, что именно эта надежда оживляетъ мое сердце. Я отложилъ свою поѣздку въ Палестрину только для того, чтобы насладиться этими короткими свѣтлыми минутами съ тобою. Еслибы я могъ надѣяться склонить моего молодого кузена къ дружбѣ съ твоимъ братомъ, то никакая преграда не помѣшала бы нашему союзу. Охотно я забываю прошлое—смерть моихъ несчастныхъ родственниковъ (правда, они были жертвами собственныхъ ошибокъ); и, можетъ быть, изъ всей толпы, которая привѣтствовала возвращеніе Ріензи, никто не цѣнилъ великихъ и возвышенныхъ качествъ его болѣе, чѣмъ Адріанъ Колонна.

— Если такъ, сказала Ирена, то стану надѣяться на самое лучшее; а покажѣсть довольно утѣшенія и счастья уже въ увѣренности, что мы любимъ другъ друга по прежнему. Ахъ, Адріанъ, я ужасно перемѣнилась; и часто я считала совершенно невозможнымъ, чтобы ты, увидѣвъ меня, опять могъ еще любить меня.

— Ты прекраснѣе и милѣе, чѣмъ когда либо, отвѣчалъ Адріанъ. страстно; и время, которое унесло цвѣтъ твоей юности, научило меня только больше цѣнить тебя. Прощай, Ирена, я дольше не остаюсь здѣсь; надѣюсь, ты скоро услышишь о моихъ успѣхахъ въ переговорахъ съ моею фамиліей, и можетъ быть прежде конца этой недѣли, я возвращусь открыто просить твоей руки.

Любовники разстались; Адріанъ еще помедлилъ, а Ирена посѣщала въ свою комнату, чтобы скрыть свой восторгъ и свое волненіе.

Когда она исчезла, и молодой Колонна медленно повернулся, чтобы уйти, къ нему вдругъ подошелъ высокій человекъ въ маскѣ.

— Ты Колонна, сказалъ онъ, и ты во власти сенатора. Ты дрожишь?

— Если я Колонна, отвѣчалъ Адріанъ холодно, такъ ты долженъ знать, что я никогда не дрожу.

Незнакомецъ громко засмѣялся, и поднялъ свою маску: Адріанъ увидѣлъ предъ собою самого сенатора.

— Синьоръ Адріанъ-ди-Кастелло, сказалъ Ріензи, снова принимая на себя всю свою важность, какъ другъ или какъ врагъ мы почтили нашъ балъ своимъ посѣщеніемъ?

— Сенаторъ Римскій, отвѣчалъ Адріанъ, съ такою же величавостью, я никогда не пользуюсь ничѣмъ гостепріимствомъ иначе.

какъ въ качествѣ друга. По крайней мѣрѣ я надѣюсь, что меня никогда нельзя будетъ справедливо считать вашимъ врагомъ

— Я хотѣлъ бы, сказалъ Ріензи, чтобы эти, въ высшей степени лестныя, слова мнѣ было можно отнести безусловно къ себѣ самому. Вы имѣете ко мнѣ эти дружескія чувства какъ къ правителю римскаго народа, или же какъ къ брату женщины, которая слухала слова вашей любви?

Адрианъ, который, какъ только сенаторъ снялъ маску, послѣдовалъ его примѣру, почувствовалъ, что при этихъ словахъ глаза его не могли выдержать взглядовъ Ріензи. Однако же онъ оправился съ свойственною итальянцамъ быстротою и лаконически отвѣчалъ:

— Какъ къ тому и другому.

— Къ тому и другому! повторилъ Ріензи. Въ такомъ случаѣ, благородный Адрианъ, вы здѣсь пріятный гость. Однако же мнѣ кажется, что если, по вашему мнѣнію, нѣтъ причины къ враждѣ между нами, то вы могли бы ухаживать за сестрою Колы-ди-Ріензи, способомъ болѣе достойнымъ вашего происхожденія, и,—позвольте мнѣ прибавить,—сана, которымъ облекли меня Богъ и моя родина. Вы не должны осмѣливаться, молодой человѣкъ, замѣшлять безчестіе для сестры римскаго сенатора. Какъ ни высоко ваше происхожденіе, она вамъ равна.

— Я не болѣе какъ рыцарь императора, но будь я даже самимъ императоромъ,—ваша сестра была бы мнѣ равною, отвѣчалъ Адрианъ съ жаромъ. Ріензи, я жалѣю, что вы меня уже успѣли открыть. Я надѣялся, въ качествѣ посредника между баронами и вами, приобрести сперва вашу довѣренность, а потомъ потребовать своей награды. Знайте, что завтра, чуть свѣтъ, я отправляюсь въ Палестину, для примиренія моего молодаго кузена съ выборомъ народа и первосвященника. Разныя причины, о которыхъ мнѣ нѣтъ надобности распространяться, заставляли меня желать предпринять эту поездку безъ предварительнаго свиданія съ вами. Но такъ какъ мы уже встрѣтились, то скажите мнѣ ваши условія примиренія и я ручаюсь правою рукою не нобилъ римскаго (увы! подобному ручательству уже не вѣрятъ: *princeps fides* оставила его)—а рукою рыцаря императорскаго двора,—что я не обману вашего довѣрія.

Ріензи, привыкшій читать въ людскихъ чертахъ, внимательно смотрѣлъ на Адриана, когда тотъ говорилъ. Когда же Колонна кончила, онъ пожалъ протянутую къ нему руку, и сказалъ съ тою фамилярною и привлекательною ласковостью, которая иногда была такъ свойственна его манерѣ:

— Я вѣрю вамъ отъ души, Адрианъ. Вы были моимъ давнишнимъ другомъ въ болѣе спокойные и, можетъ быть, болѣе счастливые годы. Никогда въ рѣкѣ не отражались звѣзды съ большею ясностью, чѣмъ въ вашемъ сердцѣ тогда отражалась истина. Я вѣрю вамъ!

Говоря это, онъ машинально отвелъ Колонну обратно къ статуѣ льва; помолчавъ тамъ, онъ продолжалъ:

— Знайте, что въ это утро я отправилъ своего посла къ вашему кузену Стефанелло. Со всею приличною вѣжливостью я уведомилъ

его о моемъ возвращеніи въ Римъ и приглашалъ сюда его почтенную особу. Забывая всѣ прежнія несогласія и свое прежнее изгнаніе, я увѣрялъ его въ томъ, что онъ здѣсь будетъ пользоваться положеніемъ и саномъ, приличными главѣ дома Колонны. Все, что я требую въ замѣнъ — есть повиновеніе закону. Годы и несчастія смирили гордость моихъ болѣе молодыхъ лѣтъ, и хотя во мнѣ, быть можетъ, сохранилась строгость судьи, но никто съ этихъ поръ не будетъ жаловаться на дерзость трибуна.

— Я желалъ бы, отвѣчалъ Адріанъ, чтобы ваше посольство къ Стефанелло было отложено на-день; мнѣ очень хотѣлось бы предупредить его. Однако же вы усиливаете во мнѣ желаніе отправиться: если удастся мнѣ достигнуть почетнаго примиренія, то я открыто буду свататься къ вашей сестрѣ.

— И никогда Колонна, возразилъ Ріензи съ гордостью, не вводилъ въ свою фамилію дѣвушку, союзъ съ которою болѣе бы удовлетворялъ честолюбію. Я вижу, какъ всегда влдѣлъ, въ моихъ планатахъ и судьбѣ карту римской имперіи!

— Не будь слишкомъ пылокъ, храбрый Ріензи, возразилъ Адріанъ; вспомни, на какое множество предпринчивыхъ головъ эта безмолвная каменная статуя смотрѣла съ своего пьедестала, на какое множество плановъ изъ песка и составителей ихъ — изъ праха! У тебя въ настоящее время довольно работы, которая потребуетъ всей твоей энергіи, — работы, клонящейся не къ расширенію твоей власти, но къ сохраненію себя самаго. Повѣрь мнѣ, никогда величіе чело-вѣка не стояло на краю такой дикой и мрачной бездны!

— Ты честенъ, сказалъ сенаторъ, это первыя слова сомнѣнія и вмѣстѣ симпатіи, которыя я слышалъ въ Римѣ. Но народъ любитъ меня; первосвященникъ одобряетъ, бароны бѣжали изъ Рима, и мечи сѣверныхъ воиновъ охраняютъ дороги къ капитолію. Но они ничего не значатъ. Я имѣю коньё и щитъ въ своей собственной чести. О, никогда, продолжалъ Ріензи, воспламеняясь энтузіазмомъ, никогда, со временъ древней римской республики, римлянинъ не мечталъ о болѣе чистыхъ и свѣтлыхъ стремленіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя одушевляють и поддерживаютъ меня теперь. Эти стремленія — возвращенный миръ, установленный законъ, искусства, науки, умъ, озаряющіе тьму невѣдѣнія; патриціи, переставшіе быть хищными бандитами и сдѣлавшіеся охранителями порядка, облагороженіе черни въ народъ, который будетъ на столько храбръ, чтобы защищать себя, и на столько просвѣщенъ, чтобы управлять самимъ собою. Тогда Римъ будетъ требовать повиновенія отъ своихъ дѣтей не насиліемъ оружія, а величіемъ своей нравственной власти. Съ такими мечтами и надеждами могу ли я дрожать и предаваться унынію? Нѣтъ, Адріанъ Колонна, какъ въ счастіи, такъ и въ бѣдствіи, я не уклонюсь отъ случайностей моей судьбы и не буду страшиться ихъ!

Манера и тонъ сенатора такъ возвысили его языкъ, что Адріанъ былъ очарованъ и покоренъ. Онъ поцѣловалъ руку Ріензи и сказалъ съ жаромъ:

— Раздѣлять эту судьбу я буду считать моею гордостью, облегчить это попроще, будетъ моею славою! И когда я успѣю въ моемъ настоящемъ дѣлѣ?

— Тогда вы—мой братъ! сказалъ Ріензи.

— А если мнѣ не удастся?

— Вы все таки можете требовать этого союза. Вы молчите, вы вылетаете въ лица.

— Могу ли я оставить мою фамилію?

— Молодой синьоръ, сказалъ Ріензи гордо, скажите лучше, можете ли вы оставить свое отечество! Если вы сомнѣваетесь въ моей истинности, если вы боитесь моего честолюбія, то оставьте ваше названіе, не лишайте меня одного врага. Но если вы вѣрите, что я имѣю желаніе и силу служить государству, если вы признаете даже въ превратностяхъ и бѣдствіяхъ, которыя я испыталъ и преодолѣлъ, кровавительствующую руку спасителя народовъ, если эти превратности были только милостями Того, кто наказывалъ наказаніями, можетъ быть, необходимыми для того, чтобы смирить мою прежнюю эрзскую отвагу и изощрить мой умъ, если, однимъ словомъ, вы признаете меня человѣкомъ, котораго, каковы бы ни были его недостатки, Богъ сохранилъ ради Рима, то забудьте, что вы — Колонна помните только, что вы римлянинъ.

— Вы побѣдили меня, странный и непреодолимый человѣкъ, сказалъ Адріанъ тихимъ голосомъ, вполнѣ отдаваясь увлеченію. И какъ мы ни поступали мои родственники, я принадлежу вамъ и Риму.

III.

Приключеніе Адріана въ Палестрину.

Быль еще полдень, когда Адріанъ увидѣлъ предъ собою высокія горы, прикрывающія Палестрину, Praeneste древняго міра. Еще до существованія Ромула въ самые ранніе вѣка таинственной цивилизаціи, которая предшествовала основанію Рима, можно видѣть слѣды существованія и силы этого скалистаго города. Власть его признавали восемь городовъ; его положеніе и твердость его стѣнъ, въ развалинахъ которыхъ можно еще замѣтить каменную работу древнихъ пелазговъ, долгое время дѣлали его бесплатнымъ отъ честолюбія его сосѣда — Рима. На этой самой крѣпости, каменной коронѣ * горы развѣвалось знамя Марія, а на дорогѣ, по которой молочно ѣхалъ небольшой отрядъ Адріана, эхо повторяло маршъ кроваваго Силлы, во время его возвращенія съ войны противъ Митридата. Внизу, гдѣ городъ спускался къ равнинѣ, были еще видны разрушенныя и непокрытыя колонны нѣкогда знаменитаго храма Счастія; и выросшія съ незапамятныхъ временъ масличныя деревья пасмурно и печально группировались вокругъ его развалинъ.

* Отсюда, вѣроятно происходитъ ея греческое имя — Стефано. Палестрина до сихъ поръ служитъ однимъ изъ многихъ доказательствъ древней римской цивилизаціи въ нѣдрахъ соседнихъ Риму.

Римскіе бароны не могли бы выбрать болѣе страшной крѣпости: и Адріанъ, взглянувъ своимъ военнымъ глазомъ на крутой подъемъ и на суровыя стѣны, почувствовалъ, что при обыкновенномъ утиши. она могла бы цѣлые мѣсяцы защищаться противъ всей силы римскаго сенатора. Внизу, на плодоносной долигѣ, разрушенныя ижжы и потоптанныя жатвы свидѣтельствовали о насиліяхъ и грабежахъ мятежныхъ бароновъ; и въ эту самую минуту видны были на древней равнинѣ воинственныхъ Герниковъ толпы вооруженныхъ людей, которые гнали предъ собою стада рогатаго скота, добытаго беззаконными набѣгами. При видѣ этого Praeneste, которое было любимымъ убѣжищемъ роскошныхъ властелиновъ Рима въ самое просвѣщенное время его, казалось, что желѣзныи вѣкъ былъ возстановленъ.

Знамя Колонны, сопровождавшее отрядъ Адріана, доставило ему немедленный пропускъ въ Порта дель-Солле. Когда онъ проѣзжалъ по узкимъ и неправильнымъ улицамъ, которыя подымались къ цитадели, группы чужеземныхъ наемниковъ и полу-оборванныхъ развратныхъ женщинъ, перемѣшанныя по мѣстамъ съ ливреями Колонны, праздно стояли среди развалинъ древнихъ дворцовъ и храмовъ, или лѣниво наслаждались солнечными лучами, на террасахъ. Тамъ среди плевелъ и травы сіяли негибнущіе цвѣта богатыхъ мозаикъ, составлявшихъ гордость просвѣщеннаго и изящнаго дворянства, которому наследовали теперь дикіе разбойники.

Контрастъ между прошедшимъ и настоящимъ сильно бросался въ глаза Адріану на его пути; и не смотря на свое происхожденіе, онъ чувствовалъ, что какъ будто бы сама цивилизація приняла, противъ его фамиліи, сторону Ріензи.

Оставивъ свою свиту на дворѣ цитадели, Адріанъ потребовалъ доступа къ своему кузену. Уѣзжая изъ Рима, онъ оставилъ Стефанелло ребенкомъ, и потому они были почти незнакомы другъ съ другомъ, не смотря на свое родство.

До слуха его доносились взрывы хохота, когда онъ шелъ за нимъ изъ дворянъ свиты Стефанелло по извилистому проходу, который велъ къ главной комнатѣ. Дверь была отворена и Адріанъ очутился въ неуклюжей залѣ, представлявшей видъ какой-то скороспѣлой пышности и притязанія на комфортъ. Дорогіе обоя пола покрывали каменные стѣны, богатая мебель и столы съ украшениями, появившіяся уже во дворцахъ итальянскихъ нобилей вследствие возрастающей цивилизаціи сѣверной Италіи, находились въ странномъ контрастѣ съ грубымъ поломъ, заваленнымъ кучами оружія, небрежно сложеннаго вокругъ. Въ дальнемъ концѣ комнаты, Адріанъ съ содроганіемъ замѣтилъ орудія пытки, расположенныя въ надлежащемъ и строгомъ порядкѣ.

Стефанелло Колонна и два другіе барона, безопасно прислонясь къ спинкѣ стульевъ, сидѣли вокругъ стола въ углубленіи окна, изъ котораго былъ виднѣнъ тотъ самый ландшафтъ, оканчивающійся темными башнями Рима, которымъ нѣкогда любовались Анибалъ и Пирръ съ этой самой крѣпости.

и ночью глаза твоей вѣрной Нины были устремлены на эту мрачную башню; что однажды другъ, какъ онъ ни ничтоженъ, никогда не оставитъ тебя!

— Добрая Нина! но, но, въ Авиньонѣ сила не уступаетъ красоте безъ награды. Вспомни, есть смерть худшая, нежели прекращеніе жизни.

Нина поблѣднѣла.

— Не бойся, сказала она тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ не бойся: люди не будутъ говорить, что Ріензи освобожденъ своею женою. Никто при этомъ испорченномъ дворѣ не знаетъ, что я жена твои.

— Нина, сказалъ трибунъ строго. Ты избѣгаешь отвѣта, котораго я добиваюсь. Въ нашъ испорченный вѣкъ, въ нашей развращенной землѣ, оба пола слишкомъ низко забываютъ, какъ оскверняетъ женщину малѣйшее пятно на ея чести. Я вѣрю, что твое сердце никогда не оскорбитъ меня, но если изъ слабости, изъ страха моей смерти, ты меня оскорбила, то для Ріензи ты болѣе жестокий врагъ, нежели мечъ Колонновъ. Нина, говори!

— О, еслибы душа моя могла говорить! отвѣчала Нина. Твои слова—музыка для меня, и цѣть у меня мысли, которая бы не откланилась на нихъ. Могла ли я прикасаться къ этой рукѣ, встрѣчать твой взглядъ и не знать, что ты предпочитаешь смерть позору? Ріензи, когда мы послѣдній разъ разстались, — разстались грустно, но съ надеждой,—какія были твои слова?

— Я хорошо ихъ помню, отвѣчалъ трибунъ. Я оставляю тебя здѣсь, сказалъ я, чтобы ты поддерживала своимъ умомъ великое дѣло, при дворѣ императора. Ты обладаешь молодостью и красотой, а при дворахъ есть безчестные и подлые волокиты. Я не беру противъ этого никакихъ предосторожностей; это было бы недостойно тебя и меня. Но я оставляю тебѣ власть умереть! И съ этими словами Нина...

— Ты дрожащими руками далъ мнѣ кинжалъ. Я живу—нужно ли говорить болѣе?

— Влагородная и дорогая Нина, этого довольно. Побереги еще кинжалъ.

— Да, пока мы не встрѣтимся въ римскомъ капитоліѣ!

Послышался легкій стукъ въ дверь. Нина въ одну минуту надѣла плащъ и шляпу.

— Скоро будетъ полночь, сказалъ тюремщикъ, показавшись на порогъ.

— Иду, сказала Нина.

— А ты долженъ собраться съ мыслями, прошептала она Ріензи, вооружись всѣмъ своимъ знаменитымъ умомъ. Увы! мы опять разстаемся! Какъ замерло мое сердце!

Присутствіе тюремщика смягчило горечь разлуки, сокративъ ее. Минимый пажъ прижалъ губы къ рукѣ узника и выпелъ изъ комнаты.

Тюремщикъ, помедливъ немного, положилъ на столъ пергаментъ. Это былъ позывъ трибуна къ суду.

VI.

ЧУТЬЕ НЕ ОБМАНЫВАЕТЬ.—Духовный и солдатъ.

Сходя съ лѣстницы, Нина встрѣтилась съ Альваресомъ.

— Прекрасный пажъ, сказалъ испанецъ весело, ты сказалъ, что твое имя Виллани?—Анжело Виллани—я, кажется, знаю твоего родственника. Удостой, молодой юноша, взойти въ эту комнату и выпить ночной кубокъ за здоровье твоей госпожи; мнѣ бы очень хотѣлось узнать вѣсти о моихъ старыхъ друзьяхъ.

— Въ другое время, отвѣчалъ мнимый Анжело, плотнѣе закрывая лицо свое плащомъ; теперь поздно, я спѣшу.

— Нѣтъ, сказалъ испанецъ, ты не отдѣлаешься отъ меня такъ легко. И онъ крѣпко схватилъ пажа за плечо.

— Пустите меня! сказала Нина гордо и почти плача, потому что ея крѣпкія нервы еще были разстроены. Тюремщикъ отогнулъ ворота, не то—ты будешь отвѣчать.

— Какъ вспылитъ! сказалъ Альваресъ, удивленный такимъ большимъ запасомъ достоинства въ пажѣ; полно, я не думалъ тебя обидѣть. Могу я побывать у тебя завтра?

— Да, завтра, отвѣчала Нина, стараясь поскорѣй отдѣлаться отъ него.

— А между тѣмъ, сказалъ Альваресъ, я провожу тебя домой—мы можемъ говорить дорогой.

Съ этими словами, не обращая вниманія на возраженія милого пажа, онъ вышелъ съ Ниною на улицу.

— Вапа госпожа, сказалъ онъ небрежно, удивительная красавица: малѣйшее желаніе ея—законъ для знатнѣйшихъ патриціевъ Авиньона. Кажется, она изъ Неаполя. Не такъ ли? Нѣмъ ты, что ли, милый юноша?

Пажъ не отвѣчалъ, но пошелъ такъ скоро чрезъ узкую площадь между тюрьмою и домомъ синьоры Чезарини, что неповоротливый испанецъ почти задыхался; и, несмотря на всѣ старанія, Альваресъ не могъ добиться отъ своего молчаливаго товарища ни одного слова во всю дорогу до самыхъ воротъ. Тамъ пажъ скрылся, безъ церемоніи оставивъ его на улицѣ.

— Чортъ возьми этого мальчишку! сказалъ Альваресъ, кусая губы. Если кардиналъ имѣетъ такой же успѣхъ, какъ его слуга, то нечего сказать, онъ счастливый человѣкъ!

Нисколько не желаясь предстоящимъ свиданіемъ съ Альбертосомъ, который, какъ большая часть ловкихъ людей, цѣнилъ таланты своихъ агентовъ пропорціонально ихъ успѣхамъ, испанецъ желѣнно воротился домой. Пользуясь предоставленнымъ ему дозволеніемъ, онъ вошелъ въ комнату кардинала нѣсколько неожиданно и засталъ его въ жаркомъ разговорѣ съ кавалеромъ, котораго длинные усы, закрученные вверхъ, и свѣтлые латы подъ плащомъ показывали въ

хъ военнаго челоѣка. Довольный этою отсрочкою, Альваресъ успѣшно удался. Въ самомъ дѣлѣ мысли кардинала въ эту минуту и во всю эту ночь были обращены не на любовь, а на другіе предметы.

Однако же перерывъ, сдѣланный приходомъ Альвареса, сократилъ разговоръ между Альберносомъ и его гостемъ. Послѣдній всталъ.

— Кажется, сказалъ онъ, пристегивая короткую и широкую рапу, которую положилъ въ сторону на время разговора, — кажется, всиньоръ кардиналъ, ваши слова подають мнѣ надежду, что наши сношенія будутъ приведены къ счастливому заключенію. Тысяча флориновъ — и мой братъ оставляетъ Витербо и бросаетъ громады стрѣлы Кампаньи въ земли римлянъ. Съ вашей стороны...

— Съ моей стороны рѣшено, сказалъ кардиналъ, что войско церкви не мѣшаетъ движенію арміи вашего брата: — между нами миръ. Иные воины понимаютъ другаго!

— А слово Жилъ Альберноса, потомка аррагонскаго королевскаго дома, ручается за вѣрность кардинала, отвѣчалъ кавалеръ съ улыбкой. Мы заключаемъ съ вами договоръ, какъ съ челоѣкомъ, который обладаетъ *первымъ* изъ этихъ двухъ качествъ.

— Вотъ моя правая рука, отвѣчалъ Альберносъ, слишкомъ полированный для того, чтобы обратить вниманіе на этотъ намекъ. Кавалеръ почтительно ее поцѣловалъ, и его вооруженная пята скоро слышалась на лѣстницѣ.

— Побѣда, вскричалъ Альберносъ, размахивая руками; побѣда, теперь въ моихъ рукахъ!

Съ этими словами онъ поспѣшно всталъ, положилъ свои бумаги въ желѣзный сундукъ и, отворивъ потайную дверь, скрытую за картинами, вошелъ въ комнату, которая была похожа болѣе на монашескую келью, чѣмъ на жилище князя. Тамъ надъ низкою постелью висѣли мечъ, кинжалъ и грубое изображеніе Св. Дѣвы. Не тробуя себя Альвареса, кардиналъ раздѣлся и чрезъ нѣсколько минутъ е спалъ.

VII.

Воклювъ и его *genius loci*. — Возобновленіе стараго знакомства.

На слѣдующій день рано въ полдень кавалеръ, котораго мы видели въ послѣдней главѣ, медленно ѣхалъ на сильной норманской лошади, по извилистой, зеленой и веселой дорожкѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Авиньона. Наконецъ онъ увидѣлъ себя въ дикой и романтической долиинѣ, гдѣ протекала быстрая рѣка, имени которой Петрарки дали такую славу. Прикрытая утесами и въ этомъ мѣстѣ извинаясь между зеленыхъ береговъ, устѣянныхъ множествомъ дикихъ цвѣтовъ и водорослей, текла кристалльная Сорджія. Ея ландшафтъ принималъ болѣе мрачный и безплодный видъ. Долина казалась огражденною или запертою фантастическими стенами самыхъ разнообразныхъ формъ, чрезъ которые, блестя, стре-

милось множество рѣчекъ. И въ самомъ дѣлѣ мѣстѣ этого ландшафта почва внезапно расширялась въ прихотливый и обработанный садъ, сквозь который среди изобилія листвы видѣнъ былъ небольшой скромный домикъ, пустынная обитель этого мѣста. Всадникъ находился въ воклюзской долинѣ и предъ его глазами былъ садъ и домъ Петрарки. Однако же взоръ его небрежно смотрѣлъ на священное убѣжище, и безсознательно остановился на минутъ на одинокой фигурѣ, задумчиво сидѣвшей на берегу рѣки. Огромная собака возлѣ незнакомца залаяла на всадника, когда онъ проѣзжалъ мимо. Славный звѣрь и басистый лай, подумалъ путникъ, для него собака казалась предметомъ гораздо болѣе интереснымъ, чѣмъ ея хозяинъ. И всадникъ отвратилъ свой взглядъ отъ поэта. Такъ толпа ничтожныхъ людей невнимательно и равнодушно проходитъ мимо тѣхъ, которыхъ потомство признаетъ путеводными звѣздами ихъ вѣка.

Трижды благословенное имя! безсмертный флорентинецъ! Я преклоняюсь здѣсь предъ твоею священною памятью, не потому, что ты былъ знаменитый любовникъ, не потому даже, что ты былъ знаменитый поэтъ. Но я чту въ тебѣ человѣка, который первый доказывалъ предъ народомъ и его властителями верховное величье словесности, который потребовалъ для генія привилегію, — имѣти вліяніе на государства, руководить мнѣніемъ, обладать сердцами людей и готовить событія посредствомъ одуполяющей страсти и руководящей мысли! Сколь многимъ мы еще обязаны тебѣ, если знаніе теперь есть сила, умъ — пророкъ и судьба, предсказывающая и предопредѣляющая будущія событія! Отъ самаго великаго до самаго малаго изъ нихъ, для которыхъ перо есть въ одно время и скипетръ и мечъ, незнатный своимъ происхожденіемъ флорентинецъ былъ предшественникомъ, который облегчилъ для него путь и приготовилъ пріемъ. Да! самый даже ничтожный изъ твоихъ послѣдователей, даже тотъ, который теперь изливаетъ свою благодарность, есть твой всегдашній должникъ! Какъ обширна твоя слава, если его труды, какъ ни скромны они, находятъ своихъ читателей повсюду: гдѣ извѣстна литература, проповѣдуя въ отдаленнѣйшихъ земляхъ мораль забытыхъ революцій, и сѣя во дворцахъ и на рынкахъ сѣмена, которыя принесутъ плодъ, когда рука сѣятеля превратится въ прахъ и самое имя его, можетъ быть, исчезнетъ! Увы! немногихъ такихъ людей, чьи имена живутъ послѣ смерти ихъ: но мысли каждаго пишущаго человѣка безсмертны; — другіе усвоиваютъ, развиваютъ, усиливаютъ ихъ; и миллионы умовъ неизвѣстныхъ, неполюбуемыхъ, трудятся для безсмертія одного.

Предавался совершенно другимъ размышленіямъ, нежели какія пробуждаетъ воспоминаніе о Петраркѣ въ позднѣйшее время, кавалеръ продолжалъ свой путь.

Долина осталась далеко позади и тропинка дѣлалась все незатѣннѣе, пока наконецъ она окончилась лѣсомъ, сквозь переплетенныя

* Едва ли нужно говорить, что мы называемъ Петрарку флорентинцемъ по его происхожденію, а не по мѣсту его рожденія.

тви котораго весело пробивалось солнце. Наконецъ открылась обширная поляна, съ которой возвышался крутой подъемъ горы, утѣненной развалинами стараго замка. Путешественникъ сошелъ съ шади, повелъ ее на гору и, достигнувъ развалинъ оставилъ ее въ одной изъ комнатъ безъ кровли, заросшихъ высокою травой и множествомъ дикаго кустарника. Оттуда взобравшись съ нѣкоторымъ трудомъ по узкой и полуобвалившейся лѣстницѣ, онъ очутился въ большой комнатѣ. Она не представляла такого разрушенія, какъ остальные: полъ и потолокъ еще удѣляли въ ней.

На полу, въ плащѣ, склонивъ задумчиво голову на руку, лежалъ мовѣкъ высокаго роста и среднихъ лѣтъ. Онъ проворно приподнялся на рукѣ при входѣ кавалера.

— Ну, Бреттоне, я считалъ часы—какія новости?

— Альберность соглашается.

— Радостныя вѣсти! ты даешь мнѣ новую жизнь. *Pardieu*, тѣмъ лучше я позавтракаю, братъ. Вспомнилъ ли ты о томъ, что я голоденъ?

Бреттоне вытаскивалъ изъ подъ плаща довольно большую фляжку въ винномъ и небольшую корзинку, порядочно снабженную припасами, на которые обитатель башни бросился съ большимъ рвеніемъ. Оба воина,—таково было ихъ ремесло,—растянувшись на полу, гощались съ большимъ аппетитомъ, перемѣшивая свое занятіе, за аждахъ глоткомъ, быстрымъ и душевнымъ разговоромъ.

— Я говорю, Бреттоне, ты играешь не честно; ты съѣлъ уже больше половины пирога: подвинь его сюда. Такъ кардиналъ согласенъ? Что это за человѣкъ? Говорятъ, умный?

— Живой, проворный и пылкій, съ огненнымъ взглядомъ. Онъ не боится тратить много словъ и прямо приступаетъ къ дѣлу.

— Значитъ не похожъ на духовнаго,—это хорошій разбойникъ, только испорченный. Что ты слышалъ о его войскѣ? Стой, стой,—ютише съ виномъ.

— Теперь его войско невелико. Онъ надѣется усилить его рекрутцами въ Италіи.

— Какіе у него планы относительно Рима? Туда, братъ, туда направлены тайны, стремленія моей души! Что касается до этихъ мелкихъ городовъ и мелкихъ тирановъ, то я позабочусь о томъ, какъ или чрезъ кого они падутъ. Но папа не долженъ возвратиться въ Римъ. Римъ долженъ быть моимъ,—городомъ новой имперіи, завоеваніемъ новаго Аттилы! Тамъ всѣ обстоятельства мнѣ благоприятствуютъ. Отсутствіе папы, слабость средняго сословія, бѣдность черни, глупое и свирѣпое варварство бароновъ, уже издавна способствуютъ къ тому, чтобы сдѣлать Римъ самою легкою, хотя въ тоже время и самою славною добычею!

— Братъ, моли Бога, чтобы твое честолюбіе тебя наконецъ не погубило; ты всегда увлекаешься. Право, съ огромнымъ богатствомъ, которое мы приобретаемъ, намъ можно...

— Желать сдѣлаться чѣмъ нибудь побольше вольныхъ компаньоновъ, военнопониками сегодня и искателями приключеній завтра?

Вспомни, какъ норманскій мечъ завоевалъ Сицилію, какъ незаконнорожденный Вильгельмъ на гастингскомъ полѣ превратилъ свой жезлъ въ скипетръ. Говорю тебѣ, Бреттоне, что Италия имѣетъ на тыну много коронъ, которыя искусная рука можетъ снять остриемъ своей пикн. Я рѣшился. Я сформирую лучшую армію въ Италіи и съ нею добуду престолъ въ капитоліѣ. Какъ глупъ я былъ шесть лѣтъ назадъ!—Еслибы вмѣсто того, чтобы посылать этого сумашедшаго олуха Пеппина Минорбина, я самъ оставилъ Венгрію и пошелъ съ моими солдатами къ Риму, то за паденіемъ Ріензи послѣдовало бы возвышеніе Монреали. Пеппина перехитрили и онъ бросилъ добычу, за которою охотился. Впередъ левъ не долженъ поручать охоту шакалу!

— Вальтеръ, ты говоришь о судьбѣ Ріензи, пусть она послушаетъ тебѣ предостереженіемъ!

— Ріензи! возразилъ Монреаль; я знаю этого человѣка! въ юное время и съ честнымъ народомъ онъ основалъ бы великую династію. Но онъ говорилъ о законѣ и свободѣ для людей, которые презираютъ первый и не хотятъ защитить послѣднюю. Мы, впрочемъ, исходящіе изъ болѣе суроваго племени, знаемъ, что новый тронъ долженъ быть построенъ на феодальныхъ, а не на гражданскихъ началахъ; въ городъ мы должны перенести лагерь. Посредствомъ толпы гордый трибунъ пріобрѣлъ силу, чрезъ толпу онъ потерялъ ее; я же добуду ее мечемъ, и мечемъ поддержу!

— Ріензи былъ слишкомъ жестокъ; ему не слѣдовало раздражать бароновъ, сказалъ Бреттоне и приготовлялся покончить съ виновнымъ, но братъ сильною рукою вырвалъ у него фляжку и предупредилъ его намѣреніе.

— Ну! сказала Монреаль, оканчивая глотокъ продолжительнымъ вздохомъ, онъ былъ не довольно жестокъ. Онъ старался только быть справедливымъ и не дѣлать различія между благороднымъ и мужикомъ, а долженъ бы дѣлать! Ему слѣдовало бы истребить побѣдителей съ корнемъ. Но ни одинъ итальянецъ на это неспособенъ. Это оставлено для меня.

— Ты, конечно, не думаешь перерѣзать знатнѣйшія фамиліи Рима?

— Перезать! Нѣтъ. Но я захвачу ихъ земли и пожалую имъ новое дворянство,—суровое и свирѣпоо дворянство сѣвера, которое хорошо умѣетъ охранять своего государя и охранить его, какъ источникъ своей собственной силы. Теперь довольно объ этомъ. Ну, а Ріензи?—Онъ все еще гніетъ въ тюрьмѣ?

— Утромъ, прежде чѣмъ я оставилъ городъ, я слышалъ странныя новости. Народъ былъ въ волненіи; во всякомъ закоулкѣ собирались группы людей. Говорятъ, сегодня назначенъ судъ Ріензи и по именамъ судей, заключаютъ, что оправданіе его уже рѣшено.

— А! ты долженъ былъ сказать мнѣ объ этомъ прежде.

— Если его возстановятъ въ Римѣ, то развѣ онъ будетъ противодѣйствовать твоимъ планамъ?

— Гмъ! не знаю—но потребуетъ глубокое размышленіе и иску-

сная распорядительность. Мнѣ бы очень не хотѣлось уѣзжать отсюда, пока я не услышу чѣмъ это рѣшено.

— Конечно, Вальтеръ, благоразумнѣе оставаться тебѣ съ твоими солдатами и предоставить мнѣ вести все это дѣло.

— Нѣтъ, возразилъ Монреаль; ты довольно смѣлъ и хитеръ, но моя голова для этихъ вещей лучше твоя. Сверхъ того, продолжалъ рыцарь, понизивъ голосъ и прикрывая лицо, я далъ обѣтъ сходить на поклоненію этой дорогой для меня рѣкѣ, мѣсту моихъ прежнихъ тревогъ. Ахъ!—Но всего этого ты не понимаешь, Бреттоне—полно объ этомъ. Что касается до моей безопасности, то мы добились амнистии у Альборноса, и потому я неслашкомъ боюсь, если даже буду открытъ. Кромѣ того мнѣ нужны деньги. Въ этой странѣ есть нѣмцы, которые могутъ съѣсть цѣлую итальянскую армию за обѣдомъ; мнѣ очень бы хотѣлось ихъ завербовать, а ихъ предводителямъ нужно дать задатокъ,—жадные каналы!—Какъ будутъ уплачиваться флорины кардинала?

— Половина теперь, и половина тогда, когда войско будетъ у Римни.

— Римни! мысль объ этой странѣ точить мой мечъ. Помнишь ли ты, какъ проклятый Малатеста выгналъ меня изъ Аверсы, * ворвался въ мой лагерь и заставилъ меня отдать ему всю мою добычу? Тогда погибъ трудъ многихъ лѣтъ! Но зато мое знамя теперь будетъ развѣваться надъ С.-Анжело. Я огнемъ и мечемъ заплачу долгъ прежде наступленія осени.

Прекрасное лицо Монреалья сдѣлалось ужаснымъ при этихъ словахъ; обѣими руками онъ схватился за рукоятку меча, и его сильный станъ видимо трепеталъ отъ прерывистаго дыханія, —признакъ свирѣпыхъ и безпощадныхъ страстей, съ помощію которыхъ жизнь, исполненная грабительства и мстительности, испортила эту натуру, нѣкогда отличавшуюся столько же мягкостью, сколько храбростью, провансальскаго рыцарства. Годы умѣрили вѣтренность его юности; честолюбіе его окрѣпло и сосредоточилось.

Таковъ былъ страшный человекъ, который теперь былъ соперникомъ Ріензи въ обладаніи Римомъ.

VIII.

Толпа.—Судъ.—Приговоръ.—Солдаты и пажъ.

Въ слѣдующій вечеръ большая толпа собралась на улицахъ Авиньона. Это былъ второй день допроса Ріензи и съ каждою минутою ожидали объявленія приговора. Дѣло его возбуждало сильный интересъ между иностранцами всѣхъ земель, собранными въ этой столицѣ папскаго блеска. Итальянцы, даже принадлежавшіе къ высшей знати, были за трибуна, французы—противъ него. Что же ка-

* Этотъ Малатеста, синьоръ знатной фамиліи, былъ однимъ изъ самыхъ искусныхъ воиновъ Італіи. Граждане Римни одыали его и брата его, Галеотто, совокушавшіи властителями этого государства. Долгое время они были врагами церкви, наконецъ кардиналъ Альборносо сдѣлалъ ихъ предводителями ея войскъ.

сается, до добрыхъ гражданъ Авиньона, то этихъ людей очень мало занимало все, что не приносило денегъ въ ихъ карманы; несли бы прибѣгнуть къ тайной подачѣ голосовъ, то, безъ сомнѣнія, огромное большинство было бы въ пользу сожженія арестанта. была въ такой казни торговую спекуляцію!

Среди толпы находился высокій человѣкъ въ простой и ржавой бронѣ, но съ рыцарскою осанкою, которая нѣсколько противорѣчила неуклюжему виду его кольчуги. На немъ не было пѣла, но небольшая каска изъ черной кожи съ длиннымъ, выдающимся зонтакомъ, очень употребительнымъ между путешественниками въ жаркихъ климатахъ юга. Одну изъ его щекъ почти всю покрывала черная закладка, и вообще онъ имѣлъ видъ угрюмаго солдата, съ которымъ жестоко обошлась судьба, какъ относительно кошелька, такъ и относительно личности.

Много было сказано шутокъ на счетъ оборваннаго воина, которыми этотъ живой пародъ развлекалъ свое нетерпѣніе, и хотя зонткъ шишака скрывалъ его глаза, но лукавая и веселая улыбка на устахъ его рта показывала, что онъ умѣлъ выносить направленные противъ него насмѣшки.

— Я, сказалъ одинъ изъ толпы (богатый миланецъ), родился въ городѣ, который былъ свободенъ, и увѣренъ, что любимцу народа будетъ оказано правосудіе.

— Аминь, отвѣчалъ важный флорентинецъ.

— Говорятъ, прошепталъ молодой студентъ изъ Парижа, обращаясь къ ученому доктору правъ, съ которымъ онъ жилъ, что его заплата быда мастерская.

— Въ ней не было постепенности, отвѣчалъ докторъ нерѣшительно. Эй, пріятель, что ты такъ толкаешь меня? ты разорвалъ мой плащъ.

Эти слова были сказаны министрею или фигляру, который, имѣя при себѣ небольшую лютню, съ большимъ усиліемъ пробивался чрезъ толпу.

— Просту извинить, достойный господинъ, отвѣчалъ министрель, но это такая сцена, что ее надо воспѣть. Чрезъ нѣсколько вѣковъ, и въ отдаленныхъ земляхъ, легенды и мѣсни будутъ говорить о судьбѣ Ріензи, друга Петрарки и трибуна Рима!

Молодой французскій студентъ живо повернулся къ министрею и краска выступила на его лицѣ. Не раздѣляя общаго нерасположенія своихъ соотечественниковъ къ Ріензи, онъ чувствовалъ, что наступила для міра новая эра, если министрель говоритъ такъ о герояхъ генія, а не войны.

Въ это время высокій солдатъ почувствовалъ, что его кто-то нетерпѣливо хлопнулъ по спинѣ.

— Просту тебя, высокій господинъ, сказалъ рѣзкій и повелительный голосъ отодвинуть свою высокую фигуру нѣсколько въ сторону—я не могу видѣть сквозь тебя; а я очень хочу въ числѣ первыхъ увидѣть Ріензи, когда онъ будетъ идти изъ суда.

— Прекрасный пажъ, отвѣчалъ солдатъ весело, пропуская Анджело Виллани, ты не всегда будешь того мѣня, что дорога въ свѣтъ пріобрѣтается посредствомъ приказаній сильнымъ. Когда ты сдѣлаешься постарше, то будешь обижать слабыхъ, а къ сильнымъ станешь ластиться.

— Значить, мнѣ придется переменить мою натуру, отвѣчалъ Анджело, стараясь подняться такъ, чтобы смотрѣть чрезъ головы толпы. Онъ былъ довольно низкаго роста и притомъ еще не совсѣмъ выросъ.

Солдатъ одобрительно на него посмотрѣлъ и при этомъ взглядѣ вздохнулъ, а въ движеніи губъ его обнаружили какое-то странное волненіе.

— Ты говоришь хорошо, сказалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы, извини безцеремонность моего вопроса; но ты изъ Италіи?—въ твоёмъ языкѣ слышенъ римскій діалектъ; однакоже я видѣлъ черты подобныя твоимъ по эту сторону Альпъ.

— Можетъ быть, сказалъ пажъ, гордо; но я благодарю Бога, что я римлянинъ.

Въ эту минуту послышались громкіе крики изъ той части толпы, которая ближе всѣхъ была къ зданію суда. При звукѣ трубъ наступило глубокое молчаніе, между тѣмъ какъ папская гвардія, выстроенная вдоль площади, ведущей отъ суда, выпрямилась и подавалась шагъ или два назадъ, на толпу.

Когда трубы умолкли, послышался голосъ герольда, но онъ далеко не могъ достигнуть до того мѣста, гдѣ стояли Анджело и солдаты; и только по громкому клику, которой въ одну минуту пробѣжалъ взадъ и передъ по толпѣ, по маханію платковъ въ окнахъ, по отрывистымъ восклицаніямъ, передаваемымъ изъ устъ въ уста,—пажъ узналъ, что Ріензи оправданъ.

— Я хотѣлъ бы видѣть его лицо! печально вздохнулъ пажъ.

— Ты увидишь, сказалъ солдатъ; и онъ схватилъ мальчика на руки и началъ пробиваться съ силою гиганта сквозь живой потокъ народа къ мѣсту, гдѣ стояла гвардія и гдѣ долженъ былъ проходить Ріензи.

Пажъ полу-довольный, полу-разсерженный, нѣсколько времени сопротивлялся, но видя, что его усилія напрасны, безмолвно согласился на то, что считалъ оскорбленіемъ своего достоинства.

— Полно, сказалъ солдатъ, ты первый, котораго я охотно поднималъ собою; и я дѣлаю это теперь ради твоего прекраснаго лица: оно напоминаетъ мнѣ одну особу, которую я любилъ!

Но эти послѣднія слова были сказаны тихо и мальчикъ, въ своемъ нетерпѣніи видѣть героя Рима, не слышалъ ихъ, или не обратилъ вниманія. Скоро появился Ріензи; два патриція изъ собственной папской свиты шли съ нимъ рядомъ. Онъ подвигался медленно, среди привѣтствій толпы, не глядя ни направо ни налево. Его поступь была тверда и спокойна и за исключеніемъ румянца щекъ, на его лицѣ не видно было никакихъ внѣшнихъ знаковъ радости или волненія. Цветы сыпались съ каждого балкона на его путь; и когда онъ до-

шелъ до болѣе обширнаго пространства, гдѣ почва была нѣсколь-
ко выше, дома кругомъ вѣдѣе, онъ остановился, и, снявъ шляпу,
отвѣчалъ на оказываемые ему знаки уваженія взглядомъ и жестомъ,
которые остались навсегда въ памяти зрителей. Ихъ воспомнѣ-
ніе даже этотъ веселый и легкомысленный дворъ, когда до его слуха
дошелъ послѣдній разсказъ о жизни Ріензи. И Анджемо, который
теперь держался за шею солдата, припомнилъ.... но мы не должны
забѣгать впередъ.

Ріензи воротился не въ тюрьму. Ему приготовлено было помѣще-
ніе во дворцѣ кардинала д'Альберноса. На слѣдующій день онъ
былъ допущенъ къ папѣ, а вечеромъ того дня объявленъ Римскій
сенаторомъ.

Между тѣмъ солдаты поставилъ Анджемо на землю, и когда даже
бормоталъ свою несомнѣнную вѣжливую благодарность, онъ прервалъ
его слова грустнымъ и ласковымъ голосомъ, который сильно пора-
зилъ пажа: такъ мало тонъ его согласовался съ грубою и простою
наружностью этого человѣка.

— Мы расстаемся, сказалъ онъ, какъ чужіе, прекрасный маль-
чикъ, и такъ какъ ты говоришь, что ты изъ Рима, то моему сердцу
не было причины полюбить тебя, какъ оно полюбило. Но если ты
когда нибудь будешь нуждаться въ другѣ, — то ищи его — голосъ
солдата понизился до шопота, — въ Вальтерѣ де-Монреалѣ.

Прежде чѣмъ пажъ опомнился отъ наумленія при этомъ грозномъ
имени, къ которому страхъ былъ внушенъ ему съ самаго ранняго
дѣтства, рыцарь св. Іоанна исчезъ въ толпѣ.

IX.

АЛЬБЕРНОСЪ И НИНА.

Глазамъ, которые болѣе всѣхъ жаждали взглянуть на Ріензи, бы-
ло запрещено это удовольствіе. Одна въ своей комнатѣ, Нина ожи-
дала результата суда. Она слышала клики, восклицанія, топотъ
множества народа на улицѣ; она чувствовала, что побѣда одержана,
сердце ея было переполнено, и она разразилась порывистыми
рыданьями.

Возвратившійся Анджемо скоро увѣдомилъ ее обо всемъ, что про-
изошло, но ея радость была нѣсколько охлаждена тѣмъ, что Ріензи
поселился у страшнаго кардинала. Ударъ, которымъ обыкновенно
сопровождается извѣстность, хотя и счастливая послѣ долгой
неизвѣстности, и съ опасеніемъ визита кардинала, такъ сильно на
нее подѣйствовали, что она три дня была опасно больна, и только
на пятый день послѣ того какъ Ріензи получилъ званіе римскаго
сенатора, Нина была въ состояніи принять Альберноса.

Кардиналъ ежедневно присылалъ узнать объ ея здоровьи и ея
встревоженному уму представлялось, что эти распросы заключали
въ себѣ намекъ на право дѣлать ихъ. Между тѣмъ у Альберноса
было чѣмъ развлечь и занять свои мысли. Переманивъ страшнаго
Монреала отъ Іоанна ди-Вико, одного изъ способнѣйшихъ и свѣдѣ-

пѣйшихъ враговъ церкви, онъ рѣшился какъ можно скорѣе идти къ владѣніямъ этого тирана, чтобы не дать ему времени получить помощь отъ какой нибудь шайки наемныхъ авантюристовъ, которые считали Италію мѣстомъ для подвиговъ своей храбрости. Занятый наборомъ войскъ, приготовленіемъ денегъ, сношеніями съ разными свободными государствами; заключающая союзы для поддержанія своихъ смѣлыхъ и честолюбивыхъ плановъ при авиньонскомъ дворѣ,—кардиналъ съ довольно порядочнымъ терпѣніемъ дожидаясь времени, когда ему можно будетъ потребовать отъ синьоры Чезарини награды, рассчитывать на которую онъ считалъ себя въ правѣ. Между тѣмъ онъ вступалъ въ разговоры съ Ріензи и, полъ видомъ вѣжливости къ оправданному трибуну, Альбернось принялъ его у себя, чтобы вполне узнать характеръ и наклонности того, котораго онъ хотѣлъ сдѣлать своимъ агентомъ и орудіемъ. Во время аудіенціи съ первосвященникомъ Ріензи не былъ оставленъ тѣмъ удивительнымъ и волшебнымъ искусствомъ, которымъ, по увѣренію историковъ, онъ обладалъ болѣе всѣхъ людей, имѣвшихъ съ нимъ сношенія, какъ ни были они различны по характеру, цѣлямъ или состоянію. Онъ такъ вѣрно описалъ дѣйствительное состояніе Рима, такъ логически изложилъ причины перенесенныхъ этимъ городомъ бѣдствій и средства противъ нихъ; онъ говорилъ съ такимъ жаромъ о своей способности къ управленію его дѣлами, такъ блистательно изобразилъ виды, которые это управленіе открывало благосостоянію церкви и интересамъ папы, что Иннокентій, не смотря на свою проникательность, хитрость и нѣкоторый скептицизмъ въ разсчитываніи людскихъ шансовъ, былъ совершенно очарованъ краснорѣчіемъ римлянина.

Говорятъ, будто бы онъ сказалъ: «Неужели это тотъ человѣкъ, съ которымъ цѣлый годъ мы обращались какъ съ узникомъ и преступникомъ? хорошо было бы, еслибы единственно на его плечахъ держалась христіанская имперія!»

По окончаніи аудіенціи, онъ, со всевозможными знаками благосклонности и отлічія, возвелъ Ріензи въ званіе сенатора, которое въ сущности значило тоже, что званіе римскаго вице-короля. Онъ охотно согласился на всѣ прозкты, которые составилъ Ріензи не только относительно возвращенія церковныхъ земель, но и расширенія диктаторской власти семиколѣннаго города надъ землями, нѣкогда принадлежавшими Италіи.

Альбернось, которому папа въ подробности передалъ этотъ разговоръ, нѣсколько позавидовалъ благосклонности, которую новый сенаторъ пріобрѣлъ такъ внезапно. Возвратясь домой, онъ тотчасъ же пожелалъ имѣть свиданіе съ своимъ гостемъ. Кардиналъ, человѣкъ энергически дѣятельный и дѣловой, въ думѣ считалъ Ріензи болѣе хитрымъ, чѣмъ умнымъ, болѣе счастливымъ, нежели великимъ, смѣсю педанта и дилагога. Но послѣ продолжительнаго и пытливаго разговора съ новымъ сенаторомъ, даже онъ поддался очарованію его увлекательнаго и необыкновеннаго ума. Альбернось нехотя сознался, что возвышеніе Ріензи не было дѣломъ слу-

чая; еще неохотнѣе онъ увидѣлъ, что сенаторъ былъ человекъ, съ которымъ онъ могъ обходиться какъ съ равнымъ, но которымъ онъ не могъ управлять какъ рабомъ. И онъ возымѣлъ серьезныя сомнѣнія—благоразумно ли возвращать ему власть, для расширенія которой, повидимому, Ріензи показалъ достаточно способностей и генія. Однако же Альберношъ не раскисалъ въ участіи, которое онъ принималъ въ оправданіи Ріензи. Присутствіе знаменитаго трибуна въ лагерь, столь скудномъ войсками, было весьма кстати. И кардиналъ, болѣе чѣмъ когда либо, надѣялся посредствомъ вліянія Ріензи расположить римлянъ въ пользу своего предпріятія относительно завоеванія земли св. Петра.

Ріензи, при всемъ нетерпѣливомъ желаніи еще разъ увидѣться съ Ниною, которая сдѣлалась для него еще дороже вслѣдствіе перенесенныхъ имъ испытаній и разлуки, не могъ узнать имени, подъ которымъ жила она въ Авиньонѣ, а внимательный, хотя и почти-тельный надзоръ, которымъ онъ былъ окруженъ живя съ кардиналомъ, лишилъ Нишу всякой возможности имѣть съ нимъ сношенія.

Нѣсколько насмѣшливыхъ намековъ Альберноса относительно участія, принимаемаго въ его судьбѣ знаменитѣйшею красавицею Авиньона, наполнили его душу неопредѣленною тревогой, въ которой онъ боялся признаться даже самому себѣ. *No volto sciolto*, — открытое лицо, которое у него, какъ и у всехъ итальянскихъ политиковъ, замаскировало его *pensieri stretti*, — тайныя мысли, — дало ему возможность обмануть ревнивую и прозорливую наблюдательность кардинала. Альваресь тоже не былъ способенъ удовлетворить любопытству своего господина. Правда, онъ былъ у пажа Виллани, но рѣзкое и повелительное обращеніе этого своеправнаго и гордаго мальчика тотчасъ же прекратило всякую попытку вторичнаго распроса. Онъ увѣрился только въ томъ, что дѣйствительный Анджело Виллани былъ не тотъ Анджело Виллани, который посѣтилъ Ріензи.

Надѣясь однако же, что узнаетъ все, и воспламененный страстію, какую только онъ способенъ былъ чувствовать, Альберношъ отправился во дворецъ Чезарини.

Съ надлежащею церемоніею онъ былъ введенъ въ комнату снѣгоры. Онъ нашелъ ее блѣдною, со слѣдами болѣзни на ея благородныхъ чертахъ, подобныхъ правильнымъ ливіямъ античной статуи. При его входѣ она встала и, когда кардиналъ приблизился къ ней, приложила его руки къ своимъ губамъ. Удивленный и обрадованный такимъ небывалымъ пріемомъ, Альберношъ старался предупредить ея ласки, и взявъ обѣ руки ея, старался тихо привлечь ихъ къ своему сердцу.

— Прекраснѣйшая, прошепталъ онъ, еслибы ты могла знать, какъ твоя болѣзнь печалила меня! И однако же она сдѣлала тебя еще болѣе милою, подобно тому, какъ дождь придаетъ блеска цвѣтамъ. О! я счастливъ, если исполнить твоё желаніе, и если съ этихъ поръ могу найти въ тебѣ моего ангела-руководителя и рай, гдѣ мнѣ приготовлена награда?

Нина, высвободивъ свою руку, тихо указала ею кардиналу на стулъ. Сѣвъ сама въ небольшомъ разстояніи, она начала говорить съ большою важною и опутивъ глаза.

— Монсиньоръ, ваше заступничество вмѣстѣ съ невинностью Ріензи освободило изъ тюрьмы этого избраннаго правителя римскаго народа. Но свобода есть самый мѣньшій изъ даровъ, которые вы ему дали; еще большій даръ—оправданіе чѣстнаго имени и возвращеніе справедливыхъ почестей. Въ этомъ я навсегда остаюсь у васъ въ долгу, за это, если у меня будутъ дѣти, я научу ихъ благословлять ваше имя; за это историкъ, рассказывая о дѣяніяхъ этого вѣка и о судьбѣ Колы Ріензи, прибавитъ новый вѣнецъ къ тѣмъ, которые вы уже приобрѣли. — Синьоръ кардиналъ, можетъ быть, я сдѣлала ошибку. Можетъ быть, я оскорбила васъ — и вы вправѣ обвинять меня въ женской хитрости. Не говорите, не удивляйтесь, выслушайте меня. Когда я говорю, что, за исключеніемъ безчестія, я считала дозволенными всякія средства для спасенія жизни и возстановленія благополучія Колы ди Ріензи,—то имѣю только одно извиненіе. Знайте, монсиньоръ, что я жена его.

Кардиналъ остался безмолвенъ и неподвиженъ. Но его желтоблѣдное лицо вспыхнуло отъ лба до шеи, и тонкія губы въ первый моментъ задрожали, а потомъ искривились горькою улыбкой. Наконецъ онъ всталъ со стула, очень медленно, и сказалъ голосомъ дрожавшимъ отъ волненія:

— Хорошо, синьора. И такъ Жиль Альберношъ былъ куклою въ рукахъ, ступенью для возвышенія римскаго плебея — демагога! Вы только играли мною для собственныхъ вашихъ цѣлей; и кромѣ испанскаго кардинала и принца королевской аррагонской крови не нашли другого орудія для фиглярскихъ фокусовъ! Синьора, вы и вашъ мужъ можете справедливо быть обвинены въ честолюбіи.

— Перестаньте, монсиньоръ, сказала жена, съ невыразимымъ достоинствомъ; каково бы ни было нанесенное вамъ оскорбленіе, оно сдѣлано мною. Даже послѣ нашего послѣдняго свиданія Ріензи ничего не зналъ о моемъ пребываніи въ Авиньонѣ.

— При нашемъ послѣднемъ свиданіи, синьора (вы хорошо сдѣлали, что вспомнили о немъ) кажется, былъ заключенъ безмолвный и подразумеваемый контрактъ. Я исполнилъ мою часть и требую исполненія вашей. Замѣьте — я не отказываюсь отъ этого притязанія. Я могу также легко, какъ эту перчатку, разорвать пергаментъ, который объявляетъ вашего мужа сенаторомъ Рима. Тюрьма — не смерть и дверь ея можетъ быть открыта дважды.

— Монсиньоръ, монсиньоръ! вскричала Нина, пораженная ужасомъ, не оскорбляйте такимъ образомъ вашей благородной натуры, вашего великаго имени, вашего священнаго сана, вашей доблестной крови. Вы происходите изъ рыцарскаго поколѣнія Испаніи, вамъ не свойственны угрюмые, низкіе и неумолимые пороки, которые позорятъ мелкихъ тирановъ этой несчастной страны. Вы — не Висконти, не Кастракани; вы не можете запятнать свои лавры мщеніемъ женщинъ. Послушайте, продолжала она, вдругъ.

упавъ къ его ногамъ; мушкетеры дурачатъ, обманываютъ нашъ полъ, для эгоистическихъ цѣлей, и имъ прощаютъ даже ихъ жертвы. Но обманывала ли я васъ ложною надеждой? Какая у меня цѣль, какое у меня извиненіе?—Свобода моего мужа, спасеніе моей родины! Женщина,—увы, монсиньоръ! вашъ полъ слишкомъ рѣдко понимаетъ ея слабость и ея величіе! Женщина заблуждается, но какъ ни слаба она относительно другихъ, Богъ одаряетъ ее тысячею добродѣтелей относительно одного человѣка, котораго она любитъ! Изъ любви она почерпаетъ свои благороднѣйшія свойства. Для предмета своего поклоненія она имѣетъ кротость, голубя, набожную преданность святаго для огражденія его въ опасности, умъ проникается мудростью змѣя, ея слабое сердце неустрашимостью львицы! Это самое заставило меня маскировать свое лицо улыбками, чтобы друзья бездомнаго изгнанника не отчаявались въ его судьбѣ. Это самое привело меня сюда чрезъ мѣста, наполненныя разбойниками, чтобы наблюдать звѣзды, сіяющія надъ этою уединенною башнею. Это привлекло меня къ пирамъ вашего ненавистнаго двора. Это заставило меня искать избавителя въ благороднѣйшемъ изъ его вождей. Это самое отворило наконецъ двери тюрьмы узнику, который теперь находится въ вашемъ домѣ, и, синьоръ кардиналъ, прибавилъ Нина вставая и складывая руки на сердцѣ, если вашъ гнѣвъ ищетъ жертвы, то это же вдохновитъ меня мужествомъ умереть безъ стона,—и съ незапятнанною честію!

Альберность какъ будто приросъ къ полу. Изумленіе, волненіе, обожаніе—все поднимало тревогу въ его сердцѣ. Онъ смотрѣлъ на сверкающіе глаза Нины, и на волнующуюся ея грудь, какъ воинъ древности на вдохновенную пророчицу прорицательницу. Его глаза были прикованы къ ея глазамъ какъ будто какими-то чарами. Онъ пытался заговорить, но голосъ ему измѣнился. Нина продолжала:

— Да, монсиньоръ; это не пустыя слова! если ты ищешь мщенія,—оно въ твоей власти. Уничтожь то, что ты сдѣлалъ. Возврати Ріензи темницѣ и опалѣ и ты отомстишь, только не ему. Всѣ сердца Италіи сдѣлаются для него второю Ниною. Я одна виновата и должна пострадать. Клянусь, что въ то мгновеніе, когда Ріензи будетъ панесена новая обίδα, моя рука будетъ моимъ палачемъ—монсиньоръ, болѣе я не стану умолять васъ!

Альберность былъ глубоко тронутъ. Нина правильно судила о немъ, когда отличила честолюбиваго испанца отъ грубыхъ и законрѣныхъ сластолюбцевъ Италіи. Не смотря на распутство, запятнавшее его священную одежду, не смотря на всю пріобрѣтенную и все болѣе усиливающуюся жесткость этого суроваго, коварнаго и скептическаго человѣка, брошеннаго судьбой среди самыхъ дурныхъ натуръ самаго дурнаго времени—въ его душѣ оставалось еще много рыцарской чести, свойственной его племени и отечеству. Высокія мысли и слѣпые порывы духа затрогивали сродныя имъ струны въ его сердцѣ, хотя онъ рѣдко встрѣчалъ ихъ среди лагеря и при дворахъ. Въ первый разъ въ жизни, онъ почувствовалъ, что встрѣтилъ женщину, которою онъ вполнѣ былъ бы доволенъ даже

въ супружествѣ, и которая могла бы научить его гордой и вѣрной любви, воспѣваемой испанскими министрелями. Онъ вздохнулъ и, все еще смотря на Нину, приблизился къ ней почти съ благоговѣніемъ; сталъ на колѣни и поцѣловалъ полу ея платья.

— Синьора, сказалъ онъ, мнѣ хотѣлось бы думать, что вы вполне правильно поняли мою натуру, но я, по истинѣ, погибъ бы для всякой чести и былъ бы недостойнъ своего благороднаго происхожденія, еслибы еще имѣлъ хоть одну мысль противъ спокойствія и добродѣтели женщины, такой какъ вы. Милая героиня, продолжалъ онъ—столь прекрасная и вмѣстѣ столь чистая, столь гордая и вмѣстѣ столь кроткая,—ты открыла мнѣ самую свѣтлую страницу, какую только когда либо мои глаза видѣли въ запятнанной книгѣ человечества. Да ниспошлетъ тебѣ жизнь счастье, какое только можетъ она даровать! Но душа подобная твоей вытѣтъ, подобно орлачь, гнѣзда на утесахъ и въ области бурь. Не бойся меня. Не думай обо мнѣ, и развѣ въ послѣдствіи, когда услышишь говорить о Жилѣ д'Альберноста, скажи въ душѣ своей,—здѣсь на губахъ кардинала показалась презрительная улыбка, — скажи: онъ не лишентъ былъ человѣческихъ чувствъ даже тогда, когда честолюбіе и судья облекли его мантиею духовною.

И прежде чѣмъ Нина успѣла отвѣчать, испанецъ вышелъ.

КНИГА VIII.

ВЕЛИКАЯ КОМПАНІЯ.

«Montreal nourrissoit de plus vastes projets...il donnoit à sa compagnie un gouvernement régulier... Par cette discipline il faisoit regner l'abondance dans son camp, les gens de guerre ne parloient, en Italie, que des richesses qu'on acquéroit à son service? — Sismondi, Hist. des Républiques Italiennes, tom VI. c. 42.

I.

ЛАГЕРЬ.

Былъ прекраснѣйшій день въ самомъ разгарѣ итальянскаго лѣта. На холму, господствовавшему надъ однимъ изъ самыхъ красивыхъ ландшафтовъ Тосканы, стоялъ небольшой отрядъ всадниковъ. Во главѣ ихъ былъ кавалеръ, одѣтый съ ногъ до головы въ кольчугу, вонзья которой были такъ тонки, что казались нѣжною и любопытною сѣточной работой, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ плотны, что могли бы прогнать копыю и мечу съ немалымъ успѣхомъ, какъ

и самыя тяжелыя латы, и притомъ нѣсколько не стѣсняли движеній легкой и граціозной фигуры всадника. Онъ имѣлъ на головѣ шляпу изъ темнозеленаго бархата, съ длинными перьями; изъ бѣлѣвшихъ за нимъ двухъ оруженосцевъ, одинъ держалъ его шлемъ и копье, а другой велъ его сильнаго боеваго коня, совершенно покрытаго кольчугою, которая, однакоже, казалось, почти не затрудняла его гордой и легкой поступи. Лицо кавалера было пріятно, но солнце многихъ климатовъ положило на немъ рѣзкій отпечатокъ и покрыло его темнобронзовымъ цвѣтомъ. Нѣсколько черныхъ, какъ смола, кудрей спускалось изъ подъ его шляпы на тщательно выбритыя щеки. Выраженіе его фizioноміи было важно и неподвижно до того, что казалось грустнымъ; и даже красота лежавшаго предъ нимъ несравненнаго ландшафта не могла прогнать изъ его глазъ спокойную и постоянную меланхолію. Кромѣ оруженосцевъ, кавалера сопровождали десять всадниковъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ. Тихій разговоръ, который они по временамъ шепотомъ вели между собою, а равно ихъ длинные бѣлокурые волосы, высокій ростъ, короткія бороды и обдуманная тщательная пригонка оружія и лошадиной сбруи, показывали что всадники происходятъ изъ племени болѣе воинственнаго, чѣмъ дѣти юга. Кавалькада заключалась челоувѣкомъ почти гигантскаго роста: онъ везъ богато-украшенное знамя, на которомъ была вышита колонна, съ надписью «одна среди развалинъ.» Очарователенъ былъ ландшафтъ, который съ каждымъ шагомъ дѣлался все красивѣе и разнообразнѣе. Прямо впереди лежала длинная равнина, то покрытая зеленымъ лѣсомъ, сіяющимъ въ золотыхъ лучахъ солнца, то образуя узкія площадки между пригорками, на которыхъ, среди мховъ всякаго цвѣта, росли фантастическіе и душистые кустарники. Извивавшійся среди ихъ широкій и серебристый потокъ сіялъ частыми промежутками; по мѣстамъ онъ скрывался отъ глазъ лѣсомъ и пригорками, а потомъ вдругъ появлялся въ видѣ блистательнаго и внезапнаго сюрприза. Противуположныйъ склонъ красивыхъ горъ, также какъ и тотъ, съ котораго теперь спускалась кавалькада, былъ покрытъ виноградниками, образующими своды и аллеи; кисти винограда выглядывали изъ подъ зеленыхъ лоснящихся листьевъ такъ весело, какъ будто бы фавны задавали праздникъ подъ ихъ тѣнью. Взглядъ кавалера разсѣянно блуждалъ по этому очаровательному ландшафту, озаренному самымъ яркимъ свѣтомъ тосканскаго неба, и потомъ, съ болѣе напряженнымъ вниманіемъ, остановился на сѣрыхъ и угрюмыхъ стѣнахъ отдаленнаго замка, который, стоя на самой крутой возвышенности сосѣднихъ горъ, господствовалъ надъ долиною.

— Вотъ, прошепталъ онъ про себя, какъ всякій эдевъ въ Италіи имѣетъ свое проклятіе! Во всѣхъ самыхъ прекрасныхъ мѣстахъ можно быть увѣреннымъ — найти палатку разбойника, или замокъ тирана!

Вдва эти мысли промелькнули въ его умѣ, какъ вся группа издрогнула отъ пронзительнаго и внезапнаго звука рога, раздававшагося близко между виноградниками возлѣ тропинки. Кавалькада вдругъ

становилась. Предводитель далъ знакъ оруженосцу, который велъ боевого коня. Благородное и привычное животное оставалось совершенно спокойнымъ, только нетерпѣливо грызло удила и быстро шевелило ушами, какъ будто зная о приближающейся опасности. Оруженосецъ, не обремененный тяжелою нѣмецкою броней, бросился въ самую густую чащу и исчезъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился, задыхаясь отъ жара и усталости.

— Мы должны быть осторожны, прошепталъ онъ; я видѣлъ блескъ тали за виноградными листьями.

— Наша позиція неудачно выбрана, сказалъ рыцарь, поспѣшно адвѣвая племъ и вскакивая на боевого коня. И, указавъ рукою на ольѣ широкое мѣсто дороги, которое представляло всадникамъ больше простора для совокупнаго дѣйствія, онъ съ своимъ маленькимъ традомъ поспѣшно направился туда. Латы всадниковъ, ѣхавшихъ одна въ рядъ, тяжело гремѣли.

Пространство, на которое указалъ кавалеръ, представляло довольно обширный зеленый полукругъ, защищенный съ тылу густымъ устарникомъ, спускающимся оттуда на долину. Они доѣхали туда безопасно и выстроились другъ возлѣ друга въ видѣ полумѣсяца: съ опустили свои наличники, кромѣ рыцаря, который безпокойно зорко оглядывалъ окрестность.

— Не слыжалъ ли ты, Джуліо, сказалъ онъ, своему любимому оруженосцу (единственному итальянцу въ группѣ) появлялись ли въ последнее время разбойники въ этихъ мѣстахъ?

— Нѣтъ, синьоръ, напротивъ того я слышалъ, что всѣ они остались страну, чтобы присоединиться къ Вольшой Компаніи Фра-Мозала. Большая плата, которую онъ даетъ, и добыча переманили къ нему наемныхъ солдатъ отъ всѣхъ тосканскихъ синьоровъ.

Едва сказаны были эти слова, какъ снова раздался звукъ рога почти въ томъ же мѣстѣ, гдѣ прежде. На него отвѣчалъ короткий звенный сигналъ, какъ разъ сзади всадниковъ. Въ ту же минуту между находившимися въ тылу кустарниками засіяли копья и кольчуги. Оттуда, одинъ за однимъ, рядъ за рядомъ показались вооруженные люди, между тѣмъ какъ спереди изъ за виноградныхъ део-евъвъ устремилось еще больше число воиновъ, съ громкими и дикими криками.

— За Нюга, императора и Колонну! вскричалъ рыцарь, опуская наличникъ; и небольшой отрядъ, плотно сомкнувшись, съ копьями а перевѣсь, бросился на переднихъ непріятелей. Нѣсколько десятковъ ихъ, опрокинутые стремительною атаккой, очистили дорогу для всадниковъ и, не ожидая нападенія остальныхъ, рыцарь повернулъ боевого коня и поѣхалъ съ холма почти полнымъ галопомъ, не смотря на трудность спуска. Туча стрѣлъ, пущенная въ нихъ, не могла ничего сдѣлать ихъ желѣзнымъ кольчугамъ.

— Если у нихъ нѣтъ лошадей, то мы спасены! вскричалъ рыцарь.

И въ самомъ дѣлѣ непріятели, казалось, не думали ихъ преслѣ-

донать; но, собравшись на вершинѣ холма, довольствовалося тѣмъ, что смотрѣли на ихъ бѣгство.

Вдругъ внезапный поворотъ дороги привелъ бѣгущихъ на широкую и пустую долину, которая представляла почти ровную поверхность и раскинулась у подошвы горы. Въ началѣ этой долины они увидѣли длинный рядъ всадниковъ, которыхъ извивы дороги до сихъ поръ скрывали отъ глазъ рыцаря и его спутниковъ. Солнце озаряло латы воиновъ, стоявшихъ безмолвнымъ и неподвижнымъ строемъ.

Маленькій отрядъ вдругъ остановился. Отступленіе и движеніе впередъ одинаково были отрѣзаны. Взглянувъ сперва на этого новаго непріателя, который былъ подобенъ облаку, всѣ обратили глаза свои на рыцаря.

— Если ты хочешь, синьоръ, сказалъ предводитель нѣмецкихъ солдатъ, замѣтивъ нерѣшимость вождя, мы будемъ биться до конца. Ты единственный итальянецъ, за котораго я охотно готовъ умереть!

Это простое изъявленіе преданности сопровождалось знаками сочувствія со стороны остальныхъ, и солдаты плотнѣе сомкнулись вокругъ рыцаря.

— Нѣтъ, храбрые товарищи, сказалъ Колонна, поднимая наличникъ, намъ не суждено погибнуть въ такой безславной битвѣ, послѣ столь разнообразныхъ приключеній. Если это разбойники, какъ надо предполагать, то мы можемъ купить у нихъ пропускъ. Если это — войско какого нибудь синьора, то мы чужды его распрямъ. Дай мнѣ это знамя. Я поѣду къ нимъ.

— Нѣтъ, мой синьоръ, сказалъ Джуліо; эти мародеры не всегда уважаютъ парламентарскій флагъ. Въ этомъ есть опасность.

— Твой предводитель презираетъ ее. Скорѣй!

Рыцарь взявъ знамя и медленно поѣхалъ къ всадникамъ. Приблизясь къ нимъ, и окинувъ ихъ взглядомъ воина, онъ не могъ не удивляться совершенству ихъ оружія, силѣ и красотѣ ихъ лошадей и твердой дисциплинѣ ихъ длиннаго и блестящаго строя.

Когда онъ подѣзжалъ, держа въ рукахъ великолѣпное знамя, сіявшее въ лучахъ полудня, солдаты привѣтствовали его. Это было хорошимъ знакомъ, какъ и самъ онъ думалъ.

— Я пріѣхалъ, сказалъ онъ имъ, какъ герольдъ и предводитель маленькаго отряда, который только что спасся отъ неожиданнаго нападенія вооруженныхъ людей на томъ холмѣ;—я прошу помощи, какъ рыцарь у рыцаря и солдатъ у солдата, и отдаю моихъ воиновъ подъ покровительство вашего начальника. Позвольте мнѣ увидѣться съ нимъ.

— Господинъ рыцарь, отвѣчалъ одинъ, повидимому главный изъ нихъ, мнѣ непріятно арестовать человека, имѣющаго такой благородный видъ какъ вы, тѣмъ болѣе, что на вашемъ знамени я вижу девизъ одного изъ самыхъ могущественныхъ домовъ Италіи. Но намъ отданы строгія приказанія, и мы должны отводить всѣхъ вооруженныхъ людей въ лагерь нашего вождя.

— Я долго былъ въ отсутствіи изъ моей родины и не зналъ, что въ Тосканѣ теперь война, отвѣчалъ рыцарь. Позвольте мнѣ узнать имя вождя, о которомъ выговорите, и врага, противъ котораго вы сражаетесь.

Капитанъ слегка улыбнулся.

— Начальникъ Великой Компаніи—Вальтеръ де Монреаль, а его терпѣливый врагъ — Флоренція.

— Значить, мы попали въ дружескія, хотя и жесткія руки, сказалъ рыцарь послѣ минутной паузы. Я давно знакомъ съ Вальтеромъ де Монреалемъ. Позвольте мнѣ вернуться къ моимъ товарищамъ и сказать имъ, что если случай сдѣлаетъ насъ плѣнниками, то по крайней мѣрѣ мы принуждены покориться одному изъ самыхъ искусныхъ воиновъ нашего времени.

И италіанецъ повернулъ свою лошадь, чтобы поѣхать къ своимъ спутникамъ.

— Благородный рыцарь и смѣлый у него видъ сказалъ капитанъ компаніоновъ своему сосѣду, хотя едвали это тотъ отрядъ, который намъ вѣрно захватить. Однакоже слава Богу, кажется, его люди съ сѣвера. Можетъ быть, есть надежда завербовать ихъ въ наши ряды.

Рыцарь съ своими товарищами теперь подѣхалъ къ войску. Взявъ съ нихъ слово не дѣлать попытки къ бѣгству, капитанъ отрядилъ тридцать человекъ, чтобъ отвести плѣнниковъ въ лагерь Великой Компаніи.

Поворотивъ съ большой дороги, рыцарь увидѣлъ себя въ узкомъ ущельи между холмами, которые, смѣнясь мрачною тропинкою среди дикой лѣсистой мѣстности, привели путниковъ къ неожиданному и открытому виду обширной равнины. Тамъ расположены были въ палаткахъ войска, которыя тогда считались достаточно сильными, чтобъ вести войну въ Италіи. Всадниковъ отдѣляла отъ лагеря только рѣчка, чрезъ которую перекинуты были мосты, грубо и наскоро построенные изъ деревъ сосѣдняго лѣса.

— Благородное зрѣлище! сказалъ плѣнный кавалеръ съ энтузіазмомъ, осаживая коня и глядя на красивые ряды палатокъ, образующихъ вдоль и поперекъ широкія и правильныя улицы.

Одинъ изъ начальниковъ Великой Компаніи, ѣхавшій съ нимъ рядомъ, самодовольно улыбнулся.

— Мало есть мастеровъ военного искусства равныхъ де-Монреалу, сказалъ онъ. Его войска грубы, лѣнны и собраны изъ всѣхъ мѣстъ и странъ, изъ пещеръ, рынковъ, изъ тюремъ и изъ дворцовъ, и однакоже онъ успѣлъ уже довести ихъ до дисциплины, которая могла бы пристыдить солдатъ имперіи.

Рыцарь не отвѣчалъ, но припширивъ коня и переѣхавъ чрезъ одинъ изъ грубыхъ мостовъ, онъ очутился среди лагеря. Но та часть, въ которую онъ вѣхалъ, мало оправдывала похвалы, расточаемыя дисциплинѣ арміи. Кавалеръ, привыкшій къ строгой регулярности англійской, французской и нѣмецкой дисциплины, подумалъ, что ему никогда не случалось видѣть болѣе безпорядочной и

неугомонной толпы. Тамъ и сямъ видны были свирѣпые, небритые, полунагіе разбойники, которые гнали предъ собою скоть, только что добытый грабежомъ. Кой гдѣ стояли группы развратныхъ женщинъ, которыя, болтая, ругаясь и жестикулируя, толпились вокругъ дикихъ и косматыхъ воиновъ; эти послѣдніе, не смотря на чистую ясность лѣтнаго полдня, уже заняты были крѣпкими напитками. Проклятія, хохотъ, дикія ссоры, раздавались повсюду; и повременамъ между дикими и свирѣпыми *bravi* Калабріи и Аппенинъ, начинались и оканчивались драки на ножахъ въ виду войска и почти на самой дорогѣ. Фигляры, фокусники и еврей-разношники, повидимому привыкшіе къ беззаконному и буйному рынку, на которомъ они управляли свои различныя ремесла, показывали свои штуки или товары въ каждомъ промежуткѣ. Не смотря на защиту со стороны конвоировавшихъ всадниковъ, пѣвникамъ не удалось пройти спокойно. Группы злыхъ, неопрятныхъ, оборванныхъ мальчишекъ, казалось, выскакивали изъ земли и окружали ихъ лошадей, подобно рою пчелъ, издавая самыя несогласныя крики; съ жестами дикарей, они скорѣе требовали, чѣмъ просили денегъ, и получая ихъ, чрезъ то дѣлались, повидимому, еще болѣе жадными. Но временамъ въ толпѣ были видны свѣтлые глаза, оливковыя щеки и полу-умоляющія, полу-веселыя улыбки дѣвухъ, которыхъ нѣжная молодость, едва переступившая за черту дѣтства, дѣлала вдвойнѣ поразительнымъ ихъ крайнее и безвыходное распутство.

— Вы не преувеличивали порядокъ Великой Компаніи! сказали съ важностью рыцарь своему новому знакомцу.

— Сеньоръ, отвѣчалъ тотъ, вы не должны судить о зрячѣ по скорлупѣ. Мы едва только доѣхали до лагеря. Это край его, занимаемый скорѣй сволочью, чѣмъ солдатами. Надо представить, что двадцать тысячъ человекъ всякаго сброда со всѣхъ городовъ Италіи сопровождаютъ лагерь, чтобы сражаться въ случаѣ нужды, но болѣе для добычи и грабежа. — Этотъ сбродъ вы теперь видите. Скоро вы увидите людей другого сорта.

Сердце рыцаря обжилось кровью. И Италія отдана въ добычу такимъ людямъ! думалъ онъ. Его мысли были прерваны вдругъ раздавшимися возлѣ него одобреніями шарующихъ. Онъ повернулъ голову. Въ длинной палаткѣ, за столомъ, уставленномъ яствами и виномъ, сидѣло тридцать или сорокъ человекъ бандитовъ. Оборванный минестрель, или фигляръ, съ огромными усами и бородой, игралъ съ немалымъ искусствомъ на лютнѣ, которая сопровождала его во всѣхъ странствованіяхъ; и вдругъ, измѣнивъ звуки ея въ дикую и воинственную мелодію, онъ, громкимъ и густымъ голосомъ, началъ пѣть похвалу Великой Компаніи.

За нимъ кричалъ полный хоръ отчаянныхъ гулякъ; и по ширѣ того, какъ хорошо извѣстныя въ лагерѣ пѣсни доходили до слуха болѣе отдаленныхъ группъ или одинокихъ солдатъ, они подхватывали и повторяли ее, и въ такомъ видѣ эффектъ этой дикой и причудливой музыки былъ невыразимъ. Невозможно было не почувствовать увлеченія, которое сообщала эта отважная жизнь своимъ

отважнымъ приверженцамъ , и даже благородный и величавый рыцарь, слушая пѣсню, упрекалъ себя за невольный трепетъ симпатій и удовольствій.

Онъ повернулся съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ и раздражительностью къ своему товарищу, принявшему тоже участіе въ хорѣ, и сказалъ:

— Синьоръ, эта пѣсня непріятна для ушей итальянскаго нобиля,ознающаго бѣдствіе своей родины. Прошу васъ, ѣдемъ!

— Покорнѣйше прошу вашего извиненія, синьоръ, отвѣчая тотъ,но жизнь вольныхъ солдатъ, подъ начальствомъ фра Мореале, въ самомъ дѣлѣ такъ привлекательна, что иногда мы забываемъ; но извините меня, поѣдемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, перескочивъ черезъ узкій окопъ, всадники очутились въ части лагеря, которая тоже была оживлена, но совершенно другимъ образомъ. Длинные ряды вооруженныхъ людей были выстроены по обѣ стороны дороги, которая вела къ большой палаткѣ съ голубымъ флагомъ, стоявшей на маленькомъ пригоркѣ. По этой дорогѣ вооруженные солдаты шли назадъ и впередъ въ большомъ порядкѣ, съ веселымъ и довольнымъ выраженіемъ на загорѣлыхъ лицахъ. Шедшіе къ палаткѣ несли узлы и тюки на плечахъ; возвращавшіеся оттуда, казалось, освободились отъ своихъ ношъ, но по временамъ нетерпѣливо открывая ладонь, казалось, считали и пересчитывали про себя находившуюся тамъ монету.

Рыцарь вопросительно взглянулъ на своего спутника.

— Эта палатка купцевъ, сказалъ капитанъ, они имѣютъ свободный доступъ въ лагерь, ихъ собственность и личность строго уважаются. Они покупаютъ у каждаго солдата часть добычи за настоящія цѣны и обѣ стороны довольны сдѣлкою.

— Значить, у васъ наблюдается нѣчто въ родѣ грубой справедливости, сказалъ кавалеръ.

— Грубой! Diavolo! Нѣтъ, въ Италіи города, который не былъ бы радъ обладать такою равною справедливостью и такими безпристрастными законами. Вонъ тамъ находятся палатки судей, назначенныхъ для разбора всѣхъ проступковъ солдата, противъ солдата. Направо въ палаткѣ съ золотымъ шаромъ живетъ казначей арміи. Фра Мореале не допускаетъ никакихъ недоумокъ въ уплатѣ солдатамъ жалованья. Все здѣсь внутри подобно колесамъ машины, но самая машина, признаюсь, причиняетъ довольно безпорядка внѣ.

Въ самомъ дѣлѣ такими именно средствами рыцарь св. Іоанна сформировалъ наилучшимъ образомъ снаряженную и самую довольную армію въ Италіи. Каждый день къ нему прибывали новые рекруты. Между наемниками Италіи только и толковъ было что о богатствѣ приобретаемомъ въ его службѣ, и каждый воинъ, бывшій на жалованьи республики, или какого нибудь князя, вздыхалъ о вольномъ знамени Фра-Мореале. Преувеличенные рассказы о счастьи, какое можно составить себѣ въ рядахъ Великой Компаніи, перешли уже за Альпы; и даже теперь рыцарь, проникнувъ глубже въ ла-

геръ, увидѣлъ надъ многими палатками гордыя знамена и гербы нѣмецкаго дворянства и гальскаго рыцарства.

— Вы видите, сказалъ вольный компаньонъ указывая на эти знаки, въ нашемъ дикомъ городѣ тоже есть различіе въ рангахъ. И теперь, между тѣмъ какъ мы разговариваемъ, много зюютъ ишпоръ спѣшить сюда съ сѣвера.

Въ части, въ которую они теперь вѣхали, все было спокойно и торжественно; только издали изъ оставшагося позади ихъ пандемоніума доносился смѣшанный шумъ или внезапный крикъ, которые, будучи смягчены разстояніемъ, дѣлались довольно пріятнымъ звукомъ. Кое когда солдатъ переходившій ихъ дорогу, молчаливо и украдкою пробирался къ какой нибудь сосѣдней палаткѣ и, казалось, едва обращалъ вниманіе на нихъ.

— Вотъ мы предъ палаткою вождя, сказалъ спутникъ кавалера.

Украшенная пурпуромъ и золотомъ, палатка Монреала стояла нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ. Ручеекъ отъ рѣки, чрезъ которую они переѣхали, пріятно журчалъ; высокій и широкъ раскинувшійся дубъ бросалъ свою тѣнь на великолѣпную ставку.

Люди рыцаря остались внѣ ея, а самъ онъ былъ введенъ къ страшному авантюристу.

II.

Адрианъ опять въ гостяхъ у Монреала.

Монреаль сидѣлъ во главѣ стола, окруженнаго людьми, частью военными, частью гражданскими, которыхъ онъ называлъ своими совѣтниками, и съ которыми, повидимому, совѣщался обо всѣхъ своихъ планахъ. Эти люди, взятые изъ разныхъ городовъ, были близко знакомы съ внутренними дѣлами государствъ, къ которымъ принадлежали. Они могли въ подробности разсказать о силѣ и возможности, о богатствѣ купцовъ и о могуществѣ черни. И такимъ образомъ въ своемъ лагерѣ Монреаль предсѣдательствовалъ сколько въ качествѣ полководца, столько и въ качествѣ государственнаго челоука. Подобныя свѣдѣнія были неоцѣненны для вождя Великой Компаніи. Они давали ему возможность въ точности рассчитать время для нападенія на врага и сумму, которую можно потребовать за прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій. Онъ зналъ съ какими партіями надо имѣть дѣло, гдѣ настаивать, и гдѣ быть снисходительнымъ. И обыкновенно случалось, что вслѣдствіе какой-то тайной интриги, появленіе Монреалева знамени подъ стѣнами города было сигналомъ для какого либо возмущенія или раздора внутри его. Не жетъ быть, онъ такимъ образомъ давалъ ходъ столько же своей будущей, сколько и настоящей политикѣ.

Совѣщаніе было въ полномъ разгарѣ, когда вошелъ одинъ офицеръ и прошепталъ нѣсколько словъ на ухо Монреалу. Глаза вождя засверкали.

— Введи его, сказалъ онъ поспѣшно. Господа, прибавилъ онъ, обращаясь къ совѣтникамъ и потирая руки, кажется, наша вѣща подалась къ намъ въ сѣти. Посмотримъ.

Въ эту минуту драпировка была поднята и рыцарь вошелъ.

— Какъ! пробормоталъ Монреаль, измѣнившись въ лицѣ, и очевидно обманутый въ своихъ ожиданіяхъ. Неужели мнѣ суждено всегда терпѣть такіа неудачи?

— Синьоръ Вальтеръ-де-Монреаль, сказалъ плѣнникъ, я еще разъ васъ въ гостяхъ. Въ моихъ измѣнившихся чертахъ вы вѣроятно узнаете Адріана-ди-Кастелли.

— Извините меня, благородный синьоръ, отвѣчалъ Монреаль, вставая съ большою вѣжливостью; ошибка моихъ холоповъ разстроила на минуту мою память. Я радъ еще разъ пожать руку, которая прибрѣла такъ много лавровъ со времени нашего послѣдняго свиданія. Ваша слава была пріятна для моего слуха. Эй! продолжалъ онъ, всплеснувъ руками, позаботьтесь о закускѣ и отдыхѣ этого благороднаго кавалера и его свиты. Синьоръ Адріанъ, я сейчасъ риду къ вамъ.

Адріанъ вышелъ. Монреаль, забывъ о своихъ совѣтникахъ, началъ ходить по палаткѣ скорыми шагами, потомъ, позвавъ офицера, тотрій ввелъ Адріана, сказалъ:

— Графъ Ландау все еще занимаетъ проходъ?

— Да, генераль.

— Такъ скорѣй побѣзжай туда—засада должна оставаться тамъ до юли. Мы поймали не ту лисицу.

Офицеръ отправился и скоро послѣ того Монреаль распустилъ солдатъ. Онъ пошелъ къ Адріану, котораго помѣстили въ палаткѣ, стоявшей рядомъ съ его собственною.

— Синьоръ, сказалъ Монреаль, правда, мои люди получили приказъ задерживать всякаго на дорогѣ во Флоренцію; я въ войнѣ съ этимъ городомъ: но я ожидалъ не васъ, а совѣтъ другаго плѣнника. Нужно ли мнѣ прибавлять, что вы и ваши люди свободны?

— Я принимаю вѣжливость съ такою же искренностью, съ какою она сказана. Могу ли я надѣяться въ послѣдствіи отплатить за нее? Между тѣмъ позвольте мнѣ, не нарушая уваженія къ вамъ, сказать, что я избралъ бы другой путь, еслибы зналъ, что Великая Компанія находится въ этой сторонѣ. Я слышалъ, что ваше оружіе было направлено (по моему мнѣнію нѣсколько благороднѣе) противъ Маттесты, тирана Римни.

— Да, онъ былъ моимъ врагомъ, теперь онъ мой даникъ. Мы покорили его. Онъ купилъ у насъ свободу. Мы шли чрезъ Аппьяно на Сьенну. За шестнадцать тысячъ флориновъ, мы пощадили этотъ городъ; и теперь мы висимъ какъ, громовая туча надъ Флоренціею, которая осмѣлилась послать слабую помощь на защиту Римни. Наши марши форсированы и быстры, нашъ лагерь въ этой равнинѣ только что поставленъ.

— Я слышалъ, что Большая Компанія въ союзѣ съ Альберносомъ и что ея начальникъ, втайнѣ, есть воинъ церкви. Правда это?

— Да; Альберносъ и я понимаемъ другъ друга, отвѣчалъ Монреаль небрежно; тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ одного общаго врага,

котораго оба поклялись уничтожить. Это — Висконти, миланскій архіепископъ.

— Висконти! самый могущественный изъ итальянскихъ князей! Я знаю, что гнѣвъ церкви, который онъ навлекъ на себя, справедливъ, и легко могу понять почему Иннокентій отбѣнилъ прощенье, которое выхлопоталъ архіепископъ у Климента VI посредствомъ своихъ происковъ. Но я не совѣтъ ясно вижу, къ чему Монреаль добровольно вызывать этого грознаго и опаснаго врага.

Монреаль сурово засмѣялся.

— Развѣ вы не знаете, сказалъ онъ, обширнаго честолюбія Висконти? Клянусь св. гробомъ, онъ именно тотъ врагъ, съ которымъ встрѣтиться жаждетъ моя душа! Умъ его достоинъ того, чтобы бороться съ умомъ Монреала. Я узналъ его тайные планы: гигантскіе планы! Однимъ словомъ, архіепископъ намѣренъ завоевать всю Италію. Его огромное богатство покупаетъ корыстолюбивыхъ, его коварство обманываетъ легковѣрныхъ, его дерзкая храбрость устрашаетъ слабыхъ. Онъ смиряетъ всякаго врага и порабощаетъ всякаго союзника. Это именно тотъ князь, успѣхи котораго Монреаль не можетъ остановить. Потому что (прибавилъ онъ шопотомъ, какъ-бы про себя) именно этотъ князь, если позволить ему услышиться, разрушитъ планы и уничтожитъ могущество Вальтера де-Монреала.

Адріанъ промолчалъ, и въ первый разъ въ его душѣ мелькнуло подозрѣніе о дѣйствительномъ свойствѣ плановъ провансальца.

— Но, благородный Монреаль, сказалъ онъ потомъ, сообщите мнѣ, если знаете, (а что вы знаете, въ этомъ нельзя сомнѣваться), сообщите мнѣ послѣднія извѣстія о моемъ родномъ городѣ. Я рвлянина и постоянно думаю о Римѣ.

— И справедливо, отвѣчалъ Монреаль съ живостью. Вы знаете, что Альберношъ, какъ легатъ первосвященника, велъ армию доринъ въ папскія земли. Онъ взялъ себѣ Колу ди-Ріензи. Когда они прибыли къ Монте-Фиасконе, толпы римлянъ всякаго званія поспѣшили туда, чтобы отдать честь трибуну. Легатъ былъ заслоненъ популярностью своего товарища. Позавидовалъ-ли Альберношъ, онъ гордъ какъ Люциферъ, уваженію, которое было оказываемо трибуну, и не боялся возстановленія его власти, не знаю. Но онъ задержалъ его въ своемъ лагерѣ и отказался отдать его, не смотря на всѣ настоянія и депутаціи римлянъ. Однако-же онъ искусно достигнулъ одной изъ существенныхъ цѣлей освобожденія Ріензи изъ тюрьмы. Посредствомъ его онъ формальнымъ образомъ возвратилъ подданство Рима папѣ и, обративъ трибуна въ приманку, усилилъ свой лагерь римскими рекрутами. На пути къ Витербо Ріензи блистательно отличился въ сраженіяхъ противъ тирана Іоанна ди-Вико. Мало того, онъ сражался какъ человекъ, достойный принадлежать къ Великой Компаніи. Это усилило рвеніе римлянъ, и половина обитателей города бросилась къ смѣлому трибуну. На мольбы этихъ достойныхъ гражданъ (можетъ быть тѣхъ самыхъ людей, которые нѣкогда заперли своего любимца въ С. Анджело) хитрый легатъ отвѣчалъ: вооружитесь противъ Іоанна ди-Вико, побѣдите тирановъ

церковной территоріи. возстановите наслѣдіе св. Петра и тогда Ріензи будетъ объявленъ сенаторомъ и возвратится въ Римъ. — Эти слова вдохновили римлянъ такимъ усердіемъ, что они охотно помогли легату. Аквипенденте и Больцона сдались, Іоаннъ ди-Вико частію убѣжденіями, частію угрозами доведенъ до покорности, а потомъ покорился и Габріелли, тиранъ Агоббійскій. Слава досталась кардиналу, а заслуга принадлежитъ Ріензи.

— А теперь?

— Альберношъ продолжалъ угощать сенатора большимъ блескомъ и прекрасными словами, но ни слова не говорилъ о возвращеніи его въ Римъ. Уставъ ждать, Ріензи, какъ меня секретно увѣдомили, оставилъ лагерь и съ нѣсколькими приверженцами своими отира-вился во Флоренцію, гдѣ имѣлъ друзей, которые хотѣли снабдить его оружіемъ и деньгами для вступленія въ Римъ.

— А! теперь отгадываю, сказалъ Адріанъ съ полуулыбкою, въ комъ я обманулся!

Монреаль слегка покраснѣлъ.

— Справедливая догадка! сказалъ онъ.

— Между тѣмъ въ Римѣ, продолжалъ провансалецъ и вашъ достойный домъ и домъ Орсини, будучи избраны для верховнаго управленія, поссорились между собою и не могли поддерживать власть, которую приобрѣли. Франческо Барончелли, * новый демагогъ, рабскій подражатель Ріензи, возвысился на развалинахъ мира, разрушеннаго нобіями, получилъ титулъ трибуна и носилъ тѣ самые знаки, какіе употреблялъ его предшественникъ. Но не будучи такъ благоразуменъ какъ Ріензи, онъ принялъ сторону противную намъ. И такимъ образомъ онъ далъ легату возможность противопоставить папскаго демагога узурпатору. Барончелли былъ человѣкъ слабый; сыновья его дѣлали всякія сумасбродства изъ подражанія высоко-

* Этого Барончелли съ которымъ читатель познакомился въ первой части этого сочиненія, Маттео Виллани называетъ человѣкомъ низкаго происхожденія и скуднаго образованія. Онъ былъ нотаріусомъ въ капитоліѣ.

Среди вооруженныхъ распрій между баронами, которые были изгнаны изъ Ріензи, Барончелли вздумалъ сдѣлаться господиномъ капитолія и овладѣть предметомъ считавшимся важнымъ союзникомъ — именно «Большимъ-Колоколомъ», посредствомъ котораго Ріензи такъ часто призывалъ римскій народъ къ оружію. Барончелли сдѣлалъ трибуномъ, облекъ въ мантію съ золотой парчи и далъ ему скипетръ Ріензи. Сначала его жестокость къ знатымъ приняла видъ покровительства слабымъ; но беззастѣно его сыновей и его собственное грубое и смѣлое зѣвство скоро сдѣлали его ненавистнымъ для народа, которому онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Онъ имѣлъ безразсудство объявить себя противъ папы, и это, въ сущности, было главною причиною, побудившею Иннокентія возстановить и противопоставить новому римскому демагогу прежняго, болѣе знаменитаго трибуна. Барончелли, подобно Ріензи, былъ отлученъ, и проклятіе церкви было непосредственною причиною его паденія. Пытался бѣжать, но былъ убитъ чернью въ декабрь 1353. Нѣкоторые, впрочемъ, утверждали, что онъ былъ убитъ въ сраженіи съ Ріензи, а по другимъ, послѣдствіе совѣщности въ чинахъ, онъ умеръ послѣ своего соперника *Matteo Villani, lib VII cap. 78. Osservaz. Stor. di Zefirino Re M. S. Vat Rip. dal Bzovio, ann. 1353. № 3.*

роднымъ тиранамъ Падуи и Милана. Развратъ ихъ, нещадившій чести замужнихъ и незамужнихъ женщинъ, составлялъ контрастъ съ важнымъ и величественнымъ приличіемъ правленія Ріензи; — наконецъ Барончелли былъ убитъ народомъ. А теперь, если вы спросите кто управлялъ Римомъ, я отвѣчу: надежда на возвращеніе Ріензи.

— Странный человѣкъ и разнообразная судьба! Каковъ будетъ конецъ обоихъ?

— Скорое умерщвленіе перваго и вѣчная слава послѣдняго, отвѣчалъ Монреаль спокойно. Ріензи будетъ возстановленъ; этотъ доблистный фениксъ чрезъ бури и облака пойдетъ самъ къ своему погребальному костру: я предвижу, я сострадаю, я поклоняюсь ему! А затѣмъ, прибавилъ Монреаль, я смотрю *дальше*!

— Но почему вы такъ увѣрены, что, въ случаѣ возстановленія, Ріензи долженъ пасть?

— Не ясно ли это для глазъ всякаго, кромѣ Ріензи, котораго ослѣпляетъ честолюбіе? Какъ можетъ человѣческій умъ, какъ бы ни былъ онъ великъ, управлять этимъ въ высшей степени испорченнымъ народомъ, опираясь на популярныя средства? Бароны, — вы знаете неукротимую свирѣпость вашего сословія въ Римѣ, сроднившіеся съ злоупотребленіемъ и гнушающіеся даже видомъ закона, смиряясь на минуту, будутъ выжидать случая и возстанутъ. Народъ опять измѣнитъ, или же, сдѣлавшись вслѣдствіе опыта благоразумнѣе въ одномъ отношеніи, новый сенаторъ увидитъ, что благосклонность народа громко кричить, но трусливо защищаетъ. Подобно баронамъ, онъ окружитъ себя чужеземными солдатами. Отрадь Великой Компаніи будетъ составлять его дворъ; эти люди сдѣлаются его господами! Чтобы имъ платить, надо обложить народъ податью. Тогда идола начнутъ проклинать. Никакой итальянецъ не можетъ управиться съ этими дерзкими демонами сѣвера, они взбунтуются и отстанутъ. Явится какой нибудь новый демагогъ и Ріензи будетъ жертвою. Замѣьте мое пророчество!

— Ну, а это *дальше*, куда вы смотрите?

— Совершенное ниспроверженіе Рима на много вѣковъ, Богъ не создаетъ двухъ Ріензи, отвѣчалъ Монреаль или, прибавилъ онъ гордо, влітіе новой жизни въ это изнуренное и больное тѣло, основаніе новой династіи. Глядя вокругъ себя я, право, думаю, что правитель народовъ предопредѣлилъ возстановить югъ посредствомъ вторженія сѣвера, и что изъ древней Франкской и германской расы будутъ построены троны будущаго міра!

Когда Монреаль говорилъ такимъ образомъ, наклонившись надъ своимъ большимъ мечомъ, то, при своихъ геройскихъ чертахъ, запечатлѣнныхъ энтузіазмомъ и мыслію, и которыхъ откровенное, смѣлое и безстрашное выраженіе было такъ отлично отъ выраженія мрачнаго и коварнаго ума, характеризующаго черты юга; онъ могъ бы показаться приличнымъ представителемъ генія сѣвернаго рыцарства, о которомъ говорилъ. И Адрианъ готовъ былъ воображать, что видитъ передъ собою одного изъ древнихъ готскихъ вѣщей западнаго міра.

Здѣсь ихъ разговоръ былъ прерванъ звукомъ трубы, и вслѣдъ за тѣмъ вошедшій офицеръ возвѣстилъ о прибытіи пословъ изъ Флоренціи.

— Еще разъ извините меня, благородный Адріанъ, сказалъ Монреаль, и позвольте васъ просить быть моимъ гостемъ по крайней мѣрѣ на эту ночь. Здѣсь вы можете отдохнуть безопасно, а когда отправитесь въ путь, мои люди проводятъ васъ до границъ какой бы то ни было территоріи, которую вамъ угодно будетъ посѣтить.

Адріанъ, будучи не прочь побыть дольше съ такимъ знаменитымъ человекомъ, принялъ приглашеніе.

Оставшись одинъ, онъ склонилъ голову на руку и погрузился въ размышленія.

III.

ВѢРНАЯ И НЕСЧАСТНАЯ ЛЮБОВЬ. СТРЕМЛЕНІЯ ПЕРЕЖИВАЮТЪ ПРИВЯЗАННОСТИ.

Послѣ страшнаго часа, когда Адріанъ Колонна видѣлъ безжизненное тѣло своей обожаемой Ирены, молодой римлянинъ перенесъ обыкновенныя превратности бродячей и отважной жизни того тревожнаго времени. Отечество, казалось, утратило для него свою цѣну. Самый рангъ его, устранилъ его отъ участія, которое онъ думалъ принять въ возстановленіи свободы Рима, и онъ чувствовалъ, что если когда нибудь совершится подобная революція, то ее проведетъ человекъ, въ происхожденіи и привычкахъ котораго народъ можетъ чувствовать симпатію и сродство, и который бы могъ поднять руку въ его защиту, не дѣлаясь отступникомъ отъ своего сословія и судьбою своей собственной семьи. Онъ посѣтилъ различные дворы и со славою служилъ въ разныхъ лагеряхъ. Онъ былъ любимъ и уважаемъ повсюду, гдѣ на время поселялся, но никакая перемѣна мѣста не могла прогнать его меланхолію, никакія новыя узы не уничтожили воспоминанія объ утраченномъ. Въ этотъ вѣкъ страстнаго и поэтическаго романтизма, котораго Петрарка скорѣе былъ представителемъ, чѣмъ творцомъ, любовь начала уже принимать болѣе нѣжный и святой характеръ, нежели какому она отличалась прежде; она постепенно пропитывалась божественнымъ духомъ, который она заимствуетъ отъ христіанства и который соединяетъ ея печали на землѣ съ ея небесными видѣніями и надеждами. Для того, кто уповаетъ на безсмертіе, вѣрность къ умершимъ легка, потому что смерть не можетъ уничтожить его надежду и душа его уже на половину въ загробномъ мірѣ. Только въ вѣкъ, который отчаявается въ будущей жизни и представляетъ смерть какъ вѣчную разлуку, люди, потосковавъ нѣкоторое время о умершихъ, сѣмъ примирить себя съ живыми. Старинный афоризмъ, что любовь не существуетъ безъ надежды, справедливъ. И все то обожаніе, которое воклюзскій пустынникъ дѣйствительно или притворно чувствовалъ къ Лаурѣ, нашло свой храмъ въ опустѣломъ сердцѣ Адріана Колонны. Любовь его носила на себѣ сильный отпечатокъ того

времени. Среди своихъ путешествій изъ страны въ страну, часто онъ, проходя возлѣ стѣнъ какой нибудь тихой и уединенной обители, помышлялъ о серьезныхъ обѣтахъ и внутренно рѣшалъ, что монастырь будетъ его убѣжищемъ въ болѣе зрѣлыя лѣта. Однакоже отсутствіе, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ, въ нѣкоторой степени возстановило его ослабѣвшую и колебавшую привязанность къ родинѣ и онъ желалъ опять посѣтить городъ, гдѣ въ первый разъ увидѣлъ Ирону. Можетъ быть, думалъ онъ, время выработало какую либо неожиданную поремѣну, и я еще могу помочь возстановленію моей родины.

Но къ этому патриотизму не было примѣшано никакого честолюбія. Среди жаркой сцены дѣйствія, гдѣ стремленіе къ могуществу, казалось, кипѣло въ груди cadaго, а Италия сдѣлалась эльдорадомъ богатства или утопіею власти, изъ многихъ тысячъ храбрыхъ рукъ и предпріимчивыхъ умовъ, была по крайней мѣрѣ одна грудь, въ которой жила настоящая философія отшельника. Натура Адріана, хотя храбрая и мужественная, была страннымъ образомъ напштана изысствомъ темперамента, который удаляется отъ грубаго соприкосновенія и для котораго просвѣщенная и образованная праздность составляетъ высшую роскошь. Его воспитаніе, опытность, умъ поставили его далеко впередъ вѣка, и онъ съ гордымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на грубыя низости и подлые уловки, посредствомъ которыхъ итальянское честолюбіе пробивало себѣ дорогу къ власти. Возвышеніе и паденіе Ріензи, который, не смотря на свои недостатки, былъ, по крайней мѣрѣ, самымъ чистымъ и честнымъ изъ властителей своего вѣка, обязаннымъ себѣ самымъ своимъ возвышеніемъ, заставляло Адріана отчаяваться въ успѣхѣ безкорыстныхъ стремленій, а стремленій эгоистическихъ онъ гнушался. Мечтательная меланхолія, слѣдствіе его несчастной любви, еще болѣе способствовала къ тому, чтобы отклонить его отъ пошлыхъ и избитыхъ житейскихъ цѣлей. Его духъ былъ исполненъ красоты и поэзіи, хотя и не находилъ исхода для своихъ ощущеній въ дѣйствительномъ занятіи поэта. Закрытыя внутри, эти ощущенія разливались на всѣ его мысли и налагали на всю его душу свой отпечатокъ. Иногда въ блаженномъ забытіи своихъ видѣній, онъ представлялъ себѣ жребій, который бы онъ избралъ, еслибы Ирена была жива, и судьба соединила бы ихъ. Онъ напелъ бы мѣсто, далеко отъ безпокойнаго и пошлаго римскаго шума, среди какого-либо еще неоскверненнаго уединенія очаровательной итальянкой почвы. Предъ глазами его возникалъ пріятный ландшафтъ, дворецъ у береговъ тихаго озера, виноградники въ долинѣ, темныя лѣса на холмѣ, и этотъ домъ пріютъ и убѣжище всей поэзіи и любви Итали, озаренный «сіяніемъ ангельской улыбки» (*l'ampreggiar dell'angelico riso*), которое дѣлаетъ любимое лицо нашимъ раемъ. Часто, увлекшись этими грезами до совершеннаго забвенія своей утраты, молодой странникъ вдругъ падалъ съ высоты своего идеальнаго блаженства и видѣлъ вокругъ себя пустынную дорогу или освѣщенную

нуую военныя палатки, или, что всего хуже, толкотню и пирь какого-нибудь иностраннаго двора.

Заняты или нѣтъ были въ эту минуту его мысли подобными мечтами, вызванными, можетъ быть, пениемъ брата Ирены, которое всегда пробуждало въ немъ цѣлую стѣю образовъ, Колонна предавался задумчивости и самоуглубленію. Онѣ были прерваны его оруженосцемъ, который, въ сопровожденіи слугъ Монреаля, принесть ему обильную закуску. Сосуды съ лучшими флорентинскими винами, блюда, приготовленныя со всѣмъ искусствомъ, котораго, къ сожалѣнію, теперь уже нѣтъ въ Италіи. Серебряные и золотые кубки и подносы, устланные грубо обдѣланными драгоценными камнями, свѣдѣтельствовали о княжеской роскоши, царствовавшей въ лагерѣ Восточной Компаніи. Но Адріанъ во всемъ этомъ видѣлъ единственно ограбленіе своей павшей родины, и такой блескъ казался ему почти оскорбленіемъ. Скоро окончивъ свой обѣдъ, онъ началъ томиться скукою въ палаткѣ; и, соблазненный холоднымъ воздухомъ наступающаго вечера, вышелъ. Онъ направился вдоль по ручью, который, блестя, извивался какъ змѣя возлѣ палатки Монреаля, и найдя довольно уединенное мѣсто въ сторонѣ отъ савокъ, сѣлъ на берегу потока.

Послѣдніе лучи солнца дрожали въ волнахъ, которыя съ пріятнымъ шумомъ прыгали по каменному руслу; среди мелкаго кустарника на другомъ берегу раздавались короткія, минутныя пѣсни тѣхъ болѣе смѣлыхъ обитателей этого пурпурнаго воздуха, которыхъ шумъ лагерь не выгналъ изъ ихъ земнаго убѣжища. Облака неподалеку стояли на западѣ, на этомъ темно и густо голубомъ небѣ, которое любили изображать Клодъ и Роза на своихъ ландшафтахъ; очаровательныя темнорозовыя краски собрались надъ стѣрыми вершинами отдаленныхъ Аппенинъ. Издали доносился шумъ лагерь, прерываемый ржаніемъ коней, случайнымъ звукомъ рога и, въ регулярныхъ промежуткахъ, тошотомъ вооруженной поступи ближайшихъ часовыхъ. Противъ лѣвой стороны кустарника, на возвышенности, покрытой тростникомъ, мохомъ и колеблющимися кустами стояли развалины какой-то старинной этрусской стѣны, или какого-то зданія, котораго имя погинуло, котораго цѣль была неизвѣстна.

Мѣстность была такъ спокойна и красива, что почти невозможно было вообразить ее въ этотъ самый часъ жилищемъ свирѣпыхъ соединившихся между собою разбойниковъ, у большей части которыхъ человѣческая душа огрубѣла до скотства, и для которыхъ убійство и грабежъ сдѣлались обычнымъ занятіемъ жизни.

Погруженный въ свои думы и безсознательно бросая камни въ шумный ручей, Адріанъ былъ пробужденъ звукомъ шаговъ.

— Хорошее мѣсто для того, чтобы слушать лютни и баллады Прованса, сказалъ голосъ Монреаля, когда рыцарь св. Іоанна бросился на траву возлѣ молодаго Колонны.

— Такъ въ васъ сохранилась прежняя любовь къ вашимъ національнымъ мелодіямъ? сказалъ Адріанъ.

— Да, я не пережилъ еще *всей* моей молодости, отвѣчалъ Мон-

реаль съ легкимъ вздохомъ. Но такъ или иначе, пѣсни, которыя нѣкогда нравились моему воображенію, идутъ теперь прямо къ моему сердцу. Поэтому, хотя я по прежнему съ удовольствіемъ принимаю пѣсенника и минестреля, но я прошу ихъ спѣть что-нибудь *самое новое*. Я уже не могу желать опять услышать фантазіи, которыя слышалъ, когда *былъ молодъ*.

— Извините меня, сказалъ Адріанъ съ большимъ участіемъ, но я очень желалъ бы (хотя тайное опасеніе мѣшало мнѣ сдѣлать это до сихъ поръ) спросить васъ о той прекрасной дамѣ, съ которою семь лѣтъ тому назадъ мы смотрѣли на лунный свѣтъ, сіявшій на душистыхъ апельсинныхъ рощахъ и розовыхъ водахъ Террачины.

Монреаль отвернулъ свое лицо, положилъ руку на плечо Адріана и прошепталъ густымъ и хриплымъ голосомъ:

— Я теперь одинокъ!

Адріанъ молча пожалъ ему руку. Его не мало поразило извѣстіе о смерти этой нѣжной, милой и несчастной женщины. Монреаль продолжалъ.

— Обѣты моего рыцарскаго званія, которые лишили Аделину правъ на супружескій союзъ, позоръ ея фамиліи, гнѣвное горе ея матери, причудливыя превратности моей жизни, столь подверженной опасностямъ, потеря сына, все безмолвно снѣдало ея здоровье. Она не умерла (это слово слишкомъ грубо); а угасла и улетѣла на небо. Подобно тому, какъ въ лѣтнее утро въ думѣ нашей проскользаютъ какія-то тихія грезы, которыя дѣлаются все неуловимѣе: пока наконецъ совсѣмъ не поблекнуть, такъ сказать, въ свѣтъ, и мы просыпаемся, такъ блекла отходящая душа Аделины, пока не озарилъ ее дневной свѣтъ Божій.

Послѣ минутной паузы Монреаль заговорилъ опять:

— Эти мысли иногда дѣлаютъ самыхъ смѣлыхъ изъ насъ слабыми, а мы провансальцы, безумны въ этихъ вещахъ! Богъ свидѣтель: она была очень дорога мнѣ!

Рыцарь склонилъ голову и набожно перекрестился; губы его шептали молитву. Какъ ни кажется это страннымъ для нашего болѣе просвѣщеннаго вѣка, но нравственность въ тѣ времена имѣла такой воинственный видъ, что этотъ человѣкъ, отъ руки котораго пылали города и текли потоки крови, не считалъ себя преступникомъ, а равно не считало его преступникомъ и большинство его современниковъ. Его орденъ полумонашескій и полувоенный былъ эмблемою его самого. Онъ попиралъ человѣка, но самъ смирялся предъ Богомъ. И даже все знакомство съ утонченнымъ скептицизмомъ Италіи не колебало крѣпкой и простой вѣры смѣлаго провансальца. Будучи такъ далекъ отъ признанія необходимости въ гармоніи между своимъ ремесломъ и вѣрою, онъ, какъ истый норманъ, думалъ, что человѣкъ, который съ безпощадностью въ битвѣ, не соединяетъ набожности, не можемъ называться настоящимъ рыцаремъ.

— И у васъ не было дѣтей кромѣ сына, котораго вы потеряли? спросилъ Адріанъ, когда замѣтилъ, что къ Монреалу возвращается обыкновенное расположеніе духа.

— Ни одного! отвѣчалъ Монреаль и лицо его снова помрачилось. Ни одному милому наслѣднику не достанется благополучіе, которое я еще надѣюсь создать. Никогда я не увижу подобія Аделины на лицѣ ея дитяти! Но, въ Авиньонѣ я видѣлъ одного мальчика, котораго я могъ бы назвать своимъ: его глаза были такъ похожи на ея глаза, что мнѣ казалось, будто бы я въ нихъ вижу отраженіе ея души. Впрочемъ, провансальское дерево имѣло три вѣтви; и какой-нибудь негѣпый племянникъ долженъ быть, чѣмъ? Судьба еще не рѣшила этого! Но честолюбіе есть единственная цѣль, которая осталась для меня въ жизни послѣ любви.

— Какъ различно дѣйствуетъ одно и тоже несчастіе на различные характеры, подумалъ Колонна. Для меня вѣнцы потеряли совершенно цѣну съ тѣхъ поръ, какъ я не могу мечтать надѣть ихъ на голову Ирены!

Однако-же сходство ихъ судьбы сильно влекло Адріана къ Монреалу, и два рыцаря разговаривали между собою съ большою дружбою и откровенностью, нежели прежде. Наконецъ Монреаль сказалъ:

— Кстати, я еще не спросилъ у васъ, куда вы ѣдете!

— Въ Римъ, отвѣчалъ Адріанъ, а извѣстія, которыя я услышалъ отъ васъ, еще болѣе заставляютъ меня спѣшить туда. Если Ріензи возвратится, то я съ успѣхомъ, можетъ быть, разыграю роль посредника между трибуномъ, сенаторомъ и нобиллами. И если я найду моего кузена, молодаго Стефанелло, теперешняго главу нашей фамиліи, болѣе сговорчивымъ чѣмъ его отцы, то не буду отчаиваться въ примиреніи менѣе могущественныхъ бароновъ съ обстоятельствами. Риму нуженъ отдыхъ, и всякій, кто бы ни управлялъ, если только онъ управляетъ справедливо, долженъ быть поддерживаемъ и вельможами и плебеями.

Монреаль слушалъ съ большимъ вниманіемъ; и потомъ прошепталъ про себя;

— Нѣтъ, этого не можетъ быть! Закрывъ лицо рукою, онъ на нѣкоторое время предался размысленіямъ и наконецъ сказалъ громко: Вы ѣдете въ Римъ. Итакъ мы скоро встрѣтимся среди его развалинъ. Между прочимъ знайте, что здѣсь моя цѣль уже достигнута. Эти флорентинскіе купцы уже соглашались на мои условія; они купили у меня двухлѣтній миръ; завтра мой лагерь снимается, и Великая Компанія двигается въ Ломбардію. Тамъ, если мои планы удадутся и венеціанцы заплатятъ, я соединю негодяевъ (подъ начальствомъ Чандау, моего племянника) съ морскимъ городомъ противъ Висконти и мирно проведу осень среди римскаго великолѣпія.

— Синьоръ Вальтеръ де-Монреаль, сказалъ Адріанъ, ваша откровенность, можетъ быть, дѣлаетъ меня дерзкимъ; но слушая, какъ вы, подобно корыстолюбивому купцу, говорите о продажѣ вашей дружбы и пощады, я спрашиваю себя: Неужели это великій рыцарь св. Іоанна и неужели люди говорили о немъ правду, утверждая, что единственное пятно на его лаврахъ есть его корыстолюбіе?

Монреаль закусилъ губу, но спокойно отвѣчалъ:

— Моя откровенность сама навлекла на себя епитемію, синьоръ.

Однако же я не могу оставить такого почтенного гостя подъ полымъ вліяніемъ впечатлѣнія, которое, должно сознаться, правдоподобно, но несправедливо. Я цѣню золото, потому что оно строитель власти! оно наполняетъ лагерь войскомъ, беретъ города, закупаетъ рынки, строитъ дворцы, основываетъ троны. Я цѣню золото какъ средство, необходимое для моей цѣли.

— А цѣль....

— Какая бы ни была, сказалъ рыцарь холодно. Пойдемте въ наши палатки. Роса падаетъ крупными каплями, и вредныя испаренія носятся надъ этими пустынями.

Оба встали, но очарованные красотою этого часа, они нѣсколько помедлили у ручья. Раннія звѣзды сіяли надъ его изгибистыми струйками и пріятный вѣтерокъ тихо шепталъ въ блестящей травѣ.

— Глядя такимъ образомъ и размышляя, сказалъ Монреаль тихо, мы выворачиваемъ наизнанку древнюю басню поэтовъ о Медузѣ: мы перестаемъ быть камнями *. Нѣсколько времени тому назадъ эти волны были позолочены солнцемъ, теперь онѣ также ярко сіяютъ подъ звѣздами, точно также течетъ и потокъ времени: одно свѣтило наследуетъ другому; его также пріивѣтствуютъ, оно также свѣтитъ, также исчезаетъ! Вы видите, что поэзія Прованса еще живетъ подъ моею кольчугою!

Адрианъ рано легъ въ постель; но ему долго не давали заснуть собственные мысли и звуки громкаго веселья, выходившіе изъ палатки Монреала. Вождь угощалъ начальниковъ своего войска, — пиръ, отъ котораго онъ имѣлъ деликатность освободить римскаго нобля. И едва Адрианъ забылся безпокойнымъ сномъ, новые, еще болѣе нестройные звуки помѣшали его отдыху. Чуть свѣтъ все было на ногахъ. Скрыпъ веревокъ, топотъ людскихъ шаговъ, громкія приказанія и ругательства, медленное движеніе обозныхъ телегъ, стукъ оружія, возвѣщали снятіе лагера и скорое выступленіе Великой Компаніи въ походъ.

Не успѣлъ еще Адрианъ одѣться, какъ Монреаль вошелъ уже въ его палатку.

— Я отрядилъ, сказалъ онъ, сотню копѣйщиковъ подъ начальствомъ надежнаго начальника для сопровожденія васъ, благородный Адрианъ, до предѣловъ Романи. Они ждутъ васъ. Черезъ часъ я отправляюсь; авангардъ уже двинулся.

Адрианъ охотно бы отказался отъ предлагаемаго конвоя, но онъ видѣлъ, что это только оскорбило бы гордость вождя, который тотчасъ удался. Онъ поспѣшно надѣлъ свое оружіе. Свѣжій утренній воздухъ и веселое солнце, подымавшееся великолѣпно изъ холмовъ, оживило его утомленную душу. Онъ пошелъ въ палатку Монреала и засталъ его одного, предъ вождемъ лежали писемыя принадлежности и на его лицѣ играла торжествующая улыбка.

— Фортуна осыпаетъ меня милостями! сказалъ онъ весело. Вче-

* Медуза, въ греческой мифологіи, главная изъ горгонъ, имѣла силу превращать въ камень всякаго, кто смотрѣлъ на нее.

Стефанелло, бывший въ первомъ цвѣтѣ молодости, уже носилъ на своемъ безбородомъ лицѣ тѣ слѣды, которые обыкновенно бываютъ плодомъ пороковъ и страстей зрѣлыхъ лѣтъ. Его черты имѣли ту же форму, какъ и черты стараго Стефана; въ нихъ чистомъ, рѣзкомъ, аристократическомъ контурѣ можно было замѣтить ту правильную и раціональную симметрію, которую порода передаетъ по наслѣдству изъ поколѣній въ поколѣнія; но лицо было изурено и худощаво. Его брови постоянно были нахмурены, его тонкія и блѣдныя губы выражали то дерзское презрѣніе, которое кажется по преимуществу ходячимъ и непривлекательнымъ въ юношѣ; а глубокія сѣнія впадины вокругъ глазъ говорили объ обычныхъ излишествахъ и преждевременномъ истощеніи. Возлѣ него сидѣли, (примиренные общою ненавистью къ одному лицу), наслѣдственные враги дома Колонновъ: нѣжныя, но хитрыя и лукавыя черты Луки ди-Савелли составляли контрастъ съ широкимъ станомъ и свирѣпою фizioноміею князя Орсини. Молодой глава Колонновъ всталъ и принялъ твоего кузена съ нѣкоторымъ радушіемъ.

— Добро пожаловать, дорогой Адріанъ, сказалъ онъ. Вы пріѣхали вовремя, чтобы помочь намъ своимъ, хорошо извѣстнымъ, военнымъ искусствомъ. Какъ вы думаете: выдержимъ ли мы продолжительную осаду, если этотъ дерзкій плобей отважится на нее? Вы узнаете нашихъ друзей Орсини и Савелли? Слава св. Петру и его намѣстнику! Теперь къ счастью, вмѣсто того, чтобы рѣзать другъ друга, мы имѣемъ для этого другія болѣе подлые горла!

Говоря это, Стефанелло опять безопасно развалился на стулѣ, и произительный, женскій голосъ Савелли принялъ участіе въ разговорѣ.

— Я желалъ бы, благородный синьоръ, чтобы вы пріѣхали нѣсколькими часами раньше: намъ еще до сихъ поръ весело при воспоминаніи — ха, ха, ха!

— О, превосходно, вскричалъ Стефанелло, присоединясь къ этому хохоту; нашъ кузень много потерялъ. Знаете, Адріанъ, что этотъ негодяй, котораго папа имѣлъ безстыдство сдѣлать сенаторомъ, осмѣлился, не далѣе какъ вчера, послать къ намъ холопа, котораго онъ называлъ своимъ *посланникомъ*!

— Еслибы вы видѣли его плащъ, синьонъ Адріанъ, вѣшался Савелли: клянусь, красный бархатъ, выпитый золотомъ, съ гербомъ Рима! Мы скоро однако попортили это шеголеватое платье.

— Какъ! вскричалъ Адріанъ, надѣюсь, вы не нарушили законовъ всего дворянства и рыцарства? вы не нанесли оскорбленія герольду?

— Герольду, говоришь ты? вскричалъ Стефанелло, нахмурившись до такой степени, что глазъ его почти не было видно. Право имѣть герольдовъ принадлежитъ только государямъ и баронамъ. И еслибы я могъ поступить согласно моему желанію, то я отослалъ бы назадъ къ узурпатору голову его клеветы.

— Что же вы сдѣлали? спросилъ Адріанъ холодно.

— Велѣлъ нашимъ свинопасамъ покупать его во рну и отвести ему на ночь жилище въ тюрьмѣ, чтобы просушиться.

— А сегодня утромъ — ха, ха, ха! прибавилъ Савелии, мы велии привести его къ себѣ и вырвали у него зубы одинъ за другимъ. Желалъ бы я, чтобы вы слышали, какъ онъ жалобно просилъ о пощадѣ!

Адрианъ быстро всталъ и ударилъ по столу стальнымъ наручникомъ.

— Стефанелло Колонна, сказалъ онъ, покраснѣвъ отъ благороднаго гнѣва, отвѣчайте мнѣ: дѣйствительно ли вы осмѣлились нанести такой неизгладимый позоръ имени, которое мы оба носимъ? Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, что вы протестовали противъ этой гнусной измѣны всѣмъ законамъ и общежитію и чести. Вы не отвѣчаете! Домъ Колонны! неужели ты можешь имѣть подобнаго человѣка своимъ представителемъ!

— Мнѣ сказать эти слова! вскричалъ Стефанелло, дрожа отъ бѣшенства. Берегитесь! мнѣ кажется, что *ты* — измѣнникъ, находящійся, можетъ быть, въ союзѣ съ этою подлою чернью. Я хорошо знаю, что нѣкогда ты, будучи женихомъ сестры демагога, не хотѣлъ присоединиться къ моему отцу и дядѣ, а низкимъ образомъ оставилъ городъ во власти этого тирана-плебей.

— Да, онъ сдѣлалъ это, сказалъ свирѣпый Орсини, приближаясь съ угрожающимъ видомъ къ Адриану, между тѣмъ какъ трусливый Савелии напрасно старался оттащить его назадъ, дергая за плащъ. онъ сдѣлалъ это! и еслибы не твое присутствіе, Стефанелло....

— Трусъ и бунтъ! прервалъ Адрианъ внѣ себя отъ стыда и негодованія, бросая рукавицу въ самое лицо подходящаго Орсини — ужъ не думаешь ли ты грозить тому, кто во всей Европѣ и противъ самаго мужественнаго сѣвернаго рыцарства поддерживалъ честь Рима. между тѣмъ какъ твои дѣла безславили его? Илью на тебя и вызываю тебя! Съ копьемъ или съ мечомъ въ рукахъ, конный или пѣшій, я противъ тебя и противъ всего твоего племени готовъ утврждать, что ты не рыцарь, если обижаешь такимъ образомъ въ своей крѣпости мирнаго и безоружнаго герольда. Да, даже здѣсь, въ мѣстѣ твоего позора, я вызываю тебя на бой!

— Иди за мною, сказалъ Орсини угрюмо, направляясь къ порогу. Эй! мой племя и нагрудникъ!

— Остановись, благородный Орсини! сказалъ Стефанелло. Оскорбленіе нанесенное тебѣ, моя сгора! Я сдѣлалъ дѣло, и противъ меня говоритъ этотъ выродокъ нашей фамиліи. Адрианъ ди-Кастелло, котораго нѣкогда называли Колонною, отдайте намъ мечъ: вы мои плѣнники!

— О! сказалъ Адрианъ, скрежеща зубами, кровь моетъ предомъ течеть въ твоихъ жилахъ, а то бы — но довольно! Мона! меня вы не смѣете задержать: я вашъ равный, я рыцарь, пользующійся благосклонностью императора, который прибылъ теперь къ границамъ Италіи. Что касается вашихъ друзей, то, можетъ быть, я съ ними встрѣчусь чрезъ нѣсколько дней тамъ, гдѣ никто намъ не помѣшаетъ. А между тѣмъ помни, Орсини, что ты будешь защищать честь свою противъ опытнаго воина!

Адрианъ съ обнаженнымъ мечомъ пошелъ къ двери мимо Орсини, который стоялъ съ угрожающимъ нерѣшительнымъ видомъ среди мнѣты.

Савелли прошепталъ молодому Стефанелло:

— Онь говоритъ—черезъ нѣсколько дней! Будь увѣренъ, милый ньеръ, что онъ думаетъ присоединиться къ Ріензи. Обрати вниманіе на то, что его виды относительно сестры трибуна могутъ возобновиться. Берегись его! Можно ли выпустить его изъ замка? Имя монны, присоединившагося къ черни, можетъ отвлечь и отдѣлить отъ насъ половину нашей силы.

— Не пугай меня, отвѣчалъ Стефанелло съ лукавою улыбкой. Прежде чѣмъ ты началъ говорить, я уже рѣшилъ.

Молодой Колонна приподнялъ драпировку, отворилъ дверь и вошелъ въ низкую комнату, гдѣ находилось двадцать наемщиковъ.

— Живо! сказалъ онъ, схватите и обезоружьте вонъ того человека въ зеленомъ плащѣ, но не убивайте его. Велите сторожу приотворить тюрьмы для его свиты. Скорѣй, пока онъ еще не дошелъ до воротъ.

Адрианъ спустился уже въ нижнюю залу, его свита и конь были него въ виду на дворѣ, какъ вдругъ солдаты Колонны, брошенные изъ другаго прохода, окружили его и отрѣзали ему путь.

— Сдайся, Адрианъ ди-Кастелло, вскричалъ Стефанелло съ верховъ бстницы, или твоя кровь падетъ на твою собственную голову.

Адрианъ сбѣжалъ три шага пробиваясь черезъ толпу, и трое изъ его непріятелей пали подъ его ударами. «На помощь!» закричалъ онъ своей свитѣ и уже эти смѣлые кавалеристы явились въ залѣ около замка громко забивъ тревогу—и дворъ наполнился солдатами. Подавляемая многочисленностью непріятеля, скорѣе сбита, чѣмъ покоренная, маленькая свита Адриана скоро была схвачена, и съ нѣтъ фамилія Колонны, раненный, задыхающійся, обезоруженный, но все еще произносящій громкій вызовъ, сбѣжался плѣнникомъ въ крѣпости своего родственника.

IV.

Положеніе сенатора. — Работа лѣтъ. — Награды честодюбію.

Легко вообразить себѣ негодованіе Ріензи, при возвращеніи изувѣченного герольда. Его отъ природы суровый нравъ ожесточился еще болѣе отъ воспоминанія о перенесенныхъ имъ обидахъ и испытаніяхъ; и результатъ, которымъ сопровождался его попытка къ примиренію со Стефанелло Колонною, поразилъ его до глубины души.

Черезъ десять минутъ по возвращеніи герольда, колоколъ капитуляціи загремѣлъ къ оружію. Большое римское знамя было распущено на самой высокой башнѣ; и вечеромъ того самаго дня, когда былъ поставленъ Адрианъ, войско сенатора подъ личнымъ предводительствомъ Ріензи пошло по дорогѣ въ Палестрину. Но такъ какъ кавалеристы бароновъ дѣлали набѣги до самаго Тиволи и существовало предположеніе, что имъ потворствовали жители, то Ріензи остано-

вился въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ, чтобы набрать рекрутъ, и принять присягу отъ подозрительныхъ, между тѣмъ какъ его солдаты подѣ начальствомъ Аримбальдо и Бреттоне отправились отыскивать мародеровъ. Братья Монреаля возвратились поздно ночью съ вѣстіемъ, что кавалеристы бароновъ укрылись въ густотѣ Пантаксго лѣса.

Краска выступила на лбу Ріензи, онъ пристально посмотрѣлъ на Бреттоне, который сообщалъ ему эти вѣсти и въ умѣ его мелькнуло естественное подозрѣніе.

— Какъ! ушли! сказалъ онъ. Возможно-ли? Довольно было уже пустыхъ стычекъ съ этими благородными разбойниками. Придетъ ли наконецъ часъ, когда я встрѣчусь съ ними въ рукопашномъ бою? Бреттоне, — и братъ Монреаля почувствовалъ, что темные глаза Ріензи проникаютъ до самаго сердца его. Бреттоне! сказалъ онъ, вдругъ перемѣнивъ голосъ. Можно ли *положиться* на вашихъ людей? Нѣтъ ли у нихъ стачки съ баронами?

— Какъ! — сказалъ Бреттоне, угрюмо, но съ нѣкоторымъ слушеніемъ.

— Не говори мнѣ никакихъ — какъ! сказалъ трибунъ-сенаторъ запальчиво. — Я знаю, что ты храбрый начальникъ храбрыхъ людей. Ты и твой братъ служили мнѣ хорошо и я тоже хорошо награждалъ васъ. Такъ или нѣтъ? Говори!

— Сенаторъ, отвѣчалъ Аримбальдо, вмѣшиваясь въ разговоръ, вы сдержали данное вами слово! Вы возвели насъ въ самое высокое званіе, какое только могли намъ дать по своей власти, и это скоро вознаградило наши скромныя заслуги.

— Я радъ, что вы признаете это, сказалъ трибунъ.

— Надѣюсь, снйоръ, продолжалъ Аримбальдо нѣсколько нѣженъ, — что вы не сомнѣваетесь въ насъ?

— Аримбальдо, отвѣчалъ Ріензи, голосомъ глубокаго, но полуслѣжаннаго волненія; вы ученый человѣкъ и вы, казалось, раздѣляли мои планы относительно возрожденія Рима. Вы не должны измѣнять мнѣ. Между *нами* есть что-то общее. Но не сердитесь на меня: я окруженъ измѣною и самый воздухъ, которымъ я дышу, кажется моимъ губамъ ядомъ.

Въ словахъ Ріензи было чувство, которое тронуло болѣе всего брата Монреаля. Онъ молча поклонился. Ріензи пристально посмотрѣлъ на него и вздохнулъ. Затѣмъ, перемѣнивъ тему, онъ началъ говорить о предполагаемой осадѣ Палестрины и скоро потомъ отправился спать.

Оставшись одни, братья нѣсколько минутъ молча смотрѣли другъ на друга.

— Бреттоне, сказалъ наконецъ Аримбальдо шопотомъ, у меня недостаетъ духа. Мнѣ не нравятся честолюбивыя планы Валтора. Съ своими земляками мы откровенны и честны, зачѣмъ же мы играемъ роль измѣнниковъ противъ этого великодушнаго римлянина?

— Тсъ! сказалъ Бреттоне. Только желѣзная рука нашего брата можетъ управлять этимъ народомъ; и если мы предаемъ Ріензи, то также предаемъ и его враговъ, бароновъ. Полно объ этомъ! Имѣю вѣсти отъ Монреала; онъ чрезъ нѣсколько дней будетъ въ Римѣ.

— А потомъ?

— Сенаторъ будетъ ослабленъ баронами (потому что онъ не оженъ побѣдить,) а бароны—сенаторомъ—и тогда наши сѣверные оины захватятъ капитолій и солдаты, разсыпанные теперь по Италіи, стекутся подъ знамя великаго вождя. Монреаль сперва долженъ быть подестою, а потомъ королемъ Рима.

Аримбальдо безпокойно задвигался на своемъ стулѣ, и братья бо-
же уже не разговаривали о своихъ планахъ.

Положеніе Ріензи было именно такое, какое наиболѣе способствовало къ раздраженію и ожесточенію самой прекрасной натуры. Обладая умомъ, способнымъ на величайшія предпріятія, и сердцемъ, которое билось возвышеннѣйшими чувствами; возведенный на свѣтлую вершину власти и окруженный длинноязычными льстецами, — онъ не зналъ между людьми ни одной души, на которую могъ бы положиться. Онъ былъ похожъ на человѣка, взбирающагося на крутизну, у котораго земля сыплется подъ ногами, а каждый сукъ, за который онъ хватается, какъ будто бы гниетъ при его прикосновеніи. Народъ, болѣе чѣмъ когда либо, былъ краснорѣчивъ въ излініяхъ своей благодарности къ нему; когда онъ проходилъ—эти люди привѣтствовали его восторженными кликами, но ни одинъ изъ нихъ не былъ способенъ сдѣлать для него какое нибудь пожертвованіе. Свобода государства никогда не достигалась силами одного лица; если не народъ, если не большинство, — то, по-крайней-мѣрѣ, ревностное и пламенное меньшинство должно идти съ нимъ рука объ руку. Римъ требовалъ жертвъ ото всѣхъ, кто искалъ возрожденія его, — жертвъ во времени, въ спокойствіи и въ деньгахъ. Толпа слѣдовала за сенаторомъ, но ни одинъ римлянинъ не хотѣлъ посвятить свою жизнь его знамени *бесплатно*, даже одной монеты не было пожертвовано для защиты свободы. Противъ него вооружились самые сильные и свирѣпые бароны Италіи, изъ которыхъ каждый могъ содержать на собственный счетъ небольшую армию опытныхъ воиновъ. У Ріензи войско состояло изъ торговцевъ и ремесленниковъ, которые желали наслаждаться плодами свободы, не обработывая почвы; которые, въ награду за свои пустые клики, требовали мира и богатства; которые ожидали, чтобы одинъ человѣкъ сдѣлалъ въ одинъ день то, чего много даже для борьбы цѣлаго поколѣнія. Всѣ ихъ грубыя и темныя понятія о преобразованномъ государствѣ ограничивались представленіемъ о такой жизни, когда бароны не будутъ ихъ убивать, а правители облагать податью. Римъ, повторяю, не далъ сенатору добровольной помощи ни натурою, ни деньгами. * Ріензи хорошо понималъ опасность окружающую правителя, который защищаетъ свое государство мечами чужеземцевъ. Кто

* Этотъ простой фактъ подтверждается всѣми авторитетами.

самымъ пламеннымъ желаніемъ и самою восторженною мечтою было, — пользуясь первымъ порывомъ энтузіазма при его возвращеніи, учредить въ Римѣ войско изъ волонтеровъ, которые, защищая его, могли бы защищать себя. Онъ хотѣлъ, чтобы это было не такое войско, какъ во время прежняго его управленія; не эта *номинальная* сила въ двадцать тысячъ человѣкъ, которая всегда могла быть побеждаема одною сотнею съ половиною (какъ уже и случилось), а регулярная, хорошо дисциплинированная и надежная армія. довольно многочисленная, по крайней мѣрѣ для обороны, если не для нападенія.

До сихъ поръ всѣ его тайныя старанія и публичныя убѣжденія не удавались; толпа слушала, кричала, видѣла, что онъ оставилъ городъ для похода противъ ея тирановъ, и вернулась въ свои лавки. говори другъ другу: какой великій человѣкъ!

Понятіе о характерѣ Ріензи обыкновенно потерпалось изъ сужденій о немъ тѣхъ людей кабинетныхъ, которые смотрятъ на человѣческія существа, какъ на какія нибудь паровыя машины, которые одѣиваютъ великихъ людей не по заслугамъ ихъ, а по успѣху; и порицали трибуна, или насмѣхались надъ нимъ, тамъ, гдѣ бы нмъ слѣдовало обвинять народъ. Еслибы во всемъ Римѣ можно было найти хоть половину того духа, какой проникалъ одну жилу Козы дѣ Ріензи, то теперь могла бы существовать величественная римская республика, если не имперія. Обращаясь къ своимъ грубымъ и дикимъ наемнымъ войскамъ, онъ видѣлъ, что они приучены къ своему царствующаго въ лагерѣ какого нибудь тирана и находятся подъ начальствомъ людей, которымъ неспривторно вѣрять, или открыто недовѣрять—было бы одинаково гибельно. Окруженный опасностями со всѣхъ сторонъ, онъ дѣлался съ каждымъ днемъ безпокойнѣе, бдительнѣе и суровѣе; и при всѣхъ своихъ патріотическихъ стремленіяхъ, чувствовалъ всѣ проклятія окружающія тирана. Не пройдя того труднаго и огрубляющаго поприща, которое, путемъ военной жизни, привело Кромвеля къ подобной же власти, и обладая большею граціею и мягкостью души, Ріензи все таки имѣлъ сходство съ этимъ еще болѣе великимъ человѣкомъ въ нѣкоторыхъ сторонахъ своего характера. Оно заключалось въ его рѣшительномъ энтузіазмѣ, въ его строгомъ правосудіи, которое часто, въ слѣдствіе обстоятельствъ, должно было переходить въ суровость, но никогда не было жестокимъ или кровожаднымъ; въ его странной гордости своею родиной и въ его таинственной власти надъ умами другихъ. Но еще гораздо болѣе, чѣмъ природными свойствами, онъ былъ похожъ на великаго англичанина обстоятельствами, въ которыя былъ поставленъ и которыя, при концѣ ихъ отличныхъ одна отъ другой карьеръ, уподобили ихъ характеры. Подобно Кромвелю, онъ былъ окруженъ тайными и явными врагами, и кинжалъ убійцы постоянно сіялъ предъ его глазами. Его мужественное сердце, неустрашаемое дѣйствительными ужасами, трепетало предъ воображаемыми. Внезапно блѣднѣющее лицо, налитыя кровью и безпокойные глаза, противорѣчившіе спокойному величію осанки, пылающія губы, прерыва-

стый сонъ, скрытная кольчуга, — таковы были дары власти для обоихъ!

Здоровье оставило трибуна. Его тѣло, которое перенесло такъ много потрясеній, приобрѣло въ авиньонской тюрьмѣ тягостную болѣзнь, * высокій духъ еще поддерживалъ его, но нервы были разстроены. Слезы вдругъ приливали къ его глазамъ и часто его, подобно Кромвелю, подозрѣвали въ притворномъ плачѣ, тогда какъ это была истерика, вследствие необыкновенно сильнаго и раздражительнаго волненія. Чрезвычайно воздержный во всю свою прежнюю жизнь, ** онъ теперь началъ прибѣгать, для облегченія отъ беспокоящихъ его мыслей, къ обманчивому возбужденію вина. Онъ сильно пилъ, хотя на немъ никогда не было замѣтно слѣдовъ этого, исключая большей развязности и игривости въ расположеніи духа и непринужденности того остраго, полувеселаго и полугорькаго юмора, которымъ онъ отличался въ свои молодые годы. Теперь веселость сдѣлалась громче, горечь приобрѣла болѣе желчи.

Таковы при возвращеніи Ріензи къ власти были его отличительныя свойства, дѣлавшіяся съ каждымъ днемъ замѣтнѣе. Онъ любилъ Ниццу съ прежнею нѣжностью, а она, если только это было возможно, обожала его болѣе, чѣмъ когда либо, но когда сокъ и свѣжесть торжествующаго честолюбія исчезли, то такъ или иначе ихъ отношенія другъ къ другу потеряли свою прежнюю прелесть. Прежде они постоянно говорили о *будущемъ*, о свѣтлыхъ дняхъ впереди. Теперь, съ безпокойною, болѣзненною мукою Ріензи отшаталъ свои мысли отъ этого «веселаго завтра». Веселаго завтра для него уже не существовало. Какъ ни былъ мраченъ и терпистъ настоящій часъ, — но все, что слѣдовало за нимъ, казалось еще болѣе прознымъ и зловѣщимъ. Но на Ріензи находили еще короткія, но свѣтлыя минуты, когда, забывая желѣзное племя, среди котораго бросила его судьба, онъ погружался въ ученыя мечты о боготворимомъ прошедшемъ, и почти воображалъ, что онъ принадлежитъ къ народу, достойному его гонія и преданности. Подобно большей части людей, которые были сохранены среди великихъ опасностей, онъ, съ возрастающею любовью, началъ лезать слѣпую вѣру въ величіе собственной судьбы. Онъ не могъ вообразить, что былъ спасенъ безъ цѣли. Онъ былъ избранникомъ, а слѣдовательно и орудіемъ неба. Бибія, которая въ его одиночествѣ, въ его странствованіяхъ и въ тюрьмѣ была его утѣшеніемъ и подругою, сдѣлалась, болѣе чѣмъ когда либо, необходимою среди его величія.

Другую причину горя и печали для человѣка, который, среди опасностей своего общественнаго положенія, имѣлъ такую особенную нужду въ поддержкѣ и симпатіи своихъ личныхъ друзей, было то, что относительно своихъ помощниковъ онъ подвергся обыкновеннымъ немногодамъ отсутствія. Нѣкоторые изъ нихъ умерли;

* Dicea che nella prigione era stato ascarmato Vit. di, Col. di Rienzi lib II c. 18

** Solea prima esser sobrio, temperato, azientito. Ora e diventato d'intermittente bevute, etc. Ibid.

другіе, утомленные бурями общественной жизни и охлажденные въ своей горячности мятежными революціями, которымъ подвергался Римъ при каждомъ усиліи для улучшенія своего состоянія, — удалились — кто совсѣмъ изъ города, кто же отъ всякаго участія въ политическихъ дѣлахъ. Трибуны — сенаторы такимъ образомъ были окружены незнакомыми лицами и новымъ поколѣніемъ. Предводители народной партіи большею частію отличались суровымъ нерасположеніемъ къ господству первосвященника, и подозрительно, съ отвращеніемъ смотрѣли на человѣка, который былъ избранъ и уважаемъ папою. Ріензи былъ не таковъ, чтобы забывать прежнихъ друзей, къ какому бы скромному званію они ни принадлежали, и уже нашелъ время для свиданія съ Чекко-дель-Веккіо. Но этотъ суровый республиканецъ принялъ его холодно. Его иностранные наемники и титулъ сенатора были вещами, которыхъ этотъ ремесленникъ не могъ переварить. Съ своею обычною прямою онъ сказалъ это Ріензи.

— Что касается до послѣдняго — ласково отвѣчалъ трибунъ, то имена не переимѣняютъ сущности вещей. А что до перваго, то укажи мнѣ только на пятьсотъ вооруженныхъ римлянъ, которые бы поклялись день и ночь быть готовыми къ защитѣ Рима, — и я распушу нѣмцевъ.

Чекко-дель-Веккіо не смягчился. Честный, но невоспитанный, упрямый и отъ природы недовольный, онъ чувствовалъ себя уже не нужнымъ сенатору и это оскорбляло его гордость. Какъ ни странно это можетъ показаться, но угрюмый кузнецъ имѣлъ также тайное неудовольствіе противъ Ріензи за то, что сенаторъ не отличилъ его отъ толпы многихъ тысячъ человѣкъ въ день своего торжественнаго вѣзда. Таковы бывають мелкія обиды, изъ которыхъ возникаетъ большая опасность для великихъ людей!

Но еще болѣе огорчало Ріензи смущенное и измѣнившееся обращеніе его прежняго близкаго знакомаго и друга, Пандульфо ди Гвидо. Не видя этого популярнаго гражданина между тѣми, которые ежедневно являлись съ своимъ почтеніемъ въ капитолій, сенаторъ послалъ за нимъ и напрасно старался возобновить старинную съ нимъ короткость. Пандульфо выказывалъ большое уваженіе, но вся снисходительность сенатора не могла побѣдить отчужденія и принужденности этого человѣка. Дѣло въ томъ, что Пандульфо имѣлъ уже свои собственные, честолюбивые планы и чувствовалъ, что еслибы не возвратился Ріензи, то онъ могъ бы теперь съ большою безопасностью, хотя съ нѣкоторымъ потворствомъ со стороны бароновъ, сдѣлаться римскимъ трибуномъ.

Таково было положеніе Ріензи, и однакоже, — странно сказать, — онъ, повидимому, былъ обожаемъ толпой; законъ и свобода, жизнь и смерть были въ его рукахъ!

Изъ всѣхъ находившихся при немъ людей Анджело Виллани пользовался больше всѣхъ его благосклонностью. Этотъ молодой чело-

вѣкъ, сопровождавшій Ріензи въ его продолжительное изгнаніе, сопутствовалъ ему также, по желанію его въ походѣ изъ Авиньона, во время пребыванія сенатора въ лагерь Альберноса. Смышленность, откровенная и очевидная привязанность пажъ, дѣлали сенатора слѣпыми къ недостаткамъ его характера и Ріензи болѣе и болѣе чувствовалъ къ нему признательность. Ему пріятно было чувствовать, что возлѣ него бьется вѣрное сердце, и пажъ, возвышенный въ званіе его камергера, всегда былъ при немъ и спалъ въ его передней комнатѣ.

Въ упомянутую ночь, въ Тиволи, удалясь въ приготовленную ему комнату, сенаторъ сѣлъ у отвореннаго окна, изъ котораго были видны, при свѣтѣ звѣздъ, колеблющіяся темныя сосны на вершинахъ холмовъ. Склонивъ лицо на руку, Ріензи долго предавался мрачнымъ размышленіямъ и, взглянувъ вверхъ, увидѣлъ свѣтлоглубые глаза Виллани, устремленные на него съ тревожнымъ сочувствіемъ.

— Сеньоръ нездоровъ? спросилъ молодой камергеръ нерѣшительно.

— Нѣтъ, мой Анджело, но нѣсколько не въ духѣ. Мнѣ кажется, воздухъ холоденъ для сентябрьской ночи.

— Анджело, опять заговорилъ Ріензи, который уже пріобрѣлъ безпокойное любопытство, составляющее принадлежность непрочной власти. Не слыхалъ ты, что говорятъ люди о вѣроятности нашего успѣха противъ Палестрины?

— Сеньоръ желаетъ выслушать всю ихъ болтовню пріятную и непріятную? спросилъ Виллани.

— Еслибы я старался слушать только то, что мнѣ нравится, то я никогда не возвратился бы въ Римъ!

— Я слышалъ какъ начальникъ нѣмцевъ говорилъ, что крѣпость не будетъ взята.

— А что сказали начальники моего римскаго легіона?

— Монсеньоръ, они говорили, что боятся не столько пораженія, сколько мщенія бароновъ, въ случаѣ ихъ успѣха.

— И современная Европа, и несправедливое потомство воображаетъ, что художникъ при такихъ орудіяхъ въ состояніи создать идеалъ и совершенство! Принеси мнѣ мою біблію.

Съ благоговѣніемъ принесъ Ріензи священную книгу, Анджело сказалъ:

— Какъ разъ передъ тѣмъ, какъ я оставилъ моихъ товарищей, пронесся слухъ, что сеньоръ Адріанъ Колонна арестованъ своимъ родственникомъ.

— Я тоже это слышалъ и вѣрю этому, сказалъ Ріензи: эти бароны заковали бы собственныхъ дѣтей въ желѣзо, еслибы можно было ожидать, что ихъ оковы могутъ заржавѣть отъ недостатка добычи. Но злодѣи будутъ уничтожены и ихъ крѣпости будутъ разрушены.

— Я желалъ бы, сирѣчь, сказалъ Вилланъ, чтобы наши иностранцы имѣли другихъ начальниковъ, а не этихъ провансальцевъ.

— Почему? спросилъ Ріензи отрывисто.

— Развѣ креатуры вождя Великой Компаніи были когда нибудь верны человеку, предать котораго полезно для жадности или честолюбія Монреала. Развѣ не былъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ правою рукою Іоанна ди-Вико и не продалъ ли онъ свои услуги врагу Вико, кардиналу Альберносу? Эти воины промѣниваютъ людей какъ скотину.

— Монреаль дѣйствительно таковъ: опасный и страшный человекъ! Но, кажется, его братья люди болѣе мелкаго и непредпріимчиваго характера; они не отваживаются на такія преступленія, какія дѣлаетъ этотъ вождь-разбойникъ. Однакоже, Анджело, ты тронулъ струну, которая эту ночь не дастъ мнѣ спать. Прекрасный мальчикъ, твоимъ молодымъ глазамъ нуженъ сонъ.

Утромъ, когда Ріензи сошелъ въ комнату, гдѣ его ждали капитаны, онъ замѣтилъ, что лицо миссера Бреттоне все еще было покрыто облакомъ. Арнабальдо, скрыпнѣвъ въ углубленіи окна, избѣжалъ его взгляда.

— Славное утро, господа, сказалъ Ріензи; солнце улыбается нашему предпріятію. Изъ Рима пріѣхали гонимы, свѣжія войска прибываютъ къ намъ раньше полудня.

— Я радуюсь, сенаторъ, отвѣчалъ Бреттоне, что вы имѣете извѣстія, для утѣшенія въ непріятности тѣхъ, которыхъ я сообщу вамъ. Солдаты громко ропщутъ: имъ не выдано жалованья и я боюсь, что безъ денегъ они не пойдутъ въ Палестрину.

— Какъ хотятъ, возразилъ Ріензи небрежно; нѣсколько дней только прошло съ тѣхъ поръ, какъ они вошли въ Римъ; они получили жалованье впередъ. Если они требуютъ больше, то Колонна и Орсини могутъ сдѣлать наддачу. Берите вашихъ солдатъ, господины рыцари, и прощайте.

Лице Бреттоне помрачилось. Цѣлью его было все больше и больше подчинить Ріензи своей власти и онъ не хотѣлъ позволить ему увеличить свою силу взятіемъ Палестрины: равнодушіе сенатора разстроило его и онъ попалъ въ свои собственные сѣти.

— Этого не должно быть, сказалъ братъ Монреала послѣ смущеннаго молчанія; мы не можемъ оставить васъ такимъ образомъ вашими врагамъ;— правда, солдаты требуютъ жалованья.

— И получили бы его, сказалъ Ріензи. Я знаю этихъ наемниковъ,—съ ними постоянно одно и тоже: бунтъ, или деньги. Я обращаюсь къ моимъ римлянамъ и восторжествую или паду съ ними, если такъ назначило небо. Сообщите мое рѣшеніе вашимъ старшимъ.

Едва были сказаны эти слова, какъ въ дверяхъ показался старшій изъ старшихъ наемниковъ (что было заранѣе условлено съ Бреттоне).

— Сенаторъ, сказалъ онъ, съ грубымъ подобострастіемъ, ваше

приказаніе идти было уже мнѣ передано, я старался выстроить своихъ людей, но...

— Я знаю, что ты хочешь сказать, мой другъ, прервалъ Ріензи, махнувъ рукой: Мессеръ Бреттоне скажетъ тебѣ мой отвѣтъ. Въ другой разъ, господинъ капитанъ—поменьше фамплярности съ сенаторомъ Рима. Вы можете уйти.

Непредвидѣнный тонъ Ріензи, исполненный достоинства, остановилъ и смутилъ старшину; онъ взглянулъ на Бреттоне; тотъ далъ ему знакъ удалиться, и онъ ушелъ.

— Что надо дѣлать?

— Господинъ рыцарь, отвѣчалъ Ріензи, важно, поймемъ другъ друга. Хотите вы мнѣ служить, или нѣтъ? Если хотите, то вы не равный мнѣ, а подчиненный, и должны повиноваться, а не приказывать; если не хотите, то я заплачу вамъ мой долгъ и тогда,—свѣтъ довольно просторенъ для насъ обоихъ.

— Мы общали быть вѣрными вамъ, отвѣчалъ Бреттоне, и это должно быть исполнено.

— Прежде чѣмъ я опять приму вашу вѣрность, сказалъ Ріензи, медленно, — одно предостереженіе: для открытаго врага у меня есть мечъ, а для измѣнника, — помните это, — Римъ имѣетъ топоръ. Перваго я не боюсь; ко второму не знаю пощады.

— Эти слова не должны быть произносимы между друзьями, сказалъ Бреттоне, поблѣднѣвъ отъ сдержаннаго волненія.

— Друзьями — значитъ, вы — мои друзья! руки ваши! Такъ вы друзья и докажете это! Милый Аримбалдъ, ты, подобно мнѣ, книжный человѣкъ, ученый солдатъ. Помнишь ли ты въ римской исторіи одинъ случай, когда въ казнѣ не доставало денегъ для солдатъ. Консулъ созвалъ наприціевъ и сказалъ: мы, люди начальствующие и должностные, должны первые пополнить этотъ недостатокъ. Вы слушаете меня, друзья мои? — Патриціи поняли намекъ. Они нашли денегъ и арміи было заплачено. Этотъ примѣръ не потерянъ для васъ. Я сдѣлалъ васъ предводителями моего войска, Римъ осыпалъ васъ своими почестями. Вы покажете примѣръ щедрости, и римляне такимъ образомъ поучатся у васъ этому. Вы глядите на меня друзья мои! Я читаю въ вашей благородной душѣ и благодарю васъ напередъ. Вы пользуетесь почестями и должностями. У васъ есть и деньги, заплатите наемникамъ, заплатите *.

Еслибы громъ разразился у ногъ Бреттоне, то онъ не былъ бы ошеломленъ сильное, чѣмъ при этомъ простомъ внушеніи Ріензи. Онъ посмотрѣлъ на лицо сенатора и увидѣлъ улыбку, которой научился уже бояться, не смотря на свою смѣлость. Онъ почувствовалъ, что попалъ въ яму, которую вырылъ для другаго. По лицу сенатора онъ видѣлъ, что отказать, значитъ, объявить открытую войну, а время еще не созрѣло для этого.

— Вы соглашаетесь, сказалъ Ріензи; хорошо дѣлаете.

Сенаторъ ударилъ въ ладоши, вошелъ его тѣлохранитель.

* См. безымяннаго біографа, lib. стр. 19.

— Позови главныхъ старшинъ.

Вратья все еще были безмолвны.

Старшины вошли.

— Друзья мои, сказалъ Ріензи, мессере Бретоне и мессере Аримбалдо имѣютъ отъ меня порученіе раздѣлить между вами тысячу флориновъ. Сегодня вечеромъ мы станемъ лагеремъ подъ Палестриною.

Старшины удалились съ замѣтнымъ удивленіемъ, Ріензи посмотрѣлъ на братьевъ, смѣясь въ душѣ; его саркастическій нравъ наслаждался своимъ торжествомъ:

— Вы не жалѣете о вашемъ пожертвованіи, *друзья мои*?

— Нѣтъ, сказалъ Бретоне вставая; эта сумма мало увеличиваетъ нашъ долгъ.

— Откровенно сказано. Ваши руки еще разъ! добрый народъ Тиволи ждетъ меня на площади. Надо сказать ему нѣсколько увѣщаній! Прощайте до полудня.

Когда дверь затворилась за Ріензи, Бретоне гнѣвно ударилъ по рукояткѣ своего меча.

— Римлянинъ смѣется надъ нами, сказалъ онъ. Но пусть только Вальтеръ де-Монреаль явится въ Римъ и гордый шутъ дорого заплатитъ намъ за это.

— Тсъ! сказалъ Аримбалдо, у стѣнъ есть уши. Этотъ чертенокъ, молодой Виллани, кажется, постоянно ходитъ за нами по пятамъ!

— Тысячу флориновъ! Я надѣюсь, что въ его сердцѣ есть столько капель крови, проворчалъ разгорячившійся Бретоне, не слушая брата.

Солдатамъ было заплачено. Армія двинулась. Краснорѣчіе сенатора, увеличило войско его волонтерами изъ Тиволи, и безпорядочная полувооруженная толпа крестьянъ изъ Кампаньи и сосѣднихъ горъ присоединилась къ его знаменю.

Палестрину осадили. Ріензи продолжалъ искусно наблюдать за братьями Монреаль. Онъ удалилъ ихъ наемныхъ солдатъ подъ предлогомъ обучать итальянскихъ волонтеровъ военному дѣлу и далъ имъ начальстао надъ менѣе дисциплинированными итальянцами, которыхъ, какъ онъ думалъ, они не осмѣлятся подстрекать. Самъ онъ принялъ начальство надъ иностранцами. И вопреки своей волѣ, они были очарованы ловкою и вмѣстѣ исполненною достоинства привѣтливостью и личною храбростью, которую онъ выказалъ при нѣсколькихъ вылазкахъ осажденныхъ бароновъ. Но какъ охотники преслѣдуютъ свою добычу по всѣмъ самымъ хитрымъ поворотамъ ея, такъ непреклонная и быстрая судьба гналась по пятамъ за Колою ди-Ріензи.

VI.

Пронсшества ведутъ къ концу.

Между тѣмъ Лука ди-Савелли и Стефанелло Колонна разговаривали наединѣ съ гостемъ, который тайно пробрался въ Палестрину въ ночь наканунѣ того дня, когда римляне разбили свои палатки подъ ея стѣнами. Этотъ посѣтитель, которому можно было дать нѣсколько болѣе сорока лѣтъ, сохранялъ еще почти вполнѣ необыкновенную красоту стана и лица, которою онъ отличался въ молодости. Но это былъ уже не тотъ характеръ красоты, который мы описывали, представляя читателю эту личность въ первый разъ. Почти женская нѣжность чертъ и цвѣта лица, аристократическій лоскъ, граціозная пріятность манеръ, отличавшія Вальтера Монреаля, исчезли; жизнь превратностей и войны сдѣлала свое дѣло. Его манеры были теперь отрывисты и повелительны, какъ у чловѣка, привыкшаго управлять дикими умами; грація убѣжденія замѣнилась теперь суровостью приказанія. Его атлетическая фигура сдѣлалась худощавѣе и жилистѣй; слегка покрытый морщинами лобъ, прежде на половину оттѣненный свѣтлыми, густыми кудрями, былъ теперь совершенно обнаженъ на вискахъ; а высота его роста увеличивала достоинство и мужественный видъ его фигуры. Свѣжій цвѣтъ его лица, не столько отъ вѣтшиихъ вліяній, сколько отъ внутреннихъ мыслей, измѣнился въ бронзовую и постоянную блѣдность, и его черты казались болѣе рѣзкими и выпуклыми, такъ какъ щеки его нѣсколько впади. Но эта переѣтна согласовалась съ переѣбною возраста и обстоятельностью. Провансалецъ теперь, менѣе чѣмъ прежде, осуществлялъ собою идею храбраго и прекраснаго странствующаго рыцаря, но зато имѣлъ видъ проникательнаго совѣтника и могущественнаго вожда, которымъ сдѣлался странствующій рыцарь.

— Вамъ должно быть извѣстно, сказалъ Монреаль, продолжая рѣчь, которая, повидимому, сдѣлала большое впечатлѣніе на его товарищей, вамъ должно быть извѣстно, что въ этой борьбѣ вашей съ сенаторомъ, я одинъ поддерживаю равновѣсіе. Ріензи совершенно въ моихъ рукахъ: мои братья начальствуютъ его войскомъ, я его замодавецъ. Отъ меня зависить утвердить его на его тронѣ, или отнравить на эшафотъ. Мнѣ стоитъ только приказать и Великая Компанія войдетъ въ Римъ; но, мнѣ кажется, и безъ ея помощи, наша дѣла можетъ быть достигнута, если вы не измѣните мнѣ.

— А между тѣмъ ваши братья осаждаютъ Палестрину! сказалъ Стефанелло рѣзко.

— Но они имѣютъ отъ меня приказаніе тратить попусту время подъ ея стѣнами. Развѣ вы не видите, что чрезъ эту самую осаду, которая будетъ безплодна, если я захочу, Ріензи теряетъ свою славу внѣ и популярность внутри Рима?

— Господи́тъ рыцарь, сказа́лъ Лука ди-Савелли, вы говорите, какъ челове́къ, хорошо знакомый съ глубокою политикою времени, и при угрожающихъ намъ обстоятельствахъ ваше предложеніе кажется приличнымъ и умѣреннымъ. Съ одной стороны вы беретесь возстановить наше положеніе, а Ріензи отправить на лѣстницу Льва.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ Монреаль, съ живостью. Я согласенъ или покорить и обрѣзать его силу, такъ чтобы сдѣлать его куклою въ нашихъ рукахъ, а власть его — пустою тѣнью, или, если его гордая душа будетъ биться въ своей клѣткѣ, дать ей больше простора въ пустыняхъ Германіи. Я хочу или заковать или изгнать его, но не убивать; развѣ (прибавилъ Монреаль послѣ минутной паузы):
• судьба рѣшительно принудитъ насъ къ этому. Власть не требуетъ жертвъ, но онѣ могутъ быть необходимы для того, чтобы оградить ее отъ опасности.

— Я понимаю ваши намѣренія, сказалъ Лука ди-Савелли съ своею ледяною улыбкой, и согласенъ съ ними. Пусть бароны будутъ возстановлены, пусть наши дворцы опять наполнятся вооруженными людьми, и я готовъ рискнуть и согласиться на долговѣчность трибуна. Вы обѣщаете сдѣлать это?

— Обѣщаю.

— И въ замѣнъ вы требуете нашего согласія на предоставленіе вамъ званія подесты на пять лѣтъ?

— Да.

— Я, по крайней мѣрѣ, соглашаюсь на ваши условія, сказалъ Савелли: вотъ моя рука; я утомленъ этими вѣчными ссорами между нами, и думаю, что правитель-иностранецъ можетъ лучше всего утвердить порядокъ, особенно если онъ, подобно вамъ, по своему происхожденію и пзвѣстности, способенъ понимать различіе между благородными и плебеями.

— А я, сказалъ Стефанелло, чувствую, что намъ остается только выбирать изъ двухъ золь. Мнѣ не нравится подеста иностранецъ, но еще болѣе мнѣ не нравится сенаторъ плебей; вотъ моя рука, кавалеръ.

— Благородные синьоры, сказалъ Монреаль, послѣ короткой паузы и медленно обращая свой пронизательный взоръ то на того, то на другаго изъ собесѣдниковъ, нашъ договоръ подписанъ; теперь одно слово въ видѣ прибавки къ нему. Вальтеръ де-Монреаль — не то, что графъ Пешингъ ди-Минорбино. Прежде, признаюсь, мало подозревая, что побѣда будетъ такъ легка, я поручилъ ваше и мое дѣло повѣренному. Ваше дѣло онъ подвинулъ, а мое потерялъ. Онъ выгналъ трибуна, а потомъ позволялъ баронамъ выгнать его самого. На этотъ разъ я самъ наблюдаю за своими дѣлами, и, помните, что въ Великой Компаніи я научился одному: никогда не прощать ппюну или бѣглецу, каковъ бы ни былъ его рангъ. Извините за намекъ. Переменнымъ разговоръ. Вы держите въ своей крѣпости моего друга Адріана ди-Кастелло?

— Да, сказалъ Лука ди Савелли, потому что Стефанелло, уколо-
тый угрозою Монреаля, противъ которой не могъ открыто выразить

вое неудовольствіе, хранишь угрюмое молчаніе. Черезъ это въ со-
бѣ трибуна одинъ нобилемъ меньше.

— Вы поступаете благоразумно. Я знаю его взгляды и характеръ,
которые въ настоящее время опасны для нашихъ интересовъ. Но, про-
шу васъ, обращайтесь съ нимъ хорошо. Онъ въ послѣдствіи можетъ
намъ пригодиться. А теперь, господа, мои глаза устали, позвольте
мнѣ уійти.

— Съ вашего позволенія, благородный Монреаль, мы проводимъ
васъ въ вашу спальню, сказалъ Лука ди-Савелли.

— Право, не нужно. Я не трибунъ, чтобы имѣть великихъ спын-
говъ своимъ пажами, а простой дворянинъ и дюжіи солдатъ: ваши
слуги могутъ провести меня въ комнату, какую вы назначите. Я мо-
гу спать крѣпкимъ сномъ у грубаго плетня подъ открытымъ не-
бомъ.

Савелли однако-же настаивалъ на томъ, чтобы проводить буду-
щего подесту въ его комнату. Потомъ онъ вернулся къ Стефанелло,
который ходилъ по залѣ большими и беспорядочными шагами.

— Что мы сдѣлали, Савелли! сказалъ онъ съ живостью, продали
свой городъ варвару!

— Продали! возразилъ Савелли; мнѣ кажется, есть и другая сторо-
на въ договорѣ, въ которой мы имѣемъ свою долю. Мы купили, а
не продали: мы выкупили нашу жизнь, отъ осаждающей насъ арміи,
выкупили нашу силу, богатство, замки отъ демагога-сенатора; выку-
пили, что лучше всего, торжество и мщеніе. Ахъ, Колонна, развѣ
ты не видишь, что если мы обманемъ ожиданія этого великаго вопи-
на, то мы погибли? Соединясь съ сенаторомъ, Великая Компанія пой-
детъ въ Римъ и поможетъ-ли Монреаль Ріенци или убьетъ его (ка-
жется, онъ Ромулъ, который не потерпитъ Рема), мы попадемъ въ
одинаковую бѣду. Теперь же мы заключили условія и наши доли
равны. Мало того, первое, что будетъ сдѣлано по договору, служить
въ нашу пользу. Ріенци попадется въ ловушку и мы возвратимся въ
Римъ.

— А за тѣмъ провансалецъ сдѣлается деспотомъ города?

— Извините, подестою. Подесту, оскорбляющаго народъ, часто вы-
гоняють, а иногда побиваютъ камнями; подесту, оскорбляющаго
нобилей, часто закалываютъ, а иногда отравляютъ ядомъ, сказалъ
Савелли. *Довольтеъ днѣви злора его.* Покаместъ не говорите ничего
этому медвѣдю, Орсини. Такіе люди разстраиваютъ всякіе благора-
зумные планы. Полно, развеселитесь, Стефанелло!

— Лука ди-Савелли, сказалъ молодой синьоръ гордо, вы не имѣе-
те въ Римѣ такой большой ставки для риска, какую имѣю я; ника-
кой подеста не можетъ отнять у васъ званія перваго синьора италъ-
янской метрополіи.

— Еслибы вы сказали это Орсини, то дѣло дошло бы до мечей,
отвѣчалъ Савелли. Но успокойтесь! повторяю вамъ, развѣ уничто-
жить Ріенци, не есть первая наша забота, а потомъ: развѣ между
смертью одного врага и возвыщеніемъ другаго нѣтъ предупредитель-

ныхъ средствъ , какія показалъ Эццелино ди-Романо осторожнымъ людямъ ? Ободритесь , говорю вамъ , и на слѣдующій годъ , если вы только будемъ въ союзѣ между собою , Стефанелло Колонна и Луи ди-Савелли будутъ совокупно римскими сенаторами , а эти великіе люди — пищею червей !

Между тѣмъ какъ бароны разговаривали такимъ образомъ , Монреаль , передъ отходомъ ко сну , стоялъ у открытаго окна своей конноты и смотрѣлъ внизъ на ландшафтъ , озаренный луннымъ свѣтомъ . Вдали сіяли блѣдно и неподвижно огни вокругъ лагеря осаждающихъ .

— Обширныя равнины и ущелья , думалъ воинъ , скоро вы будете мирно покориться подъ новымъ владычествомъ , противъ котораго мелкіе тираны не осмѣлятся бунтовать . А вы , бѣлые стѣны палатокъ , научаете меня , когда я смотрю на васъ , какъ пріобрѣтаются царства . Какъ встарину , изъ кочующихъ палатокъ построенъ былъ гордый Вавилонъ , такъ изъ новыхъ намаелитовъ Европы возникаетъ племя , о которомъ и не думаютъ теперь , и вчерашній лагерь сдѣлается завтрашнимъ городомъ . Когда , за ничтожный проступокъ , римскій первосвященникъ отлучилъ меня отъ нѣдра церкви , онъ не подозрѣвалъ , какого непріятеля создастъ для Рима ! Какъ торжественна ночь ! какъ спокойны земля и небо ! Даже звѣзды какъ будто замолкли , и смотрятъ внимательнымъ взоромъ въ ожиданіи событій , которыя должны произойти внизу ! Такую же торжественность и тишину я чувствую въ моей душѣ и невѣдомое мнѣ до сихъ поръ благоговѣніе говоритъ мнѣ , что я приближаюсь къ перелому въ моей отважной судьбѣ !

КНИГА X.

БАЗАЛЬТОВЫЙ ЛЕВЪ.

«Ora voglio contare la morte del Tribune».

Vita di Cola di Rienzi, lib. II. cap. 24.

I.

СОЕДИНЕНІЕ ВРАЖДЕБНЫХЪ ПЛАНЕТЪ ВЪ ДОМѢ СМЕРТИ.

На четвертый день осады , прогнавъ къ этимъ , почти неприступнымъ , стѣнамъ войско бароновъ , бывшее подъ предводительствомъ князя Орсини , сенаторъ вернулся въ палатку , гдѣ его ожидали депешы изъ Рима . Онъ наскоро пробѣжалъ ихъ , пока дошелъ до послѣд-

той; однако-же каждая изъ нихъ заключала въ себѣ извѣстія, которыя могли бы на болѣе долгое время остановить на себѣ вниманіе меловѣка, менѣе его привыкшаго къ опасности. Изъ одной онъ узналъ, что Альбернось, утвердившій его въ званіи римскаго сенатора, принялъ съ особенною благосклонностью пословъ отъ Орсини и Колонны. Ему было извѣстно, что кардиналъ, который по своимъ видамъ былъ на сторонѣ римскихъ патриціевъ, желалъ его наденія, но онъ не боялся Альберноса; можетъ быть въ глубинѣ души онъ желалъ, чтобы открытое нападеніе папскаго легата, дало ему возможность вполне опереться на народъ.

Далѣе онъ узналъ, что, не смотря на недавность его отсутствія, Пандульфо ди-Гвидо уже дважды говорилъ къ черни, не въ пользу сенатора, распространяясь въ хитрыхъ сожалѣніяхъ объ упадкѣ римской торговли въ отсутствіе богатѣйшихъ побллей.

— Значитъ онъ измѣнилъ мнѣ, сказалъ Ріензи про себя. Пусть бережется!

Вѣсти, заключавшіяся въ слѣдующей депешѣ сильно его встревожили; Вальтеръ де-Монреаль открыто прибылъ въ Римъ. Жадный и беззаконный бандитъ, котораго хищность наполнила разбойничьею добычей всѣ углы Европы, котораго Компанія равнялась арміи какого-нибудь короля, котораго обширное, безчестное и глубокое честолюбіе онъ такъ хорошо зналъ, котораго братья, болѣе чѣмъ подозрѣваемые въ измѣнѣ, находились въ его лагерѣ, Вальтеръ де-Монреаль былъ въ Римѣ!

Сенаторъ оставался нѣкоторое время въ совершенномъ ослѣпленіи отъ этой новой опасности, и потомъ сказалъ, сжавъ зубы:

— Дикій тигръ, ты въ логовищѣ льва! Послѣ паузы онъ продолжалъ: одинъ невѣрный шагъ, Вальтеръ де-Монреаль и всѣ руки Великой Компаніи, покрытыя кольчугами, не вырвутъ тебя изъ бездны! Но что мнѣ дѣлать? Возвратиться въ Римъ—тогда планы Монреалья не обнаружатся, противъ него не будетъ никакой улики. Подъ какими предлогомъ могу я снять осаду съ честию? Оставить Палестину—значитъ уступить баронамъ побѣду, оставить Адриана—унизить мое дѣло. А между тѣмъ въ отсутствіе мое изъ Рима каждый часъ порождаетъ измѣну и опасность. Пандульфо, Альбернось, Монреаль, всѣ дѣйствуютъ противъ меня. Теперь мнѣ нуженъ хитрый и вѣрный шпионъ... А, хорошая мысль! Виллани! Эй, Анджело Виллани!

Виллани явился.

— Кажется, сказалъ Ріензи, я не разъ слышалъ отъ тебя, что ты сирота?

— Да, синьоръ; старая августинская монахиня, которая воспитывала меня въ малолѣтствѣ, часто говорила мнѣ, что мои родители умерли. Оба они были благородные, но я, дитя стыда. Я объ этомъ говорю часто, и думаю постоянно, для напоминанія себѣ, что Анджело Виллани долженъ самъ пріобрѣсти себѣ имя.

— Молодой человѣкъ, служи мнѣ, какъ ты всегда служилъ, и тогда, если я буду живъ, ты не будешь имѣть надобности называться

себя сиротою. Слушай! Я имѣю нужду въ другѣ, сенаторъ Рима нуждается въ другѣ, только въ одномъ другѣ; праведное небо! только въ одномъ!

Аджело опустился на колѣно и поцѣловалъ плащъ своего господина.

— Скажи, въ приверженцѣ. Я слишкомъ ничтоженъ для того, чтобы быть другомъ Ріонзи.

— Слишкомъ ничтоженъ? полно! нѣтъ ничего ничтожнаго предъ Богомъ, кромѣ низкой души подъ высокимъ титуломъ. Я признаю только одно благородство, и природа подписываетъ грамоту на него. Слушай: ты каждый день слышишь о Вальтерѣ де-Монреальѣ, братѣ этихъ провансальцевъ—великомъ предводителѣ разбойниковъ?

— Да, я видѣлъ его, монсеньоръ.

— Хорошо. Онъ въ Римѣ. Только какая-то смѣлая мысль, какое-то глубоко-задуманное злодѣйство, имѣющее для себя сильную поддержку, могли заставить этого бандита открыто явиться въ итальянскомъ городѣ, котораго земли онъ опустошалъ огнемъ и мечомъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Но его братья ссудили меня деньгами, помогли моему возвращенію въ Римъ. Правда, они сдѣлали это для своихъ цѣлей, но мое обязательство мое даетъ имъ дѣйствительную силу. Эти сѣверные солдаты перерѣжутъ мнѣ горло, если великій вождь велитъ имъ. Онъ рассчитываетъ на мою предполагаемую слабость. Я знаю его давно. Я подозреваю — мало того, читаю, его планы; но не могу доказать ихъ. Безъ доказательства я не могу оставить Палестрину для того, чтобы обвинить и схватить его. Ты слышишь, хитеръ и разсудителенъ: не можешь-ли ты отправиться въ Римъ? Тамъ день и ночь слѣди за его движеніями, наблюдай — не принимаютъ-ли онъ посланцевъ отъ Альберноса или отъ бароновъ, не имѣетъ-ли сношеній съ Пандульфомъ ди-Гвидо; наблюдай за его жилищемъ ночь и день. Онъ не старается прятаться: твой трудъ будетъ легче, нежели кажется. Увѣдомляй синьору обо всемъ, что узнаешь. Сообщай мнѣ вѣсти ежедневно. Берешь ты на себя это порученіе?

— Беру.

— Такъ скорѣе на лошады!.. и смотри... кромѣ жены я не имѣю ни одного довѣреннаго въ Римѣ.

II.

Монреаль въ Римѣ. — Приемъ, сданный имъ Аджелю Виллани.

Опасность, грозившая Ріонзи, вслѣдствіе пріѣзда Монреала въ Римъ, въ самомъ дѣлѣ была ужасна. Рыцарь св. Іоанна, направивъ свою армію въ Ломбардію, отдалъ ее въ распоряженіе Венеціи, въ войнѣ ея съ миланскимъ архіепископомъ. За эту услугу онъ получилъ огромную сумму; между тѣмъ онъ приготовилъ зимнія квартиры для своего войска, которому думалъ дать большую работу весной. Тайно, переодѣтый, оставивъ Палестрину съ маленькой свитой, которая встрѣтила его въ Тиволи, Монреаль отправился въ

Римъ. Ел
ценіемъ
прованса
Тайную
мошью ба
гастства.
ныхъ пла
гаствомъ
ихъ и вт
разираем
и такого
и способн
ръ времен
завѣсть
скою. Нез
торой не
Но будущ
стои. Чт
вслѣдствіе
вопротит
Монреал
временн
возможно
божь. Чит
хитрый п
новымъ по
началахъ
она защи
выгнать н
правни
наго арист
днати ст
нами, бы
какъ прот
жеземцевъ.
Таковы б
кой Компа
хтеры эти
лю самыхъ
Наконецъ
были предв
въ его кр
права кред
себя безоп
въ частныхъ
даль воспо
бароновъ;
Такихъ обр

нимъ. Его открытою цѣлью было поздравить Ріензи съ его возвращеніемъ и получить деньги, данныя сенатору въ займы братомъ Гровансальда.

Тайную цѣль его мы отчасти уже видѣли; но, не довольствуясь поощреніемъ бароновъ, онъ надѣялся, съ помощію своего огромнаго богатства, образовать третью партію для поддержанія своихъ отдаленныхъ плановъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ вѣкѣ и въ той странѣ богатствомъ можно было покупать короны едва-ли не также легко, какъ и въ послѣдніе дни римской имперіи. И во многихъ городахъ, раздираемыхъ наслѣдственными распрями, ненависть партій дошла до такого объема, что какой-нибудь чужеземный тиранъ, желающій и способный изгнать одну партію, могъ пріобрѣсти по крайней мѣрѣ временную покорность другой. Его дальнѣйшій успѣхъ много зависѣлъ отъ того, могъ-ли онъ поддерживать свое положеніе войскомъ, независимымъ отъ гражданъ, и казною, для пополненія которой не было надобности прибѣгать къ ненавистнымъ налогамъ. Но будучи болѣе жадны къ деньгамъ, чѣмъ честолюбивы, болѣе жестоки, чѣмъ тверды, подобные узурпаторы обыкновенно падали вслѣдствіе своихъ корыстныхъ вымогательствъ, или ненужнаго кровопролитія.

Монреаль, который наблюдалъ за частыми революціями своего времени спокойнымъ и испытующимъ взоромъ, надѣялся, что ему возможно будетъ избѣжать какъ той, такъ и другой изъ этихъ ошибокъ. Читатель уже видѣлъ, что онъ составилъ замысловатый и хитрый планъ утвердить свою узурпированную власть совершенно новымъ поколѣніемъ нобилей, которые, служа ему на феодальныхъ началахъ сѣвера и всегда готовые защищать его, потому что этимъ они защищаютъ и свои собственные интересы, помогутъ ему воздвигнуть не гнилое, ничѣмъ не поддерживаемое зданіе одинокой тиранніи, а сильную твердыню новаго, крѣпкаго и плотно связаннаго аристократическаго государства. Такъ были основаны великія династіи сѣвера; и король, хотя повидимому ограничиваемый баронами, былъ на самомъ дѣлѣ поддерживаемъ общимъ интересомъ, какъ противъ покореннаго народа, такъ и противъ нашествія чужеземцевъ.

Таковы были обширные планы, которые создавалъ вождь Великой Компаніи, смотря на колонны и арки города семи холмовъ. Размѣры этихъ плановъ увеличивались мечтами о славѣ и завоеваніяхъ до самыхъ Альпъ.

Наконѣцъ страхъ не прерывалъ теченія его мыслей. Его братья были предводителями насмного войска Ріензи; это войско состояло изъ его креатуръ. Относительно самаго Ріензи Монреаль имѣлъ права кредитора. И такъ противъ одной партіи онъ чувствовалъ себя безопаснымъ. Что касается друзей папы, то онъ имѣлъ опору въ частныхъ, хотя осторожныхъ, письмахъ Альберноса, который желалъ воспользоваться его помощію только для возвращенія римскихъ бароновъ; а его переговоры съ главами послѣднихъ мы уже знаемъ. Такимъ образомъ, какъ онъ думалъ, ему можно было извѣщивать

обстоятельства, ладить со всѣми партіями и выбирать изъ каждой матеріалы, необходимыя для собственныхъ цѣлей.

Открытое появленіе Монреаля возбудило въ Римѣ не малое волненіе. Друзья бароновъ распространяли слухъ, будто бы Ріензи былъ въ союзѣ съ Великою Компаніей и что онъ хочетъ предать императорскій городъ грабежу и хищности иностранныхъ разбойниковъ. Наглость, съ какою Монреаль (противъ котораго первосвященникъ не разъ издавалъ буллы) явился въ столичномъ городѣ церкви, казалась еще болѣе дерзкою при воспоминаніи о строгомъ правосудіи, побудившемъ трибуна объявить открытую войну противъ всѣхъ разбойниковъ Италіи: и эту смѣлость связывали съ бросавшимся въ глаза фактомъ, что друзья смѣлаго провансальца помогли возвращенію Ріензи. Подозрѣніе распространялось по городу съ такою скоростью, что уже одно присутствіе Монреаля могло бы погубить сенатора въ нѣсколько недѣль. Природная смѣлость Монреаля заглушила въ немъ совѣты благоразумія и, ослабленный блескомъ своихъ надеждъ, рыцарь св. Іоанна какъ бы для того, чтобы удвоить важность своего прибытія, помѣстился въ роскошномъ дворцѣ и его свита соперничала въ блескѣ съ великолѣпіемъ самаго Ріензи въ первое, болѣе блистательное время его власти.

Среди возрастающаго волненія, Анджело Виллани пріѣхалъ въ Римъ. Характеръ этого молодаго челоуѣка сложился подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ. Онъ имѣлъ качества, которыя часто встрѣчаются у незаконнорожденныхъ. Онъ былъ дерзокъ, какъ большая часть людей сомнительнаго ранга; и стыдился своего незаконнаго происхожденія, въ тоже время высокомерно гордился предполагаемымъ благородствомъ своего неизвѣстнаго родства. Всеобщее броженіе и волненіе Италіи въ тѣ времена дѣлали честолюбіе самою обыкновенною изъ страстей, и потому-то оно со всѣми своими оттѣнками и разнообразіемъ поневолѣ входило въ наши описанія характеровъ, дѣйствующихъ въ этой исторіи. Хотя Анджело не былъ созданъ для грезъ болѣе благороднаго и великодушнаго разряда этой возвышенной слабости, но его сильно подстрекало желаніе и рѣшимость подняться. Онъ имѣлъ пылкія чувства и былъ благодаренъ; его вѣрность къ своему патрону доходила до добродѣтели; но вслѣдствіе своего неправильнаго и безсвязнаго воспитанія, и испорченности тѣхъ, съ которыми въ переднихъ и караульныхъ комнатахъ прошла большая часть его юности, онъ не имѣлъ ни высокихъ принциповъ, ни просвѣщенной честности. Подобно большей части итальянцевъ, хитрый и лукавый, онъ не совѣстился никакого обмана, который служилъ для какой либо цѣли, или въ пользу друга. Его сильная привязанность къ Ріензи безсознательно увеличилась удовлетвореніемъ его гордости и тщеславія, которымъ льстила благосклонность такого знаменитаго челоуѣка. И личный интересъ, и привязанность побуждали его ко всякимъ успіямъ въ пользу цѣлей и безопасности того, кто былъ его благодѣтелемъ и покровителемъ, и, принимая на себя настоящее дѣло, онъ думалъ только о томъ, чтобы исполнить его съ самымъ полнымъ успѣхомъ. Онъ былъ далеко храбрѣе и отважнѣе, чѣмъ обыкновенно.

новенно были тогда итальянцы; безстрастіе ультрамонтанской расы дало силу и энергію его лукавству, и его мужество никогда не отступало предъ тѣмъ, что было внушено ему хитростью.

Когда Ріензи подробноизлагалъ ему предметы его настоящаго посольства, то онъ вдругъ вспомнилъ свою Авиньонскую встрѣчу съ высокимъ солдатомъ въ толпѣ.

Если ты когда нибудь будешь нуждаться въ другѣ, то ищи его въ Вальтерѣ Монреалѣ: эти слова часто раздавались въ его ушахъ и теперь пришли ему въ голову съ пророческою явственностію. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что онъ видѣлъ самаго Монреала. Почему великій вождь принималъ въ немъ участіе, это Анджело не слишкомъ старался откапывать. По всей вѣроятности, это было только хитрое притворство, одно изъ обыкновенныхъ средствъ, которыми вождь Великой Компаніи привлекалъ къ себѣ молодыхъ людей Италіи, также какъ и сѣверныхъ воиновъ. Теперь онъ думалъ только о томъ, какимъ бы образомъ ему воспользоваться обѣщаніемъ рыцаря. Что можетъ быть легче, какъ явиться къ Монреалу, напомнить ему о его словахъ, поступить къ нему въ услуженіе и такимъ образомъ успѣшно наблюдать за его поступками. Должность шпіона не такова, чтобы нравиться всякому уму, но она не оскорбляла брезгливости Анджело Виллани и страшная ненависть, съ которою его патронъ часто говорилъ о жадномъ и свирѣпомъ разбойникѣ, бичѣ его родины, разила подобнымъ же чувствомъ и молодого человѣка, у котораго было много падменнаго и ложнаго патріотиза римлянъ. Притомъ болѣе мстительный, чѣмъ благодарный, онъ имѣлъ тайную злобу противъ братьевъ Монреала, которыхъ грубое обращеніе часто уязвляло его гордость. Но всего болѣе его раннія воспоминанія объ ужасѣ Урсулы и ея проклятіяхъ противъ страшнаго Монреала внушили ему неопредѣленную мысль о какомъ-то старинномъ злѣ, сдѣланномъ провансальцемъ ему или его фамиліи, за которое онъ радъ былъ случаю отомстить. Въ самомъ дѣлѣ слова Урсулы, мистическія и темныя въ своихъ обвиненіяхъ, во время впечатлительныхъ дѣтскихъ лѣтъ Виллани, внушили ему безотчетное чувство антипатіи и ненависти къ человѣку, котораго онъ хотѣлъ теперь предать. Наконецъ, всякая выдумка казалась ему приличною и непредосудительною, если она спасала его господина, служила его роднѣ и возвышала его самаго.

Монреаль былъ одинъ въ своей комнатѣ, когда ему сказали, что какой-то молодой итальянецъ желаетъ его видѣть. Доступный уже по своему ремеслу, онъ немедленно принялъ просителя.

Рыцарь св. Іоанна тотчасъ узналъ пажу, котораго онъ встрѣтилъ въ Авиньонѣ, и когда Анджело Виллани, съ развязною смѣлостью, сказалъ—я пришелъ напомнить синьору Вальтеру-де-Монреалу обѣщаніи, рыцарь прервалъ его съ привѣтливымъ радушіемъ:

— Нѣтъ надобности, я помню его. Ты нуждаешься въ моей дружбѣ?

— Да, благородный синьоръ, и я не знаю гдѣ въ другомъ мѣстѣ мнѣ искать покровителя.

— Умѣешь ты читать и писать?

— Учился.

— Хорошо. Ты благороднаго происхожденія?

— Да.

— Еще лучше; твое имя?

— Анджело Виллани.

— Твои голубые глаза и низкій широкій лобъ будутъ мнѣ служить залогомъ твоей вѣрности. Съ этихъ поръ, Анджело Виллани ты находишься въ числѣ моихъ секретарей. Въ другой разъ ты расскажешь мнѣ о себѣ больше. Твоя служба начинается съ этого дня. Никто изъ служившихъ Монреалю не имѣлъ недостатка въ деньгахъ, ни въ повышеніяхъ, если служилъ вѣрно. Мой кабинетъ за тою дверью — будетъ твоею дежурною комнатою. Спроси и пошли сюда Люзиньяна де-Льона; онъ мой главный письмоводитель, онъ будетъ заботиться о твоихъ удобствахъ и научить тебя твоимъ обязанностямъ.

Анджело вышелъ; Монреаль слѣдовалъ за нимъ глазами.

— Странное сходство! сказалъ онъ, задумчиво и грозно, мое сердце рвется къ этому мальчику!

III.

Банкетъ Монреалья.

Черезъ нѣсколько дней послѣ событій, описанныхъ въ послѣдней главѣ, Ріензи получилъ вѣсти изъ Рима, которыя, казалось, радостно и сильно взволновали его. Войско по прежнему стояло подъ Палестриною и по прежнему знамена бароновъ развѣвались надъ ея непокоренными стѣнами. Итальянцы тратили половину своего времени на ссоры между собою; веллетретранцы имѣли распрю съ народамъ Тиволи, а римляне все еще боялись побѣды надъ баронами. Шмель, говорили они, ужаливаетъ больше послѣ своей смерти; а ни Орсини, ни Савелли, ни Колонна никогда не прощаютъ.

Неоднократно начальники войска увѣряли негодующаго сенатора, что крѣпость нельзя взять и что время и деньги напрасно издерживаются на осаду. Ріензи зналъ дѣло лучше, но скрывалъ свои мысли.

Теперь онъ позвалъ въ свою палатку провансальскихъ братьевъ и увѣдомилъ ихъ о своемъ намѣреніи немедленно возвратиться въ Римъ. Наемныя войска будутъ продолжать осаду подъ начальствомъ нашего намѣстника, а вы съ моимъ римскимъ легіономъ отправитесь со мной. И вашему брату, синьору Вальтеру, и мнѣ нужно ваше присутствіе; между нами есть дѣла, которыя мы должны устроить. Черезъ нѣсколько дней я наберу рекрутъ въ городѣ и ворочусь.

Этого только и хотѣли братья; они съ очевидною радостью одобрили предложеніе сенатора.

Ріензи послалъ за начальникомъ своихъ тѣлохранителей, тѣмъ

самымъ Риккардо Аннибальди, съ которымъ читатель познакомился уже прежде, какъ съ противникомъ Монреала въ единоборствѣ. Этотъ молодой человекъ, одинъ изъ немногихъ нобилей, принявшихъ сторону сенатора, выказалъ большую храбрость и военныя способности и обѣщалъ, еслибы судьба пощадила его жизнь*, сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ полководцевъ своего времени.

— Милый Аннибальди, сказалъ Ріензи, наконецъ я могу выполнить планъ, о которомъ мы тайно совѣщались. Я беру съ собою въ Римъ двухъ провансальскихъ начальниковъ и оставляю васъ предводителемъ войска. Палестрина теперь сдается, да! ха, ха, ха! Палестрина теперь сдается!

— Клянусь, я думаю тоже, сенаторъ, отвѣчалъ Аннибальди. Эти иностранцы до сихъ поръ только возбуждали ссоры между нами, и если они не трусы, то, навѣрное, измѣнники!

— Тихе, тихе! измѣнники! ученый Арибальдо, храбрый Бретто-не измѣнники! Фи! нѣтъ, они превосходные, почтенные люди, только несчастны въ полѣ; несчастны въ полѣ; имъ больше везетъ въ городѣ! Теперь къ дѣлу.

Сенаторъ подробно изложилъ Аннибальди составленный имъ планъ взятія города, и искусный въ военномъ дѣлѣ Аннибальди тотчасъ же призналъ его исполнимость.

Съ своимъ римскимъ отрядомъ и братьями Монреала, изъ которыхъ одинъ бѣжалъ у него справа, а другой слѣва, Ріензи отправился въ Римъ.

Въ эту ночь Монреаль давалъ пиръ Пандульфо ди-Гвидо и нѣкоторымъ изъ главнѣйшихъ гражданъ. Онъ уже допросилъ ихъ по одному и напелъ, что они измѣнили сенатору.

Пандульфо сидѣлъ по правую руку рыцаря св. Іоанна и Монреаль осыпалъ его знаками самого вѣжливаго вниманія.

— Выпейте со мною этого вина—оно изъ Кьянской долины, близъ Монте Пульчяно, сказалъ Монреаль. Помните, ученые говорятъ, (вы знаете, синьоръ Пандульфо, мы все должны быть теперь учеными) что это мѣсто было знаменито издавна. Въ самомъ дѣлѣ вино имѣетъ превосходный букетъ.

— Я слышалъ, сказалъ Бруттини, одинъ изъ меньшихъ бароновъ (вѣрный другъ Колонны), что въ этомъ отношеніи сынъ содержателя постоялаго двора употребилъ свою книжную ученость въ нѣкоторую пользу: онъ знаетъ каждое мѣсто, гдѣ растетъ лучший виноградъ.

— Какъ! сенаторъ сдѣлался винопійцею! сказалъ Монреаль, выпивая залпомъ большой кубокъ, это должно дѣлать его неспособнымъ къ дѣламъ. Жаль.

— По истинѣ, такъ, сказалъ Пандульфо:—человѣкъ стоящій во главѣ государства, долженъ быть воздерженъ. Я никогда не пью вина безъ воды.

* Кажется, это былъ тотъ самый Аннибальди, который въ послѣдствіи убилъ въ одной схваткѣ Петрарку хвалить его храбрость и сожалѣть о его судьбѣ.

— О, прошепталъ Монреаль, еслибы вашъ спокойный, здравый смыслъ управлялъ Римомъ, то, дѣйствительно, столица Италіи могла бы наслаждаться миромъ. Сеньоръ Вивальди, прибавилъ онъ, обращаясь къ богатому суконщику, эти безпорядки вредятъ торговлѣ.

— Очень, очень, простоналъ тотъ.

— Бароны—ваши лучшіе покупатели, проговорилъ одинъ незначительный нобиль.

— Именно, именно! сказалъ суконщикъ.

— Жаль, что ихъ такъ грубо выгнали, сказалъ Монреаль меланхолическимъ тономъ. Неужели сенаторъ (пью за его здоровье) неспособенъ быть настолько неопрометчивъ или, лучше сказать, настолько ревностенъ, чтобы соединить свободныя учрежденія съ возвращеніемъ бароновъ? такъ поступилъ бы истинно-мудрый государственный человѣкъ!

— Конечно, это возможно, отвѣчалъ Вивальди, одни Савелли забирали у меня больше товаровъ, чѣмъ всѣ остальные жители Рима.

— Не знаю возможно это или нѣтъ, сказалъ Бруттини, но чтобы сынъ содержателя гостиницы могъ сдѣлать римскіе дворцы пустыми, это ни на что непохоже.

— Правда, въ этомъ какъ будто видно слишкомъ пошлое желаніе заслужить благосклонность черни, сказалъ Монреаль. Впрочемъ, я надѣюсь, мы уладимъ все эти раздоры. Ріензи, можетъ быть, — да это безъ сомнѣнія такъ и есть, имѣетъ хорошія намыренія.

— Я бы желалъ, сказалъ Вивальди который понялъ его намеки, чтобы у насъ образовалась смѣшанная конституція. Плебей и патриціи, каждое сословіе само по себѣ.

— Но, сказалъ Монреаль съ важностью, этотъ новый опытъ потребовалъ бы большой матеріальной силы.

— Да, правда, но мы можемъ призвать посредника иностранца, который не былъ бы заинтересованъ ни въ какой партіи, который могъ бы защитить повое *Buono Stato*, подесту, какъ мы дѣлали это прежде. Вранкалеоне, напримѣръ, какъ хорошо и благоразумно онъ управлялъ! это былъ золотой вѣкъ для Рима. Подесту навсегда! вотъ моя теорія.

— Вамъ нѣтъ надобности далеко искать предсѣдателя вашего совѣта, сказалъ Монреаль, улыбаясь Пандульфо, направо отъ меня сидитъ гражданинъ, и популярный, и благородный, и богатый вмѣстѣ.

Пандульфо каплянулъ и покраснѣлъ.

Монреаль продолжалъ:

— Торговый комитетъ можетъ дать почетное занятіе сеньору Вивальди, а управленіе иностранными дѣлами, военная часть и проч. могутъ быть отданы нобилѣмъ, съ представленіемъ второстепеннымъ баронамъ, сеньору Бруттини, права на болѣе свободное совмѣстничество, нежели до какаго они были допускаемы до сихъ поръ по своему происхожденію и значительности. Господа, не угодно ли выйти маленьки?

— Но, сказалъ Вивальди послѣ нѣкоторой паузы (онъ нагнулся по крайней мѣрѣ снабжать сукномъ всю Великую Компанію) но на

такую умѣренную и стройную конституцію Ріензи никогда не согласится.

— Къ чему же его согласіе? какая нужда до Ріензи? вскричалъ Бруттини. Ріензи можетъ опять прогуляться въ Богемію.

— Типо, типо, сказалъ Монреаль, я не отчаиваюсь. Всякое открытое насиліе противъ сенатора можетъ увеличить его могущество. Нѣтъ, нѣтъ, смирите его, примите къ себѣ бароновъ и тогда настаивайте на своихъ условіяхъ. Тогда вамъ можно будетъ установить надлежащее равновѣсіе между двумя партіями. А чтобы оградить вашу конституцію отъ преобладанія какой либо изъ крайностей, для этого *есть* войны и рыцари, которые за извѣстный рангъ въ Римѣ могутъ имѣть нѣхоту и конницу къ его услугамъ. Насъ, ультрамонтанцевъ, часто строго судятъ, но мы бродяги и измаолиты единственно потому, что неимѣемъ почетнаго мѣста для осѣдлости. Напримѣръ, еслибы я...

— Да, если бы вы, благородный Монреаль! сказалъ Вивальди.

Собесѣдники замолкли и, притаивъ дыханіе, ждали что скажетъ Монреаль, какъ вдругъ послышался глубокой, торжественный и глухой звукъ капитолійскаго колокола.

— Слышите! сказалъ Вивальди, колоколъ: онъ звонитъ къ казни не въ обычное время!

— Конечно, сенаторъ не воротился! воскликнулъ Пандумффо дигвидо поблѣднѣвъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Дѣло идетъ о разбойникѣ, который два дня тому назадъ пойманъ въ Романьи. Я слышалъ, что онъ будетъ казнень въ эту ночь.

При словѣ разбойникъ Монреаль слегка измѣнился въ лицѣ. Вино пошло кругомъ, колоколъ продолжалъ звонить, но впечатлѣніе, произведенное внезапностью этого звука, исчезло и онъ пересталъ возбуждать безпокойство. Разговоръ опять завязался.

— Что вы говорили, господинъ рыцарь? сказалъ Вивальди.

— Дайте вспомнить. Да! я говорилъ о необходимости поддерживать новое государство силою. Я говорилъ, что еслибы я...

— Да, именно, сказалъ Бруттини ударивъ по столу.

— Еслибы я былъ призванъ къ вамъ на помощь—*призванъ*, замѣтите, и разрѣшенъ папскимъ легатомъ отъ моихъ прежнихъ грѣховъ, (они тяготятъ меня господа) то я самъ бы охранялъ вашъ городъ отъ чужеземныхъ враговъ и отъ гражданскихъ смутъ, моими храбрыми воинами. Ни одинъ римскій гражданинъ не былъ бы обязанъ давать ни одного динара на издержки.

— Viva Fra Moreale! вскричалъ Бруттини, и этотъ крикъ былъ повторенъ всѣми веселыми собесѣдниками.

— Для меня довольно, продолжалъ Монреаль, искупить мои проступки. Вы знаете, господа, мой орденъ посвященъ Богу и церкви, я воинъ-монахъ! Довольно, говорю, для меня искупить мои проступки, защищая святой городъ. Но и я, тоже, имѣю свои особенныя, темныя дѣла, кто выше ихъ? Я... колоколъ перебиваетъ тонъ!

— Эта перемена предшествует казни. Несчастный разбойник сейчас умрет!

Монреаль перекрестился, и заговорил опять:

— Я рыцарь и благородный, сказал онъ съ гордостью, я избралъ военное поприще; но не хочу скрывать этого—мои равные смотрѣли на меня какъ на человека, который запятналъ свой гербъ слишкомъ безразсудною погонею за славой и корыстью. Я хочу примириться съ своимъ орденомъ, приобрести новое имя, оправдать себя предъ великимъ магистромъ и первосвященникомъ. Я получалъ намеки, господа, намеки, что я могу лучше всего подвинуть свое дѣло, возстановивъ порядокъ въ папской столицѣ. Легатъ Альберношъ (вотъ его письмо) проситъ меня наблюдать за сенаторомъ.

— Право, прервалъ Пандульфо, я слышу шаги внизу.

Это чернь идетъ посмотреть на казнь разбойника, сказалъ Бруттини, продолжайте, господинъ кавалеръ.

— И, сказалъ Монреаль, окинувъ сначала слушателей взглядомъ, какъ вы думаете (я только спрашиваю вашего мнѣнія, которое умнѣ моего) какъ вы думаете, не полезно ли было бы возвратить Колонну и смѣлыхъ бароновъ Палестрины, въ видахъ предосторожности противъ слишкомъ произвольной власти сенатора.

— Вотъ это за ихъ здоровье, вскричалъ Вивальди, вставая.

Вся компанія поднялась какъ бы по внезапному побужденію. За здоровье осаждаемыхъ бароновъ! громко закричала она.

— А потомъ, продолжалъ Монреаль, позвольте мнѣ сдѣлать скромное замѣчаніе: что еслибы вы дали сенатору товарища?—въ этомъ для него нѣтъ никакого оскорбленія. Еще недавно одинъ изъ Колонновъ, бывшій сенаторомъ, имѣлъ товарища въ лицѣ Бертольдо Орсини.

— Влагоразумнѣйшая предосторожность, вскричалъ Вивальди. И гдѣ можно сыскать товарища подобнаго Пандульфо-ди-Гвидо?

— Viva Pandolfo-di-Gvido! вскричали гости, и опять ихъ кубки были осушены до дна.

— И если въ этомъ я могу помочь вамъ, посредствомъ откровенныхъ объясненій съ сенаторомъ (вы знаете, онъ мнѣ долженъ—мои братья служили ему), то приказывайте Монреалю.

— А если откровенныя объясненія не удадутся? сказалъ Вивальди.

— Великая Компанія — (замѣтьте, вы совѣтники въ этомъ дѣлѣ)—Великая Компанія приучена къ форсированнымъ маршамъ!

— Viva Fra-Moreale! вскричали Бруттини и Вивальди вдругъ.

— За здоровье всѣхъ, друзья мои, продолжалъ Бруттини; за здоровье бароновъ, старыхъ друзей Рима; за здоровье Пандульфо-ди-Гвидо, новаго товарища сенатора; и за Фра-Мореала, новаго подесты Рима.

— Колоколъ замолчалъ, сказалъ Вивальди, ставя свой кубокъ на столъ.

— Да помилуетъ небо разбойника! прибавилъ Бруттини.

Вдвоемъ онъ сказалъ это, какъ послышались три удара въ дверь! гости взглянули другъ на друга въ нѣмомъ изумленіи.

— Новые гости! сказал Монреаль. Я просил нѣсколькихъ вѣрныхъ друзей прійти къ намъ въ этотъ вечеръ. Я очень радъ имъ! Войдите!

Дверь медленно отворилась и по трое въ рядъ въ полномъ вооруженіи вошли тѣлохранители сенатора. Они подвигались впередъ правильно и безмолвно. Они окружили столъ пирующихъ, они наполнили обширную залу. Свѣтъ отражался на ихъ нагрудникахъ, какъ будто на стѣнѣ изъ стали.

Ни одного слова не было произнесено пирующими, они все, казалось, окаменѣли. Тѣлохранители разступились, и показался самъ Ріензи. Онъ подошелъ къ столу и, сложивъ руки, медленно обращалъ глаза отъ одного гостя къ другому, наконецъ, остановилъ ихъ на Монреалѣ, который тоже всталъ и который одинъ изъ всѣхъ собесѣдниковъ успѣлъ оправиться отъ внезапнаго изумленія.

И когда эти два человѣка, оба столь знаменитые, гордые, умные и честолюбивые, стояли другъ противъ друга, то казалось будто бы два соперничающіе духа—силы и ума, порядка и раздора, меча и сѣкиры, два враждующія начала, изъ которыхъ одно управляетъ государствами, а другое ниспровергаетъ ихъ,—встрѣтились лицомъ къ лицу,—оба они были безмолвны,—какъ бы очарованные взглядомъ другъ друга,—превосходя окружающихъ высотой роста и благородствомъ вида.

Монреаль, съ принужденною улыбкою, заговорилъ первый.

— Сенаторъ римскій!—смѣю ли я думать, что мой скромный пиръ прельщаетъ тебя и что эти вооруженные люди—любезный комплиментъ тому, для котораго оружіе было забавою?

Ріензи не отвѣчалъ, но далъ знакъ своимъ тѣлохранителямъ.

Монреаль былъ схваченъ въ одно мгновеніе. Ріензи опять посмотрѣлъ на гостей—и Пандульфо-ди-Гвидо, дрожащій, оцѣпенѣлый, въ ужасѣ, не могъ вынести сверкающаго взгляда сенатора. Ріензи медленно указалъ рукой на несчастнаго гражданина, Пандульфо увидалъ это,—понялъ свою участь,—вскрикнулъ,—и упалъ безъ чувствъ на руки солдатъ.

Другимъ быстрымъ взглядомъ сенаторъ окинулъ столъ и пошелъ прочь съ презрительною улыбкой, какъ будто ища другой не менѣе важной жертвы. До сихъ поръ онъ не сказалъ ни одного слова, все было нѣмымъ зрѣлищемъ, и его угрюмое молчаніе придавало еще больше леденящаго ужаса его внезапному появленію. Только дойдя до двери, онъ обернулся назадъ, посмотрѣлъ на смѣлое и безстрашное лицо провансальца и сказалъ почти шопотомъ:

— Вальтеръ-де-Монреаль!—ты слышалъ колоколъ смерти!

I.

Приговоръ надъ Вальтеромъ Монреалемъ.

Вождь Великой Компаніи былъ отведенъ въ тюрьму капитолия. Теперь въ одномъ и томъ же зданіи помѣщались два соперника по

управленію Римомъ; одинъ занималъ тюрьму, другой—палаты. Гѣлохранителя заковали Монреаль въ цѣпи и при свѣтѣ лампы, оставленной на столѣ, Монреаль увидѣлъ, что онъ не одинъ; братья предупредили его.

— Счастливая встрѣча, сказалъ рыцарь св. Іоанна; намъ случилось проводить болѣе пріятныя ночи, нежели какою общается быть эта.

— И ты можешь шутить, Вальтеръ! сказалъ Аримбальдо, чуть не плача. Развѣ ты не знаешь, что наша участь рѣшена? Смерть виситъ надъ нами.

— Смерть! повторилъ Монреаль, и только теперь измѣнился въ лицѣ. Можетъ быть первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ дрожь и мученіе страха.

— Смерть! повторилъ онъ. Невозможно! онъ не смѣетъ, Бреттоне; солдаты норманы! — они взбунтуются, они вырвутъ насъ изъ рукъ палача!

— Оставь эту пустую надежду, сказалъ Бреттоне угрюмо: солдаты стоятъ лагеремъ подъ Палестриною.

— Какъ? Олухъ, дуракъ! такъ ты воротился въ Римъ безъ нихъ! Неужели мы одинъ съ этимъ страшнымъ человѣкомъ?

— Ты олухъ! Зачѣмъ ты пріѣхалъ сюда? отвѣчалъ братъ.

— Зачѣмъ! я зналъ, что ты начальникъ войска; и—впрочемъ ты правъ, я былъ глупъ, противопоставилъ хитрому трибуну такую голову, какъ твоя. Довольно! упреки бесполезны. Когда васъ арестовали?

— Въ сумерки, въ ту минуту, когда мы входили въ ворота Рина Ріензи вошелъ тайно.

— Гмъ! Что могъ онъ узнать для обвиненія меня? Кто могъ меня выдать? Мои секретари—люди испытанные, надежные, исключая развѣ этого молодого человѣка; да и онъ, повидимому, такъ усерденъ,—этотъ Анджело Виллани!

— Виллани! — Анджело Виллани! вскричали оба брата Монреаль вмѣстѣ. Ты что нибудъ довѣрилъ ему?

— Воюсъ, онъ долженъ былъ видѣть,—по крайней мѣрѣ отчасти,—мою переписку съ вами и съ баронами: онъ былъ въ числѣ моихъ писцовъ. Развѣ вы знаете что нибудъ о немъ?

— Вальтеръ, небо помрачилось твоей расудокъ, отвѣчалъ Бреттоне. Анджело Виллани любимый холоуъ сенатора.

— Такъ его глаза обманули меня, прошепталъ Монреаль торжественно и съ трепетомъ; духъ ея повидимому возвратился на землю, и Богъ караетъ меня изъ ея могилы!

Послѣдовало продолжительное молчаніе, покажѣсть Монреаль, котораго смѣлый и сангвиническій темпераментъ никогда не поддавался унынію на долго; заговорилъ опять.

— Богата казна сенатора?—Но это невозможно.

— Скудна какъ у доминиканца.

— Такъ мы спасены. Онъ назначилъ цѣну за наши головы. Деньги должны быть для него полезнѣе крови.

И какъ будто бы эта мысль дѣлала всѣ дальнѣйшія размышленія ненужными, Монреаль снялъ плащъ, произнесъ короткую молитву, и бросился на кровать, стоявшую въ углу комнаты.

— Я спалъ иногда на худшихъ постеляхъ, сказалъ рыцарь, укладываясь. Черезъ нѣсколько минутъ онъ крѣпко спалъ.

Братья прислушивались къ его тяжелому но правильному дыханію съ завистью и удивленіемъ, но не были расположены разговаривать. Тихо и безмолвно, подобно статуямъ, сидѣли они возлѣ спящаго. Время шло, и первый холодный воздухъ наступившей полночи пробрался сквозь рѣпотку ихъ кельи. Засовы загремѣли, дверь отворилась; показалось шестеро вооруженныхъ людей; они прошли около братьевъ и одинъ прикоснулся къ Монреалу.

— А! сказалъ тотъ, еще не проснувшись, но поворачиваясь на другой бокъ. А! сказалъ онъ на нѣжномъ провансальскомъ нарѣчій, милая Адельна, мы еще не будемъ вставать, — мы такъ долго съ тобой не видались!

— Что онъ говоритъ? проворчалъ солдатъ, грубо толкая Монреала. Рыцарь вдругъ вскочилъ и схватился за изголовье кровати, какъ будто за мечъ. Онъ безсмысленно посмотрѣлъ кругомъ, протеръ глаза и, тогда взглянувъ на солдата, понялъ въ чемъ дѣло.

— Вы рано встаете въ капитолиі, сказалъ онъ. Что вамъ отъ меня нужно?

— Она ожидаетъ васъ!

— Она! Кто? спросилъ Монреаль.

— Пытка! отвѣчалъ солдатъ, злобно нахмуривъ брови.

Великій вожда не сказалъ ни слова. Съ минуту смотрѣлъ онъ на шестерыхъ вооруженныхъ людей, какъ будто сравнивая свою единую силу съ ихъ числомъ. Потомъ глазами онъ окинулъ комнату. Самый грубый желѣзный болтъ въ эту минуту былъ бы для него дороже, чѣмъ въ другое время самая лучшая миланская сталь. Онъ окончилъ свой обзоръ вздохомъ, накинулъ свой плащъ на плеча, кивнулъ своимъ братьямъ, — и пошелъ за солдатомъ.

Въ залѣ капитолія, стѣны которой были покрыты толковыми обоями съ бѣлыми полосами по кроваво-красному полю, сидѣлъ Ріонзи со своими совѣтниками. Въ углубленіи висѣлъ черный занавѣсъ.

— Вальтеръ-де-Монреаль, сказалъ маленькій челоѣкъ, стоявшій у стола, рыцарь знаменитаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

— И предводитель Великой Компаніи! прибавилъ арестантъ твердымъ голосомъ.

— Вы обвинены въ разныхъ статьяхъ: — въ разбояхъ и убійствахъ, учиненныхъ въ Тосканѣ, Романіи и Апуліи.

— Въмѣсто разбоя и убійства, храбрые люди и посвященные рыцари, сказалъ Монреаль выпрямляясь, употребили бы слова — война и побѣда. Въ этихъ преступленіяхъ я признаю себя виновнымъ, — продолжай.

— Затѣмъ, вы обвинены въ предательскомъ заговорѣ противъ

свободы Рима, въ возстановленіи изгнанныхъ бароновъ, и въ изтѣ-
нической перепискѣ съ Стефанелло Колонною въ Палестринѣ.

— Мой обвинитель?

— Выйди, Анджело Виллани!

— Такъ это вы мой предатель? сказалъ Монреаль спокойно. Я за-
служилъ это. Просту васъ, римскій сенаторъ, велите этому моло-
дому человѣку уйти. Я признаюсь въ моей перепискѣ съ Колонною
и въ моемъ желаніи возстановить бароновъ.

Ріензи далъ знакъ Виллани, который поклонился и вышелъ.

— Итакъ теперь остается вамъ, Вальтеръ-де-Монреаль, только
исполнѣть и правдиво разсказать подробности вашего заговора.

— Это невозможно, возразилъ Монреаль небрежно.

— А почему?

— Потому что, распоряжаясь какъ мнѣ угодно съ моею жизнью,
я не хочу предавать жизнь другихъ.

— У закона, Вальтеръ Монреаль, есть суровые слѣдователи;
взгляни!

Черный занавѣсъ былъ отдернутъ, и глазамъ Монреала предста-
вились вначѣ и орудія пытки! Грудь его гнѣвно заволновалась.

— Сенаторъ римскій, сказалъ онъ, эти орудія существуютъ для
рабовъ и простолупидновъ. Я былъ воиномъ и вождемъ; въ моихъ
рукахъ были жизнь и смерть, — я распоряжался ими какъ хотѣлъ;
но моихъ равныхъ и моихъ враговъ я никогда не оскорблялъ
пыткою.

— Сеньоръ Вальтеръ-де-Монреаль, отвѣчалъ сенаторъ важно, но
вмѣстѣ съ какимъ-то вѣжливымъ почтеніемъ, отвѣчаетъ такъ, какъ
отвѣчалъ бы всякій порядочный человѣкъ. Но узнай отъ меня, кото-
раго судьба сдѣлала твоимъ судьбою, что я уступилъ только желанію
этихъ почтенныхъ сенаторовъ испытать твои нервы. Но еслибы ты
былъ самымъ простымъ крестьяниномъ и явился предъ моихъ су-
дьямъ, то и тогда бы ты не имѣлъ причины бояться пытки.
Вальтеръ-де-Монреаль, скажи, такъ ли бы поступилъ кто либо изъ
государей Италіи, которыхъ ты зналъ, или изъ римскихъ бароновъ,
которымъ ты хотѣлъ оказать помощь?

— Я желалъ только, сказалъ Монреаль съ нѣкоторымъ колеба-
ніемъ, соединить бароновъ съ тобою; я не составлялъ заговора про-
тивъ твоей жизни!

Ріензи нахмурилъ брови.

— Рыцарь св. Іоанна, я знаю твои тайные замыслы; увертки и
уклончивость для тебя неприличны и бесполезны. Если ты не со-
ставлялъ заговора противъ моей жизни, то составлялъ противъ жи-
зни Рима. Тебѣ остается на землѣ, просить только одной милости,
именно выбора смерти.

Губы Монреала судорожно зашевелились.

— Сенаторъ, сказалъ онъ тихимъ голосомъ, могу я поговорить
съ тобою одну минуту наединѣ?

Совѣтники подняли глаза.

— Синьоръ, прошепталъ старшій изъ нихъ, безъ сомнѣнія, онъ имѣетъ при себѣ скрытое оружіе—не довѣряйтесь ему.

— Плѣнникъ, отвѣчалъ Ріензи, послѣ минутной паузы; если ты хочешь просить помилованія, то это будетъ напрасно, а предъ моими помощниками у меня нѣтъ тайнъ; говори, что тебѣ нужно?

— Но послушай, сказалъ арестантъ, сложивъ руки, это касается не моей жизни, а благосостоянія Рима.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Ріензи, перемѣнивъ тонъ, я исполню твою просьбу. Ты, можетъ быть, прибавишь къ своей винѣ покушеніе на смертоубійство, но для Рима я готовъ подвергнуться еще большей опасности.

Говоря это, онъ далъ знакъ совѣтникамъ, которые медленно вышли чрезъ дверь, за которою скрылся Виллани, а стража отошла въ самый дальній уголъ залы.

— Теперь, Вальтеръ Монреаль, говори скорѣй, время коротко.

— Сенаторъ, сказалъ Монреаль, моя смерть принесетъ вамъ мало пользы; люди скажутъ, что вы казнили своего кредитора для уничтоженія вашего долга. Назначьте сумму за жизнь мою, оцѣните ее такъ, какъ могла бы быть оцѣнена жизнь какого нибудь государя; каждый флоринъ будетъ вамъ уплаченъ и ваша казна будетъ полна цѣлыя пять лѣтъ. Если существованіе *Buono stato* зависить отъ вашего управленія, то ваша заботливость о Римѣ не позволитъ вамъ отказать мнѣ въ этой просьбѣ.

— Ты ошибаешься во мнѣ, смѣлый разбойникъ, сказалъ Ріензи сурово; противъ твоей *измѣны* я могъ остеречься, и потому прощаю ее; но твоего *честолюбія* никогда не прощу. Я знаю тебя! Положи руку на сердце и скажи,—еслибы ты былъ на моемъ мѣстѣ, продалъ ли бы ты жизнь Вальтера-де-Монреаля за все золото въ мірѣ? Я долженъ вынести сужденіе людей о моихъ поступкахъ, но для моего собственнаго сужденія о нихъ, мнѣ необходимо быть чистымъ отъ подкупа. Я отвѣчаю предъ Богомъ за Римъ, а Римъ дрожитъ, когда глава Великой Компаніи обладаетъ коварнымъ умомъ и смѣлымъ сердцемъ Вальтера-де-Монреаля. Не смотря на твоё богатство, на твоё величіе, на твою хитрость, — твои часы изотчены; ты умрешь съ восходомъ солнца!

Устремивъ глаза на сенатора, Монреаль увидѣлъ, что надежды нѣтъ; гордость и мужество возвратились къ нему.

— Мы напрасно тратили слова, сказалъ онъ. Мы играли въ большую игру, и потерялъ и долженъ заплатить проигрышъ! Я готовъ. На порогѣ между двумя мірами, людей посѣщаетъ духъ пророчества. Сенаторъ, говорю тебѣ, что, въ рай или въ адъ, чрезъ нѣсколько дней будетъ отведено мѣсто человѣку, который могущественнѣе меня!

Когда онъ говорилъ эти слова, фигура его принимала большіе размѣры, глаза горѣли, и Ріензи вздрогнулъ, какъ никогда не вздрагивалъ прежде, и закрылъ лицо рукою.

— Какую смерть избираешь ты? спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Топоръ: эта смерть прилична рыцарю и воину. Для тебя же, сенаторъ, судьба приготовила менѣ благородную смерть.

— Разбойникъ, замолчи! вскричалъ Ріензи запальчиво; стражи! отведите арестанта назадъ. Съ восходомъ солнца, Монреаль.

— Зайдетъ солнце бича Италин, сказалъ рыцарь съ горечью. Пусть будетъ. Еще одна просьба: рыцари св. Іоанна имѣютъ притязаніе на родство съ августинскимъ орденомъ; дайте мнѣ августинскаго духовника.

— Хорошо; и я, который не могу даровать помилованія твоему тѣлу, буду молить всеобщаго Судію помиловать твою душу!

— Сенаторъ, я покончилъ съ людскимъ ходатайствомъ. А мои братья? Въ смерти ихъ нѣтъ необходимости для твоей безопасности или для твоего мщенія!

Ріензи немного подумалъ и сказалъ:

— Правда. Они были опасными орудіями, но безъ мастера могутъ ржавѣть безвредно. Притомъ они служили мнѣ. Жизни ихъ будетъ оказана пощада.

V.

ОТКРЫТІЕ.

Совѣтъ разошелся; Ріензи поспѣшилъ въ свои комнаты. Встрѣтивъ Виллани, онъ съ чувствомъ пожалъ ему руку.

— Вы спасли Римъ и меня отъ большой опасности, сказалъ онъ, да награждать васъ святыя! Не ожидая отвѣта Виллани, онъ пошелъ дальше. Нина въ безпокойствѣ и тревогѣ ожидала его.

— Ты еще не въ постели! сказалъ онъ; ахъ, Нина! даже твоя красота не выдержитъ этихъ безсонницъ.

— Я не могла спать не увидѣвъ тебя. Я слышала (весь Римъ зналъ это прежде меня), что ты захватилъ Вальтера де-Монреали и что онъ будетъ казненъ.

— Это первый разбойникъ, который умираетъ такою храброю смертью, отвѣчалъ Ріензи, медленно разоблачаясь.

— Кола, я никогда даже намекомъ не противилась твоимъ планамъ, твоей политикѣ. Для меня довольно радоваться ихъ успѣху, или горевать о неудачѣ ихъ. Теперь—я обращаюсь къ тебѣ съ одною просьбою: пощади жизнь этого человѣка.

— Нина...

— Выслушай меня, — я говорю для тебя! Не смотря на его преступленія, его храбрость и умъ приобрѣли ему поклонниковъ даже между его врагами. Многіе владѣтели, многія государства, которые втайнѣ рады его паденія, выкажутъ притворный ужасъ противъ его судьбы. Далѣе: братья его помогли твоему возвращенію въ Римъ, и свѣтъ назоветъ тебя неблагодарнымъ. Братья его дали тебѣ денегъ и свѣтъ назоветъ тебя...

— Остановись прервалъ сенаторъ. Обо всемъ, что ты говоришь, я уже думалъ, но ты знаешь меня, предъ тобою я не скрываюсь. Никакой договоръ не можетъ обязать Монреаля, никакою милостыю нельзя приобрести его благодарности. Предъ кровавою рукою истина и справедливость исчезаютъ. Положимъ, что, осудивъ Монреаля, я навлеку на себя нареканіе и опасность. Но если я освобожу его, то еще до наступленія первыхъ дождей апрѣля, лошади нормановъ будутъ ржать въ залахъ капитолия. Чѣмъ я долженъ пожертвовать въ этомъ выборѣ? Собою или Римомъ? Не проси меня больше — иди спать.

— Еслибы ты могъ читать, Кола, въ моихъ предчувствіяхъ, — таинственныхъ, мрачныхъ, необъяснимыхъ!

— Предчувствіяхъ! — и у меня они есть, отвѣчалъ Кола, грустно, смотря въ пустое пространство, какъ будто его мысли населили эту пустоту призраками. Потомъ, поднявъ глаза къ небу, онъ, съ фанатическою энергіею, которая составляла значительную часть какъ его силы, такъ и слабости, сказалъ: — Боже, я по крайней мѣрѣ не согрѣшилъ грѣхомъ Саула! Амаекитамъ не будетъ пощады!

Между тѣмъ какъ Ріензи спалъ короткимъ, тревожнымъ, беспокойнымъ сномъ, надъ которымъ бодрствовала Нина, не закрывая глазъ, и беспокоясь подъ бременемъ мрачныхъ и грозныхъ предчувствій, обвинитель былъ счастливѣе судьи. Послѣднія смутныя мысли, мелькавшія въ молодомъ умѣ Анджело Виллани предъ сномъ, были свѣтлы и пылки. Онъ не чувствовалъ честнаго угрызенія совѣсти и того, что обманулъ довѣренность другаго; онъ думалъ только о томъ, что его планъ удался, что его дѣло было исполнено. Благодарность Ріензи звучала въ его ушахъ и надежды счастья и власти, подъ управленіемъ римскаго сенатора, убаюкали его и покрыли его грезы розовымъ свѣтомъ.

Едва прошло два часа съ тѣхъ поръ, какъ онъ заснулъ, его разбудилъ одинъ изъ слугъ дворца, который самъ не совсѣмъ очнулся отъ сна.

— Извините меня, миссеро Виллани, сказалъ онъ, но внизу ждетъ человекъ, посланный отъ доброй сестры Урсулы; онъ проситъ васъ тотчасъ поспѣшить въ монастырь; она при смерти, и имѣетъ сообщить вѣсти, требующія вашего немедленнаго присутствія.

Анджело, котораго болѣзненная воспримчивость относительно своего родства, была постоянно возбуждаема неопредѣленными, но честолюбивыми надеждами, вскочилъ, наскоро одѣлся и отправился въ монастырь съ посланцомъ Урсулы. На дворѣ капитолия и у дѣтницы льва былъ уже слышенъ шумъ рабочихъ и, оглянувшись, Виллани увидѣлъ помостъ, покрытый чернымъ, который, подобно облаку, рисовался въ сѣромъ свѣтѣ рождающагося утра. Въ тоже время раздавались тяжелые удары капитолійскаго колокола. Сердце его болѣзненно сжалось. Онъ поспѣшилъ далѣе. Но смотря на ранній часъ, ему попадались на встрѣчу группы мужчинъ и женщинъ, которые шли скорыми шагами по улицамъ, посмотреть на казнь страннаго вождя Ведикой Компаніи. Августинскій монастырь находился на

самомъ дальнемъ концѣ города , который даже тогда былъ очень обширенъ, и красный свѣтъ на вершинахъ холмовъ уже возвѣщалъ о восходѣ солнца, прежде чѣмъ молодой человѣкъ дошелъ до почтенной обители. Имя его доставило ему немедленный пропускъ.

— Дай Богъ, сказала старая монахиня, которая вела его по такому и извилистому проходу , чтобы ты могъ принести утѣшеніе больной сестрѣ: она тосковала по тебѣ съ самой заутрени.

Къ кельѣ, назначенной для чужихъ посѣтителей, къ тѣмъ изъ сестеръ, которыя пользовались нѣкоторыми привилегіями, сидѣла старая монахиня. Анджело видѣлъ ее только однажды со времени возвращенія своего въ Римъ, и съ тѣхъ поръ болѣзнь сдѣлала быстрые успѣхи въ ея тѣлѣ и чертахъ. И теперь въ своей одеждѣ, подобной савану, изнуренная недугомъ , она при утреннемъ свѣтѣ казалась призракомъ, котораго день захватывалъ на землѣ. Однако-же она приближалась къ молодому человѣку съ большою живостью, чѣмъ можно было ожидать при ея болѣзненномъ состояніи.

— Ты пришелъ, сказала она. Хорошо! Сегодня послѣ заутрени мой духовникъ, августинскій монахъ, который одинъ знаетъ тайны моей жизни, отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ , что Вальтеръ де-Монреаль схваченъ сенаторомъ , что онъ приговоренъ къ смерти и что одинъ изъ августинскихъ братьевъ былъ призванъ для его напутствія въ послѣднія минуты. Правда это?

— Да, сказалъ Анджело съ удивленіемъ. Человѣкъ, имя котораго приводило тебя въ трепетъ, противъ котораго ты такъ часто предостерегала меня, умереть при восходѣ солнца.

— Такъ скоро! такъ скоро! О , милосердая мать! Бѣги, ты находишься при сенаторѣ , ты у него въ большой милости. .. бѣги! Упадн предъ нимъ на колѣни, и, Божією благодатью заклиная тебя, не вставай до тѣхъ поръ , пока не выпросишь жизни для провансальца.

— Она бредитъ, прошепталъ Анджело поблѣднѣвшими губами.

— Я не брежу , мальчикъ ! вскричала монахиня раздражительно. Знай, что моя дочь была его любовницей. Онъ обезчестилъ нашъ родъ, который знатнѣе его рода. Я, грѣшница, дала обѣтъ мщенія. Вѣдь мальчикъ,—у нихъ было только одно дитя! — былъ воспитанъ въ разбойничьемъ лагерѣ; ему предстояла преступная жизнь, роковая смерть и адъ. Я вырвала ребенка отъ такой судьбы; я украла его; я сказала его отцу , что онъ умеръ и поставила его на пути къ честному благополучію. Да отпустится мнѣ грѣхъ мой! Анджело Виллани! этотъ ребенокъ—ты; Вальтеръ де-Монреаль—твой отецъ. Теперь, стоя на порогѣ смерти , я содрогаюсь при воспоминаніи о мстительныхъ мысляхъ, которыя я питала прежде. Можетъ быть...

— Грѣшница и проклятая ! прервалъ Виллани съ громкимъ крикомъ—да, по истинѣ грѣшница и проклятая! Знай, что я самъ предалъ любовника твоей дочери!—отецъ умираетъ чрезъ измѣну сына.

Онъ не медилъ долѣе нѣ минуты; онъ не остался взглянуть, какое дѣйствіе произвели его слова. Какъ бѣшеный , какъ человѣкъ, одержимый или преслѣдуемый злымъ духомъ, онъ бросился изъ мо-

настыря и побѣжалъ по пустымъ улицамъ. Звукъ похороннаго колокола доходилъ до его слуха, сперва неясно, потомъ громко. Каждый ударъ казался ему проклятіемъ Вождимъ; и онъ спѣшилъ впередъ и впередъ. Оставивъ за собою болѣе пустую часть города, онъ увидѣлъ идущія толпы народа. Онъ спѣшилъ къ этимъ живымъ потокамъ, задерживаемый и отталкиваемый тѣснившимися вокругъ него тысячами людей. Задыхаясь, онъ съ усиліемъ пробивался впередъ, онъ ничего не слышалъ, не видѣлъ; все для него было подобно какому-то сну. Вотъ надъ отдаленными холмами поднялось солнце. .. Колоколъ замолкъ... Онъ началъ расталкивать толпу направо и налево съ силою гиганта. Онъ приблизился къ роковому мѣсту. Мертвое молчаніе, подобно тяжелому воздуху, висѣло надъ толпой. Подвигаясь впередъ, онъ слышалъ густой и ясный голосъ, это былъ голосъ его отца! Голосъ замолкъ; слушатели тяжело дышали, они шептали, двигались туда и сюда. Анджоло Виллани все пробивался впередъ. Тѣлохранители сенатора остановили его. Онъ бросился въ сторону отъ ихъ пикъ, ускользнулъ отъ ихъ рукъ, пробрался чрезъ вооруженную преграду, и теперь стоялъ на площади капитолия. Стой! Стой! хотѣлъ онъ закричать, но онѣмѣлъ отъ ужаса. Онъ увидѣлъ сверкающій топоръ, онъ увидѣлъ наклоненную шею. Не успѣлъ онъ вздохнуть другой разъ, какъ мертвая, отдѣленная отъ туловища голова была поднята вверхъ. Вальтера Монреаля не стало!

Виллани видѣлъ, но не упалъ въ обморокъ, не вздрогнулъ, не вздохнулъ. Но отъ этой поднятой головы, отъ капающей крови онъ обратилъ глаза къ балкону, гдѣ, согласно обычаю, сидѣлъ въ торжественномъ великолѣпнн сенаторъ Рима; и лицо молодого человѣка въ эту минуту было похоже на демона!

— Га! прошепталъ онъ про себя, припоминая слова Ріензи, сказанныя семь лѣтъ назадъ: *«Счастливъ ты, что кровь родственника не вопіетъ къ тебѣ о мщеніи!»*

VI.

Нерѣшительное состояніе.

Вальтеръ де-Монреаль былъ похороненъ въ церкви св. Маріи Арагельской. Но зло, которое онъ сдѣлалъ, пережило его! Хотя толпа роптала противъ Ріензи за то, что онъ позволилъ этому извѣстному разбойнику свободно жить въ Римѣ, но едва онъ былъ казненъ, какъ она начала выказывать состраданіе къ предмету своего ужаса. При особенномъ родѣ набожности, которую всегда соблюдалъ Монреаль, считая ее причиною и естественною принадлежностью воина, онъ тотчасъ же по произнесеніи окончательнаго приговора началъ набожно приготовляясь къ смерти. Онъ провелъ съ августинскимъ монахомъ короткій остатокъ ночи въ молитвѣ и исповѣди, утѣшалъ своихъ братьевъ и пошелъ на эшафотъ съ твердою поступью героя и съ увѣренностію мученика. Въ удивительномъ ослѣпленіи человѣческаго сердца, онъ былъ далекъ отъ того, чтобы чувствовать угрызенія совѣсти за жизнь, исполненную отъявленнаго

грабительства и убійства, и почти послѣднія слова этого храбраго воина состояли въ похвалѣ своимъ подвигамъ. «Будьте доблестны подобно мнѣ, сказалъ онъ своимъ братьямъ, и помните, что вы теперь наслѣдники человѣка, смирившаго Апулію, Тоскану и Ламарку» *.

Эта увѣренность въ своихъ достоинствахъ продолжалась и на эшафотѣ.

«Я умираю, сказалъ онъ римлянамъ, довольный тѣмъ, что мои кости будутъ похоронены въ городѣ св. Петра и Павла, и что вои́нь Христа будетъ похороненъ тамъ же, гдѣ апостолы. Но я умираю несправедливо. Мое преступленіе состоитъ въ моемъ богатствѣ; мой обвинитель — бѣдность вашего государства. Сенаторъ Рима, можетъ быть, ты позавидуешь моей послѣдней минутѣ: люди подобные Монреалу не погибають неотомщенными.» Послѣ этого, онъ обратился къ востоку, прошепталъ короткую молитву, медленно сталъ на колѣни и сказалъ какъ бы про себя: «Римъ, храни мой пепелъ; земля — мою память; судьба — мое мщеніе; — а небо прими мою душу! — Руби!» При первомъ же ударѣ голова отдѣлилась отъ туловища.

Предательство Монреала мало было извѣстно, страхъ отъ него былъ забытъ, и изъ воспоминаній о немъ въ Римѣ осталось только удивленіе къ его героизму и состраданіе къ его смерти **. Судьба Пандульфо ди-Гвидо, который былъ казненъ чрезъ нѣскольکو дней за тѣмъ, возбудила еще болѣе глубокое, хотя болѣе спокойное чувство противъ сенатора. Онъ нѣкогда былъ другомъ Ріензи! сказалъ одинъ; онъ былъ честный, правдивый гражданинъ! прошепталъ другой; онъ былъ ходатай народа! проворчалъ Чекко дель-Веккіо! Но сенаторъ рѣшился быть непреклонно-правосуднымъ и смотрѣть на каждую опасность для Рима, какъ прилично римлянину. Ріензи помнилъ, что всякій разъ когда онъ довѣрялъ, его предавали, всякій разъ когда онъ прощалъ, это служило только къ усиленію злобы. Онъ находился среди свирѣпаго народа, среди ненадежныхъ друзей, коварныхъ непріятелей, и неумѣстная милость была бы только наградой заговору. Но происходившая въ немъ борьба была видима въ его историческихъ волненіяхъ. Онъ то горько плакалъ, то дико смѣялся. Неужели я никогда не буду имѣть наслажденія прощать? сказалъ онъ. Грубые свидѣтели этого припадка сочили его — одни — глупостью, другіе — притворствомъ. Но казнь на минуту произвела желаемое дѣйствіе. Всѣ бунты прекратились, ужасъ распространился въ городѣ, порядокъ и миръ показались на поверхно-

* Слова Монреала въ оригиналѣ еще сильнѣе выражають самохваленіе. «*Pre-govi che vi amiate e siate valorosi al mondo, come fui io che il feci fare obedi-enza à la Puglia, Toscana, e a la Marca.*» — *Vit. di eol. di Rlenzi lib. II cap. 22.*

** Военная слава и смѣлые подвиги Монреала признаны всѣми итальянскими авторитетами. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что со временъ Цезаря Италия не имѣла такого великаго полководца. Біографъ Ріензи, забывая всѣ преступленія этого блистательнаго рыцаря-разбойника, повидимому чувствуетъ только состраданіе къ его судьбѣ. Кромѣ того онъ говоритъ, что въ Тиволи одинъ изъ его слугъ (можетъ быть нашъ знакомецъ Родольфъ изъ Саксоніи), услышавъ о его смерти, умеръ съ горя на слѣдующій день.

сти, но въ глубинѣ, по сильному выраженію современнаго писателя, *«le mortorio quietamente suonava.»*

Разсматривая безпристрасно поведеніе Ріензи въ этотъ страшный періодъ его жизни, едвали возможно осуждать его хоть въ одной ошибкѣ съ точки зрѣнія политики. Излечась отъ своихъ недостатковъ, онъ уже не выказывалъ ненужной пышности и упоенной гордости, Тщеславіе, или, лучше, роскошное воображеніе, которое побуждало трибуна къ помпѣ и торжественности теперь утихло вслѣдствіе отрезвляющихъ воспоминаній и перенесеннымъ имъ бѣдствій и серьезнаго спокойствія болѣе зрѣлаго ума. Этотъ необыкновенный человѣкъ никогда не былъ такъ умѣренъ, заботливъ, бдителенъ, никогда не обладалъ такимъ присутствіемъ духа, замѣчаетъ безпристрастный свидѣтель. Онъ думалъ обо всѣхъ нуждахъ Рима. Неутомимо трудясь, онъ надзиралъ, приказывалъ, распоряжался всѣмъ въ городѣ и въ арміи, въ войнѣ и въ мирѣ. Но его слабо поддерживали, а тѣ, которыхъ онъ употреблялъ въ дѣло, были вялы и летаргичны. Но его оружіе было счастливо. Замокъ за замкомъ, крѣпость за крѣпостью сдавались намѣстнику сенатора и съ часу на часъ ожидалось сдачи Палестрины. Ловкость и искусство Ріензи всегда поразительно выказывалось въ трудныхъ обстоятельствахъ, и читатель не могъ незамѣтить, какъ явно обнаружился онъ въ освобожденіи имъ себя отъ опеки чужеземныхъ наемниковъ. Казнь Монреала и заключеніе его братьевъ въ тюрьму навели внушительный страхъ на душу солдатъ-бандитовъ. Они были удалены отъ Рима, дѣйствуя противъ бароновъ подъ начальствомъ Аннибалди; постоянная дѣятельность и постоянный успѣхъ удержали этихъ необходимыхъ враговъ отъ нападенія на своего господина; между тѣмъ какъ Ріензи охотно уступалъ естественной антипатіи римлянъ, устранялъ сѣверныхъ воиновъ отъ всякаго сообщенія съ городомъ; и, какъ онъ говорилъ, былъ единственнымъ вождемъ въ Италіи, который царствовалъ въ своемъ дворцѣ, охраняемый единственно своими гражданами.

Не смотря на свое опасное положеніе, на свои подозрѣнія и страхъ, онъ не запятналъ своего строгаго правосудія никакою неумѣренною жестокостію; Монреаль и Пандульфо ди-Гвидо были единственными политическими жертвами его. Если, по правиламъ мрачнаго макіавелизма италіанской мудрости, смерть этихъ враговъ была не политична, то не въ сущности самого дѣла, а въ способѣ совершенія его. Владѣтель Волоньи или Милана избѣжалъ бы симпатіи, возбуждаемой къ эшафотамъ, и кинжалъ или ядъ болѣе безопасные орудія — замѣнили бы топоръ. Но при всѣхъ недостаткахъ, дѣйствительныхъ недостаткахъ Ріензи или приписываемыхъ ему, ни одинъ актъ гнусной и злодѣйской политики, которая составляла науку болѣе счастливыхъ правителей Италіи, не былъ употребленъ для успѣховъ честолюбія или для огражденія безопасности послѣдняго изъ римскихъ трибуновъ. Каковы бы ни были его ошибки, онъ жилъ и умеръ какъ прилично человѣку, легѣвшему несбыточную, но слав-

ную надежду возвратить геній древней республики въ испорченной и трусливой черни.

Изъ окружавшихъ сенатора лицъ усерднѣе и уважаемѣе всѣхъ былъ Анджело Виллани. Достигнувъ высокаго положенія въ государствѣ, Ріензи чувствовалъ какъ бы возвращеніе юности въ удовольствіи видѣть возлѣ себя человѣка, имѣвшаго право на его благодарность. Онъ любилъ и довѣрялъ Виллани какъ сыну. Анджело никогда неотлучался отъ него, исключая сношеній съ различными народными вождями въ разныхъ частяхъ города. И въ этихъ сношеніяхъ его усердіе было неутомимо; оно, казалось, даже вредило его здоровью, и Ріензи ласково высказывалъ ему это, когда очнувшись отъ своей задумчивости, замѣчалъ его разсѣянный взглядъ и зеленую блѣдность, которая замѣнила блескъ и цвѣтъ юности.

На эти выговоры молодой человѣкъ отвѣчалъ неизмѣнно одними и тѣми же словами:

— Сенаторъ, я долженъ выполнить одно великое дѣло; и при этихъ словахъ онъ улыбался.

Однажды Виллани, оставшись съ сенаторомъ наединѣ, сказалъ ему довольно неожиданно:

— Помните ли вы, синьоръ, что подѣ Витербо я такъ отличился въ дѣлѣ, что даже кардиналу д'Альберносу угодно было замѣтить меня!

— Я помню твою храбрость хорошо, анджело; но къ чему этотъ вопросъ?

— Синьоръ! Беллини, капитанъ капитолійской стражи опасно боленъ.

— Знаю.

— Кого монсиньоръ думаетъ назначить на этотъ постъ?

— Конечно лейтенанта.

— Какъ! солдата, который служилъ у Орсини!

— Это правда. Ну, такъ Томаса Филанджери.

— Превосходный человѣкъ; но не родственникъ ли онъ Пандульфо ди-Гвидо?

— Какъ, развѣ родственникъ? Объ этомъ надо подумать. Ужъ нѣтъ ли у *тебя* друга, о которомъ ты хочешь хлопотать? сказалъ сенаторъ, улыбаясь; кажется, ты къ этому подговариваешься.

— Синьоръ, возразилъ Виллани покраснѣвъ, можетъ быть а слишкомъ молодъ, но этотъ постъ требуетъ не столько лѣтъ, сколько вѣрности. Долженъ ли я признаться? я болѣе расположенъ служить вамъ мечомъ, нежели перомъ.

— Неужели ты хочешь принять эту должность? она не такъ важна и выгодна какъ твоя, и ты слишкомъ молодъ для того, чтобы управлять этими упрямыми умами.

— Сенаторъ, я ведъ людей покрѣпче этихъ въ атаку подѣ Витербо. Впрочемъ, пусть будетъ какъ угодно вамъ. Вы знаете лучше меня. Но чѣмъ бы вы ни рѣшили, прошу васъ быть осторожными. Что если вы, для начальства надѣ капитолійскою стражей, выберете какого нибудь измѣнника? я дрожу при этой мысли.

— Клянусь, ты блѣднѣешь, милый мальчикъ! Твоя привязанность

Сладкая капля въ горькомъ напитокѣ. Кого я могу выбрать лучше чѣмъ тебя? Ты получишь этотъ постъ, по крайней мѣрѣ на время болѣзни Беллини. Я рѣшу это сегодня. Притомъ эта должность не будетъ, такъ какъ твоя теверешняя, утомлять твой молодой умъ. Ты черезъ-чуръ много трудишься для насъ.

— Сенаторъ, мнѣ остается только повторить мой обыкновенный отвѣтъ: я долженъ выполнить одно великое дѣло!

VII.

Налогъ.

Страшные заговоры были подавлены, бароны почти покорены, три части папской территоріи присоединены опять къ Риму, и Ріензи думалъ, что теперь онъ можетъ безопасно выполнить одинъ изъ своихъ любимыхъ плановъ для охраненія свободы своего роднаго города. Это было учрежденіе и организованіе въ каждомъ изъ кварталовъ Рима по одному римскому легіону. Онъ надѣялся такимъ образомъ сформировать необходимое для Рима войско изъ однихъ римскихъ гражданъ, вооруженныхъ для защиты собственныхъ учреждений.

Но люди, съ которыми этотъ великій человѣкъ осужденъ былъ имѣть дѣло, были такъ низки, что нельзя было найти ни одного который бы согласился служить своему отечеству безъ платы равной той, которая давалась чужеземнымъ наемникамъ. Съ наглостью, свойственною этому, нѣкогда великому племени, каждый римлянинъ говорилъ: развѣ я не лучше какого нибудь нѣмца? такъ заплати же мнѣ соотвѣтственно.

Сенаторъ сдерживалъ свое неудовольствіе, онъ понималъ, наконецъ, что вѣкъ Катоновъ прошелъ. Изъ предприимчиваго энтузіаста опытъ превратилъ его въ практическаго государственнаго человѣка. Для Рима понадобились легіоны, и они были сформированы. Они имѣли блестящій видъ и были одѣты безукоризненно. Изъ чего производить имъ жалованье? Для поддержанія Рима существовало только одно средство—налогъ. Габелла была положена на вино и на соль.

Въ прокламаціи говорилось:

— Римляне! возведенный въ званіе вашего сенатора, я всѣ помышленія свои обратилъ къ вашей свободѣ и благосостоянію. Подавленіе измѣны въ городѣ, торжество нашихъ знаменъ вѣдь его доказываютъ благосклонность, съ которою Вожеество смотритъ на людей, старающихся соединить свободу съ закономъ. Послужимъ примѣромъ для Италіи и всего міра! Докажемъ, что римскій мечъ можетъ охранять римской форумъ! Въ каждой части города устроенъ легіонъ изъ гражданъ, составленный изъ торговцевъ и ремесленниковъ, они объявили, что не могутъ оставить своихъ промысловъ безъ вознагражденія. Вапиз сенаторъ взыскаетъ къ вамъ, прося васъ помочь собственной вашей защитѣ. Онъ далъ вамъ свободу, онъ возстановилъ у васъ миръ: ваши угнетатели разсѣяны. Теперь онъ проситъ васъ сохранить прибрѣтенныя вами сокровища. Для сво-

боды вы должны чѣмъ нибудь пожертвовать, а какая жертва можетъ назваться слишкомъ великою для нея? Увѣренный въ поддержкѣ съ вашей стороны, я въ первый разъ пользуюсь предоставленнымъ моею должности правомъ, и для спасенія Рима налагаю подать на его гражданъ.

Затѣмъ слѣдовало объявленіе о габеллѣ.

Прокламація была прибита на улицахъ. Около одного изъ этихъ объявленій собралась толпа римлянъ. Ихъ жесты были сильны и несдержанны, глаза сверкали; они говорили тихо, но съ жаромъ.

— Такъ онъ осмѣливается обложить насъ податью! Это могли сдѣлать только бароны или папа!

— Стыдъ! стыдъ! вскричала одна худощавая женщина, насъ, которые были его друзьями! какъ мы прокормимъ нашихъ малютокъ?

— Вмѣстѣ бы слѣдовало захватить папскую казну! сказалъ одинъ виноторговецъ.

— О! Пандульфо ди-Гвидо содержалъ бы войско на свой счетъ. Онъ былъ богатъ. Какая дерзость въ сынѣ содержателя восточнаго двора—сдѣлаться сенаторомъ!

— Мы не римляне, если потеряемъ это, сказалъ одинъ бѣглецъ изъ Палестины.

— Сограждане! угрюмо вскричалъ человѣкъ высокаго роста, который до сихъ поръ слушалъ писца, читавшаго ему подробности постановленія о налогѣ, и котораго тяжелый умъ понялъ наконецъ, что вино стало дороже. Сограждане! у насъ должна произойти новая революція. Вотъ такъ благодарности! Что мы выиграли, возстановивъ этого человѣка? Неужели насъ всегда будутъ растирать въ порошокъ? Платить, платить, и платить! неужели мы пригодны только для этого?

— Слушайте что говоритъ Чекко дель-Веккіо!

— Нѣтъ, нѣтъ, не теперь, проворчалъ кузнецъ. Нынѣшнюю ночь у ремесленниковъ будетъ особая сходка. Увидимъ, увидимъ!

Незамѣченный прежде молодой человѣкъ, закутанный въ плащъ тронулъ кузнеца.

— Послѣ завтра на разсвѣтъ всякъ можетъ напасть на капитолій, стражи тамъ не будутъ! прошепталъ онъ и исчезъ, прежде чѣмъ кузнецъ успѣлъ оглянуться.

Въ ту же ночь Ріензи, идя спать, сказалъ Анджело Виллани:

— Это мѣра смѣлая, но необходимая. Какъ народъ принялъ ее?

— Онъ немного поропталъ, но потомъ кажется призналъ ея необходимость. Чекко дель-Веккіо прежде громче всѣхъ ворчалъ, а теперь громче всѣхъ высказываетъ свое одобреніе.

— Онъ грубъ, онъ нѣкогда измѣнилъ мнѣ; но тогда — это роковое отлученіе отъ церкви! Онъ и римляне получили въ этой измѣнѣ горькій урокъ и, надѣюсь, опытъ научилъ ихъ честности. Если подать будетъ собрана спокойно, то чрезъ два года Римъ сдѣлается опять царемъ Италіи, войско его будетъ въ полномъ составѣ, республика будетъ устроена; и тогда—тогда.

— Тогда что, сенаторъ?

— Тогда, мой Анджело, Кола ди Ріензи можетъ умереть спокойно! Это потребность, къ которой приводитъ насъ глубокий опытъ власти и великолѣпія, потребность, грызущая подобно голоду, томлящая, какъ потребность сна! *Анжело, это потребность смерти!*

— Монсиньоръ, я готовъ бы отдать мою правую руку, вскричалъ Виллани съ жаромъ, чтобы слышать отъ васъ, что вы привязаны къ жизни!

— Ты добрый юноша, Анджело! сказалъ Ріензи, идя въ комнату Нины. И въ ея улыбка и заботливой нѣжности онъ забылъ на нѣкоторое время свое величіе.

VIII.

Порогъ событія.

На слѣдующее утро у римскаго сенатора въ капитоліи былъ большой пріемъ. Изъ Флоренціи, Падуи, Пизы, Генуи, Неаполя, даже изъ Милана—владѣнія Висконти, прибыли послы поздравить Ріензи съ возвращеніемъ или благодарить его за освобожденіе Италіи отъ разбойника де-Монреала. Въ общемъ привѣтствіи не приняла участія только Венеція, содержавшая Великую Компанію на свой счетъ. Никогда Ріензи не казался болѣе счастливымъ и могущественнымъ; никогда онъ не обнаруживалъ болѣе непринужденнаго и веселаго величія въ своемъ обращеніи.

Едва аудіенція кончилась, какъ прибылъ посолъ изъ Палестрины. Городъ сдался, Колонна выѣхалъ и знамя сенатора стало развѣваться на стѣнахъ послѣдней крѣпости мятежныхъ бароновъ. Теперь, наконецъ, Римъ могъ считать себя свободнымъ, и, повидимому, не осталось ни одного врага, который бы могъ угрожать спокойствію Ріензи.

Собраніе было распушено. Сенаторъ въ радости и восторгѣ пошелъ въ свои особыя комнаты передъ пиромъ, который давался посланникамъ. Виллани встрѣтилъ его съ своимъ обычнымъ мрачнымъ видомъ.

— Сегодня не должно быть никакой грусти, мой Анджело, сказалъ сенаторъ весело, Палестрина—наша:

— Я радъ слышать эту вѣсть, и видѣть синьора такимъ веселымъ, отвѣчалъ Анджело. Неужели онъ теперь не желаетъ жить?

— До тѣхъ поръ, пока римская доблесть не будетъ восстановлена—можетъ быть, желаю! но насъ такъ дурачить фортуна. Сегодня мы веселы, завтра—печальны!

— Завтра, повторилъ Виллани машинально. Да, завтра, можетъ быть, печальны!

— Ты играешь моими словами, мальчикъ, сказалъ Ріензи съ нѣкоторымъ гнѣвомъ, поворачиваясь, чтобы идти.

Но Виллани не обратилъ вниманія на неудовольствіе своего господина.

Пиръ былъ многолюденъ и роскошенъ и въ этотъ день Ріензи безъ усилія игралъ роль вѣжливаго хозяина.

Миланцы, падуанцы, пизанцы и неаполитанцы другъ предъ другомъ старались привлечь на себя улыбку могущественнаго сенатора. Они были щедры на комплименты, и уничиженно обѣщали свою помощь. Ни одинъ монархъ въ Италіи не былъ, повидимому, такъ безопасенъ на своемъ престолѣ.

Пиръ кончился рано, какъ обыкновенно бываетъ въ торжественныхъ случаяхъ, и Ріензи, нѣсколько разгоряченный виномъ, вышелъ одинъ изъ капітолія, прогуляться. Направившись къ палатину, онъ увидѣлъ блѣдный, подобный покрывалу вечерній туманъ, разстилавшійся надъ дикою травой, которая волнуется надъ дворцемъ цезарей. Задумчиво, сложивъ руки, онъ остановился на грудѣ развалинъ, на обвалившейся аркѣ и колоннѣ. Вдали виднѣлись мѣланхолическія гробницы Кампаньи, и холмы, которыхъ вершины были покрыты пурпуромъ, готовымъ растаять подъ свѣтомъ звѣздъ. Ни одно дыханіе вѣтерка не колебало темныхъ кипарисовъ и неподвижныхъ сосенъ. Было что-то торжественное въ спокойствіи неба, навѣвавшемъ безмолвіе на вѣнчественную землю. Много смѣшанныхъ мыслей тѣснилось въ груди Ріензи: память работала въ его сердцѣ. Какъ часто въ молодости онъ ходилъ по этому сахову иступу! какія питалъ онъ мечты, какія лелѣлъ надежды! Въ тревогахъ послѣднихъ лѣтъ жизни память его надолго заснула; но въ этотъ часъ она вновь приняла свою таинственную власть, съ какимъ-то пророческимъ дипломатизмомъ. Онъ вспоминалъ, какъ мальчикомъ ходилъ онъ съ своимъ меньшимъ братомъ вечеромъ рука объ руку, по берегу рѣки: ему вдругъ представилось блѣдное лицо и окровавленный бокъ, и онъ еще разъ произнесъ проклятія мѣстамъ! Его первые успѣхи, дѣтственные триумфы, тайная любовь, слава; сила, несчастія, отшельничество въ пустыняхъ Мавры, авиньонская тюрьма, торжественное возвращеніе въ Римъ, все рисовалось въ его умѣ съ такою отчетливостью, какъ будто бы онъ снова переживалъ эти сцены! А теперь! Ріензи затрометалъ предъ настоящимъ. Онъ сошелъ съ холма. Возшедшій мѣсяцъ освѣщалъ форумъ, когда сенаторъ проходилъ между его смѣшанными развалинами. Подлѣ храма юпитера внезапно показались двѣ фигуры. Лунный свѣтъ упалъ на ихъ лица и Ріензи узналъ въ нихъ Чекко дель-Веккіо и Анджело Виллани. Они не видѣли его, и, съ жаромъ разговаривая, исчезли близъ арки Траяна.

— Виллани! всегда дѣятельный на моей службѣ! подумалъ сенаторъ; кажется, я сегодня утромъ говорилъ съ нимъ жестоко. Это грубость съ моей стороны!

Онъ воротился во дворецъ капітолія, и остановился у дѣтскихъ лѣвъ. Тамъ осталось еще красное пятно послѣ казни Монреали, и сенаторъ пошелъ прочь съ внутреннимъ содроганіемъ. Было ли это дѣйствіе призрачнаго, фантастическаго свѣта луны, или самое лицо этого древняго египетскаго изваянія имѣло въ себѣ что-то живое? Каменные глаза, казалось, злобно на него хмурились; и когда онъ пошелъ дальше и оглянулся назадъ, то они какъ будто сверхъестественнымъ образомъ слѣдили за его шагами. Холодъ, онъ не зналъ

почему, проникъ въ его сердце. Онъ поспѣшилъ во дворецъ, часовые дали ему дорогу.

— Сенаторъ, сказалъ одинъ изъ нихъ нерѣшительно, мессере Анджело нашъ новый капитанъ? Мы должны повиноваться его приказаніямъ?

— Конечно, отвѣчалъ сенаторъ, идя дальше. Солдатъ оставался въ прежнемъ принужденномъ положеніи, какъ будто хотѣлъ говорить, но Ріензи этого не замѣтилъ. Придя въ свою комнату, онъ нашелъ тамъ Нину и Ирену, которыя ждали его. Сердце его тосковало по женѣ. Въ заботахъ и трудахъ послѣдняго времени онъ забывалъ о ней и теперь чувствовалъ это съ угрызениемъ совѣсти, глядя на ея благородное лицо, выражавшую нѣжную внимательность, и неутомимую заботливую любовь.

— Милая моя, сказалъ онъ, нѣжно обнимая ее; твои губы никогда не дѣлаютъ мнѣ выговоровъ, но глаза иногда дѣлаютъ! Мы слишкомъ долго не были вмѣстѣ. Когда болѣе свѣтлые дни настанутъ для насъ, то я поблагодарю тебя за всѣ твои заботы. И ты, моя прекрасная сестра, улыбаешься мнѣ! А ты слышала, что твой милый освобожденъ вслѣдствіе сдачи Палестрины и завтра ты увидишь его у ногъ твоихъ. Несмотря на всѣ заботы дня, я вспомнилъ о тебѣ, Ирена, и послалъ гонца привезти назадъ румянецъ для твоихъ блѣдныхъ щекъ. Полно, полно, мы опять будемъ счастливы. И съ семейной ласковостью, которая была такъ ему свойственна, когда ей не мѣшали болѣе суровыя мысли, онъ сѣлъ возлѣ этихъ двухъ существъ, самыхъ дорогихъ для его сердца.

— Какъ я счастлива! Еслибы у насъ было много часовъ, подобныхъ этому! прошептала Нина, склоняясь къ нему на грудь. Но иногда я желаю....

— И я тоже, прервалъ Ріензи; (я знаю, что ты хочешь сказать), я тоже иногда желаю, чтобы судьба назначила намъ болѣе скромное поприще. Но это еще можетъ случиться! Когда Ирена выйдетъ за Адриана, когда Римъ будетъ свободенъ, тогда, Нина, мы съ тобой найдемъ спокойный уголокъ и будемъ говорить о прежнихъ праздникахъ и триумфахъ, какъ о какомъ-нибудь снѣ. Поцѣлуй меня, моя красавица! Въ состояніи ли ты отказаться отъ окружающаго великолѣпія?

— Я промѣняю его на пустыню, только съ тобой, Кола!

— Дай мнѣ припомнить, сказалъ Ріензи; сегодня не седьмое ли число октября? Да! седьмое число (это надо замѣтить) мои враги уступили моей силѣ! Седьмое! роковое число мое въ худомъ и въ хорошемъ: семь мѣсяцевъ я управлялъ въ качествѣ трибуна; семь лѣтъ я былъ въ изгнаніи*; а завтра, когда у меня не будетъ болѣе враговъ, исполнится семь недѣль съ тѣхъ поръ, какъ я воротился въ Римъ!

* Между освобожденіемъ Ріензи изъ Авиньона и его торжественнымъ возвращеніемъ въ Римъ прошелъ годъ, проведенный главнымъ образомъ въ на-родѣ Альберноса.

— И семь вѣнцовъ, были присуждены тебѣ римскими монастырями и римскими совѣтомъ, послѣ церемоніи посвященія твоего въ рыцаря святаго Духа *, сказала Инна, прибавляя съ нѣжнымъ женскимъ остроуміемъ, самое блистательное изъ всѣхъ событій совпадающихъ въ одномъ числѣ.

— Эти мысли могутъ другимъ показаться безуміемъ, и для философіи онѣ дѣйствительно таковы, сказалъ Ріензи; но въ теченіе всей моей жизни съ каждымъ событіемъ ея, съ каждымъ моимъ дѣйствіемъ соединялись предзнаменованія, преобразованія, таинственность; и моя атмосфера была совсѣмъ не то, что у другихъ. Жизнь сама по себѣ загадка, почему же загадки изумляютъ насъ? *Будущее!* Какая тайна въ самомъ этомъ словѣ! Еслибы мы прожили все прошедшее съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ время, то наша глубочайшая опытность цѣлыхъ тысячелѣтій все таки не помогла бы намъ отгадать событія, которыя ожидаютъ насъ въ слѣдующую минуту. Что удивительнаго, если мы, лишенные такимъ образомъ помощи разума, прибѣгаемъ къ воображенію, на которомъ, въ видѣ грёзы и сивыла, Богъ иногда напечатлѣваетъ подобіе того, что должно случиться? Кто можетъ оставить будущее совершенно неразгаданнымъ, и смиренно стонать подъ бременемъ настоящаго? Нѣтъ, нѣтъ! То, что безумные мудрецы называютъ фанатизмомъ, принадлежитъ къ той же части нашей природы, къ которой принадлежитъ надежда. И то и другое есть тоска по великому за, свидѣтельствующая о нашемъ безсмертіи. И то и другое имѣетъ свои мечты и химеры, изъ нихъ нѣкоторыя ложны, но нѣкоторыя истинны. Часто бываетъ, что великій человѣкъ сдѣлался великимъ только въ слѣдствіе живущихъ въ его душѣ какихъ-то чаръ: какая-то Пифія предсказываетъ ему, что онъ *будетъ* великъ, и природа его дѣлаетъ усиліе, чтобы исполнить предсказаніе! Неужели это безуміе? Это было бы безуміемъ, еслибы всѣ вещи оканчивались у могилы! Но можетъ быть, самое изощреніе способностей здѣсь, хотя ты для бесполезной цѣли на землѣ, назначены для того, чтобы душу, оживленную и облагороженную такимъ образомъ, сдѣлать годною для какой-нибудь высокой участи *за предѣлами* земли! Кто можетъ отвѣчать на этотъ вопросъ? Не я!— Помолимся!

Между тѣмъ какъ сенаторъ былъ занятъ молитвою, Римъ въ разныхъ кварталахъ прѣставлялъ не столь святое и спокойное зрѣлище.

Въ замкѣ Орсини, на большомъ дворѣ, туда и сюда двигаются огни. Анджело Виллани украдкой выходитъ изъ заднихъ воротъ. Прошелъ часть, и луна поднялась высоко; къ развалинамъ коллизеа

* Этотъ предразсудокъ можетъ быть извиненъ странными историческими совпаденіями. Въ самомъ дѣлѣ число семь было для Ріензи тѣмъ же, чѣмъ 3-е сентября было для Кромвеля. Церемонія семи вѣнцовъ, полученныхъ имъ послѣ посвященія своего въ рыцари, сущность которой объяснили многіе новѣйшіе писатели, была главнымъ образомъ религіозною символическою церемоніею. Вѣнцы были символомъ даровъ св. Духа, и давались настоятелями монастырей. Политическая часть церемоніи имѣла характеръ республиканскій, а не монархическій.

изъ улицъ и переулковъ, по двое, пробираются люди, принадлежащіе, какъ можно судить по ихъ одеждѣ, къ низшему классу. Опять показалась фигура сына Монреаля, выходящая изъ этихъ развалинъ. Стало еще позднѣе — мѣсяцъ заходитъ, сѣрый свѣтъ мерцаетъ на востокѣ, ворота Рима близъ церкви св. Іоанна латеранскаго открыты! Виллани разговариваетъ съ часовыми. Мѣсяцъ зашелъ, горы потускнѣли отъ печальнаго и холоднаго тумана, Виллани у дворца капитолія, тамъ нѣтъ ни одною солдата! Куда дѣвались римскіе легіоны, которые должны были охранять и свободу и освободителя Рима?

IX.

Окончаніе охоты.

Было утро 8 октября 1854 года. Ріензи, проснувшійся рано, безпокойно ворочался на постели.

— Еще рано, сказалъ онъ Нинѣ, которой нѣжная рука обнимала его щеки; кажется, никто изъ моихъ людей еще не вставалъ. Но у меня день начинается раньше, чѣмъ у нихъ.

— Не вставай еще, Кола, тебѣ нуженъ сонъ.

— Нѣтъ, я чувствую лихорадочное состояніе, и эта старая рана въ боку мучитъ меня. Мнѣ нужно писать письма.

— Позволь мнѣ быть твоимъ секретаремъ, сказала Нина.

Ріензи съ любовью улыбнулся, вставая. Онъ пошелъ въ свой кабинетъ, примыкавшій къ спальнѣ, и по своему обыкновенію, принявъ ванну! Потомъ онъ воротился къ Нинѣ, которая уже одѣтая, въ широкое платье, сидѣла за письменнымъ столомъ, готовая къ работѣ.

— Какъ все тихо! сказалъ Ріензи. Какую спокойную и очаровательную прелюдію составляютъ эти часы предъ безпокойнымъ днемъ.

Наклонившись надъ плечемъ жены, Ріензи диктовалъ нѣсколько писемъ, прерывая по временамъ эту работу замѣчаніями, какія приходили ему на умъ.

— Ну, теперь къ Аннибальди! Кстати, молодой Адріанъ долженъ быть къ намъ сегодня; какъ я радуюсь за Ирену!

— Милая сестра, да! она любитъ, если кто-нибудь можетъ любить какъ мы, Кола.

— Да; но за работу, мой прекрасный писецъ! А! что это за шумъ? я слышу вооруженную поступь, лѣстница гремитъ, кто-то громко произноситъ мое имя.

Ріензи бросился къ своему мечу; дверь вдругъ открылась и чelовѣкъ въ полномъ вооруженіи явился въ комнату.

— Что это значитъ? сказалъ Ріензи, становясь впереди Нины съ обнаженнымъ мечомъ.

— Неожиданный посѣтитель поднялъ наличникъ: это былъ Адріанъ Колонна.

— Бѣгите, Ріензи! спѣшите синьора! Благодарите небо, что я могу еще спасти васъ. Когда я и моя свита были освобождены взятіемъ

Палестрины, то боль отъ моей раны задержала меня прошлую ночь въ Тиволи. Городъ былъ наполненъ солдатами, но не твоими, сенаторъ. До меня дошли слухи, которые встревожили меня. Я рѣшился ѣхать дальше; и когда подъѣхалъ къ Риму, ворота были отворены настежь!

— Какъ!

— Ваша стража исчезла. Потому я наѣхалъ на толпу наемниковъ Савелли. Знаки, по которымъ они увидѣли, что я принадлежу къ дому Колонны, обманули ихъ. Я узналъ, что въ этотъ именно часъ нѣкоторые изъ вашихъ непріятелей находятся внутри города, что остальные на пути, что даже народъ вооружается противъ васъ. Я поѣхалъ чрезъ самыя темныя улицы, чернь тамъ уже собиралась. Они приняли меня за твоего врага и кричали. Я пріѣхалъ сюда, часовыхъ нѣтъ. Поковая дверь внизу отворена. Во дворцѣ не видно ни души. Спѣшите, бѣгите, спасайтесь! Гдѣ Ирена?

— Капитолій брошенъ! Это невозможно! вскричалъ Ріензи. Онъ прошелъ чрезъ комнаты до передней, гдѣ обыкновенно помѣщался ночной караулъ, она была пуста! Онъ поспѣшилъ въ комнату Виллани, его не было! Онъ хотѣлъ идти дальше, но дверь была заперта снаружи. Было ясно, что всякій выходъ отрѣзанъ, исключая одной двери внизу, и эта дверь отворена для того, чтобы впустить убійцу его!

Ріензи воротился въ свой кабинетъ. Нина уже пошла разбудить и приготовить Ирену, комната которой была на другой сторонѣ.

— Живѣй, сенаторъ! сказалъ Адріанъ. Кажется, есть еще время. Мы должны пробраться къ Тибру. Я поставилъ тамъ вѣрныхъ оруженосцевъ и нормановъ. Насъ ждетъ лодка!

— Чу! прервалъ Ріензи, котораго чувства въ послѣднее время необыкновенно сдѣлались острыми. Я слышу отдаленный крикъ — знакомый крикъ—viva! I Popolo! Да! это должны быть друзья.

— Не обманывай себя; ты едва имѣешь одного друга въ Римѣ.

— Тсъ! прошепталъ Ріензи; спаси Нину, спаси Ирену. Я не могу идти съ тобой.

— Ты съ ума сошелъ?

— Нѣтъ! но я не боюсь. Сверхъ того, если я пойду съ вами, то могу погубить васъ всѣхъ. Если меня найдутъ съ вами, то васъ убьютъ вмѣстѣ со мной. Безъ меня вы безопасны. Мищеніе не можетъ коснуться Нины и Ирены, хотя онѣ жена и сестра сенатора. Спаси ихъ, благородный Колонна! Кола-ди-Ріензи возлагаетъ свою надежду единственно на Бога!

Нина воротилась; съ нею—Ирена. Вдали слышался топотъ толпы,—твердый, медленный, становившійся все гуще и гуще.

— Теперь, Кола,—сказала Нина, съ смѣлымъ и веселымъ видомъ, и взявъ мужа подъ руку, между тѣмъ какъ Адріанъ взялъ Ирену.

— Да, теперь Нина! сказалъ Ріензи; наконецъ мы расстаемся! Если это мой послѣдній часъ, то молю Бога благословить и защитить тебя! Ты была моимъ сладкимъ утѣшеніемъ; ты была забот-

ива какъ мать, нѣжна какъ дитя, ты улыбка моего сердца, ты — ты...

Ріензи почти совсѣмъ потерялъ мужество. Глубокія противоположныя волненія, исполненныя невыразимой нѣжности и благодарности, не дали ему говорить.

— Какъ! вскричала Нина, прильнувъ къ его груди, разстаться! никогда! мое мѣсто возлѣ тебя; цѣлый Римъ не можетъ оторвать меня оттуда.

Адріанъ въ отчаяніи схватилъ ее руку и старался оттащить ее.

— Не троньте меня, синьоръ! сказала Нина, махнувъ рукою съ гнѣвнымъ величіемъ. Глаза ее сверкали какъ у львицы, которую охотники хотятъ разлучить съ ея дѣтенышами. Я жена Колы-ди-Ріензи, великаго римскаго сенатора, я буду жить и умру возлѣ него!

— Возмите ее отсюда,—скорѣй! скорѣй! я слышу шаги толпы.

Ирена оставила руку Адріана, упала къ ногамъ Ріензи и обняла его колѣни,

— Идемъ, мой братъ, идемъ! Зачѣмъ терять эти драгоценныя минуты? Римъ запрещаетъ тебѣ губить жизнь, въ которой сосредоточивается его существованіе.

— Правда, Ирена; Римъ связанъ со мною, и мы возвысимся или падемъ вмѣстѣ! Оставь меня!

— Вы губите насъ всѣхъ, сказалъ Адріанъ, съ благородною и нетерпѣливою горячностью. Еще нѣсколько минутъ — и мы погибли. Безразсудный человѣкъ! Вы были сохранены отъ столь многихъ опасностей не для того, чтобы насъ подѣ ударами разъяренной черни!

— Я увѣренъ въ этомъ, сказалъ сенаторъ, и его высокая фигура, казалось, приняла большіе размѣры, сообразные съ величіемъ его души. Я еще восторжествую! Никогда мои враги—никогда потомство не скажетъ, что Ріензи въ другой разъ оставилъ Римъ. Чу «Viva 'l Popolo!» все еще народный крикъ. Онъ пугаетъ только тирановъ! Я восторжествую и буду жить!

— И я съ тобою, сказала Нина твердо.

Ріензи помолчалъ, взглянулъ на жену, страстно прижавъ ее къ своему сердцу, поцѣловалъ ее нѣсколько разъ и сказалъ:

— Нина, я приказываю тебѣ,—иди!

— Никогда!

Онъ не отвѣчалъ. Лицо Ирены, покрытое слезами, встрѣтилось съ его взглядомъ.

— Мы обѣ погибнемъ съ тобой, сказала она, только вы, Адріанъ, оставьте насъ.

— Пусть такъ, сказалъ рыцарь грустно; — мы всѣ останемся; и онъ пересталъ настаивать.

Послѣдовала мертвая, но короткая пауза, прерываемая только судорожными всхлипываніями Ирены. Топотъ яростной толпы слышенъ былъ съ ужасною ясностью. Ріензи, казалось, задумалъ

ся; потомъ, поднявъ голову, спокойно сказалъ: — Вы побѣдили, я присоединюсь къ вамъ, только соберу эти бумаги. Я догоню васъ. Скорѣе, Адрианъ, спасите ихъ. И онъ значительно указалъ на Нину.

Не дожидаясь другаго намека, молодой Колонна схватилъ Нину своею сильною правою рукою, а лѣвою поддерживалъ Ирену, которая, отъ ужаса и волненія, почти лишилась чувствъ. Ріензи освободилъ его отъ болѣе легкаго бремени: онъ взялъ свою сестру на руки и сошелъ по извивающейся лѣстницѣ. Нина оставалась пассивною; она слышала сзади шаги мужа и этого было довольно для нея; она только обернулась одинъ разъ, чтобы поблагодарить его взглядомъ. Высокій норманъ, въ бронѣ, стоялъ у отворенной двери. Ріензи положилъ Ирену, совсѣмъ лишившуюся чувствъ, на руки солдата и, молча, поцѣловалъ ея блѣдную щеку.

— Скорѣе, монсеньоръ, сказалъ норманъ; — они идутъ со всѣхъ сторонъ. Сказавъ это, онъ побѣжалъ съ лѣстницы съ своею ношею. Адрианъ шелъ съ Ниною. Ріензи на минуту остановился, повернулся назадъ и былъ въ своей комнатѣ прежде, чѣмъ Адрианъ замѣтилъ его отсутствіе.

Онъ поспѣшно снялъ съ постели одѣяло, прикрѣпилъ его къ рѣшеткѣ окна и съ помощью его спустился на балконъ, бывший вѣнзу на разстояніи многихъ футовъ. — Я не хочу умереть какъ крыса, въ ловушкѣ, которую они для меня поставили! сказалъ онъ. — Вся толпа будетъ по крайней мѣрѣ видѣть и слышать меня.

Это было дѣломъ одной минуты.

Между тѣмъ Нина, едва сдѣлавъ шесть шаговъ, замѣтила, что она одна съ Адрианомъ.

— Ахъ! Кола! вскричала она, — гдѣ онъ? его нѣтъ!

— Ободритесь, синьора, онъ воротился за кой-какими секретными бумагами, которыя забылъ. Онъ сейчасъ догонитъ насъ.

— Такъ подождемъ.

— Синьора, сказалъ Адрианъ, скрежеща зубами, — развѣ вы не слышите шума толпы? — идемъ! идемъ! и онъ побѣжалъ скорѣе. Нина боролась противъ державшей ее руки; любовь дала ей силу отчаянія. Съ дикимъ смѣхомъ она вырвалась и побѣжала назадъ. Дверь была запорта, но не задвинута засовомъ. Дрожащими руками она отворила ее, задвинула тяжелымъ болтомъ и такимъ образомъ сдѣлала для Адриана всякую попытку воротиться за нею невозможною. Она была на лѣстницѣ, — она была въ комнатѣ. Ріензи исчезъ! Она побѣжала, громко призывая его, по параднымъ комнатамъ, — все было пусто. Она находила много дверей, у разныхъ проходовъ, которые вели въ нижнія комнаты, запертыя снаружи. Задыхаясь, она воротилась назадъ. Она побѣжала въ кабинетъ, увидѣла, какимъ способомъ Ріензи спустился внизъ; ея сердце сказало ей о его храбрости намѣреніи; она увидѣла, что они разлучены. — Но одна кромѣ соединяетъ насъ, радостно вскричала она, и наша участь будетъ одинакова. Съ этою мыслью она съ безмолвнымъ самоотверженіемъ сѣла на полъ..

Рѣшаясь не оставлять вѣрной и преданной четы, же сдѣлавъ это-

риинего усилія, Адрианъ послѣдовалъ за Ниною, но было уже слишкомъ поздно: дверь была заперта для него. Толпа приближалась; онъ слышалъ ея крикъ, который внезапно измѣнился. Это уже не было восклицаніе. «Да живетъ народъ!» а «смерть измѣннику!» Вѣ солдатъ уже исчезъ, и только теперь, вспомнивъ объ опасности Ирины, Колонна съ горькою печалью пошелъ прочь, сбѣжалъ съ лестницы и поспѣшилъ къ рѣкѣ, гдѣ лодка и люди ожидали его.

Ріензи спустился на тотъ балконъ, съ котораго онъ обыкновенно говорилъ къ народу. Этотъ балконъ примыкалъ къ обширной залѣ, употреблявшейся въ торжественныхъ случаяхъ для оффиціальныхъ пировъ. Съ каждой стороны его были четырехугольныя выдающіяся башни, которыхъ окна, покрытыя рѣшетками, выходили на балконъ. Въ одной изъ этихъ башенъ хранилось оружіе, въ другой былъ заключенъ Бреттоне, братъ Монреала. За эту послѣднюю башню была главная тюрьма капитолия. Дворецъ и тюрьма находились тогда въ страшномъ сосѣдствѣ!

Окна залы были отворены,—и Ріензи вошелъ въ нее съ балкона. Тамъ оставались еще слѣды вчерашняго пира, еще невысохшее вино было видно на полу, золотые и серебряные кубки свѣтили изъ углубленій. Онъ тотчасъ же пошелъ въ оружейную и изъ разныхъ приборовъ оружія выбралъ тотъ, который онъ имѣлъ на себѣ, когда, около восьми лѣтъ назадъ, выгналъ бароновъ изъ Рима. Онъ надѣлъ кольчугу, оставивъ открытою только голову, и, взявъ со стѣны большое римское знамя, воротился опять въ залу. Никто съ нимъ не встрѣтился. Въ этомъ огромномъ зданіи сенаторъ былъ одинъ, за исключеніемъ арестантовъ и одного вѣрнаго сердца, о присутствіи котораго онъ не зналъ.

Толпа приближалась уже не въ мѣрномъ порядкѣ, а какъ потокъ за потокомъ, и это яростное море принимало новые притоки изъ улицъ и переулковъ, изъ дворцовъ и хижинъ. Многочисленность этихъ людей возбуждала ихъ страсти и они приближались—мужчины и женщины, дѣти и злые старики—во всей грозѣ возбужденной, выпущенной на волю и ничѣмъ неудерживаемой физической силы и грубой ярости. «Смерть измѣннику! смерть тирану! смерть тому, кто наложилъ подать на народъ!» «*Morà 'l traditore che ha fatta la gabbella!*—*Morà!*» Такъ кричала толпа, таково было преступленіе сенатора! Они перелѣзли чрезъ низкіе палисады капитолия; однимъ внезапнымъ приливомъ наполнили обширную площадь, которая съ минуту тому назадъ была такъ пуста, а теперь кипѣла людьми, жаждающими крови!

Вдругъ наступила мертвая тишина; на балконѣ появился Ріензи. Голова его была обнажена и утреннее солнце освѣщало его величавый лобъ и волосы, преждевременно посѣдѣвшіе въ заботахъ о благѣ этой безумной черни. Онъ стоялъ блѣдный, выпрямившись во весь ростъ, и въ его чертахъ не было ни страха, ни гнѣва, ни угрозы, а только глубокая скорбь и высокая рѣшимость. На минуту толпа почувствовала стыдъ и благоговѣніе.

Сенаторъ указалъ на знамя, украшенное девизомъ и гербомъ Рима, и началъ:

— Я—тоже римлянинъ и гражданинъ; выслушайте меня!

— Не слушайте его! не слушайте! Его коварный языкъ обморочитъ насъ! вскричалъ кто-то громче его, и Ріензи узналъ голосъ Чекко дель-Веккіо.

— Не слушайте его! прочь тирана! вскричалъ болѣе пронзительный и молодой голосъ; Ріензи взглянулъ: возлѣ кузнеца стоялъ Анджело Виллани.

— Не слушайте его! смерть убійцѣ! вскричалъ голосъ вблизи, и изъ-за рѣшетки сосѣдней тюрьмы устремился на сенатора, подобный глазу тигра, сверкающій, мстительный взглядъ брата Монреалі.

Тогда отъ земли къ небу поднялся ревъ черни: — Прочь тирана, который положилъ подать на народъ!

Градъ камней застучалъ по кольчугѣ сенатора, но онъ не шевелился. Ни одинъ мускулъ его не обнаружилъ страха. Онъ былъ убѣжденъ въ удивительной силѣ своего краснорѣчія, лишь бы только выслушали его. Это вдохновляло его надеждою и онъ стоялъ, негодующій и рѣшительный, углубясь въ свои мысли. Но это самое краснорѣчіе въ настоящую минуту было самымъ страшнымъ его врагомъ. Предводители толпы боялись, что народъ его выслушаетъ; *«безъ сомнѣнія»*, говоритъ одинъ современный біографъ, *«еслибы онъ только заговорилъ, то изменилъ бы ихъ всѣхъ и дѣло было бы испорчено!»*

Уже солдаты бароновъ присоединились къ толпѣ и стали помогать ей оружіемъ болѣе смертельнымъ, чѣмъ камни. Дротикъ и стрѣлы помрачили воздухъ. Раздался крикъ: «принесите факеловъ!» Красный огонь ихъ, боровшійся съ солнечнымъ свѣтомъ, заводнился и задвигался взадъ и впередъ надъ головами толпы, какъ будто бы выпущенный въ толпу сонмъ демоновъ. У большихъ дверей капитолия наскоро было набросано множество соломы и дровъ и внезапно вверхъ поднялся дымъ, мѣшая натиску осаждающихъ.

Ріензи уже не было видно. Стрѣла пронзила его правую руку, державшую римское знамя, ту руку, которая дала конституцію республикѣ! Онъ удалился въ пустую залу.

Онъ сѣлъ; изъ глазъ его брызнули слезы. Это не были слезы слабости, но слезы, проистекавшія изъ болѣе возвышеннаго источника; слезы приличныя воину, когда его оставляетъ войско,—патріоту, когда его соотечественники стремятся къ своей собственной гибели,—отцу, когда противъ него возстаютъ собственные любимыя имъ дѣти... Онъ облегчилъ его, но вмѣстѣ изменили его сердце!

— Довольно, довольно! сказалъ онъ, вставая и презрительно отирая увлажненные глаза; я рисковалъ, подвергался опасностямъ и довольно работалъ для этого малодушнаго и выродившагося племена. Я обману ихъ злобу. Отказываюсь отъ мысли, которой они такъ мало достойны! Пусть Римъ гибнетъ! — Наконецъ я чувствую,

что я благородіе моихъ соотечественниковъ. Они недостойны такой высокой жертвы!

При такомъ убѣжденіи смерть потеряла весь благородный видъ, въ какомъ представлялась ему, и онъ рѣшился обмануть своихъ неблагодарныхъ враговъ, посмѣяться надъ ихъ безчеловѣчною простотою, сдѣлавъ попытку къ спасенію своей жизни. Онъ снялъ съ себя оружіе; его ловкость, проворство, хитрость возвратились къ нему. Дѣлательнымъ умомъ своимъ онъ началъ придумывать какъ бы ему переодѣться и уйти, онъ оставилъ залу, прошелъ чрезъ другія большіе скромныя комнаты, назначенныя для слугъ и наемниковъ, нашелъ въ одной изъ нихъ грубый костюмъ работника надѣлъ его, положилъ на голову кое какіе вещи, принадлежавшія дворцу, какъ будто желая похитить ихъ и сказалъ съ своимъ старымъ саркастическимъ смѣхомъ:

— Когда всѣ другіе друзья оставляютъ меня, то и я, конечно, могу оставить самого себя! Затѣмъ онъ ждалъ удобнаго случая.

Между тѣмъ пламя разгоралось сильно и скоро; наружная нижняя дверь уже совсѣмъ сгорѣла, изъ оставленной нѣтъ комнаты хлынулъ огонь съ клубами дыма, дерево трещало, свинецъ расплавлялся, ворота падали съ шумомъ; для всей толпы былъ открытъ страшный входъ, гордый капитолій цезарей готовъ былъ упасть! — Теперь нельзя было терять времени! Ріензи прошелъ чрезъ пылавшую дверь, чрезъ дымившійся порогъ, невредимо пробрался за вѣшныя ворота и очутился среди толпы

— Внутри есть что пограбить, сказалъ онъ, на римскомъ patois окружающимъ, скрывая лицо свое подъ своею ношею—*Suso, suso a gliu traditore!* Чернь бросилась мимо его, онъ пошелъ дальше, добрался до послѣдней лѣстницы, — спускающейся къ открытымъ улицамъ, — онъ былъ уже у послѣднихъ воротъ, — видѣлъ предъ собою жизнь и свободу..

Одинъ солдатъ (принадлежавшій къ его собственнымъ тѣлохранителямъ) схватилъ его:

— Стой! куда идешь?

— Смотрите какъ бы сенаторъ не ушелъ переодѣтый! вскричалъ голосъ сзади. Это былъ голосъ Виллани. Ноша, скрывающая лицо Ріензи была сброшена съ его головы; — онъ былъ открытъ!

— Я сенаторъ! сказалъ онъ громко. Кто смѣетъ трогать представителя народа?

Въ одно мгновеніе вокругъ него собралась толпа. Сенатора быстро потащили къ площади Льва. При сильномъ свѣтѣ трескучаго пламени стѣрный памятникъ пылалъ, какъ будто самъ былъ огненный!

Придя туда, толпа разступилась, устрешенная важностью своей жертвы. Молча стоялъ онъ и поворачивалъ лицо свое вокругъ. Ни засаленная одежда его, ни ужасъ этой минуты, ни гордая печаль о томъ, что онъ открытъ, не могли лишить его осанку величія и ободрить собравшіяся и смотрѣвшія на него тысячи народа. Весь капитолій, облитый пламенемъ, съ ужаснымъ великолѣпіемъ освѣщалъ необозримую массу людей. По длинной перспективѣ улицъ тяну-

лись огненный свѣтъ и сжатая толпа черни, заключавшаяся сіяющими знаменами Колонновъ, Орсини, Савелли! Въ Римъ вступали дѣйствительные тираны этого города! Когда въ горящемъ воздухѣ раздался звукъ ихъ приближающихся горновъ и трубъ, то сѣблость казалось, возвратилась къ черни. Ріензи началъ говорить; первое слово его было сигналомъ для его смерти.

— Уми, тиранъ! вскричалъ Чекко-дель-Веккио и воткнулъ кинжалъ въ грудь сенатора.

— Уми, палачъ Монреалъ! Теперь дѣло мое выполнено! проворчалъ Виллани и нанесъ второй ударъ. Потомъ, отступивъ назадъ и увидѣвши кузнеца, который во всемъ опынѣлохъ бѣшенствѣ своей звѣрской страсти бросалъ свою фуражку кверху и громко кричалъ и какъ оселъ въ баснѣ пиналъ павшаго льва, молодой человекъ бросилъ на него взглядъ подавляющаго, горькаго презрѣнія, вложилъ свой кинжалъ въ ножны, и, медленно поворачиваясь, чтобъ выйти изъ толпы, сказалъ: «Глупецъ! жалкій глупецъ! къ тебѣ и къ этимъ людямъ, *кровь родственника не вопіетъ о мщеніи!*»

Они не обратили вниманія на его слова и не видѣли какъ онъ упалъ; потому что когда Ріензи безъ словъ и стопа упалъ на землю, когда надъ нимъ сомкнулись ревущія волны толпы, то сквозь весь этотъ шумъ послышался рѣзкій, пронзительный дикій крикъ. Въ окнѣ дворца стояла Нина. Только лицо ея и простертая изъ окна руки видны были среди огня, пылавшаго внизу и кругомъ. Прежде чѣмъ звукъ этого пронзительнаго крика раздался въ воздухѣ, все крыло капитолія, гдѣ она находилась, рухнуло съ страшнымъ трескомъ, черною безобразною массой.

Въ этотъ часъ уединенное судно быстро несло въ доль Тибра. Римъ былъ въ отдаленіи, но мрачное пламя пожара отражалось на спокойной стеклянной поверхности рѣки: ландшафтъ былъ неосанно прекрасенъ; никакой живописецъ или поэтъ не въ состояніи изобразить этотъ солнечный свѣтъ, дрожавшій на осенней травѣ и наводившій иѣжное спокойствіе на волны золотого потока.

Глаза Адріана были устремлены на башни капитолія, которые, будучи охвачены пламенемъ, отдѣлялись отъ окружающихъ ихъ пициновъ и куполовъ. Безъ чувствъ прильнувъ къ его груди, Ирена, къ счастью, не сознавала ужасовъ, происходившихъ въ эту минуту.

— Они не смѣютъ, сказалъ благородный Колонна, они не смѣютъ тронуть ни одного волоса этой священной головы! если Ріензи погибнетъ, то и свобода Рима погибнетъ навсегда! Какъ эти башни, гордость и монументъ Рима, которыя возвышаются надъ пламенемъ, онъ возвысится надъ опасностями времени. Самый этотъ капитолій, невредимый среди яростной стихіи, служить ему эмблемою!

Едва Адріанъ сказалъ это, пламя было помрачено огромнымъ столбомъ дыма; глухой трескъ, ослабленный разстояніемъ, достигъ его слуха, и въ слѣдующій моментъ башни, на которыя онъ смотрѣлъ съ напряженнымъ вниманіемъ, исчезли. Казалось, сильный, ужасный блескъ охватилъ атмосферу, дѣлая весь Римъ погребальнымъ костромъ *последняго римскаго трибуна!*

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТО-ШЕСТИДЕСЯТЬ-ПЕРВАГО ТОМА.

Осеннія думы. Стихотвореніе. *Θ. Ромера.*

Не вытанцовалось. (Изъ записокъ о послѣднемъ изъ рода гетманскихъ потомковъ.) Часть вторая, окончаніе. *А. Скавронекаго.*

Одноворецъ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. (Посвящается другу и товарищу *М. А. Балакиреву.*) *Петра Бобарыкина.*

Савонарола. *М. Эссена.*

О рабочемъ классѣ и мѣрахъ къ обезпеченію его благосостоянія. Статья четвертая. *Θ. Г. Тернера.*

Стрикаловскій баринъ. *А. Сниткина.*

О рабочемъ классѣ и мѣрахъ къ обезпеченію его благосостоянія.

Статья пятая. *Θ. Г. Тернера.*

Австрійскій чиновникъ.

О поэзіи. *Е. Эдельсона.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Молодая дѣвушка на (!) пятомъ этажѣ. Романъ Поль-де-Кока.—Вѣда отъ любовныхъ связей. Романъ Поль-де-Кока.—Сочиненія Лермонтова. Томъ первый. — Новый путеводитель для русскихъ отправляющихся за границу, *Θ. А. Водорова.*—О плутняхъ карточной игры. Изобличеніе ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Составилъ *Д. Зоркинъ.*—Геморрой (почечуи) и сродныя съ нимъ болѣзни, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, болѣе не существуютъ. Новѣйшіе способы совершеннаго излеченія этой болѣзни. Доктора *Рихтера.*—Самоучитель плаванія. Новый легкій способъ въ нѣсколько приѣмовъ сдѣлаться превосходнымъ пловцомъ. Съ рисунками, изданіе профессора плаванія въ Нью-Йоркѣ *К. Гокка.* Переводъ съ нѣмецкаго. *Ред.*—Записки Гавриила Романовича Державина. Изданіе Русской Бесѣды.

Гигіеническіе этюды о здоровьѣ, красотѣ и счастьи женщины. Сочиненіе доктора *Макеля.*—Карманные таблицы, легко указывающія всѣ гражданскія постановленія, сроки, судебныя инстанціи, мѣста, въ коихъ совершаются судебныя акты и прочее. Составилъ и издалъ *Николай Дудинъ.*—Путевыя письма изъ новгородской и псковской губерній *Павла Якушкина.*—*Sights of Saint-Petersbourg. Bookfirst.* (Очерки Петербурга). *Н. Тиблина.*

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Матеріалы для фیزیологіи провинціальной жизни. Вредныя послѣдствія принудительныхъ мѣръ. — Результаты въ дѣлѣ народнаго образованія. — Разнодушіе къ общественной дѣятельности. — Мелкопомѣстные дворяне рязанской губерніи. — Полезныя мѣры въ Калугѣ. — Своеволіе властей. — Протестъ письмоводителя кремницкаго городничаго правленія. — Шайка доносчиковъ въ Кіевѣ.

Очеркъ торговой и промышленной дѣятельности. Нижегородская ярмарка. — Чайная торговля. — Судоходство по Амуру. — Торговое движеніе въ Астрахани. — Торговля съ Бухаріею. — Фабричная, ремесленная и лѣсная промышленность. — Дороговизна лѣснаго матеріала. — Вымы на урожан.

Последнія событія на Кавказѣ. Дѣятельность русскихъ въ Дагестанѣ и положеніе тамошнихъ туземцевъ.—Возпокойства въ Терской области.—Возвореніе спокойствія.

Внутреннее обозрѣніе. Комиссія объ устройствѣ постоянной повинности.—Комиссія по пересмотру ремесленного и фабричнаго устава.—Комиссія по фабрикамъ въ С. Петербургѣ.—Комиссія о питейномъ сборѣ.—Последнія дѣянія въ откупномъ мирѣ.—Преобразование въ южныхъ поселеніяхъ.—Мѣра относительно сыльно-каторжныхъ.

Петербургскія замѣтки. Минувшее дѣло.—Городской общественный банкъ.—Занятія здѣшней думы.—Выставка произведеній сельскаго хозяйства и промышленности.—Ремонтъ путей и зданий и перекладка рельсовъ на Николаевской дорогѣ.—Поездка г. Колинсона.—Динабургскій мостъ на Варшавской желѣзной дорогѣ.—Положеніе работъ на другихъ линіяхъ.—Посылка техникувъ путей сообщенія за границу.—Проектъ о передачѣ денежныхъ суммъ посредствомъ телеграфа.—Случаи изъ канцелярской жизни.—Литературныя новости.—Смерть Мартынова.

Внутреннее обозрѣніе. Предупрежденіе.—Событія изъ сферы правительственной.—Рѣчь г. министра финансовъ.—Циркуляръ г. министра государственныхъ имуществъ.—Приказъ г. санктпетербургскаго оберъ-полицеймейстера.—О дозволѣніи преподаванія польскаго языка въ губерніяхъ кievской, волынской и подольской.—Разрѣшеніе, данное штабсъ-ротмистру Теплову, завести женскую общину.—Событія изъ жизни общественной.—Мысли по поводу акціонерныхъ убытковъ.—Поступокъ Никельса.—Эпидемія недобросовѣстности, отъ которой не изъята самая гласность.—Подвигъ г. Козавинникова.—Пожары, градобитіе и проч.

ПОЛИТИКА.

Ливанъ.

Хроника политическихъ событій за августъ мѣсяцъ. Опасности, угрожающія итальянскому перевороту.—Мнѣніе о нихъ журналовъ.—Переговоры о союзѣ Неаполя съ Пьемонтомъ.—Письмо Виктора-Эммануила и отвѣтъ Гарибальди.—Положеніе неаполитанскаго правительства.—Изгнаніе графа Аквилы.—Событія въ Сициліи.—Витва при Мелацио.—Высадка и первые успѣхи гарибальдійцевъ на материкѣ.—Теплицское свиданіе.—Закрытіе англійскаго парламента.—Рѣчь графа Персини.

Хроника политическихъ событій за сентябрь мѣсяцъ. Вступленіе Гарибальди въ Неаполь.—Безсиліе и затруднительность положенія королевскаго правительства.—Удаленіе Франциска II въ Гаэту.—Пьемонтскія войска въ римскихъ владѣніяхъ.—Сардинскій меморандумъ.—Логика пьемонтской политики.—Дѣйствія сардинскихъ войскъ.—Взятіе Анконы.—Удѣлъ ли Пій IX изъ Рима?—Разногласіе Гарибальди и Кавура.—Необходимость соединенія южной Италіи съ Пьемонтомъ.—Слухи о новыхъ уступкахъ въ пользу Франціи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

✓ Краковскій замокъ. Историческій романъ XVI вѣка. Графа Ржевускаго. Переводъ съ польскаго. Въ двухъ частяхъ.

✓ Ріемзи, послѣдній изъ римскихъ трибуновъ. Романъ Эдуарда Литтона Бульвера. Переводъ съ англійскаго.

JAN 25 1930

